

Александр
Мазин

© Hallypro Александр Мазин

В И К И Н Г

Александр Владимирович Мазин

Фантастический цикл романов "Викинг". Компиляция. Книги 1-9"

Когда жизнь налажена, но катится однообразно и предсказуемо скучно, когда вокруг неумело лущают друг друга тупыми железяками неплохие парни-ролевики, когда все твое нутро хочет настоящего действия — попроси Бога сделать твою жизнь по настоящему богатой на события и приключения. И вот когда ты, мастер спорта России и мастер исторического фехтования, окажешься среди самых грозных воинов человеческой истории — викингов — живи полноценной жизнью и доказывай, что ты ничем не хуже их. Но для начала попробуй выжить и стать для них своим. Северные зимы суровы, монотонно длинны и скучны. Но только не для истинных детей Севера, викингов. Ведь впереди их ждет то, чего они жаждут больше всего в жизни — походы, кровавые битвы, добыча и слава. Но к любому походу надо подготовиться, поэтому покоя Ульфу Черноголовому не видать. Опасности и приключения, да еще какие, следуют за ним беспрерывно. Смертельные схватки, сопровождение побратима к наставнику берсерков и обучение у него, натаскивание собственного ученика и даже разборка с йотуном — все это предстанет взору читателя на страницах цикла.

Содержание:

ВИКИНГ:

1. Александр Владимирович Мазин: Викинг
2. Александр Владимирович Мазин: Белый Волк
3. Александр Владимирович Мазин: Кровь Севера
4. Александр Владимирович Мазин: Вождь викингов
5. Александр Владимирович Мазин: Танец волка
6. Александр Владимирович Мазин: Земля предков
7. Александр Владимирович Мазин: Король на горе
8. Александр Владимирович Мазин: Мы платим железом
9. Александр Владимирович Мазин: Гнев Севера

Содержание

#1.....	0004
Александр Мазин Викинг.....	0004
Александр Мазин БЕЛЫЙ ВОЛК.....	0173
Александр Мазин КРОВЬ СЕВЕРА.....	0348
Александр Мазин Вождь викингов.....	0544
Александр Мазин Танец волка.....	0728
Александр Мазин Викинг. Земля предков.....	0907
Александр Мазин Викинг. Король на горе.....	1102
Александр Мазин Мы платим железом.....	1304
Александр Мазин Викинг. Гнев Севера.....	1503
#1.....	1503
Часть первая. Последний вик Рагнара Лоботрока.....	1503
Часть вторая. Великий поход язычников.....	1624

Александр Мазин Викинг

Глава первая, которая, собственно, является одновременно началом и завершением истории дренга[1] Ульфа Черноголового

Норег[2] был здоровенный, как вставшая на дыбы «субару-импреза». Огромный, широкий и столь же быстрый, как машинка, на которой я гонял в том мире.

У норегга было славное имя – Торсон, что значит – сын Тора, и славным я бы его не назвал. Во всяком случае, в привычном моему времени значении слова.

Слава этого пиратского (морского, как здесь говорили) ярла была исключительно неприятного свойства и определялась количеством народа, которое Торсон-ярл нашинковал своим здоровенным мечом. А меч у рыжебородого викинга был внушительный. Длинный «полуторный» клинок, очень похожий (хотя заметно более тяжелый) на тот, который позже назовут «бастардом». Поздешнему – выблядком.

Ничего унижительного ни в слове, ни в мече не содержалось. У любого ярла (в том числе и у моего) бастардов – целый выводок.

Даже рожденные от матерей-рабынь, они все равно крупнее, сильнее и шустрее своих единоутробных родственников и даже могут рассчитывать на военную карьеру. Разумеется, если папаша соблаговолит дать матери свободу. Здесь, в Дании, по закону сын наследует материнскую участь.

Малость недотянувший до полноценного двуручника «бастард» Торсона был настолько же крупнее моего меча, насколько рыжебородый – меня самого. Однако в деле мой клинок ничуть не уступал «бастарду». Клеймо «Ulfberht», знакомое мне еще по *той* жизни, многое говорит знающему человеку.

Именно из-за клейма я и приобрел шесть дней назад этот замечательный меч.

Если оружие способно прожить тысячу лет, на мой век его точно хватит. Дивный клинок был достоин собственного имени, и я ему это имя дал. Вдоводел. Так сказать, в духе эпохи. Не знаю, женат ли Торсон-ярл. Но, даже если и холост, Вдоводелу это не помешает. Во всяком случае, я на это надеюсь.

Да, позвольте представиться: Ульф Черноголовый. Почему черноголовый, понятно. А Ульфом назвался в свое время из конъюнктурных соображений. Волчишек викинги жалуют. Чувствуют природное сродство.

В *той* жизни меня звали не так образно. Николай Григорьевич Переляк, значилось в моем паспорте. Но в здешнем обществе лучше не представляться «румийским» именем. А уж фамилия и вовсе никуда не годится. Переляк на здешнем словенском наречии означает «перепуг». Мне оно надо?

...Норег махнул щитом, перекрыв мне линию зрения, и тут же секанул понизу. Таким ударом можно отрубить обе ноги разом. Ноги же мне весьма дороги, поэтому я вовремя подпрыгнул, пропуская «ублюдка» под собой... И в следующий миг понял, что двухметровый убийца как раз и ждал от меня тако-

го вот высокого прыжка. Радостно осклабясь, рыжая сволочь от души двинула меня щитом снизу.

Я не полетел вверх тормашками только потому, что вовремя толкнулся ногой от Торсонова щита. Хоп – и я опять в твердой стойке на приличной дистанции.

Торсон удивился. Даже лыбиться перестал. Надо полагать, до сих пор финт со щитом получался у него эффектнее. Спору нет, финт хорош. К счастью, я уже знал кое-какие фокусы и трюки здоровенных морских разбойников, внушавших лютой страх всем, кроме таких же головорезов, как сами. И еще множество трюков. Сотни, а то и тысячи уловок, придуманных человечеством за тысячи лет шлифования искусства отчекрыжить важный для жизни кусок от тушки ближнего. И лишь благодаря этим знаниям я пока что успевал уберечь свою единственную и очень любимую шкурку от необратимой порчи. «Бастард», которым рыжебородый громила Торсон размахивал с непринужденностью французского дуэлянта, орудующего тонкой шпажкой, рвал и кромсал воздух с мощью и скоростью промышленного вентилятора. Двухметровый детина в пудовой броне, с пудовым щитом в волосатой лапе прыгал легко, как балерина. И при том ухитрялся наносить чуть ли не по два удара в секунду. Да еще таких удара, что развалили бы железнодорожную шпалу. И это не гипербола, а реальность. Пять минут назад я видел, как рыжебородый пожиратель мяса в два маха, играючи, прикончил отличного парня и неслабого поединщика Фрёлава, который уж точно был попрочнее шпалы.

Бах – и полщита на земле. Бах – и половинка второго щита там же. А вместе с ней и полчерепа славного датского парня, вызвавшегося выйти против двухметровой машины членовредительства по имени Торсон-ярл.

Будь моя воля, я бы расстрелял этого двуногого ящера с безопасной дистанции. Думаю, трех хороших лучников хватило бы.

Но такой вариант был по местным понятиям дурным тоном. Мой ярл навсегда потерял бы лицо и, вместе с ним, уважение «электората».

А вот выставить вместо себя добровольца-поединщика – это нормально.

Я был вторым кандидатом в мясорубку.

Приятно поглядеть на удивленные рожи Рагнара-конунга и его головорезов, когда я шагнул вперед.

Сынок Рагнара, Бьёрн Железнобокий, даже пробормотал что-то ироническое...

Я его понимал. Они хотели красивого боя и сомневались, что у меня получится.

А я вот не сомневался. Даже если кровожадный «сын Тора» расчленит мое брненное тело, этот процесс займет намного больше минуты. Со мной Торсону придется повозиться. Готов поспорить: он изрядно пропотеет и запыхается, прежде чем один из нас отправится в Валхаллу. А если этим одним буду я...

Тоже не без пользы. Утомив Торсона, я облегчу моему ярлу задачу выживания.

...Вначале я надеялся, что неистовый викинг умается раньше меня. Ярл не оправдал надежд. Поднимаем пыль уже минут десять, а рыжебородая помесь орангутана и промышленной мясорубки бодра, как молодой петушок теплым майским утром. А ведь я для него – неудобный противник. Нетипичный. Во-

первых, бьюсь без щита. Во-вторых, веду себя неправильно.

Тут как принято: когда такая вот действующая модель гигантопитека с алчным ревом бросается на тебя, ты (если ты, конечно, – конкретный местный пацан в авторитете) с таким же похотливым рыком несешься навстречу. Бах-бабах – и чей-то щит (это при бескровном результате столкновения) превращается в печную растопку. Поскольку у каждого поединщика есть еще пара запасных, то процедура повторяется, пока все не окажутся разбиты в хлам. Или раньше, если хозяин щита не проявил нужного проворства. Как бы там ни было, финал однозначен. Одним любителем мяса меньше.

Со мной традиционный номер не прошел. Когда зверообразный викинг, разинув зубастую пасть, понесся на меня, я с элегантностью тореро уклонился в сторону и аккуратно ткнул его мечом в почку.

К неописуемому сожалению, названный сын козлолюбивого бога[3] оказался намного проворнее быка (я знаю, с быком в *той* жизни тоже играл), развернулся на полном скаку и мало того, что прикрыл могучую поясницу краем щита, так еще и лягнул меня. Правда, не дотянулся.

Вот так мы с тех пор и танцевали. Прыг-скок, фьют, фьют. Каждое «фьют» могло стать для меня последним, потому что это было «фьют» вертолетной лопасти. Парировать молодецкие удары Торсона я даже не пытался. Всё мое искусство, всё филигранно отточенное умение вышибать меч противника оказалось бессильно против лапищи, прочной, как вагонная сцепка.

Разок попробовал – и больше не пытался, чуть не оставшись без меча. Только вертелся и скакал горным козлом, уклоняясь то от меча, то от щита, которым рыжебородый убийца орудовал, будто теннисист – ракеткой для пинг-понга.

Впрочем, я уже несколько раз мысленно возблагодарил Бога за то, что норегский Кинг-Конг вооружился щитом, а не секирой. Отступи он, подобно мне, от славных традиций хольмганга[4] – и с большой долей вероятности я бы уже осел на травку кучкой внутренностей под соусом из богатого гемоглобином содержимого моих сосудов.

Наконец живой блендер с метровой лопастью сделал паузу. Не потому, что устал. Он заинтересовался. Как так? Он уже минут пять орудует своей замечательной мухобойкой, а вредное насекомое все еще живо?

Вот теперь его следовало подбодрить. Лучше всего – смертельно обидеть. Что я и сделал.

Норег до словесной перепалки не снизошел.

Это правильно. В таких случаях спорить и оправдываться – верный путь стать посмешищем. Проще убить обидчика. Пусть меч скажет свое слово. Труп врага – самая убедительная победа в интеллектуальной дискуссии. Такая здесь конкретная жизнь. И жизнь эта мне нравится. Пока. Потому что у рыжебородого Торсона есть очень серьезный шанс прибавить к имени Ульф Черноголовый неприятный глагол «был». Что ж, если мне суждено сегодня стореть в пламени погребального костра, я все равно ни о чем не жалею. Те месяцы, что я провел здесь, стоят многих лет жизни *там*.

А начиналось все так...

**Глава вторая,
в которой герой принимает неравный бой и несет первые потери**

Мой папа – бизнесмен. Мелкий, но на жизнь ему хватало. На жратву, любовниц, двухсотый «мерс» и горные лыжи в Швейцарии. Папа – умный мужчина. Не зарывался.

Даже когда я стал признанным авторитетом (спортивным, не уголовным) и обзавелся очень солидными приятелями, папа по-прежнему платил за «крышу» и ментам, и чиновникам, и «синим». Понемногу, но аккуратно. Но его все равно выжили из родного города губернаторские «реформы». Я предлагал помочь («заценить» дареный клинок требовалось многим городским «шишкам»), но папа отказался. И год назад уехал в глубинку.

Я, впрочем, тоже. Причем намного дальше, чем он.

Как это у меня получилось? А вот получилось! Есть люди, которые всегда получают то, чего хотят. Я – один из них. Тут главное: как следует захотеть. Захотел я качественно: текущая жизнь обрыдла до тошноты.

То есть у меня самого все было неплохо, но вокруг... Блин!

Словом, я почувствовал, что еще чуть-чуть – и кого-нибудь убью. Кого-нибудь, просто подвернувшегося под руку.

Можно было податься за кордон... Но это было бы бегством. И признанием поражения. А я с детства не любил проигрывать.

В общем, однажды, после очередной ролевки, где славные, в общем, парни, не очень умело лупят друг друга тупыми мечами (среднестатистический кандидат в мастера спорта по сабле «порубал» бы их всех минут за пять), а потом очень умело пьют водку под ароматный шашлычок, я все и сделал.

Презрел свои обязанности арбитра, отошел подальше в лесок, закрыл глаза и взмолился Тому, Кто Наверху: «Сделай мою жизнь такой, чтобы я в ней был – как клинок в хорошо подогнанных ножнах». И так остро и нестерпимо было мое желание, что башка отрубилась напрочь.

Однако Тот, Наверху, – внял. И даже проявил недюжинное чувство юмора.

Когда Коля Переляк (то есть я) очнулся, в ушах у него звенело, а спина была голая и искусанная комарами.

И лежал Коля голый и босый, на голой земле, вернее – на голых сухих колючках, и добродушные лесные мураши проложили торную дорожку по нежным частям его продрогшего организма.

Вопреки расхожим штампам, я не стал думать о том, что меня треснули по башке и ограбили. Я как-то сразу, чисто мистически осознал: истошный вопль моей тоскующей души услышан и удовлетворен.

Потому я воздвиг продрогший организм в вертикальное положение, отрянул с него муравьев и иголки, расправил плечи и с трепещущим сердцем пустился на поиски приключений.

Которые не заставили себя ждать.

Испокон веков, когда храбрые мужчины бьют зверя и друг друга, их прекрасные подруги занимаются собирательством. Сбившись в веселую стайку, милые девицы отправляются в дремучий лес по грибы, по ягоды. Дабы не потерять друг друга и предупредить прочие неприятные неожиданности, девушкам положено звонко перекликаться. Или хотя бы аукаться... В противном случае, как мы знаем из сказок, они рискуют напороться на неприятный сюрприз.

Например, на голого мужика. Меня, то есть.

Юная девица, румянощекая крепенькая блондинка в архаичном (как я тогда решил) наряде, с корзинкой и посошком, возникла на моем пути внезапно для нас обоих.

Что думает блондинка, наткнувшись в пригородном лесу на голого мужика?

Она думает: маньяк.

Вернее, МАНЬЯК!

Поэтому я, естественно, открыл рот, чтобы объяснить, что вовсе не тот, о котором она подумала. Что я – хороший...

Не успел.

Увидав мой мускулистый торс и все, что от этого торса отрастало, девица не завопила истошно, не заохала и не отвернулась деликатно, а глянула цепко – будто сфотографировала... И свистнула так, что ей позавидовал бы футбольный судья. А затем воинственно взяла наизготовку полутораметровой длины посошок.

На свист из ближайшего кустарника, свирепо рыча, выломилась псина размером с южнорусскую овчарку и примерно такая же шерстистая. Не утруждая себя предупреждающим лаем, она сходу заклацала зубищами и совершенно определенно рассчитывая что-нибудь откусить.

Будь у меня под рукой хоть бейсбольная бита, я бы с легкостью доказал приоритет высшего разума над дикой звериной стихией. Но, пребывая в эйфории от случившегося чуда (да и в головке моей еще не все устаканилось), я, беспечный, даже простой палкой не потрудился обзавестись. За что и поплатился.

Вы когда-нибудь пробовали отбиваться от собачки в три пуда весом, оказавшись в чем мать родила?

Не приходилось? Рад за вас.

Прежде, чем я изловчился ухватить псину за спутанную шерсть и частично обездвигнуть, она успела цапнуть меня за обе руки (это мне просто повезло – целила-то она совсем в другое место) и изодрать когтями живот. В итоге – патовое положение. Пока я держу псину, она не может укусить. Но и я не могу ей ничего сделать, потому что руки заняты. Однако назвать это ничьей я бы не рискнул. Псина-то была целехонька, а из меня бодрими струйками вытекала влага жизни.

Не следовало забывать и о блондинке. Эта храбрая девушка решительно подобралась сзади и огрела меня палкой. Целила по голове, но я увернулся, и удар пришелся по хребту. Тоже мало приятного. Зато я получил шанс. Поднатужась, я отшвырнул псину подальше, выиграв секунды полторы. Этого хватило, чтобы обезоружить белокурую воительницу и встретить лохматого кусаку по достоинству: хлестким ударом поперек морды. Попал удачно. По носу.

Пока псина переживала неприятность, я вышиб из руки девицы приличных размеров ножик, пришедший на смену отнятой палке, остановил этой самой палкой высокий прыжок псины (кровожадная зверюга целила в шею) и взялся преподавать другу человека основы хорошего тона. Начал с полновесного тычка в брюхо и далее по программе.

Потребовалась минута, чтобы урок был усвоен, и псина ретировалась с жалобным визгом. Вот уж не думал, что кудлатое страшилище способно брать

такие высокие ноты.

К сожалению, пока я занимался преподавательской деятельностью, хозяйка псины тоже дала деру.

Мне, впрочем, достался трофей: пол-лукошка черники и льняная тряпица, которая вполне сошла бы в качестве набедренной повязки. Однако я нашел ей другое применение: разорвал пополам и перевязал укусы, предварительно продезинфицировав их с помощью собственной слюны. К счастью, собачьи клыки не повредили серьезных сосудов, так что кровь вскоре остановилась. Но болеть укусы не перестали. Мне бы очень кстати пришелся и нож, но его девчонка успела подобрать.

Пришлось удовольствоваться палкой. Крепкая палка с обожженным кончиком тоже на многое способна в умелых руках. Мохнатая псина подтвердит, если сомневаетесь.

Засим я слопал ягоды, аккуратно поставил лукошко на пенек и отправился туда, куда удрала псина. А наткнувшись чуть позже на хорошо заметную тропку, и вовсе воспрял духом. Я очень надеялся, что она приведет меня к жилищу. А там ждет пища, одежда и медицинская помощь. Я очень рассчитывал, что к скромному гостю аборигены будут более расположены, чем к лесному дикарю.

О, как я ошибался!

Глава третья,

в которой герой встречает аборигенов и пытается выстроить диалог

Первым делом я обнаружил вырубку. Кто-то прошелся с топором по молодому березняку. Причем сделал это довольно неряшливо: сучья, ветки и даже целые березки помельче в беспорядке валялись на земле.

Тропка обогнула вырубку (роскошные чистые подберезовики украшали ее «обочины») и вывела на поле. То есть полем этот засаженный каким-то злаком лужок можно было назвать с большой натяжкой. Площадь его была – соток десять, не больше. Вокруг имелись деревья с обожженными стволами и в углу – куча обгоревших пней.

Тут меня озарило. Да вы, батюшка Николай свет Григорьевич, никак в прошлое провалились! Подсечно-огневое земледелие – вот как это называется. Присуще примитивным культурам. Технология, кстати, проста: вырубаем лес, то что покрупнее – убираем, то что помельче – оставляем на годик, потом сжигаем. Еще через год (куда торопиться?) на участке слегка прибираемся, потом бороним, сеем и снимаем скудный урожай. Почему скудный? Потому что так мне помнилось из учебника истории. Это с историческим фехтованием у меня все хорошо, а вот с сельским хозяйством – так себе. По верхам. Уж извините.

Впрочем, не важно. Важнее было, что дальше, за полем открывался замечательный вид на небольшое озеро, на берегу которого сушились на палках сети и чернела рядом с мостками тушка перевернутой лодки. А повыше, на пригорке, гордо возвышался крепкий рубленый дом, окруженный не менее крепким забором. Дополняли сельскую идиллию щиплющие травку домашние животные: головастая мелкая лошадка и такая же мелкая коровенка, около которой вертелся пятнистый бычок размером с давешнюю собаку.

Ага! А вот и собака!

Кудлатая псина летела мне навстречу со знакомым грозным рыком... Неужели забыла урок?

Нет, не забыла. Притормозила на почтительном расстоянии, но яриться не перестала.

Я поразмыслил, не сделать ли набедренник из березовых веток, но представил, каким будет мой видок в таком наряде и решил: лучше остаться голым. Кому не по нраву натурализм – может отвернуться.

Меня встречали. Приземистый, поперек себя шире, бородач, похожий на гнома-переростка, и стриженный в скобку парень, столь пышной растительностью на лице еще не обзаведшийся (по молодости), но такой же широкий и коренастый. В руках молодой держал здоровенный лук с наложенной стрелой-срезом. Вся его поза выражала готовность стрельнуть.

У старшего лука не было. Зато наличествовало копьё с толстым древком и листообразным наконечником размером с клинок гладия[5]. Судя по хвату и стойке, в копейном бою бородач новичком не был.

А лапищи у него были такие, что древко (потолще моего запястья) казалось в них детской лопаткой.

Я остановился.

Некоторое время мы рассматривали друг друга под аккомпанемент собачьего лая.

Чресла старшего прикрывали кожаные, порядком поношенные штаны свободного покроя, а торс – застиранная рубаша с вышивкой. На волосатой, обширной, как теннисный стол, груди «гнома» вместо крестика наличествовала связка оберегов. Подобного добра у ролевиков-реконструкторов навалом, однако я нюхом чуял: никакие это не реконструкторы. У этих и одежда, и оружие отличались от «реконструкторских», примерно как театральная шпага – от настоящей. Парочка была насквозь достоверной, исконной и естественной, как дубок на соседнем взгорке. Что ж – еще один кирпичик в здание моей гипотезы о провале в прошлое.

– Ага, – с оригинальным выговором, но вполне по-русски наконец изрек старший. – Ты, значит, на девку мою напал. Нехорошо.

Молодой мигом вздернул лук. Я изготовился. Но сумею ли отбить стрелу, выпущенную с двадцати шагов? Бо-ольшой вопрос...

– Это еще как посмотреть – кто на кого напал, – возразил я. – А собачкой меня травить – хорошо?

– Сам из каких? – тут же сменил тему «гном».

Хмм... Сильный вопрос.

– Человек.

– Сам вижу, что не лешак, – проворчал бородач.

– А Снежок-то на него – как на волка брешет, – подал голос молодой.

Псина, угадав, что речь идет о ней, зашлась в приступе утробной ярости.

Да уж, Снежок. Впрочем, если эту кучу шерсти как следует постирать...

– Нишкни! – рыкнул «гном».

Заткнулись оба. И молодой, и псина. Как отрезало.

– Кто ты есть? – сурово произнес бородач. – Людин? Иль холоп беглый?

– Людин.

Выбор, как вы сами понимаете, очевиден.

«Гном» хмыкнул. Скептически.

– Чего хочешь?

Ага, это вопрос по существу.

– Одежда, еда, покусатости полечить! – Я продемонстрировал повязки на руках.

– Виру, что ли, стребовать желаешь?

Молодой гыгыкнул, но тут же снова сделал суровое лицо.

Я шутки не понял.

– Помощи прошу, – смиренно произнес я. – Отработаю.

– Умеешь что?

Я пожал плечами:

– Многое.

– Откуда знаешь, что я врачевать могу?

– Врачевать я и сам могу. Было бы чем...

– Добро, – бородач опустил копьё. – Быська!

Из ворот выглянула давешняя блондинка.

– Дай этому порты и рубаху старую. А то ходит будто в бане.

Мы еще немного поиграли в молчанку, пока блондинка бегала за одежкой.

В дом меня не звали, а сам я не напрашивался.

Блондинка вернулась и принесла заказанные порты и рубаху.

Штаны были своеобразные: ни карманов, ни пуговиц. На поясе – дырочки, сквозь которые продели веревку. Рубаха оказалась еще примитивнее: два куса грубой холстины, кроенные сразу с рукавами и сшитые вместе. Для головы оставлена дырка.

Все трое, включая блондинку, внимательно наблюдали, как я одеваюсь.

Ну и хрен с вами, дорогие хозяйева! Нет, это просто удивительно, насколько наличие штанов прибавляет уверенности в себе. Еще бы обувь какую-нибудь...

Я поглядел на ноги моих благодетелей. Ага, у старшего что-то вроде кожаных сандалий, а у младшего... лапти! Из бересты!

А чего я, интересно, ждал? Это же прошлое! До «найка» с «адидасом» еще жить и жить. Хотели, уважаемый господин Переляк, попасть в эпоху меча? Вот вам! И лапти в придачу. То есть как раз лаптей-то мне и не дали. Ладно, перебьемся. Босиком по лесу ходить – я привычный. Даже нравится.

– Зовут как? – поинтересовался бородач.

– Николай.

Мужики переглянулись. С одинаковым выражением. Очень похоже. Наверняка отец и сын.

– Ни Кола? – переспросил старший.

– Нет, Николай!

Снова переглянулись.

Младший гыгыкнул:

– Ни кола ни двора, вот это в масть.

Старший спросил серьезно:

– Николай – это что значит?

Ишь ты, какие мы любопытные.

– Это значит – сильный.

Вообще-то «Николай» в переводе с греческого – «победитель народов», вариант – «победитель людей». Но я – человек скромный.

– Так ты не словенин! – воскликнул молодой. – То-то у тебя говор чужеватый!

Интересный вывод. Сам ты – чужеватый, подумал я. Но смолчал. За порты и не такое стерпеть можно.

– Меня Ковалем зови, – разрешил бородатый. – А это сын мой, Квашак. Значит, отработаешь?

– Я же сказал!

– За еду и одежду, – уточнил Коваль. – До листопада.

Я прикинул по времени. Сейчас август. Вернее, там, в *том* времени – август. Хотя здесь, похоже, аналогично. В крайнем случае, июнь, потому что вокруг однозначно лето. Значит, от двух до четырех месяцев получается. Нормально. Как раз разберусь, что тут к чему.

– Договорились.

Коваль перехватил копьё в левую руку, вытянул правую... Я сообразил, что надо не пожать, а хлопнуть.

– Волох ряду видок! – торжественно изрек бородач. Рожа хитровато-довольная. Надо полагать, я упорол какой-то косяк. Ладно, прорвемся.

Коваль сунул копьё сыну.

– Пошли, Ни Кола, раны твои врачевать будем.

Глава четвертая, в которой герой по незнанию приступает к женской работе и получает под зад

Лечение оказалось нехитрым. Сначала промывка какой-то едкой настойкой, потом – повязка из смеси жеваного подорожника с какой-то мазью омерзительного вида и запаха. Вся процедура – весьма болезненная. Мерзкая мазь жгла, как кипяток. Я мужественно терпел истязания. Мужество мое оценено не было. Думаю, зашиби я от боли, Коваль бы удивился.

После перевязки я рассчитывал на перекусить. Зря.

Закончив, Коваль кликнул сынка и велел пристроить меня к работе. Больничных тут, похоже, не выписывали.

Белобрысый Квашак повел меня за избу. Там располагался огород, где возились две женщины в платках. Они проворно дергали из земли травку. Надо полагать, занимались прополкой. На нас даже не глянули, так что их возраст и внешность определить было затруднительно.

– Давай, – кивнул на огород Квашак. – Делай, как они.

Я присел на корточки. Попытался определить, по какому принципу дамы отличают хорошую траву от плохой или наоборот...

– Шевелись, холоп! – гаркнул Квашак. И стимулировал мое рвение пинком под зад. От неожиданности я чуть не ткнулся носом в землю.

На этом терпение мое иссякло. Тем более, руки по-прежнему жгло, что, само собой, не прибавляло добродушия.

В рукопашной я не очень хорош. То есть боксеру-перворазряднику пришлось бы со мной повозиться, но мастер спорта нокаутировал бы в первом же раунде.

Белобрысый Квашак мастером спорта не был. Но удар держал неплохо. Или младая бородачка самортизировала? В общем, удар в челюсть его не свалил. Однако нокдаун был налицо. Поплыл паренек.

Поплыл, но не сдался. Ну что за дурная у здешних привычка: чуть что не по-ихнему – сразу за нож!

Руку с ножом я перехватил без проблем, подвернул, дернул и хряпнул Ква-

шака оземь простейшим броском через бедро.

Упал он – как мешок с дерьмом. Даже затылком приложился. Хорошо, на мягкую грядку. Нож остался у меня.

Громкое: «Ох!» – одной из огородниц. Ага! Совсем молоденькая. Лет восемнадцать. И, похоже, беременная. Беременным волноваться вредно!

– Спокойно, девушка, я его больше бить не буду! – поспешно произнес я.

Затем присел на корточки и снял с сомлевшего Квашака кожаный пояс с чехлом для ножа. Нацепил на себя. Должно быть, Бог надоумил. Или память предков. Как выяснилось позже, именно такой вот пояс с ножом считался непременным атрибутом свободного человека.

Это мне позже объяснил сам Квашак, очень удивленный, что я не ведаю таких элементарных истин. Он, кстати, не обиделся. Назвать свободного человека холопом и унижить его пинком – серьезный проступок. Впрочем, я сам был виноват. Свободный человек не станет делать женскую работу.

Кушали патриархально. Сначала мужчины: то есть сам Коваль, Квашак и я, наемный работник. Женщины: согнутая жизнью и работой супруга Ковалья, беременная жена отсутствующего старшего сына и дочка хозяина Бысть (по домашнему – Быська) – обслуживали.

Кушали сытно: карпаччо из оленины, замечательная душистая уха, тушеная брюква пополам с птичьим мясом под черничным соусом. Все это запивалось квасом, морсом и молочной сывороткой – кому что нравится. Мне бы понравилось пиво, но пива предложено не было, хотя я точно знал: пиво – напиток древний и уважаемый. Не было также медовухи, без которой, по утверждению летописцев, не обходилось ни одно порядочное застолье.

Кушали степенно. Вернее – постепенно. Ели, запивали, снова ели, сыто рыгали, снова ели...

Словом, отъедались за весь голодный день: от завтрака до ужина питаться не полагалось.

Покушали. Выбрались на завалинку. Мужчины. Женщины тем временем подьедали остатки и прибирались в избе.

Кстати, об избе. Строеение это было – капитальное. Сложенное из могучих стволов (нижние венцы – на фундаменте из диких камней), без особого тщания, выпирало то тут, то там, зато мощно и надежно. И щели законопачены с отменным старанием.

Отец и сын вели неспешный, солидный разговор. С плотностью примерно пять слов в минуту. Говорили о старшем сыне Ковалья, который отправился весной в какую-то Копынь и должен был вернуться до заморозков.

Звучало это так.

Старший: «Должно, водой вернется».

Младший: «Водой – это хорошо. В лодку добра много влезет».

Старший: «Волокушей по снегу – тоже много».

Младший: «Волокушей – да. Зимой по болоту хорошо».

Старший: «А осенью – водой...»

И так далее.

Чтоб руки не гуляли, родственники делали стрелы.

Выглядело это так.

Из пучка заготовок выбиралось древко. Проверялось на прямизну с помо-

щью натянутого лучка, отполировывалось и выглаживалось ножиком, камешком и кожей до идеального состояния. Затем к хвостовику так же тщательно прилаживались перышки. На клей. Рыбий, судя по запаху.

Мне клейку перьев не доверили. Только шлифовку.

И отцу, и сыну очень хотелось расспросить меня: кто такой, откуда взялся? Но, видимо, правила приличия подобного не допускали. Меня это устраивало.

Чуть позже Коваль взялся рассказывать, как он в возрасте Квашака ходил с ополчением воевать каких-то чусей. Рассказ изобиловал непонятными мне словами. Зато с мотивацией все было доступно. Грабить ходили. Воевали весело. Женок чусевских перепробовали всех. Мужей частью побили, частью раздели догола и выгнали в лес... Тут Коваль стрельнул глазом в мою сторону: чувствую ли аналогию? Я ухмыльнулся. Нет, не мой случай.

Квашак эту историю, надо полагать, слышал уже раз сто, но все равно задал вопрос насчет добычи. Папаша степенно ответил, что на его долю пришлось шкурок на пять кун и трое рабов: две бабы и мальчишка.

Рабов он продал в городе, а вырученные деньги использовал в качестве взноса мастеру. За обучение. Что за мастер и что за обучение – не сказал.

Спать меня уложили на сеновале. Там же спали и Квашак с Быськой. Перед сном Коваль меня строго предупредил, чтоб я ночью к Быське не лез.

Я и не лез. Сама подползла.

Однако дальше примитивного петтинга дело не зашло, так что совесть моя осталась чиста.

Глава пятая, в которой герой адаптируется к новой реальности и находит этот процесс довольно скучным

Утречком меня разбудили птицы.

Квашак еще дрых, а Быськи уже не было.

Я спустился, сбегал к озеру – искупаться. Водичка была славная, а рыба ходила прямо у берега. Вот где с удочкой посидеть... Только удочки здесь не в чести. Сети – эффективней.

Искупавшись, вышел на лужок, отыскал подходящий дрын и принялся за утреннюю зарядку. Искренне наслаждался: воздух чистейший, трава мягкая, солнышко восходит, шест в руках поет...

Так увлекся, что не заметил появления Коваля.

Когда я закончил упражнения, мой хозяин глянул исподлобья и поинтересовался:

– Ты вой, Николай?

Надо же: вчера, шутник, все Ни Кола да Ни Кола, а нынче – как положено.

– В каком смысле?

– В дружине был? – уточнил Коваль.

– Почему так думаешь?

– Вижу. А думал я вчера. Когда Квашак рассказал, как ты его приложил.

– Скажем так (врать не хотелось): обращаться с оружием умею.

– Ага, – сказал Коваль. И вдруг поклонился мне в пояс: – Блага тебе, Николай!

– За что? – Я удивился.

– Пожалел нас вчера.

Через пару минут путем осторожных расспросов я выяснил: Коваль пола-

гал, что, будучи воем (то есть – воином), я вполне мог перебить их всех и взять все необходимое безо всяких договоров. Тем более, я – человек чужой. Был бы свой – пришлось бы отвечать перед здешними властями. А чужой пришел и ушел. Никакой ответственности.

– Зря людей не убиваю, – сурово произнес я.

Признаться, я в своей жизни еще вообще никого не убил, но говорить об этом не стоило. Что-то подсказывало: не поверит абориген. В этом диком обществе воин, который никого не убил, – неправильный воин.

– Это по Правде, – одобрил Коваль. – Людинов убивать – виру платить придется. Где тут выгода? – подумал немного и предложил: – Ряд наш, ежели хочешь, можем расторгнуть. Я ведь не знал, когда рядились, что ты – вой.

– Я знал, – веско произнес я. – Так что уговор наш в силе.

От своего плана пожить здесь и осмотреться я отказываться не собирался.

Работенка для меня нашлась. И не сказать что легкая. Пни корчевать. Рачительный хозяин, Коваль готовил поле под пал тщательно. Неоднократно повторял (то ли у него привычка была такая, то ли обычай здешний – талдычить одно и то же), что плохие хозяева пни не корчуют, а выжигают, обложив хворостом. Поэтому у них рало цепляется за корни, берет неглубоко и урожайность никудышная. Хороший хозяин должен пеньки дергать.

И мы дергали. Причем не голыми ручонками, а самой настоящей лебедкой. Правда, вместо зубчатой передачи выступало круглое полешко с крестообразной ручкой, на которую наматывалась толстая просмоленная веревка, однако даже этот нехитрый механизм позволял создать усилие тонны в полторы. Я было удивился такой продвинутой механизации, но вовремя вспомнил о разных боевых машинах, в которых тот же принцип использовался уже не один десяток веков.

Работали мы втроем, и из нас троих я был самым хилым. А ведь до сих пор считал свою физическую подготовку весьма выдающейся. Молоденький Квашак перебрасывал на волокушу десятипудовое бревнышко, даже не крякнув. А Коваль был вообще монстром. Казалось, он мог выдергивать из земли пни безо всякой лебедки. Ручищи – как клещи. Наблюдая за этой парочкой, я начал думать, что былины о чудо-богатырях основаны на реальных событиях. Это ж если здесь простые деревенские мужики такой силищи, то каковы настоящие богатыри?

Хотя сила силой, а в борьбе я Квашака делал. Ему не хватало резкости и быстроты. И знания приемов, естественно. Но готов поспорить: окажись он в секции вольной борьбы, то годика через четыре до мастера спорта дорос точно.

За пару недель мы закончили расчистку, выпололи подрост (деревья свалили и обрубили сучки еще зимой), повыдергивали корни и приготовили вырубку к очистительному огню. Здоровая работа на свежем воздухе мне, пожалуй, понравилась бы, не будь она такой однообразной.

Зато я походя получил немало полезной информации о здешних обычаях. Моя неосведомленность Коваля не удивила. Я же чужак.

По утрам, пока руки еще не гудели от усталости, я упражнялся с луком. Лук был деревянный, простой, но из хорошо подготовленного дерева, с вощенной жильной тетивой. Уступая в легкости и удобстве спортивным образцам, он су-

щественно превосходил те самоделки, которые я встречал у реконструкторов. И был в разы мощнее. Послать стрелу на сто шагов при известном навыке было нетрудно. Другое дело, что выстрелить – не значит попасть.

Навыки у меня были. Техника – на приличном уровне. Стрелял я из самых разных луков. Из современных, браунинговских. Великолепные игрушки, кстати. Вес – два кило. Куча примочек: прицелы, релисы (это приспособы для удерживания и спуска), гасители вибрации тетивы. Словом, все удобства. Начальная скорость стрелы – триста метров в секунду. Результат, вполне сравнимый со скоростями пуль гладкоствольных охотничьих ружей. А вот результативность «браунингов» не идет ни в какое сравнение с оружием наших (и не наших) предков. Дальность прицельного выстрела – максимум сто метров. И дело не в луках – при нынешних технологиях сварганить инструмент, из которого можно запулить метров на четыреста – никаких проблем. Стрелки не те.

А вот наши пращуры безо всяких хайтековских технологий били прицельно метров на двести. Мистика. С одной стороны. А с другой – полное слияние с оружием. Мастерство, называется. Я так умел – с железом. С луком – пока нет. Но знал, что могу научиться. Просто необходимости не было, а дело – долгое и трудное.

Луки старинные я всегда любил. Не меньше, чем клинки.

Самый старый и одновременно самый изысканный лук, который я держал в руках, был роскошным сложносоставным экземпляром турецкого образца. Настоящее произведение искусства. Стрелять из него, правда, владелец не позволял. Я его понимал: куплен данный раритет был за сумму, сравнимую со стоимостью «мерса».

Словом, кое-какой опыт у меня имелся. Было и понимание: чтобы метко стрелять (все равно – из лука или из пистолета), надо стрелять регулярно и помногу.

Когда листья на деревьях начали желтеть, я уже вполне мог посоревноваться с Квашаком. Развлечения и практики ради я принялся обучать его работе с шестом – работа с «тенью» полезна, но даже слабенький партнер все равно лучше. Квашак проявил немалые способности. Более того, у него обнаружились первичные навыки работы с копьем. Батя научил, пояснил парень. Батя умеет. Естественно, Коваль же служил в армии. То есть – в ополчении, по-здешнему.

Я очень скучал по настоящему оружию. Скучал по своей изрядной коллекции (кому, интересно, она досталась? Если матушке, то разбегутся мои любимые по аукционам), скучал по властной тяжести настоящего клинка, по грозной песне рвущего воздух железа, по потрясающему ощущению полного слияния с оружием, когда клинки для тебя – то же, что пальцы для пианиста.

Дни сменялись днями, почти не отличаясь друг от друга.

Я понемногу привыкал к этому миру.

Такая привычка была необходимостью. Здешняя мораль заметно отличалась от той, к которой я привык. И от той, которая, по моим представлениям, должна была царить на Древней Руси.

Например, оказалось, что к наготе здесь относятся примерно как в Японии. Или в финской бане. То есть в нашей реальности девушка, встретившая в лесу чужого голого мужика, расставляла акценты так: чужой голый мужик. А здешняя – чужой голый мужик.

Да, к этому надо было привыкнуть. Например, когда супружница Ковалья, справив нужду на краю поля (технически это было несложно: только подол задрать – трусов еще не придумали), без малейшего стеснения, с задраным же до пояса подолом проследовала к ручейку и осуществила необходимые гигиенические процедуры, я, зрелый, небрезгливый и в меру циничный мужчина эпохи постсексуальной революции – был несколько шокирован.

А вот если бы она заплела волосы в одну (!) косу, как это делала Быська, то я бы и внимания не обратил. А между тем было бы это очень серьезным нарушением обычаев. И была бы она нарушительница безжалостно бита супругом.

Еще занятнее здешняя семейная иерархия.

На первом месте стоял, естественно, сам Коваль. На втором – его отсутствующий старший сын. На третьем – Глада, жена старшего сына. И лишь потому, что была беременна, возможно, мальчиком. Дальнейший ее статус зависел от пола ребенка. Родит первенца – будет в почете и уважении. Родит девочку – упадет на уровень земляного пола. Родит кого-нибудь еще (не смейтесь, этот вопрос всерьез рассматривался Ковалем) – выгонят бедняжку из дому в дремучий лес. На четвертом месте располагался Квашак (был бы женат, переместился бы на третье), на четвертом – Быська. А вот ее мамаша Трушка оказалась в самом конце списка. Как пояснил мне Квашак – потому что не была настоящей женой. Вот его покойная мать, та – да. А Трушку отец взял на птичьих правах. Без приданого, без правильного обряда – чисто для хозяйственных и плотских нужд. Потому что это было дешевле, чем купить рабыню. Однако Трушка считалась свободной, и, будь у Ковалья обельные холопы (рабы то есть), они оказались бы еще ниже.

Довольно-таки странно складывалась и моя сексуальная жизнь. Периодически я был посещаю Быской. Ее мозолистые ручки ласкали меня и так и эдак. Никаких табу. А вот мне разрешалось немного. Например, я не мог ее раздеть – ласкать разрешалось исключительно через ткань нижней рубахи, очень уместно называемой срачицей. Прямой доступ был закрыт. Эта самая срачица была Быскиными доспехами, кои снимать не полагалось. Я не особо настаивал. Черт знает, как отнесся бы к моим поползновениям спавший в нескольких метрах Квашак. Ни его, ни Быську обижать не хотелось. Хотя эти однообразные игры уже начали мне надоедать. Да и сама Быська – тоже. Нежно-лирических чувств я к ней не испытывал. Да и откуда бы они взялись? Простая деревенская девушка с упруго топырящимися сиськами и крепкой попкой. Румяная юная блондинка... Можно ли такую полюбить? А можно полюбить, скажем, картошку с грибами? Черт! Картошку-то я как раз любил с детства. Но отныне эта любовь – неразделенная. Брюква и репа – вот мой скорбный удел. Горе мне, горе!

Глава шестая,

в которой на сцену выходят нехорошие дядьки без моральных ограничений

Я как раз собирался ополоснуться (стволы тягать – дело грязное), когда из-за мыска выплыла лодка под прямым парусом. Я прищурился: в лодке, кажись, четверо. Но подгребают двое. И идут точно сюда.

Я свистнул. Первым примчался Снежок. Лодку обнаружил сходу. И загав-

кал. Чуть позже появился Квашак с луком. Почему с луком – понятно: угадал по бреху собачьему: чужие на подходе.

Последним – Коваль с копьем.

Так мы стояли и ждали, пока лодка не подошла к берегу. Парус упал. Еще раньше на мостки соскочил ладный, плечистый мужик с мечом у пояса.

– Здрав будь, Коваль!

– И тебе здраву быть, Клыч, – без особой радости произнес хозяин территории.

Закрепив лодку, на мостки выбрались остальные. Рожи – чисто разбойничьи. На троих – пять глаз и пять с половиной ушей. Бывалые хлопцы. И туда, где они бывали, мне как-то не хотелось.

– С чем пришел? – сумрачно спросил Коваль.

– А ты, вижу, не рад мне, огнищанин? – с этакой наглостью в голосе поинтересовался гость. Ох и знакомая интонация. По *той* жизни знакомая. Там это называлось «пробивка».

И особый, скользкий взгляд, которым Клыч прошелся по нам, сразу срисовав и оружие, и расположение, мне тоже был знаком. Чуть дольше взгляд этот задержался на Квашаке. Вернее, на его луке. Выделил, так сказать, самое опасное звено. А вот меня, похоже, оценили недорого. Оно и понятно: стати у меня средние, а одежда – нищему впору. Вдобавок – замызганная. Неавторитетный вид.

Клыч глянул поверх наших голов – нет ли еще кого, опасного... и вдруг широко осклабился. Я оглянулся... Понятно. Это он Быську увидел.

– Подросла твоя девка. Небось женихов уже ищет?

Остальные загоготали.

– А то, может, мы поженихаемся? – хрюкнул полутораухий. – Мы можем!

Скосив глаза, я увидел, как побелели пальцы Квашака, сжимавшие лук.

Я прикинул расклад. Меч был только у главаря. У остальных – длинные тесяки и топорики. Были и луки, но остались в лодке. Однако у двоих гостей на поясах я заметил кармашки, а в кармашках – метательные ножи. И лапки шаловливые они держали так, что выхватить и метнуть – секундное дело.

Знать бы еще, насколько умело они управляются со своим киллерским инвентарем...

– Разве так встречают гостей? – с легкой угрозой произнес Клыч. – Разве это – по обычаю? – И вознамерился сбежать с мостков на берег, но у него на дороге оказался я. Все-таки у него меч, а у меня – так себе ножик. Самое время сократить дистанцию.

Клыч, похоже, такого не ожидал. По крайней мере – от меня.

Мы померялись взглядами. Боковым зрением я отметил, как Клыч положил руку на головку меча, и едва заметно усмехнулся – уголком рта. Ну, давай, рискни здоровьем!

Клыч, само собой, заметил и то, что я отметил его жест. И мою реакцию – тоже.

Вертикальная складка легла меж его белесых бровей: задумался, орелик. Блефую я – или впрямь настолько крут, что готов встать против человека с мечом?

Мой затрапезный прикид его обнадеживал. Вдруг я такой дурень деревенский – не понимаю, что такое меч? Такой вывод был бы для меня идеальным.

Когда тебя полагают дурнем, это сильно упрощает задачу.

Но нет, Клыч этот, судя по роже и выправке, – матерая сволочь. Опытная. Битая. Следовательно, противника оценивает не по порткам грязным, а по постановке, по динамике... А главное – по выражению глаз...

А глаза у меня в такие мгновения хорошие. Правильные. Этакие дырочки с нарезками. Как нутро автомата Калашникова.

Троица позади вожака реготать перестала. Угадала по напрягшейся позе лидера, что происходит переоценка ценностей.

Помочь ему они не могли. Мостки узкие, а спина у Клыча – пошире моей. От броска закрывает стопроцентно.

Оп! Соскочила пружинка! Уступил Клыч. Не рискнул. Это еще не значит, что не пойдет на конфликт в более благоприятной обстановке, однако во второй раз будет труднее. Психологически. Он ведь уже признал во мне если не более сильного, то по крайней мере – равного. Значит, будет осторожен. Я эту породу знаю. Хищники, они нападают только при явной уверенности в собственном абсолютном превосходстве. Оно и понятно. Волк с откушенной лапой – считай, покойник.

– Коваль, это кто у тебя такой храбрый? – через мою голову (благо рост позволял) поинтересовался Клыч.

Моя усмешка стала чуток пошире.

Хотел ты, дружок, лицо сохранить, мне презрение выразить, а получилось наоборот. Словно у меня самого спросить побоялся.

– Гость, – ответил Коваль не без напряжения в голосе. Он не видел моего лица и не мог оценить, чем закончилось противостояние. – Силой зовут.

Это правильно. Не сказал, что считает меня воином (козырь в рукаве), и имя мое заменил на более «солидное». Последнее, как выяснилось, Коваль сделал по другой причине, но об этом – позже.

– Может, пропустишь меня, Сила? – осведомился Клыч. – По добру...

– По добру – это можно, – согласился я. Но с места сдвинулся только тогда, когда Клыч убрал лапу с меча. А он убрал. И это видели все, включая его дружков. Драка отменялась. Или откладывалась...

Проходя мимо, Полтора Уха, постарался поддеть меня плечом.

Я сделал вид, что готов встретить толчок с максимальной жесткостью, но в последний момент чуть уклонился. Полтораухий потерял равновесие, попытался уцепиться за меня, но я опять уклонился, и лететь бы ему с мостков в озерную ряску, если бы я не поймал его... за шкуру. Оформлено было красиво – как на показательных выступлениях. Выглядело так, будто мужик потерял равновесие, взмахнул руками, аки петушок – крылышками, и не шлепнулся в воду только благодаря мне. Никто и не догадался, что – подстава.

Заржали двое. Квашак и шагавший за Полтора Уха одноглазый.

– Ножки не держат? – заботливо поинтересовался я. – Укачало?

Одноглазый заржал еще громче, Полтора Уха побагровел, рванулся из шкирочного захвата, разворачиваясь к обидчику. То есть – ко мне. Я препятствовать не стал. В нужный момент отпустил и даже подтолкнул самую малость.

Воздух – плохая опора, а до меня Полтора Уха не дотянулся. На мощное «Плюх!» обернулся Клыч.

Полтора Уха копошился у берега. Одноглазый ржал так, что аж присел.

Когда перемазанный в иле Полтора Уха воздвигся над водой, смеялись уже

все, включая Ковалю и Быську.

Один из спутников Клыча протянул Полтораухому руку, помог вылезти на мостки и, глядя на мокрую, перемазанную в иле физиономию приятеля, аж задохнулся от хохота. Ему-то и досталась плюха, предназначенная, надо полагать, мне.

Молодецкий удар сбросил весельчака с мостков, но упал он не как мешок с удобрениями, а достаточно ловко – на ноги.

Тут же вскочил на мостки (я отметил его отменную ловкость и координацию), ухватил Полтора Уха за рубашонку и с бешеной силой ударил лбом в лицо. Нос Полтораухого громко хрустнул. Толчок – и Полтора Уха опять барахтается во взмученной воде.

Ага, а это уже серьезно!

Облепленный водорослями, полуослепший от тины и ярости, Полтора Уха летел на меня, воздев над головой топор... Я не стал возмущаться: «Почему на меня? Это же не я ему нос сломал!» Приготовился и ждал, представляя, как эффектно Полтора Уха сверзится с мостков в третий раз.

Но осуществиться этому гордому полету было не суждено.

Клыч шагнул вперед и подставил ногу...

Полтора Уха кувыркнулся наземь, но сразу вскочил. Топорика своего он не потерял. Но боевой пыл разбился о клинок Клыча, упершийся Полтораухому в горло.

Шарик сдулся. Полтора Уха сунул топорик за пояс и побрел к дому.

Клыч вернул меч в ножны и чуть качнул головой: мол, не принимайте близко к сердцу. Мальчик уже исправился.

Я тоже чуть кивнул. Очень спокойно. Хотя внутри спокойствия было немного.

Эта маленькая сцена с прыжками и кульбитами показала многое. Во-первых, недюжинную подготовку Клыча и его спутников. Во-вторых – мою собственную (к счастью, известную пока только мне самому) слабость. И Полтораухий, и Клыч, и все в его команде имели передо мной очень серьезное преимущество. Оно заключалось в том, что это были воины, а не спортсмены. В отличие от меня, они ни на секунду не задумывались, какой урон они причиняют противнику. Собственно, у них не было противников. У них были только враги. И они не состязались. Они убивали. Убивали уже много лет. Эффективно и неоднократно. А я, гуманное дитя двадцатого века, до сих пор «убивал» лишь макеты, имитации и прочий тренировочный инвентарь. Черт! Это могло стать серьезной проблемой. Очень серьезной!

Глава седьмая,

в которой герой обедает в обществе местных разбойников

За столом было тесно. Пятеро гостей занимали раза в два больше места, чем домочадцы Ковалю. Как-то они так по-особому растопыривались на лавках, что на каждого приходилось чуть ли не по метру. Поэтому они занимали всю лавку целиком, а я, Коваль и Квашак – примерно треть лавки напротив. Вели себя гости нагло. Щипали за разные места прислуживавших за столом Быську и Гладу. На то, что последняя беременна, им было плевать. О приличных манерах и речи не было. Гости рыгали, шумно портили воздух, норовили схватить лучший кусок... Даже Полтора Уха, чей нос распух до размеров груши, выказывал волчий... нет, скорее свиной аппетит. Исключение на этом

празднике голодных хрюшек составлял только сам Клыч. Предводитель разбойников ел на удивление деликатно. Крохотными кусочками и только с общего блюда.

Правда, один приятный момент гости за стол все же привнесли. Бочонок пива.

Не сказать, что какое-то особо выдающееся, но это было первое местное пиво, которое я попробовал. И не отказался бы делать это почаще.

По ходу застольной беседы выяснилось, зачем приехали добры молодцы. Клычу надо было починить и подогнать кольчугу.

Оная кольчуга была выложена на стол и осмотрена Ковалем.

– А что, в городе кузнецов больше нет? – Хозяин с подозрением посмотрел на Клыча.

Тот стыдливо потупился.

– А что, – поинтересовался Коваль. – Бирючи[6] про это кольчугу ничего не кричали?

– Ты-то ничего не слыхал, разве нет? – буркнул Клыч. – Я тебе за работу гривну серебром дам.

Гривна, гривна... Это, насколько я помнил, такая штукавина, которую на шею вешали. Выходит, это еще и платежное средство.

– Половину – вперед! – потребовал Коваль.

Клыч привстал, полез куда-то в штаны, повозился и извлек на свет большую квадратную монету желтого металла. Золотую, то бишь.

– Сойдет? – спросил он.

Коваль взял универсальный эквивалент, взвесил на ладони, попробовал на зуб...

– Сойдет. Через две седмицы приходи.

– А может, мы у тебя на огнище поживем-подождем? – предложил Клыч. – Зверя бить поможем?

– Нет! – отрезал Коваль.

– Нет так нет, – неожиданно легко согласился Клыч. И встал из-за стола. Его братки – тоже.

Я увидел, как Квашак тискает под столом нож, и на всякий случай приготовился пихнуть стол на опасных гостей. Хорошо, женщин в комнате уже не было...

Опять обошлось.

Клыч вполне вежливо поблагодарил за хлеб-соль, и вся банда вывалилась во двор.

Одноглазый прихватил бочонок, в котором булькало еще литра три-четыре. Я счел это хорошим признаком. Если планируют напасть, зачем забирать пиво?

Разошлись без эксцессов. Опасная компания погрузилась на лодку и отправилась восвояси.

Это и еще малая толика алкоголя в моей крови привели меня в благодушное настроение. Квашак тоже расслабился: сбросил тетиву с лука и убрал его в кожаный чехол.

А вот папаша его что-то забеспокоился: топтался на мостках, выглядывая маршрут Клыча сотоварищи.

– Что-то не так? – спросил я.

– Мне этот Клыч известен, – проворчал Коваль. – Ему и семнадцати не исполнилось, как вече его к вире приговорило за смертоубийство. Отец его виру заплатил. Он купцом был не из бедных. Год спустя сгинул в чужих краях со всем товаром. Двор его хотели за долги забрать, но муж Клычовой сестры откупился за тестя. Однако с Клычом они не ладили, и новый хозяин шурина указал на ворота. Правда, выходное дал: бронь и коня. С тех пор о Клыче хорошего не слыхали. Говорили, одно время он в отроках у туровского князя ходил. Потом ватагу сколотил, но на разбое не поймали ни разу. Однако та кольчуга, которую он мне оставил, явно с убитого снята.

– Погоди, Коваль! – перебил я. – Кольчуга – вещь редкая и дорогая...

– Так и есть. Эта, правда, не из лучших, но и за такую на торге не менее трех гривен дадут. А поправить ее – и половины норегской марки много будет. Не просто так ее Клыч мне привез, а не к городским кузнецам. Видать, знают там, кто ее прежний хозяин.

Город, город... Надо бы о нем расспросить поподробнее. Не все же мне в сельской местности обретаться.

Но спросил я о другом:

– А почему бы тебе не отвезти эту кольчугу в город и не выяснить, с кого ее Клыч снял? Тут бы его и ущучили!

Коваль замотал головой:

– Толку не будет. Мы же не видели, как он убивал. Его спросят, он скажет: купил. Иль у татей отнял. А то и вовсе откажется. Крикнет, что я его оклеветать хотел. Ему пред богами лжу говорить – не впервой. А потом живи и жди: когда Клыч мстить придет.

Резонная точка зрения. Да и гривна обещанная, как я понимаю, лишней не будет.

– Что же тогда тебя беспокоит, Коваль?

– Поплыли они к огнищу Дубишка. Как бы худого не сделали?

– Так чего же мы ждем, батя? – Квашак услышал и забеспокоился. – Давай пособим, а?

– Пособник... – проворчал Коваль. – Таких, как ты, Клыч пальцем давит. Может, и обойдется. Дубишко нам не родич. Пускай сам.

– Как же не родич! – воскликнул Квашак. – Забыл, что Дубишкину младшую сам за меня сговорил! Ну как нехорошее ей сделают?

– Ну, сделают, – пробормотал Коваль. – Что же, мы тебе невесту не отыщем?

Но я чувствовал, как мужик колеблется. Совесть спорила с осторожностью. Я не вмешивался. Мне этот Дубишко вообще до фонаря.

Совесть, похоже, победила.

– Пособим, – решил Коваль. – Сын, давай за веслами.

Обрадованный Квашак побежал к сараю, а Коваль повернулся ко мне.

– Не одобряешь? – спросил он.

Я пожал плечами: мол, не мое дело.

– Значит, с нами не пойдешь, – Коваль не спрашивал, констатировал факт.

Нечестный прием. Против Клыча и его банды Коваль с сыном вряд ли выстоят. Другое дело – и втроем мы не факт, что справимся. Разве что внезапность нападения поможет. Однако если за какого-то Дубишка мне рисковать не резон (а риск есть – игра тут идет по-взрослому, вон, хозяин рваной кольчу-

ги – тому свидетель, мертвый, что характерно!), то с Ковалем и Квашаком я из одной миски ел. Нехорошо их вот так кинуть...

Мысли эти, надо полагать, легко читались на моей мужественной физиономии, потому что в глазах Коваля блеснул живой огонек:

– Или пойдешь?

– Пойду, куда я денусь. Только оружие бы мне подходящее... Как-то неудобно – с палкой против железа.

– Оружие есть! – Мой гостеприимный хозяин явно обрадовался. – Хорошее оружие! Зря, что ли, меня Ковалем кличут!

Глава восьмая, в которой выясняется, почему коваля зовут Ковалем

Это была кузница. Самая что ни на есть настоящая. С горном, наковальней и полным набором инструментария. Имелись также и мехи: примитивные, ручные. Снаружи, у входа, лежало несколько условно круглых каменюг, в которых я не без умственного усилия (никогда ведь не видел) угадал так называемые крицы – заготовки из сырого железа. Продукт древнейшего, домашнего, так сказать, доменного производства. О последнем я знал чисто теоретически, от своих приятелей-кузнецов, коих в прежней жизни было немало. Положение обязывало. Да и молотом помахать было интересно. И полезно. Получше, чем в тренажерке гири тягать.

Теперь стало понятно, почему у Коваля такое говорящее прозвище и почему именно ему заезжие бандюганы-разбойнички привезли ремонтировать кольчугу. И откуда у папы с сыном такой богатырский плечевой пояс, тоже понятно.

Не дожидаясь приглашения, я откинул кожаный полог-дверь и шагнул внутрь.

Коваль за моей спиной крякнул. Я оглянулся: что не так?

– Заходи, заходи, – он подтолкнул меня в спину. – Ты по роду храбрый или наговор знаешь?

– Наговор?

– В кузню заходишь – как в овин. Или у тебя с Хозяином Огня уговор?

Я ни хрена не понял и неопределенно пожал плечами.

– Не хошь – не говори, – разрешил Коваль. Этак с пониманием. Знать бы еще, что он такое понимал.

Коваль сунул мне в руки предмет, похожий на толстую тятку. Сам взял такой же:

– Подсоби-ка...

Этими рычагами мы с двух сторон поддели здоровенную (тонны на полторы) каменюгу в углу кузни и сдвинули в сторону.

Под ней обнаружилась схоронка. А там – настоящий клад: несколько шлемов, латы, наконечники копий, десяток ножей, килограммов пять разнообразных наконечников для стрел, всякая мелочь. Все густо смазано жиром и проложено сухими деревяшками. Отдельно покоились дюжины две разнообразной формы свертков из просмоленного холста. Надо полагать, самое ценное.

Коваль выбрал четыре упаковки подлиннее. Развернул.

– Выбирай!

Передо мной лежали четыре меча примерно одинаковой формы, незначительно отличавшиеся размерами клинков и рукоятей. Никаких изысков и

украшений. Простые и незамысловатые орудия убийства.

Я последовательно подержался за каждый. Выбрал тот, где лезвийная кромка была лучше проработана. Клинок был так себе: посредственной гибкости и тяжеловат. Правда, баланс неплохой. Хотя рукоять для меня тонковата. Но это дело поправимое.

– Вижу, не нравится тебе моя работа, – не выдержал наблюдавший за моими манипуляциями и скептической физиономией хозяин имущества.

Я неопределенно хмыкнул. А чего он ожидал? Восторженных охов? Хотя, если мне память не изменяет, даже такие кое-как откованные и закаленные мечи по здешним меркам – немалая ценность.

– Да нет, подходящие. Я этот беру, только рукоять подмотать надо. И ножны подобрать. И я бы жало довел – туповато.

Теперь хмыкнул Коваль.

– Подмотаем, подберем, доведем, – проворчал он. – Бронь выбирай.

– Обойдусь.

Для того чтобы в этом железе биться, навык нужен. Кольчужку бы я взял, но не предлагали. Так что придется в защите обойтись вот этим открытым шлемом... Я прикинул по голове – нормально. На войлочный колпак сядет хорошо.

– Вот это я возьму, – я обнаружил в куче разностей связку метательных ножей на кожаной перевязи. – И вот это! – Я примерил по руке короткий нож с крепкой крестовиной. Удобная вещь. И в ближнем бою хорош, и удар клинка отвести можно – выдержит. Еще бы к нему хорошую латную рукавицу... Но таковой не наблюдалось. Разве что – в свертках. Но раз хозяин не предложил, значит – не предложил. И так недурно прибарахлился.

– Давай, поторапливайся, – буркнул Коваль.

Мой взгляд упал на стоящие в углу валенки с кожаными нашлепками.

– Мне бы еще обувь...

– Дома сапоги тебе дам. Пошли, на пир опоздаем!

Тем не менее в лодку мы погрузились только часа через полтора. Пока я подогнал амуницию, пока Коваль отдавал домочадцам последние наставления, пока отец с сыном вооружались... Оружие у них было интересное. У Ковалья – уже известное мне копьё с полуметровым наконечником и боевой молот(!) на ремешке. У Квашака – окованная железом дубинка и топор. И лук, само собой. Оба нацепили шлемы и броню. Квашак – что-то вроде кирасы, а Коваль – кольчугу с пластинчатыми плечами и щитком на груди. Кстати, щит он тоже взял.

Вот так, оснастившись по-взрослому, мы уселись в лодку и поплыли вершить справедливость.

Глава девятая, в которой герой получает боевое крещение

Хутор Дубишка располагался на противоположном конце озера, упиравшегося в болото. Хорошее болото, сообщил мне Квашак. Много дикой птицы. Но главное, именно там брали «железную землю» – руду для выплавки железа.

К тому времени, как мы добрались до места, совсем стемнело. Безжалостно жрали комары. Коваль с отпрыском не обращали на них внимания. Я тоже... старался.

Лодка была простенькая – долбленка. Но – ходкая и неплохо оборудованная: скамейки, большой сундук на корме, гнездо под мачту и сама мачта, принайтованная к борту. Уключины, правда, были кожаные, но за весла меня все равно не пустили. Не доверили. Гребли отец с сыном на пару, да так, что весла гнулись, а за кормой вскипал бурунчик. Тем не менее наш водный путь занял не меньше часа. Однако даже в темноте с верного направления сбиться было невозможно: примерно на полпути мы услышали первый пронзительный вопль. Затем вопли повторялись с огорчительной периодичностью. Квашак ругался, поминая неизвестных мне животных и загадочные, но, видимо, очень неприятные болезни. Коваль сначала помалкивал, потом процедил сквозь зубы:

– Попались, дурни! Нет бы в болото убечь! – И разъяснил специально для меня: – У Дубишки дом укромно стоит. Рядом с болотом. По тому болоту, ежели троп не знать, трудно идти. Я думал – уйдут они. Жаль, ошибся.

– А может, все же ушли? – предположил я. – Мало ли кто кричит?

– Смеешься? – злобно спросил Квашак. – Иль в ваших краях каленым железом не пытаются?

Я смолчал. Но осведомленность Квашака мне не понравилась. Не исключено, что я недооценил жестокости здешних нравов.

Незадолго до цели (пытуемый уже не вопил – был) Коваль с сыном сбросили скорость. Темень была – хоть глаз выколи. Однако они ухитрились не только разглядеть причальные мостки, но даже подойти к ним практически бесшумно.

По ту сторону мостков виднелось что-то темное.

– Клыч... – прошипел Коваль. Надо полагать, опознал плавсредство.

Я перелез на мостки, постаравшись сделать это как можно тише. Сапоги были мне изрядно велики, но я поддел две пары толстых шерстяных носков, выделенных мне Трушкой, и они сели нормально, не хлюпали.

Квашак рядом громко сопел. От него пованивало потом.

Коваль придержал его за локоток, прошептал:

– Не бойсь. За нами пойдешь. В сечу не лезь. Бей издаля стрелами.

Квашак сразу перестал сопеть. Видно, и впрямь боялся.

А у меня страха не было совсем. Только азарт. Меня не оставляло ощущение театральности...

...Которое вмиг развеялось, когда мы увидели происходящее.

Посреди лужайки перед домом был разведен большой костер. На огне весело булькал котел. Вокруг разместились трое: Клыч, Полтора Уха и еще один, ражий детина с копной сроду нечесаных волос. Двое других «клычовцев» отсутствовали. Хотелось верить, что их прикончили. Но вряд ли. Неподалеку от костра лежали тела двух мертвых собак и труп (что труп, я понял сразу) мужчины. Другой мужчина, раздетый догола, бессильно обвис на перекладине коновязи. Полтора Уха кошеварил: помешивал варево длинной ложкой, принимался, бросал в котел какие-то травки... Время от времени он брал копье, наконечник которого покоился на углях, и, не вставая, тыкал им в живот подвешенного. Мужчина начинал биться и хрипеть.

– Чего ты артачишься, – спокойно, даже сочувственно проговорил Клыч. – Сейчас баб твоих приведут, все равно узнаем. Скажи по-хорошему, где денежки, и не будем тебя мучить.

Пытаемый что-то пробормотал.

Клыч поднялся, подошел к нему, взял за волосы, задрал голову, послушал некоторое время, потом разжал пальцы, и голова бедняги бессильно упала на грудь.

– Дубишко ты и есть, – сказал он. – Тупой, как дубина. Коли начнем мы тебя спрашивать по-настоящему, тогда уж точно за Кромку пойдешь. Сам подумай: кому нужен раб-калека? Буртала, скоро уже? Я голоден!

– Голоден он... – проворчал Полтора Уха. – Надо было у кузнеца поесть. Я вот поел.

– А если бы опоил он нас? – вкрадчиво поинтересовался Клыч. – Он же кузнец, колдун. Ему отраву в яства подмешать, как тебе дикого луку в уху добавить. О! Кажись, идут!

На лужайке появились новые персонажи. Две мелкие коровенки, пара коз, три расхристанные женщины, шестеро детишек разного возраста, в просторных, явно перешитых из взрослых, рубахах. Завершал цепочку пленников мелкий, порядком замызганный мужичок. Сопровождали эту компанию двое уже известных мне персонажей: приятели Клыча.

При виде грустной процессии подвешенный мужчина глухо застонал. Одна из женщин, вскрикнув жалобно, будто чайка, кинулась к телу убитого. Нечесаный, не вставая, пнул ее ногой.

Женщина упала навзничь.

Квашак рванулся вперед, но Коваль перехватил его, прошипел чуть слышно:

– Ты – сзади...

Нечесаный тем временем встал, наклонился и сильным рывком задрал ей платье...

– Не замай! – строго сказал Клыч. – Твоя очередь последняя, молодой!

– Ну так бери ее! – раздраженно бросил нечесаный, пихнув лежащую носком сапога.

– Сядь! – рыкнул Клыч. – Еще раз скажешь мне, что делать, я тебя самого возьму! Сначала поедим. Затем с кладом разберемся. Бабы – потом.

– А рожон свой, молодой, можешь на козе испробовать, – посоветовал одноглазый, с интресом принюхиваясь к содержимому котла. Заготовали все, кроме нечесаного и Клыча. И, естественно, пленников.

По приказу Клыча одна из теток подоила корову. Главарь преступной группы с удовольствием пил молоко.

Котел тем временем сняли с костра, разбойники извлекли ложки... Женщины сбились кучкой, даже не пытаясь убежать... Мелкий мужичок держался в стороне...

Я легонько толкнул Ковалья.

Лучшего момента не будет.

Злодеи уселись вокруг котла, оставив место для Клыча. Тот вынул ложку, присел на корточки, зачерпнул...

Вот тут я и рванул...

Бежал я очень быстро, но все равно стрела меня опередила. Хороший выстрел: нечесаный захрипел, пытаюсь выдрать стрелу из шеи...

«Лучше бы – Клыча...» – успел подумать я.

Но Клыч – уже вот он. Будто ждал.

Его меч вжикнул у меня перед носом, но сам я его тоже не достал: подпрыгнул, сукин сын!

Тут сбоку сунулся Полтора Уха. Очень кстати. Я метнулся влево, и мой давний недоброжелатель оказался между мною и мечом своего атамана. Рубанул топором сверху, с замаха – как дрова рубил. Только я ведь – не чурка березовая. Плавный уход еще левее, подальше от Клыча, и – х-х-а-а!

Я бил в полную силу. Не думая, что рублю человека. Так я бил бы тупым клинком по деревянной жердине. Нет, не зря я сам доводил острие... Ступню бандита отсекло чисто, даже в ладони не отдалось. Он еще валился, а я, уже с левой, метнул в Клыча короткий швырковый нож.

Он увидел бросок слишком поздно, попытался отбить мечом, но... есть! Ножик глубоко засел в предплечье правой руки главного оппонента.

Клыч будто и не заметил: толкнулся двумя ногами, прыгнул через своего вопящего дружка... И ему не повезло. Полтора Уха как раз махнул грабкой. Клыч зацепился совсем чуть-чуть... И промахнулся тоже совсем чуть-чуть... Его меч на каких-то пару сантиметров разминулся с моей шеей. А мой – нет.

К сожалению, напрочь голову я ему не снес. Клинок застрял в хребтине. Я рванул его изо всех сил, заодно бросив мертвого уже Клыча на Полтораухого, который, привстав, попытался пырнуть меня ножом...

Шестое чувство спасло меня от смерти. Одноглазый. Отличный выпад. Уходя от копейного тычка, я выгнулся так, что еще чуть-чуть – и встал бы на мостик.

Но тут же распрямился пружиной, перехватив копьё левой рукой, рванул на себя, толчком колена отбил в сторону щит и (все – на одном, слитном движении) принял Одноглазого на клинок. Вот теперь я наконец понял, что такое – убить человека.

Меч пробил толстую кожаную куртку с бляшками, мышцы живота и погрузился во плоть, снизу вверх, очень глубоко... Одноглазый рванулся, раскрыл рот, и оттуда потоком, как вода из трубы, прямо на меня хлынула кровь. Умирающий задрожал. Его рот, губы двигались, будто он хотел что-то сказать. Но вместо слов изо рта толчками выплескивалась кровь. Последняя дрожь, и он всей тяжестью обвис на клинке. От неожиданности я разжал пальцы... И остался без оружия.

К счастью, враги кончились. Почти. На ногах остался всего один. И ему было явно не до меня. Из оружия у него остался только щит, и Коваль добивал этот щит, методично круша его молотом. Сбоку, в отдалении, приплясывал Квашак с луком. Он тоже зря времени не терял – в боку противника Ковалья торчала стрела. Я наклонился, уперся ногой в грудь одноглазого и, поднатужась, вытащил меч. Изю всех спутников Клыча он был мне наиболее симпатичен. Возможно, при ином раскладе мы могли бы стать друзьями... Пожалуй, мне было его жаль. Но раскаивался ли я? Вот уж нет!

Щит развалился. Коваль махнул молотом еще раз. Удар пришелся в плечо. Раздался отчетливый хруст... А потом еще один, когда молот пробил злодею висок.

Великая битва на хуторе огнищанина Дубишка, моя первая настоящая битва в этом мире, закончилась. Я остался жив. Это обнадеживало. Мои повоевавшие приятели из мира высоких технологий говорили, что многие салабоны гибнут именно в первом бою. Дальше – легче.

Кому – как... Полутораухому было совсем не легко. Оставшись без присмотра, он попытался уползти в кусты, но попался на глаза Квашаку и тот, радостно осклабясь, всадил ему в спину отцовское копьё. Потом перевернул Полутораухого (копьем же) и уколол еще раз. В живот. Погрузил неторопливо, провернул... Полтора Уха жутко закричал. Квашак осклабился еще шире...

Подошедший сбоку Коваль перехватил древко, нажал – и Полтора Уха отправился в ад.

– Ты что творишь? – сурово произнес он.

– Так я это... – Квашак смутился. – Они ж это...

– То они, а то – мы! – строго сказал Коваль. Выдернул копьё и подошел ко мне. – Целый?

– Вполне, – ответил я и тут сообразил, что в крови от подбородка до носков сапог.

– Тогда пошли трофеи делить.

Глава десятая **О снах и юных девушках**

Заночевали мы здесь же: на хуторе Дубишка.

Сам хозяин пребывал без сознания. Может, оно и к лучшему, потому что выглядел он – краше в гроб кладут, а в качестве обезболивающего здесь использовался удар тяжелым предметом по затылку. Однако Коваль, осмотрев его, пообещал, что все будет хорошо.

В отношении Дубишкова брата такого сказать было нельзя. Это его труп лежал около костра. Остальное население хутора: жена Дубишка, его дочь, вдова брата и детишки – серьезно не пострадали. Мелкий мужичок оказался Дубишковым холопом. Рабом то есть. Он и выдал тайную тропку, по которой убежали женщины с детьми, когда один из мальцов углядел подплывающую лодку Клыча сотоварищи.

Дубишко с братом остались прикрывать отход. Вернее, они рассчитывали договориться. Зря рассчитывали.

Холопа женщины вознамерились убить, но Коваль не позволил. Сказал: вины не вижу. Ну да, выдал хозяев. Но не по собственной же инициативе, а когда поймали и пригрозили огнем. Я его себе заберу, заявил Коваль. Поглядел на меня: может, стану спорить? Я не стал. Мужичок, конечно, гад. Но крови мне на сегодня хватит. И в рабовладельцы пока не планирую. Пусть забирает.

Главным героем дня (вернее, ночи) все считали именно меня. Как же! Ведь это я завалил троих самых опасных членов банды.

Если судить объективно, мне повезло. Не зацепись Клыч за руку Полутораухого, еще неизвестно, чем бы все обернулось. У меня до сих пор перед глазами его прыжок...

Мог бы он меня достать? Пожалуй. Хотя у меня и были хорошие шансы уклониться, но тогда бы и я его не достал. И вполне мог бы схлопотать копьём в спину от одноглазого.

Словом, повезло.

В тот день я еще не знал, что такое везение – важнейшая составляющая здешней войны. Не поединка, а именно войны. В поединке, конечно, тоже бывают случайности. Подвернувшийся под ногу камешек, пролетевший мимо лица жук... Но когда противников вокруг много, роль случайности многократно возрастает. Задача опытного воина – отслеживать их и обращать себе на

пользу.

Еще я не привык, чтобы мне кланялись. А кланялись низко и усердно. Впрочем, я на месте этих женщин тоже кланялся бы тому, кто спас меня от надругательства и рабской участи.

Однако благодарность и моральное удовлетворение не были главным бонусом этой войны. Трофеи – вот что главное.

Мне и тут досталась львиная доля. Во-первых, все, что нашлось на телах троих (Полтора Уха тоже вошел в мой список, хотя добил его не я) побитых мною головорезов. Это – оружие. Два боевых топора, пара щитов, три ножа и дюжина швырковых. Меч Клыча. Он был лучше того, что дал Коваль. Хотя бы потому, что лезвие из более твердого металла, чем основа, а дол шире и глубже, отчего и сам меч при тех же размерах почти на килограмм легче. В мою добычу вошли также три шлема, броня разной степени изношенности и качества – по-настоящему дорогой была только кольчуга Клыча. Мне она была великовата, но Коваль обещал подогнать. Еще была изрядная кучка драгметаллов в монетах и изделиях – граммов сто пятьдесят золота и килограмма два серебра. Одежда и прочее считалось мелочью, но одна из этих мелочей была мне особенно приятна: новенькие, почти неношеные сапоги одноглазого из отлично выделанной кожи сели на меня как влитые.

Из общего имущества Коваль самой ценной посчитал лодку. Моя доля в ней была – две трети. Коваль предложил ее выкупить. Или наоборот, мне выкупить оставшуюся треть за мою долю от связки меховых шкурок, найденных в этой же лодке.

Считал кузнец очень скрупулезно, учитывал каждую мелочь, даже мешочек с гвоздями. Время от времени они с Квашаком устраивали консилиум по поводу стоимости того или иного предмета. Пытались втянуть меня, но я уклонился, заявив, что целиком им доверяю. Тем не менее процесс оценки и дележки занял больше часа, и, только разобравшись с имуществом, Коваль занялся ожогами Дубишка.

Затем мы с Квашаком ободрали покойников. Все, вплоть до нательных рубах, было передано женщинам для стирки, чистки и ремонта, а самих жмуриков отдали Водяному.

Выглядело это так: мы с Квашаком погрузили трупы на лодку, отплыли подальше от берега и побросали в воду. Хотя нет, не побросали, а отдали по всем местным правилам – Квашак каждому покойнику разрубил живот топором (малоаппетитное зрелище), каждого сопровождал напутствием, чтоб служил ДЕДУШКЕ верно и старательно, а в заключение произнес короткую речь к самому ДЕДУШКЕ. Суть ее сводилась к тому, что всякий подарок требует отдарка, и ДЕДУШКА, как Водяной с понятиями, несомненно это знает.

Завершив кормление нежити, мы приплыли обратно.

Пока мы хоронили чужих мертвецов, женщины обрядили собственного покойника. И уложили на столе посреди избы.

Так что ужинали мы на улице. Удивительно, однако отданный Водяному Полтора Уха оказался неплохим кулинаром. Еще удивительнее, что котел с ухой (я уже был в курсе, что ухой здесь называли всякий наваристый супчик) во время битвы не пострадал. Не пострадал и мой аппетит. Наверное, действовала окружающая среда. Лужи крови впитались в землю, запах смерти унес ветер. А кушать очень хотелось.

Спать мне предложили в избе, на почетной лавке, но я подумал, что общество трупа и стонущего Дубишки – не лучшее для путешествия в царство Морфея.

И отправился, как говаривали у нас в роте, «давить харю» в привычное место: на сеновал. Там, правда, уже разместился преступный холоп, но я цыкнул – и он смылся.

С ходу приснился кошмар: падающий на меня сверху Клыч. Во сне он-таки срубил мне голову...

Проснулся я в холодном поту... И услышал подозрительное шуршание. Потянулся было к ножу... Но принюхался и расслабился, потому что отличить по запаху юную девушку от кровожадного мужика совсем не трудно.

А девушка была действительно юная, очень нежная и трогательно невинная, чем приятно отличалась от моей здешней подружки Быськи. Я помнил, что девчонка вроде как невеста Квашака, но она была такая нежная, такая по-датливо-доверчивая... Словом, я не устоял. Даже и не пытался.

Надеюсь, ей тоже было хорошо. По крайней мере, я обошелся с ней бережно.

А когда она уснула у меня на плече, я понял, что нашел свое счастье. Нет, не эту милую девушку, хотя признаюсь, у меня уже очень давно не было таких ярких ощущений, и еще дольше – такой искренней и чистой любовницы. Я имею в виду счастье как таковое. То, которое возникает от полноты и осмысленности бытия.

Вскоре я уснул, и никаких кошмаров в эту ночь мне больше не снилось.

Хотя в будущем мрачная тень падающего на меня Клыча посещала не раз.

Что интересно: его одноглазый соратник не снился мне никогда.

Глава одиннадцатая,

в которой герой знакомится с местным бытовым колдовством

Утром я подумал, что неплохо будет сделать моей ночной гостье подарок, но, пока думал, выяснилось, что подружка теперь не моя, а Квашакова. Более того, Квашак остается старшим на хуторе до тех пор, пока не поправится Дубишко.

А вот мы с Ковалем поплывем обратно. Я не спорил. Ковалю видней. Да и с Квашаком мы попрощались сердечно. Знал ли он, что я провел ночь с его невестой? Понятия не имею.

Возвращались мы на лодке Клыча. Свою оставили Квашаку.

Лодка была парусная. Парусом занимался новый холоп Ковалья, мужичок-предатель по прозвищу Завертыш. Коваль руководил. Я наблюдал, полагая, что в будущем навык «яхтсмена» не помешает. Озеро наше длинное, извилистое, если этот эпитет применим к озеру, и очень красивое. В него, как выяснилось, впадали две реки и «выпадала» одна. По той, что «выпадала», можно было добраться до города. Когда я попытался выяснить, как он называется, меня не поняли. Город и город. Там жил князь, там же находился рынок, на который ходили торговать с окрестных хуторов. Вокруг озера их было то ли пять, то ли шесть, не считая нашего. В городе же приобретались всякие полезные товары. Когда я спросил насчет дани (раз есть князь, значит, и дань должна быть), то выяснилось, что дани как таковой Коваль не платит. Данью князю кланялись те, кто жил на княжьей земле. Или те, кому нужен был княжий суд. Дань – это нечто обязательное. Другое дело – подарок. Подарки князю Ко-

валь делал неоднократно. Равно как и подношения жрецам. Хорошим тоном считалось подарить что-нибудь и некоторым уважаемым горожанам. Последнее, как правило, отдаривались. Доступ в город был свободен, но те, кто желал торговать, обязаны были заплатить пошлину, которая шла городскому руководству. Взамен город предоставлял торговцу набор сервисов: место, инвентарь, юридические услуги и т. д.

– Хочешь к нашему князю в дружину пойти? – Коваль сделал собственный вывод из моих расспросов. – Не советую. Князь у нас пришлый. Женился на дочери прежнего, а тот два лета назад ушел с чудинов дань брать, да так и не вернулся. Этого, нового, людины градские не очень-то хотели, но княгиня уж очень за него просила. Вот людь и согласилась. Да только проку от него – как с козла молока. Живет сам по себе, отдельным городком, татей по дорогам не ловит, в походы не ходит, одним только полюдьем побирается. И дружина у него слабая. А ну как нурман придет? То-то городские наплачутся.

– А тебе-то чего? – подал голос холоп. – Чай, досюда не доберутся. Или родня у тебя в городе?

Я удивился. Не ожидал, что Завертыш вот так запросто вмешается в разговор. Раб все же.

Однако Коваль воспринял реплику совершенно спокойно:

– Родни нет, – сказал он. – В Копыни у меня родня. Однако порушат город, с кем торговать буду?

– А на Ладогу поплывешь, – Завертыш уселся на нос и принялся чесаться. Делал он это так самозабвенно, что я сразу понял: безо вшей не обошлось.

Та же мысль пришла в голову и Ковалю.

– Приедем, весь волос тебе обрею.

– Не-е! – испугался холоп. – Не дамся я! Кто власы стрижет, тому удачи не будет!

– Больно у тебя удачи много, раб! – засмеялся Коваль.

– Какая ни есть, а все моя, – обиделся Завертыш. – Вишь, не убили меня на-меднича!

– Потому не убили, что я не позволил! – отрезал Коваль. – Спорить будешь, так я те не власы, а шкуру сниму!

Завертыш сник, нахохлился и просидел молчком весь оставшийся путь.

А я подумал: каков бы ни был князь, а надо мне в город ехать. Поближе, так сказать, к цивилизации. И в географии разобраться надо. Завертыш вот подкинул мне знакомый ориентир: Ладога. О Ладоге я слышал. Даже слышал, что их две. Новая и Старая. Копали там что-то археологи. И турнир устраивали в прошлом году, только я не поехал.

– Слышь, Коваль, а какой нынче год?

– Чего?

– Год, говорю, какой?

– Неплохой год, – ответил Коваль. – Рожь должна уродиться. И ячмень. Ежели кабаны не потравят, на зиму изрядно зерна запасем.

Понятно. Летоисчислением тут не утруждаются. Собственно, я даже не знаю, умеет ли Коваль писать-читать.

– Коваль, а ты читать умеешь?

– Чего? – еще один недоуменный взгляд.

– Ну, буквы знаешь?

Нет, не понимает он, о чем речь.

Дай Бог памяти: какая на Руси письменность была в древности? Кириллица? Но это вроде уже после Крещения, а тут сплошь язычники. До того, кажется, руны были... Или нет, руны – у скандинавов. У славян – резы...

– А резы читать умеешь?

– Какие еще резы? – Коваль глянул на меня уже не с удивлением – озабоченно. Все ли хорошо с головкой у воина Николая? Потом вспомнил, что я – чужак, и успокоился. Махнул рукой: мол, не задавай глупых вопросов.

– Давай-ка рыбки возьмем, – Коваль вытянул из-под банки сетку-мешок, в горловину которого были для жесткости вплетены толстые звериные волосы. – Закинем разок – на уху хватит.

Так и вышло. С первого же захода вытянули килограммов пять. И среди прочих – настоящего, пусть и маленького, с локоть, осетра. Да уж, богатая тут рыбалка. Неинтересно даже. Как по грибы ходить. Вышел на край вырубки, накидал по-быстрому в корзинку отборных боровиков и подберезовиков – и домой. Никакого азарта.

Азарт появился, когда мы приплыли домой. Коваль как в воду глядел: ночью, пока мы занимались миротворчеством, в гости к Ковалю заглянули кабаны. Ущерб был невелик: проломленная изгородь и пара разоренных грядок. Рейд был разведочный.

Однако Коваль не сомневался, что ночью дикая свинина придет к нам снова.

Вот и развлечение, о котором я мечтал. Никогда не охотился на зверя с холодным оружием. Как-то в голову не приходило.

А что? Может получится занятно...

– Выпей, – Коваль протянул мне деревянную чашку.

– Это что? – спросил я, принимаясь. Варено в чашке доверия не внушало.

– Выпьешь – будешь видеть в темноте, как в сумерках.

– Уверен?

– Я же Коваль! – заявил он таким тоном, будто это все объясняло.

– И что?

– Пей, тебе говорят!

Однако понял, что не убедил. И сам отхлебнул из чашки. Даже не поморщился. Пробурчал: «Больно надо мне тебя травить...»

Тут уж и мне стало неудобно, и я выпил.

Ну и дрянь! Горло ожгло, будто чистого спирта хватил. Мухоморов он, что ли, туда крошил? Куд-десник!

Ладно. В оружии он понимает. Глядишь, и от зелья его не загнусь.

В засаду на кабанов нам предстояло отправиться вдвоем. Завертыш тоже просился, но его не взяли.

– Без вонючих управимся!

Это было правдой: воняло от холопа изрядно. Но вины Завертыша в этом не было. Его-таки обрили.

Бриться холоп не желал. Чтобы не вступать в дискуссии, Коваль треснул его кулачищем по башке (мужику бы боксом заниматься, имел бы шанс на

чемпионский пояс), вытряхнул из одежды (которую тут же отправил в костер) и передал отрубившегося клиента супруге. Вооруженная хорошо отточенным ножом Глушка выскоблила Завертыша наголо. Засим, взявши холопа под мышки, Коваль закинул его в озеро. Вопреки моим ожиданиям, Завертыш не утоп. И даже воды не нахлебался. В озере сразу очнулся. Вылез, мокрый и печальный, как выкупанный кот.

Однако холоповы страдания еще не закончились. Беспощадный Коваль сунул ему нож и велел выбрить также и интимные места, пригрозив:

– Ежели я брить буду, так не только шерсть остригу.

Но и на этом мучения бедняги не закончились. Побритые места вымазали дегтем и оставили несчастного дрожащего холопа еще на часок голышом. Еще час он оттирался песком и глиной (все это время белокурая бестия Быська над ним издевалась – однообразно, но обидно), однако все равно вонял. Женщины его даже в дом не пустили.

А уж в засаду его брать точно не стоило.

Оснастились мы изрядно. Коваль снабдил меня здоровенным копьем с поперечиной. Себе взял еще более здоровенное. И парочку копий покороче. Метательных. Коваль называл их сулицами. Еще он вооружился топором на длинной ручке. Другой топорик, полегче, достался мне. Еще мне был вручен лук с указанием в секача не стрелять.

Не стрелять так не стрелять. Я ожидал более подробных инструкций, но Коваль, вероятно, решил, что правила кабаньей охоты мне известны. Ну да, если верить летописям, у здешних воинов охота – любимое развлечение.

По фиг. После рубки с бандой Клыча что мне кабаны?

Глупая самонадеянность!

Глава двенадцатая,

в которой герой знакомится с его величеством диким вепрем

Коваль и впрямь не соврал. Зрение, на которое я и раньше не жаловался, после его «мухоморского» снадобья заметно улучшилось. А когда взошла луна, я стал видеть вообще замечательно. Будто прибор ночного видения надел. Мы засели перед изгородью. Я предложил устроиться внутри, но Коваль заявил, что этак сами навредим огороду больше, чем кабаны.

Любители свежих овощей не заставили себя ждать. Луна их не смущала, создаваемый шум – тоже.

Первыми появились две свинки. Каждая – размером с крупную собаку. И поперли прямо к пролому. За ними устремились зверушки помельче – поросята.

– Бей! – прошипел Коваль. И я схватился за лук.

Коваль меня опередил. Одна из сулиц нашла свинку.

Более истошного визга я в жизни не слышал. Хорошо, стрела уже ушла, иначе бы я непременно промахнулся. А так визжали уже дуэтом. Если свинка Коваля билась на земле, то моя дала деру. Второй стрелой я достал поросенка, третья...

Извини, Коваль, ты предупреждал, чтобы я не стрелял в секача. Потому что – бесполезно. Бессмысленно стрелять в таран. Но я все-таки выстрелил. Куда-то попал. И сразу отпрыгнул в сторону, потому что копье мое лежало в сторонке, а голыми руками живую торпеду не остановить. Кабан задел меня

боком, вскользь, но я отлетел метра на три и шмякнулся. Тут бы мне и конец, потому что клычищи у кабана были – как обдирные ножи. Спас Коваль. Ну и себя тоже, потому что кабан, снеся меня с трассы, летел прямо на него.

Когда я вскочил, они уже мерились: кто сильнее. И хотя Коваль упирался изо всех немаленьких сил, а у его противника в груди находилось сантиметров тридцать железа, сильнее все равно был кабан. С чудовищным басовитым (никогда не думал, что такое возможно) визгом кабан теснил кузнеца к изгороди.

Мне хватило секунды, чтобы понять, чем закончится противостояние. Изгородь не выдержит и повалится. Вместе с ней – Коваль... И Трушка станет вдовой.

Я еще думал, а ноги уже несли меня вперед. И топор взлетал над головой...

Хрясь!

Я толком не знал, куда бить, потому ударил по голове. Неправильный выбор. Лезвие снесло кабану кусок уха, а затем соскользнуло по щетине, не причинив никакого вреда. Зато кабан меня заметил. И попытался создать мне проблемы. Но не вышло. Копье не пустило.

Коваль что-то кричал, но за кабаньим визгом я его не расслышал. Хряснул еще раз, по хребту. Кабану стало неприятно, это точно. Но боевого духа он не утратил. Я рубанул еще раз, метя в то же место. Промахнулся. Кабан, хоть и подколотый, на месте не стоял. Хряп! В третий раз наконец получилось. Прилично получилось. Кабан просел на задние ноги и захрипел. Нет, он сдаваться не собирался. Продолжал загребать передними ногами. Но натиск его заметно ослаб. Я обрушил топор на кабаньей загривок. И еще раз. И еще. Я рубил его, как дерево. И ощущение было, как от дерева. Вдобавок – упругого дерева. Прощла, как мне показалось, целая вечность, пока железо восторжествовало над плотью.

Кабан окошел.

Я стоял, уронив руки. Даже вчера я не чувствовал себя таким опустошенным. Сил не осталось совсем. У Ковалья тоже. Он выпустил копье и, пыхтя, как спринтер после рывка, уселся на кабанью тушу. Я плюхнулся рядом.

Минут десять мы восстанавливали силы.

Потом Коваль уронил:

– Что ж ты его на копье не взял? Я ж тебе кричал.

Я пожал плечами.

– А, ладно, – отпустил мне грехи Коваль. – Все же ты его добил. Здоровый, зверюга! Чисто тур! – И с тяжким вздохом привел себя в вертикальное положение. – Пойду, чать позову. Надо сразу свежевать, пока теплые. Ты как?

– Притомился я что-то...

Покривил душой. Не умею я свежевать. Видел, как это делается. Но сам такую зверюгу – не возьмусь.

– Что ж, передохни, – разрешил Коваль. – Вижу: притомился. И то сказать: ты ему башку едва ль не напрочь отрубил.

Хорошо быть воином. Почет тебе и уважение. Работать не обязательно. Лучшая доля (в данном случае – потрясающе вкусный поросенок) – тоже твоя. Девки... О девках и говорить нечего. Недотрога Быська наконец-то мне торжественно отдалась. Если бы это случилось неделей раньше, я бы заценил. Но

после вчерашней ночи, после девушки нежной и невинной, Быська мне показала – не очень. То есть все было при ней: и молочная свежесть кожи, и жадность до этого дела, и сиськи приличного размера. Однако невинности не было (что меня, признаться, удивило), и с чувственностью были серьезные проблемы. Чистая физиология и механика. А я этого не любил и в *той* жизни, и в этой на подобное пошел бы разве что с сексуальной голодухи. Не люблю я, когда меня рассматривают как прибор для удовлетворения похоти. Да еще вдобавок преподносят это как некий драгоценный дар. Хуже только полная фригидность. Ей-богу, от жареного поросенка я получил больше удовольствия.

Быська, хоть и дурочка, а поняла, что я не в восторге. Решила – из-за того, что не девушка. И еще часа полтора рассказывала мне, как ее лишил невинности какой-то могучий волох (надо полагать, местный служитель культа) во время позапрошлого летнего солнцестояния. Романтичное было действие. Даже в косноязычном пересказе Быськи оно меня весьма впечатлило. Тут тебе и огни на озере, и волшебба изощренная (не поверю, пока сам не увижу). И даже прирученные волки (тоже не верю: был у моего знакомого волчок – всю квартиру сожрал, включая паркет, но так и не приручился), и запахи непередаваемые. То ли уловив мой скепсис, то ли по природной своей вредности решила меня заодно унижить. Дескать, у волоха стати раза в три побольше, чем у меня.

– Это как у козла, что ли? – наугад бросил я. Наугад, потому что понятия не имел, какая у козла удочка.

Быська же реально обиделась. Попыталась уползти на другой конец сеновала. Однако была поймана и попользована еще раз, грубо и с присущим моему времени искусством глубокого проникновения. Может, до козла-волоха мне и далеко, но определенные сложности при ходьбе у нее будут.

Как ни странно (всегда такому удивлялся), девушке понравилось. Мне – нет. Но подарок я ей утром все равно сделал. В моей доле Клычова наследства имелся серебряный браслетик-змейка. Вот его и подарил.

Счастье было столь бурным, что я забеспокоился: как бы Коваль не узнал о нашей интимной дружбе.

После завтрака выяснилось: Коваль знал. И не только знал, но даже дал дочери добро на совокупление.

– Твоя кровь – добрая, – польстил мне кузнец. – Трех воев побил быстрее, чем чашку сбитня выпить. В женки ты Быську точно не возьмешь, а коли родит девка от тебя мальчика – так и роду нашему прибыток будет. А серебра ей больше не дари. Не балуй. Лишнее есть – мне отдай! – И ухмыльнулся.

Вот такие, выходит, тут нравы... Экзотические.

А через неделю я от Ковалья ушел. Вернее, уплыл. Лодку взял Ковалеву – как раз Квашак на ней домой вернулся. Это плавсредство было поменьше, чем у Клыча, и попроще в управлении. Да и парус не заковыристый, а просто палка с тряпкой. Коваль против моего отбытия раньше уговоренного срока не возражал. Оно и понятно: работать я больше не работал (меня не то что не заставляли – даже не предлагали), а кушал хорошо.

Маршрут мне Коваль на куске шкуры сажей нарисовал.

К моему удивлению, он оказался неплохим рисовальщиком. Надеюсь, не попутал ничего. Впрочем, какая разница? Запасов мне нагрузили – на две

недели. А кончатся – лес меня точно прокормит. Да уж, неплохо я время провел. С прибытком. Пришел на хутор в чем мать родила, а ухожу в полном воинском облачении (Коваль обещание выполнил: Клычову кольчугу под меня подогнал и в качестве бонуса подарил лук, из которого я подсвинка застрелил), с полными карманами (вернее, поясом, карманов тут не придумали) драгметаллов, на собственном транспорте.

Я еще не знал, насколько переменчива госпожа Удача. Сегодня ты – с полными карманами и при оружии, а завтра – в драных штанах и с битой мордой. И так, может случиться, до самой смерти. То есть – пока не убьют.

**Глава тринадцатая,
которая начинается хорошо, а заканчивается, как и следовало
ожидать, совсем плохо**

Бескрайняя русская земля. Или еще не русская? Ну да ладно, все равно бескрайняя. Два дня я плыл по озеру, пока наконец не свернул на реку. Правда, я не торопился. Раза по два в день причаливал к бережку. Перекусить свежатинкой. Свежатинки вокруг бегало и летало – бей не хочу. Я и бил. То зайчика, то уточку. Рыбку ловил... Стрелами на мелководе. Сеть мне Коваль тоже презентовал, но так интереснее. Разок для разнообразия наловил раков. Очень не хватало хлебушка. Помнится, ржаной лепешкой (твердой, как фанера) меня угостили на хуторе Дубишка после битвы. У Ковалева запасы зерна кончились задолго до моего появления.

Ну да ладно, мы – непривередливые. Уху вот тоже без картошки лопать приходится. А грибной супчик – еще и без перловки. Морковкой меня, правда, снабдили. И репой.

Словом, плыл я три дня в гордом одиночестве – и заскучал. Я – человек общительный. Мне для душевного комфорта надо время от времени с кем-нибудь словом перекинуться... Так что, увидав под вечер бережок с черной тушкой лодки наподобие моей, обрадовался.

И причалил.

Ага! Похоже, гостей тут всегда встречают без дружелюбия.

Первыми на меня налетели собачки. Кудлатые такие кабысдохи, Ковалеву Снежку примерно по колено. Облаяли злобно.

Вслед за собачками появились хозяева. Двое – сразу, третий – чуть погодя. Бородатые такие, внушительные. С копьями наперевес.

– Здоровы будьте, добрые люди! – с широченной улыбкой крикнул я, демонстрируя пустые руки. – Не позволите ли на берег сойти?

– Кто таков? – без намека на улыбку поинтересовался самый волосатый.

– Путник. В город плыву. Из Ковалева хутора.

– Родич ему? – спросил «добрый человек».

Я покачал головой.

Бородища раздвинулась, явив крепкие зубы. Типа, улыбнулся.

– А лодка, вижу, его.

– Его, – согласился я. – Мы поменялись.

– Ага, – осмыслил информацию бородач. – Ну, пойдём в дом, что ли?

Я не стал спорить. Прихватил мешки с оружием и с припасами и двинулся.

По ходу отметил, что хоть старший и шел впереди, но двое других старательно меня пасли. Ну-ну, давайте. Я таких увальней косолапых и без меча, одной палкой успокою.

Старшего звали Первяк. Двух других последовательно: Вторяк и Третьяк. С фантазией у родителей было туговато.

Чтобы избежать иронического «ни кола ни двора», я представился Мыколой. А что, моего прапрадеда небось так и звали.

Усадьба была клоном хутора Ковалея. Только дом собран поглубее: бревна вкривь и вкось, на многих даже кора осталась.

Еще у братьев имелась кобылка. Мохноногое существо чуть крупнее осла. Но спина потертая, значит под седлом ходила. Кобылку я мимоходом приласкал: люблю лошадок.

Кроме братанов в семью входили три дамы разного возраста (одна с младенцем на руках), бабка (с виду суцая ведьма) и выводок детишек от двух до двенадцати.

Меня пригласили к столу. Да, изобилием здесь не пахло. Рыба да грибы. И простокваша в качестве выпить.

Я подумал: не предложить ли что-нибудь из своего мешка: детям витамины нужны, да и вяленая кабанятина – вещь хорошая. Но передумал. Как-то неуютно мне здесь было. Разглядывали меня братаны, будто покупать собирались. Не иначе прикидывали: а не выйдет ли из меня холопа? Не выйдет, парни, не надейтесь! Каждому я подарил по строгому взгляду: братаны потупились.

– Ты это, куда плывешь? – поинтересовался Вторяк. Я его запомнил по мусору в бороде.

– В город, я же говорил.

Это у него склероз ранний.

– Ага. А обратно когда?

– А что спрашиваешь?

– Дык это... – Вторяк явно растерялся. С чего бы, интересно?

– Может, прикупил бы нам холста локтей полста? – вмешался старший.

– Не получится, – я покачал головой. – Обратно я не вернусь.

Братья переглянулись. Похоже, мой ответ им понравился. Интересно, почему? Нет, не скажут.

– А в городе у тебя что, родня? Так, может, попросишь кого? Мы не обидим.

– Нет у меня в городе родни, – сказал я. – Придется вам самим сплавать. Разве далеко?

– Да не, близко, – сказал Первяк. – Так это, работы много.

Вот и поговорили.

Ужин закончился. Для мужской половины. Женщины и дети быстренько набросились на объедки, а мы, как велит традиция, покинули избу.

Смеркалось. Комарики с бодрой песней набросились на нас.

Третьяк пристроился отлить прямо у крыльца. Дикая люди. Сам я отошел к изгороди. Развязал шнурочек... Эх, красота! Деревья шумят, где-то соловей стает, воздух вкусный...

Вот в этом приятно-расслабленном состоянии я и получил дубиной по голове.

Очнулся, спеленатый как мумия, на земляном полу избы. Башка гудела. Неподалеку коварные братаны потрошили мое имущество. Рожи у всех троих были по-детски восторженные.

– Зря вы так, мужики, – прохрипел я. – Нехорошо это.

О, кажется, они смутились.

– Ты не думай, – сказал Первач, с восхищением пропуская меж пальцев кольчугу. – Мы не тати. Нам тебя чуры послали.

– Какие еще чуры? – поморщился я. «Чур тебя» – это я помню. А что значит, понятия не имею.

– Так он это, чужак, – заметил Третьяк. – Может, у них чуров и не чтят.

– Дурень! – Первач отвесил брату легонький подзатыльник. – Родичей усопших везде чтят. Как же это – своих не чтить? А кто тогда ото зла оборонит, ежели не твоя родня за Кромкой?

Ладно, с чурами разобрались. Вопрос: почему братаны решили, что я как-то связан с их покойничками?

Я и спросил.

Оказалось – ничего хорошего. То есть еще хуже, чем я предполагал. Намного хуже, чем банальный грабеж.

У братьев возникла проблема. Одному из них светило присоединиться к предкам. Путем непродолжительных расспросов я выяснил, что есть у них некий бог именем Сварог. О нем я слышал еще в своем времени, однако то, что ему приносили в жертву людишек, – было для меня новостью. То, что поставлять людишек на жертвенник должны были его, Свароговы, «дети», это более или менее понятно. А вот что подбирались кандидаты из Свароговой же паствы, это, блин, как-то... не по-родственному. Правда, приносилась такая жертва редко, по специальному указанию главного жреца и строго по жребью. Типа, гонца отправляли в богу-покровителю. Со списком жалоб и пожеланий.

На прошлом сборище Свароговых «детишек» этот самый жребий выпал на Вторяка.

Согласно традиции «гонца» можно было заменить. Аналогичным крепким (второсортный товар богу предлагать нельзя) мужиком. Холопов у семейки не имелось. Купить было не на что. В плен взять? Так все вокруг свои. На общем сборе такой пленник не прокатит. Еще и накажут.

И тут подвернулся я. Здоровый, безродный. Никто, кроме Ковалья, меня не знает. А Коваль на сварожское капище не ходит. Он с огненными духами знает, и бог у него – Хорс. То есть я – идеальный кандидат. Здоровый, толковый. Остается только ознакомить меня с нуждами аборигенов и отправить в горный мир для доклада.

Я оптимизма братанов не разделял.

– А может, все же холопа купите? Деньги у вас теперь есть.

– Не, – помотал кудлатой башкой Первач. – Не успеем. Время вышло. Завтра – жорево Сварогово.

Почему «жорево», я не спросил. Сам догадался. Жрец-жрать-жорево. Простая линейка. Одно неприятно: жорево это – я.

Глава четырнадцатая,

в которой героя подвергают тестированию на жертвопригодность

Дело Сварогово – мужское. Поэтому единственным существом женского пола в нашей экспедиции была кобылка. Если считать и ее, то на языческий праздник пресечения моей жизни мы отправились впятером. Братаны, малец лет десяти и я. В виде груза на кобылкиной спине. Малец был славный, вихрастый такой, белообрый... В отличие от мрачных братанов (кто был его папа-

шей, я так и не понял), пацанчик охотно со мной общался. Расспрашивал, кто я и откуда? Где добыл столь славные вещи? Я честно ответил, что взял в бою.

– Я тоже стану воином, – поведал мне парнишка. – Я из лука знаешь как бью!

Братья в нашу беседу не вмешивались. На каждом – по здоровенному мешку. Если это подарки Сварогу, то он неплохо живет, этот местный божок. И жрецам его будет что кинуть в котел в зимний период.

Лес сменился болотом, но братанов это не смутило. Топали как по сухому, только лапти в грязюке. Я на всякий случай старался запомнить приметы. Очень надеялся, что мне удастся удрать. Это же несправедливо, если такой парень, как я, будет зарезан во цвете лет какими-то дикарями.

Только эта надежда и придавала оптимизма.

Полночи я пытался избавиться от пут, но вязавший меня Первяк дело знал туго. Облом получился.

Кобылка время от времени косила на меня: как ты там, человек-мешок?

Я говорил ей что-нибудь ласковое.

Братьев я не осуждал. Если бы у меня была возможность в подобной ситуации подменить собственного брата кем-нибудь посторонним, не задумался бы ни на минуту. С другой стороны, если бы кто-то захотел прирезать моего брата ради отправления религиозного культа, мало бы ему не показалось. Но, как говорится, в чужой монастырь со своим уставом не ходят.

Впрочем, и я не иду. Меня везут.

Разок мы остановились, чтобы перекусить. Меня тоже накормили. С рук. Не развязывая. Разумная предосторожность. Когда человеку нечего терять, он способен на настоящий подвиг.

Приехали. Оп-па! Просто как на картине художника Рериха. Капище. Высоченный частокол, украшенный выбеленными солнцем черепами. Над частоколом торчит что-то черное. Типа деревянной башки. На башке – нечто блестящее.

На травке вокруг частокола паслись лошадки. Мирная такая картина. Мне развязали ноги (иначе с лошадки не снять), но тут же спутали по новой – уважают братаны. Опасаются.

Кобылку привязали к колышку там, где трава погуще, а меня, кряхтя и пыхтя, оттранспортировали внутрь. Внесли и с облегчением уронили наземь.

Я тут же извернулся и сел. Ага, тут, оказывается, не один бог, а целое божественное общество. Шесть кумиров поменьше выстроились кружком, а в центре – он. Несомненно, главный, любитель славянской кровушки! Здоровенная почерневшая от времени и грязи деревяшка высотой метра четыре. Прикид у идола был козырный. На конической башке – что-то вроде зубчатого диска желтого металла, весело блестевшего на солнце. Пониже, на шее, плавно переходящей в туловище, ожерелье из черепов. Человеческих. Думать о том, что на этих бусах есть место и для моего вместилища разума, было неприятно. Еще у идола имелся пояс. Похоже – тоже золотишко. Что ниже пояса, я не видел. Заслоняли местные жители, которых внутри капища было не менее сотни. А скорее – более.

Мною заинтересовались. Средних размеров серая собачка подошла ко мне

и обнюхала. Оставшийся при мне Третьяк попытался ее шугануть, но та в ответ показала зубки... Вернее, не зубки, а зубищи. Какая же это, блин, собачка? Натуральный волчара.

Я забеспокоился. Несмотря на скромные размеры, такой волчок был много опаснее немецкой овчарки. Я видел, на что способны эти клыки. Если зверюга сочтет меня подходящим для перекуса...

Не сочла. Улеглась рядом и задремала.

Народу все прибавлялось. Но особой тесноты не ощущалось: внутри культового сооружения было довольно просторно.

Ага, это, кажется, ко мне. Первак, Вторяк, пара зверовидных мужиков под два метра росточком и весьма импозантный дед. Дед, несомненно, был здесь главным. Высоченный, широкий, в звериных шкурах с ног до головы. И не жарко ему? На голове, кстати, имелось уменьшенное подобие идола венца: золотая корона шипами наружу. А уж в самих волосах чего только не было: настоящая выставка экологически чистых амулетов. И в завершение – здоровенный посох, увенчанный таким же желтым шипастым колесиком.

В других условиях я бы, пожалуй, заценил колоритного дедушку, но сейчас слишком нервничал.

Волчок проснулся, вскочил и начал ластиться к служителю культа. Тот принял – как должное.

Дедушка приблизился. Черт, от него исходила такая плотная аура недоброй силы, что мне немедленно захотелось развязаться и дернуть подальше. А лучше треснуть его чем-нибудь тяжелым.

Эх, мечты, мечты!

Дедушка с достоинством присел на корточки. Глянул мне в глаза... Сразу захотелось отвести взгляд: глазки у дедушки были, мягко говоря, страшноватые. Но терять мне было нечего, поэтому я ответил ему таким же суровым взглядом... Не знаю, сколько мы играли в гляделки (показалось – целую вечность), не знаю, что там углядел в моих зрачках грозный дедушка... Но что-то углядел, потому что выпрямился и сказал звучным таким, красивым (ему бы в церковном хоре петь) басом:

– Этот богу негод!

Давно не слышал более приятных слов!

Первак попытался что-то вякнуть, но дедушка зыркнул – и злодей осекся.

Вторяк сообразил, чем пахнет, и попятился... Недалеко. Уперся в грудь одного из здоровяков. Дедушка ухватил Вторяка за бороду и заглянул ему в глаза.

Несколько секунд – и напряженный трясущийся Вторяк успокоился, даже как-то обмяк.

Нехило. А дедок-то – гипнотизер!

Не исключено, что меня отвергли именно из-за того, что я не загипнотизировался. Впрочем, неважно. Главное – отвергли. Сердце так и прыгало от счастья. Нет, рано расслабляться. Еще не вечер. Могучий дед шепнул что-то одному из зверовидных, показал на меня. Здоровяк взял меня за шкуру (как щенка, честное слово) и понес (не поволок, а именно понес) на выход.

Народ перед ним почтительно расступался. Серенький волчок трусил рядом, время от времени забега вперёд и обнюхивая мои сапоги.

Меня вынесли наружу и неуважительно швырнули на землю.

– Эй, а развязать? – крикнул я вслед здоровяку.

Тот не отреагировал. Ушел. Меня порадовало, что волчок потрусил следом. Его интерес к моей персоне вполне мог оказаться гастрономическим.

Внутрь частокола заходили опоздавшие. С мешками, со спутанными овечками на плечах. В некоторых мешках шевелилось. Похрюкивало, кудахтало. Роскошный планировался пир. Меня «богомольцы» игнорировали. Типа, если лежит под забором связанный мужик, значит, так и надо.

Прошло примерно полчаса. Солнце поднялось в зенит. И внутри началось. Запели. Красиво, кстати. Мощно и выразительно. Я аж заслушался. Пение между тем становилось все бодрее: этаким грозный хор не менее чем сотни луженых глоток. Нет, они не орали, а именно пели. Да так, что пробирало до костей. Казалось, даже земля вибрирует, отвечая. Настоящая магия. То, что я слышал в наших церквях, было бледным подобием этого inferнального звука. Волосы у меня на загривке встали дыбом. Еще чуть-чуть – и я бы запел вместе с ними. Без слов. Одним только изначальным первобытным звуком...

С невероятным трудом я вырвался из пут древнеславянского колдовства. Не то у меня положение, чтобы гимны языческие распевать. Слишком велика вероятность, что двое оставшихся братиков меня ничтоже сумняшеся прирежут и скинут в болото. Инстинкт самосохранения окончательно изгнал чары и обострил интеллект... И я обнаружил очевидную оплошность братанов. Связали-то мне ноги поверх сапог. И не так тщательно, как обычно. Спешили. Я активно заелозил ногами, и через несколько минут сапоги с ремнями оказались отдельно. Жаль, я не ниндзя. Эти, если верить фильмам, умеют протиснуться между собственными связанными руками, перегрызть зубами ремни и обрести желанную свободу. Зубы у меня в порядке, но гибкости для подобной гимнастики не хватает.

Сапог жаль, но придется ими пожертвовать. Равно как и портянками, оставшимися внутри. Никогда не пробовали натягивать сапоги со связанными за спиной руками? Попробуйте. Уверен: окружающие изрядно повеселятся.

Я встал. На лужке – одни лошади. Весь народ сосредоточился внутри. Вот и славно.

«Свою» лошадку я нашел без проблем. Вышиб ногой колышек, кое-как взгромоздился в седло. Кобылка не протестовала: стояла смирно и покорно. Все-таки хорошо, что кони здесь такие мелкие. Будь она сантиметров на тридцать выше – и задача стала бы невыполнимой.

Взгромоздился, зубами выбрал веревку, чтобы колышек не цеплялся, и легонько поддал пятками.

Нет, эта кобылка – просто прелесть. Не задавая лишних вопросов, показала хвост капищу и потрусила прочь. Так уверенно, что я сразу понял: едем домой. Вернее, к усадьбе братанов.

Дорогу лошадка знала намного лучше меня, потому я заботился лишь о том, чтобы не свалиться наземь.

Часа через два я увидел в лесу просвет. Лошадка заметно оживилась и с шага перешла на рысь.

Ворота были открыты. Мы въехали внутрь. Доившая мелкую коровенку бабка выпучила глаза.

Я соскользнул наземь. Счастливая кобылка устремилась к конюшне. А сообразившая, что происходит явно неправильное, бабка прервала свой общественно полезный труд, завопила, призывая на помощь, и, подхватив кривой деревянный предмет, видимо коромысло, кинулась в бой.

Я поступил негуманно. Очень стыдно бить старую женщину. В прошлой жизни я бы за такое любому руки оборвал. Но выбора у меня, к сожалению, не было. То есть был – оказаться с раскрытой головой. Этот вариант меня категорически не устраивал, потому я уклонился от коромысла и бережно, со всей возможной аккуратностью тюкнул ступней в морщинистый подбородок. Бабка уронила «оружие» и села на землю.

– Прости, бабуля, – сказал я. – Надеюсь, я ничего не повредил.

И устремился в дом. Очень хотелось, чтобы там никого не было. Чертовски не люблю бить женщин. Бог меня услышал. Внутри пусто. Зато – о радость! – я увидел воткнутый в стену нож. Нет, сегодня мне определенно везет. Я мигом развернулся спиной и принялся перепиливать ремни. Нож был тупой, а я очень старался не порезаться, потому процесс освобождения занял минут пять. Но я все равно успел вовремя. То есть как раз к тому моменту, когда в избу ворвались две родственницы братанов. Да не с голыми руками, а вооруженные. У одной – коса, у другой – серп. Вместе с ними, истошно твякая, обе шавки.

Это было по-настоящему опасно. Руки у меня порядком онемели и держать что-то были не в состоянии. А серп и коса в привычных руках – страшнейшее оружие.

– Спокойно, спокойно... – попросил я, вытягивая вперед руки, кистей которых не чувствовал.

Как бы не так. Без лишних слов обе устремились ко мне. Ну почему в этом мире все такие агрессивные?

Я попятился, оставляя между нами стол и лавки. «Загонщицы» тут же разделились, обходя с двух сторон. Руки закололо тысячами игл. Ощущение крайне неприятное, но представить невозможно, как я ему обрадовался. Еще минутку бы... Я уже и ухват присмотрел – для обороны.

Не получилось. Храбрые крестьянки бросились в бой. Я сместился к той, у которой коса. Длинномерное оружие менее пригодно к использованию в стесненных условиях.

Женщина махнула косой. Профессионально так махнула. Если бы я не увернулся... Но я увернулся, и коса воткнулась в стену. Выдернуть ее бедняжка не успела. Я ударил ее плечом, отбросив на лавку, и прорвался к двери. Одна из шавок в припадке безумной храбрости бросилась мне наперерез, и я с огромным удовольствием пнул ее под брюхо, выкинув из избы.

Свобода! Теперь меня могут гонять хоть полчаса. Но – не будут. Сцепив зубы (больно же!), я поднял коромысло. Сидевшая на земле бабка попыталась воспрепятствовать, но я шикнул – и старушечья лапка отдернулась.

На горизонте появилась третья родственница братьев. Без оружия, но с дитем. И стайка ребятишек.

Я развернулся к избе. Вовремя. Две мои противницы готовы были кинуться в битву... Но одумались. Надо полагать, вид у меня был достаточно грозный, чтобы охладить их пыл.

Я пару раз крутанул коромысло в руке (заодно и кисть размял) и предупре-

дил:

– Не надо меня злить! Недавно я убил троих. Это были воины с оружием. Вас я не убью. Если будете меня слушаться. Поняли?

Коса и серп опустились.

– Ты! – Я указал на ту, что постарше. – Где мое добро?

Глава пятнадцатая,

в которой справедливость торжествует, а порок остается при своих

Не знали они, где мое схищенное имущество. Может, и знали, но заставить Их сказать я не мог. Мне даже кричать на женщин при детишках было неудобно. Я обшарил избу, но нашел только свои съестные припасы. Перекусил на ходу. Вся эта орава глядела на меня как на бешеного тигру. Но взглядами мой аппетит не перебьешь.

Наверху, под потолочными балками, я нашел копыя. И пару топоров в сенах. И то хлеб.

Заперев плененное семейство в избе – это оказалось несложно, только дверь снаружи подпереть – я отправился на бережок. Лодка была в порядке. Даже заботливо вытащена на песок. Правда, все ценное выгребли. Ну ладно. Придется подождать возвращения братанов.

Под вечер я выпустил бабу помоложе (ту, что атаковала меня с серпом) – покормить и подоить скотину. Под моим присмотром, само собой. Баба косилась на меня опасно. Не иначе думала: изнасилую. Но насилие над женщинами противоречило моим нравственным принципам. Да и баба мне не очень нравилась. Запущенная какая-то.

Вместо принудительного секса я потребовал козьего молочка. Закусил куском медовых сот. Хорошо!

В этот день братья так и не появились. Пришлось мне «пасти» их семейства еще сутки.

На сей раз я ограничил их свободу двором. Уж не знаю, что бы стал делать, кинься они врассыпную.

Братья (их осталось двое – Вторяка точно в расход пустили) появились ближе к вечеру. Я углядел их издалека и быстренько загнал семейство в избу – чтобы под ногами не путались.

Еще издали братаны стали орать, призывая родичей и грозя разными карами за то, что мало наработали.

Я дождался, пока они войдут во двор, и вышел навстречу. С копьём.

Кажется, они удивились. А ведь можно было догадаться, обнаружив мои сапоги (которые они, как выяснилось позже, прихватили с собой), и отсутствие кобылки.

Удивились, но почему-то решили, что численное преимущество им это самое преимущество дает. И схватились за топоры.

Мне понадобилось меньше минуты, чтобы топоры оказались отдельно от братьев, а сами братья – в состоянии нокаута. Чистое избиение младенцев. Однако эти младенцы меня ограбили и приволокли на казнь. Жалости у меня к ним не было ни на грош.

Я их связал и проверил похудевшие вещмешки. К моей немалой радости, там обнаружили мои сапоги. С портянками. Я с удовольствием обулся. Кроме сапог, единственной ценностью в мешках оказалась серебряная фигурка

непонятного пола. Ее я тоже приватизировал. Затем вернулся к очухавшимся братикам и немного их побуцкал. Без членовредительства. Просто чтобы выявить слабое звено. Им, к моему удивлению, оказался старший.

Вот у него-то я и поинтересовался, где мое добро.

Не тут-то было. Жадность сразу прибавила Перваку мужества.

Что же, на этот случай у меня был припасен еще один аргумент.

Я сходил в избу (перепуганные домочадцы шарахнулись, как от маньяка-убийцы), набрал в печке угольков и очень скоро во дворе весело полыхал костерок.

Братья глядели на мои приготовления с большой опаской... Которая сменилась паническим ужасом, когда я, содрав с обоих рубахи, привязал голубчиков к забору и сунул в огонь наконечник копья.

О-о! Они очень хорошо знали, что сейчас будет. И нисколько не сомневались в моей решимости.

Именно на это я и рассчитывал. Честно говоря, я вряд ли смог бы их пытать.

Но, когда я, со словами: «Начнем, пожалуй, с тебя, для начала глазик...» – поднес раскаленное железо к носу Первака, тот забился, как убивец на электрическом стуле, и раскололся. «До самой жопы», как говаривал один мой знакомый, старший следователь прокуратуры.

Через десять минут я уже цеплял к поясу, набитому серебром и золотом, мой славный меч.

Кроме моего добра в схоронке обнаружилось несколько железяк и вполне приличный бронзовый шлем. Его я тоже прихватил. В качестве контрибуции. На этом все. Грабить братанов я не собирался. У них все-таки детишки.

Все добро я отнес в лодку и только после этого отпер дверь в избу.

– Прощайте, девчонки! – бросил я в темноту и покинул «гостеприимное» обшество.

Темнело на глазах, а мне еще место для ночевки искать.

Глава шестнадцатая, в которой герой прибывает в город по имени Город

Город стоял на озере. При слиянии двух рек, по одной из которых приплыл я. Место было выбрано умело и со вкусом. Красивое место. Сказать того же о городе у меня язык бы не повернулся. В строениях преобладал черный цвет. Черный и серый. Довольно высокий зубчатый частокол окружал поселение со всех сторон. Поверх можно было видеть крыши – в большинстве соломенные. Исключение – несколько домов покрупнее и терем-теремок с прилепившейся к нему вышкой. На манер минарета – к мечети. Но у этой деревянной башни были явно другие функции, потому что больше всего она напоминала наблюдательную. На вышке что-то металлически посверкивало. Надо полагать, дзорный. Со стороны озера наблюдались причалы. Немного. Гораздо меньше, чем судов, одно из которых выглядело точь-в-точь как корабли викингов, именуемые драккары[7]. Образцы этих древних чудовищ я видел в музее Осло.

Вокруг города имелась обитаемая зона, больше всего напоминавшая разросшийся дачный кооператив. В отдалении я заметил еще один городок – поменьше. Но тоже – за частоколом. Да, беспокойная тут жизнь, если все вот так отгораживаются.

К причалам я подходить не стал. Встал у берега рядом с такими же лодка-

ми, выволок свое плавсредство на песок. Надеюсь, не сопут. На берегу кипела жизнь. Кто-то выгружал пойманную рыбу, кто-то уже к ней приценивался. Бабы стирали белье, а чуть в стороне другие бабы черпали воду кожаными ведрами. На меня косились, но не заговаривали.

Свое немногочисленное имущество я сложил в заплечный мешок, надел кольчугу, повесил на плечо лук в налуче и двинулся знакомиться с местной цивилизацией. Ворота, крепкие, скрепленные железными полосами, дубовые, судя по всему, были гостеприимно распахнуты. Туда-сюда сновал разномастный люд. В створе, опершись на длинные копыя, скучали двое. На каждом – шлем и куртень с нашитыми бляшками. На спине щит. На привратных башенках я заметил еще двоих. Эти тоже бдили. Надо полагать, осуществляли стрелковое прикрытие.

Навстречу протопали трое могучих бородачей в пластинчатых панцирях, с мечами и топорами на поясах. Стражу высокомерно проигнорировали, а на меня глянули оценивающе. Нет, скорее вызывающе. Вызова я не принял. Никогда не провоцирую незнакомых людей без необходимости. Троица ухмыльнулась, одинаково пренебрежительно, и протопала мимо. Нет, не протопала. Уж топаньем их шаг никак нельзя было назвать. Двигались они мягко, немного враскачку. Ни на что вроде бы не глядели, но при этом контролировали все вокруг. Этакая расслабленная готовность крупных хищников, способных в любой момент реализоваться взрывной атакой. Я оглянулся и увидел, что грозная тройка направляется к причалу с драккаром. Почему-то меня это не удивило. Драккар, кстати, готовился к отплытию. На него грузили бочонки и копченые туши.

Стражники окинули меня оценивающими взглядами:

– Кто таков, откель? – спросил один из них. Вежливо, впрочем.

– Издалека, – уклончиво ответил я. – Мыкола Ляков.

– Из Ляков? – переспросил стражник и посмотрел на приятеля: слышал о таких местах?

– Может, из Ляхов? – уточнил тот.

– Нет, из Ляков, – не согласился я. Мало ли где эти Ляхи... Поймают на самозванстве.

Тут взгляд стражника остановился на мече... и сразу стал подозрительным.

– А это где взял?

– Купил, – отрезал я.

Но стражник не сдавался:

– У кого купил?

– Да из ваших, – я улыбнулся подружелюбнее. – Назвался Клычом.

– Тоже скажешь – из наших, – пренебрежительно буркнул стражник.

– Платить за вход надо чего? – поинтересовался я.

– Нет, – ответил первый. – Торговать ты, вижу, не будешь, нечем. А так – иди свободно. Но запомни: у нас тут строго. Лучше не балуй!

– Да я тихий, – улыбнулся я еще шире, упорно игнорируя подозрительный взгляд второго. – Остановиться где посоветуете?

– Ежели ты человек не бедный, то постоянный двор Тиши Коробца тебе подойдет. Пока прямо иди, а потом спросишь. Любой подскажет.

– Еще вопрос. Я лодку на берегу оставил. Не пропадет?

– У нас чужого не берут, вой! – с вызовом бросил второй. – А у вас?

– И у нас, – не раздумывая, соврал я. Там, откуда я прибыл, даже книгу на скамейке оставить нельзя. – Но есть земли, где – не так.

Тут к воротам подъехала доверху груженная телега, и стражники переключились на нее.

А я прошел в ворота. Надо же, а частокोल-то многорядный. Я насчитал в глубину аж четыре кола толщиной вполметра каждый. Серьезно ребята приготовились. Значит, есть к чему. Ну ладно, это пока не мои проблемы.

Глава семнадцатая, в которой герой опять оказывается в обидном положении

Отыскать названный кабак не составило труда. Хозяин мне понравился – услужливый и расторопный. Но еще больше мне понравилось, как тут пахло. А пахло здесь настоящей домашней свежесваренной пищей. Ох как я истосковался по горячему! Запах мясного супчика меня просто покорило. Я выхлебал целую плошку, заедая горячей (мечты сбываются!) лепешкой. Сlopал изрядный кус разваренной говядины, запил все это двумя пинтами совсем неплохого пива и почувствовал себя совершенно счастливым.

К сожалению, ненадолго.

Я как раз намеревался заказать еще кувшинчик, когда появились *они*. Двое плечистых, рослых пареньков в сверкающих шлемах с копьями наперевес. Третий воин был помельче – примерно моего размера и телосложения, но его экипировка была выше всяких похвал. Вороненую кольчужку из старательно подогнанных колец перехватывал широкий пояс с серебряными и золотыми (!) бляшками. На поясе имелся меч с красным камнем на оголовье, в небедных ножнах, и длинный нож в обшитом бисерными узорами чехле. Шлем «норманнского» типа, то есть круглый, с «очками», был сдвинут на затылок, и одного взгляда на эту надменную рожу хватало, чтобы понять, кто тут главный. Если на лицах здоровенных недорослей растительность только пробивалась, то у этого наличествовала аккуратно подстриженная бородка и заплетенные в косички усы. Глаза этого типа мне как-то сразу не понравились. Заглянешь в них разок и сразу понимаешь: этому молодцу человека убить – как мне пива выпить.

Цепкий недобрый взгляд косичкоусого сходу отметил лежащие на лавке мой шлем и меч. Кивок головы – один из молодых сорвался с места и цапнул мой меч. Я мог бы ему помешать, но воздержался. Положение было стратегически невыгодным, и еще я не питал ни тени сомнения, что ребятки эти со мной церемониться не станут. Будут бить на поражение. А я себе такой роскоши позволить не могу, потому что они явно – при исполнении, а я никто и звать никак.

Парень подал меч старшему. Косичкоусый изучил оружие, и взгляд его стал еще более недружелюбным. А меч мой этот гад прицепил к себе на пояс, рядом с кинжалом.

– Князь Водимир хочет тебя видеть, – довел он до меня распоряжение начальства. Неохотно так, через губу. По лицу читалось: была б его воля, он бы меня прямо тут и кончил.

Я встал, нацепил на голову шлем. Не под мышкой же его нести.

– Заплати, – процедил золотопоясный.

Мне очень не хотелось распускать пояс при этой братии, но пришлось. При виде моих богатств молодые оживились. А вот у старшего ни один мускул не

дрогнул.

– Пошел!

К моему удивлению, мы двинулись прочь из города. Меня явно конвоировали. Молодые шли чуть позади, оцетинившись копьями. Косичкоусый вышагивал первым, но я готов поклясться, что он затылком чуял каждое мое движение, и, пожелай я воткнуть ему нож в спину, точно не получилось бы.

Я и не пытался, хотя ножа у меня не отобрали. И лука тоже. А ведь явно профессионалы. Должны знать, что даже без тетивы лук может стать оружием. Крепкое гибкое древко... Хотя, конечно, против меча в умелых руках – не очень эффективно.

Мы покинули город и по хорошо утрамбованной дороге направились к тому городку, который я заметил утром.

Он оказался маленьким фортком. Солидные деревянные стены, внутри – двор, оборудованный для тренировок личного состава (чем этот состав, кстати, и занимался), казармы, конюшни, складские помещения и само собой – штаб. Вернее, резиденция местного владыки.

Князь Водимир не заставил себя ждать.

Немолодой уже, но по виду довольно крепкий мужик, разодетый как павлин, с гривой волос, поверх которых красовалась сияющая драгоценностями шапочка вроде тубетейки.

Был он, само собой, не в одиночестве. Вокруг – человек десять бойцов с такими же раззолоченными поясами, как у косичкоусого.

– Подойди, – властно скомандовал князь.

Я подошел. Водимир оглядел меня с головы до ног, особо остановившись на кольчуге. Потом перевел взгляд на командира группы захвата. Ничего не сказал, но тот понял без слов.

– Меч Главы, – сообщил он. – Точно его.

– Кольчуга тоже его, – под нос, будто сам себе, проговорил князь. И уже мне: – Что скажешь, чужин?

– О чем? – вежливо спросил я.

Водимир нахмурился:

– Где ты взял зброю моего дружинника Главы?

– Я не знал, что это оружие твоего дружинника, – честно ответил я.

– Отвечай! – рыкнул князь.

– Я... купил их, – сказал я.

– У кого?

– Он назвался Клычом, – соврал я.

И совершил первую, очень важную ошибку. Надо было сказать правду. Сказать, что убил Клыча и взял кольчугу и меч как добычу. Добыча – это святое. Как право чиновника брать взятки. Основа здешнего воинского бизнеса. К примеру, забрали разбойнички товары у купца. А храбрые дружинники – отбили. Должны ли они вернуть имущество прежнему владельцу? Да с какой стати! Он сам его профукал. Что с воза упало, то пропало. А храбрые дружинники подобрали. Рискуя жизнью, между прочим. Посему все взятое мечом – собственность хозяина меча. Если кто-то другой, тоже с мечом, не отнимет. Правда, за убийство честного человека надо платить немалые деньги. И еще – кровная месть.

Но разбойник – вне закона. Так что скажи я правду – и был бы весь в шоко-

ладе. Конечно, князь не поверил бы мне на слово, послал за свидетелями.

Но свидетели, пусть и далеко, однако были. И наверняка подтвердили бы мою версию, тем узаконив мое право владеть собственностью дружинника Главы. Покойного, надо полагать.

Но я совсем не знал местных обычаев. И облажался.

– Раздевайся, – процедил князь.

– Зачем?

Вызвать его, что ли, на поединок?

Глупый вопрос. Глупая мысль. Вокруг – с десятков вооруженных людей. Стоят грамотно – и дистанцию соблюдают, и атаковать в любой момент могут. А чуть в стороне я вдобавок углядел двух стрелков с поднятыми луками. Стрелы наложены. Остается только натянуть и отпустить тетиву.

Кстати, это только в глупых фильмах стрелки стоят с натянутыми тетивами. Полный идиотизм. Все равно как если бы штангист перед рывком держал штангу не на полу, а на вытянутых руках. Кто сомневается, может поддержать внатяг обычный спортивный лук хотя бы полминуты. А ведь боевой – вдвое мощнее. Да и зачем держать тетиву внатяг? Меткость обеспечивают твердость левой руки и правильная стойка.

Стойки у этих стрелков были правильные, а руки тверды, как железные штанги.

Так что вопросы здесь, к сожалению, задаю не я. И здесь не чемпионат по фехтованию, а грубая средневековая реальность.

Пришлось раздеваться.

Очень унижительная процедура. Но эти сволочи как раз и хотели меня унижить. И заставили снять все.

Я стоял в чем мать родила, кипел от бешенства, но изо всех сил держал себя в руках. Понимал, что князь – в своем праве. Праве сильного. Мог бы и убить, если б захотел.

– Теперь пошел прочь! – рявкнул Водимир.

И я пошел. Под гогот дружинников – к воротам. Больше всего мне хотелось бы кого-нибудь вздуть. Желательно – самого князя. То, что это несбыточная мечта, я отлично понимал. Тем обиднее.

Может, из-за этой обиды я сделал еще одну ошибку. Уже в воротах повернулся и, перекрывая гогот весельчаков, гаркнул во все горло:

– Эй, князь! Водимир! Я еще вернусь! И ты очень пожалеешь о том, что меня ограбил!

Хохот смолк, как отрезало.

Водимир нахмурился... Но тут же сообразил, как сохранить лицо, усмехнулся и кивнул двум парням, что сопровождали меня от корчмы.

– Ну-ка поучите чужина вежливости!

Отроки, как борзые, сорвались с места и кинулись ко мне. Тут уж и я сообразил, что зря распустил язык. Даже если мне и удастся совладать с ними – голышом, то остальная братия вряд ли отнесется к этому равнодушно. Лучше уж быть просто голым, чем голым и избитым.

И я побежал. Славная дружина князя Водимира проводила меня мерзким гоготом.

Так, блин, весело, когда голый мужик, петляя (а вдруг стрельнут?) как заяц, скачет по дороге. Ухохочешься!

Ну, хрен с вами, золотые рыбки! Будь я на вашем месте, я бы тоже, наверное, смеялся. А на своем...

Что ж, бегал я неплохо. Парни – тоже. Но им было труднее: доспехи, оружие.

Хотя железо им не особо мешало. Чувствовалось, марш-броски здесь в почете. Осознав, что быстро не догнать, мои борзые побежали ровно и экономно. Я тоже особо не налегал. Старался лишь не подпускать их на расстояние копеечного броска. Оглядываться перестал – достаточно слуха. Теперь у меня две задачи: не повредить ногу обо что-нибудь острое и подыскать предмет, подходящий для самообороны. А торопиться некуда: чем дальше мы будем от «военного городка», тем лучше.

Дорога вела в город, но возвращаться туда не стоило. У ворот – тоже стража. Да и народ... разный. Поэтому я свернул в огороды. Бежал наугад, петляя между изгородями, ныряя в щели и перемахивая через заборы. Меня многократно облаяли и обругали. Пару раз пытались укусить и приложить каким-нибудь тяжелым предметом. Кому понравится, если его родной участок топчет голожопый незнакомец?

Дружинники Водимира от меня отставали максимум метров на пятьдесят. Проворные мальчишки.

Наконец я нашел то, что искал. Примерно двухметровый шест, которым какой-то абориген подпер веревку с бельем. Я выдернул шест на ходу и проверил. Подходяще. Не трухлявый, не сучковатый. Теперь следовало выбрать место для битвы. Простор – вот что главное. Ага, вот подходящий лужок. Правда, на нем коровки пасутся, но я сходу прикинул и запомнил диспозицию, включая размещение коровьих лепешек.

И остановился.

Преследователи, подбежав, тоже остановились. Дурацких вопросов, вроде устал я или нет, задавать не стали. И так ясно. Дышал я ровно, как спящая девушка. Они, впрочем, тоже. Могли еще бегать и бегать.

Разойтись подобру-поздорову я не предложил. У меня сейчас были другие потребности. И потребности эти были размещены на двух дюжих молодых организмах.

Ого, какие мы деликатные! Оба хлопца дружно развернули копья черенами вперед. Добрые какие! Убивать не будем, только вздуем слегка...

Дальнейшее заняло около минуты. Когда они поняли, что я превосхожу их классом, было уже поздно пить боржом.

Я их тоже не стал убивать. Накидал по голениям, чтобы снизить подвижность (в корпус бесполезно, доспехи), и поработал по верхнему уровню. Приложил пару раз по головамкам. Шлемы – это, конечно, хорошо, но от тычка в подбородок или в переносицу не уберегли.

Вот теперь заживем, подумал я, присаживаясь около того, что поменьше ростом.

«Зажить» не получилось. Первая стрела с чмоком ударила в землю примерно в полуметре. Вторая вжикнула над головой. А вот третья вполне могла бы проделать во мне дырочку, если бы я не отпрыгнул. Проклятье! Я совсем забыл о привратной страже. И о стрелках, которые на стенах. Ну ни хрена себе! Здесь же добрых триста метров! У них, правда, запас высоты... Мне, однако, тоже повезло. Боялись ребята попасть в своих дружков. В общем, прощай мод-

ный армейский прикид!

Все это я думал уже после того, как укрылся за сараем.

Еще я подумал: надо что-то предпринимать. Остаться в этом мирном городке – вредно для здоровья. Удирать обратно в лес? Тоже как-то не хочется. Голый человек на голой земле. Не люблю я, когда история повторяется. Особенно моя.

Выход нашелся. Авантюрный донельзя. Рискованный, как поход в клетку с тигром. Но – как раз по мне. Чи мы не козаки?

Глава восемнадцатая, в которой герой показывает, на что он способен, и получает новые штаны

Что толкнуло меня на эту безумную авантюру? А хрен его знает. Отчаяние, наверное. Или тяга к самоубийству. Как иначе можно объяснить, что грязный босой бродяга в драных портках, снятых с огородного чучела, полез на борт самого красивого корабля в городском порту?

Разве тем, что я всегда неплохо относился к скандинавам. Бывал и в Норвегии, и в Дании, а в Швецию приезжал, считай, чуть ли не каждый год.

Там, на острове Готланд, в городе Висбю, летом регулярно устраивался исторический фестиваль. Место было выбрано превосходно. Окруженный крепостными стенами «старый город» и без того впечатлял, а когда его «насеяли» сотни, если не тысячи, людей в исторических костюмах, это было незабываемое зрелище. Рыцарские турниры, старинные кабачки, где кормили «историческими» кушаньями и поили «историческими» напитками. Лавочки, где продавались всевозможные предметы старины, одежда, утварь... Все было восстановлено так скрупулезно, что можно было купить даже старинную «фармацевтику»: травки, настойки, сушеные крылышки летучей мыши... Но главное – оружие. И по вполне умеренным ценам. В прошлом году я, например, прикупил неизвестно как оказавшуюся на лотке оригинальную броню французского кирасира времен Наполеоновских войн. Немного помятую, но мне же в коллекцию, а не воевать. И еще артиллерийский палаш восемнадцатого века. Все – подлинное и такое, что приятно подержать в руках. Впрочем, купил я и новодел. Очень эффектный «бастард», по виду – века четырнадцатого. Что новодел, было бы понятно любому мало-мальски неглупому человеку. Не может такой раритет стоить жалкие пять тысяч евро. И пусть меч был умело «состарен», но мне достаточно было взглянуть на режущие кромки, чтобы понять: приваривали их на вполне современном оборудовании. Да и заточка отнюдь не старинная. Хорошо хоть у изготовителей хватило скромности не вытравливать на клинке значок какого-нибудь авторитетного средневекового мастера.

– Что-то не похож он на раритет, – сказал я, деликатно дав возможность продавцу сбавить цену.

– Рукоять новая, – не воспользовался паренек моей помощью. – Старая истлела. Сколько веков прошло!

Я взял клинок в руки. Ага, баланс тоже хромает. Ребята сделали точную копию средневекового образца, но вот беда: их металл оказался не таким плотным, как тот. А может, долы слишком глубокие выбрали...

– Веков, говоришь? – задумчиво проговорил я. – А узоры зачем вытравливали? Не слыхал я о такой средневековой технологии.

– Это не вытравлено! – попытался возражать молодой мошенник. – Это так ковали. Брали несколько...

– Заткнись, – сказал я невежливо и положил меч на прилавок.

Диспутировать я не собирался. Но меч был мне нужен. У меня имелась негласная договоренность с начальником нашей таможни: он пропускает все, что я везу, но один предмет оставляет себе. Точь-в-точь как в анекдоте об его коллеге, который, заглядывая в чужой чемодан, говорит владельцу: «Давайте, гражданин, определимся: что тут ваше, а что – мое».

К счастью, таможенный начальник разобрался в оружии как сорока в драгоценностях. Тащил самое блестящее. Эффектный «бастард» – самое то. Увидит – сразу слюну пустит.

– Значит, так, дорогой друг, – сказал я парню. – Или ты называешь настоящую цену – или я звоню в полицию.

У нас в России номер бы не прокатил. Но в цивилизованных странах, где полиция охраняет закон, а не ищет, где бабла по-легкому срубить, перспектива у парня была аховая.

– Тысяча, – пробормотал он упавшим голосом.

– Крон? – усмехнулся я.

– Имейте совесть, мистер!

Сошлись на восьмистах. Нормально. Думаю, паренек даже заработал пару сотен. Надо было ему лучше разбираться в людях. Не стал бы жулить, получил бы тысячу.

Однако уверяю вас: этот парнишка – исключение. Мои настоящие друзья и знакомые в Скандинавии – просто замечательные люди, честные, дружелюбные. Правда, большинство из них – либо фехтовальщики, либо оружейники. А самое главное – живут в двадцать первом веке, а не в маховом Средневековье.

Этот скандинав дружелюбным не был.

– Куда лезешь, трэль[8]?

И попытался спихнуть меня обратно на мостки. Этого я позволить не мог.

Уклонившись от его клешни, перемахнул через борт и оказался на палубе. Здесь было людно. И все занимались своим делом. Однако, увидев постороннего, каждый счел своим долгом его сцапать.

Я не дался. Увернулся от пары-тройки ловцов и прорвался на корму, где очень солидный викинг беседовал с другим, еще более солидным.

– Выслушай меня, конунг! – крикнул я по-шведски.

Самый солидный махнул рукой. Золотые браслеты звякнули. Ловившие меня викинги остановились.

– Что ты хочешь?

– Хочу служить тебе!

– Дальше.

– Я умею мечом и копьем. Хорошо умею. Проверь!

– Почему ты... – последнего слова я не понял. Все же мои познания в шведском были весьма ограничены. А та неизвестная сила, которая позаботилась, чтобы я понимал древнеславянский, не потрудилась сделать меня полиглотом.

– Прости, конунг. Я не понял.

– Я – не конунг, – викинг усмехнулся краем рта – правый ус слегка приподнялся. – Но – буду. Если Один прежде не заберет меня к себе.

Так он сказал или примерно так. Но общий смысл я уловил.

– Ты – словенин?

– Да.

– Я могу говорить на твоём языке, – сказал ярл. – Трувор!

Вперед выдвинулся плечистый викинг лет тридцати. Подбородок у него был выбрит, зато усы свешивались на добрых десять сантиметров. Серьезный человек. Я бы не хотел с таким поссориться.

– Переводи для тех, кто не понимает по вашему. Я спросил: человек, почему ты голый?

– Я не был голым ещё сегодня утром, – ответил я. – Трое ваших видели меня, когда я входил в город. Могут подтвердить.

Трувор перевел.

– Повернись к людям, – велел ярл.

Я послушно повернулся.

Тут же кто-то с задних рядов крикнул:

– Я помню его! Он был вооружен как воин!

– Если ты воин, почему позволил себя ограбить? – с легким презрением произнес ярл.

– Я один не мог биться со всей дружиной Водимира, – мрачно пробормотал я. Вспоминать о позоре не хотелось. – К тому же там были стрелки...

– Это князь Водимир отнял у тебя оружие и одежду?

– И серебро с золотом тоже.

– Почему?

– Потому что ему так захотелось. Потому что я – чужой здесь. И я один.

– Ты хочешь ему отомстить?

– Хочу! – искренне ответил я. – Но что я могу один? Только глупо умереть! И кто тогда отомстит Водимиру?

– Ты пришел ко мне искать справедливости? – Ярл прищурился. Вопрос был с подвохом.

– Нет, – ответил я, немного подумав.

Все-таки искушение было немалое. Возмущенный ропот викингов, поднявшийся после того, как Трувор перевел мои слова, показывал, что они – на моей стороне.

– Я верю, что ты справедлив. Но это мое дело. Когда-нибудь мы сочтемся.

– Хорошо, – ярл кивнул одобрительно. – Я не стану ссориться с Водимиром. Здесь хорошая торговля. Даже лучше, чем в Альдейгье. Допустим, ты не врешь. Как твоё имя?

– Волк! – ляпнул я первое, что пришло в голову. Вроде викинги уважают этого зверя.

– Ульф, – перевел Трувор.

– Возьми меня, ярл! Я знаю, с какой стороны держать меч!

– Это лишь слова, – заметил ярл. – Ты ловок, я видел. Но этого мало.

– Проверь меня!

Вот он, момент истины!

– Хорошо, – кивнул ярл. За моей спиной оживленно загомонили викинги. Предвкушали шоу.

– Стюрмир!

Вперед протолкался мордovorот ростом под метр девяносто. Косая сажень в плечах – это тоже про него. Рыжая борода Стюрмира была заплетена в косицы, изрядно засалившиеся. А руки по толщине могли вполне сравняться с моими ногами.

– Будешь с ним драться, – распорядился ярл.

– Я не буду с ним драться, – Стюрмир ощерился. – Я буду его убивать!

И потянул меч из богато изукрашенных ножен.

Я приготовился к почти невозможному: поединку безоружного с опытным мечником на ограниченном пространстве. Да при таких габаритах этот тролль меня голыми руками пополам разорвет.

Но ярл все же не собирался меня казнить.

– погоди! Дайте Ульфу меч. И оба возьмите щиты.

– Мне щит не нужен, – быстро ответил я.

Зачем мне щит? Моя сильная сторона – быстрота.

К тому же этот здоровяк шутя развалит любой щит. Такими-то ручищами.

– Будете биться до смерти, – предупредил ярл.

– Мне довольно меча.

– Как хочешь, – не стал возражать ярл. – Начали!

Старина Стюрмир не стал проверять мои возможности. Взревел, аки бык, и ринулся в атаку, тесня меня щитом в борту и рубя мечом безыскусно, зато мощно. Остановить его у меня не было никаких шансов, поэтому я просто ускользнул, мимоходом ударив его собственным мечом по ноге. Плашмя. Хотя Стюрмир, по-моему, этого хлопка даже не заметил.

Зрители взвыли.

Стюрмир развернулся и погнал меня к противоположному борту. Я опять вывернулся со стороны щита и шлепнул его – на этот раз по заднице. Вот это Стюрмир почувствовал, потому что я ударил с разворота и от души.

Но на его действиях это никак не сказалось – кипящий адреналин заблокировал болевые рецепторы. Нормальное явление. Со мной тоже так бывало.

Третий проход поперек палубы. Надо кончать это представление. В отличие от Стюрмира, которому бой на палубе – привычное занятие, для меня все эти тюки и скамьи – опаснейшие препятствия. Если я споткнусь или отступлю слишком далеко, он меня точно прикончит. Просто раздавит, как носорог – суслика.

Третий уход. На этот раз викинг меня почти достал. Врезал на развороте щитом так, что я едва не полетел на палубу. В последний момент интуитивно подпрыгнул и принял щит ногой, а не плечом. В свое время я неплохо отработал этот прием, но тогда был в обуви, а не босиком. Получилось – больно. Но и это намного лучше, чем умереть.

Отбросило меня на скамьи, но достаточно далеко от Стюрмира, чтобы я успел спрыгнуть и набрать дистанцию.

А он опять понесся на меня, как бык на тореадора. Хорошее сравнение. Обнадеживающее. Как тореадор, я ждал его до самого последнего момента, делая вид, будто наконец готов дать отпор... Но в самый последний миг все-таки улизнул. «Бык» с сопением пронесся мимо, а я развернулся элегантно фуэтэ, или как там это называется, и хорошенько треснул «быка» мечом по затылку. Опять плашмя, но достаточно сильно, чтобы любой нормальный человек от-

рубился. Меч все-таки железный. И не такой уж легкий.

Стюрмир не отрубился. Мотнул разок косматой башкой и пошел на новый заход.

– Довольно!

Хороший голос у ярла. Зычный. Даже Стюрмир услышал и затормозил.

– Он достал тебя три раза, – сообщил ярл. Трувор великодушно перевел для меня. – Ты мертв, Стюрмир! Ульф, почему ты его не убил?

– Он – хороший воин, – ответил я. – Такой никогда не будет лишним в бою. Если он на твоей стороне.

А еще я не люблю убивать. Но об этом лучше помалкивать.

Трувор перевел. Викинги одобрительно загомонили. До сих пор все их симпатии, естественно, были на стороне своего. Сейчас и мне немного перепало.

– Хороший, – согласился ярл. – Ты тоже неплох.

– Да, – глупо отрицать очевидное.

– Ты довольно уродлив, – заметил ярл. («С чего это вдруг?» – удивленно подумал я.) – Черен, как купец из Микльгарда[9] Но многие мои люди – не красавцы. Мое имя – Хрёрек. Хрёрек-ярл, – наконец представился он. – Может быть, я возьму тебя в хирд[10]. Позже. Когда ты покажешь себя в настоящем бою. И еще: оружия я тебе не дам. Ты возьмешь его сам. В бою. Зато я дам тебе одежду, чтобы ты не замерз. И пищу, чтобы ты не помер с голоду. И денег за это я с тебя не возьму, потому что у тебя ничего нет. Когда будут, тогда и отдашь. А сейчас иди работай. Твое место – на четвертом руме слева. Поглядим, как ты умеешь грести.

Глава девятнадцатая, которая начинается вполне мирно, а заканчивается безобразной резней

Кожаные штаны – замечательная вещь. Особенно когда ты целый день елозишь задницей по деревяхе. Орудовать веслом оказалось намного труднее, чем мечом. Тем более, мы сидели близко от носа, а здесь весла были длиннее и тяжелее, чем другие. Ну да я – парень крепкий. И напарник у меня был хороший. Трувор. Видя мою неподготовленность – ну и старание, само собой, – он принял на себя добрых три четверти тяговой силы. По-моему, при необходимости он мог бы и вовсе обходиться без моей помощи. Большинство викингов орудовали веслами в одиночку и без особого напряжения.

Еще под скамьей был мой ящик-сундучок – для личного имущества, которого у меня пока не было.

К счастью, грести мне приходилось не круглые сутки. На драккаре имелось четырнадцать пар весел, а народу – под сто человек. Так что работали в три смены. Гребли все, кроме кормчего, даже сам ярл. Все было демократично.

Теснота на драккаре царила невообразимая. Не столько из-за людей, сколько из-за множества мешков, кип, бочонков и прочего имущества. И это притом, что наиболее ценные товары были упрятаны под палубу.

Этнический состав экипажа отличался разнообразием. Здесь были даны-датчане, норегии-норвежцы, десяток свеев-шведов и даже четверо эстов, державшихся обособленной кучкой. Варягов на корабле было одиннадцать человек. Трувор – за главного. Над всеми, кроме кормчего Ольбарда. Кормчий – это круто. Круче только сам ярл. Зато Трувор приходился Хрёреку родичем. Четвероюродным: двоюродная сестра его матери была Хрёрековой бабушкой.

Вроде дальнее родство, но здесь, как я понял, даже сильно разбавленная общая кровь имела немалое значение. Трувор называл ярла братом, и тот относился к этому положительно.

Узнал я кое-что и о варягах. Это было славянское племя, обосновавшееся на южном берегу Балтики и занимавшееся примерно тем же, чем и их более северные соседи. Пасли коз, разводили свиней, возделывали землю... Но главные доходы получали от торговли и грабежа.

Предводитель варягов взял надо мной негласное шефство. Я говорю не о физической защите – дисциплина на драккаре была идеальная. Викинги даже голос друг на друга повышали редко. А если кто-то начинал бычить, одного взгляда ярла или кормчего Ольбарда хватало, чтобы горлопан заткнулся.

Оно и понятно. В тесноте невольно становишься раздражительным. А несдержанность в такой компании неминуемо приведет к потасовке... И кровопролитию. Даже учитывая то, что большая часть оружия хранилась в специальных ящиках. Полагаю, причиной этого была не опасность его боевого применения против своих, а желание уберечь железо от воды.

Если представлялась возможность, вечером мы приставали к берегу.

Несколько хирдманнов отправлялись с луками за свежатиной. Остальные тоже не бездельничали: бегали, плавали, боролись... Словом, разминали ноги, как могли. «Кухонная команда» занималась приготовлением пищи. На свет извлекали пару пятиведерных котлов, устанавливали на треноги и варили что-то вроде густой похлебки. Эта работа требовала специальных навыков и крепких мускулов: мешалось варево штуковиной, похожей на половину весла от байдарки.

Масштабы вполне оправданные: любой бородач из команды Хрёрека был способен умять полный шлем этакого варева и добавки попросить.

Озеро мы миновали довольно быстро и в основном под парусом. Затем вошли в реку, которую Трувор назвал Ольховой. Что тоже было понятно: ольховых зарослей на берегах хватало. Однако я произвел нехитрое дополнение, и из Ольховой легко получился Волхов[11]. Очень может быть. Еще я помнил, что на Волхове стоит, вернее, будет стоять Новгород. Может, Город и есть Новгород? Хотя нет, не похоже. Новгород-то на Волхове, а тот населенный пункт на противоположном берегу озера. О, вспомнил: озеро это Ильмень называется. Во! Не такой уж я неуч в отечественной географии.

В устье Волхова тоже, кстати, имелось какое-то поселение, но не город, это точно.

Волхов вообще река неширокая, а местами и вовсе труднопроходимая. В сложных ситуациях за рулевое весло садился Трувор, а Ольбард взбирался на носовую фигуру (что-то грознозубастое с гривой), съемную, кстати (в Городе мы стояли без нее), выглядывал мели и давал команды рулевому. А мы отдыхали.

Отдыхали мы и когда дул попутный ветер. Парус у драккара был белый, вернее, грязно-белый, и на нем ярким красным пятном выделялся поднявший крылья сокол – герб Хрёрека-ярла.

Попадались и пороги. Пару раз нам даже пришлось разгрузить драккар, чтобы уменьшить осадку. К счастью, Ольбард отлично знал фарватер, и пока мы шли без осложнений.

Понемногу я втянулся, и Трувору больше не нужно было впахивать за дво-

их.

Варяг, кстати, оказался замечательным мужиком: спокойным, толковым, дружелюбным. Он терпеливо загружал в мой мозг правила поведения в здешнем обществе, подсказывал, как что делать и куда класть. А главное, чего не следует делать ни в коем случае. Например, обсуждать приказы старших по званию. В общем, я естественно влился в компанию варягов. В ней все говорили по-русски, вернее, по-словенски. Меня приняли вполне доброжелательно, а когда я рассказал пару-тройку адаптированных под местные реалии анекдотов, последний ледок между нами растаял.

С чувством юмора у викингов дело обстояло отлично. Порой между ними затевались настоящие состязания: кто кого поизощреннее обзовет. Но – без обид. Каждый точно знал меру дозволенного. В ходу также было безудержное хвастовство. Особенно среди скандинавов. Послушать их, так каждый мог одним ударом слона поперек разрубить. Или – двух. Но вранье и похвальба, как я понял, тоже были своего рода искусством. Здесь вообще очень ценили рассказчиков и прочих мастеров слова. Несколько викингов считали записными певцами и все время уговаривали петь. Они, впрочем, не отказывались. Кстати, это очень взбадривало при гребле. Намного лучше, чем барабан. Мощный ритмичный напев работал примерно как строевая песня. Временами к запевале присоединялись другие, и тогда песня превращалась в грозный рев, от которого на берегу взлетали птицы. Слова у песен были примитивнейшие, мотив – тоже. Если он был. Но разве в мелодии дело?

Плыли мы к городу, который скандинавы называли Альдейгьей и который оказался той самой русской Ладогой, или Старой Ладогой, которую наш президент (разумеется – в той жизни) назвал столицей Древней Руси в пику отошедшему к Украине Киеву.

Вот я и сориентировался в пространстве. Поселок Ладога стоял на одноименном озере. Из него вытекала Нева, по которой можно было выйти в Балтийское море.

Наше спокойное плавание продолжалось примерно две недели (календаря я не вел) и закончилось, когда кто-то из носовых углядел впереди полосатый парус.

Это был корабль совсем другого типа, чем наш драккар. Значительно шире, и борта, пожалуй, повыше. И весел у него, насколько я мог судить, было поменьше. Ветер дул нам в нос, поэтому мы сидели на веслах, а его гребцы наслаждались отдыхом.

– А-а-а! – радостно завопил впередсмотрящий, матерый викинг по прозвищу Два Зуба. – Ярл! Да пожрут меня инейстые великаны, если это не кнорр[12] Торстейна Детоубийцы!

– Ха! – рявкнул Хрёрек. – Благодарю тебя, Один! Клянусь, когда придем в Альдейгью, самая жирная телка – твоя!

– Почему детоубийца? – вполголоса спросил я у Трувора.

– Лет семь назад он скупил по дешевке два десятка детишек у полабов. Хотел привести в Упсалу и отдать жрецам для жертвы Одину. Но не довез – все перемерли. Видно, кормил плохо. Торстейн – кровник наш. Позапрошлой весной он и его люди убили в Хедебю троих наших. И сбежали. Но, как видишь,

удача все-таки оказалась на нашей стороне.

– Разворачивается, сын шлюхи! – заорал Два Зуба. – Струсил, пожиратель падали!

Кнорр и впрямь поспешно менял курс. Полосатый парус упал.

– Свободная смена – на румы! – крикнул Хрёрек.

Мы с Трувором поспешно освободили скамьи. Свежие гребцы взялись за весла. На этот раз на каждом руме было по паре гребцов... И драккар полетел!

Весла двигались со скоростью лапок многоножки, вода шипела и пенилась. Мы развили узлов десять, не меньше. У пузатого кнорра не было никаких шансов.

Трувор и Хрёрек открыли ящики с оружием. Викинги поспешно вооружались... А мне не дали ничего. Или тут все по спискам?

Тут я вспомнил, что сказал Хрёрек: «Оружия я тебе не дам. Ты возьмешь его сам. В бою».

Ладно, как-нибудь выкрутимся.

– Смена! – рявкнул ярл, и мы снова сели за весла, чтобы дать возможность вооружиться остальным.

Я греб изо всех сил, но успевал завистливо коситься на Трувора. Вот кто экипирован отменно. Шлем с кольчужным тыльником, панцирь явно штучной работы, на правой руке – наруч, два меча на поясе, за поясом топор, запас метательных ножей...

– А-а-а! – дружно взревели викинги. Мы настигали. Свободные разбирали щиты. По распоряжению Трувора, я тоже снял щит, который висел на борту и приготовился нас прикрывать. Со стороны противника прилетели первые стрелы. Правда, почти не опасные, на излете.

Щит, кстати, был довольно интересно раскрашен. С внешней стороны – круглый глаз, центром которого был бронзовый умбон – выпуклая бляха посередине. Край разделен на красные и синие поля, в каждом из которых начертана руна. Изнутри щит зачем-то был выкрашен в белое.

Наши лучники тоже не бездельничали. Бодро защелкали тетивы.

Я мало что видел, поскольку всю панораму заслоняли спины передних гребцов и столпившиеся на носу.

– Суши весла! – заревел кормчий.

Трувор задрал весло. Драккар шел по инерции, но довольно быстро. И вдруг я увидел, как спереди надвигается корма кнорра. Мы догнали! И сразу – вжик! – в мой щит ударила пущенная навесом стрела. Я даже успел увидеть лучника. Но второй раз он выстрелить не успел. Кто-то из наших метнул копье, и стрелка не стало. Скорости кнорра и нашего корабля почти сравнялись. Вражеский борт был примерно на полметра повыше, и вдоль него уже выстроилась «комиссия по встрече».

Трувор уронил весло на борт кнорра и вскочил.

Два Зуба первым скочил на борт и... опрокинулся на палубу, забившись в судорогах. Из его груди торчало вражеское копье...

И точно такое же копье летело в меня!

Я вскинул щит, но меня опередил Трувор. Варяг рванулся вперед, играючи перехватил опасный снаряд и послал обратно. Тот, в кого он целил, принял копье щитом, но удар был так силен, что бойца швырнуло назад.

– На-ка! – Трувор сунул мне свой топор. – Вперед не лезь, безбронный!

Варяг вскочил на скамью, легко, будто и не было на нем добрых двадцати килограммов железа, сиганул на борт, оттуда на весло, толкнулся и с нечеловеческим рыком: «Перу-ун!!!» – еще на лету выхватывая мечи, вспрыгнул на борт кнорра.

Он не был первым – несколькими секундами раньше то же проделали еще человек двадцать наших. И сразу в воздух взвились канаты с «кошками». Стальные крючья намертво впивались в борт кнорра, соединяя корабли в одно целое. Викингам Торстейна было не до того, чтобы их выдерживать, – их уже связали боем.

Воздух наполнился лязгом, грохотом и безумными воплями.

Я, следуя совету Трувора, выждал с минуту и тоже полез на кнорр. Получилось не так лихо, как у викингов, но я все же оттолкнулся от весла (оно неплохо спружинило) и вспрыгнул на борт кнорра без помощи рук.

Звериный рев предупредил меня об опасности. На меня несся упакованный в железо здоровяк с копьём наперевес. Рожи не разобрать: шлем скрывал его до рта, то есть – до свалывшейся бородачи, но я вмиг сообразил, что это не может быть кто-то из наших. Эти-то уж точно меня узнали бы: героя, вступившего в бой в полотняной рубашечке вместо доброй брони. Хирдманн Детоубийцы направил свое здоровенное копьё прямо мне в лицо, однако в последний миг сместил его вниз – в направлении живота. Мне, впрочем, было без разницы. Я уклонился вправо и рубанул сбоку в шею, рассчитывая, что мой топорик все же пробьет железную сетку. Может, и пробил бы, но викинг вздернул плечо и принял удар на широкую выпуклую пластину наплечника. И ловко отпрыгнул влево, разворачиваясь и набирая дистанцию.

Однако мигом раньше я успел ухватиться за кольчужный тыльник его шлема. Ноги мои оторвались от палубы. Меня мотнуло, как бульдога, вцепившегося в ухо буйволу, зато я оказался у здоровяка за спиной и тут же изо всех сил пнул его в сгиб колена. Лучше бы – топором, но я боялся не успеть. Хотя и ногой получилось неплохо. Равновесие он потерял, а поскольку я все еще висел у него на тыльнике, то викинг и голову запрокинул. Я рубанул его через собственную руку, пониже края шлема. То есть – прямо в рот. Страшная рана, но он не сдался, даже попытался прикрыться щитом. Безуспешно. Я добавил еще разок – и разрубил какую-то важную артерию. Кровь хлынула фонтаном. Все. Я разжал пальцы, и умирающий повалился на доски. Рубаха, пропитанная кровью, прилипла к телу, но мне было по фиг. Черт возьми, я, кажется, становлюсь профессиональным убийцей! Плевать на рубаху! Главное, что на поясе моего противника оказались ножны, а в них – меч. Выдернул его (тяжеловат, но сойдет) я очень вовремя. Еще два головореза мчались на меня. Вернее, не на меня, а к месту общей рубки у мачты. Мне просто «повезло» оказаться у них на дороге.

Я сдвинулся к борту, выстраивая их в линию, но это оказалось ни к чему. Наверное, они решили, что я – легкая добыча. И разделились. Один помчался дальше, а второй остался разбираться со мной. Ну давай, грозный воин, попробуй!

Этот был с мечом и щитом. И в открытом шлеме. Даже не в шлеме, а круглой кожаной шапке, на которую крест-накрест были нашиты стальные полосы. Совсем молодой. И не очень умелый. Рубанул меня прямолинейно, без финта, без обманного выпада – как барана на бойне. Только я ведь не баран.

Три секунды – и храбрый парень сидит на палубе, изо всех сил пытаюсь зажать ладонью рану на шее и с ужасом глядя на меня. Добивать я его не стал, огляделся.

Расклад – явно в нашу пользу. Корма кнорра уже свободна. Бой шел в середине, у мачты, и, кажется, на носу. Я поискал знакомых: ага, вон Ольбард. Дерется, стоя на скамье. Тоже с двумя мечами, как и Трувор. Интересная, однако, техника. Левый меч в основном для парирования и коротких выпадов, а правый – для длинных сокрушительных ударов. Я поймал как раз тот момент, когда Ольбард левым сбил в сторону щит противника, а правым нанес длинный мощный удар в бок. Наверняка прорубил и броню, и ребра.

Все. Несколько секунд, и рекогносцировка закончена. Я сразу понял, где нужен. Проскочивший мимо викинг теперь орудовал в тылу у наших и как раз зарубил кого-то ударом сзади.

Пора остановить негодяя. Я бросился вперед, но тут взгляд упал на копьё моей первой жертвы. Ага, самое то. Я сунул топорик за пояс, перехватил меч в левую руку, а правой поднял тяжеленное оружие убийства...

Этот гад как раз прицелился подрубить поджилки одному из наших, когда я с разбега воткнул копьем ему в спину. На вороге была хорошая бронь, но такой удар выдержал бы разве что толедский доспех. Да и то исключительно за счет обтекаемых форм. Наконечник пробил злодея насквозь и уперся в грудную часть панциря. Нанизанное на копьё тело бросило на того самого парня, которому он намеревался подрубить ноги. Это оказался один из варягов, кажется, его звали Руад. Он развернулся в полной готовности рубить на капусту, мгновенно сообразил, что произошло («тормоза» здесь долго не живут), осклабился одобрительно и вернулся к прерванному занятию: попытке достать кого-нибудь из ворогов копьем через головы первого ряда.

Больше мне делать было нечего. наших с самого начала было вдвое больше, а теперь образовался и вовсе сокрушительный перевес.

Дело затягивалось (как я выяснил позже) лишь потому, что Хрёрек приказал захватить Торстейна живьем.

Недруг ярла отбивался изо всех сил, но в конце концов его зажали щитами и повязали.

Глава двадцатая, в которой хирд Хрёрека делит плоды победы, а герой получает официальный статус

Победа была знатная. Из команды кнорра (сорок девять человек) в плен взяли шестерых, включая подрезанного мной парня, который все-таки ухитрился остановить кровь. Думаю, он не стал бы этого делать, знай, что ждет впереди.

Взяли весь товар, который Торстейн вез на продажу. Там были ткани, посуда, моржовые бивни и много всякой всячины, например, камня, который местные называли «мыльным», и канатов из моржовых и тюленьих шкур. Самым ценным почему-то сочли емкость из зеленого стекла, в которой было примерно поллитра белого вещества, похожего на жир. Трувор объяснил мне, что добывают его из головы большого хищного кита и в некоем Микльгарде за эту субстанцию дают очень много золота.

наших погибло трое. Двое были тяжело ранены (одного, сочтенного безнадежным, Хрёрек прирезал прямо на поле боя) и еще с десятков – легко.

Кнорр и драккар вытащили на низкий берег. Пока младшие занимались заготовкой древесины (для погребального костра, как выяснилось), старшие разбирались с товарами и пленниками. По непонятной мне причине Хрёрек выделил одного из них. Этого отпустили.

С остальными поступили очень жестоко. Даже описывать это не хочу. Особенно страшно пытали Торстайна.

Мне было приятно, что варяги смотрели на эти издевательства без одобрения.

– У нас другие обычаи, – ответил на мой вопрос Трувор. – Наш бог – Перун Молниерукий, а не Отец Лжи.

Отцом Лжи, как выяснилось, называли Одина. Однако Одина именовали также и Отцом Воинов. Каждый выбирал, что нравится.

Наших погибших уложили на громадную кучу дров. Туда же покидали и связанных, полумертвых пленников.

Затем всю конструкцию подожгли. Надеюсь, пленники задохлись в дыму раньше, чем до них добрался огонь.

Когда пламя начало угасать, Хрёрек скомандовал торжественное построение, ткнул пальцем в мою сторону и поинтересовался, что думаю по моему поводу храброе воинство.

Воинство думало позитивно. Меня хвалили. Сначала Трувор. Потом Руад сообщил, что я спас ему жизнь. Затем сам ярл поведал народу, что я лично уложил двух врагов и вывел из строя третьего. Откуда он узнал, понятия не имею. Но я и после замечал, что Хрёрек в бою видит каждую мелочь. Может, он – волшебник? Излагал ярл, кстати, очень поэтично. Я уже достаточно натыркался в языке, чтобы оценить.

Потом последовал вопрос: считает ли меня храброе воинство достойным вступить в их ряды?

Воинство дружно заорало, что считает.

Хрёрек обнял меня и поставил рядом. А сам вызвал освобожденного пленника. Последний оказался выходцем из некоего Тродхейма или типа того. То же скандинавом, разумеется. Назвался Сигвадом. К Торстейну этот счастливчик примкнул уже в Ладогe. Сигвад приплыл туда на собственном корабле, однако повздорил с тремя местными и убил всех троих. На вергельд[13] ушли все его товары и корабль, на котором он приплыл. Осталось только оружие и немного денег. Из Ладоги Сигваду следовало бежать – и быстро, потому что выплата вергельда не отменяла кровной мести, у всех убитых же были весьма влиятельные родственники. Вот так он и нанялся на кнорр Торстейна. Тот забрал у Сигвада все оставшиеся деньги, но взамен пообещал долю в прибыли. Это было, как я понял, обычной практикой.

– Перед нами он чист! – заявил Хрёрек. – В Хедебю его не было! А сражается неплохо. Думаю, он нам пригодится. Что скажете, люди?

На этот раз не столь единодушно, как в случае со мной, но кандидата все же одобрили.

Затем, под бодрое потрескивание погребального костра и вонь горелого мяса, начался чрезвычайно важный и весьма торжественный обряд: принятие нас с Сигвадом в вольную дружину ярла Хрёрека.

Не стану вдаваться подробности, скажу только, что порядок вступления в

запорожские козаки (Горилку пьешь? В Бога веруешь? А ну перекрестись!) мне бы понравился куда больше. Да и жрать хотелось, честно говоря. Наконец, все закончилось. Хрёрек торжественно вручил мне мною же добытый меч, я по очереди обнялся со всеми викингами, распил с народом братину пива, после чего ярл пальцем начертал на наших с Сигвадом лбах знак тейваз [14] – руну воина, долженствующую укрепить стойкость и храбрость в бою. И провозгласил, что я теперь – его хирдманн, то есть полноценный член ватаги, посему мне отныне полагается беспрекословно подчиняться старшим, рубить, кого скажут, уважать соратников, как братьев, и выказывать чудеса доблести на поле битвы. За это мне полагалась одна доля добычи (если общество не решит иначе) и возможность при необходимости получить поддержку хирда и лично Хрёрека-ярла. Все это очень походило на те родовые правила, которые мне в свое время излагал Коваль. То есть, по местным понятиям, я больше не был сиротой. И «семья» у меня была такая, что всем моим недругам лучше сразу перейти на другую сторону улицы. Это радовало.

Вот так я стал дренгом. То есть младшим воином хирда. Меня устраивало. Я в генералы не стремлюсь.

Потом мы наконец сели кушать. Вернее, пировать. Ярл не поскупился: выкатил пива (из трофеев), которое отлично пошло под свежую дичь и вяленую рыбку.

Когда первый голод был утолен, руководство принялось делить добычу. Все уже было скрупулезно пересчитано в соответствии с денежным (вернее, серебряным) эквивалентом, выделена доля в общак и определены товары, которые в дележку пока не войдут, потому что их надо сначала продать. Сам захваченный кнорр становился коллективной собственностью, но если кто-то, по желанию или необходимости, должен был покинуть компанию, то ему выделялась доля в соответствии с рыночной стоимостью кнорра на текущий момент. Все эти бухгалтерские выкладки были мне совершенно неинтересны, но, к моему удивлению, все викинги, даже самые тупые, слушали очень внимательно, постоянно что-то уточняли, оспаривали, и Ольбарду, который на правах кормчего заведовал казной, приходилось отвечать, убеждать и даже наезжать авторитетом на особо упрямых.

Каждый простой викинг имел одну долю. Командиры вроде Трувора (они назывались – хольды) – две. Кормчий – три. Сам ярл получал львиный кусок: каждый рум драккара соответствовал одной доле. Драккар был собственностью ярла и стоил немало. Да, в случае, если викинг выказывал какую-то особенную доблесть, ему добавляли еще долю. Или лично ярл делал подарок. В прошлом бою особо выдающихся не было. Это понятно: чтобы как-то выделиться на фоне этих безбашенных храбрецов, требовалось совершить что-то невозможное.

Меня дележка не касалась. На момент битвы с Торстейном я еще не был полноправным членом общества. Однако...

Однако это давало мне и кое-какие бонусы. Например, имущество убитых мною лично, один на один, ворогов не вносилось в общий котел, а отходило непосредственно мне.

Мне достались очень приличные наборы доспехов: два добротных, чешуйка к чешуйке, панциря (оба, к сожалению, были велики); два щита, на одном из которых, кстати, красовалась руна *тейваз*; пара «очковых» шлемов, причем

один – с кольчужным тыльником и «воротником»; пара боевых поясов со всеми нужными кармашками и множеством мелких полезных вещей. И с деньгами, кстати. Каждый из убитых носил при себе некоторую сумму (остальное, как потом пояснил Трувор, хранилось у казначея) и украшений. То есть я «приобрел» три серебряных браслета общим весом граммов двести и золотую цепку граммов на пятьдесят. Из наступательного вооружения мне достались два меча неплохойковки, пара топоров, копье, явно для меня слишком тяжелое, пяток метательных ножей, нож простой и один полноценный кинжал, похоже, арабской работы. Ну и еще много чего – по мелочи. Досталось мне также и имущество принесенного в жертву парнишки. Сначала я к нему отнесся пренебрежительно (даже меч – примитивная кое-как закаленная железяка), но Трувор меня переубедил. Сказал, что за эту «железяку» мне любой кузнец охотно заделает (да еще и приплатит) дыру, пробитую мною в панцире, когда тот еще не был моей собственностью.

На следующий день, пока половина викингов выгоняла похмелье, а вторая бездельничала, мы с ним пошли к Ольбарду, который принял на хранение все, что нужно, поменял один из мечей на более легкий – и ничуть не хуже (второй я решил оставить), подарил вместо подкольчужника толстую фуфайку, на которую целый панцирь лег почти прилично, и выдал объемистый кожаный мешок с завязками, куда я должен был сложить свое личное оружие (ножи и кинжалы – не в счет), когда мы находились в походе и без перспектив подраться.

Я набрался наглости и попросил научить меня обоерукому бою. Ольбард прищурился испытующе, потом хмыкнул и кивнул на Трувора:

– Он научит.

– Научу, – подтвердил тот. – Хоть сейчас. Пойдем?

И мы пошли.

Глава двадцать первая, в которой герой прибывает в Старую Ладогу, которая в это время ещё далеко не стара, и знакомится с местным князем Гостомыслом Ладожским

Ладога, или Альдейгья, как ее называли мои друзья викинги, располагалась на отличном месте. Аккурат слева от порогов, которые можно было пройти разве что на надувном матрасе. То есть волей-неволей вылазь... и плати. Местность здесь была холмистая, берег довольно крутой, но – доступный. Наверху, на горе, контролируя окрестности, обосновалась хорошо видимая снизу крепость. Таковую не вдруг возьмешь – еще залезть надо, а берег крутой, скалистый.

Сам город расплзался в разные стороны, но тоже был огражден стеной, которая, впрочем, не ограничивала расплзания. На противоположном берегу – тоже холмы и лес.

В общем, Ладога была раза в четыре больше, чем город, в котором меня ограбили. В остальном – похожа.

Крепкие стены, деревянные причалы, поля-огороды вокруг, но последних меньше. Это объяснялось просто: Ладога была, во-первых, центром большого княжества, во-вторых, тут процветали ремесла. И торговля. И волочительный бизнес для желающих преодолеть пороги.

Князь здесь сидел авторитетный, держатель всех окрестных земель. Еще

бы! Такая крепость – это не городок на выселках.

Звали князя красиво – Гостомысл. Высокий, представительный, борода – перец с солью, не первой молодости человек. Однако дряхлостью тут и не пахло. Пахло уверенностью, солидностью, спокойствием...

Но не в данный момент.

В данный момент он совсем даже не степенно орал на моего ярла:

– Ты что творишь, Хрёрек-ярл! Разбой у меня на реке! Решил, что ты – в вике? Хочешь лишиться моей дружбы? Хочешь, чтобы я закрыл тебе дорогу по Волхову? Ты этого хочешь?

– Не понимаю, о чем ты, – хладнокровно отвечал Хрёрек.

– Ах ты не понимаешь? Или это не кнорр Торстейна я вижу у своих причалов? Откуда он тут взялся, Хрёрек-ярл? И где сам Торстейн? Говори!

– Хочешь, чтобы я ответил тебе как другу? Или – как князю? – поинтересовался ярл.

Кажется, Гостомысл смутился. Или мне показалось? Но ненадолго.

– Ты меня с толку не сбивай, ярл! – Потом задумался и разрешил: – Говори!

– К твоим торговым делам это не имеет отношения, – довел до князя успокоительную мысль Хрёрек. – Торстейн был моим кровником. Это известно всем.

Гостомысл дернул щекой – он, мол, в понятие «все» не входит.

Ярл остался невозмутим. Голос его был ровен и нетороплив. Так обычно с детьми говорят. Или с теми, кто плохо знает язык.

– Мы встретились, – сообщил очевидное Хрёрек. – Я оказался сильнее. Если бы сильнее оказался Торстейн, он получил бы мой драккар. Это обычная история на дорогах благословенного Ньерда. Никто из пастырей волн этому не удивится. И не сочтет, что дорога по Ньюе[15] и дальше стала опасней, чем прежде. А иные, не северной крови, только порадуются, что одним пожирателем жизней стало меньше. Кто тебе Торстейн? – Голос ярла стал проникновенным, как у страхового агента. – Никто. А я люблю тебя, как отца, Гостомысл-кунг. Всем ведомо, что в трудные времена ты укрыл меня в своем гарде и дал зализать раны. Ты знаешь: если придет к тебе недруг, мой хирд всегда будет рядом с твоей дружиной.

– Только если в это время ты не отправишься убивать еще какого-нибудь кровника, – проворчал Гостомысл. Но видно было, что пыл его иссякает.

– А еще у меня для тебя подарок, – с улыбкой произнес Хрёрек.

По его знаку Ольбард торжественно вынес длинный сверток.

– Ярл! Я хочу знать, почему...

И тут Ольбард сверток развернул...

Гостомысл осекся.

Я бы тоже заткнулся на его месте, потому что это был меч настоящей германской работы, вдобавок изукрашенный тонкой гравировкой, со здоровенным самоцветом на оголовье, с серебряными вставками... Но в первую очередь, это был – меч. Не парадная игрушка, а настоящий боевой инструмент. Безукоризненное орудие убийства. Даже у самого Хрёрека был похуже. Правда, лишь с точки зрения дизайна.

Глаза Гостомысла вспыхнули. Злополучный кнорр вылетел у него из головы. Руки сами потянулись к оружию.

Рядом с мечом лежали ножны, ничем не уступающие дорогому клинку, но

князь их не тронул. Прямо-таки благоговейно он принял меч, качнул в руке, взмахнул, со свистом прорезав воздух... Сразу видно – не дурак порубить кого-нибудь в капусту.

Гостомысл бережно провел пальцем вдоль дола – как приласкал, оглядел внимательно, любуясь... Казалось, князь готов облизать чудесную вещь... Впрочем, я его прекрасно понимал.

Ольбард подал ножны, и Гостомысл со вздохом спрятал клинок. Но меча не убрал, а сунул за пояс. Не хотелось князю расставаться с подарком.

Безвременная кончина Торстейна была забыта.

– Что ж, – произнес Гостомысл, косясь на драгоценную рукоятку. – Уж не знаю, чем теперь отдариваться, друг мой. Но я подумаю. А пока нынче вечером приглашаю всю твою дружину ко мне на пир.

Тут князь изволил обратить внимание на меня:

– Вижу, у тебя новый человек. Не из ваших. Кто таков?

– Нищего приютил, – усмехнулся Хрёрек.

– Что-то не похож он на нищего, – Гостомысл цепким взглядом окинул мою персону.

– Ты бы видел, каким он ко мне пришел... В рваных портках.

– Прежде я за тобой склонности к подаянию не видал, – заметил князь.

– Какое подаяние? – Хрёрек вскинул бровь, изобразив удивление. – Все в бою взял. Считаю, голыми руками.

– Как же такой воин оказался в рваных портках? – Сощуренные глазки Гостомысла так меня и сверлили.

– Водимир его ограбил, – пояснил Хрёрек. – Заманил к себе и под прицелом лучников все отнял.

– Сам видел? – нахмурился Гостомысл.

– Он рассказал, – ярл кивнул на меня. – И я ему верю.

– От меня чего хочешь? У меня с Водимиром вражды нет.

– Ничего не хочу. Ульф попросил оставить месть ему. И это правильно. Но я хочу, чтобы ты знал, с кем водишь дружбу.

Гостомысл задумчиво почесал в бороде.

– Не друг он мне, а подручник, – ответил он загадочно. Во всяком случае, загадочно для меня. – И довольно об этом. Жду вас, как стемнеет. – И добавил ворчливо: – Оружие оставить при входе. А то знаю я вас: напьетесь – сразу балки рубить. Так и без крыши над головой остаться недолго.

Хрёрек довольно ухмыльнулся. А я поглядел на деревянные брусья, поддерживающие высокий потолок, и решил, что перерубить такие мечом практически невозможно. Тут хороший топор нужен. А лучше два. И пара умелых лесорубов...

На пир мы отправились все, кроме бедняги Сигвада. Само собой, на драккаре остался и лежачий раненый. Сигвад должен был за ним присмотреть. На всякий случай. Боец уже шел на поправку. Я спросил Трувора: не опасается ли ярл оставить корабли с полными трюмами добра без присмотра, но варяг лишь ухмыльнулся.

Я его понял так: ни один ворюга не рискнет связаться с викингами. Аналогичная ситуация была у нас в девяностых, когда авторитетным бандюкам было запахло закрывать свои «мерседесы».

Но все оказалось проще: Гостомысл, оказывается, прислал пяток своих дружинников. Присмотреть за имуществом дорогого гостя. С берега, само собой. Палуба корабля считалась суверенной территорией. Без приглашения посторонним – ни-ни.

Мы вырядились по-парадному. По местным меркам это значило: напялить на себя как можно больше драгметаллов. Я тоже «приоделся»: нацепил трофейную гривну и браслеты. Руад, который после того, как я спас ему жизнь, начал выказывать ко мне особое расположение, подарил мне чистую и почти нештопаную рубаху с вышивкой. Я подпоясал ее трофейным же поясом (тоже знак респектабельности, примерно как у нас – часы), прицепил к нему меч.

И мы отправились.

Я шел с варягами: как-то так естественно получилось, что я вошел в «отделение» Трувора. Впереди – Хрёрек с Ольбардом. Ярл смотрелся роскошно. Штаны у него были – иссиня-черного бархата, шитые серебром; сапоги – алые, как кровь, выложенные узорами из мелких драгоценных камней и даже с серебряными колокольчиками; рубаха – синего шелка, с вышитыми белым рунными символами; поверх – что-то вроде жилета из тончайшей кожи с тиснением и шитым золотом соколом на спинке. Пояс... Пояс я даже описывать не буду. Скажу только, что весил он, наверное, килограмма два, и это – если учесть, что собственно кожи там было граммов триста. Шею Хрёрека обнимала золотая цепь в палец толщиной, к которой крепилась пектораль явно христианского происхождения. С нею соседствовали драгоценные фигурки главных скандинавских богов и не менее дюжины разнообразных оберегов с рунными символами. Запястья ярла утяжеляли широченные золотые браслеты, а голову венчала золотая же диадема с грубо отшлифованным рубином размером с фасолину.

Ольбард был одет скромнее, но золота на нем тоже было изрядно. Думаю, если сложить все золото, которое сейчас мы несли на себе, потянуло бы килограммов на десять.

Шли мы не строем, а вольно (я бы назвал это построение «организованной толпой»), громко переговариваясь и обсуждая глазевших на нас девиц.

Девиц было в избытке. Еще больше – собак и мальчишек. Эти тащились следом и обсуждали нас.

Потребовалось немало времени, чтобы пройти через Ладогу и подняться на гору, где располагалась княжеская резиденция. Как раз достаточно, чтобы проголодаться.

Ввиду обилия народу столы накрыли прямо во дворе. Говоря «обилие», я имел в виду не только наш хирд. Мы составляли едва ли пятую часть собравшихся. Кого тут только не было: и местная знать, и чужеземные гости различного происхождения. Например, двое купцов выглядели сущими арабами. Само собой, присутствовала и Гостомыслова дружина. Старшая, как выяснилось. Младшим предстояло прислуживать за столом вместе с женщинами.

Кстати, о женщинах. Многие гости явились с супругами и, надо полагать, с дочерьми. Женщин (приглашенных, а не прислугу) усадили за отдельный стол, где главенствовала старшая дочь Гостомысла, девчонка лет пятнадцати, но очень важная и распорядительная. Я удивился: почему не княгиня? Трувор пояснил вполголоса, что княгиня (молодая, лишь год из-под венца, и третья по счету) умерла родами пару лет назад. Четвертой жены Гостомысл брат не

стал, удовольствовался наложницами.

Княжий стол располагался на возвышении. Туда сразу же направились Хрёрек с Ольбардом. Нас тоже не обидели. Отвели целый стол длиной с половину драккара. Чего тут только не было... Не было водки. Ее еще не придумали. Зато было вино. Вот я удивился! По моим представлениям, виноград здесь, в Северной Руси, или как там это сейчас называлось, выращивать никак не могли. Климат не тот. Вино, впрочем, было весьма средненькое, так что я предпочел пиво. Как и большинство моих товарищей. Пригубил и знаменитый мед... Не показалось. Зато сбитень и всякие клюквенные морсы пошли на ура. Мясо было любое, какое только можно пожелать. Птица... От перепелов до лебедей. Рыба... Осетр на столе был размером с небольшую лодку...

К моему удовольствию, предлагались также несколько видов лепешек, каша и тушеные овощи. Это отчасти примирило меня с отсутствием картошки. Да, забыл о грибах. Отменные были грибочки. Разнообразие и вкус выше всяких похвал.

Викинги кушали как заведенные. Огромные куски мяса, птицы, рыбы перемалывались мощными челюстями за считанные мгновения. Вслед за килограммами пищи устремлялись галлоны пива... Впрочем, так здесь ели практически все.

Общий праздник живота время от времени прерывался здравицами. К их содержанию особо не прислушивались, но «Хвала», «Слава» и «Здравие» орали дружно и оглушительно.

Мои товарищи не были единственными скандинавами на празднике. Имелось еще не менее полусотни персонажей, в которых мой – уже наметанный – глаз опознал северян.

Очень интересно!

Я обратился за консультацией к Трувору, и тот в промежутках между глотками поведал, что в Ладого постоянно обитает не менее трех сотен скандинавов. В основном почему-то данов, то бишь датчан. И примерно столько же пришлых. Со многими Трувор был знаком лично. Кое с кем даже ухитрился сходить вместе в походы. Под флагом Сокола, разумеется.

– Вот этого, например, зовут Гуннбьёрн Весло, – Трувор неуважительно ткнул пальцем в плечистого блондина, увешанного драгметаллами, как елка – игрушками. – Хэрсир Рагнара-конунга. А сейчас небось приехал вынюхивать: нельзя ли тут храбрым данам поживиться. Это хорошо, что мы здесь. Теперь даны на Ладогу не набегут.

– Почему? – поинтересовался я. – Нашего ярла испугаются?

– Кто испугается, Рагнар? – Трувор расхохотался. – Это Рагнара все боятся. Кроме нас. Хрёрек – сам дан. И родич ихнего главного конунга, Харека. Да и с Рагнаром-конунгом они в родстве, они – оба Инглинги[16]. Великий воин, этот Рагнар. Его удачи на десятерых конунгов хватит, вот что я скажу. А с Гуннбьёрном мы как-то девку не поделили. Набили друг другу шишек! А девка в результате досталась другому! – Трувор громко захохотал и махнул Гуннбьёрну кубком. Тот осклабился в ответ и салютовал рогом.

Появились скоморохи. Два дядьки в пестрых штанах и мелкий медведь с обрезанными когтями.

Скоморохи устроили пляс в стиле французской комедии: с пинками под зад и плевками друг в друга. Больше всего доставалось мишке.

Не люблю, когда издеваются над животными.

– Вот бы им настоящего медведя! – крикнул я Трувору.

Тот захохотал. Решил, что шучу. И шутка ему понравилась. Передал дальше.

Через минуту все наши варяги хохотали, представляя на месте мелкого медвежонка матерого зверя. И по ходу комментировали, что бы он сделал со своими мучителями.

А скоморохи еще пуще старались, полагая, что это их ужимки так развеселили княжьих гостей.

Слово взял Гостомысл.

Князь уже слегка набрался, лицо его приобрело красивый бордовый цвет. Но держался он твердо, и язык не заплетался ничуть.

Для начала он поблагодарил всех присутствующих, что почтили...

Потом персонально каждого из тех, кто позначительнее. Последним почествовал нашего ярла. Дескать, любит его более всех прочих. Можно сказать, как сына. За доблесть, щедрость, удачу и безупречный послужной список. Посему сейчас выйдет его, Гостомысла, придворный сказитель и исполнит свежеспеченную великую балладу в честь недетских подвигов датского Сокола.

И сел.

А на сцене появился этот самый гусляр. Один к одному – средний дедушка с картины Васнецова. Положил гусли на коленки и... запел. Красиво так запел, пусть и на одной ноте, но – завораживающе. Почтенная публика даже на некоторое время жрать перестала. Заслушались.

Биография у нашего ярла была богатая. Для начала – отличное происхождение. Королевская кровь по материнской линии. Впрочем, насколько я помню, королей, то бишь конунгов, в древней Скандинавии было – что блох на мертвой крысе. За каждой скалой по конунгу пряталось. Но наш ярл – не просто королевской крови, но, считай, божественной. Он ведь потомок самого легендарного Инге, а тот, как всем известно, – потомок Одина.

Но кровь кровью, а молодечество молодечеством. Наш ярл, если верить певцу, показал себя отменным воином еще с молочных зубов. А уж потом кого только не обижал: и франков, и фризов, и англов с ирландцами. Досталось от него даже румам, то бишь – византийцам. А уж с какими достойными людьми водил ярл дружбу...

Как только деду удалось запомнить такое количество имен и прозвищ, да у каждого имени – родословная, а у каждого прозвища – отдельная маленькая история возникновения. И это притом, что певец был наш, словенский, а великие предки Хрёрека – почти сплошь скандинавы. Хорошо подготовился дедушка.

Словом, хвалебная ода растянулась почти на час. Но народ, блин, внимал. И внимал с почтением.

– Ты не скалься! – сердитодохнул мне в ухо Трувор. – Чистая правда все!

Ну правда так правда.

– Я не скалюсь, я радуюсь. Не знал ведь, какой у нас славный ярл!

– Ну другое дело! – Расслабившийся хольд собственноручно налил мне пива. – Во здравие Красного Сокола!

Потом были всякие игры и затеи силового направления. Я не участвовал, но с интересом наблюдал. В стрелковых состязаниях победили местные. Со ста

метров – в нарисованный глаз, кучно, по три стрелы сразу. В скачках, вернее, в соревнованиях по управляемости и акробатике (иначе не назовешь) с изрядным отрывом выиграли какие-то южане; а вот в борьбе победил наш. Стюрмир. Исключительно за счет невероятной мощи. Прочих викингов тоже Бог силушкой не обидел: находились и покрупнее, и потяжелее. Но ни у кого не было таких плечищ и ручищ, как у Стюрмира. Своего последнего противника, одного из приятелей хэрсира Гуннбьёрна, ражего мужика килограммов под сто, Стюрмир, изловчившись, ухватил за глотку и за штаны, вскинул над головой, как тяжелоатлет – штангу, и, присев, метнул (не бросил, а именно метнул) наземь.

К моему несказанному удивлению, после жестокого захвата и сокрушительного падения противник Стюрмира не только не стал инвалидом, но даже сознания не потерял. Поднялся, повертел кудлатой башкой, потер горло, на котором багровели отпечатки Стюрмировых «крючьев», и побрел на свое место. А через минуту уже опять жрал и хлестал пиво наравне со всеми.

Нет, блин, это не люди. Неандертальцы какие-то.

Потом наступил черед танцев. Вернее, воинских плясок. Без женщин. То есть женщины были, и в достаточном количестве, но в хореографии не участвовали, а только восхищенно лицезрели. Тут уж и я подразмялся. Прогнал разминочный комплекс, когда-то выученный у китайских умельцев бо. В общество вписался органично.

Веселье закончилось затемно, под вопли лягушек и раздражающий звон комаров.

Потом была ночь и милая мягкая девочка с пшеничными косами, пахнущая скошенной травой. Хорошо было.

А утром праздник кончился. Начались воинские будни.

Глава двадцать вторая, в которой герой сначала участвует в сумасшедшем марш-броске, а потом – в настоящей битве

Этим утром Трувор решил выполнить обещание и взялся учить меня обоерукому бою.

В принципе, сражаться обеими руками я умел и раньше. Мне было просто интересно, есть ли в варяжском двухклинковом бое какая-то школа, или же это просто уровень индивидуального мастерства.

Школы как таковой не было. Не было даже конкретных приемов (предполагалось, что конкретикой обучаемый овладевал еще на предыдущем уровне). Само фехтование немного напоминало испанскую школу шпаги и даги, описанную Торресом и Перпиньяном[17]. Причем, что интересно, так же, как и с дагой, допускался обратный хват, хотя длина клинка даги – максимум сантиметров тридцать, а варяжский меч никак не меньше шестидесяти. Обводы, круговые движения, жесткое парирование, короткие рубящие удары и двойные уколы... То есть леворучный меч был не только щитом, и даже не в первую очередь клинковым щитом и средством обезоруживания, как дага, а почти таким же наступательным вооружением, как и праворучный. Главное же: асинхронность работы каждого из клинков. То есть левая и правая рука рубились как бы каждая сама по себе. И все же это тоже была не *школа*, а именно личное мастерство. Обоерукий воин – это по сути два воина, вставших спина к спине. Однако поскольку воин был все же один, то и двигался он на-

много свободнее, а достать его было в разы труднее. Хотя я понаблюдал, как бьются спина к спине викинги Хрёрека, и восхитился. Словно приросшие. Идеально чувствуют друг друга, разворачиваются синхронно, синхронно перемещаются... Просто, блин, не бойцы, а высококлассные танцоры.

Сам-то я, главным образом, индивидуальный боец. Мне такому учиться и учиться.

Моими обоеручными успехами Трувор остался доволен.

Зато когда начались упражнения в строю...

Там я не просто оплошал – реально опозорился.

Ну ничего, со временем наверстаем.

Во время обеда к нам пришел Гостомысл. Самолично спустился с горы. Со своими дружинниками и нагруженной тележкой. Князь понаблюдал, как мы кушаем, потом присел к котлу, из которого подкреплялись ярл и его личные телохранители, возглавляемые Ульфхамом Треской. Парни подвинулись. Гостомысл достал ложку и снял пробу. Понравилось. А почему бы и нет? Пища наша, конечно, не изысканная: мясо, каша, немного овощей, травки всякие, чеснок, соль, которая, кстати, здесь дефицит... Зато все натуральное, свежее и без ограничений.

Покушали. Гостомысл дал команду. Из тележки достали дюжину бурдюков с медовухой и «выставили» на поляну.

Выяснилось: не просто так снизошел к нам хозяин Ладожской крепости. Не из дружеского расположения, а по конкретному делу.

Дело же, как и следовало ожидать, оказалось – военного толка.

Речь шла о некоем городке под названием то ли Плеска, то ли Плесков, который входил в ладожский «протекторат». То есть до последнего времени входил, а ныне завелся в нем какой-то самостоятельный лидер по имени Довган. И ввел горожан в конкретный блудняк, как выразились бы наши «братки»-бандюганы.

– Дань мне платить не хочет, – жаловался Гостомысл. – И иных от меня отваживает. Дескать: идите ко мне. Я вам рухлядь не на «глазки» обменяю, а на настоящее серебро[18]. Поучи их, друже! Я тебе в помощь лучших своих воев дам.

– Воев не надо! – решительно отказался Хрёрек. – Проводников, лошадей, еды в дорогу – и довольно. Мне со своими – проще.

– Ну как знаешь, – не стал спорить Гостомысл. – Знай, однако, что у Довгана в дружине – до трехсот кметей. А еще ополчение.

Хрёрек только усмехнулся.

Через два дня мы отправились в путь. Пешком. Почти в полном составе: в Ладоге оставалось только четверо раненых: их, после короткого медосмотра Ольбарда, ярл брать с собой отказался. В приказном порядке.

Я думал: поедем на лошадях, но ошибся. На лошадок погрузили имущество: припасы, брони... А мы – на своих двоих.

Ну это был марш-бросок! Неслись, как сумасшедшие. Независимо от рельефа и ландшафта. Для меня все это путешествие превратилось в сплошное мелькание стволов, чавканье грязи под сапогами, каменистые склоны и

страшную усталость. Чтобы представить нашу скорость, скажу только, что мы останавливались на отдых, когда лошади уставали.

Нет, я не сдавался (еще не хватало), держал темп наравне со всеми и даже удостоился похвалы Трувора. Однако за эти десять дней потерял, наверное, килограмма три.

К счастью, Хрёрек не погнал нас в бой прямо с марша. Устроил дневку.

Мы отсыпались, отъедались и бездельничали. Всей работы – в свой черед пойти в дозор.

Меня разбудили еще до рассвета, и, к собственному удивлению, проснулся я бодрым и крепким, как будто провел пару недель на курорте.

Из леса мы вышли раненько – даже птички еще не проснулись.

Но к этому времени разведчики ярла уже провели рекогносцировку, и Хрёрек принял решение.

Меня в планы не посвятили. Рангом не вышел. Трувор наверняка все знал, но тоже не стал со мной делиться, а я из гордости не спрашивал.

Впрочем, все хирдманны вели себя так же. Задача простого викинга – честно выполнить свой долг. Об остальном позаботится руководство. Притом, в отличие от армии, которой я когда-то отдал два года, каждый из парней был абсолютно уверен, что о нем действительно позаботятся. Введут в бой наилучшим образом, не оставят без помощи, если что. И не вынудят положить живот на алтарь победы только потому, что командир решил во что бы то ни стало выполнить задачу.

В последнем, впрочем, я тут же усомнился.

Прямо перед нами стоял город. Основываясь на собственном скромном опыте, я бы сказал: типичный город этого времени. Река, на возвышении – высокий частокол. «Забороло» – называл такой тип укрепления Трувор. Вокруг – «дачные» постройки и посадки, которые так и назывались – посад.

Передвигались мы скрытно, малыми группами, в основном тройками. Нашей тройкой, к моей радости, командовал сам Трувор. Третьим был совсем молоденький варяг по имени Рулаф.

Рассыпавшись, мы обогнули город с востока и подоברались к посадку почти на двести метров, никем не замеченные. Так я познакомился с еще одним чудесным умением викингов: эти здоровенные мужики, облаченные в пудовые доспехи, с оружием наготове, умели двигаться почти бесшумно, не грюкнув и не брякнув. Со всем этим имуществом они могли ползать с поразительной скоростью и укрываться буквально за пучком травы безо всяких камуфляжных комбинезонов.

И вот мы вышли на огневой, вернее, на боевой рубеж.

Светало. Солнце еще не взошло, но в посадке уже началось шевеление. Потянуло дымком. Кто-то выгонял скотину, кто-то складывал сети...

– Готовься, – шепнул Трувор.

Хриплый вой рога разорвал воздух. А я-то думал, что эта штукавина с крышечкой на поясе ярла – исключительно для питья.

И весь хирд разом вскочил на ноги и с бешеным ревом устремился вперед.

Вот тут-то я и усомнился в гуманности нашего командира. Штурмовать безо всяких орудий четырехметровые стены, когда наверху – противник, численно превосходящий минимум вчетверо. Викинги, конечно, великие воины,

но не настолько же.

Да, я сомневался, но мчался сломя голову. Лишь бы не отстать от Трувора.

Зря я сомневался в человеколюбии Хрёрека. Мы атаковали не город, а его «приусадебное хозяйство».

В посад мы ворвались широкой цепью, растянувшейся метров на четыреста. Но – практически одновременно.

Дальше пошла работа. Привычная работа разбойников. Не скажу, чтобы она мне очень нравилась, но назвался груздем – полезай в кузов.

Мы «зачищали» территорию. Выглядело это так: Трувор с Рулафом врываются во двор и в дом. Собак, проявивших неуместную отвагу, беспощадно рубили. Всех взрослых сбивали с ног и вязали. Скорость, с которой это делалось, выдавала немалую практику. Многие поселяне не желали сдаваться без боя. Почти в каждом доме были и копья, и топоры...

Сопротивление пресекалось легко, будто играючи. Почти без применения железа. Оба варяга орудовали лишь древками копий. Пара движений – и рога тина летит в одну сторону, а ее владелец – в другую. В руки партнера, мгновенно скручивающего и пакующего клиента.

За все это время убили только одного. Рулаф приколол мужика, выскочившего из избы хоть босиком и в рубахе, но с мечом. Приколол точно и экономно, с первого же удара – насмерть. Я сразу сообразил, почему. Этот мужик с большой долей вероятности был воином. Меч в хозяйственной деятельности предмет не только слишком дорогой, но и малополезный.

Моя задача сводилась к тому, чтобы привязывать пленников к общей веревке и «пасти» человеческий гурт. Это было несложно. Несчастные оказались полностью деморализованы. Многих выбросили прямо из постелей, полуголыми. Вокруг женщин толпились ревущие дети. Детей никто не вязал, но от их плача сердце мучительно сжималось.

«Надо привыкать, – сказал я себе. – Это местная реальность. Или ты среди тех, кто вяжет, или – тех, кого вяжут». Последнее мне как-то не улыбалось.

Из города доносился частый звон. Надо полагать, били тревогу. Но пока никаких действий не предпринималось.

За все это время я ни разу не вынул меча.

Мы обработали с десятков дворов, когда снова раздался звук рога. На этот раз – на другой ноте.

Это тоже была команда. Мы прекратили зачистку и погнали «добычу» (на связке уже было почти полсотни мужчин и женщин) из посада. Многие пленники были окровавлены, но серьезных ран не было ни у кого. Трувор и Рулаф безжалостно подгоняли их пинками и тычками копейных древков. Я присматривал за тылом. Какие-то местные маячили позади, но напасть никто так и не рискнул.

Оказавшись на открытом пространстве, мы собрались вместе и еще быстрее двинулись к лесу. Кроме нескольких сотен пленников, викинги гнали скот: коров, овец, лошадей...

До опушки мы добраться не успели. Рог рывкнул еще раз, и хирдманны остановились.

Ага, местный князек наконец решил кое-что предпринять.

Из города выдвигалось войско.

Немалое, кстати. Сотни две пехоты и около сотни всадников.

Конница тут же оторвалась от пеших и полетела к нам.

Оно и понятно. Если враг бежит, надо его догнать.

Я понятия не имел, что делать. Бросаться с мечом на конную лаву казалось не самым лучшим выбором.

Но от меня решения и не требовалось.

Когда между нами и всадниками осталось метров триста, а земля уже подрагивала от гулких ударов копыт, хирд в считанные секунды перестроился. Щиты со спин были переброшены на руки, и я впервые увидел знаменитую «свинью» викингов. Железный клин, оцетинившийся железом копий.

Сам я оказался в последнем ряду – естественном месте аутсайдеров. Хотя нет, тут же были и Трувор, и Руад и, еще шестеро варягов. Мы просто замкнули тыл.

Всадники не сумели (или не захотели) сдержать разбег.

Я и раньше слышал от специалистов, что конница против тяжелой пехоты не рулит. Разве что еще более тяжелая. Эта таковой не была. То есть у всадников имелась кое-какая броня, а вот лошадки были, считай, голые. Да и сами лошадки... Дикий осел-кулан в нашем зоопарке примерно такого же роста. Правда, лошадки были хоть и маленькие, но умные. Лезть грудью на копья категорически отказались. Их это спасло. Но не всадников. Нурманские копья могут не только колоть, но и летать. Едва конница отпрянула, оставив на траве с пяток трупов, как строй «раскрылся», и десятка три копий ушли в кратковременный полет. Почти у всех полет завершился достойно: в телах врагов.

Всадники тут же сменили тактику: взялись за луки. Но у нас тоже имелись стрелки, а попасть во всадника намного легче, чем в закованного в железо пехотинца, которого еще и прикрывает щитом напарник. Я лично прикрывал Рулафа. Отбил штук шесть стрел. За это время Рулаф выпустил вдвое больше и свалил минимум четверых.

Командная дуэль закончилась для противника совсем печально. Пара минут – и от почти сотни осталось десятка полтора. Правда, среди этого десятка был местный князек, легко опознаваемый по дорогим доспехам.

Всадники отступили метров на триста и топтались на месте, не зная, что предпринять. Или просто ожидая подхода пехоты. Я бы на их месте дернул обратно в город. И заодно пехоту с собой увел. Нутром чуял: резня будет страшная.

Наши орали, перекрывая глотками вопли раненых и ржание покалеченных (не все стрелы достались всадникам) лошадей: вызывали князя Довгана на честный бой. Но тот как-то не рвался.

Наконец подоспела пехота. Передние ряды были экипированы неплохо. У половины даже имелись железные брони. И храбрости тоже хватало. Не переводя дух (а запыхались они порядком: шутка ли – почти километр бегом, да с полной выкладкой), ратники устремились в бой.

Ну и мы, само собой, устремились навстречу. Железный клин, во главе которого, как выяснилось позже, бился сам ярл, прошел сквозь шеренги противника, будто скальпель через пластилин. Страшная человекокосилка, откуда во все стороны били мечи и копья, которыми орудовал второй ряд, вспорола все десять рядов противника. Строй защитников города смешался, а «косилка» развернулась и опять вошла в самую гущу.

Хирд шел, оставляя за собой «усы» из покалеченных тел, не обращая вни-

мания на храбрецов, которые сами отважно кидались вперед... И умирали.

Некоторые, впрочем, попытались напасть с тыла. Впустую. Их убивали раньше, чем они выходили на дистанцию поединка. Убивали копьями, стрелами, швырковыми ножами... Мне лишь однажды удалось пустить в дело меч, отбивая вражеское копьё. В ту же секунду копейщика ткнули под мышку и оставили умирать. А хирд двинулся дальше.

Одно хорошо: продолжалось это избиение младенцев недолго. Минут через десять горожане сообразили, что их тупо вырезают, и бросились наутек. Кто куда.

А сволочь Довган все это время стоял в отдалении и наблюдал, как убивают его людей. Ей-богу, прибил бы гада собственноручно.

Трижды рявкнул рог, и «голова» «свиньи» рванула вперед – к городу.

Я тоже приготовился побегать, но оказалось, у нас другая задача: собрать трофеи и присмотреть за полоном и скотом. А заодно дорезать раненых. От последнего меня, слава богу, избавили.

Зато у меня возникла другая проблема. Довган наконец решил, что возник благоприятный момент для атаки, и повел своих в бой. Мы были слишком разобщены, чтобы собрать строй, хотя многие все же успели сбиться в группы. Я – не успел.

Меня, как отдельно стоящую мишень, выбрали сразу трое всадников, одним из которых был сам князь.

Я приготовился мужественно принять судьбу. К счастью, лошадки у всех троих были разной прыти. Налети они одновременно, не выстоять бы. Но первым меня попытался взять на копьё сам князь.

Что говорить, копьём он владел отлично. Не сомневаюсь, что с легкостью вогнал бы его на скаку в наручный браслет. Но я – не браслет. Я успел скинуть со спины щит и отбить им железку. Правда, и сам достать врага не сумел. Довган просвистел мимо. Зато второго я встретил, как надо. А именно: присел, нырнув под копьё, и (да простят меня любители лошадок – я и сам их безмерно люблю, но жизнь, она – дороже) рубанул бедное животное по ноге. Лошадка упала и забилась.

Третий всадник, видя, как складываются дела, предпочел обскакать меня стороной.

Больше никто нападать на меня не рвался, и я вернулся к упавшему. Первым делом прекратил мучения несчастной лошадки. Потом занялся ее всадником, который уже начал ворочаться, приходя в себя. Но свобода его была очень ограничена. Ножку придавило.

Сообразив, кто за ним наблюдает, мужик поспешно отбросил меч и булаву с железным набалдашником. Интуитивно понятное заявление: сдаюсь!

Ладно, ладно, не будем тебя убивать. С осторожностью (помнил по кинофильмам, как часто такие вот с виду беспомощные втыкают в победителя спрятанный в рукаве нож) я связал пленнику руки его же собственной веревкой и только после этого выволок из-под мертвого коня.

На этом нынешний бой для меня закончился.

Для всех остальных – тоже.

Хрёрек с нашими успел добежать до города раньше, чем те затворили ворота. Город взят.

Единственный прокол – Довган таки смылся. Но поставленная Гостомыс-

лом задача выполнена. А поучили местных знатно. Запомнят надолго. Еще и внукам передадут.

**Глава двадцать третья,
где герою представляется возможность поучаствовать в процессе,
который в литературе называется «поток и разграбление»**

За взятием города последовало то, что обычно происходит, когда войско захватывает населенный пункт противника. Грабеж и насилие. Хирдманны оттягивались по полной, выгребая из сундуков и подвалов все, что им приглянется, и раскладывая любую приглянувшуюся девку. Я в этом разгуле участия не принимал. Нам, «молодым», было поручено присматривать за пленными.

Их завели в какой-то загон, в котором раньше, судя по всему, держали общинный скот. Пленным повезло: внутри имелся колодец, так что от жажды они не страдали. А вот кормить их пока никто не собирался. И оказывать медицинскую помощь тоже. Несколько сотен людей сидели на земле и вздрагивали от каждого вопля, раздававшегося в захваченном городе. А вопили, считай, постоянно. Но это были всего лишь крики боли или обиды. Я уже научился определять, как кричит человек, которого убивают.

Моей цивилизованной морали была нанесена страшная рана, но я старательно убеждал себя, что происходящее – нормально. Что может быть значительно хуже. Когда девок не просто насилуют, а режут и убивают. Когда детей живьем кидают в огонь на глазах отцов, которым через пару минут выпустят кишки. Медленно... В свое время я достаточно прочитал историй о викингах. Да что там о викингах... Наши собственные, можно сказать, русские князья: Олег, Игорь, Святослав – на чужих землях творили такое, что язык не поворачивается описать. А что делали с людьми цивилизованные древние римляне... Тот же Калигула...

Хотя, если вдуматься – фашисты творили много худшее зло, причем в масштабах, какие викингам и не снились. Языческое жертвоприношение в таких масштабах[19], что Один с Перуном просто захлебнулись бы в крови. Но с фашистами мы всегда были по разные стороны фронта, а тут, можно сказать, свои.

Чтобы отвлечься, я сконцентрировался не на пленниках, а на горе добычи, которую складировали здесь же, на площади. Эх, сколько здесь было оружия! С каким удовольствием я бы порылся в этой куче...

Нельзя. Трофеи трогать запрещено. Дележка – прерогатива руководства.

Принесли еду: огромный котел, полный ароматной каши пополам с кониной.

Мы ели по очереди. Некоторые подходили раза по три. Но все равно выели едва четверть. Один из парней, эст, прихватил немного каши и «покормил» четверых идолов, мрачной шеренгой стоявших в середине площади рядом со столбом, на котором висело било.

Тогда я решил совершить благотворительный акт. Подошел к загону и велел отпустить ко мне детей. Сначала многие испугались и вцепились в детишек еще крепче: мало ли что сделает с ними дядька-извращенец? Но когда оказалось, что я приглашаю малышку на обед, не меньше сотни детишек буквально облепили котел. Мне потребовалось рывкнуть, чтобы сформировалась очередь.

Соратники наблюдали за происходящим с неодобрительным любопыт-

ством. Один из молоденьких нурманчиков даже попытался протестовать. Но Сигвад, который был поставлен над нами старшим (как самый опытный из «молодых») цыкнул и пояснил:

– Если трэлей не кормить, дурень, они сдохнут. А детеныши сдохнут быстрее прочих.

Если бы не он, боюсь, пришлось бы вздуть жадного «юнгю». И черт его знает, как отнесся бы к этому ярл...

Я накладывал кашу детишкам прямо в пригоршни. Они съедали свои пайки с быстротой зверьков и тут же устремлялись за добавкой. Вернее, вставали в конец очереди. Дисциплина у них была в крови. Котел опустел за считанные минуты.

Где-то после полудня на площадь стали сползаться отяжелевшие от награбленного, еды и блуда викинги. Тяжело плюхнувшийся рядом Руад предложил мне пойти «развлечься».

Я отказался.

– И правильно, – одобрил варяг. – Лучших девок мы так и так с собой заберем. Выберешь себе парочку поядренее.

Кого-то, может, удивит, что город, где осталось не меньше трехсот свободных мужчин, не попытался дать отпор выпившим и расслабленным викингам, которые шлялись везде по двое, по трое, а то и вовсе в одиночку. В самом деле, что может быть беспомощнее человека, который пользуется девку на копне сена посреди двора?

К счастью, горожане знали, что викинг – не человек. Это дикий зверь, заставить которого врасплох практически невозможно. А даже если и приколоть вилами одного-другого, то его разъяренные братья отомстят так жестоко, что огонь костра покажется легкой и быстрой смертью.

Куча награбленного увеличилась раза в три.

Теперь на площади собрался почти весь хирд. Не хватало только Хрёрека и его ближников.

И вот они появились.

Судя по выражениям лиц, свободное время они потратили не на блуд, а на что-то серьезное.

По распоряжению Хрёрека, ребята развели костер, раскалили в нем какую-то штуку и прижали в столбу, на котором покачивалось средство сигнализации. Выжженный знак оказался знаменом Гостомысла.

Хрёрек дал команду, и Стюрмир заколотил по медному кругу древком копья. Звон пошел – аж уши заложило.

Это был сигнал к общему сбору народонаселения.

Первыми на площадь стянулись деды. То ли были самими главными, то ли просто знали, что их ни в плен не возьмут, ни надругаются сексуально... Словом, почти никакого риска. Разве что убьют.

Собрались кучкой, косясь на Гостомыслову «печать».

По-моему, это их немного успокоило. То есть не побеспредельничать пришли страшные северяне, а вернуть пастырю заблудших овец.

Ярл разрешил им говорить, и деды тут же попытались качать права, апеллируя в основном к авторитету четырех деревянных божков, мрачно взиравших на победителей.

Хрёрек легко развеял возражения, заявив, что местных богов не боится, а

Одину все, что он делает, – любо. В доказательство привел стаи воронов и ворон, кружившихся над местом побоища. Блин, странно, если бы этих птичек тут не было. И должен отметить: мне не очень нравится бог, чьими птицами являются падальщики.

Все-таки эти викинги до отвращения практичны. Я бы ни за что не придумал того, что Хрёрек.

А он поступил просто. Пока он диспутировал со старейшинами, командир его личной дружины (охраны, гвардии, все равно, как назвать) по имени Ульфхам Треска, тертый такой мужик со шрамом поперек рожи и без мизинца на левой руке, со своими столь же симпатичными подручными прошелся по уже разведанной территории и выгнал на площадь десятка четыре девок посимпатичнее и примерно столько же молодых мужиков и парней.

– Этих я возьму с собой, – оповестил грустных старейшин Хрёрек. – Девки нужны моим хирдманнам, а парни будут на нас работать, пока мы не придем на место.

Протестов он слушать не стал, а просто внес следующее предложение: здесь, на площади, в загоне для скота, имеется несколько сотен пленных.

– Многие из них скоро умрут от ран, но большинство вполне здоровы, – сообщил наш лидер. – Я намереваюсь забрать их с собой и продать, но... – тут ярл сделал многозначительную паузу. – ...Их можно выкупить.

Выкупать следовало по расценкам рабовладельческого рынка в Бирке. Цен этих, понятно, не знал никто из местных жителей, но предложение было воспринято положительно.

Начался торг. Выкупали поштучно. Торговались отчаянно. Но в итоге примерно половина пленников была выкуплена. В том числе и раненые из городского ополчения, у которых был серьезный шанс выжить (тех, у кого не было, уже дорезали), оставшись дома. А к общей куче имущества присоединилась немаленькая горка серебра в изделиях и монетах и связки шкурок.

– Умен наш ярл, – шепнул Руад. – Чтобы заставить их открыть все схоронки, пришлось бы повозиться. А так все сами принесли.

Затем, когда стало ясно, что родичам оставшихся пленных больше нечем платить, Хрёрек предложил размен: голова на голову.

Я сначала не понял, в чем дело, но оказалось, что в городе имеется некоторое количество рабов-иноплеменников или попавших в кабалу за долги. Этих тоже разменяли.

В итоге от прежней группы осталось десятка два женщин и семеро крепких мужиков, которых почему-то никто выкупать не собирался.

Я спросил об этом у Руада. Оказалось, что эти – не местные. Они из дружины смывшегося Довгана.

Тот, кстати, тоже не местный. Пришел в городок со своими кметями, предложил услуги по защите, то бишь – «крышеванию». Обещал брать вдвое меньше, чем Гостомысл. И сулил невероятные барыши на свободной торговле.

Простодушные горожане ему поверили. И поплатились.

Когда обмен закончился, Хрёрек совершил варварский акт: велел отрубить Довгановым дружинникам большие пальцы левых рук. Увечье крайне неприятное: из лука этим воям больше не стрелять.

Спали мы в тепле и под крышей. Правда, донимали клопы.

Утром оказалось, что возвращаться Хрёрек намерен водным путем. Признаться, меня это обрадовало. Тащиться через лес с оравой пленников и добычей – нет, это не по мне. Проводников Гостомысла вместе с лошадьми отпустили в обратный путь, а для нашего хирда стали собирать флотилию. На городской пристани имелся только один более или менее приличный корабль – тот, что недавно принадлежал Довгану. Это был, конечно, не драккар. Трувор определил судно как... хм, судно. И с презрением констатировал, что для морского плавания оно не годится. Так, большое корыто, чтобы по рекам сплавляться.

Еще четыре судна, длинные лодки с парусом и двумя парами весел каждая, тоже не были отбракованы. Их борта «надстроили» досками, и получилось что-то вроде самоходных барж. Этого было мало: нам предстояло везти полторы сотни пленников, двадцать «элитных» девок, четыре десятка «рабочего персонала» и около трех тонн груза, в который входила наша добыча. Ну и нас самих, естественно. Причем семерым нашим, раненым, требовались определенные удобства, для чего тоже было необходимо место.

Проблема была решена просто. Хрёрек объявил, что до тех пор, пока у нас не будет достаточно судов, мы будем жить в городе и столоваться за счет общества. Как жрет сотня викингов, я уже рассказывал. Для горожан это тоже не было секретом.

Через два дня мы получили еще две лодки с корпусами, изготовленными из цельного дерева, и бортами из свежеспиленных, просмоленных досок. Изготовление этих досок было весьма трудоемким процессом, потому что получали их, распиливая вдоль древесные стволы. Причем, если в доске оказывался сучок, она браковалась. И это, как я понял, была относительно передовая технология, потому что полотна для двуручных пил викинги привезли с собой. Сами-то местные изготавливали доски с помощью долот и стамесок. Представляете трудоемкость?

Горожане готовы были горы свернуть, чтобы от нас избавиться. Им предстояло пережить непростую зиму. Они потеряли треть кормильцев – павших и тех, кого мы забрали с собой. Их съестные припасы были порядком растрочены (хотя мы и не взяли с собой лишнего – задачи уморить горожан голодом не было), и лишняя неделя квартирования викингов оставила бы их без половины скота и зерна.

Наконец мы тронулись. На северо-запад. Вообще-то наш путь лежал на северо-восток, но мы не на самолете летели, а плыли по воде. Туда, куда она, вода, ведет.

Сначала дорога «пролежала» по одному озеру, потом – по другому, значительно большему. Время от времени мы приставали к берегу, предварительно привязав к мачте щит с выбеленной изнанкой – знак мирных намерений. Жители прибрежных деревенек (крохотных, почти затерянных в чаще) выходили с большой осторожностью, но очень охотно продавали молочные продукты, мед и дичину, причем даже не за серебро, а за те самые «глазки», стеклянные бусики, которые производили в Ладоге и которых у нас имелся изрядный запас.

Второе озеро оказалось здоровенным, под сотню километров длиной. Наши

эсты называли его очень смешно – Пепси. Рыбы в нем было столько, что войны били ее стрелами прямо с бортов, а сети через каких-нибудь полчаса набивались под завязку. Сетями и готовкой занимались пленники. Кстати, смыться никто из них не пытался. На этих берегах обитали соплеменники эстов (хотя родню здесь считали не по близости языка, а по кровным связям), и, сбеги наши пленники, ничего хорошего их не ожидало. В лучшем случае – такое же рабство.

Никаких проблем, если не считать пары обстрелов с берега, во время путешествия не возникало.

Так мы миновали озеро и вошли в вытекавшую из него реку.

Вот тут начались трудности. Нам раз двадцать приходилось разгружать суда, чтобы пройти мели, а два-три раза мы были вынуждены даже выволакивать их на берег и тащить в обход камней. К счастью, недалеко и по уже «наезженным» колеям – не одни мы работали здесь волочильщиками.

В итоге километров сорок мы преодолевали вдвое дольше, чем весь предыдущий путь. Вдобавок, приходилось все время держаться начеку: местные болтались поблизости и наверняка прикидывали: не напасть ли?

Не рискнули.

Мои друзья начали проявлять беспокойство. Похоже, мы выпадали из какого-то неизвестного мне графика.

Зато погода стояла прекрасная. По моим прикидкам, было самое начало сентября. Люблю это время.

Однако все плохое рано или поздно заканчивается. Миновав трудный участок, мы поплыли нормально и через пару дней вошли в широкое устье.

Первое, что я увидел, – довольно большой по местным меркам городок. А второе – большая лодья, скользившая нам навстречу.

На мачте нашего флагмана по-прежнему висел «белый» щит, но мы все же изготавились к бою.

На лодье были эсты. Разглядев нашу команду, они тоже подняли «мирный» щит. Наши эсты перекинулись с ними парой слов, потом в дело вступил сам Хрёрек, и в результате мы получили право пристать к берегу, где уже «отдыхало» целых пятнадцать больших кораблей, размерами не уступавших оставшемуся в Ладого «Соколу».

Неудивительно. Порт-то был – морской.

– Наше море, варяжское, – с удовлетворением отметил Трувор, и я понял, что мы – на Балтике.

**Глава двадцать четвертая,
из которой можно узнать некоторые сведения из прежней жизни
героя, а также познакомиться с его мыслями по поводу
положительных и отрицательных сторон государственности и
проституции в средние века и в более «просвещенные» времена**

Я ошибся, когда счел городок большим. На самом деле большим здесь был торг. Все местное население, как я понял, занималось его обслуживанием и сборанием пошлины. Надо признать, незначительной.

Еще здесь имелась верфь. Вот она-то по-настоящему и заинтересовала ярла. Причину мне объяснил Трувор. Обрато мы планировали возвращаться морем, а те суда, на которых мы пришли, по его мнению, годились для морского плавания не больше, чем утиный плотик.

Я не знал, что такое утиный плотик, но комментарий принял как должное. То есть для благополучного возвращения домой, в Ладугу, нужно полноценное морское судно.

И такое здесь имелось. Почти достроенная (остались сущие мелочи) снекка [20].

Хрёрек и Ольбард оценили ее и решили – подойдет.

Ударили по рукам, заплатили задаток...

Следующей акцией была продажа пленников.

Рабов здесь продавали на общем рынке. Там же, где скотину. Причем никаких цепей, раскаленных клейм и прочих знаков рабского состояния я не заметил. Более того, здесь же неподалеку находилась и вольная «биржа труда», где можно было нанять конкретных специалистов или просто рабочую силу. Такой работник назывался «рядный» (то есть договорной) холоп. Примерно на таких условиях я работал у Коваля, пока тому не понадобились мои воинские навыки. «Рядного» холопа нельзя было продать или передать другому. Его следовало кормить и платить ему, если последнее оговаривалось. В Скандинавии, где со свободными пахотными землями напряженно, такой работник мог получить в пользование надел в обмен на часть урожая. Эту полезную информацию я получил от Трувора.

Здесь же, на рынке, можно было взять кредит под будущую добычу: зерно, меха или еще что-нибудь... Еще были «долговые» холопы. Эти поступали в распоряжение кредитора до тех пор, пока не отработают долг. Но тоже на определенных условиях. Их работа «оплачивалась» в счет долга, и продать их тоже было нельзя.

Зато те, кого взяли как военную добычу, никаких прав не имели. С ними хозяин мог делать, что заблагорассудится. Хоть убить. Иных специально для жертвоприношений и покупали.

Но в славянских землях участь у рабов была не самой плохой. Иные становились почти членами семьи.

Могли даже выкупиться. Самыми скверными хозяевами считались германцы. Эти сразу стригли рабу голову и надевали ошейник. Могли оскотить или еще как-нибудь покалечить. Охотно покупали девственниц. В основном для перепродажи.

Женщины помоложе и покрасивее ценились. Зато утратившие красоту стоили довольно дешево. А дети вообще шли «в нагрузку».

Лучше всех шли на торгу молодые сильные мужчины. Вроде тех, что Хрёрек взял с собой для «вспомогательных» работ.

Ну да, ярл в итоге не выполнил обещания. Скорее всего, он с самого начала не собирался их отпускать. Едва мы прибыли в городок, тут же объявил «вспомогательный персонал» своими рабами.

Однако не всех.

Шестерым предложил присоединиться к нашему экипажу на «испытательный срок». Примерно как мне в свое время. Видимо, присмотрелся к избранникам еще во время путешествия.

Предложение было принято с энтузиазмом. Если кандидат не справлялся с «работой», его, как я понял, просто «увольняли». То есть – отпускали на свободу. Если же испытуемый прилично проявлял себя в бою, его принимали в хирд. Со всеми вытекающими...

После общего сбора в одной из портовых гостиниц, которую Хрёрек снял целиком, большинству наших (и мне в том числе) выдали в счет доли добычи немного денег и отпустили погулять. Само начальство осталось: им предстояло рассортировать и сбыть награбленное. Только вещи.

Пленников еще утром продали оптом какому-то перекупщику из местных.

А вот с остальной добычей можно было не торопиться. Вещи кушать не просят, и стеречь их проще. Так что желающим приобрести нашу добычу предстояло изрядно поторговаться. Когда мы уходили, этот процесс был в самом разгаре.

Хорошо, что мне не надо было в нем участвовать. Не люблю я торговаться. Хотя куда больше мне не по душе торговать людьми.

Умом-то я понимаю, что пленники – такой же товар, как лисьи шкурки, но даже от понимания этого как-то сразу становится тошно.

«Надеюсь, и в будущем Бог меня избавит от контактов с работорговцами», – подумал я.

Что я сам могу стать «предметом» работорговли, мне и в голову тогда не пришло. Слишком уж я был уверен в своей удаче. Позабыл, что Фортуна – дама переменчивая, а попка ее куда менее привлекательна, чем личико.

Я присоединился к компании варягов. С нами пошли и эсты. Наши эсты, кстати, были, считай, местные. Местные пираты. Года три назад они с коллегами напали на караван из трех кораблей, везший кое-какие товары в Ладугу. Им не повезло. Два судна были торговыми, но с датскими, то бишь весьма боеспособными экипажами. А третьим был «Сокол», шедший в качестве конвоя.

Из пяти эстских снекк три отправились на дно. Две были захвачены. И десятка три пиратов оказались в плену. Семерым предложили сменить экипаж. Двое отказались (вот уж не знаю, почему) и были использованы на тризне по прямому назначению. Пятеро – согласились. Правда, одного убили в каком-то северном походе, но остальные здравствовали и по сей день. Не знаю, может, их далекие потомки и станут «тормозами», но эти эсты оказались довольно шустрými. И отлично знали все ходы-выходы в своем родном городке.

Они и привели в местечко, оптимально отвечающее нашим интересам, как-то: качественная жратва, качественное пиво, умеренные цены. В принципе, в список входили еще девки, но это – если бы мы пришли «изголодавшиеся», из вика. После трехнедельного путешествия с целой ордой легкодоступных и бесплатных женщин мы все несколько пресытились. Даже я, хотя уж точно не стремился к подобным насильственным связям. Но никуда не денешься: ко мне девчонки сами ластились. Думаю, потому что я относился к ним по-человечески.

Впрочем, когда хозяин предложил нам взглянуть на совсем «свежую» девчонку, наши отказываться не стали. Зато когда «новинку» торжественно вывели в зал, от громового хохота варягов и эстов затряслись потолочные балки.

Девчонка оказалась одной из наших бывших пленниц. Ее уже переодели по-местному – в красную шерстяную юбку и что-то наподобие сюртучка из белой шерсти. Однако признать ее было нетрудно. А поскольку девочка была веселая и симпатичная, то все присутствующие были знакомы с ней достаточно близко.

Девчонка сначала испугалась, но потом узнала нас, поняла, в чем дело, – и

несмело улыбнулась. Значит, вот куда пойдут купленные у нас милашки. В местные бордели.

Что же, женщина в этом мире, даже свободная, все равно почти собственность своего мужчины. А если такового нет, то любого желающего. Исключение: те, кого защищает род. Но мой «род» – это хирд Хрёрека-ярла. Женщин в этом «роду» не предусмотрено.

Только не подумайте, будто я осуждаю здешние порядки. По-своему они не лучше и не хуже тех, при которых я жил раньше. Они другие. Может, более суровые... А может, и нет. Там, в двадцать первом веке, тоже есть и рабы, и холопы. И точно так же сильный правит слабым и делает с ним все, что заблагорассудится. Только здесь мы берем на клинок чужой город и заявляем: мы оказались сильнее, поэтому вы нам *должны*. Платите деньги и живите дальше, как вам заблагорассудится. Более того, если кто-то вас обидит, мы придем и накажем. Если успеем, конечно. Однако вы вправе обороняться и сами. Никто не препятствует простолюдину приобрести меч и научиться им пользоваться. И никто тебя не накажет за неправомерное использование оружия. Если ты прав, конечно. Если нет – плати. Если у тебя нет денег, заплатит твой род. И сам с тобой потом разберется. Это его долг перед тобой. А твой – перед ним.

По-моему, очень честно. Честнее, чем там, откуда я пришел. Вот, к примеру, возьмем мой случай. Как и многие соотечественники, я отслужил в армии. Мне с детства втюхивали: это мой *долг*. А теперь подумайте, откуда этот долг взялся? Лично я у государства ничего не занимал. Ну да, в детский садик ходил государственный. Однако государства того, СССР, уже лет двадцать как нету. А вот школа у меня была уже платная. Платил, разумеется, не я, а мой отец. Но не сомневайтесь: это были его деньги. Собственные. Еще была спортшкола, но там тоже сначала платил отец. Не все, конечно, но большую часть. А потом, когда я начал побеждать, основные расходы взяли на себя... Угадайте кто? Нет, не государство – частные спонсоры. И рекламщики. В итоге, когда мне исполнилось восемнадцать, я уже вовсе ничего не платил и сам получал немаленькую денежку. Расскажите мне, где здесь государство? Скажете: оно меня охраняет и заботится о моем здоровье? Извините! Не помню, чтобы моя родная милиция меня охраняла. А вот денег слупить при каждом удобном случае – это запросто. Да меня кто угодно охранял и оберегал... кроме тех, кому это положено по службе. И не за охрану и помощь мой отец платил налоги и взятки. Он оплачивал не защиту. Он платил, чтобы его не придушили. Так сказать, «дяденька, купи кирпич!».

Так что если и был у меня какой-то долг перед госчиновниками (в чем я сильно сомневаюсь), то он был с лихвой покрыт налогами с моей первой машины. Однако вернемся к воинской службе. У меня были способы ее избежать. Первый мне предложил отец. Цена вопроса – тысяча (тогда это было много) американских рублей. Второй способ посоветовал тренер – пойти учиться. Меня с моими спортивными результатами и приличным аттестатом взяли бы в любой вуз, не только спортивный... Я мог бы, в конце концов, просто уехать из страны ну, скажем, в ту же Швецию, где друзья предлагали мне работу. В Швеции, кстати, тоже есть обязательная воинская служба, и никто от нее не бежит. Совсем наоборот.

Но я пошел служить в российскую армию. По собственной воле. Я ведь с пя-

ти лет учился быть воином, и мне ужасно хотелось повоевать по-настоящему. Скажете, дурак? Не буду спорить. Но я же не знал, что такое наша армия. То есть не то чтобы совсем не знал... Скорее, не хотел знать. Был уверен, что с моими данными (целая связка медалей за фехтование, КМС по пулевой стрельбе минимум по трем нормативам, разряд по стрельбе из лука) меня сразу возьмут в самый элитный спецназ.

Мне повезло. В спецназ меня не взяли. Но и куда-нибудь в тундру вместе с десятью дагестанцами (как моего дружка по двору) не отправили. Дружок, кстати, вернулся инвалидом второй группы. Будь я на его месте, инвалидов было бы намного больше, а сам я оказался бы в штрафбате. Или – в земле. Возникает вопрос: какой величины должен быть долг, чтобы славный паренек из Питера на полгода стал рабом совершенно чужих и чуждых ему людей, а в итоге – калекой?

Но обо мне, как я сказал, позаботились. Уж не знаю кто. Может, сыграло то, что я был как никак МСР[21]. Но я попал в спортроту. И занимался практически тем же, что и на гражданке. Только бесплатно и кормежка хуже.

Отслужил и сразу из «большого спорта» ушел. Совсем. Видимо, повзрослел. Настолько, что расхотел быть олимпийским чемпионом. Нет, не подумайте, что я не люблю свою Родину. Я ее даже люблю. Особенно здесь. Скучаю по ней. По Питеру, по друзьям моим, по родителям... Повсем, кто меня учил и кого учил я. По девушкам, которых любил, по дому своему (а уж по коллекции оружия как скучаю!), по «субарочке» моей стремительной... Да что там – даже по питерскому выговору скучаю... А вот по звездам кремлевским, по генеральским рожам, по чиновникам толсторылым... Да хоть бы они сдохли все разом, я бы за них и свечки не поставил... Кстати, о храмах наших... тоже скучаю, хоть никогда особо православным не был... В Бога верю, конечно, как же в Него не верить? Но храм – это другое. Тут не столько вера, сколько чувство такое особое... Словами не передать.

За все это я бы не просто убивал – глотки грыз. Но до глоток толстомордых воругов, спрятанных под тройными подбородками и министерскими стенами, добираться бессмысленно. Все равно что глистов из собачьего дерьма выбирать и давить поштучно. Так что пришлось притерпеться. Одно утешало: не я им деньги платил, а они мне.

Словом, если вдуматься, то девки эти, которых наши в местные бордели продали, устроены ничуть не хуже, чем те, которые пузатых генералов ублажают. А может, даже и лучше, потому что хоть мои друзья-викинги – ребята и грубые, зато простые и без гнусных извращений. Переспать с таким, на мой (мужской, само собой) взгляд, намного приятнее, чем ублажать какого-нибудь желеобразного полуимпотента вице-мэра... И про «долг перед Родиной» мне тоже, в общем, понятно. Все в точности как когда мы этот Плесков брали. У кого были бабки – те откупились и своих выкупили. У кого не было... Добро пожаловать в рабство! Но здесь хоть понятно, за что и почему. За измену наказывали. Князю своему «природному» Гостомыслу. А моего дворового дружка – за что? А другого моего дружка, которого на Кавказе убили?.. Причем не сразу убили. Сначала в плен захватили, потом мучили года два, пока родня деньги собирала, потом «посредники из органов» деньги взяли (якобы для передачи) и вернули взамен... труп. Причем неизвестно чей, поскольку в запаянном гробу. Денег, что характерно, не отдали. Сказали: горцы забрали.

Вот поэтому я и сделаю все, что возможно, чтобы местные нравы и традиции стали моими. Потому что моя родина отныне – хирд Хрёрека. А дальше – поглядим.

Пока один из эстов, Мяндр, объяснял хозяину, в чем дело: пусть не думает, что с девчонкой что-то не так, – мне пришла в голову мысль порадовать ее на прощание. Я извлек из пояса серебряную монетку и бросил смущенной красотке.

– Добрая примета, – сообщил я Трувору, – когда твое проданное добро к тебе возвращается.

Сымпровизировал. Но получилось органично. Нашим понравилось, и девушку осыпали серебром. Скорее всего, этого ей хватит, чтобы выкупиться. Если захочет, конечно.

Как говаривал мой папаша, Бог велит помогать бедным, но всем несчастным помочь невозможно. Потому добро следует творить конкретно и адресно.

Надеюсь, папе так же хорошо в оставленном мной мире, как и мне – здесь. И он не станет особенно горевать по поводу моего исчезновения – благо характер у него легкий. У меня – тоже.

В путь мы отправились через три дня. Когда достроили, окропили петушиной кровью и испытали нашу снекку.

Будь это боевой драккар, кровь была бы человеческой, поведал мне Руад. У викингов так принято. А снекка – это просто судно. Транспортное средство. До места добраться, добычу домой привезти. Вот драккар – это как дом родовой. Не будет ему одобрения богов, развалится в самый неподходящий момент. Так что следует отправить к богам персонального «вестника», чтоб доложил там, наверху, насколько важно для общества данное творение человеческих рук.

Такое вот жестокое время. Никакого уважения к ценности человеческой жизни в общем смысле. К чужим, то есть. Зато к жизням «своих» – исключительный респект. Такие вот языческие мораль и этика.

За три дня мы все успели как следует отдохнуть. Погуляли славно. Даже подрались пару раз: разок – с купцами из какого-то Шлезвига, по нашей инициативе. Другой – с норегами, которые начали задираться сами. Сначала нам крепко навалили, зато потом к нам подошло подкрепление – и расклад поменялся. Впрочем, обошлось без кровопролития, только Стюрмир немного не рассчитал и сломал одному из норогов руку. Деньги решили вопрос, хотя нореги все равно были очень обижены и грозили отомстить.

По-моему, они нам просто завидовали. Всем в городке уже было известно, что мы вломили Довгану и ограбили Плесков. В городке шептались: взяли по три фунта золотом на брата. Безбожно ввали, к сожалению.

Ввали, но верили. Чуть позже эти слухи создадут нам немалые проблемы, но тогда мы только ухмылялись. Кому не нравится быть крутыми? Лично мне – нравится. Тут, как и в любом деле, главное – не переборщить.

**Глава двадцать пятая,
в которой герой встречается с удивительным существом, имя
которому – берсерк**

У нашего оставленного в Ладого драккара кормовая часть заострена, красиво изогнута и поднята вверх. Это позволяет при необходимости плыть кор-

мой вперед. И защищает кормчего от стрел преследователей. Может, есть еще какие-нибудь функции, не знаю. У эстской снелки корма была пошире и пониже, однако тоже образовывала что-то вроде раковины. А перед «раковиной» – скамеечка. Чтоб тому, кто будет держать кормило, можно было присесть, когда море спокойное и упираться особо не надо.

Вчера, когда мы на новеньком кораблике вышли на Балтику, дул попутный свежий ветер, но к ночи он стих, а утром так и не возобновился. Пришлось нам поработать веслами.

Весла у снелки раза в полтора легче, чем у нашего «Сокола», и управляться с ними в одиночку нетрудно даже такому гребцу, как я. Так что работали мы без особого напряжения, сменяясь примерно через каждые два часа. Меня, как не отличавшегося медвежьей силой, посадили ближе к середине. Тут весла покороче, и крутить их, соответственно, полегче.

Греблось бодро. Команда друженько горланила песню, ухая в такт ритму гребли. Вода шуршала за бортом. В животе разливалось приятное тепло от сытного завтрака. Вот это я называю: здоровый образ жизни.

Но не следует забывать, что хорошо и сытно жить хочет большинство населения планеты, а материальных благ, как повелось с древнейших времен существования человечества, никогда не хватает на всех желающих. Вот почему висят на наших бортах пестрые щиты, а в ящиках под палубой хранятся мечи и копья.

Однако даже эти серьезные предметы далеко не всегда останавливают желающих произвести передел нажитого потом и кровью имущества.

Первым их увидел Ольбард. Он только что передал правило ярлу и решил изучить окрестности.

Берег не представлял ничего интересного, впереди тоже все было спокойно: море гладкое, ветер хоть и попутный, но настолько слабый, что парус то вздувался, то опадал лопнувшим пузырем.

А вот позади...

– Нас преследуют, – поведал Ольбард ярлу.

Хрёрек, не выпуская рулевого весла, выглянул из-за кормового изгиба.

Он увидел то же, что и варяг. Но в выводе усомнился.

– Почему так решил? – спросил ярл. – Может, нам просто по пути?

– Они приближаются, – ответил кормчий. – И быстро.

Хрёрек посмотрел еще раз, прикинул... Да, Ольбард прав. Два корабля, шедших в кильватере, примерно милями двумя позади, явно гребли изо всех сил.

– Мы можем уйти? – спросил ярл.

– Могли бы, – ответил кормчий. – Если бы нас нес твой «Сокол». Но на этом, – Ольбард хлопнул по борту снелки, – нет. Даже с меньшей загрузкой.

Хрёрек задумался. Драться не хотелось.

Викинги, вопреки установившемуся мнению, отнюдь не фанаты драки, если не ожидается хорошей добычи. Кому хочется умирать просто так?

Сейчас добычи не светило. Скорее, наоборот. Мы сами были добычей. Хорошей добычей.

Хрёрек передал правило Ольбарду и впился взглядом в преследователей.

Над горизонтом были отчетливо видны два паруса. Значит, у противника не меньше двух кораблей. И ему, скорее всего, известно, кого он преследует.

Наверняка они идут из эстского города. Коли так, то им известна и сила Хрёрекова хирда.

И тем не менее преследователи рассчитывают на победу. Ведь никто не полезет в драку, если не уверен в собственном превосходстве. Простая житейская логика: кто наезжает на сильного противника просто из молодецкой удалости, до зрелости, как правило, не доживает.

К сожалению, Ольбард прав. Снекке не уйти.

Значит, будем драться, принял простое решение ярл.

– Хольды, ко мне!

Эту команду услышал и я. Зрение у меня было похуже, чем у ярла, да и перспективу заслоняла спина сидящего впереди Флоси, так что преследователей я не видел. Тем не менее сообразил: что-то случилось.

Зазвенел барабан, отсчитывая новый ритм, более медленный, а потом я услышал, как открыли палубный люк и начали раздавать оружие.

Предстояла драка. Я ощутил легкое возбуждение. Не страх, а просто небольшой выплеск адреналина. Я успел уверовать в непобедимость нашего хирда, и мне было просто интересно, что нас ждет. За широкими спинами гребцов я по-прежнему ничего не видел. Встать же не мог: надо было ворочать весло.

Минут через десять ко мне подошел Трувор, уже в панцире и шлеме, перехватил весло и скомандовал:

– Иди, вздень бронь.

– Что будет? – поинтересовался я.

– Эсты, – лаконично ответил Трувор. – Два корабля. Скоро догонят.

Что ж, эсты так эсты. Воины они неплохие, насколько я могу судить по *нашим* эстам. Но – ничего. Разберемся.

Старшие ошиблись. Лишь один корабль принадлежал эстам. Второй, большой драккар о восемнадцати румах, был норегским.

– Это же драккар Эвара Козлиная Борода из Гокстада! – воскликнул Ульфхам Треска. – Пусть мне кто-нибудь скажет, откуда он взялся!

– Откуда взялся Эвар, я тебе могу даже показать, – насмешливо отозвался ярл. – Если ты приведешь мне его мамашу.

Хускарлы[22] радостно заржали. Хрёрек ухмыльнулся. Оптимизм перед битвой не помешает.

– А вот что он тут делает, – продолжал Хрёрек, – я бы тоже не прочь узнать.

– Хочешь, я спрошу его, ярл? – с готовностью предложил Ульфхам. – Ты знаешь, я умею спрашивать так, что мне трудно не ответить!

Все опять загоготали. Будто вышеупомянутый Эвар уже был раздет и привязан к столбу.

А нас между тем почти настигли. Полетели первые стрелы.

Ольбард дал команду, гребцы поменялись, и гонг застучал чаще. Снекка пошла живее, однако не в полную силу. Все равно с преследователями не тягаться. Враги догоняли нас, как стоячих. Они разошлись, беря нас в клещи.

Я стоял в полном боевом и глядел на вражеские корабли. Над их бортами торчали азартные бородатые рожи... Стрел эти парни боялись не больше, чем мы.

На том корабле, что побольше, справа от носовой фигуры, краснозубого дракона, располагался субъект в рогатом шлеме. Такие у викингов, насколько

я знаю, были не в ходу. Впрочем, на то они и викинги, чтобы щеголять в трофеях со всего света. У субъекта наличествовала длинная грязно-желтая борода, конец которой был заправлен за пояс. Надо полагать, это и есть тот самый Эвар Козлобородый из Гокстада.

Наши преследователи сближались под острым углом, но пока интервал между ними составлял метров пятьдесят. Они не хотели мешать друг другу.

Хрёрек взял копье, качнул в руке, отошел на пару шагов и с короткого разбега метнул в сторону норегов.

Копье описало красивую дугу длиной метров сорок... И закончило свой путь в лапе Козлиной Бороды. Тот загоготал, как упырь. Выждал секунд двадцать и метнул копье обратно. Целил он не в ярла, а в выглянувшего из-за кормового изгиба Ольбарда, однако Хрёрек успел перехватить (не хуже Эвара) снаряд и тут же метнул обратно. К этому времени дистанция между нами сократилась метров до двадцати, и Козлиная Борода ловить не рискнул. Он просто присел, и копье полетело дальше.

Попало ли оно в кого-нибудь, неизвестно, однако обратно уже не прилетело. Зато на нас посыпались стрелы. В щит Хрёрека воткнулось сразу три. В щит Трески, прикрывавшего ярла, – целая поросль. Еще парочка безвредно звякнула о доспехи самого Трески.

– Крепи! – резко выкрикнул Ольбард.

По этой команде все шестнадцать весел нашей снечки воткнулись глубоко в воду, а спины гребцов напряглись в едином запредельном усилии.

Снечка, осаженная на бегу, жалобно заскрипела... И остановилась.

А преследователи «затормозить» опоздали. Корабль эстов ушел вперед довольно далеко. У норегов реакция оказалась лучше – они сбросили скорость и начали разворачиваться метрах в тридцати от нашего носа, перекрывая нам путь.

– Левым – гребите! – крикнул Ольбард.

Снечка описала плавную дугу, которая завершилась борт о борт с «норегом».

Мастерство нашего кормчего заслуживало самой высокой оценки. Он совершил маневр, сразу разделивший наших противников. «Клепцы» не удались.

А обе команды, наша и норвежская, уже скопились вдоль бортов. «Емкости» для щитов за бортовыми планками опустели.

Я поспешно занял свое место в третьем ряду – за спиной Руада. Справа от меня двигал желваками Рулаф, слева – Флоси. Была и четвертая линия. Ее составляли шестеро «новобранцев».

В хирде построение не такое, как в римской армии. Здесь первый удар принимают на себя старшие.

Вернее, так предполагается.

Это, с позволения сказать, существо, я рассмотрел не сразу – росту во мне маловато. Но поглядеть – стоило.

Полуголый жилистый мужик с непокрытой головой приплясывал на борту вражеского корабля. Именно приплясывал: подпрыгивал, махал конечностями, чуть ли не вертелся на месте. Никаких затруднений в связи с узостью «танцплощадки» голопузый не испытывал. Более того, этот комедиант не

только танцевал, но выписывал довольно сложные фигуры мечом, да и его щит, утыканный стрелами, тоже не пребывал в праздности. Бум! – и он довольно ловко отбил им брошенное копьё.

Борт грохнул о борт. Не слишком сильно – Ольбард, как сказано выше, знал свое дело. Разойтись кораблям не дали. Десятки крючьев, брошенных одновременно с той и с другой стороны, связали две палубы в одну...

И тогда полуголый прыгнул.

Он толкнулся от своего борта и легко, как балерина, перелетел на нашу сторону. Здесь его встретила настоящая щетина из поднятых копий, но ловкач ухитрился как-то так бросить себе под ноги щит, что сумел оттолкнуться от него, как от твердой площадки. Перемахнув через головы наших, он приземлился позади строя, на палубу... И сразу кинулся в бой.

Двигался он со стремительностью дикой кошки.

К такой молниеносной атаке я был не готов, поэтому тут бы и прекратилась моя молодая жизнь. Если бы...

Если бы на пути полуголого не оказались наши рекруты.

Лучше б им отказаться от предложения Хрёрека. Ну стали бы рабами... Зато живы.

Полуголый прикончил всех шестерых максимум за пять секунд. Двоих он вообще положил одним длинным ударом. Собственно, задача была нехитрая. Шестеро бездеспешных... Хотя убийца и сам был в одних штанах.

Однако умерли бедолаги не зря. Когда очередь дошла до меня, я уже был готов. Метнул ему в лицо щит (он бы все равно мне только помешал), перекрыв обзор, и сделал отличный выпад, целя в живот. В голый, заметьте!

Он отпрянул поразительно быстро. Но недостаточно быстро, чтобы я его не достал...

...У меня возникло ощущение, будто меч вошел не в человеческую плоть, а в дерево. Вдобавок «дерево» это чудесным образом, в самый последний момент, ушло от плотного соприкосновения. Подобное я иногда чувствовал, работая без оружия с сильным противником. Когда тело реагирует не по воле мозга и даже не по рефлексу, а как бы на животном уровне. Как реагирует спящая собака, на которую наехал велосипедист. Только ее коснулось колесо – ширк! – и она уже выскочила.

Но я тоже не лыком шит: отпрянул голопузый, чтобы наткнуться на мой кинжал...

Но и от направленного в пах кинжала он успел увернуться. То есть я задел его ногу (опять такое же ощущение, будто дерево режешь), но так, пустячно.

Хотя нет, неправильно. В битве пустяков нет. Четыре маленькие раны могут быть так же опасны, как одна большая. Кровушка-то течет...

За спиной ревели и лязгали, упершись друг в друга, две боевые машины. Я не мог позволить себе роскоши оглянуться. Мой противник снова набрал дистанцию и опять приплясывал... в задумчивости. Другим словом я его странного вида охарактеризовать бы не смог. Он двигался всем телом, очень быстро и очень плавно, будто переливался. Глаза его были красными, как у кролика, из приоткрытого рта капала слюна...

На миг мне показалось, будто он понятия не имеет, где находится и что должен делать...

Но это домыслы. Гораздо важнее, что ни на животе, ни на бедре не было ни

капли крови. А ведь я определенно его достал. Точно, вон и порезы видны. Не то чтобы очень глубокие, но и такие должны кровоточить неслабо... Зомби он, что ли? Где-то в животе зашевелился мистический страх, но я задавил его холодной яростью. Пусть только сунется, уж я его встречу!

Пока мы с голопузым занимались созерцанием, сбоку на ворога налетел Флоси. Отличный удар, вдобавок неожиданный. Копьем, в бок, с двух шагов. Я бы, наверное, не увернулся. Но то – я.

Голопузый, за миг до удара пребывавший в задумчивости, в последнюю долю секунды – включился. Именно включился. Как вентилятор после нажатия кнопки. Разгонялся он не дольше, чем вентилятор. И эффект получился такой же: как от вентилятора, в который ткнули спичкой. Одной лопастью – спичку из пальцев, второй – по пальцам.

Копье отлетело в одну сторону, Флоси... Флоси никуда не отлетел. Полуголый налетел на него и совершил то, чего я уж никак не ожидал. Вместо того чтобы действовать мечом, этот ненормальный вцепился Флоси в шею. Вырвал зубами клоч мяса, испустил совершенно уже нечеловеческий вой...

И тут я терять времени не стал. Прыгнул на него.

Он – тоже. Причем намного качественнее. Взлетел метра на полтора и обрушился на меня сверху, как ястреб на куропатку. Противно взвизгнуло железо: клинок соскользнул со шлема и ударил вскользь по левому наплечнику. Если бы не вскользь – остаться мне без руки. А так она лишь онемела...

Как я ухитрился это сделать, сам не понимаю. Наверное, еще не въелись всякие табу вроде «никогда нельзя бросать меч!». Я свой бросил. Поскольку скорее угадал, чем увидел, что этот ненормальный *готов* встретить мой удар. Голой рукой... Но я почему-то не усомнился, что он и голой рукой парирует мой клинок...

И за миг до того, как получить по голове, я метнулся вперед, роняя меч и перебрасывая кинжал в правую руку. Его меч свистнул надо мной, а вот мой кинжал вошел в масть. Вошел туго. Мне даже показалось, что я попал в ребро, но нет, это было не ребро. Просто межреберные мышцы...

Сила его броска сбила меня с ног. Я увидел над собой раззявленную слюнявую пасть, оскалившуюся чисто по-звериному... Видели когда-нибудь, как скалится зверь? Все зубы будто вперед вылезают... Вот и этот – похоже.

Я испугался, что он попросту откусит мне нос, – защититься нечем: левая рука парализована, правая крепко зажата между нами...

Мне повезло. Я остался с носом. В хорошем смысле. Мой кинжал все-таки достал до сердечной мышцы. А заодно и легкое взрезал. Пузырящаяся кровь хлынула на меня. Враг заперхал, закашлялся, забился... Я спихнул его с себя, на всякий случай пинком вышиб меч из руки (это было не обязательно: психа уже выгнуло в предсмертной судороге, но мало ли...), поискал, чем вытереть лицо, не нашел и просто обтерся ладонью, а ладонь вытер о штаны.

Левую руку терзали тысячи игл. Это хорошо, чувствительность возвращается. Вдвойне хорошо, потому что бой еще не кончен. Со свободного борта к нашей снекке подходил корабль эстов.

Я оглянулся. Черт! Все наши – на норвежском драккаре. На палубе снекки трое: Ольбард на корме, Флоси, зажимающий разорванную голым безумцем шею, и я.

И туча стрел, летящих со стороны эстов. Я быстро присел меж скамей, спря-

тавшись под щит, как черепаха под панцирь.

Стрелы лупили по щиту, будто град по отливу. Только град не пробивает жесть, а эти гостинчики то и дело прошивали щит насквозь. Хорошо хоть сама рука была защищена металлом умбона.

С хрустом вгрызлись в борт «кошки». Я ничего не мог сделать. Сидел, съжившись, пока первый эст не перемахнул через борт. Тогда и вступил в дело.

Эсты шли на абордаж не строем, а толпой. Кого бояться? На палубе, считай, никого нет.

Вот тут вы ошиблись, ребята! Я люблю и умею работать против группы. Первому я отсек ногу раньше, чем она коснулась палубы. Подхватил в левую руку трофейный меч... Ну, сейчас пойдет потеха! Второго достал на развороте: обшитый бляшками «ватник» оказался недостаточной защитой. Третьего приколол как раз тогда, когда он мимоходом вознамерился добить Флоси.

– Под скамью! – крикнул я соратнику. – Лезь под скамью!

И, прикрывая его, потерял драгоценные секунды, необходимые, чтобы прорваться на корму к Ольбарду. Палуба уже кишмя кишела эстами. Передо мной моментально образовалась стена щитов, и я понял, что ощущали горожане из ополчения, когда на них надвигалась «свинья» викингов. Никаких шансов.

Когда-то, в *той* жизни, я на спор уложил шеренгу игровиков в самодельных доспехах. Эти – не игровики. Копья выскакивали из щелей между щитами и били по всем уровням. Я отступал, пока не уперся спиной в «спину» носовой фигуры. Теперь вместо стены из десяти щитов передо мной было только два. Но дело я имел с четырьмя противниками, потому что задние орудовали копьями поверх передних. В узком носовом пространстве я вертелся и плясал не хуже, чем недавно – голопузый. Хорошо хоть меня от эстов отделяла скамейка, через которую они не рисковали переступить. Зато меня было очень несложно подстрелить.

Удивляться, куда подевались стрелки, не было времени. Мои клинки так и свистели в воздухе, парируя чужое железо. Кажется, я сумел отрубить пару наконечников, но, похоже, их хозяев просто заменили свежие воины.

И тут я краем глаза уловил нечто по-настоящему неприятное. Эсты начали рубить канаты, связывавшие нашу снечку с норегским драккаром.

Если они сумеют отойти, мне конец. И в воду не прыгнуть: бронь, уже не раз спасшая мое уязвимое тельце, мигом на дно утянет.

– Трувор! – заорал я так, что даже противники на мгновение застыли. – Трувор! Уходят!!!

Почему я позвал Трувора, а не Хрёрека? Инстинктивно. Но инстинкт был правильный. Попробуйте выкрикнуть «Хрёрек!»...

Моя звезда еще не закатилась. Меня услышали.

Секунд двадцать – и мои противники дружно развернулись и дали деру. Эсты, как зайцы, прыгали на свой корабль, побросав мешки... Ах вот чем они занимались! Потрошили наши трофеи. Сначала, наверное, хотели перетащить к себе, но потом решили, что проще угнать корабль со всем содержимым.

Забрать они успели немного. А удிரали еще быстрее, чем догоняли.

Мы не преследовали, хотя у нас теперь был драккар, способный развить порядочную скорость и легко догнать корабль эстов.

Драккар бы мог, мы бы не смогли.

Победа над Эваром Козлобородым и его парнями далась хирду нелегко. Очень нелегко. Двадцать шесть наших убито. Одиннадцать тяжело ранено – не факт, что поправятся. Легкие раны получил едва ли не каждый второй из оставшихся. Нореги Эвара из Гокстада пали все. Кроме одного, которого приложило веслом в самом начале боя. Дрались они как дьяволы. Им не хватило самой малости, чтобы выйти победителями. Например, если бы полуголый безумец начал рвать наших с тыла...

И уж точно нам ничего бы не светило, если бы в спину ударили эсты.

Но эти предпочли легкий путь. Скорее всего, их союз с норегами был явлением временным. И они предпочли не делиться с союзником, а забрать себе все.

Если бы не мой вопль, у них бы получилось.

Но я завопил – и остался жив. И снекка осталась у нас. Я немного удивился, почему на помощь не позвал Ольбард (он тоже сумел отбиться – в своей «раковине» на корме), но Ольбард просто был более опытен, чем я. И более самоотвержен. Он-то знал, что у нас и норегов силы примерно равны. Лучше потерять снекку (вместе с добычей и нами в придачу), чем потерять все, в критический момент разделив силы.

Глава двадцать шестая, в которой герой по невежеству позволяет себе вмешательство в дела Перуна

В воздухе противно пахло паленым. И это не был запах пригоревшей дичи, это врачевали раненых.

Наиболее простой способ остановки кровотечения и дезинфекции в полевых условиях – прижать к ране полосу раскаленного докрасна металла. Даже самые мужественные не могли сдержать крика. А я впервые задумался: что будет, если меня, скажем, не убьют, а отрубят ногу, как Тьёстольву Мшанику?

Лучше – сразу насмерть.

Мы стали лагерем на пляже под высоким обрывистым берегом. Вытащили корабли на песок и накрепко привязали к валунам. Поднявшийся ветер сбивал с волн хлопья пены и бросал в лицо заряды песчаной шрапнели. Для раненых натянули что-то вроде палаток, остальным приходилось обходиться так. Хорошо хоть дождя не было.

Хирдманны готовились к тризне. На сей раз для погребального костра дров не собирали, хотя плавника вокруг было навалом. Героям предстояло уйти в Валхаллу на нашей снекке. Это был не только щедрый дар мертвым, но и вынужденное решение. Здоровых рук едва хватало, чтобы посадить на румы трофейного драккара хотя бы одну смену. Хорошо хоть драккар уже, чем «Сокол» Хрёрека, и весла у него легче.

Наверху, на гребне береговой кручи, торчали головы аборигенов в меховых шапках. Наблюдатели. Ничего худого они нам пока не сделали, только глазели. Присматривались.

Я вместе с другими занимался перетаскиванием груза со снекки на драккар.

Эта работа была приятней, чем загружать на снекку тела погибших. Мертвых норегов и эстов тоже погрузили на палубу. Всем, кроме четверых, отрубили большие пальцы – знак того, что там, в горней Валхалле, им не пировать-воевать, а прислуживать. Но все равно эта участь считалась лучшей, чем

отправиться кормить рыб в сети Эгировой супруги, великанши Ран.

Четверым норегам (среди которых был и сам Эвар Козлиная Борода) пальцы оставили. За доблесть. Эти дрались до последнего и пали от множества ран, прихватив с собой не меньше четверых наших. Хирдманны, с подачи ярла, решили их почитать. В конце концов, там, за столами Валхаллы, все будут равны, а столь доблестные воины окажутся очень кстати в час Рагнарёка.

За нашей работой угрюмо следили четверо связанных эстов и один рыжий и ражий норег, наглый, как медведь из американского природного заповедника. Норега глушанули чем-то тяжелым во время абордажа, поэтому половина его шевелюры и часть бороды обросла, как сосульками, стручками черной спекшейся крови, а один глаз превратился в узкую щелочку. Но даже этот заплывший глаз глядел на нас так, что хотелось приложить еще разок. Борзый нам попался пленник. Или – мужественный? Пожалуй, все-таки второе. Положение у норега – хуже губернаторского. Для тех, кто не знает, напомним, что речь идет не о политическом персонаже, а о жеребчике-пробнике, которого коннозаводчики подпускают к кобыле для разогрева. Чтоб, значит, настоящий самец-производитель времени на предварительные ласки не тратил. То есть осеменить такому «губернатору» никто не позволит. Только шишку надуть. Но жеребчика, по крайней мере, после мероприятия на колбасу не пустят. В отличие от наших пленников.

Из четверых эстов трое были серьезно, хотя и не смертельно, ранены. Четвертый – почти в порядке, его ошеломил брошенный кем-то из викингов топор. Этого попросил себе Трувор, и он сидел отдельно от других. Эста даже накормили.

Норегу тоже, как потом выяснилось, предстояло поучаствовать в варяжской ритуальной традиции, но кормить его не стали, потому что питаться ему было бы затруднительно. Рот надорван, вместо передних зубов – осколки и ошметки. С таким инструментарием железобетонные лепешки и вяленое мясо не обработать. Но литруху пива норег выпил. Не поблагодарил.

Проводы героев начались уже затемно, при свете костров. Сначала с подбаюющими возгласами зарезали троих эстов.

Четвертого же развязали и дали возможность восстановить кровообращение в конечностях.

– Что будет? – спросил я у Руада.

– *Наша* тризна, – ответил варяг. – Та, что любя Перуну.

Да, в недавнем бою погиб один из наших. Собственно, тут все были *наши*. Но варяги все равно мне были ближе прочих. Словене как-никак.

Дико озиравшегося эста вытолкнули на свободное пространство. Он заметно тушевался (я бы на его месте тоже не горел энтузиазмом), но, когда ему подали меч и щит, сразу оживился.

К нему подошел Трувор.

– У тебя две дороги, – сообщил пленнику варяг (переводил один из наших эстов). – Ты можешь умереть как овца. А можешь – как воин, в поединке.

– С кем я должен драться? – спросил эст, подозревая подвох.

– Со мной.

Эст окинул мощную фигуру Трувора цепким взглядом воина.

Оба были без доспехов и даже без рубах. Ростом и телосложением – почти

равны, разве что Трувор чуть посуше, и шрамов на его торсе и руках – поменьше.

– А что будет, если я тебя убью?

– Займешь мое место на скамье, – просто ответил хольд.

– Годится!

Но радость эста поутихла, когда он увидел, что Трувор намерен биться двумя мечами.

– У нас разное оружие! – запротестовал он.

– Дать тебе второй меч? – поинтересовался Трувор.

Эст не ответил.

– Тогда хватит болтать! Бейся!

И эст кинулся на него.

Уже через полминуты стало ясно, что силы не равны. Но Трувор почему-то не торопился его убивать. Он бил очень красиво: с двух рук, вразнобой, в точности как показывал мне... Но каждый раз останавливал удар в пальце от плоти врага.

Эст (не дурак) тоже это понял и остановился.

– Ты не хочешь меня убить?

– Не твое дело! Ты-то хочешь!

– Хочу! – рывкнул эст и обрушился на варяга с новой силой. Теперь он вовсе не оборонялся, только атаковал. И бой стал значительно красивее. Оборонялся Трувор виртуозно. Но – недолго. Короткий взмах – и эст удивленно посмотрел на глубокий разрез, разваливший ему ребра. Он хотел что-то сказать, но кровь хлынула горлом, и он навзничь упал на песок. Я стоял достаточно близко, чтобы увидеть, как в разверстой ране судорожно билось сердце. И увидеть, как оно остановилось.

– Вот так! – удовлетворенно произнес Руад, устроившийся слева от меня. – Вот это Молниерукому любо!

Настала очередь норега. Видок у пленного викинга, как я уже говорил, был не блестящий. Полрожи – в запекшейся крови. Но глаза, руки, ноги целы. А бойцом он, судя по всему, был достаточно умелым.

Между Ольбардом и Трувором возник спор: кому драться с норегом. Желание имелось у обоих. Трувор апеллировал к тому, что он в роду – старший и это его обязанность (то, что Ольбард – кормчий и первый помощник ярла, в данном случае значения не имело), а Ольбард упирал на то, что Трувор уже убил одного. Зачем же стягивать на себя все одеяло?

В дискуссию вмешались еще двое варягов. Также хотели лично порадовать Перуна.

Норег скалился обломками зубов. Доволен, собака. Или убьет еще кого-то, или умрет, как положено адепту Одина.

Я своей кандидатуры не предлагал. Может, поэтому спорщики, подустав орать, поглядели на меня.

Никакого желания драться не было. В Перуна я не верю, вдобавок устал, как бедуинский верблюд после призовых гонок. Однако отказываться тоже нельзя. Еще решат, что струсил...

К счастью, ответа от меня и не потребовалось.

Справа от меня сидел Мянд, наш эст. Сегодня он потерял брата. А еще один из его родичей лежал с тяжелой раной. Так что Мянд был черен, как грозная

туча.

– Трувор! – окликнул он хольда. – Дай мне убить норега!

Варяг поглядел на него. В глазах Трувора мелькнуло сомнение.

Причин, как я полагаю, было три.

Первое: Мяндр – не варяг, хотя, по-моему, Перуна почитают и эсты.

Второе: ритуальный поединок – это не месть, а именно ритуал.

Третье: мне показалось, Трувор не был уверен, что Мяндр справится.

Мой хольд просканировал оценивающим взглядом сначала эста, потом – норега... Задумался. Видимо, прикидывал, насколько норега покоцан...

– Пусть будет так, – наконец сказал он. – Если ты не справишься, им займусь я.

Последнюю фразу он сказал на языке, понятном норегу, и тот еще шире осклабился. И прошепелявил в ответ, чтобы Трувор готовился к бою, потому что он намерен убить и его тоже.

Нореги здоровы хвастать. Однако мне показалось, что у этого есть шансы. Когда его развязали и вручили меч и щит, он довольно ловко подбросил их в воздух, а поймал уже наоборот – щит правой, а меч – левой. Норега оказался левшой. И с координацией, несмотря на травму головы, у него было все хорошо. Когда он стянул рубаху, то оказался настоящим атлетом. Нелегко придется Мянду, ох, нелегко!

Однако наш эст не колебался. Также разделся до пояса (так положено, оказывается), взял собственное оружие.

Вокруг поединщиков вмиг образовался круг. Никто, даже раненые, не остались безучастными.

Для этих людей увлекательнее поединка может быть только поединок, исход которого непредсказуем.

Пробный обмен ударами. Нет, силенок у норега еще достаточно: хреначит по щиту, будь здоров. Но послабее, чем Мяндр. У того от ударов такой треск идет...

Однако эста подогревает гнев, а это плохо. Особенно вначале, когда надо бы силенки поберечь.

М-да... Будь здесь тотализатор, я бы, пожалуй, поставил на норега. Класс у них примерно равный, а вот организованность у хирдманна покойного Эвара Козлиной Бороды существенно выше. Да он и помощнее. Хотя здесь – так на так. Удар по голове рано или поздно все равно скажется. Впрочем, если эст будет так лупить, то до «поздно» он может и не дотянуть.

Норега играл намного хладнокровнее и заработал очко: изловчился и достал Мянду в плечо – тот припоздал с защитой. Вскользь достал, но кровь показала.

Мяндр будто и не заметил. Продолжал работать дровосеком.

Оп! Вновь его норега поймал. Подставил щит ребром – с разбитого края, и меч в нем чуть не увяз. Эст еле успел отскочить. Меч, правда, выдернул, но получил еще разок – по бедру. Несильно. Даже не захромал. Но – опять кровь. Правда, и у норега на голове рана открылась. Вон, течет струйка с виска по бороде...

Оп! – опять достал. На этот раз обратным ходом чиркнул Мянду по правому предплечью. Также мелочь. Мог бы и руку отмахнуть, но тогда пришлось бы открыться, и рвани Мяндр навстречу – неизвестно, кто успел бы первым.

Не рискует норег. Не торопится. Силы экономит... Для будущего боя. Не одолеть его Мянду. Неудобно ему с норегом. Непривычно с левой рукой работать.

Вот-вот все кончится, и не только я это понимаю.

Однако никто не вмешивается, и я помалкиваю. Честный бой, надо полагать. Хотя будь мы втроем – я бы точно вмешался. Какой, на хрен, честный бой, если своего вот-вот убьют! Моя честь по-другому устроена. Она такого не приемлет.

А норег тем временем разыграл красивую комбинацию. Пугнул слева, пугнул справа снизу, потом умело перевел на верхний уровень, заставив Мянду вскинуть щит, потому что мечом прикрыться – уже никак.

Мянд щит задрал, перекрыв себе же обзор и...

– Бью снизу! – заорал я по-русски, то бишь по-словенски. Так мы на тренировках орали, обозначая цель, когда хотели провести удар боевым оружием в полную силу. Чтоб противник с защитой не промедлил.

Норег по-нашему не понимал. Или внимания не обратил, потому что мой вопль с трудом прорвался через общий галдеж. Зато Мяндр на крик среагировал рефлекторно – бросил щит вниз... Прикрыться он все равно не успел, но получилось еще лучше, потому что край щита сбил клинок норега и вывел того из равновесия.

И все. Меч эста, с широкого маха, с хрясом врубился в мощный загривок и свалил норега наземь. Мяндр тут же отбросил щит, наступил врагу на спину и обратным хватом двумя руками вогнал клинок норегу пониже левой лопатки. Ну теперь совсем все.

Эст поднатужился, вырвал меч, обтер его краем нореговой рубахи и уселся на прежнее место, рядом со мной. Такой же мрачный.

– Будем считать, что твоим языком говорил Перун, – сказал мне Трувор.

Но абсолютной уверенности в голосе у него не было.

По его понятиям я был неправ. В такие поединки люди не вмешиваются. Это прерогатива бога. А боги здесь обидчивые. И злопамятные. Трувор, похоже, беспокоился. Обо мне. Немилость бога – это может быть неприятно. И очень вредно для жизни.

Я же не принял этого всерьез. Может быть, зря...

Через несколько минут мы, поднатужившись, столкнули снечку в море. Ветер тут же вздул парус, понес ее прочь от берега, и она потерялась бы во тьме, если бы не огонек костра на палубе. Ветер раздувал его, и наконец пламя добралось до щедро разлитого масла. В считанные мгновения запылал весь корабль. Это было очень красиво. И настолько величественно, что даже мне привиделись в отблесках пламени огненные души погибших, улетающие в небеса. А уж каждый из хирдманнов видел их совершенно ясно.

Глава двадцать седьмая,

где героя едва не находит преждевременная кончина

К утру один из раненых умер, зато об остальных Ольбард сказал: будут жить.

После завтрака старшие распределяли новые трофеи.

Мне назначили аж три доли. Так же, как кормчому. Причем не за убитого голопузого, а за «спасение корабля». Кстати, доли эти были больше, чем обычно, потому что на этот раз «порция» ярла была не по числу румов, а всего

лишь пять долей. Купленная снечка была не его собственностью, а частью общей добычи.

Еще мне дали право первому выбирать из кучи оружия и ценностей, снятых с убитых норогов.

Я от выбора отказался: мол, пусть будет как у всех, и тогда Хрёрек (весьма удивленный моими словами) выбрал мою долю сам: пару золотых браслетов, снятых с кормчего трофейного корабля.

Каждый браслет весил под сто граммов, а учитывая, что стоимость золота была раз в десять больше, чем серебра, то цена приближалась к десяти серебряным маркам. Огромные деньги.

– Достаточно, чтобы купить землю в Датской Марке, – сообщил мне с улыбкой Хрёрек. – Но думается мне, ты не станешь этого делать.

– Не стану, – ответил я. И добавил поэтично, как принято у викингов: – Мне любо море пахать, а не землю!

Хирдманны ответили одобрительным рыком. Им понравилось.

Зато мои навыки по судоремонту – после дележки команда занялась осмотром и починкой драккара – понравились народу значительно меньше. То есть этих навыков у меня не было вовсе. Вся польза от меня была на уровне «подай-помешай-принеси».

Увидев это, наш ярл отозвал меня в сторону.

– Ты очень необычный человек, Ульф Черноголовый, – сказал он мне, когда мы присели на выброшенное морем бревно. – Ты ничего не смыслишь в кораблях и держишься в строю хуже, чем тринадцатилетний мальчишка. Да и гребешь немногим лучше. Но бьешься так, что приходит в голову мысль: а не колдуешь ли ты во время поединка, как делают это йотуны[23]? Я бы даже подумал: а не потомок ли ты йотуна, не будь ты таким мелким. И это хорошо, потому что я не хотел бы иметь в своем хирде потомка йотунов.

Хрёрек ненадолго задумался. Ветер трепал его длинную белую гриву, прихваченную простым кожаным ремешком. Профиль у ярла был очень величественный.

Я ждал продолжения.

– Ты не потомок великанов, – произнес наконец Хрёрек. – Ты не очень-то силен, но тщишься не показать этого и ни в чем не уступать тем, кто сильнее. Это в тебе говорит кровь истинного дренга. И я не жалею, что принял тебя в хирд. Вчера, когда ты схватился с берсерком Эвара, я хотел послать тебе на помощь Стюрмира, ведь то был истинный берсерк. Не из тех, кто, обожравшись дурманного гриба, полагает себя подобным Одину. Истинного перевертыша можно убить только деревом или камнем, потому что железо его не берет. Но Трувор крикнул мне, что ты сам справишься, и Стюрмир остался там, где был нужнее. И ты убил перевертыша. Убил ножом. А перед этим дважды достал его железом. Я увидел это, когда осмотрел мертвеца. Как такое может случиться без колдовства?

Этот вопрос требовал ответа, и я сказал, подумавши:

– Это было трудно, ярл. Но у меня получилось. Может, потому что я не знал, что таких, как он, нельзя убить железом?

Хрёрек обдумал эту мысль и нашел ее разумной. Кивнул.

– Но признаюсь тебе, ярл, был миг, когда я испугался.

Хрёрек молча смотрел на меня. Ждал.

– Я немного испугался, когда понял, какой он быстрый. Но это было просто беспокойство. Настоящий страх я испытал, когда понял, что мой меч оставляет на нем лишь жалкие царапины.

– Такого страха можно не стыдиться, – сказал Хрёрек. – Только дурень не испугался бы, впервые сразившись с берсерком. Но для дурня это был бы последний бой. Ты слишком часто удивляешь меня, Черноголовый, и мне это интересно. Я не спрашиваю, что было с тобой прежде. Это твое право – молчать. Но думаю, что ты – изверг. Или – изгой[24]. Возможно, у себя на родине ты совершил страшное преступление, не знаю. Я не знаю ни одного словенского племени, состоящего из подобных тебе. Но с твоим племенем я не хотел бы ссориться.

– В моем племени очень немного подобных мне. И я не был изгнан, я ушел сам. Потому что все, что я умею, это драться. А в моем племени таких не очень жалуют. И, ярл... Если ты не против, я больше не хотел бы говорить о своем прошлом, – закончил я твердо.

«А то я такого могу наговорить...»

– Хорошо, – кивнул Хрёрек. – Довольно об этом. Но запомни: я буду за тобой присматривать! – Он встал.

– Это честь для меня! – Я тоже встал и поклонился.

По-моему, мы расстались, довольные друг другом.

Почти у всех наших, независимо от ранга, имелись прозвища.

Ярла, как и следовало ожидать, звали Соколом. Это потому, что здешние сокола называли рарогом. Похоже, правда? Но лишь в тех случаях, когда хотели отличить его от Хрёрека Ютландского[25], приходившегося ему родственником. Само же его имя Хрёрек переводилось то ли как «сильный славой», то ли как «славный силой». На мой взгляд, оба варианта попадали в масть.

Прозвище Трувора было Жнец. Надо ли говорить, что «жал» он отнюдь не колосья.

Прозвище Ольбарда было Синий Ус. Или Сивый Ус. Почему – непонятно. Но его так звали нечасто.

– А какое у тебя прозвище, Руад? – спросил я.

– Бычий Хвост, – не стал скрывать мой товарищ. – Только я бы никому не советовал звать меня так.

– Не буду, – пообещал я. Но мне сразу стало интересно, что подразумевается под «бычьим хвостом».

Под хвостом подразумевался именно хвост. Как-то, еще в сопливых годах, Руад поспорил с братьями, что удержит за хвост племенного быка.

Я видел здешних быков: они, мягко говоря, невелики. Примерно как бычки для испанской корриды. Но с силенками у них все хорошо. Удержать того быка Руаду удалось не сразу. Сначала бык довольно долго гарцевал по полю, а Руад висел у него на хвосте, считая организмом все встречные камни и кочки, но твердо зная, что рук разжимать нельзя.

К чести Руада, бык устал первым. И смирился. Тогда Руад, избитый так, будто оппоненты колотили его палками, кое-как встал на ноги и «удержал» быка.

Спор он выиграл, но малоавторитетная кличка приклеилась намертво.

Мы сидели под самым обрывом. Уже привыкли к тому, что аборигены просто глазят на нас сверху. Хорошее место было, удобное. Длинный камень,

очень похожий на скамью и приятно подогретый солнцем.

Когда Руад ушел, на его место опустился Стюрмир. Просто сел молча и принялся заново укреплять ремень щита. Дело ответственное, потому что в бою щит может развалиться напополам, но с руки сорваться не должен.

А я точил меч. Могу этак развлекаться часами. Наверное, потому что мне просто нравится ласкать свое оружие.

Так вот мы и сидели молча, пока наверху не раздался какой-то шум.

Я (наивный лох!) поднял голову, чтобы посмотреть...

Стюрмир (сын своего времени) сразу вскинул щит... И спас мне жизнь, потому что падающая каменюка непременно проломилась бы мне голову. А так только одна доска у щита треснула.

Аборигенам надоело на нас глазеть. Или они решили, что будет неплохо поупражняться в камнеметании.

Следующие минут пять на нас рушился настоящий камнепад. К счастью, берег был достаточно широк, и палатки с ранеными стояли далеко от стены. Кроме того, аборигенам было намного интереснее целить в нас, чем в какие-то там палатки. Хорошо хоть среди них не было силачей, способных докинуть до нас или до драккара достаточно крупный булыжник.

Складывалась ситуация из разряда: друзья Маугли против бандерлогов. Можно было отреагировать по-багирии: то есть рычать и плевать. Или – как медведь Балу. То есть игнорировать. Вплоть до «наплевать и уплыть». Ремонт был почти закончен.

Оказывается, я еще недостаточно хорошо знал викингов. И не учел, что кое-кто из наших оказался камешками ранен. Пустяки. Я сам был из таких пострадавших: щеку осколком оцарапало.

Но никто не смеет пролить кровь человека из команды Хрёрека-ярла и остаться безнаказанным.

Швыряться булыжниками аборигенам вскоре наскучило. Сразу же, как только мы оказались вне досягаемости.

А когда мы начали готовиться к отплытию, они и вовсе убрались. Добились своего: прогнали злодеев. Их можно понять: мы – очень неприятные соседи. Но лучше бы ребятишкам не задираться.

Ближе к вечеру мы отплыли...

А как стемнело – вернулись обратно.

Подплыли медленно и осторожно: темень поначалу была почти абсолютная. Потом облака разошлись, выглянул лунный серпик, и видимость немного улучшилась. Хотя к самому берегу мы подходить не стали. Бросили якорь и выгрузились в три приема с помощью ялика.

Штурмовая команда состояла из пятнадцати человек. Набирал ее сам ярл. Я оказался в списке. Хотя понятия не имел, что мы будем делать дальше. С моей точки зрения, круча, под которой находился наш пляж, была совершенно непреодолима без специального снаряжения. Даже днем, не то что ночью.

Но это я так считал. Мои кореша полагали иначе.

На скалу полезли двое: Ульфхам Треска и Стюрмир. Последний, как выяснилось позже, в качестве живой подпорки. Никакой страховки не предусматривалось. Вместо костылей использовались ножи и наконечники копий. Как они лезли, я не видел, потому что темно. Зато вскоре увидел результат: сверху

упала пеньковая веревка. Слишком тонкая, чтобы по ней лезть вверх, но никто и не собирался. На веревке подняли узловатый трос из тюленьей шкуры. Дальше – просто. Через полчаса вся наша группа, в полном вооружении, оказалась наверху.

Вообще-то викинги не любят сражаться ночью. Предполагается, что в темноте боги могут не разглядеть, кто из бойцов – настоящий герой. Обидно, однако. Но не любят – не значит – не умеют.

Нас, как сказано выше, было пятнадцать. Аборигенов, по моим прикидкам, только на обрыве раза в три больше. Но численное превосходство противника моих друзей не смущало.

Наверху рос неплохой лес. Однако тропинок в нем хватало. Большинство наших видели в темноте, как кошки. Остальные просто топали сзади. Вернее, трусили рысцой.

По дороге убили молодого кабанчика. Дурачок сам выскочил на тропу. Тут его и подстрелили. И зачем-то взяли с собой.

Причина выяснилась позже, когда мы добрались до деревни, отстоявшей от берега километра на три. Даже не деревни, а, как выяснилось позже, городка.

Жилье издали учуяли все, даже я: дымком попахивало. Слабенький ветерок тянул к нам.

Это было хорошо, потому что в населенном пункте имелись собачки. На свободном выгуле. Тут и выяснилось, зачем нужен был кабанчик. Его старательно порубили на куски и побросали с противоположной от нас стороны.

Собачки учуяли его довольно быстро. Сначала дружно затаивали, а потом так же дружно ломанулись. И зачавкали.

А мы проникли на территорию противника.

Противник обустроился основательно. Загородился он внешнего мира забором. Часть строений, впрочем, располагалась снаружи.

Их мы заняли в первую очередь. Я в процессе не участвовал. И хорошо, потому что мои соратники пленных не брали, а резать спящих я бы, наверное, не смог.

Как позже выяснилось, никого не резали. Опять-таки вопреки расхожему мнению, викинги (по крайней мере, из нашего хирда) зазря никого не режут. Для устрашения – да. В порядке личной мести – с удовольствием. Ради сохранения тайны или во славу богов – сколько угодно! Но просто так... Глупо! Все равно что лисьи шкурки мечом рубить – для тренировки. Зачем уничтожать то, что можно продать?

Ворота в лесной городок были – нараспашку. Охраны – никакой. Спрашивается: зачем было огород городить?

Проникли мы бесшумно. А вот потом...

Никогда не слышали, как гудит большой океанский лайнер? А теперь представьте: то же самое, пусть на октаву повыше, и – внезапно!

Мои кореша взревели разом во всю мощь тренированных легких. Аж мне страшно стало, а ведь я был своим и орал вместе со всеми.

Заполощенные аборигены выскакивали в исподнем, а то и в чем мать родила... Кто – с ухватом, кто с кочергой, кто с топориком... Мужиков тут же валяли... Даже без применения оружия. Зачем? У того же Стюрмира колотуха – с пивную кружку. Тут бы не убить ненароком.

Я, признаться, в процессе почти не участвовал. Народ-то в основном щитами и древками копий работал, а у меня – два клинка. Чтобы подсветить территорию, наши подожгли один из сараев. Старина Руад вспрыгнул на крышу соседнего дома и обосновался там с луком на изготовку. Если кто-то в панике кидался к воротам или через стену лез – получал стрелу в затылок. Тупую стрелу, потому что – смотри выше. Лупит эта стрела не хуже резиновой дубинки. Промахнуться с такого расстояния... Даже я не промахнулся бы.

А вот и для меня место нашлось. Как раз в воротах я и встал. Аки вратарь с двумя мечами.

Кто подбежит, тому – страшная рожа и грозный рык.

Очень эффективно. Особенно на женский пол действовало. На прорыв кинулся только один храбрец: пучеглазый от ужаса мужчинок с вилами.

Вилы я у него вышиб, а глаза вернул на место плоской стороной меча.

Вот и весь мой вклад в общее дело.

Дальше – по схеме. Перепуганную толпу (человек восемьдесят взрослых и примерно столько же детишек) хирдманны загнали в одну из изб, покидали туда же оглушенное «мясо», заколотили двери, поставили часовых (меня и Рулафа) и занялись системным грабежом.

Навыки у ребят были отменные, так что примерно через час все более или менее ценное из хозяйства (например, бронзовая и железная утварь) было собрано в одну большую кучу. С товарами местного производства дело обстояло еще проще. Например, продукты жизнедеятельности лесных пчел были уже разделены и подготовлены к транспортировке: мед отдельно, воск отдельно.

Не стану вдаваться в подробности, но где-то к полудню налетчики (то есть мы) уже двинулись в обратный путь. Причем не к той стене, по которой мы поднимались ночью, а куда более удобной дорогой: вдоль речного русла. Впереди трусцой бежали связанные цугом пленники. Исключительно молодежь. Обоего пола. Бежали не порожняком, естественно. Волокли на спинах объемистые мешки, в которых шуршало, звенело и хрюкало. Эх, не утонул бы наш драккар под тяжестью новой добычи.

Нашлось, кстати, и серебришко. Даже без допроса третьей степени обошлось. Хрёрек вычленил из общей массы самого важного дедушку и предложил свой традиционный вариант: или предьявляем кубышку, или начинаем резать пленников до тех пор, пока кубышка будет предьявлена.

Дед потребовал гарантий. Хрёрек рассмеялся ему в лицо.

Дед осознал слабость собственной позиции и выбрал первый вариант.

Серебра набралось килограмма три. Возможно, у лесовиков были и другие схоронки, но Хрёрек дожимать не стал. Счел, что и так нормально прогулялись.

Через две недели, в тесноте, зато при попутном ветре, мы прошли мимо острова Котлин. Просто острова. До Кронштадта оставалось лет восемьсот, не меньше.

Еще через неделю мы, поднявшись по Неве, которая оказалась куда шире и полноводнее, чем та, к которой я привык (Неужели Петербург столько воды выпивает?), вышли на оперативный простор Ладожского озера и, усердно работая веслами, добрались до устья реки Ольховки, то бишь – Волхова. А там уж рукой подать до красивого речного изгиба, на котором расположился

стольный град Гостомысла.

В Ладогe – Альдейгье мы задерживаться не стали. Оставили вновь приобретенный драккар, раненых и челядь, доукомплектовали команду местными и пришлыми рубаками, набили трюмы «Сокола» и трофейного кнорра товарами и двинули обратно к морю.

Хрёрек намеревался зимовать в городе под названием Роскилле. Это где-то в Дании. А перед этим посетить еще один датский город под названием Хедебю. Следовало торопиться, поскольку до окончания судоходного сезона оставалось не так уж много времени.

Итак, Хедебю. Хускарлы говорили о нем, как о чем-то весьма солидном. Что-то такое и я слышал, хотя среди крупных городов Дании моего времени Хедебю точно не значился.

Ладно, поживем – увидим. Вернее, поплывем – увидим.

Глава двадцать восьмая, в которой герой посещает столицу Ютландии

Славный город Хедебю лежал в глубине красивейшего фиорда и находился где-то на западной части Балтийского моря. То есть – в Дании. Плавание наше проходило очень удачно. Погода неизменно благоприятствовала, ветер был попутный, штормило всего разок, и то мы успели вовремя укрыться на берегу. Словом, лепота. Ей-богу, мне начинала нравиться жизнь моряка. Более того, я уже чувствовал себя таким морским волком, просоленным до самых внутренностей. И грести наловчился не хуже природных викингов. Хотя греблей мы себя в этом путешествии не изнурили. За нас в основном трудился ветер.

По местным масштабам Хедебю явно считался изрядным городом. Кроме того, он был еще и самым южным крупным поселением данов. Это если я правильно понял то, что говорил Хрёрек.

В удобной гавани располагались качественно сработанные причалы. К одному из которых мы и подошли.

У многих моих соратников здесь, в Хедебю, были родственники, поэтому часть экипажа тут же рассосалась. Остальные, за исключением тех, кому было поручено заниматься разгрузкой, двинулись вслед за ярлом.

Красивый городок – Хедебю. Зелень вокруг. В том числе и на крышах домов. Строился поселок вдоль речки, точнее, даже не речки, а большого ручья, от которого ответвлялись распределительные канавки. Еще я заметил земляной вал, но даже внутри вала дома и дворы не теснились, как это было в городах, защищенных деревянными стенами. Тротуары деревянные, берега ручья укреплены, чтоб не размывало. Все аккуратно, чистенько.

Мы топали налегке, под заинтересованными взглядами коренных и некоренных обитателей города. По моим прикидкам, население Хедебю – три-пять тысяч. Судя по запахам и звукам, городок был в основном торгово-промышленный. По крайней мере свиней на улице было не так уж много.

С нашим вождем здоровались все. Первыми и весьма почтительно. И это притом, что почтительность у здешних – не в чести. Свободолюбивый народ. Ни перед кем гнуться не желает. Оно и понятно. Трое из четырех встречных мужчин – на полголовы выше меня[26]. И у каждого – оружие. Меч, не меч, но приличных размеров тесак – обязательно.

Вскоре выяснилось, куда мы направляемся.

Оказывается, у Хрёрека здесь – усадьба. Или одаль[27], как здесь говорили.

Здоровенное подворье с двумя колодцами и несколькими десятками постоянных обитателей. Заправлял имуществом старик почти двухметрового роста, костлявый, плоский и широкий, как дельтаплан. Судя по всему, дедушка был достаточно крепок, чтобы голыми руками открутить голову мужчине среднего телосложения.

Они с Хрёреком обнялись очень нежно, затем ярл представил деду новичков. И меня в том числе. Старика звали Хёдин Морж, и Хрёреку он приходился двоюродным дедом. Как я понял, он был не только родственником, но и главным воспитателем ярла. Как выяснилось позже, это у них был такой обычай – отдавать мальчишек на воспитание кому-нибудь из родни. Не исключено, что и усадьба эта была – Хёдинова, а не Хрёрекова, хотя последний вел себя как хозяин.

К нашему приходу уже успели накрыть поляну: нарезать и зажарить, кого положено, приготовить пиво и прочие напитки... Словом, подготовились. Система оповещения в Хедебю была поставлена неплохо, так что Хёдин узнал о появлении племянника, едва драккар с соколом на парусе вошел во фьорд.

В порт был отряжен отряд трэлей с приземистыми мохнатыми лошадами: забрать добычу и подарки.

Мы же перекусили и отправились в город.

Мы – это варяги и я. Малой группой. Держаться всем вместе, как я понял, необходимости не было. У Хрёрека в Хедебю все схвачено. Да и законы здесь жесткие. То, что все вокруг вооружены, еще не значит, что это оружие часто пускают в ход. Скорее, наоборот: каждый понимает, что конфликт закончится не мордобоем, а кровопролитием. Со всеми вытекающими: немаленьким денежным штрафом, последующей кровной местью... Даже трэля чужого прибить не моги: купить своего, а потом нарезать – намного дешевле встанет.

Кстати, в город мы пошли не просто так. Хрёрек дал Ольбарду поручение. Вечером ярл планировал банкет (все были предупреждены: не нажираться раньше времени), а для настоящего веселья требовались девки. То есть, как верно отметил классик, даже если сначала кажется, что женщины не нужны, то потом они все равно обязательно понадобятся. Вот об этом и должен был позаботиться Ольбард. То есть не сам, конечно, а содержатель соответствующего притона. Ольбарду же, как казначею ватаги, надлежало договориться о цене.

Чем он и занялся. Вместе с Трувором. А мы отправились гулять и наслаждаться ощущением твердой почвы под ногами. Ей-богу, это так приятно: деревянные тротуары вместо деревянной палубы!

Мы шли, как и положено суровым авторитетным парням. Распределившись во всю ширину улицы, я бы даже сказал: растопырившись во всю ширину улицы. Все прочие, даже небедные, в крашеной одежде, должны были жаться к заборам или прыгать в ручей. Это было нормально. Тем более в ручье и так мылись, купались и стирали белье. А вот когда навстречу нам вывалила из чьих-то ворот примерно такая же компания в легкой броне и при боевом оружии, получилось довольно забавно. Во-первых, мы и они остановились практически одновременно. Примерно в двадцати шагах друг от друга. Потом медленно, соблюдая некий неизвестный мне церемониал, тоже одновременно, двинулись вперед. И снова остановились, когда между нами оста-

лось шагов пять. Их было шестеро. Все как на подбор молодые светлородые красавцы в модных здесь кожаных шапочках вроде подшлемников и легких кольчужках, надетых поверх стеганок. Широкие пояса с серебряными украшениями, недлинные мечи в ножнах с серебряными накладками, штаны из синей и черной кожи, полусапожки с вышивкой... Издали они выглядели очень похоже, но вблизи становилось заметно, что каждый и одет, и вооружен вовсе не серийно, и вышивка своя, и кольчуги сработаны по-разному, и серебряные фигуры на поясах – своеобразны, и браслеты на руках выкованы по индивидуальным проектам.

Мы тоже дружененько остановились, положив ладони на оголовья мечей. Не с угрозой, скорее – с достоинством.

Мимо просачивались редкие прохожие, стараясь семенить побыстрее и ни в коем случае не оказаться между нами.

Я на всякий случай приготовился к драке... Но тут из наших рядов решительно выступил Руад, а от них выдвинулся рыжебородый крепыш с оберегом на шее в виде золотого молоточка.

– Я – Тьёрви, хольд Хальвдана-ярла, сына Рагнара!

– Я – Руад, хускарл Хрёрека-ярла, которого прозвали Соколом! Хрёрека-секо-нунга.

Оп-па! И чужие, и свои сразу расслабились. Наши «оппоненты» заулыбались. Позже я узнал: наши ярлы хоть и весьма дальние, но – родственники.

Пошел процесс представления. Я в имена не вникал. Меня Руад представил третьим. Причем назвал не дренгом, то бишь молодым бойцом, а тоже хускарлом. То есть полноценным опытным членом боевой дружины.

– Ульф Черноголовый, – Тьёрви повторил мое имя, будто на зуб попробовал. – Не слышал о тебе раньше. – И осклабился. Типа, пошутил?

– Я о тебе тоже не слышал, Тьёрви, – в тон ему ответил я. И ухмыльнулся.

А вот Тьёрви тут же нахмурился. Видно, я как-то задел его авторитет. Надо было выкручиваться. И я добавил:

– Бывает так: воин слишком быстр и обгоняет свою славу. Но, сдается мне, ты из тех, кого слава обгоняет. И готов побиться о заклад: ты не покупал свое золото, – я кивнул на золотые браслеты хускарла.

– Так и есть, – на губах Тьёрви снова заиграла улыбка. – А ты?

Я улыбнулся. Молча. Викинги не покупают свои украшения. Вопрос – на грани оскорбления.

– Иногда я покупаю золото, – сказал я, глядя на хускарла в упор. – И плачу за него дорого. Материалом, который стоит дороже золотых побрякушек.

– Насколько дороже?

Я пожал плечами.

– Ты видел валькирий, Тьёрви?

– Бывало, – осторожно ответил викинг. Он не понимал, куда я клоню.

– Увидишь снова, спроси их о моей цене.

Тьёрви задумался.

Я ждал. Признаться, я и сам не очень понял, что сказал. Сболтнул первое, что пришло в голову. Лишь бы попоэтичнее. Викинги это любят.

– Ульф Черноголовый, – наконец произнес Тьёрви. – Теперь я знаю твое имя.

– А я твое, Тьёрви-хольд.

На этом и разошлись. То есть не сразу, а по окончании церемонии представления.

– Зачем ты его дразнил? – спросил Руад. – Тьёрви – славный воин. Это всем известно в Данмарке. Он ходил с Рагнармом и показал себя очень хорошо. А это непростое дело, если ты в войске Рагнара Лодброка. Там много людей великой славы. Теперь он – в хирде Хальфдана Рагнарссона, и тот советуется с ним в трудных делах. Понятно, что Тьёрви знают многие. Но разве удивительно, что он не знает тебя? Тебя здесь никто не знает.

– Это дело поправимое, – беспечно отозвался я.

Руад поглядел на меня внимательно... И кивнул. Ну да, не будь он уверен в моей доблести, то не представил бы меня хускарлом.

– Слушай, а почему ты назвал нашего ярла секонунгом?

– Потому что он и есть секонунг, – Руад даже удивился. – А как еще назвать того, у кого под началом три корабля? Вот на севере любой хёвдинг[28], обзаведшийся парой кораблей и не желающий платить податей, тут же объявляет себя конунгом.

– И чем это заканчивается?

– По-разному бывает. Если возни будет больше, чем возможных податей, то он так и остается конунгом. Но здесь – по-другому. Потому что земля богаче. Вот Рагнар, например, считается ярлом здешнего конунга Харека. Но у себя в Сёлунде, да и в других местах Рагнар – настоящий конунг, и я не завидую тому, кто скажет иначе.

И начал рассказывать мне об этом самом Рагнаре Волосатой Штанине[29], и со слов его выходило, что, несмотря на сомнительное прозвище, это был конунг из конунгов, великий герой...

И вдруг я вспомнил, о да! Мне было знакомо это имя. По *той* жизни. День Рагнара Лодброка! Точно! В самом конце марта. Я подцепил в Осло одну блондиночку из неоязычниц, и мы с ее друзьями прокатились на байках через всю Скандинавию. Красота неопишуемая. Горы, снег, фьорды... Потом, в каком-то мотеле, мы все по-свински нажрались пива с вискарем. А на закуску у нас была рыба. Потрясающая. Тридцать видов, не меньше, один другого вкуснее. А все потому, что был праздник: день этого самого Рагнара Лодброка. Моя девчонка читала по-древнеисландски (я, понятное дело, ничего не понял), потом песни пели и бились на мечах... То есть они рубились, а я уволок подружку в комнату, и мы устроили бой другого сорта. Она победила, потому что настоящие женщины всегда побеждают в *этих* боях. Даже если лежат пластом.

А потом мы снова пили, и фехтовальщики по ходу врачевали синяки, растяжения и ушибы какой-то мазью на змеином яде, и моя девчонка сказала, что от змеиного яда умер этот самый Рагнар Лодброк. Пленили его и кинули в яму со змеями.

Обидная смерть. Не видать герою Валхаллы. Зато вот день его теперь празднуют...

Может, удастся при случае как-нибудь предупредить этого великого конунга? Или не стоит? Все равно ведь не поверит...

Я вздохнул. Все в этом мире хорошо, только с женщинами... как-то не так. Я люблю таких, чтоб общаться можно было... по-человечески. И чувства чтобы были... Необязательно – глубокие, но чтобы – были. А тут исключительно фи-

зиология. Скучно. Ничего подходящего не найти. Или не там ищу?

От нечего делать я начал пристально разглядывать всех встречных женщин подходящего возраста... И уже минут через десять показалось, что они все тут – на одно лицо. Здоровые, крепкие... но какие-то выцветшие.

«Э-э-э, батенька, – сказал я сам себе. – Да вы просто привередливы чересчур. На себя взглянуть извольте. Тоже ведь не Бальдр[30]. И даже не хускарл Тьёрви».

Однако мы нагулялись. Пора и перекусить. Что там наш ярл, вернее, секоунг намекал насчет пира?

Глава двадцать девятая, в которой герой успевает многое: попировать, влюбиться, оскорбить друга и оказаться обвиненным в колдовстве

Пир удался на славу. То есть действительно удался. Вокруг – все свои. На столах все, что душе (то бишь – желудку) угодно. Мясо жареное, тушеное, вареное, овощи свежие и маринованные, маслице, сметанка, сыр всяческий. Кашка такая и сякая, лепешки горячие, маленькие, чуть пошире ладони. Их пекли на особых сковородках с длинными ручками, а муку для них женщины мололи особыми ручными мельницами. Весьма трудоемкая операция. Поглядев на этот процесс, я сразу понял, почему викинги большую часть зерна изводят на пиво, а кушать предпочитают мясо и рыбку. Кстати, о последней: такой рыбки я никогда не едал. Вот что значит – свое и для своих. Плюс – безупречная экология. Хрёрек даже на пряности не поспешил. Оказывается, в этом мире есть перец! Вот уж не знал, не ведал...

Пиво, свежесваренное и вызревшее, вино заморское... Блин! Виски! Или что-то похожее. Местные называют его «зимним пивом». Потому что готовят его зимой, методом вымораживания. Но градус – вполне приличный.

Нет, мне это застолье однозначно понравилось! Антисанитария, конечно. Из столовых приборов – ножи да пальцы. Вместо салфеток – собственные штаны, волосы да собачья шерсть. Собак, кстати, целые стаи по дому шлялись. Грызлись из-за подачек, тыкались мордами в колени... Здоровенные кудлатые волкодавы размером со среднеазиатскую овчарку. Не хотел бы я с такой стаей встретиться ночью без подходящего оружия. Хотя к человеку – со всем уважением. Этакое наглое взгляда, который присущ «кавказцам» и алабаям нашего времени – ни следа. Уважение к человеку (своему) – безграничное. Хоть верхом садись. На них, кстати, и ездили. Правда, только зимой и, само собой, не верхом, а в саночки запрягали.

За нашими спинами шустрит обслуживающий персонал: подкладывали, наливали, подсыпали...

Музыка, кстати, играла. И не такая уж отвратительная. Бубны, погремушки, барабанчики, дудки, что-то вроде маленьких гуслей... Играли не по популярному здесь принципу: кто громче, тот и молодец... Какое счастье, что среди музыкантов не было волынщика!

Да, еще, конечно, девки. Помимо, так сказать, дворовых, пригнали целую толпу местных «девушек по вызову». Тех, что лучше (по здешним меркам, разумеется), – сразу расхватили. Остальных освоили постепенно. Как говорится: ничто так не красит женщину, как выпитое мужчиной.

По сравнению с местными, я на спиртное относительно крепок. То есть десятилитровой бадьи пива мне, конечно, не выпить. Но не потому, что под стол

упаду, а потому, что лопну. Однако забирает меня слабее, чем других. Видимо, сказывается русский генотип. Еще я несколько привередлив. Поэтому к моменту, когда я созрел приласкать какую-нибудь милашку, девочек уже разобрали более темпераментные братья по оружию.

Впрочем, одну я все же сумел обнаружить. И сразу сказал себе: «Коля! Ты жаждал чего-нибудь... оригинального? Господь услышал крик твоей души!»

Девчонка жалась в уголке, явно надеясь, что ее не заметят. Напрасная надежда. Девочек на всех точно не хватало. Ее сисястых и жопастых подруг уже разобрали. Да они и сами лезли хридманнам на колени. Где удовольствие, там и щедрость. А эта – пряталась. Совсем молоденькая. Нежная, как шиповник.

Черноволосая и черноглазая. То один, то другой из пирующих косился в ее сторону, но пока объем пива, принятого на грудь, был еще недостаточен, чтобы захотелось задрать подол этой неказистой, по местным меркам, девушке.

Надо было выручать. И я поманил ее к себе. Не подойти она не посмела, но дрожала как олененок. Я усадил рядом на скамью (Руад потеснился), спросил по-скандинавски:

– Как тебя зовут, юный цветок?

– Я не понимаю.

Вблизи она оказалась еще симпатичнее. Совсем не похожа на развратных потасканных девочек, коих здесь – в изобилии.

– Ешь! – Я пододвинул ей свою тарелку.

Девчонка набросилась на еду так, будто ее не кормили дня три. А может, и не кормили, кто знает?

– Маленький черный волчок нашел себе маленькую черную зверушку!

Это Стюрмир. Он не со зла. Просто пошутил. По местным правилам хорошего тона мне следовало отшутиться. И я сказал:

– Ничего, Стюрмир! Тебе тоже повезет. Найдешь себе толстую гладкую тюлениху!

Честное слово, я не хотел его обидеть! Простодушного веселого здоровяка Стюрмира, который вдобавок еще и жизнь мне спас... Да я сам за него кого хочешь обижу! Но откуда ж я знал, что намек на совокупление с ластоногими млекопитающими для нурмана оскорбителен?

Стюрмир побагровел. То есть его кирпично-красная квадратная ряха приобрела оттенок сырой свеклы. Все, кто слышал, уставились на меня: чего это Ульф вдруг попер на хорошего парня?

Стюрмир недолго переваривал оскорбление. Не тот он человек. Раз – и он уже полез на стол, опрокидывая блюда и сбивая кувшины. Два – и он уже навис надо мной.

Вставать времени не было. Поэтому я кувыркком ушел назад, до визга напугав грызущую кость собаку, и встал на ноги уже на вполне подходящей дистанции, ожидая нападения.

Стюрмир не заставил ждать долго. Напрыгнул сверху, растопыривая ручищи. А ручищи у него, как стальные захваты. И все прочее – такое же.

Сначала я хотел всего лишь уклониться, но тут боковым зрением усмотрел здоровенный глиняный кувшин с пивом. В таких ситуациях я соображаю очень, очень быстро. Стюрмир еще летел, а я уже знал, что делать.

Уход в сторону, зацеп за ногу с одновременным перехватом одной из гра-

бок на уровне локтя – для придания полету правильного направления – и бинго!

Я не очень большой специалист в рукопашке. Так, нахватался отовсюду. Что-то из карате, что-то из тай-чи и хапкидо... Хватило. Не будь Стюрмир заметно поддавши, он бы сумел уклониться. Или хотя бы руку подставить... Но все получилось как нельзя лучше.

Как я и предполагал, голова викинга осталась целой (такой головой дубовые двери пробивать), зато кувшин разлетелся вдребезги, и Стюрмир всей бородатой ряшкой проехался по полу, вернее, по луже растекшегося пива.

Полежал секунд десять – и встал на четвереньки. Поднялся, помотал башкой, разбрасывая брызги, как искупавшийся пес. На лбу прямо на глазах выростала огромная шишка.

Ребята за столом враз заорали. Кто-то одобрял мою ловкость. Кто-то иронизировал над Стюрмиром. Кто-то был искренне огорчен, что все кончилось так быстро. Никто даже побиться о заклад не успел...

Стюрмир все еще стоял на четвереньках. Все же неслабо он приложился.

Один из псов-попрошаек подошел и непонятно из каких собачьих соображений попытался помочиться на ногу Стюрмиру. Может, принял его за пень?

Я пресек надругательство добрым пинком. Кабысдох не обиделся. Тут же налетел на шавку поменьше и принялся ее трепать.

Я счел инцидент исчерпанным и вернулся за стол.

Пока мы выясняли отношения, маленькая смуглянка куда-то испарилась. Ну и ладно.

– Зачем ты его обидел? – спросил Руад. И растолковал мою оплошность.

– Да откуда мне знать, что это – обида, – пробормотал я, чувствуя себя очень неудобно. Вот ведь косяк упорол.

– Пустое, – махнул рукой Руад. – Повинись, подари ему какую-нибудь бездельницу – и все будет хорошо. Стюрмир – не вредный.

И тут мое плечо угодило в тиски. Это невредный муж Стюрмир положил мне на плечо свою мозолистую лапу.

– Почему ты не сказал, что ты колдун, Ульф Черноголовый?! – прорычал он. – Ты заколдовал меня!

– Это колдовство называется – слишком много пива в брюхе, – сказал я спокойно и даже весело, хотя внутри все напряглось, как лучная тетива. – Я не хотел тебя оскорбить, Стюрмир. Я пришел издалека и не знаю ваших обычаев. И не сомневаюсь, что любая женщина ляжет с тобой, едва ты поманишь ее пальцем. А сейчас отпусти меня и отойди. С тебя капает.

Я не думал, что он так и сделает, и говорил, просто чтобы выиграть время и сообразить, как выпутаться из ситуации. Более неудобного положения для драки с Терминатором трудно даже придумать.

Но он отпустил. И отошел. Очень задумчивый.

Позже мне объяснили: с колдунами никто не хочет связываться. Если ты его обидишь, он скажет хулительный нид[31], и тебя зарубят в первом же сражении. А если убьешь... Многие утверждают, что мертвый колдун даже опаснее живого. Вот так-то. Еще мне пояснили, что колдунов скандинавы не жалуют. Сильных боятся, слабых убивают. Колдовство вообще считается женским делом, мужчины недостойным. Так что обвинение в колдовстве сродни обвинению в мужеложстве. За него положено – прямо в дыню. Если ты, конечно,

не колдун...

Но тогда я вздохнул с облегчением и завертел головой в поисках девчонки.

Вот она. Уже успела опять забиться в уголок. Но по моему знаку покорно приблизилась.

– Сиди здесь, – велел я. – Скоро вернусь. Руад, друг, пригляди за ней, ладно?

Мне стало стыдно. Стюрмир – наш. Все равно что брат. Никогда мне дурного не делал. В бою прикрывал... И пошутил, в общем, даже необидно. А я его оскорбил. И побил.

Сволочь я...

Стюрмир сидел мрачный, вцепившись в огромный кувшин пива. Время от времени тер шишку размером в половину куриного яйца.

Я подвинул пьяного в хлам Флоси, втиснулся рядом.

– Стюрмир, брат... – произнес я покаянно. – Прости меня, невежу! Хочешь, я научу тебя приему, которым сбил тебя с ног? На, друг, возьми за обиду! – Я содрал с пальца серебряный перстень с синим камешком и положил на стол перед датчанином.

Стюрмир чуть повернул голову, зыркнул на меня одним глазом, не выпуская кувшин. Потом скосил глаз вниз, на перстень. Лицо его слегка оживилось. Кувшин грохнул о стол. Мозолистая лопата накрыла браслет целиком. Теперь он смотрел на меня уже двумя глазами. Вернее, тремя. Третьей «смотрела» шишка.

Секунд десять дан размышлял. Потом вдруг ослабился, сгреб меня в охапку, как ребенок – пупса, и прижал к липкой, пропитавшейся грязью и пивом бороде.

Отпустил, когда я уже начал думать, что умру от удушья.

– Ульф! – воскликнул он растроганно. – Ты славный воин! Я рад, что мы с тобой плаваем на одном корабле!

Мы с ним выпили пива. И еще выпили. Потом я слинял под предлогом, что надо отлить. Вернулся к своей (я уже считал ее своей) девчонке. В мое отсутствие никто ее не схитил. Еще не хватало...

А веселье уже лилось через край.

То и дело кто-нибудь из наших излагал висы. То бишь хвалебные стихи[32]. Обычно – не слишком длинные. К примеру, сам ярл произнес такую:

*Плату златом взяли
С тех, кто спор затеял.
Кровию – с пней битвы,
Вранов накормили
Одину на радость.
А теперь пируем,
Славя силу сильных!*

Надо будет и мне освоить это искусство. Здесь оно в чести.

Ульфхам Треска затянул песню... Бас у него был диаконский, а глотка – почти как иерихонская труба. Стены, правда, не падали, но мусор со стропил сыпался.

Песню тут же подхватили. От рева десятков глоток вибрировали кувшины с пивом. Черноглазка крепко прижалась ко мне. Будь ее воля, она забралась бы ко мне за пазуху, как напуганный котенок.

Молодой Флоси лихо вспрыгнул на стол и принялся отплясывать что-то воинственное... Но его тут же, с гоготом, сдернули за ногу на пол...

– Пойдем, мой птенчик, – сказал я черноглазке по-русски.

Конечно, она не поняла. Но противиться не стала.

В моей каморке было довольно шумно. Тонкие перегородки дрожали от царящего в доме праздника.

В соседней норке любили друг друга. Очень громко.

А мы лежали тихонько. Мне было хорошо. Надеюсь, и девочке – тоже. Ну точно котенок. Свернулась клубочком, положила лохматую головенку ко мне на грудь, пригрелась и спит.

И плевать ей на вопли и грохот. Мне тоже было на них наплевать. Я наслаждался уединением. Эта маленькая клетушка была мне сейчас милей десятиком-натного отцовского коттеджа. Чтобы по-настоящему заценить такую норку, надо несколько месяцев подряд поспать на палубе драккара, где тебя подпирают со всех сторон добрые, только немного вонючие друзья, а пожелавшие отлить вынуждены аккуратно перешагивать через головы соседей. Причем в качку это «аккуратно» получается не всегда...

Я лежал, расслабившись, и моему телу, привыкшему к доскам палубы и береговым камням, это ложе из волчьих шкур казалось пуховой периной. И еще казалось, что оно чуть-чуть покачивается...

Я погладил малышку по узкой хрупкой спинке с трогательно выступающими позвонками... Она не проснулась, только вздохнула и прижалась еще крепче.

«Завтра выкуплю ее и оставлю себе», – решил я.

Мне было известно, что многие так делают. Купить какую-нибудь хибарку, поселить туда женщину, дать ей немного денег... И из похода тебя будет ждать какой-никакой, а дом, и в нем – твоя собственная женщина, а не шлюха из притона...

Утром нас разбудил Стюрмир. Бодрый, как скаковой жеребец перед забегом.

Заявился напомнить, что я обещал ему показать бросок.

Напугал мою девочку. Ну да я на ее месте тоже испугался бы. Наиболее похожим на Стюрмира в моем времени я бы назвал боксера Валуева. Если Стюрмир в чем-либо ему и уступал, то только – в росте. Да и то каких-то двадцать сантиметров.

Не стесняясь в выражениях (благо девочка плохо понимала речь северян), я растолковал любителю утренней гимнастики, куда ему следует идти и что там делать.

Стюрмир злорадно ухмыльнулся и пожелал мне утонуть в нужнике. Но – убрался. Своей цели он добился. Разбудил.

Впрочем, это не значило, что я тут же вскочил и побежал умываться. Еще с полчаса мы с малышкой ласкали друг друга, и нам было хорошо. Даже просто валяться в обнимку. Но это «просто» продолжалось недолго... Девочка так и таяла в моих объятиях. И еще – она была удивительно нежна. Пальчики легкие, как перышки...

Я был бы не прочь провести вот так хоть целый день, но следовало позабо-

титься о нашем будущем.

Для начала мы позавтракали остатками вчерашнего пиршества.

Потом я сходил к управляющему и попросил пару лошадок. От усадьбы до города не так уж далеко, но захотелось покататься.

Никак не могу привыкнуть к размерам здешних коней. Настоящие пони. Часок-другой мы катались по окрестностям. Проехались вдоль фьорда, перебираясь через овраги и ущелья по каменным и подвесным мостикам. Чертовски красиво. Лошадки совершенно не боялись высоты. Девочка – тоже. В седле она сидела по-дамски, боком, но очень уверенно. Не так уж она и проста, как показалось на первый взгляд. Вряд ли крестьянка сможет держаться в седле с такой грацией.

Впрочем, я не расспрашивал. Полагал, что у нас впереди масса времени, и предвкушал, как буду узнавать историю ее жизни постепенно и неторопливо. Так же, как сегодня утром познавал ее чуткое и нежное тело. Иногда нам попадались местные жители. Они не бездельничали, как мы, а занимались делом. Но я улыбался им, а они – мне. Я совершенно не разбирался во всех этих родовых значках, по которым здесь запросто определяли, какого ты рода и статуса. Однако на мне была куртка со знаками Хрёрека-ярла. Да и кони у нас были из его конюшни. Вдобавок оружие и украшения... Любой дан, у которого имелись глаза, моментально определял: перед ним человек из хирда Хрёрека-ярла. Все остальное не имело значения. Встречали здесь по одежке, так что можно было не сомневаться: в любом здешнем доме, поросшем сверху веселой травкой, меня примут со всем уважением. И на этой суровой земле, где любой бонд-землепашец управляется с боевой секирой и парусом не хуже, чем с косой и сохой, я был в большей безопасности, чем на улицах современных мне Москвы или Петербурга. Грозная тень Хрёрека-ярла, родича самого конунга, незримо стояла за моей спиной.

В городе мы оказались ближе к полудню.

Я сообщил хозяину борделя, что собираюсь купить черноглазку. Он не возражал и цену запросил, на мой взгляд, небольшую: полмарки.

Девочка понимала (или догадывалась) о чем идет речь, и глаза ее так и лучились от радости. Немного же ей надо для счастья, бедняжке...

По возвращении первым делом меня отловил Стюрмир. Уже датый и потому еще более веселый, чем утром.

Крепкие парни – викинги. Выжрал чан пива, закусил свиной ногой – и на боковую. Проснулся, вылил на себя чан холодной воды, всосал литр ягодного морса или там сыворотки – и в загул по новой.

Меньше всего мне хотелось заниматься борьбой, но, раз сказал, надо отвечать.

Пришлось учить Стюрмира передней подножке. К тому финту, которым я его свалил вчера, она не имела отношения, но датчанину все равно понравилось.

Взамен я попросил его об услуге: подыскать мне какой-нибудь недорогой домишко. Пояснил, что хочу купить женщину и поселить ее там.

– А готовить она умеет? – поинтересовался здоровяк.

Я пожал плечами...

...И выслушал целую лекцию по правильному выбору наложницы.

Стерпел. И даже покивал. Стюрмир – местный. Все организует намного быстрее и дешевле, чем я.

Потом я оказался в компании варягов. Наши направлялись покупать Рулафу меч. Дело важное и весьма интересное. И само по себе, и как полезный опыт. Я еще ни разу не приобретал оружия (как-то обходился трофейным), а поучиться не вредно. Да и поглазеть на оружейные лавки... Что может быть увлекательней, чем в ясный солнечный день вместе с понимающими друзьями покопаться в боевом железе?

Ах как я корил себя потом за эту ошибку! За день, прошедший быстро и интересно... За упущенное время. Но мне было в тот день так славно, жизнь казалась такой яркой...

К хозяину моей малышки я вернулся только под вечер.

Тот встретил меня как-то смущенно.

Я сразу заподозрил неладное. Подумал: не иначе как цену решил поднять. Ну, это ерунда. Договоримся.

Все оказалось намного хуже. Намного страшнее. Жизнь человека полна проблем и ошибок. Большинство из них можно решить или поправить. Но есть такие, которые не исправить уже никогда.

Глава тридцатая,

в которой герой узнает, что выражение «промедление смерти подобно» следует понимать буквально. Но – слишком поздно!

Его звали Сторкад Бородатая Секира. Он был из людей Лодина-секонунга, прозванного Желтым.

Матерый датский викинг. В Хедебю его хорошо знали. Уважаемый человек. Кроме того, он заплатил, так что никаких претензий к нему быть не может.

– Ты сам виноват! – заявил мне содержатель притона. – Внес бы залог – другое дело. Тогда девка была бы твоя, и я бы не предложил ее Сторкаду. А теперь что зря болтать. Выбери себе другую. У меня их много, и все лучше, чем та. Так и быть, сделаю тебе скидку.

Почему я его не убил? Наверное, потому что он был абсолютно убежден в собственной правоте.

Рабыня – его? Его. Купил недавно, но уже пожалел о покупке. Выброшенные деньги. Потому и цену мне назначил пустяковую. Девка никого не интересовала.

А Сторкад был пьян, и ему было все равно. Тем более что других свободных девок в тот момент не было, только эта. Хозяин запросил половинную цену, и Сторкад согласился.

А потом глупая рабыня сделала что-то не так, и Сторкад ее убил. Ну убил и убил. Вопрос чисто денежный. Конечно, они немного поторговались. Сначала Сторкад хотел заплатить только четверть марки, но хозяин сказал, что на девку был покупатель, который собирался заплатить вдвое больше, и Сторкад спорить не стал. У него были деньги. Этим летом Лодин-секонунг совершил очень удачный вик.

Сторкад заплатил полмарки, получил бесплатно, в качестве бонуса, другую девку, которая как раз освободилась. В общем, все получилось неплохо. Какие

претензии, мистер?

Я его не убил. Наверное, потому что в случившемся была и моя вина. Сво- лочь я и эгоист! Даже не узнал ее имени...

Сторкада я нашел в одной из местных «гостиниц», где за наличные можно было получить все, что пожелаешь: выпить, пожрать и потрахаться. Ну и еще подраться, если душа просит. Главное – не увлечься и не привлечь внимания городской стражи, которая во имя поддержания порядка охотно на- костыляет и правым, и виноватым.

Интерьер здесь тоже был традиционный. Два стола – во всю длину обеден- ного зала, закопченные светильники; огромный очаг, где крутилась на верте- ле коровья туша, от коей по мере готовности отсекались прожаренные куски; замызганные дебелие бабы, разносившие пиво и закуску; псы, грызущиеся на земляном полу; вонь, духота, грязь... Все как обычно. И само собой – братья-ви- кинги. Кучками: по трое-четверо или целыми десятками. Оружие сложено у входа или развешено на опорных столбах. Такова традиция. Все орут и гого- чут. Это тоже традиция. Странно, однако в своей компании это меня поче- му-то не раздражало.

Я был достаточно осторожен, чтобы не прийти сюда в одиночку. Со мной были Руад с Рулафом и Стюрмир со Свартхёвди Медвежонком, одним из на- ших, тоже даном, но не из Хедебю, а из какого-то Роскилле. Зато Свартхёвди знал Сторкада в лицо, и я уговорил его присоединиться к нам, пообещав по- ставить выпивку. Конечно, он сначала попробовал выпытать, какое у меня де- ло к Сторкаду, но я от ответа уклонился.

Итак, мы пришли. Сели на свободное место. Я заказал бочонок пива. Блюдо с копченой рыбой и стопку каменной твердости лепешек подали бесплатно.

Сторкад Бородатая Секира был примерно таким, как я и ожидал. Громила под два метра с полуметровыми желтыми патлами, заплетенными в косы, квадратной рожей и ручищами-клешнями. Типичный викинг. Морской раз- бойник без страха и упрека.

И этот гад убил мою девочку!

Я не торопился. Потому что на самом деле не знал, что делать. То есть, что мне *хотелось* сделать, я знал очень хорошо. Выпустить убийце кишки. Но я не настолько ослеп от жажды мести, чтобы делать это ценой собственной жизни.

Пока я просто наблюдал за убийцей. Тот веселился. Хлестал пиво, бодался с соседями, хватал подавальщиц за задницы. Готов поспорить, что эта сволочь забыла об убитой девочке через минуту после убийства. И никогда не вспом- нит. Если я ему не напомним.

Я дождался, пока друзья слегка разогреются и поедят. Все-таки я их пригласил есть-пить, а не драться. Мне-то самому кусок в горло не лез, но заметил это, по-моему, только Руад, который тоже не очень налегал на пиво. Надо по- лагать, его беспокоило, что у меня на уме.

О том, что я ищу встречи с Бородатой Секирой, знали все четверо. Ищу и ищу. Мое дело. Может, у меня для Сторкада весточка от родни...

Пока я ждал, придумал, что делать. Дам по рожке, спровоцирую на драку и аккуратно прирежу. Благо, ножом на хранение никто не сдавал.

Потом заплачу вергельд. Это будет недешево, но я справлюсь.

Время пришло. Сторкад созрел. Ни к чему, чтобы мой враг набрался до по-

росячьего состояния и не понимал, что к чему. Очень хочется увидеть, как он сдохнет. И еще раз напомнить, за что он сдох. Не в славном бою, с оружием в руках, а в глупой кабацкой драке.

Сторкад был на голову выше меня и в полтора раза крупнее, но я почему-то не сомневался, что сумею его прикончить.

Я встал.

Не спеша, как и подобает уверенному в себе воину, подошел к чужому столу, похлопал Сторкада по могучему плечу.

Тот обернулся. Оглядел меня недоумевающе, пытаюсь сообразить, кто я такой.

А не так уж он пьян, как мне казалось...

– Ты убил мою женщину, – сказал я.

– Что?! – Вокруг было довольно шумно.

– Ты убил мою женщину!

Я мог бы перерезать ему горло прямо сейчас, но тогда меня точно убьют. Все должно выгладеть случайностью.

– Твою женщину? – Узкий лоб выразил напряженную работу мысли. Секира пытался вспомнить, кто же я, собственно, такой. И кто из тех, кого он убил, мог оказаться моей женщиной. Не вспомнил. Но решил встать. Вернее, начал подниматься...

Он был еще выше, чем я предполагал. Настоящий великан. Йотун.

Я сделал шаг назад, иначе мой взгляд упирался бы ему в грудь.

– Я тебя не знаю, – поведал мне Сторкад. – Я многих убил. Были и женщины. Но я ничего тебе не заплачу, даже если ты приведешь свидетелей. Мало ли кого я убил! Я не помню тебя. И твою женщину тоже не помню. Пошел прочь, пока я не рассердился!

Он был вдвое тяжелее меня. Вдобавок у него была слава непревзойденного поединщика, но я об этом не знал. Если бы я прямо сказал, что собираюсь драться, то получил бы всю нужную информацию. И стопудово меня попытались бы отговорить. И я бы, может, отговорился, потому что в справедливый суд богов я не верю (да и в богов – как-то не очень), не говоря уже о том, что с точки зрения местных богов предъявить мне Сторкаду нечего.

Но я не знал, с кем имею дело. Он тоже не знал, но это он глядел на меня сверху: могучий датчанин с плечами размера три икса – на шибздика ростом метр семьдесят три, легко помещавшегося в футболку с маркировкой «L».

– ...Пошел прочь, пока я не рассердился!

– Ее ты должен помнить! – заявил я. – Ты убил ее вчера вечером!

Опять напряженная работа мысли. И вдруг морщины разгладились. Вспомнил!

– Ага! – Его явно обрадовало то, что память не подвела. – Это та маленькая рабыня! Так бы и говорил, что рабыня. А то ты сказал – женщина, вот я и удивился. Так я не понял, в чем дело? Я ведь заплатил ее хозяину цену. Хорошую цену! Хозяину! А тебе что надо?

– Тебя! – произнес я и врезал ему кулаком в горло.

Он не ожидал. Захрипел, схватился за шею. Я еще раз добавил. От души. По уху. Просто чтобы раззадорить.

Два раза – и всё пока. Я не собирался его избивать. Мне нужен был его труп. Наконец он прокашлялся. И посмотрел на меня очень нехорошо. Готов по-

клясться, что все алкогольные пары выветрились из его башки.

Его дружки за это время успели повскакивать на ноги. Мои – тоже подросли. Они-то наблюдали за сценой с самого начала. Вероятно, даже расслышали кое-что из нашего разговора.

Черт! Все шло совсем не так, как я планировал! При таком раскладе мне вряд ли удастся зарезать его в якобы случайной драке.

А Сторкад... Он стоял так, будто совсем не собирался драться.

Увы, он оказался не так туп, как я надеялся. Викинг потрогал ухо, поглядел на ладонь. На ладони была кровь. Я ему смачно приложил. Это больно. Но на боль ему было наплевать. Он увидел кровь и обрадовался. Вот дьявол! Чему он так рад?

Через мгновение я узнал.

– Хольмганг! – даже не сказал, а пропел Сторкад, – Хольмганг по законам островов! Завтра поутру! Ты, не знаю, как тебя зовут!

– Меня зовут Ульф Черноголовый!

Я тоже обрадовался. Не знаю, какие там у него на островах правила, но хольмганг, насколько я помню, это свободный поединок. То есть свободный от кровной мести и прочей лабуды[33]. Очень хорошо, здоровяк! Завтра я тебя и прирежу!

– Жаль тебя, – сказал мне Свартхёвди Медвежонок. – Ты – славный дренг, Ульф! И Хрёрек тоже огорчится, когда тебя убьют. Скажи мне кто, что ты повздоришь с Бородатой Секирой из-за мертвой рабыни, никогда бы не поверил. Ты редкостный дурень, Черноголовый! Поэтому я сам заплачу за наше пиво. А ты пей, дренг, пей! Запомни вкус, чтобы сравнить его завтра с тем, каким тебя будут потчевать в чертоге Одина!

...И вот, когда я узнал, что такое «хольмганг по-островному», тут я и понял, что попал по-настоящему. Это все равно что описанный Лермонтовым (если не ошибаюсь) печально закончившийся поединок купца Калашникова с молодым опричником Ивана Грозного. То есть ни уклоняться, ни даже финтить – не положено. Положено гордо и смело, не сходя с места, принять сокрушительный удар. Да, можно обороняться щитом. Все предсказуемо и неоригинально. Щитов выдается – 3 штуки. Когда щиты кончаются, то, как правило, заканчивается и жизнь одного из поединщиков.

При таком раскладе мои шансы на победу почти нулевые, поскольку моя сильная сторона – именно маневр и неожиданные ходы. «Почти» – это вмешательство высших сил, в котором я как-то не уверен.

Вдобавок к росту, весу и мощи мой противник еще и специализировался на подобных мероприятиях: перебил в таких состязаниях изрядное число народу. То-то он обрадовался, когда я дал ему повод (пролитая кровь) для полноценного вызова. Отличался же мой враг тем, что своей «бородатой» секирой, давшей убийце прозвище, разваливал щит противника уже с первого удара. Впрочем, специализация Сторкада Бородатой Секиры сейчас имела не такое уж большое значение. Я и без нее мог смело считать себя покойником.

Надо было что-то придумывать, и придумывать срочно. Если я погибну, то черноглазая девочка так и останется неотомщенной.

А Сторкад будет точно так же пить, жрать и гадить. И убивать.

Глава тридцать первая,

В которой герой впервые в своей жизни отказывается от честного поединка

Не прийти на поединок я не мог. Это опозорило бы не только меня, но и весь Хирд. И не отменило бы поединка. Хирд – моя родня. А здесь родня по закону отвечает за своего блудного родственника. Кровью. Так что кому-то из друзей пришлось бы драться вместо меня. Возможно, у того же Стюрмира были бы лучшие шансы, но я не мог рискнуть и подставить другого в своем собственном кровном деле.

Так что на хольмганг я явиться должен. И геройски принять смерть.

Вечером Свартхёвди, который договаривался с противной стороной, сообщил, что моя безвременная кончина произойдет сразу после восхода на одном из песчаных островков, что появляются лишь во время отлива.

Я не возражал. Мне было все равно.

У меня была одна ночь, чтобы найти выход...

– Скверно выглядишь, – сказал Трувор, который тоже решил сопровождать меня на хольмганг. – Не спал ночью?

Я кивнул.

– Зря. Даже перед смертью стоит как следует выспаться! И никогда не теряй надежды, Волк! В хольмганге, бывает, побеждает и слабейший. Это уж как боги решат.

Я снова кивнул. Глаза слипались. У меня и впрямь была трудная ночь.

На место мы прибыли вовремя. Свартхёвди заранее договорился насчет лодки.

Отлив только начинался. Море было пустынно.

Мои друзья негромко переговаривались. Так, ни о чем. Никто не предложил выйти вместо меня. Тоже правильно. По здешнему закону я имею право выставить вместо себя другого бойца. Но должен сам ему об этом сказать. А он – согласиться.

Солнце понемногу поднималось. Сторкада не было. Мои спутники заговорили громче. Они удивлялись. Не может быть, чтобы Сторкад испугался. Нет, не явиться он мог только в одном случае. Если мертв или тяжело ранен. Или его схватила стража конунга. Но, случись такое, об этом стало бы известно.

– Может, ему было знамение? – предположил Руад.

Но Свартхёвди только головой мотнул. Знамение – у Бородатой Секиры? Скорее знамение будет у нашего Стюрмира.

Стюрмир обиделся. Почему это у него не может быть знамения? Мало что ли он вражеской крови пролил? Или богов не чтит?

Какое-то время скандинавы препирались. Но не забывали поглядывать в сторону берега.

Сторкада не было.

Мы ждали долго. До тех пор, пока песчаная отмель окончательно не спряталась под водой.

– Плыдем назад, – сказал Трувор. – Он не придет.

Я тоже знал, что Сторкад не придет. Заранее знал. Потому что я сам об этом позаботился. Это был бесчестный поступок. По местным понятиям. Но на мой взгляд, убить молоденькую девушку просто так, без серьезной причины (да и по причине – тоже), поступок куда более бесчестный.

Что ж, у датчан одни понятия, а у меня – другие. И я не собираюсь их менять.

По поводу этого дела ни с кем из своих друзей я советоваться не стал. Если удержат Секиру от хольмганга может только смерть, значит, он умрет. Будь у меня яд, я бы просто отравил эту сволочь. Попытаться его зарубить без всякого хольмганга? Вряд ли получится. Вокруг – целая свора Сторкадовых дружков. Они не останутся в стороне. Так что и в этом случае меня тоже убьют. Или что похуже сделают. В чем в чем, а в умении помучить ближнего викинги всегда отличались добросовестностью и фантазией.

План возник совершенно случайно.

У меня порвалась шнуровка на сапоге. Будь мы в походе, я бы решил проблему сам, но здесь же город. И сапожники.

Один такой обитал неподалеку от усадьбы Хрёрека.

Пока сапожник подбирал шнурок, мой взгляд рассеянно блуждал по сторонам, пока не остановился на одной интересной штуке.

Это было шило. Не то, которое имелось у меня самого – короткий толстый штырь на грубом кругляше, а длинное и тонкое жало на ухватистой рукоятке.

В голове мгновенно сложилась картинка. Я вдруг вспомнил, что в прошлой жизни шило являлось одним из любимейших орудий уголовников. Крови почти нет. А если пырнуть грамотно, летальный исход гарантирован.

Я сунул сапожнику серебряную арабскую монету, и, пока он копался в коробке с медяками в поисках сдачи, потихоньку сунул его орудие производства в карман.

Теперь остались совсем пустяки. Незаметно подобраться к Сторкаду (незаметно и для него, и для кого бы то ни было), незаметно воткнуть ему шило в сердце или иной жизненно важный орган и так же незаметно смыться.

Ерунда, верно?

Я вернулся в усадьбу, а еще через часок вернулся Свартхёвди. С условиями завтрашнего поединка.

Я выслушал его внимательно. И невзначай выяснил, что Секира с сотрапезниками остался ночевать на том же постоялом дворе.

Когда стемнело, я покинул усадьбу. Собачки меня знали и не тронули.

Народу на улицах было немного. Время от времени впереди мелькали факелы стражников, но спрятаться от них не составляло труда.

Не единожды меня облаяли псы. Но поскольку по ночному городу слонялся не я один, то они лаяли постоянно, и никого это не беспокоило.

В гостинице веселье закончилось. В большом зале чадила одна-единственная лампа на тюленьем жире. Народ спал вповалку: на полу, на скамьях, на широких досках, вставленных в пазы опорных столбов. От духоты и вони перехватывало дыхание, но северянам подобная атмосфера была привычна.

Лампу я прихватил с собой. Того зелья, которым меня когда-то потчевал Коваль, у меня не было, а при свете очага даже собственные пальцы пересчитать было бы затруднительно. Я долго бродил между спящими, выискивая Сторкада...

Не нашел. В общем зале его не было. Если он не ушел еще куда-нибудь (что было бы очень скверно), то должен дрыхнуть в одной из комнатушек по ту

сторону очага.

Дома здесь строились по «типовому проекту», отличаясь, главным образом, размерами. Здоровенный общий зал (столовая) и крохотные клетушки.

К ним – отдельный вход с улицы, но он скорее всего заперт. А вот из столовой – точно открыт.

Нахлобучив капюшон плаща так, что увидеть мое лицо можно было бы, только заглянув и подсветив, я, не скрываясь (вот это было бы подозрительно), а громко ворча и цепляясь за стену, побрел по коридорчику, заглядывая в каждую норку.

Меня раз пять обругали нехорошими словами, зато я отыскал то, что требовалось.

Сторкад спал один. Судя по некоторым деталям, вечером у него была девка, но куда-то слиняла. Чистое везение. Девка – свидетель. Да и переполошить всех может. А убивать ее – рука не поднимется. Удача явно на моей стороне.

Сторкад, безупречная машина убийства весом никак не меньше центнера, вольготно раскинулся на постели в чем мать родила. Бей, куда хочешь. Хоть в глаз, хоть в печень, хоть в сердце...

И тут я понял, что из моего плана «смерти от естественных причин» вряд ли что-нибудь выйдет. Даже от тонкого шила на этом белом гладком теле останется кровавая дырочка. И на кого тогда подумают? На тайного убийцу (например, меня – ведь у меня самый увесистый мотив) или на девку, которая с ним спала? А если на девку – то чем я тогда лучше Сторкада? Да ничем!

Я застыл с шилом в руке. И вообще... Понимаю, это глупо, но как-то неловко убивать спящего. А если разбудить, хрен он дастся. Без шума точно не получится.

Может, просто горло ему перерезать?

Левой рукой я вынул кинжал. Наклонился над викингом и прижал лезвие к горлу.

Вот это реакция! Едва металл коснулся кожи, он открыл глаза. И не завопил. Черт его знает, почему. Может – нервы из стальной проволоки? Я даже не успел сообразить, что едва не прокололся. Заори он – и все.

Но он не стал кричать. Скосил глаза на мою руку и сразу все понял.

– Не дотерпел до завтра? – спросил он негромко. – Или струсил?

Держался он и впрямь молодцом. И времени не терял: рука его очень медленно и очень осторожно поползла к топору, прислоненному к стене.

Я видел, но молчал. Мозг лихорадочно обрабатывал информацию. Перерезать ему горло легко, но тогда уже сразу и себе...

– За что ты убил ее? – спросил я.

Он понял, о чем я.

– Слишком долго возилась со своими тряпками, – сказал викинг. – Я этого не люблю.

До топора ему оставалось сантиметров двадцать.

– Я мог бы подарить тебе другую, получше, – предложил он. – А хочешь, я и тебе за нее заплачу? Хочешь?

Он не собирался платить, он просто выгадывал время.

«Схватит топор – зарежу», – решил я.

Сторкад еще что-то говорил, я не слушал. Я ждал...

Толстые пальцы коснулись секиры, погладили, бережно обняли рукоять у

самой «бородки»...

И тут я увидел.

Я увидел ухо.

Большое мясистое ухо, покрытое коркой запекшейся крови. То самое, которое я ему рассадил вечером.

Увидел и сразу ударил, опередив Сторкада буквально на мгновение.

Но умер он тоже мгновенно. Топор с тупым звуком ткнулся в земляной пол. А мог бы снести мне голову...

Я не без усилия извлек шило. Оно было в крови, но из самой узенькой ранки не вытекло почти ничего. К утру наверняка засохнет. Никто и не подумает, что Секире продырявили мозг. Вскрытый здесь не проводят.

Я обтер шило о собственные штаны (экспертизы по ДНК здесь тоже нет) и спрятал в сапог. Затем попытался вынуть из лапы покойника топор. Не получилось. Хватка у Сторкада, даже у мертвого, по-прежнему оставалась «мертвой». Что же, пусть друзья порадуются: викинг помер, как подобает, – с оружием в руках.

А отчего он так скоропостижно скончался, надеюсь, никто никогда не узнает.

Никто и не узнал.

Глава тридцать вторая, в которой герой спяну отправляется на поиски приключений и получает то, чего ищет

Когда мы вернулись и выяснилась причина неявки Сторкада-дуэлянта, на меня начали смотреть косо даже варяги. Еще бы: все необъяснимое, если оно не попадает в графу «воля богов», автоматически трактуется как колдовство. Эти ребята искренне верят и в ведьм, и в волхвов, не говоря уже обо всякой сухопутной и морской нежити. Причем вся эта лабуда (а может, и не лабуда: все-таки викинги – ребята очень практичные, им факты подавай) систематизирована и классифицирована, распределена по конкретным исполнителям: есть женское колдовство, есть мужское, есть предсмертно-посмертное и так далее. Например, военно-прикладное. С его проявлением в виде голого полумного берсерка я столкнулся лично. Потрогал, можно сказать, собственными руками и собственным оружием. Наверняка и этому феномену можно было найти какое-нибудь научное объяснение (научно или псевдонаучно объяснить можно все – было бы желание), но, опять-таки учитывая мои собственные обстоятельства (как-то трудно поверить, что нынешние приключения – сплошной затянувшийся глюк), следует допустить, что колдовство не только существует, но и способно активно воздействовать на здешний материальный мир.

Может быть, все зависит от веры? Когда-то давно один мой приятель выдвинул такую гипотезу. А в качестве примера привел гороскопы. Мол, в советское время народу было абсолютно поровну, в каком «доме» и под каким «знаком» родился. Все верили в генетику (происхождение) и воспитание. И отличить «рака» от «скорпиона», а «деву» от «стрельца» ни по внешности, ни по поведению было невозможно. А вот когда массы внезапно прониклись доверием к «звездам», в полный рост пошло отделение «козерогов» от «телочек», и астрологическая сегрегация заработала на всю катушку.

Мой приятель знал, что говорил. Он писал эти самые гороскопы для нескольких женских журналов. Писал от балды, что в голову взбредет... Но работало. Напишет: «львов» ждет романтическая встреча, а «козлов», тьфу, «козерогов» – удача в делах, если они наденут зеленые трусы... И пожалуйста! Его «львица» секретарша наутро приходит с горящими глазами и «послевкусием» вчерашнего секса на нежной шейке, а в «белорусском трикотаже» всю партию зеленых трусов сметают за один день. А директор «трикотажа», что характерно, – урожденный «козерог».

Однако я отвлекся. Поскольку списать внезапную смерть Бородатой Секиры на богов было затруднительно, то ее списали на меня. Вернее, на мои колдовские способности. Кое-кто из приятелей Сторкада даже попытался «повесить» на меня убийство, но, поскольку не было никаких свидетелей творимого мною колдовства (отдельное спасибо тем, кто формализовал и подробно расписал возможные варианты и процедуру наведения порчи!)[34], то обвинение распалось из-за отсутствия улик.

Однако тем же вечером Трувор зазвал меня на приватный разговор и потребовал поклясться, что я не наводил порчи на покойника.

Я поклялся. Именами всех главных богов, включая Перуна. Совесть моя была чиста. Да, я «испортил» Сторкада, но безо всякой мистики. Просто проткнул ему мозги железякой. А про железяку меня не спрашивали.

Однако Трувор на этом не успокоился и принялся выпытывать насчет моего бога-покровителя. Вдруг это он расстарался...

Я ответил, что никаких персональных божественных покровителей у меня нет. Уповаю исключительно на богов моих нынешних братьев, то есть на Одина сотоварищи и, само собой, на Перуна Молниерукого, который мне особенно близок по духу и образу действий.

Как я и ожидал, после такого заявления Трувор заметно расслабился и прочитал коротенькую лекцию о том, что да, конечно, почитать надо всех «территориальных» богов, однако лучше Перуна для воина точно не сыскать. И пора бы ввести меня в список его персональных почитателей. Я ответил, что буду только рад. Так и договорились. Едва мы окажемся на исконно варяжской территории, меня немедленно посвятят.

Засим удовлетворенный Трувор отправился докладывать результаты «собеседования» Хрёреку, а я остался один на один со своим горем.

Не хочу вдаваться в подробности собственных переживаний. Скажу лишь, что никогда в жизни (ни в той, ни в этой) мне не было так горько и паскудно.

И даже поделиться не с кем: не поймут славные други-братья! Тогда я напился. Мешал обычное пиво с «зимним» и кислое вино с еще более кислым подобием кумыса...

Нажраться до потери сознания здешними напитками было непросто.

...Очнулся лишь на короткое время, обнаружив себя на крыльце пускающим струю в темноту.

Потом – снова провал. И вновь пробуждение. Абсолютно неромантическое – от примитивных позывов мочевого пузыря.

Он-то, этот пузырь, и стал причиной моих будущих бед. Хотя нет, все-таки не он, а моя собственная дурость. Проснувшись спяну по зову организма, я вдруг забыл, где нахожусь. Показалось, что «отдыхаю» в какой-то, блин, «этнической» гостинице двадцать первого века. Бывал я в таких не раз. Для игрови-

ков и их консультантов такие считались «правильными». Не хуже самодельных «королевских» шатров.

Так что я не без труда воздвигся с койки и отправился на поиски санузла. Санузла не удалось обнаружить ни в номере, ни в коридоре. Я тыкался в разные углы, пока меня не послали к троллям. Послали по-шведски. Вернее, по-древнескандинавски (здесь этот язык называли либо норманнским, либо датским), и мой помраченный ум окончательно утвердился в своей догадке. Тролли, шведский... Конечно, игровики!

Однако организм уже не намекал, а настойчиво требовал... Когда я наконец выбрался из коридорных лабиринтов на улицу, было уже не до приличий. И я воспользовался самым древним и абсолютно чистым с экологической точки зрения туалетом: ближайшим деревцем.

Никто этим нарушением этикета не заинтересовался, кроме кудлатой псины, чуть погода «отметившейся» на том же месте.

Засим мне следовало бы вернуться обратно и отоспаться.

Но потянуло на приключения. Из башки начисто выветрились воспоминания о последних месяцах жизни. Я был твердо убежден, что нахожусь где-то в Швеции, то есть в цивилизованной и безопасной стране. И еще я решил, что сейчас – самое время повеселиться. Выпить чего-нибудь, поболтать с хорошими людьми, может, даже сплясать...

И я отправился на поиски культурной программы. Босиком. В одних портках и рубахе. Подобный прикид меня (в нынешнем сумеречном состоянии) абсолютно не смущал. И уж точно не беспокоило отсутствие оружия: при мне даже ножа не было – почти невозможная ситуация для свободного жителя средневекового Хедебю. Зато были деньги – в портках телепался небольшой мешочек с серебром. Понятно, почему: прятать денежку за гашником, то есть за шнурком от штанов (вариант – шнурком на шее) – добрая местная традиция. То, что в гаманце моем не кредитка и не банкноты, а серебро, которое вряд ли примут в цивилизованном питейном заведении, меня беспокоило не больше, чем попавшийся на пути ручеек.

И вот я, пьяный в зюзю, считай, голый (не потому, что без верхней одежды, а потому, что без оружия), зато с серебром в портках (не воспримите в переносном смысле), совсем один – в чужом средневековом городе.

Я мог напороться на обычных грабителей. Эти дали бы по голове (или прирезали, что еще проще) и унесли все, вплоть до портков, которые при всей простоте были сотканы из отличного льна. Я мог наткнуться на стражу, которая тоже дала бы по голове и забрала серебро, но портки оставила. Зато приволокла бы мое тело в караулку, откуда я, скорее всего, утром вернулся к своим.

Но со мной произошел третий вариант. Никого не заинтересовав, я в полной темноте вполне успешно (если не считать того, что я дважды падал в ручей) проделал немаленький путь из усадьбы Хрёрека до центральной улицы Хедебю, прошлепал еще метров пятьсот по деревянному тротуару и углядел огонек. А поскольку мысли мои были просты и практичны, как ручка от кастрюли, то я немедленно на этот огонек двинулся, чая осуществить засевшее в пьяном мозгу желание тусить.

Минуту или две я скребся под дверь. Вернее, под воротами. Потом оные (точнее, калитка в них) отворились, и я узрел женщину.

Что-то в мозгу окончательно переклинило, и я принял ее за мою погибшую

девочку.

Пуская слюни от счастья, полез обниматься...

Дальнейшее я помню смутно. Меня куда-то вели, о чем-то спрашивали. Потом я вдруг на что-то рассердился и принялся драться... Недолго. Меня аккуратно тюкнули по головке (надо полагать, это был весьма популярный здесь инструмент «мягкого» успокоения – мешочек с песком), и я отрубился окончательно.

Глава тридцать третья, в которой герой на своей шкуре познает разницу между дренгом и трэлем

Пробуждение было отвратительным. Башка болела так, что описать невозможно. С похмелья так не болит. Это во-первых. Во-вторых, я почти окоченел, поскольку сидел, прислонившись к чему-то твердому, а под задницей плескалась вода. И штаны были мокрехоньки. Кстати, штаны и не мои, а какие-то грубые чужие шаровары из колючей шерсти. Темно было – как в недрах московской канализации. Вдобавок я не мог пошевелить конечностями. То есть пошевелить как раз мог, но подвижность их была очень ограничена: руки и ноги оказались просунуты в какие-то дырки.

Что за черт?

Еще за спиной (да и снизу тоже) раздавался какой-то очень знакомый и очень характерный звук. Невероятным усилием воли я заставил себя вспомнить... Вспомнил. Это был шум воды. Шум воды за бортом идущего судна.

Тут только я сообразил, что меня качает. То есть я чувствовал и раньше, но мне казалось, что это последствия похмелья. Как только я осознал, что меня качает на самом деле, мне стало совсем худо (хотя казалось бы, куда уж...), и меня вырвало прямо на себя.

Рядом, совсем близко, кто-то злобно выругался на нурманнском: обозвал меня свиньей и еще похуже. У меня не было сил даже ответить. Голова разболелась так, будто в нее раскаленный штырь воткнули.

Минут пять я вообще ничего не соображал от боли. Потом немного полегчало.

– Где мы? – прохрипел я слабым, как струйка бурундучка, голосом.

В ответ – новые ругательства.

Еще через какое-то время я опять провалился в беспамятство...

Очнулся, когда ощутил, что меня поднимают.

Сопротивляться сил не было. Когда в глаза ударил солнечный свет, я зажмурился.

Потом кое-как разлепил слезящиеся глаза... И увидел собственные руки, скованные колодками.

Вот дьявол! Я сидел на палубе корабля. Явно чужого, потому что на своем со мной бы так не поступили.

Осмотреться как следует я не успел.

– В воду эту хрюшку! – рявкнул кто-то командным голосом.

Меня ухватили и вышвырнули в море.

Вода была холоднющая! Как я не захлебнулся, одному Богу известно...

Но не захлебнулся и не утоп, потому что через наручные колодки пропустили ремень.

Меня поволокло следом за кораблем. Время от времени трос вздергивал ме-

ня на поверхность, и я успевал глотнуть воздух. Грести не было никакой возможности. Судя по сопротивлению воды, на ногах у меня были такие же колодки.

– Греттир, дурья башка! Клянусь кишками Тангриснира[35], я не приказывал тебе сбрасывать плавучий якорь! – донесся злобный рык с кормы. Высокой, с центральным рулевым веслом. Это был кнорр. Смешно, но я порадовался, что даже в таком бедственном положении сразу определил тип судна.

Когда меня выволокли на палубу, меня трясло, как цуцика. Но в голове заметно прояснилось.

Вокруг собралось с полдюжины бородатых ребят. Им было весело.

– Подъем, трэль! Не спи, замерзнешь!

Данная команда была подкреплена пинком в бок.

Я встал. Это было невероятно трудно – в колодках. Но я справился. Минуты через три. Эти козлы продолжали гоготать.

Встал я не потому, что велели. Стоять все-таки лучше, чем валяться на палубе у них под ногами. Но только я встал, один из юмористов толкнул меня в грудь и я опять оказался на досках. Лишь борцовский навык уберег меня от того, чтобы треснуться башкой о палубу.

Скрипя зубами от боли и ярости, как уже упомянутый Тангриснир, я поднялся вновь. Весельчак же решил повторить. Ему понравилось. Но я подался в сторону, этого мудилу по инерции вынесло вперед, и я с невероятным удовольствием врезал ему головой в нос.

Потом мне было очень больно. Сначала – не расположенной к резким движениям голове, а потом – бокам, когда приголубленный дебил, сбив с ног, пинал меня ногами.

Недолго.

Кто-то, видимо старший, сообщил садисту, что если я помру, то он заплатит за меня из своей доли.

Карман, или, вернее, кошель – слабое место скандинавского моряка. Меня прекратили пинать и швырнули обратно в трюм. Люк закрывать не стали. Через квадратную дыру в трюм проникало немного воздуха и света. Достаточно, чтобы осмотреться. Прозябал я далеко не в одиночестве. Правда, видел я только ближайших соседей, но сразу стало ясно, что это – рабы. Не только потому, что все были в колодках. И не по дурацким стришкам. По уныло-опустошенным лицам.

И вряд ли те бедолаги, что оставались вне моего поля зрения, имели другой социальный статус.

Обитатели «дна» вяло переговаривались. В основном, о еде. Двое ближайших, к моему удивлению, беседовали по-английски. Но тоже о жрачке. Еще один мой приятель по несчастью громко молился по-латыни.

Я попытался понять, каким образом оказался в трюме у работорговцев, но не сумел. Смутно помнилась ночь, улица, фонарь над воротами... Но точно не аптеки. Эх! Аптека мне бы сейчас не помешала.

– Что это за судно? – спросил я у одного из англичан.

– А тебе что за дело? – пробормотал тот.

Я спросил то же самое по-датски. Вернее, на том общем диалекте, на котором говорили все: и норегии, и свеи, и даны.

На меня покосились как на идиота.

И я на время оставил попытки завязать разговор.

Изучение колодок тоже не принесло положительной информации. Запоры – примитивнейшие. Но эффективные. С одной стороны – ремни, с другой – согнутая железка. Но даже дотянуться до них не было никакой возможности. Эх, будь здесь не эти отбросы цивилизации, а настоящие воины, мы бы запросто освободились и...

«Забудь, – сказал я себе. – Не в этой компании».

Надежда все же оставалась... Махонькая такая. Меня явно захватили врасплох. И только меня одного. Побратимы наверняка станут меня искать. Стопудово. Землю рыть будут...

Но вот найдут ли?

Ладно, буду терпеть, ждать и постараюсь сохранить организм в приличном состоянии. Мое здоровье и мои навыки – ценность безусловная. Их следует беречь.

Наступило время обеда. Выглядело это так: двоих рабов (видимо, самых надежных) освободили от колодок, затем спустили вниз котел с кашей, пару мисок и пару ложек.

Так что кормили нас в буквальном смысле – с ложечки. В дырку свесился один из работорговцев и внимательно следил, чтобы «няньки» старались. Время от времени сулил им разные неприятности, если кто-то из нас сдохнет во время пути от недоедания. Отрезание ушей было одним из самых гуманных взысканий.

Жратва (жидкая ячменная каша с рыбой, пресная и пованивающая прелью) в горло не лезла, но я заставил себя проглотить всё. Не стошнило, и слава Богу. Трель, что меня кормил, остался доволен.

После обеда всем было предложено облегчиться – в деревянную бадью. Многие бадьи не дождались. Понос, как сказано у классика, штука резкая. Так что запашок в трюме стоял... насыщенный.

Дристунам нечего было надеяться на медицинскую помощь, но санобработкой их обеспечивали: вздергивали наверх и через некоторое время возвращали трясущимися и промокшими до нитки. Мне эта гигиеническая процедура была уже знакома.

Время шло. Вечером нас покормили еще раз. Тем же макарон. Ночь прошла тяжело. Тело в колодках закаменело. Я даже почувствовать холод почти перестал. Нет, бездействие до добра не доведет. Волю – в кулак, болевые ощущения – на выработку адреналина, и – физзарядка.

Я умел грузить мускулы даже в состоянии полной неподвижности. В колодках – тоже получилось. Через некоторое время я даже согрелся... И вызвал недовольство ближайших соседей, поскольку мешал им спать. Один даже попытался пнуть меня ногами... Получил колодкой по голове и успокоился.

Через некоторое время справа от меня раздались недовольные возгласы, однако грубый голос велел заткнуться, и говоруны смолкли.

Причина шума вскоре выяснилась. Ко мне пробирался кто-то из трюмных обитателей. Непростая работа, когда ты в колодках, но этот – справился.

Лунного света из открытого люка было маловато, чтоб его разглядеть, но, судя по всему, мужик крупный. Я приготовился к разборкам и был приятно удивлен, когда этот субъект, оказавшись рядом, просто представился:

– Над. Я был дренгом у Траслауда-ярла.

– Ульф, – в свою очередь представился я. – Хирдманн Хрёрека-ярла.

В отличие от меня, Над знал, как здесь очутился. Пару лет назад он убил какого-то бонда и то ли отказался, то ли не смог заплатить виру. Тинг присудил его к изгнанию, однако Над имел глупость вернуться, рассчитывая, что о нем забыли. Не забыли. Над был схвачен и продан за долги нашему нынешнему хозяину, Аслаку Утке. Аслак возил рабов куда-то на юг. Достаточно далеко, чтобы они могли забыть о возвращении домой. Впрочем, Над питал надежду, что парням, обученным воевать, и на юге могут предложить работу по специальности. Возможно... Но мне почему-то вспомнились дружинники Довгана, которым отрубили пальцы. А еще я слышал, что в Микльгарде-Константинополе из таких вот здоровяков делают евнухов – присматривать за наложницами. Этой мыслью я поделился с Надом, и он загрустил. Но ненадолго.

– Почему бы нам тогда не сбежать? – предложил он. – На палубе есть ялик, до берега тут миль пять, не больше. Главное – избавиться от деревяшек.

Последние фразы он говорил шепотом мне на ухо.

– Эти трэли услышат – непременно выдадут.

– Почему? – удивился я.

– За побег накажут всех.

Что же, разумно. Теперь понятно, почему за нами никто не присматривает. Хотя наверху, у люка, может, и есть сторож.

– Должен быть, – согласился Над. – Я выкину тебя наверх, ты вроде легкий. Сбросишь сторожа сюда, а я его задушу.

Идея мне понравилась. Хотя, как говорится, гладко было на бумаге, да забыли про овраги.

Впрочем, будем решать задачи по мере их возникновения.

Мы занялись колодками.

Уже через часок стало понятно, что до обезвреживания часового дело не пойдет. Запоры были, как я уже отмечал, примитивнейшие, но крепежные железяки достаточно толсты, чтобы их невозможно было разогнуть голыми руками. Может, у Стюрмира такой подвиг и получился бы, но не у меня. И не у Нада.

Аналогичный облом вышел и с ремнями. Кожа их оказалась прочнейшей и потолще бычьей. А вязать узлы моряки умели. Вдобавок, прежде чем вязать, материал как следует вымочили. Теперь кожа высохла и стянулась. Над пытался ее перегрызть, но тут надо было иметь зубы моего серого тезки – человеческие не годились.

Словом – полное фиаско.

Разочарованные, мы с Надом чудовищным аллюром перебрались ближе к носу кнорра (там было посуше и лежали какие-то кожаные тюки), распихали недовольных трэлей (Над с ними не церемонился, и его, похоже, побаивались) и устроились на ночлег.

Утром я чувствовал себя почти прилично. Побаливали ребра, которым вчера досталось, да саднили ободранные о колодки запястья и щиколотки. Это ерунда. Лишь бы не нагноились! Подхватить в таких условиях инфекцию легче, чем высморкаться.

День не принес ничего нового. Разве что двое колодников ухитрились подраться.

На шум заглянул кто-то из команды и посулил по прибытии отрезать яйца обоим.

Дяденька не шутил, и драка мгновенно прекратилась.

Прошел еще день.

Над продолжал строить планы побега. Чистая фантастика. Но ему, похоже, так было легче.

Я же мог лишь надеяться, что мой Хрёрек-ярл – не из той же породы, что вороватые российские генералы, продававшие собственных солдат. Он сделает все возможное, чтобы найти меня и освободить. Пусть не очень скоро... Я буду ждать и надеяться. Больше пока мне надеяться не на что.

На море не остается следов...

Знай я, что надежды не так уж беспочвенны, а следы остаются даже на море, мне бы, несомненно, полегчало.

Ночью ко мне подобрался один из рабов. Мелкий, тощий мужичок. Я обращал на него внимание и раньше. Один из тех неисправимых парней, которые ухитряются сохранить оптимизм, даже оказавшись по горло в дерьме. Он единственный пытался острить и сам же хихикал над собственными шутками. И еще он постоянно пытался выцыганить лишнюю порцию вонючих помоев, которые здесь называли пищей. Основную и дополнительную пайки он сжирал со скоростью уличной шавки. Хап-хап – и миска пуста. Юморист подполз ко мне ночью и жарко зашептал в ухо по-словенски:

– Не верь северянину, Волк... Это подлый человек. Бесчестный. Предаст тебя. Предаст.

– Почему, скажи-ка, я должен верить тебе, а не ему? – тоже шепотом поинтересовался я.

– Мы с тобой одной речи, Волк... – прошептал мелкий трэль. – Я словенин, как и ты. Не гони меня. Я тебе пригожусь. Я научу тебя, как попасть к хорошему хозяину, помогу тебе. Я родился рабом, я знаю многое. То, что может знать только раб. Ты никогда не был рабом. Тебя забьют до смерти или заморят работой. У раба только два пути, Волк. Научиться рабскому закону или умереть. Мы с тобой одной речи. Только мы двое. Я научу тебя пути раба.

– Пути раба? – Я усмехнулся. Разным путям меня учили, но такому – еще нет. – Как тебя зовут, добрый человек?

– Хаучик, – ответил кандидат в мои учителя.

Говорящее имя, однако. Хавчик. Очень ему подходит.

– Только я – не человек, – вновь раздался жаркий шепот. – Я – раб. И ты тоже, Волк. Запомни это, если хочешь жить. Ты ведь хочешь жить, да?

– Хочу, – глупо отрицать очевидное. – Но не рабом, мой добрый Хавчик. Благодарю тебя за поддержку, но учиться быть рабом я не собираюсь. Сдается мне: раб из меня не получится. Но умирать я тоже не намерен. Пожалуй, придется мне все же поискать третий путь.

– Я расскажу тебе историю, – предложил Хавчик.

– Валяй, – разрешил я.

– Шел однажды человек по лесной дороге и увидел распутье. (Знакомое начало!) А на распутье – камень. А на камне том нашими резами выбито: «На лево пойдешь – побьют. Направо – пойдешь – бит будешь. Прямо пойдешь –

быть тебе биту». Задумался человек. Надолго... А тут ему сверху – голос:

– Решай быстрее, странник, а то я тебя прямо тут поколочу!

Хавчик рассыпался мелким, почти беззвучным смехом. Но я не засмеялся. Верно говорят, все новые анекдоты были когда-то старыми. За исключением тех, которые – древние.

– Хочешь, расскажу тебе другую историю? – предложил я. – Ехал как-то добрый молодец по лесу и увидел распустье. А на нем – камень. А на камне надпись: «Направо пойдешь – коня потеряешь. Налево пойдешь – голова с плеч. Прямо пойдешь – штаны долой».

Задумался молодец. «Направо, верно, болото. Там конь и утопнет. Жалко коня. Не поеду направо. Налево, видать, людишки нехорошие обретаются. Не то чтобы страшно, нет. Но головой рисковать – глупо. Голова, она у молодца одна-единственная. А вот прямо – это занятно. И кто ж это с меня, с добра молодца, штаны снять сможет? Девка, не иначе! Поеду-ка я прямо». И поехал. Долго ехал, проголодался. Припасы подчистую съел, а дорога все не кончается... – Тут я сделал паузу и услышал, как Хавчик сглотнул слюну. Тема с едой его по-настоящему взволновала. – ...Ехал молодец, ехал и вдруг увидел поляну, а на поляне ягод – видимо-невидимо. Слез молодец с коня да принялся те ягоды рвать...

– ...А ягоды те – ядовитые! – не выдержав, перебил меня Хавчик. – Знаю я эту сказку.

– Ну почему ж ядовитые? – возразил я. – Не ядовитые вовсе. Покушал молодец, сел на коня и дальше поехал. Ехал, ехал – и тут ему живот прихватило...

– Сказал же – ядовитые!

– Не ядовитые, – усмехнулся я. – Просто зеленые. Слез добрый молодец с коня. Портки спустил... А тут и разбойники подоспели. Коня увели, а молодцу бесштанному – голову с плеч. А какой из этой сказки вывод?

– Какой? – заинтересовался Хавчик.

– Кто легких путей ищет, тот без штанов и помрет, – произнес я назидательно.

На этот раз даже Хавчик не захихикал.

– Ты бы, верно, направо пошел, – пробормотал Хавчик.

– Я-то как раз пошел прямо, – вздохнул я. – И оказался здесь. Но больше такое не повторится.

– Веришь ты в свою удачу, – завистливо прошептал Хавчик. – А дану этому здоровому все равно не верь. Предаст он тебя, вот увидишь.

Тут справа от меня завозился обвиненный в неверности Над, и Хавчик поспешно уполз в темноту. В колодках он передвигался не в пример проворнее, чем я. Опыт, надо полагать.

Глава тридцать четвертая,

в которой мы на время покидаем героя и возвращаемся в Хедебю

У Хрёрека в Хедебю не просто так оказалась собственная усадьба. Он, Хрёрек, был здесь в немалом авторитете. Более того, приходился родичем местному Хареку-конунгу. Седьмая вода на киселе, но здесь даже такое родство принималось в расчет, так что руководство города к заявлению ярла о том, что у него пропал (а возможно, и убит) человек, отнеслось с достаточным уважением. Тем более что я уже успел снискать в городе некоторую известность – как идиот, который не побоялся принять вызов от самого Сторкада. А

кое-кто даже истолковал внезапную смерть Бородатой Секиры как божественное деяние.

Наибольшей популярностью пользовалась версия о том, что меня сперли и тихо прирезали родичи или друзья Сторкада, не осмелившиеся бросить мне открытый вызов.

«Родичи и друзья», естественно, активно возражали. И спасибо им, потому что как раз один из таких незаслуженно обвиненных видел, как человека, похожего на меня, загрузили на кнорр норегского купца Аслака Утки. Свидетель удивился, почему одного из трэлей, уже оформленного в колодки, вносят по трапу на руках. И подошел посмотреть. Тогда он меня, естественно, не признал, потому что видел меня в правильной одежде викинга, а не в рабских тряпках, но теперь-то вспомнил.

Парню не поверили. Ярл гнул собственную линию: «украли, убили». Грозился сделать предьяву на тинге...

И тогда наш «свидетель» с друзьями вынуждены были провести собственное расследование. Дружки у покойного Сторкада были серьезные, доводы у них имелись... очень убедительные. Помогло и то, что Хедебю – городок, строго говоря, маленький: тысячи три жителей. Скрыть что-то от соседей не так просто. А тут еще и улика подвернулась: девка, которая приветила меня у ворот и по ходу свистнула мое серебришко, держать его в носке не стала, на следующий же день решила прибарахлиться... Ее внезапное богатство не осталось незамеченным. Прижатый к теплой (даже я бы сказал – горячей) печной стенке папаша (хозяин того самого подворья) честно заявил, что никаких субсидий дочери не давал. Девку взяли в оборот: где украли? Та уперлась в версии: «подарили». Но спонсора указать не могла.

Значит, все-таки украли, сделал вывод уже не викинг-расследователь, а местный хёвдинг-судья. А как насчет проверки железом?

Трогать раскаленную железяку девке не захотелось, и она сменила показания: мол, нашла. Дома у себя. На полу.

Тут решили изучить собственно серебро. Среди мелких обрезков обладавший прекрасной памятью на ценности Ольбард опознал кусочек оберега, доставшийся мне при дележке плесковской добычи.

Опаньки!

Дальше телега покатила быстро. Взятая в *настоящий* оборот девка раскололась до самых роскошных ягодиц. Папаша мгновенно вспомнил, что вломился к нему в дом какой-то... трэль. Безобразничал спьяну, хулиганил... В общем, буйного трэля повязали и продали. Как раз Аслаку Утке и продали.

Признавший косяк хедебюшец изо всех сил старался проявить добрую волю. Глядишь, забудут о его собственных проступках. Мошну развязал мгновенно. Отдал деньги, схищенные дочерью. Отдал деньги, полученные за меня от Аслака. Заплатил за моральный ущерб. Заплатил компенсацию за... В общем, отдал все, нажитое непосильным трудом. До копеечки.

Зато жив остался. Хрёреку некогда было с ним разбираться. Мои друзья быстренько загрузились на корабли и устремились в погоню.

Это лишь я думал, будто на море не остается следов. На самом деле следов – множество.

Корабли идут в прибрежных водах. Так спокойнее – можно укрыться, если

вдруг шторм. И запас пресной воды пополнить. А ютландские прибрежные воды, хоть и отличаются обилием мелей, зато изобилуют людьми. Рыбаками, например. И другими мореплавателями.

Кнорр Аслака Утки оставлял след куда более заметный, чем караван повозок на лесной дороге.

Глава тридцать пятая,

в которой герой узнает, каким образом приносят жертвы Одину

Команда кнорра увидела преследователей на пятый день после отплытия из Хедебю. Это случилось бы намного раньше, если бы не попутный ветер, бодро вздувавший широкий парус кнорра.

Однако тот же ветер наполнял и паруса Хрёрековых драккаров, а узкие военные корабли по-любому шли быстрее пузатого «купца».

На палубе кнорра вскоре заметили, что драккары идут не только под парусами, но еще и работают веслами. Да и красные щиты, поднятые на мачтах, заметны издали и выглядят недвусмысленно. Работоторговцы, естественно, забеспокоились.

К тому времени, когда глазастые норегии сумели разглядеть «соколов» на парусах, весь экипаж кнорра уже носился как взмыленный. Да что толку? Уйти – никаких шансов. Разве что выброситься на берег...

Снизу, из трюма, суета наверху не осталась незамеченной. Даже апатичные трэли забеспокоились... А потом мое ухо выцепило из доносившегося сверху галдежа знакомое слово.

«Хрёрек!»

Не передать, какое облегчение я испытал. Теперь остается только ждать и помалкивать, пока мои братишки возьмут кнорр.

К сожалению, радость во мне бурлила настолько сильно, что я все же не удержался. Поделился ею с Надом. И эта сука, которого я считал почти другом...

– Эй! – завопил бывший дренг Траслауда-ярла. – Эй, там, наверху! Я знаю, почему они за вами гонятся! Это из-за меня! Я – Ульф! Хирдманн Хрёрека! Освободите меня – и вам не сделают худого!

И по телам своих сокамерников, или, вернее сказать, сотрюмников, ломанулся к открытому люку.

А я просто охренел от неожиданности и даже не знал, как реагировать.

Орать: это не он Ульф, а я? Вот ведь какая дурацкая ситуация. Я растерялся...

А Нада услышали. И мигом вытянули наверх. Сразу наступила тишина. В этой тишине было отчетливо слышно, как наверху бубнит Над. Потом голос его умолк... И раздался сиплый продолжительный хрип. Очень знакомый мне звук. И означал он, что наверху кто-то отправился в страну вечной охоты. Легко догадаться, кто...

Затем командный голос Аслака Утки рявкнул:

– Камень к ногам – и в море!

Затем его бородатая рожа возникла в квадрате люка.

– Вякнет кто – живьем кожу сдеру и в море окуну! – посулил наш добрый хозяин.

Я покосился на соседей. Кто-то из них вполне мог слышать наш разговор с Надом. Сдадут?

Может, и сдали бы... Глазенки у англичан так и сверкают... Дай им волю, порвали бы меня на куски – я такие мысли по глазам читаю. Почему они меня так не любят? Вроде ничего худого им не сделал... Или потому, что я – викинг?

Один из англичан пробормотал что-то... очень недружелюбное, даже попытался привстать, но второй не дал. Покосился на раба, обязанностью которого было нас кормить, и буркнул (я еле разобрал) себе под нос:

– Не лезь. Ночью мы его удавим.

Размечтался!

Наверху тем временем спустили парус – я легко угадал знакомые звуки. Шорох воды под днищем смолк, качка заметно уменьшилась. Мы легли в дрейф.

Не прошло и десяти минут, как я услышал глухой удар соприкоснувшихся бортов и несильный толчок. Затем топот ног. Надо полагать, мои друзья уже на палубе.

Ага! Я услышал знакомый баритон: Хрёрек.

Разговор сразу пошел на повышенных тонах. Ярл наезжал, Аслак Утка отбрехивался. Мол, ничего не знаю, плыву себе мирно, никого не трогаю!

Я помалкивал. На всякий случай. Уж очень у меня положение невыигрышное для самостоятельной игры. Да и Хрёрек – не из тех, что верит на слово. До джентльменов людям этого мира еще расти и расти.

Ага! Вот в дырку люка свесились две головы: сам Утка и... Ульфхам Треска.

– Ну у тебя тут и вонь... – проворчал Ульфхам. – Тебе бы не трэлей, а дерьмо возить.

– Трэли и есть дерьмо, – отозвался Аслак.

Голос у него был спокойный, уверенный. Еще бы!

Думает, что главной уликой уже кормится придонная фауна Балтийского моря.

– Лампу дайте! – потребовал Ульфхам.

– Зачем тебе лампа, Треска! – крикнул я снизу. – Хочешь подобрать себе кусок дерьма пожирнее?

Дальше все произошло очень быстро. Башка Аслака исчезла из кадра, голова Ульфхама – тоже. А через пару секунд вниз прыгнули Трувор и Стюрмир.

Стюрмир приземлился на кого-то из рабов, тот заорал, но хускарлу было начхать.

Я уже стоял, опираясь спиной на доски обшивки.

Эти двое подхватили меня, как неодушевленный предмет, и метнули в люк. Наверху меня тут же ухватили три пары рук.

– Не худо бы тебе помыться, – усмехнулся ярл.

– Брось меня за борт, – предложил я. – Только не забудь потом вытянуть, а то вода холодная, я замерзну.

Парни (на палубе кнорра было не меньше двух десятков наших) заржали. Тоже сказал: холодная вода. Вот зимой она да, холодная. А сейчас просто идеальная водичка.

Тем временем с меня сняли колодки. Как приятно снова ходить самостоятельно!

Вдруг веселое лицо ярла превратилось в маску рассерженного демона. Даже я испугался.

Оказалось, к нам подвели Аслака. Рожа у хозяина кнорра была в крови, правая рука согнута под неэстетичным углом. Сломана, надо полагать.

Быстро его обработали.

Покоцанный Аслак держался неплохо. С достоинством.

– Я не знал, что он – твой хирдманн, – поведал ярлу работорговец. – Мои люди это подтвердят.

– Само собой, – согласился Хрёрек. – Великанша Ран с удовольствием их выслушает.

– Ты не можешь нас просто так перебить, – возразил Аслак. – Это не по закону. Если ты меня убьешь, тебе придется ответить перед тингом. И перед конунгом Хареком. Ты, может, не знаешь, но сестра моей матери...

– Знаю, – перебил его Хрёрек. – С конунгом мы договоримся.

– Один не одобрит... – попытался подыскать еще один аргумент в свою пользу работорговец.

– С Одним я тоже договорюсь, – усмехнулся Хрёрек. – Ты подал мне неплохую мысль. Ульфхам! Я решил подарить этот кнорр Одину!

– Жаль, – вздохнул командир личной охраны ярла. – Я как раз нашел здесь немного серебра.

– Одину! – твердо сказал Хрёрек. – Стюрмир!

– Да, вождь!

Здоровяк спрыгнул в люк, и оттуда тотчас раздались удары топора.

– Э-э-э... – пробормотал я. События развивались чересчур быстро. Неужели ярл решил утопить кнорр со всем содержимым. С людьми в трюме...

– Там есть кто-то, кому ты хотел бы сохранить жизнь? – Ярл как всегда догадлив.

Я задумался... Ненадолго.

– Пожалуй, есть один.

Я подошел к люку и крикнул в темноту:

– Хавчик!

– Я тут, Волк! – пискнули снизу.

Через минуту мой несостоявшийся учитель рабской философии стоял на палубе кнорра и лыбился щербатым ртом.

– Искупайтесь, – сказал ярл. – А мы пока тут закончим. – Вытянул меч, воздел к небу и провозгласил:

– Слышишь меня, Один! Тебе посвящаю...

И так далее.

Лезть в студеную воду мне совсем не хотелось, но приказы командира не обсуждаются. Тем более, этот командир только что извлек меня из очень глубокого нужника.

Через пару минут я, завернувшись в медвежью шкуру, хлебал пиво на палубе родного драккара. Это было нелегко, потому что зубы громко стучали о край медной чашки.

Рядом со мной завернувшийся в ветхую дерюгу Хавчик жадно грыз вяленую рыбину. Удивительный факт: ему было теплее, чем мне.

Мы отвалили. Кнорр медленно погружался в пучину. Его экипаж перебили, тела побросали в трюм. Команда Аслака почти не сопротивлялась. Видимо, надеялись, что Хрёрек не станет убивать всех. Зря надеялись.

Зато все ценности и оружие работорговцы забрали с собой. Если что-то или кто-то жертвуется Одину, то целиком. Без остатка.

Похоронным гимном тонущему кнорру стали вопли рабов, захлебывавшихся в трюме.

Они терзали мой цивилизованный слух, пока Трувор втирал целебную мазь в мои ссадины и царапины. Мазь была довольно вонючая. Зачем, спрашивается, я мылся?

Глава тридцать шестая,

в которой герой едва не становится жертвой коллеги по профессии

После операции по моему освобождению мы разделились. Второй драккар, возглавляемый Хёдином Моржом, – старик пустился в плавание вместе с нами, поскольку отлично знал не только местные воды, но и всех прибрежных обитателей, – с экипажем из сорока гребцов отправился в Хедебю, а мы двинулись в острову Сёлунд, вотчине неоднократно упоминавшегося Рагнара-конунга.

Когда-то я терпеть не мог спать днем. Разве что – в армейской учебке. Там-то мы наострились «харю давить» при каждом удобном случае. Здесь это полезное свойство восстановилось.

Сменившись с вахты, я быстренько употреблял организованный Хавчиком ленч (хорошо иметь своего раба, особенно если тот назначен армейским поваром), залезал под тюленью шкуру где-нибудь поближе к корме и дрых иной раз до самого ужина. Ни качка, ни скрип весел, ни то, что через меня постоянно перешагивали бодрствующие товарищи, ничуть не мешало. Привык. Суровая жизнь простого северного пирата.

Однако в этот вечер моя собственная жизнь едва не оборвалась. Причем по глупости.

То есть я проснулся, как обычно. Сбросив влажную от брызг шкуру, сел и...

...Спасла отменная реакция. А может быть, то, что я еще не до конца проснулся – сознание не тормозило рефлексов.

Ничего подобного я раньше не делал. То есть поймать ладонями клинок не очень проворного противника мне изредка удавалось. На тренировках. Но пущенный прямо в переносицу нож...

Иначе как чудом такое не назовешь.

Хлоп! – и между моих дланей зажат короткий и широкий швырковый ножик с колечком на рукояти для удобства извлечения. Из кармашка. Или из трупа.

Остренький наконечник ножа замер в каком-то сантиметре от моего сонного личика.

Я раздвинул ладони, и ножик упал на палубу.

Н-да. Злым умыслом тут и не пахло. Уж настолько я в физиогномике разбираюсь.

Видок у Бежана, молодого парня из Ладоги, прямо скажем охреневший.

Взяли паренька на испытательный срок. Ясное дело, что в свободное от вахт время он тренировался до седьмого пота. Вот и сейчас – соорудил мишень из старого чехла для щита и упражнялся.

Мишень эту я обнаружил у себя за спиной. Метрах в трех.

Губы у паренька дрожали, глаза – по пять копеек.

Надо полагать, с воображением у молодого все в порядке. И это воображение уже нарисовало ему последствия втыкания железного ножика между глаз товарища по ремеслу.

Мне стало жаль парнишку. Поэтому я оставил событие без комментариев. Подобрал ножик, бросил его Бежану и покинул директрису[36], перебравшись на канатную бухту.

Сидевший на этой же бухте Свартхёвди дружески огрел меня по спине. Он все видел и мою реакцию заценил.

Глава тридцать седьмая, из которой читатель может кое-что узнать о господском престиже и о преимуществах рабского состояния

— Ты богатый человек, хозяин, – бубнил над ухом мой раб. – Тебе следует хорошо одеваться.

Ну да, у меня все-таки появился раб. Хавчик.

Только не подумайте, что это была моя инициатива.

Напротив, в тот памятный день, когда пошел ко дну кнорр Аслака Утки, я предложил Хавчику свободу.

И даже некоторые деньги, чтобы с голоду не помер.

Денег у меня было в избытке. Вернули схищенное девицей серебро. Выдали моральную компенсацию: кожаный пояс, при виде которого любой ковбой умер бы от зависти, и около трех серебряных марок обрезками и монетами.

«Неплохая цена за путешествие в Аслаковом трюме», – высказался по этому поводу юморист Руад.

– Это ты так считаешь, потому что в этом трюме не сидел! – огрызнулся я.

Руад захохотал. Сердиться на него я не мог. Ни на него, ни на кого бы то ни было из наших. Сами понимаете, почему. Пусть дразнят хоть круглые сутки.

Однако – возвращаясь к Хавчику. Этот прохвост мое предложение «на свободу – с полными карманами» отверг категорически. Дескать, он профессиональный раб и не видит себя в ином качестве. Более того, немалый жизненный опыт подсказывает ему, что я буду Хавчику хорошим хозяином. А уж в том, что он, в свою очередь, будет для меня замечательным приобретением, Хавчик даже не сомневался.

Я устал спорить и согласился. Пошел к Хрёреку и сообщил, что у меня теперь имеется двуногая собственность.

У ярла возражений не было. Места на кораблях хватало. Правда, Хрёрек поставил ряд условий.

Первое: Хавчик находится на драккаре до тех пор, пока я не обзаведусь недвижимостью. В дальнем походе поить-кормить члена экипажа, не способного полноценно грести и драться, нерентабельно. Драккар – не византийская галера. Запасы ограничены.

Второе: Хавчик будет задействован на общественно полезных работах, или его провоз и кормежка будут осуществляться из моей доли. Я одобрил первый вариант.

Третье: при первом же конфликте с любым из членов экипажа мой раб отправляется к рыбам.

Я ознакомил Хавчика с требованиями командира. Тот обещал, что нареканий не будет.

Их и не было. Ни у кого, кроме меня. По прибытии в первый же более или

менее крупный городок раб категорически потребовал от меня обновить гардеробчик.

Прилично одеться я был не против. Но мои с Хавчиком вкусы категорически различались. От того, что мой раб считал верхом красоты и респектабельности, пришла бы в восторг любая семиклассница. Пестрое и блестящее.

Обследовав мое имущество, хранимое в корабельном трюме, Хавчик одобрил лишь две вещи. Совершенно непрактичные льняные штаны с такой «изысканной» вышивкой, что, появившись я в них в любом гей-клубе, меня бы сходу приняли за своего. И упомянутый выше тяжеленный кожаный пояс шириной с ладонь, изукрашенный серебряными бляшками, инкрустированный красными и синими стекляшками, изобилующий крючками и карманами и с такой огромной серебряной пряжкой, что, будь она на пару сантиметров повыше, вполне могла выполнять функции нагрудника.

На пряжке, кстати, был изображен не кто иной, как Святой Георгий, насаживающий змея на копьё, аки колбасу на шампур. Импортный поясок, вне всякого сомнения.

Первым делом, по настоянию Хавчика, мы занялись обувью. До сих пор я наивно полагал, будто мягкие кожаные «чуни» для обычной жизни и удобные сапоги из толстой кожи с кармашками под ножи – вполне достаточный комплект. Ничего подобного!

Обувь – первое дело для авторитетного человека, заявил мне Хавчик. К моей же в комплект полагается костюмчик из некрашеной шерсти, который здесь носили только бедняки и рабы.

Убедил.

Мы прошлись по рынку, изучая работу здешних сапожников. То есть изучал Хавчик, а я просто разглядывал. Обувь, надо признать, была очень даже ничего. Фасонистая. Хавчик трепался с продавцами. Я – помалкивал. С важным видом стоял рядом. Ничего не примерял. Хавчик с самого начала заявил, что брать готовую обувь – это для всяких там мелких арендаторов с черными пятками. Настоящий господин носит лишь то, что изготовлено персонально для него. Причем – эксклюзив, созданный по индивидуальному проекту. А для создания шедевра нужен настоящий мастер. Его-то мы и искали.

Примерно через полчаса сапожник-кутюрье был найден. Оставив лоток на помощника, оный мастер (с нами, естественно) проследовал к себе домой, где с моей ноги была торжественно (с ритуальным бормотанием) снята мерка. Затем они с Хавчиком уединились и еще полчаса обсуждали, каким надлежит быть истинному произведению искусства. Вернее, двум произведениям. Хавчик сразу предупредил, что обувь нужна не только на осень, но и на будущую зиму. Не в валенках же ходить такому богатею, как я?

На свет был извлечен мешочек с мелким серебром, канителью и прочими блестяшками-побрякушками. Хавчик и мастер в четыре руки выкладывали узоры на куске кожи, спорили относительно специфики охранных рун...

Чтобы я не скучал, мне подали пива (так себе) и деревянную миску с вяленой рыбкой.

Наконец стороны договорились. Эскизы и образцы мехов и кожи были предъявлены заказчику. Я одобрил, практически не глядя. Оговорил только наличие кармашка под нож.

Готовый продукт мне обещали к вечеру. Хавчик поведал, что для такого

важного господина сапожник и его подмастерья отложат все прочие заказы. Но на цене это не скажется. Я в некотором смысле буду ходячей рекламой его лавочки.

Уж не за ярла ли меня приняли?

Потом мы вернулись на рынок и продолжали тратить деньги. Хавчик был придирчив и скуп: торговался за каждый медный грош.

Заодно приодели и самого раба. Скромно и практично (я сам бы так с удовольствием одевался), ничего пестрого, шмотки исключительно из вышеупомянутой некрашеной шерсти. Это притом, что я должен был изображать австралийского попугая.

Я спросил, почему такая несправедливость?

Оказалось, требования социума. Рабу не следует носить вещи из крашеной шерсти. Еще ему следует коротко стричься. Как раз так, как я люблю: между «ежиком» и «щетинкой». Однако мне, наоборот, положено отращивать патлы. Надо полагать, этот закон лоббировала местная популяция вшей.

Я спросил Хавчика: не обидно ли ему от такой социальной несправедливости?

Оказалось – ничуть. Если хозяин в порядке, то его тщеславие вполне удовлетворено.

Я сразу вспомнил своих былых современников. При наличии рядом длинноногой блондинки в «армани» или «версаче» ее спутник мог хоть в дерюжке ходить. Все равно уважуха.

Теперь в роли упакованной блонды, получается, я?

Прикупились. Покушали. Забрали обувь, оказавшуюся на удивление удобной. И даже практичной. На носках сапог, например, имелись сверкающие бронзовые накладки. Пнесь – мало не покажется. А на «пятках» – короткие тупые шипики-шпоры. Не для лягания – для верховой езды.

Зимняя обувь была попроще и действительно мне понравилась. Ее стачали мехом внутрь из шкурки какого-то пушистого зверя, а снаружи была другая шкурка – с коротким толстым волосом. Нерпа, что ли? На подметках и вовсе особая шкура. Сапожник сказал: это с ноги саамского оленя. Такая, дескать, и на льду не скользит, и ей сносу нет.

Я не спорил. Судя по деньгам, которые пришлось выложить, эта обувь должна была служить мне до глубокой старости. Моих внуков.

Мои товарищи расположились в двух постоянных дворах неподалеку от пристани, однако вечером мы туда не вернулись. Хавчик сказал, что знает в этом городке отличное местечко (бывал тут с прежним хозяином), где пиво лучше, мясо дешевле, а старшая дочь хозяина нежна, как топленое масло, и доступна, как гагачьи яйца. То есть не всем, а только самым крутым альпинистам.

Все оказалось именно так, как обещал раб. Отличное пиво, сочное, в меру прожаренное мясо и приятная на вид и наощупь блондиночка, согласившаяся лично проверить, достаточно ли тепла вода в принесенной в мой номер моечной кадлушке.

А еще в этом кабачке играли в кости. Я не без удивления узнал, что Хавчик, оказывается, игрок. Играл, правда, на свои: я подарил ему монетку за труды.

Раб выиграл. Правда, немного. И едва не получил колотушек за то, что насмеялся над одним из проигравших.

Об этом он рассказал мне сам. С присущей ему иронией.

Я мельком видел парней, с которыми он играл. Любой из них перевесил бы пару таких, как мой раб.

Или он невероятный храбрец, или...

Оказалось – «или».

Наконец я узнал о том, что и рабское положение имеет свои преимущества.

Это свободного человека можно вздуть за обидное слово. Раба может бить только хозяин. Имеется в виду – бить бесплатно. Всем остальным придется иметь дело с собственником обидчика.

То есть Васенька – самый маленький в классе, но старший братик у него – боксер-перворазрядник. Дальше сами решайте «гамлетовскую» проблему: бить или не бить.

Сам Гамлет, кстати, – местный парень. Датский принц, если верить Шекспиру. Не исключено, современник моих побратимов. Надо бы порасспросить... [37]

Утром Хавчик тщательно упаковал обновки в водонепроницаемую тару, взвалил на спину, и мы отправились туда, где лежал на песочке наш славный драккар.

Нас ждали великие дела.

Глава тридцать восьмая, в которой герой узнает, что и на учениях можно запросто отправиться в Валхаллу

Выход в море откладывался. Ольбард изучил небосвод и предположил, что надвигается непогода.

Хрёрек отнесся к прогнозу с уважением. А чтобы не терять времени зря, объявил военные учения. Хирд в полном составе отправился на прилегающий к городку выгон и занялся делом.

То есть мы, молодые дренги и хускарлы, выстроились клином, плечо к плечу, и с душераздирающим ревом припустили вверх по склону. Пересеченная местность (камни, кусты, ямы) мало способствовала сохранению строя, однако мы очень старались держаться поплотнее, потому что расположившиеся сверху хольды метко обстреливали нас булыжниками.

Я никогда особенно не увлекался пращей, но должен отметить, что примитивное это устройство при некоторых навыках может посылать камешки с изрядной силой. Меня разок достали, и, несмотря на броню, было больно. А достали меня, потому что мой сосед Рулаф споткнулся, опустил щит, схлопотал каменюкой по шлему и упал. Тут-то меня и приложили. Впрочем, я остался на ногах, а брешь тут же была закрыта мною и соседом Рулафа. Держать правильный строй – наилучшее средство защиты от летающих предметов небольшого размера.

Погоняв «молодых» как следует, Хрёрек разбил команду на два отряда и устроил учебный бой.

Чтоб отличать «своих» от «чужих», половина хирда повязала на шлемы и бицепсы белые тряпки.

Учебный бой – это значит, что все колющие и режущие части оружия упакованы в кожу и тряпки. В остальном – все как обычно. И смею вас заверить: удар топором, даже защищенным мягкой култышкой, это не игривый шлепок

подружки.

Но я подобные игры любил. Сражение без кровопролития. Просто восхитительно.

Тем более что через минуту после столкновения наши ряды смешались и общий бой превратился в разрозненные поединки.

В реальном бою строй обычно держится дольше, но сейчас такой задачи не ставилось. Наоборот, надо было отрабатывать навыки драки в общей куче, когда удар может прилететь с любой стороны и с любого уровня. И еще – умение прикрыть спину товарища и сделать дырку в спине противника. Любому опытному рубаке известно, что благородный бой лицом к лицу в общем месиво не просто неуместен, а попросту нелеп. Убей или убьют тебя. Или – твоего друга. Правда, утверждение, что на затылке нет глаз, в моем случае можно оспорить. Иногда даже не «спиной чувствуешь», а именно «видишь», когда прикрывающий твою спину товарищ по какой-то причине (отвлёкся, устал, убили...) больше тебя не защищает. Я подобное необъяснимое с рациональной точки зрения чувство холил и лелеял, как мог. И не зря...

Со стороны, наверное, это выглядело неплохо. Умелый бросок копья – это вообще очень эффектное зрелище. Намного красивее, чем выстрел из лука.

Это копьё было брошено умело. И конечно его железко, как и положено, перед боем, было защищено «нахлобучкой».

Может, ремешок был завязан некачественно. Или порвался в процессе работы... Так или иначе, но брошенное с надлежащей силой и умением копьё во время полета растеряло все «предохранители». Что не помешало ему описать красивую дугу, конец которой теоретически должен был упереться в щит прикрывавшего мою спину Руада, а фактически – в эту самую спину, потому что у Руада (чистая фантастика!) развязался шнурок на обуви, и как раз в этот момент он на него наступил. И упал на колено. Не больше, чем на секунду. И в эту секунду над его головой, едва не ширкнув Руада по шлему, прогудело копьё.

Бросал копьё Ульфхам Треска. И целил, что характерно, не в меня, а в «предводителя» нашего отряда Ольбарда.

Но в свободном бою расположение «фигур» меняется ежесекундно.

Ульфхам уже разжимал пальцы, когда на Ольбарда налетели еще двое, и я, будучи к Ольбарду ближе всех, метнулся на помощь. Какая-то секунда, не больше. Руад вовремя угадал мой рывок (он тоже «держал» Ольбарда), «пошел» вместе со мной... И наступил на шнурок... А копьё уже летело, роняя на головы сражающимся куски «защиты»...

Встреча копья и моей спины должна была произойти через три четверти секунды. Учитывая тот факт, что брошенное умелым викингом (а Ульфхам был именно таким) копьё пробивало деревянный столб полуметровой толщины, результат встречи был предопределен. Но...

Второсортное счастье. За полсекунды до встречи бросившийся мне на перехват Свартхёвди треснул меня по ноге обмотанным в кожу и тряпки мечом.

Удар защищенного клинка не отрубил мне ногу, зато развернул градусов на девяносто, и вместо того, чтобы принять копьё спиной, я «поймал» его грудью.

Вернее так: я успел увидеть мелькнувшую молнию, отшатнуться букваль-

но на сантиметр, и хорошо отточенный полуметровый наконечник ударил в мою кольчугу на ладонь ниже солнечного сплетения. Кольчугу мою он порвал, как нож – тряпку. Я ощутил острую режущую боль и, практически одновременно, меня «довернуло» и швырнуло на Свартхёвди. А копье Ульфхама Трески, вспоровшее мою кольчугу и мышцы живота, воткнулось в землю в дециметре от его ноги.

Тут наконец подоспел Руад.

Оценив происходящее (копье в земле и кровь на моей разорванной кольчуге), он крикнул Свартхёвди: «Мир!». И «враги», похватив под мышки, выволокли меня с поля боя.

Мне повезло. Крови вытекло порядочно, но сама рана оказалась, по местным меркам, пустяковой. Фактически просто длинная и глубокая царапина. Я промыл ее «зимним» пивом, крепость которого, по моим прикидкам, приближалась к пятнадцати градусам, смазал какой-то зеленой дрянью, выданной Ольбардом, туго забинтовал и восстановил кровопотерю (опять-таки по рекомендации Ольбарда) здоровенным куском сырой телячьей печени.

Через три дня (мы уже были в море) рана закрылась.

Еще через неделю от нее остался только широкий (все-таки надо было зашить) красный шрам.

Но это фигня. Шрамы здесь только прибавляют шарма (во какой каламбур!), хотя предпочтительней все-таки шрамы на чужих шкурах.

А тот учебный бой наша команда проиграла.

Глава тридцать девятая, в которой герой очень отчетливо осознает разницу между круизным лайнером и драккаром

Я любовался берегом. В отличие от моих товарищей, высматривающих подходящее место для высадки, я просто глазел на чудеса северной природы. На причудливые скалы и утесы, похожие то на зверей, то на птиц, то на окаменевших гигантов. Теперь понятно, откуда предки викингов взяли свои легенды о великанах. Вот эта высоченная скала и впрямь похожа на великана с наполовину снесенной головой. Молотом Тора снесенной, не иначе.

Красота!

Мы уже семь дней шли без остановок, пользуясь отличным попутным ветром, изрядно подъели припасы, зато наслаждались бездельем. Курорт!

Я сидел на бухте каната из тюленьей кожи, и мне было хорошо. Грести не надо – свежий ветер брюхом вздувал парус и гнал драккар лучше, чем полсотни викингов. Мне было тепло и спокойно. Я грыз каменной твердости сухарь, запивая его водой, чуть подкрашенной клюквенным соком, и этот сухарь казался мне вкуснее, чем жульен в дорогом парижском ресторане. Эх!

У моих ног завернулся в одеяло Хавчик. Раб тоже бездельничал: готовить-то не из чего. Разве что свежей рыбки наловить... Но разводить огонь на драккаре без особой необходимости не следовало, а рыбу мои дружки с удовольствием лопали сырой.

У берега можно было бы крабов хватать. Во фьордах их до чертиков. Как отлив, собирай прямо в ведро. Что мы с Рулафом, собственно, и делали время

от времени. Варягов я к крабятине приучил. А вот викинги почему-то деликатесных «водяных пауков» не жаловали. Брезговали: мол, пададь едят. Можно подумать, медведи, чье мясо все скандинавы лопали с отменным аппетитом, одним нектаром питаются.

Делать ничего не хотелось. Разве что выпить. Но пиво кончилось три дня назад.

Я доел сухарик и принялся раздумывать на тему: не взять ли еще один. Но лень было отрывать задницу от канатной бухты и тащиться к ящику. Можно, конечно, пнуть Хавчика... Но я еще не настолько вжился в образ рабовладельца, чтобы будить человека из-за такой мелочи.

Нет, с ленью надо бороться. Жестко.

Я решительно поднялся и двинулся к корме. У меня появилось новое хобби: наблюдать за Ольбардом. Это может пригодиться. С моим тренированным интеллектом постичь искусство кормчего вполне реально. А кормчие здесь в чести. Не зря им по три доли отстегивают. Да и в ярлы не выйти тому, кто не умеет управляться с кораблем. Хотя лично я в ярлы не собираюсь. На хрена мне лишняя ответственность?

Еще издали я понял, что Ольбард обеспокоен. Пожалуй, даже встревожен.

Какие же у нас проблемы?

Я взгляделся в серую дымку впереди, выискивая вражеский корабль, – что еще могло угрожать «Соколу»?

Не разглядел ровно ничего, но это ровно ничего и не значило, потому что мои глаза, хоть я на них никогда не жаловался, не шли ни в какое сравнение с глазами большинства морских бродяг.

Зато я достаточно неплохо разобрался в людях, чтобы понять: встревожен не один Ольбард. И ярл тоже...

Кажется, ветер крепчает? Вон какие барашки на гребнях волн.

Точно, крепчает. Хоть и дует не прямо в корму, а под углом, но все равно наш кораблик мчит, как дельфин.

Ольбард – великий кормчий. Не только ухитрялся держать драккар на курсе (ветер прижимал нас к берегу), но и совершенно непонятным образом уводил корабль от самых здоровенных валов. Нас, конечно, качало и так и этак, но через борта не захлестывало, на палубу попадали только редкие брызги...

А ветер все крепчал.

Толстая мачта из цельного ствола скрипела и гнулась. Удерживающие ее канаты гудели, как огромные струны.

– Спустить парус! – покрыв все прочие звуки, заревел Ольбард.

С десятков викингов кинулись к мачте. Двое сразу полезли наверх.

Я остался на месте. В морском деле я новичок. Когда надо действовать быстро, на рефлексх, я только под ногами буду путаться.

Меньше минуты – и парус упал. Драккар сразу сбавил скорость, но все равно продолжал идти ходко. Пожалуй, при таком ветре и голая мачта хорошо парусит...

– Мачту вниз!

Вот это уже неожиданно. Никогда еще при мне мачту «Сокола» не убирали.

Тут уж и я подхватился. По принципу «делай, как все», вцепился в одну из носовых вант-растяжек. Рук в пятьдесят, дружененько и слаженно, мы аккуратно опустили мачту на палубу. Пока одни крепили ее, другие бросились к ру-

мам. Увидев, что Трувор выбивает пробку и проталкивает весло в кожаный рукав гребного люка, я тоже поспешил на рабочее место.

Около меня терся Хавчик. Ждал распоряжений.

– Что будет? – спросил я своего старшего.

– Одним богам ведомо, – Трувор был не на шутку обеспокоен. – Шторм идет. Он указал на черную линию туч на горизонте.

– Шторм?

Я попадал в шторм. Пару раз. Во время круизов. Удовольствия мало, когда тебя мотает из стороны в сторону, а чашка с кофе вдруг ускользает от пальцев и опрокидывается на брюки, но от этого же не умирают.

– Хавчик – в трюм! – скомандовал я. Еще смочит раба за борт...

Вовремя скомандовал. Ветер вдруг сгустился до невероятной плотности и ударил нас в борт.

Драккар не развернуло только благодаря мастерству кормчего и умению (я тормознул, а вот Трувор сразу налег и задрал весло) гребцов. Еще я увидел, как доски обшивки от удара выгнулись, будто это не толстые ясеновые доски, а древко лука. Вот тут я испугался. До меня (с опозданием, как до жирафа) дошло, что глядеть на буйство стихии с высоты круизного лайнера и с борта деревянного парусника – бо-ольшая разница.

Видно, на моей физиономии что-то такое, несолидное, отразилось, потому что Трувор покосился и сказал, вернее, крикнул – ветер уже не гудел, а выл:

– Блевать[38] – за борт!

– Не буду я блевать, – буркнул я обиженно.

Никогда у меня не было морской болезни.

Тут я опять-таки не сделал поправки на коренное отличие плавсредств, на которых путешествовал раньше, и нынешнего.

Однако было не до болезней. Давно замечал: во время реальной опасности все болезни – как-то рукой...

В считанные минуты холмики волн превратились в горы. Драккар лавировал между ними, скользил по вздымавшимся склонам... Однако время от времени валы грохали прямо в борт, и тогда доски устрашающе изгибались, а нас обдавал душ из холоднющей соленой воды. Хорошо хоть наши куртки и штаны из толстой кожи – достаточно влагостойкие.

Грести становилось все труднее. Руки заоченели. Мокрое весло выворачивалось из пальцев, но я не сдавался, пытаюсь не отставать от Трувора. Ему было легче: на руках толстые рукавицы.

Хуже всего было, что, несмотря на все усилия, нас понемногу сносило к берегу. А это – смерть. Не обязательно разбираться в морском деле, чтобы понять: у берега нас вмиг раздолбает о камни. И выжить после этого будет можно только благодаря невероятному везению. Беснующиеся между скал волны много страшнее, чем те же валы в открытом море.

Не выпуская весла, Трувор наклонился ко мне:

– Иди отсюда! – рявкнул он мне прямо в ухо.

– Зачем? Я еще могу...

– Пошел отсюда!!! – взревел Трувор. – Воду черпать, глупая нерпа!

Тут я понял, что он здорово нервничает. А еще увидел, что надо мной, балансируя на прыгающей палубе, возвышается огромный датчанин Фрёлав.

– В трюм иди!

Я не стал артачиться. Фрёлав гребет значительно лучше меня. Вдобавок он – в рукавицах.

Место в трюме было занято. Там трудились двое. Одним из них оказался мой Хавчик. Раб впахивал, как заведенный. Тоже понимал, чем пахнет ситуация.

Нижние вычерпывали воду, наполняя кожаное ведро, которое мы на пару с эстом, имени которого я так и не выучил, по очереди вытягивали на веревке (второй прикрывал люк пологом, если волна перехлестывала через борт) и выливали за борт. Это была сравнительно легкая работа. По крайней мере так показалось сначала. Но вскоре спину уже ломило от однообразных движений.

Когда мы поменялись (мы с эстом – вниз, те, что внизу, – наверх), я понял, что наверху было легче. Здесь, в почти крошечной темноте, я должен был ковшом вычерпывать воду, которая плескалась под ногами, и выливать в ведро. Тоже несложно, однако здесь, в трюме, было по-настоящему страшно. Сюда не задувал ветер, зато после каждого удара волны в борт внутри у меня что-то екало от страха. Здесь было очень хорошо слышно, как стонут и жалобно скрипят доски, видно, как гнутся шпангоуты и ходит ходуном обшивка. А вода, непонятно откуда, все прибывала, так что нам с эстом приходилось пошевеливаться. И хотя мы «пошевеливались» изо всех сил, уровень воды поднялся еще на несколько сантиметров. Вдобавок ко всему в трюме невозможно было выпрямиться во весь рост.

Но я черпал и черпал, каждую минуту готовый к тому, что страшный удар о скалу проломит слабую дощатую перепонку между мной и стихией...

В люк спустился Ольбард с жировым светильником в руке. Прогулялся по трюму, внимательно изучая обшивку, и я наконец увидел, откуда берется вода. Тонкая ее пленка непрерывно стекала по бортам, будто качественно просмоленные, проложенные такими же просмоленными шнурами доски вдруг стали полупроницаемыми.

Ольбард обшарил все, от носа до кормы, сдвигая бочонки, мешки, непонятного мне назначения деревянные чурки и прочий груз. Видимо, искал течь. Не найдя, удовлетворенно хмыкнул. Потом посмотрел на меня и, мистическим образом угадав мысли, хлопнул по плечу, гаркнул прямо в ухо:

– Не бойсь, Волчонок! Это крепкий корабль! – и полез наверх, а уже сверху крикнул: – Не спите, рыбы, шевелись!

Через какое-то время мы опять поменялись. Потом – опять.

Хлынул ливень. Теперь полог наверху надо было держать непрерывно, чтобы дождь не попадал в люк.

К этому времени я уже устал бояться. Тупо делал, что надо. Как автомат...

Прошла целая вечность, пока шторм наконец не начал утихать. Ветер был еще силен, а волны – высоки, но всем, и людям и драккару, сразу стало легче.

Еще через некоторое время дождь кончился, тучи разошлись, и я увидел над головой звезды.

Мы снова сменились, и примерно через четверть часа я выплеснул за борт последнее ведро.

Только теперь я осмелился посмотреть в сторону берега.

Белая полоса прибоя была метрах в пятидесяти. То есть наши жизни висе-

ли на волоске...

Видимо, морской бог викингов, как его, Эгир[39], все-таки смилостивился над своими почитателями.

– Это разве шторм, – пренебрежительно заявил Руад, с которым я попытался поделиться впечатлениями. – Были бы мы в открытом море, так и вовсе забава. Вот помню, застала нас как-то непогода у берегов Ирландии... – Он мечтательно прищурился. – Двух рабов пришлось в море бросить... Думали, все. Уже меж собой жребий кинули – кому следующему... Ан ничего. Обошлось. Перун Молниерукий нас, варягов, любит!

**Глава сороковая,
в которой выясняется, что беды, раз за разом обрушивающиеся на
героя, имеют вполне конкретное обоснование. Правда,
мистическое...**

Что бы там ни говорили матерые морские волки, но после этой «забавы» мы высадились в первой же подходящей бухте, выволокли корабль на песок, и компетентные специалисты всерьез занялись техническим обслуживанием «Сокола».

К сожалению, бухточка, вполне подходящая для корабельного ТО, не была оборудована ни фастфудом, ни водопроводом. Поэтому, по распоряжению Хрёрека, была сформирована команда для решения вопросов водо- и едоснабжения.

Возглавил ее Трувор. Естественно, в состав вошел и совершенно бесполезный в сфере судоремонта Ульф Черноголовый.

В наш славный поход мы отправились на лодке.

Да, совсем забыл сообщить: этим утром мы захватили отличный рыбацкий парусник: крепкую четырехвесельную посудину, по утверждению Ольбарда, способную нормально перенести средней силы шторм.

Собственно, она его и перенесла. Внезапно начавшийся шторм отрезал ее от спасительного берега, но – обошлось. Рыбаки, как и мы, постарались отойти подальше от берега... И встретили рассвет по соседству с нами.

Близкое общество нашего «Сокола» оказалось для них куда неприятнее миновавшего шторма.

В некотором смысле они сами виноваты. Не стоило удирать. Хотя и рыбацков понять можно. Одного взгляда на плотоядную драконью морду на нашем носу и не менее алчные рожи хирдманнов Хрёрека-ярла достаточно, чтобы возникло непреодолимое желание перенестись миль на тридцать подальше.

В общем, они дали деру. А мы, само собой, погнались. Ольбарду приглянулись мореходные качества лодки, а всем остальным, по-моему, нравился сам процесс.

Сначала у беглецов были неплохие шансы, поскольку берег – на виду, ветер – попутный, а под парусом они шли так же ходко, как «Сокол». Чем, собственно, и покорили шкиперское сердце Ольбарда Синеуса.

Однако, когда от спасительной тверди рыбаков отделяло каких-то полторы мили, ветер внезапно спал, паруса повисли старушечьими сиськами, и участь лодки была решена. Абсолютное превосходство двадцати восьми весел над четырьмя было настолько очевидно для специалистов, что рыбацки даже и не пытались продолжить бегство.

Беглый экипаж состоял из пяти человек. Нет, я оговорился: из пяти трэлей.

Разве можно считать человеком существо в железном ошейнике? Мои соратники, во всяком случае, не считали. Кстати, далеко не все рабы здесь, на севере, носят такие «украшения». Я в этом деле не специалист, но, судя по всему, железом «кольцуют» в первую очередь тех, кто склонен сменить социальный статус. Впрочем, я могу и ошибаться. Точно знаю одно: я на человека такую штуку не надену никогда.

Ярл, в отличие от меня, избытком гуманизма не страдал. Он с ходу объявил рыбацков беглыми рабами, и хускарлы тотчас принялись обсуждать, какой именно казни предадут таких вот беглецов в разных уголках Балтийского и Северного морей. Один из трэлей, видимо, старший, попытался спорить: мол, никакие они не беглые, а на рыбалку отправились по поручению своего хозяина, местного землевладельца... Но дискуссии не получилось. Стюрмир отвесил говоруну оплеуху, от которой тот мигом оказался на палубе и в дальнейшей беседе не участвовал. Остальные понуро внимали и готовились к худшему.

Конечно, это был беспредел. В том же Хедебю никому и в голову не пришло бы покуситься на чужое имущество. Но на море действовали другие законы. Вроде «закона тайги». Помните? С медведем-прокурором. Вода – она спрячет не хуже. А если кто-то на суше попробует оспорить события, то ему придется выставить никак не меньше сотни свидетелей своей правоты, поскольку весь наш хирд на тинге дружно покажет, что на волнах болталась брошенная посуда без экипажа. А и был бы экипаж – кого волнуют свидетельства трэлей?

Ульфхам Треска с присущей викингам практичностью предложил подарить рабов Эгиру и его подружке. Чтобы, когда тот следующий раз вздумает варить пиво[40], ему было чем закусить – помимо доблестного экипажа «Сокола».

Предложение одобрили. Бедолаги отправились за борт. А поскольку Хрёрек был в это утро настроен благодушно, то им даже предварительно не перерезали горло.

Оглушенный Стюрмиром спорщик камнем пошел ко дну. Остальные даже не попытались ему помочь: сразу устремились к берегу. Трэли и есть трэли.

Надо сказать, у них был неплохой шанс выжить: до берега оставалось меньше километра. Я оценил этот шанс, как три к одному. Конечно, полукилограммовый ошейник заметно снижает плавучесть, да и водичка в море довольно холодная, но жители севера к холоду привычны.

Мои соратники были склонны смотреть на шансы пловцов менее оптимистично. Пары заключались на то, двое доплывут до берега или один.

Биться об заклад я не стал. Мой цинизм еще недостаточно окреп, чтобы ставить на человеческие жизни. Однако и я почерпнул полезный опыт. В вопросах свободного плавания по морским просторам я абсолютный дилетант. На береговые камни выбрался только один трэль. Правда, второй не дотянул до берега самую малость – метров пятьдесят. Видно, прибой доконал.

Так что поспорь я с кем-то, неминуемо проиграл бы.

А вот мой раб стал богаче на целый серебряный дирхем – выиграл у Рулафа. Хавчик поставил на единичку. Впрочем, ставил он мое серебро, так что и дирхем теперь тоже мой.

Захваченное плавсредство Ольбард осмотрел и полностью одобрил.

Трофейная лодка бежала в кильватере драккара, как жеребенок за мамкой.

А сегодня ей предстояло самостоятельное плавание. С командой заготовителей на борту.

Нас было восьмеро. Трувор, Руад, Рулаф, Сигвад (тот самый парень, которого принимали в хирд вместе со мной), я и еще двое варягов. А также Свартхёвди. Земли эти были – датские. Медвежонок же был природным даном с Сёлунда, знал поименно всех местных лидеров и носил правильную одежду. Это значило, что по вышивке на его куртке любой коренной обитатель Датской Марки мог запросто отследить родословную, а затем (если у обитателя не было к роду Свартхёвди кровных претензий) облобызать, покормить или иным образом выразить его живым и мертвым родственникам глубокое уважение.

Медвежонку предстояло, если потребуется, вести переговоры и торговаться о цене провианта. Если, конечно, не удастся получить требуемое бесплатно. У северян эта экспроприация считается почти законной и называется – страндхуг. Выглядит это так: приплывают на большом корабле к мирным землевладельцам крепкие парни в доспехах и очень мирно интересуются: не поделишься ли, дорогой товарищ, с ними провизией и другими необходимыми в походе вещами?

Грабеж? Какой грабеж! Мы же чисто по-дружески просим! А то так есть хочется, что и переспать не с кем. Неужели можно отказать в сущих пустяках морским странникам, творящим вечную славу северного народа?

При этом, для убедительности, борцам за нурманнскую славу рекомендуется ненавязчиво так поглаживать рукоять секиры. Угрозы? Какие угрозы! Разве мы угрожаем? Просто напоминаем, что есть такой освященный веками и одобренный прадедушками (викингов, само собой, а не землепашцев) обычай. Страндхуг, называется. Вы что, против обычаев? А вот это уже уголовно наказуемое преступление!

Однако бывают ситуации, в которых тема не проходит. Как правило, когда военное превосходство приверженцев страндхуга не столь очевидно.

Ну, тогда можно и за деньги...

Подходящее место для десантирования мы обнаружили часика через полтора. Внизу, под скалой, мокла рыбацья лодка немного меньше нашей. Повыше сушились сети. Вверх по карнизу взбегала хорошо утоптанная тропинка. Даже такому неопытному викингу, как я, очевидно: где-то там, наверху, имеется человеческое жильё. А следовательно, вода и пища.

Мы пристали и высадились.

Наблюдательные варяги сходу обнаружили на тропе следы лошадиных и козьих копыт.

Глаза у моих друзей загорелись. Конинка, козье молочко...

Страндхуг! Ура! Теперь зажируем!

Однако, как я уже говорил, были такие, которые – против.

Вот на них мы и напоролись.

Два рослых бородача стояли поперек тропинки, недвусмысленно нацелив на нас копыя.

А за ними, повыше, у поворота, – еще двое. С луками.

Добро пожаловать, гости дорогие. Как насчет «перекусить» острым железным предметом?

Нас было больше. И, скорее всего, мы были лучше подготовлены, хотя копья, шлемы и щиты у аборигенов тоже сработаны вполне профессионально. Надо полагать, они нас заметили уже давно, так что успели и облачиться, и обсудить протокол встречи.

Возможно (даже скорее всего) мы их победим. Но какова будет цена победы? А ну как дешевле все-таки – серебром?

Вперед выдвинулся Свартхёвди. Продемонстрировал пустые руки и начал переговоры. Мирные.

То есть сначала был предложен бартер: они нам – пищу и воду, а мы за это не станем забирать лодку и сети. А то такое дело – если не принесут нам перекусить, то придется самим рыбку ловить, чтоб от голода не помереть. Тут-то рыбацкая снасть и пригодится.

Аргумент был веский.

Но аборигены уперлись рогом. Может быть, оттого, что им было во что уператься.

Позиция больно выигрышная. Карниз узкий, да вдобавок изгибается удачно, а стрелки вообще за камнями прячутся. А вот мы – как на ладони. Если начнем чужое имущество прибирать, то сверху очень удобно будет в нас разными предметами швыряться. Стрелами, например, или булыжниками...

Диспут длился примерно полчаса. И вот наконец прозвучало редкое в устах викинга словосочетание «мы заплатим».

Теперь пошел уже конкретный торг. И почти определились условия: наверх мы не пойдем. Съестные припасы в виде пары козлят и трех свинок, свежую воду и даже пару бочонков пива нам снесут прямо сюда...

И цену аборигены предложили приемлемую... После получасовой торговли.

...Словом, дело было почти на мази, когда этот debil взял да и стрельнул. Причем – в меня.

Что у него там в башке переключилось, понятия не имею.

Стрелу, допустим, я отбил. И вторую – тоже. А потом Трувор удачно метнул копьё и сбил стрелка с карниза.

Тот пролетел метров пять, еще столько же прокатился по камешкам и затих, не подавая признаков жизни.

Родичи стрелка обиделись (за что? – он же первым начал!) и открыли военные действия. Одно копьё полетело в Свартхёвди, второе – в Трувора. Свартхёвди пригнулся, Трувор увернулся – а может, метатель был не слишком меткий... Но в итоге оба копьё «достались» мне. Первое продырявило щит, второе смачно долбануло по макушке шлема.

Результат: я, оглушенный, плюхнулся в воду и едва не потоп, потому что место оказалось довольно глубокое, а плавать в доспехах весьма затруднительно.

Выручил Сигвад, подцепивший меня, еще в процессе падения, за ремень щита бородкой секиры. Тут подоспели наши: Рулаф ухватился за древко застрявшего в щите копьё (остальные прикрывали щитами) и выволок меня на сушу.

Тем временем бой прекратился.

Свартхёвди заорал, мол, стоп! Ну ее, драку! Давайте все-таки поговорим!

Оставшиеся без копий аборигены, хоть и с топорами наголо, тоже в атаку идти не спешили.

Свартхёвди истово клялся атрибутами Тора и добрым именем своего дедушки Ормульфа, приходившегося родичем кому-то из местных ярлов, что не хочет кровопролития. Но если все же такая неприятность случится, то там, за мысом, находится драккар Хрёрека-ярла, и пусть тогда поднявший топор на его хускарлов пеняет на себя!

Не знаю, какой из доводов оказался более убедительным, но наши противники опустили топоры, и через минуту Свартхёвди уже представлял им хольда Трувора.

А я в это время сидел на береговом камешке и пытался определить, есть у меня сотрясение мозга или нет. Тошнить вроде не тошнило, но голова кружилась, и меня не по-детски трясло. Не сразу до меня доперло, что трясет от холода: я же промок до нитки. Некоторое тугодумие тоже было косвенным свидетельством сотрясения... Ну да ладно. Мог ведь и воды нахлебаться, а то и вовсе утонуть.

– Благодарю тебя, выручил! – с чувством сказал я Сигваду.

– Пустяки! – махнул рукой мой спаситель. – Мы же с тобой, считай, молочные братья.

Ну да. А вместо общей материнской сиси у нас – ритуальный сапог Хрёрека. Хорошо хоть его пришлось не облизывать, а только обуть. Хотя (я теперь уже был в курсе некоторых местных обрядов), если бы меня принимали в обычный род, пришлось бы и на коленках посидеть, и к «материнской» груди приложиться. Не подумайте, что местные ребята – извращенцы. Это они «рождение ребенка» изображают. Чтобы, значит, собственных предков-чуров в заблуждение ввести. По-моему, это неуважение к покойникам – держать тех за полных недоумков.

Хотя, если вдуматься, плевать через левое плечо (как это популярно у их отдаленных потомков), еще глупее. Если на этом плече (как предполагается) сидит черт, то плевком его не собьешь. Только обидишь. А обиженный черт вряд ли добрее необиженного...

Начавший драку абориген, к моему немалому удивлению, оказался жив, хотя должен был сначала продырявиться копьем, а потом разбиться всмятку.

Парень оказался настоящим везунчиком: во-первых, копьё Трувора не проделало в нем дыры (как это обычно бывало), а всего лишь снесло с тропы. Во-вторых, от контакта с гранитными камнями он, можно сказать, почти не пострадал. Вывихнул руку и сломал обе ноги. Сущя ерунда, если вспомнить, на что и откуда он падал.

Пока его перевязывали и упаковывали в лубки, стрелок несколько раз приходил в сознание и терял его снова, так что желающим выяснить, какого хрена он в меня выстрелил, пришлось потерпеть.

Тем временем на берегу развели костерок. Я избавился от доспехов и мокрой одежды, завернулся в шерстяной плащ Трувора, выпил горячего пива (местным нравится, а по-моему, редкая дрянь) и наконец перестал лязгать зубами.

Наши суетились так, будто я серьезно ранен. Неспроста, как оказалось.

Следовало показать, что с нашей стороны тоже имеется пострадавший. Для

взаимозачета, так сказать.

После недолгих переговоров стороны сошлись на снятии взаимных претензий. Поскольку копье Трувора непосредственного вреда парню не принесло, было решено считать, что он свалился со скалы исключительно по собственной неуклюжести. Так же, как и мое падение в воду было признано следствием моей скверной координации.

Высокие стороны поклялись не делать предьяв на общем собрании-тинге, и инцидент сочли исчерпанным. Примерно так договариваются в двадцать первом веке автомобилисты, если не хотят привлекать ГИБДД. Только здесь обходятся без расписок: за соблюдением условий сделки тут следит самая высшая инстанция. Божественная.

За водой и четвероногими был отправлен сводный (после обмена суровыми клятвами нас больше не боялись) отряд. Ко времени его возвращения поломанный парень пришел в себя. Однако внятного ответа на главный вопрос дать не смог.

Захотелось – и выстрелил. Вот и весь сказ.

Услыхав это расплывчатое объяснение, Свартхёвди Медвежонок как-то очень многозначительно поглядел на меня.

Я даже подумал: а не спровоцировал ли я паренька каким-нибудь неправильным действием?

Нет, все оказалось намного проще. Или сложнее. Это с какой стороны посмотреть.

Тайну сию, вернее, свою интерпретацию сегодняшних и более ранних событий, Свартхёвди выдал мне, когда мы благополучно вернулись в бухточку, где «профилактировали» драккар.

Его вывод был абсолютно неожиданным для меня, но полностью отвечавшим духу времени. Присутствовавшие при разговоре хускарлы дружно поддержали мнение Медвежонка. А я впал в растерянность. С одной стороны, мои самые близкие друзья отнеслись к ситуации очень серьезно, а мнению этих суровых тружеников меча и топора я привык доверять. С другой стороны, моему рациональному (даже после волшебного «перехода») уму было трудно мыслить подобными категориями. Все-таки я родился не Ульфом Черноголовым, а Николаем Переляком. Которому было очень трудно всерьез отнестись к утверждению, будто на него навели порчу.

**Глава сорок первая,
в которой герой ступает на землю Сёлунда, славного острова, на
котором правит тот самый прославленный в веках обладатель
«волосатых танов» Рагнар Лодброк**

Длинный красивый фьорд... Пустынная и чистая красота дикой северной природы, плеск весел, мерный рокот барабана, ветер, надувающий полосатый парус, несущий горе всем, кто не способен за себя постоять. То есть несущий нас.

Бывало, правда, что из-за очередного изгиба-поворота вышмыгивали местные хищные «щучки» – такие же искатели приключений и чужого добра.

Однако, как вышмыгивали, так и ушмыгивали обратно.

С нами связываться – себе дороже.

Этот фьорд был каким-то... непуганым. Похоже, здесь совсем не опасались рабителей. Обитатели земли Сёлунд глядели на нас с берегов совершенно без

страха, рыбацьи лодки не бросались наутек при виде драконьей головы, а с шедшего встречным курсом кнорра нам адресовали что-то вроде «добро пожаловать».

Вероятно, дело было в человеке, который заправлял на этом чудесном острове.

Звали его Рагнар Лодброк. Или Рагнар Волосатые Штаны. Прозвище не было оскорбительным. Слава Рагнара-конунга была так велика, что, даже если бы его прозвали, скажем, Крысиной Мошонкой, на его статусе это не сказало бы.

Репутация Рагнара и страх перед ним были таковы, что наделяли всех жителей Сёлунда поистине геройским бесстрашием.

Однако любая храбрость здорово выигрывает, если подкреплена настоящей силой.

Эту силу мы увидели минут через двадцать.

Она приняла облик двух кораблей, чьи весла весьма энергично пенили воду. Надо полагать, на каждом руме сидело по двое. Вблизи от берега, когда не надо запасаться водой и пищей, на большой драккар можно загрузить человек двести, так что проблем с гребцами никаких. Они шли без парусов, поскольку ветер дул нам в корму, но шли, по-моему, раза в полтора быстрее нашего.

– Треска, – лениво процедил Хрёрек, – отверни дракона. Эй, кто-нибудь, поднимите на мачту мирный щит.

До драккаров оставалось метров триста, когда носовую фигуру «Сокола» развернули задом наперед и накрыли чехлом. К этому времени «мирный», выкрашенный белым, щит как раз достиг верхушки мачты.

– Забодай тебя Тангриснир, Хрёрек Инглинг! – раздался с носа одного из драккаров голос, больше похожий на бычий рев, чем на человеческую речь. – А я-то думал: кто это посмел переть по Роскиллефьорду с оскаленной пастью!

– Я так и знал, что кто-то из Рагнарсонов непременно удивится! – заорал в ответ наш вождь. – И непременно припрется поглядеть, кто колотит в ваши ворота обухом секиры!

– Ну вот я пришел! – проревел в ответ бычьеголосый громила. – Что дальше, Соколок?

Тем временем встречные драккары совершили красивый точный разворот и теперь шли бок о бок с нами. Я видел, что на их палубах полным-полно головорезов самого зверского вида. На бородатых рожах читалось такое искреннее желание порыться в нашем трюме, что мне даже стало чуточку не по себе. Но наш ярл, похоже, просто развлекался.

– Так и знал, что это будешь ты, Бьёрн Железнобокий! – крикнул Хрёрек. – Из всех Рагнарсонов ты, братец, самый любопытный! А пришел я потому, что слышал от людей, будто Рагнар собирает пахарей Лебединой дороги для славного веселья.

– Так и есть, братец! – гаркнул в ответ Бьёрн Рагнарсон. – Так и есть! Ты зря явился в Роскилле накануне зимы! Хватит ли у тебя серебра, чтобы провести зиму на Сёлунде?

– Мне хватит серебра даже на то, чтобы купить у твоего отца его штаны! – отозвался Хрёрек под взрыв хохота наших и не наших хускарлов.

Отлично! Значит, будем здесь зимовать. То есть в ближайшее время можно

будет забыть о холодном море, мокрой палубе и приевшейся картине широкой спины переднего гребца. Ура!

Все-таки как мало надо человеку для счастья.

Драккары тем временем бодренько резали воду, подгоняемые гребцами и попутным ветерком. И спустя некоторое время нам открылся замечательный вид на обширную гавань.

Ну да, теперь мне понятно, почему здесь не боятся грабителей.

Не менее сотни больших кораблей покачивались у причалов. И не меньше трети из них были боевыми драккарами. Волк из классической басни мог считать себя счастливым в сравнении с волками морей, решившимися угощаться в этом фьорде. Это была не псарня. Это было тигриное логово.

Да, в гавани было тесновато, но для нас местечко все же нашлось.

Чертовски приятно почувствовать под ногами твердую землю.

А впереди – сладостная перспектива многодневного ничегонеделания...

То есть это я так думал. По неопытности. Глядя на компании празднующихся викингов.

Дружеское общение, пиры в приятном обществе самого популярного из датских конунгов... Что бы там ни говорили, будто главным человеком в Дании является Харек-конунг, а Рагнар Лодброк – лишь его вассал, правящий Сёлундом и иными землями лишь с королевской санкции... Но когда я увидел военный потенциал всего лишь одного из оплотов Рагнара, почему-то показалось, что он останется конунгом, даже лишившись благоволения Харека. А вот останется ли на своей должности Харек, случись ему поссориться с Рагнаром... Не факт.

Увы, моим планам на скорый отпуск не суждено было сбыться. Всю неделю мы занимались строительными и судостроительными работами. Называлось это – подготовка драккара к зиме. Наиболее компетентные из моих товарищей трудились непосредственно над кораблем. Работали не просто старательно – любовно. Ни одна дощечка не осталась без внимания, ни один квадратный миллиметр крепких бортов. Все было вычищено, вылизано, укреплено, просмолено и законсервировано до весны. Менее компетентные члены команды (и я – среди них) занимались неквалифицированным трудом: строили корабельный сарай. Хорошо хоть с нашим собственным жильем вопрос решился: Хрёрек арендовал до весны один из «длинных» домов. Тесновато для нашей оравы, но все же лучше, чем под открытым небом. Ну да теперь, особенно после недавнего шторма, я очень хорошо понимаю, что надежность корабля намного важнее, чем мелкие удобства команды... Однако ночи уже довольно холодные.

Словом, труд, труд и еще раз труд. И в гости к Рагнару меня не позвали. Сам-то Хрёрек побывал у конунга за это время раз пять. Бывали в гостях у великого разбойника и заслуженные хольды...

Меня не пригласили – статус застрял где-то между дренгом и хускарлом... То есть – примерно на уровне сержанта. Надо полагать, с такой «мелочовкой» великий Рагнар не якшался.

«Ничего, – успокоил я себя. – Еще познакомимся».

Спустя двенадцать дней «морской конь» обрел сухую и удобную конюшню.

Но побездельничать мне опять не дали. Старина Свартхёвди Медвежонок тактично напомнил, что я – человек порченный. И с этим надо что-то делать. А именно: ехать в его, Свартхёвди, родовое поместье. Там помогут. По крайней мере можно на это надеяться.

Что ж, ехать так ехать. Ничего не имею против, чтобы съездить в гости к хорошим людям.

Я кликнул Хавчика и велел собирать вещички. Благородный дон Ульф Черноголовый отправляется в замок благородного дона Свартхёвди Медвежонок. Вперед, Хавчик! Нас ждут великие дела! Готовьте наряды и мешки для подарков...

Глава сорок вторая, в которой герой имеет возможность сравнить красоту земную и небесную

Путь до родового владения Свартхёвди Медвежонок занимал больше двух суток. Верхом. Я уже знал, что настоящий викинг на марш-броске ничуть не уступает лошади. Но мы же не на марш-броске. Так что я арендовал лошадок: мелких (такая уж тут порода), но неприхотливых и выносливых. К ним полагалась сбруя. Хавчик настоял, чтобы на ее тюнинге я не сэкономил.

Заботливый трэль тщательно следил за моим внешним видом. Я не спорил. В этом был определенный смысл. В стране, где все всех знают, чужих не жалуют. Но респектабельный вид заметно повышает статус.

Автомагистралей на Сёлунде еще не построили. Грунтовая дорога петляла и прыгала, как пьяный заяц. Вдобавок погода была скверная: два дня лил дождь. Земля раскисла, копыта лошадок скользили и хлюпали... Словом, к месту второго ночлега – дому одного из родичей Свартхёвди (они, похоже, тут все – родичи) мы добрались по уши в грязи. Вот уж я радовался, что взял с собой Хавчика. Он и лошадок чистил, и барахло наше сушил.

О пропитании заботиться не приходилось. Мы были гостями, так что нас не только кормили, но и в дорогу собирали перекусить. Правда, обычай требовал в ответ подносить подарки, но с этим разбирался Свартхёвди. Медвежонок нравился мне все больше и больше. Несмотря на молодость (на вид парню было около двадцати), он уже лет пять провел в виках, помнил массу полезных сведений, сам был отнюдь не дурак, и с чувством юмора – все хорошо. В палубной табели о рангах он стоял выше меня, потому что уже пару лет был полноправным хускарлом, но относился ко мне с уважением, пальцы не гнул. Общаться с ним было легко и приятно. Я травил анекдоты (переложенные на местные реалии), а он развлекал меня всякими историями о богах, героях и прочих тружениках меча и топора.

На третий день погода резко улучшилась. Выглянуло солнышко. Обрадованный Хавчик тщательно расчесал гриву моей лошадки, вплел в нее цветные ленточки и до блеска надраил все бляшки и висюльки.

Я покосился на Свартхёвди: как он отнесется к превращению лошади в новогоднюю елку? Медвежонок одобрительно кивнул, и я успокоился.

Наследственные земли рода Свартхёвди (восемь поколений предков, причем парень мог не только назвать каждого поименно, но и заслути перечислить) начались километра за три от основного поместья. Преимущественно это были луга и сжатые поля. Дорога постепенно спускалась вниз, к морю, где

я разглядел не меньше дюжины лодок: рыбаки спешили воспользоваться хорошей погодой.

Вкусно пахло скошенной травой. До унавоживания полей люди еще не додумались.

Наконец показалась господская усадьба.

Нас уже ждали.

– Матушка моя, – представил Свартхёвди, – Рунгерд, дочь Ормульфа Хальфдана. – А это, мама, Ульф Черноголовый, дренг Хрёрека-секонунга и истинный ясень бури мечей!

Я пропустил поэтичный комплимент мимо ушей. Честно признаться, я его даже не осознал. Матушка Свартхёвди произвела на меня убойное впечатление.

Госпожа Рунгерд оказалась весьма молода (не вид не больше тридцати), высока, стройна и величава. Одета богато, но без излишней роскоши. Лицо властное, строгое, я бы даже сказал – утонченно-строгое. И красивое: глаза – прозрачной голубизны, кожа бледная-бледная, губы – две тонкие ниточки. Сходства со Свартхёвди – никакого. У того – квадратная ряха кирпичного цвета. Вместо подбородка – булыжник, поросший жесткой щетиной, глаза – сморьвые щели, нос – картошкой. Словом, настоящий мужик! Сразу видно: могучий и надежный, всегда готовый прийти на помощь другу, а врага распустить на мясные палочки.

С точки зрения любой местной девушки, Свартхёвди – писанный красавец. Особенно в сравнении со мной.

Но рядом с собственной матерью он выглядел... ну примерно как шофер-телохранитель рядом с королевой. Впрочем, это мое субъективное мнение.

У меня сразу закралась мысль: а не приемный ли он сын? Тем более госпожа Рунгерд выглядела довольно молодо.

Спрашивать, так ли это, я, как вы можете догадаться, не стал.

Зато впервые задумался о значении названных имен.

«Хальфдан» переводилось как Полудан, то есть Полудатчанин. Популярное местное имя. Но тут это было не имя, а прозвище. А вот имя занятное: Ормульф... Орм – это змей. Ульф – это понятно, волк. Причем волк – это, как я понимаю, хорошо. Зверь Одина. А змей – это плохо. Нет, не плохо, скорее страшно. В местных мифах упоминается Мировой Змей, он же – Ёрмунганд, «посох великана». Как раз вчера Свартхёвди поведал мне, что во время Рагнарёка этот гад отравит хорошего парня Тора. Правда, уже после того, как Молотобоец отмахнет ему голову. Словом, змей – это чужой. А волк – наш. Интересный гибрид получается.

Еще занятнее имя самой «королевы» – Рунгерд. Рун – означает «тайна». Или нечто спрятанное. Или собственно руна – значок скандинавской письменности и сакральный инструмент для гадания и организации разного рода колдовских акций. Герд – это защита. Например, ограда или укрепление.

Интер-ресное имечко!

Размышляя так, я совершенно неприлично пялился на матушку Рунгерд.

– Похоже, твой дружок влюбился в бедную вдову, – чуть усмехнувшись, заметила Рунгерд.

Я моментально смутился, а Свартхёвди заржал и гулко хлопнул меня по

спине.

– Ты попался, Черноголовый! Добро пожаловать в хирд матушкиных женихов!

– Большой хирд-то? – поинтересовался я с не очень естественной улыбкой.

– На две дюжины румов хватит! И клянусь волосами Ньерда, это будет очень ходкий драккар! – Лапа Свартхёвди дружески легла на мое плечо. – Матушка, нам бы пива с дороги.

– Пива? – Кристальной голубизны глазищи глядели на меня... Нет, не «на», а как-то – сквозь... Будто я был прозрачным, а у меня за спиной находилось что-то исключительно интересное.

Еще одна пауза. На этот раз – не по моей вине. Долгая пауза...

Я забеспокоился. Было бы обидно, если бы такая потрясающая женщина оказалась малость с приветом.

– Не знаю, не знаю... – задумчиво проговорила матушка Свартхёвди, продолжая высматривать что-то сквозь мое брненное тело, – ...стоит ли подносить пиво твоему спутнику...

Свартхёвди моментально убрал руку с моего плеча, а я насторожился.

Неужели я опять нарушил какое-нибудь местное табу?

– Давненько я не видела на ком-то столь явных знаков принадлежности к миру духов, – произнесла дочь Змееволка Полудатчанина. – Но ты ведь человек, Ульф Черноголовый? Как зовут твоего отца? – Пронзительный взгляд «королевы» впился теперь уже в меня.

– Его имя ничего тебе не скажет, госпожа, – сказал я осторожно, выгадывая время.

До сих пор подобного вопроса мне не задавали. То есть задавали, конечно. В этом мире каждый уважающий себя мужчина мог запросто воспроизвести свое родословное древо, причем – со всеми почетными и непочетными прозвищами каждого предка персонально, а также со всеми его свершениями и деяниями, достойными и не очень. Однако я всегда уклонялся от ответа, и к моей скрытности народ относился с пониманием.

Однако здесь номер не прокатывал.

Следовало что-то сказать. Иначе хрен знает, чем все может обернуться.

Боковым зрением я зафиксировал перемещение Свартхёвди на пару шагов влево и назад. Оптимальная дистанция, чтобы быстренько выхватить меч и тем же движением снести чернявую голову старины Ульфа.

Учитывая, что Свартхёвди известен мой бойцовский рейтинг, вступать в дискуссии он не будет. Рубанет сходу.

И трое мужиков, тесавших какой-то столб неподалеку от нас, тоже прервали общественно полезное занятие и уставились на меня: ушки на макушке. Скажет матушка Рунгард: «Фас» – и придется мне драться не на жизнь, а на смерть. И главное: совершенно непонятно – за что...

– ...имя моего отца ничего тебе не скажет, госпожа. Его дом – очень далеко отсюда. Но это хороший и богатый дом... (Не врать! Что-то мне подсказывает: этой даме врать нельзя ни в коем случае. Учует.) И сам он – человек уважаемый. Его имя... Воген (я опять не врал – примерно так можно перевести имя Григорий, Бодрствующий, с греческого, а потом – на датский), а прозвище его... – Я покосился на Свартхёвди... Только скажи Перепуг и уже до конца жизни не отмоешься. – На вашем языке оно звучит примерно как Уклоняю-

щийся от опасностей.

– Судя по этому прозвищу, твой отец вряд ли прославился как воин, – не без ехидства отметила Рунгерд.

– Да, – согласился я. – Он – купец.

– Торговля – достойное занятие, – одобрила «королева». – И его прозвище мне теперь более понятно. Тебе не следует стыдиться: то, что для воина – обида, для купца – похвала.

– Я не стыжусь своего отца! – Говорить правду легко и приятно. – Однако мы с ним не очень похожи.

– Позволь спросить: он твой отец по крови?

Я не сразу врубился, о чем она. Но потом сообразил: ее интересует, не приемный ли я сын?

– Да. Во мне течет его кровь.

– Ты знаешь это наверняка?

– Да.

– А твоя мать?

– Ее имя – Стек.

Примерно так на датский переводится имя Валентина – Сильная. Надо отдать должное маме, имени своему она вполне соответствует. Характером я пошел в нее. Только честолубия у меня много меньше.

Похоже, мой ответ опять попал куда надо. Скрытая пружинка ослабла, прицел отвели в сторону. Правда, оружие на предохранитель пока что не поставили.

– Ты не солгал, – резюмировала Рунгерд. – И не похоже, чтобы среди твоей родни были йотуны. (Вот радость-то!) Может быть, кто-то из твоих предков был ваном...

Я пожал плечами. Хоть горшком назови, только в печку не ставь...

– Однако... – продолжила Рунгерд, – я чую вокруг тебя недобрую тень. Ты убил многих, Ульф Черноголовый. И многие из тех, кого ты убил, жаждут мести.

Я снова пожал плечами. Жаждут и жаждут. Это их трудности. Мертвые не потеют. И мне по их поводу потеть незачем.

Хотя к чему глупая бравада? Зачем тогда я сюда заявился, такой бесстрашный?

– Пойдем в дом, Ульф Вогенсон, – пригласила «королева». – Мой сын, вижу, изнемог от жажды, да и тебе стоит сполоснуть горло от дорожной пыли. Ты храбр, и значит, мертвым будет не так-то легко тебя извести. А я подумаю, чем еще можно тебе помочь.

Повернулась и пошла. Очень величественно.

– Моя младшая сестра, – рука Свартхёвди снова легла на плечо, – варит замечательное пиво. Скоро сам убедишься. А моя матушка... Ее бабушкой была саами. Она спасла моего прадеда от огневицы, и тот по обету взял ее в жены. Мою матушку не зря зовут Рунгерд. Если она обещала помочь, можешь быть спокоен. Бояться нечего.

– А кто говорит, что я боюсь?

Свартхёвди расхохотался... Но тут же оборвал смех, обнаружив, что трое работников все еще глазят на нас.

Того, что Свартхёвди пообещал сделать, если в них не проснется трудовой

энтузиазм, при дамах лучше не повторять.

Дом Рунгерд Ормульфовны я бы назвал стандартным. Окон нет. Крышу подпирают типовые столбы с прорезями для досок-кроватей (они же – скамьи) и крючками для инвентаря и оружия. Очаг открытого типа (на нем, кстати, попевал кабанчик – нас точно ждали), вход, само собой, – на юг. Навстречу солнышку. Темновато, зато тепло и сухо. Ага, поляна уже накрыта. А это еще что за чудесное явление?

Девушка, ничем, кроме умудренности годами и жизнью, не уступающая хозяйке, такой же «королевской» походкой двигалась нам навстречу. В руках – бычий рог, оправленный чеканным серебром. Внутри, надо полагать, пиво.

Думаете, рог предназначался Свартхёвди? Ничего подобного! Девушка направилась прямо ко мне.

А я-то был уверен, что уровень потрясающего воздействия женской красоты в этом доме задан госпожой Рунгерд. Жестокая ошибка.

Рунгерд – лишь предупредительный выпад. Живой эталон земной красоты, который, впрочем, нисколько не подготовил меня к последовавшему сокрушительному удару красоты небесной.

О, как она была хороша! Глазищи синие, губки алые... Немного бледновата, но, по здешним меркам, это и есть высший шик. «Лебяжье-белая», как тут выражаются. Ее лицо... Да ладно, будем проще. Если бы я нафантазировал идеальное существо женского пола, дочь матушки Рунгерд затмила бы его с легкостью.

Я обалдел.

А чудесная дева с поклоном протянула рог.

Свартхёвди пихнул меня в бок, выведя из ступора, потому что я стоял дурак дураком. Кажется, этот злодей еще и хихикнул.

Я спохватился. Вцепился в рог, как бедуин после двухнедельного марша по Сахаре, и выхлестал чуть ли не в пять глотков. То, что пиво действительно отменное, дошло до помутненного сознания чуть позже.

Я протянул рог датской красавице...

И тут случилось еще одно чудо. Нет, не еще одно. Все прочие чудеса в сравнении с этим – просто детские фокусы. Так вот, рог у меня прекрасная дева не взяла. Вместо этого она (я сплю, да?) обняла меня и поцеловала прямо в губы!

Ох! Я, кретин, опять изобразил деревянный столб. И пришел в себя, когда чудесное видение (ну не может же такое быть реальностью) почти силой отняло у меня пустой рог и удалилось, дружески дернув Свартхёвди за патлы. Тот, впрочем, в долгу не остался и шлепнул деву по... язык не поворачивается назвать эту дивную округлость попкой!

Я повернулся к Медвежонку, намереваясь сурово осудить его за кощунство, но тот подмигнул мне коварно и посоветовал:

– Слюни приברי. Моя матушка – копьё Одина. Пронзает навывлет. А вот сестренка – истинный молот Тора. Голову отшибает напрочь. А скажи: как тебе ее пиво? Вот это воистину дар богов! Нигде такого пива больше не выпьешь. Разве что у конунга. Мы каждый год по три бочонка Рагнару возим. – И добавил строго, я бы даже сказал – деловито: – Руки от сестренки держи подальше! Ты ей понравился, да. Но это ничего не значит. Нрав у нее – как у дикой кошки. Хотя посвататься можешь, разрешаю. Но не советую. Легче медведицу взнуздать, чем нашу Гудрун. Так что будущему ее мужу, ох, не завидую!

И, оставив меня, расстрелянного этим словесным залпом, медленно отекать на посыпанный сеном пол, Свартхёвди, настоящий викинг, бросился на штурм накрытого стола.

Хавчика в господский дом не пустили. Да он и не рвался. Мой раб прекрасно провел время с низами скандинавского общества. Сытно покушал остатками господского пиршества, обыграл в кости трех уже знакомых мне плотников, нанятых для ремонта ворот, перепихнулся со служанкой хозяйской дочери и принес мне в клювике ценнейшую информацию.

Наиболее важной новостью было то, что Гудрун считает меня красавчиком.

Вот уж сюрприз так сюрприз!

Однако когда я выслушал собственный словесный портрет, составленный Гудрун, изложенный служанке и переданный служанкой моему ушедшему рабу, то понял, что плоховато разбираюсь в местных женских вкусах.

Описание было весьма поэтическим. Не прошло мимо внимания девушки то, что рубашечка на мне – из шелка, а штаны не из грубой кожи, а из превосходного льна восточнославянского происхождения. Гудрун поведала служанке, что была очарована мною еще издали, когда увидела, сколь я замечательно держусь в седле. («Как барбос на заборе», – охарактеризовал лет пять назад это «замечательно» мой добрый друг, инструктор верховой езды и потомственный цирковой наездник Иса Алиев), а когда она увидела, как украшены сбруя и седло и какие красивые ленты вплетены в конскую гриву (тут мой раб сделал многозначительную паузу, поскольку ленты – его работа), датская красавица была сражена почти наповал. Окончательно добил ее мой потрясающий пояс и искусная серебряная вышивка на сапогах.

Что тут можно сказать? Прочитывать пошлый анекдот о том, что «...и в этом году, так же как и в прошлом, первое место среди сексуальных возбудителей для женщин с большим отрывом от конкурентов занял шестисотый „мерседес“»?

Ну да, девушка моей мечты оказалась несколько... меркантильна. Однако за ее чудесную красоту можно простить и не такое. И вообще, господин романтик, полагаете, было бы лучше, если бы очаровательная Гудрун предпочитала не «сияющий закатом самоцвет» на оголовье меча, а высоких широкоплечих блондинов, коих тут великое множество?

За принесенную новость я щедро одарил раба (серебряной монетой размером с ноготь) и выслушал еще одну новость. Не столь близкую моему сердцу, но не менее насущную: госпожу Рунгерд местные жители всерьез считали весьма опасной колдуньей. Не слабее какой-нибудь коренной финской вельвы[41]. Такая репутация была очень удобна. И весьма доходна.

Имелись в виду не только платные услуги по прогнозированию и улучшению кармы, но и то, что ни один купец не посмел бы обсчитать матушку Свартхёвди. А мужички, которые занимались починкой ворот, выполняли свою работу почти задаром. То есть теперь уже – совсем задаром: их гонорар как раз сегодня выиграл мой раб.

Дыма без огня не бывает. Так что я приехал к нужному человеку. Если кто-то и будет «снимать с меня порчу», то пусть это сделает красивая женщина, а не морщинистая старуха с волосатой бородавкой на носу.

Нет, наверное, я все-таки неисправимый романтик. Снятие порчи среди моих жизненных приоритетов занимало сейчас почетное восьмое место. Первые семь безусловно занимали красавица Рунгерд и ее прекрасная дочь.

Глава сорок третья, в которой герой знакомится с технологиями и рабочим местом датской колдуньи

К моменту нашей встречи с Рунгард я уже знал, что базовыми навыками колдовства владеет каждый уважающий себя викинг. Задобрить богов, отогнать назойливые души покойников, нагадить ближнему... Список возможностей, которые предоставляла скандинавская магия своему адепту, весьма разнообразен. Существовали, само собой, и правила: нормативы, ограничения, моральный кодекс...

До недавнего времени я был убежден, что это лажа. То есть, как и всякий, кто занимался боевыми искусствами, я знал, что сила человека – это не только его мускулы. Но колдуны, которые попадались мне в *той* жизни, были либо актерами, либо – жуликами. Когда я каким-то непонятным образом оказался в этом мире, то посчитал происшедшее материализацией собственного желания. Механизм не имел значения, потому что я четко понимал: этого ребуса мне не разгадать. Я использовал все доступные мне способы изучения вопроса. Образно выражаясь, и стекло протер, и колесо попинал – не заводится. Хотя не исключено, что я стал героем другого анекдота. Это про ту блондинку, что звонит ментам по поводу ограбленного «мерса». Дескать, все вынесли: и магнитола, и зеркальце, и руль... ах, простите, это я на заднее сиденье села!

Словом, как говорили древние римляне, если знаешь, что не можешь, то и хотеть глупо[42].

Только оказавшись в обществе датской колдуньи Рунгерд, в ее, если можно так выразиться, лаборатории, я как-то сразу понял, что имею дело с профи. Это оказалось так же легко, как отличить настоящего мастера кэндо от пижона, принимающего разные красивые позы.

– Велика твоя удача, Ульф Вогенсон, – порадовала меня Рунгерд, возвращая в мешочек плоские деревяшки с красными рунами.

Красными, потому что в начале прогнозирования внучка финской ведьмы очень старательно втерла в бороздки мою кровь. – Любит тебя Один. Хотя это и без гласа рун было понятно: сын мой сказал, что полугода не прошло, как ты пришел к Хрёреку в рваных штанах, а теперь у тебя на руках – красное золото.

Мне показалось, что во взгляде, брошенном на мои браслеты, сверкнула алчность. Не раздумывая, я стянул одну из побрякушек, самую увесистую, и положил перед Рунгерд.

– Ах! – нежно вздохнула она. – Твоя щедрость достойна ярла. Но нет, – она подвинула браслет ко мне. – Я не могу этого взять. Этот браслет тянет на свадебный дар, а я... – Лукавый, чисто женский взгляд из-под ресниц, – слишком мудра, чтобы взять такого мужа, как ты. Тем более что, поступи я так, очень многие начнут искать твоей смерти.

– Пусть это тебя не беспокоит! – хвастливо заявил я.

И тут же сообразил, что ляпнул.

К счастью, делать меня своим мужем в планы Рунгерд действительно не входило.

– А я думала, тебе по вкусу моя маленькая Гудрун? – Еще один лукавый взгляд.

– Вы обе так красивы, что легче убить дюжину врагов разом, чем выбрать одну из вас, – произнес я дипломатично.

– Хорошо сказано! – одобрила Рунгерд. Какая женщина обидится на подобный комплимент? – На-ка, выпей это, сладкоголосый мой!

Серебряная чашка с желтоватой бурдой оказалась перед моим носом.

И я выпил. Залпом. Даже не понюхав предварительно. Если это яд, то я умру, гордый своей крутизной.

А недурно, кстати. Горчит почти как кофе...

...а забирает, как бутыль молодого вина. Голова ясная-ясная, а вот с координацией – намного хуже.

Ну и глазищи у этой женщины! Чисто тигрица. Это, кстати, не поэтический образ. Я в зоопарке, было время, специально в глаза разным хищникам смотрел. Учился...

– Расскажи мне о тех, кого ты убил, – попросила Рунгерд.

– Обо всех?

Вот уж не хотелось бы. Во-первых, есть вещи о которых не хочется вспоминать. Во-вторых, выяснится, что великий воин Ульф Черноголовый и убивать-то начал сравнительно недавно. А ведь любой уважающий себя викинг уже годам к пятнадцати имеет за спиной двух-трех жмуриков.

– Думаю, пары месяцев будет довольно, – уточнила Рунгерд.

Я облегченно вздохнул.

И начал с берсерка. Описал в подробностях весь морской бой. Затем – неспровоцированное нападение, начавшееся с каменюки, от которой укрыл меня Стюрмир, и закончившееся жестокой резней – карой за это самое нападение.

Внучка вельвы слушала очень внимательно. Ее интересовал не только сам процесс смертоубийства, но и то, что за этим следовало...

Что характерно, я с легкостью вспоминал мельчайшие детали, которые интересовали Рунгерд. Надо полагать, обострение моей памяти происходило не без помощи горького снадобья. К которому я, по настоянию собеседницы, время от времени прикладывался.

Потом... Потом, как выяснилось, я никого не убивал.

Схитивших меня рабовладельцев и их несчастный «груз» прикончили без моего участия. Тем более, их не просто убили. Это, можно сказать, даже не убийство, а жертвоприношение. За подобное деяние от папаши Одина – сплошные бонусы. И никаких обиженных душ упокойников.

Может, проблема в том, что не добились моего ушлого раба Хавчика?

Но нет. К моменту официального объявления мой козлик был уже отделен от жертвенных «овнов».

Об убийстве Сторкада я поначалу скромно умолчал.

Однако именно на этом эпизоде мы и споткнулись. Ведь о несостоявшейся дуэли я все-таки рассказал.

Имя Сторкада, как выяснилось, было неплохо известно Рунгерд (тут, похоже, все всех знают), и его неявка подвигла мою слушательницу на эмоциональный всплеск, а затем – бурную деятельность. Были вновь извлечены подкрашенные моей кровью руны. Затем – другие... Затем какие-то черные мок-

рые листики... На шкурке мелкого зверька (крысы?) были начертаны хитрые значки, а сама шкурка отправилась в огонь... Завоняло изрядно, но мне было – по барабану. Я пребывал в изумительно благодушном настроении, наблюдал (не вникая) за действиями Рунгерд, любовался...

– Нет, – наконец заявила датско-финская колдунья, вновь усевшись напротив меня. – Ты рассказал не все. Говори, что утаил.

Будь я в нормальном состоянии сознания, сумел бы удержать язык за зубами.

Но мне было, во-первых, все по фигу, а во-вторых, я был настолько расположен к Рунгерд, что решил: почему бы и нет? И выложил ей историю маленькой бедняжки. И то, как я убил Сторкада.

Этот мой рассказ был выслушан особенно внимательно. Но ничуть не осужден.

Старина Один двигал моей рукой, сделала вывод Рунгерд. Это его стиль. Она бы еще усомнилась, но то, что я дал Сторкаду возможность умереть с мечом в руке, по ее мнению, указывало на главного северного бога так же уверенно, как куча собачьего дерьма на ковре – на присутствие невыгулянного пса. И именно из-за Одина нить моей судьбы больше похожа на собачий колтун. Да и с происхождением моим какие-то непонятки. Чужаком от меня пахивает столь явственно, что она сама едва не обманулась. Это, не исключено, – тоже интрига Одина. Отец воинов любит создавать для своих адептов ситуации, благоприятные с точки зрения добычи славы. Иными словами, настоящий любимец Одина – это двуногая провокация к смертоубийству.

И то, что я не умею правильно разбираться с душами убитых врагов (вот уж не знал, что тут существуют правила!), тоже характерно для «одинцев». Вот те же берсерки, например...

Рунгерд совсем уж собралась поведать мне краткий курс теории оборотничества, но спохватилась и вернулась к основной задаче.

Она быстренько проанализировала (вслух, так что я оказался в курсе) историю моей любви и мести, а затем пришла в выводу, что все это тоже было результатом порчи. Так что нет, не из-за Сторкада я угодил в полосу непрухи.

Рунгерд было совершенно очевидно, что имела место подстава.

Не может же доблестный викинг с ходу влюбиться в никудышную шлюху-рабыню, а затем вызвать на дуэль одного из лучших поединщиков Хедебю. Да и зачем Сторкаду убивать девку? Нет, речь, само собой, не о гуманизме, а о деньгах. За мертвую чужую рабыню ему пришлось отдать свое серебро. Глупость какая!

Я спорить не стал. Прошло всего-ничего, а я уже не помнил личика этой бедняжки-рабыни. Черствый я, должно быть, человек...

Вывод, сделанный из этой истории Рунгерд, был однозначен.

Я нарушил сакральные правила еще до прибытия в Хедебю. Собственно, я только и делал, что нарушал всяческие запреты.

Но, кажется, Рунгерд знает, когда последствия моего сакрального невежества превысили некий предел и возникла эта самая «порча». Впервые она обрушилась на меня в облике булыжника, скинутого с береговой кручи неразумными эстами. Вывод очевиден. Даже ежику понятно, что мстит мне не какой-нибудь там загубленный дружинник Довгана, а неупокоенный дух прирезанного отморозка-берсерка!

С другой стороны, с чего бы ему мстить? Безумный воин умер в бою и должен сейчас вкушать сладости битв на территории Валхаллы. Так какого хрена он шляется по Срединному Миру и гадит своему убийце?

Меня заставили вновь повторить историю моей славной победы и... Вот!

Меч! Я же выбил у чертова оборотня оружие аккурат перед тем, как тот окочурился!

Рунгерд с удовольствием потянулась. Она выглядела вполне удовлетворенной. Сложная работа закончена. Результат налицо.

Трудно было поверить, что все неприятности (включая влюбленность, месть, последующую пьянку и рабские колодки) происходят исключительно от того пинка, которым я вышиб меч из холодеющей конечности берсерка.

Дочь Ормульфа Хальфдана, с дотошностью психоаналитика изучившая историю моих приключений, исходила из того, что у меня менталитет викинга. Но я-то – не он!

То, что для местного головореза – серьезное отступление от базовой модели поведения, для меня – жизненная норма. К примеру, здешние привыкли взвешивать сказанное (даже в запальчивости) слово. Чисто как наши уголовники. Оно и понятно. Это у нас за опрометчивые слова тебе просто врежут по морде. Здесь же за необдуманную реплику могут и башку снести.

Кстати, еще один эпизод, о котором я не рассказал Рунгерд. Это когда я по неопытности спровоцировал Стюрмира. Тоже ведь запросто мог оказаться со свернутой шеей.

Но доверимся специалисту. Рунгерд лучше знает, что нужно скандинавским злым духам. Тем более, других вариантов у меня все равно нет.

– Ну и что мне теперь делать? – спросил я.

– Как что? – Рунгерд даже удивилась. – Попроси Одина о защите! Пусть он избавит тебя от мести мертвых.

Интересное предложение.

Как бы так поделикатнее объяснить, что Один – не герой моей детской сказки...

– Рунгерд, я не уверен, что он меня услышит, – сказал я, тщательно подбирая слова. – Я ведь рожден далеко отсюда, и у нас там другие боги.

– Ну и что? – Рунгерд удивилась еще больше. – Теперь ты здесь. И я вижу явные знаки того, что Отец воинов к тебе благоволит. Принеси ему жертву, попроси покорно – Один любит, когда ему покорны, – и он тебя очистит!

– Жертву? – Еще чего не хватало. Даже если я и решусь утопить в море какой-нибудь корабль вместе с командой, кто же мне такое позволит?

– Для начала хотя бы петуха, – сказала Рунгерд, развеяв мои страхи. – Я продам тебе подходящего. Недорого.

Глава сорок четвертая, в которой герой общается с Одином

Наверное, за эти деньги можно было бы купить целый курятник, но я не торговался. Будем считать это платой за совет. Тем более что сравнительно недавно я предлагал госпоже Рунгерд золотой браслет стоимостью в хорошую кольчугу.

Короче, петуха я купил.

Мой естественный вопрос: где теперь находится тот, которому предназначена птичка, вызвал у внучки финской вельвы очаровательный смех.

Засим меня торжественно отвели к дому одноглазого любителя свежей крови.

Это оказалось наполовину вмурованное в холм строение с крепкой деревянной дверью. Чтобы не сбежал, надо полагать, поскольку в жилых домах да нам вполне хватало кожаного полога. Дверь была прикрыта, но не заперта.

– Иди же!

Я замешкался, и Рутгерд пихнула меня кулачком в бок.

– А ты?

Взрыв смеха.

– Я? Я? – Рунгерд хохотала и не могла остановиться. Ей, кстати, шло.

Что я опять сморозил?

Сморозил.

– Я женщина, – отсмеявшись, поведала она.

Ну да, а то я сам не вижу!

– Мы, женщины, не поклоняемся Гунгниру[43]. Нам больше по нраву красавчик Фрейр[44] и его копьё! – Тут она самым неприличным образом ухватила меня за гениталии.

Я аж подпрыгнул, а Рунгерд вновь залилась смехом. Но тут же вновь стала серьезной.

– Будь осторожен, Ульф Вогенсон! Отец воинов сам любит пошутить, хотя шутки его мало кому по вкусу. Однако он очень не любит, когда его дети подшучивают над ним! Помни: ты в его власти. Так что перестань ухмыляться, иди и сделай все, как надо!

Внутри было как-то мрачновато. И скверно пахло. Падалью. Черный петушок, которого я держал за лапки, вяло трепыхнулся.

По мере того, как мои глаза привыкали к темноте, прорисовывалась внутренность подгорного жилища. В подробностях. Подсветки хватало. Боги не боятся холода, поэтому сквозь щели между бревнами пробивался дневной свет. Он падал на мрачные хари идолов, порожденные фантазией датских резчиков, и можно было не сомневаться: сумасшедший дом был бы подходящим приютом для авторов подобных шедевров.

Вспомнился словенский Сварог, на празднике которого мне предлагали роль «жертвенной птички». Тот бог был куда внушительней, чем эти деревянные с раззявленными ротиками. Впрочем, сии монстры, судя по всему, домашний вариант. У словен в домах тоже стояли уродцы-идолы – уменьшенные копии главных божеств. Предметы интерьера, так сказать. Возможно, где-то имеется и полноценное капище Одина, где Отец воинов изваян в три человеческих роста.

Так, ну и кто из вас, деревянных, главный бог скандинавского пантеона?

Видимо, этот. «Стоит статуя, рука поднята...» А вместо гранаты в вздетой руке – копьё. Аккурат в меня целится, чурка копченая. Один глаз – белый, а другой – черный... А что это на нас надето? Никак кольчужка... Причем сильно поюзанная. На тебе, боже, что нам не гоже[45]...

Как я ни старался, проникнуться суеверным трепетом не получалось.

Деревяха и деревяха. «Рот» раззявлен, «ноги» – враскоряку...

Внутри у идола что-то зашуршало и несолидно пискнуло. Крыса?

Главный бог, у которого в брюхе – крысиное гнездо. Ну как тут исполниться

почтением, скажите на милость?

Однако дело делать надо. Иначе уважаемая Рунгельд Ормульфовна меня не поймет. Прощай, петушок! Судьба твоя – стать жертвой традиций.

Взмах ножа – и птичья головка летит под «ноги» идолу.

Брызжущий кровью обрубок петушиной шеи я сунул в дыру, имитирующую рот...

...Тут меня проперло! Словами такое передать трудно. Я ощутил себя железкой, сунутой внутрь электромагнита, по которому внезапно пустили ток. Ощущение было такое, будто сквозь меня хлынули невидимые волны. Меня словно приподняло над землей, голова закружилась...

От неожиданности я выронил петуха и ухватился за нависшее копьё...

Долбануло разрядом вольт этак на двести. Вмиг исчезло ощущение руки и доброй половины туловища. Я позорно взвыл. Ну так и было с чего. Меня трясло, как припадочного. Вокруг густилась тьма... Деревяхи... Черт! Они ожили, придвинулись ко мне, закружились... Или это я завертелся...

Что характерно, мне совсем не было страшно. Я наблюдал за всей этой чертовщиной словно со стороны. Холодным разумом...

Но недолго.

Усыпанная костями и прочей дрянью земля долбанула меня по физиономии, и я очнулся.

Ох, блин! Как хреново!

Кое-как я взгромоздился на четыре кости. Меня трясло. Руки-ноги – как чужие...

Потребовалось не меньше минуты, чтобы собраться с силами и привести себя в вертикальное положение. Ей-Богу, я бы удрал отсюда и на четвереньках, но в уголке сознания чудом удержалась мысль, что по ту сторону двери ждет Рунгерд. Хорош я буду, если выползу на карачках...

Так что я все-таки встал. Зацепился за чей-то «локоть», воздвиг (иначе не скажешь) себя на ноги и только после этого толкнул дверь.

И очень отчетливо услышал за спиной звук, похожий на хихиканье. Или это крысы занялись петушиной тушкой?

Оглянуться я не осмелился.

Шаг, еще шаг – и вот я уже блаженно жмурюсь от яркого дневного света.

Рунгерд подошла ко мне, вынула из пальцев запачканный кровью кинжал. Это хорошо, что я его так и не выпустил. Кинжальчик-то дорогой, а возвращаться за ним... Нет уж, увольте!

Внучка вельвы вытерла оружие о траву и вложила в чехол на моем поясе.

Потом принялась меня разглядывать.

Мне было плевать, что она там во мне увидит. Я наслаждался солнышком, ветерком, чистым небом и тем, как меня понемногу отпускает...

Было полное ощущение, что я побывал в ожившем кошмаре. Или в состоянии клинической смерти.

Улыбка сделала красивое лицо Рунгерд прекрасным. Моя колдунья была довольна. Надо полагать, от порчи я избавился. Хоть какое-то утешение...

– Пойдем-ка, сын Вогена, пива попьем, – непривычно нежным голосом про-

изнесла она.

Очень уместное предложение. Просто в самую масть.

Уходя, я все-таки рискнул оглянуться...

Дверь на датское капище была плотно затворена. Кстати, я только сейчас обратил внимание: она обращена не на юг, как у всех местных жилищ, а на север...

На следующий день мы с Хавчиком отправились в обратный путь. Свартхёвди остался. Обещал появиться в Роскилле дней через десять.

Я очень учтиво распрощался с мамой и дочкой. Пообещал непременно вернуться. С подарками.

Гудрун обрадовалась совершенно по-детски. Обещанным подаркам, разумеется.

Рунгерд улыбнулась. Двусмысленно. Я бы даже сказал – провоцирующе...

Если ее колдовские штучки хоть что-то значат (а в этом я уже почти не сомневался), то очаровательная матушка Свартхёвди мне здорово помогла.

Но, как любит говорить моя собственная матушка: «Дураков не сеют, не жнут – они сами рождаются». Через три дня после возвращения, от избытка гордости, глупости и самоуверенности, я впутался в историю, которая, как немедленно выяснилось, отнюдь не по моим молочным зубкам...

Глава сорок пятая,

в которой герою представляется возможность умереть за своего ярла

Золотой браслет, от которого отказалась Рунгерд, все-таки меня покинул. Я обменял его на меч. И меч того стоил. Это была отменная железяка франкского производства с клеймом «Ulfberht», знакомым мне еще по *той* жизни. Великолепная вещь. Да я бы и без клейма, по специфическим узорам-«червячкам», опознал продукт технологии «сварочного дамаска»[46]. Отполированный до зеркального блеска клинок с кромками из твердой стали, с глубоким долом, традиционно суженный к острию... А как он лежал в руке! Будто я с ним и родился. На оголовье удобнейшей рукояти не было самоцветов, лишь чередующийся геометрический узор из полосок меди, латуни и серебра. Этому клинку ни к чему драгоценности. Он сам был подлинным бриллиантом, сокровищем, за которое я не пожалел бы и дюжины (если бы она у меня была) золотых браслетов.

Такой клинок – на всю жизнь. Еще и детям и внукам хватит. Его братья «прожили» достаточно, чтобы через тысячу лет «осесть» в европейских музеях. Нужны ли другие рекомендации? Мне – нет. Бонд, у которого этот дивный клинок обитал до меня, определенно был его не достоин, если польстился на золотую побрякушку. Этот пахарь даже не трудился как следует ухаживать за дивным клинком. Но я исправил эту кощунственную халатность.

Я-то точно знал, что бонд продешевил. Не иначе как старина Один привел нас искать ночлега у этого датского помещика.

Судя по выражению физиономии, с которой бонд провожал нас поутру, он был уверен, что облапошил лоха. Меня, то есть. Хавчик, кстати, тоже считал, что я переплатил. Но мой трэль скромно помалкивал – знал свою социальную жердочку.

А я ликовал.

Я вез свое сокровище на седле (ножен к мечу не прилагалось, а может, бонд решил их заначить), любовался игрой света на металле и размышлял, какое имя я дам этому чуду... Потом мне вдруг вспомнилась Рунгерд, и имя пришло само собой: Вдоводел.

Он прибыл в столицу Рагнарова княжества перед самым закрытием судоходного сезона. Формально – поучаствовать в будущем набеге. Фактически – свершить кровную месть, а уж потом поучаствовать.

Звали этого любителя укокошить ближнего – Торсон. Вернее, Торсон-ярл. Морской ярл. Так сказать, граф без графства. Зато с дружиной из пяти десятков головорезов.

Торсон-ярл был норегом. И еще – родственником Торстейна Детоубийцы. Того самого, чей кнорр мы удачно повстречали летом на пути в Ладугу.

Торстейн был кровником Хрёрека-ярла. Однако, убив Торстейна, Хрёрек автоматически становился кровником всех родственников покойника. По крайней мере тех, кто готов взять на себя такую ответственность.

Рыжебородый убийца Торсон был готов. И это было серьезно. Не потому, что нурег был здоров, как племенной бугай. Здоровяков здесь хватало. И уж тем более не потому, что Торсон был рыж, – среди скандинавов каждый пятый был аналогичной расцветки.

Проблема состояла в том, что Торсон-ярл, помимо своей основной профессии морского злодея, был еще и профессиональным поединщиком. И весьма выдающимся, поелику всё еще пребывал в нашем грешном мире, а не угощался в чертогах Одина.

Обвинение было предъявлено на следующий день после появления рыжего ярла в Роскилле. К немалой радости здешнего населения.

Сами понимаете: телевизоров здесь нет. Нет также театров, варьете и компьютерных игр. Потому людям совершенно нечем заняться. Секс, жратва, выпивка и драки. По восходящей.

Наилучшая драка – это поединок. Любимое зрелище каждого датчанина, независимо от пола и возраста.

Торсон знал это, когда бросал публичный вызов Хрёреку. И знал, что поединку – быть. По-любому.

Здесь, в Роскилле, старина Рагнар – царь и бог. Он мог прикончить любого, кто ему не по душе. В том числе и Торсона. Сделать это собственноручно. Или попросить кого-нибудь из сыновей. Например, Ивара Бескостного. Или Бьёрна Железнобокого. Или здоровяка Хальфдана. Рангар мог просто кивнуть – и верные ему хускарлы даже мамонта разобрали бы на шерстинки, не то что какого-то морского ярла.

Но даже Рагнар кое-чего не мог. Например, запретить Торсону-ярлу вызвать на поединок Хрёрека-ярла. Простые хирдманны просто не поняли бы своего конунга. Лишить их такого шоу? Нет, Рагнар не стал бы этого делать. Даже если бы и захотел. Однако я уверен: у конунга и в мыслях не было накладывать запрет. Повторю: здесь не было телевизора...

Торсон-ярл был хорош. Не в смысле – хорош собой. Если бы этот парень оказался в обществе каменных троллей – на его родине, в Норвегии, говорят,

такие водятся – те несомненно приняли бы ярла за своего. Он был хорош в том смысле, который придавали этому слову местные жители. У него были лицо и повадки человека, способного прикончить любого, кто окажется на его пути. А одет и вооружен Торсон-ярл был так, что становилось ясно: горе тем, на чьем пути становился он сам.

Он явился к нам с полусотней хускарлов и Бьёрном Рагнарсоном – в качестве свидетеля. И прорычал свои претензии.

Рагнарсон уже признал их справедливыми.

Наш ярл тоже не стал протестовать.

Но Хрёрек-ярл был Инглингом, потомком конунгов. А Торсон – простым пиратом. Принять вызов самому для Хрёрека было не по рангу. Посему кто-то из нас должен был выйти вместо него.

Недостатка в желающих не было. Но первым успел Фрёлав.

На том и порешили. Завтра на рассвете, на рыночной площади. В традиционном вооружении. Бой до смерти.

Торсон был громаден. Но наш Фрёлав ничуть не меньше. Битва титанов – вот что нас ожидало.

Утречком «трибуны» импровизированного стадиона (склон горы служил отличным амфитеатром) были полнехоньки. Все население городка и окрестностей, включая трэлей и малолетних детей, собралось на шоу. Многие из присутствующих даже пренебрегли завтраком, дабы занять лучшие места, и теперь активно работали челюстями, сгрызая, кто – лепешку, кто – кус вяленой рыбы...

Почетные места принадлежали знати: Рагнару с сыновьями, ярлам, хёвдингам, хольдам... И нам. То есть храброй дружине Хрёрека-ярла. И – не менее храбрым головорезам Торсона.

Местные боги тоже отнеслись к поединку с интересом. Этот вывод был сделан Ульфхамом Треской на том основании, что небо было прозрачным и безоблачным.

Да, денек выдался неплохой. Если говорить о погоде.

Поединчики вышли на арену. Ее границами служили плотные ряды зрителей.

Торсон-ярл еще раз громогласно высказал претензии. Будь здесь не «стадион», а тинг, за предьявой последовал бы суд, который, заслушав обе стороны, определил виру. Впрочем, скорее всего, имел бы место взаимозачет, поскольку покойный Торстейн виры за убитого родича нашего ярла не заплатил. Однако тинг, на котором рассматривались претензии к Торстейну, вследствие неведомых мне местных юридических тонкостей, так и не вынес вердикта об изгнании Торстейна...

Впрочем, ну их к дьяволу, этих судейских! Пусть решает железо!

Примерно в таком духе высказался Рагнар-конунг.

И два «железа» шагнули навстречу друг другу.

Внушительное зрелище. Саженой высоты воины в сверкающих доспехах, с ярко раскрашенными щитами, с мечами метровой длины. Клинок Фрёлава был чуток потяжелее, зато Торсон орудовал длинным мечом с крестообразным эфесом длиной сантиметров пятнадцать. Очень похож на «бастард» этак века четырнадцатого-пятнадцатого, но этот клинок заметно шире и, есте-

ственно, тяжелее. Щиты у обоих – канонические, круглые, с умбонами для защиты руки, с железной оковкой и стяжками, «защищенные» и «усиленные» рунами, раскрашенные пестро, как детские игрушки. Эта пестрота, кстати, не только для красоты. Внимание отвлекает почище алого «хвоста» на китайском копье.

Бац! – Первый удар нанес Фрёлав.

Торсон отбил легко, я бы сказал даже – элегантно, если это слово можно употребить по отношению к такому громиле. И сразу нанес ответный удар. Клинок мелькнул так быстро, что народ ахнул. Фрёлав успел принять удар на щит...

Страшный грохот – и от добротного щита осталась чуть больше половины.

Фрёлав скинул обломки и взял второй щит, с большой руной *эйваз*, «защита».

Руна не помогла. Новый удар Торсона, с двух рук – и отрубленный кусок щита шмякнулся оземь. Пострадал, к сожалению, не только щит. Удар пришелся сверху, наискось, на уровне переносицы Фрёлава...

И все.

Быстрая и убедительная победа.

От рева зрителей в небо взвились тысячи испугнутых птиц. Викинги в испуге хлопали друг друга по спинам, топали, улюлюкали.

Такой удар! Полчерепа – напроць! Вместе со шлемом! О да! Будет что рассказать внукам!

Так футбольные фанаты приветствуют решающий гол в финале.

Только это был не финал. Не похоже, что Торсон удовлетворится кровью Фрёлава. Славного Фрёлава, отличного воина, надежного, всегда готового прийти на помощь другу...

Больше не придет.

Двое наших бережно подняли тело и перенесли в сторону. Третий, Флоси, взял откатившийся шлем и аккуратно сложил в него то, что осталось от головы Фрёлава.

Рагнар что-то сказал сыну Хальфдану. Тот, в свою очередь, – одному из своих воинов, Тьёрви. Я запомнил его после нашей встречи в Хедебю.

Тьёрви подошел к Торсону, спросил о чем-то.

Морской ярл решительно мотнул головой.

Все понятно без слов. Торсон не считал, что со смертью Фрёлава вопрос исчерпан. Шоу не закончилось. Рыжебородый убийца желал продолжения.

Кто следующий?

Среди хирдманнов Хрёрека-ярла нет трусов. Но впечатляющая победа Торсона смутила моих братьев по палубе. Я заметил, как Ульфхам Треска сделал движение... Нет, не рискнул. Мой добрый друг, здоровяк Стюрмир, сунулся было, но Хрёрек бросил: «Д'ике!»[47] – и Стюрмир отступил. Вот это правильно. Вот уж у кого никаких шансов.

Повисла напряженная тишина... которую нарушило презрительное хрюканье. Его издал Рагнар. Кабанье хрюканье конунга намекало, что мы – трусы.

Я увидел, как сжались челюсти моего ярла. Если добровольцев нет, значит – его очередь...

Сука ты, Рагнар Лодброк! Вот так вот взять и оскорбить всех нас. Ужасно

обидно!

Не за себя, за «державу». За моих братьев по оружию.

Вот это глумливое хрюканье и подвигло меня на форменную глупость. Возможно, где-то в глубине меня и гнездились тщеславное желание показать себя перед прославленным конунгом, который такую мелочь, как дренг Ульф Черноголовый, в упор не замечал, но по-любому не оно было решающим. Я не настолько честолюбив, чтобы за это умереть. А может быть – как раз настолько. Уже делая этот шаг, я отчетливо понимал, что я – самоуверенный дурак...

...Но все же приятно было поглядеть на удивленные рожи конунга и его сынков, когда я шагнул вперед.

Меня Хрёрек не остановил. Значило это, что, по его мнению, у меня есть шансы? Или ярл просто решил пожертвовать наименее ценным членом дружины?

Бьёрн Железнобокий спросил что-то у Тьёрви... Услышав ответ, состроил скептическую гримасу.

Не верил в меня могучий Рагнарсон. Он хотел красивого боя и сомневался, что у меня получится.

А я вот не сомневался. Даже если кровожадный Сын Тора расчленит мое брненное тело, этот процесс займет намного больше минуты. Со мной придется повозиться. Готов поспорить: он изрядно пропотеет и запыхается, прежде чем один из нас отправится в Валхаллу. А если этим одним буду я... Тоже не без пользы. Утомив Торсона, я облегчу моему ярлу задачу выживания. А за мной должок как-никак...

Какой же он все-таки здоровенный, этот Торсон. Чисто гигантопитек. Плечица размера шестьдесят четвертого, не меньше.

– Така скьелдир! – прорычал он. – Возьми щит!

Я отрицательно мотнул головой.

Норег спорить не стал. Ухмыльнулся мерзко, разинул зубастую пасть и обрушился на меня.

Но я был нетипичным противником и вместо того, чтобы ринуться навстречу бульдозеру, уклонился в сторону с элегантностью тореро, а затем точно и резко ткнул морского ярла мечом в почку. В том, что таким ударом можно пробить кольчугу, уж не сомневайтесь. Однако я не пробил.

К моему неопишуемому сожалению, названный сын покровителя метателей молотов ухитрился развернуться прямо в броске и, мало того что прикрыл могучую поясницу краем щита, так еще и лягнул меня. Правда, не дотянулся. Зато очень ловко махнул исчерченными рунами, расписанным веселенькими красками щитом, перекрыв мне линию зрения, и тут же секанул понизу.

Если бы я не подпрыгнул, Торсон одержал бы вторую, не менее красивую победу, отмахнув мне обе ноги.

Я подпрыгнул, потому что ждал именно такой подлянки...

...И оказалось, что чертов викинг не только быстр, но и хитер. Он ждал именно такого высокого прыжка.

Радостно осклабясь, рыжая сволочь от души двинула меня щитом снизу.

Я не полетел вверх тормашками только потому, что вовремя толкнулся от Торсонова щита правой ногой.

Хоп – и я опять в твердой стойке на приличной дистанции.

Торсон удивился. Даже лыбиться перестал. Надо полагать, до сих пор финт со щитом получался у него более удачно.

Удивился – и сделал выводы. Следующие несколько минут я метался по «арене», как ошалевший заяц. И еле-еле успевал уберечь свою единственную и потому очень любимую шкуру от необратимой порчи. Меч морского ярла был только похож на «бастард». На самом деле – минимум вдвое тяжелее. Однако раздухарившийся громила размахивал им с непринужденностью французского дуэлянта, оруduющего тонкой шпажкой. При этом метровый клинок в четверть пуда весом рвал и кромсал воздух с мощью и скоростью промышленного вентилятора.

Все мое искусство оказалось бессильно против двойного превосходства в весе и силе и почти полуторного – в скорости. Двухметровый викинг в пудовой броне, с тяжелым щитом в волосатой лапе прыгал легко и упруго, как балерина. И притом ухитрялся наносить чуть ли не по два удара в секунду. Да таких, что развалили бы железнодорожную шпалу. Не исключено, что не только деревянную, но и бетонную.

Таких двуногих ящеров рубить бессмысленно. Их надо расстреливать с безопасной дистанции. Думаю, трех хороших лучников достаточно...

Такие мысли прыгали в голове, пока передо мной мелькала то боевая раскраска щита, то – сизая молния меча. Хотя нет, меча я обычно не видел – только угадывал, откуда и куда он прилетит. Пока удачно. Хорошо хоть Торсон работал почти исключительно клинком. Если бы он на ближней дистанции пускал в ход крестовину и оголовье эфеса, это могло бы стать последней каплей...

Минуты через три я уже порядком подустал от наших воинских танцев и очень надеялся, что неистовый викинг умается раньше меня.

Однако не похоже. Рыжебородая помесь орангутана и мясорубки все еще бодр, как молодой петушок теплым майским утром.

Прыг-скок, фьють, фьють. Каждое «фьють» могло стать для меня последним, потому что это было «фьють» лопасти тяжелого вертолета. Парировать его молодецких ударов я даже не пытался. Попробовал разок – и чуть не остался без меча. Все мое филигранно отточенное умение вышибать меч противника оказалось бессильно против лапицы, прочной, как вагонная сцепка.

Единственный выход – вертеться и скакать горным козлом, уклоняясь от меча и от щита, которым рыжебородый орудовал с такой легкостью, будто это ракетка для пинг-понга.

Впрочем, я уже несколько раз мысленно возблагодарил Бога за то, что норегский Кинг-Конг вооружился щитом, а не секирой. Отступи он, так же как я, от традиций хольмганга – и мне конец.

Торсон сделал паузу. Неужели устал? Нет, не устал. Заинтересовался. Как так? Он уже минут пять орудует своей замечательной мухобойкой, а мелкое насекомое все еще живо?

– Что? – спросил я участливо. – Притомился, детинушка? Скажи, а когда ты совокупаешься с тюленихой, ты так же быстро устаешь?

Торсон обиделся. Как и ожидалось. Но до словесной перепалки не снизошел.

Это правильно. Есть случаи, когда спорить и оправдываться – верный путь

стать посмешищем. Проще обидчика убить. Труп врага – наиболее убедительная победа в интеллектуальной дискуссии.

Рыжебородый убийца бросился на меня, как косатка – на тюленя. Широко раскрыв пасть. В эту пасть и врезался обитый железом край викингова щита, когда я влупил по щиту сразу двумя ногами. Хороший получился удар.

Торсон бил снизу, но высоко – чтоб я подпрыгнул повыше, а там уж он, по привычной схеме, приласкает меня щитом. Схему я нарушил.

Меч свистнул надо мной – собственный удар норегу было уже не остановить, – но и мой маневр он угадал вовремя: бросил вниз щит, прикрываясь от атаки по нижнему уровню.

Хорошо прикрылся – мечом я бы его не достал. Зато лягнул знатно.

Отлететь викинг не отлетел: не та весовая категория. Однако некоторое количество крепких норегских зубов превратилось в крошево. Готов дать собственный зуб: если этот парень когда-нибудь станет берсерком, то грызть щит ему будет очень неудобно.

Ах как он разъярился! Длинный клинок пал на меня, аки сокол-сапсан на распластавшуюся в траве куропатку... И по меньшей мере две пяди отменной стали вгрызлись в утоптанную землю.

Яростная мощь «морского» ярла подарила мне драгоценное мгновение. Пока он выдергивал меч из земли, я перекатом воздвигся на ноги и обрушил сокрушительный удар на кудлатую норегскую голову. Хороший удар. Попал бы – развалил бы и шлем и череп. Но не попал. Восходящим движением щита викинг принял мой меч. Хряп! Мы тоже умеем рубить щиты. Вдоводел с легкостью разрубил оковку, четверть метра дощатой основы... И увяз.

Рыжебородый испустил ликующий рев. Рывок – и рукоять меча выдрало у меня из пальцев. «Бастард» морского ярла с шипением (да-да, именно так, с шипением!) рассек воздух. На его пути должна была быть моя шея, но я успел нырнуть вперед – и сразу очутился в объятиях Сына Тора.

Объятия оказались малоприятными: вонючими и болезненными. Чертов викинг снова меня опередил: скинул наземь щит и вцепился пальцами левой руки мне в горло. Такими пальцами, как у него, можно запросто вырвать кадык. Мое счастье, что я успел прижать к груди подбородок, и корявые ногти впились не в горло, а в челюсть. Ярл не расстроился. Напротив, он радостно заорал, обдав меня снопом кровавых слюней, не выпуская меча, обхватил меня правой рукой, поддал коленом в пах (к счастью, промахнулся) и еще раз восторженно взревел. Видимо, перспектива оторвать мне голову голыми руками его искренне обрадовала.

Но у меня были другие планы. Я резко присел. Смазанный салом панцирь удержат трудновато. Правда, кривые когти норега оставили кровавые следы на моих щеках. Но это не смертельно. В отличие от того, что сделал я.

А я поступил просто. Выдернул засапожник и всадил его под подол норегской кольчуги. Засапожник мой, как всегда, был отточен до бритвенной остроты.

Бриться им, признаюсь, было бы неудобно – форма не та. А вот брюхо вспороть – в самый раз. Таким инструментом не то что этому очеловеченному орангутану – медведю кишки выпустить можно. То, что в момент удара ярл, вцепившись в мое плечо, чудовищным рывком вздел меня вверх, пошло мне только на пользу. Кривой нож вспорол кожаные портки, брюшные мышцы (и

то, что было под ними), пропахал норегово брюхо, как соха – чернозем, и увяз где-то в районе печени. Удержать скользкую от крови рукоятку я не сумел. И хорошо, что не сумел, – рука бы оторвалась...

А как только ноги мои оторвались от земли, и я воспарил.

Здесьние герои любят красивые финалы. Наш мог бы стать одним из лучших, если бы все вышло так, как планировал рыжебородый дьявол.

Очень эффектно! Одной (!) рукой подбросить меня в воздух, а затем нанизать на меч. Прямо-таки не поединок, а псовая охота на зайца. Видели когда-нибудь? Две борзые бегут параллельно, потом одна подхватывает закладывающего виражи косога и подбрасывает высоко вверх. А вторая ловит...

У Торсона почти получилось. Мое счастье, что он не берсерк. Берсерки, те вовсе не чувствуют боли, а Торсон, пусть с полусекундным опозданием, но отреагировал на свои взрезанные кишки.

За время своей суровой несправедной жизни Торсон промахивался редко. Может, вообще никогда. Сейчас ему не повезло. «Бастард» мелькнул в пяди от моего бока и во второй раз воткнулся в почву.

А я шлепнулся наземь, перевернулся разок, но тут же вскочил, шаря вокруг взглядом: где мой меч? Вдоводел был далеко – в десяти шагах. Вдобавок – застрявший в щите. Кроме того, громадный викинг стоял как раз между нами.

Стоял и смотрел, как из-под кольчуги вольно струится горячая северная кровь. По ее цвету любой специалист тут же понял бы: печень Торсону я все-таки пропорол.

Викинг тоже это понял и с тоской поглядел на меня. Сообразил, что реванша не будет.

Торсон поглядел на зажатый в кулачище «бастард» и ухмыльнулся. Ему наверняка было очень больно, но ярл морских разбойников знал: боль скоро закончится. А он, погибший *правильно*, несомненно отправится в горние места викингского счастья: жрать, драться и трахаться аж до самого конца времен, то есть до Рагнарёка.

– Один! – так же, как тысячи викингов до него, радостно взревел ярл. – Я иду к тебе!

И ушел.

А я остался.

Глава сорок шестая *Sic transit gloria mundi*

Я не ожидал бурных оваций. Все-таки я здесь – человек новый. Но редкие возгласы, приветствовавшие мою победу, показались как-то слишком уж редкими. Позже я узнал, что и эти крикуны одобряли не столько меня, сколько свою прозорливость. То были голоса немногих, кто рискнул поставить на меня. Ну само собой, голос подали мои братья-хирдманны. Но тоже как-то хлипко. С оглядкой на молчание Хрёрека-ярла.

Чем я опять не угодил, хотелось бы знать...

Сквозь толпу протиснулся верный Хавчик, протянул кусок холстины. Не спеша, я стер кровь с рук, доспехов и засапожника. Вложил нож в карман-чехол на голенище. Освободил меч из объятий Торсонова щита.

Меч был чист – Вдоводел так и не попробовал кровушки. Я внимательно изучил лезвие, убедился, что жестокое соприкосновение с «бастардом» не оставило на клинке зазубрин, и только после этого вложил меч в ножны.

Нет, история эта еще точно не закончилась.

Народ не расходился. Все ждали, пока я закончу обихаживать свое оружие. Ничего, потерпят. Здесь с этим делом торопиться не принято. Это женщиной викинг может попользоваться наспех. Боевое железо положено любить, холить и лелеять. В мире, где я жил раньше, человек, который способен часами возиться с каким-нибудь драгунским палашом позапрошлого века, доводя его до идеального состояния, считался не совсем нормальным. В лучшем случае, знакомые признавали в таком любителе право на своеобразное хобби. Вроде вязания крючком. В худшем, считали придурком. Такое отношение было естественно. Потому что после вылизывания и выведения до бритвенной остроты, вышеупомянутый палаш всего лишь занимал свое место на стене среди прочих декоративных орудий убийства. Ну, может быть, парень вроде меня снимал его раз-другой, чтобы поиграть с тенью бесплотного противника.

А здесь из-за попорченного клинка можно навсегда утратить возможность совокупляться.

Я вложил меч в ножны и поглядел на Рагнара-конунга.

Маленькие глазки, упрятанные под тяжелыми арками надбровных дуг, взирали на меня без тени доброты. Впрочем, добротой никто из здешних вождей не отличался.

Конунг тоже не торопился. Наконец вяло обозначил рукой: подойди.

Я бросил взгляд на своего ярла. Я – его человек. Рагнар – хозяин здешних мест. Но Хрёрек – мой старший.

Ярл кивнул: иди.

Огромное тело Торсона лежало на моем пути. От великолепного воина осталась груда мертвечины. Лужа крови, вонь вспоротых кишок...

Я не стал перешагивать через мертвеца – обошел.

Рагнар восседал на подобии трона с обитой бархатом высокой спинкой и позолоченными львами вместо подлокотников. Этот предмет мебели был здесь, на площади, столь же уместен, как «мазератти» на деревенской улице где-нибудь под Пинском. Этакое кресло – в сочетании с засаленными штанами из знаменитой козлиной шкуры...

Тем не менее выглядел конунг величественно. И на меня глядел, как опер – на рецидивиста.

Я перевел взгляд на его сыновей.

Детишки у Рагнара – еще те.

Самым крутым, насколько мне известно, был Сигурд Глаз Змея, но его нынче не было на острове.

Следующим по старшинству считался Бьёрн Железнобокий. С ним я уже встречался, и он мне был более или менее понятен. Воин и авантюрист. Прирожденный вожак.

Ивар Бескостный... Одного взгляда достаточно, чтобы понять: для этого люди – инструменты для достижения собственных целей. Еще о нем говорили, что никто не сравнится с ним во владении мечом и копьем. Ивар встретил мой взгляд и чуть усмехнулся. Счел меня полезным инструментом.

Хальфдан... Совсем молодой, и двадцати нет, но уже стяжавший изрядную славу. Тоже разглядывает меня с любопытством. Еще бы! Никому не известный салага завалил чемпиона.

– Покажи мне нож, которым ты убил Торсона! – прогудел Рагнар.

Я вынул засапожник. В Рагнаровой руке-лопате он выглядел почти игрушечным.

Конунг тронул лезвие толстым ногтем, понюхал и зачем-то лизнул...

– Он чист, отец, – подал голос Ивар. – Я же сказал тебе – простое железо. Он вспорол ему брюхо. Можешь пойти и посмотреть на требуху.

– Может, и так, – буркнул Рагнар. – Мои трэли такими ножиками шкуру со свиней сдирают. Кто бы поверил, что им можно убить такого, как Торсон.

Конунг поднял на меня тяжелый взгляд:

– Ты зарезал его, как свинью! – обвиняющим тоном объявил он.

Я пожал плечами. Если бы в таких поединках нельзя было использовать нож, мне бы сказали. Что не запрещено, то разрешено.

– Как свинью! – с горечью повторил Рагнар. – А я рассчитывал увидеть его в своем войске, когда пойду стричь франков...

– Если то, что я слышал о франках, правда, то думаю, ты, конунг, сможешь остричь их даже в одиночку, – заявил я. – Однако без войска тебе все равно не обойтись. Кто-то же должен привести домой корабли с серебром.

Рагнар хрюкнул. Ему моя реплика понравилась.

– Твой нож не отравлен, – сообщил мне конунг то, что я и без него знал. – Получается, ты убил его честно. – И добавил ворчливо: – Из-за тебя я не только потерял славного воина, но и проиграл две марки серебром. Вот ему, – толстый кривоватый палец показал на Ивара. – Я поставил против тебя десять к одному – и проиграл.

– Я бы и сам поставил против себя, – скромно заметил я. – Но боги поставили иначе.

– Да, – пробасил Бьёрн Железнобокий. – Удача сильнее мастерства. Надеюсь, Хрёрек наградит тебя по заслугам. Сойдись он с Торсоном – неизвестно, кто бы отправился в Валхаллу.

– Отец, – вновь подал голос Ивар, – сдается мне, этот хускарл принесет нам не меньше пользы, чем Торсон, – и коснулся висящего на груди амулета – золотого копья размером с сапожную иглу.

– Может быть... – пробормотал Рагнар. Он все еще был недоволен. Интуиция подсказывала ему, что со мной – не совсем чисто.

– Придешь ко мне обедать, – пригласил, точнее, велел конунг. – Расскажешь, откуда ты и кто твоя родня.

Рагнар ушел, и тут же начала рассасываться толпа зрителей. Сеанс окончен.

Я победил. Но, боюсь, ни триумфа, ни прижизненной славы мне эта победа не принесет.

– Ты убил его ножом, – чуть слышно произнес Хрёрек-ярл. – Зарезал, как свинью.

И этот туда же. Оружие и доспехи покойного Торсона грудой лежали у наших ног. Они, равно как и вооружение погибшего Фрёлава, принадлежат победителю. То есть – моему ярлу. Я – всего лишь посредник. Отличные доспехи, кстати, совсем непокоцанные. Отмыть от крови – и вовсе будут как новенькие.

– Да, я убил его ножом, – согласился я.

Народ разошелся. Похоже, разочарованный. Вот кабы я Торсону ногу отрубил, а он бы храбро гонялся за мной на оставшейся конечности, пока не истек кровью из культяпки, вот это было бы шоу. А так... Незрелищно получилось. Так же обидно для болельщиков, как победа техническим нокаутом.

– Берсерка ты тоже убил ножом.

– Другим, – уточнил я.

Ярл дернул краем рта. Какая, на хрен, разница. Нож и есть нож. С него мясо кушают, а потом в зубах ковыряются. Разве это оружие воина?

Разговаривали мы с Хрёреком практически тет-а-тет. Наши стояли на приличной дистанции. Еще дальше – ребята покойного Торсона. Этим-то что нужно?

А вот недовольство конунга мне понятно. Здесь нет СМИ. Вместо них – слухи. И скальды. Они во многом и определяют общественное мнение. И престиж того или иного вождя. Ты можешь быть сколь угодно великим полководцем, но, если какой-нибудь длинноволосый потребитель незрелого пива споет в твой адрес нехороший стишок – пиши пропало. Не знаю, есть в этом колдовство или нет, но если нахальный стихоплет в авторитете, то твоему собственному авторитету конец. Ты очень скоро станешь полководцем без полка.

Но сделай свою кровавую работенку красиво – и тот же потребитель пива состряпает в твою честь получасовую хвалебную драпу[48]. И люди к тебе потянутся.

Впрочем, скальда можно подкупить. Или припугнуть.

– Ты не очень-то силен, – задумчиво проговорил Хрёрек.

Я склонил голову, признавая очевидный факт. Девять из десяти произвольно взятых викингов сделают меня в армрестлинге, не вспотев.

– Не очень силен... А брюхо у Торсона вспорото, будто его поддел клыком Гуллинбурсти[49].

Ну это тоже понятно. Покойник сам помог сделать себе харакири.

Я подумал немного, и тут мне в голову пришла интересная идея.

Я ухмыльнулся как можно гнуснее и сообщил:

– Еще люди могут сказать, что Хрёрек-ярл испугался и выставил вместо себя уroda-чужака.

Лучший способ избежать насмешек над своей нестандартной внешностью – громкая и публичная самокритика. С доброй толикой юмора. А чувства юмора мне не занимать.

Хрёреку – тоже. Однако сейчас он был далек от иронии. Хрёрек нахмурился. Еще бы: его назвали трусом. Я дождался, пока котел прогреется как следует, и сунул в костер новое поленце.

– ...uroda-чужака. И чужак злым колдовством зачаровал славного Торсона, а затем, как ты верно заметил, зарезал его, как свинью.

Ярл – отец своим хирдманнам, потому у каждого из нас есть право говорить, что думаем... И схлопотать подзатыльник от «папаши» за непочтительный язык.

Если бы он действительно испугался Торсона, я бы огреб по полной. Но я знал, что Хрёрек в принципе не мог струсить. Порода не та.

– Ты смеешь меня дразнить, Ульф Черноголовый? – Синие глаза ярла уже метали молнии. – Какое колдовство? Он гонял тебя, как хорек – петуха. Едва не прикончил...

Истинная правда. Однако «едва не попал» – все-таки означает «промахнулся».

– Почему ты не бился как мужчина? – прорычал конунг.

Хороший вопрос. Как там у Пушкина? «Бездельник, дай себя догнать, дай голову с тебя сорвать...»

– Один из нас уже бился как мужчина, – я мотнул головой в сторону прикрытого плащом тела Фрёлава. – У этого кашалота мощь... кашалота. Я вышел вместо тебя, но ты мог бы сказать – нет. Ты знаешь, как я бьюсь. Признай, тебе было любопытно посмотреть, что у нас получится.

– Так и есть, – признал Хрёрек. – Разбей тебе Тор башку своим молотком, что мне теперь делать? С колдовством или без, но ты вспорол ему брюхо подлым ударом!

– В бою не бывает подлых ударов, – напомнил я конунгу прописную истину. – Есть только удачные и неудачные. Мой был удачным. Потому что я его убил, а не он – меня. Но я все же предлагаю остановиться на колдовстве.

– Людям это не понравится, – повторил конунг, но уже более спокойно.

– Еще как не понравится! – еще шире ухмыльнулся я. – Колдовство – это бесчестно. Многие станут кричать, что не пристало мужчине заниматься женским делом. Но уверяю тебя: все эти крикуны просто боятся, что заколдуют их самих. А тебе, конунг, – сплошная выгода. Колдуном-то назовут меня. Посмотри на меня внимательно: неужели кто-то усомнится, что я колдун?

Еще бы! Мелкий, чернявый, черноглазый... Внешность моя, с точки зрения местных жителей, намекала на всевозможные пороки так же явно, как рожки на голове – на принадлежность к бесовской братии.

– Я буду колдуном, а ты будешь тем, кому колдун служит. Никакого урона чести. Сам-то ты не колдуешь, а славы прибавится.

Хрёрек задумался, а потом нехотя кивнул. Он ведь далеко не дурак. Эти свирепые парни в железных рубахах могут на дух не переносить чужих колдунов, но когда колдун на твоей стороне – это же совсем другое дело.

И мне этакая слава не без пользы. С колдуном мало кто захочет связываться. Еще убьешь ненароком, а ведь всем известно, что мертвый колдун – еще хуже живого.

Так или иначе, но верный хирдманн, то есть я, свое дело сделал. Теперь меня следовало вознаградить.

Хрёрек снова задумался. Будь на моем месте кто-то другой, он просто стащил бы с запястья один из золотых браслетов, и дело с концом. Но ярл уже понял, что я, в отличие от других его головорезов, к золоту отношусь до неприличия равнодушно. То есть своей доли я никогда не упускал, но при виде кучи желтых побрякушек и блестящих питьевых емкостей слюну до пояса не пускал. Повысить меня в звании? Но после сегодняшнего я итак хускарл, а до хольда мне еще расти и расти.

Хрёрек выкрутился. Иного я не ожидал.

– Что ж, Ульф, ты оказал мне услугу. Говори, чего хочешь?

Он сказал это достаточно громко, чтобы слышали и окружающие. Секретный разговор закончен.

Сказать: «Да ничего»? Нельзя. Обидится. Так что я ответил дипломатично и тоже громко:

– Трудный вопрос, мой ярл. Под твоим славным началом я уже добыл все,

что хотел. Может быть, кроме славы, потому что славы много не бывает.

Полторы сотни моих корешей, наостривших уши, одобрительно взрыкнули. Схожий звук издали и труподелы покойного Торсона. Зуб даю, эти парни очень скоро выразят желание пополнить наши ряды. Кроме, может, вон того, кудлатого, в византийском нагруднике. Этот зыркает в мою сторону очень недружелюбно. Впрочем, это его проблемы.

– Славы много не бывает. Но о славе я не беспокоюсь, потому что с таким вождем, как ты, славы на всех хватит. Ничего мне не надо, Хрёрек-ярл. Ты и так дал мне все. Я пришел к тебе в драных отрепьях, а теперь у меня имеется все, что нужно воину.

– Да, – согласился Хрёрек. – Так и есть. Однако плох тот вождь, который не умеет вознаградить верного человека. А я хороший вождь, верно?

Хирдманны дружно рыкнули, подтверждая очевидное. Будь он плохим, их бы здесь не было.

– Потому я говорю, – ярл перешел на торжественный стиль речи. – Ты, Ульф Черноголовый, волен сам просить угодную тебе награду. Сейчас тебе ничего не надо, но придет время, и ты пожелаешь то, что тебе приглянется. Потому вот мое слово. Если в будущем ты захочешь что-то из моей доли: оружие, золото, невольницу или раба – это станет твоим. Я сказал – ты услышал! Боги тому свидетели!

Да, я услышал. И мне понравилось. Конунгу – лучшая доля добычи. А лучшее из доли конунга теперь может стать моим. Интересно, что это будет? Эх, люблю я поиграть с Судьбой в рулетку! Почему, спросите, в рулетку, если выигрыш гарантирован? Да потому, что только Богу известно, буду ли я жив завтра. То есть завтра-то точно буду, а вот через год-другой – неизвестно. Но мне это тоже нравится. Грош цена жизни, в которой все расписано и предопределено.

Впрочем, это не значит, что я не умею планировать. Как говорил в свое время мой папа, Григорий Николаевич Переляк: «Живи так, будто этот день – последний. Но позаботиться о будущих дивидендах тоже не забывай».

Но к черту дивиденды! Ярл сказал свое слово, и вокруг меня внезапно стало тесно. В толпе огромных скандинавов я просто потерялся. Широоченные плечи закрыли горы и море, кудлатые головы – небо. Каждый хотел похлопать меня по плечу, сказать что-нибудь доброе. Старина Стюрмир облапил и стиснул так, что ребрышки жалобно заскрипели; высоченный, как мачта, Ульфхам Треска оцарапал мне лицо краем нагрудной бляхи и пробасил сверху:

– Ты украл мой поединок, Черноголовый! Считаю, за мной должок!

– Сочтемся, – прохрипел я куда-то в желтые заросли Ульфхамовой бороды.

– Волчок! Ты наш, Волчок! – Оттеснив прочих, меня обступили варяги: Трувор, Ольбард, Руад... Оп!

Ноги оторвались от земли. Не менее дюжины рук подхватили меня и взметнули вверх. Я взлетел в воздух, растопырясь, словно лягушка. Раз, еще раз...

При каждом броске сотня глоток взревывала так, что мне казалось, будто акустический удар, а не руки, подбрасывают меня в небо...

Восемь раз я взлетал вверх. Священное число Одина. Но и потом мне не дали ступить на землю. Стюрмир и Руад подставили плечи и, окруженные со всех сторон бряцающей железом толпой, понесли к ближайшей харчевне, где

обрадованный хозяин уже выкатывал из закромов бочонки с пивом.

Краем глаза я успел засечь, что Хрёрека с нами не было. Ярл остался у места поединка, рядом с телами убитых, а его со всех сторон обступили хирдманны Торсона.

Нет, нашему ярлу ничто не угрожало. Головорезы Торсона искали покровительства более удачливого вождя.

«Да, – подумал я, подпрыгивая на плечах гордо вышагивающих друзей, – так проходит мирская слава»[50]. Железо в брюхе, предсмертная судорога, тризна, костер и полет валькирий. В последнем, впрочем, я далеко не уверен, поэтому постараюсь пожить подольше и порадоваться, пока есть такая возможность. Но при этом не очень налегать на пиво, потому что вечером предстоит пир в хоромах конунга Рагнара.

Эх, хорошо! А будет еще лучше!

Александр Мазин БЕЛЫЙ ВОЛК

Пролог

Заветная мечта конунга Рагнара

— Рим! — провозгласил конунг и громко рыгнул. — Вот что я хочу! Вот где мы возьмем настоящую добычу и настоящую славу!

Над длинным столом, за которым вольготно расположились конунги, ярлы, хёвдинги и прочие джентльмены норманских дружин, собравшихся в Роскилле для совместного вика, на мгновение повисла тишина. Сквозь завешенные бычьей шкурой двери внутрь проникли приглушенные звуки лагеря: громкие голоса, лязг, стук, визг поросенка и не менее визгливый голос женщины, распекающей нерадивого трэля...

— Я с тобой, отец! — первым подал голос Хальфдан, самый молодой из присутствовавших здесь сыновей Рагнара Лотброка.

Остальные помалкивали. Хмурил лоб Сигурд Змей в Глазу. Беззвучно шевелил губами, подгоняя мысли, Бьёрн Железнобокий, получивший свое прозвище за то, что ни разу не был серьезно ранен. Искоса поглядывая на брата, кривил рот усмешкой Ивар Бескостный, самый умный и хитрый из сыновей Лотброка. Молчали братья Уббе и Харальд... Не потому что испугались. Слова отца следовало обдумать.

Молчали и остальные вожди: все — родичи и доверенные люди Рагнара-конунга. Величайший из викингов Дании вновь поразил их дерзостью замысла.

— Одину это понравится, — наконец произнес Сигурд. — Но думается мне: лучше было бы пощупать франков, как мы и собирались.

Сигурд говорил «мы» с полным правом. Тот, у кого под началом дюжина боевых кораблей, вправе давать рекомендации отцу. Даже такому, как Рагнар Лотброк.

— Франки... — пророкотал Рагнар. На его лице появилось выражение, сделавшее конунга похожим на кота, который обнаружил забытый на столе кувшин сметаны. — Карл Лысый.[51] Ему не впервой поджимать хвост. Верно, сынок. С него-то мы и начнем! Но каждый из вас... — тяжелый взгляд из-под насуспенных бровей прошелся по собранию, ненадолго остановившись на каждом из вождей, — каждый из вас должен помнить: Рим! Вот город, который

принесет нам славу! Однако... — взгляд конунга вновь прошелся по суровым лицам родичей и соратников, — болтать об этом не следует.

Никто из присутствовавших на том совете норманских вождей не был склонен к болтовне. Тем более, после предупреждения самого Рагнара Лотброка. Но каждый счел необходимым поделиться с ближайшими соратниками.

Так что я узнал о стратегической цели конунга под большим секретом от своего командира-хольда Трувора-варяга. А он — от кормчего Ольбарда Синесуса, тоже варяга и двоюродного брата Трувора. Сам же Ольбард получил информацию из первых рук — от нашего лидера Хрёрека-ярла, по прозвищу Сокол, который, будучи Инглингом, то есть человеком древнего королевского рода, к каковому относился и сам Рагнар Лотброк, по праву присутствовал на стратегическом совещании.

Дальше меня эта информация не пошла, но через неделю о грандиозных планах Рагнара-конунга знали абсолютно все в нашем хирде. Надо полагать, и в других дружинах-хирдах соединенного норманского воинства тоже были в курсе будущей весенней кампании. Правильно говорят: «Знают трое, знает и свинья».

Но большой беды в этом не было. Ведь это были наши, норманские свиньи. Судоходный сезон был завершен. Редкие иностранные купцы, которые осмеливались посещать Сёлунд, давно отбыли восвояси, а среди боевых команд франкских шпиёнов не встречалось. То есть за хорошие, вернее, за очень хорошие деньги многие из викингов поделились бы информацией с заинтересованными лицами. Но денег этих моим коллегам никто не предлагал, а сами они продавать секретные сведения не рвались.

Так что утечки в южном направлении не было. Зато в северном — сплошь и рядом. Вожди скандинавов, вербующие сторонников, не скрывали, что дело предстоит грандиозное. И прозрачно намекали: мол, пощупаем потомков Карла Великого до самой печени, а сидящих на серебре и злате епископов — до самой вершины пирамиды. Умные правильно понимали намеки. Глупым растолковывали умные.

Но в ту осень у меня, Ульфа Черноголового (в иные времена носившего гордое имя Николая Григорьевича Переляка), хускарла из дружины Хрёрека Сокола, были дела поинтереснее, чем сбыча мечт Рагнара Волосатые Штаны.

Куда более актуальной темой для меня были молодецкие игры, которым в свободное от основной работы время самозабвенно предавались мои собратья по профессии, славные скандинавские викинги. Спорт всегда был моей слабостью. Слабостью в хорошем смысле этого слова.

Глава первая,

в которой у меня появляется догадка о том, почему Ивара Рагнарсона зовут Бескостным

Северяне любят два типа игр. Силовые и экстремальные. А лучше — оба варианта сразу. Например, устроить заплыв через фьорд — кто быстрее. А чтоб не замерзнуть в холоднющей воде, согреться пытаюсь друг друга утопить.

Еще тут популярна игра в мяч. Этакая помесь лапты и хоккея, в которой друг друга лупят палками едва ли не с большей интенсивностью, чем скатанный из шерсти мячик. Травм — море. Бывают даже смертельные случаи.

Правда, мой добрый друг датчанин Свартхёвди Медвежонок пояснил, что большая часть таких смертоубийств — завуалированные дуэли. Неофициальные хольмганги. «Чистые» от кровной мести поединки. За того, кто погиб во время игры, мстить не положено. И виру за него платить необязательно. Главное, чтобы свидетели подтвердили, что смерть — случайность. Думаю, это и есть случайность. Порешить простой палкой викинга — это надо очень постараться. Или очень удачно попасть.

В мячик я не играл. Зато поучаствовал в перетягивании каната, где в силу своих природных размеров (на ладонь пониже и на пуд полегче среднестатистического викинга) победу своей команды не приблизил. Затем, набравшись храбрости, съехал на бревне с крутого склона. В составе банды, возглавляемой опытным в этих делах Треской. Не свалился, хотя, поверьте, это было непросто.

Больше всего меня привлекала борьба. Обычная, без оружия. Поначалу я думал, что против плечистых гигантов с ручищами-капканами не потяну. Но выяснилось, что за время нашего плавания мои кисти тоже накачались будь здоров. А главное, драка без оружия никогда не была у господ викингов приоритетным видом спорта. Не говоря уже о настоящем искусстве рукопашного боя. А я как-никак пришел из времени, когда единственным разрешенным оружием мужчины являются его кулаки и ботинки. Ну и локти-колени, само собой.

Не скажу, что стал чемпионом (вот уж к чему не стремился), но не меньше половины местных борцов я в пыли повалял. Меня же валяли гораздо реже: в отличие от остальных, в руки я не давался. С моим смешным по местным меркам весом любой захват тут же превращался в полет по непредсказуемой траектории. Поскольку боролся я «неправильно», то видеть меня в качестве противника никто особо не стремился. Тоже понятно: победить такого малыша — славы не много. А проиграть тому, что носом тычется тебе в бороду, — обидно.

Очередные соревнования начались традиционно. Желающие потискать друг друга выстроились впереди. И занялись поочередным швырянием друг друга наземь.

Поначалу — те, кто послабее. Потом — середнячки. И наконец — местная борцовая крутизна: двухметровые гиганты шириной с полуторный диванчик.

То есть всё шло как обычно, пока толпа вдруг не раздвинулась, пропуская еще одного борца.

Точнее, даже не раздвинулась — подалась в стороны, образуя коридор, по которому в круг вступил новый соискатель.

Я узнал его сразу и тотчас понял, почему этого человека безбашенные викинги даже задеть опасались. Ивар Бескостный.

Никто из сыновей Рагнара Лотброка не внушал большего уважения, чем Бескостный. О жестокости Ивара ходили легенды. Он мог убить человека лишь потому, что тот неуважительно на него посмотрел. Причем не просто убить, а выпустить кишки и с интересом наблюдать, как умирающий корчится у его ног от нестерпимой боли. И не было случая, чтобы Ивар заплатил виру за такое убийство. Он не боялся ни мести родичей, ни суда тинга.

При этом он беспрекословно повиновался отцу и ни разу никто не слышал о том, чтобы Ивар поссорился с кем-то из братьев. О нем говорили, что он хи-

тер, как Локи, и способен обмануть даже самого Одина. Собственные хирдманы преклонялись перед ним как перед богом и готовы были по его приказу броситься хоть в жерло вулкана. Причем в полной уверенности, что выберутся оттуда живыми, потому что Ивар Рагнарсон был невероятно, потрясающе удачлив. Он никогда и никому не проигрывал. Из любого похода он возвращался с добычей, от тяжести которой корабли едва не черпали бортами, а его викинги гибли не чаще, чем мирные бонды.

— Пожалуй, и я попробую, — лениво процедил Бескостный и принялся неспешно разоблачаться. Сначала — украшения, потом — обереги, за ними панцирь, рубаха и, наконец, пояс с оружием.

Кожа у Рагнарсона была молочно-белая и гладкая, как у женщины. Ни одного серьезного шрама. Большая редкость для того, кто прошел через сотни схваток. Сложен Бескостный был просто замечательно. Как и подобает природному викингу в двадцать с небольшим. Но я сразу усомнился, что ему светит чемпионство в этом виде состязаний. Тут, блин, такие тяжеловесы сходились, рядом с которыми даже мой закадычный приятель Стюрмир, самый тяжелый из хирдманов Хрёрека-ярла, выглядел не очень-то крупным.

Ивар вышел в центр круга и приглашающе развел руки: ну, кто готов со мной побороться?

Как ни странно, никто из присутствующих не проявил энтузиазма. А ведь еще пару минут назад не меньше двух десятков борцов оспаривали друг у друга право на следующий поединок.

Я покосился на наших. Стюрмир глядел в землю. Оспак Парус, прозванный так за необъятную ширину груди, — аналогично. Остальные тоже не горели энтузиазмом. И наши, и не наши.

Наконец какой-то громила из халогаландских[52] норегов выдвинулся вперед. Весил он, наверное, раза в полтора больше, чем Ивар. И хитрить не стал: бросился вперед и сграбастал Рагнарсона так же простодушно, как распаленный викинг хватает убегающую девку.

Только Ивар не убегал.

Он совершенно спокойно дал себя сцапать, а потом невероятно гибким движением вывернулся из могучих грабок.

Получилось это так легко, будто Ивар был не человек, а смазанная жиром нерпа. Раз — и халогаландец самозабвенно душит пустоту, а Рагнарсон тем временем преспокойно цепляет ногой ногу норегга и толчком в спину бросает халогаландца мордой в пыль.

Ивар пнул распростертого у ног норегга по заднице — и засмеялся. Даже мне этот смех показался неприятным. А уж халогаландцу.

Норег вскочил быстрее, чем лошадка роняет яблоко. И с разворота нанес Рагнарсону мощнейший удар, который Ивар в лучших традициях еще не созданного хапкидо перехватил, дернул — тоже с разворотом, от души, будто намеревался раскрутить противника каруселью. Норег проскочил мимо Ивара и опять, попавшись на подножку, полетел мордой в землю. Но на этот раз Ивар не отпустил его ручищу, а переломил ее о подставленное колено. Будто жердину. Халогаландец взвыл. Рагнарсон разжал пальцы, и бедный громила, перевернувшись, грохнулся оземь. Как раз сломанной рукой. И выпал из реаль-

ности.

Друзья тут же подхватили норега и унесли. Ивар продемонстрировал публике безупречный прикус. Типа, улыбнулся.

— Кто еще готов порадовать Одина? — поинтересовался он.

К моему удивлению, противник отыскался сразу. Рыжий веснушчатый молодец, плечистый и жилистый. Лидер ватаги ирландских пиратов. Бороться с ним мне не приходилось, но я видел, как он управлялся с другими. Неплохо управлялся.

— Давай-ка со мной, Бескостный! — Рыжий скинул рубаху, поплевал на ладони и встал напротив Рагнарсона.

— Ха! Красный Лис! — Оскал Ивара стал почти дружелюбным. — Как думаешь: сколько времени мне понадобится, чтобы подмести твоим хвостом эту площадь?

— Думаю, много, — хладнокровно ответил рыжий, встряхивая собранной кожей ремешком гривой. — Площадь-то немаленькая.

По тому, как они сошлись, я сразу понял: эти двое — давние знакомцы. Никаких «предварительных ласк». Секунда — и два здоровяка давят друг друга в объятиях. Да так, что у обоих ребра хрустят. Впрочем, это было не тупое состязание в силе. Ноги борцов активно взбивали пыль: каждый старался «поймать» противника и вывести из равновесия. Рыжий был хорош, но я почему-то не удивился, когда Ивар оказался ловчее. Упали-то они оба, но Ивар оказался сверху, и локоть его очень удобно упирался рыжему в горло.

Однако калечить его Бескостный не стал.

Рыжий просипел: «Твоя взяла...» — и Рагнарсон упругим прыжком встал на ноги.

Третьего противника ему пришлось ждать долго. Так долго, что он его не дождался. А не дождавшись, выбрал сам. Меня.

Устремил на меня взгляд убийцы и, в очередной раз продемонстрировав завидный набор зубов, поинтересовался:

— Не хочешь показать свою ловкость, хускарл? Обещаю, что не стану тебя убивать.

Не то чтобы я верил его обещаниям... Ивар славился вероломством. Однако ни одного подходящего довода, чтобы уклониться от поединка, в мою голову не пришло. Так что выбор был невелик: или драться, или потерять лицо.

И я вышел.

Ивар раскинул в стороны руки — признанный чемпион, желающий услышать аплодисменты своих фанатов.

Аплодисменты здесь не в ходу, но заорали датчане знатно. А Рагнарсон так и двинулся на меня: с распростертыми объятиями. Даже глядел куда-то в сторону.

Я не очень-то силен в рукопашке, но такой наглостью было грех не воспользоваться. Я ничтоже сумняшеся ухватил Ивара за руку да и швырнул.

Без страховки, разумеется. Здесь это не принято.

Упал Ивар хорошо. На руки. И тут же вскочил.

Не обиделся.

— А я, было, и забыл, что это ты зарезал Торсона-ярла! — соврал Рагнарсон с широкой улыбкой. Глаза у него при этом были холодные-холодные. — Думал: какой-то мелкий хускарл из Гардарики. — И не закончив фразы, бросился на

меня, как леопард.

Я, однако, загодя понял, что Бескостный заговаривает мне зубы. И был готов. Перекат на спину — с упором в живот — и Рагнарсон мускулистой птичкой взлетел надо мной.

Если бы он вцепился в мои руки (нормальный рефлекс для того, кто вдруг теряет почву под ногами), то приложился бы качественно. Но Рагнарсон был хозяином своих рефлексов и руки разжал.

Ну да, не тот у Бескостного уровень, чтобы хряснуться спиной или паче того воткнуться головой в землю. Кувырок — и Рагнарсон уже в стойке. Я тоже вскочил через кувырок, только назад. Обернулись мы одновременно.

Под звуковое сопровождение, которое можно было трактовать как бурные аплодисменты.

Бросок Ивара был молниеносен. Он почти схватил меня, но я рыбкой кинулся ему в ноги и швырнул через себя. Не думайте, что это было легко. В сыне Рагнарсона было никак не меньше шести футов роста и килограммов восемьдесят пять боевого веса. Что особенно обидно: бросать его было так же бесполезно, как кошку. А удерживать в захвате — бессмысленное занятие. Он был намного сильнее, а такими пальцами, как у него, можно куски мяса рвать, как клещами. Однако на этот раз я сам его не отпустил. Так что упали мы вместе. Причем я был сверху, а мой локоть пришел Рагнарсону точно в солнечное сплетение...

Рагнарсон даже не крикнул. Секунда — и мы уже поменялись местами.

Ивар оказался гибким, как питон. Не зря его прозвали Бескостным.

Я сам не понял, каким образом он так извернулся, но меня подбросило на полметра, а затем приложило лопатками оземь, а предплечье Ивара придавило мне кадык.

Только что Рагнарсон так же припечатал рыжего викинга. Вероятно, это его фирменный прием.

Вне всякого сомнения, Бескостный мог меня убить. Но он сдержал слово. К моему удивлению. Потому что в этот миг я заглянул ему в глаза и увидел в них ту силу, что поразила меня в святилище Одина. Увидел, понял, что этой силе безразличны любые обещания, — и решил: мне конец.

Но в следующий миг давление на мое горло исчезло, и вот Бескостный уже на ногах и протягивает мне руку!

Конечно, я ее принял... И могучий рывок едва не выдернул ее из сустава. Зато я вмиг оказался на ногах. Нет, у этого человека поистине исполинская сила. Думаю, он выиграл бы армрестлинг у любого из здешних двухметровых громил.

— Ты еще более хорош, чем я ожидал! — польстил мне победитель. — Если тебе захочется уйти от брата Хрёрека, на одном из моих кораблей непременно найдется для тебя скамья!

Голос сына Рагнара был приветлив, губы улыбались, но в глубине его глаз по-прежнему обитал Один. Ивар знал, что я чувствую присутствие Отца воинов. И улыбка его была искренней.

Мы с тобой одной крови, говорила эта улыбка. Так, наверное, Маугли заговаривал зубы какому-нибудь волчонку, чтобы натравить его на своих врагов.

Конечно, я не стал делиться с Рагнарсоном своими мыслями.

— Это было бы честью для меня! — изрек я учтиво. — Не думаю, что на зем-

лях Севера есть еще один вождь, способный превзойти тебя, Ивар Бескостный. Разве что твой отец Рагнар.

— Ты так говоришь потому, что не видел в деле моего брата Сигурда! — засмеялся Ивар. Отпустил мою руку, хлопнул меня по плечу и взял свою рубаху. Он провел три боя, но ухитрился не то что не выпачкаться в пыли, но даже не вспотеть.

А вот мне требовалась серьезная помывка. Учитывая здешние реалии — холодной водой и без мыла. Удовольствия немного, зато бодрит. Особенно после того, как тебя едва не убили.

Впрочем, рейтинг мой после этой истории в очередной раз подрос, а репутация отморозка еще больше укрепилась. Не скажу, что стал авторитетом, но замечания по поводу своей внешности и малого роста я слышал теперь только от друзей.

Да, кстати, должен отметить, что тот ледок, который имел место быть между мной и моим ярлом, тоже истаял.

Причиной тому был публичный застольный рассказ Свартхёвди Медвежонка о том, как Ульф Черноголовый гостил у него в поместье, и тайна его происхождения (Во как! Тайна! А я-то — ни сном ни духом!) была легко и непринужденно разгадана его мудрой матушкой. Цветистый и хвастливый (как тут и принято) рассказ этот перемежался историями из жизни дедушки Ормульфа и прадедушки Бьёрна, великого воина, который не побоялся взять в жены настоящую финскую колдунью.

Мне оставалось лишь порадоваться, что Медвежонок не видел, как я поползал на карачках из родового святилища. Вот где был материал для сатирического тоста.

На той же пирушке, в лучших традициях викингов (не оставляй на завтра то, что можно выпить сегодня), Хрёрек-ярл подозвал своего пьяненького хускарла Ульфа и учинил допрос.

Мой ярл (как и большинство здешних) очень внимательно относился к биографиям своих воинов. А в понятие «биография» здесь включались не только собственные подвиги субъекта, но и его родословная. Принцип «яблонька от яблони...» у скандинавов пользовался очень большим уважением.

Только познакомившись поближе с обычаями моего нового времени, я до конца осознал, как мне повезло. Хрёрек-ярл взял меня в хирд, ровно ничего не зная ни о моем происхождении, ни о моем прошлом. Да, он не раз пытался выяснить, откуда я такой взялся, но, натыкаясь на мою упертость, делал шаг назад. Что Хрёреку, мягко говоря, было несвойственно.

И каждый раз после такого разговора я оказывался на самой грани пинка под зад.

Только очевидная польза, которую я время от времени приносил дружине Хрёрека, удерживала ярла от этого самого пинка.

Но отныне — всё позади. У меня была официальная, принятая Рунгерд версия происхождения, которой я отныне и придерживался. По этой версии, моего папу (по паспорту — Григорий Николаевич Переляк) звали Воген Осторожный, и был он купцом. А матушка моя, которую родители окрестили Валентиной, по той же версии именовалась — Стек. Что значит — Сильная. Учитывая, что простолюдинке здесь подобных имен не дают, автоматически напрашивался вывод: матушка моя — хорошего рода. Ей-Богу, я не специально. Чистая

импровизация. Но получилось неплохо.

Папа — купец, уважаемый человек. Мама — тоже из благородного сословия.

Имея столь серьезные «зацепки», Хрёрек вновь взял меня в оборот, но выдал совсем немного подробностей (Ври, да не завирайся!), например, что братьев и сестер у меня не было. Что я служил в войске своего «конунга» особым поединщиком (а как прикажете определить в понятиях Средневековья термин «спортрота»?) и покинул родной дом не из-за преследований властей, а исключительно в поисках приключений.

В заключение нашей беседы Хрёрек-ярл не удержался от краткого нравоучения. Мол, негоже благородному человеку странствовать в одиночестве. Этак не то что без штанов — без головы можно остаться. Зато в составе сильного хирда искать приключений легко и относительно безопасно. В качестве примера был приведен эпизод моего спасения из рабских колодок.

Я рассыпался в благодарностях (абсолютно искренне) и заверил ярла, что отныне буду пускаться в авантюры исключительно под крылом Сокола.

Хрёрек обнял меня и угостил пивом из собственного рога.

Я встал и произнес хвалебное стихотворение в том духе, что нет таких врагов, которых стоит принимать во внимание под знаменами моего ярла, ибо все они — просто добыча.

И процитировал весьма вольный и фрагментарный перевод стихотворения Пушкина «Узник», упирая на волю, кровавую пищу и на то, что в синюющих морских краях по-настоящему вольны лишь мы, непобедимые орлы Хрёрека Сокола.

За этот позорный плагиат я был удостоен еще одного рога (в смысле — с пивом), окончательно окосел и исполнил соло любимую колыбельную бабушки: «Дивлюсь я на небо тай думку гадаю: чому я не сокіл, чому не літаю...» Естественно, на родном языке народа-автора. Поняли ее, само собой, лишь те, кто знал словенский. Хрёрек — знал. Так я удостоился третьего рога...

Словом, вечер удался. Вот утро было — не очень. Холодная вода и физические упражнения — не вполне адекватная замена «алказельцеру».

Глава вторая,

в которой герою предлагается обзавестись недвижимостью

— Как долго мне еще терпеть твоего раба? — Не то чтобы ярл Хрёрек был недоволен. Нет, скорее делал вид. Был бы он недоволен по-настоящему, Хавчик не прожил бы и минуты. Просто мой трэль попался ярлу на глаза в неподходящий момент и вдобавок бездельничающим. Да не просто бездельничающим, а с аппетитом обсасывающим косточку не доеденного мной поросенка.

— Три дня — и чтоб духу его здесь не было! — распорядился ярл.

И ушел по своим делам.

Я в сердцах отвесил Хавчику подзатыльник, велел: «Сгинь!» — и предался размышлениям: куда бы деть мою объявленную персоной нон грата собственность.

В этом задумчивом настроении меня и отловил Свартхёвди.

— Наш сосед Вальтев Кьервальвсон хочет продать свой грэнд,[53] — сообщил мне Медвежонок.

— И что?

— А то, что матушка сказала: ты можешь его купить.

Матушка — это уже интереснее. Матушку Свартхёвди зовут Рунгерд. Она — вдова. То есть по местным законам — полноправная владелица наследственной недвижимости. Единственная, кстати, ситуация, когда женщина может владеть имуществом здесь, в Дании. Это потому, что Дания — прогрессивная страна с точки зрения эмансипации. В большинстве средневековых государств, насколько мне известно, мужу наследует не вдова, а ближайший родственник мужского пола. Такая вот несправедливость. И я рад, что в Дании — такие законы, потому что госпожа Рунгерд — настоящая леди. К тому же — ведьма. А еще она весьма красива. То есть очень, очень интересная женщина. И слов на ветер не бросает.

— Грэнд не очень велик, — продолжал тем временем Свартхёвди Медвежонок. — Но земля неплохая. Есть выход к морю. Правда, не защищенный от набега, но, пока Сёлундом правит Волосатый Зад (называли Рагнара и так, за глаза, разумеется), ни один чужак сюда не сунется. Удача Рагнара и его сыновей всем известна. С ними лучше быть в дружбе, как наш ярл. Покупай, Черноголовый! Соседом нашим станешь. От нашего одаля[54] до усадьбы Вальтева за полдня дойти можно. Если матушка станет твоим посредником, лишнего с тебя Вальтев не возьмет.

Это уж точно. Облапошить ведьму или ее клиента никто из местных не рискнет. Порча — дело серьезное. На своей шкуре прочувствовал.

Я заинтересовался. Свободный морской разбойник — это весело. Но жизнь полна сюрпризов. Мало ли как всё обернется. Да и местечко для складирования добычи иметь совсем неплохо. О! Я совсем забыл о Хавчике! Вот отличный способ убрать раба из расположения части.

— Пожалуй, мне это по нраву, — произнес я солидно, как и подобает будущему помещику. — Надеюсь, госпожа Рунгерд не откажется помочь.

— Не откажет, не откажет! — заверил меня Свартхёвди. — Покупай, добрая земля. Соседями будем. А там, глядишь, и породнимся.

Я ухмыльнулся. Чуть не ляпнул: «Будешь моим пасынком, да?»

Но сообразил, что Медвежонок имел в виду вовсе не матушку, а сестрицу Гудрун.

Я вздохнул мечтательно.

Рунгерд — очень привлекательная вдовушка. Но Гудрун — воистину — девушка моей мечты.

Нелегкий выбор, однако. Всё такое вкусное.

Если плоть и рассудок выступают в едином строю, противиться бессмысленно.

— Я готов.

— Вот и хорошо! — обрадовался Медвежонок. — Завтра я поеду домой и поговорю с матушкой. А ты подъезжай денька через два.

— Может, я сам поговорю?

Свартхёвди ухмыльнулся.

— Можешь и сам. Если хочешь заплатить за посредничество больше, чем за землю.

Через три дня мы с Хавчиком сели на лошадок и отправились. Мой воинский пояс оттягивал изрядный мешочек с нажитыми непосильным трудом

ценностями. Я был уверен: если Рунгерд согласится посредничать, моих скромных средств хватит, чтобы сделать меня помещиком. На всякий случай я запасся и подарками: шелковым китайским платком для Гудрун и шикарными сережками для ее матушки. И кожаным мешочком с настоящим перцем (дорогуцим!), чтоб не являться к чужому столу с пустыми руками.

Груз, который был приторочен к седлу Хавчика, был значительно увесистее. То были наши дорожные пайки. Хавчик — он Хавчик и есть.

Встречали нас как родных. Я был расцелован леди Рунгерд. Торжественно. А затем, пылко, — юной Гудрун.

— А что ты мне привез? — шепнула мне девушка моей мечты.

— Привез, привез! — успокоил я.

И элегантным движением выхватил из седельной сумы платок.

Пестрые китайские птицы заискрились на солнце. Гудрун взвизгнула, сцапала подарок и умчалась примерять.

Сережки тоже были приняты благосклонно. И перец, который стоил больше, чем оба подарка вместе взятые.

Пока вручались дары и говорились приветственные речи, Хавчик тихонько смылся.

Я не беспокоился. Мой раб точно не останется голодным. И не уснет в одиночестве.

В отличие от меня. То есть я запросто мог заполучить в койку любую из дворовых девок, но... Предпочел журавля в небе. Наверное, я еще не вполне викинг. Викинг взял бы и то и другое.

Рунгерд согласилась.

Не в смысле разделить со мной постель, а попосредничать в приобретении земли.

На следующий день оседлали коняшек и отправились в гости к продавцу.

Мы — это я с Хавчиком, а также Свартхёвди с матерью и звероватого вида мужик, слуга Рунгерд, которого звали Гнуп Три Пальца. Смысл прозвища от меня был скрыт, поскольку пальцев у Гнупа был — полный комплект. Позже выяснилось, что Гнуп всегда сопровождал Рунгерд в путешествиях, и это было правильно. За свою госпожу Гнуп медведя бы удавил голыми руками. Но с голыми руками в этой стране даже погадить не ходят, так что при Гнупе был полуметровый тесак и лук с запасом стрел.

Луком, впрочем, завладел Свартхёвди — и не зря. Парочка жирных осенних гусынь весьма украсила наш обед.

Вальтев, сын Кьервальвсона, оказался крепким, как боровик, лысым датчанином с заплетенной в косицы желтой бородой.

На Рунгерд он глядел с откровенным вождедением, что дочь Ормульфа Хальфдана ничуть не смущало.

Для начала мы еще раз (хотя с обеда прошло не больше двух часов) славно покушали. Потом сели на лошадок и отправились осматривать недвижимость. Место мне понравилось. Просторное поместье с приусадебным хозяйством, хлевом, овином, сеновалам и прочими постройками. Традиционный длинный дом. Рядом — еще один дом, поменьше. В нем жила семья арендато-

ров. В теплое время года. Зимой, как позже выяснилось, они переселялись под господскую крышу.

Полоски ухоженных полей, луга, даже немаленький лес, примыкавший к еще более обширному болоту, так и кишачему пернатой дичью.

Имелся и выход к морю. С каменным причалом и с корабельным сараем. Правда, корабля внутри не было. В сарае сушилась рыба, сети и пиломатериалы. Доски — немалая ценность по здешним меркам. Учитывая, что выпиливают их вручную, неудивительно.

В список прилагаемого к земле имущества входили также и рабы: невзрачный мелкий мужичонка с такой же непрезентабельной супругой.

Вальтев, однако, заверил, что трэли эти — работящие, послушные и дело знают.

Но то была всего лишь реклама. Продавец нахваливал товар.

Хавчик в очередной раз меня удивил, проявив земледельческую хватку и недюжинное знание предмета.

По его словам, четыре поля из пяти были расчищены кое-как и порядком истощены, а за свинками не было надлежащего ухода.

— Зимой небось на одной рыбе держал? — спросил мой раб уважаемого землевладельца.

Тот, вместо того чтобы послать наглого трэля, смутился и пробормотал что-то невразумительное.

Судя по тому, что говорил мой раб, владение Вальтева отнюдь не процветало.

Я, впрочем, и сам об этом догадывался. Корабельный сарай был большой и добротный. Надо полагать, он не всегда был местом для сушки рыбы.

Но я — догадывался, а Хавчик выявлял конкретику.

— Толковый у тебя человек, — вполголоса сказала мне Рунгерд. — Продай. Две марки серебром.

— Не могу, — так же тихо проговорил я. — У нас с ним договор.

Это, кстати, не было враньем. Как-никак Хавчик пошел в рабы добровольно. И — именно ко мне. Да и глупо продавать такого ловкача. Идеальный управляющий получится.

Познакомились мы и с арендатором Вальтева, обстоятельным семейным мужиком по имени Пэр. Полагаю, с ним мы договоримся.

После осмотра вся наша компания вернулась в дом, снова перекусила (на сей раз нашими, привезенными с собой припасами) — и начался торг.

Процесс этот был весьма обстоятельный. Речь шла о том, какое именно имущество достанется покупателю. С дотошным обсуждением преимуществ и недостатков.

То есть обсуждали Вальтев, Рунгерд и Хавчик. Иногда вступал Свартхёвди. Я же делал морду кирпичом и солидно помалкивал.

Наконец перешли к собственно оценке. Стартовая цена, предложенная продавцом, вдвое превышала мои финансовые возможности. Было заметно, что сумма эта — домашняя заготовка, потому что лысый выпалил ее и умолк.

Мои «адвокаты» синхронно выразили невероятное изумление. Я решил подыграть и принял оскорбленный вид. Меня, заслуженного хускарла самого ярла Хрёрека, пытаются кинуть!

Вальтев тут же сбросил половину.

Дальнейший торг занял часа три. За это время мы приговорили бочонок хозяйского (или уже моего?) пива и слопали килограмма два сушеной рыбешки.

Рунгерд и Хавчик работали «в четыре руки».

Хавчик упирал на факты: лошади старые, ограда покосилась...

Рунгерд давила на психологию и гормоны: мол, такому крутому мужику, как лысый сын Кьервальвсона (этакое отчество мне без тренировки и не выговорить), надо не недвижимостью зарабатывать, а в вики ходить. Вот сходит он следующим летом с Рагнар — и будет у него много рабов и еще больше серебра. А уж тогда... И улыбалась ласково, с намеком.

По ходу выяснилось, почему Вальтев Кьервальвссон продает наследственное имение. Лысый крепыш действительно собрался в вик. Пошел слух (правдивый), что Рагнар в следующем сезоне планирует эпохальный разбой. И по сему поводу зовет с собой всех желающих. А вот это уже было вранье. Всякая шелупонь Рагнару ни к чему. Но Вальтев готовился по-взрослому. Заказал кнорр (часть древесины для его постройки как раз и сушилась в корабельном сарае), сговорился с будущей командой — и был уверен, что и года не пройдет, как он будет кушать исключительно на серебре.

Блажен кто верует...

Процесс торговли закончился, когда на небе показались звезды.

Первоначальная сумма сделки была уменьшена в восемь раз. Вместе с долей посредника (Рунгерд) это составило примерно половину моих финансов. Я внес задаток.

Формальную сторону сделки было решено осуществить через три дня, в поместье Рунгерд. Вальтев, впрочем, выговорил себе право пользования недвижимостью еще на три недели. Для переезда.

Что он не увезет лишнего, можно было не сомневаться. Здесь с этим строго. У своих не крадут. Своих только грабят.

— Ты доволен? — интимно шепнула мне на ухо Рунгерд.

— А ты? — не менее игриво осведомился я. — Будешь приезжать ко мне в гости?

— Чаще, чем ты думаешь, — Рунгерд потрепала меня по щеке. — Зимы у нас длинные.

— Ночи тоже.

Ответом мне был весьма возбуждающий смех.

Матери Свартхёвди, как я сегодня узнал, было всего тридцать семь. Медвежонка она родила в шестнадцать.

Глава третья,

в которой герой вкушает все прелести жизни на датском хуторе

Мои друзья-варяги отнеслись к покупке по-разному.

Трувор спросил: почему здесь, на Сёлунде?

Что мне было сказать? Что главный побудительный мотив — близость Рунгерд и Гудрун? Так ведь не поймут. Варяги — народ прагматичный.

Вместо меня ответил Ольбард. Типа, правильно я всё сделал. Пока на острове рулит Рагнар, вклады в недвижимость здесь самые надежные. Налоги он берет небольшие, поскольку живет не с земли, а с грабительских походов. А наехать на Сёлунд рискнет только полный отморозок.

Тут мои друзья заспорили. «А когда Рагнар в поход уйдет, тогда что?» — возразил Трувор.

А ничего, ответил Ольбард. Местные бонды — парни боевые. Это вам не какие-нибудь венецианские смерды или вепские охотники. Тут у каждого второго — меч на поясе и боевой опыт в придачу. Может, в одиночку средний бонд и уступит среднему викингу, но стоит только послать по соседям ратную стрелу, [55] как сразу набегит столько народу, что мало не покажется. Так что правильное вложение сделал старина Волчок. И ликвидность у здешней земли хорошая. Продать, если что, не проблема.

Ольбард в местной экономике был спецом не хуже Хрёрека-ярла. Убедил.

Трувор хлопнул меня по плечу и сказал, что по поводу удачной покупки следует проставиться.

Я не возражал. Приятно, когда старшие товарищи подтвердили правильность сделки.

А вот молодежь в лице Рулафа искренне огорчилась:

— Значит, зверя с нами бить не пойдешь?

Выяснилось: варяжские парни не собирались всю зиму сидеть в столице Рагнара, а разработали совершенно конкретную программу охотничьих рейдов.

Коренные скандинавы их не понимали. Зачем куда-то тащиться, ночевать в снегу и пить вытопленную из снега воду, если можно бездельничать, трахать девок и наливаться пивом?

Впрочем, скандинавы мою покупку одобрили безоговорочно. Стюрмир немедленно пообещал навеститься в гости, и другие норманы поддержали идею бодрым рыком.

Я сразу предупредил, что с развлечениями на моей вилле пока — не очень. Пиво, заготовленное прежним хозяином, мы уже выпили, а из половозрелых особей женского пола наличествовали не слишком молодая жена моего арендатора да замурзанная свинарка-рабыня.

Меня заверили, что развлечения привезут с собой. И пиво, и девок. С меня только закуска и крыша.

Тогда не вопрос, ответил я. Милости просим. А пока прошу пожаловать в ближайшую харчевню. Я угощаю!

Мой главный и единственный арендатор Пэр был коренным датчанином. Его семья жила на этой земле дольше, чем ее прежний хозяин Вальтев, и сам Пэр был, что называется, типичным датским земледельцем, коему соха привычнее меча. У него, как сказано, имелась жена, два сына, один из которых, Льот, был достаточно взрослым, чтобы удостоиться прозвища Рукавичка.

Жена Пэра, тихая, пугливая (большая редкость среди скандинавок) женщина, на мой взгляд, была немного «того». Узнал я и причину. Как сообщил мне всезнающий Хавчик, женщина родилась не здесь. Ее родня погибла, когда девочке было лет семь, во время набега каких-то заезжих викингов. На Сёлунде у девочки были дальние родственники, и сердобольные люди привезли сиротку к ним. За Пэра ее выдали в тринадцать лет. Некоторые проблемы с психикой не мешали женщине впахивать как лошадь и очень неплохо готовить.

Вторая семья, доставшаяся мне в нагрузку к поместью, состояла из пары сравнительно молодых трэлей неизвестного происхождения и двух замурзанных детишек, мало отличавшихся от опекаемых ими поросят. Трэли ходили

за скотиной и с ней же жили. Негуманно, но правильно. Пустить их в дом было бы серьезным испытанием для моего избалованного носа.

Так что менять порядки, заведенные прежним хозяином, я не планировал. Разве что собственноручно обрабатывать землю я не собирался. Найму кого-нибудь, не проблема. А что я намерен был ввести в обиход, так это использование удобрений. К сожалению, тонкости этого дела были мне неизвестны. Единственное, что сидело в моей голове, это то, что свиное дерьмо просто так разбрасывать по полям нельзя. Надо, чтобы оно вылежалось. Посему я распорядился, чтобы это дерьмо скидывали в яму подальше от усадьбы, а продукты жизнедеятельности прочей скотины разбросали по полям.

Хавчика я назначил управляющим и предложил купить ему подругу. Мой раб отказался. Мол, привык к разнообразию, а для сексуально озабоченного кобеля семь верст — не крюк.

Тем более что одним из главных зимних развлечений были походы в гости, совместная охота, зимние игры и, разумеется, пьянка. Хавчику это было известно, а вот мне — нет. Всю прелесть зимнего безделья мне еще предстояло вкусить.

Осеннего я уже вкусил по самые гланды. Дождь, дороги раскисли, тоска уже не зеленая — серо-бурая. Даже рыбку не половить.

По первому же крепкому снегу я намеревался заложить сани и двинуть в ставку Рагнара. Там, думалось мне, будет повеселее.

Наконец снег выпал. И еще раз выпал, причем температура как-то сразу упала градусов на десять. А потом разбушевалась такая метель, что путешествовать дальше штабеля с дровами не хотелось категорически, и продыmlенная комната длинного дома казалась настоящим земным раем. Хавчик испросил у меня разрешения топить печку в хлеву: мол, скотина мерзнет, да и рабы денег стоят.

Совсем я в этом средневековом мире озверел. Даже и не подумал, каково моим трэлям в хлеву. Пусть топят хоть всю зиму, разрешил я.

На всю зиму им дров не хватит, возразил Хавчик.

Значит, запасем, парировал я.

Так что, когда метель улеглась, мы всем кагалом отправились на заготовку дров, и мой отъезд в «столицу», естественно, отложился на два дня.

Однако и эти мои планы были нарушены. Причем нарушены весьма приятно. Ко мне прибыли гости. Вернее, гостья. Прекрасная ведьма Рунгерд.

Глава четвертая,

которая начинается весьма приятно, а заканчивается стремительным бегством

— На лыжах? Ночью? Может, не стоит, госпожа? — Простоватое лицо Гнупа Три Пальца выразило искреннее удивление. Преданный слуга Рунгерд, настоящий скандинав, а следовательно, человек практичный, в принципе не мог понять, как можно без веской причины покинуть теплый дом, пиво и добрую закуску и отправиться шастать по ночному зимнему лесу.

Сказать-то сказал, но, увидев, что хозяйка уже надевает свою замечательную шубку из белого песцового меха, только крякнул и полез из-за стола.

— Без тебя, Гнуп! — остановила его Рунгерд.

— Кхе! — Теперь к удивлению прибавилось недовольство. — Как это — без меня? А если волки?

— Если волки, Три Пальца, то я с ними договорюсь, — уверенно ответила Рунгерд, опоясываясь коротким мечом и сдвигая его так, чтобы не мешал бегу. — Вдобавок я же не одна пойду.

— А с кем?

— Со мной, — сказал я, чуть раньше поймав приглашающий взгляд датчанки. — Не беспокойся, Гнуп.

Если нам встретятся волки, я буду только рад. Меха у них сейчас отменный.

— Это точно, — согласился Три Пальца и, счастливый, плюхнулся обратно на скамью. К пиву и свинине.

А я отправился надевать лыжи.

О здешних лыжах могу сказать следующее: в ходу были два типа. Широкие и короткие, чуть длиннее метра, — для охоты и передвижения по рыхлому снегу. И длинные, беговые. Эти размерами мало отличались от наших: шириной примерно сантиметров пятнадцать, а длиной — от ста шестидесяти до ста восьмидесяти — в зависимости от роста. О качестве и тех и других скажу только хорошее. К процессу их изготовления здешние мастера относились весьма тщательно. Как, впрочем, и к любому предмету, от которого может зависеть жизнь хозяина. Из «правильной» древесины, идеальной формы загнутые «носы», тщательно выверенные пропорции. «Подошва» подбита мехом, что очень удобно, потому что вперед, «по шерсти», такая лыжа скользит легко и бесшумно, а назад практически не отдает. Само собой, эти маленькие произведения искусства были «усилены» соответствующими рунами и просто узорами — для красоты. А крепление такое удобное и надежное, что даже я, знакомый с самыми разными вариантами оного, ничего не стал улучшать.

Да, лыжные палки в это время еще не придумали. Тоже понятно. Руки должны быть свободными. Вернее, заняты более полезными предметами. Например, оружием.

Ночь была необычайно светлая. Лунный свет отражался от снежной белизны, создавая ощущение сказки. Ни ветерка. Мир застыл в неподвижности и тишине, которую нарушал только скрип снега под лыжами.

Рунгерд легко бежала через поле, прокладывая лыжню. Я скользил за ней, не отставая и не обгоняя. Я чувствовал, что у Рунгерд есть какая-то цель, но сам лишь наслаждался великолепной сияющей ночью, слабеньким морозцем, пологим скольжением в пустынном диком мире.

Белая шубка Рунгерд почти сливалась с девственными сугробами, лишь кое-где испещренными нитками звериных следов. Вдали тоскливо взвыл волк. И умолк, не поддержанный собратьями. Мы пересекли поле и луг, миновали столб с вырезанной на нем недружелюбной рожей какого-то бога (Рунгерд на ходу бросила ему что-то съестное) и углубились в лес.

В лесу было почти так же светло. Ветви деревьев гнулись под тяжестью снега. Я знал, что дальше расположено небольшое болото, уже схваченное морозом, за болотом — изогнутое подковой озеро, а за озером — наследное владение-одадь моего соседа. От Пэра я слышал, что соседа зовут Хегин. Но лично знаком с этим Хегином не был. Ничего, познакомимся. Весь остров Сёлунд — одна просторная деревня.

Рунгерд скользила между деревьями, не сбавляя темпа. Ходить на лыжах ей было так же привычно, как младенцу — сосать молоко.

Снова завыл волк. Довольно далеко, но я на всякий случай сократил расстояние между мной и белой шубкой Рунгерд. Мало ли кто бродит по зимнему лесу.

Деревья вокруг измельчали и искривились: мы достигли болота. Рунгерд не останавливалась. Я — тоже.

А вот и озеро. Белая сверкающая гладь.

Рунгерд съехала вниз, заложив петлю, как заправский горнолыжник.

Я не отказал себе в удовольствии: разогнавшись, прыгнул с крутого берега, как с маленького трамплина. Приземлился правильно... Но пробил наст, по колено погрузился в сугроб и упал. Хорошо хоть лыжи не сломал.

Смех Рунгерд сообщил мне, что мой конфуз не остался незамеченным.

Когда она оказалась рядом, я уже стоял на ногах и стряхивал налипший снег.

— Куда мы идем?

— Увидишь! — Загадочная улыбка, шикарный разворот — и вновь белая шубка летит над серебряным полем, оставляя четкий двухполосный след.

Да, она знала, куда меня ведет.

На противоположном берегу озера, среди нагромождения здоровенных камней, притулилось некое приземистое сооружение. Если бы не Рунгерд, я принял бы это строение за большой сугроб.

Угадав примерное расположение входа, я прорыл в сугробе метровую нору, откинул дверь из толстой замороженной шкуры и посторонился, пропуская вперед Рунгерд.

Надо полагать, мы покусились на чужую собственность. Но если это не смутило Рунгерд, то мне и вовсе пофиг.

Под сугробом оказался лодочный сарай. С просторной шестивесельной посудиною, законсервированной до весны.

В сарае было сухо. Вкусно пахло деревом, смолой и сеном, коего внутри хранился изрядный запас. Неплохое гнездышко.

Избавившись от лыж, Рунгерд извлекла кресало, ловко вышибла искру на пучок мха и зажгла найденную здесь же лампу. То есть лампа — это громко сказано. Плошка с жиром, в который воткнули фитилек.

То, насколько уверенно моя спутница ориентировалась в помещении, наводило на определенные мысли. Но я их изгнал. В моем прошлом тоже было немало событий.

Еще минута — и в куче сена образовалась уютная норка. Рунгерд сбросила пояс, нырнула в сено, распахнула шубку.

— Долго ты там будешь возиться?

Как в анекдоте. Чего еще хочет уважаемый чукча? Лыжи снять, однако...

И не только. Насыщенная разбойная жизнь научила меня осторожности. Наша лыжня выделялась на девственном снегу как откровенное приглашение призвать к порядку незваных гостей. Нет, я так не могу.

Прихватив удачно оказавшийся под рукой веник типа банного, я не поленился пройтись по собственной лыжне и отвести ее метров на пятьдесят в сторону — к нагромождению камней. Потом очень аккуратно вернулся обратно и замел полоски, ведущие к сараю. И сугроб у двери восстановил — благо она открывалась в обе стороны. И подпер дверь чуркой.

Вот теперь хорошо. Я избавился от лыж, аккуратно снял пояс, положил рядом, чтоб был под рукой, если что.

— А я и забыла, что ты — человек Одина, — полунасмешливо-полууважительно сообщила Рунгерд.

— Береженого Бог бережет.

Сказал бы мне кто-нибудь год назад, что я, оказавшись наедине с такой роскошной женщиной, буду думать не о... сами понимаете о чем, а о том, чтобы мне в самый интересный момент не перерезали горло.

И вновь перед моими глазами возник вольготно раскинувшийся на ложе убийца Сторкад. Думал ли он, укладываясь в койку с подружкой, что проснется от прикосновения железа к кадыку? И умрет от подлого (что уж душой кривить) удара шилом в ухо?

Нет, ну неужели это видение будет преследовать меня до конца жизни? Кому было бы лучше, если бы я ему нож в брюхо воткнул?

Ладно, нечего жаловаться. Зато покойник меня кое-чему научил.

— Эй, хускарл, может, я тебе не нравлюсь? — В низком хриловатом голосе — легкое раздражение.

— Я еще не решил, — ответил я. — Сначала надо поглядеть, что там внутри.

И полез в глубины шерсти и меха, внутри которых пряталось кое-что теплое, нежное и упругое. Ага! Очень даже необычные ощущения возникают, когда всё самое интересное спряталось, как устрица в раковине.

Впрочем, никаких особых сложностей не возникло. Местная одежда неплохо приспособлена для подобных игр.

Вот так хорошо!

Пока мои усы и борода (мокрые, ну да ладно!) и, само собой — язык ласкали и дегустировали восхитительные, что на вид, что на ощупь, трепетные перси, рука уже добралась до сердцевины раковины — и время вопросов и ответов прошло.

Первый, самый нестерпимый голод мы утоляли почти впопыхах, кое-как растегнувшись и прижавшись друг к другу так тесно, что почти невозможно было шевелиться. Да и второй раунд тоже вышел — наспех. Мы оба слишком изголодались (я-то уж точно!), чтобы тратить время на раздевание и благоустройство нашего любовного ложа. Я попросту перевернул мою красавицу на животик. Сначала она немного напряглась, но потом. О да, так ей понравилось намного больше! И намного громче. Но в этот момент мне было без разницы, есть ли кто живой в окрестностях нашего сарайчика. Услышат — так услышат.

Теперь я не сомневался, что Рунгерд — именно из тех женщин, что хороши до безобразия. А также во время оно. И надо полагать, после этого самого безобразия так же хороши. Но до «после» нам было еще далеко.

Теперь мы устроились с комфортом. Постелили на сено мой тулуп, скинули часть одежды (нижнюю), накрылись белой шубкой и принялись наслаждаться всерьез.

Если в этом мире существуют валькирии, то не думаю, что они сложены лучше, чем моя красавица ведьма. Я утверждаю это со всей ответственностью, потому что провел серьезнейшее исследование ее тела — и не нашел изъяна. Не скажу, что предпочитаю крупных женщин, скорее — наоборот. Но есть крупные женщины, а есть — безупречные. Когда ни рост, ни размеры не име-

ют значения. Рунгерд оказалась именно такой. Правда, не слишком искусной по понятиям начала третьего тысячелетия, зато после первого же успеха она отпустила вожжи и позволила мне делать с ее телом всё, что способно доставить максимум удовольствия.

И я так увлекся этим восхитительным действием, что забыл, кто я, где я и в каком времени нахожусь.

Позор мне! Шум снаружи Рунгерд услышала раньше меня! А я среагировал, лишь когда ее расслабленное ласками тело вдруг напряглось, и Рунгерд оттолкнула меня так резко, что я вмиг понял: это не любовная игра.

Одно движение — и я уже сжимаю в руке меч.

Ну да, сначала меч, а потом — штаны.

Нет, в сарай еще не ломались. Кто-то возился снаружи, под дверью. Этот кто-то пыхтел и сопел, как большой зверь. Однако при этом бормотал что-то, пусть невнятное, но членораздельное. Значит, все-таки человек.

Что ж, герр Ульф, ваш выход.

Я быстренько натянул штаны и сапоги, не удосужившись намотать портянки. В местном аналоге морга наматывают, если понадобится.

За моей спиной негромко шуршала Рунгерд. Тоже одевалась.

Весь процесс занял секунд двадцать максимум. В армейский норматив я бы точно уложился.

Тот, снаружи, подарил нам эти секунды.

Он по-прежнему пыхтел и возился, причем один разок так толкнул сарай, что строение вздрогнуло. Я подумал, что это все же зверь. Но тут загадочное существо совершенно отчетливо произнесло «гот кьёт», «хорошее мясо». Нет, это не зверь. Ну а раз не зверь.

Я шагнул вперед, пинком отбросил чурку, решительным движением распахнул дверь.

...И увидел йети! Здоровенную, похожую на гориллу тварь, волосатую, как южнорусская овчарка. Сей облик, заботливо подсвеченный луной, настолько шокировал мое сознание, что я так и застыл с разинутым для решительного заявления ртом.

Вряд ли волосатый среагировал на мой открытый рот. Скорее — на обнаженный меч.

Но среагировал четко. Быстрый, как полет стрелы, тычок в грудь — и я, утратив контакт с землей, с грохотом впился в нос лодки, перекувырнулся через борт, приложился спиной о скамью, чудом не напорвшись на собственный меч, вскочил. Чтобы увидеть две здоровенные лапищи — в непосредственной близости от моего горла.

Я, пожалуй, растерялся, но, тем не менее, рефлексы сработали. Секущий удар справа...

И меч вышибло из моей руки взмахом волосатой грабки.

Однако и сам йети притормозил на мгновение, чтобы обиженно взреветь и встряхнуть раненой, нет, скорее, просто ушибленной лапой.

Я схватился за нож (пришла тоскливая мысль — лучше бы это был медведь!), но достать его не успел.

Пронзительный свист рванул мои барабанные перепонки. Йети взревел, прижал лапы к голове (уши заткнул, надо полагать), подпрыгнул на месте,

развернувшись в воздухе на сто восемьдесят градусов (лодка тоже подпрыгнула, а я опять приложился спиной — на этот раз о борт) и был таков.

Я обернулся. Свистела Рунгерд. В четыре пальца. Надо же, что мы умеем. И как удачно используем.

Поблагодарить за спасение я не успел. Рунгерд перестала свистеть (но в ушах еще звенело) и рывкнула не хуже йети:

— На лыжи — и бегом!

— Он вернется? — поинтересовался я уже в процессе выполнения команды.

— Он — нет. Другие прибегут.

Я не стал уточнять, кто это — другие. Может, кореша волосатого. А может, злые дядьки с холодным железом. Однозначно надо сваливать.

Через минуту мы уже чесали через озеро. И лыжню на этот раз прокладывал я. Надо же как-то адреналин выплеснуть.

Остановились мы уже на моей территории.

— Кто это был? — поинтересовался я наконец.

— Троль, — последовал ответ. — Маленький йотун.

Если это маленький, то каковы тогда большие?

Но этого я уже не спросил. Не успел.

Рунгерд сгребла меня в охапку и поцеловала со всей мощью и темпераментом скандинавской ведьмы.

Потом отпустила, облизнулась сладко и пообещала:

— Я буду часто к тебе приезжать.

Тут уж я не утерпел и сграбастал мою королеву.

Целоваться на морозе вредно. Говорят. Мол, губы потрескаются. Врут. Проверено.

К моему немалому сожалению, на следующее утро моя сладкая вдовушка уехала.

Правда, пообещала вернуться не позднее чем через седмицу.

Но так вышло, что ее опередили.

Глава пятая,

в которой герой встречает незваных вооруженных гостей

Я поднял руку, и мои домочадцы моментально поднял руку, и мои домочадцы моментально заткнулись.

Даже без болтовни Хавчика и Пэра в доме было довольно шумно. Трещали дрова в очаге, завывал ветер, поскрипывала толстая шкура, закрывавшая вход.

Однако слух человека устроен так, что может вычленить из любого гама совсем тихие звуки. Если они намекают на опасность. Это умение, унаследованное нами от диких предков, само собой, нуждается в тренинге. Однако я такой тренинг уже прошел, и скрип, сопровождавший открывание ворот, уловил даже раньше, чем собаки. Собаки-то — больше на нюх, а если ветер неудачный...

Впрочем, не успела моя рука принять вертикальное положение, а псы уже зашлись истошным лаем.

И почти сразу умолкли. Мой слух уловил громкое чавканье. Кудлатых сторожей не убили — подкупили. Хотя псины вряд ли взяли бы мясо у кого-то совсем чужого...

— На человека брехали... — дрогнувшим голосом поведал нам старина Пэр. Мудрое замечание.

Его жена ахнула и уронила кувшин. В воздухе вкусно запахло простоквашей.

Ясно, что на человека. Зверь собачек угощать не станет. И друг — тоже.

Значит — враг?

Снаружи заскрипел снег. Трое. Или четверо. На лыжах. Ага, перед дверью остановились. Должно быть, снимают лыжи перед тем, как войти в дом. Из вежливости или потому что на лыжах неудобно драться?

Кожаный полог откинулся, пропуская в дом заряд мелкого снега и троих мужчин в добротной меховой одежде... И с копьями.

Старший сын Пэра, Льот Рукавичка, потянулся к топору, но я чуть заметно покачал головой.

— Ты — новый хозяин грэнда? — не очень вежливо поинтересовался кряжистый мужик с сосульками в бороде. Он распахнул доху, показав богатый пояс с мечом.

Его спутники рассредоточились. С копьями на изготовку.

Если их только трое и снаружи никого не осталось, я, пожалуй, управлюсь сам.

Двое «пристяжных» не выглядят заядлыми рубаками.

А вот кряжистый может быть опасен. Копье держит чуть на отлете — удобно для броска. Левая рука — под полой дохи, а там может быть всё что угодно, но скорее всего — швырковый нож. Копье — ладно. Его полет предсказуем. Поймаю или увернусь. А вот ножик в условиях ограниченности маневра может быть чертовски неприятен. Правда, между нами — два опорных столба и стол. Так что я пока в относительной безопасности. Чего нельзя сказать о моих домочадцах.

— Ты — новый хозяин грэнда?

— Я хозяин.

— Твое? — На стол упали мои портянки, опрометчиво оставленные в лодочном сарае.

Пара не слишком свежих тряпок вряд ли могла считаться серьезной уликой для суда.

Да только что мне можно предъявить? Сломанную дверь? Поломанную лодочную скамью?

— Мое, — не стал я отнекиваться.

Чего уж там! От сарая мы с Рунгерд перли сюда, можно сказать, напролом. А с той поры не выпало ни снежинки.

Как позже выяснилось, улики оставил не только я. Рунгерд в спешке тоже посеяла один из амулетов. Очень характерный. Впрочем, они здесь все — характерные. Ручная работа.

— Мое имя Хегин. Хегин, сын Бруни. Земля, на которой стоит этот (соседушка топнул ногой) дом, — моя!

Неожиданное заявление. Мне сразу захотелось сделать Хегину Бруновичу какое-нибудь непристойное предложение. Например, порадовать оральным сексом какого-нибудь козла. Но я сдержался. Здесь — правовое государство. Такие заявления требуют доказательной базы большей, чем три наставленных на меня копья.

Неужели старина Вальтев заложил свой надел соседу?

— Должно быть, ты заплутал в лесу, Хегин, сын Бруни. Я купил эту землю и всё, что на ней, у бонда Вальтева Кьервальвссона. И тому есть свидетели.

— Кто же?

— Свартхёвди Медвежонок и Рунгерд, дочь Ормульфа.

— Рунгерд — женщина! — задрал бороду, провозгласил Хегин. — Она не может быть свидетелем.

От такого заявления я, признаться, растерялся.

— Рунгерд — вдова, почтенный Хегин, сын Бруни, — пришел мне на помощь Хавчик. — Если женщина владеет землей, она может свидетельствовать при ее покупке или продаже.

— Это еще что за Глашатай Закона? — Хегин скроил грозную рожу, и Хавчик заметно струхнул. — Если раб открывает рот, вмешиваясь в разговор людей, ему следует вырвать язык! — вякнул один из «пристяжи».

Ну да, короткая стрижка, прикид из качественной, но — некрашеной шерсти. Рабский статус Хавчика очевиден для любого аборигена.

— Это мой трэль! — с нажимом произнес я. — И его язык — тоже мой. И язык этот сказал правду. Говори, что тебе надо, сын Бруни, — или убирайся!

Если эти парни пришли, чтобы меня убить, то сделают это по-любому. Попытаются, во всяком случае. А если это «пробивка», то тем более не стоит показывать слабость.

Незаметно для гостей я подал знак Хавчику: отойди подальше и не отсвечивай.

Что он и сделал. Его примеру тут же последовали остальные мои домочадцы.

Незванные гости им не препятствовали. Ну да, им нужен я. С остальными управиться будет нетрудно.

— Рунгерд скоро перестанет быть вдовой! — вторично удивил меня Хегин. — Поэтому у тебя только один свидетель. Этого недостаточно.

— Перестанет быть вдовой? — Я поднял бровь. — Ты что, оживишь ее мужа?

— Я сам стану ее мужем!

— Вот как?

Смелое заявление. Вот где собака-то зарыта! Теперь я понимаю, откуда моей подруге ведомо внутреннее устройство того лодочного сарая. Не иначе как старина Хегин вдовушку с ним и познакомил. А теперь ревнует, полагая себя законным женихом. Ух ты мой рогатенький.

— Да, так! И ты, чужак, больше не будешь с ней встречаться!

— А если — буду?

— Тогда я разрублю тебя пополам!

Еще более смелое заявление.

— Ты меня лучше забодай! — предложил я с усмешечкой.

Не понял. В этой стране другой набор атрибутов неверности.

— Значит, ты намереваешься жениться на Рунгерд? — кротко поинтересовался я.

— Для тебя, чужак, лучше считать, что это уже произошло!

Похоже, женишок решил, что я готов идти на попятный. Он даже вытащил руку из-под полы дохи.

Это радует. Если под полой всё же имеется швырковый нож, то дело могло закончиться неприятно. Уклоняться и маневрировать мне просто негде.

— Позволь, Хегин Брунисон, я расскажу тебе одну историю.

— Говори, — разрешил он.

И я рассказал ему анекдот. Один из моих любимых. Тот, где одна женщина говорит другой: «Удивляюсь, почему тебя не беспокоит, что твой муж бегаёт за другими женщинами». А та ей отвечает: «Знаешь, твоя собака тоже любит бегать за машинами, но это ведь не значит, что ее пустят за руль».

Разумеется, я внес в текст соответствующие поправки, так сказать адаптировал под местные понятия и заменил автомобиль на лошадь. Но суть сохранил.

Хегин выслушал внимательно. Опять не понял. Нахмурился, демонстрируя активную работу мозга.

В первые секунды я буду иметь дело только с Хегином, потому что остальным до меня не добраться — мешают стол и столбы. Сам Хегин выглядит и двигается неплохо, но в тесноте жилища ему будет не так-то просто драться — в дохе-то. А скинуть ее он точно не успеет, потому что я успею раньше.

Я пришел к нему на помощь:

— Бежал бы ты домой, Брунисон. На этой лошадке тебе проехаться не удастся.

Я всё рассчитал правильно.

Доброе норманское копьё немедленно пронеслось у моего уха (я пригнулся, заодно подхватывая меч) и с сочным хряском воткнулось в стену. Оно еще гудело, когда мой Вдоводел освободился от ножен.

Как я и предполагал, старина Хегин доху сбрасывать не стал. Побагровел, как вареный рак, и цапнул рукоять меча.

У него была целая секунда, чтобы его вытащить и даже начать замах. За эту секунду я резко сократил дистанцию и нанес гордому жениху прямой и точный удар в правое плечо.

Для Хегина это оказалось неожиданностью. Скандинавы предпочитают мечом рубить, а не колоть. Рубящий удар — намного мощнее. Но и у моего укола хватило силы, чтобы пробить кольчугу и надолго лишит Хегина возможности пользоваться правой рукой.

Хорошо, когда твой противник крупнее тебя. Из него получается отличный щит. Хегин еще не успел понять, почему его рука повисла, как я уже сунул левую руку под его доху... Так и есть: изнутри нашиты кармашки для метательных ножей. И ножи в них имеются.

Подцепив пальцами кольца, я выдернул сразу два, оттолкнулся от Хегина и метнул оба разом в ногу одного из копейщиков. Попал только один нож. Но попал хорошо: воткнулся прямо в берцовую кость. Раненый взвыл, повалился на стол и выпал из реальности. Это называется — болевой шок. А я тем временем оказался рядом со вторым копейщиком. Да уж, этот парень точно не викинг. Охотник — возможно. Выставил копьё, будто кабана принимал. Большая ошибка. Удар клинком наискось — и наконечник отлетел к стене. Парень тупо поглядел на палку, в которую превратилось его оружие, потом — на меня. Выпученными глазами. У вас бы они тоже выпучились, если ваш кадык железом пощекотать.

— На колени встань, — вежливо попросил я.

Парень бухнулся на коленки так быстро, что я его чуть по нечаянности не прирезал.

И тут глазенки у паренька расширились вообще до невозможности...

Спасибо тебе, дорогой! Кабы не ты — конец был бы славному хускарлу и бонду Ульфу Черноголовому. А заодно и Коле Переляку. То есть — мне.

А так я успел вовремя среагировать и податься влево.

Бенц! — Предназначенный мне удар меча достался коленопреклоненному пареньку. Аккурат по шлему. Шлем-то выдержал, только малость помялся, а вот моя прикрытая лишь черными кудрями голова наверняка оказалась бы безнадежно испорчена. Удачно получилось.

А кто это у нас такой шустрый? А-а-а, это же наш женишок!

Вид у Хегина Брунисовича — вполне боевой. Правая рука висит плетью, вся грудь — в кровище, однако в мускулистой шуйце — боевой меч, а в глазах — горячее желание пошалить.

Ну, дяденька! Это уже несерьезно. Убивать тебя я пока воздержусь, не то деньги платить придется, да и родня у тебя может быть... неприятная. А вот хулиганить не дам.

Эlegantный отбив — и клинок господина Хегина вонзается в бревно в дециметре от входного порога... Который как раз сдвинулся, чтобы пропустить немножко холода и еще одного незваного гостя: совсем молоденького парнишку с топором на изготовку.

В современном моему рождению городе Осло есть замечательный парк с разными человеческими скульптурами. Так вот: если бы тому скульптору понадобилось ваять «Изумление», лучшего натурщика, чем паренек с топором, ему нигде не найти.

— Скиди, беги!!! — отчаянно завопил Хегин Брунисович, раскидывая руки (вернее, одну левую, правая — не послушалась) и бросаясь мне наперерез — собственной тушкой прикрыть обалдевшего вьюноша от страшного убийцы.

Храбро, ничего не скажешь. Голой жо... Простите, голой бородицей — на стальное лезвие. Ну что ты, право, так разволновался, женишок! Если я тебя, такого брутального, не убил, так, наверное, и тинейджера этого помилую.

Бросок получился не очень удачный — правая рука у меня занята, потому подстраховать было нечем. Хегин упал как раз на больное плечо, вскрикнул, аки раненый конь, и отрубился. А тинейджер... Ай да тинейджер! Нетрусливых пареньков делают в датском королевстве! Лезть на человека, вооруженного полноценным клинком, с невеликой секиркой — весьма отважный поступок. Даже если забыть о том, что этот клинок только что вывел из строя трех больших дядек.

Лично я бы не полез. Метнул бы топорик в страшного врага, а сам выдернул бы из стены Хегинов меч.

Паренек недопетрил. Или боевого опыта не хватило. Но махал он топором недолго. Раза два только и успел. Потом я вошел в клинч, притиснул его к столбу (в кои веки я оказался крупнее и тяжелее противника!), легонько, не увеча, приложил бойкого тинейджера коленом в пах, отобрал топорик и отпустил. Вернее, передал обмякшее тельце в крепкие руки старины Пэра. Великая битва закончилась. Пора паковать трофеи.

Глава шестая,

в которой выясняются некоторые подробности из биографии

Хегина Брунисона

Заиндевевшие лошадки, почуяв дымок, а значит, приближение теплой конюшни и полных яслей, затопали веселее, а по этому признаку и я, не обладавший звериным нюхом, сразу сообразил: недалняя дорога близится к финишу.

Хотя мог бы и Льота спросить: он на местности ориентировался в любое время года: вырос здесь как-никак.

Точно, впереди показался солидный забор, а из открытых ворот нам навстречу мячиками выкатились две пушистые псины и завертелись вокруг, исходя тревожным лаем. Однако близко не совались: соображали, что древком копья по морде — это неприятно.

Я спрыгнул с саней и, обгоняя лошадок, по утопанному снежку вбежал во двор.

— Знала, что ты пожалуешь! — Рунгерд стояла на крылечке и улыбалась. В белой меховой шубке, с румянцем во всю щеку, она была просто неотразима. Я с трудом удержался от того, чтобы с ходу подхватить ее на руки.

Удержался. Не поймут. Средневековье.

Собачки тут же, без окрика, унялись и запрыгали вокруг нас уже вполне дружелюбно. Хорошие такие собачки, зубастенькие. Свартхёвди Медвежонок с ними на кабана ходил. Без проблем.

Из дома высыпали трэли. Засуетились вокруг лошадок.

Льот бросил вожжи, соскочил с саней, поклонился хозяйке. С достоинством. Свободный человек как-никак.

— Пожалуйте в дом! — гостеприимно предложила Рунгерд.

— Погоди, ясноглазая. У меня для тебя подарочек.

— О? — Все женщины, даже колдуньи, весьма любопытны. А уж если речь идет о подарке...

— Не знаю уж, понравится тебе иль нет... — проговорил я, подходя к саям. — Жениха тебе привез.

И не дожидаясь ответной реплики, скинул с саней медвежью шкуру.

На дне саней, качественно упакованные, рядком (если не сказать — кучкой), жмурясь от солнышка, возлежали трое агрессоров. Четвертого, раненного в ногу, я брать с собой не стал. Еще помрет по пути.

Удивил я свою подружку-волшебницу. Изрядно удивил. Но она умеет владеть собой.

— И кого из них ты прочишь мне в женихи?

— Я — никого. Но вот этот, — я легонько тронул древком копья скрежетнувшего зубами от злости Хегина, — козлик бородатенький назвался твоим будущим мужем.

Рунгерд наклонилась над Хегином Брунисовичем. Глаза ее сузились, губки изогнулись в иронической улыбке:

— Что-то я не припомню, чтобы принимала от тебя свадебные дары, Брунисон.

«Женишок» не ответил, только щурился и сопел в две дырочки. Неудивительно. Ротик-то я ему еще перед отъездом заткнул.

— Ишь ты как! — Я удивленно поцокал языком. — Соврал, значит, соседка. Вот уж не думал, что такой уважаемый человек — и соврет. Представь, госпожа, ворвался ко мне в дом, с людьми оружными, мечом меня рубить взялся.

И всё — от пылкой к тебе любви. Я, вообще-то, разбойников не милую, но, поскольку влюблен человек — пожалел, не убил. Уж я-то его понимаю! — Я одарил мою красавицу многозначительным взглядом. — Хотя, с другой стороны — умереть из-за любимой женщины... Это достойно висы.

А красавица выпятила губку и процедила презрительно:

— Не в меня он влюблен, Ульф Вогенсон,[56] а в мой одаль, — и трэлям: — Развяжите их, дайте им лыжи, и пусть убираются.

— Не так быстро, — возразил я. — Всё-таки их было четверо, прекрасная дочь Ормульфа. Третий у меня в усадьбе остался. Да и напали внезапно. Пришлось попортить им кожу. Не уверен, что все они смогут...

— Ха! Ну и зверя ты добыл, братишка!

Вот приятная неожиданность! Откинув дверной полог, во двор выбрался Свартхёвди Медвежонок.

— Никак сам Хегин Полбочки! А не нацедить ли нам из него ведерко-другое ворвани? — И заржал, как конь.

Уже развязанный Хегин глянул на него, как помоечный кот — на волкодава, и кое-как, с помощью мальчишки-тинейджера, уселся на край саней. Вид у «жениха» был небодрый. Крови потерял изрядно. Да и рану я ему нанес весьма болезненную. Третий нападавший, хоть и поднялся сам, но тоже выглядел неважно. Судя по косящим глазкам и тому, что он мне перед отъездом весь двор заблевал, — сотрясение мозга средней тяжести. Нехило ему начальник по башке приложил.

— Ведите их в дом, — распорядилась Рунгерд. — И дайте горячего молока. Позже я займусь ими, а пока хочу выслушать историю с самого начала.

— Правильно говоришь, матушка! — одобрил Свартхёвди. — Хэй, Скиди! — и подмигнул тинейджеру. — Им — молока, а нам — пива. Хорошая история под хорошее пиво звучит намного приятнее.

Право изложить события я уступил Льоту. Язык у него подвешен недурно. Кроме того, он, как коренной местный житель, уж точно не скажет ничего лишнего. Тут ведь — как в суде. Всё, что вы скажете, может быть использовано...

Угадал я лишь частично. Лишнего Льот наговорил много. Но — исключительно о моих подвигах.

Ей-богу, если бы я сам там не присутствовал, ни за что не поверил бы, что это — обо мне. По сути — всё верно, по фактам — тоже. А вот по сравнениям и эпитетам.

Я не возражал. В доме присутствовали две женщины, к мнению коих о себе я весьма неравнодушен. А им описание моих геройств, похоже, понравилось.

— Так ли всё было? — строго спросила Рунгерд, когда Льот умолк.

Хегину очень хотелось объявить сказанное враньем и послать нас всех по-дальше. Но сила была не на его стороне, а Рунгерд... Она ведь колдунья. Следовательно, по глубокому и небезосновательному мнению народа, ложь чует.

Так что сын Бруни с забавным прозвищем Полбочки лишь нехотя кивнул.

— Ты везунчик, Полбочки! — заявил Свартхёвди, человек простой и потому частенько обидный в речах — как пинок под зад. — Но ты — дурак! Какой же Ульф чужак, если он из нашего хирда!

— Хирда Хрёрека Сокола? — Судя по роже Хегина, он этого не знал.

Вот и мне урок: обозвался бы кто я есть и с кем хожу под одним парусом, глядишь, и без драки бы обошлось.

— И ты, я думаю, не просто дурак, Полбочки! — добивал униженного бонда Медвежонок. — Ты глупее цапли, если думал, что сможешь управиться с воином. Лучше бы ты овечек стриг да поросят холостил. В этих битвах тебе нет равных.

— Я ходил в вик с Сигурдом Кольцо, — обиженно проворчал Хегин. — Ты не слыхал об этом, потому что был мальчишкой.

Лучше бы он помалкивал.

Лицо моего друга расплылось в очень специфической ухмылочке. С такой вот ухмылочкой мои дружки-викинги отмачивают свои самые обидные шутки.

— Почему же не слыхал? — Медвежонок мало что не облизнулся от удовольствия и предвкушения. — Отец мне рассказывал. Как же, как же, Полбочки! Ведь именно в этом вике ты заработал свое могучее прозвание. — Свартхёвди повернулся ко мне и на манер скальда, протяжно, отбивая на столешнице ритм, заговорил торжественно:

— Не угодно ли славному Ульф, сыну Вогена, выслушать сагу о великой битве, что случилась меж храбрым мужем Хегином, сыном Бруни, и грозным воином из Халогаланда, чье имя неведомо?

— Угодно, угодно! Давай рассказывай!

— Так внимай же, сын Вогена! И вы все внимайте! Вот сага о великой битве за несметное сокровище, что вынесли на брег белогривые кони Ньёрда...

Мне показалось, что Хегин сейчас набросится на Медвежонок. Или лопнет от злости.

Свартхёвди надоело прикалываться, и он продолжил обычным голосом:

— Проще говоря, сцепился Брунисон с каким-то халогаландцем из-за бочки, которую прибило к берегу. Дескать, он ее первым увидел. А халогаландец кричал, что — он. Спорили они, спорили, а когда охрипли, то пришли они с этой глупой бочкой к Сигурду Кольцо. Судиться. Представь только, Ульф: конунг, за которым идут две дюжины кораблей, и два горластых бонда, возомнивших себя хирдманами. И бочка с неведомыми сокровищами — посередине.

Как ты думаешь, Ульф, что сделал Сигурд? Нет, он не отрубил дурням головы. Он попросил, чтобы ему принесли топор лесоруба. А когда его просьба была выполнена, развалил топором эту бочку пополам и сказал: «Забирайте ваши доли».

А в бочке, брат мой Ульф, оказалась ворвань. Причем довольно вонючая, потому что одному только Эгиру известно, сколько эта бочка плавала по морю, пока ее не выловили Хегин с халогаландцем.

Вот на этом вик нашего Хегина и закончился, потому что Сигурд велел ему отправляться домой. Но всё же не зря наш сосед вертел весло драккара аж до самого Еллинга. Заработал себе прозвище. Да еще какое!

Хегин Полбочки выглядел так, будто ему эти полбочки протухшего китового жира только что на голову вылили. Мне вспомнилось, каким гордым он выглядел, когда вломился ко мне домой. Просто хозяином жизни. В том числе и моей...

Почему-то мне стало его жалко. Не люблю, когда людей унижают. Даже если это и справедливо...

— Что ж, — сказал я. — В жизни случается всякое. Однако я вижу, что мужества у Хегина, сына Бруни, тоже в избытке. Другой бы уже без сил свалился с такой раной, а он — держится.

Неудавшийся женишок зыркнул на меня мрачно: видно, решил, что я издеваюсь. А вот парнишка-тинейджер, Скиди, наоборот, взглянул с благодарностью. Сынок Хегинов, не иначе.

Оказалось, нет, не сынок. Оба Хегинова сына сгинули в дальнем вике. Скиди — племянник. Сын родной сестры.

Это мне поведал Свартхёвди, когда его матушка наконец занялась Хегиновой раной. Обработывала гуманно: прижигать не стала. Промыла горячей водой, потом — разными отварами, зашила обычной иголкой, наложила сверху мазь, похожую на деготь, но воняющую плесенью, пропела тихонько хитрый лечебный заговор (слов я не расслышал) и забинтовала туго лентой из Хегиновой рубахи. Из нее же соорудила «подвеску» для руки.

Раненый перенес процедуру стойко: не пикнул, не поморщился. Разок, правда, потерял сознание и начал валиться на бок, но был удержан от падения племянником. Через минуту, однако, пришел в себя и гордо выпрямился. Да уж! У меня в голове вертелась строчка какого-то поэта:[57] «Гвозди бы делать из этих людей...»

Мне было хорошо. Наелся, напился прекрасного пива, тепло, спокойно. Душновато, конечно, зато — приятная компания. Справа расположился Свартхёвди и загружал в меня инфу о Хегине и его родичах. Согласно версии Медвежонка, род этот был не особенно славен. И удачей не избалован. Большая часть его мужчин умирала насильственной смертью. Эта участь постигла старшего брата Хегина и его сыновей. Сам Хегин ее избежал только потому, что после истории с бочкой вынужден был уйти от Сигурда и заняться своим исконным делом — земледелием. Но ему и тут не везло. Здоровенный кусок земли, который должен был перейти к нему после смерти старшего брата, по каким-то мало понятным мне правилам, достался его бездетной вдове, а после ее смерти перешел не к Хегину, а к брату вдовы: Вальтеву Кьервальвсону. Хегин пробовал судиться, но Вальтев представил втрое больше свидетелей — и тинг проголосовал за него. Что иначе как невезением объяснить невозможно.

По словам Медвежонка выходило так, что роду Полбочки суждено на нем и закончиться, потому что боги к этому роду не расположены. И мой случай — тому очередной пример. Единственная надежда — тинейджер Скиди. Этот парень весьма перспективен: прошлой весной выиграл соревнования в бою на подушках среди юниоров, а это — дело нелегкое. Тут я со Свартхёвди был согласен. Я видел эти «подушки». Тяжеленькие колбаски, набитые шерстью так туго, что ими можно сваи вколачивать. Вдобавок соревнования происходили на деревянном «бревне» типа гимнастического, а дубасили соревнователи друг друга так, что только крепкая скандинавская конституция спасала бойцов от смертельного исхода. Переломы и вывихи, впрочем, случались частенько.

Что же до Скиди, то папа его был не каким-нибудь дренгом, а целым хёвдингом. И убил этого папу не кто-нибудь, а самый настоящий Рагнарсон: Сигурд Змей в Глазу (или Змеинный Глаз, уж не знаю, как правильно толковать), причем не в поединке, а во время игры в мяч. Я уже упоминал, что игры у них

тут суровые.

Хотя подобное убийство не считалось уголовным преступлением и не облагалось вергельдом, Сигурд денежку заплатил. И немаленькую. Денежку эту присвоил дядюшка Хегин и с ее помощью сразу вышел в богатые землевладельцы. Хегина, впрочем, никто не осуждал. Наследников у него, кроме Скиди, не было, так что и богатство его рано или поздно перейдет к племяннику.

Если тот, конечно, не помрет раньше дядюшки, что в этом мире — вполне возможный вариант.

Я слушал обстоятельный рассказ Медвежонок — и млел. Не от рассказа, естественно, а потому что слева от меня сидела божественная Гудрун и ласковыми пальчиками перебирала мои волосы. Вшей искала. Вшей у меня нет, но всё равно очень приятно.

А напротив меня расположилась несравненная Рунгерд. На губах ее играла загадочная улыбка, в то время как ее ножка в изящной домашней туфельке из тонкой кожи покоилась у меня на коленях... Ну не совсем на коленях, и не совсем покоилась...

Не знаю, как я буду разруливать этот треугольник... Ну, разрулю как-нибудь... Пока я просто наслаждался.

— А не хочешь ли ты, друг мой Ульф, проверить, каков наш маленький Скиди — на мечях? — вдруг предложил мне Свартхёвди.

Я не хотел. Единственное мое желание — чтобы меня не трогали. Вернее, трогали, но уж никак не мечом.

— Не хочу.

— А может, посмотришь, как я поучу его немного?

Черт! Отказать Медвежонок было нельзя. Мы покушали, выпили. Теперь самое время проявить молодецкую удасть. Тем более что обе красавицы ментально прекратили меня нежить и наострили ушки. Еще бы! Шоу!

Я, кряхтя, выбрался из-за стола. На моих плечах тяжким грузом лежали вечерняя драка, бессонная ночь, дневной переход и сытный обед.

Глава седьмая,

в которой герою представляется возможность показать свою крутизну

Вся наша застольная братия-сестрия дружно высыпала во двор. Вся — это Медвежонок, Гудрун, Рунгерд, четверо людей Рунгерд, из которых я знал только Гнупа Три Пальца, их жёны, Льот Рукавичка, Хегин, его ушибленный на голову боец, племянник Скиди, непонятный дедушка, две девки-прислужницы... Словом, зрителей с самого начала набралось немало, а уж во дворе их количество утроилось, потому что на грядущее зрелище набежали прочие работники усадьбы, свободные и трэли. Вся эта толпа быстренько распределилась по ранжиру и приготовилась глазеть.

Свартхёвди принес с собой пару тупых тренировочных мечей и два таких же учебных, то есть грубых и довольно тяжелых щита.

Они с пареньком встали друг напротив друга.

Давид против Голиафа. Поправка. У библейского Давида было дистанционное оружие — праща. А у этого — современный аналог той палицы, которой орудовал библейский Голиаф. Будь такое вооружение у будущего иудейского царя — и не было бы ни царя, ни будущего.

Медвежонок — он и есть Медвежонок. Высокий, широкий, мощный, длин-

норукий. Волосы и борода заплетены в косицы, челюсти — как капкан, глазки маленькие, рожа красная... Словом, настоящий викинг. Воплощенный кошмар мирного французского (английского, славянского, немецкого — нужное подчеркнуть) землепашца.

Скиди же еще не викинг. Заготовка оного. Росту примерно моего, а в плечах, пожалуй, даже пошире. Но мясу на этих плечах еще расти и расти. Против Свартхёвди он — щенок. Хотя и породистый. И стоит хорошо, правильно. Плохо, что напряжен. Но это как раз понятно.

Мой дружок приглашающе постучал клинком по щиту: мол, давай, салабон, покажи доблесть. И малехо приоткрылся: опустил щит, а меч нахально положил на плечо. И это на дистанции прямого выпада. Ух я бы его поучил за такое пренебрежение к противнику!

Оп! Нет, ну очень хороший выпад! Еще чуть-чуть — и паренек достал бы старину Медвежонка. Чуть, конечно, не считается, Свартхёвди отпрыгнул весьма резво, поймал щитом следующий удар. Махнул сам — сразу видно: только чтоб пугнуть.

А Скиди — не пугнулся. Нет, он определенно молодец. Дистанцию чувствует, со щитом управляется не то чтобы очень умело, но, во всяком случае, щит ему не мешает. Бьет по открытому...

Свартхёвди тоже умница. Паренька не давит, наоборот, отступает, кружится, показывает-открывает то ногу, то бок, вовлекая Скиди в процесс непрерывной атаки.

Сапоги поединщиков проворно уминали снег. Зрители азартно вопили. Большинству, вероятно, казалось, что Скиди побеждает. Только те, кто опычнее, видели, что Свартхёвди полностью контролирует, ведет бой, управляя каждым движением противника. Высший пилотаж. Интересно, сам паренек это понимает?

Похоже, что нет. Физиономия азартнейшая. Еще бы! Парнишке кажется, что он вот-вот достанет противника. Еще чуть-чуть быстрее, сильнее, резче...

Он непрерывно наращивал темп... Вернее, это Медвежонок вынуждал его ускоряться: дразнил, провоцировал, показывал фальшивую слабость... А сам при этом так экономно расходовал силы, что даже не запыхался.

Всё, сейчас мальчишка сдохнет. Пот градом, движения потеряли точность... Но не сдаётся. Силы иссякли, а он всё равно атакует, бьет... На голой воле. Вот из таких вырастают чемпионы. И викинги. У последних, впрочем, отбор жестче. Тут не бывает ни золотых, ни серебряных медалей. Каждый поединок — финальный, а награда — жизнь. Ну и добыча, если повезет.

Медвежонок закончил бой так же красиво, как и вел. В самый последний миг, когда я уже подумал: сейчас паренек свалится, как Свартхёвди очень ловко подставил бок под удар, слабенький, медленный (Зато все видели: Скиди достал!), и тут же подхватил парнишку, обнял, уже почти ничего не соображающего, довел-донес до бревнышка у стены, усадил аккуратно...

И подмигнул мне: мол, видал, как я хорош! А как он хорош! Какой боец будет!

— Ульф! — Еще более прекрасная, чем обычно, Гудрун, с покрасневшимся на морозе личиком, пихнула меня кулачком в бок. — А покажи ты нам свое искусство! — И чтобы не оставалось сомнений, какое именно искусство она имеет в виду:[58] — Покажи нам, как ты один четверых одолел!

Что мне ответить? Сказать, что я устал? Герои, блин, не устают. Придумать другую причину? Так ведь не поймут. Дикари-с. Азия-с... Тьфу, Северная Европа! В Азии-то как раз нынче — культура. Византия, Кордова, Испанский халифат... Или эмират... не помню уже. Но — информация к размышлению. Я точно знал: плавали туда викинги. И бесчинствовали. Впрочем, сейчас не до исламской Испании. Сейчас требуется прямо здесь доблесть показывать.

Я оглянулся на Рунгерд. Величественная вдова благосклонно качнула прекрасной головкой. Мол, давай, друг любезный. Покажи класс.

Ну хрен с вами, золотые рыбки!

— Медвежонок! — крикнул я. — Подыщи мне шесть локтей пяти и толщиной в три пальца. Да чтоб гибкий был!

Инструмент нашелся. Отлично высушенная ошкуренная жердина. Достаточно упругая и не слишком тяжелая. Теперь попробуем сделать из нее макет китайского учебного копья. Нужна красная тряпка...

Тряпка нашлась. Я обмотал ею конец шеста (пояснив, что это — для безопасности моих противников), оставив хвост нужной длины.

Ну теперь повоюем. Есть желающие?

Как только я сообщил, что я буду драться этой обмотанной палкой, а мои противники — боевым оружием, в добровольцы записались практически все свободные взрослые мужики поместья. Числом восемь голов.

Свартхёвди очень хотелось поучаствовать, но он сдержался. Это хорошо. Равных мне по классу не будет. Надеюсь.

Участники минут десять разбирались с оружием, потом еще минут десять препирались из-за очередности.

Я подмигнул Гудрун и заявил, что мне лень плющить их поодиночке. Пусть нападают все сразу, только места бы нам побольше.

Восторженная Гудрун захлопала в ладоши, а ее очаровательная матушка, напротив, забеспокоилась. Но я поймал ее взгляд и тоже подмигнул: мол, все под контролем.

Биться договорились так: кто упал — тот выбывает. Кто потерял оружие — выбывает. Никто не возражал. У моих противников — полноценное боевое железо, а у меня, считай, простая палка с обмотанным концом.

Зрители разошлись. А мы сошлись.

Безусловно, мои противники не были новичками в обращении с оружием и умели работать как с копьем, так и против оного. Однако мой шест был значительно длиннее всех традиционных видов норманского копья, так что их навыки сразу сыграли против них — дистанция-то другая.

Троих я кинул на снег буквально за пару секунд. Промельк красной тряпки перед носом (щит, рефлекторно, вверх), а потом — мощный подсекающий удар по ногам.

Двоих набежавших сзади, я встретил тоже достойно. Одного — тычком в переносицу (Ну совсем лох — кто же так по-крестьянски топором замахивается? Я же — не полено сосновое!), другого, после парирования шестом плоскости меча, — в прыжке (заодно дистанцию набрал) ногой во вскинутый щит. И сразу, с длинного маха — по уху. Оба — на снегу, а я — уже в развороте, чтобы встретить набегающую тройку.

Лидировал в ней, безусловно, Гнуп, вооружившийся, кстати, не мечом, а копьем. Ну и щитом, разумеется. Тряпкой я его не обманул, от подсечки он ушел

прыжком вверх, и она досталась другому, который кубарем покатился под ноги третьему. Этот споткнулся, выронил щит и схлопотал тычок в солнечное сплетение... Не упал, но согнулся буквой «г» и выбыл минимум на полминуты.

Тем временем умница Гнуп сократил расстояние между нами до удобного для собственной атаки. И атаковал, почему-то решив, что оказался в «мертвой зоне» моего шеста.

Я его разубедил, перехватив шест двумя руками и отбив копейный удар (контролируемый, кстати, — Гнуп не собирался насаживать меня на шампур), и с маху ударив плечом в Гнупов щит... Черт! Проклятая разница в массе! Не Гнуп отлетел, а я. Оп! Уже мне пришлось подпрыгнуть, пропуская маховый удар понизу. Что ж, ты, уважаемый, тяжелее, но я — проворней. Стремительный набор дистанции — и мой шест вновь встретился с древком Гнупова копья. Причем уже на удобном для меня расстоянии. Я тут же «заплел» копьё противника и привычным рывком (левая — опора, правая — рычаг) вырвал оружие убийства из мощной пятерни Гнупа Три Пальца.

Тот опустил щит, признавая поражение, а я, на радостях, станцевал танец с шестом перед кое-как разогнувшимся последним противником. От мелькания красного хвоста и свиста рассекаемого воздуха прямо у собственного носа бедолага натурально ошалел и замер столбиком, что позволило мне весьма эффективно выбить у него сначала щит, потом — топорик, который взлетел в правильном направлении и оказался в моей левой руке.

Всё, шоу закончено!

То есть это я так думал, слушая восторженный рев и визг зрителей.

Но я кое-о-чем забыл. А именно — о тщеславии моего друга Свартхёвди.

— А ну я! — воскликнул Медвежонок, подхватил копьё Гнупа и бросился в атаку.

Я отреагировал слишком поздно и подпустил Свартхёвди на расстояние копейного удара. Сухой треск сшибающегося дерева был подобен автоматной очереди — так быстры были удары и отбивы. На расстоянии двух шагов мое оружие теряло преимущество длины, однако Медвежонок остерегался работать железком (на мне была только шерстяная куртка), и это несколько уравнивало шансы. Зато я не сомневался, кто устанет быстрее. Соревноваться в выносливости с потомственным викингем — всё равно что пытаться загрызть кабана.

Свартхёвди наращивал темп. Я отбивался как мог. Несколько раз он весьма прилично достал меня по ребрам. А я его — по ногам. Мелькающий красный «флажок» с толку его не сбивал — не тот уровень. На моем шесте уже имелись порядочные зазубрины от контакта с копейным наконечником. Отбивать железом Свартхёвди не опасался... И я этим воспользовался. Выбрал момент — и нанес удар, что называется, со всей дури, да еще с перебросом из-за спины, сверху, открывшись (на мое счастье — Медвежонок не поверил: решил, что обманка) так, чтобы Свартхёвди вынужден был отбить именно железком и как раз по старой зарубке... Хрясь!

Моей левой руке стало очень больно. Шест переломился пополам в ладони от места хвата. Зато я получил возможность ударить другим концом аккуратно по тому же месту. А именно — по Медвежонкову правому локтю. Хорошее место — рука Свартхёвди враз онемела. Правда, копьё он не отпустил (он и мерт-

вый не разжал бы пальцев — генетический, надо полагать, рефлекс), но это лишь помешало ему действовать левой рукой, когда я, на обводе, прямо-таки классическим викингским приемом бросил свой укороченный шест по нисходящей дуге аккуратно под Медвежонково колено. Будь это меч — остался бы мой друг без ноги, если бы не успел убрать конечность. Но сейчас его ноге угрожала всего лишь какая-то палка. Свартхёвди просто перенес на нее тяжесть своего пятипудового организма... И «какая-то палка» воткнулась в его ногу пониже коленного сгиба. Аккурат в то самое место, где располагается нужная точка...

Ногу Свартхёвди скрутило от жуткой боли, она подогнулась, и мне осталось только чуток подтолкнуть...

Но я этого не сделал. Свартхёвди — мой друг и хускарл Хрёрека-ярла. Него же ему валяться на снегу, словно какому-нибудь бонду-землепашцу. Поэтому, сократив дистанцию, я обнял его, крепко ухватив за пояс, и помог устоять и оклематься.

На этом наше соревнование закончилось, и мы, Медвежонок — прихрамывая, а я — потирая бок, двинулись возмещать потерю жидкости замечательным пивом Гудрун.

Всё-таки хорошая вещь — точечная техника. Жаль только, что эффективность ее в настоящем бою ничтожна. Секире совершенно безразлично, в каком месте отрубить жизненно важный орган, а копьё, доставшее до печени, отправляет в Валхаллу вне зависимости от того, под каким углом и в какой точке оно вошло в тушку.

Однако не думайте, что эти восточные наработки бесполезны в средневековой Европе. Очень даже полезны. Например, в постели, если знаешь, как и куда нажать, можно очень даже...

Хрена лысого! Не было у меня никакой постели! Зря разлакомился. Госпожа Рунгерд недвусмысленно дала мне понять: у нее дома — никакого секса! Ежели невтерпеж — можно девку прислать.

От девки я гордо отказался. И в награду мне сделали лечебный массаж с применением травяных мазей. Тоже весьма приятно. И полезно: к утру от болезненных ушибов остались только синяки и воспоминания. Вот оно, колдовство! Интересно, а юная Гудрун владеет прабабушкиной магией?

Глава восьмая,

в которой выясняется, что магия, страсть и секс неплохо работают в одной упряжке

Юной Гудрун финская магия была без надобности. У нее была своя собственная, которая называлась: таким глазкам отказать невозможно.

— Подари мне что-нибудь, Ульф-хускарл, — сияющие глаза Гудрун на мгновение оказались в сантиметрах от моих. Я кожей ощутил ее близость... Ей-Богу, мне потребовалось всё мое самообладание, чтобы удержат в неподвижности руки. Это был зов, которому было почти невозможно противиться. Я вцепился в столешницу с такой силой, что вполне возможно, на дереве остались вмятины.

Ну да, мы опять сидели за столом и жрали. Что поделаешь. Вскорости мы с Медвежонком намеревались отправиться в Роскилле, а перед дальней дорогой полагалось сытно покушать. Но от близости синеглазой сестренки моего

друга у меня напрочь выветривались мысли о еде. А руки сами тянулись...

Нельзя! Нельзя хватать жадными лапами свободную девушку благородных кровей. Это закон. Она может обращаться с тобой как угодно. Шептать на ушко, трепать, гладить... Но инициатива — всегда за ней. Нахальная девчонка может сколько угодно провоцировать мужчину... Но если тот поддастся на провокацию, тем хуже для него. Хорошо, если обойдется только вирой...

— Какую-нибудь мелочь, славный Ульф... Не то я подумаю, что совсем тебе не нравлюсь...

Искушающе приоткрытый рот так близко, что я чувствую губами теплое дыхание...

— ...Или я подумаю, что ты — просто жадина!

На мое счастье, в следующую секунду она выпрямилась и громко рассмеялась.

А еще чуть-чуть — и я бы начал срывать с себя золотые цацки.

Я мог бы вечно смотреть, как она двигается, как наливает пиво в чашу брата...

Надеюсь, буря у меня внутри не отразилась на моем лице. Я и так чувствовал себя дурачком, который тупо лыбится, плясь на девушку своей мечты, не способный и слова внятного выдать...

— На меня ты так никогда не смотришь, — Рунгерд игриво толкнула меня плечом.

— Как? — всё еще пребывая в состоянии очарованного дебила, вякнул я.

— Как медведь — на мед.

Ее рука под столом игриво стиснула мою ногу.

И я очнулся.

— Это — чары, да? Признайся: ты меня заколдовала?

Рунгерд улыбнулась и покачала головой.

— Значит, это она меня заколдовала. — Я следил за Гудрун, наливающей пиво Тори, сыну Скейва Рысье Ухо.

Тори с папашей (соседи, блин) заявили на фазенду Рунгерд прямо с утра. Огорчились, обнаружив здесь меня и Хегина Полбочки с соратниками.

Правда, узнав, что мы со стариной Полбочки — не в корешках, а совсем наоборот, Скейв оживился и воспылал ко мне симпатией. Оказывается, они с Хегином Брунисовичем — в вялотекущей ссоре еще с дедовских времен. Такие вот латиноамериканские страсти.

Увы! Ответить взаимностью рысьеухому Скейву я не мог. Главным образом, из-за его сынка, белобрысого щекастого дебила с белесой немочью, пробивающейся на прыщавом подбородке.

Мясистый недоросль недвусмысленно выражал свою симпатию к Гудрун. А та охотно поддерживала игру. Нет, я не ревновал к мордастому Тори. Будто Гудрун заигрывала не с мужчиной, а как... с собакой, что ли. Без всяких на то оснований я чувствовал эту девушку настолько своей, что ревности не из чего было расти. Меня просто раздражало, что какое-то чмо трется около нее. И полагает, что так и должно быть.

Я не слышал, о чем они говорят, но не сомневался, что Гудрун кокетничает. В отличие от меня, Тори за словом в карман не лез. Гудрун фыркнула и дернула сына Скейва за косицу. Тори радостно заржал.

Голос Рунгерд вернул меня к действительности:

— Чары? О да, чары! — В голосе прекрасной вдовы звучала явная насмешка. — Только это чары совсем другого толка, чем ты думаешь. Чтоб ты знал, Ульф, настоящая способность к волшебству передается через поколение. Возможно, дочь моей дочери станет хозяйкой рун, но не сама Гудрун, какое бы имя она ни носила. Ее чары не от мудрости Норн. Ей вполне подошло бы прозвище — Улыбка Фрейи. Но горе тому, кто назовет так мою дочь, — взгляд Рунгерд на мгновение стал ледяным.

— Почему? — спросил я.

— Потому что так когда-то звали меня. И это стоило жизни моему мужу.[59]

Я вопросительно взглянул на Рунгерд... И понял, что подробностей не будет.

— Что ж, сделаем отметочку в памяти: выяснить, каким образом отошел в лучший мир папа Свартхёвди. Как его... Сваре, поскольку Свартхёвди у нас Сваресон. Вот у самого Свартхёвди и выясним... Хотя нет, не стоит. Медвежонок — не тот человек, который стал бы таить от друзей историю своего папаша, если бы ею можно было похвастаться. А раз парень помалкивает, значит, поговорить об этом лучше не с ним, а с кем-нибудь еще. И поговорить обязательно. Как-никак дело касается моих будущих (хотелось бы надеяться) родственников...

Хорошо, — легко согласился я. — Забудем это роковое прозвище. Но если ты решишь отдать дочь за кого-нибудь, кроме меня, пеняй на себя!

— А что ты мне сделаешь? — кокетливо улыбнулась Рунгерд.

Я наклонился и, шепотом на ушко, поведал ей, что именно я с ней сделаю. Причем — публично. И тогда ей, как ни крути, придется выйти за меня замуж самой.

Рунгерд захихикала и ущипнула меня за ногу.

— Я подумаю, — игриво пообещала она. — Такого глупого и беспечного воина, как ты, скоро убьют. И я присоединю твой грэнд к моему одалю. Удобная бухта мне не помешает. Пусть новые женихи приплывают ко мне на больших драккарах.

— Ага, женихи! — проворчал я, ощущая вполне определенное беспокойство (Ведьма, блин! «Тебя скоро убьют». Базар фильтровать надо!). — А свирепого ярла из Вестфольда не хочешь? С полусотней голодных норегов с женилками наголо?

Как оказалось — накаркал я, а не Рунгерд. Но выяснилось это двумя месяцами позже.

— Пока Сёлундом правит Рагнар, женилки голодных норегов — не опаснее дождевых червей! — рассмеялась Рунгерд.

Ну да, с такой «крышей» можно не бояться морских разбойников. Однако нет такой «крыши», которая гарантировала бы от безбашенных отморожков. А до подхода «кавалерии» еще продержаться надо.

Эти мысли я начал излагать моей очаровательной подруге и посоветовал не раскатывать губу на мое поместье.

Но закончить не успел.

Засранец Тори Скейвсон ухватил мою (!) Гудрун и принялся нагло тискать.

Меня как пружиной подбросило...

Но вмешаться я не успел.

Борзой сынок Скейва Рысье Ухо взмемекнул козлом и так же, по-козлиному, проворно отпрыгнул от Гудрун, прижимая ладонь к бедру.

— В следующий раз я тебе полморковки отрежу! — ледяным голосом пообещала датская красавица.

Ух ты! Девушка моей мечты в гневе — еще прекраснее!

Свартхёвди оглушительно заржал и треснул лапой по столу так, что опрокинул чашу с пивом.

Шустрый паренек Тори покраснел почище вышеупомянутой морковки. И поковылял к ухмыляющемуся папаше, который поманил сынка пальцем. И, доковыляв, получил сочного лецца.

Я, ухмыляясь, опустился на скамью. Вот так! Не хватай чужое!

Свартхёвди подмигнул мне: во какая у меня сестренка! А я тебя предупреждал!

И опрокинул себе в глотку мое пиво.

Я не обиделся, поскольку девица-красавица, как ни в чем не бывало, подрулила ко мне, вновь наполнила емкость. Ага, вот от этого красивого ножика с ручкой из моржовой кости шустрик Тори и пострадал. Незначительно. Но — обидно.

— А если я тебя поцелую, ты меня тоже порежешь?

Искушающая улыбка... Нет, такое стерпеть просто невозможно!

Ах, какие губки! И не только губки... Не оторваться...

— Вот! — пробормотал я, задыхаясь. — Теперь режь!

— Тебе — можно! — Лукавая улыбка, розовый язычок, пробежавшийся по чуть припухшей губе. — Подари мне такие же сережки, как маме подарил, и можешь целовать меня сколько хочешь.

Вот так. Я вмиг отрезвел. И от пива, и от девичьих чар. Даже вспомнил, что я — крутой викинг, и по-хозяйски (но так, чтобы никто не видел) возложил мозолистую длань на то место, где мягкая шерсть платья и тонкий лён исподней рубахи искушающе облегли идеальную выпуклость ягодицы. Стиснул аккуратно, но крепко, прижал Гудрун к себе. Без грубости, но так, чтобы почувствовать грудью ее плоский животик и твердость напрягшегося бедра.

Меня бросило в жар — то ли от собственной наглости, то ли от вольного прикосновения к телу девушки моей мечты... Я ощутил легкую дрожь этого великолепного тела и его внезапную (пусть всего на секунду) мягкость-раслабленность, безошибочно сообщившую: что бы за мысли ни мелькали в красивой головке Гудрун, но ее женское начало уже поддалось уверенной власти мужчины (то есть — меня) и готово принять эту власть немедленно и полностью.

Я не видел лица Гудрун, но точно знал, что ее прекрасные глаза в этот миг полузакрыты, а пухлые губки, напротив, приоткрыли влажные белые зубки... И еще кое-где у прекрасной юной датчанки наверняка повлажнело...

В следующую секунду рука моя была сброшена... Вернее, аккуратно убрана, а сама Гудрун легко (поскольку я ее более не удерживал) выскользнула из моих объятий и двинулась дальше, вдоль стола. То, что острая на язык датчанка не произнесла ни слова и даже не посмотрела на меня, сказало мне больше, чем любая гневная речь.

Я заставил себя не провожать ее взглядом, повернулся... И увидел, как смот-

рит на меня Рунгерд!

Она тоже всё видела и всё поняла. И она, похоже, неслабо завелась. Или я совсем уж ничего не понимаю в женщинах. О, этот жаждущее-обещающий взгляд!

Я уже знал, что у нее в доме — нельзя. Слишком много посторонних глаз. Слишком вредно для общественного мнения.

Датский закон позволяет вдове владеть имуществом мужа. Но не поощряет распутства. Женского.

Кто знает, как отнесется мой друг Свартхёвди к тому, что я делю ложе с его матушкой.

А уж как к этому отнесется Гудрун, можно даже и не гадать. Скверно отнесется.

Я еще размышлял, а Рунгерд уже действовала.

— Я кое-что вспомнила! — произнесла она торжественно. — Сегодня мне приснился плохой сон о тебе, Ульф Вогенсон!

До конца справиться со своим голосом женщине не удалось. Но я надеялся, что народ не отличит страсть сексуального характера от эмоционального напора специалистки по волшбе.

Не отличили. Каждый был занят делом: кушал и выпивал. Так что присутствующие уловили лишь смысловую часть послания.

Возможно, Гудрун, хорошо знавшая мать, и заподозрила бы, но... Покинув меня, она отправилась дразнить молодого Скиди (беднягу аж трясло от избытка гормонов) и в общем гомоне поймала лишь хвостик информационного сообщения.

И вмиг озаботилась. «А как же сережки?» — ясно читалось в ее тревожном взгляде.

Все присутствующие дружно уставились на хозяйку. Но далеко не все — с беспокойством о моем здоровье. На рожах Скейва и его уколотого ножиком сыночка явно читалось не беспокойство, а искренняя надежда, что сон — в руку. После нашего с Гудрун поцелуя в числе их друзей я больше не числился.

— Какой сон, матушка? — спросил Свартхёвди, откладывая на время недогрызенное свинячье ребрышко.

— Я же сказала — плохой, — с легким раздражением ответила Рунгерд.

— И что теперь?

Дочь Ормульфа Полудатчанина пожала плечами.

— Ты можешь отвести беду? — в лоб спросил Медвежонок.

— Ты хочешь, чтобы я, хозяйка, оставила гостей и отправилась ворожить? Прямо сейчас? Это неприлично.

— Почему же? Я тоже хозяин, и я никуда не уйду. Не думаю, что кто-то найдет повод для обиды!

При этом покрытая рыжей щетиной нижняя челюсть Медвежонка очень характерно выдвинулась вперед.

Гости (даже Рысье Ухо с сынулей) тут же бурно выразили свою солидарность с позицией Свартхёвди. Ссориться с Медвежонком никому не хотелось.

Девка из рабынь помогла Рунгерд обуться, подала шубку. Я поспешно оделся. Надо же! Плохой сон... Наверняка соврала. А если — нет?

Мнительный я стал, однако...

Выходя, Рунгерд прихватила со стола кость с остатками мяса, поманила од-

ного из песиков.

Тот нехотя (жрачки и в доме хватало) потрусил за нами.

Через пятнадцать минут (снегу навалило — надо было лыжи взять) мы добрались до ведьмовской лаборатории.

Рунгерд бросила кость на снег, скомандовала псу: «Вагт!» (Сторожить!) — и откинула дверной полог.

Ах-ха! Первый раз традиционно (у нас уже появились традиции!) наспех. Не раздеваясь, быстрее-быстрее! Прекрасная вдовушка пала пышной грудью на стол, дернула шнурок, отпуская штанишки из мягкой синей шерсти, всхлипнула:

— Скорей! Не медли!

Я и не медлил. Запрокинул подол шубки, платье. Какой вид! Воистину вот она, воплощенная женственность! Широкие, белые, округлые... Ах, как она задрожала, почувствовав мою руку!

— Ну же! — Какой у нее чудесный, возбуждающий голос. — Быст... О-о-о!

И вцепилась зубами в мех, то рыча, то всхлипывая, выгибаясь и содрогаясь, толчками, мне навстречу.

Я ухватил правой рукой сразу обе косы, потянул, запрокидывая ее голову, левой рукой — снизу, за горячий живот, повыше мокрой густой (интимные стрижки здесь не приняты) поросли, и погнал ее, вскрикивающую, стонущую, задыхающуюся, вверх, к той вершине, где небо опрокидывается на землю.

Не скажу, что эта скачка продолжалась долго. Но взобрались мы высоко. Так высоко, что я тоже рычал и хрипел, а косы-поводья дергались в моих руках, как живые... Только местному богу Фрейру известно, как мне удалось не свернуть шею моей страстной возлюбленной.

Воздух в колдовской лаборатории был ненамного теплее, чем снаружи (градусов под десять мороза), но, когда мы в обнимку повалились, нет, рухнули на широкую лавку, нам было чертовски жарко. Надышали, должно быть. Ха-ха!

Впрочем, для викингов холод — ерунда. И женщины у них такие же. Я не викинг, но замерзнуть рядом с раскаленной печкой... Шутите!

Я ласкал груди Рунгерд, чувствуя, как она вздрагивает, слышал ее учащенное дыхание... Но медлил, потому что (вот я какой хитрец!) собирался задать вопрос и услышать на него правдивый ответ раньше, чем жаркая влажная сердцевина страсти стиснет мой... меня. И начисто отнимет способность сообщать.

— Плохой сон. Ты видела плохой сон, — прошептал я около спрятанного в меха ушка. — Это правда?

— Правда, — в волшебном голосе Рунгерд я сумел уловить не только желание, но и насмешку. — Очень плохой сон! — Ее рука нашла то, что искала. — Ах, какие вы, мужчины, пугливые! Только что было такое копьё, а теперь так... Оселок. Не бойся, мой герой! Сон был плохой, только тебя там не было! — и рассмеялась хрипло. — Какой еще сон может видеть одинокая женщина! Может, приснись ты мне, сон был бы намного лучше! Ну давай же! Пока нас не хватились!

Примерно через час мы снова вышли на морозец. Оставленный на страже пес тут же вскочил и с большим интересом нас обнюхал.

— Домой! — скомандовала ему Рунгерд и, положив руку мне на плечо, объявила: — Каждый раз забываю, какой ты маленький!

Я обиделся, а Рунгерд расхохоталась.

— Это потому, что там, — кивок на лабораторию, — ты казался мне намного больше! Пожалуй, мой великан, я не вернусь к гостям. Не стоит.

Я посмотрел на нее и мысленно согласился: не стоит. Любой мало-мальски опытный человек, глянув на Рунгерд, сразу бы догадался: ох, не магией мы с ней занимались!

— Спать пойду. А ты иди. Скажи всем: у тебя всё хорошо, а я очень устала.

Я так и сделал. Тем более что говорить правду легко и приятно.

Похоже, никто ничего не заподозрил. Только простодушный Свартхёвди, обладавший отличным слухом, сказал:

— Я до ветру ходил, слышал: вроде стонал кто-то.

— Было дело, — глазом не моргнув, подтвердил я. — Духи, сам знаешь...

Уж не знаю, что именно знал о духах Медвежонок, но он спокойно кивнул и больше к этой теме не возвращался.

А я подумал: прекрасная вдовушка не так уж неправа, когда опасается лишних ушей.

Надо, кстати, у меня в усадьбе лодочный сарай под спаленку оборудовать. Там, правда, рыбой воняет...

Глава девятая, в которой герой получает подарок, а затем покидает «сельскую глубинку» и возвращается в ставку Рагнара-конунга и его воин- ства

На следующий день гости разъехались. Но прежде старина Свартхёвди ухитрился помирить меня с Хегином Полбочки. Причем не просто помирить, а сделать нас чуть ли не друзьями. Секрет был прост. Я брал в ученики молодого Скиди. Главная задача учебного процесса — подготовить паренька в работе с холодным оружием, потому что в прочих норманских искусствах вроде плавания и бега на лыжах мой ученик мог бы дать мне приличную фору без риска проиграть.

Я по-быстрому опробовал нового ученика — и решил, что к весне научу его орудовать мечом не хуже Рулафа. А затем мы с Медвежонок представим его Хрёреку, и ярл будет решать, годится ли Скиди в молодые бойцы. В дренги, то есть. Думаю, проблем не будет. Тем более что родословная у парнишки отменная. Хрёрек это любит.

Сговорившись с Медвежонок о скорой поездке в Роскилле, мы с моими бывшими пленниками, а теперь — друзьями отправились в обратный путь.

По дороге я принялся выспрашивать Хегина насчет его мохнатого соседа-йети.

Полбочки сначала удивился, потом, когда понял, что я говорю всерьез, озаботился.

О маленьких йотунах (Интересно, каковы большие? Размером со слона?) он знал намного больше меня и ничего хорошего от «снежного человека» не ждал. С ходу начал меня упрашивать повернуть назад, дабы подключить к решению проблемы Рунгерд.

Я чуть не поднял его на смех, но потом вспомнил, что именно благодаря

Рунгерд йети не сделал из меня эскалоп.

И заткнулся.

Назад, тем не менее, не повернул.

Весь оставшийся путь Хегин нагонял на нас страху. Мол, убить йотуна почти невозможно, потому что силен, как три медведя, быстр, как дикая кошка, вдобавок оружие его не берет. Справиться можно только хитростью, но убивать всё равно нельзя. Йети числят в родичах морского великана Эгира.[60] Убьешь йотуна — на море лучше не суйся. А если от него не избавиться... Йотун в переводе с местного — обжора. Комментарии требуются?

В итоге договорились заняться этим вопросом вместе. Когда я вернусь из Роскилле. Ей-богу, любопытство меня когда-нибудь погубит.

Дома в мое отсутствие никаких ЧП не произошло. Раненый человек Хегина тоже чувствовал себя неплохо и очень обрадовался тому, что он больше не пленник. Пока меня не было, Хавчик основательно загрузил его историями о моем свирепом характере и боевых навыках. О чем мне и похвастался. Я одобрил. Великий боец, вспыльчивый и свирепый, с навыками колдовства, член команды Хрёрека-ярла, к тому же пользующийся расположением (как иначе понимать приглашение в хирд?) Ивара Рагнарсона...

С такой репутацией я мог быть стопудово уверен, что никто из соседей ни на меня, ни на мою собственность покушаться не рискнет. Хавчик — великий специалист по средневековому пиару.

Я подарил Хегину жизнь и свое расположение, а поскольку по здешним понятиям подарки требуют отдарков, Хегин тоже сделал мне презент: молоденькую английскую рабыню, обученную искусству тонкой вышивки и вдобавок весьма привлекательную.

Подарок был щедрый. Рыночная цена его, по словам Хавчика, даже сейчас, когда цены на рабов (стараниями викингов) порядочно упали, тянула на полновесную марку серебром.

Девочку звали Бетти, и она жутко обрадовалась, узнав что я немного владею ее родным языком. Судьба ее оказалась типичной. В шесть лет родители отдали ее за долги какому-то монастырю на юго-востоке Англии. Там девочку обучили ремеслу и собирались постричь в монахини, но не успели.

Монастырь разграбил старший сынок Рагнара Сигурд Змей в Глазу.

Как я уже отмечал, Бетти была довольно хорошенькой, а в ту пору еще и девственницей, поэтому ее не искалечили и не изнасиловали. Вместе с полусотней таких же молоденьких и привлекательных девочек и мальчиков ее должны были отправить на восточные рынки: в Византию и дальше. Но кнорр, на котором везли Бетти, получил повреждение. Пришлось выволочь его на берег на каких-то островах, а там местные жители, в свою очередь, решили ограбить грабителей.

Викинги перебили аборигенов, на радостях перепились, и один из будущих героев Валхаллы изнасиловал Бетти, спьяну перепутав ее с местной жительницей.

Разницу в цене капитан вычел из доли насильника. Сама Бетти отнеслась к надругательству философски: восприняла как Божье наказание.

С тех пор она не однажды оказывалась в чужой постели, но это была ти-

пичная участь красивой рабыни. Впрочем, как только выяснилось, что она — умелая вышивальщица, с ней стали обращаться аккуратнее да и кормили гораздо лучше других таких же бедняжек.

Хегин купил ее на рынке в Хедебю именно как вышивальщицу. Дорого купил. Но, по его словам, денег этих работница стоила.

Надо ли говорить, что в первую же ночь Бетти прилегла ко мне в постель...

Молоденькая, теплая, приятная на ощупь и с виду... Прилегла и замерла. Сжалась, закрыла глазки... Ничего хорошего от свирепого викинга (меня то есть) молоденькая англичаночка не ждала. Знала по прежнему опыту: будет больно... Или очень больно.

Бедная девочка.

Сначала я хотел просто ее выгнать (ну не люблю я, когда — по обязанности), но тут такой запущенный случай...

Я, конечно, всё понимаю. Время такое, нравы... А это несчастное существо отныне принадлежит мне. Моя собственность. Страшная всё-таки вещь — рабство. Невозможно изменить здешний уклад, по которому сотни тысяч людей обречены страдать. Мир жесток, говорил мне мой папа, когда я, еще мальцом, жаловался на несправедливость. Ты не можешь помочь всем. Поэтому береги и защищай тех, кто рядом. А остальным просто сам не делай плохого. По возможности.

Ох, трудно ему было заниматься бизнесом в России! С такими-то убеждениями.

— Сейчас мы будем просто спать, — сказал я малышке Бетти на своем несовременном английском. — А с завтрашнего дня, я обещаю, тебя никто больше не тронет. Никто.

Погладил ее по голове, повернулся на другой бок и уснул.

Когда проснулся, Бетти рядом не было. Зато у лавки терся Хавчик. Ждал распоряжений.

— Завтрак, — скомандовал я. — И собирай меня в дорогу. Поеду в Роскилле.

— А я? — спросил мой трэль.

— А ты останешься здесь, старшим. И чтоб порядок был. И еще... Девчонку не трогать. И других предупреди. Кто ей под подол полезет... Вырву с корнем то, чем лазают. Тебя тоже касается.

— Господин! Разве ж я могу? — скорбно вздев брови, воскликнул этот пройдоха.

— Еще как можешь! — Я поймал Хавчика за ухо: — Ты, дружок, очень полезен, спору нет. Но есть у меня мысль: может, без яиц ты станешь еще полезней?

— Плохая мысль, господин, — отозвался Хавчик, терпеливо снося боль в скрученном ухе. — Неправильная.

По скошенным глазам видно: очень ему хотелось понять, шучу я или всерьез.

— Я сказал. Дальше сам решай, — подвел я черту и отпустил Хавчиково ухо. — Иди распорядись, чтоб на стол накрывали. Сами покушайте. Я буду попозже.

Встал и вышел на свежий морозный воздух. Отлить, размяться, выкупаться в снегу, пробежаться на лыжах до озера и обратно.

Эх, хорошо быть феодалом! Даже мелким.

* * *

Два мелких феодала въехали в Роскилле. Город Рагнара Лотброка лежал перед нами во всей своей красе. В данный момент «краса» приняла облик ву- смерть пьяного викинга, развалившегося поперек ворот. Которые никто не охранял.

Наши лошадки осторожно переступили через «отдыхающего». Судя по вышивке на меховом тулупчике — фриза.

— Не замерзнет? — на всякий случай поинтересовался я у Свартхёвди.

Тот хмыкнул. Ну да, сегодня потеплело. Градусов пять мороза. Жарища. Хоть солнечные ванны принимай.

За воротами наши с Медвежонком пути разошлись. У него были какие-то дела со здешними родичами, а я двинул к «дружинному» дому, арендованному Хрёреком на зиму.

Не дошел. Встретил по дороге одного из наших эстов, Крыта. Вернее, Крыы-та.

Старина Крыт поведал мне, что Хрёрек-ярл и варяги — на берегу фьорда. Тиранят новобранцев.

Ах да, забыл упомянуть, что в нашем хирде образовалось изрядное пополнение. Целый драккар с экипажем. Наследство геройски побежденного мною Торсона-ярла. Целый выводок норогов из Наумудалья (кажется, так это звучит), присоединившийся к дружине более удачливого вождя. Причем доля Торсона, исчислявшаяся в семи румах вышеупомянутого драккара, перешла к Хрёреку. Несправедливо, правда? Победил я, а плодами победы воспользовался мой ярл. Но здесь так принято. Я был всего лишь выставленным бойцом. Впрочем, за Хрёреком не заржавеет.

Мудальцы, как окрестил я пополнение, были парнями борзыми и грубыми. И от них вечно воняло тухлой рыбой. Или это у меня глюк такой, обонятельный? Едва поладив с Хрёреком, мудальцы тут же начали задираться к нашим. Меня-то не трогали, скорее даже заискивали: покойник Торсон, видать, пользовался у своих подчиненных изрядным авторитетом. Но к нашим молодым, словенам из ладожского пополнения, конкретно докапывались.

Пришлось Трувору с Ольбардом-Синеусом поправить мудальцам седло: пресечь, так сказать, дедовщину.

А тут и ярл подключился: взялся тренировать норогов в общем строю с нашими дренгами. Надо отдать мудальцам должное: бились они неплохо. А строй держали практически идеально. Значительно лучше, чем я. Дренгам было у кого поучиться и на кого опереться в реальном бою. Неделька совместных тренировок — и взаимоотношения наладились. Даже самому тупому норогу понятно: плющить товарища, который в бою будет прикрывать твою мускулистую спинку, — полный идиотизм.

Сейчас мои новообретенные кореша отрабатывали десантирование. Дружно прыгали с вмерзшего в лед ветхого кнорра. Прыгали красиво и громко: с грозным нечленораздельным ревом.

Вообще-то, любимый боевой рык викингов: «Берегись! Я иду!» Так сказать, напоминание слабовидящим.

Но попробуйте проскандировать что-либо прыгая с двухметровой высоты на лед.

— А что у меня есть! — спешившись и пообнимавшись с нашими, интригу-

юще произнес я, похлопав по притороченному к седлу бурдюку.

— Молочко для младенцев? — с ходу предположил Руад.

— Угу. Бородатеньких.

— Пиво, — похлопав по бурдюку, легко угадал Трувор. — Похвально, что ты думаешь о товарищах, но зима только началась. Пива здесь пока вдоволь.

— Такого ты здесь не найдешь. Его варила сестренка Свартхёвди.

— О-о-о! — Это был не первый бурдючок, привозимый из усадьбы Рунгерд, так что сей элитный продукт был народу знаком.

— Так чего мы ждем? — воскликнул Рулаф и поглядел на варяжского лидера.

— Не чего, а кого, — строго произнес Трувор. — Ты, молодой, совсем страх [61] потерял. Как можно такое пиво пить — и ярла не попотчевать.

Глава десятая,

в которой повествуется о злом коварстве, славных подвигах и трудностях жизни с воином-оборотнем

— Вот на нем, на прадеде нашего Свартхёвди Медвежонка, можно сказать, и оборвалась удача сего славного рода, — неторопливо повествовал наш ярл.

Надо сказать, что в последнее время отношение ко мне Хрёрека стало более сердечным. И вовсе не потому, что я зарезал Торсона-ярла. Эка невидаль: завалил... хускарл признанного единоборца! Мало ли кто кого завалил. Что есть краткий миг личной победы в сравнении с уходящими в вечность деяниями предков? Суета и не более. Смешно думать, что уважающий себя воин упирается исключительно ради бабла. Бабло — это, так сказать, мерило успеха. А вот передаваемая из поколения в поколение слава — это уже на века. Аж до самого Рагнарёка. И Хрёреку-ярлу, Инглингу, потомку (пусть и очень, очень отдаленному) самого, страшно сказать, Одина, считавшему время не днями, а поколениями, истинные приоритеты были очевидны. И вот наконец ярл познакомился с моей, так сказать, родословной. Пусть это лишь имена отца и матери, но уже по одним именам можно выстроить правильную цепочку. И ярл ее выстроил. Не то чтобы тут так уж сразу верили на слово джентльменам. Если придет какой-нибудь немытый фрукт и объявит, что он — сынишка какого-нибудь иностранного конунга, его слова, может, и не станут оспаривать в открытую, но непременно пригласят, так сказать, на фехтовальную дорожку. Ах, сын конунга? Отлично! Коли так, продемонстрируйте-ка, молодой человек, как у вас обстоят дела с традиционными мужскими искусствами! Плавание — ладно. Может, у вас там и моря нету, а вот навыки работы с оружием — это непременно. И манеры, чувство собственного достоинства, понятие о чести... Законы могут быть различны, обычаи и условности — тоже. Но чувство собственного достоинства, храбрость, самоуверенность (чтобы не сказать — наглость) для человека хорошей крови так же естественны, как для собаки — умение чесаться задней лапой.

Не ведая о том, я был нашим ярлом просчитан, взвешен и в данном случае (в отличие от библейского) найден достаточно увесистым, чтобы не положить конец моим притязаниям на благородство, а счастье меня принадлежащим к уважаемому роду.

В пользу этой версии работали еще две вещи: то, что я раньше не распространялся на тему собственного происхождения, и то, что моя вольная интер-

претация семейных связей двадцатого века прошла «детектор лжи» в лице Рунгерд Ормульфовны.

Но я отвлекся. Сейчас речь шла не о моей родословной, а о славном генеалогическом древе Свартхёвди Медвежонка.

Одаль, которым нынче управляла его матушка, был приобретен отдаленными предками много лет назад, еще во времена легендарного конунга Ивара Широкие Объятия. С тех пор владения рода неоднократно увеличивались аж до того времени, когда за руль встал прадедушка Свартхёвди.

Тут удача роду и изменила. Началось с того, что дедушка Рунгерд, единственный сын своего папы, потерял изрядную часть имущества в неудачной (шторм) торговой экспедиции на север и сам едва не откинулся от пустяковой, но вдруг загноившейся раны. Всё шло к тому, что славный род на нем и закончится, но положение спасла вовремя подвернувшаяся бабушка Рунгерд — профессиональная финская вельва. Колдунья то есть.

Излеченный дедушка взял ее сначала наложницей, а потом, после рождения папы Ормульфа, ввел в род и даровал все права законной жены.

Финка родила мужу еще троих сыновей — один другого краше. По местным понятиям, разумеется. Рожа — кирпичом, плечи шире, чем дверь в сортир. Счастливый отец научил детишек всему, что положено, а затем опочил в собственной постели. К этому времени старший из сыновей, прозванный Полу-датчанином и слывший большим хитрецом и удачником, уже успел не только жениться на писаной красавице, но и породить дочь Рунгерд. До сыновей дело не дошло, но какие у Ормульфа годы... Да и братья, можно сказать, «на выданье». Вот бы еще денюжат немного подкопить, чтобы и они могли начать достойную семейную жизнь на собственной земле...

Словом, сыновья устроили папе роскошное погребение (на покойниках в Дании не сэкономили) и на полученном в наследство от папы кнорре отправились приумножать родовое имущество в уже известную мне Альдейгью-Ладогу, где в то время заправлял почтенный батюшка князя Гостомысла.

Расторговались отлично. Набили трюм мехами, воском и рыбьей костью, [62] как минимум утроив вложенное, да и тронулись в обратный путь.

Поначалу судьба им благоприятствовала. Почти до самого дома. Но буквально за десяток переходов от Сёлунда кнорр Ормульфа и его братьев угодил в шторм. Не то чтобы очень сильный, но Ормульф решил не рисковать богатым и не любящим сырости товаром и пристал к берегу.

Это было неправильное решение, но ни Ормульф, ни его братья этого еще не знали. Они полагали, что датский ярл, владевший этим берегом, — добрый друг их семьи.

Так оно и было... До тех пор, пока этот самый ярл не узнал, что в кнорре Ормульфа и его братьев — целое состояние.

Они же сами ему и рассказали на щедром пире, данном в честь дорогих гостей. Услыхав об этом, ярл стал еще радушнее, выставил самое лучшее пиво и порадовал гостей дорогими подарками.

Ормульф в ответ обещал отдариться еще щедрее... Увы. Он не знал, что от дарком станет кнорр со всем содержимым...

Ночью, когда сытые и пьяные братья вместе с командой уснули, ярл преспокойно перерезал всех и забрал не только свои подарки, но и все товары братьев вместе с очень хорошим кнорром, построенным их отцом, в про-

шлом — добрым другом ярла.

Конечно, это было грубым нарушением законов гостеприимства в частности и законов Дании в целом. А поскольку шила в мешке не утаишь, то информация о преступлении дошла не только до несчастной вдовы, но и до самого конунга Харека. Не нынешнего, а его отца.

Однако ярл не сидел сложа руки, а загодя прислал конунгу такие щедрые дары, что тот охотно согласился с его версией происшедшего: кнорр братьев вовсе не приставал к берегу со своими владельцами на борту, а просто сел на мель у берегов ярла. И тот, по береговому праву, вполне законно забрал себе и кнорр, и все, что на нем было.

Узнав о злодействе, а также о том, что правосудия ждать бессмысленно, жена, вернее, уже вдова Ормульфа Полудатчанина во всеуслышание объявила, что отдаст дочь и весь богатый одаль мужа тому, кто отомстит убийце.

Это был Поступок. Ведь в то время мать Рунгерд была достаточно молода и хороша собой. Так что вполне могла бы наладить и собственную личную жизнь.

Однако вдова предпочла месть.

Впрочем (и Хрёрек-ярл счел необходимым об этом упомянуть), нашлись злые языки, которые утверждали, что матери Рунгерд больше нравится самой управлять наследственным одалем мужа, а ведь случись так, что дочь ее (а равно и она сама) выйдет замуж, собственность по праву перейдет к ее мужу.

Надо отметить, что еще жива была старая финская вельва — бабушка Рунгерд. Но она в хозяйственные дела не вмешивалась. Зато многие говорили: это она надоумила невестку принести упомянутую выше клятву.

Случилось это лет двадцать с небольшим тому назад. То есть дочь Ормульфа была еще совсем юной: лет тринадцати-четырнадцати, однако уже успела прослыть непревзойденной красавицей и заполучить прозвище — Улыбка Фрейи. Впрочем, красота красотой, но я уже достаточно хорошо знал скандинавов, чтобы понять: богатое приданое значит намного больше, чем внешность невесты. Ормульф Полудатчанин слыл человеком небедным, и насчет приданого можно было не сомневаться, так что женихов у Рунгерд было — в избытке.

Странное дело: как только оказалось, что в придачу к руке дочери Ормульфа идет жирнющий куш в виде целого одаля... женихов вдруг резко поубавилось. Не потому, что задача, поставленная матерью Рунгерд, была невыполнимой. Очень серьезные люди, настоящие профессионалы, приценивались, так сказать, к вопросу.

Вопрос о том, чтобы уговорить безутешную вдову аннулировать обет, даже не поднимался. Обет — это святое. Каждый уважающий себя викинг хоть раз в жизни, торжественно поставив ногу на полено или положив руку на кабанью шкуру, брал на себя те или иные обязательства пред лицами богов и собственных корешей. Крутость клятвы зависела от крутизны самого викинга и от количества выпитого. Обеты бывали весьма суровые. Иногда, помимо главного условия, брались и дополнительные. Например, не мыться и не стричь ни волос, ни ногтей, пока негодяй, зарезавший четвероюродного племянника поклявшегося, не будет призван к ответу.

Достать ярла-убийцу в его родном логове было трудно, но возможно. Профессионалы прикинули сложность задачи и условия решения — и пришли к выводу, что для ее успешного выполнения надо поднять хирд не менее чем в две сотни клинков.

Собрать такое (немалое по здешним меркам) войско могли немногие. К примеру, мой ярл, который считался очень крутым вождем, в настоящий момент располагал совокупной армией в две с половиной сотни бойцов. И это считая хирдманов, «унаследованных» от Торсона-ярла, и тех наших, кто остался в Хедебю.

Но проблема была даже не в количестве. Ярл-предатель имел собственный хирд и просто так убить себя не позволил бы. Даже если удалось бы сохранить секретность (что в условиях многочисленных родственных связей и развитого «сарафанного радио» весьма сомнительно) и не дать ярлу возможности собрать свою дружину, нападающим всяко пришлось бы иметь дело с тридцатью — сорока опытными викингами, которые не станут сидеть сложа руки при появлении у берегов трех чужих драккаров. Скорее всего, ввиду явного численного преимущества противника, ярл, прихватив с собой всё самое ценное (себя — в первую очередь), отступит в горы и даст бой там, где это ему будет удобно. Мстителем же придется атаковать не медля, иначе к ярлу подтянется подмога, и тогда еще неизвестно, кто кого. То есть, по самым оптимистичным прикидкам, если нападающим повезет, за голову негодяя придется положить не меньше половины борцов за справедливость. Я помнил наш рейд за страндхугом,[63] когда едва не утоп. Поэтому легко мог представить, каково это: штурмовать с ходу укрывшегося в скалах противника.

Кандидаты в мужья изучили вопрос и решили, что одаль Ормульфа Полу-датчанина не окупит потерь. А поскольку романтиков в этом мире практически не встречается, особенно среди водителей хирдов, ходить бы Рунгерд пожизненно в девках (обет матери нельзя нарушить даже после ее смерти), если бы однажды утром к воротам усадьбы покойного Ормульфа не явился некто Сваре Медведь.

Явился и бросил к ногам Рунгерд Улыбки Фрейи, такой свадебный дар, от которого невозможно отказаться.

Мешок с головами убийц ее отца.

Сваре Медведь в одиночку совершил то, что не рискнули сделать могучие ярлы.

Как он это сделал? Да примерно так же, как негодяй расправился с Ормульфом и его братьями. Предательски.

* * *

Сваре Медведь пришел в дом ярла даже не как гость. Он пришел наниматься к нему в дружину.

Ярл очень обрадовался. Несмотря на очевидность невыгоды менять сотню жизней на одаль покойного Ормульфа, он все же опасался, что найдет среди норманов вождь, который польстится на предложение вдовы. Хотя бы потому, что одаль-приданое пойдет просто в качестве бонуса. А главным призом станет имущество самого ярла. И не факт, что тинг расценит такой вот наезд как разбой, а не как справедливую месть. Подкупить собрание свободных датчан куда дороже, чем одного конкретного конунга.

По свидетельствам компетентных людей, Сваре Медведь один стоил пяти-рых воинов.

Потому что Сваре был берсерком. Настоящим берсерком, которым в бою овладевал дух медведя, даруя ему невероятную силу и неуязвимость. В этом состоянии Сваре становился весьма неприятным соседом для всех, кто не успел вовремя убежать.

Вообще, берсерков в Скандинавии (и не только здесь), мягко говоря, недолюбливали. Кому охота жить рядом с психом, у которого в любой момент может упасть планка. Более того, с психом, который вооружен, умеет этим оружием пользоваться и никого и ничего не боится.

Сваре был не таким. Он был из тех немногих, кто умел (не всегда, но в большинстве случаев) управляться с собственным безумием. О таких говорили, что они сильнее своего духа-зверя. Поэтому вероятность того, что Сваре набросится на своих, была минимальна. Но всё-таки была, так что даже таких «управляемых оборотней» в гости старались не приглашать. Не исключено, что ярл отказал бы Сваре Медведю в пище и крове, если бы тот напрашивался просто в гости. Но заполучить такого хирдмана — это круто.

Словом, ярл пришел в восторг, и вскоре Сваре Медведь оказался за пиршественным столом у него в доме.

Время было позднее, поэтому обряд принятия в дружину решили отложить на завтра. А сегодня просто хорошо поужинать.

Поужинали хорошо. Не хуже, чем Ормульф с братьями в тот памятный вечер.

Выпили, закусили, спели десяток песен, подрались по-дружески, потискали девок и легли спать. Ярл — вместе со всеми. Вернее, с молоденькой наложницей.

Сваре Медведю, решив, что он совсем пьян (он вел себя соответственно), подложили худую некрасивую родственницу ярла, которая очень хотела родить крепкого мальчика.

Ее Сваре зарезал первой — чтоб не закричала.

Потом он убил ярла и его молоденькую наложницу. Потом, последовательно, двадцать шесть мужчин, спавших на лавках и на полу. Женщин, с которыми они спали, Сваре тоже убил. Сваре рубил всех, кто просыпался, и делал это так быстро, что те спросонья даже не успевали понять, что их убивают.

Дух медведя вселился в Сваре, поэтому он видел в темноте так же, как косолапый, обладал его силой, а быстротой даже превосходил. Так что он двигался очень быстро, а убивал еще быстрее. Так проворно, что по звукам его ударов могло показаться, что в доме ярла орудует десяток воинов. Кто-то все же успел крикнуть, что на них напали. Кто-то схватился за меч... Не спасло. Сваре продолжал убивать, люди ярла, те, что были внутри, и те, что ворвались снаружи, не видя ничего, били друг друга. Железо ни разу не задело Сваре, а если бы и задело — неважно. Он был берсерком, и железо ему было нипочем.

Так сказал Хрёрек-ярл в процессе повествования, и это заявление никто не оспаривал. Я — в том числе.

Быстрее, чем лучина догорает до половины, Сваре убил всех, кто имел несчастье оказаться в эту ночь в большом доме ярла. Кроме тех женщин и де-

тей, что забились под лавки и спрятались в лари. Никто из них не кричал, потому что огромный и стремительный берсерк распространял вокруг такой ужас, что оставшиеся в живых попросту онемели.

Сваре Медведь отрубил убитым мужчинам головы, тратя не больше одного удара на каждый труп, затем сложил эти головы в два больших мешка и выволок из дому.

Собаки ярла забились в щели и скулили от страха. Трэли и работники, которые проснулись от шума, попытались берсерка убить, но Сваре зарубил нескольких, а остальные разбежались. Берсерк был сильнее овладевшего им духа, потому не впал в безумие и не стал гоняться за всеми подряд. Он поймал двоих и заставил их нести мешки с головами. Мешки были такими тяжелыми, что носильщики волокли их по земле.

Эти мешки по приказу Сваре погрузили на большую крепкую лодку, принадлежавшую одному из людей ярла. Еще туда погрузили бочонок с пресной водой. Пленники сели на весла, отгребли от берега и подняли парус.

Когда они отплыли так далеко, что перестали слышать вопли, раздававшиеся на берегу, Сваре Медведь почувствовал, что начинает слабеть (после битвы всякий настоящий берсерк впадает в беспамятство, и его может зарезать даже маленький ребенок), убил гребцов, опустил мешки с головами за борт, чтобы соленая вода уберегла их от порчи, лег на дно лодки и пролежал так ночь, весь следующий день и половину второй ночи. Повелители вод и ветров к нему благоволили, поэтому все это время море было тихим и лодку не прибило к берегу.

На вторую ночь Сваре очнулся, но он был еще слишком слаб, потому только напился и проверил, не съели ли рыбы его добычу. Всё было в порядке, и Сваре Медведь снова уснул, но уже сном обычного человека, а не берсерка.

Проснувшись, Сваре почувствовал сильный голод, но первым делом позаботился о своей добыче. Осмотрел головы и выбрал из всех три: ярла и двух его сыновей. Эти он оставил, а остальные подарил Эгиру. Затем поймал несколько рыб, съел их сырыми, запил водой из бочонка и, определившись по солнцу, виду и вкусу воды, направил лодку в сторону Сёлунда.

Через одиннадцать дней мешок с порядком подтухшими, но всё же узнаваемыми головами лег к ногам невесты.

Такую историю рассказал нам Хрёрек. Сколько здесь было правды, а сколько — поэзии, одному Богу известно. Однако в главном можно было не сомневаться: злодей-ярл был убит и Рунгерд Улыбка Фрейи, стала женой убийцы.

Вряд ли у них была бурная любовь. Сваре, судя по тому, что о нем рассказал Хрёрек, был сложным человеком. Мягко говоря. Жить с таким — трудно. Любить... Ну, любовь — штука извилистая. На радость партии козлов.

И стала Рунгерд классической «женой моряка». Сваре Медведь редко бывал дома. Вряд ли Рунгерд провела вместе с мужем больше двенадцати месяцев. И последние два года мать Свартхёвди управляла одалем практически самостоятельно: мать ее умерла от горячки. Сваре дома только зимовал. И то не всегда. Домочадцы Рунгерд этому только радовались, потому что жить в одном доме с берсерком довольно-таки страшно. В механизме управления духом-зверем что-то разладилось, и в последнюю такую зиму Сваре убил двух собственных трэлей и чужого работника, попавшегося ему на дороге во время «приступа».

За работника заплатили вергельд, а Сваре ушел в лес, к старому отшельнику по имени Стенульф, то бишь — Каменный Волк, который умел управляться со священным безумием. Сваре принес ему дорогие подарки и прожил там весь остаток зимы, потому что боялся убить собственного сына или беременную жену. Финская вельва, бабка Рунгерд, в это время была еще жива и напроорочила внучке скорое вдовство.

Сбылось. Летом Сваре утонул в дальнем вике, так и не увидев своей дочери.

Как бы там ни было, но Сваре был реально крут, и подобрать достойную замену такому геройскому мужу оказалось нелегко. Рунгерд, дочь Ормульфа, до сих пор продолжала «выбирать», чему лично я был только рад.

И мне стало понятно, почему Свартхёвди, охотно рассказывающий о своем деде Хальфдане, не очень-то распространяется о собственном отце. Тот был, безусловно, великим воином и подвиг совершил достойный саги, однако маленькому Свартхёвди великий папа (как выяснилось позже, но и до того можно было догадаться) при жизни внушал такой страх, что, не будь он потомком целой линейки бесстрашных воинов, вполне мог вырасти запуганным невротиком.

Глава одиннадцатая, в которой герой получает удар кинжалом в печень

После обеда заняться мне было совершенно нечем. Матерые викинги в это время предавались сну или тихим играм (фигурки, камешки, кости), а не матерые — хозяйственным работам. Я относился к первой группе, но ни спать, ни играть мне не хотелось, поэтому я отправился на рынок. У меня даже была цель — пополнить запас боевых и охотничьих стрел. Деньги есть, а стрелы — такой товар, который всегда пригодится. Продукт-то расходный.

Вообще, пошляться по блошиному рынку, когда ты при деньгах, — дело приятное. Даже если ничего не покупать. Всегда любил это дело. Особенно если на рынке было оружие. Здесь же оружия — навалом. Правда, в основном — дрянное. Ножи, топоры, мечи, больше смахивающие на тесаки. Грубые тяжелые шлемы. Броня, которую, на мой взгляд, надо было сразу отправлять на переплавку. Единственное, что мне приглянулось: меховые, очень качественные рукавицы о трех пальцах с металлической сеточкой с тыльной стороны. И размерчик был мой, что можно было истолковать как знак Судьбы, потому что у обычного викинга лапища — как полторы моих.

— Последние остались, — сообщил мне паренек, торговавший воинской снастью. — Мелкие получились, потому и не берут. Возьми, за полцены отдам.

Тут до меня дошло, почему в Роскилле образовался дефицит хорошего оружия. Спрос слишком высок. Союзная рать Рагнара-конунга разобрала всё стоящее. Это только в сагах здешних поют, что викингу следует за всё платить железом, а не серебром. На деле добыть во время набега хороший меч или кольчужку намного труднее, чем пару марок серебром. Тем более что вся самая ценная снаряга здесь — экспортная. Только у норегов куют приличные клинки. Да и то потому, что у них руда хорошая.

Помнится, смотрел я один фильмец, где скандинавский кузнец чуть ли не за вечер превращает большой норманский меч в изящную арабскую сабельку. Долго смеялся. В реале у него получился бы кривой, кое-как отшлифованный тесак, с которым не в сечу идти, а поленца на щепу распускать. Настоящая арабская сабля — это не кривая железяка. Это такой клинок, с которым мож-

но даже против двуручника выйти. Если умеючи. Но лично я всегда отдавал предпочтение шпаге и мечу. Колющая техника лаконичнее рубящей. Хотя здешние мечами почти исключительно рубят. Оно и понятно: сила в избытке. Хряп — и пополам.

Я примерил обновку и сунул за пояс. Затем огляделся, высматривая продавцов стрел... и поймал взгляд коренастого здоровяка в недешевом прикиде, с «бородатой» секирой, заткнутой за богатый пояс. Обветренная просоленная морда профессионального моремана. Борода и грива, клоками торчащие в разные стороны, сроду не чесанные. Под меховой куртенью кудлатого серебром блеснул панцирь.

Во как! Обычно здешний люд таскает хорошее железо снаружи — чтоб все видели, как крут его хозяин. Хотя не исключено, что на куртку броня просто не налезла.

Встретив мой взгляд, волосатик сразу отвернулся.

Ну и ладно. Значит, незнакомы. А вот и нужный мне товар.

— Ты глянь, воин, какие стрелы! — Торговец с ходу угадал покупателя. — Оперены настоящими орлиными перьями! Погляди, как остры наконечники! Как они отшлифованы! Ни одна кольчуга не удержит такую стрелу! А как она легка! Попробуй, господин!

Я взял летучее орудие убийства. Какая приятная неожиданность — действительно неплохая стрелка. Так сказать, бронебойная. Узкий крепкий наконечник, идеально ровное древко, по-моему ясеневое, тщательно посаженные на деготь и аккуратно примотанные маховые перья. Местная работа, потому — нормальный продукт, а не нераспроданные остатки. Однако цену следует сбить...

— Орлиные, говоришь?

— Не сомневайся, господин! Эти стрелы будут бить твоих врагов как орел когтит цаплю.

Я усмехнулся.

— Думаешь, я не отличу перо орла от гусиного? — осведомился я, пристально глядя на продавца.

Честно сказать, перья я могу и попутать. А вот реакцию человека — вряд ли.

Мгновенное смущение, чуть скошенный взгляд...

— Уверяю тебя, господин! Ты ошибаешься! — воскликнул торговец, но я остановил его взмахом руки.

— Гусиные тоже сойдут. Стрелы твои и впрямь недурны.

— Если господин желает, он может опробовать... — Кивок на длинный, в мой рост, тисовый лук в кожаном чехле.

— Обойдусь. Если ты сразу назовешь мне настоящую цену, я возьму три десятка. Десять таких, еще десять — вот этих, широких (не знаю, как по-датски, а словене называют их срезами), и десять вот этих — на крупную дичь...

— Отличные стрелы, мой господин! С такими хоть на волка, хоть на оленя...

— Три десятка! — перебил я. — Учти: я не люблю торговаться. Только не ошибись в цене, иначе я пойду к другим оружейникам.

Борьба чувств явственно отразилась на физиономии продавца. Я следил за ним очень внимательно, потому что, как сказано выше, неплохо разобрался в

людях. А вот в ценах — не очень...

Я так сосредоточился на торговце, что упустил момент, когда кудлатый здоровяк с броней под курткой оказался у меня за спиной.

Дальше все происходило очень быстро.

Раз! — И кудлатый выдернул из ножен мой собственный кинжал. Два! — И он пырнул меня под ребра. Аккурат в печень.

Точный, хорошо поставленный удар — короткий, мощный, с вложением корпуса. Такой даже ребро не остановит, попади оно под клинок. Но, как сказано выше, киллер бил туда, где ребер не росло. Зато имелся богатый, изукрашенный серебряными фигурками пояс.

Большое спасибо моей персональной удаче! Острие угодило в серебряного дракончика, разрубило его, надрезало толстую кожу пояса и увязло в кольчужном плетении засунутых за пояс рукавиц.

В такие моменты башка у меня отключается. Руки-ноги и всё прочее работают сами. Второй тычок не прошел — увяз уже не в рукавице, а в моем захвате. И сразу доворот и толчок вверх, используя инерцию разворота и рывок попытавшегося освободить руку киллера.

Вверх, потому что в корпус — бессмысленно. Броня.

Впрочем, убивать его я не собирался. Злодей должен был отшатнуться, уходя от клинка (нормальная реакция, когда тебе в глаза суют острое железо), потерять баланс, и тогда (наработанная связка) я бы его с легкостью подсек и уложил мордой в снег, завернув руку с кинжалом к затылку.

Либо у кудлатого было что-то с безусловными рефлексами, либо он был совсем отмороженный. Вместо того чтобы отшатнуться, этот безумец, наоборот, рванулся ко мне...

И получил, что положено. Десять сантиметров железа в горло.

Блин!

Клинок увяз, и, когда киллер осел, мокрая от крови рукоять выскользнула из моих пальцев.

Я выругался. Вот уж не было печали! И что теперь делать?

Убийства (я не имею в виду хольмганг, убийство, так сказать, узаконенное) в Роскилле случались. Ничего удивительного при таком скоплении кровожадных ублюдков. Но они случались бы намного чаще, если бы Закон не карал преступников быстро и беспощадно. Как правило, даже не интересуясь, кто зачинщик. Убил — отвечай! Конкретно! Хорошо, если удастся откупиться. А если нет?

Пока я переваривал случившееся, меня свинтили. Подскочили четверо, из Рагнартовых людей (откуда только взялись?), зажали в коробочку, сняли с пояса меч. Не скажу, что действовали они грубо, но и не церемонились. Вокруг мгновенно образовалась толпа. Я — в центре. У ног — труп. Вокруг трупа — красное пятно набухшего кровью снега. А в трупе — мой кинжал. Так сказать, взят с личным. Ага, знакомая рожа. Ульфхам Треска. Постучал пальцем по лбу: в уме ли ты, хускарл? При всём честном народе человека зарезать. Но тут же крикнул кому-то, перекрывая гомон зевак:

— Дуй за ярлом!

Люди Рагнара держали меня под контролем. Ждали чего-то. Судейских, надо полагать.

Мне тоже оставалось только ждать. Продавец стрел глядел на меня с сочув-

ствием: он всё видел.

Я тоже понимал, что дела мои — кислые. Здесь нет такого понятия, как превышение пределов необходимой самообороны. Есть понятие «убийство». Суд, возможно, учтет то, что я защищался. А возможно, и не учтет. Зависит от того, кто таков убитый. И какого хрена ему понадобилось меня резать?

Ага, вот и высокий суд! Преимущество маленького городка — здесь всё близко. А от резиденции Рагнара до рынка вообще рукой подать.

Однако Хрёрека еще нет...

Толпа раздвинулась, пропуская конунга.

С конунгом, помимо обычной свиты, сыночки: Бьёрн, Ивар, Хальфдан... Последний — с куском мяса в лапе. Должно быть, кушало благородное семейство, когда поступила инфа о преступлении.

Рагнар остановился напротив меня, уставился. Не человек — глыба. С глазами кита-убийцы.

Поглядел, качнулся с носков на пятки, ткнул толстым пальцем в покойника:

— Кто таков?

— Мой человек.

Это Хальфдан.

Скверно. Человек Рагнарсона — это не какой-нибудь бродяга. И даже не свободный датский бонд.

— Твой? — Это уже Ивар. — Что-то я его не помню.

Не понял. Что, Бескостный на моей стороне? Или простое любопытство?

— Я его недавно взял, — добродушно сообщил Хальфдан. — До того он с Торсоном-ярлом ходил. Племянник его.

— Жизнь за жизнь, — пробасил Бьёрн Железнобокий. — Так гласит Закон. За что он его убил?

Я открыл рот, чтобы пояснить, но меня грубо пихнули в бок: помалкивай, не к тебе вопрос.

— Я видел! — крикнул кто-то в толпе. Вперед вылез какой-то дан. Не викинг, судя по прикиду. — Этот, — взмах в сторону покойника, — к этому подошел, а этот его — ножом!

— Кто еще? — поинтересовался конунг.

Нашлись еще свидетели. Их показания не расходились со словами мужика. Хрен они что видели. «Врет как очевидец», — говаривал мой знакомый оперуполномоченный.

Однако Рагнар тоже был не лох в расследованиях.

— Ты! — Похожий на удерживающий мачту штырь-фиксатор Рагнарлов палец нацелился на оружейника. — Ты был рядом. Что ты видел?

— Всё видел, конунг! — бодро отреагировал тот.

— Так говори!

— Значит, дело так было, — неторопливо, явно наслаждаясь тем, что оказался в центре внимания, начал продавец: — Подошел ко мне этот хускарл, стрел прикупить хотел. Ну, это понятно. У меня стрелы — одна к одной. Хоть весь рынок обойди — лучших не сыщешь! Для ворога — верная гибель, стрелы мои...

— По делу говори! — оборвал конунг.

— Так я и говорю, — оружейник даже слегка удивился. — Стрелы он у меня

покупал. Три дюжины. По... — быстрый взгляд на меня, — ...монете за пару.

Явно закинул цену, мерзавец. Ну и хрен с ним. Лишь бы показания правильные дал.

— Уже и столковались, — продолжал оружейник, да тут — этот дренг. Подошел сзади да как схватится за нож...

— Это не нож убитого, — спросил Рагнар. — Это его нож, — кивок на меня. — Я помню. Не лги мне, человек!

Надо же. Вот это называется — глаз-алмаз. Хотя — чему удивляться. Кинжал у меня характерный, а у здешних взгляд на оружие наметанный.

— Я и не говорю, что его, — не смутился продавец. — Я сказал только: схватился за нож, что у этого на поясе был. Выхватил и сразу ударил.

— И промахнулся? В горло себе попал? — Это опять Хальфдан. — Этот человек врет, отец!

— Может, и врет, — проворчал Рагнар, сверля хищными глазками торговца. — А может, и нет. Послушаем.

— Он в бок ударил, — обиженно пробормотал оружейник. — Сильно ударил. И попал.

— Попал, говоришь? — усомнился Хальфдан. — А почему крови нет?

— А мне откуда знать? Я, что видел, то и говорю.

Я хотел пояснить, но мне опять сунули кулаком, и пришлось помалкивать.

Рагнар подошел поближе, изучил мой бок, пояс, малость подпорченные рукавицы. Потрогал разрубленную бляшку-дракончика.

— Да, — согласился конунг. — Был удар.

Ага! Вот наконец и Хрёрек.

— Что бы ни сделал мой человек, я за него отвечу! — Ярл с ходу ворвался в круг и встал рядом со мной, отодвинув головореза, пихавшего меня в бок.

Я как-то сразу успокоился.

Рановато.

— Жизнь за жизнь! — снова заявил Хальфдан.

— Убитый — человек из дружины Торсона-ярла! — Хрёрек с ходу опознал покойника. Хотя теперь бы и я его опознал, потому что куртка на покойнике была запахнута, а под ней был славный византийский панцирь, который запомнил и я. Теперь понятно, почему его бывший владелец после хольмганга смотрел на меня так недружелюбно. За дядю обиделся.

— Был! — не согласился Хальфдан. — Я взял его в хирд.

— От этого он не перестал быть родичем Торсона, — сказал Хрёрек.

Надо же, мой ярл знал и это. Хотя — тоже понятно. Кто-то же выплачивал покойнику его долю от собственности: драккара Торсоновой дружины.

— Выходит, у него были основания отомстить за дядю! — Тут же заявил Хальфдан. — Вергельд ему никто не платил.

— Хочешь получить вергельд за Торсона, родич? — усмехнулся Хрёрек-ярл.

— За Торсона — нет, а за него, — кивок в сторону покойника, — возможно. Племянник был в своем праве, когда хотел отомстить за дядю.

Вот как. Ну конечно! Копни поглубже — сразу выяснится, что где-то зарыты бабки.

— Не торопись, сынок, — вмешался конунг. — Законоговоритель здесь я. А я говорю, что права на месть тут не было. Ульф Черноголовый (надо же, помнит, как меня зовут. Я даже загордился немного) бился вместо Торсона-ярла.

И мстить за смерть должно было не выставленному поединщику, а тому, кто выставил. Кабы нашего брата Хрёрека здесь не было, тогда ладно. Но если каждый желающий отомстить станет выбирать себе кого пожелает из рода убийцы, то это будет уже не Закон, а беззаконие!

— Верно говоришь, отец! — сказал Ивар Бескостный, о котором говорили, что он платит вергельд только тогда, когда сам пожелает (считай — никогда), потому что плевать ему и на Закон, и на чужую месть. — Тогда это будет закон трусов. Ты — за такой Закон, братец?

Это была шутка, притом добродушная. Хальфдан не обиделся.

— Я за тот Закон, который не позволяет безнаказанно убивать детей Одина! Я оцениваю жизнь воина в пятьдесят марок серебра.

— Не много ли — для него? — Хрёрек махнул рукой в сторону покойника.

— А я не о нем говорю, а вот о нем! — Хальфдан показал на меня и ухмыльнулся. — Думаю, у этого хускарла найдется чем заплатить. А если не найдется, то я готов взять у него в счет долга тот грэнд, что он купил недавно у Вальтева Кьервальвсона.

Ей-богу, весь Сёлунд — одна большая деревня. Все всё знают.

— Мы выслушали всех свидетелей, — пробасил Рагнар. — Теперь говори ты, Ульф Черноголовый. Расскажи нам, как ты убил этого человека.

Ага. Последнее слово предоставляется подсудимому.

«Я защищался!» — хотелось крикнуть подсудимому, то есть — мне.

Но сказал я другое. Я успел продумать линию защиты.

— Этот человек схватил мое оружие!

Тут я сделал паузу, дал присутствующим возможность вникнуть в сказанное: племянник Торсона-ярла взял чужую вещь! Оружие! Без разрешения! Согласно местному моральному кодексу это всё равно что чужой жене подол задрать. Уголовно наказуемое деяние.

— Возможно, он хотел его украсть, иначе зачем он это сделал?

Я догадывался, почему он пытался зарезать меня моим же кинжалом. Посчитал, что, если убить меня секирой, месть будет неполной. Дядьку-то его я ножиком запорол. Другим, правда, но это уже детали. А может, фишка в том, что топором нужно было замахнуться, а замах я бы точно угадал — по тени. Солнце было у меня за спиной. Мой несостоявшийся киллер мог учесть этот момент. Боюсь, мне уже не узнать его мотивов. Ну и хрен с ними.

Я оглядел присутствующих: как, дошло до них, к чему я клоню... И поймал одобрительный взгляд Хрёрека. Ярл уже понял мою линию защиты. Вора убить — это не чужого дренга в драке прикончить. Скандинавы всегда рады пограбить чужих, но на собственной территории к праву собственности относятся очень трепетно. Вора бить можно и нужно. Тем более, вора, который хотел стырить оружие. Оружие — это, вообще, святое!

— Не думаю, что он хотел меня убить, — авторитетным голосом заявил я. — Если бы хотел — ударил бы топором. Но когда он понял, что я хочу вернуть свой кинжал, то ударил меня в бок. Это был сильный удар, но неточный. Мне повезло: удар пришелся в пояс, и я схватил вора за руку. Я думал: он бросит кинжал и убежит, но вместо этого этот человек попытался вырвать свою руку и нечаянно ударил себя кинжалом. Это всё.

— Что скажут свидетели? — невозмутимо поинтересовался Рагнар. Интересно, проглотил он мою версию или нет?

После показаний оружейника и моей речи свидетели уже не были столь единодушны. Примерно половина допускала мой вариант. Вторая половина оспаривала, но большинство из них были слишком далеко, чтобы видеть подробности.

Кроме оружейника.

— Так ли все было, как говорит этот человек? — спросил Рагнар.

— Именно так.

Хорошо, что ему с самого начала не дали дорассказать свой вариант истории. Ведь он мог бы и разойтись с моим.

— Получается, что твой человек — вор, сынок, — сделал вывод Рагнар. — И сам себя убил. Покажите мне оружие, которое пытались украсть.

Возникла заминка. По здешним обычаям, тот, кто вынет оружие из трупа, как бы принимает на себя обязательство отомстить. Идти ко мне в кровники желающих не наблюдалось.

— Он сам себя убил, — Рагнар хмыкнул, наклонился и выдернул кинжал. Оглядел его, еще раз хмыкнул (кинжал был хорош, но не настолько, чтобы рисковать из-за него жизнью) и со словами: — Возвращаю собственность владельцу! — протянул его мне.

Вот так всё и разрешилось. Бескровно и бесплатно. Если не считать двух марок, которые пришлось заплатить Рагнару за «беспристрастный» суд. И небольшого (еще марка) подарка, который пришлось сделать Хальфдану, чтобы тот не затаил на меня обиды.

Триста граммов с хвостиком серебра — как не было. Блин! Если на меня еще кто-нибудь нападет — пусть лучше зарежет. Чистое разорение даже при относительно благоприятном исходе.

А еще (уже по собственной инициативе) я подарил злосчастный кинжал Ивару, который, уж не знаю почему, заступился за меня. По-любому, такого, как Бескостный, лучше задобрить. Дешевле обойдется.

* * *

А потом была праздничная пьянка. В честь замирения. С Хальфданом Рагнарсоном и его парнями. Не со всеми, само собой, а с сотней особо доверенных. Или, может, особо склонных угоститься на халяву.

У постороннего наблюдателя может сложиться впечатление, что викинги только и делают, что жрут, квасят, трахаются и хвастаются. Честно говоря, прежде и я так думал. Пока был «посторонним». Но в какой-то момент до меня дошло: всё не так. То есть — не совсем так. Да, жрут, дуют пиво, орут всякие хвастливые истории — иногда стихами, но чаще — простым слогом, порой весьма невнятным от принятого на грудь. Но не всё так просто. Как я уже неоднократно отмечал: в этом мире нет телевизоров и рок-групп. Вместо последних — дудки и барабаны, а вместо первых не только традиционные шоу вроде хольмганга, но и эти самые застольные истории: невнятные, хвастливые, порой весьма фантастические, но довольно часто — очень даже информативные.

То есть на совместной пьянке с парнями молодого Рагнарсона те, у кого в голове было хоть немного масла, не только дули пиво и соревновались, кто дальше закинет каменюку. Для умеющих слушать и запоминать (а к таким относились почти все хольды, не говоря уже о ярлах, хёвдингах и прочих «офи-

церах» разбойничьей скандинавской братии) рассказы о славных победах и успешных торговых вояжах становились бесценным источником информации. Практически все присутствующие умели отделить толику правды от вороха вранья и похвальбы. Исходя из практических соображений. Если вернувшийся из похода или торговой экспедиции (разница невелика, потому что там, где можно брать бесплатно, эти ребята бесплатно и берут) хирд купается в роскоши и сорит серебром, то рейд наверняка был удачен. А если «морскому» ярлу приходится брать кредит на прокорм собственного воинства, то какие бы славные истории о собственной удачливости и храбрости эти парни ни рассказывали, веры им не много. Хотя уже то, что они не угодили в сети Ран, не сложили косточки на чужом берегу, а все-таки вернулись, тоже можно полагать удачей. А уж опыт, который они привезли домой, можно считать и вовсе бесценным, потому что информация правит миром не только в техногенную эпоху.

Тот, кто не умеет учиться на чужих ошибках, никогда не станет вождем в этом мире. Удача — девушка разборчивая. Она предпочитает тех, кому известно, где ее искать.

Когда я научился правильно слушать разбойничьи байки, они сразу перестали выглядеть как потоки безудержного хвастовства. Более того, именно на основе этих баек в моем мозгу наконец сложилась непротиворечивая геофизическая картинка здешнего мира.

Как известно любому, кто хоть раз рассматривал карту мира, Скандинавский полуостров — это довольно-таки обособленная территория. Только у Дании, прихватившей часть материка, есть сухопутная граница с «цивилизованной» Европой.

Прочие же — свеи и норегы, по суше контактируют только с «дикими туземцами» — финнами, бьярмами, саамами и прочими.

Соседство сие весьма выгодно для скандинавов и весьма прискорбно для «диких» соседей. Викинги уже давно доказали туземным охотникам, что они — не соболя и не белки, а слабенькие стрелы с костяными наконечниками и каменные топоры совсем не рулят против боевого железа детей Одина.

Однако отсутствие обширных сухопутных границ с континентом скорее способствовало, чем препятствовало, успеху скандинавских разбойников.

А равно и торговцев, потому что именно торговцы, как правило, первыми осваивали новые маршруты и разведывали слабые места вероятного противника.

Мои друзья были замечательными мореплавателями. Пересечь Северное море и внезапно возникнуть из тумана у берегов Англии?

Да запросто!

Прихватить то, что плохо лежит, по ту сторону Ла-Манша — легко! Обычное дело. А вот мечта Рагнара ограбить Рим — это воистину грандиозный замысел! И великое плавание. Потому что это вам не четыре с хвостиком часа ленивой дремы в кресле «Боинга».

Чтобы попасть в Средиземное море, нужно сначала с запада обогнуть земли франков, потом Испанию, где в данный момент властвовали арабы, затем пройти через Гибралтар в Средиземное море, проплыть вдоль южных границ

той же Франкской империи, собранной Карлом Великим, но ныне поделенной на трое его наследниками, и лишь затем оказаться у берегов вождественного Итальянского королевства.

Но одной географии мало, чтобы понять истинную трудность задачи. Ведь всё это время викингам придется плыть вдоль чужих берегов. Не то чтобы незнакомых (скандинавские купцы бывали даже в Адриатическом море, да и тамошние тоже, бывало, доплывали аж до Бирки[64]), но очень, очень недружелюбных. Придется приставать к этим берегам, чтобы пополнить запас пресной воды и пищи... Ну и пограбить, если получится. Конечно, викинги — великие воины. Но даже величайшая армия, отрезанная от «баз», может воевать лишь ограниченное время. Нет пополнения, нет отдыха... Да и добычу домой еще доставить надо.

Поэтому без знания будущего маршрута — ну просто никак. Даже до Франции — путь неблизкий. А уж обогнуть всю Европу... Об этом деянии такие саги сложат, что слава пройдет сквозь тысячелетия. Если деяние удастся.

Хальфдан, будучи сыном Рагнара, был в курсе самых заветных планов. И пропагандировал их как мог. Наш хирд пользовался среди разбойничьей братвы немалым уважением. И пусть под знамя Ворона[65] охотно вставали тысячи любителей чужого добра, между дикой вольницей и дисциплинированным отрядом есть большая разница. Хотя, по-моему, Хальфдан просто хотел упрочить свое положение. Он был не единственным и далеко не самым крутым сыном своего славного папы, а молодости свойственно честолюбие.

В общем, мы хорошо посидели и расстались друзьями. А мой кошелек стал легче еще на полмарки. Попойку-то оплачивал я. Нет, больше ни одного трупа! Этак и в нищету впасть недолго.

Глава двенадцатая,

в которой герой осваивает игру в мяч по-древнескандинавски

Когда-то давно я полагал, что довольно прилично играю в футбол, волейбол, баскетбол и прочие игры с мячиком. Не профи, конечно, но в любительской команде попинать или покидать мячик — легко и с удовольствием.

Вот только здесь в мяч играли по-иному. Да и мяч был другим: тяжелым и неупругим. Вдобавок лупить его можно было не только ногами-руками, но и палками.

Самый популярный вариант был таким. Игроки разбивались на две команды и посредством этих самых палок и различных частей туловища пытались загнать набитую шерстью шкуровку весом килограмма три-четыре на территорию противника. В этой игре у меня было не много шансов на успех. Весовая категория не та.

Зато другой местный вариант игры в мяч меня заинтересовал куда больше.

Во-первых, никаких палок. Во-вторых, мяч — намного легче. Как я понял, он состоял из толстой пленки животного происхождения, набитой перьями и зашитой в шкуру. Вот этот предмет был куда больше похож на привычный мне мячик. Кроме того, согласно правилам, его нельзя было хватать.

Чем-то это напоминало волейбол.

Площадка из утоптанного снега делилась пополам. Пересекать условную линию запрещалось. Нельзя было также хватать, бить или иным способом пытаться изувечить противника. Только — мячом. Если получится. Играли,

кстати, в особых «трехпалых» (большой, указательный и все остальные) рукавицах.

Правила были таковы. Одна из команд получала в пользование мяч и перебрасывалась им с помощью пинков и тычков, пока кто-нибудь, улучив момент, не зафигачивал мячик на территорию противника. Мяч следовало отбить. Если это не удавалось и мячик падал на землю, команда противника получала очки, а проигравшие теряли часть территории.

Просто и эффективно. Победителями считались те, у кого к концу игры было больше земли. Всё как в жизни, правда?

Численность игроков в команде строго не регулировалась. Главное, не меньше двух. В данном случае соперников было по трое с каждой стороны.

Молодой дренг Флоси, Свартхёвди и, в качестве капитана команды, сам Ульфхам Треска.

Это было оправданно, потому что капитаном второй команды стал Трувор. А его подручными Рулаф и варяг Витмид, с которым мы за всё это время не перебросились и десятком фраз, настолько он был немногословен.

Зато мячик он перебрасывал довольно ловко. Пару квадратных метров территории наверняка выиграл он.

Желающих занять место на площадке среди зрителей было достаточно, поэтому играли на время. Время же отмеряла тень от воткнутой в сугроб палки.

Мяч мелькал в воздухе. Каждый удачный шлепок сопровождался ревом зрителей.

Я с удовольствием болел. Ни за кого-то конкретно (все ведь — свои), а за хорошую игру.

Надо признать, обе команды с мячом управлялись ловко. Бывало, мячик не касался земли целую минуту.

Отбивали его не только ногами-руками, но и всеми частями тела: коленями, плечами, головой... Иной раз прилетало неслабо. У Рулафа борода покраснела от крови, а у Свартхёвди заплыл глаз. Нормальное дело.

Нормальное-то нормальное, но примерно на десятой минуте игры (варяги были в выигрыше) посланный ногой Рулафа мяч угодил Свартхёвди точнехонько по мужскому достоянию.

Больно, однако! Медвежонка скрючило. Однако согласно правилам останавливать матч из-за выхода игрока из строя не полагалось. За следующие несколько минут скандинавы проиграли почти метр территории.

Варяги не скрывали радости... Пока более или менее оклемавшийся Свартхёвди совершенно сознательно не запустил мячом в лицо Рулафа. С дистанции полтора метра. Причем грубо нарушил правила: то есть бросил, а не отбил. Бросок у Медвежонка был — что надо. Не ожидавший подлянки Рулаф мешком повалился на снег...

...И молчун Витмид с разворота, от души, засветил Медвежонку кулаком в висок.

Таким ударом и убить можно. Хорошо, что у викингов такие крепкие черепа.

Крепкие-то крепкие, но Свартхёвди улегся рядышком с Рулафом...

И начался кошмар.

Я и оглянуться не успел, как остался в одиночестве. Ну если не считать дюжины зрителей из других хирдов.

Пяти секунд не прошло, а на игровой площадке уже не две команды, а два оцетинившихся мечами боевых строя. Так быстро, словно всю жизнь тренировались, три десятка наших, варяги и скандинавы, разделились и встали друг против друга.

С варягами, не раздумывая, встали эсты и ладожские словене. А я...

А я поступил как человек будущего. То есть, наверное, как идиот. Потому что бросился между ними. Раскинув руки, такой живой прокладкой. Лицом — к скандинавам, потому что был уверен: Трувор никогда не ударит меня в спину.

Передо мной — Ульфхам Треска. Вернее, его меч. В метре от моего живота. Один быстрый выпад — и все.

Но мне было наплевать. Что-то хрустнуло в моем понимании мира. Мы же — братья...

Скрип снега за спиной — Трувор шагнул вперед и решительно отодвинул меня в сторону. Я не упирался. Потому что боковым зрением увидел, что он сделал. А сделал он правильно. Развернул меч рукоятью вперед и протянул (мимо меня) Ульфхаму.

Клинок Трески крутанулся в руке скандинава, и шуйца Трувора приняла его рукоять одновременно с левой рукой Ульфхама, взявшей за меч варяга.

И всё. Будто отпустили звенящую от напряжения стропу. Два строя распались и смешались вокруг меня...

Витмид и Флоси помогли подняться Свартхёвди. Витмид бубнил что-то покаянное.

Рядом — Рулаф. Весь в крови из разбитого носа, но — ухмыляющийся...

Посторонние зрители расходились, не скрывая разочарования. Такое шоу обломилось...

— Пойдем-ка, — Трувор решительно взял меня за руку и отвел в сторону.

— Что, Волк, плохо? Понимаю. Ты же — наш, верно?

Я кивнул.

— А Медвежонок — твой будущий родич, так?

Я снова кивнул. Надо же! Все всё обо мне знают. Лучше меня.

— Ну так и стоял бы себе в сторонке.

— Ага, — буркнул я. — А вы бы друг друга...

Трувор коротко рассмеялся и похлопал меня по спине. Этак снисходительно.

И отошел, оставив меня в глубоком недоумении. И с очень неприятным ощущением, что я — облажался. И теперь все вокруг — вместе и только я — сам по себе. Чужой и тем и другим...

А пока я страдал, жизнь продолжалась. И игра — тоже. Вернее, уже следующая игра. Победу в предыдущей засчитали варягам, потому что Свартхёвди первым нарушил правила и схлопотал пачку штрафных.

Я тупо смотрел, как новые команды перебрасываются мячиком, когда ко мне подошел Руад.

— Волчонок, с нами не хочешь сыграть? Мы вторые на очереди.

Я уставился на румяного от мороза варяга — как на взошедшее солнышко. И быстро кивнул. Ну да, я опять чего-то не понял... И хрен с ним. Зато я вновь

в команде.

И всё бы хорошо, но удар Витмида не прошел для Свартхёвди бесследно.

Головы у викингов крепкие, тем не менее у Медвежонка налицо были все признаки неслабого сотрясения. Рвота, боль, глаза в кучку... Два дня он провалялся в постели, не в состоянии до ветру сходить самостоятельно.

Само собой, мы все ухаживали за ним. Особенно старался Витмид. На третий день голова Свартхёвди вроде бы пришла в порядок, и мы решили, что инцидент исчерпан. Подумаешь, кулак! Бывало, топором по черепашке прилетало — и ничего.

Однако в данном случае оказалось очень даже «чего». Конечно, виноват в последствиях был не только удар, но и специфическая наследственность Медвежонка. Но тот Свартхёвди Сваресон, которого я знал, надежный, уравновешенный, жизнерадостный, доживал свои последние дни...

Глава тринадцатая, в которой неудачная шутка ирландского викинга оборачивается кровью и безумием

— Тебе, дренг, не со мной, с моей младшей сестренкой играть! — провозгласил Свартхёвди, щелчком смахнув в поля «конунга» противника и забирая монеты. — И ты, Флоси, учись. Глядишь, тоже ума наберешься.

Дренг Флоси фыркнул, но возражать не стал. Медвежонок был старшим по званию.

— Пойдем, Черноголовый, — позвал он меня. — Мяч покидаем, пока еще светло.

Поиграть в скандинавский вариант волейбола — это всегда пожалуйста. Я уже наловчился. И всяко лучше, чем в духоте набивать брюхо, лапать общедоступных девок и наливать пивом. Хорошо еще — здесь не курят. До Колумба еще жить и жить. Но и без табака в длинном доме — не продохнуть. Топят по черному. Сидишь как в коптильне.

Вообще-то мы были в гостях. Пригласил нас Красный Лис, тот самый ирландец, который боролся с Иваром передо мной.

Пересеклись случайно, когда мы со Свартхёвди, а также Стюрмир и Флоси, уклоняющиеся от общественно полезной работы — обучения новобранцев, — возвращались с рынка, нагруженные подарками для родни Медвежонка. Через пару дней планировалось возвращение в родное захолустье.

Рыжий Лис собирался в вик вместе с Иваром Бескостным, но дружина у него была своя. В основном — ирландская. Этническая, так сказать. Сам Лис еще мальчишкой был захвачен набежавшими на Ирландию норегами. Рос рабом у какого-то норегского ярла. Выделенный хозяином за ловкость и выносливость, был «назначен» спарринг-партнером ярлова сына. Тот отрабатывал на молоденьком Лисе боевые приемы. Обучали сына ярла, но по ходу выучили и раба. В один прекрасный день Красный Лис (тогда его звали иначе) оглушил своего тинейджера-хозяина, забрал у него оружие, одежду, кошелек и сбежал.

Через месяц он объявился в Тёнсберге,[66] главном городе фюлька Вестфолл,[67] где сумел устроиться «юнгой» к одному из свейских купцов.

С тех пор Красный Лис изрядно поплавал, заматерел, обзавелся прозвищем и даже побывал на своей исторической родине и счастливо воссоединился с

семьей.

Однако мирная жизнь была не для него. Сколотив из своих команду, он приплыл сначала в Бирку, потом — в Хедебю, где и услышал о том, что Рагнар Лотброк собирает удальцов для будущего суперразбоя.

Общаться с Лисом было весьма интересно. Мне. Стюрмир культурной беседе с нами предпочел мясистые выпуклости двух местных шалав. А Свартхёвди тем временем обставил одного из Лисовых дренгов в местную умную игру: помесь шашек и шахмат.

— Стюрмир, как насчет мячик покидать? — позвал я, но могучий дан только отмахнулся. Его застольно-половое общение двигалось к победному... концу. Обе девки шарили в просторных штанах викинга, как хозяйка — в собственной кладовке.

Ну, удачи тебе, парень!

Однако спокойно уйти нам не дали.

— Эй, Медвежонок! — крикнул нам вслед огорченный проигрышем ирландец. — А правда, что сестренка, которую ты упоминал, родилась, когда твой папаша уже пас табуны Эгира?[68] Интересно, каково это — резвиться в постели с утопленником?

Шутка была резкая. Я бы сказал — на грани фола. И я ожидал от быстрого на язык Свартхёвди такой же резкой отповеди.

Но Медвежонок отреагировал еще резче, чем я ожидал.

Сначала он молчал секунд этак сорок... Что само по себе было странно: Свартхёвди никогда не лазал за словом в карман (тем более что и карманов у него не было), а всегда держал отповедь наготове. Как метательный нож в перевязи. Зацепил кольцо пальцем — и прощай глаз нехорошего человека. Но тут Медвежонок почему-то промедлил...

В этот момент я, обменявшись дружескими похлопываниями с Красным Лисом, двинул на выход... И оказался как раз между Медвежонок и его обидчиком...

Я успел лишь увидеть, как Свартхёвди выдергивает из ножен меч.

Медвежонок сшиб меня быстрее, чем я мигнул. Отбросил в сторону, как кеглю. Ничего себе — силушка!

Промельк стали... Только потолочная балка, в которой увяз клинок, спасла злого шутника.

Рывок — и меч снова свободен, а Медвежонок, с утробным рычанием, бросается на обидчика. Кто-то метнул нож, тяжелый, разделочный, — Свартхёвди отшиб его голой рукой, на лету, и вспрыгнул на стол. Половинки гуся, как живые, прыгнули в стороны, а в Медвежонок полетели кувшины, кружки, жареная вепрятина... Всё, что подворачивалось пирующим под руку.

Свартхёвди уклонился от более крупных снарядов (невероятно быстро), проигнорировал мелочь, ударил снова — и достал. Голова неудачно пошутившего ирландца спрыгнула с плеч и покатила по полу. Альый гейзер плеснул вверх... Метательный нож вонзился в правое плечо Медвежонок, но тот даже не заметил... Он стоял на столе, медленно озираясь... Глаза безумные, налившиеся кровью, клинок в руке мелко подрагивает...

— Сетью его! — прогремело в дверях.

У входа стоял Ивар Бескостный.

У этого Рагнарсона определенно нюх на кровопролитие.

Красный Лис среагировал первым. Рванул с потолка подвешенную связку сетей и метнул...

Но Свартхёвди слетел со стола быстрее, чем его накрыло. Народ шарахнулся от него в стороны. Норманы уже всё поняли, только до меня доходило как до жирафа...

— Сам! — закричал Ивар, выхватывая меч.

Я мигом оказался между ним и Свартхёвди с клинком наголо.

— Прочь! — зарычал Бескостный.

Ага, сейчас, разбежался...

— Прочь! — И выпад. Не в меня, надо мной. Я пригнулся... Промельк сбоку и лязг стали о сталь. Полуоборот...

Блин! Медвежонок едва меня не зарубил!

Но теперь он обратился на Ивара. Черт! Никогда не думал, что мой друг может быть таким быстрым. Да еще с ножом, торчащим из плеча. А рычал он, как настоящий медведь. И пенная слюна текла по бороде... «Берсерк»! — наконец доперло и до меня — «жирафа».

Ивар изловчился, увел клинок Медвежонка в сторону и толкнул Свартхёвди ногой в живот. Парня отбросило на меня... Я рефлекторно поймал его... И врезался в стену. Медвежонок, не глядя, отбросил меня левой рукой и снова бросился на Ивара...

Но тому осталось лишь отойти в сторону, потому что Красный Лис, улучив момент, изо всех сил врезал Медвежонка по спине какой-то жердиной.

Он его даже не оглушил. Просто впечатал в опорный столб. Но Ивар коршуном налетел сзади, вывернул руку с мечом, подсек и придавил Свартхёвди к земляному полу, пытаясь удержать...

Хренушки! Медвежонок заревел еще яростней... И поднялся. Вместе с Иваром, повисшим на нем, аки клещ...

Но тут уж подросли и остальные. Моего друга запеленали в сеть, отобрали оружие. Стюрмир, поднатужась, выплеснул на Медвежонка пятидесятилитровую кадушку с ледяной водой...

И только тогда Свартхёвди пришел в себя. Его затрясло. Из проколотого ножом плеча хлынула кровь...

Но мы уже взялись за дело. Разрезали сеть, содрали мокрую одежду, наложили жгут...

Медвежонок был — как кукла. Что-то бормотал... Но не сопротивлялся.

В шесть рук мы его перевязали, переодели, влили в рот горячего молока, положили на лавку...

Медвежонок наконец успокоился. Похоже, заснул.

— Берсерк — это хорошо! — Губы Ивара насмешливо кривились, но глаза были — как ледышки. — Берсерки угодны Одину! Верно, Ульф Черноголовый? — И подмигнул.

Я не нашелся что ответить. Да это и не требовалось, потому что Ивар уже перенес внимание на Красного Лиса, который с угрюмой рожей нависал над спящим Свартхёвди.

— Эй, отродье Локи![69] Я думал: ты крепче. И сетью промахнулся. И полешком ударил — крепче моя бабушка клюкой тюкает. Надо бы сказать твоим парням, чтобы выбрали себе другого хёрсира.

Это была шутка, но Лис даже бровью не повел.

— Говори, что хочешь, — проворчал он, — а я вот хочу услышать, кто заплатит мне вергельд за моего родственника.

Тут и остальные вспомнили о несчастном обезглавленном ирландце.

— Поделом дураку, — с легкой угрозой процедил Стюрмир. — За такое язык отрезать вместе с головой — самое правильное дело.

— А что он сказал? — живо заинтересовался Ивар.

Ему повторили последнюю реплику покойника.

— Что ж, — согласился Ивар. — Шутка была — не из лучших. — Но ведь никто не станет спорить, что Сваре Медведь утонул. А есть ли среди нас тот, кто сможет подтвердить, что дочь Сваре родилась после смерти отца?

— Я! Я! — тут же отозвались несколько викингов.

— Сваре утонул летом, а дочь родилась осенью, — хмуро уточнил Стюрмир. — Такое бывает.

— Бывает, — согласился Ивар. — Однако выходит, что многое из сказанного убитым было правдой. Я думаю: вергельд в десять марок был бы справедливой ценой.

— Пятнадцать! — отрезал Красный Лис. — И ни чешуйкой меньше.

— Пусть будет пятнадцать, — не стал спорить Рагнарсон. — Но ты не будешь мстить, Красный. Ни ты, никто из твоих. Или я приму кровь убитого на себя!

Я не очень понял, что он имеет в виду, но у всех остальных вопросов не было.

— Пусть будет так! — Красный Лис торжественно наклонил голову. — Я принимаю и цену, и условия. Боги тому свидетели! А кто будет платить, Бескостный? Вдруг Свартхёвди помрет? С оборотнями такое бывает.

— Я заплачу! — В дверях стоял наш ярл.

За его спиной маячил Флоси. Пока мы тут болтали, шустрый дренг, молодец, успел сбежать за подкреплением.

— А, родич! — Ивар Бескостный одарил Хрёрека-ярла насмешливым взглядом. — У тебя в хирде наконец-то появился берсерк. Поздравляю! Или ты поступишь с берсерком по своему обыкновению — пошлешь прочь?

Я насторожился. Если Хрёрек выгонит Свартхёвди — это будет ну совсем несправедливо!

Хрёрек не выгнал.

— Свартхёвди — мой хускарл, — со вздохом, но твердо ответил ярл. — Моем он и останется.

— Жаль! — Клянусь, огорчение Ивара было искренним. — Я бы взял его. Даже если Медвежонок вполовину так же хорош, каким был Медведь, это отличное приобретение.

Глава четырнадцатая,

в которой герой оказывается на пиру и прозревает невидимое

Свартхёвди очнулся только на следующий вартхёвди очнулся только на следующий день. И было ему так худо, будто он принял литр паленой водки. Разумеется, он ничего не помнил, и мы, посоветовавшись, решили оставить его в неведении до тех пор, пока не оклемается.

Деньги на вергельд за убитого выделил Хрёрек. Я отнес их Красному Лису. Отдал при свидетелях — как положено. Ирландец публично заявил, что не имеет к Свартхёвди претензий. Призвал богов в свидетели своей искренности.

Поскольку боги не стали уличать его во лжи, конфликт был урегулирован. В знак примирения ирландец предложил поохотиться на лося. Причем не на Сёлунде, а на материке.

Я вежливо отказался. Знаем мы таких «лосей». Свободные бонды называются.

Вечером я удостоился приглашения на пьянку к самому Рагнару. Как выяснилось, протекцию мне составил Ивар. Старший Рагнарсон определенно хотел наладить со мной отношения. Меня же от него в дрожь бросало. Мне казалось, что бог воинов, повешенных и лжецов смотрит на меня из его зрачков.

К сожалению, моим мнением не интересовались. Хорошо хоть я отправился не один, а в «свите» Хрёрека.

«Королевский дворец» Рагнара Волосатые Штаны мало отличался от стандартного длинного дома данов, разве что был побольше.

Снаружи — ничего примечательного. Изнутри... Изнутри он походил на гигантский совершенно неупорядоченный склад награбленного. Восточные стеклянные кубки соседствовали здесь с золотыми чашами явно церковного происхождения, а пыльные европейские гобелены — с пестрыми восточными коврами.

Расселись. Выпили по первой. Вернее, по первому. В серебряную чашу, более похожую на тазик, налили пару ведер пива, и емкость двинулась по кругу. Вы когда-нибудь пробовали пить пиво из детской ванночки? Попробуйте. Незабываемые ощущения. К счастью, до меня чаша дошла на три четверти опустевшей. Стараясь не думать о том, сколько слюней туда напущено и сколько грязных усов и бород выполоскано, я осторожно смочил в пиве собственную растительность. Заждавшийся Ульфхам, как и все викинги начисто лишенный брезгливости, выхватил у меня импровизированную «братину» и опрокинул в пасть не меньше пинты. Еще полпинты стекло по его бороде на шитую дивными зверями рубаху. Рубахе было — не привыкать. Треске — тоже.

— Ху-у! Доброе пиво! — резюмировал Треска и цапнул с ближайшего подноса-доски свою копченую тезку.

Не менее двух сотен волосатых пастей бодро захрустели и зачавкали, перерабатывая на экскременты выставленное конунгом угощение.

Слух гостей услаждала музыка. Парочка барабанов, дудки и некий струнный инструмент, чья партия так и не смогла пробиться сквозь гвалт, бульканье и чавканье.

Наконец первый голод был утолен (я налегал в основном на рыбу — умеют черти скандинавские ее готовить), настала очередь культурной программы. Ивар Бескостный поднялся на ноги (большая часть присутствующих моментально заткнулась) и взялся за обязанности скальда.

Историю, поведенную им, большинство присутствующих наверняка знали наизусть, но слушали внимательно, потому что рассказчиком Ивар оказался замечательным. Он не просто пересказывал сюжет, а отыгрывал каждого из персонажей, делал театральные паузы, понижал и повышал голос в нужных местах. Словом, был на удивление артистичен.

История же была — из жизни скандинавских богов. И явно весьма любимая норманами. Еще бы! В ней была раскрыта не только тема выпивки и жрачки, но присутствовало также соревнование и — что особенно важно —

грандиозная разводка. И то, что богов-асов (хороших) развели великаны (нехорошие), никого не смущало. Здешние «блокбастеры» не требовали хеппи-эндов и непременно забарывания зла. Главное — сам процесс.

История же была такова.

Три представителя партии Асгарда — Тор, Локи и слуга Тора, паренек по имени Тьяльви, заявили в обитель великанов,[70] где их с ходу вызвали на соревнование. Вернее, поинтересовались, есть ли среди них кто-то, достигший высот в искусстве.

Вызвался Локи. А искусство, в котором он готов был состязаться, оказалось прожорливостью.

Главный великан, которого тоже звали Локи, вернее Утгард-Локи, выставил своего бойца по имени Пламя (Логи). Соревнующимся предоставили корыто, которое загрузили кусками мяса, и процесс пошел.

Ивар рассказывал очень эмоционально. Даже с демонстрациями: схватил и довольно быстро обожрал свиную кость.

Но Локи, само собой, кушал быстрее. Бог все-таки. Успел сожрать полкорыта. Его соперник оприходовал вторую половину... И выиграл. Ивар весьма драматично изобразил, как был расстроен Локи, когда обнаружил, что соперник слопал не только мясо, но и кости.

Следующим соревнователем был слуга Тьяльви. Против него великаны выставили человека по имени Хуги, то есть — Мысль. Логика понятна? Я уже заранее знал, кто победит. Так и вышло, хотя Тьяльви тоже показал себя молодцом. Великан-хозяин даже отметил, что не видел прежде столь проворного человека.

Наконец наступила очередь Тора. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, какое именно соревнование выбрал наш бог. Кто больше выпьет!

В высоком искусстве впитывания жидкости могучий Ас не знал равных на своей божественной родине. Но, играя на чужом поле, почему-то оплошал. Поднесенный рог наш «молотобоец», всасывающий содержимое любого сосуда с первой попытки, осилить не сумел. Бог сделал три подхода, но лишь несколько понизил уровень жидкости.

Любой на месте Тора заподозрил бы, что дело нечисто. Но простодушный бог вместо этого ввязался в следующее состязание: по подъёму тяжестей.

Тут рассказчик прервался и предложил нам показать, что мы тоже способны существенно снизить уровень жидкости в сосудах.

Никто не возражал. Наполнили, опорожнили, рывкнули: «Слава Рагнару-конунгу!» — и приготовились слушать дальше.

В качестве тяжелоатлетического снаряда Тору предложили кошку. Правда, большую. Великанскую. Тор (храбрый, как и подобает богу, — я бы ни за что не стал хватать чужую кошку с тигра размером поперек живота) взялся за снаряд, поднатужился, потянул... Но опять не справился с заданием. Только чуть приподнял животину. Хозяин богу пособолезновал. Вишь какой маленький. Был бы росточком побольше — наверняка справился бы.

Тор, само собой, вознегодовал. Он знал, что размер имеет значение, но полагал, что на него этот закон не распространяется.

Ах, маленький? А ну давайте тогда бороться? Ну? Есть желающие?

Э, парень, не так резко, остановил разбушевавшегося бога Утгард-Локи. Ты же гость как-никак. Зашибем — нарушим закон гостеприимства. Давай-ка для

начала с бабушкой моей поборись.

Видимо, предыдущие провалы малость отформатировали самомнение бога, потому что он согласился и на бабушку.

И снова проиграл. Заборола его бабка. Не то чтобы совсем, но на одно колено поставила грозного Тора. Иппон не иппон, но вазари.[71] Прием засчитан, бог снова продул.

В глубокой печали представители Асгарда покинули город. Утгард-Локи их провожал. И, прощаясь, сообщил, что соревнование было не совсем честным. Локи (асгардский) соревновался с настоящим огнем, бегун-слуга состязался с мыслью, а что может быть быстрее? А уж Тора развели так развели. Рог его соединили трубопроводом с Мировым океаном (Представляю, какого вкуса в Асгарде пиво, что его от морской воды не отличить. Нет, не хочу в Валхаллу!), кошка оказалась не кошкой, а Мировым Змеем, а бабка, понимаешь, натуральной Старостью. И могучий Тор показал себя очень даже достойно: существенно уронил уровень океана, приподнял мегазмеюку, и даже Старости сопротивлялся по-чемпионски: прочих-то всех эта бабка на обе лопатки кладет, а Тора только на коленку поставила.

На мой взгляд, бессмертному богу старость — по барабану, так что тут — неувязочка. Но — ладно. Миф, он и есть миф. А Тор обиделся. Казалось бы — радоваться должен. Не лузером, а молодцом себя показал. Ан нет! Схватил свой кумулятивный молоток и вознамерился Утгарда-Локи пришибить. Но тот вовремя применил магию и пропал из виду. Вместе с городом.

Всё. Конец истории.

Народу понравилось. В адрес Ивара посыпались похвалы. Ульфхам Треска вскочил, схватил подвернувшуюся палку и, опираясь на нее, как на клюку, заковылял, изображая старуху. Ту самую Старость, надо полагать.

Тут же навстречу ему выскочил кто-то из херсиров. Секунд двадцать они прыгали и возились, изображая борьбу, потом Треска изловчился и поддел своей «клюкой» противника так, что тот грохнулся на спину.

— Я победил Тора! — радостно завопил Ульфхам.

Хёвдинг поднялся, но тут же скрючился и заковылял, кряхтя и потирая поясницу.

Простодушным викингам идея так понравилась, что через минуту «старух» в доме было уже десятка три. Все они охали, кривлялись и тыкали друг друга палками.

Веселье кипело. Рагнар хохотал, широко разевая пасть. Мой ярл тоже ржал, аки конь, хлопая себя по ляжкам. Уровень шума зашкаливал за критический. Бьёрн Железнобокий от смеха пронес рог мимо рта, и пиво ручьем текло по его желтой бороде.

Всегда невозмутимый Ольбард задыхался от хохота и лупил кулаком по столу так, что доски трещали...

Только два человека не смеялись в этом восторженном обезьяннике. Я и Ивар Бескостный.

Я, может, и ржал бы со всеми, потому что общее веселье — штука заразная, но вспомнил вдруг своего деда. Когда я был маленьким, дед казался мне огромным (выше отца на полголовы) и очень сильным. Да так оно и было. Он был шофером-дальнобойщиком и гонял на своей фуре по всей Евразии. Он не боялся никого и ничего, хотя любая из переделок, в которые он попадал в ли-

хие девяностые, у любого нормального человека вызвала бы острое желание сменить профессию. Дед был не только бесстрашным, но и очень веселым. У него была куча друзей и, как позже выяснилось, и подружек в каждом крупном городе России. И был один враг — радикулит. Когда я вернулся из армии, этот враг окончательно победил. Дед вышел на пенсию и в считанные годы превратился в охающего, скрюченного, никому особо не нужного старика. Так что мне было не смешно.

А вот почему не смеялся Ивар — хрен его знает. Но наши взгляды встретились — и меня словно окунули в холодную воду. Жуткое ощущение. Словно в какой-то момент всё вокруг замерло и остановилось. И остались только мы двое. На миг мне показалось, что глаза эти — нечеловеческие. Будто чудовищная холоднокровная тварь, ящер или гигантский змей, пялится на меня из человеческих глазниц. Жуть, от которой у меня враз вспотела спина.

И тут Ивар Рагнарсон подмигнул мне и поднял оправленный в золото рог.

Чудовищным усилием воли я взял себя в руки, «удержал» лицо» и тоже поднял тяжелый кубок из зеленого импортного стекла. Вот так, глядя друг на друга, мы одновременно приложились к нашему пиву.

И жуть ушла.

Привидится же невесть что...

Знать бы еще, что от меня надо Бескостному... Что во мне его так заинтересовало?

Но я мог на эту тему только гадать. Ясно было лишь одно: внимание такого человека, как Ивар Рагнарсон, — очень, очень опасная штука.

Глава пятнадцатая,

в которой герою представляется возможность принять участие в зимнем чемпионате по скандинавскому многоборью

— **О**дин! Ты слышишь нас! Ты видишь нас! Прими эту жертву! Испей с нами сладкой крови!

Хряп! — Дымящийся кровавый поток хлынул в подставленную чашу и на черные ноги идола. Обезумевший от ужаса и боли жеребец рванулся в последний раз, но быстро ослабел и повалился бы на снег, если бы его не удержали на весу.

Рагнар-конунг приложился к чаше, передал ее Бьёрну, утер ладонью окровавленные усы. От Бьёрна чаша переместилась к Ивару, от Ивара — к Уббе.

После Рагнарсонов кровавый напиток принял мой ярл — как родич.

За ним — еще один ярл. И так пока все водители хирдов не омочили усы в жертвенной крови. И каждого приветствовала рёвом воинская дружина. Наши тоже старались — вопили от души. Даже варяги, словене и эсты, которые главными держали не скандинавских, а собственных богов.

Настроение у всех было приподнятое. Рагнар-конунг объявил большие зимние игры острова Сёлунд открытыми. Я тоже участвовал. В доступном мне варианте игры в мяч и в фехтовании на палках.

Игры начались с боя жеребцов. Воистину сегодня был неудачный день для этих славных животных.

Для возбуждения страстей вывели небольшую мохнатую кобылку с кокетливой челкой. Кобылка заинтересованно косилась на кавалеров и копытила снег.

Жеребцы выражали крайнюю заинтересованность.

С одной стороны выступал крепкий вороной конек, принадлежавший некоему Кольгриму. Как мне пояснили — главному коннозаводчику Сёлунда, так что для него состязания были чистой воды рекламой. Ему противостоял соловый коник Макдана Волосатого. Этот коней не разводил. Зато у него были личные счеты с Кольгримом, уходящие корнями в какую-то родовую распрю.

И Кольгрим, и Макдан облачились как на битву. На Кольгриме — кольчуга, шлем и боевой пояс с мечом. На плечах — пижонский сине-алый плащ, шитый золотом. Богатенький буратина.

Макдан тоже был в доспехах и «очкастом» шлеме. В одной руке он держал такую же палку, как у Кольгрима. Вместо плаща Волосатый нацепил бурую медвежью шкуру, которая сразу не понравилась вороному. Коник захрапел и попятился.

Кольгрим треснул его палкой по крупу. Не воодушевил.

Соловый заржал. Кобылка ответила. Соловый сунулся к ней. Это взбодрило вороного куда эффективней палки. Наплевав на медвежий дух, он сбоку наскочил на противника и принялся его кусать и лупить передними копытами.

Соловый вздыбился, принимая бой, но вороной оказался сильнее. Он наседал на соперника, лупил его и грыз. Зрители азартно вопили, подбадривая, соответственно, того жеребца, на которого поставили.

Вороной окончательно подмял солового. Тот уже нацелился дать деру, но вмешался Макдан Волосатый и пустил в дело палку. Правилами этого не возбранялось. Но лупить разрешалось только своего коня, а Волосатый колотил обоих и добился того, что вороной отступил. Тут уж не стерпел Кольгрим. На жеребцов он размениваться не стал. Хряснул с размаху Макдана по хребту.

Тот, естественно, отвлекся, и жеребцы опять сцепились.

Кольгрим разбежался и ударил палкой, как тараном, Волосатого в живот. Тот полетел на снег. В опасной близости от дерущихся коней.

Руад пихнул меня в бок:

— Ставлю пять монет против двух — на Кольгрима! Примешь?

— Принимаю! — Я видел, что Волосатый не очень-то пострадал. Если его не затопчут жеребцы, есть шанс...

Кольгрим бросился к Волосатому, намереваясь закрепить победу, но тот извернулся, из положения лежа цапнул Кольгрима за роскошный плащ, пнул по ноге, и лучший сёлундский заводчик полетел прямо под копыта сцепившихся жеребцов.

— Разведите коней! — закричал хёвдинг, назначенный судьей.

Несколько человек бросились к жеребцам, ухватили вороного... Солового унимать не пришлось. Он был только рад выйти из боя. Досталось конику изрядно.

Кольгриму тоже накидали неслабо. Но поднялся он сам, пусть и несколько скособоченный... И вдруг, выхватив меч, бросился на Макдана.

Тот не ждал атаки. Стоял спиной, обнимая своего коника и что-то наговаривая ему в ухо. Видимо, успокаивая.

Удар пришелся Макдану по шлему. Сдвинутый на затылок шлем слетел с головы Волосатого, а меч пролетел дальше и разворотил шею соловому.

Тот жалобно заржал и шарахнулся. Кровь так и хлестала — видно, клинок рассек артерию.

Такого Макдан стерпеть не мог. Выхватил собственный меч и от души ру-

банул коннозаводчика по репе.

Шлем выдержал, но не выдержал потоптанный конями Кольгрим. Повалился наземь.

Макдан взмахнул мечом — доделать начатое... Но его вовремя схватили за руки люди судьи.

Волосатый рычал и дрался. Тем временем недобитый Кольгрим кое-как воздвигся на ноги, подобрал меч... И внезапно пырнул им Макдана, на плечах которого висели стражи порядка.

Я чуть было не проиграл свои монеты, но Волосатый не подвел: рванулся и поставил под удар одного из тех, кто его удерживал.

Снова брызнула кровь. Теперь уже человеческая.

Кольгрим опешил.

А Макдан — нет. Все же не зря я принял пари. Волосатый — мужик! Меч у него забрали, но он с голыми руками бросился на вооруженного врага, врезал ему коленом по яйцам, левой перехватил руку с мечом, а правой вцепился Кольгриму в бороду и принялся рвать ее с такой яростью, что мне показалось, что я слышу, как она трещит.

Люди хёвдинга опять хотели вмешаться, но их остановил львиный рык конунга.

Макдан драл Кольгримову бороду и, одновременно, лупил Кольгримовой десницей по мерзлой земле, добиваясь того, чтобы тот выпустил меч.

И добился. Меч скользнул в сторону. Волосатый издал восторженный вопль и обеими руками вцепился в Кольгримово горло.

Рагнар рыкнул еще раз. «Охрана» попыталась оторвать Макдана от врага... Не тут-то было! А Кольгрим уже очень характерно заколотил ногами...

Тюк! Мешок с песком опустился на голову Волосатого — и тот обмяк. Но это было уже не в счет.

— Гони мой выигрыш! — сказал я Руаду.

Забрал деньги и ушел. Не люблю смотреть, как мучают животных. Охота подраться, так колотили бы друг друга. Лошадок-то за что?

А в мяч мы выиграли. Четыре раза. Дважды — у людей Хальфдана, разок — у ирландцев Красного Лиса и еще обставили каких-то норегов. Неплохо подзаработали. Это не чемпионат — призов здесь не было, но участники каждого состязания вносили определенную сумму, и банк доставался победителю.

Я трижды получил двойную долю, потому что наконец-то приспособился к мячику, вспомнил свои волейбольно-баскетбольные навыки и приноровился «резать» так, что тяжелый кожаный мяч, мало того что падал на сторону противника, так еще и подпрыгивал и откатывался на приличное расстояние, зарабатывая нам «территориальные» очки.

Потом я взял тайм-аут. Мне следовало восстановить силы перед палочным фехтованием.

Купив за медяшку кувшин горячего молока и еще теплую ржаную лепеху, я отправился глядеть на соревнования силачей.

В качестве снарядов датчане использовали всякие природные предметы: камни, бревна, целые древесные стволы.

Была, например, такая развлекуха. Шестеро игроков вставали вокруг вкопанного в землю столба и поочередно метали в него тяжеленький, примерно

в четверть пуда, плоский камень. Сначала казалось, что задача состоит в том, чтобы попасть в столб, но все оказалось не так просто. Оказалось, что бросить надо не в столб, а впритирочку. В идеале — чтоб камешек чиркнул по столбу и отскочил в руки члену твоей команды. Учитывая, что игроки располагались метрах в двадцати от столба, задача была не из простых.

Еще были различные соревнования с бревнами. Это уж точно не для меня. Тягаться в равновесии или силе с викингами так же бессмысленно, как мне пытаться победить Стюрмира в армрестлинг. Однако поглядеть было забавно.

Бревна помельче кидали. «Помельче» — это понятие относительное. Снаряд — четырех-пятиметровая дура весом в два пуда. Тут всё было просто: кто зафигачит дальше, тот и молодец. Результат в десять метров был не самым лучшим.

Еще на бревнах съезжали с горы. Здоровенный ствол с кое-как обрубленными сучьями затаскивали наверх, потом прыгали на него, вооружившись шестами, и скатывались вниз, как на санках. С помощью шестов ствол удерживали на трассе, не давая крутиться или сворачивать. Насколько опасно это катание, я понял, когда один из стволов всё-таки свернул с прямого пути и покатился по склону. Я думал: передавит половину «всадников», и был приятно удивлен, когда оказалось, что никто серьезно не пострадал. Так, ушибы и пара-тройка сломанных конечностей. Более того, бревнослаломисты, ехавшие следом, сумели обогнуть катящийся снаряд и благополучно достигли подножия холма. Последнее было особенно приятно, потому что это был «экипаж» под управлением Ульфхама Трески.

Еще на бревнах сражались. Стоя и сидя верхом. Знаменитая «битва подушками».

Она считалась в основном молодежным развлечением, но и старшие по званию не отказывались поддубасить друг друга. Особым шиком считалось биться стоя. Однако и тем, кто сражался сидя, приходилось нелегко. Скандинавская подушка — это цилиндрический кожаный валик, набитый шерстью, свалявшейся до деревянной твердости. Для настоящих мужчин спортивный снаряд модернизировался: подушка гибко привязывалась к короткой палке. Получался импровизированный «цеп», коим умелый боец мог снести не только коллегу, но средних размеров бычка.

Бились командно и индивидуально. Иногда проигравшие, недовольные результатом, продолжали битву на земле. Накостылять победителю (или попытаться это сделать) уже вне игры — было в порядке вещей. Судьи не обращали на это внимания. Вне игры действовали другие законы, каравшие за нанесение травм и увечий. «Правила денежной ответственности» за повреждения не действовали только во время самой игры.

Словом, было весело. По распоряжению Рагнара всех выигравших угощали пивом. Закусь жарилась тут же, на многочисленных кострах. Разрумянившиеся датчанки строили глазки победителям... Ну и побежденным, если те выглядели молодцами. И дамы, и девицы вырядились в лучшую одежду и щеголяли таким количеством разнообразных серебряных и золотых монет, что хватило бы на столичную нумизматическую выставку.

Рядом с «олимпийской деревней» стихийно образовался рынок. И бордель. За пустяковую плату в полдирхема[72] (или аналогичный по цене денежный знак) любой желающий мог выбрать себе подружку и уединиться с ней в од-

ном из шатров.

Желающих хватало.

Здесь же, на рынке, устроили перетягивание каната. Чтобы прибавить игре азарта, вырыли длинную канаву, в которой разожгли огонь. Канат тянули через него.

Команды были по двадцать человек. От каждого корабля — по команде. Меня, само собой, не взяли. Мелкий.

Играли навывлет. Наши перетянули четыре раза, а потом продули команде одного из экипажей Бьёрна. Неудивительно. По ту сторону канавы собрались такие дуболомы, в строю которых наш Стюрмир стоял бы где-то в хвосте на левом фланге. Но наши упирались до последнего. Оспак Парус даже свалился в огненный ров. Но особо не пострадал — сразу выскочил и сбил пламя.

Наконец наступила моя очередь проявить молодецкую удасть.

Кроме меня, из наших в «палочном фехтовании» участвовали еще семеро. Причем не из последних. Например, мой старший товарищ Трувор. Трувор Жнец, как позже представил его распорядитель.

Пары составлялись по уму. Сначала бился молодняк, потом — мэтры. Лучшим из молодых предоставлялась возможность попробовать силы с мастерами.

Меня с ходу причислили к мастерам. Во какой я стал авторитетный!

Поглядеть на палочные бои пришел даже Свартхёвди. Медвежонок с трудом стоял на ногах, но упустить такую развлекуху не мог.

Стюрмир помог ему взобраться (вернее, просто усадил) на сонную пожилую лошадку и с полутораметровой высоты седла Свартхёвди мог увидеть всё, что хотел.

То есть меня и моего противника — длинного жилистого дана из команды самого Рагнара Лотброка.

Самоуверенный дан вышел на бой без всякой защиты. Даже шлема и перчаток не надел.

Дан первым делом меня оскорбил, обозвав недомерком. Затем сообщил, что видел мой бой с Торсоном и пришел к выводу, что только необоснованные симпатии богов дали мне возможность остаться в живых.

Засим поведал, что таких, как я, он глотает по утрам, как темпераментный француз — устриц.

Про устриц — это мое. Сам дан выразился намного неприличнее.

Высказавшись, мой противник решил перейти от слов к делу и принялся тыкать в меня палкой.

На втором тычке я палку перехватил и скользящим батманом прошелся по дановым пальцам. В отличие от меня, красноречивый скандинав бился без перчаток, так что контакт с древесиной восторга у него не вызвал.

Еще меньше ему понравился тычок в стопу. Тут он даже издал звук «ай!», не подобающий воину.

А я перехватил свой шест, аки копье, легко парировал очередную атаку и на обводе влепил дану в живот, а затем — точно в лоб.

На этом, собственно, всё и закончилось. Моего противника унесли, я принял заслуженные поздравления и на некоторое время превратился в зрителя.

Наблюдать за боями на палках было не очень интересно. Особого искусства

никто не проявлял. Дубасили друг друга, практически не защищаясь.

Мой второй противник был ирландцем из команды Рыжего Лиса. Техника у него была довольно интересная. Чем-то похоже на капоэйру. Очень низкие стойки, атака с упора на руку... На которой наш поединок и закончился. Акробатика хороша в кино. На практике добрый удар коленом в промежность намного эффективнее, чем удар пяткой в прыжке с разворотом.

Третий поединщик был мне незнаком, но от первых двух отличался только умением держать удар. Мне понадобилось раз десять треснуть его по голове, прежде чем этот боец «поплыл». Но даже в состоянии «гроги» он всё равно не падал, и более того, выбить у него палку мне тоже не удалось. По-настоящему его бить в таком состоянии было нечестно, поэтому я упер свой шест в горло противника и поглядел на разместившихся в первом ряду его братьев по оружию.

Меня поняли правильно. Двое дюжих викингов выскочили в круг, подхватили своего приятеля и уволокли.

Я решил взять тайм-аут. Три боя за каких-то полчаса — это утомительно. Надо поберечь силы. Похоже, у меня неплохие шансы выйти в чемпионы.

Пока другие проверяли друг друга на прочность черепушек, Свартхёвди предложил поглядеть, как метают копья.

Вот это было уже интереснее.

Надо отметить, что копья у викингов весьма разнообразные. Помимо классического универсального, длиной от полутора до двух метров, не очень увесистого и потому годного и для боя, и для броска, имелись и специфические разновидности. Например, так называемое «рубящее копье», отдаленно напоминающее японскую нагинату, только намного тяжелее. Чтобы орудовать им, надо было обладать недюжинной мускулатурой. Рубящим копьем было неплохо обороняться от группы, хотя в ближнем бою, скажем на палубе, толку от него было не много. Иногда их делали с «крылышками», которые работали как ограничители «погружения», иногда добавляли маленький топорик. В ближнем бою использовались и копья с наконечниками колющего типа, этакий вариант пики. В бою я предпочел бы именно такое — очень эффективно, когда противник в кольчуге.

Однако в соревнованиях по точности и дальности броска подобное оружие не использовали. Здесь работали в основном с копьями конкретной швырко-вой специализации. Особенно популярны были хафлаки, легкие метательные копья, которые бросали «с петли», то есть — с использованием шнура. На дистанции пятидесяти метров такой снаряд пробивал среднестатистический щит. Отдельно состязались в метании копий «на поводке», то есть — с привязанной к концу веревкой. При известном навыке такие копья после броска возвращались к хозяину. Но летали хуже, чем хафлаки.

Бросали и обычные копья. Главным образом — «именные». То есть не расходный материал, а настоящие шедевры боевого искусства: с дорогой отделкой и чудесной работы наконечниками. Я называю их именными, потому что к такому оружию здесь относятся как к живому существу. И у них, как у моего меча Вдоводела, обязательно имеются имена. Очень популярно имя Гунгнир, [73] в изобилии — всевозможные «Змеи». Вроде «Змея мертвецов», «Змея щитов» и «Змея вражьей крови». Встречаются «Драконы» «Плети», «Рога» и пр. Такие красавцы переходят из поколения в поколение. Разве что древко из

неизменного ясеня могут поменять на новое.

Метание копий — это конек викингов. Стрелки из лука они, прямо скажем, средние. А вот этот вариант дистанционного боя освоили в совершенстве. Мне о таком уровне не стоило даже мечтать. Да и ловить копья они умели ничуть не хуже, чем метать. Вставали друг напротив друга метрах в пятнадцать и перебрасывались. Причем — по-взрослому. Боевыми. Весьма полезный навык, когда два драккара идут на сближение с целью произвести передел имущества.

За мной заявился Бежан — паренек из Ладоги, взятый Хрёреком в хирд на испытательный срок — без доли в добыче, когда нам не хватало гребцов.

— Ульф! Там тебя драться зовут!

Я припустил бегом. Еще подумают, что я струсил.

На этот раз мне попался противник поинтереснее. Несмотря на мороз, этот боец был гол до пояса и отменно мускулист. Впрочем, удивил он меня не накачанным торсом — здесь практически все — здоровяки. Я реально заценил то, как он двигался. Пластика просто замечательная. Прямо-таки тигр на охоте.

Не исключено, что в этом поединке мне придется повозиться малость подольше, чем в предыдущих. Кто он таков, я понятия не имел: на голове у моего соперника наличествовал «очковый» шлем, а желтая борода — в этом этносе не является отличительным признаком. Спросить, с кем придется драться, я просто не успел: сразу, так сказать, с корабля на бал. Вернее, наоборот. Ну да ладно. Кто бы он ни был, я его сделаю. И не просто сделаю, а устрою настоящее шоу. Или я не МСР[74] по фехтованию еще с тинейджерских лет!

Полуголый здоровяк шагнул ко мне. Я обратил внимание, что его бледнокожий торс практически чист. Не в плане гигиены или отсутствия волосяного покрова (с этим у атлета всё было типично), а в смысле отсутствия неизбежных для воина отметин: шрамов, рубцов и прочего. Может, какой-нибудь местный бонд решил «хлебнуть адреналинчику»? Нет, вряд ли. Слишком хорошо двигается.

Ладно, разберемся. Сначала аккуратно прощупаем, оценив возможности и навыки, а затем устроим шоу. Викинги любят эффектные бои, поэтому торопиться не будем. Покажем всем, на что способен настоящий мастер.

Я тоже шагнул навстречу противнику, готовясь пробным финтом проверить.

Проверил. Окончательно и бесповоротно.

Я еще только поднимал свою древковую снасть, когда мой противник без малейшей подготовки прыгнул на меня. На рефлекс я выбросил палку ему навстречу, почувствовал, что попал. И тут где-то в районе затылка вспыхнуло черное солнце — и я выпал из реальности.

Очухался уже на земле. На заботливо подстеленном одеяле.

Вокруг — друзья. Лица у всех озабоченные.

— Что это было? — прохрипел я. Язык ворочался с трудом. Меня малость подташнивало.

— Бьёрн Рагнарсон Железнобокий.

Вот так, дорогие мои. Никогда не следует пренебрежительно относиться к

незнакомому противнику. Есть риск нарваться на Бьёрна Рагнарсона.

Глава шестнадцатая, в которой герой выступает против друга и нарушает законы го- степриимства

Мы возвращались домой. Мы — это я и Медвежонок. Мы оба крепко получили по черепушкам, но здоровый образ жизни и дружеская поддержка сделали свое дело. Физическое здоровье восстановилось полностью. Настроение тоже было отменное. Возвращались с прибытком. Во всяком случае, я. Медвежонку еще предстояло вернуть виру, выплаченную Хрёреком за убитого ирландца. Тем не менее он купил два мешка подарков и — за марку серебром — молоденькую рабыню из племени лехитов, белокурую, синеглазую, пухленькую... Словом, идеал местной красоты. Свартхёвди активно использовал «покупку» по прямому назначению. И мне предлагал, но я отказался. Видел, что делиться девчонкой Медвежонку не хочется.

А я за такую же марку серебром приобрел пару коняшек у недодушенного конезаводчика Кольгрима. Хотелось сделать мужику приятное. Все же я на нем выиграл целых пять серебряных дирхемов. Сережки для Гудрун обошлись мне именно в такую сумму.

Ехали весело. Погода стояла отличная. Лошадки весело топали по снежной дороге, мы с Медвежонком развлечения ради перебрасывались мячиком и болтали о приятном. Никаких следов «берсеркова» безумия я у своего друга не замечал.

Дорога то взбегала вверх, то скатывалась в низины. Вокруг было довольно много возделанных земель, сейчас спрятанных под снежной шубой, но дикой природы тоже хватало. Пару раз мы поднимались достаточно высоко, чтобы можно было увидеть береговую кромку.

Снег на обочинах был испещрен следами потенциальной дичи. И это при том, что дорога была весьма оживленной: дважды в час нам навстречу двигались чьи-нибудь груженные сани: сёлундские бонды везли дань своему конунгу. А может, и не дань а товары на продажу.

Свартхёвди здоровался со всеми, но редко — первым. И никому не кланялся. Зато ему кланялись нередко.

Мне тоже кланялись, Может, потому, что у меня был такой знатный спутник. А может, из-за моей одежды: по местным меркам, я был очень круто прикинут. По статусу мой внешний вид соответствовал хорошему «мерсу» и костюму от Версаче или, там, Армани. С поправкой на то, что здесь не было и не могло быть тайских и китайских «брендов». Всё — подлинное.

А ближе к полудню нас нагнала лихая санная упряжка с двумя «конкретными пацанами» из хирда Бьёрна Железнобокого. Эти ехали в гости к родителям. Точнее, к папаше одного из них. В санях лежал небольшой кабанчик и полдюжины зайцев. Парни по пути немного поохотились. Исключительно для развлечения, потому что с хавчиком у родни проблем не было.

Один из хирдманов по имени Сван Черный доводился Медвежонку четвероюродным братом. По матери. Считаю, близким родственником. Так что мы все сделали остановку, чтобы родичи пообнимались и обменялись комплиментами. Потом имела место церемония представления. Второго бойца звали Хунди Толстый. А меня хирдманы знали и так. Вот оно, бремя славы! Естественно, нам предложили присоединиться к будущему празднику. Мол, поля-

на накрыта, пиво согрето, девки заждались. Мы отказываться не стали.

Папашу Хунди Толстого звали Тюркир Вшивая Борода. И не надо думать, что это прозвище было оскорбительным. Наоборот, оно было весьма популярным. Многие из здешних считали, что маленькие кровососы приносят удачу в делах. Чего только не придумают люди, чтобы пореже мыться!

Усадьба у него была стандартная. Несколько строений, главным из которых был длинный (метров под двадцать) дом стандартного дизайна и интерьера. То есть — в начале — что-то типа сеней и большая кладовка, потом — земляной пол и свободное пространство, на котором располагался очаг (топили здесь везде по-черному, к сожалению), за ним — столы, а еще дальше, на возвышении, почетное место хозяина недвижимости. Там же — столбы с лицами богов, вырезанные явно любителем, а не профессионалом. Да, вдоль стен, завешанных шкурами и оружием, имелись «спальные» лавки, под которыми наличествовал дощатый настил — характерный признак зажиточного хозяина. Небогатый не стал бы тратить дорогие в изготовлении доски на такую «роскошь», как возможность не слезать с койки на грязный земляной пол.

Доски, впрочем, тоже особой чистотой не отличались.

Медвежонок отправил свою рабыню (таких здесь называли — «тир») помогать женщинам, проследил, чтобы наших коней разместили и обиходили, и только после этого вошел в дом.

Вшивая Борода (пузатый датчанин хорошо за сорок) не выказал особой радости по поводу нашего появления, но и протестовать не стал. Закон гостеприимства не позволил. Позже выяснилось, что Тюркир — один их неудавшихся женихов Рунгерд. Причем лично он был — дважды неудавшимся, поскольку в первый раз его убрал из списка Сваре Медведь, а во второй — сама Рунгерд, под тем предлогом, что Борода схоронил уже двух жен, а она не хочет быть третьей.

Свартхёвди о неудачном сватовстве отлично знал и с ходу начал остеречь на эту тему. Тюркир мрачно отбрехивался. Я же начал догадываться, что Медвежонок принял предложение погостить не только из желания пожрать и выпить на халяву, но и чуток повеселиться. Покуражиться над ближним своим здесь полагали неплохим развлечением.

Причем иронизировал не только Свартхёвди, но и Черный Лебедь.[75] И даже сынок Вшивой Бороды Хунди Толстый. Набивая брюхо отцовским хавчиком, он неблагодарно похрюкивал на ту тему, что у него жена (которая, кстати, жила здесь же, в доме свекра) здорова и весела, несмотря на третью беременность. А у папаши третья жена всё никак не может залететь.

И эта третья жена (связка ключей на поясе сообщала всем о ее официальном статусе),[76] бабенка лет двадцати с небольшим, довольно симпатичная, тоже присутствовавшая на пиру, никак за честь мужа не вступалась, а напротив, подхихикивала, терлась около пасынка (и о пасынка — тоже) и всячески демонстрировала оному свое расположение. Недобрый взгляд Хундиной законной жены ее не смущал. Равно как и гневный — собственного мужа.

Атмосфера понемногу накалялась. И я, чтобы разрядить ее, поинтересовался у хозяина, что он думает по поводу летнего похода Рагнара.

Свартхёвди, Сван и Хунди дружно заржали, а Тюркир яростно сверкнул гла-

зами и пожелал своему конунгу уплыть и не возвращаться.

Вывод: я ляпнул что-то не в масть.

Так и оказалось.

В молодости Тюркир был хускарлом Сигурда Кольцо, Рагнарова папаши. Но с самим Рагнаром не очень-то дружил. И тот попер его из дружины, едва папаша помер. Обидно, однако!

Раздосадованный хозяин вылез из-за стола и почапал во двор. Видимо, отлить. Но не только.

Через минуту снаружи раздался женский визг, оборвавшийся звуком плюхи.

Я вскочил. Никак не могу привыкнуть к тому, что кто-то бьет женщину.

— Куда ты? — поинтересовался Свартхёвди.

Снаружи донесся еще один вскрик, потише.

— Так это... — Кроме меня, на крики никто не отреагировал. Бьют, значит, так надо. — Отлить! — нашелся я. И выскочил наружу.

Во дворе — никакого криминала. Зато из открытой баньки доносилось ритмичное оханье. Кто-то кого-то имел. Вшивая Борода и имел, надо полагать. Он — хозяин. Я — гость. Следовательно, не мое собачье дело, кого он там пользует.

Окропив ближайший сугроб, я вернулся к столу.

В отсутствие Бороды обстановка заметно потеплела. Мачеха теперь вилась не только вокруг пасынка, но и Свана по могучей спинке похлопывала. Я протянул рог, чтоб мне набулькали пива, плеснул чуток в сторону очага (здесь так принято) и без лишней спешки восполнил убыток жидкости, попутно прислушиваясь к разговору. А разговор шел об интересном: о второй жене Рагнара Лотброка, матери Ивара Бескостого, Бьёрна Железнобокого, а также Сигурда и Хвитсерка, с которыми я не имел счастья познакомиться лично. Звали эту замечательную женщину Аслауг, и была она дочерью Сигурда Убийцы Фафнира[77] и Брюнхильды, дочери Будли...

Я протянул кубок за новой порцией, но тут в помещение, вместе с толикой свежего воздуха, вошел Вшивая Борода. Слегка встrepанный, но довольный. И тоже потребовал пива. Ясное дело, ему поднесли первому.

А потом в дом скромно, как мышка, шмыгнула рабыня Медвежонка. Пршмыгнула — и забилась в уголок. Однако Свартхёвди успел ее заметить и не преминул похвастаться приобретением: продемонстрировать, какой цветочек он отхватил.

«Цветочек» покорно подошел к хозяину. Однако личико прятал под шерстяным платком. С чего бы?

Последнее стало понятно, когда Свартхёвди, желавший, чтобы все увидели, какая у него теперь красотка в собственности, и какие чудесные у нее глазки, оный платок сдернул...

И обнаружил, что от былой красоты его рабыни осталась только половина. Вторая половина пряталась под здоровенным фингалом.

Лицо Свартхёвди окаменело.

Он медленно поднялся с лавки. Я увидел, как вздулись жилы на мускулистой шее Медвежонка, и почувал недоброе. Мой друг молчал. И это молчание напомнило мне...

Будь Свартхёвди в ясном сознании, я бы поддержал его в любом случае. Да-

же если бы он был неправ. Плевать, что против нас было бы трое сильных бойцов (Тюркира со счетов списывать рановато) и толпа челяди. Но я помнил, каков был Медвежонок в гостях у ирландцев. Не дай Бог!

Именно этот страх и подтолкнул меня к действию.

Когда, толкнувшись двумя ногами, он прыгнул назад, через скамью, не глядя цапнул со стены первый попавшийся топор, я всё-таки успел чуть раньше, перехватил руку с оружием и отработанным приемом взял на захват.

Один я бы его ни за что не удержал. Такая силища! Вдобавок боли Свартхёвди не чувствовал и, кажется, даже не понял, что его держат, потому что ринулся вперед, опрокинув здоровенный стол. Сван и Хунди к этому моменту уже успели вскочить и схватиться за оружие, а вот Вшивая Борода тормозил — сказывалось долгое отсутствие практики.

Свартхёвди споткнулся о мебель и упал. Но тут же поднялся (это притом, что я висел на нем, как лайка на медведе) и глухо заревел.

Хускарлы похватили оружие, но... разделились. Хунди — с копьем на изготовку... А Сван — так, чтобы при необходимости это копье отбить и прикрыть Медвежонка. Ах да, они же родственники!

Из оскаленного рта Свартхёвди потекла слюна...

— Берсерк! — истошно завопил кто-то, и челядь с воплями и визгом бросилась кто куда.

Медвежонок наконец заметил, что ему что-то мешает, и стряхнул меня.

Стряхнул удачно. Как раз к кожаному ведерку с водой, только что принесенному кем-то из челяди.

И я, опередив прыжок Медвежонка буквально на долю секунды, выплеснул ледяную воду ему на голову.

И с воплем:

— Хватай его! — снова напрыгнул на Свартхёвди.

Сам бы я его не удержал, но Сван и Хунди кинулись мне на помощь, и втроем мы его кое-как одолели.

К счастью, Медвежонок быстро пришел в себя. Может, вода помогла, а может, безумие еще не успело накрыть его целиком... Словом, он пришел в себя и просипел:

— Ульф, ты? Что, опять?

— Опять, — «порадовал» я его, бросил Свану: — Помоги ему, — а сам, с отнятым у Медвежонка топором, двинулся к хозяину дома.

Вшивая Борода так и стоял, разинув щербатую пасть. Надо полагать, осмысливал то, что произошло.

В руке у него был меч, и при моем приближении он попятился и рефлекторно поднял оружие (надо полагать, выглядел я не очень дружелюбно), но сделал это как-то вяло, и я обухом топора без труда вышиб клинок и, переброшив топор в левую руку, правой, от души, вложившись, с доворотом корпуса, врезал Бороде по роже.

Видно, судьба у меня такая: лупить Рунгердиных женихов.

Тюркира отбросило к стене (даром что весу в нем было раза в полтора больше, чем во мне), где он и отек на пол, не выказывая ни малейшего желания вступить со мной в поединок.

Хунди Толстый попытался мне что-то сказать, но я бросил ему:

— Утром!

Прихватил со стены медвежью шкуру, собственное барахлишко и отправился спать на конюшню.

Запах навоза и сена мне как-то ближе, чем дым очага и вонь блевотины.

За Свартхёвди я не беспокоился. Вокруг него уже хлопотали женщины, поили чем-то горячим... Да и Сван присмотрит, если что.

Устал я что-то от древнескандинавских развлечений. Неплохо бы отдохнуть. Для начала — просто выспаться.

Выспаться у меня — получилось. Но не сразу. Потому что, стоило мне облачиться и забраться в импровизированный спальный мешок, как ко мне пожаловала гостья.

Угадайте — кто?

Нет, не угадали. Рабыня Медвежонка, несомненно, ухаживала за хозяином.

Своим вниманием меня почтила хозяйка поместья. Я легко опознал ее в темноте по характерному звяканью ключей.

Что ж, по-своему, это даже справедливо, решил я, и минуток через пятнадцать супруга грубияна и насильника Тюркира охала и повизгивала, изо всех сил пытаюсь процарапать дорогой лен моей нательной рубахи.

Вот не могу понять эту специфику мужского организма. Только что казалось — никаких сил больше нет. Упал — и заснул. А стоит пощупать теплую упругую попку — и такая бодрость просыпается... Минут на сорок.

Но нам хватило.

— Будет сын — назовешь Волчонком, — пробормотал я по-русски вслед выскользнувшей из-под шкуры одноразовой подружке...

Глава семнадцатая,

в которой герой возвращается домой и узнает кое-что о сексуальных привычках йотунских самочек

Кутру Свартхёвди практически оклемался. Хорошо покушал. Выслушал извинения от хозяина дома, который (официальная версия) спьяну перепутал чужое двуногое имущество с собственным и совершил преступление стоимостью в сорок граммов серебра.

Медвежонок извинения принял. Серебро — тоже. И еще — головной платок из очень хорошей, пусть и некрашеной шерсти, который предназначался рабыне, дабы спрятала личико и не оскверняла фингалом взор господина.

Вот такие тут бесчеловечные нравы. Если речь идет о рабах. Надо, кстати, напомнить о них Хавчику, а то в последнее время он слишком много мне замечаний делает.

Я тоже принял извинения от владельца одаля, который заверил меня, что у него и в мыслях не было поднять меч на гостя. Он, дескать, просто хотел показать мне, как специалисту, какой у него хороший клинок. Более того, не просто показать, а даже и подарить. Что он сейчас и делает.

Мне был вручен меч стоимостью в целую марку серебром, но я уже был в курсе правил игры, и потому в моей собственности меч пробыл недолго.

Заверив Вшивую Бороду в том, что я действительно неверно истолковал его намерения и тем невольно нанес ему тяжкое оскорбление (подумал, будто Тюркир способен напасть на гостя), и, пытаясь защититься, нечаянно задел его и сбил с ног. И в компенсацию за нанесенную обиду дарю ему этот замечательный меч стоимостью не менее марки серебром...

Вот так мы все сохранили лица и внешнюю благопристойность. Старина Вшивобородый в итоге даже попытался сделать мне настоящий подарок (рог, из которого я пил), потому что история того, как папа Медвежонка заработал свою жену, была известна всем сёлундцам, и вероятность того, что его сынок в священном безумии мог порубать всех чад и домочадцев Тюркира, была довольно высока. Очень возможно, что лишь мое своевременное вмешательство сохранило Свартхёвди немало серебра, которое пошло бы на выплату вергельда. В том числе и за безвременную кончину Тюркира Вшивой Бороды.

Я от подарка отказался. Глядя на огромный фингал, в котором прятался глаз Тюркира, а также помня о паре незримых развесистых украшений, которыми он обзавелся этой ночью после инцидента на сеновале, я чувствовал, что не вправе брать у дядечки подарки. Тем более — такие несерьезные.

Засим мы погрузились на лошадок, приняли гостинчики в дорогу (так здесь положено) и отправились восвояси.

Ближе к полудню, без приключений, мы достигли развилки, на которой наши пути разошлись. Свартхёвди отправился домой. И я — тоже. Домой. К себе. То есть первоначально я собирался ехать вместе с Медвежонком, но после вечерних событий передумал. Как-то мне беспокойно стало: вдруг моих домоладцев, пока меня не было, тоже обидели?

Не обидели.

Хотя и могли.

Хегин Полбочки, узнавший о моем возвращении и прибывший с бурдючком пива (и с племянником) выразить почтение, так сказать, после пары чашек вдруг поинтересовался, не хочу ли я приобрести супругу для своего трэля Хаучика? По дружбе он готов уступить ее всего за пару марок.

Хавчик, присутствовавший за столом, активно засигналил мне: не надо никого покупать.

Я поинтересовался: с какого бодуна Хегин озаботился семейным положением моего раба?

Все оказалось весьма романтично. Вышеупомянутая тир[78] оказалась непраздна и на допросе показала на Хавчика как на будущего папашу.

Я взял паузу, чтобы переговорить с «виновником торжества».

Хавчик от отцовства наотрез не отказывался, хотя выразил сомнение: мол, пригожую рабыню всякий норовит попользовать. Так что папой может оказаться и сам Полбочки. И вообще, раз стельная корова стоит дороже, то и рабыня — соответственно. То есть ему, Хавчику, еще и приплатить должны за осеменение.

Ну и наглец! Впрочем, идеология понятна.

Ее я и изложил (в корректной форме) соседу.

Тот по существу возражать не стал, но заметил, что человеческого детеныша выкармливать дольше и накладнее, чем теленка.

Вопрос опять сводился к деньгам.

Но тут подал голос мой ученик Скиди:

— Знаешь, дядюшка, я вспомнил: я тоже был с этой рабыней.

Сказал так, чтобы мы все поняли: врет. Зато деликатно напомнил дядюшке, что я для их семьи — человек нужный. Как-никак взялся подготовить Скиди к будущему походу. А ну как откажусь?

Полбочки тут же съехал с темы. И перешел к другой своей проблеме: посе-

лившемуся поблизости йотуну. Тварь, если верить Хегину, оказалась невероятно хищной. За месяц слопала трех овец и собаку. Причем овец тягала прямо из овина.

— Я говорил тебе, дядя, давай я его убью! — воскликнул Скиди.

— Ага! Счас! Тоже мне Беоульф нашелся! — проворчал дядюшка.

Как ни странно, я понял, кого Полбочки имел в виду. Видел одноименную анимашку.[79] Да и фильм — тоже.

— Согласен с тобой, уважаемый Хегин, — изрек я.

Еще бы я был не согласен. Достаточно вспомнить, как я классно летал по корабельному сараю старины Полбочки от легкого тычка волосатого антропода. Если бы не Рунгерд, вовремя подавшая звуковой сигнал, мы бы сейчас не беседовали.

«Хорошее мясо» — так вроде бы оценил нас мохномордый любитель свежатинок. Думаю, молоденький Скиди будет оценен йотуном-йети по достоинству.

— Может, уважаемый Ульф Вогенсон поговорит о йотуне с дочерью Ормульфа Полудатчанина? Прекрасная Рунгерд, я заметил, прислушивается к твоим словам.

Ну как откажешь доброму соседу? Тем более что его «подарок», англичанка Бетти, даже сейчас трудится не покладая умелых ручек. Вот, ткацкий станок ни на минуту не умолкает.

— Как только дела хозяйственные позволят... — Я покосился на своего раба-управляющего... Опаньки! Да на нем лица нет! С чего бы?

А, понятно! Наш кобелек бегал через лес брюхатить чужих рабынь, ни сном ни духом не ведая, что где-то поблизости отирается голодный тролль.

Со Скиди я договорился, что наши занятия начнутся завтра. Утренняя пробежка на лыжах — неплохая разминка.

Гости убыли, а я взял моего кобелеватого управляющего за гузку и потребовал объяснений.

Хавчик немедленно признал, что да, бегал на чужую территорию. Даже не бегал, а ходил. По делу. Меновой торговлей занимался. Для восполнения продуктовых запасов. От прежнего хозяина бочонок смолы остался, так Хавчик махнул его на два мешка ячменя. Добрый ячмень. Вон, Пэрова жена пива из него наварила к моему приезду. Котел.

— Котел? — усомнился я. По моим прикидкам, пива оставалось литров десять. Еще столько же мы приговорили только что (совместно с тем, что притаранил Полбочки), а котел — это минимум литров тридцать.

Котел, не моргнув глазом, подтвердил мой раб. А что объемы не сходятся, так это потому, что он, Хавчик, его маленько подморозил — чтоб забористее было.[80]

Соврал и не поморщился. Можно подумать, я «крепленое» пиво от обычного не отличу... Ну да ладно, не будем жадничать.

— А про йотуна ты, значит, был не в курсе? Теперь-то небось поостережешься?

— Угу, — Хавчик содрогнулся. — Так это...

Оказалось: не йотуна испугался мой раб. Йотун — что! Сожрет — и дело с концом. Нехудший финал для раба, который верит в будущее посмертие. Ис-

пугался он того, что йотун может оказаться йотуншей.

С дрожью в голосе Хавчик поведал мне, что самки этих волосатых монстров питают нездоровое влечение к человеческим самцам. Ежели поймают, то держат в неволе (могут для надежности и сухожилия на ногах порвать) и пользуют по прямому назначению до полного полового истощения. А когда оное наступит — безжалостно съедают и ловят следующего.

— И что тебя смущает? — усмехнулся я. — Мужик ты вроде крепкий. Дело это любишь. Небось годика три протянул бы.

Хавчика аж передернуло от такой перспективы.

Но меня он заинтриговал. Я вспомнил свирепый оскал мохнатого гигантопитека. Мог ли он быть самкой? Если Хавчик прав, то выходило, что меня не съест собирались, а поймать?

Тьфу на тебя, Хавчик! Болтаешь всякую чушь, а потом как привяжется... Нет, точно придется с Рунгерд договариваться по поводу изгнания волосатого дьявола. А то ведь спать спокойно не смогу. А вдруг йотунша полюбила меня с первого взгляда?

Я заржал.

Хавчик покосился на меня обиженно: решил, что над ним потешаюсь.

А я налил себе еще пивка, пригубил и погрозил ему кулаком.

Вымороженное, как же! Совершенно обычное древнескандинавское пойло. Впрочем, в свежем виде очень даже качественное.

И Хавчик — управитель справный. Все — при деле. В хозяйстве — полный порядок. Что это значит? Правильно! Это значит, что я — хороший руководитель. Как батя мой говорил: хороший начальник не тот, кто суетится, а тот, у которого подчиненные впахивают, когда сам он коньячок в кабинете пьет. Значит — процесс наладил правильно. Другое дело, что в российском капитализме хозяин, который расслабится и всё на подчиненных повесит, самое позднее через год вдруг обнаружит, что фирма — уже и не его, а этих самых подчиненных. Активы слиты, клиентская база переориентирована, а на расслабившемся капиталисте — одни долги, часть которых по-любому придется отдавать. Иначе убьют.

Здесь — не так. То есть убить за долги — запросто, а вот чтобы Хавчик имуществом моим завладел — исключено. Потому что без меня он — никто и звать никак. Родни нет, личных боевых навыков — тоже. Одним словом, чужак малохольный. Ему бы за обрюхаченную девку Полбочки три шкуры спустил и пиписку оттяпал. Да и девка вряд ли дала бы. Есть, конечно, вариант, при котором даже безродный слабак может и имущество сохранить, и авторитет заработать. Этот вариант — деньги. За приличное баблище можно нанять себе защитников. Заключение с ними «контракт» перед лицом богов. Если клятва дана правильно и условия выполняются, то даже свирепые викинги будут блюсти интересы заказчика. В определенных пределах, разумеется. Однако реши Хавчик украсть мое золото-серебро и дать деру с Сёлунда (допустим, по льду на материк), то первый встречный «авторитет» поступит с ним так же, как румынские пограничники — с Остапом Бендером. Это в лучшем случае.

Я глотнул еще пива и ухватил прошмыгнувшую мимо Бетти за упругое бедрышко. Моя трудолюбивая тир с готовностью замерла, ожидая продолжения. А собственно, почему бы и нет?

— Хавчик, — проворковал я расслабленно, — а не пойти ли тебе погостить у Пэра во флигеле? Можешь и пивка с собой прихватить...

Слова «флигель» Хавчик не знал, но идею поймал на лету. И испарился раньше, чем я усадил Бетти на колени. Всё же в отсутствии нижнего белья есть свой приколы. Меня и в цивилизованную эпоху это возбуждало.

Глава восемнадцатая,

в которой герой испытывает своего ученика и сожалеет о том, что не прошел настоящего генетического отбора

Сначала я решил проверить физическую подготовку моего ученика. На двух опорных столбах мы закрепили перекладину, на которой Скиди играючи подтянулся двадцать раз. Мог бы и больше, но мне надоело. Затем — отжимания. Насчитав сотню, я остановился и остановил Скиди. Прекрасный результат. Для фехтовальщика (так же, как и рукопашника) мышцы-разгибатели важны больше, чем крепкие бицепсы. Сами понимаете, почему.

Затем я прокачал парня насчет гибкости и растяжки. Тут результаты были похуже, но в нормы укладывались.

Затем немного гимнастики.

Выход силой паренек выполнил без труда. И без техники. Но ее он усвоил с первого показа и минут через пять сделал выход сразу на две руки. Правда, корявенько. Я особо не удивился: видел, как викинги лазают по скалам. Впечатляет.

Подъем переворотом Скиди очень понравился. Как только поймал движение, прокрутился раз десять. С явным удовольствием.

Дальше пришел черед акробатики. На освоение «колеса» мы потратили минут десять. А вот стойку на руках Скиди сделал с первого захода. И передний кульбит выполнил ничуть не хуже, чем я. Причем — в самых разных вариантах. С места, с разбега, с прыжка. Через преграду. Одиночный и двойной-тройной. С повышением уровня и уходом в кувырок. Само собой, падение с кувырком у него тоже получалось замечательно. Я погонял парня по препятствиям (забор, крыша, штабель дров и т. п.) и убедился, что Скиди — настоящий мастер паркура.

Правда, тут же выяснилось, что прыжки, кувырки, кульбиты и прочее входят в базовую подготовку датского тинейджера из хорошей (читай — военной) семьи. То есть на подобные трюки парня натаскивали лет с трех.

Чуть сложнее оказалось с движениями назад. Кувырок с выходом в стойку у Скиди вышел с первого раза, а вот задний кульбит мы с ходу дожать не смогли. Ничего. С такими данными он у меня у меня через месяц сальто сделает.

Спросите, зачем боевому фехтовальщику (не каскадеру) сальто?

Отвечаю. В жизни всякое бывает. В бою — тем более. А владение собственным телом оттачивается именно на трюках. Да, высокие киношные удары ногами в прыжке, с разворотом и прочей экзотикой, в реальном поединке практически не используются. Поэтому при ускоренной подготовке бойцов их никто не отрабатывает. Десять — пятнадцать простых приемов, усвоенных до автоматизма, — вполне достаточно.

Но если ты — мастер, то должен уметь всё. А ситуация, в которой уход от вражеского удара требует выхода на задний мост, — очень даже реальна. Так что будет у меня Скиди сальто делать. Будет.

Тем более что координация и чувство равновесия у парня оказались просто

фантастические: минуту простоял на бревне, поджав правую ногу. С закрытыми глазами. И даже не пошатнулся.

Нет уж, для таких «подвигов» одного только обучения маловато. Здесь еще и генетика поучаствовала. Естественный отбор. Когда в Скандинавии первые воины появились? Веков пять назад, никак не меньше. Следовательно, десять — пятнадцать поколений прошло через сито естественного отбора. Мне бы такой генотип, я бы в своем времени олимпийским чемпионом стал.

Убедившись, что имею дело с отличным материалом, проверку я прекратил. И поставил моему ученику практическую задачу: изготовление рабочих снарядов. Нарисовал угольком на куске кожи несколько схемок, перечислил предметы, которые Скиди следовало сделать. Проверил, как усвоена информация. Усвоена. У местных — отличная память. Поэму из двадцати строф запоминают с первого раза.

Затем я сконтактировал Скиди с Хавчиком, которому велел обеспечить парня всем необходимым.

Сам я в процессе участвовать не собирался.

Во-первых, рукодельничает Скиди намного лучше меня, а природные материалы они все тут просто «чувствуют». Например — расположение волокон в дубовой ветке.

Тоже понятно: без этого «чутья» викингам никогда бы не построить такие замечательные корабли. А Скиди — из этой породы.

Во-вторых, после обеда я собирался отправиться в гости к Рунгерд. Соскучился. Да и Полбочки я обещал заручиться ее поддержкой в борьбе с йети.

Отъехать планировал дня на два. За это время Скиди как раз закончит «строительство», и мы займемся делом.

Если подумать, у нас не так уж много времени. Каких-то пять-шесть месяцев.

Придется постараться.

Глава девятнадцатая, в которой герой проявляет великодушие, связанное с немалыми лишениями

— Страшная участь! — с болью в голосе проговорила Рунгерд. — Я просила богов, чтобы в нем никогда не проснулась отцова кровь. Боги не вняли.

— Неужели всё так плохо? — спросил я.

Лично мне участь берсерка вовсе не казалась такой уж трагической. Что плохого, если тебя не берет железо, а силы утраиваются?

— Одиночество — удел воина-оборотня, — Рунгерд старалась держать себя в руках, но слезы блестели на ее ресницах. — У берсерка нет друзей. У него нет любимых. Поверь, я знаю. Что может быть страшнее, чем лечь в постель с мужчиной, а проснуться с диким зверем?

Совсем не о том я хотел поговорить. Совсем не о безумии Медвежонка. Я-то надеялся пригласить Рунгерд в гости. Поохотиться на йети, а заодно... Нет, не так. Это йети — заодно. А всё остальное как раз и есть главное.

Но предлагать страдающей от горя матери небольшой сексуальный кризис — просто свинство. Даже такая циничная скотинка, как я, на такое не способна.

Хотя, видит Бог, я не знаю лучшего способа забыться, чем этот. Эх! В своем несчастье Рунгерд стала еще красивее. Надменность королевы пропала. Зато

буря, кипевшая внутри, озарила ее лицо той самой женской чувственностью, которую она так умело прятала за маской властной дамы.

И от этого она была для меня еще желанней. Нестерпимо хотелось ее обнять и... Наверное, я попросту не мог отнестись к ее страданиям всерьез. Хотя бы потому, что только что дегустировал с ее сыном славное пиво и пытался исполнять «Охоту на волков» Высоцкого в переложении на древнескандинавский.

— Но разве этим... даром Одина нельзя управлять?

— Можно научиться. Мой муж умел... Но, чем чаще в человеке просыпается зверь, тем зверь сильнее. И тем меньше человеку хочется быть человеком. Потому что быть зверем легко. Чувства зверя остры, а радости — просты. Зверем быть легко, а человеком — трудно. А человек-зверь... — Она запнулась. Боль едва не выплеснулась наружу. Ей бы поплакать...

Но королевы не плачут. Она сдержалась.

— Мой муж говорил: когда дух Медведя входит в него, это величайшее из наслаждений. Первый глоток пива после тяжелой дороги, первое соитие с женщиной после долгого плавания... Всё это не может сравниться с восторгом, какой испытывает берсерк, обращаясь, и запах крови пьянит его сильнее зимнего вина!

Весьма поэтичная речь. Однако я так и не понял — что в этом плохого? Я сам отлично знаю, что такое радость битвы. А тут — то же самое, только в разы сильнее. И даже если потом сутки валяешься никакой, то оно того стоит. Ну вроде как расслабон после бурного секса.

Рунгерд продолжала говорить... Зверь, дух, безумие Одина... Я перебил ее:

— погоди! Давай будем преодолевать трудности по мере их возникновения. Сейчас в чем главная трудность? В том, что дух Медведя овладевает твоим сыном тогда, когда хочет дух, а не когда хочет Свартхёвди. Так?

Рунгерд кивнула.

Ну да, управляемое безумие. Я читал об этом в разных эзотерических книгах о боевом искусстве. В большинстве это был полный бред. Домыслы доморощенных теоретиков о том, в чем они понимают не больше, чем Папа Карло — в станках с числовым программным управлением. Но были еще всякие первоисточники, которые я тоже читал. И у меня не было оснований сомневаться в их правдивости. Проблема в том, что первоисточники, что восточные, что западные, описывали картинку, не вдаваясь в методологию. А там, где всё было разложено по полочкам, это «всё» было более чем сомнительно. Уверен, ни один из этих писак сам не испытывал ничего подобного.

Но в этом мире методики должны быть наверняка.

— Значит, — сказал я, — первоочередная задача проста: сделать дар Одина Свартхёвди управляемым. Есть предложения?

Предложения были. Где-то в глухом лесу, километрах в ста отсюда живет, если не помер, конечно, некий дедок по имени Каменный Волк, который может научить берсерка держать в узде свою зверушку. Ага, что-то такое я слышал от Хрёрека. А не тот ли это дедушка, у которого тусовался покойный муж Рунгерд?

Тот самый, подтвердила вдова. Именно к нему и надо идти Медвежонку.

Ну так в чем проблема? Зима, как я понимаю, для датского викинга — не помеха. На лыжах по снегу — милое дело. Спим в снегу, едим что поймаем.

Сто километров — пять дней пути. Если погода хорошая. А плохую всегда можно переждать где-нибудь в снежной берлоге под елкой.

Но, как выяснилось, проблема всё же была. И заключалась она в том, что Свартхёвди — берсерк. Причем безумия своего не контролирующей. А следовательно, способный впасть в него по первому подходящему поводу. И потом, независимо от результатов духоборчества, свалиться в отключке... И стать хавчиком для любого проголодавшегося хищника. Или попросту замерзнуть. Словом, путь, который был сущей ерундой для психически здорового Свартхёвди, становился чертовски опасным для Свартхёвди, шизанутого на почве оборотничества.

Ну так в чем же дело? Парню просто нужен партнер, который обеспечит безаварийную доставку.

Вот в этом-то и проблема, разъяснила Рунгерд. Кто же на такое согласится? Ее люди — вряд ли. Они еще помнят папу-Медведя, который порешил немало народу так, за здорово живешь. А ведь Сваре был, что называется, оборотень обученный.

Да и не годится трэль или даже свободный бонд-арендатор в сопровождающие. Впади Свартхёвди в безумие, он их первыми и порубит. Тут воин нужен, причем опытный. Наверное, Гнуп Три Пальца стоился бы, да ноги у него заморожены. Зимой ему лучше в дальние походы не соваться.

— Тоже мне проблема! — фыркнул я. — А я — на что?

Удовольствие от зимнего похода для меня, выходца из мира центрального отопления и автомобильного климат-контроля, — довольно сомнительное. Однако для друга я готов пойти на некоторые лишения. Главное — не заплутать. Но тут уж я целиком полагаюсь на Медвежонка. Берсерк он там или нет, но на своем острове он ориентируется не хуже, чем кошка — на дачном участке хозяев. Так что можно хоть завтра отправляться...

Оп-па!

— Рунгерд! Что ты делаешь? — воскликнул я в крайнем изумлении, когда гордая дочь Ормульфа Полудатчанина опустилась передо мной на колени и обняла мои ноги. — Эй, вставай! — Я попытался ее поднять, но не тут-то было. Женщина обхватила мои ноги, запрокинула прекрасное лицо и воскликнула пылко:

— Проводи его, Ульф-храбрец! Проводи его — и моя семья будет навеки в долгу у тебя! Клянусь Тором и Ньёрдом! Клянусь памятью предков! Я никогда этого не забуду! Никогда!

Вот блин! Это очень серьезно! Очень!

— Вставай! Вставай, моя хорошая! — На этот раз Рунгерд позволила себя поднять. — Конечно, я его провожу! Не беспокойся. И ничего мне не надо. Какие счета между нами! Ты что, моя радость! Вы же мне — как родня...

Глава двадцатая, в которой герой отдает долги

Ну да, именно долги. Я не забыл, что у меня имеется ученик, которого следует наставлять и строить. Так что прежде, чем отправиться в путь к наставнику оборотней, я должен был выполнить свой собственный долг наставника и выдать Скиди задание на время моего отсутствия.

Этим я и занялся по возвращении домой.

То были суровые три дня. Уверен, после них лыжный кросс по лесу на пару с таким прирожденным лыжником, как Свартхёвди, покажется мне прогулкой.

Я впахивал по-черному, но Скиди грузился втрое против моего. Да, этот парень старался изо всех сил. Я бы даже сказал — слишком старался. И к середине третьего дня я сам сбавил темп. Я, но не Скиди. Малыш выкладывался без остатка в каждом движении. Такие, как он, скорее умрут, чем дадут слабину. А то я не видел, как он фехтовал с Медвежонком. Гордость и безжалостность к собственной слабости — безусловно, полезное качество. Тем более, Скиди прошел естественный отбор. Его папа, дедушки и еще десяток-другой предков выжили там, где другие склеили лапы. Однако всё хорошо в меру и, главное, своевременно. Я обдумал ситуацию и решил, что в первую очередь парня следует научить эргономике. Убивать комара следует хлопком достаточным, чтобы убить комара, а не таким, который отправит в нокаут дядю энтомолога.

— Довольно! — скомандовал я, опустил щит и бросил на землю набитый соломой мешок из старой свиной шкуры, в котором меч Скиди оставил изрядную прореху. — Ты что творишь, парень? Ты что, с великанами биться собрался? Послушай, как ты дышишь? Пыхтишь, как пес на сучке! Нет, так дело не пойдет!

Мой ученик тут же надулся. Обиделся.

Обостренное чувство собственной важности вообще характерно для норманов, а уж для самолюбивого датского тинейджера — в особенности.

Но я знал, что делаю. Когда в глазах темнеет, а каждое движение требует специального усилия, мозги тупеют, а внимание ослабевает. Обида это исправит.

— Скиди, — я старался, чтобы в голосе моем было поровну терпения и насмешки. — Ты не должен попусту расходовать силы: бой — это не хольмганг, где тебе нужно расколотить пару-тройку щитов молодецкими ударами. В бою никто не любит твоей мощью. Вокруг не толпятся зрители, которые жаждут поглядеть, какой ты герой. В бою тебя просто хотят убить. И будь ты хоть какой ловкач помахать мечом, когда ты устанешь, то утратишь и мощь, и быстроту. И тогда тебя прикончит любой, кому хватило ума побереечь силы.

— Я вырасту и стану так же могучим, каким был мой отец! — заявил Скиди. Упряма этому парню не занимать.

Что ж, я прекрасно отдаю себе отчет в том, что покушаюсь на исконные основы скандинавского фехтования, где правильным считается разрубить врага пополам, а не аккуратно проткнуть ему печень.

— Да, Скиди, ты вырастешь и будешь в два раза сильнее меня. И в три раза выносливее (Паренек надулся еще больше. На этот раз — от гордости). Однако мне жаль, что ты не хочешь пойти со мной в вик следующей весной.

— Почему это не хочу? — изумился мой ученик. — Наоборот: я очень хочу!

— Да? А я было подумал, что ты намерен подождать, пока станешь таким же большим, как Свартхёвди Медвежонок или Гнуп Три Пальца. Не думаю, что это случится так быстро. Лет пять подождать придется.

— Но я не хочу ждать! — воскликнул Скиди, забыв об усталости.

— Тогда у тебя две возможности, — сказал я. — Научиться биться так, как я тебя учу. Или никогда не вырасти.

— Почему это?

— Потому что тебя убьют. Какой-нибудь франк, совсем не герой, не слишком сильный и не слишком умелый, прирежет тебя, когда твои силы иссякнут и ты уже не сможешь отбить удар. Например, сейчас я бы не поставил на тебя даже в самом простом состязании, потому что руки у тебя ходят ходуном, а колени — как теплый воск. Что ты на это скажешь?

Скиди задумался... Признать мою правоту ему очень не хотелось.

— Когда я так устану в бою, — наконец нашелся он. — Ты меня защитишь! Я покачал головой.

— А если меня не будет рядом? Например, потому, что какой-нибудь особо шустрый враг продырявил меня из арбалета? Нет уж, дружище, если я решу, что ты не сможешь постоять за себя в любых обстоятельствах, то вместо похода с Рагнармом ты будешь вместе с дядей возделывать землю. Как тебе такое будущее?

Перспектива землепашества парня не воодушевила.

— Будем считать, что ты понял. А сейчас можешь передохнуть, пока солнце не окажется вон там.

Я отпустил парня, а сам отправился искать Хавчика. Сборы я решил поручить ему. Опыт подсказывал: мой трэль экипирует меня лучше, чем я сам. Ну если не считать вооружения.

Через полтора часа я возобновил тренировку.

— ...Показываю еще раз. Обманный замах справа, — слова я сопровождал действием, — потом, когда противник поднимает щит, — короткий укол. Вот сюда, — я похлопал себя по животу. — Воткнул — на ладонь, не больше, повернул, вытащил и — отход влево. Делай!

Скиди махнул мечом. Я сделал вид, что поверил (в реале никто на такой мах не купится, но сейчас мы отрабатываем не это), поднял щит и подставил мешок... Вот, другое дело! Уже не прореха в поллоктя и солома во все стороны, а аккуратный дозированный тычок, доворот и уход с возможной линии атаки.

— Молодец! Еще раз!

Примерно через час я посчитал, что прием усвоен. Движения экономны, выпад четкий, укол — на нужную глубину. Да и от мешка остались одни клочья.

Теперь поработаем на силу и резкость. Бронь, которую может носить потенциальный противник, крепче свиной шкуры.

Снарядом для этого тренинга служил подвешенный на веревках сухой ствол сантиметров тридцать толщиной. Воткнул — выдернул. Удобно дозировать силу: много — клинок зажимает, недостаточно резко — ствол отбрасывает назад, и вместо дырки получается затес.

Я дал парню возможность как следует пропотеть, а затем велел надеть бронь (старый тяжелый панцирь из моего арсенала и простой шлем-котелок пришлось Скиди в пору), взять меч и щит. На этот раз — деревянный. А сам взял свой любимый шест с тряпичными накладками на обоих концах.

— Ну а теперь — самое главное, — произнес я веско, чтобы молодой понял: до этого были — цветочки. — Сейчас я хочу поглядеть, чего ты стоишь. Помнишь, как ты бился с Медвежонком Свартхёвди у него во дворе?

— Ага! — Паренек довольно осклабился. Еще бы! Он полагал, что сумел достать Медвежонка. Но я сейчас намеревался его огорчить. Сильно огорчить.

Я должен был научить его проигрывать. Почувствовать не только вкус собственной крови, но и едкую желчь бессилия и поражения. Когда, сбитый с ног, ты поднимаешься и продолжаешь бой, чтобы тебя сбивали снова и снова. Когда ты продолжаешь сражаться без малейшей надежды на победу. Ты просто не можешь сдаться. И умереть не можешь. Просто потому, что, когда ты начал бой, твое естественное, единственно возможное состояние было одно: драться.

То, что я собирался проделать с мальчишкой, можно проделать только с мальчишкой. Тот, кому перевалило за двадцать пять (а то и за двадцать — люди разные), уже не подходит для этого испытания. Мой учитель, который устроил мне такую же проверку, сказал позже, что превышать пределы возможностей собственного организма можно только до тех пор, пока он, организм, не начал стареть. А стареть он, вопреки сложившемуся мнению, начинает не в сорок-пятьдесят, а уже в двадцать. Об этом знают мудрые китайцы, но понятия не имеют, к примеру, наши бодибилдеры, ворующие сами у себя десятилетия жизни. Есть простое правило: когда организм растет, запредельные нагрузки ему только в плюс, потому что они расширяют пределы его возможностей. Но когда рост прекратился и предел установлен — всё! Теперь нагрузки должны укладываться в этот предел. То, что сверху, — уже за счет здоровья.

— Попробуй достать меня так же, как ты достал Свартхёвди. Начали!

И не дожидаясь, пока он подготовится, подсек парня под колено. Шлеп! И мое импровизированное копьё уже упирается Скиди в горло.

— Подъем! Что ты разлегся, как свинья в дерьме!

Скиди подскочил пружинкой, забыв о предельной усталости. Вернее, о том, что он таковой полагал. Нет, братец, ты еще не знаешь, что такое — настоящая усталость.

Хлест слева — его Скиди принял на щит — и справа, под локоть правой руки, под широкий замах меча, по ребрам. Скиди зашипел. Его даже малость перекосило. Больно. Но не травматично. Ничего страшного.

— Чему я тебя учил! — рявкнул я. — Ты воин или трэль-дровосек?

Во-от! Вполне приличный выпад. Только толку от неподготовленного тычка — как с козла молока.

О чем я и оповестил своего ученика, легко парировав меч и вполсилы приложив незащищенным концом шеста по ноге.

Враг — не бревно. Не надо колоть его так, словно он уже обезоружен и привязан к дереву.

Я озвучил эту мысль, сопроводив ее обманным махом, завершившимся мощным, с вложением корпуса, толчком в щит. Скиди отбросило назад, однако на ногах он удержался и (молодец!) предпринял ответную атаку. Даже с неким подобием финта и сопровождавшей его попыткой закрыть мне обзор щитом. В целом недурно, но для опытного бойца, который следит не за оружием, а за тем, кто его держит, — несерьезно. Тем не менее я поощрил своего ученика — не ударил палкой.

Воодушевленный, Скиди забылся, сделал высокий замах... И схлопотал весьма болезненный тычок под мышку.

Я беспощадно гонял его минут десять, сопровождая каждую его оплошность обидными комментариями. Скиди было рассвирепел, но достать меня так и не сумел, только еще больше взмок, начал задыхаться и поневоле пере-

шел к обороне. Я не дал ему передышки.

— Атакуй! — орал я на него, ни на секунду не давая расслабиться и стимулируя боевой дух несильными, но болезненными ударами шеста. — Атакуй!

И добавлял еще какой-нибудь унижительный эпитет.

Скиди бил. Неточно и слабо, потому что еле стоял на ногах. Зато — экономно. И наконец-то начал работать корпусом, подключив те мышцы, которые я и хотел задействовать. Я отшибал меч ленивым взмахом и, если парня разворачивало, наказывал очередным тычком.

Через полчаса он выдохся окончательно. Но не упал, а продолжал сражаться. Ну, сражаться — это, конечно, громко сказано... Парень держался даже не на силе воли — на гордости. А потом и гордости не осталось. Он «плыл» и ничего не соображал, потому что башка у него отключилась напрочь. Я знал это состояние, в котором даже боли почти не чувствуешь и уже не надо заставлять двигаться измученное тело. Второе дыхание уже давно открылось и закрылось... Ты будто плывешь в тумане, в киселе...

— Всё! — скомандовал я. — Закончили!

Скиди не услышал. Продолжал наступать на меня... Пришлось обойти его и перехватить руку с мечом.

— Всё, викинг, всё! Мы закончили!

Руки Скиди упали. Щит соскользнул на снег, но меч парень не выпустил. Молодец!

— Иди в дом! — велел я.

Парень побрел в дому, шатаясь, как ушибившийся торчок. Один раз он даже хотел опереться на меч, но спохватился. Правда, едва не упал. Добрел и рухнул на лавку. Я кликнул Бетти. Велел парня раздеть, обтереть, обработать ушибы вонючей мазью Хавчика, одеть в чистое, напоить горячим отваром и оставить в покое.

Скиди вел себя как тяжелобольной. Почти не соображал. Не выдал обычной мужской реакции на прикосновения привлекательной девушки. Он был вялым и мягким, как червяк. И это было отлично, потому что означало, что парень — отличный рабочий материал, а я всё сделал как надо. Для зажимов, спазмов, судорог и прочих симптомов перегрузки у организма Скиди просто не осталось сил. Завтра, конечно, ему будет несладко... Ох, несладко!

Бетти выполнила всё в точности, поглядывая на меня с укоризной: завтра вся поверхность юного дана станет синей, как у мороженого цыпленка.

Ничего. Пока меня не будет, у Скиди появится отличная возможность залечить синяки.

Я тоже переоделся, сменив пропотевшую рубаху на свежую, и потребовал обед.

Я его заслужил. За полгода я поднатаскаю парня достаточно, чтобы он выжил в бою. А годика через три он станет настоящим боевым монстром. Стопудово.

Скиди мужественно вытерпел массаж, усилием воли поднял отбитую тушку и заявил, что готов продолжать. Его здорово огорчало, что он меня так и не достал.

— И не достанешь, — «утешил» я его. — В ближайшие пару месяцев — точ-

но. Зато через год, если будешь упираться, сможешь меня побить.

Я его обманул. Не побить ему меня через год. Но у парня должна быть ясная цель. И теперь она у него есть. А через год я дам ему другую, только и всего.

Глава двадцать первая,

которую можно назвать: зимнее путешествие с берсерком

После своего возвращения домой Свартхёвди срывался дважды. Один раз его успели повязать, второй случился ночью и тоже обошелся без жертв. Девка, делившая с Медвежонком постель, получила легкие телесные. И не от Свартхёвди, а потому, что, удирая, споткнулась о деревянное ведро и приложилась личиком о стену.

С этого дня мать на ночь давала Медвежонку снотворное. Больше эксцессов не было. Снотворное ли помогло, а может, то, что Свартхёвди очень старался держать себя в руках.

В дорогу нам тоже был выдан запас успокоительного, однако я сразу заявил, что использовать его не буду. Лес — не благополучная усадьба с крепкой оградой и кучей слуг. Здесь всякое может быть, так что аналог реланиума, мягко говоря, неуместен.

За день мы одолели километров двадцать и поднялись метров на триста.

Я порядком умаялся, хотя последние несколько часов первым, прокладывая лыжню, шел Свартхёвди.

Выносливый, как и все викинги, Медвежонок чесал по целине, безошибочно прокладывая трассу и не забывая поглядывать по сторонам. Результатом этого поглядывания был жирный заяц, которого Свартхёвди насадил на дротик.

Ночевали мы в гостях у небогатого бонда, который, по-моему, был бы счастлив выставить нас за дверь, но законы гостеприимства не позволяли. Однако хозяин, его младший брат и двое взрослых, по местным меркам, сыновей, глядели на Медвежонка весьма недружелюбно. Впрочем, стол накрыли и вели себя вежливо.

Ночь прошла спокойно. Утром мы отбыли, распрощавшись весьма холодно. А километров через пять (мы всё еще поднимались) Свартхёвди остановил нашу экспедицию, вскарабкался на скалу, затем — на венчавший ее невесть как угнездившийся на камне кряжистый дуб и минут пять озирали окрестности с его макушки.

— Не рискнули, — сообщил он мне, спустившись.

Выяснилось, что старшего брата бонда, у которого мы переночевали, убил Медвежонков папа. Вергельд был выплачен, и формально никто никому не был должен. Но особой любви, понятное дело, родичи покойника к сыну убийцы не испытывали.

Именно поэтому Свартхёвди и выбрал усадьбу для ночевки. Если его накроет, то пострадают не друзья, а недруги.

Ночью нам ничто не угрожало. Гость свят для всех, кто не хочет рассориться с Одином и законом. А вот погнаться за нами могли. Зимний лес — он многое может спрятать. Могли, но духу не хватило.

За этот день мы прошли не больше десяти километров — дорога была аховая. Примерно треть пути пришлось карабкаться по скалам, привязав лыжи за спиной.

Но перевал мы одолели, так что дальше — легче.

В этот вечер, глядя, как в поставленном на огонь котелке с шипением плавился снег, я вдруг вспомнил слова Рунгерд: «...ложишься спать с человеком, а просыпаешься с диким зверем...»

Я поглядел на Свартхёвди. Медвежонок выглядел вполне нормальным. Стругал ножом мороженный окорок, помешивал палочкой в котелке.

Поймав мой взгляд, Свартхёвди улыбнулся, но как-то напряженно. Угадал, о чем я думаю. Он был как человек, несущий в голове хрупкую неустойчивую конструкцию вроде карточного домика или лабиринта из доминошных костей. Одно неловкое движение — и всё обрушится. Да, здорово он переменялся с тех пор, как порешил того ирландца. Прежде громогласный и бесшабашный, теперь Медвежонок говорил негромким, ровным голосом и отвечал тоже не сразу, а будто прислушиваясь: как отзовется на сказанное его безумие? Не упадет ли планка?

— Если хочешь — можешь меня на ночь связать, — тем же ровным голосом произнес он.

— Не думаю, что это хорошее предложение, — спокойно ответил я.

— А по-моему, очень хорошее. Мне больно видеть, что мой брат меня боится.

Я сделал над собой усилие и ухмыльнулся во всю пасть.

— А я думаю: это ты сам боишься! — нахально заявил я. — Мне-то что — я помру — и всё. А вот ты, если тебя накроет, останешься без друга. — Я достал из мешка вяленую рыбину, понюхал и тоже взялся за нож. — Как я понимаю: пути нам осталось — дня на два. Ты ж со скуки умрешь, если не с кем будет словом перемолвиться.

— Это верно, — Свартхёвди тоже усмехнулся. — Если ты не против: я не стану тебя закапывать. Повешу на ветку повыше: пусть тобой птицы Одина займутся. Время нынче голодное. И мне на обратном пути легче будет останки твои тащить. А раба твоего, Хаучика, я себе возьму.

— Бери, — согласился я. — Он тебе заодно девок дворовых брюхатить будет. Самому-то тебе теперь никак. Загрызешь еще ненароком.

Зря я это сказал. В шутках тоже меру знать надо. Особенно — с друзьями. Свартхёвди как-то резко помрачнел. Сцепил зубы... Я чувствовал: если бы не необходимость держать лицо, он бы сейчас завыл в голос.

Вместо него недалеко от нас завыл волк. С другой стороны донесся ответный вой. Цивилизованный человек Николай Переляк наверняка озаботился бы подобным соседством. Викингу Ульфу Черноголовому было плевать, что там на уме у его серого тезки. Он знал, кто в этом лесу — главный хищник.

— Берсерк, — сказал я. — Это мощно. Не какой-нибудь ульфхеднар.[81]

Свартхёвди глянул на меня так, словно это у меня, а не у него были проблемы с психикой. Но промолчал.

Так, в молчании, мы покушали.

Свартхёвди наладил ночное отопление: это такое бревнышко, расколотое клиньями, которое по мере сгорания постепенно вдвигается в костер.

— Кто первый сторожит? — спросил я.

— А зачем?

И верно — зачем? Кровники Свартхёвди за нами не пошли. Мы — не в походе и не на чужой территории, так что людей опасаться вроде не надо. Зве-

рья — тем более.

— Как скажешь, — охотно согласился я. — Хочешь, историю расскажу?

Свартхёвди кивнул.

— Заходит как-то один человек к своему другу. А тот сидит, точит топор. И вид у него мрачный.

— Что такой невеселый? — спрашивает гость.

— Сосед мой умер.

— Как? Когда?

Друг пробует заточку, откладывает топор и говорит этак задумчиво:

— Полагаю, завтра.

Медвежонок хмыкнул:

— Это ты к чему рассказал?

— А вот об этом мы с тобой завтра поговорим.

Утром оказалось, что ночью никто никого не съел и даже не покусал. Волчьи следы, правда, обнаружили шагах в двадцати от нашей стоянки, но покушаться ни на нас, ни на наше имущество четвероногие не стали. Предки Свартхёвди, веками тачавшие одежду из качественного волчьего меха, выработали у сереньких твердое понимание того, на ком заканчивается здешняя пищевая цепочка.

Следующей ночью мы ночевали в чужой охотничьей избушке, а к полудню третьего дня достигли цели путешествия.

Вернее, это цель достигла нас. Не факт, что мы нашли бы заветную избушку самостоятельно. Лично я бы запросто промахнулся, потому что даже в десяти шагах жилище мастера берсеркского искусства выглядело заснеженным холмиком двухметровой высоты. Вход в него был замаскирован так, что, боюсь, даже мой друг Медвежонок его бы не обнаружил.

Нашли — нас.

Глава двадцать вторая, в которой в жизни героя появляются Каменный Волк и его при- стяжь

Две белые тени возникли из ниоткуда. Волки. Белые как снег. Два хищника размером с крупную канадскую лайку встали у нас на пути, будто призрак зимнего леса.

Не сказать чтобы я испугался. Два волка — один полушубок. Зимой — самое то. И камуфляж идеальный.

Я потянулся к оружию, но Медвежонок тронул мою руку:

— Не надо. Погоди.

Конечно, он был прав. Волки, даже самые голодные, не станут напрашиваться на драку с двумя вооруженными мужчинами. Это ж чистый суицид с их стороны. А эти зверушки были вполне упитанными. Коли так, то какого хрена им надо?

Волчишки стояли молча (не надо иронизировать: волчье рычание — тот же разговор) и чего-то ждали.

Мы — тоже.

Так прошло минут десять. У меня уже начались проблемы с терпением (по здешним меркам, я — невероятный торопыга), когда снег у нас за спиной закрипел.

Я тут же развернулся на сто восемьдесят градусов — спиной к спине Свартхёвди — и увидел, как по нашему следу неторопливо движется высоченный дед с полуметровой седой бородищей, заплетенной в три косы, и такими же длинными белыми патлами, висящими из-под мохнатой белой шапки, надвинутой по самые брови.

Не иначе как кто-то из близких родственников волчишек-альбиносов стал основой данного головного убора.

Помимо белого малахая дедушка был одет в белую же шубу, которая свисала с широченных плеч аж до облепленных снегом унт. Шуба была перехвачена широким поясом, утяжеленным обычным здешним арсеналом, самым серьезным предметом которого была «бородатая» секира очень внушительных размеров. Вместо лыжной палки дедушка использовал копье, называемое местными хогспьёт.[82] Словом, несмотря на возраст, дед производил весьма серьезное впечатление, и я приготовился к неприятностям. Но дедушка меня успокоил.

— Не бойся, человек Хрёрека! — хриплым басом заявил он. — А ты, молодой Сваресон, можешь повернуться. Звери Одина не нападают на своих.

Вот интересно, откуда старик знает, кто мы такие. Я был абсолютно уверен, что вижу его первый раз в жизни. Такие не забываются. Колдун, не иначе.

— Стенульф! — произнес Медвежонок. И это было скорее утверждение, чем вопрос. Выходит, и мой друг знал, с кем имеет дело. И только я, как обычно, пролетел мимо темы.

— Так меня зовут, — согласился дедушка. — Каменный Волк. А ты, вижу, выбрал путь своего отца.

Он тоже не спрашивал — утверждал.

— Это не выбор, — сказал Свартхёвди. — Сила зверя владеет мной. Матушка сказала: ты можешь помочь.

— Могу, — Каменный Волк шагнул вперед и навис над нами. Он был на полголовы выше рослого Медвежонка, а обо мне и говорить нечего. Я мог бы легко спрятаться у него под мышкой.

Боковым зрением я засек белые тени, мелькнувшие мимо нас и растаявшие в чаще. Волки ушли.

— Кто этот черноголовый из хирда Хрёрека-ярла?

А я наконец сообразил, как дед нас опознал. Вышивка. Что на моем полшубке, что на куртке Свартхёвди. Для тех, кто умеет «читать», эти вышивки — визитная карточка клановой принадлежности.

— Его имя Ульф. Ульф Вогенсон.

— Ульф? — Дед слегка отодвинулся, чтобы удобнее было меня рассмотреть. — Ульф... — На костистой, изрезанной морщинами физиономии выразилось сомнение...

— Мой друг, — произнес Медвежонок со значением и положил руку мне на плечо.

— Что ж, этого довольно, — голова в белом малахае торжественно качнулась. — Ульф Черноголовый (Молодец, погоняло мое с первого раза угадал!) и Свартхёвди Медвежонок. Будьте моими гостями.

Он обошел нас и двинулся по еле заметной тропе. Мы последовали за ним. Лично мне пришлось очень постараться, чтобы не отстать. На каждый шаг Стенульфа приходилось два моих. То ли лыжи у него были особые, то ли ноги

длинные. Скорее, и то и другое.

Еще я заметил, что длинные полы его шубы на ходу почти не раскачивались — так плавно он двигался.

Несмотря на то что дед отнесся к моей персоне с явным скепсисом, мне он понравился. Так двигаться в столь преклонном возрасте — это о многом говорит.

Лесной дом Каменного Волка был замаскирован по высшему разряду. Даже вблизи он выглядел небольшим холмиком, засыпанным снегом, из которого торчали молоденькие елочки. Вход в дом скрывали две сросшиеся ели, а продухи прятались под вывороченными корнями поверженного хвойного великана. Как позже выяснилось, даже дым очага можно было заметить лишь в непосредственной близости от дедушкиной «квартиры», потому что он поднимался под прикрытием хвои и в ней же рассеивался. Внимательный глаз мог бы заметить подтаявшие снежные шапки, но это должен быть очень внимательный глаз. Я бы точно ничего не заметил.

Такой вот дом. И не дом даже — землянка. Еще точнее — берлога.

Свартхёвди так и сказал. Медвежья берлога. Тот же принцип потайного укрытия.

Я ему поверил. Свартхёвди сам на медведей не охотился. Медведь — это, типа, его тотем. Но в теме разбирался.

Дедушка разгреб снег и открыл тайную дверь, больше похожую на люк.

Внутри оказалось лучше, чем я ожидал. Вкусно пахло травами и смолой. Застеленный шкурами пол пружинил под ногами, как хороший матрас. Потолок был сделан из жердей, крытых берестой и соломой, и находился достаточно высоко, чтобы дедушка мог стоять в полный рост. Места тоже хватало: во всяком случае втроем здесь можно было разместиться без труда. Посередине жилища находился очаг с подобием вытяжки и каменной оградкой. Понятная предосторожность. Одного уголька достаточно, чтобы всё вспыхнуло.

В берлоге было намного теплее, чем снаружи. Угли в очаге мерцали красным.

Дедушка скинул шубу, зажег примитивную жировую коптилку и полез в дальний отнорок, оказавшийся «холодильником». На свет появилась замороженная оленья нога.

— Займитесь, — велел он нам, а сам разлегся напротив огня и задремал.

Я был слегка ошарашен таким «гостеприимством», но Медвежонок воспринял всё как должное и принялся кухарничать.

Поведение дедушки оказалось знаковым. С этого дня всеми хозяйственными делами занимались исключительно мы со Свартхёвди. Сам хозяин дрых, кушал и командовал.

И присматривался.

Прошла неделя. Мы с Медвежонок дважды сходили на охоту. Один раз — по мелочи. Второй — поудачнее. Завалили оленя-двухлетку, сдуру выскочившего прямо на нас, — осталось только принять его на копья.

И поделиться с «причиной» оленьей дурости — белыми волчишками старика, выгнавшими зверя на копья.

Честно сказать, эти добровольные помощники меня немного нервировали. Уставится на тебя этакое чудо, «улыбнется» во всю «хлеборезку» — хрен пой-

мешь, что ему надо. С такими-то зубищами.

Обучение началось, когда я уже решил, что дедушка — просто халевщик.

Но в один прекрасный миг наш гостеприимный хозяин проснулся и заговорил.

Надо сказать, очень даже интересно заговорил. Идеологически.

Сначала был краткий урок сакральной географии.

Мы узнали (хотя допускаю, что Свартхёвди уже был в курсе), что все доступное и недоступное пространство делится на девять миров, группирующихся вокруг Мирового Древа Иггдрасиль.

На самом верху Асгард — обители богов-асов, красавиц-валькирий и достойных пацанов, геройски павших с оружием в руках и удостоенных местного «рая» — Валхаллы.

Пониже — Альфхейм, где обитают альфы. Светлые альфы. Это что-то типа эльфов. Я толком не понял, но спрашивать не стал. Смысл?

Под Альфхеймом, строго по центральной оси имеет место быть Митгард, то есть — Срединный Мир, в котором живем мы, хомо сапиенс. К западу от нас располагается Ванахейм — мир ванов. К востоку — Йотунхейм, территория великанов-йотунов, как явствует из названия. На юге расположена страна под названием Муспелльхейм, место крайне неприятное и опасное, огненная страна, где смертным делать нечего, если они не претендуют на роль кебаба. На севере тоже несладко. Нифльхейм. Царство вечного льда и тьмы. Ванахейм, Йотунхейм, Муспелльхейм и Нифльхейм находятся, так сказать, в плоскости нашего мира, Митгарда. То есть туда теоретически можно добраться. Если, конечно, не дружишь с головой. Ниже центральной плоскости — еще два мира. Свартальфхейм — мир темных альфов. А может, и карликов, потому что Каменный Волк назвал его обитателей цвергами. Из прежней жизни я помнил сочетание цвергшнауцер. То есть самый мелкий из шнауцеров.

Еще ниже Свартальфхейма располагался Хельхейм, то бишь преисподняя. Но нам туда не надо.

Каждый мир автономен, однако поскольку Асгард занимает господствующую высоту, то именно оттуда происходит креативное управление людишками. То есть нами.

С точки зрения Асов (по версии Каменного Волка), все люди делились на две категории: полезные и бесполезные. К первым относились воины, которым предназначалось рубиться на стороне богов во время Рагнарёка, и почему-то скальды. Всё прочее население рассматривалось лишь в контексте производства воинов и оттачивания их мастерства. То есть здоровые крепкие женщины — это гуд. И трудолюбивые бонды — это тоже гуд, потому что производят пиво и пищу для первой категории населения. Также гуд — хорошие, воински подкованные враги. Как спарринг-партнеры и транспортное средство для отправки героев наверх для дальнейшего обучения в Валхалле. Хотя в процессе смертоубийства избранных принимали участие не только злые враги, но и прекрасные небесные девы — валькирии. Именно они, в соответствии с указаниями Папы-Одина отбирали кандидатов на вознесение. А в некоторых случаях способствовали и скорейшему прекращению брэнной жизни особо выдающихся воинов путем всяких подлянок.

Так обстояло дело с первой категорией хомо сапиенс. Вторая категория, то бишь бесполезная с точки зрения будущего Рагнарёка часть населения подле-

жала утилизации. В нее входили отработавшие свое трэли, непригодные для работы враги (например, христианские монахи пожилого возраста, женщины, не способные принести потомство, и т. п.). Согласно махрово-расистской идеологии Каменного Волка от унтерменшей следовало избавляться путем подвешивания на священном древе Одина.

Такая вот простая философия.

Познакомив нас с правильным мировоззрением, Каменный Волк перешел не к конкретике перевоплощения в берсерки, а почему-то к источнику поэтического дара.

Начал от печки, прихлебывая пиво, которое Свартхёвди припер на горбу из дома, а Каменный Волк напиток одобрил, экспроприировал и пил в одно жало, предоставляя нам в качестве альтернативы чаёк на травках.

— Случилось это после войны асов и ванов... — начал дедушка свой неторопливый познавательный рассказ.

Но не станем вникать в детали. Ограничимся сутью. Суть же дедушкиной истории, вкратце, опуская многочисленные имена и родственные связи, была такова. Навоевавшись, высшие существа замирились, и в знак примирения асы и ваны плюнули в одну чашу, а затем из общей, ваноасской слюны слепили паренька со звучным именем Квасир. Гомункулус получился на славу. Что-то вроде Интернета. Что ни спросишь, всё знает. Ходил этот Квасир по разным мирам и везде учил народ уму-разуму. Но не зря, по-моему, в Библии сказано, что от большого ума бывают большие проблемы.[83] Два карлика-цверга, продвинутых в алхимии, заманили умника в гости, зарезали, слили кровь, замешали ее с мёдом (для сохранности, надо полагать: мёд — неплохой консервант) и изготовили коктейль под названием «Мёд Поэзии». Для богов пустили дезу, что Квасир захлебнулся от собственной мудрости, и приготовились эксплуатировать добычу. Но тут о преступлении прознал один великан и потребовал долю. Зря он это сделал. Карлики злодейским образом порешили и великана, и его ни в чем не повинную жену.

Правда, у великана имелся сын. И сын этот отомстил за убитых родителей в лучших скандинавских традициях. То есть сначала хотел утопить, но легко согласился на выкуп. Тот самый котел с Мёдом Поэзии.

Котел удовлетворенный сынок притаранил домой и поставил под охрану собственной сестренки.

Вскорости информация о волшебном котелке дошла до Асгарда. И совсем не удивительно, что старина Один решил котелок с медовым супчиком из гомункулуса у великана экспроприировать.

Дело, однако, предстояло нелегкое, поэтому Один, как и принято среди скандинавов, взялся за него лично. Напролом не полез: новый хозяин Мёда Поэзии был мужик крутой. Мало того что великан, так еще и колдун. В лоб не возьмешь. Так что Один решил действовать через родственников мёдовладельца.

Был у счастливого обладателя волшебной медовухи братан. А у братана — замечательный луг. И косцы-работники. Девять голов.

Один в очередной раз подтвердил свою репутацию Отца Лжи. Он спровоцировал косцов на драку, в результате которой живые косцы превратились в мертвых. А поскольку косить всё равно надо, Один предложил простодушному братцу-великану свои услуги. Почему — простодушному? Да потому, что

Один, естественно, назвался не Одним. Взял конспиративное имя. Угадайте какое? Злодей!

Надо быть совсем простым, чтобы нанять работника с подобным именем. Хотя возможен и такой вариант, что великан обладал немереной крутостью и чихал на чужие погоняла.

В качестве платы Злодей потребовал глоток волшебного мёда.

Подрядчик обещал поспособствовать. Почему бы и нет? Расплатиться за работу на своем лугу чужим имуществом? Обычное дело. Большинство российских чиновников так и поступают.

Один честно откосил (в положительном смысле) всё лето и потребовал плату.

Брат привел его к хозяину поэтической бражки. Хозяин, как и следовало ожидать, послал их подальше.

Тогда Один пошел в обход. Заставил своего работодателя волшебным буровом продырявить скалу, превратился в змея и проник в пещеру с Мёдом Поэзии и сестренкой-великаншей. Дальше — просто. Главный Ас охмурил сестренку-охранницу и провел с ней три насыщенных ночи.

Надо полагать, председатель божественной иерархии оказался на высоте, потому что счастливая великанша позволила Одину сделать из заветного котла три глотка. По числу ночей.

Недооценила девушка божественные возможности мёдопития.

Один в три глотка всосал весь котел, превратился в орла и дернул из пещеры.

Однако этот вылет не остался незамеченным. Великан, хозяин волшебной медовухи (теперь уже — бывший хозяин), с ходу врубился в происходящее. Так что он тоже превратился в орла (но побольше) и пустился в погоню.

Один летел быстро, но великан — настигал. Ведь он летел налегке, а одноглазый Ас — с полной, так сказать, бомбовой загрузкой.

Осознав, что враг догоняет, Один сдристнул часть добычи. Не от страха, само собой, а для облегчения. Так, орошая землю полупереваренными мёдопродуктами, Один успешно долетел до Асгарда, где благополучно сблевал волшебный напиток в большой золотой сосуд и вручил его своему сыну Браги (еще одно говорящее имя), который с этих пор числится покровителем настоящей поэзии.

А что же случилось с божественным пометом?

Он достался людям, которых в просвещенном будущем станут называть графоманами, а в средневековом настоящем — просто дурными поэтами.

А к чему вся эта история? А к тому, разъяснил Каменный Волк, что с тех пор язык поэзии стал тем языком, на котором творится волшба и который внятен богам. В том числе — Одину.

Это первое.

А второе то, что необученные берсерки сродни этим, так сказать, «поэтам от заднего прохода». И первоочередная задача мастера: сделать так, чтобы обучаемый получил «истинный мёд» берсерка. Но этот дар — исключительно добрая воля богов. Одина, в частности. А поскольку сочетание слова «добро» и имени Один — чистый оксюморон,[84] то дело это очень даже непростое. Ведь, чтобы боги тебя слышали, ты должен научиться «говорить» на их языке. В

частности, владеть искусством обычной поэзии.

Вот этим с сегодняшнего дня они со Свартхёвди и будут заниматься.

Стихи, что ли, сочинять? Интер-ресный способ боевой подготовки.

Ну ладно, Медвежонку деться некуда. Но я-то никогда не имел склонности к поэтическим экзерсисам. Разве совсем уж в нежном возрасте сочинил стишок для одной девчонки — моей коллеги по городской сборной... Молодой, задорный... С кем не бывает.

— А как же я? — поинтересовался я у вещавшего нам Каменного Волка.

— А ты, — сказал дедушка, — можешь идти домой. Или остаться, если пожелаешь.

Я пожелал остаться. Уж больно любопытно мне было поглядеть, как из неправильного оборотня будут делать правильного.

Глава двадцать третья,

в которой герой имеет возможность наблюдать, как функционирует «школа оборотня»

В общем, мой друг и его наставник почитай целную неделю сидели и разговаривали. То есть разговаривал дедушка, а Свартхёвди внимал, время от времени задавая умные вопросы. А я, парень простой и высоких материй чуждый, добывал для них пропитание. Занятие нетрудное, поскольку пара белых волчишек исправно трудилась загонщиками. За эти дни я с ними неплохо сработался, так что свежее мясо в землянке всегда было в избытке, и большую часть времени мы просто гоняли по лесу: я — на лыжах, волчары — на лапах, и наслаждались полнотой жизни. По-моему, зверюги решили принять меня в свою стаю. Я был не против. Помните, как у Киплинга? «Он такой же, как и мы. Только голый».

Ну здесь, чай, не индийские джунгли. В такую погоду голыми бегают только берсерки да «моржи». Но если мой полушубок вывернуть наизнанку, то отличить меня издали от четвероногих зубастиков будет не так-то просто.

Словом, я даже как-то подзабыл, что рядом со мной — дикие звери. Тем более что понимание между нами было — полное. И куда кого гнать. И кому что кушать в случае успеха. Словом, «Мы с тобой одной крови...», да и Белый Волк звучит лучше, чем Волк Черноголовый, как вы полагаете?

По вечерам я, усталый и разморенный теплом, вполуха слушал стариковы вирши. Среди прочего узнал, например, что моя связь с Рунгерд — предосудительна.

Если дословно, то:

*...с чародейкой не спи,
пусть она не сжимает
в объятьях тебя.
Заставит она
тебя позабыть
о тинге и сходках;
есть не захочешь,
забудешь друзей,
сон горестным станет.[85]*

А также более практичные вещи:

*...ночью вставать
по нужде только надо*

иль следя за врагом.[86]

К этому присоединяюсь целиком и полностью.

Наконец теоретическая часть, долженствующая убедить слушателей, что боевое безумие — это не болезнь, а щедрый дар самого Одина, так сказать прорыв божественного начала в наш бранный мир, завершилась. За себя не ручаюсь, но Свартхёвди точно уверовал, что там, в Валхалле, все такие безбашенные. Колошматят друг друга в свое удовольствие, почти не оставляя ран. Потом кушают, развлекаются с девками — и всё по новой. То есть берсерки и ульфхеднары — это земные прототипы воинов Валхаллы.

Однако здесь, в Срединном Мире, правила игры немного другие, и плотские тела отличаются от безупречных духовных, коими обладают воины Валхаллы.

Посему им присущи слабости. То есть воин, перегрузившийся бранной радостью, может запросто помереть от переутомления. Особенно если практикует допинги.

Сам дедушка на допинги (сушеный мухомор и прочую наркоту) смотрел чисто утилитарно. Вещь необходимая для оборотней-дебютантов: отличный способ развязать сознание, узреть незримое и законтачить с высшими силами.

Я с большим интересом наблюдал, как мой друг, закинувшись супчиком из психоделиков, бегал голышом по лесу (зима в Дании не очень сурова, но градусов пять-десять мороза — вынь да положь), карабкался на деревья, аки Маугли, рубился с призраками и голыми руками разбрасывал горящие угли. Надо отметить две вещи.

Во-первых, дедушка неизменно был при нем и, сдаётся мне, «видел невидимое» ничуть не хуже, чем мой накушавшийся дружок. Более того, иногда вел себя очень даже активно, гоня «невидимых» духов не менее энергично, чем обучаемый. Глядя, как они куролесили, трудно было поверить в серьёзность происходящего.

Но тут вступало в действие «во-вторых». А именно то, что творивший факирские подвиги Свартхёвди не получал ни ожогов, ни обморожений. Никаких травм. У меня на глазах парень сиганул с ветки на ветку и приземлился не на ноги-руки, а враскоряку. Так, как ковбои в кино из окон на лошадей прыгают. Чтобы прочувствовать эту ситуацию в минимальном варианте, я рекомендую как следует разогнаться на обычном велосипеде, а потом сигануть с метровой высоты. Только чур на ноги не вставать! Свартхёвди приземлился именно так — и как ни в чем не бывало запрыгал дальше. Хочу отметить, он не просто не ощущал боли (это как раз под наркотой — дело нехитрое), у него от всех этих диких трюков даже царапин не оставалось.

После нескольких часов беснования наступал релакс: Медвежонок выпадал на сутки (просыпался только для того, чтобы отвару попить), а дедушка — часов на семь-восемь. После чего приходил в себя бодренький и голодный, аки его некаменный прототип. Особенно жаловал свежую сырую печенку. Полкило мог слопать в один присест.

Пока Свартхёвди отлеживался перед очередным экскурсом в страну глюкозину, мы с Каменным Волком вели неспешные разговоры о человеческом и божественном.

Оказалось, дедушке прекрасно известно, что я, так сказать, выходец из дру-

гого мира. Высказался в том смысле, что видящий отличает таких, как я, так же легко, как обычный человек — негра от китайца. Из какого именно мира я прибыл, Стенульф допытываться не стал. Предположил, что из Ванахейма. Помните? Страна к западу от нашего Митгарда. Стенульф решил, что я — полукровка. Полуван-получеловек. Я его не переубеждал.

Еще дедушка знал множество разных историй о богах и героях прошлого. Рассказывал интересно. В лицах и с такими подробностями, будто сам был свидетелем сих великих подвигов. А может, и был, хрен его знает. Накушавшись галлюциногенов еще и не то увидишь. Хотя нет, тут я неправ. Дедушка-то как раз психоделиками не пользовался.

Поговорили и о Рагнаре с отпрысками. Несмотря на то что Каменный Волк жил, мягко говоря, на отшибе, он был полностью в курсе большой политики и тех, кто ее вершил.

Однако историю рода Рагнара Лотброка и его потомков Каменный Волк трактовал по-своему. Например, я узнал, что дедушку со стороны Аслауг, матери моего доброго знакомого Ивара Бескостного (а также Бьёрна Железнобокого и незнакомых мне пока Хвйтсерка и Сигурда Змееглазого), звали Сигурдом Убийцей Фафнира. Позже я расскажу замечательную историю о том, как герой Сигурд прикончил дракона Фафнира. Мне-то казалось, история эта относится к седой древности, а не к этим временам. А тут что же получается: дедушка хорошо известного мне Ивара — драконоборец?

— Можешь понимать это именно так, — уклонился от строгого ответа Стенульф.

И поведал еще одну историю: о том, как Рагнар Лотброк еще в молодости прикончил какую-то суперзмею... И заполучил персональное змеиное проклятие. Мол, кто змею убил, тот от змеи и погибнет. Впрочем, качественное проклятие только поднимает статус героя. Так же как и наличие значимых гейсов.[87]

В припадке откровенности, а может, желая показать, что я тоже кое-что понимаю в таинстве незримого, я поведал могучему дедушке о том, что однажды увидел во взгляде Ивара Бескостного образ чудовища. Мне привиделся жуткий ящер, наблюдающий за мной из человеческих глазниц. Впрочем, я сказал: дракон, а не ящер. Сомневаюсь, что Каменный Волк при всей его эрудиции знал, кто такие динозавры.

Наставник берсерков, услышав мою историю, необычайно воодушевился. Сообщил, что Ивар ныне — старший наследник Рагнара (а я-то думал, что старший — Сигурд), и по обеим линиям он унаследовал кровь рептильных киллеров. Следовательно, по старинному языческому праву, он унаследовал также и кое-что от самих рептилий. Оно понятно: убивший конунга в честном поединке вправе требовать его место. Впрочем, не один только Ивар. Бьёрн, например, не зря зовется Железнобоким. Ни в одной битве железо не касалось его кожи. А Сигурд...

Тут нас прервали. Снаружи донеслось мелодичное (именно так, я не оговорился) рычание. Один из дедушкиных волков предупреждал: где-то неподалеку — люди.

Так что мы прервали нашу занимательную беседу, похватали оружие, встали на лыжи и двинулись встречать гостей.

Небось еще какой-нибудь берсерк-любитель прется, подумал я.

Не угадал. На территорию элитарной школы оборотней вторгся целый санно-лыжный поезд.

Кстати, о гейсах. В этот день я узнал об одном из персональных гейсов самого дедушки Стенульфа. Никогда не отказывать первой просьбе первой женщины, которую он встретит после дня зимы.[88]

Глава двадцать четвертая,

в которой реализуется гейс Каменного Волка, а также русская поговорка «Седина в голову, бес в ребро», ну а наш герой узнает кое-что об особенностях датского права

Ее звали Гундё. В переводе на русский: Добрая Весть. И приехала она к нам аж с континента. Ничего удивительного: море-то замерзло, а от Сёлунда до материка — рукой подать. Интересно другое: кто слил ей инфу о гейсе старины Каменного Волка?

Но это было уже не важно. Стенульф ее выслушал и решил помочь. Думаю, наставнику берсерков просто захотелось развеяться. Мои собратья по палубе, тоже обремененные разными обетами и ограничениями, нарушали их сплошь и рядом. Главное: потом договориться с богами, которые, собственно, и были гарантами соблюдения условий. Старались не нарушать только те обеты, которые были завязаны на конкретное дело. Например, не пить пива из деревянной чашки, пока такой-то такой-то будет украшать мир неотрубленной головой. Нарушишь — и вместо головы врага на земле окажется твоя собственная. Или — родовые обязательства. С ними вообще строго: дело-то не личное: семь поколений померших предков и столько же еще не рожденных понесут ответственность вместе с тобой.

Гейс насчет «не отказывать» был явно личного свойства, однако сработало. Не исключаю вероятности, что дедушке просто понравилась просительница. По местным меркам баба была — в самом соку. Габариты — помесь метательницы ядра с профессиональной кормилицей. Пшеничные косы — с руку Свартхёвди толщиной. Румянец во всю щеку (ну это понятно — мороз), глаза синие, губы красные, зубки ровные. Руки... Ну я уже говорил: ядро метать такими руками. Однако для того, чтобы отстоять право собственности, этого оказалось мало.

Бабенка была официальной наложницей некоего ярла Лодина, который при жизни был одним из мелких ярлов конунга Харека Младшего. При жизни, потому что пару месяцев назад ярла хватил апоплексический удар. Инсульт, если по-умному. Лечить такие заболевания в Средневековье не умели. Ярлов ветеринар-трэль пустил хозяину кровь, но это почему-то не исцелило больного. Ярл помер.

А через пару недель в имение приехал младший брат вдовы. И они с безутешной вдовушкой взяли да и выгнали наложницу Гундё.

Мало того что выгнали, так еще и двух сыновей отняли. Дескать, они сами воспитают мальчиков. Получше низкородной мамыши.

В принципе, это было нарушением законодательства. Гундё была свободной, а не рабыней. Оба сына, пацанчики пяти и трех лет, были законно приняты в род с правом наследования.

У Гундё был вариант — двинуть с жалобой к конунгу Хареку. Но не факт, что конунг поддержал бы ее просьбу. Ему нужен был крепкий фюльк, управляемый воином, а не бабой с двумя малолетками.

Правда, у Гундё тоже имелся воин-брат. Старший. И у него тоже были сторонники. Но им не хватало решимости: с шурином ярла прибыли двенадцать крепких бойцов и примерно столько же он привлек на свою сторону щедрыми подарками.

Остальные обитатели фюлька роптать не посмели. По словам Гундё, многим из них идти под руку ярлова шурина, то есть человека чужой крови, не очень-то улыбалось. Но они были не настолько против него, чтобы умереть.

Кстати, шустро-го шурина-захватчика звали Гицур Жадина. Чтобы заполучить подобное прозвище у скандинавов, отнюдь не отличавшихся щедростью, надо очень постараться.

Короче, для переворота нужен был настоящий лидер и сильная штурмовая группа. Вот за этим Гундё и явилась в обитель берсерк-мастера.

С Гундё прибыли шестеро мужчин призывного возраста. Хотя, на мой взгляд, достойным внимания был только один: старший брат потерпевшей, в недавнем прошлом — хирдман покойного ярла.

Просьбу изложила сама Добрая Весть. А конкретику довел ее бородатый братишка, которого звали Торд Болтун. Надо полагать, в ироническом смысле, потому что многословием дядя не отличался.

— Тебе — десять марок. Каждому из твоих берсерков — по три.

Гейс гейсом, а магарыч — магарычом.

Тут-то и выяснилось, что женщину всё-таки ввели в заблуждение: представили старину Каменного Волка хёрсиром оборотнической дружины.

Узнав, что нас всего трое, братик и сестричка искренне огорчились.

Но когда выяснилось, что два ученика (меня тоже посчитали!) Стенульфа — не какие-то салабоны, а хускарлы самого Хрёрека Сокола, родственники частично воспряли духом.

Однако старина Каменный Волк их немедленно огорчил. Да, он готов взяться за дело, и нас троих для его решения вполне достаточно. А вот серебра — маловато. Пусть будет по десять марок Свартхёвди и мне, а сам Стенульф, так и быть, сделает даме скидку — возьмет не пятьдесят, как было бы справедливо, а только двадцать.

Экономная, как все датчанки, Гундё попробовала было торговаться, но брат пихнул ее в бок, и датская топ-модель сообразила, что делит шкуру неубитого медведя. Причем медведя, которого убивать не ей.

Тем более, братик нашептал ей, что Свартхёвди Медвежонок — сын папы-Медведя, история которого была общеизвестна.

Гундё тут же оживилась и начала строить Медвежонку глазки. Решила: если его папаша прикончил полноценного ярла с полноценной дружиной, то для сына порешить какого-то там шурина с двумя десятками дружинников — чисто размяться перед завтраком.

Свартхёвди тему понял правильно и тут же ухватил молодуху за ягодичную мышцу...

А я перехватил сумрачный взгляд дедушки и шепотом предупредил моего друга, что босс уже положил глаз на красотку.

Свартхёвди моментально съехал с темы. Субординация — это святое.

Потом был не слишком долгий и по-своему забавный переход.

Забавный, потому что наш слух еженощно услаждали «жалобные» стоны безутешной мамыши, которую дедушка Стенульф «утешал» с поистине неведомской мощью.

Мы с Медвежонком заключили пари: я полагал, что дедушки хватит на неделю, Свартхёвди с этим не соглашался. При этом он оценивал не столько старину Каменного Волка, сколько сексапильность Гундё. Сисястая экс-наложница, в отличие от меня, ему сразу глянулась. Что же до меня, то месяц воздержания — срок немалый, но бывало и побольше. Правильное дыхание, правильные мысли и качественная физическая нагрузка заметно снижают уровень гормонов в крови. А вот Свартхёвди «переживал». И не он один. Полагаю, от нереализованных желаний страдала вся мужская часть нашей мужской экспедиции. Кроме, может быть, братца Болтуна, которому вожделеть к сеструхе не полагалось. Братец этот, отмечу, мне конкретно не нравился. Зыркал на нас как-то... не по-доброму. Но клюв не по делу не разевал, поэтому зацепиться было не за что.

Свартхёвди выиграл пари, когда уже мы пересекли замерзший пролив и выбрались на материк. Датчане двигались как снегоходы. Не снижая темпа. Вне зависимости от погоды. Что в снегопад, что во вьюгу. Хотя, отмечу, настоящего ненастья не случилось. И мороз был вполне терпимый. Даже ночью не ниже десяти градусов. По моим прикидкам.

Надо отметить, что и я втянулся. Спал в снежных норах, аки дикий зверь. В свой черед топал впереди, прокладывая лыжню. Правда, саночки тянуть ни мне, ни Медвежонку со Стенульфом не доверяли. Да мы и не рвались.

Восемь дней в пути, а на девятый мы наконец добрались до жилья — длинного дома какого-то местного бонда.

Приняли нас прилично. Накормили, напоили, баньку растопили. Ох, вот это кайф! Лучше женщины, ей-Богу! Хотя и женщины тоже были, врать не стану. Местные нам ни в чем не отказывали.

Один велел привечать путников. Ну да таких путников, как мы, попробуй не приветь! Восемь вооруженных мужчин, из которых по меньшей мере двое (мы с братцем Тордом) профессиональные головорезы, а двое — и того хуже: берсерки.

Впрочем, наши берсерки вели себя пристойно. Кушали хорошо, в боевой транс не впадали. Да я на этот счет и не беспокоился. Был уверен, что, пока за спиной Свартхёвди маячит «рама» дедушки Стенульфа, незапланированного кровопролития можно не опасаться. Да и поводов не было. Нам никто не перечил. Банька, хавчик, немного доброго пива и теплая девка под бок... Что еще надо простому датскому (и недатскому тоже) викингу? Мы были настолько беспечны, что даже караул не выставили. А чего бояться? Это, чтобы накормить волка, достаточно одного пуделя. А чтобы загрызть — и целой стаи не хватит.

Платить никто из наших не собирался. Пусть будут счастливы, что мы убираемся восвояси.

Торд Болтун выдал что-то типа: проболтаетесь, что наша бригада отдыхала в вашем пансионате, — вернемся и всех зарежем. Такая вот благодарность.

Впрочем, я, украдкой, сунул хозяину несколько серебряных монет.

Может, я слишком совестлив для этой эпохи?

Мы приближались к цели, и я решил перетереть со Свартхёвди по поводу правового аспекта нашей акции. Как всё-таки по закону: правы мы или нет? Дедушке Стенульфю в его диком лесу закон по барабану, а вот нам с Медвежонок запросто могут предъявить за противоправные действия.

Свартхёвди заверил меня, что в данном случае закон нарушен по-любому, так что я могу не париться.

Сыновей от законной жены у покойного ярла не имелось. А даже если бы и имелись, то рулить на земле мужа ни ей, ни ее братцу все равно не положено. А положено отдать опекунство старшему из родичей покойного мужа. Вдове же выделить приданое и часть имения на прокорм — в личное пользование. Впрочем, от детей ее отлучать не принято. Просто рулить в мужнином фюльке она уже не будет. И ключики отдаст, если будет на то воля опекуна.

— Стоп! — сказал я.

А как же матушка самого Свартхёвди? Или дело в том, что у Сваре Медведя не было близких родственников?

— Как так нет родственников? — удивился Медвежонок. И быстренько перечислил с полторы дюжины своих половозрелых дядьев. Без запинки оттарабанил. С отчествами, прозвищами и указанием места жительства.

— Ну так почему тогда в вашем фюлке рулит твоя матушка? — поинтересовался я.

— Как почему? — Свартхёвди даже удивился. — Да ведь этот фюльк — и есть ее приданое.

Ну да, я и забыл. Всё имущество Свартхёвдиного папы состояло из мешка с отрубленными головами.

А по делу Гундэ тоже все просто. Если бы оно по-честному рассматривалось на тинге, то, скорее всего, законная вдова с дочерьми получили бы часть хозяйства, а сыновья Гундэ — все остальное. Под опекунством, само собой. Но опекуном стал бы кто-то из рода мужа. А если бы таковых не оказалось, то опекуна назначил бы тинг. Или конунг. Но совсем маловероятно, что таким опекуном стал бы брат вдовы.

— А брат матери? — Я кивнул на Болтуна.

Свартхёвди покачал головой. Это уж совсем никак. Потому что по закону Гундэ, как оказалось, не является формальной матерью своих сыновей.

Если их правильно ввели в род (а это, несомненно, так), то их законная мама — вдова ярла. Она держала их на коленях во время сакральной церемонии. Она (так положено даже по отношению к вполне взрослым дядям) «кормила» их грудью... Словом, наша Гундэ пролетает мимо кассы со скоростью болида из «Формулы-1».

— Так чего ж мы тогда... — воскликнул я.

Свартхёвди ткнул пальцем в широкую спину своего наставника, торившего лыжню.

— Но ты не беспокойся, — Медвежонок хлопнул меня по плечу так, что нападший на одежку снег облачком взмыл вверх. — Главная правда всегда у того, кто останется жив. И приведет правильных свидетелей!

Ну да. «...И кто кого переживет, тот и докажет, кто был прав, когда припрут», — пел великий человек Владимир Высоцкий.

И он был прав. Вернее, будет.

Глава двадцать пятая,

которая начинается битвой, а заканчивается резней

Мы дошли. Должен отметить, что последний участок пути был самым легким, потому что мы шли по льду. На этом настоял Каменный Волк. У Торда Болтуна была другая идея: обойти усадьбу поверху и напасть, так сказать, с тыла. Из лесу. Мол, оттуда нападения не ждут, а он, Болтун, Знает в окрестностях каждую заячью тропу.

— Нет! — отрезал старина Стенульф. — Мы не воры. Мы пришли вершить Закон. Когда-то, — могучий дед криво усмехнулся, — я был Глашатаем Закона [89] у Харека-отца. Не дело тем, кто идет путем закона, шастать по тайным тропам!

— У Гицура Жадины двадцать три воина, — мрачно напомнил Торд. Его спутники поддержали Болтуна сдержанным ворчанием, но Каменному Волку было на их ропот начхать.

— Кому надо постирать штаны, может этим заняться! Мы справимся и без вас! — заявил он с глумливой ухмылкой, заработав восхищенный взгляд Гундё, обиженно-испуганные — ее сторонников и полный сомнений — мой.

К счастью, датчане постеснялись дать деру. Или, может, им и бежать было некуда. Так что мы вышли на цель в том же составе.

Само собой — нас заметили издали. Само собой — нас опознали. У здешних — отменное зрение. И естественно — приготовились к встрече.

Дюжины две вояк, выстроившись стенкой, ждали нашу жалкую кучку из восьми бойцов перед воротами усадьбы.

— Болтун! Эй, Болтун! Ты что-то забыл здесь?! — заорал еще издали горластый паренек в импортном шлеме с золоченым верхом. — Не иначе как смерть свою, а?

Ему никто не ответил. Болтун — он у нас реально «болтун». А остальным, похоже, было не до словесной перепалки. Они с надеждой косились на Стенульфа, Свартхёвди и меня.

Старина Каменный Волк был невозмутим. У моего друга Медвежонка глаза были совершенно шалые. Он то и дело сглатывал слюну и облизывался. Минут десять назад Стенульф влил в него наркотическое зелье для «растормаживания сознания берсерка», поэтому мой кореш был малость не в себе.

Сам Каменный Волк ничем закидываться не стал. Типа, он и так богов хорошо слышит.

Прилетели первые стрелы. Так, попугать. Наши тоже взяли за луки, хотя пулять с сотни шагов в строй парней со щитами — дело бессмысленное.

Парочку прилетевших ко мне стрел я сбил рукой. Но подумал, что пора братья за меч.

Только я об этом подумал, как Свартхёвди испустил глухой рев и побежал вверх по склону к выстроившейся гвардии Жадины. Быстро так побежал.

Стенульф молча припустил за ним. И мне не осталось ничего другого, кроме как последовать за берсерками. Я изо всех сил перебирал ногами (насколько позволяли короткие лыжи), но от коренных лыжников-датчан безнадежно отставал. И мысли мои были так же безнадежны. Атаковать в одиночку строй воинов-скандинавов — чистое самоубийство.

Видимо, так же думали спутники Гундё, потому что никто из них меня не обогнал. А запросто могли бы...

На Свартхёвди посыпались стрелы. Он отмахивался от них щитом и мечом,

как мишка — от пчел. Потом стряхнул с ног лыжи и, по-моему, побежал еще быстрее.

Когда он достиг вражеского строя, Каменный Волк отставал от него метров на тридцать. А я — шагов на сто. Нас, кстати, даже не обстреливали. Да и в Медвежонка пулять перестали. Может, не хотели портить доспехи?

Щиты сомкнулись, копья опустились, готовясь принять одинокого безумца.

Я знал, как это бывает. Сердце мое сжалось от предчувствия... Я очень хорошо помнил, как меня теснил строй эстов. И как несколько воинов без труда удерживали меня в кормовой «раковине».

Кто-то не удержался и метнул копье. С пяти шагов. В упор. Медвежонок как-то увернулся, и копье, пролетев еще метров двадцать, воткнулось в снег перед Стенульфом.

Тот на бегу перебросил собственное копье в левую руку, на ходу выдернул из снега вражеское и метнул.

Бросок был хорош. Воина, словившего копье щитом, вынесло из строя.

Но секундой раньше Медвежонок, в трех шагах от врага, со страшным ревом, метнул свой щит во вражеский строй. И прыгнул вслед за ним на опрокинувшегося от страшного удара датчанина.

Сразу несколько копий устремились к Медвежонку, перехватывая его прыжок. Но вместо того, чтобы бабочкой нанизаться на чужое железо, Свартхёвди как-то ухитрился увернуться от всех копий. Я увидел, как вверх ударил красный фонтан. Это меч напрочь снес чью-то голову. И это точно не была голова Медвежонка, потому что внутри вражеской шеренги возникла суета и залягало железо. Вряд ли наши оппоненты передрались меж собой.

Однако при таком численном перевесе дела у Медвежонка однозначно были кислые. Хороший фехтовальщик может продержаться какое-то время против окруживших его нескольких противников, если они классом ниже. Но время это — невелико.

Я скинул лыжи (далее снег был более или менее утоптан) и поднажал, насколько мог, стараясь догнать Каменного Волка. Этот дед был воистину не каменным, а железным. Он мчался огромными прыжками, сбивая щитом редкие стрелы и размахивая своим хогспьётом, будто нагинатой.

И вот он добежал.

Рубящее копье хогспьёт — это предок алебарды. Чтобы им эффективно работать, нужны длинные руки и недюжинная силища. У Стенульфа было и то и другое.

Он с ходу разорвал вражеский строй и, как бают в сказках, пошли клочки по закоулочкам.

Щит он то ли потерял, то ли просто бросил — и теперь орудовал тяжелым копьем с двух рук. В отличие от Медвежонка, полностью скрытого от моих глаз вражескими спинами, Каменного Волка я видел хорошо. Но нечетко. Поскольку двигался он удивительно быстро. К тому моменту, когда я наконец добежал, уже четверо врагов валялись на снегу.

Поэтому я решил, что дедушка меньше нуждается в помощи, чем Медвежонок.

Однако к тому еще надо было пробиться.

Человек шесть вооруженных оппонентов еще держали строй, готовясь

встретить третьего отморозка. То есть меня.

И они бы меня наверняка удержали, если бы Каменный Волк не совершил стремительный рывок в нашу сторону и буквально одним росчерком накопечника взрезал шеи сразу двум ворогам.

Строй тут же потерял монолитность (четверо оставшихся резко озаботились тем, что происходит за спиной), и я получил свою щель для прорыва. И — опрометчиво подставленный бок вражеского копейщика.

Бок-то я достал... И с ужасом увидел, как в спину Каменного Волка, с широкого маха, врезается вражеская секира.

Я услышал лязг. Увидел, как разлетаются брызги панцирных пластин... И стремительный разворот Стенульфа, закончившийся косым ударом копья поперек лица хозяина секиры.

У меня не было времени удивляться. Тем более я уже знал, что норманы могут драться даже получив смертельную рану. Я успел увидеть, как окованное железом основание древка хогспьёта отбрасывает назад еще одного любителя напасть со спины... И — мне пришлось заняться собственными проблемами.

Сразу трое желающих моей смерти. Ну давайте, парни! Времени у меня мало. Я должен прорваться в Медвежонку, так что по одному — не надо. Лучше — все сразу.

Так они и кинулись. Дружной компанией. Не кино, чай, где на окруженного героя по очереди набрасываются по одному, редко по два злодея. А остальные терпеливо ждут своей очереди. Здесь вам не там. Два копья прилетели почти одновременно... И сорвали с моей руки щит, но оба в нем и увязли. У третьего негодяя вместо копья имелся меч... Ну не меч, а скорее тесак. Заточенная железяка с полметра длиной. Я принял ее плоской стороной Вдоводела, скользнул лезвием навстречу — десять сантиметров стали ворогу под мышку. Я рванулся вперед, уходя с линии еще одной атаки... И тут, прямо передо мной, Медвежонок вырвался из клубка врагов. Расшвырял их, как его тезка расшвыривает повисших на нем псов.

Я увидел его лицо. И понял, что мой вариант: встать спина к спине — не рулит. Я уже видел такое: у берсерка, которого завалил на палубе снежки у эстских берегов. Я видел и этот рассеянно-задумчивый взгляд, и слюну, текущую на бороду, и это пружинистое раскачивание...

Для Медвежонка сейчас не существовало союзников — только враги.

Враги эти стояли вокруг и не решались напасть, потому что перед ними был берсерк. Окровавленный безумец, с которого клочьями свисали ошметки кольчуги, но который не чувствовал ни ран, ни боли, ни страха.

Их было не меньше десятка, но они не решались... Целую секунду... И берсерк напал сам.

Выброшенная вправо рука, промельк стали — и сизо-красные черви кишок, вываливающиеся из разрубленного живота. И фонтан крови из обрубка снесенной руки. И...

Я не стал ждать. Я тоже напал. И заколол двоих раньше, чем они опомнились и поглядели в мою сторону. Третий чуть было не достал меня, но выручил добрый доспех — смерть скрежетнула по зеркалу. Второго шанса я не дал. Вдоводел нырнул в спутанную светлую бороду — и она тут же стала красной. Еще одной вдовой больше.

Над моей головой прогудело копьё. Я не был его мишенью. Копьё предназначалось Свартхёвди. Плохая идея.

«Бросать копьё в берсерка — всё равно что гоняться за комаром с гантелью», — подумал я.

У меня была возможность додумать такую длинную мысль, потому что вокруг стало как-то пустовато. А где все враги?

А враги сделали ноги. Те, кто мог. Удирали во все лопатки, побросав копья и щиты. Трое дернули к усадьбе. Двое припустили, так сказать, «в поля».

Наши доблестные спутники, подоспевшие как раз к этому замечательному событию, кинулись было за ними, но окрик Болтуна вернул их обратно.

Я увидел Стенульфа, опирающегося на свое смертоносное копьё. Он потерял не только щит, но и шлем. Грудь его вздымалась, но рожа была — спокойная-спокойная. Я бы даже сказал — умиротворенная.

А где же Медвежонок?

А Медвежонок мчался к усадьбе, настигая улепетывающих врагов.

Вот он догнал одного и разрубил его затылок. Вот догнал второго — и тоже порешил.

Третий, самый проворный, почти добежал до ворот, но почуял за спиной смерть и решил встретить ее грудью и с поднятым мечом.

Эта грудь и приняла могучий удар клинка. Второй. Первый отрубил поднятый меч и державшую его руку.

На этом бой закончился.

Результат — двадцать два покойника (всех раненых «гуманно» прирезали наши союзники) и полная победа.

Ах да! Еще два берсерка, которые, собственно, эту победу и добыли... В глубоком отрубе.

Наши союзники повели себя просто по-свински. То есть, когда я обратился к Торду с тем, что Стенульфу и Свартхёвди надо оказать медицинскую помощь и уложить в теплую постель, этот сучара просто от меня отмахнулся. Мол, не до того сейчас. Надо закреплять успех. Ускакал строить обитателей усадьбы. И Гундё — вместе с ним. Так что мне пришлось заниматься моими друзьями практически в одиночку. Правда, мне никто и не препятствовал, когда я приволок их в дом и уложил на лучшие места напротив очага. Обработка и перевязка ран тоже заняла немало времени. К моему удивлению, страшный удар секиры почти не повредил спину Каменного Волка. Прорубленная броня, подкольчужник и нижняя рубаха, а на спине — обычный кровоподтек. Будто дедушка и впрямь каменный. Да, к счастью, тяжелых ран ни у того, ни у другого. Зато имелось множество мелких порезов — особенно у Медвежонка. Счастье, что они не кровоточили. Совсем. Их даже зашивать не требовалось. Я обработал раны травяной настойкой на зимнем пиве, смазал, чем положено, забинтовал, влил в каждого пациента по большой кружке горячего молока (выпили не приходя в сознание) и вышел во двор — проветриться и отдышаться.

Очень вовремя вышел. Как раз тогда, когда братик с сестричкой собрались кончать вдову.

Возможно, эта женщина вела себя неправильно. То есть даже наверняка. Я считаю, что отнимать детей у матери — просто подло. Но убивать женщин — не менее гнусно.

Вдова держалась молодцом. Гордо и бесстрашно. Собственно, другого от

вдовы ярла и ожидать не стоило. Она стояла в одиночестве посреди подворья, на котором много лет была полновластной хозяйкой, и глядела на Торда и Гундэ — как солдат на вошь. Терять ей, кроме жизни, было нечего. Дочерей ее здесь не было. Замужние, они жили со своими супругами. Брат ее был убит Медвежонком, и именно эта смерть вызвала повальное бегство противника. Словом, кровных родственников вдовы в усадьбе не осталось. И, похоже, никого, кто хотел и мог за нее вступить.

Довольно большая толпа под присмотром людей Болтуна и Гундэ выполняла функции зрителей. У многих женщин были заплаканные лица. Не исключено, что сегодня они стали вдовами. Мне было их искренне жаль, хотя я понимал: путь воина — путь смерти. И те, кто выходят замуж за военных, не могут этого не понимать.

Торд Болтун обнажил меч. Это был трофейный меч — час назад у Болтуна его не было. И это был точно не его трофей, потому что в минувшей битве от его руки погибли только те, кто уже был не в состоянии сопротивляться.

Почему-то присвоенный меч разозлил меня чуть ли не больше, чем его намерение убить женщину.

По уму, мне следовало сдерживать гнев: я был один — против многих и вдобавок порядочно устал. Я-то, в отличие от Торда, бился, а не добивал раненых.

Но бывают случаи, когда моему рассудку приходится помалкивать.

— Эй, ты! — гаркнул я, кипя от бешенства. — А ну отойди от женщины!

Торд вздрогнул и оглянулся. Удивился, увидев меня. Он что, ожидал, что я, как и берсерки, свалюсь в беспамятстве?

— Это не твое дело, ульфхеднар! — огрызнулся он. — Иди к своим и не мешай!

Так и есть. Мужик решил, что я — воин-оборотень.

И, ей-богу, настроение сейчас у меня было — чисто как у берсерка.

Рыча от ярости, я потянул из ножен меч и двинулся на Болтуна.

Притрухал, мерзавец! Но повел себя по-мужски. Встал между мной и сестрой, к которой жались два махоньких пацанчика. Их вид меня отрезвил. Я остановился.

— Слушайте все! — Я вложил меч в ножны, но оставил ладонь на рукояти. — Меня зовут Ульф Вогенсон. Я — хускарл ярла Хрёрека Сокола из рода Инглингов. Я говорю: Закон был погран. Мы пришли, чтобы восстановить Закон. Потому боги отдали нам победу! Нам! — Я ударил себя кулаком в грудь — скандинавы любят красивые позы и красивые жесты. — Нам, а не тебе! — Мой указующий перст нацелился в Торда Болтуна. — Если кто-то думает иначе — пусть выйдет сюда, назовет свое имя и попробует оспорить мои слова! — Вдоводел со свистом вылетел из ножен. — Ну! Кто? Ты! — Я направил меч на одного из приспешников Торда. Тот попятился и постарался затеряться в толпе, которую только что с важным видом «пас». Однако ему не позволили — вытолкнули обратно. Мужик бросил копье, поднял пустые руки и быстро заматал головой.

— Может быть, ты?

Очередной попутчик тоже продемонстрировал полную лояльность.

Я «отметил» каждого из спутников Торда. А затем «нацелил» Вдоводела на него самого.

Но и у Торда не было желания испытывать судьбу.

Толпа домочадцев покойного ярла заметно осмелела. С десяток крепких мужчин выдвинулись вперед, всем своим видом выражая готовность поддержать любое мое начинание. Что, собственно, и требовалось.

Я вновь упрятал меч в ножны и подошел к Гундэ, по пути довольно грубо отпихнув Болтуна. Если бы он дернулся, я бы его прикончил. С удовольствием. Но он не дал мне повода.

— Не бойся, женщина! — сказал я экс-наложнице. — Твоих детей никто не обидит!

— Это не ее дети! Это сыновья Лодина-ярла!

Ух ты! Старая леди решила вставить свое слово. Может, зря я помешал Торду ее прикончить?

Я подошел к ней вплотную. Глаза в глаза. Молча. Ну-ну... Знакомое выражение лица. Только моя Рунгерд — в тысячу раз красивее.

— Ярла, — проговорил я так тихо, что слышала только она. — Но не твои. Слыхал, у тебя есть еще дочери, госпожа? Может, и внуки есть?

— Есть, — так же тихо ответила она.

— У твоего брата остались дети? — спросил я еще тише.

— Да, — чуть слышно.

— Мой друг убил твоего брата. Я заплачу верегельд. Ты примешь?

— Почему ты? Торд привел вас. Торд ответит за смерть!

Болтун услышал. Борода неплохо прячет гримасы, но эту я уловил.

«Дай срок, и я прикончу тебя, сука!» — отчетливо читалось на физиономии Торда.

— Торд! — рявкнул я. — Я хочу, чтобы всё оружие и доспехи убитых были с ними на костре! Ты понял? Если увижу, что кто-то взял хоть что-то — руку отрублю! Ясно? — и выразительно поглядел на присвоенный меч.

— Ясно, — буркнул Болтун.

Он уступил, но не сдался. Придется держать ухо востро. И бодрствовать хотя бы до тех пор, пока не очухается Каменный Волк.

Потом был пир. Невеселый. Радостной выглядела только Гундэ: ей вернули детей.

Я восседал на почетном месте и делал вид, что пью. Краем глаза наблюдал за моими друзьями. Процесс релаксации шел нормально. По моим прикидкам, дедушка должен очнуться часиков через пять-шесть. Вдвоем нам будет намного легче.

Торд, поганец, тоже почти не пил. Делал вид. И сверлил меня ненавидящим взглядом. Вот сволочь неблагодарная. А я изучал физиономии своих соотрапезников в поисках того, кому мог бы доверять. И не находил. Немало было таких, кто не питал к Болтуну дружеских чувств. Однако сейчас был не тот случай, когда враг твоего врага становится другом. Это ведь мы со Свартхёвди и Стенульфом перебили их корешей. За такое здесь положено отвечать конкретно и лично. По-моему. Или на наемников вендетта не распространяется? Еще минус: все присутствующие друг с другом были хорошо знакомы. Когда был жив Лодин-ярл, они играли в одной команде. А мы были здесь чужаками.

Это очень правильно, что я назвал имя Хрёрека. Его знают во всей Дании. Надо полагать, знают и то, что мой ярл не прощает убийства своих людей.

Надо бы мне произнести тост за моих друзей. Это будет стратегически пра-

вильно.

Я встал. И произнес. Стараясь говорить нараспев, ритмично, как тут принято, я вкратце изложил историю недавней битвы. Упомянул, что мои друзья — любимцы самого Одина, поэтому каждый из них может запросто побить хоть двадцать врагов разом. В чем все присутствующие имели возможность убедиться. Далее я выдал фантастическую историю подвигов Медвежонка. Если ей верить, выходило так, что всеми своими победами Хрёрек-ярл обязан именно ему. Но это неудивительно, ведь... И тут я плавно перешел к родословной моего друга (я слышал ее так часто, что запомнил наизусть), особо остановившись на папе, Сваре Медведе, и маме — знаменитой на весь Сёлунд колдунье.

Ага, вижу, кое-кто забеспокоился. Не иначе, собирался пустить кровушку заезжим берсеркам, пока они в отключке. А вот теперь подумайте, стоит ли обижать мальчика, чья мама — колдунья. Лично я бы не рискнул... О Каменном Волке я распространяться не стал. Сказал лишь, что он был другом и доверенным законоговорителем прежнего конунга Дании. Слушайте, господа, и мотайте на ус. Убить такого, всё равно что зарезать генерала ФСБ. Технически нетрудно, но потом ой что будет...

Наконец пир победителей и побежденных закончился. И все расплзлись по углам. Спать. За что я не люблю длинные дома норманов, так это за невероятную духоту. Этаким ароматический замес армейской спортивной раздевалки и общественного туалета, приправленный чадом и гарью закапанного жиром очага.

Я очень старался не спать, понимая что бывшие союзники очень даже не против зарезать меня во сне. Но башка пухла от духоты, веки слипались, а внутренние резервы бодрости иссякли еще часа три назад. Даже мысли о том, что неплохо бы завалить на сенцо какую-нибудь приятную на ощупь девку и проделать с ней ряд всем известных манипуляций (мое личное средство от засыпания), уже не вызывали привычного адреналинового прихода...

Словом, я продержался, наверное, часа два, успешно имитируя сон, а потом уже не имитируя...

Этот звук разбудил бы меня даже под снотворным. Звук, который теперь был мне известен лучше, чем карканье вороны. Не слишком громкий, но очень, очень характерный. Звук живой плоти, разрываемой неплохо заточенным железом. Его ни с чем не спутаешь. Я проснулся вмиг, а меч оказался в моей руке еще раньше, чем я проснулся.

В призрачном мерцании угольев я увидел склонившуюся над Стенульфом фигуру, осознал каким-то краем еще толком не проснувшегося мозга, что — всё, опоздал! Но все равно, на рефлекс, еще сидя, сделал выпад... И промахнулся. Потому что тот, над Стенульфом, качнулся и повалился на бок.

Оп! Длинная рука перехватила мое запястье и сдавила его. Больно. Я высвободился мощным рывком, подключив весь свой вес...

— Полегче, Черноголовый! — проворчал Каменный Волк, поднимаясь и вытирая нож об овечью шкуру, которой был накрыт. Потом ухватил за волосы того, кого только что зарезал, приподнял без особого напряжения...

— Ага, — сказал он, не заботясь о том, чтобы понизить голос. — Вот наш Болтун и договорился...

И тут всё завертелось. Сразу с полдюжины теней кинулись на нас. Хотя нет,

насчет теней — это я погорячился. У этих теней были вполне материальные тела и не менее материальное оружие.

Стало очень шумно. Кто-то орал, кто-то визжал истошно. Кто-то выл от боли. Что-то падало и ломалось, отлетевшая в очаг шкура вспыхнула, озарив внутренность дома и заодно наполнив его клубами дыма и омерзительной вонью паленой шерсти...

Но мне было не до того, чтобы принохиваться. Копье с хрустом воткнулось в лавку, на которой я позорно нарушил устав караульной службы. С другой стороны на лавку обрушился топор. То есть не на лавку, а на мою ногу, но ногу я убрал. Так же, как и туловище, которому предназначалось копье. Затем я отрубил руку с топором, а копейщику, который по инерции налетел на меня, захватив коленом в пах. Ему не понравилось. Но еще меньше ему понравилось, когда я пихнул его навстречу еще одному любителю резать сонных, а тот в запале всадил приятелю в спину копье. Да с такой силой, что наконечник выскочил у нехорошего человека из груди. Я отпихнул нанизанного раньше, чем тот заплевал меня кровью, и экономным тычком проколол сердце его убийцы.

На этом битва закончилась. Да нет, какая битва — резня. Как выяснилось позже, пока я управлялся с этими двумя, Каменный Волк, не вставая с койки и даже не впадая в состояние берсерка, прикончил пятерых, включая и того, кому я отрубил руку. Что тут скажешь? Мастерство не пропьешь... Старый конь борозды не испортит... А я скажу так: до уровня этого каменного дедушки мне еще расти и расти... Если когда-нибудь вырасту. Всё-таки маловато у меня опыта работы с вооруженной группой в условиях тесноты. Надо тренироваться. При случае.

Разумеется, происшедшее смертоубийство разбудило всех обитателей длинного дома. Кроме Медвежонка.

Напали на нас верные спутники по путешествию. И еще пара каких-то придурков.

Объяснять, что они поступили плохо, было некому. Читать нотации покойникам — бессмысленное занятие.

Трупы сложили снаружи. Дверной полог откинули, а продох открыли пошире, чтобы проветрить помещение. Распоряжался процессом Стенульф. Его беспрекословно слушались все. И сторонники вдовы, и всхлипывающая (как никак брата убили) Гундё.

Впрочем, хлюпала носом не одна одна. У остальных трупиков, когда они еще не были трупами, тоже имелись родственницы и жены.

Я вышел наружу, кое-как, снегом, смыл с себя кровь, напился, избавился от излишков жидкости в организме и попросил могучего дедушку:

— Я посплю, ладно?

Получил разрешающий кивок, упал на забрызганное кровью (плевать!) ложе и отрубился.

Утро принесло головную боль, здоровый голод и приятное ощущение того, что заботиться ни о чем не надо. Дедушка уже обо всем позаботился.

Поредевшее население усадьбы организовано суетилось, устраняя последствия наших подвигов и вводя жизнь в традиционный ритм.

Рулила вдова. Я слышал ее повелительные взвизги. Каменный Волк сидел на бревнышке при входе, щурился на зимнее солнышко и грел руку за пазухой у Гундё.

Всё-таки велика приспособляемость у датских женщин. Другая бы ни в жисть не простила того, кто убил ее брата. А этой — хоть бы хны. Очень правильная позиция с точки зрения выживания рода — прогнуться под самого сильного самца.

В мои вчерашние распоряжения Стенульф внес свои коррективы. Например, велел собрать всё железо, которое я распорядился оставить погибшим для погребального обряда, и сложить в сухом местечке под навесом. Еще он велел провести инвентаризацию ценностей и весьма огорчился, не обнаружив достаточного количества серебра. Поставил недостачу на вид вдове. Мол, нам было обещано полпуда (сорок марок) серебра за восстановление законности. И где оно?

На месте вдовы я бы послал его куда подальше с такой заявкой. Платить за то, что тебя скинули с престола, а брата твоего убили? Я, если вы помните, наоборот, посулил вдове вергельд...

Я сообщил об этом дедушке. Каменный Волк скривился, будто дерьма куснул (слово воина — дело святое), и спросил, говорил ли я о размере выкупа.

Нет, не говорил.

— Тогда так, — Стенульф малость воспрял: — Из своей доли заплатишь четверть марки. Довольно этого?

Вдова скорбно ответила: «Да». Хотя на роже ее было написано: «Была б моя сила...»

Сила была не ее. Круглая физиономия Гундэ аж светилась от злобного торжества. Умыли соперницу. Никакого серебра вдова не получит. Просто моя доля уменьшится на пятьдесят граммов.

Медвежонок очнулся ближе к вечеру. Стенульф дотошно расспросил его о том, что с нами произошло. Свартхёвди помнил вчерашние события во всех подробностях. Дедушка остался доволен. И заявил, что подготовку Медвежонка можно считать законченной.

Теперь Свартхёвди — «дипломированный» берсерк. Однако нет предела совершенству, поэтому он, Каменный Волк, советует нам пожить с ним еще недельку — для закрепления некоторых рефлексов. Да и со мной у него еще не закончен разговор.

Я тут же поинтересовался, что за разговор имеется в виду, но железобетонный дедок оставил вопрос без комментариев.

Вечером совершили кремацию мертвых. Покушали и выпили. Я тоже выпил: опасаться теперь было некого. Активные оппоненты догорали за воротами. Пассивные молчали в тряпочку. К тому же нас снова было трое.

За обедом дедушка, как старший по званию, огласил приказ: пока не будет решен вопрос с опекуном для сыновей ярла, главнокомандующим по территории самоназначается он, Стенульф.

Ключи от сундуков и обязанности исполнительного директора усадьбы остаются за вдовой. Кровная мать наследников (Гундэ), так же как и сами наследники, находится вне юрисдикции исполнительного директора и подчиняется непосредственно главнокомандующему.

Все прочие должны трудиться старательно и упорно, потому что работников стало меньше, а работы не убавилось. Кому не нравится такой расклад, пусть встанет и скажет.

Расклад не нравился многим, начиная с вдовы. Но, само собой, никто и не вякнул. Я даже заметил, что многие из «обслуживающего персонала» отнеслись к словам Стенульфа не без радости. Причина тоже была ясна. За прошлые сутки в довольно-таки большой усадьбе были перебиты почти все боеспособные мужчины. А разбойничков на свободной датской земле еще никто не отменял.

Глава двадцать шестая, в которой герой получает предложение присоединиться к войнам Одина

Вот так закончилась эта история, хотелось бы сказать мне. Однако до финала было еще далеко. И до моего возвращения домой — тоже.

Пока я размышлял, стоит ли принимать всерьез намеки Стенульфа насчет незаконченного разговора, резко испортилась погода. Хорошая зимушка-зима внезапно превратилась в злую тетку-вьюгу. Ветрище поднялся такой, что пришлось заделывать продухи и принайтовывать дверную завесу, как будто мы в шторм на корабле. Только сумасшедший мог бы отправиться в путь в такую пургу. Ветер выл и визжал снаружи, и все, кому в эту пору посчастливилось оказаться за каменными стенами, благодарили богов за такую удачу. Трэлям в хлеву было малехо посуровей, но все равно намного, намного уютнее, чем снаружи.

Выход по нужде превратился в настоящее испытание. Женщины и дети, никого не стесняясь, использовали ведра. Лично я решил вопрос так: брал здоровенный — Стенульфу впору — старый тулуп с длинным капюшоном-трубой, утаптывал снег и устраивался в нем — как в домике. Как ни странно, главной проблемой в этом случае был уже не мороз, а собаки. Четвероногим было любопытно: чем это я занимаюсь?

Однако опустим неаппетитные подробности.

Пока я маялся бездельем и решал физиологические проблемы, Стенульф и Свартхёвди занимались творчеством. Стенульф — активно, а Медвежонок — пассивно. Не подумайте дурного: мой друг служил «холстом», на котором творил Каменный Волк.

Не помню, упоминал ли я ранее, что дедушкины руки по самые плечи украшали разнообразие татуировки. Тут были и узоры, и руны, и стилизованные изображения скалящихся зверюг. Не скажу, что эти татушки могли бы украсить стену специализированного салона моего времени, но в целом выглядели они достаточно внушительно.

Теперь такие же или почти такие же накожные «росписи» должен был получить Медвежонок.

Кое-какие украшения на дубленой шкуре Свартхёвди уже имелись. В частности, вплетенная в синий орнамент красная руна Тора на правой руке и руна Валькирий — на левой.

Но для «магического» закрепления позитивных качеств берсерка этого было мало. Правая рука Медвежонка украсилась символическим изображением Мирового Древа Иггдрасиля, на левой первым делом была наколота руна богини Скади,[90] обеспечивающая, как пояснил дедушка, остановку кровотечения.

На тыльной стороне ладоней Свартхёвди дедушка наколол «медвежьи лапы». Точно такие, какие были у Свартхёвдино папы. Медвежонок был горд.

Кстати, своим происхождением от Сваре Медведя он теперь очень даже гордился. Надо полагать, то, что быть берсерком неприлично, ему внушила матушка.

Что же до изображения волка, олицетворявшего образ Зверя, то он, несмотря на явную склонность дедушки к примитивизму, получился весьма выразительным. Однако понимающему человеку было ясно: Зверушка-то не на свободе, а в клетке из мощных магических символов.

Обработка рабочей поверхности заняла часа четыре и происходила за ширмой. Даже умирающую от любопытства Гундэ в «мастерскую» допускали лишь кратковременно для всяких «подай-принеси».

Но меня дедушка гнать не стал. Наоборот, сопровождал процесс многочисленными пояснениями по древнескандинавской эзотерике.

Свартхёвди тоже слушал. Боль его не беспокоила (разве это боль в понимании викинга, тем более — берсерка), однако в конце процесса Каменный Волк напоил его каким-то снадобьем, от которого Медвежонок отрубился.

А затем у нас с дедушкой состоялся тот самый разговор, которого я ждал.

— Я видел, как ты бьешься, — сообщил мне любвеобильный (Гундэ подтвердит, а также все наши соседи по дому) дедушка.

Я сделал вид, что не удивился. Мне-то казалось, что берсерки и прочие любимцы Одноглазого во время битвы видят только разрубаемых пополам врагов.

Ну видел, и что с того?

— Многие видели, как я сражаюсь, — ответил я в лучших традициях викингов. — Не все могут об этом рассказать.

— Я могу, — сказал Каменный Волк, проигнорировав похвальбу. — Я видел валькирий, кружащих над твоей головой.

Сильное заявление. Или это — намек? По здешним верованиям, крылатые девы-воительницы — агенты асгардского спецназа, подчиняющиеся непосредственно Одину. Их появление толкуется двояко: либо Отцу воинов приглянулся какой-то боец, и он желает забрать его в Асгард, не откладывая, либо данный боец опять-таки ему чем-то приглянулся и потому находится под персональным наблюдением и контролем.

Поскольку я жив, то, следовательно, прохожу не по первому варианту. И что дальше?

А дальше старина Каменный Волк не стал юлить и сделал мне недвусмысленное предложение. А не хочу ли я, весь такой крутой и отмеченный вниманием Папы-Одина, стать еще круче, приобщившись к славной тусовке поедателей щитов, то бишь — ульфхеднаров? Все приметы говорят, что у меня — получится. Не зря же я себе выбрал прозвище — Ульф.

— Пардон, мьсью, возразил я. Почему это Ульф — мое прозвище?

— Ну не имя же! — заявил дедушка-супермен. Вернее, суперульф.

Не надо втирать очки и лохматить бабушку. Старина Стенульф умеет видеть правду и заявляет со всей ответственностью: не Ульфом меня мама с папой назвали. Впрочем, ему мое имя — без надобности. Если я, поразмыслив и прикинув возможные бонусы, решу встать на путь воина-оборотня, то он, Стенульф, обеспечит меня всем необходимым, а также и стартовым пинком под зад.

Спорное предложение! Кто-то, может, удивится, что я с ходу не послал дедушку в краткое сексуальное путешествие. Стать психом — нет уж, увольте! Ну да, я бы так и поступил еще неделю назад. Но за это время я успел увидеть много интересного.

То, что берсерки менее уязвимы для обычного оружия, чем прочие двуногие, я убедился еще у эстонских берегов. Так же, как и в том, что из их ран не идет кровь. Кому-то покажется ерундой отсутствие кровоточивости. Извините! Этот кто-то просто не знает, что в бою можно умереть от самой пустяковой раны, которую нет возможности перевязать. Сам видел такое неоднократно. Видел я и то, что берсерки намного быстрее и сильнее обычных людей. Мне, не одаренному от природы мощью Стурмира или Трувора, совсем неплохо было бы обзавестись сверхсилой. Да, всё это я уже знал. Равно как и о постбоевом откате, когда отработавший берсерк становится не опаснее креветки.

Новое мое знание заключалось в том, что: во-первых, «обученные» берсерки в быту могут вести себя совершенно адекватно, а во-вторых, впадение в состояние «боевого безумия» происходит не автоматически, а по желанию адепта. Например, во время предательского нападения Торда сотоварищи Стенульф сражался (и сражался неплохо) оставаясь в формате обычного человека. Ни пены на губах, ни обессиливающего отката. Убил нужное количество уродов, вытер клинок — и занимайся делами. Вывод: турбо-режим можно включать только тогда, когда в нем есть необходимость. То есть если иначе тебя убьют. Как говаривал когда-то мой тренер в Школе Олимпийского резерва: если на тебя напали гопники и собираются тебя прибить, не думай о будущих последствиях типа превышения предела необходимой обороны. Сначала сделай всё, чтобы остаться в живых. Не помню, кто это сказал: «Пусть лучше судят трое, чем несут четверо».[91]

То есть, хорошо подумавши, я пришел к выводу, что обрести способности берсерка совсем не против. Принимая такое решение, я, честно сказать, даже не думал о мистической составляющей. Несмотря на то что у меня был личный и вполне материальный контакт с тем же Одним, я как-то не научился думать в «божественных категориях». Молитва, медитация и тому подобное в том, что касалось военно-прикладных навыков, по-прежнему были для меня чем-то вроде психологической подготовки, аутотренинга.

Я принял решение, но огласить его не успел.

Любая непогода рано или поздно кончается. Эта унялась за четыре дня.

А когда она унялась, у нас появились гости.

Глава двадцать седьмая,

в которой предприимчивость и отвага побеждают грубое превосходство в силе

А дело было так. Один из недобитков Гицура Жадины добрался до одного из Ярлов конунга Харека, уполномоченного «держатъ» соседнюю территорию.

Уж не знаю, что рассказал этот беглец, но разбираться ярл прибыл лично. С дружиной в полторы сотни копий.

Прибыл, остановился на дистанции, далекой для прицельного выстрела, и затрубил в рог.

Типа, Змей Горыныч, выходи на честный бой!

«Змей Горыныч» вышел. Весь. О трех головах. Моей, Стенульфа и Свартхёв-

ди.

Ярл, красавец-мужчина (суровая рожа а-ля Дольф Лундгрэн, в плечах — ко- сая сажень, запакованная в кольчугу, надетую поверх меховой куртки), забав- но смотрелся на мохнатой лошадке размером с крупного осла.

С ярлом на переговоры вышли (пешком) еще двое: безусый паренек (надо полагать, сын) и звероватого вида датчанин с двумя мечами.

— О! — грубо нарушив субординацию, гаркнул звероватый. — Отец мой Ка- менный Волк! Ты ли это?

— Можешь потрогать! — проворчал дедушка Стенульф. И, обращаясь к нам: — Эту волосатую дубину звать Хавгрим Палица. Если есть в Датской Мар- ке кормчий, способный выдуть в одно рыло бочонок эля, то это он.

Ярл громко откашлялся. С намеком. Типа, не забыли ли уважаемые собесед- ники, кто тут главный?

— А! — сообразил Хавгрим. — Торкель, перед тобой — мой названный отец хёвдинг Стенульф, сын Астейра, которого еще называют Отцом версерков с Сё- лунда. А это, значит, Торкель-ярл. Славный и благородный.

Славный и благородный ярл спешился (это было нетрудно, учитывая габариты его коня) и с важностью, подобающей облеченному властью, выдал вельможное «Здрасте».

— Слыхал о тебе, — уронил он, надувшись от спеси, аки сексуально озабо- ченный породистый голубь. — Кому служишь ныне?

Взгляд, которым одарил ярла дедушка, яви он его с киноэкрана, сделал бы Стенульфа звездой первой величины. Так смотрит фермерша на собственно- ручно выкормленного петуха, который вдруг человеческим голосом требует финансовый отчет по курятнику за последний квартал.

Ярл забеспокоился. То, что за его спиной — полторы сотни обученных и хо- рошо экипированных вояк, как-то враз поубавило значение. Берсерк, он и по жизни берсерк. По крайней мере так здесь принято считать. А Папа берсер- ков — это должно быть нечто совершенно невообразимое. Замес инеистого ве- ликана с бешеной лисицей.

Кроме того, рядом со Стенульфом стоял Медвежонок — со свежим «вол- чьим» тату на волосатой лапе. И я, пусть маленький, но круто прикинутый бо- евик с дорогушим оружием и росписью «от Хрёрека Сокола» на одежде.

А рядом с ярлом — Дубина-Хавгрим, родич Стенульфа (как это неудачно!), и молоденький сынок ярла, который был скорее минусом, чем плюсом, в случае скоротечного боевого контакта.

— Кому я служу? — процедил через губу Каменный Волк. — А ты угадай, Торкель-ярл!

— Я не гадалка, — буркнул ярл. — Если ты из Сёлунда, то, думаю, служишь ты Рагнару-ярлу.

— Ты плохо подумал, — Стенульф усмехнулся, продемонстрировав желтые, но всё еще крепкие зубы. — Попробуй еще раз.

Молоденький ярленьш уставился на грозного дедушку разинув рот.

— Ам! — рывкнул Стенульф, ляскнув зубами.

Парнишка дернулся, но тут же взял себя в руки и напыжился, став еще больше похожим на папу. Вернее, на дружеский шарж на него.

Ярл глядел поверх наших голов, пытаясь высмотреть, что там — на подво- рье? А что, если за забором — кто-то серьезный? Например, Хрёрек Сокол со

своим хирдом?

Знал бы он, что по ту сторону — одни бабы да трэли...

— Один, — не дождавшись ответа, проворчал Стенульф. — Вот кому я служу. Где ты был, когда творилось беззаконие, Торкель-ярл? И что тебе надо здесь сейчас, когда волей богов Закон восстановлен?

— А я слышал другое, — видимо, ярлу очень не хотелось отправляться во свояси. Но наезжать, не имея полного расклада сил, он побаивался.

Мне было немного не по себе. Я-то знал, что за нашей спиной нет ни роты автоматчиков, ни даже полусотни дренгов-копейщиков. Однако, чем больше я беспокоился, тем активнее делал физиономию кирпичом. Правда, так естественно и грозно, как у Медвежонка, у меня не получалось. Свартхёвди выглядел просто жутко. «Школа молодого берсерка» наложила на его простую грубоватую физиономию трудно описываемый отпечаток с трудом сдерживаемого зверства. Он был похож на льва, которого удерживает от прыжка лишь хлипкий хлыст и могучая воля укротителя. Чуть ослабнет «поводок», и лев прыгнет... В общем, они с дедушкой: два сапога — пара.

— Тебя обманули, — голос Стенульфа был больше похож на рычание зверя. — Кто это сделал?

— Неважно. Мне сказали, что один из людей покойного ярла по имени Торд Болтун убил его вдову и завладел фюльком. Я хочу его видеть.

— Твое желание можно осуществить, — согласился Стенульф. — Я не родич ему и возражать не стану. Но тебе придется самому выкапывать его обгорелые кости.

— Он мертв? Кто его убил?

— Я, — небрежно уронил Стенульф. — Что еще ты хочешь знать?

— Вдова ярла...

— Она жива. И сыновья ярла — тоже. Ты удовлетворен? Или мне поклясться?

— Я тебе верю! — без промедления ответил ярл.

— Тогда возвращайся домой.

— Мои воины были в пути с самого рассвета, — заявил ярл. — Они устали и проголодались.

— Полдня в пути — и уже устали? — Стенульф хмыкнул. — Твои воины изнежены, как румлянская рабыня для мужских утех.

Ярл побагровел. В словесной дуэли он проиграл еще одно очко.

— Мы торопились, — пробурчал он. — И у нас нет с собой достаточного запаса пищи.

— Любой сёлундский мальчишка может обходиться без еды три дня! — Каменный Волк пренебрежительно фыркнул.

Он не хотел (и это понятно) пускать ярла сотоварищи на территорию усадьбы. Как только выяснится, что там нет кавалерии, Торкель сразу облаглет.

Некоторое время они с Каменным Волком играли в гляделки... И мне заранее было известно, кто проиграет.

— Мне есть чем заплатить за пищу и кров, — сдался Торкель.

— Не нужно, — совершил ответный жест Стенульф. — В этом доме найдется чем угостить уважаемых гостей. Пусть твои воины завяжут шнурки на своих мечах,[92] и ворота усадьбы откроются для них.

— Быть посему, — резюмировал ярл под широкую ухмылку Хавгрима Пали-

цы. Вот кто был искренне рад, что стороны договорились.

Что же до ярла, то он был весьма раздосадован, обнаружив, что на переговорах мы представляли только самих себя и никакого боевого подразделения в усадьбе нет.

Но слова были сказаны, а за базар здесь принято отвечать.

В общем, произошла еще одна пьянка, облегчившая закрома осиротевшего фюлька.

Конечно, ярлу пришлось отдариваться. Серебром... Которое без зазрения совести присвоил Каменный Волк.

Этой ночью в доме было не то что не продохнуть... Шагу не ступить из-за валявшихся на полу выпивох.

Мне стало понятно, как папаше Медвежонка удалось совершить свой подвиг. Я бы перерезал их всех, даже не будучи берсерком.

Утром ярл со своей командой убрались. Не забыв, впрочем, позавтракать. Остался только (с разрешения ярла) Хавгрим Палица. Я уже знал, что он — «штатный» ульфхеднар ярла Торкеля. Кошмар! Куда ни плюнь, везде одни берсерки!

И я — туда же.

Нынешней ночью мне предстояло «говорить» с Одним. Так сказал Каменный Волк, и я вынужден был сделать вид, что нисколечко не боюсь. Но это было далеко не так...

Глава двадцать восьмая, в которой герой пробует пообщаться с богами

Местное святилище, вернее, кумирня заметно отличалась от той, которую я когда-то посетил с подачи Рунгерд и где меня едва не прибило «божественным электричеством». Но отличия были примерно как у американского сериала, переделанного на русский лад. Формат оставался прежним. И запах — тоже. На сей раз мы вошли вдвоем и все необходимые процедуры (убиение петуха и «кормление» идолов) выполнял Каменный Волк. Никакого трепета я не испытывал. Стенульф — тоже, насколько я мог судить. Умащая птичьей кровью губы идолов, он непрерывно бормотал что-то ритмичное: то ли стихи, то ли заклинания в стихах. Но... Как бы это выразиться поточнее... Явно без огонька. Такой же невнятный бубнеж я, помнится, слышал, когда чиновник из Петербурга, подарив себе на день рождения новый «бентли», пригласил православного священника «освятить» машинку. Батюшка честно «отработал» гонорар, принял водочки под бутербродик с икоркой, но на общую попойку остаться не пожелал. Я, впрочем, тоже. Вручил имениннику подарок от имени Федерации воинских искусств — и тихо слился. И я, и батюшка сделали то, что требовалось, но не более того.

Однако в данной ситуации явный формализм процедуры меня удивил настолько, что, когда мы вышли, я напрямик спросил об этом Стенульфа.

Могучий дед пронзил меня ледяным взглядом и поинтересовался: а что я, собственно, ожидал увидеть и прочувствовать?

Я проямлил что-то по поводу «потрясения духа».

Дедушка расхохотался. Вернее, раскаркался, как старый ворон.

И пояснил, что Один — один, а деревьяшек таких — как вшей на трэле. Ежели Один или кто-то из Асов снизошел к моей ничтожной персоне, то это мне просто повезло.

Ни хрена себе — повезло! Чуть штаны не намочил...

— Зачем тогда птичку загубили? — поинтересовался я.

— Положено, — последовал ответ. — Одиному, может, и наплевать на твои намерения, однако без жертвы нельзя. Вдруг обидится?

Однако глупо ожидать, что Отец воинов отреагирует на жалкого петуха, заявил Стенульф. Вот если бы мы кого покрупнее прирезали. Раба, например, а еще лучше — взятого в бою пленника, тогда — другое дело. Хотя, если ты хочешь задобрить Одина по-взрослому, самый лучший способ — поймать франкского или там германского монаха и подвесить его на Священном Древе. Не собственноручно, конечно, а с привлечением жрецов-специалистов. Вот тогда Отец Воинов тебя точно услышит и к пожеланиям твоим снизойдет. Метод проверенный. Стенульф самолично его опробовал, когда в молодости, по поручению покойного ныне конунга Харека, кончал священников, которых навел в Данию другой конунг, Харальд Клак.[93]

А теперь — о важном..

Этой ночью мне следует расположиться на месте, которое он, Стенульф, выберет и укажет, и в положенное время выпить чародейское снадобье. Оно снадобье Каменный Волк выдаст мне непосредственно перед процедурой. Пить зелье следует неторопливо, без суеты, с того момента, как взойдет луна. Момент восхода луны я точно не пропущу, потому что небо ясное и изменения погоды не предвидится. От меня требуется немного: не суетиться, не думать о разных глупостях, и вообще желательно не думать, а принять сердцем красоту Срединного Мира.

А там — как получится. Если Один снизойдет к такому жалкому существу, как я, то понимание правильного бытия поселится в моем сердце. А правильное бытие и есть особое состояние, в которое впадает берсерк.

Я был удивлен. В моем теперешнем непродвинутом понимании это было не состояние единства с миром, а состояние «всех убью, один останусь». Но спорить с дедушкой я не стал. И задавать вопросы философского содержания — тоже. Сделаем, что сказано, и по ходу разберемся.

Место Стенульф выбирал очень тщательно. Топтался, пыхтел, будто принюхивался... В общем, видели, как собака ищет, где устроиться поспать? Вот примерно так.

По мне, все места были отличные. Прекрасный вид на засыпанное снегом озеро. Вокруг — чудесный лес. Тишина. Воздух такой, что впору пить, как выдержанное вино.

Везде было хорошо, но дедушка нашел место не просто хорошее — отличное. Даже я, неразумный, это осознал. Замечательное место. Справа — столетний дуб. Слева — замерзший ручей. Посередине — камешек где-то по пояс высотой. Дедушка рукавицей обмел снег — и камешек оказался очень интересным — с впадиной посередине. Стенульф уселся на него, как на трон, поерзал — и расплылся в довольной улыбке.

Встал, взял прислоненное к дереву копьё, показал острием:

— Луна взойдет там. А копьё воткнешь здесь, — он указал на сугроб. — Сядешь сюда, — кивок на камень, — и будешь смотреть на луну, которая отразится тут, — Каменный Волк хлопнул по широкому лезвию копья. — Если ты угоден Отцу, он покажет тебе путь между мирами.

— О чем ты говоришь? — спросил я.

— Путь между мирами, — повторил Стенульф и поглядел на меня удивленно. — Тот, по которому уходят в Валхаллу. Ты этого не знаешь? — Глубина моего невежества изумила могучего старца. — Скажи еще, ты не знаешь, что истинный воин должен умирать с оружием в руке?

— Что должен, знаю, — ответил я. — А вот почему... Наверное, чтобы там, наверху, точно знали, кто воин, а кто нет.

Каменный Волк скривился, будто я испортил воздух.

— Уж не знаю, чем ты мог полюбиться Одину! — заявил он. — Знал бы я, что ты такой невежда, не стал бы с тобой возиться! Но поздно. Жертвы уже принесены. Так что слушай и запоминай. Железо отделяет живое от мертвого. Поэтому по кромке стали пролегает путь в чертоги Валхаллы. И тот, кто не держит его в руках, непременно сорвется и упадет вниз, в Хельхейм. Это неизбежно. Разве что Отец Воинов пошлет одну из своих дочерей-валькирий подержать душу павшего. Понял?

Я кивнул. Ну да. Чего тут непонятного? По кромке меча — в Валхаллу. Обычное дело.

— Верно, — согласился Стенульф. — Обычное дело. Для всех воинов. Кроме нас, избранных любимцев Одина. Нам не нужно держаться за путь. Мы уже стоим на нем. Мы — часть Мирового Древа. Поэтому нашу плоть почти не берет железо. Поэтому после битвы мы лежим как мертвые. Потому что мы и есть мертвые и нужно время, чтобы мы вернулись в мир живых. Поэтому из наших ран не течет кровь. Мы мертвы. Истинный берсерк — и есть тот путь, по которому уходят в мир мертвых. И мы непобедимы, потому что мы есть Смерть. А Смерть побеждает всех.

Ах, как он красиво говорил! Я аж заслушался. И поймал себя на том, что верю каждому слову. Какой артист погиб в этом человеке! Хотя — почему погиб? Может, у Стенульфа и нет тысячных аудиторий, зато у него очень внимательные слушатели. Это уж точно.

И так всё у него логично получалось, что я подумал: а что, если именно так всё и происходит? И не вызванное природными психоделиками безумие делает из людей сверховоинов, а именно та мистика, о которой говорит Стенульф?

Словом, я поступил как велено. Оделся потеплее. Вышел на берег озера. Дождался восхода «волчьего солнышка», воткнул в нужный сугроб дедушкино копьё, постелил на камень волчью шкуру, уселся (удобно, однако), выпил пару глотков зелья из баклажки и принялся созерцать отблески лунного света на отполированном металле.

Ночь стояла чудесная. Тихая-тихая. Где-то на периферии слуха, само собой, возникали какие-то звуки: снег с ветки упал, зверек какой-то пискнул... Но эти мелочи не нарушали чудесного спокойствия тишины. Звезды сияли, снег тоже сиял, отражая висящий за моей спиной лунный серп.

Рядом скрипнул снег. Я не шевельнулся. Волчий запах коснулся моих ноздрей. Я скосил глаза и скорее угадал, чем увидел, зверя. Силуэт белого волка растворялся в снежной белизне. Боковым зрением я следил, как он подобрался ко мне, понюхал шкуру, фыркнул неодобрительно, затем, потоптавшись немного (в точности как Стенульф!), улегся неподалеку. Интересно, откуда он взялся? Я был уверен, что оба зверя остались вблизи дедушкиной берлоги.

Прошло еще немного времени — и я забыл о четвероногом соседе.

Тишина обнимала меня. Я будто поднялся над землей. То есть я понимал, что всё еще сижу на шкуре, но было полное ощущение, что я всплываю вверх, как ныряльщик, набравший полную грудь воздуха.

В груди родилось нежное тепло — будто любимая женщина коснулась губами моего горла. Я забыл о том, что нужно глядеть на копьё. Даже не забыл — понял, что это неважно. Словно кто-то огромный, могучий и добрый держал меня на ладони, легонько покачивая.

Мир наполнился красками, будто я оказался в эпицентре северного сияния. Это было так чудесно... И длилось, длилось до бесконечности... До самого утра.

Я очнулся, когда первые лучи солнца подкрасили заснеженные верхушки деревьев. Мое тело затекло от неподвижности, но самую малость. И мне по-прежнему было очень хорошо и спокойно. Белый волк спал, уложив крупную мохнатую голову на мои сапоги. Рядом валялась пустая баклажка. На острие копья сидела мелкая пичужка и нежно посвистывала. Когда я шевельнулся, пичужка умолкала, поглядела на меня, склонив головку, потом свистнула, вроде как поздоровалась, и вспорхнула.

Волчара тоже поднял башку, потянулся, зевнул во всю пасть (ну чисто крокодил!), мгновенно встал на все четыре, легко, будто встряхнулся... Раз — и нет его. Только следы остались.

Тут и я поднялся. Проверил организм... Никаких проблем.

Удивительное дело. Целую ночь просидел на морозе — и хоть бы хны. Даже нос не замерз. Правда, и одет я был очень качественно.

Попрыгал, помахал руками — всё хорошо. Даже более чем хорошо. Такая легкость во всем организме... Хотелось бежать, смеяться, любить... Всё равно кого. Весь мир.

Я и засмеялся, громко и с удовольствием. Потом надел прислоненные к дубу лыжи и побежал. Полетел, как на крыльях. Чудесно! Если то, что со мной было, и есть состояние берсерка, то я — суперберсерк, потому что — никакой нужды в релаксации! Сна — ни в одном глазу! Что там говорил дедушка насчет «изгнания из себя мертвого»? Чушь! Никогда еще я не чувствовал себя таким живым!

Километр с небольшим до усадьбы я промчал минут за пять. Так мне показалось.

Стремительно влетел в открытые уже ворота.

Внутри вовсю кипела плотская жизнь. Выносившая ведро рабыня посторонилась. Пахнуло свинячим дерьмом, но и вонь не омрачила моей беспричинной радости. Я скинул лыжи и двинулся к дому. Уже не спеша, как подобает авторитетному человеку. Я чувствовал себя генералом, входящим в расположение части. А генералы, сами знаете, не бегают.

Стенульф кушал. Расположившись на хозяйском месте, он хлебал из глиняного горшка что-то вкусное. Черпнет ложкой, кинет в пасть, положит ложку на стол — и пережевывает вдумчиво, смакуя. Пока пережевывает, ложку в горшок окунает Свартхёвди. За Свартхёвди — Хавгрим Палица. Строго по очереди. Время от времени Каменный Волк приостанавливал процесс и вещал что-то назидательное. Друзья-берсерки тут же прекращали жевать и внимали с благоговением.

Рядом суетилась Гундэ. Старалась заглянуть дедушке в глаза. Подобостраст-

но. Ее сыночки (и законные наследники) возились тут же. Младший зачем-то пытался залезть рукой в пасть дрыхнущему кобелю, а старший воевал — лупил палкой по опорному столбу.

Я поглядел пару минут на эту патриархальную картину (меня будто не видели), а потом запах съестного достиг не только моих ноздрей, но и мозга. И желудок тут же потребовал завтрак.

Я прислонил в «пирамиде» дедушкино копье, скинул верхнюю одежду, распоясался, двинулся к пирующим, на ходу извлекая собственную ложку.

Тут меня изволили заметить.

Каменный Волк вперился в меня взглядом профессора математики, подозревающего наличие у экзаменуемого шпаргалки... Но ничего не сказал.

Свартхёвди радостно поздоровался и потеснился, уступая козырное место напротив горшка. Палица тоже проворчал что-то дружелюбное. Дедушка помалкивал.

Я хапнул варева из емкости! Отлично! Сдобренная маслом каша с кусками копченой свинятины. Самое то после ночного поста. А пиво где?

Я зашарил взглядом — и Гундё тут же подсунула мне кружку. Правда, не с пивом, а с парным молоком. И горячей еще лепешкой. Медовой. Кайф!

Я работал челюстями, как волк после недельного поста. Всё было так вкусно! А я так увлекся процессом, что не сразу заметил, что господа берсерки больше не черпают из горшка, а глядят на меня с неподдельным интересом.

Я не без усилия остановился. И почувствовал, что брюшко мое ощутимо потяжелело. Однако я знал, что вполне мог бы сожрать еще столько же. Во как!

Дедушка изобразил рукой берсеркам: оставьте нас, и Хавгрим с Медвежонком послушно слились. Свартхёвди, вылезая из-за стола, хлопнул меня по спине и пожелал приятного аппетита.

— Что было? — напрямик поинтересовался Стенульф.

Стоило мне подумать о том, что случилось ночью, как мой рот самопроизвольно растянулся в улыбке. Состояние, в которое я впал ночью, ушло, но послевкусие осталось. Да еще какое! Одна только мысль-воспоминание — и мне снова захотелось туда. Чуть отрезвила другая мысль: что дедушка наверняка подмешал в свое пойло какую-то наркоту. Коли так, то я отлично понимаю наркоманов. За такой кайф и здоровья не жалко!

«Стоп! — решительно сказал я сам себе. — Не в дури дело!» Так и есть. Бывал я в Амстердаме. Пробовал их кафешные «деликатесы». Ничего похожего!

Кстати, мне был задан вопрос! И что на него ответить?

Дедушка ответил на него сам:

— Один не принял тебя!

Я пожал плечами. Может, и не принял. Мне как-то по барабану.

— Твой волк ко мне приходил, — сообщил я, с той же глуповатой ухмылкой, которую был не в силах сдержать.

— Мой волк? — Дедушка насторожился. — И что?

— Да ничего. Спал у меня в ногах. Утром убежал.

— В ногах, говоришь?

Тут дедушка протянул свои длиннющие грабки, ухватил меня за голову, подтянул к себе и заглянул в глаза.

Я не противился. Пусть смотрит, не жалко.

Стенульф и смотрел. Долго. Потом отпустил меня и проворчал, по-моему, с облегчением:

— Один не отверг тебя. Но и не принял. Другой бог был с тобой. У него глаза Бальдра, но это не может быть Бальдр, потому что Бальдр — в царстве Хель. [94]

— И что теперь? — спросил я.

— А ничего, — дедушка окунул палец в мою кружку с молоком и нарисовал у меня на лбу какой-то знак. Руну, надо полагать.

— А волк тот был не мой, — сообщил берсерк-мастер с очень серьезной миной.

— Правда? А чей?

— Твой. Повезло тебе, Черноголовый. С таким вожатым ты и без клинка в Междумирье не потеряешься.

Я открыл рот, чтобы потребовать дополнительных объяснений, но могучий дедушка неуважительно велел заткнуться и доедать жаркое. Потом почесался шумно и с удовольствием, а затем изрек:

— Устал я от вас, дрэнг, чай, не юнец. Восьмой десяток этим летом разме- няю. Так что бери-ка ты Сваресона и отправляйтесь-ка домой.

Чего-чего? Восьмой десяток?

Нет, я не спросил вслух. Хватило ума. Я-то думал: дедушке максимум шестьдесят. А судя по тому, как он пользуется Гундё, — и того меньше. Охреть!

Но прежде, чем мы подались в обратный путь, Свартхёвди сделал мне предложение, от которого здесь отказываться не принято.

Глава двадцать девятая, в которой герой приобретает близкого родственника и участвует в почти тантрической мистерии

И у да, от такого не отказываются.

Да мне и в голову не пришло отказываться.

Потому что Медвежонок предложил мне смешать кровь.

То есть — стать побратимами. Собственно, мы с ним и так были что-то вроде родичей, поскольку состояли в одной дружине. Но из хирда я мог уйти, а кровное братство разорвать было так же невозможно, как если бы мы были сыновьями одной матери.

Пара слов о самой традиции. Побратимы — это всё же не совсем кровные братья. Например, жениться на сестре побратима можно. И мамой-папой родителей побратима называть необязательно. Но в случае необходимости побратим обязан заботиться о семье названного брата как о собственной. И ежели, не дай бог, побратима убьют — мстить за него, как за кровного родственника. Ну и еще разные нюансы. Еще, насколько я понял, побратимами могут стать те, кто взаимно спас друг другу жизнь. То есть это правило, как бы необязательное, но желательное. Спасшийся от смерти — это примерно как умерший и народившийся снова. Так что понятно. Мы с Медвежонком друг другу жизни спасали, было дело. Да и человек он, по-моему, замечательный. Само собой, у тех, кого он убил, могло быть другое мнение, но — извините! На всех не угодишь.

Теперь о самом ритуале. Смешать кровь, как оказалось, это далеко не всё. То есть кровь мы смешали. Влили в священную чашу по наперстку венозной

жидкости, разбавили пивом и медом и выпили под соответствующие призывы к богам и торжественные клятвы. Но не сразу.

Сначала мы по очереди произнесли стихи, восхваляющие друг друга и судьбу, которая свела нас вместе. Точнее, это Медвежонок произнес стих, а я промямлил что-то насчет «счастья вечной битвы плечом к плечу и умереть в один день, чтобы воскреснуть в Одина чертогах рядом с побратимом». Но даже и это было неплохо, потому что скальд из меня хреновенький. Исключительно на плагиате и держусь. Само собой, у нас имелись и свидетели: Стенульф с Хавгримом. И державшиеся поодаль коренные обитатели поместья, наблюдавшие за нами с некоторой опаской. Как выяснилось, не без основания. Потому что для закрепления ритуала нам следовало свершить еще два деяния: смешать семя и отправить к богам вестника.

Насчет семени ни моральных, ни физиологических проблем не возникло. Свартхёвди углядел среди зрительниц молоденькую девку посимпатичнее (на свой лад: сисястую и коренастенькую) и велел выйти из строя. Девка вышла. Энтузиазма на румянном личике не наблюдалось, но и негатива — тоже. Я на тот момент еще не знал, для чего она девка предназначена, но, когда Медвежонок предложил мне с ней «возлечь», отказываться не стал. Догадался, что ритуал требует.

Как выяснилось, тот факт, что я пользовал девку (ничего особенного, крепенькая, но сонная какая-то — чисто физиологический процесс) первым, тоже имел мистический смысл. Теперь я считался как бы старшим братом, а Свартхёвди, соответственно, младшим. Но девке он понравился куда больше, чем я. Может, потому, что потрудился на совесть, а не отбыл формальную повинность, как я. Засим девку уложили в уголок и велели лежать тихонько до конца ритуала. А мы приступили к следующему акту: выбору и отправке гонца. Об этом я тоже узнал по ходу пьесы. То есть в начале процесса я понятия не имел, каков будет финал. Догадывался, что какая-нибудь гадость...

К счастью, лично заниматься поисками и отправкой мне не пришлось. Эта процедура легла на широкие плечи свидетелей. Стенульф и Хавгрим принялись за дело с энтузиазмом прирожденных вурдалаков.

Для начала в толпе зевак Стенульф углядел нужную кандидатуру: рослого молодого трэля — и указал на него пальчиком.

В отличие от меня, трэль знал, что последует далее, и попытался дать деру, но соседи вцепились в него, как клещи, и смыться не позволили. Также понятно: удрал бы, пришлось бы искать новую жертву.

Угодив в лапы Хавгрима, трэль обмяк, впал в ступор и позволил делать с собой всё, что требовалось по инструкции.

Сначала грозные берсерки парня раздели и очень внимательно осмотрели. На предмет не известных мне изъянов. Затем Хавгрим взял сажу и белила (а может, это был разведенный мел) и принялся расписывать трэля в стиле любимых дедушкиных «граффити». Трэль покорно терпел, только дрожал, как испуганная лошадка. Каменный Волк наблюдал за процессом и при необходимости вносил коррективы.

Я заподозрил совсем нехорошее, когда сажу и белила отставили в сторону и в дело пошел нож. Хавгрим делал на коже страдальца неглубокие надрезы, затем пальцем размазывал кровь, творя корявые символы. Раб стерпел и это мучительство. Понимал, что могло быть и хуже. По ходу процесса Стенульф по-

ведал нам с Медвежонком, что в добрые старые времена священные знаки наносили на кожу не снаружи, а изнутри.

Я от души порадовался. Не знаю, смог бы я равнодушно наблюдать, как с живого человека сдирают кожу.

Я надеялся, что «бодиартом» дело и ограничится, и раздумывал: не поделиться ли с бедолагой чудодейственной мазью Рунгерд, когда берсерки закончили «живопись» и потащили трэля за ворота. Толпа повалила следом. Я — тоже.

Вряд ли у меня была возможность вмешаться. Да я бы и не рискнул. В чужой монастырь — со своим уставом...

Несчастливого подтащили к дубу, Стенульф достал веревку с заранее сделанной петлей...

Десять секунд — и вздернутый трэль оказался на полтора метра выше уровня почвы. Хавгрим ухватил его за дрыгающиеся ноги, рванул вниз. Шея трэля хрустнула, и посланец отбыл. Вернее, отмучился. Надеюсь, по ту сторону вечности ему будет лучше, чем здесь.

К моему немалому облегчению, больше смертоубийств не было. «Отправкой гонца» официальная часть процедуры закончилась, и те присутствующие, кого допустили, приступили к фуршету.

Мы с Медвежонком сидели рядышком, пили из одной чаши и кушали из одного блюда. И нам было хорошо. Может, потому, что мы порядком набрались. Но скорее — от избытка чувств. Ни у меня, ни у Свартхёвди никогда не было братьев. А теперь есть.

Глава тридцатая, в которой герой обнаруживает прекрасного принца там, где предпочел бы никогда его не встречать

Добрались мы без проблем. Проблемы возникли тогда, когда я переступил порог родного дома... Где меня ждал сюрприз. Очень-очень неприятный.

Собственно, это был не совсем мой дом. Сперва мы заехали в Свартхёвди. Но после обряда мой дом был его домом, а его, соответственно, моим. Однако меня это как-то не утешило. Вот блин! Стоит уехать на каких-то жалких сорок — пятьдесят дней — и на тебе!

Нет, никто не умер, слава Богу. И с моей Рунгерд всё было в порядке. И с моей «как бы невестой» Гудрун — тоже. Только вот моей невестой она больше не была. Потому что у нее появился жених. И такой, что мне даже бороться расхотелось. Никаких шансов. Просто никаких...

Когда мне было лет десять, я хотел вырасти именно таким. Высоким широкоплечим блондином с синими глазами и лицом молодого Клинта Иствуда. Шансы были, потому что родной брат моей матушки выглядел именно так.

Но генетика распорядилась иначе, и годам к шестнадцати я уже точно знал, что до детской мечты мне никак не дотянуть. Впрочем, меня это уже почти не беспокоило, потому что трудно было отыскать такого блондина, которого я не побил бы на фехтовальной дорожке. А девушкам я нравился какой есть. Не то чтобы они вешались на меня гроздьями... Ну, бывало, и вешались. Девушки любят победителей ничуть не меньше, чем красавцев. Это мы, мужики, по природной простоте, больше на внешность реагируем.

И вот теперь, через много лет, я вновь пожалел о том, как невыигрышно

распределились родительские гены. Потому что передо мной стоял мой тогдашний идеал мачо. Идеал дружелюбно улыбался и протягивал мне руку. А на другой его руке висел мой другой идеал. Женский. Моя бывшая невеста Гудрун. И она тоже улыбалась мне радостно-радостно. Мол, гляди, дорогой Ульф, какого я славного парня отхватила!

Мне больно, но я вынужден признать: они очень подходили друг другу. Удивительно красивая пара! Ведь этот парень был не просто высоким и широкоплечим блондином. Этого добра в средневековой Дании — навалом. Вон Свартхёвди тоже такого экстерьера... Этот, нет, язык не поворачивался назвать его парнем... Этот молодой джентльмен обладал не одной лишь атлетической фигурой, но и отменно благородной внешностью. И безусловной харизмой. Я чувствовал расположение к нему, хотя должен был возненавидеть, ведь он увел мою невесту.

Увел, собака, окончательно и бесповоротно. Поскольку только что принес свадебные дары. И дары эти были благосклонно приняты. Еще бы их не приняли! Это были роскошные дары! Достойные конунга.

Впрочем, новый жених Гудрун и был почти что конунгом. Вернее, конунгом был папа. А он, Эйвинд Харальдсон, был, соответственно, сыном конунга. Правда, не старшим, а младшим, но всё равно сыном — принцем. Или королевичем, как кому больше нравится. А еще у благородного Эйвинда был свой хирд.

Вопрос: откуда взялся мой удачливый соперник? И зачем ему понадобилось жениться на Гудрун — девушке из хорошей (вне всякого сомнения) семьи, но отнюдь не дочери конунга. Даже не дочери ярла. И приданое ее, по королевским масштабам, выглядело очень, очень скромно...

Ответ: принц Эйвинд влюбился.

На свое счастье (и мое несчастье, соответственно), королевич приехал на Сёлунд из Вестфолда^[95] по зимней дороге, дабы предложить себя и своих хирдманов в союзники Рагнару-конунгу.

Гудрун он встретил случайно. На главном рынке Роскилле, куда она (вместе с мамочкой, разумеется) выбралась проветриться и пошопинговать.

Красота Гудрун так поразила королевича, что он забыл о цели своего визита и забросил дела грабительские ради дел любовных. А подарки, которые приготовил для Рагнара-конунга, взял да и вручил Гудрун. Как свадебные дары. Спутники Эйвинда, викинги с солидным разбойничьим стажем, решили, что королевич спятил. Рагнар, по-моему, тоже так решил, потому что не обиделся. И разрешил влюбленному королевичу присоединиться к его орде. Ну да, к психам здесь относятся с уважением. Считается, что безумие означает близость к богам. См. «теорию образования берсерков» в изложении Каменного Волка.

Безумие — безумием, но денежки счет любят. Спутники Эйвинда выразили ему вотум недоверия. В ответ влюбленный королевич послал их Горму в пасть и в сопровождении доверенного слуги отправился к своей возлюбленной.

И тут появился я.

Представили меня Эйвинду уже в новом качестве: как побратима Свартхёвди. Я поначалу даже и не возражал, поскольку растерялся.

Рунгерд вела себя как-то странно. Меня вроде бы сторонила. Может, ей

было неудобно, что засватала дочку? Вот и верь после этого женщинам. Когда я взялся сопровождать Медвежонка к дедушке-сихану, она обещала мне безмерную признательность. И вот она, благодарность! Формальное приветствие, формальное обращение... Словно мы — чужие.

Зато Гудрун цвела и пахла. Хорошо пахла: в списке свадебных даров имелась коллекция арабских благовоний. Вела себя как птичка. Обняла меня, поцеловала и защебетала восторженно: Эйвинд такой, Эйвинд сякой... Потатила дары смотреть... Будто я — ее подружка. Складывалось ощущение, что она — совсем дурочка. Или — абсолютно бесчувственная. И на хрена мне такая нужна? Может, мне стоит Эйвинду спасибо сказать?

Хренушки! Это — не от мозгов. Это — генетическое. Тянуло меня к Гудрун пуще прежнего. Хотелось ее на руках носить, ласкать-баловать... Ну и всё прочее. Пускай — дурочка. Пускай — законченная эгоистка. Лишь бы — моя.

Но она была не моя, а этого чертова королевича.

Одно приятно: Медвежонку красавец норег сразу не понравился. Может, из-за меня: моя женитьба на Гудрун изначально — его идея. А может, из-за Эйвиндова высокомерия. Разговаривал тот подчеркнуто вежливо. И вел себя соответственно. Однако чувствовалось: он к нам снисходит. Как английский лорд с пятисотлетней родословной — к нуворишу из России, прикупившему по случаю футбольный клуб.

Я видел, что у Свартхёвди руки чесались поучить красавца. Он и попробовал, только не получилось. В настольные игры королевич играл лучше. И в мяч. Из лука стрелял как нам и не снилось. Копье метал на тридцать шагов дальше, чем я. Правда, метал я — так себе.

Думаю, сойдись мы на мечях, я бы его завалил. Но повода не было. И вообще, я чувствовал себя не в своей тарелке. Кто я такой, чтобы рушить счастье двух влюбленных? Тем более Гудрун уже приняла дары. Это, считай, помолвка. Официальная. Разорвать ее может только смерть или нечто совсем уж выходящее за рамки. Например, если жених (не дай Бог!) убьет ближайшего родственника невесты.

Свартхёвди тихонько злобился, но ничего серьезного (дружеские состязания — не в счет) не предпринимал. Может, ждал от меня какого-нибудь знака?

А я, как сказано выше, пребывал в раздрае.

Закончилась история тем, что мы с Медвежонком уехали в Роскилле и там неделю «культурно отдыхали» с Хрёрековой братвой.

Ярл, кстати, увидав татуировки Свартхёвди, выразил полное одобрение и объявил, что прощает Медвежонку деньги, отданные как вергельд за убитого ирландца. А заплачено было немало.

В общем, семь дней мы пьянствовали, играли в зимние игры и валяли доступных девок. Кабы не засевавшая в сердце заноза по имени Гудрун, я бы счел, что время проходит неплохо. А так... Ох и тоскливо мне было!

На восьмой день я вспомнил о своем учительском долге перед Скиди (совсем я забросил парнишку) и отбыл домой. Возможно, это был просто повод покинуть развеселую компанию, в которой мне было не очень-то весело. Медвежонок, настоящий друг, почуял что-то и увязался со мной.

В итоге вышло, что я уделял Скиди куда меньшее время, чем зимнему пиву. Еще через три дня Свартхёвди отчалил, а я, мучимый похмельем, ревню-

стью и чувством вины, занялся наконец тренировками.

За то время, пока меня не было, паренек существенно продвинулся. Стратегией я его не грузил, но с тактикой у Скиди обстояло всё хорошо. Приемы, которые я ему показал, он выучил назубок. Три-четыре вида атаки, пяток простых уклонений и уходов... Невелик арсенал, зато провести любой из приемов Скиди мог на голом рефлексе. Собственно, именно этого я и добивался.

Деньки стояли отличные: солнечные, умеренно морозные. Я не только Скиди тренировал, но и сам грузился по максимуму, вытесняя «физикой» душевные терзания.

Не скажу, что забыл мою прелестную датчанку, но как-то вроде полегче стало...

И тут она нагрянула ко мне в гости.

Глава тридцать первая, в которой приходится герою рисковать собственной шкурой на чужом поле и по чужим правилам

Если бы она приехала одна, я бы плясал от счастья. Но она явилась ко мне вместе с женихом. Зачем — понятия не имею. Я решил, что это инициатива королевича. Ведь за всё это время Гудрун так ни разу и не побывала у меня в гостях.

Сын конунга и его невеста приехали верхом. Вдвоем. Перекусили чем Бог послал. Вернее, чем Хавчик на стол выложил.

Эйвинд держался аки олигарх, которого привезли на загородную дачку советского разлива. Но кушал с аппетитом. И даже похвалил работу Бетти. Своеобразно похвалил. Мол, у его папы конунга имеется большое текстильное производство, так вот Бетти ткёт не хуже, чем их тамошние рабыни.

Я желчно ответил в стиле: богатство война — его меч. И всё, что этим мечом добыто.

Королевич согласился. Но внес поправку, что одним мечом много не добудешь. Пара драккаров, укомплектованных опытным экипажем, — вот источник настоящего богатства.

— Это смотря какой меч, — уронил я с намеком.

Эйвинд вежливо улыбнулся. Так воспитанный обладатель «седьмого» бумера реагирует на обсуждение преимуществ «седьмых» «Жигулей» над «москвичом».

Покушав, мы, с подачи Гудрун, встали на лыжи и отправились осматривать мои владения.

Эйвинд вел себя в прежнем ключе: либо помалкивал, либо хвалил так, что хотелось ему как следует врезать.

Гудрун же просто наслаждалась хорошей погодой, мужским обществом, собственной ловкостью лыжницы и кокетничала напропалую. В основном с Эйвиндом.

В какой-то момент она умчалась далеко вперед и я наконец узнал, почему удостоился вельможного визита.

— Не могу понять, почему я не нравлюсь Свартхёвди, — пожаловался мне королевич. — Это неправильно, ведь он брат моей будущей жены. Ты его побратим, Ульф. Поговори с ним, узнай, что ему не по вкусу. Может, он обиделся, что я ничего ему не подарил? Так скажи ему, что, когда придет день свадьбы,

Эйвинд Харальдсон одарит его со всей щедростью. Да и ты внакладе не останешься.

— А папа не заругает? — ехидно поинтересовался я.

— Что? — Королевич уставился на меня, не понимая.

— Говорю, твой отец, конунг Харальд, не рассердится, когда узнает, как ты раздаешь его деньги.

— Это мои деньги! — воскликнул Эймунд. И тут же сообразил, что мой вопрос проистекает отнюдь не из дружеского расположения к нему.

— В чем дело, Ульф Вогенсон? Ты тоже на меня в обиде?

— Не то чтобы в обиде... — протянул я. Нет, хватит темнить. Пора нам поговорить начистоту.

— Будь моя воля, Эйвинд, сын конунга, ты никогда бы не женился на Гудрун.

— Ну-ка объяснись! — потребовал королевич.

— А что тут объяснять, — усмехнулся я. — Пока ты не появился на Сёлунде, Гудрун была моей невестой.

— Вот как... — Королевич нахмурился. — Мне никто не говорил, что ты принес Гудрун свадебный дар. Меня обманули?

— Нет. Я делал ей подарки, но... — как сказать по-датски... «неофициально... — это были просто подарки. Посвататься я не успел.

— Если так обстоит дело, — Эйвинд заметно повеселел, — то я могу попросить Гудрун вернуть тебе твои подарки. Она не откажется, если я пообещаю подарить ей что-нибудь получше. Договорились?

— А может, я попрошу ее вернуть твои подарки?

Эйвинд усмехнулся. Высокомерно. Как король — бедному дворянину.

— Она их не вернет.

Я и сам знал, что моя корыстолюбивая любовь (уж простите за каламбур!) ни за что не откажется от попавшего в ее очаровательные ручки.

Но Эйвинд имел в виду другое.

И тут мы догнали Гудрун, остановившуюся на склоне, с которого открывался вид на наше с Хегином Полбочки озеро. Вид был изумительный.

Но нам было не до природных красот.

— Гудрун, — очень серьезно произнес королевич, — правда ли, что этот человек оказывал тебе знаки внимания, подобающие жениху?

Во как выразился. Я бы так не смог.

— Оказывал, — Гудрун и так «подрумяненная» морозом, вся зарделась, став от этого еще красивее.

Эйвинд глядел на нее как паломник — на Черный Камень Каабы.

— Но ты сказала, что любишь меня!

— Люблю, — охотно согласилась девушка.

— А Ульф?

— Ульф мне тоже нравится, — ответила Гудрун беззаботно. — Ты очень красив, Эйвинд Харальдсон! И твой отец — конунг. Но Ульф... Моя мать говорит: он очень удачлив. И тоже, быть может, станет конунгом. Конечно, он не так щедр, как ты. Ведь ты отдал мне лучшее, что у тебя было, а Ульф довольно-таки жаден...

Это я жаден! Нет, вы слышали?

— Вдобавок они с братом ушли неизвестно куда, и моя мать каждый вечер

ходила к святилищу и просила богов защитить их. Вот я и подумала: вдруг Ульф и Свартхёвди не вернуться? — продолжала Гудрун с очаровательной улыбкой. — А потом появился ты. Такой красивый, такой щедрый... Поэтому я приняла твои дары. И теперь я — твоя невеста. Но Ульф, наверное, обижен, да, Ульф? И он, наверное, захочет тебя убить. Будь осторожен, Эйвинд! Ульф — великий воин! — И улыбнулась уже мне.

Эйвинд скривил губы, выразив этой гримасой свое отношение к высокой оценке моих боевых качеств.

— Драться с ним я не стану! — заявил он. — Они со Свартхёвди побратимы. Убью его — стану кровником Свартхёвди. А ты — его сестра.

— Насчет «убью» — не особо рассчитывай, — заметил я. Ишь, губу раскатал: — Однако признаю твои доводы справедливыми. Что будем делать?

— Пусть решает Гудрун! — Ну да, он любил ее и верил, что она его любит. Да и кто я такой, чтобы конкурировать с ним. — Если она вернет дары...

— Ничего я не верну! — крикнула Гудрун. — Ты мне по нраву, Эйвинд!

— А я? — рискнул я задать вопрос.

Девушка смутилась, но ответила честно:

— И ты тоже, Ульф...

Я воспрял духом, но королевич лишь обаятельно улыбнулся. Если Гудрун отказывается вернуть дары, его дело — в шляпе. Но он хотел выиграть нокаутом, а не по очкам.

— Я был неправ! — произнес Эйвинд с достоинством. — Не дело девушке решать за мужчин. Если бы дело обстояло весной, я предложил бы тебе, Ульф Вогенсон, переплыть это озеро. Кто доплывает до противоположного берега, тому и достанется Гудрун.

— А как насчет даров, которые она не хочет возвращать? — сыпнул я соли на сердечную рану.

— Если бы доплыл ты, возвращать ничего не понадобилось бы. Мертвому земные богатства без нужды.

И улыбнулся еще более обаятельно.

Ну да, я забыл, что такое соревнования по плаванию по-норвежски. Он же честно сказал: кто доплывет, а не кто доплывет первым.

Я порадовался, что озеро замерзло. Я неплохо держусь на воде, но скандинавы плавают как акулы. Причем в воде такой температуры, что меня судорога скрутит через полминуты. И топить друг друга они мастаки. С детства тренируются. Чисто «подводный спецназ»...

— Мы не станем ждать до весны! — отрезал я. — Наш спор надо решить здесь и сейчас.

— Согласен.

И мы погрузились в раздумья. То есть это я размышлял. Эйвинд изучал окрестности. И явно что-то углядел, потому что лицо его озарилось радостной улыбкой.

— Погляди на тот склон! — предложил сын конунга. — Нравится?

Я пожал плечами. Склон как склон.

— Не хочешь ли съехать по нему?

Я прикинул. Общая длина склона — метров четыреста. Местами — пологий, местами — крутой. Умеренно поросший растительностью. Хороший слаломист пройдет его запросто. Однако я — не слаломист. То есть опыт горно-

лыжный имеется, но не более. В финале заезда — небольшой «трамплинчик» высотой метра четыре. Внизу — озеро. Ровный лед, присыпанный неглубоким снежком. Приземлиться несложно. Если долетишь. Потому что между ровным льдом и кручей — берег, заваленный каменными валунами...

Эйвинд лучезарно улыбался. Он был норманом, северянином. Вдобавок из Норвегии, где детишки, считай, уже рождаются с лыжами. И горных склонов там больше, чем рыб в этом озере. А еще он видел, что я на лыжах — не очень. По здешним меркам, вообще неумеха. Так что он вполне мог рассчитывать, что я не долечу.

Я улыбнулся в ответ как можно более дружелюбно:

— Отлично! Поехали!

А что еще я мог сказать? Что он лучший лыжник, чем я? Так это не его проблемы. Без боя признать поражение? Хренушки!

Мы втроем поднялись наверх. Даже Гудрун обогнала меня на подъеме: по здешним меркам, я и впрямь был так себе лыжником.

Склон выглядел не радужно. В этом ракурсе количество деревьев казалось существенно большим. И следует помнить, что на мне были не оставшиеся в будущем фирменные карвинговые «фишера», на которых я когда-то покорял Северный Склон под Питером, а кустарные местные...

Эймунд проверил крепления, покачал копье, проверяя баланс. Лыжные палки в Роскилле использовал только я. Поиграв копьем, Эймунд глянул на меня. Не очень-то мне понравился этот взгляд.

«Ты — лузер», — читалось в нем.

Однако вслух сын конунга произнес другое:

— Ты — первый?

— Как скажешь.

Кому-то может показаться, что первому будет труднее, но я готов к трудностям естественного типа. «Опасайтесь подлянок!» — вот что я усвоил из опыта соревнований с братьями-викингами. Если я поеду первым, то Эйвинду, чтобы устроить мне какую-нибудь бяку, для начала потребуется меня догнать.

И я, больше не раздумывая, толкнулся палками и заскользил вниз.

Я очень старался сбросить скорость. Закладывал виражи, огибая любой бугорок, и думал только о том, чтобы выйти на относительно прямой участок, где можно достаточно разогнаться перед прыжком. Еще сверху я высмотрел место, с которого буду прыгать. Теперь главное — не промахнуться. И не врезаться в дерево...

Мне везло. В дерево я не врезался. И на разгонный участок вышел — тик-тик. Впереди меня ждал головоломный прыжок, но я, тем не менее, расслабился и задышал ровнее: Эйвинд и его копье остались позади...

Я ошибся. То есть Эйвинд действительно был позади, но намного ближе, чем я ожидал. За три секунды до прыжка я обернулся на звук и увидел, что меня догоняет живой снаряд. Догоняет, как стоячего, чтобы снести как раз на кромке обрыва. Дурак я! Это же соревнования по-нормански. Здесь нет побежденных и победителей. Только живые и мертвые.

Все, что я мог сделать, это попробовать уйти в поворот, но тогда я гарантированно приземлюсь на камни.

Так что я не сделал ничего. Просто в самый последний момент присел, насколько это возможно. Удача была на моей стороне. Древко копья свистнуло

над моей головой и...

Наверное, Эйвинд рассчитывал, что попадет, и учел возможность отдачи, которой не произошло. А возможно, ему под лыжу подвернулся какой-нибудь пенек...

Боковым зрением я увидел, как его развернуло (так развернуло бы меня, получи я древком по хребту) и увело в сторону. Далее — без подробностей, потому что я уже летел.

Скорости мне хватило. И даже хватило умения приземлиться на лыжи и устоять на них до самого конца тормозного пути. И даже эффектно развернуться в финале... Чтобы услышать крик и увидеть, как взлетает над замерзшим озером еще один лыжник.

Лыжница. Взметнулся и осел снег. Гудрун лежала на льду, неловко подвернув ногу. Я бросился к ней, попытался поднять. Она жалобно вскрикнула:

— Рука! Больно!

Я отпустил ее. Под пушистой шубкой было непонятно, что с рукой. Гудрун попыталась встать сама, но я ее удержал. Осмотрел ноги. С виду — в порядке. Даже лыжи не сломались. Я очень аккуратно помог девушке сесть.

— На руку упала, — пожаловалась она. — Кажется, сломала. Хрустнуло что-то.

— Сейчас поглядим...

— Нет! — Она оттолкнула меня здоровой рукой. — Сначала — Эйвинд!

— Как скажешь.

Я оставил ее и заскользил туда, где лежал мой противник... Соперник... Конкурент... Назвать его врагом язык не поворачивался, хотя я вполне отдавал себе отчет: если бы всё получилось, как он задумал, на его месте был бы я.

Да... Это хорошо, что я не на его месте. Красавец королевич упал прямо на камни.

Скандинавы — живучие существа. И необычайно ловкие. Если бы он просто спрыгнул на эти камни с четырехметровой высоты, ничего бы ему не было. Даже ноги не подвернул бы, я уверен. Но он пролетел мимо меня со скоростью километров пятьдесят в час, вдобавок его закрутило... В общем, упал он спиной. Но даже в этом случае его шансы были неплохи. Толстый полушубок, под ним — кольчуга, под кольчугой — шерстяное белье...

Эйвинд был в сознании. Попытался улыбнуться. Получалось плохо.

— Где болит? — спросил я.

— Нигде. Ничего не чувствую. Ни рук, ни ног.

— Небось всю спину отшиб, — проворчал я как можно бодрее. — Синячище будет — о-го-го! Давай-ка я тебя выну...

Вынуть не получилось. Эйвинд капитально застрял между валунами, а дергать его я не рискнул. Очень похоже, что тут — проблемы с позвоночником. Бывает, конечно, что от шока парализует, но этот парень — не той породы. А если позвоночник — надо быть предельно аккуратным. Да, он хотел меня прикончить. Но — по-своему честно. И воспользоваться его нынешним положением... Нет уж! Мне убитый шилом Сторкад до сих пор снится.

Нет, в одиночку мне его аккуратно не вынуть. Надо двигать за помощью.

Я поглядел на ту сторону озера. Над длинным домом старины Полбочки вился дымок. У него и лошадки есть, и сани.

Подошла Гудрун. Прихрамывая и придерживая правую руку левой.

— Что с тобой, Эйвинд?

— Ушибся немного, — произнес он почти весело.

— А я вот, кажется, руку сломала... — пожаловалась девушка.

— А не надо было тебе за нами ехать.

— Тебя не спросила! — привычно огрызнулась Гудрун.

— Вот что, голубки, — сказал я. — Вы тут поворкуйте, а я сбегаяю на тот берег — к Хегину. За подмогой и лошадкой.

— Обойдусь я без лошадки! — недовольно буркнула Гудрун. — Дойду уж как-нибудь.

— Ты — да. А он?

Тут эта эгоистичная дурочка сообразила, что с новым женихом, действительно, неладно.

— Эйвинд! Что с тобой?

— Да вот... Никак встать не могу, — проговорил он уже не так весело.

— Так давай мы тебе...

— Не трогать! — рявкнул я. — Вот, сядь сюда, — я скинул рукавицы и положил на камень. — И голову его аккуратненько на колени возьми. Вот так. А руку свою — сюда, — я сделал из шарфа петлю, накинул ей на шею. Сидите и ждите меня! Я скоро!

Вернулись мы минут через сорок. Быстрее не получилось. Пока я всех сгношил, пока лошадь запрягли, пока дотопали...

Гудрун (молодец) сидела в той же позе и что-то напевала. Эйвинд лежал, смежив веки. До чего ж все-таки он красив, королевич!

Зла на него по-прежнему не было. Сам удивлялся. Хотя, не грохнись он на камни, я б его непременно вызвал... Если бы сам не грохнулся.

Мы подъехали, и Эйвинд открыл глаза.

— Ну как, боль не появилась?

— Болит малость, — произнес он тихо. По интонации я догадался: болит во все не «малость». — А рук по-прежнему не чувствую.

Похоже, все-таки позвоночник...

— Ну, братва, взялись аккуратненько... Очень аккуратненько...

В восемь рук (кроме Скиди Хегин прихватил еще двух работников) мы очень осторожно вынули королевича из щели и положили на сани, где я загодя расстелил медвежью шкуру. Эйвинд висел на руках как ватный.

— Куда? — спросил Хегин. — Ко мне или к тебе?

— К Рунгерд.

Если кто и сможет оказать парню медицинскую помощь, то это она. Хотя если с ним случилось то, что я думаю, то здесь нужен нейрохирург, а не знахарка-ворожея.

Глава тридцать вторая,

в которой герой получает от своего соперника бесценный дар

— Он сказал: твоя удача сильнее, чем его, — вид у Рунгерд был усталый и невеселый. — Объясни мне, Ульф, почему лучшие из вас, мужчин, только и делают, что ищут, где рискнуть головой?

— Это была не моя идея, — напомнил я. — Можешь спросить у своей дочери.

— У моей дочери в голове — тряпки да побрякушки, — вздохнула Рун-

герд. — Со временем она поумнеет. Наверное. Но Эйвинду это уже не поможет.

— А он умрет?

— Не знаю. Может, и нет. Его ноги чувствуют боль. Это значит, что хребет не сломан. Зато у него сломаны ребра. Я наложила повязку и дала ему питье, чтобы он уснул. Попросила богов быть к нему снисходительнее. Не знаю, что будет. Ты знаешь, что его трэль убежал в Роскилле?

— Зачем? — Я удивился. На мой взгляд, в такой ситуации слуга должен ни на шаг не отходить от хозяина.

— Расскажет хирдманам Эйвинда, что произошло. А может, просто удрал. Если Эйвинд умрет, раб ляжет в костер вместе с ним. Он знает об этом.

Так и было бы. Я уже достаточно хорошо знал обычаи скандинавов, чтобы не усомниться в словах Рунгерд. В костер ляжет не один раб. Сыну конунга в посмертии «понадобится» целый штат сопровождающих: слуги, наложница, конь...

— Тогда он точно смылся, — заметил я.

— Я так не думаю.

— Почему?

Я попытался сообразить, что может подвигнуть раба на такую самоотверженность.

Допустим, соратники Эйвинда сочтут раба достаточно полезным, чтобы сохранить ему жизнь. И отправят на костер кого-нибудь еще...

Все-таки я еще довольно слабо разбираюсь в психологии аборигенов средневековой Дании.

Выяснилось, что сгореть в одном костре с господином — это не трагедия, а бонус. Ну как же! Хозяин-то отправится наверх, в Валхаллу. И его спутники по кремации — вместе с ним. Само собой, быть им там рабами, а не хозяевами посмертной жизни, но кто-то из классиков античности очень точно заметил, что лучше быть последним рабом на земле, чем королем в подземном мире Хель.[96] А тут даже и не на земле, а в Асгарде...

— И что делать нам, если сюда заявятся сопалубники Эйвинда? — поинтересовался я.

— Тогда, боюсь, моя дочь очень огорчится, потому что свадебный дар придется вернуть.

— А велик ли дар?

— Хватит, чтобы построить драккар на тридцать шесть румов! — Свартхёвди решил присоединиться к нашему разговору. — Его трэль удрал очень кстати. Как ты, мать, посмотришь на то, чтобы выставить красавчика на мороз: всё равно он не жилец. — Медвежонок ухмыльнулся. — Облегчим его страдания!

— Нет! — отрезала Рунгерд.

— Почему — нет? Кто сможет догадаться: то ли он сначала замерз, потом помер, то ли сначала помер, а потом замерз. А возвращать мы ничего не будем. Еще не хватало! Я уже послал Гнупа в Роскилле, к Ульфхаму Треске. Так что, мать, скоро у нас тут будут гости!

— Ты должен был сначала сказать мне, сын, а уж потом действовать! — сердито бросила Рунгерд. — Я здесь хозяйка!

— Выходит, матушка, я не могу пригласить сюда моих друзей? — вкрадчиво поинтересовался Свартхёвди.

— Конечно, можешь! Но наш фюльк — не место для битвы!

— Какая битва, матушка? Ты что? — Медвежонок обнял мать и потерял бородой о ее щеку. — Да мы с Ульфом вдвоем разгоним дюжину вестфолдингов! Так что дай-ка свое снотворное зелье моей сестрице, а как она заснет, мы с Черноголовым вынесем Харальдсона на свежий воздух.

— Нет! — Рунгерд сердито отпихнула сына. — Я запрещаю!

— Как скажешь! — Медвежонок подмигнул мне, и Рунгерд это заметила.

— Я запрещаю! Слышите, вы оба! Ну-ка поклянитесь, что не причините ему вреда! Он — гость в нашем доме! Хочешь, чтобы боги от нас отвернулись?

Свартхёвди пожал плечами. И поклялся. Я, естественно, тоже. Не так я воспитан, чтобы выносить на мороз беспомощного человека. Даже если это мой враг.

На том диспут закончился, а мы отправились спать. К моему большому огорчению — порознь. Вернее, мы с Рунгерд — порознь. Медвежонок прихватил с собой девку из материнских служанок и попользовался ею весьма активно. К счастью, недолго. Минут через десять они утомонились, и в доме стало относительно тихо. Достаточно тихо, чтобы я слышал всхлипывания Гудрун из клетки, где лежал Эйвинд.

Спать в таких условиях я не мог, поэтому натянул штаны и отправился к бдящей над раненым девушке.

— Как боги допустили такое! — причитала Гудрун, прижимаясь ко мне. — Вот я смотрю на него: он такой красивый, такой сильный. Кажется, сейчас проснется, встанет и будет как прежде. Но ведь не встанет, да? Матушка сказала: если он не умрет, то всё равно останется калекой. Я не хочу быть женой калеки! Твоя удача оказалась сильнее, чем у него. Ну так пусть бы он умер! Но зачем же его калечить?

Я не стал напоминать о том, что призом в нашем состязании была именно она. А поскольку Эйвинд проиграл, следовательно, она уже не его невеста, а моя. Еще успею.

— Он — воин, — сказал я. — Воин может стать калекой в любом сражении. Он может потерять руку или ногу. Может лишиться глаз...

— Ничего подобного! Эйвинд — сильнее всех. Такие, как он, сами убивают и калечат, а с ними никогда ничего не случается! Сколько раз ты дрался, а у тебя руки-ноги на месте!

Я задрал рубаху:

— Погляди на этот шрам! В битве любой может умереть. Даже самый лучший. Если бы копьё прошло на два пальца глубже, я был бы мертв.

Гудрун замотала головой:

— Так не прошло же! Настоящие воины любимы богами. Это всем известно! Валькирии отводят от героев вражеские копьё. Чтобы не насмерть, не на два пальца глубже, а просто безвредная рана.

— От любой раны можно умереть, — напомнил я правило, хорошо известное в этом мире, лишенном антибиотиков.

— Но ты же не умер! Ты убивал своих врагов, а не они тебя! Мне так жаль его, Ульф! Так жаль! — Гудрун всхлипнула и прижалась ко мне еще крепче.

Мой организм не оценил трагизма момента и отреагировал на близость девушки выплеском адреналина и прочими физиологическими реакциями.

Чтобы отвлечься, я попытался выяснить, кого ей больше жаль: себя в роли невесты калеки или самого Эйвинда.

И был приятно удивлен, когда узнал, что Эйвинда ей все-таки «жальче». Значит, не такая уж она законченная эгоистка.

Разговор понемногу иссяк. Гудрун больше не плакала. Мы сидели рядышком и молчали. Вскоре девушка задремала. Ее голова лежала на моем плече так уютно, что я боялся пошевелиться. Через какое-то время я тоже задремал... Проснулся внезапно, как от команды. Наша коптилка утасла, но сквозь затянутое рыбьим пузырем окошко пробивался свет: всходило солнце.

В доме слышался шум: датчане просыпаются рано. Не шум разбудил меня — взгляд Эйвинда. Сын конунга пришел в себя и теперь смотрел на нас с Гудрун. Спокойно так смотрел: без зависти, без гнева.

Я осторожно опустил Гудрун на лавку, накрыл шкурой. Она не проснулась, только улыбнулась нежно. Хороший сон, должно быть...

— Как ты?

— Бывало получше, — прошептал Эйвинд, облизнув потрескавшиеся губы. — Я умираю, Ульф.

— С чего ты взял? Рунгерд вчера сказала, что ты будешь жить. Она знает.

— Это было вчера. Сегодня я умру. Я знаю. Боги! Как она прекрасна! — Глаза сына конунга засияли... Но тут же погасли. Он знал, что Гудрун сейчас дальше от него, чем звезды. — Береги ее, Ульф! Помни: я буду присматривать за тобой сверху.

— Она плакала о тебе, — сказал я, чтобы сделать ему приятное.

— Она юна и скоро меня забудет. Она будет хорошей женой, Ульф Вогенсон. У нее глупые мысли, но нежное сердце. Она похожа на свою мать только лицом.

— Почему ты так думаешь? — не удержался и спросил я.

— Я умираю, Ульф. И я вижу то, чего не видят живые. У тебя тоже нежное сердце, Ульф Вогенсон. Это очень плохо для воина. Надеюсь, что твоя удача будет сильнее твоей слабости, и Гудрун не станет вдовой.

Эйвинду было трудно говорить, поэтому речь его была прерывиста и еле слышна. Я наклонился, чтобы не пропустить ни слова...

— Я вижу их... — внезапно произнес сын конунга.

— Кого?

— Небесных дев... Они здесь. Дай мне меч. Поскорее! — Только теперь я понял, как ему больно. И как трудно не показывать виду...

Его меч висел над изголовьем. Я обнажил клинок и вложил рукоять в безвольную ладонь. Мне показалось, что холодные пальцы чуть шевельнулись, когда я соединял их на рукоятке.

— Один! — Голос его внезапно обрел силу и ясность. — Я иду!

Гудрун проснулась, протерла глаза и села...

— Он ушел, — тихо сказал я.

Гудрун заплакала, а я провел ладонью по лицу умершего, опуская веки.

При жизни он был моим соперником, даже врагом. Теперь он стал моим другом. Потому что он и впрямь увидел то, чего не мог разглядеть я. Бесценный дар понимания. Должно быть, его любовь была сильнее моей. Что ж, я постараюсь не обмануть его ожиданий.

А теперь хорошо бы перекусить. Впереди меня ждал очень непростой день. Я это чувствовал.

Глава тридцать третья, в которой герой знакомится с тремя десятками рассерженных вестфолдингов

Как в воду глядел. Поганец трэль не дал деру, а примчался в Роскилле и настучал корешам королевича, что датчане, черти, сгубили его молодого босса.

Кореша похватали железяки, встали на лыжи (поскольку лошадок у них не было) и кинулись разбираться.

Я только успел позавтракать (все прочие уже собирались обедать), когда во двор ввалилась задорная ватага из трех десятков норогов-вестфолдингов.

На мой взгляд, их было раз в пятнадцать больше, чем необходимо. Но они так не считали. На мужественных лицах обитателей самой холодной части Скандинавии отчетливо читалась единственная мысль: вот сейчас всё здесь порубаем на хрен.

Мы с Медвежонком (и еще с полдесятка мужиков) похватали оружие и приготавились с честью умереть.

У Свартхёвди под рукой не оказалось его фирменных травок-корешков в заваренном виде (они могли отсрочить нашу кончину минут на пять), а всушмятку их жрать было бессмысленно: подействовать всяко не успеют. Ничего! При таком раскладе не только у берсерка крышу снесет. Нам еле хватило времени бронь натянуть на тушки...

Мы потеряли секунд двадцать, что оказалось только кстати.

Потому что матушка Рунгерд успела нас опередить.

Вот это было настоящее счастье.

Потому что, увидав ее, грозные норегии застыли, аки любознательная жена праведника Лота.

Воистину королевский вид был у моей дорогой Рунгерд. Даже мне захотелось снять шляпу и, склонившись, подмести перьями утоптаный снежок. Только вот у меня не было шляпы с перьями. У норогов тоже. Так что кланяться они не стали.

— Что нужно храбрым воинам конунга Харальда в доме бедной вдовы? — осведомилась Рунгерд величественно.

Один из норогов, лидер, надо полагать, поскольку на нем были самые увесистые золотые браслеты, шагнул вперед и, подумав малость, вложил меч в ножны. Как-то несолидно угрожать мечом такой женщине. Еще кое-кто прибрал оружие. Но не все, так что мы с Медвежонком убирать оружие не стали.

Предводитель вестфольдцев откашлялся.

— Тело Эйвинда-ярла... Где оно?

— Пойдем, — Рунгерд с достоинством развернулась и поплыла к дому.

Предводитель зашагал следом. Остальные потянулись за ними, но мы с Медвежонком оказались проворнее и пристроились позади Рунгерд.

В дом ввалились всей ватагой.

Мертвый королевич лежал на столе, в доспехах, с оружием... В общем, как положено.

Гудрун сидела рядом с ним.

Предводитель норогов сунулся вперед, аккуратно, но решительно оттеснив

Рунгерд, наклонился к покойнику, коснулся его щеки, приняхался...

На бородатой роже отразилось некоторое замешательство (Блин, что у нас не так?), но он тут же принял грозный вид и уставился на меня.

— Кто его убил?

Хороший вопрос. Я прикинул, что успею приколоть норега раньше, чем он выхватит меч. У меня-то клинок в руке... Впрочем, с этим делом торопиться не стоит. Я еще не готов умереть.

— Тебе показать камень, который его убил? — осведомился я, нагло глядя прямо в глаза вестфолдинга.

— Расскажи, как это случилось! — Вестфолдинг не верил мне ни на грамм, по роже видно.

— Он съезжал со склона на лыжах и упал на камни.

— Этого не может быть!

— Хочешь сказать, что я лгу? — Я подбавил в голос угрозы. Поединок меня вполне устраивал. Один на один у меня куда больше шансов, чем один — на пятнадцать.

— Ты — Ульф Черноголовый, сын Вогена! — заявил норег. — Тот, кто убил Торсона-ярла!

— Именно так.

Приятно, когда ты — известная личность.

— Я — хёвдинг Харальда-конунга Харальд Щит!

Допустим, что дальше?

— Эйвинд был лучшим лыжником Вестфолда. А у вас тут и гор настоящих нет. Эйвинд не мог упасть!

— Что ж, Харальд Щит, пусть боги рассудят, лгу я или нет, — спокойно произнес я.

Полгода назад для меня эти слова были бы пустым звуком. Сейчас я знал, что это не так. Электрическое копье Одина вбило в меня уважение к подобным клятвам.

Но ведь я же не лгал! Эйвинд действительно упал на камни.

Вестфолдинг колебался. Правда — правдой, а репутация у меня солидная. Таковую не заработаешь без покровительства свыше. А что Один — Отец не только воинов, но и лжи, факт общеизвестный.

— Может, у тебя есть свидетели? — Харальд Щит, определенно, не хотел поединка и искал лазейку, чтобы его избежать.

— Есть, — сказал я. — Дочь госпожи Рунгерд и Сваре Медведя Гудрун была с нами в тот день.

— Не та ли Гудрун, которую Эйвинд назвал своей невестой? — Вестфолдинг прекрасно знал ху из ху, но на всякий случай решил уточнить.

— Да, это она.

— Позови ее, пусть говорит.

Появление Гудрун норегии встретили одобрительным гомоном. Многие из них, насколько я слышал, осудили выбор королевича. И особенно — свадебный дар, который был заплачен за простую дочь датского помещика. Теперь им стало понятно, почему Эйвинд запал на эту девушку. Несмотря на заплаканные глаза, Гудрун выглядела настолько же обворожительно, насколько ее мать — величественно.

— Что мне говорить? — дрогнувшим голосом спросила Гудрун, обращаясь к

нам с Медвежонком.

— Правду! — опередил меня Свартхёвди. Я-то предпочел бы просто задать вопрос и получить четкий лаконичный ответ. Ни к чему вестфолдингам знать о нашем маленьком состязании.

К счастью, Гудрун не стала вдаваться в подробности, предшествующие нашему спору.

— Эйвинд предложил Ульфу съехать со склона. Ульф — не очень хороший лыжник, он не хотел ехать, потому что склон был крутой, вел к обрыву, и на нем было много деревьев, но еще больше Ульф не хотел выказать страх. Он согласился.

Надо же какие мы наблюдательные! Вот уж не думал.

— Эйвинд сказал, чтобы Ульф ехал первым, — продолжала Гудрун. — Ульф поехал. Он был очень осторожен, объезжал деревья и ехал совсем медленно. Начал разгоняться только перед самым обрывом. Эйвинд поехал вторым, но он ехал прямо и легко догнал Ульфа. Ульф отвернул немного, иначе Эйвинд задел бы его, и прыгнул с обрыва. А Эйвинд зацепился за что-то и упал вниз. А там — камни... — Гудрун всхлипнула.

Вестфолдинги сочувственно заворчали. Но я не обманывался. Их было тридцать. Все — матерые викинги. А нас только двое: я и Медвежонок. Прочие — не в счет. Такой волчара, как Харальд Щит прикончит их всех и даже не вспотеет. Это как «краповый берет» — против деревенских драчунов.

— А что было потом? — спросил вестфолдинг.

— Потом я тоже съехала вниз, потому что испугалась за Эйвинда. Мы с Ульфом подъехали к нему, а он лежит между камней и улыбается. Он сказал, что у него ничего не болит, и Ульф поехал за подмогой. Он сказал, что один не сможет поднять Эйвинда, потому что его надо поднимать бережно.

Враждебности во взгляде Харальда Щита поубавилось. Он даже кивнул одобрительно. Этот человек знал толк в травмах.

— Я сидела с Эйвиндом, пока Ульф не привел Хегина Полбочки, это сосед наш, — пояснила она, — с санями и работниками. Они подняли Эйвинда, положили на сани и привезли сюда. Ульф сказал, чтобы его везли сюда, потому что моя мать, может быть, его вылечит. Но она не смогла, и Эйвинд умер.

— Поехали! — решительно заявил Харальд Щит.

— Куда? — поинтересовался я.

— Посмотрим на этот склон. Брод! — Средних лет норег выдвинулся вперед. — Ты со своими людьми останешься здесь. Присмотришь... за телом ярла.

Вестфолдинги попрятали оружие (наконец-то!) и принялись цеплять лыжи. Но лично я собирался ехать на лошадке. Дорога утоптанная, снега не было дня три. Трудно сказать, хорошо это или плохо. Эти люди отлично разбираются в следах. Не исключено, что результат следственного эксперимента окажется не в мою пользу.

Гудрун и Рунгерд поехали с нами. На санях, потому что ушибленная рука Гудрун все еще болела. А вот Медвежонок предпочел лыжи. И усвистал вперед: кликнуть Хегина Полбочки сотоварищи. В качестве свидетелей.

Доехали вполне мирно и очень неторопливо. Мне даже показалось, что Рунгерд нарочно придерживала лошадок. Лыжникам-норегам пришлось подстраиваться под неспешный шаг наших коняшек, но никто не протестовал. Харальд Щит оказался вполне компанейским мужиком. И весьма квалифици-

рованными. Мы с ним всю дорогу толковали о разном оружии. Но я ни на секунду не забывал, с кем имею дело. Палач тоже может вполне нормально беседовать с осужденным. Но это не мешает ему накинуть петлю и выбить табуретку.

Мы приехали раньше, чем Свартхёвди с Хегином. Это меня удивило: здешние лыжники обгоняют лошадок как стоячих. А мы тащились еле-еле... Вчера и то вдвое быстрее приехали.

Наши следы (мои, Эйвинда и Гудрун) сохранились отлично. Нореги съехали к обрыву. Они все были великолепными лыжниками — мне не чета.

Там Харальд Щит «спешился» и принялся обнюхивать место происшествия. Я тоже спустился. Далеко не так красиво, как вестфолдинги. Кое-как затормозил в нужном месте. К тому же в спешке я забыл свои любимые лыжные палки...

Нореги совещались. Тыкали пальцами в оставленную Эйвиндом лыжню. Один след был заметно глубже, чем другой. И в нем отчетливо наблюдался изогнутый корень, с которого была сорвана кора. Так вот за что зацепился Эйвинд. Даже не зацепился — проехался. Но на такой скорости и этого хватило... Надо полагать.

Сейчас именно об этом спорили нореги. Мол, достаточно ли лыжнику проехать одной лыжей по корню, чтобы его так кидануло. Большинство сходилось в том, что — недостаточно. Впрочем, некоторые обращали внимание на разную глубину следов. Может, Эйвинд сам собирался заложить вираж?

Мне-то всё было понятно. Королевич специально перенес вес тела на одну ногу, чтобы компенсировать удар. Древка копья по моей спине. И промахнулся.

Моя лыжня тоже сохранилась. Лыжня как лыжня. Слабенький изгиб. Один след чуть глубже другого. Любят меня боги. Также ведь могло занести... И лег бы на камешки рядом с Эйвиндом.

Нореги всё спорили. Потом двое взобрались наверх и скатились вниз. Точно по следам Эйвинда. Ни один не упал. Оба красивенько спланировали на озеро. Это притом, что второй в последней фазе перед прыжком проехался на одной ноге точно по корешку. И хоть бы хны.

Вывод: из-за корешка Эйвинд потерять равновесие не мог. Однако все они видели, как я только что спускался, и единодушно пришли к выводу, что как-то навредить королевичу на спуске у меня было не больше шансов, чем у плещущейся в море семиклассницы — утопить мастера спорта по плаванию.

Однако Эйвинд все-таки упал. И разбился. Кто-то высказал мысль: а не худо бы допросить меня с пристрастием. Я на всякий случай скинул лыжи. Так мне драться куда сподручнее. Стать объектом «допроса» мне не улыбалось.

И тут расклад сил несколько переменялся. Я увидел, как по озеру к нам движется целая прорва народу. Человек двести. Ничего себе! Откуда они взялись?

Есть такое слово — Родина. Так вот: для всех обитателей датского острова Сёлунд этот остров и есть Родина. То есть они знают, что в Дании есть верховный конунг (и частенько — не один), возможно, даже поучаствуют в ополчении против общего врага, если конунг пошлет «ратную» «стрелу».[97] Может быть... Они также могут собачиться между собой по пустякам и даже драться

до крови и до смерти, но, если кому-то угрожает «внешняя» опасность, тут-то они вспоминают, что Сёлунд — их общая родина. Собственно, они и есть эта самая родина. За которую эти в большинстве своем мирные люди кому угодно горло порвать.

Я увидел в толпе знакомые лица: старину Хегина Полбочки вместе с моим учеником Скиди, увидел Скейва Рысье Ухо с сыном Тори, и даже коннозаводчика Кольгрима. Так вот почему Свартхёвди так долго не было. Пока мы добились до озера, а потом норегии еще часа два исследовали «место преступления», Медвежонок стремглав промчался по окрестностям и проинформировал народ о грядущем чужинском беспределе. И наши добрые соседи, побросав все дела, вздели брони (у кого были), похватали оружие и кинулись на сборный пункт — в усадьбу Хегина Полбочки.

Эту приближающуюся толпу видел я. Но вестфолдинги стояли ко мне лицом, а к озеру, соответственно, спиной. И не знали, что расклад поменялся.

Наверху, у саней Рунгерд и Гудрун, оставалось с десяток норегов, Харальду Щиту покричали что-то невнятное, но тот только отмахнулся, потому что как раз задал мне очень важный вопрос:

— Я слышал, что кое-какие твои победы выглядят колдовством, Ульф Вогенсон? Так ли это?

Я лихорадочно размышлял, как бы мне правильно ответить. И заодно выгадать время, пока подоспеет подмога.

— Ты слышал, что я колдун? От кого же?

Простейший прием: если тебе задают вопрос по существу, на который ты не знаешь ответа, повтори его, но уже адресуясь к автору вопроса.

— Люди говорят. Так что же?

— Люди много чего говорят.

— Значит, люди говорят правду?

— Это ты сказал. Я этого не говорил.

— Думается мне, колдовство может быть причиной смерти Эйвинда-ярла!

Вот это уже конкретная предьява.

— Ты искушен в колдовстве, Харальд Щит? Хотелось бы знать, откуда у тебя такие познания? Может, ты сам — колдун?

Харальд оскалился и цапнул рукоять меча... В лицо обвинить мужчину в колдовстве... Ну это, конечно, не так оскорбительно, как обвинение в гомосексуальности, но тоже обидно.

Сам-то Харальд старался избегать прямых формулировок. Пока вина не доказана, я всего лишь подозреваемый.

Нет, этот человек мне определенно симпатичен. Железная выдержка. Одно мгновение — и он уже совладал со своим гневом.

— Нет, — ответил он. — Я не искушен в волшебстве.

— Тогда откуда ты знаешь, что можно сделать колдовством, а что — нельзя?

— Хочешь, чтобы я спросил у тебя?

— Почему у меня? Это ты сказал, что я колдун. Я этого не говорил. Зато я знаю, у кого можно спросить.

— У кого же?

— Там, наверху, — Рунгерд, дочь Ормульфа. О ней говорят, что она знает

толк и в гаданиях и волшбе.

Я сам могу это подтвердить, потому что она сняла с меня порчу, наведенную убитым мною берсерком.

— Как его звали? — Настоящий скандинав ничего из сказанного недругом не принимает на веру. И старается подловить на деталях.

— Берсерка? Понятия не имею. Я его убил, а не разговоры разговаривал. Правда, я знаю, как звали его ярла. Эвар Козлиная Борода. Тоже норег, как и ты.

— Я хорошо знаю Эвара Козлиную Бороду, — кивнул Харальд Щит. — Давно о нем ничего не слышал. Но я знаю и то, что в его хирде был настоящий берсерк. Думаю, ты не солгал в этом, но вряд ли женщина, пусть даже опытная вельва,[98] может разбираться в мужском колдовстве. Здесь, на Сёлунде, люди говорят о тебе как о колдуне. И у меня нет другого объяснения, почему Эйвинд-ярл упал на камни. Значит...

— Может, тебе лучше еще раз поговорить с людьми? — предложил я. — С теми людьми, которые знают меня достаточно хорошо? Можешь сделать это прямо сейчас, Харальд Щит. Вон они идут! — Я картинным жестом указал в сторону озера.

Вестфолдинг стремительно обернулся... Вернее, они все обернулись (не переставая, впрочем, контролировать меня боковым зрением), и они увидели...

В общем, если бы они захотели меня убить прямо сейчас, у них бы получилось. Всё-таки против дюжины опытных викингов я бы не устоял и минуты. Но они были умные дядьки и даже не стали хвататься за оружие. Не то чтобы они испугались толпы, в которой вряд ли было больше десятка бойцов, соответствующих им по классу. Но господа норегии помнили, что это — чужая земля. Более того, эту землю «крышует» сам Рагнар Лотброк, чья слава весьма велика. Если бы дело обстояло иначе, то не норегии напрашивались бы к нему в компанию, а совсем наоборот. Одно дело устроить самосуд над убийцей собственного ярла (максимум, что грозит, это больший, чем обычно, вергельд), а совсем другое — выступить против сборища вольных бондов Сёлунда. Даже если бы вестфолдинги и сумели перебить нас всех (что сомнительно), история всё равно всплыла бы... И не исключено, что перед тем, как взять за вымя богатеньких франков, соединенный флот Рагнара-конунга наведалься бы в небогатый Вестфольд... И Харальд-конунг с удовольствием выдал бы убийцу и вывернул к ногам данов все содержимое их кладовых. Да и своих тоже — люди-то его.

Словом, к тому моменту, когда сборное ополчение моих соседей добралось до нас, мы с норегиями уже вполне мирно беседовали. И, что характерно, о колдовстве Харальд Щит больше не заикался. Логично, однако. Если я не колдун, то обвинять меня — несправедливо. А если я все-таки колдун, то обвинять меня — чревато. Колдун — это ведь такая сволочь... Сварит в котле бараньи яички, прочтет хулительный нид... И не будет у славного викинга ни наследников, ни... Словом, ничего хорошего не будет.

Впрочем, разбор полетов на этом не закончился.

Просто из поместья Рунгерд выехали две дюжины человек, а возвратились полсотни...

И — опаньки!

Дома нас уже ждали!

Друзья.

И не только.

Скромный дом Рунгерд Ормульфовны почтил своим вниманием славный хольд, вернее уже не хольд, а хёвдинг Тьёрви, рыжебородый викинг из хирда Хальфдана Рагнарсона, с которым мы первый раз повстречались в Хедебю, а после, не единожды, — в Роскилле. Тьёрви был человеком из ближайшего окружения самого Рагнара и присутствовал здесь в качестве «независимого эксперта». Его попросил об этом Хрёрек-ярл, как только узнал о конфликте и о том, что к нам ломанулась компания сердитых вестфолдингов.

Сам ярл, к сожалению, приехать не смог. А может, и специально остался в Роскилле из соображений политических. Зато здесь были и Ульфхам Треска, и Трувор, и еще три десятка наших с Медвежонком братьев-сопалубников.

Теперь, даже если бы вестфолдинги и захотели произвести самосуд, ничего бы им не обломилось, кроме колотушек.

Харальд Щит врубился в это с ходу — и помрачнел. Но сделал вид, что очень рад появлению новых персонажей в нашей маленькой драме. Формально-то они приехали, чтобы проявить уважение к кончине Эйвинда Харальдсона.

В дом заходить не стали. Такая прорва народу в нем бы просто не поместилась.

Во дворе быстренько накрыли поляну. Выпили, перекусили, а затем Тьёрви занялся урегулированием вопроса и выяснением обстоятельств происшедшего. Как бы для того, чтобы доложить обо всем конунгу. А может, и не «как бы», а действительно доложить. Вопрос-то политический.

Я в очередной раз изложил ход событий: катались, упал, разбился и умер.

Не разбился и умер, а упал, привезли сюда, а умер только ночью, внес коррективы Харальд Щит. Тело, мол, лежало в доме, но запах и вид его однозначно свидетельствовали о том, что Эйвинд-ярл отошел в лучший мир далеко за полночь.

Ну да, согласился я, не понимая, к чему клонит вестфолдинг. Так всё и было.

— Ага! — обрадовался Харальд Щит. — Значит, ярл умер в этом доме!

— Ну да, — вновь согласился я. — Так и было. Его принесли сюда. Спасти его уже было нельзя, потому Рунгерд дала ему снадобье, облегчившее страдания. Вот и всё. А что следовало сделать? Выставить его на мороз? — И покопился на Свартхёвди. Тот смущенно хмыкнул. — А может, его, по мнению Харальда Щита, следовало оставить там, на камнях?

Что следовало, а что не следовало — уже неважно, заявил вестфолдинг. Но раз ярл умер в этом доме, то ответственность за его смерть несут хозяева дома. Это вроде как по закону.

— Говорил я тебе — вынесем его за ворота, — прошипел мне на ухо Медвежонок, но я отмахнулся.

— Вздор! — заявил я. — Нет такого закона, чтобы раненого гостя за ворота вышвыривать! Даже чужого человека. А Эйвинд — не чужой. Гудрун была его невестой. Она всю ночь над ним, умирающим, проплакала. И я, кстати, тоже был в эту ночь с Эйвиндом-ярлом. И слова его последние слышал. И меч ему в руку вложил. И глаза ему закрыл. Так что не хозяева дома отвечают за смерть

Эйвинда, а лично я, Ульф Вогенсон. Только лично я никакой своей ответственности за то, что был рядом с достойным человеком, когда тот умирал, не вижу. И не думаю, что Эйвинду было бы лучше, если бы я в это время, как некоторые, наливался пивом и тискал девок.

Я не знал, как именно развлекались вестфолдинги той ночью, но список развлечений был по-любому ограничен. Так что я не боялся промахнуться. И не промахнулся. Харальд Щит смущенно потупился.

Но кто-то из его людей возмущенно выкрикнул:

— А может, его колдунья отравила? Зельем своим?

Свартхёвди отреагировал быстрее, чем я.

Мгновение — и он уже стоит перед крикливым норегом и просит вежливо-вежливо (хорошо его всё-таки Стенульф самоконтролю обучил):

— А повтори-ка, человек, что ты только что сказал?

Норег скосил глаза на лапу Свартхёвди, на которой была вытатуирована другая лапа, медвежья, подавился очередной репликой и превратился в воплощение поговорки: «Ссыт, когда страшно».

Ну, штаны он, конечно, не намочил... Но близко к тому. И головой замотал быстро-быстро.

Свартхёвди, вполне удовлетворенный, вернулся на свое место.

Заставить такого бугая публично продемонстрировать страх намного труднее, чем просто его убить.

— Так, значит, ты был с Эйвиндом-ярлом, когда он умирал? — уточнил Харальд Щит.

— Да.

— Что же сказал тебе сын моего конунга перед смертью?

Я поднапряг память:

— Он попросил меня позаботиться о его невесте Гудрун, — я несколько исказил смысл, но меня можно понять. — Сказал, что видит валькирий, и попросил дать ему меч. Я дал. Тогда он позвал Одина, а затем умер. Я закрыл ему глаза. Вот и всё.

— Ты выполнил долг родича, — подал голос Тьёрви прежде, чем кто-то из норегов вставить слово. — Хотя ты не родич Эйвинду. Почему никто не послал человека к его людям, чтобы оповестить их о том, что случилось?

— Разве в этом была необходимость? — возразил я. — Раб Эйвинда отправился в Роскилле и, как мы видим, успешно донес черную весть.

— Раб сказал нам, что Эйвинд умер! — воскликнул Харальд Щит. — Он солгал! Вечером Эйвинд был еще жив!

— Полагаешь, я велел рабу солгать? — осведомился я.

— Нет, я так не думаю. Если бы я узнал, что он бросил своего господина, то намотал бы его кишки на столб!

— У тебя еще будет такая возможность, — вмешался Тьёрви. — Но сейчас я не вижу вины Ульфа Вогенсона или кого-то еще из этого дома в смерти Эйвинда Харальдсона. Думаю, тебе, Харальд Щит, следует поблагодарить Ульфа за то, что он сделал. Гудрун была невестой Эйвинда, поскольку приняла свадебный дар. Сидеть с умирающим — это был ее долг. А вот у Вогенсона долгов перед Эйвиндом не было... — Тут Тьёрви уставился на меня, как прокурор на подсудимого. Однако я стойко выдержал этот взгляд, и хёвдинг завершился: — Поэтому теперь у рода Эйвинда Харальдсона есть долг перед Ульфом Черного-

ловым, сыном Вогена из хирда Хрёрека Сокола Инглинга. И ты, Харальд Щит, как старший из людей Харальда-конунга, должен признать это.

— Я признаю, — неохотно выдавил вестфолдинг.

— Очень хорошо. На этом и завершим.

— Как это завершим? — закричали сразу несколько норегов. — А свадебный дар?

— Что — свадебный дар? — поднял бровь Тьёрви.

— Его надо отдать! — твердо произнес Харальд Щит. — Гудрун не станет женой Эйвинда. Значит...

Гудрун уже открыла рот, чтобы крикнуть свое: «Не верну!» — когда мать пихнула ее локтем в бок, и я успел ответить раньше:

— Отдать? Кому?

— Мне! — решительно заявил Харальд Щит.

— То есть ты готов стать женой умершего Эйвинда-ярла?

Вестфолдинг онемел. Но его тело отреагировало раньше, чем язык.

Оп! — И меч Харальда выпрыгнул из ножен.

Ну, это по-нашему!

Я с огромным удовольствием показал народу чистый клинок Вдоводела, в котором, как здесь поэтично выражаются, снизу отражалась земля, сверху небо, а вдоль него лежала дорога на ту сторону вечности.

Нореги вмиг повытаскивали боевое железо. Наши — тоже.

Я ухмыльнулся, потому что знал, кто победит. Самое время рассчитаться за тот миг, когда мы с Медвежонком вдвоем стояли против всей шайки вестфолдингов.

— Нет! — взревел Тьёрви самым что ни на есть командирским басом. — Мечи в ножны! Я говорю голосом Рагнара-конунга! Всякий, проливший здесь кровь, станет его врагом!

Черт! Извини, друг мой верный Вдоводел! Сегодня не наш день.

С огромной неохотой я вложил клинок в ножны. Все остальные — тоже. Никто не посмел послушаться. Хотя я заметил: многие из норегов и кое-кто из моих сёлундских соседей сделали это с облегчением.

— Скажи мне, Харальд Щит, — ровным, будто ничего не случилось, голосом поинтересовался Тьёрви. — Брал ли у тебя Эйвинд займы?

Вестфолдинг помотал головой.

— Может, здесь есть кто-то, кому Эйвинд был должен?

Таких не нашлось.

— Тогда, Харальд, я должен напомнить тебе Закон: свадебный дар подлежит возвращению, если невеста оказалась порченной, или отказалась вступить в брак, или кто-то из родичей невесты был убит женихом или его родичами, или кто-то из родичей жениха был убит родичем невесты. Есть и другие причины, по которым свадебный дар может быть возвращен, однако я никогда не слышал, чтобы его возвращали по требованию хускарлов жениха.

— Если жених умер, родня вправе предложить взамен погибшего кого-либо из родичей покойного, но происхождение и положение его должны быть не ниже, чем происхождение и положение умершего. В том случае, если невеста откажет, свадебный дар подлежит возвращению. Скажи мне, есть ли у Харальда-конунга сыновья, которые могут занять место Эйвинда?

Я насторожился. Блин! Как я мог забыть, что индивидуум здесь — всего

лишь часть рода, а сватовство — обычная сделка между родами.

— У Харальда-конунга еще двое сыновей. Но один из них слишком мал, ему только три года, а у второго уже есть жена.

Тьёрви покачал головой.

— Девушка хорошего рода не может стать наложницей. Что еще ты скажешь в оправдание своих претензий?

— Эти деньги... Те, что пошли на свадебный дар... Харальд-конунг дал их Эйвинду, чтобы тот одарил Рагнара-конунга, и твой господин разрешил Эйвинду-ярлу присоединиться к его войску.

— Рагнар внял желанию Эйвинда-ярла. Без даров. Но, опережая твой вопрос, Харальд Щит, конунг дал разрешение именно Эйвинду-ярлу с его хирдом. Однако, если отец Эйвинда-ярла захочет присоединиться к нашему походу сам или пошлет своего старшего сына, Рагнар-конунг будет рад.

— А как насчет нас? — спросил Харальд Щит, и остальные норегии поддержали его бодрыми воплями.

— Ты можешь спросить об этом у самого Рагнара, — ответил Тьёрви. — Возможно, он позволит. Но думаю, условия будут не совсем такими, какие были обещаны Эйвинду-ярлу. Потому что хирд, который не сумел уберечь своего ярла, трудно назвать надежным.

— В смерти Эйвинда нет нашей вины, — с кислой рожой проворчал Харальд Щит.

— О вине или ее отсутствии ты будешь говорить со своим конунгом. И о возвращении свадебного дара тоже будет говорить твой конунг. Если пожелает. Всё. Суд окончен. Можешь забрать тело и отправляться в Роскилле. Или предать тело огню здесь, если хозяева не возражают.

— Не возражают, — не раздумывая, ответил Свартхёвди.

— Мы заберем тело ярла в Роскилле! — заявил Харальд Щит.

— Мы дадим сани и лошадей, — тут же пообещал Медвежонок. — Никто не скажет, что наша семья проявила неуважение к Эйвинду Харальдсону.

Лидер вестфолдингов кивнул небрежно, будто сказанное разумелось само собой, и подошел к своим. Некоторое время они совещались, а потом Харальд Щит направился ко мне.

— Хочу попросить тебя, Ульф Вогенсон...

— Всегда к твоим услугам!

Неужели вызов?

Но нет, совсем наоборот.

— Ты слышал последний вздох ярла, и ты закрыл ему глаза. Хочу тебя попросить поехать с нами и принять участие в похоронах.

— Это честь для меня! Я поеду с вами.

Я никогда не обольщался насчет нравственности викингов. А с норегиями у меня были особые счеты. Закрытые, к счастью, жизнями заимодателей, а не моей. Для норманов обмануть врага — доблесть, завлечь его в западню — удача, вонзить нож в спину — нормальный способ решения проблем. Но сейчас я даже на секунду не усомнился, что это не подстава. Минуту назад Харальд Щит, подвернись ему такая возможность, с большим удовольствием снес бы мне голову. Но это — в запальчивости. А сейчас он поразмыслил, посоветовался со своими, вспомнил слова Тьёрви о долге передо мной... И решил, что темные пятна в данной истории лучше похерить, а я — парень правильный, и

лучше иметь меня в друзьях.

Так что, если я соглашусь, волос с моей головы не упадет, пока всё не будет закончено. Более того, Харальд будет защищать меня от любой опасности, как защищал бы своего ярла... Пока дело не будет сделано. И после. Потому что, поучаствовав в таком обряде, я стану для вестфолдингов почти родственником.

— Это честь для меня! Я поеду с вами.

Глава тридцать четвертая, в которой герой выступает в качестве главного участника службы норманских ритуальных услуг

Норегии уехали. Тьёрви — с ними. Мы с Медвежонком приглашали его погостить, но хёвдинг отговорился делами. Впрочем, подарки он принял. Как само собой разумеющееся. С Тьёрви уехали и наши. Только Стюрмир согласился переночевать в усадьбе. По-моему, Стюрмиру глянулась Гудрун. Надо бы его предупредить, что место занято.

Он мог бы и сам догадаться, увидев как мы с Гудрун сидим почти в обнимку. Хотя Стюрмир — мужик простой. Может и не въехать, если прямо не скажешь.

Меня несколько удивило поведение Рунгерд. Хозяйка фюлька вела себя так, будто между нами ничего не было. Ни намек на чувственность. Очень по-доброму, но, как бы это поточнее выразиться... По-матерински. Неужели она окончательно решила уступить меня дочери? Мне было немного обидно, хотя, согласен, позиция безнравственная. Тем более когда я фактически уже определился, какая из красавиц мне дороже. Собственно, даже не определился, а принял сложившуюся ситуацию. Предсмертный наказ Эйвинда не оставил мне вариантов. Вернее, даже не сама воля умирающего, а то, что я тогда понял главное: мне плевать, умна Гудрун или глупа, жадная она или щедрая. Потому что я ее люблю. Таковую как есть. Со всеми достоинствами и недостатками. Родная она мне — и всё тут. А Рунгерд... Она классная. Во всех отношениях. Не будь у нее такой дочери, я бы лучшей подруги и не пожелал...

Ладно, хватит об этом.

Мы задержались всего на денек: зима — зимой, а мертвецов лучше хоронить поскорее. На следующее утро сели на коняшек, загрузили сани подарочками и пивом, да и двинулись в Роскилле.

Скиди я прихватил с собой. Пора познакомить его с нашим ярлом. А то время уже к весне — конец февраля, по моим прикидкам. Местные, естественно, нормальным календарем не пользовались. Они ориентировались по памятным датам, религиозным, как правило, фазам луны и т. п. Я поначалу пытался вести учет дням, но разные жизненные обстоятельства мешали заниматься этим систематически, и я это дело бросил. Но по самым скромным прикидкам с момента выпадения первого снега прошло где-то десять-двенадцать недель, так что, если я хочу определить парня к нам в хирд, откладывать нельзя. Количество мест на палубе ограничено.

Похоронные обычаи вестфолдингов ничем не отличались от датских. Оно и понятно. Боги-то общие. От похорон в море пришлось отказаться — зима. Сложили поленницу, на нее уложили тела Эйвинда и его посмертных «спут-

ников» — девушки-рабыни и коня, приобретенных специально для этого случая, а также личного раба, того самого, что удрал от умирающего в Роскилле. «Спутникам», перед тем как уложить их на поленницу, перерезали горло, и это было очень хорошо, потому что, будь они живы, я бы, пожалуй, отказался от чести поджечь погребальный костер с живыми людьми, а ведь именно мне доверили поднести факел. Большая честь, однако. Но для скандинавов такое характерно. Если уж враги, то враги до смерти. Если друзья — то по полной. Я же теперь относился к категории друзей. Причем близких. А откажись я выполнить эту почетную обязанность, нанес бы смертельное оскорбление и снова оказался в стане врагов.

Пока костер пылал, народ праздновал. Для викингов смерти нет. Есть переход в иное качество. В данном случае — на высший уровень. В Валхаллу. Так что вестфолдинги и их многочисленные гости веселились от души: военно-спортивные игры, пиво, жрачка и даже публичный полуритуальный (покойнику приятно видеть, что у живых все хорошо!) секс.

На похоронах присутствовала и Гудрун. И как бывшая невеста, и как человек, присутствовавший при кончине ярла.

Она ничего не говорила (не положено), но ее печальное личико вполне соответствовало обстоятельствам.

Я в играх не участвовал, зато произнес маленькую речь. Традиция требовала поэзии, но я не рискнул. Высказался в прозе, но возвышенно. Описал, как гордо и красиво умирал Эйвинд, как мужественно он переносил боль и как в награду за это мужество Один послал к нему красавиц-валькирий. Сказал о том, что лучшие битвы Эйвинда еще впереди, и всем нам, быть может, когда-нибудь выпадет счастье увидеть эти битвы и даже в них поучаствовать.

Словом, разливался, аки соловей. И настолько увлекся и расчувствовался, что аж горло перехватило и слезы потекли по щекам. Не знаю, почему. Само как-то получилось.

Так я речь и закончил. Махнул залпом рог с пивом и сел.

На пару секунд в воздухе повисло молчание... А потом викинги заорали разом. Вполне одобрительно. Здесь многие плачут от избытка чувств — это норма. Такая же, как смеяться в лицо врагу, который выпускает тебе кишки.

Костер догорел. Утром остывшие угли сложили в лодку, лодку не без труда зарыли в мерзлую землю, а сверху из камней и вырытой земли соорудили небольшой курган. Словом, всё как положено.

К концу похорон подошел Рагнар. Со свитой. Поглядел. Кивнул. Одобрил. Разрешения на похороны у него никто не спрашивал, но земля, формально, была под его контролем. Велел бы скрыть курган — скрыли бы.

Не велел. Кликнул Харальда Щита, процедил что-то сквозь зубы, пренебрежительно. Но Харальд расцвел. Оказалось, им дали разрешение на участие в будущем грабеже.

Следовательно, праздник продолжался.

Довольный Харальд заявил, что я непременно должен стать украшением банкета. Иначе — обида смертельная. Я сказал — только с корешами.

Харальд от щедрот пригласил весь наш хирд. Я передал по цепочке. Наши одобрили. Тут же Ульфхам внес коррективу: уничтожать пиво и закусь будем у нас. Места больше. Идея, как я понимаю, исходила от Хрёрека. Ярл, похоже,

положил глаз на освободившуюся команду Эйвинда. У него и так уже было два драккара в Роскилле, один — в Хедебю и еще один — в Ладогге. Эти должны были подтянуться к нам уже в процессе плавания. Четыре корабля, три сотни хирдманов — это почти армия. Но пять лучше, чем четыре. Если дело идет к драке. Трувор говорил, что Хрёрек не очень хочет идти за знаменем Рагнарова Ворона. Первым — лучшие кусты, сплет через века Высоцкий. Здесь то же правило. Потому наш ярл предпочитал самостоятельные темы. Пока конунги рвут друг другу глотки за всю отару, проворный ярл может подсуетиться и прибрать пару-тройку овец. Рагнар с сыновьями о планах Хрёрека (и других вольных союзников) несомненно догадывались. Но не возражали. У норманов нет ни единого войска, ни единого строя. Каждый хирд бьется сам по себе. И — сам за себя.

Так что пошли квасить с будущими союзниками.

В суматохе похорон, тризн и прочих попоек я, к стыду своему, позабыл о своем юном ученике Скиди, который глаза мне не мозолил, а тусовался при дяде. Хегин Полбочки приехал в Роскилле торговать. Скиди помогал. Без энтузиазма. Я сказал ему, что на днях должен представить его ярлу и решить вопрос о включении паренька в штатное расписание. Потолковал о нем с ярлом. Тот выказал полное одобрение происхождению Скиди, но пожелал поглядеть на парня лично. Дабы убедиться, что сын Одды-хёвдинга пошел в папашу, а не в дядю. Блин, здесь все обо всех всё знают!

На том и порешили. Однако оповестить Скиди я не успел, и тревожащийся о будущей славе (как бы не уплыла без него!) паренек отправился меня искать.

Найти меня было нетрудно. А вот увидеть...

**Глава тридцать пятая,
в которой ученик героя поступает безрассудно, а герой рискует
лучшей из своих «игрушек»**

— Эй, малец, а тебе что тут надо? — Белокурый синеглазый норег схватил Скиди за плечо, за миг до того, как тот коснулся дверного порога.

— Чего? — Скиди дернулся, но норег держал крепко. И весил на добрых три пуда больше, чем четырнадцатилетний подросток.

— Дренг? Ты — дренг? Не смейся мою задницу! — Норег похлопал себя по названной части тела. — Иди домой, мальчуган! — И, отшвырнув Скиди, ввалился в дом.

Я, естественно, этого не видел, поскольку находился внутри и с интересом внимал дискуссии Хрёрека и Трувора по поводу натаскивания хищных птиц.

Тема была важная. Считалось, что по успеху ловчей птицы можно судить о благоволении небес к самому охотнику. И его начинаниям.

Я слабо разбираюсь в благородном искусстве и рассчитывал пополнить свои скудные знания из беседы двух специалистов. Честно сказать, я мало что понимал. Речь шла о применении бубенцов при обучении слётков. Говорили ярл и варяг по-словенски, но так активно сыпали специальной терминологией, что я только ушами хлопал.

Естественно, явление нореге из бывшей торсоновской дружины, я заметил. Северянин громогласно поздоровался и потопал к стене, чтобы, согласно обычаю, сложить оружие в общую кучу. Но дойти не успел.

В «общезитие» нашего хирда ворвался мой разъяренный ученик с тесаком наголо.

— Эй! Эй, ты! — задыхаясь от ярости, закричал Скиди. — Ты! Я к тебе обращаюсь!

— А-а-а, малыш... — Норег повернулся к Скиди, произнес с ленцой: — Не сегодня. Когда я на суше, я предпочитаю женщин. А вот в вике такой, как ты, мог бы сойти вместо девки.

После такого оскорбления Скиди окончательно слетел с катушек. Налетел на норегу, замахнулся тесаком, напрочь позабыв всё, чему я его учил...

Тот даже не потрудился достать меч. Уклонился без труда и пнул Скиди ногой в живот. Мой ученик треснулся об опорный столб и осел, скрючившись.

Норег неторопливо направился к нему...

Я рванулся было из-за стола, но Трувор перехватил меня, считай, на лету и вернул на скамью.

Норег занес ногу, чтобы пнуть...

Резкий окрик Хрёрека:

— Гуннар! Не трогать! — И нога норегу повисла в воздухе.

Затем он так же неторопливо повернулся:

— Ярл! Этот щенок...

— Это не щенок! — перебил я его. — Его зовут Скиди! Он — сын Одды-хёвдинга! И еще — он мой ученик!

— Вот как? А я и не знал, — на мужественном лице скандинавского мачо ничего не отразилось, но я знал: норег смутился. Одно дело: поунижать какого-то там сопляка, а совсем другое — обидеть сына уважаемого человека, представителя, так сказать, достойного рода. Даже если бы норег знал, что в этом роду остался единственный полноценный мужчина, да и тот — Хегин Полбочки, он всё равно вел бы себя аккуратнее. Но он этого не знал. А тут еще я со своим учительством. Вся бывшая дружина Торсона — шайка разбойников-отморозков. Но меня они побаивались. Не моего меча — страх смерти у этих парней отсутствовал. Да и чего бояться: смерть в бою для викинга — это всего лишь переход на следующий уровень. Боялись моей удачи. И моей репутации колдуна. В хирде все знали о том, что Сторкад Бородатая Секира умер аккуратно перед нашим с ним поединком. Причем умер так, что истинную причину его смерти знал только я. Для остальных Сторкад отправился в лучший мир совершенно мистическим образом. Были и другие прецеденты.

— Я сожалею о своих словах. — Норег очень старался не встретиться со мной глазами. — Я готов заплатить за них. Ты согласен?

Что ж, это было — по закону. За гнусный намек норегу полагался вергельд. Или вызов на поединок.

Но после извинения и готовности раскошелиться я уже не мог требовать крови. Тем более что ярл благосклонно кивнул: дескать, всё по чести.

— Я не согласен!

Это сказал не я. Тинейджер Скиди кое-как воздвиг свой юный организм в вертикальное положение, но глядел на своего обидчика по-прежнему снизу вверх.

— Кровью! — прохрипел он. — Не серебром, а кровью ты рассчитаешься за оскорбление.

Народ одобрительно загомонил. Еще бы! Скиди высказался прямо-таки в

лучших традициях героических саг.

Я хотел вмешаться, но удержался. Скиди был прав. Что скажут люди, если он примет выкуп? А ничего хорошего не скажут. Здесь не принимаются в расчет весовые категории. Норег даст деньги, но оскорбление останется. И станет предметом обидных шуток. А то и какого-нибудь совсем обидного прозвища. И в нашем хирде Скиди точно не быть. Задразнят. Будут постоянно провоцировать... Словом, единственный выход для паренька — дать бой. Только это ведь будет не бой, а избиение. Несколько месяцев занятий сделали Скиди вполне приличным бойцом. Но этого мало, чтобы справиться с матерым викингом.

И я вынужден был кивнуть, одобряя вызов.

Норег пожал плечами.

— До первой крови, — пробасил он.

Это было гуманно. Здесь три уровня поединков: до первой крови, до тех пор, пока один из противников потеряет возможность продолжать бой (например, из-за отрубленной ноги), и до смерти.

— Согласен! — Это уже я сказал, опередив реплику Скиди. Но я был в своем праве: воспитатель может отвечать за своего ученика.

Хрёрек поглядел на меня... вопросительно. Зуб даю: если бы Скиди уже был принят в хирд, ярл запретил бы поединок. Но если бы Скиди был нашим, и Гуннар не обошелся бы с ним так грубо.

— Гуннар Гагара[99] против Скиди, сына Одды! Так и будет! — скрепил договор ярл. И присовокупил: — Поединок будет чистым!

Это значит: без права на кровную месть. То есть, если норег все-таки убьет Скиди (или наоборот), это не будет считаться убийством, за которое полагается платить выкуп и которое влечет за собой кровную месть.

— Когда? — спросил норег у меня.

— Сейчас! — опередил меня Скиди.

Он уже оправился от последствий удара и источал готовность драться.

Наши опять одобрительно загалдели, и, пока я лихорадочно пытался придумать, как спасти ученика, народ повалил на свежий воздух, активно подбадривая «виновников торжества» и бодро заключая пари. На Скиди почти не ставили. Так, пару монет против двадцати. Да и то лишь потому, что — мой ученик.

На снегу быстренько разметили площадку четыре на четыре. Противники встали по краям. По правилам такого вот спонтанного хольмганга участники выходят на него с тем снаряжением, которое имеется у них в данный конкретный момент. Если на ком-то надеты доспехи — в доспехах. Если есть щит — значит, со щитом...

Доспехов на нореге не было. Щита — тоже. Зато у него имелся довольно длинный меч, небольшая секирка и приличных размеров нож, вполне сравнимый по габаритам с тесаком Скиди, который представлял собой просто кусок железа, кое-как выкованный и заточенный с одной стороны. Этим обрубок не драться, а капусту рубить.

Я пожалел, что не подарил парню нормального меча. Впрочем, и с нормальным мечом у Скиди — почти никаких шансов. Разве что Госпожа Удача вмешается. Или случайность. Всё-таки — до первой крови — это не насмерть.

Уж не знаю, что подтолкнуло меня на это: то ли гипертрофированное чув-

ство ответственности, то ли чисто русская, унаследованная от матушки безудержная (последнюю рубаху отдам!) щедрость, когда я вынул из ножен свой драгоценный Вдоводел и протянул его рукоятью вперед моему ученику:

— Возьми, парень! Твоей железкой лучину щепать, а не сражаться!

Ох как заблестели глазки у моего тинейджера...

И у красавца Гуннара — тоже.

— Надеюсь, противная сторона не возражает?

Еще бы она возражала! Победитель наследует личное оружие побежденного. Норег уже видел мой меч на своем поясе.

Я обнял Скиди, наклонился к его уху:

— Слушай меня, сын Одды. Твой враг считает тебя неуклюжим пахарем. (Обиженный Скиди попытался вывернуться из-под моей руки, но я не пустил.) И это очень хорошо. Помнишь, я тебе говорил: с сильным старайся казаться слабым, а со слабым — сильным. Норег сильнее тебя. И намного опытнее. Поэтому он расплющит тебя, как копыто — ракушку. И это очень хорошо, что ты только что накинулся на него как бабка — на гусыню. Ты против него так и так — слабак. Но пока он думает, что ты — необученная деревенщина, у тебя есть надежда. Крохотная. Ровно на один удар. Потом он поймет, что ты управляешься с мечом чуть лучше, чем девка — с кочергой, и больше не даст тебе шанса. Один-единственный удар! Ты понял? Тебе нужно его достать с первого же выпада. И ты это сделаешь, потому что мой меч мне очень дорог. Если он достанется этому северянину, я сам тебя убью.

— Не достанется, — буркнул паренек и зашагал к мини-ристалищу.

Ну да, Гуннар опасался его не больше, чем ньюфаундленд — котенка.

Вышел, поигрывая мечом, картинно поприветствовал зрителей.

Скиди, хмурый, стоял неподвижно. Меч держал — как дубинку. Очень хорошо, мой мальчик! Просто отлично!

Норег поманил его левой рукой: мол, нападай.

Скиди мотнул головой.

Гуннар Гагара расхохотался. Надо сказать, у него был приятный смех. Заразительный.

Народу пассивность Скиди не понравилась. И чихать. Главное, чтобы результат был правильный.

Норег подпрыгнул на месте. Раз, другой, словно разминался... А потом внезапно махнул с двух ног — почти на три шага, вмиг оказавшись почти рядом со Скиди. И выбросил клинок, красиво атакуя по верхнему уровню. Я обратил внимание, что бьет он плоской стороной клинка... Тем не менее, если бы попал, Скиди бы свалился. Удар полуторакилограммовой железкой по голове — это не спину почесать.

Но Гуннар не попал. Скиди очень вовремя сделал выпад навстречу (защищаясь — атакуй, так я его учил), подбил меч норега вверх сильной стороной клинка и легонько, словно играючи, чиркнул Вдоводелом по мощной загорелой шее.

Есть! Ей-богу, даже я не сделал бы лучше. Вдобавок после контакта паренек очень умело ушел с линии атаки под руку Гуннара и оказался у него за спиной... На долю секунды, потому что норег развернулся так стремительно, что аж снег взвихрился. Красиво так развернулся, с уходом на три четверти и бло-

кирующим махом. Пожелай Скиди достать его еще раз — не смог бы.

— Стоять! — гаркнул ярл.

Очень правильная команда. Сказано: до первой крови.

Возможно, он спас моего ученика. И почти наверняка — Гуннара, который (прекрасная реакция) замер на половине атаки. Потом левой рукой потрогал шею, поглядел на ладонь... с неописуемым изумлением. Ладонь была в крови.

И кровь текла по шее викинга довольно-таки бодрой струйкой. От таких ран умирают за пару минут. Или еще быстрее.

Но это был не бой, поэтому вскоре Гуннар Гагара, с защитой и перебинтованной раной, стоял перед моим учеником и с высоты своих шести с хвостиком футов глядел на худого паренька, едва перевалившего за метр семьдесят.

— Славный удар! — искренне похвалил норег. — Я его даже не заметил.

Еще бы он его заметил! Северянин думал не о победе, а о том, как бы покрасоваться перед народом. Покрасовался.

— Ты мог меня убить!

Скиди пожал плечами:

— Если бы ты сказал: до смерти. Но ты сказал: до первой крови.

Я-то наверняка знал: во время своей контратаки Скиди такими тонкостями не заморачивался. Ударил как умел. Был бы чуть другой угол — и клинок прошел бы не по шее, а по горлу. Тогда уж никакие перевязки не спасли бы нурегу.

Гуннар Гагара хотел еще что-то сказать, видно, не нашел подходящих слов, поэтому просто хлопнул Скиди по плечу... Уважительно так хлопнул. И отошел восполнять кровопотерю пивом и свежей печенкой.

Через некоторое время друзья Гуннара принесли нам его оружие: меч и топорик. Меч — не чета моему Вдоводелу, но вполне приличный. За такой марку серебра отдать не жалко.

— Это было так просто! — воскликнул Скиди, когда мы остались одни и у него отпала необходимость важничать. — Раз — и всё!

Он буквально лопался от гордости и самодовольства.

— Всё было просто, потому что у тебя был мой меч. И ты сделал всё в точности, как я велел, — вылил я на него ушат холодной реальности. — В бою он развалил бы тебя пополам. Да и сейчас тебя спасло только то, что Гуннар думал не о том, как победить, а о том, как победить красиво. Вот и докрасовался!

Шарик сдулся. Глядя на опечаленную мордочку моего ученика, я смилостивился и похвалил:

— Но ты всё сделал как надо. Молодец! А в бою не бывает «если». Ты или побеждаешь, или умираешь. Сегодня ты открыл счет своих побед. Что это значит?

— Надо отпраздновать! — мгновенно отреагировал настоящий сын своего времени Скиди Оддасон.

— Это само собой, но это — не главное. Главное, что боги к тебе благосклонны! Ты удачлив, Скиди, а это — свойство вождей.

Паренек снова надулся от важности, но на этот раз его мысли двигались в правильном ключе. Никаких мыслей о собственном великом мастерстве, а только — о великом будущем. А для такого будущего стоит потрудиться как следует.

В мнении о том, что паренька выделила Госпожа Удача, у меня нашлись единомышленники. Так что вскоре, в подходящий день и при хороших знаменьях, мой ученик был принят в наше воинское братство. Принят не «юнгой» с испытательным сроком, а полноценным дренгом с закрепленным «рабочим местом» на одном из средних румов (там весла покороче и полегче) и полной долей добычи.

Это тоже полагалось отпраздновать — и мы отпраздновали на славу. Дядюшка Полбочки проявил изрядную щедрость — накрыл поляну на весь хирд Хрёрека (две сотни голов, вернее, глоток) и примерно столько же гостей.

А после, поскольку до того торжественного момента, когда фьорд очистится от льда и наша могучая флотилия отправится сеять недоброе и пожинать вечную славу, оставалось по прикидкам специалистов недельки три-четыре, я вновь покинул Роскилле. Следовало выполнить обещание, данное Хедину: заповевать злокозненного тролля. Или троллиху.

Для такого героя, как я, согласитесь, плевое дело. Вопрос в том, знает ли неуязвимый и могучий йотун о моем геройстве.

Глава тридцать шестая, в которой герой случайно обретает счастье нормана

— Конечно, я пойду с вами! — объявила Рунгерд, отчего Полбочки прямо-таки расцвел, да и я приободрился. — Но если вы думаете, что я вот сейчас встану на лыжи и побегу...

— Если позволишь, я охотно понесу тебя на руках! — предложил я.

— Мой маленький Ульф! — Рунгерд неуважительно хихикнула. — Я сильно сомневаюсь, что ты способен вынести меня из ворот моей усадьбы, не то что пронести десяток полных миль! Но даже если бы и смог, нам всё равно следует подготовиться. Испросить помощь богов. Заготовить нужные обереги... Словом, отправляйтесь-ка вы по домам, а я приеду позже.

— А если йотун придет как раз сегодня? — воскликнул Хегин.

— Дай ему овцу! — отрезала Рунгерд. — Всё! Прочь с глаз моих, или вам придется самим ублажать это отродье великанов!

— Это в каком смысле? — поинтересовался я.

— В том самом! — усмехнулась Рунгерд. — Разве тебе Полбочки не сказал, что это может быть троллиха?

— Так что, ты тоже так считаешь? — озаботился я.

Если у этого вида такие самочки, то каковы же самцы? С мамонта ростом?

— Я ничего не считаю, — Рунгерд мило улыбнулась. — Но Хегину виднее. Верно, Хегин?

— Мне такие шутки не смешны! — насупился Полбочки.

— Зато всем остальным будет очень забавно, когда в озере забултыхаются прожорливые волосатые бочоночки.

Я хрюкнул, представив это волнующее зрелище, а Полбочки зашипел злобно и, не прощаясь, выскочил из дому. Я услышал, как он командует своим, чтоб запрягали сани.

— С ним поедешь? — спросила Рунгерд.

— Лучше — с тобой, — я сделал попытку обнять очаровательную вдовушку, но она отстранилась.

— Езжай-ка и ты домой. Там тебя твоя рабыня ждет — не дождется.

Я обиделся. Но ненадолго, потому что во дворе на меня налетела Гудрун:

— Ульф! Ненаглядный! А что ты мне привез?

Сказать по правде, ничего я не привез. Но обманывать ожидания нехорошо, поэтому я стянул с руки толстый золотой браслет с какими-то сцепившимися тварями, в глаза которых были вставлены красные камни с горошину величиной, и надел на ручку Гудрун. Благо браслет безразмерный: разогнул, согнул. Тем более, раньше его тоже носила женщина: вдова ярла Лодина. Браслет был моей долей добычи (я сам его выбрал — люблю компактные ценности) и по моим прикидкам «тянул» марок на пятнадцать серебром. Но для любимой — не жалко.

— Ах какой красивый! — воскликнула девушка, осыпая меня сладкими поцелуями. — Это твой свадебный дар, да?

Ничего себе! Похоже, я здорово недооценил игрушку! Ну да оно и к лучшему.

— Мама! Мама! Ульф Вогенсон преподнес мне свадебный дар! — звонко закричала Гудрун и помчалась к матери: хвастаться.

Я не стал ждать результатов общения моих женщин. Встал на лыжи и побежал домой.

Свадебный дар. Вот, значит, как это бывает. Я отдал, Гудрун приняла. Теперь только родители могут «опротестовать сделку». Но чует мое сердце: Рунгерд мою кандидатуру не забанит. И я теперь — счастливый жених самой красивой (кто сомневается — сразу в глаз) девушки Сёлунда. Эх! Не так я представлял себе мое сватовство. Что-нибудь торжественное, красивые слова... Да только невестушка моя повернута на материальных ценностях. И золото ей важнее красивых слов... А ведь еще папа мой говорил: женщина любит ушами. Выходит, ошибался батюшка... Или в наше время было по-другому?

А вот хренушки — по-другому! Помните анекдот: «В этом году, как в прошлом и позапрошлом, на конкурсе технических возбудителей для женщин снова с большим отрывом победил «шестисотый мерседес»».

Так что нечего на девочку бочку катить. Мой браслетик по здешнему курсу на «мерс» вполне потянет. Так чем же я недоволен? Тем, что бедняга Эйвинд окончательно забыт, а моя любимая — теперь только моя? Или это от того, что Рунгерд теперь — не моя? Так тут мой собственный выбор. Или я настолько циничен, что хочу сохранить и ту и другую? Нет? Тогда в чем проблема? Получил, что хотел, так радуйся!

Но я почему-то загрустил. И энергичней заработал ногами.

Красиво здесь всё-таки... Заснеженный лес, ослепительно-белые поля, чудесный вид на замерзший фьорд...

А дома меня ждали. Пока я заезжал в усадьбу Рунгерд, ее сынок вместе со стариной Стюрмиром двинулись прямо ко мне. Они очень удивились, не обнаружив хозяина, но не расстроились и не забеспокоились. Не расстроились, потому что немедленно принялись за уничтожение моего пива, а не забеспокоились, потому что разумно предположили, что с таким удачливым хускарлом, как я, ничего случиться не может.

Так что гости мои не скучали и скучать не собирались.

Когда я прибыл, они как раз бросали кости: кому первому укладывать Бетти на спинку.

Я их остро разочаровал, заявив, что моя рабыня не входит в пакет «всё включено».

Стюрмир немедленно оповестил мир, что он думает по поводу моей жадности, и вернулся к пиву, а Медвежонок отвел меня в сторонку и потребовал немедленного ответа: когда я наконец сделаю предложение его сестре?

— Давай не откладывай! Надо сыграть свадьбу до вика. А то убьют тебя — и даже сына не останется!

Подбодрил, ничего не скажешь.

— Да я не против... — промямлил я без особого энтузиазма.

Свартхёвди удивленно воззрился на меня. Он полагал, что я «чисто конкретно» влюблен в его сестричку.

— Эй! Побратим! Есть кто-то, о ком я не знаю? Ну-ка выкладывай!

И что мне сказать? Что его сестричка слишком меркантильна? Ну так это по его понятиям — достоинство, и немалое.

Или рассказать о моем романе с его матушкой? Держи карман шире!

— Так это... — проблеял я. — Свадебный дар...

Медвежонок решительно махнул рукой, отметая финансовые проблемы.

— Пусть будет так. Когда отец Эйвинда потребует обратно свадебный дар, ты его вернешь из собственных средств. А пока будем считать, что это и есть твой дар! — решительно заявил он.

— Не уверен, что твоя сестричка согласилась бы с таким раскладом, — заметил я, решив до времени помалкивать о том, что дар этот, собственно, уже вручен.

— Кого волнует ее согласие! — проворчал Свартхёвди. — Я — старший в семье!

С этим тезисом можно было бы поспорить, но я не стал.

— Ее согласие волнует меня!

— Братец! — Медвежонок облапил меня и обдал мощным пивным выхлопом. — Моя сестренка только о тебе и мечтает, с тех пор как тебя увидела!

— А как же Эйвинд?

Свартхёвди смутился, но — ненадолго.

— Ей лестно было бы выйти замуж за ярла и сына конунга! Вдобавок он был таким красавчиком, а ты — суций урод. Но... — Медвежонок ухмыльнулся во всю пасть. — Любовь зла. И козлы этим пользуются.

Это была моя поговорка. Вернее, базовый вариант насчет «полюбишь и козла» принадлежал варягам. Причем в позитивном смысле: козел здесь — символ сексуальной мощи. Третий после жеребца и быка. Но мой вариант норманам тоже понравился.

— Хватит! — буркнул я. — Гудрун мне по нраву, но кто знает: буду ли я жив послезавтра.

— Это еще почему?

Я не стал скрывать: поведал про тролля. Или, как вариант, троллиху.

Честно говоря, я ожидал, что Медвежонок воспрянет и пожелает присоединиться к нам.

Не-а. Не воспрял. Отпустил пару грязных шуток насчет межвидового совокупления, а потом, уже серьезно, сообщил мне, что я — дурень.

— Ну зачем ты влез? Тебе что, великанша милей моей сестрички? Пусть бы Полбочки ее ублажал...

— С нами ведь твоя матушка идет, — напомнил я. — За нее ты не беспокоишься?

— С чего бы? Ей йотунша точно ничего не сделает. Она ж женщина, тем более — вельва. Послушай, брат, мой совет: увидишь великаншу — беги со всех ног. От йотунши тебе не удрать, потому что бегаешь ты скверно. Однако Хегин бегают еще хуже. Глядишь, она его сцапает и за тобой гнаться не станет.

— Не пойдешь, значит? Боишься, что не справишься?

— Я — берсерк! — гордо заявил Медвежонок. — Но не дурак. Если увижу великана или, хуже того, великаншу, в драку без нужды не полезу. Убить йотуна можно. Ты да я да Стюрмир, пожалуй, сумели бы. Но за убитого великана придет мстить вся его родня.

И наступит день, когда ты уснешь на скамье в своем доме, а проснешься в йотуновом желудке. Слышал историю про Гренделя, Пчелиного Волка[100] и конунга Хродгара?

Я кивнул. Смотрел в свое время и кино, и анимашку.

— Так вот, Пчелиный Волк, он тоже был берсерком. И с йотуном Гренделем он справился. Но от мести Гренделевой родни это его не спасло. Так-то, старший братец! Расскажешь потом, хорошее ли пиво варит йотунша. А я пока попию твоего! — Хлопнул меня по спине и отправился уничтожать мой, вернее Хавчика, стратегический резерв спиртного.

А я сел на бревнышко и задумался. Но ни одна путная мысль ко мне так и не пришла.

Тогда я выкинул проблему из головы, встал и пошел пить пиво и петь песни. То есть наслаждаться тем, что каждый настоящий норман почитает истинным счастьем.

Глава тридцать седьмая, в которой герой бросает вызов чудовищу

— Она придет, можешь не сомневаться! — Полбочки жаркодохнул мне в ухо ядовитой смесью чеснока и перегара. Я отстранился. Положил руку в перчатке из мягкой кожи на оголовье Вдоводела. Прикосновение меня успокоило... Но тут я вспомнил о том, что сказал Свартхёвди о мести йотунов, и поспешно убрал руку. Будем договариваться... Хотя... Интересно знать, как! И — о чем? Что я могу предложить волосатому йети? Пожрать? Этого добра у него и так навалом. Приходи и бери любую овцу Хегина на выбор. Самого Хегина — в качестве сексуального развлечения? Идея интересная. Но, боюсь, Полбочки станет возражать. Напугать лихим посвистом? Так это явление временное. Я обернулся и поглядел в открытые двери корабельного сарая на Рунгерд.

Скандинавская вельва и землевладелица была невозмутима.

Увешалась оберегами, умастилась какой-то травяной мазью (мне, кстати, тоже предлагала, но я отказался — запах какой-то... бабий) и сидит, напевает свои ведьминские песенки-заговоры. Страха — ни на мизинчик.

Меня это подбадривало. Если Рунгерд не особо беспокоится, то, надо полагать, и мне ничего смертоубийственного не угрожает.

Я прокрутил в уме полученные инструкции: на рожон не лезть, резких движений не делать. Вести себя гордо и уверенно.

«Ты — на своей земле, — сказала Рунгерд. — И йотун тоже знает, что здесь не Нифльхейм. Ты — человек, а Митгард — земля людей».

Ну да, в своем дворе любая собака лает громче. Будем надеяться, что йети действительно знает, что этот двор — мой.

В любом случае, если йотун (или йотунша) вознамерится добраться до Рунгерд, сначала волосатой твари придется пройти мимо нас с Хегином.

Впрочем, это не такая уж сложная задача, если вспомнить тактико-технические характеристики йети. Я вспомнил, как оно меня швыряло, — и снова ухватился за Вдоводел. С мстостью потом разберемся. Было бы кому мстить.

А Полбочки всё бубнил:

— ...Ульф, это, слышь, Ульф... Люди говорят: если йотунше отрубить хвост, то она превратится в обыкновенную женщину. Ты отруби ей хвост, Черноголовый!

Сероватая тень мелькнула меж скал. Ага, вот и наш гигантопитек!

— Если ты не заткнешься, я отрублю тебе язык, — пообещал я соседу. — И хвост заодно.

Внял ли Хегин угрозе или заткнулся потому, что увидел зверюгу, но болтать он перестал. И сопеть — тоже. В зобу дыханье сперло, как говорится. И было от чего. Черт! Огромная волосатая туша перемещалась с камня на камень с поразительной легкостью.

Как макака с ветки на ветку. Только в этой «макаке» минимум полтора центнера!

Реликт первобытной эпохи (или выходец из северной страны Нифльхейм, если исходить из местной истории с географией) спустился на лед и уверенно припустил к нам. Учужал, проглот, кровушку невинно убиенной овечки. По ровному йети передвигался еще более проворно. Чем-то его шаг напоминал размашистую верблюжью рысь. Надо полагать, при необходимости йети мог двигаться и побыстрее. Прав был Медвежонок: человеку от него не удрать.

Примерно за минуту волосатый гуманоид преодолел добрых триста метров (это по заснеженной пересеченной местности) и оказался у овечьей тушки. То есть рядом с нами. Бросил на нас с Хегином подозрительный взгляд (звериные глазки полыхнули красным), цапнул овцу, чисто человеческим движением перекинул через плечо — и нацелился восвояси. Чихал он на каких-то людешек!

Вот наглая скотина! Кровь хускарла и мастера спорта России по фехтованию взыграла во мне. Я позабыл о мудрых советах специалистов насчет резких движений и выскочил из нашего сомнительного укрытия.

— Эй, ты, зверюга шерстяная! — гаркнул я, глубоко оскорбленный йетиним пренебрежением.

Волосатый гуманоид обернулся. Луна светила прямо на него, и достаточно ярко, чтобы я мог прочитать на мохнатой морде вопрос: «Это что там за козявка пискнула?»

— Куда это ты нацелился с чужой овцой, мохнорылый? — еще более дерзко выкрикнул я. — Дубиной по хребту захотелось?

Йети повернулся ко мне целиком. Солидно, неторопливо. Аккуратно положил овцу на снег. Выпрямился. Внушительное зрелище. Вставший на задние лапы белый медведь мог бы еще потягаться с ним габаритами. Я — точно нет.

— Это моя овца! — пророкотал он вполне членораздельно.

Ни хрена себе! Да, я обращался к этой зверюге... Примерно так я говорил бы с медведем или псом. Человеческая речь, бывает, влияет на животных очень

позитивно. Но я никак не ожидал, что это волосатое чудовище тоже разговаривает.

Я опешил.

То есть я мог предполагать, что эта тварь способна издавать членораздельные звуки. Вроде бы даже слышал ее бормотание тогда, в нашу первую встречу. Но сейчас это как-то позабылось. В голове не укладывалось, что такое способно изъясняться по-человечески. Типа, как говорящий медведь. Но оно изъяснялось. И вполне членораздельно.

Помните анекдот про говорящую лягушку и программиста? Так вот, когда лягушка в три раза крупнее тебя, это уже не прикольно!

Боковым зрением я отметил, как мой «заказчик» и союзник Полбочки задком попятился к сараю. Сдрейфил, землешапец!

А меня охватила этакая бесшабашная храбрость.

— Ты ее растил, эту овцу? — крикнул я. — Ты ее выкармливал? Какого же хрена ты хочешь ее забрать? Перебьешься!

Оп! Я был уверен, что, «если что», всегда успею выхватить меч. Так вот: я не успел. Йети прыгнул даже не как тигр — его как подкидной доской подбросило.

Раз — и он уже нависает надо мной. Какое там — меч выхватить! Уверен, ни один мастер иай-дзюцу[101] не успел бы. Неудивительно. Четверть секунды — и между нами уже не семь шагов, а максимум полтора. Удивительно, что я не наложил в штаны. Пусть раньше за мной подобного не замечалось, но всё когда-то происходит в первый раз. А нынче — очень подходящий случай.

В штаны я не наложил. Но перепугался знатно. Не шарахнулся только потому, что слабость накатила. Я вдруг осознал, что такое — полная беспомощность. Если чудовище пожелает оторвать мне голову, я и пикнуть не успею.

Огромный гуманоид нависал надо мной. Пахло от него неважно. Примерно как отдохлой собаки. И еще возникало такое ощущение, словно тварь дышит жаром. Такой вот занятный феномен.

Мысли текли сквозь мою прозрачную голову. Чудесное спокойствие обуяло меня. Говорят, нечто подобное испытывает африканский бушмен, которого сцапал лев. Трепыхайся не трепыхайся — всё равно скушают.

Хотя нет, не так. Мое сознание будто растеклось во все стороны. Примерно так, как это было, когда я под действием снадобий Каменного Волка парил над зимним озером...

Йети наклонился ко мне, понюхал лицо... Воняло у него из пасти, как из компостной ямы.

Я обонял эту теплую вонь... Но при этом «видел» нас как-бы со стороны...

Мягкий горячий язык прошелся поперек моего лица. Меня не стошнило. Состояние «всё по барабану» полностью владело мной.

— Вкусняшка! — горловое ворчание. — Моя вкусняшка!

Не думая ни о чем, без всякого желания, будто во сне, я ощутил, как моя рука извлекает из ножен Вдоводел. Острие меча упирается куда-то в нижнюю часть живота йети...

Гуманоид лизнул меня еще раз. Плевать ему (или ей) было на то, что в животе может появиться не предусмотренное природой отверстие.

— Не надо, Ульф! — Рунгерд перехватила мою руку. Вот ведь как. Я-то ду-

мал — она в лодочном сарае. А она — рядом.

Чудовище ее игнорировало.

— Вкусняшка!

Внезапно мой взгляд уперся во что-то темное, торчащее из светлой шерсти. Сосок. Черный, как у собаки. И светлая капелька на кончике...

Выходит, правы были те, кто предполагал, что это самочка... Хотя — ни хрена себе самочка! Два метра ростом...

Я убрал меч. Не такая уж я сволочь, чтобы зарезать женщину, пусть даже чудовищную... Вдобавок кормящую...

— Отстань! — приказал я строго, отпихивая от себя волосатую морду. — Накажу!

Если волосатая находит меня аппетитным, то это ее проблемы.

Черт знает почему, но я уже ничуть ее не боялся.

Наверное, троллиха это почувствовала, потому что отпрянула и фыркнула обиженно.

— Я не стану тебя убивать, — произнес я с той же непреерекаемой уверенностью. — Но если будешь скверно себя вести... — Я запнулся. Чем бы ее припугнуть? Почему-то в голову ничего не лезло, кроме Хегинова «отрубания хвоста». — ...Я тебе хвост отрежу!

Йети шарахнулась. Хотя нет, она просто отодвинулась. Только очень быстро. Теперь между нами была дистанция метров пять. Вот так-то лучше.

— Я хочу кушать! — проворчала троллиха.

— А мне-то что? — проворчал я в ответ. Потом смилостивился. — Ладно, забирай овцу. И, это... — всё-таки кормящая мать. — Разрешаю тебе охотиться в моем лесу по ту сторону озера. И рыбу ловить. До следующей осени. Потом убирайся. И учти: если тебя увидят около жилья или, хуже того, стащишь какую-нибудь живность — ни тебе, ни твоему выводку не жить. Ясно?

Ответом мне было ворчание, которое можно было счесть за знак согласия. Троллиха сцапала овцу и...

— Постой!

Это уже не я. Это Рунгерд.

Волосатая мамаша остановилась. Зуб даю, в позе ее появилась надменность, которой только что и в помине не было. И оскал поперек рожи. А зубищи-то... Не меньше волчьих. И еще троллиха немного подалась вперед. Угрожаем, значит. Ну я...

Рунгерд вскинула руку. В пальцах — какой то знак. Серебряный, судя по тому, как от него отражается лунный свет.

— Даже и не думай! — посоветовала Рунгерд. Я не понял, о чем она. Но троллиха, судя по всему, поняла отлично. Тут же спрятала зубки. Знакомое обиженное выражение вновь проявилось на широченной морде.

— Пищу, которую тебе принесут в дар, можешь брать! — отчеканила Рунгерд. — Пошла прочь!

И десятипудовая тварь, которой ничего не стоило разорвать пополам и меня и Рунгерд, послушно развернулась и потрусилась прочь. Овцу, впрочем, прихватила.

— О-ох! — Рунгерд вцепилась в мое плечо и повисла на нем всей тяжестью. — А я уж думала: она тебя зажрет! Как только у тебя хватило ума бросить ей вызов?

Я помалкивал. Действительно я вел себя как идиот. Вначале. А потом... Наверное, не лучше. Почему она не оторвала мне голову — вот вопрос. С такими скоростными и силовыми данными — это пустяковое дело.

— Не грусти! — Рунгерд ласково коснулась моей бородки. — Ты сделал глупость вначале, но потом вел себя замечательно. Ты говорил с ней будто ты не человек, а один из Асов. А когда ты сказал насчет хвоста, клянусь косою Фрейи, она по-настоящему испугалась.

— Я сказал что в голову пришло, — честно признался я. — Не видел я у нее никакого хвоста. Даже такого коротенького, как у мишки.

— Не смеши меня! — Рунгерд легонько ткнула меня кулачком в бок. — Хвост — это то, что связывает йотуна с Йотунхеймом. Разруби его — и она будет как кормчий без корабля. Ты снова удивил меня, Ульф Вогенсон! Я очень рада, что когда-то поделила с тобой ложе.

Я мгновенно отреагировал: сгреб ее правой рукой, шепнул:

— А кто мешает нам сделать это еще разок?

Лично для меня после пережитого стресса (если силенки остались, само собой) нет лучшего мероприятия, чем немедленный и взаимоприятный секс.

Хренушки! Рунгерд утекла из-под моей руки с ловкостью адепта вин-чун. [102] А тут и Полбочки припожаловал. Очень его интересовало: прогнали мы йети или нет.

— Иди домой, сосед! — произнес я весьма неприязненно. — Сегодня тебя точно никто не побеспокоит.

— А завтра? — не унимался Полбочки.

— А насчет завтра я скажу тебе завтра! — отрезал я и с трудом удержался от направляющего пинка.

Хегин всё понял, надел лыжи и учесал. Мы остались вдвоем. Как хорошо! Я решительно подхватил Рунгерд под локоток и повлек в сторону лодочного сарая. А там уже и сенцо припасено. И место, если можно так выразиться, натоптано...

Глава тридцать восьмая, которая украсила бы любую мелодраму

— **А** я думала: ты посватался к моей дочери, — сказала Рунгерд, очень решительно упершись в мою грудь.

— Ну... Но...

Нечестный удар. Раньше идея того, что я когда-нибудь стану мужем Гудрун, нам ничуть не мешала. Неужели это из-за какого-то золотого браслета? Свадебный дар. Ну и что с того? Можно подумать, викинг, который преподнес свадебный дар, одновременно принимает обет воздержания. Никогда не поверю!

— Так да или нет?

Я разжал объятия.

Рунгерд тут же отошла от меня подальше и уселась на край лодки.

— Да, — процедил я. — Так и есть.

— И мой сын уже одобрил будущий брак, верно?

— Верно.

— Я была уверена, что он не будет против.

Еще бы он был против. Да он мне просто плешь проел на макушке с этой женьитьбой. Даже перспектива породниться с королевским родом его не так

вдохновляла.

— Что ж, он — старший мужчина в роду — ему решать.

Как бы не так! А то я не знаю, кто рулит в вашей семье!

— А что ты думаешь по этому поводу?

— Что думаю я? — За такой взгляд, ей-богу, королевства не жалко.

Я заколебался. А действительно ли мне нужна именно Гудрун? Моя будущая невеста вдруг показалась мне далекой-далекой... Может, все-таки...

— Рунгерд! Солнце мое! Если ты... — Я шагнул вперед и попытался коснуться ее щеки, но датчанка отбросила мою руку.

— Ты больше не прикоснешься ко мне, Ульф Вогенсон! — отрезала она, одарив меня грозным взглядом. — Так не прикоснешься! Никогда!

Мое сердце упало куда-то на уровень желудка. Я осознал это «никогда» и понял, что потерял. Мне жутко захотелось завывать. По-волчьи. И убить кого-нибудь. Себя, дурака, например...

Наверное, это из-за того, что было со мной во время разборки с йотуншей. С меня будто кожу содрали. Все нервы наружу. Все чувства...

— Хочешь меня? — с ласковым коварством поинтересовалась Рунгерд.

И я тут же ее захотел. Безумно! Нестерпимо! И плевать на всё!

Я схватил ее и опрокинул навзничь, словно девку-рабыню.

Ее сильное тело напряглось, руки уперлись мне в грудь, но тут же обмякли. Я лихорадочно рвал пряжку пояса...

Рунгерд лежала подо мной, не противясь, но как будто неживая...

Наконец я справился с проклятой пряжкой...

Несколько мгновений... и всё.

Рунгерд даже не шелохнулась.

Упершись руками в медвежью шкуру, я нависал над ней...

Но этот ее взгляд... Он всё расставил на места. Не я смотрел на Рунгерд сверху, а она взирала на меня с высоты. Надменно, чуть-чуть презрительно, но — с пониманием. Как хозяйка смотрит на щенка, напрудившего на паркет.

Мне так захотелось ее задушить... Аж пальцы свело...

Справился. Выровнял дыхание, медленно опустился рядом.

Воистину, сегодня не моя ночь. Полное ощущение, что мною всё время вертят. Как марионеткой на ниточках. И как достойный финал: мною манипулирует женщина, которая последние месяцы была для меня самой близкой. Которая обещала, что сделает для меня всё.

Обида обожгла меня.

— Зачем? — только и смог проговорить я.

— Это не я, — бархатным низким, обольстительным голосом произнесла великолепная датчанка. — Это он.

— Кто он? — ошарашенно пробормотал я. Час от часу не легче! — Кто? Один?

— Не слишком ли ты возомнил о себе, Ульф Черноголовый? — с очаровательным смешком проговорила Рунгерд. — Какое дело Одину до того, куда прыскает твое семя! Нет, мой бычок, боги тут ни при чем.

Гибким и плавным движением она села. Поправила одежду, закинула за спину косы.

— Думаю, тебе будет интересно узнать, мой порывистый жеребец, что я беременна, — сообщила Рунгерд, одарив меня нежнейшей из улыбок.

Во как! Сильно!

И момент выбран удачно. Как раз когда я в процессе натягивания штанов.

— Как честный человек, я могу жениться! — ляпнул я.

То есть — сострил. Сдуру. Потому что мозги от всего происшедшего отрубались начисто.

Ляпнул — и сообразил, что здесь такими вещами не шутят. Но продолжал лыбиться, как клинический идиот.

Рунгерд испытующе поглядела на меня:

— Тебе весело?

Я поспешно стер с рожи идиотскую ухмылочку.

— Конечно, я рад! — со всем возможным пылом заявил я.

Вспомнился анекдот про тигра и тещу. Это где сынок прибегает к папаше: «Папа, папа! На бабушку тигр напал!»

«Сам напал, пусть сам и выкручивается!» — отвечает зять.

Сочувствую тигру, который напал бы на Рунгерд.

— Говоришь, можешь жениться? — Такое ощущение, что Рунгерд покатала эту мысль во рту, перед тем как разгрызть.

— Нет, не можешь.

— Почему? — задал я очередной дурацкий вопрос.

И стало мне тоскливо-тоскливо. И так захотелось... Нет, не секса. Хуже. Чтоб она всегда была рядом, под боком... Только моя и больше ничья. А Гудрун... Разве Гудрун может сравниться с королевой? Да и Гудрун теперь вряд ли будет моей...

Да бог с ней, с Гудрун. Рунгерд меня отвергла. Меня! Обидно и больно!

Я совершенно потерялся. «Всё смешалось в доме Обломовых... Тьфу! Облонских!»

Надо полагать, мое состояние очень явственно отразилось на моей роже, потому что королевская маска вдруг спала с лица Рунгерд. В прекрасных глазах мелькнуло нечто вроде сострадания. Она потянулась ко мне, жадно и быстро поцеловала в губы, но тут же отстранилась, даже оттолкнулась от меня и снова приняла строгий вид:

— Хочу, чтобы ты знал, Ульф Вогенсон! — напевно, будто читая стихи, заговорила женщина. — Я по-прежнему в долгу перед тобой. За Свартхёвди. И ты должен знать: когда вы ушли, я каждый день ходила к святилищу и молила богов, чтобы они сберегли моего сына. Все видели, куда я хожу. Все знали — зачем. И обсуждали это. В мое отсутствие, разумеется. Людям, знаешь ли, интересны такие вещи. За мной даже следили... И некоторые замечали рядом со мной... — Рунгерд сделала многозначительную паузу. — ...Кое-кого из Асов. Думаю, до самой весны половина женщин Сёлунда будет об этом судачить. Это же так интересно: выяснить, кто из богов приходит к ведунье Рунгерд. И можно не сомневаться: когда родится ребенок, весь Сёлунд будет так же гадать, кто его отец! — Рунгерд очень искренне рассмеялась. — И только мы с тобой, мой честный Ульф, будем знать, чей это сын!

Нет, никогда не стану своим в мире, где боги вот так запросто ходят по земле. Потому что если никто из людей (кроме меня) в этом не сомневается, то надо полагать, так и есть. Ибо это и есть глас народа. Тем более представительницу племени великанов я видел буквально только что.

— Думаешь, будет сын?

— Знаю. И он унаследует часть твоей удачи, Ульф Вогенсон. Ты не в обиде?

— Нет. Я счастлив, что мы с тобой были вместе, Рунгерд, дочь Ормульфа, — произнес я торжественно. — Это было прекрасное время, и я очень тебе благодарен!

Правильные слова и правильные чувства. Светлая печаль вытеснила обиду и заполнила пустоту.

Я пододвинулся ближе и обнял женщину. Бережно.

Минуло не больше получаса с тех пор, как мы остались вдвоем. А ощущение такое, будто полжизни прошло.

— В зрелости ты будешь мудрейшим из хёвдингов, Ульф Вогенсон, — Рунгерд погладила меня по плечу. — Если тебя не убьют раньше.

— Думаешь, меня убьют? — Просто так спросил, без задней мысли.

— Не знаю. Попытаются наверняка. И очень скоро. Руны подсказали мне. Но вряд ли ты ожидаешь иного, поэтому, надеюсь, вновь обманешь смерть. А если не обманешь — у тебя всё равно родится сын, которого ждет славное будущее.

Не уверен, что будущее сына меня утешит, если мне выпустят кишки.

Плевать! К опасностям я привык. Работа такая. «Воин» называется. Так что пытаться убить меня будут многие. И очень скоро, потому что самое позднее через месяц мы уйдем в великий поход. И там, куда мы придем, нам точно не будут рады. Так что для кого-то он станет великим, а для кого-то — последним. Но надеюсь — не для меня. И ни для кого из моих друзей.

— Я рада, что ты — побратим моего сына, — Гудрун угадала мои мысли. — Вы поможете друг другу. И еще... Ульф... Братья ничего не должны скрывать друг от друга, но ты всё равно не говори Свартхёвди о нас. Он — не такой, как ты. Он не поймет.

Она помолчала немного, потом продолжила тему:

— Между мужем и женой тоже не должно быть тайн, но моей дочери будет больно, если она узнает о том, что было у нас с тобой. Поэтому лучше, если ты и ей ничего не скажешь.

— Это точно, — кивнул я. И с опозданием сообразив, что именно она сказала, воскликнул: — Ты хочешь, чтобы я женился на Гудрун?

— Хочу.

— И ты не станешь ревновать? — поинтересовался я наполовину в шутку, но наполовину всерьез.

— Ульф, Ульф! — Рунгерд взъерошила мои волосы чисто материнским жестом. — Далек тебе еще до настоящей мудрости! А теперь пойдём отсюда, а то уже не он (прикосновение к животу), а я захочу тебя. А это будет неправильно. Да и йотунша может вернуться и потребовать свою долю! — Рунгерд захихикала и дернула меня за причинное место.

Отвратительная привычка. Надеюсь, когда Рунгерд станет моей тещей, то сумеет от нее избавиться.

**Глава тридцать девятая,
в которой на сцене появляется благородный франк Жерар из
Аквитании, а у героя появляется возможность достойно умереть**

Это корабль приплыл в Роскилле едва вскрылся лед. Рискованное путешествие, но этот паренек был не из трусливых.

— Я — Жерар, сын графа Бернара! — гордо объявил франк, шагнув вперед. — Меня послал к тебе, граф Рагнар, правитель Аквитанский король Пипин, сын Пипина, дабы сопроводить щедрые дары, коими приветствует тебя мой король!

Само собой, я понимал далеко не всё, так, с пятого на десятое, поскольку граф говорил по-своему, по-франкски, а толмач переводил его речь весьма вольно. Например, короля Пипина он поименовал ярлом, а Рагнара — конунгом. Соображал, негодяй, чем может обернуться попытка унижить Лотброка.

Молоденький франк был не то чтобы глуп... Опыта у паренька было мало. Он огляделся по сторонам и решил, что имеет дело с морским разбойником, обитающим в рыбацьем поселке. Еще бы! У Роскилле даже стен нет. Что каменная крепость нужна только тем, кто боится нападения, франк как-то не сообразил. И посчитать боевые корабли в гавани тоже не удосужился. А может, просто считать не умел.

Точку зрения графеныша я узнал от Ульфхама Трески, немного понимавшего по-франкски и сумевшего подслушать разговор посла со своими людьми. Его счастье, что переводчик оказался с понятием.

Принесли дары. Не скажу, что их богатство поражало воображение. Добыча, которую мы взяли под Плесковым, была куда солиднее. По понятиям норманских конунгов, дары были скромные. Но не оскорбительные, потому что — правильные. Хорошие франкские мечи, хорошие доспехи, конская упряжь...

Рагнар удостоил подарки мимолетным взглядом, затем кивнул челяди: унести.

— Чего же хочет от меня твой хозяин ярл Пипин, сын Пипина?

— Мой король предлагает тебе союз! — провозгласил безусый Жерар Бернарович. — Против короля Карла, сына Людовика Благочестивого. В награду мой король обещает тебе... — далее последовали названия неизвестных мне населенных пунктов и территорий. Рагнару они тоже были неизвестны. Зато он точно знал, чего хочет. И спросил без обиняков:

— Даст ли твой господин проводников, которые приведут меня к главному городу конунга франков?

— Я сам поведу твоё войско! — не скрывая радости, заявил графенок.

Вот это дело. Толковый проводник — это именно то, чего не хватало нашему доблестному воинству. Покажите нам врага... Нет, не так. Покажите нам, где клиент хранит золотишко, а все остальное мы сделаем сами.

— Что скажете, верные мои? — задал Рагнар чисто риторический вопрос.

«Верные» взревели сотнями глоток. Одобрительно.

Ветер, будто услышав, вздул пузырем РагнарOVO знамя. Вышитый на нем ворон взмахнул крыльями. Добрый знак. Рев викингов поднялся еще на пару десятков децибел.

Вопрос с походом на франков был решен. Собственно, он был решен еще осенью, и все всё знали, но официально простых бойцов познакомили с планами Рагнара только непосредственно перед выступлением. Так надежнее.

* * *

Гуляли два дня. А на третий праздник кончился. Для меня. Потому что к нам заглянул Ивар Рагнарсон. Вместе с французским графенком Жераром. И после первой же выпитой чары чванливый графенок, явившийся к нам уже

на изрядном градусе, уставился на меня и заявил во всеуслышание:

— Жоф, а ты что здесь делаешь?

Я понял: такую фразу трудно не понять. Тем более что прибывший с Жерамом переводчик услужливо перетолмачил.

— Ты обознался, франк, — вежливо ответил я по-нормански. — Меня зовут Ульф.

— Жоф, ты что, решил надо мной подшутить? — захихикал Жерар Бернарочич. — И, обращаясь к Ивару: — Представь, я-то думал, что он — в Париже, а он здесь! Ха-ха-ха!

Ивар почему-то не улыбнулся. И лицо у него стало — как у кота, завидевшего беспечную птаху.

— Кто — он? — поинтересовался Рагнарсон тоном не предвещавшим ничего хорошего.

— Да он же, он! — воскликнул графенок, тыча в мою сторону пальцем. — Жофруа де Мот! Беллаторе Карла!

Я не знал, что значит беллаторе. Но упоминание меня в совокупности с королем франков меня, мягко говоря, изумило. Я растерялся...

А Ивар — нет.

— Взять этого человека! — скомандовал он, указывая на меня.

Третий день попойки заметно снизил реакцию моих соратников. Да и мою тоже. Зато бойцы Бескостного оказались на высоте.

Я не успел ни за нож схватиться (Вдоводел, как и положено, покоился на оружейной «пирамиде»), ни встать.

Раз! — И меня выдернули из-за стола.

Два! — И мои руки вывернуты и скручены ремнем.

Умение быстро и эффективно повязать противника входит в основной набор скандинавских боевых искусств.

А я все еще ничего не понимал. Графенок — тоже. Переводил мутноватый взгляд с Ивара на меня и силился осмыслить происшедшее.

— Ты видел этого человека среди людей Карла-конунга? — спросил Ивар, нависая над молодым франком.

— Ну да. Я ж и говорю: это Жофруа...

— Достаточно! — отрезал Рагнарсон.

Сузив глаза, Бескостный изучал мою растерянную физиономию так, словно пытался прочесть у меня на лбу некую великую тайну.

К сожалению, на моем челе не было ничего, кроме испарины.

— Уведите шпиона и всё подготовьте! — процедил Ивар. — Я сам буду его допрашивать! — И моим ошарашенным друзьям, тоже ничего не понимавшим, но готовым схватиться за мечи: — Не дурить, хускарлы! Найдите Хрёрека Сокола. Я хочу его видеть!

Несколько наших тут же кинулись к выходу — за ярлом.

А меня поволокли прочь.

Я не отбивался. Всё еще надеялся, что это — шутка.

Однако минут через двадцать стало ясно, что это совсем даже не шутка.

Меня втащили в один из длинных домов ставки Рагнара, содрали одежду и привязали к столбу напротив очага. Прделано всё это было со сноровкой, говорившей о том, что данная процедура парням Ивара отнюдь не в новинку.

Так же привычно был извлечен и разложен пыточный арсенал.

В доме было довольно прохладно, но я вспотел. Нервы.

Правда, я всё еще надеялся, что со мной сначала поговорят, а уж потом начнут резать.

Всё зависело от допросной тактики палачей. Входил ли в то, что Ивар назвал «подготовкой», так сказать, «разогрев» жертвы...

Теоретически я был неплохо подкован в допросной тактике. Я знал, например, что большинство из специалистов форсированного допроса в моем собственном хирде считают, что предварительная обработка жертвы сокращает время получения информации.

Другие полагают иначе. Единой системы нет. Каждый палач подходит к вопросу, так сказать, творчески. За время моего пребывания в викингах я вдоволь наслушался разговоров о том, как следует проводить допросы. Этой «увлекательной» теме посвящалось не меньше времени, чем, скажем, правилам проведения хольмганга. Умение «разговорить» врага считалось настоящим искусством. В нашем хирде были признанные мастера этого дела. Но и любителей тоже хватало. Умение правильно (то есть максимально болезненно и максимально долго) обрабатывать пытаемого входило в здешний «курс молодого бойца».

Но то, что до сего печального момента оставалось для меня теорией, истинные викинги воспринимали очень даже практически. Тем более каждый понимал, что может запросто оказаться и в роли жертвы. Это уж как судьба распорядится. Что есть достойное поведение в этом прискорбном случае, тоже обсуждалось не единожды.

Помните поговорку: «На миру и смерть красна»?

Так вот, каждый скандинавский воин умирал именно «на миру».

Его смерть видели боги. То, как он вел себя в критической ситуации (а что может быть критичнее допроса с применением раскаленного железа), становилось достоянием общности, передавалось из поколения в поколение и, соответственно, приумножало или приуменьшало славу рода.

Умение же терпеть любую боль, считалось таким же достоинством, как и умение ее причинять.

Увы, я получил совсем другое воспитание и относиться к ожидающим меня пыткам с фатализмом средневекового скандинавского воина не мог. Так что меня очень беспокоило, не начнут ли ребята Ивара пробовать на мне свои палаческие навыки раньше, чем появится кто-то, способный их остановить.

Мне повезло. Мой ярл появился раньше, чем железо накалилось. То есть очень быстро. Влетел в дом, бросил на меня яростный взгляд: «Опять ты!» — и рявкнул на моих палачей так, что те от меня немного отодвинулись. Немного. Палачей не испугал ни мой ярл, ни то, что Хрёрек пришел не один. С ним были Ольбард, Трувор, Ульфхам и, к моему некоторому удивлению, Харальд Щит.

Впрочем, будь с моим ярлом вчетверо больше народу, парни Ивара всё равно не смутились бы. Хрёрек — вождь авторитетный, но они — люди Бескостного. Вот придет Ивар, тогда и разберемся. А пока можно и повременить с порчей моего драгоценного организма.

Отвязывать меня не стали. Да Хрёрек этого и не потребовал. Знал, что палачи заартачатся. А идти на открытый конфликт — себе дороже.

Наконец явились главные действующие лица. Ивар. И его папаша.

Если бы мне потребовалось выбрать, кто из них страшнее, я бы, пожалуй, затруднился ответить.

— Немедленно освободи моего человека, Ивар Рагнарсон! — потребовал Хрёрек. — Что за беззаконие ты творишь!

— Спокойней, родственничек, спокойней, — пророкотал Рагнар. — На своей земле я решаю, что есть Закон. Кому не нравится — может убираться прочь!

— Освободи его — и мы уйдем! — заявил ярл, бросая на меня яростный взгляд.

Я был польщен: из-за моей скромной персоны Хрёрек готов отказаться от будущего великого похода!

— Не торопись, Сокол! — От смешка Ивара у меня кровь застыла в жилах. — Я уже давно чувствовал, что этот твой хускарл отличается от других. Но я думал: в хорошую сторону. А оказывается, он — лазутчик франкского конунга. Что скажешь, Жофруа?

Мне очень хотелось послать его в задницу. Или обложить по матушке. Но здесь так не принято. Здесь хорошим тоном считается вести себя так, будто ты не к столбу привязан, а играешь в шахматы с добрым приятелем.

— Скажу, что твой дружок Жерар не умеет пить, — произнес я как можно спокойнее. — Или совсем с головой не дружит. Потому ему и мерещится всякое.

— Хочешь сказать, что он солгал? — осведомился Бескостный.

— Может, и нет, откуда я знаю?

— Ты не юли! — пробасил Рагнар. — Жерар указал на тебя как на человека Карла Лысого. Это так? Говори или я прикажу пустить в дело огонь!

— Он так сказал, — не стал оспаривать я очевидного. — Но это не значит, что я — человек франкского короля. Я и говорить-то по-франкски не умею, это тебе многие подтвердят.

— Ты считаешь нас совсем глупыми, франк? — ухмыльнулся Рагнар. — Со всем нетрудно притвориться, будто ты что-то не знаешь.

— Ивар! — Я решил обратиться напрямую к Бескостному, потому что помнил: раньше он относился ко мне с симпатией. — Я не держу на тебя обиды за то, что ты сделал. Лазутчик врага — это не та угроза, которой можно пренебречь. Но я не понимаю, почему ты не веришь мне, а веришь какому-то франку! Сотни достойных людей поручатся за меня! Боги свидетели: я не лгу!

Ивар покачал головой:

— Если ты говоришь правду, значит, лжет мальчишка Жерар. А зачем сынку франкского ярла лгать? — произнес он. — В то время как ты сейчас стоишь на пороге смерти и потому готов говорить всё что угодно, лишь бы ее избежать.

Меня охватил гнев, вызванный скорее всего бессилием. Мой ярл стоял в пяти шагах, и я видел, как крепко стиснуты его кулаки. Он мне верил, но сделать ничего не мог. Это была территория Рагнара. Оставалось надеяться только на себя. И на Бога. Хотя заступится ли Бог за того, кто якшается с языческими демонами? Да и креста я никогда не носил, потому что крестили меня еще во

младенчестве...

А это вариант! Если я публично отрекусь от Христа, не исключено, что язычники-датчане мне поверят! Потому что, будь я настоящим франком, я бы скорее умер, чем совершил такое.

Я открыл рот, чтобы... И закрыл. Потому что понял, что не смогу. Невозможно. Лучше сдохнуть. Я знал это, потому что... знал.

Собственно, чего мне бояться, кроме смерти. Пыток? Ну, всякие пытки рано или поздно кончаются. Главное: сохранить дух, ясное сознание. Похоже, пришло время понять, чего я стою. Хорошо, что у меня будет ребенок. Значит, мой род не угаснет. Надо же! Начинаю мыслить местными категориями! Я улыбнулся. Терзавший меня страх отступил. Я вспомнил, как, приняв зелье Каменного Волка, парил над зимним озером... Смерти нет. Есть лишь переход в иное качество. И надо совершить его достойно. Кто знает? Может, после смерти я снова вернусь в двадцать первый век? Или попаду еще куда-нибудь...

Чудесное спокойствие наполнило меня. Я перестал трястись, мускулы расслабились, улыбка стала еще шире и...

...Чудовище с огненными глазами глядело на меня. Уродливая морда дракона проступала сквозь мужественные черты Ивара Рагнарсона... Мерзкий ящер, не мигая, глядел на меня и решал, стоит ли меня кушать...

Но я всё равно не боялся.

Белый Волк, спящий у моих ног, дернул ухом, поднял голову, потянулся, зевнул, разинув широченную пасть... Чихал он на всех демонов скандинавского пантеона! И я — тоже! Хотите меня жрать — жрите. Авось подавитесь.

Воистину Стенульф сделал мне бесценный подарок. Пусть я не стал берсерком, но для меня открылись двери в... Не знаю, куда. В бесконечность, наверное. Но в этом чудесном состоянии я не боялся никого и ничего. Тело брэнно, но душа — бессмертна. И ее у меня не отнять. Потому что она и так не моя...

— Знаешь, отец, а ведь мне хочется ему поверить! — неожиданно произнес Ивар.

— Этот хускарл всегда тебе нравился, — проворчал Рагнар Волосатые Штаны.

— Он — наш! — подал голос Хрёрек. — Видел ли ты, Рагнар, такого франка, что смеялся бы при виде каленого железа?

— Видел, и не раз, — пробасил конунг. — Каждый третий монах почитает за счастье умереть в муках.

Это любо их Христу. Они так думают. Но почти все начинают визжать, едва огонь поджарит их шкурку.

— Мой человек не будет визжать!

— Да. Я вижу. Но я сказал: не все, а почти все. Уберите это, — конунг кивнул на калившееся в огне железо. — Огня он не боится, и ни к чему тратить время впустую. Мы, Инглинги, уважаем мужество. Даже мужество врагов. Поэтому, если ты не против, Ивар, я хочу, чтобы сюда привели сына франкского ярла. Пусть повторит то, что сказал, а я послушаю.

— Франк пьян, — напомнил Ивар. — Может, завтра, когда он проспится...

— Сейчас! — отрезал конунг.

И двое данов тут же подорвались на поиски графеныша.

Пока его искали, Рагнар обратился к Хрёреку:

— Давно ли ты знаешь этого человека, брат?

— Половину года. Но я верю ему!

— Это я уже слышал. А знаешь ли ты, где и с кем он был до того, как пришел к тебе?

Хрёрек не стал лгать.

— Он пришел ко мне в рваных штанах, снятых с пугала. Это было в Гардарике. Он сказал, что его зовут Ульф и его оружие неправдой отнял ярл из словен.

— И ты ему поверил?

— Мои люди видели, как он входил в город. И тогда у него был меч и хорошая кольчуга.

— Я не о том спрашиваю.

— Да, Рагнар, я ему поверил. Он доказал, что заслуживает доверия. И делал это не раз. Ты видел, как он дрался за меня с Торсоном-ярлом. Могу ли я ему не верить?

— Понимаю тебя, — после паузы произнес Рагнар. — Если бы он сказал тебе, что он — франк, ты принял бы его в хирд?

— Да. Из него получился хороший викинг, а коли так, то какая разница, какого он племени был прежде. Теперь-то он — мой.

— Однако он не признался, — проворчал Рагнар. — Скрыл... Почему? — И поглядел на меня.

Я улыбался. Я слышал их разговор... Но мое состояние оставалось неизменным. И я не собирался доказывать, что я — не верблюд. Захотят — сами увидят.

Тут привели Жерара, и я понял, почему Ивар предложил перенести опрос свидетеля на завтра. Молодой франк действительно не вязал лыка. Висел на дюжих плечах своих подчиненных и бормотал что-то невнятное.

— Отпустите его! — прорычал Рагнар. — И отойдите!

Франки заколебались было, но у Рагнара Лотброка была такая репутация, что послушаться его парни не рискнули.

Конунг навис над послем короля Пипина и рявкнул совсем уж по-медвежьи, показав на меня пальцем:

— Кто этот человек?

По-франкски, кстати, рявкнул. Вот, значит, как. А прикидывался, что без толмача не понимает. Ой, непрост Рагнар-конунг! Ой, непрост!

Графеньш стоял, покачиваясь, напротив меня и пытался навести резкость.

Получалось у него плохо.

Тогда Рагнар сгреб паренька за волосы и пододвинул личиком ко мне вплотную.

— Кто это? Говори!

Взгляд графеньша чуть прояснился.

— Жофруа! — воскликнул он. — А почему ты голый?

Он был искренен. Я на него не обижался.

— Я не Жофруа, — произнес я мягко. — Ты обознался, малыш.

— А-а-а! — радостно воскликнул Жерар, взмахнул рукой, зацепив мою щеку перстнем, потерял равновесие и ухватился за мое плечо. Хотя он всё равно не упал бы: Рагнар так и не отпустил его патлы. — Я знаю, почему ты не признаешься! Не хочешь возвращать моего сокола! Я так и знал, что ты отыскал его,

когда он улетел! А соврал, что не нашел! За это я буду биться с тобой... на ристалище! Вот!

— Толмач! — гаркнул конунг. — Что он говорит?

Переводчик тут же подскочил и принялся за дело.

— Что за сокол? — заинтересовался Рагнар.

Этот интерес не имел ничего общего с нашим нынешним делом. Здесь соколиная охота — как футбол в наше время. Фанаты готовы были болтать о хищных птичках даже у смертного одра. А то и на самом одре. Конунг Рагнар был ярим фанатом этого дела. И не любителем — профессионалом высшего класса.

Жерар начал рассказывать. В подробностях. Рагнару было очень интересно. Забыв обо мне, они с удовольствием общались. Франк так воодушевился, что даже немного протрезвел.

Я перестал слушать, поскольку все равно ничего не понимал.

Но слушали другие.

— Он сказал: «Лошадь осеклась на жнивье»? — внезапно перебил беседу фанатов Ивар.

— Да, — подтвердил толмач. — Так и есть.

— Спроси его, когда это было?

Толмач спросил. С опаской. Косясь на недовольного вмешательством Рагнара.

Жерар ответил.

Выяснилось, что дело было осенью. В сентябре. В сентябре, то есть.

— Всё! — решительно объявил Ивар. — Я снимаю все обвинения с этого человека. Развяжите его!

— Это почему? — Рагнар уставил на сына маленькие медвежьи глазки.

— Потому что у меня нет оснований не доверять нашему брату Хрёреку, а он сказал, что Ульф Черноголовый с ранней осени — в его хирде. А это значит, что наш друг Ульф не может быть франком, потому что, когда этот сынок франкского ярла (кивок на Жерара) бил цапель с упомянутым им франком Жофруа, Ульф Черноголовый уже был в хирде Хрёрека-ярла.

Рагнар насупил брови, потом медленно кивнул, соглашаясь.

— Прости, хускарл, — жизнерадостно сказал Бескостный. — Прости, что заподозрил в тебе лазутчика! Рад, что ошибся!

— А уж я как рад! — пробормотал я, разминая затекшие кисти. — И неплохо бы узнать, где моя одежда!

Глава сороковая, в которой идея духа-покровителя героя приобретает материальное воплощение

Так всё и закончилось. Графеныш, протрезвев, приходил ко мне извиняться. Заколку для плаща подарил. Сказал, что я поразительно похож на этого Жофруа де Мота. Так что нас и на трезвую голову можно перепутать.

Я его простил. С кем не бывает. Я, пожалуй, был даже рад тому, что произошло. Потому что понял кое-что важное. О себе. Но не просите объяснить, что. Такое словами не объясняется.

Заколку я подарил Гудрун. Мне украшения по барабану, а ей — приятно. Потом мы с ней съездили ко мне, где я торжественно сообщил Хавчику, что в

случае моей смерти мое маленькое поместье перейдет в собственность семьи моего побратима Свартхёвди, но самому Хавчику выделяется доля и даруется свобода.

Хавчик ответил, что в гробу он видел эту свободу, а вместо глупых слов я бы лучше подумал, как из вика пару франкских лошадок привезти. Хорошие у франков лошадки...

По тому, как благосклонно отреагировала на реплику Гудрун, я понял, что они с Хавчиком неплохо сработаются.

Спали жених с невестой (то бишь мы с Гудрун) на господском месте, но — вполне целомудренно. Так, поласкались немного. Но больше — говорили. О будущем. И о ней, Гудрун. Я узнал много полезного. Например, что в детстве Гудрун приходилось не очень сладко. Всё внимание матери было обращено на Свартхёвди (естественно: сын, наследник), а она была так... Бегает тут что-то, с косичками. Вдобавок она — посмертная дочь, что тоже было поводом для унижений. Словом, лет до десяти жизнь маленькой датчанки была не очень-то радостной. Потом стало полегче: Свартхёвди вырос и стал ходить в вики, и мать наконец-то обратила внимание, что у нее есть еще один ребенок. Кроме того стало понятно, что Гудрун обещает вырасти красавицей...

Но всё равно она чувствовала себя не слишком уверенно (мало ли кому отдадут?), пока не увидела меня. И тогда... Ну просто любовь с первого взгляда!

Не то чтобы я поверил в эту любовь. Но уже как-то ориентировался в местных понятиях и легко мог увидеть себя со стороны — глазами юной девушки. Вокруг трутся женихи-деревенщина. Сыночки бондов, щенки при богатеньких папашах... А тут — храбрый викинг, весь в белом, со шлейфом из неупокоренных душ убитых врагов. Да еще надменная матушка явно демонстрирует гостью уважуху, что на памяти Гудрун случилось всего однажды — по отношению к посетившему усадьбу несколько лет назад Хрёреку-ярлу.

Словом, влюбилась. Раз и навсегда.

Ну вот и славно! Если девушка хочет себя в чем-то убедить, убедит наверняка. Так что примем как данность. А тему с королевичем благополучно занесем в список ошибок молодости. Несправедливо, конечно. Эйвинд-то любил ее по настоящему. И понимал куда лучше, чем я. Всё понимал, даже то, что немереная жадность Гудрун — не столько природное свойство характера, сколько — от неуверенности в завтрашнем дне.

Эх! До чего ж жалко, что мы с ней не успеем пожениться до моего отъезда! Но здесь так не принято. Свадьба — такое мероприятие, к которому положено готовиться долго. Богов задобрить, гостей приглашать... Как ни настаивал Свартхёвди, Рунгерд не разрешила. У ее дочери всё должно быть по правилам. Иначе не видать нам благосклонности богов. Вот ее с папой Свари обвенчали наспех — и что из этого вышло?

На мой взгляд, вышло очень даже неплохо. Гудрун — красавица. Да и сам Медвежонок явно удался... Но переубедить мать не сумел. Придется ждать до осени.

Ничего, подождем. До чего же она всё-таки красива, моя синеглазая невестушка!

Утром я оставил ее в усадьбе, а сам отправился к Хегину: проверить, как

идут сборы Скиди, а заодно узнать, не докучает ли соседу подружка-йети. Оказалось: нет, не докучает. Правда, Хегин, по рекомендации Рунгерд, время от времени оставляет для великанши гостинцы. Но это не очень обременительно: Хегин — бонд весьма зажиточный.

Потом мы с Полбочки проехали по паре-тройке соседей: выпили, закусили, поговорили. Я раздал подарки. Искренне. Всё-таки эти люди мне — не совсем чужие. А если вспомнить историю с хирдманами Эйвинда, так я им, может быть, жизнью обязан.

Вернулся я только на следующий день. И тоже получил подарок. От Гудрун. Моя невеста (не без помощи Бетти — но кто учитывает труд рабыни) украсила спину моей «боевой» куртки искусной вышивкой. Угадайте, кто был изображен? Белый Волк! Не иначе у Гудрун было озарение, потому что никому, кроме Стенульфа, я о Белом Волке не рассказывал. Впрочем, тему мог подслушать Медвежонок, а потом поделиться ею с родней...

Так или иначе, но на спине моей куртки теперь весело и грозно скалился белый волчара... с черной головой.

Спустя три недели, когда мы наконец отправились в великий поход, этот «логотип» украшал большинство моих вещей.

Всем, от Рунгерд до Хрёрека-ярла, волчок очень понравился. Мои друзья увидели в нем глубокий мистический смысл.

Правильно, в общем, увидели.

Глава сорок первая **Берегись, я иду!**

Военный флот Рагнара-конунга шел по Роскилле-фьорду. Десятки узких хищных боевых драккаров, сотни пузатых высоких кнорров, которые пусть и уступают драккарам в скорости и маневренности, зато способны унести намного больше чужого имущества. Пестрые паруса с множеством вымпелов и флагов, сотни деревянных морд диковинных зверей, угрожающе нависших над серой водой, по которой плыли редкие льдины.

На носу «Сокола» — Ульфхам и Стюрмир с шестью наготове. Отпихивать с пути драккара ноздреватые серые глыбины. Весла убраны. Боги благоволят походу, потому наши паруса наполняет вкусный, пахнущий весной ветер. Я вижу, как далеко впереди, на высокой мачте флагмана полощется волшебное знамя Рагнара, Знамя Ворона. Если верить легенде, дочери Рагнара соткали и вышили его за одну ночь. Ворон взмахивает крыльями на ветру, что предвещает нашей экспедиции много победоносных битв и полные трюмы добычи. «Вае виктум», «горе побежденным», как говаривали древние римляне.

Я не думаю о том, что мы несем франкам. К чему мне об этом думать, если на флагмане Рагнара плывет благородный Жерар, сын графа Бернара, полномочный посол правителя Аквитанского короля Пипина, сына Пипина. Пипин Пипинович — родственник главного франкского короля Карла Лысого и лютый враг последнего. А посему — наш естественный союзник. Юноша Жерар — пес, который ведет волчью стаю рвать таких же псов, а попутно — кушать чужих овец.

Интересно, какой он, Париж девятого века? Похож ли он на прекрасный город дворцов и мостов моего времени? Город изысканной кухни, гордых такси-

стов и светящихся витражей Нотр Дам де Пари... Город, в котором с каждым годом всё меньше французов. Город, где поперек центральной аллеи Тюильри — боевые линии «черных», торгующих уродливыми брелоками.

Да, мы плывем грабить франков, но совесть моя спокойна. Там, в будущем, через тысячу лет всё равно встанет красивейший город Европы. Это так же верно, как и то, что потомки Рагнара не будут править миром, зато построят королевский дворец и будут варить пиво, ничем не уступающее эксклюзивному продукту моей Гудрун.

Надо мной нависла могучая фигура Стюрмира. Мой кореш отстоял свою вахту и теперь желал отдохнуть и подкрепиться в приятной компании. Моей, то есть. Небрежный жест — и Скиди сдуло со скамьи, которая тут же закричала под тяжестью восьмипудового датчанина.

— Хочешь?

Я покачал головой, и кусок вяленой рыбы канул в зубастой пасти.

— О чем думаешь, друг?

Я пожал плечами.

— Дальний будет поход, — пробасил Стюрмир. — Но дело того стоит. Как думаешь, твоей невесте пойдет ожерелье с шейки дочери франкского короля? Тебе — ожерелье, мне — дочка, договорились? — и заржал, не дожидаясь ответа.

Я промолчал, и Стюрмир истолковал мое молчание по-своему.

— Жаль небось покидать такую красотку? Не думай об этом. Думай о том, как вернешься с полными мешками золотых побрякушек. Да, Ульф! Так и будет. Я знаю тебя меньше года, но клянусь Ньёрдом и Тором, ты самый удачливый хускарл из всех, кого я знаю уже не первый десяток лет. Держись поближе ко мне, Ульф Черноголовый! Поделись со мной своей удачей, а я поделюсь своей. Знаешь, почему я ничего не боюсь? — Стюрмир наклонился еще ближе, погружая меня в дивный букет пива, чеснока и сроду не чищенных зубов. — Ты — друг мне, Ульф Вогенсон... Потому я открою тебе самую главную мою тайну...

Очень интересно! Что за байку преподнесет мне старина Стюрмир? Может, он в крови дракона купался, как легендарный Сигурд?

— Сейчас, сейчас ты увидишь... — Стюрмир копался в недрах своего широкого пояса... Ага, вот!

Блин! Вот уж чего я никак не ожидал!

На просторной, как подставка для телевизора, ладони гордо возвышался махонький, сантиметра четыре, не больше, бронзовый Будда. Будда, восседающий на лотосе.

— Потрогай его, Ульф! Пусть он узнает тебя и узнает, что ты — мой друг!

Фигурка была восхитительна. Тончайшая работа. Посеребренные веки. На лбу — крохотный золотой значок. Очень реалистичное лицо, дышащее непоколебимым покоем...

Бронза была теплой.

— Чувствуешь, Ульф, какая от него исходит сила? — хриплым шепотом поинтересовался Стюрмир. — Перед битвой я кормлю его капелькой собственной крови. И еще ни разу он меня не подвел!

Я был поражен. Отсюда до Индии, по моим прикидкам, восемь тысяч километров.

— Где ты его добыл?

— Выиграл. В кости. Видно, ему захотелось сменить хозяина. Тот дурень поставил его против трех франкских денье! — Стюрмир хохотнул. — Три монеты — это даже больше, чем жизнь того глупца. С тех пор его удача ушла. Я спросил о нем, когда мы прошлой осенью были в Хедебю. Мне сказали — он стал трэлем. Можешь такое представить, Ульф? Был дренгом, а стал трэлем! Ха-ха-ха! Над Большая Ложка — трэль! Должно быть, его уже прибрали в Хельхейм.[103]

Над, Над... Мне знакомо это имя. А-а-а! Это же мой приятель-предатель, сосед по трюму кнорра работорговцев!

— Ты прав, — сказал я. — Этот человек мертв.

И рассказал, откуда у меня эта информация.

— Поделом ему, — изрек Стюрмир, ласково поглаживая беспечального Будду. — Оценить свою удачу в три денье! Да он глупее овцы!

Створы фьорда разошлись, головные корабли вышли в море. На соседнем корабле кто-то запел хвалебную песнь богу вод. Певца поддержали сотни мощных глоток и кружащиеся над нами чайки.

Высоко в небе прошел косяк диких гусей. Интересно, какими виделись им мы? Огромными птицами, которые неспешно скользят по морю, расправив крылья парусов?

— Хорошо, — сказал я Стюрмиру. — Конечно, я поделюсь с тобой удачей. Мы с ним поделимся! — и похлопал по рукаву, на котором весело скалился мой Белый Волк.

Наверное, я должен был тосковать. Гудрун, Рунгерд, мой новый дом, мой сын, который должен родиться будущей осенью...

Но тоски не было. Не было и страха перед дальней опасной дорогой, перед грядущими битвами. Ничего подобного. Только острый восторг повелителя мира, который там, в моем прошлом будущем, можно испытать, пожалуй, лишь на вершине километровой горы или, еще лучше, повиснув на стропах под куполом парашюта, летящего над бездной...

Стюрмир продолжал что-то говорить, но я его не слышал. Я глядел вперед, на широкие пузыри парусов, а в голове беззвучно крутилась одна-единственная фраза:

Ver thik, her ek kom! Берегись, я иду!

Александр Мазин КРОВЬ СЕВЕРА

Пролог

Ульф Черноголовый, так меня зовут здесь. Раньше у меня было другое имя, но это, пожалуй, мне больше по вкусу.

Я — хирдман, то бишь, дружинник Хрёрека-ярда, Инглинга, которого еще называют Хрёреком Соколом. Мое законное место — на пятом слева руме главного Хрёрекова драккара, тоже именуемого Соколом. Красным. Пятый рум — не самое почетное место, но для меня — в самый раз, потому что весло здесь немного короче и полегче носовых, а я — мужчина скромных пропорций. Если сравнивать со среднестатистическим викингом.

Что, впрочем, не мешает мне быть в норманской среде уважаемым человеком и более того, заполучить в невесты самую красивую (кто усомнится — обижу!) девушку датского острова Сёлунд. Правит данным островом величайший из норманских героев конунг Рангар Лотброк, под чьим предводительством мы ныне и путешествуем. В направлении Франции. С неблагоприятной целью эту страну ограбить.

Лоцманом нашим в этом доходном (как мы все надеемся) предприятии работает полномочный посол аквитанского короля Пипина и сын аквитанского графа (по ихнему — виконт) Жерар, который едва не стал причиной моей безвременной и очень неприятной смерти.

Впрочем, я его не виню. Парень не виноват, что прихоть судьбы одарила меня потрясающим сходством с одним из приближенных французского короля Карла Второго, прозванного Лысым. Ну да, того самого Карла Лысого, сына Людовика Первого Благочестивого и внука Карла Великого, которого мы и собираемся обидеть.

Впрочем, не мы первые. До нас его неоднократно обижали собственные братья Лотарь и Людовик, а он, в свою очередь, тоже наобижал массу народа. Например, вышеназванного Пипина, короля Аквитанского. Увы, во все времена и при любом социальном строе объем материальных благ всегда меньше, чем количество желающих эти блага заполучить. Так было и в двадцатом веке, в котором я появился на свет, так же — и в веке девятом от Рождества Христова, в коем мне дано отныне радоваться жизни.

Зато в этом легендарном времени дикого феодализма нет ни ханжеской морали, ни двойных стандартов. «Пришел-увидел-отобрал» вот заповеди, которым следует и мой побратим-берсерк Свартхевди Медвежонок и христианский монарх Карл. Ничего личного, просто бизнес.

Но хватит социологии. Слева по борту — средневековая Франция.

* * *

Не обманул нас виконт Жерар, сын графа Бернара. Вывел нашу пиратскую флотилию к родному французскому берегу просто идеально. Ни одного корабля не потеряли.

А дальше наши пути разошлись. Вернее, разделились. Примерно половина северного воинства во главе с Рагнармом отправилась к устью Сены, а другая

половина, водителем Бьерном Железнобоким поплыла к устью Луары. Само собой, не наобум. С нами было несколько толковых лоцманов из свиты графенка.

Наш хирд присоединился к Бьёрну. Хрёрек-ярл вполне здраво рассудил, что рядом с такими драконами, как Рагнар и его сынок Ивар нам достанутся исключительно объедки. А вот Бьёрн Рагнарссон, он мужик попроще. Кроме того с Бьёрном отправился и Хальфдан Рагнарссон, младший сыночек Лотброка. Этот паренек тоже не промах. И хирд у него неплохой. Одна проблема: хочется парню самостоятельности. То есть работать в одном строю со старшим братом он не станет. Без крайней необходимости. Мы были не одиноки в выборе: к Бьёрнову войску присоединилась еще пара дюжин кораблей. Их экипажи — сборная солянка данов, норегов и прочих, примкнувших к великому походу и подобно Хрёреку сообразивших, что вместе с Бьёрном еще не значит — под Бьёрном. А вот с папой Рагнаром точно не забалуешь.

Так вот и получилось, что пока первая группа лихо потрошила городки и монастыри в устье Сены, мы прошли морем еще чуток и добрались до Луары. Попутно некоторые из нас сделали попытку ограбить монастырь, расположенный на макушке здорового острова[104], превращавшегося в полуостров во время отлива, но только перемазались в грязюке и потеряли человек пять во время попытки без подготовки влезть на каменные стены с каменной же кручи.

— Когда встречаются жадность и глупость, у воронов — праздник, — оценил эту попытку наш кормчий Ольбард.

Мы прошли через Ла-Манш, обогнули Бретань и наши замечательные лоцманы вывели нас к небольшой гавани городка, именуемого Ванн. Городок мы разграбили, но добычу взяли невеликую. Жители попросту удрали, унеся с собой всё самое ценное. Когда я говорю «мы», то имею в виду войско в целом, а не наш хирд в частности. Хрёрек-ярл с самого начала заявил, что поживиться нам не удастся. Мы шли в хвосте флотилии и могли рассчитывать лишь на жалкие объедки. Посему четыре наших драккара двинулись дальше и уже днем позже вошли в устье Луары. Первыми.

Это был серьезный бонус, потому что три быстрых драккара (кнорр, водителем Хёдином Моржом остался с основным войском) — это не огромная шумная флотилия. Скорость и скрытность — сильный козырь для таких разбойников, как мы.

Я говорю «мы», потому что такой же разбойник, как и остальные. Иначе — никак. Время такое. Или ты — мирный рыбак, внезапно услышавший плеск весел и увидевший, как из утреннего тумана на тебя надвигается оскаленный деревянный дракон, или — свирепый викинг, чей покрытый капельками росы шлем видит оцепеневший от ужаса бедолага за миг до того, как стрела опрокидывает его на воняющие рыбой сети.

Нас мало кто видел. А кто видел... Тому не повезло.

У нас не было местных проводников. Мы шли между камней и островов, полагаясь лишь на искусство кормчих. Мы не знали фарватер и потому, несмотря на всё мастерство Ольбарда, нам трижды приходилось стаскивать с мелей «Красного Сокола». Тем не менее, мы поднялись почти на тридцать миль, не встревожив никого, кроме дюжины невезучих рыбаков, и встали на якорь в укромной протоке, отгороженной от основного русла полукилометро-

вым зеленым островом. Наверное, это было волшебство, потому что ничем иным я не могу объяснить превращение огромных (по местным меркам) драккаров в призраки.

Впрочем, я так же легко могу поставить себя, скажем, на место французской крестьянки, которая выйдя к реке сполоснуть котел из-под каши, вдруг обнаруживает скользящие мимо нее драккары. Могу представить, как она замирает в ужасе, забыв про котел (ценнейшая вещь для бедной семьи) и глядит на страшные корабли... Провожает их взглядом (если ей самой повезет остаться незамеченной), пока они не скроются за очередным мысом, а потом, спохватившись, бросается вылавливать забытый котел... И вряд ли ей кто-нибудь поверит, даже если она и расскажет об увиденном, потому что норманские корабли на Луаре еще не стали обыденным явлением, и поведай она мужу о том, что видела на реке библейского Левиафана, доверия к ней было бы больше.

Но вернемся к нам, славным хирдманам Хрёрека-Сокола.

Мы высадились, и волшебство, увы, закончилось. Вместе с маленькой деревенькой, на беду ее обитателей расположившейся на облюбованном нами месте. Викинги — практичные люди. Они редко убивают тех, кого можно продать или использовать. Так что примерно половина жителей осталась в живых. Никто не сумел скрыться. Соревноваться в скорости с норманами местным крестьянам даже не стоило.

Скорость — это главное. И часа не прошло с тех пор, как мы встали на якорь, а у драккаров осталось не больше полусотни викингов. Остальные, разбитые на поисковые команды, уже растекались по вождеденной земле франков, выискивая подходящую добычу: город, замок, монастырь... Словом, любое место, куда стекались материальные ценности. Быстрота, скрытность, эффективность. В драку не ввязываться. Без острой необходимости. Найти и доложить.

Искали все... Но повезло — нам.

Глава первая, в которой герой встречает земляка

— Селение, — шепнул Руад. — Что будем делать, братья?

Варяг говорил по-датски, чтобы молодой Скиди тоже понимал, о чем идет речь.

Я осторожно выглянул из-за кустов. Ага! Вон луг, отделенный примитивной изгородью. По лугу разбросаны серые клубки шерсти — овцы. Вон пастух... с собачкой. Ветер дует от нас, так что пока собачка — не проблема. За лугом, повыше — какие-то строения. А еще повыше... Кажется, крепость?

— Может это — Нант? — предположил Руад.

Варяг слышал от этом городе от «наших» аквитанцев. Нант, Анжер, Тур, Орлеан... Эти слова были музыкой для обветренных ушей викингов. Богатые города, набитые сокровищами церкви и монастыри... Каждый из тех, кто двинул в поход вместе с Рагнаром, был уверен, что по возвращении будет есть на золоте и спать на шелке. Мечты сбываются?

— Не думаю, что это — Нант, — произнес я, разглядывая далекие стены. — Мелковат. Но разведать не помешает.

То, что мы видели перед собой, выглядело неплохо. Мирная картина. Поля, виноградник, на лугу овцы пасутся. Чуть подальше из-за рощи не крест ли виднеется? Хорошо бы. Крест — это здешняя церковь? Нет, скорее монастырь.

Церкви не строят наособицу. Тем более, что в городке, до которого по прямой меньше двух километров, тоже церковь имеется. Даже я сквозь кулак могу вполне отчетливо крест разглядеть. Прямой крест. Католический. Впрочем, других тут и нет. А монастырь — это славно. Моим братьям понравится.

Так я думал тогда, потому что не знал, что такое — норманы в монастыре. В моих мыслях были только слава и добыча, что, впрочем, для викингов — одно и то же. Показать свою доблесть, заслужить одобрение друзей и ярла, острее ощутить себя членом команды. Непобедимой команды. Ну и на выходе — вернуться и бросить к ногам моей прекрасной невесты здоровенную кучу драгметаллов. В общем, я ощущал себя великим охотником в богатом дичью лесу. А вернее было бы — мясником на бойне.

Мои товарищи изучали городок.

— Воин, — сказал Рулаф, зрение которого было получше, чем у меня. — На стене.

— Точно! — жарким шепотом поддержал Скиди. — Не меньше трех. Я видел три блеска.

— Молодец! — похвалил Руад. — Я разглядел только одного.

Скиди зарумянился от похвалы.

Только я, слепощарый, не разглядел ничего. Зато у меня работает соображалка.

— Раз они в шлемах, значит, ждут нападения.

— Да ну! — пренебрежительно фыркнул Руад. — Это же франки. Они трусливее своих овец. И глупее. Наденут коровью шкуру с нашитыми железками — и думают, что от этого стали воинами.

— Что предлагаешь?

— Давай, скрадем этого трэля, — жест в сторону пастуха овечьей отары, — да все у него и выпросим.

— А собака?

— Ты убьешь ее стрелой.

Ну да, ярл назначил меня старшим, значит мне и достанется самое интересное. То есть самое рискованное.

— А если взвизнет?

Вон по дороге телега тащится. И пара местных оборванцев на ближайшем поле что-то возделывает.

Если они увидят меня, нехорошо получится.

«Скрытность», — нас напутствовал ярл. Найти и доложить. Никаких драк.

— Сделаем по-другому, — на правах старшего решил я. — Сейчас я сниму доспехи и подойду к пастуху без всяких хитростей.

— Так он тебя и подпустит! — усомнился Руад.

— А почему нет? Или я похож на викинга? — Я стянул с головы шлем и взлохматил волосы.

— А может — я? — вмешался Скиди.

— Ты-то как раз похож. — Четырнадцатилетний Скиди был с меня ростом, а в плечах, пожалуй, и пошире. Здоровенный громила вырастет.

Не дожидаясь пока Руад подыщет еще какие-нибудь доводы против моей идеи, я начал разоблачаться. И уже по ходу сообразил, что если кто и способен сойти за простого землепашца в нашей компании, так это именно я. Потому что по въевшейся привычке выходца из двадцать первого века, никогда не

упускал случая позагорать. А вот мои друзья — нет. Потому загар у них был — ну примерно как у офисных работников. Лицо и кисти рук. Хорошенькие из них получились бы крестьяне... С бледными предплечьями и икрами.

Ну да ладно. Свернув бронь, оружие, ценности и прочее в увесистый тючок, я вручил его Скиди.

— Береги, дренг! Потеряешь — ввек не откупишься.

Паренек нагло ухмыльнулся:

— Когда тебя франки зажарят, я всё себе возьму. Хорошая будет добыча!

Хряп! — Подзатыльник молодому прилетел от Руада быстрее, чем я рот открыл.

— Язык вырву! — посулил варяг.

До Скиди дошло, что мы не на пиру, и он скромно потупился. Теперь, если что пойдет не так, неудачу припишут его хулительным словам. Такие вот викинги суеверные ребята.

Я еще раз взлохматил гриву, напихал в бороду и волосы всякого растительного мусора и двинул на разведку.

Я вообще везучий. Но тут мне особенно повезло. Пастушок-раб оказался словенином. Это круче, чем вытянуть наугад из колоды пикового туза.

Мне повезло вдвойне, потому что, как выяснилось, идея моя была провальная.

Воина во мне пастушок опознал сходу. По исподнему, которое по крестьянским меркам стоило целое состояние. По качественному телосложению, по манере двигаться и держаться. По ловкости, с которой я пинком устранил с дороги злобного кобеля. Словом, облажался.

На будущее надо учесть: пришибленный вид и пугливый взгляд — непременный атрибут европейского простолюдина. И так просто его не изобразить. Это в Дании простой землелашец выглядит полноценным гражданином. Здесь, в слабопросвещенной Европе девятого века, простолюдин — это по сути тот же раб. Достоинством чуть выше навозной кучки.

Короче, если я еще раз захочу выдать себя за бедного франка, то спину надо горбить, морду прятать, руки тоже прятать, потому что по одним только мозолям во мне сразу признают не только воина, но и викинга. Ведь здешняя знать греблей себя не изнуряет. Короче, плохая была идея. Лучше бы уж я под знатного франка косил. Или нищего. Или монаха.

Кстати, о монахах. Я не ошибся насчет креста.

За ближайшим леском размещался монастырь. Аккуратно так располагался — с реки не увидишь. И вот моя третья удача. Словенин-пастушок звался Вихорьком. И он оказался рабом именно монастырским.

С виду Вихорьку было лет одиннадцать-двенадцать. И на самом деле — столько же. Ничего так мальчишка, крупный. Только тощий. В монастыре отоцал. До того пацанчик, считай, в семье жил. Мать его была наложницей богатого бондаря аккурат из того милого городка, который возвышался над окрестностями. Как попал во Францию, паренек не помнил. Продали вместе с матерью в совсем юном возрасте. От матери Вихорёк и языку словенскому выучился. Но год назад мама умерла, вернее, убили ее нехорошие люди.

И хозяин-бондарь отдал пацана монастырю. За долги.

Монахов Вихорёк ненавидел лютой ненавистью.

С чего бы это, если подумать, ведь работа у него была вроде бы нетрудная? А с того, что пареньку выпало несчастье родиться симпатичным мальчиком. Как раз таким, какие по вкусу его преосвященству (или как там его именуют) настоятелю монастыря. Вихорёк повел себя неправильно, за что был бит (не слишком сильно, чтобы внешность не попортить) и отправлен на исправительные работы.

В пастушки его определили недавно. Монастырскому сельхозначальнику он тоже приглянулся. Но этот нахрапом не полез: действовал лаской. Работу дал легкую, жратву подкидывал повкуснее...

Но что в лоб, что по лбу, и наученный горьким опытом Вихорек скорее всего вынужден будет уступить похотливому церковнослужителю. Потому что в альтернативе может быть всё, что угодно. Оскопление, отрезание языка, подземная темница. За год Вихорек успел навидаться всякого и понимал, что легко отделался. Скажет священнослужитель, что раб поднял на него руку — и ее отрубят. Монахи могли себе позволить пожертвовать одним рабом, чтобы добиться повиновения остальных. Тем более, что рабы дешевы. Один сдохнет, другого возьмут. Вся округа у монастыря в должниках. Включая и здешнего синьора.

Всё это пастушок поведал мне минут за пятнадцать, в процессе поглощения полукилограммового куска копченого лосося, прихваченного мною для установления контакта. Слова из него сыпались со скоростью три штуки в секунду. Истосковался он по «родной речи».

Попутно Вихорек признался, что я его здорово напугал. Парнишка решил, что я — разбойник. Угадал, однако.

Собственно, он и после употребления лососятины своего мнения не изменил. Но теперь я был уже не чужой разбойник, а *свой*. Тем более языком матери владел. Считаю, почти родственник.

Разочаровывать мальчика я не стал. Пусть лучше думает, что я разбойник, чем норман. О норманах тут мнение — паскуднейшее. Вплоть до рогов, которые северяне прячут под шлемами. Однако после года жизни среди монахов мальчишка не то что викингов — настоящих чертей с настоящими рогами на монастырь навел бы.

Хотя для здешних жителей черти, пожалуй, посимпатичнее, чем мы. Черта, скажем, молитвой отогнать можно. Или святыми предметами. А викинга — исключительно драгметаллами. Да и то лишь после того, как он, викинг, встал натешит свою страсть к убийствам, насилию и прочим деструктивным деяниям.

— А что городок? — спросил я. — Вон тот, который на пригорке? Что из себя представляет?

Городок... Вихорек вздохнул. Там прошли счастливейшие годы его жизни. И мама была жива...

Хороший городок. Только бедный очень. Особенно теперь.

В прошлом году через речку (имелась в виду Луара) перебрались люди какого-то аквитанского рыцаря и ободрали городок вчистую. Многих убили. Маму Вихорька — тоже. Случайно. Какой-то аквитанец лошадью стоптал. Она не сразу умерла. Месяц мучилась. Бондарь даже лекаря к ней приглашал, взявши денег в долг. Она красивая была, Вихорькова матушка.

Многие тогда погибли, во время набега. Синьор тоже погиб. Вместо него

сын приехал, который до того в королевской гвардии служил. Только вот золота он с собой не привез и пришлось брать кредит в монастыре — чтоб народ с голодухи не перемер. Так что с большой долей вероятности в следующем году это будут уже монастырские земли.

Я поинтересовался, откуда такая осведомленность?

Оказалось, от тех же монахов похотливых. И от настоятеля той церковки, что в городе стоит. Это он бондарю сказал, когда матушке грехи отпускать приходил. Он хороший, настоятель. Не то, что эти, в монастыре, чтоб им черт печенки выел.

Черта не обещаю, сказал я пареньку. Но если ему непринципиально, кто именно будет извлекать печенку, то сам процесс организовать — очень даже реально.

Глазенки Вихорька загорелись, и мы с ним заключили пакт.

Ближе к вечеру, когда придет пора гнать отару домой, мой юный соплеменник возьмет меня в компанию. Прогуляюсь с ним до монастыря, а потом, по темному времени, вернусь обратно.

И будет нам счастье.

Осчастливив мальчика еще одним куском лососятины, я вернулся к своим и сообщил приятные новости.

Инфу о том, что поблизости имеется монастырь, мои друзья приняли с бурным восторгом. В их понимании монастырь был не обителью людей, посвятивших себя служению Богу, а местом, куда свозят золото, серебро и всякие ценные вещи.

Захлебываясь слюной, мои сопалубники принялись наперебой перечислять, какие славные вещи бывают в монастырях. Золотой кубок, инкрустированный драгоценными камнями, из которого в торжественных случаях потреблял пиво наш ярл, был далеко не самым замечательным предметом, отнятым морскими разбойниками у мирных ростовщиков-монахов.

Я прервал этот поток восторгов, предупредив, что вечером намерен провести глубокую рекогносцировку. Малец обеспечит прикрытие. Два пастуха с отарой куда менее заметны, чем одинокий прохожий с выправкой викинга. Однако не худо бы кому-то прямо сейчас вернуться к нашим и сообщить результаты предварительной разведки. Еще добавил, что мальчика надо отблагодарить. А вот как? Деньги я ему уже предлагал — не взял. Сказал: всё равно отберут. Такому рабу, как он, деньги не полагаются. Еще спросят: где взял? И что ему ответить? Приятель-разбойник подарил?

— Отблагодарим парня, — пообещал Руад. — Когда монастырь возьмем, его не тронем.

* * *

С «когда» мой друг варяг, немного погорячился. Правильней было бы употребить слово «если».

Вот уж не думал, что монастырь может выглядеть *так*.

Какая к чертям «мирная обитель»!

С приличной высоты холма грозила окрестным полям и виноградникам настоящая крепость. Город, который мы с Вихорьком оставили за спиной, ей и в подметки не годился по части укреплений.

Ну еще бы! Вихорек сказал, что земель у монастыря побольше, чем у главного графа области. Вдобавок графу никто ничего не дарит просто так, а мона-

стырю верующие католики отдают всё лучшее. Ну и десятина, само собой. Теоретически десятина эта (если мне память не изменяет) должна была отправляться в Ватикан. Однако судя по этим стенам, отправлялось далеко не всё. Просто так такие укрепления не возводят. Да еще из камня.

А еще у монахов имелась стража. По словам Вихорька — более двухсот копий. И не из мирных монахов, а из вооруженных мирян. Солидно. Да и монахов списывать со счетов не стоит. Так что силы защитников надо минимум удвоить. Взять такую твердыню силами трех сотен человек? Ох, сомневаются мужики!

Ничего. Глаза боятся, руки делают.

— Меня зовут — Ульф, — сообщил на прощанье пастушонку. Завтра он снова выгонит овец на лужок, но не факт, что мы с ним увидимся. — А еще лучше, Вихорек, запомни фразу: «Мой господин — Ульф Черноголовый!» — Я повторил это по-датски раза три, убедился, что паренек запомнил и воспроизводит вполне понятно, потрепал его по голове и шмыгнул в заросли.

До темноты оставалось около часа. Мне как раз хватит, чтобы в деталях изучить укрепление, прикинуть слабые места... Если они, конечно, есть.

Глава вторая,

в которой герой встречается с Хальфданом Рагнарссоном

— Самое слабое место франкских крепостей — это сами франки! — заявил Хрёрек-ярл. — Молодец, Ульф! Вторую долю добычи ты заработал. И если всё так, как ты изобразил, то самим нам его не взять. Тут нужно не менее тысячи воинов. Таран нужен, лестницы...

— Таран сделаем, деревьев хватает, — подал голос Ольбард. — И лестницы тоже. Но насчет тысячи воинов ты прав, — наш кормчий задумчиво поглядел на продукт моего творчества — слепленный из мокрого песка макет монастыря-крепости. — Сами, может, и возьмем, но многие наши под стенами лягут. Нам нужны союзники. Может, Бьёрн?

— Нет, — качнул головой ярл. — Нам не нужен Бьёрн, потому что мы ему не нужны.

— Точно! — поддержал Хрёрека Ульфхам Треска. — Бьёрн пошлет нас в самое опасное место, а если мы откажемся, возьмет монастырь без нас. Я бы поговорил с Хальфданом. Хальфдан Рагнарссон — человек чести. И жаждет славы. А еще у него только шесть кораблей. Без нас ему трудно будет.

— А если он сам позовет брата?

— Кто? Хальфдан? Делиться славой?..

В горячем обсуждении о взаимоотношениях братьев Рагнарссонов я не участвовал. Некомпетентен. Но — прислушивался.

Вообще-то Рагнарссоны были на редкость дружным семейством. Несмотря на амбиции и агрессивность, унаследованные от отца, братья-ярлы никогда не конфликтовали. Во всяком случае — на людях. Рожденные разными мамами и весьма отличные по темпераменту, Рагнарссоны были безусловно выдающимися особями породы «скандинавский викинг» и, как следствие, жуткими индивидуалистами. Но вот — не ссорились! Может причина в папе-вожаке? А может — в той удивительной психологической гибкости, которая позволяла сотне безбашенных головорезов месяцами тесниться на узкой палубе драккара — и не вцепиться друг другу в глотки. Готов поклясться, что мои гуманные современники из техногенной эпохи в аналогичных условиях пере-

срались и передрались бы максимум через сутки.

Хольды спорили, но дискуссия явно клонилось в пользу Хальфдана.

Не станет младший Рагнарссон делиться славой ни с кем из братьев. С отцом — может быть. Но Лотброк вместе с основными силами сейчас далеко.

— Я буду говорить с Хальфданом, — подвел итог дискуссии ярл. — Со мной пойдет Ульф. Готовьте ялик.

* * *

Пока мы занимались своими делами, братья Рагнарссоны заканчивали грабеж Ванна. Добычу взяли невеликую. Для города. Хотя и город такой... Одно название. Ни стен толковых, ни домов солидных... Так, поселок городского типа.

Однако кое-что наскребли. И «наскребанное» следовало поделить по чести. Чем и занимался Бьёрн Железнобокий.

А его младший брат тем временем квасил с друзьями-соратниками.

Вот на этот пир мы и прибыли.

Хальфдан Рагнарссон разместился на палубе большого кнорра, который был его флагманом. Выбор судна, менее пригодного для боя, но зато намного более вместительного, явно демонстрировал отношение Хальфдана к походу. Разместился Рагнарссон с комфортом: на палубе был поставлен шатер. Судя по вытканым на нем коронованным львам и крестам, прежде сей respectable родственник палатки принадлежал кому-то из христианских светских лидеров.

В шатре Хальфдан был не один, а с дюжиной дружбанов и десятком «трофейных» девок.

Услышав о том, что мы надыбали богатый монастырь, младший Рагнарссон тут же протрезвел. Выставил девок. Выгнал из шатра наиболее пьяных соратников и приготовился узнавать подробности.

От меня.

Но я не спешил. Скушал фазаново крылышко, с удовольствием приложился к чаше с вином, сырку опробовал. Благословенная земля — Франция. Конечно, пиво я тоже люблю. Но продукты виноделия — предпочитаю. По водочке тоже соскучился, но ее пока не придумали. Надо будет заняться на досуге. Самогонный аппарат — дело нехитрое. Как мне кажется...

Викинги, их было четверо, не считая нас с Хрёреком, меня не торопили. Здесь так не принято. Даже нанятый скальд, и тот сначала покушает, а потом запоет. Ну ладно, надо и совесть иметь. Я доглодал фазана, запил отменным красным и начал повествование.

Махонькие глазенки Хальфдана вспыхнули звездами, едва он услышал о монастыре. И сияние это отнюдь не угасло, когда я завершил свой рассказ-описание монастырских стен.

Тоже понятно. Такие стены не строят вокруг амбара с просом.

Однако высказываться Рагнарссон не спешил. Для начала вопросительно поглядел на своего хёвдинга и моего знакомца — рыжебородого Тьёрви.

Тьёрви был корректен и осторожен.

— Если Ульф-хускарл говорит правду, а я в этом не сомневаюсь, потому что Ульфа Черноголового вряд ли могут напугать стены, — вежливый кивок в мою сторону, — то, пожалуй, я предложил поговорить с Бьёрном. Все вместе

МЫ...

— Нет! — отрезал Хальфдан. Его гладкие щеки заиграли румянцем. — Я умею драться не хуже Бьёрна! Мы сделаем это сами. Но сначала я хочу собственными глазами поглядеть на эту жемчужину бога франков.

— Тогда не стоит откладывать, — заметил Хрёрек. — Когда слухи о том, что мы рядом, дойдут до монахов, створки этого моллюска сойдутся еще крепче.

— Этот камень... — Хальфдан сжал здоровенный кулак, — разобьет любую раковину! Однако медлить не будем. Веди нас, Ульф-хускарл!

Глава третья, в которой герой путешествует с представителями высшего норманского общества

Отправились вчетвером. Славные ярлы и славные мы. То есть рыжебородый красавец Тьерви и я. Родись хёвдинг Тьерви в двадцатом веке в США — быть бы ему великим актером. Есть такие люди, что с первого взгляда внушают к себе расположение. Если пожелают. Или — ужас. Опять-таки, если пожелают.

Хотя в данном случае внушить ужас было несложно. У бедного гонца и так чуть глаза не выскочили, когда из темноты выступил Тьерви и принял повод утомленной лошадки.

Франк как-то сразу сообразил, что плечистый здоровяк в кольчуге, с золотой гривной на бычьей шее не может быть конюхом. Разве что — конюшим королевского двора. Но уж никак не постоянного.

Конюх, правда, тоже терся поблизости: держал факел.

Тьерви вынул гонца из седла и легонько шлепнул по запыленной физии. От соприкосновения с доской-дюймовкой (самая подходящая аналогия для ладони викинга) голова гонца мотнулась, как боксерская груша, а ноги франка, и без того нетвердые, превратились в желе. Однако гонец не упал, а только захрипел. Любой захрипит, когда его держат на весу за горло.

Впрочем, душить его Тьерви не собирался. Точный пинок, наработанный многолетней игрой в четырехкилограммовый мячик, — и гонец обвис у меня на руках.

— Веди себя правильно — и тебя не убьют, — сказал я ему по-английски и направил его в сторону дома.

Не знаю, понял он или просто угадал, но виснуть на мне перестал и поковылял в заданном направлении.

В доме хорошо. Тепло. Нет сыплющей с неба мороси и пахнет не мокрой землей и навозом, а рыбной похлебкой, свежим хлебом и жареным поросенком.

Вся эта благодать шикарно сервирована на выскобленном добела столе, за которым вальяжно расположились ярлы, попивая винцо и ведя неспешную беседу. По-датски, разумеется. О да, викинги умеют ценить свежую пищу и комфорт. Кто угодно научится этому, четверть жизни уминая скудный морской паек.

Поступательное движение гонца закончилось у ног Хальфдана-ярла, когда колени франка с глухим стуком провзаимодействовали с утоптаным земляным полом.

— Это кто? — поинтересовался Хальфдан, с удовольствием обгладывая поросячье ребрышко.

— Гонец к Карлу-конунгу, — ответил я.

— Вот как? — младший сын Рагнара с интересом оглядел трясущегося франка. — Откуда знаешь?

— Сам сказал.

Так и было. Гонец сообщил о своем статусе, едва въехал в ворота. Видимо, рассчитывал на особое отношение. Правильно рассчитывал. Не назовись он сразу, Тьерви бы его просто прикончил.

— И что же он везет?

— Что за вести ты везешь? — поинтересовался Хрёрек-ярл, прихлебывая молодое красное вино. По-франкски поинтересовался. Акцент у него, насколько я мог судить, был чудовищный, но словарный запас — вполне пристойный. Как раз для допроса. Ярл наш вообще был полиглотом. Даже по-латыни разумел. Натыркался, когда еще юнцом ездил с посольством тогдашнего верховного конунга данов к германцам. Знать латынь — очень полезное качество для викинга. Как-никак католические монахи — его главная «паства».

Гонец вытащил из-за пазухи свернутый в трубочку кусок пергамента.

Хрёрек даже разворачивать его не стал. Читать по-франкски он не умел. Хальфдан, как выяснилось, тоже. Тогда пергамент взял я. Послание было написано на латыни. Я понял лишь отдельные слова, но латынь чем хороша? Читать ее можно, даже не понимая содержания. Так что я читал, а Хрёрек — понимал.

— Это о нас, — сказал ярл. — Просят у конунга Карла помощи. Мол, нас очень много. И мы — очень страшные.

— Это мы и сами знаем, — Хальфдан швырнул ребрышко на пол и взял с блюда другое. — Присаживайся к столу, Ульф, перекуси. Потом сменишь Тьерви.

— А с этим что? — я кивнул на гонца.

Хальфдан взял со стола глиняный кувшин с вином, взболтнул и опрокинул его содержимое себе в глотку. Затем, не вставая, метнул пустой кувшин в стоящего на коленях франка.

Кувшин разлетелся вдребезги. Франк повалился набок. Из его головы хлестала кровь.

— С этим — всё, — сказал младший Рагнарссон и рыгнул. — Эй, трэль, еще вина!

* * *

Когда ярлы заявили, что желают провести разведку, я думал, что мы будем двигаться скрытно. Примерно так, как действовали все наши разведывательные группы.

Я ошибся.

Мы — кто? Простые викинги. Рядовые труженики весла и топора. Ныне же я путешествую вместе с элитой скандинавского мира. Хальфдан и Хрёрек — высшая аристократия. Инглинги. Королевская кровь. Да что так королевская — божественная[105]. Даже старине Тьёрви я и то не ровня. Конечно, хёвдинг — это звание, а не титул. Вроде генерала. По наследству «хёвдингство» не передается. Однако вспомним анекдот о том, почему сын полковника не может стать генералом? Правильно. Потому что у генерала есть собственные дети. Тут, правда, не столько протекция играет роль, сколько честь семьи. От сына славного отца все вокруг ожидают не меньших подвигов. И сам сын тоже

не лысым пупсом себя мнит, а героем будущих саг. Да и генетика — несколько поколений геройских предков — подмогнет. Так что за детей Тьёрви можно быть спокойным.

А вот я, признаться, несколько мандражировал. Потому что ярлы ни от кого не собирались прятаться. Двинулись прямо по дороге. В полном вооружении (что характерно — своим собственном), ни от кого не скрываясь. Как по родной Дании.

Единственное, что мы сделали для маскировки — накинули франкские плащи. Трофейные, разумеется. И кони, естественно, тоже были трофейные.

Четыре отлично вооруженных всадника с запасными лошадьми, нагло ехавшие посередине дороги ни у кого из встречных не вызывали подозрения. Простолюдины поспешно убирались с нашего пути. Многие даже валились носом в грязь — на всякий случай. Ну да, здесь не принято разглядывать благородных господ, если не хочешь схлопотать плетью по глазам.

Один раз нам повстречался какой-то местный шевалье со свитой из пяти кое-как экипированных ополченцев. Этот тоже поспешно уступил нам дорогу. Правда, с коня слезать не стал, просто поклонился, получил в ответ четыре надменных кивка и, удовлетворенный, отправился своей дорогой.

Готов поклясться: он даже и не заподозрил, с кем его свела судьба. Норманы — это кто? Грязные язычники с всклокоченными бородами, в окровавленных одежках и с недоеденным тельцем христианского младенца в зубах. Мы же — респектабельные рыцари, которые никого не грабят и не режут, а просто едут себе с надменным видом, заняв всю проезжую часть. Доспехи на нас вполне типичные. У Хальфдана нагрудник с Георгием Победоносцем, у меня — пояс с аналогичной пряжкой. У Тьёрви тоже какой-то вооруженный Святой на медальоне шлема. Мечи — типично франкские, щиты (на которых — «защитные» руны) в чехлах... На беглый взгляд — натуральные благородные шевалье. Да какие-там шевалье — шевалье не в кольчугах да панцирях, а в кожаных куртках с нашитыми железками щеголяют. Так что на беглый взгляд мы — натуральные графья. А пристально разглядывать таких, как мы, — чистое самоубийство.

Хотя нет, с графьями я переборщил. Франкские вельможи без свиты не путешествуют.

День прошел без инцидентов.

Заночевали мы в какой-то деревеньке. Выбрали лучший дом, без лишних слов выставили из него хозяев, съели их ужин и выспались в их постелях. То есть — ярлы в постелях, а мы с Тьёрви — на полу, на сене. Так даже и комфортнее — без клопов.

Еще один день в дороге — и вечером мы увидели монастырь. А еще раньше слышали звон его колоколов.

Я уже был готов к тому, что ярлы поедут прямо к воротам. Но до этого не дошло. Наглость у викингов прекрасно сочетается с осторожностью и предусмотрительностью.

Ярлы и Тьёрви спешили и ушли на разведку. Я остался сторожить коней.

Вернулись товарищи командиры часа через четыре, уже в полной темноте. Воодушевленные. Крепость монастырских стен распалила их воображение. Типичный франкский замок — каменный двух-трехэтажный донжон, окру-

женный деревянной оградой. А тут — трехметровые стены — из настоящего камня. Это ж прям-таки дух захватывает от мыслей, о том какие сокровища могут прятаться в скромной христианской обители!

Весь путь до примеченного еще засветло постоянного двора руководство обсуждало эту вкусную тему. О том, как попасть внутрь монастыря, не было сказано ни слова. Что тут обсуждать? Пришли и вошли. Делов...

Заночевали мы тоже по-человечески. На постоялом дворе.

За постой принято платить. Даже богатым франкам. Но не суровым викингам.

Так что нас угощали бесплатно. И прислуживали очень старательно. Единственное неудобство: нам с Тьёрви пришлось караулить. Не знаю, как Тьёрви, но я не выспался и весь день дремал в седле. Дремать мне не мешали. Погони не было.

На прощанье Хальфдан сделал хозяину постоянного двора подарок: отрезал кусок от пергамента, взятого у гонца, оттиснул на нем свою печать и сунул трактирщику. Обслужил как следует — получи «чаевые». Отныне этот франк считался человеком Хальфдана. Не то, чтобы гарантия безопасности, но — кое-что. При виде этого оттиска злые дяди-викинги сменяют гнев на милость. Главная задача — успеть показать.

«Облагодетельствованный» хозяин вряд ли станет доносить о нас в вышестоящие органы. И домашним своим не позволит. Да и зачем ему? Чтобы получить от сеньора по голове за то, что донес только сегодня, а не вчера?

А вот гонец, которого горшком по голове приласкали, ночью помер. А я ему жизнь обещал...

Еще один груз на мою нетренированную совесть.

— Что печалишься, Ульф Вогенсон? — бодро поинтересовался мой ярл. — Клянусь рукавицей Тора, в этом монастыре столько богатства, что мы будем выбрасывать из сумок серебро, чтобы набить их золотом!

— А скажи мне, ярл, откуда взялось это золото? — Меня с недосыпу потянуло на философию.

— Как откуда? Франки принесли его своему богу!

— А откуда оно у франков?

Хрёрек задумался. Не понимал, к чему я клоню. Я заметил, что Хальфдан и Тьёрви тоже прислушиваются к нашему разговору. От скуки, надо полагать.

— За франкские мечи платят золотом, — наконец выдвинул версию мой ярл.

Всё-таки хорошее здесь время. Еще тысяча лет до эпохи, когда деньги превратятся в бумажки и электрические импульсы и биржевые жулики станут наживать состояния, продавая и покупая «воздух», а те, кто производит настоящие ценности, будут неизменно оставаться в дураках, потому что вынуждены садиться за один стол с шулерами-банкирами и играть по их шулерским правилам.

Нет, я не против банков. Без них не обойтись. Но хотел бы я поглядеть на того человека, который возьмет займы деньги у Хрёрека-ярла... Да что там Хрёрека... Даже у простого бонда Хёдина Полбочки, а потом скажет, что ссудил кому-то эти деньги под большие проценты, чтобы по-легкому срубить бабла, а

этот нехороший «кто-то» деньги замылил, и потому заемщик возвращать долг Хёдину не собирается.

Лучшее, что может ожидать такого мошенника — это батрачить у Хёдина в свинарнике, пока не отработает долг.

Но вернемся в девятый век.

— Вино, — вмешался в разговор Тьёрви. — Прошлой осенью я купил пять бочонков здешнего вина. Тоже золотом заплатил.

— А по мне так наше пиво не хуже, — заметил Хальфдан.

— Ну и что? Ты же не откажешься от доброго куска оленины только потому, что молочный поросенок нежнее?

— Не откажусь, — согласился младший Рагнарссон. — Я съем всё.

— Ты задал хороший вопрос, Ульф Вогенсон, — задумчиво произнес Хрёрек. — Видно, твой отец понимал толк в торговле. Здесь, на земле франков, есть много такого, что можно продать и продать дорого.

— Из франков получают хорошие трэли, — сказал Тьёрви. — Они старательны, неприхотливы и покорны. И жару переносят лучше тех же англов. Перекупщики неплохо за них платят.

— А зачем нужны трэли? — спросил я Хальфданова хёвдинга.

— Как зачем? Работать. — Тьёрви ехал впереди и чтобы бросить на меня удивленный взгляд, ему пришлось развернуться.

— Работать можно по-разному.

— У хорошего хозяина все рабы работают старательно, — назидательно произнес Тьёрви.

— Согласен. Но как бы старательно они не работали, с плохой земли всё равно возьмешь меньше, чем с хорошей. А здесь — хорошая земля. И старательные трэли. Вот от этого, Тьёрви, и берется то золото, которое прибрали к рукам монахи. Такая цепочка получается: земля-трэли-сборщики-монахи.

— ...И мы! — напомнил Хальфдан.

— И мы, — согласился я. — Однако на мой взгляд монахи в этой цепочке — лишние.

— Это точно! — воскликнул Хальфдан. — Толку от их Христа никакого! Даже своих жрецов защитить не может.

Мысленно он уже взял монастырь и делил добычу.

— А знаешь, Черноголовый, я ведь уже слышал такие речи, — подал голос мой ярл. — И знаешь, от кого? От его старшего брата, — кивок в сторону Хальфдана, — Сигурда.

Хальфдан задумался. Тьёрви шевелил губами: похоже, что-то высчитывал.

Дорога неторопливо ложилась под копыта лошадок. Оборванный крестьянин, влекущий тележку с мешками, при виде нас бросился к обочине и распростерся в пыли.

— Нет, — наконец изрек Хальфдан. — Сидеть и собирать золото — это скучно. Мне любо брать его в битве! Это весело и хорошо для воина! — Хлестнул коня и умчался вперед.

Тьёрви поспешил за ним.

Мы с Хрёреком остались вдвоем. Ехали шагом бок о бок по ровной дороге. Спокойно, как у себя дома. А ведь вокруг — враждебная Франция. Или как там ее сейчас называют.

Не слишком ли мы беспечны?

Накликал.

Впереди раздались крики, собачий лай и характерный звон железа. Хальфдан и Тьёрви с кем-то сцепились.

Не сговариваясь, мы отпустили вьючных лошадей (за ними всегда можно вернуться) и поторопили своих коняшек.

О да! Хальфдан хотел повеселиться и теперь веселился от души!

Он и Тьёрви, спешенные, спина к спине, заняли середину дороги, а вокруг них вертелось с дюжину всадников, норовя достать викингов длинными копьями.

Еще столько же народу, рангом пониже, держались поодаль, удерживая свору. Ага! Охотнички! На жердине, уложенной на спины двух лошадей, висел матерый олень с роскошными рогами.

Хальфдан с Тьёрви отбивались — любо-дорого посмотреть. Поворачивались синхронно, не разрывая дистанции, отбивая копийные тычки, то и дело стремительно атакуя.

Но их противники тоже были не лыком шиты. Дистанцию держали четко и работали слаженно. Но почему-то не использовали луки...

То ли живьем хотели взять, то ли решили, что качественную броню данов охотничьими стрелами не взять.

Но, бывает, и охотничья оснастка в бою пригождается: один из франков послал коня вперед и метнул сеть...

Ага, разбежался!

Тьёрви рванул вперед (Хальфдан не отстал, что было очень непросто — попробуйте сам побегать задом наперед!), отбил сеть щитом раньше, чем она полностью раскрылась, и режущим тычком достал... Нет, не всадника. Коня.

Конь, естественно, расстроился. И вскинулся на дыбы... Всадник припал к холке, чтобы удержать равновесие...

Но добратся до него у Тьерви не получилось. Приятели франка храбро кинулись в бой и пресекли контратаку.

Грозная парочка опять оказалась на середине дороги. Результат опять нулевой. Подраненная лошадь и облака пыли — не в счет.

Несмотря на четырехкратное преимущество (псарей и прочую челядь я не считал), достать викингов франки не могли. Численное преимущество вполне компенсировалось качественным вооружением и на порядок более высоким уровнем боевой подготовки. Однако и Хальфдан с Тьёрви не могли достать франков. Конным (причем отличным наездникам) ничего не стоило разорвать дистанцию. Типичный пат, если воспользоваться шахматной терминологией.

Что ж, самое время нарушить равновесие.

Спешились мы с ярлом практически одновременно.

Я взялся за меч, но Хрёрек (в левой руке — меч, в правой — копьё) качнул головой и указал на мой лук.

Стрелок из меня посредственный, но начальству виднее.

Хрёрек показал знаком — начинаем по команде.

Уточнять, по какой именно команде, я не стал. По ходу разберусь.

Разобрался.

Волчий вой, жуткий, высасывающий силы и мужество, накрыл всех. Нет, я неправ. Этот вой был только похож на волчий. Ни один волк не способен так

выть. Разве что сам Фенрир[106]. От этого звука пустело в груди и хотелось забиться под какую-нибудь корягу.

Мне, впрочем, было легче, чем франкам. Я уже слышал эту песню — фирменный боевой клич варягов.

Больше всего данный звук не понравился собакам и лошадям. Животные словно взбесились. Результат — сразу несколько франков вылетело из седел.

Двоих тут же прикончили Хальфдан с Тьёрви. Одного подшиб стрелой я.

Еще один противник, не совладавший с лошадкой, в седле усидеть сумел, но вынесло его прямо на меня. Я вогнал ему стрелу в грудь и отпрыгнул в сторону. Добивать не потребовалось — и так свалился.

Тем временем Хрёрек ссадил еще двоих — ударами копья и меча. И метнул копьё в спину последнего противника, вознамерившегося удрать.

Поле боя осталось за нами. Псари и прочая челядь разбежались. Те, кто сориентировались вовремя и правильно. Остальные отправились к Высшему Судие.

Однако не все оставшиеся на поле боя франки отдали Богу душу. Трое еще дышали. В числе недобитых — главарь. Местный барончик, как выяснилось. Выехал на охоту... И ошибся с дичью.

Резать пленных не стали. Напротив, оказали первую медицинскую помощь и прихватили с собой. Барончик посулил четыре марки серебра за себя и за своих людей, что сразу превратило пленников в ценный товар.

Что мне понравилось — то, как Хальфдан и Тьёрви отнеслись в недавнему бою. Так, мелкая стычка. Косточки поразмять. Такое ощущение, что оба были абсолютно уверены в своем превосходстве. Единственное, что произвело впечатление на Хальфдана и Тьёрви: вой, которому Хрёрек-ярл научился у своих хирдманнов-варягов. Оба немедленно пожелали научиться этому полезному вокализу.

Так что весь оставшийся путь мы (я тоже присоединился, само собой), выли и гудели на все окрестности, пугая лошадей и навьюченных на них пленников.

Зато на дороге мы больше не встретили никого. Лишь пару раз я (по привычке всё контролировать) отметил шевеление в кустах.

К вечеру мы прибыли в наш лагерь. Люди Хальфдана устроились ниже по течению, так что Рагнарссон и Тьёрви отправились дальше — поднимать храброе воинство.

А я взобрался на палубу «Сокола», развернул любимую шкуру и завалился спать.

Периодически меня будили спотыкавшиеся о спящую тушку викинги: на драккаре кипела работа — готовились к ночному переходу.

Однако когда весла дружно опустились, и под брюхом корабля заворковала вода, я уснул так крепко, что продрых до самого рассвета.

Проснулся, когда киль «Сокола» заскрипел по песчаной отмели.

Прибыли. Прямо над нами красовался городишко, разведанный мной и Руадом три дня назад.

Городишко, что характерно, уже был в осаде. Часть наших совершила ночной марш-бросок, часа на два опередила флот и обложила противника.

Викинги, как всегда, обогнали вести о своем приближении.

К сожалению, городская стража оказалась на высоте, да и ворота на ночь запирались, так что взять город сходу не получилось.

Глава четвертая «Я победил!»

— Мы не можем оставить его за спиной, — сказал Хрёрек, и Хальфдан согласен кивнул.

Видимо, я еще не знал о местной тактике всё, что требуется, потому что с моей точки зрения этот городишко с жалкими двумя сотнями гарнизона, кучкой кое-как экипированных франкских солдатиков не представлял ровно никакой опасности. Я помнил, как сотня викингов вдребезги расколотила значительно превосходящий по численности отряд, оборонявший Плесков. А ведь в Плескове, помимо ополчения, к тому же имелась профессиональная дружина князя Довгана[107]. Для франков хватило бы и половины. Если считать командующего гарнизоном рыцаря с оруженосцем. А без них, уверен, хватило бы и трех десятков хирдманнов. Да эти франкские ополченцы дали бы деру от одного только вида дюжины викингов!

Нас же было в совокупности почти тысяча.

Но командирам виднее.

Ранним утром наше войско появилось в видимости городских дозорных.

А еще затемно группы рейдеров провели зачистку территории. Скрытность — один из наших козырей. Враг думает, что мы болтаемся в устье Сены и еще только-только собирает войско, а мы уже идем по Луаре. Король франков срочно двигает недоукомплектованное войско к Руану... А Рагнар уже под Парижем. Или типа того.

По крайней мере в теории, то есть в рассказах моих бывалых соратников, всё выглядело именно так. Толковая тактика, но я рад, что мне не пришлось участвовать в зачистках.

Мы остановились в отдалении от стен. Стены были сложены из камня, но такое ощущение, что камень этот рубили совсем для других целей. Кривоватые какие-то получились укрепления.

Остановились мы достаточно далеко. Чтобы нас нельзя было достать из лука или баллисты, буде таковая найдется в этом городишке. Затем из рядов нашего воинства выдвинулись человек двадцать с поднятым на копье щитом. Белой изнанкой наружу.

В компании парламентаров был и я. Возглавлял посольство Хрёрек. Тут не принято поручать опасные миссии подчиненным.

Ярл дунул в рог. Над забором появился местный рыцарь.

Кстати, вблизи я понял, что строили этот городок всерьез и надолго. Но очень давно. Но бурные времена не прошли для крепости даром. В целости остался только фундамент, а вот стены — чистый новодел куда худшего качества. Впрочем, с разбега на них тоже не вскарабкаешься. Если сами не сдадутся, придется попотеть.

Нас не обстреляли.

Стороны вполне мирно обменялись приветствиями.

Ярл говорил на родном языке. Рыцарь — на весьма похожем. Видимо, германском. Надо полагать, он знал этот язык лучше, чем Хрёрек — французский. Я понимал три слова из четырех. Ярл, надо полагать, не меньше.

Хрёрек сходу потребовал сдать крепость. Ввиду явного численного преимущества.

Рыцарь ответил в том смысле, что сдать ему не позволяет честь. И сразу посоветовал не тратить на городок времени. Мол, поживиться у них нечем, во всем городе не наберется и десяти фунтов серебра. Которые он, рыцарь, готов выплатить еще до полудня.

Хрёрек потребовал триста фунтов.

Какое-то время они торговались, расходясь в оценке выкупа примерно на порядок. Мне такие дискуссии были знакомы по моим азиатским путешествиям. Только здесь на кону была не выгода, а жизнь.

Рыцарь поднял цену до шестнадцати фунтов. Даже я по его тону догадался, что это — предел. Вспомнилось рассказанное Вихорьком. Насчет прошлогоднего грабежа и монастырского займа. Так или иначе, но Хрёрека размер выкупа не удовлетворил.

Рыцарь вздохнул так, что его услышали даже мы. И предложил решить дело в поединке.

Ярл охотно согласился.

— Если ты победишь, — заявил Хрёрек, — город заплатит нам шестнадцать фунтов серебром. Если проиграешь, то мы войдем в город. И возьмем, что захотим.

— Условия поединка? — поинтересовался рыцарь.

— Никаких! Ты и твои старшие поклянутся вашим Христом, что откроют ворота, если ты падешь. А мои люди поклянутся Одином...

— Не Одином! — перебил рыцарь, проявив некоторую информированность в скандинавской теологии. — Клянись именем Тора и Ньёрда! Вы войдете, возьмете, что пожелаете, но не будете убивать.

Хрёрек не стал возражать.

Стороны торжественно представились. По полной форме, с перечислением четырех поколений предков. Рыцаря звали Жилем. Если коротко.

Затем были принесены клятвы. Очень торжественно, с тщательным подбором слов, дабы гарантирующие их выполнение высшие силы ничего не перепутали.

Пятью минутами позже ворота приоткрылись, и наружу выехали два всадника. Храбрый франкский рыцарь и его не менее храбрый оруженосец. Оба — в тяжелых доспехах. Реально тяжелых. Толстое железо нашитое на толстую кожу — это вам не кольчуги и не панцири продвинутых викингов. Высокие конические шлемы — тоже не самый лучший вариант боевого головного убора. Хотя для всадников — нормальный вес. Вон у шевалье Жилия даже поножи имеются. Нет, серьезно выглядят ребята. Внушительно. И копыя длинные, и лошадки приличных размеров тоже в «защите».

Хрёрек вышел им навстречу. Один. Пеший. Без копыя. В своей обычной броне, которая, хоть и была крепче франкской, но выглядела куда менее внушительно. Ярл даже золотых браслетов не снял. Будто пришел на пир, а не на поединок. Великолепный шлем сиял золотом, золотом же горело зеркало нагрудника, серебрились пластины доспеха и кольчужная юбка. Ниже шлемной полумаски спускалась на широченную грудь заплетенная в косы светлая борода. Ровные белые зубы блестели, как жемчуг на солнце — ярл улыбался.

Но эта открытая улыбка не обманула бы того, кто заглянул бы в прозрач-

но-голубые глаза Хрёрека. Ярл вышел, чтобы убивать.

Вышел, остановился, хлопнул обнаженным мечом по щиту. Мол, начинай, приятель.

Рыцарь послал коня вперед. Оруженосец — следом, отставая метров на двадцать. По вальяжной позе Хрёрека я понял: ярл не очень-то опасается столкновения с этой бронированной парой.

Почему — стало понятно чуть позже, когда рыцарь разогнался до крейсерской скорости и опустил копьё книзу в твердом намерении нанизать моего ярла, как рябчика на вертел.

Не знаю, сумел бы франк осуществить желаемое. Позже я узнал, что на охоте такие парни на скаку ловили копьём бегущего зайца. Хрёрек-ярл, конечно, покрупней зайца.

Но я не думаю, что нашелся бы такой заяц, который мог бы убежать от среднестатистического викинга.

И я мог бы пересчитать по пальцам тех викингов, у которых был шанс убежать от меча Хрёрека-ярла.

У шевалье Жилия такой шанс был. Его конь был достаточно проворен. Просто скакал не в том направлении.

Острие копья, на противоположной стороне которого находилось более полутонны плоти и железа, со скоростью пятидесяти километров в час приближалось к сердцу моего ярла. Но это сердце вряд ли ускорило ритм. Им, копьём и сердцу, по-любому не суждено было встретиться. Более того, мой ярл даже не собирался уклоняться от живого снаряда.

Он просто ждал.

И за десять секунд до столкновения произошло нечто.

А именно: из наших рядов выскочил Стюрмир. Выскочил и с разбега метнул копьё навстречу атакующему врагу.

Попал, разумеется.

Бросок у Стюрмира и так неслабый, а уж с разбега...

Попал он в коня. Вероятно, в коня и целил, потому что промахнуться с тридцати шагов Стюрмир точно не мог.

Копьё угодило бедному животному в шею. Пробило навывлет — скорости сложились.

Получилось красиво: конь упал в десяти шагах от Хрёрека, а шевалье подкатился прямо под ноги.

Ярл торжественно поставил ногу на грудь рыцаря и проревел во всю мощь командирской глотки:

— Ег ванн!

Я победил.

Кто бы спорил.

Замешкавшейся оруженосец оказался на земле через пару секунд. Метнув копьё, Стюрмир не остановился. Между ним и оруженосцем было метров сорок. Будь франк поопытней, он кинулся бы обратно, к воротам. Но парнишка был то ли глуп, то ли особенно предан своему господину, потому что прищиприл коня и вознамерился нанизать на копьё нашего ярла. Стюрмира он не учел. А зря. Викинг даже к наступательному оружию не прибег. Сорвал со спины щит и запустил его на манер гигантского диска.

Вообще-то благородные франки, надо отдать им должное, отлично держатся в седле. Упрутся ногами в стремяна, поясницей — в заднюю луку, и хрен вышибешь.

Но боковой удар конник держит куда хуже, чем лобовой.

Оруженосца вынесло с седла и поволокло по травке — нога в стремях застряла. Конь, впрочем, сразу же остановился (обученный) и сильно побиться паренек не успел.

С «пареньком» я поторопился. Оруженосец оказался бородатым дядькой лет под тридцать.

Но выкуп за него определили в десять раз меньше, чем за «начальника».

Ну да, добивать поединщиков никто не собирался. Зачем убивать, если можно продать!

Викинги, одним словом.

Городок сдался без дополнительных условий. Скажу так: его обитателям здорово повезло. Что может сотворить с мирным населением французского населенного пункта тысяча викингов, цивилизованному человеку даже не представить.

Но Хрёрек поклялся не убивать, а наша армия спешила осадить монастырь, пока там ничего не пронюхали, и городок даже не грабили толком. Так, прошлись наскоро и собрались на перекус во дворе местного замка.

Шевалье угощал. Он уже оклемался и был рад-радешенек, что отделался «малой кровью».

Не дождавшись окончания обеда старина Стюрмир поволок меня и Медвежонка в местную церковку. Не из благочестия, разумеется. Надеялся пожить. Ох сомнительно! Ехали мы мимо этого культового сооружения. Не впечатлило.

Хороший камень, крепкая дверь и престарелый священнослужитель у входа. Более никого. Священника Стюрмир обижать не стал. Взял за плечи, поставил в сторону и вошел. Мы с Медвежонком — следом.

Ну да. Как я и предполагал. Пусто и тихо. Запах сена и ладана.

Стюрмир был явно разочарован.

— Здесь нет того, что тебя интересуется, дан.

Это сказал дедушка-священник. На датском.

— Знаешь наш язык? — заинтересовался Медвежонок.

— Я был среди тех, кто вместе с архиепископом Эбоном крестил данов.

— Ха! — воскликнул Стюрмир. — Чтоб даны крестились? Ты лжешь, жрец!

— Он говорит правду, — вмешался Свартхёвди. — Харальд Клак привел к нам жрецов Белого Христа.

— А, этот... Который удрал, — Стюрмир вспомнил. С историей у викингов всё хорошо. Минимум восемь поколений славных предков должен перечислить каждый уважающий себя норман. С учетом деяний и доблестей. Само собой, исторический контекст тоже имеет значение. А уж то, что имело место быть несколько десятилетий назад, знает каждый датский тинэйджер.

— Не станут даны кланяться этому! — раздосадованный Стюрмир вытянул меч и указал им на деревянную статую Иисуса в обрамлении соломенных «лучей». — Что ж твои соплеменники такие жадные? — проворчал он, вновь обращаясь к священнику. — Даже одежды приличной своему богу не подарили?

На что он такой годеи? Только на растопку...

...Я успел вовремя перехватить руку Стюрмира и не дал разрубить Распятие.

— Полегче, брат! Не следует оскорблять Бога в его доме! Убери меч.

Стюрмир так удивился моему вмешательству, что безропотно упрятал клинок в ножны.

— Ульф прав, — поддержал меня Медвежонок. — Пусть он и слабак, бог франков, но зачем гневить его попусту. Другое дело, если бы он был из золота, а это простое полено. Пошли отсюда.

И они ушли. А я задержался. Присел на скамью. Деревянный Иисус глядел на меня строго и печально. Священник устроился рядом.

— Ты не похож на нормана, — заметил он.

— Так и есть, — ответил я. — Моя родня — из словен. Почему твой храм так беден? Его ограбили?

— Нет, — священник покачал головой. — Я сам отдал всё, чтобы прокормить свою паству. Бог внушил мне благую мысль. Теперь у меня потир из меди, чаши из глины... Зато твоим друзьям незачем громить мой храм. Да и к чему богатства слугам Господа?

— И почему Он не внушил ту же мысль другим священникам? — с иронией поинтересовался я.

— То мне не ведомо, — смиренно произнес священник. — У тебя ясные глаза, человек с севера. Надеюсь, Бог найдет дорогу к твоему сердцу и к твоей душе.

Он легко, по-молодому поднялся, перекрестил меня и ушел.

А я посидел еще пару минут, а потом покинул церковь и присоединился к друзьям.

Должно быть, Бог и впрямь пребывал в той церкви, потому что на душе у меня стало светло и легко. Может потому, что я оставил на церковной скамье пару серебряных монет?

Шевалье Жиль торжественно поклялся повиноваться Хрёреку как собственному отцу. Серьезная клятва. И односторонняя. Хрёрек-ярл рыцарю не обещал ничего. Однако выбора у благородного Жилия не было. Вернее, был. Преклонить колени или умереть в надежде, что его синьор, местный граф, за него отомстит. Слабое утешение для молодого парня, у которого даже наследника не имелось.

В городке мы оставили военную команду из тридцати человек, построились походным порядком и бодрячком двинулись за церковной утварью! Правило — «все лучшее Церкви» в Европе девятого века соблюдалось неукоснительно. И мои соратники относились к нему с полным одобрением. Еще бы! Когда большая часть драгметаллов страны собрана в определенных и легко обнаруживаемых местах, это удобно. Норманам остается лишь придти и взять.

Глава пятая

Священная крепость франков

— Так это же мой пастушок! — воскликнул я, увидав знакомую фигурку, окруженную полусотней мелких лохматых овец. Очень кстати!

Вопреки моим ожиданиям, соединенное воинство двух ярлов на обрушилось на монастырь сходу. Более того, пройдя по дороге примерно с километр, наше войско разделилось натрое. Две меньшие части широкими крыльями, но с максимальной маскировкой двинулись в обход. Их задача — перехватывать всех, кто намеревался прибыть в монастырь. Или его покинуть. В том числе и водным путем — холм, на котором возвышалась святая обитель, с двух сторон омывался речкой.

Основная часть войска (в том числе и хирд Хрёрека-ярла) остановилась вне видимости монастырских дозорных и выдвинула вперед разведку. То есть меня и самого ярла. На удалении в сотню метров пряталась группа поддержки, если кому-то вдруг взбредет в голову нас схитить. Заметить парней из прикрытия было практически невозможно. Хотите увидеть чудо? Поглядите, как прячутся викинги. Раз — и нету. А зайдешь за кустик размером не больше венника, глядь — сидит. Как укрылся? А непонятно. Да так хорошо прячутся: не наступишь, не увидишь.

Итак, мой дорогой словенский пастушок. И его отара.

— Поговори с ним, — велел Хрёрек.

И мне пришлось устроить сорокаметровый «заполз» по лугу. С препятствиями, которые угадывались, к счастью, издали. По запаху.

Оттуда, из травки, я его и окликнул. В принципе можно было и не опасаться особо. Этот склон холма из монастыря не просматривался. Но это — в принципе. Если я выдам наше военное присутствие, Хальфдан с Хрёреком мне голову открутят.

Вихорёк мне обрадовался. Сообщил, что ему было велено пасти отару поближе к монастырю, потому что в окрестностях вчера видели разбойников. Четверых. Хорошо вооруженных. Вероятно, викингов.

Блин! Я мог бы назвать этих разбойников поименно! Вот они, гнилые понты норманской аристократии!

— Ну и как? — поинтересовался я. — Монахи испугались?

Оказалось, ничуть не бывало. Подумаешь, четверка норманов! Овец они да, могут стырить, а напасть на такую крепость — никогда. Так что в обители царила тишь да гладь. Надменное спокойствие, усиленное верой в Господа и еще тем, что вчера в помощь монастырской страже прибыл отряд в сто семьдесят копий.

Не то, чтобы Вихорек их считал, но слышал, как посчитали другие. Кто прислал бойцов, пастушку неведомо. Качество подготовки вновь прибывших — тоже. Но кушали хорошо. И баб с собой привезли штук двадцать. Настоятель побухтел, но смирился. А бабы — веселые. С одной такой Вихорек успел побеседовать. По ее инициативе. Мол, если есть среди монахов желающие позагнать бурундучка в норку, то за небольшое вознаграждение... А Вихорьку коммиссионные. С головы. Вернее, с другого органа. Также Вихорек слышал: со дня на день ждут еще один отряд. Тоже сотни на полторы.

Я покинул Вихорька и отправился в обратный «заполз». Следовало сообщить новости ярлам.

Новости наших лидеров не порадовали. Вероятность еще большего усиления монастырского гарнизона — тоже. Конечно, второй отряд наемников вряд ли доберется до цели, но бесшумно и бесследно перебить полторы сотни бой-

цов почти невозможно. Следовательно, в монастыре узнают, что мы — рядом, и нас — много.

Каменные стены, привратная башня, с которой очень удобно обижать штурмующих... Запрутся — и мы тут до осени просидим. Личное превосходство конкретного нормана над конкретным франком сходит на нет, когда франк с четырехметровой высоты льет норману на голову кипяток. Или смолу, что еще более неприятно.

Нужен хитрый план, который позволит нам проникнуть за стены.

— Может, ночью? — предложил я.

Не понравилось. Скандинавы воевать в темноте умеют. Но не любят. Им нравится публичность, а какая публичность, если твои подвиги и не разглядеть толком. Вдруг там, наверху, в Асгарде, перепутают и заберут в Валхаллу не того.

— Наемники, — сказал Хальфдан Рагнарссон. — Когда они придут, им точно откроют ворота.

— Если они придут... — произнес Тьёрви задумчиво и поглядел почему-то на меня.

Я пожал плечами. За что купил, за то и продаю.

— Никаких «если»! — Мой ярл оживился. — Вороны Белого Бога ждут наемников? Будут им наемники!

Хальфдан — младший из Рагнарссонов. Хитростью и коварством он изрядно уступал Сигурду и Ивару, однако он был далеко не дурак.

Схватил идею на лету и оживился.

— Тьёрви! Возьми две сотни хирдманнов и закрой дорогу на полдень[108]! Когда франки подойдут — они твои.

— Если... — Тьёрви всё еще сомневался.

— Они придут, — уверил мой ярл. — Но с тобой, Тьёрви-хевдинг, пойдут и мои люди.

— Полагаешь, я не справлюсь с большой сотней франков? — Тьерви, похоже, обиделся.

— Не сомневаюсь, что ты сможешь победить и тысячу, — заверил Хрёрек. — Но нам ведь не победа нужна, а их оружие и лошади. И никто не должен уйти. Ни драный пес, ни шлюха. Для этого двух сотен бойцов будет мало. И еще — надо застать их врасплох!

— Брат, — вмешался Хальфдан. — Ты хочешь обидеть моего хёвдинга и моих людей? Франки увидят их не раньше, чем они начнут их резать.

— Я не сказал «напасть внезапно», — Хрёрек усмехнулся. — Я сказал: застать врасплох. А это не одно и то же. А сделаем мы так...

* * *

Доспехи шевалье Жиля оказались мне чуть великоваты, зато броня его оруженосца — как раз по мерке. Броня — дрянь. Тяжелая, сковывающая движения. Вдобавок — здоровенный щит и еще более здоровенное копьё, которым я не умел пользоваться. То есть собственно копьём — умел, но на своих-двоих, а не в седле.

Ну да ладно. Не на турнир еду.

Мне в свиту выбрали дюжину дренгов помельче и почернявей — чтоб сошли за франков. Не скажу, что здешние франки — сплошь брюнеты и задохлики, но процент шестифутовых блондинов среди средневековых головорезов

значительно меньше, чем в скандинавской популяции. Так что с моей «свитой» пришлось повозиться. Еще мне дали знамя шевалье Жиля. С гербом. Шевалье никто не спрашивал: он всё еще находился в положении пленника.

В общем, мы замаскировались как могли. Со ста метров угадать, что мы — ряженые, было не так легко. Я бы, к примеру, не разобрался.

Выехали из городка, проехали мимо монастыря, внаглую. Мне что-то кричали со стен. Я не ответил. Только знаменем помахал.

Дальше — проще. Хорошая дорога, хорошая видимость. Мы отъехали от монастыря примерно на километр, когда я заметил первого нашего. То есть он сам показался. Махнул рукой: всё путем.

Поля, поля, виноградники на холме... Дорога огибала холм и вновь возвращалась к реке. Еще полкилометра. Слева — река, справа — лес. Из монастыря нас уже не видно.

А кто это к нам скачет?

Скиди (его белая грива была спрятана под войлочным, усиленным медными полосками колпаком) взялся за лук, но тут же расслабился. Свой.

— Они едут! — крикнул мне Хальфданов дренг. — Тьёрви сказал: делай, как договорено. Всё готово!

Развернул лошадку и поскакал обратно. Эх, загонит он бедную животинку!

Еще с километр. Дорога пуста. Навстречу попался только воз с десятком связанных поросят. Угрюмый французский пейзаин вышагивал рядом.

При виде нас озаботился и сразу закричал, что поросята — монастырские.

Я махнул рукой: мол, не тронем. Проехали. Крестьянин в нас ряженных тоже не распознал. Впрочем, его больше сохранность поросят интересовала.

Дорога была мне известна. Проехался вчера, изучил. Так что назначенное место опознал сразу и скомандовал: стой!

На военном совете было решено так: ждем наемников два дня. Если появятся — берем, раздеваем и сами становимся «наемниками». Если не появятся — будем импровизировать.

Место засады выбрали потому, что здесь река делала петлю, и за лесистым мысом можно было укрыться. Дальше — изгиб в противоположную сторону и дорога видна километра на полтора.

Тьёрви расположился в лесу, достаточно густом, чтобы спрятать две сотни норманов. Еще сотня укрылась чуть дальше. Ее задача — перекрыть дорогу. И еще с полсотни наших попрятались в зарослях на том берегу реки. Она здесь неширокая и мелкая, так что наверняка кто-то попытается удрать водой. Тоже задача — не из простых. Дно илистое, топкое. Лошадь наверняка увязнет, а ножками — добро пожаловать в крепкие скандинавские руки.

Я спешил и выдвинулся метров на триста вперед. Дорога отсюда просматривалась отлично. В лесу — тишь да гладь. Даже птички поют. И не скажешь, что там прорва вооруженного народа попряталась.

Ага, вот и цель показалась. Долго ждать не пришлось.

Солдаты удачи. Или типа того. Впереди — брутальный мужик с усищами подлинней, чем у Ольбарда. Налегке. Даже шлем не надел: вон он, к седель-

ной суме принайтован. Рядом с brutальным — девка. Ну как же без нее? С виду — приличная. Волосы под чепчик упрятаны.

За сладкой парочкой, вразброд, остальные «горячие головы». Что-то я не понял: они на войну или на пикник собрались? Брони не вздеты, дозоры не высланы...

Пока червяк колонны вылезал из-за леса, я считал. Сто восемьдесят две головы. Не считая лошадиных. Примерно треть — женщины. И тридцать телег. Цыганский табор, а не военное подразделение. Зато знамя имеется: красная тряпка, на которой намалевано что-то вроде тощей курицы.

Ну, Бог им в помощь!

Я отбежал назад, помахал своим, чтобы подтянулись. С помощью Скиди взобрался на коня, гикнул и поскакал...

Франки при виде нас остановились. Вернее, остановились лидеры, остальные сбились в кучу. Уставились на знамя шевалье Жилия, которым энергично размахивал Скиди.

— Норманы! — заорал я еще издали. — Много норманов! Засада!

Прононс у меня неважный. И словарный запас — ограниченный. Но кто станет придирается к человеку, который несется галопом тебе навстречу. Тем более, когда в сообщении такой креативный посыл.

— Норманы! Норманы!

Мой вопль, как и ожидалось, произвел смятение в и без того дезорганизованных рядах противника. Они окончательно перемешались. Кто-то из конных попытался дать деру, но завяз в пехоте. Геройский предводитель, как и положено герою, поскакал ко мне навстречу. Вместе со своей спутницей. Скакал и вопил. Надо полагать, желал подробностей. Но то ли с произношением у него было неважно, то ли мое знание, вернее, незнание французского виновато... Не понимал я ни хрена. А если я что-то не понимаю, это обидно. Поэтому, когда усатый мачо подлетел ко мне и завопил совсем истошно, вдобавок брызжа слюной мне в лицо, я чуток придержал коня и с удовольствием ответил. Древком копья — в рожу. Хорошо получилось. Усатый прям-таки воспарил над дорогой. И приземлился уже на травку. Там его мои дренги и повязали.

Спутницу усатого спешил Скиди. Спрыгнул с коня, сдернул за ногу, подхватил поперек туловища, захохотал, довольный... К женщинам мой ученик относился чересчур... эмоционально. Ясное дело, тинэйджер.

Оп! Выпущенная из грубого хвата женщина откатилась в сторонку, вскочила и зашипела дикой кошкой. В руке — нож. Да немаленький. В локоть длинной.

А у Скиди на куртке — прореха. Ну а под прорехой — кольчужка проглядывает.

Вступать в единоборство с женщиной Скиди не стал. Подхватил с дороги камешек да и запулил храброй наемнице в живот. А затем, уж и ножик отобрал, и ручки шаловливые связал без спешки.

Спешить точно было некуда. Мальчики Тьёрви в считанные секунды оприходовали отряд. На одного вольного франка приходилось минимум по три викинга. А хватило бы и одного викинга — на троих.

Помимо «живого товара» нам достался и весь обоз. С доспехами (поганенькими), амуницией, запасом жратвы-выпивки и прочими походными принад-

лежностями. Ну и красное знамя с курицей, само собой. Первый этап плана Хрёрека был выполнен. Если так же гладко пойдет и дальше, обедать мы будем уже в монастыре.

Глава шестая

Священная крепость франков (продолжение)

— Сколько же там, внутри, добра! — плотоятно осклабился Стюрмир, в очередной раз продемонстрировав разницу моего менталитета и типичного подхода викингов. Я вижу противника — и прикидываю, насколько он опасен. Викинг видит доспехи, прикидывает их стоимость — и радуется. А то, что там, внутри ценной брони — кто-то сидит, это непринципиально.

Начать нашу тактическую операцию предстояло Вихорьку. Идея была не моя — Тьёрви. Вихорька никто не спрашивал. Но он мог бы и отказаться. Тогда отару погнал бы кто-нибудь из «юнг». Пацанчик взялся всё сделать сам, хотя я честно попытался объяснить ему, насколько это опасно.

— Ты возьмешь меня с собой? — спросил Вихорёк. — Потом, когда вы победите?

— Если будет кого брать, — проворчал я, и паренек засиял от счастья.

Теперь нам оставалось только дожидаться вечера.

Движение по идущей мимо монастыря дороге днем было не слишком оживленным, но ближе к закату к воротам потянулись труженики полей и виноградников, погнали скотину, повезли свежие продукты...

Наступила очередь Вихорька. Блеющая отара вступила на мост, когда стража на стенах увидела красное знамя с изображением курицы-дистрофика. Поначалу никто не всполошился: отряд действительно ждали. Но чуть позже наблюдатели забеспокоились: слишком уж поспешно передвигались наемники. Можно сказать — во весь опор. Первые всадники вылетели на мост, когда овцы только-только начали проходить через узкие ворота.

— Норманы! Норманы! — дружно заорали мы, врезаясь в отару и порождая смятение не только среди бедных животных, но и среди привратной стражи.

— Норманы! Ближе! — Голос у Трувора — как боевой рог. Его сходство с покойным предводителем наемников ограничивалось длинными усами, но хотелось верить, что в суматохе никто не станет к нему присматриваться.

Конные «увязали» в отаре, но всё же ухитрились протиснуться к самим воротам.

А по мосту уже грохотали повозки и бежала пехота. Викинги помельче, кое-как замаскированные трофейными доспехами и тряпками. Распознать в них ряженных было проще простого. В мирной обстановке. Но сейчас все взгляды монастырских были прикованы к металлически отблескивающей колонне, показавшейся из-за холма. Норманы!

— Норманы! — Подхваченный монастырской стражей вопль разнесся над монастырем.

Все по местам. Команда «к бою!».

— Быстрее, быстрее! — истошно орали стражники у ворот.

— Закрывать ворота! — ревел кто-то начальственным басом.

Но в воротах — мешанина из блеющих овец, вопящих ряженных и гужевого транспорта.

В итоге ворота остались открытыми. Хорошие такие ворота. Из доброго ду-

ба, усиленного железом и бронзой. С надвратной башней, обеспечивающей обстрел тех, кто пожелает оные ворота взломать.

Шум, вопли, ругань, ржание коней, бляение несчастных овечек...

А издали, со стороны дороги — грозный рев и inferнальный грохот и лязг. Это приближались викинги. Безжалостные дьяволы, выходцы из ада, ужас всей клерикальной Европы.

Я вырвался на «оперативное» пространство следом за Трувором.

В монастырском подворье — суeta и ажиотаж. И почти полная неразбериха. Как позже выяснилось, отряд усиления, прибывший вчера, успел покушать и выпить, но «штатного расписания» на него еще не составили. Однако brave парни лезли на стены вместе с «базовой» стражей...

Отчего неразбериха только увеличилась.

Мимо меня промчался мужик в помятом нагруднике.

— Ворота!!! — вопил он, срывая голос. — Закрывай ворота!!!

Размечтался, однако.

На пути у него оказался Ульфхам Треска. Во франкских тряпках и мятом бронзовом шлеме с личиной кота и дрянным щитом с уже знакомой дистрофичной курицей. Всё — из арсенала наемников.

Датчанин открылся, и мужик в нагруднике с разбега врезался в скрытый лохмотьями, но куда более качественный доспех Ульфхама... И засипел, когда пальцы викинга стиснули его горло.

— Не шуми, — сказал ему Ульфхам Треска по-датски. И закрепил команду добрым ударом щита.

Трувор пихнул меня локтем.

— Башня — наша! — бросил он.

И мы рванулись вперед, расталкивая монастырских вояк.

Мы — это четверо варягов, Свартхёвди, Оспак Парус и я сам.

Вход в башню — узкая щель. За ней — крутая каменная лестница, винтом уходящая вверх.

Теперь можно было не церемониться, поэтому когда на пути Трувора оказался менее проворный монастырский стражник, то жизненный путь бедняги тут же и закончился, а Трувор сходу ворвавшись в помещение на первом уровне, крикнул мне: «Выше!», и принялся рубать супротивников.

А я полез вверх по закручивающейся лестнице. За мной — остальные.

Ага! Следующий этаж. Промежуточная площадка с тремя бойницами, пятью бойцами и недетских размеров запасом стрел.

Трое из пяти глазели в щели, двое оглянулись... И отвернулись. Шлем на мне — франкский — дурацкое «пожарное ведро». Меч — в ножнах. Борода черная. Рож незнакомых в монастыре со вчерашнего дня — хоть отбавляй. А у ребят — дело. Они разогревали смолу. Макнешь в такую наконечник с обмоткой, подожжешь и — огонь. Само собой прицельная дальность падает и скорострельность. Зато — горит.

Эти — мои.

Я шмыгнул внутрь (мои друзья помчались дальше — на верхние уровни) и тут же зарезал двоих. Ножиком. Самым бесчестным образом.

Сначала одного, потом второго. Даже и не пискнули. Хотя особой нужды в тишине не было. Снаружи стоял такой ор, что даже здесь, за толстыми стенами, было шумновато. Никаких угрызений совести я не испытал. Эти люди на-

меревались жечь огнем моих товарищей, а я их... совсем небольно зарезал.

Успокоив двоих, я извлек из ножен Вдоводел и двумя экономными ударами отправил в рай еще парочку. С третьим пришлось повозиться. Он отвернулся от бойницы как раз тогда, когда я извлекал клинок из межреберья его коллеги.

Мужик оказался сообразительным. И что характерно — держал в руках лук с наложенной стрелой. Спрашивать меня, что я делаю и зачем, франк не стал. Щелк! — и выпущенная в упор стрела долбанула меня в грудь. Хорошо — в зеркало угодила. Хорошо — мужик в спешке недотянул лук и выстрел получился — вполсилы. Но и эти «полсилы» заставили меня пошатнуться.

И тут франк допустил ошибку. Ему бы подхватить вторую стрелу и вклепить мне в живот (не факт, что бронь выдержала бы), а он бросил лук и схватился за тесак. На этом его бойцовская карьера и закончилась.

Я выглянул в щель. Картина была отрадная. Ворота открыты, мост опущен, а к мосту огромными прыжками (но при этом идеально держа строй) несутся хускарлы Хальфдана с самим Рагнарссоном в первом ряду.

Убедившись, что всё идет по плану, я кинулся к лестнице... И вскоре убедился, что парни справились без меня. Дееспособных защитников в башне не осталось.

Но веселуха еще не закончилась.

Когда я поднялся на самый верх, то обнаружил там всю нашу команду (за исключением Трувора и Оспака Паруса, которому было поручено держать вход в башню), развлекавшуюся метанием стрел в защитников монастыря, обосновавшихся на стене.

То, что стену могут обстреливать из собственной башни, строители как-то не учли. Поэтому это было чистое избиение.

Да и то, что происходило на подворье, назвать битвой язык бы не повернулся. Главные силы наших уже прорвались на территорию монастыря. А поскольку в бою один викинг стоил как минимум пяти франков, тысяча викингов против нескольких сотен защитников — это примерно как батальон спецназа против роты срочников. А тут еще внезапность нападения...

Стрельба по беспомощным мишеням меня не привлекала, поэтому я поспешил вниз.

Вход в башню был закупорен могучим туловом Оспака Паруса. Я похлопал его по спине, Оспак посторонился и выпустил меня наружу.

Собственно, защищать вход в башню было уже не от кого.

Снаружи густо воняло смертью. Трупы лежали вповалку, в одежде и доспехах. Их никто не обирал. В монастыре имелись объекты, куда более перспективные с точки зрения трофеев.

Большая часть викингов скопилась у храма. Там шла самая отчаянная сеча, но исход ее был предрешен. Последние монастырские воины пали раньше, чем я добежал до храма.

Дом Господа тоже был неслабой крепостью. Узкие двери еще держались, судя по ритмичному грохоту.

А в храме шла служба. Чувственные голоса певчих взывали к Господу на бессмертной латыни, умоляя о защите. Во всяком случае, я так полагал, поскольку мои знания латыни ограничивались сотней слов. В мирное время пение это наверняка было очень впечатляющим, однако защитить храмовые

врата не смогло. Когда язычники ворвались внутрь, пение сменили вопли боли и ужаса.

Это было страшно. Несколько сотен викингов, распаленных битвой, окровавленных, озверевших, беснующихся в священной обители. Норманские секиры вышибали дух из тех монахов, кто пытался препятствовать грабежу. Эти же секиры выковыривали драгоценные камни из раковин и саркофагов, сбивали со стен серебряные светильники, срубали золотые украшения. Двое викингов, опрокинув фигуру Спасителя, оторвали драгоценный солнечный знак и тут же порубили его на куски — для удобства транспортировки.

Вопли, стоны, жалобные крики смешивались с радостным ревом узревших добычу победителей. Мой сопалубник-варяг Харра Стрекоза выволок из алтаря слабо сопротивляющегося архиерея в роскошном, шитом золотом облачении, вспорол ткань мечом. Священнослужитель истошно завизжал — видимо железо разрезало не только ткань. Харра накинул добычу на плечи, будто плащ, приголубил священника кулаком по голове. Тот сомлел, а Харра устремился на поиски новых богатств.

Я — смотрел. Понимал: остановить резню я не в состоянии. Хорошо хоть мне не обязательно принимать в этом участие...

Когда смотреть стало — невтерпеж, я просто ушел.

Но снаружи было не лучше.

Мертвецы, мертвецы... Повсюду. А живых деловитые скандинавы стогнали в гурты, вязали...

У кормушки для коров незнакомый викинг со значком Хальфдана на плаще насильно насиловал монашку, перегнув ее через край яслей и задрал рясу.

«Откуда здесь монашки? — вяло удивился я. — Монастырь-то мужской...» Потому мой взгляд упал на темные усики на гладком круглом лице «монашки»... И я брезгливо сплюнул.

Впрочем, этому еще повезло. Вон лежит другой монах — со вспоротым животом и разбросанными по земле кишками. Тоже кто-то... развлекся.

Тут я вспомнил о Вихорьке и решил, что должен его найти.

Пять минут я потратил бесцельно, мотаясь по двору, и вынужденно наблюдая за развлечениями викингов. А в голове — одна-единственная мысль: что я делаю с этими зверьми? Зачем я здесь? Что мне мешало остаться на Сёлунде? Почему я участвую в этой мясе, а не гуляю с прекрасной Гудрун по берегу собственного озера? Почему?

Потому что я дал клятву верности Хрёреку? Потому что мы все — братья? Но разве братья мне эти норегии, заживо сдирающие с человека кожу? А человек уже не кричит — душится животным хрипом...

— Эй, Ульф! Ты только погляди!

Гуннар Гагара с братвой. Традиционное норманское развлечение: сколько продержится расчленяемый человек.

— Я этой вороне...

Полсекунды — и голова несчастного монаха слетела с плеч. Норегии сначала опешили, потом другой Гуннар, Морской Кот, радостно захохотал:

— Я выиграл! Он умер!

— Ничего он не умер! — возмутился Гагара. — Это Черноголовый его убил! Ты зачем его убил, Черноголовый?

— Захотелось! — честно ответил я. С вызовом... Который Гуннар Гагара

принять не рискнул. Да и остальные отнеслись к моему удару спокойно.

— Кот, иди притащи еще одного! — крикнул кто-то. — Начнем сначала!

Вот так. Дорого обойдется мой гуманизм еще одному монаху.

Ладно. Я состроил строгую рожу:

— Делать нечего? — процедил я грозно. — Братья делом занимаются, а вы нашу общую добычу превращаете в бесполезное мясо?

Обвинение в крысятничестве норегов смутило.

— Так их же вон сколько, ворон... — без особой уверенности протянул Гагара. — Десяток-другой... Не убудет.

— Вот разделят добычу, получишь ты свой десяток — и делай с ним, что пожелаешь! — заявил я. — И вообще нечего тут околачиваться. Пока ты «ворон» считаешь, Хальфдановы хускарлы в храме золото с серебром прибирают!

Жизнерадостные норегские рожи разом приняли озабоченное выражение. И — рысцой к воротам церкви.

Во дворе пастушка я не нашел. Так что вернулся и продолжил поиски внутри храма.

Там Вихорёк и нашелся. Сам.

В одном из нефов несколько викингов пытали голого человека с бритой макушкой. И явно не для развлечения, потому что процессом руководил Тьёрви-хёвдинг. Рядом с ним топтался мелкий паренек в медном шлеме скверной работы, в каких-то окровавленных тряпках и босиком. Хальфданов «юнга»? Без сапог? Сомнительно...

— Ульф! Ульф Вогенсон! — окликнул меня хёвдинг. — Иди сюда!

— Видишь, кого мы поймали! — похвастался он, кивая на корчившегося на земле человека. — Казначей здешний! Удачно получилось. Твой трэль, — кивок на паренька в окровавленном рубище, — на него показал.

— Мой трэль?

Ну да, конечно! Паренек сдвинул шлем и я не без труда (крови и грязи на лице хватало) опознал Вихорька-пастушонка. Всё-таки уцелел мальчишка! Удачливый. В каше, которая творилась у ворот, и опытного воина могли прикончить.

Пацанчик улыбнулся робко-искательно... Не забыл, значит, заветные слова «Я — собственность Ульфа Черноголового».

Впрочем, Тьёрви его и так знал. Хёвдинг был в курсе того, кто «предводительствует» овечьей отарой. Хотя что для Тьёрви какой-то франкский раб? Та же овца.

— Ну да, это мой человек, — подтвердил я.

Тут казначей вдруг отчаянно закричал, выгнулся и обмяк.

— Готов, — одобрительно отметил Тьёрви. — Молодцы!

И присел на корточки рядом с пытаемым.

Тот, к моему немалому удивлению, был в сознании. Окровавленное лицо хранителя монастырских ценностей выражало один лишь безграничный ужас. Он пытался что-то сказать, но вместо слов получались только кровавые пузыри.

— Золото, серебро, ценности, — очень четко, по-франкски произнес Тьёрви. — Где?

— Я покажу, покажу... — забормотал казначей. — Не мучьте меня, Бога ради, пожалуйста, я все покажу! Я знаю!

— Поднимите его! — велел Тьёрви. И мне: — Прогуляешься с нами?

Я-то думал, что казначей серьезно покалечен, но поставленный на ноги, он довольно бодро порысил внутрь церкви. Люди Тьёрви знали свою работу и умели делать больно, не причиняя серьезных травм.

Внутри началась вакханалия. Наши парни добыли где-то пару приличных бочек церковного вина и пустили в дело. Со стен скорбно взирали на кощунство строгие святые.

Казначей вел нас прямо к алтарю.

Там уже изрядно потрудились викинги: уволокли всё сколько-нибудь ценное. Мозаичный пол был скользким от крови. Теперь это святое место больше напоминало бойню. Повсюду лежали тела убитых и умирающих. Все — ободранные догола.

Один из раненых вдруг очнулся, ухватил нашего проводника за ногу, выкрикнул что-то по-своему.

Казначей глянул на него дико, дернулся... Но подталкивающий его викинг отреагировал по-нормански. Махнул мечом, отделив руку от туловища.

Казначей, взвизгнув, стряхнул мертвую конечность и нырнул вглубь алтаря.

Ага, тайничок! Даже не тайничок, а подземный ход. Винтовая лестница уходила вниз. Кто-то предусмотрительный приготовил связку факелов. Осталось только зажечь.

Что мы и сделали.

Перед спуском перестроились. Впереди двигался один из людей Тьёрви. За ним — трясущийся казначей. Потом — сам Тьёрви, я, Вихорёк (он увязался за нами, и я его понимал), а замыкал шествие второй человек Тьёрви.

— Здесь не так давно прошли люди, — заметил хёвдинг, потянув носом воздух. — Давайте-ка поторопимся.

И мы поторопились.

Через пять минут муки совести, терзавшие меня по поводу разграбления святой обители, растаяли без следа.

Потому что мы оказались в монастырской тюрьме.

Слуги Божьи не должны так обращаться с людьми. А если они творят подобное, то приход викингов вполне можно рассматривать как кару Господню.

Те, кто гнил здесь, не совершили ничего против Бога. Чтобы оказаться в этом зловонном подземелье, было достаточно украсть краюху черствого хлеба. Или оттолкнуть кого-то из святых отцов. Или не вернуть долг. Таких публично калечили и бросали умирать в крысиные клетки — в назидание другим должникам.

Всё это шепотом поведал мне Вихорёк, пока мы шли меж вонючих нор, сопровождаемые проклятьями и безумным хохотом. Однако я уверен: знай здешние сидельцы, кто мы такие — нам воздавали бы хвалу. Месть свершилась.

Но не до конца.

— Т-ш-ш! — Тьёрви ухватил брата-казначея за шею, останавливая.

Безупречный слух викинга и сейчас не подвел.

Впереди были люди. Мы тихонько подобралась поближе.

Точно. В широком и низком подземном зале тусовалась целая толпа. Вер-

нее, не тусовалась, а работала.

Кипучая деятельность при свете факелов.

Человек тридцать что-то активно перетаскивали.

— Кто это? — шепотом поинтересовался Тьёрви у нашего трясущегося проводника.

— На-настоятель... 3-золото... — Зубы казначея клацнули.

— Мышка решила обмануть кошку, — процедил хёвдинг. — Главного жреца — живьем. Он денег стоит.

Я не успел спросить, как отличить настоятеля от прочих. Тьёрви и его орлы уже кинулись в бой. Правда, перед броском хёвдинг не забыл приголубить пленника по бритому кумполу.

— Будь здесь! — велел я Вихорьку, перепрыгнул через обмякшую тушку монаха и поспешил за соратниками.

Нас ждали. Дюжина франков в кожано-бляшечных бронях явно из числа монастырской стражи. А я-то думал, что все они пали, защищая храм.

И епископ тоже хорош! Бросил своих умирать подопечных и смылся.

Франки встретили нас слаженным строем... Который Тьёрви и его парни проломил, даже не сбавив хода.

Я чуть замешкался, потому что уцелевшие после контакта с моими друзьями франки (примерно половина) решительно набросились на меня.

Зря они это сделали. В темноте они ни черта не видели и большая часть ударов досталась их же приятелям. А вот мой Вдоводел действовал безошибочно. Я проскочил через сбившийся строй, оставив моих противников выяснять отношения исключительно между собой, и, вырвавшись на оперативный простор, принялся рубить всё, что двигалось. Вернее, всё, что двигалось недостаточно быстро, ведь по ней, родимой, по скорости, я даже в полумраке безошибочно распознавал своих.

Настоятеля взяли живьем. Ему и еще парочке монастырских иерархов хватило ума забиться в угол, когда стало ясно, что выход (равно как и вход) из сокровищницы надежно перекрыт скандинавским железом.

Вот так жадность губит служителей культа. Дернули бы они сразу наутек — оказались бы на свободе. За алтарем прятался не единственный вход в подземелья. Еще два вели к конюшни и прямо в келью настоятеля. А самый длинный коридор выводил вообще за пределы монастыря. К речке. А там беглецов уже поджидала спрятанная в зарослях парусная лодка. И ни одного нормана поблизости!

Но нет, епископ со товарищи решил прихватить с собой монастырские ценности. И сам стал ценностью. Ярлы назначили за него выкуп в три кило серебра.

Очень скромная цена, учитывая какую добычу мы взяли.

— Теперь можно и домой, — заявил довольный Стюрмир, сменивший плащ на облачение священнослужителя, весившее никак не меньше доброго панциря — столько на нем было золотой и серебряной канители.

На мой вопрос: не боится ли он гнева Христа за то, что облачился не по чину, Стюрмир только рукой махнул.

— Вот кабы это нашего жреца плащик был — я бы еще подумал, а это пу-

стое. Ты ж видал, Ульф, сам Белый Христос в рубище ходил, а похоронен и во все в набедренной повязке.

— Зато Он воскрес! — напомнил я.

— Эко диво! — воскликнул Стюрмир. — Я тоже воскресну в чертогах Одина, если умру, как полагается. А жрецы эти здешние, кабы ходили в рубище, как ихний Христос, так мы бы их и не тронули. Вон как того, в городке. На кой они нам нужны, нищие? А они обряжаются так, как у нас не всякому конунгу по доходам, едят на злате и серебре и думают, что их бог в рубище за них вступится. Да скорее голодный волк вступится за жирную свинью, чем этот тощий Христос — за кабана-жреца, с которого я этот плащ снял!

Вот так поэтично и образно ответил мне не искушенный в богословии простой датский викинг.

И возразить мне было нечего.

* * *

Потом был пир. То есть сначала на территории «прибрались», лужи крови засыпали песком и сверху набросали соломки. Для приятного запаха. В трапезной (или ее аналоге) монастыря и на подворье накрыли столы. Богато накрыли. В монастырских погребах яств хватало не то, что на одну тысячу — на десять.

Мне выделили место среди воинской элиты. В мою честь даже сказали тост. Хрёрек-ярл порадовал. Напомнил почтенной публике, кому мы обязаны обнаружением той здоровенной кучи сокровищ, которая громоздится на почетном месте посреди зала. Кто указал на казначея? Мой трэль. А за все действия трэля несет ответственность его хозяин. Так что ему и бонусы. Или штрафы. В зависимости от содеянного трэлем.

Главной дележки еще не было. Сначала планировалось похоронить павших и отметить это дело как положено.

Костер сложили — высотой метра три. Не столько из необходимости (с нашей стороны потери были ничтожные), но — почтить героев. А зачем скромничать, если дров в монастыре хватит на двадцать таких костров? Цели прославления послужили и пленники, коих тоже уложили на костер. Пленникам повезло. Уж не знаю почему, но сжигать их живьем не стали. Сначала прирезали.

Достойно получилось. Огонь поднялся выше монастырских стен.

Я при сем не присутствовал. Вместе со Скиди и Вихорьком мы спустились в монастырскую тюрьму и открыли все тамошние жуткие норы. Открыли и ушли. Дальше — сами. Дорога к реке свободна. Я отдавал себе отчет в том, что половина узников уже не способна передвигаться, но я сделал, что мог. Чисто по-человечески. А благотворительность — не моя добродетель. Скиди я соврал, что дал обет. Дал и исполнил. Обет — это скандинаву понятно. И другим, если спросят, отвечу так же. Тем более финансового ущерба я никому не нанес. Кому нужны эти малохольные, если и здоровых трэлей некуда девать. Полная монастырская конюшня «живого имущества».

Хотя в конюшне были не все. Пяток «элитных» пленников Хальфдан велел притащить к нам на пир. Им даже оставили собственную богатую одежду. Чтоб самим любоваться и выкуп содрать побольше. Был составлен «прайс-лист», который ярлы намеревались отправить ближайшему архиепископу. Посредником был выбран шевалье Жиль. «Прайс-лист» на монастырский

топ-менеджмент командиры огласили публично. А то мало ли... Решит какой-нибудь пьяный и веселый хирдман позабавиться с «элитным товаром». Чтоб не удивлялся потом размеру компенсации.

Кстати о забавах. В трапезной было весело. Верно, никогда за всю историю монастыря здесь не было такого количества женщин. К потаскушкам франкских вояк добавилось несколько сотен крестьянских девушек, пригнанных из близлежащих деревень. И «леди» из городка шевалье Жилия. Эти прибыли сами. То есть не сами, конечно, а в сопровождении мужчин. По приглашению нашего ярла. Отказаться рыцарь не рискнул. Выбора у него не было. Или — добровольно-принудительно. Или — просто принудительно.

Впрочем, в монастыре его ждал небольшой подарок. Мои друзья выгребли из монастырской сокровищницы не только серебришко-золотишко, но и кучу закладных, долговых расписок и прочих финансовых документов. Вся эта бухгалтерия, в которой без сомнения находилось и собственное долговое обязательство шевалье Жилия, отправилась в погребальный костер. Из рукописных предметов были оставлены только книги. Не из почтения к святыням, а потому что викинги по опыту знали: их можно продать и продать недешево.

Но вернемся к пиру. Наш рыцарь восседал на почетном месте напротив ярлов, что несомненно не укрылось от взглядов церковных иерархов. Но они не вякали. От шевалье зависело, как быстро они вырвутся из злобных языческих лап.

Прислуживал мне Вихорёк. Пацанчик приоделся, умылся и выглядел, пожалуй, бодрее, чем его господин. То есть я. Недавние ужасы никак не затронули его детскую психику. Напротив, он был весьма оживлен и бодр. Если бы не я, он оказался бы в набитой пленниками конюшне. Или — в земле. Хотя если бы не он, наших на погребальном костре было бы значительно больше.

Однако никто, кроме меня, не заценил боевых заслуг паренька. Вот если бы он с оружием в руках выступил с нами в одном строю...

И хорошо, что не выступил. Затоптали бы, даже не заметив. Так что быть ему пока что трэлем. Моим. Уверен, это существенно лучше, чем — рабом при монастыре. Вихорёк тоже так считал. И всемерно старался услужить.

Между тем пир набирал обороты — пришел черед мужским развлечениям. Борьбе и метанию острых предметов. Господа норманы не навоевались. Им было весело.

Зато шевалье Жиль и его спутники явно были не в своей тарелке. Им было страшно. Кроме того с ними были женщины, на которых уже облизывались победители.

Впрочем, не мои проблемы. Я пил монастырское вино, замечательное, надо отдать ему должное, и думал всё о том же: какого хрена я тут делаю? Болтаюсь черт знает где и творю черт знает, вместо того, чтобы быть вместе с моей Гудрун? Мои друзья — понятно. А я? К богатствам я равнодушен. Лишь бы на жизнь хватило. Таковую, как мне нравится. Слава? Да плевать мне на то, что думают обо те, о ком я понятия не имею. Кстати, к моим потомкам это тоже относится. Пусть любят меня таким, какой я есть... Когда появятся на свет.

Может я здесь, потому что тут мои друзья? Да, наверное, так и есть. Я поклялся быть верным Хрёреку. Верным своему хирду. Я — его часть. И естественно, что я — с ним. Я не могу его оставить. Это было бы так же странно, как если бы мой указательный палец пожелал остаться дома, когда я выхожу

за порог.

Тогда почему мне так мутно на душе?

— Эй! Ульф! Черноголовый! Покажи свою ловкость! Покажи, как ты боролся с моим братом Иваром!

Это Хальфдан, чтоб его понос пробрал. Пацаны борьбу затеяли. И естественно тут же поделились на партии. Наши против Хальфдановых. Я поглядел на Хрёрека: это обязательно? Ярл чуть заметно пожал плечами: как хочешь. Желających хватало.

— А что я получу, когда вытру пол спиной твоего хускарла, Хальфдан-ярл? — громко осведомился я.

— Выбирай любую девку, какая тебе глянется! — заявил младший сын Рагнара. — А если на полу окажешься ты, сложишь хвалебный стих победителю!

Щедрое предложение. Вопрос: с кем я буду бороться?

Ну да, этого следовало ожидать. Очередная гора мяса. Не помню, как его зовут, но это здоровяк явно не из юных дренгов. Лет тридцать. Мускулатура гребца. С подвижностью и выносливостью тоже всё хорошо. Схватит — мало не покажется. Не схватит.

Я только-только успел скинуть доспех с поддевкой и нательную рубаху, как этот «руки-крюки», вернее «крюки» попер на меня, растопырив грабли. Само собой он знал, что я боролся с Иваром Рагнарссоном (проиграл, разумеется, но остался в живых, что в случае поединка с Бескостными — чистый бонус), но мой ничтожный размер — провоцировал.

Как обычно в такой ситуации, у меня не было права на ошибку.

Я мягко перехватил и «связал» левую ладошку противника, прихватил большой пальчик (как два моих), и резко, с подключением корпуса, загнул внутрь.

Пальчик не сломался и даже не вывернулся из сустава, но здоровяку стало больно. Так больно, что даже малочувствительный организм викинга отреагировал. Нет, здоровяк не завопил (еще чего не хватало!), но чуток подался в нужную мне сторону. Дальше — пустячок. Правильно поставить ногу и толкнуть в нужное место, в нужном направлении, вложившись, взрывом, потому что второго шанса не будет.

Хватило и первого. Стокиллограммовый громила попытался удержать равновесие, потом самортизировать падение — и снова в бой. Так было бы, если бы я его просто шваркнул. Но я ронял нормана по всем правилам, сопровождаю, и в последний момент поддернул. Палец всё-таки не выдержал — с хрустом вывернулся из суставной сумки, зато послужил рычагом и здоровяк хряпнулся не только спиной, но и затылком. А пол-то — каменный!

Впрочем, череп не повредился. У викингов такие черепа, что их и обухом топора не всегда пробьёшь. Однако вывихнутый палец я уже мог отпустить.

Секундная пауза — затем дружный рев сотен глоток. Восторженный. Только что у всех на глазах Давид победил Голиафа в силовой борьбе.

Я дождался, пока народ попритихнет, и сказал спокойно:

— Я не мог проиграть, Хальфдан-ярл. Что бы я тогда делал, ведь скальд из меня неважный. Я больше — мечом.

— Ты победил, — поворчал Рагнарссон. — Выбирай девку и освобождай место.

Я скользнул взглядом по застолью... И моментально сделал выбор.

— Вот её!

Очаровательная местная дворяночка за два места от шевалье Жилия.

Но выбрал я ее не по внешности. Внешность ее сейчас оценить было трудновато, потому что личико исказила гримаса ужаса. Причина ясна. Хёвдинг Хальфдана. Не Тьёрви, другой. Торгильс. Кормчий на одном из драккаров младшего Рагнарссона. Может, лет двадцать назад этот датчанин был таким же красавчиком, как Тьёрви, но время и враги серьезно поработали над его внешностью. Нос — на сторону, левый глаз — узкая щелка между шрамов, в разинутой пасти — половина зубов, да и те — гнилые. Но силушка — при нем. И физическая и мужская, иначе зачем бы ему понадобилось тащить бедную девушку из-за стола?

При мысли о том, что сотворит это чудовище с милой француженкой, у меня аж зубы закрипели. Да, сегодня было убито множество людей. Убито, замучено, искалечено... Не в моих силах спасти всех. Но эту девочку я спасу!

— Её!

Хальфдан глянул в указанном направлении, энтузиазма не выразил. Торгильс как раз выволок бедняжку из-за стола и сгреб в охапку.

Я обратил внимание на шевалье Жилия и на молодого парня рядом с ним. Рука шевалье железной хваткой впилась в шею парня. Хороший захват. Умелый и крепкий. Надо полагать, не будь его, парень непременно вступился бы за малышку... И пал смертью храбрых, потому что ни один трэль не смеет поднять руку на хозяина, а шевалье Жиль и вся его свита по сути такие же рабы победителей, как и те, кто заперт в конюшне. Велел хозяин привести женщин — привели. Но неужели в городке не было других... женских особей? Обязательно было тащить с собой юную чистую девочку? Или шевалье решил, что более-менее пристойное поведение норманов у него в городке — норма?

— Выбери другую! — потребовал Хальфдан-ярл. — Эта уже принадлежит Торгильсу.

Значит Торгильс, а не Торгиль. Ошибся я. Не мудрено, когда у доброй трети в имени — Тор.

Нет, дорогой, не выйдет. Я тебя за язык не тянул. Опять-таки, что значит — «принадлежит»? Дележки-то еще не было.

Торгильс услышал свое имя и обратил на меня внимание.

— Не плачь, маленький грозный Ульф! — прошепелявил он. — Я подарю тебе ее... грудки! Га-га-га!

Пошутил, значит. Или не пошутил. По-любому, скандинавскому народу понравилось. Народ загоготал и застучал посудой. Даже сам ярл изволил усмехнуться.

Но не я. Зря Торгильс открыл свой щербатый ротик. А вот мы его — за язычок...

— Вот как? — процедил я холодно. — Выходит слово Хальфдана стоит так дешево, что его человек может над ним посмеяться?

Память у Хальфдана — прекрасная. И за точностью формулировок викинги следят не хуже, чем профессора математики.

«Выбирай любую девку, какая тебе глянется!» — так он сказал.

А тут — Торгильс со своей шуточкой.

Улыбка Рагнарссона вмиг испарилась.

— Торгильс! — рявкнул он. — Отдай девку Черноголовому!

— Только сиськи! — отозвался Торгильс-хёвдинг. — Потом, когда я пошурю во всех ее дырочках! — Он облизал щеку маленькой француженки и довольно зауhal.

Хальфдан мгновенно оказался на ногах. Уже с мечом в руке. Правило сдавать оружие перед пиром вождей, естественно, не касалось.

Я испугался. Рагнарссон, даже в гневе, не станет рубить собственного человека, а вот несчастную девочку — запросто. Нормальный норманский выход из положения. Выбрал — забирай. О том, что она должна быть живой, договора не было.

— Торгильс! — поспешно закричал я. — Если тебе так нужна эта девка, я могу ее уступить. Надо же и тебе победить кого-нибудь, пока мужчины сражаются с мужчинами. Ладно уж, Торгильс-хёвдинг, забирай ее себе. Яви свою храбрость с противником, который тебе по силам!

Сначала я хотел сказать не «по силам», а «подстать», но вовремя вспомнил, что сравнить викинга с женщиной — всё равно что матерого уголовника козлом обозвать. А я не хотел выйти за рамки обычной застольной шутки.

Мы бы еще попикировались пару минут, но в итоге девушка досталась бы мне, потому что ярл слово дал, как-никак. И Торгильс по-любому оказывался неправ.

Но вышло не так, как я планировал.

Дело в том, что пока я толкал свой монолог, народ в зале притих. Интересно же. Так что заканчивал я свое заявление, считай, в абсолютной тишине. И едва я смолк, Тьёрви-хёвдинг сказал кому-то из своих:

— А неплохо пошутил Черноголовый. Быть теперь Торгильсу Женобойцей.

Сказал-то он тихо, да вот слышали все, включая и самого Торгильса.

Матерый головорез, прошедший черед десятки битв и сотни схваток, старина Торгильс был не только опытный вояка, но и далеко не дурак. Дураки не становятся хёвдингами.

Если бы не реплика Тьёрви, наша «битва» так и осталась бы словесной. Но Тьёрви (не исключаю, что сознательно) всё испортил. Теперь Торгильс не мог даже убить девушку, потому что уж тогда он точно бы заработал новое прозвище. Да такое, что и над внуками его посмеивались бы.

Торгильсу-хёвдингу сразу стало не до смеха.

И задор его тут же трансформировался в жажду крови.

Моей.

Будь он каким-нибудь дренгом, молодым и горячим, схватил бы что под руку попало, и кинулся на меня. Но он был — хёвдинг. То есть с головой дружил и умел сохранять хладнокровие даже в самые острые моменты.

Потому он отпустил маленькую француженку, отодвинул от себя — бережно! — поклонился слегка Хальфдану, уже опустившему меч, и попросил очень вежливо:

— Дозволь мне, ярл, показать Ульфю Черноголовому, как я убиваю мужей!

Грамотно. Бросить мне вызов на пиру, в присутствии старших по званию и моих сопалубников из-за «безобидной» шутки — потерять лицо. Он — хёвдинг. Я — простой хускарл. У него — двадцатилетний воинский стаж. У меня чуть больше года. Хёвдингу положено быть снисходительным. На пиру. Но *почит*ь меня он может. Даже — со смертельным исходом.

Хальфдан поглядел на Хрёрека. Мой ярл кивнул. Он был не против. Что за

праздник без драки? Да и во мне он, надо полагать, уверен. Или — в моей удаче?

«А как насчет тебя?» — мысленно поинтересовался Хальфдан.

Я правильно понял его взгляд и тоже кивнул. Мол, желает мне Торгильс показать какие-нибудь полезные приемчики, так я не против. Почему бы и не поучиться у хорошего человека?

— Если Торгильс-хёвдинг не хочет учить меня убивать голыми руками, я хотел бы взять свой меч, — сказал я.

Тут все разом заорали восторженно. Поединок, блин!

А я поймал взгляд маленькой француженки... Не то, чтобы благодарный... Поспорили два варвара-язычника, кому она достанется... За что тут благодарить? Но, скажем так, взгляд заинтересованный.

Поймал — и подмигнул. Сейчас ты уверена, детка, что мы с Торгильсом — одной звериной породы. Но я надеюсь, что у меня будет возможность убедить тебя в обратном.

Щит и меч. Пора, пора мне привыкать к традиционной экипировке викинга-поединщика.

Торгильс — аналогично. Щит, меч, шлем, панцирь... Сказал бы, что всё — стандартное, только тут стандартов не бывает. На нашем уровне — только эксклюзив. Помнится, когда-то давно (прошлой осенью) мой раб Хавчик сказал, что серьезные люди не покупают готовых сапог. Так вот: к оружию это тоже относится. Возьмем, к примеру, щиты. Круглые, с умбонами и оковкой по краю, усиленные металлическими полосками, расходящимися от центра, в основе — одинаковая древесина, технология сборки — один в один... Даже нацертанные защитные руны — практически одинаковые. А вот возьми я в руки щит Торгильса — совсем не то, что мой собственный. И дело не в том, что он — больше и чуток потяжелее. Баланс совсем другой. Другая форма рукояти, инерционность тоже... Конечно, я и Торгильсовым щитом мог бы работать. Точно так же, как мог бы вместо Вдоводела кусок арматурины взять. Настоящий воин способен сражаться любым оружием, хоть гайкой на веревочке. Но мои боевые качества от такой замены снизились бы в разы. Всё — индивидуально.

Сходились осторожно. Оба плотно покушали и порядочно приняли на грудь. Но в считанные секунды адреналин вымыл из крови алкоголь. И у меня, и у Торгильса тоже. Судя по тому, как он аккуратно и расчетливо двигался.

Всё же приятно быть в центре внимания. В зале — под тысячу человек. И все, включая монастырский клир, глаз с нас не сводят. Братья-викинги так и поддерживают громко. Наши — меня, Хальфдановы — своего хёвдинга.

Я не реагирую. Сейчас мой мир — полсотни квадратных метров мозаичного пола, освобожденных под развлечения, и кудлатый бородач, глядящий на меня из-за края щита. Я контролирую не только взгляд — всё. В первую очередь — ноги. Жаль, что щит закрывает большую часть туловища и всё, что выше колен. Положение бедер противника могло бы подсказать моему подсознанию формат будущей атаки.

Кружим по гладкому полу, четко держа дистанцию.

Норманы орут, воодушевляя, но никто не торопит. Все — бойцы. Все всё понимают.

Мы с Торгильсом никогда не сходились даже в спортивном варианте. Я — известный боец. Он вообще хёвдинг... Малейшая оплошность — и кирдык.

Я не боюсь. Верю в свой талант и в свою удачу.

Надо полагать, Торгильс тоже уверен. Столько лет — в «бизнесе». Конечно, он уверен... Но не спешит. Потому и жив, надо полагать.

Ладно, начнем, благословясь!

Короткий выпад — и провоцирующий уход назад с чуть приоткрывшимся боком...

Меч Торгильса сверкнул в атаке... И был тут же перехвачен щитом, а я... попался!

Вместо того, чтобы парировать мою «встречку», Торгильс прыжком сократил дистанцию и с небольшим вывертом приложил меня щитом по щиту. Да так ловко, что я сам сбил собственную атаку и подставился, открыв левую ногу... Ух, как больно! Я аж зубами заскрипел!

И сразу — новый удар щита. По зубам. Быть бы мне таким же щербатым, как Торгильс, но к счастью, я успел принять на собственный щит...

И перекрыл сам себе обзор!

Лязг! На этот раз от боли свело правое плечо... И — сильный толчок отбросил меня назад. А Торгильс! Черт! Ему весело!

— Что, Черноголовый? Признай: я не только с женщинами умею! А уж всяких мелких волчат оттаскать за холку!..

Викинги ржут. Им, блин, тоже весело. Даже моим братьям по хирду.

А я запоздало соображаю: нога-то у меня на месте! И кольчужка на плече — в целости. Вывод? Злодей и разбойник Торгильс *не хотел* меня убивать. И калечить тоже. Меч у него боевой. Так же, как у меня. Силу обоих ударов я очень даже прочувствовал. Он запросто мог бы ногу мне отрубить. И плечо просечь как минимум — до кости. Но не отрубил и не просек. Потому что бил — плашмя. То есть... Ну да! Это же не поединок! Это игра! Вот почему наши ярлы были так спокойны...

Я почувствовал, как кровь прихлынула к щекам. Игры у норманов — жестокие. Но — по правилам. Игры. А я-то дрался — всерьёз!

Пока у меня в голове крутились посторонние мысли, Торгильс ждал. Моего решения.

У меня два варианта. Сдаться, сохранив лицо, ответив какой-нибудь подходящей шуткой. Или — продолжить игру.

Конечно, продолжить! Мы же только начали!

И я бодренько похлопал Вдоводелом по щиту. Продолжим, уважаемый!

Торгильс радостно захрюкал — мужик любил хорошую драку. И попер на меня. Хотя нет, не попер — пошел четко и точно. Экономные движения, ни одного лишнего жеста, ни одного прокола... Нет, не зря его называли хёвдингом. Это, блин, совсем другой уровень. Повыше моего, пожалуй. Ни единой ошибки, ни одной щелки в обороне. Притом, что любая моя оплошность тут же будет поймана и наказана.

Я почувствовал искушение: бросить щит и продолжить единоборство в более привычном маневренном варианте.

Удержался. Не факт, что это даст мне преимущество. Хотя... Идея бросить щит... Именно бросить... В этом что-то есть.

Пока же я отступал. И оборонялся. Также очень аккуратно. Без ошибок. Тор-

гильс оценил. Проворчал что-то одобрительное... Мне он тоже начинал нравиться. Такой... обстоятельный мужик. Вернее, головорез.

Есть! Я дождался своего момента! Резко сброшенный с руки щит врезался Торгильсу в левую лодыжку. Он не успел. Не ждал, что я использую щит как снаряд. Ему бы просто ногу убрать, но он не захотел останавливать атаку, попробовал защититься собственным щитом и опоздал совсем чуть-чуть. Но — опоздал. Досталось ему неслабо. У меня бы от такого удара точно перелом случился. У Торгильса кости попрочнее... Но равновесие он всё же потерял. На долю секунды. А я — воспользовался. Мой любимый удар ногой в щит. С прыжка. Снизу под умбон... И Торгильс грянулся на пол. С грохотом и лязгом. Вдобавок получив краем щита по челюсти.

Настоящий рыцарь, конечно, дал бы ему подняться. Но я — не рыцарь, а простой викинг. Потому едва Торгильс оказался на полу, как моя нога придавила к мозаике его правую руку, а меч нырнул под бороду и легонько царапнул шею...

А в следующий миг я уже протягивал ему свободную руку — помочь подняться.

Принял. Вскочил бодренько. Продолжим?

Нет, с ножкой у хёвдинга — не очень. Болит ножка. Очень.

Торгильс, конечно, виду не подал. Кинул меч в ножны, ухмыльнулся,дохнул смрадно:

— А волчонок-то — с зубками!

— Девку-то — уступишь? — негромко поинтересовался я.

— Что, глянулась?

— Есть немного.

— Ну так забирай! — расщедрился Торгильс. — А славно мы с тобой схлестнулись, Черноголовый! Проводи меня, а то что-то в ногах слабость. Видать, стар стал Торгильс, чтобы пить, как прежде. Эх, было бы не вино это глупое, а наше доброе пиво!..

И заковылял к своему месту, тяжело опираясь на мое плечо. Неужели я ему все-таки сломал ногу?

Девочку звали Селестиной, и шевалье Жилю она доводилась двоюродной племянницей. Был у нее и жених: тот самый парень, который порывался отнять ее у Торгильса.

Очень хорошенькая девочка с ласковыми и умелыми руками. Помогла мне обработать многочисленные ссадины и синяки. Нет, секса у нас не было. И не потому, что мне — не хотелось. Да, денек выдался тяжелый. Но не настолько... И уверен: малышка, уютно устроившаяся в моих объятиях, не стала бы противиться. И дрыхнувший на полу Вихорёк тоже не стал бы помехой — паренек спал без задних ног.

Но едва мои губы ощутили нежную кожу девичьего горлышка, как мое же боковое зрение зафиксировало некий мистический силуэт.

Старина Белый Волк глядел на меня весьма неодобрительно. Морщил морду и демонстрировал зубки.

Не понял! Какое дело высшим силам до моих маленьких развлечений? Или это глюк на почве слишком долгого воздержания?

Я мигнул — и белый призрак пропал. Но вместе с ним пропало и желание.

Разом заныли все полученные за день повреждения...

Я отодвинулся и замершая пойманной птичкой француженка тихонько вздохнула и расслабилась.

И заговорила. Быстро и не очень внятно, поскольку спрятала личико где-то в районе моей бороды. Так что понимал одно слово из трех. Но смысл уловил. Меня благодарили. И за спасение от чудовища. И за деликатность по отношению к девушке, обещанной другому (или типа того), и за тепло... Да, именно так: за тепло. Эту фразу я понял целиком. И тут ж вспомнил другую историю и другую девушку. Та, другая, из двадцать первого века, была мало похожа на эту. И говорила совсем другое...

— Тебе, Коля, плевать на других! Твоя машина тебе и то дороже, чем я!

— Интересная формулировка, Мариш, — заметил я. — Можно подумать, мой круг общения — ты одна.

— Не цепляйся к словам! — Подружка сердилась и ей это шло: щеки размянились, глазки блестели, грудка соблазнительно вздымалась. — Я не глупее тебя!

Вероятно, это правда. Бакалавр-психолог, заместитель начальника отдела кадров серьезной фирмы, умна, решительна и при этом весьма недурна внешне. Даже то, что она всё время пыталась рулить, нам не очень мешало. Главное — не относиться к этим попыткам всерьез.

И насчет машины она права. Моя «импреза» обошлась мне почти в два миллиона. Мариша — существенно дешевле.

— У тебя нет друзей! — заявила моя подружка. — Одни приятели! Тебе даже на родителей наплевать! Им нет дела до тебя, а тебе — до них!

— Почему ты так решила? — Я даже удивился.

— Мы с тобой полгода вместе, а ты ни разу с ними по телефону не говорил!

— Ты уверена?

— Во всяком случае — при мне!

— У них свои дела, у меня — свои, — я пожал плечами.

Да и зачем телефон, если есть скайп.

— Вот именно! У тебя есть ты и твои дела! И всё!

— А как насчет тебя?

— А меня у тебя — нет! — отрезала Мариша. И скрестила загорелые ножки. — Мною ты только пользуешься! Даже сейчас ты меня совсем не слушаешь. Только и думаешь, как бы меня трахнуть!

— А ты об этом не думаешь? — улыбнулся я.

Мариша смутилась и даже опустила глазки. Потому что я — угадал. Еще бы! За полгода я ее неплохо изучил.

— Всё! — воскликнула Мариша, вскакивая с диванчика и гордо вскидывая подбородок. Она приняла решение. — Я ухожу! Не звони мне больше! Найди себе какое-нибудь другое тело, чтобы его трахать! С меня хватит! С тобой холодно, Николай! Я ухожу, потому что не хочу стать таким же куском льда, как ты!

Всунула ножки в туфельки и бросилась к двери, пока я не успел возразить. Последнее слово — это важно.

Я не стал ее ловить на полпути. Хотя мог бы.

— Ключ оставь на тумбочке! — крикнул я вдогонку.

И она снова появилась в дверях. Как я и предполагал.

— Держи свой поганый ключ! — Будь у меня похуже реакция, схлопотал бы точно в переносицу.

Всё. Сбежала. Красива, умна, темпераментна. И последнее слово — за ней.

А я — такой холодный расчетливый мерзавец... Если забыть, с чего начался наш разговор. А начался он с того, что я предложил встретить Новый Год на горно-лыжном курорте в Чехии, а Мариша нацелилась на шоп-тур в Эмираты.

И всё-таки она меня задела. «С тобой — холодно!»

Наверное, со мной действительно было холодно. Элегантной и прагматичной Марише. И многим другим. Во многом она была права. Николая Григорьевича Переляка в первую очередь интересовал Николай Григорьевич Переляк. Не она первая мне об этом говорила.

— «Ты — волк-одиночка, — сказал мне в свое время любимый тренер по фехтованию. — Команда тебе не нужна».

А сколько раз моя собственная матушка обзывала меня самодовольным эгоистом? Да не счесть! И каждый раз, когда ее планы не совпадали с моими.

С отцом было проще. Ему от меня ничего было не нужно. Даже, когда я сам предлагал. Ему было вполне достаточно того, что я — есть.

Но до Мариши никто не говорил мне, что со мной — «холодно»...

И до этой французской девочки, которая сейчас мирно спала, уткнувшись носиком мне в шею, никто никогда не говорил, что со мной «тепло».

Ночь прошла относительно спокойно. Пару раз кто-то колотился в двери и орал всякую непотребщину, но я, не открывая, направлял горлопана к воронам и тот удалялся. И еще беспокоили вошки, обитавшие в мягком монашеском тюфяке.

Пришлось утром устраивать санобработку. Себе и Вихорьку заодно.

А в целом хорошо прогулялись. У меня серебра уже столько, что зараз не унести. А ведь поход только начался...

Глава седьмая

Норманский бунт, безжалостный и бездыханный

— **К** воронам тебя, Железнобокий! Я — свободный ярл и делаю, что пожелают! Отдай мне мое, Рагнарссон!

Хрондю Красавчик. Рोजа кирпичного цвета и такой же формы исполосована грубыми шрамами. Говорят: с белым медведем пообнимался. Происхождение — свей. Призвание — злодей. Профессия — разбойник. Точнее — «морской» ярл. Что, впрочем, одно и то же.

Мы снова вместе с Бьёрном Рагнарссоном, нашим формальным предводителем. Идем вверх по Луаре. Еще та работенка: веслами против течения. А для разнообразия, раза три в день марш в водичку — драккар с мели стаскивать. Хорошо хоть водичка теплая — лето. Но время — теряем. А ведь мы спешим. Хочется нам поспеть к стенам Нанта *внезапно*. Так что идем быстро, старательно «зачищая» свидетелей. Не всех, понятное дело, однако вряд ли местные холопы, укрывшиеся в речных зарослях, побегут докладывать о нас начальству. Отсидятся в кустиках, возблагодарят Господа за то, что — миновало,

и вернуться к повседневной работе. Что нищему средневековому крестьянину до хозяина-феодала? Видит он его редко... Да и сроду бы не видел, потому что когда баронская охота промчится по его полю, радости в этом маловато. А еще меньше — когда осенью «сборщики налогов» заявятся. Так что не побежит крестьянин к феодалу — предупредить. А прирежут проклятые язычники барона-графа — и вовсе праздник. Лишь бы до его, крестьянской, лачуги не добрались!

Но кроме крестьянского нищего сословия есть и другие. Побогаче. Этим есть, что терять. Потому они сразу дадут деру — под защиту городских стен. И там — ворота на запор, кипяток на стены, катапульты — наизготовку. А стены у Нанта — ох крепкие!

Но вернемся к «морскому ярлу» Хрондю.

Прошлой ночью наша доблестная армия почивала после трудного дня. Под охраной бдительных стражей, коих в силу разномастности нашей, избирали по жребию. Парням Красавчика выпала третья стража. Но Хрондю обязанностями пренебрег. Примерно часика в два пополуночи его драккар снялся с якоря и отправился вверх по Луаре.

Не исключено, что к подобному выкидону Хрондю-ярла подвиг наш успех. Однако представьте себе удивление моих соратников, проснувшихся от звуков боя (по воде звук идет очень даже хорошо) и обнаруживших отсутствие охраны. А также умеренных масштабов драку как раз там, куда мы намеревались двигаться завтра.

Естественно, была дана команда: «подъем». Некоторое время наши разведчики обшаривали окрестности в поисках умельцев, бесшумно снявших часовых, и вражьей армии, намеренной атаковать нас, спящих.

Никого, естественно, не нашли. Ни ловких диверсантов, ни (среди прочих «морских» ярлов) корабля Хрондю Красавчика.

Бьёрн, обычно спокойный, как индийский слон, сообразил, что к чему, и слегка озверел.

Наше воинство, наскоро оправившись и облачившись в железо, без завтрака отправилось вверх по течению. Туда, где хирд Красавчика схлестнулся с неизвестным противником.

Как раз рассвело, когда мы вышли к догорающему селению и увидели наших коллег, скопившихся вокруг каменного обиталища местного синьора.

Там было весело. Наскоро вырубленный таран долбил стену нехитрого строения, а несколько десятков северян пытались по приставной лестнице (родная была разрушена) добраться до расположенного на трехметровой высоте входа. Защитники швырялись в атакующих разными предметами и поливали наиболее доступной (в отсутствие смолы и кипятка) субстанцией. Дерьмом.

— Руки обрубить свиньям! — сердито посулил мой ярл Хрёрек.

— У свиней нет рук, — заметил Ульфхам Треска, заслуженный хольд и командир ярловой гвардии. — Я бы им яйца отрезал и продал румлянам. Они хорошо платят за глупых евнухов.

— Чего они так? — вполголоса спросил у меня Скиди, который по молодости не усмотрел в действиях Хрондю криминала. Ну, захотел свободный викинг пограбить... Нормальная ситуация!

— Отсюда до Нанта — рукой подать, — пояснил я. — Бьёрн рассчитывал подойти к городу скрытно и взять их тепленькими. А этот сын помоечного тролля и безмозглой овцы так нашумел, что теперь в Нанте наверняка знают, что мы — близко. И успеют подготовиться. Да здесь все теперь знают, что мы — рядышком. Следовательно, соберут все ценное и рванут за надежные стены. В тот же Нант. Так что теперь вместо жирных монахов и полных сокровищниц нам достанутся только пустые скорлупки монастырей.

Головной драккар Хрёрека сходу выполз на песчаный берег почти одновременно с остальными кораблями нашего хирда. Мы были последними, кому нашлось место. Остальные были вынуждены удовольствоваться отмелью метра в тридцати от берега.

К этому времени люди Бьерна Рагнарссона уже миновали селение и бодрой рысцой устремились к замку. Его защитникам можно было посочувствовать. От хирдманнов Красавчика они возможно отбились бы, но отборное войско Рагнарссона — это трендец.

Местный барончик это понял мгновенно. В окошко немедленно выкинули белый флаг.

Головорезы Хрондю радостно заорали: в ратных хлопотах они даже не заметили подкрепления. Но радость их длилась недолго. Бойцы Бьёрна оттеснили их от ворот и приняли капитуляцию сами.

Хрондю из баронского выкупа не досталось ни одной монетки.

Так что на общем сборе он немедленно сделал нашему главному лидеру предьяву.

Зря. Бьёрн был и без того не в духе.

— Твое?! — прорычал Железнобокий. — Ты должен был нас охранять! Вот это было — твое. А ты сбежал! За одно это тебя следует сунуть в волчью яму, Красавчик! А если бы на нас напали франки?

— Ха! Франки! — заорал Красавчик. — Да они сидят за своими стенами и ждут, когда мы придем и возьмем их золото. Отдай нам нашу долю, Железнобокий! Мы загнали этого кабана, а ты пришел и содрал с него шкуру!

— Можно я его убью? — попросил старшего брата Хальфдан Рагнарссон.

— Много чести, — буркнул Бьёрн, который наконец сообразил, что переругиваться с Хрондю ниже его достоинства.

Наконец до туповатого Хрондю доперло, чем пахнет. И он закрыл волосатый ротик.

У Бьёрна явно руки чесались: прикончить мерзавца.

Однако просто прирезать его Рагнарссон не мог. Это не понравилось бы другим «морским» ярлам.

— Будь ты воином, я спросил бы с тебя как с воина, — сказал Красавчику Бьёрн. — Но ты сбежал, как крыса. Крыса ты и есть. С крысы я спрашивать не стану. Убирайся и помни: увижу тебя еще раз — раздавлю сапогом. Как крысу.

И пошел завтракать.

А Красавчик со своими загрузился на корабль и двинул к противоположному берегу — от греха подальше.

Но свое гнусное дело он сделал. Весть о том, что проклятые язычники появились в Нантском графстве, распространилась подобно пожару. И все, кто мог, немедленно отступили под защиту мощных нантских стен. Действитель-

но мощных. Разведчики наши подобрались к ним совсем близко и, вернувшись, составили подробное описание.

— Это хорошо, что все мышки собрались в одной норке! — самонадеянно заявил Хальфдан. — Не придется собирать их запасы по всей земле франков.

Но остальные, в частности наш ярл и руководитель похода Бьёрн, оптимизма младшего Рагнарссона не разделяли. Зависнуть на месяцы под стенами Нанта, положить половину войска... А там, глядишь, еще какое-нибудь франкское воинство подоспеет. Тот же Карл Лысый. С Рангаром ему, возможно, и не сладить, а вот с нами — легко. То есть не легко, конечно. Драка будет мощная. Но закончится скорее всего не в нашу пользу.

Так что я был готов собственноручно отвертеть голову этой жадной и глупой твари Хрондю. И не я один. Вовремя он убрался.

Словом, перспективы у нас были нерадужные. Впору развернуть драккары и двинуть обратно.

Мне эта мысль показалась небезинтересной. Добычу мы взяли неплохую, а там, на Сёлунде, меня ждала прекрасная невеста...

Увы, в девятом веке умеренность не входила в скандинавские добродетели. Робко высказанное предложение не поддержал никто. Как же можно уходить, если веселуха только начинается?

И тут жизнь в очередной раз продемонстрировала свою полосатость. Нашему войску привалила удача. Вернее, приехала. На хорошем франкском жеребце.

Именовалась удача графом Ламбертом.

Глава восьмая,

в которой хускарл Ульф Черноголовый становится еще богаче

Граф Ламберт Нантский. Вернее, бывший Нантский. Король Франции Карл лишил Ламберта этого законного владения. Послал, как говаривали в мое время, в дальнее сексуальное путешествие. Без выходного пособия.

Естественно, граф обиделся. И рассердился. Но дать волю своему гневу не рискнул... до нашего появления. А тут такой прекрасный повод!

Вот что обида делает с человеком! Графу было глубоко пофиг, что мы — язычники и чужестранцы. Оскорбленное самолюбие (и тоска по утраченному имуществу) сжигала его изнутри, напроочь испепелив все мысли о загубленной душе и прочих мелочах. Какая на хрен душа, когда речь идет о целом графстве!

Дикие язычники и добрый христианин Ламберт нашли общий язык легко и непринужденно. Выпили, закусили, обсудили детали. Условия договора были просты, как закуска датского рыбака. Всё, что будет взято — наше. Всё, что останется, включая сам город Нант и окрестности — Ламбертово.

По-моему, граф был готов еще и приплатить, лишь бы воткнуть шило в задницу ненавистного короля Карла и подлых нантцев, не поддержавших графа в его законных, как он полагал, правах.

Но приплачивать графа не заставили. Он и так внес неплохую долю в общий котел. Свою личную дружину в количестве трехсот головорезов. И замечательную идею о том, как задрать его неверной женушке подол. Под «женушкой» подразумевался Нант, а под «подолом» — солидные каменные стены, вставшие над правым берегом Луары.

Большой город не станет сам себя сажать в осаду без необходимости. Останавливать торговлю, завоз припасов, въезд-выезд и прочее. Даже появление где-то в окрестностях значительного вражеского войска ничего не меняет. Тем более, если идет активный процесс своза ценностей под защиту городских стен. А стены у Нанта, как сказано выше, отличные. При правильно организованной обороне хрен возьмешь. Тем более, что следует учитывать специфику нашего войска. Норманы — парни крутые. Смерти не боятся, врага нашинковать — легко и с удовольствием. Надо — под кipyток полезут, под стрелы, под смолу горящую. Но только если есть шанс добраться до врага. А тупо перемалывать войско под крепкими стенами может позволить себе какой-нибудь европейский король или азиатский халиф. Нормальный норманский конунг будет в этом случае громко послан или окажется вынужден сам переть на стену в первых рядах. А первым, как известно, лучшие куски. В том числе и каменюки с бревнами, коими осажденные ломают лестницы и головенки атакующих. При всей немеряной крутости тех же Бьёрна с Хальфданом и их твердой уверенности в поддержке Одина, склонности к самоубийству у Рангнарссонов замечено не было. Под горячий смоляной дождик они не пойдут.

Единственный вариант — напасть внезапно. Пока ворота не заперты, посты не расставлены, смола не разогрета... Тогда хоть какой-то шанс.

Вопрос — как?

Все подходы по суше стараниями поганца Хрондю теперь кишмя кишели заставами и патрулями. О нашем появлении узнали бы загодя и приняли меры. А сама Луара именно в это время года мало подходила для судоходства. Сплошные мели, камни и прочая гадость. Представьте себе: наша флотилия драккаров и кнорров, ощупью пробирающаяся в этом речном лабиринте. Ввиду городских стен. Обхохочешься.

И что теперь делать?

Оказалось, да. Делать. Есть вариант. У обойденного с наследством Ламберта.

Фишка состояла в том, что господин граф и его люди были коренными нантцами и прекрасно знали фарватер. Замаскировать большие кнорры под купцов. А затем — вверх по течению, с попутным ветерком или без него, зато под управлением грамотных лоцманов.

Риск был изрядный. Если в городе просекут, что мы не купцы, а враги, то наши кораблики враз окажутся под огнем крепостных орудий. Одна бочка с горячей смолой, разбившаяся о палубу — и конец кнорру. Да и от стрел толком не укрыться. Словом, дерзость необычайная. На то и был расчет.

Наш хирд в передовую группу не взяли. Бьёрн не то, чтобы обиделся за ограбленный без него монастырь, но зарубку в памяти сделал. Брата Хальфдана он отослать в арьергард не мог, а нас — запросто.

Хрёрек в общем не возражал. Если план Ламберта не сработает, лидерам будет обидно и больно. Смертельно больно.

Ветер был попутный. Повезло. Лишенные характерной национальной принадлежности — зубастых носовых украшений, корабли скользили вверх по течению с отменной быстротой. Граф Ламберт был на флагмане. Вместе с Бьёрном Рагнарссоном, завернувшимся для конспирации в большой трофей-

ный плащ, взятый в Ванне. Все прочие были замаскированы не хуже. Даже грести хирдманам было велено с прохладцей. Дабы по могучему маху в них не признали северян.

Надо сказать: фальшивые «купцы» были далеко не единственными судами, рассекавшими Луару в этот ветреный день. Рыбаков и торговцев хватало. И почти все пенили воду так же бодро, как и наш флот. Никто ничего не заподозрил...

Когда мы, задние, увидели стены Нанта, кораблики Бьёрна уже входили в гавань. Спокойно так, неспешно, сбросив ход. Надо полагать, ребяташки Ламберта перекидывались словечками с местной братвой. На хорошем средневековом французском.

В гавани же кипела мирная жизнь. И ворота Нанта — настезь... Неужели получилось?

Один за другим пузатые морские суда швартовались к берегу. И вопреки обыкновению норманов, никто сходу не бросался в бой. Бьёрн понимал: надо накопить силы, а уж тогда...

«Тогда» наступило, когда у нантского причала встал восьмой кнорр, а вдали, на излучине показались первые носы норманских драккаров. Однако поскольку характерные носовые фигуры с них были сняты, то признать в них сходу драккары викингов мог только очень заинтересованный и внимательный специалист. Специалистов в Нанте хватало. Заинтересованных — тоже. Внимательных не нашлось.

Люди Ламберта и замаскированные викинги Бьёрна выгрузились на берег. И сразу двинулись к воротам. Народ почтительно расступался перед вояками... И всё бы получилось, если бы кто-то из местных не признал Ламберта и не выразил свое открытие громким воплем, который тут же подхватили другие нантцы.

Опальный граф не смутился. Приветливо помахал народу латной перчаткой... Но старший привратной стражи, видимо, не относился к числу сторонников графа. И дал команду закрыть ворота перед носом «законного» нантского правителя. Не удивительно. Графа ведь сопровождал изрядный воинский отряд, а охрана города была составлена из лояльных королю людей. А как же иначе?

В общем, ворота начали закрываться, и Бьёрн подал сигнал к атаке. Голосом подал — с такой глоткой никакой рог не нужен.

И началось.

Передовой отряд ринулся к воротам. Из трюмов полезли бородатые страшилы-викинги, расхватывая на ходу фрагменты штурмовых лестниц. Вариант «закрытые ворота» был просчитан заранее.

Когда это необходимо, норманы могут двигаться весьма проворно. Вопли разбежавшихся аборигенов, грозный рев северян... Поверхность воды быстро «проводит» звуки. Викинги тоже не тормозят. Карабкаются по лестницам с потрясающей скоростью. В городе еще толком не поняли, что происходит, а наши ребята уже на стенах.

И ворота уже вскрыты с помощью собранного из подручных материалов тарана. Видать, их и закрыть толком не успели.

Наши драккары летели птицами. Ветер вздувал паруса, энергично крутились весла... Лоцмана у нас не было. Да и ни к чему. Мы шли в кильватере у

идущего впереди драккара. И так — вся цепочка. Опытные кормчие не ошибались. Ни один из наших корабликов не выскочил на мель и не сел на камни.

Мы очень торопились, но успели к финалу, так что места в гавани уже не осталось. Ярл дал команду, драккары свернули к берегу и выскочили прямо на песок. Мои соратники тут же посыпались с бортов и неорганизованной толпой устремились к городу.

Не воевать. Грабить.

Позже выяснилось, что время для нападения было выбрано не случайно. Добрый христианин Ламберт посоветовал. А мои соратники — одобрили.

Внезапное нападение сознательно приурочили к празднику: Дню Иоанна Крестителя. То есть не именно к этому дню. Просто так совпало. Какой именно был праздник, было не так уж важно. Их у католической церкви — много. Большие, малые, совсем незначительные. Но отмечать нужно все. То, что в изнуренной недавними войнами Франции[109] народу жрать нечего ни в праздники, ни в будни, церковь не волновало.

Как там, у Алексея Константиновича Толстого:

*«У приказных ворот собирался народ густо;
Говорит в простоте, что в его животе пусто.»
«Дурачье! — сказал дьяк. — Из вас должен быть всяк в теле:
Еще в думе вчера мы с трудом осетра съели!»*

Со школы запомнил. Очень характерная ситуация для моей матушки-Родины. Оказывается, и для средневековой Франции — тоже. Но вернемся к нашему славному походу.

Викингам было отлично известно: именно в праздник противник наиболее беззащитен. Даже при собственных, так сказать, внутренних разборках скандинавы активно пользовались этим подлым приемчиком. Напасть на кровного ворога в тот момент, когда тот, скажем, женится или отмечает рождение сына, считалось удачной военной хитростью. Резать расслабленных, перепившихся оппонентов — занятие бодрое и веселое. Так считала большая часть моих сопалубников.

Когда люди непрерывно рискуют жизнью, они делают всё, чтобы свести этот риск к минимуму, если хотят оставить жизнеспособное потомство.

Сейчас тоже получилось весело. Стража на воротах решила, что граф Ламберт прибыл именно на праздник, посему не ожидала глобальных бед. За что и поплатилась.

Веселуха по-нормански удалась на славу. Город был завален трупами. Обычно норманы не режут всех подряд. Рабы — это деньги. Но тут у всех будто крышу сорвало. Не думаю, что зачинщиками были люди Ламберта. Графу уж совсем ни к чему убивать будущих подданных. Но крови на улицах было не меньше, чем на дворе монастыря, взятого нами пять дней назад.

Стюрмир и Свартхёвди недовольно ворчали, перепрыгивая через тела и косясь на выломанные двери домов. Внутри некоторых слышалась возня. Бывало, и крики раздавались.

— Мы опоздали на пир героев, — сказал Ульфхам Треска. — Теперь здесь пирушка только для воронов!

Но мы продолжали пробираться к центру. Нашим маяком был купол городского собора.

Я бежал вместе со всеми, стараясь не глядеть по сторонам. Я привык в виду крови, к запаху вывороченных внутренностей. Но не в таких масштабах. Нант был первым большим городом, в котором я оказался непосредственно после взятия. Я знал, что норманы жестоки и кровожадны. Но считал, что в их действиях всегда есть система. Ведь главное для скандинавов не само убийство, а возможность наживы.

Здесь же системой не пахло. Пахло смертью. Тысячами смертей...

На центральной площади скопилось сотен тридцать наших. Обложили собор со всех сторон. Но внутрь еще не прорвались. Нантский собор — капитальное строение. Крепость посерьезней здешних феодальных замков.

Увидав, что главная сокровищница пока цела, мои соратники моментально воспряли духом.

Хрёрек дал команду, хирд построился боевым клином: впереди — лучшие. То есть команда нашего драккара. За нами — остальные. Замыкали вестфолдинги Харальда Щита.

Выстроились, сомкнули щиты и двинулись. Никого не убивали, конечно. Вся эта толпа — такие же норманы. И все хотели бы оказаться поближе к воротам собора, когда те наконец выломают. То, что из соборных окон-бойниц в осаждающих все еще летели стрелы, никого не смущало. Все были уверены: «кладовая» франкского бога доверху набита сокровищами. Серебро, золото, лучшие женщины, самые аппетитные с точки зрения выкупа мужчины — все там.

Мы пришли одними из последних. Зато мы были организованны и нас было много. Когда ты упираешься в спину того, кто впереди, а в твою спину упирается задний, моща развивается — как у бульдозера. А впереди — не ковш, а обтекаемый клин из щитов самых здоровенных хирдманов. Десять минут — и мы уже в зоне досягаемости соборных стрелков. Чуть раньше — команда ярла: щиты вверх. И почти сразу же — сочные удары вязнущих в древесной основе стрел. Хорошо, что у защитников собора нет боевых машин! И то, что самые тяжелые предметы скидывают на тех, кто выламывает соборные ворота, а не на нас.

Солидные были ворота. Дубовые доски десятисантиметровой толщины. Усиленные металлом, плотно вписанные в мощную каменную арку...

Не помогло. Хальфдановы богатыри вышибли ворота, и в Храм Божий хлынул поток викингов. И я — в их числе. Правда, далеко не в первых рядах. Так что среди тех, кто прямо на алтаре убивал епископа и клир, а потом резал всех, кто укрылся в храме, меня не было.

Я вообще не грабил. Я думал. А подумать было над чем, потому что волей случая мы оказались у входа в сокровищницу.

Собственно, мы в этот придел не рвались. Нас просто оттеснили в сторону более энергичные грабители. А тут какие-то парни их Хальфданова хирда ломанули очередную дверь. А за дверью — решетка. То, что внизу именно сокровищница, а не просто склеп, парни не знали. Столкнувшись с новой трудностью — решетка железная и на замке) норманы решили не париться и рвану-

ли к алтарю, на котором бесчинствовали хирдманы Бьерна. У викингов — чутье на золотишко. Не сработало. Видимо потому, что всего в двадцати шагах драгметаллы лежали в открытом доступе, а тут — какая-то нора, из которой несет плесенью и тухлятиной. Всё, что угодно там может быть. Например, тюрьма.

В общем — не соблазнились. А я — заинтересовался. У меня, как-никак — опыт. Из прошлой «будущей» жизни. Немало католических соборов осмотрел я тогда туристом. Само собой, это были другие соборы. Потрясающая архитектура, великолепное убранство...

В девятом веке готикой еще не пахло. Даже стиль романский еще только-только начинался... Однако норы под сокровища святые отцы устраивали по тем же схемам.

Так что я клещом вцепился в кольчужный рукав Стюрмира и указал ему на решетку.

Хорошая идея. Мне бы ни о чем не сбить такой замок. А ругающийся последними словами (там ГРАБЯТ, а мы тут всякой хренью занимаемся!) Стюрмир потратил на него минуты две, собрав вокруг нас (то есть меня, Скиди, Стюрмира и Свартхёвди, который тоже остался с нами) толпу тех, кто опоздал к главному пиру и надеялся поживиться хоть чем-то. Решетка вылетела, народ ломанулся... Но оттеснить нас не удалось. А может — не рискнули. Стюрмир — огромный громила, а Медвежонок вообще берсерк... Так что мы были первыми. А щелочка-то тесная. Вход строго по одному.

Хряп! Да тут, оказывается, живые имеются. Имелись. Пара монашков, укрывшихся за решеткой, сдуру кинулась на Медвежонок с факелами и какими-то штукovinaми, более подходящими палачу, чем воину. Свартхёвди прихлопнул обоих — как моль. Факелы тоже пригодились. Медвежонок испустил восторженный вопль. Сокровищница! Серебро утвари так и сияло.

— Дальше! Вперед! — заорал я, как следует пнув протянувшего грабки к посуде побратима. Не может быть, чтобы сокровища такого продвинутого культового сооружения состояли из одной серебряной посуды.

Ну, так и есть! Впереди — еще одна щель. Занавешенная какой-то коричнево-серой, в цвет стен, тряпкой. Не обманул инстинкт. Одно настораживало: вряд ли там, впереди, еще один выход. Был бы — монахи бы точно по нему смылись.

Ценности — ценностями, а эта крысиная нора с одним-единственным узеньким лазом мне не очень нравилась. Сейчас вниз попрут викинги. И как, интересно, мы будем выбираться?

Тут я заметил маленькую масляную лампу.

— Стюрмир! Держи вход!

Могучий викинг не стал спрашивать, почему. Он тоже увидел серебро и уверовал в мою интуицию. Вернее, в удачу. Так что огромный дан просто растопырился в тесном проходе и заклинил его лучше, чем деревянная пробка. Лучше, потому что пробку застопорившийся норман раздолбал бы секирой, а Стюрмирову спину рубить не рискнул. Только орал и ругался не по-детски. А я тем временем, зажег лампу и проскользнул во второе помещение. Точно, сокровищница! Ага! А откуда ветерок? Может, выход всё-таки имеется?

Увы! Это был не выход. Узенькое окошко, выводящее в сточную канаву. Под ним — стоячая жижа. Довольно вонючая. Вот откуда здесь запах. Но

какой-никакой, а воздух. Значит у нас есть шанс не задохнуться, когда выход законопатят своими потными тушами братья по оружию.

— Медвежонок! Факелы оставь здесь!

— Зачем? — Свартхёвди тоже заглянул за ширму, увидел желтый блеск золота и аж зарычал от вожделения.

— Делай, что сказано!

Я отобрал у него факелы и повтыкал в держатели на стенах. Затем быстро объяснил Стюрмиру его задачу и нырнул под завесу. Скиди и Медвежонок — за мной.

— Давай! — рявкнул я. И Стюрмир освободил проход. И ухватив намеченный сундук, сдвинул его так, чтобы он загоразживал грязную тряпку снизу. А сам датчанин встал с другой стороны, спиной к завесе и запустил, откинув крышку, в сундук обе руки.

Что дальше происходило в предбаннике, я не видел, но догадывался. Вся жадная толпа под давлением в несколько атмосфер вплеснулась в сокровищницу. Норманы увидели серебро и заорали так, что мох со стен осыпался. И принялись хватать и прятать...

Тут следует вспомнить об одной маленькой детали:

Всё награбленное по окончании процесса будет собрано и поделено. Между всеми участниками. В соответствии с долями. Таковы правила. Когда речь идет о дележке внутри одного хирда — я полностью поддерживаю такую систему. Мы же братья. Но делиться с пацанами из других ватаг ни у меня, ни у всех остальных викингов не было ни малейшего желания. А приходится.

В этом контексте каждый норовил что-нибудь скрысить. Пяток золотых монет, драгоценный камешек, серебряную статуэтку... Словом, что-нибудь небольшое, но дорогое.

А тут — целая сокровищница. И всё — наше. Пока. Я еще раз выглянул в окошко. Так... Снаружи точно канализация. Типа канавы. И решеточка сверху имеется. Жаль ни хрена больше не видно.

— Медвежонок — веревку!

Так, вот этот подсвечник — в самый раз. Тяжеленький.

Я привязал к нему веревку и вытолкнул сокровище в щель. Бульк!

Ага! Достало до доньшка! Я вытянул веревку. Прикинул глубину. Мне по пояс будет. Нормально.

Затем оторвал Медвежонок от хаотического потрошения ларцов и сундуков. Изложил идею. Как и следовало ожидать, отклик был позитивный. Через минуту мы уже делили сокровища на две неравные кучки: поменьше и подороже — нам, побольше и попроще (скажем, серебряные монеты и серебряные же браслетики с простыми камешками) — в общий фонд. Свартхёвди сортировал, Скиди паковал, я отправлял добро за борт. Управились минут за пять — время поджимало. По моим прикидкам в дерьмо ушло добрых два пуда золота в монетах и изделиях. Осталось, впрочем, тоже изрядно.

Слабое место моего плана: вдруг кто-то из руководства храма укажет на недостачу? Оно конечно в своем уме и в добром здравии никто из святых отцов не станет заботиться о прибылях врагов. Но подвергнутый жесткому допросу склонен искать любые поводы, чтобы прекратить пытки.

Опасения не оправдались. Епископа и его ближайшее окружение зарезали

во время грабежа. То ли в кровавом угаре, то ли для того, чтобы порадовать Одина. Возможно и то и другое. С недавнего времени я вполне допускал возможность прямого влияния скандинавских божеств на своих почитателей.

Бьёрн был в бешенстве. За епископа можно было изрядный выкуп получить. Да и за остальных.

Он немного успокоился, когда монастырская казна (минус снятые нами пенки) была торжественно передана в общак. За что нам — пафосная, но исключительно словестная (хоть бы по доле прибавили!) благодарность от обоих Рагнарссонов.

А долю нам выделили уже на общих основаниях.

Не скажу, что дележка была честной. Львиную порцию захапали себе Рагнарссоны и их бойцы. Нам остались слезки. Лично я получил примерно две марки серебром и отрез шитого серебром шелка, которого как раз хватило бы на головной платок.

И это со всех немеряных сокровищ, добытых в соборе!

Впрочем те, кто остался в пролете, могли восполнить недостачу грабежом домов нантских граждан, тех, что победнее, потому что жилища богатеев уже оккупировали парни Рагнарссонов.

Город терзали три дня. Тащили всё вплоть до бронзовых канделябров. Добычу свозили на большой остров посреди Луары. Там еще недавно был монастырь, так что было куда и вещи сложить и где от дождика укрыться. Бьёрн объявил остров нашей главной базой. Там активно строили дома, туда свозили пленных и провиант. Все подходы к острову оказались так тесно заставлены кораблями, что по палубам можно было гулять, как по бульвару.

Наши тоже застолбили за собой порядочный кусок островной территории с небольшой отмелью для швартовки. И пленных обоего пола у нас было ничуть не меньше, чем у остальных. Было кому заниматься и строительством, и готовкой и улаживанием горячих норманских организмов.

В лагере, впрочем, мы не отсиживались. Вместе со всеми остальными разбойниками активно шарили по окрестностям. Но всё подряд не хватало: брали с разбором. Только драгметаллы, элитные изделия, лучшие ткани и продукты. Например, шелк. Или пряности.

Если по мне, так теперь точно можно было бы подаваться в обратный путь. Один только мешочек с моим личным золотишком тянул уже килограммов на семь. На следующую ночь после победы мы извлекли из канализации припрятанные от Рагнарссонов сокровища и честно... Ну почти честно поделили их с ярлом и остальной братвой.

Не со всеми. Ярл решил ограничить число участников командой нашего драккара. Никто из нас, само собой, не протестовал. О том же, чтобы отстегнуть долю Рагнарссонам и речи не было. С чего бы?

Так завершилась история со взятием Нанта. На мой взгляд — не так уж плохо для норманов.

Но мое мнение разделяли не все. Недовольны были вольные ярлы, прикнувшие к нашему войску — мало досталось. Недоволен был граф Ламберт, который получил свой Нант, но не в том виде, на который рассчитывал. Недовольны были люди графа, многие из которых имели в городе родичей, кото-

рым... не повезло. А особенно обидно было нашим союзникам то, что именно людям графа крепко влетело в самом начале штурма, а трофеи достались совсем другим. «Одним — пампушки, другим — колотушки», как говорила моя бабушка.

И наконец в глубокой печали были сами нантцы. Особенно те из них, кто оказался в плену. Их было почти столько же, сколько убитых, но убитым уже было всё равно, и потому многие живые им завидовали. Закон «Горе побежденным» в действии.

Я был на стороне победителей, но тоже пребывал в легкой печали. Мои мечты о возвращении, как и следовало ожидать, не сбылись. Викинги поделили трофеи, сожгли убитых и теперь жаждали продолжения банкета. Так что дней через десять большая часть нашей флотилии снялась с якорей и двинулась дальше. А меньшая — осталась. Залечивать раны и стеречь трофеи. Из наших это была команда Хедина Моржа. Ему я сдал на хранение почти всю добычу. Даже часть золота. Если я вернусь — получу всё в целости. Если нет, то мою долю унаследует Медвежонок. Если и он погибнет, то добыча достанется Гудрун и Рунгерд. Так я распорядился и так будет. Если я не вернусь. Только у меня другие планы.

Глава девятая, в которой наш герой оказывается под стенами города Тура

Городок сей назывался Тур. Надо полагать не потому, что являлся объектом туризма, а совсем по другой причине. Причина эта вздымалась над нами во всей своей грозной красе, вертикально щурясь прорезями бойниц. А туризм в этом мире пока не зародился. Если конечно не считать туристами нас, несколько тысяч отважных мореплавателей с севера, чьи кораблики безмятежно располагались на берегу Луары.

Однако вернемся к городу Туру. С ним мы, пожалуй, оказались в пролете. Внезапного набега не получилось — франки успели запереться.

Вчерашний штурм защитники отбили играючи. Правда, в атаку ходили не основные силы, а так сказать вспомогательные войска — сборная солянка под предводительством дюжины «морских ярлов».

В атаку они кинулись совершенно самостоятельно и без санкции «главнокомандующего» Бьёрна. При взятии Нанта им, аутсайдерам, достались жалкие опивки с чужого пира, и теперь парни намеревались грабить в первых рядах. Сами понимаете: кто успел, того и тапки.

Типичный норман свиреп, жаден и дик. Чистопородный викинг никого не боится и ни перед кем не останавливается. Он привык к тому, что когда они с братвой врываются в населенный пункт с одной стороны, население этого самого пункта со всех ног бросается в другую.

Но с Туром вышло иначе. Наверное, потому что — крепость. Стены со всех сторон. Да еще и реки вдоль периметра. Бежать некуда.

Наш ярл в штурме не участвовал, хотя мы появились на сцене театра военных действий одними из первых, потому что главная наша ударная сила, Рагнарссоны, то ли замешкались, то ли решили дать порезвиться союзникам. А скорее всего знали, что из себя представляет Тур.

Знал и Хрёрек. Поэтому в сторону городских стен он даже и не взглянул. Разбил наш доблестный хирд, две с лишним сотни головорезов, на автоном-

ные группы человек по десять — и отправил исследовать турецкие посады.

Меня, после недолгого колебания, определили в группу варягов Трувора Жнеца. Колебания ярла были вызваны тем, что я — названный брат и будущий зять Свардхёвди Медвежонка, а следовательно, теперь куда ближе к датчанам, чем в к варягам, с коими меня роднил лишь общий язык словенского корня. С точки зрения Хрёрека — так себе «родство». С другой стороны, я с самого начала входил в боевое подразделение варягов...

Словом, ярл спросил меня, с кем я пойду, а я, не раздумывая, назвал Трувора. Свартхёвди Медвежонок из солидарности присоединился ко мне. Трувор не возражал. Кто же откажется от помощи квалифицированного берсерка? Мой ученик Скиди тоже отправился с нами.

Зачистка посадов для викинга — дело привычное. Но очень скучное, если жители посадов успели слиться, кто куда. Одни — в крепость, другие — в окрестные поля-леса. Само собой, все ценности либо унесли с собой, либо упрятали в тайники. В свободном доступе оставили только самое громоздкое: вроде стариков и вкопанных в землю горшков с прогорклым, совсем уж несъедобным маслом. Всё мало-мальски годное в пищу прятали: зарывали, увозили... Во Франции, как уже было сказано, дела с продовольствием обстояли неважнецки. Пока паны в лице сыновей-наследников короля-императора Людовика Благочестивого дрались, здешние холопы потихоньку мерли с голодухи.

Нам, однако, повезло. Недалеко от местного рынка мы обнаружили что-то вроде скотобойни с изрядным запасом относительно свежих, то бишь еще без червей, мясопродуктов, а глазастый Рулаф ухитрился высмотреть в дорожной грязи ценную информацию: сравнительно недавно с этого двора угнали большую партию скота. Причем в сторону, противоположную крепости.

Лично я видел лишь грязюку, в которой по щиколотку тонули сапоги. Но следопыт из меня — как таран из фекалий дезинтерийного больного, а Рулаф — природный охотник в хрен знает каком поколении.

По-любому, нам уже повезло. Наш хирд, несколько сотен бравых воинов, при благоприятных обстоятельствах сжирает полтонны мяса в день. А сколько продуктов нужно тысячам головорезов объединенной армии Бьёрна Железнобокого, и говорить нечего. Сложность добывания пищи стала второй причиной, по которой армии Рагнара и Бьёрна разделились. Первой причиной, естественно, было желание захватить побольше.

Но вопрос продовольствия был очень актуален. Причем в идеале «продукт» должен быть живым. Холодильников-морозильников здесь нет. Наилучший способ консервации мяса — оставить его до времени на своих-четверых. Так что заполучить полсотни овец, коровенок или бычков было нам не менее интересно, чем раздобыть килограмм серебра.

Охранять, вернее, сообщать другим группам, что мясной склад — наш, оставили аж четверых бойцов. Для убедительности. Оповестить Хрёрека о находке Трувор отправил Скиди. Пацанчик был очень недоволен, но я цыкнул, и Скиди подчинился. Конечно пареньку хотелось отправиться с нами в продуктовый рейд, но Трувор был прав: хоть Скиди по правам и полноценный дренг, но по классу пока не дотягивает. Приняли его в хирд под впечатлением блестящей победы Скиди в поединке с матерым викингом. И только потом выяснилось, что до настоящего дренга ему еще расти и расти. Но ярл сказал уже

свое слово и обратного хода нет. Тем более нет никаких сомнений, что через год-полтора Скиди поднимется до нужной квалификации. Если останется жив. Но об этом должны позаботиться старшие товарищи. То есть мы.

С Трувором двинулись восемь воинов. Мы с Медвежонком, Витмид, Рулаф с Руадом, эсты Крыйт и Мянд, и племянник Трувора от старшей сестры (это важно: дядя по матери у варягов иной раз ближе, чем отец), длинный, тощий и чрезвычайно опасный вьюнош по имени Харра Стрекоза. Прозвище вполне заслуженное: обоерукий мечник орудовал клинками почти так же быстро, как стрекозка — крылышками.

Двинулись — это мягко сказано. Мы побежали. И держать такой темп нам предстояло долго.

Рулаф сказал: наши клиенты покинули базу вскоре после рассвета. То есть часа три-четыре назад. Местный скот может без проблем двигаться со скоростью неторопливого пешехода. Следовательно, бежать нам предстоит тоже часа три-четыре.

В нашей команде я был наихудшим бегуном, поэтому меня поставили в середину. Медвежонок без лишних слов отобрал у меня копье. Ему без разницы, что два копья тащить, что три. А щит мой забрал Мянд.

Я не спорил. Как боец я безусловно круче Мянды. И вполне могу посоревноваться в беге с настоящими волками. Но — налегке. Мы — одна команда и отлично знаем достоинства и недостатки друг друга.

Дорога вывела нас за пределы посада и круто устремилась вверх. Через полчаса, оглянувшись, я мог бы любоваться панорамой: городом меж двух рек и доброй сотней кораблей, заполонивших эти реки.

Но любоваться было некогда. Надо было пободрее переставлять ноги.

Примерно через полкилометра мы свернули с главной трассы на дорогу «местного значения». Наше стадо погнало именно по ней.

Оказавшись на узкой «проселочной» дороге, мы перестроились в цепочку и протопали еще километра два. Ничего интересного на пути не попало. Разве что парочка местных крестьян. Мы обогнули их лесом.

В этом, кстати, одно из отличий варягов от норманов. Тот же Ульфхам Треска встречных просто зарубил бы. И оттащил в кусты.

Норманы — практичные люди. Без сантиментов.

Варяги же предпочитают мирных жителей щадить. Если есть возможность. Немного чести убить пахаря.

Оп! Пока я на бегу предавался мыслям о гуманизме варягов, бежавший первым Витмид сцапал двоих детишек.

Махонькие, лет по пять-шесть, замурзанные взлохмаченные, похожие на двух ёжиков. Сидели в кустах: вероятно, собирали какие-нибудь ягоды. Увидели чужих, замерли. Как зверушки... Их бы и не заметили, но кто-то из малявок не выдержал, пискнул...

Витмид держал их за рубашонки и вопросительно посмотрел на Трувора. Поспрошать бы надо, раз уж поймали. Размеры стада, количество сопровождающих, давно ли прошли...

Идея правильная, но вот беда: с французским у нас — проблема. Переводчиком был Вихорёк, но пастушонок остался на драккаре.

Знатоков французского в нашей нынешней команде не было.

— Дайте мне попробовать, — не очень уверенно предложил я и присел на

корточки рядом с мальчонкой. Господи, тощенький какой! Ножки как спички. А как перепугался галчонок. Аж губы побелели. И трясется мелко-мелко. Наверняка родители про норманов рассказывали. Мол, вырвались дьяволы из преисподней... Если бы его медведь схватил, и то меньше бы испугался.

Я полез в сумку, вытащил завернутый в холстину кус пчелиных сот со старым засахарившимся медом. Вынул нож, чтобы отрезать... Детеныш затрепыхался, глазки вообще закатились... Блин, не подумал. Быстро отмахнул дольку, спрятал нож, а сладкое сунул мальцу прямо в ротик. Он сначала не понял, потом облизнулся, изумленно уставился на меня...

— Ешь, — произнес я по-французки. — Ты. Вкусно.

Мой словарный запас — слов двести. Грамматика с синтаксисом — вообще на зачаточном уровне.

Да, сладеньким их нечасто балуют, сразу видно. И тут малец меня удивил. Оторвал часть пайки и отдал девчужке. Ну молодец! На таком нервяке, а подумал о сестренке.

Купил меня карапуз.

— Отпусти его, Витмид, — распорядился я.

Варяг разжал пальцы. Мальчонка дернулся всем телом. Бежать. Но глянул на сестренку (ее Витмид держал по-прежнему) и остался на месте, заработав еще один бонус. Хотя удрать бы ему всё равно не удалось. Среднестатистический варяг пробегающую мимо кошку за шкурку поймать может, не то что какого-то мальчика.

— Бояться нет, — сказал я и погладил его спутанным волосенкам. Он опять перепугался. Зажмурился, головку в плечи втянул... Но жевать не перестал.

— Ты видишь люди, овцы, коровы? Шли здесь. Ты видишь?

Пацанчик подумал и быстро кивнул.

— Овцы?

Кивок.

— Коровы?

Еще кивок.

— Свиньи?

Нет, свиной не было.

Наши тем временем устраивались на земле. Привал. В строю — только Витмид, контролировавший детей и Харра, которому Трувор оставил на страже.

— Люди? Много? Сколько? — Я для наглядности позагибал пальцы. — Раз, два...

Внезапно пацанчик ожил, заговорил быстро, быстро...

— Не понимаю... Говорить быстро не надо...

В итоге выяснилось следующее: стадо, действительно, было. Овцы и коровы. Возможно с быками, я не уточнял. Много-много. Людей тоже много. Больше, чем нас. С оружием. Прошли часа два-три назад. Это я прикинул по положению солнца.

Гнали скот туда, где живет много больших людей и где большой забор. Более точно установить не удалось. Дефицит слов.

— Спроси его, где их селение? — потребовал Крыйт.

— Зачем?

— Ты спроси!

На вопрос: где живешь, малец ответил неопределенно. Видно, не хотел вы-

давать своих. Еще один бонус с моей точки зрения. С моей, но не Крыыта.

Я перехватил руку с ножом в сантиметре от пацанчикова уха.

— Сдурел?

— А то я не вижу, что он не хочет говорить.

— А ты бы на его месте сказал?

Эст удивился. А причем тут он? Ну да. Есть источник информации. И стандартная средневековая методика ее получения. Только на кой хрен мне знать, где живет семья малышей? Судя по их прикиду, его родичи отнюдь не жируют.

— А мне его родичи и не нужны, — сказал Крыыт. — Если он скажет, где живет, значит о том, что нам нужно, тоже не соврал. Если его немного порезать, он скажет правду.

— А если тебя немного порезать, Крыыт, ты станешь немного красивее, — сказал я.

Развалившийся на травке Свартхёвди гоготнул.

— Это так, — подтвердил он. — Но чтобы сделать красавца из тебя, братец, «немного» не обойдешься.

Крыыт тоже ухмыльнулся. Он не садист. И с чувством юмора — нормально. Допрос веду я. И как это делать — решать мне.

— Это всё, Волчок? — поинтересовался Трувор. — Тогда хватит валяться. — Витмид, заканчивай и побежали.

Витмиду дополнительных объяснений не потребовалось. Он знал, что нужно сделать. Все знали. Кроме меня. Я бы тоже сообразил, но после истории с Вихорьком, которого наши приняли нормально, как то расслабился.

Витмид снова сцапал мальчонку. За волосы. Схватил он его за рубаху, я, может, и опоздал бы, потому что смотрел в другую сторону. Но пацанчик взвизнул, и я успел среагировать. Прыгнул и мертвой хваткой вцепился в запястья Витмида за миг до того, как головенки детей столкнулись.

— Отпусти их! — прорычал я.

— Ты что, Волк? — поинтересовался варяг. Он вообще очень спокойный мужик, Витмид. — Хочешь сам их убить?

Но рук не разжал. Мальчишка тоненько пищал. Как котенок. Девочка молчала. Только глядела на меня огромными, полными ужаса глазищами. Понимала ли она, что происходит? Или решила, что я задумал что-то похуже, чем просто лишить ее жизни?

— Мы их отпустим, — твердо произнес я. — Ясно?

— Сдурел?

— Отпусти их!

Руки у Витмида — как клещи. Но и у меня теперь такие же. И я знаю, куда нажать.

Было бы оружие, варяг не отпустил бы. Но детишки — не оружие.

Тиски разжались, детишки попадали на траву, а Витмид оскалился. Глаза его сузились. Я его конкретно обидел. Дело не в том, что я сделал ему очень больно. Никто не вправе приказывать варягу, кроме его вождя. То, что я сделал — это оскорбление.

Но мне было наплевать! Толчок в грудь — и Витмид отшагнул назад. А я оказался между ним и малышами.

Есть вещи, которые воины делают автоматически. Например, реагируют

на оскорбление. Плевать, что мы — на марше, а вокруг могут быть враги. Даже на корабле Витмид отреагировал бы так же.

Миг — и его меч смотрит мне в переносицу...

Миг — и рядом со мной образовался Свартхёвди, прикрывая меня щитом. Берсерк даже в обычном режиме чуток быстрее, чем прочие. Он тоже действовал автоматически. Угроза мне — немедленное вмешательство. Из-за чего мы повздорили — плевать! Позже он может высказать мне всё, что думает. Но сначала не даст меня убить.

Трувор чуточку запоздал. Он всё-таки не берсерк. Но в ключевой момент всё же оказался между нами и Витмидом, грозный, как сам Перун.

— Вы мухоморов объелись? Убрать железо!

Витмид тут же успокоился. Теперь защита его чести — на Труворе.

— Ты приказал задавить щенят, Волк не дал, — наябедничал он. — Ударил меня.

Сердитый Трувор — неприятное зрелище. Даже, если не знать о его прозвище.

— Говори!

— Их нельзя убивать!

— Почему?

М-да. Разумных объяснений-то у меня и нет. Разумных с точки зрения викинга.

— Нельзя и всё! — выпалил я.

Разумных доводов нет, так что придется давить эмоцией.

За спиной опять пискнул пацанчик. На этот раз его схватил Крыйт.

— Нельзя убивать! — Максимальная убежденность в голосе. — Будет беда.

— Что еще за беда может случиться от смерти этих червячков? — изумился Трувор.

— Не знаю. Я сказал. Решать тебе.

Вот это правильные слова. Решать по-любому Трувору, коли он — старший. Но теперь он задумался. Как-никак у меня репутация колдуна.

— А если они расскажут о нас? — Это Руад. Резонный довод. Но не решающий.

— Кому? Родичам? — Я усмехнулся. — Только не говори мне, что боишься черноногих землепашцев! Пусть рассказывают, нам-то что?

— Это могут быть не только пахари, — поддержал Руада Рулаф.

— Ну да, — я ухмыльнулся еще шире. — Какой-нибудь местный хёвдинг узнает, что на его земле появились страшные норманы. Медвежонок, как ты думаешь, что он сделает?

— Запрется в своей усадьбе и будет молиться Белому Христу, чтобы мы его не нашли, — не раздумывая ответил Свартхёвди.

Я услышал, как за моей спиной Крыйт поставил детишек на землю. Оно конечно проще — зарезать. И не беспокоится. Но о чем беспокоиться? Народ у нас подобрался сообразительный.

Я развернулся. Малыши тихонько лежали на травке. Я поднял детишек. Пацанчик был легонький. Не тяжелее зайца. А девочка еще легче.

— Ты иди домой, — велел я. — Она, — кивок на сестру. — Иди домой. Ты о нас — не говорить никому. Скажешь — я знать. Я — волшебник. — Вообще-то я не знал, как «волшебник» по-французки, так что произнес кальку с англий-

ского — магициан. Но, похоже, малец понял. — Ты скажешь, она скажет — мы придем, убьем всех! Ты понял?

Малец кивнул.

— Бегите!

Повторять второй раз не пришлось. Пацаненок схватил сестру за руку, и они порскнули в лес.

Побежали и мы.

— Всё же хорошо, когда рядом тот, кто слышит богов, — уважительно произнес мне Медвежонок. — А что за беда могла приключиться, Ульф?

— Уже не приключится, — пропыхтел я. — Так что не важно.

Надеюсь, когда придет пора окончательного расчета, там наверху зачтут мне спасение этих крошек. А если это будут хоромы Одина, то вряд ли мне поставят в вину такую мелочь.

Глава десятая, в которой герой проявляет не только доблесть, но и сообразительность

Мы настигли их слишком поздно. Когда часть стада уже скрылась за большим забором, о котором говорил маленький франк.

Мы увидели его, когда кончился лес. Изрядный забор, надо отметить. Деревянный, но метра три высотой.

Между забором и нами простиралось примерно полкилометра луга, разделенного дорогой примерно пополам. С противоположной стороны луга — овраг. Через овраг был перекинут мост. Естественно, тоже деревянный. И мост этот несколько франков очень энергично заваливали кипами соломы.

Я не сразу сообразил, что почему, но мои друзья в таких вещах разбирались лучше.

— Вперед! — закричал Трувор, и мы побежали.

То есть, они побежали. Перед стартом Мяндр бросил мне мой щит, а Медвежонок — копье. Потом хлебнул из кожаной фляжки с «озверином» и припустил за остальными. Он и так уже отставал метров на сто. Ничего. Когда «бешеное молочко» подействует, берсерк наверстает упущенное.

Само собой, я оказался в аутсайдерах. Впрочем, отстал бы я в любом случае. Варяги и даны с полной выкладкой бегали лучше, чем я — налегке.

Вся наша компания порядочно растянулась.

Впереди огромными прыжками неся Харра Стрекоза. За ним, более-менее плотной группой — Трувор, Витмид, Руад и Рулаф. За варягами — эсты. За эстами — Свартхёвди. Постепенно сокращая разрыв. Ну а в глубоком арьергарде — я.

Тем не менее, более проворные тоже опоздали. Сено на мосту вспыхнуло, и легкий путь был отрезан.

По ту сторону оврага франки поспешно загоняли в ворота последних овец.

Не все. Человек тридцать сторожили противоположную сторону оврага. У некоторых я разглядел бронь и мечи. Воины. Простонародье и ополчение довольствуется копьями и куртками из кожи. А у этих на куртках — железные полоски. Профи, значит. Мечи, опять-таки...

Когда мост запылал, варяги резко свернули влево. Там имелось перекинутое через овраг сучковатое бревно. Правда, с той стороны уже скопились

франки. В готовности.

Эсты припустили вправо, где, метрах в тридцати один из склонов оврага удачно осыпался.

А вот Харра Стрекоза сворачивать не стал. Так и махнул с разбега через овраг. Да не просто прыгнул, а толкнулся копьем, как шестом. Очень красиво взлетел. Как есть Стрекоза!

Такого франки явно не ожидали. Несколько человек бросились к Харре, но тот был намного проворней. И у него была цель. Ворота.

Трувор Жнец вскочил на бревно первым.

В него тут же стрельнули два лучника и один арбалетчик.

Щит Трувора утыкали стрелы, а удар болта едва не сбросил варяга в овраг. Я увидел, как Жнец пошатнулся... Но удержал равновесие, а обстрел на этом закончился. Витмид, Руад и Рулаф одновременно метнули копья. С десяти метров не промахнулся ни один. Стрелков по ту сторону оврага не осталось. Однако остальные не испугались. Четверо франков, сомкнув щиты, встали напротив бревна. За их спинами еще пятеро — с копьями.

Варяги умели бегать по бревнам. И кататься на них. Не хуже норманов. Но Трувор притормозил. Даже у него не было шансов.

Он метнул копье. Франк вскинул щит... Копье вырвало его из рук хозяина... Тут же секирка кого-то из варягов полетела в брешь... Но ее отбил щитом сосед потерявшего щит. Живая стенка сомкнулась раньше, чем Трувор успел воспользоваться последствиями своего броска. По ту сторону оврага явно собрались профи. Пусть пониже классом, чем викинги, но достаточно умелые и опытные. Впрочем, никто из них не спешил вступить в схватку с варягом.

Рулаф подхватил с земли камень и метнул во франков. Отбили щитом. Пат?

Именно поэтому я побежал за эстами, а не за варягами.

А вот Свартхёвди попер прямо через горящий мост. Этого франки ожидали даже меньше, чем прыжка Стрекозы. Любой нормальный человек обгорел бы. Но не Медвежонок. Мой побратим прорвался сквозь пламя, разбросав пылающую солому и возник по ту сторону оврага, дымящийся, усыпанный огненными «пчелами», но вполне боеспособный. Встряхнулся, как зверь, сбрасывая пылающий мусор, и побежал к ближайшей цели. То есть к тем ребятам, что кинулись на перехват Харры.

Догонит, можно не сомневаться. Бежали франки еще медленнее, чем я. Впрочем, надень на меня их бронь, я бы вообще только шагом ходил. И пот бы с меня ручейками стекал — по летнему времени.

Вот я — уже у цели. Некрутой земляной спуск. Зато по ту сторону, наверху — группа товарищей. Франков.

Вы когда-нибудь пробовали рубиться с вышестоящим противником, одной рукой держась за кривую осинку?

Эсты попробовали. Получилось — не очень. Франки тыкали их сверху копьями. Эсты отмахивались. С трудом.

А это уже мне. Дротик воткнулся в дно ручейка в сантиметрах от моей ноги. И кто же это такой меткий? Впрочем, какая разница? Я не стал испытывать судьбу, а припустил по дну оврага, разбрызгивая водичку и стараясь не

поскользнуться на камешках.

Несмотря на плохое состояние трассы, я оказался проворней тех франков, что побежали за мной вдоль оврага.

Это я определил по звуку.

Ага, вот и мост. Щит вверх — чтоб угольки за шиворот не нападали (шутка!) и — самое время взобраться наверх, пока преследователи потеряли меня из виду. Цепляясь за кусты, я быстренько вскарабкался... Не ждали, господа хорошие?

Франков было двое. По их мнению, слишком мало, чтобы схватиться с викингом. Даже таким небольшим, как я. Попятились, оцетинившись копьями. Я изобразил атаку — и они дернули со всех ног к воротам. Вернее туда, где Медвежонок только что вошел в боевое соприкосновение с шестью франками. Я гнаться за ними не стал. Что-то мне подсказывало, что Свартхёвди даже не заметит эту маленькую прибавку численности врагов.

А мне есть кому помочь.

Трувор всё еще балансировал на бревне. Остальные пытались его поддержать, швыряя камни во франков, но те были слишком хорошо вооружены, чтобы их можно было подбить булыжником.

Одиннадцать бойцов блокировало импровизированный мост. Многовато, если честно. Оп-па! Меня заметили!

Четверо (уважают, черти!) выдвинулись навстречу. Вернее, трое. Один замешкался, схлопотав каменюкой по шлему. Я получил трехсекундный выигрыш в численности. И с варяжским волчьим кличем (до Трувора мне далеко, но звук внушительный) я устремился на врагов. Франки тут же притормозили, привычно сдвинули щиты, уперлись...

Ну и ладушки! Атаковать их в лоб не входило в мои планы. Пользуясь преимуществом скорости, я лихо обогнул их по кривой и столкнулся лицом к лицу с отставшим бойцом. Ну не то, чтобы лицом к лицу... Скорее, клинком к ребрам. Коровья шкурка, даже усиленная сырым железом — неважная защита от Вдоводела. Хотя не думаю, что я убил франка. Так, покоцал чуток.

Еще четверо франков, из тех, что «держали» бревно, четко, как на учениях, развернулись ко мне и выставили копья.

Ну, голубчики, теперь держитесь!

Я коршуном упал на дружную компанию оппонентов Трувора. Упал — в прямом смысле этого слова. Вернее, сначала на них упал мой щит, который я запустил еще на бегу. А уж потом «упал» сам: резко ушел вниз, в такую широкую стойку, что кожаные штаны затрещали, повернулся на пятке, опершись на левую руку, а правую, с мечом, выбросив во всю длину. Еще один оборот — с переходом упора на другую ногу, и еще хлест, разом просекший сразу два сапога и то, что было у сапог внутри. И третий оборот... Чистая капоэйра! Четверо противников повалились, как подкошенные. Хотя почему — как? Я их именно скосил. Подрубил беднягам ноги. Всем. Меньше, чем за пару секунд. Вот какой я мастер! Уверен, они даже меня не увидели. Зато — почувствовали, насколько я мог судить по их воплям. Да, франки — не викинги. Подумаешь ножку надрубили! Руки-то целы!

Дурацкие мысли теснились в моей голове, но дело делать не мешали. Я снова напал. На сей раз меня приняли только двое. Но — качественные. Вмиг связали меня боем. Тем более, что я подустал и пыхтел, как паровая машина.

Шутка ли! Бегал, прыгал, лазал... И всё — с полной выкладкой. Мне бы отдышаться малость... Куда там! Бодрые франки навалились на меня сразу с двух сторон... А тут еще сзади я, краем спрятанного внутри шлема уха, услышал бодрый топоток...

К счастью, я был не один на этом поле битвы. Трувор прыгнул. Я уже видел, как это делается. Да и сам умел не хуже. Однако не факт, что рискнул бы на такой бросок, имея против себя троих изготовившихся противников. Трувор рискнул. Шаг, толчок... И он взмыл вверх, сгруппировавшись так, что почти полностью скрылся за щитом. Выше края — только надглазья шлема и нацеленный вперед клинок. Франки приняли его в щиты. Грохнуло знатно! Щит одного из франков треснул, но на ногах оба устояли. А третий, сбоку даже замахнулся, намереваясь проверить клинком прочность Труворова тыльника...

...Но довести удар до конца не успел. Его руку начисто отмахнул меч Руада, который начал разбег практически одновременно с Трувором (они много лет работали в связке) и вошел в бой, отстав от Жнеца максимум на секунду.

А перемахнувший через овраг третьим Витмид спас мне жизнь, выскочив навстречу набегающим ко мне сзади франкам, и отбив брошенное в мою спину копьё, которое мне, связанному боем, было бы весьма затруднительно парировать.

И тут же мой бой закончился. Трувор с Руадом в три секунды порубили четверых противников (своих и моих) и устремились к воротам, где в одиночку упирался Харра Стрекоза. Витмид — за ними. Крикнув Рулафу и мне, чтобы добились оставшихся. Оставшиеся (двое, третьего достал Витмид) решили не испытывать судьбу и дали деру.

Я за ними гнаться не стал. Всё равно не догнал бы. Предоставил соревнования в беге Рулафу. Он — молодой. Ему легче. А мне после многочасовой гонки по лесу и десятиминутного форсажа схватки прилечь бы куда-нибудь часиков на восемь...

Кое-кто уже прилег. Лежал, заляпанный кровью и дрянью от носков сапог до шишки шлема. В окружении четырнадцати покойников. Я, было, испугался, но тут же с облегчением обнаружил, что Свартхёвди спит. Кончился заряд в батарееке. Обратная сторона силы берсерка. Пять, максимум десять минут турбо-режима — и заряд иссякает. Есть, правда, резервный «аккумулятор», но обученный берсерк не использует его без острой необходимости. Себе дороже. Так что сделал дело — и в отключку.

Сын Сваре Медведя дело сделал. Порешил больше народу, чем мы все — вместе.

Я не стал его трогать. Набрал соломки, чтоб на голой земле не лежал, снял шлем, распустил пояс, обтер кровь с лица. Потом оттащил подальше те трупы, что воняли особенно сильно. Блин, мух-то сколько!

За этим занятием меня и застал Рулаф.

— Волк, Трувор зовет!

— Мы победили? — спросил я, не сомневаясь в ответе.

Однако молодой варяг меня удивил.

— Нет. Иди, поговори с франками. Я посижу с Медвежонком.

Надо же! Я теперь, блин, переводчик!

Тело ныло и стонало, мечтая о мягонькой постельке, желудок ёкал, напоминая, что с утра не принимал ничего, кроме родниковой водички.

Я пошарил в сумке и закинул в рот остатки мёда. Затем сходил за щитом. Хороший щит, под меня подогнанный. Еще пригодится.

Больше всего захваченное нами поместье напоминало ферму. Но я уже знал, что это не ферма, а типичный «замок» местного феодала. Деревянная ограда — снаружи, а внутри — что-то типа донжона. В данном случае — мощное сооружение из толстых бревен на серьезном каменном фундаменте, со щелками-окнами на уровне второго этажа, явно усиленной крышей и тяжелой дверью.

Сбоку, кстати, была пристроена часовенка. Из того же материала, что и основное здание.

Но священника в часовне не было. Я знал это наверняка, потому что попик сидел прямо передо мной, привязанный, верхом на бревне и готовился к худшему. Или — к лучшему, если перспектива мученика была ему по сердцу.

— Поговори с вороной, — предложил мне Трувор.

Легко сказать — поговори... И почему именно с ним? Пленников мы нахватили — под сто персон. В основном, сервы. Рабы, то есть. Но я увидел и пару ребятишек в военном прикиде. С ними я бы потолковал с большим удовольствием.

Оказалось, священник сам выразил желание пообщаться. И тут же оказался в «допросной» позе.

Вот только поговорить с ним было некому.

— Расскажи-ка мне сначала, Трувор, что тут происходит? — потребовал я.

А дело было так. Харра Стрекоза очень удачно занял место у ворот. Посек пастухов, пару бойцов и еще пару набежавших со двора работников с вилами.

Харре, в общем, повезло. Между ним и основной группой противника удачно встрял Медвежонок. Повезло Харре вдвойне. Когда из дома выскочила группа поддержки, между ними и труворовым племянником оказались возбужденные и многочисленные домашние животные. Пока франки пробивались сквозь собственную живность, с другой стороны подоспели варяги. Франки тут же отступили в дом. Помешать им не было никакой возможности. Опять-таки из-за мычащей и бебекающей живности.

Словом, часть боевых франков заперлась в доме-крепости и заняла глухую оборону.

Ну и на здоровье, сказал я Трувору. Кто нам мешает забрать необходимое количество скотины и отправиться в обратный путь?

Плохая идея, возразил Трувор. Нас всего девять. Причем один (Свартхёвди) лежит в отключке, а двое (Крыйт и Мяндр) ранены. Правда, легко, но это сейчас — легко. А спустя какое-то время потеря крови и воспаление непременно скажутся на боеспособности.

А франков в доме минимум десяток. Фигня — для открытого боя. Но если они будут тащиться за нами и пускать стрелы из кустов — радости мало.

А если поджечь дом?

Да хрен его подожжешь. Вон бревнища какие. И крыша сырая — дождь же ночью был. Кроме того есть еще одна важная деталь. С поля боя успел смыться один из франков. Есть такое мнение, что прохвост может добежать туда, где есть еще одно гнездо франков. Более богатое на бойцов, чем здешний замок. А

нас — мало.

— Какие идеи? — поинтересовался я.

Идеи у Трувора были.

Во-первых, надо выяснить, как далеко отсюда находится ближайший гарнизон? Во-вторых, предложить франкам компромисс. Мы уходим, забрав с собой часть скотины и десяток трелей для ее перегонки. И пару-тройку заложников.

Как только мы добираемся до своих, заложников отпускаем. Такое предложение.

А если оно не будет принято?

Тогда мы порешим всю живность, включая трелей и черного жреца. Поджигаем всё, что удастся и уходим.

Что ж, план понятен. Я поглядел на толпу несчастных. Женщин и детей в ней было явно больше, чем мужчин. Но даже мужчины не помышляли о сопротивлении. Забитые крестьяне. Что с них взять, кроме жизни...

В том, что слова Трувора — не пустая угроза, я не сомневался. Значит, надо уговорить франков на вариант два.

Первым делом я отвязал священника от бревна.

Потом попытался наладить диалог. Это оказалось намного легче, чем с мальчишкой в лесу. Прибавив к своему хилому словарю средневекового французского английский и скандинавский диалект германского, я без особых проблем смог донести до патера суть предложения Трувора. От себя добавил, что искренне заинтересован в спасении жизней его паствы. Но если что-то пойдет не так: например откуда-нибудь появится франкская кавалерия, участь пленников предрешена. Убьют всех. Может появиться такая кавалерия?

Не скоро, отвечал католический попик. До замка барона де Чего-То-Там — миль десять. То есть подмога будет и будет непременно, потому что хозяин здешнего надела, оруженосец барона и получил землю именно как баронов вассал. Но подоспеет баронская рать не раньше, чем к вечеру. А скорее — завтра утречком. Но зачем нам убивать людей и животных? Может, мы просто уйдем? За небольшое вознаграждение?

Лично он, патер, готов заплатить нам целых полмарки серебра. Дал бы и больше, но — нету.

— Нет у него серебра! — заявил Руад, когда я перевел предложение. — Я сам его обыскивал.

— Серебро — там, — попик показал в сторону часовни.

— Хорошо, — кивнул Трувор. — Значит к тому, что я сказал — еще полмарки серебра.

Ну извини, патер, я тебя за язык не тянул. Ты ведь знал, с кем имеешь дело.

— Скажи своим хозяевам, чего хочет мой вождь, — сказал я священнику. — Пусть он решает и решает быстро.

Оруженосец барона с ответом затягивать не стал. Заявил, что никого серебра и заложников мы не получим, потому что слово и честь нормана — это столь же мифические понятия, как голоса рыб и ум овец.

— Я сам могу стать заложником, — робко предложил священник.

Но предложение было отклонено. Поскольку он уже был у нас в закладе.

— Что ж, — сказал Трувор. — Нам предстоит тяжелая работа. Не будем терять времени. Витмид, выведи из конюшни лошадей — они нам пригодятся. А

этих, — жест в сторону перепуганных крестьян, — загони внутрь. Прикончим всех сразу, когда подожжем сарай.

Мой мозг отчаянно искал выход. Уговаривать Трувора пощадить несчастных — бесполезно. Он свое слово сказал. Значит, значит...

— погоди, Жнец! — воскликнул я. — Вижу способ выкурить зверя из норы!

— Да? — Трувор заинтересовался. — Какой же?

— Выкурить, — сказал я. — Как лисиц. Это дом нельзя поджечь. Но можно сделать так, что внутри станет очень неуютно.

Моя идея была проста. Дом ведь негерметичен. Если мы запалим десяток килограммов сырой соломы (солома здесь в избытке) с подветренной стороны, то дым легко проникнет внутрь дома. Помешать нам защитники не смогут. Изнутри. А если решатся на вылазку, то еще лучше. Думаю, пройдет не так уж много времени — и хозяин пересмотрит свою точку зрения на предложение Трувора.

— Отлично! — заявил наш вождь. — Ты молодец, Волк! А я нет. Мог бы и сам сообразить. Стемид, Руад, сколачивайте щиты. Рулаф — тащи соломы. А ты, Волк, займись обедом. Когда мы закончим, я был бы не прочь перекусить.

Получилось. Устроить вылазку осажденные не рискнули. Метали стрелы из окон... Без толку. Щиты из тележных днищ. Такие разве что катапультной пробить можно. И дым хороший получился. Густой, вязкий, черно-желтый. И десяти минут не прошло, как в доме захекали и заперхали. Но предпочитали задохнуться, чем выходить. Такая смерть казалась франкам более легкой, чем непосредственно от рук норманов. Я их понимал. Снятие живьем кожи с последующим окунанием в морскую воду было далеко не самым жестоким развлечением викингов.

Так что пришлось мне подыскать еще один довод:

— Мы не норманы, мы венды, — сообщил я попику. — Скажи им.

Вендов, то бишь западно-словенские племена в бывшей империи Карла Великого тоже не жаловали, но боялись меньше.

Сработало. Вылезли. Шестеро мужчин и, главное, почти полсотни женщин и детишек.

Побросали оружие, выстроились понуро.

Трувор тут же вычленил хозяина и его старшего сына. Их упаковали и погрузили на телеги. Заложники. Затем варяги-специалисты отбраковали негодный к переходу скот, выбрали рабов пободрее, и мы тронулись. Единственное: забыли прихватить симпатичных девок. Медвежонок, когда очухался, целый день ворчал. Мол, самое главное оставили.

Обратно ехали почти всю ночь. Трувор помнил, что сказал священник, и встречаться с баронской дружиной (если таковая имелась) не хотел.

Мы и не встретились. Зато вечером хлынул дождь. Будто великанский бурдюк на небе прорвало. Натуральный тропический ливень.

Отличная утоптанная дорога уже через час превратилась в болото. Колеса телег временами увязали чуть ли не по ступицы. Овцы по брюхо проваливались в ямы... Под шумок четверо пленников попытались бежать. Глупо. Вот если бы они все разом дернули. Да в разные стороны... Беглецов поймали. Выявили зачинщика и прирезали. Зато Трувор наконец объявил привал. Очень

вовремя. Лично я еле ноги передвигал. Впору завидовать раненым и Медвежонку, «отдыхавшим» на телегах.

Наскоро соорудили загон для четвероногих, потом — шалаши для двуногих. Повязали, загнали внутрь. Нам подобные удобства не светили. Зато мы поужинали. Всухомятку, но с винишком. Затем поделились на смены — и в караул. Мне повезло — оказался во второй. Так что завернулся в мокрый плащ, залез под телегу и вырубился... Секунд на пять по моим ощущениям. А потом меня разбудил Рулаф. Вторая смена. Я кое-как собрал вместе мышцы и кости, нацепил шлем и вылез наружу. Рулаф тут же плюхнулся на мое место.

Ливень перешел в унылый морозящий дождь. Со мной в компании оказались Витмид и Харра Стрекоза. Мы быстренько распределили посты. Мне как самому непутевому достались пленники. Проверять, в каком они состоянии, я не стал. Всё равно в шалашах ни хрена не увижу. Осмотрел только заложников. Нормально упакованы. И дрыхнут, счастливы. А мне часа три ходить дозором.

Я и ходил, пока не рассвело. Зато согрелся. Очень кстати, потому что дождь так и не прекратился.

К Туру мы вышли мокрые, грязные, но довольные. Особенно были рады мои товарищи. Они всерьез опасались, что пока мы фуражируем, Бьёрн с Хальфданом возьмут Тур.

А вот хренушки!

Вчера объединенное войско викингов оставило под стенами несколько сотен покойников, но не продвинулось дальше рва. Стены высокие, расположение удобное (меж двух рек), гарнизон большой и квалифицированный. Тем более всем было хорошо известно, что будет, если город падет.

Когда мы вернулись, попытки взять город временно прекратились. Реки разлились и превратили город в полуостров. Да еще грязюка непролазная...

Бьёрн предложил осажденным откупиться. Сообщил, что готов снять осаду за пятьсот марок серебром.

Нормальный вариант. Недавно мы содрали примерно такую же сумму со славного города Анжера. Тур, правда, крупнее, но у него и оборонительные сооружения посерьезней. Справедливая цена. На наш взгляд.

Однако граф турецкий не желал платить ничего. Мол, скорее вы, норманы, с голоду сдохнете, чем возьмете Тур, ибо город сей находится под личным покровительством Святого Мартина. Так что хрен вам от дохлой собаки, а не серебро.

Переговорщик так и сказал. Дословно.

Рагнарссоны обиделись. Особенно молодой и горячий Хальфдан. Он даже чуть не поклялся, что не возляжет с женщиной, пока не вырвет нахалу язык. Но вовремя сообразил, что правильная осада — дело долгое.

В общем, братья решили заняться строительством. Насыпи, осадные башни, орудия...

Опыт был. Не хватало рабочих рук и провизии. Тут-то и пригодилась наша добыча. Лишний скот мы поменяли на серебро, а пленников Хрёрек от щедрот подарил Бьёрну. Кроме заложников. Этих (тоже за серебро) выкупил турецкий епископ. Они приходились ему родственниками.

Пока часть воинства работала на ударной стройке, руководил которой лич-

но Бьёрн, остальные (и мы в том числе) шарились по окрестностям. В первую очередь искали монастыри. И находили, что характерно.

**Глава одиннадцатая,
которая начинается традиционно, грабежом, а заканчивается
дальней дорогой**

Место, где стоял монастырь, нам выдали селяне. По собственной инициативе. Мол, не надо нас потрошить, люди недобрые, нечего с нас взять. А вот там, за леском, если по дорожке ехать, да свернуть не вправо, а влево, имеется обитель святая. Вот у них, у монахов, всего вдоволь.

— А бабы есть? — спросил Стюрмир по-франкски. Ученость, значит, продемонстрировал. Наши все уже во французском немного наловчились. На грабительский словарь лексикона хватит. Бабы входят в первый список. Викинги — они любвеобильные. Хотя при необходимости могут месяцами «поститься». А у меня вот с тягой к противоположному полу в последнее время какой-то спад. Как глаза закрою: не дивы прекрасные перед внутренним взором предстают, а кровавые сцены «пира победителей».

Но моих соратников кровь да кишки не напрягают. Они могут и похоть утолить, и кишки выпустить, и тут же, на труп присев, шмат полусырого мяса слопать. А чего? Тут кровь, там кровь... Дело привычное.

Черноногие пахари засмутились. Не рискнули соврать. Нету в монастыре баб.

Залопотали быстро-быстро, по своему, так что даже я со второго на третье понимал. Но подключился Вихорек и перетолмачил: мол, бабы есть, но такие некачественные, что благородным шевалье точно не понравятся.

С моей точки зрения «качественных» женщин в среде местных поселян в принципе быть не могло. Замуж их выдавали чуть ли не в двенадцать лет, старухами они становились в тридцать. Плюс голод, болезни, изнурительная работа...

Но викинги менее придирчивы.

— А лучших баб, небось, в лесу спрятали? — поинтересовался Ульфхам Треска.

Судя по перепуганным ромам поселян, так оно и было.

— Хватит! — вмешался в допрос Хрёрек. — Ты, ты и ты! Покажете дорогу!

Не соврали землепашцы. Имелся монастырь. Небольшой, но пригожий. И в отличие от обители, с которую мы брали вместе с Хальфданом, куда более доступный. Ограда хилая. Сам храм, правда, каменный, но к обороне не подготовленный. Слишком много дверей. Его обитатели, вероятно, посчитали, что враги в эти чащобы не доберутся и не стали вкладываться в оборону. Исключительно мирный вид у обители. Поля вокруг, луга, коровки пасутся. Просто рай на земле...

В который вторглись аж три сотни чертей из пекла.

Сопrotивления нам практически не оказали. Кому тут сопротивляться? Сотня с хвостиком монахов, раза в два больше обслуги да несколько мужиков с дубьем — при воротах.

Эти, как нас увидели, так тут же дубинки побросали — и дернули к лесу.

Дальше — грустно. Дальше — мяснa.

Первый этап грабежа. Всё, что могло противиться, устранено. Покрошено в фарш. Деловитые викинги мечутся среди обезумевших от ужаса обитателей монастыря, прихватывая, на что упадет глаз, безжалостно калеча церковные реликвии и мимоходом срубая тех, кому не повезло оказался между разбойником и вождленным трофеем. Впрочем, некоторые монахи бросались к реликвиям совершенно сознательно. Надеялись: Бог защитит. Ну да, конечно! Сотни других не защитил, а тебя — непременно.

Хряп! И расчлененное тело, в агонии, оползает на алтарь, а убийца, наступив умирающему на грудь, умело вышибает самоцветы из обрызганного кровью распятия.

А строгий лик Христа взирает на побоище с фрески и... ничего. Хотя это здесь — ничего, а там, где обитают души, наверняка другой расклад сил.

Я, как обычно, стоял в сторонке и приглядывал за общим развитием событий. Мало ли — подоспеет откуда-нибудь вооруженный отряд защитников? Или руководство монастыря пожелает по-тихому сдернуть с места событий, пока длится первый хаотический этап разграбления. На втором этапе это будет уже невозможно. Всех пленников изолируют, рассортируют и определяют: кого — в рабы, кого — в расход, а кого (этим особенно не повезло!) — в работу. Вот уж кто тысячу раз пожалеет, что его не зарубили!

Страшнее только, если то же самое — но в женском монастыре.

К счастью меня от такой судьба пока миловала. Женских монастырей на нашем пути еще не попадалось. А то бы я даже не знаю, что делал. Не исключено, что погиб бы в неравном бою с собственными друзьями.

Тут мой наметанный на необычное глаз упал на нечто неординарное...

Этот монах среди прочей вопящей и визжащей братии выглядел как орел в стае воронов.

Он не визжал, не вопил, не суетился. Стоял спокойно, я бы даже сказал — гордо. Не выказывая страха. С чего бы? Оружия при нем не было. Одет весьма скромно, даже бедно. Но я собственными глазами увидел, как набежавший викинг, вместо того, чтобы привычно срубить помеху топором, просто отпихнул монаха плечом с дороги. Монах качнулся, однако не упал, следовательно, толчок был — легонький. А лицо монаха осталось таким же: уверенно-безмятежным. Казалось, видит он не резню и поругание святынь, а нечто совсем другое: чистое и светлое. Очень интересный персонаж!

Ага! Кажется, первый этап завершен. Хрёрек проревел команду, и стратегический резерв хирда пришел в движение: выстроился цепью и двинул вперед, загоня перепуганное стадо в стойло. С другой стороны двинулись варяги и личная гвардия Хрёрека под руководством Ульфхама Трески... Мое место — в первой группе.

Не скажу, что я очень удивился, когда увидел в толчее подгоняемых древками копий монахов, служек и монастырских рабов того самого, невозмутимого. Причем прямо перед собой. И еле успел перехватить древко Руада, вознамерившегося треснуть по голове «тормозную овцу».

— За мной иди! — гаркнул я, толкая необычного монаха влево, под защиту своего щита.

Честно сказать, я немного опасался, что он заартачится или просто не поймет моего корявого франкского, но монах воспринял мое действие как долж-

ное. И оказавшись позади нашей цепи, не сделал попытки дать деру, а двинулся следом за мной, как привязанный.

Минут через пять (быстро, поскольку работа привычная) второй этап завершился. Сейчас начнется сортировка...

— Э, ворона! А ну-ка марш к своим!

Викинг-норег сунулся к моему протезе... И очень удивился, обнаружив между собой и монахом меня.

— Ты ослеп, Гуннар? — очень вежливо поинтересовался я. — Этот человек со мной.

— Человек? — прорычал мой брат по хирду Гуннар Гагара. — Это не человек! Это меньше, чем крыса! Тьфу!

Но на конфликт, естественно, не пошел, развернулся и удалился.

— Зачем? — спросил меня загадочный монах.

Я пожал плечами. Насколько это возможно в броне.

— Я бы хотел — туда, — монах кивнул в сторону загнанных в придел обитателей монастыря.

— Нет! — отрезал я. Мое знание средневекового французского не позволяло вести дискуссии. — Хочешь там забрать? Кого?

Монах задумался... Покачал головой.

— Все в руке Божьей, — сказал он. Во всяком случае я его так понял.

— Ульф! Мы его ищем, а он тут с «вороной» треплется! — Это Харальд Щит. С ним Стюрмир и мой ученик Скиди.

— Подружку себе нашел, га-га-га! — Это Стюрмир. Шутник, блин!

— Тебя ярл зовет! — Единственную дельную фразу произнес малыш Скиди.

Я глянул туда, где вокруг груды сокровищ стояли наши лидеры: Хрёрек, Ольбард... И Тьёрви-хёвдинг. Вот уж кого я не ожидал здесь увидеть.

— Скиди, присмотри за ним, — я кивнул на монаха.

— Зачем он тебе? — Это Харальд спросил. Скиди просто принял к сведению, как и положено ученику. Пусть даже с правами полноценного дренга.

— Языку франков меня будет учить, — ответил я первое, что пришло в голову.

Главное — дать логичное и практическое объяснение своим поступкам. Тогда твои друзья-викинги не будут думать, что ты — с придурью. Хотя если бы я сказал что-нибудь типа: «На него указал Один», это тоже было бы принято нормально. То, что лет через тысячу назовут мистикой, здесь — объективная реальность. Но ссылаться на Одина в данном случае было бы неумно. Любому норману известно: если одноглазый бог выбрал какого-то монаха, то лишь для того, чтобы предать его особенно изощренной смерти.

— Ульф, — сказал мне мой ярл. — Тебя хочет видеть конунг.

— Вот как? — Ничего хорошего от желания Рагнара лицезреть мою скромную особу я не ждал.

— Гонец прискакал вчера.

Ага. Мой добрый ярл просто не хотел волновать меня перед штурмом.

— Я *должен* ехать?

Хрёрек не успел ответить. Его опередил Тьёрви.

— Ты что, хускарл? В своем ли ты уме? Конунг зовет тебя, а ты — упираешься! Или забыл, как награждает Рагнар тех, кто ему нужен?

Ну да, зачем ломаешься, глупышка? Хорошо будет! Еще и денег на обратную дорогу дадим.

— Рагнар — наш конунг, — спокойно произнес я. — Но я давал клятву не ему, а Хрёреку-ярлу. Он прикажет — я поеду к Рагнару.

Вот так, дорогой мой. Рагнарссон — великий герой. Воплощение Тора и Одина в одном лице. Но здесь не армия. И мы не подчиненные, а союзники.

Тьёрви нахмурился. Обиделся. Зря я его так. Он же хотел, как лучше. Для меня. Тем более мы с ним — почти друзья.

— Ты поедешь, — не стал углублять конфликт Хрёрек. — Конунг сейчас около Руана, но намерен идти на Париж. Так что, думаю, тебе надо двигаться именно туда. Путь неблизкий. Кого с собой возьмешь?

— Медвежонка, — не раздумывая ответил я. — Стюрмира. Скиди...

С большим удовольствием я бы назвал имена Трувора и еще десятка варягов, но понимал: ярл не отпустит. Что бы там не задумал Рагнар, но посылать со мной лучших хольдов он не станет. Так что — хватит с меня. Путь изрядный, но четверка викингов с трудностями управится. И внимания к четверке поменьше, чем к дюжине.

Тут подал голос Тьёрви:

— Я тоже пойду.

Я удивился. И обрадовался. Тьёрви — это здорово. К тому же он прилично болтает по-здешнему. Откуда такая доброта?

— Хальфдан-ярл сказал: если его отец послал за каким-то мелким нахальным хускарлом, то значит хускарл ему действительно нужен, — пояснил Тьёрви. — Я буду старшим.

Старшим так старшим. Рыжий датчанин — хёвдинг. А мы — простые труженики меча и топора. И если Хальфдан посылает со мной своего лучшего офицера, то — поклон ему и сердечная признательность.

Так что я кивнул и отправился собираться в дорогу.

Чем скорее выедем, тем лучше. Надо опередить слухи о разграблении монастыря и появлении викингов на здешних мирных французских пажитях. Вернее, лесных просторах, потому что здешние сельскохозяйственные уголья совершенно теряются среди дремучих чащ. Вот и мы потеряемся. Впятером лучше путешествовать инкогнито. И прикидываться местными шевалье. Мало ли благородных воинов бродит по стране по делу и без оного? Вот и мы — из таких.

Из всей выбранной мною команды лишь Стюрмир выразил недовольство. Здоровяк хотел поучаствовать в дележке монастырских сокровищ, которая будет завтра. Я сказал ему, что о наших долях ярл позаботится лично. Следовательно, доли будут хорошие. Стюрмир в этом не сомневался. Но всё равно ворчал. Дележка — это шоу. И лучший из праздников для правильного викинга. Если не считать, конечно, хорошей драки.

Выехали мы с первыми звездами. Тьёрви, Стюрмир, Свартхёвди, Скиди и я. Еще — сам гонец Рагнара, отважный хускарл Хавард Ночная Тень и четырнадцатилетний дренг из команды Тьёрви Тейт Мышелов. Монаха я тоже прихватил с собой. И пастушка Вихорька, который уже показал себя полезным членом нашего разбойничьего общества. Но они как бы не в счет. Трэли. Шли бы мы пешком, я бы оставил этих двоих в лагере — не успеют «штатские» за «се-

верным спецназом». Но на лошадаках, вернее — на мулах (лошадки для таких — слишком жирно), они нас не обременят.

Глава двенадцатая Ночной бой и боевые потери

Французская дорога девятого века — не лучшее место для ночных прогулок. Слева — лес, справа — лес и овраг. Посередине — кочки и колдобины. Грязь, естественно. Зато направление хорошее: на северо-восток. Как раз туда, куда нам и надо.

Ночная Тень вел уверенно. Этой дорогой он и пришел. Один. Хотя из Рагнарова лагеря близ Руана они отправились вдвоем. Спутнику Ночной Тени не повезло. Разбойнички.

Совсем здешние плохие парни страх потеряли. Тоже понятно. В стране — смута, каждый вшивый барончик норовит с путника подорожную взять. Частенько — вместе с жизнью. На крестьян господину — с высокой башни. Собрать налог (то есть ободрать как липку), реализовать право первой ночи с малолеткой посимпатичнее — и на локальную войнушку: драться с другим бароном или за жалование — с тем, на кого укажет сюзерен. А, бывает, и простых землепашцев барон с собой прихватит — как ополчение. Пика в руки, топор дровосека на пояс, куртень из бычьей кожи — на тушку — и в бой. Мясо на ножках. Вот только это «мясо», повоевав, начисто теряет склонность к пахоте на дядю...

Напарника Хаварда прирезали ночью. В избушке смолокура, которую самоуверенные викинги сочли безопасным местом. Напарник сам виноват: злоупотребил хозяйским винишком. Выдул весь запас. Хавард тоже выдул пару кувшинов, но проснулся вовремя. От хруста прорубленных ребер напарника.

На этом удача смолокура и его семейства иссякла.

Путешествовать в одиночку Ночной Тени было немного напряженно. Зато теперь, с нами, старина Хавард расслабился и разговорился. Тем более, мы с Медвежонком — люди ему не чужие. Хавард — с Сёлунда. Там у его батюшки поместье нехилое в трех днях пути от фьюлька Свартхёвди.

Рассказывал в основном о Рагнаре и его успехах. Успехи были примерно как у нас. Разграбленные города, выпотрошенные аббатства. Никакого сопротивления, если не считать мелких стычек. Король Франции копил армию и по непроверенным данным готовился дать бой. Неделю назад войско Рагнара стояло под Руаном. Вожди терли с местной верхушкой насчет выкупа. Но времени не теряли: грабили округу. Примерно как мы — под Туром.

Ехавший впереди (по праву и обязанности предводителя) Тьёрви придержал коня и поднял руку, изобразив знаком: слушать!

Ночная Тень немедленно заткнулся. Полная тишина. Только чья-то лошадь фыркнула да мой падре тихонько посапывал простуженным носом.

Лично я ничего не услышал, кроме обычных ночных звуков. Но я — не показатель. Вот Свартхёвди точно что-то засек. Беззвучно стек с лошади и оказался возле Тьёрви. Тот тоже спешил. Две тени почти касались головами... Я с лошадки слезать не стал. Надо — скажут.

Сказали.

Медвежонок повернулся и поманил меня. В темноте его жест был почти неразличим, я его скорее угадал, чем увидел.

Я спешил. Ночная Тень — тоже.

— Что? — шепотом поинтересовался я у названного брата.

— Дерутся, — последовал ответ.

Блин, полуночники!

— Обойдем?

— Поглядим, — шепнул Тьёрви. — Я, ты и Свартхёвди.

— А я? — выдал протестную реплику Хавард.

— Ты знаешь дорогу, — отрезал Тьёрви.

Это следовало понимать так: тебе еще рано в Валхаллу, хускарл. Сначала приведи нас к цели.

— А он? — Это в мою сторону. Логично. Это же меня желает видеть Рагнар...

Лапа Стюрмира опустилась на плечо Ночной Тени.

— Ульф — везунчик. Он пойдет, а ты — нет.

— Я вижу в темноте как днем, — сообщил Хавард. — Я — Ночная Тень. Я пойду тоже.

И засопел, аки мой монах. Очень хотел подраться.

Тьёрви согласился. Хрен с тобой, золотая рыбка.

Я встряхнулся, проверяя... Нет, металлическая шкурка лежит как надо: не шелестит, не звякает.

Бегом марш!

Ну вот и я услышал! Точно, дерутся. Лязг, бряканье, крики... Визгливый вопль, перешедший в утробный вой... Ага, кому-то вскрыли брюшную полость.

Вот, уже близко! Я ждал: Тьёрви свернет с дороги, чтобы сначала посмотреть, а уж потом лезть в мясорубку. Но хёвдинг, надо полагать, услышал всю необходимую информацию и погнал нас сразу с корабля на бал. А я так надеялся перевести дух...

Дорога. Рядом — полянка. На полянке — костерок. С полдюжины нервничающих лошадок... Темная коробка возка... И много нехороших людей, заглянувших на огонек.

Что ж неосторожно! Отошли бы в лес, спрятали лошадок, глядишь, и не заметили бы вас...

Но это я додумывал, уже срисовывая остальную картинку: десяток трупов на травке и примерно столько же живых, с ожесточением выясняющих, кто кому должен.

Расклад был не совсем равный: девятеро на двоих. Правда, двое стояли плечо к плечу у возка и отбивались вполне квалифицированно. И вооружены были прилично: у одного бронь, щит и короткое копьё, у второго — щит и приличный клинок. Качество я определил, когда он этим клинком, плоскостью, парировал косой удар секиры. Дурная сталь точно лопнула бы...

Двоих давили четверо. Тоже не лохи в воинском деле. Еще пятеро вертелись вторым эшелонем, пытаюсь помочь. Один даже вспрыгнул на кожаную крышу возка... И сверзился оттуда с визгом, хватаясь за конечность. Надо полагать, в возке прятался кто-то кусачий.

Мы стояли и смотрели. Я понимал Тьёрви. Пусть соперники покروشат друг друга по максимуму, а мы уж займемся теми, кто остался.

А лошадки у владельцев возка — очень даже ничего. Три — настоящие громадины по датским меркам.

Один из пары отвлекся на миг: глянул вверх: нет ли на тенте возка еще кого-нибудь нехорошего? Это он зря. При таком раскладе головой вертеть — дорогое удовольствие. Оп! Один из нападавших исхитрился цапнуть его за копье... Мужик качнулся вперед (не захотел отдать оружие) — и схлопотал дециметр стали между ребер. Его партнер по боевым танцам заорал грозно и треснул обидчика друга щитом, отбросив назад, но это мало что изменило. Храбреца отвлекли двойным финтом, а тем временем боец из второго ряда с размаху всадил ему в щит копье и рванул на себя. Мужика развернуло... И другой злодей ошеломил его очень специальным оружием: молотком на длинной рукояти. Бум-м-м! И последний герой выпал в осадок. На чей-то меч.

Герой еще падал, а мы уже бежали к возку.

А впереди нас летел срывающий башню рев берсерка. Свархёвди еще не впал в боевой транс, но был к этому чертовски близок.

Сшиблись мы звучно! Лично я с прыжка вlepил ногой в край щита оказавшегося на пути противника. Громко получилось. Щитоносец даже топориком махнуть не успел, как врезался в своего приятеля. Приятель устоял, но ненадолго. Чирк по роже повыше бороды (легонько — шлем-то без стрелки) и на обратном ходе — по правой ручонке щитоносца.

Хряп! — Это молотобоец достал кого-то из наших. Но разбираться некогда. Надо действовать. Молотобойца срезал Тьёври. И тут же, с разворота вскрыл панцирь еще одного негодяя. Последнего. Шумно дыша, мы стояли в центре дурно пахнущего натюрморта. Мы. Трое.

Я не успел испугаться, потому что одним из троих был Медвежонок.

Значит... Значит прав был Тьёври, когда пытался оставить Хаварда Ночную Тень при обозе. Или, может, его еще рано отпевать?

Нет, не рано. Конец котенку. С такой вмятиной на железной макушке не выживают.

Надо же как неудачно получилось. То есть по понятиям всё хорошо.

Воин Рагнара умер — да здравствует новый воин Одина! Но кто нас теперь до места доведет?

Ладно, разберемся. Ну-ка, а что у нас в коробчёнке?

А в коробчёнке у нас — сюрприз!

Нет, Тьёври всё-таки нетипичный викинг. У типичных как? Обнаружил богатого мужика с тремя женскими особями? Имущество — в кассу. Мужика — в расход. Женщин — в общее пользование, а потом по настроению. Скорее всего, тоже в расход.

Ничего подобного Тьёври не допустил. Деликатно придержал Медвежонок и меня (хотя меня — это лишнее, я и так цивилизованный), вежливо (на франкском наречии) поинтересовался: кто, откуда, в каком звании?

Оказалось: шевалье местный. Рыцарь то есть. Бежал с казной, семейством, и вассалами от свирепости норманов... И угодил в лапы соседнего барончика. Давнего недоброжелателя шевалье.

Кто-то из слуг слил инфу. Барончик послал своих головорезов. И пришел бы к шевалье пушистый северный зверь, если бы не мы.

Стало также понятно, почему шевалье прятался в возке, когда его слуги умирали снаружи. Шевелье был — инвалид. Потерял полноги, сражаясь за короля Франции Карла Лысого против его старшего брата Лотаря.

Тьёрви тоже представился. Назвался рыцарем другого королевского брата, немецкого короля Людовика. Разумно. Представиться немцем, чтобы объяснить скандинавский акцент.

Опередив Тьёрви, я заявил, что приплыл с той стороны Ла-Манша. Удачно получилось. Шевалье английского не знал и уличить меня не мог.

Медвежонок вообще никак представляться не стал. Шевалье не настаивал, потому что и без представлений видно: Свартхёвди — благородный человек. Каким еще может быть тот, у кого меч по рукоять в крови твоих врагов.

Кроме шевелье в возке прятались трое. Его жена (изрядно перепуганная толстушка), дочь (молоденькая и хорошенькая) и служанка (тоже ничего так). И там был сундучок с казной.

Половину казны шевалье тут же отдал нам. Справедливо. Люди нехорошего барона забрали бы всё. Контролирует, понимаешь, негодяй ключевое направление дороги. Грабит всех, кто подвернется. Пиявка! Вино из золотого кубка пьет — как король. А ему — всё мало!

Я понимал с пятого на десятое, но словосочетание «куп дор» уловил легко. И по тому, как по-волчьи вспыхнули в темноте глаза хёвдинга Тьёрви, понял, что не ошибся с переводом.

Из золота пьет? А кушает барон, небось, тоже на золоте? А далеко ли его замок?

Не очень. Рукой подать. А что?

А то, что зло должно быть наказано, пояснил Тьёрви.

Шевалье забеспокоился. У нехорошего барона — целое войско преданных вассалов. Аж тридцать семь человек.

— Считаю этих? — поинтересовался Тьёрви, указав на живописно распределенных по поляне покойников? Если да, то у барона уже не тридцать семь, а всего двадцать три. Сущие пустяки для таких славных воинов, как мы. Тем более, что нас не трое, а намного больше. Аж шестеро.

Шевалье удвоение нашей численности не впечатлило. Он честно признался: рассчитывает на то, что мы проводим его до пункта назначения. Если половины сундучка мало, то он готов расстаться еще с четвертью. Примерно в десяти милях от Анжу — замок его дяди.

Всё это сопровождалось такими красноречивыми жестами, что перевода не требовалось. Тем не менее я отозвал Тьёрви в сторонку и напомнил о нашей задаче: доставить меня к конунгу.

Фигня, отмахнулся хёвдинг. Сроки доставки не оговорены. А баронское золото, если не поторопиться, может забрать кто-то другой.

К беседе присоединился Свартхёвди. Целиком на стороне хёвдинга. Меня это не удивило. И можно не сомневаться: все наши спутники, обладающие правом голоса, тоже будут «за».

В таком случае у меня — вопрос. Каким образом мы вшестером (это если Скиди и Тейта считать за полноценные боевые единицы) возьмем укрепленный замок? Пусть замок этот — не цитадель с подъемным мостом, но нам и через трехметровый частокол сходу не влезть.

А мы и не будем лезть, заявил Свартхёвди. Переоденемся в тряпки покойников, прихватим шевалье с семейством — для маскировки. И доверчивые франки впустят нас в замок без всякого сопротивления.

Тут им и хана.

Замечательный план. Как раз в скандинавском стиле. Возражать — бессмысленно. И так уже мой братец Медвежонок косится на меня подозрительно: а не прилетело ли тебе в бою, Ульф, чем-то тяжелым по голове, если ты возражаешь против такого разумного, эффектного, а главное, выгодного плана старшего товарища?

Я плюнул и согласился.

Шевалье пообещал показать дорогу. Справедливо. Он перед нами — в долгу. К тому же — человек благородной крови. А что может быть благороднее мести?

Оставив трупы и спасенное семейство на попечение Медвежонка, мы с Тьёрви вернулись к нашим спутникам.

Как и ожидалось, план хёвдинга был принят на «ура».

Затем я, с помощью Вихорька, переговорил с падре. Пояснил монаху, что мы недавно пресекли разбойное нападение на честных христиан и намерены нанести визит главному злодею, дабы наказать его по заслугам. От падре требуется помалкивать о том, что мы — норманы. И ни во что не вмешиваться. А лучше вообще принять обет молчания, чтоб ненароком не сболтнуть лишнего.

Падре выслушал меня и моего переводчика, затем сообщил с неизменным достоинством, что он — слуга Господа. Потому болтать вообще не склонен. После того поругания христианских ценностей, коему монах был недавно свидетелем, он более не сомневается, что мы все ниспосланы Франции свыше. Как наказание за грехи. Поэтому нет необходимости оставлять его в лесу (альтернатива, предложенная мной вместо молчания), а если его убьют в процессе наказания зла (об этом я тоже упомянул), то на все воля Божья. Но лично он думает, что не убьют, потому что у него есть миссия. И вообще было бы лучше, если бы я звал его не монах, а отец Бернар.

Я согласился. И сделал зарубку в памяти: уточнить, что это еще за миссия у моего падре.

Но — позже. Потому что время не ждет. План Тьёрви может сработать только под покровом ночи. На свету даже страдающий острой формой трахомы не спутает викинга с франком.

Глава тринадцатая, в которой Ульф Черноголовый проверяет на прочность баронскую сталь

Замок барона не отличался изысканностью. Четырехугольная выгородка на бугре, который даже человек с фантазией не назвал бы холмом. Донжон высокий, но всё равно смахивает на каменный сарай-переросток...

После городских стен Тура такое не впечатляет. Но с точки зрения функциональности — всё путем. Взять штурмом такую хрень без вспомогательного снаряжения не так-то просто. Особенно при численном соотношении один к четырем в пользу защитников.

Но брать его штурмом мы не собирались.

Могучий удар обухом секиры в дубовую калитку.

— Открывайте, бездельники!

Голос Тьёрви звучал глухо и невнятно, но суть требования была интуитивно понятна.

Сверху поинтересовались, кого принес нечистый?

В ответ Тьёрви ругнулся, а Скиди (ему пришлось по размеру прикид одного из покойных псов барона) поднес факел к перепуганному личику нашего спасенного. Попутно подсветив меня и Мышелова. Но аккуратно. Чтобы лица «в кадр» не попали. Шмотки-то на нас — с баронских людишек, а вот личики совсем другие.

Наверху признали пленного. Обрадовались. Быстро, быстро залопотали по-французски... Минута — ворота начали отворяться.

Мы не торопились. Было желательно войти всем сразу. Еще двадцать секунд... Ага! Комиссия по встрече уже выстроилась. Пяток франков в неполной боевой... Беспечность наказуема.

Я плавно извлекаю из ножен Вдоводел. На левой руке у меня кулачный щит с медным умбоном и медной же оковкой по краю. Трофей. Вообще-то я предпочитаю клинковое оружие, однако в темноте и тесноте такой девайс — самое то.

— Ver thik, her ek kom!!![110] — разом взревели норманские глотки. «Кто не спрятался, я не виноват!»

И началась мясня.

Не следует думать, что мы действовали хаотически. Роли были распределены заранее. Стражу у ворот сносим вместе. Потом отборная боевая группа (Тьёрви, Медвежонок и я) врывается в донжон и гасит всех, кроме главаря. Последний нужен для оперативного сбора информации по местонахождению домашних сейфов. Стюрмир с молодняком тем временем зачищает двор и дисциплинирует челядь и сервов.

На моем пути — франк. Замахивается копьем... Резкое сокращение дистанции. Вдоводел легко, на проходе, вскрывает трахею. Хлещет кровь. Но уже за моей спиной. Я, на том же рывке, прикладываю рукоятью в лобешник остолбеневшего сопляка, который (повезло пацану) так обалдел, что даже к оружию не потянулся, и мчусь, петляя между брошенных посреди двора сельскохозяйственных орудий, ко входу в донжон. Что интересно — вход сразу на второй этаж. По деревянной лестнице. Удобная система. Достаточно сжечь лестницу — и донжон неприступен. Окон на первом уровне тоже нет.

Взбегаю последним, отстав от Тьёрви аж на секунду. И на три — от Медвежонок, который, вместо того, чтобы петлять, просто перемахивает через препятствия. Он сейчас может и через носорога перепрыгнуть, мой братец-берсерк. Минут пять назад он выжрал дозу боевого стимулятора «от дедушки Стенульфа».

Опередив меня на ту же секунду, Тьёрви ныряет внутрь. Я слышу откуда-то снизу медвежий рёв. Свартхёвди зачищает первый уровень. Лучше ему не мешать. Он сейчас плохо фильтрует информацию «свой-чужой».

Тьёрви уверенно топчет куда-то влево. Я — за ним. Хёвдинг видит в темноте (в отличие от меня) и уже взял направление на цель. А цель у нас проста: апартаменты барона. Они наверняка где-то наверху.

Лестница. Вот черт! Канонический каменный «винтарь». Узкий и с грамотной закруткой «под левшу». То есть тому, кто поднимается (то есть — мне) не слишком удобно работать правой рукой. А тому, кто спускается, совсем наоборот.

Но пока это проблемы Тьёрви. Я — следом. Оп! Еще один зальчик. Можно

сказать, даже освещенный. В камине куча тлеющих углей. И бодрая (потому что уже успели проснуться и похватать железо) компания из четверых рубак. Пронзительный женский визг. Из-под ног Тьёрви шарахается что-то белое... Девка. Она вскакивает... И — не повезло. Летящее в Тьёрви копьё пронзает ее насквозь. Мощный бросок. Последний в жизни метателя. Тьёрви проскальзывает мимо девки, сбивает щитом набежавшего головореза и втыкает меч в раззявленную пасть «мастера копья». Тут включаюсь и я. Меч в спину отброшенного хёвдинговым щитом, краем щита — в рожу еще одного башибузука... Увернулся, гад! А вот мы тебя клинком вдогонку...

— Ульф, наверх! — ревет Тьёрви, отмахиваясь сразу от трех противников.

Я не сразу (примерно через полсекунды) соображаю, что он имеет в виду. Точно! Вон еще одна лестница. На третий уровень.

Один из противников Тьёрви пытается меня перехватить. Укол в предплечье — и у Тьёрви теперь два с половиной противника.

Деревянная лестница вокруг центрального столба.

Ах ты поганец! Кидаться в меня топором! Нет, удачно я всё-таки с собой щит прихватил. Успел перехватить подарочек краем. Жаль, что теперь треснувший щит придется выкинуть.

Поганец ждет меня наверху. Неплохая по здешнему уровню броня — нашитые на кожу пластинки. Шлем тоже приличный.

Когда он успел облачиться? Надевать такой доспех — дело небыстрое. Спал он в железе, что ли? Играем в веселую игру «король на горе». Барон — сверху. Точно барон. Работает копьём очень даже ловко. Не уступит среднестатистическому викингу. А вот мне без щита и снизу — крайне неудобно. Перехватываю Вдоводел в левую руку. Работаем против копья... Чертовски неудобно. Замаха не сделать. Железко у копья длинное, с полуметровой трубкой — не перерубить. Сильный, однако, гад. Хорошо, что я привык к скандинавским здоровякам...

Пат. Я не могу подняться. Но и гад меня достать не может — мешает опорный столб лестницы.

Рев Медвежонка стихает. Надо полагать, на первом уровне чисто. А на втором еще рубятся...

Хряп! Барон совершил ошибку. Увлёкся и всадил наконечник в деревянный столб. Мгновенная задержка — на миг увязло железко. Я этим мигом пользуюсь и хватаюсь за древко свободной рукой. Могучий рывок... Попался братец! Я внезапно выпускаю древко и не удержавший равновесия гад с грохотом опрокидывается на спинку. Я белкой взлетаю наверх... Гад уже на ногах. Весит его оборонительный прикид втрое больше моей элитной брони, однако это глупый миф двадцатого века, что в боевом железе самостоятельно на ноги не встать. Жить захочешь, не просто встанешь — взлетишь. Правда, в боевой, а не в турнирной. Впрочем, до настоящих доспехов еще лет триста.

Я не ошибся, точно барон! Вон и герб на щите. Не разглядеть, какой. Темновато.

Злодейский барон — невысок. Росточком с меня. Но — пошире. И порукастее. Я это осознаю, когда он едва не достает мечом мою ногу. Меч у франка тоже длиннее моего... Проход понизу... Ловко пресечен щитом. Я, вероятно, мог бы достать гада сверху, но не рискнул. Живьем надо брать... Это значит — можно без ноги. Но не без головы.

Ах ты ловкач! Толчок щитом и, из-за щита, копеейной силы укол меча. Зацепил. К счастью только за трофейную куртень... Сталь клинка взвизгнула, пройдясь по моей броне. Получи, гад! Вдоводел рвет баронский доспех, срывая пару пластин. Одна отлетает в жаровню с углями, выбрасывающую сноп искр... Барон сбивает мою атаку щитом. Не очень-то ловко, поворотом всего тела, потому что Вдоводел у меня — в левой руке, а не в правой.левой я пользуюсь немного хуже, зато барону неудобно. Очень неудобно, потому что правой я хватаюсь за край его щита и помогаю ему развернуться. Нет, настолько он разворачиваться не собирался. Но есть такой закон — сохранение импульса. Очень удачный ракурс. И дистанция — меньше полуметра. Однако мой меч заблокирован щитом. Выхватить кинжал — полсекунды. Не успею. Завалить его голым кулаком (даже в перчатке) — никаких шансов. Ключевое слово — завалить. Твердая подметка моего сапога чисто на автомате бьет барона под колено. Там, где нет железа, а только кожаные штаны. Бинго! Барон валится прямо на меня, но я вовремя сдаю назад. Трудно, когда на тебе столько железа. А еще щит, который просто так с руки не скинешь. Уже в падении гад пытается достать меня мечом понизу. Я ухожу прыжком и приземляюсь всем весом на край щита. Что-то громко хрустит (рука или дерева?), мощный укол Вдоводелом сверху пронзает баронову десницу насквозь — жало клинка втыкается в деревянный пол. Глубоко втыкается, но я не огорчен. Клинок вошел аккуратно между локтевой и плечевой костью. Пригвоздил.

Я наклоняюсь к пришипленной железной «бабочке»... И тут что-то обрушивается мне на спину. И сразу удар чем-то острым в область поясницы... Удачно получилось. Для меня. Никогда не надо экономить на качестве доспехов. Полезно для здоровья.

Броня выдержала. Я на рефлекс бью локтем назад. Попадаю во что-то мягкое... Вскрик...

Что ж ты, дурочка, в спину била? В шею надо было. Или в крайнем случае — в загривок повыше кольчужного ворота.

Обмякшее тело женщины покоится на ногах барона. Я всё еще жив. Повезло. Ведь это могла быть не слабая женщина, а притаившийся в засаде еще один воин. Хотя вряд ли. Воин вмешался бы раньше. Тем не менее, я лопухнулся. Но — везунчик. Жив!

И барон жив, собака бешеная! Вон как глазки зыркают...

А что я это так хорошо вижу? И дымком потянуло... Я вскакиваю и выплескиваю содержимое кувшина на загоревшуюся шкуру какой-то зверюги. Ну и вонища! Кувшин-то ночным горшком оказался!

А барон лежит, не дергается. С чего бы это? Зауважал?

Как выяснилось позже, нет, не зауважал. Просто не встать ему было. Одна рука пришиплена, вторая — сломана. На ногах — сомлевшая подружка. Идеально зафиксированный пленник.

Вместе со Стюрмиром и Тьёрви мы освободили барона от железа. А я, заодно, от глянувшегося мне перстенька. Солидного такого, тяжелого, с обрамленным в золото плоским зеленым камнем, на котором был вырезан дивный девичий профиль и тонким завитком — надпись на греческом.

Тьёрви не возражал. Викинги к произведениям искусства равнодушны, а лишних десять граммов золота я точно заслужил.

От дальнейшего я устранился. Сошел вниз, где под чутким руководством спасенного нами одноногого шевалье баронова сервы очищали зал от последствий берсерковой работенки. Сам Медвежонок возлежал тут же, на шкуре своего «тотема». Пухленькая супруга шевалье поила его молоком с медом. Берсерк восстанавливал силы. И судя по тому, где находилась сейчас его рука, отчасти уже восстановил. Француженка не препятствовала. Побаивалась. Они то полагали, что мы — культурные немецкие дворяне, а оказалось — кровожадные язычники.

Н-да. Адреналин во мне еще не весь выкипел и от хорошенькой девушки я бы сейчас не отказался. Например, от юной дочки шевалье. Кстати, куда она делась? Папа с мамой тут, а...

Вот она, умница. Притаранила мне кувшинчик красного вина и копченый окорок.

Хорошенькая, чистенькая... Во всяком случае, с виду. И не надо иронизировать в мой адрес! Здесь вам не тут. Это на севере народ чистоплотный. Баньку любит. Опять же — в речке искупаться. А в «цивилизованной» Европе нравы иные. Чистоплотность в христианские добродетели не входит. Крестьяне, по-моему, вообще никогда не моются. Разве что если в реку упадут. Впрочем, как я уже отмечал, среди этого сословия молоденьких и хорошеньких найти практически невозможно. Живут впроголодь. Работают по шестнадцать часов в сутки. Руки — в коросте, ноги — в засохшем навозе...

Остаются благородные. Но и среди высших классов красоток не густо. Да попробуй еще их отыскать. И договориться по-хорошему, поскольку по-плохому я не привык.

Зато вино здесь отличное!

Я его почти прикончил, когда сверху, вытирая руки холстиной, спустился Тьёрви.

— Разговорился франк, — сообщил он с удовлетворением. — Пошли, Черноголовый, богатство делить.

Да. Неплохо живут французские бароны девятого века. Сундучок, извлеченный из стенной ниши под кроватью, тянул килограммов на пять нетто. В основном, правда, серебро. Но хватало и золота в изделиях. И камешки имелись...

Пока мы с Тьёрви занимались дележкой, Стюрмир с довольным уханьем пользовал баронову супругу. Ту самую, что едва меня не зарезала.

Беспомощный барон глядел на это надругательство единственным оставшимся глазом и скрипел зубами. Викинги — жестокие люди. Впрочем, кто в этом мире гуманист? Разве что я. Удар ножа — и барон отмучился. После допроса Тьёрви ему так и так не выжить. Кровища течет как из зарезанной свиньи.

— Эй, хёвдинг! Будешь? — Стюрмир поднялся, заправляя в штаны отработавшее «хозяйство».

Мне не предложил. Знал, что силком я не люблю.

Тьёрви мельком глянул на распяленную баронессу и отвернулся. Драгметаллы его прельщали больше, чем женские прелести.

— Ну как хочешь. Спрошу, может, мальцы захотят...

И Стюрмир затопал вниз.

Тьёрви делил добычу на неравные кучки. Изнасилованная баронесса гляде-

ла на него с ненавистью. Но лежала тихонько. Мы — норманы. Страшные люди севера. Страшные даже по здешним меркам. Насилие и смерть — детские шалости в сравнении с тем, что могут сотворить мои друзья.

Я забрал свою долю: тонкую шейную цепь, два женских браслета, серьги и полкило монет. Монеты ссыпал в кошель, цепь — на шею, браслеты и серьги — в сумку. Неплохо. Довезти бы еще всю эту кучу драгметаллов до дома!

Позавтракав, мы собрались в дорогу. Теперь у нас было аж одиннадцать коней: крупных, сильных, годных для пути и для боя, и еще восемь обычных лошадок. Теперь поедем бойчее.

На лучшем жеребце восседал Тейт Мышелов. В баронских доспехах, с боевым копьём. На его месте должен был быть я (доспехи мне тоже были впору), но нэма дурных. Мне и собственной десятикилограммовой «сбруи» вполне хватает. Но я тоже замаскировался под франка. Плащ, щит и другие мелочи. Щит я позаимствовал из баронского замка. Понравился он мне тем, что на левой нижней четверти щита был намалеван волк. Это я так решил, что волк. Свартхёвди утверждал, что это собака, а Тьёрви предположил, что леопард. Леопарда Тьёрви видел в византийском зверинце. «Серьезный зверь, — оценил представителя кошачьих Тьёрви. — Не всякий волк с ним справится».

Я был уверен, что ни один волк к леопарду даже не сунется, но промолчал.

Не стоит проявлять эрудицию, которая породит лишние вопросы. Я — Ульф Вогенсон Черноголовый из хирда Хрёрека-ярла, землевладелец из датской «провинции» Сёлунд. И сверх того — никаких биографических подробностей.

Одноногого шевалье с семейством мы оставили в баронском замке. Теперь это его замок. «По праву копья», как здесь говорят.

Я поинтересовался, не боится ли калека оставаться один на один с людьми покойного барона, но шевалье лишь скривился презрительно. Мол, с сервами он управится не только без ноги, но и без обеих рук. Это на первых порах. А на вторых сюда подтянутся вассалы, оставшиеся на его собственной земельке. Главное: у шевалье появился шанс уцелеть при встрече с норманами. Он теперь знает заветные слова: «Я — человек Хальфдана-ярла». На датском, разумеется. И получил кусок кожи с отпечатком перстня Тьёрви, известного многим.

Отец Бернар закончил отпевание усопших, взобрался на коня. Довольно ловко, кстати.

Мы наконец тронулись...

Но уехали недалеко.

Нас догнал пронзительный женский вопль со стороны захваченного замка. И еще один.

Я придержал коня, глянул на Тьёрви. Тот с недовольной рожей, но кивнул. Езжай, глянь.

Для хёвдинга ни замок, ни то, что у него внутри, больше интереса не представляли.

Ворота открыты. Это плюс. Но, кажется, я опоздал. Это минус.

Пары секунд вполне достаточно, чтобы оценить положение.

Шевалье стоило бы сделать переоценку собственной значимости.

Но теперь уже не получится. С рогатиной-то в спине. Жена его тоже мертва. И это хорошо, потому что с такой раной в животе жить невозможно. Можно только мучительно умирать. А вот дочери еще можно помочь. При виде несущегося на него всадника (то есть — меня), волочивший бедную девушку урод бросил добычу и попытался укрыться в конюшне. Добежал. Но уже без головы.

Арбалетный болт с хрустом прошел щит на моей спине и довольно чувствительно ткнул в спину. Синяк будет, это точно. А кто это у нас такой шустрый и меткий? Меня опередил верный Скиди. Метнул копьё — и арбалетчика, вернее, арбалетчицу пришили к двери донжона. Мой конь заплясал, ударил копытом, и храбрый серв, сунувшийся с клевецом, вмиг умылся кровью. Нет, конный бой — это пока не мое. Серв... Какой на хрен серв! Кожаная куртка с бляхами, клевец... Вояка это. Был.

Я спешил. Ну, кто еще хочет умереть?

Никто не хотел. Сервы лежали мордами в землю. Все поголовно. Многие тряслись и подвывали. Арбалетчица, она же баронесса, корчилась на копьё.

Я не сказал тогда Тьёрви, что баронесса на меня напала. Иначе ее доби́ли бы. Нельзя оставлять в живых того, кто пытался тебя убить. Я пожалел женщину. Забыл, что здешние уставы тоже кровью писаны. А поступил бы, как принято, шевалье с женой, скорее всего, были бы живы.

Рядом встал Скиди. Понаблюдал с интересом, как мучится храбрая женщина.

— Скажи, Ульф, если вытащить копьё, она точно умрет?

— Наверняка.

— Жаль. Я бы взял ее наложницей.

Острие Вдоводела вошло меж ребер вдовы, прорезав сердце.

— Обойдешься!

А кто это у нас такой хорошенький?

Дочка шевелье. Дрожащие губки. Умоляющий взгляд: «Заберите меня отсюда!» В одной руке узел с имуществом, в другой — заветная папина шкатулка.

Быстро соображает девочка. В средневековье другие не выживают. Если я не заберу ее с собой, она останется один на один с местными холопами. Это сейчас они валяются мордами в грязь. А когда я уеду...

— Скиди! — рявкнул я. — Подбери для девушки лошадь. А ты... — Я порылся в памяти, выискивая слова: — Одежда. Надо сменить.

Не поняла. Ладно, сам займусь. Показал знаком: за мной. И повел в наверх, в баронские апартаменты.

Барахла в сундуках было много. Было и осталось. Мы не брали тряпки. Разве что шелк. А вот барон — брал.

Я довольно быстро нашел подходящие по размеру штанишки, рубаху и куртень. То есть предметы, примерно соответствующие этим определениям. Бросил девчонке. Та не поняла.

Я показал на ее пышное платье. Скомандовал:

— Снять!

Опять не поняла. Вернее, поняла превратно.

Задрала многочисленные подолы, улеглась грудью на сундук. М-да. Зрелище безусловно привлекательное. Молочно-белые ягодицы, курчавящаяся шерстка... Да и ножки неплохи: стройные.

Я быстренько огляделся: не проявился ли где мой мистический покровитель? Как это было в монастырской келье, когда я хотел приласкать девушку с нежным именем Селестина.

Нет, Белого Волка пока не видать. Зато мой любитель женских прелестей уже отреагировал. «Ты, хозяин, брезгуешь местными красотками, то я почему страдаю?»

Однако я справился с искушением. Тем более, соратники ждут. Да и не люблю, когда меня «покупают» подобным образом.

Не беспокойся, детка. Я и так возьму тебя с собой. А сексом мы с тобой займемся в более подходящей обстановке. Может быть. Сейчас от тебя требуется всего лишь переодеться.

Оказалось: это для меня «всего лишь», а для француженки благородного происхождения надеть мужские штотки — серьезный грех. Пылкий монолог с жестикуляцией и многочисленными кивками в сторону баронского иконостаса. Мол, негоже христианской девушке в мужское рядиться.

Вот же обычаи у людей! Но это — не мои проблемы. Я вот не могу даже представить, как в прикиде из нескольких тряпок до пола ездить верхом.

Девушка расплакалась. Надо же! Маму-папу убили — не плакала. А тут...

Тем не менее я был неумолим.

А ничего у девочки фигурка. До моей Гудрун ей, конечно, как белке до неба, но в целом очень даже неплохо. Так, не будем отвлекаться. Вот под этой шапочкой очень удобно будет спрятать волосы. А этими ремешками мы оплетем икры, чтобы штаны не болтались... А ничего получилось! Такой милый паж!

Я подхватил с полки медный тазик и предложил полюбоваться в полированное доньшко. Думал подбодрить, но сиротка снова расплакалась.

Да, ни хрена я не понимаю во французской средневековой психологии.

И еще вот этот пояс с кинжалом. Свободный человек, даже такой молоденький, без ножа — это нонсенс.

Далась тебе эта шкатулка! Я вытряхнул ценности в кошель и подвесил к поясу сиротки. Взял изрядно разбухший от снятой одежды узел и двинулся вниз.

Скиди уже ждал. С тремя коняшками. Холопы всё так же «жрали землю».

Я дал девочке еще пару минут: попрощаться с родителями, закрыть им глаза. Потом взял за шкуру ближайшего холопа, приподнял, указал на покойников, гаркнул:

— Похоронить!

И мы уехали.

Глава четырнадцатая **Когда свои становятся чужими**

Девочку звали Орабель. И дороги к Руану она не знала. Зато оказалось, что ее знает мой монах. Нет, не зря я его с собой прихватил. Вот и не верь после этого интуиции. Он вообще оказался очень даже непрост, наш благочестивый отец Бернар. И на коне сидел как влитой. Даже завидно. И держался с редким достоинством. Уж не из благородного ли сословия мой священнослужитель?

Впрочем, и без знания Бернаровой биографии я сполна оценил его полезность.

Во-первых, как сказано выше, он неплохо знал географию Франции.

Во-вторых, учил меня французскому. Причем очень толково, потому что

был не только образованным человеком, но и опытным педагогом. Правда, не филологом, а богословом, но навыки есть навыки.

В-третьих, он одним своим присутствием легализировал наше «христианское» происхождение. Любой встречный, увидев в нашей компании монаха, сразу приходил к выводу, что к норманам-язычникам мы в принципе относиться не можем.

В-четвертых, отец Бернар неплохо (по средневековым меркам) разбирался в медицине. Последнее, нам, надеюсь, не скоро понадобится.

Путешествовали мы открыто, без проблем ночевали на постоянных дворах, где нам оказывали положенное рыцарям уважение.

Очень удобно, когда ты перемещаешься по той части Франции, куда еще не добрались норманы.

Косили мы всё же не под французов, а под немцев. Благо, датский и немецкий схожи, да и акцент Тьёрви сходен с немецким.

Хорошая еда, отличное вино, крыша над головой — и никаких претензий со стороны местных властей. Наоборот, иные шевалье нас даже в гости зазывали.

Мы на всякий случай отказывались, оправдываясь тем, что спешим присоединиться к войску короля, дабы поскорее вступить в драку с язычниками.

Еще отец Бернар развлекал нас богословскими разговорами. Например о жертвоприношениях.

— Почему вы, шевалье, думаете, что Богу может быть приятно сырое мясо? Или кровь? Разве сами вы не предпочитаете вот этого каплуна именно в жареном виде?

— А ведь верно! — воскликнул Стюрмир, когда Вихорёк перевел слова монаха.

Отхватил кусок каплуна и вознамерился бросить в огонь.

К счастью, Тьёрви успел вовремя схватить его за руку. Мы ведь в трактире были не одни.

— Вы, жрецы Белого Христа, сами не знаете, о чем говорите, — пренебрежительно заявил Скиди. — Я вот очень люблю сырое мясо! Особенно печень. Ты просто не знаешь, как хороша горячая, только что вынутая из чрева печенка!

— Почему ж не знаю? — кротко улыбнулся отец Бернар, когда ему перевели реплику. — Я не всегда был монахом. А скажи-ка, ел ли ты человеческую печень?

— Был бы ты воином, я б за такие слова тебе голову снес! — рассердился мой ученик.

— А я слышал: есть такие народы на юге, что человечину едят, — вмешался Тейт Мышелов. — В южных землях меж Микльгардом и Гардарикой.

— А я слышал, что в присутствии старших безусым дренгам следует помалкивать! — произнес Тьёрви и оба юнца тут же опустили глазки.

— Ты не понимаешь, франк, — сказал хёвдинг, перейдя на французский. — Кровь — это не еда. — Кровь — это жизнь. Когда мы дарим кровь нашим богам, мы дарим им жизнь. Жизнь раба. Или жизнь наших врагов. Кровь — самое дорогое, что есть у живого существа здесь, на Срединной земле. А драгоценнее всего — наша собственная кровь. Кровь людей севера. Норманов. Наша кровь — вот за что боги дают нам счастье битвы. Вот настоящая цена, которую мы платим за богатства франков. По капле — за серебряную марку! Это справедливая цена, монах, потому что мы, красная кровь Севера, на весах бо-

гов тянем больше, чем красное золото. Мы! — воскликнул Тьёрви. — Наша жизнь! Что может быть дороже жизни, монах? Разве что слава! Кто скажет, что это не так?

Наши довольно заворчали. Красиво сказал. Целую философию выстроил. Я уже заметил, что мои братья по оружию вообще склонны к философии. Порешить кучу народа и отнять у них имущество — обычный разбой. А вот если надстроить сверху философское обоснование: мол, не разбой это, а высший порядок мироздания, то сразу самооценка поднимается.

Хотя в целом я с хёвдингом согласен. Жизнь и впрямь самое ценное, что у меня есть. На всё золото Франции не поменяю.

Но у моего монаха было другое мнение. Дождавшись, пока мы закончим выражать Тьёрви свою поддержку, он тихо сказал:

— Если ты говоришь о петухе, то жизнь, бесспорно, самое ценное, что у него есть. Но у человека есть еще и душа.

— Я не понимаю, — проворчал Тьёрви, ловко отделяя ножом шмат поросятины. — Что есть душа?

— То, что отличает человека от зверя. То, что останется, когда твое тело умрет.

Монах определенно был отличным педагогом. Выбирал именно те слова, которые будут доступны собеседнику.

— А-а-а... Теперь понимаю. А скажи мне, монах, откуда она берется, душа, в человеческом теле.

— Душу человеку дарит Бог, — мягко произнес отец Бернар. — И главный смысл жизни — сохранить душу чистой. Не запятнанной, не оскверненной худыми делами и подлыми мыслями.

— В таком случае моя душа чиста! — заявил Тьёрви. — Я никогда не творил худых дел и мысли мои честны.

— Вот как? Но разве ты не убивал, не насиловал, не отнимал чужого?

— А что плохого в том, чтобы убить врага или взять добычу? — искренне удивился Тьёрви. — Или оплодородить женщину?

— Бог запрещает человеку...

— Твой Бог — да! — перебил Тьёрви. — А мой — разрешает. Один и Тор говорят мне: убей врага! Они говорят: серебро принадлежит тому, что может его удержать. Пусть кто-нибудь придет ко мне, чтобы забрать мое богатство, моих жен и сыновей — и он узнает остроу моего меча! А тот, кто при виде меня падает на колени и молит о пощаде, по праву станет моим рабом, и его дети, жены, его добро тоже станут моими.

— А если твой враг окажется сильнее? — вкрадчиво поинтересовался монах. — Тогда на колени придется упасть тебе? И всё твое достанется ему? Или ты думаешь, что ты — самый сильный из людей?

— Ты опять не понял, жрец, — с сожалением произнес Тьёрви. — Я никогда не паду на колени. Если я не смогу убить врага, то умру. И умру с честью, с оружием в руках и то, что ты называешь душой, воспарит ввысь, в чертоги Валхаллы. Ибо там обитают мои боги. Те боги, которые, если верить тебе, дали мне душу и по справедливости должны взять меня к себе, ведь я прожил жизнь именно так, как они велели! — Тут Тьёрви осушил кружку с вином и победоносно глянул на монаха.

Ver thik, her ek kom! Разве нет?

Отец Бернар вздохнул. И промолчал. Я его понимал. Сказать Тьёрви, что его боги — ложные? Что нет никакой Валхаллы? Так хёвдинг просто посмеется над невежественным франком. Сказать, что богов нет, всё равно что заявить, что у меча одно лезвие, а не два. Такие штуки проходят с глупым черноногим франкским трэлем. Но сказать такое викингу, не единожды чувствовавшему прикосновение Одина, видевшему, как валькирии на крылатых конях уносят ввысь души погибших? Чушь и слепота!

Я бы, пожалуй, тоже не стал утверждать, что Одина нет. С чего бы тогда меня долбануло током в его святилище?

Тем не менее боги скандинавов — это не те боги, которым я бы хотел поклоняться.

Но скажи я об этом вслух — друзья решили бы, что я шучу. И я промолчал.

И не привлек ничьего внимания. Кроме внимания отца Бернара. Монах воистину обладал отменным чутьем, потому что уловил мое состояние, легко коснулся моей руки и улыбнулся.

В общем, наше путешествие протекало приятно и спокойно. А богословские диспуты скрашивали скуку и давали пищу уму. И никаких проблем нашему маленькому отряду коренные жители Франции не создавали. Проблемы возникли, когда мы вступили на территорию, где шарились наши братья-норманы.

* * *

Присутствие коллег по разбойничьей профессии мы обнаружили издалека.

Дорога, по которой мы ехали, круто взбиралась на холм. На холме имелось селение. И сейчас это селение горело. Причем явно не из-за чьего-то халатного обращения с огнем. Дикие крики, визг, гогот однозначно свидетельствовали об очень нехорошем.

По мне, так это место стоило объехать стороной. От греха подальше. Но я в нашей компании, хоть и ехал впереди, главным не был. А наш хёвдинг — не из тех, что сворачивает без острой необходимости.

— Вперед, — скомандовал Тьёрви.

Земляки нас не признали.

Едва мы въехали на взгорок, как навстречу нам, вразвалочку, выдвинулись семеро коллег по профессии. Застава, так сказать, победителей. Рожи бандитские, гнусные... И ни одной, блин, знакомой.

— Слезай с коня, франк, — лениво процедил самый гнусный, заляпанный кровью с макушки шлема до голенищ сапог. — Слезай и становись на колени. Тогда я убью тебя быстро.

Я удивился. И даже немного растерялся. Честно говоря, не ожидал подобной наглости.

— Э-э-э! — подал голос другой головорез. — Это ж девка! — и показал мечом на Орабель.

Сиротка попыталась спрятаться за меня, но куда там. Головорез, не дожидаясь конца «переговоров», проворно метнулся к ней и схватил ее кобылку за узду. Меня он проигнорировал. Зря.

Удар сапогом, даже выполненный в варианте «с упором на седло» — это больно. Особенно, если прилетает в нос.

Банда отреагировала раньше, чем получивший в рожу шлепнулся в грязь. Все разом. Чувствовалась отменная сыгранность. Я успел лишь подать коня вправо, заслоняя Орабель, но отбить направленное на меня жало тяжелого копья — нет.

Потому что кое-кто успел раньше. Швырковый топор тяжело прогудел у моего уха и впился в скулу копейщика. Бац — и он уже на жопе. Повезло, что обухом.

Нет, не повезло. Тьёрви и метал так, чтобы — обухом. А меня уже подперли с обеих сторон. Тьёрви и Медвежонок.

— А ну мечи в ножны, люди севера! — прогудел Тьёрви. — Руки обрублю!

Атака захлебнулась на полпути.

— Так это... Мы...

— Знаете меня? — поинтересовался Тьёрви.

— Видали, — проворчал головорез, которому я дал по носу, поднимаясь с земли и утирая рукавом юшку.

— Я — хёвдинг Харальда Рангарссона! — сообщил наш предводитель. — А вы — кто?

— Мы из хирда Хрондю Красавчика! О! — Головорез гордо раззявил пасть. Ба! Старые знакомые! — Мы тут...

— Рот закрой, пока дерьмо не влетело, — посоветовал Тьёрви. — Это, — жест в мою сторону: — Ульф Черноголовый. Его позвал сам Рагнар-конунг, а ты на него напал! Да за это тебе Рагнар кишки на столб наматает!

— Не пугай! — Головорез мрачно зыркнул на Тьёрви из-под шлемного козырька. — Откуда мне знать, что это — наш. Вырядился, как франк. Не назвался. И девка с ним...

То ли храбрец, то ли дурак. Остальные уже все поняли, а этот пальцы гнет. Или обидно ему, что по носу получил?

У меня возникло острое желание прикончить гада. Пусть формально он и свой... Но без таких «своих» земля чище станет. Хоть один ответит за то, что его дружки с людьми творят.

— Сапогом — в грызло, — процедил я насмешливо. — Вот язык, который тебе должен быть понятен. Или ты не расслышал и мне следует повторить?

Нет, не хочется ему повторения. Скис добрый молодец.

И тут, очень не вовремя, появился сам «морской» ярл Хрондю. На перепанной шрамами морде Красавчика — злобная гримаса.

— Тьёрви! Что тебе тут нужно? И что это за франки с тобой?

— Он меня оскорбил! — пожаловался пнутый мною викинг, размазывая по роже кровь и грязь. — За это он заплатит!

— Могу пнуть тебя еще разок! — предложил я. — Как тебе такая плата?

И тут же понял, что сказал не совсем в масть. Как-то Тьёрви нехорошо напрягся. В чем дело?

А дело было в том, что наши братья-викинги из хирда Хрондю Красавчика оказались нам вовсе не братья. Чего это они к нам с флангов заходят? А Красавчик лыбится как-то особенно гнусно. Такому, как он вообще лучше не улыбаться. Не идет ему улыбка...

— Подумай, Хрондю, что будет, когда узнает Рагнар-конунг, — с легкой угрозой произнес Тьёрви.

Он уже оценил ситуацию. Нас — девять. Но трое, монах, девушка и Вихо-

рек, вообще не в счет. Скиди с Тейтом — дренги-малолетки. Полноценных бойцов всего четверо. А против нас — минимум три десятка. И не каких-нибудь ополченцев, а таких же головорезов-викингов, как и мы. Нет, мы, конечно, классом повыше, чем средние норманы. Но — не настолько. Тем более неизвестно, сколько еще бойцов Хрондю шарится сейчас по окрестностям, занимаясь грабежом и злодействами?

— Рагнар не узнает, — заявил Красавчик, поигрывая топором.

— А Один?

— С Одином я договорюсь, — пообещал Хрондю.

Он видел, что Тьёрви не хочет драться и наглед.

Тьёрви был у нас старшим. И самым опытным. Он думал, что с Хрондю можно договориться. Задавить его авторитетом. Но я видел, что он — неправ. Хрондю, конечно, говнюк. Но не трус. И считает себя ничуть не ниже Тьёрви-хёвдинга. Да он вообще считает себя самым крутым. Есть такие... субъекты. С гипертрофированным чувством собственной важности. Неужели Тьёрви этого не понимает?

Или что-то не понимаю я? Может, дело в том, что Хрондю — тоже скандинав? Будь на его месте какой-нибудь франкский барон, стал бы Тьёрви тратить время на болтовню?

Вот и я не стану. Сейчас нас замкнут в кольцо — и всё. Останется только спешиться и с честью умереть. А о том, что станет с моими подопечными, Вихорьком, Орабель, отцом Бернаром? Лучше убить их собственноручно. Но еще лучше — убить Хрондю.

Все же у всадника есть кое-какое преимущество. Конь прыгает быстрее и дальше, чем человек. Кроме того, нас двое.

Сдвоенный удар каблуков — и мой жеребец с места рванул вперед. В следующий миг я его осадил. Грубо и больно. Извини меня, коник! Выживем, я тебя неделю вкусняшками кормить буду, а сейчас...

Хрондю шарахнулся в сторону (а что еще делать, когда над тобой машут подкованными копытами), но рубить коня не стал. Вероятно уже считал его своей собственностью. Вместо этого он метнул топор в меня. Хорошая реакция. Правильная. Но — запоздалая. Я по-казачьи свесился с седла по другую сторону и топорик улетел в никуда.

А я чуть не оказался в ауте. От моего рывка конь едва не упал. Придави он меня — и всё. Хорошо, что я заранее освободил ноги от стремян. Мой соскок не сделал бы чести даже плохонькому гимнасту. Но на ногах я устоял. Жеребец проскочил вперед. И мы с Красавчиком оказались лицом к лицу. Ему бы набрать дистанцию, а он вместо этого рванул из ножен меч. Однако навыками мастера иай-дзютцу[111] мой оппонент не владел. А мой клинок был уже в готовности.

Мечом трудно пробить хороший доспех (а у Хрондю панцирь был очень хороший), но — можно. Даже на короткой дистанции. Главное, чтобы удар шел «от земли», с подключением корпуса. А если еще добавить упор левой рукой в оголовье рукояти...

Глаза «морского» ярла полезли из орбит, изо рта плеснула кровь...

В следующий миг я, скруткой, выдернул меч из пробитого тулова Красавчика, и храбро напал на ближайшую группу викингов. Поступок храбрый до глупости, однако я очень надеялся, что смерть главаря приведет противника в за-

мешательство.

К сожалению, замешкался только один. Тот, которого я приласкал сапогом. Он-то и схлопотал первым. Мое личное правило: сначала гаси тех, кто щелкает клювом. Двое других атаковали одновременно и с двух сторон... Но всё же недостаточно быстро. Упустили полсекунды, я проскочил, развернулся и хлестнул мечом ближайшего по правому предплечью. И тут же, косым восходящим — второго по ляжкам пониже края кольчуги.

— Ульф!!!

Я инстинктивно присел и посланное мне в спину копьё прогудело над шлемом и ударило в грудь раненному в ноги.

А я подбил снизу меч головореза, которому рассек предплечье, поймал его клинок левой рукой и на развороте напрочь снес ему нижнюю челюсть. Именно на развороте, потому что намеревался встретить бегущих ко мне викингов лицом, а не затылком.

Еще трое. Один на бегу метнул топор. Я легко уклонился. Мне вообще стало как-то очень легко и спокойно. Я чувствовал себя превосходно. Прекрасно осязал окружающее пространство. Знакомое состояние. Не иначе, где-то рядом мой Белый Волчок. Я его не выглядывал — и без этого мне было на что поглядеть. Не поворачивая головы, контролировал всё вокруг. Вихорька, Орабель и монаха, верхами, посреди дороги (на них пока никто не обращал внимания), Тьёрви и Тейта, в паре, спина к спине, в окружении шести викингов покойного Красавчика. Нет, уже не шести, а пяти. Мой ученик Скиди отбежал в сторону и взялся за лук. А где же брат Медвежонок? Его я не увидел... зато услышал. По сравнению с его рёвом вопли бегущих ко мне викингов казались жалким хрюканьем...

С разбега — это удобно. Я ушел с линии атаки и с низкой стойки ударил крайнего по ноге. Ай, молодец! Успел прикрыться щитом. А вот остановиться — нет. И мой второй клинок (я бил двумя сразу — по разным уровням) чиркнув легонько, вскрыл сонную артерию. Толчок плечом — и норман налетел всем весом на разворачивающегося приятеля, а тот, в свою очередь толкнул третьего. Чисто, кегельбан. Впрочем, никто не упал. Сразу. Еще один проход понизу (хорошо быть маленьким) и точный хлест под стиб колена. Кожа штаны — это вам не стальные пластинки панциря. Конец связкам. Боец повалился (как и планировали) под ноги третьему головорезу. Ай, какие мы прыгучие! Скрежет стали (достал-таки, пусть вскользь), но у меня получилось лучше. Железная чешуя так и брызнула из-под моего Вдоводела, клинок пропахал правое плечо на всю глубину лезвия. Нет, он очень хорош, этот свей! С такой раной сумел и меч удержать и меня щитом приголубить.

Боли почему-то не было, хотя я схлопотал крепко. Если бы не стрелка шлема — хана моему носу. А так только звон пошел и отшатнуло меня шага на два.

Бенц! Это он меня уже мечом приголубил. В левый бок. Но как-то слабенько. Я даже удивился. Но еще больше удивился сам викинг. Он же не видел, в каком состоянии у него плечо. А я видел. Надо быть зомби, чтобы с такой раной вообще меч держать.

Тут меня очень неудачно схватили за ногу, и я упал.

Нет, ну нельзя же так! Меня! Ножом! Прямо в живот! А если бы у меня, к примеру, панцирь задрался? Впрочем, не важно. Потому что я сейчас умру.

Нависший надо мной викинг бросил щит, перехватил меч в левую руку и замахнулся...

Увернуться я не мог, потому что на меня всей тушей навалился его кореш, еще раз долбанувший меня ножиком в живот...

Нет, еще поживем! Отличный выстрел! Стрела угодила точно в раззявленный рот. Так что меч не снес мне голову. Зато его хозяин повалился прямо на меня. Брюхом — на лицо. Теперь я был не только придавлен к земле, но и вдобавок ничего не видел. Зато его приятель перестал долбить мой панцирь. Надо полагать, потеря крови сыграла свою роль — ногу я ему развалил качественно. То есть меня всё-таки не убили. Сразу. Но всё еще впереди, потому что притиснутый к земле двумя центнерами норманского мяса я оказался в весьма уязвимой позиции.

Но — спокоен. Как ни странно. Абсолютно спокоен. Спокойно выпустил из рук мечи (толку от них сейчас — ноль), поднатужился и спихнул с себя подстреленного свея. Потом, упираясь изо всех сил, выполз из-под его раненого приятеля. Как ни странно, никто не попытался меня, беспомощного, прикончить. Удачно получилось!

Миг — и снова на ногах, вооружен и готов к бою.

Оценка обстановки. Понятно, почему меня не добились. Надо мной, шерсть дыбом, рыча и пуская слюни — Свартхёвди. А еще говорят, что берсерк в бою ничего не соображает, а только рубит на капусту всех, кто под руку подвернется.

А какова диспозиция в целом?

Итак, Медвежонок в боевом трансе — рядом. В пятнадцати шагах — с десяток ребятишек покойного Красавчика. С копьями наготове. Но нападать не спешат и дистанцию держат правильную. Видать, имеется опыт общения с берсерками.

Еще с полдюжины — справа. Но там — Тьёрви-хевдинг и Тейт Мышелов. Вокруг них — куча трупов.

И стрелок на прикрытии. Нет, два стрелка. Пастушек Вихорек — тоже с луком. И монах с девушкой — живы. То есть с нашей стороны потерь нет. Это радует.

Интересно, кому принадлежит замечательный выстрел, спасший мою замечательную шкурку?

— Для тех, кто не слышал! — зычно проорал Тьёрви. — Мы — люди Рагнара-конунга! Вам очень повезет, если мы убьем вас всех! Иначе это сделает Рагнар! Или его сын Ивар! Бескостный — большой умелец, если надо кого-то отправить в Хель! Что скажете?

Нет, они не рвались в драку. Мы уже завалили их ярла и еще добрый десяток. Без потерь. Это впечатлило.

Вперед выдвинулся немолодой уже, с сединой в бороде, свея.

— Я знаю тебя, Тьёрви. Чего ты хочешь?

— Дорогу, — мгновенно ответил хёвдинг. — Мы спешим. Нас ждет конунг.

— А кто заплатит за кровь?

— Заплатит? — Тьёрви нехорошо прищурился. — Разве ваши жизни — недостаточная плата? Или ты не согласен? Тогда жду тебя на тинге. А может ты предпочитаешь суд конунга?

Вот теперь я узнаю старину Тьёрви. Не численный перевес делает викин-

гов непобедимыми воинами, а абсолютная готовность к драке. Плевать на то, что противник сильнее. С нами Один! Сегодня сражаемся здесь, в Мидлхейме, а завтра — в Валхалле! Один любит храбрецов!

Пегобородый сделал знак, и его сопалубники убрались с дороги. Более того, молодой, безбородый еще дренг привел моего коня. Вот это удачно. А то я уж подумал, что придется пересесть на заводную лошадку.

Жаль, доспехи Красавчика мне не достались. Хорошая у него броня. Была.

А стрелял всё-таки Скиди. Но и Вихорек тоже отличился. Подбил одного Красавчикова орла.

Вывод: может, стоит заняться пареньком? Слуга из него неплохой. Вдруг и воин получится? Если откормить немного...

Глава пятнадцатая, в которой Рагнар-конунг излагает свои планы в отношении нашего героя

— **А** ты храбрец, Ульф Черноголовый! — Рагнар Лотброк глядел на меня от куда-то с потолка. Рост почти два метра плюс подиум.

— Напал в одиночку на целый хирд. Верно, Тьёрви?

— Так и было, конунг, — отозвался Тьёрви. — Я только начал переговоры, а он — хоп! — и набросился на Красавчика. Прикончил его и налетел на других. Тор мне свидетель: будь этот хирдман чуть покрупнее, он в одиночку перебил бы их всех!

— А что я тебе говорил, отец? — подал голос Ивар, устремляя на меня свой холодный драконий взгляд. — Этот малыш — именно тот, кто нам нужен!

— Я тоже так думаю, — Рагнар качнул кудлатой головой. — Храбрый и удачливый. Именно такой и откроет нам ворота Парижа.

Ну да, пока мы ехали сюда, кое-что изменилось. Начать с того, что мы не нашли Рагнара ни под Руаном, ни в самом городе.

Рагнар, он резкий мужик. Руан пал и был разграблен. А старина Волосатые Штаны не стал терять времени и быстренько двинул на Париж, попутно потроша монастырские кладовки. Некоторым, как позже выяснилось, удалось откупиться. Рагнар не хотел тратить времени на мелочи. Его флот двигался вверх по Сене, к Парижу.

Тут бы королю франков и дать ему бой, решительный и беспощадный...

Но Карл промедлил и позволил Рагнару не только высадиться, но и занять позиции, удобные для обороны, но не слишком подходящие для кавалерийской атаки французских шевалье.

Рагнар ждал. Карл — тоже. У него было преимущество — городские стены. И терять это преимущество он не хотел.

Тогда Рагнар приволок из ближайшего монастыря сотню монахов и зверски казнил их на виду у парижан. Конунг рассчитывал, что разъяренный Карл бросится мстить, но франки по-прежнему сидели в городе. Хотя по словам местных, войск у Карла Лысого было более чем достаточно для хорошей драки.

Нет, Рагнар, конечно, с самого начала допускал возможность того, что столицу франков придется брать штурмом. Но сойтись с Карлом в чистом поле казалось ему куда более привлекательным. Он ведь далеко не дурак, Раг-

нар-конунг. Да, малость отмороженный, но с мозгами — всё хорошо. Реальную силу франков и он, и его сыновья вполне осознавали. Если норманы завязнут у Парижа, это Карлу только на руку. Пока войско викингов будет перемалываться под стенами, к Карлу подтянутся резервы. Франция-то — большая. Да и братья-соперники, Лотарь с Людовиком, плюнув на старые дразги, могут породственному подкинуть воинов.

Нет, зависать под Парижем Рагнар не хотел. Его вполне устроил бы выкуп. В конце концов именно за деньгами он сюда и пришел.

Поэтому он отправил к Карлу парламентеров с требованиями, на взгляд конунга, более, чем разумными. Двадцать тысяч фунтов серебра.

На мой взгляд, взгляд человека, у которого в загорелом лице одного только серебра более трех пудов, очень даже скромная сумма.

Но Карл пожабился. А может, не поверил в честность викингов.

Так или иначе, но имел место пат.

Карл сидел за стенами.

Рагнар — под ними. Но от штурма пока воздерживался.

И никакой «деловой активности», если не считать периодических встреч наших и франков для обмена на деньги наиболее важных пленников.

Никого не смущало, что выкупленный за три серебряных фунта шевалье встанет на парижские стены. Десятком больше, десятком меньше...

Собственно, сам Париж на меня большого впечатления не произвел. Предместья — какие-то жалкие хижинки, частью сожженные, частью — порушенные. Стены? Да, стены имелись. Было даже две линии обороны: одна — здесь, на берегу, а другая — на острове... Как его... Сите, кажется. Там — тоже стены, а повыше — макушка собора, хорошо заметная даже из лагеря норманов. Возделенный, но труднодостижимый приз. Можно завладеть Парижем, но взять остров — намного труднее. Мосты франки сожгут, а штурмовать стены с кораблей — весьма опасное удовольствие.

Нет, штурмовать город Рагнару не хочется. Пол-войска положить можно, если не больше. И не факт, что Париж удастся взять.

Это-то и останавливало Рагнара. Слава конунга, разграбившего Париж, ему бы не помешала, но не «слава» того, кто попусту оставил под стенами французской столицы половину воинов.

Вот в такой сложный период времени я и предстал пред светлы, аки студеная вода фьорда, очи Рагнара-конунга.

* * *

— Похож! Очень похож, не отличить!

Благородный Жерар, сын графа Бернара, вассала короля Аквитанского Пипина Пипиновича, глядел на меня с явным одобрением.

Я на него — тоже. Заматерел и окреп наш графенок. Даже по-моему в плечах раздался. Рожа обветрилась, кудри свалялись в войлок. Натуральный викинг. Вот только болтать по нашему так и не научился. Но я по-франкски уже более-менее понимаю. Вот с произношением — хуже.

Жофруа де Мот. Так зовут моего двойника.

Он — беллаторе, то бишь, личный телохранитель и доверенное лицо короля Карла Лысого. Наш ключик к воротам Парижа. То есть не он, а я.

По креативному замыслу Рагнара (конунги ничего не забывают), я должен сначала сам проникнуть в город под видом этого самого Жофруа, а затем обес-

печить проникновение норманов внутрь. То есть — открыть ворота. Хотя это — программа-максимум. А минимум — постараться выяснить настроение противника, его планы и чаяния. Беллаторе — лицо, приближенное к монарху. Отличное место для шпиона. Однако моего внешнего сходства с Жофруа де Мотом, из-за которого я в свое время едва не угодил в лапы Иваровых палачей, для полноценной «работы под прикрытием» было недостаточно. Имелся ряд серьезных проблем.

Первая — мой французский. С грехом пополам я мог понять, что мне говорят. Однако стоило мне самому открыть рот, как мое иностранное происхождение становилось очевидно.

Вторая проблема: я довольно хреново умел драться верхом.

Рубить и колотить на скаку — это отдельное искусство. И беллаторе должен был владеть им безукоризненно.

И наконец третья проблема: чтобы меня приняли за старину Жофруа, надо чтоб настоящего де Мота в этот момент в Париже не было. А он — был.

Ну, последний вопрос решать не мне, а вот уроки конного боя освоить — это моя непосредственная задача.

Учителя у меня были неплохие. Жерар Бернарович, один из лучших аквитанских турнирных бойцов, его пацаны, продвинутые в боевом конном спорте шевалье, и наконец пастырь-наставник юного Жерара Жирард де Кипри, вполне соответствующий своему имени[112].

Верховая езда — одно из главных умений, необходимых шевалье. Без овладения этим искусством нечего и думать соваться в логово Карла. Причем не просто езда, в целый спектр навыков, включающий вольтижировку (в доспехах!), безупречную выезду, конкур и другие полезные умения, которых у меня не было и овладеть которыми за считанные дни не представлялось возможным. В том числе и потому, что в базе подразумевалась идеальная связка «конь-всадник», а у меня с моим трофейным жеребчиком такого взаимопонимания не было. Так что длинным копьем я ухитрился попадать в цель лишь два раза из пяти, хотя цель была очень даже немаленькая. Копье-всадник-конь — единая система. Как танк. Попробуй-ка навестись на цель, когда механик-водитель поворачивать не умеет, а система управления огнем не предусмотрена.

Словом, очень скоро моим учителям стало ясно, что для ристалища я не годен. Во всяком случае без нескольких месяцев интенсивных упражнений.

Единственное, чему я мог более-менее научиться, это рубить с седла. Но и тут до мастера мне было — как до неба. Чтоб меня это удивляло! Истинные шевалье готовятся с шести-семи летнего возраста.

Одно утешало мое самолюбие: в пешем строю я стоил намного больше. И молодой Жерар и матерый Жирард в подметки мне не годились. Впрочем, как и большинству викингов. А толку?

Выход нашел Жирард де Кипри. Вспомнил, что один из его друзей как-то получил травму спины, которая не мешала ходить пешком, но вызывала изрядную боль при верховой езде. В этой очень удобной для меня болезни я с легкостью опознал радикулит. Бинго! Теперь оставалось только изыскать подходящий способ скрыть мой чудовищный акцент.

Глава шестнадцатая, в которой герой интенсивно готовится к миссии и попутно совершает добрый поступок

За всеми этими хлопотами я совсем позабыл о своем ученике.

Но он, дерзкий, напомнил о себе сам.

— Ульф, у меня есть к тебе разговор! — заявил мне ученик, появившись на тренировочной площадке.

— Срочный? — У меня не было ни малейшего желания останавливать тренинг. — Может быть вечером?

— Вечером ты будешь учить франкский с отцом Бернаром. А потом — спать.

Ну да, чистая правда.

— Ладно, говори.

— Нет, давай отойдем, — предложил Скиди, покосившись на кучку Жераровых аквитанцев.

Какой-то у парня напряг... Ладно, можно и отойти.

Мы удалились под сень деревьев. Судя по запаху дерьма, не мы не первые здесь уединялись.

Но Скиди на вонь было наплевать. Он сразу взял быка за рога.

— Ульф Вогенсон, что значит для тебя Орабель?

— А тебе что за дело? — вежливо поинтересовался я.

— Она — твоя наложница?

Я едва удержался от того, чтобы послать любопытного юнца в пешее сексуальное. Удержало только чрезвычайно серьезное выражение на физиономии Скиди. И запах дерьма, который мало сочетался с пылкими чувствами.

— В чем дело, Скиди? — холодно произнес я. — По делу говори.

— Хочу у тебя ее выкупить, — объявил мой ученик. — Отдам всё, что у меня есть.

Так, это уже совсем серьёзно. «Всё, что есть» — это немалый куш. Скиди — мой ученик, но при этом — полноценный хирдман. Одна доля в общей добыче. А учитывая, сколько всего мы нагребли во Франции... За такие деньжищи можно столько наложниц закупить... На драккар не поместятся. Тем более товар этот сейчас в избытке.

Но почему он спрашивает у меня? Орабель — свободная девушка...

Блин! Я опять мыслю критериями двадцать первого века. Я ее спас. Я привел ее в наше суровое мужское общество. И оставил в нем. А в каком еще качестве викинг может держать при себе взятую на поле боя девушку, кроме как в качестве наложницы.

Я задумался. Орабель — девочка хорошенькая. И картинка ее белой попочки, продемонстрированной мне в баронском замке, неплохо отпечаталась в моей памяти. Не скажу, чтобы у меня ни разу не возникало мысли повалить ее на травке... Что меня останавливало? Да именно то, что в здешнем обществе и объявляло ее моей наложницей. Ответственность. В моем понимании взять девчонку под покровительство, а потом воспользоваться ее зависимостью просто гнусно. Если бы она сама выразила желание... Но ведь не выразила. Случай в баронском замке — не в счет, раз больше ничего подобного не повторялось.

Но возвращаясь к предложению Скиди. Если викинг готов платить и пла-

тить много, значит дело серьезное.

— Зачем она тебе? — уже помягче поинтересовался я.

— Она мне по нраву, — не раздумывая ответил парень. — Хочу, чтобы была со мной. Если цена мала, я готов...

Я остановил его жестом.

— Кем ты ее хочешь взять?

— Женой! — Так же не раздумывая, ответил Скиди. — Мне она любя. Другой не хочу!

— Ты назвал ее моей наложницей. Это тебя не смущает?

Скиди мотнул головой.

— Если она родит от тебя сына, возьму его в род, — ответил он совершенно серьезно. Уверен, он обдумывал этот вопрос. Со всем скандинавской обстоятельностью.

— А если — дочь? — Мне было интересно, как далеко парень «прочитывал» ходы.

Скиди пожал плечами. Ну, дочь и дочь. Вот уж действительно безделица.

— Орабель не делила со мной ложе, — сообщил я. — А теперь скажи: ты подумал, как отнесется к ней твоя родня?

— Это дядя, что ли? — Скиди фыркнул. — Он ничего не скажет. Или я лишу его права управлять моим наследством!

Вот как? Резко. Бедный Полбочки. Чует мое сердце: выставит ему племянничек счет. В свое время.

— У нее нет приданого, — напомнил я.

— Почему ж нет? Есть.

Точно! Я же сам отдал остатки ценностей из бабкиной шкатулки.

Немного золотишка да камушки. И отцовский земельный надел, который принадлежит ей по праву. И он, Скиди, готов помочь ей это право реализовать.

Да уж. Практичный паренек у меня в учениках. Всё обдумал.

— Полагаешь, это больше, чем вся твоя добыча?

— Отдай мне Орабель! Я люблю ее!

Надо же, сколько страсти! Хорошо быть молодым...

— Пусть будет так, — сказал я. — И денег я не возьму. Считаю, это — подарок. Но одно условие: Орабель — не рабыня. Она должна сама дать согласие.

— Она согласится! — быстро ответил Скиди. — Спроси ее.

Конечно, она согласилась. Голубки сговорились за моей спиной. Даже Ви-хорек был в курсе. И отец Бернар. И мой побратим Свартхёвди. Который и посоветовал Скиди обратиться непосредственно ко мне, сам бы парень не рискнул.

— Я перед тобой в долгу! — торжественно провозгласил Скиди.

Угу. По жизни.

Но я не стал иронизировать. Лишь кивнул, признавая факт.

Вскоре мне предстояло отправиться в логово врага. Под прикрытием. В такой ситуации думают не о долгах, а о том, чтобы выжить.

— Ты не поедешь со мной в Париж, — плеснул я дегтю в бочонок радости моего ученика.

Ну да, знаю, что он рассчитывал выступить в роли моего оруженосца. Но я-

то с самого начала не планировал его брать: гордый, вспыльчивый, языка не знает, с виду — явный норман... И вот — подходящий повод.

— Ну я... Мне... — Скиди знал, что уговаривать бесполезно, но не мог не попытаться.

— Если нас убьют, кто о ней позаботится? — спросил я.

— Тебя не убьют, — живо возразил Скиди. — Ты — удачливый!

— А ты?

Парень задумался. Ничего, пусть привыкает к ответственности.

— Ты не поедешь. Это решено! — произнес я твердо. — Твое место займет Вихорек.

Тоже риск, но — меньший. Вихорек и на французском шпарит как на родном. Он — шустрый и храбрый, но без норманской глупой гордости. Одна проблема. Оруженосец — это кандидат в рыцари. Подготовка с тех же юных лет. В возрасте Вихорька оруженосец уже точно знает, с какой стороны взять меч.

Ладно, надеюсь до проверки боевых качеств не дойдет. Хотя подучить мальчика не мешает. Тем более, что я сам давно собирался...

* * *

— Тверже, тверже стойка! Рука выше... Клинок смотрит на меня, на меня... (Звяк!) Держать! Держать, малыш! (Звяк, звяк!) Ушел — возвращаешь! Вот так... Молодец! Ноги держи упруго! Землю чувствуешь? Молодец! А сейчас — отбив и шажок...(Звяк!) Короче шажок! Куда тебе торопиться? Я не овца, не убегу! (Звяк!) Вот так, хорошо! Еще раз! (Звяк!..)

Малыш меня определенно радовал. Упорством и данными. Конечно, это не Скиди, но рефлексы неплохие, координация тоже. Силенок маловато, зато характер есть. И желание. Мы натаскивали его вдвоем со Свартхёвди. Медвежонок сначала рожу кривил: обучать трэля воинскому искусству он полагал занятием пустым. Но я сказал ему: паренек родился свободным. Мы не знаем, кем был его папа. И кто была его мама, мы тоже не знаем, поскольку сам он ничего толком не помнит. Может он — сын воина, у которого боги отняли удачу?

— И кому нужен воин без удачи? — усомнился Медвежонок. — Его убьют в первом же бою.

— А кто сказал, что у малыша нет удачи? — я продемонстрировал Свартхёвди приподнятую бровь.

— А ведь верно! — воскликнул Медвежонок. — Попадись он мне, Стюрмиру... Да кому угодно, из него выжали бы всё, что он знает, а потом прирезали. Однако он встретил тебя, и ты его пригрел. Клянусь волосатыми лапами Тора, это и есть настоящая удача! Я тебе помогу!

И это тоже была удача, потому что Медвежонок обладал редким талантом преподавателя. Он умел объяснять и показывать, был терпелив и тактичен... Право, глядя на то, как сын Сварре Медведя обучает молодняк, я забывал, что Медвежонок тоже берсерк.

Да, малышу повезло. И Скиди, которого Свартхёвди тоже гонял. За компанию. Потому что дяде Ульфу было некогда. Дядя Ульф учился правильной франкской посадке (на большее я уже не рассчитывал) и всяким исконно франкским приемчикам, которые у северян не в ходу. Мы решили так: раз уж в полноценные рыцари не вывести, то надо хотя бы научить меня *производить вид* настоящего шевалье. Тоже не простая задача, если учесть что мой

двойник — не просто рыцарь, а рыцарский супермен. Другого король вряд ли взял бы в личную охрану. Тем более, что беллаторе — это ведь не просто эффективный бодигард, но при необходимости — военачальник уровня «старшего офицера». И еще член большого королевского совета. Словом, серьезная фигура. Не ферзь, конечно, но никак не ниже слона. Или коня, если учесть местную специфику.

Обучиться изображать рыцаря оказалось несравненно легче, чем орудовать большим копьем. Всего лишь пара дней — и я был готов.

Очень кстати, потому что Рагнар Лотброк наконец решил задачу размена фигур.

С самого начала наш конунг всерьез озаботился вопросом: как выманить из города моего двойника и организовать подмену. Время торопило. Окрестности были разграблены под ноль. Не только монастыри, но даже все сколько-нибудь зажиточные усадьбы. Предместья тоже лежали в запустении и руинах.

Вопрос фуражировки еще не стоял, но ведь — скучно. А скучать такой народ, как викинги, категорически не должен. Дисциплина падает.

Между тем интересующий нас беллаторе Жофруа периодически появлялся на городских стенах. Вопрос в том, как его оттуда достать?

Случай наконец представился. Вернее, этот случай был организован конунгом.

Где-то часа через три пополудни порядка двадцати викингов появились ввиду городской стены и устроили представление в норманском стиле. Вколотили в землю столбы, привязали к ним «руководство» одного из окрестных монастырей, настоятеля и еще четверых, и принялись пытаться несчастных. Демонстративно.

Примерно через час парижане не выдержали. Жалкая кучка норманов не показалась им слишком грозной, а других викингов поблизости не наблюдалось. Со стены.

Так что франки решились на вылазку. Городские ворота распахнулись, и оттуда вынеслась добрая сотня всадников. Тяжелая конница. Крутые доспехи, длинные пики, могучие лошади...

С грозными криками и развевающейся хоругвью с ликом Спасителя франкские шевалье устремились к палачам. Те тут же бросились наутек, не забыв, впрочем, добить своих жертв. Последнее лишь прибавило франкам прыти. Можно было не сомневаться: еще пара минут — и кавалерия стопчет разбойников...

Не стоптала.

Мне не довелось участвовать в этой схватке. Рагнар-конунг категорически запретил. Хускарлов у него хватало, а вот кандидат в шпийны был только один. Так что я выступил лишь в роли наблюдателя.

Зрелище было достойное. Когда между беглецами и преследователями оставалось метров триста ровного поля, мать-земля внезапно вспучилась и породила на свет добрых пять сотен викингов. Да не просто так, а с длинными крепкими копьями, способными запросто спешить любого всадника. Очень грамотное, кстати построение: щит к щиту, копыя — в упоре. Передний ряд целит во всадников, задний — в лошадей. Очень эффективно.

Франки не остановились. То ли не успевали, то ли попросту не захотели. Так что вся железная лава в плотном строю «торпедировала» норманский строй... И прошла насквозь. Не потому, что рыцари смяли тяжелую пехоту викингов (еще чего!), а потому что им был приготовлен еще один сюрприз. Строй раздался в стороны, и разогнавшаяся конница сходу полетела в ямы, из которых минуту назад выскочили викинги. И тут же, со всех сторон, на удививших в ловушку франков набросилось еще несколько сотен северян. Превосходящие силы викингов обложили шевалье со всех сторон и принялись лупить.

Никаких шансов. Выслать подмогу храбрецам король Карл не рискнул. Тем более уже смеркалось. А ну как поблизости скрывается всё норманское войско?

...В городе еще оплакивали участь своих героев, когда на качественной, вымощенной еще в древнеримские времена дороге, упиравшейся в главные парижские ворота, возник из крошечной тьмы заляпанный кровью рыцарь с маленьким пареньком-оруженосцем.

Глава семнадцатая,

в которой главный герой пробует себя в роли благородного шевалье

Карл Лысый действительно был лысым. Но это выяснилось позже. Сейчас на его голове был красивый круглый шлем с золотым крестом надо лбом и позолоченными надглазными арками. У короля были длинные усы, свисавшие по обе стороны умеренных размеров подбородка. В целом он мне понравился. Симпатичный крепкий мужик, в отличной физической форме.

— Рад, что ты жив, Жоф!

Я коснулся губ и сделал еле заметное движение в сторону Вихорька. Тот выступил вперед, упал на колени... Едва не упал.

Я ухватил паренька за плечо, пошептал на ухо.

— Мой господин — единственный, кого Бог спас от кровавых язычников. Он дал обет: отказаться от голоса, пока последний норман не покинет христианскую землю! — пропищал Вихорек. — А пока его голосом буду я, Ваше Величество!

Вот такую я фишку придумал, чтобы помалкивать. Еще мы с Вихорьком два дня изучали систему знаков, разработанную мной для удобства коммуникации. В критических случаях я собирался шептать ему на ухо. По-словенски и очень тихо. А уж переведет он сам.

Обет — это серьезно не только для язычников-норманов, но и для «просвещенных» французов образца середины девятого столетия от Рождества Христа.

Карл лишь кивнул, признавая этот бзик своего беллаторе.

— Я мог бы освободить тебя от обета, сын мой!

Ага! Судя по прикиду, передо мной большой церковный чин. Епископ Парижский, надо полагать?

Я коснулся своей головы, потом перекрестился по-католически, в манере отца Бернара, и качнул головой. Спасибо, не стоит.

— Жоф! Брат мой!

Это еще кто? Ну да ладно. Отвечаю печально-героической улыбкой. Мягко уклоняюсь от объятий.

— Мой господин ушибся, когда его лошадь упала в яму-ловушку, — поясняет Вихорёк. То есть теперь он — не Вихорёк, а Туссен. Хорошее благородное имя. У Вихорька тоже есть легенда, но ее мы пока озвучивать не будем. Успеется.

Ну да, и теперь у меня проблемы со спиной. Поэтому мне даже на лошадь не вскарабкаться.

— О, прости Жоф! Надеюсь ни обет, ни спина не помешают тебе отпраздновать твоё благополучное возвращение?

Чернокудрый красавчик в сверкающем нагруднике и таких пестрых тряпках, что мой раб Хавчик, взглянув на них, уписался бы от восхищения. И немедленно обрядил бы меня в такие же.

Кто же этот бодрый мужик... Пардон! Бодрый рыцарь? Вдруг это мой младший брат? Неужели виконт-графенок скрыл от меня такой важный аспект личной жизни Жофруа де Мота?

Одно радуется: жены у моего прототипа точно нет.

Еще одна печально-героическая улыбка. Отныне она станет моей фирменной.

— Так мы ждем тебя, брат! Завтра. У меня.

Мой внезапный родственник развернулся и эффектно (трехцветный плащ распахнулся, как крыло) взлетел в седло. И это — в броне! Вот бы и мне так уметь!

«Мы ждем!» Надо полагать, мне должно быть известно, где, кто и когда меня ждут.

Однако и король ждет!

Я «с трудом» опустился на колени и кивнул Вихорьку. Тот, как мы и договаривались, выдал трогательный рассказ о том, как придавленный убитым конем беллаторе несколько часов пролежал среди покойников, пока юный Туссен (его родителей убили норманы, а самого рассчитывали продать, но он сбежал) не вытащил беллаторе, из-под мертвого животного и не уволок в кусты. Слава Богу, стемнело так быстро, что норманы отложили грабеж покойников до утра... — Тут Вихорек прикинул по мне ухом, потом сообщил дрожащим голосом:

— Мой господин молит Ваше Величество о прощении за то, что не сумел уберечь его подданных!

— Это война, Жоф! — Карл сделал жест и двое его гвардейцев помогли мне подняться.

— Отправляйся домой, отдохни, — разрешил король. — Позже я пришлю за тобой.

Сильное предложение. Особенно если учесть, что я понятия не имею, где «мой» дом.

Но я нашел выход!

Едва гвардейцы меня отпустили, грохнулся в обморок.

Никто не удивился. Герой устал, что тут удивительного?

Подогнали носилки, погрузили «бесчувственную» тушку и понесли в «родные» пенаты.

Чуть приоткрыв глаза, я наблюдал. К сожалению, видел немного. Прыгающий свет факелов да темные стены. Иногда — еще более темные арки. Средневековый Париж оказался довольно вонюч. Зато жизнь на его улочках так и

кипела. До моих ушей то и дело доносились вопли разной эмоциональной окраски, чей-то хохот и прочие свидетельства бурной ночной жизни. Кто-то кого-то имел, кто-то кого-то резал...

Нас, впрочем, это не касалось. Король выделил достаточный эскорт, чтобы ночная столичная шушера прониклась должным уважением.

«Мой» парижский особняк особой роскошью не отличался. Трехэтажный домишко, стиснутый другими такими же. Внутри пахло немногим лучше, чем снаружи. Я сразу затосковал по вольному ветру дикой природы.

Но раз я «дома», самое время «очнуться».

— Господин! Господин! Что с вами?

Надо полагать, дворецкий. Или мажордом. Не знаю, как они здесь называются. Простолюдин, но одет прилично. И вид почтенный. Короткая стрижка, борода с проседью.

Я, само собой, помалкивал.

Носилки поставили. Я сел. Жестом показал, что люди короля могут быть свободны. Кивком поблагодарил гвардейцев. Интересно, надо ли дать чаевые носильщикам?

— Господин, я немедленно пошлю за вашим лекарем!

Вот неугомонный дядька! Только лекаря мне сейчас не хватало! Он-то уж точно определит, что я — фальшивка.

Энергичный жест: к дьяволу лекаря! И, жестами же, показал: вина и пожрать! Да побыстрее!

Требования удивления не вызвали. Надо полагать, они были типичны для моего двойника. Холодная жареная утка с овощами, хлеб, сыр и кувшин среднекачественного вина, напоминающего божоле, были поданы прямо в постель. Девушка, которая принесла мне этот поздний ужин, маленькая, остроноса, с пухлыми губками и черными кудряшками, выбивающимися из-под скромного головного убора, недвусмысленно дала понять, что готова стать десертом. Я вежливо отказался. Главным образом, опасаясь разоблачения. Может, в будущем...

Однако не успел я доесть свой ужин, как «дворецкий» доложил о прибытии лекаря. Вот только лекаря мне не хватало! Лекарь для меня похуже любовницы. Разоблачит на раз.

Послать доктора... к другим больным, распорядился я.

Не вышло. Медикус оказался личным врачом короля. И был прислан по высочайшей воле. Во как!

— Узнай, бывал ли он у меня раньше, — приказал я Вихорьку.

Нет, не бывал. Что ж, может и прокатит.

Королевский доктор оказался иудеем. То, что при этом он отвечал за здоровье одного из самых важных христианских королей, говорило в пользу его квалификации. Тем не менее «расшифровать» меня ему не удалось. Впрочем, он не очень усердствовал в осмотре.

На классическое «на что жалуемся?» я изобразил набор симптомов сотрясения мозга (опыт имелся) и пояснично-крестцового радикулита, который я неплохо знал благодаря родному дедушке.

Лекарь «проглотил» весь пакет дезинформации и отбыл, оставив мне горшочек с мазью и целый ряд рекомендаций, одна из которых оказалась очень кстати: пару недель не садиться в седло. За такой «подарок» я отблагодарил

лекаря парой монет.

Сутки я провел, изучая обстановку и обзаводясь самым необходимым.

В первую очередь — оружием.

Вдовадел пришлось оставить на попечение Скиди, а собственный меч настоящего де Мота потерялся где-то на поле битвы. Так что в Париж я пришел, считай, голым. В одних доспехах. Причем не своих, а де Мота. Впрочем, для Франции это была очень даже неплохая броня.

Как и ожидалось, у королевского бодигарда оказалась неплохая коллекция клинков. Поскольку мы с ним примерно одного роста и телосложения, то все они были мне по руке. Я взял лучший.

Домик у меня был трехэтажный. В «королевском» квартале. То есть в четверти часа пешком от резиденции короля. Той, что на берегу. Была еще одна — на острове Сите, но — поскромнее. Мой квартал считался привилегированным. Как позже выяснилось. Например метрах в ста от моей маленькой резиденции располагался дворец самого графа Парижского Адаларда. Словом, хороший домик. Небольшой, но довольно уютный. Я бы с удовольствием построил такой же в собственном поместье. Вместо традиционного скандинавского «длинного» дома. Еще бы центральное отопление наладить — и зиму на здоровье.

Прислуги у королевского телохранителя было немного. «Дворецкий», давешняя девушка и коренастая бабка, удачно сочетавшая обязанности кухарки и уборщицы. Еще она оказалась моей кормилицей. То есть не моей, конечно, а Жофруа. Все трое были моими рабами. Фамильными и преданными. Это и еще много полезных деталей выяснил Вихорек, ставший не только моим «языком», но и правой рукой. С ним говорили охотно, потому что знали: именно он вытащил господина (то есть меня) из-под кучи других трупов и, надрываясь, уволок в безопасное место, где я и очухался. А очухавшись, немедленно объявил мальчишку своим оруженосцем. От него же домочадцы де Мота узнали, что их господин мало того, что повредил спину, но и неслабо навернулся головой. Так что не стоит удивляться некоторым странностям его нынешнего поведения.

Еще Вихорек выяснил, кто был тот рыцарь, который назвал меня братом. И куда он меня пригласил.

Рыцаря звали Арманом. И он тоже был — беллаторе. То бишь личный королевский рыцарь-телохранитель. И троюродный брат покойного Жофруа.

Как и следовало ожидать, торжественное собрание личной королевской гвардии по поводу моего спасения переросло в грандиозную попойку. Я пил наравне с остальными, но держался скромно. Помалкивал. Все же удачный обет я себе придумал.

Лекарскую рекомендацию: две недели — на своих-двоих, в кругу моих друзей уже знали. Мне бурно соболезновали. Главные развлечения рыцарства Франции — война и охота. Всё — верхом.

А у меня с этим — облом. Минимум на две недели.

Квалификация королевского лекаря под сомнение не бралась, но всерьез высказывались мнения, что проклятый иудей мог выдать подобный «рецепт» исключительно с целью сделать гадость доброму христианину. При этих сло-

вах я невольно потрогал крест, еще недавно принадлежавший настоящему Жофруа де Моту. Надеюсь, Бог простит мне то, что я присвоил крест покойника. Тем более, это далеко не самый тяжкий из моих грехов.

По возвращении домой я совершил еще один грех. Плоть слаба. А у меня давно не было женщины.

Ивет (так звали девчонку) застала меня врасплох. Выпитое на дружеском пиру вино притупило мою бдительность, и проснулся я лишь тогда, когда юная француженка оказалась в моей постельке, а некая самостоятельная часть моего организма — у нее в кулачке. То есть выставлять ее за дверь было уже поздно.

Момент был острый. Во всех отношениях. Виконт Жерар уверял, что мое сходство с Жофруа де Мотом — практически полное. Я и сам в этом убедился, поглядев на покойника. Не только лицо, но и телосложение, и прокачка мускулатуры у нас были весьма близкие. Не удивительно: профессия-то одна. Различия, конечно, имелись. Например, грудь у меня оказалась поволосатее. Пришлось проредить. Довольно болезненная процедура, кстати. Другой набор шрамов на теле. И мозоли на ладонях несколько отличались — беллаторе ведь не приходилось вертеть весло.

А вот изучить мужские признаки покойника на предмет сходства и отличий мне как-то в голову не пришло. И прежде на этот счет я был спокоен, потому что знал: беллаторе не был женат, а о существовании малютки Ивет я понятия не имел.

Но пить боржом было поздно. Всё, что мне сейчас оставалось: тихонько лежать на спинке, предоставив девушке инициативу. Ее это, похоже, удивило. Но не остановило. Вероятно, она вспомнила о том, что господин болен.

Не скажу, что она была очень искусна в положении «дама верхом», но недостаток опыта вполне компенсировало усердие. Так что на финишную прямую мы вышли одновременно. А может девушка четко отреагировала на мой финальный аккорд. Тут ведь как: благородный господин в первую очередь заботится о собственном удовольствии, а что касается партнерши, то спасение утопающих — исключительно проблема утопающих. У барышни, как правило, чуть больше минуты на получение удовольствия. Потом господин удовлетворенно хрюкнет и отправит девушку за выпивкой.

— Нынче мой великолепный господин необычно сдержан! — пискнула мне в ухо маленькая птичка. — А посох его особенно силен и тверд!

Вот как? Надо полагать, что различия всё-таки имеются. Или это — обычный набор комплиментов социально зависимой?

Я жестами показал: говорить не могу, но она может щебетать. Я не против.

И крошка Ивет защебетала. И выщебетала просто море полезной информации. Например, что старый дворецкий очень удивлен, что я ни разу не поинтересовался моими животными: охотничьими псами, кречетом, лошадьми. Что старуха-кормилица считает, что я приложился не только спиной, но и головой, потому что гляжу на нее теперь как на колоду для рубки мяса. То есть недобрый у меня взгляд, ни хрена не ласковый, будто не она меня вскормила-вынянчила. Что мой оруженосец по манерам не тянет даже на пажа: аристократизма ни на грош. Сразу видно: не во дворце родился, а в крестьянской хижине. Простолюдин. И зачем такой оруженосец такому благородному

рыцарю, как я? Да, он спас господина, так дать ему немного денег — и все дела. Все вокруг искренне удивлены.

Но больше всего полезной информации я получил о своих сексуальных привычках. Напрочь лишенная стеснительности Ивет с удовольствием вспоминала, когда и каким образом мы с ней предавались греху блудодеяния. И неоднократно высказывала надежду, что «сильнее и крепче» сохранится и после того, как я окончательно поправлюсь.

Через полчаса мы еще раз повторили маленькое родео со мной в роли быка, и я отправил девушку спать.

Что характерно: развлекались мы, не снимая одежды. Надо полагать, такие здесь традиции. Очень удачные для самозванцев.

Еще один приятный момент: отсутствие в спальне моего зубастого покровителя. Старина Белый Волк, так некстати обозначившийся в келье разгромленного монастыря, этой ночью никак себя не проявил. Что, безусловно, радовало.

Глава восемнадцатая, в которой герой вызывает сомнения у короля и получает вызов на поединок

— Только прикажите, Ваше Величество, и мы втопчем в землю кровавых язычников!

Большой королевский совет, членом которого я являюсь. Тожеественный сбор представителей правящих классов. То есть дворянской и церковной элиты. Иные сословия (лидеры гильдий) присутствуют, но — в дальнем углу и без права голоса. Как я понимаю, на тот случай, если король изволит объявить новый налог. Чтоб налогоплательщики сразу оказались в курсе.

— Смерть им! Раздавим норманов, как улиток! Отрежем им головы и посадим на копья!

Эк раздухарились! Ну да, нет ничего проще, чем громить викингов, сидя на жопе в королевском дворце.

— Не дать им уйти! Справедливое возмездие постигнет...

Это кто ж у нас такой грозный? А, граф Парижский. Судя по тому, как зыркнул на него король — между ними не всё ровно. Нехороший такой взгляд у короля. Недобрый.

— Бог с нами! — Это уже епископ. — Бог укрепит и воодушевит...

Интересно, почему Бог не укрепил монастыри, которые мы разграбили? И не воодушевил жителей Руана, Нанта, Льежа и прочих городов, пока викинги резали мужей и осеменяли жен?

— Мы перекроем Сену ниже по течению! Потопим их проклятые корабли! — Это что еще за адмирал такой?

— Уничтожим их всех! — Чернявый длиннорукий рыцарь с Георгием Победоносцем на зеркале. — Вот главная цель! Чтоб никто не ушел!

Тоже, небось, какой-нибудь граф. Или — сын графа. Графских сыновей при Дворе полно. Так говорил мой главный консультант по королевскому окружению Жерар. Тоже, кстати, сын графа.

Но если отрешиться от самонадеянных заявлений участников совещания, королевский французский двор произвел на меня позитивное впечатление. Если сравнивать с норманами, это общество выглядело как то... цивилизован-

ней, что ли? Почему создавалось такое ощущение, сказать трудно. Точно не из-за одежды. «Обмотки» на ногах[113] многих присутствующих выглядели весьма забавно. Но если сравнить, допустим, Карла с Рагнарсом, то первый смотрелся настоящим королем, а второй — свирепым громилой, главарем разбойников.

И вообще в окружении короля было довольно много людей прям-таки интеллигентного вида. В свите Рагнарса подобных в принципе не водилось. Даже у музыкантов были физиономии убийц.

Диспут продолжался.

— Надо разделить войско! — веско заявил пегобородый, очень богато прикинутый франк из ближнего окружения Карла.

— Мы пойдем по обоим берегам Сены! — объявил этот стратег-оптимист. — Ни один язычник не вернется домой!

Ну не самоубийцы ли?

Я помахал рукой, привлекая внимание короля.

— Ты не согласен с герцогом, Жоф? — поинтересовался Карл.

Нет, я был не согласен. Категорически. «Армию делить нельзя!» — изобразил я жестами. Нам вообще не следует воевать. В языке жестов есть большой плюс. Оратора трудно перебить. Но есть и минус. Очень трудно донести до собеседника мысль более сложную, чем «да», «нет», «хочу», «не хочу».

Чтобы меня поняли, пришлось прибегнуть к помощи Вихорька.

— Мой господин говорит, — тонким, дребезжащим тенорком выдал мой «динамик», — что не следует делить войско. И вообще не следует воевать. Норманы пришли за деньгами. Надо дать им деньги — и они уйдут. Перестанут разорять страну.

Гробовая тишина. Интересно, что я такого сказал? Можно подумать, все эти люди не знают, что многие откупаются от викингов. Или среди них нет никого, кто выкупал бы попавших в плен родственников? Можно подумать, не было во Франции городов, которые откупались от завоевателей?

Молчание нарушил сам король.

— Ты предлагаешь не уничтожить язычников, а подкупить их? — Карл Лысый глядел на меня изучающе... Я бы даже сказал: с недоверием.

Честное слово, король, у меня нет намерения тебя подставить. Более того, ты мне нравишься. Я с удовольствием послужил бы тебе, а не потрошителю Рагнарсу, от взгляда которого обед в кишках скисает. Но так уж вышло, что я — на другой стороне. Но предательство — не в моих привычках.

— Жаль, что ты взял такой обет, шевалье. Я бы хотел услышать твой голос.

Я пожал плечами и вновь припряг Вихорька.

— У Вашего Величества много других врагов, — транслировал бывший пастушок. — Тех, кого не победить серебром.

Ага, зашептался народ. Кое-кто даже закивал с одобрением. Приятно видеть людей, для которых драка не является основным решением проблем.

Король задумался. Врагов у него действительно было немало.

Но тут снова вылез агрессивный герцог. С той же темой: напасть, окружить, уничтожить.

«Чтобы разбойники не могли сбежать от наказания!» До чего лживая формулировочка! Не о наказании ты думаешь, господин герцог, а о драгметаллах, которыми набиты корабельные сундуки Рагнарсовых драккаров.

Побегут они, как же! А уж делить войско пополам — вообще бред.

Да Рагнар премию выпишет за такое, блин, предложение!

Король думал. Советники переговаривались...

И тут один из рыцарской братии встал, ткнул в меня пальцем и выдал краткую речь, суть которой сводилась к тому, что беллаторе де Мот празднует труса. Получил по репе от язычников и теперь мелко гадит при одной мысли о новой встрече с норманами!

Вот это уже обидно. Как бы на этакое оскорбление отреагировал настоящий де Мот? Судя по тому, что я о нем уже знаю: резко. Правда, мне неизвестно, в каких он отношениях с этим усатым типчиком. А я даже имени его не знаю.

Я тоже встал. Окинул усатого презрительным взглядом. Продемонстрировал оппоненту средний палец. И сел.

К моему удовольствию смысл жеста до усатенького дошел. И вызвал новую тираду. Я понял примерно половину, потому что орал он хоть и громко, но слишком торопливо и невнятно. Однако суть я уловил. Усатый предполагал встретиться с ним на ристалище, когда мои раны перестанут меня беспокоить. И там он покажет, что я не только трус, но и слабак. В сравнении с ним. Как он уже неоднократно это доказывал.

Усатенький разорвался бы еще долго, но вмешался королевский сенешаль [114], указав на неуместность подобных речей на королевском совещании.

Однако мне показалось, что сам Карл поглядел на меня с удивлением. В чем я опять накосячил? И что это гражданин виконт вдруг на меня наехал? Мы что, личные враги?

Выяснилось это позже. Когда совещание закончилось и я оказался в кругу друзей.

— Тебе следовало промолчать, — укоризненно произнес мой брат Арман. — Виконт де ла Брис вышибал тебя из седла трижды, а это было еще до того, как ты затеял шашни с его кузиной.

Я поднял бровь, мол, с чего ты взял, что дело в кухне?

Арман понял правильно.

— Де ла Брис не от кого не скрывал, что хочет оказаться в постели Филиси. Думаешь, ему по нраву, что там оказался ты?

О как! А мой двойник — ловелас, оказывается? Господи, разве это справедливо, если меня убьют за то, что мой двойник кого-то соблазнил?

Я пожал плечами... И увидел, как усатенький виконт с друзьями выходит на площадь. Наши взгляды встретились и усатый, гнусно ухмыльнувшись, сделал такой жест, будто перерезает кому-то горло. То есть не кому-то, а мне!

Ах ты ублюдок! Я ухмыльнулся не менее гнусно и вновь продемонстрировал мсье виконту средний палец.

Рожу усатого перекосило, он растолкал дружков и решительно направился ко мне.

Да, с дикцией у него определенно проблемы. А тут еще скороговорка два слова в секунду: с брызганьем слюной и демонстративным хватанием за меч.

Ни хрена не понял. Да и понимать тут нечего, так что я и не слушал. Прикидывал боевые и технические характеристики виконта. Рост примерно мой, даже чуть поменьше. Ноги кривые, но мускулистые. Плечевой пояс, предпле-

чья — на уровне. Боец, вне всяких сомнений. Двигается резко, быстро, импульсивно. Наверняка и сражается так же... Будем надеяться. Интересно, как он в пешем строю? Готов поклясться, что до лучших наших бойцов ему далеко. Значит, трижды меня из седла выбивал? То есть не меня, а Жофруа. Но я ведь не собираюсь устраивать с ним конный турнир...

Хотя речь шла именно о турнире. Виконт обещал убить меня, как только я осмелюсь с ним сразиться.

Я поймал встревоженный взгляд Армана, улыбнулся, положил руку на эфес, чуток вытянул меч и поглядел на виконта.

Понятливый здесь народ. Сразу видно — профессионалы. И любители. Большие любители. Мгновение — и мы уже в кругу заинтересованных зрителей. Просторном таком кругу.

Вжик! — И мой оппонент уже с клинком наголо. Хороший клинок, однако. Ничуть не хуже моего. Если не лучше. И броня у виконта можно сказать — элитная. Кольчуги здесь — большая редкость. Импортный товар.

А на мне даже доспехов из арсенала де Мота не имеется. Не думал, что пригодятся. Можно снять плащ и намотать на левую руку... Но то, что хорошо против ножа, не защитит от клинка из «сварного булата». Неудачно получилось. Я предпочел бы, чтоб мой тренированный торс защищало что-нибудь поосновательнее, чем красивая рубаха с шелковой вышивкой.

И еще одна проблема, которую следует помнить. «Травма» спины логично «изменила» мою походку. Но манера сражаться для профи — как визитная карточка. Можно не сомневаться, что мой стиль боя решительно отличается от стиля моего «двойника». Никакая травма не способна оправдать такую трансформацию, а здесь слишком много тех, кто видел Жофруа де Мота в деле. Значит, поединка быть не должно. Я должен свалить виконта первым же ударом. Вопрос — как? Есть идеи?

Виконт сходу в бой не бросился. Может, ждал, как джентльмен, пока я обнажу оружие? А может, прикидывал, как тяжела моя травма и какие бонусы на этом можно получить. Вот только я уже знал, что характер у ревнивца отнюдь не нордический.

«Струсил?» — вновь беззвучно шепнул я с насмешливой улыбочкой.

Вероятно, виконт умел читать по губам. Вмиг встопорщил усы и кинулся...

Есть!

Я умею очень быстро извлекать оружие. И сразу пускать его в ход. Превосходный удар у виконта! С двух рук, мощно, резко... Попал бы — от меня только брызги полетели бы. Но я привык к мощным ударам. Скандинавы — они мощнее тебя, виконт.

Мой меч успел вовремя. Парировал я жестко и тоже двумя руками: причем левая — обратным хватом. И резко вниз, оголовьем рукояти — в выставленную вперед ногу. Всем весом — в колено.

Хрусь — и пополам. Ну не пополам, конечно, но мало не показалось. Виконт взвыл, а я, выпустив собственный меч, наработанным движением перехватил виконтову правую руку. Болевой — и меч виконта у меня. Ласково улыбаясь, прижал ревнивцу лезвие к кадыку. Сдаваться будем?

Нет, не будем. Сдохнет, но не сдастся. Зарезать галльского петушка? Но как к этому отнесется общественность? Король, к примеру? Опыт жизни среди викингов научил меня: убивать авторитетных воинов — чревато. Кровная

месть — наверняка. Еще и деньгами накажут...

Как всегда, выход нашелся. И как всегда — довольно рискованный.

С той же ласковой улыбкой я вложил отнятый меч в ладошку виконта и шепнул ему на ушко, очень надеясь, что мой чудовищный акцент будет списан на боевую горячку:

— Брат Филиси не будет убит мной...

Засим — шаг назад с одновременным подхватыванием с земли собственно-го меча.

Набросится или нет?

Не набросился. Расцвел, поклонился галантно. Выдал коротенькую речь в честь моей чести. И прихрамывая двинул восвояси.

Надо полагать, мы теперь друзья? Кузина Филиси мне прощена?

Хорошо иметь дело с рыцарями.

Не успел я вложить меч в ножны, как оказался в окружении Армана и прочих беллаторе. Благосклонно принял поздравления. И приглашение на вечернюю попойку. На этот раз у беллаторе Филиппа де Люза. Интересно, когда наступит моя очередь?

Глава девятнадцатая, в которой герой знакомится с очаровательной любовницей беллаторе Жофруа

Однако я его понимаю. Теперь понимаю. Малышка Филиси действительно оказалась хорошенькой.

Не успел я справиться с обедом, как в дом, унаследованный мною от беллаторе Жофруа, прилетела ее служаночка с вестью о том, что госпожа страстно желает меня поблагодарить за то, что пощадил ее любимого кузена.

Я не стал противиться. К тому же любопытно было взглянуть на ту, из-за которой меня собирались убить. Настолько любопытно, что я даже пренебрег угрозой разоблачения. Да и нехорошо отказывать женщине.

Понимаю виконта. Рыженькая, зеленоглазая с румяными щечками, губками цвета недозрелой вишни и очаровательными веснушками. К тому же чистоплотная — Филиси приняла меня в ванной. Вернее, в корыте. Большом таком медном корыте, наполненном горячей и душистой водой. Плавающие в воде розовые лепестки и тончайшая ткань пеньюара укрывали большую часть прелестей кузины виконта де ла Бриса. Но кое-что оставалось доступно заинтересованному зрителю. Например, облепленные розовым батистом перси минимум третьего размера.

— Иди же сюда, скорее!

Джентльмены не вправе отказывать дамам. А беллаторе — это больше, чем джентльмен. Это — рыцарь. Хорошо, что у меня вчера побывала Ивет. И сексуальный голод поубавила, и кое-каким полезным вещам научила. Например, я догадался, что снимать исподнее не обязательно.

Я быстренько скинул лишнее на ларь у стены, положил меч на табурет около ванны и окунулся в горячую водицу. Эх, хорошо!

Знаками я показал: мол, обет запрещает мне вести светскую беседу.

Филиси была в курсе. Что ж, заявила она, в таком случае ты будешь пить и слушать. И собственноручно налила мне вина. При этом у меня появилась

возможность убедиться: хороша у Филиси не только грудка.

Благородная француженка трижды звякнула в колокольчик. И в комнату заявились еще две девушки. Одетые. С музыкальными инструментами. Ну да, музыка здесь только живая.

Девушки заиграли, Филиси запела. Пела рыженькая просто очаровательно. Я заслушался настолько, что даже упустил миг, когда маленькая ножка... Впрочем, это — интимное.

Филиси пела, я пил. И наслаждался. Ей-богу, жизнь французского аристократа мне нравится. Может мне так и остаться беллаторе?

Нет, норманская сторона мира мне всё же милее. Разве может сравниться эта сладкоголосая красуля с моей Гудрун? Да никогда в жизни! Не говоря уже о клятвах, которые я принес...

Но расслабиться и получать удовольствие — законное право победителя. Маленькие радости походной жизни...

Потом было совсем хорошо. Служаночки подлили нам в корыто еще пару ведер кипятка и (да здравствуют приличия!) удалились за ширму, где и продолжали наигрывать и напевать, пока мы с их госпожой играли в более откровенные игры.

Огорчило меня лишь одно: с контрацепцией здесь дела обстояли — не очень. А рыженькая Филиси очень опасалась забеременеть.

Но и с учетом названных ограничений всё получилось неплохо. Зеленоглазая крошка оказалась на удивление выносливой и силенок в этом теле, таком нежном и мягком с виду, оказалось более чем достаточно. И еще один плюс: подмены она не заподозрила. В этом я был уверен, потому что очаровательный ротик Филиси можно было заткнуть лишь поцелуем. Всё остальное время она безостановочно щебетала, комментируя всё подряд: мою и свою внешность, качество игры служанок, последовательность интимных действий, резвость ее новой кобылы, ее собственную резвость, возросшую стоимость благовоний на столичном рынке, необходимость сдерживаться во избежание нежелательных последствий (с надоедливой периодичностью), печальную судьбу неизвестных мне девиц, которые этих последствий не избежали, своего предыдущего любовника (священнослужителя, между прочим, но такого красавчика), свой будущий брак (кстати, почему бы именно мне на ней и не жениться? Папá, скорее всего будет не против), замечательное платье королевы, на которое пошло столько шелка, что хватило бы... Ну и так далее. К сожалению, я не мог полностью пренебречь этим щебетом. Время от времени в этом потоке проскакивали и полезные сведения. Например, о родственниках моего «двойника». Или о политическом раскладе при дворе Карла.

Словом, если болтун — находка для шпиона, то болтушка — настоящий подарок.

Нет, хорошо, что я не убил кузена де ла Бриса. Не то Филиси пришлось бы надеть траур, а я лишился бы не только телесных утех, но и новостного источника, сравнимого с Интернетом по мощности информационного потока. Впрочем, доля полезной информации в милой болтовне Филиси была примерно такая же, как в большинстве новостных лент.

Я обнимал рыженькую француженку, слушал мелодичный щебет... и думал о Гудрун. Нет, меня не мучили угрызения совести. Тем более, что Гурдун вряд ли сочла бы мои развлечения с Филиси изменой. Так женщина двадцать

первого века не станет сердиться на мужчину, если тот, не имея возможности заехать домой пообедать, перекусил в кафе. Но, блин, как я тосковал «по домашней кухне»!

Филиси выпросталась из моих объятий и звякнула в колокольчик.

Тут же набежало полдюжины с полотенцами и халатами. Однако полюбоваться фигуркой рыженькой француженки мне не пришлось. Она целомудренно удалилась в другое помещение, оставив мне пару служанок — для обслуги.

Девушки деловито сняли с меня мокрое, выловили из корыта портки, вытерли меня насухо, надели сменку (как раз мой размер), расчесали, запаковали в верхнюю одежду, опоясали мечом, в четыре руки расчесали гриву и бороду и проводили к столу. Всё — менее, чем за пять минут. Вот это профессионализм!

И я наконец понял, что мне напоминает мое пребывание в Париже. Отпуск! И не надо удивляться. Просто представим себе такую ситуацию: человек одиннадцать месяцев пашет в крайне суровых условиях. Например, бьет шурфы в тайге или моет золото на севере. А на двенадцатом покупает путевку на куда-нибудь в Коста-дель-Соль, в пятизвездочный отель... Вместо холода, гнуса, сырости и заскорузлой роботы — солнце, море, белый костюм. Вместо закопченного котелка и кружки с пробкой в ручке — скатерть, приборы, вкусная еда, вино из большого бокала. А еще цветы, зеркала, сверкающая ванная и услужливые чистые девушки...

Вот именно это я и имею в виду.

Глава двадцатая,

в которой выясняется, что уверенность в собственном превосходстве и расположении Всевышнего еще не гарантия победы

О французском короле я был лучшего мнения. Идиотская идея разделить войско — восторжествовала.

Отчасти мне была понятна французская самонадеянность. Регулярная армия — против каких-то дикарей-язычников.

Да еще превосходство в численности изрядное.

В Париж подтянулись кое-какие резервы. Вассальные графы-бароны, прослышавшие о богатствах, которые нахпали норманы, решили поучаствовать в общем празднике. Опять-таки Бог, несомненно, на стороне франков. Ну да, эти морские разбойники захватили пару-тройку городов, но как можно сравнивать местные гарнизоны с настоящим войском?

Пока армия короля готовилось к победе, норманы грабили окрестности Парижа. И активно торговали элитными пленными. Франки не жадничали — выкупали. Надо полагать, рассчитывали всё вернуть после победы.

Настроение в столице было приподнятое. В успехе никто не сомневался. Франкские шевалье, еще не убившие ни одного викинга, авансом купались в славе. Мои «друзья» во главе с белаторре Арманом всерьез прикидывали будущие дивиденды. В общем, христианское французское воинство не слишком отличалось от языческого скандинавского. И те и другие были мастаки насчет дележки виртуальной медвежьей шкуры.

Но шансов у последних было несомненно больше.

Еще и потому, что у норманов в ближайшем окружении Карла имелся

шпион. Я.

А я был необычайно доволен собой. Что ни говори, а вероятность моего успешного внедрения была невелика. Мое внешнее сходство с беллаторе Жофруа открывало мне доступ в Париж, но в мои планы не входила активная жизнедеятельность. Я намеревался играть роль тяжелобольного инвалида, а тут всё так лихо закрутилось.

Если по уму: мне сейчас надо валить.

Открыть в одиночку охраняемые ворота города, всё равно какие, — задача нерешаемая.

Искать союзников? А как?

Нет, в городе наверняка немало народу, готового на всё за хорошие бабки. Но как прикажете этот народ искать?

Спуститься на городское «дно» с мешком серебра?

Так и насмерть утонуть можно.

У меня нет возможности зарыться в какую-нибудь нору, и действовать осмотрительно и неторопливо. А чем дольше я нахожусь среди людей, знавших Жофруа де Мота, тем больше вероятность моего разоблачения. Склонен думать: меня до сих пор никто не раскусил лишь потому, что подобное никому в голову не могло прийти. Кто здесь мог представить, что место беллаторе Жофруа может занять подменьш? Если не принимать во внимание разные сказки о ведьмах и троллях, здесь подобное просто не практикуется. Надеть на себя чужие тряпки и обмануть стражу? Да запросто! А сыграть чужую роль, причем роль человека, хорошо известного обществу? Абсурд!

Чем дольше я думал над самой идеей моего внедрения, тем яснее понимал, насколько мне повезло. Каким местом я сам думал, когда соглашался?

Хотя нет, моя наглость как раз вполне понятна. Я ведь и сам что-то типа подменьша. И вон как преуспел. Отсюда и наглость. И уверенность в том, что всё получится. Как всегда.

Тем более, мы целую неделю, пока ехали к Рагнару, выдавали себя за шевалье...

«Вали из города! — говорил мне разум. — Сейчас — самое время! Ты принеешь Рагнару весть о глупом плане короля разделить армию! Разве этого мало? Хватить испытывать свою удачу!»

Но доводам разума я не внял.

Мне очень нравился мой отпуск в Париже. И я собирался задержаться здесь еще на пару дней.

В конце концов я могу покинуть город в любую минуту. Десятки свободных вояк покидали Париж, недовольные королевской политикой. Другие вояки прибывали в город, чтобы поискать славы и денег. Была у меня даже мысль: замаскировать десятка три викингов под франков и тайком провести в Париж. При условии, что их будет возглавлять самый настоящий беллаторе, эта задача — ничуть не сложнее моего внедрения. Зато с такой командой я бы наверняка сумел захватить ворота...

Вопрос: а хочу ли я это сделать?

Ответ: нет.

Я совершенно точно не желаю, чтобы викинги вошли в Париж.

И буду очень доволен, если сумею уговорить короля откупиться. Как это

было под Анжером. Я буду очень-очень доволен, потому что, согласитесь, спасти от резни целую столицу Франции — это круто!

Вот только как уболтать короля, если ты принял обет молчания?

— В общем так, Вихорёк, — напутствовал я своего оруженосца. — Твоя задача — сообщить нашим, чтобы порадовали конунга. Ему не придется штурмовать Париж. Король намерен атаковать сам. Причем двумя армиями, по обеим берегам Сены. Начнут завтра-послезавтра. Дальше Рагнар сам разберется. И постарайся, малыш, чтобы тебя не убили.

— Не сомневайтесь, мой господин. Я всё сделаю.

— Двигай! — Я хлопнул лошадку по крупу, и Вихорек галопом догнал группу парламентариев с выбеленным щитом на палке, в данном случае вполне заменявшем атрибутику герольда.

Лошадка под Вихорьком была из моей конюшни. Сама конюшня располагалась за пару улиц от моей резиденции. Это была конюшня графа Парижского, у которого Жофруа арендовал полдюжины стойл. Псарня была подалее. В соседнем квартале. Там же — любимые охотничьи птицы Жофруа де Мота.

Я туда не совался. Хоть и говорят, что охотничьи псы преданы тому, что их на охоту водит, но мало ли...

А вот в конюшню заглянул. Любимый боевой жеребец Жофруа погиб на поле брани вместе с хозяином. В депозите осталось пять лошадок. Четыре — для общих нужд, шестой — молодой рыцарский конь, купленный беллаторе сравнительно недавно. Я попытался наладить с ним контакт с помощью фруктовой взятки. Жеребец отнесся к подачке благосклонно. Глядишь, договоримся. Лошади ничуть не глупее собак. А рыцарские вдобавок отличаются исключительной преданностью хозяину. У меня была возможность в этом убедиться, когда мы «осваивали» трофейных коней.

Но вернемся к моему оруженосцу.

Намечалась очередная миссия по выкупу пленных. Вихорек вступил в ее ряды с горсткой серебра в кармане — моей долей в общем благотворительном фонде.

Пока они выезжали из города, я успел подняться на стену и получил возможность наблюдать за процессом.

По ту сторону рва «покупателей» ожидала группка викингов с дюжиной пленных в потрепанных одеждах церковных иерархов. Присмотревшись, я обнаружил в числе «продавцов» моего Скиди. Удачно получилось. Вот и думай после этого, на чьей стороне Высшие Силы...

Уверенный в успехе операции, я слез со стены и двинулся по узенькой улочке к дому моей пылкой маленькой Филиси.

По опыту я знал, что торговаться франки и викинги будут часа три, не меньше. Как раз успеем разок-другой перепихнуться и перекусить. Повар у Филиси — не чета моей бабке-кухарке.

* * *

В битве я не участвовал. Больной потому что.

Зато со стены наблюдал процесс во всех деталях. Лагерь викингов. Сотни заплонивших Сену кораблей. Оба франкских войска, выступивших одновременно из двух ворот. Сотни рыцарей, тысячи конных, десятки тысяч вояк по-

проще. Военное знамя короля, знаменитая Орифламма, алая с золотом, пламенела над «группой войск», нацелившейся на лагерь Рагнара. Величественное зрелище.

Вторая армия, попроще, предводительствуемая тем самым герцогом, что активно ратовал за разделение войска, ползла по противоположному берегу. Задача: блокировать попытки разбитых королем норманов ускользнуть на ту сторону Сены.

Лагерь викингов: изрядных размеров поле, огороженное частоколом, снизу не просматривался. Зато со стены можно было рассмотреть кое-что. Например, отсутствие знамени Ворона над самым большим шатром.

Однако насторожить короля должно было не это. Знамя — пусть. А вот то, что у ворот лагеря не было никакого шевеления, озаботило бы любого, кто хоть чуть-чуть знал Рагнара и его воинов.

Не в стиле норманов отсиживаться в укрытии, когда враг идет на них. Прямо сейчас викинги должны выбежать из лагеря и быстренько выстроиться в боевой порядок.

А вместо этого — отходящие от берега драккары. Королевские рыцари тоже увидели это «бегство» и так обрадовались, будто уже победили.

Я услышал громогласные ликующие вопли (еще бы — враг бежит еще до начала сражения!) и увидел, как конница прибавила ходу, отрываясь от пехоты. Будь с фланга у королевского войска какое-нибудь укрытие, я бы предположил возможность засады. Но на добрых две мили — ничего, способного укрыть войско.

Корабли викингов продолжали отчаливать. Четко, быстро, системно. Мало похоже на бегство. Весь огромный флот пришел в движение. Очень слаженно. Первые уже миновали середину реки, когда доблестные шевалье подскочили к лагерю. К этому времени на песочке остался лишь один-единственный кнорр. Вероятно, серьезно поврежденный. И ни одного викинга.

На противоположный берег отправилась вся армия Рагнара-конунга!

Королю и его рыцарям осталось лишь наблюдать за тем, как норманы высаживаются на том берегу и выстраиваются для битвы. Идиотский замысел разделения войска привел к ожидаемому результату.

Будь в голове французского военачальника побольше мозгов, он скомандовал бы отступление. Но герцог был уверен, что его латная конница запросто стопчет каких-то пеших язычников. И протрубил атаку.

Атаковать строй викингов — все равно что идти в кавалерийскую атаку на танки. Даже при встрече со значительно превосходящими силами норманы были практически неуязвимы. Выстраивались кругом или прямоугольником в две линии. Щит к щиту, тупые концы копий — в землю. Добро пожаловать в ад.

В общем, атака прошла с ожидаемым результатом. Герцог пал. Вместе с ним полегло несколько десятков шевалье. Остальные экстренно тормозили. Пехота, которой полагалось ворваться в пробитую брешь, топталась на месте... Лучники, правда, продолжали осыпать северян стрелами, но урон был ничтожный. Хорошие доспехи, крепкие щиты, отменная выучка...

Армия Рагнара двинулась. Грозный рев викингов докатился до парижских стен. Франки побежали. Их было много. Никак не меньше, чем северян, если считать по головам. Но головы уже отключились. Пришли в действие ноги.

Однако и с бегством не вышло. Пока лишённые руководства франки зависли перед норманским строем, часть драккаров поднялась вверх по течению и высадила десант, отрезавший франков от города.

И началось то, что норманы умели делать очень хорошо. Резня.

Представляю чувства Карла, наблюдавшего за тем, как почти треть его войска была зажата в клещи и методично уничтожалась.

Ужасные вопли убиваемых время от времени прорывались сквозь грозный гул битвы.

Могучие кони королевских рыцарей стояли по бабки в воде. Казалось, они готовы вплавь пересечь Сену...

Но это было невозможно. Лучшие пловцы этого времени, норманы умеют плавать вооружёнными. Но в легких кольчугах, а не в тяжелой броне. Нет, франкские рыцари не войдут в реку. Чтобы помочь своим, королевским рыцарям придется вернуться в Париж, затем по мостам перебраться сначала на Ситэ, а уж потом — на противоположный берег. К этому времени вторая армия уже будет уничтожена. Подставить уцелевшее войско под удар победителей? Нет, Карл на такое не пойдет.

Осознав тяжесть положения, франки, и рыцари, и простые солдаты, сдавались в плен. Каких-то полчаса — и всё. Битва закончена. Осталось лишь рассортировать трофеи и определиться с «живым товаром».

А уцелевшая армия даже лагерь викингов не разграбила. Да и грабить там было особо нечего. Разве что пустые шатры попортить.

* * *

Вернувшийся в Париж король, мрачный и злой, собрал совещание «на высшем уровне».

Те, кто недавно сравнивал норманов с улитками, помалкивали. Партия «растопчем язычников» изрядно поредела. Примерно треть улиткоборцев по независящим от них причинам не смогла явиться на зов короля.

Гнетущее молчание длилось довольно долго. Нарушил его король.

— Нам понадобятся деньги, — заявил Карл. — На выкуп. Хочу услышать от вас, где их взять.

Все оживились. Зашумели. Но собственно денег никто не предложил. Даже церковь. В основном речь шла о том, чтобы назначить специальный налог. На спасение христиан из языческого плена.

Я в обсуждении не участвовал. Но — прислушивался и думал: тысяча лет пройдет, а власть останется такой же. За все ее косяки будут расплачиваться те, кто внизу. Причем — с лихвой. Я сидел в пяти метрах от короля и слышал его тихий диалог с шамбрье, королевским казначеем. Оба считали, что повод для сбора налога достаточно уважителен, чтобы не вызвать волнения в народе. И оба сходились на том, что большая часть внепланового сбора должна осесть в королевских сундуках. «Больше бабла!» — вот девиз почти любого правления. Главное — чтобы был повод и чтобы народу не отвертеться. Вот наш Петр Первый, помнится, даже налог на личные бани учредил, справедливо рассудив: русскому человеку без бани — никак.

Вопрос с новым «языческим» налогом был решен весьма оперативно. Оставалось лишь собрать деньги и передать их кровавым язычникам в обмен на

«цвет французского рыцарства».

Но Рагнар-конунг принял другое решение. Он разом избавил Его Величество Карла от необходимости выкупать благородных пленников.

* * *

Рагнар их повесил. Повесил всех рыцарей, оказавшихся у него в плену. Наверное кого-то — уже мертвым, потому что вряд ли их было ровно столько, сколько нужно. А нужно было сто одиннадцать. «Счастливое число», угодное Одину.

Так или иначе, но любой поднявшийся на парижскую стену мог видеть островок посреди Сены, на котором конунг устроил массовое жертвоприношение. Сто одиннадцать повешенных. Хорошая пожива для «птиц Одина». Впрочем, вороны и без того не имели недостатка в пище: викинги не стали утруждать себя похоронами убитых французов.

**Глава двадцать первая,
которая начинается с большой политики, а заканчивается смертью
хорошего человека**

Я еще раз поприсутствовал на Королевском Совете. Жалкое зрелище. Если в первый раз господ рыцарей буквально пучило от храбрости, а во второй — от желания за чужой счет спасти своих соратников, то теперь господ благородных франков объяло уныние пополам со страхом. Всерьез обсуждался вариант — забрать всё ценное и покинуть Париж. Укрыться в монастыре Сен-Дени, защитить который будет намного легче. Мол, жизнь короля и его казна дороже какой-то там столицы. Что характерно, никто из присутствующих (включая командира городской стражи) не собирался оставаться в брошенном городе. Пусть норманы насытятся кровью парижан. Глядишь, и подорожее станут.

Моя симпатия к средневековому рыцарству заметно поубавилась.

Правда, сам король идею бегства пока не поддержал. Даже более простой вариант: перебраться на остров Сите и отсидеться там. Не поддержал, но и не спорил. Позволил своим вассалам высказаться — и закрыл заседание.

А примерно через час собрал другой совет. Малый.

Я тоже на нем присутствовал. Не в качестве советчика — охранником. На пару с другим беллаторе мы стояли по обе стороны королевского трона, немые и грозные, дабы никто не покусился... Но уши мне никто не затыкал.

В Малом Совете тоже витала аура уныния и страха. Но статус участников был выше эмоций. Здесь собрались те, кто действительно правил Францией. Здесь не было графа Парижского, зато присутствовали дворцовый граф с сенешалем. Был здесь и монах-канцелярий[115], и шамбрье (министр финансов), и еще человек пять, включая епископа Парижского.

В переложении на более простой язык общение правящей элиты выглядело примерно так.

— Помощи от Людовика не будет, — сказал один.

Обрамленная короной лысина чуть качнулась. Король был того же мнения.

— Пипин Аквитанский, — произнес другой. — Его знамена видели в войске язычников. — Это он привел их.

— Нет, — Солнечный луч сверкнул отразился от драгоценного камня и зайчиком спрыгнул на загорелую лысину. — Шакалы не правят волками. Одни

лишь бегут следом. Что у нас с деньгами?

— Денег нет, — доложил «министр финансов». — И в кредит нам никто не даст, пока мы не докажем свою состоятельность. — Новый налог «на борьбу с язычниками», утвержденный Вашим Величеством, может принести существенный доход, но для его сбора требуется время.

— Что скажет Церковь? — поинтересовался король.

— Церковь готова помочь, — величественно кивнул епископ. — Но под залог кое-какой недвижимости. А еще лучше — дарственную на интересующие нас земли. Более того, мы готовы предоставить Короне беспроцентный кредит в обмен на право самим собрать вышеназванный налог.

— А жирно не будет? — язвительно поинтересовался казначей-шамбрье. — Знаем мы ваши сборы. На каждый отданный денье сдерете по три — с нищих крестьян.

— Всё в Руке Божьей, — смиренно произнес епископ. — Кто бы мог подумать, что дикие морские разбойники будут жечь церкви и монастыри на берегах Сены, а славное и великое королевство постигнет участь мелких прибрежных селений. Господь не допустил бы такого позора и унижения, кабы не грехи наши!

— Вот-вот! — подхватил сенешаль. — Ваши грехи! Не потому ли именно церкви и монастыри стали главной целью норманов, что...

— Довольно! — перебил Карл.

— Язычникам ненавистно Имя Божие и те, кто ему служит! — успел вставить епископ, но все же заткнулся под гневным взглядом короля.

— Я принимаю предложение Церкви, — сказал Карл. — Но условия будут другими...

Следующие два часа были посвящены торговле. О процентах, залогах, реструктуризации прошлого долга и гарантиях Короны по поводу будущего.

Деньги, деньги, деньги... Ни слова о долге и патриотизме. Нет, вру. Идею оставить Париж король не поддержал. Пока.

Дома — тоже о деньгах. Мой мажордом, потупясь, со всем почтением сообщил мне, что у него кончились средства на ведение хозяйства. И за конюшню второй месяц не плачено. Конечно, владелец конюшни не посмеет приставать в беллаторе по поводу долга, но лучше бы все же заплатить, не то он перестанет кормить лошадок.

Деньги у меня были. Прихватил с собой пару кошель на расходы. Однако я задумался. Понятия не имею, сколько стоит в средневековом Париже «продуктовая корзинка» рыцаря. По своей прошлой жизни помню: Париж — чуть ли не самый дорогой город Европы... Ладно, я вытряхнул из кошель горсть разномастных золотых и серебряных монет и высыпал в ладошку домоправителя.

Глаза потомственно преданного слуги выпучились. Я насторожился.

— Мой благородный господин получил годовое жалование? — осторожно осведомился верный слуга.

Я изобразил: типа того.

Домоправитель расцвел.

— Этих денег достаточно даже для выкупа у иудеев фамильного перстня моего господина!

Я энергично кивнул. Мол, именно это я и имел в виду.

Домоправитель просто вспыхнул от счастья, склонился так, что едва спинку не потянул, и умчался. Экий он, однако, не по годам прыткий.

А я сходил к бабуле-кормилице, улыбнулся ей как можно теплее и изобразил, что намерен потрапезничать.

А после обеда мы с Вихорьком занялись фехтованием.

Через часок, когда Вихорек изрядно притомился, я прекратил урок и отправил его за лошадьё. Бегом. А когда пацанчик вернулся, выдал ему набор силовых упражнений часика на два. Скажете — жестоко? Фигня! Сердечко молодое, выдержит. Сам так впахивал. Зато и результат!

Нисколько не сомневаясь, что и в мое отсутствие мальчишка будет трудиться с неменьшим рвением, я переоделся в «парадку», сел на кобылку и не спеша отправился к моей (ну теперь уж точно моей) возлюбленной Филиси. По пути раздумывая: чем я еще могу быть полезен моему конунгу.

Впрочем надо признать, что я не слишком утруждал свой ум поисками решения. Если бы речь шла о моем ярле, я бы, возможно, действовал более энергично, но Рагнар...

Впрочем, может всё и само утрясется. Команда на сбор денег уже дана. Теперь главное: убедить Карла заплатить столько, сколько требует Рагнар. Но тут всё та же проблема. Моя «немота».

Так ничего и не придумав, я подъехал в дому Филиси, спешился и решительно бухнул дверным кольцом.

* * *

Пока я развлекался со своей подружкой, мой дом посетил гость.

Братец Арман.

Упал, как снег на голову, однако мои слуги не растерялись. Тем более что вкусы «моего» родственника были им неплохо известны. Выставили угощение, выпивку, усладили слух благородного шевалье пением.

Это пение я и услышал, подходя к дому. Надо же! А я и не думал, что у Ивет такие музыкальные способности.

В мое отсутствие Арман успел приговорить литр вина и стал задумчив.

Но не успел я войти, как беллаторе собрался на выход.

Не сказать, что беседа с «безъзычным» мной — такое уж увлекательное занятие, но... Зачем тогда приходил? Вино мое пить? Так у него и своего — полный подвал. Посидеть-попечалиться о погибших? Так наших родственников в разбитом воинстве не было. А вся королевская гвардия, как и положено, находилась при короле и жива-здоровая, а о чужих же здесь горевать не принято. Меньше народа — больше дохода.

Однако так вот сразу уйти я ему не дал. Захотелось выяснить, какого черта надо было ему в моем доме... То есть — в доме покойного Жофруа. Кстати, а кому он достанется, когда выяснится, что настоящий хозяин опочил. Уж не Арману ли?

Нет, глупая идея. Не тот он человек, чтобы копать под меня из-за денег. Другое дело — придавить меня как шпиона.

Хотя я вроде нигде не прокололся...

— Погоди, брат, — обозначил я жестами. И уже через посредство вихрастого переводчика сообщил, что хочу услышать его мнение о нашем будущем.

Арман без особой охоты опустил обратно на скамью, плеснул себе вина.

— Карл хочет вновь послать за помощью к брату, Людовику Немецкому, —

поделился со мной информацией Арман. — Что думаешь?

Я пожал плечами.

— У нас достаточно войска, чтобы защитить Париж, — произнес Арман. — Но не разбить Рагнара. Допустим, Людовик придет... но когда? Осенью? За это время норманы успеют разграбить полстраны. И отправятся восвояси с добычей, пленниками и уверенностью, что на следующий год стоит приплыть еще разок. И зачем тогда войско Людовика? Прибрать к рукам кусок нашей земли? А будет ли лучше? Мы не сможем разбить даже одну эту армию, а ведь где-то на Луаре есть еще одно войско... Остается надеяться, что язычники решатся на штурм.

Я выразил сомнение в этом. И сообщил через Вихорька, что Париж — это еще не вся Франция.

— Предлагаешь сдать город? — несколько напряженно поинтересовался беллаторе. — Отступить в Сен-Дени, как предлагают трусы?

Я вновь пожал плечами.

— Уж лучше дать норманам то, что они хотят. Дать им денег — и пусть уходят. Ты был прав, когда предложил это на совете.

Я энергично кивнул.

Я был шпионом Рагнара, но мои симпатии были на стороне французов. На стороне парижан и черноногих крестьян. Даже — алчных монахов. В конце концов не все они такие, как парижский епископ. Хватает и подобных отцу Бернару.

— Но стоит ли прикармливать волков? — возразил Арман. — Тогда они наверняка вернуться!

Мне вновь пришлось прибегнуть к помощи Вихорька. Да, вернуться. Но мы успеем подготовиться. Попросим помощи у братьев короля, по крайней мере у того из них, с кем в настоящее время — мир. Кажется, на совете речь шла о Людовике Немецком? И мы сумеем подготовиться куда лучше, если у нас за спиной будет земля, заселенная людьми, а не мертвая пустошь, которую оставляют за собой язычники.

Арман внимательно слушал сбивчивую речь Вихорька и по-моему очень старался услышать и то, что я шепчу мальцу на ухо... Это вряд ли. Я наловчился шептать практически беззвучно. Выслушал, поглядел на меня очень странным взглядом. Будто пытался влезть в мою голову и прочитать мысли...

— Мне пора! — внезапно произнес Арман. — Вижу, ты уже сидишь в седле?

Я кивнул. И показал пальцами: только шагом.

Беллаторе кивнул. Похоже, он больше никуда не спешил.

— И пажа своего возьми. Нам надо поговорить.

Не вопрос. Надо — поговорим. Но что-то в тоне беллаторе Армана еще сильнее меня насторожило. Да и само предложение... Почему бы не поговорить здесь, у меня дома? И зачем ему сопровождающий? Ночные парижские улицы — не самое безопасное место. Для женщин, детей, стариков...

Но королевскому рыцарю ночных грабителей бояться нечего. Даже вусмерть пьяный беллаторе «на автопилоте» дюжину ночных воришек нашинкует. Те, впрочем, на него и не полезут. Науке не известны случаи нападения шакалов даже на спящего тигра.

Оказавшись в седле, я украдкой попробовал, удобен ли в доступе засапожник. Мало ли что... В тесноте парижских улиц короткий нож — наилучший

вариант. Ну не кистень же мне в рукав совать, верно?

Вихорек пристроился позади седла, ухватился за мой пояс. Коню лишний наездник не в тягость. Он и десять пудов понесет без проблем. Прав был мой раб Хавчик: отличные у франков лошади.

— Слыхал, твоя любимая сука Диана оценилась? — неожиданно поинтересовался Арман, когда мы углубились в уличное ущелье.

Я хрюкнул утвердительно, хотя и понятия не имел ни о суке, ни о ее интересном положении.

— Я бы купил кобелька, — сообщил Арман.

— Я его тебе подарю, — пообещал я через «переводчика».

— Именно кобелька! — уточнил Арман.

Я закивал энергично. Подарю, без вопросов.

Арман некоторое время молчал. Наши лошади шли так тесно, что мы время от времени касался коленом Арманова жеребца.

— Жанет сказала мне, что твои раны не сделали тебя худшим любовником, — наконец произнес Арман после двухминутного молчания.

Я никак не отреагировал. Мою подружку зовут Филиси.

— Жанет — это кто? — озвучил Вихорек.

— Моя возлюбленная, — последовал ответ.

Это что — шутка такая?

— Мой господин клянется, что даже не прикасался к ней! — озвучил Вихорек.

Неужели дело в ревности? Жанет... Что за поклеп?

— Они с Филиси — сестры, — сказал Арман. — И очень дружны — всё друг другу рассказывают. Мы не раз обсуждали их болтливость... — Он чуть придержал коня и оказался на полкорпуса позади моей лошадки.

— У меня появились подозрения, когда ты схватился с де ла Брисом, — произнес он после долгой паузы. — Я поговорил с Жанет. А она поговорила с Филиси. А сегодня приехал и расспросил рабов... — еще одна долгая пауза.

Я тоже придержал коня, догадываясь, к чему он клонит, лихорадочно пытаюсь отыскать подходящие оправдания. Сотрясение мозга? Проблемы с памятью?

— Мне не хотелось верить, — продолжал между тем беллаторе, — но только что ты сам дал последнее доказательство. Мой брат Жофруа очень любит Диану. Когда она в прошлый раз разрешалась от бремени, брат всю ночь провел рядом с ней... А ты даже не знаешь, сколько она принесла щенков. И то, что в живых остались лишь двое. И обе — суки...

Шелест выходящего из ножен меча я услышал бы в шумном трактире, не то, что в тишине ночной улочки. И одновременно с этим зловещим звуком ощутил, как пальцы левой руки Армана мертвой хваткой вцепились в мой рукав. Это было нетрудно, ведь мы ехали — колено к колену.

— Вихорек, вниз! — крикнул я по-словенски.

Мой собственный меч покоился в ножнах, но в моей левой руке уже был засапожник.

Парировать коротким кривым ножиком добрый франкский меч — бессмысленно. Я и не стал. Резко наклонился, почти свесился с седла. От арманова клинка это меня не спасало: левая нога — в стремя, падать — некуда... Но на долю секунды приостановило удар... Тем более, что сам беллаторе, на ре-

флексе, потянул мою руку вверх, не пуская...

Вжик!

Бритвенной остроты засапожник легко рассек ремень подпруги, полоснул по боку Арманова жеребца и на выходе из дуги — самого Армана — по пальцам.

Тем не менее, еще полсекунды Арман удерживал мой рукав... Достаточно, чтобы обожженный болью жеребец унесся вперед и великолепный наездник беллаторе Арман вылетел из седла.

Седло, впрочем, тоже слетело со спины коня, так что Арману бы по-любому не удержаться.

Вихорька за моей спиной уже не было. Молодец! Хорошая реакция.

У Армана — тоже хорошая. И подготовка вполне достойная королевского рыцаря. Приземлился на ноги. С мечом наизготовку.

Я тоже спешил. И тоже с мечом наголо.

Луна светила мне в спину, и я видел как с левой кисти Армана медленно падают черные капли.

Насколько сильно я его резанул?

Рыцари в бою предпочитают сражаться верхом, но и пешие стоят многого. Такие, как Арман — бойцы штучные. Военская элита. Один на один не уступят норманскому хольду. Так что я не обольщался насчет своего превосходства. Никогда не обольщался. Глупо думать, что народ, умеющий делать такие клинки, как мой Вдоводел, не умеет ими пользоваться.

Луна за спиной — небольшое преимущество, но — именно небольшое. Настоящий воин прекрасно сражается, даже если солнце светит ему прямо в глаза.

Мы двигались очень медленно. В тесном (от стены до стены — три шага) ущелье улочки пространства для маневра практически не было. Прямотаки фехтовальная дорожка...

Короткий выпад... Мечи даже не соприкоснулись.

Арман в моем доме порядочно принял, но на его боевых навыках это не сказалось. Чувство дистанции идеальное. Еще один пробный финт. Уже Арманов. Я попытался связать клинок и контратаковать... Не вышло. Прошла минута, а мы всё еще прощупывали друг друга. Это было так непохоже на норманскую манеру, к которой я успел привыкнуть, что я забыл о том, что настоящий поединщик должен обладать выдержкой снайпера, и совершил ошибку. Неподготовленную атаку. Арман случая не упустил. Едва я «провалился» в слишком длинном выпаде, он обводом увлек мой меч еще дальше и нанес удар.

Счастье, что у него был меч, а не шпага. И что франкам, так же как и скандинавам более привычна рубящая техника...

Тем не менее он меня достал. Доворотом туловища я уклонился насколько мог, но самый кончик Арманова меча просек железную пластину на моем плече и вспорол мышцу.

Рукав поддоспешника тут же набух от крови.

Арман не дал мне времени оценить опасность раны. Он решил меня немедленно добить. Удары сыпались со всех сторон и на всех уровнях. Брат Жофруа де Мота был стремителен и непредсказуем. А я практически прижат к стене и лишен свободы маневра. Счастье, что левая рука пока что слушалась и в ней

был засапожник, которым можно было отводить более слабые удары, хотя даже слабые удары отдавались болью. Шансы мои уменьшались с каждым мгновением. Кровь уже омочила кисть, сделав скользкой рукоять ножа. Очередной удар — и засапожник звякнул о стену.

Отчаянная попытка контратаки оказалась неудачной. Я снова был прижат к стене, отбиваясь почти наугад, интуитивно. Промельки вражеского клинка, удары, которые я не столько видел, сколько предугадывал по силуэту противника...

И вдобавок я занервничал. Почувствовал, что смерть подступила ко мне ближе, чем во время моего поединка с Торсоном-ярлом...

Что-то темное пролилось сверху. Арман успел отпрыгнуть. Мне было некуда отступать и зловонные брызги попали на сапоги. Но я был не в обиде на того, кто опорожнил ночной горшок. Потому что он меня спас. Два быстрых шага — и я обрел некоторую свободу.

Банг!

Я не видел, что именно угодило в шлем Армана, но видел, как дернулась его голова. Дернулась так, что я понял: «подарок» прилетел не сверху, а сзади.

Подарок — мне.

Доля секунды. Пол-оборота, которые сделал Арман, чтобы взять под контроль пространство за своей спиной...

Прыжок вперед, короткий замах обозначающий удар в шею, уход влево и длинный низкий (меч Армана вспорол воздух над моей головой) выпад в корпус, под правую руку. Удар получился такой мощный, что я почти не ощутил сопротивления, когда клинок проткнул дубленую кожу и почти на половину длины погрузился в тело. У меня не было ни времени, ни возможности освободить клинок, поэтому я врезался в Армана здоровым плечом, перехватывая, связывая левой рукой его правую, не давая воспользоваться мечом.

Да он бы и не смог. Когда я обнял его, Арман был уже мертв. Печень, легкое, сердце... Мой меч пронзил его насквозь и остановился, упершись в левое ребро.

Ег ванн, как говорит мой ярл. Я победил.

Но видит Бог: я не хотел этой смерти. На узкой грязной улочке, в темноте и вони нечистот. Уж кто-кто, а Арман подобной участи точно не заслужил.

Глава двадцать вторая,

в которой судьба героя меняется неожиданно и кардинально

— Мой господин больше ничего не может сказать.

«Начальником» беллаторе был непосредственно Карл Лысый. Он же и вел расследование.

Собственно, мы с Вихорьком оказались единственными «свидетелями» преступления. И мы по определению, были вне подозрений. Более того, я был главным (после самого короля) обвинителем, поскольку — ближайший родственник Армана здесь, в Париже.

Никто ничего не видел. Парижская стража не обнаружила ничего, способного пролить свет на данное преступление. То есть никто не пришел в «управление полиции» и не заявил, что именно он убил шевалье. Или что он знает, кто это сделал. Расследование (в нашем понимании) здесь не проводилось. То есть у стражи безусловно имелась сеть информаторов и определенный контроль над реализацией краденого (а как же без этого?), и если бы я после по-

единка отправился в ближайший трактир, надрался и шумно каялся в совершенном преступлении, то об этом несомненно сообщили бы куда следует. Но я вместо этого привез тело к себе домой и лишь на следующее утро сообщил о смерти королевского гвардейца. Сейчас тело отвезли в церковь. Отпевать.

Карл был в ярости. Карл был оскорблен. Собственной столицей. В то время как он, король, защищает Париж от безжалостных язычников, Париж убивает его беллаторе.

В гневе он и произнес заветные для многих слова: монастырь Сен-Дени. Мощная твердыня, набитая провиантом и сокровищами. Оттуда викинги точно не выковыряют.

«Сен-Дени! Король уезжает в Сен-Дени!» — разнеслось по Парижу.

Первое, что я услышал, вернувшись домой:

«Верно ли, что король собирается оставить город?»

А хрен его знает!

— Так нам что, собирать вещи? — поинтересовался мой дворецкий.

Я кивнул.

Это не мои люди. Они принадлежали покойному де Моту. Но и врагу не пожелал бы остаться в городе, который займут викинги. А если Карл уйдет в «монастырь», то Париж достанется Рагнару.

— Мы не можем оставить город! — это епископ.

Собор, церковные ценности, поругание, проклятые язычники...

Он был очень напорист, верховный священнослужитель Парижа. Но убедить королевский совет ему было трудновато. Большинство здесь — крупные феодалы. Они — вассалы короля, но вассалы — не подданные. Захотят — поддержат сюзерена, захотят — перевернутся к другому. Правда и король кое-что может. Например, отобрать феодала и передать более надежному сподвижнику. Если сможет.

Феодал — это земля. Причем не здесь, в Париже, а, как правило, во внутренней Франции. В столице у таких тоже имеется недвижимость, но — скромная. Выпас какой-нибудь или дом каменный. Но что могут сделать их домам викинги? Мебель порубят, на пол нагадят... Всё ценное хозяева вывезут, включая чад и домочадцев. Благо, есть куда.

У простого народа загородных поместий нет, но они уже побежали. Хорошо, что Париж не в круговой осаде. Нет у Рагнара достаточного количества людей, чтобы обложить город.

Карл еще колебался. Единственный способ прекратить бесчинства викингов — дать бой, но королю ужасно не хотелось лезть в драку. Потому что он тоже знал, что проиграет, даже если победит. «Доброжелательные» родственники только и ждут, чтобы он ослабел.

Сидеть в Париже и ждать, пока норманы решатся на штурм? Но боевой дух защитников столицы падает прямо на глазах. Храброе рыцарство, уверенное в собственной избранности, как-то растерялось, обнаружив, что повесить за шею шевалье технически ничуть не труднее, чем простолюдина.

Королевские советники шумели, ругались, но к консенсусу так и не пришли. Карл решил отложить решение до понедельника. А сегодня — суббота.

До заката город покинуло около тысячи человек. Всех сословий. На закате стража закрыла ворота. Но дорога вверх по реке по-прежнему была открыта.

Сену сторожили только со стороны возможного нападения викингов.

От дежурства при короле меня освободили, поэтому у меня появилась возможность покататься по городу. Подняться на стену и поглядеть на повешенных рыцарей. И на лагерь норманов, со стороны которого наблюдалось относительно затишье. Многочисленные отряды викингов, шарившиеся по округе, как-то поредели. А группки храбрецов, болтавшихся поблизости от стен (относительной близости, конечно) и провоцировавших парижан, и вовсе исчезли.

Зато с противоположной стороны города жизнь так и кипела. Парижане давали деру.

По уму мне следовало немедленно присоединиться к беглецам. Не факт, что Арман не успел ни с кем поделиться своими подозрениями. Например, я понятия не имею, что он говорил своей любовнице. Да мало ли кому он успел пожаловаться на нетипичное поведение «брата де Мота»! Нет, срочно валить — самое разумное решение. Но мне жутко хотелось узнать, какой вариант поведения выберет король. Посему я рискнул и остался. Буду дожидаться королевского решения. Это еще день, ну от силы — два. Что ж, понаслаждаюсь напоследок культурным отдыхом.

Покидая в очередной (не исключено, что последний) раз любвеобильную Филиси, я чувствовал легкую грусть. Покидать Париж было очень жалко.

Не то, чтобы я ради комфорта был готов предать своих родичей и друзей... Но согласитесь: спать на чистом белье, в светлой комнате, есть вкусную еду куда приятней, чем спать на шкурах в темном, провонявшем дымом и потом длинном доме и деревянной ложкой лопать из общего котла кое-как сваренную похлебку. Ну может насчет деревянной ложки я малость загнул (в моей добыче даже золотая имелась), а насчет чистого белья чуток преувеличил, но в целом уровень комфорта среднестатистического шевалье существенно превосходил аналогичный уровень успешного викинга. На севере разница между жизненным уровнем сословий (если не считать трэлей), носит не столько качественный, сколько количественный характер. А тут разница — как между раем и адом. Вот если бы еще не война...

А еще здесь были книги! Пусть рукописные, пусть — на малопонятном языке (в основном — на латыни), однако я был готов читать даже на греческом. Соскучился по этому делу.

«А что, — подумал я. — Кто мне мешает, когда всё закончится, вернуться и наняться на службу к кому-нибудь из просвещенных христианских государей?» Карл, правда, отпадает, но есть ведь его братья. И Англия — по другую сторону пролива. Отец Бернар меня окрестит и засвидетельствует мое «просветление». Денег — море, на обзаведение имуществом хватит. Возьмут меня кем-нибудь типа королевского рыцаря? Да почти наверняка. И будем мы с Гудрун жить не в «длинном доме» с сорняками на крыше, а в настоящем замке. Еще и друзей к себе переманю, заделаюсь бароном или даже графом, буду поощрять искусства и науки. Особенно металлургию...

Обедать домой я не поехал. Решил изучить настроения народа, для чего отправился в популярное место — лучший кабак у Гревской пристани[116], са-

мой большой в городе. Здесь пованивало: река, пристань, отбросы... Зато — самые свежие новости и неплохая кухня. Я не стал брать «кабинет», расположился в общем зале. Все разговоры вертелись вокруг викингов и возможной сдачи города. Цены на погрузку возросли втрое. Зато упали цены на продовольствие.

* * *

Разбудил меня звон колоколов. Разбудил, но не поднял. Вчера я порядочно нажрался с коллегами по профессии. Беллаторе, которых осталось всего шестеро (причем один — фальшивый) поминали Армана. Эх, Арман, Арман! Ну почему ты оказался такой догадливый!

В общем, не настолько я религиозен, чтобы вскакивать с похмелью ни свет, ни заря. Так что я попил морсику, воспользовался «ночной посудой» и залег еще часика на два. Аккурат хватило, чтобы организм переработал остатки алкогольного метаболизма.

Проснулся от запаха жарёнки. Вихорёк готовил завтрак.

— А почему — ты? — спросил я, спускаясь по лестенке и одновременно сладко потягиваясь.

— Так в церковь все ушли, — сообщил мой юный оруженосец. — Сегодня же воскресенье. И праздник!

Какой именно праздник, я уточнять не стал. У них тут что ни день, то церковный праздник. Очередное религиозное шоу. Им бы телевизор с кабельным подключением, враз бы набожность понизилась.

Я сцапал со сковородки обжаренную колбаску, завернул в холодную лепеху и поискал, чем бы запить.

Сообразительный Вихорек нацедил мне чашку винишка.

День начинался неплохо...

А вот продолжился — не очень.

Входная дверь распахнулась. Да так энергично, что сразу стало ясно: пришел кто-то сердитый.

Так и вышло.

Пришел. Вернее — пришли. И все — при оружии. И все — по мою душу.

Арест осуществил уже знакомый мне виконт да ла Брис, кузен моей Филитис.

А буде у меня возникнут возражения, виконта сопровождали еще два десятка шевалье в полном боевом.

А я, понимаешь, в рубашечке тоненькой и легких полотняных штанишках. И до ближайшего орудия убийства (если не считать тех, что крутые пацаны принесли с собой), метров десять.

Я даже не рыпнулся. Терпеть не могу арбалеты. Особенно если они нацелены мне в живот.

В общем, упаковали меня в «наручники» весом в полпуда, сунули в карету с решетками на окнах и повезли во дворец. И Вихорька прихватили. Вот это было особенно обидно, потому что моя миссия — это мой риск. И будет чертовски обидно, если паренек пропадет ни за грош.

А если я не сумею отбрехаться, то пропадет он безусловно. Вместе со мной.

Тут скидки на несовершеннолетний возраст не делают.

Впрочем, я крепился. Сначала надо выяснить, в чем меня обвиняют, а уж потом сливать воду.

Прибыли. Во дворец. Я ожидал, что меня поведут наверх, к Карлу, но сопровождающие потащили нас вниз, через дворцовую капеллу в какой-то подвал. Плохой признак. Внизу обычно находились темницы, пыточные и прочие неприятные места.

Вихорек заплакал. Подбодрить его я не рискнул. У меня же обет молчания. Не стоит нарушать легенду, пока не ясно, за что меня повязали. Хотя можно догадаться... Значит, нашел-таки свидетелей начальник парижской «полиции».

Нет, это была не пыточная. Оборудование не то. Ни дыбы, ни «инструментария». Но кольца в стене имелись. К ним-то меня и приковали. Хитро так — чтобы только носками пола касаться. Хочешь стоять — стой. Не хочешь — вис. Рядом, по той же схеме, закрепили Вихорька.

Вот сволочи!

Приковали и ушли. Ни слова не сказали. Только виконт мне на сапоги сплюнул. Ну хоть спасибо, что бить не стали. Вкусное, так сказать, на третье.

Нет, ну это же не по понятиям. Даже обвинения не предъявили. Или я должен сам знать, в чем меня обвиняют?

Мы провисели на стене этак с полчаса. В темноте, потому что оставить нам факел никто не озаботился. Может и к лучшему, потому что с вентиляцией тут и без дыма — не очень.

Потом тяжелые двери узилища вновь открылись и...

Признаться, я несколько охренел. Потому что навестить меня явился сам парижский епископ. С младшими коллегами. Конечно, с ними прибыла и силовая поддержка, возглавляемая всё тем же де ла Брисом, но они — на вторых ролях. Священнослужители тут же развили бурную деятельность: зажгли свечи, расставили всякие церковные предметы, главным из которых был богато украшенный сундучок размером с автомобильный аккумулятор. Красивый такой сундучок. Богатый. Мои братья по хирду за такой предмет кучу народа перерезали бы.

С нами никто из клира не заговаривал. Даже старались не смотреть. Зато крестились часто.

Наконец приготовления закончились, исполнители заняли места, и спектакль начался.

Священнослужители дружно и мощно голосили по латыни. Красиво получалось. Акустика в каземате оказалась неплохая, так что не будь на моих конечностях ржавых цепей, я бы, пожалуй, слушал не без удовольствия.

А так я лишь еще больше терялся в непонятках. Концерт явно в мою честь. Ну, кто бы мне подсказал, что всё это значит?

А служители католического культа разошлись не на шутку. Голоса гремели гневной мощью, аж пламя свечей вздрагивало. И не только пламя. Я сам начал дрожать от физически осязаемого напора незримой энергии. Даже стало страшновато. Нет сомнений, что вся эта мощь направлена в первую очередь

на меня. Но — зачем?

Или это местный способ заставить убийцу раскаяться в содеянном?

А вот хрен вам! Мне, конечно, очень жаль Армана! Но видит Бог — я защищался! И это война, парни! А на войне — убивают. И Арман был отнюдь не невинной девушкой или ребенком. Он был воином. Профессиональным убийцей. Как и я. Так что всё — по честному.

Гневный хор продолжал набирать мощь. Я поймал взгляд епископа. Тот не отвел глаз. Уставился на меня яро. Сверлил беспощадными зрачками... Будто копье мне хотел промеж глаз вогнать. Копья у него, к счастью, не было, но всё равно очень неприятно.

И тут нас обрызгали водой.

Два подручных духовного лидера Парижа принялись зачерпывать горстями из золотого тазика и плескать на нас с Вихорьком.

А сам епископ подхватил сундучок, откинул крышку и поднес чуть ли ни к моему носу.

Я удивился. Внутри сундучок был выстлан желтым как золото шелком. А на этом шелке лежала крохотная косточка.

Но удивлялся я недолго, потому что меня понесло.

Иначе не назвать.

Вибрирующий рык голосов, брызги холодной воды, физически ощущаемый пронзающий мозг взгляд епископа... И крохотная косточка, которая вдруг засияла ярче, чем десятки свечей. Меня вдруг наполнила почти нестерпимая радость и невероятная легкость. Исчезли тяжкие оковы. Я запел. Вместе с дивным хором. Казалось, еще миг — и я воспарю к сводчатому потолку. Или — выше, к самому небу. Я чувствовал его. Чувствовал небо там, за слоями камня...

И меня тянуло к нему, так тянуло...

Крышка сундучка захлопнулась с глухим стуком.

Свет померк, и я бессильно обвис на цепях. Я снова был в объективной реальности. То есть — полном дерьме. И цепкие, украшенные кольцами пальчики епископа крепко держали меня за бороду. Темные глаза главного священнослужителя французской столицы вглядывались в меня так, словно у меня в зрачках пряталась невероятно ценная информация.

Я стойко выдержал этот взгляд.

Епископ отпустил мою аккуратно подстриженную по местной моде бородку.

— Беса в нем нет, — сообщил он совершенно будничным голосом. — И я уверен, что этот человек — не Жофруа де Мот. Остальное — дело королевского правосудия.

И торжественно удалился, оставив меня наблюдать, как его подручные собирают инвентарь и гасят свечи.

Вот ведь незадача. Меня, оказывается, принимали за одержимого. Интересно, почему?

А вот!

Слила меня Филиси. На исповеди. У них же, католиков, как... Если согрешил, то непременно надо покаяться. А Филиси согрешила. И неоднократно. Со

мной, что характерно. И покаялась. Причем — с подробностями. Чем и заронила сомнения во мне сначала у собственного духовника, а потом и у его начальства.

Ко мне присматривались. И ждали. Мне ведь тоже было положено прийти и покаяться.

А я, понимаешь, все церковные ритуалы нахально игнорировал.

В Храм Божий ни разу после своего возвращения не зашел. Даже свечку не поставил за свое счастливое избавление от смерти.

Нет, хреновый из меня шпион! Очень хреновый...

Глава двадцать третья, в которой герой вновь удостоивается личного допроса короля Франции

Но всё это я узнал несколько позже. Когда меня приволокли на допрос. К королю.

Обстановка кардинально отличалась от первого раза. Дружеской беседой и не пахло. Пахло изощренными пытками.

Между мной и королем, за маленьким столиком, сидел монах, которому предстояло записывать мои ответы. По обе стороны короля — стражники. Обычные, не беллаторе. И еще трое мужиков, профессия которых угадывалась с первого взгляда, занимались привычной работой — готовили инструменты.

Вихорька не было. Не исключено, что его допрашивали отдельно.

— Где мой беллаторе?

Вот вопрос, который задал мне Карл.

Достойный человек. Я бы первым делом поинтересовался, кто я, и какого хрена здесь делаю.

— Погиб, — лаконично ответил я.

Теперь уже сам, потому что скрывать чудовищный акцент больше не было смысла.

— Как?

— Убит. Стрелой.

Я не стал уточнять, что на де Мота велась персональная охота. Пока мы висели, я успел выработать тактику обороны.

— Он умер легко, — уточнил я. — Другим повезло меньше.

— Ты говоришь правду?

Я пожал плечами:

— Зачем мне лгать?

Обстановка располагала к откровенности. Пыточный подвал со всеми нужными аксессуарами. Застарелый запах копоти, горелого мяса и крови. Чадающие факелы, угли в печи... На углях... Ну, сами понимаете.

Я изображал страх. Вернее, тщательно скрывааемый страх. Не слишком сложная роль — в моем положении.

— Кто ты сам?

— Ирландец, — это слово я произнес по-английски.

Вряд ли кто-то в окружении короля говорил по-ирландски.

— Ты — викинг?

— Был с ними, — уклончиво ответил я. — Мой родич, Рыжий Лис, позвал меня... Он был нашим вождем... Я не знал тогда, каково это — быть викингом.

Я ведь христианин...

Тут я как мог изобразил раскаяние и еще больший страх.

— Ты — христианин? — усомнился король.

И выдал мне историю моего разоблачения.

— Если ты — истинной веры, то почему ты не ходил в церковь?

— Я не мог, — проговорил я, потупившись. — Грехи мои велики, а если бы я покаялся, то выдал бы себя. — Тут я поднял глаза и воскликнул с поддельной искренностью:

— Ваше Величество! Я искал, непрестанно искал способ покинуть стан язычников, но жизнь, она дорога мне! Я — чужой здесь! Уйди я от норманов — и куда я пойду? Меня точно убили бы!

— И ты предпочитал убивать сам? — гневно произнес Карл.

— Только в бою, Ваше Величество! Клянусь Богом, только в бою! Мой меч не осквернился кровью ни одного служителя Господа! Некоторых мне даже удавалось спасти!

Легко и приятно говорить правду.

— Помолись! — потребовал король.

Ну, это запросто.

— Pater noster qui in celis es,
sanctificetur nomen tuum,
veniat regnum tuum,
fiat voluntas tua,
sicut in celo et in terra,
panem nostrum supersubstantialem da nobis hodie,
et dimitte nobis debita nostra,
sicut et nos dimittimus debitoribus nostris,
et ne nos inducas in temptationem,
sed libera nos a malo[117], — старательно забубнил я.

Специально вызубрил — авось пригодится. Пригодилось.

— Простите, Ваше Величество, но других молитв не ведаю — я воин, а не монах.

Поверил или нет? Похоже, поверил. Видно, актер из меня лучший, чем шпион.

— Как ты сумел принять личину моего беллаторе? — спросил Карл уже более спокойно.

— О! — Я оживился. — Когда я увидел его тело... Язычники раздели его донага и бросили... Я понял, как мы с ним похожи. Тогда я украл его доспехи...

— Как ты узнал, что это его доспехи? — с подозрением поинтересовался Карл.

— Я... — Черт возьми! Как же я это узнал?.. Есть!

— Мне пришлось снять их с него, — я вновь потупился. Правильный ход. Заодно объяснит мое замешательство. — Так мне было приказано. Только вот меча не нашел...

— Откуда ты узнал, кем он был? — Отличный вопрос. Ему бы следователем быть, а не королем.

— Мне сказал об этом Туссен... Мальчик, которого я назвал своим оруженосцем. Он был послушником в монастыре. И как-то видел Жофруа де Мота.

— Послушник разбирается в геральдике? — удивился король.

— Он хорошего рода. Но сирота. Его мать умерла, отца убили аквитанцы, а сосед — барон отнял его земли и отдал в монастырь. Так он мне рассказывал. Пощадите его, Ваше Величество! Не для того я спас его от язычников, чтобы он погиб от рук своих единоверцев!

— Кто убил беллаторе Армана? — грозно спросил король. — Ты?

— Нет, Ваше Величество.

Признаюсь — и точно кабздец.

— Поклянись!

— Клянусь спасением моей души, что никогда не желал смерти этому благородному шевалье! Он был мне ближе всех, кого я встретил в Париже! — горячо произнес я и перекрестился.

Опять не соврал, что характерно. Не люблю врать. Тем более в подобных обстоятельствах. Да и спасение души мне не совсем по барабану.

Тяжелый взгляд короля давил меня не меньше минуты.

Я помалкивал и смотрел вверх короны, ведь короли не любят, когда с ними играют в гляделки. Тем более, что такой опытный политик, как Карл Лысый наверняка знает: «честный и открытый взгляд», демонстрируемый более нескольких секунд — один из признаков лжеца.

— Что ж, — произнес через некоторое время король. — Надеюсь, после испытания огнем твои ответы не изменятся.

— Я предпочел бы испытание мечом, Ваше Величество! — дерзко ответил я.

Тут дверца в наш милый закуток отворилась, внутрь проскользнул монах — почти точная копия нашего писца — и передал одному из королевских охранников кусок засаленного пергамента. Тот, в свою очередь, переправил передачку королю.

О как! А наш монарх оказывается обучен грамоте!

Карл читал, шевеля губами и хмурясь.

В очаге потрескивали угли. Палачи негромко переговаривались. На профессиональные темы...

Король завершил чтение и метнул свернувшийся на лету пергамент на стол писца. Попал. С глазомером у Лысого все в порядке.

— Мальчишка сказал то же, что и ты, — сообщил мне король.

Я пожал плечами: мол, что тут удивительного?

И верно: я же сам его проинструктировал на всякий случай. Хотя и сомневался, что в средневековой Франции существует практика параллельного допроса.

— Но этого недостаточно. Я всё еще думаю, что ты — лазутчик норманов. Что скажешь?

— Взгляните на меня, Ваше Величество! Разве я похож на нормана?

— Откуда мне знать, как могут выглядеть язычники! — буркнул король, поднимаясь. Похоже, он всё уже решил... И у меня есть лишь пара секунд, чтобы его переубедить. И следует постараться, потому что палачи уже зашевелились...

— Ваше Величество, будь я норманом, что мне помешало бы убить вас? — воскликнул я.

Король остановился, сделал знак палачам: повремените.

— Я стоял позади вас, Ваше Величество! У меня был меч и я умею им пользоваться. Что бы помешало мне снести вам голову?

— То, что убив меня, ты умер бы сам! — парировал король.

Я расхохотался.

— Тебе весело? — нахмурился Карл.

— Ваше Величество, простите меня за дерзость, ничего не знает о язычниках!

— Поясни!

— Смерть с оружием в руках — наилучшая смерть для нормана. Он уверен, что душа его тут же отправится в чертоги Валхаллы, их, языческий рай.

— Я что-то слышал об этом... Продолжай!

— Норман, собственноручно убивший такого великого короля, как вы, Ваше Величество, прославится навеки и все его потомки будут говорить о нем с гордостью и место их будет рядом с лучшими из конунгов. А сам убийца будет взирать на них сверху и гордиться своим подвигом! Имя такого человека для норманов станет вровень с Рагнар-конунгом! Но и Рагнар не забудет ни его, ни его родичей, потому что после вашей смерти на земле франков воцарится смута и Рагнар сумеет вырвать из туши убитого льва такой жирный шмат, на который не мог и надеяться.

— Твой французский отвратителен, как речь раба, — произнес Карл. — Но смысл его поэтичен.

— Никто не может сравниться с ирландскими бардами в искусстве поэзии... — скромная улыбка и потупленные очи. — Я не бард, но я — ирландец.

Карл подумал еще немного... и вернулся на свой королевский насест.

— Значит ты хорошо знаешь викингов, — проговорил он задумчиво.

— Осмелюсь предположить — лучше любого из ваших советников, Ваше Величество.

— Знаешь, почему я решил сначала поговорить с тобой, а уж потом отдать палачам? — поинтересовался Карл.

Я пожал плечами.

— Я помню твои советы, — сказал король. — Ты был против того, чтобы я атаковал норманов. Ты был против того, чтобы разделить армию...

Вот этого я не говорил, но раз уж король так считает... Король всегда прав.

— Ты предложил мне откупиться от язычников.

— Да. Я и сейчас думаю, что это — наилучший выход.

— Церковь учит нас, что не следует вступать в переговоры с идолопоклонниками.

— Может и так, — согласился я. — Но они — люди чести. Дайте им денег, Ваше Величество, и они уйдут.

— Ты уверен?

— Да.

Черта с два я уверен! Но в моем положении почему бы и не приврать?

— Что ж, — сказал король Франции. — Возможно я и последую твоему совету. — И писцу, который, надо полагать, оставался за главного: — Верните их в узилище.

И ушел. То есть — удалился. Однако на прощенье удостоил ничтожного меня последнего взгляда.

И во взгляде этом я прочитал свое будущее. Оно меня не обрадовало. А чего я, собственно, ожидал? Здесь существуют замечательный способ проверки правдивости показаний. И то, что его не применили ко мне немедленно, еще ни о чем не говорит. Трое специалистов в кожаных фартуках всегда к услугам короля.

Глава двадцать четвертая Тюрьма Его Величества

— Мой господин! — Вихорек так искренне обрадовался, что почувствовал укол совести. — Вы целы?

— Как видишь.

— И я, и я! Сказал всё, как вы велели, и меня даже ни разу не ударили. А нас накормят?

— Надеюсь.

— Господин, а что с нами будет?

— Не знаю, малыш. Но мы справимся! — заявил я с уверенностью, которой не испытывал.

Хотя говоря откровенно: мне, вернее, нам, здорово повезло. Ведь на этой гнилой соломе мог сейчас лежать не здорово проголодавшийся, но все еще полный сил мужчина, а сочащаяся кровью тушка с вывернутыми суставами и ожогами третьей степени. А нам даже огарок свечки оставили. И ведерко с водой. Для питья. И еще одно ведерко — для естественных надобностей. Хотя судя по внешнему виду посуды, их вполне можно было поменять местами. Впрочем, даже затхлая вода с привкусом ила и плесени лучше, чем никакой.

— А что мы будем делать, мой господин?

— Ждать, малыш, ждать!

Пока нас повесят. Или голову отрубят. Надеюсь, что только голову. Казни в средневековье — весьма неприятны.

Кое-чего мы дождались очень скоро. Принесли пожрать. Давненько я не пробовал тюремной баланды. Честно говоря, никогда не пробовал. И слава Богу.

Обследование камеры показало полную бесперспективность подкопа. Разве что — отбойным молотком. Исследование дверей тоже не утешило. Крохотный узкий проем в каменном массиве полуметровой толщины. Доски подогнаны идеально. И ни следа гнили, хотя на камнях этой склизкой дряни полно.

— Ты хочешь бежать? — воодушевился Вихорек.

— Желание и возможности не всегда совпадают, — пробормотал я, изучая тяжелые железные кольца, вмурованные в стену. Дабы окончательно развеять тайну их назначения, с одного из колец свисал обрывок цепи. И — приятный сюрприз! — одно из звеньев удалось отцепить. Кусок металла весом граммов триста. Говорят: булыжник — оружие пролетариата. Но железяка гораздо эффективнее. В умелых руках, разумеется.

Понемногу начал складываться план. В прошлый раз наши тюремщики приходили вдвоем. Один выдал нам баланду, второй караулил в дверях с факелом. Оружия при них, если не считать ножей и дубинок, не было. Да и зачем? Сами — явно из простонародья, которое здесь считают не по головам, а десятками. Если что не так, успеют подать сигнал тревоги. И — «Караул в ру-

жье!»

Значит моя главная задача — «выключить» караульщика. Железяка в лоб — отличный наркоз.

План обломился. Они пришли не вдвоем. Даже не втроем — вчетвером.

Два стражника (на сей раз — с копьями и факелами), один, типа, офицер — с мечом. И кузнец. Последний припер пуда три железа: цепи и инструменты.

А я уж думал: нам от короля послабление вышло, раз кандалы не надели. Хренушки!

Кузнец тут же занялся делом: взялся присобачивать цепь к кольцу.

«Силовая поддержка» мрачно наблюдала за мной.

Надо что-то предпринять. Причем быстро. Если нас прикуют, шансы вырваться на свободу упадут ниже канализации.

Итак, диспозиция: офицер непосредственно в дверях. Кандидат на выключение номер один. Если я его не вырублю, шаг назад — и он в коридоре.

Два стражника — на полметра впереди. Как бы прикрывают. С виду — увальни, но взгляды цепкие. Наверняка и опыт есть — тут сидельцы всякие бывают, в том числе и обученные благородному искусству убийства ближних. Стоят грамотно. В случае атаки так же грамотно примут меня на копья. Копья острые, сами — в железе. Еще и факелы — удобнейшая вещь в умелых руках. Да, задачка... Одного бы я еще приголубил, но двоих... Может не получится.

Кузнец... Ну этот пока не в счет. Хотя почему не в счет? Молоток вполне сгодится как метательный прибор. Или — клещи... Тоже какое-никакое оружие. Всяко получше, чем голая рука.

Мои плюсы: я крут.

Мои минусы: после многочасового висения на стене моя крутизна заметно снизилась. Устал я, иными словами.

Ладно, выбора у меня по-любому нет.

Итак: сначала я бросаю кусок цепки. Есть шанс попасть в лоб офицеру? Есть. Но толку — ноль. Ничего, кроме громкого «звяк!» не получится, поскольку на голове у мишени — шлем. Только узкий кусок рожи торчит. Вероятность попасть в переносицу? Мизерная. Увернется, собака, как только заметит бросок.

А он заметит? Я сижу в углу. Факелы, считай, у него перед рожей, а я — в тени. Надо только как-то спрятать само начало движения... И не промахнуться, потому что руки вялые, как сардельки. Но промахнуться — нельзя.

А что потом? Выхватить клещи у кузнеца? (А отдаст? Бык-то здоровый?) и — на стражников. Бац-бац — и с большой вероятностью я получаю копьем в бок. Келейка тесная, а прикрывают они друг друга умело. В таких делах не искусство важно, а сыгранность.

И тут меня осенило. У меня же есть «засадный полк». Вихорёк. На мальчишку никто внимания не обращает, а он, между тем, вполне боеспособный кадр. Доказал это в нашей схватке с Арманом.

— Вихорёк, — негромко произнес я по-русски. — Когда я скажу: «Можно!» — надень ведро на голову стражнику.

— Какому? — совершенно хладнокровно уточнил паренек.

— Всё равно.

— Ага.

Оставалось лишь ждать удачного момента.

И он — наступил.

— Господин рыцарь, соизвольте руку?

Кузнец потянулся ко мне с разомкнутым «браслетом».

— Возьми, — измученным голосом проговорил я, начиная движение. — Это можно.

И скрыв перемещением тела бросок, метнул свою железячку...

И тут же Вихорек подхватил ведро с дерьмом, надел его на голову ближайшему стражнику.

Тот заорал — отнюдь не от восторга, но очень удачно. Шум падения тушки их начальника прошел незамеченным. Второй стражник чуть повернул голову, отведя от меня глаза... Полсекунды, не больше. Но достаточно, чтобы я подхватил клещи.

— Ах ты хорек! — заорал унавоженный стражник, роняя факел, стирая с рожки отходы жизнедеятельности и, одновременно пытаюсь приголубить Вихорька древком копья. Вихорек увернулся — не зря я его учил. А вот второй стражник — нет.

Копье — отличное оружие, но в ближнем бою работать им достаточно уверенно умеет не всякий. Стражник не умел. Миг — и я смаху вогнал заостренную ручку клещей ему в глазницу, вырвал копье и воткнул в шею унавоженному.

Мгновенный разворот... Нет, кузнец — не боец. Сидит с раззявленным ртом и — никакой агрессивности.

Так, офицера — за ноги и внутрь. Гляди-ка, уже очухивается. Что ж, добавим к сломанному носу сломанную шею. Вот так, чисто и бескровно.

Я подсел к кузнецу. Честный ремесленник затрясся:

— Не убивайте меня, господин рыцарь! Богом молю, Святой Девой Заступницей, у меня детки малые...

Я взял браслет, надел на толстое волосатое запястье:

— Сумеешь сам себя приковать — будешь жить.

Сумел. Вот что значит — профессионал.

Пока кузнец ковал, я переодевался. Мне ведь одно исподнее оставили. Хорошо, наряд офицера пришелся мне почти впору, только в плечах тесноват. И нагрудник не сошелся. Ну да можно и без нагрудника.

Куда больше меня огорчил его меч: плохо откованная, кое-как закаленная железяка. Разлетится от любого серьезного удара.

Переодели и Вихорька: в костюмчик того стражника, которому я клещи в мозг вогнал. Вид у паренька стал — как у конкретного рэпера.

Кузнец завершил свой труд. Я отобрал у него инструменты, проверил качество работы... И аккуратно тюкнул труженика по макушке. Пусть часок-другой отдохнет. А то еще орать станет с перепугу, людей переполошит.

Толстая дверь и засов снаружи. Очень правильная конструкция. Осмотр коридора... Чисто. Бодрая ругань унавоженного стражника никого не побеспокоила. А могла бы... Вон, слева огонек теплится.

Кроме нашей двери, в коридоре имелось еще штук двадцать. Но если кто-то ждал от меня широкого жеста — освобождения узников, то он глубоко разочаровался. Плевать мне на тех, кого заточило сюда местное правосудие. Тем более, что в личную королевскую темницу не попадают за украденные штаны

или неуплаченный долг. Кто и за что должен сидеть — это внутреннее дело самих франков. Главное, чтобы таким сидельцем не стал я или кто-то из моих друзей.

Для кого наше появление было сюрпризом, так это для «отдыхающей смены». Но и они повели себя тихо. Сначала моя одежда сбила с толку, потом — повреждения, несовместимые с жизнью. Впрочем, убил я только двоих. Третьего, жалкое существо бомжеватого вида, пощадил. Оставил для беседы.

Для начала мы с Вихорьком покушали более-менее нормальной пищи, а кое-что даже упаковали впрок.

Потом я занялся пленником.

«Бомж» оказался местным золотарем. И поведал нам пренеприятнейшую новость: двери узлица заперты до утра. Снаружи. Выход — только по пропускам. С королевской подписью и печатью.

Увы! У нас таких не было. Ждать утра и стражников-сменщиков как-то не хотелось.

— А есть другой выход? — поинтересовался я.

Оказалось, да. Выход имеется. Но, как бы это пообтекаемее выразиться... Малость дурнопахнущий. С нижних уровней темницы открывался доступ в катакомбы. Чрево Парижа... Что-то такое я уже слышал. В школе. Но почему-то думал, что это клоака возникла значительно позже девятого века.

«Бомж» охотно проводил нас к заветной дверце. Хорошей такой, крепкой, с двойным засовом.

Открыли. Из тьмы густо потянуло дерьмом и падалью. Но виднелись и ступени, уводящие вниз...

Я глянул на «бомжа» как раз в тот момент, когда «бомж» глянул на засов. Очень выразительно. Мол, мышка в норку, дверца — щелк... А норка-то и не мышкина!

— Что там внизу? — спросил я. — Крысы, другая пакость?

Всё хорошо, заверил «бомж». Никаких проблем. А что пахнет плохо, так это только вначале. Мы, вишь, сюда всякие отходы сбрасываем. А бывает и покойничков. А как пройдете загаженное место, так сразу и счастье наступит. Тепло, сухо, уютно... А глазки опять — стрель! В сторону засова.

Если бы не шалые глазки, я бы, честное слово, его пощадил. Но — нельзя. Вдруг там, внизу, какой-нибудь обычный колодец. Или подвальчик засранный.

Первичная проверка показала — хорошо, когда на тебе высокие сапоги.

И, похоже, покойный ассенизатор не соврал: ниже уровнем находился коридор достаточно длинный, чтобы факел не освещал дальней стены.

Что ж, рискнем, выбора всё равно нет. Но сначала — снаряжение.

Глава двадцать пятая,

в которой герой по собственной воле опускается в «чрево Парижа»

Обратно мы вернулись, загруженные как ослики. Но — энергичные. Будто второе дыхание открылось. Еще бы: впереди вместо плотного общения с заплечных дел мастерами — увлекательное ночное путешествие по дерьмопроводу.

Впрочем, насчет последнего я преувеличил. Экскременты и трупы разной степени несвежести закончились метров через пятьдесят. Потом — только му-

мии да скелетики. Похоже, этой общественной «усыпальницей» пользовались не один десяток лет.

А шагов эдак через тысячу закончились и древние косточки. Зато под ногами захлюпала вода. Тоже неплохо — можно сапоги помыть.

И первое разветвление. То есть второстепенные отнорки я уже видел, но сейчас перед нами — полноценный подземный перекресток. Коня у меня нет, царевны — тоже, так что ошибиться — нежелательно.

На неровной стене — какие-то загадочные знаки. Эх, мне бы сейчас какой-нибудь подземный GPS или хотя бы компас...

Я повертелся на месте, пытаюсь определить, в каком тоннеле воздух посвежее... Не получилось. Даже более тонкий нюх Вихорька ничего не обнаружил.

Как говаривал мой приятель-кузнец: «Хода нет, ходи с бубей». Выбираем левый.

Еще тысяча шагов. Все отнорки проверяем... И игнорируем, поскольку притока свежего воздуха не обнаружено.

Еще одно разветвление. Почти под прямым углом. На этот раз уверенно выбираю правый ход. Потому что оттуда вытекает тоненький ручеек, а вода, как известно, течет сверху вниз.

Еще тысяча триста шагов... «Включая» запасной факел, обнаруживаю копоть на потолке. Ручеек стал полноводнее. И обрел неприятный запах канализации. Хорошо это или плохо? Оказалось — хорошо. В стенах — ниши, в нишах — косточки. И надписи. Корявыми латинскими буквами. Кладбище. Большая наглая крыса проводила нас взглядом. Значит здесь не только античные покойники, есть и свежачок. Я знаю людей: они не станут таскать трупы за тридевять земель. Значит, где-то поблизости — выход. Теперь нюхать и следить за огнем.

Уровень воды поднялся до уровня щиколоток. Эдак мы прямо до Сены дойдем...

Не дошли. Снова ступени. Сверху струится вода. И дверь, которая, к счастью, оказалась не запертой.

Снаружи — ночь. И дождь.

В шаге от выхода, в большой луже, слабо ворочался какой-то парижанин в отрепьях. Надо полагать, пьяный. Где-то впереди мелькали факелы и громко скрипели сходы, а прямо по курсу гостеприимно светилась дверь трактира.

— Я знаю, где мы! — радостно воскликнул Вихорек.

Я тоже знал. Гревская пристань.

До дома Жофруа де Мота мы добрались где-то через час, по пути раза три уклонившись от королевской стражи и один раз больно обидев шайку грабителей, возомнивших себя охотниками за удачей. У двоих удача иссякла навсегда, остальные разбежались, а на моем «мундирчики» к заскорузлым пятнам крови прибавились свежие.

А вот и вождеденная дверь.

Не знаю, что сказали люди короля моему «дворецкому», но увидав меня, он искренне удивился. Но дверь-то открыл без вопросов. И, главное, — в доме не было засады.

Хотя с чего бы ей тут быть, если «фальшивый» владелец по официальным

данным находится в тюрьме?

Горячая вода — это просто песня! Особенно если корыто — большое, а ты в нем — не один. К сожалению песня эта — лебединая, потому что времени было — в обрез.

Забрали меня, считай, в одних подштанниках. Но конфискацией имущества пока не заморачивались. Или здесь это вообще не принято? Тем более, что оно — не мое, а де Мота...

Так или иначе, но броня, оружие и одежда были в полном порядке. И денежки в импровизированном тайничке — тоже. Отлично!

Щит в чехол, плащ на плечи — и славный герб де Мотов больше не бросается в глаза.

Теперь общий сбор домочадцев.

— Завтра утром вы должны покинуть Париж! — распорядился я через «переводчика», дабы не огорчать преданных слуг гибелью настоящего хозяина.

— Вот деньги на расходы (кошелек в лапку «дворецкого»), нанимайте, кого посчитаете нужным. Забрать моего второго коня, собак и ловчую птицу. Самое ценное из дома тоже забрать и вывезти.

— Зачем всё это, мой господин? — поинтересовался старик.

— Затем, что король с войском покидает Париж, — раскрыл я общеизвестную военную тайну.

— Но...

— Не «но», а город падет. Надеешься на милосердие норманов? — Я усмехнулся, но заметив, как побледнело личико Ивет, шепнул на ухо Вихорьку: — Если завтра утром уедете, успеете.

— Куда прикажете ехать, господин? — спросил старик. — В ваш замок?

Вот как? У меня, оказывается, и замок есть? Хотя что тут удивительного? Жофруа был человеком знатным. Пожалуй, я действительно прогадаю, превратившись из беллаторе в обычного викинга. Хотя нет, не прогадаю. Ни у одного беллаторе нет такой невесты, как у меня!

Кстати, о подружках... Надо бы Филиси предупредить. Время есть. Сейчас примерно часа два пополуночи, а ворота откроют только часиков в шесть.

А то с ее кузена станется: бросить девочку за «измену» со мной на произвол норманов. Он, гад такой, мне жизнь был должен, а вместо этого жандармов привел.

К дому Филиси мы подъехали уже в полном параде: верхом и при оружии.

Отворили нам не сразу... И по роже привратника я сразу понял: сейчас заорет!

Чем я его так встревожил, выяснять не стал. Двинул в рыло, прислонил у дверей, велел Вихорьку подождать снаружи с лошадами и тенью, аки ниндзя, проскользнул в особнячок.

Сонное царство. Не спала одна лишь любимая легавая сучка Филиси. Но мы были знакомы, поэтому псина обнюхала меня лениво и убралась.

А вот и знакомая спальенка. Две горничные. Спят.

Я тихонько просочился мимо — в заветное помещение. Хорошо здесь. Тепло, уютно, благовониями пахнет, лампадка под иконами теплится... Опаньки! А кто это тут в постельке — рядом с моей подружкой? Неужели — я?

Увы! Совсем другой мужчина. Ах, Филиси! Ах, господин виконт! Это же фор-

менный инцест!

Какое-то время я боролся с искушением — устроить сладкой парочке горькое пробуждение. Но — пожалел. Не де ла Бриса, разумеется. Филиси.

Так что пусть спят дальше. Так же бесшумно я вернулся к дверям и покинул дом, где провел не худшие часы своей жизни.

Лучше бы мы с Вихорьком выбрались из Парижа до рассвета. Что нам стоило стырить какое-нибудь плавсредство и уйти по ночной Сене? Иронический припев из детского мультика о Бременских музыкантах «Ох рано, встает охрана!» оказался пророческим. Охрана действительно вставало ранехонько. Ничем другим я не могу объяснить тот прискорбный факт, что о моем побеге стало известно.

У ворот меня ждал сюрприз: блокпост.

Семеро бойцов с молодым, но грозным командиром. Из них — четверо стрелков. Среди последних — арбалетчик. Арбалет — штука довольно редкая, недешевая и существенно уступающая хорошему луку в скорострельности. Но весьма неприятная когда надо выстрелить только один раз, причем — с небольшой дистанции. Как раз — мой случай. А я уже не сомневался, что искали именно меня. Потому что вышеописанные бойцы полностью игнорировали чернь, акцентируя внимание на тех, кто был или в принципе мог быть воином.

И никакого досмотра. Исключительно — фейс-контроль. Один взгляд молодого офицера — и отмашка: вали с Богом!

Физиономия командира караула показалась мне знакомой... Где-то я его видел... Хотя какое это имеет значение? Главное, чтобы он не опознал меня. Минутное искушение — развернуть коня обратно...

Нет, это не мой метод. Бегать от горстки франков? Хватит! Набегался!

Я надвинул на лоб шлем, спрятал нижнюю часть лица в шарфе, обмотанном вокруг шеи и решительно направил коня прямо в толпу, которая тут же раздалась, пропуская благородного шевалье...

Повелительный знак: стоять!

Я сделал морду кирпичом, но — сконцентрировался. Ворота открыты. Прорваться — можно. Вихорька — вперед, я следом. Жаль, нельзя щит на спину повесить! Жаль, что на мне — франкская броня, а не моя собственная. Арбалетный болт она бы не удержала, а вот обычную стрелу — почти наверняка. Стрелки из франков — посредственные.

— Господин! — это офицерик. Безусое лицо, внимательный прищур. Явно из благородных. Грамотно стоит. Сходу не достать. И стражник с копьем — рядом. Кольнет лошадь — и приплыли.

Вихорек, углядев сигнал, тут же обогнал меня и двинул на выход. Его никто не остановил.

Я прикинул шансы... Шансы были неважные. Даже офицера мне не достать...

Наши глаза встретились... И я сразу понял: узнал. Но сделать ничего не успел, потому что благородный франк, решительным жестом убрал с моего пути копье подчиненного и шагнул вперед, оказавшись в зоне досягаемости моего пока еще отдохавшего в ножнах клинка.

— Счастливого пути, шевалье! — произнес он громко. И добавил, уже намного тише: — Спасибо.

И тут я его узнал: тот самый молодой парень, что сидел рядом с шевалье Жилем в трапезной монастыря на «пиру победителей». Тот самый, кто был готов наброситься на Торгильса-хёвдинга, чтобы защитить свою невесту. Вернее, пасть в неравном бою.

Примерно через два часа, обогнув город по большой дуге, мы вышли к лагерю норманов.

Мой шпионский роман закончился.

**Глава двадцать шестая,
в которой герою приходится столкнуться с таким неприятным
явлением как кровная месть**

— Три дня? — пробасил Рагнар. — Ты уверен?

— Ну, может быть, четыре...

Я снова стал хускарлом Ульфом Черноголовым. Привычная одежда, привычное оружие и доспехи. Возможность нормально разговаривать.

— Жители уже бегут. И плывут. Но королевскому войску нужно подготовиться. Скорее всего, они пойдут к монастырю Сен-Дени. Можно перехватить по дороге...

Конунг поглядел на сына. Ивар покачал головой. Рожа мрачная. Конунг вздохнул. Да что у них тут стряслось, пока меня не было?

Стряслась. Гнев богов. Реакция на бездействие и лень в ратном труде.

Так считали сами норманы. Но у меня было другое объяснение. Антисанитария. И как результат — эпидемия. Очень похоже на дизентерию. Жар, понос... Кровавый. Человек сто уже умерло. Заболевших — больше тысячи... А сколько еще на подходе?

Да, при таких условиях не особо повоюешь. Правда, «генералитет» инфекция пока не затронула. Предположение Ивара: потомков Одина гнев богов не касается. А мое личное мнение — потому что руководство кушает на серебре-золоте и термообработанную пищу, а пьет главным образом винище. Опять-таки из драгоценных кубков. В отличие от простых парней, которые не брезгуют и речной водичкой. Кстати и пленников зараза не пощадила. Эти-то, интересно, в чем провинились?

Но что значит логика в сравнении с религиозными убеждениями!

Одно хорошо: командование норманов прекрасно понимало опасность. Опыт, наверняка, уже имелся. Так что больных отделили от здоровых (чтоб не заражали проклятием), а здоровым предписали участвовать в искупительных ритуалах: в частности — окуривании благовониями. Тоже, кстати, дезинфекция какая-никакая...

Подхватить кровавый понос в отсутствие антибиотиков мне как-то не улыбалось. Вывод: надо валить!

— Если я больше не нужен Рагнару-конунгу, то может мне будет позволено вернуться в свой хирд? — дипломатично поинтересовался я.

— Не хочешь стать моим человеком? — пророкотал Лотброк. Впрочем, довольно добродушно.

— Хрёрек-ярл — твой человек, — еще более дипломатично ответил я. — А я — его.

— Ладно, — милостиво кивнул конунг. — Возвращайся к моему брату Хрёреку. Но — завтра. Сегодня у нас будет пир. В твою честь. Ибо ты, Ульф, сын Вогена, славно послужил мне и моему воинству.

Такие слова обычно предшествовали подарку.

Так и было. Рагнар поглядел на свои золотые браслетки... Но, видимо, счел их слишком мелкими для моего геройства. И стащил с шеи золотую цепку с медальоном, изображавшим то ли слившихся в любовном объятии драконов, то ли передравшихся собак.

— Возьми, Ульф! Возьми и носи! Пусть все видят, что Рагнар-конунг так же щедр с друзьями, как и беспощаден к врагам!

Я поклонился так низко, насколько позволяло достоинство и доспехи.

А цепочка-то неслабая. Килограмм, не меньше.

— Из реки — не пить! Вообще воды сырой не пить! Никакой! Только кипяченую. И только — из серебряной посуды. Руки перед едой мыть. Тоже кипяченой водой. Гадить — отдельно от других. Руками без необходимости никого и ничего не трогать! Только — в перчатках. Потом перчатки пронести сквозь пламя.

— Зачем всё это нужно? — наконец не выдержал Тьёрви.

При всём уважении ко мне и моему геройству, он, все-таки, хёвдинг. И старший в нашей маленькой компании.

— Может и не нужно, — согласился я. — Если ты хочешь срать кровью, забудь о том, что я сказал.

Тьёрви подумал немного... И кивнул. Надо полагать, вспомнил о моей «колдовской» репутации.

— Будет так, как ты сказал.

— Вот и славно. И, если никто не против, — персональный взгляд на Тьёрви, — то завтра мы отбываем. Я бы и сегодня уехал, но Рагнар устраивает пир в мою честь.

— Тебя что-то беспокоит, — констатировал Свардхёвди после окончания моей «гигиенической» речи.

— Да, — сказал я. — И очень сильно. Так что позаботься, пожалуйста о том, чтобы до нашего отъезда все, включая Стюрмира, делали то, что я велел.

— Я прослежу, — пообещал Медвежонок.

Хочется верить, ведь ни меня, ни Тьёрви вечером с ними не будет. Мы будем пировать у Рагнара. А теперь хорошо бы часика три поспать. Где-нибудь подальше от шумного и вонючего норманского общества.

Это оказалось проще решить, чем сделать. Пришлось отмахать километра три, пока я наконец не отыскал укромное местечко на берегу милого озерца. С противоположной стороны озерца стояли какие-то домики, но здесь, видно, когда-то прошел смерч, превратив лес в бурелом, уже успевший прорасти и укрепиться молоденькой порослью. Найти меня в этом древесном хаосе было трудновато. А бесшумно подобраться — и вовсе невозможно. Так что я выбрал местечко вдали от муравьиных троп, расстелил на травке плащ, распоясался, стащил сапоги, лег и тут же вырубился.

Спал без помех, а когда проснулся, солнце уже обозначило часика четыре пополудни. То есть придавил минут триста. Супер!

Теперь — освежиться. Осмотр озера показал: трупов поблизости не наблюдается и пахнет вода вполне нормально.

Так что я рискнул искупаться. Тоже без проблем.

Вытершись плащом, я оделся, вооружился, вылез из бурелома и в отличном настроении двинул в обратный путь. Ни на миг, впрочем, не забывая, что я — на чужой территории и всякий уважающий себя француз с удовольствием пустит стрелу в одинокого викинга.

Опасался-то я аборигенов, но действительность показала — зря. Главные киллеры на французской земле этим летом — отнюдь не французы. А я, завершив миссию, совершенно не ко времени расслабился...

* * *

— Стоять!

Их было четверо. Каждый — с полтора меня. Верно, от неожиданности мои память и разум обострилась настолько, что я сразу понял, кто это такие. Это бородатое личико снилось мне не раз. А четверо молодцов на него похожи, как братья-близнецы.

Квадратные рожи, широченные плечи — на уровне моего носа. Наверное, они и были его братьями. Или вроде того.

— Стоять, колдун!

Я остановился. Клинок смотрел мне в лицо. Блестящая полоса металла, мост, по которому герои уходят в Валхаллу. Грань, отделяющая живое от мертвого. С одной стороны — свет, с другой — тьма. Сейчас я видел ту сторону, которая — свет. В ней отражалось небо.

— Меня зовут Ульф Вогенсон. Я из хирда Хрёрека-ярла, Инглинга. Которого называют Красным Соколом. Кто ты, человек, угрожающий мне железом, но недостаточно храбрый, чтобы бросить мне вызов?

Державший меч расхохотался. Очень искренний смех. Я бы сказал — жизнеутверждающий, но уж слишком очевидна была угроза моей собственной жизни.

— Наш брат бросил тебе вызов! — прорычал другой близнец. — Теперь он мертв! Никаких вызовов, колдун! Мы просто отправим тебя следом за ним!

— Ты не выглядишь слишком быстрым, так что тебе придется постараться, чтобы его догнать! — пробасил третий, расположившийся за моей спиной.

— Да, это будет нелегко, — спокойно произнес я.

Грань, отделяющая живое от мертвого — в дециметре от моего лица. По положению его руки я вижу: чтобы преодолеть эту ничтожную дистанцию клинку потребуется четверть секунды. А мой Вдоводел — в ножнах.

— Мы справимся!

Это четвертый. Сзади и слева. В полутора метрах от меня. Идеальная дистанция для быстрого и мощного выпада.

— Думаю, вы попробуете, — тем же ровным, уверенным голосом (единственным моим оружием в данный момент) произнес я. — Если Одину угодно призвать меня к себе именно сегодня, вы преуспеете. — Тут я сделал паузу, но ни один из четверки не подал голос. Они внимательно слушали.

Не слишком умно с их стороны. Если они действительно считают меня кол-

дуном.

Колдуна лучше убить сразу. Пока он не наколдовал какую-нибудь гадость. Вроде посмертного проклятия.

Неужели они меня боятся? Трудно поверить! Четыре здоровенных матерых викинга. В полном боевом. С оружием наголо. И боятся одного-единственного мелкого (макушка на уровне квадратных челюстей, заросших желтой ботвой) парня, который даже не успел вытащить меч, потому что его застали врасплох? Нет, пожалуй, насчет «боятся» я загнул. Не боятся — опасаются.

— Я уйду. Но и вы вскоре уйдете следом. И вам повезет, если вам отомстят люди моего ярла. Хуже, если это будут люди Рагнара-конунга, — мне очень кстати вспомнилась речь Тьёрви, обращенная к людям Хрондю Красавчика. — Вот тогда вы очень сильно позавидуете своему брату Сторкаду, который умер быстро и с оружием в руке. Думаю, у вас будет возможность порадовать богов своим мужеством, когда Рагнар возьмет с вас полную цену за мою смерть. Или это будет Ивар? Даже не знаю, кто из них более искусен в умении убивать медленно. Но ты, — я добродушно улыбнулся тому, что нацелил меч мне в переносицу, — ты, возможно, узнаешь.

— Не пугай нас, колдун!

Хороший голос. Низкий, угрожающий. Рычащий.

Не знаю, что подвигло мне. Просто захотелось. И я тоже зарычал. Низко, грозно. Так рычит волк, предупреждая: это моя добыча.

Хорошо получилось. Естественно.

Желтобородый брат женоубийцы Сторкада дрогнул. Не рукой. Только веком. Моргнул.

И подарил мне те самые полсекунды.

Подшаг вперед, с уходом под руку (и клинок уже глядит не в меня, а мимо), толчок — и назвавший меня колдуном врезается в своего родича, лишая его возможности атаковать...

Вместо него ударил стоявший сзади и слева. Боковым зрением я поймал выпад и «укрылся» за могучим туловищем первого противника, одновременно выхватывая из ножен Вдоводел.

Глупость, скажете? Тропа передо мной была свободна. Я мог бы дать деру... И скорее всего умер бы, потому что викинги бегают быстрее меня.

Но я не думал бегстве. Потому что за минувшую секунду я понял еще одну немаловажную вещь. Все викинги — крутые парни. Но — разного уровня крутости. И возьми меня в оборот четверка бойцов уровня покойного Сторкада — во мне уже понаделали бы несовместимых с жизнедеятельностью дырок. Но четверо родичей не относились к норманской воинской элите. Они запросто порубили бы десяток франкских пехотинцев... И у них был почти стопроцентный шанс прикончить меня... Но они его упустили.

Теперь — повеселимся! Мой Белый Волк стоял напротив меня, на опушке. И улыбался во все зубы.

Уже знакомое безмятежное спокойствие обьяло меня. Убьют меня или нет — это не так уж важно. Четверо, шестеро... Хоть двадцать противников. Ну убьют меня... Какая разница! По-любому всё будет хорошо!

«Ты не один, — улыбался мне белый красавец. — Ты — малая часть Великого Мира. Он был, есть и будет, независимо от исхода вашей маленькой драчки. Следовательно, и ты тоже — будешь».

Я засмеялся, легко и радостно. Подбил вверх сильной частью клинка летящий мне в шею меч и нанес мощный, но элегантный укол. Примерно так, только более грубо мой ученик Скиди когда-то парировал эффектный удар Гуннара Гагары.

Попал я не в шею, как намеревался, а в нижнюю челюсть. Челюсти у скандинавов крепкие. Опять-таки — волосяной покров имеется. Однако заплетенная в тугую косицу борода — слабая защита против закаленной стали. Жало Вдоводела вошло в кость так легко, что я почти не ощутил сопротивления. Я отдернул меч, собираясь уколоть еще раз, но мой противник и без того начал заваливаться назад, а сорвавшиеся с моего клинка капли крови упали прямо к лапам моего Волка. И Белый, не сводя с меня глаз, наклонил башку и лизнул смоченную влагой жизни траву.

Ну да, я смотрел на Волка, а не на свирепых датчан, набросившихся на меня разом. А зачем мне на них смотреть, если я и так провижу все их проделки? Вот этот намеревается сбить меня щитом, а тот — принять на свой щит мой удар (если таковой будет) и атаковать снизу, из-под щита. Если я уйду прыжком, то первый скорее всего меня достанет. А если отпрыгну, то окажусь левым боком к третьему братцу, который достанет меня уже наверняка. Какая славная и беспроегрышная комбинация... И я ломаю ее одним движением, просто ухватив свободной левой рукой за край толкающего меня щита и выворачивая его в направлении движения.

Весу во мне — три четверти от нормального нормана, но вес не имеет значения, когда выбран *правильный* вектор усилия. А у меня сейчас все движения — *правильные*. Потому что я сейчас — как наш драккар, скользящий над волнами и управляемый безошибочным кормилом Ольбарда Синеуса. Я не разбиваю морские волны, а «прогибаюсь» вместе с ними, скольжу на тончайшей прослойке воздуха, отделяющего дерево от воды.

Мой противник... Нет, скорее партнер. Партнер в великолепном и смертельном танце, партнер и ведомый. Я тяну за щит, а он удерживает рукоять и движется следом, по моей воле, втягивая в мой танец остальных: того, кто должен был «принять» меня, и третьего, которому было назначено вогнать клинок мне в бок или в спину. Третий бросается ко мне. Он очень торопится, но всё равно его братец, тот, что тянется за своим щитом, оказывается между нами раньше. И в этот момент я отпускаю щит и инерция бросает его хозяина на брата. Прямо на меч. Нет, он конечно успеваешь убрать клинок. И даже отклониться в нужную сторону, чтобы братец в него не врезался. Но... Перекрывает линию атаки другому брату. И его правая рука (он отвел ее, чтобы не поранить родича) очень удачно оказывается как раз на умбоне его собственного щита. Мне остается лишь ударить. Не слишком сильно. В этом нет необходимости. Умбон щита выступает плахой, на которой в момент удара лежит правая кисть датчанина.

Лежала. Теперь она летит на землю вместе с мечом, а ее недавний обладатель рефлекторно делает выпад в мою сторону (так часто бывает — боли-то нет, шок), но вместо смертоносного железа в меня летят куда менее опасные кровавые брызги.

А я уже проскальзываю — протекаю мимо — к третьему братцу. Мне легко и радостно от того, как... мне легко и радостно. Я на самом стержне жизненного потока. Что может быть лучше? Но мой очередной партнер этого не пони-

мает. Мой смех, похоже, вызывает у него страх. И, как положено воину, испуганный, он нападает. Немедленно.

Но недостаточно быстро. Мы уже слишком близко для такого замаха. Я перехватываю свободной левой его правую руку — за край доспешной рубахи — колю Вдоводелом в бедро, доворачиваю клинок, расширяя рану, толкаю сторкадова брата плечом, он падает на тропу, боком, на свой щит...

И я лечу следом, сбитый с ног мощным ударом щита.

Ошибка. И я знаю, почему так произошло. Понимаю даже раньше, чем приземляюсь на упавшего датчанина. Потому что — кайф. Я слишком увлекся им. А — нельзя. То есть можно испытывать и радость и восторг от моего состояния. Но восторг, а не ВОСТОРГ!

Этот грубый толчок и боль, которую испытывает моя спина, мгновенно (я успеваю поймать укоризненный взгляд Волка) приводят меня в чувство. И падаю я уже правильно. Не на крестовину меча, которой раненый в ногу датчанин «заботливо» целит мне в глаз, а защищенным кольчужой плечом — на его клинок. Датчанин кричит. Другая часть перекладины вонзается ему в щеку. А я уже перекачиваюсь на спину и встречаю Вдоводелом набегающего третьего. Набегающего, чтобы добить, но натыкающегося ногой на жало Вдоводела. Я мог бы ударить его под кольчужную юбку, в пах. Но — пожалел. Клинок «всего лишь» вспорол икру. И увяз.

Но ненадолго. Подрубленный начал падать на меня — и я «встретил» его упором ноги в живот. Так что третий братец Сторкада полетел дальше, а мой меч высвободился.

Кажется, всё. Я встал. В голове медленно таял хрустальный звон.

Волк ушел.

Остались четверо порубленных-порезанных родичей Сторкада и я. Не скажу, что без единой царапины — синячина на спине будет, это факт, — но главное цело и настроение бодрое. Да и с чего притомиться? Судя по количеству нанесенных и отбитых ударов прошло меньше минуты.

Я оглядел поле битвы. Забавно получилось. Все четверо мстителей за коварно загубленного родича живы. Первый братан валяется без сознания — челюсть я ему знатно покорёжил.

Второй сидит на земле, поспешно накладывая жгут на укороченную руку. Нет, парень, ты не берсерк. Кровь так и хлещет.

Третий лежит на боку, зажимая ладошкой развороченную щеку и опрометчиво игнорируя кровотечение из бедра.

Четвертый — в отрубке. Надо полагать, приложился башкой, когда приземлялся. У него рана и вовсе пустяковая. Дырка в мышце. Зарастет, если перевязать вовремя. В отрубке — или придурируется? Нет, не придурируется. Нос конкретно на сторону. Вот они, проблемы открытого шлема.

Я вернулся к первому. Пнул его по колену, приводя в чувство.

Потом махнул Вдоводелом перед его носом, сбрасывая с лезвия кровь. Норман прижмурился: капли на личико попали, — и вцепился в рукоять заткнутого за пояс топорика. Не потому, что намеревался драться. Решил: убивать его сейчас буду.

— Вот мое главное колдовство! — Я поднес жало меча поближе. Норман не выдержал, скосил глаза на полированный металл с элитным «булатным» рисунком, промычал что-то...

— Молчи, — сказал я. — Ты уже на полгода вперед наговорился. Я оставлю тебя в живых. И твои братья тоже будут живы. — И вспомнив, что такие парни считают милосердие слабостью, добавил: — По марке за каждую жизнь не кажется мне слишком большой платой. Согласен?

Безрукий кивнул.

— Боги слышали наш договор, — произнес я торжественно, обтер Вдоводел о его плащ и убрал в ножны. — И теперь встань и позаботься о том, чтобы я получил четыре марки, а не две.

Повернулся к нему спиной и двинулся прочь. Рискнет метнуть в меня топор или не рискнет?

Не рискнул. Это правильно.

Забегая вперед скажу: выкуп я получил на следующий день и полностью. Разбогател еще на килограмм серебра. И прибавил еще пару пунктов рейтинга. Хорошо, что парни остались в живых. Увечье прибавляет славы тому, кто его нанес, а не тому, кто получил. Так что теперь братья будут носить на своих телах мою «рекламу». И желающих проверить меня на прочность станет немного меньше. Было бы не худо сочинить какую-нибудь песнь на тему нашей битвы. Сам-то я в искусстве Браги не силен, но можно нанять профессионала...

Кстати, об искусстве застольных речей. Именно оно понадобилось от меня в первую очередь. Присутствующие на пиру в один голос потребовали рассказать о моих приключениях подле Карла Лысого.

Я не стал упрямиться. И постарался вырастить клюкву поразвесистее. В итоге разошелся настолько, что число порубленных мною в темнице франков достигло нескольких десятков, и все они были сплошь благородные шевалье, которым Карл поручил охранять такого великого героя, как я. Также оказалось, что король решил покинуть столицу не в силу, мягко говоря, осторожности, а потому, что я по ночам устраивал террор его людям на улицах столицы, а днем всячески запугивал страшными норманами.

Надеюсь, все присутствующие, привыкшие к неумеренному хвастовству друг друга, разделят сказанное на десять.

Наш с Вихорьком отход по парижским катакомбам превратился в захватывающий триллер, полный гигантских крыс, зомби и скелетов с ржавыми мечами. К этому времени я уже порядком накушался доброго французского вина, как что яркие подробности триллеров-блокбастеров и компьютерных игрушек потоком лились в широко раскрытые норманские уши.

Успех был полный. Меня трижды вызывали на бис (отклонения от сюжета и новые подробности никого не смущали), по ходу сочиняли позитивные стихи (в мою честь) и провозглашали здравицы и клятвы, за которые потом, само собой, придется отвечать, но это — потом. А сейчас каждый из вождей старался перещеголять остальных в запредельности пожеланий.

Но перебил все ставки, естественно, Рагнар.

— Рим! — ревел он так, что вздувались стены командирского шатра. — Рим! Я его возьму! Мы его возьмем!..

Впрочем, это была не клятва, а лишь пылко выраженное намерение. То есть, если Рим не будет взят, никаких претензий со стороны богов к Рагнару

предъявлено не будет. Мало ли что скажешь спяну под хорошее настроение.

Празднество омрачило только одно: прямо среди пира двоих вождей пронесло. В неаппетитном смысле этого слова. Увы! Инфекция добралась и до норманского руководства.

Знай об этом Карл, то через три дня, когда более половины викингов вышло из строя, он двинул бы не в сторону Сен-Дени, а прямо на обосравшегося супостата.

Но он не знал. И смылся.

Его примеру последовали многие. В том числе и граф Парижский. И вся городская стража.

На четвертый день викинги (те, кто мог самостоятельно передвигаться) беспрепятственно вошли в Париж. Однако сказать, что грабеж столицы Франции обошелся совсем без потерь, нельзя. Немало храбрых воинов погибло, когда в процессе грабежа Сент-Жерменского аббатства, на грабителей обрушилась крыша монастыря.

Событие, приписанное впоследствии заступничеству Святого Георгия.

Но я в этого уже не видел. Наша маленькая компания двинулась в обратный путь сразу же после того, как мой организм пришел в себя после попойки.

И — да здравствует я! — никто из нас не заболел.

Глава двадцать седьмая,

в которой герой упражняется в богословии и становится еще богаче

Прошло две недели. Значительную часть этого времени я провел в нашей «резиденции» на острове близ Нанта. Бездельничал. Тренировал Вихорька. За неимением под рукой Скиди, который отправился решать финансовые дела своей невесты. Общался с девочками из obsługi и совершенствовал французский в богословских беседах с отцом Бернаром, человеком весьма и весьма неглупым, но пребывавшим в твердой уверенности, что спасение человеческой души происходит исключительно через принятие христианских ценностей. Посему его миссионерская деятельность (в отличие от медицинской) никакого отклика в заскорузлых сердцах викингов не находила. Впрочем, и обижать его никто не пытался. Во-первых, отец Бернар считался моим рабом, а во-вторых, оказался сведущ во врачевании, что защищало его от гнева скорых на руку норманов даже лучше, чем мой авторитет.

А говорил он, между прочим, далеко не глупые вещи. На мой взгляд.

— Посмотри на свои сапоги, господин Ульф, — сказал мне монах во время одной из таких бесед. — Что ты видишь?

— Хорошие сапоги, — пожал плечами я. — Красивые. Удобные.

Что ему не нравится? Руны защитные? Нет, вряд ли. Откуда франкскому монаху знать смысл рун? Я и сам его толком не знаю.

— Так и есть. Но зачем на них столько серебра? И этот шелк? Разве нельзя обойтись без этого?

Что я мог ему ответить? Сказать, что обувь моя — статусная? Что лично меня вполне устроили бы сапожки без всяких изысков, но мои друзья-товарищи такой простоты не поймут?

— Обойтись можно. Но — зачем? Мастеру, который делал эти сапоги, было

приятно показать свое искусство. Мне приятно их носить, а людям приятно на них смотреть. Что в этом плохого?

— А ведомо ли тебе, господин Ульф, сколь многим людям пришлось трудиться для того, чтоб ты надел эти сапоги? Знаешь ли ты, насколько издалека привозят шелковую ткань, которой обшита твоя обувь? Чтоб добыть ее, купец построил корабль, нанял моряков, переплыл море. Все эти люди подвергались лишениям и бесчисленным опасностям, они оставили свои семьи, рисковали жизнями, а иные и погибли. И это лишь для того, чтобы ты украсил свои сапоги, которые ныне так заляпаны грязью, что вряд ли кто-то разглядит, как они красивы.

От такого наезда на мою ни в чем неповинную обувь я несколько растерялся и отец Бернар решил, что железо нагрето достаточно.

— Все вы, язычники, таковы... — начал он новый обличительный пассаж, но тут я его перебил.

— Эй, погоди, монах! Разве только язычники украшают одежду?

Что за несправедливость, в самом деле? Я бы понял, если бы отец Бернар упрекнул норманов в жестокости, но в стремлении к роскоши!.. Чья бы королева мычала!

— А как же шелк и серебро на одеждах ваших священнослужителей? — задал я риторический вопрос. — Там хватит серебра и шелка на тысячи таких сапог! И, можешь не сомневаться, кое-что на сапоги и пойдет. На наши сапоги!

Терпеть не могу двойных стандартов!

— Это же совсем другое, — возразил монах, но я не ощутил в его голосе уверенности. — Украшения сии служат величию Господа.

— А изысканная пицца, которую кушает настоятель, тоже способствует величию Бога? — осведомился я. — А эта лепешка, которая у тебя в руке? Как сказывается на Величии Господа отсутствие на лепешке гусиного паштета?

— Ты видел на мне украшения? — задал встречный вопрос отец Бернар. — Стало быть, и лепешка без паштета в моей руке — уместна. И кто я таков, чтобы судить о том, что должно, а что нет, если... — Тут он замялся.

— ...Если в Ватикане любят и шелк и золотишко! — подхватил я.

Отец Бернар одарил меня пристальным взглядом.

— Ты неплохо осведомлен... для нормана.

— А ты неплохо едешь верхом — для монаха, — парировал я. — Признайся: было время, когда твоя рука чаще сжимала меч, чем четки?

— Почему ты так думаешь?

Угадал. Что ж, я всегда подозревал, что мой личный миссионер — из бывших шевалье.

Хотя насколько я понял из разговоров моих парижских собутыльников, обычно выходцы из благородного сословия становились не простыми монахами, а членами церковного руководства. И вели при этом жизнь весьма близкую к прежней, светской. И даже роскошнее, потому что бабла у церковников было не в пример больше.

— А думаю я так, потому что сам — воин, — отвечал я. — И могу узнать воина по тому, как он движется. И по тому, как он относится к смерти.

— Наша жизнь — в руках Божьих! — благочестиво произнес отец Бернар.

— Что-то я не заметил подобного смирения у большинства монахов. Ока-

завшись в руках язычников, они не пытаются их просветить, визжат, как свиньи, вымаливая жизнь. Хотя бы — рабами. Лишь бы не убили.

— Все мы — рабы Божьи. А человек слаб. Даже, если он посвятил себя Богу. Сам апостол Петр...

— Знаю, знаю! Три раза отрекся. А ты? Ты бы — отрекся?

— Ты читал Святое Писание?

— Кое-что. Но ты не ответил.

— Петр поступил так, как было предначертано, — уклонился от ответа монах. — Не должно ему было умереть в ту ночь. А должно — основать Церковь Христову.

— Вот и тому купцу, который привез шелк для моих сапог, не было суждено утонуть, — заметил я. — А мне эти сапоги — носить. Хотя ты прав: почистить их не мешало бы.

— Не хочешь ли принять Святое Крещение, господин Ульф? — в очередной раз предложил отец Бернар.

Я посмотрел в глаза монаху. Долго смотрел, потом спросил:

— Так что насчет меча? Я не ошибся?

— Да, — кивнул монах. — Я был воином. Но понял, что не железо, а благость и добрая воля ведут в чертоги светлые.

— Что ж, — сказал я. — Прости, что помешал тебе попасть в Рай. Но сдаётся мне: ты еще пригодишься Господу в этом мире.

— Так ты готов креститься?

Я не ответил. Встал и ушел к девочкам. А что я мог сказать? Что я уже был крещен? Или — буду? Ведь до моего крещения — еще тысяча с хвостиком лет. Действительно ли оно сейчас?

Моим размышлениям о Божественном был положен конец. Вернулось начальство: Бьёрн, Хальфдан, Хрёрек. С новостями. И с денежками.

Денежки были — королевские.

Карл заплатил-таки норманам отступное. Семь тысяч фунтов серебром. Весьма скромная сумма, но если вспомнить, что Рагнар разграбил Париж, а его войско на момент торговли на три четверти состояло из небоеспособных дристунов, то — очень даже неплохой кусочек.

Тысячу марок Лотброк отослал Бьёрну, а тот поделил между наиболее достойными. Мне тоже досталась аж целых полфунта королевского серебра.

С паршивой овцы, как говорится...

По-настоящему меня огорчило другое. Старина Рагнар собирался устроить продолжение банкета. Слово «Рим» застряло в его мечтах, как репей — в шерсти бродячей псины.

— И на кой нам этот Рим? — честно спросил я на совете хирда. — Добычи и так столько, что не то что в сундук под румом — в трюм кнорра не влезет!

Ответом мне было несколько удивленное молчание... Которое нарушил Свартхёвди, напомнив присутствующим:

— Братец Ульф по моей сестренке скучает.

Тут же повсюду расцвели довольные ухмылки.

Вот это народу было понятно. А то «слишком много добычи!» Что за абсурдное заявление!

Словом, понимания я обществе не нашел. Разве что — у отца Бернара, который права голоса на нашем тинге уж точно не имел.

Так что я всё понял, заткнулся и молча слушал, как уважаемые люди рассуждают по поводу несметных римских богатств. Их логическая цепочка выглядела так: простые христиане свозят всё лучшее, что у них есть в монастыри. А монастыри, в свою очередь, всё лучшее отправляют главному жрецу Белого Христа. То есть Папе Римскому. Вот там-то и лежат подлинные сокровища.

То, что лето кончается, никого не смущает. Здесь юг. А путь наш лежит еще южнее. Туда, где зимы теплее, чем датская весна.

Проорав часика четыре, воины Хрёрека-ярла единогласно постановили: в Рим с Рагнармом-конунгом плыть.

Вывод: в этом году домой я точно не вернусь.

Теперь предстояло решить менее глобальные вещи. Например, в каком составе плыть в Италию? А также как и где хранить уже добытые ценности, потому что везти их с собой — только место занимать всяким «дешевым» серебром, когда впереди — несметные римские сокровища.

Решили. В поход пойдут три драккара и один кнорр. Четвертый драккар, требующий ремонта, останется здесь. Здесь же останутся все раненые и больные плюс человек двадцать хирдманнов постарше. Их задача: укрепить лагерь, где будут храниться ценности и продукты, кои необходимо накопить ко времени нашего возвращения. Начальником оставшихся назначался Хёдин Морж.

Остальные продолжают поход.

Вот счастье-то привалило морским разбойникам! Круглый год — над бездной вод. Мечты сбываются.

Мне присоединиться к команде Хёдина даже не предложили. Ну да я бы и сам не остался. Одно дело — домой, а совсем другое — с дедушками полгода на острове сидеть. Уж лучше я с братвой в Италию сплаваю.

Надо отдать должное норманам, никто даже не предполагал, что будет — легко. Путешествие вокруг Европы — дело не совсем новое. Хаживали и не единожды. Но море есть море. Тем более — океан. Это сушей из Франции в Италию — практически рукой подать, а соленой дорогой — хрен знает сколько. Сначала — по Аквитанскому морю вдоль французских и леонских берегов. Потом — Атлантика, Испания, вернее, Кордовский Эмират — до Гибралтарского пролива, за которым всё та же Кордова, и дальше, по Средиземному морю — можно вдоль северного берега — мимо южной Франции, а можно — вдоль южного, африканского. Выбор богатый, но по сути: хрен редьки не слаще.

Ну да меня это не касается. Мое дело — весло вертеть.

Глава двадцать восьмая,

в которой герой, вопреки собственному желанию, отправляется на юг

В поход отправилось более сотни наших кораблей. Однако через Ньорва Зунд[118] прошло лишь восемьдесят семь. Во время плавания вдоль испанских берегов наша северная рать порядочно поиздержалась. Главным образом потому, что поначалу мы постоянно ввязывались в драки с местными. Ни одной настоящей битвы, но — непрерывные стычки. Проба сил. Арабская легкая конница была хороша. Отменные стрелки, отважные воины... В рукопашке против плотного строя викингов им ловить было нечего. Точно так же, как и

нам, тяжелой пехоте, за ними гоняться. Но не будь у Рагнара конкретной цели — Рима, мы бы наверняка задержались тут подольше. Места эти (будущая Испания и Португалия) были богатейшие, покруче Франции. Даже простые воины щеголяли в шелках. Но может и к лучшему, что Рагнар стремился в Италию. Со здешними населенными пунктами наверняка пришлось бы повозиться. Я в «прошлой жизни» бывал в Испании и видел вросшие в скалы города-крепости. Тут и строить почти ничего не требовалось — природа сама потрудилась.

Оказаться у подножия этих твердынь, под обстрелом арабских воинов мне совсем не улыбалось. К счастью ничего подобного от меня и не требовалось.

Мы выбирали местечко, где в море впадала река, высаживались, хватали по-быстрому, до чего можно было дотянуться — и сматывались. Держались кучей, потому что стоило какому-нибудь кораблю отбиться от стаи, как откуда ни возмись, появлялись арабские галеры и травили одиночку, как псы — кабана. При отсутствии ветра драккары галерам ничуть не уступали, даже превосходили в прыти, а вот в парусной регате проигрывали однозначно.

Отец Бернар сказал мне, что сарацины — такие же пираты, как и мы. Только верят в Аллаха и рожками посмуглее. Такие же морские волчары. Налетали, били... И тут же давали деру, увидев полосатые паруса идущих на помощь своим драккаров. Отступали, но не уходили. Просто держались поближе к берегу, где преследовать их было не только бесполезно, но и опасно.

В отличие от нас, арабы отлично знали здешние воды, а напороться на скалу или даже просто сесть на мель было чертовски рискованно.

Пока пара-тройка драккаров снимала с банки застрявший кораблик, отважные аборигены вертелись вокруг и осыпали стрелами спасателей и спасаемых.

В одной из таких мелких стычек меня ранили.

Виноваты были наши союзники-норегии из бывшего Торсонова хирда. Поддались на провокацию и погнались за испанским парусником. Результат — брюхом на мель. А нам, естественно, вытаскивать.

Пока возились, вокруг образовалось еще три корабля. Мелких, но — со стрелками на борту. Стрелы падали почти на излете (арабы держали дистанцию), но одна из них всё же долетела до меня и пришила ладонь к веслу. Поскольку я — везунчик, то стрела оказалась бронебойной, с узким наконечником-иглой и не повредила ничего серьезного. Просто сквозная дырка — как от большого гвоздя. Крупных сосудов не задело, рана чистая, так что прижигать не понадобилось. Отец Бернар промыл рану горячим вином (то еще удовольствие!), сыпнул какого-то целебного порошка и заштопал аккуратненько с двух сторон.

Зато меня освободили от гребли и приставили к Ольбарду: помогать.

Весьма полезный опыт: за две недели, пока заживала рана, я научился по цвету воды с приличной точностью определять глубину и по характеру волн угадывать на расстоянии наличие опасных для драккара камней.

* * *

Заночевали мы близ крохотного островка, даже не островка — отмели, милях в десяти от берега. В условной безопасности, поэтому Хрёрек устроил учения: совместные действия команд в составе единого хирда. Гонял народ часа два, пока окончательно не стемнело. Но недовольных не было. Здоровья у

всех (кроме раненых, которые не участвовали) было — девать некуда. Так что тренировки стали не работой, а развлечением. Я, освобожденный по ранению, мрачно помешивал рыбную похлебку в двухведерном котле, слушал вопли, грохот щитов — и завидовал.

Утро выдалось хмурое. Море, вернее, Атлантический океан не порадовал нас солнышком, зато огорчил скверной видимостью. Берег исчез в дымке. Вокруг не было ничего, кроме серых валов.

Тем не менее после завтрака мы отчалили и двинулись дальше — вслед за основной эскадрой, которую мы, естественно, не видели, хотя иногда слышали. Этот полезный навык — угадывать в плеске волн, посвисте ветра, и скрипе весел посторонние информативные звуки. В первую очередь — шум плывущих кораблей нашего хирда. А иногда и более дальних — союзных корабликов.

Ольбард терпеливо фиксировал мое внимание на этих звуках до тех пор, пока я сам не начал кое-что различать.

Кстати, я обратил внимание, что мои зрение, слух и обоняние за прошлой год существенно улучшились. Было ли это связано с выходом из технической (телевизор, компьютер, книги) цивилизации или стало результатом постоянного напряжения органов чувств, но я уже не чувствовал себя инвалидом среди глазастых и чуистых викингов. А может, дело было не в самих органах чувств, а в мозгу, который постепенно учился анализировать и вычленять нужное?

В общем, уже к нынешнему лету я перестал чувствовать себя недоморяком.

Еще через годик-другой, думал я, и выйдет из меня отличный мореман. Может даже и кормчий. Если выживу, само собой.

Но до Ольбарда мне, по любому, будет далеко.

Сейчас варяг демонстрировал искусство, близкое к волшебству. В условиях ничтожной видимости он так уверенно держал правило, что драккар бежал ровно, как пес по следу. Так, будто у нашего кормчего в голове был установлен GPS или, по крайней мере, обычный компас.

— Скажи, Ольбард, а как ты находишь дорогу? — поинтересовался я.

— А по Солнцу, — флегматично ответил варяг.

— То есть? — задрал голову, я не видел ничего, кроме низких свинцовых туч. — И где оно, солнце?

— Там. — Палец Ольбарда указал в небо.

— Ты что, его *видишь*?

— Нет, — качнул головой варяг. — Но я его чувствую. Вот здесь. Он похлопал себя по выдубленной соленым ветром щеке. — Я Ярилу всегда чувствую. А как же иначе?

Иначе? Да запросто. Я уставился в указанном направлении... Я не чувствовал ровно ничего... Или... Вдруг мне почудилось, будто меж облаков мелькнул проблеск... Верно, почудилось.

— Да это любой хороший кормчий может. — К нам подошел Ульфхам Треска, уселся на бочонок с вином. — А коли не может — тоже не беда. Для таких солнечный камень существует.

— Это янтарь, что ли? — спросил я. — И как им пользоваться?

— В задницу себе засунь! — развеселился Ульфхам. — Совсем ты, Ульф, глу-

пый! Даже солнечный камень что такое — не знаешь!

— Покажи ему, спокойно сказал Ольбард. — У тебя ведь есть.

Ульфхам полез куда-то в штаны, покопался, извлек мешочек и вытолкнул из него на ладонь почти плоский прозрачный камешек с легким синеватым отливом. — Вот он, солнечный камень[119]! Отец мой из Исландии привез!

Ульфхам задрал голову и принялся разглядывать небо сквозь «волшебный» кристалл. Через минуту уверенно заявил:

— Там солнце!

Я вопросительно поглядел на Ольбарда.

— Так и есть, — кивнул кормчий.

— Треска! Покажи, как ты это делаешь? — попросил я. Надо полагать, неправильно попросил, потому что Ульфхам надулся от важности и быстро спрятал камешек в «чехол».

— Это — великое волшебство Ньёрда! — важно заявил он. — Ты не поймешь!

— Да пусть ему, — по-словенски сказал мне Ольбард. — Ты старайся, Волчок, и Ярило откроется тебе без всяких камней.

Я старался. Пока рука не зажила, и меня снова не посадили на рум.

* * *

Дни шли за днями. И каждый приближал нас к берегам Италии. Но чертовски медленно приближал. И ежедневно наше северное воинство недосчитывалось минимум одного-двух бойцов. Кровавая дань испанскому воинству, морскому и сухопутному.

Как я уже отмечал, арабы-сарацины оказались отличными бойцами, не уступающими нам ни храбростью, ни умением. Правда, стратегия у них была другая, и доспехи, в отличие от нас, носили только «старшие офицеры».

В поле, при лобовом столкновении все козыри были у хирда, так что поначалу, когда толпа смуглых отморозков, славя Аллаха, налетала на скандинавскую «стенку», хирд перемалывал их практически без потерь.

Однако эта «удобная» практика закончилась очень быстро. Надо полагать, у арабов был очень неплохо поставлен информационный обмен. И со взаимопомощью — полный порядок. Стоило какому-нибудь из наших отрядов навалиться на местный поселок с палисадом, как тут же, откуда ни возьмись, появлялась арабская конница. И осада прекращалась.

Словом, несмотря на нашу изрядную боевую мощь, приходилось придерживаться волчьей тактики: укусил — отскочил.

Само собой, навалились мы всеми силами, результат был бы другим. Но Рагнар не считал нужным тратить время на взятие прибрежных поселений. И на болтавшиеся неподалеку сарацинские галеры он внимания не обращал.

Арабы тоже в безнадежную драку не лезли. Кусали по мелочи. Но — болезненно.

Наши, само собой, рвались в бой... Но дальше мелких стычек дело не шло.

За всё это время мы (я имею в виду тех, кто плыл под знаменем Хрёрека-ярла) лишь однажды взяли на мечи испанский городок. Вернее даже не городок, а рыбацкий поселок с населением в пару сотен человек. Да и то лишь потому, что дело было вечером, а шли мы — в авангарде.

Аборигены практически не сопротивлялись. Воинов среди них не было.

Собственно и защищать им было особо нечего. Эта нищета даже медной и бронзовой утвари почти не имела. Нашей добычей стало продовольствие и местные девки. Тоже неплохо, решили мои сопалубники. И презрев увещевания отца Бернара, который безуспешно пытался привить морским разбойникам христианские ценности, предались блуду и обжорству.

Только на одну ночь. Утром мы отплыли и присоединились к главной «эскадре».

Единственная река, по которой мы рискнули подняться (совсем невысоко) — Гвадалквивар. Заодно шторм переждали.

Глядя на алчные лица своих спутников, я был уверен: они не просто глазуют по сторонам, а «фотографируют» окрестности. На будущее. Если нам суждено будет вернуться назад (а я на это очень надеюсь), то пройдет еще пара лет — и сюда заявятся незваные гости из породы Любимцев Одина. Надеюсь, меня среди них не будет. Как-то мне здесь неуютно. Я уже словил одну стрелу... Другая может попасть не в руку, а в глаз. Стрелки здесь — меткие.

Сразу после выхода в Средиземное море мы попали в беду. Шторм накрыл нас в неудачной близости от африканских берегов. И это был — Шторм.

Я отлично помнил, каково нам пришлось прошлой осенью в Балтийском море... Так вот: тогда были еще цветочки...

Глава двадцать девятая, в которой пираты северных морей встречаются со своими южными коллегами

Ветер стих лишь к вечеру третьего дня. О да, теперь я понимал, почему старина Руад когда-то пренебрежительно отозвался о шторме, в который мы угодили по пути в Роскилле.

И я был невероятно счастлив, что не отправился на корм рыбам. Согласитесь, это было бы глупо: утонуть так и не вкусив прелестей брака с самой прекрасной из датчанок.

К сожалению, не всем так повезло. В битве с морем мы потеряли пятерых. Трех ладожан, молодого дренга из Хедебю и эста Мянда. Не менее дюжины было ранено: в том числе Стюрмир. Силача придавило сорванной с креплений мачтой, которую он всё-таки сумел удержать и этим, без сомнения, спас многих.

Трюм нашего драккара был на четверть заполнен водой, и два черпальщика с трудом удерживали этот уровень. Ольбард сказал: доски разошлись. Срочно требуется ремонт. На суше.

А суши в пределах видимости, увы, не было. Вообще ничего не было. Вокруг — одна вода. Такое впечатление, что из всех кораблей Рагнара уцелели только мы.

Главную эскадру мы потеряли в первый же день. Но три корабля нашего хирда изо всех сил старались держаться в видимости друг от друга. Кнорр исчез из виду вчера. Но наше руководство в отношении него было настроено оптимистически. Хрёрек и Ольбард считали, что кнорр не утонул. По словам Ольбарда, это отличный корабль, способный выдержать и не такое. Тем более, когда их видели в последний раз, с ними было всё в порядке.

А вот с драккаром, на котором шли нореги убитого мной Торсона, дела обстояли похуже. Парни не успели вовремя уложить мачту, и это сделал шторм.

Я слушал и в очередной раз восхищался наблюдательностью и хладнокровием наших лидеров. Лично я с самого начала шторма не видел ничего, кроме черных водяных гор, швырявших нас, как опавший лист, угодивший в велосипедные спицы.

Не понимаю, как мы остались на плаву. Может и впрямь боги заступились за наше крохотное суденышко...

Но теперь, похоже, всё самое скверное позади.

Я поглядел на Скиди, восседавшего на верхушке вновь поднятой мачты (она уцелела благодаря силе и самоотверженности Стюрмира) и тяжело вздохнул. Может там, наверху и впрямь видно что-нибудь, кроме соленой воды?

— Развеселись, брат! — Свартхёвди решил приободрить меня тычком кулака в натруженную поясницу. — Мы живы, а что подмочило нам, так золото от воды не портится! Благодарю богов, что мы такие везунчики! Если бы ветер не перемнился, наше золотишко досталось бы прибрежным крабам. А сейчас всё хорошо!

Я кисло улыбнулся.

— Хорошо будет, когда я окажусь на твердой земле.

— Это смотря куда нас выведет мой брат Ольбард. — Трувор опустился на соседнюю скамью. — Здесь тоже земли народа, поклоняющегося пророку ущербной луны и обитатели их, как ты мог заметить, довольно воинственны.

— Плевать! — философски отозвался я. — Лишь бы добраться до суши. Врагов можно убивать. В отличие от морской пучины.

— Вот это верно! — поддержал меня Медвежонок. — Врагов можно убить, богов — улестить, колдовство победить другим колдовством. Главное, чтобы твоя удача была сильна. А среди нас только удачливых людей! Вот я, например...

Тут сверху раздался крик Скиди. Я не разобрал, что он кричал, но Трувор моментально вскочил, а Свартхёвди добродушно проворчал:

— Накликали. Видишь, Ульф, как велика твоя удача: хотел быть поближе к земле — и вот она уже рядом.

— С чего ты взял? — поинтересовался я.

— А откуда по-твоему взялись эти жалкие лодчонки? — усмехнулся Медвежонок и вразвалочку двинулся к корме. Там, в общественном ящике, хранилось наше оружие.

Я не последовал за ним, потому что зычный голос ярла скомандовал:

— На весла!

А поскольку во время шторма грести мне, в силу природной хлипкости, не доверили, то сейчас несомненно настала моя очередь.

Впрочем, весло я держал недолго. Через десять минут меня сменил Медвежонок, а я направился вооружаться.

Как и ожидалось, моя боевая экипировка была в полном порядке. Слой жира-смазки на металле, как следует просмоленный мешок и герметичный «оружейный ящик» позаботились о том, чтобы ни одна капля влаги не коснулась драгоценного железа. Правда, я потерял щит: забрало море. Но будем считать

это жертвой Эгиру. Обойдусь.

Облачившись, я вернулся на скамью, повесил на борт щит (чужой, но лучше, чем никакого) и тоже взялся за весло. Взялся как следует, потому что там, впереди, шел бой. Какой-то кнорр отбивался от кораблей неизвестных мне аборигенов. Арабов, надо полагать, потому что здесь территориальные воды африканских сарацин — поклонников «пророка ущербной луны», как поэтично выразился Трувор. А если по простому — мусульман. Как называлось их здешнее государство, я не знал. Да и какое мне дело до названия! И так понятно, что они — враги. Потому что друзей у нас тут нет и быть не может. Да и в дальнейшем не появится. Для норманов все ненорманское население делится на две категории. Добычу, которую надо взять живьем, и прочих, кого следует убить.

Впрочем, аналогичным образом рассуждают здесь почти все «цивилизованные» народы, так что мировоззрение Детей Одина вполне укладывается в общую парадигму. Другое дело, что мы храбрее и сражаемся лучше, чем другие.

Мне довольно того, что это — враги. И еще меня грела мысль, минуту назад озвученная Медвежонок. Раз здесь эти парни, то можно не сомневаться, что земля — близко.

— Ульф, пусти меня на скамью!

Скиди. Парень спустился со своего вороньего гнезда, облачился и теперь горел желанием сбросить адреналин.

Я охотно уступил ему место рядом с Медвежонок и оправился на нос. Поглядеть на противника. Мы уже были достаточно близко, чтобы слышать вопли сражавшихся, а следовательно, не слишком далеко и для моего слабого зрения.

— Один нам благоволит! — воскликнул мой ярл, когда я встал рядом. — Это наш кнорр! И они еще бьются!

Два длинных корабля обсели его с двух сторон. Нападавшие перли на бордаж, на кнорре встречали их железом.

Что бьются, это уже я слышал. А вот опознать на таком расстоянии кнорр Хедина Моржа я бы точно не смог. Тем более, что судно порядочно потрепало штормом. Впрочем, сомневаться в словах Хрёрека не стоило.

Дружно вращались весла, шипела вода. Наш драккар птицей мчал над морем. Я прикинул: мусульман было раза в четыре больше, чем нас. Не менее трех сотен.

Мы не успели. Драка закончилась. Кнорр взяли. К моему удивлению примерно половина мусульман всё еще оставалась на гребных скамьях.

Но разве викингов остановит такая ерунда? Мы спешили. И дело было не только в имуществе, что хранились в трюме кнорра. Ничего особо ценного там не было — оставили во Франции.

Кнорр-то взят, но наверняка не все наши погибли...

Ага! На ближайшей к нам галере кто-то пронзительно завопил. Увидели, черти!

Без разницы. Все равно им не удрать. Да и не будут они удирать — с таким численным превосходством.

Я ошибся. Врагов было почти в полтора раза меньше, чем я прикидывал.

Когда мы приблизились достаточно, я понял, почему часть народу остались на скамьях. Они были прикованы. Рабы. Ну да, это же галеры, мог бы и сразу сообразить!

Нос драккара с хрустом врубился во вражеский борт, проломив его и всмятку раздавив одного из прикованных.

— Добрый знак! — взревел наш ярл и махнул на чужую палубу. За ним — Ульфхам Треска. Этот прыгнул трижды. Сначала на борт галеры, потом крышу «будки», украшавшей палубу галеры, а оттуда, толкнувшись, длинным прыжком — на борт кнорра. Ухватился, подтянулся, перемахнул и сразу зарубил кого-то из врагов.

Ярл чуть замешкался, потому что приканчивал двух полуголых, черных, как эфиопы, сарацин. Секунды три потерял. Я приземлился на перекосившуюся палубу галеры, с трудом удержал равновесие... И остановился.

— Эй! погоди, человек! Ради Господа, дай мне ключи!

Так, сказано на языке моей домашней рабыни Бетти. Англичанин? Явно не сарацин. Загар качественный, но волосенки-бороденка — светлые. Ничего так, здоровый мен. Ключи? А, вон они! На поясе зарубленного ярлом бычары. Малехо в крови перепачкались, но это — не принципиально.

— Лови! — Я бросил галернику жизненно-важный предмет. — Дальше — сам!

И полез на кнорр. Там я нужнее.

Это уж точно. На каждого нашего приходилось по три араба.

Едва успел перекинуть со спины щит, как... Хряп! Грамотно пущенный дятел летит тридцать метров, втыкается по пояс и висит два часа... Арабское копьё дятла безусловно превосходило. Я швырнул бесполезный (с такой дурой в основе!) щит в рожу копьёметельщику и, одновременно, сам прыгнул вперед, махнув Вдоводелом понизу. Две ноги минус одна нога...

А они тут не все — в рубашонках. На многих — отличный доспех. Я это сразу понял, когда мой Вдоводел бессильно скрежетнул по пластинкам. Я сразу затосковал по франкам с их нашитыми на кожу железками.

Ах ты гад! Еще один сарацин подобрался сзади и сунул мне кинжалом в спину. Тут уж у него вышел облом — моя бронь тоже не из картона. Не глядя, я ударил его локтем и парировал того, что нападал спереди.

Опасный черт! Сабля так и порхает! А если вот так? Невдомек тебе, черномордый, что перед тобой — мастер спорта как раз по сабле! А если вот так?

Сарацин завизжал, повалился на палубу, скрючился... Еще бы! Мечом в пах!

Ах ты, еще один неугомонный! Едва ногу не разрубил! Чуйка сработала, но с четвертьсекундным опозданием: чернявый паренек с длинным кинжалом попортил мне штанишки и поцарапал бедро. Спокойной ночи, мальчуган! Оголовье Вдоводела приласкало кудрявую макушку... Спасибо, Скиди! Мой ученик очень вовремя поймал щитом сарацинское копьё. Ухмыльнулся.

Расклад на палубе определился. Наши, как и следовало ожидать, сумели сгруппироваться в районе бака и заняли правильную оборону. Арабы наседали. Причем не только с палубы. Как раз в эту секунду парочка, взобравшаяся на мачту, призывая Аллаха (надо же, я и арабский знаю!) сиганула на головы нашим.

Тут сарацинам и кирдык пришел.

Эх, вечно я, тормоз, опаздываю к построению!

Я подхватил сабельку (как раз по левой руке!) и махнул Скиди: давай к своим пробиваться!

Паренек понял меня неправильно. Ловко вспрыгнул на борт, промчался по нему мимо толпящихся мусульман (его пытались достать, но не успели) и соскочил прямо в разошедшийся для него строй хирдманнов. Молодец! У меня так не получится.

Зато у меня получится другое. Вот эти парни явно лишние на этом свете!

Я вихрем налетел на троих арабов, обосновавшихся на куче барахла у кормы и прицельно метавших стрелы в наш строй. Меня они заметили в самый последний момент, встрепенулись... Но я уже перехватил Вдоводел в левую руку, а трофейный клинок — в правую и показал им свои навыки ближнего боя. Да, сабелька здесь — самое то. У этих сарацин шкурка прикрыта только одежкой. Плохая защита от стали! Э! А это что за тушка? Нет, тушка — это неуважительно. Не тушка — туша! Да это же рулевой нашего кнорра, Ове Толстый протягивает ко мне спутанные веревкой руки! Ове Толстый, человек, судя по внешнему виду произошедший не от обезьяны, как полагал Дарвин, а от бегемота. Это — на взгляд. А по факту — племянник Хёдина Моржа. И кто ж тебя сумел повязать, такого громадного, а?

Короткое движение сарацинской сабли — и Ове свободен. Это хорошо. Плохо другое: кое-кому очень хочется отправить меня на ту сторону Вечности. Целая толпа (человек десять) басурман, отделившись от общей кучи, бежала ко мне с самым недружелюбным видом. А впереди — чернобородый красавчик в шлеме с полумаской и сверкающих доспехах, которые мне очень не понравились. Потому что такая броня — верный признак очень квалифицированного, а потому особенно неприятного противника.

Поскольку удрать возможности не было, я мужественно принял бой.

Одоспешенный не обманул моих опасений. Мастер. Его сабля и кинжал — против сабли и Вдоводела. Я бы с ним охотно потягался один на один...

Да только кто мне позволит? Арабы совершенно бесчестно накинулись на меня всей толпой.

Я вывернулся, вспрыгнув кучу барахла.

Плохая идея. Банг! Какая-то сволочь тут же пустила в меня стрелу, и я поспешно соскочил обратно. Прямо в гущу арабов. Ударил Вдоводелом, крест-накрест. Чиркнул сабелькой... Напугал. Сарацины подались в стороны. На секунду, не более. Но их тут же стало еще на парочку меньше... А я оказался лицом к лицу с доспешным чернобородым и только теснота не позволила ему оставить меня без головы. Зацепил локтем кого-то из своих, смазал замах, а я успел выбросить вверх Вдоводел. Лязгнуло знатно. Плоскость о плоскость. Сразу видно мастера. Отличная сталь, однако, у его сабли! Зато как приятно работать с противником примерно моего веса и силы.

Тот же Стюрмир таким ударом запросто отсушил бы мне кисть. Эх, старина Стюрмир! Угораздило же тебя сломать руку! Как мне здесь одиноко...

И словно отвечая моему желанию, над палубой кнорра прокатился жуткий звериный рык. Нет, это был не Стюрмир. Свартхёвди!

Арабов от этого звука конкретно пробрало. На миг словно оцепенели. В том числе и мой доспешный противник. Чирк! — и на его предплечье, пониже края металлического рукава вздулся алым глубокий разрез. В кругу «друзей»

не щелкай клювом! А если уж щелкаешь, то быстро-быстро.

Кричал сарацин, конечно, похуже, чем берсерк, хотя тоже знатно. Но — недолго. Я тут же сунул жало Вдоводела прямо в кудрявую бороду, рванулся вперед, зарубив еще двоих...

И понял, что в битве наступил перелом. В нашу пользу.

И сломал ситуацию Медвежонок.

Видать, не встречали еще арабы северного берсерка. Если по уму, то гасить «оборотня» надо на дистанции. Три умелых стрелка, несколько грамотных копьеметателей. Или парочка элитных фехтовальщиков, в крайнем случае... А эти ненавистники свиной колбаски кинулись примерно как только что на меня, — всей неорганизованной толпой. Наилучший вариант для воина Одина в боевой конфигурации. Называется: пошла говядина в мясорубку.

Тут справа от меня появилось гребное весло и расчистило мой левый фланг. Ове-кормчий где-то добыл оружие по своей совковой ручище.

А куда это мы бежим? Команды «вольно» не было!

Я шмыгнул под рукой Ове к соседнему борту и принялся «тормозить» арабов, рвущихся с палубы кнорра обратно на свою галеру. Нет, господа! Вас на этот банкет никто не приглашал, но раз уж набезобразничали, придется оплатить счет.

Битва заканчивалась. Штук двадцать обезумевших от ярости воинов Аллаха всё еще пытались атаковать строй викингов, хотя это больше напоминало атаку галок на движущийся трактор. С ритмичным уханьем хирд разом выбрасывал острия клинков и копий, затем делал шаг вперед, снова выметывал из-за щитов стальные острия, и еще шаг...

Со стороны — очень эффектно. Намного интереснее, чем изнутри. А уж насколько веселее, чем оказаться по внешнюю сторону щитов...

Минут через пять всё закончилось. Мы победили.

Свартхёвди медленно осел на залитую кровищей палубу, а мгновением раньше последний воин Аллаха уронил на нее же саблю и задрал лапки кверху.

Сдались, впрочем, немногие. Если норман, погибший в битве, попадает прямиком в Валхаллу, то мусульманам тоже в этом смысле неплохо. Раз — и в рай. К безлимитному щербету и гуриям.

Засим принялись считать раны и убытки. Да уж, всё как в народной пословице: пили, ели, веселились; подсчитали — прослезились.

В этой драке мы потеряли одиннадцать человек. И четверо больше было ранено. Для не слишком эффективных в рукопашной арабов — прекрасный результат. Я в очередной раз убедился, что храбрость — такое же оружие, как хороший клинок.

Из команды Ове Толстого уцелело семнадцать бойцов. Да и то потому, что арабы рассматривали пленников как добычу. Семнадцать — это намного больше, чем никого, но всё равно очень грустно, потому что оставшихся явно не хватало на два корабля. Даже с поправкой на хорошую погоду и в надежде на то, что на нас никто больше не нападет.

И тут я вспомнил о рабах-гребцах. И напомнил о них ярлу.

Хрёрек сначала отнесся к идее скептически... Но она оказалась не такой уж плохой.

Только на той галере, что пострадала от бокового удара, обнаружилось целых тринадцать пригодных к делу: четверо англичан (одного из них я одарил ключами), трое греков-византийцев и пятеро разноплеменных вояк. Причем один из них оказался чистокровным арабом, осужденным на галеры за «антигосударственную деятельность» или типа того.

Еще десяток мы «подняли» на второй галере. Это было уже кое-что. Хрёрек побеседовал с каждым (англичане выступили в качестве переводчиков) и принял всех на «испытательный срок». В одном можно было не сомневаться: грести эти парни умеют.

Разбитую галеру (строительный материал для ремонта) кое-как, лишь бы держалась на плаву, подлатали и пристроили на буксир к целой, на скамьи которой усадили пленных арабов. К вящей радости бывших галерников, тут же завладевших плетками.

А вождеденный берег, как выяснилось, оказался всего в миле от нас.

Да, о трофеях. Их было немного. Но я ими был вполне удовлетворен. Мне достался роскошный арабский панцирь элитной работы и арабская же сабля, в отменном качестве которой я уже успел убедиться. На саблю никто особенно не претендовал, а вот за панцирь пришлось пободаться. То, что я завалил двух панцироносцев, не имело значения. Добыча всё равно делилась на всех.

Но я вновь вспомнил о своем праве на подарок, обещанный мне ярлом в награду за убитого Торсона. И в очередной раз сообщил об этом Хрёреку. Ярл подумал немного — и я получил свой доспех. Причем — опять на халяву. Ярл заявил, что это не доля, а мой приз за убитых стрелков. Половина наших потерь — от них, сказал Хрёрек. Если бы не я, было бы больше. Народ поворчал, но согласился. Отчасти еще и потому, что трофейные кольчуги были мягко говоря среднего размера, а не скандинавского XXL.

Однако моя пришла в пору, так что свою бронь, тоже недешевую, я от щедрот подарил Скиди. А он мне — взятую с моей подачи саблю. Так и разобрались.

Теперь о галерниках. Англичанин, которому я отдал ключи от цепей, звался Дикон из Йоркшира. Досталось парню по жизни неслабо. Вместе с двенадцатью соотечественниками он пал жертвой свейских пиратов и был продан византийцам. Там всю компанию купил некий константинопольский купец — и усадил на корабельную цепь. Два года англичане гребли на византийцев.

Потом корабль захватили арабы, но участь пленников не изменилась. Еще три года (к этому времени их осталось только четверо — самых крепких) англичане впахивали на сарацин, а потом появились мы.

Всех освобожденных «галерников» приняли, как уже сказано, на испытательный срок. Проверка показала — большая часть ребят умеет пользоваться боевым железом весьма средне. Но Дикон и еще один англичанин — Уилл, оказались отличными стрелками из лука, двое из византийцев очень недурно рубились, а незаконопослушный мусульманин Юсуф вообще оказался местным «рыцарем» — сыном какого-то шейха, неудачно восставшего против начальства.

Вертеть весло, естественно, умели все освобожденные. Правда, разговари-

вать с ними было пока затруднительно: датского не знал никто. Словенского — тоже. Так что общались по сложной схеме: я с англичанами — по-английски (благодаря моей рабыне-англичанке, я неплохо болтал на его средневековом диалекте), а уж англичане — с остальными — по-арабски или по-гречески.

Короче, по две смены на каждый кораблик — набрали. Теперь следовало решить с ремонтом.

Африканский берег, ввиду которого произошла наша морская баталия, выглядел неаппетитно: песок и камни. Однако логика подсказывала: где-то неподалеку есть места и получше. Галеры, напавшие на наш кнорр, вышли в море после шторма. Вдобавок далеко от «базы» они не уплывали: гребцов можно и не кормить денек другой, однако поить надо много и регулярно. Без воды в такую жару даже в тенике лежать затруднительно, а уж на солнышке веслом ворочать...

Гадать не стали. Ярл скомандовал, Ульфхам выбрал среди пленников особь понежнее и помясистее, взял «шкуросъемный» ножик — и через десять минут мы получили подробный маршрут следования.

Глава тридцатая, в которой герой ненадолго попадает в мусульманский рай

Городишко был расположен грамотно: внутри залива, формой напоминающего улитку с выпущенным хвостиком. Подход охраняла мелкая каменная крепостица, судя по архитектуре, возведенная еще до арабов. Войти в гавань можно было лишь через контролируемое древней цитаделью узкое горлышко и строго по форватеру. Впрочем, вода в заливе была достаточно прозрачна, чтобы в хорошую погоду можно было разглядеть на песке след камбалы.

Нынче как раз распогодилось.

Однако входить в залив под обстрелом желания не было, поэтому наши пошли на хитрость.

Первой теперь шла уцелевшая галера. На ее носу стоял я — в прикиде арабского командира. Ну, мне изображать ряженого не впервой.

За мной — разговорчивый толстячок, которому временно вернули его собственные вещички. А около него — облаченный в сарацинские латы Дикон — для контроля арабского диалога.

За нашей галерой следовали «трофеи» — драккар и кнорр, а за ними, на буксире, вторая галера, попорченная.

На корабельных палубах тоже было всё путем. Во всяком случае мы все на это очень надеялись, потому что сверху наши корабли — как на ладони...

Впрочем, мы не стали переть в залив среди бела дня. Дождались, когда солнышко коснулось горизонта.

Сверху нам что-то проорали... вопросительное.

Толстеный араб проверещал в ответ, что, мол, всё замечательно. Трофеи везем.

Ничего в нас сверху бросать не стали. Радует.

Отличная гавань. Тихая. Лодочки-кораблики. Что-то вроде дока. Причалы. Каменные. На одном — группа товарищей. Толстый дядька под зонтиком. Свита. Оружных только двое. Если не считать самого дядьки, а его в силу возраста

и телосложения можно не считать. Остальные — рабы. Интересно, на хрена ему зонтик, если солнце уже полчаса как спряталось за скалами?

Высадка. Я спрыгнул первым. Зря. Здесь так не принято. Толстячок под зонтиком аж шарахнулся от неожиданности. Но тут же сунулся ко мне, залопотал по-арабски.

Классный все же из меня актер: то шевалье французский, то боевой сарацин...

— Иншалла! — бросил я, проскакивая мимо толстяковых объятий.

А еще я — полиглот.

Наши посыпались на причал. Лишь немногие — в арабском прикиде, остальные — в своем собственном. Но — сумерки. Сверху уже наверняка ни хрена не видно. А нам надо именно наверх.

Меня обогнали. Скоростной бег по лестнице — не мой вид спорта. Я оглянулся. Толстячок и его свита потерялись в толпе «десантников».

Насчет толпы я преувеличил: сейчас в распоряжении Хрёрека меньше сотни бойцов. Зато каких...

Пока я доковылял до верха, меня обогнали человек пятьдесят.

Когда я, запыхавшись, добрался до ворот маленькой крепости, она уже пала. Внутри хозяйничали викинги. Гарнизон частью вырезан, частью пленен. Да и было их тут всего человек сорок. Остальные — обслуга.

А вообще неплохая крепостица. Несколько каменеметалок, порядочный запас стрел, смола и прочие сюрпризы. Войди мы в залив под гордым флагом Сокола, тут бы нам и кирдык. Наверняка все баллисты-катапульты отлично пристреляны.

Одно плохо — казны в крепости не оказалось. Так, пара пригоршней серебришка — личное имущество побежденных.

Зато денежки нашлись в самом городке. Во дворце местного, так сказать, «губернатора», того жирня, который порывался меня обнять на пристани. Хорошо, что не обнял. А то бы наверняка зарезать попытался. Все-таки папа убитого мной арабского командира. Наверняка ему было бы обидно обнаружить внутри знакомых доспехов совершенно постороннего человека.

Там, во дворце, под сенью пальм, под журчание искусственных ручейков мы и заночевали. Во всяком случае я оказался в числе счастливиц, которым выпало спать. Да не одному, а с ласковой смуглой девочкой, готовой буквально на все, лишь бы с ней не сделали ничего плохого.

Я и не сделал. Да и остальные не очень бесчинствовали. Тяжелый был день. Лучше бы поспать... Но уж больно мы все истосковались по женскому обществу. Хватило, впрочем, на всех. У толстяка в гареме обнаружилось пятьдесят шесть женщин. Ну на хрена ему столько? Тем более что, как позже выяснилось, арабский вельможа предпочитал молоденьких мальчиков. То есть мало что пидорас, так еще и педофил. Впрочем, женщин он тоже пользовал, поскольку помимо жен в гареме обитали еще и его дочери. Целых одиннадцать. Одна из них мне и досталась. Честно. По жребию.

Славная девчушка. Первый раз — с мужчиной. Но уже не девственница. Гарем, однако. Райские птички. Живут, чтобы наслаждаться и «наслаждать» других. Но — счастливы. Женщина в исламском мире — недочеловек. Птичка. Или кляча для пахоты. Птичкам — лучше. Особенно, если исхитрится родить

сына, который поднимется наверх и маму родную не забудет. Птичкам — лучше, однако гарем — еще то местечко. Из мужиков — один хозяин. Соло. На всю стайку. И евнухи, в обязанности которых входит... Ох и много чего входит в их обязанности, однако за пределы гарема это «всё» не выходит никогда. Птички — они петть любят. Да только — некому. Жены — навсегда в одной клетке. Дочери же со временем разлетятся по другим гаремам. Куда папа продаст, туда и полетят. Но — счастливы. Много ли птичке надо?

Еще у толстяка были сыновья. Во дворце аж шесть. Малолетки.

За обещание их не трогать, арабский лидер выдал все свои тайники. Стопудово все. Данные были проверены и подтверждены. Это сыновей наш ярл поклялся не трогать. Насчет папы никаких обещаний не давалось.

Утречком, когда я оглядел городишко (довольно жалкий на вид), у меня возник законный вопрос: откуда у покойного вельможи денежки на всю эту дворцовую роскошь?

Оказалось — оттуда же, откуда у нас. «Мы живем грабежом, топором и ножом...» Точнее, веслом и саблей.

С утреча в городок, по единственной дороге, очень удачно прибыл караван со жратвой. Жаль, выпивки не имелось. Шариат. Только разные сладкие напитки. Зато фруктов — завались.

Караван мы аннексировали. Затем, по поручению ярла, я и еще четверо любителей верховой езды (отличных коняшек держал покойник) пробежались верхами по дороге: нет ли еще чего-нибудь интересного?

Ничего. Пыльная пустыня. Мечта квадроциклиста.

Вернулись и — отдыхать. Судостроитель из меня — никакой, так что припахивать меня Хрёрек не стал. Велел вечером нам со Скиди заступать на боевое дежурство, а пока — личное время.

Я проведал Стюрмира: здоровяк явно не очень страдал. Необъятных габаритов арабка (как раз в стюрмировом вкусе) кормила раненого датчанина засахаренными фруктами. Еще одна чесала заскорузлые пятки викинга. Ну просто санаторий!

У Скиди загорелись глаза: ночь парень провел не в гареме, а в городе. Стюрмир благосклонно ссудил ему пяткочесательницу.

Откуда-то из глубины дворца вкусно тянуло шашлыком. Девушки — это классно. Но перекусить тоже не вредно.

Три дня в раю. Так я бы охарактеризовал наше пребывание на территории Магрибского халифата. К счастью сам халиф по имени Яхья не знал о нашем посещении и не принял мер, чтобы испортить нам праздник.

А на третий день судьба (или норманские боги, уже не знаю) улыбнулись нам еще раз. Хотя улыбка эта получилось кривоватой. Как в старом анекдоте о жене нового русского, у которой были для супруга две новости: плохая и хорошая. И хорошая звучала так: подушки безопасности в «мерседесе» отличные.

В «арендованный» нами залив вошла местная боевая галера. С полным экипажем «морпехов» на борту. Не догадываясь о том, что власть в городе переменилась, сарацины-мореплаватели сошли на берег... Где их, беспечных, мы и приняли.

До серьезной драки дело не дошло. Парни увидели образовавшийся перед

ними железный строй — и не стали искушать судьбу.

Возглавлял «морских охотников» еще один сын покойного вельможи.

Этому повезло больше, чем старшему родственнику. Наш ярл проявил великодушие. А причину этой внезапной доброты сарацин сам привез в городок. Целых шестеро норегов из бывшей команды Торсона. Сарацины подобрали их в море. Сняли с обломков драккара. Естественно, не из человеколюбия, а исключительно с целью наживы. Такие крепкие парни на местном базаре стоили недешево. И не потому, что отменные гребцы, а потому что халиф любил принимать в свою гвардию подкованных в военном деле иноземцев. Почему? Да потому что папаша принятого в наш хирд араба — наверняка не единственный в эмирате оппозиционер.

Так или иначе, но ребят никто не обижал. Заковали в колодки, это да. Зато кормили-поили и даже не били плетками-палками.

Среди шестерых везунчиков — неразлучные дружки Гуннары: Гагара и Морской Кот. Я даже порадовался: из торсоновых норегов эти двое — самые веселые.

Что ж, утонувший драккар — это плохо. Но шесть боевых товарищей — это очень кстати. А мы как раз ремонт кнорра закончили.

Лично я бы отдохнул здесь еще недельку, но ярл торопил: то ли боялся сильно отстать от главной эскадры, то ли просто чуйка сработала. Утром четвертого дня дозорные в крепости заметили пыль на дороге. Причем — густящую.

Мы еле-еле успели эвакуироваться, как в городок ворвалась целая армия сарацин. Видать, где-то произошла утечка информации...

Опоздали, болезные. Мы уже покидали уютную гавань. А преследовать нас было не на чем, потому что даже в спешке мы не забыли понаделать дырок в днищах галер, а гнаться за нами на рыбацких лодочках — дело совершенно бесперспективное. Так что — успели. Но многие из наших искренне горевали: хотели девочек прихватить, а те в суматохе разбежались.

Я лицом выражал сочувствие, и — помалкивал. Ведь это я, такой нехороший, шепнул своей смуглянке: всем, кто не хочет составить нам компанию в морском круизе, лучше куда-нибудь слиться.

Хорошо, что наши об этом никогда не узнают. Наверняка не поняли бы...

Им понятней Сторкад Бородатая Секира, убивший девчонку за то, что слишком медленно раздевалась. Чужие девушки — не люди — имущество. Оцененное в серебряном эквиваленте. Средневековый менталитет, блин. Но не спешите осуждать. В цивилизованном мире, где права человека и прочая лабуда — не лучше. Хуже. И не только для генералов, которые, как в Чечне, легко меняют «своих» на чужое бабло. Для всех, кто ухитрился взобраться на шесток. Народ, быдло, в лучшем случае — электорат... Сдохнет тыщенька-другая — можно еще пару лямов наварить.

Предложи такой «бизнес» Ивару Бескостному, безжалостному корыстолюбивому убийце, принципиально не платившему виру и не считающемуся ни с кем, кроме отца и братьев — не поймет Ивар. Как это — своих хирдманов на деньги менять? Они ж — *свои*!

На корме — жизнерадостное ржание. Мишень — отец Бернар. Никак не

поймет, что проповедовать христианство удачливым разбойникам — пустой номер. Бог, который не может защитить даже своих жрецов, не говоря уже об имуществе, — не их бог. Дразнят, но не обижают. Скольких монах уже вылепил-выходил? Уже и не счесть. Это раньше он считался моим трэлем, а теперь он — свой собственный. Заслужил. В шторм весло крутил вместе со всеми. И воин — в прошлом. Об этом тоже известно. Так что уже не раб — вольный. Захочет — сойдет с корабля в любом порту. Да только не захочет. Втемяшилось в его щетинистую голову: нести свет Веры в языческие души. «Души» — упираются. Отец Бернар настаивает. Пугает адом. Напугал волка свиной рулькой! А то норманы не знают, где вечно огонь горит, а где — воистину адский холод? Ни в царство Хель, ни на земли огненных или инеистых великанов настоящие воины не попадут никогда. Валхалла рулит! Христианский рай — нет.

Но уважаемый и полезный член общества имеет право на безвредную придури. Нехай агитирует. Лишний повод поржать.

— Брат, ты что это такой хмурый? — Это Медвежонок. — Опять сестренку мою вспомнил? На-ка, выпей! Доброе пошло! Я туда меду налил! А то давай в ножички поиграем?

Знает старина Свартхёвди, чем порадовать побратима.

— Ну давай. А еще кто?

Обычно наш традиционные партнеры — Стюрмир и Флоси. Но у Стюрмира рука еще не зажила, а Флоси, когда мы отбивали у сарацин кнорр, дротиком ступню продырявили. Тоже не и игрок. «В ножички» по-скандинавски — хорошее здоровье нужно. Играют-то как: берут этот самый метательный ножик (острая железяка граммов двести весом с колечком вместо рукояти) и мечут в тебя со всей дури. С дистанции метров пяти. А ты должен поймать и метнуть дальше. В крайнем случае — отбить, но это уже несолидно. Высший шик — поймать за колечко. Так только Медвежонок может. У меня свой способ — ловить хлопком, между ладонями. Стюрмир, тот просто лапищей своей сковородкоподобной ловит. Бывает — порежется. Ножик острый, а рукавица не всегда держит. Но в целом — безопасная игра, потому как играем мы, будучи трезвыми (относительно) и в броне. А вот когда в ножички на пиру начинают баловаться, без травм не обходится. Но серьезные повреждения — редкость. Даже пьяный викинг — викинг. А ножик — это не посланный «с петли» хафлак[120] или стрела. Поймать не труднее, чем отбить шарик для пинг-понга. Хотя и о пинг-понге я от кого-то слышал: мол, его китайцы придумали. Как боевое искусство. Только не с шариком пластиковым, а с камнями.

— А ты Гуннарам сыграть предложи. — Медвежонок ухмыльнулся. — Они рады будут.

Это точно. Приятели-нореги ко мне и раньше — с уважением. А нынче активно стараются показать, что не прочь сойтись поближе. Да я — не против. Парни веселые, с чувством юмора. И польза от них бывает. Вот, благодаря Гагаре мой ученик сразу дренгом стал. Да и в ножички поиграть...

* * *

Основную флотилию мы догнали через пять дней. По ходу слегка натерпелись страху: за день до встречи впереди замаячила целая прорва вражеских кораблей. Мы ушли мористее. Оторвались. А может арабы решили нас не преследовать.

Скорее — последнее. Когда мы наконец соединились с флотом Рагнара, оказалось, что два дня назад у них с арабами вышла неслабая драка. Потеряли несколько кораблей и еще с дюжину здорово попортили. И народу перебили сотни четыре. Почти столько же, сколько потеряли в шторм.

Разошлись — вничью. Надо полагать, в задачу арабского флота не входило полное уничтожение норманов. Отогнать от своих берегов — и ладно. Дальше, восточнее, как сказал нам «наш» араб Юсуф, начиналась территория другого вождя — эмира из династии Аглабидов. Тоже крутые перцы. Лет тридцать назад Сицилию завоевали.

В общем, потрепали наших сарацины. Но зато — отличная новость! — нашелся кораблик наших союзников-вестфолдингов, водительствоваемых моим приятелем Харальдом Щитом. В целостности и сохранности. Даже в драке с арабами они никого не потеряли. Крутые парни — норегии. А те, что из Вестфолда — круче всех.

— Кроме нас, сёлундцев[121], — внес поправку Медвежонок, когда я озвучил ему эту мысль. Вот ведь патриот. Хотя... Рагнар-Лотброк — тоже сёлундец.

Глава тридцать первая,

в которой выясняется, как выглядит расположение морских богов

Еще один морской переход. К счастью, без шторма. «Проводники» — византийские торговцы, которых угораздило наткнуться на передовой дозор Рагнарова флота. Вдвойне удачно получилось: основной груз италийцев — винище.

Задача, поставленная им конунгом — выйти к Риму. Торговцы согласились. Сами. Разумное решение.

И вот мы уходим от африканского побережья на северо-восток. Идем днем и ночью, быстро. На четвертый день видим впереди-справа далекие горы.

Это Сицилия, говорят информированные люди. Та самая, которую африканские арабы завоевали.

Туда нам не надо. Мы идем напрямик. Мы подготовились. Наших запасов воды, вина и пицци хватит на месяц автономного плавания.

И тут погода резко меняется. Ровный ветер, несший нас на северо-восток вдруг сменяется куда более сильным южным. Не скажу — горячим, но — теплым. Это хорошо, потому что — попутный. Да и погода прохладная. Не иначе, уже зима наступила.

Африканский ветер рвет пенные шапки с гребней. Это еще не шторм, но мне кажется — вот-вот.

Тем не менее мы идем под парусом. Очень хорошо идем. Быстро. Парус едва не лопаается под напором ветра, мачта пронзительно скрипит...

Ольбард спокоен. Сзади клубится чернота, впереди, впрочем, ясное небо. Мы не плывем — взлетаем и падаем. Только мастерство кормчего не дает нам ежеминутно зарываться носом в воду. Черпальщики работают безостановочно. Зато грести не надо.

Когда наш драккар возносится на гребень, я вижу всю нашу флотилию: десятки кораблей со вздувшимися парусами. Крохотные, взлетающие, падающие, скользящие по морским склонам, заливаемые соленой водой, но упорно

рвущиеся вперед. Со стороны смотрится жутковато, но никто не тонет. Мы плывем, и плывем очень быстро. Мои братья жмурятся от брызг, но рожи у всех довольные. Ветер делает нашу работу и делает ее лучше нас.

Ночью никто и не думает останавливаться. Вокруг — кипящее море. Ветер не стихает.

Нас несет на север. Мне трудно оценить скорость, но — очень быстро. Прямо по курсу встает луна. Здоровенная, синяя. Предоставив рулить Ульфхаму Треске, Ольбард укладывается спать. Устраиваюсь под борт, чтобы не кататься по палубе (качка изрядная), заворачиваюсь в шкуру и мгновенно вырубаюсь до самого рассвета.

Отлично выспался, хотя и продрог порядком. Да уж, не лето. Но мы — ребята закаленные. Средиземноморская зима нам — теплынь.

Ветер не стихает, скорее, наоборот. Флотилия мчит на север. Похоже, никто не потерялся. Во всяком случае второй наш драккар и кнорр Ове Толстого я вижу.

Завтрак. Вахта водочерпальщика. Урок мореплавания от Ольбарда, который снова при кормиле.

А слева по борту маячит земля. Большая. Пытаюсь сообразить, что это может быть... До Сицилии мы не дошли. Значит, итальянский «сапог», которого не видно, от нас должен быть справа. А слева что? Может, Корсика[122]?

Держу рулевое весло почти час. Нелегкая работенка. Хорошо, что Ольбард рядом командует. Сам бы я нарулил — вдесятером за сутки не вычерпали бы! И так несколько раз качнуло по-взрослому. Аж имущество по палубе покати-лось.

Но Синеус в целом доволен. Хвалит. И за кормило берется Рoad. Этот — поопытнее. Но тоже — под присмотром. Это не плавание, а прям-таки серфинг. Зато скорость — изумительная. Не удивлюсь, если мы за сутки пару сотен миль прошли.

Шторм нас всё-таки догнал. Не то, чтобы очень злой, но парус спустить пришлось. Шли под голой мачтой. И на веслах — для лучшей управляемости. Но после двух суток безделья это было даже приятно. Главное, я больше не боялся, что мы утонем. Уверился в надежности нашего кораблика. И понял, почему мои друзья относятся к нему, будто к живому существу. Он и есть — живой. Огромный морской конь... Или дракон. Верный и могучий. За то и лю-бим.

А морские боги любят нас! Шторм стих не просто вовремя — в самый раз. Как раз когда справа по курсу показалась сизая полоска. Земля. Италия. Мы дошли!

Вот только — куда? Этого не могли сказать даже наши «проводники». Ничего, подойдем поближе — разберемся.

Глава тридцать вторая,

в которой Рагнар Лотброк решит, что его мечта осуществилась, а хускарл Ульф Черноголовый не станет разубеждать конунга

Неплохо нас закинуло. Аккурат в генуэзский залив. Это, впрочем, я потом узнал. А сначала — просто берег. Итальянский. И милая такая бухта. А в бухте, на берегу — город. Красивый. Белый. С башнями. И стены серьезные.

Впечатляют.

— Уж не Рим ли это? — предположили нурманы.

И вся наша изрядно потрепанная, но всё еще победоносная флотилия вошла в уютную итальянскую бухту.

И — о, чудо! — мы услышали пение. Красивое, мощное и явно религиозного направления.

— Что они поют? — спросил я отца Бернара.

— «Младенец ныне родился, Иерусалим, возрадуйся!» — со слезами на глазах проговорил монах. — Ныне у нас — великий Праздник! Рождество Господне!

«Надо же, — подумал я. — Конец декабря. Хорошо мы, однако, поплавали!»

На флагмане не было своего монаха, и Рагнара насчет Рождества Христова никто не просветил. Так что выводы из увиденного и услышанного он сделал сам. Согласно собственным чаяниям.

— Это Рим! — восторженно воскликнул Рагнар. — Я пришел, куда хотел! Боги привели меня сюда!

Дружный рев викингов был ему ответом. Свершилась великая мечта Рагнара Лотброка.

Радость норманов была особенно острой, потому что если перед ними — Рим, то значит они пришли к конечной цели вояжа. Вот теперь все они действительно разбогатеют. Купаться будут исключительно в золотых корытах. Гадить — в худшем случае серебром.

«Возьмем этот йотунов Рим — и домой! — наверняка подумало немало северных героев. — И загуляем!»

О том, что наш полководец решил, будто мы прибыли к воротам Рима, я узнал значительно позже, от Хрёрека, приглашенного Лотброком на совет вождей.

Я не силен в географии. А за время нашего многомесячного путешествия совершенно потерял ориентацию. Но одно я знал твердо: настоящий Рим стоит на реке Тибр. И прямого выхода к морю у него нет.

Однако я понимал причину ошибки Рагнара: стены и башни города, господствовавшего над заливом, производили серьезнейшее впечатление. Вдобавок в городе, по случаю праздника, свершалось круглосуточное богослужение. Так что всё складывалось: великий город, где непрерывно славят Христа, не мог быть ничем иным, кроме вожделенного Рима.

Я решил помалкивать. И отца Бернара попросил о том же. Если, конечно, он не хочет, чтобы Рагнар и впрямь ограбил Ватикан.

Монах не хотел. И от комментариев воздержался.

Вопрос: почему не стали разочаровывать Рагнара проводники-византийцы, которые наверняка знали, что перед нами отнюдь не бывшая столица Великой Римской империи?

О! У них, как выяснилось, тоже были основания держать язык за зубами. От радости, что его вывели прямо к цели, Рагнар расщедрился и подарил византийцам жизни, свободу, их собственные корабли и даже немного личного серебра. Еще бы они спорили!

«Ну и ладно, — подумал я. — Пусть будет Рим».

Чем скорее наш конунг осуществит свою мечту, тем скорее мы повернем домой. И я увижу Гудрун.

Узреть городские стены и преодолеть их — бо-ольшая разница. Каждому из нас, побывавшему под стенами и за стенами многих вражеских городов, эта простая истина была понятна и обидна.

Мы глядели наверх, и наши горящие взоры тускнели, а мысли теряли оптимистическую направленность.

Старина Богатый Опыт говорил нам прямо, по-солдатски: штурм этой величавой цитадели приведет к значительному пополнению чертогов Валхаллы.

Не то, чтобы нам, горячим норманским парням, не хотелось в Валхаллу... В перспективе — да, без вопросов. Но сейчас «пахарям морей» мечталось не о великом посмертии, а о простых человеческих радостях: жратве, бабах, выпивке... Еще хотелось — золота. Но это тоже — в перспективе. А для начала — свежей пресной воды и твердой земли под ногами.

Я был — как все. Более того, если бы меня спросили, я сказал бы, что не прочь всё необходимое просто купить. За деньги. Без драки. Без новой ратной славы. Хрен с ней, со славой. Я этой субстанцией и так покрыт с ног до макушки. Когда ты повыкидывал из дорожной котомки кучу серебра, чтобы освободить место для золота, то отношение к славе существенно меняется. Особенно — к посмертной славе. Уверен: половина нашего хирда в глубинах своих разбойничьих душ лелеет те же мысли. Но никогда не признается. Западло.

Драккары и кнорры вошли в бухту...

И остались на рейде.

Ворота в город были затворены. На башнях и стенах толпились изготовившиеся в битве воины.

Конечно нам они — не чета. В чистом поле мы втоптали бы их в землю минут за двадцать. Но то — в чистом поле. А здесь выпущенный стенным орудием булдыган, хлюпнувшийся в воду в десяти метрах от носа нашего драккара, угоди он чуток подальше и правее, мог бы запросто отправить к Эгиру в сети десятков непобедимых северян.

Ольбард рывкнул, и мы дружно сдали задним ходом — за пределы опасной зоны. Так же поступили и другие. Высадка (а следовательно — жратва, девки и выпивка) откладывалась на неопределенный срок.

Впрочем, все мы хорошо знали Рагнара Лотброка. Этот — не отступится.

Вновь был созван совет вождей. Расширенный — с участием наиболее прославленных хольдов. Меня тоже пригласили. Рагнар с некоторого времени считал меня специалистом по нестандартным решениям.

Однако нестандартное решение предложил не я, а Ивар Бескостный. Вот уж действительно — нестандартное!

Всем понравилось. Потому что дерзко до невозможности. Даже для викингов.

Главная роль в будущем спектакле, как принято у норманов, досталась драматургу. То есть самому Ивару. Первым — лучшие куски. А также стрелы, булдыганы и кувшинчики с горящей смолой.

К сожалению, не забыли и меня — забронировали место в массовке. Высту-

пать я должен был в привычной для меня роли доблестного рыцаря Жофруа де Мота.

Еще потребовался монах.

Монах у нас был. Отец Бернар. Но после недолгой дискуссии его кандидатура была отвергнута. Хрен знает, как он себя поведет в решительный момент... Даже, если его использовать втемную. Всё же не один месяц отец Бернар провёл с нами, язычниками. Вдруг догадается о том, что участвует в спектакле?

«Монаха» мы нашли. Ни за что не угадаете, кто им стал!

Мой ярл Хрёрек. Ну чем не монах? Он ведь даже на латыни худо-бедно изъясняется. И внешность походящая. Власы — до плеч (в походе не до парикмахеров), всклокоченная борода — до пояса. А что телосложение могучее, так и отец Бернар — далеко не задохлик. Снять с ярла доспехи и золотые побрякушки, нацепить какое-нибудь отрепье, подпоясать гнилой веревкой — вылитый монах-подвижник, примкнувший к вражьему воинству, дабы обратить злодеев ко Христу.

Рясу ярлу искали по всем кораблям, а сам Хрёрек тем временем «освежал» латынь, общаясь с отцом Бернаром. По поводу Рождества. Монах охотно делился информацией. Решил, что ярла внезапно потянуло к христианской вере. А что? В Рождество и не такие чудеса случаются!

Наконец нашли подходящее рублище. Один из викингов завернул в него несправедно добытый золотой потир. Священной чаше нашли другую упаковку, а дерюжку подогнали по фигуре нашего ярла.

Очень органично получилось. Обряженный в ветхую тряпку, подпоясавшийся засаленной веревкой, обутый в дрянные сандалии отца Бернара ярл выглядел сущим пугалом. То бишь — настоящим монахом, претерпевшим и пострадавшим за воистину благое дело.

Итак, нас уже трое: Ивар Бескостный — в главной роли. Хрёрек-ярл — в роли германского монаха, несущего свет истинной Веры в темные языческие души, хускарл Ульф Черноголовый — в роли благородного шевалье Жофруа. Хватит?

— Нет, — покачал головой наш драматург Бескостный. — Три — священное число христиан. Но семь — лучше.

Тем более, что его самого в первом акте нашей драмы не будет. А два человека для полноценного посольства — маловато.

И вот нас стало семеро.

К группе актеров-головорезов присоединились:

Хальфдан Рагнарссон — в роли простого, но обаятельного высокопоставленного нормана.

Мой добрый знакомый ирландец Рыжий Лис — в роли христианина-ирландца.

А также парочка бывших сарацинских рабов: Дикон и Уилл. В качестве бывших сарацинских рабов, освобожденных из мусульманской неволи храбрыми норманами.

Задача, которую поставил перед нами драматург и режиссер — убедить италийцев, что лютые морские разбойники в одночасье стали добрыми и мирными, аки агнцы. И впустить в город. А уж тогда...

И вот, помолившись разнообразным богам, наше посольство отчалило в направлении берега.

Рыжий детина-ирландец, потасканный германский «монах», доспешный рыцарь с непокрытой (ну не люблю высокие франские шлемы!) в знак мирных намерений брюнетистой головой, красавчик-блондин Хальфдан Рагнарссон со щитом, развернутым белой изнанкой наружу, и пара мускулистых англичан — на веслах. Да, еще с нами был заветный сундучок.

Нас не обстреляли. Позволили высадиться на один из причалов и сразу взяли под белы ручки.

Городская стража, надо полагать. Чтобы скрутить одного безоружного нурмана, таких требуется не меньше десятка. О нормане вооруженном я даже и не говорю. Однако настоящее оружие было только у меня. Добрый франкский меч. Вот его-то у меня и попытались забрать.

Хренушки! Я грозно зарычал по-франкски, а Хрёрек-«монах» тут же перетолмачил по-латыни, что, мол, господин рыцарь вполне могут отдать свой меч равному, какому-нибудь благородному кабальеро, а хамло и быдло могут получить выдающийся клинок, доставшийся рыцарю от папаши, а тому — от самого Карла Великого, исключительно острием в брюхо. И это для него, быдла то есть, будет немалая честь, потому что благородная сталь несомненно облагородит и низкорожденную хамскую требуху.

Скажете, резко? Нет, в самый раз. Именно так и повел бы себя в данном случае покойный де Мот.

«Хамье и быдло» отреагировало правильно. Оставило меня в покое. Аристократия — она везде аристократия. А у меня и герб имеется, и оснастка подходящая. И повадки — соответствующие. Лапы прочь от благородного дона!

Не рискнул итальянский стражник посягнуть на «голубую кровь».

И вместо ареста-задержания получился более-менее вежливый прием. И почетный эскорт.

Англичане подхватили сундучок, и наше посольство неторопливо двинулось к городским воротам.

Там нас встретили персоны рангом повыше. Представитель местного графа, светского правителя города и прилегающей территории.

А территория, прямо скажем, богатая! Сады, виноградники и оливковые рощи. Сам город изнутри выглядел не так броско, как снаружи. Однако — процветал. Еще бы ему не процветать! Торговый и сельскохозяйственный центр.

— Слюни подбери, — прошипел я, пихнув в бок Рыжего Лиса, который слишком уж алчно пялился на местные «достопримечательности».

Принимал нас сам граф. Лично. Причем не один, а с самим епископом. Правда, все необходимые меры безопасности были приняты. Руководство обложилось хорошо вооруженной стражей, а на ключевых позициях маячили стрелки. Хар-рошая у нас репутация!

Первое слово взял мой ярл. Он же — «монах-подвижник». Весьма благочестиво Хрёрек сообщил, что сам Бог вывел нас к стенам сего прекрасного города в Святой Праздник. И в этом он видит Промысел Божий, поскольку в дальнем походе совсем счет времени потерял. Затем фальшивый монах произнес длинную речугу, в которой почти дословно цитировал отца Бернара. Причем

на латыни. Вот что значит безукоризненная память.

Я смысл сей речи скорее угадывал, чем понимал. С латынью у меня — не слишком. У ярла — значительно лучше, но акцент, надо полагать, имел место быть, потому что по роже епископа видно — он напряженно пытается удержать нить повествования, но получается — не очень.

Так что минут через пять епископ не выдержал и поинтересовался, как столь благочестивый муж оказался в обществе язычников. В рабство взяли?

Отнюдь, отвечал мой ярл торжественно. Сам примкнул. Дабы обратить темных к Свету.

Большие страдания претерпел, скромно потупившись, сообщил псевдомонах, зато и преуспел немало. Да и не одни лишь язычники обретаются в норманском воинстве. Немало и христиан. Вот например... И кивок в мою сторону.

Пришла моя очередь вступить в разговор. Говорил я, естественно, на языке франков. И тут могла бы выйти неприятность... Вдруг при графском дворе окажется какой-нибудь урожденный француз?

Обошлось. Толмача, конечно, нашли, но — натурального «макаронника», владевшего языком еще не рожденных Вольтера и Дюма намного хуже меня.

Представившись рыцарем короля Карла Лысого, я подтвердил всё сказанное, засим поклялся на кресте, что примкнул к плохой компании потому, что поклялся в верности вот этому коленапоклоненному человеку.

Заметьте: чистую правду сказал. Разве я не клялся в верности Хрёреку-ярлу? А разве мой ярл — не человек?

И норманские разбойники — позволили? — усомнился граф.

Как видите, скромно отвечал я. Вообще слухи о зверствах северян сильно преувеличены. Нормальные они люди. Справедливые. А что золото любят, так кто его не любит? Ну да, язычники. Но ведь не басурмане. Крестить их — и будет всем счастье. Тем более, что гнев их ныне, усилиями неких благочестивых людей (тут уж я скромно потупился) направлен уже не на христиан, а на богопротивных последователей Мухаммеда.

И вот, рядом со мной, живое тому свидетельство.

И переключил внимание на англичан.

К моему удивлению, парням учинили настоящий допрос. Причем — по-арабски. Всё тот же полиглот. Дикон и Уилл прошли испытание с блеском. Им ведь даже врать не пришлось. Чистую правду рассказывали.

Когда историю бывших галерников перетолмачили на итальянский, народ сразу загомонил. И еще я заметил: стража малехо расслабилась. А чего напрягаться, если, считай, все свои.

Но тут напомнил о себе Хальфдан Рагнарссон.

Рявкнул по-датски, что желает донести до общественности волю своего славного конунга.

Хорошо так рявкнул. У итальянцев вмиг расслабон прошел от зычного норманского голоса. При других обстоятельствах кого-нибудь и пронести могло. Живой викинг — это вам не комнатная собачонка!

Граф тоже брови сдвинул грозно и потребовал немедленно объяснить, что именно сейчас пролаял дикий язычник.

И тут мой ярл показал себя во всем актерском блеске. Не зря говорят, что великий человек велик во всем.

Хрёрек картинно вознес руки и провозгласил, что ныне свершилось великое чудо: главный норманский разбойник, тот самый, что разграбил Париж, Орлеан, Нант и многие другие города франков, склонился наконец к Истинной Вере.

Первым подал голос граф. Выразил сомнение. Сразу видно — матерый вояка. Такому проще поверить в чертей, чем в ангелов. А уж искреннее раскаяние языческого короля — это тот сорт чуда, который здорово пахивает подставой.

А вот епископ был — другого мнения. Мягко укорил графа в недоверии к Божьему всемогуществу. Затем, отодвинув стражу, бесстрашно сошел к нам и ласково похлопал моего ярла по плечу. Давай-ка, к делу.

Думаю, с подобной фамильярностью Хрёрек-ярл не сталкивался уже лет пятнадцать. Но — стерпел. Из роли не вышел. Обратил старательно измазанное лицо вниз, к низенькому пузатому епископу и поведал, что, с Божьей помощью, сумел обратить к свету истины воистину злодейскую душу. Так вот, с колен, и поведал: мол, бессчетно жизней отнял норманский король, и священников погубил — немеряно. Но — приболел. Причем — смертельно. И это радует, потому что иначе еще больше правильного народа нашло бы смерть от норманского железа. И даже крепкие стены не спасли бы. Ведь Париж да Нант, да прочие французские города тоже не штакетником обнесены были. А вот пали. И сей город несомненно пал бы...

Но Господь спас. Сильно болен норманский король-конунг. Не до грабежей ему ныне. Зато вспомнил он о душе. И будучи много наслышан о христианской вере, желает он немедленно креститься. Прямо здесь, в этом великолепном городе, к стенам которого вынес его шторм. Ибо видит кровавый норманский вождь в этом событии проявление высших сил, бороться с коими человеку не следует.

А если всё будет так, как хочет норманский король, то и воины его откажутся от всяких враждебных намерений по отношению к этому городу. И обещают сохранить мир с его жителями, а за право на производство судоремонтных работ, а также за провиант, воду и прочий сервис, норманы готовы заплатить и заплатить весьма щедро, поскольку золота и иных ценностей у них столько, что натурально девать некуда.

А уж за то, что король-конунг будет крещен, всем участникам будут вручены замечательные подарки. И этот факт готов подтвердить сынок короля-конунга, могучий северный граф Хальфдан.

Хальфдан, которому перевели последние слова Хрёрека, с важностью кивнул и рыкнул по-датски: да, так и есть. А также, чтоб новый бог не подумал, что принимает под свою руку какого-нибудь нищего трэля, конунг желает, чтобы жрецы Христа великодушно приняли кое-какие дары. Авансом.

Опаньки! Слово взял сундучок.

Ему стоило всего лишь открыть ротик, и сразу стало понятно, чей аргумент тут главный. Золотишко, изъятое у французских святош, так и сияло. Священная посуда для богослужений, драгоценные оклады, усеянный драгоценностями крест, головной убор епископа нантского Гвигарда...

Готов поставить свой Вдоводел против ржавого тесака: у здешнего епископа и мысли не возникло: вернуть имущество коллегам по ремеслу.

А сиятельный граф аж слюни пустил... И тут же заявил, что готов лично

стать восприемником при крещении раскаявшегося конунга.

И я, и я! — воскликнул епископ.

Если минутой раньше меня и терзали некоторые сомнения: не беру ли я грех на душу, участвуя в подобном лицедействе, то теперь все сомнения исчезли. Такие рожи были и у графа, и у епископа... да и у большинства придворных, что сразу становилось ясно: вот он, их настоящий бог. Из сундучка выглядывает.

Порешили так. Болящий конунг будет крещен завтра. Ему и небольшой (дружба дружбой, а варежку не разевай!) свите (без оружия!) будет разрешено войти в город, где в главном соборе состоится обряд крещения.

Доблестным северянам сход на берег тоже дозволяется, но — в пределах гавани. В городские ворота — ни-ни. Да и зачем? Всё необходимое: еда, питье, одежда, запчасти для ремонта — будет доставлено прямо к причалам. По разумным ценам. Как говорится: любой каприз за ваши деньги.

Глава тридцать третья,

в которой великий конунг воскресаёт из мертвых, а итальянцы узнают на практике, что такое — норманская клятва

На церемонии Крещения я не присутствовал («Жофруа де Мота» не пригласили), но говорят — было круто. А Ивар Рагнарссон в роли умирающего конунга оказался просто бесподобен. Я и не сомневался. Я видел, каков из Ивара лицедей. Любого изобразит: хоть бабу, хоть деду, хоть огненного великана. А тут всего-то: собственного занедужившего папашу.

Рагнар, кстати, выразил недовольство. Конунг жабился. Дары, преподнесенные городской верхушке, были поистине королевские. Притом из личной копилки самого Рагнара. Можно бы и поскромнее. Понятное дело, всё обратно вернется. Ну а вдруг...

Но Ивар настоял. Мол, подарки должны быть — сверх всякой меры. Чтобы у графа с епископом просто башню снесло и всякий разум угас.

Словом, обряд прошел на «ура». Праздновали едва ли не круче, чем давеча — Рождество.

На пристани тоже кипела жизнь. Торговля шла бойко. Фрукты, мясо, вишнишко, девочки... Победители франков были невероятно щедры. Так и сыпали золотом-серебром. Переплачивали вдесятеро. Итальянцы наверняка решили, что Бог решил сделать им роскошный рождественский подарок. И печалились лишь о том, что живут так далеко от норманских земель. Вот бы такую торговлю сделать системной!

Строго-настрога предупрежденные командирами викинги изображали белых и пушистых лохов. Не препятствовали беспардонной обдираловке, пальцем никого не трогали... Аж целый день.

А ближе к ночи грозный плач и басистые стенания дружным хором накрыли норманскую флотилию и береговой лагерь.

Не знаю, какие мысли роились в головах горожан, слушавших сей великий стон. Но к утру ситуация прояснилась.

И снова к городским властям отправилась делегация. Сообщить трагическую весть: умер великий конунг!

Довести до италийцев последнюю волю великого норманского короля выпало его выдающемуся сыну Хальфдану.

Воля была проста и конкретна.

Великий вождь северян, победитель франков и прочих, желал покоиться в соборе, где был крещен. Причем похоронить себя он завещал в доспехах и с личным оружием. Прочее же имущество конунга, всё его оружие, золото, серебро и т. п. будут пожертвованы Церкви.

Надо ли говорить, что власть светская и власть церковная отнеслись к последней воле покойного с неприкрытым интересом?

Тут ведь любое воображение пасует при попытке представить, каковы размеры этого личного имущества. Небось, весь валовый доход Европы легко спрячется в конунговых сундуках...

Через несколько часов после того, как италийская «таможня» дала добро, из нашего лагеря к городским воротам выступила торжественная процессия.

Во главе — гроб с телом «усопшего» Ивара.

«Покойник» лежал в гробу в полном боевом. Слева и справа вышагивали викинги, в парадных плащах и доспехах, но без оружия.

Даже тех крох здравого смысла, которые остались в разжиженных алчностью мозгах городской аристократии, хватило, чтобы не пускать в город кучу вооруженных норманов.

Подарки подарками, а все же — извините. Ограниченный контингент и никакого боевого железа!

Наши поартачились какое-то время — и согласились. Собственно, на большее и не рассчитывали.

Четыреста человек. Этого довольно. Остальные подождут снаружи.

Договорились. Избранная группа лиц (на этот раз я был в списках) выдвинулась к воротам. Я отдавал себе отчет: могут возникнуть проблемы. Во-первых, наша «делегация», пусть и без мечей на поясе, но сплошь в броне. Во-вторых, среди погребальных даров «покойника» — до хрена всякого оружия. Тут тебе и мечи «заморские булатные», и топоры с окованными в серебро деревяшками, и копья, само собой, в элитном исполнении...

Какое-то время нас разглядывали... Еще бы: денек солнечный, боевое железо так и сверкает...

К счастью сверкало не только железо. Дивно сияли цепи, браслеты, перстни и прочие украшения, уложенные в соответствующую тару горками, кучками, а иные, особо ценные и на персональных местах. Была здесь также посуда драгоценная, и разнообразные бытовые безделушки, вроде золотых гребней и заколок. Ну а самым главным «призом» был, естественно, покойник. Усопший лежал в гробу, облаченный в лучшую броню, с обнаженным мечом (стоимостью в двадцать марок серебра) и любимой секирой, изукрашенной резьбой и «усиленной» тонкой серебряной оковкой.

Несли гроб шестеро неслабых парней во главе с Бьёрном и Хальфданом Рагнарссонами. Следом за гробом, на отдельном «поддоне», транспортировали драгоценную (одного только золота — килограмма два) конскую сбрую. Люби-

мую столовую посуду усопшего (тоже отдельно) волокли аж двое бойцов. Я и Тьёрви-хёвдинг.

Ну, сколько еще нам держать на весу такую тяжесть? Хорошо — зима. А если бы лето? Тут весь потом изойдешь...

Я покосился на Тьёрви (этому — хоть бы что), потом — вверх, на мощные ворота и уходящие ввысь белые башни...

Да, не хотел бы я штурмовать это фортификационное сооружение.

Штурмовать не пришлось. Ворота открылись.

Да не просто открылись. Навстречу «скорбящим» северным мореплавателям вышел лично епископ в лучшем из своих прикидов. А за епископом — вся его католическая братия: в сверкающих ризах, с распятиями, свечами и прочими атрибутами культа. Думаю, умри их собственный граф, ему не оказали бы больших почестей.

Вот так, в торжественной тишине, процессия двинулась к собору, постепенно обрастая новыми участниками.

К тому моменту, когда гроб с «усопшим» был поставлен перед хорами и началось отпевание, мы, то бишь, соратники «покойника» уже были в значительном меньшинстве. На каждого викинга приходилось по меньшей мере десятеро местных. Собор был полон. Здесь собралась вся знать и все «лучшие люди» города. Никто не пожелал пропустить главное шоу нового года.

Надо признать — красивый получился ритуал. Мощный. Я аж заслушался.

Мои коллеги по профессии — тоже. Скандинавы вообще равнодушны к искусству. Многие даже прослезились.

Пока шло отпевание, мы помалкивали и наслаждались представлением.

Но когда, согласно расписанию, пришло время опускать гроб в могилку в полу одного из нефов, «безутешный» родственник «покойника» Бьёрн Железнобокий подал знак, и представление началось.

Настоящее представление.

Нас, конечно, было немного. Зато мы были крепкими парнями и с лужеными глотками. Так что когда мы все разом отчаянно завопили и полезли вперед, распахивая толпу, не заметить это было трудно.

Орали мы одну единственную заученную фразу. По-итальянски. Фраза эта была: «Не опускать гроб! Нельзя опускать гроб!..»

Местные, мягко говоря, удивились. Но еще больше они удивились, когда только что опущенная крышка гроба с треском взлетела вверх, и изумленным взорам итальянцев предстал живой и здоровый Ивар Рагнарссон.

Сюрприз!

Великолепный прыжок — и старина Бескостный оказался рядом с разинувшим рот епископом.

Взмах клинка — и на драгоценный епископский молитвенник хлынула кровь новоиспеченного христианского мученика.

А мгновением позже брошенный Хальфданом топорик врубился в изумленное лицо графа.

Итальянцев было значительно больше. Но профессиональных вояк — от силы процентов двадцать. Да и то лишь треть из них — при оружии. Храм все-таки...

То ли дело — мы. Я, например, принес оружие под плащом, уверенный, что никто не станет меня обыскивать. И немедленно приголубил потянувшегося к мечу итальянского «офицера». Другие норманы тоже клювами не щелкали — похватали «дары» и тут же пустили в ход.

Не скажу, что итальянцы сдались без сопротивления. Кое-кто рыпался... Но мы были намного круче. Вдобавок — в боевых доспехах, а не в той ерунде, которую тут принято носить по праздникам.

Около минуты потребовалось, чтобы порубать в капусту графскую гвардию. Затем — перестроение и привычная по Франции работа с толпой.

Тех, кто оказывал сопротивление, убивали. Увы, не только их. Рубили и тех, кто растерялся или замешкался, вовремя не сообразив, чего хотят страшные норманы.

Вошедшие в боевой раж викинги превращались в настоящих мясников. Ор в храме стоял такой, что аж уши закладывало.

Мое место в общей диспозиции было почти традиционным — у главного входа в храм. Задача: никого не выпускать. Не такая уж трудная, учитывая, что двери заперты. Я стоял справа. В центре — Ольбард. По левую руку от Ольбарда — старина Тьерви.

Выбраны на почетную роль привратников мы были исключительно благодаря хладнокровию. Верховные вожди не сомневались: что ни один из нас не покинет пост, увлекшись резней.

Я и не увлекся. Голов не рубил и кишки не выпускал. Так, порезал радикально пару-тройку аристократов с дефектом зрения. После небольшого кровопускания зрение восстановилось, и бедолаги сумели увидеть между собой и дверью меня.

Им повезло. Резню мои братья-викинги устроили кошмарную. Как всегда.

Пленников, впрочем, тоже набралось немало. Тысячи полторы. Как только их оттеснили подальше от входа, мы открыли двери храма. И рванули к воротам города.

Дорога от храма к главным городским воротам — прямая и достаточно широкая. Десять минут — и мы были бы у цели...

Не вышло.

Три сотни норманов (часть осталась снаружи — сторожить пленников) — большая сила. Но не радикальная. Городской гарнизон — куда многочисленнее. И, как оказалось, находился в полной боевой. Такой приказ был отдан покойным графом. На всякий случай.

Резня в храме длилась не очень долго, но достаточно, чтобы снаружи заподозрили нехорошее. Штурмовать собор итальянцы не рискнули, но подтянули войска.

Викинги — великие воины. Атаковать оцетинившийся копьями строй численно превосходящего противника? Почему бы и нет?

Но не в данном случае. Дело не в том, что нас — существенно меньше. Куда неприятней отсутствие подходящего вооружения. Ни щитов, ни длинных копий, ни метательного оружия...

... А вот размещенные на господствующих высотах итальянские стрелки вряд ли страдают от дефицита боеприпасов. Более того, кто-то даже озаботился подтянуть легкие орудия. Потомки древних римлян еще помнили кое-что из военной тактики предков.

Словом, поверх италийских щитов на нашу ударную группу с интересом смотрел толстый северный лис.

Но это я так подумал (и приготовился к самому нехорошему), а у наших лидеров было другое мнение.

«Чудесно оживший» Ивар Рагнарссон спокойно выступил вперед, демонстрируя пустые руки...

И начались переговоры.

Вот тут-то и выявилась роковая слабость местного менталитета в сравнении с моральным кодексом викингов.

Будь на месте итальянцев тот же Ивар, он бы не сомневался ни секунды. Если ты сильнее — бей! Заложники? Какие нафиг заложники? Вот перед нами практически вся верхушка вражеского войска! И отличная возможность взять ее в плен! Так за чем же дело стало? Ах, снаружи ошивается еще несколько тысяч головорезов? Ну так пусть себе ошиваются. Они — снаружи, мы — внутри. Стены крепкие. Вот пусть снаружи и останутся. А вздумай какой-нибудь ярл (чисто фантастическая ситуация!) предложить открыть ворота ворогу лишь потому, что его сынок или дочка угодили к неприятелю в плен, вот бы его, ярла, дружина удивилась! И, пожалуй, подумала, что у ярла что-то не то с головой, если бы ярл немедленно не зарезал шантажиста.

Такова логика викингов.

Но у итальянцев было совсем другое мировоззрение. Во всяком случае — у социальной верхушки. А рулили в городе именно они, те, чьи родичи оказались в кровавых объятьях норманов. Тем более здесь, вне храма, никто не знал, что граф, епископ и большая часть «лучших людей» города уже отправились в мир иной.

Знатоков датского найти не сумели, так что переговоры шли на смеси латинского и французского.

И были проиграны горожанами вчистую.

Под сомнительное прямо скажем обещание Ивара (Рагнарссон взял в свидетели Одина) не чинить в городе кровопролития и освободить всех заложников, нас пропустили к городским воротам и даже любезно позволили их открыть... А потом...

Потом всё было плохо. Для горожан. Потому что наши немедленно принялись грабить и резать. И заложников никто освобождать не стал. И всякого, кто пытался противостоять с оружием в руках, убивали немедленно.

Ужас и смятение — вот те чувства, которые воцарились среди италийцев.

В считанные часы в городе не осталось никого, способного к сопротивлению. Рагнар Лотброк стал полновластным хозяином заветного города...

И наконец узнал, что это не Рим!

Вот это было воистину королевское разочарование!

Конунг так расстроился, что даже пустил на самотек процесс грабежа.

Впрочем, его сыновья хладнокровия не утратили и успели наложить лапу на лучшие куски.

Что ж, справедливо. Это ведь Ивар придумал замечательный план[123] и воплощен он был на финансовые средства Рагнара.

Впрочем, и остальные в убытке не остались. Луна — не Рим, но все же ис-

ключительно богатый город.

Был.

Три неделю спустя, до отказа набив трюмы кнорров и трофейных кораблей имуществом и отборными рабами, под завязку загрузив драккары драгметаллами и прочими ценностями, наш отремонтированный флот отправился в обратный путь.

Были, конечно, и другие идеи. В Италии ведь немало городов, в которых можно пожить... Но мы слишком долго были в походе. Очень хотелось — домой. А через годик-другой, с новыми силами...

Увы. От дома нас отделяли тысячи морских миль. И — зимние шторма. И обиженные нами враги, которые так и жаждали реванша.

Глава тридцать четвертая Ловушка

Удары деревяшки в щит отсчитывали ритм. Проворачивались весла, толкая драккар. Шипела вода под днищем, мы истекали потом...

Нелегкое это дело: грести в полную силу, когда на тебе — боевое железо.

А без него — никак. Сарацинские стрелы жалили корабль, лупили в щиты, иной раз и по шлему чиркали.

С кормы, в ответ, били наши стрелки. Так, для острастки. Мы удирали. Со всех ног... вернее, рук. Счастье еще, что ветер хоть и встречный, но совсем слабый. Иначе пришлось бы терять время, класть мачту...

— Заходят! Справа заходят! — закричал кто-то.

Справа — это мой борт. Я оторвал взгляд от спины Рулафа, вертевшего весло на переднем руме. Так и есть. Узкая галера шла за нами, медленно, но неуклонно сокращая дистанцию. Мне показалось, что я даже слышу сочные хлопки бича, стимулирующего галерных гребцов.

Задающий темп ритм, и без того торопливый, еще ускорился.

Я уперся и прибавил. По лицу стекал пот, мечталось: зачерпнуть шлемом морскую воду, вылить на голову... Сколько я еще так продержусь? Пять минут? Десять?

— Ну-ка пусти! — сидевший на палубе у моего рума Ове Толстый вскочил... И тут же присел, потому что в его бронь немедленно ударила стрела.

— Ты отдохнул, что ли? — выдохнул я, с недоверием косясь на здоровяка. — Силенок хватит?

Минут двадцать назад этот красавец сиганул с борта кнорра с пустым бочонком под мышкой. А потом, с этим же бочонком (и в полной броне), проплыл почти сто метров, обстреливаемый лучниками с арабского парусника. Когда его втаскивали на борт (втроем, потому что Ове в броне тянул на десять пудов с гаком), болтавшийся на волнах бочонок щетинился стрелами как ежик — иглами, а в мокрой туше Ове — ни одной дырки. Вот уж удача так удача!

Правда, второсортная. Потому что кнорр Ове Толстый потерял. И все, что было в трюмах и на палубе: весь живой и неживой товар, рабов, серебро, ткани, стекло... Все досталось сарацинам, заплонившим кнорр... Уцелевшие викинги попрыгали в воду с мечами в руках... Пошли на дно, надеясь, что Один перехватит раньше, чем утопленники угодят в сети Ран[124].

Когда мы отплывали из Луны, у нас было целых три грузовых судна: свой кнорр и два трофейных. Всё досталось воинам ислама. Вру, не всё. Один из кораблей просто ушел на дно со всем содержимым. На радость будущим подводным археологам. Хорошая смерть для викингов — уволочь за собой в небытие кучу врагов. Плохая — для самих сарацин и, особенно, рабов-итальянцев, заточенных в трюме.

— Силенок моих хватит на троих таких, как ты! — рыкнул Ове.

Чистая правда, кстати. Так что я охотно уступил место бывшему кормчему, а сам, подхватив запасной щит, присоединился к тем, кто готовился встретить вражескую абордажную команду...

* * *

Испанцы ждали нас у Гибралтара. Целая прорва плавсредств.

Головные корабли нашей флотилии сходу ринулись на прорыв... И **увязли**. Оказалось: арабы соединили канатом линию больших кораблей и украшенные драконами и прочей нежитью носы драккаров тут же **увязли** в этой морской «баррикаде».

И пошло колбасилово.

Наш хирд в нем не участвовал, потому что шли в арьергарде, а Хрёрек вовремя сообразил, что ввязавшись в общую драку, мы лишь увеличим хаос, а толку для своих будет — ноль.

Так что мы взяли мористее... Так поступили не мы одни — еще десятка два кораблей, боевых и транспортных... Да только рассчитывать на взаимопомощь не стоило. Сарацин было слишком много. Накинулись, как волки на стадо лосей. Разделили, обложили... В общем так получилось, что теперь каждый корабль сражался сам за себя. И никакой возможности помочь своим «транспортникам» у нас не было. Какое-то время мы еще пытались их прикрывать, но едва не потеряли драккар Харальда Щита. К счастью, вестфолдинги вовремя сообразили, что пришло время плюнуть на добычу и спасти собственные шкуры, дружно взялись за весла и вырвались из западни.

Редкая удача, что ветер был совсем слабый. Арабские двух— и трехмачтовые корабли с их косыми парусами неплохо ходили галсами. В отличие от нас. Так что удрали вестфолдинги исключительно благодаря погоде.

Ускользнули и мы, пожертвовав кнорром и успев лишь выловить из воды старину Ове. Наше счастье, что нас в той баталии обсели не галеры, а «вспомогательный флот».

И вот — галера. Вернее, галеры. Потому что за нами увязались аж четыре боевых корабля испанцев.

Вестфолдинги сунулись, было, к нам на подмогу, но Хрёрек немедленно отсигналил им: валите нафиг!

Правильное решение. У команды Щита — отличный драккар. Но шли они как-то вяло. То ли притомились после спасительного рывка, то ли экипаж существенно пострадал от сарацинских стрел. Сейчас они — на самой периферии битвы, что дает им шанс. Которого не будет, если вестфолдинги попытаются нас поддержать. Да и толку от их поддержки?

Тут и впрямь как у обложенного волками стада. Спасутся те, кто сумел удержаться в общем строю. И те, кто проворней. Остальных обложат и зарежут.

Так что теперь всё зависит от ходовых качеств нашего «Сокола».

Шанс есть, потому что драккар — в отличном состоянии. В Луне он получил полное «техобслуживание» и прекрасно показал себя по дороге из Италии к берегам Кордовского эмирата.

* * *

Насыщенный был вояж. Шли мы строго вдоль берега, потому что набрали в Луне несколько тысяч рабов, которых надо было поить и кормить.

Северное Средиземноморье. Ницца, Тулон, Марсель, Нарбонн, Барселона... Названия, хорошо знакомые мне по «прошлой» жизни. Жители этих городов имели несчастье познакомиться с волчьими повадками норманов.

В одном жителям южной Франции повезло: городов мы не осаждали. Только начисто выметали окрестности.

Противостоять нам даже и не пытались. Все встречные корабли удирали на всех парусах и со всех весел. Им тоже везло. Наши драккары брали только тех, кто попадался на пути. За прочими — не гонялись.

Такая лафа продолжалась вплоть до арабских территорий.

Сначала мало что изменилось. Разве что на берегу «работать» стало труднее: воинственные испанские сарацины не впадали в ступор от одного слова «норманы», а кусали, где только удавалось.

Однако на море нас по-прежнему не трогали.

Почему — стало понятно, когда мы подошли к Гибралтарскому проливу.

Именно тут воинственный кордовский эмир решил дать нам генеральное сражение.

Не исключено, что и африканские сарацины решили поддержать единоверцев. Я в арабских значках и флагах не разбираюсь, а проконсультироваться с Юсуфом как-то времени не было. Да и не до консультаций. Шкуру надо спасти!

Вот мы и спасали. От компетентных людей я знал, что при необходимости галеры и на веслах способны развивать очень приличную скорость, ничуть не уступая нашим драккарам. Разбавленное вино и «неразбавленная» плетка неплохо стимулировали невольников-гребцов. Выносливостью и умением «вкладываться» в процесс они, конечно, уступали викингам, но в мощном рывке на короткую дистанцию были почти равны.

Однако это «почти», на наше счастье, привело к тому, что из четырех преследующих нас галер лишь одна оказалась проворнее «Красного Сокола». Еще одна упорно висла на хвосте, не теряя дистанции, а вот парочка других понемногу отставала...

Но это — пока. Как только мы ввяжемся в бой, они тут же подтянутся...

Я пристроился справа от Уилла Кошачьего Глаза. Стрелок он очень приличный. Лучше меня. Но хуже сарацин. Или у них луки лучше? Метров сто между нами... Достреливают арабы без проблем. Но вреда немного. Слабеют стрелы. Изображаю мишень и без особого труда сбиваю стрелы щитом. Уилл пытается достать одного из стрелков. Уже три раза промазал.

— Парень, — говорю я ему. — Бей навесом по гребцам!

Англичанин смотрит на меня, как будто я ему предложил что-то непотребное. Ну да, англичанин не так давно сам впахивал на галере. Профессиональное братство.

— Хочешь снова сесть на галерную скамью? — ору я ему в ухо.

Стрела с хрустом входит в щит. Расстояние сократилось.

— Делай, как я сказал! — рычу я и перебегаю к Медвежонку, который тоже лупит по стрелкам... И с тем же успехом, потому что арабы бьют из-за укрытия. Выпрямятся, метнут стрелу и спрячутся. Это у нас крутые парни, ничего не боятся... Впрочем, наши все же в железе.

— Навесом! — ору я. — По гребцам!

Свартхёвди только головой мотает. Не мешай, мол. Я за рулем — я и рулю.

А где у нас Хрёрек? А вот он! Рядом с Ольбардом. Наблюдает за противником.

— Ярл! — кричу я еще издали. — По гребцам надо бить!

Хрёрек смотрит на меня, раздумывает... Видно, как логика в его сознании борется с привычной тактикой. Тактика гласит: в первую очередь выбивают стрелков. А уж потом — прочих воинов. Рабов вообще стараются не убивать. Это же товар...

Обдумал. Принял решение. Хлопнул по плечу Ульфхама Треску... Тот выслушал, вскочил на борт и побежал. Вот отморозок! Но — удачливый! И доспехи неплохие. А между нами уже метров сорок. На такой дистанции стрела может пробить и хороший доспех ... Перебираюсь ближе к Медвежонку... И с удовольствием вижу, как он посылает стрелу навесом. Вопль! Еще один!

Ну наконец-то! Ярла-то они послушались. И эффект налицо. Галера сбавляет ход. А потом и вовсе отворачивает. И остальные уходят вправо. Ага! Причина понятна. Большая часть Рангаровых драккаров всё-таки прорвалась и четет напрямик к нам. Шустрые сарацины чуть не оказались между двух огней.

Однако расслабляться рано. За Рагнарными кораблями спешит вся арабская флотилия. От кораблей аж черно.

— Боги — с нами! — басит Медвежонок, сует мне сначала лук, потом — снятый с вспотевшей головы шлем и усаживается на рум, освобожденный Стюрмиром.

Вторая смена. Стрелять из лука, конечно, тоже тяжелая физическая работа, но при гребле работают другие мышцы. Так что это, считай, отдых.

А ветер совсем ослаб... Прав Медвежонок: любят нас боги. Ну, было бы куда лучше, если бы они начали нас любить часика четыре назад и разметали по волнам арабскую эскадру.

Глава тридцать пятая,

в которой герой возвращается... нет, не домой, а только во Францию

О том, что было дальше, рассказывать не хочется. Да, от сарацин мы оторвались. Зато погода испортилась категорически. Волнение балла на три и встречный ветер — это были уже *благоприятные условия*.

Если появлялась возможность, мы прятались в бухтах. Устраивали короткий передых. Но покоя и там не было.

Испанцы взялись за нас по-взрослому. Может, система берегового оповещения работала лучше, чем прошлой осенью. А может дело в том, что мы ползли как черепахи...

На берегу наш десант встречали безлюдные поселки, до зернышка выметенные амбары и стрелы, выпущенные исподтишка.

Гоняться за стрелками — бессмысленно. Да и на засаду можно нарваться запросто... Хорошо хоть пресную воду испанцы не могли унести с собой.

Лишь когда вошли в Аквитанское море, стало полегче. И погода улучшилась и земли здесь были уже христианские, следовательно, народ потише.

В устье Луары мы вошли уже как к себе домой...

И сходу ввязались в драку.

Пока нас не было, франки обложили нашу базу. Остров, что напротив Нанта.

Карл Лысый (как позже выяснилось: подзуживаемый епископами) решил взять реванш. Собрал войско, союзников и нагрязнул. К этому времени, правда, нашу базу уже неплохо укрепили и сходу захватить ее — не получилось. Тем более, рыцари по воде скакать не умеют, а многие из наших раненых уже более-менее вошли в форму.

Однако взятие острова оставалось лишь вопросом времени — преимущество у Карла было едва ли не двадцатикратное.

Нашим предложили сдаться. Обещали оставить некоторое количество кораблей чуток оружия и съестных припасов.

Герольды короля были посланы подальше.

Но с решительным штурмом король почему-то медлил...

А потом и вовсе ушел с большей частью войска.

Как оказалось: во Францию наконец прибыл «союзник». Дорогой братец Людовик Немецкий. Хотя правильнее было бы сказать не пришел, а вторгся...

В отсутствие короля пыл франков как-то притух. Как ни старались епископы, какие слухи не распускали о несметных богатствах, награбленных викингами... Толк от этих слухов был. Но не тот, что ожидали наши противники. Набравшиеся смелости французы украдкой, по ночам возили осажденным провиант. Не бесплатно, само собой. Продовольствия в ограбленной стране было мало. Но серебра — еще меньше. Так что цены устраивали обе стороны.

Лада в антинорманском войске не было. Кто-то из входящих в коалицию баронов под шумок обчистил соседний монастырь, свалив вину на викингов. Возвращать добро отказался, поскольку за руку не поймали, а свидетелей не осталось. Другой барон, родственник убитого настоятеля, решил наказать злодея собственными силами. Результат — потери с обеих сторон. Барон-грабитель предложил свои услуги нашим. Те согласились и барон с дружиной (все го уцелело одиннадцать головорезов) присоединился в аквитанцам.

«Да они больше промеж собой собачились, чем с нами воевали», — охарактеризовал эту вялотекущую осаду Хёдин Морж, когда мы, наконец, высадились на острове.

А мы — высадились. Смели установленные на реке кордоны, подошли к Нанту и заставили франков быстренько попрятаться за стены. В Нанте сейчас сидел уже другой правитель (недолго старина Ламберт наслаждался возвращенным графством), а командовал кое-как объединенным войском почему-то священнослужитель. Епископ Шартрский.

О штурме речи не было. Стричь уже остриженную овцу не было смысла. Пусть сначала шерсть отрасли.

Франки нас тоже на время оставили в покое. Наступила весна. Время засеивать поля чем-нибудь более перспективным, чем покойники.

Мы, воспользовавшись передышкой, тоже не медлили. Паковали вещички.

Там, на севере, уже трескался лед. Пора домой.

Глава тридцать шестая, в которой нашему герою предлагают поделиться славой

Я сидел у костра, кушал свинятину-гриль, запивая красным вином и заедая свежее испеченной лепешкой. И слушал очередную библейскую историю в изложении отца Бернара. В переводе на датский.

У монаха — врожденные способности к языкам. Шпарит почти без акцента. Слушали его внимательно. Примерно как скальда.

Я поставил на землю опустивший кубок, и заботливый Вихорёк тут же подлил мне винца.

А ничего так паренек приподнялся. Никто бы и не признал в нем прежнего пастушка. Отъелся, мышцу нарастил. И одет прилично. Получше, чем Скиди, когда тот пришел проситься ко мне в ученики.

Ну да и Скиди нынче не признавать. Заматерел тинэйждер. А уж прикинулся — слов нет. Ярлу впору. И женушку свою молодую придел по-королевски.

Но держится без лишних понтов. Вон как отца Бернара слушает. Аж рот приоткрыл... Хотя и тема интересная: какие-то войны. Кто-то кого-то обидел и утеснил, а тот, с Божьей Помощью, встал и воздал...

Ага, у нас гости. Господа англичане.

Я приветливо махнул рукой: давайте к «столу», не маячьте.

Нет, остались на ногах. Мнутя.

Отец Бернар закончил рассказ (наши победили) и предоставил возможность британцам высказаться.

Но те никак не решались начать разговор. Длинное костистое лицо Йокрширца обрело заметное сходство с мордой пса, глядящего на мясо в хозяйской руке и не до конца уверенного, что такой роскошный кусок предназначен ему. Сходство с «другом человека» еще более усиливали обвисшие «уши» подшлемника.

Но я не сострил и даже не улыбнулся. Почувствовал, что дело у англичан — важное.

— Дикон, если ты сказать чего хочешь или попросить, так не тяни! А нет, так садись и кушай, пока не остыло.

Дикон вздохнул, покосился на земляка... и выдал:

— Мы, это, Ульф, если ты не против, будем тебе служить!

— «Мы» — это кто? — поинтересовался я.

— Ну мы, нас только трое осталось... — Йоркширец вздохнул. — Которых ты освободил. Я да Уилл, да Юсуф Черный.

Вот как! Англичане-то в свою компанию сарацина приняли! Удивил.

И насчет «только трое» — тоже правда. Остальных Хрёрек на кнорр Ове Толстого определил (с кнорром и утонули), а этих — на наш драккар.

— Вообще-то не я вас освободил, а ярл наш, уточнил я. — И вы все ему верность обещали.

— Ну да, так и есть, — не стал возражать Дикон. — Так мы же и не отказываемся. Или ты хочешь от Хрёрека-ярла уйти?

— Да нет пока. Потому и не вижу смысла в вашей отдельной службе лично мне.

— Значит, не возьмешь? — Дикон явно загрустил.

Вот так. Кто там сказал, что мы в ответе за тех, кого... хм, приручили. Даже

если «прирученные» — здоровенные мужики на полголовы выше «приручителя».

— Я не сказал «нет», — успокоил я Йорширца. — Я подумаю. Со старшими посоветуюсь.

— Ну да, понятно... — Англичанин сразу повеселел. — Посоветоваться, это надо. Только ты теперь знай: если что — так мы всегда за тебя.

— У меня в нашем хирде врагов нет! — Я подпустил в голос суровости.

Что еще за темы такие... Деструктивные.

— Так я не про наш хирд. — Дикон, похоже, удивился. — Если ты дело какое, свое, затеешь... Ты... Ну как бы ты — голос наш...

«Стоп!» — сказал я себе. Человек со всей душой, это же видно. И тема понятна. В дружине у нас, типа, монархическая демократия. В процессе обсуждения ярл слушает всех. И вес у каждого — разный. Получается, что мой теперь будет усилен еще тремя голосами. Если соглашусь.

Только мне оно надо?

Защита? Меня и так, если что, весь наш хирд оборонять будет. Включая ярла. А я — их. И англичан с сарацином — в том числе.

— Я тебе завтра отвечу, Дикон, — твердо произнес я. — Иди пока.

— Чего он хотел? — спросил Медвежонок, прислушивавшийся к нашей беседе, но хорошо, если понявший дюжину слов, потому как в английском был не силен.

— Говорит: хочет моим человеком стать, — сообщил я. — Он, его земляк и Юсуф.

— Юсуф — это хорошо, — серьезно сказал Свартхёвди. — Юсуф — воин. И с железом умел и с луком. А что он трэлем был, так не по рождению же. По крови Юсуф — сын ярла. Сам знаешь, как бывает. Повздорил его отец с тамошним конунгом, а уйти не успел. Удачи не хватило. Весь род вырезали. А Юсуфу самую худшую участь назначили — рабскую. Да только его удача переселила. Юсуф — это очень хорошо. Но Дикон с Виллом — неплохи. Из лука лучше меня бьют, а это дело нужное. В строю да в схватке они — так, не очень. Вроде Скиди нашего.

Парень тут же вскинулся гордо, щеки надул... Но тут же взял чувства под контроль и сдулся. Молодец! Понимает, что не ему со Свартхёвди спорить.

— Ну так воинскому умению их и подучить можно, — продолжал между тем Медвежонок, сделав вид что не заметил реакции Скиди. — Это не беда. Вспомни, как сам год назад в строю ходил? Коровы на водопой и то дружной ходят.

— Ты — серьезно? — Я удивился. — Не шутишь?

— Какие шутки? Ты б себя видел...

— Да я не про себя. Я о Диконе с остальными?

Теперь удивился Медвежонок.

— А что я смешного сказал?

— А то, что все мы — люди Хрёрека-ярла. Зачем, скажи пожалуйста, мне свои служилые люди,?

— Почему — только тебе? Нам. Мы же с тобой — братья. Я, конечно, младший, — тут он ухмыльнулся. — Но всё равно твои люди — это мои. Вон как Скиди. Если у тебя в доме места мало, станут со мной жить. Но лучше мы тебе дом побольше построим. Земли купим, деньги — есть. Вон Скиди дядя выде-

лит долю, мой одаль, опять-таки. И еще матушка за Гудрун землицы отрежет. Построимся, будем жить вместе. Драккар возведем, в походы ходить будем, морскими ярлами станем...

— Погоди, — остановил я полет Медвежонковой мечты. — А как же Хрёрек?

— А что Хрёрек? И с ним будем ходить. Он — удачливый. Только на своих кораблях. Хрёрек конунгом станет, мы — его ярлами. Чем плохо?

— Всем хорошо, — не стал я разочаровывать побратима. — Только пока-то мы — на его корабле и в его хирде.

Свартхёвди фыркнул.

— И что с того? А когда домой вернемся? Мы с тобой — сёлундцы, там и зимовать будем. Хрёрек к своим поплывет, в Хедебю. У него там — земли. Наши же люди — с нами останутся. Что плохого? Деньги у них есть, на прокорм хватит. Да и не хватило бы, что с того? Не жадничай, Черноголовый! Мы-то с тобой — богачи!

Вот кто бы о жадности говорил!

— Я не о том, Медвежонок! Я другое спрошу: зачем нам с тобой в Сёлунде нужны свои воины? Нам что, кто-то угрожает?

— Смеешься? На Сёлунде Рагнар правит, а он тебе благоволит. И Рагнарссоны. Даже Ивар Бескостный, я слыхал от людей, с похвалой о тебе отзывался. А Ивар редко о ком доброе скажет. Да что я! Он же тебя к себе в хирд звал!

— Тебя — тоже, — напомнил я.

— Это потому что я — берсерк. Да и то — только один раз. А тебя — дважды. Это, брат, большая честь, если тебя Ивар оценил. Хочешь верь, хочешь не верь, а Ивар когда-нибудь повыше отца знамя поднимет. У Ивара за плечами сами боги стоят. Люди видели. Да такие люди, что врать не станут!

— Я и сам кое-что видел, — пробормотал я, вспомнив «ящера». — Но ты так и не ответил. Зачем нам с тобой свои воины, если нас и так никто тронуть не посмеет?

— А для достоинства! — заявил Свартхёвди. — Если у нас с тобой свои хускарлы есть, значит, мы с тобой — вожди! Хёвдинги!

— А зачем нам быть хёвдингами? — поинтересовался я. — Лично мне и так неплохо.

Медвежонок уставился на меня, как повар — на стейк, вдруг заявивший о своем желании стать репкой. Открыл рот... И закрыл. Потом махнул рукой — мол, что говорить с умственно неполноценным, — и послал Вихорька в «кладовку» за винишком.

А я подумал немного... И отправился к Трувору. Если уж с кем советоваться, то — с ним. Или с Ольбардом. Не к Хрёреку же идти, в самом деле...

Варяги расположились метрах в тридцати от нас, но — отдельно. У собственного костерка. Всею дружной компанией.

Харра Стекоза подвинулся, уступая мне почетное место рядом с Трувором. Рулаф тут же нацедил сдобренного медом вина в собственную чашу. Поднес. Мелочь, а приятно. Сразу как-то теплее стало. На нашей части острова все свои. Но варяги — особенно.

Усадили, угостили... И вернулись к прерванному разговору. И — сразу в тему. Варяги обсуждали, что будут делать дальше, после завершения похода. И что характерно: пути их с Хрёреком-ярлом не совпадали.

То есть до Балтики у всех нас планы были одинаковые. Однако потом варяги планировали плыть не в Хедебю, а домой. Причем уже и кораблик трофейный под это дело присмотрели. Из общей добычи. Не боевой — типа кнорра. Крепкий и вместительный.

— А что ярл, не возражает? — осторожно поинтересовался я.

— А с чего бы ему возражать? — в свою очередь поинтересовался Трувор.

— Так Ольбард же — его лучший кормчий!

Варяги засмеялись. Ольбард — громче всех.

— По нашему морю до Хедебю даже ты, Волчонок, корабль довести сможешь. И насчет лучшего ты зря сказал. Хёдин Морж хоть и стар, а Лебединую Дорогу лучше меня знает. Не заблудится наш Сокол, не тревожься!

И вся словенская братия опять заржала. Веселуха, блин. Весь вечер на арене — популярный клоун Ульф Черноголовый. Соло.

Но я справился. Засунул свою обиду, куда следует, и тоже захохотал. Единственно правильное действие в данном конкретном случае.

Посмеялся, а потом сказал серьезно:

— Трувор, Ольбард, совет ваш нужен. Помогите!

— Говори, — разрешил Трувор. — Хоть ты теперь и *не понять* чей зверь: то ли наш, то ли сёлундский, однако поможем по старой дружбе. И словом пособи́м да и не только словом...

— ...Особо если с бабой какой справиться не можешь, то я — готов пособить! — влез Харра Стрекоза. — Всегда и бесплатно!

Снова гогот. Что у них нынче за настроение смешливое?

— Рукой себе пособи, — посоветовал я. — Трувор!

— Понятно, понятно! Отойдем.

— Что это вы нынче такие веселые? — поинтересовался я, когда мы переместились от костра в тень монастырской стены.

— Дом вспоминали, — ответил варяг и снова заухмылялся. — Ну говори, Волчок, что у тебя за печаль?

Я вкратце изложил мои проблемы. Потом, в двух словах, рекомендацию Медвежонка. Брать всех — и в хёвдинги.

— А ты, значит, в вожди не хочешь, — моментально въехал в мою печаль Трувор.

— Вот именно. Командовать я не люблю, богатств хватает, да и с ярлом нашим мне ходить — по нраву. Зачем мне в хёвдинги? Голову ломать, где добычу найти на всю бедовую дружину? Вот не было печали!

Трувор задумчиво пропустил меж пальцев двадцатисантиметровые усищи.

— Понял, что тебя томит, — сказал он. — Не хочешь ты за других людей ответ держать перед богами. Только, думается мне, хотение твое — ничто. Есть вожди, которые властвовать хотят. Таких у нас, варягов, не больно привечают. Есть вожди, что по роду да крови вожди. Этим выбирать не приходится. Да и привыкли они смолоду, что — вожди. Боги их выбрали. А есть такие, что сами собой над другими людьми встают. Кто — потому что под другими ходить не хочет, но эти — пустые. Нет таким удачи. А есть — кого опять же боги верховодить выбрали. Таких, обычно, по великой удаче узнают. Вроде как у тебя, Черноголовый. Да только не всяк богатый удачей — вождь годный. Иной для себя удачлив, а для людей, что за ним пошли — одна беда! Но это узнать — нетрудно.

— Это как? — заинтересовался я.

— А вот пойдешь ты в поход с дружиной и вернетесь вы живые и с доброй добычей, значит правильная у тебя удача. А коли вернешься с добычей, живой, но без дружины, тогда — тоже правильная. Но — только твоя.

— А если не вернемся ни я, ни дружина?

Трувор положил мне руку на плечо, придавил слегка... Я качнулся, рука соскользнула.

— Глупый ты, — сделал неожиданный вывод Жнец. — Зачем с людьми разговариваешь? Богов спроси. Они ответят.

* * *

— Отец Бернар, как мне задать Богу вопрос, но так, чтобы получить ответ?

— При Крещении грехи твои уйдут — и правда откроется.

Упорный монах гнул свою линию.

Ладно, будем рассуждать логически. Допустим, соберу я свою команду... То есть не так. Команда у меня уже имеется. Скиди со своей подружкой, Вихорёк, упрямый монах... Ну и побратим Медвежонок. Допустим, я ее расширю еще на трех человек. Не велика разница. Дисциплина? Тоже не вижу проблем. Если уж британцы и сарацин сумели подружиться, то со мной они точно поладят.

Решено. Берем.

* * *

Утром я огласил свое решение и нашего полку — прибыло. Больше всех, по моему, был рад отец Бернар. Британцы — христиане, а сарацин... Это ж какая заслуга перед Богом, если не язычника крестить, а мусульманина!

Юсуф в ответ на подходы монаха только ухмылялся. А вот я — нет. Вечером мне было уже не до смеха, потому что под мою руку попросились еще трое. Причем — из самого нелюбимого мною сегмента скандинавских племен. Норегии. Гуннар Гагара, Гуннар Морской Кот и здоровенный, волосатый, как бизон, Хагстейн Хогспьёт. Ну не було у бабы хлопот, так купила порося! Вернее, аж трех диких вепрей.

Но отказать — обидеть. Причем — кровно.

Пришлось принять. Оптом. Но строго предупредив: вольницы не будет. Мое слово не просто закон, а — Закон. Если сказал, к примеру, бабу не трогать, кто тронет — будет сам вместо бабы использован. Неоднократно. Посредством древка от большого копья.

Так, а что это мы вдруг развеселились? Понятно. Большое копье, то бишь хогспьёт. Хагстейн тут же пообещал отрахать по моему приказу кого велю. Мол, древко у него — самое подходящее. Тому же Морскому Коту — как раз по размеру будет. Кот тут же засветил земляку в рыло, Хагстейн только хрюкнул довольно. По такой роже если бить, то сразу оглоблей.

Такая вот веселуха. Я тоже ухмыльнулся и сообщил своим новым дренгам, что они — в теме. И мы отправились праздновать.

А ночью ко мне пришел мой Волк.

Глава тридцать седьмая, в которой герой видит красивый сон, впоследствии оказавшийся символическим

То был очень красивый сон. Заснеженный лес и летящие светлые тени. Немного похоже на прогулки, которые я затевал, когда Свартхёвди «прохо-

дил обучение» у Стенульфа.

Только во сне я был — другим. Крупнее, сильнее, стремительнее. И почему-то — голый. Короткие штаны мехом внутрь, пояс с парой ножей — и больше ничего. Холодно не было. Я мчался по сугробам, не проваливаясь — отталкиваясь от заснеженных пней, поваленных деревьев, перехватываясь руками за низкие сучья, немногим уступая в скорости охотникам-волкам...

Бег этот — не просто так. Мы преследовали добычу. Взрыхленный снег, глубокие следы, оголившиеся ветки, задетые рогами...

И вдруг — ровная поляна. Внезапно, как во сне бывает.

Замерзшее лесное болотце с сухими метелками по краям. Глубокий, вихляющий след уходит дальше, а поперек следа — тяжелая глыба, покрытая бурым длинным мхом-шерстью. И толстые, как весла драккара, светлые рога с вывернутыми вперед острыми концами. Зверь-йотун.

Белые тени-волки вились вокруг, не решаясь напасть. Лесной бык не обращал на них внимания. Он ждал меня.

А я ждать не стал. Короткий разбег, толчок, полет... Огромная голова взметнулось вверх, тщаь поймать меня на рога... Куда там! Я оттолкнулся ногой от широченного лба (подошва ощутила упругий, смерзшийся мех) вскочил на холм-загрибок, подпрыгнул... Вернее, мы подпрыгнули вместе: я и бык... Но я крутнулся в воздухе, как балетный танцор, и упал вниз на долю секунду позже, чем с хрустом вмялись в лед широкие копыта. Соскользнув с горба, как с горки, к голове великана, я с размаху воткнул черные толстые ножи позади мохнатых широких ушей.

Бык-йотун взревел так, что с елок снег осыпался, задрал голову, сорвался с места и живым танком помчал сквозь подлесок.

Мои волки — за ним, щучками ныряя в снег и снова взлетая, норовя вцепиться в мохнатый пах, подлетев сбоку, тщаь повиснуть на носу или губе, потому что горло зверя надежно закрыто густоющей полуметровой бородой...

Бык скакал. Еще он ревел и мотал головой. Ветви свистели надо мной, осыпая снегом. С треском переломилась задетая бурым плечом березка...

И вдруг лесной царь-великан встал, как вкопанный.

Я не слетел вниз лишь потому, что уперся ступнями в основания рогов...

На нашем пути стоял гигант, мало чем уступающий рогатому зверю. Здоровенный медведь с широкими кривыми передними лапами, покатою спиной и пастью, в которой целиком поместилась бы лошадиная голова. Во всяком случае, мне так показалось, когда я заглянул в эту глотку.

Бык заревел, нагнул голову и нанес удар.

Медведь не стал уворачиваться: ударил сбоку. Лапа с длинными тупыми когтями ушибла рогатого великана, но не остановила. Длинный рог сорвал клоч шкуры с шерстью с медвежьего плеча. Но я этого не видел, потому что, слетев с бычьего загривка, воткнулся в скрывший кусты сугроб.

Когда я выпутался из мешанины веток и поднялся, исцарапанный и весь облепленный снегом, битва уже закончилась.

Бык бился в агонии, а медведь, мотая головой, рвал клыками бычье брюхо.

...Я ощутил прикосновение меха к ноге. Снежно-белый волк был рядом. Его собрат — на шаг впереди, — не сводил глаз с пропитанного кровью снега.

...А в двух шагах от жрущего громадного мишки, стоял третий волк. Мой.

Стоял и улыбался. Звал.

И тогда я бесстрашно двинулся вперед.

...Медведь поднял перепачканную красным морду, поглядел на меня (Наши глаза были почти вровень, такой он огромный!), потом фыркнул мощно и снова зарылся в тушу.

А я выдернул один из своих ножей (второй придавило бычьей башкой), отмахнул вывалившийся из бычьей пасти язык и запустил в него зубы...

* * *

Дивный был сон. В смысле, удивительный. Настолько странный, что я поделился им с побратимом.

И тот, к моему удивлению, вмиг его истолковал. Даже не задумавшись.

Мол, с его, Свартхёвди (Медведя то есть) помощью я завоюю страну дремучих лесов, где водятся бородатые быки. Зубры, по-нашему.

А волки — это те храбрые воины, которые пойдут с нами. Ну а мой тотемный Волчина — это как бы гарантия свыше: все будет путём.

— А ты еще не хотел собирать воинов под свою руку! — укорил меня Свартхёвди. — Чую: быть сыну моей сестры сыном конунга!

Прослезился от избытка чувств, сцапал меня и притиснул лицом к бороде.

Все же неудобно, когда «младший брат» настолько выше ростом, чем «старший». Несolidно как-то...

Глава тридцать восьмая **О вождах и кораблях**

Мы прогуливались по острову. Несмотря на то, что большая часть норманов отсутствовала, спешно дограбливая окрестности, сбывая и покупая ценности на стихийно образованном рынке или карауля отсиживающихся за стенами Нанта франков, на острове было весьмалюдно. И возникало ощущение не военного лагеря, а какой-то судостроительной верфи. Дух свежего дерева перебивался только запахом горячей смолы и вонью топленого сала.

Викинги готовились к скорому отплытию. Последние штрихи, так сказать.

Инициатором прогулки был Свартхёвди. Он и увлек меня на ту часть острова, которую занимали Рагнар с сыновьями. Увлек с загадочным видом человека, готовящего сюрприз. Я крепился и ждал. Готовился ко всему. Сюрпризы Медвежонка могут быть весьма неожиданными.

О, мы остановились. Надо полагать, пришли. И что в этом месте интересно, если не считать здорового шатра со значком Ивара Бескостного?

— Подумал я, брат, о том, что ты сказал. Мол, нет у нас своего корабля и это нехорошо.

Когда это я такое сказал? Что-то не припомню...

Но Свартхёвди моих мыслей читать не умел, гнул свое:

— Подумал я, и решил: прав ты, брат. Вон, погляди-ка...

И указал на берег. На берегу, похожие на дремлющих морских чудовищ, лежали драккары.

— Смотри! — сказал Медвежонка, подводя меня к берегу, между поставленными на валки кораблями. — Что ты скажешь?

Что я видел? Другие корабли, уже спущенные на воду. Пара кнорров, еще один драккар... На всех — знаки Ивара. Так я и сказал.

— Вот туда гляди! — Свартхёвди развернул меня в нужном направлении. — Что видишь?

Я посмотрел. Время, проведенное с викингами, не сделало меня великим специалистом по кораблестроению. Однако кое-в-чем я уже разобрался.

— Ну, кнорр, — сказал я. — В хорошем состоянии, — уточнил, приглядевшись внимательнее. — Собран, вроде, неплохо. Года три?

— Пашет море с позапрошлой весны! — заявил Свартхёвди с такой гордостью, будто приходился данному кнорру папой.

— Мелкий какой-то, — выдал я первое, что пришло в голову. Кнорр и впрямь был невелик. Наш, утопший, был побольше водоизмещением.

— А зачем нам — побольше? — отозвался Медвежонок. — Шесть пар весел — в самый раз. А трюм у него вместительный. То, что надо! Покупаем?

Я в изумлении уставился на побратима. Это и есть сюрприз?

— Цена хорошая! — заверил меня Свартхёвди. — Ивар сказал: с тебя много не возьмет. Ты ему по нраву, а золота у Рагнарссонов и так хватает.

— Так это что же, Иваров кнорр?

— Не то, чтобы Иваров, но... Шел с ним один торговец из Смоланда. Его убили осенью. А кнорр остался.

— А что люди купца?

Свартхёвди пожал плечами.

Ну да, дурацкий вопрос. Из тех, которые ни один разумный человек не станет задавать Бескостному.

— Ивар сам предложил, когда услышал, что ты ищешь судно.

— Вот как? А я его ищу?

— Ну да. Ты теперь вождь, а у вождя должен быть корабль. Сам же сказал. Лучше, конечно, драккар, — рассудительно произнес Медвежонок, — но для драккара нас пока маловато. Так что этот кнорр будет — в самый раз. Он тебе не нравится? — спросил Свартхёвди с беспокойством. — Что твоя удача говорит?

Моя удача слегка охренела и помалкивала.

— Ну почему ж не нравится? Отличный кнорр! Что дальше?

— Как что? Я дам тебе свою половину серебра, добавь к ней свою, иди к Ивару и покупай. А я пока скажу нашим, чтобы собирали свое имущество. Если у нас есть свой корабль, мы на нем и поплывем.

— А Хрёрек? Что он скажет? Мы ведь из его хирда? Вдруг он будет против?

Свартхёвди поглядел на меня очень внимательно, помедлил и изрек:

— Ты сегодня ничего... такого не съел?

— То есть?

— Говоришь странные вещи.

— Со мной бывает, сам знаешь, — буркнул я и, чтобы сменить тему, предложил: — Давай-ка лучше на борт поднимемся. Глянем, так ли он хорош внутри, каким кажется.

Первое, что мне бросилось в глаза, когда я оказался наверху — почерневшая пленка крови, сплошь покрывшая палубу. Да, неслабый был бой. Кровь, если сразу не смыть, обладает неприятным свойством пропитывать даже просмоленные доски. А уж из щелей ее точно не выскрести.

Я поделился этой мыслью с Медвежонок, но уже после того, как мы осмотрели трюм и убедились, что кнорр — в полном порядке.

— Отскрести кровь? — переспросил мой побратим. — А зачем? Это же...

И минут пять пояснял мне, некультурному, как пролитая кровь повышает мореходные качества судна. С примерами из личной жизни и из общей истории и истории собственного воинственного рода.

Медвежонок был абсолютно уверен, что драккар, чей киль не будет окроплен человеческой кровью, утонет в первом же плавании. И что драккар, омытый не просто кровью раба, а кровью полноценного воина, с честью взятого в плен, будет бороздить моря, не зная поражений. И только я, тупой и невежественный, недопонимаю: раз на этом кнорре пролилась кровь многих воинов (сначала, когда напавшие франки убили всех наших моряков, а потом самих франков убили оказавшиеся поблизости хирдманны Ивара), то в любой шторм и в любых конфликтных ситуациях на таком кнорре будет безопаснее, чем в домашней постельке.

— Тем более, — заключил Свартхёвди, — этот кнорр был омыт не только кровью воинов, но кровью воинов Севера, а наша кровь для такого дела — самая хорошая. Лучше только кровь настоящих конунгов и кровь дракона.

— Вот только драконов, брат, давно перебили, — добавил Медвежонок с искренним огорчением. И тут же воспрял: — Зато теперь мы, берсерки и ульфхеднары, — самые неуязвимые из живущих!

Грохнул меня по броне деревянной лапой и сиганул на берег с трехметровой высоты.

Я же, будучи в доспехах, на такой прыжок не осмелился и аккуратно сошел по веслу.

Кровь Севера. Надо же! Помнится, и Тьёрви что-то такое говорил...

* * *

Хрёрек не стал укорять меня за «самостоятельность». Он, оказывается, был в курсе, что я собираю команду. И отнесся к этому положительно.

Не откладывая в долгий ящик, тут же сообщил, что ждет нас в конце лета в Хедебю или в начале осени — в Ладогe.

— Не опоздайте на праздник, — добавил он с усмешкой. — Будет весело.

И ушел распоряжаться погрузкой. Через три дня весь наш буйный лагерь снимался с якорей и уходил домой. Домой! То-то радости франкам! Или, напротив, огорчения. Мы ведь не порожняком уходим, а с полными карманами франкского имущества. И, увы, не навсегда. Норманы сюда еще вернутся. И не раз. Им понравилось.

* * *

Тем же вечером у меня появился кормчий. Ове Толстый.

Чисто подарок судьбы, потому что — отличный специалист с десятилетним опытом работы по профессии.

Почему вдруг такой молодец решил встать к кормилу мелкого кнорра с еще более мелким капитаном, поинтересовался я.

— Так кто мне еще доверит, — вздохнул громадный датчанин. — Два корабля потерял. Нет у меня удачи!

— А я, полагаешь, доверю?

— Ага! — ухмыльнулся Толстый. — Твоей удачи на всех хватит!

Логично. Ове — точно ее проявление. А то я уж думал: придется Медвежонка к кормилу ставить или самому братья за руль. А какие из нас кормчие? Один — берсерк, другой — дилетант.

— Дядя-то — не против? — на всякий случай поинтересовался я.

Нет, не против. Более того, сам посоветовал. Морж услышал от ярла, что Ульф и Свартхёвди кнорр купили — и заслал племянника занять вакансию.

— Тогда пошли пиво пить, — сказал я.

Условия не оговаривались. Стандартное жалование кормчего (своего, не нанятого) — три доли общего дохода. Расходы — из общего котла. Внесет как все две марки — на прокорм до осени хватит. А за это время, глядишь, еще чего-нибудь наварим.

Глава тридцать девятая, в которой герой знакомится с опасностями самостоятельного плавания

Светлая идея плыть прямо домой родилась не в моей голове — Скиди надоумил.

— В твоём поместье, Ульф, отличная бухта, — сказал он. — И корабельный сарай есть. Так зачем же нам в Роскилле вместе с конунгом плыть?

— Верно дренг мыслит! — поддержал Свартхёвди. — Дойдем быстро, обгоним новость о возвращении Рагнара. Вот это будет удача!

— А что в том хорошего? — простодушно спросил Хагстейн Хогспьёт, очень удачно опередив меня. Удачно, потому что нехорошо, когда хёвдинг не понимает элементарных вещей и заявляет об этом вслух.

— А то, тупая ты голова, что когда узнают: Рагнар с добычей вернулся, так цена на серебро враз упадет! — пояснил земляку Гуннар Гагара. — Я поддерживаю слово Скиди!

Собственно, вся моя команда была «за». Только у меня были смутные сомнения. Наш кнорр, под завязку набитый ценностями, был в полной безопасности, пока плыл с армадой Рагнара. Однако в одиночку становился лакомой добычей для любого морского хищника. Конечно мы все — парни крутые, да только мало нас. Мы с Медвежонком, три норвега, два англичанина с арабом Юсуфом, Ове... Хотя нет, Ове — не в счет. Он рулить будет. Еще Скиди — он уже вполне приличный боец. Ну Вихорек с луком... Еще половинка боевой единицы. Отец Бернар... Этот драться не будет... Хотя наверняка умеет. Ну, будем считать его еще за половинку. Итого: десять боевых рыл.

А в среднестатистической разбойничьей дружине — не меньше полусотни.

И время сейчас нехорошее. Весна. Голодные морские волки выходят на промысел...

А стоит взглянуть на наш кнорр, и сразу видно: не порожняком идет. Вон осадка какая...

Я поделился сомнениями с обществом.

«Общество» задумалось... Но ненадолго.

— Мы же вокруг Сёлунда пойдем, — сказал Свартхёвди. — С Сёлунда все хорошие воины с Рагнаром пошли. Да и знают нас здесь. Не тронут.

Убедил.

— Решено, — заявил я. — Домой идем морем.

* * *

Ох, блин! Не зря я сомневался! Только-только рассеялся утренний туман —

прямо по курсу драккар!

Черт! Сёлунд Сёлундом, но по ту сторону пролива — Сконе. И там нас, сёлундцев, тоже знают. Но, как бы это поделикатней выразиться... С не совсем хорошей стороны.

Причина понятна.

Именно в Сконе ходят по льду «за зипунами» сёлундские «козаки».

Именно в Сконе мы ходили «забарывать зло» вместе с Каменным Волком и обиженной вдовушкой. Долг, как говорится, платежом...

— Правей и на камни? — мрачно спросил меня Ове Толстый.

Вот ведь жизнь у человека: третий корабль за сезон...

Я задумался...

Выбросится на скалы Сёлунда — мысль, к сожалению, здравая. Есть шанс, что парни на драккаре за нами не сунутся. Есть шанс, что кто-то выплывет... Да и добро потом можно будет достать, если удастся утопить кнорр правильно.

Только — вряд ли. Вон прибор какой! И воды здесь для нашего кормчего — новые. Так! Это я об Орабель забыл. Мы-то — воины. Нам ли смерти бояться? А сознательно топить беременную женщину... Нет, я так не могу.

Значит — что? Значит, будем драться. За одного битого трех небитых дают. А мы уж такие битые... Будем считать — каждый на пятерых сконцев потянет. И Медвежонок вообще за десятерых...

На драккаре нас заметили. Ожилились.

— Прямо держи! — велел я Ове и повернулся Медвежонку, разглядывавшему опасный кораблик.

— Можешь сказать, кто это?

Вдруг — друзья? Или — родичи чьи-нибудь. Тогда, глядишь, обойдется...

Не обошлось.

— Это корабль Торкеля-ярла, — мрачно произнес Медвежонок.

Он тоже прикинул наши шансы на успех и понимал — нет никаких шансов. Тридцатидвухвесельный драккар, это значит в команде семьдесят-восемьдесят головорезов. Задавят одной только массой.

— Торкель-ярл... — напряг я память. — Ты его знаешь?

— Ты тоже, — буркнул Медвежонок. — Ему Хавгрим Палица служит.

Вспомнил.

Тот самый ярл, с которым мы общались в поместье полюбившейся Каменному Волку вдовушки.

Вот уж у кого нет никаких оснований нас любить.

— Зря тебя не послушали, — пробормотал мой побратим. — Ты чуял беду, а я не послушал...

— Пустое! — бодренько произнес я. — В Валхалле на пиру встретимся!

— Это да, — вздохнул Медвежонок. — А как бы матушка с сестренкой порадовались нашей добыче!

Драккар недружественного ярла разворачивался клыкастой мордой к нам. Я ощутил знакомое спокойствие и улыбнулся. Может все же выкрутимся? Бывало и похуже...

— Брони вздеть! — рявкнул я. — Вихорёк! Белый щит — на мачту! Ове! Держи на вражий драккар! Орабель, отец Бернар — в трюм!

Ох и драка будет! Не завидую тому, кто палубу отмывать будет! Хотя я бы с ним поменялся...

Я стою на носу, как и подобает вождю. В отличной броне, «унаследованной» у покойного сарацина, в сверкающем шлеме.

Слева — Свардхёвди. Он больше не лопаёт свое мухоморье зелье (хотя и носит на всякий случай), научился «звереть» и так, в процессе кровопролития.

Но пока он еще не «оборотился». Обычный человек. Со швырковым копьем в руке. Ждет подходящего момента.

Справа сопит Хагстейн. Со щитом и здоровенным копьем, давшим ему прозвище. Меня прикрывает. Так положено, ведь я — вождь.

Слева от нашей носовой фигуры — англичане. С луками наготове. Не стреляют, хотя дистанция уже позволяет. Смысл? Над высокими бортами только щиты да головы торчат. И копья щетинятся.

Драккар идет на нас, скаля белые драконьи зубы из «рыбьей кости». Тремя метрами ниже — такие же белые усы пены. Мерно, обманчиво лениво вспахивают воду весла. Не торопится Торкель-ярл. Куда мы денемся? Тем более, белый щит подняли...

Эй, волчок мой белый, где ты? Чует сердце: сегодня ты мне ой как понадобишься.

Дистанция — метров двести метров. Ох не торопятся сконцы поднимать белый щит! Или — не собираются?

Дистанция — сто пятьдесят метров. Сконцы смотрят на нас поверх щитов. Только глаза и видны. Ох, не миновать нам драки!

Дистанция — шестьдесят метров. С каждым взмахом весел расстояние между нами сокращается метров на пять. Сконцы не слишком торопятся. Поляна накрыта. Добро пожаловать на пир.

Моя маленькая команда ждет команды: к бою. Я медлю... Очень не хочется умирать...

Топот ног за спиной... и жуткий рев берсерка оглушает меня. Свартхёвди не выдержал. Или наоборот, дождался дистанции эффективного броска и метнул с разбега. Копье — не стрела. С пятидесяти метров копье Медвежонка уверенно прошибает щит. Взять первую кровь — это хороший знак. Вестник смерти, полутораметровое копье с узким каленым жалом летит над стылой водой...

Глава сороковая Испытание верности

Мелкий стылый дождь сеялся с темного неба. Человек в замызганном плаще из грубой некрашеной шерсти подошел к воротам, когда солнце уже покинуло небо. Прохожий постучал древком копья.

Первыми отозвались псы — зашлись злобным лаем. Над воротами показалась лохматая голова трэля.

Оглядев сверху позднего гостя, трэль сделал выводы и неуважительно поинтересовался:

— Кто таков?

Гость неловким движением сбросил капюшон, поднял кверху лицо, зарос-

шее давно не стриженной бородой...

Раб охнул и белкой слетел с насеста.

Через мгновение калитка в воротах с мерзким скрипом отворилась.

Гость шагнул внутрь и сразу направился к дому, не глянув на согнувшегося в поясе раба.

Бросившихся во свирепым лаем собак гость тоже проигнорировал. Те, впрочем, грызть его не стали: в нескольких шагах сменили гнев на милость и завиляли хвостами: признали своего.

Давя сапогами дворовую грязь, пришелец пересек двор и решительно откинул полог...

Не меньше двадцати пар глаз уставились на него.

В доме как раз заканчивали вечернюю трапезу.

За длинным столом собрались все, кому дозволено ужинать с хозяевами.

Человек остановился на пороге...

Все разговоры вмиг прекратились — как отрезало.

Воцарившуюся тишину нарушил звонкий стук. Выпавшая из пальцев хозяйки чаша ударилась о столешницу, расплескав компот из сушеных ягод. Темная жидкость залила платье, но хозяйка будто и не заметила.

— Ульф! — прорезал тишину чистый женский голос.

Вскрикнула не хозяйка — ее дочь.

Она птицей вспорхнула со скамьи, кинулась к жениху, обняла, прижалась...

— Ульф... Ты вернулся, вернулся...

Жених отстранил ее бережно, но не отпустил, держа за руку сделал еще несколько шагов — до самого стола.

— Ульф... — Лицо девушки вдруг приняло выражение, какое бывает от несправедливой обиды. Кажется, она поняла, что суженый вернулся как-то неправильно... Совсем не так, как возвращаются победители.

Глаза хозяйки поместья расширились...

— Мой сын... — тихо, одними губами спросила она.

— Жив, — сказал возвратившийся, и Рунгерд облегченно выдохнула.

За столом тоже расслабились, задвигались...

— А где всё? Ты что же, ничего не добыл? — растерянно проговорила девушка. Она поглядела на вход в дом, будто ожидая, что завеса сейчас откинется и внутрь хлынет несметная добыча любимца Удачи. Ее жениха...

— А если — ничего? — глухим голосом проговорил тот. — Тогда ты мне уже не рада? Не пойдешь тогда за меня?

И снова — тишина, нарушаемая только треском огня в печи.

Губы девушки задрожали. Выражение незаслуженной обиды проступило еще сильнее:

— Ты... Что такое говоришь? Я — невеста твоя. Ты же мне дар свадебный... Ты больше не хочешь меня, да? Другую нашел, да? — Звонкий голос девушки внезапно обрел твердость.

— Нет, Гудрун. Ты одна мне любя! — Вернувшийся поднес к губам ее руку (которую всё это время не отпускал), прижался губами, влажной от дождя бородой. — Но люб ли я тебе, если даже подарка не привез?

— А не привез, и пусть! — Девушка высвободила руку, взяла в ладони мокрую голову суженого и жарко поцеловала в губы.

Отстранилась, поглядела, оценивая: понравилось ли? Хорошо ли? Увидела: да, хорошо. Блеснула ровными зубами:

— Ныне не подарил, так еще подаришь! Главное — вернулся!

И снова впилась губами в губы.

— С возвращением, Ульф Вогенсон! Ты, верно, голоден? Садись за стол!

Это сказала сама хозяйка, когда дочь наконец перестала целовать жениха.

Гудрун тоже спохватилась. Как же! Первым делом накормить-напоить, а уж потом — расспрашивать. Потянула за руку наверх, к почетным местам...

Но жених уперся.

— Довольно ли у тебя нынче снеди, госпожа Рунгерд? — спросил он зачем-то, хотя и без того видно: стол небедный.

— На дюжину таких, как ты хватит, — без улыбки, строго ответила хозяйка.

* * *

...Я глядел на нее и думал, что успел позабыть, как она хороша. Мою Гудрун — помнил, а ее, королеву, забыл.

Но как держится. Ни одного вопроса. Выдержка — мне бы такую.

— погоди, свет мой, — произнес я ласково, высвобождая руку из пальчиков Гудрун, — все же нехорошо, когда приходишь к тем, кого любишь без подарков. Кое-что я припас и для той, кого люблю и для той...

...Кого любил.

Нет, последние два слова я, конечно, вслух не произнес. Выразился более дипломатично: «...той, кто произвел ее на свет».

А потом достал из-под плаща кожаный мешок, развязал и картинно вывалил его содержимое прямо на обеденный стол.

И с удовольствием услышал дружное: «Ах!»

Естественно. Очень сомневаюсь, что кто-либо из присутствующих видел прежде столько золота разом.

Я сполна наслаждался произведенным впечатлением, а затем эффектно сбросил с плеч позаимствованный у своего арендатора плащ и пламя факелов заискрилось на драгоценных арабских доспехах. И на килограммовой золотой цепи, подаренной мне Рагнармом. И на самоцветах в оголовье сарацинской сабли, которую я теперь носил на правом боку...

Гудрун залилась счастливым смехом... Нет, я не дал ей повиснуть у меня на шее, хотя этот «груз» был мне куда милей золотого украшения.

Это еще не все сюрпризы! Далеко не все!

Я взял со стола оправленный в золото рог из добычи, взятой в Нанте и дунул.

Рог рявкнул как надо: низко и зычно.

— Значит, дюжину ты накормить сможешь, моя госпожа? — спросил я Рунгерд. И услышав снаружи топот ног, густые мужские голоса и восторженный собачий брех, произнес с улыбкой:

— Ну так корми!

В следующий миг в дом ворвались мои «однопольчане». И первым — Свартхёвди Медвежонок. Огромный, счастливый. Подхватил сестру, пронесся вдоль стола, схватил и мать, и с ними, двумя, налетел на меня... И мы закужились вчетвером, опрокинули что-то...

И я наконец по-настоящему ощутил: я — дома!

* * *

— ...Глядел на людей Торкеля-ярла, — рассказывал Свартхёвди, поигрывая кубком, — глядел и думал: обидно будет, если умру, считай, на пороге дома. А еще обиднее, что всё наше добро каким-то короткохвостым сконцам достанется. И тогда воззвал я к отцу нашему Одину. Так, как лишь настоящие дети его умеют... — Свартхёвди сделал паузу, огляделся: все ли его слушают внимательно? Слушали все. Даже мы, непосредственные участники данной истории.

— ...Воззвал я к Одину... — повторил Медвежонок и сообщил торжественно: — И Отец Воинов меня услышал!

* * *

Не имеющий звуковых аналогов в этом мире жуткий рёв берсерка отключил мое правое ухо не хуже, чем выстрел из гранатомета. Пущенное Свартхёвди копьё описало идеальную дугу... и закончило путь в цепкой лапе одного из хирдманнов на носу драккара.

И, эхом Медвежонок вопля, с вражеского корабля прилетел такой же жуткий рык оскорбленного в лучших чувствах пещерного медведя.

У наших противников тоже имелся берсерк. А когда эхо умолкло, птички на береговых скалах перестали галдеть и гадить, а я сполна проникся нашим безрадостным будущим, с чужого драккара донесся зычный голос Хавгрима Палицы:

— Ты ли это, Медвежонок?

— Иди и посмотри! — рявкнул в ответ Свартхёвди.

Он уже настроился на драку и давать задний ход не собирался.

— Гляжу: у тебя теперь свой кнорр?

Медвежонок рыкнул что-то невразумительное. По-моему, он пытался совладать с «боевым превращением», а дело это было нелегкое.

— Это наш кнорр! — крикнул я.

— Чей — наш? — уточнил выпускник стеноульфовской школы оборотней.

— Я — Ульф! Ульф Черноголовый! — И решил форсировать события, потому что драккар противника был уже в тридцати метрах. — Биться будем? Или еще поговорим?

Хавгрим заржал. Выдержал паузу, дабы все мы настроились на «умереть с честью»... А затем поднял кверху щит. Светлой изнанкой наружу.

Я чуток расслабился. Еще не вечер, конечно, но, может, и обойдется.

— Вы там не пиво везете? — поинтересовался Хавгрим. — Вижу: трюм у вас забит по самые люки!

— Пиво тоже имеется, — дипломатично ответил я.

Объяснять, чем именно вызвана наша солидная осадка, лучше не стоит. Из того запаса, что мы купили у ютландцев, оставалось еще бочонков пять. На угощение хватит. Лишь бы «дорогие гости» не полезли в трюм за добавкой.

Тут гребцы на драккаре уперлись веслами и резко сбавили ход. Мгновение — и мы сошлись борт к борту. По моему знаку Скиди и Гуннар Гагара бросили вниз концы (наш кнорр, несмотря на осадку, был на метра на полтора выше), а сконцы — кранцы: пару мешков с шерстью.

Так и есть: на драккаре полным-полно головорезов!

Свартхёвди наконец взял себя под контроль. Улыбнулся во всю пасть и перемахнул через борт — прямо в объятия Хавгрима Палицы.

Люди Торкиля-ярла попрятали оружие (какое восхитительное зрелище!) и тоже лыбились. А где же сам ярл?

Оказалось — нету ярла. То есть — есть, но не здесь, а при дворе главного датского конунга. С основной дружиной. А перед нами, так сказать, вспомогательная. Молодежь. За главного в ней — ярлов сынок, Эйнар Торкильсон. А наставником при нем — старина Хавгрим. Вот ведь как удачно получилось.

— А мы идем фризов пощипать, — поведал нам Палица уже под пиво. — А, может, и дальше. Как получится. А вы с кем торговать будете?

— В Хедебю поплывем, — соврал Медвежонок. — А там, может, и в Гардарику. Когда Хрёрек-ярл вернется. Он с Рагнармом на франков пошел.

— А вы что ж остались? — дерзко спросил молоденький Торкильсон.

Я еле успел ухватить за локоток Скиди, который вознамерился достойно ответить сыну ярла.

— Да он на моей сестре женится, — ухмыльнулся Медвежонок. — А она — такая красавица! Ей прошлым летом сын конунга Харальда из Вестфолда свадебный дар преподнес. И знаешь, что вышло?

Умело соскочив со скользкой темы, Медвежонок перевел разговор на события позапрошлой зимы. Я время от времени поддакивал и следил, чтобы Скиди не сболтнул лишнего.

Из нашей команды на дружеской пирушке присутствовали только мы трое. А вот всё пиво было наше. Так что напоследок, при расставании, ярлов сынок распорядился отдариться парой мешков сушеной рыбы. Мол, дорога дальняя, пригодится.

Мы отказываться не стали. Из конспирации.

— Эти сконцы — никудышные моряки, — заявил Свартхёвди, когда мачта драккара растаяла вдаль. — Решили, что мы только-только в море вышли.

— Я бы тоже так подумал, — подал голос Скиди. — Весна. Самое время.

Медвежонок заржал. И Ове Толстый вторил ему гулким, как из бочки, хохотом.

Скиди обиделся. Сначала. Потом, когда Свартхёвди объяснил, в чем косяк, — загрустил.

— Не отличить корабль, который больше месяца в море от того, который только что вынесли из сарая! Га-га-га!

— Ты не дуйся, — сказал я своему гордому ученику. — Подумай, что было бы, если бы сконцы оказались поглазастее.

Скиди подумал — и сразу повеселел. А повеселев, отправился миловаться с Орабель.

А я тоже подумал, подумал... И решил всё-таки узнать, кого больше любит моя невеста: меня или подарки?

Отозвал в сторонку Медвежонок и уговорил устроить его родне сюрприз.

Свартхёвди охотно согласился. Он любил устраивать сюрпризы.

Как позже выяснилось: у них это было семейное.

Его матушка тоже приготовила мне сюрприз. Личного характера.

Эпилог

— Значит вот как... — промямлил я, глядя на крохотное существо с золотистыми кудряшками, ожесточенно терзавшее волчью шкуру. — И как же зовут это чудо?

— Хельги, — Рунгерд ласково улыбнулась малышу. — Пусть это имя напоминает людям о его происхождении.

— И кто же его отец? — с легкой иронией поинтересовался я.

— Может быть Ньёрд? Он такой красавчик...

Она шутила, но я почувствовал легкое напряжение в ее голосе.

— Очень возможно, — согласился я. — Пусть будет Ньёрд.

— Я попрошу моего сына Свартхёвди принять его в наш род, — холодным, как январский ветер голосом сообщила Рунгерд.

— Свартхёвди не может стать его отцом, — возразил я. — Он же твой сын. Думаю, я не солгу, если скажу, что не он, а ты — старшая в этом фюльке.

— Тогда мне остается только одно: взять себе мужа. Он и усыновит Хельги.

Она шутит или — серьезно? Может уже присмотрела кого-нибудь...

— Хороший муж может сделать женщину счастливой, — изрек я с важным видом. — Однако не вижу необходимости выходить замуж для того, чтобы подыскать отца этому малышу. Думаю, я сам мог бы усыновить его. Если ты не против. Само собой, он будет жить с матерью до тех пор, пока не наступит время растить из него воина.

Нормальная практика для скандинавов. Сплошь и рядом они отдают подросших детей на воспитание в семьи родичей.

— Ты согласна?

Рунгерд молча наклонила голову.

— Что-то не так? — Я шагнул к ней, заглянул в глаза, положил руки на плечи.

— Я подумала... — голос ее дрогнул. — Ты не захочешь признать его. — И, чуть слышно: — Это ведь не Ньёрд его отец, а ты. Можешь мне не верить, но с тех пор, как ты появился в этом доме, у меня не было других. Ни людей, ни богов.

— А почему я должен тебе не верить?

Меня не было больше года. Когда я уплывал, Рунгерд уже была беременна. Какие могут быть сомнения?

— Он совсем не похож на тебя, Ульф Черноголовый. Ни единой черточкой.

Странно. Я видел Рунгерд совсем близко, вдыхал ее запах, касался ее... И не чувствовал желаний. А ведь она — мать моего сына. Моего первенца, уж простите за пафос. Впрочем, это и к лучшему. Время излечило меня от прежней страсти. И слава Богу!

— Вот и отлично, что не похож! Кто-то недавно говорил о Ньёрде? Было бы странно, если бы ты родила от Бьёрна черноволосого и черноглазого мальчишку.

— Тогда это был бы уже не Бьёрн, — Рунгерд слабо улыбнулась. — Значит, ты не сомневаешься?

— С чего бы? Я же сказал, что верю тебе!

Она прижалась ко мне и поцеловала куда-то в район уха. Ничего чувственного. Исключительно из благодарности.

Само собой я ей верил. Но еще больше я верил своим глазам. Карапуз, который сейчас драл шерсть из брошенной на пол волчьей шкуры, был как две капли воды похож на фото в нашем семейном альбоме. Фото, на котором точно так же хмурилась полугодовалая Валентина Алексеевна Переляк. Его родная бабушка.

Значит, Хельги. Что ж, пусть будет Хельги. Хельги, сын Ульфа. По-моему, звучит неплохо...

Конец третьей книги

Александр Мазин

Вождь викингов

© Александр Мазин, 2014
© ООО «Издательство АСТ», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес ([xmlns:l="http://www.w3.org/1999/xlink" l:id20200504214033_125www.litres.ru](http://www.w3.org/1999/xlink))

Пролог

В бане было... Как в бане. То есть жарко. Правильную температуру поддерживали разогретые камни, которые, по мере остывания, заменялись новыми, раскаленными. Этим, естественно, занимались рабы, и они старались, потому что рассердить Рагнара-конунга — это очень страшно. Но еще страшнее, если нерадивый трэль удостоится недовольства его сына Ивара. Тогда лучше сразу — головой об эти самые камни.

— Летом — не то, — лениво пробасил Рагнар. — Вот зимой — да-а-а... Да потом — в ледяную воду...

— А мне и летом хорошо, отец, — старший сын великого конунга махнул рукой, и девка шустро подлила горячей воды в таз, в который были опущены ноги Ивара Бескостного.

Подлила и залюбовалась: ох и красивы оба, что сын, что отец. Рагнар — мощнее, пошире. Тяжелые, покатые плечи, испещренные рунами и картинками, таят чудовищную силу. Говорят, великий конунг может быку шею свернуть, ухватив за рога. Живот у конунга гладкий, подернутый жирком, — хорошо кушает хозяин Роскилле, да и пьет не меньше. Потому что богат безмерно. А зачем богатому отказывать себе в удовольствиях? Нравится девке Рагнар-конунг. От такого сына родить — великий воин будет. Но безразлична банная девка Рагнару. Не про нее великий конунг данов.

Ивар, сын Рагнара, тоже красив. И молод: может, двадцать зим, может, двадцать пять, девке неведомо. В плечах широк, почти как отец, но жира на нем — ни капли. Бугрятся, переплетаются мощные мышцы под белой кожей. Все — на виду. Живот — как из плит каменных, на животе — дракон свернувшийся. Двигается Ивар — двигается и дракон. Рисунок свежий, раньше его не было. Глянул Ивар на девку... И вдруг подмигнул. Девка обомлела, едва ковш не уронила. Нет, от Ивара она сына не хочет. Страшно с таким любиться. Даже и подумать о таком. Отводит девка взгляд. Раньше она другой была: веселой, дерзкой... За дерзость ей прежний хозяин язык и вырвал. Зато теперь конунги могут говорить при ней о важном. Никому не расскажет.

— Есть у меня дело для тебя, сын, — говорит Рагнар, почесывая спину скребком. — Хочу, чтоб ты в вик[125] сходил.

— К франкам?

Рагнар качает головой, ловит и давит вошь в бороде.

— Не к франкам. Зачем стричь овцу, у которой шерсть не отросла. Англия — вот твоя цель. Пощупай, есть ли жирок у тамошних свинок. Стоит ли браться за них всерьез?

— Нореги берут, — замечает Ивар.

— Нореги не мы. Нореги поросеночка украдут — и довольны. А я заберу всё стадо. Но сначала разведать надо. Земель много, не всякая нас достойна.

— Я сделаю, отец, — говорит сын.

Этого довольно.

Рагнар с удовольствием глядит на сына. Истинный Инглинг. Под рукой отца ходит, но советы отцовы ему больше не нужны. Своя голова, своя сила. Один[126] его любит. И Рагнар его тоже любит. А он — отца. Хорошие сыновья уродились у Лотброка, любят его боги Рагнара Сигурдсона...

Глава первая, в которой новоиспеченного хёвдинга Ульфа Черноголового приглашают в гости к конунгу

Когда посланцы Ивара Рагнарсона въехали в ворота моей усадьбы, я занимался важным делом: сидя на скамейке у крылечка собственного «длинного» дома, осуществлял общее руководство тренировкой моих будущих дренгов [127]. Руководство непосредственное я делегировал Скиди. Тренировка — дело ответственное. Требуется от непосредственного руководителя немалых физических усилий. Несolidно как-то для «целого» вождя-хёвдинга самолично дубасить тинейджеров-кандидатов. Так что я не гонял новобранцев сам, а поручил сие важное действие моему «главному ученику» и полноценному дренгу Скиди Оддасону. То есть я всю пользуясь преимуществами, которые дает звание вождя. А я и есть вождь. Ульф Вогенсон по прозвищу Черноголовый. Так меня зовут здесь, на средневековом острове Сёлунд, мои друзья и недруги, суровые скандинавские викинги. По моим прикидкам, сейчас где-то середина девятого века нашей эры, а родился я существенно позже, в конце века двадцатого. И там меня звали скромнее: Николай Григорьевич Переляк. Однако сейчас я здесь. И не жалею. Сбылись мечты... Мои, короче. Из времени, где каждый сам за себя и один лишь президент... за все финансовые потоки, я попал в мир, где целая толпа очень достойных людей запросто рискнет собственной жизнью, чтобы спасти мою. И я сделаю ради них то же самое. А еще у меня есть прекрасная невеста, собственный корабль и меч, который принес мне всю эту роскошь. Никакого волшебства. Разве что немного удачи. Это потому, что местные боги ко мне благоволят. Так говорят здешние специалисты, и у меня нет оснований им не доверять. Тот удивительный факт, что я жив и счастлив, сам по себе — отменное доказательство моей потрясающей везухи. Так что я действительно счастлив.

Но вернемся к моему лучшему ученику.

Скиди, сын Одды-хёвдинга. Сирота. Папа погиб лет шесть назад, мама умерла еще раньше. Но не спешите выражать юноше сочувствие. Лучше посочувствуйте его врагам. В свои шестнадцать юный Оддасон выше меня на полголовы и орудует мечом на пядь длиннее моего Вдоводела. Что же до взрослости,

то, в отличие от меня, всё еще ходящего в женихах, Скиди — полноформатный муж. Его жена Орабель — дочь французского барончика, когда-то считалась моей наложницей, но уже почти два месяца состоит со Скиди в законном браке, и одно только ее приданое тянет на три таких гренда[128], как мой.

Однако, несмотря на свой немалый социальный статус, молодой Оддасон — мой ученик и пребудет в этом качестве, пока я не решу иначе. А следовательно, парень делает то, что я велю. Велено ему гонять по моему просторному двору восьмерых потных недорослей, своих ровесников, — гоняет. А поступит команда, скажем, надрать им задницы ремнем, надерет без вопросов. То есть сначала надерет, а потом вежливо поинтересуется: в чем смысл экзекуции?

Смысл же нынешней тренировки очевиден. Молодняк уже часа два потеет, вновь и вновь повторяя маневр, который можно определить как «поворот в плотном пешем строю во время атаки».

Звучит знатно. Выглядит куда менее внушительно: семь раскрасневшихся датских пареньков и еще один словенский, такой же распаренный, бодрой рысью, пыхтя и громко топая, несутся сначала в одну сторону, потом по команде разворачиваются и галопируют в указанном Скиди направлении.

Главная трудность маневра заключалась в том, чтобы не размыкать строя, — это раз, и не «обнажать» фланг — это два.

Строй в этом средневековом мире — это наше всё. Кто держит строй, тот жив, кто не держит — удирает во все лопатки, а победоносный враг норовит продырявить эти лопатки всяким острым железом.

Само собой, в любом правиле есть исключения. Например, когда ты — берсерк. Но будь ты хоть сам инеистый великан — когда на тебя обрушивается ливень стрел и обвал копий, ты очень быстро перемещаешься из Мидгарда, то бишь мира срединного, повыше или пониже. В зависимости от того, как отнесутся местные боги к твоей покинувшей тело душе. Но пока ты в строю, под защитой собственного и дружественных щитов, есть надежда, что твое место за праздничным столом Асгарда еще некоторое время попустует.

Эту простую истину знали еще древние римляне чуть ли не за тысячу лет до рождения великого конунга Рагнара Лотброка. Воткни во вражеский щит пару-тройку увесистых дротиков-пилумов, и рука, держащая этот самый щит, очень скоро притомится и опустится, вскрывая строй так же верно, как удар закованного в железо всадника. А за щитом даже такой криворукий подросток, как Нотт Поросенок, получает свой шанс на еще раз поужинать. Пока держит строй, разумеется.

Правый фланг короткой молодежной шеренги замыкал Ренди Черный, родной брат Свана Черного, хирдмана самого Бьёрна Рагнарсона.

Спросите: почему в таком случае братец Ренди — у меня? Всё просто. Сван попросил своего родственника и моего побратима Свартхёвди Медвежонка взять недоросля на воспитание. Тут так принято.

Ренди пока еще не воин. Заготовка. А на правом фланге стоит не потому, что обогнал прочих в росте, а потому, что левша. Следовательно, щит у него — в правой руке. И прикрывать им правый же бок — сподручнее.

На левом фланге — мой протеже и названный сын Вихорёк, принятый в род под именем Виги. Самый мелкий из молодых. Вдобавок словенин, а не дан. Да еще — из рабов бывших. Вот почему остальные, коренные сёлундцы из «хороших» семей, держат парнишку на дистанции. Нет, не угнетают. Еще чего не

хватало! Но в команду не принимают. А это, даже если отбросить всякую личностную часть, плохо для дела. И сейчас тоже сказывается. Между Вихорьком и остальными нет синхронности, и по этой неважной причине между Вихорьком-Виги и его соседом Гренделем Улиткой постоянно образуется зазор...

И Грендель уже в третий раз получает каменюкой в бочину, так как обучение под руководством Скапи носит сугубо прикладной характер. Во всех смыслах.

Тем не менее прогресс очевиден. Поначалу мои будущие дренги вообще копиями путались. Работа в строю — дело непростое. Уж кто-кто, а я об этом отлично знаю, потому что сам поначалу работал в строю, «как жердина от коровьего загона», по меткому выражению нашего вождя Хрёрека Сокола.

Но я отвлекся. Итак, четверо незнакомцев появились на моей земле ближе к полудню. Я углядел их, едва они выехали на пригорок. Четверо верховых. Грозных не по-детски. В доспехах и шлемах, несмотря на жару.

Однако, когда незваные гости въехали во двор, я понял, что железо они напялили недавно — даже вспотеть толком не успели.

Тоже неудивительно. Защиту здесь надевают в трех случаях: непосредственно перед дракой, двигаясь по опасной местности или же для форсу. Дорога здесь безопасная, а нападать на меня, в моем собственном доме, всего лишь вчетвером — нерационально.

Так что я уверенно выбрал третий вариант.

Лидер четверки — настоящий тролль с виду. Причем далеко не бедный тролль. Доспехи на нем очень даже недешевые. И можно не сомневаться, что напялил он не более десяти минут назад. Да и копые к седлу громила приаттачил, то есть приторочил тоже недавно. А до того, готов поручиться, всё это добро ехало вон на той заводной лошадке, ибо под такой тушей да еще с таким количеством металла тот конек, что сейчас под ним, пробежал бы от силы пару миль. А эти крушители черепов небось из самого Роскилле чешут. Только там такие «тролли» и водятся. В хирдах Рагнара-конунга и его кровожадных... прошу прощения! Его славных сыночков.

Громила остановил лошадку в пяти шагах от меня. Вдумчиво оглядел истекающих потом молодых. С седла. Неопределенно хрюкнул. Затем спешился.

Его спутники поступили аналогично. Судя по тому, как они это сделали, лошадей эти громилы рассматривали исключительно как транспортное средство. Убивать они, как и подавляющее большинство викингов, предпочитают на своих-двоих. После моих французских приключений я в таких делах разбираюсь.

Когда к тебе домой приезжают четверо незнакомых головорезов (никого из четверки я не знал, но их матерость в сфере смертоубийства совершенно очевидна), то даже такому авторитетному в здешних краях человеку, как я, следует держать ухо востро...

Опаньки! А значки-то у них — знакомые. Меня «осчастливили» визитом славные хирдманы Ивара Рагнарсона по прозвищу Бескостный. Почему — славные? Да потому, что Ивар других не держит. Только самых-самых.

Ивар ко мне благоволит. Не скажу что я этому факту рад, но всё же так значительно лучше, чем ходить у Бескостного в неприятелях. Потому что те, кто

несимпатичен Ивару Рагнарсону, делятся на две категории: те, кто уже на том свете, и те, кто вскорости туда отправится. Причем первую категорию можно считать везунчиками. Ивар — высочайшего класса специалист по вопросам умерщвления. Подходит к этому делу творчески, а творчество викингов в данной области... Короче, не дай Бог...

Итак, Ивар мне — благоволит. Проблема только в том, что рядом с ним мне хочется превратиться в маленького дождевого червя и закопаться на три метра в грунт.

Но это, так сказать, личное. К делу не относится. Отец Воинов Один велит нам привечать гостей, независимо нашей к ним симпатии. Гости положено пригласить в дом. Накормить-напоить, в постельку уложить. А после выделить сухой паек на дорожку.

Однако и гость должен быть вежливым. Представиться. Попросить по-хорошему. Короче, проявить уважение и скромность. Что тоже отмечено в «божественных» инструкциях.

Человек-троль из Иваровой дружины, судя по всему, хорошим манерам не обучался.

Подошел вплотную, навис надо мной, аки железная башня, и рявкнул без всяких политесов:

— Ивар Рагнарсон хочет тебя видеть!

Вот так сразу, на пороге моего дома. Никакого уважения. Нет бы спросить вежливо: как здоровье хозяина, его скота, его домочадцев?

Я в курсе, что таким, как этот носорог, вежливость не свойственна. Но здесь не какая-нибудь Франция, где рыцари герцогов-графов могут глядеть на прочих как на мусор. Здесь вольная датская земля Сёлунд. Причем этот кусок ее — лично мой. Так что извольте, господин троль, проявить ко мне уважение.

Не отвечаю. Гляжу на Иварова хольда с характерным выражением: «А ты что такой?»

«Троль» крупнее меня раза в два. А в доспехах и во все три.

На мне доспехов нет, только меч у пояса (как же без него), моя репутация (не может «троль» о ней не знать, в Сёлунде о ней все знают) и Закон.

Хренушки он мне что-то сделает. И не потому, что во дворе — моя вооруженная молодежь. Все они, включая Скиди, такому — на один зуб.

Но если «троль» со своими попытаются меня беспричинно избить (что технически возможно), то потом им придется быстренько освободить землю нашего острова от своего присутствия. А возможно — и всю территорию Дании, потому что даже простого вольного бонда обижать нельзя, а уж такого как я — и вовсе. Разве что сам Ивар может. Но и он не вправе требовать, чтобы я примчался к нему, поджавши хвостик. Он может только *просить*.

Хотя таким, как старший Рагнарсон, отказывают только психи. Или другие конунги. А я пока что не конунг, а свежевылупившийся вождь дружины, в которой не наберется и десятка полноценных бойцов. Нет, я не отказываю. Я молчу.

«Троль» тоже молчит. Демонстративно облизывается. Намекает, что неплохо бы ему горлышко промочить. Попьет — и станет уже не потенциальным, а состоявшимся гостем. Со всем нашим уважением.

Но я намек не понимаю. Стою в дверях, держа рожу кирпичом. Представ-

ляю, каким меня видит этот громила. Мелкий чернявый волчишка, растопырившийся на дороге медведя. Сущя мелочь... А не сдвинешь.

Молодняк прекратил тренировку. Глазеют. Ага, Скиди подозвал Вихорька, сказал что-то — и паренек, положив копье и щит, ломанулся в сторону берега.

Это правильно. На берегу сейчас Свартхёвди, Ове Толстый и Стюрмир кораблю нашему техобслуживание делают. Им стоит знать, что у нас — гости.

Громила шумно вздохнул, гулко откашлялся... И наконец соизволил представиться. Гримар Скаммхальс. То бишь Гримар Короткая Шея. Короткая Шея — это ему кто-то польстил. Лично я у него вообще шеи не увидел. А что, неплохо звучит. Гримар Беспейный, хольд[129] Ивара Бескостного. Гримар, кстати, это от грима. Так называется та часть закрытого шлема, что личико закрывает. Защита. Гримар, получается, защитник. Ну да, в хоккее он бы в роли защитника выглядел уместно. Хрен проскочишь. Но по жизни я бы его в нападающие взял. А лучше — самоходным тараном. С такой комплекцией не двери — ворота выносить. Приплюснутая, похожая на репу голова вырастает прямо из бугрящихся немереной мышцей плеч, а подбородок, размеры которого не в силах спрятать даже кудрявая борода, лежит прямо на бочкообразной груди. Голос у Гримара — соответствующий. Гудит, как из бочки:

— Ивар-р! Р-рагна-ар-рсон! Хо-очет!..

Хочет, значит, видеть меня Одинов любимчик. Вопрос: а я хочу его видеть? Ответ: ни малейшего желания. Мне и дома неплохо. Опять-таки невеста у меня красы неопикуемой. Любушка моя Гудрун... Как раз вышла поглядеть, кто тут к нам в гости набивается.

Ух как этот Гримар на нее вылупился. Аж пальцами шевелит, так сграбастать хочется. Но — нельзя. Не в вике, чай. На Сёлунде закон строг. И главный гарант его — папа Ивара Бескостного, легендарный конунг Рагнар Лотброк, первый разбойник, ах, прошу прощения, первый воитель этого средневекового мира.

— Горло промочить... — рычит посланец Ивара.

Обычай есть обычай. Гудрун срывается с места, набулькивает полный ковш пива... И я перехватываю у нее ковш и самолично подаю его человеку Ивара.

Выражение глубочайшего разочарования легко читается на этом, с позволения сказать, лице.

Еще бы! Если гостю подносит ковш дева, то после испития следует поцелуй. Так по обычаю.

А вот хренушки! Нечего всяким троллям мою невесту сальными губищами мусолить. Тем более — лапами хватать.

Но пиво — доброе. По мнению многих — лучшее пиво на Сёлунде. Так что после исчезновения полулитра напитка в волосатой пасти хольда лик его, сходный с резными рожами местных зверообразных идолов, обретает умиротворенное выражение.

— Х-ха! — со смаком выдыхает он, благодарно рыгает и перемещает внимание с соблазнительных бедер моей невесты на покоящийся у очага бочонок. Да, я впустил их в дом. Теперь они — мои гости.

И мне положено предложить гостю откусать с дороги. Что я и делаю.

Хольд реагирует позитивно. Взгляд его то и дело косит в сторону бочонка.

Красавица Гудрун улыбается. Ей нравится Гримар Скаммхальс. Еще бы! Разодет могучий хольд в шелка и отменно выделанную кожу. А уж сколько на нем драгметаллов! А оружие какое! А пояс!..

Улыбка делает Гудрун еще прекраснее. Если такое возможно. Медвежьи глазки опять берут на прицел мою невесту... Но пиво опять перетягивает, и взгляд смещается в сторону бочонка... И опять — на Гудрун. Пусть себе глазет. И завидует.

— Не откажутся ли славный Гримар-хольд и его люди разделить с нами трапезу? — повторяю я.

Предложить перекус — это по обычаю. А еще — политический ход с моей стороны. Спроси я Гримара напрямик: какого хрена надо от меня Ивару — он бы наверняка ответил: вот у Ивара и узнай. А под пиво, да под угощение, да под восхитительную улыбку Гудрун «тролль» наверняка разомлеет и выдаст какую-нибудь полезную информацию.

— Хавчик! — рывкаю я.

Мой шустрый раб появляется через полсекунды. Только и ждал, когда позовут.

— С обедом распорядись! — командую я.

Собственно, вопросы приема пищи — это теперь дело Гудрун.

Но Хавчик сообразительнее и расторопнее. И сделает всё не как только, так сразу, а вовремя. То есть когда подтянутся мои люди. Таким, как этот хольд, полезно осознать, что Ульф Черноголовый — не простой хускарл, а вождь. С пусть и небольшой, но вполне боеспособной дружиной.

Потому что Закон Законом, но право силы никто не отменял. А для таких головорезов, как Гримар и его хирдманы, закон, авторитет и реальная сила гораздо лучше, чем только закон и авторитет. Жаль, что мои норегги нынче оттягиваются в Роскилле.

Впрочем, и без норегов за моим столом соберется неплохая компания. Свартхёвди Медвежонок. Мой названный брат и родной брат Гудрун.

Ове Толстый. Коренной датчанин из хорошего рода, могучий боец и мой личный кормчий.

Стюрмир. Простой, как удар секирой по черепушке. Зато — с личным богом за пазухой: статуэткой Будды, восседающего на лотосе. Нет, не буддист. Нормальный средневековый викинг. Друг.

И конечно, Скиди, единственный сын Одды-хёвдинга, трагически погибшего во время игры в мяч от рук самого Сигурда Рагнарсона. Никаких претензий со стороны семьи погибшего. Несчастный случай. А Рагнарсон даже верегельд, то бишь выкуп за убийство заплатил, хотя мог бы и обойтись. Потому что — игра. И потому что — Рагнарсон. Сыновья Рагнара Лотброка платят верегельд только тогда, когда сами желают. К примеру, Ивар Бескостный, который ныне возжаждал меня видеть, не платит верегельд принципиально. Хотя убивает частенько. И, как сказано выше, — с изощренной фантазией.

Обычно со мной за столом сидят и другие: отец Бернар, англичане Дикон с Уиллом, сарацин Юсуф, Вихорёк... Не сегодня.

Это мой дом, и я вправе сажать за стол кого пожелаю. Однако наличие за общим столом, к примеру, монаха наверняка вызовет непонимание у хускарлов Ивара.

Здесь, на Сёлунде, считается, что хороший монах — это монах ободранный

до нитки и повешенный на древо. На радость Одину. К англичанам и сарацинам славные датские викинги относятся лучше. Не вешают, а используют для хозяйственных работ. В свинарнике, например.

У меня тоже есть рабы. Достались как приложение к поместью. Надо ж кому-то и свиньями заниматься.

Мои англичане на роль свинопасов не годятся. Слишком хорошо из луков стреляют. Тем не менее за один стол с Гримаром я их сажать не буду. Лучше не надо.

— Гримар! Бык волосатоухий! — Свартхёвди ввалился в дом и сходу треснул посланца Ивара кулачищем в грудину. Кулак не пострадал. Грудина — тоже. Под ярким шелковым «жилетом» у Гримара — панцирь с поддоспешником.

— Медвежонище! — Пасть хольда распахнулась в щербатой улыбке. Искренней.

Бум! Это уже Свартхёвди долбанули в грудную «бочку».

— Так и знал, что тебя увижу! — прогудело из «бочки». — Ты обманул меня! Обещал отдать сестру мне, а теперь что я вижу?

— А видишь ты моего брата Ульфа Вогенсона! — осклабился Медвежонок. — Хотя он такой маленький, что его можно и не заметить!

Шутник, блин.

— Он достаточно велик, чтобы его заметил Ивар Рагнарсон, — рокотнул Короткая Шея.

Свартхёвди враз посерьёзnel.

— Ивар?

— Я теперь — его человек, — сообщил Гримар. — Харек Младший мне больше не по нраву.

Харек Младший (Младший — чтоб не путать с предыдущим, уже отошедшим в мир иной) — главный конунг Дании. Большой человек.

Но не для Рагнарсонов.

— Понимаю, — кивнул Медвежонок. — С Иваром-то — повеселее. — И уже мне, указывая на Гримара: — Родич наш. Сын племянника жены деда младшего брата моего отца.

Без запинки выговорил, однако.

О как! По здешним понятиям, Гримар — близкий родственник. Медвежонка. И следовательно, мой. Теперь нам положено обняться? Нелегкое будет дело. Тулово у Короткой Шеи — в два моих объёма. А в доспехах — все три.

— А сестра твоя еще краше, чем я думал, — пророкотал Гримар. — Знал бы, давно уж посватался.

Меня он что, игнорирует?

— Женихов у Гудрун хватало и поважней тебя! — засмеялся Свартхёвди. — Ты, Гримар, скажи лучше, что Рагнарсон хочет брату моему предложить. Сам-то Ульф не спросит, потому что — гордый. Что ему с каким-то хольдом разговаривать, а вот мне интересно.

— Да я и сам не знаю, — прогудел Короткая Шея. — Конунг сказал: «Пойди и скажи Ульфу Вогенсону, что я хочу его видеть». Он велел, я пришел и сказал. Значит, не стоит мне свататься к твоей сестре, Медвежонок?

— А сам как думаешь? — удивился Свартхёвди. — Гудрун — обрученная

невеста Ульфа. Живет в его доме, свадьба — осенью.

— Ага, — человек-тролль уставился на меня. Я, кажется, слышал, как прокручиваются у него в башке мысли. Медленно, со скрипом, будто жернова водяной мельницы.

Прокрутились. Перемололи.

— Я бы поел, — резюмировал Гримар-хольд. — Что не зовешь, хозяин? Или не уважаешь?

Вообще-то я звал. Только что. А вот хамить мне не стоит. Даже троллям.

— Если тебе что-то не по нраву в моем доме, я тебя не удерживаю, — ледяным тоном произнес я.

— Эй, братец! — возмутился Свартхёвди. — Разве можно гнать гостя, тем более — родича?

— А я его и не гоню, *братец!* Но родич, который станет указывать мне в моем доме, рискует остаться голодным. К тебе это тоже относится.

Медвежонок уставился на меня. Пытался въехать: шучу я или всерьёз?

— Ты, братец, посторонись, — попросил я. — Дай войти *уважаемым* людям!

Стюрмир и Ове Толстый.

— Ха! — воскликнул Ове. — Гримар! Ты что тут делаешь? Как дела у Харека-конунга? Можешь ему передать, что мы теперь тоже любим христиан[130]. Мы взяли у них много хороших вещей, а наш хёвдинг, — кивок в мою сторону, — даже заполучил отличного лекаря из жрецов франкского бога. Хочешь поговорить с ним о вере? Он это любит. Ульф, я так понял: ты звал нас к обеду. А где еда?

— Ты всё такой же болтун, Толстый! — дружелюбно пророкотал Короткая Шея. На фоне Ове он уже не казался таким здоровенным. — Я ушел от Харека. Теперь мой вождь — Ивар Рагнарсон. А ты, значит, больше не служишь Хрёреку Соколу?

— С чего ты взял? Хрёрек — наш конунг. А Ульф поставил меня к кормилу, когда мой корабль утопили люди Полумесеца. Ты, верно, слышал: в прошлом году мы зашли так далеко на юг, что наши лица уже ощущали жар Муспельхейма[131].

— Я слышал об этом славном походе, — сдержанно произнес Гримар. — Потому и ушел от Харека-конунга. Служба ему весьма почетна, но ни славы, ни золота там не добыть.

И поглядел на золотые побрякушки, украшавшие мою Гудрун. Сначала на золото, потом — на меня. Уже не столь надменно, как раньше. Осознал, надо полагать, что мне принадлежит не только то, что под платьем, но и то, что на нем. И такое осознание прибавило мне росту. Фута этак на два.

— Эти двое из Хедебю могут болтать хоть до вечера, — подал голос Стюрмир. — А у меня от смолы и дыма глотку дерет. Гудрун, краса твоя может сравниться только с пивом, которое ты варишь! Дай же мне вкусить этого дивного напитка!

Напряжение рассосалось. Гости и хозяйева уселись за стол, который мои домочадцы проворно завалили разнообразной снедью. Дом наполнился хрустом, чавканьем и бульканьем. Впрочем, славные викинги не забывали о возлияниях богам и о высокопарных тостах. Причем каждый третий тост произносил Гримар. В стихах. Исключительно о красоте моей невесты.

Дать бы ему в рыло хорошенько, но — не получится. Даже если откинуть в сторону тот факт, что он — мой гость, всё равно не получится. По такой роже надо не кулаком бить, а сразу топором.

Чтобы как-то развеяться, я вылез из-за стола и отправился поглядеть, всё ли в порядке в моей «младшей дружине».

Вместе со мной вышел Ове Толстый. Встал на крыльце, с дикарской неприужденностью обнажил «инструмент» и пустил струю.

— А со двора выйти? — сварливо поинтересовался я.

— Да ладно, Черноголовый! Сегодня, считай, праздник.

— Это какой же? — удивился я. — Приезд Гримара Скаммхальса? Так у Медвежонка таких родичей — сотня с хвостиком. И каждый мнит себя будущим ярлом.

— Да какое мне дело до Короткой Шеи? — в свою очередь удивился мой кормчий. — Закончили мы сегодня. Через четыре дня можно в море выходить.

Глава вторая Игра в мяч по-скандинавски

Те, кого не пригласили за стол в доме, кушали во дворе. Без пива. И никто им на стол не накрывал: сами старались. Кушавшие четко делились на две компании. Одна группировалась вокруг отца Бернара, во второй, в отсутствие Скиди, лидировал сынок здешнего богатея-коннозаводчика Каппи Обжора, и в нее входили все мои «недоросли», за исключением Вихорька. Бывший пастушок занял место поближе к англичанам, Юсуфу и отцу Бернару. Это было неправильно. Парень должен быть в группе своих сверстников. Это проблема, и решить ее должен я. Но не сейчас.

Убедившись, что моя «младшая дружина» не останется голодной, я вернулся в дом...

Как раз вовремя, чтобы пресечь поползновения Гримара в направлении Гудрун.

Впрочем, борзеть он не стал. Увидел меня — и переключился на выпивку. Я уселся на скамью напротив.

— Значит, хочет видеть меня Ивар Рагнарсон?

— Хочет, — прочавкал Гримар.

— Передай конунгу: я приду.

— Чё? — Гримар даже жевать перестал.

— Я сказал: передай своему конунгу, что я приду.

— Так ты с нами не поедешь, что ли?

Хотелось ответить некорректно, но я все же решил не обострять. Не дай бог этот человек-таран передаст конунгу сказанное дословно. А хамить Бескостному — всё равно что дракона за усы тягать. Фукнет огнем — и нет человека. Зато есть жаркобе. — Я отправлюсь через два дня. Важные дела.

Сзади ко мне подошла Гудрун, обняла, прижалась животом... И, готов поспорить на серебряную марку, начала строить глазки Гримару. По привычке девичьей — кокетничать со всеми симпатичными, с ее точки зрения, мужскими особями. Надо будет напомнить ей при случае, что она уже не девушка на выданье, а обрученная невеста.

Вот, как в постель ляжем, так и напомним.

Как следует подкрепившись и набулькавшись пива, Гримар показал свою крутость. Сначала — в армрестлинге, передавив сначала Стюрмира, потом Ове. Затем — в силовой борьбе: кто кого перетолкает.

Для этого мы все вышли во двор, где Короткая Шея и реализовал амбиции, хотя Ове Толстого, на мой взгляд, он победил нечестно, финтом. По мне, так уже если состязаясь в грубой силе, так силой и дави.

Очень довольный хольд надулся индюком и предложил посостязаться в метании. Состязания по метанию предметов у скандинавов делятся на две части: на меткость и на дальность. Гримар, естественно, предпочитал первые. А я — никакие.

— Может, лучше в мячик поиграть? — предложил я.

— Без палок! — мгновенно отреагировал Свартхёвди.

Очень правильное решение. Здешняя игра в мяч с применением бит отдаленно напоминает хоккей на траве. И весьма травматична, поскольку допускает силовую борьбу игроков.

Еще один вариант игры в мячик, очень популярный здесь, на Сёлунде, прямой контакт исключает. Тоже не обходится без травм. Туго набитый шерстью кожаный мяч в рожу — это больно. Как раз во время такой игры, причем облегченным мячом, набитым перьями, а не шерстью, Медвежонок схлопотал сотрясение мозга, после которого и стал берсерком. Правда, не от мяча, а от кулака, но на результат это не повлияло. Игры воинов — не вышивание крестиком. Нормальная мужская забава.

Поле уже было размечено: молодежь лупила мячик регулярно. Я был не против. Даже попытался внедрить в массы футбол. Не получилось. Народ здесь ортодоксальный. Хорошая игра — та, в которую играли предки. Футбола в знакомом мне отечественном варианте предки сёлундцев не знали. Не исключаю, что футбол американский пришелся бы им больше по вкусу. Но правил этой заокеанской игры я не знал.

Разделились на команды: в одной — Медвежонок, Стюрмир, Толстый и я. В другой — гости, Иваровы хирдманы. Не очень люблю спортивные игры на полный желудок, но меня никто не спрашивает. Викингам — пофиг. Эти могут цельного пороса сточить, а потом в длину прыгать. Результат, конечно, выйдет похуже, чем без набитого брюха, но тут важнее не результат, а молодецтво проявить.

Первый удар — Гримаров. И этот человек не стал финтить. Подкинул мячик да и врезал по нему ногой со всей дури. Однако послал его не вперед (тогда бы он улетел далеко за пределы игрового поля), а прямо в небо. Мяч взвился вверх аж со свистом и спустя хренову тучу секунд, тоже со свистом, обрушился на нашу половину поля... Где и встретился с рукавицей Ове. Звук был такой, будто стрельнули из ружья. Однако рука Ове не пострадала. Лапа у викинга твердостью соперничает с деревом. Хлоп! — и отбитый мяч летит в сторону Свартхёвди, который отбивает его коленом мне, я же, точным ударом, возвращаю его Ове, который лупит по нему, аки по роже злейшего врага. Мяч, крутясь, летит на вражескую территорию, где его ухитряется зацепить ногой один из Иваровых хирдманов, но мяч соскальзывает и плюхается на землю в метре от разделительной черты.

Ура! Мы выиграли очко.

Медвежонок и Гримар скрупулезно отсчитывают «футы», и часть «вражеской» земли становится нашей. В этом и суть игры. Каждое выигранное очко увеличивает территорию выигравшей команды. За счет команды проигравшей. И высчитать этот прирост — дело хитрое. Он зависит от того, куда упал мяч, и от того, кто его касался последним... Я в подсчет не вникаю. У нас есть капитан команды, Медвежонок, пусть у него голова и болит. Впрочем, иногда капитаны не сходятся во мнениях и к спору подключаются остальные игроки. Ну и зрители, конечно. Нередко и до драки доходит. Весело, одним словом. А в остальном правила просты. Бей по мячу, чем хочешь. Рукой, коленом, ступней, головой. Запреты тоже просты: нельзя хватать мяч, и бросать его тоже нельзя. Только бить. Впрочем, увлекшиеся игроки и хватают, и бросают. Но в этом случае «очко» могут не засчитать. Или, если судья строг, вообще отдать победу противнику.

У нас судьи не было. Не чемпионат же, так, любительский матч.

Мяч у проигравшей команды. Опять Гримар. И опять — соло. На этот раз не в небо, а, рукой, точно в центр нашего поля. Влупил как из пушки. Я отбил, но криво. В аут ушло. И пальцы на левой руке онемели. Если бы не толстенная перчатка, могло бы и выбить. Гримар залудил — как из баллисты.

Мы проиграли. Но совсем немного. Аут — это не попадание.

Для игры в мяч существует специальная одежда. С наколенниками из вареной кожи, толстыми сапогами и прочими средствами защиты. Ну и перчатки, само собой. Лично я ограничиваюсь специальными сапогами и перчатками. На голове у меня — обычный вязаный подшлемник, а на туловище — такой же грубой вязки свитер поверх льняной рубахи. Хорошая штука. Ветерком продувается. Самое то в летнюю жару.

Медвежонок делает мне знак. Сейчас испробуем один из финтов, который мы с ним отрабатывали. Мячик у Стюрмира. Тот, реагируя на поднятую руку капитана команды, посылает ему мяч, Свартхёвди делает королевский замах... Противник тут же реагирует: аж двое Иваровых бойцов бросаются на перехват... И Медвежонок легоньким тычком сбрасывает мячик на мою ногу. А я, еще более деликатным пинком, отправляю мячик на вражескую территорию... И геройский рывок Гримара (до чего ж быстрый, однако, особенно для своих габаритов!) завершается классным подхватом на стопу... И мячик улетает за пределы игровой зоны. Но всё равно молодец, Короткая Шея.

Подает один из хирдманов. Пара перебросов, а потом роскошный крученный на нашу сторону. Стюрмир успеваает. Мяч взвивается вверх, потом встречается с головой Ове, попадает ко мне, от меня — к Медвежонку, от Медвежонка опять ко мне, от меня — к Стюрмиру, который, не мудрствуя лукаво, он вообще мудрствовать не умеет, зафигачивает мяч на вражескую территорию... Где один из хирдманов без проблем перехватывает бросок и с той же детской простотой возвращает мяч Стюрмиру, попадая тому точно в лоб. Лоб у Стюрмира крепок. Мячик от него отскакивает... И я не успеваю.

Очко противнику.

Передел территории и — наша подача.

Два перепаса, Стюрмир вешает «свечку», и я, с прыжка, режу в землю. Сетки здесь нет, так что прыгать необязательно. Но, во-первых, я привык, а во-вторых, ростом не вышел. Шмяк! И очко у нас.

Гримар. Сам. Лупит со всей дури. Но мы уже — привычные. Ове перехваты-

вает и отправляет мяч Свартхёвди, Медвежонок — мне, а я опять режу. И опять удачно.

Новая подача противника. Перехват, розыгрыш... Я не собирался резать. Я хотел всего лишь...

Но один из Иваровых бросается на перехват и, грубо нарушив правила, таранит меня плечом. Массы у нас — один к полутора, так что я вылетаю в аут, мячик падает на вражескую территорию... а Стюрмир лупит в грызло моего обидчика.

Зрители — женщины и молодняк — вопят от восторга... И бычий рык Гримара в зародыше пресекает драку.

Схлопотавший по харе боец, утирая тряпицей кровь с разбитой губы, возвращается на «рабочее место». А я занимаю свое, потирая грудь. Ничего страшного. Небольшой ушиб.

Мы выиграли. По очкам. Это потому, что я вышел из игры, выставив вместо себя Скиди. То есть оформил свой уход я культурно: мол, надо дать и молодому поиграть, но на самом деле я сдался. Устал. Куда мне тягаться в выносливости с прирожденными викингами! Наши об этом знали и приняли мой уход с пониманием. Противники просто обрадовались. Скиди заметно уступал мне по классу. Но отрыв был достаточно велик, а в сумерках решили не играть. И все пошли пить пиво. На этот раз не мое, а гостей. Выяснилось, что иваровские привезли с собой пару бурдюков. Хотели зажать, паршивцы, но, увидев, какие мы классные парни, передумали. Хотя нет, не так. Скорее всего, рассчитывали, что наполнят бурдюки пивом «от Гудрун». А вот хрен вам! Итак полный котел, литров сорок выжрала. Считай, весь запас, кроме аварийного. А наш стратегический резерв я не отдам. Когда еще Гудрун новое сварит... Так что воду пейте, пролоты.

— Зачем ты дразнила Гримара? — спросил я Гудрун, когда мы наконец уединились в маленькой хижине неподалеку от корабельного сарая.

С некоторых пор я предпочитал спать здесь, а не в длинном доме, даже если местные боги не приводили ко мне гостей. Во-первых, дом у меня тесноват, во-вторых, кое-кто в моей команде храпит так, что с крыши земля осыпается. А уж заниматься любовью в присутствии дюжины свидетелей... Не могу. Вот мой арендатор Пэр — может, а я — стесняюсь. Хотя, по здешним понятиям, стесняться нечего. Гудрун — моя официальная невеста, так что мы можем спать в одной постели и не дожидаясь свадьбы. Никто слова не скажет.

Никто и не сказал. После нашей помолвки Гудрун собрала вещички и переехала ко мне. К моей искренней радости. И к искренней радости моей боевой команды, тоже жившей в моей усадьбе. И добро бы они радовались за меня! Ничего подобного. Их ликование было связано с тем, что пиво в моем доме будет варить не мой раб Хавчик, а прославленный на весь Сёлунд пивовар. Вернее, пивоварша. Да и общее качество пищи несомненно улучшится.

— И всё-таки, зачем ты дразнила Гримара?

— Ульф, я тебе больше не нравлюсь?

Глупый вопрос. Гудрун потрясающе красива. Той природной красотой, которую не подделаешь ни тренажерами, ни хирургией. Но сейчас, в лунном свете, ее тело казалось неживым, настолько оно было совершенно. Описывать ее бесполезно. Чтобы описать, мне пришлось бы разделить целое на части:

восхищаться щиколотками, икрами, коленями, бедрами, подниматься от живота к полушариями груди, а от них — к изумительной шее... Для меня всегда было важно, чтобы у женщины была красивая шея. В женской шее — половина красоты ее лица.

У Гудрун такая шея, что кажется: дотронешься, а это не плоть, а мрамор.

Я дотрагиваюсь. Более того, крепко сжимаю эту плоть чуть пониже затылочной ложбинки, слегка нажимаю, так, чтобы наши лица оказались друг против друга, но лунный свет падал исключительно на прекрасное лицо Гудрун. Я хочу любоваться ею. Хочу и буду. А вот вертеть собой не позволю. Ни сейчас, когда она еще числится моей невестой. Ни позже, когда она станет моей женой.

— Ты — богиня! — искренне говорю я, привлекая Гудрун к себе и запуская руку в прорезь ее рубахи. — Но я скоро стану твоим мужем, а жена должна быть покорной.

— И не надейся... — Гудрун млеет от моей ласки.

— Тогда я тебя убью, — обещаю я, рисуя пальцем спираль вокруг ее соска. — Это проще, чем убивать всех, кому ты улыбаешься.

— Ты не должен убивать Гримара! — очень серьезно заявляет Гудрун. Она даже пытается от меня отодвинуться. — Гримар — человек Ивара. Убьешь его — Ивар убьет тебя. Даже твой волк не защитит тебя от Рагнарсона!

Мой Волк. Мой Белый Волк...

Я всё-таки рассказал ей о мистическом звере. Рассказал в первую ночь, когда мы с ней... В общем, нам было изумительно хорошо. Так хорошо, что Гудрун поведала мне заветную тайну. О том, что, когда она была еще девочкой, ей приснилась Идун[132] (Гудрун узнала ее по корзине с яблоками) и пообещала, что моя невеста станет самой красивой девушкой Сёлунда и женой конунга. Вот почему она решила, что Эйвинд, сын Харальда-конунга, — и есть тот самый обещанный муж. Но когда он умер, Гудрун поняла, что ошиблась и выйти в конунги предстоит мне.

А что? Я не против. Однако в ту ночь мне тоже следовало рассказать что-то личное. А поскольку выкладывать историю своего истинного происхождения я не собирался, то поведал ей о Белом Волке. Тем более что это Гудрун вышила на моей куртке этого замечательного зверя, и мне самому очень хотелось выяснить: откуда она узнала?

С источником всё оказалось просто. Братец Свартхёвди. Он слышал, как я рассказывал о Белом Волке Стенульф, и счел, что это неплохой довод в пользу моей избранности, а следовательно, укрепляет мои позиции в глазах сестры. И не ошибся.

Зато Медвежонок не знал, что Волк приходил ко мне с тех пор не единожды, и не знал, что со мной после этого происходило. Теперь об этом знали двое: я и Гудрун.

И она была права: мой Волк вряд ли защитит меня от Бескостного. Волк против Ящера не рулит. Так что убивать Гримара без острой к тому необходимости я не собираюсь.

Мы еще поговорили немного. После. И я понял, что с девичьим кокетством Гудрун мне придется смириться. Она просто не понимала, о чем идет речь. А Гримар — пусть вожделеет. Всё равно дальше похотливых взглядов он пойти не посмеет. Тем более мы с ним теперь практически родственники. А родич

родичу недоброго не замыслит, а уж худого точно не сделает. Предки обидятся, а современники просто не поймут.

Вот тут я ошибся. Гримар — замыслил. Деньги и прочие бонусы — вполне достаточная причина, чтобы позволить себе небольшое отступление от правил. Как, например, в случае с папой Рунгерд, которого подло зарезали вместе со всеми людьми, несмотря на «неприкасаемый» статус гостя. Для того, кто родился в этом мире, правила и обычаи были не набором сведений, полезных и обязательных, а всего лишь условиями игры. А хороший игрок всегда знает, когда нарушение правил возможно и желательно.

Глава третья, в которой Ульф Черноголовый сначала получает предложение, отказаться от которого смертельно опасно, а потом — вызов на поединок

— До смерти! — рявкнул Гримар.
— До первой крови? — гуманно предложил я.
— Ты пьян, — бесстрастно произнес Ивар. — Одумайся.
Но глядел Бескостный почему-то не на своего хольда, а на меня.
— Останови его, конунг! — в один голос воскликнули Красный Лис и Свартхёвди.

И что удивительно: большинство пирующих выразило шумную поддержку ирландцу и Медвежонку. Удивительно, потому что поединок — излюбленное развлечение викингов.

Но я догадывался: почему так. Никто не понимал, почему Короткая Шея на меня взъелся. Я тоже.

А так мирно всё начиналось. Ивар приветствовал нас лично. Из собственных рук одарил меня ковшом вина заморского (и кто ему рассказал, что я вишишко жалую?), а Медвежонка — пивом.

Вокруг — лучшие хирдманы. Все как на подбор — двухметровые громилы. Мы с Медвежонком в этой компании потерялись бы. А он чувствует — нас.

И сразу пир. Здравницы, как водится. Драпы-хряпы. Даже я родил стих. Что-то о поле вод, что обнимают шеи драконов. Так себе стишки, но Ивар одобрил: кубок подарил. В серебро оправленный.

А потом кликнул меня за свой стол, и я наконец узнал, зачем понадобился сыну Рагнара Лотброка.

— Ты ведь пришел к нам из земель, что близ Альдейгьюборга[133], Ульф Вонгенсон?

— Нет, — качнул я головой и допустил ошибку: позволил Ивару поймать мой взгляд. Зеленые глаза дракона дохнули холодом прямо в душу.

— Нет?

— Я не из тех земель. Хрёрек Сокол взял меня в хирд на реке, которую местные жители называют Ольховой. Оттуда мы приплыли в Альдейгью. Это небольшой городок, конунг. И богатств там меньше, чем в самом жалком из капищ франков.

Тут я немного покривил душой. Но мне не хотелось, чтобы хищный драконов взор упал на Ладугу. Пусть я теперь — викинг, но по крови я — русский. Следовательно, там, на Ладогге, мой народ. Словене. Нехорошо так говорить, но

по мне: пусть лучше кровожадные Иваровы хирдманы резвятся в английских и французских селениях.

— Мне говорили иное, — возразил Бескостный, стараясь вновь заглянуть мне в глаза. Но я уклонился.

— Я и сам так считал, — произнес я, постаравшись, чтоб мой голос звучал рассудительно. — До тех пор, пока не побывал на землях франков.

— Не стану спорить: франков мы неплохо освеживали, — согласился Рагнарсон. — А еще я слышал, что в Альдейгьюборге бывают купцы из Миклагарда[134]. Так ли это?

— Может быть, — не стал я спорить. — Я не видел. Но мы были там всего лишь несколько дней. Тебе стоило бы расспросить моего конунга Хрёрека. Мне показалось: он хорошо знаком с тамошним конунгом.

— Если бы я хотел расспросить Хрёрека, я бы так и сделал, — я почувствовал в голосе Ивара неудовольствие. — Но я спрашиваю тебя.

— Я рад бы помочь тебе, конунг, потому что ценю твое расположение, — проявил я дипломатические способности, — однако я и впрямь из других земель. Думаю, что товары из Миклагарда туда попадают, ведь в той земле много хороших рек. Но там еще больше диких лесов, болот и недобрых людей, готовых забросать стрелами чужаков и кануть в чащу, из которой их уже не достать. Это не те земли, по которым стоит идти без сведущих людей. Если бы я хотел попасть в Миклагард, то шел бы морем.

Ивар чуть усмехнулся, и я легко угадал его мысль: есть разница между Рагнарсоном и каким-то там хольдом непонятного происхождения.

— В сведущих людях недостатка не будет, — сказал Бескостный. — Я умею убеждать тех, кто не хочет делиться со мной знаниями.

Это что, намек? Ну почему меня бросает в холод от этого человека? Я — свободный гражданин, в конце концов. Хёвдинг. Уважаемый человек.

— Я знаю всего лишь маленький кусочек той земли, — сказал я, очень постаравшись, чтобы голос мой звучал твердо. — Я мог бы нарисовать тебе, конунг, те земли, что я знаю. А чтобы ты не думал, что я не хочу помочь, то скажу тебе, что наш хирд побывал в городе, куда более богатом, чем Альдейгьюборг. Это город эстов. Они воинственны, но против твоих воинов эсты — ничто. И город этот лежит южнее, чем Альдейгьюборг, так что я не сомневаюсь, что там тоже есть товары из Миклагарда, потому что река там побольше, чем Ольховая, да и стоит этот город прямо на морском берегу. И еще. Я видел там норегов. Мы даже дрались с ними на море, и Один послал нам победу. А если нореги плавают туда торговать, а не грабить, то там точно есть чем разжиться повелителю многих драккаров.

— Ты мог бы указать туда дорогу? — спросил Ивар.

— Наверное. Но будет лучше, если ты спросишь об этом моего конунга или его кормчего Ольбарда Жнеца. Они очень хорошо знают тамошние воды.

Строго говоря, именовать Хрёрека Сокола конунгом — неправильно. Конунг — это тот, у кого земли, подданные, прикормленные и привязанные к землям ярлы... Харек Датский, который сидит в Хедебю, вот он — конунг. И Рагнар Лотброк, рулящий Сёлудном, конунг. А тот, у кого в подчинении не земли, а боевые корабли, называется сёконунгом, то есть «морским конунгом». Хрёрек Сокол именно таков. Как, впрочем, и Бескостный. Конечно, у Бескостного на порядок больше боевых кораблей, но суть от этого не меняется.

Однако я не завидую тому, кто назовет Ивара Рагнарсона сёконунгом. А он, в свою очередь, не станет звать сёконунгом Хрёрека, если не хочет его оскорбить.

— Да, — Бескостный приложился к кубку. — Альдейгьюборг. Твой конунг неплохо знает те берега. — И, без всякой подготовки: — Не хочешь стать моим человеком, Ульф Вогенсон?

— Это была бы великая честь для меня... — Как бы так отказаться, чтобы не обидеть. Обида Ивара — это больно. Очень больно. — Но я поклялся Хрёреку и многим ему обязан. Прости мне мои слова, Ивар-конунг, но я останусь человеком Хрёрека Сокола.

Оскорбился или нет? Кажется, нет...

— Ты люб Одину, — сказал после паузы Ивар. — Под моим знаменем ты бы сам мог стать конунгом. Надеюсь, однако, ты не откажешься сходить со мной в вик, пока твой конунг делает свои дела на земле Харека-конунга? У тебя ведь есть свой корабль, верно?

Верно. И корабль этот мне продал именно Ивар. Со скидкой, насколько я понимаю.

Я — человек Хрёрека Сокола, вежливо напомнил я Бескостному.

Хрёрек в Хедебю, в свою очередь вновь напомнил мне Рагнарсон. А мы с тобой, дорогой мой Ульф, на Сёлунде. И земля у тебя тут, и невеста, и вообще, как-то непатриотично жить на земле Рагнара-конунга и не поддерживать начинаний его старшего сына. Типа как бы — неуважение...

Проявлять неуважение к Бескостному мог только суицидник, страдающий острой формой мазохизма, так что я вынужден был исторгнуть в адрес Ивара фонтанчик самой грубой лести, на которую способен. Но — с большой аккуратностью. Идти в поход с Иваром мне категорически не хотелось. И, какой смысл самого себя обманывать, главная причина была в том, что я его боялся. Немигающий взгляд Бескостного рождал во мне мистический ужас.

У меня, блин, невеста молодая, попробовал я зайти с другой стороны. К свадьбе готовиться надо...

Сыграешь ты свадьбу, да так, что богам завидно станет, посулил мне Рагнарсон. После того как из вика с добычей вернешься. Неужели не скучно такому парню, как ты, всё лето дома сидеть?

— Зачем тебе я, конунг? — спросил я напрямик, исчерпав запас косвенных доводов. — Мой кнорр потеряется среди твоих драккаров.

— Твой кнорр, но не твоя удача.

— Что моя удача рядом с удачей старшего сына Рагнара Лотброка? Мелкая рыбка рядом с акулой.

— Бывает, что и мелкая рыбешка пойдет акуле на пользу, — сказал Бескостный.

— Но вряд ли насытит.

Ивар усмехнулся. Решил: я шучу.

— Ты пойдешь со мной, Ульф Черноголовый. Это решено.

И я понял, что спорить бессмысленно. Хрёрека здесь нет, а без него я и впрямь мелкая рыбешка рядом с акульей пастью. Хлоп — и нету.

На том беседа и завершилась. Я вернулся на свое место и только потянулся к заветному печеному поросенку, как меня ошарашил мсье Гримар. Приглашением на дуэль.

— Останови его, конунг! — разом воскликнули Красный Лис и Свартхёвди, а чуть позже — еще десяток пирующих.

Видать, неспровоцированный вызов на поединок до смерти удивил их настолько, что перевесил даже желание поглазеть на драку.

Ивар покачал головой.

— Один меня не поймет, — произнес он с явным сожалением. — До смерти, хольд. Что еще?

— Пусть бой будет чистым!

Неожиданная просьба. Ивар поглядел на Медвежонка. Понятно, почему. Он — мой ближайший родич. Ему и мстить, если Шея меня прикончит.

Свартхёвди нахмурился...

— Пусть будет так! — вмешался я, опередив побратима.

Еще не хватало: запустить мясорубку кровной мести. Тем более — среди родичей. Опять же, если конунг объявил поединок «чистым», то, значит, и вергельд платить не надо. Зная Ивара, можно предположить, что он слупит за своего хольда по полной... О как! Я уже рассуждаю как победитель. Опасная тенденция. Гримар — опытнейший воин. А что пьян, так хмель из его башки выветрится, едва меч ляжет в руку. Проверено. И всё же какого хрена он на меня наехал? Не понимаю. А я не люблю, когда не понимаю. Чей-то «заказ»? Кто-то его на меня натравил? Ивар? Вряд ли. Не его стиль. Да и зачем ему? Он только что призвал меня в свою дружину, и я, типа, согласился. Кто бы из нас ни победил, Ивар — в проигрыше. Теряет либо своего хольда, либо союзника, то есть меня. Нет, Бескостный точно не заказчик. И прими Гримар «заказ» на меня от кого-то еще и узнай об этом Ивар... Ох, не завидую я тогда Короткой Шее! Разве что заказчик — папа Рагнар... Что совсем маловероятно. Этот мог бы «вычеркнуть» меня без всяких ухищрений. Показал пальцем — и нету Ульфа Черноголового. Нет, не Рагнар. Конунг Сёлунда не убивает тех, кто приносит ему пользу. Я потрогал золотую цепь, подаренную мне Лотброком за мои подвиги в Париже. Нет, не Рагнар.

Ладно, разберемся по ходу.

— Не знаю, что на него нашло, — ворчал Медвежонок, помогая мне разобраться с кольчугой. — Может, что понадежнее наденешь?

Не буду. Арабская кольчуга меня устраивает. Легкая, удобная, от скользящего удара защитит, а от прямого, с учетом параметров моего противника, не уберезет и железная «доска».

А вот это уже неприятно. Гримар решил пренебречь щитом. Или видел меня в деле, или посоветовал кто-то, но вместо щита Короткая Шея взял в левую руку рубящее копьё, хогспьёт, с относительно короткой рукоятью, длинной трубкой и широким, покрытым руническими узорами железком. Меч у моего противника тоже был хорош: из «сварного булата», на пядь длиннее моего Вдоводела. Но он его не взял: вооружился простой секирой на длинной рукояти с лезвием никак не меньше тридцати сантиметров. И на защиту Короткая Шея тоже не поскупился. Навесил на себя минимум пуд железа. Хорошо быть здоровенным!

— Ты не смотри, брат, что Гримар велик и тяжел, — просвещал меня Свартхёвди. — Он очень быстр и подвижен. (А то я не видел, как Шея в мяч играет!) А сила у него не меньше, чем у нашего Стюрмира. И еще он одинаково ловко

колет и рубит что с левой, что с правой руки...

Вот это я понял сразу. Выпад копьем был так стремителен, что едва не сделал во мне дырку. Конечно, я видел, что руки у моего противника длинные, как у орангутанга, но такое ощущение, что они удлиннились еще сантиметров на десять. Копейный укол с дистанции более двух метров, а когда я откинулся назад, бросок вперед — и секира едва не оставила меня сразу без двух ног. Вот когда может пригодиться акробатика. Спасая нижние конечности, я ушел назад кувыркком-перекатом. С учетом «местности» ушел, так, чтобы между нами оказался опорный столб. Гримар вынужденно притормозил. Я попытался спровоцировать его на атаку, но неудачно. Некоторое время мы кружили вокруг столба. Потом Короткая Шея сделал рывок, пытаясь достать меня слева... Именно этого я и хотел. Перебросил меч в левую руку, хлестанул по толстой ножище... Оглушительно лязгнуло железо. Гримар успел прикрыть голень обухом топора, но контакт был нежесткий, и его приложило по колену собственным же оружием. К сожалению, плоскостью. И снова между нами оказался столб.

Я поймал взгляд Иварова хольда. В медвежьих глазках — ни малейших признаков гнева. Холодный расчет. Гримар не испытывал ко мне негативных чувств. Ничего личного. Короткая Шея просто прикидывал, как меня прикончить.

Еще один выпад, от которого я ушел, заслонившись столбом. Стратегия поединка не складывалась. На дистанции у моего противника — все преимущества. В ближнем бою тоже, судя по тому, как ловко Гримар управляет с секирой. Может быть, мне имело смысл взять кинжал в пару к Вдоводелу? Но этакий панцирь кинжалом не вдруг пробьешь. А достать по ногам их хозяин вряд ли позволит. Перемещается он изумительно. Да, я немного превосхожу его в маневренности — за счет куда более легкой «комплектации», но это преимущество начисто съедается длинными ручищами и изумительным чувством дистанции. На финты этот носорог не покупается, так что измотать его вряд ли удастся. Там, где Короткой Шее довольно рукой махнуть, мне приходится уходить всем телом сразу. И Гримар это вполне уяснил: то копьем сунет, то секирой махнет, а мне и дистанцию не набрать, потому что столб мой родной сразу потеряю...

Я выжидал. Надеялся, что придет мой Волк... Ни фига. Может, я слишком много пива выпил, может, недостаточно испугался, может, еще какая хрень, но великолепное единение меня и мироздания, превращавшее меня в супербойца, никак не приходило. А без него мне с Иваровым хольдом точно не управиться. Хотя...

У меня появился план. Слишком сложный и слишком хитрый, чтобы быть в нем уверенным, но другого всё равно нет.

Еще один полуоборот вокруг столба... И я проворно отступил в столу, туда, где длинный стол и стол «главный» сходились под прямым углом, и оказался аккурат в трех метрах от Ивара. Его хирдманы тут же подались в стороны, освобождая пространство (Бескостный, ясное дело, даже не шелохнулся), а я подхватил свободной рукой кувшинчик с пивом, поднял, салютуя Гримару, типа «твое здоровье», и приложился.

Хольд церемониться не стал. Задача у него была простая, как мычание. Ме-

ня прикончить. Так что, едва я оказался в подходящем положении, крайне неудобном, поскольку практически лишил себя возможности маневра, Короткая Шея бросился в атаку.

Я встретил Гримара «безумным» смехом, метнул ему в рожу кувшин (который тот походя разнес небрежным ударом топора) и вспрыгнул сначала на скамью, потом — на стол.

Копье хольд метнул вполсилы. Мишень я представлял замечательную, дистанция ничтожная, а моей кольчужке много не надо...

Провернулся я по всем правилам. Чудом не поскользнувшись на объедках, но — чётко. Уход с линии атаки с одновременным перехватом древка уже вывернутой для правильного хвата ладонью, и, на полуразвороте, бросок в голову противника. Перехватывать копьё Короткая Шея не стал. Пригнулся чуток и мощным толчком бросил свое могучее тулово вверх, одновременно вскидывая секиру, чтобы покончить со мной, пока я снова не удрал. Парировать удар топора клинком я не стал. Бессмысленно. Да и необходимости не было. Потому что Гримар облажался. Вернее, я очень старательно вел его к одной-единственной ошибке... И привел. Всё было просчитано. И бросок копья (никто не удержался бы) с последующим перехватом, и брызги пива, часть которых попала в прорези шлема...

Когда человек прыгает вверх с одновременным замахом, ему очень легко ошибиться, оценивая высоту удара. Вот и Гримар не рассчитал. Мощнейший удар, усиленный массой разогнавшегося многопудового организма, который должен был развалить меня на две полутушки, поскольку я всем своим видом и поведением изображал готовность встретить врага грудь в грудь, достался вовсе не мне. И не мог достаться, поскольку я-то совершенно ясно видел траекторию движения смертоносного орудия и место, где эта траектория должна была закончиться. Вопрос у меня был только один: разрубит Гримар балку или не разрубит?

Не разрубил. Хорошая оказалась балка. Дубовая, чай.

Разбег и замах был такой, что даже мощная лапища хольда не удержала рукоять увязшей секиры. То есть топор остался торчать в балке, а Гримар продолжал двигаться дальше. На меня.

Теперь у меня был выбор. Например, я мог вбить Вдоводел прямо в разинутый рот Гримара. Или отрубить ему какую-нибудь конечность, поскольку инерция несла его на меня (вернее, уже мимо меня, поскольку я сделал шаг в сторону), как шквал несет судно на скалу. Собственно, я до самого последнего момента не знал: рубить или пожалеть? Но, как верно подметил когда-то умирающий «королевич», у меня доброе сердце. Рубани я острием — и нога Короткой Шеи украсила бы собой праздничный стол. Но я ударил плашмя. Даже не ударил, а просто подставил плоскость клинка под ногу противника. И результат оказался вполне ожидаемый. Полет мордой вниз. А поскольку стол кончился раньше, чем закончился полет, то совсем вниз, до самого пола, попутно приложившись брюхом о скамью.

Викинги умеют падать. Гримар не убился. Даже не ушибся по-настоящему, поскольку — в железе.

Плечо вывихнул, как потом выяснилось, но это неудивительно, учитывая общий вес туши и «обвеса», на это плечо пришедшийся.

Нет, он всё-таки не упал — рухнул. А я — спрыгнул. Легко и грациозно.

Упер Вдоводел в то место, где у обычных людей находится шея, а у Гримара пролежала граница между спиной и затылком... И вопросительно поглядел на Ивара.

Я мог бы (и должен был, кстати, по условиям поединка) добить противника. Но, как сказано у классика, «жизнь „детеныша“ можно выкупить». Нет ли у кого-нибудь при деньгах такого желания?

Ивар меня понял. Но раскошелиться не собирался.

— Он — твой, — признал Рагнарсон с неприятной улыбкой. — Ты мог бы отправить его в Валхаллу, и я догадываюсь, почему ты этого не сделал. Видно, тебе, как и мне, любопытно, чем ты ему насолил.

Гримар лежал, не шевелясь. Но он был жив и в сознании — я слышал, как он дышит. И знал, что он слышит наш диалог так же хорошо, как чувствует острие моего меча.

— Так и есть, Ивар-конунг, — согласился я. — Но это не значит, что я удовольствуюсь только словами. Пусть это будет половина выкупа. А второй половиной станет двадцать пять марок серебром.

— Справедливо, — согласился Рагнарсон. — Жизнь моего хольда стоит уж никак не меньше пятидесяти. Ты согласен, Гримар Скаммхальс?

— Да, согласен, — глухо проворчал Короткая Шея.

Первую половину выкупа Гримар «внес» сразу. Горло промочил и «выплатил». Оказывается, быть женихом такой красавицы, как моя Гудрун, весьма рискованно. Потому что наличие у такой, как она, жениха, становится проблемой для тех, кто сам хочет стать ее женихом. Вспомните хотя бы беднягу Харальда... А там, как говаривал... Джугашвили, кажется: нет человека, нет и проблемы. Вот и старина Гримар решил аналогично. Поэтому он и просил о чистом поединке. Чтобы не оказалось крови между ним и семейством вождьеленной красотки. Гудрун тоже хороша, однако. Не в смысле внешности, а потому, что без ее кокетливых взглядов в репообразной башке хольда, может, и не родились бы матримониальные помыслы.

Ивар веселился как ребенок. И с ним — целая прорва пожирателей кровавого мяса. Ну надо же, какая шутка замечательная: грохнуть Ульфа Черноголового — и захватить не только его невестушку, но и изрядную долю женихова имущества. Это Свартхёвди, простой парень, проболтался: мол, отписал его побратим в случае летального исхода свое солидное бабло и прочее богатство в равных долях ему, Свартхёвди, матушке Рунгерд и невестушке Гудрун.

Вот же классная шутка! Уржаться можно.

А теперь — серьёзно.

Я узнал, на какую авантюру приглашает меня Бескостный.

Ивар Рагнарсон собрался пограбить англов. Пробить тему для папаши, который решил пощупать будущих гордых британцев на следующий год. Но первым, как говорится, самые сладкие куски, так что Ивар согласился охотно. И вот для сего доходного предприятия Ивару надобны лихие и удачливые парни вроде меня.

Не стану отрицать: я вздохнул с облегчением. До последнего момента подозревал, что Бескостный двинет на Ладугу.

Да и сколько до той Англии плыть? Не в Рим, чай. Считаю, рукой подать. Через море переплыл — и там.

— Это хорошо, — сказал Ивар, — что Гримар-хольд и Ульф-хёвдинг (Ну надо же! Хёвдингом почтил!) помирились. Потому что Ульф в этот вик с нами идет.

Иварова братва одобрительно заворчала. Надо же. А я и не думал, что пользуюсь таким авторитетом среди головорезов.

Я хотел вякнуть, что мне надо посоветоваться с моими людьми, но глянул на Свартхёвди и промолчал.

На кирпичной роже Медвежонка отчетливо написано: да. Вернее, даже не просто «да», а «О! Да, да! Классная тема!».

Немигающие глаза ящера сверлили меня, напоминая: скажешь «нет», пеняй на себя.

Дания — свободная земля. А Роскилле — в особенности. Но это в значительной степени свобода таких, как Ивар, кушать таких, как я. В случае конфликта интересов.

Ивар сказал: пойдешь с нами. Значит — без вариантов.

А если уважаемый Ульф Черноголовый насчет сохранности своей прекрасной невесты беспокоится, с усмешечкой продолжал Бескостный, так пусть не беспокоится. Если Ульф составит Ивару компанию в будущей экскурсии, то он, Ивар, станет личным гарантом того, что ни один «претендент» более не рискнет покуситься на самую красивую девушку Сёлунда. И если все же рискнет, то будет как с тем парнем, который в прошлом году повел себя неправильно в отношении одной из Иваровых наложниц. Все слышали?

Слышали все, включая меня. И даже Гримар слышал, хотя приехал на Роскилле недавно. И пересказывать не буду, что Бескостный сотворил с беднягой. Отмечу лишь, что чуть позже папаша Рагнар укорил сынка за несоразмерную проступку жестокость. Это Рагнар-то!

Так что с таким гарантом, как Бескостный, даже самый отмороженный «гримар» не посмеет покуситься на мою Гудрун.

Мне не достало храбрости возражать. Вместо этого я слотнул слюну, ухватил емкость с пивом и поднял тост за щедрость и славу Ивара-конунга.

Ивар благосклонно улыбнулся, но я знал: ему плевать на лесть. Он хотел видеть меня среди своих воинов, и он меня получил.

Господи, как мне не хочется иметь дело с Бескостным! Впору собрать манатки и бежать с Сёлунда...

Глава четвертая, в которой герой сначала мечтает, потом — печалится, а в итоге придумывает схему успешных тренировок

В Роскилле я купил раба. Франка. Строителя. Продавец, местный оптовый работорговец, естественно тоже из Медвежонковой родни, получил задание изыскать мне строителя. И нашел. Причем недорого. Раб был стар и чуток покалечен — не доставало пальцев на ногах, обморозил прошлой зимой. Вдобавок франк не говорил по-датски, так что цена его была просто смешная. Ноги он обморозил у прежнего хозяина, который и купил франка как строителя, но, когда тот надорвал спину, тягая бревно (строитель — значит, строй!), в приобретении разочаровался и начал использовать бедолагу на всяких черных работах, а по весне, чтобы вернуть хоть часть денег, намеревался продать жрецам Одина. Эти охотно скупали бесполезных трэлей, чтобы приносить их в жертву.

Словом, будущее бедняги было ничуть не радужнее настоящего. И Пэррик,

так звали трэля, выглядел так, будто он уже частично умер. Ни на что особо не надеясь, я начал его расспрашивать. Когда я заговорил с рабом на его родном языке, он слегка ожил. И признал: да, у себя на родине он был строителем.

Это еще ничего не значило. Строители бывают разные. Одни дворцы проектируют, другие цемент лопатой мешают.

Я велел дать деду козьего молока, чтобы он чуток взбодрился, и спросил, умеет ли он строить печи?

Ответ — положительный. Да, умеет. В том числе и кузнечные. Я покосился на хозяина дедушки. Если тот узнает, что франк — такой высококвалифицированный специалист, цена существенно поднимется. Раз этак в двадцать.

Но рабовладелец по-франкски — ни бельмеса. Тер с Медвежонком о падении цен на рабов, вышедших в тираж. Мол, чтобы выручить хоть что-то, надо «товар» в Успалу везти, а то усилиями Рагнара сотоварищи местный рынок просто завален двуногим товаром.

А знает ли доходяга Пэррик, как делать кирпичи, из которых делают печи?

Знает, само собой, а как же иначе? И как делать печи для обжига оных кирпичей, тоже. Он же профессионал. Естественно, он владеет полным циклом: от глины с песком до сведения сводов.

— Сводов? — изумился я.

Ну да. Он мог бы даже купол построить. Теоретически. Потому что в здешних условиях, да еще без нужных специалистов о таком даже мечтать не стоит. Но вратную арку Пэррик мог бы исполнить даже здесь. А печи — это вообще его специализация. Так что, если я хочу получить обогреваемые по византийскому образцу полы...

На вопрос, откуда такие обширные знания, Пэррик пояснил, что учился у какого-то известного франкского зодчего, творившего при папе нынешнего короля Карла Лысого. А тот вообще получил образование в Константинополе.

И деревянные дома он тоже умеет строить. Он пытался объяснить этому зверю-варвару, что может сделать ему такой дом. Намного лучше, чем те здоревенные сараи, в которых живут местные графы. Но варвар ничего не понял, потому что не знает ни одного из правильных языков, а на здешнем, собачьем, Пэррик знает только пару слов.

Я смотрел на это... существо, грязное, вшивое, тощее, покрытое болячками, с гноящимися ногами... И чувство у меня было примерно такое же, как у человека, который выкопал на помойке булатный клинок.

Если даже четверть сказанного окажется правдой, мне впору танцевать от радости. О, как же мне хотелось, чтобы у меня был настоящий дом. С настоящей печкой, с камином... Без вечного чада, без слоя копоты на всем...

Но от танцев я воздержался. Напротив, сделал хмурое лицо и предположил, что этот трэль вряд ли дотянет до зимы, а там уж точно сдохнет. Работорговец спорить со мной не стал. Он был того же мнения. Даже попытался (мы ж родня, как-никак) оправдываться: нет, мол, других европейских строителей-гастарбайтеров на Роскилле. Да и на хрена они здесь? Правильные люди строят правильные дома. То есть такие же, как предки строили. А инновациями пусть дураки занимаются, потому что то, что от пращуров, — хорошо по определению. Свартхёвди был с ним полностью согласен и даже попытался меня отговорить, когда я сообщил, что готов купить раба. За ту цену, которую предложил оптовик от жрецов Одина плюс приличная надбавка за кормежку и

хлопоты. Продавец был доволен. Свартхёвди считал, что я — дурак. Раб...

Рабу было всё по барабану. Он готовился к смерти и не видел особой разницы между мной и прежним хозяином. Ну да, я чуток болтаю по-франкски, но зато по мне сразу видно, что я — викинг. То есть не просто варвар, а варвар-людоед. Прежний хозяин хоть простым бондом был...

Чтобы оттранспортировать раба, я приобрел лошадку, обошедшуюся мне раза в три дороже Пэррика. Было бы — в три, но лошадка была — из Кольгримовых табунов, а у Кольгрима мне полагалась скидка. В виде бесплатного седла. За обучение сына искусству убийства.

Медвежонок опять ворчал, но я понимал: на своих покалеченных ногах бедняга Пэррик и километра не пройдет. А я был очень заинтересован в том, чтобы он дошел.

По счастью, в седле Пэррик держался нормально, иначе пришлось бы телегу покупать. Что тоже было хорошим знаком. Поскольку говорило и о том, что раб не так плох, как кажется с виду, и о том, что там, во Франции, он часто ездил верхом, причем не охлюпкой, по-крестьянски, а в седле, как и подобает обеспеченному человеку.

Нет, мне определенно повезло с этой покупкой. Теперь моя задача — доставить приобретение домой в максимальной сохранности. А уж там отец Бернар его подлечит, и пусть принимается за дело.

Мне уже виделся крепкий двухэтажный домик на живописном месте. С печкой (хрен с ними, с отапливаемыми полами), с камином, с настоящими окнами, пусть и собранными из маленьких стеклышек (листового стекла я здесь не встречал), со спальней, посреди которой — огромная кровать с балдахинном.

Может быть, даже с ванной... Размечтался, короче.

Но тут мой побратим вернул меня в суровую действительность, напомнив, что вскоре нам предстоит совместный боевой поход с человеком-ящером Иваром. И радость искренняя моя вмиг истаяла. Человеку, который не знает, доживет ли он до осени, как-то смешно строить далекоидущие планы.

В общем, ехали мы со Свартхёвди в совершенно разном настроении. Медвежонок, в отличие от меня, был совершенно счастлив и, вопреки обыкновению, непрерывно болтал, предвкушая радости будущего вика. Он считал, что играть в одной команде с Иваром — большая честь. Нет, Свартхёвди был верен Хрёреку и доказал это, оставшись в нашем хирде, когда Ивар звал его к себе. Но Свартхёвди был коренным сёлундцем, а здесь, на Сёлунде, только папа Рагнар мог соперничать с Бескостным в доблести.

— Неужели тебе мало того, что мы добыли во Франции? — спросил я.

И получил ответ: богатств много не бывает. Равно как и славы. И он, Свартхёвди, не видит жизни без битв. А с кем мы можем воевать в составе нашего маленького хирда? Ограбить какую-нибудь фризскую деревеньку? Даже стыдно говорить о таком после подвигов, которые мы совершили в прошлом году.

Наш маленький хирд еще не готов, напомнил я. Молодежь даже строй толком держать не умеет.

Научится, заверил меня Медвежонок. Вспомни, каким был Скиди, когда мы уплывали с Рагнаром. Ничуть не лучше нашего сына Виги.

Вихорёк, кстати, превратился в Виги с его подачи. То есть сначала не ли-

шенный чувства юмора Медвежонок прозвал его Вигхарек. Юмор же в том, что «харек» отнюдь не зверек с пушистым хвостиком, а «высочайший из правителей» или типа того. То есть вполне годилось для ныне здравствующего конунга данов, но не для бывшего раба франков. А Виг — это просто война, то есть нормально для будущего воина. Но не в сочетании с «хареком». Тут уж явный перебор.

Однако Медвежонок был справедлив. Когда он увидел, что малец старается изо всех сил, и процесс его обучения ремеслу убийцы идет вполне успешно, Свартхёвди хохмить перестал, и Вихорёк превратился в Виги. Более того, с недавнего времени — в Виги Ульфсона, поскольку под нажимом общественности в лице Скиди и Медвежонка я вынужден был парня «усыновить».

Выглядело это так: мне пришлось собственноручно убить ни в чем не повинного быка-трехлетку, купленного специально для этой цели, содрать шкуру с его задней ноги, сделать из этой шкуры обувь (к счастью, чисто номинальную, с настоящей я бы не справился), а дальше, при большом стечении народа, торжественно произнести:

— Я, Ульф Вогенсон, хёвдинг, прозванный Черноголовым, ввожу этого человека в права на имущество, которое даю ему, в права на деньги и подарки, на сидение и поселение, на возмещения и виры (вдруг меня зарежут и Медвежонку будет не под силу унести весь выкуп самостоятельно?), на все личные права, как если бы его мать была куплена за мунд. То бишь стала бы моей законной супругой.

Засим я всунул ногу в ритуальный сапог. После чего ту же операцию проделал Вихорёк, а за ним — Свартхёвди, поскольку других родичей-мужчин у меня не было. Равно как и одаля, то есть наследственной родовой земли. Если бы таковая была, то потребовалось бы согласие всех совладельцев-наследников. Впрочем, никаких прав распоряжаться моим имуществом без моей дополнительной санкции у парня, несмотря на все красивые слова, не появилось. Только если меня грохнут. Однако и в этом случае мои нажитые несправедливой деятельностью богатства отходили в распоряжение моей законной супруги (когда мы поженимся официально) и Медвежонка, а уж они должны были решить, какую дольку отстегнуть младшему партнеру.

Однако после вышеописанной процедуры бывший монастырский пастушок стал полноценным гражданином Сёлунда и Дании и уже в этом качестве вошел в состав моей «младшей» дружины вместе с третьим сыном сёлундского богача Кольгрима Каппи Обжорой, сынком моего соседа Скейва Рысье Ухо Тори и еще пятью недорослями, завербованными в мой, вернее, наш с Медвежонком хирд моим практичным побратимом. Почему практичным? Да потому, что вербовал он новобранцев, главным образом исходя из состоятельности их родителей. А когда я скромно намекнул насчет воинских способностей моих, вернее, наших будущих дренгов, Медвежонок похлопал меня по плечу и снисходительно пояснил, что удача родни передается из поколения в поколение, и что есть богатство, как не мерило этой самой удачи. А управляться с боевым железом он, Свартхёвди, молодняк научит без проблем. Тем более с моей помощью. Вон как я Скиди натаскал. Любо-дорого поглядеть! Да что там Скиди, даже старина Стюрмир нынче орудует мечом вполне осмысленно. А ведь еще год назад махал им, аки ледяной великан — дубиной, по принципу: сила есть...

Сила есть, подтвердил присутствовавший при том разговоре Стюрмир. Словом подтвердил и делом, ухватив Медвежонка за выю и нагнув оную до уровня пояса, потому что потягаться в грубой физической мощи со Стюрмиром мог разве что громадина Ове Толстый.

Доехали мы без приключений. Я передал Пэррика отцу Бернару, раздал подарки, порадовал Гудрун и домочадцев новостями о скором походе и вплотную занялся боевой подготовкой молодняка. Мне предстояло решить практически невозможную задачу: за ничтожное время сделать из увальней-недорослей что-то похожее если не на воинов, то хотя бы на квалифицированных ополченцев, способных, пусть втроем-вчетвером, противостоять хотя бы одному среднестатистическому викингу.

И вот сейчас нам с Медвежонком предстояло перевести эту задачу из области чистой фантастики в область грубой реальности. Иначе нас всех просто убьют.

Медвежонок, как и я, прекрасно понимал, что одиннадцать полноценных воинов и восемь недорослей — нормальная команда для торгового кнорра, но для ведения успешных боевых действий — пшик. Так что сразу после возвращения мы с ним расположились на завалинке, приняли пивка из резервных запасов и устроили мозговой штурм и породили свежую идею: парни должны обучиться залповой стрельбе из-под прикрытия. Например, из-за борта драккара. Потому что на открытом месте молодежь будет для ворогов чем-то вроде живых мишеней сначала и «пособиями» для рубки — чуть позже. Идея насчет именно залпового огня была чисто моей, но Медвежонку понравилась. Если они будут подниматься все разом, а потом так же дружно прятаться, их шансы словить тушкой копые уменьшаются в разы.

Воплощать свою учебную программу мы начали немедленно.

Я выделил некоторое количество второсортных стройматериалов, из которых мои бойцы соорудили имитацию палубы и бортов. Вот на этом неказистом макете мы и стали отрабатывать слаженность в стрельбе.

В моем маленьком хирде имелись два настоящих специалиста по стрелковому делу: Дик и Вилли, коренные англичане. Белку в глаз с тридцати-сорока метров — не вопрос. А о человеках и говорить нечего.

На ступень ниже в стрелковом мастерстве находился магометанин Юсуф. Но этот вообще боец-универсал. Разве что в классическом скандинавском строю работал посредственно. Примерно как я.

За Юсуфом следовал Вихорёк. Талантливый парнишка. И старательный. Следующим в «табели» шел Скиди. Общим боевым классом он Вихорька превосходил на голову, а в стрельбе немного уступал лишь потому, что лук — это не его. Вот меч — другое дело. Тут он рос стремительно. Если вспомнить его первый настоящий поединок — с тогда еще не моим, а посторонним хускарлом Гуннаром Гагарой, то тогда парень выиграл исключительно за счет психологии и придуманной мною тактики. Теперь же Скиди рубился с Гагарой, считай, на равных, и я бы даже сказал — с неплохими шансами на победу, будь бой настоящим. Правда, со времени их первого поединка мой ученик стал значительно габаритнее.

Но в отличие от норегов, которые к стрельбе относились пренебрежитель-

но, Скиди всё еще оставался моим учеником. А поскольку я считал, что мастер должен в совершенстве владеть любым оружием, то луку Скиди тоже уделял немало времени. Могучим волевым усилием отрывался от молодой жены — и уделял.

А норегов я к стрельбам даже не привлекал. Эта троица — вполне законченные бойцы. Отличная тяжелая пехота. И швырковое копье им куда привычнее лука. На короткой же дистанции у копья все преимущества, потому что из местного лука пробить доспех можно только по чистой случайности. А уж в щите стрела точно увязнет. Зато качественный копейный бросок «выносит» противника при любом попадании. Тут разница примерно как между спортивным «марголиным» и «орлом пустыни».

Если по уму, то половину молодых тоже надо было под копья затачивать: здоровенные бугаи эти коренные сёлундцы. Однако я все же решил поставить на лук. В дуэли на копьях с теми же Гуннарами мои новобранцы проиграли бы вчистую. Брошенное сынком Рысьего Уха копье Гуннар Гагара «вынимал» из воздуха с десяти шагов и тут же возвращал обратно, причем Скейв не то что поймать — даже отбить опасный снаряд толком не мог. То щит потеряет, то краем его по морде получит. А было б копье не тупое, а с железком, тут бы молодая жизнь веселого сёлундского парня и оборвалась бы. У меня же не было оснований думать, что боец, с которым Скейв столкнется в реальном бою, окажется подготовлен хуже, чем Гуннар Гагара. Со стрелой хотя бы «обратки» не будет. И сам выстрел из лука меньше времени занимает.

Впрочем, был у меня среди молодежи подходящий кандидат и для копьеметания: Хавур Младший Хакисон.

Хавур значит — козел. По мне, так я бы парня не козлом окрестил, а бычарой. Здоровья — выше крыши, реакция хорошая, координация еще лучше. Вот с соображаловкой проблема... Вернее, никаких проблем, поскольку соображения — минимум. Однако у меня в команде уже есть один такой. Стюрмир его зовут.

Вот Стюрмиру я и отдал под опеку великанистого козлика. Кстати, в имени Козел, по здешним понятиям, — ничего позорного. Как раз наоборот. Круто. Козлы — тягловые животные самого Тора Громовержца. Агрессивны, любвеобильны... Словом, почетные зверьки.

Но, поскольку моя новая тактика требовала максимальной плотности залпа, Хавура я тоже определил в стрелковый разряд. Специализацию потом пройдет. Сейчас мне надо, чтобы его не прибили в первой же схватке, а сам он при этом получил возможность нанести противнику максимальный урон.

Тренировались мы так. На макет «борта» устанавливались щиты. За щитами прятались стрелки. По моей команде, голосовой или свистку, девять стрелков дружно вскакивали и били в заранее распределенные мишени. Одна стрела за прием. Вскочил, стрельнул, спрятался. Тактика оказалась выигрышная. Уже на шестой день сеанс «встал-стрельнул» занимал не больше секунды, выполнялся всеми одновременно и распределение целей тоже можно было считать вполне удовлетворительным. Так же как и меткость. В целом. Пришло время переходить к работе по движущимся целям. В этом качестве я предложил выступить моих «тяжеловесов»: Медвежонка, Стюрмира и норегов.

Тут вышло похуже. Несмотря на плотный огонь (тупыми стрелами, разуме-

ется), трое из пятерых добежали до стрелков и учинили «резню». А в реальном бою добежали бы четверо, потому что стрела в ляжку вряд ли остановила бы Стюрмира.

После двух дней «встречных» боев результат сдвинулся в лучшую для стрелков сторону. Теперь добежали максимум двое, а чаще — один Свартхёвди, который даже вне «режима берсерка» обладал фантастической реакцией и сбивал практически все стрелы. Само собой, если лучшие стрелки, Дикон, Уилл и Юсуф, сосредотачивались на Медвежонке, то успевали его «стреножить», но тогда потери среди остальных нападающих оказывались минимальными. А если прорывались трое, то для моей «стрелковой дюжины» наступали скверные времена. В ближнем бою нормально работали только Юсуф и Скиди, остальные были просто мясом для рубки.

Я уж и так и эдак пытался научить молодежь действовать совместно, но тщетно. Все они имели отличный потенциал. Почти все умели работать с копьем на уровне «взять кабана» (дело непростое, по собственному опыту знаю), прилично метали топоры и даже неплохо держали строй. В спокойном состоянии. Если их чередовать матерыми бойцами. Тем не менее перемахнувший через условный «борт» Стюрмир среди моих недорослей чувствовал себя как лис в курятнике. А ведь парни не боялись, потому что знали, что их не убьют: отделаются синяками. В реальном бою будет только хуже.

Я злился. Не при обучающихся, разумеется. Изливал свое недовольство на Медвежонка. А тот меня успокаивал традиционным: вспомни Скиди. Тоже ведь ни хрена не умел, а сейчас — полноценный дрэнг.

Вот только Скиди на начальном этапе обучения впахивал как заводной, а половина молодых, на мой взгляд, откровенно ленились. Типа, мы и так здоровые. Торопиться некуда. Научимся. Пришлось мне даже выбрать «мальчика для показательной порки» — Каппи Обжору. Этот сынок богатея-коннозаводчика, мало того что сам норовил выполнить урок даже не вспотев, так еще и над Младшим, который честно впахивал, мерзко потешался. Наверное, по привычке. Хавур воспитывался у них в семье, и по-моему, на правах бедного родственника. Я бы их «стравил», но это не дало бы результата, потому что уровень владения оружием у молодых был примерно одинаковый, а Хавур к тому же относился к Каппи с изрядным почтением. Так у них сложилось. Тоже понятно: Каппи — явный лидер, предприимчивый, быстро соображающий, язвительный, а Хавур из тех, кто делает, что скажут. Причем делает честно и старательно. Будь Каппи — правильного мировоззрения, я бы эту связь ломать не стал. Но мировоззрение у него было... Как у балованного сыночка олигарха. Так что будем вычищать его из альфа-самцов. Не хочу я видеть лидером Каппи. Не нравится он мне в качестве лидера. И в игре, которая называется «игнорируем бывшего пастуха-словенина», он — заводила. На хрена мне лидер, который отсекает перспективного члена команды только по национальному признаку. Не по-нашему это, не по-викингски.

Короче, я придумал план по психологической коррекции. И попутно — замены неформального лидера формальным. И откладывать его реализацию не стал. Как только увидел, что программа «залп» работает более-менее терпимо, объявил обучаемым, что настала пора экзаменов. Я даю им день отдыха для накопления сил, а потом — военно-спортивные состязания. Открытые.

Глава пятая,

в которой герой планирует будущее и наслаждается семейными ценностями

Отдых у молодежи был условный. Я отправил их на лесозаготовки. Дело в том, что мой новоприобретенный раб Пэррик пришел в рабочее состояние. Качественная кормежка и медицинская помощь отца Бернара сотворили маленькое чудо. Непоследнюю роль играло и то, что отец Бернар оказался не просто его соотечественником, а еще и священнослужителем. То есть мой будущий зодчий обрел вожделенную возможность получить отпущение грехов. На мой взгляд, грехов у него было куда меньше, чем, например, у меня, но после соответствующего ритуала душевное состояние моего трэля тоже заметно улучшилось. Надо полагать, он понял, что и в плену у кровожадных язычников тоже можно жить.

Как только он чуток оклемался, я поставил ему задачу: хочу двухэтажный отапливаемый дом. Деревянный, но на каменном фундаменте.

Пэррик первым делом уточнил: какой уровень защищенности должен быть. К примеру, делать ли вход с первого этажа или сразу со второго?

Я уточнил: возможность правильного штурма моего жилища мы отмечаем. Но от лихих людей защита должна быть. Опять же надо учесть, что вокруг должен быть крепкий забор, а внутри — всякие полезные помещения, вроде конюшни, амбара и прочего. Свой старый дом я намеревался отдать под казарму. Местная братва любит традиции, вот пусть и живут традиционно: в чаду и полутьме.

Затем мы занялись выбором места для будущего строительства. То, самое красивое, на холме, которое выбрал я, Пэрриком было решительно забраковано.

Раз уж я в первую голову ставлю комфорт, а уж потом — безопасность, то строить надо там, где до него не доберутся злющие зимние ветра, от которых так натерпелся бедный трэль в прошлую зиму. Что ж, он — мастер. Ему и карты в руки.

Я сконтактировал зодчего с Хавчиком и повелел последнему обеспечить строительство всем необходимым: материалами, рабочими руками... И не скаредничать, потому что барин желает всё самое лучшее.

Практичный раб тут же решил сэкономить. Мол, древесину для строительства можно заготовить прямо сейчас. Вон у меня сколько квалифицированных лесорубов, пользы от которых никакой. Только жрут в три горла да день напролет железяками машут.

А что? Осмысленное предложение.

Вот так свободный день у моих недорослей плавно перетек в лесозаготовительные работы. Причем годная часть древесины предназначалась на стройку, а та, что поплоче, — на оборудование спортплощадки.

Надо будет попозже еще и тренировку с камнями устроить. Дому фундамент нужен.

— Что это ты задумал? — поинтересовалась Гудрун, узнав о готовящемся строительстве.

Что ж, она имеет право знать. Будущая жена, как-никак.

Я усадил ее рядышком, поцеловал в ушко, начертил на земле план будущего дома и попытался объяснить, как он будет выглядеть.

Не поняла.

Тогда я сложил конструкцию из щепочек.

Опять не поняла. Пространственного мышления у нее не было (откуда?), и двухэтажных строений она в жизни не видела, поскольку нигде, кроме Сёлунда, не бывала.

Так что я объяснять перестал и увел свою невестушку в заветный домик на берегу и поступил с ней «традиционно». Нет, всё-таки превосходные обычаи у викингов. В других культурах пришлось бы до самой свадьбы отказаться от возможности приласкать любимую.

Кстати, о свадьбе. Пока мои бойцы рубили лес (в этом деле они разбираются куда лучше меня), мы скатались к матушке Рунгерд.

Пока мама с дочкой обсуждали дела грядущего осенью бракосочетания, я тетешкался с сыном. С моим сыном.

Так вышло, что первой моей любимой на славном острове Сёлунд стала не моя невеста Гудрун, а ее замечательная во всех отношениях матушка: красавица-колдунья с королевскими манерами и огненным темпераментом. От этой самой огненной страсти и появился на свет маленький Хельгу. То есть для всех, кроме нас с Рунгерд, его папой числился некий неопределенный бог (для мистичных скандинавов — нормальная ситуация), но вскорости, а точнее, сразу после нашей свадьбы, я намеревался усыновить малыша по всем местным законам, что юридически производило Хельгу в мои прямые наследники.

Впрочем, жить он всё равно останется с матерью. И это правильно. На фига младенцу страшный волосатый папа? Хотя насчет «страшный» это я загнул. Ни фига этот карапузик не боялся. Ни меня, ни собак, ни вырезанных из дерева страшных дядек — домашних богов.

Сын — это здорово! Вырастет — будет со мной в вики ходить. И Вихорёк, который к тому времени станет могучим воином, будет его опекать. На правах старшего названного брата. Ну да к этому времени мы с Гудрун ему еще братьев заделаем. И сестричек парочку.

* * *

— Не знаю, зачем я так поступила, мама, — с искренним огорчением проговорила Гудрун. — Ульф спрашивал меня... Я не знала, что ответить. Брат сказал: Гримар едва не убил его... А Ульф не стал его убивать. Тоже не понимаю — почему.

Нож в ее руках мелькал, как стрекозиное крылышко. Отделенные от костей рыбные ломти аккуратными горками выстраивались на разделочной доске. Горок было много. Накормить несколько десятков человек — непростое дело. Хотя для Гудрун — дело привычное. Ей нравилось готовить. Такой у нее дар. И еда получалась не хуже, чем пиво.

— Это дела мужчин, — сказала Рунгерд.

— Может, и так. — Гудрун подхватила следующую рыбину, живую, зевающую жабрами. Взмах ножа — и отсеченная голова плюхнулась в деревянную кадушку с объедками. Еще один взмах — туда же отправились потроха. — Но я бы убила любого, кто попробовал бы отнять у меня Ульфа. — Еще один промельк ножа — и две пяди рыбьей плоти разошлись, обнажив позвоночник.

Всякий, кто взглянул бы сейчас на то, как Гудрун управляет с ножом, ни на миг не усомнился бы в том, что ее угроза — не пустые слова. И правильно.

— Это в тебе говорит кровь твоего отца Сваре Медведя, моя маленькая Гудрун. Порченная кровь.

— Это что же: я могу стать оборотнем? — Нож остановился. — Ты никогда мне об этом не говорила, мама!

— Нет, оборотнем ты не станешь, — успокоила ее Гудрун. — Ярость Одина не для женщин. Но кровь отца может столкнуть тебя с правильной дороги. Заставить сделать то, что делать не надо. Сделать что-то, чтобы кровь пролилась.

— Убить кого-то?

— Или понуждать мужчин убивать друг друга.

Рунгерд бросила взгляд на воду в котле: вот-вот закипит...

— Я не хотела смерти Гримара! — воскликнула Гудрун. — Он же наш родич!

— Он — дурень! — заявила Рунгерд сердито. — Я бы сказала ему об этом, да он не станет меня слушать, потому что я — женщина. Такие, как он, думают, что мир принадлежит им. И таким частенько достается желаемое. Если богам это угодно. Однако они тут же теряют полученное. Часто — по собственной глупости. Гримар Короткая Шея из-за собственной глупости едва не расстался с жизнью.

— Но Гримар мог сам убить Ульфа! — возразила Гудрун. — И остался бы в живых.

Нож вновь замелькал, превращая здоровенную рыбину в аккуратные светлые пластинки.

— Нет, дочь моя, — Рунгерд покачала головой. — Если бы Гримар убил твоего будущего мужа, твой брат убил бы Гримара.

— За что? Ведь поединок был чистым? Брат не должен был мстить за пролитую кровь родича!

Вода закипела, и Рунгерд высыпала в нее две полные мерки зерна.

— Свартхёвди и не стал бы мстить, — сказала женщина. — За кровь родича не стал бы. Он убил бы его потому, что твой будущий муж — это почти что он сам. Свартхёвди жив, потому что побратим подарил ему эту жизнь. Теперь они связаны крепче, чем те, кого соединила Фрейя. Он убил бы Гримара, и никто не обвинил бы его в убийстве.

— Потому что это внутреннее дело рода? — Последняя рыбина лишилась головы.

— Потому что твой брат — из воинов Одина. Он — берсерк. А берсерк — это рука Всадника Слейпнира[135]. Человек может объявить поединок чистым перед людьми, но боги могут решить иначе. Но это не беда. Беда в другом... — Она помолчала немного, потом проговорила нехотя: — В твоём будущем муже слишком много жалости. Она может привести его к гибели. Он слишком много думает о других. Старается позаботиться обо всех. О чужих. Даже о рабах... А со своими он так нежен и мягок, что те, кто поглупее, начинают сомневаться в его силе.

Вода в котле вновь забурлила.

Гудрун побросала туда рыбу, затем кликнула мелкую девку-рабыню, чтоб прибралась и отнесла свиньям потроха.

Рунгерд тем временем нашинковала душистую травку. Но в котел не отправила: рано еще.

— А мне нравится, что он — нежен, — мечтательно произнесла Гудрун, вытирая руки листьями мяты и затем ополаскивая их в миске с водой. — Знаешь, мама, он действительно очень нежен. Не похож на других мужчин. Не потому, что он черноволос и маленького роста, — тут же добавила она, — а потому, что он... не знаю, как сказать... Когда мы с ним любим друг друга, я забываю, какого он роста... Он может быть огромным, как великан... С огромным мужским копьём... Хотя оно у него не очень-то велико, ты знаешь... — Гудрун смущенно хихикнула.

— Почему ты думаешь, что я знаю, каков его жезл Фрея? — ровным голосом произнесла Рунгерд, откладывая в сторону нож.

— Ну как же... Ты ведь лечила его. И я кое-что видела...

— Что же? — еще более спокойно проговорила Рунгерд.

— Как его копьё изготавливалось к бою... — Гудрун засмеялась. — Многие мужчины желают с тобой возлечь, мама, потому что ты очень красива. Ульф, думаю, тоже был бы не прочь... Но хотел понастоящему он только меня! — Девушка счастливо улыбнулась. — Я почувствовала это, едва увидела его. Он так хотел меня тогда, что даже превратился в камень. А когда он впервые обнял меня... Здесь, в этом доме, на пиру, у меня даже голова закружилась. Она и теперь кружится, когда он обнимает меня, но тогда я не знала мужчин и не знала, как это бывает... сладко. Но... догадывалась.

— Это редко бывает сладко, — сказала Рунгерд. — Когда твой отец брал меня, чаще было не сладко, а больно.

Она опустила на скамью. Дочь присела рядом.

— Мне тоже было немного больно... — сообщила Гудрун. — В первый раз. А потом так хорошо! Я бы сутками не вставала с ложа, будь моя воля... — Еще одна мечтательная улыбка. — Когда я обнималась с Эйвиндом Харальдсоном, когда он был моим женихом... Мне тоже было хорошо. Но Ульф — он... Я плыву в нем, как в озере. А еще... Мне хочется его убить. И себя тоже. Чтобы больше ничего не было. Чтобы мы остались такими навсегда... Хочу, чтоб ты знала: если его убьют, я взойду на его костер!

— Глупости, — дрогнувшим голосом проговорила Рунгерд. — Боги его любят... Все его любят... А если такое всё же случится, то ты останешься жить и растить его сыновей. Ты же не какая-то там влюбленная тир... У тебя есть долг перед предками...

Но Гудрун ее не слушала.

— Может быть, в нем кровь бога, мама? — мечтательно прошептала она. — Или — вана? Человек не может быть таким разным...

— Человек может многое, — Рунгерд обняла дочь, прижала ее голову к груди... чтобы та не увидела, как слезы текут по лицу матери. — Тебе досталось очень много счастья, доченька. Будь осторожней! Боги ревнивы к человеческому счастью.

— Но если Ульф сам бог, так пусть себе ревнуют... — пробормотала Гудрун.

— Ты должна быть очень, очень осторожна, — настаивала Рунгерд. — Ты вспомнила сына вестфольдского конунга? Ты знаешь, почему он умер?

— Эйвинд сломал хребет. Ты же сама так сказала.

— Ты не поняла. Я спросила: почему он умер, а не от чего. Если меч срубает кому-то голову, то виноват не меч, а тот, кто держит его в руке. А еще вернее, то, что привело убитого к смерти. А Эйвинда Харальдсона к смерти привела

ТЫ.

— Думаешь, было бы лучше, если бы Эйвинд стал моим мужем?

— Если бы это было лучше, то умер бы не он, а Ульф Вогенсон. Или нет... Но одно можно сказать точно: Эйвинд умер из-за тебя. Это обычное дело. Мужчины убивают друг друга, когда хотят получить женщину. Убивают за право владеть такими, как мы. А уж боги решают, кому отдать это право. Но ты должна знать, дочь Сваре Медведя: только боги решают, когда должна пролиться кровь. Боги или Закон. Но не ты. Даже если оружие, причинившее смерть, в твоей руке. Думай об этом так. Это правильно.

— Боги... — мечтательно проговорила Гудрун. Она не очень внимательно слушала мать. Слишком сложно... — Я бы хотела посмотреть на бога, мама. Мой Ульф... Он — как бог. Но все же не бог, — девушка засмеялась. — Мама... Можно тебя спросить... Мой брат Хельгу... Он действительно сын бога, как говорят люди?

— Да, — чуть слышно ответила Рунгерд.

— Значит, ты видела бога? Ты была с ним? С богом? Это был бог? Да? — Гудрун обратила к матери восторженное лицо и осеклась: — Мама, ты плачешь?

— Да, — овладев собой, твердо произнесла Рунгерд. — Да. Это был бог.

Глава шестая Пусть победит лучший!

Поглядеть на бесплатное шоу съехались все соседи. С чадами-домочадцами, женами, рабами, запасом еды и выпивки. Но побездельничать им не удалось. Я настропалил Свартхёвди, и тот мигом организовал строительную команду из нескольких десятков человек. Стадион строить. Древесина (из той, что не годна на нормальное строительство) была уже заготовлена, так что за топоры, уважаемые гости.

Топоры у многих были с собой, а у кого не было, тем выдали. Датчане — мужики рукастые. Еще до полудня тренировочный городок был готов. Включая полноценный, в натуральную величину, макет корабля, то бишь забор в высоту борта со скамейками изнутри, носовой и кормовой частью. Даже имитацию мачты соорудили. Заинтригованы все были донельзя. Нельзя сказать, что скандинавы никогда не проводили тренировки с использованием всяких конструкций. Отрабатывали и посадку-высадку с драккара, и взятие городищ, но подход был другой. Например, при высадке упор делался на скорейшее формирование строя, а кто как десантируется — без разницы. Кто быстрее, тот и молодец. Все получалось более-менее организовано, но лишь потому, что бойцы одного хирда сами по себе — организованная структура. Они привыкли — вместе. И играть (игры — те же тренинги), и сражаться. Чувствовать в бою соратника, прикрывать его, если требуется, и не сомневаться, что он прикроет тебя. Но такое изумительное взаимодействие отрабатывалось годами действий боевых. Кто не вписывался в команду, тот отправлялся к рыбам. Естественный отбор. Но у меня не было времени на естественность. Мне нужен был пригодный к употреблению коллектив уже через месяц. И я над этим работал.

Начали с командных состязаний. Молодняк — на макете кнорра, старшие — снаряжи, за щитами, перегородками и прочими элементами пейнтбо-

ла. Старшие — это нореги, англичане с Юсуфом, Скиди, Стюрмир и Медвежонок. Последний — за главного. На кнорре — семеро новобранцев, Вихорёк и я. Девять на девять. Если объективно, то одного Медвежонка было достаточно, чтобы положить всю мою команду. Но я загодя предупредил всех, включая норегов и Скиди: не усердствуйте. Дайте молодежи проявить себя. Судьей был назначен Ове.

Он же грохнул по щиту, открывая игру.

Зрители тут же заорали, да так, что заглушили боевой клич атакующих. Подбадривали родичей.

Тактика Свартхёвди была ожидаема и очевидна. Он выстроил боевую группу из норманов, Стюрмира и Скиди с собой во главе и двинул это маленькое войско на штурм. Англичане и Юсуф спрятались за бревнышками и прикрывали пехоту, меча стрелы. Целили исключительно в меня. И хорошо. Шестьдесят метров — слишком большая дистанция, чтобы меня мог достать стрелок, которого я вижу.

— Бей! — рывкнул я во всю мочь, чтобы перекрыть гвалт и грохот, создаваемый лувившими по щитам норегами.

Меня услышали. Залп получился отличный. Но в «мясо» попала только одна стрела. Как потом выяснилось, Вихорька. Гуннар Морской Кот выбыл из игры.

А у нас еще минимум три залпа. Среднестатистический викинг пробегает пятьдесят метров секунд за семь-восемь, но в данном случае никто не спешил.

— Стюрмир! Бей!

Молодцы, мальчики. Большой парень получил аж три стрелы в ноги. И еще одна стрела досталась бегущему слева от Стюрмира Скиди. В скулу. Я выругался. У наших стрел вместо наконечников — восковые нашлапки. Вреда от них немного. Но если бы попало в глаз...

Третий залп вывел из строя Гуннара Гагару.

Отличный итог. Ну теперь моя очередь.

Я прыгнул навстречу взлетающему над «бортом» Свартхёвди, рубанул по ногам, но Медвежонок сбил удар нижним краем щита и тут же вздернул щит вверх, прикрывая голову... И из-под щита сунул клинок мне в живот. Клинок я отбил... Но не спасло. Прилетевшая от англичан стрела угодила мне в шею. Больно, однако. Я опустил оружие... И Медвежонок сделал то же самое. Пока он занимался мной, кто-то из молодняка попал ему в ногу, значит, по условиям игры Свартхёвди тоже выбыл.

Мы встали рядышком «на корме» и смотрели, как молодежь сражается с Хагстейном.

Нормально так встретили. Моих осталось пятеро. Двоих подстрелили. Каппи, Тори, Хавур Младший и почти такой же рослый, как Хавур, Грендель Улитка успели похватать щиты и копья и сомкнуться, причем сделали это грамотно, поставив Хагстейна между собой и англичанами, которые вышли из-за укрытий, но в рукопашку не торопились, работали дистанционно.

А вот Юсуф со всех ног мчался на помощь Хагстейну. Его пытался остановить Вихорёк, но подстрелить мусульманина было проблематично. Меньшую часть стрел (учебные все же, не боевые) Юсуф сбивал щитом, большая часть летела мимо, потому что мусульманин был глазастый и прыгал в сторону каждый раз, когда Вихорёк отпускал тетиву. Оп! Подстрелили самого Вихорь-

ка.

Тем временем Хагстейн взялся за дело, не дожидаясь подмоги. Его прозвали Хогспьёт, Рубящее Копье, и прозвище он получил не зря. Даже с защищенным наконечником хогспьёт оставался оружием, удар которого был способен вышибить меч и свалить с ног. Мои неоперившиеся орлята, сгрудившись и работая в четыре копья, попытались достать норега. Копья у молодежи тоже учебные — без наконечников. И мечи — деревянные. Дать им даже тупое железо я не рискнул. Контролировать удар, как взрослые дяди, они пока не умеют. Но тупыми копьями молодые ширяли в Хагстейна довольно-таки бодро. Казалось, вот-вот достанут. И не боялись норега ничуть, хотя вид у Хагстейна Хогспьёта — жуткий. Чистый тролль. Громадный, зубастый, рожа бородицей заросла — по самые шлемные «глазницы», лапищи длинные, как у гориллы, и такие же волосатые. И рывкает, аки зверь рассвирепевший.

А юнцы мои на грозность — ноль внимания. Знай себе тыкали копьями, силясь кольнуть грозного хускарла.

Но не достали, потому что норег этого не позволил. Щит его полетел в голову Тори. Тот пригнулся, прячась за собственным щитом, и — громкий треск. Это копье Тори взлетело в воздух и другим концом треснуло по шлему Каппи Обжору. Тот от неожиданности уронил щит... На ногу Улитке.

Тупой конец рубящего копья Хагстейна был окован железом, а поверху туго обмотан шерстяной тряпкой. Но железо-то никуда не делось. Бац! — и Обжора в нокауте. Валится, открывая правый бог Хавура Младшего. Тот пытается защититься, но куда там! Проворот хогспьёта — и зачёт. Маховый удар рубящего копья не всякая броня остановит. В нашем случае Хагстейн удар придержал (не ломать же парню ребра), но Хавур выбыл. Тори... Тори метнул собственное копье в голову Хагстейна и схватился за похожий на бумеранг учебный деревянный топор. Норег без труда уклонился от броска, перехватил нацеленное в него копье Улитки, дернул на себя так, что Грендель Улитка оказался между ним и Тори, затем, не мудрствуя лукаво, врезал Улитке коленом в пах. И тут же толкнул Гренделя на Тори, который не нашел ничего лучшего, чем подхватить падающего товарища. За что немедленно и поплатился. Тюк! Замотанное в тряпку широкое железко хогспьёта толкнуло его точно в лоб.

Юсуф не добежал до корабельного макета. Зачем спешить, если дело уже сделано.

А что зрители? А зрители были впечатлены. Зеленая и жидкая, как птичий помет, молодежь оказала серьезное сопротивление матерым хускарлам. Само собой, многие понимали, что крик Ове Толстого «Скиди, ты убит!» не был эквивалентен настоящей смерти в реальном бою, но все здесь были настоящие скандинавы, а скандинавы любят игры. И кстати, знают, что даже в игре могут убить по-настоящему.

Вот почему мне было особенно приятно, что ни у кого не было серьезных травм. А почему? А потому, что я — молодец! С воском это я придумал. И получил одобрение настоящих лучников: мол, так даже лучше, чем вообще без наконечника. Баланс у стрелы более правильный.

Но состязания еще не закончены. Это было шоу для зрителей, а теперь самое главное — личные поединки. И тут уж травмы будут, потому что из защи-

ты я разрешил оставить только шлемы, поддоспешники и рукавицы. Даже щиты боевые заменил малыми, почти кулачными. А еще сказал, что по результатам состязаний выберу из них старшего и дам ему долю наравне с дренгами. Остальные же так и останутся «на испытательном сроке».

Недорослей у меня было восемь:

Вихорёк, носивший теперь гордое имя Виги;

Тори, сын Рысьего Уха, не обладающий особыми достоинствами, кроме выдающейся даже для скандинава наглости;

Каппи Обжора, сынок Кольгрима-коннозаводчика, ловкий, хитрый, с гипертрофированным чувством собственной значимости;

Хавур Хакисон Младший, здоровенный не по годам; Грендель Улитка, тоже здоровенный и тоже тугодум;

Ренди Черный, четвероюродный братец Медвежонка по материнской линии и ничем, кроме этого родства и старшего брата-хирдмана, не примечательный;

Нотт Поросенок, получивший свое прозвище за круглую ряшку и соответствующую форму носа;

Эйлаф Печеная Репа, обязанный прозвищем шраму от ожога на правой щеке, и тоже, как и Ренди, дальний родич Свартхёвди.

Такая вот молодежь. Самому старшему, Тори, семнадцать. Самым младшим, Ренди Черному и Вихорьку, — по четырнадцать. То есть все тинейджеры, но, поставь всех, кроме Вихорька, со мной в одну шеренгу, я окажусь в хвосте. Крупные ребяташки растут в здешних селениях.

Первая пара: Нотт Поросенок и Ренди Черный. Оружие одинаковое: деревянный меч и маленький щит. Ренди — левша, и меч у него, соответственно, в левой руке — таких здесь не переучивают, ставят замыкающим на правый фланг.

Мечами оба владеют... Нет, скорее, не владеют, а пользуются примерно одинаково.

Поросенок крупнее и наглее. Сразу полез нахрапом... И — подставился. Словил справа по шее. Щит-то — в другой руке. Крепко словил, до крови. Ренди аж подпрыгнул от радости.

Новая пара: Эйлаф и Тори. Эти сразу вошли в бессмысленный махач. Аж треск пошел. И достали друг друга оба, и оба — случайно. Однако Тори лишь чуток цепанул Эйлафа по левой руке, а Печеная Репа со всей дури рубанул противника под щит, по левому боку. Не будь у местной человеческой породы такие крепкие кости, парочку ребер точно сломал бы. Так что победу я условно отдал ему.

Хавур и Грендель. Два бычка, в будущем обещавших вырасти в полноразмерных бугаев. Это уже интереснее.

Хавур от природы хорош да еще кое-какое обучение прошел в доме Кольгрима, нанявшего для этого дела одного из мастеров-ветеранов из хирда Сигурда Кольцо, папы нашего конунга Рагнара Лотброка.

У Гренделя богатого папы не было. Вообще никакого не было — не вернулся из вика, но зато имелся дядя по матери, тоже ветеран морских дорог, который и заложил в Улитку базовые основы боевого фехтования. Так что сошлись они более-менее грамотно и достаточно активно. Улитка, кстати, про-

звище свое получил не за физические особенности, а потому, что на любой вопрос, кроме «жрать хочешь?», отвечал с паузой в четверть минуты. Ничего так, проворная Улитка получилась.

Но Хавур всё равно был лучше. В скорости не уступал, дистанцию чувствовал отменно, а организованностью движений и силой заметно превосходил противника.

Последнее и сказалось. Могучий удар деревянного меча развалил Гренделев щит, заодно и по руке приложив неслабо. Но поскольку меч был деревянный, то после сего молодецкого удара осталась от него половина. Однако Младший не растерялся: сократил дистанцию, сбив щитом встречный удар, и так мощно ткнул обломком Гренделю в живот, что того согнуло пополам. Пожалуй, будь этот обломок из железа, и кольчуга бы такой удар не остановила.

Хотя будь меч из железа, то и не сломался бы.

Вихорёк и Каппи. Из скандинавских недорослей Каппи, безусловно, лучше всех управляется с рубящим оружием. Что с клинком, что с топором. Не самый сильный, зато самый техничный и самый хитроумный. Потому как умеет в процессе голову подключать.

В этом его преимущество перед куда более здоровенным Хавуром Младшим. Пока — только в учебном бою, потому что могучий удар тоже нужен, иначе доспех не пробить, не говоря уже о щитах и шлемах. Но я вижу у Обжоры неплохой потенциал. Если самодовольную дурь из башки выбить. Вот этим Вихорёк сейчас и займется. Фехтовального опыта у бывшего пастушка всего ничего по здешним меркам: год. Но зато учили его не абы как — по паре часов в неделю, а каждый день, пока не выдохнется. Если время позволяло. И, опять-таки, не абы кто, а мы с Медвежонком, что вообще идеально, потому что у меня — школа, а у Свартхёвди — охренительные способности преподавателя. А если добавить к этому ярко выраженное желание Вихорька стать воином и кое-какой опыт *настоящих* схваток, то Каппи предстояло сразиться с достойным противником.

Тем не менее молодой Кольгримсон был абсолютно уверен в себе. Он был крупнее, сильнее, старше, вдобавок — хорошего рода, а о Вихорьке все знали, что он был у франков рабом-трэлем, пока я его из грязи не поднял. Конечно, с формальной точки зрения Вихорёк-Виги и Каппи — равны с тех пор, как я официально принял Вихорька в род. Но всё равно коренные недоросли глядели на парнишку свысока, обращаясь к нему, слова цедили через губу и в команду свою, как я уже отметил ранее, не принимали. Что было заметно и во время сегодняшнего общего тренинга: Каппи, Хавур, Грендель и Тори — в одном строю, а Вихорёк — отдельно. И в тренировках с ним в пару старались не становиться. И потому с ним чаще всего работал Скиди. Или я. Или Медвежонок. В зависимости от того, кто проводил тинейджерскую тренировку. Поэтому датские тины привыкли видеть, что Вихорёк — в абсолютном проигрыше. Особенно это было заметно, когда против него работал Скиди. Поэтому Каппи вышел на «арену», безусловно, уверенный в победе. И даже что-то такое сказал... Пренебрежительное. И — хоп! Деревянным мечом по наглой роже — это больно.

Все: и зрители, и участники — разочарованно зашумели. Они ожидали, что я остановлю поединок: удар-то — «смертельный». А я взял и не остановил. И Каппи, застывший столбом, с разбитыми губой и носом, схлопотал еще раз.

Уже по уху. Плашмя (пожалел Вихорёк), но тоже неприятно. Скиди засмеялся. Громко и обидно. Его смех подхватили...

— Каппи Кольгримсон! — рявкнул я. — Долго ты намерен столб изображать? Может, на тебе сети сушить пора?

Тут Обжора наконец очнулся. Оскалился грозно, прошамкал разбитыми губами что-то типа: «Порву тебя, маленький свинопас!» И накинулся на Вихорька со всей классовой беспощадностью.

Тыць! Каппи согнуло пополам. Колющий с вложением корпуса — в солнечное сплетение, это очень неприятно. Не будь на Каппи поддоспешника и не будь Вихорёк легче его в полтора раза, пришлось бы Обжоре экстренную помощь оказывать. А так — ничего. Продышался. Вихорёк же добивать противника не стал. В бою — добил бы, но здесь же — свои. Тут не убивают, тут — учатся.

Своим благородным поведением Вихорёк немедленно заслужил одобрение народа. Даже папа Кольгрим выкрикнул что-то позитивное в его адрес. А вот сыну досталась совсем другая реплика. Ну конечно, это обидно. Ты бабки вкладываешь, тренера нанимаешь, а сынок показывает боевой уровень: «баба со скалкой».

Продышался Обжора. И, что особенно приятно, собрался. Понял, что имеет дело с серьезным противником. Осознал, что схлопотал отнюдь не случайно. И показал породу. То бишь задатки настоящего викинга. Во-первых, признал боевые качества противника, сплюнул кровавую соплю и процедил: «А ты хорош, маленький Виги!» — а во-вторых, резко изменил тактику и стал именно таким, каким должен быть: внимательным, собранным и осторожным.

Вихорёк тоже понял, что перед ним теперь другой соперник. Впрочем, ему было всё равно, ведь его учил я, и учил тому, что, каким бы ни был противник, ты должен относиться к нему *серьезно*.

Дальше стало совсем интересно. Манера ведения боя у Вихорька и у Каппи совершенно разная. Обжора — типичный викинг. Сила и натиск. Простые финты и длинные махи. Вихорьку это было знакомо. Но сам он работал гибче и точнее. Двигался аккуратнее, не пренебрегал колющими, норовил зайти сбоку, не отбить клинок противника, а связать, провести удар *вдоль* атакующего меча... Моя школа, короче.

Каппи не подловил его ни разу. Зато Вихорёк дважды вlepил с прыжка по шлему Обжоры, когда тот пытался «отрубить» Вихорьку ногу. И только на третий раз Каппи прикрылся щитом.

Нет, пару раз он тоже достал Вихорька, но то были неакцентированные удары, не способные нанести настоящую рану. Так, мелкую царапину. Это как в спортивном фехтовании: если рапира не согнулась на определенный угол, укол не защитывается.

Закончил Вихорёк тоже красиво: увел щитом деревянный клинок Каппи, резко сократил дистанцию и упер свой меч Обжоре в кадык.

Вот теперь всё. Бой закончен.

Но не состязания. Мне надо было, чтоб Вихорёк победил еще парочку товарищей по команде. Так что — полуфинал.

Нотт против Хавура. Эйлаф Печеная Репа — против Вихорька.

Эйлаф — Вихорьку не противник, так что пусть малыш передохнет. А Нотту полезно поработать с тем, кто физически сильнее.

Нотт не понял. Ринулся на соперника, как инеистый великан... на скалу. С тем же эффектом. Младший даже не шелохнулся. Принял на щит, шагнул вперед и толчком отбросил Поросенка метров на десять. Тот влетел спиной в зрительскую линию... Где ему тут же придали обратное ускорение (в первых рядах, как водится, самые матерые), и полетел Поросенок навстречу сопернику. Полетел, однако, правильно: меч выставив и щитом прикрывшись. Ударил, аки копьем (мимо), сбил щитом косой сверху... и растянулся на земле после ловко проведенной подсечки. И опять не растерялся: кувыркнулся вперед и пришел в стойку раньше, чем стормозивший малость Хавур осуществил добивание. Народ завопил восторженно. Нотт не понял, что это в его честь, но повел себя наконец правильно: застыл, предлагая Хавуру право атаки.

И Хавур атаковал. Слева, справа, финтом снизу, косым справа... Во всю мочь.

Похоже, до сих пор я недооценивал Поросенка. Он выстоял. Причем щит его тоже уцелел, потому что пользовался им парень грамотно, с уводом. Хавур ускорился. Похоже, до сих пор он не бился, а так, баловался. Деревянный меч запел в воздухе.

Блин! Не сломал бы он Нотту что-нибудь... Поросенку ускоряться было некуда. И он проиграл. Получил по правой руке (очень больно, несмотря на толстую рукавицу) и выронил меч, и Младший тут же долбанул его слева. То есть для себя слева, а Нотту прилетело как раз справа. Причем — по голове. Да с такой силой, что второй меч Хавура тоже треснул. Вот же вредитель!

— Стоять! — рявкнул я, потому что увидел: Поросенок «поплыл».

Хавур четко отшагнул назад и замер в боеготовности. Но я не собирался продолжать поединок. Подошел к Нотту, заглянул в мутные глаза:

— Ты проиграл, — сообщил я. — Но это — не главное. Главное: ты проявил умение и храбрость, а для воина — это важнее победы. Ты понял меня?

— Да, хёвдинг, — глаза чуток прояснились.

— Хавур, — повернулся я к победителю, — возьми новый меч и докажи, что ты достоин стать дренгом.

Вихорьку я ничего говорить не стал. Лишь подмигнул.

Ну, с Богом. Я видел, что Вихорёк чуток отдышался после боя с Обжорой, а Хавур, тот вообще не устал.

Мне бы его генетику.

Давид и Голиаф. Вихорёк меньше на голову и в полтора раза легче. Однако все видели его предыдущий бой и не сомневались, что Хавуру придется попотеть, чтобы одолеть малыша. В том, кто победит, подавляющая часть зрителей не сомневалась. Исход схватки оставался неясен только для нас с Медвежонком. Ну ничего. Даже если Хавур выиграет, всё равно Каппи Обжору Вихорёк побил по всем статьям. Так что глядеть на него свысока Кольгримов сынок больше не посмеет.

Начали. Хавур немедленно пошел в атаку. На его стороне сила, длина конечностей и, пожалуй, быстрота. Зато Вихорёк куда лучше двигается. И это сразу стало заметно тем, кто понимает. Толпа, конечно, сразу завопила, подерживая Хавура. Во-первых, Младший — свой, во-вторых, молодец: гоняет противника, как здоровый кобель — мелкую шавку. И только умеющие наблюдать видели, что Вихорёк не убегает, а уходит. Точными перемещениями заставляет Хавура не только промахиваться, но и делать множество ненуж-

ных движений. Если бы я не решил воздержаться от ставок, то сейчас уверенно поставил бы на Вихорька. Потому что Младший рубил, а Вихорёк вел бой, фехтовал. Однако комплекция и сила тоже имеют значение, поэтому достать Хавура он пока не мог. Но Вихорёк не торопился. Выжидал, бесстрашно пропуская меч Младшего чуть ли не впритирку. А Хавур, разозленный тем, что удары его меча рубят исключительно воздух, да и щитом треснуть малявку никак не удастся, всё наращивал и наращивал темп, выкладываясь до конца.

Вообще-то он молодец, Хавур. Рубит точно и мощно, умело сбивает щитом редкие ответные выпады и давит, давит в надежде, что Вихорёк наконец ошибется и поймает плюху.

А Вихорёк не ошибался. И я уже видел, почему. Хавур работал по схеме. Правильными отработанными связками. Точно как учили. А учили его так потому, что на его уровне подготовки связка — это самый эффективный вариант боя. Но вот беда для Младшего: Вихорёк все эти связки знал. И сейчас ему было просто. Он ведь умел даже Скиди противостоять... некоторое время. А Скиди был на класс выше Хавура, и отработанные комбинации не были для него догмой. Он чувствовал противника и бил туда, где открыто. Хавура Скиди поймал бы на первом же выпаде.

А Младший, наконец, начал выказывать признаки усталости. Не удивительно. Пять минут — с полной выкладкой. Без передышки. Он продолжал напирать... Но движения его замедлились, следовательно, встречные атаки Вихорька, который тоже устал, но значительно меньше, стали чаще и опаснее. Хавур забеспокоился, сбился с личного ритма. Он уже дышал широко открытым ртом, потому как здорово запыхался... Ему бы уйти в защиту... Но вместо этого он собрал оставшиеся силенки и ринулся в последний решительный бой... И через полминуты «сдох», поплыл, как недавно Нотт от удара по голове. И Вихорёк понял, что Младший — целиком в его власти. Но измываться не стал. Хлопнул Хавура мечом по ляжке, кольнул в живот, «добил» несильным рубящим по шее. Всё. Он чемпион.

Ух как я был горд. За какой-то год из пастушонка — в бойцы. В дренги. Моя работа. Ну, может, не только моя, но стиль-то мой. Это сразу видно. Знаете, как это приятно, когда ученик перенимает лучшие темы учителя? Я — знаю. Сначала — Скиди, потом — Вихорёк. Мне есть чем гордиться.

— Что ж, теперь мы знаем, кто из вас, восьмерых, лучший воин, — резюмировал я, выстроив молодняк на тренировочном поле. — Виги, сын мой, отныне ты — дренг, с правом на полную долю добычи!

Сразу стало шумно. Надо отдать должное проигравшим, они тоже приветствовали Вихорька, который прям-таки потерялся между крупными данами. Совсем как я. Ничего. В отличие от меня, малыш еще может подрасти.

Потом был пир. Главным образом, из привезенных зрителями припасов. Но мы тоже внесли свою долю: Медвежонок вчера сбегал на охоту и убил оленя. Мясо замочили в бочке приготовленного Гудрун «маринада», от запаха которого непривычного человека могло бы и стошнить. Однако жаркое получилось правильное. Отменного вкуса и запаха, причем удивительно мягкое, если учесть, что в основе было мясо старого самца, жесткое, как мозоли Стюрмира.

Соседи, чьи детки не были рекрутированы Свартхёвди, вокруг меня так и вились. Это ж какая круть: полтора месяца тренировок — и восемь тинейджер-

ров, без посторонней помощи, «завалили» четверых «полнометражных» хирдманов. А один так даже принят в экипаж не юнгой-стажером, а, как большой, с правом на долю добычи.

Я с трудом отбился от предложений. Сказал, что набором рекрутов в нашей команде занимается мой брат Свартхёвди.

Пусть тиранят Медвежонка. Он — берсерк, его боятся.

В общем, покушали, выпили, поплясали — и на боковую.

А если по-честному, то мне было чертовски приятно. С того времени, как я, чужак, приобрел свое поместье, прошло всего-ничего. А теперь я — свой. А быть здесь своим — это здорово. На моей прежней родине я такого не видел. А здесь прочувствовал еще позапрошлой зимой, когда все эти люди без раздумий подхватились и бросились защищать меня от свирепых вестфольдингов.

Да, еще я, по наводке вездесущего Хавчика, договорился о найме строителей.

Эх! Славно будет не в сараюхе на соломе Гудрун мою обнимать, а на широкой кровати. Да еще чтоб уголья в камине и тишина вокруг. И полы не глиняные, а нормальные.

И всё это у меня теперь будет... Если я вернусь из Иварова вика.

Но к черту пессимизм! Не если, а когда. Вернусь и гобелен трофейный на стенку повешу. С оленями.

Вот так!

Глава седьмая

Политика, пьянка и открытый контракт с Иваром Рагнарсоном

Утром у меня состоялся разговор с моими англичанами. Потому что я вдруг сообразил: идем-то мы грабить их соотечественников!

О том, куда двинет походом Ивар, в моей команде пока знали только мы с Медвежонком. Но тайной это не было, и я спросил напрямик: хотят ли они идти со мной или предпочтут остаться здесь?

Если не пойдут, я пойму.

Не поняли — меня.

Дик с Уиллом переглянулись, потом Дик осторожно спросил: а в чем, собственно, дело? Надо, чтобы кто-то остался охранять мою усадьбу? Так это, если по совести, надо жребием решать.

— Так Англия же, — сказал я. — Это же земля ваша...

Оба удивились. Почему это — наша? Мы ж не из Англии, а из Нортумбрии. И я с некоторым удивлением узнал, что Англией называется лишь часть будущей Великобритании. Есть еще Эссекс, Мерсия и так далее. В каждой области — свой король, который спит и видит, как бы захватить земли соседей. В общем, знакомая картина.

Но даже поход на Нортумбрию Дика с Уиллом не смущал. Наоборот, они были не прочь наведаться на историческую родину и показать кое-кому, где раки зимуют.

Выяснилось, что относительно недавно эта самая Нортумбрия была завоевана королем Эссекса. Но многим знатным нортумбрийцам такая смена власти, мягко говоря, не понравилась. А Дикон и Уилл числились бойцами как раз такого тана. Тана этого превентивно, чтоб не говорил против власти, ухайдокал какой-то там олдермен. Причем олдермен был, что особенно обидно, ко-

ренной нортумбрийский и действовал с полного одобрения короля-захватчика. Хотя цель у него была если не благородная, то вполне объяснимая. Землю, что принадлежала тану и тем, кто впоследствии стали моими хирдманами, олдермен присвоил.

А Дику с Уиллом пришлось быстренько делать ноги, чтобы не дрыгать ими в метре над землей.

И закончилось это бегство, считай, на другой стороне мира, на скамье арабской галеры. Есть еще вопросы к бравым английским викингам? Вопросов у меня не было.

Через два дня мы с Медвежонком сели на лошадок и двинули в Роскилле. Узнавать план будущего вика. Еще я взял с собой Вихорька. Раз паренек числится моим сыном, мне следует побольше с ним общаться. Воспитание — это ведь не только научить полезным в жизни и быту навыкам типа протыкания вражеской печенки. Куда важнее научить паренька правильно мыслить и внедрить в его подростковое сознание верный, то есть мой, ясное дело, моральный кодекс.

А что может быть лучше для таких занятий, как не многочасовая поездка верхом по безопасной местности? Делать-то всё равно нечего. Только языком трепать.

* * *

На центральной, то есть рыночной площади Роскилле, там, где обычно вершил правый и скорый суд Рагнар-конунг, мы увидели здоровенную толпу, состоящую в основном из вооруженных мужчин.

— Хольмганг? — оживился Свартхёвди, спешил, бросил Вихорьку: — Присмотри за лошадами!

И полез вперед, бесцеремонно расталкивая суровых сёлундских мужиков, которые, может, и возмутились бы, будь на месте Медвежонка кто другой. Но «читать» правильные татуировки здесь умел каждый, а идти на конфликт с берсерком — нэма дурных, как говаривала моя прабабушка. Ну а в кильватере грозного побратима в первые ряды пробился и маленький я. Нет, это был не хольмганг. Но всё равно интересно.

Супротив Рагнара стояло с полдюжины разгневанных мужчин, которых я раньше не видел. И предводитель их разговаривал с нашим конунгом с такой дерзостью, которую мог себе позволить либо очень смелый, либо очень глупый человек.

— Кто это? — спросил я у оказавшегося по соседству Красного Лиса, который, по праву уважаемого вождя, тоже занимал козырное место в первых рядах.

— Халлбьёрн Шейный Платок. Ярл из Сконе, — поведал ирландец.

— А почему такой храбрый? — поинтересовался я.

— Он говорит голосом Харека, конунга всех данов, — пояснил Красный Лис. — Думает, что это защитит его от гнева нашего Рагнара.

— А это действительно так?

— Может, и так. Но ты ведь слышал: Рагнар Лотброк сам его дерзость поощряет.

— Ничего я не слышал. Мы только что приехали.

— Тогда, чтоб ты знал: Халлбьёрн пришел сюда высказать обиду. Кто-то из

наших ограбил и сжег поместье одного из богатых сконских бондов. Хорошую добычу взял, надо думать, — с откровенной завистью произнес Красный Лис. — А Халлбьёрну Харек-конунг повеление дал: сопли сконцам утирать, если изобидят. Вот он и разоряется.

— А что Рагнар?

— Нашему конунгу на обиды сконцев плевать, — сообщил Красный Лис. — И Харека-конунга он не боится, так что обидчика выдавать не станет. Тем более что доля с взятого на сконском бонде, уверен, уже у него в сундуках лежит. Да Рагнар бы уже давно половину Сконе к рукам прибрал, только повода нет.

— А нужен повод? — удивился я.

Для таких, как Рагнар Лотброк, само желание хапнуть — уже достаточный повод.

Ответил не Лис, а Медвежонок.

— Без повода нельзя, — пояснил он. — Боги у нас и у сконцев — одни. Вдруг обидятся и отнимут у Рагнара удачу?

— А если этот Шейный Платок Рагнару надерзит, боги не станут обижаться, да? — Кажется, до меня начал доходить нехитрый план Лотброка, и я с сочувствием поглядел на красавца ярла. Ну зачем этот пес главного датского конунга сунулся в медвежью берлогу? Хотя тут тоже понятно: бывают ситуации, когда приходится идти на смертельный риск, дабы не потерять лицо и самоуважение.

— Дерзости мало, — сказал Медвежонок. — Надо, чтобы Халлбьёрн Рагнара оскорбил. И дал повод пролиться крови.

— А разве кровь уже не пролилась? — удивился я. — Не верю, что наши не убили кого-то из сконцев...

— Так то сконцы... — пренебрежительно бросил Медвежонок.

— ...Это преступление, за которое несет ответ не только тот, кто его совершил, но и тот, кто отказался выдать убийцу! — воскликнул ярл Харека. — Я требую...

— Ты требуешь?!

Это рявкнул не Рагнар, а его сын Убба. Молодой, но почти такой же здоровенный, как и папа.

— Скажи еще раз — и...

— Помолчи! — резко оборвал Уббу Рагнар. И уже — Халлбьёрну: — Вот что бывает, когда сыновья становятся воинами. Они забывают, как правильно вести себя в присутствии старших. Так что ты сказал о том человеке? Ты ведь даже не знаешь его имени, а называешь его убийцей. Может, ваш бонд сам напал на него, нарушив священные законы гостеприимства. Такое бывает, знаешь ли. Алчность. Старые обиды. Кто может утверждать, что там случилось, если никого не осталось в живых?

— Рыбаки видели драккар, уходивший в сторону Сёлунда!

Рагнар засмеялся. И его смех подхватило еще с полсотни глоток. Халлбьёрн-ярл продолжал говорить, но какое-то время я ничего не слышал.

Потом смех стих и до меня донеслось:

— ...умер на следующий день, но он успел сказать, что это были твои люди. Из Сёлунда.

— ...И ты в это веришь? — ухмыльнулся Рагнар.

— Конечно верю! Зачем умирающему врать?

— Согласен. Незачем. Но разве ты сам его слышал?

— Мне точно передали его последние слова!

— Кто? Пара трэлей? — Рагнар широко улыбнулся, показав неплохие для его возраста зубы. — Может, на тинге Харека Младшего[136] и готовы слушать тех, кто спит со свиньями и сам ничуть не лучше свиньи, но у нас, на Сёлунде, не привыкли слушать поросычье хрюканье. Не хочешь ли обратиться к Высоким?

Я не сразу сообразил, что Рагнар имеет в виду богов, но народ ухватил идею с лёту, и гвалт поднялся — как на птичьем базаре в период гнездования.

Убба Рагнарсон, выпятив грудь, выдвинулся поперед батьки, но за его спиной вдруг нарисовался Ивар Бескостный, и Убба, хоть и покрупнее братца габаритами, как-то сразу стушевался и отошел на второй план. Обворожительная улыбка Ивара Рагнарсона, полагаю, вызвала бы несварение желудка у средних размеров тролля.

Гвалт поднялся еще на десяток децибелов... И перешел в разочарованный гул.

Я не слышал, что ответил Халлбьёрн, но догадаться было нетрудно. Ни он сам, ни его свита не рискнули предстать перед судом, где главный судья ангажирован ответчиком. Для большинства населения Дании самым авторитетным богом является Тор. Но не здесь. В Роскилле вопросами божественного правосудия ведаёт исключительно Один. А Ивар, как всем известно, его любимчик.

Драки не получилось. Рагнар широким жестом пригласил Халлбьёрна в дом, толпа начала понемногу рассасываться.

— Почему Халлбьёрна зовут Шейным Платком? — поинтересовался я.

— Потому что у него на шее платок, — сообщил Лис. — Разве ты не видел?

— У него болячка на шее, вот почему он носит платок, — Медвежонок одарил ирландца снисходительным взглядом. Лиса мой побратим недолюбливал.

Свартхёвди заявил, что пришло время заняться делами. Есть пара человек, которых он хотел бы видеть на свадьбе своей сестры.

— Я — с тобой? — поинтересовался я.

— А ты-то зачем? — искренне удивился Медвежонок. — Это мои родичи, я их и приглашу.

— А я приглашаю тебя, Черноголовый, — вмешался Красный Лис. — В гости.

Свартхёвди покосился на него... Но ирландец взгляд проигнорировал. На Медвежонка приглашение не распространялось. И я догадывался, почему. Медвежонок — тоже.

— Ненавижу норегов! — в очередной раз повторил Красный Лис. — Лезут и лезут.

Мы сидели в том самом доме, где когда-то мой побратим Свартхёвди, в состоянии берсерочьего безумия, убил человека Красного Лиса. Никаких проблем. Выкуп заплачен, обиды нет. Тем не менее у Медвежонка с Лисом отношения натянутые.

Но вернемся к норегам. Красный Лис питал к ним искреннюю и незамутненную антипатию. Мальцом еще был, когда попал им в лапы.

А было это так. Храбрые викинги бесстрашно напали на мирное ирланд-

ское селение. Не в первый уже раз, поэтому ирландцы были готовы. Драться с превосходящими числом и оружием они не могли, спасались по-другому. У них в земле, под холмом, были выкопаны схроны, с ходом длинным, кривым и узким. В такой схрон норег здоровенный, да еще в доспехе, с трудом пролезет, а если и пролезет, то тем хуже для него. Разок топором приложить по голове высунувшейся — всего и делов. Да и входы в схроны укрыты. Их еще поищи.

Красный Лис укрыться не успел. Рыбу ловил на берегу. Вот и попался.

Я покосился на Вихорька, который скромно притулился в уголке, не вмешиваясь в разговор старших. Тема ему близка. Он ведь перешел в сословие свободных сравнительно недавно. Но если Вихорька освободил я, то Красный Лис, когда чуток подрос, порвал рабские цепи вполне самостоятельно. Сбежал, прибив и ограбив сына рабовладельца, и сам подался в викинги. А потом и в хёвдинги выбился. Хирд у Красного Лиса мощный, моему не чета — сотни четыре бойцов. Почти все — ирландцы, но ирландцы в драке датчанам ничуть не уступают. Норегам, надо полагать, тоже, потому что завоевать сколько-нибудь значимые земли в Ирландии у северян не получалось. Хотя грабили они постоянно.

Главным образом, монастыри.

Картинка знакомая. Где святоши, там и денежки. Правда, ирландские монастыри, по словам Лиса, были куда беднее франкских и намного воинственнее. Монахи даже участвовали с междоусобицах многочисленных ирландских корольков. По моему мнению, не дерись ирландцы между собой, викингам пришлось бы кисло.

Впрочем, и сами норегии тоже охотились отдельными стаями, собираясь вместе лишь для того, чтобы урвать кусок посочнее.

Лис, однако, считал внутриирландскую грызню нормальным явлением. Мол, если не драться, то как стать воином? Хотя норегии — это такие гады, которых надо давить во младенчестве.

Так считал Красный Лис, и я был рад, что на «наших» норегов его ненависть не распространяется. Только на тех, которые топчут землю его родной Ирландии и настолько обнаглели, что закладывают на ее побережье собственные базы.

Словом, везде одно и то же. Что в Англии, что во Франции, что в Ирландии. Местные правители режутся, истощают друг друга в междоусобицах, а потом приходит Рагнар Лотброк.

— И что же, нет никого, кто собрал бы храбрецов и врезал норегам так, чтобы навсегда забыли к нам дорогу? — спросил я.

Красный Лис только рукой махнул:

— Кровь Кухулина кипит в жилах наших вождей. Каждый хочет быть первым. Выпьем, друг мой Ульф! За то, чтобы Бог защитил дома свои от поругания!

Мы выпили, и Лис спросил:

— Знаешь ли ты, что это мы принесли свет Христов на земли бриттов и франков?

Я об этом, понятное дело, не знал и не без интереса выслушал историю ирландской религиозной экспансии. Потом заметил:

— В моем доме живет франкский священник. Он верит в то, что ему удаст-

ся убедить таких, как мой брат Свартхёвди Сваресон, уверовать в Христа.

— Таких как он — вряд ли. А тебя?

Я ответил уклончиво:

— Может быть.

Не мог же я ему сказать, что уже был когда-то крещен.

— Во всем ты хорош, Ульф Вогенсон, — сказал Лис, — но душа у тебя слишком мягкая. Берегись тех, кто это знает!

— Тебя — тоже? — усмехнулся я.

— И меня. Всех. Слабых здесь рвут. Ты мне по нраву, Ульф, и я рад, что ты стал хёвдингом. Твоя удача больше, чем ты сам. Это обнадеживает. Не хотелось бы, чтоб ты попал в беду.

Знал бы он, что на славную дорогу вождей меня буквально вытолкнул Медвежонок. Причем я сопротивлялся изо всех сил.

— У меня достаточно друзей, чтобы выручить меня из любой беды, — возразил я. — Я ведь из хирда Хрёрека Сокола.

— Лучше бы ты был в хирде Ивара Рагнарсона.

— Почему?

Неужели Лис встретился со мной по поручению Бескостного? Вполне возможно. Прозвище «Лис» так просто не зарабатывается.

— У сына Рагнара Сигурда не так давно вышел спор с Хареком-конунгом. Злой спор. Харек Рагнарсонов не жалуется. И его можно понять. Будь я на месте конунга всех данов, тоже ревновал бы к славе Рагнара и завидовал его богатствам. Это ж что выходит: Харек — верховный конунг, а из всех его деяний самое известное то, что он запретил христианам молиться в церкви Хедебю. Да и то потом снял запрет. А деяния Рагнара знают во всех южных и северных землях. Лучшие воины встают под Знамя Ворона, а Хареку приходится довольствоваться объедками с Рагнарсова пира.

— Может, ты знаешь и о том, из-за чего поспорили Харек и Рагнарсон? — спросил я.

— Из-за того же, из-за чего сегодня спорили Хареков ярл Халлбьёрн и наш конунг. Сигурд потребовал страндхуг[137] у людей, платящих дань Хареку Младшему. Те отказались, потому что считали себя сильными. Сигурд отступил, но ночью высадился на берег и отомстил. Живых не осталось. Некому свидетельствовать против Сигурда. Но Харек обвинил его, когда Сигурд пришел в Хедебю. А Хрёрек твой встал на сторону Харека. Хорошо, что дело обошлось миром. Харек-конунг не рискнул решить спор силой. Отложили до осеннего тинга. Но уже ясно, что Хрёрек Сокол будет и на тинге свидетельствовать против Сигурда, а Сигурд Змей В Глазу не любит тех, кто выступил против него. Будь на его месте Хальфдан или Бьёрн, они спросили бы отца, как им поступить, и Рагнар, скорее всего, попросил бы Хрёрека отступить. Хрёрек ему по нраву. Да и другим Рагнарсонам — тоже. Но Сигурд — другой. Он не прощает никогда. Он не станет мириться с Хрёреком. Он будет мстить.

— Можно мне передать Хрёреку твои слова? — спросил я.

— Зачем? — удивился Лис. — Хрёрек и сам всё знает. Но то, что ты — из хирда Сокола, может сослужить дурную службу, если судьба сведет тебя с Сигурдом Рагнарсоном. Держись Ивара, Ульф! Против него Сигурд не пойдет никогда.

Хм-м-м... Что это, если не вербовка? Разве что — предупреждение...

* * *

— Я слышал: конунг Харальд должен тебе за своего сына Эйвинда, — сказал Ивар.

До Ивара я добрался только на следующий день. Вчера мы с Лисом порядочно набрались, и я понял, что непригоден для серьезного разговора. Не сказать что сегодня я был как огурчик. Но мыслил внятно.

— Скорее это я ему должен, — возразил я. — Свадебный дар моя невеста Гудрун так ему и не вернула.

Ивар усмехнулся:

— Не хочешь его отдавать?

Мы с Иваром сидели на камне у кромки воды. Вдвоем, если не считать десятка Иваровых хирдманов, расположившихся шагах в ста.

— Могу восполнить, если надо, — без особой охоты ответил я.

— Мой отец Рагнар обойдется без этой мелочи, — сказал Ивар.

— Рагнар?

— Всё, что получила та, что стала твоей невестой, предназначалось ему.

Точно! Как я мог забыть. Дар Рагнару Лотброку, чтобы тот взял Эйвинда с командой в Большой Поход.

— Ладно. Если так, то, пожалуй, да. Харальд мне обязан. Я сидел с его сыном, когда тот умирал.

— Харальд Щит вернулся домой с большой добычей, насколько мне известно, — заметил Бескостный. — И он — твой друг. Верно?

— Мы не ссорились, — дипломатично ответил я, догадываясь, к чему клонит Рагнарсон.

Харальд Щит сменил Эйвинда на посту вожака, когда с тем приключился несчастный случай. И прошел вместе с нами весь долгий путь до Италии и обратно.

— Это хорошо. Ты пойдешь в Вестфольд. На своем корабле. У меня есть для тебя дело в Вестфольде.

— Хочешь, чтобы я предложил вестфолдингам присоединиться к тебе?

Бескостный презрительно фыркнул.

— У норегов конунгов — как блох на собаке. И Харальд — один из них. К тому же он стар. Нет, ты сделаешь другое. Мне нужен человек, а может, и несколько, которые знают восходные берега Англии. Такие, что уже там бывали. А главное, мне нужен человек, который знает тамошние воды. В другое время я отправил бы туда наших купцов — чтобы всё вынюхать, но, боюсь, я их больше не увижу. Жители тех земель не доверяют людям нашего языка. Ты понял, что тебе следует сделать?

— Вполне, — подтвердил я. — Но у меня мало людей для дальнего похода и только один корабль, совсем небольшой. Я стану добычей первого же морского ярла, которому глянется мой кнорр.

Уж это я понимал хорошо. Только хитрость и везение выручили нас, когда три месяца назад нас «перехватил» драккар сконцев. И то, что они — даны, не имело ровно никакого значения. На море имеет значение только сила. Ну, может, еще родственные связи и давние взаимные обязательства. Хотя последние вполне можно нарушить, если возможная добыча перевешивает.

— Я могу дать тебе людей, — предложил Ивар. — Кого ты хочешь?

— Красного Лиса, — не раздумывая, ответил я.

— Неудачный выбор.

Точно. Лис ненавидит норегов.

— Тогда... — Я задумался.

Хольдов у Ивара много. Но кому я могу доверять?

— Гримар Короткая Шея, — сказал я.

— Уверен? Мне показалось: вы не очень ладите.

Настолько «не очень», что Гримар даже попытался меня уколошить. Но я ему доверял больше, чем другим хольдам Бескостного. Во-первых, я его побил. Во-вторых, он, как-никак, родич Медвежонка. И наконец, в третьих — у Ивара он совсем недавно.

— Гримар. И с ним — пятнадцать хирдманов.

— Ты сказал: у тебя небольшой кнорр, — напомнил Ивар с усмешкой.

— Зато трюмы у него вместительные, а я пойду без груза, так что можно взять много воды и продовольствия.

— Хорошо, — кивнул Бескостный. — Я подберу тебе славных воинов. Сделай то, что мне надо, Ульф, и я не останусь в долгу.

Глава восьмая

Путь на север

Итак, мы отплываем в Норвегию. Трюм загружен припасами, на палубе не то чтобы тесно, но плотненько. Ивар за слова ответил. К условленному сроку Гримар Короткая Шея въехал в ворота моей усадьбы. С Гримаром пришли пятнадцать матерых хускарлов. Привезли телегу с хавчиком и увесистый мешок с серебром на расходы. Серебро Гримар торжественно вручил мне. Я — главный.

Ночевала «группа усиления» на открытом воздухе — люди привычные. Что характерно: на Гудрун Короткая Шея даже не глянул. Как отрезало. Знал бы, не стал сдирать с него двадцать пять марок. Сумма, блин, серьезная. Без малого шесть кило серебра. Ладно, в хозяйстве пригодится. Как раз на постройку дома хватит. Хотелось бы, конечно, самому присмотреть. Чтоб всё правильно и в нужных местах. Но уповаю на Пэррика. Он должен постараться. Хотя бы из благодарности. Пальцы на ногах у него, естественно, не отросли, но всё остальное вылечили. Кушает с общего стола, любимым делом заниматься дали. Что еще человеку нужно? Разве что — жену. Мужик оказался куда моложе, чем я думал поначалу. Еще и сороковника нет. Жену я ему тоже обещал, если доволен останусь. Очень мне хочется дом с камином и полами деревянными. Доски, ясное дело, недешевые. Пилорамы еще не скоро изобретут, но ради себя, любимого, скупиться не будем.

Прощальная страстная ночь с Гудрун. Клятвенное обещание вернуться. С добычей, естественно. Хотя, должен отметить, «корыстолюбие» моей девочки существенно уменьшилось. Не то чтобы совсем на «нет» сошло — подаркам по-прежнему рада, но без алчности. Будущее обеспечено. Одних носимых драгоценностей — килограмма три. А это только малая толика. Основная масса сокровищ поделена на три часть. Часть добытых ценностей передана мною Рунгерд — для оборота. И если что со мной случится (профессия викинга — в группе риска) — чтоб им с маленьким Хельги было на суп с мясом. Часть спрятана дома, в потайном чулане. И еще целый сундук с драгметаллами зарыт в укромном месте, о котором знаем только мы с Гудрун да Медвежонок. Это «ре-

зервный» фонд, и замаскировали его знатно: даже деревце сверху посадили.

Кнорр загружался под руководством Ове. Я наблюдал. Пригодится. Просмоленные ящики с общим оружием, «долгоживущая» еда, куча всяких запасов и приблуд для экстренного ремонта судна, если таковой понадобится. Родичи моих недорослей привезли «сухпайки»: кто сколько мог. Халявщиков здесь нет. Вихорёк, к примеру, деньгами в казну внес, поскольку фермы своей у него не имелось. Солидно так внес: золотой монетой. И все видели. В том числе и недоросли, которые, спорить готов, золота отродясь в руках не держали. Уважуха. Монету ему, правда, я дал. Надо ж сына приемного поддержать.

Скиди приехал последним, когда погрузка уже была закончена. С дядькой приехал, Хедином Полбочки, и французской баронессой, женушкой своей. Беременность малышке Орабель пошла на пользу. А может — любовь. Любовь, она любую женщину делает прекрасной. Скиди ее с седла снял бережно, обнял, шепнул что-то на ухо и ловко взбежал по сходням. Все его имущество было собрано и упаковано заранее.

И мы отдали якорь.

Плыть нам предстояло не так чтобы очень далеко (в сравнении с нашим прошлогодним походом) и практически строго на север.

Ове сразу взял курс в открытое море. Не потому, что мы боялись прибрежных разбойников (с таким отрядом пусть они нас боятся), а просто так — короче. Заблудиться Ове не опасался. У него был красивый бронзовый диск с разными отметками, в который вставлялся стержень. Тень от него давала Ове Толстому полное представление о направлении. Ночью той же цели служила Полярная звезда.

— А если туман? — спросил я.

— У меня есть солнечный камень, — ответил Ове.

Я сразу вспомнил кристалл, которым когда-то хвастался мой брат по палубе Ульфхам Треска.

— Покажешь, как им пользоваться? — поинтересовался я.

— Не сейчас. Когда тучи будут.

А погода между тем была прекрасная. Я скинул рубаху, с удовольствием подставив организм солнышку.

У скандинавов загорать не принято, так что Иваровы хирдманы на меня косились. Те, что не гребли. Ну да, несмотря на попутный ветерок, весла тоже не сушились. На моем кнорре пять пар весел. Это десять румов. А нас, гребцов (Ове — не в счет), тридцать четыре штуки. Я и сам верчу весло, когда очередь приходит. А молодежи моей — самое то: мышцу накачивать. И остальным — тоже в охотку. Не на галере, чай.

— Чувствуешь разницу? — негромко спросил я Дикона, подойдя к его руму.

Дикон перестал петь — все гребцы напевали негромко, в такт, для общего ритма.

— Ты о чем?

— Лучше, говорю, без цепей?

— Зачем напоминаешь? — буркнул Дикон, откинулся на скамье, мощно двигая весло. — Я и без того жизнь за тебя отдам.

— Прости! — повинулся я. Да, бестактно получилось. — Сменить тебя?

— Слышь, хёвдинг, отойди, не мешай. Дыхание сбиваешь.

И я отошел. Уселся на канат, но сидеть было скучно, потому я слазал в трюм, где вытащил из ящика три тренировочных меча из плохого железа и кликнул свободных от гребли Скиди и Вихорька.

Через минуту мы развлекали народ поединком «два к одному». Молодые — в полной броне, я — полуголый, зато в новом, еще не опробованном шлеме с закрывающей лицо кольчужной сеткой. Не потому, что боялся попадания по голове. Хотелось понять, как в нем дышится.

Дышалось терпимо.

Глава девятая, в которой герой убеждается в том, что конунг в Норвегии — это совсем не то, что аналогичная должность в Дании

Первое, что я выяснил, оказавшись в Вестфольде: папа Эйвинда не был настоящим вестфольдским конунгом. Мне стало понятно, почему Ивар относился к нему пренебрежительно. Не конунг, а одно название. Настоящим правителем Вестфольда был человек совсем другого уровня: Хальфдан Черный [138]. Инглинг. То есть из самых благородных. И ему принадлежал не только Вестфольд, но и некий Агдир, доставшийся ему от матери. Всё это поведал мне Харальд Щит, когда мы сели перекусить. Найти его оказалось непросто: территория Вестфольда расползлась по западному берегу фьорда [139].

Разок нас попытались ограбить, но наше воинство встало вдоль борта в полном боевом, и пираты предпочли не связываться. Дважды, подняв белый щит, мы приставали к берегу у небольших поселков, спрашивая, как нам отыскать владения Харальда-конунга. Один раз нам ответили, что не знают такого, зато продали свежих овощей и пива, в другой раз дали вполне внятный ответ, и мы направились по адресу.

Харальда-конунга дома не оказалось. Вместе со старшим сыном он отправился в вик. Однако в селении, довольно-таки большом, надо отметить, с приличными пашнями, не говоря уже о пастбищах, оказалась пара бойцов, которые меня опознали. Дело нетрудное: лицо мое для викинга нетипично.

Опознав, приняли как родных. Накормили от пуза, напоили, заставили повторить, как умирал Эйвинд. Матери покойника не было в живых, но были две его сестры и куча других родичей. Я рассказал. С купюрами, естественно. Чуток приукрасил, не без этого. Пусть о нем хорошая память останется. Упомянул и о том, что Эйвинд «завещал» мне свою невесту, и я честно выполнил его завет.

Бойцы, которые пришли с Эйвиндом на Сёлунд, догадывались, что не всё так просто. Но, после того как я поджег погребальный костер Эйвинда, после того как мы прошли вместе полмира... Конечно, они не стали мне возражать.

В заключение мы все попели песни и отправились спать.

Душевно получилось. Мне даже подогнали девчушку — для согрева постели. Я отправил ее к Свартхёвди. Не так уж долгод наш поход, а меня ждет Гудрун.

На следующий день я приступил к расспросам... С нулевым результатом. То есть грабить Англию, вернее, ее провинцию Нортумбрию местные ходили пару раз. Более того, именно туда и отправились нынче папа Харальд с сыном. И с ними — все знатоки вопроса, способные держать оружие. Неспособный — остался. Пожилой норег без левой ноги. Он охотно попотчевал меня байками

о том, как свирепы тамошние жители, как их много и как они отменно вооружены. Ах, какие герои они, вестфолдинги, что ходят их грабить!

Ничего вятного: ни явок, ни паролей, ни полезных наводок. Сначала я подумал, что калека хитрит — не хочет выдавать рыбные места. Но потом догадался, что он — просто дурак. Наш Стюрмир в сравнении с ним — кладезь интеллекта.

Но была и радостная новость. Харальд Щит не ушел в вик с папой Харальдом. Он вообще перешел в другую команду. Переехал поближе к главной резиденции Хальфдана-конунга и открыл там какой-то бизнес. Почему там, да потому, что там, типа, столица. И рынок. И вообще жизнь кипит, то есть для человека с деньгами — самое то. А деньги у Щита после Большого Рагнарова Похода скопились изрядные.

На прощание нас загрузили продуктами сельского хозяйства: сыром, овощами, лепехами и даже кувшинчиком меда, а мы отдарились двумя серебряными фибулами — хозяйским дочерям.

И пошли мы, сытые и обнадеженные, вдоль берега, распугивая рыбачьи лодки и сияя белым щитом на мачте. Чтоб кто чего не подумал.

Да, разница между резиденциями двух конунгов была разительная. Сам Хальфдан-конунг проживал в здоровенном поместье рядом с морем. Здесь же было множество корабельных сараев, и еще больше плавсредств военной направленности сохло на берегу.

Однако мы прошли дальше, туда, где теснились суда не военного, а смешанного назначения. Вроде нашего.

Все козырные места у берега оказались заняты. Впрочем, мы были не одиноки. На рейде стояло еще с десяток судов. Пришлось отдать якорь метрах в пятидесяти от берега и загрузиться в лодку. Но даже лодке с трудом удалось протиснуться к земле.

Вечная проблема фьордов: берег длинный, а причалить некуда.

Высадились.

Лодка тут же отправилась обратно — за следующей партией. На кнорре я решил оставить пятерых: Олава Толстого и четверку Иваровых хирдманов.

Лодка еще не преодолела половины расстояния до кнорра, как к нам подошли трое. Воины.

— Кто такие? — рявкнул их старший еще издали.

— Ульф-хёвдинг из Сёлунда, — спокойно ответил я, жестом придержав Стюрмира, собравшегося выдать что-то язвительное.

Вестфолдинги подошли. Старший, крепыш с остриженной бородой и волосами (если у них такая мода, то мне она по нраву), проехался по мне взглядом. Потом еще разок. Ну да, посмотреть было на что. Один мой меч стоил больше, чем все вооружение и его, и парочки за его спиной в совокупности. Бедновато, однако, живут в Вестфольде. На крепыше даже не пластинчатый доспех, а примитивный железный нагрудник. И меч, готов поспорить, нелучшейковки, а шлем вообще без ума сделан: заклепки не утоплены заподлицо, а торчат здоровенными шишками. Зацепит такую топор или меч — пиши пропало. А на спутниках старшего вообще какие-то ватники с пришитыми полосками железа.

Понятно, почему он взирает на нашу четверку: Свартхёвди, Гримара, Стюр-

мира и меня — как на музейные экспонаты.

— Назовись! — рыкнул Медвежонок. Вестфолдинг напыжился...

Но увидел рисунки на лапах Свартхёвди... И сдулся.

Надо полагать, берсерков метят одинаково во всей Скандинавии и смысл вытатуированных медвежьих лап везде одинаков. Парень был на своей земле и наверняка являлся представителем Власти, но берсерк... Хрен его знает, что за коктейль у такого в голове забодяжится. Башню снесет — и порубит всех на хрен, невзирая на последствия.

— Кнут, сын Сигвирда! Человек Харальда-конунга! — с нажимом на последнюю фразу. Типа, тронете — ответите. Да ты никак в штаны наложил, Кнут Сигвирдсон. Да и спутники твои... По рожами видно: охотно дернули бы за подкреплением. — С какой целью прибыл, Ульф-хёвдинг?

— Покупать, — благодушно ответил я. — А еще я ищу друга. Зовут — Харальд Щит. Знаешь такого, Кнут Сигвирдсон?

— Ясное дело, знаю, — крепыш чуток расслабился. — Продавать что — будете?

— Только покупать.

— Тогда с тебя... — Крепыш задумался. Хотелось содрать побольше, учитывая нашу респектабельность, с другой стороны, стоит раз глянуть на троицу за моей спиной, и становится ясно, что за прикид наш плачено не серебром, а железом. Это настораживает.

— Два «плавленных эйрира»[140].

А рожа не треснет? Четверть марки серебром.

— За что? — поинтересовался я.

Оказалось, за «парковку».

— Туда глянь, — предложил Кнуту Медвежонок, указывая на наш кнорр, от которого как раз отчалила лодка с новой порцией головорезов. — Найди нам место у берега, и получишь пять серебрушек.

Под серебрушками подразумевались арабские дирхемы, имевшие хождение и в Европе, и в Скандинавии. Одна марка тянула где-то на семьдесят монет. То есть Медвежонок скинул цену раза в три с половиной.

— Десять! — мгновенно отреагировал Кнут.

Как выяснилось позже, это были серьезные деньги, по местным меркам: овцу можно купить. Но по ценнику Роскилле сумма была плевая. Для таких, как мы.

— Найди нам место у берега — и деньги твои, — сказал я, опасаясь что Медвежонок ввяжется в торговлю, и мы тут еще полчаса проваландаемся.

— Найди им место! — велел Кнут одному из помощников, и тот рысцой припустил вдоль берега. Наверняка стонит кого-то в море, но нам какое дело? Хотя идею надо запомнить: если негде причалить, выбираешь кого-нибудь победнее — и место появляется.

Выгрузилась вторая партия: четверка Иваровых хирдманов. Кнут впечатлился еще больше.

— Я сообщу конунгу о тебе, Ульф-хёвдинг!

— Сообща, — разрешил я.

Правильное, кстати, решение. Пусть мы пришли не на драккаре, а на кнорре, но, кто знает, сколько там еще осталось таких головорезов? И лишь Один знает, с какой целью мы прибыли и что собираемся покупать. Может, кровь

Хальфдана Черного?

— Хавур, — сказал я парню, собравшемуся грести к кнорру, — скажи Ове, что нам сейчас расчистят место у берега. Как причалит, пусть отдаст десять дирхемов вот ему, — кивок на стражника, — а тебя, Кнут, я попрошу, раз уж ты знаешь моего друга Харальда Щита, объяснить, как его найти.

— Гисле вас проводит, — пообещал крепыш. — Он знает.

— Харальда Щита у нас все знают, — сообщил Гисле, высокий и худой парень, на котором обшитая железом куртка висела, как на вешалке. — Пойдем?

— Подождем, — сказал я. — Еще не все собрались.

На то, чтобы переправить всех, кого надо, потребовалось восемь ходок и около получаса. Наконец все в сборе и можно отправляться.

Я был в Хедебю и представлял себе, что такое скандинавский торговый центр. Здесь всё было намного скромнее, чем в стольном граде главного датского конунга.

Но в целом — знакомо. Те же длинные дома, может чуть глубже закопанные в землю, чем у нас, те же пристройки вокруг и крепкие изгороди. И рынок, само собой.

Цены приятно удивили. Раза в два меньше, чем в Роскилле.

Я поделился своей мыслью с Медвежонком, но вмешался услышавший меня Гримар:

— Это вы, сёлундцы, просто зажрались. На золоте едите, серебром гадите.

— Ты теперь тоже сёлундец, — напомнил Свартхёвди. — Когда будешь гадить серебром, не забудь подставить кошель.

Местные уступали нам дорогу. Даже воины. Уж больно вид у нас был грозный. Некоторые, впрочем, останавливались и глядели нам вслед. Недобро. Я не боялся. Конечно, против Хальфдана Черного и его войска мы — ничто, но за нами вся мощь Рагнара с сыновьями. На хрена здешнему конунгу проблемы?

— Мы пришли, — сообщил жердьяй Гисле.

О как! Неплохо устроился мой друг Харальд. Домина — как у ярла, сараев вокруг — штук десять, а забора вообще нет. Так, оградка метра в полтора. И через нее видно, что жизнь на подворье кипит. И слышно как в домишке, который наверняка кузня, звонко лупит молот. А это идея, кстати. Не купить ли мне кузнеца? И железо заодно. Железо, кстати, будет вполне уместно. Пока мы шли сюда, угодили в небольшой шторм, и растрясло нас порядочно. Будучи матерым морским волком, я уже не пугался волн, но вот Ове жутко ругался, заявляя, что, будь у нас побольше осадка, было бы легче. Будет ему осадка.

Глава десятая,

в которой герой находит друга, который ему нужен, и специалиста, который нужен Ивару

— Ульф! Бангсибьорн![141] Стюрмир! — Казалось, Харальд Щит готов обнять всех нас. Кто бы поверил, что пару лет назад мы были готовы убить друг друга? — Малыш Скиди! Да ты здоровяк! Эй! Пива всем! Заходите же во двор, в дом! Не бойтесь, места хватит — у меня просторно.

Так и есть, домина у Харальда знатный. Конунгу под стать. Не то что три десятка — полсотни за столами сядет.

А обслуга уже суетилась: снимала с креплений доски-койки и вставляла в пазы на центральных столбах, превращая в столы и скамьи вокруг огромной, холодной по летнему времени открытой печи.

Моя команда неторопливо, солидно занимала места: всё строго по обычаю. Оставил оружие на стойке, представился, принял чару, выпил — и за стол. Многие (и я в том числе) частично разоблачались, складывая рядом с собой боевое железо. Стол быстро заполнялся закусками: рыбкой разнообразной, вяленым мясом, ячменными лепешками, кувшинами с напитками, алкогольными и без.

Челюсти бойцов заработали. Ощущение складывалось: не ели они дня два минимум.

Со стороны Харальда за столом — всего пятеро. Он сам, двое сыновей-погодков десяти-одиннадцати лет, по местным меркам уже достаточно взрослых для общего стола, и немолодой мужик со свернутым носом в сопровождении своей копии, только лет на пятнадцать моложе и с носом прямым.

— Мой друг Гилди Нос На Сторону, — представил мужика Харальд Щит. — Тесть мой. А это сын его Фирст Рыба, отличный мореход. Если тебе нужен кормчий...

— Не отдам! — вмешался Нос На Сторону. — Нам самим хороший кормчий нужен!

— Глупости говоришь, Гилди! — воскликнул Харальд Щит. — Это же Ульф Черноголовый! Ему сам Рагнар со своей шеи золотую цепь подарил! Вот такой толщины! — обозначил Харальд, преувеличив размеры подарка раз в пять.

Но Свернутый Нос по-прежнему глядел на меня без симпатии.

— Будь у меня столько золота, я бы шкурой своей не рисковал.

Я его понимал. Сам бы так... Но положение обязывает. Да и скучно.

— Золота и славы много не бывает! — озвучил я популярную фразу.

— Так и есть! — поддержал Харальд. — Выпьем за это. За золото и славу!

Все охотно выпили. Со двора тянуло дымком и жарёной. Там готовили основные блюда.

— Золото можно и по-другому добыть, — проворчал Свернутый Нос, когда посуда опустела.

— То-то ты много добыл! — захохотал Харальд и хлопнул тестя по спине. Сразу стало ясно, кто тут главный. — Когда я его встретил, — Харальд повернулся ко мне, — Гилди в таких долгах был, что впору продать всё, что есть, — до штанов последних.

— Ты преувеличиваешь, Щит, — пробормотал Свернутый Нос. — Всего-то сто марок...

— Сто марок! Да добро твоё и тридцати не стоило. Ты не смотри, Ульф, что сейчас всё здесь справное. Когда я во владение вошел, полная разруха была. Ну да я вложился, не скупясь. Ещё и Хальфдану Черному поднес меч франкский, да жене его старшей застёжку для плаща красивую. Тут-то он сразу так меня полюбил, что не пожалел два луга хороших и землю пахотную. Да я тебе всё покажу потом. В общем, обустроился я здесь и дочь Гилди второй женой взял. По бедности его свадьбу сам оплатил, ну да ничего. Зато ты теперь родич мой, Гилди! — Харальд обнял тестя так, что у того в плечах хрустнуло. — Любишь меня?

— Как же мне тебя не любить, если ты меня выручил, — промямлил Свернутый Нос, и я его понимал. Был ты в своём доме хозяином, а теперь — приживала. И всё же так лучше, чем вообще без дома.

— А к Фирсту ты присмотришься, Ульф-хёвдинг! — вернулся к прежней теме

Харальд. — Как, Фирст, хочешь в вики ходить?

— Я бы не против, — осторожно ответил юноша и покосился на отца. Рожа у Свернутого Носа была кислая.

— Да согласится он, батюшка твой! — пробасил Харальд. — У кормчего по обычаю три доли.

— А как он с оружием? — поинтересовался я.

Паренек мне понравился. Скромный.

— Ульф! Ты не забыл, что я пятнадцать лет — в виках? Думаешь, не знаю, каков должен быть кормчий?

— Знать-то знаешь, да вдруг ты попросту брата жены своей к нам пристроить хочешь? — подал голос Медвежонок.

— Свартхёвди, что ты говоришь такое? — Харальд был на грани обиды. — Или я хочу, чтобы шурина моего убили? Не веришь — проверь!

— И проверю! — пообещал Медвежонок. — Вы, весфольдинги, до богатств такие жадные, что и жизнью заплатить готовы.

— А вы, сёлундцы, нет, что ли?

— Мы тоже, — согласился Свартхёвди. — Только вы-то своей, а мы — чужой!

— Скажи-ка, Фирст, есть ли у тебя солнечный камень? — вмешался я в перепалку.

Юноша покачал головой.

— У меня есть! — Тут же влез Харальд. — Я ему и раньше давал, и сейчас дам. Сказал же: он — отличный мореход. Видать, сам Ньёрд[142] его поцеловал в макушку.

— Но я знаю только здешние воды и свейские, — тут же внес поправку Фирст. — И немного — те, что у берегов Англии и Нортумбрии.

Да неужели?

— А те — откуда?

— Ходил туда. Еще когда отец... До того как мы с Харальдом породнились.

А парень не только скромн, но еще и тактичен.

— Выходит, ты уже ходил в вики?

— Нет. Только торговать.

Вот как? Не знал, что скандинавы торгуют с англичанами. На месте последних я бы таких торговцев вешал на их собственных мачтах.

— А на землях английских ты бывал?

Фирст покачал головой.

— Нас не пускали дальше гавани. Даже с корабля сходить не разрешали.

— Когда-то у Гилди был свой кнорр, — влез Харальд. — Год назад он утопил его близ Нидароса. Со всем добром.

Да, Свернутому Носу следует посочувствовать. Уж не везет, так не везет.

— А что же Фирст? — поинтересовался я.

— Был бы за кормилом Фирст, был бы у Гилди кнорр.

Папа набычился, сын порозовел и наклонил голову, сделав вид, что изучает столешницу.

— Но всё — к лучшему, — резюмировал Харальд Щит. — Тогда бы у меня не было этого замечательного хозяйства, красивой жены и добрых родичей. Так выпьем же за это! За роды наши! За нас, за пращуров наших и потомков!

И мы выпили.

Что ж, можно считать, что мне повезло. Я нашел человека, который знает британские воды. Теперь осталось найти такого, что побывал на суше. Собственно, парочка таких у меня уже была: Уилл с Диконом, но с тех пор, как они покинули недружественные к ним родные земли, немало снега стаяло. Нужен носитель более свежей информации.

Тут принесли горячее, и разговор немедленно прервался, перейдя в хруст и чавканье.

Глава одиннадцатая, в которой герой близко знакомится с настоящим вестфольдским конунгом

Я принял решение остаться еще на пару дней. Харальд оказался гостеприимным хозяином: выделил нам целый флигель и примыкающую к нему открытую веранду. Места хватило всем. Денег за проживание, я думаю, он бы не взял, так что я сделал Щиту неплохие подарки. И его женам — тоже. Молодая, дочь Свернутого Носа, вовсе не показалась мне красавицей: белокурая толстушка с маленьким носиком и мордочкой удивленного зверька. Но у каждого свой вкус.

Харальд Щит показал мне свое хозяйство: пастбища со скотом и поле, на котором трудилось с полдюжины трэлей. Затем мы перешли к внутренним территориям, и тут мне стало значительно интереснее. Помимо кузницы, у Харальда трудилось аж шесть квалифицированных ткачих, и ткали они не что-нибудь, а самый настоящий гобелен.

— Я их с земли франков привез, — похвастался Щит. — Мастерицы. Только ткут они теперь не ихнее христианское, а наше.

Точно. На сотканном на три четверти гобелене легко узнавались скандинавские мотивы. Похоже на жертвоприношение Торуну...

— Нашим конунгам куда приятней вешать на стены такие, чем те, где прославляют чужого бога. Да и богам это тоже приятнее.

Я не стал спорить, хотя был не согласен. Лично я мечтал о гобелене со сценой охоты. Да и реалистичность рисунка в работе Харальдовых ткачих была — не очень. Лошади, к примеру, больше походили на шахматные фигурки. Нет, что хорошо для камня, на ткани смотрится куда хуже. Но сама идея мне понравилась. Производство ковров — вещь доходная. И я, как человек из техногенной эпохи, был больше склонен к промышленности, чем к сельскому хозяйству. Правда, для гобеленов нужна цветная шерсть, а здешние красильни — дело весьма вонючее, ну да разберемся. Вон, кузница тоже по ушам будет ездить, а меня это ничуть не смущает.

— У меня есть дело, друг мой, — сказал я. — Нужен человек, который знает земли англов.

— Так бери шурина моего! — немедленно отреагировал Щит.

— Возьму. Но не кормчим. Кормчий у меня уже есть. Ове Толстый. И он хорош для меня.

— Это да, — согласился Щит. — Ове хорош. Но ты ведь удачлив, Ульф. Не удивлюсь, если у тебя вскоре появится еще один корабль.

— Если появится, твой Фирст Рыба окажется кстати, — согласился я. — А пока пусть поучится у Толстого. У него есть чему поучиться.

— Ага, — ухмыльнулся Харальд. — Как корабли топить!

Это была шутка.

— Так что, поможешь мне найти человека, который знает английские земли?

— Я знаю одного такого, — после некоторого размышления ответил Харальд. — Его зовут Осхиль Пузо. Не раз на ту сторону моря ходил. Однако сейчас он служит Хальфдану Черному. — И, посмотрев на мою огорченную физиономию, рассмеялся: — С Хальфданом можно договориться. С Осхилем — тоже. И я забыл тебе сказать: Хальфдан-конунг зовет тебя в гости. И лучше бы тебе быть послушным.

Естественно. Когда конунг зовет, пренебречь зовом может только тот, кто от этого конунга далеко.

Да, для конунга небогато. Я бы даже сказал: скромно. Я уже привык к огромным хоромам Рагнара и Ивара. Хотя дело даже не в квадратных метрах. Там все стены были увешаны коврами, элитным оружием и всяческим добром. Здесь же превалировали не боевые, а охотничьи достижения. И это притом, что Хальфдан Черный непрерывно воевал, и небезуспешно. Земли свои, насколько мне говорили, прирастил втрое.

Но Хальфдан-конунг воевал со своими соседями-норегами, у которых всё имущество: меч, щит да десяток серебряных браслетов, а Рагнар... Ну сами знаете.

На встречу отправились мы со Свартхёвди. Мало ли как оно обернется? А Медвежонок — побратим, так что судьба у нас — общая.

Никто из наших и не рвался. Нас же позвали не на пир, а познакомиться.

Медвежонок разделся по-попугайски. То есть согласно писку здешней моды. И драгоценностей нацепил, сколько было. Я и не знал, что он взял с собой золотые браслеты.

Я прикинулся скромно: разве что вместо шелков надел арабскую кольчужку. Она легкая, жить и работать не мешает, но и по жизни может пригодиться, и всякому понимающему человеку говорит: не в золоте счастье. Хотя золото на ней тоже имелось. И серебро. А что? Неплохо защищает от ржавчины.

Тем не менее приспешники Хальфдана Черного решили, что лидер — Медвежонок. Тоже понятно. Он большой и громогласный, еще и с браслетами, какие не всякий ярл себе может позволить, а я — маленький и тихий.

Свартхёвди не спорил, но, когда мы вошли в «королевский дворец», представлявший собой плохо освещенную залу метров тридцать — сорок длиной, Медвежонок скромно потупился и остановился, пропуская меня вперед.

— Ульф Черноголовый, — представился я. — Хёвдинг... Ивара Рагнарсона.

Как-то мне подумалось, что Хрёрека в этой глуши могут и не знать, а вот о Бескостном слышали точно. А еще я не хотел, чтобы мое имя без нужды связывали с Хрёреком. Во-первых, мы когда-то, в порядке самообороны убили ярла по имени Эвар Козлиная Борода, который был родом из Гокстада, а до Гокстада отсюда — рукой подать. Во-вторых, Торсон-ярл, которого убил я лично, хотя в качестве бойца Хрёрека, тоже мог иметь здесь родственников. Нарваться на кровную месть не очень-то хотелось. Тем более что и племянника Торсонова я тоже зарезал.

И уже не в качестве ипостаси Хрёрека, а по собственной инициативе. А репутация Ивара Рагнарсона такова, что связываться с его человеком никто не

захочет.

Представившись, я вручил конунгу скромный подарок: кинжал местного изготовления, но хорошейковки и в недешевых ножнах, обошедший мне в «плавленный» эйрир.

Потом мы начали общаться. Конунг, красивый мужик, кстати, если не привередничать по поводу темной шевелюры, взялся расспрашивать о Большом Походе, но минут через десять не удержался, перебил и начал хвастаться собственными достижениями. Как он побил того, как он убил сего. В результате чего присоединил себе соседнее «конунгство» Раумарики. Но это был еще не конец, потому что в отсутствие Хальфдана Раумарики захватил другой конунг, и Черный опять вступил в драку. Победил, естественно. И гонял нехорошего конунга по всей Норвегии, как поганую шавку, убив попутно кучу народа. А тем временем другой нехороший конунг коварно... И так далее. Причем — все славные деяния хозяин излагал с разными неаппетитными подробностями, вроде «стрела попала ему в левую подмышку, и он закричал, обделался и умер».

В целом же складывалось ощущение, что все конунги Норвегии объединились в желании завладеть этой самой Раумарики, которая, я уверен, слова доброго не стоила с точки зрения экономической.

Однако мы с Медвежонком покорно слушали, точнее, это я — покорно, а Свартхёвди — с большим интересом, задавая вопросы и искренне восхищаясь победами конунга. Наверное, это была правильная политика, потому что к исходу разговора Хальфдан к нам настолько расположился, что пригласил вечером на пирушку. Нас двоих и наших лучших людей. Я поинтересовался у соседа-хускарла, будет ли на пирушке Осхиль Пузо, получил позитивный ответ и посчитал, что время потрачено не напрасно.

Пир конунга. Звучит неплохо, выглядит хуже. Не люблю. То есть, когда вокруг все свои: друзья, родные, сопалубники, — это другое дело. Но сидеть в окружении грубых и вонючих незнакомых мужиков, жрущих, орущих, рыгающих и соревнующихся в том, кто громче «пустит ветры», да еще орать, состязаясь в подобострастных здравицах конунгу, — лично для меня удовольствия никакого.

А вот для моей «свиты» — в самый раз. Я взял с собой шестерых. Медвежонка, само собой, Стюрмира, Ове Толстого, Грунира, одного Иварова хускарла, выбранного исключительно за могучие габариты, и Скиди, коего представил своим воспитанником. Народ мой был рад. Стол Черный накрыл отменный. Не поскупился. Не зря о нем шла слава человека, который одним своим присутствием обеспечивает земле хороший урожай. Дичь, птица, рыба, овощи. Бык на вертеле и почти таких же размеров кабан. Пива тонн[143] пять, пей не хочу. Мы и пили. Свартхёвди выяснил, кто здесь Осхиль Пузо. И показал мне. Вон тот пузан.

— Эй, Осхиль! — позвал я. — Сядь поближе. Дело есть.

Вблизи Осхиль Пузо производил еще более неприятное впечатление. С виду ему было уже за сорок, но дело не в возрасте. Пузо был толст, неопрятен, с обрюзгшей рожой, покрытой какими-то наростами. Вдобавок изо рта у него воняло, как из рыбной коптильни. — Я слышал, что ты ходил бить англоv?

— Так и есть! — подтвердил пузан. — И англоv, и саксов, и...

— В Нортумбрии был? — перебил я. — Берега грабили?

— И берега. И дальше ходили. Две зимы тому взяли монастырь в трех переходах от Йорка...[144] Все разбогатели!

По виду Осхилья я бы не сказал, что он богат. Ну да ладно.

— А сейчас мог бы нас к тому монастырю привести?

— Могу. А зачем? Я ж сказал: мы его досуха вымели.

— А к Йорку привести сможешь?

Осхиль на некоторое время задумался, потом кивнул:

— Смогу, пожалуй.

Эта пауза каким-то мистическим образом убедила меня, что неопрятный вонючий мужик действительно может стать неплохим проводником.

— Тогда у меня к тебе предложение, Осхиль Пузо. Пошли со мной.

Пузан хрюкнул.

— В Нортумбрии, — сказал он. — Тысячи воинов. С острыми копьями. И берега там стерегут. Стоит тебе высадиться, и твои хирдманы станут славным развлечением для их ближайшего ярла. Знаешь, как они любят сдирать кожу с таких, как мы?

— Посмотри на меня, — предложил я. — Посмотри на моих спутников. Разве мы похожи на тех, кого убивают?

Осхиль посмотрел. Среди бойцов Хальфдана мы смотрелись как кучка московских мажоров — в заштатном удмуртском клубе. В смысле прикида.

— Нет, — покачал головой он. — Вы похожи на тех, кто убивает сам.

— Слушай меня, Осхиль Пузо. Сейчас я говорю голосом Ивара Рагнарсона, прозванного Бескостным... Слышал о нем?

— Кто ж о нем не слышал... И об отце его Рагнаре.

— Я предлагаю тебе пойти с нами. Нам нужен человек, который знает те земли. Ивар щедро заплатит такому человеку. И еще добыча. Тебе хватит на всю оставшуюся жизнь. И детям твоим.

— У меня нет детей, — Осхиль помрачнел.

— Значит, будут. Ты еще не стар. А с мешком серебра ты станешь самым желанным женихом для любого рода. Вон как мой друг Харальд Щит.

Бородавчатый лик пузана просветлел.

— Я готов пойти с тобой, но что скажет мой конунг?

Я покосился на Хальфдана. Нет, он был занят своими делами и в нашу сторону даже не смотрел.

Я выкарабкался из-за стола, цапнул рог, который мне тут же услужливо наполнили, и двинулся к Хальфдану.

— Конунг!

Черный скосил на меня милостивый взгляд.

— Я впечатлен множеством твоих воинов. Понимаю: это честь — служить такому, как ты. Наверное, сотни мужчин стремятся встать под твоё знамя?

— Так и есть! — подтвердил Хальфдан. — Но учти, хёвдинг, это далеко не всё мое войско. Стоит мне послать ратную стрелу[145], и не менее пяти сотен копий поднимется за моей спиной.

— Это великое войско, — согласился я. — Неудивительно, что враги трепещут перед тобой.

— Так и есть. Они трепещут. Они бегут в страхе, едва увидят мой хирд и меня во главе.

Тут я заметил, что Хальфдан уже порядочно набрался.

— Выпей же этот рог, Хальфдан-конунг, любимец Одина и Тора, за твою славу, твои обширные земли и за то, чтобы они стали еще обширнее! — объявил я во всеуслышание.

И сунул в руки конунга двухлитровую емкость, полную шипучего напитка. А себе взял с «царского стола» первый подвернувшийся кубок.

Рог — это такая штука, которую приходится пить досуха, потому что поставить его нельзя. Только положить. Есть, правда, варианты с ножками, но тот, который я поднес конунгу, был не из их числа. Так что выдул его Хальфдан до дна. Впрочем, он был не против.

Я дал возможность ближайшему окружению конунга влить ему в уши еще ведро лести и подступил снова.

— Не решаюсь обратиться с просьбой к тебе, конунг.

— Почему? — Осоловелые карие (редкость на севере) глаза уставились на меня.

— Ты так велик и могущественен. Не удивлюсь, если через несколько лет все земли норегов покорятся тебе.

— Говори, не бойся, — милостиво разрешил Хальфдан.

— Не мог бы ты уступить мне одного из своих хирдманов?

Муть во взоре Хальфдана Черного мгновенно исчезла.

— Зачем он тебе?

— У меня совсем маленький хирд, — пояснил я. — Каждый человек на счету. Одного не хватает.

Хальфдан поджал губы. Я испугался, что он сразу откажет, но вместо этого конунг спросил:

— Кого ты хочешь взять?

— Окажи мне услугу: отдай мне Осхилия Пузо.

Хальфдан некоторое время сверлил меня взглядом. Блин! Он был далеко не так пьян, как мне показалось.

— Услугу, говоришь?

Я кивнул.

— А сам он — согласен?

— Я уверен, что согласится.

— Бери, — милостиво согласился Хальфдан Черный. — Он твой.

Я рассыпался в благодарностях, а когда собрался уходить, Хальфдан scomандовал:

— Стой! Ты выбрал самого никчемного из моих хирдманов, — порадовал меня конунг. — Почему?

— Он показался мне сильным... — пробормотал я. И тут же поправился, будто раскаиваясь за вранье: — Прости, славный конунг, я солгал. Я видел, что он стар. Но он может грести и наверняка сумеет научить молодых чему-нибудь толковому.

— Сомневаюсь, — буркнул Хальфдан. — Он лишь горазд болтать о своих подвигах да жрать за троих. Предупреждаю тебя об этом, потому что ты — дан, а в моей крови тоже есть датская кровь[146]. Но слово сказано, и обратно я его не возьму. Разбирайся сам с этой пивной бочкой.

— Благодарю тебя, конунг, за откровенность! — Я поклонился. — Теперь я знаю, как с ним обходиться.

И ушел, счастливый. Дело сделано.

Хотя нам еще предстояло добратся до дома, а это, как показало будущее, не очень простая задача.

Глава двенадцатая Пираты!

Итак, мы отправились домой. С пополнением в две особи. Осхилем Пузом, которого я немедленно усадил на рум стонять жир, и Фирстом Рыбой, чьи боевые навыки я попросил проверить Медвежонка, и тот сообщил, что парень — годный. Ничего выдающегося, но меч держит правильно и рубит крепко. Меч, кстати, ему подарил Харальд Щит. И традиционную у норегов фуфайку с железками. Ничего, бедность — не порок. Поплывает с нами — поправится.

Мы обогнули мыс и двинулись вдоль недружелюбного скалистого берега.

Был отличный летний день. И наш отличный, пусть и небольшой кнорр под желто-синим парусом бодренько следовал своим курсом. Как говорится, ничто не предвещало беды.

Кроме двух полосатых парусов, появившихся на горизонте.

Мы их увидели, значит, и они увидели нас.

— Драккары, — компетентно сообщил Ове.

Драккары — это неприятно. Но, может, обойдется? Вдруг парни плывут куда-то по своим делам? Или возвращаются из набега, по борта загруженные добычей? Вдруг мы их не заинтересуем?

Надежды не оправдались. Драккары действительно возвращались из набега, и действительно несли порядочный куш, но психология волка двуногого, в том числе и североморского, сильно отличается от психологии четвероногого тем, что первый живет по принципу: сколько ни ухватил, всегда можно добавить. А тут мы. Небольшой кнорр датского производства, идущий на юг. На юг — это значит — домой. А домой — это значит с товаром. Или с денежками. Это же просто замечательно! Подарок судьбы. Отменный десерт к взятому у англово основному блюду. И сколько на таком суденышке экипажа? Десятка полтора от силы. И экипаж этот — не могучие хускарлы, а обычные купцы. Пусть датские купцы тоже знают, с какой стороны братья за меч, но сколько их, тех мечей? Ам — и нету.

И это — чистая правда. Стоило вспомнить, с какой быстротой команда Хрёрека разделалась с экипажем работоторговцев во время операции по спасению меня родимого, и я с легкостью соглашаюсь с логикой вышеизложенного. Нет, не могли удержаться резкие норвежские парни, когда увидели мой замечательный кнорр. Тем более что уйти от боевого драккара у такого судна никаких шансов. Однозначно, на абордаж.

— Два драккара... — с беспокойством проговорил Гримар. — Это ж не меньше сотни воинов!

— Больше, — внес поправку Скиди, чье зрение приближалось к соколиному. — Если по головам считать, сотни две примерно.

— А нас — четыре неполных десятка, — произвел нехитрый подсчет Короткая Шея. — И восемь из них — сосунки. И ветер слабый.

— Слабый ветер или сильный, нам от них не уйти, — философски заметил Ове Толстый. — Значит, придется драться.

— Нореги — хорошие бойцы, — подал голос кто-то из Иваровых.

Мои нореги с удовольствием переглянулись: приняли на свой счет. Эти — не боялись. Железно верили в мою удачу.

— А осадка у них — большая, — сказал Медвежонок.

— Хочешь сказать, что мы может удрать? — повернулся к нему Гримар.

— И идут они с запада, — проигнорировал Свартхёвди вопрос родича.

— И что это значит? — поинтересовался неопытный Скиди.

— А то, что они из вика возвращаются. А это значит, — на кирпичного цвета физиономии моего побратима — алчная улыбочка, — что у них есть чем поживиться.

— Как бы они у нас не поживились, — проворчал кто-то из Иваровых.

— Один любит храбрецов! — напомнил Свартхёвди. — Я чую: он обещает нам победу.

— Один — известный обманщик, родич, — возразил пессимистически настроенный Гримар.

— Так что, хёвдинг, — спросил у меня Ове. — Мне поворачивать им на встречу?

— Иди своим курсом, — велел я. — Постарайся их разделить. Вон, вижу, один уже отстает.

— А людей у них точно много, — обеспокоенно проговорил Гримар. — Особенно на том, который отстал.

Хорошо, когда у человека соколиное зрение. Лично я видел только двух мелких жучков, карабкавшихся по волнам, перебирая веслами-лапками. «Жучки» шли под углом, забирая к восходу, чтобы отрезать нас от берега.

Тем не менее они нас догоняли, и догоняли быстро. Драккары не зря называют змеями. Они скользят по волнам, как змеи по траве. Только значительно быстрее. Даже если бы я посадил по двое на каждый рум, у нас всё равно не было бы шансов.

— Там у них не все — люди, — присмотревшись, сообщил Скиди. — Это они трэлей нахватали.

— Нехорошо, — озаботился Свартхёвди.

— Почему? — в один голос спросили сразу несколько человек.

— Рабы, — пояснил мой побратим, — воды и пищи много надо.

— Воду найдем, — Гримар уже заразился оптимизмом родича. Молодец Свартхёвди. Хуже нет, когда команда с самого начала нацелена на проигрыш.

Рабы. Значит, всё не так страшно. А бойцов на каждом из драккаров, судя по их размерам, копий по сорок — пятьдесят. Соотношение примерно один к трем, если считать каждого из недорослей за половинку. То есть нормально. А учитывая эффект внезапности, так у нас даже и преимущество имеется. Мы — выше. Я так и не купил железо в Вестфольде, а драккары в воде по самые весельные порты.

Ага, один уже вышел на финишную прямую. Полетели первые стрелы.

Мы с Медвежонком прикрываем щитами себя и кормчего Ове, хотя лучшая защита — высокий изгиб кормы. Стрелы слабенькие, на излете. Мы не отвечаем. Я хочу сделать разрыв между вражескими кораблями побольше. Я помню, как Рёрех выиграл время, разделив двух противников в очень похожей ситуации. Молодые вертят весла на румах, старшие прикрывают. Им доверена более важная и ответственная работа — случайные раненые мне не нужны.

Так и есть. Один драккар вырвался вперед и, похоже, собирается абординировать нас в одиночку.

— Хёвдинг! — кричит мне Гуннар Морской Кот. — Это драккары Вигмарра-ярла. Его Зубовный Скрежет прозвали, он из Согн-фьорда!

Невероятно ценная информация.

— Он — твой родич? — ору я в ответ.

— Ха! — вопит Гуннар. — Он — кровник мой! Его дядя со стороны мужа моей двоюродной сестры...

Опустим подробности. Главное: никакие родственные связи боеготовность Гуннара не снизят.

Точно, в одиночку решили нас брать. Один уже рядом, второй отстал метров на триста. А на первом драккаре готовят крючья и железные якоря — такие железные штуки с растопыренными на четыре стороны крючьями, и задирают весла, которые могут послужить «мостками» для штурмующих. Красиво идет кораблик, ничего не скажешь. А осадка действительно низкая.

Я выглядываю из-за щита... И тут же подбиваю краем брошенное копье, которое уходит вверх. Надеюсь, никого не задело. Гад, который бросил копье, вопит. Огорчился, надо полагать.

— Правый, табань! — ревет наш кормчий так, что у меня ухо закладывает. Кнорр разворачивается. Медленно, плавно. Часть уже раскрученных абордажных крюков раскручивалась впустую. Но штук пять долетело и впиалась в доски. Десятки рук тут же вцепились в веревки, подтягивая драккар к нашему судну. Ни хрена не боятся разбойники с Северного Пути. Даже кранцы кто-то вывесил заботливой рукой: чтоб, значит, не побить свой драккар и наш кнорр тоже не попортить. Небось они уже своим его считают.

Гуннар и хускарлы Ивара — в боевом строю.

— Рази их, барсучата! — ревет Короткая Шея.

«Барсучата», матерые убийцы, любовно собранные Иваром Бескостным в свой замечательный хирд, размахиваются и разом, прям-таки залпом, мечут копья прямо в рожи абордажной команды Вигмарра-ярла, вынося не меньше десятка героев-викингов. Но трое уцелевших всё же прорываются и занимают плацдарм у нас на носу.

Я спокоен. Головорезы Бескостного справятся. Меня беспокоит второй кораблик.

— Вигмарр! — орет Гуннар Морской Кот. — Я брал тебя как женщину! Я иду к тебе!

И три моих норега бросаются в бой.

Вот это они зря. А кто будет прикрывать моих юных лучников?

Я свистом собираю свой маленький хирд и выстраиваю вдоль борта. Англичане — в центре, молодежь по сторонам, мы с Медвежонком по флангам, Стюрмир и Фирст — в тылу. Пузан прикрывает Ове — тут особой прыти не надо. Подходит второй драккар.

Надо встретить.

И мы встречаем его. Загодя. Англичане и весь молодняк мечут стрелы. Как учили. По моей команде все дружно поднимаются над бортом, отпускают тивы и снова прячутся.

Я руковожу, а Медвежонок контролирует ситуацию с первым драккаром. В

боевое состояние он не впадает — необходимости нет.

У Гримара всё хорошо. наших меньше, но на их стороне и класс, и порядок. Вражеский ярл (он оказался в тройке прорвавшихся) с несколькими соратниками прижаты к борту. Вероятная подмога, надо полагать, теснится на палубе драккара, швыряя копья навесом, мешая друг другу и время от времени «ловя» гостинцы с нашей стороны. До нашей палубы им далеко. И высоко. Пяток Иваровых бойцов встали у борта и устроили копейную дуэль. Снизу метателей больше, но это даже хорошо. Запас снарядов не оскудеет. И вооружение у наших лучше. Я увидел, как в одного из иваровских бросили сразу три копья. Одно он поймал, от второго уклонился, а третье ударило в наплечник с такой силой, что бойца развернуло. Тем не менее он прикрылся щитом, отбив вверх еще четвертое копьё, пятое пролетело у него над головой и воткнулось в скамью, а пойманное им орудие смерти ринулось вниз. Судя по замаху, боец не пострадал.

— Бей! — И новый десяток стрел падает на команду второго драккара. Только три выстрела — эффективны. Остальные — либо мимо, либо — в безвредных пленников.

Нам отвечают. Несколько копий перелетает через борт и втыкается в палубу, а одно даже пробивает насквозь скамью. Сила есть — ума не надо.

Бей!

Я не боюсь, что мою команду услышит кто-то, кроме моих парней. Шум стоит невероятный: бой идет, как-никак. На втором драккаре тоже вопят, не щадя глоток.

Боевой клич мешается с воплями раненых. Большую часть мы достали первым залпом: не ожидали норег, что добыча умеет больно кусаться. Их, кстати (очень кстати!), не так уж много — бойцов на этом драккаре. Я насчитал двадцать пять штук. То-то они так вяло гребли: драккар-то на двенадцать румов. Некомплект. А теперь им и вовсе придется туго: четыре лежат в лежку, а у каждого второго из оставшихся — легкое ранение.

— Бей!

Предпоследний залп. Водное пространство между нашими кораблями стремительно сокращается. Сманеврировать Ове уже не может, так что подойдут они плотно и полезут все сразу.

— Бей!

А вот это уже последний. Отлично Дикон попал. Прямо в глаз. Здоровенный викинг, только-только вспрыгнувший на борт и замахнувшийся, чтобы метнуть копьё, свалился с борта и камнем ушел на дно. Судьба человека, упавшего в море в полном доспехе, predetermined. Даже и без стрелы в глазу. Зато умер с оружием в руках. Интересно, могут ли крылатые девы Одина выцепить крутого покойника из сетей великанши Ран[147].

Впрочем, я этого не видел: в следующий миг борт драккара с грохотом приложился о наш.

За моим плечом — свирепое рычание... И промельк копья, едва не чиркнувшего по моему шлему.

Братишка Свартхёвди. Хороший бросок. Доспех на брюхе норег потребует серьезного ремонта. Потом, когда его снимут с прежнего хозяина.

А вот это лишнее! Явно лишнее!

С жутким воем Медвежонок перемахнул через оба борта (и через голову

присевшего от неожиданности норега) и с грохотом обрушился на палубу вражеского драккара.

И пошла коса по закоулочкам! Или типа того — не помню, как там, в сказке. Целых пять секунд я с восхищением наблюдал, как «работает» берсерк, прошедший профессиональную подготовку. И больше не считал, что мой побратим выбрал неправильную стратегию. Сын папы Медведя рубал на капусту всех подряд: активных викингов, замешкавшихся раненых, подвернувшихся под руку (вернее, под клинок) пленников-рабов... При этом он непрерывно оглушительно ревел, привлекая всеобщее внимание и вселяя страх даже в тренированные сердца викингов. Чего уж там... Даже мне было не по себе. Рев этот, перекрывающий оглушительный шум боя, действовал на каком-то глубинном, подсознательном уровне. Как рычание льва.

К сожалению, даже Медвежонок не смог в одиночку сорвать вражескую атаку. Задержал на некоторое время, а потом часть норегов сумела связать его боем и даже оттеснить к мачте...

— Дикон! — закричал я. — Держи Медвежонка!

А сам поймал брошенное в Каппи Обжору копьё и вернул его... Нет, не владельцу, а другому парню, который как раз закончил перевязку нижней конечности и непредусмотрительно встал во весь рост.

Эту рану ему уже не перевязать.

Нет, к Медвежонку я не полезу. Хватит ему дистанционной поддержки (этот маневр мы недурно отработали) Дикона Йоркширца.

Ну куда вы! Сразу втроем — и на одного меня.

Нет, уже не одного. И не втроем. Мой лучший ученик Скиди аккуратно воткнул меч под мышку атаковавшего меня норега. Он хороший мальчик, Скиди. И я молодец. Научил его, что работать острием в уязвимые места ничуть не хуже, чем рубить с размаха, вскрывая добрую броню. Это ведь только в момент удара броня — чужая. А потом станет — своя. А ремонт, он денег стоит.

Приятно все же время от времени глотнуть адреналина. Как я стосковался по хорошей драке! Видать, и впрямь становлюсь человеком Средневековья.

На тебе, собака, железо в почку! Не трожь моего любимого кормчего! Хотя Ове Толстый и сам — не промах. Рубящее копьё, да еще таких размеров — страшное оружие в умелых руках. А ручищи у Толстого... Ну, может, не такие умелые, как у моего знакомого берсерк-мастера Стенульфа, но зато раза в два потолще. А размер в таких делах имеет ой какое значение!

— Ульф! Хёвдинг!

Это Скиди. Раз, два, три... восемь норегов. Против моих «молодых», Скиди, Юсуфа и Фриска. А где Дикон с Уиллом? Дикон «помогает» Свартхёвди. А Уилл? Не вижу Уилла! Ну суки, если вы... А, вижу! Вон он где. На носу. Достаточно далеко от общего колбасилова. Идеальная дистанция для стрелка из лука. Считай, как снайпер работает. А вот моим ребятам приходится туго. Если бы не Скиди и Юсуф на флангах их коротенького строя и не высокий борт за спиной, численно уступающие нореги смяли бы «малышей» на счет раз.

И — два. Что, гады, не ждали?

Двоих, то ли с глазами на затылке, то ли отследивших выражения лиц моих «молодых» и успевших обернуться, я срубил в первую очередь. Вернее, я срубил только одного. Второй едва меня не достал: серое лезвие секиры мелькнуло в сантиметре от моей щеки. Отличный удар, «спрятанный», из-за

спины, с разворотом, восходящий... Но удачу в бою никто не отменял, и удача была — за меня. Первому драккару удалось наконец развернуться вдоль нашего борта. Корабли сошлись бортами, палуба вздрогнула... И мой противник промахнулся.

А я — нет. Но промедлившая Смерть дохнула мне в лицо стужей, и я увидел моего Белого Волка, вальяжно лежащего на борту кнорра, свесив почти до палубы мощную лапу и пушистый снежного цвета хвост.

И мир превратился в сказку.

В дивную сказку, где капли крови казались рассыпающимися рубинами, сошедшие в смертельном бою — танцорами, а борт драккара — мостом между водой и твердью. Я побежал по этому мосту, без малейшего усилия удерживая равновесие, и мой Вдоводел так же легко и непринужденно скользил в воздухе, касаясь чужих людей, которые желали смерти мне и моим друзьям. Рубиновые капли веером слетали с клинка, а я грациозно, как заправский танцор, уклонялся от тянущегося ко мне острого железа. И это было нетрудно, потому что я кружился в танце, видел всё вокруг и предугадывал каждое движение.

В какой-то момент вокруг меня стало слишком тесно, и удерживаться на борту я уже не мог, потому, дважды уколов поверх щитов, вспрыгнул на плечи убитых (никто не остается в живых после таких ран), но еще стоявших на ногах, перелетел на палубу... И снова оказался в тесноте. На этот раз — среди своих и чужих. Я легко узнавал чужих, потому что они были чужими, и коснулся Вдоводелом еще двоих, а затем, будто сквозь пелену, услышал, как меня зовут, развернулся и тремя прыжками оказался там, где нужнее. Там, где рубили моих людей. И те, кто рубил (их было трое), тут же прекратили это и попытались уйти от меня. Но они были так медлительны, что я... Мир стал обычным. Я едва не застонал от разочарования. Белый Волк ушел.

И я остался один на один с тремя норегами, чувствуя при этом, что силенок во мне достанет, может быть, на пару хороших ударов.

Им бы напасть на меня разом, но они примитивно струсили. Вероятно, помнили танцующую смерть, которой я был только что. Это-то их и сгубило. Стрела и копьё прилетели одновременно. Копьё ударило в спину, стрела — в шею. Но результат был одинаковый. Смерть. Третий в страхе швырнул топор на палубу, но мне не нужен был воин, который бросает оружие, и я ударил его в горло со всей оставшейся у меня силой, так что меч уперся в позвоночник.

Я огляделся. Мертвецов вокруг было много, но в первую очередь меня интересовал Свартхёвди. Других я тоже любил, то Медвежонок — брат. Я подбежал к борту. Слава Богу! Или — богам. Свартхёвди полулежал на скамье, сжимая в руке меч. Похоже, он — в обмороке. Вокруг — целый завал из трупов. Не меньше дюжины. Оставшиеся в живых рабы теснились на противоположном конце драккара, боясь приблизиться. Их можно было понять.

— Хёвдинг! — Эйлаф Печеная Репа.

— Ты цел?

— Я — да, но Поросенка убили.

— Это бой, парень. Возьми кого-нибудь и позаботьтесь о Свартхёвди. Ему сейчас нужен покой.

Мне бы он тоже не помешал, но я — вождь. Вожди отдыхают в последнюю очередь.

Так что, собравшись, я велел Скиди вынести на палубу бочонок пива и нацедить мне порцию, а сам приступил к работе хёвдинга.

Мы победили. И, учитывая огромное численное преимущество противника (как выяснилось, их было шестьдесят восемь, мы даже отделались очень умеренными потерями. Больше всех, как это ни удивительно, пострадали люди Ивара. Семь человек было убито (двоих, со смертельными ранами, уже милосердно добили), двое получили ранения, которые надолго вывели их из строя. Почти все потери пришлось на второй прорыв, когда бойцы Вигмарра Зубовного Скрежета фактически атаковали их с тыла. Было бы хуже, если бы не «огневая поддержка» Уилла Кошачьего Глаза, который поработал снайпером, и мое кратковременное возникновение в тылу у самих врагов.

Иваровские перестроились, Гуннар Морской Кот, при поддержке тезки и Хогспьёта, разметал прикрытие Вигмарра и вывел-таки кровника из игры. Война на два фронта прекратилась, и теперь уже туго пришлось врагам. Традиционный клин с Гримаром во главе обрушился на сплоченный строй врагов. Бой — не кино, поэтому всё решилось за считанные секунды. Нореги не сумели удержать строй, Гримар его порвал, и полминуты спустя деморализованные потерей ярла агрессоры были притиснуты к борту и перебиты с той легкостью, какая дается преимуществом сплоченной боевой группы над разрозненными бойцами.

Как позже выяснилось, нам здорово помогло и то, что нападавшие были не в лучшей физической форме. Они чуть ли не три недели шли от берегов Англии, угодили в шторм, который снес их далеко на юг... Следовательно — дефицит воды (рабов тоже приходилось поить, чтоб не померли), а из еды — одна рыба. Вдобавок грести им приходилось почти без смены. Думаю, немалым поводом для нападения на нас была надежда раздобыть пищу, а главное, воду.

Потери моего хирда были куда менее серьезными, чем я ожидал, но тоже были.

Убит Нотт Поросенок. Не повезло парню. В первом же бою.

Ранен Ренди Черный. Не то чтобы серьезно, но неприятно: копьем в ногу достали. Если рана не загноится, через пару недель заживет. Загноится — быть парню калекой.

Остальные тоже получили ранения, но такие, что всерьез не принимают. Хавур, к примеру, лишился части уха, Гренделю прилетело топором по голове. Шлем его, хоть и прогнулся, но черепушку спас. Тем не менее — сотрясение. Глаза в кучку и травля за борт. Отлежится — пройдет.

Взрослая часть моего хирда, считай, не пострадала. Юсуф легко ранен в ногу и в руку, Стюрмир вывихнул левое запястье, но уже сам его и вправил, утверждая, что ни грести, ни драться это ему не мешает. Фирсту, как и Гренделю, долбанули топором по шлему, а в придачу рассекли лоб так, что всё лицо его залило кровью — раны на голове всегда сильно кровоточат. Но трясет его не только от потери крови. Очнувшись, Фирст не смог открыть глаза и подумал, что ослеп. Очень сильное переживание. К счастью, ковш морской воды зрение ему возвратил полностью.

Осхилю Пузо сломали нос. Он утверждал, что ударом вражеского топора, но я подозревал, что Пузо попросту держал щит слишком близко к роже. Свартхёвди весь покрыт синяками, панцирь его попортили в нескольких местах... Но и только. Словом, как обычно. Берсерк есть берсерк. Не знаю, как это

объяснить, но железо их действительно не берет. Ну почти не берет.

Синяков, впрочем, хватало не только у Медвежонка. У нас отличные доспехи. У всех, кроме молодежи, — у тех просто хорошие. Это значит, что стрелой их не пробить и ударом средней силы — тоже. Там, где куртка из вареной кожи, обшитая так себе железом, вскрывается на раз, добрый панцирь из выпуклых, плотно подогнанных чешуй держит удар вполне уверенно. Хотя, если удар прямой, синяк всё равно будет. А вот на англичанах — ни царапины. В ближний бой они не входили, от брошенных предметов уворачивались.

А вообще, я был доволен. Моя тактика залпового огня оказалась эффективной.

Как, впрочем, и ожидалось.

Глава тринадцатая Трофеи

Чужих покойников отправили за борт, своих сложили в сторонке.

Перекусили. Я чуток оклемался. Слабость ушла. Всё же у моего, хм... состояния есть преимущества перед берсеркерским. Вон, Медвежонок всё еще в отрубе. Хотя у него тоже есть важное преимущество: его Зверь приходит когда он хочет, а мой Волчара — исключительно по своему усмотрению. И закономерности я до сих пор не уловил.

Хотя надо отдать Волчаре должное, сегодня он здорово помог — не меньше десятка врагов получили мои отметки. Причем для большинства — летальные. Так или иначе, но из нападавших в живых осталось только шестеро.

Четверо — с легкими ранениями. Тяжелых дорезали всех. Кроме Вигмарра. Ярлу даже первую помощь оказали — остановили кровь. Но это лишь потому, что попросил Гуннар Морской Кот. У Кота имелся должок, который он и намеревался взыскать с Вигмарра. Я бы не позволил, будь ярл в лучшей форме. Мол, нельзя портить то, что можно поменять на деньги. Но надежды слупить за него выкуп — никакой. Вигмарр получил проникающее ранение в живот, что в наших условиях — гарантированная мучительная смерть. Так что теперь Морской Кот планировал снять с него стружку. В прямом смысле. Ножом. И захоти я его остановить, народ бы не понял. Это Гуннар всадил копье ярлу в живот, так что ярл — его трофей. А если выбирать между страданиями ярла, наверняка еще той сволочи, и психологическим климатом в коллективе, то насрать мне, грубо говоря, на ярла. Сам-то он бы ни секунды не колебался.

Среди пленных был еще один персонаж, особенно интересный мне потому, что на нем не было ни царапины, если не считать ободранной скулы и резаной прорехи в штанах.

— Этого сюда, — распорядился я.

Парня подвели. Руки у него были связаны, а рожа наглая-наглая.

— Как тебя зовут? — поинтересовался я.

— Лейф Весельчак! — И осклабился, демонстрируя, что прозвище получил не зря. Зубы у него тоже были в комплекте.

— Скажи мне, Лейф, почему ты не ранен? — задал я следующий вопрос.

Пройти без единой царапины такую мясорубку, особенно если ты — на стороне проигравших, это почти невозможно.

— Я — берсерк! — ухмыльнулся норег.

— Не надо мне врать, — строго произнес я. — Или раны у тебя появятся.

— Пытай меня — и ты услышишь мой смех! — пообещал этот авантюрист.

Ей-богу, он мне уже нравился.

— У меня неподходящее настроение для пыток, — сказал я. — Если ты не хочешь со мной говорить, тебя убьют...

— Я не боюсь смерти! Даже без меча в руке Один возьмет меня в Валхаллу! Какая, однако, уверенность.

— Но только не в том случае, если тебе отрежут голову и привяжут ее к твоей заднице![148]

Эту тему мне Ивар подсказал. Я слышал, что он так обошелся с одним из своих врагов, которого не смог взять живым.

Проняло.

— Моя кожа чиста, потому что я лучший в пляске жнецов Одина!

О, как поэтично.

— Это так? — спросил я Гримара.

— Он хорош, — признал хольд. — Убил Ранвайга Серебряную Чешую и ранил еще двоих. Хотел прыгнуть в море, но я схватил его за пояс.

Отважный поступок. В доспехах — камнем на дно. Правда, без пыток и с оружием в деснице.

— Ты силен, как медведь, — признал пленник. — Но если бы мы встретились один на один, ты был бы мертв.

— Хитрец, — проворчал Короткая Шея. — Хочешь умереть с оружием в руке.

— Хочу, — не стал отрицать пленник. — А еще больше хочу тебя убить!

— Ты мог это сделать там, — хольд показал на трофейный драккар. — Теперь ты — добыча воронов. Или рыб. Как ты намерен с ним поступить, хёвдинг?

— Он — твой пленник, — напомнил я. — И его мужество мне по нраву. Я бы позволил ему попытать судьбу.

— Ты — хёвдинг. Решай сам — он твой. Только я думаю: раб из него выйдет никудышный.

— Я не стану тебя пытаться, — сказал я пленнику. — Зато предоставлю тебе выбор: ты можешь умереть быстро. И я даже вложу в твою руку меч, правда, ты всё равно останешься связанным.

— Благодарю тебя, вождь! — Лейф даже слегка поклонился. Это хорошо. Значит, понты для него — не главное. — А что еще?

— Я могу взять тебя в свой хирд, — пообещал я.

— Хирд у тебя неплох, — признал пленник. — Не мог бы ты назвать свое имя?

— Ульф-хёвдинг, так зови меня. Я из Сёлунда.

— О! — впечатлился пленник. — Земля Рагнара-конунга. Ты знаешь его?

— Я ходил с ним в поход. На земли франков и дальше. До самого Муспельхейма, — решил я подбавить в речь чуток поэзии. — Мы неплохо там повеселились.

— Я живу, — сказал пленник, глядя на мой роскошный панцирь. — Если ты возьмешь меня в хирд, я буду тебе верен.

— Не торопись, — предупредил я. — Прежде чем ты станешь моим хирдманом, я должен сам проверить, так ли ты хорош, как говорят. Тебе дадут меч и щит, и ты будешь со мной драться. Если я сочту тебя достойным, ты станешь моим.

Лейф Весельчак ненадолго задумался, потом ответил:

— Ты очень удачлив, Ульф-хёвдинг. Это ясно уже потому, что Вигмарр Зубовный Скрежет лежит на палубе, на которой ты стоишь. А ведь его тоже считали удачливым ярлом. Да, ты удачлив, и боги тебе благоволят, но ты мал ростом и не выглядишь силачом. Что, если я убью тебя?

Ай да молодец! Ни слова о том, что я буду в доспехах, а он — в одной рубахе. Зато искренне озабочен тем, что будет, если он меня грохнет. Самоуверенный тип.

— Если ты ранишь меня, то это значит, что ты действительно хороший воин. И тогда ты — мой хирдман с правом на полную долю. Если убьешь, то твою судьбу будет решать вот он, — я показал на пребывающего в отключке Свартхёвди. — Но если ты не захочешь остаться с ними, то тебя не станут убивать и высадят на берег там, где это возможно. Гримар!

— Слушаю тебя, хёвдинг!

— Поклянись мне в том, что передашь мои слова в точности, когда мой брат Свартхёвди очнется от сна берсерка, и в том, что не позволишь убить этого человека!

— Клянусь Одним и Тором, я не дам убить этого человека и поступлю с ним как ты сказал.

В глазах Гримара читалось: «А на хрена тебе всё это надо?» — но он эту мысль не озвучил. Скандинавы уважают право человека покончить жизнь самоубийством. Предполагается, что за этим стоят боги.

— Развяжите его! — велел я. — И дайте ему оружие!

Спросите: зачем я пошел на этот ненужный и смертельный риск? Потому что мне понравился Лейф Весельчак. И еще я знал эту породу: чтобы такой боец тебя зауважал, надо его как следует отму... отметелить. Лично. Тогда он — твой.

О! Он оказался отличным воином. Настолько быстрым и настолько техничным, что я, в свою очередь, оказался к этому совсем не готов и, возможно, проиграл бы поединок в первые секунды, если бы...

Это было позапрошлой зимой. Я тогда выступал как замена Хрёрека Сокола на хольмганге, а бился со мной такой великан, рядом с которым Гримар казался бы подростком. Торсон-ярл. И начал он игру с того, что, перекрыв мне обзор щитом, классически рубанул по ногам... А когда я подпрыгнул, Торсон, который только этого и ждал, рванулся вперед и двинул меня щитом снизу... Я не полетел тогда вверх тормашками со сломанной челюстью только потому, что чудом успел выставить ногу и оттолкнуться от щита.

...И вот сейчас: по общему положению тела противника (такие вещи впечатываются в мою память накрепко и с первого раза) угадав ловушку, мое подсознание выдало правильную линию. Я отпрыгнул, но не вверх, а вправо, еще и сгруппировавшись. А поскольку обзор оказался перекрыт не только у меня, но и у моего противника, то отработанную связку он прерывать не стал: подшаг, удар щитом... И Вдоводел уперся ему в левую подмышку. Я чуток не рассчитал, забыв, что он без доспеха, и укол получился настоящим: клинок на полсантиметра погрузился в межреберную мышцу.

Лейф Весельчак мгновенно застыл. Понимал: стоит мне немного нажать —

и сталь войдет в его сердце.

Само собой, убивать его я не стал. Отдернул меч под восторженный рёв моей команды, хлопнул по плечу, крикнул, стараясь перекрыть общий ор:

— Ты хорош, Лейф Весельчак! Я беру тебя в мой хирд!

И это было полезное приобретение во всех смыслах. Потому что даже не воины, просто гребцы нам ой как понадобятся.

Глава четырнадцатая Трофеи (продолжение)

— Два драккара! — Казалось, только сейчас Гримар осознал, какая у нас добыча. — Ульф! Ты божественно удачлив! Драккар! Я всю жизнь мечтал, что у меня будет драккар!

— Он не только твой, — подал голос один из восьми оставшихся в живых Иваровых хирдманов. — Наша доля в нем тоже есть. И что-то надо дать семьям тех, кто пал.

— На самом драккаре тоже кое-что есть, — напомнил я. — Мы поделим всё по чести. Вот он, — кивок в сторону Ове Толстого, — поделит. А если двух долей хольда Гримару не хватит, он заплатит недостающее, когда мы вернемся. Но еще лучше было бы сделать так: за недостающее вы все получите румы [149] этого драккара, ты согласен, Гримар?

Толстая Шея изобразил кивок. Получилось плохо, но, в общем, понятно. Хирдманы Ивара тоже не возражали.

Вот и поделили. Один кораблик — нам, то есть моей команде, другой — Гримару со товарищи. Это очень щедро с моей стороны, поскольку у меня и Медвежонка — по пять лишних долей. За румы кнорра. И у меня еще пять — сверху, да у Медвежонка — две, да у Ове Толстого — три. Правда, все мои недоросли, кроме Вихорька, без доли, но мы сейчас это исправим.

— Я предлагаю выделить три доли на младших, — сказал я. — Включая убитого Нотта.

Молодежь оживилась. Мало того что они побывали в настоящем бою и победили, так еще и добычу домой привезут!

Никто не возражал. Понятно было, что половина победы — это мои хирдманы. А половина моих хирдманов — семеро юнг. Нет, теперь, к сожалению, уже шестеро. А если Ренди Черный не оправится, так и вовсе пятеро.

Теперь касательно добычи.

Я посмотрел на сгрудившихся во втором драккаре англичан. В основном мужчины. Вид у всех — не ахти. Плавание было долгое, и победители, естественно, не баловали их ни жратвой, ни даже, я полагаю, простой водой. Повезло им в том, что драккар — не кнорр. Трюм у него — крохотный, а у этого так и вовсе нет, так, зазор под настилом. Так что их хоть держали на свежем воздухе. Хотя и тут — как посмотреть. Иногда этот воздух — чересчур свежий и вдобавок сдобрен холодненькой морской водичкой. Ну ничего. Напоим, подкормим, враз повеселеют.

Сидящие в колодках рабы еще не знали о том, что попали из рук очень нехороших парней в руки просто нехороших. Зыркали с откровенным ужасом.

— Как трэлей будем делить? — спросил я.

— Да забирай хоть всех! — махнул ручищей Гримар. Щедрое предложение.

На рынке раб-мужчина без особых достоинств стоил до полутора марок. Женщина — одну. Хотя будет еще дележ, и при дележе мы учтем их именно по рыночной цене.

Но скорее всего Гримар все еще пребывал в эйфории от того, что стал хозяином драккара.

— Какой из них — мой?

Я поглядел на Ове. Кормчий шарил в вопросах кораблестроения куда лучше меня.

Движение глазами — и я всё понял.

— Бери тот, что вы взяли на клинок! — сказал я.

Гримар обрадовался. На этом корабле шел сам ярл, значит, он, по определению, лучший. Но у Ове — свои резоны, и я ему доверял.

— А все рабы мне не нужны. Посчитай их, Виги!

— Сорок три, — доложил Вихорёк. — И пятеро баб. И пять покойников. Сколько раненых, надо поглядеть.

Да, поработал Свартхёвди. Берсерки редко разбирают, кого рубят. Даже такие, как Медвежонок. Хотя меня он однажды спас именно в фазе берсерка.

— Если ты не возражаешь, я возьму три десятка. И выберу первым. А вы пока разберитесь с остальной добычей. Уилл, Дикон, вы мне нужны!

— Задача такая, — сказал я. — Вы сейчас спуститесь в наш новый драккар и переговорите с трэями. Выясните, кто что умеет. Кузнечное дело, шорники, гончары... В общем, не землепашцы. Что узнаете, скажете мне.

Оба англичанина перемахнули через борт и занялись кастингом, а я подошел к Ове. Очень мне было интересно узнать причину его выбора, ведь тот драккар, который теперь стал собственностью Гримара, не только нес на четыре рума больше, но был еще и флагманом.

Объяснение, которое я получил, было проще простого.

— Тот — старый, — сказал Ове. — Чинили много раз. «Рукава»[150] новые, но окна под весла сильно изношены. А что шел быстрее, так потому, что осадка меньше, а румов больше. Не сомневайся, хёвдинг, на торгу за наш вдвое от того заплатят. Но, может, и продавать не стоит. Наберешь хирд побольше, будем сами ходить.

Тоже верно.

Вернулись Уилл с Диконом.

— По-английски говорите! — сразу приказал я.

— Есть кузнец, — сообщили бойцы. — И подмастерье его. Гончар тоже есть. Еще он умеет из мыльного камня[151] посуду резать. И по камню, кости и дереву — тоже. А другой просто косторез. Гребешки из рога делает. Плотник один есть. И, хёвдинг, двое говорят, что воинами были.

— Воинами... — протянул я задумчиво. Воин, угодивший в колодки, — это настораживает. Хотя чья бы корова мычала? Сам я тоже в колодках побывал.

— Воинов проверим. Женщины?

— Из баб четыре умеют ткать, — доложил Дикон. — А одна — девственница.

Девственница — товар штучный. Уж не знаю почему, но на Востоке, я слышал, за девственниц втрое против попользованных дают.

— Девственницу Гримару с Иваровыми хирдманами отдадим.

Викинги — люди практичные. Понижать стоимость товара не станут. В це-

лости доплывет девушка.

— Остальные — мне.

— Вот это правильно! — не удержался Уилл Кошачий Глаз.

— Ты не понял, — ласково проговорил я. — Не вам, а мне.

И огонь в глазах англичанина погас.

— Что, — спросил я, — такие красавицы?

— Нет, но бабы же...

Понятно. Имеет место быть сексуальный голод. Ничего, потерпит.

— Ремесленников я тоже забираю себе, — сказал я. — А тех, кто назвался воинами, ко мне приведи.

Привели. Выглядели воины... ммм неопрятно. Много волос на голове и еще больше вшей.

Настоящего викинга, само собой, вошью не испугаешь, потому мне приходилось принимать специальные меры, чтобы лишить кровососов новой кормушки. Дома — проще. Дома помыться можно и одежду обработать. На корабле — хуже.

— Снимите с них колодки.

Сняли.

— Плавать умеете?

Оба кивнули.

— Прыгайте в воду.

Вокруг уже собрались зрители. В основном недоросли. Серьезные люди сортировали и оценивали добычу.

Вот это правильно. Оба, не раздумывая, сиганули в воду. Дисциплина на уровне. А вот плавание... В среде молодежи раздалось гнусное хихиканье. Для датчан это не плавание, а так... купание.

Скинули им веревку. Вылезли. Трясутся. Водичка холодная. Ничего, не зима. Согреются.

— Руки покажите!

Предъявили. У обоих мозоли непонятные. Такие и от плуга бывают. И предплечья хилые. Хотя это, возможно, от недоедания. Парни вообще тощие. Кожа да кости. Что радует — молодые. Лет по двадцать пять, а с поправкой на состояние, может, и меньше. Младший — рыжий, старший... ну, скажем, желтый.

Одному оказалось двадцать два, другому двадцать три. Строго говоря, возраст для местных воинов — изрядный. Вон четырнадцатилетний Вихорёк — уже дренг.

— Что умеете? Лук, меч, копье?

— Всё! — гордо ответил младший.

Проверять, как фехтуют, сейчас бессмысленно. Задохлики. Но я все же проверю. Если по первому испытанию пройдут.

— Дикон! Принеси лук и пару стрел, каких не жалко.

Получил требуемое и отдал младшему.

— Видишь птичка на волне качается? — показал я. — Сбей ее.

Расстояние до птицы плевое. Метров тридцать. Но, учитывая состояние стрелка, тетиву он натянет хорошо если до половины.

Тут я ошибся. Рыжий отработал на отлично. Натянул как следует. И выстрелил недурно. Только перья полетели.

— Каппи, бегом в трюм! Учебные мечи нам!

На мечях Рыжий себя не показал. Стойка кривая, передвижения... Назвать это передвижениями язык не повернется. Удары — еще хуже. Но понятно, что не врал. Учили его. А что хреновые учителя оказались, так это не его вина.

— Зовут как?

— Уилл.

— Один Уилл у меня уже есть. Ты будешь Уилл... — На ум пришло слово «колодник», но это было бы жестоко. — Уилл Ржавый. Войдешь в хирд без права на долю. Проверю тебя.

— А если не подойду? — осторожно поинтересовался новоиспеченный кандидат.

— Высажу на берег. Там, где люди живут. Нож дам, — расщедрился я. — Чтоб видели, что ты — свободный человек.

— Лучше бы копье... — попросил Ржавый.

— Ты, бычий хрен, не о том думай, как штаны не потерять, а о том, как хирдманом стать! — не выдержав, вмешался тезка, Уилл Кошачий Глаз.

Отлично. Инициатива наказуема.

— Берешь парня под свою опеку, — сказал я ему. — Объяснишь, что да как, не то сглумит, и прибьет его кто-нибудь из Иваровых. Так, теперь ты! — Я сунул лук второму колоднику. Блин, что это его так трясет? Вроде бы настолько замерзнуть не должен.

— Подбей-ка мне... — Я задумался, выискивая подходящую цель. Других чак поблизости не наблюдалось.

Искать не пришлось. Англичанин рухнул на колени, ткнулся мокрой шевелюрой мне в сапоги:

— Прости меня, господин! Не воин я! Не убивай!

Я отступил брезгливо:

— Поднимите его.

— Жил-то чем? — спросил я, когда вруна привели в вертикальное положение.

— Конюхом был у тана.

Надо бы ему с десятков горячих выписать, да, боюсь, от порки он совсем развалится.

— Ладно, на первый раз прощаю, — милостиво произнес я. — А на второй... Скоро ты увидишь, как у нас наказывают.

Пусть развлечения Гуннара Морского Кота с раненым ярлом хоть какую-то пользу принесут. А Гуннар все же со всех сторон неправ. Ему бы ярла не трогать. Дать тому возможность медленно сгнить заживо от гангрены в брюхе. Вот это была бы месть.

— Этого я тоже беру себе, — распорядился я. Конюх пригодится. Так, а кто у нас тут в рабах разбирается и делом не занят... — Ове, — попросил я. — Можешь от руля отойти?

— Конечно.

Верно. Глупый вопрос. До берега — полмили. Ветер слабенький и тот — с суши.

— Глянь на рабов. Дик тебе покажет, каких я себе беру, а из остальных выбери получше — для нас, а десятков похуже оставь для Гримара с Иваровыми.

— Охотно, хёвдинг!

— Дик, — сказал я по-английски. — Насчет знающих ремесло — помалки-

вай. И Кошачьего Глаза предупреди. Говори так: этих выбрал хёвдинг, а почему — его дело.

— Я понял, вождь.

Хорошо, что английский знаем только мы трое и смысл наших диалогов от остальных скрыт. На ремесленников ценник может быть существенно выше, чем на пахарей. А так на общих основаниях пойдут. Хотя это еще проверить надо, какие они ремесленники. Вдруг — как тот конюх-воитель...

Добычи оказалось много, и самой разной. Тут тебе и шерсть, и утварь серебряная, и медь, и даже запас оленьей кости. Были и деньги. В пересчете на наши — примерно сотня марок. Негусто на такую прорву народа. Зато до фига осталось оружия. Причем сравнительно неплохого. С нашим, конечно, не сравнится, но и не фуфайки с кое-как нашитыми полосками.

Это хорошо. Оружие на Сёлунде — в цене. Много было луков, хороших, длинных. И стрел изрядный запас. Знал бы — не заставлял бы молодых стрелы с их трупов вырезать. Луки, надо полагать, английские, но всё же странно, почему нореги их практически не использовали? Может, потому, что нореги? Им сподручнее — копьем...

Делил Ове Толстый. Все подсчитал скрупулезно, включая рабов, перевел в рыночную стоимость и предоставил мне право выбора. Я проявил скромность: взял пару чаш серебряных, что вместе тянули граммов на шестьсот, два хороших меча и связку оленьих рогов. Раз у меня в обойме резчики, пусть делом занимаются, пока мы в плавании. Рабы тоже пошли в зачет, так что свои десять долей я почти покрыл. Осталось где-то три марки, которые я взял деньгами.

Затем Гримар меня удивил: взял лежащие отдельно четыре золотых браслета Вигмарра-ярла и торжественно вручил: два — мне, два — положил рядом с беспмятным Медвежонком.

— От всех нас, — заявил он. — Если бы не вы, нореги бы одолели.

Что ж, справедливо. Мы вдвоем, в совокупности, приговорили десятка полтора.

Долю Медвежонка я поручил взять Ове. Потом выбирал сам Ове, затем — Гримар... По старшинству, в общем.

— И где вы все это набрали? — поинтересовался я у Лейфа Весельчака, с грустью наблюдавшего за тем, как делят добытую при его непосредственном участии добычу.

— Да везде, — махнул рукой опечаленный норег.

— Первый поход?

— Третий. Но раньше — Скоген Лифер, «плотный туман».

Я уже знал, что нореги так называют Ирландию. Ирландия нас не интересует, а вот лишний специалист по Англии нам не помешает. Что-то я не очень доверяю моему пузану. Хотя у меня теперь целая куча специалистов. Это ведь земледельцы дальше своей деревни ничего не знают. Разве что — ближайшую ярмарку. А ремесленники — народ более подвижный. Монаха бы поймать. Странствующего. Впрочем, будет необходимость — поймаем.

«Стоп! — сказал я себе. — Неужели ты твердо решил идти с Иваром Бескостным?»

И сам себе ответил: а куда я денусь?

Хотя, положив руку на сердце, пойду я не против собственного желания. Хочется мне. Азарт. Приключение. Знаю, что Ивар будет резать всех подряд. Так он и без меня будет резать, а так я хоть спасу кого-нибудь...

Так я пытался оправдаться перед самим собой, но совесть всё равно ныла. Помнилась Франция...

Глава пятнадцатая Сон и реальность

Мой Белый Волк пришел ко мне еще раз. Во сне. На этот раз он был не один, а с Волчицей, такой же белой и почти такой же огромной, как и он. И такой же красивой.

Я не был волком. Я был человеком, но не собой — большим и мускулистым, в меховых штанах шерстью внутрь и мягких поршнях[152], голый до пояса, с ножом из сверкающего черного камня.

Мы охотились. Волчица нашла следы оленя. Белый Волк заглянул мне в глаза, и я увидел в них, что мы будем делать дальше и какова моя роль.

Потом мы побежали. Это было здорово. Бежать по следу оленя, чувствовать собственную силу, азарт погони...

Бежали долго, но ни я, ни Волки ничуть не устали. Потом мы увидели оленя. Он объедал листья с небольшого деревца, то и дело задирая голову, чтобы оглядеться, прислушаться и приняться. Ветер дул от него, поэтому олень нас не чуял, а подбирались мы бесшумно и очень скрытно. Волки умеют прятаться не хуже людей, даже лучше.

Белый Волк снова взглянул мне в глаза, и я опять всё понял: начал осторожно огибать нашу добычу справа, а Волчица так же осторожно поползла влево. Передвигалась она раза в два быстрее, чем я.

Когда охват был закончен, Волк, подобравшийся в оленю почти на тридцать шагов, вскочил и стрелой рванулся вперед. Как он узнал, что мы на местах, не знаю, но — узнал.

Бросок был так стремителен, что мне показалось: он не бежал, а просто размазался в воздухе. Мне казалось, он схватит жертву, но олень успел. Несколько прыжков — и он вновь разорвал дистанцию... И тут наперерез бросилась Волчица. Олень метнулся вправо, Волк прыгнул и повис у него на крупе. Волчица попыталась вцепиться оленю в пах, но тот, притормозив, лягнул ее копытом. Не попал, но прыжок сбил.

Олень рванулся в заросли, видимо рассчитывая, что в подростковом возрасте Волку придется его выпустить. Но в зарослях прятался я.

Он не видел меня до самого последнего мгновения, пока я не встал у него на пути. Если бы он продолжал бежать, то, возможно, сумел бы сбить меня с ног, но олень встал как вкопанный, я бросился вперед, ухватил его за молодой, покрытый шерсткой рог и вбил свой черный нож ему в шею. Вбил — и тут же выдернул, припав ртом к алой струе, хлынувшей из перерубленной артерии. Олень не сопротивлялся. Он знал, что уже мертв. Волчица подскочила сбоку, одним движением клыков взрезала оленю живот и принялась пожирать выпавшие внутренности. Белый Волк присоединился к ней.

Наверное, это выглядело страшно, но я знал, что оленю не больно. Потом я почувствовал, что олень начинает оседать, оторвался от взрезанной жилы, выпустил рог, и олень повалился на землю.

Белый Волк поднял голову и глянул внутрь меня. Это было приглашение. Я присел и вырезал оленью печень. Волки ее не тронули: оставили для меня...

Поев, мы разлеглись на земле. Я — на остывающем теле оленя, Волки — вплотную друг к дружке. Белый Волк валялся на боку, расслабившись, и я чувствовал, как он счастлив. Волчица положила морду на его пушистый бок. Волк извернулся и потерся о нее головой. Потом они поглядели друг на друга, и во взглядах у них было столько любви и нежности, что у меня сердце сжалось. Так бывает, когда видишь что-то невыразимо прекрасное... И понимаешь, что оно тебе никогда не будет доступно. От этого чувства я и проснулся.

Пока я отсыпался, в нашем географическом положении ничего не изменилось. Девятка наших союзников перетащила на большой драккар свою долю добычи, затем снова вернулась на кнорр, где намечалось интересное шоу: Гуннар Морской Кот собирался кончать своего кровника.

Вигмарр-ярл, несмотря на тяжелейшую рану, держался молодцом. Не стонал, не скулил и даже пытался оскорблять своего палача. Получалось плохо: сил у Зубовного Скрежета оставалось совсем мало.

Меня зрелище чужих страданий, мягко говоря, не интересовало. Но остальные выстроились вокруг, комментируя и восхищаясь. Мужеством Вигмарра, который лишь жутко скрипел зубами (так громко, что даже я слышал), подтверждая свое прозвище, и палаческими навыками Гуннара.

Я уже знал, что такая пытка может продолжаться не только часами, но и сутками, потому облокотился на край борта и глядел на далекий-далекий берег, вспоминая свой сон и думая о том, что мои Волки никогда бы не стали зря мучить жертву.

Наконец мои нервы не выдержали. Я растолкал зрителей, глянул мельком на обезображенное лицо Вигмарра и рявкнул злобно:

— Всё, Кот, заканчивай представление. Вы, все! Ну-ка за дело! Развлекаться будете, когда на Сёлунд вернетесь!

Гуннар послушаться не рискнул. Чиркнул по горлу ярла, и тот отправился в Валхаллу.

Три легкораненых норега достались Гримару со товарищи. Те их быстренько допросили, а затем, по каким-то своим соображениям, одному перерезали горло и отправили за борт, а других развязали и пристроили к делу: очищать трофейный драккар от крови и мертвой плоти. Я бы с удовольствием задействовал для аналогичной цели недорослей, но у нас теперь имелись рабы, которым и досталась эта неаппетитная работа.

Впрочем, рабы выглядели значительно веселее, чем прежде. Во-первых, их накормили и напоили, во-вторых, их прежних мучителей пустили на корм рыбам. Да, может быть, мы и не лучше, но мы, по крайней мере, не жгли их дома, не насиловали и не убивали их близких. Окажись я в подобной ситуации, я бы, пожалуй, сам записался в рабство к тем, кто замочит убийц моих родных.

Хотя это маловероятно. Такое дело, как месть, я предпочитаю осуществлять собственноручно.

Теперь следовало разобраться с дальнейшим порядком следования.

У нас имелись два драккара и один кнорр. Драккар Гримара с корешами

имел шестнадцать румов. Если иваровцы посадят на весла освобожденных норегов, то у них будет аж восемь гребцов. Вернее, семь, потому что кому-то придется встать у кормила. Семь человек, даже таких здоровенных, это для шестнадцативесельного корабля, мягко говоря, маловато.

А что со штатным расписанием у нас?

В рабочем состоянии — шесть молодых, три моих норега в неплохом состоянии (царапины, синяки и ссадины грести не мешают), Юсуф и Уилл с Диком, Стюрмир, Скиди, Пузо и мы с Медвежонком. Ове и Фирст (молодец старина Харальд, который — Щит, как в воду смотрел: понадобился нам второй кормчий) — не в счет. Эти — на кормилах. Еще есть Лейф Весельчак и Уилл, который Ржавый. Ржавый, правда, дохловат, зато у Лейфа — здоровья на двоих. Всего — 21 гребец. Причем в ближайшие два дня один или два — под сомнением, потому что сотрясение мозга — это неприятно. Будем считать — двадцать. И как этим богатством распорядиться? Румов у нас двенадцать плюс десять — на кнорре. Итого — двадцать два. И если в команде Гримара каждый боец — полноценный гребец с изрядной силой и еще большим опытом, то у меня — шесть молодых, из которых, может, двое-трое способны нормально грести, задохлик с испытательным сроком и ленивый пузан с одышкой. И как мне их распределять?

А не обратиться ли мне к специалисту?

— Не тревожься, — сказал мне Ове, когда я огласил свои сомнения. — Лучших посадим на драккар, а остальные пусть на кнорре остаются.

— Почему так? — спросил я.

Ове объяснил. Оказывается, эффективность работы гребца на драккаре — выше. Весла лучше расположены.

— Свартхёвди, Стюрмир, Уилл, Дикон, Юсуф, Скиди, ты, норегии...

— Я на кнорре останусь, — перебил я. — И одного норега возьму, скажем, Гуннара Гагару.

— Еще двоих надо, — возразил Ове. — Десять румов хотя бы заполнить. Там десять и тут десять.

— Хавура бери, — разрешил я. — И Пузо. Он жирный, но здоровый. Пускай работает. Однако у меня к тебе вопрос: как я с оставшимися на кнорре буду поспевать за драккаром, на котором вдобавок — лучшие гребцы?

— Будет ветер — поспеешь, — заверил Ове Толстый.

— А не будет?

— На канате вас потянем! Не бойсь, хёвдинг! Не отстанете!

— Слышь, Ове, а что это ты такой довольный? — поинтересовался я. — Весь разговор у тебя — улыбка до ушей. Раньше за тобой не замечалось.

— Ульф! Ты пойми: я теперь драккар вести буду! Спасибо тебе!

— Пожалуйста, — я тоже улыбнулся. — Только не утопи его, ладно? — И, заметив, как скривилось круглое лицо кормчего, тут же добавил: — Да шучу я! Знаю, что не по твоей вине, и бился ты славно!

— Кому — шутка, а кому — позор... — проворчал Ове, но, похоже, он уже не обижался.

А я — дурак. На такие темы острить нельзя. Не будь я хёвдинг, за подобную шутку могло и по роже прилететь.

Разобрались. Очнувшийся Медвежонок умял тройную пайку, выслушал

мой отчет, всё одобрил и полез смотреть новый драккар.

Рабов распределили по кораблям и загрузили работой.

Затем я собрал всех и провел торжественный обряд приема в хирд двух новичков. Затем — пир из наших на глазах скудеющих запасов и свежей рыбы. Отмечу, что мы уже второй день болтались на месте. Вернее, тихонько дрейфовали по течению, потому что — штиль.

Глава шестнадцатая Бунт на корабле

Проснулся я с мыслью: надо раздобыть провизию и пополнить запас воды. При первой же возможности. Ознакомил с этой мыслью хольдов и кормчего и нашел полную поддержку.

А еще мы, наконец, тронулись.

Парус висел, как старушечья сиська, так что шли на веслах. Поначалу — неплохо, но потом молодняк скис, и пришлось крепить конец и идти на буксире.

В общем, делали мы от силы пару узлов. И берег, вдоль которого шли, тоже не баловал: никаких признаков человеческого жилья. Пересекать же открытое море без пополнения припасов было рискованно.

После обеда ветер вообще поменялся на встречный, и Ове направил драккар к земле. Логично. Надо встать на якорь, пока нас не снесло обратно.

Что мы и сделали.

За ужином я обратил внимание, что сёлундская молодежь о чем-то стоваривается, искоса поглядывая в мою сторону. Что-то задумали тинейджеры-убивцы. Раз так, то занимайтесь делом. Я велел им покормить рабов и обеспечить их помывку. Мужчин — в море, женщин — на палубе, из ведер. Строго предупредил: если кто-то захлебнется, виновные завтра поплывут за кораблем на веревке.

Поверили или нет, но аттракцион устраивать не стали.

Пока сёлундские недоросли трудились, мы с Вихорьком немного поработали с шестами. То бишь с древками от копий. Вихорёк, конечно, умаялся: с его весом и размерами тягать здоровенное весло — тяжело, но держался изо всех сил. Мой новый хирдман Лейф смотрел с большим интересом, потом попросил попробовать.

Я не возражал. Отпустил Вихорька, который тут же без сил повалился на скамью, и поработал с норегом. Весельчак и здесь был хорош. Схватывал на лету. Шестом я работал по базе ушу — китайцы в этом доки, но Лейф очень быстро приспособился, и у нас с ним получилась неплохая игра. То есть именно игра. Я получил огромное удовольствие. Лейф тоже.

— Никогда подобного не видел, — признался он, когда мы закончили и уселись передохнуть на мешки с трофейной шерстью. — Ты очень необычно бьёшься, хёвдинг.

— Я готов учить тебя, — отозвался я. — Ты — великолепный воин.

Весельчак ухмыльнулся:

— Мне многие это говорили, но в последние годы мало кто мог меня побить. Только один человек: Торсон-ярл.

— Ты ему не родич? — поинтересовался я осторожно.

— Нет. Мы бились с ним. До первой крови, иначе я был бы мертв. Он быстр, как берсерк, и могуч, как горный тролль.

— Был, — уточнил я, успокоенный ответом.

— Почему — был?

— Я убил его.

— Ты?!

Я улыбнулся:

— Он был из такой же плоти, как ты и я. Даже не берсерк. Хотя однажды я убил и берсерка. Правда, он был намного меньше Торсона, иначе ты бы всё еще плавал под знаменем Вигмарра.

— Ага! — воскликнул Лейф. — Вот почему ты узнал прием, который я посмотрел у Торсона! Этим приемом он победил меня.

— А меня — нет, — невозмутимо сказал я. — Лейф, у нас еще будет время поговорить. Похоже, мои люди хотят что-то мне рассказать.

Так и есть.

Ко мне направлялась делегация, возглавляемая Каппи Обжорой. И на физиономиях у всех была написана суровая решимость.

Что это такое? Бунт на корабле?

Каппи Обжора — впереди. За ним — группа поддержки в виде трех сёлундских недорослей.

На юношески гладком личике Каппи была написана решимость, приправленная некоторой долей опаски. Опаска — это хорошо.

— Что тебе надо? — поинтересовался я.

— Хёвдинг... — Точно что-то незаконное. Эко как глазки бегают! — Хёвдинг! Мы хотим, чтобы ты признал нас дренгами. С правом на долю!

Выпалил и ждет. Я встал. Потом медленно сжал кулак... Нет, не попятился. Стоит.

Я поглядел на свой кулак, потом на тинейджера и поинтересовался:

— Мы — это кто?

— Хавур, Тори, Грендель, Ренди, Элаф.

— Почему?

— Мы же бились, кровь вражескую пролили!

— Понятно, — процедил я. — Героями себя возомнили? Знаешь, что было бы правильным, герой?

— Что?

— Врезать тебе так, чтобы ты летел отсюда и до самой мачты.

Молодец, Обжора! Продолжал стоять, гордо выпятив подбородок.

— Но по первому разу прощаю. И даже готов дать ответ.

— Какой, хёвдинг?

— Нет, разумеется.

— Но почему? Мы же дрались, как все. И гребем не хуже прочих, а даже и лучше.

— Лучше — кого?

— Лучше Вики.

Так, уже и на Вихорька наехали.

— Если бы лучшие гребцы были лучшими воинами, — сказал я, — то самыми лучшими бойцами были бы гребцы с микльгардских галер. Что еще скажешь?

— Скиди стал дренгом сразу, как его взяли в хирд! А он был совсем молодой, ни в одной битве не участвовал.

— Ах, Скиди...

Ну, парень, ты договорился.

— Гуннар! Гуннар Гагара! Подойди сюда!

Точивший меч норег не спеша спрятал оселок, вложил меч в ножны, поднялся и вразвалочку направился к нам.

— Посмотри на этого мальчика, Гагара! Он хочет стать дренгом. Как Скиди.

Норег приблизился к Обжоре вплотную. Каппи не отступил. Ростом он почти не уступал Гагаре, но выглядел рядом с ним щенком. Даже не по телосложению, а по той трудно определимой манере держаться и двигаться, которая сразу выдает опытного воина.

— Скиди — храбрец, — лениво проговорил Гагара. — Когда он бросил мне вызов, он был вот таким. — Его ладонь отмерила примерно метра полтора от палубы.

Не совсем так, но я не стал его поправлять.

— Скиди вызвал Гуннара и победил, — сказал я.

— Это было красиво! — Гагара сверкнул белозубой улыбкой. Красавец-мужик. И на лице — ни одной отметины. А вот на шее — есть. От моего меча, Вдоводела. Который был тогда в руке Скиди.

— Ты готов повторить то, что сделал Скиди? — поинтересовался я у Каппи.

— Готов! — слотнув, ответил Обжора.

— Ты сказал, — кивнул я. — До первой крови. Победишь — станешь дренгом. И они, — кивок в сторону группы поддержки, — тоже.

— Эй! — зычно крикнул Гагара. — Освободите палубу! Сейчас меня побеждать будут! — И захохотал.

Гагару услышали. Наверняка и на соседних драккарах — тоже. Голосок еще тот. Не зря его Гагарой прозвали.

Место освободили охотно. Еще бы! Развлечение!

— Бой! — скомандовал я, и Обжора храбро ринулся вперед. Вечная его проблема. Первым делом безбашенно бросается на врага. С этим следует поработать.

Гагара плавным, очень экономным движением сместился в сторону, оказавшись между скамей, а Обжора чуток не рассчитал, проскочил мимо... И смачно схлопотал плоскостью клинка по ягодицам.

Это больно. Каппи аж зашипел. Развернулся вполне квалифицированно, прикрылся щитом... Получил толчок ногой прямо в центр щита и отправился в короткий полет, закончившийся в руках Гуннара Морского Кота, который пихнул молодого навстречу тезке.

Меч Гагары сверкнул с такой быстротой, что я даже испугался. Но голова Каппи осталась в целости. Чего нельзя сказать о его прическе. Отсеченный от торчавших из-под шлема патл клочок закружился в воздухе. Да, оружие у Гагары — в полном порядке.

А вот Каппи побледнел. Еще бы! Он подумал, что сейчас останется без головы.

Гуннар отшагнул назад, качнул клинком приглашающе:

— Давай, сын бонда. Или ты испугался?

Оскорбление восстановило кровооборот в щеках Обжоры. Но он собрался. И начал действовать более умело. Впрочем, ему это не помогло. Тем более что он с самого начала знал, что Гагару ему не одолеть, а с таким настроением

слона не продашь, как говорится. Да, это не Скиди. Зато язык у Обжоры подвешен отменно, что тоже в жизни немаловажно.

Гуннар перестал над ним издеваться. Тоже правильно. При всей грубости и кровожадности норег, он понимал, что они с Каппи — в одном хирде. А сопалубников травить нельзя. Они твою спину прикрывают.

Потому Гагара позволил Каппи продемонстрировать свое умение, или, точнее сказать, неумение, а затем легонько чиркнул кончиком клинка по щеке. Всё. Поединок окончен.

— Не горюй, малыш! — утешил его противник. — Зато теперь ты можешь рассказывать своим деткам-бондам, что дрался с самим Гуннаром Гагарой.

Глава семнадцатая Страндхуг

Это был прекрасный фьорд. Очень живописный. Вода — как стекло. Быть такого не могло, чтобы здесь никто не жил. Тем более что первый водопад мы увидели едва войдя в устье.

— Гагара, — спросил я. — Ты, я слышал, неплохо лазаешь по скалам?

— Лучше всех! — заявил норег.

— Не лучше меня! — мгновенно вмешался Лейф Весельчак.

Оба с интересом уставились друг на друга. Соревнование?

— Ваша задача — подняться повыше и попытаться увидеть, есть ли здесь люди.

— Сделаем, хёвдинг! — ответили норег и Лейф в один голос.

— И попытайтесь не свалиться: гребцов не хватает, так что вы оба мне нужны.

Дружный гогот.

Я просигналил драккарам: стоянка. Норег и Лейф спустили лодку и через несколько минут уже швартовались к камням.

Лазали они действительно прекрасно. Как ящерицы. У норегов выходы за птичьими яйцами — не просто спорт, а знак мужества. Хагстейн рассказывал: рядом с их поселком была скала, влезть на которую (и слезть, разумеется, что куда труднее) для подростков считалось непременным атрибутом мужества. И что, спросил я, все лезли? Оказалось, все. Но не все возвращались. На памяти Хогспьёта двое разбились на спуске, а один — застрял. Его потом снимали взрослые, и еще месяц паренек был объектом всеобщих насмешек, пока не сумел покорить вершину и самостоятельно спуститься. Но прозвище: Слабак — осталось с ним навсегда.

Но вернемся к нашим скалолазам.

Сначала опережал Лейф, но потом начался более трудный участок и вперед, вернее, вверх вырвался Гагара. На драккарах наверняка уже делали ставки: кто придет первым?

Первым наверху оказался Гагара, опередив соперника где-то на полминуты.

Минут пять они оставались наверху, потом начали спуск. За что я уважаю северян, так это за взаимовыручку. Соревнование кончилось, поэтому спускались они в паре. Не в связке (здесь так не принято), но помогая друг другу на трудных участках и подстраховывая с помощью захваченной с собой короткой веревки.

А я с нетерпением ждал результатов осмотра. Нам жизненно необходимо пополнить припасы. И сделать это очень желательно именно здесь, потому что, по моим прикидкам, мы находимся на южной оконечности Норвегии. И лучший путь отсюда домой — напрямик, то есть в открытое море.

Однако если поблизости не окажется человеческого жилья, причем не просто жилья, а селения достаточно большого, чтобы разжиться провизией на весь остаток путешествия, то нам придется и дальше тащиться вдоль берегов, удаляясь от конечной цели.

Гуннар и Лейф взбежали на палубу по наклоненным веслам и разом перемахнули через борт с легкостью горных козлов. И это — после тяжелейшего подъема и не менее изматывающего спуска. Мне бы их выносливость!

Впрочем, у меня тоже были свои преимущества. Например, мозговое вещество и умение им пользоваться. Так что не хрен завидовать! Да мне вообще завидовать грех, ведь у меня есть всё, что может пожелать мужчина: прекрасная женщина, друзья, богатство, личная сила и столько адреналина, что аж наружу выплескивается.

— Есть селение! — доложил Гуннар Гагара мне и перебравшимся на кнорр хольдам. — До заката дойдем. Большое селение, богатое. Я видел много овец на склонах.

Медвежонок и Гримар довольно заухмылялись, предвкушая мясо, пиво и девок. Страндхуг. Не дай бог оказаться у них на пути, не имея за спиной подобающей силовой поддержки. Всё как в детские годы. «А ну иди сюда! А ну покажи! А ну дай сюда! А ну иди отсюда!»

Викинги, что с них возьмешь.

— Еще что видели?

Гуннар пожал плечами: а что еще надо? Мясо, девки, выпивка...

— Я видел три паруса, — вмешался Лейф. — На полдень от нас. Похоже, идут на север.

— Мало ли в море кораблей, — отмахнулся Гримар. — Хёвдинг, что скажешь?

А что тут говорить, и так всё ясно.

— Если селение большое, в нем может быть много воинов, — изрек я очевидную мысль. — А нас для хорошей драки маловато. Потому мое предложение такое: незадолго до подхода лучшие из нас переседут на твой, Гримар, драккар. И к берегу сначала подойдет только он. Пусть думают, что нас больше, чем на самом деле.

— Разумно, — согласились оба хольда.

— Гагара, ты перейдешь на драккар Ове. Он пойдет первым, а ты будешь указывать путь. Гримар — замыкающим.

Хольды вернулись на свои корабли, мы перестроились в новый ордер и двинулись дальше.

Зрительная память у Гуннара (как у многих здешних) фотографическая. Здесь нет аэрофотосъемки, а вместо карт — условные схемы, где обозначается только общее направление и количество дневных переходов. Волей-неволей приходится полагаться на собственную память. Впрочем, на это люди были способны во все времена, только в эпоху смартфонов и GPS подобными штуками память не грузят. Приберегают ресурсы для более полезной информации. Например, для турнирных таблиц Лиги чемпионов УЕФА за последние десять

лет.

С дистанцией Гуннар не ошибся. Селение показалось из-за поворота, когда солнце еще не коснулось западных скал.

К этому времени я уже стоял на носу Гримарова драккара, держась за деревянную шею Зубастого Зверя, и смотрел, как стремительно приближается маленький песчаный пляж, густо заставленный лодками. Боевых кораблей не наблюдалось, что не могло не радовать. Столкнуться сейчас с полноценным хирдом местного ярла — ни малейшего желания.

Драккаров нет, зато я отчетливо наблюдаю солидный корабельный сарай под длинный корабль. А вон — еще один. Значит, ярл всё-таки существует. Но — в отлучке. Очень удачно. Ох и наваляли бы нам, если бы главные силы были здесь.

— Лейф, почему мне не сказали о корабельных сараях? — поинтересовался я у своего нового хирдмана, ворочавшего весло на втором слева руме. В том, что они их видели, сомнений нет.

— Драккаров здесь нет, — ответил норег. — Кто станет держать драккар в сарае летом? Нет драккаров, значит, нет и хирда. Здесь только старики, дети да бабы.

Ну-ну... А это тогда кто?

Не менее двух десятков мужчин выбежали на берег. И что характерно: все при оружии. А вон еще...

М-да... Большое селение...

Лучше бы оно было маленьким.

Но запускать обратку — поздно. Да и неприлично. Дай я команду на отступление, тут моему авторитету и кирдык.

Минут двадцать — и деревянный брус, защищавший дубовый киль драккара от внешних повреждений, с хрустом пробороzdил песок.

Десантирование.

Местные не сделали никаких попыток нам воспрепятствовать. Выстроились правильным строем. За правильным строем — лучники. В основном молодежь.

В строю же, наоборот, большая часть — старые. Вон у того борода совсем седая. Прав Гуннар: старики и дети. Только такие старики, с опытом и навыками, наработанными в виках, могут ой как много проблем создать. Да и детишки... Послать стрелу в ногу может даже десятилетний ребяёнок. Когда у тебя в роду с десятков поколений профессиональных воинов, а обучение искусству убивать начинается с пяти лет, то... Сами понимаете.

Я шагнул вперед. Уилл и Дикон — на носу драккара с длинными луками. Если у кого из местного молодняка сдадут нервы, то я такому нервному не завидую. Помимо стрелковой поддержки на выигрышной высоте, за моей спиной — плотная стена щитов. Восемнадцать хирдманов. Один к одному. Страшная сила для тех, кто понимает.

Старики, выстроившиеся напротив, понимали. Их было больше, но они не обольщались. Мы — круче. Даже те «мы», кто сейчас на берегу. А ведь местные видели на рейде еще два корабля. Откуда им знать, что там — главным образом раненые и почти такой же молодняк, как за их спинами.

Из общего строя мне навстречу выдвинулся дед. Тот еще дед. Чем-то он мне

напомнил дядьку моего кормчего Ове Хёдина Моржа или «берсерк-мастера» Стенульфа. Широченный, высокий, в движениях ни намек на дряхлость.

— Я — Ульф-хёвдинг, человек Ивара Рагнарсона, прозванного Бескостным, — представился я.

— Что тебе надо, дан? — невежливо прогудел старик.

Рядом со мной тут же оказался Медвежонок.

— Можно я убью этого дерзкого, хёвдинг? — прорычал он, глядя исключительно на старика.

Тот враз заценил крутые наколки моего побратима, но если и испугался, то виду не подал.

— Уважай старость, — строго, но с намеком произнес я. — А ты, дедушка, не испытывай мое терпение. Назовись!

— Что тебе в моем имени, дан! — буркнул храбрый дед. — Знай, что без крови ты ничего не получишь!

— Ты стар, — с пониманием проговорил я. — Тебе хочется погибнуть с мечом в руке. Я это понимаю. Если ты этого так жаждешь, мы можем выйти один на один, я убью тебя, и ты получишь желаемое.

— Это мы еще поглядим, кто кого убьет! — воскликнул дед, но я реплику проигнорировал.

— Ты лучше подумай о тех, кто стоит за тобой. О детях, женщинах... Что с ними будет, когда вы все отправитесь в Валхаллу?

А женщин-то — немало. Целая толпа. И трэлей не меньше сотни позади тусуется. Большое село. Богатое. Но трэли вряд ли вступят в бой. Вот если бы силы были примерно равными, тогда другое дело. Тогда точно нашлось бы несколько храбрецов, готовых рискнуть жизнью, чтобы обрести свободу.

— А что изменится, если я тебе уступлю? — насмешливо спросил дед-командир. — Ты сохранишь мне жизнь? Так знай: ни я, ни они, — жест в сторону остальных ветеранов, — не уступят. Лучше умереть, чем видеть то, что вы сотворите с нами.

— Ты не вождь, — пренебрежительно бросил я. — Ха! Я убивал врагов, когда ты еще сосал титьку.

— Убивать — дело нехитрое. Даже дурак на такое способен. Ты — простой хирдман. Я не стану с тобой говорить. Есть ли здесь кто-то, получавший хотя бы две доли добычи?

— Есть!

Из общей толпы выдвинулся совсем уже старый дедок и заковылял к нам.

— Брат, — шепнул мне Медвежонок. — Что с ними болтать! Давай убьем всех и возьмем то, что нам нужно!

Вот убивать-то я как раз не хотел.

— Не вижу чести в том, чтобы убить два десятка стариков, — негромко ответил я. — Боги подсказывают мне: этого не следует делать.

Вот так. Никакого проявления гуманизма. Только — высшие силы. Это для Свартхёвди понятно. Ага, Гримар не утерпел:

— Чего ты ждешь, Ульф Черноголовый?

Ага, я уже не «хёвдинг», а просто «Ульф». Резни тебе захотелось, Короткая Шея? Перебьешься. Только если мне не оставят выбора.

— Рот закрой! — жестко бросил я. — Я — хёвдинг! Я знаю, что делать.

— Он знает, — подтвердил Медвежонок. — Помолчи, родич.

Дедок наконец-то доковылял до нас. Ему было трудно двигаться по песку — с палкой вместо ноги.

— Я — Эйн Гусь, наставник Бринхия-ярла. Это его земля. Если бы он был здесь, ты бежал бы отсюда быстрее, чем драккар, гонимый штормом.

— Возможно, — согласился я. — Но сейчас ярла здесь нет, Эйн. А мы — есть. И нам нужна пища в дорогу, потому что путь нас ждет неблизкий, и кров на эту ночь. От женщин мы бы тоже не отказались, потому что плавание наше было трудным. И мы получим то, что хотим, потому что сила — на нашей стороне. Ты — старик, ты мудр, скажи мне, как поступить? Убить их всех, — кивок в сторону местного воинства, — как того желает этот безымянный карл, и потом обойтись с вами как мы обходимся со всем, что добыто кровью и клинком, или войти в ваши дома не победителями, а гостями...

— Что ты говоришь, хёвдинг? — прошипел Гримар. — Какими гостями?

«Пошел-ка ты в жопу, убийца», — посоветовал я ему мысленно и продолжал:

— Гостями, которым окажут почет и одарят всем необходимым, как велят нам боги. Так как же мне поступить, Эйн?

Хороший у этого Гуся взгляд. Проницательный. Я изобразил лицом максимальную искренность. Тем более что я и был искренен. Теперь всё зависит от одноногого дедушки. Поверит мне — и крови не будет. С Гримаром и такими как он я справлюсь. Хёвдинг я или кто?

— Не слушай его, Эйн! — завопил отказавшийся представиться старый милитарист. — Это даны! Они обманут нас! Или ты не слышал об Иваре, сыне Рагнара?

— Помолчи, Акулий Зуб, — негромко произнес Эйн Гусь, и я сразу понял, кто здесь настоящий авторитет, потому что свирепый дед мгновенно заткнулся. — Помолчи. — И после долгой паузы: — Тебе не уйти сегодня в Валхаллу. Жди другого случая. Мне отвечать ярлу, когда он спросит, куда подевались его женщины и кто убил его родичей? Я верю Ульф-хёвдингу. — Обернулся к своим: — Эй, кто-нибудь! Принесите воды!

— Лучше — пива! — немедленно внес поправку Медвежонок.

— Пива! — поддержал поправку мудрый старец.

Разобрались. Резни не будет. Будет более-менее цивилизованный рэкет. Тот самый страндхуг, когда имеющие преимущество в силе добиваются результата с помощью железа и доброго слова, а не одного только железа.

Два наших корабля стояли у берега. Третий, большой драккар Гримара, выволокли на песок для мелкого ремонта. Местные резали баранов, варили брюкву и чистили рыбу. Для нас. А мы спрятали оружие и демонстрировали дружелюбие. Мы — гости. Пусть и незваные.

Впрочем, местные отлично понимали, что такие крутые парни, как мы, вполне способны получить силой то, что нам не отдадут добром. И в речи моих хирдманов то и дело проскальзывали скорбные «Эх...» по поводу того, что я отказался от первого варианта. Это же так весело: убивать, грабить, насиловать... Но пока я у руля, придется им придержать своих кровожадных зверушек.

— А ты добрый, хёвдинг, — Лейф Весельчак подсел поближе. В одной руке — чашка козьего молока, в другой — ячменная лепеха с толстым куском сы-

ра. Дивное лакомство после недели на сухпайке и рыбе.

Я посмотрел на него пристально. Надо же какие мы проникательные. Не ты первый мне это говоришь, норег.

Но я не только добрый, я еще и строгий. К тому же в людях худо-бедно разбираюсь. И вижу, что Лейф тоже хочет разобраться. Во мне. Что характеризует его с самой лучшей стороны, потому что я люблю тех, кто пытается докопаться до причин. Потому что сам такой.

— Запомни, хирдман: я никогда не убиваю, если этого можно избежать.

Сделал паузу, чтобы — всосалось. Не то чтобы мое высказывание не укладывалось в местные традиции. Укладывалось. Но с поправкой: если не убивать — выгоднее. Если я рассуждаю иначе, значит, я — не такой, как все. Значит, я играю не по общим правилам. И такой башковитый парень, как Лейф Весельчак, считает своим долгом разобраться. Ведь он теперь — в моей команде.

— Здесь — богатый поселок, — продолжал я. — Есть чем поживиться. Думаю, и серебро можно отыскать, если как следует поспрашивать...

Лейф энергично кивнул. Наверняка можно. Так в чем проблема? Давай поспрашиваем?

— Почему я этого не сделал? — задал я риторический вопрос. — Да уж не потому, что испугался пары десятков стариков. Но, хирдман, есть честная добыча, примерно как та, которую мы взяли с твоего бывшего ярла, а есть — позорная. Однажды мой конунг, Хрёрек Сокол, пустил на дно корабль, полный всякого добра, посвятив его Одину. Его люди были недовольны, но он чувствовал: так надо. Вот и я знаю, как надо.

— Что худого в том, чтобы тот храбрый старик, бросивший нам вызов, отправился в Валхаллу? Один будет рад ему! Он хотел умереть, а ты ему отказал!

— А мне плевать на то, что он хочет. Разве он — мой человек? Почему я должен заботиться о его посмертии? Я думаю о себе. О тебе. О всех моих хирдманах. Нам не прибавит славы такая победа. Не этого хотят от меня боги!

Тут я чуток приврал. Я был почти уверен, что Один, Тор и прочие совсем не против большой резни, даже если проигравшая сторона тоже им молится. Но приходится ссылаться на авторитеты, даже если эти авторитеты — не твои.

— Мы могли бы выпытать у этих людей, где они прячут серебро, но — зачем? Сотня-другая марок не сделают нас богаче.

— Меня — сделают, — деликатно напомнил Лейф. — У меня ничего нет, кроме моего оружия, которое ты мне милостиво вернул.

— Можешь не волноваться. Ты теперь со мной — значит, скоро ты разбогатеешь. Главное, никогда не сомневайся в моих словах. Если я скажу — прыгай в огонь, ты должен прыгнуть. Скажу: убей — убивай. Скажу: защити — защищай. И ты можешь не беспокоиться о серебре. Оно придет.

— А если я сделаю то, что ты сказал, и меня убьют? — улыбнулся Лейф. — На что тогда мне серебро?

— Это верно, — согласился я. — В Валхалле серебро ни к чему. Зато там в цене слава. И я дам тебе настоящую славу, ту, которую добывают, сражая настоящих воинов в настоящей битве, а не убивая стариков и мальчишек.

— Что ж, — поразмыслив, согласился Весельчак. — Ты знаешь, о чем говоришь. И я, пожалуй, послушаюсь твоего совета. Это разумно. Только не заставляй меня прыгать в огонь слишком часто, хёвдинг, — я дорожу своей шевелю-

рой и бородой. Хочешь молока?

Глава восемнадцатая, в которой позывы совести превращаются в голос богов

Мы неплохо провели время. Во всех смыслах. Даже я не отказался от предложенной мне девочки. И ночь прошла без эксцессов. Может, потому, что спали мы в одном доме и я не забыл выставить караул и внутри, и снаружи. Само собой, мы — гости, а гостей убивать не положено. Богами не одобряется. Но мы с Медвежонком знали одну историю, когда это правило грубо нарушили. А боги — что? Хорошая жертва — и боги тебя простят.

С утра мы плотно позавтракали, снабдились на дорогу всем необходимым для дальнего плавания и погрузились на корабли.

Конечно, мы их ограбили. Но все, включая даже самого ничтожного трэля, понимали, что могло быть хуже. Намного хуже.

Тем не менее меня мучила совесть. А потому, когда запасы уже были загружены и бойцы занимали места на румах, я, задержавшись, поймал Эйна Гуся и вручил ему мешочек с десятью марками серебром. Думаю, это с лихвой покроет то, что мы выпили и съели.

И ушел, увидев напоследок, как изумленно расширились глаза старого ка-леки.

И мы отплыли. В отличном настроении. Во всяком случае — я.

Но не успели мы пройти и половины фьорда, как настроение нам категорически испортили.

Аж три драккара двигались нам навстречу. Правда, один из них, похоже, шел на буксире, но даже тех трех с лишком десятков бойцов, коих я насчитал на флагмане, было бы достаточно, чтоб создать нам проблемы. А когда в параллель ему встал второй драккар, мне стало совсем грустно. Сейчас нас будут бить. Возможно, до смерти.

На драккарах противника убирали паруса, а наши супротивники поспешно облачались в доспехи. Мы делали то же. Понятно, чем всё это пахнет.

— Белые щиты на мачты! — гаркнул я так, чтобы меня услышали на других кораблях.

Хотелось бы получить ответ на один вопрос: кто перед нами? Здешний это ярл или посторонний? Может, парни сюда для ремонта заплыли? Или — пограбить...

Кнорр тем временем поравнялся с нашим драккаром, я спрыгнул на палубу и перебежал на нос.

Увидев белые мирные щиты, супротивники тоже затабанили. Это хорошо. Значит, сразу рвать нас на части не начнут.

— Кто ты, ярл, загородивший нам дорогу? — нагло выкрикнул я.

— Здесь я спрашиваю! — заревел в ответ мужик в сверкающем шлеме с непривычным для меня ребром жесткости, тянувшимся от наглазника к затылку. — Я — Бринхиль-ярл! И это мой фьорд! Кто ты и что здесь делаешь?

— Ульф-хёвдинг из хирда Ивара Рагнарсона! И я был в гостях в твоём селе-нии!

— Ты!.. — Бринхиль-ярл аж задохнулся от ярости. А что ты думал, мужик? Мы сюда, по-твоему, искупаться зашли?

— Если ты... Если ты... Я тебя... — Бринхиль сжал кулаки. Ого! А десница-то у него забинтована. И у того, что стоит за ним, из-под открытого шлема повяз-

ка выглядывает. А парни-то в переделке побывали. То-то они не стали сразу лезть в драку.

— Не кричи на меня, Бринхиль-ярл! — потребовал я. — Хочешь драться со мной один на один — я готов! И в следующий раз слушай меня повнимательнее. Разве я сказал: мы убили твоих родичей? Я сказал: мы были гостями!

— Ты лжешь!

Вот за такие слова, дорогой мой, положено отвечать. Но я тебя понимаю. Ты бы наверняка церемониться не стал. А я — как чувствовал. Может, подсознание сработало? Вспомнились те три паруса, которые видел со скалы Лейф?

— Я сказал, что готов биться с тобой когда угодно и где угодно! — закричал я. — Лучше прямо сейчас! Тор мне свидетель: ты облыжно обвинил меня во лжи!

— Клянусь именами моих предков, если ты солгал, то умрешь такой страшной смертью, какую не можешь и вообразить! Никто из вас не уйдет отсюда живым, и умрете вы так позорно, что Один отвернется от вас!

Ну да. Похоже, этот ярл вообразил себя богом. Но их значительно больше. Потому — смирим гордыню.

— Я посчитал их, — сказал подошедший ко мне Свартхёвди. — Примерно шесть десятков. Слишком мало для трех драккаров. Но на нас — хватит.

— Думается мне, они попали в такую же историю, как мы. У них много раненых.

— Да, — сказал Медвежонок. — Скиди, когда вешал на мачту щит, видел множество лежащих на палубе.

Из-за шедшего на буксире драккара вынырнула лодка. Четыре бойца, энергично работая веслами, обогнули нас и пошли в сторону селения.

Что ж, будем ждать. А не подразнить ли мне немного нашего супротивника?

— Свартхёвди, — сказал я. — Пусть мне принесут кусок свежего сыра.

Принесли. И я демонстративно принялся его кушать. Уверен: слюноотделение у супротивников, которые меня видели, началось неслабое. Сыр! Свежий! А вот фиг вам! Нечего было меня оскорблять!

— Стоит ли их дразнить? — забеспокоился Медвежонок. — Их больше, и они не выглядят сосунками.

— Брат мой, если бы они хотели напасть, то напали бы сразу, — сказал я. — Но победа над нами будет стоять им многих бойцов, они же и так потрепаны. А теперь скажи мне, кого ярл посадит на румы через год? Того, что останется после драки с нами, еле хватит на один корабль. И где он возьмет новых, скажи мне, пожалуйста? Троллей с ближайших гор наймет? Он полезет в драку, если решит, что затронута его честь. Тогда у него просто не будет другого выхода.

— Тогда он будет драться, — заявил Медвежонок. — Если бы с моих людей взяли страндхуг, я бы точно почувствовал себя оскорбленным.

Я не стал ничего ему говорить, только улыбнулся загадочно.

Так что мы ждали. Почти до полудня. А потом из-за скал появилась лодка, в которой помимо четверки гребцов находился умный дедушка Эйн.

Дедушке помогли подняться на флагман, после чего они с ярлом обнялись и отправились в «уголок». Разговаривать.

Говорили недолго. Минут пять, не больше. Потом ярл что-то крикнул, и на

нос его драккара водрузили белый щит.

На носу появился Бринхиль-ярл. Лицо у него было... Ну, скажем так: смущенное. Хотя подобное выражение было настолько не свойственно его надменной роже, что я буквально ощущал, как с усилием напрягаются отвыкшие от работы мимические мышцы.

— Прошу тебя, Ульф-хёвдинг, пожалуйста ко мне на корабль! — крикнул он.

Я дал команду гребцам, те подали драккар на десяток метров вперед. Мы поравнялись.

— Я — с тобой! — бросил Медвежонок, и мы одновременно перемахнули через борта.

— Я был неправ! — первым делом объявил мне ярл. — согласишься ли ты принять виру за мои несправедливые слова, хёвдинг?

— Соглашусь, — ответил я и покосился на Медвежонка.

Мой побратим пребывал в изумлении.

— Тогда прими! — Ярл стянул со здоровой руки золотой браслет и протянул мне.

Судя по цвету и весу — настоящее золото. На зуб пробовать не буду. Неприлично.

— Ты мог убить моих людей, — сказал ярл. — Но ты пощадил их. Ты мог взять даром то, что хотел, но щедро заплатил за всё. А ведь ты не знал, что я встречу тебя здесь. Ты не мог знать! Почему ты так поступил?

— Я, Ульф-хёвдинг, не воюю со стариками и женщинами, — с пафосом произнес я. — И если я гость, то не граблю тех, кто меня принял. Меня одарили тем, что нужно мне. Я отдался, как это заповедано богами и пращурами. А боги никогда не оставляют без вознаграждения тех, что им люб! — Я подбросил вверх подаренный браслет и надел на запястье. Эта игрушка тянула граммов на двести, а это побольше, чем десять марок.

— Я буду думать о том, что ты сказал, — пообещал Бринхиль. — А пока знай: ярл Феррил-фьорда отныне твой друг. Я говорю это от себя и от имени моих сыновей. Если тебе нужна будет помощь или приют, ты найдешь их здесь!

На этой оптимистической ноте мы расстались.

Спустя полчаса, когда дистанция между нами и чужими драккарами достаточно увеличилась, мы встали на якорь.

Весь мой хирд собрался на палубе кнорра. Многие слышали наш с Бринхилем диалог, но о том, что происходило на палубе его драккара, знали только мы с Медвежонком. Так что все хотели услышать, почему местный ярл нас выпустил. Ну и перекусить настало время, а на палубе кнорра была самая большая жаровня. Я предоставил Медвежонку описать события. И он, как всегда, сделал это отменно: изложил ярко и поэтично.

Народ косился на мой новый браслет и удивлялся. Озвучил удивление Гримар:

— Хёвдинг, а о каком отдарке говорил ярл? — спросил он.

— Я отдал Эйну Гусю десять марок.

Немая сцена.

Потом сразу человек пять одновременно воскликнули:

— Зачем?!

— Я почувствовал: так надо! — веско произнес я. Вот так и зарабатывается авторитет в этом мире. И слабость (гуманизм и доброта) превращается в силу.

— О! — выдохнули все.

Потом Гримар произнес торжественно:

— Ульф-хёвдинг! Если когда-нибудь я начну с тобой спорить, скажи «десять марок» — и я умолкну.

После этого мы отправились обедать. Не хотелось терять время. Ведь путь домой не так уж близок.

Глава девятнадцатая Дома

Мы вернулись. Последний переход был трудным, но в целом без происшествий. Больше никто не пытался на нас напасть.

Напротив, другие суда, увидев три характерных паруса, торопились свалить куда подальше. Три корабля викингов — это немалая сила, а на парусах же не написано, что у нас некомплект личного состава. И погода была приличная. Ни долгих штилей, ни штормов.

Правда, в финале выяснилось, что Ове чуток промахнулся: километров этак на тридцать, и мы вышли к восточному берегу Сёлунда, но это была ерунда. Пять часов при попутном ветре — и мы у фьорда, в конце которого — Роскилле.

Тут Гримар со своими нас покинули, а мы двинулись дальше на восток, обогнули остров с востока и на следующий день пришвартовались в родной бухточке.

Вот это была радость! Для всех, кроме родни Нотта Поросенка.

Я вручил его отцу причитающуюся часть добычи, когда он приехал ко мне на следующий день. Может, его утешит, что сын погиб настоящим викингом? А может, заставит побережь второго сына: оставить заниматься сельским хозяйством.

Но не будем о грустном.

Гудрун повисла у меня на шее, едва мои ноги коснулись песка. Больше никаких: «Что ты мне привез?» Только чистая радость от того, что я вернулся. И Медвежонок тоже в целости. Да все мы, считай, в полном порядке, одного только Ренди снесли на руках, хотя уже ясно, что паренек поправится. Рана заживает неплохо.

Дальше наша компания распалась. Свартхёвди отправился порадовать мать. На большой телеге отправился. С ним — Ренди (его потом повезут дальше, домой) и Грендель, которому просто по пути.

Вторую телегу и еще пару лошадок из моей конюшни временно экспроприовали мои норманы, Стюрмир и присоединившийся к ним Лейф. Эти оставили большую часть добычи у меня, взяв только средства для кутежа. Даже обедать не стали, так торопились пуститься во все тяжкие. Молодежь местную я тоже распустил: пусть похвастанутся добычей. Но транспортом не снабдил. Ножками. Скиди тоже ушел: порадовать дядьку.

Общий сбор назначил всем через неделю. Чтобы оттянуться, хватит, а вообще, делом надо заниматься: оружие и прочие полезные вещи реализовать.

Часть добытого железа (из моей доли) я намеревался оставить себе. У меня ж теперь кузнец есть. Надо его работой занять.

Из «старой гвардии» не покинул меня только Ове. Ему не терпелось осмот-

реть наши корабли, особенно драккар. К Ове присоединился Фирст Рыба. Он теперь — тоже кормчий. Ему положено.

В помощь им я выделил кузнеца, которому пока всё равно делать нечего, Уилла Ржавого и Вихорька. Но предупредил, что последних эксплуатировать можно только с завтрашнего дня, а вот кузнеца — прямо сейчас. Потому что на судне он только прохлаждался, а рабы на то и рабы, чтобы работать. Отрабатывать свою рыбу с репкой.

Гудрун уже взяла в оборот будущих ткачих. Резчиков и конюха я передал Хавчику. Этот их к делу пристроит.

Затем наконец-то я вздохнул свободно и отправился смотреть будущий дом.

Да, не особо продвинулись мои «шабашники». Даже фундамент не закончили. Я было наехал, но вступился Пэррик. Мол, дело невероятно сложное. Камни надо подгонять, обтесывать. Вручную, ясное дело. Так что я снял претензии. Зато выдал Пэррику новое задание. Особняк пока погодит. Надо строить кузню. Смогешь?

Без вопросов. Кузня — это дело привычное. Пусть добрый хозяин укажет где — и через месяц все будет готово, включая печь. Если, конечно, дозволено будет пустить на это дело кирпич, подготовленный для личного строительства. Я разрешил.

Больше ничего описывать не буду. Разве что — вкратце. Неделя пролетела — как один день. Кажется, только вчера я обнял мою невестушку, а сегодня мы уже плывем в Роскилле. На драккаре. Дружно работая веслами, потому что ветер дует точно в лоб.

Но драккар у нас ходкий, днище чистое, так что работа — не внапряг, а в удовольствие. А Ивар небось уже заждался...

— Я думал, ты обо мне забыл.

Этой фразой приветствовал меня Бескостный. А где ваше «добрый вечер»?

— Это трудно, — честно ответил я.

— Уже знаю, что сходили вы неплохо. Гримар обзавелся драккаром, а девять моих людей достались рыбам.

— Их доли...

— Я знаю, — перебил Рагнарсон. — И что их было шестьдесят восемь, тоже знаю. И то, что ты уговорил ярла норегов вас не резать, мне рассказали. О твоей удаче теперь рассказывают сказки, Ульф Черноголовый. Но мне сказки не нужны. Ты нашел?

— Да, — лаконично ответил я.

— Кого?

— Один знает воды, двое не единожды ходили по суше. А еще один и вовсе англичанин. Я взял его в хирд, потому что он неплохо стреляет из лука. — О том, что у меня в хирде — еще пара собственных проверенных англичан, я умолчал. Пусть это будет моей маленькой тайной. — Хочешь посмотреть на этих людей?

— Зачем? — удивился Ивар. — Ты их видел. Ты их нашел. Ты за них отвечаешь.

Он не договорил, но и так всё понятно. Если что не так — я крайний. Будем

надеяться, что мой добрый Фирст не соврал, когда сказал, что знает тамошние воды.

Глава двадцатая

Через Северное море. Хорошее начало как повод готовиться к неприятностям

Вот мы снова в походе. Плыдем на закат. В Англию. Три десятка драккаров. Больше полутора тысяч бойцов. Настоящая армия.

Хирд Ивара Бескостного, хирд его брата Уббы и несколько сотен «союзников». Например, Красный Лис со своими ирландцами. И я на своем новом драккаре, гордо названном «Северный Змей».

Уббу я почти не знал. В Большом Походе его с нами не было. Но он — Рагнарсон. Этим всё сказано. Вообще-то я намеревался назвать наш драккар «Маленьким Змеем», но мои парни воспротивились. Как он может быть маленьким, если на нем такие крутые ребята?

Наш драккар. Наш — это меня, Свартхёвди и Ове Толстого. Почему? Да потому, что мы скинулись и откупили доли остальных. Теперь мне принадлежат шесть румов, Медвежонку четыре, а кормчему — два. Я бы еще кнорр прихватил — у него емкость хорошая, но Ивар поставил ограничение: только драккары. Скорость, скорость и еще раз скорость. Особенно это будет важно, когда мы подойдем к английским берегам. Мы — не армия завоевателей. Мы просто осуществим разведку боем. Такую задачу поставил Ивару папа. Быстренько ограбим всё, до чего сможем дотянуться, и свалим, пока местный король не соберет многотысячное ополчение. Проверим, так сказать, территорию на доходность и сопротивляемость. Если результат окажется положительным, то через некоторое время сюда придет настоящая армия с папой Рагнаром во главе. И выпотрошит всё: и Йорк, и Лондон, и прочие крупные города. А главное — храмы. Храмы! Основные сокровищницы христианских земель. Вопрос: ограничится ли Бескостный мелким грабежом? Что-то мне подсказывает, что нет. Не та порода. Но насчет быстроты он прав. Быстрота и внезапность — один из главных козырей викингов. Пока местные сообразят, что их уже грабят, пока соберут войско... Это ведь небыстрый процесс: мобильные отряды обычно невелики и привязаны к конкретным местностям... В общем, пока могучий местный король замахнется своим куда более увесистым кулаком... глядь, а разбойников уже и след простыл.

В общем, наш объединенный флот идет на гопстоп, и настрой у всех — оптимистический. Ветер попутный, и на веслах особо не напрягаются. У нас — двадцать гребцов на двенадцать румов. Почти две смены. Причем таким, как Стюрмир, Медвежонок, нурманы и англичане с арабом, смены, в общем-то, не требуется. Могут грести весь день напролет, разве что с перерывом на покушать. Да и недоросли поднакачались после прошлого похода. Даже Вихорёк справляется удовлетворительно. Даже Ренди, уже оправившийся от раны, хотя еще прихрамывает, гребет очень прилично. А это — важно. Наше место — во второй группе Иваровых драккаров. Если отстанем, нас, несомненно, подождут. Но позориться не хочется.

Одно хорошо: драккар наш легкий, ходкий (не ошибся с ним Ове, да и днище успели обработать), и мы запросто можем потягаться в скорости с кораблем Гримара, который идет у нас в кильватере, хотя на нем и румов больше, и команда численностью превосходит нас в два с половиной раза.

Идем днем и ночью. Днем — по солнцу, ночью — по Полярной звезде. Пока всё отлично и свежий ветер живо разгоняет утренний туман. Я с удовольствием беседую с отцом Бернаром. Да, я взял его с собой, чего он совсем не жаждал. Он — свободный человек, но живет в моем доме, так что отказать не мог. А мне очень пригодится хороший лекарь. Чай, не в турпоход идем.

Когда ветра не было и даже по солнечному камню нельзя определить местонахождение светила, то наша флотилия устраивала дневку. Пару раз во время таких стоянок Ивар вызывал к себе меня и Фирста Рыбу, дотошно спрашивая последнего об особенностях восточного берега Англии. Фирст показал себя молодцом: говорил толково и четко. Ивар слушал и запоминал. Он был прирожденным вождем и правителем. Я бы, пожалуй, почел бы за честь ходить под его знаменем... Если бы он не внушал мне такой мистический, животный ужас.

Всё шло отлично, пока впереди не замаячила темная тучка, в которой опытный глаз без труда распознавал землю. Вот тут погода резко испортилась. Небо затянуло черным, хлынул ливень... Ливень — это не страшно. Спустить парус, растянуть его над палубой наподобие тента и сидеть себе на скамейках, подрабатывая веслами по указке мокнущего на корме кормчего.

Но дождем не ограничилось. Задул шквалистый ветер, и начался настоящий кошмар. Северное море разошлось не на шутку. Огромные волны бросали нас то вверх, то вниз. Корпус драккара скрипел и стонал так, что казалось: еще чуть-чуть — и корабль треснет пополам. Но дубовый киль, сделанный из правильного дуба, вытесанный с идеальным расположением волокон, сломать было не так просто. И крепко сшитые доски, которые гнулись и стонали под ударами волн, тем не менее, держались на местах, и на местах оставались скреплявшие их гвозди. Мачта была давно снята и принайтована к палубе. Гребцы работали неустанно, остальные вовсю вычерпывали воду. Работали все, даже отец Бернар. Ове и Фирст в четыре руки удерживали руль. Драккар, утлая с виду посудина, то взлетал вверх по водяным горам, то летел вниз с такой скоростью, что сердце падало. А молнии лупили вокруг нас так, будто кто-то там на небе пытался прицельно изничтожить наш драккар, но постоянно промахивался.

Но Ове — молодец! Ни разу не подставил корабельный борт под удар волны, и лишь раз нас захлестнуло по-настоящему, так, что драккар сразу осел под тяжестью наполнившей его воды. Однако боги нас пожалели. Воду вычерпали раньше, чем нас накрыл следующий огромный вал.

И еще хорошо, что мы все заранее привязались — кто к чему. Потому что четверых: Вихорька, Ренди, Ржавого и Эйлафа Печеную Репу — вымыло с палубы, и, если бы не веревки, искать их в этом кипящем котле Имира было бы невозможно.

Однако всё рано или поздно кончается. Где-то к середине ночи шторм начал стихать, и мы все вздохнули с облегчением: выжили. «Северный Змей» прошел проверку. И мы — тоже. Медвежонок сменил у руля Ове Толстого и Фирста, которые тут же без сил рухнули на палубу — плевать, что на ней слой воды в пядь толщиной. И не только они. Весь наш молодняк, даже Скиди, повалились без сил. Пришлось старшим, то есть мне, неутомимому Стюрмиру и оказавшемуся на удивление выносливым Лейфу Весельчаку, вычерпывать оставшуюся воду. А парус-тент они уже натягивали без меня, потому что и я

иссяк: никакая сила воли уже не могла заставить сокращаться измученные мышцы.

Отдыхали мы часов пять-шесть под мерный говорок дождя о наш парус-тент. Потом дождь кончился, но солнцем даже и не пахло. Всё вокруг затянул туман, да такой плотный, что руки не видно. Блин! Не зря эту страну потом туманным Альбионом назовут[153].

— Хёвдинг! — вдруг окликнул меня Рыба, стоявший на носу нашего неторопливо дрейфующего в туман драккара.

— Что, Фирст?

— Кажется, я что-то слышу.

Я даже слух напрягать не стал. Органы чувств у меня существенно уступают здешним.

— Скиди! — позвал я. — Иди сюда. Прислушайся!

Мой ученик выполнил команду. И через минуту спросил:

— А что я должен услышать?

— Шум волн, — ответил озабоченный Фирст. — Берег...

— Ну-ка тихо всем! — рявкнул я, прерывая посторонние разговоры. — Живо всем насторожить уши и слушать! Фирст беспокоится, что берег близко.

Все мгновенно умолкли и напрягли слух. Берег — это страшно. Берег в отсутствие видимости — это невидимые мели и скалы. Берег в тумане — это страшно.

Но никто ничего не услышал. Может, почудилось Рыбе?

— Промерить глубину! — распорядился Ове.

Промерили. Двадцать три локтя. Блин! Очень может быть, что не почудилось. Хорошо хоть ветра нет. Или — плохо? Ветер бы разогнал туман... Или бросил нас на скалы.

— Промерять все время! — велел кормчий. — Гребцы — на румы. Медленно вперед.

Через некоторое время глубина увеличилась. Многие обрадовались, но не я. Дно — не горка для катания. Где-то оно глубже, где-то мельче... Как в воду глядел. Вернее, не глядел. Ни хрена не видно в этой воде. — Десять локтей!

— Отдать якорь! — скомандовал Ове. На этот раз — потише. Потому что мы все теперь, даже я, услышали впереди шум прибоя.

Так что кричать точно не стоило. Мало ли кто ждет нас берегу? Я уже знал о летучих прибрежных патрулях англичан. Слишком часто к ним наведывались такие, как мы. Естественно, они тоже принимали меры. Услышат нас — тут же организуют комиссию по встрече.

Так что мы встали на якорь и замерли в ожидании, соблюдая режим тишины. В конце концов он не вечен, этот туман. Раздует когда-нибудь.

А еще я подумал: может, это Бог защищает Англию? Вон, шторм наслал, а теперь туман... Я мог бы спросить, что думает по этому поводу служитель Христа, но не стал. Есть у меня ощущение, что у Иисуса Христа иные методы воздействия. Молнии, шторм и гром — это по части языческих богов. Хотя я не специалист, могу и ошибаться.

**Глава двадцать первая,
в которой герой высаживается на берег и воочию убеждается,
насколько здесь им, викингам, не рады**

Туман рассеялся только на следующее утро. И мы увидели берег. Очень непривлекательный. И ни одного знакомого паруса на горизонте.

Но были и хорошие новости. На берегу — никого.

Более того: Фирст заявил, что знает это место и севернее имеется довольно длинный пляж, на котором можно запросто высадиться.

Я бы сначала поинтересовался: а стоит ли? Но у меня была команда, которая прибыла сюда не рыбу ловить, так что скажи я так — и не нашел бы поддержки ни у кого, кроме монаха. А вновь эксплуатировать тему о «воле богов» я не рискнул.

Итак, мы двинулись вдоль берега на север, зорко следя за этим самым берегом: не появится ли на нем кто-то недружелюбный?

Англичан, вернее, нортумбрийцев, ибо это был берег Нортумбрии, мы не заметили. Зато увидели останки разбившегося о скалы драккара. Поскольку живых на соседних камнях не наблюдалось, то мы и подходить к ним не стали.

— Я тоже знаю эти места! — заявил Уилл Кошачий Глаз. — Наш тан воевал со здешним таном. Тот поддержал Осберта Эссекского и напал на нас. Но мы отбились. В тот раз. Помнишь, Дикон?

— Еще как помню! — поддержал его Дикон. — Я готов отдать полный кошель серебра, чтобы увидеть короля Осберта в руках Бескостного! Хочешь, хёвдинг, мы проводим тебя до самого Йорка?

— Всю жизнь мечтал, — буркнул я. — Ты меня, случайно, с Иваром не спутал? Давай-ка, Фирст, глянь, сможем ли мы загнать корабль вон в ту щель?

— Дальше — отличный пляж! — воскликнул Рыба. — Там хоть тысяча драккаров может встать!

— Ага! И еще там наверняка шарятся дозоры. Будь у нас тысяча драккаров — другое дело, но у нас всего один. И я не хочу, чтобы местные спустили с нас шкуры.

Свартхёвди тут же сделал знак, отводящий беду. Мол, не накаркай, братишка!

Ну да. Я-то выражался фигурально. Как человек, рожденный в стране, где уже лет триста никого публично не четвертовали. А здесь перспектива быть освежеванным, вдобавок живьем, — очень даже реальна.

— Всё правильно! — поддержал меня Ове. — Фирст, смотри, что по курсу, а вы, бездельники, вращайте весла! Спать дома будете!

В щель мы втиснулись. Филигранная работа. Я даже подумал: а как мы будем отсюда выбираться, но вспомнил, что драккар отлично передвигается задним ходом.

Я молодец! Схоронка — на пять с плюсом. Сверху нависает крутой берег, слева и справа нас прикрывают скалы. Драккар можно увидеть, только если встать прямо на обрыве и глянуть вниз. Или — с моря.

А на море по-прежнему — ни одного паруса. Да уж, разметало нашу армаду неслабо.

Ну к делу.

Нореги быстренько вскарабкались наверх, огляделись и сбросили веревку для таких слабаков, как я.

Через пятнадцать минут мы, восемнадцать славных викингов, гордо озира-

ли не слишком плодородную равнину, поросшую редким кустарником. Восемнадцать, потому что Ове, Фирста и хромого Ренди я оставил на драккаре. Отца Бернара, естественно, тоже. Вчетвером они как-нибудь вытолкают «Северного Змея» в море, если в этом возникнет нужда.

— Куда? — спросил я Дикона.

— Туда! — показал он в сторону темной растительности примерно в километре от нас. — Видишь дым?

Дыма я не видел, но поверил на слово.

— Позже, — возразил я. — Сначала глянем на тот самый длинный пляж, о котором говорил Фирст. Если там есть охрана, я хочу на нее поглядеть.

Поглядели. Охрана была. Примерно человек двадцать при оружии и еще десятка три — без потрошили выброшенный на берег драккар. Корабль лежал довольно далеко от кромки прибоя, что тоже понятно — отлив, и на первый взгляд этому покорителю морей повезло больше, чем первому, разбившемуся вдребезги. Хотя и отсюда было видно: к плаванию он больше не пригоден. Надо полагать, и местные так решили, потому что споро разбирали драккар на запчасти. Видеть это мне было неприятно. Я уже проникся общим ощущением северян, воспринимавших корабль как живое существо. Мне было больно, когда корабль стонал и плакал, терзаемый штормом, и сладко, когда он морским змеем летел по волнам, наслаждаясь этим стремительным полетом. И потому смотреть, как израненное тело «морского дракона» расчленяют мерзкие насекомые, было больно.

Всё же я слишком чувствителен для этого времени. Драккар уже не спасти. Пора о другом подумать. О том, где его команда.

Команда имела место быть. Во всяком случае, ее представители в количестве одиннадцати человек были свалены чуть в стороне. Доспехи и одежду с тел сняли, по трупам нагло расхаживают вороны. Верный знак, что покойники — не местные. С телами своих так неуважительно не обращаются.

— Правильно выбрал Ове, — сказал Медвежонок. — Тот драккар совсем старый был.

Как он узнал на таком расстоянии и в таком состоянии корабль Гримара? Но узнал. А значит, так и есть. И если это драккар Гримара, то на берегу лежит только часть его команды. Вопрос: где остальные? Вопрос я озвучил.

Медвежонок пожал плечами: в чем проблема? Пойдем и спросим. И указал на толпящихся внизу англичан.

И я не стал возражать. Нас меньше, но изрядная часть тех, кто на пляже, больше похожи на рабов, чем на мужчин. А воины... Я вижу кое на ком нормальные доспехи, но готов спорить: раньше их носили те, кто теперь — пища для воронов. Это гнилые понты: расхаживать в железе без необходимости. Опять-таки, вороны. Какое неуважение к покойникам. Ой, кто-то будет строго наказан! И прямо сейчас.

— Заходим со стороны берега, вон из-за того холма, — распорядился я. — Дикон, Уилл, Ржавый, в драку не лезть! Помогаете нам издали, но ваша главная задача: чтоб никто не удрал. Побежали.

Бежать было приятно. После стольких дней — на раскачивающейся палубе. Цепочка холмов удачно прикрыла нас со стороны берега. Годится. Стрелки заняли позиции. И мы двинулись.

Мы не торопились, шли вразброд и вразвалку, потому на нас обратили

внимание не сразу. Тем более появились мы со стороны суши, а викинги, как всем известно, приходят с моря, на кораблях. Так что половину расстояния мы преодолели не вызвав подозрения. И, только когда до нас оставалось метров двадцать и мы надели на головы характерные норманские шлемы, англичане сообразили, что пахнет нехорошим. Трэли побросали доски и сыпанули в разные стороны, как испуганные куры. Воины сначала тоже вознамерились дернуть, но высокий мужик, поспешно напяливший на голову блестящий шлем, заорал на них дурным голосом, и они остались. Более того, похватали щиты и копья и построились во вполне приличную линию.

— Один! — бешеным голосом взревел Медвежонок и, обогнав меня, понесся на англичан.

Вообще-то мы так не договаривались. Предполагалось, что Свартхёвди будет тихо-мирно биться в общем строю, не переходя в берсерчью ипостась.

Однако не удержался.

— Бой! — рывкнул я, и мы, выстроившись клином (место Медвежонок занял Хагстейн), припустили следом за Свартхёвди.

Англичане приняли его сразу в несколько копий, но он отбил их все, походя зарубил командира, еще семерых... и у врагов не выдержали нервы. Тут один норман нанес такой урон, а за ним бежит еще целая когорта.

Медвежонок помчался за самой большой группой. Эти, если не разбегутся, точно не сбегут. А остальными следует заняться.

— За ними! — скомандовал я. — Никто не должен уйти!

И мои хирдманы пустились в погоню. Я остался на месте.

Думаю, я мог бы догнать кое-кого из англичан, хотя их подгонял ужас, а он — хороший погонщик. Но даже тяжеловес Стюрмир легко обгонял меня на всех дистанциях. Так что я остался. И занялся делом. Отыскал среди побитых берсерком двух живых, оказал им первую помощь, на всякий случай связал и пристроил в теньке. Скоро у нас с ними будет долгий и содержательный разговор.

Не ушел никто, ясное дело, хотя английские стражники щиты побросали и копья. Не та у них подготовка, чтобы бегать от норманов. Не говоря уже о берсерках. Неспортивно, конечно, рубить со спины. Неспортивно, но правильно. Нас только восемнадцать. Узнают о нашем маленьком отряде — враз в землю втопчут. Я осмотрел труп английского лидера, и он мне не понравился. Ладони в мозолях, предплечья потолще, чем у меня, и все в мелких шрамах. А еще солидная мозоль под подбородком. Верный признак, что передо мной — настоящий воин. И что-то мне подсказывает: в Англии он не один такой.

Перебили всех, но одного оставили. Лейф приволок «языка». Нравится мне этот парень, что тут скажешь?

— Вот, братцы, вам трое пленных, — сказал я норманам. — И... Дикон, Кошачий Глаз, идите сюда. Будете переводить. Главные вопросы: где остальные люди, которые приплыли на этом корабле. Есть ли воины в селении? Видели ли они другие корабли?

Чтобы разговорить английских солдатиков (ополченцев, как оказалось), много времени не потребовалось. Гагара и Хагстейн порезали на бастурму одного из раненых, и двое остальных пленников тут же развязали языки.

Воины в деревне есть. Сам местный тан (это что-то вроде ярла) с личной дружиной в количестве трех десятков. Было больше, но часть полегла, когда

брали викингов.

Викингов было две группы. Первая — с разбитого корабля. Этих было немного, измотанных и практически без оружия. Местное ополчение со старостой во главе (он сейчас в деревне) управилось с ними без проблем. Большинство зарезали, а двоих взяли живьем в надежде обменять на денежку. Потом дождались отлива и пошарили среди обломков. Нашли много полезного для хозяйства.

Но потом прискакал тан со своими ратниками, и мародерство пришлось прекратить. Впрочем, появлению тана никто не огорчился, потому что на берег выбросило еще один корабль.

И на этот раз англичанам повезло. Из пятидесяти человек команды осталось всего около двадцати, причем без брони и до предела измученных. Я вспомнил, какими мы были к окончанию шторма (а ведь мы не тонули), и удивился, что Гримар со товарищи были вообще на что-то способны.

Но они — оказались. Заставили англичан повозиться. Взяли плату, считай, один к одному. Правда, лишь потому, что тан вознамерился взять викингов живьем.

И взял. В том числе — вождя, Гримара. Видать, совсем у Короткой Шеи силенок не осталось, если позволил взять себя живьем. Его тан намеревался отвезти в Эфорвик[154] и подарить королю Осберту. А с остальными решил позабавиться сам. Как позабавиться? А по закону. Норманы славятся тем, что грабят святые обители. Вот, как с такими грабителями, с ними и поступят.

Черт! А наша главная ударная сила, Медвежонок, валяется в отрубе и пролежит так минимум до вечера. А ведь просил я его!

— Еще о кораблях, — продолжал Гуннар Гагара. — Они видели паруса. Около десятка. Двигались на север.

Что ж, какой ни есть, а ориентир.

— Кончайте с ними, — распорядился я. — Тори, Эйлаф, берите Свартхёвди и несите к нашему кораблю. Спустить его вниз вам помогут.

— Но, хёвдинг! — воскликнули оба. — Мы хотим драться, убивать...

— Рты закрыли! — рявкнул я. — За Свартхёвди отвечаете собственными шкурами. Если его захотят убить, сначала должны умереть вы. Ясно? Дикон, Уиллы, вы — впереди. Держитесь шагах в пятидесяти. Если что — вы англичане.

— Да они и есть англичане! — подал реплику Лейф. Народ заржал. Весельчак, он и есть Весельчак.

— Лейф, твое место в строю — рядом со мной. Вместо Свартхёвди. Остальные — обычным порядком.

Всё. Построились, побежали.

Душераздирающий вопль мы услышали еще издали. Так кричит человек, которого убивают, и убивают медленно. Однако темпа я не прибавил. Что проку, если мы прибежим на десять минут раньше, но — никакие. Во всяком случае, я буду — никакой. Так под аккомпанемент жутких нескончаемых криков мы добежали до деревни.

Дальше уже не бегом, а скрытно.

Здоровенное, однако, селение. И обработанных полей вокруг — просто глаз радуется. И везде — колосится. Но домишки — никакие. Хижины, а не дома. И церковь посередине — тоже не вдохновляет. Ее будто из глины слепили, кособо-

кая какая-то, только дверь хорошая: толстая, с шишками медных гвоздей.

Перед церковью — площадь. Здесь-то всё и происходит. Но что именно, не видно, потому что густая толпа обступила. Зато я вижу деревянную клетку, в которой сидят забитые в колодки норманы. И Гримара тоже вижу. Роба у него вся — в засохшей крови, борода вообще черная от запекшихся сгустков. Однако на ногах-руках серьезных ран вроде не видно. Всего в клетке — одиннадцать человек. Выпустить бы их — неплохое подспорье было бы для моего отряда в полтора десятка.

Крик оборвался. Надеюсь, бедняга отмучился.

Толпа разошлась, и я увидел на земле что-то похожее на освежеванную свиную тушу. Туша подергивалась: жизнь еще теплилась в ней... Дьявол! Это была не свинья! Они, живодеры, освежевали человека. Живого! Ну, суки!

А что это он делает? Один из людей в воинском прикиде подошел в дверям церкви, вынул гвоздь и обухом топора прибил свежесодранную кожу.

Толпа разразилась яростно-радостными воплями. Стюрмир рванулся вперед, но я ухватил его за пояс: — Стоять! — прошипел я. — Рано.

Вижу тана. Довольный, сука, так и сияет. Что ж ты творишь, гад? Это викинги — дикие язычники, которые губы богов кровью мажут. А ты ж христианин! Где твое милосердие?

Дружинников я насчитал тридцать две штуки. Все — важные, сытые, добротой прикинутые. Не чета землепашцам в серых обносках. Статью схожи с тем лидером в блестящем шлеме, которого порешил Медвежонок. Помимо дружинников присутствовало еще десятка два... Ну тоже вроде как с оружием. Если это можно назвать оружием... Не копья, а скорее, ручки от вил, на которые насажены подобия наконечников. Но таким тоже можно убить, если ударить удачно.

Что радует, так это — беспечность тана и его людей. С другой стороны, а чего им бояться? Они ж думают, что берег под контролем их людей. Если что на море не так, оттуда подадут сигнал. А откуда еще может подойти враг, если не с моря?

— Дикон, Ржавый, Кошачий Глаз — ко мне! — негромко позвал я.

Моим англичанам, как лучшим стрелкам в команде, достанутся и самые выигрышные позиции. Если раньше у меня были какие-то сомнения на их счет (всё же мы воюем их земляков), то теперь они развеялись. Хотя мог бы и раньше сообразить. Тут нет понятия общей родины. И разница между обитателями разных мест куда больше, чем между жителями Саратова и Москвы. Здесь родина — это твоя семья, твоя деревня, ну, может, еще пара соседних. Или другие дружинники лорда, которому ты служишь. А дружинники другого лорда могут быть кем угодно: друзьями, врагами, нейтралами... В зависимости от того, как решит вождь. А земля другого лорда, его деревни, крестьяне и прочее — это просто добыча. Равно как и твоя родня тоже станет добычей, если ты окажешься на проигравшей стороне. Правда, оставался еще король... Но с королями тоже сложно. Нынешний, например, абсолютно никаких прав на престол не имел. Кроме права силы.

— Вихорёк, аккуратно обойди церковь и попытайся влезь на крышу.

Парень мелкий, надеюсь его не заметят.

— Каппи, твоя задача — открыть клетку с нашими и освободить их. Пузо, ты его прикрываешь. Остальные... — Я оглядел остальных... Блин, как нас ма-

ло. Я, Стюрмир, Весельчак, мои нореги, Юсуф, Скиди, Хавур и Грендель Улитка. Девять. Против... даже не будем считать, скольких. Но — мы в строю. На нашей стороне — внезапность. И луки дружинников тана остались на лошадях, а лошади вон, у коновязи. А там, рядышком, позиция Дикона. А для Дикона толпа людей вне строя, без щитов — это просто мишени.

Толпа уплотнилась. Очень хочется им посмотреть, как будут терзать нормана.

На козырных местах, ближе всех, — сам тан и его гвардия. Вон, головы их над трэлями возвышаются. Тоже хорошо. В такой тесноте англичанам будет трудно быстро сформировать строй. Я уверен, что один на один завалю любого англичанина. Ну почти любого. Но против правильного строя, когда придется биться не один на один, а сразу с двумя-тремя, прикрывающими друг друга, у меня шансов нет. Разве что я сам — в таком же строю.

Раз, два, три...

— Один!!! — взревел я, и мы рванулись. Мужичье разбросали, как кегли в боулинге. Первый дружинник даже обернуться не успел, как я насадил его на клинок. Второго треснул щитом, и Стюрмир тут же отмахнул ему руку. Тан, сука! Где ты, живодер?! А-а-а! Вот ты где!!!

Два самых здоровых англичанина успели встать на моем пути. И даже при тормозить меня немного, но в спину мою уперлись соратники, и я, щитом сбив меч, спихнул одного на Весельчака, а второй тут же сцепился со Стюрмиром... И мой левый бок оказался открыт. Туда немедленно сунул железом еще один враг, но не достал. И тут же длинный меч Хагстейна Хогспьёта вошел вору под мышку.

Тан, сука!

Еще пара — на прикрытии, но наконец-то я до него добрался. Вдоводел хлестнул, подсекая ногу... И был сбит щитом дружинника.

Это стоило дружиннику руки. Но зато тан получил возможность выигрышной атаки и немедленно ею воспользовался: со всей дури рубанул меня сверху. Это ему запросто. Мужик — под метр девяносто. Мой щит развалился. Что для такого молодецкого удара пара сантиметров дерева и кожи, рука враз онемела, но вот следующий удар, которым тан, похоже, вознамерился разрубить меня пополам, цели не достиг. Его принял на щит Хагстайн, который был с таном — в одном весе...

И тут, совершенно неожиданно для меня (и для тана тоже), на главного англичанина сверху напрыгнул голый человек, накинул тану на шею связанные руки и потянул изо всех сил. На шее у тана был кольчужный ворот под самый подбородок, так что задушить его было проблематично. Но, главное, он отвлекся...

И Вдоводел, со скрежетом проткнув доспех, вошел ему в живот. Дожать, повернуть — и клинок свободен... Жаль, голого викинга убили. Вижу здоровенную рану у него на шее. Но всё же это лучше, чем быть заживо освежеванным.

Я обнаружил, что вокруг стало намного свободнее. И увидел, как какой-то дядька пытается собрать из уцелевших дружинников, а их еще оставалось не меньше двух десятков, нечто организованное.

Бац! — И дядька валится со стрелой в шее. Но дело он свое уже сделал. Построились, мóлодцы. Надо бить, пока они не сообразили, как нас мало. Стюр-

мир? Где же он?

— Стюрмир!

Появился, встал на место, отирая кровь с топора. Меч уже где-то посеял... И поперек щеки — здоровенный кровотокающий разрез. Но — готов к бою.

О, черт! Они пошли! Плотным строем, с копьями наперевес...

Мои стрелки, не скрываясь, били по англичанам, но плотный строй, прикрытый с флангов, малоуязвим что сверху, что с фронта, а стрелки сидели на высотках. Мой просчет.

Страшный грохот. Щиты ударились о щиты, и нас отбросили назад. Я срубил наконечник копья и с трудом удержался от желания: покинуть строй и начать самостоятельный танец. Нельзя. Нельзя рвать строй! Они прут в две шеренги. Копья работают и у тех и у других. Мы можем только защищаться. А еще я вижу боковым зрением, как нас охватывают с флангов... Наш клин уже расплюсчен до одной шеренги.

И нас слишком мало, чтобы предотвратить охват...

И тут приходит помощь. И помощь эта с яростным ревом обрушивается на спины англичан. Гримар со товарищи. Они — без брони, без шлемов, босиком, но ярость их беспредельна. Хотя, как выяснилось позже, им хватило ума не бросаться в бой с голыми руками — похватили оружие убитых. Разъяренный Гримар — это страшно. По себе знаю. А с ним еще с десятков таких же озверевших корешей.

Расклад мгновенно меняется. Теперь англичане пытаются как-то выстроить круговую оборону, но они безнадежно опоздали. Минута, не больше — и поле боя остается за нами.

— Ульф! Брат! Как я рад, что не убил тебя тогда! — восклицает Гримар, стискивая меня так, что аж ребра хрустят. Потом оглядывается и спрашивает обеспокоенно: — А где Медвежонок?

Глава двадцать вторая **Добрый хёвдинг Ульф Черноголовый**

Что я категорически запретил Гримару и его парням: резать крестьян.

— С воинами можете делать что хотите, а землепашцев не трогайте!

— Почему? — спросил Гримар.

Он не оспаривал — ему было просто интересно.

— Я не убиваю овец, которых намерен стричь.

— Как скажешь, хёвдинг, — удовлетворился ответом Гримар.

Попроси я его сейчас со скалы спрыгнуть, он бы спрыгнул. Короткая Шея и его восемь оставшихся в живых хирдманов были должны мне жизни. Они даже на добычу не претендовали: сразу заявили, что всё — наше. Попросили разрешения забрать собственное оружие и доспехи, которые нашлись среди имущества тана. Я разрешил, естественно.

Бывшие пленники очень переживали, что английский ярл не угодил к ним в руки живым. Утешились не успевшими удрать дружинниками. Этих замутили самым лютым образом.

Но простой люд не тронули. Мое слово — закон.

А у меня были потери. Погиб Осхиль Пузо. Зря я на него наезжал. Норег проявил себя настоящим героем: в одиночку отбивался от двух дружинников, пока Каппи освобождал пленных. А убил его какой-то ополченец, всадив копьё в шею.

К счастью, к этому времени Гримар и еще несколько норегов уже избавились от колодок и вылезли наружу. Одного пленного убили, но остальные прикончили англичан и уже через минуту, всей командой, вооружившись, примчались нам на помощь.

Тяжелую рану получил Грендель. Я чувствовал свою вину. Рано парню было в настоящую рубку. Да еще — в такую. Очень много было легких ранений. Кому-то порезали руку, кому-то — ногу. Стюрмиру развалили физиономию. Юсуфу ткнули копьем в живот, но защитила кольчуга, так что получился приличный кровоподтек и дырочка глубиной в сантиметр.

Гримар и его бойцы тоже были не в идеальном состоянии. Двое серьезно ранены. Но всё равно это была блестящая победа, и я не без гордости приписывал ее моей командирской доблести. Норманы тоже считали, что я молодец. Но не потому, что хороший тактик, а потому, что удачлив безмерно. И столь же безмерно самонадеян. Напасть этаким мелким отрядом на полноценную дружину английского ярла — это надо быть абсолютно уверенным в расположении богов. Есть оно — можно хоть втроем против сотни драться. Нет — никакая стратегия не поможет. Даже если противник слова доброго не стоит. Развяжется шнурок, попадет нога в нору или еще какая подлянка случится... И ты — покойник. И люди твои — аналогично.

Вечером я принимал в хирд новых бойцов. Гренделя Улитку, Хавура Хакинсона по прозвищу Младший и Каппи Кольгримсона с детским прозвищем Обжора. Три новых дренга. Хавур вообще показал себя молодцом. Рубился как настоящий дренг.

Потом мы устроили пир, а на пиру ко мне подошел Гримар и спросил, могут ли они с товарищами стать моими хирдманами до той поры, пока мы не воссоединимся с главными силами?

— Что за вопрос? — удивился я. — Неужели я вас тут брошу?

Попировали, потешились, повеселились... А с утречка настало время приниматься за работу. А какая работа у нас, северных разбойников? Ясно какая. Грабить.

И в этом неблагородном деле я решил воспользоваться опытом старших товарищей. В частности, Хрёрека. Суть его методики заключалась в следующем: если тебе влом выпытывать у местных, где они прячут денежки, сделай им предложение, от которого они не смогут отказаться.

Так что я призвал к себе местного старосту, седого пройдоху с морщинистым лицом и хитрыми глазками, и предложил ему внести в фонд помощи голодающим северным убийцам четыре фунта серебра.

Нельзя сказать, что мне были нужны эти деньги. Зато мне был важен авторитет. Я не хотел, чтобы кто-нибудь из моих корыстных спутников затаил в душе недовольство: мол, могли снять еще малость шерстки с этих английских овец — и не сняли.

Староста пытался меня усюветить: дескать, мы и так обобрали их до нитки. Не то что серебра — даже зернышка не осталось. Насчет зернышек, может, и не соврал. Мы выгребли почти все, да и оставалось — чуть. Главное зерно сейчас наливалось в колосьях. А вот имущество имелось. Как-никак, они втихую обобрали драккар, разбившийся о скалы. И что-то мне подсказывает: увлеченный живодерством тан не успел их раскулачить.

— Погляди туда, — предложил я старосте, развернув в сторону обсиженных мухами останков, привязанных к столбам. — Хочешь, чтобы с твоей семьей такое случилось?

Староста побелел. Поверил. А почему б ему и не поверить? Я же, считай, воплощенное Зло. Так кричал их священник, когда мы выносили церковное имущество. Громко кричал... Пока не получил дубцом по макушке. Теперь лежит, мается сотрясением мозгов и ругается уже шепотом.

— Не жмись! — усмехнулся я. — Тебе зато остается вся танова конюшня.

— Я должен отдать их второму сыну тана! — заявил староста.

— А почему — второму?

— Потому что первый — вон там, — староста показал в сторону кольев с жертвами датского гнева.

О как! Недоработка. Надо было раньше сказать: глядишь, и спас бы парня. За выкуп, разумеется.

— Так ты всё и отдал! — ухмыльнулся я. — Полно врать! Давай суетись! Время у тебя — до темноты. И даже не думай удрать: тогда мы убьем всех.

Поставив старосте задачу, я вернулся к своим. Все, за исключением трех дозорных, собрались вокруг двух огромных котлов. Один — с элем, второй — с кашей напополам с мясом. Кониной, к сожалению.

Пустили в расход раненую лошадь. Конину не люблю. Жилистая, жесткая, еще и припахивает. Это викингам всё равно: с их челюстями и желудками, а я люблю тонкую пищу. Вон она, кстати, бегают.

Я ухватил за лапку мелкого черного поросенка и сунул одной из прислуживавших девок.

— Зажарь для меня.

Потом поглядел на улетающего варево Стюрмира и спросил:

— Что раненые?

— Всех увезли на корабль, — сообщил тот, продолжая жевать. Жуткая рана на роже была аккуратно зашита (видно, громила всё-таки показался отцу Бернару) и, казалось, не создавала ему никаких проблем. — Туда же и припасы свезли, и дюжину девок получше.

— Девки-то зачем? — поморщился я.

Все разом заржали.

— Мы знаем, что делать с девками! — пробасил один из команды Хрогнира. — Можем поучить, если хочешь!

— Ты лучше поучись, как у англов в клетке не оказаться! — отрезал я, и хохмач мигом заткнулся.

А котел-то с элем уже наполовину пуст. А рядом ждет еще одна бочка. Когда эта братия наберется, боюсь, мне с ними уже не совладать.

— Ждем до темноты, — сообщил я. — Потом все грузимся и уходим.

— Хёвдинг! — раздался дружный возмущенный вопль. — Зачем?

Ребятишки предвкушали еще одну веселую ночь — и вдруг такой облом.

— Гримар, — вкрадчиво проговорил я. — Помнишь, ты мне что-то обещал?

Чуток покоцанное жало человека-тарана повернулось ко мне вместе со всем бочкообразным туловищем.

— Чё?

— Десять марок, — напомнил я.

Скошенный лоб пошел морщинами, потом они разгладились: вспомнил.

— Молчать всем! — прогудел он. — Хёвдинг правильно говорит.

— Почему это я должен молчать? — возмутился Хагстейн Хогспьёт. — Это мой хёвдинг!

— Хагстейн, — ласково произнес я. — Меня слушай.

— Ага, — согласился норег.

Я поймал насмешливый взгляд Лейфа. Он подмигнул и поднял вверх серебряный кубок, который всегда носил с собой:

— За Ульфа-хёвдинга! — провозгласил он. И все выпили.

Староста собрал серебро. Вручил мне с таким видом, будто жертвует мне собственную почку. Так и есть: большая часть — добрые датские денюжки вперемешку с арабскими дирхемами. Но около фунта — всякий серебряный лом и поганенькая, с разными добавками, местная монета. Но придирааться я не стал. Передал мешок Стюрмиру и велел взвесить. До четырех фунтов не хватало граммов пятьдесят. Староста снял нательный крест, но я махнул рукой: оставь себе.

— Мы уходим, — сообщил я. — Лошадей заберете на берегу.

Ах, какое облегчение выразилось на сморщенном личике англичанина.

Можно даже не сомневаться: только мы уйдем, и все население деревни займется мародерством. Оружие, доспехи и вещи получше, включая, например, седло, упряжь и плащ тана, мы забрали с собой, но осталось достаточно, чтобы деревня недурно обогатилась.

Факелы не зажигали. Ночь была лунная. До берега доехали с ветерком. Жаль, лошадок с собой забрать нельзя. Хорошие лошадки. Лучше, чем у Кольгрима. Грузились тоже без огней. С пляжа было бы удобнее, о чем мне и намекнули, но я сделал вид, что не слышал. Потому что сам об этом не подумал.

Как оказалось, я не подумал о многом. Например, о том, что боевой отряд тана — не единственный на этой земле. Мы еще не успели отправить последний мешок с кусками жареного мяса — для небольшого ночного пира, как сначала пять раз ухнул филин (сигнал опасности), а потом примчался Вихорёк:

— Хёвдинг! Опасность! Враги! Много!

Я взобрался на скалу и убедился, что весь длинный пляж полон огней. Факелов сто, не меньше.

Ну это не так страшно. Пока они доберутся сюда... Кстати, почему они поперлись на пляж, а не сюда? Не может быть, чтобы местные не знали, куда мы отвозили добычу. Следы копыт очень даже отчетливы на рыхлой почве.

Лишь потом я сообразил: лошади. Большую часть мы ведь увели с собой, а староста совсем не хочет, чтобы «спасители» наложили на них лапу.

И хорош бы я был, если бы велел перегнать драккар на пляж. Тут бы нас и накрыли... Или нет? Ведь тогда к этому времени мы бы уже загрузились и отчалили?

Когда мы отошли, очнулся Медвежонок, голодный и веселый.

Ну я его огорчил. Отозвал в сторону и вполголоса высказал всё, что я о нем думаю.

Мой названный братец выслушал, ухмыльнулся, ткнул меня кулаком и заявил:

— Да ладно, Черноголовый. Ты же справился? Скажи, а пиво английское вы

сюда принесли или всё там выдули?

Глава двадцать третья Воссоединение

Мы снова — часть флота. Отыскивали порядком потрепанную армаду Ивара, которая встала лагерем у острова, который местные называли Линдисфарном. На острове имелся заброшенный монастырь. Судя по его запущенности, монахи покинули монастырь лет десять-пятнадцать назад. Ивар счел, что остров может стать неплохой базой.

Хотя Линдисфарн был не совсем островом. Во время прилива до противоположного берега можно было дойти пешком. Чем немедленно по прибытии и воспользовались викинги, пройдясь по окрестностям и прибрав всё, до чего удалось дотянуться. В основном это был провиант — край оказался довольно бедный.

Ивар нам обрадовался. Посмеялся над Гримаром, убившем драккар в первом же походе, выслушал историю моих приключений, по-приятельски хлопал по спине и велел вести сюда всех моих проводников.

— Сожалею, конунг, одного из них убили, — сообщил я. — Зато у меня в хирде двое англов — как раз из этих мест. Они пригодятся?

— Я же сказал: веди всех сюда. Эй, ты! — бросил Ивар одному из своих «адьютантов». — Давай-ка оповести, что я собираю хёвдингов на совет.

Вот так. С корабля, хмм... На бал клинков.

На совет собралось человек триста. И практически сразу поднялся невероятный шум.

У каждого вождя были свои идеи, кого и как грабить в первую очередь. Многие требовали от Ивара немедленно вести их на какой-нибудь монастырь, ибо совершенно очевидно, где англы хранят главные сокровища.

Ивар сидел с сонным видом, рассеянно крутя на пальце перстень с печаткой. Казалось, он не слушает, что кричат вожди, думает о своем.

Хрёрек говорил когда-то: если вождь хочет, чтобы его любили, он выслушает всех с подчеркнутым вниманием, а потом поступит по-своему.

Ивар, надо полагать, о любви подчиненных не беспокоился. Однако рассеянность его была мнимой. И очень скоро Ивар Бескостный показал себя.

Миг — и сонливости как не бывало. Стан выпрямился, рот изогнулся в хищной ухмылке.

— Хрок Утлаги! — Немигающий взгляд вонзился в длинного тощего викинга, полминуты назад вскочившего со скамьи и присоединившего свой голос к общему хору. — Я не ослышался? Ты сказал: «Ивар должен»?

Длинный сначала струсил... Но переборол страх, выпятил бороду и заявил:

— Да, Ивар-конунг! Я так сказал! Мы пошли с тобой в этот поход, и мы бьемся рядом с твоими воинами! Разве...

— Ты так сказал! — с удовлетворением воскликнул Ивар, не дав длинному договорить. — Это дерзость с твоей стороны, Хрок Утлаги. Да, ты не из моего хирда, это верно. Я позволил тебе идти со мной. Это тоже верно. А вот то, что ты, Хрок, бьешься рядом со мной и моими воинами — это ложь! Я простил бы тебе эту ложь, будь ты отмечен воинской славой. Но чем ты славен, Хрок, кроме того, что тинг в Упсале объявил тебя вне закона? И что вообще ты делаешь здесь, среди вождей?

— Я — тоже вождь! — приосанился Хрок. — У меня есть корабль и двадцать хирдманов!

— Хирдманов? — скептически проговорил Ивар. — Сколько из них еще недавно ловили рыбу и сажали репу? Ты пришел на мой совет и сел рядом со славными воинами, Хрок. Это значит: ты либо слеп, либо глуп. Но за это я не стал бы тебя наказывать. Однако ты сказал: «Ивар должен...» — а это уже ложь. И за эту ложь ты лишишься языка. И одного глаза. Чтобы впредь был внимательней. Уберите его отсюда!

Длинный не успел даже возразить. Ему не дали такой возможности. Люди Ивара скрутили его вмиг и поволокли, истошно вопящего, наружу.

— Я сегодня добр, — сообщил Ивар собравшимся. — Оставил ему возможность сражаться и доказать, что он способен на большее, чем сжигать бондов в их собственных домах. Но вернемся к серьезным делам. Я устал от пустой болтовни. Пусть поднимется тот, кто готов показать нам хотя бы один монастырь.

Некоторое время все молчали. Потом один из ярлов, толстый, с заметной лысиной, поднялся и заявил, что он может.

— Говори, — разрешил ему Ивар.

Ярл разразился многословной речью, из которой явствовало, что монастыри тут — везде. Так что, куда ни пойдешь, всё равно выйдешь к нужному месту.

Он бы еще говорил, но смутился под пристальным взглядом Бескостного и умолк.

— Ты хотел нас повеселить, Кетиллауг-ярл? — холодно поинтересовался Ивар, и толстяк побледнел.

— Я только хотел предложить... — пробормотал он, глядя себе под ноги.

Все остальные замерли. Здесь собрались сильные люди, вожди, бесстрашные и грозные. Но, видать, Ивар внушал безотчетный ужас не только мне.

Кетиллаугу повезло больше, чем длинному Хроку. Надо полагать, потому, что в его доблести Ивар не сомневался.

— Ты предложил, — обычным голосом произнес Ивар, и я понял, чего он добился: абсолютной тишины и абсолютного внимания. — А теперь, — сообщил конунг, — мы, наконец, слушаем того, кто знает.

— Дикон, — сказал я. — Твой выход.

Я выбрал его, а не Уилла Кошачьего Глаза, потому что у Дикона лучше подвешен язык. Да и болтал он по-нашему, то есть по-датски, совершенно свободно.

Однако под пристальными взглядами вождей, и особенно немигающим взглядом Ивара, Дикон смутился.

— Не робей, дренг! — подбодрил его Убба Рагнарсон. — Скажешь что толковое, мы с братом этого не забудем.

Дикон откашлялся:

— Самый богатый монастырь — это Эфорвикский... То есть Йоркский Минстер. Туда свозят церковные сборы со всей Нортумбрии.

— Молодец! — похвалил Убба. — Продолжай. Как до него добраться?

— Мы должны дойти до устья, где сливаются две реки: Уз и Трент. Там очень широкое устье, почти как залив. Оттуда мы поднимемся до реки Уз, а дальше можно плыть хоть до самого Йорка. Только это очень крепкий город, с

толстыми стенами и высокими башнями[155]. Взять его будет нелегко.

— А другие города там есть? — спросил кто-то из вождей.

— Есть. Селби, Гул... Там много селений. Это хорошая земля.

— Где хорошая земля, там и монастыри, — сделал кто-то логичный вывод.

Все тут же заговорили разом, но Бескостный поднял руку, и гул стих.

— Я выслушал тебя, дренг, — произнес Ивар бесстрастным голосом. — Ты поведешь нас туда, к Йорку.

Так я и думал. Папа Рагнар наказал сыну провести разведку боем. Не зарываться. Пощипать англичан, прикинуть, каковы они в битвах и где лежат самые толстые ломти пирога. Но Ивар решил забрать весь пирог сам. И прямо сейчас.

— Ты поведешь нас к Йорку!

— Да, конунг, только... — Дикон замялся.

— Что? — нахмурился Ивар.

— Я знаю сухопутные дороги, но не знаю морских.

— У меня есть человек, который знает! — быстро, пока Бескостный не осерчал, вмешался я.

— Хорошо. Кто согласен с тем, что я сказал?

Совет дружно взревел.

— Быть посему, — резюмировал старший Рагнарсон.

Викинги шли как саранча. Сжирали всё. Суда, не успевшие сбежать, прибрежные селения, жители которых, по счастью, в большинстве случаев сбежать успевали. Мелкие команды ополчения и местных танов, которые пытались противостоять разбойникам, размалывались в фарш. Дымы от сгоревших домов поднимались вдоль всего берега Северного моря. И вот мы дошли до устья.

Устье реки, о котором говорил Дикон, было здоровенным, как залив. Между речными наносами было довольно пространства, чтобы пройти несколькими большими кораблями.

Флотилия норманов двинулась вверх по течению. «Северный Змей» шел сразу за флагманом Ивара, здоровенным драккарищем аж на двадцать четыре рума, узким, хищным и стремительным. Именно его высоченного дракона первым увидели местные. Представляю, какой он внушал им ужас. Ну я бы тоже испугался, будь я даже не простым пахарем, а суровым английским воином, если бы увидел, как над камышами поднимается страшная деревянная голова с выпученными глазами и пастью, в которой скалятся самые настоящие бивни-клыки из моржовой кости.

Так мы и двигались. Стремительные броски сразу десятка на два миль вверх по реке, потом разбойные ватаги высаживаются и рассыпаются по всему берегу, порой уходя на много миль от лагерной стоянки, которая в считанные часы превращается в военный лагерь с частоколом, рогатками и сторожевыми вышками.

Три-четыре дня грабежей и убийств — потом вся огромная стая снимается с места и устремляется дальше. И когда, через пару дней, убедившись, что дьяволы из-за моря ушли, на покинутое варварами место возвращаются местные, то находят ямы от кольев, кучи дерьма, объедков, брошенного за ненадобностью имущества и множество трупов мужчин и женщин, изнасилован-

ных, замученных, убитых зверски или (особые везунчики!) осчастливленных легкой смертью от топора.

А черный дым поднимается уже над другими селами.

Я всё ждал, когда местные соберутся с духом и попытаются нам врезать, но сопротивлялись лишь редкие горстки ополченцев, с которыми легко расправилась бы и пара викингов.

Мои ребята тоже ходили грабить. Под водительством Медвежонка. Сам я отсиживался на «Змее». Тошно мне на такое смотреть.

Мои хирдманы возвращались довольные, с добычей. По-моему, им нравился сам разбойничий процесс, ведь добыча слова доброго не стоила: бронзовая посуда — наилучшее из нее. Удивительно, что такая плодородная местность оказалась такой бедной.

Впрочем, самое вкусное: укрепленные городки и церкви — доставалось не нам, а людям Ивара. Повторялась история похода на Францию. Лучшие куски — Рагнару с сыновьями, а приبلудному воинству — жалкие объедки. Хрёрек сумел изменить расклад, это верно. Однако во Франции у Хрёрека под рукой было несколько сотен отличных бойцов, а у меня — на порядок меньше. Единственное преимущество: мне было проще выяснять где находятся перспективные для грабежа места. Помогало мое знание английского и наличие в команде коренных англичан. Да и местные землепашцы с большой охотой становились проводниками. Порой даже без угроз и пыток. Нас, норманов, считали исчадиями дьявола, жутко боялись и с огромным удовольствием уводили подальше от родного селения к богатеньким буратинам. Увы, у нас попросту не было возможности в одиночку выковыривать этих буратин из родовых «каморок». Ивар, надо отдать ему должное, за полезную информацию отстегивал кусочки от своего пирога, но — весьма скудные. С моей точки зрения. Но дело даже не в доходах. Викинги действительно вели себя в Нортумбрии как исчадия ада. Насилие и смерть. Зачастую ничем не оправданные насилие и убийства. Причем моя команда, мои друзья и подчиненные, вели себя не лучше прочих, а я ничего не мог с этим поделать.

Где же это чертово королевское войско? Король Нортумбрии Осберт, насколько мне было известно, к трусам не относился. Почему он не врежет нам со всей королевской силой? Тем более что нападения норманов не были для местных правителей чем-то из ряда вон выходящим. Да, численность армии Ивара внушала уважение. Но Осберт, судя по тому, что я о нем слышал, тоже командует немаленьким войском.

Пусть он и не природный король Нортумбрии, но теперь это его земля, и это его, Осберта, людей грабят и убивают. Его посева топчут и его деревни жгут.

Или до Йорка еще не дошли слухи о нас?

Но Осберт не торопился дать нам сражение, а на палубе «Северного Змея» уже было не пройти из-за кучи второсортного товара.

Наконец я не выдержал поставил вопрос ребром.

Собрал старших и поинтересовался:

— Вы что, собираетесь нас утопить?

Не поняли.

Я поднял первый попавшийся тюк, внутри которого что-то забренчало:

— Сколько это стоит, Ове?

Кормчий деловито развязал мешок, заглянул внутрь, прикинул:

— Если довезем до Роскилле, то четверть марки точно получим.

Я взял мешок и преспокойно отправил за борт. Хольды изумились. Даже возмутились:

— Ты спятил, Ульф? — поинтересовался Стюрмир.

— Эй! — закричали с корабля, который шел следом за нами. — Не надо ничего топить! Нам отдай.

— Пара эйриров «бледного» серебра, — я проигнорировал оба вопля. — Не так уж плохо. Однако это не серебро. Это траченная зеленью и ржавчиной посуда, которая весит вдвое больше, чем хорошая кольчуга. И в пятнадцать раз больше, чем приличный меч. А сколько стоит приличный меч, все мы знаем. Так зачем вы всё сюда тащите? Думаете, что Ньёрд превратит наш драккар в большой кнорр?

— Тогда скажи, брат, где нам взять хорошие мечи и то самое серебро, о котором ты говорил, — выразил общее мнение Свартхёвди. — Мы пойдем и возьмем это. Мы ходим за добром, а ты сидишь здесь. И с тобой — твоя удача. А всё лучшее достается людям Ивара!

— Так и есть! — возмущенно поддакнул Гримар, который, будь у него корабль, тоже шел бы в главном строю. Наверное, ему и без корабля нашлось бы место среди хирдманов Бескостного, но он решил, что со мной будет лучше. И, похоже, раскаивался в этом решении.

Но вопрос был поставлен ребром, и я должен был ответить. Авторитет — такая штука, что потерять его легче, чем приобрести.

— Лейф, тебе знакомы эти места? — спросил я. Весельчак прочно завоевал себе место среди старших. Военское мастерство, ум, опыт, а главное, жизнерадостность располагали к нему людей.

Норег покачал головой.

— Тогда позови сюда Дика с Уиллом.

— Слушайте внимательно, — сказал я моим англичанам. — Ваша задача: вспомнить, где тут впереди очередное монашеское гнездо?

— Двадцатью милями выше по реке — обитель бенедиктинцев, — уверенно ответил Дикон. — У них столько пахотных земель, сколько есть не у каждого олдермена. А они еще и деньги в рост дают. Мы дойдем до нее завтра. Но там наверняка много воинов.

— Много — это сколько? — поинтересовался я.

— Может, сто, может, и больше. Еще они ополченцев могли призвать, тогда и до тысячи наберется. Я бывал там.

— Бенедиктинцы, значит... — проговорил я. — Что ж, посмотрим на них. Но не завтра, а сегодня.

Пусть у меня не так много людей, как было у Хрёрека, но выбора нет. Я должен что-то сделать. Это вызов, в конце концов!

Просто так обогнать Ивара было бы неправильно. Надо было испросить официальное дозволение. В шатер Бескостного меня пропустили без помех.

— Ульф! — благодушно приветствовал меня старший Рагнарсон. — Садись, выпей. Эти англы — настоящие навозные черви, но эль варят неплохой.

По его знаку мне подали кубок. Серебряную церковную чашу с дивной чеканкой на какую-то библейскую тему. Раньше я ее у Ивара не видел.

Эль тоже оказался замечательным.

— Бери! — милостиво разрешил Бескостный, увидев, с каким интересом я разглядываю чашу. — Один щедр к нам с тобой, потому что он нас любит. Я рад, что ты теперь со мной.

— Да, я с тобой, — согласился я. — Но я еще и человек Хрёрека-конунга.

— Морского конунга[156], — пренебрежительно бросил Ивар. — Ты свободный человек, Ульф-хёвдинг. Тебе решать, кому принести свой меч. Хрёрек Сокол не тот вождь, с которым стоит ходить в вики. Думается мне, он растерял свою удачу, когда выступил против моего брата Сигурда. Нет, мне Хрёрек не враг! — заметив выражение моего лица, уточнил Ивар. — Но Сигурд Рагнарсон — не тот человек, которому стоит заступать дорогу. Вложи свои руки в мои, Ульф-хёвдинг, и я сделаю тебя своим ярлом. А когда придет время, ты получишь и землю, достаточную, чтобы прокормить и тебя, и твоих воинов. Может быть, здесь, в Англии. Здесь хорошая земля, лучше нашей.

Щедрое предложение от человека, у которого нет даже собственного удела. Интересно, поговорку о шкуре неубитого медведя он слышал?

Впрочем, я вполне мог допустить, что Ивар говорит серьезно. Но до чего же у него жуткие глаза!.. Договариваться с таким — всё равно что сделку с дьяволом заключать. Хотя, если вдуматься, кто такой Один, как не дьявол? Вот и отец Бернар того же мнения.

Понятное дело, ничего подобного я Ивару сказать не рискнул.

— Благодарю, конунг, за щедрое предложение! Но я не хочу, чтобы моя дружина кормилась от земли. Мне больше по нраву, когда нас кормит железо!

— Ты неглуп, Ульф, — Бескостный улыбнулся, и, как всегда, от его улыбки у меня в животе повернулся кусок льда. — Но сейчас ты сказал глупость. Что ж, ты свободный человек, и ты мне по нраву. Выпей еще и закуси вот этим... — Ивар протянул мне кусок мяса.

Я взял. Принять пищу из рук конунга — честь не меньшая, чем взять в подарок серебряную чашу. От такого не отказываются.

Чуть позже я получил разрешение на самостоятельный вояж. Правда, не сразу и не очень охотно.

Не потому, что Бескостный опасался, что я, опередив его, отхвачу что-нибудь вкусное. Отряд у меня маленький, так что большую рыбу не проглотит. Так он полагал. Рагнарсон беспокоился за меня. Вдруг злые англичане испортят такой полезный инструмент, как Ульф Черноголовый?

Впрочем, он тоже верил в мою удачу, так что добро на наш маленький рейд всё-таки дал. А о том, что рейд будет не таким уж маленьким, я его информировать не стал.

Глава двадцать четвертая Ночной рейд

Отплыли мы еще засветло. Я не боялся, что местные нас заметят. По обе стороны реки уже поднимались черные столбы дыма: викинги зачищали территорию. В такой ситуации все англичане, не успевшие удрать достаточно далеко, должны были сидеть тихо, как мышки.

Когда стемнело, мы все равно продолжали плыть. Широкая лента реки светилась серебром — серпика ущербной луны для этого хватало. Зато берега скрыла непроглядная темень. Мы скользили почти бесшумно: в опытных ру-

ках весла драккара погружались в воду практически беззвучно. А если и плеснет, так этот звук легко можно списать на играющую рыбу. Наш «Северный Змей» будто и впрямь превратился в змея — огромную водяную змею, раздвигающую зеркало реки. Мы шли быстро, не менее пяти миль в час. И, даже если бы кто-то увидел нас и пожелал предупредить тех, что живет выше по течению, такому человеку, чтобы поспеть за нами, пришлось бы бежать. И бежать очень, очень быстро, потому что ему пришлось бы петлять по тропинкам, перебираться через изгороди или кустарник, нырять в овраги... А наша дорога была ровной и почти прямой.

— Туда, — сказал Дикон, указывая на узкую протоку.

Драккар сбросил скорость, развернулся и вошел в тень прибрежной растительности. Тут же стало совсем темно. Для меня. Для большинства моих хирдманов это была еще не критическая темнота, так что драккар аккуратно подвели к нависающему над тихой водой берегу и закрепили концы. Мы высадились. И посадке нашей не мешало ничто, кроме маленьких гадких кровососов, коих здесь было ну просто неприличное количество.

— Слева будет болото, — сообщил Дикон. — Очень хорошее.

— То есть?

Как болото может быть хорошим?

— Много рыбы, много птицы, — поведал нам Дикон. Слышавшие это норманы развеселились.

— Ты привел нас рыбку ловить? — несмешливо спросил Гуннар Гагара. — Тогда давай мне удочку.

— А ты клювом попробуй, — посоветовал Уилл Кошачий Глаз.

— Я тебе сейчас покажу мой клюв... — начал Гуннар.

— Замолчали все! — отрывисто бросил Свартхёвди. — Говори, Дикон.

— Слева — болото, потом будет заливной луг и поле. Колосья уже высокие, так что мы можем подобраться незаметно.

— Подобраться — куда? — спросил Стюрмир.

— К монастырю, конечно. Вы хотели, чтобы я привел вас к монастырю, и я вас привел.

Ага, привел. Как же. Еще час мы пробирались сначала через какую-то топь (Кто сказал, что болото — по другую сторону?), потом, скрючившись, по колосящемуся полю. Кто пробовал, знает какое это изумительное удовольствие. Особенно когда ни зги не видно.

Но — добрались. Монастырь вырос перед нами немой черной громадиной...

Нет, насчет громадины я преувеличил. Забор метра два с половиной, не больше. А вот по поводу «немой» просто поторопился. Потому что за забором внезапно начался собачий концерт. И точно не по нашему поводу, потому что направление ветра мы выбрали правильно. Значит — что? Значит, кому-то на ночь глядя приспичило проветриться. И этого «кого-то» собачки не знают.

Ого! Да это же целое войско! Даже я разглядел черную шевелящуюся гусеницу, потянувшуюся из ворот по дороге. И очень явственно услышал стук копыт. Значит, ночные бродяги еще и на конях? Хрен там, а не бродяги!

— Воины доспешные, — шепнул мне Медвежонок, знавший о моих проблемах с ночным зрением.

— И доспехи добрые, — добавил Уилл Кошачий Глаз, оправдывая свое про-

звище.

— Сотни три, — подхватил Стюрмир, и я почувствовал себя совсем слепым. — А вон еще...

— Сколько, говоришь, стражи в монастыре? — спросил Свартхёвди у Дикона.

— Да это не монастырские, — тут же возразил тот. — Откуда у тех настоящая броня?

— А кто?

— Да я почему знаю? Пойди да спроси! Сказали привести, я привел. А что там внутри — откуда я знаю? Меня отец сюда в двенадцать лет привозил, на эту, как ее...

— Тихо... — прошипел я. — Уиллы, Лейф, давайте за воинами. Узнаете, что сумеете. Лейф — старший.

Тройка разведчиков исчезла в колосьях.

— Медвежонок, сможешь подобраться поближе?

— А то.

— Дикона возьми. Он знает язык.

У самого-то Свартхёвди английский словарный запас — как у армейского разговорника. Стоять! Руки вверх. Как зовут? Какая часть? Где твой командир? Ну с поправкой на местный колорит, где главная фраза — «деньги давай!».

А из ворот между тем продолжали выходить, да, теперь уже выходить пешочком, английские вояки. Что ж они там? Вылупляются, что ли?

Ну вот железный поток иссяк. За ним потянулись невоенные. Чернь какая-то, монахи... Эти далеко не ушли, остановились у ворот, переговариваясь. Потом вернулись во двор, и ворота захлопнулись. Чуть позже, после нескольких злых окриков, унялись и псы.

Медвежонок с Диконом вернулись.

Ничего толком не выяснили.

Ладно, будем ждать вторую разведгруппу. Очень не хочется идти втемную. Туда, откуда только что вышло больше тысячи бойцов. А сколько еще осталось?

А время идет...

Лейф с англичанами вернулись на удивление быстро. Где-то через час.

— Там — целое войско, — шепотом доложил Весельчак. — Шатров много, коней — табуны. Огней не жгут.

— Хёвдинг, что скажешь?

Интересный вопрос. Ну и какие выводы я могу сделать на основании полученных данных?

Кое-какие могу.

— Думаю, здешний конунг наконец-то решил дать нам бой, — сказал я.

— Нам? — изумился простодушный Хавур. И тут же схлопотал кулаком в бок от Гримара. Помалкивай, молодой.

— Не нам, конечно, Ивару. Так что перед нами засада.

— Так и есть, — пробасил Медвежонок. — Ивар возьмет монастырь, начнет грабить... Тут-то англы и ударят!

— Надо его предупредить! — немедленно заявил Гримар.

— Надо, — согласился я.

— А мы — как же? — возразил Стюрмир. — Здесь же добыча наша! Опять всё Ивару достанется!

— Потише, — приказал я. — Для начала я хочу знать, сколько там воинов.

— Давай я узнаю! — в один голос предложили Лейф и Гагара.

— Лейф, ты старший, — выбрал я. Этот норег немного знает английский. Ему проще. — Гагара, Хагстейн — с ним. Но внутрь не лезьте.

— Я тоже пойду, — заявил Гримар.

— Без тебя обойдемся, — отрезал Лейф. — Ты слишком здоровый. Собаки подумают: медведь. И еще: мне надо свежее мясо.

— У меня вяленое есть, — тут же предложил Хавур.

— Я сказал: свежее.

— И где его, по-твоему, взять? — поинтересовался Гримар.

— Да тебя зарежем — и будет нам мясо, — сострил Хагстейн.

— Я на лугу лошадь видел, — вмешался Кошачий Глаз.

Не знал, что болото, через которое мы перлись, это и есть луг.

Через полчаса в распоряжении у Весельчака оказался кусок лошадиной шкуры, в который было завернуто несколько кусков конины.

И разведка ушла в кромешный мрак. Кромешный, потому что серпик луны спрятался за деревьями. И это хорошо. Но я с беспокойством поглядел на небо: не посветлело ли? Хочется надеяться, что в нашем распоряжении еще часа три полной темноты.

На монастырском подворье пару раз брехнула собака.

— Жрут, — удовлетворенно сообщил Медвежонок.

Слух у него тоже был раза в три лучше, чем у меня.

Лейф вернулся.

— На гарде[157] — двое, у ворот — еще один, — сообщил он. — Этот — спит. Во дворе — только псы. Мясо взяли. Меня не тронули. Сколько людей в самом монастыре — не знаю, а в дворовых постройках — сотни две, наверное. И оружные тоже есть.

— Откуда знаешь? — уточнил я.

— В дом залез: там двери нет. У стены копыя стоят.

— А в самом доме много?

— Не считал. Темно очень. До полусотни, думаю. — Пошли? — азартно прошептал Свартхёвди.

— Можно попробовать, — поразмыслив, решил я.

Нас сравнительно немного, но на нашей стороне, традиционно уже, — внезапность. Резать спящих викинги умеют изумительно. Что опасно, так это то, шум могут услышать со стороны лагеря. Тогда нам кирдык.

Я подтянул голову Медвежонок поближе и шепнул ему на ухо:

— Братец, очень тебя прошу: держи своего зверя на поводке.

— Постараюсь, — пообещал Свартхёвди.

Хочется верить. Если побратим хоть раз взревет бешеным мишкой, то на три мили в округе всем станет ясно: викинги прибыли.

— Слушать меня! — Я чуть повысил голос. — Первыми идут Кошачий Глаз, Лейф и ты, Медвежонок. Режете дозорных, убираете собак. Открываете ворота. Мы входим. Без шума! Всех касается. Услышат в лагере, будет худо. Лейф, берешь Гримара и его людей, идете в дом, где стража, убиваете всех. И чтоб не

пискнул никто. Кто что хочет спросить?

Вопросов не было. Тоже понятно. Каждый викинг — автономная машина убийства, которая с наименьшей эффективностью может действовать и в составе группы. Учить их, как резать глотки? Даже не смешно.

Первый этап прошел без сучка без задоринки. Нет, я неправ. «Задоринка» была. Спящего на посту прихватили живьем.

Команда зачистки во главе с Весельчаком и Гримаром ушла работать, а я потратил пару минут, чтобы «разговорить» пленника.

Его даже резать не потребовалось. Услыхав вокруг специфическую для местного уха норманскую речь, он тут же наделал в штаны. Но, помимо дерьма, выдал и информацию.

Стражи в монастыре этой ночью квартировало шесть десятков. Раньше было больше, но часть, причем те, что получше, ушли. И настоятель тоже отбыл, так что за главного остался ризничий.

Это нормально. То, что нас интересует, обычно как раз на попечении у этого должностного лица.

Три дня назад в монастырь приехала целая куча военных во главе с военачальником по имени Честер. Сегодня ночью уехали. Почему? А хрен знает. Для чего приезжали? Аналогичный ответ.

Понятно. Боец — мелкая сошка. Служит за жратву и горсть пенни, не напрягая мозг. Надо — прикажут. Не надо — значит, ни к чему.

В мою гипотезу информация укладывалась. В монастыре оставили тех, кто поплоче, чтобы организовать видимость сопротивления. А настоятель, сука, свалил, потому что опасается за свою шкуру. Хочется верить, что золотишко он с собой не прихватил. Скорее, припрятал где-то здесь. Зачем ему дразнить светскую власть накопленными ценностями. Еще экспроприируют на военные нужды. А королевскую шкуру, увы, к воротам не прибьешь.

Совсем без шума не получилось. Но сдавленные вопли вырезаемой стражи ни монастырскую братию, ни их рабов не переполошили.

Теперь, решил я, можно и факелы зажечь. А то я совсем как слепой щенок. Как в такой ситуации руководить?

Впрочем, особого руководства и не требовалось. Мои бойцы точно знали, что делать.

Первым этапом прошерстили все дворовые постройки, выгнав всех во двор. Вторым этапом загнали всех в какой-то хлев (упаковали, как шпроты в банку) и пригрозили: если будет шум, подожжем строение.

Чистый блеф. Вот еще пожара нам не хватало!

Но трэли поверили и сидели тихо. Только дети плакали.

Затем выгнали всех монахов на свежий воздух, установили ризничего и взяли в оборот. Правда, я строго предупредил: не калечить. И даже сам остался приглядеть за ходом допроса. Прочих служителей культа, за исключением парочки поосанистее, загнали в другой хлев. С суровым предупреждением: помалкивать. Не помогло. Через минуту запертые монахи затянули что-то религиозное. Ну это не страшно, я полагаю.

Кто-то мог бы обвинить меня в неуважении к вере — так жестоко обходиться со святыми людьми! Но святость, которая позволяет иметь брюхо емкостью в пять литров пива, когда у братьев по вере живот прирастает к хребту, на

мой взгляд, уважения не заслуживает.

Тем временем выделенная команда под руководством опытных «пользователей», таких как Свартхёвди и Стюрмир, набивших руку еще во Франции, обшаривала весь монастырь, начиная с храма и заканчивая «элитными» кельями. По моему указанию брали только самое ценное. Хотя я был уверен, что самое ценное всё-таки припрятано.

Ризничий вел себя дерзко. Лет ему было изрядно, и, похоже, он был совсем не против умереть мучеником. Оптимист! Я ему такой возможности не предоставляю.

— Каппи, иди сюда! — позвал я. — Бери Хавура, Тори и Эйлафа и бегом к драккару. Скажите Ове, чтобы гнал его сюда.

Ну и что мне делать с этим кандидатом в мученики?

— Хёвдинг, если тебе так дорога именно эта ворона, позволь нам поиграть с другими, — один из Гримаровых головорезов кивнул в сторону жавшихся друг к другу монахов из монастырского «бомонда».

— Делай как считаешь нужным, — разрешил я и ушел в церковь.

Вдруг моя интуиция подскажет мне, куда упрятаны сокровища.

Один плюс: обширных подвалов здесь нет. Слишком болотистая почва.

А со двора раздался первый душераздирающий вопль.

Одну схоронку мы нашли. Не с помощью пыток, а с применением интеллекта. Я обстучал пол в церкви и обнаружил нишу. Там оказался хорошей работы ларец с парой косточек. И небольшая кучка всякой серебряной мелочи.

Приволокли ризничего.

— Это что? — поинтересовался я.

То есть я догадывался, что это мощи какого-то святого. Но был не уверен, что для корыстолюбивых служителей культа они важнее, чем драгметаллы.

Похоже, я преувеличил корыстолюбие ризничего.

Уведев ларец, он чуть в обморок не упал.

Вот и отлично.

К святотатству я был не склонен, и губить священную реликвию (а вдруг она — настоящая?) я бы по-любому не стал. Но ризничий-то этого не знал.

— Или ты выдаешь мне тайник, или я брошу это в огонь, — я указал на костер, который развели посреди храма мои «дьяволы-язычники».

Ризничий завопил. Вопил он долго, минуты две, обещая мне страшные муки ада и расписывая их в подробностях.

Поскольку я не видел связи между спрятанными деньгами и спасением души, то остротой момента не проникся, а кивнул Хагстейну, и он легонько ткнул ризничего в упитанный животик. Кулаком. Но вопль мгновенно оборвался.

Я взял ларец, понес к костру... И был остановлен еще более жутким воплем. Ничуть не хуже того, что раздался только что со двора. Как бы их в военном лагере не услышали — с такими-то голосищами.

Мы еще минут пять цинично торговались, но, к чести ризничего, святость победила алчность. Мне был выдан тайник за одной из деревянных фигур в приделе.

Ничего так тайничок. Марок на сто серебра.

Наверняка это был не единственный тайник. И я не сомневался, что через

некоторое время узнаю обо всех. Однако времени мне не дали. Прямо у нас над головами раздался оглушительный удар колокола. И тут же загудел-зазвенел набат.

Нехорошо, конечно, в храме, но я — выругался. Дурак! Надо было сразу кого-то на колокольню отправить. Но теперь — поздно. Время валить. Причем быстро-быстро.

От лагеря до монастыря — десять минут хорошего галопа. Но мы успеваем. Добыча упакована, карета, то есть драккар — подан.

Ризничего я прихватил с собой. И сразу же об этом пожалел: пузатый старик немедленно устроил с отцом Бернаром безобразную перепалку на латыни.

Причем отключить своего шумного оппонента наш монах не позволил. Так мы и плыли обратно: под пронзительные старческие вопли на мертвом языке великой империи.

А в целом хорошо сплавали. Удачно. Сведения важные получили, добычу подняли неслабую. А чем я особенно гордился: ни одного человека не потеряли. Даже не ранили никого.

Глава двадцать пятая Битва

— Хорошие новости ты принес мне, Ульф Вогенсон. Ты — полезный человек, — одобрил меня Бескостный.

По местным понятиям, мы должны были отщипнуть ему дольку от нашей добычи... Но я не предложил. А сам Ивар о деньгах даже не заикнулся. Был счастлив уже от того, что наконец-то сойдется с английской армией. Похоже, ему было по барабану: засада там или нет. Главное — ввязаться в драку, а там пусть победит сильнейший. Ивар, естественно. Дольку я зажал, зато вручил конунгу ризничего. Не описать, как он нас всех достал своими воплями, а делать ему физическое внушение было нежелательно. Я предпочел передать его Ивару целехоньким. И добавить к этому: вот монах, который в монастыре был главным по имуществу.

Пусть теперь Ивар берет грех на душу и пытается духовное лицо. Хотя, если верить ризничему, души ни у Ивара, ни у любого из нас быть не должно. Еще бы! Покуситься на святое: церковное имущество.

Пока воинство Ивара свертывало лагерь, нам удалось выспаться. Тем более что на сей раз мы шли не во главе эскадры, а в самом хвосте. Хорошее, спокойное место. Когда между тобой и возможным противником — хирды двух Рагнарсонов, можно без опаски любоваться окрестностями.

Пока шли, я без излишней помпы объявил дренгами оставшуюся молодежь. Ничем особенным они прошлой ночью не отличились, но хирд не возражал. Мой авторитет опять стоял на высшей отметке.

Двадцать или около того миль флотилия Рагнарсонов прошла часика за четыре. Куда быстрее, чем мы — ночью.

Прибыли. Выстроили драккары рядом борт к борту, в десять рядов, напроць перегородив речку. Высадились. Установили рогатки. Тактика отработанная: первым делом обеспечить безопасность кораблей. Этим занялись люди Ивара. Парни Уббы Рагнарсона двинулись к монастырю.

К моему удивлению, монастырь был снова занят, ворота заперты, внутри —

какая-то возня. На стены вылезли лучники и открыли огонь.

Ущерб нанесли минимальный. Наши все — в броне, за щитами. Ага, уже бревно волокут свежесрубленное и кое-как сварганенный навес над ним.

Похоже, события развивались быстрее, чем планировали защитники.

Наскоро изготовленный таран хряпнул пару раз, ворота вскрылись, и хирд с яростным ревом ворвался внутрь.

Всё это заняло минут пять, не больше.

Я думал: Ивар обоснуется в монастыре и примет бой за стенами... Зря.

В обители бенедиктинцев оставили группу зачистки. Еще человек сто — на прикрытие драккаров. Там же и раненые, многие из которых, если припрет, станут в строй.

Семеро одного не ждут! Войско северян, водительствоемое Бескостным, бодрым маршем устремилось по дороге навстречу английской армии. Ни разведки, ни даже передовых дозоров. Вскочили — побежали. Ивар был абсолютно уверен в своей победе над любыми силами противника.

Мне б его уверенность... Лезть в битву совсем-совсем не хотелось. Но — надо. Не поймут. Хорошо хоть мы не в первых рядах, а в арьергарде.

Зря радовался. Именно на нас и напали. То есть не конкретно на нас, а вообще на хвост колонны.

Выскочили из-за изгородей парни с луками, выпустили по полдюжины стрел — и смылись. Не все, конечно. С десятков уложили швырковыми копьями.

Но нас покусали неприятно. Двое парней Гримара получили ранения в конечности. Было бы хуже, если бы я не поставил «снаружи» опытных бойцов с хорошими доспехами. В хирде «приблудного» вождя, замыкавшего колонну, потерь было несравненно больше. Им даже пришлось остановиться. Я бы, может, тоже сделал паузу, но где-то впереди уже всюю гудели рога: армия викингов вышла на финишную прямую...

А мы захватили «языка». Одного из недобитых лучников.

Прихватили парня с собой. «Экстренное потрошение», считай, на бегу. Это король? Сколько войска?

Пехоты? Конницы?

Лучник, болтавшийся между двумя норегами, запирается даже не пытался. Скулил жалобно и выкладывал всё, что знает. Знал он немного, но знал главное.

Во-первых, это не король, а только олдермен. То есть уполномоченный короля по данной территории. Во-вторых, войск у него много-много (считать малый умел в очень ограниченных пределах) и конницы тоже много-много: объединенные дружины самого олдермена и местных танов. То есть не так уж много, если проанализировать. «Заботливый» король Нортумбрии не прислал никого. Зато пехоты действительно много. Пехота всякая. Есть такие, как он, то есть — голодранцы-ополченцы, а есть настоящие воины в железе. Очень грозные. Конечно, не такие грозные, как мы, но тоже — о-го-го! Команду обстрелять нашу колонну дал местный рив. Рив — это тоже должность такая. В данном случае помесь начальника районного МВД и начальника районного же налогового управления.

Всё. Выдохся хлопец.

— Выбросьте его, — приказал я. — И поторопимся.

Сзади, похоже, опять разыгрались страсти. Остановившийся хирд «приблудного» ярла снова атаковали.

А вот это уже похоже на дело. Здоровенное поле, поросшее густой сочной травкой. На поле разворачиваются войска Ивара. То есть уже развернулись: флаги Рагнарсонов плещутся на ветру. Перед ними — пустое пространство шириной где-то с полкилометра. Там — шеренги вражеские. Еще дальше — лагерь. Шатры, обоз и прочее. А вон и конница у них на правом фланге. Красиво смотрится. Пестренько.

— Ульф-хёвдинг! Черноголовый! Давай пристраивайся к нам!

Красный Лис. Он тоже вроде бы сам по себе, но при этом четко держит нос по ветру. То есть — по Ивару Рагнарсону.

Что ж, можно и пристроиться.

— Всем разгрузиться! — команду я и первым сбрасываю вещмешок.

— Отец Бернар! Остаешься здесь, под этим деревом.

Монах кивнул. Расстегнул сумку, набитую медицинскими препаратами и пугающего вида хирургическим снаряжением.

— Тори, Репа, остаётесь с лекарем. Если что — прикроете.

Наш монах — бывший воин. И здоровенный, как... викинг. Во всяком случае, гребет не хуже. Но драться не будет. Спокойно даст себя зарезать. Пацифист. Но лекарь по здешним меркам — замечательный.

А теперь — битва! Нет, я не хотел драться. Головой. Но всё остальное — с восторгом «за»! Я — в центре нашего строя. Адреналин уже впрыснут в кровь, состояние потрясающее. Толкнусь от земли и полечу. Где там эти жалкие англичанишки? Порвем на портянки!

Да, их больше. Да, они защищают свой дом, что достойно уважения. Хотя скорее всего просто выполняют команду своего военачальника. Что тоже похвально.

Но сейчас мы им вломим. Потому что мы — это мы. Викинги.

Началось. Небо над головами англичан зарябило от тысяч стрел.

— Прикройся! — взревел я, и голос мой слился с сотнями других.

Бойцы слитным отработанным движением прижались друг к другу, прикрылись щитами спереди и сверху, образовав подобие черепашьего панциря. Пара секунд — смертоносный град обрушился сверху. Некоторые стрелы пробивали щиты. Скандинавский щит не такой уж толстый, иначе с ним было бы трудно управляться. Пробивали, но вреда не причиняли: дерево основы гасило скорость.

Справа кто-то вякнул.

— Что там? — крикнул я.

— Ренди в ногу попали, — передали мне через некоторое время.

Вот же дурень. Высунул небось конечность из-под «панциря» и схлопотал. Не везет парню. Месяц назад — дырка в ноге. Только залечил — новая.

Град отстучал. Вокруг зашевелились. Я осторожно выглянул из-за щита. Вроде отстрелялись. И сразу пошла конница.

Я набрал в грудь воздуху для команды: «Упор в землю!»

Пофиг нам английская конница. Мы франков держали, которые покруче местных. Первый ряд — пятку копья — в землю, второй — без упора. Копья первой линии разят лошадей, второй — всадников. Одновременно. Это если

лошади достаточно вышколены, чтоб идти на копыя.

Команда застряла в горле. Атакуют не нас. Ах какой эффектный маневр! Конница англичан красиво и четко развернулась (только на одном фланге — легкое замешательство), сменила направление и обрушилась на наш левый фланг, туда, где стоял хирд Уббы Рагнарсона.

Атака конницы — это не так опасно, как страшно. Огромные всадники несутся на тебя карьером, земля летит из-под копыт, копые целит прямо тебе в переносицу... Так и подмывает закинуть щит за спину и дать стрелача. Необкатанная молодежь, лишенная примера старших, или ополчение частенько так и поступают. Викинги — нет. Кто разок-другой принимал такую атаку, уже не боится, а кто побежал, того уж с нами нет. Потому как драпать на своих-двоих от всадников... Не смешите меня.

Держать строй!

...Подбив копыя щитом вверх, насаженная грудью на острие бьется и кричит раненая лошадь, чей всадник корчится на земле с дыркой от другого копыя... И ты сразу понимаешь: всадники — не танки. Они еще более уязвимы, чем ты. Потому тяжелая пехота уступает им только в одном случае. Если в штаны наложит.

Впрочем, тесно сомкнутые конные латники на обученных не тормозить перед рогами копий лошаадьми вполне могут развалить строй только за счет инерции. Или вломиться в стык между хирдами. Ценой больших потерь, разумеется.

Вот и сейчас англичане очень надеются прорвать строй, рассечь его насквозь и зайти нам в тыл. Им кажется: дело того стоит.

На здоровье. Каждый хирд — это автономная боевая единица. Зачем нас рассекать? Мы и так раздельны.

Грозно замычал рог Ивара. Мы двинулись. Сначала неспешно, потом всё быстрее и быстрее, переходя на бег. В нас летели стрелы, но их было немного. Свой запас лучники расстреляли двумя минутами ранее. Пока им подгонят новые, пройдет некоторое время.

Дистанция — сорок метров. Мы уже бежим, а наш боевой клич летит впереди и обрушивается на врага. Почва мягкая, рыхловатая, трава цепляется за сапоги, но нас не остановят даже вражеские копыя. Куда там слабые стебельки.

Дистанция — тридцать метров. Вражеский строй надвигается на нас. Они ждут, выставив копыя. Ну да далеко не все могут держать плотный строй на бегу.

Мы — можем.

Глядя поверх края щита, я вижу лица англичан: злые, гневные, сосредоточенные...

— Готовсь! — кричу я, вскидывая руку с копьём, чтобы предупредить задних: сейчас мы столкнемся.

Адреналин кипит в жилах...

И тут в мою вскинутую руку попадает стрела.

Мне не больно, но пальцы всё равно разжимаются, и копые падает на траву. Его топчут те, кто был сзади. Они обгоняют меня, потому что я остановился. А я постепенно осознаю, что произошло. Меня ранили! Ранили! Я гляжу на свою руку и вижу, что стрела прошила ее насквозь, повыше браслетов. Вот,

дьявол! Надо же так вляпаться! Ничуть не лучше, чем новичок Ренди. И кто меня просил задрать руку. Да еще — правую. Вот же идиот!

...А с другой стороны кипит битва. Мои братья сошлись с англичанами в рукопашной. Сила на силу. Как раз как я люблю.

Любил. Мне сейчас не до битвы. Скажете — недопустимая слабость для командира? Так и есть. Но я знаю: мои хирдманы нынче обойдутся без меня. А я пытаюсь обуздать приступ паники. Вот же, блин, попадалово. Сквозная рана. Я смотрю на торчащий из предплечья наконечник и мысленно представляю, сколько на нем микробов и прочей гадости. В моем сознании тут же выстраивается алгоритм: заражение, нагноение, гангрена, ампутация.

Даже викинги, у которых сопротивляемость инфекции как у собаки, викинги, которые могут пить из болота — и ничего, даже они, бывает, теряют конечность из-за этой заразы. А уж я, со своим изнеженным иммунитетом человека будущего, сразу схвачу «антонов огонь». Будь рядом Рунгерд, я б еще мог на что-то надеяться, пошепчет, поколдует — и все микробы умрут. Но отец Бернар — не волшебник. Он отличный лекарь по здешним меркам, но до изобретения пенициллина еще хренова туча веков.

Я смотрю на свою руку, такой совершенный безукоризненный инструмент, и думаю, каково будет без нее? Мне очень страшно. Стать калекой... Может, лучше было бы — сразу в сердце...

«Держись, — говорю я себе. — У тебя есть левая рука, которой ты тоже владеешь неплохо. А на правую можно щит приспособить. Или крюк приделать. Будешь левша, как Ренди».

Кстати, что там Ренди? Сидит. Должно быть, крепко его зацепили. Надо помочь парню. Ходить-то я могу.

За спиной грохот, страшные вопли... Но центр сражения отдалился еще метров на десять — наши теснят. Кто бы сомневался... На траве лежат окровавленные тела.

А что там — конница? Тоже увязли. Парни Уббы остановили их.

Ладно, хорош топтаться на месте. Сейчас адреналин окончательно схлынет, и мне станет худо. Надо торопиться.

Я перекидываю на спину щит и направляюсь к Ренди.

Тот смотрит на стрелу, торчащую из моей руки. Кровь почти не идет: стрела закупорила рану.

— Да, — говорю я, — протягивая ему левую руку. — Хорош яйца высиживать. Цепляйся, поднимайся и пошли. Тебе уже не впервой.

Панические мысли отходят на второй рубеж. Я снова командир. А командир должен являть образец мужества, воли и здорового пофигизма. Тем более — вожду викингов. Хёвдинг может плакать от избытка чувств, но боль физическая ему по фиг. Равно как и смерть. «Один, я иду!» И напрямик в Валхаллу. А тут какая-то рука...

Нет, все же я неполноценный викинг. Мысль о том, что могу остаться без правой руки, меня жутко угнетает. Но — держать лицо. Ренди Черному сейчас похуже, чем мне, это факт. Стрела торчит у него из сапога. Ему очень больно. Но — терпит.

— Руку давай!

Парень цепляется за меня, встает, и мы ковыляем в тыл. Ренди прыгает на

одной ноге. Я время от времени оглядываюсь: мало ли? Вдруг англичане про-
рвались? Или конница решила совершить обходной маневр. Но всё равно.
Только вопли — громче. Особенно громко кричат раненые лошади...

И бредут по полю в тыл такие подранки, как мы.

У отца Бернара мы — первые.

Он бегло осматривает меня, потом Ренди... И хмурится.

— Давай-ка, хёвдинг, я начну с тебя, — говорит он. — Пальцами пошевели.

Шевелю. Больно.

— Отлично! — радуется монах. — Жилы целы, кость не задело. Дырка в мя-
се. И — навывлет, выковыривать не надо. Пустяки.

Кому пустяки, а кому — гангрена.

— Ты куда? — удивляется француз.

— Сейчас вернусь.

Где-то у нас в «багаже» есть зимнее пиво. Оно, конечно, не водка — граду-
сов двадцать, но лучше, чем ничего.

Возвращаюсь с баклажкой.

— Ага, — одобряет монах. — Это правильно. — Ренди тоже дай.

Даю. Парень присасывается к емкости и выдувает чуть ли не пол-литра.
Развезет наверняка. И хорошо. Наркоз.

Мне наркоз не нужен. Страх — мой наркоз.

— Сам что не выпил? — интересуется монах.

— Обойдусь.

— Тогда давай руку.

Бернар обламывает стрелу и ловко выдергивает наконечник. Резкая боль,
которая тут же слабеет. Набил руку лекарь.

А отец Бернар тем временем закатывает рукав моей куртки, а затем — ру-
бахи. Я бы просто разрезал, но здесь не принято портить хорошие вещи. Это
мясо зарастет, а за куртками такого свойства не замечено.

Кровь из дырок течет довольно бодро.

— Не останавливай, — велит лекарь. — Пусть испорченная кровь вытечет.

О микробах здесь понятия не имеют. Правила диктует не наука, а практи-
ка. Но идея верная. Кровь вымоет грязь. Но у меня есть средство лучше.

Бернар перетягивает мою руку повыше локтя. Кровь практически сразу
останавливается.

Монах засовывает в рану что-то типа тупых ножниц (больно, блин!), изуча-
ет внутренность, хмыкает позитивно.

— Чистая, — сообщает он. И поясняет для меня: — Бывает, кусок рубахи
внутри попадет или от стрелы что отщепится.

И отходит за снадобьями.

А я применяю свое снадобье.

Лью зимнее пиво прямо в отверстие.

Вот это реально больно! Я рычу, но терплю. И — новая порция. И еще разок.
Только бы не вырубиться... А так я готов хоть кипящее масло залить, если по-
может.

— Ты что творишь?

Отец Бернар вернулся.

— Промываю! — шиплю я сквозь зубы.

Давай, алкоголь, жги, сука! Выжигай на хрен всю поганую микрофлору и фауну! Чем больнее, тем лучше!

— Вы, норманы, слабоумные! — ругается монах. — Это, — кивок на баклажку, — пьют! Этим, — он поднимает склянку с какой-то дрянью, — промывают раны! Сядь на землю. Дай сюда! — Он хватает меня за руку и вливает в дырку порцию вонючей смеси.

Вы думали, двадцатипроцентный спирт в рану — это больно? Тогда вы не знаете, что такое «больно»!

Я едва не вырубился... но на меня вдруг накатило что-то... знакомое?

Боль не прошла. Она отодвинулась куда-то в неважное место. Здравствуй, Белый Брат!

Мой Волк развалился на травке и улыбался, высунув длинный язык. Еще и издевается!

— Ты как? — донесся до меня голос отца Бернара. Будто сквозь слой ваты.

— Нормально, — отвечаю я.

Монах работает. Берет здоровенную иглу, продевает в ушко хвостик скрученного жгута, густо смазанного похжей на деготь субстанцией. Потом сует иглу в рану, пропихивает, вытягивает наружу, обрезав хвостик и оставив жгут внутри. Удовлетворенно хмыкает и отправляется за бинтами.

Белый Волк поднимается, зевает, подходит ко мне и, пару раз лизнув раненую руку языком, пропадает.

Волк ушел, и боль тут же вцепилась в мою конечность. Но эту боль я уже мог терпеть без проблем. То есть не падая в обморок.

Монах забинтовал рану.

— А ты крепок, хёвдинг, — похвалил он. — Никогда не мог понять, как вы, язычники, можете собственные кишки на столб наматывать. Нам-то Вера истинная сил придает...

— Если ты закончил со мной, монах, — перебил я отца Бернара, — то займись, пожалуйста, Ренди.

— Займись. Ты как, силы остались?

— Есть немного.

— Тогда помоги мне. Боюсь, паренек будет не так терпелив, как ты. А рана у него скверная. Придется подержать.

Рана действительно оказалась скверная. Стрела задробила кость, и вдобавок в ране оказались ошметки носка. И осколки, и нитки следовало достать, но Ренди был против. Отец Бернар только и успел, что выдернуть стрелу и снять сапог, как боль пересилила алкоголь и плохо соображающий Ренди начал отчаянно отбиваться.

А парень он здоровенный, так что зафиксировать его одной рукой у меня никак не получалось. Тем более что и сам я был не в лучшей форме.

Тогда отец Бернар вздохнул и пошел за более эффективным «наркозом» — обмотанной тряпкой колотушкой.

Рука у монаха была поставлена. Бац! И бедняга Ренди отрубился.

Больше я был не нужен, поэтому подошел в своей сумке, вынул оттуда кусок меда в сотах и слопал, запивая красным вином из фляги и наблюдая за хо-

дом сражения... Вернее, за ходом разгрома.

Впрочем, в результате я даже не сомневался. Что может сделать против Ивара Бескостного какой-то английский олддермен, пусть даже людей у него втрое больше?

Глава двадцать шестая Йорк неприступный

Столица королевства Нортумбрия город Йорк, он же — Эфорвик, стоял на слиянии рек Фос и Уз. По последней мы сюда и поднялись, попутно разорив еще пару городов, с десятков крупных селений и примерно столько же церквей. Это было не так уж сложно. А вот Йорк оказался целью совсем другого формата.

У него имелись очень качественные каменные стены с настоящими башнями. И отличные ворота, проломить которые было бы затруднительно не только самопальными таранами, вытесанными на скорую руку, но и куда более профессиональными орудиями.

После нашей веселухи во Франции и прочей Европе у многих возникло мнение, что викинги умеют брать города. Это соответствовало истине очень условно. И условие заключалось в том, что викинги умели брать только те города, которые защищали совсем другие стены. Например, преодолеть частокол высотой метра три — три с половиной — никаких проблем. А вот каменную стену пятиметровой высоты — уже сложнее. А если она, мало того что выше, так еще и прикрыта башнями, тогда — сливай воду. Ну да, мы взяли Париж. И еще несколько серьезно укрепленных городов. Но лишь потому, что нам их *отдали*. Даже сам Рагнар не рискнул бросать войско на стены французской столицы. А фиаско, которое мы потерпели у города Тура, связано было не с тем, что Тур был под личной охраной Богородицы (как полагали его жители), а с высотой и крепостью его стен, разбить которые без специальных средств было невозможно. Я уже знал, что в этом мире такие средства: осадные орудия, башни и прочее — имелись. Я слышал об этом от тех, кто побывал в Византии. Еще здесь делали подкопы. И могли навалить здоровенный земляной вал, с которого можно вести перестрелку с защитниками на равных, а то и вовсе перебраться на стену без всяких лестниц. Но самым простым вариантом была осада.

Окружаешь город частоколом или насыпью, сидишь и ждешь, пока там, внутри, не начнут жрать друг друга.

Так что чисто теоретически взять Йорк было можно. Даже и без стенобитных машин.

Но не с нашими силами.

Как я понял, город этот возник не на пустом месте. Лет триста-четырееста назад здесь была одна из баз Великой Римской империи. Вот откуда и каменные стены, и башни, и даже остатки рва вокруг. Именно остатки, потому что сейчас это был уже не ров, а скорее, наоборот: вал, состоящий из всякого мусора, который не убирали, вероятно, с того же, древнеримского, времени.

Еще был мост через реку Уз, который тоже прикрывали камни древней империи. Эти укрепления можно было взять, но — зачем? Армия Ивара контролировала оба берега реки: и северный, на котором стоял город-крепость, и южный, на котором — только предместья. Такие же, как и те, что выросли вокруг городских стен.

И те и другие наши люди давно выпотрошили и, местами, даже сожгли. Сожгли бы всё, но руководство армии быстро сообразило, что постройки — неплохое прикрытие от лучников на стенах.

Хотя с прикрытием или без, но взобраться на эти стены было невозможно.

Такая попытка была сделана: с помощью нескольких десятков наскоро изготовленных лестниц... И обошлась викингам примерно в сотню бойцов: подстреленных, сбитых камнями, обваренных кипятком... Когда ты лезешь вверх, причем пользуясь только одной рукой, потому что во второй у тебя — щит, твое умение владеть оружием не имеет ровно никакого значения. Никогда не державший в руках даже копья подмастерье-кожевенник поднимет камень весом в двадцать кило и просто уронит его на тебя с четырехметровой высоты. Ни один щит такого не выдержит.

А можно взять камень побольше, и тогда уже не выдержит лестница. И все, кто на ней, окажутся в виде замечательной кучи-малы под стеной с травмами разной степени тяжести. И тут уж достаточно камня в полпуда, чтобы твой хребет сказал: «Хрусь!» Нет, Йорка нам не взять.

Все это понимали: и Рагнарсоны, и сидящие в осаде. Каким бы аппетитным ни выглядел издали Йоркский собор, но за такими стенами, пусть даже и обветшавшими за несколько веков, королю Нортумбрии и ее архиепископу было не о чем беспокоиться. Кроме, разве что, своих подданных.

— Они заплатят нам выкуп! — заявил Ивар. — Или мы вырежем всех их трэлей.

А поскольку слово Рагнарсонов с делом не расходится, то викинги разбились на отряды и принялись прочесывать богатую нортумбрийскую равнину, стогняя скот, вытаптывая посеvy, срубая плодовые деревья, а главное, убивая крестьян.

А поскольку равнина и есть равнина, то со стен было отлично видно, чем занимались «северные дьяволы».

Однако ворота оставались закрытыми.

Я пытался убедить Ивара прекратить геноцид. Не с позиций гуманизма (вот бы он удивился!), а исходя из того, что на тему надо смотреть шире: в таком хорошем месте было бы неплохо устроиться на постоянку. Но если перебить трэлей, кто тогда будет работать, когда мы вернемся?

— Конечно, мы сюда вернемся! — заверил меня Бескостный. — Так хочет мой отец, а когда Рагнар Лотброк хочет — он получает. Но зря ты беспокоишься о трэлях. Трэлей здесь много. А не хватит — пригоним других, из соседних земель. Позже. Но если не будет трэлей сейчас, то здешнему конунгу нечем будет кормиться. И не на что будет вооружать своих людей. Это ведь тебя, Ульфхёвдинг, кормит меч, а конунга англов — его рабы. Если он не дурак, то купит у меня их жизни за свое серебро.

Спорить с Иваром было бессмысленно. И я поступил иначе.

— Я хочу уйти, конунг, — сказал я тогда. — Ты не станешь меня удерживать, Ивар, сын Рагнара?

Бескостный одарил меня долгим взглядом. Я не опустил глаз, хотя это было нелегко. Я видел Ящера в его зрачках, и мне казалось: Ящер этот сейчас прикидывает: съесть меня прямо сейчас или пока погодить? Вдруг я смогу принести еще какую-то пользу?

— Ты очень храбрый человек, Ульф Вогенсон, — задумчиво произнес

Ивар. — Или это вера в собственную удачу придает тебе храбрости?

Вот, блин! Когда такой человек, как Ивар, говорит подобное, это очень-очень неприятно. Потому что вполне может означать, что именно сейчас он размышляет: не выдать ли наглецу по полной программе.

Я не стал оправдываться. Дать слабину — еще хуже, чем проявить дерзость.

— Если бы на твоём месте был кто-то поглупее, я бы спросил, понимает ли он, что делает, — всё тем же задумчивым голосом проговорил Бескостный. — Но ты умен, Ульф-хёвдинг, и я не стану попусту тратить слова. Раз ты решил вновь испытать свою удачу, твоё право. Мне тоже любопытно узнать, насколько благоволят к тебе боги. Нет, Ульф-хёвдинг, я не стану тебя удерживать. Поступай как хочешь, — разрешил Рагнарсон. — Пожалуй, будь я не конунгом, а простым хускарлом, я бы испытывал свою удачу так, как это делаешь ты сейчас, однако моя удача — это удача конунгов, и должна хранить не только меня, но и тех, кто следует за моим знаменем. Если мы вновь встретимся, Ульф Вогенсон, постарайся не забыть мои слова: такому, как ты, лучше служить такому, как я.

— Я не забуду, — честно пообщал я. Лишь бы отпустил, а там уж... как-нибудь. — У меня скоро свадьба. Надо подготовиться.

— Знаешь, что станет моим подарком на твою свадьбу? — спросил Ивар.

Я покачал головой.

— Твоя доля от выкупа с английского конунга.

Я рассыпался в благодарностях. Искренних. Потому что ожидал чего угодно. Вплоть до полоски стали в живот. Я знал, что Ивар может убить меня в любую секунду. Собственноручно. И я ничем не смогу ему помешать. Мне достаточно было один раз с ним побороться, чтобы понять: он настолько же лучше меня, насколько я лучше, ну, например, Скиди. Молниеносный бросок — и я мертв. И никакие тренировки по иай-дзюцу[158] мне не помогут.

Тем более — рука. Рана, блин, воспалилась, отец Бернар дважды в сутки меняет дренаж, хотя считает, что оснований для беспокойства нет. Пахнет нормально. Но я всё равно нервничаю. Когда запахнет плохо, боржом будет пить поздно! Уже сейчас, с рукой всего лишь раненой, а не отрезанной, я чувствую себя неполноценным. И вообще, что-то во мне изменилось. Например, совсем не хочется лезть в драку. Даже если рука заживет (на что я очень надеюсь), осадочек непременно останется. Можно сколько угодно презирать боль, но, если к боли прибавляется перспектива стать калекой, это уже совсем другая история.

Только сейчас я полностью осознал, как важно для меня, для моего самосознания то, что я — воин экстра-класса. И всякий, кто захочет — на меня мечом, от меча же и схлопочет. А чего стоит мой авторитет вождя без одного качества? У викингов, у которых культ силы — на первом месте, после культа удачи...

А какая удача у калеки? Ежику ясно, что хреновая, если даже собственную конечность уберечь не сумел.

Я очнулся от мрачных мыслей и обнаружил, что Ивар с большим интересом меня изучает. Надо полагать, ему непривычно, чтобы он говорил, а слушатель, вместо того чтобы внимать, предавался собственным мыслям.

— Прости, конунг, — повинился я. — Задумался о том, что ты только что сказал.

Вот только что он сказал?

— Что ж, Ульф Черноголовый, думай. И постарайся остаться в живых. Когда мы с отцом придем сюда снова, ты можешь нам пригодиться. Поможешь нам здесь, как помог — с Парижем, — сядешь с нами за один стол, и звать тебя будут Ульф-ярл. А теперь ступай. Пусть твоя вера в собственную удачу тебя не обманет.

Сообщение о том, что мы возвращаемся, хирдманы приняли без восторга. Но и без особых возражений.

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, — сказал Медвежонок.

— Конечно, он знает, — заявил Ове Толстый. — Ульф — наш хёвдинг.

А Лейф Весельчак уронил загадочную фразу:

— Я бы попытался тебя отговорить, хёвдинг, но тогда другие могут подумать, что я струсил. А я не хочу.

Я подумал: они оба имеют в виду возможное недовольство Ивара. Я был так загнипнотизирован своим страхом перед Бескостным, так хотел побыстрее свалить, что не только не обдумал последствия своих действий, но даже не озаботился обсудить его с друзьями. Сделай я это, никуда бы мы не ушли. Но я принял решение, принял руководствуясь эмоциями, а не разумом, и, как вскоре выяснилось, решение — неправильное.

Глава двадцать седьмая Ловушка

— Раз! Раз! Раз! Навались! Дружно! Раз!.. Ух как мы гребли. Вернее, как гребли мои парни. Сам-то я мог только щит держать.

Скорость — наша надежда. Стрелы сыпались со всех сторон, а нас было так мало, что потеряй мы еще пару гребцов — и попали.

Оставшись без Гримара и его могучих парней, мы остро почувствовали свою слабость. Нас осталось... Медвежонок, Стюрмир, Лейф, Гуннары с Хагстайном, Фирст Рыба, трое англичан, Юсуф, Вихорёк и четверо молодых сёлундских дренгов. Шестнадцать гребцов из двадцати, с которыми мы вышли в поход. Нет, потери совсем невелики. Один убитый и трое серьёзно раненных, из которых только один, Грендель, находится между жизнью и смертью. Мы-то с Ренди Черным точно выживем. Вопрос только в том, удастся ли нам сохранить полный комплект конечностей...

Наша малочисленность не слишком меня беспокоила, когда мы уходили из Йорка. Идти нам — вниз по течению. Какие проблемы?

И что мне мешало сообразить, что идти придется по враждебной территории. Надо полагать, я слишком погрузился в проблемы своего здоровья...

В общем, Ивар оказался прав, заявив, что удача нам потребуется. Когда мы шли вверх по реке, всё способное бежать бежало, а неспособное — забивалось в ближайшую щель. А сейчас, когда стало ясно, что страшное войско дьяволов капитально осело у стен Йорка, сбежавшие вернулись, спрятавшиеся повывлезли из щелей, недобитые сельские лидеры собрали уцелевших дружинников (или это сделали их сыновья) и попытались снова наладить жизнь.

А тут — корабль! Страшный корабль страшных морских разбойников... Но — один-одинешенек.

Только ленивый не пытался подстрелить нас из-за угла. Вернее, из зарос-

лей. В русло реки выпихивали бревна, чтобы нас остановить, по ночам приходилось держать не просто дозорных, но — боевую команду, потому что уже дважды, под покровом темноты, к нам пытались подобраться местные храбрецы. И в последний раз мы обнаружили их, только когда они полезли через борт, потому что подбирались они даже не на лодках, а на каких-то ветхих плотиках, только-только выдерживающих вес человека.

Если бы так было обставлено первое нападение, нам бы пришлось по-настоящему туго...

На первую ночевку мы встали у сожженного селения. Мои парни обшарили окрестности и поймали девку с козой. Девку использовали (ох, немало на следующий год родится здесь англичан с добрыми норманскими генами), козу — тоже. В смысле — в пищу использовали. Еще с огородов набрали всяких овощей да яблок зеленых — с деревьев. Запекли с козлятиной — неплохо получилось.

Так что, сытые и довольные, мы легли спать. Хорошо хоть Ове сообразил отвести драккар от берега и поставить на якорь посередине русла.

Только-только зашла луна, как от берега отчалило с десятков примитивных лодок, полных разгневанных англосаксов... Ну или какой там они в этом веке национальности. И плыли они, что характерно, резать нас.

Не срослось. Дежуривший на стреме Хагстейн услышал возню на берегу даже раньше, чем они отвалили. И тихонечко разбудил всех остальных. Это он молодец! Прошляпил бы — случилась бы беда. Мы ведь даже без брони спали, совсем расслабились в компании с Рагнарсонами.

А так вышло очень даже неплохо.

Только англичане подобрались, как над бортами встали страшные викинги и обрушили на мстителей «гнев железа и крови».

Отбились, короче.

На следующую ночь я уже не рассылал мелких команд, а отправил за пропитанием сразу полный десяток, причем из опытных бойцов.

Напасть на них никто не рискнул (или некому было), зато и добычи они не нашли, считай, никакой. Мешок старого овса да килограмма три овощей.

Наученный опытом, я, после заката, велел плыть дальше, причем последние полмили мы двигались практически в полной темноте. Но в нашем экипаже было достаточно «сов», и мы ни на что не сели и ни во что не врезались.

Ночь прошла спокойно.

А потом началось самое интересное: мы вышли из «ненаселенки» и поплыли вдоль берегов, где жизнь уже начала восстанавливаться.

Конечно, увидев хищный драконий нос, английские простолюдины дергали от реки со скоростью скутера, но, когда выяснялось, что драккар только один, да к тому же высадка страшных демонов не планируется, приободрялись и сообщали о нашем приближении тем, кто обитал ниже по течению.

На наше счастье, мы двигались достаточно быстро и довольно долго опережали новости о себе. Тем не менее у славного города Селби, пару недель назад выпотрошенного войском Рагнарсонов, нас ждали. И ждали нехорошо: аж целых четыре корабля, каждый из которых размерами заметно превосходил «Северного Змея».

И был бы нам трендец, если бы не искусство Ове и меткость Дикона, кото-

рый сумел подстрелить кормчего одного из английских кораблей как раз тогда, когда тот почти закончил маневр подставления борта под наш нос. «Англичанина» развернуло чуть больше, чем требовалось, и, вместо того чтобы загородить нам дорогу, он перекрыл сектор обстрела соседнему кораблю. Тогда Ове проревел команду грести враздрай, и мы, развернувшись на сто семьдесят, сумели уклониться от столкновения на глазах у изумленных англичан, которые, решив, что мы собирается идти на abordаж (а как еще объяснить такой маневр?), тут же выстроились вдоль борта, оцетинившись копьями.

Изумительное мастерство плюс куча везения — и мы выскользнули из захлопнувшейся ловушки, считай, «полицейским разворотом», если пользоваться автомобильной терминологией. Еще хорошо, что поначалу в нас не стреляли. Видно, надеялись взять живьем и повеселиться. Повезло, короче. Среди англичан попадаются превосходные стрелки, уж я-то знаю. А когда мы проскочили, метать в нас стрелы стало уже бесполезно. Носовой изгиб защищал. Да и мы со щитами тоже не спали, оберегая себя и гребцов.

Прорвались. Так, задним ходом, и ушли. Развернулись уже за излучиной.

Однако с тех пор нам ни разу даже нормально выспаться не удалось.

Каждую ночь нам пытались устроить пакость. Каждый день нас пытались подстрелить, посадить на плавучие бревна, заманить на мель. На сушу мы высаживались только в самых труднодоступных местах: там, где берег был заболочен или на островах. Хорошо хоть вода под нами была пресной и с рыбой всё в порядке. Да и с птицей тоже, особенно на болотах. Сбить стрелами десятков гусей-уток нашим лучникам удавалось без труда.

В бой мы не вступали, даже когда нас пытались взять на abordаж совсем ничтожные с военной точки зрения отряды.

Гоняться за нами на рыбацких лодочках было бессмысленно, потому мы просто снимались с якоря (ночь, день — неважно), легко отрывались от преследования и становились на якорь полумилей ниже по течению.

В общем, всё шло неплохо. До сегодняшнего дня. Когда нас прижали. Основательно.

Мы знали, что впереди — мост. Во-первых, у нас были отличные проводники, во-вторых, даже я его запомнил, когда мы поднимались вверх по течению. Хороший был мост. Длинный, на каменных «быках». Было у меня серьезное подозрение, что первый его вариант построили те ребята, что веков этак шесть-семь назад возвели стены, за которыми прятался король Нортумбрии. Настил моста, само собой, многократно меняли, но основа оставалась прежняя.

Когда мы шли наверх, по приказу Ивара мост был разрушен. Нам он ни к чему, тем более мачты снимать — никакого желания. Само собой, «быки» остались нетронутыми. И сейчас мост собрали заново.

Технически проплыть под мостом нам было несложно. Мачта снята, идем на веслах. Но мост, к сожалению, не только настелили по новой, но вдобавок выстроили на нем около полусотни недружелюбно настроенных ребят с луками, копьями и всякими тяжелыми предметами.

А чтобы нам не пришлось в голову переждать, пока комиссии по встрече на-

скучит нас встречать, вслед нам вышли три английских высокобортных корыта, издали напоминающих пародию на кнорр, а вблизи — здоровенные плавающие бочки, распиленные напополам.

Двигались «бочки» неспешно: ветер порывистый, паруса то вздувались, то опадали. Хотя куда им спешить. Мы ведь — в ловушке. Дорога вниз по реке перекрыта. Вверх... Даже если бы я видел смысл в том, чтобы повернуть назад, прорваться мимо «бочек», даже с нашим абсолютным превосходством в скорости и маневре, так же рискованно, как и пытаться пройти под мостом. На палубах неуклюжих английских плавсредств толпилась чертова прорва разгневанных англичан, так и пышущих желанием порешить нас особенно неприятным способом.

Устраивать дуэль лучников, что с теми, кто «пас» на мосту, что с «бочкоплователями», — чистое самоубийство.

Вступить в честный бой и утянуть с собой как можно больше ворогов, дабы прислуживали нам в Валхалле?

Не знаю, как для большинства моих хирдманов, но меня такой вариант не привлекал. Да и парни мои... Они же профессионалы, а не любители и дерутся исключительно за деньги или типа того.

А если всё же попробовать проскочить под мостом? Ох, маловероятно. От стрел мы еще как-нибудь сумеем защититься, но от уроненного с трех метров булдыгана — вряд ли. Хряснет таким о палубу — и кирдык. И палубному настилу, и днищу, скорее всего. Даже потрясающая гибкость обшивки, боюсь, не уберезет.

Да и сами мы окажемся — как курицы в курятнике. Деться некуда. Защиты сверху — практически никакой... Пара залпов — и половины экипажа у нас нет.

Я поглядел на Ове...

Кормчий думал. Напряженно.

— Проскочим? — спросил я с надеждой.

— Остановить нас они не смогут, — без особого воодушевления сообщил Ове. — Разгоним драккар, насколько сможем... Кто-нибудь, может, уцелеет.

В этом он прав. Чем быстрее мы плывем, тем меньше время опасного контакта. Но он всё равно будет — никуда не денешься.

— Может, палубу чем-то прикрыть? — осторожно предложил я. — Как-то лучше...

В общем-то палуба у нас и так прикрыта. Добычей, в первую очередь. Если сброшенный булдыган угодит на куль с шерстью или туго скрученный рулон ткани... Или вот хотя бы на гобелен, который я позаимствовал из кельи настоятеля бенедиктинцев, то всё, может, и обойдется. Но булдыганов будет много. Мешков на всех не хватит. Опять-таки гребцов мешками не прикроешь... Или — прикроешь? Я не успел додумать мысль, как Ове процедил:

— Худо, хёвдинг. Продырявят нас. Хоть собой палубу закрывай.

— А если веслами их? — решил поучаствовать в дискуссии Ренди Черный.

Ове глянул на него так, что парень тут же прикусил язык. Но всё же снизошел до объяснения:

— А сломаешь весло, чем грести будешь? Хотелкой своей?

А я напряженно думал: мысль вертелась в голове, вроде такая доступная и легкая, но нехватишь...

— Черепаха, — наконец выдавил я.

— Чего?

— Вспомни, как мы строимся, когда к крепости подходим. Или перед боем...

— А-а-а... Ну и что? Соберем мы такой строй, сами, может, убережемся, а драккар — как же? Опять же — грести кто будет? Эх, несчастлива моя судьба, хёвдинг! Зря ты меня в кормчие взял!

Но мысль уже выкристаллизовалась.

— А зачем грести? — поинтересовался я. Ове уставился на меня, не понимая.

— Мы разгоним корабль, — сказал я. — Разгоним, насколько сможем, а потом все упадем на палубу и прикроемся, кто чем может. И палубу тоже прикроем, насколько получится.

— И что? — пожал могучими плечами Ове, покосился назад: английские «бочки» безнадежно отстали. Хотя им точно спешить некуда. — Нам достаточно одной дыры в днище, чтобы отправиться к рыбам. А будь я на их месте, — кивок в сторону моста, — я бы нашел, куда каменюку бросить. Может, вверх по реке обратно пойти, а, хёвдинг? Река здесь широкая, обойдем эти колоды и двинем обратно к Ивару?

— Ты сам веришь в то, что сказал? — поинтересовался я. — Нас все травмили, даже когда особо и не ждали. А теперь что же — перестанут? А тут мы еще вверх по течению пойдем?

— Да я так, предложил... — проворчал Ове Толстый. — «Змея» — жалко...

Кому — что. Мне вот жальче людей.

Так, план мой оказался кривым. Но другого нет. И что теперь?

В одном мы с Ове сошлись. Скорость, скорость и еще раз скорость!

— Einn! Tveir! Einn!..

Драккар летел птицей. Мост приближался... Там нас ждали. Представляю, с какой радостью. Попались, северные дьяволы! Вот мы вас сейчас!..

Англичане стояли так плотно, даже посчитать их было трудно. Точно не меньше сотни. Глупая мысль... Перил-то нет, как бы они в воду не посыпались? Хотя почему глупая?

Есть!

— Слушайте все! — проревел я. — По моей команде все разом сушат весла, — (нет, по этой команде весла поднимают вверх, а это совсем лишнее). — Нет, не сушат, втягивают. По команде «бей» каждый хватает копьё и мечет его в англичанишек! А потом падает, накрывается щитом, мешком, чем угодно и молит богов о спасении! Вихорёк! Раздай копьё, чтоб были под рукой. И все запасные щиты — к скамьям. Всем присмотреть место куда падать и чем прикрываться. Каппи, Тори, вы прикрываете еще и Гренделя! Все слышали?

Слышали все. Хотя никто не обольщался. Кроме меня. Я неплохо представлял, что такое скандинавский бросок копьё в полную силу с короткой дистанции. Щитоносца выносит только так. С ног сбивает и его, и того, кто сзади. А тут — узкий настил, скученность, отсутствие перил... А еще и страх поможет: те, кому копьё не достанется, а таких будет подавляющее большинство, могут просто инстинктивно податься назад. И с другой стороны тут же посыплется народишко. Может, прямо на нас и посыплется, но с этим как-нибудь разберемся. Когда проскочим. Если проскочим...

Ага, начался фланговый обстрел. Тоже с моста. Я переместился поближе к

Ове, стараясь не закрывать ему обзор, но сбивать стрелы. Даже на такой дистанции они могут быть опасны, если угодят в незащищенное место. Гребцы пригнулись пониже. Так их лучше закрывали щиты над бортами. Бить навесом по такой быстро движущейся цели, да еще при порывистом ветре — затруднительно. Время от времени раздавался звонкий удар: это кому-то из гребцов прилетало по шлему. Тоже удовольствие маленькое, надо отметить. Я пару раз видел, как выпущенная с короткой дистанции стрела, даже не пробив шлем, выводила бойца из строя. Но то — в упор.

— Раз! Раз! Два!.. — рычал Ове, заставляя гребцов всё прибавлять темп. Драккар летел со скоростью почти невероятной. Думаю, километров до двадцати с хвостиком в час разогнался. Я видел, как пот заливает глаза гребцов...

Так, молодец, Вихорёк! Швырковые копья есть у всех.

— Готовсь! — проревел я.

Пятьдесят метров... Англичане перестали стрелять. Ближайшие — изготовились. Будут бить в упор, всем, что есть. Стрелами, камнями, обрубками древесных стволов...

— Весла убрать!

Весла выдернуты из лючков, брошены поперек корабля. Минус две секунды.

— Бей!

Полтора десятка копий. Сила броска плюс наша скорость.

Я не стал смотреть, каков результат. Никто не стал. Все мы упали кто куда, прикрываясь щитами, тюками, втискиваясь между скамей... Мы с Ове сжались в комочки (особенно нелегко это далось восьмипудовому Толстому), втиснулись в «раковину» кормы, прикрылись щитами, в которые тут же застучали стрелы... Но как-то хиленько. Ни одна не пробила основу. Несколько глухих ударов, громкий треск, заставивший нас напрячься... Если сейчас нам на ноги хлынет вода — мы покойники.

И вот уже стрелы лупят по «раковине» снаружи и плещут вокруг, бессмысленно падая в воду.

Я опустил щит и первым делом поглядел под ноги. Воды не было. Так, брызги. Драккар продолжал скользить, постепенно сбавляя скорость. Но точно по середине потока — Ове цел и крепко держит кормило.

Позади вопили англичане.

И еще кто-то кричал на носу, громко, надрывно.

Кто — я не видел. Хирдманы поднимались с палубы, не дожидаясь команды, рассаживались по уцелевшим (две были сломаны) скамьям, разбирали уцелевшие весла. Надо уходить, надо грести. Потери можно посчитать позже. Мой план удался.

Мы потеряли двоих: Ренди Черного и Гренделя. Черный не успел укрыться, и стрела угодила ему прямо в глаз. Гренделю пришлось подарить легкую смерть. На него рухнуло бревно, разможившее ему тазовые кости. Я велел Каппи и Тори прикрыть его, но те были не виноваты. Бревно весило под сто кило и было заострено с одного конца. Надо полагать, им собирались пробить днище драккара. Наш копейный залп «сбил наводку», и бревно перевернулось в воздухе, разбило щит, сломало руку Тори и добило Гренделя.

Больше серьезных потерь у нас не было. Страшно кричал англичанин,

упавший с моста животом на борт. Его доби́ли и выкинули в реку.

Когда мы убрались достаточно далеко, мои парни устроили мне что-то вроде ова́ции.

Хотя сам я очень сомневался, что придумал что-то особенное. И еще мне было жаль дренгов, Ренди и Гренделя. В их смерти была и моя вина. Это только кажется, что всё решила случайность. Случайность в бою — это часть самого боя. Кто-то чуть затормозил, кто-то неправильно встал... Только выходит, что от таких вроде бы случайных причин гибнут обычно самые молодые и неопытные. Может, это и есть тот искусственный отбор, который выковал из скандинавов лучших воинов эпохи?

Я сколько угодно мог себя утешать подобным образом, но факт оставался фактом: из семи сёлундских тинейджеров, которых я в начале лета взял на обучение, в живых осталось четверо. И вина в этом тоже была моя. С таким уровнем подготовки их нельзя было брать в поход. С другой стороны, Скиди я взял, и он сейчас — крут. И Вихорёк тоже жив. А Хавур и Каппи очень быстро нарабатывают опыт. Может быть, потому, что их военное обучение началось еще до меня?

Вывод: стоит лучше присматривать за теми, кто уцелел. И подумать над тем, как правильно формировать команду. То, что я потерял трех плохо обученных бойцов и одного — слишком старого, чтобы воевать, говорит о многом.

А рана моя зажила. Спустя две недели я уже разрабатывал руку, стараясь позабыть о том, какого страха натерпелся. Требовалось выкинуть этот страх не только из мыслей, но даже из подсознания, потому что такой неуправляемый страх крайне опасен в бою, ведь трус теряет самое главное. Он теряет кураж. То, что местные называют верой в собственную удачу. Уверенность: ты можешь разить врагов, а до тебя они ни за что не дотянутся.

Воин не должен бояться погибнуть, потому что тогда он станет хреновым воином. Таким же хреновым, как тот боксер, который боится получить по морде. То есть боксер вовсе не обязан позволять бить себя по морде, совсем наоборот. Но допускать такую *возможность* — непременно. И не трусить.

Собственно смерти я не боялся. Да ее вообще нет, смерти, я был в этом практически уверен. Моей главной страшилкой всегда был страх стать калеккой. И этот страх появился не здесь. Я привез его с собой из своего времени. Но до сих пор я умел держать этот страх в узде. Надеюсь, сумею впредь. А моя рана... Что ж, она тоже меня кое-чему научила. Например, не забывать о том, что любой воин в бою, не исключая меня, это человек, над которым безостановочно вращаются гигантские лопасти транспортного вертолета. Стоит поднять эту самую голову выше допустимого уровня — и этот «транспорт» тут же отправит тебя в иные миры: Хель, Валхаллу, ад или Ирий...

А мне туда не надо. Мне пока что и в этом мире очень нравится.

Глава двадцать восьмая, в которой герой попадает на поминки по-скандинавски

Мы вернулись. Опять — с добычей. И опять — не все.

Но на этот раз я сразу сказал Медвежонку, заявившему о необходимости дополнительного набора: согласен, но с оговоркой. Никаких новобранцев. То есть я не против того, чтобы он собрал отряд из местных недорослей и за-

нялся его тренировкой, но видеть их на руках раньше, чем они достигнут приличного уровня, не желаю. И всю идеологию: мол, боги сами выберут тех, кто им люб, — отмел категорически.

— Брат мой, — произнес я проникновенно. — У нас с тобой есть небольшой кнорр и такой же небольшой драккар. И я хочу, возвращаясь домой с добычей, иметь на руках полную команду хирдманов, а не тех, кого «выбрали боги», потому что боги, как мне подсказывает опыт, не станут грести вместо тех, кого они не выбрали.

Само собой, настоящая мотивация у меня была другая, но, заикнись я о том, что не хочу, чтобы плохо обученная молодежь гибла из-за недостатка подготовки, Свартхёвди меня не понял бы. Для них такой «отсев» — обычная практика.

Медвежонок поворчал немного, но в конце концов согласился. И немедленно объявил набор молодежи на личные курсы боевой подготовки. Причем на сей раз не у меня в поместье, а в собственном одале. Причем не забыв на этом нажиться, то есть собрать с папаш «рекрутов» щедрые подарки и дополнительное финансирование проекта.

А вот для набора настоящих хирдманов мы отправились в Роскилле. Мы — это я, Свартхёвди и Лейф Весельчак, прочно занявший в хирде третье место после Медвежонка. Но забрал я его с собой не только поэтому. Брутальный красавчик оказывал знаки внимания моей невесте. Нет, всё культурно, ничего непозволительного. Но, по-моему, красота Гудрун поразила его в самое сердце, и это следовало немедленно исправить, ограничив их общение. Само собой, я не сомневался ни в Гудрун, ни в Лейфе. Лишнего они себе точно не позволят. Но лучше, если Весельчак изберет в качестве объекта влечения кого-нибудь другого. А в Роскилле с этим проблем точно не будет. Там сейчас девиц-красавиц больше, чем в любой другой местности Дании. Как говорится, где денежки, там и девушки. Ну а чтобы совместить полезное с приятным, я загрузил пару телег всяким трофейным имуществом и прихватил с собой Хавчика. Для торговых операций. Настоящее имя Хавчика звучит как Хаучек или вроде того, но, с тех пор как пару лет назад я извлек его из трюма работорговцев, я имею полное право звать его как пожелаю. Хавчик — мой раб по собственному желанию.

Более того, я считаю, что он — лучший из моих рабов. Самый полезный и ничуть не тяготящийся своим рабским статусом, поскольку все мои попытки дать ему волю Хавчик отвергал с негодованием.

Кроме Медвежонка, Лейфа и Хавчика, я взял Вихорька. Как названного сына. Ну и второй телегой править. Не сядем же мы со Свартхёвди на места извозчиков! Несолидно. Мы поедем на белых конях (в прямом смысле, то есть действительно белых), в лучшей одежде, как настоящие феодалы...

Хотя я бы предпочел, конечно, телегу. Валяться и глядеть в небо мне нравится больше, чем трюхать по дороге, полируя штанами седло.

По дороге заехали к родичам Ренди Черного. Покойного Ренди. Отдали долю... И застряли на три дня.

Нет, я не понимаю. Живу здесь уже хрен знает сколько времени. Но — не понимаю. Как смерть брата может быть поводом для праздника?

Абсурд.

Старший брат убитого, Сван Черный, упился в хлам, раз за разом поднимая

тост за младшего, с которым непременно будет сидеть в Валхалле на одной скамье. А посередине — их покойный папа, зарубленный фризами, но утянувший на ту сторону сразу троих врагов.

А мама Свана и Ренди глядела на последнего живого сына с обожанием и утирала слезы восторга. Хотя, может, я неправ, и она оплакивала младшего сына. А вот ее невестка, жена Черного Лебедя[159], смеялась вместе с мужем и всё время трогала дорогую заколку, добытую Ренди и только что подаренную ей старшим братом убитого.

Хотя, может, я опять неправ, и женщина просто была очень пьяна.

Эти дикие поминки продолжались без малого трое суток. И к концу последних я вдруг понял, что совсем не против, если мне устроят такие же. Чтобы куча народу смеялась и пела, вспоминая, каким я был славным парнем и сколько замечательных подвигов совершил.

А понял я это, когда Медвежонок склонился ко мне и проорал в ухо, перекрывая шум, о том, как здорово нашему дренгу Ренди Черному глядеть на нас сверху и видеть, как мы им гордимся и как радуемся за него.

Вот тогда я встал и заплетающимся от выпитого и усталости языком провозгласил славу Ренди, который шел в первых рядах Иварова войска и потому был одним из первых поражен стрелой. А еще я рассказал о том, как он помог мне, раненому (продемонстрировав розовеющие шрамы на руке), выйти из боя. И как мужественно прикрыл щитом и собственным телом днище нашего драккара от огромного камня, который нечеловеческим усилием низвергли на нас злобные англ.

И тогда старший брат Ренди обнял меня и, уткнувшись мне в лицо мокрой от слюней и пива бородищей, назвал меня любимейшим из родичей и попытался подарить цепь со своей шеи. Но, к счастью, не смог ее снять сразу, а через полминуты забыл, зачем начал ее стаскивать, уткнулся мне в плечо и заснул.

И к этому времени за столом остались только трое: мы с Медвежоном и мать Свана и Ренди.

И мы с Медвежоном продолжали пить, наливая сами себе, потому что вся прислуга обоюга пола уже была — в лежку.

А мать моего дренга смотрела на нас и улыбалась всё той же замороженной улыбкой, и слезы текли по ее белым щекам...

* * *

— Этот норег, Лейф Весельчак... Что ты о нем скажешь, мама?

— Думаю, он хороший воин, — осторожно ответила Рунгерд. — Так я слышала. Твой будущий муж побил его в поединке и взял в свой хирд. Вот все, что я знаю. А почему ты о нем спрашиваешь?

— Он меня беспокоит. Смотрит на меня как кот на птицу. Зазеваешься — прыгнет и схватит.

— Скажешь Ульфю?

— О чем? Что — смотрит? Так почти все мужчины так на меня смотрят.

— Что же тогда тебя тревожит?

— Не знаю. Он мне не нравится. Чувствую нехорошее что-то... Может, спросишь у богов, что мне от него ждать?

— Ничего, — отрезала Рунгерд. — Забудь о нем, дочь. Норег — викинг. И он принес клятву Ульфю-хёвдингу, так что он не посмеет причинить тебе вреда.

Боги ему не простят. К тому же я — и ты об этом знаешь — уже раскладывала руны, и они сказали мне, что муж сделает тебя счастливой. Не стоит докучать богам вопросами. Что тебе до какого-то там норегга...

— И верно, — согласилась Гудрун. — Нет мне до него дела. Однако он все равно меня беспокоит. Лучше бы Ульф не брал его в хирд.

— А вот это уж точно не твое дело! — заявила Рунгерд. — И не вздумай сказать такое будущему мужу. Если он захочет тебя побить за такие слова, это будет правильно.

— Ма-ама! Конечно, я не стану ему такое говорить. А вот ты бы — могла. А лучше скажи брату. К словам брата Ульф точно прислушается!

— Может быть. Зато сам Свартхёвди не станет меня слушать. Негоже женщинам лезть в дела мужчин. Это может лишить их удачи. Не обращай на норегга внимания, вот и все.

— Не буду, — пообещала девушка.

Но уверенности в ее голосе не чувствовалось.

Глава двадцать девятая Пир Рагнара Лотброка

— Рагнар! Конунг! — Я не поклонился, и уж тем более не пал ниц. Здесь такое не принято.

Однако лицом выразил почтение и преданность. И вручил подарок. От нас с Медвежонок. Головной убор английского архиерея.

Идея была не моя. Более того, лично я был против, но Медвежонок настоял. Сёлунд — это вотчина Рагнара, и ему положено. Да, с таких, как мы, конунг не требует дани, потому что и без того богат. Но если мы рассчитываем на его защиту и покровительство, надо занести. Тем более что за Рагнарсом не заржавеет. Вон он мне какую цепку подарил. Со своего плеча.

Ну да. Он мне — цепку, а я ему — Париж.

Но Свартхёвди прав. Без подарка к конунгу приходиться — неправильно. И английская мирта, или митра, или как там это называется, — вполне годится. Вещь, на мой взгляд, совершенно безвкусная, зато богатая. Золото, серебро, камешки.

Вручил, короче. От себя и брата Свартхёвди.

Конунг даже не поблагодарил. Развернул, глянул... И небрежно сунул кому-то из прислуги. Мол, прибери.

— Ульф. Сядь.

Какой он всё-таки большой, Рагнар Лотброк. Причем не размерами. Харизмой. Как-то так сразу понимаешь: он здесь главный. Хотя вокруг — тоже отнюдь не мелочь. Ярлы. Громадные, мясистые, разодетые в самое лучшее, увешанные драгоценностями и оружием. Самые успешные и эффективные убийцы этого времени. Из всех, кого я знаю, только Хрёрек Сокол мог бы смотреться рядом с ними — равным. Ну и Рагнарсоны, разумеется. Их место — около папы. Около, но не рядом. Рядом — никого.

Лотброк — единственный.

— Говори.

— Когда я уходил, Ивар стоял у стен города Йорка.

— Почему?

— Это крепкие стены, из хорошего камня... — начал я, но Рагнар перебил:

— Почему ты ушел?

— Я сделал, что обещал, — настороженно проговорил я. — Нашел людей, которые знают те земли и воды...

— Почему ты ушел?

Вопрос жизни и смерти. Если конунг подумает, что я сбежал или, хуже того, рассорился с его сыном, последствия непредсказуемы.

Но я нашел подходящий ответ:

— Я ушел, конунг, потому что мне стало скучно.

Рагнару потребовалось некоторое время, чтобы переварить мою реплику. Остальные тоже помалкивали. Похоже, я сумел удивить это сборище профессиональных убийц.

Взгляд Рагнара потеплел. Затем он распахнул пасть и оглушительно расхохотался.

— Скучно!.. — прорычал он сквозь смех. — Скучно!.. С моим Иваром!.. Га-га-га!

Теперь комизм ситуации дошел до остальной сёлундской элиты, и веселье хлынуло потоком. Вернее, разразилось громом.

Но поохотали — и будет.

Рагнар промочил горло пивасиком. Велел поднести и мне. А затем потребовал развернутого ответа.

И получил его.

В предельно корректной форме я сообщил конунгу, что мы, то бишь его сыновья, победно добрались до столицы Нортумбрии. Где и застряли. Потому что городишко этот окружен стенами не хуже парижских, а со стратегической точки зрения так даже и лучше парижских. Посему теми силами, что есть у Ивара с Уббой, город не взять. А грабить окрестности — ну неинтересно это для тех, кто еще недавно выпотрошил Францию. Не говоря уже об Испании, Италии и т. п. Тут же я и елейчику подлил: мол, Ивар велик, и я его очень уважаю, но папа его на-амного круче! Вот, когда папа сам пойдет потрошить английские королевства, тогда действительно будет веселуха.

— Значит, там есть что потрошить? — поинтересовался папа Рагнар.

— Есть кое-что...

С Францией не сравнить, поведал я, но серебришко водится. А главное — земля там отличная и трэли работающие. Так что я не против обзавестись там хорошеньким поместьем. Тем более что мне и Бескостный что-то подобное обещал. Хорошая земля. Трудлюбивые рабы. Что еще надо викингу, чтобы встретить старость? А что у земли и рабов пока есть местные хозяева-ярлы, так это вопрос чисто технический.

Так вот искусно я сместил интерес корыстной кодлы с себя, любимого, на дележку шкуры английского медведя. Или льва. Вид носителя шкуры в данном случае не имел значения. Драконы викингов рвали всех зверушек.

В общем, потрафил я датским воякам. И Рагнару, в частности. Удостоился приглашения на ужин. С друзьями.

Лейф был счастлив. Оказаться за одним столом с самым геройским конунгом Севера! Пока мы топали на пир, он мне раз тридцать повторил, как он был прав, когда встал под мое знамя.

Медвежонок счастьем не лучился. Его терзал синдром абстиненции.

Раньше я у своего побратима подобных симптомов не наблюдал. Естествен-

но, мне стало интересно: сколько пива должен выжрать молодой здоровый викинг, чтобы его терзала похмельюга? Я спросил. Медвежонок, страдальчески поморщившись, дал ответ развернутый, но неопределенный. Количества он не знал. Пили они со Сваном Черным. Пили обычное местное пиво. Пили английский эль — в память об Англии. Пили купленное у фризского купца винище. В память о Франции. И всё это — на старые, так сказать, многодневные дрожжи.

Словом, пили много, разное, в разных местах и в разных компаниях. Очень разных... Тут Медвежонок пощупал гениталии и добавил, что девок тоже было много. Разных. И оттого у него теперь... некоторый дискомфорт.

— Только ли — девок? — подколол Медвежонок Весельчак.

Побратим глянул на норега сумрачно и пообещал обойтись с ним как с девкой, если тот еще раз сострит в том же ключе.

Лейф захохотал и заявил, что ничем не рискует, потому что в нынешнем своем состоянии Свартхёвди не способен поймать даже параличную старуху, коли та не захочет ему дать.

Свартхёвди буркнул, что Лейф, видать, большой знаток старух и знает, о чем говорит...

Мне следовало бы напомнить, что мы прибыли сюда не пьянствовать, а вербовать бойцов в хирд, но это было бы несправедливо, поскольку я сам вел их сейчас на самую грандиозную пьянку острова Сёлунд.

Так они и препирались, пока мы не дошли до Рагнарва «дворца».

Попойка, впрочем, еще не началась. Конунг восседал посреди двора и вершил суд.

— ...И тогда этот человек сказал, что мои родичи не знают ни закона, ни чести! — вопил высоченный плечистый мужик в войлочной шляпе с пером. — Ну как мне после таких слов было не ударить его!

— Ты, Бейнир, сам хулу на моих родичей вещал! — заорал второй сутяжник, коренастый немолодой датчанин с мечом у пояса. — И ты первым ударил меня!

— Я ударил тебя поленом! — гневно заверещал Бейнир. — А ты меня, Снеульф, ты поразил меня топором! Ты пролил мою кровь! Три марки серебра — вот что я готов взять за такую обиду!

Эти слова здорово развеселили присутствующих. Кто-то крикнул, что за три марки готов хоть сейчас подставить голову.

Коренастый Снеульф заорал, что ударил он совсем слабо, и всё дело в том, что у его оппонента голова — никудышной крепости. А вот у самого Снеульфа — хорошая голова. Потому полено ее и не повредило. И вообще, это не дело, когда какой-то там Бейнир задирает людей получше себя, и более того, лупит их по голове. За такое Бейнира стоило бы убить, но он, Снеульф, пожалел дурня. Исключительно из уважения к Рагнару-конунгу, который один лишь должен вершить суд и расправу на Сёлунде.

Рагнару лесть понравилась. Он даже кивнул благосклонно.

Тут разорались сторонники Бейнира. Да так, что Лотброку пришлось сделать знак своим людям, чтоб те уняли горлопанов.

Несколько смачных ударов древками восстановили порядок и благолепие.

— Продолжай, — велел Снеульфу Рагнар. — Расскажи, что было дальше.

А дальше был ответный наезд. Вернее, попытка наезда. Бейнир подлечил травму и с вооруженными родичами заявился в поместье обидчика. Снеульф вышел навстречу со своей родней и поинтересовался: какого хрена?

Супротивник вместо ответа зафигачил в него копьем с десяти шагов. Копье пробило щит, но самому Снеульфу вреда не причинило.

Тут вмешались родичи с обеих сторон, которые не имели ни малейшего желания погибать из-за глупой ссоры, и порчей щита всё и закончилось. Да еще порешили вынести распрю на суд конунга, что и произошло.

— Я всё понял, — пророкотал Рагнар. — И думаю, что вам стоит пойти на мировую. Да, Снеульф пролил твою кровь, Бейнир, но ты ударил первым, и только крепость его головы уберегла тебя от пролития крови. А будь голова Снеульфа послабее, так ты бы оказался виновен, и виновен полностью, как виновен был бы Снеульф, ударь он тебя лезвием топора, потому что тогда ты бы уже не смог прийти на эту тяжбу. Я знаю Снеульфа, ведь он ходил дренгом у моего отца, и я знаю, что рука у него — верная.

— У меня тоже верная рука! — возразил Бейнир. — И оружие у меня тоже есть, но я не стал хвататься за него, а ударил деревом, потому что Снеульф хоть и сед бородой, но ума не набрался. Вел себя как годовалый бычок. А бычка, ясное дело, бьют не железом, а палкой!

Тут заорали уже сторонники Снеульфа. Особенно горячились его сыновья. Один даже схватился за секиру, но схлопотал по загривку от Рагнарова хирдмана и успокоился.

— Вижу: вы не хотите решить дело миром, — констатировал конунг.

— Мировой не бывать, пока я не получу три марки! — заявил Бейнир.

— Железо в глотку ты получишь, а не мое серебро! — гаркнул в ответ Снеульф.

— Что ж, — резюмировал Рагнар. — Раз мой суд вас не удовлетворил, пусть боги решают, кто из вас прав.

Вот тут радостно заорали практически все присутствующие. Хольмганг!

Живенько освободили место. Разобрались с оружием: по копьё и щиту на брата. Плюс мечи. Совместно решили: оружие замене не подлежит.

Я поглядел на Медвежонка. Надо же! Похмелье — как рукой. Бодрячком, глаза блестят. Уже бьется о заклад с каким-то хирдманом. «Плавленный» эйрир — против Снеульфа.

А я поставил на седобородого. Пусть он старше, но выглядит авторитетнее. И меч у него лучше.

Соперники нацепили шлемы и встали друг против друга.

— Ты — полное ничтожество, Бейнир, — сообщил противнику Снеульф. — Всё, на что ты способен, — ударить исподтишка.

— Это ты ничтожество, Снеульф! — закричал соперник. — Если в тебе есть хоть чуть-чуть отваги, подойди и напади на меня!

— За мной — один бросок копья, ты, жалкий свинопас! — воскликнул Снеульф и метнул копье в противника.

Отличный бросок. Щит пробило насквозь. И даже плечо зацепило. Но так, несильно.

И тут Бейнир показал, что он храбрый мужик. Свое копье бросать не стал, а схватил его для надежности двумя руками и устремился на врага.

Будь на месте Снеульфа любой из моих дренгов, он бы с легкостью уклонился от такого кабаньего наскока. Снеульф не уклонился. Может, просто не захотел. Решил встретить врага грудь в грудь. Тем более что у него оставался щит, а меч уже покинул ножны.

Ошибочка вышла. Не учел старый боец веса противника. А может, не хватило крепости руки — пустить удар вскользь.

Копье Бейнира пробило щит и ударило Снеульфа в живот. Да с такой силой, что наконечник показался из спины.

Зрители заорали восторженно. Свартхёвди радостно треснул по спине хирдмана, с которым побился о заклад.

Однако это было не все.

Снеульф оказался настоящим воином. Надевшись на копье, будто разъяренный зверь, старый боец рванулся навстречу праздновавшему победу врагу и со страшной силой рубанул его по плечу.

Видать, в преддверии смерти силы Снеульфа утроились, потому что руку противнику он снес напрочь.

На второй удар — по голове — сил Снеульфу уже не хватило, но правильное посмертие он себе обеспечил: его враг умер раньше. Правда, пережил его Снеульф лишь на пару очень неприятных минут: скончался, когда вынули копье.

— Отличное начало для конунгова пира! — воскликнул довольный Свартхёвди, забирая выигрыш.

Я так не считал. И вовсе не потому, что мой кошель полегчал на горсть дирхемов.

Два правильных мужика убили друг друга из-за драки годовой давности. И кто от этого выиграл? А выиграл, разумеется, Один. Его полку прибыло.

— Хочу услышать, как воюют мои сыновья! — потребовал Рагнар.

Ну да, все выпили, покушали, пришло время сказочника.

Ладно, мне не влом.

Встал. Рассказал. С подробностями. То есть чтоб всем было понятно: круче Уббы только Ивар, а круче Ивара — лишь Один да папа Рагнар. Ну а супротивники-англичане статью все как один — инеистые великаны. А король ихний живет в крепости со стенами под небеса, но всё равно готов выложить золотишко, потому что испугался Рагнарсонов до... Полной потери контроля над сфинктерами.

Всем понравилось.

В том числе — нынешней, и второй по счету, жене Рагнара Аслаут, дочери знаменитого Сигурда Убийцы Фафнира. Все ныне живущие сыновья Рагнара — от этой женщины. Впечатляющая дама. Под стать могучему мужу. Мне рассказывали: в отсутствие мужа она сама водила в бой войско. Верю.

После меня на сцену выпустили профессионала. Скальда. Тот, не будь дурак, начал выступление с роскошной драпы[160] в честь хозяина. То есть сначала скальд скромно попросил выслушать его сочинение (никто не возражал, ясное дело), а затем в поэтической форме изложил краткую историю рождения, происхождения и матримониальных связей конунга Рагнара, кои начались с завоевания первой жены Рагнара, Торы Горной Оленицы, у коей в качестве личной охраны жил некий «воспитанный Торой от яйца» суперзмей, ко-

торый, как утверждал скальд, «лежал, обвившись вокруг амбара, положив голову на кончик хвоста», а кушал по быку в день. А также всех тех, кто имел неосторожность приблизиться к чудовищу без вышеупомянутого быка. Естественно, что ярл-папаша прекрасной Торы очень огорчился по поводу таких расходов и пообещал дочь тому, кто прикончит чудовище. Рагнар вызов принял. Чудовище убил[161] и получил желанный приз. А когда Тора умерла (успев родить Рагнару двух сыновей), наш герой женился на своей нынешней, которая не имела сорокаметровую ядовитую змеюку в воспитанниках, но зато ее папаша звался Драконоубийцей.

Кстати, к сыновьям от первой жены Аслауг относилась как к родным. А когда те погибли, вернее, были убиты неким Эйстейном-конунгом из Упсалы, Аслауг (в отсутствие Рагнара) лично возглавила поход мщения. И позаботилась о том, чтобы Эйстейн отправился в Валхаллу.

Впрочем, об этом эпизоде из жизни Рагнаровой семьи скальд петть не стал, потому что Лотброку это не понравилось бы. Мало того что у него убили старших сыновей, так еще месть украли. Но жена как-то сумела его убедить в необходимости сделанного, так что в итоге он простил и ее, и общих сыновей, которые тоже приняли участие в наказании Эйстейна. Великая женщина. Кровь от крови скандинавских конунгов.

А скальд тем временем перешел на деяния-завоевания Рагнара Лотброка. И деяний сих было столько, что скальд раз десять прерывался, чтобы смочить горло пивасиком.

И каждый эпизод завершался рефреном о том, как радуются боги в Асгарде, что на земле есть такой великий конунг, как имярек. А прочие конунги Мидгарда шипят и плюются от зависти.

Упомянут был в саге и я. Вскользь. В виде некоего безымянного персонажа, которого конунг посылает к французскому королю, чтобы рассказать о том, как грозен и страшен (очередное развернутое описание) Рагнар. Король впечатлен рассказом и сваливает из Парижа, оставляя его Рагнару, а чтобы окончательно расположить великого конунга к себе, вдобавок к своей столице дарит Рагнару столько серебра, сколько могут увезти Рагнаровы корабли, которых у конунга — без счета.

И в заключение драпы — совсем маленькая просьба, которую можно сформулировать как: «ваше „спасибо“ положите в мой левый карман».

Просьба не осталась без внимания. Положили.

Потом пошли всякие состязания. Я не участвовал. Медвежонок — тоже. Он уснул. Видать, действительно тяжелая у него была ночь. Зато проявил себя Лейф Весельчак. Завоевал второе место в соревновании «подстриги друга топором».

Суть соревнования заключалась в том, что состязатели разбивались на пары. Один становился к стене, другой метал топор, стараясь воткнуть его поближе к голове первого. Потом соревнователи менялись местами.

Весельчак дошел до финала, причем дважды ему удавалось отхватить топором прядь волос соперника. Продул он тоже почетно: Хальфдану Рагнарсо-ну. Этот с шести шагов вбил в стену секиру прям впритирку к Лейфову черепу. Но не задел. Вообще никто никого не задел. Что удивительно, так как все состязавшиеся были изрядно навеселе.

Правда, «судейская коллегия» в лице Рагнара забракела нескольких кан-

дидатов без объяснения причин. Мол, сел на место и не чирикай. Я мог бы предположить, что Рагнар отбирал тех, в чьем мастерстве был уверен, но тогда Рагнар — просто прозорливец, потому что Лейфа он видел впервые. И допустил без вопросов.

Мой норег получил приз. Рог с пивом и девку. Рог — насовсем. Девку — попользоваться.

Рог Лейф осушил (после тоста за здоровье конунга) и сунул за пояс, а девку увел во двор. Больше в тот вечер я его не видел. Ну и отлично. Пусть сбросит балласт.

Занявший первое место Хальфдан удостоился одобрительного похлопывания по спине. Надо полагать, папаша не счел победу сынишки чем-то выдающимся.

Как я уже говорил: пили и кушали викинги так, словно это был их последний день. У цивилизованного человека от такой тьмы продуктов и напитков наверняка лопнул бы желудок, но у здешних гладкая мускулатура не хуже поперечно-полосатой. И всё же емкость скандинавских курсаков тоже ограничена, и, когда большая часть пирующих, подобно насосавшимся вампирам, отвалилась от стола, Рагнар Лотброк решил уделить мне еще немного времени. Сделал мне ручкой: поди сюда. Когда ручка по параметрам способна заменить гребную лопасть весла и принадлежит самому грозному из северных конунгов, игнорировать совершаемые ею жесты вредно для личного рейтинга.

— Ты не заболел, Черноголовый? — поинтересовался Рагнар, глядя на меня сверху. — Кушаешь совсем плохо даже для такого малыша.

— Я не кушаю, я закусываю, — парировал я.

Конунг ухмыльнулся. Рыкнул куда-то за мою спину:

— Льюва, налей-ка хёвдингу!

Льюва, девушка типа всё при ней, к тому же — из очень благородной семьи, судя по одежке и побрякушкам, набулькала мне полный рог, не упустив при этом случая прижаться ко мне поплотнее.

Рагнар ухмыльнулся вторично.

— Слыхал: ты скоро женишься, Черноголовый? На внучке Ормульфа Хальфдана? Я знал его. Будь я тогда конунгом, его убийца умер бы при свете дня. И не сразу. Тот, кто преступил закон Одина, должен висеть. В назидание другим. Скормить голову своего врага свиньям тоже неплохо, но не так назидательно.

Ага. Теперь я наконец узнал, как обошлись с головами, которые стали свадебным подарком Рунгерд. И понимаю, почему сама Рунгерд об этом помалкивала. Когда в остатке от свадебного дара — свинячье дерьмо, это как-то неприлично.

— Они все уродились красавицами, — доверительно сообщил Рагнар. — И дочь Ормульфа, и его внучка. И обе стали женами добрых воинов. Моих воинов. Тебе известно, что Сваре Медведь был моим хольдом некоторое время, пока наши пути не разошлись. Не хочешь спросить: почему так вышло?

— Хочу, — подтвердил я.

— Сваре Медведь слишком любил убивать, — сообщил конунг.

Надо же. Никогда не думал услышать сочетание «убивать» и «слишком» от Рагнара Лотброка.

— Ему пришлось уйти. В моем хирде только я решаю, когда и кого убить. Запомни это, Ульф Черноголовый. Это нужное знание для того, кто ходит под моим знаменем.

Не стану возражать.

— Сваре Медведь был в порядке, пока ходил со мной. Я заботился о нем. Я забочусь обо всех жителях Сёлунда, хотя и не собираю дани, как ты знаешь. Но некоторые из тех, кто находится под моим покровительством, время от времени делают мне подарки. Как ты сегодня.

И замолчал внушительно.

Я ждал продолжения, прихлебывая из рога. Пиво было недурное, но до того, что варит Гудрун, этому далеко.

— Мне сказали, твой вождь Хрёрек Сокол повел себя неправильно на суде у Харека Младшего, — полминуты спустя сообщил мне Рагнар то, что я и без того знал. — Это прискорбно. Мой сын Сигурд захочет возместить обиду, и это его право. Я не стану ему препятствовать, поскольку у Хрёрека Сокола нет надела на Сёлунде, и он никогда не вручал мне свой меч. Но ты, Ульф Черноголовый, не таков. И чем бы ни обернулась вражда меж моим сыном и Хрёреком, тебя она не коснется. Мой сын Ивар попросил меня об этом, но в этой просьбе не было нужды. Женись на внучке Ормульфа и живи спокойно под моим покровительством, Ульф Черноголовый. Здесь только я решаю, кому умереть, а кому жить. И всем моим сыновьям это известно. А теперь ступай и как следует повеселись. У тех, кто побывал на моем пиру, потом два дня кусок в глотку не лезет. Не помещается!

Захохотал. Хлопнул по столу и выкрикнул следующее имя. Ну да. Всё правильно. Подданные веселятся, а король — работает. Укрепляет властную вертикаль.

Что ж, меня его слова порадовали. За Хрёрека я не боялся: пусть враги его боятся, а вот за себя, признаться, чуток беспокоился. Теперь же, под личным покровительством Рагнара, мне действительно опасаться нечего. Если кто захочет меня избидеть, пусть заранее готовит веревку. Рагнар — лучшая «крыша» в Дании. Надеюсь, впрочем, что мне она не понадобится.

Тут я здорово ошибся и узнал об этом достаточно скоро. Но не будем забегать вперед. Тем более по такому скорбному поводу.

Глава тридцатая Свадьба

Лето близилось к завершению, а вестей от Хрёрека со товарищи по-прежнему не было. Я беспокоился. Хрёрек обещал не только быть на моей свадьбе, но и выступить в качестве «отца» жениха. Меня то есть. Он и мои братья хирдманы, согласно намеченному списку, должны были уже появиться на Сёлунде. А вот не появились. Я даже немного беспокоился: а не случилось ли чего? Конечно, Хрёрек — человек авторитетный и силы немалой, но всё же... Тем более — никаких вестей. Плюс нехорошие намеки Ивара насчет ссоры Хрёрека и Сигурда Змеиного Глаза...

Однако время поджимало. То есть лично мне было по фиг, когда играть свадьбу, тем более что мы с Гудрун уже полгода жили, так сказать, в гражданском браке. Невеста вела хозяйство на пару с Хавчиком, спала со мной в одной постели, и было нам хорошо. Куда торопиться? Однако, по местным понятиям,

существовало «благоприятное время» для заключения браков. И относились к этому здешние очень серьезно. Вплоть до того, что запросто могли перенести мероприятие еще на год. Тем более что мать моего сына Хельги и по совместительству — будущая теща вот уже две недели ходила мрачнее тучи. И не из-за ревности к собственной дочери (Боже упаси!), а только лишь потому, что некие приметы и результаты гаданий на наше совместное будущее ей категорически не нравились. При таком варианте перенос свадьбы на неблагоприятный временной интервал напрочь исключался. И мне даже было очень прозрачно намекнуто: реши я настаивать, и моя прекрасная невеста запросто может вернуться под материнское крылышко... Вплоть до наступления очередного благоприятного интервала. То бишь до следующей осени.

Позже выяснилось: Рунгерд неверно истолковала нехорошие знамения, ибо относились они как раз к нашей будущей свадьбе. Как знать, перенеси мы ее на другое время, беда прошла бы стороной. И уж точно ее удалось бы избежать, будь на моей свадьбе Хрёрек Сокол со своими хольдами. Или намекавший на добрый свадебный подарок Ивар Бескостный. Любой из этих двоих мог бы заставить норн не резать столь дорогие мне нити[162].

Но, как говорил мой дедушка Коля: «знал бы прикуп, жил бы в Сочи». В его время о Куршавеле еще не знали.

Так что на общем семейном совете, скрепя сердце, я одобрил решение большинства: Хрёрека-конунга с братьями-сопалубниками не ждать. Также не ждать и возвращения Ивара Бескостного. Часть его победоносного воинства уже вернулась (Гримар — в том числе), но сам Рагнарсон всё еще обретался в Нортумбрии, отжимая у англичан подходящие «подъемные». По поводу Ивара, впрочем, я не особо печалился. Конечно, самый настоящий Рагнарсон на свадьбе — это ахренительно круто. Но без Бескостного обстановка на моем бракосочетании будет куда душевнее. Эх, знал бы я, чем эта «душевность» обернется.

Хорошая новость. Мой замечательный двухэтажный особнячок был уже достроен и даже обставлен. Тем не менее свадьбу я решил праздновать в «старом» доме. И не потому, что он — просторнее и лучше заточен под грандиозные попойки, а потому, что от мысли о том, что может сотворить пьяная орда гостей с архитектурным шедевром Пэррика, мне заранее становилось больно и обидно.

А орда планировалась изрядная. Даже без участия Хрёрека с братвой. Это помолвка у нас проходила, можно сказать, кулуарно. Гости этак на полсотни.

Но полноценная свадьба тянула минимум на триста ртов. И этакая прорва знакомого и полужнакомого народу должна была несколько дней подряд за мой счет ужираться до скотского состояния.

А еще — культурная программа. Суровые игры на свежем воздухе, голосистые скальды, плясуны-шуты-скоморохи... Драки, само собой, и брутальный секс с арендованными в Роскилле девками.

Такие вот здесь обычаи, понимаешь. Любят суровые скандинавские парни поспрашивать. Да так, чтоб до конца жизни было что вспомнить.

По ходу у меня возникла небольшая проблемка. У порядочного жениха должна была быть родня. Ее отсутствие — грубое нарушение традиций. Да и регламент правовой без родичей никак не соблюсти. Это примерно как наде-

вание колечка на несуществующий палец.

Раз моя настоящая родня, так сказать, вне доступа, у нее должна была быть полноценная замена.

В этой роли мог выступить, к примеру, названный брат. Однако Медвежонок уже был включен в процесс: играл роль отца будущей невесты.

Я очень рассчитывал на Хрёрека, но случился облом.

И что теперь делать? Без родича-мужчины никак не обойтись. Причем это должен быть человек никак не ниже меня рангом.

Выход отыскал Медвежонок. «Папой» будет Грандмастер датской школы берсерков дедушка Стенульф.

Ради такого дела Медвежонок не поленился сплавить на материк, в Сконе, и вынуть Каменного Волка из объятий вдовушки, опеку над которой (а заодно над ее имуществом и чадами) могучий старик великодушно принял позапрошлой зимой.

Стенульф не отказал. Погрузился на корабль и прибыл в мое поместье. В гренд, выражаясь по-здешнему.

Опекунство явно пошло Каменному Волку на пользу, поскольку одеваться он стал гораздо лучше, чем в ту пору, когда жил в лесу. Стенульф прибыл не один: привез с собой одного из опекаемых мальцов: сынка покойного ярла Лолина, шестилетнего бутуза с явными наклонностями отморозка.

Этого мини-берсерка Стенульф намеревался оставить у нас. Точнее, у Медвежонка. На воспитании. Такая кукушечья традиция: чтоб не изнежились покорители Европы от материнской ласки.

— Вижу, ты был ранен, Волк? — Взгляд дедушки останавливается на бугре шрама, украсившем мое предплечье.

Ульф, то есть Волк — это мое имя. И для большинства это просто имя. Вроде как Бьёрн — Медведь или Стен — Камень. Но для дедушки Стенульфа Ульф — это имя не простое, а знаковое. Так же, как и его собственное. Он ведь тоже Волк, только Каменный.

Мы сидели вдвоем, поэтому я не возражал против такого обращения.

— Обошлось, — отмахнулся я от вопроса зажившей рукой. — Сейчас всё в порядке.

Так и есть.

— Не всё, — возразил дедушка, вернее, «папаша». — Тебе бы следовало принести жертву богам.

— Я, почтенный Стенульф, столько крови пролил с тех пор, как мы с тобой виделись в последний раз, что на сотню жертвенников хватило бы.

— Это — другое, — Каменный Волк качнул седой гривой. — Кабы ты был — Одинов, этого хватило бы, но твой бог — другой. И ни ты, ни я не знаем его имени. И он не защитил тебя от раны.

— То была случайная стрела, и я сам виноват — задрал руку.

Стенульф поджал губы.

Ну да, это я глупость сказанул. Случайностей в битве не бывает. Во всяком случае, с точки зрения местного мистического сознания. Поймал стрелу — значит, удача тебе изменила. А следовательно, боги тобой недовольны. Или просто похерили. И ты уже не любимчик Асгарда, а игрок на общих основаниях.

— Может быть, тебе следует принять покровительство Белого Христа?

Что?! Я офигел. Личный представитель Одина в Мидгарде, берсерк-мастер предлагает мне креститься?

Каменный Волк ухмыльнулся, вытянул длиннющую лапу и похлопал меня по загривку. Ага, это мы так шутим.

— Ладно, сынок, не думай о богах. Я сам об этом позабочусь. Отпразднуем твою свадьбу, принесем мирные жертвы, как подобает, а о жертвах воинских будем думать, когда дело дойдет до войны.

Нет, это Свартхёвди удачно придумал: вписать в дело Стенульфа. Новоявленный «папаша» отнесся к своей роли основательно. Выяснением моих отношений с богами он не ограничился и с ходу включился в организационные дела.

О его административных талантах я знал и раньше. Видел, как он выстроил и выравнял народ в усадьбе покойного Лодина-ярла. Но чтобы так... Стенульф не просто развил бурную деятельность. Он даже ухитрился подвинуть с главного места великолепную Рунгерд. Причем — с ее согласия. Хотя допускаю, что она просто помнила, кто вернул в русло нормальной жизни ее любимого сына. Если так, то одной передачей должности директора будущей свадьбы уступки Рунгерд не ограничатся. Старый греховодник, похоже, глаз положил на мою будущую тещу. Я был не против. Личная жизнь тещи — личное дело тещи.

Но симпатии симпатиями, а мои интересы названный папа блюл со всей пролетарской беспощадностью. Например, затребовал четкий список моих подарков Гудрун...

И, к моему удивлению, получил его.

Оказалось, моя красавица вела учет с дотошностью настоящего бухгалтера (без записей, разумеется), и в реестр был вписан каждый подаренный платочек.

Засим Каменный Волк требовал у Свартхёвди и моей будущей тещи список приданого и, получив оный, долго и язвительно унижал родню невесты за непомерную жадность и презрение к богам. В частности, к богине Вар, которая помимо фиксации всяких клятв, гейсов и прочего, оказывается, следила за правильным распределением имущества брачующихся в долях, равноценных достатку соединяющихся родов.

Без проблем доказав, что род невесты ничуть не беднее рода жениха (налички у меня было больше, зато у Медвежонка с мамой несравненно лучше с недвижимостью), он в ультимативной форме потребовал равноценного вклада, а когда я попытался вякнуть, что не из-за бабла, мол, а по любви, рявкнул на меня, аки рассерженный мишка.

Ух какая развилась дискуссия! Как они ругались, даром что Стенульф приходился Свартхёвди «крестным берсеркским папой», а на царственную матушку Рунгерд Каменный Волк имел недвусмысленные виды.

Вот тут я увидел, чем отличается живой волк от каменного. И понял, почему предыдущий конунг Дании когда-то держал Стенульфа в Глашатаях Закона. Все ухищрения Рунгерд, которыми она веревки вила из соседей-сёлундцев (да и из меня тоже), затрагивали Каменного Волка не более, чем летний дождик — гранитную глыбу. А прозрачные намеки на то, что с колдуньями лучше

не ссориться, вызывали у могучего деда лишь наглые ухмылки.

Что есть жалкое колдовство Фрейи в сравнении с могуществом Одина?

Ах, есть еще и Посох Фрейра, который может и того... Обмякнуть в неподходящий момент...

Да ладно! Как может обмякнуть то, что каменное? Да он, Стенульф, готов хоть прямо сейчас устроить соревнование и экспериментально установить, что и у кого обмякнет! А если кое-кто думает, что возраст как-то сказывается на твердости, то он, Стенульф, компетентно утверждает, что Копье Одина даст сто очков вперед жалкой деревяшке.

Тут уж не выдержал Свартхёвди и заявил, что клеить его матушку Стенульф может и в другое время. А сейчас речь о вещах серьезных. О бабле. Так что подобные заявки сродни репликам его побратима о том, что любовь дает право на дисконт. И вообще, он, Свартхёвди, как представитель не только рода невесты, но и рода жениха по праву побратимства, требует от матери прекратить глупую торговлю, тем более неуместную, что ее собственный сынок, прижитый от неизвестного бога, ныне усыновлен будущим мужем ее дочери с правом на наследство, так что теперь сама богиня Вар не разберется, где кончается один род и начинается другой. А посему матушке предлагается отщипнуть кусок своего коренного одаля (на который, кстати, имеют право и Гудрун, и малютка Хельги) и включить в приданое кусок земли от Козьего ручья до края дальнего ячменного поля, а если жених в будущем расщедрится и прикупит у Полбочки земельку к северу от озера, то вся дорога от поместья жениха до их родовой усадьбы будет принадлежать объединенному клану Свартхёвди Медвежонка и Ульфа Черноголового. И Рунгерд смирилась.

— Эй, сынок, а что там говорил Медвежонок о сыне, нажитом от бога? — поинтересовался у меня Стенульф.

— Так люди говорят, — ответил я уклончиво.

— А что за бог? — не отставал Стенульф.

— Никто не знает. Говорят, видели рядом с ней какого-то... Прекрасного, золотоволосого...

Я даже душой не покривил. Именно так и говорили. Вот что значит — умело работать со слухами.

— А-а... — Стенульф облегченно вздохнул. И разъяснил мне, тупому, почему — облегченно.

Да потому, что ни Один, ни Тор, ни кто-то еще из конкретных асгардских пацанов не подходят под данное описание. А следовательно, он, Стенульф, может спокойно приударить за Рунгерд. Это даже лестно: полюбиться с женщиной, которая принесла дитя от аса.

— А вдруг это не ас, а ван? — не удержался я от подколки.

— В Асгарде немало ванов, — заметил Каменный Волк.

И охотно пустился в долгие рассуждения о специфике союза ванов и асов, а также его применимости в человеческом обществе. То есть уселся на своего любимого конька: теологическую социологию скандинавско-берсеркского «разлива».

Вот так вот. А я-то уж опасался, что проницательный дедушка раскусит сотканный Рунгерд миф о рождении нашего сына.

И вот странно мне: ничуть ее не ревную.

А ведь еще полтора года назад скажи мне кто, что желает заманить Рунгерд в постель...

Не знаю, сладилось ли у Стенульфа с Рунгерд на личном плане, но список взаимозачетов они согласовали. Затем составили список (устный, разумеется) гостей. На это ушло четыре дня. Стенульф, Рунгерд и Медвежонок придирчиво рассмотрели каждую кандидатуру, обсудили родословные, сопоставили степени родства и прочее, чтобы понять: кого звать соло, а кого — с родичами, а кого вообще на фиг. Согласовали. Разослали гонцов. И принялись за еще один список — материально-технического обеспечения. Медвежонок с Каменным Волком порешили: все расходы пополам. В смысле: Свартхёвди и мои, а не Стенульфа. А расходы были — о-го-го! Одних только свинок требовалось целое стадо. И всем им суждено было погибнуть во славу нашего брака.

Были и неожиданные для меня пункты. Например, мелкие подарки для особо важных гостей. По моему глубокому убеждению, подарки должны были дарить мне с Гудрун, а не наоборот, но кто меня спрашивает?

И вот наступил торжественный день. Урожай собран. Пиво и провиант заготовлены. Народ оповещен.

Теперь — дней пять беспробудного праздника. Это минимум. Меньше трех у солидных людей вообще не бывает, а для таких прославленных и богатых, как мы, нормально неделю колбаситься.

* * *

Началось ритуальное действие в доме невесты. Допущенные к процессу построились, разобрались и приступили. Под руководством ответственных и компетентных. Три часа, как минимум. А-ахренеть! Даже я, выносливый боевой командир, — и то притомился. А уж Гудрун... Вытерпеть такое может только настоящая скандинавка. Или член женской олимпийской сборной по тяжелой атлетике.

Три часа обрядовой деятельности, причем без тренировок и репетиций. А зачем репетировать, если каждый жест predetermined и уходит своим происхождением в глубину веков?

Закончились предварительные родоплеменные действия торжественным прохождением невесты через трехметровую арку, «собранную» из сосновых ветвей. Скажете, ничего сложного? А вот и нет! Девушкам послабже даже и пробовать не советую. Но моя невестушка справилась. Всё сделала как надо под восторженные вопли участников.

На голове у Гудрун покоилась настоящая серебряная корона (семейная реликвия), увешанная всякими оберегами, которые непрерывно побрякивали, хотя невестушка моя двигалась очень осторожно. Оступись девушка, самостоятельно ей уже не подняться: надето и навешано столько, что впору с турнирным доспехом сравнить.

Тем не менее спинку моя красавица держала пряменько, а глазки сияли ну просто дивным неземным. В толпе подружек она выделялась, как бабочка среди мух.

А смотрела только на меня.

Наконец список мероприятий в родном доме невесты исчерпался, и мы всей шумной толпой отправились к святилищу богини Вар. Там, поднеся идолу на посошок, заручились поддержкой компетентных лиц, то есть жриц, ко-

торые засвидетельствовали официально факт бракосочетания. Но не сразу, а после получасового перечисления взаимных обязательств, которые огласили поочередно Стенульф и Свартхёвди. Очень торжественно огласили. Даже я впечатлился.

Наконец нас «зарегистрировали», и я закрепил «сделку», надев на руку Гудрун второй браслет. Первый, свадебный дар, уже красовался на ее левом запястье, но тот был залогом любви, который дарился невесте, а этот — залогом ее будущего материнства.

Думаете, на этом религиозная часть мероприятия закончилась? Как бы не так!

От святилища Вар мы двинулись к куда более солидному зданию: храму Тора.

Надо отметить, что датчане полагают именно Тора своим главным богом [163]. У каждого порядочного бонда имеется специальное святилище с идолом Тора в полном боевом. То, что, например, у Рунгерд вместо Тора место главного мужского бога занимал Один, так это потому, что муж ее покойный был берсерком. А берсерки — они исключительно Одиновы. Как, впрочем, и большая часть викингов.

Но вернемся к Тору. Этому деревянному парню мы подарили целого козла, причем бедное животное я прикончил собственноручно. Засим Стенульф вручил главному жрецу местного Громовержца три серебряных эйрира, а он в ответ надел на меня и на Гудрун обереги-Мьельниры, золотые копии неотразимого молота Тора. Кстати, еще одна такая копия была настоящим золотом вышита на подоле свадебного платья Гудрун.

Впрочем, сами обереги были не жрецовы, а наши. Их ему вручили перед церемонией.

Подкормив Громорвежца, мы вновь сели на лошадок (девушки и дамы — на телеги) и отправились на морской берег, где в священной роще, под плетеным навесом, обитали еще два идола: Фрейр и Фрейя.

Эти двое считались в Асгарде эталонами красоты, но здесь, в Мидгарде, их копии явно подкачали. Хотя «оснастке» Фрейра позавидовал бы племенной жеребец.

Мы с Гудрун подошли к покровителям любовных дел рука об руку и вдвоем же вложили в разверстое чрево Фрейи хлебец в форме куклы. Мол, мы тебе — жорево, а ты нам — детишек. В брюхе у идола тут же что-то зашуршало. Окружающие сочли добрым знаком, а я — проявлением крысиной жизнедеятельности.

Тем не менее оставил свои мысли при себе и присоединился к общим бравурным кличам. Вот еще не хватало мне конфликтов на религиозной почве. Тем более что скандинавские боги — существа обидчивые, и я давно уже перестал считать их исключительно плодом воображения. Как шибануло меня разрядом с Одинова копья, так и перестал.

В общем, покричали и будя. Пора делом заниматься. Тем самым, ради которого браки и заключаются.

Заранее назначенные люди зажгли опять-таки заранее подготовленные факелы.

С этими факелами, окружив, нас с Гудрун восемь раз обвели вокруг святилища. Это тоже был сакральный акт. Мол, раньше, будучи женихом и неве-

стой, мы любились исключительно под покровом темноты, а теперь наши отношения становятся общеизвестными. Так сказать, при свете дня и при всём честном народе. Последнее — отнюдь не фигура речи.

Теперь нам с Гудрун предстояло возлечь в тени на ложе из козьих шкур и ритуально совокупиться.

Подружки невесты, с жизнерадостным хихиканьем, помогли ей частично разоблачиться. Самой старшей, лет восемнадцати, досталось подержать корону с висюльками. Девица была счастлива. Как позже выяснилось, этот жест практически гарантировал ей скорое замужество.

В общем, зарылись мы поглубже в шкуры и сделали что от нас требовалось. А вокруг толпились гости и родичи, подбадривая нас и осыпая советами. Ух, я бы им ответил, дай мне волю!

Но воли мне никто не давал, потому что весь обряд был освящен веками и традициями, и от нас с Гудрун на этом этапе не зависело ровно ничего.

Впрочем, мы действительно любили друг друга, так что ухитрились на пару минут забыть обо всем, кроме нас самих.

Что хорошо, так это то, что никаких окровавленных простыней предъявлять обществу не потребовалось. По здешним законам жених и невеста могли наслаждаться друг другом сразу после принятия свадебного дара, так что о невинности в момент свадьбы речи не было. Хотя за «порченную» невесту ее родне полагалось выплачивать изрядную компенсацию. Если жених «предъявлял», разумеется.

Оделись и отправились дальше. На землю женихова рода. То есть в мой скромный гренд, который, впрочем, три дня назад расширился еще на пару квадратных километров. Я купил-таки у Полбочки ту самую землю к северу от озера, объединив наши с Медвежонком земли в единое целое.

Глава тридцать первая Свадьба (продолжение)

Для уважаемых гостей, коих числилось около пятидесяти, стол накрыли в доме. Остальные разместились во дворе. Первым подносили пиво, сваренное невестой лично, вторые надувались ординарным продуктом. Кухня, впрочем, для всех была одинаковая.

Было шумно, чадно и весело. Здравницы и пожелания многодетности перемешивались с неприличными предложениями и еще более неприличными советами.

Щеки Гудрун могли соперничать цветовой насыщенностью с вареными раками. Но не от скромности, а от жары. В такой одежке, как у нее, можно по морозцу гулять. Не говоря уже о драгметаллическом «обвесе».

Но красота требует жертв. Гудрун стойко несла бремя богатой невесты.

Впрочем, должен отметить, что в происходящее в доме было вполне благопристойно. В сравнении с тем, что творилось во дворе. Там, похоже, намечалось что-то вроде оргии. Как бы моих работниц не обидели...

Улучив минутку, я поманил Лейфа Весельчака и попросил глянуть, не чинят ли гости беспредел, а коли чинят — разобраться.

Норег идеально подходил для такого дела, поскольку обладал не только крутизной и авторитетом, но и истинно скандинавским чувством юмора, позволявшими ему не просто отвалтузить дебоширов, но и сделать это так, что

весь честной люд будет умирать от хохота. Зачастую включая и самих дебоширов. Удивительный он человек, Лейф Весельчак. Настоящая находка. По уровню оптимизма — вылитый Свартхёвди до получения плюхи, обратившей Медвежонка в берсерка. При этом боец с невероятным потенциалом. Поразительная быстрота, чувство пространства, интуитивный выбор формы боя... Чего ему не хватает, так это школы. Но с этим мы работаем.

Лейф справился. Визг снаружи прекратился, а спустя пару минут там уже бодро гоготали в сотню здоровых глоток.

— ...А если у нашего славного хёвдинга с пятым сыном выйдет оплошка, то мы все, как один, готовы ему подмогнуть!

Гримару Короткой Шее пришлось проревать окончание тоста, чтобы перекрыть гвалт во дворе.

Счас! Разбежался! Подмогнуть...

Однако я мило ослабился и приветливо сделал ручкой.

Я восседал во главе стола, причем справа от меня сидела не Гудрун, а ее очаровательная матушка. Это потому, что она «представляла» моего приемного (с формальной точки зрения) сына Хельги.

О том, что Хельги — мой родной сын, по-прежнему не знал никто, кроме меня и его матери. Никто даже и не догадывался. Сами поразмыслите: разве может у Ульфа Черноголового родиться такой беленький-беленький пацаненок, абсолютно на него не похожий. Удачно получилось. Теперь люди приписывают «авторство» некоему неизвестному богу. Хотя, с точки зрения здешнего гражданского законодательства, кто и чей кровный сын — совершенно неважно. Здесь так: принял в род — значит, родной. А в данном случае не просто родной, но и с «правом на долю одаля», то бишь родового имущества. Во как. Такой маленький, а уже в доле на недвижимость. Малыш уже перекусил и теперь занимался истинно викингским делом: сосредоточенно отковыривал самоцветы с маминого платья.

Справа от Рунгерд, гордо расправив заметно раздавшиеся плечи (ничто так не способствует формированию правильного мужского телосложения, как регулярные занятия греблей), лыбился мой второй приемный сынишка, осоловевший от пива Виги-Вихорёк. Тоже законный. И тоже с «правом на долю».

А по левую руку от меня высился дедушка Стенульф, посаженный папа, и, пользуясь преимуществом в росте, общался с Рунгрэд через мою украшенную свадебным венцом голову. «Королева-мать» величественно слушала. В иное время я бы и сам послушал, поскольку речь шла о политике и о тех временах, когда Каменный Волк «работал» лагманом[164], то бишь Глашатаем Закона у главного датского конунга, но сейчас мне было не до того. Все мои помыслы и мечты были сосредоточены на одном: когда же наконец мы с Гудрун сможем покинуть этот праздник жизни и остаться вдвоем. И не просто остаться... Впрочем, это — сюрприз.

Снаружи уже стемнело, когда нам наконец предложили завершающий обряд. В помещение внесли огромный пирог, испеченный в форме всё того же Мьёлльнира.

Ну наконец-то!

Я вылез из-за стола, попутно отбросив руку Стенульфу, который уже не ограничивался в общении с Рунгерд одной беседой, а нагло лапал маму невесты, невзирая на затесавшегося между ними какого-то там жениха.

Я вылез, встряхнулся и двинулся вдоль пирующих, сердечно похлопывая каждого по спине и поощряя пить-гулять, а минуту спустя встретился в центре «зала» с Гудрун, которую подвел туда Медвежонок.

Братец вручил мне здоровенный тесак, коим нам, жениху и невесте, надлежало вдвоем разрезать начиненный всякими вкусами пирог.

Фигня вопрос. Только на хрена мне этот скверно выкованный кусок железа, если у меня есть кое-что получше.

По праву хозяина я не расставался с оружием (все прочие оставляли его на стойках), и Вдоводел висел у меня на бедре. Секунда — и клинок на свободе. Нежные ручки Гудрун ложатся поверх моих рук. Взмах — и пирог расходится на две идеальные половинки, причем Вдоводел даже не касается деревянного поддона, на котором пирог покоится.

Народ одобрительно гудит. Здесь есть кому заценить качественный удар.

Ну, братва, зажигайте факелы! Мы с Гудрун отправляемся на свадебное ложе.

Факелы горели. Народ шумно выражал радость. Мы их не слышали.

— Я приглашаю тебя в наш новый дом! — торжественно сообщил я Гудрун. — Вот, возьми.

— Что это? Зачем? — Гудрун с недоумением посмотрела на букет полевых цветов, которые по моему отданному загодя поручению час назад насобирала рабыня Бетти.

— Подарок, — сообщил я.

Непонимание усилилось.

— У нас... У моего народа есть такой обычай, — пояснил я. — Дарить тем, кого любишь, цветы.

Поняла. Заулыбалась.

— Подожди, любимый... — Она распотрошила букет и с удивительной быстротой сплела довольно симпатичный веночек, который и водрузила на голову чуть повыше свадебного венца.

— Когда я была маленькой и у меня не было ничего такого, — пальчики погладили золото, — я делала себе цветочные короны. Красиво, да?

— Очень!

— А теперь мы войдем?

— Нет. Войду только я.

— Как так?

— А тебя я внесу на руках. У моего народа есть и такая традиция: жених вносит невесту в дом. Ты не против?

— Ты — мой господин! — Гудрун обняла меня за шею, я поднял ее и торжественно перенес через порог. Я знал, что моя девочка весит немало. А тут еще и пудовый свадебный наряд... Но своя ноша — не в тягость. Мне Гудрун показала невесомой.

Поставив Гудрун на пол, я обернулся.

Десятки факелов, множество довольных лиц... Все эти люди — мои друзья. Но бывают моменты, когда даже друзья должны остаться по ту сторону дверей.

— Скиди!

Мой лучший ученик шагнул вперед.

— Очень прошу тебя, Скиди Оддасон, проследи, чтобы нас никто не беспокоил. Если надо, разрешаю применить оружие. Виру я заплачу.

— Не сомневайся, хёвдинг! — заверил меня мой ученик. — Медвежонок и Весельчак не станут тебе мешать, а с остальными я справлюсь!

Чистое хвастовство. Тут минимум дюжина бойцов, которые разделают Скиди под орех. Но идея понятна. Всем.

Я захлопнул дверь, разом отделившись и от гостей, и от неприличных напутствий, которые они выкрикивали, очень стараясь переорать друг друга.

— Что это? — спросила Гудрун, притопнув ногой по каменному полу. — Зачем это?

— Пол, — улыбнулся я. — По нему — ходят. Дальше пойдем!

Масляные лампы, зажженные загодя, недурно освещали холл. Я улыбнулся. Между этим домом и местом, где мы пировали, дистанция во много веков.

В обе стороны.

— Ой!

Конечно, «Ой!». Просторное помещение почти в сто квадратных метров. Пол, набранный из буковых пластин, камин, рядом с которым — высокие резные кресла французского производства и небольшой стол производства английского.

А большой стол, за которым при желании можно разместить до полусотни человек, сдвинут к большому окну, затянутому шелковой кисеей. Зимой кисеею можно снять и заменить свинцовой рамой с окошечками из зеленого стекла. Сейчас они хранятся на чердаке. А в случае опасности (Средневековье, как-никак) закрыть прочными ставнями с узкой прорезью бойницы.

— Разулся!

Еще одно «Ой!».

— Он же теплый!

Так и есть. Я разрешил мастеру сделать и привычную ему византийскую систему обогрева. И попросил сегодня запустить для демонстрации. Печь для этого изыска расположена чуть ниже по склону и попутно обогревает баньку. Лишней не будет, а дрова я экономить не собираюсь. КПД у моей системы обогрева будет значительно выше, чем у открытой печи по-черному, которые стоят в «длинных» домах.

— Это — камин. Вот на этом вертеле можно жарить мясо.

При необходимости хоть целого кабана — глубина и ширина позволяют.

— А можно просто так сидеть и греться.

Что у меня еще недоработано, так это украшение стен в главном зале. Я планировал заполнить его традиционно: оружием и предметами искусства, но это — потом. Пока — голые доски, обошедшиеся, кстати, сравнительно недорого. Это для драккаров надо, чтобы каждая доска обшивки была буквально вырезана вручную, вдоль древесных волокон из правильно выросшего, правильно срубленного и правильно высушенного дерева, а тут достаточно любое прямое бревно пилами распустить.

— А кашу где сварить? — спросила практичная Гудрун.

— Пойдем, — прихватив одну из масляных ламп, я проводил ее на кухню.

Там всё сияло надраенной бронзой и медью и было оборудовано по лучшим средневековым стандартам. После наших грабительских походов нехватка в посуде и прочих кухонных штуках никто не испытывал. Весь рынок

Роскилле был завален этим добром по оч-чень доступным ценам.

Само собой, и печь здесь была правильная: тут тебе и открытый огонь, и решетки, и даже большой вмонтированный котел. Объяснил, как пользоваться печкой, как чистить и прочее. Конечно, самой ей этим заниматься не придется (еще не хватало!), но теорию должна знать.

Потом повел в подсобные помещения...

Тут Гудрун застряла надолго. Даже об усталости забыла: планировала вслух, что, куда и как. Объемы и всякие прибуды вроде шкафов (я подсказал: наши столяры-плотники ни о чем таком не знали) восхитили ее куда больше теплых полов. О да, тут было где развернуться и куда складывать нажитое непосильным... хм, трудом.

А еще — деревянные двери с замками. И крепкие сундуки. Тоже с замками. Хотя главные запоры были установлены наверху. Там, где я оборудовал «сокровищницу», арсенал и, разумеется, спальню. Туда-то я мою прелесть и уволок, с невероятным трудом оторвав от детального исследования вспомогательных помещений.

Спальня была реализацией моей давнишней мечты. Кровать два на три, с балдахинном. Маленький камин — с одной стороны, с другой — каменная стена-дымоход камина нижнего, большого. С третьей стороны — дымоход кухонной печи, а с четвертой — большое окно, обращенное к югу. Зимой здесь будет тоже стоять рама, только не со стеклами, а с тончайшими алебастровыми пластинами.

Под ногами густящая шкура белого медведя, у стен — две ширмы-гобелена французской работы...

— Не хочешь узнать, какая она мягкая? — спросил я, похлопав по кровати.

— Хочу!

И расстегнула пряжку моего боевого пояса. Но не раньше, чем я помог ей избавиться от свадебных нарядов.

Но даже после того, как на полу оказалось всё, что было на нас надето, на кровать мы не упали. Потому что я решил сначала показать любимой устроенную по другую сторону каминной стены ванную. Само собой, мы ее немедленно опробовали: влезли в здоровенное корыто, наполненное ароматной, горячей (как приказано) водой. Ароматы — из Византии, корыто — из французского монастыря. Свечи... О, я забыл о свечах! Они горели и в ванной, и в спальне. Мы ведь теперь — муж и жена, и нам не надо «прятаться» от чужих взглядов. Следовательно, я могу тобой любоваться ежесекундно. Переливами плоти под тонкой кожей, алой прикушенной губкой, трепещущей ямкой на горле...

Я вижу свои руки, загорелые до черноты, на — белой матовой коже. Твои бедра кажутся очень широкими — из-за тонкости талии. Мои пальцы, только что — ласковые, осторожные, сейчас оставляют на ней красные отметины. Тебе так хочется — чувствовать мою силу. Снаружи и внутри. Чтобы толчки бросали тебя вперед, как толкает драккар входящее в воду весло, а хватка моих рук не пускала, бросала назад, навстречу, с еще большей силой, поскольку то было наше общее движение... Ты кричишь, снова и снова, запрокидываясь и выгибаясь. Лоно твое сжимается и пульсирует... И вдруг, обмякнув, повисаешь на моих руках... А в следующий миг уже не бьешься, а лишь вздрагиваешь, постанывая, распластавшись ничком, лицом в простыни, и теперь двигаюсь

лишь я один, мягко и неторопливо, совсем в другом ритме, смиряя себя, потому что ты вся сейчас — будто голый нерв, вдоль которого скользит моя плоть...

— Что ты так смотришь на меня? — спрашиваешь ты. — Я стала некрасивой?

— Ты прекрасна! — отвечаю я честно.

Так и есть. Полночи страстной любви изменили тебя, но мне это нравится. Я вижу тебя такой, какой ты будешь лет через пять. Не юной девушкой, а женщиной. Знающей цену и вкус настоящего чувства.

— Жарко! Хочешь воды? Я принесу.

Кожа твоя уже не белая — розовая. И на ней легко можно прочесть всё, что мы делали с тобой на этой постели.

Прежде, чем зачерпнуть воды, ты утираешься лоскутом льна. Чуть присев, отчего мускулы твоих стройных ног становятся рельефнее, а копна волос падает вниз, закрывая лицо.

Вода — с ягодной кислинкой. Ты поишь меня из собственных рук. Я опустошаю серебряную чашу, а потом поочередно целую твои пальцы. Твои руки дрожат.

— Хочешь еще? — спрашиваешь ты.

— А ты — хочешь?

— Муж мой, я говорю о воде, — ты улыбаешься и легонько треплешь мою бороду.

— А я — нет...

Утром я обнаружил под нашей кроватью здоровенный Мьёлльнир из отполированной бронзы. Кто подложил его туда? Понятия не имею. Зато знаю, зачем.

В очередной раз понимаю, что живу среди язычников. И тут же возникает мысль: а не попросить ли отца Бернара обвенчать нас по христианскому обряду? Потом, когда-нибудь...

Глава тридцать вторая Свадьба продолжается. День четвертый

Ключ, которым било веселье уже четвертый день подряд, превратился в фонтан. Причем пивной. Никаких больше игр, викторин и самодеятельных спектаклей. «Шоу-группа», пьяная вдрызг, валялась у конюшни. На тычки и пинки гостей, жаждавших зрелищ, скандинавские скоморохи уже не реагировали. Исправно функционировал только «музыкальный оркестр», состоявший из четырех тружеников искусства, которым, по строгому распоряжению, пива не давали совсем, зато посулили щедрую оплату.

Не поить музыкантов повелел мой посаженный папа.

«Без музыки все передерутся, — веско заявил Стенульф еще перед началом праздника. — А с музыкой будут плясать».

О, как мудр оказался мастер-берсерк. А как славно танцевали мои гости! Любо-дорого поглядеть. Земля тряслась. И стены тоже. Особенно мощно выступали воины. Бой — это ведь тоже пляска. Только с оружием и смертельным риском. А так, налегке, в охотку... Да хоть целый день! И ночь в придачу.

Время от времени прерываясь, чтобы пожрать, выпить и совершить естественные процессы.

Апофеоз пришелся на третий день, то есть на вчера. Тогда плясали все. Мужчины, женщины... А потом... Что было потом, я видел из окна. В цивилизованном обществе это называется — оргия.

К счастью, нас с Гудрун это не касалось. У нас своя оргия. Только наша.

Сегодня, на четвертый день, ближе к вечеру, в кругу остались только самые выносливые. Лучшие из лучших. Например, мой побратим.

Еще недавно с ним отплясывал Скиди, но — отвалил. Рухнул на скамью рядом с беременной женушкой, опрокинул в глотку черпак пива, обтер шитым руковом гладкий подбородок, наклонился и поцеловал Орабель в пухлые губки.

Рад за них.

Но вернемся к моему побратиму.

Скиди сдался, а вот Медвежонок топал, прыгал и ухал ничуть не хуже, чем два дня назад. А напротив, еще более лихо, отплясывал Лейф Весельчак. Соревновались кто кого перепляшет. Уже часа два соревновались...

Гудрун, ясное дело, болела за брата. Я — за норега. Так азартнее. Мы даже побились о заклад — на три дирхема и право выбора первой позы ближайшей ночью. Датчанки — они такие. Эмансипированные.

Выиграл Свартхёвди, но я отказался зачитывать победу, поскольку счел ее нечестной.

Какая-то раздумянившаяся бабенка попросту уволокла моего кандидата наружу. С целью личного использования.

Медвежонок заметил, что остался в одиночестве, только минут через десять. Остановился. Расфокусированным взглядом он прошелся по «женскому» столу, крикнул что-то рассерженной (на непризнание победы) сестренке, затем решительно направил стопы к упитанной датчанке, хохотавшей громче прочих, ухватил и поволок танцевать. Дама была не против. Очень даже не против. Свартхёвди — герой.

На беду, дамочка оказалась не свободной женщиной, а супругой нашего соседа. Кетиля Орешника, троюродного брата Кольгрима-коннозаводчика. О как я теперь шарю в родственных связях!

Кетилю такое обращение с его законной супругой совсем не понравилось. Посему Орешник немедленно полез через лавку, грозно размахивая недоеденной свиной рулькой. Перелез не сразу, потому что споткнулся и грянулся мордой оземь. Однако воинственности не утратил. Тут же вскочил, кинулся в бой, вырвал жену из лап моего побратима и утащил, на прощание заехав свиной рулькой Свартхёвди по пьяной морде.

Я сразу напрягся: только «включенного» берсерка мне на свадьбе не хватало...

Напрасно беспокоился. Пьяный Медвежонок даже не заметил, что его ударили. Стоял как стоял, пытаюсь сообразить, куда подевалась его «партнерша».

Гудрун и так была сердита, а тут еще нанесенное брату оскорбление действием.

Возмущенная до глубины души, Гудрун, недолго думая, выскочила из-за стола, схватила первый попавшийся предмет (горшок со свежесваренной ка-

шей) и ловко надела обидчику на голову. Кетиль дико заорал (каша-то горячая!) и замахал руками, сбив при этом со стены факел.

Факел, естественно, упал на пол. Вернее, на устилавшую его солому. Вспыхнуло вмиг.

Гости, надо отдать им должное, среагировали дружно и быстро. И не в стиле: спасайся, кто может, а совсем наоборот. Всё-таки хорошо, когда у тебя в друзьях столько викингов, обученных правильно действовать по команде «Пожар!». Все подручные жидкости хлынули на очаг возгорания. Туда же полетела медвежья шкура со стены (это я), бочонок с моченой ягодой (Стюрмир) и здоровенная бочка с холодной водой для «релаксации» буянов, опрокинутая Скиди. В общем, задавили пожар. Совместными усилиями.

Без пострадавших, однако, не обошлось. Перепившему бонду, свалившемуся под стол незадолго до возгорания, перебило ногу упавшей доской-скамьей.

И Кетилю, похоже, прилично ошпарило физиономию.

К бурной радости моей перепачканной в саже любимой.

А праздник продолжался. Обслуга быстренько прибралась в помещении, занесли новые центнеры пицци и выпивки — и река веселухи устремилась дальше.

О, как я был прав, когда решил не пускать гостей в новый дом. Страшно подумать, во что бы превратился мой маленький рай после такого веселья.

А во дворе тем временем развлекалась молодежь. Затеяли игру под названием «Отними свинью». Бедная свинка, вместо того чтобы быстро умереть под ножом и превратиться в комплект стейков, получила незапланированный стресс, истошно визжала минут десять, а потом ухитрилась как-то вывернуться из кучи-малы и смыться, а молодежь, получившая выговор от Хавчика, вознамерилась отправиться на охоту и добыть кабана. Поскольку поблизости свиных выводков не имелось, то ко мне была выслана делегация с просьбой разрешить взять «Змея» и сплавать поохотиться на континент.

Поглядев на делегатов, я понял: пива с них хватит. Пора переходить к водным процедурам.

И мы всей толпой отправились на озеро соревноваться в плавании.

Человек несведущий мог бы сказать, что подобные заплывы, да еще в воде с температурой градусов двенадцать, довольно опасны. Но так сказали бы те, кто не знал норманских традиций.

Даже пьяный до потери возможности прямохождения норман всё равно утонуть не способен. Это так же невозможно для него, как для тюленя. Рефлексы. А прохладная водичка, она бодрит.

Так что к вечеру вся моя свадьба была более-менее трезва. Без утопленников не обошлось, к сожалению. И виновата в этом специфика скандинавских соревнований по плаванию, не возбраняющая притопить соперника. Таких «притопленных» вовремя вытаскивали, откачивали и складывали у костров: восстанавливать силы. Но то были лишь временные утопленники. Увы! Один оказался настоящим. И утопили его не мужчины, а женщины. Причем угодил в сети озерной Ран не какой-то там мальчишка, а вполне взрослый уважаемый бонд по имени Кнут Лысый. Бедняга Кнут решил порезвиться сразу с десятком датчанок, освежавшихся в озерных водах. Ну да, это очень прикольно: подныривать под купавшихся женщин и хватать их за разные приятные ме-

ста. Если бы Кнута за этим занятием застали мужчины, ему бы тоже досталось. Все купальщицы, как-никак, чьи-то жены или дочери. Но мужчины узнали о шутнике, когда его, уже бездыханного, выволокли на песок. Причем пьяные и веселые датчанки, по ходу, не заметили, что шутник уже не дышит. Они со смехом и песнями снова отправились плескаться, а тело Кнута обнаружили только на следующий день рабы Хегина Полбочки (тот берег озера был его территорией), о чем и пришли доложить хозяину, который, естественно, был в числе моих гостей.

К моему изумлению, никто особенно не огорчился и не удивился. А моя жена даже поприветствовала данное событие. Ну что ж это за свадьба такая, на которой никого не убили. Да о такой свадьбе и вспомнить нечего. А теперь всё путем... «А-а-а... — будут говорить сёлундцы много лет спустя. — Та самая свадьба, на которой бабы утопили Кнута Лысого!» Тем более что и верегельд за утопленника после краткого обсуждения решили не платить. Дабы не позорить мужика посмертно, признали целесообразным считать его утопшим спьяну, что куда пристойнее, чем признать, что он был утоплен не какой-нибудь свирепой озерной нечистью, а самыми обычными женщинами. На версии с нечистью горячее всех настаивали родичи Кнута. Дабы позорное пятно «утопленного женщинами» не замарало Кнутов род до хрен знает какого колена.

В общем, инцидент был исчерпан и все снова взялись за уничтожение моих припасов.

Эх, если бы смерть бедолаги Кнута была единственной смертью, отметившей мою свадьбу! Вот было бы счастье...

Глава тридцать третья Набег

— Сконцы! Это сконцы! — По щекам Неви Плешивого текли слезы. — Они знали, что мы все ушли праздновать, и напали на мой дом! И на дом Атти Рваной Губы тоже. Они забрали всё! Всё! Моих детей, мою жену! Весь скот, всех трэлей! Они убили мою мать, сконцы! Чтоб Хель прибрала их навсегда!

— Почему ты решил, что это сконцы? — мрачно произнес Каменный Волк.

— Их слышал пастух-трэль из дома Рваной Губы. Слышал, как они смеялись и говорили:

«Довольно вы, сёлундцы, грабили наши дома. Теперь пришло наше время попробовать горький настой, которым вы поили нас». Они...

— Они называли имена? — перебил Свартхёвди.

— Раб сказал: были названы имена Торкеля-ярла и Мьёра-ярла.

— Сконцы, — резюмировал Каменный Волк. — Мне надо возвращаться домой.

— Надо оповестить Рагнара! — одновременно с ним воскликнул Гримар.

— Зачем? — процедил я. — Нас здесь — больше пятнадцати десятков. У меня — два корабля. У Вальтрева один, почти достроенный. А это всего лишь сконцы!

Я говорил негромко, стараясь сдержать клокотавшую внутри ярость. Эти суки испортили мне праздник. Они заплатят. Кровью умоются!

Моя вина. Забыл мудрое правило: месть — такое блюдо, которое следует есть холодным. Более того, возомнил себя непобедимым.

— Мне надо домой! — повторил Стенульф.

Он беспокоился за свою наложницу и своего новорожденного сына. Если Торкель-ярл рискнул напасть на сёлундцев, то наверняка не упустит случая свести счеты и с Каменным Волком. Позапрошлой зимой мы этого ярла малость обидели.

— Рагнар должен знать! — настаивал Гримар.

— Должен, родич, — согласился Свартхёвди. — Отправим к нему гонца. Веди нас, Ульф-хёвдинг!

— Веди! — тут же закричали остальные. — Все пойдем! Покажем этим сконцам! Поглядим, какого цвета у них кишки!

Хорошая драка для скандинавов — как стейк с кровью для ковбоя. А кровь будет, это точно.

Собрались в кратчайшие сроки. Часов за шесть. Причем за это время подтянулось еще человек сто: сыновья, родичи. Кто — с приличным боевым опытом, вроде Свана Черного и Хунди Толстого, матерых хирдманов, кто — чистый ополченец на голом энтузиазме, без всякого боевого опыта.

Самых никчёмных я завернул, сославшись на то, что места на кораблях на всех не хватит. Но без дела не оставил: отправил делегацией в Роскилле: поведать о разбойном нападении.

Попутно выяснились еще кое-какие детали. Сконцы напали четырьмя кораблями сразу на две местные фермы. Вырезали и разграбили всё вчистую. Что внушало мне оптимизм: ярлы очень старательно «зачищали» свидетелей. Но всё же упустили парочку трэлей.

Мне вспомнилась недавняя история: когда к Рагнару явился с претензиями представитель Харекаконунга. С аналогичной жалобой. Там тоже, помнится, в качестве свидетеля фигурировал раб.

Похоже, не дождавшись справедливости, сконцы решились на симметричный ответ.

Та же мысль пришла в голову и Свартхёвди, и он с ходу заявил, что сконцы — умственно неполноценные личности. Рагнар Лотброк известен как ярый сторонник двойных стандартов. Может, на континентальном тинге оба происшествия и сочли бы за взаимозачет, но с Рагнаром этот фокус не прокатывал. Для него это совершенно разные эпизоды. В одном пограбили каких-то там сконцев, а в другом — напали на *его* территорию. Как такое можно сравнивать!

К тому моменту, когда команда возмездия окончательно сформировалась, я уже понимал, что поторопился. Как бы презрительно ни относились к сконцам у нас на Сёлунде, но они — такие же скандинавские воины, как и прочие датчане. И нам предстоит драться не с франками-ополченцами, а с хирдами двух серьезных ярлов. Будь моя воля, я бы теперь, фигурально выражаясь, придержал коней. Но воли моей не было. Тем более что я сам только что объявил поход возмездия. А теперь как, в кусты? Ждать подхода Рагнара? Стенульф *точно* ждать не будет. А он теперь, считай, мой близкий родственник. Так что выбора у меня нет. В который уже раз?

* * *

Солнце еще не коснулось горизонта, когда наша маленькая флотилия: мои кнорр и «Северный Змей», а также безымянный пока десятирумовый корабль

Вальтрева — отправилась в карательный рейд. Вальтрев, правда, какое-то время жабился и пытался от похода увильнуть: мол, корабль еще не освящен кровавой жертвой и, следовательно, к морскому походу непригоден. Но на него дружно наехали: какой еще морской поход? Это через пролив переплыть, что ли? Да он, Вальтрев, еще вчерашний заплыв по озеру походом бы назвал!

Под давлением общественности Вальтрев сломался и драккар предоставил, выпросив взамен обещание: как только, так сразу его корабль будет освящен согласно регламенту. И не петухом каким-нибудь, а полноценной человеческой жертвой.

На круг собралось нас сто восемьдесят шесть разгневанных мстителей. Первую боевую группу составил мой хирд, усиленный пятью пришлыми бойцами Гримара и самим Гримаром. С этими мы уже дрались в одном строю и добились неплохой сыгранности. Вторую группу, состоявшую из людей, имевших боевой опыт, возглавил Сван Черный, хольд Бьёрна Железнобокого, а третью, из сотни ополченцев-энтузиастов, — Хунди Толстый, тоже сёлундец из хирда того же Бьёрна Рагнарсона. Они загрузились на мой кнорр. Поначалу я хотел отдать ополченцев под начало Стенульфа, но тот буркнул: «Я с тобой». И вопрос был закрыт.

Хотя, чуть позже, уже по собственной инициативе, Каменный Волк объяснил свое решение:

— Ты теперь мне как сын, Ульф Черноголовый. Я должен присмотреть за тобой: ведь мы оба знаем, что в Асгарде тебя больше не любят так, как раньше. Я просил Одина уберечь тебя и обещал ему за это кровь двух сильных мужчин. Но Один — не твой бог, и потому я сам тоже присмотрю за тобой.

Я не возражал. О таком «прикрытии», как Каменный Волк, можно только мечтать. Хотя, с другой стороны, если бы не Стенульф, я бы, может, придержал коней, то есть «драконов» и подождал, пока папа Рагнар не скажет свое веское слово. Сто восемьдесят бойцов — это серьезная сила. Достаточная, чтобы бросить вызов даже паре ярлов. Но не в том случае, если это такие бойцы, как мы с Гримаром, а не энтузиасты-ополченцы.

Чем дальше, тем больше наша затея с мщением казалась мне авантюрой. Но кто не рискует, тот не пьет пива из серебряной чаши, «закусывая» поцелуем красавицы. Вперед, моя маленькая армия!

По пути были высказаны разные предложения по месту высадки. Сван Черный и Гримар настаивали на том, чтобы напасть на усадьбы ярлов-грабителей, причем сделать это как можно быстрее. Вдруг те еще не вернулись домой?

Ополченцы требовали нагнать и перехватить вражеский флот, дабы отнять добычу и спасти пленников, среди коих было немало их родственников.

Стенульф же считал, что в первую очередь мы должны плыть к нему домой. То есть не совсем к нему, а к наследственному одалю сыновей Лодина, потому что, раз пошла такая пьянка, Торкель-ярл непременно воспользуется случаем, чтобы свести с Каменным Волком счеты за позапрошлогодную разводку. Тогда мы втроем: я, Стенульф и Свартхёвди — выражаясь на криминальном сленге, «взяли на понт» Торкеля с дружиной, вынудив заключить пакт о ненападении при соотношении сил: полный хирд против трех мастеров блефа.

Мы спешили. Гребли посменно с полной выкладкой до самой ночи и ночью тоже. Угодить на камни или на мель не опасались. Жители Сёлунда знали здешние воды как заядлый гольфист — любимое поле.

Но, к сожалению, все равно опоздали.

Хоть и шли до цели в темноте, но, когда дошли, темнота нам уже не мешала.

Усадьба горела. То есть не совсем усадьба — пара сараев и флигель для грэлей. Разведка в составе Свана Черного и Медвежонка доложила: пожар практически локализован, ограда частично разрушена, а во дворе хозяйничают какие-то чужаки...

Почему чужаки? Да потому, что свои никогда не пустят под нож дойную корову, а эти зарезали буренку прямо на глазах у разведчиков. Так что вариант «наши победили» явно не реализовался. Да и кому побеждать? Боеспособных мужчин в одале — раз-два и обчелся. Победа наверняка досталась плохим парням без особых трудностей. Чем не повод закатить пир за счет проигравших? Вот они и пировали. Причем уже не один час.

Лицо Каменного Волка... Скажем так: будь я в числе его врагов, глянул бы — сам окаменел. От очень нехорошего предчувствия.

— Ни один не должен уйти, — прохрипел мой посаженный папа.

Не должен — значит, не уйдет. Это мы организуем.

А теперь — сюрприз! Люблю такой расклад — три на одного в нашу пользу. Минимизирует потери. И бодрости в нас побольше.

Мы ведь чем занимались? Весла ворочали часиков этак десять, так что разогрелись неплохо. Опять же — благородное чувство отмщения.

А наши оппоненты — они тем временем совсем нездоровый образ жизни вели. Предавались всяким излишествам вроде пива и доступных в силу обстоятельств женщин.

Обильная жрачка, скоропалительный секс и пиво.

Вот три составляющих успеха твоего противника.

— Мы возьмем их влегкую, — заявил я своему побратиму, взявши его за ремешок. — Держи своего зверя на цепи, его время еще не пришло.

— Сам знаю, — проворчал потомственный берсерк.

Надеюсь, что он — справится. Для воина Одина боевое безумие — как доза для наркомана. Это ж такой кайф...

Стенульфу я ничего говорить не стал. Дедушка был в ярости, но ярости ледяной, как Великий Северный Путь в феврале.

Что удивительно, так это беспечность злодеев. Наглецы даже дозорных не выставили. Подобных олухов даже не тепленькими берут, а хорошо прожаренными. Интересно, а кто у них за главного? Выговор ему за незнание устава караульной службы. С занесением в брюшную полость.

Разделились на три группы. Мой хирд, поддержанный «тяжелой пехотой» из опытных бойцов, первым вошел в ворота. Которые, кстати, никто из захватчиков не потрудился затворить. Я рывкнул команду, хирдманы развернулись цепью и двинулись. За нами — сёлундское ополчение. Стрелки — по уже сложившейся у меня традиции заняли выбранные загодя точки с максималь-

но эффективной зоной обстрела.

Двор зачистили буквально за пару минут. Никто даже не вякнул, потому что вменяемых врагов тут не было, а рабам усадебным вякать по-любому не положено.

Потом зачистили все строения, кроме «длинного» дома. Кое-кому поломали кайф, но это суцая мелочь в сравнении с тем, что ожидало насильничков в будущем.

Мы прочесывали, ополченцы — прибирались за нами. То есть добивали раненых и вязали оглушенных.

Сработали идеально: те, кто сидел в «длинном» доме, всё еще пребывали в уверенности, что они — в безопасности. Нельзя сказать, что обошлось без единого звука. Вопили, болезные, причем истошно. И что с того? Вопили тут и до нашего появления, а громче всего орали в «длинном» доме, где лучшая часть грабителей отмечала геройскую победу над рабами и женщинами.

И тут, как в небритом анекдоте о поручике Ржевском, появляюсь я. Весь в белом... то есть в металлическом и провожу краткую, но доходчивую лекцию о вреде пьянства и блуда.

Ну да, в дом я вошел первым. Без героизма. Просто откинул шкуру-занавес.

Знакомая картина. Совсем недавно созерцал нечто подобное в своем собственном доме. Пир горой и дым — коромыслом. Только персонажи другие. По большей части — незнакомые. Хотя — не все. На первом плане, то есть на почетном хозяйском месте — оч-чень знакомое личико. Эйнар свет Торкелевич. Сынок и наследник благородного ярла. Не так давно мы были в гостях на его драккаре и мирно беседовали под пиво. А мог бы, как говорится, и ножичком полоснуть. Но не полоснул, потому что на тот момент за капитана команды играл Хавгрим Палица, тоже берсерк и верный ученик Каменного Волка. Так это что получается? Ученик и почти сын грабит учителя и почти папу? И я, кстати, его почему-то не вижу. И это нехорошо. Так-то, конечно, глаза б мои не видали этого бесбашенного убийцу, но если он укрыт где-то в уголочке, гадит, к примеру, или иную естественную надобность удовлетворяет, а потом вдруг ка-ак выскочит! И полетят клочки моих верных товарищей...

Кстати, а что будет, когда берсерк с берсерком сойдутся? Опознают друг в друге братьев по диагнозу или рубиться начнут? А если начнут, то кто заболит: самый безумный или самый умелый?

Так, а кто это меня в сторону отодвигает? Братишка Медвежонок. И правильно делает. Я уже полминуты так стою: люблюсь натюрмортом. То есть пока еще не совсем натюрмортом, но вскорости ой как много живой природы перестанет ею быть.

Теперь мы стоим вдвоем. А публика на нас — ноль внимания.

Эйнар Торкельсонович, сынок-ярлениш, пьет и поет. Да так... оглушительно! А рядом с ним — моя добрая знакомая Гундэ-«все-при-ней», совсем-совсем недавно имевшая статус кровной мамочки сыновей Лодина-ярла и преданной пылкой наложницы Каменного Волка.

Нет, ну что за баба! Никогда и нигде не пропадет. Сидит и трется тем, что при ней, о пьяненького ярлениша.

А с другой стороны, под боком у какого-то мрачного верзилы, — законная вдова Лодина-ярла. И личико у нее такое, будто только что сожрала чужую блевотину.

И смотрит на меня, напрягает извилины, пытаюсь сообразить, кто это такой красивый пожаловал.

Я решил помочь тетеньке, сдвинул шлем на затылок.

О как! Даже и не думал, что мое лицо — такое симпатичное. Вдова прям-таки расцвела и заколосилась.

— Эйнар! — воскликнул я прямо с порога. — Какая приятная встреча! — И с ходу — насущный вопрос: — А где же наш друг Хавгрим Палица?

Что ж ты, тинейджер благородный? Неужто ты мне не рад? И уважения мне не оказываешь, хотя я поздоровался, причем очень вежливо. Хорошо хоть песню оборвал. Это правильно. Громко — это ведь еще не значит: хорошо. Как говаривал мой дедушка: не можешь пить — не пей. Мутный взгляд Эйнара фокусируется на мне. С трудом. Правая рука продолжает мацать Гундешкину титьку. А вот это уже неправильно. Чужая это тетенька. И дяденька у нее такой, что за подобное поведение сам так помацает, что кожа с ручки чулком сойдет.

— Харгрим? Хавгрим, это... С отцом остался, — радуется меня ярлэныш.

— А вот это обидно, — громогласно вру я, неторопливо перемещаясь к стойке с оружием. — То-то Стенульф Асгейрсон огорчится. Хавгрим ему — как сын.

Упоминание Каменного Волка юнца не смутило. Видно, до сознания не дошло.

Зато Гундэ личиком переменилась и попыталась сбросить шаловливую Эйнарову ручонку. Ручонка сбрасываться не желала, зато я занял ключевое положение между оружейной стойкой и пирующими.

К сожалению, далеко не все плохие парни последовали обычаю и разоружились перед трапезой. Зато практически все прилично набрались и набили брюхо чужим хавчиком. Это зря. После сытного обеда проникающие ранения в брюшную полость особенно опасны. Да и к беспечности неоправданной сытость тоже располагает. Наш с ярлэнышем невинный диалог лишь немногих заставил насторожиться. Остальные отреагировали слабо. Даже сам юный лидер, заметивший, наконец, что его ласки больше не находят одобрения у дамы и выразивший недоумение словами:

— Ты чего, дура?

А в дом тем временем заходили наши. Заходили и распределялись по помещению, так что территория чужого праздника быстренько превращалась в территорию праздника нашего.

— Ты сиди, не суетись, — посоветовал одному из протрезвевших сконцев Стюрмир, придавливая дланью его макушку, а затем выдергивая из-за пояса и бросая на пол секиру сконца. — Хозяин вернулся, а он не любит, когда суетятся.

Вошел хозяин. То есть — Стенульф. В гнев впадать не стал. Медленно проследовал вдоль стола, сидевшие вдоль которого внезапно поскучнели и потеряли аппетит. Как-то уже не хочется кушать, когда тебя похлопывают по щечке пахнущим свежей кровью клинком. Спадает аппетит-то. Равно как и эрекция. Все хватчики-налетчики разом потеряли интерес к новым подружкам. И Эйнар Торкелевич тоже не стал исключением.

Стенульф неторопливо прошествовал вдоль стола, поднялся на возвышение, взял ярлэныша за шкирятник и выдернул из-за стола, как репку из грядки. Ну что тут скажешь? Здоров, старикан.

— Стенульфуска, герой мой богоравный... — тут же заворковала Гундэ, но дедушка проигнорировал. Держал ярлэныша за горло, глядел с интересом, как тот сипит и пытается разжать клещи, напрочь забыв, что на поясе у него — меч.

Хотя тут ему повезло. Пырнуть себя дедушка полубою не дал бы.

— Отпусти его, Стенульф, — попросил я. — Этот прыщик нам может пригодиться.

Каменный дедушка еще некоторое время глядел в закатывающиеся глазки ярлэныша — с искренним интересом, потом разжал пальцы, и гордый вьюнош осел на лавку.

— Прыщик, говоришь? — пробасил наставник берсерков. — А подходит ему. Будет теперь Эйнар Прыщик!

И всем сразу стало весело. Даже многие супротивники наши подхихикивали. Надеялись, верно, что обойдется...

Не обошлось.

По знаку Стенульфа всех, кроме ярлэныша, выволокли во двор и начали убивать. С выдумкой и не спеша.

Я бы, конечно, не стал действовать так радикально, но мои обязанности лидера временно перешли к Стенульфу, а он был — в своем праве. Это его территория, как-никак. И это ему воровским образом нанесли ущерб материальный и моральный. Так что козырный дуб в пятнадцати метрах от ворот усадьды, помимо традиционных ленточек-фенечек, украсился сорока семью «подарочками» Одину. По указанию дедушки мертвых и раненых тоже вздернули. И занимались этим четверо самых молодых разбойников, которых, впрочем, тоже повесили.

— Эти — твои, — чуть позже сообщил мне Каменный Волк, указав на трех самых ободранных, но зато сохранивших браслеты и цепки висельников. — Я посвятил их Отцу Воинов, дабы он помогал тебе в битве. И еще столько же пообещал, когда все закончится. Но тут уж ты сам. — Потом поглядел на меня с сомнением и добавил: — Если что не знаешь — брат подскажет.

— Считаешь: Один меня теперь защитит? — поинтересовался я.

— Может быть. Но в ближайшем бою ты теперь на свежем дерьме точно не поскользнешься.

Чертовски оптимистично звучит!

Короче, порешили всех, кроме ярлэныша. Эйнару Торкельсону, которому отныне суждено было именоваться Прыщиком, забили руки-ноги в колодки и прислонили к дубовому стволу.

Там он и просидел часа два, нюхая собственную отрыжку и все запахи, которые свойственны повешенным, пока мы тушили пожары и наводили порядок на подворье.

— Я не понимаю, зачем нам туда идти! — решительно заявил я.

И верно. Никакого резона в том, чтобы прямо сейчас нападать на усадьбу Торкеля-ярла я уже не видел. Сначала да. Кровь вскипела. Обиделся на тех, кто мою свадьбу попортил. Но теперь я так не считаю. Хорошая свадьба получилась. И финал неплохой. Победный. Я пришел сюда, чтобы помочь Каменному Волку. И помог. Нормальная ситуация.

Но теперь эти герои от сохи предлагают налезть пусть и на сконского, но

всё же полновестного боевого ярла с обученной боевой дружиной. Причем больше всего орут как раз раздухарившиеся бонды. И по рожам вижу: месть тут на четвертом месте. А на первых трех — желание пограбить.

К сожалению, профессионалы тоже поддерживают тему. И не без оснований. Даже если не принимать в расчет сотню ополченцев, то и восемь десятков бойцов — это много. Вполне достаточно, чтобы навалить Торкелю, учитывая внезапность и то, что часть его хирда исполняет роль желудей на священном дубе.

Но есть три минуса, которые мне отчетливо ясны. Первый: по-любому у нас будут потери. И не факт, что добыча того стоит. Второй: мы — несыгранная команда. Если не считать моей маленькой дружины, мы — сборная солянка из разных хирдов. И в настоящем бою это непременно скажется. И наконец, третье, самое весомое. Ярлов было два. Известный мне Торкель и неизвестный Мьёр. И кто гарантирует, что этот второй не окажется поблизости от первого? Или еще кто-то из сконцев не подспеет. Я знал, как реагируют даны на чужаков. Стоит тем напасть, как все внутренние распри разом забываются и земляки в едином строю выступают против внешней угрозы.

Исходя из вышеописанного, я и предложил народу: давайте подождем папу Рагнара. Если нет желания возвращаться домой, можно подождать конунга прямо тут. За надежной оградой.

Вот тут-то мои соседи-пахари и разорались. Месть! Месть! Немедленно!

Хотя даже обкуренному ежику понятно: не в мести дело. Отмстить-то и папа Рагнар может. Да так, что нам и в кошмарах не приснится. А вот пограбить лучше без него. Потому что если в бой идет конунг, то и трофеи — конунговы.

— Я — против! Нечего! — решительно заявил я и сделал рожу кирпичом.

Если кто рискнет объявить меня трусом... Никто не рискнул. Но — не одобрили. Стенульф похлопал меня по спине и сообщил негромко, что с таким подарком Отцу Воинов, который ныне принесен во имя мое, в расположении Одина можно не сомневаться. А наглец Гримар заявил, что если жениховские труды так меня измотали, что я отказываюсь от доброй драки, то он, Гримар, готов возглавить наш сводный отряд по праву старшинства.

— Ты, родич, не слишком ли в хёвдинги торопишься? — мгновенно окрысился Свартхёвди. — Тут тебе не Хедебю, а Сёлунд, и старшинство твое можешь Хареку Младшему под зад положить!

Строго говоря, здесь был не Сёлунд, а Сконе, но народ решительно поддержал Медвежонка.

А я понял, что у меня два варианта: сыграть труса или возглавить не симпатичную мне затею.

Одно из правил командира: никогда не отдавать приказ, в исполнении которого сомневаешься. Хочешь остаться командиром в условиях скандинавской военной демократии, присоединяйся в большинстве.

Разумеется, я мог бы сказать Гримару заветное слово: «десять марок», и, возможно, он встал бы на мою сторону. А уж своим я мог попросту приказать...

Но эти дурни-бонды, дорогие мои соседи, наверняка не услышат доводов разума и попрутся грабить Торкеля самостоятельно... А я не мог их бросить. Потому что никогда не забуду, как они дружно примчались мне на помощь,

когда у меня вышел конфликт с бойцами Харальда Щита.

— Хорош, поговорили! — буркнул я. — Раз все вы так рветесь поквитаться с Торкелем, то хватит болтовни. Всем пожрать по-быстрому и по коням. А если наваляют нам по чавкам, то сопли кровавые будете утирать самостоятельно!

Диспут закрыт. Мы наскоро перекусили, взяли трофейных лошадок (на всех не хватило, но викинги бегают немногим хуже своих пони) и двинулись проверять усадьбу ярла Торкеля на знание законов гостеприимства.

Глава тридцать четвертая, в которой один закаленный клинок крушит доспех, а другой разбивается о сырое железо

Ночной переход — это трудно. Но мы справились. Подошли к усадьбе Торкеля-ярла еще до петухов...

И обнаружили очередной праздник.

Точнее, его послевкусие. Перепившихся хирдманов, обожравшихся псов. И таких же обожравшихся остатками господской трапезы трэлей.

Взять супостатов оказалось не труднее, чем освободить поместье малолетних сыновей Лодина-ярла.

Форсировать забор, открыть ворота да порубить-повязать то, во что превратились храбрые и могучие воины Торкеля после пьянки и обжорства. Но...

Но к нашему огромному сожалению, ни самого Торкеля, ни его лучших бойцов на территории не обнаружилось. Форсированный допрос показал: ярл со товарищи отправился праздновать победу к своему дружку, ярлу Мьёру.

Это минус. Но был и плюс. Мы освободили селундский полон: значительную часть уведенных с сёлундской земли пленных.

Здесь же, в усадьбе ярла-разбойника, мы и решили заночевать. То есть — задневать. На марш-бросок в сторону одаля Мьёра сил уже не оставалось. Всё же мы отправились в бой прямиком со свадьбы, а свадьба по-скандинавски — это о-очень тяжелая работенка.

Я предоставил любителям этого дела поработать с пленными и трофеями, а сам забрался в одну из кладовок «длинного» дома, накидал на пол шкур из соседнего помещения, предварительно проверив оные на отсутствие-присутствие насекомых, и, как есть, в доспехах, только сапоги снявши, отбыл в мир снов.

Проснулся от грохота.

Не сразу понял, что я и где я. Сообразил. Выбрался из своей норы. Попил свежего козьего молочка в практически пустом (пяток рабынь — не в счет) главном зале, прислушиваясь к шуму во дворе и понемногу осознавая, что снаружи идет бой.

Когда мое сознание окончательно прояснилось, я пулей вылетел на свежий воздух... И едва не схлопотал стрелу. То есть — схлопотал, но доспех выдержал. И я — тоже. Только пошатнулся.

Итак, я оказался прав. Мы нарвались. Хотя пока всё обстояло не так уж плохо, ведь бой шел не во дворе, а снаружи. И адский грохот раздавался по ту сторону ворот. Надо думать, по ним лупили топорами.

Мои парни заняли правильную оборону. Над оградой густо летели стрелы,

так что бойцы особо не высовывались. Но и не расслаблялись. Прямо у меня на глазах четверо дюжих ребят подняли котел с кипятком, вздели его на уровень стены и выплеснули на тех, кто ломал ворота.

Отчаянный вопль — и разбудивший меня грохот стих.

Однако стрелы продолжали лететь, и я счел за лучшее метнуться через двор и оказаться в мертвой зоне под стеной.

Тут меня и перехватил Медвежонок.

— Ты где был? — воскликнул он. — Мы тебя обыскались!

— Спал, — честно признался я. — Давно нас штурмуют?

— Только подошли. Сотни три, похоже. Торкельярл, Мьёр-ярл, Одд-хёвдинг и еще парочка сконских вождей. Эти себя не назвали.

— Как они узнали, что мы здесь?

Медвежонок пожал плечами. Узнали. Что уж теперь...

— Мы держимся, — сказал он. — Я посадил стрелков на крышу, остальных расставил по стене.

Я хмыкнул. Стена, называется... Забор из бревен, укрепленных камнями, высотой метра три от силы.

Хотя всяко лучше, чем чисто поле.

— Торкель знает, что у нас — его сын?

— Знает. Предложил выкуп в три марки. Больше, говорит, не стоит. И еще десять марок, чтоб мы убрались домой.

— Наглец, — констатировал я. — Да они у одного Плешивого взяли больше. Но выходить нельзя. Наверняка ловушка.

— Так и есть, — согласился Свартхёвди. — Выйдем — и нас сразу перебьют. Прорваться не получится. У них почти все — воины, а у нас большая часть — расхрабренные бонды. То есть, если ты хочешь ими пожертвовать, тогда можно попытаться.

Стенульф сказал: здесь есть тропа, по которой можно уйти на запад. А потом вывернуть к одалю его воспитанников, сесть на корабли и уйти. На Сёлунд они за нами идти не рискнут.

— Как это — жертвовать? — возмутился я. — Это ж наши!

— Ну... — неуверенно протянул Свартхёвди. — А так нас всех убьют.

Я ухватил его за бороду, подтянул поближе, чтоб шум не мешал, проговорил ласково в большое ухо:

— Медвежонок, с чего ты взял, что нас убьют? Их больше? И что с того? Или ты забыл, как мы втроем с Каменным Волком этого Торкеля-ярла попользовали?

Свартхёвди дернул головой, высвобождая бороду.

— Думаешь, не одолеют?

— А как? Отбивать их мы сможем еще долго. Два колодца полнехоньки. Амбары и кладовые набиты под завязку. До весны хватит. И нам, и скотине. Но до весны нам не надо. Нам надо дожждаться подмоги. Рагнара. А пока пускай лезут и рискуют здоровьем. Пускай тратят стрелы, пускай толкуются перед воротами. А мы их будем бить. И желательно не насмерть.

— Это почему? — удивился Медвежонок.

— Да потому, что мертвые — они сразу в Валхаллу или еще куда-нибудь. А о раненых заботиться надо. Опять же они будут напоминать живым о том, что их может ждать не только славная смерть, а жизнь долгая, но неинтересная,

потому что без ноги или руки жить совсем не так весело, как целиком.

Очень проникновенно я сказал, с чувством, ведь данная перспектива была весьма актуальна лично для меня всего лишь пару месяцев назад.

— А теперь пропусти меня вперед, — велел я. — Хочу поговорить с Торкелем-ярлом.

Медвежонок поднял щит, приготовившись прикрыть меня, если что, а я высунул голову между заостренных колов и заорал во всю глотку:

— Эй, Торкель! Я, Ульф-хёвдинг из Сёлунда, буду с тобой говорить!

Дошло. Стрелять перестали. Над верхним краем сбитого из жердей щита возникла башка в гребенчатом шлеме.

— Говори! — заорал ярл. — Понял, что худо ваше дело, да? Хочешь уйти?

— Уйти? Да ты шутишь! — завопил я, приподнимаясь повыше в полной уверенности, что успею нырнуть обратно, если вороги решат меня упразднить. — Зачем мне уходить? Мне здесь очень хорошо! Ты очень гостеприимен, Торкель-ярл! Так щедро с твоей стороны предложить гостям всё самое лучшее! Отличная молодая свинина! Отборное зерно! А какое пиво варят твои женщины! Да и сами они хороши! Особенно твоя жена и дочь, ярл! Следующей весной у тебя в семье будет приплод! Не знаю, правда, от кого из нас, но ты всё равно должен быть благодарен! Твое-то семя никудашным оказалось! Хотя нам и оно пригодится. Когда нам наскучат твои бабы и девки, мы используем твоего сынка как женщину. Единственное, на что он годится...

— Я убью тебя, как собаку! Как свинью! Я сам тебя — как женщину! Я... — Торкель-ярл задохнулся от ярости, и я тут же воспользовался паузой:

— Ты? Меня? Да ты вошь у себя в бороде и то убить не сможешь! Да ты, Торкель, в штаны напрудил, едва увидишь настоящего воина! Колени твои станут как студень, а зубы будут стучать так громко, что все подумают: где-то поблизости кузница!

— Ты трус! — завопил ярл. — Выйди — и я тебя прикончу!

— Разве что — стрелой из кустов! — крикнул я в ответ. — Или нестерпимой вонью, когда в штаны наложишь!

— Я убью тебя вот этим железом! — Ярл потряс секирой. — Выходи, собачий сын! Один мне свидетель: я разрублю тебя начетверо, вырву твой поганый язык и скормлю его твоим родичам-свиньям!

— Уговорил! — крикнул я. — Уже иду! Вели своим людишкам отойти назад. Боги слышали: ты вызвал меня на поединок! Может, ты не так уж труслив и женоподобен, как мне показалось? Тогда выходит, что сын твой — из другого мяса. Признайся, ярл, кто обрюхатил твою жену, родившую тебе такое ничтожество?

И захохотал исключительно мерзко.

— Зачем ты его так оскорбил? — сказал мне Свартхёвди. — Обычно ты ведешь себя по-другому.

— Хавгрим Палица, — пояснил я. — Я вовсе не намерен биться с вашим братом-берсерком, а он наверняка бы выставил вместо себя Хавгрима. Теперь — не станет. Это будет стоить ему чести.

— Уверен, что справишься? — поинтересовался Медвежонок. — Хавгрим говорил: Торкель знает, как управляться с оружием, а у тебя рука зажила совсем недавно.

— Вот еще один повод для того, чтобы его раздражить, — отозвался я. —

Пусть гнев застит ему глаза, а я уж постараюсь погонять его как следует. А твое дело: позаботиться о том, чтобы, пока мы меряемся силенками, попорченную часть ворот укрепили железом.

Ворота открылись (люди с железными пластинами и скобами замерли наготове), и я вышел. Один. Торкель-ярл, тоже один, вышел мне навстречу. Вернее, выбежал, по ходу размахиваясь и швыряя в меня копьё.

Мне следовало перехватить копьё и зафигачить обратно... Чтобы ярл поймал его и отправил в меня. На этот раз уже не с тридцати, а с десяти шагов. Отличный расчет, но я играть в эти игры не собирался. Шагнул влево, и копьё с хрустом воткнулось в бревно ограды.

Я остановился, предоставив ярлу инициативу, коей он и воспользовался.

Налетел, рубанул секирой с такой яростной энергией, что самого аж занесло. А занесло потому, что я не стал ждать, когда увесистая железка сделает дыру в моем щите, а деликатно отодвинулся, пропуская благородного сконца мимо себя и стимулируя уколom в правую ногу. Укол, впрочем, ярл успел парировать, тут же развернулся и прынул вперед, резко сокращая дистанцию и вкладывая силу разворота в новый удар.

На сей раз я совсем убирать щит не стал, рассчитывая, что секира ярла в нем увязнет.

Ошибся. Не увязла. Кусок щита примерно пятисантиметровой ширины как бритвой срезало. Силен сконец, ничего не скажешь! От удара щит крутанулся в моей руке... Удачно получилось. Поле щита у меня разбито на двенадцать секторов правильной черно-белой чересполосной раскраски со спирально разбросанными красными рунами всяких полезных значений. Хотя важнее не значения, а расположение и цвет. Один поворот щита — и вся эта цветовая гамма приходит в движение, работая примерно как красные пятна на мелькающих ладонях мастера ушу. То есть оказывая легкий гипнотический эффект и предоставляя мне лишние полсекунды.

Третий удар топора, предназначенный для отрубания моей ноги, запоздал именно на эти полсекунды, так что ногу я убрал, а сам удар сбил, обрушив край щита на правое предплечье ярла. И сразу — рубящий мечом с высокой стойки.

Метил я в голову, аккуратно по гребню. Разрубить не получилось бы, но ошеломить — запросто.

Однако не получилось и это. Ярл ловко прикрылся щитом и отпрыгнул, разрывая дистанцию. Подвижный, сволочь!

— Что, Торкель, страшно? — гаркнул я с расчетом не только на ярла, но и на публику. — Ты побегай, побегай! Зайцу от волка бегать — не зазорно! Глядишь, поживет чуток подольше!

— Я! Тебя! Убью! Сын! Свиньи! И! Собаки! — прорычал ярл, сопровождая каждое слово сокрушительным взмахом топора, великолепно демонстрируя технику, которую я называл «школа лесоруба».

Но я ведь не дерево. У меня есть ноги, и я умею ими перебирать.

Хотя Медвежонок прав: моя рука еще не вполне. Туговато мышцы работают. Так что имеет смысл подмогнуть мышцам руки мускулом языка.

— Знаешь, ярл, а я ведь пошутил: не получится нынче твоего сына как женщину попользовать. Хочешь знать, почему?

Если Торкель и хотел, то виду не подал. Хрясь! Хрусь! И еще кусок щита полетел на травку. Этак он мне всю боевую снасть на растопку переформатирует.

— А потому не получится, что нет среди нас таких, кто с трупами любит побаловаться. Может, в твоём хирде есть?

Хряп! И секира ярла наконец-то увязла в щите. Моя заковыристая формулировка дошла до мозга Торкеля и смазала удар. Точно по пословице о влиянии головы на руки. Только с точностью до «наоборот».

Ярл рванул рукоять с поистине йотуновой силой... И щит с увязшим в нём топором оказался в полном распоряжении моего противника. Я лишь чуток подправил их совокупную траекторию ногой, в результате чего инерция элегантно развернула Торкеля ко мне затылком. И тут уж я не сплеховал: рубанул от души, и закаленная кромка Вдоводела без особого труда развалила куда более мягкое железо шлемного гребня. Хорошо получилось. Аж заклепки повыскакивали. Но при этом, как я и рассчитывал, до черепа мое боевое не дошло, хотя приложило знатно. Ярл, где стоял, так и лег.

И прежде, чем наблюдатели со стороны Торкеля осмыслили происходящее, я ухватил ярла за шейный край кольчужки и поволок в сторону ворот.

Секунда-другая — и я внутри, а створы стремительно сходятся.

Стрелять вороги не рискнули: запросто ведь могли и в ярла своего попасть. Зато ломанулись всей толпой, дружно ревя, как океанский лайнер.

А впереди наш дорогой друг-берсерк Хавгрим Палица. Когда я, уже внутри, выпустил беспмятную тушку ярла, то увидел сквозь щель сходящихся ворот, что любимец Одина летит прямо на меня, огромными прыжками метра по три каждый, опередив соратников на добрых двадцать шагов. Я даже испугался: вдруг он взбежит по стене, аки ниндзя? Судя по набранной скорости, реально мог бы взбежать... Так что я сам проворно взлетел на стену. Правда, по лесенке.

Нет, не взбежал. Вместо этого Хавгрим обрушил молодецкий меч на сомкнувшиеся у него перед носом ворота.

И меч сломался. Что говорило о его высоком, по здешним меркам, качестве так же уверенно, как способ его применения — о сообразительности применившего. Это ж надо рубануть прям по свеженабитой скобе в палец толщиной.

Пока берсерк осмыслял происшедшее, подскочили соратники...

И вот тогда на Хавгрима и его друганов мои друганы опрокинули котел с крутым кипятком.

Хавгрим увернулся: берсерк всё-таки. А вот с некоторыми менее проворными случилось неприятное. О чем нам немедленно сообщил пылкий хор ошпаренных бойцов.

С нашей стороны ему вторил куда более оптимистичный рев нашей партии, приветствующей мою победу.

Но до окончательной и бесповоротной победы, как мы вскоре убедились, было еще ой как далеко.

Глава тридцать пятая Последний бой хирда Ульфа Черноголового

Мы продержались еще сутки. Мои надежды на то, что пара знатных заложников обеспечит нам положительный результат переговоров, не оправда-

лись. Сам Торкельярл наотрез отказался рулить своими людьми из заточения в нужную нам сторону. А его коллега ярл Мьёр занял твердую позицию: ни шага назад. Как мне пояснил разбиравшийся в местной политике дедушка Стенульф, в случае смерти Торкеля с сыном их союзник и отчасти родственник получал изрядный кусок Торкелева одаля. Вот уж, как говорится, Торкель мне друг, но имущество — дороже.

Сам Торкель, как мне показалось, после удара по жбану малехо повернулся рассудком. Несколько часов напролет то меня поносил, то сынульку, которого мы разместили рядышком с папашей.

А сутки у нас были — насыщенные. Уж поверьте: двадцать четыре часа непрерывного боя — это очень долго. Тем более что у наших противников, благодаря численному превосходству, была возможность работать в две смены: одни спят, другие не дают спать нам.

Зато мне удалось уболтать наших, тех, кто покруче, устроить вылазку, когда у штурмующих выдалась пауза.

Хорошо получилось. Матерый воин Мьёр-ярл оплошал так же, как недавно — сопьяк Торкельсон. Ярл не выставил ни дозорных, ни секретов. Сконцы разожгли костер напротив ворот и решили, что мы — под присмотром. Не будь у нас раненых, мы бы в эту ночь самым замечательным образом оставили бы осаждающих с носом. Но бросить раненых — это не по-джентльменски.

Пренебрегая освещенными воротами, мы очень тихо перелезли через ограду с темной стороны, обошли вражеский лагерь с подветренной (собачки там, как же без них?) и обрушились на сконцев аки молот Тора — на перепившихся инеистых великанов. Минут пять бодро рубали спящих на окраине лагеря, подожгли два шатра и распугали всех лошадей. Вернее, не совсем всех. Парочку придержали и отдали Свану Черному, который в потехе не участвовал, а сдернул с максимальной скоростью. Почему — сушей? Да потому, что маленькая бухта, принадлежавшая одалю Торкеля-ярла, была до отказа забита кораблями сконцев. Причем примерно половина оставалась на рейде. Вдобавок все плавсредства помельче шестивесельных либо ушли, либо сушились на берегу, так что выбраться морем у Свана — никаких шансов. А всем нам очень хотелось, чтобы он всё-таки добрался до Рагнара и упросил его подмогнуть страдающим за правое дело землякам.

Словом, выспаться этой ночью у сконцев — не получилось. До самого утра они тушили пожары и разбирались с ранеными-убитыми.

А мы потеряли только одного: невезучий словил спиной копье уже перекачываясь через частокол.

Утром наступило затишье. Аж до полудня. Но тут — как в известном анекдоте о том, как русского спросили: когда, по его мнению, придет конец света? А тот ответил: когда, не знаю, зато знаю — откуда. Я там живу.

Так вот: мы тоже знали, откуда пришел тот самый северный пушистый к нашему маленькому дружному коллективу. Он пришел с юга. Более того, мы даже знали время его прихода: астрономический полдень. Это потому, что сразу аж шесть ярлов прибыли к захваченной усадьбе Торкеля по наши души. Шесть ярлов с дружинами. Чуть ли не пятьсот свирепых датских вояк. Итого, учитывая потери противника, где-то семьсот с хвостиком против наших полутора сотен, из которых большая часть — обычные бонды.

Как выяснилось позже, Мьёр послал ратную стрелу еще до того, как они с Торкелем напали на наших.

С упреждением, так сказать. Так что союзники-соседи прибыли в полной уверенности, что это мы, злодеи, напали на честных сконцев и захапали Торкелево подворье. И уже на месте выяснилось, что дело обстоит как раз наоборот. И застремались храбрые сконские ярлы.

Нет, в том, что наша песенка хорошим темпом переходит в похоронный марш, никто из сконцев не сомневался. Стремались они не нас, а мести Лотброка.

И вместо того, чтобы быстенько устроить нам карачун, закопать трупы и сделать вид, что нас как бы и не было, вновь прибывшие устроили многоголовый срач на тему: кто ответит за беспредел? То есть в глубине души сконцы были уверены, что грабить жителей нашего славного острова — восстанавливать справедливость. Сёлундцы-то, считай, каждую зиму на землю Сконе за зипунами ходили. Но у сконцев, увы им, не было своего Рагнара, а у нас — был. И есть. И Рагнар этот спит и видит свободные сконские земли к рукам прибрать. И тут такой повод...

Так что половина сконцев вопила, что нас надо отпустить с почетом и извинениями, а другая половина считала, что нас надо немедленно победить. Причем особо извращенным способом. Чтобы, значит, Рагнар содрогнулся и проникся к сконцам уважением.

Ну да, напугали дикобраза старушечьими ягодицами! Такие звероящеры, как Рагнар с сыновьями, по части кровавых извращений — абсолютные чемпионы Датской Марки.

Поскольку обсуждение шло пусть и на удалении где-то сотни метров, но столь бурно, мы слышали почти всё. И видели тоже. Так что, когда бóльшая часть вновь прибывших отбыла на места постоянного проживания, это не стало для нас секретом. А я, кстати, вернее, некстати, но слишком поздно понял, что допустил ошибку. Следовало поднять белый щит и попытаться принять участие в диспуте. Глядишь, сомневающиеся стали бы нашими союзниками...

Как позже выяснилось, предусмотрительный Мьёр-ярл позаботился еще кое о чем. Заслал гонца к самому главному сконскому ярлу — полномочному представителю Харека, конунга всех данов, вассалом которого формально считался и Рагнар. И не только к нему, как выяснилось еще позже...

Итак, часть врагов свалила, но осталось всё равно больше, чем мы были способны переварить. Тем более что они решили сменить тактику. Осознав, что взять нас нахрапом может стоить слишком больших потерь, сконцы начали мероприятия по правильному штурму. Например, занялись изготовлением тарана, коротких лестниц и примитивных мантелетов[165].

А нам оставалось только наблюдать. С глубокой печалью.

— Может, попробуем прорваться? — без особой надежды предложил Медвежонок.

— А может, ты Одина попросишь? — внес встречное предложение Лейф Вельсчак. — Подарим ему этого, — кивок в сторону Торкеля-ярла. — Хороший воин. *Отцу* будет в радость.

Мои коллеги оживились. Моментально посыпались предложения: каким именно образом отправить пленника в Валхаллу с наилучшей гарантией до-

ставки нашей просьбы. Предложения — одно кровавее другого. И при этом — никакого садизма. Исключительно деловой подход к межмировой логистике.

Я тихо охреневал, совершенно не представляя, как остановить процесс. Бойцы были абсолютно уверены в его эффективности. Если я заартачусь — даже слушать не будут. Похлопают пока еще хёвдинга Ульфа по плечу. Мол, ты, брат, всегда был немножко странным, но ничего. Любим тебя не за это. Сами разберемся, ты только не мельтеши.

Выручил дедушка Каменный Волк.

— Дурни вы все, — заявил он пренебрежительно. — Торкель-ярл — не трель, которому послание на шкуре кровью пишут. Станет Торкель перед Отцом за своих врагов заступаться, как же! Да и некогда уже правильную жертву принести. За стену гляньте: каша ячменная свариться не успеет, как эти бить нас полезут. А кабы и успели: мы ж две ночи назад Одину сорок семь жизней подарили. Если после этого Отец к нам не расположился, так, значит, нет нам его благоволения! А коли так, то должно нам погибнуть достойно, и еще до первой звезды мы все будем пировать в Валхалле!

Сильная речь. Воодушевляющая. Для всех, кроме меня.

Зато у меня есть идея.

— Значит, так, смертники, — вмешался я в беседу. — Есть у меня для вас работенка. Давайте дадим Одину немного времени, чтобы о нас позаботиться. Сделаем как надо, и путешествие в Асгард откладывается до завтрашнего утра.

Идея была проста. В усадьбе Торкеля имелся изрядный запас обычных дров. И порядочный запас торфа. А кроме торфа и дров — не менее трех кубометров очень качественного кораблестроительного материала. Конечно, жечь шпангоуты и доски корабельной обшивки — чистое варварство, просто рука не поднимается, но, может, и не придется. Куда больше меня привлекал немалый запас смолы. Вот в этой смоле я и велел как следует вывозить обычные дровишки, а некоторые еще и в жир окунуть для пущего возгорания, и затем раскидать топливо вокруг нашего забора. На некотором отдалении, естественно.

Наши вооруженные оппоненты мешать нам не пытались. У них свои дела. Плотницкие. И прерывать свои дела ради того, чтобы помешать нам швыряться поленьями, сконцы не стали. Возможно, решили, что мы таким изощренным методом пытаемся затруднить их движение к стенам. Мол, по замусоренной земле тащить осадную снасть будет не так удобно.

В оценке боеготовности врага Стенульф не ошибся. Мантелеты «двинулись» к нам уже через сорок минут.

Но нам хватило. Через частокол полетели горящие факелы, и за каких-то три-четыре минуты три четверти нашего периметра оказалось внутри огненного кольца. Причем «открытая» часть оказалась как раз напротив ворот. Это уже была не моя идея, а Лейфа. Я очень сомневался, что сконцы купятся на такой примитив. Но попробовать можно...

Огненный заслон был не очень высок. Так, около метра. Этого хватало, чтобы создать атакующим серьезные неудобства. Почти все мантелеты остановились метрах в двадцати от огня. Движение продолжили только два осадных

щита... И «таранная» команда. Купились, простодушные убийцы из провинции Сконе. Поверили, что мы попросту не смогли поджечь этот участок, хотя и пытались — там и сям на земле догорали факелы, брошенные с явным перелетом или туда, где в «дровах» имелись проплешины. Это уж Лейф постарался. Его идея, он и исполнил.

Больше того, сконцы не просто нацелились атаковать ворота, но и явно заторопились. Тоже понятно. Огненное колечко разгоралось, понемногу сокращая «просвет». Так что через полминуты уже не два, а аж пять мантелетов торопливо «устремилась» к бреши. А таранная команда вообще вырвалась вперед с молодецким уханьем. А чего бояться внутри «передвижного сарая»? Тем более что лучники, укрывшись за осадными щитами, с недетской бодростью щедро осыпали стрелами зону будущей атаки.

Мы выждали около минуты. Достаточно, чтобы вражеские лучники малехо сбавили пыл, а таран подобрался в воротах... И реализовали сюрприз. Не высовываясь, перебросили через ворота пяток мешков, набитых соломой. Подожженных. А потом, сверху, еще один мешок с наципанной во дворе свежей травой. И сразу стало весело.

Горящее сено не причинило «передвижному сараю» особого вреда. Сконцы были парнями ушлыми и накрыли его сырыми шкурами. Сверху. А вот густые клубы дыма сработали как надо. Наглухо перекрыли обзор сконским стрелкам. Собственно, у них и так особого обзора не было: обмазанные смолой дрова чадили немилосердно. Но брошенная в пламя травка выдала настоящую дымовую завесу. А ветерок-то — от нас. За мантелетами закашляли и заругались. А парни внутри таранного «сарая» — и того пуще. Полезли наружу, как тараканы... Нет, как осы из гнезда. Только улететь им было проблематично, потому что у нас тоже были лучники. И копейщики.

И еще мы сделали вылазку прямо через стену. Дюжины две наших лучших бойцов сиганули через частокол и набросились на семерых кашляющих и полуослепших от дыма «таранщиков», аки коршуны на цапель. Конечно, и нашим дым глаза ел почем зря. Но скандинавы к дыму привычны — всю зиму в нем живут, а рожи у наших были предварительно замотаны мокрыми (моя идея!) тряпками.

Вот такой у нас оказался лютый план. И всё получилось как нельзя лучше. Когда травка (и свежая, и сухая) прогорела и дым чуток рассеялся, глазам сконских лучников открылся горящий таран-сарай и декорированные остатками пламени трупы сослуживцев.

Ух как они рассердились!

Даже не стали ждать, пока догорит наше огненное колечко. Так и ломанули всей массой.

— Славная будет битва! — одарил меня белозубой ухмылкой Лейф Весельчак, вытирая с физиономии кровь и гарь. — Одину понравится! Скоро нам пировать с ним за одним столом!

Я начал отвечать в том смысле, что не стоит раньше времени делать из нас хороняк, но закашлялся от витавшей в воздухе гари, а Лейф ухмыльнулся еще шире и заявил:

— Никогда не встречал таких, как ты, Ульф-хёвдинг! Рад, что умру рядом с тобой! Слушай меня, Один! Беру обет отправить к тебе никак не меньше трех врагов. Вдогонку тем, кто уже услышал песнь моего клинка!

Он наверняка намеревался сообщить богам еще что-нибудь... поэтичное. Но тут на нас обрушился рой стрел, вынудивший даже самых храбрых приступить и потеснее прижаться к бревнышкам частокола, заслонившись щитами от наблюдателей Асграда.

А потом начался обычный кошмар, именуемый неравным боем.

Не знаю, сколько это длилось. Я напрочь потерял ощущение времени. Помнил только, как вышибли — нет, скорее, выдавили ворота, и нам пришлось поспешно поспрыгивать со стены и принять бой на земле.

Главное — держать строй, но это мы как раз умели неплохо. Даже ополченцы. Ничто так не сплачивает людей, как родственная связь.

Еще нам повезло: сконцы не стали гасить нас дистанционно. Тоже выстроились и навалились. Честный бой. Тот его вариант, который и мне по душе. Три на одного. Вот только на этот раз численный перевес оказался не на той стороне.

Я убивал. Сначала — немного, потому что — в строю. Но когда ко мне пришел Белый Волк, убивать стало весело и легко. Строй мне был больше не нужен.

И всё было славно, пока сильнейший удар в спину не швырнул меня на землю.

Больно не было, и дух из меня не вышибло. Я приземлился перекатом, не потеряв оружия, и встретил первый удар с колена, а второй — уже на ногах. Мой противник был изумительно хорош и так же быстр, как я. Он плясал вокруг меня и бил с двух рук с такой легкостью и быстротой, словно это были не руки, а крылья. Сам воздух кипел вокруг меня. Вдоводел визжал от восторга, скользя сталью по стали... пока сразу два копьё с двух сторон не обрушились на меня и мне не пришлось прервать наше веселье, чтобы несколькими быстрыми мазками стереть помехи.

Но когда я вернулся, моего чудесного противника-партнера уже перехватил другой. Такой же быстрый и смертоносный.

Белый Волк рявкнул предостерегающе, но я и сам видел, как струится и сияет над ними воздух, и знал: это уже не моя игра. Негоже мне мешать полету валькирий, когда вокруг кипит бой.

И я не стал. Я запел и закружился в тесном пространстве битвы, а мой меч, моя сияющая грань жизни и смерти, вел меня в этой тесноте, высекая из медлительных тел тяжелые красные брызги, и мой Волк кружился вместе со мной и подпевал моей песне...

Больше я ничего толком не запомнил. Когда Волк ушел, я осознал себя донельзя утомленным звеном в коротком строю из пары десятков уцелевших сёлундцев, моих и чужих хирдманов. Жутко болела спина, левая рука слушалась с трудом, кожа на лице стянулась от подсохшей крови, но Вдоводел был со мной, а друзья — рядом. Слева от меня с хрипом дышал Стюрмир. Справа, то и дело дергая головой, когда попорченный шлем съезжал на глаза, пыхтел Хагстейн Хогспьёт.

Мы стояли плотным кругом посреди заваленного мертвыми и ранеными двора, вдыхая дерущий горло чадный воздух, который недавно наполнили крики ярости, а теперь рвали надрывные вопли боли.

Мы стояли среди всего этого ада, покрытые с ног до головы своей и чужой кровью, и по-прежнему многократно превосходящие нас числом враги никак не могли решиться на последний смертельный удар.

Мы жутко устали. Даже настоящее железо и то, знаете ли, тоже устает. Лично мне казалось, что я не падаю лишь потому, что с двух сторон подперт здоровенными скандинавами. Но я крепко держал щит (чей он — я понятия не имел) и прикрывал им сразу себя и отчасти Хагстейна, ведь у норега щита не было. Только его здоровенное копьё, которое Хагстейн Хогспьёт держал одной рукой, потому что его левая висела плетью и кровь капала на землю с черных пальцев.

Еще я увидел ярла Мьёра. Ярл был без шлема, лоб рассечен, губы разбиты...

Я подумал: хорошо бы вызвать его на поединок и убить. Достойный финал моей жизни викинга. Но я так устал...

Мьёр поглядел мне прямо в глаза, сморщил нос, будто здоровенная кошка, задрал вверх замызганную кровью бороду...

И я понял: сейчас он рявкнет, перекрывая вопли и стоны несчастных, а еще через минуту нас не станет.

И тогда я понял высшую суть этого мира. То есть я знал это и раньше, но теперь именно *понял*. Она вошла в меня, как непреложный многовековой закон. Да, я умру. Уйду в Валхаллу или еще куда-нибудь. Или просто растворюсь в мировом эфире... Но память обо мне, о том, как я жил и как я умер, останется навсегда. Она будет жить в моих детях. Об этом расскажет Рунгерд нашему сыну. И Гудрун — нашему еще не рожденному ребенку. А те — своим детям. И я буду жить с ними, пока не прервется род. А значит, еще долго-долго, потому что здешние горние боги позаботятся о том, чтобы он не прервался. Хотя бы в память о том, как я повеселю их своей последней песней меча, если воспользоваться лексикой Лейфа Весельчака, утирающего кровь за два щита от меня...

— Мьёр! — закричал я, опережая команду ярла. — Мьёр-ярл! Поклянись молотом Тора, что наши родичи узнают, как мы умерли!

И Мьёр-ярл ухмыльнулся разбитыми в оладьи губами и прорычал:

— Они узнают! Клянусь!

Он ненавидит меня, подумал я тогда, но отказать не может. У нас одни боги. Они не поймут отказа.

Я еще не знал, насколько ошибался, когда думал, что в этом мире есть люди и герои. Нет здесь героев.

Есть только свои и чужие.

— Клянусь! — прорычал ярл.

И сразу рявкнул команду, после которой нас начали добивать. Однако за долю секунды до того, как вражеское копьё с грохотом врезалось в мой щит, я услышал, как где-то вдалеке по-бычьему взревел рог.

Глава тридцать шестая

Те, кто выжил

Мне не повезло. Я не умер. Нас, восьмерых оставшихся на ногах: Стюрмира, Гримара, Хагстейна, Ове Толстого, Лейфа Весельчака, Хунди Толстого, Гуннара Гагару и меня, — взяли живьем. Зажали щитами, когда у нас не осталось ничего, даже ярости.

И тогда я наконец позволил себе потерять сознание.

Когда очнулся, мои ноги были забиты в колодки, а голова мокрехонька, а на руке — тугая повязка. Учитывая колодки, оказание мне первой медицинской не сулило ничего доброго.

Так и вышло.

— Хватит с него, — скомандовал Мьёр-ярл парню, стоявшему надо мной с кожаным ведром. — Он очухался, так что дай ему попить. Он не должен умереть от жажды. И не должен умереть быстро.

А когда я напился, ярл наклонился ко мне и прошепелявил:

— Я обещал тебе, Ульф-хёвдинг, что твоя родня узнает о том, как ты умер. И это будет интересный рассказ, потому что умирать ты будешь долго.

Руки мои были свободны, но, когда я попытался вцепиться ему в бороду, забыв о том, что моя кисть забинтована, ярл без труда перехватил мою руку. Но сразу отпустил и отодвинулся. А рука продолжала болеть. Плевать! И что там, под повязкой, тоже не имеет значения. Более того, я очень надеялся, что неслабая боль в боку и в спине — следствие по-настоящему тяжелых ран, а голова моя кружится и в глазах двоится потому, что я потерял много крови. Я теперь по-любому мертвец. И чем меньше у меня сил, тем меньше радости я доставлю врагам, умирая от пыток.

— Значит, это и есть Ульф-хёвдинг?

Еще один скандинавский персонаж. И выглядит, следует отметить, куда свежее, чем Мьёр. Просто бодрячком выглядит. Надо полагать, в общей драке он не участвовал?

А рожа определенно знакомая... Но у меня — проблемы со зрением. Не разглядеть. И даже толком не проморгаться. Ресницы слиплись от грязи и крови.

— Да, ярл. Это он, — с неохотой подтвердил Мьёр, выпуская мою руку.

— Я думал: он покрупнее, — заметил свеженький ярл. — Я не прочь поговорить с твоим пленником. Хрёрек Сокол рассказал о нем много занятного. А еще лучше — отдай его мне.

— Нет! — отрезал Мьёр. — Из-за него я потерял большую часть своих людей... Лучших из них. И он убил сына моей сестры. Я не отдам его тебе, Халлбьёрн-ярл!

Точно! Халлбьёрн, как его там... Шейный платок! Представитель главного датского конунга, который приезжал к Рагнару качать права и отказался драться с Иваром. Последнее — исключительно разумный поступок.

— Он — мой кровник, ярл! — гнул свою линию Мьёр. — И он больше не человек Хрёрека, а, как мне сказали, человек Ивара Бескостного, брата Сигурда Змееглазого, который Хрёрека убил.

— Что?! — вырвалось у меня. — Хрёрек погиб? Как?

— Он имеет право знать, — заметил Халлбьёрн-ярл. — Я расскажу ему.

— Рассказывай, — равнодушно согласился Мьёр. — Мне какая разница?

— Я не могу рассказать тебе, как он умер, — сообщил Халлбьёрн. — Но могу сказать — где. Сигурд Рагнарсон напал на него у побережья Фризии.

— Ты сам это видел, ярл?

Мьёр оживился. Только что я считал себя мертвецом, и он это видел. А теперь я спрашиваю об участии Хрёрека. Это хорошо. Для Мьёра. Любопытство — свойство живых. А пытаться живого куда интереснее, чем мертвеца. Но в Хель Мьёра! Хрёрек... Нет, не верю, что его убили. Мне легче поверить в собствен-

ную смерть, чем — в его. Если и есть в этом мире человек, который стал мне как отец, то это не Стенульф, а именно Хрёрек. И будь он на моей свадьбе, я не валялся бы сейчас забитый в колодки. Хрёрек Сокол... Если это правда... Нет, все равно не верю!

— Ты видел это, ярл?

— Я — нет, — качнул головой Халлбьёрн. — Но многие видели.

Так, уже легче. Значит, это просто слухи.

— Из этих многих кто-то видел, как умер Хрёрек?

— Ты шутишь, хёвдинг, — одобрительно произнес Халлбьёрн. — Не всякий смог бы шутить, услышав такое. Тем более — в твоём положении.

Я сглотнул. Вернее, попытался. Во рту было сухо, как в гобийском солончаке, хотя мне только что дали попить.

— Что же видели те, кто видел? — прохрипел я.

— Они видели, как три корабля Хрёрека-конунга сошлись в битве с восемью большими драккарами Сигурда Змееглазого, чей флаг реял над самым большим из драккаров. Битву наблюдали с двух кнорров, которые шли мористее, и люди на кноррах видели все так же хорошо, как я вижу тебя сейчас.

— Как же погиб Хрёрек-конунг? От меча? От копья? Кто был с ним рядом во время битвы? Кто из его хирдманов не смог прикрыть своего конунга?

— Хотелось бы мне знать об этом, — с явным огорчением произнес Халлбьёрн. — Уверен, эта смерть достойна саги. Но, увы! Хозяин кнорров Ради Крикун не был настолько храбр, чтобы направить свои суда к месту битвы. Напротив, он посадил на весла всех, кого мог, чтобы поскорее оказаться как можно дальше от Рагнарсона. Ведь если тот не побоялся напасть на Хрёрека-конунга, то что ему помешает напасть на кнорры Крикуна?

— Значит, этот Ради Крикун не видел, как погиб Хрёрек Сокол?

— Конечно, не видел, — подтвердил Халлбьёрн. — Вижу, крепко тебе досталось, Ульф-хёвдинг, если ты не можешь понять такую простую вещь.

— Но если никто не видел, как погиб Хрёрек, значит, он мог остаться в живых?

Теперь уже рассмеялись оба ярла.

— Ты все еще хочешь проверить его мужество, Мьёр? — поинтересовался Халлбьёрн. — По-моему, боги уже забрали его разум, если он говорит такое.

— Разум вернется к нему, когда его плоть станет такой же черной, как кожа моих воинов, сторевших у ворот этой усадьбы, — пообещал гадский Мьёр. — Надеюсь, его крик будет так же приятен слуху богов, как он порадует мой собственный слух.

— Я бы не стал этого делать, ярл, — с нажимом произнес Халлбьёрн. — Мне известно, что этот человек очень богат. Возьми хороший выкуп за его жизнь, и тебе не составит труда найти новых хирдманов.

— А новую жизнь для сына моей вдовой сестры я тоже смогу купить? — су-мрачно поинтересовался Мьёр.

— Добавь к выкупу еще пятьдесят марок серебром, с которыми твоя сестра найдет себе нового мужа и родит тебе нового племянника.

— Ты ходатайствуешь за него, будто он — твой родич, — проворчал Мьёр-ярл. — Что тебе в нём, Халлбьёрн, ярл Харека-конунга? Неужели ты не хочешь посмотреть, как он станет корчиться, когда я прижгу ему пятки?

— Жаль, что я не увижу, как Рагнар поджарит твои, Мьёр, — не выдержал

я. — Вот тогда ты заверещишь, как подпаленная свинья. А может, тобой займется его сын, Ивар. Уж он-то сумеет порадовать богов настоящим зрелищем.

— Ты слышал, Халлбьёрн, — усмехнулся мой будущий палач. Он не испугался угрозы. Почему? Ведь Рагнар непременно придет. И он спорит с представителем Харека-конунга, который, единственный, может что-то противопоставить Лотброку. Мьёр либо идиот, либо абсолютно безбашенный...

— Это человек Рагнарсона, — продолжал Мьёр, — следовательно, ты, ярл, не можешь быть ему другом. Хареку-конунгу такое не понравится.

— Хареку-конунгу нравится мужество. А вот то, что вы с Торкелем напали на Сёлунд, ему точно не понравится! Ты ошибаешься, если думаешь, что конунг хочет войны с Рагнаром. У него хватает других забот. Тут довольно пленников, чтобы ты потешил душу своего племянника, а за этого возьми выкуп. Таков мой совет. Более того, я настаиваю, чтобы ты ему последовал!

— Советуй Хареку! Я обойдусь! — отрезал Мьёрярл. — Ты настаиваешь, значит? Тогда я хочу напомнить тебе, что моих воинов больше, и они мне верны!

— Ты рискуешь угрожать мне? — Халлбьёрн скорее изумился, чем разгневался. — Сейчас, когда только Харека-конунг может защитить тебя от Рагнара?

— Я не боюсь Рагнара, Халлбьёрн! — отрезал Мьёр. — А теперь ступай. Ты не мешаешь мне поступить с *моим* пленником так, как я того желаю!

...Бородатые лица ярлов плыли и качались, «картинку» то и дело застил туман... Апатия постепенно овладевала мной. Я проиграл свою самую главную битву. Уже ничего не изменить. Хирда у меня больше нет. Мой побратим Свартхёвди тоже скорее всего мертв. И Скиди. И Вихорёк. И другие. И еще Хрёрек-ярл. Халлбьёрн прав: восемь против трех — это безнадежно. И лучше бы Хрёреку умереть в бою, потому что вряд ли Сигурд Змеиный Глаз обошелся бы с ним, живым, лучше, чем этот сконский ярл — со мной...

Глава тридцать седьмая **Те, кто выжил (продолжение)**

Они начали не с меня. С Хагстейна. Норег продержался почти четверть часа. Закричал, когда ему выжгли глаз. Закричал и умер. Быстро. Рана в грудь, рана в бедро... Повезло. Надо думать, именно поэтому Мьёр, сволочь, с него и начал.

Хагстейна оттащили в сторону, а к столбу поволокли Ове Толстого.

И мой кормчий показал, что такое настоящий викинг.

Когда его подняли и потащили, он висел на руках сконцев, как огромный бесформенный мешок... Его здоровенные ножищи волоклись по земле, голова болталась... Сконцы уронили его у столба. Ове лежал, не шевелясь.

«Уж не умер ли?» — подумал я.

Мьёр-ярл, который самолично заправлял «представлением», тоже так подумал, потому что сильно пнул Ове по ноге. Прямо по кое-как наложенной окровавленной повязке. Огромная туша кормчего слабо содрогнулась. Живой. А я уж порадовался было...

Четверо хирдманов ухватили Ове, подняли, прислонили к столбу, накинули поперек туловища цепь, один из сконцев взял гвоздь и молоток, чтобы закрепить цепь на столбе...

И тут Ове взорвался.

Иначе и не сказать. Державшие его сконцы разлетелись в стороны, причем один — с разбитой головой, а второй — с разможенным локтем. И это — не

настоящим оружием, а обычным молотком, который оказался в правой руке Ове. А в левой — сложенная вдвое цепь. В следующее мгновение Ове метнул молоток в голову Мьёра и практически одновременно хлестнул его цепью.

От молотка Мьёр увернулся. Частично. Удар пришелся в край шлема, а с цепью ему просто повезло. Какой-то хирдман кинулся на Ове, оказался между ним и ярлом, принял предназначенный тому удар и рухнул, облившись кровью.

Тяжелое копьё ударило кормчего в спину с такой силой, что вышло из груди. Ове швырнуло вперед... На меч Мьёра-ярла.

Два смертельных удара... Но Ове был еще жив. И жизни в нем достало на то, чтобы, рванувшись навстречу клинку, накинуть цепь на шею Мьёра и... Всё. Кровь хлынула изо рта Ове, и он умер. Счастливый. В бою.

Потребовались двое, чтобы перевернуть тело, и Мьёр смог освободить меч.

Ярл морщился и растирал горло. Если бы не копьё, Ове вполне мог бы свернуть ему шею. Вот была бы радость!

А кто же бросил копьё? Ах ты... Надо было прибить его, когда была возможность. Прыщик. Эйнар Торкельсон. И папа Торкель рядом с сыночком. Ухмыляется соплячий папа...

Но всё равно хорошо. Красиво ушел Ове Толстый. Вошел в историю. А теперь, кажется, моя очередь...

Мьёр-ярл встал над нами: надо мной, Стюрмиром, Хунди Толстым, Лейфом и Гуннаром Гагарой. Выбирая следующую жертву. Кстати, куда подевался Гримар? В начале «праздника» он был одним из нас, а теперь его колодки пустуют?

Не о том думаю. Мьёр навис надо мной, пошевелил разбитыми губами... И передвинулся к Лейфу.

По его знаку Весельчака расковали. Но теперь уже — с осторожностью. Сначала на шею две петли с веревками в разные стороны. Вынули из колодок, повели... И тут Лейф что-то сказал. Я не расслышал, потому что одно ухо у меня было полно запекшейся крови, а во втором стоял нестихающий звон.

К Весельчаку подошел Мьёр-ярл. Они поговорили некоторое время, потом Мьёр подозвал Торкеля. Хирдманы, контролировавшие норега, заметно расслабились. Что мог предложить Мьёру Лейф такого, что тот заинтересовался? Не иначе в дружину попросился. Ему не впервой. Ко мне ведь он тоже так попал. Прямо с боя.

Что ж, я не в обиде. Пусть живет... Голова кружится... Отрубаюсь...

...Очнулся я уже у столба. Цепь больно давила подмышки. Впрочем, это разве боль? Так, маленькое неудобство.

И давно я так вишу?

А поблизости никого, что странно. Никто не тычет в меня горячим железом, не срезает с меня мясо ломтиками.

Сконцы толпятся шагах в тридцати от места главного развлечения. Оба вождя тоже там. А вот это уже настораживает. Мой Лейф Весельчак — в центре внимания. А почему, собственно, это меня беспокоит? Вряд ли что-то может ухудшить мое нынешнее положение. Что я могу потерять, кроме чести?

А ведь совсем недавно мне казалось: я понял смысл этой жизни. Ее суть. Почему же теперь я больше не ощущаю себя частью Легенды, а всего лишь се-

мидесятикилограммовым куском измученной плоти, которая очень скоро будет поджарена, как шашлык на вертеле. Только — живьем.

Я попытался расслабиться. Отделиться от тела и воспарить... Получилось отчасти. Снова вырубился.

Судя по положению солнца, я «отсутствовал» максимум полчаса. А сконцы тем временем успели закончить совещание. Человек тридцать во главе с сыном Торкеля-ярла снялись и потопали из усадьбы. Лейф Весельчак — с ними. На прощание сделал мне ручкой. Типа, не поминай лихом. Ну-ну...

А народишка-то — поубавилось. Не вижу больше Халлбьёрна. И прочих вождей. Только Мьёр и Торкиль. Беседуют. На меня — ноль внимания. Испытание ожиданием? Возможно. Я теперь понимаю, что не так уж сильно ранен. Иначе уже помер бы. Значит, чем скорее мной займутся, тем скорее всё кончится. Картинка расплывается. Сконских ярлов узнаю только по доспехам, лиц не разглядеть. Очень мне худо. Уже сейчас. А что будет, когда мое брненное тело возьмут в оборот палачи?

А вот и палачи! Мьёр и Торкель. Со свитой.

Остановились напротив меня. Торкель ухмыляется паскудно, Мьёр сверлит меня нехорошим взглядом.

— Ульф-хёвдинг... — Губы-олады, зубов под ними — некоторый недочет. Но это пустяки в сравнении с тем, что вскоре будет со мной. — Готов ли ты повеселиться?

Мобилизуюсь. Передо мной враг, который жаждет, чтобы я запищал. И если он не услышит этого писка, значит, я победил.

— Моя душа повеселится, когда сюда придет Рагнар, — обещаю я. — Попрошу валькирий подождать денек-другой, пока это случится. Думаю: Отец Воинов не откажет мне в такой малости: послушать, как будешь вопить ты.

— Храбрец, — говорит Мьёр, обращаясь в Торкелю. — Пожалуй, я последую твоему совету. — И уже мне: — Нет, Ульф-хёвдинг, я не стану тебя резать. Я хочу, чтобы ты еще пожил немного. Если я поразвлекусь с тобой сейчас, то ты не узнаешь, какую шутку мы, — он хлопнул по плечу Торкеля, — придумали для тебя. А я хочу, чтобы ты узнал!

— Что ты задумал? — поинтересовался я, стараясь не показать, что испуган. Эта сволочь нашла какой-то особенный способ сделать мне больно? И что же это, если ради него ярл отказывается от привычного развлечения?

Мьёр ухмыляется:

— Ты узнаешь! — обещает он. — Через пару дней, я думаю. Увидишь!

— Лучше бы вам меня убить, — ровно произношу я. — Оставить меня в живых — большая глупость с вашей стороны.

Оба ржут. Им очень весело.

— Ты решил, что будешь жить? — отсмеявшись, говорит Мьёр-ярл. Пока он веселился, корка на верхней губе у него треснула. Кровь пачкает бороду, но ярл не обращает внимания. — Нет, убийца моего племянника, жить ты не будешь. Ты будешь сидеть у этого столба день или два, пока раны твои завоняют. Потом мы тебя отпустим. Чтобы ты увидел, какую шутку мы учудили с тобой, сёлундец. Но тебя уже не спасет ни один лекарь. Ты сгниешь заживо. Я очень хочу, чтобы ты сгнил заживо, Ульф-хёвдинг. А Рагнара Лотброка я не боюсь. Харек-конунг уже плывет сюда. Рагнару здесь нечего делать.

Нестыковка. Недавно он заявил Халлбьёрну, что в поддержке Харека не нуждается. Или у них с конунгом всех данов — свои игры, или ярл лжет. Однако я по глазам вижу: Лотброка он не боится. А вот Торкель при упоминании Рагнара дернул личиком. Нет у него уверенности, что Рагнар ему неопасен. Но он и Мьёр — вместе. Или — только рядом?

По знаку Мьёра мою цепь ослабляют, и я оседаю на землю, пропитанную кровью и мочой.

На мою голову вновь обрушивается поток воды. Я рефлекторно пытаюсь поймать ртом хоть немного. Пить хочется нестерпимо. Ярлы и свита веселятся. Потом кто-то подсовывает мне деревянную миску с водой. Из таких поят свиней.

Резким движением головы (в висок будто иглу воткнули) выбиваю миску. Вода выплескивается мне на ноги.

— Э, нет, так не пойдет! — заявляет Мьёр. — От жажды ты не сдохнешь!

Меня хватают за волосы, всовывают в рот горлышко кожаной фляги. Я больше не сопротивляюсь.

Оставив меня посреди вонючей лужи, ярлы удаляются в сторону длинного дома. Туда же потянулся и прочий военный народ. Кушать.

Я пытаюсь оглядеться... И получаю древком копья по больной руке. Не вертись! Сторож, сука!

Судя по вышивке — человек Торкеля-ярла.

Куртка из толстой кожи, железный шлем с признаками ржавчины. Вид не слишком грозный. Подойди он поближе, я ему... Ничего я ему не сделаю. Да он и не подойдет. Зачем ему? Переговаривается с приятелем. Таким же вооруженным вахлаком, караулящем тех, кто в колодках.

Если Мьёр не соврал, скоро сюда, на Сконе, придет Харек-конунг. Пойдет ли Рагнар на обострение?

Во время предыдущего конфликта с конунгом данов он потерял двух старших сыновей[166]. Над телом Ове Толстого кружатся мухи... Закопченные ворота усадьбы открыты.

Тощий трэль гонит наружу свиней. Жизнь продолжается... Но, к сожалению, уже без нас. Хорошо все же, что у меня есть сын...

Я закрываю глаза...

...А когда открываю снова, то вижу, как трэль-свинопас валится на спину, и стрела торчит у него из шеи. Со слухом у меня проблемы, поэтому кажется: это не жизнь, а кино какое-то...

Вахлак с копьем вскакивает, распахивает рот, чтобы заорать... И в следующий миг из его раскрытого рта «вырастает» хвостовик стрелы.

А стрелы продолжают падать, и падают густо. Поражают всех, кто стоит на ногах, всех, кто с оружием... Хотя таких — немного. Уцелевшие в битве сконцы пируют в длинном доме... Пировали.

В ворота вливается железный поток. Сотни воинов. И не вахлаков в кожаных куртках, а настоящих викингов. В настоящих доспехах.

Не могу представить, как такая прорва бойцов смогла подобраться незамеченной. Хотя нет, могу. Сконцы облажались... Люди в сверкающих «очковых» шлемах бегут мимо меня к длинному дому, из которого выскакивают бывшие победители... Выскакивают и падают, сбитые уже не стрелами, а копьями.

Несколько минут — и всё кончено. Настоящие победители вытаскивают бывших во двор, кого-то — мертвым, кого-то — еще живым...

В глазах снова — муть, но и сквозь муть я узнаю знакомое знамя. Знамя Ворона.

Харек-конунг по прозвищу Младший — не успел. Рагнар Лотброк пришел раньше.

Я смотрю на убитого Ове, и из глубин памяти всплывают слова, сказанные мне варягом Трувором по прозвищу Жнец.

«Не всяк богатый удачей — вождь годный. Иной для себя удачлив, а для людей, что за ним пошли, — одна беда! Но узнать каков ты вождь — можно. Если вернется твой хирд из похода целый да с доброй добычей, значит, правильная у тебя удача. А коли вернешься с добычей ты, живой, невредимый, но без дружины, тогда — тоже правильная. Но — только твоя...»

Жуткий звук вырвал меня из забытья. Глас грешника, до которого наконец-то добрались адские отродья. А чуть позже, сквозь забившую уши вату, просочился смутно знакомый голос:

— ...Вложите меч в руку. Он умирает.

— Глупости! — перебил другой голос, знакомый очень хорошо. — Я вижу его душу, и душа эта крепко держится за тело!

— Стенульф... — пробормотал я чуть слышно. — Что с нами? Где я?

— Пока что в Митграде, сынок, — проворчал Каменный Волк. — А с нами — всё хорошо. Рагнар Сигурдсон здесь.

И словно в подтверждение его слов — дикий животный вопль, заглушивший все прочие звуки.

Второй. Первый привел меня в чувство.

Да, Рагнар Лотброк действительно был здесь.

Я попытался усмехнуться, но не смог, потому что снова провалился в забытье. Однако напоследок успел кое-что понять. Стенульф сказал: «с нами». А это значило не только то, что мы с ним остались в живых. Это «с нами» включало еще одного человека. Моего родича и названного брата Свартхёвди Сваресона. Медвежонка...

Эпилог

Достоинство настоящего конунга в том, что он всегда готов к неожиданно-дствам. Точнее, к внезапному повороту событий, потому что для настоящего конунга неожиданностей не бывает. Он к ним готов. Рагнар тоже был готов скушать изрядный кусок Сконе. Давно. Но ему нужен был повод. И повод этот ему дали. Мьёр-ярл. Как выяснилось позже, именно он подбил остальных к нападению на Сёлунд. А Рагнара он не боялся вовсе не потому, что рассчитывал на поддержку Харека-конунга. Да и как он мог на него рассчитывать, если тот даже не был в курсе, что сконские ярлы затеяли подергать кашалота за хвост? Можно было догадаться. Хотя бы по тому, как нагло Мьёр вел себя с полномочным представителем конунга всех данов.

Сука Мьёр сговорился с Рагнаром и устроил провокацию. И теперь, когда его партнеров по налету, в частности Торкеля-ярла, выворачивали наизнанку (в прямом и жестоком смысле этого слова), Мьёр ходил высоко задрав бороду. Он принес Рагнару клятву верности и получил в награду землю и неприкосновенность.

И людей его Рагнар не тронул. Ну разве тех, кто по собственной инициативе подвернулся под сёлундские мечи. Но таких было немного. Кстати, становилось понятно, как Рагнаровы хирдманы смогли подобраться незаметно. Да потому, что кое-кому было приказано их «не заметить».

Впрочем, никаких прямых доказательств стовора Мьёра и Рагнара не было. Только косвенные. И обычная логика. Формально Мьёр сдался превосходящим силам противника. И даже раскошелился: выплатил компенсацию пострадавшим родам. Однако это было куда меньше, чем стоимость земель того же Торкеля, которые Мьёр «унаследовал».

Еще ярлу пришлось отпустить пленников. В том числе и меня.

Допускаю, что он с самого начала не собирался пускать меня под нож. Стоит вспомнить, кого из нас, выживших, потащили к пыточному столбу. Ове Толстого из Хедебю, норегов Хагстейна и Лейфа...

Лейф меня беспокоил. Что он мог предложить такого ярлам, что купил себе жизнь и свободу? Я подозревал: не только свой меч, но и что-то еще...

Ладно, узнаю со временем. Главное: я жив и раны мои со временем зарастут. Так сказал Стенульф. Медвежонку досталось куда больше, но и он будет жить. И сражаться. Уж кого-кого, а собственного сына Рунгерд поставит на ноги.

Будут жить Гуннар Гагара, Стюрмир и Скиди, хотя последний всё еще в беспомощности. Возможно, выкарабкается Юсуф. И раненный в грудь Хавур Младший. Уцелел Вихорёк, сумевший избавиться от оружия и прикинуться трэлем, когда стало ясно, что дело проиграно.

Вот и всё. Всё, что осталось от моего хирда. Нет больше англичан, нет Гуннара Кошачьего Глаза и Хагстейна Хогспьёта, которые стали моими первыми хирдманами. Нет Ове Толстого. И второго моего кормчего Фирста Рыбы. И Уилла Ржавого, так и не ставшего полноценным дренгом. Погибли Каппи Обжора и Эйлаф Печеная Репа. Из всей моей команды сёлундских недорослей остались лишь Хавур и Тори, сын Рысьего Уха. Тори повезло. Он остался дома из-за сломанной руки...

Словом, был хирд — и нет хирда. И «Северного Змея» нет. Куда-то подевался. Вернее, кто-то угнал. Кто именно, установить не удалось, хотя Стенульф и пытался.

Каменный Волк нынче на гребне волны. Рагнар ему доверяет. Больше, чем Мьёру, что неудивительно. Но рулить на присоединенной территории будет не он, а Бьёрн Железнобокий. Словом, семейство Лотброка — в большом плюсе. А я... А я — вождь без хирда, без драккара, без славы и добычи, не способный даже ворочать весло, не то что драться. Зато я жив и плыву домой. К любимой жене. И я попрежнему богатый землевладелец, а дом у меня такой, какого нет ни у кого на Сёлунде... Что немного утешает, поскольку именно Сёлунд теперь — мой дом. А если рассказ о гибели Хрёрека окажется правдой, то все, кто мне дорог, сейчас либо на Сёлунде, либо на палубе этого кнорра.

— Попей, отец.

Это Вихорёк. Он больше не называет меня господином. И хёвдингом — тоже. Ему нравится думать, что я — его отец. Собственно, так и есть.

Я пью. Пахнувший плесенью и тухлой рыбой травяной настой с изрядной примесью меда. Чтобы не было так противно.

Тем временем Вихорёк пытается напоить Свартхёвди. Медвежонок без со-

знания. Раны плюс истощение после берсеркерского выброса. Впрочем, не будь он берсерком, был бы мертв.

Вихорёк теперь — наша общая нянька. Один на семерых.

Я сижу на носу, опираясь спиной на канатную бухту, слушаю шорох волн, дружное уханье наемных гребцов, смотрю на знакомый берег. Каменный с несколькими лодками, за ним — огромные камни, напоминающие носы великанских кораблей. Сейчас мы обогнем мыс — и я его увижу. Мой дом...

Вихорёк взбирается на борт. Ему тоже не терпится... Мерно вращаются весла в кожаных муфтахуключинах. Качки почти нет. Море удивительно спокойно...

— Отец!

Я задираю голову. Вихорёк что-то увидел... И то, что он увидел, ему очень не понравилось. Да он просто в ужасе!

С моего места ни черта не видно. Только проползающий мимо черный с белыми разводами бок скалы да кусок пустого пляжа.

Надо встать. И я встаю. В глазах мутнеет от усилия...

И первое, что я вижу: черную обгоревшую печь с длинной закопченной трубой. Всё, что осталось от моего нового дома.

Конец четвертой книги

Александр Мазин

Танец волка

© Александр Мазин, 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес ([http://www.w3.org/1999/xlink" l:id20200504214033_168www.litres.ru](http://www.w3.org/1999/xlink))

* * *

Глава первая

Поле смерти

Пепелище. Если копнуть поглубже — угли еще теплые. В углях — обгоревшие кости. Животных и людей. Тела, живые или мертвые, сгорели вместе с усадьбой. С длинным домом, сараями, хлевом... Поле смерти. Здесь она сеяла и жала. Без меня. А я-то думал: мы с ней — накоротке. И в мой дом — никогда...

На берегу остались следы. Человеческие. И от кия драккара.

Набег.

Типичный набег на береговую усадьбу. На мою усадьбу. Викинги.

Здесь оставалась моя жена. Здесь жили мои люди. Теперь — никого. И я не знаю, кто из них жив, а кто — мертв. Будь у меня силы, я рылся бы в пепле, пока не узнал точно: костей моей Гудрун здесь нет. Или — есть.

Но я так слаб, что не могу и десятка шагов сделать, не опираясь на чужое

плечо.

Я ничего не могу. Ничего.

Я – Ульф Черноголовый, которого когда-то звали Николаем Григорьевичем Переляком, еще недавно, всего лишь несколько дней назад, был совершенно счастливым человеком. Я был хёвдингом, вождем и предводителем небольшой, но славной дружины, у меня было два корабля, один из которых – настоящий драккар, не боящийся самых жестоких штормов. И я заплатил за него не серебром, а железом. Северный Змей. Я взял его в бою у тех, кто искал моей смерти, а нашел свою. Я бился в одном строю с лучшими воинами этого мира. Я дрался во Франции и в Англии и всегда побеждал. Я был сильным и удачливым. А главное – женатым на самой красивой, самой лучшей женщине в этом мире. Гудрун...

Теперь я сижу на пепелище и перебираю теплые угли левой рукой, потому что правая по локоть забинтована...

– Что будем делать, отец?

Это Вихорёк. Мой приемный сын. Он – из словен. Был рабом у франков, но я освободил его и усыновил. Ему не больше пятнадцати, но он уже неплохой воин. Единственный из моего хирда, кто остался на ногах.

– Что будем делать?

Поодаль топчется наемная команда. Десять парней, которым заплатили, чтобы они перегнали кнорр с ранеными из Сконе сюда, в мое поместье. Не считая Вихорька, нас осталось всего семеро. Мой побратим и шурина Свартхёвди Медвежонок, норег Гуннар Гагара, араб Юсуф, сёлундцы Стюрмир, Скиди и Хавур Младший. Все они ранены, и раны их тяжелы. Несколько дней назад эти раны не мешали им убивать врагов. Но то был бой. А теперь лишь Стюрмир да я можем ненадолго встать на ноги. Да и то с чужой помощью. На берег гребцы снесли нас на руках.

– Виги, – я называю Вихорька его скандинавским именем, – нам нужна помощь. Ты отправишься в усадьбу госпожи Рунгерд и приведешь ее. Если поторопишься, успеешь до темноты.

Я не хочу даже думать, что и там может быть такое же пепелище. У Рунгерд – большой одал. Много сильных мужчин, среди которых несколько воинов. Там есть кому защищаться.

Защищаться... Вот что меня смущает. Я не вижу следов того, что усадьбу брали штурмом. Дом и постройки сторели, но ворота – целехоньки. Конечно, через такой забор, как у меня, можно и перелезть, хотя теперь он повыше и покрепче, чем был, когда я покупал эту землю. И по-настоящему сильных бойцов в усадьбе не осталось, но и бонды, и трэли должны были знать: нападение возможно. И, уходя в поход на Сконе, я велел Гудрун, чтоб были начеку. Сторожить круглые сутки. Особенно – со стороны моря. Если закрыть ворота, то даже плохие бойцы могут какое-то время продержаться.

– Я никуда не побегу! – заявляет Вихорёк. – Я вас не оставляю!

– Побежишь, – устало говорю я. – Но сейчас вот что... Поищи-ка чужие стрелы...

– Ага! – Вихорёк решил, что я по стрелам хочу узнать, кто это сделал. Такое возможно...

Но не сегодня.

Через четверть часа паренек возвращается. Он очень удивлен. Осмотрел

частокол снаружи, землю во дворе... И не нашел ни одной стрелы. Тогда умный мальчик решил поискать не чужие, а наши стрелы. Снаружи. И тоже ничего не нашел.

– Они как будто не оборонялись... Колдовство?

Скорее, предательство. Небось пообещали, что никого не тронут...

– Кому тут было обороняться... – басит Стюрмир. – Бабы да трэли...

– Здесь оставался отец Бернар... – напоминает Вихорёк.

Отец Бернар – монах. И великолепный лекарь. Я привез его из Франции. Он сам решил так. Мечтает обратить нас в христианство. Однако до того, как стать монахом, отец Бернар был воином. И я подозреваю, что не просто воином, а шевалье. Рыцарем... Но, приняв обет, больше не отнимает жизни, только спасает... Вот и спасал бы. С оружием в руках...

Вихорёк со Стюрмиром затевают спор... Который я прерываю:

– Всё, дренг! Бегом за Рунгерд. Со всех ног!

Вихорёк опять пытается протестовать, но я показываю на раненых и говорю: промедлишь, они умрут. И Вихорёк затыкается. Так и есть. Нам остро нужна медицинская помощь. Юсуф – при смерти, Скиди и Хавур – тоже совсем плохи. Я надеялся, что здесь нас встретит отец Бернар, но теперь вся надежда только на Рунгерд. Мать Гудрун – отличная лекарка. И не просто лекарка – знахарка и колдунья. Ее бабка была настоящей финской вельвой, и Гудрун утверждает, что все бабкины знания и таланты достались матери.

Только бы Рунгерд не постигла та же беда... Надеюсь, что нет. Все же ее одаль не имеет удобного выхода к морю...

– Хёвдинг...

Старший команды сконских гребцов. Его зовут Барни. Барни Средний. Для него я всё еще хёвдинг.

– Хёвдинг, скажи, чем мы можем помочь?

«Помогите похоронить мертвых», – сказал бы я, но кости подождут. Может, попросить Барни побыть с нами, пока не вернется Вихорёк? Я бы попросил, если бы он не назвал меня хёвдингом. Вожди о таком не просят. Во всяком случае – бондов.

– Сделайте навес из запасного паруса и перенесите под него раненых, – сказал я. – А потом можете возвращаться домой.

Возвращаться они будут тоже морем. На парусной четырехвесельной лодке. Конечно, на такую ораву лодка маловата, но плыть недалеко. Заплатили им вперед. Это такой мир: чужого могут зарезать за пару серебрушек, но со своими все договоренности – это святое. Боги же слышат...

– Ага, – кивнул головой Барни. – Только мы, пожалуй, останемся здесь на ночь. Я видел следы волков. Волчья шкура мне бы не помешала.

Угу. Осенняя волчья шкура – это особенно ценно. Под ноги плешивый коврик подстелить. Очень тактично, однако. В моем нынешнем состоянии я всё еще могу убить волка, если тот полезет на меня. Но защитить товарищей – вряд ли.

– Оставайтесь.

Вихорёк бегаёт, как викинг. То есть примерно от шести до двенадцати километров в час. В зависимости от рельефа. До усадьбы Рунгерд километров двадцать пять, если по дороге, а если напрямик – то не больше пятнадцати. Но не факт, что так будет быстрее. Часа два, это наверняка. Потом еще час, чтобы

собраться... И обратно они двинут уже конно. Это еще часа два. К этому времени уже стемнеет...

Барни меня разбудил раньше, чем стемнело.

– Кто-то едет, хёвдинг! – сообщил он напряженно.

Его люди сгрудились в кучу, блокируя ворота, выставили копья. Они, конечно, бонды. Но – скандинавы. Значит, вооружены и готовы пустить оружие в ход. Однако даже для трех-четырёх настоящих воинов вся эта грозная ватага – на один зуб. Да что там... Одного меня хватило бы, будь я в форме.

А конных, судя по звуку, не меньше дюжины.

Пару минут спустя я их увидел. Поверх голов сконцев-гребцов. Увидел настоящую броню на первых двух всадниках и понял, что если это враги, то нам крышка.

– Отец!

Вихорёк вырвался вперед, обогнав передовых, спрыгнул с коня. Строй сконцев рассыпался. Я услышал облегченные выдохи. Эти парни тоже знали: окажись всадники врагами – никаких шансов.

Первый боец сдвинул на затылок шлем. Гнуп Три Пальца. А второй...

– Рунгерд!

– Свартхёвди?

Я показал.

Рунгерд опустилась на колени, прижалась ухом к груди сына...

– Хавчик!

– Мой господин!

– Хавчик, кто это сделал?

– Не знаю, господин! – На лице моего раба искреннее горе. – Мы увидели дым, но не поняли сразу, что горит. Думали – это смолокуры...

– А где был ты?

– Гудрун, мой господин, – Хавчик вздохнул сокрушенно. – Послала меня договориться с углежогами.

Вид у него был виноватый. Как будто мой мелкий раб мог бы что-то изменить.

– Я рад, что ты – жив.

Это хорошая новость. Хавчик – везунчик. Потому что его не было в усадьбе во время налета. Все остальные – были.

Еще одна хорошая новость: одаль[167] Рунгерд и Свартхёвди не пострадал.

На этом хорошие новости заканчивались. И начиналась беда.

Рунгерд вряд ли было легче, чем мне, но она – сильная женщина и понимала, что скорбеть некогда. Надо спасти тех, кого можно спасти.

Через три часа высококвалифицированная, по местным меркам, медицинская помощь была оказана всем раненым. Включая меня.

Разбинтованная рука выглядела ужасно. Меня это не удивило. Болела она знатно. Но, к моему удивлению, Рунгерд больше обеспокоил порез на левом боку, хотя железо прошло неглубоко – до ребер. Да и болел бок, в сравнении с рукой, очень умеренно, и рана уже начала затягиваться. Вообще, все мои многочисленные ранения оказались поверхностными. И это было не столько везение, сколько – заслуга самых лучших доспехов этого времени. В чем мне дей-

ствительно повезло, так это в отсутствии серьезных переломов. Когда тебе со всей дури зафигачат топором по тушке, доспех, может, и выдержит, а вот то, что под ним, – не факт. Значит – не зафигачивали. Целы мои косточки. В основном. Два пальца на руке сломаны, но это – мелочь.

В общем, моя рука Рунгерд не озаботила, а вот рану на боку она вскрыла, вычистила (я старался сохранить лицо, но время от времени кривился и порывал) и зашила по новой.

Кстати, мною Рунгерд занялась в последнюю очередь. По ее понятиям, я был самым «легким» из уцелевших. Так что, обрабатывая меня, Рунгерд параллельно выдавала прогноз по остальным пациентам.

Медвежонок – в тяжелом состоянии. Перелом двух ребер и левой руки, множественные травмы мягких тканей, серьезная кровопотеря... Которой не было бы, если бы его сразу перевязали. У берсерков в боевой фазе раны практически не кровоточат.

Однако Рунгерд уже знала, как было дело, потому не удивлялась. Сконцы ведь готовили нас не для полноценной жизни, а для мучительной смерти, так что медицинская помощь была минимальной. Но прогноз по своему сыну Свартхёвдиона выдала оптимистический. Побочный эффект «берсеркерства» – ускоренная регенерация. И, надо полагать, повышенный иммунитет, потому что раны у берсерков не загнивают, если их правильно обработать. Так сказала Рунгерд, и я ей верил. У нее был соответствующий опыт. Покойный муж был тоже из «воинов Одина».

Хуже обстояло дело с моим лучшим учеником Скиди. Многочисленные раны, причем две опасные: в спину пониже лопатки и в бедро. А еще одна – очень опасная: в брюшную полость. Та, к счастью, не воняет, так что есть шанс, что парень выкарабкается.

А вот здоровяк Стюрмир выздоровеет точно. И уже через месяц сможет встать в строй. Аналогично – Гуннар Гагара.

На этом оптимистические прогнозы иссякли. Рунгерд честно заявила: двое оставшихся, Хавур и Юсуф, скорее всего – покойники. За Хавура Рунгерд еще поборется – попросит богов, а вот за Юсуфа просить некого. Его бог остался далеко на юге.

– Но ты все же попытайся, – попросил я.

Рунгерд поцеловала меня в щеку и шепнула, что сделает всё, что сможет. Мне стало трудно дышать. Волосы Рунгерд пахли тем же благовонием, что и волосы Гудрун на нашей свадьбе...

Внучка финской вельвы-колдуньи угадала мои мысли.

– Ты поправишься, – пообещала она. – И отомстишь!

Но что мне месть? Разве месть вернет мне любимую?

– Вели поискать в углях, – попросил я. – Если она умерла, я должен это знать!

– Гнуп уже ищет, – сказала Рунгерд. – Поешь. Ты должен снова стать сильным. Боги сохранили тебя для того, чтобы ты отомстил за мою дочь!

Для Рунгерд моя жена уже была мертва. И это было плохо, потому что Рунгерд – колдунья и может видеть то, что скрыто.

Но я хочу не мстить, я хочу вернуть Гудрун!

– Ты чувствуешь, что её нет в живых? – спросил я напрямик.

Рунгерд покачала головой.

– Убили или увезли, неважно. Она скорее убьет себя, чем станет рабыней-наложницей. Я не знаю, жива ли она, но я знаю свою дочь.

В этот момент Хавчик кормил меня с ложечки. И я чуть не подавился, когда Рунгерд это сказала. К сожалению, так и есть. Если моя жена еще жива, то ей осталось недолго. Она – из рода викингов, а из них – плохие рабы. Даже прикованные к веслу галеры, они всё равно остаются опасными. Потому что с легкостью обменяют свою жизнь на смерть врага.

Последнее, что я помнил: в темноте меня укладывали на телегу.

Глава вторая, в которой Ульф принимает гейс и неожиданного гостя

Очнулся я только через три дня. Рунгерд поила меня травками, чтобы я не просыпался.

– Тебе нужно было отдохнуть, – пояснила она.

– Как Свартхёвди?

– Спит. Он поправится.

– А остальные?

– Будут жить.

Она постарела, королева Рунгерд. Морщинки вокруг глаз, уголки рта опустились, глаза больше не сияют... Я знаю, что Медвежонок для нее много дороже Гудрун, но дочь она тоже любила...

– Все – выживут? Даже Юсуф?

– Все.

В голосе ни радости, ни гордости.

– Хочешь есть?

Я хотел. Рунгерд распорядилась, и мне принесли сваренную на бульоне кашку.

– Я приказала убрать твой кнорр в сарай, – сообщила Рунгерд.

– Спасибо!

До следующей весны я точно никуда не поплыву. Да и не с кем. У меня больше нет хирда. И нет никого, кого я мог бы попросить помочь. Мой хирд, мои соседи, которых я повел на Сконе... И которые почти все там остались.

Конечно, у меня были деньги. Уцелели даже те, что были прятаны в усадьбе. Злодеи их не нашли. Но это не радовало. О деньгах знала только Гудрун. То, что они – на месте, – косвенное доказательство того, что она мертва. У живой Гудрун враги сумели бы выпытать место схрона. Что-что, а это викинги умеют.

Деньги пригодятся. К весне я, скорее всего, уже поправлюсь и смогу действовать. Это значит – купить драккар, нанять или собрать команду и плыть... Мстить. Вот только куда? Со временем станет ясно. С началом судоходства начнется на побережье обмен информацией. Мои деньги, связи моих родителей... Может, и Рагнар поможет. Или Стенульф. Логика подсказывает: те, кто напал на мой гренд, были в курсе, что меня там нет. Ни меня, ни моих людей. Следовательно, это кто-то из наших врагов-сконцев. С большой долей вероятности. Если это так, то Каменный Волк вынюхает. Он ведь тоже, считай, наш родич.

– От Стенульфа – никаких вестей?

Рунгерд покачала головой.

Хотя это я тороплюсь... Рано еще. Гребцы только позавчера вернулись на Сконе. Допустим, Каменный Волк с ними повидался (а как же иначе?) и узнал о том, что случилось. Требуется время, чтобы выяснить, кто из сконцев набежал на мое поместье. Если, конечно, это были сконцы...

«Лежи и лечись», – приказал я себе.

Ну да, это было не то что правильным – единственно возможным решением.

Ждать весны. И ждать хоть каких-нибудь вестей. Если Гудрун жива... То до весны она вряд ли доживет. Ее мать права: такие, как моя жена, не умеют жить в рабстве. Мне остается только надеяться...

– Рунгерд, что говорят руны? – спросил я. – Ты спрашивала?

Конечно, спрашивала. Но результата я не узнал.

– Пей и спи, – заявила Рунгерд, глядя мне прямо в глаза. – Скоро тебе понадобятся силы.

Скоро – это вряд ли. До весны еще до-олго...

На следующий день я проснулся сам. И сам поел. И сам сходил на крылечко. Цепляясь за стены, но сам. Жить буду. Рука почти не болит, это наверняка снадобья Рунгерд. Природные анестетики плюс немного колдовства.

Как же так вышло, что я всё потерял? Гудрун, хирд, собственную силу... И во всем виноват сам. Какого хрена я поддался уговорам и поперся грабить Торкеля? Что мне стоило собрать своих, загрузиться на Северного Змея и вернуться домой? Молодожен, блин!

Сердце просто на части рвалось. Гудрун, моя Гудрун!.. Мог бы – в одиночку помчался бы в Роскилле, собрал новый хирд... Не могу. Слабость чертова... Еле-еле до крыльца дошел – отлить...

«Не смей впадать в уныние! – велел я себе. – Она – датчанка. Потомок многих поколений скандинавских воинов, главное достоинство которых – умение выживать. А ты, бывший хёвдинг, бери пример с Рунгерд. Посмотри, как она держится!»

Сам я продержался еще три дня.

Три дня и три ночи. Я думал о Гудрун. И наконец она мне приснилась. Она бежала ко мне и смеялась. А между нами был обрыв. Я кричал ей, хотел предупредить, но она не слышала... Я видел, как она падает. Слышал ее крик... А потом прыгнул вниз... И проснулся.

В тот день я дошел до ручки, заистерил, нарычал на Рунгерд...

А она – заплакала.

Только однажды я видел, как королева Рунгерд теряет самообладание. В тот день, когда стало ясно, что Медвежонок стал берсерком.

Этот раз был вторым.

И я понял, какая я дрянь. И услышал, как скрипят зубы. Мои.

Хватит! Я – воин, а не тряпка! Я не могу вернуть прошлое, но свое будущее я создаю сам. И я сделаю все, что от меня зависит. Железом и золотом. Огнем и кровью. Всё, что у меня есть, я вложу в это дело. В спасение, если это возможно. В месть, если спасти некого.

Я схватил Рунгерд за руку и потребовал:

– Дай мне меч и помоги встать.

Она послушалась. И плакать перестала. Вероятно, что-то такое было в моем голосе.

Минутой позже я поставил ногу на деревянную колоду, изображавшую стул, положил левую, здоровую руку на оголовье Вдоводела, возвращенного мне Каменным Волком:

– Я, Ульф Вогенсон, прозванный Черноголовым, даю эту клятву пред всеми, кто меня слышит, людьми и богами в том, что не успокоюсь, пока не узнаю, кто напал на мой гренд и погубил моих людей. Не успокоюсь, пока не узнаю, что случилось с теми, кого они забрали, и не покараю совершивших беззаконие без жалости и пощады! Я клянусь, что у меня не будет других женщин, пока я не найду мою жену или не узнаю наверняка, что она мертва!

И будто током ударило. Причем не в левую руку, а в правую. Да так сильно, что я содрогнулся. И увидел моего Волка. Белый зверь оскалился яростно, угрожающе... И я понял: он сердится не на моих врагов – на меня. Моему неведомому мистическому покровителю не понравилась моя клятва.

Но дело было сделано, гейс принят, и обратно дороги не было.

И словно в подтверждение того, что клятва одобрена, в поместье приехал Ивар. Ивар Рагнарсон. Ивар Бескостный. Вот уж кого я меньше всего хотел бы сейчас видеть...

А зря.

Глава третья Клятва Ивара Рагнарсона

Ивар приехал с дюжиной головорезов, но вошел в дом один. Настоящий конунг. Серебряный с золотом панцирь, штаны ярчайшей синевы заправлены в красные, с серебряными узорами сапоги. Пояс так щедро украшен серебром, что кожи не видно. В оголовье меча – красный камень размером с голубиное яйцо. Цепь на шее – из червоного золота. Рукава бархатного плаща прихвачены браслетами. Тоже золотыми. Словом, вид истинно королевский. Разве что вместо короны – легкий шлем с выпуклым золотым львом.

– Я буду говорить с ним наедине, – не слишком вежливо объявил Рагнарсон. Но спорить с ним никто не стал. Даже хозяйка, Рунгерд.

Длинный дом вмиг опустел.

Остался Медвежонок, но он – не в счет. Его душа – не здесь. Витает в горних мирах после материнских настоек.

Старший сын Рагнара Лотброка пододвинул колоду, на которой я вчера принес клятву мести, уселся, расставив ноги:

– Что, Ульф-хёвдинг, иссякла твоя удача?

Я молчал. Что тут скажешь?

Впервые за всё время нашего знакомства я его не боялся. Что может отнять у меня дракон? Жизнь? Да забирай!

– Удивлен?

– Нет.

Так и есть. Меня теперь мало что удивит.

– А я подарок тебе привез.

Лицо у него совсем молодое. Ну да, ему же чуть больше двадцати. А глаза. Ну дракон и есть дракон. Ящер.

– Подарок. На свадьбу.

На скамью лег мешочек с серебром.

– Не ждал, Черноголовый?

– Ну почему же... – выдавил я.

– Я ведь и рассердиться могу, – напомнил Ивар. – Уж не думал ли ты, Ульф-хёвдинг, что слово Рагнарсона – горсть песка на ветру?

Я молчал. Наказать меня сейчас – проще простого. Один раз по голове тукнуть. Хотя такой, как Ивар, мог бы без проблем убить меня и когда я был в полной силе. Я вообще не знаю никого, кто способен ему противостоять. Разве что его брат Бьёрн...

– Твоя доля выкупа от конунга англов, – сообщил Ивар. – Как обещал.

– Благодарю, – произнес я равнодушно. Деньги у меня и так есть. Но то, что мне надо, за деньги не купишь.

Ивар явно чего-то ждал от меня. Чего? Более пылкой благодарности? У меня не было настроения ни гадать, ни пресмыкаться. Так что он первым нарушил молчание:

– Я ведь тебе еще кое-что обещал, Ульф-хёвдинг. Не помнишь?

– Нет... Прости.

– Я обещал тебе, что со всяким, кто польстится на твою женщину, я обойдусь так же, как я обошелся с обидчиком моей Лив.

Да, было что-то такое после моей драки с Гримаром Скаммхальсом, который возомнил, что сможет стать мужем Гудрун, если меня прикончит. Ивар тогда захотел, чтобы я пошел с ним грабить англичан. И я не рискнул ему отказать. Особенно после того, как он объявил: всякий, кто посмеет в мое отсутствие покушаться на Гудрун, пожалеет о том, что родился на свет.

– ...Так же, как я обошелся с обидчиком моей Лив.

Лив – одна из наложниц Ивара. Какой-то отморозок спьяну... польстился. Ивар его наказал. Да так, что даже папа Рагнар укорил сына за жестокость.

Я попытался вспомнить, как именно было сформулировано обещание Ивара. Это было важно. Скандинавы стараются выполнить клятву с юридической точностью. Буквально. Точность исполнения контролируется богами, и расправа с клятвопреступниками неотвратима, как приход зимы. Так они думают, и у них есть на то основания.

А что там было сказано? Если я поплыву с Иваром в Британию, то всякий, кто посмеет... И так далее. Без всяких оговорок и дополнительных условий. Кто-то посмел, и теперь Ивар пришел исполнить обязательства. И плевать, что я сам оставил Гудрун без защиты. Всякий, кто покусится...

Я вдруг почувствовал: где-то внутри моего измученного организма просыпается свирепая надежда. Где-то там, на поле проигранной битвы, вновь задела труба, сзывая рассеянное войско. Вчера я поклялся отомстить, не зная, как я это сделаю, но зная – должен. И вот теперь боги, или судьба, или... Да какая разница, кто... Дает мне шанс.

Не так. Не шанс – уверенность. Потому что Ивар Бескостный – это как заполучить всеокрушающий молот Тора.

У меня даже рука болеть перестала. Ивар Бескостный! Да у него свои люди во всей Дании. И любой здешний ярл, который лишь губы скривит, если я попрошу его о помощи, примчится со всех ног, если старший из Рагнарсонов просто пальцем поманит.

Только что у меня не было ничего, кроме моей клятвы. И меня самого, не способного самостоятельно подпоясаться. А теперь за моей спиной – самый страшный, нет, самый грозный конунг Дании. После Рагнара, конечно.

– Расскажи, как это случилось, – предложил Ивар. – Я должен знать.

Я рассказал. Всё как есть. Не так уж много. Учитывая, что о случившемся на Сконе он уже знал от отца.

Ивар выслушал меня очень внимательно и подвел итог:

– Ты поступил как должно, Ульф-хёвдинг, но тебе не повезло. И я знаю, почему так вышло.

Я спросил: почему?

– Один, – объяснил Рагнарсон. – Отец Воинов – не твой покровитель.

Я смотрел в неподвижные глаза Ивара и видел дракона. Дракон ухмылялся.

– Я не знаю, кто сжег твою усадьбу, – сказал Ивар, растягивая губы в улыбке. – Я не обещал беречь твое имущество. Но тот, кто покусился на твою жену, должен ответить. Неважно, жива она или мертва, сгорела или умерла позже. Я поклялся и сдержу клятву. Сам я не могу отправиться на поиски... – Тут Ивар сделал паузу: вдруг я буду настаивать на его личном участии?

Я не стал. Я понимал: клятва клятвой, но он – большой человек и у него большие дела. Будущее завоевание Англии, например. Да и как можно на чем-то настаивать, если говоришь с драконом? Кто может знать его мысли? А вот, если ты случайно окажешься у него под лапой, результат очевиден.

Ивар убедился, что я не собираюсь возражать, и продолжил:

– Ты дружен с моим хёвдингом: Красным Лисом из Скоген Лифер.

Скоген Лифер, Плотный Туман. Так скандинавы называли Ирландию.

– Да, это так, – подтвердил я.

Не то чтобы дружен... Но отношения у нас неплохие.

– Красный Лис и его люди займутся этим делом. Лиса же не зря называют Лисом. Он умен, хитер и неутомим. Почти как я, – Бескостный вновь улыбнулся. Так улыбается дракон, перед тем как выдохнуть пламя. – Он знает, что нужно делать, а если он ошибется, ты его поправишь. – Тут Рагнарсон окинул забинтованного меня изучающим взглядом и резюмировал: – Ты сможешь.

– Я не могу ни биться, ни грести, – предупредил я. – Даже застегнуть пояс сам не могу. Но конечно, я пойду с ним!

А как же иначе. Это мое дело и мой гейс.

– У Лиса хватает хирдманов, чтобы вращать весла и железо, – заявил Ивар. – Ему понадобятся твои глаза, твой ум и твой язык, а их, как я вижу, skonцы не тронули. Тот, кто напал на твой гренд, захватил кого-то из твоих людей.

– Или убил всех.

Ивар глянул на меня с сомнением. Сомнением в моем здравомыслии. Ну да, зачем уничтожать то, что можно продать. Бывают исключения. Например, когда весь навар жертвуется, скажем, Одину. Но тогда усадьбу не разграбили бы.

– Тот, кого мы ищем, захватил твоих людей, – терпеливо повторил Ивар, и я поспешно кивнул. – Возможно, он захочет кого-то продать, – продолжал Бескостный. – На его месте я сделал бы это где-то поблизости. Рабов бы продал, но задерживаться не стал. Пусть даже твой враг ничего не знает о моей клятве, но моему отцу не нравится, когда кто-то бесчинствует на Сёлунде. И об этом

знают все.

«Особенно Мьёр-ярл, с помощью которого Рагнар и устроил провокацию, позволившую ему захватить здоровенный кусок Сконе», – подумал я.

Но мысль эту, естественно, не озвучил.

– Вы с Лисом побываете на всех крупных рынках рабов в Сконе, – сказал Ивар. – Ты наверняка сумеешь опознать своих людей или хотя бы описать их, чтобы знать, о ком следует предупредить, если их выставят на продажу.

Отличный план. Если всё получится, я смогу узнать имя своего врага. И, возможно, взять его след.

– Сегодня я и мои люди воспользуемся гостеприимством дочери Ормульфа Хальфдана, – сообщил старший сын Рагнара Лотброка, – а завтра отправимся в обратный путь. Ты поедешь с нами. И будет неплохо, если дочь Ормульфа погадает мне. Слышал: Асы[168] с ней накоротке. Один из них даже наградил ее сыном? Или то был ван[169]?

– Теперь это *мой* сын, – уточнил я на всякий случай.

Дракон поглядел на меня задумчиво. Но никак не откомментировал.

Встал, некоторое время глядел на спящего Медвежонка, потом изрек:

– Он – тоже.

– Что – тоже? – спросил я.

– Поедет с нами в Роскилле.

– Он – в беспамятстве. Не стоит его трогать.

– Завтра он очнется, – уверенно заявил Ивар. – Поедет с тобой на одном возу. И я передумал: мать его – тоже поедет. Мне потребуется ее помощь в одном деле.

И вышел. А через минуту вошла Рунгерд.

Очень напряженная, я бы даже сказал, испуганная. Немудрено. Ивара побавались даже его собственные хольды.

Я передал наш разговор. Она выслушала и кивнула. Она наверняка знала об Иваре не меньше меня. Вполне достаточно, чтобы не спорить с драконом.

Понравилось ли ей распоряжение Рагнарсона? Не знаю. Выслушала, встала и занялась организацией расширенной трапезы. Гостей следовало накормить, и накормить качественно. Особенно таких гостей.

Глава четвертая Руны говорят

– Я видел его смерть, – чуть слышно, почти не шевеля губами, произнес Ивар. – Змей плюнул в него ядом, а он не успел подставить щит. Я видел его тело, распухшее от змеиного яда. Позорная смерть. Видела ли ты что-нибудь подобное в своих снах, мудрая женщина? Слышала ли ты когда-нибудь, чтобы кто-то видел подобный сон?

– Боги насылают нам сны, – не поднимая глаз, проговорила Рунгерд. – Ты – конунг, и у тебя сны конунга.

Ее пальцы играли с выложенными на доску рунами. Передвигали, меняли местами, гладили ласково и чутко: словно пытаюсь угадать, какой именно знак вырезан на другой стороне пластинки.

– Это не ответ.

Рунгерд подняла голову. Поглядела на сына Рагнара так, как смотрят на пламя, когда хотят разглядеть в нем огненную ящерицу.

– Ты знаешь, что поют скальды о твоём отце, Ивар-конунг, – сказала она. –

О том, как он убил змея, чтобы получить в жены свою первую жену, дочь Херруда, ярла гаутов?

– Мало ли что поют скальды...

– Они поют то, что вкладывают в их уста боги, – напомнила Рунгерд.

– Или то, что мы хотим услышать, вкладывая им в руки серебро.

– То есть ты точно знаешь, что змея не было?

– Я точно знаю, что многие из ярлов, тех, кто раньше считал, что Рагнар слишком молод, чтобы унаследовать власть после своего отца Сигурда Кольцо, после женитьбы отца на Торе Горной Оленице переменял свое мнение.

– Выбери три руны, – потребовала Рунгерд.

Ивар подчинился. Движение его было настолько быстрым, что Рунгерд успела лишь разглядеть, как взлетели над доской три белые пластинки из моржовой кости и одновременно упали на подставленную ладонь. Ивар на руны даже не взглянул.

– Что там? – спросил он.

Рунгерд долго разглядывала врезанные в моржовую кость бороздки, выкрашенные Иваровой кровью. Потом подняла взгляд и произнесла вполне уверенно:

– Мечь сделает тебя великим конунгом!

– А мой отец? – бесстрастно поинтересовался Ивар.

– Его я не вижу. Он слишком велик. Но и он умрет.

– Все умрут, – в голосе Ивара впервые послышалось нетерпение. – Я хочу знать: умрет ли он позорной смертью или будет пировать в Асгарде?

– Скажи мне, сын Рагнара, веришь ли ты в силу Асов?

– Конечно!

– А в их мудрость?

– К чему твои вопросы?

– А скажи: ты станешь отказываться от доброго хирдмана лишь потому, что ему в битве разбили щит?

– Нет, не стану.

– Тогда почему ты считаешь, что Один откажется от доброго воина лишь потому, что того угораздило во время битвы поскользнуться, упасть со скалы и сломать себе шею? Или сгореть в пожаре? Или умереть от старости в собственной постели?

– Я уже слышал такое, – в голосе Ивара прозвучало нетерпение. – Но почему тогда говорят, что в Валхаллу уходят лишь те, что погибли с оружием в руке?

– В Валхаллу забирают воинов, – сказала Рунгерд. – Как узнать воина? Только ли – по оружию? Разве, отложив в сторону меч, твой отец перестает быть воином?

– Воистину ты мудрая женщина, Рунгерд, дочь Ормульфа, – Ивар усмехнулся. – Ты не смогла мне рассказать ничего о том, что я хотел знать. Но поведала мне достаточно, чтобы я не чувствовал, что зря потратил время. И еще поведала, что руны говорят: помощь твоему зятю сделает меня великим конунгом.

– Я так сказала? – удивилась Рунгерд. – Я вообще ничего не говорила. Я лишь истолковала то, что сказали выбранные тобой руны. И я ничего не говорила о муже моей дочери. Но если ты мне не веришь: взгляни сам. Ты ведь знаешь руны не хуже скальда.

– Нет! – Широкая ладонь перевернулась, руны упали на доску, и движение

руки Ивара тут же смешало их с остальными. – Я слышал твои слова. Но не видел знаков. И я по-прежнему свободен в своих решениях. Однако ответ мне на один вопрос, мудрая женщина. Ты только что сказала: муж моей дочери. То есть ты думаешь, что она жива.

– Она жива, – спокойно ответила Рунгерд. – Теперь я это знаю. Я молила богов о помощи. Просила дать знак. И боги услышали.

– И каков был их ответ? – заинтересовался Ивар. – Ты уверена, что не ошиблась в его толковании?

– Ошибиться было невозможно, – Рунгерд ссыпала руны обратно в мешочек. – Этот ответ таков, что не допускает сомнений. Потому что этот ответ – ты, Ивар-конунг. А кто я такая, чтобы усомниться в слове сына Рагнара?

– Ты – мудрая женщина, – в очередной раз объявил Ивар. – Не зря моя мать так тебя ценит.

– Значит, это Аслауг велела тебе привезти меня в Роскилле? – догадалась Рунгерд.

Ивар покачал головой.

– Давай будем считать, что меня прислали боги. Вот, возьми! – Ивар снял с руки золотой спиральный браслет и ножом отрубил кусочек размером с ноготь.

– Не надо, – возразила Рунгерд. – Это я у тебя в долгу!

– Не тебе, – пояснил Ивар. – Богам.

Глава пятая Связи крови и долга

– Теперь я твой, дружище Ульф! – Красный Лис присел рядом, похлопал меня по здоровой руке. – Я, мой кораблик и мои ребятишки.

«Ребятишки», ирландские хольды Бав Прыгун, Довлах Бычок и Грихар Короткий, остановились поодаль и почтительно внимали. То есть Бав и Грихар внимали, а Давлах ковырялся в ухе.

На носу у ирландского драккара необычная фигура: зверь с квадратной мордой, высунутым языком и красными, будто окровавленными клыками.

Ирландцы утверждали, что это собака. Никогда бы не догадался.

– Куда поплывем, хёвдинг? С какого рынка начнем?

Надо полагать, Ивар познакомил Лиса со своим планом поисков. Или нет. Идея очевидна. Но вопрос серьезный, я задумался. Потом спросил:

– А куда бы ты поплыл, чтобы сбыть пленников?

– Сюда, в Роскилле, – не раздумывая, ответил ирландец. – Но я – не они.

– Согласен. Куда бы ты поплыл на их месте?

– Куда-нибудь, где без особого риска можно обменять трэлей на серебро, – так же, не раздумывая, ответил Красный Лис. – На ближайшую ярмарку.

– И где она?

– На Сконе. Но там сейчас Рагнар. Если он узнает, что кто-то продает пленников-сёлундцев...

– Ему не понравится?

– Как сказать. Скорее, он просто объявит свободных – свободными, как того требует закон, а рабов – своей собственностью по праву добычи.

Ну да. Это очевидно. Никто не может объявить рабом свободного человека, вернее, свободного датчанина, без подобающей причины. Удар дубинкой по голове таковой не является.

– Тогда с чего начнем? – спросил я.

Глупо советовать старожилам, какую дорогу выбрать.

Красный Лис назвал с полдюжины мест, о большей части которых я даже не слышал. Я куда лучше разбирался в географии средневековой Франции, чем в населенных пунктах средневековой же Дании.

Медвежонок, возлежавший с мрачным видом на ложе из шкур, заявил, что плыть следует в Оденсе.

Оденсе – то бишь святилище Одина, располагалось на берегу одного из фьордов соседнего острова Фюн. Весьма крупного острова.

Красный Лис покосился на моего побратима и буркнул что, мол, в информационной помощи жрецов Одина не нуждается, а взятые в моем поместье рабы годятся на нечто лучшее, чем ритуальное повешение.

Свартхёвди и ирландский хёвдинг друг друга недолюбливали, но Лис был, по-своему, человеком чести, поэтому разговаривал сдержанно. В своем нынешнем состоянии грозный берсерк был не опаснее годовалого теленка.

Вот когда Свартхёвди поправится, мне придется внимательно следить, чтобы взаимная неприязнь этих двоих не привела к нехорошему.

Впрочем, оказавшись на палубе, любой викинг автоматически становился вежливым и деликатным. Со своими.

Медвежонок не стал обзывать ирландца нехорошими словами. Он лишь напомнил, что неподалеку от святилища находится самый крупный в окрестностях постоянно действующий рынок рабов. И Рагнара там не очень-то бояться, потому что тамошний конунг – родич жены Рагнара Аслауг...

Короче, если бы решал он, Свартхёвди, то мы бы уже не болтали попусту, а полным ходом шли в Фюну.

– Оденсе! – решил я.

И драккар взрезал воду Роскилле-фьорда.

* * *

– Скажи мне, братец, что ты думаешь по поводу гибели Хрёрека? – задал я Медвежонку второй вопрос, который не давал мне покоя. Первый, естественно, был о Гудрун...

– Думаю, Хрёреку Соколу не стоило ссориться с Сигурдом, – буркнул Свартхёвди.

– Он вступился за своих, – напомнил я. – Сигурд обидел его родичей.

– Вот и сказал бы об этом Сигурду. Уверен: Змееглазый дал бы ему что-нибудь, чтобы загладить обиду. Сигурд Рагнарсон – не худший из братьев. И не жаден. Ты ведь знаешь: он заплатил выкуп за убийство отца Скиди, Одды-хёвдинга, хотя убил его не в поединке, а во время игры в мяч.

Да, я слышал эту историю. Сигурд заплатил – и щедро. Правда, в то время ему было лет шестнадцать.

– Так что не за своих родичей вступился Хрёрек, а встал на сторону Харек-конунга, который сам знаешь как относится к Рагнару и его сыновьям. Харек-конунг Сигурду не по зубам, а вот Хрёрек Сокол – другое дело. Вот Рагнарсон и отомстил.

– А мы? – спросил я.

– Что – мы? – не понял Свартхёвди.

– Мы же с тобой вроде как из его хирда. Получается, мы должны отомстить за нашего конунга?

Медвежонок расхохотался... И тут же скривился от боли.

– Ульф, – прошипел он сквозь зубы. – Думай, что говоришь. У тебя – свой хирд...

– Был! – перебил я.

– Был или нет, неважно. Но ты ушел от Хрёрека. И я тоже. Из всех нас только Ове Толстый состоял с Хрёреком в кровном родстве. Мы – нет. И конунг над нами не Хрёрек, а Рагнар. Следовательно, в этом споре ты должен был встать не на сторону Хрёрека, а на сторону Сигурда Змееглазого. Забудь о Хрёреке. Нам нет до него дела.

– Можно я задам тебе один вопрос?

– Да хоть сто, – разрешил Медвежонок.

– Как ты, сёлундец, попал в хирд Хрёрека?

– Так вышло. Его драккар пришел в Роскилле семь зим назад. А я был тогда мальчишкой, который искал, в какой сапог сунуть ногу[170]. Мне понравился сокол, нарисованный на парусе Хрёрекова драккара. И сам он тоже понравился. Грозный. А Хрёрек, как оказалось, слышал о моем отце. И о моем деде Хальфдане. Он спросил: не берсерк ли я? Узнал, что нет, и принял в хирд. Примерно так же, как и тебя. Только я сразу стал дренгом.

– Сразу – дренгом?

Медвежонок ухмыльнулся.

– Нет, сначала он велел меня проверить. Проверить, насколько я хорош. И проверял меня не увалень Стюрмир, а сам Ульфхам Треска.

– И что?

– Как что? Ульфхам меня побил, конечно. Но я тоже достал его пару раз, так что Треска решил, что я – подходящий. Но ты не обижайся, брат, что тебе достался Стюрмир. Я был при оружии и намного моложе, чем ты. А еще Хрёрек знал, какого я рода. Что же до тебя, то я считаю: Хрёрек отнесся к тебе неплохо. Будь я на его месте, то вообще не принял бы в хирд чужака, о котором ничего не знаю. Вдобавок в таких лохмотьях, которые рабу-свинопасу надеть стыдно. Так что глупо тебе держать на него обиду, тем более теперь, когда он мертв.

– Я и не держу, – пробормотал я. – А ты тоже считаешь, что он мертв?

– Восемь кораблей, брат! Восемь – против трех! Тут всё ясно даже твоему мальчишке Виги. Не думай об этом. Мстить за Хрёрека – это не твой гейс.

Что ж, по-своему он прав, мой побратим Свартхёвди Медвежонок. Но я так не мог. Хрёрек принял меня в семью. И наша связь не прекратилась только от того, что я выбрал собственную дорогу. Я всё еще был ему должен. Крепко должен. И что там ни говорили понимающие люди, для того чтобы посчитать Хрёрека-конунга мертвым, мне мало простой логики. Я хочу знать точно. И я узнаю. Но сначала я должен вернуть Гудрун. И отомстить. Или отомстить...

* * *

Труднее всего было ночью. Когда бездна, в которую ухнуло всё, что мне дорого, смотрела на меня из тьмы. Бездна и еще – неизвестность. Жива ли моя любимая? Что с ней сейчас? Мне безумно хотелось услышать «да» в ответ на первый вопрос. Но что на второй? Я знал, какова судьба пленниц в этом мире. И потому другой моей мыслью было: не лучше ли ей умереть?..

Глава шестая **Закон свободных**

Как и обещал Медвежонок, в Оденсе оказался здоровенный рынок живого товара. Коров, коней, лошадей, овец... Но, главное, людей. Мне казалось, я научился спокойно относиться к тому, что люди становятся товаром. У меня у самого были рабы, и от того, что я делал всё, чтобы им жилось неплохо, суть не менялась. Они принадлежали мне целиком. Их навыки, их труд, их жизни. Я мог взять любую тир[171], и никто, даже моя жена, не сказал бы ни слова. Вот еще! Это как ревновать мужа за то, что он приласкал собаку. Более того, я мог отдать любую из них кому пожелаю или организовать из трэля и тир здоровую рабскую семью, которая будет растить для меня новых рабов. Я был рабовладельцем и, что характерно, знал, что мои рабы молятся своим разным богам за меня, своего хозяина, и считают меня невероятно добрым, ведь я хорошо их кормлю и не делаю больно без очень уважительной причины. То есть им у меня хорошо. А свобода – такая штука, которая нужна далеко не каждому. Девять из десяти тут же обменяют ее на сытость и безопасность. А десятый, скорее всего, попытается ограбить кого-нибудь из девятерых. Чтобы миром правила доброта, за ее спиной должен стоять Бог, но Бог наделил человека свободой воли, и тот выбрал не его, а крепких жестоких парней. Лучшее, что можно выбрать в такой ситуации: сделать жестокость строго дозированной и целесообразной. Это и есть прогресс. Но до прогресса оставалось больше тысячи лет, и рабский рынок близ святилища Одина был ужасен. Рачительный хозяин со скотиной и то лучше обходится. Никто не станет забивать корову в колодки или бить коня кнутом в назидание другим лошадям. Вдобавок здесь жутко воняло. А когда ветер дул со стороны святилища, где на священном дереве гнили священные «плоды», вонь становилась просто нестерпимой.

Но мы пришли сюда не цветочки нюхать, так что я взял костыль и, опираясь на плечо безусого ирландского паренька по имени Нуада, вступил в этот рукотворный ад.

А тем временем Красный Лис, который ничем не мог мне помочь в поисках, поскольку никого из моих бывших домочадцев опознать бы не смог, отправился туда, где стояли шатры местного руководства, дабы поискать полезную информацию. Я нацелил его на моих ткачих. Зачем налетчикам убивать женщин, тем более – мастериц? Ткачихи – это профессия приметная. Пусть поинтересуется. И представится заодно.

Торговать мы не собирались, так что налог с нас не причитался, но порядок есть порядок. Какому хозяину понравится, если на его территории высаживается некое вооруженное формирование и даже не удосуживается нанести визит вежливости? Разве это не повод самому нанести визит пришельцам? И уже не вежливости, а совсем другого сорта?

Сначала у меня была мысль: поспрашивать насчет рабов-франков... Но тут было столько рабов-франков, что спрашивать было глупо. Рабов-франков здесь была едва ли не четверть. Даже больше, чем англичан. За что еще зацепиться?

Рабы, рабы, рабы... В клетках, в цепях, в колодках, в загонах. С бритыми головами и спутанными вшивыми патлами. Юные девушки и те беззубые старики, которых отовсюду свозят к святилищам Одина, чтобы принесли последнюю пользу поработителям, повисли жертвами на священных дубах. Разные лица, разные оттенки кожи... Объединяло всех только одно: безысходность и

страх.

Искать среди мастеров-ремесленников? У меня ведь и такие были. Кузнец, гончар, резчик, строитель...

Профессионалы среди общей массы выделялись. Спокойствием. Они стояли немалых денег. Их хорошо кормили и не лупили без причины.

Но моих мастеров – не было. Во всяком случае я никого не углядел.

Оставались монахи. Отец Бернар. Он ведь так и не сменил свою рясу на более утилитарную одежду. Так что будем искать и по этому признаку.

Прозвище моего помощника – Зоркий. Так что я и его сориентировал. Ищем монаха. Волосы длинные, светлые. Лет под сорок. Росту высокого, телосложением... Ну примерно как Красный Лис...

К сожалению, монахов тут скопилось еще больше, чем ремесленников. Высокие, крепкие и немолодые тоже не были редкостью... И у каждого третьего глаза светились надеждой. Они надеялись, что Бог их спасет. Либо в этой жизни, либо – когда она закончится. Блажен, кто верует.

Мы бродили по этой юдоли страданий больше часа, и я порядком умотался. Нуада – тоже, поскольку всё это время служил мне живой опорой. Поэтому предложение зайти перекусить и заодно – передохнуть он воспринял с энтузиазмом.

Пища оставляла желать лучшего: полусырая крупа с жесткими кусками жирной баранины. Мне это такое варево без пива даже в рот не лезло, а пива мне было нельзя. До следующего новолуния. Так сказала Рунгерд, а значит, точно нельзя. Но Нуада покушал. Вернее, сточил всё, что предложено: полшлема «плова по-скандинавски», лепеху оружейной твердости и пол-литра дрянного, судя по запаху, пива. Насытился, оглядел окрестности повеселевшим взглядом и дернул меня за рукав.

Опаньки!

Между четырех палаток, предназначение которых известно каждому половозрелому норману, обнаружился небольшой, дюжины на две рабов, загончик. А внутри...

Нет, невзлюбившая меня с недавних пор Госпожа Удача, определенно, решила показать мне личико. Эта фигура в лохмотьях, когда-то бывших рясой, мне определенно знакома. Молодец Нуада!

Отец Бернар собственной персоной. И в цепях. На лице – кровоподтеки. Свежие. Не понимаю. Он же мирный.

Или работороговец среагировал на мощное телосложение?

А где он сам, кстати? Не тот ли богато прикинутый толстяк с понтовым мечом на поясе?

Наверняка он. Явно из успешных, сволочь. Одет едва ли не лучше меня, но сам далеко не красавец. Толстая одутловатая физиономия, украшенная бородавками. Хотя сам мужик отнюдь не стар. И не слаб. Здоровенный кабан. И сразу видно – мерзкий тип. Так и хочется приласкать дубинкой по репе.

Но – нельзя. Надо – договариваться.

Почти повиснув на плече Нуады (слабость, блин), я поковылял к торговцу живым товаром.

Тот меня заметил не сразу, потому что как раз принимал плату за вход в одну из палаток. В ней сейчас было тихо. Зато из трех других доносились спе-

цифические звуки. Рабыни улаживали клиентов. Бизнес жабы процветал.

Ага, вот и до меня дошла очередь. Ну и мерзкая у тебя ухмылка, мужик! Так бы и приложил сапогом... Но это – мечты. Даже если отринуть закон и порядок, в моем нынешнем состоянии о подобном можно только мечтать.

Я кивнул в сторону загона, где томились трэли.

– Этот большой, на цепи – он кто?

– Трэль, кто ж еще! – буркнул работорговец, но, приглядевшись ко мне и опознав кредитоспособного покупателя, помягчел: – Хороший раб, большой, сильный, сам видишь. Можешь мускулы пощупать. И по-нашему говорит. Три марки.

Цена не маленькая. Но и не запредельная. Однако я знаю, что разница между объявленной стоимостью и настоящей существенно отличается. То есть торговать можно и марки за полторы. А это для взрослого сильного мужчины – слишком мало. Подозрительно мало.

– Послушен?

– Ага, – после небольшой заминки.

– А били за что?

– Ну-у-у... – Роба работорговца выразила нравственный конфликт. Начнешь врать – потеряешь клиента. Скажешь правду – придется сбавлять цену. Или, опять-таки, клиента потеряешь.

– Вижу, сам ты – из Сёлунда? – поинтересовалась жаба.

Я кивнул. Для местных вышивки-узоры на одежде – как фамилия автора на книге.

– У вас на Сёлунде рабы стоят недешево, – закинул пробный камень работорговец.

– Я для себя беру, не для продажи, – сообщил я чистую правду. – Что с ним не так? Строптивый? Или буйный?

– Э-э-э...

– Значит, буйный. Воин бывший, да? Я его куплю, а он на меня – с топором?

– Не буйный, нет! – поспешно отреагировал работорговец. – Строптивый немного.

– Давай не темни! – поощрил я. – Расскажи мне всё как есть, и я его куплю. По справедливой цене. За полторы марки.

– Полторы марки?! – Работорговец аж взвился... И тут же сник: – Ладно, бери за полторы. Я сам его за три взял. Сказали: он лекарь. А он и не может ничего. Или не хочет. Я его побил немного, так он есть перестал. Сдохнет – вообще ничего не получу.

Я кивнул Нуаде. Тот развязал кошель. Торговец извлек весы. Отмерили полторы марки, пересыпали в новый кошель.

– Сейчас за кузнецом пошлю, – пообещал работорговец.

Я подошел к клетке.

– Отец Бернар!

Ноль реакции.

– Отец Бернар! Это я, Ульф!

Ага, услышал. Поднял голову. Крепко ему досталось. Оба глаза заплыли, лицо распухло... Мое желание как следует проучить работорговца стало острым до нестерпимости. Но характер придется придержать.

– Ульф...

– А-а-а... – раздался за спиной басок работорговца, – так вы знакомы, получается! Ну-ка погоди! – Это он – кузнецу. – Выходит, ты меня обманул, сёлундец! Сделка расторгается. Забирай свое серебро! – Он швырнул мне в ноги мешочек. – Снова будем торговаться!

Ну, жаба!

– Мы уже сторговались, – с трудом сдерживая ярость, процедил я. – Сделка заключена. Ты получил деньги!

– Уже нет! – нагло заявил работорговец. – Вон твои деньги. Снова у тебя. Новая цена – пять марок!

У меня в глазах потемнело. От гнева и от слабости одновременно.

Работорговец ухмылялся. Видит, сволочь, что я не в форме. И правая рука забинтована.

– Нуада, нет, – сказал я, когда юный ирландец потянулся к мечу.

За спиной у работорговца нарисовались двое громил. Будь я в форме, все трое мне – на один зуб. Да и не было бы драки. Вызвал бы жабу на поединок – и прикончил.

Только, будь я в форме, и негодяй не стал бы пальцы гнуть. А тут почувал слабинку.

Вариантов у меня было два: заплатить пять марок грабителю или уйти. Уйду – вообще лишусь всякой возможности доказать предыдущую сделку.

Но тут удача все же показала личико. Придерживая пояс с боевой сбруей, из палатки, где трудились путаны-невольницы, выбрался... Давлах. Давлах Бычок. Хольд Красного Лиса.

Выпрямился, срисовал ситуацию, засупонился...

И вдруг засвистел залиvisto, да с коленцами. Так, что ушам стало больно.

Работорговец аж подпрыгнул. Обернулся:

– Ты – чего?

– Того, – лаконично ответил Давлах, обошел его вразвалочку и встал рядом с нами. – Я знаю этого человека, – кивок в мою сторону. – И я – с ним.

– А кто еще? – задал работорговец идиотский вопрос.

Он растерялся.

– А еще – я! – Расталкивая народ, к нам, аки ледокол, пробивался Красный Лис. А с ним еще с полдюжины ирландцев.

Впрочем, и на стороне работорговца народу прибавилось. Земляка тут всегда прикрыть готовы. Тем более, против него – явные чужаки. Даже не скандинавы.

Я в двух словах изложил Лису суть дела, спросил напрямик:

– Встанешь за меня на хольмганг?

– Вот еще! – фыркнул ирландец. Увидел мою обиду, пояснил: – Хольмганг с этой бородавчатой свиньей меня опозорит. Не беспокойся. Заберем мы твоего лекаря. Он же у тебя свободным человеком жил, верно? А в Законе что сказано? Если кто-то принудит свободного человека... То тем хуже для него! Сейчас лагман подойдет, и всё будет в порядке.

Подошел. Лагман. Человек Закона, а если точнее – его Глашатай, а по-простому – Законоговоритель. Пожилой дядька. Важный, как индюк.

Кивнул благосклонно моему оппоненту, велел:

– Расскажи, о чем спор вышел.

Но Красный Лис не дал жабе открыть рот.

– Спора нет! – заявил он. – Вот этот человек, – жест в мою сторону, – говорит, что этот человек, – жест в сторону отца Бернара, – является свободным человеком, пропавшим пол-луны тому назад. – А следовательно, по законам, данным нам богами и конунгами, человек этот свободен, а тот, кто его свободы лишил, повинен наказанию, как и тот, кто, напав на человека в лесу, привязал его к дереву. Как вот этот человек! – И последний решительный жест – в сторону работорговца.

Собравшаяся вокруг изрядная толпа враз зашумела. Мнения разделились... И большинство было – не в нашу пользу.

Законоговоритель дал народу поорать, затем решительно потребовал тишины.

– Ты говори! – приказал он работорговцу.

И тот немедленно начал драть глотку. Мол, ничего это не свободный человек, потому что он, работорговец, купил его аж за три марки. И более того, этот сёлундец (я то есть) готов был купить трэля, но предложил за него всего полторы марки, а цена хорошая – пять, потому что он, работорговец, изрядно потратился на этого трэля, кормил его, учил правильному поведению и так далее. А если бы правдой было то, что сказал сейчас этот чужеземец (имелся в виду Красный Лис), то почему тогда сёлундец (то есть я) не объявил сразу, что это не трэль, а свободный? Да и вообще, если каждого раба, который когда-то был свободным, отдавать бесплатно, то, значит, всех, взятых в набегах, придется отдавать. Даже и христиан. Кстати, и этот, так называемый свободный, – тоже христианин, хоть и без креста, но всё время молится христианскому богу. А как может христианин быть свободным человеком, это уже вообще непонятно...

Тут Красный Лис снова его прервал.

Полез за пазуху и достал оттуда большой золотой крест. Реально большой. В четверть кило, не меньше.

– Видишь? – поинтересовался он. – Я – христианин. И всякий, кто скажет, что я – не свободный человек, продолжит свою речь в царстве Хель!

Зря он это сказал, подумал я. Отношение к христианам в Скандинавии, мягко говоря, недоброжелательное. И неуважительное. Та часть толпы, которая была на нашей стороне, заметно уменьшилась.

Очень довольный (главное – угодить избирателю) Законоговоритель поглядел на Лиса с искренней симпатией (ну, мужик, ты так удачно подставился) и уже набрал в грудь воздуха, чтобы вынести вердикт, но тут ирландец извлек еще один культовый значок. То есть не то чтобы культовый, но такого, фигурально выражаясь, веса, что перетягивал Гунгнир и Мьёлльнир[172] разом. Это была двухдюймового диаметра бляха, тоже золотая, на которой сверху был изображен ворон, а снизу – крохотный воин с луком. Знак Ивара Рагнарсона.

Золото полыхнуло на солнце, и Глашатай Закона проглотил заготовленную речь. Ивар Бескостный мало того, что снискал изрядную славу человека выдающейся даже по местным меркам жестокости, так еще и приходился родичем местному конунгу.

Вот такая незадача.

– Мое имя Мурха, – сообщил ирландец, откровенно наслаждавшийся произведенным эффектом.

Я удивился. Потому что до того времени думал, что Красный Лис – это и есть имя.

– Я – морской ярл и хёвдинг Ивара Рагнарсона, прозванного Бескостным. И всякий, кто усомнится в моем слове, оскорбит не только меня, но и моего конунга. Это понятно?

Толпа загудела. Я бы сказал: зловеще загудела. Нас была – горстка. Против чуть ли не двух сотен местных. Причем – вооруженных местных, потому что здесь без оружия даже в гости к соседу не ходят, не то что на ярмарку. Но Красному Лису – как с куста. Даже бровью не повел. Напротив, уставился с вызовом на Законоговорителя и повторил с нажимом:

– Это понятно?

– Мы слышали тебя, Мурха-хёвдинг, – уклонился от прямого ответа Законоговоритель.

– Очень хорошо. Слушайте дальше. Я подтверждаю, что не так давно видел этого человека, – жест в сторону отца Бернара, – свободным. На Сёлунде... – Гул толпы начал стихать. Люди прислушивались. – Я подтверждаю, – продолжал ирландец, – что видел этого человека за румом драккара... – Тут Красный Лис сделал паузу, чтобы убедиться: хорошо ли его слышно и дошла ли информация до слушателей. – И драккар этот был одним из драккаров, что встали этим летом у берегов Англии. Я подтверждаю, что этот человек был там с войском Ивара и Уббы Рагнарсонов! – Теперь голос Красного Лиса гремел в полной тишине. – Во всем сказанном я готов поклясться на кресте!

Сильный ход. И ведь да, спокойно может поклясться. Ни слова лжи не сказал. Отец Бернар действительно сидел на руме. И он действительно был с армией Ивара, когда тот грабил Нортумбрию. То есть в глазах всякого не осведомленного о пацифистских убеждениях отца Бернара мгновенно возникал образ не раба, а полноценного хирдмана. Тем более что и статья у франкского монаха была – соответствующая.

– А теперь, – заявил ирландец, – я требую выдачи преступника, который надел цепи на этого свободного человека! Ты – этот преступник? – Палец Красного Лиса нацелился на работорговца.

К чести последнего, тот оказался не из трусливых. А может быть, жадность придала ему смелости.

– Я купил этого раба! – заквакала жаба. – Он принадлежит мне! Мне плевать, кем он был до того, как стал трэлем. Может, он не вернул долг или еще что-то! Теперь он мой! Мой по Закону!

– Голос Закона на этом торге – я! – вмешался лагман. – И Закон говорит: этот человек свободен!

Молодец! Вовремя сориентировался.

– Да ты что, дядюшка! – взвился работорговец. – Что ты такое говоришь? ЭТО МОЙ РАБ! Выходит, теперь каждый чужак может показать пальцем на моего трэля, объявить его свободным и забрать бесплатно? Да я скорее убью этого раба, чем задаром отдам чужакам!

– То есть ты не согласен с решением? – обманчиво спокойным голосом тут же поинтересовался Красный Лис.

– Конечно, я не согласен! Это только слова! Я найду сотню свидетелей, которые видели, как я покупал этого человека! И как я учил его покорности!

– Ты бил свободного человека, – заметил Красный Лис. – Это тоже преступ-

ление.

– Это мой раб! – завопила жаба, обманутая негромким голосом Красного Лиса. – Никакой он не свободный!

– Вот! – поворачиваясь ко мне, назидательно произнес ирландец. – Он обвинил меня во лжи. И теперь я могу его убить.

– Даже и не надейся! – парировал я. – Жаба наверняка выставит бойца.

«Предмет спора», то есть отца Бернара передали под опеку ярмарочной администрации. Монах отнесся к перемещению философски. То есть равнодушно. Он вручил свою жизнь в руки Бога, так что Бог и должен о нем заботиться.

Что ж, оружие Господь избрал достойное: Мурха Красный Лис был из тех, кто способен противостоять даже Ивару Бескостному. Правда, недолго.

Мы сняли небольшой домик человек на сто поблизости от рынка и занялись уничтожением ужина. По поводу будущего поединка никто не переживал. Красный Лис считал: раз уж, в кои веки, ему подвернулась возможность порадеть за собрата по вере (а не грабануть его), это – Перст Божий. Так что к завтрашнему хольмгангу ирландец относился как к маленькому празднику. Предвкушал...

Но обломился.

Не успели мы даже толком перекусить, как пожаловали знатные гости: местный ярл Мангхильд Крутлая Голова и (вот сюрприз!) полномочный представитель «конунга всех данов» Харека ярл Халлбьёрн по прозвищу Шейный Платок.

Халлбьёрн немедленно выразил радость по поводу того, что я жив. Я вежливо поблагодарил за радость и за участие. Халлбьёрн, как-никак, пытался отговорить сконских ярлов пустить меня на бастурму.

Когда мы обменялись любезностями, Шейный Платок сообщил, что намеревается посетить Роскилле, чтобы пообщаться с Рагнармом. Попытался осторожно выведать: как у Рагнара настроение? Нет ли у него планов продолжать экспансию датских земель?

Я переадресовал вопрос Лису. Тот дипломатично ответил, что ни о чем подобном не слыхал. Вот насчет Франции – да. Планы есть. Обширные. Но только в следующем году. Что же до Сконе, то и тут, насколько Лису известно, никакой враждебной Хареку цели не ставилось. Рагнар лишь урегулировал некоторые проблемы, которые возникли между жителями Сёлунда и жителями Сконе. А если несколько сконских ярлов теперь считают Рагнара своим вождем, так они – в своем праве. Земли у них не жалованные, а родовые. Так что могут присягать, кому пожелают.

С этим не поспоришь. Свобода у скандинавских ярлов – в крови, так что урезать ее можно, лишь выпустив наружу изрядное количество этой самой крови.

Я бы воздержался от того, чтобы принимать за чистую монету сказанное Красным Лисом. Человек с таким прозвищем достоин доверия только в одном случае: если он на вашей стороне. Но Халлбьёрн, похоже, поверил. И расслабился.

Под это дело я попытался выяснить еще какие-нибудь подробности о бое Сигурда и Хрёрека, но ярл ничего нового не знал. Но, желая быть полезным нашей компании, предложил себя в качестве судьи на завтрашнем поединке.

Предложение было принято и закреплено пирушкой. Угощение предоставил Мангхильд-ярл. Он же заверил, что никто из его людей даже и не помышляет выступить на стороне жабы-работоторговца. А если хёвдинг пожелает, так и поединка не будет. Ярл вполне способен наказать поганца своей властью.

Похоже, ярл очень беспокоился: как бы не попасть в оппозицию к Ивару Рагнарсону?

Лис заверил мужика, что всё будет ровно. Попросил не лишать удовольствия. Заверил, что с удовольствием прикончит бойца жабы, а потом выдавит дерьмо и из самой жабы.

Вернее, не дерьмо, а денежные ценности.

Но, как сказано выше, планы Лиса жестоко обломились. Даже услуги судьи не понадобились.

Когда дружеская пьянка была в самом разгаре, появилась жаба.

Статусно опущенная ниже палубы.

С отцом Бернаром, переодетым в новое и приличное, причем крашеное, что означало полное признание его свободного статуса.

Также жаба привела с собой «извинение»: пышную белокурую девушку в некрашеной одежде (насовсем) и еще шестерых таких же – во временное пользование.

Время для покаяния было выбрано правильно. Красный Лис уже порядком принял и находился в благодушном настроении. Жаба униженно каялась. Мол, йотун попутал, товарищ великий хёвдинг. Не убивайте меня, я уже хороший! Красный Лис, он же – Мухра из Скоген Лифер, к мольбам снизошел. Хлопнул жабу кулачищем по уху. Дружески. И удалился тестировать блондинку.

* * *

– Ты голоден? – поинтересовался я у отца Бернара.

Монах покачал головой.

– Тогда пойдём.

– погоди! Что у тебя с рукой?

– Не только с рукой, но это подождет. Я хочу знать, святой отец! Прямо сейчас. С самого начала!

– Тебе не понравится, хёвдинг, – предупредил монах.

– Рассказывай, чертов ворон!

И он рассказал...

Глава седьмая **Предательство**

Северный Змей подошел к берегу на закате.

Это было очень красиво: солнце, наполовину окунувшееся в море, и черный силуэт драккара на фоне багрового пламени.

В длинном доме как раз накрыли на стол и собирались трапезничать. Ждали только кузнеца с подмастерьем.

Они-то и увидели драккар. Кузнец Брай плохо разбирался в кораблях, так что узнать хозяйский драккар, да еще при таком освещении, он, конечно, и не смог. Зато он родился в Нортумбрии, и для него любой драккар был воплощением ужаса. Теперь Брай сам принадлежал викингу, и жизнь у него нынче была, пожалуй, получше, чем в те времена, когда хозяином Брая был тан Ле-

стер. Но ничто не могло вытравить из крови простолюдина-англичанина животного ужаса перед «дьявольским драконом».

– Беги в поместье! – завопил он подручному. – Живо! Со всех ног!

И сам тоже потрусил следом.

Это был храбрый поступок, ведь у себя дома он и думать не стал бы о сопротивлении, а только о том, чтобы спрятаться. А спрятаться было где. Вон хоть в соседней роще.

Однако там, в доме, сейчас находилась Бетти, девушка, которую Брай очень хотел бы взять в жены. Если хозяин позволит... И вообще, там, в доме, были такие же норманы, как и те, что плавали на кораблях с драконьими головами. Вдруг свои сумеют договориться со своими? А может, это хозяин возвращается?..

Когда тяжелый и неуклюжий в беге кузнец поспел к воротам, навстречу ему высыпали все домочадцы во главе с хозяйкой.

– Северный Змей? – неуверенно проговорила Гудрун.

– Похож... – пробасил отец Бернар.

– Ага! – тут же поддакнул Лют Рукавичка, сын Пэра, который арендовал у хозяина земельный надел.

Гудрун засияла радостной улыбкой.

– Но я бы всё же закрыл ворота, – задумчиво проговорил отец Бернар.

– Закрыть? – удивилась Гудрун. – То есть как? Мой муж возвращается – и видит запертые ворота? Что ты такое говоришь, франк?

– Я не вижу твоего мужа, – спокойно произнес монах. – Я вижу корабль, который идет сюда. А ворота, женщина, открыть быстрее, чем запереть.

Гудрун задумалась. Еще раз поглядела на драккар. Там как раз спускали парус. Разглядеть, что за люди на палубе, она не смогла. Зато увидела, что на многих – шлемы.

Это ровно ничего не значило. Воины надевают бронь не только для битвы, но и для того, чтобы все видели, как они красивы. Однако Гудрун была из рода викингов, и осторожность была у нее в крови, как страх – в крови любого треля.

– Закрыть ворота! – скомандовала она. – И вооружайтесь. Если это враги, мы встретим их как надо. Если друзья – то они порадуются нашей готовности к битве.

Настоящих воинов в усадьбе сейчас не было. Только бонды и рабы. Ни у кого ни нужных умений, ни боевого опыта. Кроме, разве что, отца Бернара. Но тот сейчас – даже меньше, чем бонд. Много лет назад бывший шевалье[173] дал обет, обязавший его не брать в руки оружие.

Словом, в чистом поле «воинство» Гудрун не выстояло бы и против пятерки настоящих бойцов. Но здесь, в усадьбе, достаточно луков и стрел, а ограда высокая, так что Гудрун посчитала, что они способны обороняться. Тем паче что выбора всё равно нет. Если это враги и они победят – живые будут завидовать мертвым.

Когда защищенный мягкой накладкой киль драккара взрезал песок, Гудрун глядела на корабль из-за бревен частокола, сжимая в руке гладкое дерево охотничьего лука. Вот только стрелы в ее колчане на этот раз были не охотничьими, а боевыми – с узкими гранеными наконечниками. И голову

Гудрун прикрывал настоящий боевой шлем, надетый поверх уложенной косы, а грудь оберегала тяжелая кольчуга, набранная из овальных железных чешуй.

Гудрун смотрела, как викинги ловко спрыгивают на берег. Она пыталась опознать хоть кого-то знакомого, но не получалось. Сумерки...

Вскоре цепочка вооруженных людей («Одиннадцать» – сосчитала Гудрун), двинулась вверх, по тропинке – к усадьбе.

Они не торопились, и непохоже, что собирались биться. Щиты за спиной, оружие – в ножнах и за поясами, копья – на плечах. Первый даже нес в руке факел. Правда, света от него было немного – ветер сбивал пламя. Подходили открыто, без опаски. Но что-то Гудрун насторожило. Вот только она не могла понять – что.

Если бы она поняла это вовремя, как бы тогда изменилась ее судьба! Ведь в тот миг защитники усадьбы могли бы запросто забросать воинов стрелами, изрядно проредив их и без того недлинную цепочку... Могли бы дать отпор...

– Кто вы? – звонко крикнула Гудрун. – Назовитесь!

– Это мы, госпожа! – раздался в ответ знакомый всем обитателям поместья голос.

Гудрун вздрогнула. Это не был голос того, кого она ждала.

– Лейф! Что с моим мужем?

– Тяжкая весть, госпожа! – Первый из цепочки остановился, стянул с головы шлем. Света факела было достаточно, чтобы наверху все увидели его лицо.

– Говори, Лейф! – потребовала Гудрун.

– Я могу, госпожа, – скорбным голосом произнес норег. – Но то будет долгий и трудный рассказ. Ты хочешь услышать его прямо сейчас?

Гудрун опомнилась. Она догадалась, о чем будет говорить Лейф, и в груди у нее всё заледенело.

– Мой брат?

– Он остался на корабле. Он и еще четверо. Нам нужны носилки...

Лейф не назвал имена, значит... Значит, Ульфа среди раненых не было. Значит...

Она справилась.

– Открыть ворота. Отец Бернар, раненые...

– Я займусь, – произнес монах, но не сдвинулся с места.

Что-то было не так... Неправильно...

Но обитатели поместья уже с немалым облегчением слезали со стен, створки ворот пришли в движение...

И тут Гудрун сообразила, в чем неправильность. Там, на корабле, остались воины. И не раненые. Вполне здоровые. Обычная повадка викингов во время набега – не оставлять корабль полностью беззащитным.

– Стойте! – воскликнула она. – Не пускайте их!

Но засовы уже были сняты, створки разошлись, и пришельцы хлынули внутрь.

Они начали убивать, едва оказались во дворе. Рубили всех, у кого было оружие. Или кому не посчастливилось подвернуться под руку... В темноте иной раз трудно понять, кто перед тобой. Хотя многим нападавшим просто нравилось убивать...

Обитатели подворья, простые бонды вне строя, взятые врасплох... Они даже не сопротивлялись. Или не успевали. Как Лют Рукавичка, чью грудь пробило

копье в тот миг, когда он натягивал лук.

Всё закончилось в считанные минуты.

Гудрун осталась в живых. Но только потому, что Лейф первым бросился к ней, сбил с ног и собственноручно связал.

Собственно, связали только ее и Бернара. Монах не был вооружен и не сопротивлялся, но он не кричал от ужаса и не пытался удрать, так что его сочли потенциально опасным.

– Общитесь тут всё! – скомандовал предводитель отряда. Им оказался не Лейф, а молодой прыщавый парень с подбитым глазом.

Всех пленных, за исключением Гудрун, загнали в хлев, и начался грабеж.

Лейф Весельчак в нем не участвовал. Воткнул в землю факел и встал рядом с усаженной у стены Гудрун. Стоял, молчал. На женщину не глядел. Гудрун жгла норега ненавидящим взглядом. Но тоже молчала. О чем разговаривать с предателем?

Но всё же не выдержала, спросила:

– Ты не боишься, что мой муж заставит тебя пожалеть, Лейф Предатель?

– Я не боюсь, – последовал спокойный ответ. – И я – не предатель. Ульф Вогенсон мертв.

На подворье ввалилось еще десятка полтора сконцев. Надо полагать, те, кого оставили на драккаре. Этих уж точно никто не принял бы за воинов Ульфа. В хирде мужа Гудрун даже новички выглядели более грозно. Как позже выяснилось, оставить часть людей на драккаре тоже предложил Лейф.

Впрочем, это уже не имело значения.

Вновь прибывшие присоединились к остальным. Грабить. Что может быть интереснее для победителей?

Разграбление усадьбы длилось долго. Богатый дом у Ульфа-хёвдинга. Много всего.

Но золота не нашли. Да и серебра обнаружили немного. Марки на две.

Гудрун зло усмехалась. Что не осталось незамеченным.

Предводитель налетчиков, прыщавый юнец, подступил к ней:

– Говори, волчица, где золото с серебром!

Гудрун молчала.

– Вот прижгу твою рожу каленым железом, – посулил прыщавый.

– Эй, Эйнар, а может, мы сначала с ней поразвлечемся? – подал голос один из налетчиков. – Баба-то хороша! А как зыркает! Аж страшно!

Грабители загоготали. Один сунулся к Гудрун, отодвинув безусого Эйнара.

Но на его пути встал Лейф.

– Мы договорились, – спокойно произнес он. – Я открываю вам ворота, а вы не трогаете хозяйку.

– Да от нее убудет, что ли? – пробормотал налетчик, пытаясь обойти Лейфа. Не получилось.

– От нее – нет, – сказал норег. – Вот от тебя, Виги Грибок, убудет наверняка.

И положил руку на оголовье меча.

– Да что его слушать, чужака? – гаркнул кто-то. – Чтоб какой-то норег нам указывал!

Еще несколько разбойников подвинулись ближе.

Гудрун закрыла глаза.

Она очень жалела о том, что не убила себя. А ведь могла успеть...

– Эйнар! – раздался по-прежнему спокойный голос Лейфа. – Ты поклялся! И боги тебя слышали. Она моя. Уйми своих людей!

– А ну все назад! – визгливым голосом закричал прыщавый. – Не трогать ее! Здесь полно баб! Эта – Лейфова! Он выполнил то, что обещал!

Гудрун открыла глаза и с облегчением увидела, что те, кто хотел ее изнасиловать, отступили.

И не похоже, что только из-за визгливого юнца. Скорее потому, что не хотели связываться с Лейфом. Вспомнились слова брата о том, что Лейф Весельчак – великолепный боец. Один троих стоит.

В ее душе шевельнулось благодарное чувство... Мгновение слабости. Но оно прошло.

Гудрун напомнила себе: если бы не Лейф, налетчиков не впустили бы внутрь. Им пришлось бы брать усадьбу с боя, и еще неизвестно, взяли бы...

Четверо потрусили к сараю. Должно быть, решили последовать совету своего вождя.

– Пусть скажет, где спрятаны ценности, и мы ее не тронем! – заявил прыщавый Эйнар. – И никто ее не тронет.

– Ее никто не тронет, даже если она проглотит язык, – сказал Лейф. – А если ты немного подумаешь, Торкельсон, то вспомнишь, что здесь есть еще один дом, вон там, у холма. Это новый дом, построенный совсем недавно. Я думаю, следует поискать и там.

– Это верно! – поддержали Лейфа другие налетчики. И все дружно устремились к новому дому.

Гудрун вздохнула. Денег там не было. Они были спрятаны в потайном чуланчике длинного дома, который налетчики не нашли. Но в новом доме, построенном Ульфом, было так много добра... Хотя о чем теперь горевать? Вот вернулся бы муж, спросил: как так? Почему не уберегла наше добро? Ах как была бы Гудрун счастлива, если бы он мог так сказать... Не скажет.

Пользуясь тем, что рядом с ними никого нет, Лейф наклонился к Гудрун.

– Ты теперь вдова, дочь Сваре Медведя, – негромко произнес норег. – Твоего мужа замучили сконцы. Ты свободна от обетов, и я хочу, чтобы ты стала моей женой.

Гудрун молчала.

– Я люблю тебя, Гудрун, – тем же ровным голосом продолжил Весельчак. – Ты прекрасней всех женщин, которых я видел, а видел я многих. Стань моей женой, и я обещаю быть тебе хорошим мужем. Со мной тебе будет легко.

– Этому не бывать, – не выдержала Гудрун. – Только попробуй задрать мне подол – и я сама тебя убью. Считаю, что ты уже мертв, клятвопреступник!

– Почему – клятвопреступник? – удивился Лейф. – Я не убивал твоего мужа. Я дрался вместе с ним до конца. А что не стал вместе с ним умирать, так кому от этого польза? Я предлагаю тебе честно: стань моей женой, и я стану тебе опорой и защитой.

– Нет!

– Подумай еще, – предложил Лейф. – Если ты не хочешь стать моей женой, значит, станешь моей тир! Рабыня или честная жена. Что ты выбираешь?

– Твою смерть! – непреклонно ответила Гудрун.

– Это будет глупо, – Лейф пожал плечами. Доспех на нем был чужой, плохонький. Гудрун только сейчас заметила. А если бы раньше – могла бы...

Нет, не могла. Слова о том, что мужа больше нет, оглушили ее, точно внезапный удар.

– Глупо, – повторил Лейф. – Подумай, что с тобой сделают, если не будет меня. И решай сейчас. На палубу ты поднимешься или моей женой, или моей рабыней. Другого не будет.

Гудрун подумала. Ее выбор – смерть. Это то, чего ей хотелось больше всего. Но это выбор слабой, а она, Гудрун, не такая. Она – сильная. Ее мать стала призом для того, кто отомстил за смерть деда. И она приняла свою судьбу. Отдала свою жизнь берсерку.

– Скажи, что с моим братом? Он действительно ранен, как ты сказал?

– Прости меня, прекрасная Гудрун, я солгал, – без тени смущения заявил норег. – Так что ты выбираешь?

Брат мертв. Ульф мертв...

– И она согласилась? – Я с трудом сдерживал ярость.

– У нее не было выбора, – мягко напомнил отец Бернар. – Или стать женой твоего хускарла-предателя, или наложницей всех сконцев, как эти бедняжки из твоего поместья. Или ты предпочел бы, чтобы она убила себя?

– Нет, – скрипнув зубами, процедил я. – Не предпочел бы.

– Кроме того, – продолжал монах, – он ведь сказал, что ты мертв.

– И она поверила! Почему?

– Может, потому, что этот норег не лгал. Я был рядом, и я тоже чувствовал, что он не лжет. Он был абсолютно уверен, что ты и Свартхёвди мертвы. Почему?

– Это тоже долгая история, – мрачно произнес я. – Оставим ее на завтра. Я должен обдумать то, что рассказал ты.

– Я рассказал тебе не всё... – остановил меня монах.

* * *

...Брат мертв. Ульф мертв... Если она умрет, кто отомстит за них? И за нее?

«Я выбираю мечь!» – подумала Гудрун.

Да, так и будет. Она отдаст свою жизнь, свое тело за то, чтобы отомстить.

* * *

– Это слова не для тебя, – сказал отец Бернар. – Она попросила меня передать их своей матери, если судьба сведет меня с ней. Она сказала: в ее роду не осталось мужчин, кроме ее брата Хельги. Но он слишком мал, чтобы мстить, потому она берет мечь на себя. Убьет предателя и всех, кто с ним. Кого сможет. А Хельги, когда вырастет, пусть отомстит за отца и дядю. Так она сказала.

Ох как мне это не нравится. Гудрун, моя нежная Гудрун! Мало того что ты угодила в лапы негодяя, так еще и это. Как она может даже думать о подобном? Убить Лейфа Весельчака! Сомневаюсь, что и мне удалось бы это сделать один на один. Даже будь я абсолютно здоров. Этот норег – гениальный боец. Вдобавок с потрясающей чуйкой и умением выживать даже в безнадежных ситуациях. Но, даже если у тебя, любимая, это получится, что будет потом? Что с тобой сделают в отместку? О, Господи!

– Мне кажется, ты не знаешь своей жены, – сказал отец Бернар, когда я выплеснул наружу свои страхи. – Я думаю, к ее словам следует относиться серьезно.

Я и отношусь. Поэтому мне так скверно.

– Иди отдыхай, – велел я монаху. – Потом подумаем, как отправить тебя на Сёлунд.

– Зачем? Я могу отправиться с вами.

– Затем, что Гудрун велела тебе передать весть матери – и ты ее передашь. Кстати, почему именно тебе?

– А кому еще? – вздохнул монах. – Она слишком горда, чтобы просить о чем-то тех, кто был ее трэлем или тир. Я буду молиться о вас. Чтобы вы воссоединились. Хотя не думаю, что Господь внемлет мольбе о язычниках. А на Сёлунд я не поеду. Ты и Свартхёвди нуждаетесь в моей помощи. Поищи другого вестника, Ульф-хёвдинг!

– Какой там хёвдинг, – буркнул я. – Нет у меня больше ни хирда, ни драккара!

– Как это нет? – удивился монах. – А это что? – Он хлопнул ладонью по отполированному задницами викингов руму. – Так что не предавайся унынию, а делай, что должен. Твоя жена жива! Радуйся!

Гудрун моя, Гудрун! Да, ты жива... Так почему же мне так скверно?

Глава восьмая

Он умрет!

То, что рассказал монах, помогло достроить логическую цепочку. Значит, вот куда отправился мой подлый кореш Лейф Весельчак! Вот чем он выкупил свою драгоценную жизнь.

– Когда он попадет мне в руки, я буду убивать его ме-едленно... – посулил Медвежонок. Потом поглядел на меня и поправился: – Мы будем.

Ну да, мы же братья. Всё пополам. Но этот мишка пока полный хозяин своей шкуры, и, прежде чем освежевать, сначала надо его найти.

Что ж, во всяком случае, мы теперь не будем шариться в темноте, как слепые щенки.

Мы знаем, кто наш враг. Хирдманы покойного Торкеля-ярла под командой его сына Эйнара Прыщика. А ведь мог замочить гаденыша! Запросто мог...

Хотя смысл? Нашелся бы кто-то другой. Вожак из Эйнара никакой. А в этой же компании сволочь-Лейф, у которого и башка на месте, и руки. Хитрый, ловкий, опытный, умеющий быстро принимать решения, причем – правильные. И оружием владеет не хуже меня. Если не лучше. Сам же и обучал. Остается только добавить, что Лейф – прирожденный лидер. И язык подвешен как надо. Можно поставить золотой против медяшки, что через какое-то время именно он будет рулить в команде. Несмотря на то что чужак.

И что дальше? А дальше мы подключаем логику. Куда могли отправиться два с хвостиком десятка негодяев, когда узнали, что путь домой, на Сконе, им отныне заказан?

Первое, что приходит в голову, – свободное плавание. Почему бы и нет? Драккар имеется (мой драккар!), стартовый капитал – тоже, причем неслабый. В моем поместье взяли. Есть корабль, есть товар... Дальше – нормальная норманская схема: торговые гости с севера. Новые города, новые страны. Продаем и покупаем... Если нельзя взять бесплатно. Романтика.

Возможный вариант? Вполне. Но очень грустный, потому что отыскать мою жену мне вряд ли удастся. Разве что случайно.

Еще вариант: встать под знамя какого-нибудь сильного ярла или конунга.

Хороший драккар с экипажем всякий здешний правитель охотно возьмет под крыло. Особенно если у экипажа есть средства на зимний прокорм.

Ясное дело, для молодого Торкельсона приятнее второй вариант, потому что в этом случае его происхождение и родственные связи дадут сопляку возможность удержать бразды правления, что в варианте свободного плавания маловероятно. В дальнем походе каждый стоит ровно столько, сколько стоит он сам.

А вот какой вариант выберет Лейф Весельчак – это вопрос.

Я озвучил оба варианта на общем совете, где решалось: куда направить драккар?

И услышал вариант третий. Тоже логичный.

Домой, в Норвегию.

– Я бы так сделал, – заявил Красный Лис. – Там у Лейфа родня, и даже сам Рагнар Лотброк туда не дотянется.

– У Рагнара там тоже родня есть, Сигурд Олень, конунг Хрингарики[174], – вставил Свартхёвди. – И захотят ли люди из Сконе идти в Согн?

– Почему – в Согн? – спросил я.

– Согне-фьорд в Согнефюльке[175]. Оттуда он родом, Харальд Весельчак.

– Согнефюльк – это земля Харальда Золотой Бороды, – внес свою лепту Красный Лис. – На его дочери женат конунг Хальфдан Черный. Ты ведь с ним знаком, Ульф?

– Было дело, – подтвердил я. – Конунг Вестфольда.

– Это хорошо, – одобрил Красный Лис. – Значит, люди Золотой Бороды не станут чинить нам препятствий.

– Сконцы не поплывут в Согн! – решительно возразил Медвежонок. – Зачем им? Есть кое-кто поближе из тех, кто не боится Рагнара.

Лично я знаю в Дании только одного такого человека. Харека Младшего, конунга всех данов.

– Харек?

– Да, он.

Что ж, если Харек примет молодого Эйнара под крыло, то любые официальные и неофициальные претензии хозяина Сёлунда могут быть посланы... в путешествие. Если, конечно, Рагнару не нужен повод, чтобы напасть на Харека. Но это вряд ли. Париж, с точки зрения дохода, куда перспективнее.

Значит, наиболее вероятный выбор противника – Хедебю и Харек-конунг.

Тем более, дополнил Красный Лис, если их не будет в Хедебю, то можно плыть дальше, на север. Всё равно по пути. Других вариантов нет. Тем более – зима близко.

Это у нас близко, а в Микльгарде[176] еще долго тепло будет, подал реплику Гихар Короткий. И они заспорили о том, как лучше добираться до Византии. К теме нашего совещания это уже не имело отношения. Мы шли в Хедебю.

Пока люди Красного Лиса загружали драккар всем необходимым для похода (деньги мои – и это справедливо), я, взяв в качестве подпорки всё того же Нуаду Зоркого, отправился в гости к Халлбьёрну.

Ярл принял меня радушно. Угостил клюквенным морсом на меду (от пива я отказался) и поинтересовался: каким ветром?

Я не стал лукавить – Халлбьёрн мне чем-то понравился – рассказал всё как

есть. Ярл выразил сочувствие, велел подать кусок кожи и начертал на нем что-то типа: «подателю сего – оказывать помощь именем конунга всех данов», выжег оттиск и заверил, что всякого официального представителя Харека этот кусок кожи расположит в мою пользу.

Что ж, спасибо.

Я, в свою очередь, пообещал Халлбьёрну, что, когда разберусь со своими делами, попробую помочь ему в контактах с Рагнармом и сыновьями. То, что в моем распоряжении оказался драккар с хёвдингом самого Бескостного, внушило Халлбьёрну уверенность, что я и с Лотброком – на короткой ноге. Блажен, кто верует. Впрочем, клочок кожи с выжженным тавром ярла я наверняка отработаю.

На обратном пути мы столкнулись с Давлахом Бычком и подаренной Красному Лису блондинистой девкой. Давлаху было велено вернуть девку прежнему владельцу. За деньги, разумеется.

Почему? Да это же очевидно! Женщина на корабле, тем более – одна-единственная – это источник раздоров и мордобития.

Я не понял. Женщина же принадлежит хёвдингу. Разве этого недостаточно, чтобы – никаких поползновений?

Лично мне, заявил Давлах, нет, недостаточно. Разве от этого женщина перестает быть женщиной? Это только вопрос времени, когда он, Давлах, оголодает настолько, что забудет о чинопочитании. И Давлаху совсем не хочется, чтобы хёвдинг задал ему взбучку за неуважение к чужой собственности. Так что лучше избавить его и других от соблазна.

Сказал – и потопал дальше, внушив мне изрядное беспокойство.

Вряд ли сконцы дисциплинированнее ирландцев, и уж точно их уважение к Лейфу не больше уважения ирландцев к Красному Лису. А как же Гудрун?..

Поскольку поделаться с этим ничего нельзя, то я постарался загнать мрачные мысли поглубже (днем у меня это получалось) и вернулся на корабль. Часа через полтора мы покинули Оденсе-фьорд датского острова Фюн и двинулись навстречу солнцу.

По самым оптимистическим прикидкам, враги опережали нас на неделю, так что следовало поспешить.

* * *

– Многие говорили мне, что я красив, – Лейф с удовольствием потянулся. – Думаю, тебя радует, что у тебя сейчас такой сильный и красивый мужчина, как я. Твой прежний муж, сказать по правде, был сущим уродом, вот почему ты такая скучная в постели.

Еще там, на Сёлунде, он объявил сконцам, что Гудрун – его жена. Мол, свадебный дар вручен и принят, а для большого обряда сейчас не время и не место. Однако при первой же возможности он, Лейф, принесет положенные дары богам, так что Гудрун теперь – только его и не какая-то там пленница, а свободная женщина. И она – цена за то, что он помог взять поместье. Так договаривались.

Так договаривались, подтвердил юный Эйнар Торкельсон, хотя по нему видно: он уже жалел, что дал слово. Любой мужчина на его месте пожалел бы. Гудрун видела, какие взгляды бросают на нее сконцы. Будь она постарше и

знай мужчин так же хорошо, как мать, то поняла бы, что ее оценили по достоинству. Такие, как она, не становятся общей добычей. Таких, как она, сильный мужчина не пожелает делить с другими. Эйнар Торкельсон тоже не стал бы. Но он дал клятву, а за соблюдением клятв следят боги. И наказывают отступников. Лишают удачи.

Впрочем, о том, что удача Эйнара Торкельсона по прозвищу Прыщик оказалась не так уж велика, его хирдманы узнали, когда Северный Змей пришел в Оденсе.

В Оденсе, а не на Сконе, потому что на Северном Змее вовремя заметили корабли со знаменами Рагнара и успели сменить курс.

В Оденсе же они продали большую часть пленников. Лейф предложил оставить до поры до времени лишь нескольких женщин. Мол, цены на них здесь невысоки и стоит их придержать. Собственно, уговорить сконцев оказалось несложно. Особенно когда они узнали, что возвращение домой придется отложить надолго. Ведь Рагнар не только захватил Сконе, но и убил отца Эйнара.

Что, впрочем, не сделало Эйнара ярлом, потому что земли его отца были поделены, причем большая часть их досталась союзнику Торкеля Мьёру-ярлу. Вряд ли тот, кто заграбастал одадь Торкеля-ярла, обрадуется его сыну. И его людям. Так что лучше им всем пока убраться подальше и от Сконе, и от Рагнара. Но – куда?

Северный Змей бросил якорь у южной оконечности острова Фюн, а его команда устроила совет.

Главным по-прежнему считался Эйнар Торкельсон, но вождь из него сейчас был – не очень. Крепости в нем сейчас было не больше, чем в раздавленном крабе. Первый сын и законный наследник, он не мыслил иного будущего, кроме как самому стать ярлом. Вдобавок за смерть отца положено мстить, но мстить Рагнару Лотброку для такого, как Эйнар Прыщик, – все равно, что барсуку надеяться закусать медведя.

Обсуждение планов на будущее проходило практически без участия Эйнара. Да его уже никто и лидером не считал. Старшим Эйнара поставил отец, и почти все присутствующие приносили клятву лично Торкелю-ярлу.

Если ярл умирал, хирдманы снова приносили присягу – уже новому ярлу. Или отправлялись восвояси, если новый вождь их не устраивал. Эйнар – не устраивал. Но у Эйнара был драккар. Северный Змей. Или – не у Эйнара?

Изначально драккар считался военной добычей, хотя взяли его легко. Торкель-ярл сказал: пойдите и возьмите. Вот этот, Лейф Весельчак, покажет, где. Взяли. Будь Торкель жив, драккар считался бы – его. А кто рискнет оспорить? Однако после мученической кончины ярла и захвата всех его земель у многих немедленно возник вопрос: а почему это драккар, который брали вместе, считается собственностью Эйнара?

Вопрос обсудили и с неудивительным единодушием приговорили: считать драккар коллективным владением. С равными долями у каждого.

Заминка вышла, когда стали рассуждать о том, как поступить с Эйнармом. То есть о том, что его следует отстранить от власти, договорились легко. Спор вышел, когда решали, как с ним поступить дальше: оставить в хирде, высадить на берег (дабы возможный гнев Рагнара не навлечь на себя и родичей, которые остались на Сконе) или попытаться «продать» кому-нибудь из обшир-

ной Торкелевой родни, живущей вне Сконе.

Так ни до чего и не докричавшись, решили: сначала надо выбрать хёвдинга. А потом уж он, хёвдинг, пусть решает, как поступить с Торкельсоном.

Выбор вождя – дело серьезное. Так что для начала решили подкрепиться и промочить горло. Сказано – сделано. Благо пива пока еще в достатке.

После обеда приступили к выборам. И сразу стало ясно, что прежние перепалки – это как птичье чириканье в сравнении с медвежьим ревом. Единодушия не было никакого. В вожди желали и Виги Грибок, и Хеги Косолапый, и Фари Старший. Нашлись и такие, что выкрикнули имя Тьёдара Певца...

Словом, переругались жутко, чуть до крови дело не дошло.

Лейф Весельчак в перепалке не участвовал. Он был вполне доволен и собой, и миром. Отгородил часть пространства Северного Змея и расположился в нем со всеми доступными удобствами.

«Наш первый дом, – гордо сообщил он Гудрун, соорудив на палубе драккара эту крохотную палатку. – Здесь, жена, мы будем жить и любить друг друга».

Засим норег с удовольствием воспользовался телом Гудрун, покушал, выпил пива и, гордо воссев на плаще, брошенном на палубную решетку, решил поучить жену правильной семейной жизни. Солнце, бившее сквозь парусину, давало норегу прекрасную возможность любоваться красотой жены, собственными мускулами и иными телесными достоинствами обоих.

– Согласись, такого, как я, легко любить, – говорил он Гудрун. – Клянусь мопшонкой Тора, месяца не пройдет, как ты будешь вертеться подо мной, как рыба на перекате, и орать громче, чем раб, которого охаживают плеткой.

Гудрун молчала. На своего нового мужа она старалась не глядеть, чтобы взгляд не выдал ее настоящих мыслей. Сколько раз она боролась с искушением: дождавшись, когда норег, в очередной раз испустив семя, с урчанием раскинется на ложе, воткнуть ему в сердце припрятанный нож. Нельзя. Если она его убьет, то станет потехой для всей ватаги. Сейчас только Лейф и стоит между нею и пьяными похотливыми сконцами. Даже если они не сделают ее такой же общей собственностью, как этот драккар, то стать после смерти Лейфа еще чьей-то наложницей... Нет, убивать норега она пока не будет. Ого, как орут! Как бы до драки не дошло... Нет, Гудрун бы только обрадовалась, если бы сконцы начали друг друга убивать. Но как поступят с ней победители?

Нет, происходящее ей, определенно, не нравилось. Эйнар Прыщик – мелкий поганец. Такого опытный вождь не то что в хольды – в хускарлы не возьмет. Но пока он был главным, им с Лейфом ничего не угрожало. У Лейфа и Эйнара – договор. А вот приди к власти кто-то другой, тот же Грибок или, скажем, Хеги Косолапый, он наверняка пожелает заполучить Гудрун на свое ложе. И не проблема то, что у нее уже вроде бы есть муж. Была жена – стала вдова. Перспектива оказаться под кем-то еще более гнусным, чем предатель Лейф, Гудрун совсем не радовала. Лейф, по крайней мере, утверждает, что любит, и поучает словесно, а не кулаками. И еще: мечь важнее всего, но стоит помнить, что Гудрун беременна. Она носит в чреве продолжение рода. И если ей представится возможность и отомстить, и выжить...

– Ты бы лучше послушал, о чем говорят сконцы, – непочтительно прервала очередной поток самовосхваления дочь Сваре Медведя. – Если тебе перережут горло и выкинут за борт, как тебе такое понравится?

– Мне? – изумился норег. – Что за глупости?

Но поскольку был отнюдь не дураком, то не послал Гудрун к воронам, прислушался к жаркому спору снаружи... И принялся поспешно натягивать одежду и бронь.

Гудрун накинула платье, затянула пояс, набросила на голову синий шелковый шарф с бахромой, прихватила обручем.

– Помоги мне! – Лейф возился с застежками панциря.

Помогла. Подала тяжелый пояс с оружием, и Лейф преобразился. Будто оборотень шкуру сбросил. Вернее, надел. Чешуйчатую шкуру воина.

Гудрун вздохнула. Вот теперь норег был действительно красив. Но это ничего не меняло. Он умрет.

Гудрун надела сапожки, выбралась из маленькой палатки и увидела, как Лейф, раздвинув гомонящих сконцев, пробился вперед, к кормовой «раковине». Гудрун вспрыгнула на скамью, чтобы лучше видеть.

– Ого! – воскликнул Лейф, звучно хлопнув по спине здорового сконца Хеги Косолапного, как раз в этот момент восхваляющего свои преимущества перед прочими кандидатами. – Да у нас тут, похоже, новый хёвдинг родился. Дай-ка я угадаю: это ты, Косолапый, верно? Давай, давай! Всегда мечтал ходить под знаменом косолапного ярла!

– А ты помалкивай, норег! – рывкнул Косолапый. – У тебя на нашем тинге [177] слова нет!

– А ты лагман, что ли? – тут же закричал Виги Грибок. – Тут постарше тебя есть и получше!

– Получше, говоришь? – Косолапый ухватился за рукоять секиры. – А ты докажи!

– А ты, Виги, топор не мацай! – Вперед выдвинулся уважаемый многими за поэтический дар Тьёдар Певец. – Грозить врагам будешь, а тут не смей. Мы тут все, считай, родичи. А Лейф пусть скажет, я не против. Он – муж опытный и бывалый. Опять же – посторонний. Самое то у постороннего спросить, когда волю богов узнать надо. Говори, Лейф! – поощрил он норега. – А кто тебя затыкать будет, – многозначительный взгляд на Косолапного, – тот по уху схлопочет.

– Это от тебя, что ли? – прищурился Косолапый.

– А хоть бы и от меня! – Фари Старший встал рядом с Певцом.

– А я добавлю! – Младший брат Фари Фастайр, ничуть не уступающий Косолапому габаритами, оказался по другую сторону Тьёдара.

– Ну вы и дурни, – проворчал, стусевавшись, Косолапый, покосившись на своих родичей, отнюдь не горевших желанием вступить в драку, которая не сулила добычи. – Вот доверитесь норегу, а он вас на корм рыбам отправит.

Но его уже никто не слушал. Все глядели на Лейфа.

Весельчак подбоченился.

– Вы все тут – свободные воины, – заявил он. – Славные и храбрые. Но как определить, кто тут лучший?

– Как? – повторил Грибок заинтересованно.

– А кого боги любят, тот и лучший!

– А верно! Верно! – охотно поддержали норега остальные.

– И что с того? – подал голос Хеги Косолапый. – Кто знает, кого боги любят? Ты, что ли?

– Знаю, Косолапый, знаю! – насмешливо отозвался Лейф.

– И кого?

– А вот его! – Палец Лейфа указал на понурого Торкельсона.

– Его-о? – Виги Грибок, который до этого слушал норега с полным одобрением, аж подпрыгнул. – Да я его одним... – Он ринулся вперед и... Оп! Наткнулся на острие Лейфова меча. Очень быстро у него получилось. Хоп – и клинок уже уперся в прикрытую одной лишь шерстяной рубахой грудь Грибка.

– Можно я договору? – вежливо попросил норег.

Виги скосил глаза на клинок, в котором отражалось небо... и прямая дорога в Асгард, вернул в ножны собственный извлеченный наполовину меч и «великодушно» разрешил:

– Можно.

– Вот и хорошо, – одобрил Лейф. – А то я уж подумал: ты хочешь убить свободного человека. Эйнар! Эйнар Торкельсон! Прошу тебя: отбрось печаль и прими волю богов. Встань!

Эйнар поднял голову, глянул мутно... Но все же послушался – оторвал задницу от скамьи.

– Вот! – Лейф указал мечом на сына ярла. – Вот человек, рожденный, чтобы править, а значит, с рождения одаренный удачей! Смотрите на него, воины. Вот кто был и есть наш хёвдинг!

Надо заметить, «рожденный повелевать» по-прежнему выглядел... не слишком браво. Глаза – как у дохлой рыбы. Но до него, наконец, начало доходить, что гибель папы – не только личное горе, но и полная потеря статуса. И теперь придется зарабатывать собственный авторитет.

– Да! – заявил Эйнар Торкельсон по прозвищу Прыщик. – Я и есть ваш вождь!

– Ах ты вождь, значит? – прорычал Хеги Косолапый, который начал понимать, что тройная доля хёвдинга от него уплывает. – Раз так, то по праву, если кто не согласен, он может вызвать тебя на суд стали?

Эйнар затравленно глянул на Лейфа. Хеги был из лучших бойцов хирда. Эйнар против него – щенок.

Лейф не подвел. Ослабилась и спросил:

– Верно ли я понял, Эйнар-ярл? Ты хочешь, чтобы я стал твоим бойцом?

– Хочу! – ухватился за предложение Торкельсон, и воинственности у Косолапого враз убавилось. Не то чтобы он был абсолютно уверен, что не справится с норегом... Но для того, чтобы рискнуть жизнью по-настоящему, ему не хватило духу.

– Мало ли кто где родился! – раздался зычный голос Певца. – Много ли удачи было у Торкеля-ярла, когда его убивал Рагнар?

– Ты понимаешь! – одобрил Лейф. Вступать в спор с Тьёдаром он не собирался. Наоборот. – Как там было? Против удачи Торкеля была удача самого Рагнара. Тут уж ничья удача не устоит.

– Так почему ты думаешь, что удача Рагнара не съела удачу сына Торкеля? – не дал себя сбить Тьёдар.

– Да потому, что он жив, друг мой! Вот если бы сын унаследовал участь отца, тогда другое дело. Но он стоит перед нами, когда отец его мертв. Но если кто-то считает, что он сам будет лучшим хёвдингом, пусть объявит. И мы попытаем богов, так ли это.

Вызнавать, соответствует ли воля богов тому, что заявил Лейф, никто не рискнул. Среди сконцев норег смотрелся как матерый волк в собачьей своре. То есть среди псов-сконцев были и покрупнее, чем Лейф, и помордастее, но он был волк, а они барбоски. Какое-то мгновение Гудрун даже гордилась, что у нее такой мужчина... Но то было чувство Гудрун-девушки. Нынешняя Гудрун была другой. И видела не своего мужчину, а сильного и опасного врага, которого она непременно убьет. Когда придет время. Трудней будет после этой мести самой остаться в живых. А она – должна. Потому что теперь она будет бороться не только за собственную жизнь, но и за жизнь зачатого Ульфом ребенка. Гудрун была почти уверена: это будет сын. И в нем продолжится кровь отца. Если она выживет.

* * *

– Они были здесь, – сообщил вернувшийся с берега Давлах. – Пять дней назад. Заночевали на берегу, купили овощей, поросят, взяли свежую воду и ушли на восток. Двадцать пять человек и пять женщин, одна из которых очень красива и держится свободно, остальные – тир. Двое местных хотели присоединиться к ним, потому что очень понравился корабль, но хёвдинг отказал. Хёвдинг у них совсем молодой. Зовут Эйнар Прыщик.

– Сын Торкеля-ярла, – проворчал Медвежонок. – Я удивлен. Почему его не выкинули за борт, когда узнали, что ни Торкеля, ни его одаля больше нет?

Я пожал плечами. Не выкинули – и отлично. С таким вождем они станут слабее. Да у них по-любому нет никаких шансов против ирландцев, даже будь нас вдвое меньше. А нас больше. Главное – догнать.

Пока мы разговаривали, отец Бернар снимал бинты с моей руки.

– Эта Рунгерд и впрямь колдунья, – проворчал он, изучая рубцы на моей кисти. – Завтра я вырежу тебе пару деревянных брусков и покажу, что с ними делать. Уверен: уже через седмицу ты сможешь взять меч, а через две – весло.

Если монах сказал, значит, так и будет. Я поглядел на свою руку. В красных рубцах и засохших струпьях выглядела она страшновато. Но я мог шевелить всеми пальцами, а это главное.

– Ты тоже неплохо помог, – сообщил я Бернару, указывая на шрам от стрелы на моем предплечье.

– Господь тебе помог, – буркнул монах. – А ты не хочешь принять Крещение? Махри, может, ты его уговоришь спасти душу?

Красный Лис поглядел на меня... И мотнул головой.

– Прими Христа! – попросил отец Бернар. – Прими Его, Ульф, твоя душа – готова. Прими – и Господь очистит тебя, а твои чаяния сбудутся!

Я колебался. Так и подмывало сказать: «Верни мне Гудрун, Господи, и я стану Твоим!»

Но ведь я уже был крещен когда-то. И Гудрун... Нет, не верю, что мне вернет ее Бог! Только я сам. Но если Он мне ее вернет, если я почувствую прикосновение Чуда... Не мистического действия, как мой Белый Волк, а именно Чуда... Что ж, тогда я крещусь. И быть посему.

* * *

Виги Грибок попытался ухватить Гудрун, когда Лейф стоял у кормила. Гудрун сама его вызвала на это: проходя мимо рума, задела бедром, бросила шаловливый взгляд.

Почему она выбрала именно его? Ну надо же с кого-то начать. Может, пото-

му, что он – самый похотливый из сконцев? И самый наглый... Или потому, что вчера Грибок без всякого повода избил Бетти? Разве та виновата в том, что Давлин Желтобородый воспользовался ею первым? Разве она могла отказать?

Стоило Гудрун дотронуться до Виги и бросить игривый взгляд, как Грибок тут же завелся: убрал одну руку с весла, ухватил Гудрун за пояс, потянул к себе. Она вскрикнула...

Не слишком громко, но достаточно, чтобы услышал державший кормило Лейф.

Лейф услышал.

Драккар, рыскнув, встретил волну скулой, потому что Лейф, бросив рулевое весло, в три прыжка подскочил к обидчику и ударил его ладонью по голове с такой силой, что Грибок свалился со скамьи да так и остался лежать.

«Убил!» – злорадно подумала Гудрун.

Все, кто видел, повскакивали с мест... Кто-то схватился за нож...

Лейф вспрыгнул на скамью, спихнув гребца, выдернул из-за борта щит...

Но драки не получилось.

– А ну назад все! – визгливо закричал Эйнар. – Назад!

Грибок зашевелился, неловко сел, ухватившись за голову... И снова повалился, когда неуправляемый драккар качнуло на крупной волне.

– Ты ударил человека, норег? – закричал Хеги Косолапый, протискиваясь вперед. – Нашего брата ударил, да? Что говорит Закон?

За спиной главного кандидата в новые хёвдинги уже сгрудились его сторонники. Человек пять, не больше. Все – родичи Хеги. И все всё понимали. Грибок и Косолапый терпеть друг друга не могли, но тут – такой повод.

– Закрой пасть, Косолапый! Ты не видел ничего! – неожиданно вступился за Лейфа Тьёдар Певец. – Ты спиной сидел!

– А ты видел, да? – поинтересовался Косолапый уже потише. Тьёдара уважали все. Он не только в бою хорош, но и настоящий скальд. Опять же – человек честный.

– Да, видел! – подтвердил Тьёдар. – Грибок схватил жену норегга. А теперь скажи-ка мне, что говорит о таком Закон?

– Виру платить, – буркнул Косолапый. – Да только не жена она норегу. Обряда не было.

– Ты, Косолапый, совсем дурак, да? Свадебный дар принят. Она – его. Он – в своем праве.

Хеги почесал затылок.

– Слышь, Виги, – сказал он кое-как взобравшемся на скамью Грибку. – Зачем ты ее схватил?

Грибок попытался вспомнить... Но не смог изречь ничего лучшего, кроме...

– Ну это, захотелось...

Неверный ответ. Викинги захохотали. Лейф глядел на ушибленного Грибка, зверски оскалившись...

Драккар опять швырнуло боком, с треском ударились брошенные весла.

– Хёвдинг! – гаркнул Тьёдар. – Что стоишь столбом?

Эйнар спохватился.

– На румы все! – заверещал он. Глянул на Лейфа, но скомандовать не рискнул. Сам бросился к рулевому веслу. Следующую волну Северный Змей встретил как надо. Эйнар Прыщик, несмотря на молодость, был превосходным

кормчим. С детства учился.

– Ты как? – с беспокойством спросил норег.

– Когда он меня схватил, я так испугалась... – проговорила женщина жалобным голоском.

– Пусть только попробует еще раз тебя тронуть, и я его убью, – пообещал норег, прижимая к себе Гудрун. – Пойдем-ка, жена, я тебя утешу. Нет лучшего средства от женских страхов, чем поиграть в зверя с двумя спинами.

Увлекаемая мужем Гудрун в последний момент оглянулась, поймала взгляд Грибка... И улыбнулась.

Грибок ухмыльнулся. Он понял намек, как ему показалось.

Но понял неправильно.

«Жаль, что Лейф тебя не убил, – подумала Гудрун. – Нынче ночью я это исправлю. Ты будешь первым, Виги Грибок...»

Так она задумала. Будет убивать их одного за другим, пока не убьет всех. Как ее отец убил всех, кто был виновен в смерти деда Гудрун и его братьев. Но Гудрун – женщина, а не воин Одина. Ей надо быть очень осторожной. Никто не должен догадаться, что это ее месть, пока не останется последний, Лейф. Вот ему Гудрун сама скажет. Когда дойдет черед Лейфа получить в подарок железо. Она скажет ему раньше, чем он умрет. А потом отрежет ему большие пальцы и только тогда отправит в Валхаллу. Ноне сидеть за одним столом с богами, а прислуживать ее настоящему мужу, Ульфу Вогенсону. Вряд ли боги откажут ей в этой малой просьбе, ведь месть за родную кровь – священна.

Таковы были ее мечты.

Каждый день Гудрун смотрела на тех, кто сжег ее дом, мысленно представляя, как и в какой черед будет их убивать. Это помогало терпеть и жить дальше. И улыбаться врагам. Брат рассказывал: их отец, Сваре Медведь, не раз бился на хольмгангах. И когда противник кричал всякие хулительные слова, Сваре Медведь не отвечал. Лишь улыбался. А когда Свартхёвди спросил отца: почему ты не отвечаешь на оскорбления? Что в этом смешного? Разве тебе не обидно?

И отец ответил: «Обидно? Нет. Они мертвы. И знают об этом. Но громко кричат, чтобы напугать свой страх. И вот это уже смешно».

Глава девятая Счет открыт

Я разрабатывал руку палочками, которые вырезал для меня отец Бернар. Жаль, что тут нет китайских шариков тай чи. Вот это было бы самое то.

Рядом, на канатной бухте, сидел Медвежонок и мечтал. Мечты у него были простые. Если сформулировать их суть кратко: Ульф Весельчак как сырье для фондю по-скандинавски. Отличие этого сорта от обычного фондю, которое ешь с друзьями в ресторане, состояло в том, что кусочек мяса сначала обжаривался, а лишь после этого отрезался.

С другой стороны бухты свободные от гребли веселые ирландские парни играли в «поймай ножик». Серьезная игра. Чреватая серьезными травмами, потому что нож бросали хоть и в обусловленные части тела, но – всерьез.

Нож, правда, был затупленный, что и не преминул отметить Свартхёвди, сопроводив уничижительной характеристикой игровые качества ребят из Страны Густых Туманов.

Слева от нас тянулся скучный каменистый берег. Справа прыгали по вол-

нам дельфины. Будь на месте ирландцев скандинавы – те непременно бы за-
теяли охоту на «морских свиней», но у ирландцев с дельфинами были связаны
какие-то религиозные табу, так что животные были в безопасности.

Я разрабатывал руку, рассеянно слушал бормотание Медвежонка, глазел на
дельфинов и думал о Гудрун, когда ко мне подсел Красный Лис.

– Скажи мне, Ульф Вогенсон, сколько тебе лет?

– Тридцать четыре, – ответил я, удивленный вопросом.

– Ты выглядишь моложе.

Это правда. Викинги выросли быстрее, чем мои современники. И старели
тоже. Жизнь такая. Насыщенная. Однако, сойдя на берег, они могли дожить и
до семидесяти. Лишь бы достаток позволял. Здоровая порода. Выносливая.

– А мне, – продолжал ирландец, – уже тридцать семь, и... Скажи мне, Ульф,
тебе не надоело ходить лебедиными дорогами?

– Ты имеешь в виду – воевать?

– Да.

Я ответил не сразу. Подумалось: хочу ли я осесть где-нибудь, стать богатым
бондом, с любимой женой, детьми, обширной родней...

Нет, не хочу. Даже – с Гудрун. Я из другой эпохи. Без новых впечатлений,
знаний, без риска и яркости ощущений я быстро заскучаю.

– Я люблю путешествовать, Мурха. Люблю видеть новое...

– Для этого необязательно быть викингом, – возразил ирландец. – Купец...

Не то чтобы мне было весело, но я не сдержал смешка...

– Что ж ты, Красный, сам не сменишь драккар на кнорр? – вмешался Медве-
жонок. – Если так думаешь?

– Я бы так и сделал, – вздохнул ирландец. – Но тогда бы такие, как ты, гра-
били меня, как грабят других христиан. А я этого не хочу. Хотя Богу известно,
как мне надоело убивать, а еще больше – жрать солонину и рыбу, пить несве-
жую воду и спать на палубе.

– А что ты еще умеешь делать так же хорошо, как убивать, хёвдинг из Стра-
ны Туманов? Ну если не считать погадить с борта в волну? – поинтересовался
Свартхёвди.

– Я умею многое, – не согласился Красный Лис, и вертикальные морщины
на его лбу разгладились. – Например, поучить тебя не поучать старших. Но
это потом, когда ты поправишься.

– Я испуган! – Медвежонок ухмыльнулся еще шире. – Смотри, как бы в ис-
пуге я случайно на тебя не наступил, Лисенок...

Солнце садилось...

* * *

– Раздвинь-ка ножки еще разок! – громко потребовал Лейф. – Сегодня я три
раза изливал в тебя свое семя, а теперь сделаю это в четвертый!

Он говорил очень громко. Чтобы все, кто отделены от них тонкой стенкой
из парусины, слышали и завидовали.

Он чувствовал себя воином-победителем и не собирался это скрывать.

– Я волью в тебя доброе семя, – бормотал он, навалившись на Гудрун, – от
доброего семени родится добрый сын... Я назову его... Сигурд... Да... Сигурд...

Гудрун не открывала глаз. И больше не пыталась представить, что она – с
Ульфом. Хотя ей все равно не верилось, что муж... настоящий муж... мертв.

«Что бы ты сказал, норег, если бы увидел ребенка, которого я рожу? Ребенка с волосами черными, как у его отца? – думала Гудрун. – Что бы ты сказал насчет доброго семени? Но ты не увидишь. Ведь ты не доживешь до его рождения. Не должен дожить...»

* * *

– Моя сестра, – сказал Свартхёвди, – она моей крови. – Жаль, что мать не научила ее колдовству, но и без колдовства я бы не позавидовал тому, кто возьмет ее силой. Я сам учил ее управляться ножом, и у нее неплохо получалось. Надеюсь, у нее хватило ума не резать подряд всех, кто потащит ее на ложе. Потому что я не хочу, чтобы с ней обошлись дурно.

– По-твоему, изнасиловать женщину – это хороший поступок? – желчно поинтересовался я.

– От женщины не убудет, если мужчина разок-другой поработает своей ступкой. Лучше таким копьём, чем железным. А плод потом можно и вытравить, так что не горюй! – Свартхёвди хлопнул меня по спине. – Поверь, когда мы изловим Весельчака,отрежем ему детородный орган, поджарим и заставим его сожрать, Весельчаку будет не до веселья. Придет наша очередь посмеяться! – Медвежонок ухмыльнулся и изобразил, как он осуществляет описанную выше операцию. В подробностях. Ирландские хольды, расположившиеся рядом с нами, захохотали и принялись подкидывать идеи: как именно можно приготовить данное блюдо. Идеи были одна другой отвратительней.

– А можно его просто убить? – поинтересовался я.

– Просто? Ха-ха-ха! Убить такого, как Лейф Весельчак, очень даже непросто! – заявил Медвежонок. – Нам с тобой придется как следует потрудиться, пока он сдохнет! Ха-ха-ха!

Отличная шутка. Как раз в духе викингов. Но я – неправильный викинг, потому что мне не смешно, а больно.

* * *

Ночью, когда ушла луна, Гудрун тихонько выбралась из-под парусины.

Человек, посаженный у кормила, свесил голову на грудь. Его лицо было скрыто капюшоном, так что заметить Гудрун он никак не мог.

Женщина криво усмехнулась. Когда Северный Змей принадлежал Ульфу и ее брату, такое было невозможно: чтобы оставленный бдиль – заснул. Но из Эйнара – никудышный хёвдинг. Мало родиться сыном ярла, чтобы подчинить себе людей.

Хотя сконцы теперь, благодаря Лейфу, – другого мнения. Они все неплохо нажились на том, что награбили в ее поместье. И пленников взятых продали выгодно, так что теперь у каждого в кошеле было никак не меньше пяти марок серебром. Все они чувствовали себя могучими воинами.

Гудрун видела, как новоиспеченные викинги из Сконе разглядывают встречные корабли. У каждого на уме: нельзя ли поживиться?

Но каждый понимает: здешние воды – неподходящее место для разбоя. Слишкомлюдно. Особенно в это время, осенью. Понимают, но глаза горят алчностью.

Гудрун нашарила под скамьей бурдюк с пресной водой и подмылась. Трудно женщине на корабле. Хорошо хоть она здесь – не единственная. Когда сконцы продавали пленников, то женщин-англичанок они продавать не стали. По совету Лейфа. И теперь у них есть женщины для плотской потехи. Они бы на-

верняка продали англичанок, если бы знали, что те – мастерицы-ткачихи. Но об этом знали только Гудрун, Лейф и сами рабыни. Лейф знал, но не хотел, чтобы Гудрун была единственной женщиной на драккаре. Гудрун промолчала потому, что не хотела, чтобы skonцы нажились, а Бетти, единственная из англичанок, говорившая на языке севера, смолчала, потому что так решила Гудрун. Впрочем, Бетти и слушать бы не стали: рабыня открывает рот, только когда ей велят.

В общем, skonцы так и не узнали, что потеряли добрых два десятка марок серебром... Из которых Лейфу причиталось бы никак не меньше трех плавленных эйриров[178], но он предпочел безопасность.

Он очень хитер, Лейф Весельчак, и у него был план, которому он следовал. Гудрун не знала, что это за план, но чувствовала: каждое действие норега – не просто так. Он движется к своей цели. А Гудрун – к своей. К которой сейчас станет на один шаг ближе.

Море успокоилось. Драккар медленно дрейфовал по течению. Тут хорошее течение. Оно несло корабль точно на восток, и не было опасности, что их прижмет к берегу или посадит на мель. Босиком, ступая совершенно бесшумно, аккуратно перешагивая через спящих, Гудрун добралась до скамьи, на которой спал Виги Грибок. Она еще с вечера запомнила, где он спит.

Присев у нужного рума, Гудрун разбудила спавшую между скамей Бетти, которую Грибок теперь старался не отпускать от себя. Многим это не нравилось, но Виги побаивались. Он был опасным человеком. Говорили, что он однажды зарезал своего врага спящим прямо в доме ярла Торкеля. Все знали, что это он, даже ярл, но доказать не могли. А ярл Грибку так ничего и не сделал, потому что ценил. Хитрость Виги была Торкелю так же полезна, как мощь берсерка Хавгрима Палицы. Именно Грибок должен был присматривать за Эйнармом, когда тот уходил куда-нибудь без отца.

Бетти проснулась, когда Гудрун коснулась пальцами ее рта.

– Это я, – шепнула Гудрун. – Молчи. И пусти меня на свое место.

Бетти послушно скользнула в проход.

Гудрун проползла между румами и легонько коснулась бороды Виги. Тот дернул щекой и всхрапнул. Гудрун подумала: дотронься она так до Ульфа или до брата – они проснулись бы мгновенно. Да что там... Они проснулись бы, едва она остановилась бы рядом со гребной скамьей. И эти люди считают себя настоящими викингами!..

Гудрун легонько щелкнула skonца по носу. Ну наконец! Виги разлепил мутные спросонья глаза и сразу раскрыл пасть, чтобы заорать, но Гудрун шепнула:

– Тише, это я, – и Грибок орать не стал. Потянулся было: схватить, но вспомнил об осторожности. Приподнялся, осмотрелся: нет ли рядом свирепого норегга. Убедился, удачливого соперника поблизости нет. Ночь темна. Все спят. Значит, самое время получить то, о чем мечтаешь.

А раз так, то он тут же облапил женщину, притиснул, прохрипел:

– Чувствуешь моего грибка? Нравится, какой он твердый?

– Да, – шепнула Гудрун, подбавив в голос хрипотцу, как это делала мать, когда хотела заинтересовать мужчину.

Ей без труда удалось продемонстрировать возбуждение, хоть интереса к Грибку-мужчине Гудрун не испытывала. Зато она хотела его убить. И вот это

возбуждало. До дрожи. Но сконец не понял, думал, она дрожит потому, что хочет его.

Пока он ее лапал, Гудрун нащупала рукоять ножа, который висел у Виги на поясе. Сконец спал, не снимая пояса. Впрочем, многие так спали, не только он.

Пока ручки Грибка мяли ее ягодицы, Гудрун искала нужное место у него под мышкой. Гудрун знала, куда нужно нанести смертельный удар. И знала, как нужно держать нож, чтобы он без помех прошел между ребрами и достал до сердца. И она точно знала, что будет потом. Из горла убитого таким ударом спустя несколько мгновений хлынет кровь. Прямо на нее. А так не годится. Как объяснить, почему Грибка нигде нет, а твоя одежда – в крови?

Грибок тискал ее уже одной рукой, потому что второй пытался распусть завязки штанов. Он ее не боялся. С чего бы? Зачем чужая женщина может прийти к мужчине, если только не за тем, чтобы он ей вставил? Ему невдомек, что бывает и наоборот.

Гудрун нацелила острие на нужное место и надавила.

Нож вошел на удивление легко. Хороший нож. Виги хорошо его наточил. Гудрун чувствовала, как разрывается плоть и холодное железо погружается в тело. И еще Гудрун почувствовала, как жар наполняет нижнюю часть живота. Похожее возбуждение она чувствовала, когда пальцы Ульфа касались ее лона перед соитием...

В этот миг она поняла, почему месть называют сладкой.

Но времени прислушиваться к ощущениям не было.

– Если железо пробьет сердце, – говорил брат, – мужественный воин может успеть нанести один удар. Берсерк – несколько, а обычный мужчина – ни одного. Боль лишит его силы.

Виги Грибок, несмотря на грозное имя[179], оказался обычным. Задохнулся от боли и будто ооченел.

Гудрун ухватила его за пояс, поднатужилась и перекинула через борт. Раздался громкий плеск...

И тишина. Ни один из сконцев не проснулся.

– Не говори никому, – на всякий случай шепнула Гудрун англичанке. Она тихонечко вернулась на корму, юркнула под парусиновый навес, устроилась у норюга под боком и мгновенно уснула.

Глава десятая

Поединок

Сон пришел ко мне под утро. Сначала в нем был лес. Самый обычный, со зверями и птицами. Я бежал через него уверенно, будто по компасу. И я был тут главным. Никто из здешних обитателей не посмел бы бросить мне вызов. Даже птицы смолкали при моем приближении... И мне это нравилось, потому что я не охотился. Если бы я охотился, никто не увидел и не услышал бы меня.

Я спешил к цели и достиг ее, когда стены леса раздвинулись, и мне открылся край земли и лежащая под ним бесконечность.

Я подошел к краю и увидел протянувшуюся над бездной радуу. Не знаменитый мост Биврёст, соединяющий Срединный мир Мидгард с Асгардом, миром богов. Обычную радуу, родившуюся из солнца и водяной пыли низвергавшегося со скал потока.

Я встал у края, борясь с искушением – прыгнуть... Но тут меня толкнули в бок. Волчица с шерстью белой, как первый ноябрьский снег. Мне показалось,

я узнаю ее, подругу моего Волка...

Я понял ошибку, когда увидел ее глаза. Человеческие. Глаза Гудрун. И это было так страшно и чудовищно, что я закричал, толкнулся от края и полетел сквозь радугу туда, где серебро падающей воды обращалось в черные каменные зубья...

* * *

Смерть Грибка огорчила немногих. Никто не заподозрил Лейфа, потому что у того не было оснований убивать Виги. Норег его наказал, и делу конец. Скорее Виги мог попытаться подло убить Лейфа, а уж никак не наоборот. Об этом говорили сконцы, обсуждая пропажу земляка. Никто не заподозрил и Гудрун, что неудивительно. А о Бетти и говорить нечего. Представить, что запуганная рабыня способна поднять руку на воина? Скорее небо с землей местами поменяются.

В общем, Виги не стало, и никто не хотел особо выяснять, куда он делся. Сошлись на том, что после молодецкой оплеухи норега у Грибка что-то повредилось в голове, и он просто выпал за борт.

– Пропал Грибок и его вонь – вместе с ним, – напутствовал земляка Хеги Косолапый...

Гудрун решила: он станет второй жертвой.

И немедленно пустила в ход женскую магию. Нет, не ту, которая – от тайных рун, мудрых слов и ведьминского варева. Самую простую, идущую от жестов и взглядов.

Косолапый попался легко. Умом он не блистал, зато силенку имел недюжинную, воином слыл славным, привык, что девки к нему льнут.

Несколько брошенных искоса взглядов, ласковая улыбка, язычок, вовремя облизнувший губки, случайное прикосновение рукава...

Гудрун следила за тем, чтобы никто, особенно Лейф, не заметил ее стараний. И у нее получилось. Суток не прошло со смерти Грибка, как Хеги Косолапый обрел уверенность в том, что жена Лейфа Весельчака к нему равнодушна. Более того, он думал, что это видят все. В том числе и сам Лейф. Видят и ничего не предпринимают. Значит, нет никаких препятствий, чтобы ответить на женский зов.

И, выбрав момент, когда Лейф отвернулся, Хеги игриво похлопал Гудрун по задку. Гудрун скромно потупилась, проскользнула мимо здорового сконца... и мимоходом игриво цапнула его за причинное место.

Страсть Хеги немедленно разыгралась, и он попытался сгрести Гудрун саженной ручищей, уверенный, что та не станет уклоняться. Однако Гудрун увернулась, чуть слышно пискнув:

– Не трогай меня...

Как раз в тот момент, когда Лейф обернулся.

Норег действовал по обыкновению стремительно. Мгновенно оказавшись между Гудрун и Косолапым, он ухватил сконца за косицу, упер ему чуть пониже уха острие ножа и поинтересовался ласково:

– Ты куда руки тянешь, свиной помет? Хочешь, чтобы я их укоротил?

Косолапый, однако, не испугался. Перехватил запястье норега и без особого усилия отжал нож от своей шеи...

И после этого еще раз убедился, что силенок у него побольше, чем у соперника. И можно двигаться дальше. Физическая сила много значит в Скандина-

вии. Кто сильнее, тот и прав. А кто прав, тому самое лучшее. В том числе и лучшие женщины.

Чтобы убедиться в верности этой нехитрой мысли, Косолапый поглядел на укрывшуюся за спиной Весельчака Гудрун. Та прищурилась и еле заметно кивнула. Дерзай – и я твоя.

Этого обмена взглядами опять-таки не видел никто, кроме них двоих. Все глазели на сцепившихся викингов.

– Руки убрал, норег! – с угрозой прорычал Хеги Косолапый. – Отрублю и к щиту прибью!

– Ого! – развеселился Лейф. – Кудлатая шавка вообразила себя волком! Это славно! – Он отпустил сконца. – Я выбираю меч и щит!

– Я не допущу хольмганга! – завопил Эйнар, побагровев. – Это вам не тинг! Я – ваш хёвдинг!

Вопль проигнорировали.

– Оружие – без замены! – потребовал Хеги. Плечистый, кривоногий, могучий как кузнец-цверг из нижнего мира[180], он славился сокрушительным ударом. – Секира и щит!

– Вы не будете драться! – Эйнар Торкельсон втиснулся между воинами: – Хеги дотронулся до твоей жены... Что ж, он заплатит виру, и делу конец!

– С чего это я буду платить? – возмутился Косолапый. – Сам сказал: мы не на тинге, а ты – не лагман! Да она сама хотела! Все видели...

Бац!

Губа Косолапого лопнула, кровь смочила бороду.

Кровь пролилась. Вот теперь ни о каком примирении и речи быть не могло.

Эйнар, мрачный, подошел к оружейному ящичку и отпер замок.

Вскоре Северный Змей, сойдя с курса, неторопливо двинулся вдоль берега, высматривая подходящую мель.

Нашли. Осадка не позволила драккару подойти близко, так что спустили за борт лодку.

Противники разом взялись за весла и вскоре уже стояли лицом к лицу на полоске песка шириной шага в четыре и длиной примерно в десять. Поединок решили считать «чистым». То есть свободным от кровной мести и верегельдов. Если Косолапый убьет Лейфа, то – верегельд все равно брать не с кого. А если Лейф убьет Косолапого и откажется платить верегельд, то родичам убитого придется вызвать Лейфа на поединок. С очевидным результатом, потому что среди сконцев здесь не было никого сильнее Хеги.

Гудрун смотрела на хольмганг, стоя на одном из средних румов. Вокруг толпились сконцы. Дочь Сваре Медведя впервые оказалась в окружении сконцев одна, без Лейфа. Но ей не было страшно. Она всю жизнь прожила среди викингов, таких же свирепых убийц, как эти. Гудрун интуитивно понимала: чтобы тебя не считали призом, куском лакомой женской плоти, надо выглядеть твердой. И бесстрашной. Тогда в тебе увидят не пленницу, а женщину Севера. Если не сестру, то – подругу. Ту, чьи права защищены обычаями, законами и богами.

Люди Севера ценят своих женщин. Но только своих.

Гудрун положила руку на плечо сконца, оказавшегося рядом: Тьёдара Пев-

ца. Тот даже не заметил. Глядел на медленно сходящихся поединщиков и бормотал что-то... Может, вису слагал?

...Косолапый не выдержал первым. Заревел по-бычьему, по-бычьему же наклонил голову и налетел. Щит Лейфа треснул от могучего удара...

...А от удара норега треснул позвоночник Косолапого, когда тот по-журавлиному изящным движением ушел в сторону, одновременно подставляя противнику щит и перекрывая обзор. Так что, когда секира сконца развалила щит, Лейфа за ним уже не было. Обойдя сконца, Лейф выпустил щит, который упал, увлекая за собой увязшую секиру, а затем рубанул с двух рук, со всей возможной силой. Такой удар не остановила бы самая лучшая броня, даже металлическая «доска», а уж обшитая железными бляшками куртка Хеги годилась для защиты от Лейфова клинка не больше, чем льняная рубаха.

Косолапый даже не успел понять, что произошло. Взблеск стали – и он рухнул, как срезанный колос.

Лейф небрежно подцепил упавшего ногой, перевернул навзничь и добил.

Сила – это всегда неплохо. Но даже плохонький топор крушит ребра лучше, чем самый тяжелый кулак.

Потом был пир. Лейф отдал Эйнару почти все серебро, которое у него было, чтобы тот закупил провизию и пиво взамен того, что будет выпито и съедено на этом пиру в честь славно ушедшего в Валхаллу Хеги Косолапого. Никто не возражал.

Пир устроили прямо на палубе. Пили, ели, возносили хвалу Косолапому... И Лейфу, который его победил. Почему бы и нет? Это был славный хольмганг, а если Один решил, что Хеги в Асгарде нужнее, так кто станет оспаривать волю бога? Тьёдар даже сочинил вису... Так себе вису, потому что выпитое пиво смыло с языка скальда большую часть меда поэзии.

Гудрун видела: не все сконцы согласны с тем, что хорошего пира довольно, чтобы забыть о Хеги Косолапом. Косолапого мало кто любил, но у него здесь были кровные родичи. Пусть хольмганг был «чистым», но оставить без последствий убийство родича – это очень нехорошо.

Но Лейф собственноручно (никто не осмелился ему помешать) обмыл тело, обрядил, перенес в лодку, вложил в руки покойника меч и сам же поджег погребальное судно... Никто не обвинил Лейфа. Не посмел.

А что еще удачно: никто не обвинил и Гудрун в том, что из-за нее был убит Косолапый. Наоборот, многие, выпив, говорили ей добрые слова. И намекали, что ей, датчанке хорошего рода, да еще дочери Сваре Медведя, о геройстве которого слыхали многие, невместно жить с непонятного происхождения норегом. Не лучше было бы ей выбрать кого-то из...

Впрочем, велись эти разговоры, когда Лейф не мог их услышать. Да он и не прислушивался особо. У него были свои беседы. И своя цель. Доказать сконцам, что смерть Косолапого – дело рук богов, а не Лейфова меча. Очень не хотелось норегу, чтобы сконцы, объединившись, скопом набросились на чужака. Как бы он ни был силен, против двух десятков ему не устоять. Может, еще и поэтому он не мешал сконцам говорить Гудрун ласковые слова? Пока каждый из них хочет заполучить его жену для себя, им никогда не объединиться...

Впрочем, в последнем Гудрун не была уверена. Лейф слишком ревнив, что-

бы терпеть подобное. Скорее всего, он попросту ничего не видел и не слышал.

Глава одиннадцатая

Мстители

Они пришли ночью. Трое, судя по звукам. Все – родичи Хеги Косолапого, как выяснилось позже. Пришли с боевым оружием, которое добыли из оружейного ящика. Они думали: Лейф пьян. Думали: он не вооружен. Зря.

Гудрун проснулась, когда почувствовала, что Лейф встал. Встал очень тихо, хотя в броне это непросто. А доспехи Лейф так и не снял. На пиру в них просидел и спать лег в них же. След от железа до сих пор оставался на теле Гудрун. Тогда норег навалился на нее прямо в боевом облачении, Гудрун подумала: слишком пьян, чтобы понимать, что делает. Ничего подобного. Он – знал. И меч был у него в руке. Меч Хеги Косолапого. Меч, который должен был уплыть в погребальной лодке и вместе с лодкой и останками Хеги уйти на дно морское.

Трое убийц подошли к палатке. Гудрун отползла подальше, прижалась к борту. Лунный свет слаб, сконцы выдули на пиру столько пива, что море вокруг драккара провоняло мочой. Мстители не станут разбираться, будут бить всё, что подвернется под железо.

Лейф ждал, когда они начнут. И они начали.

Двое рванули в стороны полог палатки, третий с размаху метнул копьё... Прямо в Гудрун!

К счастью, Лейф успел толкнуть копейщика, тот пошатнулся, и копьё загнуло, вонзившись в борт драккара. И одновременно Лейф ударил, сверху вниз, наискось и с такой силой, что срубил обе ноги нападавшего на пядь ниже колен.

Сконец завопил дико, рухнул вперед и пополз к Гудрун, загребая руками, как тюлень на суше. Лейф прыгнул ему на спину и ткнул мечом сквозь ткань палатки, добыв еще один вопль боли.

Третий отскочил... И оказался лицом к лицу с выпрыгнувшим наружу норегом.

Обезноженный тем временем вцепился в ступню Гудрун. Как клещами кузнечными прихватил. Но Гудрун не закричала. И не растерялась. Нож ее был рядом. Всегда рядом, только руку протяни.

Хватка разжалась, когда лезвие до кости вспоролло предплечье покалеченного. Ничего сложного. Не трудней, чем резать баранину.

Гудрун перелезла через труп второго, выглянула из палатки и увидела, как Лейф хватает последнего врага за край щита, разворачивает рывком и одним ударом сносит ему голову, которая с деревянным стуком падает на палубу и катится по проходу между скамьями.

А на драккаре к этому моменту творилась полная неразбериха. Сконцы вскакивали, кричали спросонья, искали оружие... Удивительно, что никто никого не зарубил. Видимо, потому, что боевое оружие было в ящике, под надежной защитой от соленой воды и слишком торопливых рук.

Но вот зажегся факел, и все увидели, что вокруг – только свои.

Факел зажег Лейф от крохотной масляной лампы, спрятанной в нише под скамьей кормчего.

За то короткое время, когда все вопили и пытались определить, что за ко-

варный враг напал на драккар, Лейф успел спрятать свой меч и сбросить доспехи. Теперь он стоял, полуголый, держа в одной руке факел, в другой – меч одного из напавших, олицетворяя собой человека, которого пытались убить во сне. Но – не получилось.

Их было трое – он один. Они были вооружены и в защите, а он – голый. Лейф не ждал убийц, но сам убивал так, что это внушало трепет. У одного нападавшего были отсечены обе ноги, и он уже перестал вопить и корчиться, потому что на это у него уже не осталось крови. Другому клинок развалил туловище от ключицы до пупа. Голова третьего лежала у гнезда мачты.

Сконцы смотрели на Лейфа как на героя легенды. Они даже забыли, что эти трое – их земляки. Убить трех бойцов отобранным у одного из них мечом. Убить в считанные мгновения, да так, что каждый нанесенный удар был смертельным...

Когда Лейф снова лег спать, доспехов на нем не было. Он показал такую силу, что уже мог не бояться внезапного нападения.

Но меч Косолапого он все же припрятал.

А палатку пришлось переставить и шкуру выкинуть за борт. Слишком много крови в нее впиталось. Не отмыть.

Глава двенадцатая

Ярп Большой Бобер и полезные новости

Хорошо на твердой земле. Когда палуба не качается под тобой. Когда можно сделать не пару, а сотню шагов, не споткнувшись о мешки или чьи-то ноги.

Владелец, в доме которого они нашли кров, когда-то был отдан на воспитание дяде Торкеля-ярла. И сам Торкель-ярл – тоже. Там они и сошлись – будущий Торкель-ярл и сын уважаемого человека Ярп. Ходили на одном кнорре, ели из одного котла, пользовали одних и тех же девок... Словом, почти родители.

В отличие от Торкеля Ярп Большой Бобер воинской славы не снискал. Но уважением пользовался, и на тинге к его голосу прислушивались многие.

Однако боги Ярпа не пожаловали: так и не дали ему сына. Зато породил Ярп четверых дочерей, старшая из которых сейчас старательно прятала зареванное личико.

Гудрун заинтересовалась. Что может так опечалить свободную девушку, тем более хозяйскую дочь? Это притом, что сам Ярп выглядел вполне счастливым и довольным? Гудрун подтолкнула Лейфа: узнай, в чем дело?

Норег к ее словам прислушался. Но по своим соображениям. Всё, что непонятно, следует прояснить. Вдруг это сулит неприятности?

Разгадка оказалась проста.

– Влюбилась, дурочка, – сообщил Ярп.

– И кто этот счастливый человек? – спросила Гудрун.

Дочь – старшая. Ее муж вполне может унаследовать изрядную часть имущества Ярпа.

– Счастливый! – Ярп Большой Бобер презрительно фыркнул. – К воронам такое счастье – копьём в живот!

– Он умер? – поинтересовался Эйнар, обгладывая баранью косточку.

– Не... Живучий. Оклемался.

– А кто такой?

– Хольд один из Хедебю. Ранили его, в сече ранили, ну а я приютил.

– Ха! – воскликнул Эйнар. – Ярп! Чтобы ты кого-то приютил за просто так! Да я помню, как ты из-за каждого дирхема торговался так, будто это плавильный эйлилль!

– Ну я ж не сказал, что просто так, – возразил Ярп. – Заплатили мне, не без того. Ну так ведь и расходы немалые. Лечить, кормить, сами понимаете. А тут еще дочка – возьми да и влюбись! Тоже понятно: воин славный, хольд и рода хорошего.

– А зовут как? – поинтересовался Эйнар.

– Ульфхам. Ульфхам Треска. Слышал о таком?

Торкельсон мотнул головой.

«Ульфхам Треска, – подумала Гудрун. – А я ведь знаю его. Хольд из хирда Хрёрека-конунга, с которым раньше плавал Ульф».

Жаль, что Ульфхам уже уехал. С ним можно было бы передать весть домой. Он ведь ходил в вики с Ульфом... Ему можно верить. Или – нельзя?

Гудрун покосилась на Лейфа. Муж пил пиво и дразнил костью длинноухого хозяйского пса. Лейф тоже бился с Ульфом в одном строю и сидел в его доме за одним столом с родичами. Что не помешало ему предать тех, с кем делил кров и пищу.

– Через три дня, если погода не подведет, в Хедебю будем, – сказал Эйнар. – Не знаешь, Ярп, Харек-конунг дома или в походе?

– Ясное дело, дома, – Ярп даже удивился. – Где ж ему быть осенью-то? Он у нас мирный.

* * *

– ...Они были здесь! – сообщил Грихар Короткий. – Эйнар и его люди. Рыбаки сказали.

– Не соврали, точно? – спросил я.

– А с чего бы им врать? – удивился ирландец. – В чем выгода? И я им честно сказал: узнаю, что соврали, – языки вырву.

– И они поверили?

– А с чего бы им не верить? Я человек чести, это всякому видно.

– Высаживаемся! – решил я.

Скоро стемнеет, почему бы нам не заночевать на берегу.

– Белый щит – на мачту!

На берегу нам были не рады. Несмотря на белый «мирный» щит и закрытую чехлом голову злобного пса. Целая толпа выстроилась – встречать. Именно выстроилась: щит к щиту. Неслабая, кстати, вернее, некстати, толпа. Человек двести. Вряд ли все они, даже большая часть – настоящие воины. Но драка нам не нужна.

– Давай-ка я! – Медвежонок пролез вперед, потеснив ирандских хольдов.

Те не возражали. Хотя по рожам видно: подраться не против. Для викинга лучшее гостеприимство, это когда он берет, что пожелает, и творит, что захочет. А такое случается, лишь когда ты хозяина негостеприимного по стенке размазал. Или гвоздиками к ней прибил. Как вариант.

– Эй, вы! – закричал мой побратим зычно. – Я – Свартхёвди, сын Сваре с Сёлунда по прозвищу Медвежонок. Не знаю, кто тут хозяин, но всё равно прошу

гостеприимства по обычаям и божьим заветам!

– Плыл бы ты, куда поплывешь, сёлундец! – завопили с берега. – Здесь тебе не рады!

– Храбро! – крикнул в ответ Свартхёвди. – Очень храбро, ты, не назвавший свое имя! Я предложил – ты отказался! Значит...

– А можно мне, – я тоже протиснулся вперед.

Мне-то точно драка не нужна. Я вечно под крылом Рагнара жить не собираюсь, а это – Дания. Здесь – территория Закона. Следовательно, разбойное нападение допускается только в одном случае: если не останется свидетелей оного. А они точно останутся, и тем, кто стоит на берегу, это известно не хуже, чем нам. Что могло сойти с рук Сигурду Змеиному Глазу, с нами может и не прокатить.

– Я Ульф Вогенсон! И я не хочу заводить новых врагов! Однако я знаю, что мои враги были здесь и ночевали под этим кровом. Значит ли это, что вы тоже наши враги?

– Проваливайте! – заорал тот же голос. – Или мы угостим вас стрелами!

Вот упрямый ублюдок! Жизнь ему, что ли, не дорога?

– Кажется, пришла моя очередь! – заявил Красный Лис.

– Эй, ты, храбрый толстяк! – закричал он. – Я тебя вижу! И вижу, что ты трудно понимаешь добрую речь! Но ты всё же попробуй, потому что сейчас я говорю в последний раз. Потом будет говорить железо. Это ясно?

Молчание. Это уже что-то. Или просто выгадывают время?

Ирландец расценил молчание как готовность выслушать и продолжил:

– Люди зовут меня Мухра Красный Лис, я – хёвдинг конунга Ивара Рагнарсона, преследую врагов Ивара-конунга! За моей спиной шесть десятков мужчин, соскучившихся по танцу огня и железа! – Сделал паузу, чтобы бонды прониклись, и прорычал теперь уже с неприкрытой угрозой: – Я – человек Ивара Бескостного! А передо мной тот, кто дал кров врагам Ивара! Я думаю: ты сделал это по незнанию, толстяк, ведь нужно быть совсем глупым, чтобы объявить себя врагом Ивара Бескостного. Ты ведь не из таких, толстяк? Я прав?

На этот раз молчание длилось куда дольше...

И я в очередной раз убедился, что имя Ивара Бескостного пользуется уважением на всей территории Дании.

– Ладно! – крикнул замеченный Красным Лисом толстяк. – Высаживайтесь и будьте гостями!

Строй возомнивших о себе землепашцев рассыпался, и я с облегчением выдохнул. Ирландцы еще постояли. С полминутки. Они уже настроились на драку и, уверен, сейчас испытывали разочарование. К счастью, их хёвдинг не отличался чрезмерной кровожадностью.

А вот и хозяин этой земли. Подошел вразвалочку, пыхтя, представился с важностью:

– Я – Ярп, сын Сиббы, скромный бонд, что платит долю конунгу всех данов Хареку, – с нажимом сказал. Мол, не сам по себе. Имеется у него крепкая «крыша». – Мой здесь одаль, а вы мои гости! Прошу в мое скромное жилище!

Скромное жилище скромного бонда Ярпа без труда вместило весь хирд Красного Лиса и примерно столько же родичей и домочадцев хозяина.

Столы заставили снедью. Мы тоже вели себя достойно. Отдарились соот-

ветственно оказанной услуге. И получили искомую информацию.

Не сказать, что она меня порадовала. Скорее, наоборот, ввергла в глубокую печаль.

Моя Гудрун, похоже, приняла общество предателя вполне добровольно. Вела себя как его жена, и он относился к ней соответственно. Быстро же она меня забыла...

Ну да, я помнил, что рассказал отец Бернар. Ей был предоставлен выбор между ролью рабыни и супруги. Да, она думала, что я умер... Но неужели в это так легко поверить? Неужели одних слов достаточно?

Да, у нее не было выбора. Да, она не могла поступить иначе. Всё понятно. Но мысль о том, что она живет сейчас с Лейфом, что она с ним вполне счастлива, – невыносима. Почти так же невыносима, как мысль о том, что она может выполнить свое обещание, убить норега и принять всё, что за этим последует.

«Ты – сволочь! – говорил я себе. – Ты что, хотел бы, чтоб она мучилась? Чтоб ей было плохо? Чтоб новый муж избивал ее и насиловал? Ты этого хочешь?»

И, не стану врать сам себе, я не мог бы однозначно ответить: нет, не хочу. Потому что мысль о том, что она может быть счастлива не со мной, – корежила, терзала, как воткнутое в тело железо. Я мечтал о ней, я видел ее в снах, я хотел ее безумно... Я готов был на любую жестокость, любую подлость, чтобы вернуть ее. Всё что угодно, лишь бы она оказалась в моих объятиях!

Я представить себе не мог, что буду полностью разделять кровожадные мечты Медвежонка о том, как он будет пытаться предателя. Теперь – разделял. Я наконец-то, спустя годы, становился настоящим викингом. Настоящим человеком Средневековья, для которого содрать кожу с врага и прибить ее к дверям своей церкви – нормальный поступок.

«Если ты сам так мыслишь, – говорил я себе, – какое право ты имеешь упрекать Гудрун в том, что она стала женой другого мужчины, чтобы выжить в мире, где насилие, изощренное насилие, – одобренная обществом норма?»

Да, она забыла тебя. Потому что ей так легче. Потому что она более приспособлена к этому миру. Потому что это ты можешь сходить с ума... В окружении друзей и союзников, в полной безопасности. А ей приходится выживать среди врагов, и у нее нет другого оружия, кроме покорности и принятия чужой власти. Ты хочешь, чтобы ее убили, Николай Переляк, которого здесь зовут Ульфом Черноголовым? Ты хочешь, чтобы с ней обошлись как с пленницей или преступницей? Растянули между кольями и насиловали всем хирдом?

Нет, я этого не хотел. Но все равно... Как же меня задевало то, что она **приняла** свою новую роль!

«...свободна и даже весела, – сказал Ярп. – И относились к ней с уважением».

Он удивился моему вопросу. А как же иначе можно относиться к прекрасной женщине хорошего рода, жене славного воина?

И я не стал ему говорить, что эта прекрасная женщина совсем недавно была моей женой. Все, что ему надо знать: его родич Эйнар Торкельсон и его команда – враги Ивара Бескостного, и, следовательно, им не жить.

Толстый бонд принял это спокойно. Лишь уточнил: не будет ли у него проблем из-за того, что он дал Эйнару кров?

Никаких проблем, заверил его Лис. Однако если он, как родич Эйнара, вдруг вознамерится потребовать за него виру или захочет отомстить, то проблемы будут. И еще какие!

Да не родичи мы, возразил Ярп. Так, дружили с его отцом когда-то...

Если бы я не был целиком погружен в собственную безмерную печаль, если бы поговорил с Ярпом не только о моей жене и ее похитителе, то, очень возможно, узнал бы нечто весьма важное и интересное...

Но я полностью заиклился на своей потере. И вдобавок изрядно напился, что в моем нынешнем состоянии было совсем плохой идеей.

О чем мне и сообщил на следующее утро отец Бернар.

Ну и пусть. Весь следующий день я провалялся на палубе, страдая от боли физической и душевной. В том отвратительном состоянии, когда очень хочется кого-нибудь убить, но некого, да и мочи нет.

А вечером мы сняли со скалы человека. И я в очередной раз убедился, насколько тесен мир.

* * *

Они плывут в Хедебю. Под крылышко Харека-конунга. В Хедебю Эйнара знают. Его отец поддерживал Харека, когда решалось: кому быть конунгом всех данов. Теперь Торкель убит, и получается, что Харек не смог ему помочь. А значит, должен его сыну. Следовательно у Эйнара есть основания думать, что Харек-конунг перед ним в долгу. И непременно возьмет в свое войско вместе с драккаром и командой. Или даст землю, сделав своим посаженным ярлом.

Это было бы хорошо для Эйнара.

А для Лейфа – нет.

Сейчас Лейф нужен Эйнару, потому что без него Прыщику не справиться со своими людьми. Поэтому Лейф – важный человек. На этой палубе он самый сильный. Никто не рискнет бросить ему вызов.

В Хедебю всё изменится. Драккар по закону станет собственностью Эйнара Торкельсона, а Лейф – даже не его хирдман. Временный союзник, не более. И сконцам в Хедебю он не нужен, потому что чужой. Сейчас, пока Эйнара – ничто, Лейф – вожак. Когда Эйнара станет человеком Харека-конунга, никто уже не усомнится в том, что Торкельсон – вождь. Эйнара это знает. Он молод, но не совсем дурак. И не скрывает своих планов.

Конунгу нужны верные ярлы. Почему бы конунгу не сделать Эйнара ярлом? Он удачлив, у него есть драккар и верные люди. Он – хорошего рода. Почему бы Хареку-конунгу не дать сыну Торкеля-ярла немного земли?

Лейф соглашается, и Эйнару это нравится. Очень правильно, что они плывут в Хедебю. Так и надо.

Но надо ли это Лейфу? Гудрун в этом очень сомневалась. Потому что слышала, что говорил Лейф сконцам. О, им норег говорил совсем другое! Мол, сесть на земле ярлом Харека хорошо только для Эйнара, потому что тот – получит все, что хочет. И драккар тоже станет его, хотя почему Северный Змей должен принадлежать Эйнару, если тот морская добыча, которую брали все? И если для Эйнара хорошо будет считать подати и учить верности бондов, то что в этом толку для остальных? Вообще, сесть бондами на чужой земле

(свою-то купить не на что) – не слишком добрая участь для людей храбрых и жадных до богатства. Таким людям нужно другое: хороший драккар (а он у них есть) и хороший опытный вождь, побывавший во многих битвах и знающий, где взять добрую добычу. Имени этого вождя Лейф не называл, но догадаться, о ком речь, было нетрудно.

Лейфа слушали. Не то чтобы соглашались, но и не спорили. Запоминали. Прикидывали выгоду. Люди Севера быстры, когда надо убить врага, но, если предстоит принять важное решение – не торопятся. Советуются друг с другом, с богами...

Гудрун видела Лейфову задумку так же ясно, как вырезанные на камне руны. Норег с самого начала был чужим для сконцев. Да, он оказался полезен, но не более. Многим уже приходило в голову, что он – лишний в этом мире. Многие хотели бы заполучить Гудрун. Лейф жив потому, что он вдвое сильнее любого из этих людей. И потому, что он поддерживает Эйнара, а Эйнар, который, как-никак, – сын их ярла, поддерживает норегу. Чужой своим не станет.

Однако Лейф говорил о вещах, приятных каждому. О славе. О добыче. О победах. И говорил интересно. Так, что ему верили. И слушали охотно.

Лейф, понятно, никогда не вел подобных речей, когда Торкельсон был рядом. Эйнару он говорил то, что было приятно только Эйнару.

Еще Лейф рассказывал, как он славно сражался. И как неизменно оставался целым во всех переделках. Его ярлов убивали, а он, Лейф, удачливее их всех. Потому что жив.

«Я удачлив, меня любят боги!» – говорила его широкая искренняя улыбка.

Иной раз он вспоминал о земляках слушателей. Тех, кого он убил.

Высказывал сожаление: мол, они были отличными воинами, чья беда лишь в том, что они захотели проверить удачу Лейфа.

В конце концов он настолько заговорил сконцев, что многие из них были уверены, что он прикончил Косолапого и остальных едва ли не против собственной воли.

Лейф оставался чужим для сконцев, и для его целей это было даже неплохо, потому что человеку легче принять власть чужого, чем встать под руку того, с кем ты много лет жил как равный.

Так говорил когда-то Ульф, и Гудрун запомнила.

Будь у них достаточно времени, Лейф убедил бы сконцев, что он – подходящий хёвдинг. Вода камень точит. И тогда ему осталось бы под каким-нибудь предлогом вызвать Эйнара на поединок, убить (это будет нетрудно) и занять его место. И тогда Гудрун снова стала бы женой хёвдинга. Хорошо ли это для ее мести? И для нее самой?

«Ты, видать, тоже колдунья, как мать твоя, – не раз говорил ей норег. – Потому я так хочу, чтоб ты всегда была рядом. Моей. Представить не могу тебя с другим. Лучше сам тебя убью. Но еще лучше – его. Смотрел, как ты – с Ульфом, и еле сдерживался, что вызов ему не бросить. А я Вогенсону в верности клялся... Забыть тебя хотел, других девок брал... Пресные все. Как водичка речная. Брал их, а думал о тебе...»

«Любит, – знала Гудрун. – Да только что мне его любовь? Я для него – как поросенок жареный для голодного... Ульф... Вот с ним было – как на колеснице Тора по облакам мчать».

Хорошо Ульфу. Он в Валхалле. С Асами пирует. А Гудрун надо здесь жить. И

отомстить. И ребенка Ульфова сохранить, чтоб род его не пресекся.

«Что же делать?» – думала Гудрун. Может, не убивать Лейфа? Поддержать его. Дать ему возможность стать сильным, разбогатеть, купить землю... Жить на этой земле и растить сына, которого она родит. Сына Ульфа.

Но то была неправильная мысль. Гудрун не была уверена, что сможет долго притворяться доброй женой. И еще боялась, что, когда родится сын, Лейф не примет его, узнав в нем чужую кровь. И тогда младенца вынесут в лес, если они будут на суше, или принесут в жертву великанше Ран[181], если Гудрун родит на палубе корабля. Впрочем, это маловероятно. Роженица нечиста. Ей не дадут осквернить боевой корабль. Когда придет срок – пристанут к берегу. Счастье что срок этот еще далеко.

Хотя что сейчас об этом думать. Ясно, что не успеет Лейф перетянуть всех сконцев на свою сторону. Через несколько дней они уже будут в Хедебю и вик их закончится.

Глава тринадцатая *Разбой*

Что задумал Лейф, Гудрун даже не предполагала. Никто не догадался до тех пор, пока задумка норега не стала явной. Но случилось это намного позже. Когда уже ничего нельзя было изменить...

Воины должны сражаться, говорил сконцам Лейф. Воины живут для того, чтобы сражаться. Но не ради самой драки. Нужна цель. Нужна добыча. Без добычи война не война. А добыча викинга – вон плывет себе под пестрым парусом мимо, не ведая о том, что она – добыча. Как утка плывет, не думая о том, что ястреб уже положил на нее глаз...

Говорил – и показывал на проплывавшие мимо корабли. Их было не так уж много, время осеннее, но – были. И многие выглядели настолько привлекательно, что сконцы провожали их алчными взглядами, будто они и впрямь – добыча. Но на самом деле это не так. Здесь, у датских берегов, разбойничать рискованно. Дойдет до Харека-конунга – будет худо. Чужих здесь нет. Только сильные и слабые. Сильных трогать не стоит, а слабые наверняка заплатили дань малую за то, чтобы Харек-конунг взял их под покровительство, а ежели кто обидит, жестоко обидчика наказал.

«И накажет, – негромко вещал Лейф. – Обязательно накажет... – И добавлял совсем тихо: – Если узнает...» И тут же выдавал очередную историю о том, как они, хирдманы норегского ярла Вигмарра Зубовного Скрежета, выхватывали жирную уточку-кнорр прямо из-под носа своего собственного конунга Харальда Золотой Бороды. И конунг не слышал ничего, потому что слышать было нечего. Добыча – она не разговаривает. Главное, чтобы свидетелей не оставалось.

Правду он говорил или нет, но ему верили. И, увидав одинокий парус, тут же оглядывались вокруг: нет ли еще какого-нибудь корабля? А если не было – глядели на парус и пускали слюни.

Но – не более. Эйнар никого грабить не собирался. Он уже мысленно считал себя ярлом, а настоящий ярл, не морской, богатство по-другому стяжает.

Однако Гудрун видела: при появлении одинокого корабля сконцы начинают поглядывать на Лейфа. Мол, раз уж ты так много говорил о том, как легко и просто разбойничать, то не покажешь ли нам, как?

И все же Гудрун по-прежнему не понимала: зачем Лейф подстрекает скон-

цев к разбою в водах Дании. Это Рагнара и его сыновей Харек-конунг не рискует призвать к ответу. А кто таков Эйнар Прыщик и его сконцы? Тем более что они собираются проситься под руку конунга... Да и мало сконцев для настоящей драки. А драккар у них – небольшой. Места для добычи немного. Да, Ульф привозил на нем изрядные богатства, но то были серебро, шелк и даже золото. А откуда взяться тому же шелку на одиноких кноррах? Тут, по большей части, товар недорогой, но громоздкий. Взятый недалеко, потому что для дальних походов собирают много кораблей. Вступать же в бой и гибнуть (купцы ведь будут драться за свое) ради нескольких бочек тюленьего жира, груза «мыльного камня» или пеньки... Умирать за то, на чем не разбогатеешь...

Но Гудрун видела: Лейф уже вскружил головы сконцам жаждой легкой добычи. Это потому, что все они – новички на Лебединой Дороге. То, как легко досталась им добыча в гренде Ульфа Вогенсона, сделало их самоуверенными.

Однако настоящий бой – это другое. Гудрун знала это очень хорошо по рассказам мужчин. И Лейф тоже должен знать. И не по рассказам. Зачем же он тогда распаляет жадность сопалубников?

Гудрун не понимала. Она знала многих воинов, которым просто нравилось убивать. Но Лейф был другим. Что бы он ни делал, у него всегда была цель. Даже утоляя похоть, он помнил, что есть нечто более важное, чем его удовольствие. Он хотел сына...

Гудрун постаралась изгнать мрачные мысли. Гнуп Три Пальца, верный человек ее матери и отменный охотник, не раз говорил: хочешь добыть зверя – знай о нем всё. Что ест, где ходит, чего хочет... То же самое Ульф говорил о людях: хочешь победить врага, узнай его цели и желания. Узнай его силу и слабости. Вот почему Гудрун так важно знать, что замыслил Лейф. Она могла бы спросить... Но не хотела. Нельзя, чтобы он догадался, что она – умнее, чем кажется. Это сделало бы норега осторожным.

Подталкивать сконцев к тому, чтобы поразбойничать на датских морских дорогах едва ли не под боком у Харека-конунга... Зачем? Или Лейф так шутит? Не зря же его прозвали Весельчаком...

Нет, норега не шутил. Он точно знал, чего хочет. Он выжидал. Искал подходящую цель. И едва такая цель появилась в непосредственной близости от Северного Змея, как Лейф немедленно об этом сообщил. Мол, вот то самое судно, которое его прежний конунг Вигмарр Зубовный Скрежет непременно взял бы на клинок.

Хирдманы заинтересовались. Ветер был попутный, так что весла лежали вдоль бортов и у всех, кроме кормчего, нашлось время, чтобы поглазеть на приближающийся парус. Ну кнорр... Кнорр как кнорр. Что в нем такого особенного?

Во-первых, пояснил норега, судно свейской постройки. Значит, не из данников Харека или еще кого-то из данов. Значит, никто из данов не станет думать, куда оно подевалось. Опять-таки путь swei прошли немалый, значит, есть чем торговать. Хотя последнее и так понятно, потому что сидит кнорр низко, следовательно, трюм его полон. Еще хорошо, что кнорр небольшой. Это означает: команда его невелика. Надо полагать, их раза в два меньше, чем сконцев. Значит, победить их будет не так уж трудно.

Что надо проверить, так это отсутствие случайных свидетелей.

Лейф велел одному из молодых влезть на мачту и убедиться: на обозримом просторе они со свеями – одни.

Ни одного паруса поблизости не наблюдалось.

Берег Лейф тоже одобрил: необжитой, даже пристать некуда – сплошные скалы. То есть выброситься на сушу и тем спастись у свеев – никаких шансов.

Сконцы слушали самозабвенно. Тьёдара Певца так не слушали, как сейчас – Лейфа. А ведь Тьёдар – замечательный скальд.

Когда кнорр приблизился достаточно, чтобы можно было разглядеть его команду, то многие забеспокоились, потому что выглядели свеи серьезно. Все – бронные, хотя и на веслах.

Ну да, идущий встречным курсом драккар кого угодно насторожит.

– Поднимите белый щит! – распорядился Лейф.

– Нет! – перебил его Эйнар, вспомнивший, что именно он – хёвдинг, сообразивший, куда дует ветер. – Лучше нападем на них!

– Мы и нападем, – спокойно подтвердил Лейф.

– А белый щит? Это же обман!

– Это не обман, – с оттенком превосходства растолковал норег. – Это – хитрость.

– Но если узнают...

– Если узнают, – перебил Лейф растерянного хёвдинга, – подняли мы белый щит или нет, это уже всё равно будет. Но как узнают? Мы ведь никому не расскажем, верно?

Хирдманы поддержали его дружным взрыком.

– Но есть еще боги! – не сдавался Эйнар Прыщик.

– Сделаем им подарок, когда окажемся в святилище, – парировал Эйнар. – Боги любят тех, кто побеждает.

И опять команда Северного Змея выразила полное согласие с чужаком, а не с сыном своего убитого ярла.

И Северный Змей пошел к свейскому кнорру с белым щитом на мачте.

Теперь даже Гудрун видела, что кнорр сидит глубоко. А люди на нем настроены серьезно. Ну как же иначе, если прямо на тебя идет драккар с такими же бронными и оружными, пусть и с белым щитом на мачте? Были бы встречные мореплаватели мирными, не надели бы доспехов, не достали бы из ящиков оружие...

И тут в дело вступил Лейф. Ловко вспрыгнул на борт, показал пустые руки, показал, что просит свеев остановиться. Северный Змей тоже лег в дрейф, сбросив плавучий якорь...

Свеи затабанили. Терять им было нечего. Кнорру от драккара не уйти.

– Мы плывем в Хедебю! – прокричал Лейф. – К Хареку-конунгу! Вы заходили туда?

– Как раз оттуда! – крикнул в ответ здоровенный толстый свеи. – И у нас есть кожа[182] от Харека-конунга, а идем мы в Роскилле. К Рагнару-конунгу.

Намек понятен. Харек – за них. И Рагнар, выходит, тоже за них. Кто тогда против?

– Значит, Харек-конунг сейчас в Хедебю? – поинтересовался Лейф.

– Был там, когда мы уходили.

– Это хорошо. А мы – из Сконе. Вот он, – жест в сторону Эйнара, – хёвдинг

наш, Эйнар Торкельсон! Он из Сконе.

Эйнар выдвинулся вперед, кивнул важно. Но несмотря на всю свою важность рядом с Лейфом он выглядел тем, кем и был на самом деле. Юношеским прыщиком.

Свеи переглянулись и чуть подуспокоились. Как вождь Эйнар выглядел очень неубедительно.

– А это жена моя, Гудрун! – сообщил тем временем норег. – Она – с Сёлунда. И сам я – из Роскилле! Слыхали о том, что у нас было?

Успокоил. И заинтересовал. Большая часть свеев убрала оружие и сгрудилась у борта.

Потом толстый спросил: а что было?

– Война, – сообщил Лейф. – Сконе теперь за Рагнаром.

– А Харек-конунг?

– А что Харек? Вот мы придем в Хедебю, тогда и узнаем.

– А как цены в Роскилле?

– Это смотря на что, – уточнил Лейф. – Если на рабов, то упали, а если...

– На железо! – перебил толстый свеи, должно быть, хозяин кнорра.

– Так вы железо везете? – спросил норег и получил утвердительный ответ. И пояснение: в Дании железо берут дороже, чем в Бирке[183].

Лейф поинтересовался ценами на железо в Бирке, потом спросил, почему не распродали товар в Хедебю?

Получил ответ, что они надеются расторговаться в Роскилле, где, по слухам, цена выше.

А как насчет риска? Всё же воды здесь северные, а кнорр – один-одинешенек. Вдруг кто польстится? В ответ на это главный свеи достал кусок пергамента с оттиском печати Харека-конунга. И добавил, что Харек, за некоторую мзду, пообещал свеям безопасность, когда они пойдут вдоль побережья. Мол, только покажи такое – и любой ярл-грабитель тут же отвалит. А дальше, в водах Рагнара Лотброка, – еще проще. Кто рискнет напасть на судно, которое идет в Роскилле для торговли. Если такие корабли грабить, кто тогда товары повезет?

С этим доводом Лейф охотно согласился и сообщил, что так и есть. Рагнар Лотброк за такое шкуры с разбойников снимет и обтянет ими щиты своих хирдманов.

А вообще, если они хотят потолковать о важном, то лично он уже устал через воду орать. Для разговора можете перебраться к нам. Или мы – к вам.

Свеи посоветовались и решили, что лучше – к ним. Проявили здоровую осторожность. Вдруг их старших на чужом драккаре повяжут?

Но это была лишь тень прежней осторожности. Лейф сумел их успокоить и заинтересовать.

Корабли сцепились и легли в дрейф. Лейфа и Эйнара пригласили выпить доброго пива и побеседовать о важном. То есть о том, что и почему торгуют сейчас в Роскилле и о какой войне шла речь.

Лейф с Эйнаром не возражали. Он и Эйнар и перебрались на кнорр, прихватив с собой третьего, Тьёдара Певца. Сконский скальд тоже умел располагать к себе людей. Насчет пива не обманули. Выкатили бочонок. На кнорре завязалась неспешная беседа.

Гудрун видела как стоявший неподалеку Фастайр алчно принохивается и

сглатывает. Он бы тоже от пива не отказался. А вот старший брат его Фари – напряжен и сосредоточен. Гудрун вспомнила: перед тем как перебраться на кнорр, Лейф шепнул ему что-то. Ему и еще несколькими сконцам повесомее. Что-то тайное...

Поначалу всё было мирно. Увидев, что Тьёдар прихватил с собой фидлу [184], свеи и вовсе расслабились. Выкатили пиво, расселись вокруг... Разговаривали о разном. Потом Тьёдар спел. Еще поговорили... Пиво настраивало на дружелюбный лад. Гудрун видела, что свеи совсем утратили бдительность, расселись вокруг скальда. Они отложили оружие, сняли шлемы. Смеялись, шутили...

И вдруг все переменялось.

Гудрун не слышала, что именно сказал хозяин кнорра. Да и сказал ли он что-то вообще? Какая разница? Тот, кто хочет найти повод для убийства, непременно его найдет.

– Как ты посмел сказать обо мне такое?! – гневно выкрикнул Лейф, вскакивая на ноги.

Никто ничего не успел сделать. Когда надо, норег был очень быстрым.

Только что он сидел и улыбался, а теперь уже – на ногах. Меч взлетел раз – и хозяин кнорра падает на палубу с разрубленной головой. Еще один взмах – и старший сын отправляется за отцом. И оба даже дернуться не успели, не то что взяться за оружие.

К чести оставшихся девяти свеев, труса они не отпраздновали.

Были они парнями бывальыми, храбрыми и знакомыми с пляской воинов.

И оружие было – при них.

Хозяин кнорра еще опрокидывался на палубу, а свеи уже повскакивали на ноги, и третьего смертельного удара Лейф нанести не успел. Только и смог, что отскочить назад – от сплотившейся стены щитов. То же сделали и Эйнар с Тьёдаром. Последний, прежде чем взяться за меч, заботливо припрятал под скамью музыкальный инструмент.

Кормчий свеев, остававшийся на корме, крикнул, чтобы рубили канаты, но было поздно.

Заранее готовые к кровавому обороту дела сконцы метнули копья – и половина свеев лишилась жизни, потому что строй строем, а когда на каждого бойца приходится не менее трех копий, брошенных с десяти шагов...

А Лейф опять показал себя непревзойденным бойцом. Когда строй свеев развалился, он прыгнул вперед и убил еще двоих: одного – подхваченным копьем, другого – уколом меча под щит.

Теперь в живых осталось лишь двое свеев. Понимая, что драться бесполезно, и не желая попадаться в руки врагов живыми, оба прыгнули в воду. Как были – в доспехах.

Один сразу пошел ко дну, а второй, кормчий, оказавшийся недюжинным пловцом, ухитрился уже под водой избавиться от железа, вынырнул локтях в сорока от корабля и быстро поплыл к торчавшим из воды скалам.

Стрелять в него начали не сразу: думали, что утонул. А потом ни одна стрела пловца не задела.

То ли боги его хранили, то ли сконцы оказались неважными стрелками.

Скорее, последнее.

– Догнать его! – закричал Эйнар.

Но как? Кнорр и драккар в надежной связке. Расцепить можно, но требует времени. На лодке отправился в Валхаллу Хеги Косолапый.

Впрочем, догнать было можно. До скал, к которым стремился свей, было недалеко.

Но Эйнар уже забыл о собственном приказе и полез в трюм кнорра: что там такого интересенького?

А Лейф Весельчак, некоторое время понаблюдав за пловцом, объявил:

– Да пусть его! До берега слишком далеко. Не думаю, что он доплывет. Что на него время тратить? Да и скалы тут. Еще днище пропорем. Давайте займемся добычей.

И все с ним охотно согласились. Потрошить добытый кнорр – что может быть интереснее?

Этим вечером каждый из сопалубников Северного Змея стал заметно богаче. Еще бы: отличный кнорр со всем содержимым. И добрые свейские доспехи, лучшие из которых Лейф по праву взял себе.

После нападения авторитет норега многократно умножился. Он доказал, что может быть отличным вождем. Куда уж лучше? Богатая добыча – и никто даже не ранен, если не считать одного дурня, который поскользнулся в луже крови, треснулся о рум и сломал нос. Так что норега славили все.

Кроме Эйнара. Сын ярла чувствовал глубокую обиду. Он – хёвдинг. Он рисковал ничуть не меньше Лейфа, когда они втроем взошли на свейский кнорр. Почему никто не воздал ему должное?

Впрочем, должное он сам себе воздал, когда по праву хёвдинга завладел пятью долями лучшей добычи. А что? Это справедливо! Пусть скажут «спасибо», что за румы Северного Змея Эйнар ничего не потребовал[185].

Обида молодого хёвдинга никого не волновала. Сконцы пили пиво, взятое на кнорре, ели вяленое мясо и ягоды в меду, добытые оттуда же, – и дружно пели песни, хотя после третьего бочонка это было уже не пение, а бычий рев...

Гудрун сидела рядом с Лейфом и делала вид, что разделяет общую радость. А втайне надеялась, что кто-нибудь из пирующих спьяну вывалится за борт...

Но думала не об этом. Ее беспокоил один вопрос, который почему-то не пришел в голову никому из мужчин. Что будет, если уцелевший свей все-таки доберется до берега?

Ночью она не выдержала и задала этот вопрос Лейфу.

Норег самодовольно хрюкнул.

– Ты хотел, чтобы он спасся? – догадалась Гудрун. – Но зачем?

– Узнаешь, когда придет время! – отрезал Лейф. – И хватит разговоров! Мне нужен сын, а не твои вопросы. Иди сюда, женщина...

Глава четырнадцатая **Справедливый суд в Хедебю**

Я по-прежнему вижу ее во сне каждую ночь. Она больше не плачет. Ее лицо, как мертвая маска. Я смотрю на нее, и самому впору заплакать. И еще больше хочется – убивать.

Я чувствую, что вскоре смогу это желание удовлетворить. Рука заживает

отлично. То есть на клавесинах мне уже не играть, ну да я и раньше не играл, а грести мог бы... Если бы отец Бернар не запретил.

А вот с мечом упражняться – никаких ограничений. Так что мы с Медвежонком, который тоже стремительно здоровеет, крутим железо до полного изнеможения. Друг с другом, с ирландскими хольдами, с самим Лисом, который фехтовальщик – так себе, зато убийца – наивысшего класса. Среднестатистический мастер айдзюцу[186] и мявкнуть бы не успел, а уже заполучил бы децил стали в брюшную полость.

Но вернемся к нашим новостям.

Человек, которого мы сняли со скалы, оказался кормчим свейского кнорра. И кнорр этот совершенно внаглую захватили разбойнички, предводительствуемые, кем бы вы думали? Точно! Эйнар Торкелем и Лейфом Весельчаком.

Напали они довольно подло: вкрались в доверие и набросились. И это притом, что у свейских купцов была грамотка-гарантия от Харека-конунга, а сам Эйнар шел в Хедебю. Они что, совсем идиоты?

И на хрена захватывать кнорр, нагруженный железом, если железо это на драккар можно перегрузить только малой частью? А тащить обратно в Хедебю чужой кнорр, который к тому же там видели, – это полным недоумком надо быть. Да Харека за такое все торчащие части тела тупым ножиком отрежет.

И какого хрена они отпустили свидетеля? Догнать пловца в море можно на самой утлой лодчонке. Догнать и утопить. А потом заявить: ничего не знаем, ничего не видели, нашли кнорр без команды и забрали. Тоже мало достойное доверия заявление. Но его хоть опровергнуть некому.

Мужик, однако, орел. Просидел на камнях четыре дня, питаясь ракушками и утоляя жажду дождевой водой, скопившейся в яме на макушке валуна. И дождь прошел всего лишь позавчера, так что первые пару дней он сидел вообще без воды. Вот это круть! Вот это настоящая воля к жизни!

Я всё ломал голову: что за абсурд? На хрена им было нападать на кнорр? Жадность и дурость?

Но за Лейфом ничего подобного не замечалось.

Эйнар Прыщик – да. Этот – молокосос. Но мой бывший хирдман – мужик умный и расчетливый...

Я ломал голову и строил прогнозы, а Свартхёвди – ликовал. У Медвежонка всё просто. Он сразу заявил, что новость – отличная. Мол, оставят сконцы кнорр себе или утопят, предварительно перезагрузив часть груза на Северного Змея, это уже не так важно. И в первом, и во втором случае они пойдут медленнее, что замечательно, поскольку Северный Змей – кораблик ходкий, и настичь его непросто. А если он отяжелеет или, что вообще отлично, возьмет на буксир набитый под завязку кнорр, то это существенно приблизит его, Медвежонка, к сбыче мечты. То есть к наматыванию сконских кишок на столб.

Не правда ли, очень оптимистично?

Кнорр они не бросили. И задержались даже больше, чем мы могли надеяться. Дистанция между нами сократилась до трех дней хода. Так нам сказали в поместье, где мы остановились. Они видели Северного Змея, буксирующего кнорр, всего три дня назад.

* * *

Твердая земля, камешки колют спину... Почему-то с Ульфом она никогда не обращала внимания на все эти мелкие неудобства. Новый муж пыхтит, старается, слюна течет по бороде, вздуваются буграми мышцы под белой гладкой кожей, хрипит:

– Хорошо тебе?.. Хорошо?..

Гудрун молчит. Выдыхает резко, когда здоровенный норег наваливается на нее всем весом.

Ему кажется: она задыхается от страсти... А ей просто тяжело. И – ничего. Внизу словно все отмерло.

Лейфу – без разницы. Влить в нее еще одну порцию семени – вот о чем он думает. Если думает...

– Обними меня! – приказывает муж.

Гудрун обнимает. Под ладонями – липкая от пота кожа, под кожей – горячая плоть. Мышцы, ребра... Гудрун представляет, как входит в эту плоть холодное железо... И чувствует сладостное томление в груди. С губ срывается стон...

Муж думает: это она – от страсти, и толчки-шлепки становятся чаще. Он взрыкивает по-медвежьи и наконец изливается. И тут же отталкивается от земли, усаживается рядом, очень довольный, глядит на Гудрун сверху, скалится:

– Вижу, ты начинаешь оттаивать, моя ледышка! Когда-нибудь я научу тебя, как надо любить мужчину! Как я хочу услышать твой крик, когда в тебя входит кое-что твердое! Ты удивишься, как это бывает!

Гудрун тоже улыбается.

«Когда-нибудь я воткну в тебя кое-что твердое.

И ты тоже удивишься. И, может быть, закричишь...»

Но вслух произносит:

– Надо возвращаться. Я чувствую запах жареного мяса.

Ноздри Лейфа раздуваются...

Он изменился, Лейф Весельчак. Сейчас его никто не назвал бы Весельчаком. Он не смеется, не шутит, а улыбается только тогда, когда хочет показать силу. Не улыбается – показывает зубы.

– Так и есть! – восклицает он. – Мясо готово!

Вскакивает, натягивает штаны, опоясывается...

И вот его уже нет. Прирожденный воин, этот норег, ее новый муж. Стремительный, бесшумный... Мгновение – и пропал в чаще. Проголодался.

А вот Ульф ее бы не бросил.

Но – бросил. Ушел в Валхаллу, оставив ей месть. И растущего внутри ребенка.

Гудрун ополаскивается у ручья, застегивает пояс и бредет вниз по тропинке, к бухточке, в которой стоит Северный Змей и жарится мясо...

Но не успевает пройти и нескольких шагов, как ей преграждают дорогу.

Фари и Фастайр. Родные братья. Фари – старший. Зато Фастайр – крупнее.

Гудрун останавливается. Смотрит молча. В глаза. То одному, то другому. Братья мнутя...

Может, они ожидали, что она испугается? Вот еще глупости.

– Говорите, – роняет Гудрун.

Братья переглядываются.

Потом старший делает шаг вперед:

– Ты хороша, – сообщает он. – Нравишься мне... То есть нам.

– И что?

– Может, это, покувыркаемся?

Гудрун хохочет.

Братья переглядываются в смущении. А на что они надеялись?

Принудить? Уговорить? Купить?

– А друг с другом вы покувыркаться не хотите?

Это уже оскорбление. Оба, разом, делают шаг...

– Я сейчас закричу, – спокойно предупреждает Гудрун.

Вот так, уже лучше. На крик прибежит Лейф и убьет их обоих, так?

Нет, не так.

Но они все же остановились.

– Кричи, – предлагает Фари. Но не пытается к ней приблизиться.

Пауза. Потом Гудрун, сообразив, спрашивает:

– Уверены, что справитесь?

Ну да, встревоженный Лейф бросится ей на помощь... И нарвется на засаду. Удар клинка в спину, и с ним покончено.

Но нет, братья не уверены. Снова переглядываются.

– Когда будете готовы сразиться за меня как мужчины, – презрительно роняет Гудрун, – тогда я, может быть, окажусь к вам благосклонна.

И уходит. Братья расходятся, уступив ей дорогу.

Гудрун очень довольна. Еще пара skonцев готова убивать за нее. Это может пригодиться.

* * *

Кормчего на корабле Красного Лиса зовут Делбаэт. На русский слух звучит – не очень, правда? Но для ирландцев это имя священо. Примерно как Сигурд – для скандинавов.

Делбаэт – мастер копейного боя. Что он вытворяет с длинным копьём – уму непостижимо. Например, он может, упершись древком, перемахнуть с палубы драккара на берег через шесть метров воды и камней. Или с короткого разбега выметнуться ввысь, как прыгун с шестом, и прийти на ноги, допустим, на ветку дуба на четырехметровой высоте. Улавливаете аналогию? Вот именно! Раз! – и ты на стене вражеского укрепления. Я тоже тренировался. И даже получалось. Правда, с боевым копьём пока не рисковал. Только с голым древком. И то выходило весьма неуклюже.

Вот таков мастер ирландского копейного боя Делбаэт. Я попробовал работать с ним в своей обычной манере китайского шеста – и понял, что даже в лучшие времена, когда у меня не было тех отметин на тушке, которые есть сейчас, и когда я ежедневно упражнялся именно с шестом, противопоставить что-то ирландцу с неблагозвучным именем всё равно бы не смог. Потому что это не бой, а гимнастика какая-то. Ну как атаковать противника, который вдруг оказывается на два метра выше? А потом – за твоей спиной, по пути приголубив тебя древком по шее?

Бой не слишком поощряет акробатику. Не терпит экзотики, длинных сложных ударов с прыжками и разворотами. Бой любит, когда просто и эффективно. Коленом в пах, а не тоби уро маваша а-ля Клод Вандам. Бой не терпит открытых частей тела. Прыгнешь с борта на борт ногами вперед – приземлишь-

ся уже без них. А Делбаует – прыгал. И ничего. Не успевал я его достать, потому что траектория прыжка высока и непредсказуема. Впрочем, кое-чему и я смог его научить. Например, привязать пониже острия красную тряпку. Далбаует мгновенно заценил идею. И освоил за десять минут. И страшно меня зауважал. Даже неудобно как-то. Придумка-то не моя.

Вообще же отношения с ирландцами у меня – складывались. Очень импонировало то, что они, хоть и викинги, но все же – христиане.

Медвежонок с ними тоже поладил. Ему простили совершенное когда-то в безумии убийство соратника. И приняли в команду.

А меня, что характерно, – нет. Я пребывал в особом статусе, ведь именно мне был, что называется, «придан» ирландский хирд.

И вот наконец-то Хедебю. Я уже был здесь. С Хрёреком, так что всё вроде знакомо. Но кое-кто увидел кое-что знакомое ему лично.

– Мой кнорр! – завопил спасенный нами свей, указывая на кораблик, пристроившийся в ряду других плавсредств. – Туда! Плывите туда!

Это запросто. Гребцы налегли на весла, и через несколько минут нос нашего драккара взрезал песок рядом с кнорром, а ирландцы Лиса без раздумий полезли на его палубу.

Я в этом не участвовал. Вертел головой, пытаюсь разглядеть свой собственный драккар, но Северного Змея не было...

– Да купил я его, купил! Сколько можно повторять! – орал новоиспеченный владелец свейского кнорра и всего его содержимого. – Ясно вам?

– Еще раз заорешь, по зубам получишь! – посулил неудачливому любителю дешевизны лагман Харека. Самого Харека-конунга в Хедебю не было. Бродил где-то по окрестностям во главе вооруженного войска. Но лагман оказался вполне внятным товарищем. Когда в сопровождении стражи мы явились к нему разбирать спорный вопрос, он въехал в тему довольно быстро.

– Ты один остался в живых? – спросил он. – Кто может подтвердить твою историю?

– Мы все! – заявил Красный Лис. – Мы все видели, как он сидел на скале. Сколько ты там просидел?

– Четыре дня.

– Я купил кнорр позавчера! У меня есть свидетели! – настаивал польстившийся на краденое купец.

– А мы, – вкрадчиво заметил Красный Лис, – готовы свидетельствовать, что этот человек, – кивок в сторону свей, – говорит правду. Мы все готовы.

Вот так, дорогой товарищ покупатель несправедного. Решает здесь, конечно, судья. Он же – лагман, Глашатай Закона. Но так уж повелось, что, чем больше у стороны свидетелей, тем она правее.

Хотя это в большей степени касается внутренних споров. Например, из-за какого-нибудь лужка или неправомерно утилизированной чужой свинки.

А здесь дело политическое. Свобода и безопасность торговли. И авторитет конунга затронут непосредственно. Будь это какой-нибудь посторонний корабль, и то вопрос оставался открытым. Но тут – явное нарушение датского права. Хочешь брать добычу – иди в Англию, или во Францию, или в Гардарику – и бери. Что добыл, то твое. А в территориальных датских водах – нефиг.

А ведь это даже не посторонний корабль, а, можно сказать, собственный. Конунг обещал свейам защиту. Обещал – и не обеспечил. Значит, сейчас, пусть и с опозданием, справедливость должна восторжествовать. Ну не деньги же возвращать наследникам свеев, право слово? Да, купец заплатил за спираченный кнорр собственные живые бабки, но это его проблема.

– А еще у меня есть это. Взгляни, – и я продемонстрировал лагману кусок кожи с оттиском печати Халлбьёрна Шейного Платка: «Подателю сего – оказывать помощь именем конунга всех данов».

Полагаю, это и решило дело.

– Кнорр был под защитой Харека-конунга. Следовательно, его следует вернуть родичам того, кто платил за защиту, – принял решение лагман. – Кнорр вез железо. Где оно?

– Я его продал, – признался купец.

– Что выручил, отдашь ему, – решил судья. – Десятую часть – в казну конунга. Ты, – уже спасенному, – наймешь людей и вернешь кнорр родичам хозяйна.

– Я сам – родич! – приободрился свей.

– Единственный?

– Не-ет...

– Вернешь кнорр родичам! – с нажимом произнес лагман. – Старшим. Ты понял меня?

– Да, господин.

– Десятую часть – в казну!

– Да, господин!

– Брат, мы должны съездить в одаль Хрёрека, – сказал я Медвежонку.

– Зачем?

– Затем, что я хочу знать, жив ли он?

– Я тоже хочу это знать, брат! – Свартхёвди нахмурился. – Но ты приплыл сюда на корабле Красного Лиса, о котором известно, что он – человек Ивара Бескостного. А Ивар – брат Сигурда. На месте родичей Хрёрека я не стал бы откровенничать с таким, как ты. Всё, что мы знаем: в Хедебю Хрёрека не видели с тех пор, как Сигурд Змей в Глазу напал на него.

– Но ты веришь, что Хрёрека убили?

– Я – не моя мать, – пожал плечами Медвежонок. – Я мог бы раскинуть руны... Но они вряд ли станут со мной говорить. Хочешь, мы поищем кого-то, кто умеет?

– Я бы хотел что-нибудь понадежнее, чем руны, – возразил я. – Например, кого-то, кто видел, как убивали Хрёрека... Или – как он спасся...

– Почему ты думаешь, что такой свидетель есть?

– Я на это надеюсь. Допустим, человек из нашего хирда, который уцелел, как уцелел этот кормчий со свейского кнорра... И такой человек, скорее всего, придет именно сюда, в Хедебю, к родичам Хрёрека. Рассказать им, что конунг погиб. Или – что он жив...

– Может, и так. Но зачем говорить об этом тому, кто может поделиться новостью с Рагнарсонами? Я тебе так скажу, брат мой Ульф: жив Хрёрек или нет, этого уже не изменишь. А вот моя сестра точно жива. И я очень хочу поймать и выпотрошить крысу, которая ее украла! Это трудный выбор, брат, – Медве-

жонок обнял меня,дохнул в лицо чесноком, – твой первый хёвдинг и твоя жена... Долг разрывает тебя на части, но прислушайся к себе и скажи: какой путь ты выбираешь?

Что ж, тут и прислушиваться не надо. Гудрун, Гудрун! Девочка моя! Что мне весь мир, если тебя в нем не будет?

– Вот хорошо, – подвел итог Свартхёвди, угадав мой выбор. – И не будем терять времени. Нас разделяет два дня. Правда, мы не знаем, куда они теперь направились. Прислушайся к себе, брат: что говорит твой вещий дар? Куда они пошли?

– Мой вещий дар даже не знает, зачем они дали уйти этому свейскому кормчему, – проворчал я.

– Да какая разница, – проворчал Свартхёвди. – Главное, что теперь Харек-конунг уже не предоставит Прыщику защиту. Будь Лейф один, я бы поставил марку против эйлиля, что он пошел на север, к себе домой. Но вряд ли сконцам по нраву Путь на Север. Хорошо бы не ошибиться, потому что времени у нас немного. Зима близко, брат.

Глава пятнадцатая

Новый хёвдинг

– Мы могли бы продать его намного дороже! – недовольно проворчал Фари. – Ты продешевил, норег!

– Так и есть! – поддакнул Эйнар Торкельсон. – Нам не помешали бы лишних полсотни марок. Когда Харек-конунг выделит мне землю для кормления, мне...

– Землю? – Лейф ухмыльнулся. – Ты думаешь, что он выделит тебе землю, Эйнар? С чего это вдруг?

«Эйнар ему больше не нужен, – поняла Гудрун. – Сконцы теперь его – после захвата кнорра. Когда ты без особых усилий становишься богаче на десять марок серебром, то сразу понимаешь, кого хочешь видеть вождем. Прыщик еще не понял, что Лейф закончил с ним. Он убил бы сопляка прямо сейчас: это у него на лице написано. И сконцы бы приняли. Скорее всего. Но сейчас вокруг слишком много чужих глаз. Потому сначала Лейф захочет уйти из Хедебю».

– Ему нужны верные ярлы! – надменно заявил Прыщик и приосанился.

– Так не болтай чушь! – рявкнул Лейф, нависая над Торкельсоном. – Мы пришли сюда со свейским кнорром на привязи. Я нашел того, кто согласился его купить вместе со всем, что внутри, прямо в гавани. Теперь это его кнорр, его железо и его дело объяснить, откуда это все взялось. А еще я знаю, что покупатель уберется отсюда раньше, чем вернется Харек-конунг. И если кто-то захочет задать конунгу вопрос по поводу кнорра, который был под его защитой, то будет уже поздно.

– Ах какой ты умный! – с иронией заявил Эйнар. – Думаешь, никто не видел, что это мы притащили его сюда? А мы-то останемся здесь!

– Ты останешься, – Лейф ухмыльнулся еще шире. – А я не собираюсь ждать, когда палач Харека начнет задавать мне вопросы.

Эйнар побледнел, отчего многочисленные прыщи на его длинном лице стали еще краснее.

– Что ты сказал?

– Он правильно сказал! – вмешался Тьёдар Певец. – Нам надо убираться отсюда!

– Но я... Как же... Я же хотел стать ярлом Харека... – растерянно пробормотал Прыщик.

– Баран, которого мы скоро съедим, – Лейф кивнул в сторону берега, где горел костер и готовился обед, – тоже хотел. А теперь его яички подрумяниваются на вертеле, и я собираюсь их съесть, если никто не против.

Кое-кто из сконцев, собравшихся вокруг них и прислушивающихся к разговору, засмеялся.

«Силен, умен, безжалостен и удачлив, – подумала Гудрун. – У него есть все, что нужно вождю. Все, что нужно!»

Кто-то крикнул:

– Съешь их, Весельчак! Тебе – надо. Мы все слышим, как ты пахтаешь жену каждую ночь!

– Разве только ночью? – сверкнул зубами Лейф. – Ну да это наше с ней дело, а есть то, что касается всех. И вот этим мы и займемся после обеда. Соберемся и узнаем: хочет ли еще кто-нибудь остаться здесь и подождать возвращения конунга? А тем, кто решит остаться, я хочу напомнить о том свее, который уплыл... Никто ведь не видел, как он утонул, верно?

– Ты сам сказал, что он ни за что не доплывет до берега! – воскликнул Эйнар, сообразивший, что его планам на ярлство пришел конец. – Это твои слова!

– Мои слова: я не думаю, что он доплывет, – тут же внес поправку норег. – Я и сейчас не думаю, что он доплыл. Но я не видел и того, как он утонул. Вдруг его удача пересилит нашу? И что будет, если он все-таки доплыл? Что будет, когда он придет сюда, покажет на тебя пальцем и заявит: вот этот напал на нас!

– Кто ему поверит! – фыркнул Эйнар. – Нас много, а он – один. Если мы все скажем: не было этого...

«Сопляк, – подумала Гудрун. – Прыщик. Беги, если не хочешь, чтобы тебя убили! Беги прямо сейчас».

Не побежит. И это хорошо. Когда Лейф его убьет, одним врагом станет меньше.

– ...Не было этого!

– Может, и так, – отозвался Лейф. – Но я уверен: обязательно найдется кто-то, видевший, как свейский кнорр плыл за нашим драккаром! Но мы это обсудим позже. Что-то я проголодался. А ты, моя женщина, ты хочешь?

Гудрун очаровательно улыбнулась. Сначала – мужу, а потом, когда он, гордый, отвернулся, Фари и Фастайру.

А Тьёдару Певцу подала руку, чтобы тот помог ей спуститься по сходням на берег.

– А-а-а... Вот люди, которых я ждал!

– Какие еще люди? – Эйнар уставился на четверых мужчин, бодро шагавших по берегу.

– Наши будущие дренги, – спокойно сообщил норег. – Нас маловато для того, чтобы заняться славным промыслом.

Вновь прибывшие по веслам вскарабкались на борт. Мрачноватые, крепкие, и оружие у них неплохое. Встали перед Лейфом, сидевшим на свернутой канатной бухте.

– Ингвар сказал: ты ищешь охотников для Лебединой Дороги? – спросил тот, что постарше. – Мы пришли.

– Вы – фризы? – спросил Лейф.

– Угадал. Отстали от своих...

– Почему?

Четверо переглянулись смущенно.

– Отстали или сбежали?

– Ушли, – опять за всех ответил старший. – Ярл обидел нас при дележке.

– Поставил ниже своих родичей! – пылко воскликнул фриз помоложе.

– А мы – лучшие и в бой вступили первыми! – подхватил третий.

– А с кем бой-то был? – поинтересовался Лейф.

Собравшиеся вокруг свободные от гребли сконцы с интересом прислушивались.

– С курлами, – снова вступил старший фриз.

Драккар отошел от берега, проскользнул между другими кораблями и, вырвавшись на свободу, помчал в открытое море, взбивая носом белые пенные усы. Отдохнувшие гребцы с удовольствием работали веслами.

– Я что-то не понял, почему ты тут распоряжаешься! – сердито закричал Эйнар, протолкнувшись вперед. – Я – хёвдинг! – И стоявшему у кормила Тьёдару Певцу: – А ну поворачивай к берегу! Не нужны нам никакие фризы!

– А по-моему, хорошие парни, – с подчеркнутой ленцой проговорил Лейф. – Я бы взял их, Эйнар.

– Вот, когда станешь хёвдингом, тогда и будешь решать, кого брать, а кого – нет! – запальчиво выкрикнул Эйнар Торкельсон.

Запальчиво и опрометчиво.

Лейф встал. Лениво, вразвалочку, прошагал по палубе к корме.

– Останови корабль, – негромко велел он Тьёдару.

Певец рявкнул команду. Гребцы дружно подняли и втянули весла. Теперь драккар двигался по инерции, по-прежнему удаляясь от берега.

Так же неторопливо Лейф вернулся на прежнее место, встал перед насторожившимися фризами, которые не понимали, в чем дело, но на всякий случай держали руки поближе к оружию.

– Когда стану хёвдингом, говоришь? – проговорил норег, останавливаясь напротив Эйнара. – Пожалуй, я стану им прямо сейчас.

– Ах ты!.. – Эйнар схватился за меч.

Хирдманы подались назад, освобождая место, но в этом не было необходимости. Эйнар Прыщик успел извлечь клинок только до половины, а Лейфу особого места и не требовалось. Он мгновенно выдернул из ножен клинок, хлестнул коротко, наискось, без замаха, поперек бедер и сразу, восходящим, – поперек Эйнарлова лица. Отбросил Торкельсона, уже мертвого, толчком с дороги и, вскочив на скамью, развернулся к хирдманам. Капли крови веером слетели с его меча в лица растерявшихся сконцев.

– Юнец сам предложил мне стать хёвдингом, – произнес он в почти полной тишине. – И я принял его предложение. И стал. По обычаю. Если кто-то считает, что я – не достоин, пусть выйдет и скажет об этом.

Именно так. По обычаю. Если у людей нет вождя, вождем может стать любой, кто встанет на возвышение и объявит об этом. Хоть хёвдингом, хоть конунгом.

Кому это не по нраву, тот может спихнуть заявившего с пригорка. Если рискнет.

Никто не рискнул.

Тъёдар Певец проворчал негромко:

– Ты был в своем праве, Весельчак. Он первым взялся за меч. Да и хёвдингом был никудышным.

– А вот меч у него хорош, – норег соскочил со скамьи, наклонился, снял с убитого пояс с оружием и нацепил поверх своего.

Он не боялся, что кто-то ударит в спину. Многие сконцы не любили его, но уже признали его власть.

– Тъёдар! – торжественно произнес Лейф. – Ты мудрый человек и хороший воин. Позволь подарить тебе это! – отстегнул от пояса ножны и вручил их Певцу вместе с клинком, когда-то принадлежавшим Хеги Косолапому. – Назначаю тебя кормчим и отдаю тебе право на три доли добычи.

На этот раз Лейф уже не поинтересовался ничьим мнением. Он – хёвдинг, и этим все сказано.

– Теперь вы с нами, парни, – Лейф повернулся к фризам. – Я принимаю вас в хирд. Обряд проведем прямо сейчас. Эй, кто-нибудь! Снимите с сына ярла все, что может пригодиться, зашейте тело в парусину и выбросьте в море. А мне принесите сапог для обряда...

Глава шестнадцатая **Несостоявшееся убийство**

Мы догоняем. Это потому, что преследуемые потеряли день, высадившись на берег и ограбив датскую деревушку. То есть не то чтобы ограбив... Взяв страндхуг[187] и задержавшись на некоторое время, чтобы попользоваться бонусом в виде бесплатной кормежки и бесплатного секса.

Впрочем, сконцы не были к бондам слишком жестоки: никого не убили.

Зато оставили нам следок. Причем говорящий...

– Сегодня или никогда, – сказал Фари. – В море мы его достать не сможем, а когда он окажется на своей земле – и подавно. Так что, брат, нам придется убить его сегодня. Когда он снова пойдет любиться с Гудрун.

– Я думаю, мы с ним не справимся, брат, – буркнул Фастайр. – Думаю, он нас убьет.

– Ты струсил? – прищурился Фари. – Испугался за свою волосатую шкуру? По-твоему, эта женщина не стоит того, чтобы рискнуть жизнью?

– Да, мне страшно, – признал Фастайр. – А еще я подумал: рисковать мы будем вместе, а добыча достанется тебе одному.

Старший брат задумался. Фастайр был ему нужен.

– А давай так, – предложил младший брат. – Пусть она сама выберет, кто ей люб. Кого выберет, тому и достанется!

И очень довольный, приосанился и выпятил бороду. Он не сомневался, что Гудрун выберет его, потому что знал: он больше, красивее и лучше владеет оружием. А что братец считает себя умнее и норовит захватить кусок пожирнее, так мы еще посмотрим, как это у него выйдет.

Нехитрые мыслишки брата Фари угадал без труда. И что теперь делать? Фастайр упрям. Если что втемяшилось в его кудлатую голову – веслом не вышибешь. Тем более что угадал младший правильно. Так Фари и собирался: за-

брат Гудрун себе. А как же иначе? Он же – старший. А если оставить выбор за ней, то выбор этот, скорее всего, падет не на него. Фари по опыту знал: с тех пор как Фастайр обогнал его в росте, девки на брата так и вешались.

Нет, оставлять выбор за Гудрун никак нельзя. Но если боги недодали Фари красоты, то взамен расщедрились на ум.

– Знаешь, что мы сделаем, – сказал Фари. – Мы оба станем мужьями этой женщины.

– Как это? – удивился Фастайр.

– А так. Мы же братья. У нас общее имущество, общий одаль... Почему бы нам не иметь и общую жену? Разве земля не важнее женщины?

– Это да, – согласился Фастайр.

– Вспомни, сколько раз мы уже делили женщин, брат. Почему бы нам не разделить еще одну, а дети будут считаться общими. И если с одним из нас что-то случится, а в виках, сам знаешь, бывает всякое, то другой станет единственным мужем.

Младший нахмурился, пытаясь понять, в чем подвох.

– Да ты сам посуди, – продолжал уговоры старший. – Женщины – они такие. Им хоть один, хоть двое – разницы никакой. А если ты ей больше придеешься по нраву, значит, и любить она тебя будет больше.

– Ладно, – наконец согласился Фастайр. – Только мне все равно страшно. Норег этот мечом машет – как стрекоза крылом. Фырр – и руки нету. Фырр – и кишки наружу... – Фастайр передернул плечами, будто его приморозило. – Помнишь как он Эйнара? А тот, хоть и сопляк, железом владел получше, чем мы.

– Так и есть, – согласился Фари. – Зато нас двое. И вдобавок мы не станем с ним рубиться.

– А как тогда? – Фастайр уставился на брата с надеждой. – Ты что придумал?

– Мы нападем на него, когда он встанет с нашей Гудрун! – объявил Фари. – Когда мужчина натягивает штаны, он беспомощнее бычка. Тем более после бабы. Сам знаешь, каково это: совсем драться не хочется. Вот он встанет, возьмет за штаны... А я – стрелу ему в спину. А ты – подскочишь и сразу добьешь!

– Может, я – стрелу, а ты добьешь? – тут же внес встречное предложение Фастайр.

– Нет уж, братец! – решительно воспротивился старший. – Я стреляю лучше. А вот с мечом да копьем лучший – ты. Сам знаешь, у нас только Косолапый да Грибок могли с тобой в этом потягаться.

– Так он же убил Косолапого! – воскликнул Фастайр. – Хочешь, чтобы он и меня убил, а Гудрун тебе досталась?

– Ну ты и дурень, – вздохнул Фари. – Вот он тебя убьет, а мне марку серебра подарит? И жену в придачу? Убьет тебя, мне тоже не жить. И Косолапый – что? Косолапый с ним честно бился, а мы его врасплох возьмем. Со спущенными штанами. Да со стрелой в спине. Ты его один только раз рубанешь – и дело сделано. Ну что, согласен?

– Ну, может, и так... – Фастайр все еще колебался. – Только мы сначала с тобой клятву принесем. Что будет Гудрун нам общей женой.

– Конечно, принесем, – заверил Фари. – Хоть сейчас. Доставай нож...

– Ты будешь мне хорошей женой, – сказал Лейф, сжимая ладонью затылок Гудрун. – Сильная жена для сильного мужчины. Сильная и послушная. Признаться, я думал: придется учить тебя покорности, и я рад, что ошибся. Бить тебя мне бы не хотелось. Хотя я был бы не прочь, если бы ты была погорячее. Порой мне кажется, что я не с живой женщиной лежу, а с мертвой.

Пользуясь тем, что муж не может видеть ее лица, Гудрун позволила себе улыбку. Знал бы он, отчего она так послушна... Хотя в чем-то он прав, великолепный Лейф Весельчак. Она и впрямь с ним – как мертвая. Иногда Гудрун вообще казалось: она уже умерла. Но ее оставили в Мидгарде еще на некоторое время. Чтобы она смогла отомстить. Что ж... Мало кому боги делали такой щедрый подарок.

Лейф поднялся, потянулся, подцепил ступней штаны, перехватил их руками, сунул ногу в штанину...

И вдруг тяжело рухнул прямо на Гудрун. Женщина вскрикнула...

Фари не ошибся. Им удалось подобраться к увлеченному соитием норегу совсем близко. Некоторое время они смотрели, как норег утоляет страсть. Фастайр сопел и пускал слюни. Так мечтал оказаться на месте хёвдинга, что даже рискнул подобраться поближе: вряд ли увлеченный норег услышит.

Что ж, когда братья сделают дело, мечта Фастайра сбудется. Но только после Фари. Все же он – старший. И без него ничего бы не получилось. Жаль, конечно, что Гудрун станет их общей женой, но в конце концов – они же братья. И старший должен заботиться о младшем.

Кажется, норег насытился. Обмяк, развалился на женщине... Здоровый какой он все же...

Фари думал: не пустить ли стрелу сейчас, но побоялся попасть в женщину. И сделал, как и намеревался: дождался, когда Лейф начнет натягивать штаны, и плавно оттянул тетиву к уху...

Увидав, что норег упал, Фастайр с яростным воплем рванулся вперед, замахаясь секирой – добить.

Лейф же ловко перекатился на спину и пнул Фастайра ногой в щит. Фастайр отшатнулся, а Фари, накладывая вторую стрелу, помянул воронов, потому что, не пни норег его брата, тот отрубил бы Гудрун ногу.

Однако в следующее мгновение ему стало не до заботы о Гудрун, потому что норег вскочил, да не просто так, а успев схватить меч. Затем увернулся от посланной в него стрелы, налетел на Фастайра, ухватил его за край щита, дернул и тут же отпустил, отчего Фастайр едва не потерял равновесие, без толку махнул топором, который норег перехватил за рукоять. Меч его упал вниз, Фастайр выпустил топор, повалился на траву и закричал. Правой ноги у него больше не было.

– Брат, брат, помоги мне! – вопил Фастайр, но Фари и себе-то не мог помочь. Послал еще одну стрелу, опять промахнулся, не выдержал и ломанулся через кусты – наутек. Но не успел сделать и трех шагов, как брошенный с левой руки топор врубился ему в спину.

– На! – Гудрун бросила Фастайру ремешок. – Перестань орать и перетяни ногу. Может, тогда не сдохнешь, дурень!

Фастайр не сдох. Живуч оказался. И это было очень кстати, потому что спустя несколько дней он охотно поведал нам о том, куда направляется Лейф.

Он много интересного нам рассказал, этот безногий сконец, и за это мы обошлись с ним по-доброму. Просто перерезали горло.

Глава семнадцатая **Родной дом Лейфа Весельчака**

Мы их не догнали. Нас было больше, и нам приходилось чаще останавливаться, чтобы брать воду и припасы. Зато теперь мы точно знали, куда направляются наши враги. К Согне-фьорду. Лейф – оттуда родом. Там жил его ярл, Вигмарр Зубовный Скрежет, которого мы отправили к рыбам. Там был и одаль самого Лейфа.

Да, мы по-прежнему отставали, но до зимы времени еще с запасом. К тому же, как я слышал, здешнее море и зимой не замерзает. Гольфстрим.

Когда мы пришли в Уплэнд, столицу конунга Хальфдана Черного, то отставали всё на те же три дня. И это притом, что наши враги пробыли здесь целых двое суток.

Харальд Щит, мой здешний приятель, соратник по французскому походу и местный богатей, искренне сокрушался. Мол, очень жаль, что он не знал о том, что Лейф со товарищи – мои враги. Если бы знал, тут бы их путь и закончился. Потому что здешний конунг Хальфдан Черный, по его словам, по-прежнему относился ко мне позитивно, да и самого Харальда очень уважал, так что и не отказал бы нам в такой малости, как прищучить похитителя моей жены. Тем более, я намекнул, что эти люди виновны в смерти Фиска Рыбы, брата Хальфдановой последней жены... А это уже дело кровное.

Хальфдана Черного в Уплэнде не было. Отправился учить соседей уму-разуму. За старшего оставил ярла, коего звали Игге Хитрый.

Согласно правилам хорошего тона, нам следовало нанести ему визит. И мы нанесли. Передали Хальфдану-конунгу подарочки и наше почтение. Взамен нас угостили пивом и заверением, что в Уплэнде мы – желанные гости.

Ну и славненько. Хальфдан в Норвегии – авторитет признанный. Такого человека лучше иметь на своей стороне.

Чтобы мы не запутались в норвежских фьордах, Харальд Щит сосватал нам лоцмана.

От него мы и узнали, что Согне-фьорд, к которому, по нашим сведениям, двигался Лейф, чуть ли не самый большой из здешних фьордов и настолько глубокий, что многие считали, кое-где у него вообще нет дна.

Короче, легендарное место. Мифологическое. Народу на берегах Согне-фьорда жило не так мало, но в силу его изрядной длины (два-три дня плавания при хорошей погоде), а также далеко не идеального, с точки зрения жилья, побережья, мы могли не опасаться, что столкнемся с вражескими силами, которым наш хирд – на один зуб. А прочие и сами не станут с нами связываться.

Харальд Щит советовал мне дождаться конунга и получить от него «верительные грамоты», но я советом не воспользовался. Даже особо не вслушивался в то, что говорил Щит. Я чувствовал: надо торопиться.

Может, я и задержался бы, кабы слушал повнимательнее и до меня дошло бы, что фюльк Согн нынче – владение Хальфдана Черного.

Но меня глодало беспокойство. Было такое чувство, что счет идет даже не на дни – на часы...

Все же на сутки мы задержались. Требовалось дать людям роздых. Поход был тяжелейший. Почти всю дорогу – на веслах.

Я пытался настроить себя на оптимизм. До Согне-фьорда не так уж далеко, можно было надеяться, что вскоре я увижу свою любимую. А предатель получит по заслугам.

Сам процесс «получения по заслугам» Свартхёвди описывал минимум раза три в день. Очень детально.

Отдохнув в гостях ровно сутки и получив у Харальда Щита согласие на возможную зимовку под его крышей, мы отплыли на север.

* * *

Почти весь светлый день они шли по Согне-фьорду. Фьорд был огромен. Казалось, не фьорд это, а пролив в соседнее море. Что еще один поворот – и высокие каменные стены разойдутся, и впереди откроется бесконечный морской простор.

Но драккар плыл и плыл, разбивая носом волну, полосатый парус то вздувался, то опадал, когда очередная скала забирала ветер.

Лейф стоял на носу и глядел вдаль. Лицо же у него было такое, будто он сам создал всю эту красоту.

Время от времени он поворачивался к Гудрун, указывал на очередную скалу и называл ее имя. Или даже рассказывал историю вроде тех, которые пели скальды зимними вечерами. Глаза его сияли.

«Вот что он любит по-настоящему, – подумала Гудрун. – Не меня, а эти скалы, это небо, эту воду...»

Впору было ему позавидовать. Гудрун тоже любила землю, на которой выросла, но Лейф не просто любил – он поклонялся Согне-фьорду как божеству. И это тоже было понятно. Ничего величественнее Гудрун в жизни не видела.

А вот то, как переменялся Лейф, когда драккар вошел в широченное устье фьорда, ее удивило. До того он каждую ночь опрокидывал ее на спину, этой же ночью, впервые, не стал ее трогать.

Гудрун забеспокоилась. Может, зря она не убила его раньше? Правильным ли было решение о том, что сначала должны умереть все те, кто грабил ее дом? Что, если Лейф больше не подпустит ее к себе достаточно близко?

«Боги предков моих, помогите! – взмолилась женщина. – Пусть канут они в царство Хель!»

Но тревога не унималась, и, чтобы унять беспокойство, Гудрун ночью выскользнула из палатки, отыскала сконца, убившего Ульфога бонда Льота Рувичку, обняла, а когда тот, открыв глаза и узнав женщину, улыбнулся во весь щербатый рот, Гудрун вогнала нож ему в сердце. Месть – это так сладко! А еще это была жертва! Так боги вернее услышат ее.

Гудрун, поднатужившись, выбросила тело за борт и вернулась в палатку. Тревога ее улеглась, и она быстро уснула.

Утром оказалось, что на этот раз без следов не обошлось. Борт драккара был испачкан кровью.

Хирдманы забеспокоились и потребовали у вождя объяснений: куда он их привел? Что это за место, где морская нежить таскает людей прямо с корабля?

Лейф только фыркнул. Подумаешь! В этом фьорде вообще нет дна. Кто только не поднимается оттуда, из Мировой Бездны? Может, сам Мировой Змей Ёрмунганд? Видать, морские жители обиделись, что им не принесли жертвы, и решили взять ее сами. Но теперь – всё в порядке. А погибшего жалеть нечего. Был он никчёмным воином, раз позволил себя уволочь.

Среди хирдманов тут же возник новый спор: следует ли принести в жертву владыкам фьорда одну из рабынь?

Спор прекратил Тьёдар Певец, заявив: если бы морские божества Согне-фьорда хотели бы одну из тир, они бы ее и утащили. И разогнал гребцов по румам.

Однако не успокоил. Кто-то вспомнил историю о Пчелином Волке Беовульффе. Кто-то – другие истории, в которых пристрастившиеся к человечине чудовища каждую ночь жрали людей до тех пор, пока те не кончались или пока какой-нибудь герой не приканчивал чудище.

Гудрун слушала эти разговоры и прятала улыбку. Ей было лестно сравнение с Беовульфом.

Впрочем, она понимала: в ближайшее время ей больше никого не убить. Теперь все будут начеку.

Так они плыли вглубь фьорда, мимо отмелей и пляжей, мимо водопадов и скал, похожих на окаменевших людей, богов и зверей. Мимо приткнувшихся у воды домов, мимо больших и малых селений, пока за очередным изгибом не показался родной дом Лейфа...

Плоская неширокая отмель, усеянная камнями. Полдюжины лодок. Сети на распялках. Чуть дальше – длинный дом с крышей, заросшей жухлой растительностью. На крыше кормится пара тощих коз с грязно-белой шерстью. У берега – десятка три людей. Большинство – в некрашеной одежде. Но непохоже, что тут одни только трэли. Обычная беднота. В центре толпы высокая суровая женщина в шелковой головной повязке, скрепленной серебряным обручем. Платье из крашеной шерсти – до щиколоток, длинные складчатые рукава, перехваченные браслетами, связка ключей на поясе. Хозяйка.

Лейф помахал ей рукой. Она тоже подняла руку, показывая, что видит его. Драккар уверенно шел между камнями. Чувствовалось, что норег отлично знает здешний фарватер. Гребцы втянули весла. Последние три длины корпуса корабль преодолел по инерции и, заскрипев килевой накладкой, выполз на берег.

Лейф выпустил рулевое весло, вскочил на борт, пробежался по нему, спрыгнул на песок и сжал женщину в объятиях.

Хускарлы бросили концы, которые тут же подхватили местные мальчишки.

На песок упали сходни. Хускарлы посторонились, пропуская Гудрун вперед, чтобы она сошла на берег первой.

– Мама, смотри! Это – моя жена по праву свадебного дара! Ее зовут Гудрун.

Старуха... Ну да, вблизи она выглядела старше, чем издали... Старуха впиалась взглядом в Гудрун. Недобрым взглядом.

Гудрун выдержала его спокойно, глаз не отвела. Вот еще! Ей ли пресмыкаться перед хозяйкой нищего гренда, у которой даже нет денег на золотые браслеты!

То есть – не было.

– Мама, погляди, что я тебе привез.

Ну да, золотые браслеты. Хотя золото неважное и сами украшения – грубой работы и тонкие.

Старуха перевела взгляд на сына и сразу будто скинула лет десять. Глаза засияли, как у молодой.

«Когда-то она была красавицей», – подумала Гудрун. И тут же, с неприязнью: «Но это было давно. Теперь-то на нее ни один мужчина не польстится. А моя мать и сейчас прекрасна, как в день моего рождения».

Гудрун вспомнила о матери, и ее охватила печаль. Отсюда рукой подать до Нифльхейма[188], но очень далеко до Сёлунда. Неужели ей суждено умереть здесь, на этих камнях?

Тут она снова поймала взгляд старухи и собралась. Она – дочь и внучка воинов. Нельзя поддаваться слабости. Этак можно и забыть, зачем она здесь...

Гудрун покосилась на мужа. Лейф был совершенно счастлив. Он обнимался с родичами, шутил, целовал женщин, хлопал мужчин по плечам и спинам.

А еще она обратила внимание на то, что мужчины эти либо слишком стары, либо совсем молоды. Куда же подевались те, кто успел отсчитать больше шестнадцати зим и не добрался до сороковой?

Впрочем, понятно куда. В сети Ран-великанши.

– Мама! – Лейф вернулся, поприветствовав всех. – Ты только посмотри! Я теперь – морской ярл. У меня есть драккар и двадцать два хирдмана!

«Как же, – подумала Гудрун. – У тебя! Пара румов – вот все, что принадлежит тебе на драккаре, украденном у собственного хёвдинга».

– А какая у меня жена! – Лейф притянул Гудрун к себе. – Красавица! Скоро мы сыграем настоящую свадьбу, а к концу весны она непременно родит тебе внука!

Старуха сверлила ее взглядом. Гудрун попыталась ей улыбнуться. Улыбка получилась довольно фальшивая.

– Я – Сальдис, – сурово произнесла старуха. – Пойдем, покажу дом, в котором ты станешь хозяйкой, когда я умру. Хотя... – Сальдис усмехнулась, показав черные кривоватые зубы: – Умру я еще не скоро.

«Как знать, – подумала Гудрун. – Как знать...»

– Мне она не нравится, сын! – сразу заявила Сальдис, когда они остались одни. – У нее – глаза волчицы. Она тебя не любит.

– Может, и так, – не стал спорить Лейф. – Зато я полюбил ее, как только увидел. Ее первый муж был знаменитым хёвдингом. Я вручил ей свадебный дар, но первую цену заплатил железом. Она хорошего рода и будет мне подходящей женой. А что у нее глаза волчицы, так это мне даже нравится. Ее отец был берсерком, так что глаза она наверняка унаследовала от него. Говорят, этот берсерк в одиночку уничтожил целый хирд, чтобы завоевать сердце ее матери. Добрая кровь, матушка! Наши сыновья станут великими воинами, а дочери – настоящими красавицами!

– Что ж, – проворчала Сальдис. – Может, ты и прав. Я прослежу за тем, чтобы она знала свое место. Я здесь хозяйка.

– Кто же с этим спорит? – удивился Лейф. – Мама! Она будет жить с тобой и делать всё, что ты скажешь. А я буду ходить в вики и добывать славу и день-

ги. Стану морским ярлом! Ты будешь гордиться мной, обещаю!

– Я уже тобой горжусь, – ласково проговорила женщина. – Ты добьешься всего, чего желаешь, я не сомневаюсь. Боги тебя любят! Завтра мы подарим Тору ягненка за то, что он сопутствовал тебе в битвах. Но скажи: есть ли у тебя достаточно провизии, чтобы прокормить твоих людей зимой? Сам знаешь, земля наша бедна, а подать годовую с нас нынче брали дважды. Сначала – люди молодого Вагбранда-ярла, сына Зубовного Скрежета, с которым ты ходил в вики, а после – люди Атли Тощего. Он сейчас управляет фюльком Согн от имени Хальфдана-конунга.

Лейф нахмурился.

– А как же Харальд-конунг, Харальд Золотобородый?

– Умер. И дочь его. И внук. Теперь Хальфдан Черный – наш конунг. И наша дань пошла ему.

– Что ж, – отозвался Лейф. – Конунгу надо платить. Но Вагбранд взял с тебя не по праву. Я был хирдманом на корабле его отца. Хольдом с правом на две доли. Как же можно брать со своего хольда? Ты напомнила ему об этом?

– Напомнила, – буркнула Сальдис. – Он ответил, что отец его не вернулся из вика и ты тоже. Так что теперь нет ни ярла, ни его хольда, а есть одаль, с которого он, ярл, возьмет, как с земли своего бонда. А если мне это не нравится, если мне тяжело управляться с землей и нечего дать своему ярлу, то он может прислать на мое место мужчину, который справится.

– Я его убью! – скрипнул зубами Лейф. – Даже если бы я был мертв, в доме растет мой племянник, который имеет право на эту землю. Это ведь наш одаль, родовой, а не жалованный! Будь жив Харальд Золотобородый...

– Золотобородый мертв! – перебила мать. – Атли Тощему нужны только деньги, а у Вигмаррсона довольно хирдманов, чтобы взять то, что ему нравится.

– Вагбранд пожалеет о своих словах! – процедил Лейф. – Мой меч вырежет их у него на теле, если он посмеет повторить такое при мне!

– Не ссорься с ним, сын, – попросила Сальдис. – Он молод и не слишком умен. Но у Вигмаррсона опасные советники. Его наставник Кетильгрим тебя не любит. Лучше бы тебе помириться с ярлом. Если ты его убьешь, тебе придется бежать...

Лейф шумно выдохнул. Он справился с гневом.

– Ты права, матушка. У меня есть ты, есть драккар и жена. Боги щедры ко мне! Я не хочу в изгнание. Я помирюсь с молодым Вагбрандом. А насчет зимы не беспокойся. У меня есть серебро. И много сильных мужчин. Так что мы можем заняться промыслом. Может, даже добыть кита. Я вернулся, мама, так что этой зимой в нашем одале никто не будет голодать!

* * *

Он очень хорош, Лейф Весельчак. И теперь, вернувшись домой, он снова шутит и смеется. Ведет себя так, как в те времена, когда был хирдманом Ульфа.

Тогда он очень нравился Гудрун. Нет, она не собиралась приглашать его в постель, но он так хорош... И не будь у нее такого мужа, как Ульф Черноголовый, как знать...

Но так было раньше. Теперь, когда Лейф-хёвдинг приходит к ней на ложе, Гудрун не испытывает ровно ничего. Разве что некоторое неудобство внизу...

И неугасающее желание поглядеть, как хлынет кровь из разинутого рта, когда нож пробьет легкое. Гудрун кажется: эта кровь будет сладкой на вкус...

«Сестры-валькирии, – думает Гудрун. – Не оставьте меня в Митгарде! Унесите меня в Асгард, когда я убью сначала его, а потом – себя!»

Почему бы и нет? Разве она не свершит месть храбростью и железом, как это подобает женам-воительницам? Разве это не лучше, чем взойти на погребальный костер мужа?

«Я сделаю это, – думает Гудрун. – Следующей ночью я убью его – и будь что будет. Всё равно моему сыну здесь не жить. Злобная старуха непременно учует в нем чужую кровь...»

Глава восемнадцатая **Время истекло**

И снова мне снился обрыв. Плоский кусок камня, поросший мхом и лишайниками.

Я был волком. Не Белым, обычным. Укрывшись за камнями, я наблюдал, как одетая в нижнюю рубаху женщина идет к краю обрыва. Я знал, что там, дальше. Каменная воронка, ключья тумана, брызги воды, а где-то далеко внизу – Гунингагап. Изначальная Бездна скандинавов, из которой когда-то возникли миры великанов. Вот только из этой бездны не возникнет ничего. Я, волк, видел, как женщина идет босиком по камням, не оскальзываясь, не обращая внимания на острые гранитные грани... В руке у нее – нож. Самый обычный, какой носят все северянки. Распущенные волосы текли вдоль ее спины, скрадывая фигуру, поэтому я, волк, не мог узнать женщину, только чувствовал ее запах. Она пахла страхом и гневом, но больше всего – болью. Она пахла добычей, и я, волк, мог бы достать женщину в десяток прыжков, вонзить клыки в шею, спрятанную под копной волос... Мне этого очень, очень хотелось, хотя я, волк, не испытывал голода. Лишь бы почувствовать, как зарывается моя морда в густую человеческую шерсть, и ощутить нежную плоть кончиками клыков...

Я даже заскулил от нестерпимого желания...

Но не посмел. Тем более что женщина знала о моем присутствии. Может, чуяла мой запах, а может, уловила тем чутьем, каким мы, волки, угадываем чужие мысли и желания.

Дойдя до края обрыва, она остановилась и обернулась. Я понял: она видит меня. Мои глаза. Два ярких зеленых огня над краем камня.

Да, это была она. Та самая. Когда она приглашающе подняла нож, я выскользнул из камней и бросился на нее. Очень быстро, быстрее, чем собственная тень... Но всё равно не успел. Нож, который мог бы встретить меня в полете-прыжке, оказался быстрее. Я увидел, как вспыхнул на железе лунный свет и на белой шее женщины возник черный-черный разрез. Мои ноздри успели втянуть запах брызнувшей крови... А я уже тормозил всеми четырьмя лапами...

Я, волк, остановился на самом краю обрыва, заглянул вниз...

И не увидел ничего, кроме черноты.

Я проснулся мокрый, как вылезшая из лужи мышь. Вокруг сопели, храпели, ворочались хирдманы. В доме было душно. Спертый воздух порядком пованивал. Я слез с лавки, нашарил сапоги и спустя полминуты уже стоял снару-

жи, и мелкий мокрый дождь охлаждал мое потное лицо.

– Ульф? Ты чего? Отлить?

Дозорный. Еле угадываемая, завернутая в плащ фигура. Мы на чужой земле. Надо соблюдать осторожность. Один сторож – здесь и двое – на вытащенном на берег корабле.

– Скоро рассвет.

Как он узнал? Наверху – ни просвета. В пятидесяти шагах грохочет прибой. Море так и не успокоилось.

Жуткий сон. Гудрун, перерезавшая себе горло и бросившаяся в бездну. К чему это? И что мне делать?

Что делать, я понял после общего завтрака. Когда Красный Лис, оценив состояние моря, решил, что дальнейшее плавание следует на время отложить.

Его логика ясна. Воды чужие. Камней и отмелей – до хрена. Наш лоцман, взятый в Уплёнде, тоже советовал подождать. В Согне-фьорде он не впервые, но, чтобы знать местные воды, надо здесь родиться. А местным мы доверять не могли. Учитывая, как мы с ними вчера обошлись.

Нет, крови не было. Нореги не сопротивлялись. Понимали: ирландцам нужен лишь повод, чтобы начать убивать.

Нет, не сопротивлялись. Безропотно отдали лучшую еду, женщин, лучшие места под кровом...

Но нам следовало быть начеку. А уж довериться таким лоцманам было бы сущим идиотизмом. Разобьют чужой драккар о скалы и будут вопить от счастья.

Вот Лис и решил подождать денек-другой, пока погода улучшится. А куда спешить? Лейф Весельчак приплыл домой и никуда уже не денется. Будет зимовать здесь. Мы тоже домой не поплывем. Вернемся в Уплёнд. Здешнее море, как мне говорили, никогда не замерзает. Куда торопиться?

Однако я сердцем чувствовал: торопиться – надо. Времени совсем не осталось. Может, сутки? А может, и того меньше.

Поэтому я заявил, что намерен отправиться на разведку. Сушей.

В глубине души я надеялся, что Красный Лис меня поддержит. Или хотя бы даст мне людей.

Но ирландцам было лениво. У них есть кров над головой, еда, девки... Какой смысл спешить? Что изменит пара дней?

Приказать мне Красный Лис не мог. Но и поддерживать мою глупую, на его взгляд, затею не стал.

Так что дальше мы отправились вдвоем: я и Свартхёвди. Брат присоединился ко мне то ли потому, что доверял моему чутью, то ли попросту не хотел оставлять меня одного. Земля ведь чужая.

* * *

Ритмичный топот копыт. Тряская рысь. Все тот же мелкий мерзкий дождь. Низкорослые лохматые кони несут нас по узкой тропке. Справа – море, слева – скала. Голый каменный пляж.

Медвежонок мрачен. Он считает: надо было переждать непогоду. Сны снами, а путешествовать в таких условиях – хорошего мало.

Мы едем часа два. Промокли насквозь. Замерзли как собаки. Если кому-то взбредет в голову внезапно напасть, у него есть все шансы прибить нас, пото-

му что и доспехи, и оружие – в чехлах.

– Убью всех, – ворчит Медвежонок.

Ему на морось и холод плевать. Мелкие неудобства. Его злит необходимость тащиться куда-то, вместо того чтобы спокойно сидеть под крышей и пить пиво. Он очень любит свою сестру, но полагает, что ее спасение может подождать еще пару дней.

Он так считает, но всё равно – со мной. Потому что верит в мои вещи способности, во-первых, и не может меня бросить – во-вторых. Так что он трусит рядом и ругает погоду, норегов в целом и Лейфа Весельчака – в частности. Меня не ругает. Он сам принял решение и сам за него отвечает.

Согне-фьорд. Его еще зовут конунгом фьордов. Больше сотни километров в длину[189]. Одного из ярлов этого фьорда мы убили летом. Вигмарр Зубовный Скрежет из Согне-фьорда. Так его звали. Именно здесь появился на свет Лейф Весельчак. Так что вполне естественно, что удрал он именно сюда. На свою малую родину.

Фьорд огромен, и селений здесь немало. В одном из таких мы и остановились вчера. Чтобы отдохнуть от праведных трудов среди мирного норегского населения. То есть сначала население было не очень мирным, но ирландцев оказалось значительно больше, и как только норегии поняли, как коротка стала дистанция между ними и царством Хель, то мир немедленно наступил. Думаю, если бы Лис не планировал зимовать в Норвегии, он не был бы столь великодушен и без покойников не обошлось бы. Норегии и ирландцы – исконные враги. Скандинавы годами грабили Ирландию и убивали земляков Красного Лиса, причем одними только мужчинами-воинами не ограничивались. Так что – долг платежом. Вряд ли бонды этого селения сами ходили в Ирландию. Зато они платили дань тем, кто ходил.

В общем, ирландцы получили всё, что пожелали. Еду, выпивку, женщин... и полезную информацию. Например, узнали, что драккар, похожий на Северного Змея (очень знакомый местным драккар – он ведь когда-то принадлежал их ярлу Вигмарру), миновал селение вчера, еще до того, как погода испортилась.

Лейфа Весельчака они тоже знали. Как же иначе? Ведь одаль его родни – всего лишь в нескольких милях отсюда. Если морем. Берегом дальше. Восемь-девять миль. И тропа неудобная: во время прилива ее частенько накрывает море. Однако не сейчас, когда ветер дует в сторону моря и уровень воды во фьорде заметно упал.

Восемь-девять миль – это не так уж далеко даже пешком. Однако мы взяли из местной конюшни лошадок. Силы стоит поберечь.

Просто съездим и глянем, что да как. Так я сказал Красному Лису. Нет, драться мы не будем. Два с лихвой десятка сконцев плюс неизвестное количество родичей Лейфа – это много даже для таких крутых парней, как мы. Да еще сам Лейф... Нет, мы – только посмотреть... Просто посмотреть. А там – по обстановке.

Глава девятнадцатая

Вагбранд-ярл, сын Вигмарра Зубовного Скрежета

– Что я вижу? – Вагбранд-ярл, старший сын Вигмарра Зубовного Скрежета, – уставился на корабль. – Новый драккар моего отца! Очень хорошо, что ты вернул его, Лейф! – Вагбранд любовно огладил потемневшие от воды доски

обшивки. – Я щедро вознагражу тебя. Очень щедро!

Лейф усмехнулся. Подмигнул Гудрун. И снова повернулся к молодому ярлу.

– Мне жаль огорчать тебя, Вагбранд, – произнес Лейф, – но это больше не твой драккар.

– А чей же? – искренне удивился тот.

– Мой.

– Как это? – Молодой ярл был искренне удивлен. Никак не мог понять, что происходит.

А понять – стоило бы.

«Это тебе не с женщин страндхуг собирать, – Лейф усмехнулся. – Придется тебе, Вигмаррсон, не брать, а договариваться. Как вождю с вождем».

Когда Вагбранду сообщили, что домой вернулся один из хольдов его отца, да еще – на корабле его отца, ярл, не медля, прискакал сюда. Неудивительно, ведь помимо драккара Лейф наверняка принес и верную весть о том, что случилось с отцом Вагбранда. До сих пор всё, что было известно молодому ярлу: что отец не вернулся из вика, а два его драккара люди видели, но вел их уже не Вигмарр, а какие-то даны. Додумать, что произошло, было нетрудно. Так что молодой Вагбранд, посоветовавшись с верными людьми, объявил себя ярлом, получил «добро» от наместника конунга Атли Тощего и полноправно занял отцово место, приведя к присяге его хирдманов.

Но полной уверенности не было. Вдруг отец жив и в плену у тех же данов? Сидит в колодках, ожидая, пока за него заплатят выкуп? Вдруг Лейф принес именно такую весть? Говорили: с ним на драккаре отца пришли какие-то даны. Вдруг – за выкупом?

Как тогда поступить?

Вагбранд склонялся к мысли: данов перебить, драккар забрать. Серебра у Вагбранда – чуть. На выкуп всё равно не хватит. А драккаров – ни одного. Будет – можно и серебро добыть...

Всё так. Но отец... Не отнимут ли боги удачу Вагбранда, если тот не исполнит сыновний долг? И как отнесутся к такому хирдманы? Они присягнули сыну, думая, что Зубовный Скрежет мертв...

Вот почему Вагбранд примчался, едва услышал о возвращении Лейфа. И с облегчением убедился: да, это драккар отца. А то, что заговорил с ним Лейф, а не кто-то из данов, совсем успокоило. Если бы даны пришли за выкупом, говорил бы один из них.

И вдруг Лейф, когда-то верный отцов хольд, заявляет, что драккар теперь – его? Что за вздор? Вагбранд не мог взять в толк, что тут происходит? Он здесь – ярл. Его слово здесь – главное. Что значит: не его драккар? Что за выдумки!

А вот для Лейфа Весельчака все выглядело иначе.

Вот его хирдманы. Бронные и оружные.

Вот безусый парень, чем-то похожий на покойного Эйнара Торкельсона, только без прыщей. И на стороне юнца – несколько воинов, даже не потрудившихся надеть доспехи.

Какие тут могут быть вопросы?

– Да, это мой драккар! – Лейф ослепительно улыбнулся. – Твой отец потерял

его в морской схватке с данами. Человека, который ими командовал, звали Ульф-хёвдинг, а того, кто убил твоего отца, звали Гуннар Морской Кот.

– Я знаю Гуннара Морского Кота! – нахмурился Вагбранд. – Он – наш кровник.

– Ты знал Гуннара, – поправил ярла Лейф. – Теперь он мертв. И Ульф-хёвдинг по прозвищу Черноголовый тоже мертв. А драккар теперь мой. Вернее, наш, – Лейф сделал жест в направлении своих. – Наш по праву добычи.

Пока Лейф говорил, сконцы и фризы подошли поближе. Еще бы: такой интересный разговор.

– То есть ты хочешь сказать, что у меня теперь нет драккара, но есть долг жизни перед тобой? – нахмурился ярл.

– Не совсем так. Долга жизни у тебя нет, потому что отомстил за смерть твоего отца не я. Но и драккара у тебя тоже нет.

Вагбранд открыл рот, чтобы гневно...

Но поглядел на суровые лица данов, тесно обступивших его и Лейфа, и отесненных ими восьмерых ярловых бойцов... И сообразил: при подобном соотношении сил требовать что-то от Лейфа было бы большой глупостью.

Так что он закрыл рот, развернулся (skonцы его пропустили) и двинулся к лошадям. За ярлом последовали и его люди.

Ничего. Он еще вернется. И тогда посмотрим, на чьей стороне сила.

– Он действительно здешний ярл? – спросил Тьёдар Певец.

– Да.

– Настоящий или как наш Прыщик?

– Настоящий, насколько я знаю. Хоть и молод, но хорош в бою, и точно не глупее своего отца. Люди его уважают, и правитель фюлька Согн тоже его поддерживает.

– В таком случае я скажу так: зря ты его отпустил. Он вернется.

– Может, и так, – задумчиво проговорил Лейф. – Но убить его я не мог. Он мой родич. Мать моей матери была двоюродной сестрой его прабабки.

– Считаешь, что это его остановит? – с сомнением проговорил Тьёдар.

– Его – может, и нет, но если я его убью, то главным станет его наставник Кетильгрим, с которым у меня давняя нелюбовь.

Певец хмыкнул, потом спросил:

– Скажи, сколько у молодого ярла кораблей?

– У его отца было два. Тот, что теперь наш, омыли кровью[190] прошлой весной.

– То есть сейчас – ни одного?

– Насколько мне известно, так и есть.

– Тогда он точно попытается забрать у нас драккар! – уверенно заявил Тьёдар.

– Это возможно, – согласился Лейф. – Попытается. И тогда я его убью. Но сейчас я хотел бы, чтоб ты последовал за ними и выяснил, как много у него людей. Ты не знаешь здешних мест, потому я дам тебе спутника – моего старшего племянника. И, Тьёдар...

– Что, хёвдинг?

– Постарайся вернуться. Ты мне нужен.

* * *

– Хочу показать тебе, жена, мой фьорд, – сказал Лейф. – Он очень красив, ты видишь. И, думаю, когда-нибудь он будет принадлежать нашему сыну.

– А как же тот ярл, который приезжал сегодня?

Лейф ослепительно улыбнулся:

– В Согне-фьорде много ярлов. А конунга – нет. Был Харальд Золотобородый. Он умер зимой. Теперь наш конунг, как считается, Хальфдан Черный.

– Но ты сказал: конунга нет? – уточнила Гудрун.

Ей стало интересно. Всё же она была не воином, а молодой женщиной. Со всем молодой...

– Хальфдан далеко, – пояснил Лейф. – Его именем судит и собирает дань Ат-ли-ярл. Без Хальфдана он – ничто. А Хальфдан, как я уже сказал, далеко. У Хальфдана Черного много земель и много забот. Но хватит разговоров. Вы, четверо, пойдете с нами, – приказал он фризам. И пояснил Гудрун: – Я никого не боюсь, но я – вождь. Мне не подходит ходить в одиночку.

«Раньше тебя это не смущало, – подумала Гудрун. – Ты только и думал, как бы завалить меня на спину, и вполне обходился без спутников».

Гудрун не могла не заметить, как изменился Лейф, вернувшись домой. Насколько он стал спокойнее и увереннее. И насколько ослаб его пыл. Пока они шли сюда, Лейф будто непрерывно доказывал всем: Гудрун – его женщина, его собственность. Здесь – успокоился. Здесь всё и так было – его. И земля, и люди. Такой Лейф нравился ей гораздо больше, чем прежний.

Но это ничего не меняло. Он должен умереть, и она его убьет.

Гудрун поглядела на румяное, улыбающееся лицо мужа и попыталась представить, как изменит его смерть...

И вдруг увидела лицо Ульфа. Тоже живое, смеющееся, счастливое...

И поспешно отвернулась, чтобы Лейф не увидел, как она плачет.

* * *

– Вкусно пахнет рыбкой, – заметил мой побратим. – Сейчас позавтракаем.

– Отбирать еду у трэлей? – поморщился я. – В этом нет чести.

– Они свободные, – внес поправку Свартхёвди. – И мне безразлично, кто готовил еду, если я голоден, а еда хорошая.

– Свободные? – удивился я. – Да у меня рабы, и те лучше одеты!

– Так то у тебя, – буркнул Медвежонок. – Ты всегда был слишком добр. И смотри, что из этого вышло? Сиди здесь, я сам возьму их.

Свартхёвди просочился между камней и уже через минуту нависал над двумя мужичками в некрашеной рабской одежке.

А они даже заметили его не сразу, так увлеклись собственной болтовней и созерцанием будущего обеда.

Медвежонок обошел костер и уселся на корточки напротив бедняг, у которых при виде берсерка мигом пропала разговорчивость.

Медвежонок не спешил. Снял с огня прутик с наиболее поджаренной рыбкой и принялся уплетать ее за обе щеки. Я ему даже позавидовал. Сам бы так не смог. Рыбка-то – с костра. Горячая.

Я сглотнул слюну и тоже двинулся к костру. Так что в тот момент, когда суть происходящего дошла до рыболовов и они решили сделать ноги, я уже стоял у них за спиной. Меча не вынимал. Без надобности.

Медвежонок снял с костра еще одну рыбку и метнул в меня. Я поймал и тоже принялся за еду. Но – аккуратно. Я ж не берсерк. Могу и обжечься.

Пока мы кушали, наши повара тихонько умирали от страха. Это хорошо. Значит, можно обойтись без пыток.

Право вести допрос я отдал Медвежонку, поскольку его больше боялись. Та-туировки на тыльных сторонах ладоней на севере умели читать все.

Через десять минут у нас был полный расклад по территории.

В поместье сейчас находилось одиннадцать мужчин из числа вновь прибывших. Остальные разбрелись по делам или по указаниям хозяина. То бишь Лейфа.

Самого Лейфа на территории не было. Вскоре после визита ярла (Ярл? Как интересно!) он, его жена и четверо бойцов отправились любоваться окрестностями. Когда вернутся – неизвестно. Что до остальных, то они, скорее всего, соберутся к обеду. Медвежонок глянул на солнышко: времени оставалось часа полтора. Не так уж много.

– Ну пошли, брат, – сказал он, поднимаясь. – Станцуем для Одина.

И, выхватив меч, с одного замаха вскрыл обоим норегам шею.

– Зачем? – поинтересовался я.

– Не жадничай, брат. Нам сейчас не до рабов.

Я имел в виду совсем другое, да что уж теперь.

Глава двадцатая **«Одину понравится...»**

Сначала я увидел свой драккар. Взятый железом у здешнего ярла Вигмарра Зубовного Скрежета, Северный Змей преспокойно отдыхал на берегу, привязанный к здоровенным валунам.

В голову пришла неожиданная мысль: а не наложат ли лапу наследники Вигмарра на принадлежавший их папе корабль? Я бы на их месте именно так и сделал. Впрочем, у меня другая задача. Корабль, он никуда не денется. Гудрун!

Гудрун я не увидел. Зато увидел: чтобы перебить в этом поселке всех, кто способен держать оружие, нас двоих маловато. И не сказать чтобы обитатели здешние были совсем уж беспечны. Вот, наверну, явно дозорные...

Значит, надо застать их врасплох. Единственный шанс.

– Мы просто въедем в поселок, – сказал я. – По дороге. Не торопись. Вряд ли они испугаются двоих.

Побратим хмыкнул. Но спорить не стал.

– Можно и так.

Он уже настраивался на драку, а значит, в нем уже просыпался Воин Одина. Берсерк. А берсерку всё равно, сколько перед ним врагов. Для него все они уже мертвы.

– Ты только не торопись оборачиваться в медведя, – попросил я. – Давай сначала разведаем, что да как. Договорились?

– Ага, – охотно согласился Свартхёвди.

Хотелось бы верить, что он – вытерпит...

Но как-то не верилось. Берсерк – это... Берсерк. Он – как безумно увлеченная женщина, которая каждый раз говорит себе: я буду держать себя в руках, я – взрослая, уверенная в себе дама... Однако, увидев любовника, вдохнув его запах, моментально слетает с резьбы.

В поселок мы въехали спокойно. Неторопливо, уверенно... Как свои.

Нас увидели, но, как я и предполагал, особого внимания не обратили. Поду-

маешь, пара всадников, пусть даже и вооруженных. В усадьбе бойцов вдесятеро больше. О чем тут беспокоиться?

Так же флегматично глянул на нас и сконец, сидевший на камешке и точивший секиру. Глянул, отвернулся... И вдруг замер, напрягся, вновь поднял голову и...

Вскочить и закричать он не успел. Медвежонок метнул копье, наконечник которого вышел у сконца из спины. Бросок у моего побратима поставлен как надо.

Свартхёвди соскользнул с коня, одновременно перебрасывая щит со спины в левую руку, а правой извлекая меч. Я последовал его примеру. Мы обогнули дом и увидели еще пятерых мужчин. Без оружия, но, судя по длинным волосам, – свободных.

Они нас тоже увидели, но слишком поздно.

На этот раз без шума не обошлось, но мы убили всех. Вернее, Свартхёвди убил. Он еще не оборотился полностью, но уже был куда быстрее меня.

– Через вход! – крикнул мне Медвежонок, а сам с разбега взлетел на крышу длинного дома.

– Один! – взревел он. – Смотри на меня! Тебе понравится то, что ты увидишь!

И соскочил в продох.

Большой сюрприз для тех, кто внутри, когда прямо на голову, вернее, сначала на печь, а уж потом – на голову обрушивается берсерк.

Я кинулся ко входу в длинный дом и увидел, что из него выскочили двое, без броней, но с копьями. Выскочили, завертели головами, выискивая опасность...

И тут за их спиной... Ну да, мой побратим не удержался. Я услышал яростный медвежий рев...

Парочка с копьями тоже его услышала. Аж подпрыгнули на месте, отвлеклись... А вот и я. Черт, все же до полного восстановления мне еще далеко. Тело повинуется, но при этом буквально скрипит от натуги. И рука отзывается болью на каждый удар.

Впрочем, ударов всего два. Два удара – два покойника...

Оп! Я вовремя удержал клинок, потому что из дома повалили отнюдь не бойцы. Женщины, дети...

Внутри вопили и визжали, но всё перекрывал йотунов рев Свартхёвди. В доме что-то рушилось, ломалось с треском, с грохотом...

Выскочившие наружу, не останавливаясь, со всех ног улепетывали наверх, в горы. Я не мешал. Ждал, когда полезут воины.

Не полезли.

Рев стих. Я вошел.

Медвежонок сидел, привалившись к опорному столбу. Дышал, как загнанная лошадь, с хрипом, но был в сознании и, кажется, понемногу успокаивался. Похоже, сумел выйти из оборотнического транса самостоятельно. Вот это уже что-то новенькое.

Зато вокруг – все как обычно. То есть – как на бойне. Вернее – как в общественном сортире, в который угодила бомба. Всё порушено, всё в крови, дерьме и ошметках плоти.

Свартхёвди открыл глаза, глянул на меня вполне осмысленно и прохрипел:

– Рана открылась. Перевяжи.

Сообразить, какая именно рана открылась, было трудновато, поскольку Медвежонок был в крови с головы до ног.

– Плечо. Левое.

Точно. Шов разошелся. Кровит немного. Ничего страшного.

А кто это там возится, под лавкой? Ах ты мелкий паскудник!

Я перехватил мальчика, который вознамерился воткнуть нож в моего брата. Совсем мелкий малец, лет восьми.

– Лейф всё равно тебя убьет! Всё равно! – заверещал мальчишка.

Я отнял у него нож и направляющим пинком отправил к выходу.

– Убей, – прохрипел Медвежонок. – Догони и убей. Тот, кто поднял на меня нож... Убить.

– Я с детьми не воюю, – буркнул я.

– Дурак...

Логика побратима была мне понятна. Лет через пять ребенок превратится в бойца и будет мстить. И уж если у него хватило храбрости напасть сейчас, то боец из него выйдет действительно опасный.

Я внимательно оглядел дом, убедился, что не осталось никого, способного угрожать Медвежонку, и, откинув полог, шагнул наружу...

Железо с лязгом ударило мне в грудь. Но не пробило панцирь. Да и на ногах я устоял. Это потому, что удар был нанесен женской рукой.

На одном ударе сердитая тетка не остановилась. Новый был нацелен уже в лицо. Я без проблем сбил его щитом и щитом же несильно приложил воительницу по голове, отправив в нокаут.

А тетка-то не простая. На голове, на шее – серебро. А на запястьях и вовсе золото. Что ж, я возьму его в качестве выкупа за теткин жизнь.

Нет, ну какая же тут красотища! Синий фьорд, черные скалы, белые снежные горы. Дикая, первозданная... Так, а кто это к нам поспешает?

Четверо. Вооружены, причем нехило. Как раз для драки.

А я, как обидно, не в лучшей форме. Следовательно, надо выбрать местечко, на котором их численное преимущество не будет сказываться так остро. Вот хоть например... Взгляд упал на драккар. А это мысль.

Я помчался к берегу, взлетел по сходням с разбега... Ах-х-с-с!

Удар копьем в спину швырнул меня на палубу. В спине что-то хрустнуло. Хочется надеяться, что не ребро. Поднялся не без труда. Болит, собака! Нет, дышать вроде нормально.

Блин, откуда вас столько? Шесть, семь... Девять! И все – на меня, болезного!.. И все – тупые, как бараны. Толпой, по одним сходням!

Первого я срезал, как спелый колосок. Второго достал не я. Кто-то особо меткий швырнул снизу топорик, который и долбанул соратника в затылок.

Топорик пригодится. Тем более, щит я выронил, когда летел на палубу. Блин, спина болит не по-детски. Эй, зверь мой персональный, ты где? Я очень остро в тебе нуждаюсь!

Еще одно копьё я пропустил над головой. Мелькнула мысль – перерубить сходни, но я сразу от нее отказался. Тут топор дровосека нужен или алебарда. Дерево хоть и не толстое, но упругое.

А вон еще подкрепление с гор сбегает. И уж точно не ко мне на помощь!

Над противоположным бортом показалась голова в усиленной железом

шапке. Я швырнул топор с левой... Попал или нет – непонятно. Но что-то с шумом обрушилось в воду. Выпад в сторону сходен... Не достал. Но и боец не удержался – полетел на камешки.

Будь я в нормальной форме и не останься в доме Медвежонок, сейчас разбежался бы, сиганул вниз, добежал до лошадок – и ловите меня, мальчишки!

Медвежонок... Медвежонок! Как я тебе рад, братишка!

Нагнув голову, чуть косолапя (чисто, медведь), мой побратим мчался на выручку. Молча. Потому никто не обращал на него внимания, пока он не начал.

Берсерк – это в первую очередь быстрота. Через толпу врагов он пробежал, практически не останавливаясь. Меч хлестнул трижды, и три тела осели на землю. Добежав до борта драккара, Свартхёвди развернулся, ударил крест-накрест, вышибив щит и вскрыв грудную клетку.

Вороги отшатнулись. Ото ж! Надо отметить, у берсерка в боевом варианте очень неприятное лицо. Собственно, это и лицом назвать нельзя. Багровая ряха с выпученными красными глазами, рот раззявлен, слюна течет по бороде, башка раскачивается из стороны в сторону... Оборотень, одним словом.

Спасти можно. Если встать щит к щиту и держаться, держаться... И утыкать берсерка стрелами в три-четыре лука. От всех не увернется. Наихудший же вариант – дать деру.

Сконцы, надо отдать им должное, проявили храбрость. Мигом собрали строй, оцетинились копьями...

Но копья ведь и у меня есть. Целый ящик. А бить сверху – милое дело.

Я успел метнуть только два. Но хватило, чтобы строй развалился как раз в тот момент, когда Свартхёвди ломанулся в атаку и вместо плотной преграды встретил забор с дырками.

Трое – сразу в минус. Четвертый словил от меня копьё. Сколько осталось? Да неважно, потому что нервишки у ребят не выдержали, и они сделали ноги. Недалеко. Берсерк... От него разве что на лошади ускачешь. Если лошадь хорошая.

Вот теперь – всё. Завод кончился, и Медвежонок мягко осел на песок.

Я остался один на один с беспощадным миром. И с пониманием того, что где-то гуляет в добром здравии похититель моей жены, для которого я сейчас – легчайшая добыча.

Надо уходить. Гудрун, девочка моя, где ты? Прости, что не уберег. Прости, что сегодня вот так – впусую...

Я ухватил беспомощное тело Медвежонка, намереваясь подтащить его к лошадям, но тут же отпустил, сообразив, что проще привести сюда лошадей. Я чувствовал, что за мной наблюдают десятки глаз. Те, кто спасся, не убежали далеко, увидев что нас – всего двое. Вернее, уже один. Их много, но – не нападут. Не тот у них менталитет, чтобы напасть на нас, только что сам-двое укокошивших два десятка вооруженных подготовленных бойцов.

Взгромоздить Медвежонка на спину лошади не удалось. Силенок не хватило. И это к лучшему, потому что я понял – нелучший вариант. Из куса парусины и трех метров веревки я соорудил нечто вроде гамака, в который уложил Свартхёвди, а потом постепенно подтянул ткань наверх и прикрепил к лошадиной упряжи. Затем сходил в здешнюю конюшню, отыскал наименее заморенную скотинку, оседлал...

Очнулась воинственная тетка. Осыпала меня страшными угрозами. Изда-

ли. Начхать. Главное, чтобы драться не сунулась. Не посмела. Куча мертвых и умирающих вокруг – неплохое предостережение.

Ага, а вот и давешний храбрый малец. Внучок, надо полагать. Или племянник. Зыркает волчонком, но не удирает. Храбрый.

Воздух воняет смертью. Надо валить. И по-быстрому. Уйти и вернуться уже с ирландцами. Забрать Гудрун, забрать драккар, наказать предателя...

Но когда я сел на коня и развернулся, то обнаружил, что путь к отступлению отрезан.

Глава двадцать первая **Исправление ошибки**

Это невозможно. Он же мертв!

– Ты сказал: он мертв! – воскликнула Гудрун, хватая Лейфа за кольчужный рукав. – Ты так сказал!

– Значит, я ошибся, – буркнул норег.

От его недавней веселости и следа не осталось. Он тоже видел... что видел. Берег, на котором валялись трупы его хирдманов, особенно много – у драккара...

Лейф не стал считать покойников. И так понятно, что хирда у него больше нет, даже если кто-то и уцелел. Множество мертвецов и Ульф-хёвдинг верхом на лошади из конюшни Лейфа. Мгновение страха: жива ли мать? Жива, слава богам. Вон она сидит. И младший братишка Лейфа, самый младший и последний, оставшийся в живых, – рядом с ней.

Пощадил Ульф Черноголовый. Он всегда был слишком добр...

– Значит, я ошибся. Думал, сконские ярлы его прикончат. Когда я уходил, он уже висел на пыточном столбе.

– Ты меня обманул... Я бы никогда не стала твоей, если бы...

– Еще как стала бы! – перебил Лейф. – Куда бы ты делась! Забудь о нем! Теперь ты – моя жена! А что он жив, так это ненадолго!

* * *

Наверное, я мог бы сбежать. Но я увидел Гудрун...

И не смог.

Увидел ее рядом с предателем и понял, что если убегу, то предателем стану я сам. Как можно бежать от той, кого любишь? Даже если враг – сильнее...

А потом я увидел, как он обнимает ее. И она его... И жизнь перестала иметь для меня значение. Я представил себя со стороны: мужичка отнюдь не богатырского сложения, заляпанного кровью и грязью, едва оправившегося от ран... И красавца Лейфа, белокурого великана с белозубой голливудской улыбкой, непревзойденного бойца, любимца удачи, отнявшего у меня и жену, и дом, и корабль...

Ничего удивительного в том, что ты выбрала его.

* * *

– Обними меня! – потребовал Лейф. – Когда я его убью, ты снова станешь вдовой. И я снова принесу тебе свадебный дар. И жертву богам во искупление нашей ошибки. Ну что ты стоишь? – воскликнул он сердито: – Обними же меня! Я ошибся, но сейчас всё исправлю!

И Гудрун обняла его. Прижалась крепко... Нож сам скользнул в руку. Сам нашел нужное место...

Не смогла. Ульф жив, право на месть принадлежит только ему. Ярость вскипела... и ушла... И нож вместо того, чтобы войти в прикрытую только кожей подмышку, с силой прошелся вдоль панцирного бока, чиркнув по железу и надрезав ремешки... Рука упала, ярость выплеснулась...

Лейф ничего не заметил и не почувствовал. Через голову Гудрун он глядел на преданного им хёвдинга и думал о том, что убить его – это хорошо. Лучшее, что можно сделать для воина, – это отправить его пировать в Асгард.

– Ждите здесь! – бросил он фризам и двинулся навстречу своему бывшему хёвдингу.

В победе он не сомневался. А множество убитых... Это не Ульфова работа. Брат Гудрун, берсерк. Но этот сейчас неопасен. Выдохся.

Вон между двумя лошадьми висит.

Да и Ульф – тоже не в полной силе. Это видно по тому, как он неловко прыгнул с лошади, как сейчас стоит, ожидая противника...

«Почему я не убила его?» – с тоской подумала Гудрун.

Лейф выглядел богом. Большим, сильным, прекрасным. Ульф же казался рядом с ним карликом-цвиргом: в битых доспехах, со слипшейся в колтуны, грязной бородой. Не было в нем ни доблести, ни силы. Маленький человек с лицом серым от пыли и усталости, в одежде, испятнанной кровью. Но Гудрун любила его...

«Если он умрет, я убью себя», – подумала она.

Нет, не если, а когда... Гудрун видела, как бьется Лейф. Как непринужденно и легко он убивает...

Что ж, хотя бы одна мечта ее сбудется. Она уйдет ввысь вместе с мужем.

Лейф не торопился. По пути обменялся парой слов с матерью, проверил обувь.

Гудрун увидела, что пара ремешков-завязок его доспеха разорвалась. Должно быть, это она – ножом... Но этого Лейф не заметил. Остальные завязки целы, и панцирь сидит крепко.

* * *

– Не говори ничего, – бросил Лейф, хотя я и не собирался ничего говорить. – Я не преступил бы клятвы, если бы не был уверен, что Мьёр и Торкель убьют тебя. И я не тронул бы твою жену, если бы не думал, что она вдова.

Я молчал. Не мешал ему болтать. Я жутко устал. Мне нужна передышка. Но еще больше мне нужен мой Белый Волк. Победить подлого норюга я мог только с ним...

– Я нарушил клятву, но боги на меня не в обиде, – между тем продолжал Лейф. – Удача – со мной, а не с тобой, это видно любому. Я убью тебя и женюсь на Гудрун. И когда я стану конунгом, она будет сидеть справа от меня. Она этого достойна...

Он мог еще долго болтать, но у меня кончалось терпение. Вдобавок я немного отдышался. Хотя вряд ли это даст мне шанс. Разве что придет Волк...

А если придет, то Лейф убьет меня наверняка. Он – лучше. Намного лучше. Он был бы так же хорош, как Ивар Рагнарсон, если бы в свое время получил качественное обучение. Однако я сам частично восполнил этот пробел, когда Лейф был у меня в хирде. Спасти меня может только чудо.

Не то чтобы я не верил в чудеса. Я верил. И ждал. Наверное. Но мое доверие

к высшим силам исчерпалось, когда я увидел, как моя жена обнимает моего врага.

Я посмотрел на Гудрун. Она была прекрасна. И она больше не была моей. Она принадлежала человеку, который ее украл, жил с ней, спал с ней, а теперь собирался меня убить. И перед этим поединком она обняла его, а не меня.

«Стоит ли после такого жизнь, чтобы за нее сражаться?» – спросил я сам себя.

Но ответить не успел, потому что увидел, как Гудрун поднимает руку, касается сердца и «посылает» его мне.

Не скажу, что это вернуло мне силы... Только – смысл существования. Поэтому я сказал будущему конунгу Лейфу:

– Хватит болтовни, норег! Считаешь, что можешь меня убить, так убей!

И он атаковал. Прыгнул на меня, как кот – из засады. С места, без малейшей подготовки, в прыжке замахиваясь мечом и выбрасывая щит вверх и вперед, почти на прямую руку... Закрывать обзор и одновременно ударить меня щитом, используя разгон и собственную массу.

Чтобы избежать столкновения, надо уклониться, и тогда он ударит. Из-за щита. Вниз или вверх, в зависимости от того, что сделаю я...

В долю мгновения, уходя с линии атаки, я просчитал весь рисунок и то, что ничего не могу ему противопоставить. Потому что норег намного быстрее и сильнее меня. Потому что он сделал первый ход, и тот оказался безупречным.

Я не успевал...

Но всё равно сделал то, что могу. Попытался уйти с линии атаки вправо, одновременно снижая стойку и разворачиваясь так, чтобы пропустить врага мимо и уколоть в левую подмышку.

Это был просто рефлекс тела, обычная наработка. Я по-любому не успевал...

Щиты грохнули. Рукоять щита вырвалась из моих пальцев... Я не увидел клинка, выскользнувшего из-за норегского щита. Клинка, который должен был завершить мою карьеру викинга...

Не увидел, потому что удар опоздал. Случилось чудо. То, в которое я не верил. Великолепный Лейф на четверть секунды опоздал. На четверть секунды, на десяток сантиметров. Казалось, что-то подтолкнуло его руку, сбив точный выпад, которому было предназначено вскрыть мою шею. Что-то непостижимое на ту же долю секунды сбilo безупречный разворот, которым должна была завершиться комбинация. Продуманный разворот, что не позволил бы мне нанести встречный удар, последний удар моей жизни, ведь я тоже был викингом, а викинг способен биться даже получив смертельную рану...

Я не думал об этом. Я ни о чем не думал. Даже не успел осознать, что сейчас буду убит.

Я продолжал движение, скручиваясь, уходя и уклоняясь, а Вдоводел уже колл в левый бок моего врага. Но – слишком низко. Не в подмышечный вырез, а на уровень селезенки. Удар совсем не опасный, ведь норег двигается быстро, причем тоже разворачиваясь. Так что мой проносной выпад неминуемо скользнет по железу панциря и уйдет за спину, а норег, продолжая разворот, «догонит» меня... И всё. Щита у меня больше нет, и прикрыться нечем.

Я уже ощущал, как разогнанная умелой рукой сталь прикасается к моей

шее, когда Вдоводел почти без сопротивления вошел в человеческую плоть и, погружаясь, продолжил ее рвать, потому что я успел вцепиться в рукоять двумя руками, одной не удержал бы...

Налобник моего шлема с лязгом ударил в железо наплечника Лейфа Весельчака.

– Боги... – прохрипел норег. – Скульд... – закашлялся, заперхал и начал падать.

Рукоять Вдоводела вывернулась из моих ослабевших пальцев, и несостоявшийся конунг повалился наземь.

Я смотрел на него, не веря в то, что произошло. Он мертв, а я жив. Как это могло произойти? Неужто это вмешался кто-то с Асгарда?

У меня не было ни малейшего рационального объяснения происшедшему. Я никогда не видел, чтобы ремни, скреплявшие панцирь, лопнули все разом, да еще – на первой же атаке.

Но они лопнули, панцирь съехал вправо, и края его разползлись как раз настолько, чтобы в просвет вошел клинок Вдоводела.

И он вошел.

И Лейф Весельчак отправился в Валхаллу.

Лейф умер. Но осталась четверка его приятелей. Фризы, судя по вышивке. Четверо чертовых фризов, отпетых негодяев, судя по рожам.

Что-то мне подсказывало: это будет покруче Лейфа. Он-то был один-одинешенек. А у меня, блин, рука болит так, что аж сводит, когда за рукоять берусь. И спина... И... Да всё болит, чего уж там. А тут четверка свеженьких, бодреньких и очень серьезно настроенных головорезов...

Разошлись веером, чтоб я не проскочил к лошадям. Два копья, два меча...

– Эй, смотрите! Там – Вагбранд-ярл со своими! Там, за двурогой скалой!

Кричала Гудрун. Все четверо оглянулись одновременно.

Мог я этим воспользоваться, чтобы напасть? Вряд ли. Отследили бы боковым зрением... Я не напал. Я бросился бежать к воде. На меня внимания не обратили. На лодке мне не удрать. Пока стащу ее с берега, пока возьмусь за весла... В любом случае четверо одного на воде догонят намного быстрее, чем на суше.

Лодка была мне ни к чему. Гудрун стояла у лошадей. И ждала меня.

– Там, за скалой! Я их вижу! – пронзительно закричала она, когда я рванул со всех ног и с ходу запрыгнул в седло. А она сама уже сидела на одном из коньков, к которым была привязана переноска с Медвежонком, и держала поводья второго.

– Хватайте их, дурни! Они убегают!

Вот это голосок поpronзительней, чем у Гудрун. Орала тетка, чьи браслеты я конфисковал.

Фризы оглянулись... И со всех ног ломанулись к нам. Поздно, дорогие мои! Сливаем водичку!

Я пропустил Гудрун с ее парой вперед, а сам, развернувшись в седле, замахнулся копьём...

Если бы они знали, как скверно я метая копьё... Но они не знали, так что моментально сбились в кучу и прикрылись щитами.

Я подождал минутку. Потом развернул лошадь и погнал галопом за свои-

ми. Фризы остались...

Через час мы остановились, и я наконец-то обнял мою любимую.

– Он сказал: ты умер, – шепнула Гудрун.

Я ничего не ответил. Зарылся лицом в ее волосы. Нам так много надо было сказать друг другу... Потом. Сейчас мы просто радовались...

Мы заночевали здесь же, в небольшой пещере выше по склону. Лошадкам нашлось немного травы, нам... Нам ничего не надо было, кроме нас. Мы сидели, обнявшись, наслаждаясь теплом друг друга... Так и уснули, держась за руки.

Мы были так счастливы, что забыли, где мы и что вокруг.

И были наказаны за это со всей средневековой беспощадностью.

Глава двадцать вторая **Отнять, чтобы выжить**

Белый Волк пришел ко мне ночью.

«Почему ты не помог мне, брат?» – укорил я.

«Боги, – возник в моем мозгу ответ. – Другие боги».

«Это из-за моего гейса?»

«Да».

«Но теперь, когда он выполнен, ты снова будешь со мной?»

«Я уже с тобой».

Я не успел больше ничего спросить, потому что Волк вдруг оскалился, припал к земле, рывкнул...

И я проснулся.

Очень вовремя.

Все же нам повезло. Если бы мы не забрались повыше, а остались на тропе, нас обнаружили бы сразу. Попросту наткнулись бы.

То, что мы укрылись метров на пятьдесят выше уровня моря, дало нам небольшое преимущество.

Я проснулся. Но куда важнее то, что практически одновременно со мной очнулся Свартхёвди.

А через несколько минут мы увидели всадников. Воинов, к нашему большому сожалению. Много воинов.

– Здешний ярл, – шепнула Гудрун. – Его зовут Вагбранд. Он приезжал говорить с Лейфом. Хотел забрать драккар, но тогда с ним было мало людей.

Сейчас людей с ярлом было более чем достаточно. По моей прикидке – до полусотни.

А еще они волокли одного из вчерашних фризов. Фриз выглядел так себе. Весь в крови и заметно хромал.

– Зачем ты заночевал здесь? – с укором шепнул Свартхёвди.

Я смущенно промолчал. Глупость сделал. Не реши я сделать привал, мы были бы сейчас вместе с ирландцами. В относительной безопасности.

Если этот Вагбранд двинется дальше, то отрежет нас от своих. И если только этим и ограничится, то, значит, Судьба выбрала нам наилучший вариант.

Судьба выбрала наихудший. Они заметили следы лошадей, ведущие вверх по склону. А затем и самих лошадей, пощипывающих хилую травку. Увиде-

ли – и радостно загомонили. Не осталось никакого сомнения в том, что искали именно нас.

У меня враз заболели поджившие раны и заработанные вчера ушибы.

Я поглядел на Медвежонка. Тот думал.

Блин, а я только-только ощутил себя счастливым!

– Уходим наверх, – решил Свартхёвди.

И вскинул на плечо свернутые тючком доспехи.

Ну да, вариантов нет. Уходим наверх. И пешком, потому что лошади – не козы. По такой круче им не вскарабкаться.

Однако и норегам тоже придется преследовать нас пешком.

Зато с ними нет женщины и у них, скорее всего, есть кое-какие припасы. Мы же собирались завтракать вместе с парнями Красного Лиса.

– Давайте за мной, – скомандовал Медвежонок и двинулся к размытой дождями щели. По ней, навскидку, нам предстояло подняться метров на сто.

Поднялись. Вернее, поднимался Свартхёвди, а мы воспользовались сброшенной им веревкой. Из нас троих только Медвежонок мог кое-как соревноваться с норегам в скалолазании.

Мы успели, потому что у нас была фора. Норегии отправились за нами не сразу. Зато они так же безошибочно определили наиболее удобный для подъема маршрут...

Однако одолеть его быстро не смогли. Потому что мы обошлись с ними невежливо: забросали сверху камнями. Забросали и полезли дальше, потому что вряд ли эта щель была единственной.

Поднявшись еще метров на двести, наткнулись на тропу. Я был склонен думать, что тропа – козья, потому что ширина ее была местами сантиметров десять, но Медвежонок заверил меня, что здесь ходили люди, и я спорить не стал, только потребовал, чтобы мы обвязались одной веревкой. Я беспокоился за Гудрун, но в итоге удерживать пришлось меня. Правда, всего один раз.

А потом нам действительно повезло. Мы набрали на здоровенную расщелину, через которую был переброшен подвесной мост. И тянулось это ущелье влево и вправо, насколько хватало глаз.

Естественно, перебравшись на ту сторону, мостик мы аннулировали. Очень вовремя, потому что преследователи к этому времени нас практически догнали.

Ругались норегии так громко, что мы слышали их еще минут пятнадцать.

– Они нас всё равно догонят, – пессимистично заявил Свартхёвди. – Это их земля.

– Может, и так, – отозвался я. – Но не сразу. А может, им наскучит таскаться за нами по горам...

Лично мне это занятие наскучило бы с первой же минуты. Но со мной была Гудрун, а значит, я был счастлив. И при этом отчетливо понимал, что счастье запросто может кончиться. В связи с кончиной счастливых нас.

Удачно, что в нашей компании оказался один нормальный человек. Вернее, берсерк. Это он нашел место для ночлега в первую, чертовски холодную ночь. И топливо для костра. И убил лису, которую мы съели. С голодухи чего только не съешь.

И это он учуял дым на следующее утро. А дым, как известно, это жильё. И все, что нужно человеку. Беда лишь в том, что этого нужного часто не хватает

на всех.

Медвежонок учуял дым на рассвете, но его источник мы увидели уже хорошо за полдень. Причем дым из продуха уже не шел.

Приземистый домишко, заваленный камнями почти под самую крышу, стоял на берегу небольшого озерца, образованного горным ручьем. Высота берега в данный момент составляла метров двадцать. Надо полагать, во время таяния снегов вода стояла существенно выше.

Тем не менее перебраться через прорезанную водой щель было не так уж трудно.

– Мы пойдем туда и возьмем то, что нужно, – заявил Свартхёвди. И перечислил, что именно нам надо. Лыжи, теплая одежда, одеяла. Провиант, соль, кое-какое походное оборудование. Ведь у нас даже котелка с собой не было.

– Мы должны это добыть, – заявил Медвежонок. – Мы с тобой можем спать на снегу, Ульф, но моя сестра – нет. Знаю, что ты не любишь убивать тех, кто не воин, но – придется.

– Мне ничего не надо! – тут же заявила Гудрун и прижалась ко мне.

Так и было. Ничего, кроме меня. А мне – ничего, кроме нее. Если люди счастливы, им легче переносить невзгоды. Но для того, чтобы выжить в этой стране, одного счастья мало.

Нам придется идти по горам. Спуститься вниз можно, но вряд ли там примут нас как друзей, а вероятность отыскать ирландцев сейчас исчезающе мала. Скорее всего, Красный Лис уже снялся с якоря и пошел вглубь фьорда. Скорее всего, он уже побывал в родном селении Лейфа и узнал, что нас там нет. Каковы его дальнейшие действия?

А хрен его знает. Я бы на месте Красного Лиса не стал рисковать, заплывая слишком далеко, потому что один драккар, даже со столь бравой командой, это все равно один драккар. У местных ярлов может оказаться куда большее войско.

Так что двадцать к одному, что Красный Лис уже двинул обратно. Возможно, он подождет нас некоторое время в устье фьорда, если погода позволит, но мы туда вряд ли попадем. Нас отжали в горы. И скорее всего, будут преследовать, пока не догонят. Или пока не найдут наши замерзшие трупы.

Оставался открытым вопрос, насколько упорно нас будут преследовать.

Гудрун рассказала: Вагбранд в курсе, кто убил его папу со товарищи. Но знает ли он, что я и есть лидер тех, кто это сделал? Если знает, то точно не отстанет, потому что теперь он наш кровник, этот Вагбранд, сын убитого нами этим летом Вигмарра-ярла по прозвищу Зубовный Скрежет.

Даже если бы молодой ярл и захотел оставить нас в покое (всё же мы избавили его от опасного противника), ему все равно не позволили бы. Мы ведь убили не только папу Вигмарра, но и всех его хирдманов, кроме Лейфа. А в команде молодого ярла наверняка полно родичей убитых.

Нет, если Вагбранд – в курсе (что возможно, ведь имя мое было названо), то он будет гнать нас до упора. Трещина позволила нам выиграть время: в зоне прямой видимости норегов точно нет. Эта фора – наш шанс на спасение. Но у нас ни теплой одежды, ни лыж, ни припасов. Следовательно, чтобы выжить, надо всё это добыть. И такая возможность представилась.

– В этом домике может быть то, что нам необходимо, – говорит Свартхёв-

ди. – И мы должны это взять.

– Или купить, – уточняю я.

Медвежонок смеется и хлопает меня по плечу. Разъясняет, что, во-первых, это не Дания. В канун зимы тут каждый мешок ячменя и каждая связка рыбы на счету. Взять-то не у кого. А во-вторых, зачем покупать то, что можно отнять? Мы тут по-любому вне закона. Чего тогда стесняться?

Мне все же неловко. Я представляю: там женщины, дети... А мы отнимаем у них необходимое и обрекаем на смерть...

Мою нежную совесть пощадили. Детей и женщин в хижине не было. Там обитали четверо мужчин (это, после беглого осмотра, сообщил Свартхёвди), которые в настоящий момент отсутствовали. Так что пока обошлось без кровопролития. Мы прибрали все необходимое, переночевали под крышей и наутро двинулись в путь. На лыжах, с теплой, пусть и довольно неказистой одеждой, с запасами пищи и, главное, с прекрасными спальными мешками из гагачьего пуха, которых в хижине оказалось аж двенадцать штук. Медвежонок предположил, что их делали на продажу.

Глава двадцать третья,

в которой Ульф в очередной раз осознает свою ущербность

– Я должна рассказать вам... – Голос Гуд-рун дрогнул.

Я коснулся ее руки:

– Ты можешь ничего не рассказывать, правда! Это совсем не обязательно!

– Я должна, – чуть тверже произнесла моя жена.

– Пусть сестра говорит, – заявил Медвежонок. Он прикончил вяленую рыбу и теперь обтирал снегом испачканные жиром пальцы.

И Гудрун начала рассказывать.

Всё.

С самого начала.

С того момента, когда skonцы хитростью проникли в мою усадьбу.

Она не скрывала ничего. И по ее лицу я видел, что она снова переживает и мою смерть, и страх за нашего еще не рожденного ребенка...

Если раньше, не стану врать, я ревновал ее к Лейфу, и даже больше, чем ревновал...

Теперь совесть жрала меня поедом за мерзкие мысли, и я чувствовал себя распоследним дерьмом... Поэтому, наверное, и пропустил самое главное. С точки зрения здешней морали и теологии.

– Это хорошо, что ты его не убила, – хмуро изрек Медвежонок, когда Гудрун закончила свой долгий и страшный рассказ. – Плохо, что убила тех, других. И не принесла очистительной жертвы. Ты – не воин. Их духи будут мстить.

– Я не могла, – пробормотала Гудрун. – Как бы я это сделала?

– Это да, – согласился Свартхёвди. – Но если духи убитых не покинули наш мир, то беды не миновать. Месть угодна богам, но вершить ее должно мужчинам.

– Я хотела, чтобы все они умерли, брат. Все. Я думала, что мужчин в нашем роду больше не осталось... Я хотела убить Лейфа. Я убила бы его этой ночью, если бы вы не пришли.

Медвежонок покосился на меня.

«Ты знал», – сообщил мне его взгляд.

Пожалуй, да. Чувствовал. Потому и торопился.

– Боги на нашей стороне, – сделал неожиданный вывод мой побратим. – Они привели нас вовремя. Мы убили всех врагов и сами остались живы.

– Пока... – заметил я не без пессимизма.

– Ха! – Медвежонок снял с рогульки котелок с травяным настоем и сунул в снег, чтоб побыстрее остывал. – Боги за нас! А с людьми мы как-нибудь разберемся.

– Говорят, в здешних горах полно троллей, – Гудрун прижалась ко мне. Выговорившись, она будто сбросила непосильный груз. Даже лицо как-то разгладилось, и я вновь отметил, какая она юная. И какая красивая...

– А ты упоминай их почаще, – проворчал Свартхёвди, – и они непременно придут. Идите-ка спать. Я сторожу до восхода луны. Потом – ты, Ульф. А ты, сестренка, не печалься. Наша матушка снимет с тебя обузу. Души тех, кого ты убила, не посмеют тебя преследовать. Держись поближе к нам, а если приснится страшное – сразу скажи. Мне или мужу. Это для простых воинов духи невидимы, а от нас с братишкой им лучше держаться подальше! Верно, братец?

– Так и есть, – подтвердил я. Хотя понятия не имел, о чем он. Может, о моем Волке? По-любому, есть такая штука – самовнушение. Так пусть лучше Гудрун внушит себе, что мы с Медвежонок – гроза любой нечисти, чем думает о всяких порчах, проклятиях и «превышении должностных полномочий». Не верю я во все это. Даже после того, что случилось лично со мной. Не укладывается в моем прогрессивном сознании, почему у таких, как мы с Медвежонок, есть право мочить супротивников, а у моей милой – нет.

Восхода луны Свартхёвди не дождался.

Разбудил меня намного раньше. Тронул за плечо, прижав палец к моим губам, шепнул чуть слышно:

– Чужие...

– Ярл?

– Может быть. Разведчики. Я видел троих.

Я тихонечко выглянул из нашей снежной норки.

– Костер учуяли... – прошептал Свартхёвди. – Ветер переменялся.

Обзаведшись спальниками на пуху, мы могли теперь обходиться без ночного костра. Все же до настоящей зимы было еще далеко. Так что огонь разводили исключительно для приготовления пищи, со всеми предосторожностями. И сразу после использования гасили костер и, уходя, присыпали кострище снегом. Следы, конечно, оставались. Но до первого снегопада.

– Там и там, – показал Медвежонок. – Два и один.

Конечно, я ничего не разглядел, кроме снега. Света звезд для моих глаз маловато.

– Трое – это немного.

Для нас – немного.

– Если это не разведчики.

– Тогда они не нападут. Сначала приведут остальных.

– На лыжах мы от них уйдем, – сказал Медвежонок. – Даже такой скверный ходок, как ты, способен уйти на лыжах от пешего.

– Если они сами не обзавелись лыжами, – возразил я.

Подумаешь, дефицит. Лыжи – в Норвегии...

– Они нас видят?

– Конечно, – вопрос Медвежонка удивил. – Они же не слепые.

Ну да, это только я – слепой.

– Давай так, – предложил я. – Ты отправишься спать, а я посторожу.

– Спятил? Ты видишь ночью, как трехдневный щенок.

– Я сказал: ты отправишься спать, но спать ты не будешь. Сделаем вид, что ничего не заметили. Я сменил тебя на страже, вот и все.

Ночь была изумительно тихая, потому скрип тетивы я услышал. И мгновенно рухнул мордой вниз, так что стрела вжикнула надо мной. Следующая рванула куртку на спине и в ней застряла. Третья воткнулась в снег в дециметре от моего носа. Били, что характерно, с разных сторон.

Стрельба прекратилась. Я лежал тихонько. В надежде, что примут за покойника.

Моя надежда сбылась.

Хрусь, хрусь...

Кто-то приближался.

Я замер. Успею ли сделать бросок? Раньше – даже не сомневался бы... Но... Укатали сивку крутые норвежские горки...

Позади скрежетнуло. Нечто крупное пронеслось надо мной так быстро, что я ощутил ухом дуновение ветра. Потом – глухой удар, сдавленный сип... Щелкнула тетива, еще раз... Я рискнул приподнять голову. В пяти шагах от меня – какая-то темная куча. А шагах в двадцати кто-то перемещался. Да так быстро, что мой слух не успевал отслеживать движение... Впрочем, я знал, кто это. И ждал знакомого рева...

Не дождался.

Медвежонок вернулся, волоча за собой двоих. Подтащил к третьему, уронил...

Присел рядом со мной на корточки, спросил с тревогой:

– Брат, ты жив?

– Что-то со мной не так? – поинтересовался я, усаживаясь.

– Когда человек лежит, а в спине у него торчит стрела... – Свартхёвди хмыкнул. – Всякое можно подумать.

– В одежде застряла. А ты, вижу, даже не обращался?

– А зачем? Три неуклюжих бонда... – Он пнул ногой одно из тел. – Стреляют неплохо, но я ж не горная коза. Сестра! – рявкнул он. – Костер разожги!

Мне не предложил. Знал, что я минут десять буду кремнем тюкать, пока выбью сносную искру.

Вот так вот. Три неуклюжих бонда... Которые вполне могли меня убить, потому что видели в темноте гораздо лучше меня.

Вспомнился кузнец Коваль и его шаманское зелье, существенно улучшавшее ночное зрение. Если вернусь в те края, непременно попрошу рецептик.

Двух норегов Свартхёвди взял практически целыми. Третьего, который отправился меня добивать, тоже повредил нелетально. Ранил в плечо.

Точно, бонды. Охотники из ограбленной нами избушки. Оставили одного на хозяйстве, а сами отправились наказать воров. Теперь сожалеют. Рожи испуганные. Ждут нехорошего. А что, если им предложить сделку?

Посоветовавшись с побратимом, я выкатил норегам предложение, от которого невозможно отказаться. А именно: мы их всех оставляем в живых. Но одного берем с собой. В качестве проводника. Даже заплатим. А двое других, целый и раненый, пусть возвращаются домой.

Согласились, конечно. В альтернативе-то – всех троих в расход.

Позавтракали чужими припасами и тронулись, не дожидаясь рассвета. Как оказалось, неудачливые мстители видели милях в десяти отсюда большую группу вооруженных людей. Готов поставить эрир против дирхема, что это Вагбранд-ярл с братвой.

А тут как раз, очень удачно, пошел снег.

Отправились. Медвежонок шел замыкающим и все время ворчал. Практичные бонды потребовали с него клятву: их не убивать. А они, в свою очередь, поклялись, что не станут о нас рассказывать. Само собой, если бонды попадут в лапки Вагбранда, и тот решит допросить их со всей строгостью, никакие клятвы не помогут. Однако Свартхёвди вынужден был поклясться и теперь очень сокрушался. Не будь клятвы, он бы без зазрения совести отстал ненадолго и прикончил раненого и его спутника. Мертвые молчат.

Нашего проводника зовут Дрива Ходок. И он действительно Ходок. Прет по целине так, что Свартхёвди приходится его придерживать, чтобы мы с Гудрун не потерялись в снежной пелене. Снег падает безостановочно. Надо полагать, это Дрива[191] принес нам такую удачу. Не будь у нас проводника, могли бы и заблудиться: видимость – метров тридцать. Опять-таки, здесь горы. Не хочется провалиться в какую-нибудь стометровую трещину, неосторожно встав на рыхлый снежный мостик. Но в целом снег – это прекрасно. Прячет следы, прячет нас. Вот сейчас, к примеру, мы уже часа два как поднимаемся по пологому склону и при ясной погоде были бы видны километров с тридцати, учитывая качество зрения скандинавов.

Дрива намерен провести нас горами, не забираясь, впрочем, слишком высоко, до Раумарики. Он уже ходил этой дорогой, потому что у него там родственники. Нас это устраивает. Такую задачу ему поставил я, потому что слышал, что Раумарики – территория Хальфдана Черного. Во всяком случае была таковой еще летом. А с конунгом Хальфданом у нас всё пучком.

Я понятия не имел, что мы уже на земле Хальфдана-конунга. Хотя, знай я – это вряд ли что-то изменило бы. Сейчас. Хальфдан далеко. Вагбранд – значительно ближе. И, как пел Владимир Высоцкий, «...кто кого переживет, тот и докажет, кто был прав...».

* * *

– Они были здесь, – сказал Давлах.

– Можно догадаться, – проворчал Мурха Красный Лис. – Поскольку тут – одни бабы да Ульфов драккар без гребцов.

Не то чтобы в селении действительно были одни женщины. Вагбранд оставил троих мужчин: проследить за сохранностью вновь обретенного наследства. Эти трое оказались не очень умными парнями. Взялись доказывать, что этот драккар теперь принадлежит Вагбранду-ярлу. С ними спорить не стали. Повязали и положили отдыхать.

– А потом они ушли. В нашу сторону. С женщиной Ульфа.

– Ушли, но не дошли.

– А этот, Вагбранд? Если он их догонит...

– Что ты предлагаешь? – поинтересовался кормчий Далбаэт. – Оставить корабли и пуститься за ними следом? Чтобы какой-нибудь нахальный норегский ярл прибрал и наш драккар?

– Что скажешь, вождь? – спросил Грихар Короткий. – Искать?

Красный Лис покачал головой:

– Горы большие, земля – чужая. Нет. Мы забираем драккар и уходим. Если удача не покинула Черноголового, они выберутся. И мы отдадим ему драккар. А если нет, то оставим корабль себе. Это хороший корабль, и он нам пригодится, когда мы пойдем в вик.

На том и порешили.

Тех пленников забрали с собой, выбросили в море, едва оказались вне видимости с берега. И верегельд платить не придется (кто докажет?), и тремя норегами меньше. Богоугодное деяние.

Глава двадцать четвертая **В плену у норегов**

– Я не знаю, как так получилось, – честно признался Дрива. – Мы шли самой короткой дорогой. Как им это удалось? Не понимаю...

Тем не менее – им удалось. Скорее всего, случайно. И еще потому, что двигались они быстрее, чем мы.

Я думаю, дело обстояло так: они потеряли наш след, но обратно не повернули. Это горы. Здесь путей не так уж много. Судя по всему, они разделились. Нас перехватил отряд человек в тридцать. Впрочем, нам от этого не жарко и не холодно. Что три десятка, что пять – для нас все равно слишком много. Это ведь не бонды – воины.

Хорошо, что мы увидели их первыми. Плохо, что в Раумарики нам теперь не попасть. Вернуться назад? Но где-то болтается вторая половина Вагбрандова хирда. Не исключено, что как раз позади нас.

Что теперь делать? Назад – нельзя. Вперед – аналогично. Вверх? Мы уже наверху. Значит – вниз?

– А может, попробуем прорваться? – без особой надежды предложил я. – У нас есть луки. Укроемся в хорошем месте...

– Луки – охотничьи. Стрелы – тоже, – напомнил Свартхёвди и печально вздохнул.

Ему очень хотелось подраться.

Что ж, врач сказал: вниз, значит, вниз.

Самый кошмарный переход в моей жизни. Причем бояться приходилось сразу за двоих: за себя и за Гудрун. Скользкие камни, острые скалы... Ледяная корка и текущая из-под нее вода... Сначала я опасался предательства нашего проводника. Чиркнуть ножом по веревке – и нет проблем. Только имущество с покойников не забыть снять. Но часика через три я уже не боялся ни падения, ни предательства. Не осталось ничего, кроме скал, трясущихся коленей и окоченевших пальцев в изодранных рукавицах.

В трудных местах Медвежонок спускал сестру на руках, в ременной обвязке. Гудрун, в отличие от меня, с самого начала не боялась. Даже пыталась нас подбадривать...

Свартхёвди – могуч. Однако, если бы не Дрива, мы не прошли бы и пятиде-

сяти метров по вертикали. Ей-богу, будь у меня хирд, я бы взял парня в команду, не раздумывая. Это ведь его стрела застряла тогда у меня в куртке...

Мы сделали это. Зеркало фьорда сверкало лунным серебром тридцатью метрами ниже площадки, на которой мы остановились. Не Согне-фьорд. Другой. Значительно меньше. Но так же, как и там, здесь зима еще не наступила, и всё вокруг оказалось усыпано брусникой.

Оленина с брусникой. Какая прелесть! Правда, у нас не было оленины. Но – будет. Позже. Сейчас мы настолько выдохлись, что даже есть не хотелось. Легли, где стояли. И мгновенно уснули...

Неправильное решение. Следовало выставить часового. Хотя что бы это изменило?

Я проснулся от ощущения холода на горле. Открыл глаза... Ну да, конечно. Надо мной стоял здоровенный мужик с копьем. И копьё это, что неприятно, упиралось прямо в меня.

Я скосил глаза. Ну да, мужик был не один. Их было семеро. Свартхёвди и Дрива взяты на контроль точно так же, как и я. В Гудрун тыкать железом не стали, но то, как на нее глядели мужики с копьями, мне очень не понравилось.

Обидно, однако. Это даже не воины. Задрипанные норегские бонды. Причем только трое – в хорошем мужском возрасте. Остальные либо старые, либо юнцы. Будь я на ногах и с мечом... Но я лежу, завернувшись в спальник, в горло упирается копьё, а мой меч предусмотрительно отодвинут подальше. Гудрун – на расстоянии вытянутой руки. Лицо – безмятежное. Уверена, что мы с ее братом справимся. Мы же – великие воины. Вот только... Мы переглядываемся с Медвежонком. Он тоже оценил наши шансы... Как рискованные.

Мгновенно перекинуться в боевое состояние побратим не может.

Обо мне вообще речи нет. Если я дернусь, меня тут же приколют. При первом же подозрении на опасность. Наконечник копья нажимает не сильно, но он – в ямке под кадыком. Дернусь – сам себя вскрою. Возможности для маневра никакой, руки и ноги – в спальнике. Пока выкарабкаюсь... Один я, может, и рискнул бы, но – Гудрун. Рисковать ею у меня права нет.

Блин! Как же глупо попались!

Еще раз пытаюсь оценить противника... Бонды. Однозначно. И они нас опасаются. Так что убьют, не раздумывая. Стращать их тоже бесполезно. Прикончат, скинут в море – и «ничего не знаем, никого не видели». А что потом будет с Гудрун? Даже и думать не желаю.

Ничего с ней не будет! Я должен что-то придумать. Я должен ее защитить. Любой ценой... О! А ведь это – идея!

Если противника нельзя убить и невозможно запугать, почему бы его не купить?

– Меня зовут Ульф-хёвдинг из Сёлунда, – не дожидаясь вопроса, сообщил я. И добавил максимально весомо: – Моя жизнь и жизнь моих людей стоят дорого. Ты понял меня?

Алчность – чувство, которому подвластны все. Перед ним меркнет даже жажда мести. Выкупить можно практически всё. Кроме родовой чести, разумеется.

Мужик хмыкнул. Трудно воспринимать всерьез человека, который валяется у твоих ног, совершенно беспомощный.

– Насколько дорого?

– Сорок марок.

Сорок марок – это больше, чем полпуда серебра. Судя по одежке мужика, он вряд ли когда-нибудь держал в руках даже одну марку.

– Они – с тобой?

Я засмеялся.

– Со мной – не больше пяти. И золото. Это и так твое. Сорок – то, что ты получишь, когда я вновь увижу своих людей.

– Твоих людей? – Давление на мое горло усилилось. Мужик забеспокоился. Это плохо. Если перепугается – убьют всех. Причем сразу.

– Они сейчас далеко, – безмятежно сообщил я. – Мой драккар, ты мог его видеть... У него на носу собачья голова с красными клыками... Мы... разминулись. Сорок марок, если никому из нас не причинят вреда.

– Пятьдесят марок!

– Сорок! – не согласился я. – Пятидесяти у меня нет.

Психологический ход. Если человек торгуется, значит, намерен заплатить.

Сработало. По глазам вижу – стрела угодила в цель.

Алчность – сильнейшее из чувств.

– Я – Гедда Соленый. Я принимаю твои условия. Готов ли ты принести клятву перед богами?

– Если ты уберешь копьё...

Убрал. Перенаправил, сука, на Гудрун.

Ух, я бы тебя вывернул мехом внутрь. Но – нельзя.

Медвежонок недоволен. Сорок марок – до хрена. Если я поклянусь – это будет и его клятва. Он бы лучше рискнул, чем потерять такую кучу серебра.

Переживет. Сорок марок – это фигня. Я отдал бы вдвое больше, чтобы мы оказались на палубе ирландского драккара.

– Встаю, – сообщил я.

Встал. Медленно. Чтобы у бондов нервы случайно не сдали.

– Я Ульф Вогенсон, хёвдинг, по прозвищу Черноголовый, призываю в свидетели Тора Молотобойца и богиню Вар[192]...

Пару лет назад для меня это были бы просто слова. Сотрясение воздуха. Но не сейчас. Такая клятва – надежней договора с печатью, заверенного нотариусом. Потому что «нотариусы» из Асгарда – это не тетенька из конторы.

Короче, мы поклялись.

Всё.

Мы свободны. Удачно получилось, решил я. Хотя, глядя на физиономию Свартхёвди, этого не скажешь. Ух, он бы сейчас показал норегам, какого цвета у них потроха. Но – нельзя. Старший брат, то есть я, поклялся, вопрос закрыт.

Разочарован не он один. На рожах норегских юнцов – прям-таки детская обида. Они уже слюни пускали...

Это вам, мальчики, просто повезло. Моя девочка спит с ножом чаще, чем со мной. Потому что я в ее спальник не втиснусь, а вот нож – запросто.

Первый, кто сунулся бы к Гудрун, получил бы острый и болезненный сюрприз. Даже если бы вы, мальчики, сначала прикончили нас с Медвежонок,

кому-то пришлось бы туго. А может, и не одному. Вы ж бонды, не воины. Ударить одного ножом, вывернуться, подхватить мой меч...

Вот такие у нее были планы, если бы всё пошло по плохому варианту, объяснила моя жена. Вот почему у нее было такое спокойное, безмятежное личико. Всё распланировано. Она бы умерла вместе со мной. И еще кое-кого с собой прихватила. Ударить ножом, вывернуться, добраться до меча...

В том времени, откуда я пришел, многие сочли бы такое подлостью. Особенно – мужчины. Но я понимал: это высочайший уровень самопожертвования. И еще я понимал: мне такой уровень недоступен. Я бы не смог – так.

Но я могу другое. И я сделаю всё, что могу.

Случись все по худшему варианту, вряд ли Гудрун смогла бы выжить. Гедда Соленый и его родичи – бонды, а не воины, но все же мужчины. Гудрун их не одолеть. Но еще одну жизнь она, может быть, взяла бы. И еще им точно пришлось бы ее убить. В битве. С мечом в руке она отправилась бы за мной без всякого костра.

Так она сказала.

Беда изменила тебя, девочка моя. Сейчас ты совсем не та, какой была, когда я впервые тебя увидел. Когда ты поднесла мне чашу и поцеловала... Согласно обычаю.

Не знаю, к лучшему или к худшему эти перемены, но уж точно не мне тебя винить. Я привел к нам в дом Лейфа. Я не смог тебя защитить. И я рад, что ты сумела защитить себя сама. Цена не имеет значения. Хотя чует мое сердце, эта цена намного больше сорока марок, которые я пообещал Гедде Соленому.

Я смотрю на Гудрун и думаю: у этой женщины, моей женщины, моей жены, – сердце воина. А значит, мне следует научить ее быть воином. Нравится мне это или нет, уже неважно. Теперь это мой долг.

Глава двадцать пятая **Женщина с оружием**

Зимний дом Гедды Соленого и его родичей. Древнее строение, глубоко ушедшее в землю, однако внутри достаточно просторное, чтобы приютить сотню людей.

Сейчас в роду Гедды – сорок три. Считая двух младенцев.

Хороший у него одаль, по здешним меркам. Вдоволь пресной воды, три больших поля, луга... Есть где пасти скот и накопить траву. Удобный выход к морю...

Это на самом деле не очень хорошо, потому что у любого проплывающего мимо викинга возникает желание пополнить припасы... Бесплатно, разумеется. Потому род Гедды всегда начеку и кто-то из мальцов каждый день взбирается на вон ту, похожую на сломанный меч, скалу и выглядывает сверху паруса потенциальных грабителей.

Еще над Геддой есть ярл. Теоретически он должен защищать Гедду от других хищников, но по факту просто приезжает пару раз в год, жрет, пьет за счет Гедды со своими хирдманами и увозит с собой часть его зимних запасов.

Такая вот засада. Вроде бы ты – свободный человек, но... не совсем.

Младший брат Гедды решил податься в викинги. Больше о нем ничего не слышали.

Старшую сестру Гедды взял то ли в младшие жены, то ли в наложницы богатый бонд с той стороны фьорда. Теперь там же воспитывается старший сын Гедды. Может, выйдет из него толк: научится торговле или воином станет. Что, впрочем, одно и то же здесь, на севере.

Сорок марок. Гедда просыпается и засыпает с этой мечтой. И во снах, полагаю, тоже её видит. Сорок марок. Огромная куча серебра.

А гарант того, что сон станет явью, чужак Ульф Вогенсон. Поэтому заботятся обо мне самым наилучшим образом. Например, нам с Гудрун выделили комнатку за идолами. Большой почет, ведь раньше здесь спал глава рода. То бишь сам Гедда.

Медвежонку тоже предоставили какой-то чуланчик... Поменьше. Ведь он один.

Хотя в одиночестве моего побратима не оставляют. По-моему, за прошлую неделю в чуланчике перебивали все симпатичные женщины рода Гедды, включая и его жену. Тем не менее мой Медвежонок по-прежнему мрачен. Сорок марок!

А я – счастлив. Гудрун – со мной. Мы спим в одной постели. Мы любим друг друга... Пожалуй, даже больше, чем раньше.

Я опасался, что тень Лейфа Весельчака будет еще долго нависать над нами, но – нет. Боялся, что сам буду ревновать к прошлому... Первая же наша близость смыла прошлое, как горячая вода смывает с тел налипшую грязь.

Кстати, у местных оказалась неплохая банька. И рыбка отличная. И вода во фьорде на удивление теплая. Градусов двенадцать. Для местных – в самый раз.

Я не стал скрывать от Гедды, что у нас на хвосте висит Вагбранд-ярл. Мы с Соленым – в одной лодке. «Сорок марок серебром» – ее имя.

Гедда принял меры. Оповестил соседей. В остальном для его рода ничего не изменилось. Они и так начеку.

Но тревожных новостей не поступало. Судя по всему, молодой ярл потерял наш след.

Я расслабился. Препоручил Гедде заботу о том, как доставить меня к моему серебру, вернее, уже к его серебру, и релаксировал. То есть – отдыхал. Мы все отдыхали. Зализывали старые раны и свежие ушибы. Наконец-то у меня перестала болеть спина, рука двигалась практически как раньше.

Еще я выполнил свое намерение и занялся обучением Гудрун. Если ей снова придется защищать свою жизнь самостоятельно, пусть делает это эффективно.

Оружие, которое я посчитал для Гудрун оптимальным, – легкий клинок, что-то среднее между рапирой и шпагой, и такое же легкое копье. Кузницы тут не было, так что шпагу ей вырезал из дерева один из племянников Гедды. А копье взяли обычное швырковое, с кольцом посередине.

Свартхёвди поначалу ворчал: мол, не бабское это дело...

Ему напомнили, что он сам когда-то обучал сестру владеть ножом и луком.

– И что с того? – проворчал Медвежонок. – Нож и лук – это не меч. Баба с оружием, считай, воин. Бить будут по-настоящему. И убьют. А так бы пожалели...

– Тебя бы кто так пожалел... – сердито заявила Гудрун. – Я не боюсь смерти. Я умею убивать. Или ты забыл?

– Будь ты мужчиной...

– Нет уж! – вмешался я. – Пусть остается женщиной. Но не вижу ничего худого, если она сможет за себя постоять. Тем более, от женщины никто не ждет, что она будет сражаться как воин.

– Она не будет сражаться как воин! – рявкнул Медвежонок. – Потому что она – не мужчина! У нее слабые руки, всё слабое!

– Я в курсе, не ори! И я буду учить ее не как мужчину, а как женщину. Сам знаешь: не сила делает воина воином, а дух. А духа у нее хватит на троих. И вообще... Как насчет валькирий?

– Ты их видел? – поинтересовался Свартхёвди. – Нет? А я видел! У них руки потолще твоих!

– Я рад за них. А что еще у них – потолще?

Медвежонок фыркнул, схватил копье, которое я подготовил для Гудрун, и зафигачил со всей дури в стену сарая. Отличный бросок. Сорок шагов, а вошло на полжелезка.

– Вот так она всё равно не сможет!

– Я – тоже, – скромно напомнил брату «слабосильный» Ульф Черноголовый.

– Не о тебе речь.

– Как раз – обо мне. Ты, случайно, не забыл, что она – моя жена? И если я решил, что она будет учиться оружейному бою, то она будет учиться. Я ясно выразился?

– Так бы сразу и сказал, – проворчал Медвежонок. – Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, хотя ума не приложу, зачем тебе жена-воительница. Ты ж не Рагнар-конунг...

– Она должна уметь защитить себя! – твердо ответил я, хотя было чувство, что я чего-то недопонимаю.

– Ты – муж, – проворчал Свартхёвди.

Сходил к сараю, выдернул копье и торжественно вручил Гудрун.

– На, сестричка, владей! А ты, муж, не забудь мне сообщить, когда ее можно будет сажать на рум.

И удалился на бережок, одинокий и сердитый.

Впрочем, одиноким он был недолго. Уже через минуту к нему присоединилась местная девушка, решившая, что чинить сети лучше в хорошей компании.

– Главное, – сказал я Гудрун, вручая копье, – не то, сколько силы у тебя в руках, а то, насколько быстро и правильно ты будешь двигаться. И вот этим мы сейчас займемся...

Через пару минут выяснилось, что женское платье не слишком приспособлено для «челночного» перемещения, которому я вознамерился обучить Гудрун.

Переделалась в мужское. Ей шло. Ей всё шло – с такой-то фигуркой. Но хорошо, что Медвежонок не видел. Ух бы он и ругался!

Этой «дорожке» меня когда-то научил маленький вьетнамец из Швеции. Он преподавал то, что называлось «кун-фу», здоровенным шведам, которым дорос только до подмышки, и шведкам, которым... Ну соответственно. Мы встретились с ним на Готланде. И чем-то я его зацепил, потому что маленький мастер предложил мне постажироваться у него пару недель. Причем бесплат-

но. Научил немногому, но – важному. Например, умению двигаться «челноком», за счет точности и экономности веками отработанного сочетания движений выгадывая те самые четверть секунды, которые железно оберегают от встречной атаки. Кажется, всё очень примитивно. Рука сюда, нога туда, полуповорот, наклон головы... Но бамбуковая палка, заменяющая меч, с гудением рвет воздух... Только воздух, потому что тебя уже нет, и вдогонку ее не послать, потому что – неудобно.

Думаю, маленький вьетнамец попросту истосковался по внятному ученику. Огромные шведы к его боевому танцу были приспособлены не больше, чем Медвежонок – к шитью бисером. А у меня – получалось. Позже я творчески расширил данный урок, применяя ту же систему, но уже – против нескольких противников и подогнав ее под собственную специфику движений. Но это уже – мастерство. Вьетнамец подарил мне базу. Безупречную форму, которую мне бы никогда не создать самому. Это было – как чеканные слова неизвестного языка, обкатанные поколениями. Угол между ступнями, траектория смещения локтя...

Самое то для моей любимой. Прописи для начинающих. Сначала – неловко, а потом вдруг оказывается – именно это движение и есть самое удобное. Действительно – самое, иначе оно не вошло бы в систему.

Ничему подобному я бы не стал учить, допустим, ни Скиди, ни Вихорька. Во-первых, они вырастут и вся отточенная геометрия пойдет к черту. Во-вторых, им – драться в разных условиях: на свободе и в скученности, против многих противников и против одного. Стоять в строю, уворачиваться от копий и перехватывать их... Они – многофункциональные воины, если можно так выразиться.

Гудрун это не нужно. Она не станет в общий строй и не сядет на рум. Вот еще не хватало: изувечить эти ручки мозолями от весла! Ей не нужны навыки битвы. Только – поединок. Причем в условиях, когда она заведомо уступает противнику и силой, и скоростью. Только отработанная на уровне рефлекса безупречная техника. Вошел, вонзил (в варианте вьетнамца – подрезал, но так даже лучше) и ушел, опережая контратаку, туда, где врагу неудобнее всего достать. Затем заставить его развернуться под нужным углом, снова атаковать, когда он меньше всего этого ожидает... Ну да, тут будут сбои. Настоящий мастер угадает и опередит. Если он на две головы выше. А вот если только на одну – шанс есть. Потому что в графику движений уже заложены и финты, и скрытность, и перехват инициативы наиболее естественным образом.

Способности у Гудрун оказались неплохими. В трудолюбии я не сомневался. И был уверен, что уже дней через несколько сумел бы удивить результатом даже ее скептически настроенного братца.

Но мы не будем торопиться. Даже при многочасовых тренировках на нужный уровень она выйдет не скоро. Пожалуй, уже после родов, дай нам Бог, чтобы она разрешилась благополучно.

Кстати, свою «дорожку» вьетнамец все же преподавал шведам. Точнее, шведкам. Беременным. Утверждал: способствует правильному развитию плода и всё такое прочее.

Судя по тому, что его стокгольмская школа процветала уже не первый год, нареканий от будущих мамаш не поступало.

Глава двадцать шестая,

которая начинается с попытки убийства, а заканчивается великой поэзией

Деньги – отличный стимул. Гедда Солёный развил бурную деятельность, чтобы до них добраться. Навел справки и выяснил, что драккар с краснозубой собакой видели с берега. Курсом – на юг. Причем в компании с еще одним драккаром. Похоже, трофейным. Ай да Красный Лис! Уже успел кого-то грабнуть.

– Что ж, – сказал я тогда Гедде. – Если не получится перехватить мой корабль, доставь меня в Уплёнд. Там я найду, у кого занять деньги.

У Харальда Щита, например. Или у самого Хальфдана. Это если Лис в Данию ушел вместе с моей «казной».

Воодушевленный Гедда снова принялся за дело. Переплыл фьорд и подключил к процессу богатого зятя. Надо полагать, посулил процент, потому что уже через три дня у береговых камней появился парусник. Не то чтобы очень большой – на четыре пары весел, но достаточного размера, чтобы проплыть сотню морских миль.

Я поинтересовался у Свартхёвди: каков прогноз погоды на завтра?

Медвежонок глянул на заходящее солнце и уверенно заявил:

– Хороший.

Тем не менее мы задержались. И не из-за погоды.

Крепкий сон – основа здоровья.

Но не в моем случае. Если бы злодей не решил сначала потрогать, а потом ударить, здоровье мое резко ухудшилось бы. Или не мое, что еще хуже.

Но он сначала потрогал...

– Ульф, какая у тебя холодная рука... – пробормотала Гудрун.

И я проснулся. Мгновенно осознал, что в нашем маленьком алькове есть кто-то еще, довольно вонючий. И пнул ногой, ориентируясь исключительно по запаху, поскольку темень была абсолютная. Пнул – и попал. Каморка маленькая, промахнуться трудно. Моя пятка угодила во что-то мягкое, вонючий охнул, и мечом я ударил уже на звук. Тоже не промахнулся, судя по воплю. И тут же кто-то заорал в большом зале...

Острое коснулось моей кожи. Вернее, проехалось по боку, потому что я на рефлекс выполнил маневр и одновременно выбросил левую руку, чтобы перехватить ту, что держала оружие... Но поймал не запястье, а древко копья. Что ж, еще лучше. Я рванул древко на себя и вверх (не дай бог, в тесноте заденет Гудрун) и кольнул Вдоводелом – навстречу. Почувствовал, как железо входит в тело, задевает кость... Я нажал сильнее, противник захрипел, выпустил копье. Поворот клинка и рывок назад. Меч свободен, копье описывает полукруг. Его острием я отбрасываю полог. Ага, здесь посветлее... А кого-то скрутили и прижали к полу. Прижатый пищит, на нем сидит мой побратим, упирается подошвой в шею. Вокруг – Гедда и его домочадцы. Большая часть – без оружия. Увальни деревенские.

– Не убей его, Свартхёвди, – прошу я, потому что понимаю: шея пленника вот-вот хрустнет.

– Как скажешь, – Медвежонок сноровисто заламывает пойманному руки, спутывает поданной веревкой, накидывает на шею петлю. Умение скручивать и вязать пленных входит в «малый джентльменский набор» навыков,

вернее, «искусств» викинга. Наряду с умением слагать висы.

– Ты кто? – спрашиваю я, когда пленного отрывают от пола и ставят на колени.

Тот молчит. Морщится от боли или просто кривит рожу... Особых повреждений я на нем не вижу.

– Его зовут Тьёдар Певец!

Это Гудрун. Она успела надеть платье и повязать голову шарфом, так что выглядит куда приличнее меня, голого. Правда, я – с оружием, а она – нет. Прав всё же Медвежонок: до настоящего война ей еще далеко.

– Так? – уточняю я.

– Так... – придушено сипит пленник. Сейчас ему не до песен, это точно.

Мы уже полчаса решаем судьбу сконского диверсанта. Свартхёвди стоит за то, чтобы обойтись с ним по-плохому. Я – по-хорошему. То есть просто убить.

Женщины Гедды прибираются в нашей каморке. Смерть – грязное дело. Во всех смыслах. Хотя убитый, как говорится, был в своем праве, когда напал на меня. Он ведь – племянник Лейфа Весельчака, следовательно – мой кровник. Был.

А Тьёдар вздумал отомстить Свартхёвди. Как позже выяснилось, Певец решил свершить некое деяние, достойное саги. И, в отличие от Лейфова племянника, он поступил правильно. Ничего щупать не стал. Ворвался в чуланчик и сразу рубанул мечом.

Только Медвежонок на сей раз спал в общем зале... Один его знает, почему. Может, потому, что набрался порядочно. Но от нехороших звуков в задней комнате он проснулся вмиг, рванулся на звук и прихватил Тьёдара, когда тот выдергивал меч из деревянной рамы ложа. Дальше – дело техники. И внезапности. А меч так и остался в деревьях.

Племянника я убил, в чем немного раскаиваюсь. Совсем сопляк был парнишка. И – с принципами. Он решил сначала разобраться, где враг, а где – женщина. Хотя тут я, возможно, ошибаюсь. Копье, тем более – с «рогатым» железком, это не меч. Оружие одного удара, как правило. А вот с Тьёдаром получилось интереснее. Как только у него появилась возможность говорить, он использовал ее по полной.

Сразу заявил, что он – не кто-нибудь, а известный во всей Дании скальд.

Я усомнился. В Роскилле я его не встречал.

Медвежонок тоже не шибко разбирался в рейтинге датских бардов.

– Развяжите мне руки, – предложил Тьёдар, – и я докажу вам, что губить такого, как я, попусту тратить божественный мёд.

– Хм... – пробормотал Свартхёвди, который минуту назад уговаривал меня применить к преступнику его наработки, приготовленные для Лейфа. Типа, раз с главным злодеем не получилось, так не пропадать же идеям. – Желаешь выкупить себя славной драпой[193]?

Тьёдар ухмыльнулся. Рыба проглотила наживку. Кому не хочется, чтоб о нем пели скальды? Причем хорошее...

– Значит, ты скальд? И где же твой инструмент?

– Развяжи меня – и увидишь.

– Ты думаешь, если я берсерк, то глупее медведя? Даже медведь не повелся бы на такое. «Развяжи!» Ну-ка пойдём!

Тъёдару очень не хотелось показывать, где спрятаны его вещи. Естественно. Ведь, кроме музыкального инструмента, там оказалось немало серебра и прочих полезных в жизни штук.

Сам музыкальный прибор напоминал длинный и широкий гриф, к которому забыли приделать деку. Изготовлен он был с любовью и старанием, сразу видно, но звучал примерно как детские гусли. Хотя тут все так звучало. Однако придумано было хитро: одна струна – выщипывать мелодию, остальные – выбрякивать аккомпанемент.

Мы вернулись в дом.

Поскольку версия о скальде подтвердилась, пленнику развязали руки. Сон был забыт. И труп скальдова сподвижника – тоже. Все расселись вокруг Тъёдара в жадном нетерпении. Шоу!

И шоу началось.

Он оказался неплохо информирован, этот Тъёдар, потому что начал от печки. То есть – с моей и Гудрун свадьбы. Затем плавно перешел к коварному нападению на наших, то есть моих и Свартхёвди, земляков. Затем – тема страшной мести. Битвы победные, битвы неравные. И везде – Волк и Медведь в едином строю побивают злых врагов.

И после каждого «куплета» рефрен.

*Не видеть добычи лежащему Волку, Медведю в берлоге.
Но спляшут на поле копий, и весело Асам в Асгарде.*

Неравная битва проиграна. Мы остались вдвоем. Враги ликуют, мы мужественно терпим муки... И тут приходит Рагнар! Волк с Медведем, израненные, возвращаются домой, зализывать раны...

А дома-то и нет. Коварный... Нет, хитрый, могучий и тоже доблестный Лейф Весельчак украл прекраснейшую из жен. Гудрун, дочь Сваре Медведя и волшебницы Рунгерд. Украл и увез к себе в Норвегию.

Волк и Медведь пускаются в погоню... И настигают.

Страшная битва: двое против ста. Медведь-берсерк выпадает в осадок, израненный Волк схватывается с врагом в последнем хольмганге... Едва не погибает, но Один дарует ему силу, и враг повержен. Добро торжествует, муж воссоединяется с женой, сестра с братом. Короче...

*Не видеть добычи лежащему Волку, Медведю в берлоге.
Но спляшут на поле копий, и весело Асам в Асгарде.*

А-ахренительно! Тъёдар пел час, как минимум. Причем импровизировал. И, судя по реакции слушателей, создал шедевр.

Когда осипший и выдохшийся Певец уронил инструмент, Свартхёвди торжественно поднес ему пива, а потом обнял и поцеловал.

Уверен, наш сказитель предпочел бы поцелуй его сестры, но – Тъёдар перебьется.

Хотя жизнь он точно заработал.

Здесьние саги делятся на два типа.

О том, какой славный у нас конунг, ярл или хёвдинг.

И то, что можно было бы назвать мыльной оперой с элементами хоррора. История о том, как некто украл у другого некто нечто ценное, и с этого противоправного события зародилась вражда, растянувшаяся на пару-тройку поко-

лений. Великие битвы из-за грядки с репой. Хотя не следует думать, что такая грядка – пустячок. На севере, в условиях дефицита пахотной земли, от такой грядки может зависеть жизнь не одного человека. И кровь из-за урожая льется самая настоящая. Однако грядка есть грядка. Смешно сравнивать два пуда репы и боевой драккар.

Словом, после своей роскошной драпы Тьёдар стал одним из нас. Медвежонок даже вещи ему вернул, включая оружие. Серебро, правда, экспроприировал и разделил со мной.

Но только потому, что у нас были проблемы с наличными. Собственные-то денежки мы отдали Гедде в качестве поощрительного бонуса.

В общем, ночь прошла насыщенно. А утром мы, то есть я с Медвежоном, Гудрун, Гедда с тремя родичами и представителем зятя, могучим дядькой по прозвищу Два Лосося, и, конечно, Тьёдар Певец, взошли на борт восьмивесельного баркаса и двинули на юг.

Глава двадцать седьмая **Битва на отмели**

– Кто-кто? – переспросил я.
– Ульфхам. Ульфхам Треска, кажется, так, – повторила Гудрун. – А бонда того звали Ярп Большой Бобер.

– А кто именно привел туда раненого Ульфхама?

– Ульф, не кричи. Я же не знала, что это так важно. Я бы спросила.

– Прости, родная.

Уж на нее мне точно орать не стоит. Наоборот, благодарить со всем пылом, потому что я ведь тоже ночевал у этого Бобра. И вообще никаких вопросов не задавал.

Хотя еще не вечер. На обратном пути заглянем к этому Ярпу.

Но начать следует с Хедебю. Родня Хрёрека точно должна знать, жив он или нет...

Мы возвращаем весла вторые сутки. Развлекаем себя разговорами. И песнями. Тьёдар Певец от гребли освобожден. Впахивает по специальности. Как шарманка, крутит славную драпу «Волк и Медведь». От собственных подвигов у меня уже оскомина. Зато весь наш экипаж знает балладу наизусть. И подпевает. Удивительна способность средневековых людей практически с ходу запоминать тексты, особенно ритмичные. Вот что значит отсутствие письменности, не говоря уже об Интернете.

Любуюсь Гудрун.

Когда она мне улыбается... Нет, это невозможно описать. А еще она носит моего ребенка. Уверена, что мальчика. А мне – всё равно. Лишь бы всё обошлось благополучно. Здесь нередко умирают во время родов. Однако до них мы должны вернуться домой, на Сёлунд. Там – Рунгерд. Она позаботится и о дочери, и о внуке.

Так, значит, Ульфхам Треска – жив. Превосходная новость. Обнадеживающая. Ульфхам был чем-то вроде личного телохранителя Хрёрека. И ходил с ним на одном драккаре. Вместе с варягами. Трувор, Ольбард, Стемид...

Мы все были как братья, все, кто сидел на румах Красного Сокола, но варяги еще и одного со мной языка. И пусть я сейчас говорю по-скандинавски так же хорошо, как по-русски, а все же родной язык и есть родной. Я вышел из ва-

ряжской компании, когда выбрал в жены Гудрун и побратался со Свартхёвди... Но – родина есть родина... Мне вдруг остро захотелось домой, в Россию. Вернее, на Русь... Вернее, туда, на землю, которая когда-то станет Русью. Чтобы знакомые леса вокруг, знакомые птицы... Спору нет, фьорды потрясающе красивы. Но там – дом. Там и листва другая, и почва... И пахнет иначе.

Или мне просто надоел холод? Объективно: что мне там делать, на будущей Руси? Служить Гостомыслу? Это даже не смешно. Всё равно что предпочесть должность младшего лейтенанта в задрипанном гарнизоне званию полковника гвардии. Правда, там, в будущей Новгородской губернии, у меня есть враг. Князь Водимир его зовут.

Как же давно это было...

– За нами погоня, – флегматично сообщил Свартхёвди.

Три лодки под парусами. Народу в каждой – человек по десять. И гребут усердно...

Тьёдар отложил свою музыкальную доску...

– Я их знаю, – сообщил он после краткого раздумья. – Люди Вагбранда-ярла.

– Почему так думаешь?

– А на первой лодке сам Вагбранд-ярл.

Вот же настырный молодой человек.

Всё-таки достал...

– Может, не тронут нас? – не очень уверенно интересуется один из родичей Гедды Соленого.

– К берегу править? – Это Два Лосося. Он смотрит на жизнь объективно.

– А уйти – никак? – интересуюсь я.

Все скандинавы дружно заявляют: «Нет!»

Мог бы и сам сообразить. Гребцов у них больше, лодки шустрее... Раз уж сумели нас догнать. И, судя по тому, что расстояние продолжает сокращаться, не очень-то они устали.

Я думаю. К берегу? А что это нам даст? При таком численном преимуществе, даже с поправкой на то, что среди нас – берсерк, ловить нам нечего. Опять ползать по горам?

Будь на берегу резиденция какого-нибудь местного ярла, можно было бы попросить поддержки. Но резиденции нет, а от чаек с гагарами пользы немного. Разве что на шлемы врагам нагадят. Интересуюсь у местных, нет ли поблизости еще одного норвежского феодала?

Есть, отвечают, как не быть. Дальше вдоль берега. Полдня пути примерно.

Угу. И вообще... Кто сказал, что два ярла – лучше, чем один? Вдруг они – родственники?

Ладно, пойдем по сложному пути.

Я вспрыгиваю на скамью, кричу, надрывая глотку:

– Эй, ты, Вагбранд, тюлениха твоя жена! Я – Ульф Вогенсон, объявляю тебя трусом! А если ты не трус, то докажи! Вызови меня на поединок!

– Зачем ему с тобой драться? – раздается рев со стороны преследователей. – Мы тебя и так убьем! Мы вас всех убьем! А бабу...

– Ярл твой – баба! – ору я. – Все знают, что он – баба! Весь хирд делает с ним то, что делают с женщиной! Ведь он – такой красавчик (тут я приврал, признаю, насчет красавчика), и толку от него больше никакого! А ты, горластый, что, его главный муж, да?

В ответ – злобная брань. Неконструктивная.

– Да всё так и есть! – ору я, с огорчением наблюдая, как сокращается расстояние между нами. – Ты и есть его муж, раз говоришь за него. Кто станет слушать женщину, когда рядом ее мужчина! Но раз уж ты – мужчина, так, может, захочешь со мной подраться?

– Да я тебя насмерть убью! – ревет мой собеседник. – Я из тебя кишки выпущу!

Но тут в разговор вклинивается голос позвонче:

– Я сам его убью! Сам! Не лезь в это дело, Кетильгрим! Он оскорбил меня, и он умрет! Эй, ты! Правь к отмели! Там я тебя прикончу!

Какие они предсказуемые, эти норегии.

Правильный хольмганг – это как раз и есть поединок на острове. Вернее, на островке размером в пятнадцать – двадцать квадратных метров. Желательно, заливаемый во время прилива. Ну чтобы процесс не затягивался.

Хотя по факту всё кончалось достаточно быстро. При равных противниках проигрывал тот, у кого первым заканчивались щиты, количество которых перед началом строго оговаривалось. Равно как и условия по замене оружия.

В совсем классическом варианте бились два на два. Второй прикрывал первого щитом. С места сходить тоже запрещалось... Словом, не мой вариант боя. Но ярл сам меня вызвал, так что дополнительные условия – за мной. И мы повернули к берегу.

Я обнимаю Гудрун. Она смотрит на меня с полным доверием. То на меня, то на брата. Свартхёвди ухмыляется.

– Мы убьем их всех! – заявляет он.

Я смотрю на ситуацию не так оптимистично.

Это хорошо, что я развел молодого ярла на поединок. Теперь нас не станут брать на абордаж, что при таком численном превосходстве врагов – полный трындец. Но и на берегу соотношение один к десяти. Нас только трое, фактически: я, Свартхёвди и Тьёдар. Остальные – не профессиональные воины, а любители. Словом, всё очень-очень серьезно. Норегии – отменные бойцы. Значит, нам нужно отыскать такое место, где нельзя выстроить шеренгу больше, чем в три человека. И чтобы у нас оставалось место за спиной. Для маневра и для того, чтобы укрыть тех, кто послабее. И еще следует учесть, что у Медвежонка может в любой момент упасть планка, и он пойдет крушить всех, кого ни попадя.

Берег, черт его так, скала на скале. Ни одной ровной площадки.

А это что там впереди?

Я аккуратно освободился от объятий Гудрун и вспрыгнул на борт.

Отмель. И не простая, а небольшая, длинная и с трех сторон зажатая каменными глыбами очень приличной высоты и не очень удобной формы. По таким с оружием не поскачешь. И щель между скалами – как раз на две такие лодки, как у нас. Если весла прибрать. Причем на подходе придется поманеврировать между угловатыми каменными клычищами. Если встать на якорь на этом фарватере, придется попотеть. Волны невелики, но колотиться бортом о камень, пусть даже и с умеренной силой, не захочет ни один судовладелец.

Два Лосося – отличный кормчий. Мы проскользнули без сучка без задорин-

ки. Чиркнули раза два, совсем легонько, – и легли килем на песок. Когда рядом с нашим корабликом втиснулась «флагманская» лодка Вагбранда-ярла, мы уже высадились и заняли дальнюю часть островка.

– Берсерк! – сразу заорал Кетильгрим, огромный, как тролль, мужичище в отличном пластинчатом доспехе. – Ты не будешь драться с берсерком, клянусь Молотом Тора!

Ишь ты какой наблюдательный!

– Что ты ревешь, как морж на случке! – Я шагнул вперед, прикидывая качественный состав вражеского хирда.

Состав не порадовал. Неплохое вооружение, экономные движения, спокойно-сосредоточенные рожи опытных убийц. Одиннадцать человек. Эх, нелегко нам придется. Но выбора нет. Такие вряд ли сдадут назад, когда я завалю их ярла...

Если завалю. Паренек-то ушлый. И быстрый. Спрыгнул ловко, глядит цепко...

– Со мной он будет драться, твой нежный мальчик.

А вот и слабое место у нашего ярла. Ишь как мордочка передернулась. Не очень-то ты уверенно себя чувствуешь в среде матерых головорезов. Всё время приходится демонстрировать, как ты – крут.

– Условия? – рыкнул Кетильгрим.

Успокоился здоровяк. Прикинул мою физическую конституцию, некую заторможенность движений, которую я, каюсь, сымитировал, прикинул и решил: справится ярл.

А потом, гуртом, и берсерка можно задавить. Тем более что на оставшихся на плаву лодках народ уже изготовился к дистанционной работе: и луки наготове, и копья. Три-четыре хороших стрелка – серьезная проблема для любого берсерка. Особенно если между ним и стрелками – море и скалы.

– Не бойся, девочка моя, мы справимся, – шепчу я Гудрун. – Больше тебя у меня никто не заберет.

– Не заберет. – Ласковое прикосновение к моим губам. – Если ты умрешь, я тоже умру.

Спокойно так, как само собой разумеющееся.

– Ты не умрешь... Вы не умрете, – я дотрагиваюсь до ее живота.

И сразу отстраняюсь, разворачиваюсь к врагам. Те, надо отметить, ведут себя корректно. Беспредела не устраивают. Хольмганг – это не просто драка. Это еще и развлечение для богов. Освященная Законом и Обычаем.

Если бы они навалились все разом, да еще подкрепленные стрелками с других лодок...

Я смотрю, как высаживаются норегы, как они распределяются на узкой песчаной полоске. Кажется – их очень много. Куда больше дюжины. Мы – жалкая кучка...

«Мы их всех убьем!»

Именно так на них и надо смотреть. Не как на грозного врага – как на тех, кого надо убить. Будто они уже мертвы... Я чувствую: мой Волк – где-то рядом. Это внушает надежду. Если он придет... Ах как мы тогда станцуем!

Я улыбаюсь, вспоминая. Наш танец. Мой танец, когда приходит Белый Волк. Искрящийся волшебный мир...

Вагбранд-ярл глядит хмуро. Не нравится ему моя улыбка.

– Один щит, один меч! – заявляю я. – Бой – до смерти!

Что дальше – не оговаривается. Если победа будет за мной, включится вариант: все против всех. Если за ярлом, аналогично.

Кетильгрим изучает Медвежонка. Татуировки берсерка вызывают у него опасение. Именно так. Опасение, а не страх. Как бы ни закончился наш поединок, первый удар обрушится на Свартхёвди. Кетильгрим – главный. Даже сейчас видно: хирдманы ориентируются в первую очередь на него, а не на Вагбранда. Это он возглавит общую атаку...

Но мы это сейчас исправим.

– Эй, ты! – Острие Вдоводела направлено на Кетильгрима. – Сначала я убью твоего ярла, потом тебя! – И подпускаю в голос чуток дрожи. Он должен думать, что это – бравада. Что я не так уж уверен в победе. Что я пытаюсь его запугать... Он не должен отказаться, не должен. Малейшее сомнение – и он не купится. Зачем драться один на один, если можно – все на одного? Но поднять свой рейтинг в хирде – это святое. Давай, здоровяк, подключи логику. Если я убью ярла, кто главный кандидат на пост лидера? Само собой, у ярла могут быть братья и прочие родственники, о которых я не знаю. Но, раз их тут нет, значит, они не в теме. Ты – главный, если Вагбранда заберут в Валхаллу. Это же круто: отомстить убийце ярла **лично!**

– Это я тебя убью! – повелся здоровяк, выпятил волосатую челюсть. – Нашинкую, как лосося в уху!

– Ха! Мечтала тюлениха, как медведицей станет! Хольмганг! На тех же условиях! До смерти!

– Боги нас слышали!

– Эй, Кетильгрим, ты обо мне не забыл? Я жив пока что! – Ярл играет клинком, разминая руку. Глядит с вызовом. Не на меня. На своего хольда.

Слышь, парень, а ты сам не забыл, что биться тебе – со мной, а не со своим «опекуном»?

Я тоже разминаюсь, старательно имитируя ограниченную подвижность. Не так уж сложно, потому что ушибленная спина снова заныла...

Свартхёвди и Кетильгрим. Они – за распорядителей.

Нужные слова сказаны. Я не вслушиваюсь. Изучаю ярла и размышляю: убивать его или подранить? Притом что захват заложников здесь не покажет...

Отличный выпад! Быстрый, скрытный... Я сбиваю краем щита по плоскости... И тут же встречаю тычок щитом по ноге. Мой финт в голову, поверх щита, заставляет Вагбранда отпрыгнуть... Нет, это не Лейф. Даже не первая лига. Разве что – второй состав. Еще обманка, атака понизу с уходом вниз... Укол, от которого ярл легко уклоняется... И Вдоводел на возврате взрезает Вагбранду икру. Неглубоко, но кровотоливо.

В ответ мой противник лупит сверху, со всей дури лупит... Я мог бы поймать щитом – клинок бы в нем точно увяз, но для щита это вредно, а запасных у меня нет. Так что подшаг вперед, прием на сильную часть Вдоводела... И вражеский меч переламывается. Кусок клинка с хрустом врывается в песок.

Да, это вам не франкский «сварной булат». Местная работа. Вот почему здесь почти не парируют железом. Только щитами.

Вагбранд пытается отбить мою атаку огрызком, но куда ему! Вдоводел плашмя ударяет ярла по лицу пониже «очков» шлема. Не разверни я клинок,

разрубил бы парню личико до самого затылка. А так – простой перелом челюсти (я отчетливо слышал хруст) и финал поединка. Вагбранд-ярл – у моих ног.

Тут нервы старины Кетильгрима не выдерживают, и с воплем «Племянник!» он бросается на меня.

Что ж, защита родственника – дело святое.

Я отхожу назад.

– Давай, Кетильгрим! Покажи, на что способен! – ору я, напоминая прочим, что у нас просто еще один хольмганг и не надо наваливаться всей толпой.

Кетильгрим тоже дает отмашку, и хирдманы, уже нацелившиеся плющить, расслабляются. Парочка подхватывает побитого ярла и уносит на лодку.

О! А вот это уже совсем другой уровень! Мужик работает с двух рук, мечом и щитом, причем щитом – очень активно, то есть в атакующей манере. И щит у него – с солидной металлической оковкой. Тяжелый, блин! Я бы с таким не управился.

Норег давит меня, пытаюсь загнать в воду. Там я потеряю маневренность. Тогда преимущество силы и массы возьмет свое.

Я не даюсь. Хорошо, что предыдущий поединок был простым и все силы при мне. А быстрый он какой, этот Шлем-с-Намордником[194]! Для своих габаритов – очень быстрый. А вот если ногой по щиту, снизу?

Скандинавский щит – верткий. Держат его за перекладину. Никаких дополнительных креплений. Однако лапы викингов, накачанные работой на веслах, – как тиски. Захватил – не отпустит. Но пнул я от души, рычаг большой, так что – подбил. И с уходом вниз, укол в сапог. От ответки пришлось уйти перекатом. Страсть как не люблю падать, но иначе было – никак. Только встал на ноги – страшный лобовой удар. Щит в щит. Я отлетел, как кегля. Только что не упал. Зато (сбылась мечта Кетильгрима) оказался по щиколотку в воде. Серия из трех ударов, нанесенных со всей дури, превратила мой щит в дрова. Левая рука онемела. Но не настолько, чтобы я не смог эти дрова в голову противника и выхватить из петли топорик. В метании топоров я не силен, но с трех шагов промахнуться невозможно, тем более что ляжка у норегга – раза в полтора толще моей. Топор воткнулся в нее и застрял, однако новый удар щита буквально смел меня, закинув еще дальше в воду. Уже по колено.

Кетильгрим ломанулся следом, не замечая ран...

Но дно здесь сильно отличалось от того, что на элитных пляжах. Камешки... То ли нога подвела, то ли просто споткнулся, но вместо того, чтобы обрушиться на меня и добить, Кетильгрим с шумом и плеском обрушился в воду. И я не стал проявлять милосердие. Шагнул вперед и двумя руками вбил Вдоводел в просвет между краем шлема и панцирем. Вбил, наступил на спину норегга и с изрядным усилием выдернул увязший в позвонке клинок. Выдернул и выпрыгнул на отмель.

А мой противник остался лежать на дне лицом вниз, в багровом «дыму» собственной крови.

Вот так, парни. Пять минут – два лидера минус. Знай наших!

Наших – знали. Не успел я подхватить щит Кетильгрима (мой-то разбит), как в него забарабанили стрелы. А еще я увидел, как легкой танцующей походкой, но очень, очень быстро движется по отмели Медвежонок. Без щита. Щит, как выяснилось позже, он отдал Гудрун. Меч и секира. Страшный оскал. Слюна мочит бороду... Несколько секунд (норегги так и не успели «собрать»

строй) – и берсерк уже среди них. А мгновением раньше – жуткий inferнальный рык, от которого подгибаются колени, хочется даже не бежать – забиться в какую-нибудь щель, в раковину, как моллюск... Даже у меня каждый раз под ложечкой ёкает. На врагов же рык действует гипнотически...

И скорость, скорость...

Я смотрю из-под щита. Редко, когда получается увидеть Медвежонок – в действии. Обычно, когда он убивает, я занимаюсь тем же.

Но сейчас в меня летят стрелы, и мне приходится выжидать, скорчившись под щитом...

Медвежонок полосует с двух рук. Как фрезерный станок. Со свистом. Брызги крови. Вопли боли и ярости... Рев накрывает крики норегов, как пароходная сирена – автомобильные гудки.

Было десять – осталось четверо. Эти четверо сумели-таки сомкнуть щиты, отбиваются... Им, наверное, кажется, что у берсерка – сто рук. Еще минус один. Норег падает с топором во лбу. Освободившейся рукой Медвежонок ловит брошенное с дальней лодки копьё и швыряет обратно с такой силой, что лучника, в которого оно попало, перекидывает через борт.

А вот и я, мальчики! У меня появилась идея, ради которой стоит рискнуть...

Занемевшие в холодной воде ноги – как две чушки. Но они послушно несут меня по отмели.

Тройка, удерживающая Медвежонок, явно не рада моему появлению. Нет, парни, я не к вам. Прыжок на нашу лодку, с нашей – на чужую... Стрелы так и сыплются, но я успеваю раньше. Помогает то, что на дальних лодках не понимают, чего я хочу...

А хочу я... Мой щит – как дикобраз... А хочу я... Взмах Вдоводела... Я роняю и меч, и щит, цепляюсь за шкот... Я на палубе, меня прикрывают борта. Достать только навесом, а на такое у норегов-стрелков квалификации не хватит... Перекатываюсь, перехватываю, тяну шкот... Эх, мне бы Стюрмирову силенку... Ну да ничего. Ползет парус, ползет вверх... Теперь – закрепить.

Я хохочу. Мне весело. Парус перекрыл просвет между скалами. Представляю, как ругаются теперь стрелки... А что Медвежонок? Минус три. И – задумчиво-ищущий взгляд: кого бы еще порешить?

Если никто не подвернется, он выйдет из транса, сохранив некоторое количество сил.

И тут ко мне приходит Счастье. Мир преображается. Белый Волк взмахивает пушистым хвостом и прыгает с палубы на камень.

Ты пришел, мой Белый Брат! Как я скучал по тебе!

Я отшвыриваю ненужный щит и вспрыгиваю на камень вслед за моим волчарой. Отсюда, сверху, видно, как ползет к нам еще одна лодка. Узкий нос рвет воду, гнуты весла,гибаются и разгибаются спины... Меня видят трое. Один – на носу и двое на корме. Но сделать они не успевают ничего. Перепрыгиваю на соседний камешек, толкаюсь двумя ногами, взлетаю над водой и после восхитительно долгого полета оказываюсь на плечах согнувшего спину гребца. Мимоходом уколыв его в шею, я соскакиваю на палубу и верчусь пьяным дервишем, бросая клинок сразу во все стороны. Красные брызги, мельтешение тел... Вращаясь, я двигаюсь к корме, где кормчий, выпучив глаза, широко разевает рот, а рядом с ним удивительно медленно замахивается копьём совсем молодой безбородый норег в кожаной куртке...

Копье прошивает воздух всего в ладони от моей головы. Молодой с воплем прыгает за борт – успел. А вот кормчий не успевает. Да и куда ему прыгать – с таким железным грузом. Я протыкаю его обшитую бляхами куртку, проворачиваю клинок и, выдернув, разворачиваюсь к тем, кто еще жив. Мне чертовски весело. Я как будто внутри хрустального шара, который вертится, вертится... И высверки моего клинка не дают никому коснуться сверкающей поверхности...

Как всегда, всё кончается слишком быстро. Палуба пуста. Я вижу с полдюжины пловцов, удирающих в сторону третьей лодки, где поспешно ставят парус...

Мы победили.

– Разве это враги? – ворчит Медвежонок. – Хочу настоящих врагов, брат! Настоящих! Таких, как Лейф Весельчак! Надоело убивать тюленей!

Наши норег и Тьёдар Певец глядят на меня и на Свартхёвди как на небожителей. Только что мы, вдвоем, убили семнадцать человек. И не бондов каких-нибудь, а бойцов.

Я понимаю, почему так произошло. Мы напугали их до чертиков. Сначала – берсерк Свартхёвди, потом вообще непонятный я. Если бы они дрались по-настоящему, исход был бы иным. Число ведь имеет значение. И еще какое. Но я в считанные минуты убил и их ярла, и их лучшего бойца. А потом мы как-то ухитрились выжить под градом стрел... Нет, мы победили не вдвоем. С нами был третий. Страх.

– Мелкие люди, – ворчит Медвежонок.

Он даже не выложился полностью. Так, поплясал немного. По глазам видно: хочет продолжения банкета...

Голова Гудрун лежит на моем плече. Моя жена тоже участвовала в бою. Брошенное ею копье пробило шею одного из врагов. Правда, тот не видел броска. Увидел бы, наверняка успел бы перехватить и увернуться. Но в бою не бывает «если бы». Ты или жив, или мертв.

Я обнимаю Гудрун, вдыхаю ее запах... И чувствую привкус крови.

Глава двадцать восьмая

Конунг Хальфдан Черный и его белокурая дочь

Приключения кончились. Мы прибыли в столицу Хальфдана Черного Упплёнд, где благополучно встретились со стариной Красным Лисом.

Более того, я воссоединился со своим драккаром, сарай под который мне любезно предоставил Харальд Щит.

Теперь я у Лиса вообще в неоплатном долгу. Северный Змей! Мой драккар! Снова – мой! И попробуйте теперь сказать, что у викингов нет чести. Что это разбойники и убийцы, которые забирают все, что плохо и хорошо лежит, а думают только о добыче и так далее... С Геддой Соленым я расплатился *собственными* деньгами! И не теми, что были оставлены мной на попечение Лиса (эти вернулись автоматически), а теми, что хранились в денежном сундуке Северного Змея.

А ведь это были даже не мои деньги – совокупный капитал хирманов Лейфа Весельчака.

Но все, что было на Северном Змее, по определению, считалось моим. Так

решил Мурха Красный Лис. То есть он без проблем присвоил бы и драккар, и имущество (вернее, поделил бы на всю команду в соответствии с долями), если бы я и Медвежонок отправились в Валхаллу. Но раз я жив, то получите и распишитесь, как говорится.

Кстати, Мурха Красный Лис был грамотным и свободно читал Библию отца Бернара. На латыни, что характерно.

Но вернемся к делу.

Хальфдан, как только до него дошла весть о нашем появлении, не замедлил выказать уважение. Прислал доверенное лицо, Харека Волка. Какое редкое имя, правда? Харек. Двухкоренное. Хаар[195] – высокий, рек – богатый, могущественный и тому подобное. Словом, крутой безмерно. А, как известно из классики, «как вы лодку назовете, так она и поплывет». Поэтому Хареков тут – море. А также – Хрёреков (славных и могущественных), Хореков и прочих. О Волках – аналогично. Сам я, к примеру.

Но, возвращаясь к Хареку Волку. Он был ярлом. Ярлом без территории, то бишь доверенным вождем конунга. Как позже пояснил мне Харальд Щит, Волк был кем-то вроде офицера по особым поручениям. Ну там, если прирезать надо кого втихую или предложить что-то... непопулярное.

В моем случае имелось предложение более чем позитивное. Хальфдан предлагал кров и стол в своем «дворце» мне и моим домашним.

Что характерно: Лису он не предложил. Хотя тоже можно понять: нас – раз, два и обчелся, а у ирландца – полный хирд проглотов. Жратвы не напасешься.

Я отказался. Максимально велеречиво. Мол, уже обещал своему старому другу Щиту остановиться под его кровом. Но всегда рад, и, как только, так сразу.

Доверенное лицо конунга (выдвинутые вперед челюсти, длинный нос, прозрачные глаза с характерным прищуром профессионального убийцы) изобразило в ответ что-то вроде добродушного оскала. Так улыбается отделенный от тебя решеткой леопард. Засим ярл развернулся и... наткнулся на растопырившегося локтями у него на пути Медвежонка.

Секунд десять они безмолвно «мерились пиписьками».

Потом Медвежонок нехотя сдвинулся в сторону. Не уступил, а так... Типа стоять надоело.

Харек Волк бормотнул что-то, двинул ноздрями хрящеватого носа и покинул подворье Щита.

– Что ему было надо? – проворчал Медвежонок, нависая надо мной.

– От конунга пришел. Предложил быть его гостями. Ты что так на него... вызверился?

– Вызверился? – Медвежонок фыркнул. – Ты согласился?

– Нет. Мы же договорились с Харальдом. Я тебе вопрос задал!

– Ага. Задал. Почему я на него... вызверился? – Медвежонок качнулся с носков на пятки и обратно, смачно сплюнул. – Это ты точно подметил. Зверь он.

– В каком смысле?

– Да вот в этом! – Медвежонок продемонстрировал татуированный кулак.

– Берсерк? Да не может быть!

– Зверь. Со мной спорить будешь? Готов полмарки поставить: если снимет перчатки, ты увидишь кое-что... похожее.

– И что? Ну берсерк. Ты тоже берсерк. И Стенульф. И Хавгрим Палица. И что

с того?

– А с того, умник, что мы – берсерки, а он – ульфхеднар, хотя... – Свартхёвди почесал грудь, – их тоже берсерками называют, норегов.

– Ульфхеднар, значит? И в чем разница?

– А зачем тебе это знать, Ульф Черноголовый?

– Любопытно, – процедил я, мгновенно оцетиниваясь. Это еще что за наезд?

Медвежонок мое настроение считал на раз. Выражение недоверчиво-угрожающее мгновенно сменила широчайшая улыбка.

– Забудь! – Хлопок по плечу заставил меня покачнуться. – Ты брат мне, Ульф Вогенсон! Будь ты хоть троллем, я всё равно тебя люблю!

– Знаешь, что сказала одна девушка из саги моего народа одному парню с деревянной палкой промеж ног?

– Ну? – оживился Медвежонок. Я редко говорил о своем прежнем.

– Она сказала: «У меня от твоей любви одни занозы!»

Медвежонок заржал, пихнул меня в бок, ухватил за куртку и попытался повалить на загаженный снег подворья.

Как бы не так! Я качнулся по ходу, сбил его подсечкой под слабую ногу... И услышал за спиной смех Гудрун...

Вся моя команда жила у Харальда Щита: Медвежонок, Гудрун, Тьёдар Певец, отец Бернар и Дрива Ходок, который, поразмыслив, решил вручить мне свое будущее. Я честно предупредил норегу, что большая часть моего старого хирда ныне – на обратной стороне Вечности. Дрива заверил, что готов испытать судьбу. Жизнь викинга рискованна, зато она куда интереснее и прибыльнее, чем жизнь охотника. Так он считал. Проверка показала: вояка из него – как из кремня зажигалка. Щит на ногу не уронит, но не более того. Ладно, дело поправимое. За зиму мы с Медвежоном его поднатаскаем. База у парня крепкая. Скандинавская.

Еще одна хорошая новость: нашлись мои англичанки-ткачихи. Все, включая Бетти. На сносях, что неудивительно. Гудрун сказала: сконцы насильовали их всем поганым коллективом с того момента, как захватили мою усадьбу, и до дня продажи здесь, в Уплёнде. Я их выкупил. Не так уж дорого, потому тайна их гражданской профессии так и осталась тайной. Да я бы по-любому их выкупил, потому что гейс. Теперь остались только те, кого продали в Оденсе.

Выкупил, поглядел... И в очередной раз понял: согласившись стать женой Лейфа, Гудрун приняла единственно правильное решение.

Более того, если объективно сравнить меня и Лейфа, то, как мне ни больно это сознавать (к покойникам не ревнуют, да что себе-то врать), силой, внешними данными и даже амбициями Весельчак переигрывал меня вчистую. Он переигрывал даже другого славного покойника, конунгова сына Харальда, что успел посвататься к Гудрун, пока мы с Медвежоном решали его берсеркерские проблемы. Лейф был круче, ведь тот жених уже родился сыном конунга, а отец Лейфа был обычным бондом и сыном бонда. Но не сомневаюсь, Весельчак стал бы конунгом, если бы Вдоводел не оборвал его карьеру.

Хотя тоже неправильно. Вдоводел лишь поставил точку. А решила исход рука моей Гудрун, распоровшая ремни брони, из-за чего доспех сдвинулся,

сбив безупречный удар, а потом – разошелся, пропустив мой клинок.

Гудрун, моя Гудрун... Вот по-настоящему сильная женщина. И это – в семнадцать лет. Трудно даже представить, кем она будет в тридцать. Не удивлюсь, если окажется покруче своей великолепной матушки.

И еще один талант у нее открылся. Фехтование. В искусстве владения оружием Гудрун делала явные успехи. «Дорожку» освоила настолько, что в поединке делала Дриву Ходока вчистую. И очень гордилась этим.

А я – тревожился. Мне совсем не нравилось, как менялось прекрасное лицо моей жены, когда она брала в руки боевое железо. Ее манера биться всё чаще попахивала... безумием. Однажды даже пришлось вмешаться в их с Тьёдаром тренировочный бой, потому что я увидел, что Гудрун бьется по-настоящему. Насмерть. Убить противника защищенным оружием трудновато, да и Тьёдар – не Дрива Ходок, он – мужик опытный...

Однако поединок я прекратил. И прочел жене коротенькую лекцию по поводу того, что эмоции надо контролировать.

Не поняла. Набросилась на меня, принялась целовать, и в результате мы оказались там... где оба были не против оказаться.

Но тот запах крови, не реальный – мистический, что исходил от нее после победы над людьми Вагбранда-ярла, он никуда не делся. И не стану врать, что мне это не нравилось. Запах боли, запах потери, страха... Запах хищника, вот что это такое. Обычный укус перестает быть чувственной игрой, когда ты знаешь, что зубы могут разорвать артерию...

И действительно могут, потому что я знал: хищник-убийца уже сидит в моей жене, ждет, когда я допущу ошибку или покажу слабость... И нож, с которым моя жена никогда не расстается, нож, который попробовал крови и хочет еще...

А потом, когда мы, всё еще переплетенные в единое целое, неразделимые, но уже остывающие, расслабленные, лежали на влажной шкуре – щека к щеке, я вспомнил одно обещание, даже не обещание, а просто слова, которые я отдал Богу в минуту отчаяния... «Если Ты вернешь мне ее, я приму Крещение».

И Он – вернул. И именно Чудом, потому что в том бою с Лейфом я был на волосок, вернее на кожаный ремешок от смерти.

Чудо свершилось. Гудрун – со мной. Но та ли она, какой я ее знал прежде? Моя ли она? Или теперь ее хозяин – тот зверь, что живет у нее внутри?

А еще она носит моего ребенка...

Ирландцы и норвеги «любят» друг друга... Кто сильнее, тот того и «любит» со всей кровожадной выдумкой и усердием. Но личной неприязни между парнями Лиса и конунгом вестфольдингов не было. Хальфдан Черный никогда не ходил в «Страну Туманов». Он вообще почти не занимался заграницей. Ему хватало сопредельных соседей.

Как выяснилось, в прошлый раз я недооценил этого конунга. Хальфдан действительно подмял под себя хренову тучу норвежских земель, так что, когда я взялся рассказывать Харальду Щиту о наших проблемах в Согне-фьорде – он искренне удивился.

– Тебе надо было потребовать суда конунга! – заявил он. – Там же сейчас его голосом говорит Атли Тоций. Ты его видел у Хальфдана на пиру. Он там главный.

Вот что значит недостаток информации. Выяснилось, что фюльк Согн тоже с недавнего времени принадлежал Хальфдану. Достался как бы в наследство от первой жены, Рагнхильд, дочери Харальда Золотобородого. Хотя и по не совсем простой схеме.

Своих детей мужского пола у Золотобородого не было, поэтому Черный «отдал» ему собственного первенца, пацанчика лет десяти. Всё было ровно: дедушка-тесть правил, внук считался наследником, а зять укреплял их власть своим авторитетом.

И вдруг, считай в одночасье, в прошлом году все трое померли. Сначала, зимой, Харальд Золотобородый, потом жена Хальфдана, а весной умер его десятилетний сын, который официально считался хозяином Согна.

Сам парнишка умер или ему помогли, неизвестно. Расследовать это дело Хальфдан не стал. Смерть жены и сына его, надо полагать, не порадовала. Но и не огорчила особо. Когда-то ему приснился особенный сон... То есть обычно Хальфдану сны вообще не снились, и это его огорчало. Но был у конунга любимый советник и наставник: человек по имени Торлейв Умный. Он-то и посоветовал конунгу принять некое зелье (с грибами, надо полагать), лечь спать в хлеву – и все будет.

Не обманул Умный. Приснился конунгу сон. Вещий. Будто отросли у него волосы на немереную длину, но не вся шевелюра, а прядями. Одни – до плеч, другие до пояса, а некоторые и до самой земли. А одна прядь так вообще оказалась длины немереной и красоты неопишуемой и располагалась отдельно от других.

Когда Хальфдан поделился своим сном с Торлейвом, тот истолковал его без проблем: будет у тебя, конунг, большое потомство с разным уровнем успешности. Но один из твоих потомков будет особенно удачлив и крут. Вот он-то и есть та самая, отдельно лежащая прядь дивной красоты.

Вот почему смерть единственного на данный момент сына не привела Хальфдана Черного в черную же меланхолию. Но подвигла к активным действиям.

Конунг взял бойцов, приплыл в Согне и объявил, что это теперь его территория.

Никто из местных ярлов не возражал. Возражалки не доросли.

Удовлетворенный Хальфдан вернулся в Уплёнд, а в Согне оставил своего человека. Того самого Атли-ярла по прозвищу Тоций, которого я действительно видел на пиру у Хальфдана. Конунг дал Атли полномочия вершить суд и собирать дань, чем тот и занялся со всем старанием свежеиспеченного наместника.

Вот такое мирное завоевание. Хотя далеко не всё в норвежском королевстве Хальфдана происходило так спокойно, как в случае с Согне.

Например, нынешней осенью Хальфдана чуть не прикончили.

Дело было так: Черный отправился в подвластную часть земли Вингульмёрк и, по обыкновению, устроил там пир – за счет местных жителей.

С лидером Вингульмёрка, Гандальфом, у Черного сначала была большая война с переменным успехом, но потом они решили, что от войны – одни убытки, замирились и заключили договор, попилив Вингульмёрк на две части.

И всё бы хорошо, но тут Гандальф возьми да и помри. С каждым может случиться.

Да только у Гандальфа, в отличие от Золотобородого, остались наследники. Аж три штуки. Хюсинг, Хельсинг и Хаки.

И решили двое старших отпрысков папин договор расторгнуть. В одностороннем порядке. Причем – в лучших скандинавских традициях. То есть дождались, когда Хальфдан с дружиной как следует наклюкался, – и напали.

Рубилово вышло изрядное. Военный контингент, прибывший с Черным, был невелик: чай не в походе – на своей личной территории, да еще надрались все, как это у скандинавов принято, – в зюю. Так что у братьев имелся серьезный шанс грохнуть Хальфдана Черного. Кабы они преуспели, это был бы великий подвиг, потому что по тоннажу Хальфдан превосходил братьев, как полноценный крейсер – тройку пограничных катеров.

Не получилось. Хальфдан в этой резне потерял чуть ли не всех своих хирдманов, в том числе и любимого наставника своего, Торлейва Умного, который был у конунга главным политическим советником. Но сам – улизнул. В леса. По которым еще неделю шарились Гандальфсоны, жаждавшие его порешить.

Однако Черный из сетей выскользнул, добрался до своих и, ясное дело, сильно на братьев обиделся.

Дома Хальфдан живенько собрал новое войско, что ему, ставшему после смерти брата единовластным лидером Вестфольда, Раумарики и так далее, было вполне по силам. Собрал и немедленно повел на Гандальфсонов, у которых на сей раз шансов не больше, чем у выводка волчат против уссурийского тигра. Причем очень сердитого.

Черный прижал братьев к берегу какого-то местного озера и разбил в пух и прах.

Чудом оставшийся в живых Хаки Гандальфсон удрал к шведам, и на земле Вингульмёрк воцарился мир. Под мудрым правлением всё того же Хальфдана Черного.

Вообще же подданные попроще Хальфдана любили. Народная молва гласила, что он принес норвежским землям небывалое плодородие. И верно. С того времени, как Хальфдан начал править самостоятельно, на подвластных ему землях не случалось голода.

Таков был человек, на землю которого, выражаясь поэтично, вновь привела меня Судьба.

Не знаю, был ли он и впрямь гарантом плодородия, но образ его жизни мало отличался от образа жизни большинства, если не всех, скандинавских конунгов: от великого Рагнара Лотброка до задрипанного хозяина крохотной северной бухты у полярного круга. Выпивка, жратва, песни-пляски, простые мужские игры и еще более простые доступные девки. Разница лишь в масштабе: у кого – дюжина гостей, пиво и соленая рыба на закуску, а у кого на закуску быки на вертелах и прославленные скальды в качестве «приправы».

Мы ввалились в длинный дом конунга шумной компанией, возглавляемой Харальдом Щитом.

К некоторому моему удивлению, первым, кого я увидел, был Красный Лис.

Он и его лучшие вояки оккупировали здоровенный кусок стола, перемешались с норегами, и непохоже, чтобы старинная вражда портила им аппетит.

Хальфдан-конунг восседал на возвышении, как и положено конунгу. В окружении родни и доверенных лиц, большая часть которых была мне незнакома. Тыл его «прикрывали» боги. Деревянные, разумеется.

Увидав нашу сплоченную компанию, конунг соизволил встать и даже сойти с пьедестала, дабы лично приветствовать гостей.

Тут Харальд Щит очень ловко ушел на второй план, и я оказался с Хальфданом лицом к лицу.

Не скажу, что лицо у конунга было симпатичное, но угрозы оно не таило.

Обмен любезностями не затянулся. Меня, Медвежонок и Харальда Щита пригласили за командирский стол, жен Щита и Гудрун разместили среди конунговой женской родни, попутно представив, кто есть кто. В частности, я познакомился с одной из конунговых дочек. Фрейдис.

На меня она особого впечатления не произвела. Типичная скандинавская девушка, хорошо питающаяся и проводящая много времени на свежем воздухе. Не более того. Гудрун смотрелась бы в роли «дочери конунга» куда лучше. Хотя мне она больше нравилась в роли моей жены. Ну да вернемся к Фрейдис. Папа-конунг, судя по всему, тоже относился к девушке без трепета.

– Моя дочь Фрейдис, – бросил он небрежно и переключился на другую волну.

Похоже, в списке приоритетов конунга дочь стояла где-то между любимым волкодавом и вечерней порцией пива.

Впрочем, по местным меркам, девушка была весьма симпатична. Глаза синие, волосы светлые до белизны, щеки румяные. Телосложение... Пожалуй, на такую грудь можно было спокойно складывать не слишком большие подарки.

Я бы сразу после церемонии знакомства выкинул девушку из головы, но тут за моей спиной громко засопел побратим. Я покосился на Свартхёвди и понял: храбрый берсерк поражен в самое... ну назовем это сердцем.

– Какая красавица! – хрипло прорычал Медвежонок и облизнулся. Перехватил предназначенный мне кубок, осушил и в задумчивости смял его в кулаке. Кубок, замечу, был из бронзы, а не из олова.

Очаровательная Фрейдис вертела блондинистой головкой и непринужденно вела беседу сразу с тремя соседками, одной из которых была моя Гудрун.

Свартхёвди не сводил очарованного взгляда. Что, Впрочем, не мешало ему сметать со стола хавчик и, не переставая, работать челюстями.

Этак с четверть часа мой побратим набивал желудок, потом решил перейти к активным действиям.

– Я пошел, – сообщил Медвежонок, выбираясь из-за стола.

Я поймал его за рукав.

– Брат, не увлекайся! Она – дочь конунга...

– Иди к воронам! – буркнул Медвежонок, освободил руку и направился... Нет, не к Фрейдис, а к Тьёдару, которого поместили с «младшей дружиной».

Общались они недолго, после чего Певец, с видимой неохотой, покинул свое место и двинул к своим вещичкам, а точнее – к музыкальной доске со струнами, а Свартхёвди вернулся, плюхнулся на скамью, сцапал мое пиво, опростал кружку в пасть и, довольно хрюкнув, изрек:

– Ты прав, Черноголовый. Она – дочь конунга. Таковую не завалишь в уголке.

К ней требуется особый подход. И он у меня есть!

Я понял, что он имеет в виду, когда «особый подход» вышел на середину зала, позванивая струнами, а когда заинтересованный народ притих, громогласно объявил:

– Драпа о Волке и Медведе!

И забренчал. И запел. С каким бы удовольствием я запустил в него чем-нибудь тяжелым...

Но, боюсь, братишка никогда бы мне этого не простил. Вон как его глазенки-то замаслились. Таким, как он, огонь и вода – нипочем. А вот в медных трубах он застрял капитально.

Гости, однако, прониклись. Слушали скандинавское народное творчество со всем вниманием, доступным жрущей и пьющей ораве. Внимали, короче. И на нас косяки кидали. Все. Даже Гудрун, солнышко мое, постреливала в мою сторону глазками... Ласково-ласково... Так, что хотелось забить на все некультурное общество и увести ее... куда-нибудь туда, где общества нет.

Но я отвлекся. Драпа, как я уже говорил, получилась длинная. И во всё время ее исполнения никто шумно не кушал, не бил по твердому и даже рыгали аккуратно, не перебивая. Вот она, сила искусства.

А главное, успех – полный. Свартхёвди своего добился. Теперь уже Фрейдис откровенно пялилась на моего побратима. Вот он, легендарный отныне Медведь!

Гудрун, девочка моя, женский стол покинула и перебралась к нам, на «королевскую» лавку. Ручку на меня возложила. Со значением. «Мое». Так, на всякий случай, чтобы никто не покусился.

Хальфдан-конунг в лучших конунговских традициях певцу денег заслал. И намекнул: не худо бы и о нем, Хальфдане Черном, что-то такое изобразить. Как-никак, много славных деяний совершил конунг Вестфольда и окрестностей.

А теперь – на бис.

Слава Богу, после второго исполнения драпы кровь в жилах храбрых викингов вскипела, и началась... Назовем это пляской, хотя, по-моему, это было больше похоже на соревнование, кто выше подпрыгнет или громче топнет. Музыка тоже соответствовала: дудки и барабаны гремели и гудели, добавляя хаоса в общий бедлам.

Захватывающий процесс, одним словом. Даже солист Тъедар отложил свою музыкальную доску (один фиг, ничего не слышно) и присоединился к плясунам.

Танец викингов – это впечатляет. Грозное зрелище. Так и хочется набрать дистанцию и щитом прикрыться.

Пляшут. Медвежонок – зажигает. Вертится волчком, подпрыгивает на полметра...

С ним конкурирует Красный Лис. Ах какая пластика! Какая организация движений! А почему бы и нет? Красный Лис – самый крутой в своей команде ирландских душегубов. Делает фирменную ирландскую «стойку на копье», это которая «прыжок лосося через пережат» называется, даже лучше, чем его виртуоз-кормчий.

«Прыжок лосося» по-ирландски – это такая фигня, которую, если не увидишь – не представишь. Разбегаешься, упираешь пятку копья в землю и толч-

ком выбрасываешь себя вверх, как прыгун с шестом... Только тебе надо не высоту взять, а преодолеть препятствие в виде вооруженного противника. Или строя противников. И не плюхнуться потом на мягкое с довольным видом, а вступить в бой раньше, чем этот самый противник начнет фаршировать тебя железом. Сам я такой прыжок пока не освоил, хотя очень старался. То ли силы не хватало, то ли отмораженности. Пусть с координацией у меня замечательно, но я слишком хорошо понимал, что будет, если, скажем, нога оступится или рука соскользнет и мой любимый организм наденется на острое. И это притом, что я отрабатывал базовый, так сказать, вариант. А старина Лис делает «прыжок лосося» практически без разбега, да еще на вертикальном копье выходит в стойку на руках. И после прыжка предмет не роняет, а сразу пускает в дело.

Вот уже и сам конунг не выдержал. Рывкнул и махнул в толпу. Спляшем, братва, так, чтобы цвирги на нижнем этаже мироздания попросыпались.

Я глянул на Фрейдис. Та вся изъерзалась на своей «девичьей» скамье. Так и хочется бедняжке кинуться в общее веселье.

Не по чину. Дочери конунгов – не сыновья. Дипломатический товар. Им статус ронять нельзя.

Ай да Свартхёвди! Ухитрился доплясать до цели, вывалился из толпы чуть ли не на колени Фрейдис...

И тут же принял пивной ковш. И тут же впился в губы... Гостевой ритуал... Но не к месту и не ко времени. А по фиг! Всё равно никто не смотрит, не видит. Кроме меня. Ох и нарвется мой побратим... И я вместе с ним за компанию.

А что это мы такое ручкой делаем?

– Гудрун, ласковая моя! Мы же не...

– И что? Какой ты стыдливый, мой Волк!

А и ладно! Никто не увидит, никто не услышит. Последнее – уж точно. Рев стоит – как от взлетающего самолета. Гудрун увлекает меня за опорные столбы, в какую-то кладовку и тянет завязки штанов, не дожидаясь даже, пока я избавлюсь от боевого пояса...

В далеком будущем это назвали бы оргией или типа того. Но здесь – другие правила. Может, потому, что меньше отдельных помещений, может... Да какая разница мне, кто и что там делает, на соседней лавке? Для нас не существует ничего, кроме нас. Мы вместе... Мы вместе! Я осознаю это каждым движением, каждым толчком, который распластывает нас друг о друга. Мы вместе! Я целую ее. Так крепко, что ей не вдохнуть... Нам не хватает воздуха, но так – еще острее! Зачем мне воздух, если я вдыхаю ее крик... Ничего не вижу, ничего, совсем ничего не контролирую... Меня вообще нет... Нет!

Приходим в себя, обнаружив, что свалились с лавки. Не расцепляясь. Гудрун хохочет. Я – тоже.

Рядом тоже кто-то начинает ржать. Сиплым басом. И еще...

Мы разлепляемся... Блин, ну и холодрыга! А Гудрун хоть бы что! Я наклоняюсь, кусаю ее за скукожившийся, очень твердый сосок...

– Хочешь? – Она с готовностью принимает ко мне.

Душно, дымно, холодно, вдобавок горелым жиром воняет... Но, черт меня забери, для нас сейчас это самое лучшее место в мире.

– А ты?

– Да-а-а... – тянет она с хрипотцой. – Пить.

– Если ты меня отпустишь, я что-нибудь найду.

И я нахожу. Кувшин парного козьего молока. И еще кое-что. Вернее, кое-кого.

Ошибиться невозможно. Мой побратим Свартхёвди. Дрыхнет, завернувшись в черную шкуру. Под шкурой на нем – ничего. Из одежды – ничего. А так – есть. Уютно устроившаяся на татуированной груди светлокудрая вест-фольдская красавица Фрейдис, дочь Хальфдана.

Ну твою ж мать!

На следующее утро у нас состоялся серьезный разговор.

– Ты, вообще, думаешь или нет? – поинтересовался я. – Ты совсем спятил? Почему из всех девок Уплёнда ты выбрал одну-единственную дочь конунга?

– Она – не единственная дочь, – ухмыльнулся Медвежонок. Вид у него был – как у кота, дожавшего хозяйскую сметану за три секунды до того, как хозяйка обернулась. – У Хальфдана есть еще две, но одна – замужем, а вторая еще не вошла в возраст.

Ценнейшие сведения, блин!

– Как ты думаешь, что скажет Хальфдан, когда узнает, что какой-то там безродный сёлундский берсерк, которому он дал приют на зиму, задирает подол его дочери?

– Я – не безродный! – возразил Свартхёвди. – Да какая тебе разница, что он скажет?

Тут Медвежонок от избытка чувств запрыгнул на поленницу, которая тут же развалилась под его тяжестью прямо на меня.

Впрочем, я успел увернуться, а Медвежонок – спрыгнуть.

– Собери, – велел Свартхёвди подвернувшись трэлю. И уже мне: – Пусть говорит, что хочет. Я попрошу ее в жены. Она – не против. Честь по чести.

– И что дальше? – У меня от наглости побратима даже голос подсел. – Вот он, конунг, подмявший под себя треть здешних земель, страшно обрадуется заполучить в зятя сёлундского викинга!

– А почему нет? – Медвежонок стремительным броском изловил мелкого черного подсвинка, поднял его, истошно визжащего, за заднюю ногу, ткнул кулаком в грязное брюхо: – Как думаешь, этот готов – или пусть еще нагуляет?

– Готов, вепрь тебя задери! Ты уже – нагулял! Вот что я тебе скажу, Свартхёвди Сваресон! Когда Черный узнает о том, что ты и его дочь решили создать семью, он поступит с тобой, как ты – с этим поросенком. И я его понимаю.

– Да ладно тебе! – Свартхёвди отшвырнул поросенка и облапил меня грязной ручищей. – Ничего он мне не сделает. А сделает, так ты за меня отомстишь. А потом – Красный Лис – за тебя. А Ивар – за Красного Лиса. Вот скажи мне, брат: что лучше для Хальфдана-конунга: поссориться с Иваром Рагнарсоном или отдать мне дочь, у которой внутри всё горит, как в Муспелльхейме[196]? Самое время залить этот пожар, и я, мой маленький старший брат, неплохо с этим справляюсь!

Я скинул с плеча замаранную в свинячьем дерьме длань.

– Ты прям Тор и Фрейр в одной медвежьей шкуре!

– Ты понимаешь! – осклабился мой названный братец. Ноздри его крупного мясистого носа расширились: – Чую свежее пиво! – сообщил он. – Надо бурдюк опорожнить!

Развязал гашник и пустил струю под ноги прибиравшего дрова трэля. Простые средневековые нравы. Хотя, может, он и прав. Может, и отдаст Хальфдан ему Фрейдис. Это логичнее, чем пускать совратителя на собачий фарш. Хотя кто знает этих конунгов? Может, он захочет устроить показательное мероприятие для профилактики других совратителей? А может, решит, что Свартхёвди – подходящий инструмент для «заливания пожара», пока папа не отыщет для дочери настоящего, статусного, жениха?

А может, и не узнает вовсе?

Глава двадцать девятая Сватовство берсерка

Ближе к вечеру нас снова пригласили на пиршество. Именно на пиршество, а не на разбор нравственности моего побратима.

Узнал Хальфдан или нет о вчерашнем «мезальянсе», неведомо. По крайней мере предьявы он не сделал. Может быть, потому, что был озабочен куда более важными делами, чем личная жизнь дочери.

Медвежонок на пир не пошел, что совсем на него не похоже.

И что характерно: как я ни высматривал красотку Фрейдис среди пирующих, но так и не отыскал.

И закопошились нехорошие мысли в моей чернокудрой головушке.

Уж не смылся ли мой названный братец со своей свежееобретенной возлюбленной? Например, в Швецию.

Я осторожно поинтересовался у Харальда Щита, можно ли нынче добраться до земель свеев.

– Можно, – последовал осторожный ответ. – А тебе – зачем?

– Интересуюсь.

– Можно, но уже не время. Море беспокойное, дороги развезло...

Я хмыкнул. То, что они называют дорогами...

А потом вспомнил дороги Норвегии из времени, когда я родился, сравнил с российскими того же исторического периода... М-да...

И всё же где Медвежонок? Как бы он не начудил?

Мой дружбан не сбежал в Швецию. Он появился, когда королевский пир уже миновал стадию «пляски-игры» и плавно переходил к тому, что в более поздние времена можно было назвать «мордой в салат» для менее стойких, а для тех, кто покрепче (таких здесь – большинство), тоже «мордой» – но в куда более приятные... области. Вот как, например, мой новоиспеченный хирдман Тьёдар (опять, разъедрить его, ухитрился исполнить «Волка и Медведя», да еще дважды), захапавший себе аж двух девчонок и с видом гурмана инспектировавший содержимое их декольте.

Поначалу на Свартхёвди никто и не глянул. Идет себе и идет. А то, что в кильватере у него движется Фрейдис, и вид у девушки... как бы это поделикатнее выразиться... слегка растрепанный, так это обществу по барабану. У кого тут вид – нерастрепанный?

А вот я сразу насторожился. Уж больно рожа у моего побратима была дело-

витая. С такой рожей на хольмганги ходят. Или на дележ добычи.

– Медвежонок! – крикнул я, прервав свою познавательную беседу со Щитом о способах консервации кольчуг.

Ноль внимания. То ли не услышал в общем гвалте, то ли опасался, что я стану ему препятствовать...

А одежды Фрейдис-то сзади – все в налипшей сухой травке. Тоже вроде ничего особенного. Сено здесь – везде. Но чтобы так – это надо серьезно в нем побарахтаться...

И еще. На поясе у Свартхёвди был меч. Который по здешним правилам положено было оставлять у стеночки. Забыл? Или – сознательно?

Я покосился на стойку, где среди прочих воинских атрибутов обосновался мой Вдоводел. Как бы ты, дружище, мне вскоре не понадобился?

Эх, братик, братик, что же ты задумал? Хотя я-то как раз догадываюсь, что...

* * *

– Фрейдис! – прорычал Медвежонок. – Ты – как сама Фрейя! Иди же сюда!

– Ах, мой берсерк! – Она приникла к груди Свартхёвди, потерялась щекой о бороду. – Дашь мне потрогать свое копьё?

Цепкие пальчики Фрейдис нашли и прижали Медвежонокво естество... Ей это удалось, несмотря на штаны из двойной ткани, обшитые поверху телячьей кожей.

Свартхёвди глухо взрыкнул, сдавил одной лапой ее твердые ягодицы, второй полез за пазуху Фрейдис, добрался до груди, прихватил затвердевший сок...

– Ах!

– Тебе больно? – спросил Медвежонок.

– Нет, нет... Холодно... Рука холодная... Нет, не убирай... Пойдем... Пойдем в баню. Там топили с утра...

– Нет!

– Ты боишься, мой берсерк? – Пальцы Фрейдис теребили «копьё» Свартхёвди. Сильные пальцы. Даже сквозь меховые штаны он чувствовал их движение. Очень хорошо чувствовал.

Медвежонок ухватил шаловливую руку, прижал покрепче.

– Ты чувствуешь, как я боюсь? Полегче! Это совсем новые штаны. Не хочу, чтобы они порвались. В баню – потом. Вон там конюшня...

– Ты – мой жеребец! Неси меня, куда пожелаешь!

В конюшне было темно и тепло. Слышно было, как перетаптываются лошади... Да ну их! Свартхёвди опустил... Нет, швырнул девушку на копну сена.

Фрейдис задрала ноги...

– Помоги...

Свартхёвди разом стянул с нее шитые серебром сапоги. Вместе с носочками. Куснул за палец... Фрейдис взвизгнула. Но тут же выгнулась, помогая избавиться себя от штанов. От своих Медвежонок освободился едва ли не быстрее, чем Фрейдис задрала подол, и ее ягодицы забелели в темноте.

Всё же Свартхёвди, даже изнывая от желания, помнил, кто она, потому не набросился сразу, а сначала ухватил снизу, за горячую мохнатую мякоть... Мокрехонька.

Фрейдис тут же сжала бедрами его руку, охнула... И еще раз, куда громче,

по-кошачьи выгнувшись навстречу, когда Медвежонок вошел в нее...

– Не ме-едли... – почти простонала Фрейдис.

И Медвежонок и не медлил. Но и не слишком торопился. Только когда Фрейдис сдавленно вскрикнула, уткнувшись лицом в мех шубки, Свартхёвди задвигался быстрее, вонзаясь в нее, в самую глубину, насаживая ее рывками, как будто в стремительной погоне рвал на себя весло...

Фрейдис содрогалась всем телом. Каждый влажный шлепок сопровождался сдавленным воплем... Наконец и сам Свартхёвди зарычал хрипло, навалился всем весом, расплющивая женщину по деревянной полке, вбрызгивая в нее семя, а она билась под ним, как большой лосось, и еще крепче вжимала лицо во влажную, пропитавшуюся мужским потом шерстяную рубаху, чтобы снаружи не было слышно ее криков...

– А ты хорош, – с хрипотцой сообщила Фрейдис. – Лучше, чем мой жених.

– А кто твой жених? – мрачно поинтересовался Свартхёвди, вытирая уд собственными штанами.

– А зачем тебе это знать? – Фрейдис выпрямилась, забрала у него штаны и тоже подтерлась.

– Затем, что я его убью, – еще мрачнее заявил Медвежонок. – Я убью его, а ты станешь моей женой.

– Ты его не убьешь, – Фрейдис вернула ему штаны и ополоснула лицо водой из поилки для лошадей.

– Это почему же? – набычился Свартхёвди.

– Его убили сыновья Гандальфа, когда они напали на моего отца.

– А-а-а... Твой отец отомстил?

– В прошлом году. Он и его хирдманы убили Хюсинга и Хельсинга, а Хаке сумел сбежать в Альвхейм, но в Вингульмёрк теперь носа не кажет, так что отец правит этой землей безвозбранно. Значит, ты хочешь взять меня в жены, Свартхёвди Сваресон?

– Хочу, – подтвердил Медвежонок. – И возьму, что бы мне ни ответил твой отец.

* * *

– Что? Что ты сказал? – Хальфдан уставился на Свартхёвди мутноватым от поглощенного пива глазом. Второй глаз закрывала свесившаяся на лицо черная прядь. – Кого – в жены?

– Дочь твою Фрейдис, конунг! – четко, отдельно произнес Свартхёвди. – Ныне же я преподнес ей свадебный дар, и она его приняла!

– Что-о?! – На этот раз смысл сказанного дошел до сознания Хальфдана.

Он мотнул головой, отбрасывая сальные лохмы, ощерился и поднялся со своего королевского сиденья. Грозное это зрелище – разгневанный конунг Вестфольда и окрестностей. Многие бы оцепенели от его свирепого лика.

Но только не Свартхёвди. Он лишь задрал повыше заросший светлым волосом подбородок и встретил пылающий взор конунга, не отшатнувшись и не мигнув.

Мрачный взгляд Хальфдана обратился на дочь... Та скромно потупилась.

Ой, что будет!

Я пихнул локтем Харальда Щита. Тот не отреагировал. Он с удивлением глядел в пустую чашу. Мол, только что тут было пиво? Куда оно делось? Я мог

бы пояснить, куда. Только что сосед Харальда опростал чужую емкость. Частично – в пасть, частично – на бороду.

Одно хорошо: большая часть пирующих пребывала в сходном состоянии. И было совсем нетрудно представить, как во время аналогичной пьянки Хальфдана едва не прикончили братья Гандальфсоны. Главное – успеть перерезать глотку бухому в зюю мужику до того, как в нем включится викинг. Сейчас отменного воина, хёвдинга со стажем, ветерана десятков боевых рейдов Харальда Щита могла отправить в Хель даже моя Гудрун. Причем еще та Гудрун, которую я не начал учить работе с клинком.

Кстати, как она там? Не задел бы ее краем приближающийся шторм? Уж кто-кто, а Гудрун точно за брата вступится. Были прецеденты.

Я отпихнул навалившегося на меня соседа слева и выбрался из-за стола.

Поглядел еще раз в сторону Вдоводела... И решил всё же воздержаться. Взять сейчас меч – это уже демонстрация. Да и Хальфдан-конунг тоже кое-чему научился, после того как Гандальфсоны заставили его побегать по лесам. Снаружи караулила вполне трезвая и потому привычно бдительная стража.

Конунг молчал. Он, конечно, тоже неслабо принял на грудь, но меньше, чем его братва. Это потому, что здесь не как в моем покинутом времени, когда любой большой военный праздник с генералом – праздник для генерала и работа для остальных. Здесь – ровно наоборот. Хирдманы и гости наклюкиваются, а конунг – работает. Укрепляет вертикаль власти, выявляя слабые звенья и поощряя перспективных. Опять-таки ушки у него на макушке. Викинги и так особо не стесняются в изъятии чувств и чаяний, а уж набравшись, вообще забывают об аксиоме «молчание – золото». Выпускают пар. Накопившиеся желания-обиды сыплются из них, как просо – из худого мешка. А конунг слушает. И вникает.

Вот только вникнуть в желание моего побратима ему было трудновато.

– Как это – приняла свадебный дар? – прорычал Хальфдан. – Кто позволил?

Вообще-то для принятия свадебного дара папиного позволения не требовалось. Но согласовать – рекомендовалось. Потому как дочь вправе принять дар самостоятельно, а вот родня (читай, главный в роду) может запросто аннулировать помолвку.

– Отдай мне свою дочь, Хальфдан-конунг, и признательность моя будет велика! – отвечивал вместо своевольной дочери кандидат в женихи. Причем с таким чувством собственного достоинства, что я невольно залюбовался.

Я. Но не папаша Фрейдис. Его ответ нахального дана не удовлетворил. Более того, король Вестфольда трезвел на глазах, и мне это очень не нравилось. Пьяный и сердитый Хальфдан способен на любые поступки. Хальфдан трезвый – только на те, что ему выгодны. Женитьба моего брата на Фрейдис не была ему выгодна никаким боком.

Вот черт! Взгляд Черного обратился ко входу. Там околачивалась парочка трезвых и потому мрачных бойцов «караульной роты». Сейчас кликнет их – и начнется буча. И мясня, потому что никакого насилия над собой Медвежонок не потерпит.

Однако Хальфдан с командой «вязать» не торопился. Глянул на Медвежонкову татуированную лапу... на оголовье меча, который он не потрудился сдать на хранение. Потом – на собственного главного берсерка Харека Волка... Волк спал, уронив морду в сиськи доступной девушки. Девушка терпела, поскольку

отпихнуть не решалась.

...И тут Хальфдан показал, что он – истинный конунг. Осознав, что момент для наказания дерзкого – не самый подходящий, он обуздал гнев и принял во истину королевское решение.

– Я дам тебе ответ завтра, – буркнул Хальфдан. – Ступай.

И рухнул в кресло, продемонстрировав: аудиенция закончена.

Медвежонок поклонился – нет, скорее, кивнул, развернулся четко, ухватил за рукав Фрейдис (вот же нахал) и вместе с ней двинул к выходу.

Фрейдис не упиралась. Глянула разок на папу (тот сделал вид, что пиво его интересует больше дочери) и последовала за неутвержденным пока женихом.

И я уже пожалел, что рассмотрение дела перенесено на завтра. Ой, что будет!..

Глава тридцатая Любовь по-древнескандинавски

«Я не понимаю: ты мой брат или кто?» К этой фразе сводился двухминутный яростный монолог Свартхёвди. И едва он замолчал, вступила Гудрун. В той же тональности.

– Помолчите! – наконец вскипел я. – Давайте сначала. Медвежонок, ты любишь ее?

– Да! – рывкнул сын Сваре Медведя.

– То есть она для тебя не просто... ммм... красивая девушка?

– Что с тобой, муж? – не выдержала Гудрун. – Брат же ясно сказал: готов взять ее без приданого. Ты его не слушал?

Ну да, ну да. Раз так, то можно не сомневаться, что чувство настоящее. Сюрприз. Никогда не думал, что Медвежонок способен влюбиться. Да еще – с первого взгляда. Этакая машина убийства – и высокие чувства!

«А сам? – оборвал я себя, посмотрев на Гудрун. – Чем ты лучше? Такой же головорез. И когда речь шла о тебе, он не мнение высказывал, а дело делал».

– Всё, брат! – оборвал я дальнейшие прения. – Ты ее хочешь, ты ее получишь! Давай думать, как это осуществить.

Сегодня Хальфдан Черный дал ответ по поводу замужества дочери. Категорический отказ. Никаких шансов.

«Я ее украду!» – заявил Медвежонок.

Легче сказать, чем сделать. То есть украсть как раз – не вопрос. Никто Фрейдис в башню не запирает и на цепь не сажал. Но потом что? Судоходный сезон, считай, завершился. Во всяком случае, если речь идет о возвращении в Данию. И куда им потом деться? Вся округа под контролем Хальфдана. И даже независимые, ну формально независимые соседи вряд ли станут ссориться с Черным из-за Медвежонка. Тем более что факт противоправных действий – налицо.

Бежать к свеям? Далеко, и не факт, что удачная идея. Родичей, таких, что встали бы за него конкретно, у Свартхёвди в этой части Швеции нет. А на пороге зима вообще-то. На материке – колотун-бабай и бескормица... В лесу вдвоем выжить можно. Такому, как Медвежонок, так и без припасов. Тот же Стенульф выживает без проблем. Но у Каменного Волка – берлога, пара настоящих волков на подхвате, и, самое главное, его не ищет местный конунг с целью вывернуть мехом внутрь.

Я задумался. Свартхёвди с надеждой глядел на меня: мою способность выкручиваться из скверных коллизий можно было сравнить лишь с моей же способностью в них попадать...

И... Есть у меня одна мысль. В порядке бреда. Тем не менее ее следует проверить. И прикинуть последствия.

В случае положительного результата.

Харальд Щит ремонтировал сани. Собственноручно: работы он не чурался. Но когда я подошел, с удовольствием распрямился, вытер руки о тулупчик и вопросительно взглянул...

– Скажи мне, друг мой, тебе знакомо такое имя: Бринхиль-ярл?

Станный вопрос. Тут все всех знают. Конечно, знакомо.

– Ярл Феррил-фьорда? Славный воин.

Ну это мне и без него известно. Если бы я с полгодика назад ограбил его селение, как советовали мне товарищи по профессии, а не оплатил по-честному все оказанные там услуги, у меня был реальный шанс проверить эту славу на себе.

– А как он – с Хальфданом-конунгом?

– Никак, – пожал плечами Харальд. – Дружбы нет. Вражды – тоже. Фьорд его Черному не нужен – бедный. Да и не от земли живет ярл Феррил-фьорда, а от вигов.

– А родства у них нет?

– У них – нет. Зато с Гандальфом-конунгом он был в родстве. Даже помощь предлагал против конунга нашего, да не понадобилось. Замирились Хальфдан и Гандальф.

Замирились, верно. А потом Хальфдан его сыновей почикал. За дело, ясен пень. Но это роли не играет. Выходит, теперь меж Хальфданом и Бринхилем колючий ежик кровной мести расположился.

Щит угадал мои мысли:

– Нет, мстить за сыновей Гандальфа Бринхиль не станет. Он храбр, но не глуп.

Тоже понятно. А еще мне понятно, что моя мысль, может, и не такая бредовая...

Во время нашей последней (и единственной) встречи Бринхиль-ярл объявил торжественно, что он мне должен. А за такие слова здесь принято отвечать...

– Дурень твой брат, – резюмировал Харальд Щит, когда я поделился проблемами моего побратима и своей идеей. – Пахтал бы Фрейдис, пока не наскучит, Хальфдан ему б и слова хулительного не сказал.

– Он хочет взять ее замуж, и он – мой брат, – напомнил я.

Это Харальду понятно. Родич хочет – ты помогаешь. По-любому. Потом можешь ему строгий выговор сделать. С занесением на физиономию. Но – потом.

Что Харальду непонятно: как можно женщину выше прибыли поставить. Но и тут он нашел объяснение. Берсерк.

Кратко изложив мне свою точку зрения на умственные способности Воинов Одина, Щит перешел к деловой части.

Если Свартхёвди смоемся с дочерью Черного, Черный страшно обидится. Но

если я скажу: ничего не знаю, ничего не помню, то на правож меня не поведут, скорее всего. Потому что Хальфдану тоже понятно: берсерк – существо непредсказуемое. Может, даже, в случае последующего успешного бегства в Данию, можно будет и откупиться от конунга. И стоило бы... Черный – конунг серьезный. Ему обиду прощать – авторитет терять. Нельзя.

А как насчет сухопутной трассы в Феррил-фьорд, поинтересовался я.

Есть такая. Но – сложная. Рискнет ли мой брат? Хотя, тут же поправился Щит, тупой вопрос. Конечно, рискнет. Он же берсерк...

– Брат! – Медвежонок так обрадовался, что едва меня не задушил. Я еле вырвался. – Я знал: ты выручишь!

Ну да. Если они доберутся до Феррил-фьорда и скажут ярлу, что они от меня, обижать их не станут. Но вот доберутся ли?

Свартхёвди не сомневался. Он был готов всю зиму по лесам мыкаться, а тут – какой-то марш-бросок по горам... Недельки на две.

Медвежонок метнулся к Щиту выяснять маршрут.

А я направился к Лису. Мой ирландский кореш должен знать, какую подляну готовит ему влюбленный Медведь.

Старина Красный Лис в панику не впал.

Его мнение было таково: Свартхёвди мой брат, но он – большой мальчик. Да и украсть девушку, которая пришлась по душе, не такой уж большой проступок. За это не убивают, если нет бесчестья. А какое бесчестье, если парень готов жениться? Ясное дело, папаша имеет полное право вызвать похитителя на поединок. Такое случается сплошь и рядом. Ничего особенного.

Ну да. Я помнил один такой прецедент. Папаша и неудавшийся зять друг друга насмерть порешили. Обычное дело.

Ты не переживай, заверил меня Лис. Вызвать берсерка на хольмганг, да еще такого, как Медвежонок, это глупый поступок. Обычно наоборот бывает: когда хотят отхватить кусок неположенного, провоцируют суд богов и выставляют как раз берсерка. Потому как – Воин Одина, во-первых, и безбашенный отморозок, во-вторых. А завалить берсерка, по всеобщему убеждению, может только другой берсерк.

Не бог весть какое утешение. У Хальфдана тоже есть берсерки. С одним я знаком, и производит он весьма серьезное впечатление.

– Ты о Хареке Волке? – поинтересовался ирландец.

– О нем.

– Не думаю, что ульфхеднар-вестфольдинг может справиться с даном-берсерком.

– А мне говорили, Мурха, что Харек хорош! – вмешался в беседу Лисов хольд Грихар Короткий. – И он уже убивал Воинов Одина.

– Ха! Он убивал таких же норегов, как он сам! Пусть-ка попробует завалить дана, которого учил сам Каменный Волк!

Тут к беседе подключился еще один ирландский хольд, Давлах Бычок, и они принялись обсуждать берсерочью тему...

Я узнал много интересного. Например, что продвинутый берсерк не просто неуязвим для ран, но и делает тупым оружие противника. Что здесь, в Норвегии, нормальная ситуация, когда берсерк приходит в дом бонда и берет всё, что ему понравится, включая женщин, а если бонд против, то хольмганг – и

летальный исход. И жаловаться ярлу или там тингу бессмысленно, потому что – берсерк. И даже убить берсерка рискнет не каждый, потому что он – Воин Одина. Обидится Одноглазый, отомстит со всей божественной беспощадностью. И вообще, какие претензии можно предъявлять земной кальке того, чьи эпитеты: Внушающий Страх, Сеятель Раздоров и прочее.

Кстати, насчет «оружие становится тупым» – это интересная тема. Вспомнилось, как я сам убивал берсерка, тело которого казалось твердым, как доска. И то, что от ударов мечом или копьем на теле Стенульфа и Свартхёвди оставались синяки, но не раны. Мистическая способность делать оружие тупым вполне укладывалась в логическую картину. Как и то, что берсерка реально завалить кулаком или дубиной... Тем, что нельзя затупить.

А самый лучший способ завалить воина-оборотня – уронить на него камень. Побольше и с приличной высоты. На этом варианте мнения ирландцев сошлись и дискуссия прекратилась.

– Давай-ка, друг мой, обсудим, что мы скажем Хальфдану, когда он захочет узнать, куда подевались твой брат и его дочь, – предложил Лис. – И это должны быть необидные слова, потому что он, как-никак, предложил тебе свое гостеприимство, а это многого стоит. Пусть ты и отказался, было бы бесчестно отнестись к Хальфдану без должного уважения.

«Не только бесчестно, но и опасно», – расширил я дипломатичную формулировку Лиса. Тот, как и все воины-скандинавы, очень щепетильно относился к словам, которые могли быть истолкованы как намек на... недостаточную храбрость собеседника.

Да, это стоило обсудить.

– Есть мысли?

– Есть предложение, – Красный Лис погладил бороду и усмехнулся. – Говорить буду я.

Глава тридцать первая **«Ваш берсерк умрет!»**

Надо отдать должное Медвежонку: тактического мышления он, несмотря на любовь, не утратил. Не стал воровать девушку немедленно, а подождал, пока Хальфдан уберется из Уплёнда.

Отсутствие Фрейдис заметили только к обеду. Строгий выговор соглядатаям Хальфдана, если таковые имелись!

Надо полагать, сначала ее искали в самом городке.

Не нашли.

Вечером поиски приобрели системный характер, и первым делом люди конунга заявили к нам, то бишь на подворье Харальда Щита.

И спросили Свартхёвди Сваресона.

– Его здесь нет, – лаконично ответил Харальд.

– Его нет с утра! – предъявил Харальду Хальфданов ярл Игге Хитрый.

Пробивка? Или уже успели поговорить с кем-то из Харальдовой челяди?

– И что? – продемонстрировал удивление Щит.

– Он – твой гость!

– И что?

Тут Игге следовало смутиться и отвалить, потому что гость – это не трэль. Оказавший гостеприимство не несет за гостя ответственности. Обязан защитить, если что, но не более того. И то – у себя на подворье. Гарантом добропо-

рядочности гостя он тоже не является.

Игге не отступил. Он перенес внимание на меня.

– Где твой брат, Ульф Вогенсон?

– Разве я сторож брату моему? – процитировал я, но Игге был незнаком с Библией.

– Я говорю голосом Хальфдана-конунга!

– Не похож! – Я ухмыльнулся максимально нагло.

– Что? – опешил ярл.

– Голос, говорю, не похож.

– Шутишь? – прищурился Игге Хитрый. – Все знают, что твой брат сватался к Фрейдис и конунг ему отказал!

– И что, по-твоему? Он с горя пошел и утопился?

– Нет! – рявкнул Игге. – Он ее украл!

– Ого! – произнес только что подошедший Тьёдар Певец. – За такие слова полагается ответить. Ты так уверен, что она не пошла с ним по собственному желанию?

– Что ты знаешь? – мгновенно обернулся к нему Игге.

– То же, что и все, – пожал плечами Тьёдар. – Многие видели их вместе, и никто не заметил веревок на руках Фрейдис.

– Где? Они? Сейчас? – чеканя каждое слово, пролаял Игге-ярл.

– Мне это неизвестно, – равнодушно ответил я. – Хочешь, могу поклясться именем Тора, что не знаю, где они сейчас?

А что? Я действительно не знаю, где они. Только – куда направляются.

В общем-то это был знак примирения. Игге – не настоящий ярл. У него нет своей команды. Он – человек, который командует людьми, присягнувшими Хальфдану. И его полномочий вершить суд и расправу в Ушплёнде конунг не объявлял. Во всяком случае, при мне.

– Поклянешься, – процедил Игге. – Конунгу.

И свалил.

Игге тоже можно понять. Когда Хальфдан вернется, то за пропажу дочери спросит с него.

* * *

И конунг спросил. Игге перестал быть ярлом. А ко мне явился всё тот же Харек Волк.

Не один пришел – с группой товарищей в полном боевом. Надо полагать, чтобы показать, чьи в Ушплёнде плюшки.

А мы тут – своими баловались. Я тренировал Гудрун. Мечи затупленные, учебные, но с рабочим балансом, привычным руке. Атака «двойкой», финт в лицо, укол в бок и уход. В последней фазе Гудрун сбрасывала темп, потому что «проваливалась». Очень хотелось меня достать. Хорошо хоть начало атаки перестала явно показывать.

Я не учил ее сложным комбинациям. Никаких движений, провоцирующих врага на нужную тебе атаку. Все примитивно. Обманул, метнулся, достал, убежал. Не достал – всё равно убежал.

Я ей уже раз сто объяснял: главное, не врага убить, а не дать убить себя. Не берсерки, чай. Нормальные люди. Понимала. Кивала... Но в процессе – увлекалась. Входила в азарт, налетала свирепо, оскалив белые зубки... И «проваливалась». И промахивалась, потому что уж слишком явно обозначала удар. Финт

не спасал.

Но как раз ко времени появления Харека Гудрун почти дошла до нужной кондиции: подустала, растеряла азарт (всё равно не достать!) и сосредоточилась на «дорожке». То бишь на правильном движении.

И начало получаться. Красиво. Быстрый, легкий, танцующий выпад и такой же уход. Без ненужного азарта. Чистая техника.

И тут ввалились «зрители». И Гудрун сразу растеряла изящество и переключилась на результат.

– Ты что творишь! – рявкнул я. – Что за уродство! Двигайся как я учу! Красиво!

Скажете, нехорошо так – с женщиной, да еще и беременной? Но тут не до гуманизма.

Как говаривал мой беглый братец: женщина с оружием уже не женщина, а враг.

А могучие вестфольдинги наслаждались бесплатным шоу. Комментировали. Сначала – громко, потом – потише. Собственно, женщина с оружием здесь, в Норвегии, – не редкость. Бывают даже женские хольмганги или типа того. Но тут хирдманы въехали, что женщина, причем красивая, не просто машет железкой, а умеет ею орудовать. Они не знали, что умение Гудрун – строго в обусловленных пределах. Зато в них моя любимая действовала так же быстро и четко, как среднестатистический дренг. И так же опасно.

Сам Харек заинтересовался. Настолько, что когда кто-то из его бойцов гоготнул и отпустил скабресный комментарий в адрес моей жены, то схлопотал от начальника по шее.

Ладно, пора заканчивать. Напоследок я решил порадовать мою девочку, чуть промедлил с уклоном... И тупое жало меча весьма чувствительно долбануло меня в бок. Был бы меч острым, пожалуй, пробил бы панцирь...

Наградой мне был чудесный смех и сияющие счастьем глаза.

– Молодец, отдыхай! – крикнул я и покосился на незваных гостей. Те – заценили. Даже Харек, который точно должен был видеть, что я поддался.

Вот так, господа нореги! Знайте наших! У нас на Сёлунде даже девушки – воины.

– Рад тебе, Харек-ярл!

– Не могу сказать того же, Ульф-хёвдинг! – отрезал ульфхеднар. – Конунг хочет тебя видеть!

– Он меня увидит.

– Прямо сейчас!

– Не получится, – покачал я головой. – Мне надо привести себя в порядок. Не могу же я предстать перед конунгом Вестфольда, Агдира, Раумарики, Согна и множества других земель в таком виде? – Я похлопал по пластинам тренировочного доспеха. – Это было бы неуважением.

– Ты не девка, чтоб конунг тебя разглядывал, – проворчал Харек.

Но настаивать не стал. Позволил мне уйти в дом... Где я первым делом приказал Дриве бегом бежать к Красному Лису и сообщить, что меня требует к себе конунг.

Сам же – не торопился. Надел на поддоспешник блестящую от жира кольчужку, поверх – чехол-балахон, а уж на балахон пеструю, как фазаний хвост, верхнюю рубаху, синий, как горное озеро, плащ с золотым шитьем ко канту,

шерстяную шапочку с шелковой изнанкой, поверх нее – открытый шлем. Само собой – пояс, оружие и побрякушки из драгметаллов.

На все про все ушло около получаса. И всё это время Харек с группой поддержки терпеливо ждали. Правда, не на сухую. Я попросил Харальда Щита поднести им пива. За мой счет.

Но, когда я наконец закончил туалет и вышел во двор, там меня дожидались не только Харек с братвой, но и Красный Лис с дюжиной ирландцев.

Вот теперь можно и на стрелку ехать.

– Ваш берсерк умрет! – рявкнул конунг. – Я так решил!

Я, забыв о нашей с Красным Лисом договоренности, собрался возразить, но ирландец успел меня опередить:

– Я раньше не говорил тебе этого, конунг, но сейчас скажу: никогда не любил вас, норегов, особенно вестфольдингов. А знаешь почему?

Хальфдан опешил от такой дерзости. Даже дар речи потерял. Открыл рот, закрыл, снова открыл, запыхтел... Его красная физиономия стала и вовсе багровой.

– А потому, – беззаботно продолжал ирландец, – что вы, вестфольдинги, хотите поступать с другими как вам заблагорассудится, а когда так поступают с вами, орете: «Убью!»

Я думаю, именно это и хотел заорать Хальфдан Черный, но он не стал бы конунгом, если бы не умел держать себя в руках... Когда чувствовал, что в этих руках собраны не все козыри. Как сейчас.

– Надеешься на Ивара Рагнарсона? – прищурился Хальфдан. – Думаешь, Ивар станет ссориться со мной из-за такого, как ты? Или такого, как этот ваш Медвежонок? Я запретил ему приближаться к Фрейдис, а он ее украл!

– А ты? Как бы поступил ты?

– Я – конунг! И сын конунга! Если боги будут благосклонны, я стану конунгом всего Северного Пути[197]! А кто он такой, этот Свартхёвди Сваресон?

Тут уж я обиделся. Вот не терплю этих начальственных понтов. Вот просто не могу себе представить, чтобы Ивар или паче того Рагнар сказали: я – конунг, а ты – никто. Если ты настоящий конунг, то и говорить ничего не надо. Ивар глянет – собеседник укакается.

– Свартхёвди – мой брат! – Я уставился на Хальфдана со всей доступной мне суровостью.

А чего? Он – Черный. Я – Черноголовый. Мы одной масти. Хотя он, конечно, зверек покрупнее.

Хальфдан задрал бородищу. Хотел, видно, сказать: «А сам ты кто такой?»

Не сказал. Лично я ему ничего плохого не сделал. И при этом я был такой персоной инкогнито. С Красным Лисом всё понятно. Крутой хёвдинг Ивара Бескостного. С примерно такой же ролью, какую у самого Хальфдана выполняет Харек Волк. Однако ему наверняка донесли: это не я – при Лисе, а Лис – при мне. И о том, что мы с Медвежонок набезобразили в Согне-фюльке, ему тоже наверняка донесли. Опять же – сага о Волке и Медведе... Когда такой человек, как Хальфдан (не будем забывать, что он добром и силой подмял под себя кучу соседей, значит, в башке каша есть) видит такого мелкого хлопца, как я, вокруг которого стоят лучшие головорезы (тут еще и Гримара Короткую Шею самое время вспомнить, который меня летом сопровождал) Ивара Бескостного,

то он невольно задается вопросом: а какого хрена рулю я, а не они? Может, я тоже – сынок чей-нибудь или типа того? Возник ниоткуда, без всякой протекции пробился в высшие слои общества... Ну так не бывает! Даже там, где решает сила и храбрость. Потому что сила и храбрость – это тоже наследственное. Социальные лифты здесь работают максимум на три-четыре этажа. Безродному подняться выше хускарла практически невозможно. Разве что ему лично благоволят боги. Но тот, кому они благоволят по-настоящему, рождается в семье конунга, а не в семье бонда-арендатора.

Все эти мысли я не мог бы прочесть на красной физиономии Хальфдана. Конунг же. Но угадал, надо полагать, точно. Бычить он прекратил. И сказал уже спокойно:

– Дочь свою за брата твоего не отдам!

И это, к сожалению, было Решение. Оно звучало лучше, чем «убью», но, зная Медвежонка, я мог уверенно предположить: он не отступится. Хальфдан – тоже. Но можно же поискать компромисс, ведь, если викинг не может получить свое бесплатно, он превращается в торговца.

– Скажи мне, Хальфдан-конунг, а за кого ты намерен отдать свою дочь? – очень вежливо поинтересовался я.

– За достойного человека! – не раздумывая, ответил Хальфдан.

«Достойного», читай «верного и авторитетного». Насколько я слышал, таким был один из Хальфдановых ярлов. Геройски погибший, когда оборзевшие сыновья Гандальфа-конунга застали Черного врасплох и едва не прикончили.

Что ж, идея у Хальфдана правильная. Отдать дочь за кого-то из здешних конунгов – отказаться от перспективы захватить его территорию. Не все ж такие бездетные, как покойный хозяин Согне-фьорда. Да и приданое надо отстегнуть, если отдаешь за равного. А если за собственного ярла, а еще лучше – за соседского, совсем другое дело. Глядишь, с его помощью не уменьшишь владения, а расширишь. Для вождя, нацелившегося подгрести под себя всю Норвегию, династические браки заключаются только в ситуации, когда после смерти свекра наследников мужского пола не числится. А уж отдавать дочь за какого-нибудь свейского или датского конунга – вообще неправильно. А вдруг он вознамерится сам отхапать... то есть унаследовать тестево имущество?

Свартхёвди – не конунг. В политическом плане он – ничто. И личных заслуг перед конунгом никаких, это точно. И толку с него в качестве зятя – как от козла в огороде. Один разор то есть.

Впрочем, если Медвежонку удастся увезти Фрейдис на Сёлунд, то выцепить ее оттуда будет весьма затруднительно. Есть два варианта: потребовать отступного или прислать мстителя для божьего суда, потому что любая силовая акция на земле Рагнара чревата очень болезненной отдачей.

Это я так думал, позабыв о собственном печальном опыте. И за эту неправильную мысль мне еще предстояло расплатиться. Но – позже. Сейчас я напряженно искал выход из тупика. И, кажется, нашел его. Боги! Почему бы мне не воспользоваться уже привычным способом психологического давления на незрелый средневековый ум?

– Ты решил, конунг, – торжественно подтвердил я. – Ты решил. Но что решат боги?

– Боги?

Будь Хальфдан представителем другой эпохи, он бы с ходу возразил: «А бо-

ги тут при чем? Это наши дела, людские».

Но Хальфдан родился в девятом веке от Рождества Христова и точно знал: боги всегда причем. А если они ни при чем, то, значит, ты что-то упустил. Тем более, он же конунг. Он уверен, что там, в Асгарде, за каждым его шагом следят и пометочки в картотеке делают: правильное деяние, неправильное деяние...

– Кажется мне, Хальфдан-конунг, что мой брат и твоя дочь не просто так встретились... – многозначительно изрек я. – Может, та самая, отдельно лежащая прядь, которую ты видел в вещем сне[198], и есть потомок моего брата и твоей дочери?

– Ты откуда можешь это знать? – рявкнул Хальфдан.

– Я не знаю, я лишь предполагаю, – был мой скромный ответ. – Знают же – боги. Вот их и следует спросить.

– Спросим! – свирепо пообещал Хальфдан. – Обязательно спросим! Но не у твоего брата!

– Почему ты так говоришь? – насторожился я.

– Потому что вряд ли мои люди станут брать его живьем! – осклабился конунг.

Ошибся конунг. Свартхёвди не убили.

Глава тридцать вторая **Хольмганг на неравных условиях**

Кажется, я понимаю, почему она его зацепила, эта Фрейдис. Невероятной жизненной силы девушка. Жизнь из нее буквально брызжет. А какая улыбка! Эти ямочки на щечках, это сияние глаз и блеск зубок... Ей-богу, сам бы влюбился, если бы мое сердце не было полностью оккупировано Гудрун. И как она держалась за его руку! По глазам видно: умрет, а не отдаст.

Уже не отдала один раз. Так мне сказали. Вцепилась в него, обвила, как плющ, не позволила ни драться, ни обезуметь...

И наверняка спасла, потому что с двумя десятками отборных хирдманов не справиться даже берсерку. Может, ему даже убить никого не удалось бы, ведь с ним не собирались рубиться. Здесь, в Вестфольде, знают, как надо обращаться с берсерками. Стрелы, метательное оружие...

Любовников захватили врасплох. Выследили сначала (своя ж земля, не чужая), выбрали подходящий момент и правильное место. Заняли удобную позицию – сверху. Да так, что сразу не подступиться. Будь ты хоть самый настоящий медведь, а вверх по каменной осыпи особо не побегаешь. Тем более под градом стрел и копий. Так, наверное, и планировали. Выскочит берсерк из укрытия, озвереет, полезет драться... И тут его – в сорок рук, дистанционно...

Так что спасла моего побратима пылкая Фрейдис. Обняла, вцепилась... И не решились хирдманы бить по дочери собственного конунга.

Уж как она их уговорила вообще Медвежонка не трогать, только Одину известно. Но уговорила именно она. Побратима я знаю: убивать он мастак, а вот вести переговоры с противником...

Короче, привезли их в Уплёнд вдвоем. И свободными. Условно свободными. Медвежонок поклялся Мьёлльниром, молотом Тора, и предками, что не окажет сопротивления, не попытается удрать и встанет на суд конунга один и без оружия.

И клятву такую дать тоже наверняка Фрейдис уговорила, потому что – страшная клятва.

Ну как прикажет конунг: убейте этого дана нехорошей смертью! А у дана даже оружия в руках нет, чтобы принять судьбу как подобает воину и – прямиком в Валхаллу!

«Ох и дорога ты моему брату, Фрейдис, дочь Хальфдана, если он ради тебя пошел на такое!»

Нет, он не боится. Смотрит гордо и дерзко. И Хальфдан тоже смотрит. То на него, то на дочь... Ух как смотрит! Аж бакенбарды топорщатся от перекатывающихся желваков. Стой я поближе, наверняка услышал бы зубовный скрежет.

Налюбовался. Перевел взгляд на нас с Лисом. На всю «бригаду поддержки». Да, немного нас по сравнению с воинством конунга. Но я заметил, как Красный Лис, поймав взгляд Хальфдана, ненароком поправил свою вывешенную наружу золотую бляху с вороном и лучником, которую любой викинг понимал однозначно: «Я – человек Ивара Рагнарсона».

Если кто забыл, напоминаем. Бабка за дедку, дедка за репку... И если бабка у нас господин Бескостный, то дедка – сам Рагнар. И уж если Рагнар возьмется, то надает по репе – мало не будет. Ищи компромисс, будущий конунг всех норегов! Ищи...

Уклонился конунг. Казнить нельзя помиловать. Или в данном случае ближе: «уволить нельзя трахать»?

– Пусть боги решают! – заявил он. – Только ты, Свартхёвди Сваресон, сам драться не будешь. Посторонний станет за тебя драться.

– Может быть, я? – немедленно предложил Красный Лис.

– Ты разве посторонний? – поднял бровь Хальфдан.

– Но ведь не родич же, – резонно возразил ирландец.

– Ты – не годишься! – отрезал конунг.

– Ладно, – не стал настаивать Лис. – А кто будет драться за тебя?

– Вот он! – Конунг, не раздумывая, указал на Игге Хитрого.

Для последнего это оказалось новостью. Но отказываться, понятное дело, Игге не стал. Понимал меру своей ответственности. Опять-таки, выигрывает он хольмганг, глядишь, снова в ярлы выйдет.

– Ну... – Хальфдан Черный окинул своих приспешников и прочий народ, собравшийся на суд, – кто встанет за сёлундца?

Никто не рвался. Тоже понятно. Хороший воин без нужды драться не станет. А плохой – вообще не станет. Тем более против матерего викинга.

Черный задумался... Поглядел на меня... Я добродушно улыбнулся. Мол, всегда к вашим услугам. Но только уж если Красный Лис признан неподходящим, то я – однозначно мимо. Родственник.

– Пусть будет так, – наконец объявил Черный. – Кто встанет за вестфольдинга, получит от меня марку серебром. До поединка. А встать может любой, кроме тех, кто приплыл с тем, кто оскорбил мое гостеприимство подлым воровством!

– Отец! Свартхёвди меня не крал! Я сама с ним пошла! – подала голос Фрейдис.

Конунг поглядел на нее с неудовольствием. Девкам слова не давали. Но та не унималась:

– И в знак того, что я пошла с ним по доброй воле и боги на нашей стороне... Я сама готова встать за него на хольмганг!

Опаньки! Вот это вариант!

– Ты не можешь! – сердито отрезал папаша.

– Почему же? – подбоченилась девушка.

– Какая ж ты посторонняя!

Раздались смешки, которые тут же стихли под свирепым взглядом Хальфдана.

– И что же? – не сдавалась Фрейдис. – Ты сам сказал: любой, кто не приплыл со Свартхёвди! Да и марка серебром мне не помешает, – добавила она рассудительно.

Хальфдан раздумывал с минуту... Потом кивнул.

– Я сказал свое слово, – заявил он. – Ты глупей козы, если думаешь, что одолеешь Игге. Но будь по-твоему. До первой крови.

Я хотел возмутиться... Потому что был уверен: Хальфдан здорово преувеличил умственные способности дочери. Не успел.

Красный Лис и Далбаэт одновременно опустили мне руки на плечи и не дали шагнуть вперед и прокомментировать выбор заботливого папаша.

– Он же ее голыми руками прибьет! – зашипел я.

– Поглядим, – флегматично отозвался ирландский кормчий.

– Не лезь, Ульф, – подхватил Красный Лис. – Это хольмганг. Здесь боги решают, а не люди.

Угу, счас. Но вырываться я не стал. Смотрелось бы глупо. Да и что я могу изменить, когда конунг уже решил.

Как оказалось, я еще многого не знал о здешних судебных поединках.

– Бочка или веревка? – спросил Игге Хитрый у своего конунга.

Не понял.

– Яма, – ответил конунг.

Лицо разжалованного ярла выразило разочарование. Но он – кивнул.

И вскоре я увидел, каким образом здесь, в Норвегии, обеспечивают равное правие.

Сначала разметили круг. Вернее квадрат. По всем правилам. По-взрослому. Потом подогнули пару трэлей, которые прямо посреди боевого поля выкопали узкую яму где-то в метр глубиной. Тем временем Игге избавился от боевого железа, оставшись в одной нательной рубахе. Прямо скажем, не по погоде наряд.

Когда трэли закончили, Игге не без труда (тесная) влез в яму, и один из хирдманов вручил ему меч. Не его собственный, а короткий и широкий. Даже не меч, а тесак, скорее.

О! Фрейдис тоже разделась. До рубахи. Но закапывать ее не стали. И оружие ей вручили знатное. Еще одну рубаху. Но не торопитесь смеяться. В рубаху вложили камешек этак в полкило весом, по моей прикидке. А саму рубаху скрутили в тугий жгут приличной длины. Фрейдис взмахнула этим «инструментом» пару раз, и я понял, что, приложись этакая штуковина к голове Игге, и голове придется несладко.

Толпа вокруг собралась – человек триста как минимум. Большинство расположилось на склонах и крышах, потому что партер был полностью оккупирован самыми рослыми, воинами. Мне, впрочем, выделили местечко в пер-

вом ряду.

Я покосился на Медвежонка. Побратим по-прежнему был без оружия и в окружении бойцов конунга. Мрачный. Происходящее его не радовало. Но он дал клятву принять суд конунга – и терпел. Пока что можно было сказать: Черный обошелся с ним по-доброму. Мог бы и шкуру содрать. Хотя еще не вечер. Если по результатам поединка выяснится, что боги не на стороне Свартхёвди, он окажется полностью в воле Хальфдана. Вот ведь сволочь вестфольдская! Дочку за дана отдавать не захотел, а жизнью ее рискнуть – да пожалуй-ста!

Фьють!

Игги без труда уклонился. Но это был «пристрелочный» удар.

Второй едва не угодил ему захлестом по макушке. Но мужик изогнулся и пришлось – по спине. Звук был таков, будто приложили набитым шерстью мешком по борту лодки.

Упс! Едва не достал, нехороший человек. Девушка решила обойти Игге справа, а он, не глядя, с перехватом, ширнул своим тесаком за спину. Самую малость не достал. Но его неудачу едва не компенсировала сама Фрейдис. Шарахнувшись, чуть не треснула себя «боевой рубахой» по ноге. Но чуть – не считается.

И новый замах... Далеко. Напугал ее Игге. Еще с минуту она пыталась зайти противнику с тыла, но Игге вертелся в своей земляной «подставке» довольно ловко и спину не показывал. Причем особо не торопился. Если солнце находилось с удачной стороны, он вообще не реагировал, пока Фрейдис топталась у него за спиной, не решаясь подойти на убойную дистанцию. Поворачивался, лишь когда она бросалась в атаку. Причем старался левой рукой перехватить текстильное оружие. Но – безуспешно. Потому что Фрейдис была на почти предельной дистанции.

Народ заскучал. Тоже понятно. Так наши поединчики до весны могли сражаться. Разок-другой Игге пытался ее подловить, изображая невнимание, а потом пробуя достать Фрейдис длинным – насколько позволяла его позиция – выпадам.

Но Фрейдис всякий раз успевала отскочить. Пару раз ей удалось треснуть бывшего ярла по руке. Больно, но не эффективно.

Фрейдис надо сокращать дистанцию атаки. Иначе шансы достать бывшего ярла у нее, мягко говоря, незначительные. Чтобы повредить такого здоровяка, как Игге, да еще такой хитрой штукой, надо бить максимум с двух шагов. Но на такой дистанции Игге вполне способен на контратаку. В том, что даже таким неказистым клинком он сумеет подрубить девушке ногу, можно не сомневаться.

Хотя лично мне показалось, что Игге не бьет по-настоящему. Все же дочь конунга...

Воин аккуратничает, девушка побаивается... Не то чтобы побаивается... Фрейдис, безусловно, смелая девушка. В смысле – отцу перечить не боится. А вот на клинок идти, тут совсем другая храбрость нужна. Или практика.

Наконец этот вялый хоровод надоел даже Свартхёвди.

– Фрейдис! Красавица моя! Бей его, не бойся! – заревел мой побратим, да так, что девушка слышала его даже сквозь гомон и галдеж зрителей.

И послушно ринулась вперед, замахнувшись что было силы.

Результат не заставил себя ждать. Игге перехватил полотняный жгут, рванул на себя... И Фрейдис рухнула прямо ему в объятия. Чем он незамедлительно воспользовался. В позитивном смысле слова: аккуратно чиркнул ее тесаком по руке. Очень аккуратно сработал, надо отдать ему должное. Не рана – ранка. Пожалел дочку начальства.

Чистая победа?

А вот и нет! Упакованный камешек захлестнул-таки поставленный блок. И хватил бывшего ярла по уху. До крови.

Поединок, естественно, остановили. Игге (с большой неохотой) выпустил конунгову дочку. Выбрался из норы, потрогал ухо... Увидав кровь, скорчил недовольную рожу.

Конунг тоже выглядел недовольным. Поединок – до первой крови. А первая кровь, получается, за Фрейдис? Свартхёвди радостно щерился. Но судьи – засомневались. Первая кровь – это да, конечно. Но с другой стороны, Игге явно мог достать девушку первым, да и в финале она оказалась целиком в его власти.

К «официальным» судьям присоединились добровольные консультанты. Серьезное ж дело: понять волеизъявление богов! Мнения кардинально расходились.

Орали громче, чем во время поединка.

Я поглядел на Лиса: ирландец ухмылялся. И Свартхёвди тоже ухмылялся. Еще шире, чем прежде. Что-то они такое знают, чего не знаю я?

Ну-ка, в чем дело?

– На Харека глянь, – посоветовал Красный Лис.

Та-ак... Очень красноречиво. Главный берсерк короля Вестфольда и окрестностей явно готовился к бою. Не дожидаясь, пока королевские советники наорутся.

Блин! Харек Волк – это серьезно. Это – берсерк. Сразу заныла моя раненная на Сконе рука. Ни малейшего желания драться с воином Одина у меня не было.

А вот у кое-кого – было.

Медвежонок просто цвел и пах. Лыбился и ножищами притоптывал в нетерпении.

Харек пробовал остроту секиры... Ногтем, мозолистой дланью... Не удовлетворился, достал оселок, довел нижнюю кромку, постучал, проверяя целостность... Я не слышал, как звенит боевой топор, но звенел он правильно, потому что Харек сунул секиру в петлю, протолкнулся через толпу самозванных судей и что-то сказал конунгу. Хальфдан рыкнул, и ор утих. Конунг встал и двинулся к подсудимому. Остановился шагах в пяти, поглядел на довольную рожу Свартхёвди (тот всё уже понял) и резюмировал:

– Ты – против Харека. До... – наверное, хотел сказать «до смерти», но передумал. – Пока боги не выкажут свою волю!

Это значило: пока один из бойцов не потеряет возможность драться. Что ж, понятно. Не до первой же крови им драться. Берсеркам.

Глава тридцать третья **Поединок воинов Одина**

Разница между моим побратимом и вестфольдингом, на первый взгляд, была невелика. Оба высокие, плечистые, жилистые. Волосы и борода желтые,

глазки маленькие, носы толстые, морды кирпичом. Одним словом, типичные викинги. А вот манера двигаться – разная. Свартхёвди ступает широко, держится прямо. Харек – другой. Он не идет – скользит. Угрожая, чуть горбится, отчего выглядит меньше ростом, зато руки кажутся длиннее...

И на поединок они тоже экипировались по-разному. Харек Волк стянул рубаху, поплевал на ладони, принял секиру, поиграл... Узоры татуировок на его плечах потекли, затрепетали, как сеть на ветру. Щита он вообще брать не стал.

А вот Свартхёвди не стал разоблачаться. Он всегда дрался в доспехах. И Сте-нульф – тоже. Такова, вероятно, специфика их «школы».

Впрочем, от прямого полновесного удара «бородатой» секиры такого размера, как у Волка, ни один доспех не защитит.

Харек сунул что-то в рот, задвигал челюстями...

Медвежонок затравку лопать не стал. Похоже, был уверен, что «включит-ся» и без нее.

Так и вышло. Взгляд его потерял осмысленность, когда по бороде Харека потекла слюна.

Раскачиваясь, упругой танцующей походкой два воина-«оборотня» двинулись... по кругу.

Для меня это было неожиданностью. Я привык к тому, что в состоянии боевого безумия Свартхёвди немедленно атакует...

Харек Волк зарычал. Свартхёвди ответил ему коротким басистым рывком. Я переживал за побратима (Харек чертовски опасен), но при этом мне было ужасно любопытно. Увидеть, как сражаются два берсерка, вдобавок таких, что способны управлять своим безумием, – невероятно интересно.

Свартхёвди извлек меч, который до того оставался в ножнах. Раз – и клинок уже смотрит на противника.

Волк прыгнул. Я не успел заметить движения. Промельк, звонкий ляск зубов и почти одновременно лязг железа. Брызнули пластинки панциря. На животе у Харека появилась горизонтальная черта – неглубокая некровящая рана. Царапина.

Оба разом отпрыгнули. Высоко, будто их батут подбросил. Закачались оба... Два живых маятника. Но с разной амплитудой и разным рисунком движения. Волк – заметно быстрее.

Толпа вокруг сходила с ума. Ор стоял такой, что, казалось, воздух сделался плотным, как вода. У меня даже дыхание сперло...

И опять первым прыгнул Волк. Секира засверкала, запорхала, перелетая из руки в руку. И не просто так. Каждое движение было атакующим. От щита Медвежонок полетели щепки. Меч превратился в сплошное стальное крыло. Нет – в веер. Харек плясал внутри него, причем траектория топора ни разу не пересеклась с траекторией меча. Нет, увидеть соударение я бы не успел, но услышал бы – наверняка.

– Ульф! Ульф! Ульф!!! – ревели вестфольдинги.

И они разбудили Волка. Моего.

Как-то так получилось, что стоявший рядом со мной Далбаэт отодвинулся ровно настолько, чтобы снежно-белый красавец, не видимый никому, кроме меня, встал у моего бедра. Мир затрепетал, подернулся рябью, внезапно приобрел удивительную четкость... И я увидел валькирий.

Нет, не прекрасных дев в чешуе доспехов, а серебристое мерцание воздуха над поединщиками. Будто гигантские стрекозиные крылья. Но я точно знал: это те самые валькирии. Небесные девы. И что еще важно: неуловимое глазу мелькание стали превратилось в читаемый рисунок... Прекрасный рисунок. У меня дыхание перехватило... Такого я не видел даже на показательных выступлениях мастеров в моем прошлом мире. А ведь там каждое движение было обусловлено и отрепетировано. И уж конечно фехтовальщики не ставили своей целью убить противника.

Воины Одина двигались так, будто их соединяли невидимые нити. При этом – асинхронно и абсолютно по-разному. Движения Свартхёвди были короткими, сметающими, а сам он практически не сходил с места, только разворачивался. А Волк непрерывно менял уровень атаки, припадал к земле, атаковал то сверху, даже в прыжке, то снизу, пытаясь достать под щит...

Медвежонок сбивал все атаки с неторопливой (поправка на мое новое восприятие) грацией. Правда, щит у него уже был сильно потрепан. Края совсем разлохматились. Да и броня, особенно справа, выглядела нелучшим образом. А что там, под ней, можно было только догадываться. Впрочем, и на Хареке осталось несколько «росчерков». И в одном, на боку, даже кость проглядывала, как мне показалось.

Но на скорости и точности ударов раны Харека не сказывались... Напротив, он все наращивал натиск. На мгновение мне даже привиделось: это не человек с секирой, а настоящий волк, который мечется вокруг Свартхёвди, наскакывая и уворачиваясь, выискивая у него то единственное место, которое надо резануть клыками...

Короткий вопль... Я вышел из транса и увидел, как один из людей Хальфдана уронил щит и зажимает рану на предплечье. Кто его задел, непонятно. Слишком стремительно было коловращение железа...

И вдруг случилось невозможное. Невозможное с точки зрения скандинавского Права. Посторонний вмешался в поединок. Разбросав щитоносцев Хальфдана в тесный круг прорвался еще один противник. И тоже берсерк, судя по голопузости, татуировкам, а главное – невероятной быстроте. Меч у него был свой, а щит он вырвал у кого-то из хирдманов...

Меня будто что-то толкнуло в спину. Не что-то, а кто-то. Мой Белый Волк. Все произошло так быстро, что я не успел осознать. Вдруг оказалось, что я – тоже внутри и как раз на пути нарушителя. А он меня как будто не видел. Он летел, именно так, летел, длинным высоким прыжком – на Свартхёвди, который продолжал плести стальные кружева с Хареком.

В моем мозгу с потрясающей четкостью проступила картинка. Я увидел, где заканчивается этот прыжок-полет. И чем он заканчивается. Пробитой насквозь броней Медвежонок и острием меча, выглядывающим из его груди...

Но это было неправильно. Поэтому я перечеркнул ее одним взмахом Вдовы. Дикий вой донесся до меня, будто сквозь набившие уши вату. Острейший клинок, которым я без проблем, не чувствуя сопротивления, перерубал бревнышко в бицепс Стюрмира толщиной, увяз в обычной человеческой плоти... Рукоятка едва не вырвалась из моих рук, но я удержал, и меч освободился. А раненый берсерк грянулся оземь, заскользил по ледяной каше, разворачиваясь боком, и врезался в ноги сразу обоим поединщикам. Им ничего не стоило бы увернуться... Подпрыгнуть совсем невысоко... Но они как будто не

видели его. Точно так же, как третий не видел меня. Инерция же его была так велика, что и Волк, и Медвежонок полетели наземь... Продолжая обмениваться ударами. Потом как-то так получилось (я не успел увидеть), что они оба оказались без оружия, вцепились друг в друга... Жуткий скрежет зубов – по железу...

К ним бросились люди. Много людей. Они были ужасно медлительны, но их было, действительно, много. Они накрыли берсерков шевелящейся кучей, а потом я увидел, что воины-оборотни – уже порознь.

Харека Волка распластали по земле, давят шестами, он извивается и хрипит. Лицо его полностью залеплено грязью, и потому на этой черной маске особенно ярко выделяется окровавленный разинутый рот...

А на шею Медвежонок наброшена цепь, которую держат аж шестеро, а он ревет и рвется с такой силой, что ноги держащих скользят по снежной каше. Рвется с силой настоящего медведя...

Не знаю, что бы было, если бы я краешком разума не осознал, что моему побратиму ничего не грозит. Наверное, это был бы мой последний день, потому что убийства Хальфдановых хирдманов мне бы не простили.

Но я сдержался, и мир потускнел. Белый Волк покинул меня, и я вернулся в обычную реальность.

Глава тридцать четвертая

Июль

Никто никого не убил. Формальный выигрыш остался за Свартхёвди, поскольку подраненный мной берсерк хотел сыграть на его стороне. Рана оказалась тяжелой. Ногу я ему прорубил основательно. Хорошо, что берсерк. Кровью не истек. Успели обработать и зашить.

То, что кто-то (в том числе и я) сумел вмешаться в ход поединка, это был косяк Хальфдановых хирдманов. Но их никто не упрекнул. Берсерка попробуй перехвати! Да и кто знал, что у него планка упадет.

В общем, конунг вынес такой вердикт: в похищении его дочери Свартхёвди невиновен. Но к ней пусть не суется. А так – полное прощение. Нам всем вновь разрешен доступ ко двору, и мы опять, считай, почтенные гости, а не «коварные даны».

Ну и ладненько.

Это я так считал. Медвежонок был иного мнения, но красть Фрейдис больше не собирался. Он выбрал иную тактику: завоевать расположение ее папы.

Я эту политику в целом одобрял. В целом, потому что завоевать расположение конунга можно, лишь оказав конунгу какую-нибудь серьезную услугу. Например, проблему решить важную, с которой ему самому не управиться.

А какие у конунга-завоевателя проблемы? Вот-вот. Потому-то я и опасался, что мой побратим может с воистину медвежьей простотой попереть на рожон...

Зато к Фрейдис он больше не лез... Блин! Это я как-то неуважительно! Всё-таки братец мой к ней – по-серьезному. Как я – к Гудрун.

Гудрун, надо отметить, брата понимала и одобряла. И тоже опасалась, как бы он не начудил.

Так и шла наша жизнь. Понемногу. Англичанки мои ткали, Гудрун нарабатывала фехтовальные навыки, благо животик ее был пока что практически не заметен. Ну а мы, простые северные воины, предавались обычным развлечениям.

ниям: играм, пирушкам и уходу за оружием. Раза три в неделю посещали «дворец» конунга... Где развлечения были точно такие же. Счастливые норегии вонсю гоняли на лыжах. Причем по таким трассам, что я бы их мастеру спорта по слалому не пожелал. И не убивались они, что характерно.

Так вот незаметненько дожили до последней трети декабря зимнего солнцеворота, и местного главного праздника. Йоля.

Праздновать Йоль мы отправились в Хёдмарк. То есть не то чтобы специально, но Хакон Волк сказал: мы едем туда, потому что там хорошая охота и богатое место.

Дальше, как говорится, труба трубит – вставай на лыжи. Дорогу, естественно, уже накатали. Санний путь был открыт давным-давно.

Ехали с чадами и домочадцами, то бишь с женщинами, службой, запасом выпивки и пищи (это несмотря на то, что все встречные-поперечные обязаны были нас кормить и развлекать), поэтому походный вариант был вполне комфортным. Я взял у Харальда Щита напрокат санки, над санками установили шатер, в шатер сложили припасы, усадили Гудрун и... Надо ли говорить, что существенную часть пути я проводил там?

Я бы и больше проводил, но сама Гудрун любила прокатиться верхом или побегать на лыжах. Кроме того – тренировки. Да и не такая уж холодная здесь зима... Если у тебя есть возможность пару раз в сутки завернуться в меха с любимой женщиной.

Времени хватало на всё, потому что конунг со свитой вели невероятно активный образ жизни. Помимо охоты, осуществляли на жилых территориях суд, а временами – и расправу. К последнему относились очень серьезно и обставляли соответственно. Как небольшой, но жестокий спектакль.

Несколько раз для решения спорных вопросов требовался хольмганг, причем однажды, к моему немалому удивлению, одной из сутяжничествующих сторон выступал сам Хальфдан Черный. Впрочем, удивлялся я недолго. Состязателем с его стороны выступил Хакон Волк, а супротив берсерка у местного жителя, пусть и воина по жизни, было немного шансов. Волк прикончил его на первой же минуте «матча», и спорная территория, какой-то там очередной барсучий луг размером с футбольное поле, отошла к обладателю сотен квадратных километров возделанных и диких земель. В общем, все как и в моем продвинутом будущем. Власть к власти, деньги к деньгам.

Но вернемся к Йолю. У скандинавов по факту два главных сакральных праздника. День летнего солнцестояния. И день солнцестояния зимнего – Йоль.

Медвежонок загодя предвкушал некие оборотнические мистерии. Нет, ничего не рассказывал, только глазами сверкал и облизывался. По-моему, для него даже любимая Фрейдис в преддверии мистерий на второй план отошла.

Гудрун брату завидовала. Она у меня жизнелюбивая, и когда какая-то радость мимо нее – огорчалась совсем по-детски. А я, глядя на нее, вспоминал, что в «моем прошлом» девушки в ее возрасте еще в школе учатся.

Я не завидовал. Йоль – не мой это праздник. И вообще, мне как-то с вестфольдингами – не очень. Притом что на Сёлунде я чувствовал себя прекрасно. И почему так, спрашивается? Там – скандинавы. И тут – такие же. Может, потому, что там я больше с простым свободным народом общался, а здесь ока-

зался в свите конунга. Да еще в статусе начальника среднего уровня.

А вот кто плескался в нашей большой шумной компании, как рыбка в речке, так это мой новоиспеченный хирдман Тьёдар Певец. Сам развлекался и нас с Гудрун время от времени развлекал. Историями о местной аристократии.

Например, однажды он добрых три часа, с частушками и подпевками, рассказывал о том, как ныне покойный единокровный брат и соправитель (при жизни, разумеется) Хальфдана Черного, Олаф, в главную ночь Йоля устраивал специальную пирушку для йотунов, альфов и прочей нечисти, которая в это время могла шариться по земле без всяких ограничений. Но у Олафа с ними проблем не возникало, потому что конунг неплохо владел нужными наречиями. За что и носил прозвище Альва из Гейрстада, то бишь Гейрстадского Эльфа.

Хотя сама по себе тема о раскрытии межмировых врат не была для меня нова. Еще Стенульф в свое время задвигал, что в ночь «между годами» время останавливается, исчезают грани между мирами и ты вполне можешь увидеть у своего костра и Одина, и Локи.

В эту ночь, вернее, в эти ночи, потому что праздник длился несколько суток, случались всякие чудеса. Например, я лично видел в прошлом году «неопалимое» полено. Ну практически неопалимое. Ясеновое полешко, которое подожгли от живого огня щепкой полена прошлогоднего. И горело оно, по моему, суток десять, до самого конца праздника. И при этом от него осталось достаточно, чтобы через год использовать для преемственной растопки. Рунгерд объяснила феномен тем, что полешко якобы является частью Священного Древа, Ясеня Иггдрасиль. Хотя что-то мне подсказывало: дело не только в «священстве», но и в невероятном количестве жидких, твердых и сыпучих приношений, которыми оное полено посыпали.

Короче, Йоль – это бодрячком. Особенно для берсерков. Небось будут голыми по сугробам скакать и сырьем жрать собственноручно пойманную дичь.

А в канун самого праздника, естественно, рассказывали всякие берсеркские истории.

Например, Медвежонок с удовольствием поведал историю Папы-Медведя. А потом, покосившись на меня, историю о том, как я в одиночку порешил личного берсерка Эвара Козлиной Бороды. Эвара-ярла народ знал, поскольку он был здешним, норвежским. И берсерка его тоже знали. Я немного напрягся: вдруг предъявит мне кто-то из берсерковой родни?

Но Медвежонок понимал, что делал. Не было у берсерка в Вестфольде родичей. Пришлым он был, что для берсерка – неудивительно. Очень уж они проблемные.

Что же касается самого Эвара, то за его смерть мы со Свартхёвди ответственности не несли. В таких случаях начинать кровную месть следовало с лидера, то есть с Хрёрека...

Вспомнив о Хрёреке, я опечалился... но куда меньше, чем раньше. Известие о том, что жив Ульфхам Треска, внушило мне надежду...

Пока я печалился, разговор продолжал крутиться в заданной теме. То бишь – убийстве берсерков. Помянули некоего местного конунга по имени Сигурд Олень, сына Хельги Смелого. Этот Олень, по утверждению Хальфдана Черного, еще в детстве прославился берсеркобойством.

– Мне рассказывали, – предался воспоминаниям господин Вестфольда и окрестностей, – что Сигурд еще в пятнадцать лет[199] убил берсерка Хильдибранда. И Сигурд был один, а с Хильдибрандом – его люди.

– Берсерки его и убили, – сообщил отменно информированный Хакон Волк. – Подстерегли его в лесу и убили. Этой осенью.

Хальфдан-конунг удивился. Он не знал.

– Он был хорошим воином, Сигурд Хельгисон, – изрек Черный. – Жаль его.

– Так и есть, – подтвердил Хакон, – очень хорошим!

Сидевший рядом со мной Свартхёвди хмыкнул и вставил свои пять копеек:

– Видать, не настолько хорошим, чтобы не дать себя убить.

Хакон глянул на него укоризненно:

– С Сигурдом было пятеро, – уточнил он. – И он охотился. А с Хаки[200] – тридцать человек. И несмотря на это, Сигурд, как говорят, собственноручно убил семерых, а самого Хаки ранил и отрубил ему кисть левой руки.

– Коли так, то твой Сигурд и впрямь был неплохим воином, – признал Свартхёвди. – Жаль, если его фюльк унаследует убийца.

И посмотрел на Хальфдана.

Хальфдан думал.

– Кажется, у Сигурда был сын... Гудхорм, так его зовут? (Хакон кивнул)... И дочь... не помню...

– Рагнхильд, – сообщил всезнающий Хакон.

– О! – Конунг оживился. – Рагнхильд! Так звали мою жену! Это знак богов!

Черный поставил чашу, запустил пятерню в нечесаную гриву и улучшил кровообращение, поскребши голову. А заодно и моцион насекомым устроил.

Затем превратил мысль в слово и дело:

– Хакон, привези мне эту девушку! Я на ней женюсь.

Отличная идея. Стоит ли уточнять, что жениться конунг желает не столько на девушке, которую ни разу не видел и до сего момента даже о ее существовании – ни сном ни духом, а на земле Хрингарики?

– Мне жаль, конунг, но Рагнхильд забрал себе Хаки, – огорчил Черного Волк. – И еще: он не правит фюльком Хрингарики. Люди Хрингарики не приняли его. Он же – берсерк и люди его – берсерки. Но поместье Сигурда Хаки приказал разграбить, а Гудхорма и Рагнхильд привезти к нему, в Хадаланд.

– Что еще тебе известно? – помрачнел Хальфдан.

– Хаки еще не до конца оправился от ран, которые нанес ему Сигурд. Говорят, он чуть не умер. И поклялся, что Рагнхильд станет его наложницей, как только силы к нему вернуться.

– И как? – заинтересовался Медвежонок. – Вернулись?

– Я об этом не слыхал, – сдержанно ответил Хакон.

– Мы нападём на Хадаланд! – решил конунг. – Убьем Хаки и его людей, и Рагнхильд я возьму в жены.

«И присоединю Хрингарики к своей территории», – мысленно добавил я.

Хотя что в этом плохого? Спасти девушку и ее брата от сумасшедшего берсерка, убившего ее отца? Дело благое, вне всякого сомнения.

– Не стоит этого делать, – возразил Хакон Волк. – Если ты двинешься на Хадаланд с войском, Хаки узнает и уйдет в леса. Там ты можешь их хоть до весны искать – не отыщешь.

– Что предлагаешь? – осведомился конунг.

Хакон потер подбородок:

– Ну... – протянул он. – Небольшой отряд из храбрых воинов мог бы застать их врасплох. Хаки, говорят, еще не оправился от ран... Но среди его людей много берсерков, и остальные тоже недурно владеют железом.

– Я пойду! – влез Медвежонок, заглотивший уже с полведра конунгова пива.

Вот он, шанс оказать услугу конунгу!

– Пойду и убью их всех!

Хальфдан глянул на него... Не без интереса.

– Что ж, – изрек он после короткого размышления. – Пусть так и будет. – Ты пойдешь. И еще – ты, – взгляд конунга обратился к Хакону. – Возьмешь с собой человек тридцать... Сам выберешь. И ты – старший, Волк. Это ясно? – Теперь он глядел уже на Свартхёвди.

Мой побратим фыркнул презрительно. Мотнул головой. Мол, пусть тогда Хакон сам и решает все проблемы.

Но конунг еще не закончил. Он отлично понимал чаяния Медвежонка. И, надо полагать, посчитал, что Хрингарики – неплохой выкуп за строптивую дочь.

– Если я получу Рагнхильд, дочь Сигурда Оленя, – произнес он сурово, – то ты, дан, получишь мою дочь Фрейдис.

– Фрейдис? – Медвежонок мгновенно воспрял. – Ты получишь свою Рагнхильд! Клянусь мошонкой Фрейра! Считаю, что Хаки уже кормит червей!

Я заметил, как переглянулись Хальфдан и его человек. Нехороший такой перегляд. Ну да, конунг-то – стратег лучше меня. Прорва берсерков против моего побратима. И кто сказал, что после их встречи будет кому свататься к дочурке Черного?

Если обмороженный дан полезет в самое пекло да там и падет смертью храбрых, это будет идеально. А уж потом можно спокойно прийти и добить тех, кого не добил Медвежонок. Вот черт! Никуда не хочу ехать. Зима. Мороз. Снег по пояс...

Не хочу, а придется.

Глава тридцать пятая Хаки и его оборотни

Мороз крепчает. Градусов под тридцать, наверное. Но – не холодно. Бег на лыжах по-норвежски отлично согревает.

Еще затемно (что не проблема, потому что дни нынче коротенькие) мы совершили могучий марш-бросок вокруг замерзшего озера, на противоположной стороне которого и располагалась усадьба Хаки. Мы – это Свартхёвди, я, Тьёдар и Хакон Волк с группой поддержки из сотни хирдманов Черного. У Хаки, по нашим сведениям, народу было поменьше, около восьмидесяти бойцов. Но почти половина – воины Одина, то бишь берсерки. Значит, каждого ворога считаем минимум за трех. И при таком раскладе перевес уже на стороне противника. Хотелось бы мне знать, каким образом Хаки, да еще раненый, ухитряется держать в узде столько психов? Ну ничего, скоро узнаю.

Ворота усадьбы открыты. Это плюс. До них от опушки леса – метров пятьдесят. Это минус. Во дворе идет какая-то возня. И собачки там тоже наверняка имеются. А ветер – от нас.

– Я бы со стороны озера зашел, – предлагает Медвежонок.

Он уже не декларирует любимое «Пойду и всех убью!». Это для пира хорошо, а сейчас он трезв и расчетлив.

– Заметят, – говорит кто-то из вестфольдингов. – Это ж берсерки.

– А это – Йоль, – говорит Хакон Волк. Они с Медвежонком понимающе переглядываются. В нашей команде, кроме них, ни одного воина Одина, хотя в войске Хальфдана их целый взвод. Но – не взяли. Из соображений безопасности заложников.

Йоль. Это дает нам шанс, потому что наш праздник кончился... Или прервался позавчера, а у команды Хари он всё еще длится. Следовательно, наши противники должны быть не в лучшей форме. Особенно берсерки.

Только это и греет. Несколько десятков отморозков Одина. Это даже представлять не хочется. Покойный конунг фюлька Хрингарики Сигурд Олень представляется мне таким супертерминатором. Самим Тором Молотобойцем. Убийца берсерков. Это что-то невообразимое. Только теперь до меня доходит, с кем мы будем иметь дело. Накатывает, как лавина. Даже холод перестаю замечать. Целая прорва берсерков! И еще несколько десятков обычных бойцов. Да они нас в блин раскатают! Обстругают на шаурму!

Я бросаю взгляд на Медвежонка. Мой побратим аж светится. Ему сейчас океан – по пояс. Фрейдис! Вот всё, о чем он способен думать.

Но Хакон... Пусть он тоже берсерк, но с мозгами-то у ярла всё в порядке.

– Хакон, как мы будем действовать?

– Убьем всех, – ухмыляется норег. – Кроме детей Сигурда.

А чего я ожидал? Берсерк и есть берсерк. Даже если он – волкоголовый.

– Ты боишься, дан?

– У меня – красивая жена, – говорю я. – Она будет скучать без меня.

– Кто ей помешает взойти на твой костер? – удивляется Хакон Волк.

– Я бы еще пожил в Мидгарде, – говорю я. – Мне тут нравится!

Ржет. Шутка в стиле викингов.

– Думаю, ты еще поживешь, – обещает он.

– Как думаешь, сколько у Хаки детей Одина?

– Дюжины две, – отвечает норег. Спокойно так отвечает.

Вчера в лагерь приволокли какого-то из местных. Допрашивали. Надо полагать, информация – от него.

Две дюжины «оборотней». По моему глубокому убеждению, на всю нашу команду хватило бы одной дюжины. Это если с Хаконем, Свартхёвди и мной, если Волчок соизволит порадовать меня своим обществом. А без нас на нашу команду хватило бы и половины. С лихвой.

Кажется, Хакон угадывает мои мысли.

– Нынче – Йоль, – напоминает он.

Тут я вспоминаю, каким вернулся позавчера со своих сакральных игрищ Медвежонок. Это бодрит. Немного.

Хакон оставляет меня наедине с моими страхами, отходит метров на десять, собирает вокруг себя хольдов. О чем-то с ними шепчется. Надеюсь, у него есть хоть какой-то план...

– Надо посмотреть поближе, – говорит Свартхёвди. – Я пойду?

– Вместе, – отзывается Хакон.

Оборачивается к своим хирдманам. Обмен взглядами. Да, план наверняка есть. Надеюсь, он окажется удачным.

«Оборотни» скидывают лыжи. С опушки – только ползком.

Солнце показалось. Очень удачно. Светит прямо в ворота. наших разведчиков в их белых меховых парках и раньше не было заметно, а теперь и вовсе не разглядишь. И следы – тоже. Снега давно не выпадало, так что девственный покров многократно нарушен. И это хорошо.

Жду в задних рядах. Если народ бросится в атаку, я один фиг там окажусь. В беге, что на лыжах, что без, я – заведомый аутсайдер.

– Хакон зовет, – сообщает Тьёдар Певец.

Сам я – не приглядываюсь. Я уже давно потерял наших берсерков из виду. В очередной раз позавидовать совершенству скандинавских органов чувств не успеваю. Вся сотня вестфольдингов срывается с места и мчит к усадьбе. Я безнадежно отстаю и машу рукой Тьёдари, мол, не жди меня...

Минуты не прошло (я и полпути не одолел), как последний командос Хальфдана вбегает в ворота, на ходу скидывая лыжи в кучу других, уже сброшенных...

Но – тихо. Грозного берсерочьего рева не слышать. Значит, до боевого столкновения дело пока не дошло. И это радует. Неужели удастся взять оборотней врасплох? Раньше, чем они войдут в боевой транс или как там это называется?

Копье цепляет край моей парки, рвет ее, задевает шлем, и я обнаруживаю, что лечу мордой в снег.

Ах ты ж мать их бабушка!

Трое вышли из леса. Выбежали. Один из них и копьё метнул. Хороший бросок шагов с шестидесяти. Я вскакиваю, сбрасываю парку, выпутываю копьё... Трое – бегут. Молча. На меня. На лыжах. Я поспешно освобождаюсь от своих. Прикид у тройки, похоже, охотничий. И откуда они взялись на мою голову?

Взгляд в сторону ворот. Во дворе – мельтешение. Но тихо. Железо не звенит, глотку никто не дерет...

Трое разделяются. Двое мчат к воротам, огибая меня. Третий – по мою душу. Что ж вы, парни, так меня слабо оценили? Хотя, глядя как я бегаю на лыжах... Хуже собственной женушки... Думаете: воин из меня такой же хреновый? И тут вам, мальчики, сюрприз во всю ширину брюшной полости.

Получи, фашист, гранату! Вернее, норег – копьё. В живот. С дистанции десять метров. Увернуться он не успел. На лыжах потому что. И перехватить не успел, потому что нечем. В одной руке – секира, в другой – связка зайцев! Именно ею норег и попытался отбить копьё... Только тушки косых – не щит. Копьё вошло смачно. И тут он, сука такая, заорал. Ну любой бы заорал, получив в органы пищеварения столько острого железа.

Один из огибавших меня лыжников мгновенно вошел в вираж и метнул в меня нож. Я отбил его небрежным взмахом переброшенного из-за спины щита. Глянул через плечо на третьего... Нет, этот направления не изменил. Бежал к воротам.

Значит, поживет чуть дольше.

Ножеметатель налетел на меня, с ходу метнув еще один клиночек и попутно норовя угостить секирой...

Отбив нож, я элегантно развернулся на опорной ноге, пропуская мимо себя и топор, и его хозяина, хлестнул Вдоводелом с поворота. А брони-то на нореге

нет! Тулуп и прочие теплые вещи – это тоже защита, но не от моего клинка. Промчавшись по инерции еще метров десять, норег рухнул в снег и забился в конвульсиях. Готов, голубчик!

И этот, с копьем в животе, тоже кончается. Копье он выдернул, и теперь кровяца хлещет, как из свежесрезанного борова. Вот и славно. Значит, мучиться долго не будет.

И тут со стороны подворья наконец раздался звук, которого я ждал. Если можно назвать звуком совместный рев парочки пикирующих реактивных самолетов. Или толпы берсерков, которых начали убивать.

А убивать их начали грамотно, как я узнал позже.

Хакон и Свартхёвди вошли во двор, совершенно не таясь. А от кого таиться, если там пяток трэлей и несколько женщин? Вошли – и сразу к главному входу. Собаки на них брехнули пару раз... Но рвать чужаков без команды не стали. Здешние собачки запах смазанного жиром боевого железа чувят хорошо и на воинов не кидаются. Которые кидались, те потомства не оставили.

Трэли тоже лишь зыркали на пришельцев, не более. Идут взрослые дяди к господскому дому – значит, так надо. Угроза? Смешно! Там, в доме, – вот настоящая угроза.

Когда внутри хлынула волна убийц, поднимать тревогу было уже некому. Одного раба взяли живьем, узнать, что и кто в доме. Дом же обложили со всех сторон. И главный дом, и флигель, где ночевало десятка два притомившихся воинов Одина.

Входы-выходы во флигель подперли снаружи. Это и был план Хакона Волка, как позже выяснилось. Он не собирался драться с ульфхеднарами Хаки. Он собирался их сжечь.

Но тут снаружи донесся вопль раненного мной норема.

Медлить было нельзя.

Свартхёвди, Хакон и еще пяток вестфольдингов ворвались в покои Хаки, а большая часть хирдманов ринулись в общий зал и принялись рубить всех, кто пытался схватиться за оружие или выглядел опасным.

Десятка полтора бойцов остались снаружи, контролируя выходы-входы и, в первую очередь, флигель с главной ударной силой Хаки. Вот их-то, ударных, дружный хор я и услышал.

Как я позже узнал: заблокировать двери и поджечь строение – это была фирменная фишка Хакона Волка.

Если бы не Йоль, это вряд ли получилось бы. Но после сакральных игрищ воины Одина пребывали в состоянии, близком к постбоевой отключке. И Хакон, надо отдать ему должное, это учел. Потому что – сам такой.

Лишь один берсерк оказался на свободе. Хаки. Лидер. По моим представлениям, он не должен был оказаться слишком трудным противником. Захваченный врасплох, однорукий (шуйцу ему укоротил Сигурд Олень еще в начале осени), не вполне оправившийся от ран... И на него одного – сразу два таких же. Хакон и Свартхёвди. По моим представлениям, они должны были порвать Хаки в считанные секунды...

Не тут-то было. Всё, что они смогли, – кое-как связать Хаки боем и дать возможность остальным бойцам Хальфдана зарубить троих людей Хаки и освободить «заложников», Рагнхильд и Гудхорма Сигурдсона. Но об этом я узнал поз-

же.

А когда я, разобравшись со своими «охотниками», вбежал на подворье, то даже не знал, куда податься. Воинство Хальфдана в моей помощи не нуждалось. Жизнь, вернее, смерть на «главном хуторе» Хадаланда так и кипела.

В длинном доме вовсю шел грабеж, парочку самых упертых, недорезанных бойцов, загнав в угол и прижав, добивали в несколько десятков рук.

Я был лишним на этом празднике. Так что встал посреди подворья и наблюдал.

Флигель уже пылал вовсю, и теперь к реву запертых воинов-безумцев прибавился их же надсадный кашель.

Из покоев Хаки вывели Рагнхильд и Гудхорма, изрядно перепуганных, но не сопротивляющихся.

Рагнхильд сразу сунули внутрь повозки с роскошным верхом – парадного выезда Хаки, надо полагать.

Гудхорму дали лыжи, тулупчик и велели ждать.

Вид у детей Сигурда Оленя был – не очень. Несколько месяцев в окружении головорезов Хари – это не миску ухи выхлебать.

Огонь с флигеля перекинулся на главное здание. но победители уже закончили грабеж и догружали добычу на трофейные повозки.

Только в покоях Хаки еще дрались...

У меня появилось ощущение, что именно меня там не хватает...

Ошибочное, как я понимал. Вмешиваться в поединок трех берсерков, самому оным не будучи (и в отсутствие моего Волка), – весьма опрометчиво.

Но вмешаться было необходимо, потому что еще несколько минут – и огонь доберется до покоев Хаки. Флигель уже полыхал вовсю. Непонятно, как там мог кто-то уцелеть, но несколько глоток продолжали вопить. Поразительная живучесть у этих ульхеднаров!

Но с ними, думаю, всё хорошо. В смысле – всё. Плохо, что пламя перекинулось на длинный дом.

Я бросился внутрь. Споткнулся о труп, закашлялся от дыма... Внутри рубились. Лязг, грохот, рычание... Блин! Два на одного, причем безрукого...

Я сложил руки рупором и заорал во всю глотку:

– Медвежонок! Уходим! Уходим! Фрейдис тебя ждет!

Задохнулся от кашля, горло драло немилосердно. Не видно ни хрена – задымление. Сунуться внутрь? Толку там от меня!

– Свартхёвди! Фрейдис!

И выскочил, потому что хватанул бы дыма еще – мог бы и вырубиться. А они там бьются!

Блин! Что же делать? Сторит же мой побратим ни за хвост собачий!

– Хакон, Хакон! Сюда! – орали Хальфдановы бойцы со льда. Большая часть саней и повозка с шатром уже вовсю катили на ту сторону озера...

Ко мне подскочил Тъёдар. Ухватил за руку:

– Хёвдинг! Пора!

Уже не только дым – огонь добрался до покоев Хаки. А внутри – рубились.

И я совершенно ничего не мог сделать.

Тъёдар чуть ли не силой волок меня к берегу...

Я то и дело оглядывался...

Тъёдар запрыгнул в санную повозку, протянул руку...

И тут я увидел, как из охваченного огнем дома выскочили трое.

Двое проворно бросились к нам, третий – тоже. Но не так быстро, потому что заметно прихрамывал. Этот третий был гол по пояс, и это был сам Хаки. И он безнадежно отставал.

Хакон и Свартхёвди (лица – в копоты, одежда дымится) перевалились через борт телеги.

Наш возница хлестнул лошадок, сани со скрипом тронулись с места, разгоняясь...

Я смотрел на Хаки.

Он больше не бежал. Остановился на берегу озера. За его спиной горела усадьба. Горели его люди, его добро, его жизнь...

Так и со мной случилось недавно. И я тоже тогда был одноруким.

Но я – не сдался. Я дрался и сумел вернуть. Не все. Но главное.

Хаки стоял и смотрел, как мы уходим и увозим все, что у него было, и ему нас не догнать. Я понимал его. Прекрасно понимал. Но я никогда бы не сделал то, что сделал он. Я – воин. Но не берсерк. Меч для меня – не дорога в Асгард, а всего лишь грань, отделяющая живое от мертвого. И я остался. А он – нет.

Он воткнул рукоять меча в сугроб, запрокинул косматую голову, воззвал к Одину... и упал. На меч. И я увидел, как меч этот вышел у него из спины.

– Стой! – крикнул я парню, который правил нашей повозкой.

Тот удивленно посмотрел на меня, но придержал лошадку. Мимо, обогнув нас, прокатились сани, на которые недавно вспрыгнули Хакон и Медвежонок. Оба уже выпали из нашего мира. Лежали рядышком в отрубе. Два берсерка, которые дали деру от третьего. Вот уж никогда бы не подумал.

Я показал на пронзенное мечом тело Хаки и сказал Тъёдару:

– Мы должны его похоронить.

Тот кивнул и прыгнул на лед.

– Ты езжай, – велел я хирдману-вознице. – Мы потом сами...

Мы похоронили Хаки в кургане на берегу. Земля была мерзлой, поэтому трелям, которые повывлезли из щелей, когда всё кончилось, пришлось как следует попотеть. Закончили только к вечеру. А когда вернулись к своим, то обнаружили, что там уже всюю празднуют свадьбу Хальфдана.

Как оказалось, конунг велел ставить столы и созывать гостей, едва увидел по ту сторону озера повозку с цветным шатром.

– В ней – моя невеста! – провозгласил он без тени сомнения. – Свадьба – сегодня!

И понеслась.

Ни Свартхёвди, ни Хакона Волка среди пирующих не было. Но они еще на-верстают. Свадьба конунга – это надолго.

Халфдан был счастлив. О его невесте я этого сказать с уверенностью не мог. По-моему, она сама еще не поняла, что происходит. Девчонка лет пятнадцати или около того, сначала угодившая в лапы свирепейшего из здешних разбойников и три месяца ожидавшая, пока тот оправится от ран, чтобы ее изнасиловать. Причем она была в курсе, какие слухи ходили на этот счет о берсерках вообще и о Хаки – в частности. И, надо полагать, благодарила отца за то, что он, даже умерев, сумел ее защитить, изранив злодея настолько, что тот до конца так и не оправился. Блин! Мне даже представить трудно, каким он был,

этот Хаки, в расцвете сил. И каким был Сигурд Олень, конунг Хрингарики, с которым было всего пятеро, а с Хаки – тридцать, и большинство берсерки. Из коих берсерков Сигурд, если верить сведениям Хакона Волка (а зачем тому врать?), лично убил семерых.

Думая о Сигурде и Хаки, я очень остро ощутил свою несостоятельность. Вроде того, что испытывает салажонок, оказавшийся за одним столом с героями-ветеранами.

Впрочем, и Сигурд, и Хаки мертвы, а мы пока живы. И кровь Сигурда – тоже. Я поглядел на его сына, Гудхорма. С виду – обычный мальчишка. Вроде моего ученика Скиди...

– Что тебя печалит, муж мой? – Гудрун прижалась ко мне, заглянула в глаза. – Радуйся! Это же свадьба! И конунг сказал: он готов отдать Фрейдис нашему брату!

Ну да, Хальфдан был счастлив и щедр. Славная юная жена из лучшего рода и неплохой фюльк в приданое. Никто даже не заикнулся о том, что у Сигурда остался наследник. Больше того, население Хрингарики, не принявшее Хаки, было просто счастливо провозгласить своим конунгом Хальфдана. Ведь о нем говорили: он приносит удачу той земле, которой владеет. Там, где правит Хальфдан, не бывает неурожаев.

Склонен думать, что Хальфдан сам же и распускал такие слухи. Крутейший пиар для нищей и тощей Норвегии.

А вот на меня он, оказывается, обиделся. За то, что я похоронил Хаки. Хальфдану хотелось бы, чтоб тот умер без чести. Человеку, который уже мнил себя конунгом всей Норвегии, не нужны были конкуренты на дороге славы.

Впрочем, обижался конунг недолго. До тех пор, пока не услышал драпу в честь блестящей своей победы над страшным берсерком. И похороны в эту драпу вписались весьма достойно.

Воистину, историю творят не воины, а поэты. Пройдет тысяча лет – и никто не узнает, как было на самом деле. Эффектный вымысел куда более живуч, чем правда[201].

Свадьбу Свартхёвди сыграли две недели спустя. И она блекла на фоне великого праздника «Свадьба конунга», который не только не завершился к этому времени, а еще только-только набрал обороты, потому что именно через неделю начали прибывать наиболее именитые гости.

Но Медвежонок был счастлив. И Гудрун была счастлива. А что еще мне надо? Может быть, чтобы эта зверская полярная зима наконец кончилась?

Глава тридцать шестая **Домой!**

И зима закончилась. И мы отплыли из Ушплёнда. Не попрощавшись с Хальфданом, потому что тот в это время был далеко. Он отправился в Хадаланд укреплять вертикаль власти.

Провожали нас Харальд Щит и еще дюжина местных, с которыми мы успели подружиться.

Вербовать в дружину я никого из норегов не стал. Ограничился уже принесшим мне присягу Дривой, охотником, который сначала намеревался меня прикончить, но потом провел через треть Норвегии и напросился в дренги. С оружием он по-прежнему был не очень. В учебном поединке даже Гудрун еще

месяц назад «убивала» его пять раз из пяти. Ныне этот расклад не изменился бы, но я запретил Гудрун драться. Ее животик уже был заметен, и ей следовало побережиться. Теперь она тренировалась сама с собой. Или со мной, потому что я точно не дам ей пропустить случайный удар.

Поскольку мой хирд ныне пребывал в зародышевом состоянии, на румы Северного Змея, помимо меня, Медвежонка, Тьёдара, Дривы и отца Бернара, сели парни Красного Лиса.

Надо отметить, что они сменили палубу с огромным удовольствием. Еще тот конкурс был. Одна из причин – у меня на борту были женщины. Мои ткачихи-англичанки.

Брать их силой я запретил категорически, только по уговору, если его удастся уговорить... Кое-кому удалось. Видимо, потому, что в этом мире к подобным вещам относятся иначе, чем двенадцатью веками позже. И мораль здесь не христианская, а языческая. Воспользоваться рабыней, если хозяин не возражает, все равно, что пирожок съесть. А если возражает... Можно откупиться. Или умереть, если хозяин решит, что ему нанесена обида. Вот так однажды Медвежонок едва не прикончил одного любвеобильного бонда по имени Тюркир Вшивая Борода.

Но на драккаре такого не случится. Здесь все на виду.

Однако главной причиной, по которой мой драккар для этих парней предпочтительней ирландского «Пса», стал Тьёдар Певец. Скальда чуть ли не силой отгоняли от рума, чтобы тот спел или рассказал что-нибудь занятное. А историй у Тьёдара было – как снежинок на Деде Морозе.

В общем, путешествовали мы весело. И без конфликтов. Сами никого не трогали. И нас никто не трогал. И так продолжалось до самого Хедебю, где мы сделали остановку, чтобы «заправиться», узнать свежие новости.

Я наконец-то получил возможность съездить в усадьбу Хрёрека...

И получил от ворот поворот.

Со мной даже разговаривать не пожелали. Какой-то непредставившийся и очень хмурый родич, увешанный золотыми цацками и оружием, велел мне убираться. Мол, с человеком, который служит Ивару Бескостному, ему говорить не о чем.

Мои попытки доказать, что я – сам по себе, ничего не дали. Я мог бы вызвать его... Но смысл?

Так ничего и не выяснив, я вернулся к нашим...

И узнал новость, которая меня весьма заинтересовала. Мьёр-ярл, та самая сволочь, из-за которой я и угодил во все прошлогодние беды, оказывается, был где-то неподалеку. И прислонялся уже не к Рагнару. Ну не то чтобы он с Лотброком рассорился, не тот у него вес. Но сукин сын сменил лагерь, и теперь он опять – ярл «конунга всех данов».

– Давай его убьем! – немедленно предложил я Медвежонку.

Тот отреагировал вяло. Оказывается, Мьёра в Хедебю нет. И в Дании вроде тоже. Он вместе с главным датским конунгом Хареком отправился на переговоры с германцами. Да и вороны с ним. Еще встретимся!

Медвежонок был добродушен и наслаждался жизнью и молодой женой. Даже возможность кого-нибудь грохнуть или ограбить не вызывала в нем обычного пылкого отклика.

Впрочем, я и сам был таким. У меня была Гудрун, чей животик уже начал

округляться. У меня был корабль, друзья и достаточно позитивное будущее.

И у меня остался еще один шанс узнать правду о Хрёреке Соколе. Нужно лишь посетить уважаемого бонда Ярпа Бобра, приютившего прошлым летом раненого Ульфхама Треску.

* * *

– А это кто? Наложница твоя? У прежнего хозяина купил? Дорого обошлась?

Я еле успел перехватить руку Гудрун. Остановить клинок у самого горла Ярпа. В последнюю долю секунды. И еще через секунду сам Большой Бобер осознал, что могло произойти, и обрел практически мертвенную бледность.

Всё же классно я мою девочку натаскал. Одно движение – и клинок в горле. Ну почти в горле. Наш толстый котик, как говорится, даже мявкнуть не успел.

Свартхёвди заржал. Раз всё закончилось хорошо, то можно и повеселиться. Надо же. Такой здоровенный мужик и так испугался женщины! Беременной женщины.

И вообще, глазенки открытыми держи, богатенький бонд. Привык, блин, что за деньги все можно, и запомню, чем отличается свободная женщина от рабыни?

А вот я не улыбался. Зря ты напомнил мне о том, что было осенью, Ярп.

– А пожалуй, да, купил, – процедил я, слегка нажал на руку Гудрун, «помогая» вернуть меч в ножны. – А заплатил, как у нас принято. Знаешь, Ярп, как у нас, косарей смерти с Сёлунда, платить принято?

Ярп мотнул головой. Румянца на роже поубавилось. Кажется, сообразил, что не Гудрун ему следует сейчас бояться...

– Железом, Ярп, – пояснил я. – Мы за всё платим железную цену. А товар у нас знаешь какой в ходу? У тебя такой тоже есть. Пока что есть. Жизнь. Не хочешь со мной поторговать, Ярп Большой Бобер?

Нас здесь немного. Красный Лис с большей частью хирда задерживаться не стал. Ушел в Роскилле. На Северном Змее осталось десять его бойцов во главе с Грихаром Коротким и наша пятерка. Мужчин. Женщин на кораблях или в бою не считают. Хотя Гудрун, не исключаю, годика через два может стать боевой единицей. В принципе, может. Но пусть сидит дома и занимается ребенком. Война – дело мужчин. Да, нас здесь не очень много, но если мы рассердимся...

Вот этого Ярп точно не хотел.

– Ульф... Мой господин... Я заплачу за обиду. Серебром заплачу...

Я сразу почувствовал неловкость. Не шибко достойное дело для такого, как я, пугать такого, как он.

– Заплатишь. Но не серебром.

Гудрун опустилась на лавку. Расставила ноги. Но рука – на мече.

– Слыхал я: жил у тебя в гостях некий Ульфхам Треска. Хочу знать, Ярп, кто его к тебе привел? Когда? И куда он сам ушел, когда поправился? Хочу знать о нем все, что знаешь ты. Это и будет цена за обиду.

– Не говори ему ничего, отец! Возьми серебром, сёлундец! Золотом возьми!

А вот это уже лишнее. Зачем срывать цепку с такой нежной шейки? А бросать ее в меня – и вовсе неправильно. Я поймал, конечно, но кто ж так с золотом обращается?

– Не говори им, отец! Они его убьют!

Вот это любовь! Вот это я понимаю! Ай да девочка!

– Успокой ее, – попросил я Гудрун. – И побрякушку отдай. Я слово назад не беру.

Гудрун тут же обняла девушку, зашептала ей на ухо...

– Правда? – недоверчиво переспросила влюбленная дочь Большого Бобра.

Но поверила. Гудрун, как мне кажется, моложе ее года на два. Биологически. А вот по жизни – вдвое старше.

– Это разговор долгий, – пробормотал Ярп. – Глотка что-то пересохла... За столом – вернее будет.

Я не возражал. Никто не возражал, включая моих ирландских гребцов.

Тьёдар Певец уселся поближе к хозяину: приготовился запоминать...

Но ничего героического не услышал.

Прошлым летом к берегу Ярпова одаля пристала лодка. В лодке – пятеро. Одного Ярп знал, Оспак по прозвищу Парус, его дальний родич. Пятеро привезли шестого, раненого. Ульфхама. Попросили позаботиться. Ярп пообещал обеспечить уход не хуже, чем за собственным братом. Оставив деньги на «братский уход», пришельцы отправились дальше. В западном направлении.

Обещание Ярп выполнил. Ульфхам поправился. И ушел, забрав с собой сердце Ярповой дочки.

Убедившись, что мы Ульфхаму не враги, Ярп расслабился и попросил передать, что совсем не против видеть такого славного воина зятем. И землицы им выделит, и всем прочим обеспечит.

Я заверил, что передам. Если встречу. Очень на это надеюсь. Значит, и Оспак Парус жив. А остальные?

Ярп охотно описал их, но с упором на одежду и украшения. Было бы лучше, если бы он оружие так подробно описал, но – увы. Впрочем, один из пятерых точно был варягом. Специфические усы Ярп запомнил и отметил особо.

Такие здесь не «носят», значит, есть шанс, что еще кто-то обратит внимание на длинноусого воина. Это – след.

Я попытался сагитировать Медвежонок пустить слух по обширной родне: мол, ищем человека без бороды, но с длинными усами для личной дружеской беседы. Медвежонок отреагировал вяло. Его сейчас больше интересовали личные дела, чем судьба бывших сопалубников.

Утром мы отплыли. Тоже в западном направлении. К Сёлунду. Однако по моему настоянию мы останавливались в каждом более-менее крупном селении, и я принимался за расспросы. Пару раз мне отвечали, что видели воина с длинными усами. Наверное, если бы я спрашивал не об усах, а о «нашивках», указывающих на принадлежность к хирду Хрёрека Сокола, ответов было бы больше, но Свартхёвди, обдумав положение, заявил, что я не должен интересоваться Хрёреком. Если о моем интересе узнают на Сёлунде, это вызовет недовольство Рагнарсонов. Как это так: Ивар оказал мне силовую поддержку, а я выражаю интерес к судьбе врагов его брата? Некрасиво получается.

Когда Медвежонок хочет, он очень убедителен. Так что я ограничился нейтральным «воином с длинными усами».

Проплыли мы и мимо места, где Сигурд Рагнарсон напал на Хрёрека. Ничего интересного. Море и скалы. И подход к берегу скверный. Сплошные отмели и зубья камней. И ни одного селения на несколько миль в округе, так что, если и были свидетели на суше, то отыскать их маловероятно. Будь события по-

свежее, я бы взял лодку и сплавал к берегу в поисках обломков, а заодно и признаков высадки. Может, и нашел бы что-то, но после зимы – вряд ли.

Словом, ничего сколько-нибудь важного не произошло, пока мы не добрались до Оденсе, святилища Одина на острове Фюн. Осенью мы нашли здесь отца Бернара. Здесь же были проданы и другие мои рабы, за исключением женщин-англичанок. И рабы, и свободные, которых сконцы сделали рабами. Таковы издержки здешнего социума. Ты – свободен, пока можешь это доказать. Бережь человека, надеваешь колодки, везешь туда, где никто не знает ни его, ни родственников, – и он уже вещь.

Тот же отец Бернар – тому пример. Хотя сейчас вряд ли кто-то усомнится в его независимом статусе. Одет он теперь как свободный человек. Более того, даже без доспехов в нем легко угадывается воин. И нож на поясе имеется. Лучше бы меч, но от меча монах категорически отказался. Зато тонзуру он больше не выбривает. И кажется, начал понимать: для обращения в истинную веру обращающий должен выглядеть авторитетно. Иначе его никто и слушать не будет.

По прибытии мы, то бишь я, Свартхёвди, Тьёдар и Грихар Короткий, сразу отправились к местному начальству.

Ярл Оденсе и окрестностей Мангхильд Круглая Голова принял нас радушно. Выразил радость, узнав, что я отыскал и отбил свою жену и что Свартхёвди заполучил в супруги дочь конунга. Откуда узнал, интересно? Поздравил нас и пригласил на ужин, намекнув, что совсем не прочь услышать знаменитую Песнь о Волке и Медведе из уст ее автора.

Тьёдар прям-таки расцвел и заверил: да хоть десять раз.

На этой оптимистической ноте я ловко перевел разговор на своих пропавших людишек. Мол, дал обет всех вернуть. И готов платить денежки за помощь. Ярл пообещал. И не обманул. Отыскал многих. Даже моего арендатора Пэра с женой. Я заплатил за них, как обещал, хотя по закону они считались свободными. Заплатил немного, чуть больше марки. Вот за их сына, Льота Рукавичку, молодого и сильного, пришлось бы выложить не меньше двух. И отдал бы с радостью, только Льота убили во время захвата усадьбы.

Увы, вернули не всех. Кого-то уже успели продать на сторону, а моего дивного зодчего Пэррика «повесили на древе» во славу Одина. Беда.

* * *

– Ха! – воскликнула эта сволочь, останавливаясь и глядя на меня в упор. – А я-то думал: ты сдох!

Мьёр-ярл собственной персоной.

И не боится, гадина. Хотя чего ему бояться? Мы – в гостях. Оружие у стенки. И приспешников у него наверняка побольше, чем у меня. Вот и за спиной – шестеро. Один другого нахальней.

– Жив, как видишь, – я изображаю мерзкую ухмылку. – Придется твоему племяннику еще немного подождать. Но не горюй. Никто не вечен. Когда я умру, он будет прислуживать мне с удвоенным старанием.

Свартхёвди гогочет. И поясняет жене:

– Ульф убил сына сестры этого ярла. Правую руку напрочь снес, да, Мьёр? Вместе с оружием. Так и подох. А теперь только в слуги и годится, если ввысь ушел. А то, может, прямо к Хель провалился! Га-га-га!

Лицо сконского ярла каменеет. А ты не хами, дорогой! Тем более, все до по-

следнего слова – правда.

Ярл открывает рот, чтобы сказать что-то нехорошее, но взгляд его падает на татуированные лапы Медвежонка... И Мьёр проглатывает злобный ответ.

– Ты еще пожалеешь, что выжил! – рявкает он, разворачивается и, расталкивая народ, спешит к выходу.

– Он будет мстить! – говорит Гудрун. – Сконцы говорили: Мьёр-ярл подл и хитер, как сам Локи. Тебе следовало бы вызвать его, брат, и убить.

– Надо будет – вызову и убью, – беспечно отвечает Свартхёвди. – А пока будем веселиться! Так, моя радость? – Он обнимает Фрейдис. Та сияет от счастья. Слова Гудрун забыты. А зря. Чувствую – она права. Я бы сам его вызвал, да он ведь – не примет. Выставит бойца, которого и убьешь, невелика радость. Да и повод нужен для вызова. Вот если бы он не сдержался и выплеснул яд – тогда другое дело. А так – за что? Это ведь я его оскорбил по факту. Стенульф говорил: Мьёр любил племянника больше, чем родного сына. А племянник убит. Мной. Причем умер не только без оружия в руке, но и без самой руки. Но вопрос сейчас не в этом. И не в том, будет ли Мьёр-ярл мстить. Ясно, что будет. Но когда? И где?

Позже мы узнали: под командой Мьёра сейчас порядка полусотни бойцов. Не так уж много для ярла такого уровня. Но для нас – более чем достаточно.

А утром Тьёдар Певец углядел знакомца, дренга из Мьёрова хирда. Тот даже не особо скрывался. Сидел на бревнышке у чьего-то корабельного сарая и пялился на нас.

Стоило Медвежонку спрыгнуть на бережок, как соглядатай тут же свалил. Однако можно было не сомневаться: ненадолго.

– Надо уходить! – На этот раз в голосе Свартхёвди сквозило беспокойство. – В Оденсе они нас не тронут. Но по пути к Сёлунду...

– Не уйдем, – подумав, сообщил Грихар Короткий. – У них ходкий драккар. И полных две смены гребцов. – Но ты прав, Свартхёвди Сваресон, здесь он нас не тронет. И это плохо.

– Почему? – спросил кто-то из ирландцев.

– Здесь мы бы с ним разобрались. Мы же под защитой Мангхильда-ярла. Мы же – люди Ивара! Надо быть совсем глупым, чтобы напасть на нас.

Все верно. Значит, нападет уже на море. Вывод?

– Есть идея, – сказал я.

– Ну? – подбодрил Медвежонок.

– Нам нужны попутчики.

– Точно!

Кто бы сомневался? Мысль очевидная.

– Урм Вяленый Бок собирался идти в Роскилле, – припомнил Тьёдар. – На следующей седмице вроде.

– Не скоро, – огорчился Грихар.

– А куда ты спешишь? – поинтересовался Медвежонок. – Боишься, что, пока ты тут девок валяешь, твою жену кто-то обрюхатит?

– Моя жена, Сваресон, это не твоя пасть, куда отливает всякий, кому до ветра сходить лениво!

– Не с твоей отливалкой. Будь я крысой, у меня хвост и то подлинней был бы. И потолще.

– Будь ты крысой, Сваресон, у тебя вообще хвоста не было бы!

– Это почему же? – удивился мой простодушный братец.

– Потому что был бы ты крысиной бабой! Га-га-га! Поле боя осталось за ирландцем. Медвежонок тоже был доволен. Эта пикировка – развлечение. Обмен *дозволенными оскорблениями*. Вот если бы Грихар позволил себе задеть честь присутствующей здесь Фрейдис, тогда дело обернулось бы кровью. Но такое – невозможно. Эти парни очень четко чувствовали границу, которую нельзя переходить. И вовремя подавали назад, если ощущали, что собеседник сейчас задет острым словом за живое. Когда любая настоящая обида заканчивается смертью обиженного или обидчика – это здорово помогает не болтать лишнего. Но с юмором у скандинавов всё хорошо. А местами – чем он тупее, тем лучше.

– В те времена, когда асы еще ходили по земле, как люди, жил на земле герой по имени Сэминг. Одни говорят, что был он сыном Ингви-Фрейра, другие – что самого Одина...

Мне стоило бы слушать Тьёдара внимательней: знание саг, так же, как и стихосложение, входило в обязательный пакет добродетелей викинга, наряду с умениями плавать и пробивать копьём щит с пятнадцати шагов. Но я постоянно отвлекался, потому что на хвосте у нас висел здоровенный драккар. Мьёр-ярл никак не мог с нами расстаться. Так и шел за нами, не отставая, от самого Оденсе. Но нападать не рисковал. Мы были не одни. Северный Змей двигался в составе флотилии из трех кнорров и одного драккара. Последний принадлежал сыну ярла Магхильда. Магхильдсон шел в Роскилле, чтобы вручить свадебный дар одной из дочерей Рагнара.

Один из кнорров тоже принадлежал сыну Магхильда и как раз вез этот свадебный дар. Что именно, я не вникал. Два корабля Магхильдсона, два корабля Урма Вяленого Бока... Если сконский ярл надеялся притопить нас по дороге домой, то его ждал жесточайший облом.

Я перебрался на нос, где сбилась в кучку моя живая собственность: тир и трэли. Тут тоже читалась лекция на религиозную тему. На этот раз – христианская. Отец Бернар наставлял. Глядя на него, было трудно поверить, что перед тобой – смиренный монах. Одет отец Бернар в стандартную экипировку свободного скандинава, а телосложение и рост у него были не хуже, чем у Медвежонка. Бывший шевалье познал психологию северянина. Это крещеный люд был готов ему внимать, независимо от облачения. А вот среднестатистический язычник-скандинав, увидав рясу – да что рясу, любое небогатое одеяние, особенно бесцветное, – тут же преисполнялся спеси и пренебрежения. Примерно так в двадцать первом веке директор банка отнесся бы к узбекке-уборщице, ни с того ни с сего решившей проконсультировать его по поводу фьючерсного контракта на пару миллионов долларов.

Прикинувшись по последней датской моде, отец Бернар мог рассчитывать, что его хотя бы выслушают. Тем более, помимо большого серебряного креста (кресты, кстати, носили многие – чисто как оберег из драгметалла), на его одежде были вышиты разные руны, часть из которых сообщала о том, что он – лекарь.

Это Рунгерд придумала, а я одобрил. Профессия лекаря, по местным понятиям, неразрывно связана с колдовством, так что уважение к французу подня-

лось еще на несколько пунктов.

Формально мужское колдовство понятиями не одобрялось. Мол, женское это дело. Но поскольку самый главный для викингов бог пантеона, Один, был также и главным экспертом в области колдовства, то многие весьма уважаемые головорезы его не только практиковали, но и даже им хвастались. Мол, бойтесь, недруги. Прокляну – трендец вам. И недруги боялись, что характерно.

Увидев меня, отец Бернар тут же переключился с паствы на мою скромную особу. Все с той же целью: принять Святое Крещение. И я задумался. Я ведь дал по факту два обета. Один – официальный гейс: освободить Гудрун, убить Лейфа Весельчака и вернуть домой тех моих домочадцев, кого можно вернуть. Гейс выполнен.

Но был еще один обет, который я дал сам себе.

Я прислушался к тому, что внутри... Ничего не ощутил. Интуиция молчала.

А вот разум беспокоился. Вдруг после Крещения мой Белый Волк от меня отступится? А я ведь очень хорошо отдавал себе отчет, чего я стою как воин. Хороший уровень. Качественный. Но не более. Тот же Мурха Красный Лис, случись нам сойтись в бою, завалит меня с восьмидесятипроцентной вероятностью. Даже какого-нибудь полновесного хольда вроде Гримара Короткой Шеи я могу победить исключительно хитростью. Мой опыт классического фехтования малопригоден против доспешного и оснащенного щитом противника. Знание техник и приемов из обширного мирового арсенала – работает, но не настолько хорошо, чтобы давать абсолютное преимущество. Местные бойцы быстрее, сильнее и решительнее меня, потому что практически всегда готовы обменять свою жизнь на мою. А я – нет.

А уж когда речь идет о поединке с несколькими противниками, о схватке строем на строй, тут у меня вообще нет серьезных шансов. Удар, от которого «средний» боец Тъёдар Певец только крякнет, ломает мне ребро.

Словом, не готов я расстаться с таким «преимуществом», как Белый Волк.

И всё же мысль о Крещении не выходила у меня из головы.

Ладно, придем домой, разберемся.

Глава тридцать седьмая Зеленые леса Сёлунда

И мы пришли домой. Милях в двадцати от входа у Роскилле-фьорд Мьёр-ярл оставил нас в покое. Отвалил и ушел куда-то на север.

«Домой», сделали вывод Грихар и Свартхёвди и посоветовали мне выбросить Мьёра из головы. Так что, посоветовавшись со знающими людьми, я решил рискнуть и в Роскилле-фьорд не заходить, а отправиться домой на собственном корабле. Было немного стрёмно, ведь мы даже ирландцев «лишились», Грихар со своими поплыл в Роскилле.

Однако если идти вдоль берега, не уходя далеко в море, то в случае опасности можно пристать в какой-нибудь приличной бухте. А уж на твердой земле – уверенно рассчитывать на помощь любого сёлундца, буде Мьёр или еще какой-нибудь недоброжелатель тоже рискнет высадиться и напасть на суше.

Мьёр не появился. Другие пираты – тоже. Погода была отличная, ветер попутный, так что получилось не плавание, а увеселительная прогулка. И вообще я люблю весну. Самое лучшее время для меня.

Как приятно вернуться и увидеть дом. Пусть не тот, который когда-то по-

строил для меня Пэррик, а самый обычный длинный дом, из толстых бревен, с крышей, присыпанной свежей землей...

И людей, что вышли нам навстречу. Моих людей. Добровольного трэля Хавчика, моего приемного сына Виги-Вихорька. И Стюрмира с Гуннараром Гагарой. Хавура Младшего, и Юсуфа (он все-таки ухитрился выжить), и даже моего последнего уцелевшего «юнг» Тори... А это еще кто? Неужели Хавгрим Палица? Ну да, личный берсерк покойного Торкеля-ярла собственной персоной.

Тут я немного напрягся...

Но Хавгрим щерился во всю пасть. В хорошем смысле этого слова – и я успокоился. Тем более что у меня рядышком – собственный брат-берсерк.

– Палица!

– Медвежонок!

Два воина Одина обнялись так, что похрустывание берсерковых ребер было слышно за несколько шагов.

Со мной Хавгрим Палица обошелся почтительнее.

Встал шагах в трех, даже как-то пригнулся, чтобы уменьшиться ростом и не нависать.

– Возьмешь ли ты меня в свой хирд, Ульф Вогенсон?

Я покосился на Медвежонка. Побратим энергично закивал.

Но я медлил... Сложный вопрос. Такой воин, как Палица, – это, считай, боевое отделение в одной персоне. Но – берсерк. И можно ли ему верить? Зачем ему такой недоделанный хёвдинг, как я? Кто я такой, чтобы ко мне обученные берсерки простыми хирдманами нанимались? Бойца его уровня тот же Ивар с ходу в элитную часть зачислит.

Хавгрим угадал мои сомнения.

– Стенульф сказал, чтобы я шел к тебе, – пророкотал берсерк.

Это решило дело.

– Беру! – заявил я. – С радостью! Двух долей тебе будет довольно, хольд Хавгрим?

– Угу. – И тут же уточнил деловито: – Лучше – серебром.

– Только после меня! – вмешался Свартхёвди.

Я оставил их обсуждать подробности будущих побед и помог Гудрун спуститься по сходням. Всё же женушка моя – примерно на седьмом месяце. Прыгать и падать – не рекомендуется.

* * *

Три дня мы пировали в свежестроенном подворье. Хавчик – хозяйственный гений. Мало того что организовал строительство, так еще и припасов накопил. Правда, деньги у него были и Рунгерд помогала, когда надо было с работниками договариваться. Участие «патентованной» колдуньи – это минимум двадцатипроцентная скидка по тарифу.

Разобравшись с хозяйством и уполовинив запасы пива, мы отправились к одалу Медвежонка. Я прихватил с собой Вихорька. Паренек за зиму подрос еще на пяток сантиметров и подкачался так, что мог бы без проблем надеть мои собственные доспехи. Сели бы, как родные.

Мой настоящий, не приемный сын, Хельги, тоже подрос. И даже заговорил. На второй день назвал меня папой. По-датски, разумеется. Но разницы никакой.

А на третий день подъехал Скиди с супругой и младенчиком...

Короче, вместо пары дней мы провели в гостях у тещи целую неделю. И уехали только потому, что дома тоже дел было невпроворот. А еще надо было в Роскилле съездить в самое ближайшее время. Отчитаться перед Иваром. И отблагодарить. Помог-то он мне бесплатно. Типа, по обязательствам ответил. Но отблагодарить – положено. Тем более что я ему, действительно, по жизни обязан. Без его людей не видать бы мне Гудрун. И никому не видать, потому что зарезала бы она Лейфа, как пить дать. И убили бы ее потом со стопроцентной гарантией. Вот такие пирожки с брусникой.

– Дочь моя, тебе нужен очистительный обряд.

Я прислушался. Без стеснения. Если бы разговор не предназначался для моих ушей, то вели бы его не за общим столом.

– Ты убивала.

Гудрун улыбнулась. Очень миленько. Сначала – маме, потом, увидев, что я слушаю, – мне.

– Ты убивала *неправильно*.

– Мой муж научил меня убивать правильно, – еще одна милая улыбка.

Рунгерд глянула в мою сторону...

– Твой муж не знает того, что знаю я. И я вижу недоброе. Боги гневаются.

Она говорила очень спокойно, но Гудрун всё равно рассердилась.

– Боги позволили Лейфу нарушить клятву! – Ее личико порозовело. – Он вышел из закона богов!

– И он мертв. Я говорю о других!

– Мать права! – вмешался Медвежонок. – Если Ульф учит тебя убивать, его дело. Он – твой муж. Но очиститься тебе надо! Ульф, скажи ей! Ты – знаешь!

Ну да, не так уж давно я тоже «нуждался в очищении». Никогда не забуду, как меня «божественным электричеством» долбануло. Хотя сам виноват. Не надо было за копьё хвататься...

Теперь все трое смотрели на меня. Я – глава семьи. Мне решать.

– Мы все уважаем Гудрун за то, что она сохранила себя и твоего ребенка, – подчеркнуто спокойным голосом произнесла Рунгерд. – Но ее надо очистить, ведь порча может коснуться и ребенка тоже. Жрец не нужен. Я сделаю всё, что требуется.

Конечно, она сделает. Кто бы сомневался?

– Ребенок не пострадает?

– Ребенок пострадает, если не провести обряд. Поверь мне, Ульф! Я – вижу.

– Провести когда? Сейчас?

– До родов еще два месяца, не меньше. Но у меня дурное предчувствие. Откладывать не стоит.

– Сколько времени это займет?

– Три-четыре дня.

Это много. Мне надо домой. А потом – в Роскилле. Оставить Гудрун здесь?

Я поймал умоляющий взгляд... Нет, не оставлю.

– Сделаем так, – вмешался Медвежонок. – Через четыре дня я приеду за тобой и сестренкой. Мы привезем ее сюда, а сами мы пойдем в Роскилле.

Годный вариант.

– Так и сделаем. Гудрун останется здесь, а мы отправимся говорить с Иваром.

– Не мы, а ты! С Иваром сам будешь говорить, – поморщился Свартхёвди. – Когда он на меня глядит, кажется, что змея заползла мне в брюхо. А я поищу пополнение для хирда. Маловато нас даже для невеликого драккара.

– Как скажешь, – согласился я. – Только на этот раз – никаких юных сыновей бондов!

Дома всюду шли работы по подготовке Северного Змея к походу. Руководил Хавгрим Палица как старший по званию. Впрочем, любой заслуженный викинг в подготовке корабля к вику – эксперт. Кроме меня. Так что я с удовольствием от дела отстранился и занялся более привычными вещами. Например, укреплением ворот. На мой взгляд, это было самое слабое место моей изгороди, а, учитывая прошлогодний опыт, слабых мест быть не должно. Правда, тогда врагов попросту впустили внутрь, но это не повод, чтобы не сделать ворота более неприступными.

Сама изгородь представляла собой плотно подогнанный частокол из бревнышек где-то полуметровой толщины, глубоко вкопанных в землю, изнутри сшитых брусом и снабженных помостом для защитников. На Роскилле лес не экономили. Не Норвегия, чай. Древесина в избытке. Словом, бревна были подходящие и снаружи снабжены противопожарным покрытием – веществом, похожим на засохшую известь.

Новые ворота собрали за день. Дубовые. Повесили на новые петли. Качественно получилось. Еще и железом укрепили с обеих сторон. Вышло не хуже тех врат, что были в усадьбе Торкеля-ярла, которую мы захватили и обороняли прошлой осенью.

Я даже личную смекалку применил: велел поставить на один из опорных столбов поворотную штангу с крюком. Очень удобная штука, если надо, к примеру, не особо высовываясь, сполоснуть штурмующих кипятком.

Как в воду глядел, однако.

Хотя никаких дурных предчувствий у меня в тот момент не было. Наоборот: полное ощущение того, что жизнь прекрасна. Гудрун, еще более похорошевшая (хотя казалось – куда уж прекрасней) от будущего материнства, – рядышком. Вокруг – друзья-соратники, могучие и надежные. Стюрмир, Гуннар Гагара, Юсуф... Сынок приемный, Вихорёк-Виги... Хавгрим Палица, на которого только глянешь, и сразу радостно, что он – на твоей стороне, а не на противоположной. Привычные лица домочадцев, хитрая рожа незаменимого Хавчика...

И дух свежего дерева, нового дома, еще не прокоптившегося как следует, не пропитавшегося дымом холодных зим. Вот когда заценишь природу Сёлунда: леса его замечательные. Дубы, буки...

А еще – свежесваренное пиво, «фирменное от Гудрун», свежая же рыбка, жаренные целиком поросята...

И собственный скальд, причем не из последних...

Сегодня он поведал нам историю о том, как заработали свое родовое проклятие Инглинги, величайший скандинавский род, происходящий то ли от бога Фрейра, что прозвище было – Ингви, то ли от самого Одина, я толком не разобрал.

История, кстати, типичная. И не только для данного мира. Деньги и жен-

щины – вот причина всех раздоров.

Началось с того, что некто Висбур взял в жены дочь некоего Ауди Богатого (имя не имеет ничего общего с автомобилем аналогичной марки) и заполучил в приданое три больших поместья и здоровенный кусок золота – шейную гривну. Поначалу в семействе все было гладко: два сына родились, как-никак. И тут Висбур влюбился, отправил жену вместе с сыновьями к родителям, а себе взял новую. Собственно, всё в рамках закона. Кроме одного. Приданое следовало вернуть. Висбур это правило нарушил. Более того, когда сыновья подросли и явились за венком, зажатым папашей, тот отправил их восвояси. И им ничего не оставалось, как прибегнуть к колдовству. Женскому. Они попросили колдунью сделать так, чтобы нечестное золото стало гибелью для лучшего человека в роде отца.

А также позволить им самим совершить отцеубийство.

Это ведь такое дело, очень личное. Без помощи потусторонних сил – никак.

Колдунья согласилась и даже пообещала «перевыполнить план». Отныне убийство родича в роду Инглингов станет традицией.

Благодарные сыновья согласились на поправку. Собрали людей, окружили дом подлого папочки и подожгли.

*В пламени Висбур сгорел,
С ним никто не уцелел.
Дети в дом впустили к тятю
Страшного лесного татю.
Пышет жаром родич бури,
Пожирая плоть Висбура...*

Примерно так эта славная история выглядела в исполнении Тъёдара, вот только любимых скальдами сравнений, метафор и иносказаний было куда больше.

Впрочем, проклятие не помешало роду Инглингов порождать всё новых и новых конунгов. У каждого уважаемого человека должен храниться в шкафу свой персональный скелет...

Ужин затянулся. Спать мы с Гудрун удалились лишь существенно позже полуночи.

Легли рядышком, прижались друг к другу, и не надо нам было больше ничего, только чувствовать друг друга и ту нашу общую жизнь, что стучалась изнутри в животик Гудрун, напоминая о своем, теперь уже довольно скором, появлении на свет.

– Забыла тебе сказать, – уже засыпая, пробормотала моя ладушка. – Вчера на Птичьей отмели видели чужую лодку...

Глава тридцать восьмая **Набег**

– Дракон!!!
Пронзительный вопль разбудил меня.

Среагировал я скорее на интонацию, чем на смысл. Вывернулся из-под руки Гудрун, сцапал Вдоводел, голый промчался сквозь длинный зал, перепрыгивая через спящих и просыпающихся, босиком пробежал через двор, перепрыгивая через лужи и прочее, с ходу вскочил на стену, туда, где маячил в

утренних сумерках человеческий силуэт...

– Я, ить, коровок подоить шел, – со страху перейдя на свой родной, английский, сообщил трэль, поднявший крик. – Глядь, а он – вот он!

Так и есть. Дракон. То есть драккар. Размер немаленький. Покрупней моего Змея раза в полтора примерно. Подробнее не разглядеть. Смутные очертания в серой рассветной дымке то и дело скрадываются клочьями тумана... Драккар идет тихо-тихо. Друзья не приходят так. И в это время суток. Кстати, о времени. Минут десять – пятнадцать у нас имеется, даже если на корабле услышали вопли раба. Или больше. Если бы услышали, не продолжали бы красться... Хотя, если услышали, так им и спешить некуда. Врасплох уже не получится.

По-любому, времени в обрез. Я опрометью бросился в дом:

– Подъем! Всем! Живо! Враг у ворот!

Ишь как засуетились. Но – хаотично. Моя недоработка. Не отработывал дома команду «Рота, подъем!». В походе – другое дело. Там все знают, что делать по тревоге, а дома расслабились. Я расслабился! Сёлунд. Дом. Рагнар. Все боятся. Даже Мьёр-ярл в виду Роскилле-фьорда отвалил восвояси.

Недоработка. Один раз уже не побоялись. Правда, в итоге налет оказался провокацией. Но дорожка – натоптана.

Почему бы не повторить?

Впрочем, с моими немногочисленными хирдманами команду «подъем» можно не отработывать. Пара минут – и вот они, доспешные и оружные. Собрались быстрее, чем я.

Стюрмир, Гуннар Гагара, Хавгрим Палица, Хавур Младший, Юсуф, Тьёдар с Дриной, Вихорёк, Тори... И моя любушка Гудрун! Тоже в доспехах, только ремешки висят. Животик не поместился.

– Гудрун! Ты остаешься дома! – заявил я самым строгим голосом, на который способен.

Кивок. Прямо противоречить мужу здесь не принято.

– За женщинами присмотри.

Еще один кивок.

– Кипяток!

Третьего кивка не последовало. Кликнула рабов, и те с ходу занялись печью.

Так. Теперь мужчины. Чадь моя свободная и подневольная. Рожи озабоченные, похватили кто что.

– Отец Бернар! – окликнул я монаха. – Займись тут.

Проку от ополчения немного. Ставить их на стены нельзя, кроме двоих: Пэра и кузнеца. Этих – можно. Остальные на вспомогательные работы. Стрелы подавать, копыя, кипяточек, когда подоспеет. Хоть какую пользу принесут.

Кого же принесла нелегкая, думал я. Хотя уже догадывался – кого. Кровная месть – это, блин, посерьезнее, чем жизнью рискнуть. Зря я его дразнил, наверное. Нет, хреновый из меня викинг. Язык – как помело...

– Хавчик! Знак: «На нас напали!»

Расторопный трэль тут же умчался.

– Никак сам Мьёр-ярл пожаловал! – пробасил Хавгрим Палица, которому ни туман, ни сумерки не помеха. Глазастый. – И с ним десятков шесть, похоже.

Спокоен Хавгрим. Страха – ноль. Хотя откуда страх? Он же берсерк.

– Выходит, не простил тебе убитого племянника Мьёр, – констатировал Палица. – Пришел твою кровь взять.

– Упорный, – пробормотал я. – От самого Оденсе за нами тащился...

Хавгрим метнул в мою сторону быстрый неодобрительный взгляд. Вслух – ничего, но и так понятно. Мог бы и сказать. Хавгрим с Мьёром знаком не шапочно. Они с Торкелем, которому служил Палица, были вроде как соседи и союзники... Пока один другого не схавал.

Сконцы высаживались на берег. Они не спешили. Куда торопиться? Если над забором головы в шлемах торчат, значит, мы уже в курсе.

Я оглянулся. Хавчик дело знает. Над подворьем поднимался столб черного дыма. Когда рассветет, сигнал будет виден на много километров. И подмога не замедлит. Хоть и проредил наш рейд на Сконе ряды моих соседей, но осталось кому копье взять. Уверен, что среагируют быстро. Но расстояния здесь меряются милями, а не метрами, так что поспеют не сразу. Часика три минимум, а то и четыре. Продержимся ли мы столько ввосьмером – против шести десятков нехороших парней? Пятидесяти восьми, если быть точным. И еще с полдюжины вижу, они осталось при драккаре. Не стал Мьёр всех сразу задействовать. Знает, сучий сын, что нас – всего ничего.

Эх, Медвежонка бы сюда! Он один десятерых стоит. Хотя у меня и сейчас есть берсерк.

Я покосился на Хавгрима. Спокоен, как слон на выпасе.

Сконцы возились на берегу. А что это у нас? Никак бревнышко. Ворота мои свежешепешенные вышибать. Ну-ну... Хотя добавить прочности не помешает.

– Стюрмир! – рявкнул я. – Ворота укрепить!

Молодец я – с воротами. Качественные. Железные петли на опорных столбах в хват толщиной. Поперечины, железная прошивка.

Но лишних предосторожностей не бывает. Укрепить – надо. Технология отработана. Стюрмир при участии Хавчика мигом организовал трэлей. Пока сконцы разгружались и строились, ворота уже крепили балками (жаль строительную древесину, да выбора нет) и подогнали две телеги, сняли с колес. Поставить впритык к створкам, засыпать песком...

Как раз управились, когда вороги закончили приготовления и бодрым шагом двинулись к нам.

– Хёвдинг, можно?

Юсуф. С луком. Мой последний мастер-стрелок. Счастье, что он – выжил. Шансов было немного.

Я кивнул.

Звонкий щелчок тетивы... И один из сконцев выронил копье, схлопотав стрелу в плечо.

– Отличный выстрел!

– Я целил в ярла, – огорченно сообщил Юсуф.

И метнул вторую стрелу... Которую ярл без труда поймал щитом.

Да, один стрелок – это не команда. Сейчас бы залп в дюжину луков...

Однако наглости у сконцев поубавилось. С рыси на шаг перешли, сомкнулись щит к щиту и дальше – со всей осторожностью.

Следующий выстрел – уже метров с семидесяти. Одному из сконцев прошило ступню. Он вскрикнул, опустил щит на пару ладоней... И вторая стрела про-

била шею его соседу. А третья угодила в бедро еще одному сконцу.

Мьёр-ярл завопил, и брешь закрылась.

Юсуф сиял.

Я тоже взялся за лук. Стрелок из меня – не арабу чета. А с англичанами покойными я даже конкурировать не пытался. Но с сорока метров в бычий глаз попадаю. Факт.

Сконцы двигались к усадьбе. Медленно. Очень медленно. Но ошибок больше не допускали. Щиты внахлест. Сверху – тоже. Прямо-таки древнеримская «черепашка», только чешуи другой формы и поменьше скутумов.

За сплоченной кучкой волоклось бревно. Таран.

Справа от меня, хекнув, метнул копьё Стюрмир.

Копьё прошило щит... Но и только. Никто не упал, брешь не открылась.

Пятьдесят шагов... Я замер с луком в руках... То же – Юсуф, Дрива, Вихорёк и Тори. Остальные пятеро – со швырковыми копьями.

Сейчас бы – в переговоры вступить, потянуть время...

Не будет переговоров.

Мьёру, надо полагать, известно, сколько нас по эту сторону забора.

О чем можно договариваться с покойниками?

Нет, мужик! Мы еще потрепыхаемся. Мой здешний лозунг: пока ты жив – ты не побежден! Или как у Сун-Цзы. «В местности смерти – сражайся!»[202]

Сконцы приближались. Щитовая «черепашка» еле ползла. Я знал, как это делается: короткий шажок левой, подтянуть правую, еще шажок... Главное, все – разом.

– Ждем! – рыкнул я, потому что знал, что сейчас будет. Оглянулся... Двор пуст. Вся моя челядь укрылась или держалась поближе к забору. И это правильно.

«Черепашка» двигалась. В привычном ритме. Удар сердца – шажок. Удар сердца – остановка. Тридцать шагов...

Мы все – викинги. Поэтому оружие, техника боя и подготовка у нас примерно одинаковые. У данов, свеев и норегов, у сконцев, фризов и вестфольдингов. Мое тактическое преимущество в этом мире – непредсказуемость. В определенных пределах. У Мьёра-ярла и его людей этого преимущества нет.

Стоило «черепашке» выйти на эффективную дистанцию и задержаться на полсекунды дольше – я рывкнул во всю глотку:

– Бей!

Полсекунды. Ровно столько, сколько потребовалось сконцам, чтобы раздвинуть щиты и замахнуться. Полсекунды опережения: наши копья и стрелы уже летят во вскрывшийся строй. Копья летят, а метатели уже присели, укрывшись за бревнами забора.

Швырковое копьё разнесло верхушку столба в дециметре от моей головы. Оторванная щепка щелкнула по шлему... Снизу кто-то вскрикнул... Разбираться было некогда.

– Бей!

Мои резко распрямились, и – новый смешанный залп.

Я успел зафиксировать толпу у ворот и с полдюжины тел – на земле. И – сразу два копья, летящих в меня.

Перехватывать не стал. Просто присел обратно.

– Сменить позицию!

Бахнул таран. Створки жалобно крякнули...

Эх, сейчас бы смолы горяченькой... Или кипяточку. Знать бы заранее...

Рядом Стюрмир приподнял край щита... И его тут же расщепило сразу двумя копьями.

Группа прикрытия не дремала. Многократное превосходство в количестве. Если они прорвутся на подворье – будет бойня.

Таран бухал, створки трещали...

Мы постреливали. Время от времени. Без явного результата. В нас бросали копьё. Тоже без ущерба. Врагов это не огорчало. Выбить ворота – вопрос времени.

Сконцы держались кучно. Зайти с тыла вроде не пытались. Тоже разумно. Да, их намного больше и стены у нас – вполне доступной высоты. Но на стены строем не лазают. Так что потери неизбежны. К чему рисковать, когда через некоторое время можно кучно войти в выбитые ворота.

Тем не менее я отправил пару наблюдателей из дворни на противоположную сторону ограды. Полезет кто с тыла – предупредят.

Кто-то дернул меня за ногу. Хавчик.

О! Молодцом у меня раб! Кипяточек!

– Гронир! Гуннар! Хавгрим!

Нужны самые здоровые, потому что котелок – тяжеленький. А технология – простая: цепляем на крюк, разворачиваем... И переворачиваем!

Вопль по ту сторону ворот показал: удачно получилось. И долбить прекратили.

Наступила относительная тишина. Наблюдаю сквозь щелку. Отодвинулись сконцы. Не отошли, а именно отодвинулись. У многих – швырковые копьё наготове. Высунешься – схлопочешь.

Это примерно половина. А вторая двинула к драккару. Я даже догадывался, зачем.

Но по-любому пауза нам на руку. Так, котел обратно... За новой порцией.

Сконцы возились почти час. Собирали уже знакомую мне конструкцию: крытый сарай для тарана. И сам таран тоже «модернизировали». Боевой конец бревна украсился острой железкой.

Наверняка Мьёр-ярл знал, что ему следует поспешить. Но не хотел терять людей. Люди для ярла – это главное. Нет хирдманов – нет хирда. Я это отлично понимал. Будь со мной парни, погибшие на Сконе, я б этому мстителю уже дал просрать!

Так, двинулись. Что-то я самого Мьёра не вижу? На драккаре остался или подранили?

Я подождал, наблюдая сквозь миллиметровую щелочку, пока «сарай» приблизится, поднялся, выстрелил навскидку и тут же присел, не отслеживая результата.

Но общая картинка отпечаталась в мозгу и... Стоп! Куда это мы бежим? Хотя понятно куда. Решили всё же – в обход. Ну флаг вам в зубы и свисток с противоположной стороны.

– Гуннар! Хавур! Вы – налево, я – направо! Дрива – со мной! Вихорёк – мухой на крышу!

Сунул лук в налуч, схватил щит, спрыгнул и припустил вдоль забора, слы-

ша как топочет за мной Дрива Ходок. А я предпочел бы слышать тех, кто топочет по *ту сторону забора*...

Волк, мой Волк, где ты? Скоро ты мне понадобишься!

Но не сейчас! Я перемахнул через роющуюся в земле свинью. Трэли, блин, бездельники, бросили скотину во дворе...

...И сразу два сконца спрыгнули чуть ли не мне на голову. Удачно получилось! Прыгнули вслепую. Один еще летел, когда я вскрыл его Вдоводелом. Вторым швырнул в меня щит... Дикий визг за спиной. Не оборачиваться! Сначала ты, голубчик! Кровь забрызгала мне лицо... Разворот. Молодцом Дрива. Один сконец корчится с копьём в животе, второго норег «держит» вполне прилично. Но здесь – поле смерти, а не поле чести. Удар со спины – наилучший. Укол в шею сконца ниже края шлема. Минус три. Вот так! Это не строем давить! Это – фехтование!

Я отбил топор, предназначенный Дриве:

– Не зевай, дренг!

И с яростным воплем устремился на того, кто метнул топор. Храбрый паренек оказался. Но – неумелый. Минус четыре. Взгляд наверх: Вихорёк уже пляшет на крыше... Послал стрелу куда-то в сторону хлева, увернулся от брошенного снизу копья. Так, это уже – со двора. Как бы в дом не прорвались, мелькнула мысль. Но думать некогда. Прикинув местоположение копьёметателя, помчался туда... Вот ты где, гад! Затихарился, не хочет под Вихорькову стрелу... Получай тогда привет от тяжелого вооружения! Минус пять...

Поймал движение на периферии зрения, крутнулся на месте. Не успел. Потому что успел Дрива. Недурно норег с копьём управляет. Любо-дорого! С таким и на кабана не страшно пойти!

Взгляд в сторону ворот! Блин, никого. Все разбежались защищать периметр. Остался один Юсуф, да и тот стрелы мечет не наружу, а внутрь.

Бегом туда. Как раз и новый кипяточек подоспел. Пролетит ведь по навесу, блин! Бесполезно. А сконцы долбят самозабвенно. Только треск идет.

Взгляд упал на торчавшую в бревне секиру.

А это мысль! Схватил и рубанул по моему замечательному поворотному рычагу.

Бабах! Не кипяточек пролился: рухнул котел целиком. Пятиведерный. С двух метров!

И крыше в таранной сараюшке – кирдык.

И радующие сердце пронзительные вопли.

– Юсуф! – заорал я и метнул топорик в показавшегося над оградой сконца. Еще один – в минус. Только он не один. Гуртом полезли.

Араб вмиг сообразил, что требуется. Развернулся и успел раза три стрельнуть, пока «группа прикрытия» отреагировала... Ах ты! Что ж ты так, Юсуф!

Не успел он присесть вовремя. Швырковое копьё – навывлет. Доспех и тело насквозь... Прощай, брат!

В ворота опять ударили. Хрен с ними! Вот там кто-то опять лезет... Одного сшиб Вихорёк... Нет, не сшиб. Вскочил. Вторым размахнулся – метнуть копьё в Вихорька... И тут на сконца наскочил Тори. Ударил щитом, сбил бросок... И первый рубанул паренька секирой по шее. Кровь – фонтаном!

Ворота трещат. Еще двое перемахнули через частокол. Это – просто. Закинул «кошку», взбежал...

Мне до них не добраться. Лук не знаю где.

Еще двое соскочили – и сразу растаскивать наши телеги у ворот. А снаружи лупят...

И еще четверо бегут к дому... Блин! Как же их много! Я даже растерялся на мгновение. Хотелось – защищать вход, но там как раз нормально все. Гуннар с Тъёдаром. Щит к щиту. Во втором ряду – Дрива и Хавур. А где Хавгрим Палица? А, вот он стоит. Один. Взгляд – бессмысленный, покачивается как маятник. Сейчас «перекинется»...

В меня летит копьё. Перехватываю, но «возвращаю» не метателю, а одному из тех, кто пытается освободить ворота. Попал ему в бедро. Качественно. Упал. Воет.

Большая часть врагов все еще снаружи. Не понимаю. Стены сейчас практически без защиты. И ярла что-то не вижу. Где эта сволочь? Неужели и впрямь подбили во время первой атаки?

– Мьёр! – реву я что было мочи. – Мьёр, мать твоя паршивая сука! Где ты? Иди сюда! Я тебя убью!

Не отзывается. Может, не слышит. В таком-то шуме. Грохот, вопли, лязг, вой... Но громче всех визжит свинья, которой кто-то перебил спину.

Во дворе уже десятка полтора сконцев. Четверо оттаскивают повозки от ворот. Двое их прикрывают. От меня. «Держат» меня под контролем. Спрыгну – сразу примут. И остальные – присоединятся. Одному против шестерых в такой позиции – никак. Разве что Волчок придет. Еще четверо теснятся у входа в дом. Внутрь не лезут. Осторожничают. Нет, просто сдерживают. Двое полезли на крышу. Там Вихорёк... Ладно, плевать на ворота. Все равно взломают. Да и не нужны они. Одному мне весь частокол не удержать однозначно.

– Вихорёк! – ору я и показываю мечом. Мой приемный сын разворачивается и с двух шагов всаживает в глаз сконца стрелу.

Во второго швыряет лук. Тот отбивает щитом, но Вихорёк успевает сдернуть со спины щит, принять первый удар, пропустив врага мимо себя, и в лучших традициях айдзюцу, выхватывая из ножен меч на том же движении, нисходящим хлестом рассекает сконцу ногу в подколенном сгибе. Добить не успевает. Скопец, потеряв равновесие, летит с крыши... И Вихорёк, вбросив меч в ножны, снова подхватывает лук. Нет, классный у меня сынок растет!

Порадоваться я не успеваю. Ворота распахиваются, и во двор вливается основная масса сконцев.

Валят почти без строя, гурьбой. Сразу к дому... Не меньше трех десятков! Мьёр, собака бешеная! Ты где? Не вижу!

Яростный рык! Ах какой знакомый звук. Жаль только, что это не Медвежонок. Хавгрим!

– Берсерк! – вдруг вопит кто-то...

Все. Остановились. Толпа в считанные мгновения превращается в строй.

Ах как жаль! Хуже нет, когда берсерк орудует *внутри* боевой группы. Достать его практически невозможно, потому что он втрое быстрее и удары по касательной ему – по фиг. Чистая мясорубка получается. А строем – можно удержать. Особенно если лучников подключить... Но лучников у сконцев, похоже, нет. Обидно, что и у нас – только один. Вихорёк. И позиция у него теперь невыгодная. Те, кто у дверей, практически в мертвой зоне. Те, кто против Хавгрима, – в плотном строю.

А что Хавгрим? Хавгрим... О!!!

Кажется, это весло от драккара. Сломанное. В смысле лопасть сломана... Берсерк швырнул меч во врагов, схватил этот... инструмент, раскрутил со страшной силой... И обрушил на оцетинившийся копьями строй.

Я такого раньше никогда не видел. Словно великан дубиной ударил. Два щита – в щепы. Один сконец отлетел куклой, у второго сломана рука...

Но сконцы тут же сомнулись. Метнули копьа... Хавгрим отмахнулся, но пачка всё же попала. Не воткнулись, но отбросили берсерка на пару шагов.

Ах какой он красивый, Хавгрим! Так и сияет! А, это ты, Волчок! Привет, зверушка! Самое время... Брату по оружию пособить. Мир вспыхнул и наполнился счастьем.

А вот перехватывать меня не стоит! Больно это! Я швырнул щит в набегающего сконца. Зачем мне щит? Он такой неуклюжий, не то что клинок! Все вокруг стали неуклюжими! Кроме одного парня с веслом. Этот двигался нормально... И однажды мы с ним – не закончили. Вот с ним бы скрестить оружие! Но меч против весла – как-то... неправильно. Мы с Вдоводелом это понимали.

Я рисовал. Самым кончиком меча. Быстрыми легкими штрихами. Алые брызги такие красивые, когда взлетают вверх...

Кажется, я пел. И Белый Волк пел со мной. Он метался между медлительными человеками, подпрыгивал вверх, отталкиваясь всеми четырьмя... Он ликовал вместе со мной...

Как и раньше, все кончилось внезапно. Мир погас, краски потускнели. Еще падали те, кого я зацепил последними, но вокруг меня уже замыкалась стена щитов, и не было ни сил, ни быстроты, чтобы вырваться из этого круга...

Но у меня не было выхода, и потому я сделал то, чего никогда не сделал бы раньше: метнул Вдоводел в бородатое лицо первого же копейщика, перехватил его копейное древко у самого острия, вырвал оружие и сделал-таки... Прыжок лосося. Косо-криво. И упал хоть и на ноги, но равновесия всё равно не удержал. Зато копьё не упустил и снизу ткнул замахнувшегося мечом сконца... Копьё увязло. По фиг. Я перекатом вскочил на ноги, сокращая дистанцию до нуля, и завладел мечом сконца раньше, чем на меня навалились остальные. Блин, как же их много!

Шагах в тридцати ревел Хавгрим, но его, похоже, прижали всерьёз. На помощь рассчитывать нечего. Я отпрыгнул, увернулся, скользнул вправо, хлестнул вдоль поднятого сконцем щита вниз... Есть! Сконец осел на раненую ногу, образовав живую преграду между мной и остальными. К сожалению, только с одной стороны. Вокруг не было никого, кроме врагов.

А где ж этот проклятый ярл? Не вижу. Будем надеяться, что он – вне игры...

Я вертелся, как тот самый волк, обложенный псами. Был жив только потому, что меня боялись. Нет, неправ. Не боялись. Уважали. Они не знали, что мой Волк ушел. Потому любой мой выпад принимался минимум в шесть рук...

И опять – кольцо щитов. И опять круг сужается... И крепче всего линия там, куда я хотел бы прорваться. Со стороны длинного дома.

И я уже понимал, почему меня не торопят прикончить. Живым хотят взять. Изматывают. И у них получается. Пот по лицу струями, еще немного – и мышцами овладеет та самая вялость, когда любое движение требует волевого усилия... А это конец.

Отчаяние прибавило адреналина... Но попытка прорваться не удалась. И я едва уберег стопу от копейного выпада – в сантиметре воткнулось. И воспользоваться оплошкой противника не сумел. Не дали.

Я взвыл от отчаяния. Волк! Где ты?

Волк не отозвался. Шагах в двадцати рвал воздух Хавгримов рык...

Я вложил в этот бросок почти все оставшиеся силы...

Меня достали. И не один раз. Копье в бок (вскользь), краем щита – сбоку по шлему, чем-то острым – по бедру, но неглубоко, потому что нога работала...

Вырвался...

И увидел черный провал. Кожаная дверь со входа в длинный дом сорвана. И никого.

Гудрун!

Забыв о том, что у меня за спиной – не меньше двадцати врагов, я кинулся в дом... И едва не словил железом по шее. И словил бы, если бы ударивший в самый последний момент не увел меч.

Гуннар! Борода – в крови. Весь – в крови. И куча трупов вокруг. И уже не поймешь, кто свой, кто – чужой...

– Гудрун!

– Вон там! – Гуннар махнул левой рукой, и я увидел. Моя девочка лежала на земляном полу и вся солома под ней была пропитана кровью...

Нет, я не бросил оружие и не кинулся туда. Может быть, и кинулся бы, хотя железное правило викингов гласит: помощь раненым – после боя. И это правильно. Жизнь – не кино. Лирической паузы не будет. А если враг победит – лучше раненым умереть. Я – удержался. Рядом с Гудрун – отец Бернар. Монах лучше меня знает, что делать. И поможет. Если она жива...

Не хочу об этом думать!

Сконцы так и лезут. Оттеснили нас от дверей почти на метр. На меня – сразу трое. Вернее, не сразу, потому что одного я достал, второй споткнулся о труп, а третий налетел на второго. Я присел, пропустив над головой секиру, и кольнул под щит, в икру. Распрямылся, ухватив за край щита, и кольнул еще раз. В подмышку. Толкнул свеженького мертвеца на пока живого, а третьего, как раз восстановившего равновесие, рубящим – по кисти правой руки. Пару пальцев отсек начисто. А без пальцев секиру держать проблематично. Секира – это тебе не рапира с «револьверной» рукоятью.

Впрочем, головорез не растерялся: треснул меня щитом, не подставь я левую руку – остался бы без зубов. Я потерял полсекунды, и за это время второй отпихнул мертвого земляка, замахнулся мечуганом...

Сбоку вынырнул Стюрмир и рубанул сконца справа по ребрам. Хороший панцирь мог бы уберечь сконца, но куртка с железными бляшками – нет.

Беспальный тем временем решил выйти из боя. Отскочил и оглянулся. Видать, на подмогу рассчитывал... А подмоги-то и нет! В дверях – куча трупов. Один сунулся перелезть и наделся на копье Тьёдара Певца.

Блин! Нельзя отвлекаться. Хорошо, Стюрмир прикрыл меня щитом от бокового удара (Интересно, где он был всё это время, Стюрмир?), но и мой удар, увы, пришелся во вражеский щит. Нас трое – их, прорвавшихся, тоже трое. Гуннар и Тьёдар «держат» двери, отсекая остальных...

Устал, блин, так, что меч в руке чужим кажется. Да он и есть чужой. Вдоводел где-то снаружи потерялся...

Так, а это что? Или это у меня в ушах «двоится»? Нет, не может быть! Точно! Еще один звериный рев! Такой знакомый. Свартхёвди!

Никогда этот нечеловеческий, почти инфразвуковой рёв не доставлял мне такой радости!

Сконец, который хотел продырявить меня копьём из-за спины своего кореша, обернулся... Метательный нож едва не чиркнул меня по шлему, но бросок у Стюрмира был поставлен. Ножик воткнулся в шею сконца, на три пальца ниже уха. Сконец упал да прямо на соседа. Тот приоткрылся и получил два дюйма стали в ляжку. Не упал, уперся в столб, зарычал злобно... Третий попытался его прикрыть, но в спину ему врубился топор Гуннара Гагары, так что мне осталось только добить раненого в бедро. Что я и сделал. И наконец-то увидел, что творится во дворе.

А там творилось радующее глаз. И творил это Медвежонок. Причем не один. С ним – еще пятеро.

Хотя растерявшим боевой пыл сконцам хватило бы, наверное, и одного Медвежонка.

Тем более что Хавгрима им так и не удалось завалить. Весло сломалось, но берсерк раздобыл здоровенный хогспьёт и орудовал этой штуковиной, будто это легонькое швырковое копьёцо...

Короче, мы победили. Мы убили их всех. Кого – в бою, кого – после дорезали.

Мьёр-ярл тоже был мертв. И убила его Гудрун...

Глава тридцать девятая **Беда**

Есть такое правило: раненым время – после победы. Если бы не отец Бернар, моя Гудрун, возможно, была бы мертва. Выкидыш. Или преждевременные роды. Уж не знаю, что это было. От этого и кровь.

Отец Бернар сказал: не удержала. Но он сделал всё, что надо. И Гудрун – жива. Мертв только ребенок. Но он родился мертвым. Задохнулся, сказал отец Бернар. И добавил: все равно умер бы. Слишком маленький.

А жизни Гудрун ничего не угрожает. Горячки не будет. Кровь остановилась.

Очень сильная женщина, сказал отец Бернар. Другая могла бы умереть.

– Простишь ли ты меня? – Первое, о чем спросила меня Гудрун. – Я потеряла твоего сына.

– Это была бы дочь, – соврал я.

И Бернар кивнул, подтверждая. Младенца уже похоронили. Никто не узнает, какого он был пола.

Не думаю, что ей стало намного легче. Да и поверила ли Гудрун в мою ложь? Она ведь с самого начала была уверена: сын. Она через такое прошла, чтобы его сохранить...

И вот.

Женщины не должны сражаться. Это неправильно. Но Гудрун – сражалась. Я ее научил. И она убила Мьёра-ярла.

Было так: пока мои бойцы удерживали главный вход, Мьёр с двумя хирдманами вошел через «черный». Хитрая сволочь. Вот поэтому я его и не видел.

Пока главные силы демонстративно ломали ворота, а отдельные «десантники» форсировали стену, Мьёр-ярл с несколькими хирдманами, втихую, забрался с тыла.

И тут сконцам улыбнулась удача. Задняя дверь длинного дома, не кожаная, как на главном входе, деревянная, оказалась открытой.

Может, заложить забыли, а может, кто-то из трэлей решил смыться и оставил дверь нараспашку...

Глупо было не воспользоваться такой удачей, и Мьёр – воспользовался. Взял двух бойцов, еще троих оставил снаружи...

Гудрун с другими женщинами была на «священном месте», сразу за идолами. Мьёр со своими вышел прямо на нее. И обрадовался.

– А ты еще красивее, чем поют скальды, – сообщил ярл, без малейшей опаски приближаясь к Гудрун.

А чего бояться? Вокруг – верещащие от ужаса женщины. Сама Гудрун хоть и с оружием, да кто ж примет в расчет этот легонький клинок, тем более в руках беременной женщины? Ярлу бы еще ножа испугаться!

– Пойдешь ко мне наложницей? – бесхитростно предложил ярл моей жене.

Щедрое предложение. Живых они оставлять не собирались: свидетели же. А предложение – честное. Мог бы и не спрашивать. Кто интересуется мнением женщины, взятой железом? Все равно, что у трофейной лошади спросить: желает ли она носить нового хозяина.

И тогда у Гудрун упала планка.

Мне это Бернар рассказал. Он все видел.

Искусству айдзюцу я Гудрун специально не обучал, но, по словам монаха, она будто взорвалась. Никто из сконцев глазом моргнуть не успел, как меч оказался в руке моей жены. Вернее – в брюхе у Мьёра-ярла. А это, заметьте, очень непросто было, потому что брюхо это было прикрыто добротной кольчужой.

Спутники ярла стояли с клинками наголо, но, когда поняли, что происходит, один уже получил пару дюймов стали в горло. Второй, наверное, мог бы зарубить Гудрун. Но он то ли пожалел, то ли не понял, что ярл – не жилец, ведь он стоял, не падал и оружие не выпустил. Хирдман побоялся рубить будущую наложницу своего вождя. Ударил по ее легкому клинку и вышиб без проблем. Но больше он ничего не успел, потому что тихая и безотказная ткачиха Бетти, схватив самый обычный топор, которым не людей – дрова в печку рубят, замахнулась посильнее да и всадила его в толстую викингову шею. А потом бросилась к задней двери: заложить вход деревянным засовом... Не успела. Ворвались оставленные снаружи сконцы. Отшвырнули англичанку, увидели оседающую на пол Гудрун, бросившегося к ней отца Бернара, своего убитого ярла, хирдманов...

Мысль, которая возникает в сознании каждого викинга от такой картины: «Убей их всех!»

Это большая удача, что у Стюрмира – избирательный слух. Я бы в таком бедламе, что царил на подворье, не услышал ничего. А он услышал мужской голос. Причем опознал его, как чужой мужской голос, бросил Хавуру: «Со мной!» – и бросился к «черному» входу.

Успел как раз вовремя, чтобы принять на щит направленный на отца Бер-

нара клинок. Подскочивший Хавур метнул копье в сконца, заслонившего дверной проем, но тот успел отскочить. Стюрмир рубанул своего противника. Тот отступил, и еще раз, перекрыв вход. Теперь они рубились со Стюрмиром один на один, остальные теснились сзади. Хавур – за спиной Стюрмира, пара сконцев – за спиной своего. Тесно, темно, неудобно... Я с легкостью представлял, как это было. Здесь решало не столько умение, сколько грубая физическая сила. Как в перетягивании каната или толкании бревна. Размахнуться невозможно. Колоть – очень неудобно, потому что ни сфинтить, ни сменить позицию. Стюрмир – здоровенный мужик. Сконец тоже оказался богатырем. Так они пыхтели и толкались, время от времени скрежеща железом по броне и пиная друг друга ногами, пока Стюрмир не ухитрился зацепить противника стопой, одновременно с толчком вперед. И сконец потерял равновесие. И вскрылся. И получил колотую – в печень. Причем Стюрмир даже не столько уколол, сколько – продавил.

И сразу сошелся со вторым...

Короче, он убил всех троих. Одного за другим. Убил, заложил дверь и вернулся к главному входу. Вот такой у меня друг-соратник.

Бедная моя девочка!

Скандинавские женщины – крепкие. Они, беременные, и на конях скачут, и работают не меньше здоровых... Но бой – это слишком.

– У нас будут еще дети, – пообещал я. – Сыновья. Трое.

Я держал ее лицо в ладонях. Очень бережно, потому что ладони у меня теперь – хоть гвозди забивай. Я глядел в эти чудные влажные глаза – и вся боль, весь ужас мира, недавнего побоища, безумия, смерти... Всё это уходило, пряталось, таяло, как тает воспоминание о сне под лучами солнца.

– Гуд-рун...

– Ульф... Муж мой... – Моя девочка улыбнулась как-то совсем жалко и спросила тихонько: – Значит, ты на меня не сердишься?..

Глава сороковая

Победа, Вера и Сигурд Рагнарсон

Мы победили. И потеряли всего троих: Юсуфа, Дриву и Тори. Как всегда: гибнут самые слабые. Еще не оправившийся от раны Юсуф и два новичка.

Нам повезло. Задержись Свартхёвди, и сконцы порешили бы всех.

Свартхёвди успел, потому что – Рунгерд. Тревожно ей стало. Бросила руны и велела сыну двигать ко мне. Хорошо, когда теща – ведьма. Дым они уже увидели на полпути к моему дому. И уж тогда заторопились по-настоящему.

Если не считать погибших, никто из наших особо не пострадал. Легкие раны у всех имелись, но это – ерунда.

Мне тоже шкуру попортили: рубленая рана на бедре, неглубокая, обширная коллекция здоровенных кровоподтеков и сантиметровой высоты шишка на голове.

Тьёдар пообещал: наша славная победа войдет в анналы. Горстка бойцов, среди которых половина – молодняк, побила полную дружину ярла. Да это покруче, чем то, что мы с Медвежонком сотворили в Согне-фьорде! А Гудрун, Гудрун какова! Мьёр-ярл, он был настоящим ярлом. Боевым. А погиб от руки женщины. Теперь небось его и в Асгард не пустят. А если пустят, то, по логике,

туда и Гудрун следует пустить. За одним столом с мужчинами пировать.

– А почему нет? – порадовался за сестренку Медвежонок. – Она – славного рода. И убила в честном бою. Их трое было... Кого тогда в Валхаллу пускать, если не ее?

– Она валькирией станет, – внес свою лепту Хавгрим, который, отлежав положенное берсерку постбоевое, теперь с утроенной энергией поглощал пиво и закусь. – Она и сейчас уже – валькирия! И красотой, и статью, и нравом!

Тут уж никто спорить не стал, а Гудрун даже чуть улыбнулась. И поглядела на меня: не против ли, если она станет валькирией? Я был не против.

Сегодня утром у нас с женошкой состоялся еще один интересный разговор. Неожиданный. Моя жена потребовала, чтоб я взял наложницу. И не кого-нибудь, а Бетти.

– Зачем? – удивился я.

Я объявил англичанку и ее крошку-дочь свободными, едва услышал о том, что она сделала. Есть здесь такое правило: если раб с оружием в руках бился рядом с хозяином: он – свободен. Это всё равно, что место на корабельном руме занять. А что Бетти – женщина, так тем выше ее подвиг. И место под моей крышей будет для нее всегда. И приданое дам, если замуж захочет пойти за хорошего человека. Но – наложницей?

– Я ей верю, – просто ответила Гудрун. – А тебе нужна наложница. Так положено.

– Но мне никто, кроме тебя, не нужен! – совершенно искренне заявил я.

И тогда Гудрун выдала еще раз:

– Если мое женское естество выпало вместе с ребенком, то детей у меня больше не будет. И Бетти родит у меня на коленях, и будут они – как мои.

– Кто сказал тебе такой вздор? – изумился я. – Про выпавшее естество?

– Неважно! – отрезала Гудрун. – Я знаю: ты спал с ней, значит, она тебе не противна? Возьмешь?

– Возьму, – смирился я, и Гудрун просияла.

Нет, если кто мне скажет, что понимает женщин...

Но это было утром. А сейчас мы просто пьянствовали. И имели право. Большой праздник для нас и для тех, кто спешил нам на помощь. Даже если поспел к шапочному разбору. Вот как Скиди. Сидит и печалится. Не досталось ему пира клинков, а только пир пива.

– Не кисни, – успокаивал его Медвежонок. – Вот пойдём с Иваром на франков или англоv...

– Теперь у твоего брата будет другое прозвище, – вдруг заявил Хавгрим.

– С чего это так? – насторожился Свартхёвди. – Кто так решил?

И я пиво оставил. Ни хрена себе заявление.

– Я! – сообщил нам Хавгрим Палица, берсерк-профессионал.

– Да ну? – буркнул я. – И какое же?

– Ульф Хвити, – радостно поведал нам Хавгрим. – Белый. Ульф Хвити. Белый Волк.

Мы с Медвежонокv переглянулись. О моем Волке знали немногие. Хавгрим в этот список не входил. А те, кто входил, в склонности к болтовне не замечались.

– Да я ж тебя видел, братец! – Хавгрим оскалил волосатую пасть. – Ты был такой белый, что смотреть больно! Прямо как снег в горах! А как ты плясал со своим железом! Что сидишь? Наливай! Боги тебя любят! Боги... Да...

– Отец Бернар...

На меня вдруг робость напала. Монах ждал терпеливо. И я решился.

– Отец Бернар, я готов.

– К чему, Ульф?

Что за вопрос, а то он не знает?

– Принять Святое Крещение.

Я ждал, что он обрадуется. Но – нет. Монах смотрел на меня... долго. И грустно. А потом сказал:

– Не сегодня.

И, ничего не объясняя, повернулся и ушел. К раненым.

Вот тебе и пирожки. На этот раз – с лососятиной. И что теперь?

* * *

Дракон смотрел, не мигая. Я – тоже. Я его больше не боялся.

– Отец просил тебе передать: если ты захочешь доли в сконских землях Мьёра-ярла, ты их не получишь. – Ивар сделал паузу, наблюдая за мной с интересом. Как отреагирую.

Я молчал, и Рагнарсон продолжил:

– Их унаследует мой брат Бьёрн. Но ты получишь выкуп. Достойный свершенного.

– Мне не нужны деньги, – сказал я. И тоже сделал паузу, прежде чем добавить: – Расположение твоего отца стоит дороже кучки серебра.

– Достаточно большой кучки, – уточнил Бескостный.

– И перед тобой я в долгу, Ивар Рагнарсон, – напомнил я.

– Меж нами долгов нет, – возразил Бескостный. – Я выполнил свой гейс. Ты – свой. Но, раз уж ты сказал, я приму твое слово, Ульф Хвити, Белый Волк.

Надо же. Как быстро распространяются новости!

– Я приму твое слово. И скажу так: ты придешь, когда я позову. Принято?

Что ж... Я помню, чем ему обязан.

Поэтому я, согласно обычаю, поставил ногу на дубовую скамью и вытянул из ножен меч. Хирдманы-телохранители за спиной Ивара даже не шелохнулись. Я не представлял угрозы для их конунга ни с мечом, ни с любым другим оружием. Ивар был настолько же круче меня, насколько я круче какого-нибудь бонда.

– Я, Ульф Вогенсон, по прозвищу Хвити, обещаю, что приду по твоему зову, Ивар Рагнарсон, и встану вместе с тобой против любого врага, если то не будут мои родичи или те, с кем меня связывает клятва верности! Боги слышат меня!

– Боги слышат тебя, Ульф Хвити, еще бы! – Бескостный улыбнулся.

Всё же жуткая у него улыбка. Так, вероятно, улыбался тираннозавр, прежде чем отхватить кому-то голову.

– Мой отец желает видеть тебя сегодня на пиру. Тебя, твоего брата Свартхёвди Сваресона и твоего человека Тьёдара, по прозвищу Певец... – Тут он опять помедлил немного и сообщил: – Еще один человек хочет тебя видеть. Мой брат Сигурд. Ты слышал о нем.

– Да, – я отвел глаза. – Сигурд. Слышал.

– А теперь увидишь, – пообещал старший из Рагнарсонов. – Вы друг другу понравитесь.

Чтобы понять, почему этого Рагнарсона звали Змей в Глазу, достаточно было разок на него взглянуть. Натуральный удавий взгляд. Холодный, бездушный, цепенящий. Будто не человек на тебя смотрит – холодная, безжалостная тварь...

Сигурд Рагнарсон изволил пребывать в дурном настроении. И причину его скрывать не собирался. У Сигурда пропал драккар. Прямо из собственного фьорда. Еще вечером стоял рядом с прочими кораблями Сигурдовой личной флотилии, подготовленной к скорому вояжу, а утром глядь – нетушки!

И не видел никто. И не слышал никто. Ни люди, ни собаки.

Сигурд Рагнарсон впал в такую ярость, что оставалось лишь удивляться, что никого не убил. Видимо, никак не мог выбрать виноватых. Потому что все виноваты. И никто. Дозоров не выставляли, за кораблями не следили. Не было у Сигурда врагов такого веса, чтоб рискнули на него напасть. Да еще на собственной территории Рагнарсона.

Разумеется, сразу после пропажи остальные корабли «разбежались» по окрестностям, выслеживая и выспрашивая.

Никто ничего не видел.

Будто в небо вознесся Сигурдов драккар. Или в пучину канул.

Бросили руны, и выпало невнятное. Знающие люди толковали, перетолковывали и сошлись: без волшбы не обошлось.

Сигурд велел выдать толковальщикам горячих и отправился в Оденсе. С Одним у него давние личные отношения, основанные на взаимной выгоде. Сигурд Одину – регулярные взносы. Один Сигурду – удачу и преуспевание. Ладили, одним словом. Тем более, Сигурд – Инглинг. Следовательно, по мнению многих – потомок Одноглазого. А если не его, то уж Фрейра – точно. Значит, с Асами – в родстве, пусть и непрямом, поскольку папа Фрейра Ньёрд, хоть сам из ванов[203], однако Одину – приемный сын. Короче, родичи должны помогать друг другу.

– Где мой драккар? – задал Сигурд прямой, как древко копья, вопрос и принялся ждать результатов жертвоприношения.

Не знаю, рассчитывал ли он, что божественный GPS выдаст ему точные координаты пропажи, или хотел узнать имя предполагаемого виновника, но – облом. Боги не раскололись.

– Хорош ли был драккар? – уточнил главный жрец святилища.

– Великолепный. Самый быстрый из моих кораблей!

– Верно, он и впрямь хорош, – согласился жрец. – Раз боги молчат, значит, кто-то из Асов решил воспользоваться твоим драккаром. Смирись с потерей и радуйся, что угодил богам!

Смириться? Хрена лысого!

– Никто! – прорычал Сигурд Змей в Глазу. – Никто: ни люди, ни йотуны, ни сам Один – не смеют брать без спроса мои корабли!

И не дал святилищу своего обычного ежегодного пожертвования. И рабов не дал.

Жрец очень огорчился, но сам виноват. Никто за язык не тянул.

Я услышал эту историю от самого Сигурда вместе со всеми, кто был на пире. И понял, что нынче неподходящее время для расспросов о том, что произошло меж ним и Хрёреком.

Нет, самого Сигурда я и не собирался расспрашивать, а вот его хирдманов...

Но и хирдманов – не рискнул. У каждого на роже написано: дай мне повод, и я тебя порешу. Что-то подобное, надо полагать, ощущал бы веке в двадцатом авторитетный вор, у которого в метро стырили бумажник.

Еще одна причина: я не хотел наводить эту кровавую братию на одну мыслишку, которая появилась у меня самого.

Насчет божественного происхождения похитителей.

Сомневаются мужики... Как-то мелко для Астарда. А вот для кое-кого из нашего Срединного Мира...

Словом, не стал я задавать вопросов.

Зато их задал мне сам Сигурд. Пригласил на личную беседу и устроил форменный допрос. К счастью, не о моих взаимоотношениях с Хрёреком Соколом, а о нашем со Свартхёвди вояже в Норвегию. Очень интересовала змееглазого Рагнарсона тамошняя политическая обстановка. Нет ли у буйных норегов потребности в сильной руке из внешнего мира?

Я попытался донести до Сигурда, что сильная рука там уже присутствует. И готова больно шлепать по другим алчным ручонкам. Кажется, донес. И при этом не вызвал у грозного Рагнарсона недовольства.

– Ты мне по нраву, Ульф-хёвдинг, – сказал на следующий день после торжественной пьянки Ивар Бескостный. – Мой брат сказал: ты – хорошее приобретение для Рагнарсонов. Так оно и есть.

Я не стал спорить. Во-первых, потому, что не числил себя имуществом сыновей Лотброка. Во-вторых, мне Сигурд Змей в Глазу как раз не понравился. Он тоже был сущим ящером, но помельче и посвирепее. Было у меня предчувствие: друзьями нам не быть.

Так и вышло.

Эпилог

Ночь выдалась отличная. Именно такая, какую они ждали всю эту седмицу. И вдобавок совпала с известием о том, что через два дня Сигурд собирается в вик. Значит, все корабли на пристани – в готовности к дальнему походу.

– Берем самый большой! – азартно прошептал Харра Стрекоза, за что тут же схлопотал тычок от Трувора.

– Не самый большой, а самый быстрый, – совсем тихо, но очень назидательно проговорил Оспак Парус. – На самый большой у нас рук не хватит.

Четверо воинов – два дана и два варяга – глядели сверху, со стометровой высоты, на прекрасные в своем совершенстве тела спущенных на воду драккаров. Тех было восемь. В том числе и самый большой, сорокавосьмивесельный «Слейпнир».

– А какой самый быстрый? – не унимался Харра.

– Вон тот, крайний, – сказал четвертый разведчик, Синир Цепкие Пальцы. – Забыл, что ли? Если бы он не сел тогда на брюхо, мы бы с тобой уже в Валхалле пировали.

– Это ты – в Валхалле, а я – в Ирии, – внес поправку Харра Стрекоза.

И схлопотал еще один тычок, поувесистее.

– Рот закрой, – буркнул Трувор. – И двигай вниз. Скажешь нашим, что уви-

дел. И что мы спускаемся. Синир, ты – последний.

В поселке спали все. Умаялись. Последние дни все его обитатели: и рабы, и люди – трудились на пределе сил. Подготовка в дальнему походу – тяжкая работа. А у Сигурда-конунга не забалуешь. Видит всё и всех и не зря слывет самым жестоким из Рагнарсонов. Даже более жестоким, чем старший брат Ивар. Потому что, когда Сигурд в гнев – не щадит даже своих.

Луна серебрила змеиный изгиб фьорда. Когда четверо взобрались на борт драккара, заметила их только спавшая на палубе чайка.

Собаки молчали. Ветер дул с берега. Превосходная ночь.

Четверо распределились по кораблю.

Через некоторое время вновь встретились.

– Весла – все, парус, снасти – тоже, – доложил Синир. – И для починки – всё есть. Инструмент, парусина...

– У тебя что, Витмид? – спросил Трувор.

– Припасов – нет, воды – нет, оружейные ящики пустые, – сообщил Витмид.

– Не беда, – решил Трувор. – Драккар в порядке, это главное.

Да, это было главное.

Луна зашла.

И едва это случилось, драккар сдвинулся с места. Бесшумный и невидимый, подталкиваемый ветром и легкими толчками – чтобы без случайного всплеска – двух весел, он отделился от берега и канул во тьме.

И пропал.

Конец пятой книги

Александр Мазин

Викинг. Земля предков

© Мазин А., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Глава 1 Суд Рагнара

— Ох, сомневаюсь я в этой истории, – пробормотал я, приложившись к ков-
шу.

Пивко уступало тому, что варила моя прекрасная женушка, но всяко лучше того, что когда-то называлось «Балтикой». Хотя, если по-честному, вкус «того» пива я уже не помнил. Слишком долго я здесь, в Средневековье, чтобы помнить, как оно там – в мире компьютеров, чиновников и телевизионных шоу. В мире, где меня звали Николай Григорьевич Переляк и где был я – уважаемый человек, оружейник и фехтовальщик, достигший своего естественного социального потолка.

Здесь, в Средневековье, я тоже стал уважаемым человеком и успел испробовать многое. От раба до хёвдинга, то есть вождя боевой дружины. Собственно, я и сейчас оставался вождем, вот только дружина у меня была – едва хватает, чтобы заполнить румы моего маленького драккара. Звали меня здесь до недавнего времени – Ульфом Черноголовым. Ульфа я придумал сам, а Черноголовым окрестили братья по палубе. Но в прошлом году один из моих хольдов, берсерк и великий воин Хавгрим Палица, «перекрестил» меня в Ульфа Хвити. Белого Волка. Никто не возражал. Я – тоже. Белый Волк – мой давешний зверь-хранитель, или как это там называется. Не важно. Важно, что, когда он приходит, мы танцуем. И танец этот – лучшее, что я испытывал в жизни. Зато для моих врагов он весьма неприятен.

Что еще добавить?

Здесь у меня есть названный сын. Вот он сидит. Виги-Вихорёк. Я встретил его, когда он был совсем мальчишкой, рабом у франкских монахов. Теперь он – викинг. Дренг. И уважаемого рода. Моего то есть, поскольку я его усыновил по всем здешним правилам.

Еще у меня есть названный брат. Тоже берсерк и сын берсерка, а зовут его Свартхёвди Сваресон, по прозвищу Медвежонок. Медвежонок – брат мой по клятве и по праву родства, поскольку сестра его Гудрун – моя законная жена. Сейчас Медвежонок сидит напротив меня, и шею его, вполне годную, чтобы согнуть лом, разминает сисястая девка-рабыня, которую братец только что употребил по прямому назначению. К обоюдному удовольствию. Свартхёвди любит женщин, и они его – тоже. По здешним понятиям, Медвежонок – красавчик. Нос картошкой, борода лопатой, лапы в татуировках, из-под белесых бровей поблескивают медвежьи глазки профессионального убийцы. Моему братишке не то что палец в рот не клади. Вообще ничего съедобного в его сторону не протягивай. Отхватит по самые ягодицы. Это о нас мой скальд Тьёдар Певец сочинил сагу о Волке и Медведе, от которой меня уже тошнит. Но людям нравится.

Свартхёвди по обряду – мой младший брат. Он сам так решил, хотя здесь, на острове Сёлунд, он не менее уважаемый человек, чем я. Богатый и слав-

ный. Я тоже богатый и славный, а многие считают меня еще и удачливым.

Я не спорю. Ведь моя жена – самая красивая женщина Сёлунда (внешнего сродства с братом, к счастью – ни малейшего), и я ее люблю. Последнее не удивительно. Удивительно то, что она меня любит. Полюбила, как утверждает, с первого взгляда, хотя по местным меркам я – не очень. Среди всех этих высоченных плечистых синеглазых блондинов я смотрюсь очень посредственно, ибо росту невысокого и масти черной, за что и получил, кстати, первое прозвище. Однако эти недостатки внешности уходят на второй план, когда у меня в руках клинок. Игре с железом я обучался еще в «прошлой» жизни и достиг немалых успехов, не говоря уже о коллекции престижных кубков и медалей. Но только здесь я достиг настоящего совершенства. Ведь только здесь клинок становится тем, для чего создан: границей между двумя мирами. Миром жизни и миром смерти.

– В какой истории ты сомневаешься? – ворчит Свартхёвди, красный, распаренный, ленивый. – Ты о чем, брат?

– В той, что Сигурд Змей в Глазу рассказал прошлой весной?

– А что он рассказал? – Свартхёвди хорошо. Он всласть попинал мяч, качественно пропарился, всосал литров пять пива, поимел девку (здесь это супружеской изменой не считается) и теперь способен думать только о простом и приятном.

– Год назад, – напоминаю я. – Помнишь? На пиру у конунга он рассказывал? Как у него драккар пропал...

– Ну-у-у... – бормочет Медвежонок. – Не помню. И что нам до пропавшего драккара Сигурда Рагнарсона?

– Забыл, что ли? Ивар рассказывал. У Сигурда драккар пропал, а жрец в Оденсе ему заявил: мол, боги его забрали.

– А чё такого? – бормочет Медвежонок. Татуированная лапа нащупывает ляжку рабыни и щиплет. Больно. Рабыня пищит, но массажа не прекращает. Рабыне, по-здешнему – тир, положено терпеть. Она принадлежит одному из многочисленных родичей Медвежонок, так что Свартхёвди может делать с ней всё, что пожелает. Хотя если он ее покалечит или убьёт, придется выплатить ущерб. Как за испорченную вещь. Но пока она в полном порядке и востребована. И судя по тому, какие взгляды кидает в ее сторону Вихорёк, одиночество ей в ближайшее время не грозит. Однако пока рабыня занята Медвежонок, Вихорьку ничего не светит. И он это понимает.

– А то, братец, – говорю я, – что на хрена богам драккар Сигурда Рагнарсона?

– Ну-у... – Медвежонок, похоже, собирается задремать. – Драккар небось хорош. У Змееглазого-то. А боги... Кто знает, что им надо? Ты, что ли, знаешь?

– Что надо богам, я не знаю, а вот насчет драккара – догадываюсь! Это Хрёрек, брат! Больше никому.

Здесь я могу говорить свободно. Хозяин и его сын ушли готовить пирушку, а мой названный сынок Виги-Вихорёк попусту болтать не станет. Что же до рабыни, то кто их слушает.

– Думаешь? – Свартхёвди приоткрыл один глаз. – А знаешь, на Хрёрека Сокола это похоже. Если он жив, ясное дело. Хотя... Увести драккар с пристани главного города Сигурда? Нет, не верю, невозможно.

И глаз снова закрылся.

– А я бы проверил.

– А что тут проверять? Вот придут первые корабли из Хедебю, и узнаем.

– Почему из Хедебю? – спросил я.

– А откуда? Там его покровитель Харек, конунг всех данов. Куда ему еще бежать?

– Я не думаю, что Хрёрек пойдет к Хареку Младшему. Один раз Харек уже не смог защитить его от Рагнарсона. Надо быть слепым, чтобы дважды вступить в одно и то же коровье дерьмо. Хрёрек не таков.

– Если ты прав и это Сокол захватил драккар Сигурда, то наш бывший конунг дернул за хвост дракона прямо в его логове, – проворчал Свартхёвди. – Змей в Глазу не успокоится, пока не отомстит. Ты помнишь: он напал на Хрёрека прямо на глазах у данников Харека-конунга. Он напал на того, кто говорил против него на тинге. И новый тинг, как ты знаешь, принял уже сторону Сигурда. И Харек Младший утерся, а это значит: теперь любой Рагнарсон может взять морскую дань с любого из бондов Харека. И никто не посмеет жаловаться. Да и кому?

– Не могу понять, – проговорил я, приложившись к пиву, – почему Харек-конунг позволил всё это?

– А что тут непонятного? – удивился Свартхёвди. – Лучше пусть тебя называют конунгом всех данов, чем врагом Рагнара-конунга. Если бы Рагнар Лотброк пожелал... – Медвежонок с хрустом потянулся и встал. – Он еще до осени занял бы место Харека.

– Так почему же он этого не делает? – поинтересовался я.

– А зачем ему? Он не хочет быть конунгом всех данов. Он желает стать конунгом Англии, Нортумбрии, Эссекса... И еще каких-то там земель, не помню. И он станет, поверь моему чутью! – Свартхёвди схватил бадейку с ледяной водой и опрокинул на кудлатую голову. – Э-эх! Что-то я проголодался! Эй, куда? – Он поймал за руку попытавшуюся ускользнуть рабыню и пихнул ее к Вихорьку: – На, сынок, поиграйся.

Ну да, Вихорёк и ему сын. Таковы правила побратимства. И драккаром мы владеем вместе и дружиной-хирдом командуем тоже на пару. Но я все равно главнее. Потому что старший. Так что решать, куда и зачем мы поплывем, тоже мне. Однако мнением Свартхёвди я пренебрегать не стану, и он это знает.

Вот только искать Хрёрека в Хедебю я не буду. Есть у меня мысль о том, где он может быть. И Медвежонок об этом узнает. В свое время.

* * *

В столицу Рагнара Лотброка Роскилле, расположенную внутри прекрасного фьорда не менее прекрасного острова Сёлунд, мы приехали вчетвером. Я, Медвежонок и Вихорёк, еще с нами увязался мой хирдман и по совместительству скальд Тьёдар Певец. Приехали вроде бы по делу: прикупить рабов. Этак с дюжину.

Сейчас, сказала мама моего побратима Рунгерд, – самое время. Содержать зимой не придется, и есть еще месяц, чтобы подкормить трэлей до рабочего состояния. Конечно, стоили рабы весной подороже, чем осенью, когда викинги возвращались с набегов, но по деньгам выходило так на так. Зато если уж раб пережил зиму, значит, и летом не помрет.

Она у нас хозяйственная, Рунгерд. И это хорошо, потому что по совместительству она – мама моего сына Хельгу. Считается, правда, что Хельгу я усыновил... но вообще-то он мой сын и есть. Такая вот у меня личная жизнь насы-

ценная. Временами. Была.

Покупка трэлей для меня только повод скататься в Рагнарovu столицу. В Роскилле я предполагал заняться сбором информации: поболтаться среди народа, послушать новости, прикинуть планы на лето. А рабами пусть Свартхёвди занимается. Хотя есть у меня подозрение, что и для Медвежонка рабы – только повод. Главное же – выпить-закусить на халяву у многочисленных братьев-дядьев-племянников, которых у него – без числа. Как и у всякого родовитого скандинава, считающего родство до седьмого, а то и десятого колена.

Однако на рынок мы всё же пошли. На третий день. Причем все вчетвером. Но вместе мы пробыли недолго. Тьёдар потерялся практически сразу. И я знал, где его искать, если что. В кабаке.

Потом разделились и мы. Медвежонок с Вихорьком двинули туда, где торгуют нашими братьями по разуму, а я решил просто прогуляться по городу. На самом рынке сейчас неинтересно. Единственное, что меня по-настоящему интересует, это оружие. Однако всё стоящее в области вооружений давно распродали. Опытные люди закупаются осенью. Хотя и осенью ничего не покупал. Оружия столько, что сам продавать могу.

Так что рынок я покинул и отправился к пристани. На корабли поглядеть...

...И угодил прямо на судебное заседание. По местным меркам это считалось отличным шоу. Особенно если дойдет до судебных поединков.

Хозяин Сёлунда, Сконе и еще многих датских земель конунг Рагнар Лотброк во всей своей грозной красе восседал на троне в окружении страхолудной гвардии.

«Этажом ниже» теснились жаждущие правосудия.

Меня пропустили в первые ряды без вопросов. Я считался человеком Ивара Бескостного, хотя и не носил на одежде его знака. Типа, союзник. Но уважаемый.

Ага, а суд-то неравный. С одной стороны – какой-то занюханный бонд, с другой – настоящий воин. Хирдман. Кажется, из дружины Уббы Рагнарсона, точно не скажу. И на его стороне – десяток здоровенных мордастых дружканов. А за бондом – только парочка свидетелей. Таких же занюханных. Уббов боец мне сразу не понравился. Ну не люблю я таких: наглых, кичливых и норовящих опустить тех, кто помельче. Бонда-истца я не знал. Наверное, откуда-то с другой части Сёлунда? Чем, интересно, его так избидели, что он вызвал на Рагнарoв суд Рагнарoва же человека?

Узнал. Суд продолжался уже часа два, но то, что было раньше, мне пересказали.

Была, значит, у бонда дочь. И на беду свою приглянулась девушка ответчику, Визбуру Морской Крысе, когда тот заявился в дом бонда. Гость здесь весьма уважаем... Но не настолько, чтобы по первому требованию класть ему в постель хозяйскую дочь, свободную, между прочим, датчанку. В общем, не захотела девушка добровольно отдаться Крысе (и я ее понимаю), и тот повел себя неправильно. То есть грубо наплевал на законы гостеприимства, которые не только хозяина обязуют гостя кормить-защищать, но и от гостя требуют правильного поведения. Обиженный отказом, Визбур Морская Крыса побил бонда и всех его домочадцев, причем кого-то даже до смерти, потом изнасиловал девушку, забрал с собой, то есть увез сюда, в Роскилле. Без всяких обусловленных законом формальностей.

По словам свидетелей, обращался Визбур с ней отвратительно. Как с рабыней, а не свободной. Бил часто и сильно. Так что у девушки даже случился выкидыш.

Умыкнутая девушка на суде тоже присутствовала, причем стояла не с отцом, а на стороне, отведенной ее обидчику-хирдману. Когда-то она, возможно, была красивой, но сейчас выглядела неважно. Похоже, недавно ей крепко досталось.

Сначала я удивился. Не понял, как такое возможно. То есть беспредел воинов в отношении бондов – это нормальная ситуация во всех землях Датской Марки и далеко за ее пределами. Однако не в Сёлунде. Здесь все землевладельцы держатся друг за друга, как я успел убедиться. Да и Рагнар их поддерживает, не дает своим головорезам безобразничать у себя дома. И это правильно. Если учесть, сколько викингов здесь постоянно болтается, они б весь остров на составные части разобрали вместе с населением, а великолепные леса, красу и гордость Сёлунда, основу его кораблестроительной промышленности, сожгли на фиг на дрова.

Всё встало на места, когда мне сказали, что мужик не сёлундский, а сконец. С той территории, которую недавно отхапал папа Рагнар и поделил между сыновьями: Бьёрном и Уббой. Сконе – не Сёлунд, так что у бонда – никаких шансов на справедливость. Этак он еще и в рабы угодит за «поклеп».

Собственно, к этому и шло. Визбур Крыса даже не оправдывался. Не сомневался, что приговор в его пользу. Да и никто из зрителей тоже не сомневался.

Но мнения всё же разделились. Одни считали бонда придурком, другие – тоже придурком, но придурком храбрым.

Рожа у Визбура Крысы лучилась самодовольством. Мерзкая рожа. Кровавый, обнаглевший от осознания безнаказанности злодей. То есть среди моих собственных хирдманов были с рожами и похуже, но то были свои, а этот – просто сволочь. Меня особенно взбесило, что он избил девушку до выкидыша. Ну, неровно я относился к такому. Наверное, потому, что у моей Гудрун осенью тоже случился выкидыш. Правда, ее никто не бил. Наоборот, она сама убила. И не кого-нибудь, а сконского ярла. Однако потрясение сказалось. Ребенка она потеряла. И убивалась жутко. Правда, сейчас, когда она снова беременна, стало полегче.

А вот этой малышке легче точно не будет.

У меня нет никаких оснований любить сконцев. Никто не принес мне столько горя, сколько они. Но то были воины, а этот...

Наверное, он все же больше храбрец, чем придурок. Похоже, драться собирается! С хирдманом! Совсем с ума сошел? Хотя... Что ему терять?

– Пусть боги рассудят, – вещает Рагнар.

Это значит, убей его, Визбур, и дело с концом.

Окружение Лотброка веселится. Скалится Убба Рагнарсон, кричит своему человеку: мол, сделай из свинопаса свинью!

Не смеется только Ивар Бескостный. На его лице, как обычно, никаких эмоций. Какие эмоции у дракона?

О черт! Нет, я не могу этого допустить! Если не встряну – уважать себя перестану. А если встряну, этот Визбур вполне может меня убить. Боец он лихой, в этом можно не сомневаться. А если я его убью, то на меня может обидеться сам Убба Рагнарсон, а это уже совсем неприятно...

Ну и хрен с ним, с Уббой! Пусть обижается!

– Конунг! – Я шагнул вперед, изобразив легкий поклон.

Меня узнали. Губы Ивара тронула еле заметная усмешка.

– Ульф Хвити! Хочешь что-то сказать? – очень благожелательно поинтересовался Рагнар.

– Хочу!

Визбур смотрит на меня и чуток напрягается. Я в его сценарии не предусмотрен. Но напрягается он совсем немного. Пока не вспоминает, кто я такой. А я для таких, как он, – человек Ивара Рагнарсона. То есть свой. Вдобавок всем известно, что я пострадал от сконцев, следовательно, никак не могу оказаться на стороне истца. И беспокойство тут же сменяется любопытством: чем же его, Визбура, развлечет этот маленький чернявый парень?

Уж развлеку, не сомневайся!

– Говори! – благожелательно разрешает Рагнар. Он тоже ждет чего-то... интересенького.

Шум стихает. Все хотят услышать, что я сейчас изреку. И я изрекаю. Неожиданное.

– Мой конунг! Этот человек, – кивок на бонда, – кажется мне очень храбрым. А храбрость, как я думаю, по нраву богам!

– Все это знают, – соглашается Рагнар. – Вот пусть он и покажет свою храбрость! Сразится с Визбуром Морской Крысой. И если боги на его стороне, он непременно победит.

Конунг пошутил. И всем весело. Гогочут, аж рёв стоит.

– Пусть Тор поразит Крысу Молотом! – орет кто-то.

– Или Один – своим копьем Гунгниром![204]

– Или Фрейр – своим![205] Га-га!

– Если ты позволишь, Рагнар-конунг, – говорю я, когда вопли немного стихают, – я бы хотел сам послужить оружием богов.

Сразу становится тише.

– Что он сказал? – переспрашивают у меня за спиной.

Убба всё еще скалится. Он не понял.

А вот Морская Крыса – сообразил. Ухмылочка-то с морды сползла. «О то ж!» – как говаривала моя бабушка.

– Хочешь встать за сконца? – удивляется Рагнар. – Зачем тебе?

– Мне понравилась его храбрость, – я выдерживаю взгляд конунга, не моргнув.

Рагнар ухмыляется еще шире. В конце концов, для того и существует божий суд, чтобы люди могли повеселиться. А славный хольмганг куда лучше, чем выступление мясника.

– Поединок чистый! – провозглашает конунг.

Это устраивает всех. Никто не станет мстить бонду, если я прикончу Визбура. Именно бонду, а не мне, потому что формально сражается он, и все пряники и плюхи – тоже его. Но не о бонде заботится Рагнар, потому что и мой брат Медвежонок не станет мстить Визбуру, если тот прикончит меня.

– До первой крови, – говорит Рагнар. – Если ты, Белый Волк, докажешь правду этого сконца, Визбур вернет девку и заплатит... Заплатит десять марок!

Толпа шумит. Десять марок – огромные деньги за простую девку. Рагнар щедр... Из чужого кармана.

– Если боги окажутся на стороне Визбура, то девка остается за ним, а этот бонд и всё, что у него есть, станет собственностью Визбура.

Вот теперь – нормально. С обеих сторон заклад примерно одинаковый. Рагнар честен. По-своему.

Вижу, как Ивар и Убба ударили по рукам. Даже не сомневаюсь, кто на кого поставил.

Я глянул на сконского бонда. Растерялся мой протезе. Он уже приготовился умереть – и тут появляется шанс. Или – это новое издевательство? Он боится. Оценить мою искренность и мои боевые качества он не может. Видит только, что я мельче Визбура раза в полтора.

Зато Визбур оценил ситуацию правильно. Ишь какая у него рожа... хищно-сосредоточенная. Вот то-то! Это тебе не бондов резать.

Нет, Визбур не испуган. Он же викинг. Они вообще ничего и никого не боятся. Только – честь потерять. Он просто прикидывает, как меня поэффектнее убить.

Давненько я не стоял в кругу.

Так, что у нас в кармашках?

У моего противника – полный набор. Он-то не на прогулку шел, а на суд.

У меня же – легкая кольчужка, больше для важности, чем для дела. Такая кинжал остановит. Удар по касательной, пожалуй, тоже. Шлем... Ну, шлем мне кто-нибудь позаимствует. И щит. Потому что иначе и Визбуру придется драться без шлема и щита, а ему это точно не понравится.

Еще у меня есть мой Вдоводел. Дивный клинок, равного которому у Визбура точно нет.

– Мечи и щиты! – провозгласил назначенный ярлом «судья на ринге». – Без права замены!

Визбур встряхнулся, вынул из-за пояса топорик и сунул за щит. Топор – это можно. И кинжал. И даже швырковый нож, если кто-то из нас захочет им воспользоваться. Только это вряд ли. Против доспешного, да еще со щитом, это как в бронетранспортер камнями бросаться. А вот копье – нельзя. И большую секиру.

Шлем и щит мне дали. Шлем с открытым лицом, что неплохо. Лучше обзор. Хуже, что шлем великоват, а щит тяжеловат, но – управлюсь. А может, мой Волк придет...

Ну, мечтать не вредно.

Хорошо двигается Визбур. Даже для хирдмана из банды Уббы Рагнарсона – выше среднего.

Я провернул в кисти клинок, покрутил головой, разминая шею, демонстративно игнорируя противника...

Не повелся Визбур, не кинулся диким кабаном. Точно слышал обо мне, а может, даже и в деле видел. Дистанцию сокращает очень аккуратно. Мастер. Ну да где наша не пропадала! Я и не таких бугаев заваливал. Вот хоть того же Торсона вспомнить...

«Никакой «до первой крови», – думал я, глядя на торчащий из-под низкого наглазника пук бороды с черной дыркой рта. – Насмерть убью скотину».

И тут «скотина» атаковала. Прыжок щитом вперед, в закрытом положении – в мой щит. Учитывая разницу в весе, мог бы и снести. Но я успел уйти назад. К сожалению, только назад. Логичней было бы влево, чтобы контрата-

ковать, но я почувствовал: в сторону – нежелательно. Слишком уж напрашивалось...

И точно. Визбур этого и ждал. Выпрыгнул с рубящим сверху, щитом перехватывая мой встречный. И тут я его подцепил. Ногой. Удачно. Крысу аж развернуло.

Но все же пришел он на ноги. Хорошо пришел. Успел щитом прикрыться сверху и сбил мой Вдоводел краем. Но контратаковать не смог – позиция неудобная.

Так что атаковал я. Махнул под ноги (финт), бросил меч вверх, одновременно переводя рубящий в колющий...

Опять успел Крысюк. Сбил сильной частью клинка и сразу долбанул щитом в щит, отбросив меня шага на три. И тут же повторил, пытаюсь дотянуться до моего лица из верхней позиции. А вот хрен тебе, золотая рыбка! Шлем у меня открытый, и морду под железо я не подставлю.

И не подставил.

Подставился Визбур. Вскрылся на щелочку. Я мог бы его достать, царапнуть колено и получить законный выигрыш. Меня это не устраивало...

К счастью, не устраивало.

Иначе словил бы меня Крыса.

А так только хрюкнул разочарованно, когда меч впустую проткнул воздух.

Похоже, недооценил я Визбура. Вон как сыграл клинком! Совсем не в размашистой манере викингов...

Промахнулся Крысюк, но не растерялся. И инициативу удержал. Сразу – бабах! Всей силой, по-простецки – по щиту.

Ответить я не смог, потому что шатнуло.

И Визбур окончательно взял инициативу.

Ноги топчут землю, пыль щекочет ноздри, от Морской Крысы несет... крысой.

Я проигрываю. Теряю время и силы. С викингами нельзя долго. Они выносливые, суки. Выносливей меня...

Понравилось гаду! Лупит по щиту, как ударник по барабану. Только треск идет. Я пока что успеваю сбрасывать, переводить в скользящие, так что основа щита не вредит. Вокруг рёв стоит. В основном своего подбадривают. Крысу то есть. И иногда и мое имя в общем оре проскакивает. Я здесь тоже не чужой. И на франков с Рагнармом ходил, и на англов с Иваром, и с тем же Уббой.

А Крыса, похоже, увлекся. А вот это он – зря. Есть у меня одна домашняя заготовочка. Как раз под хольмганг с такими вот щитосеками.

Так что я отбивался и выжидал okazji. Прием у меня отработан. Тут главное, чтобы человек увлекся, силу почувствовал. Чтоб казалось: вот-вот – и развалится у врага щит. Сколько раз он уже приложил? Десять? Двенадцать?

Я был терпелив. С таким, как Визбур, ошибиться нельзя. Одна попытка. Первая и последняя. Так что ушел в глухую защиту, я старательно делал вид, что жду, когда противник устанет. Крыса же знал: до усталости ему еще часа полтора при такой нагрузке. И потому не снижал напора. Азартно лупил. Чужая сволочь, близкую победу. Думал: вот я ошибусь – и хана моему щиту. А без щита он меня точно угондошит. Радовался Визбур. Втягивал пыльный воздух

волосатыми ноздрями и уже чуял, как вскроет мою легонькую кольчужку.

Пора! Легкий доворот плеча, и клинок Визбура приходит на ребро моего щита. И, конечно, прорубает его до самого умбона...

И – вот оно! Я выпускаю щит. Нет, меч Крысы не застрял, просто его немного защемило. И падающий щит, естественно, увлек за собой меч. Совсем немного, сантиметров на двадцать. И руку, которая держала меч, – тоже. А упали они уже вместе: щит, меч и рука, которая его держала. Отрубленная почти по локоть.

Вот за это я так люблю Вдоводел. При всей своей легкости рубит он – просто загляденье.

Я ухмыльнулся. Сделано отменно. Не убил, да. Но воином Визбуру больше не быть. Пусть в бонды переквалифицируется.

– Закончено! – заорал «полевой судья».

– Все, Визбур, ты теперь тоже бонд, – с усмешкой сообщил я проигравшему, который, не веря, глядел на обрубок, из которого хлестала кровь.

Я повернулся к Рагнару...

И увидел, как вдруг изменилось его лицо, и прыгнул вперед. С разворотом.

Очень вовремя прыгнул. С Визбуровым топором разминулся на какие-то сантиметры.

А ты нехороший человек, Визбур! Впрочем, что ожидать от Крысы?

Моя рука с мечом – у бедра. От бедра я и ударил. Результат предсказуемый. Это как моей Гудрун мясо для обеда рубить. Хлестнул по восходящей – и шагнул в сторону, чтобы кровью не замараться, когда Крыса пролетел мимо меня. Уже без топорика пролетел. И без левой кисти. Всё, дружок! Нечем тебе теперь беременных девушек лупить. Да ты теперь штаны самостоятельно спустить не сможешь.

Визбур и не собирался. Когда ему бросились на помощь, мотнул головой, подбежал, уже шатаясь (кровь-то хлестала) к упавшему мечу, прижался к нему обрубками, да так и повалился наземь.

Что ж, может, ему и засчитают прогиб. Прирастят руки и усадят за большой стол в Асгарде. Там таких кровожадных много.

– Зачем ты убил хорошего воина? – сразу предъявил мне Убба. – Я его хольдом думал поставить.

– Поединок чистый! – немедленно напомнил я.

– Чистый, чистый, – поддержал меня Ивар. – Брат просто огорчен, его можно понять.

Доволен Ивар. Интересно, сколько он выиграл? Братья друг за друга – железно. Но соперничеству не мешает. Это у северян в крови. Я, человек Ивара, оказался сильнее человека Уббы. Вот главное. А какие-то там бонды... Это так, свиньи под ногами. Свиной разводят и едят, вот и всё их предназначение.

Однако приподнялся и мой подзащитный. Десять марок получил. Правда, с оружием и доспехами убитого его прокатили. Сражался бы я сам за себя, получил бы всё сполна.

Беседуя с Рагнарсонами, я краем глаза наблюдал за сконцем. А хороший мужик. Дочери обрадовался куда больше, чем деньгам. А деньги-то – охрененные по его масштабам. Это как российскому бюджетнику сто тысяч долларов выиграть.

– Вечером – у меня на пиру, – скомандовал Ивар. – Бери, кого хочешь, но

скальда своего приведи обязательно. Хватит ему около моего братца тереться! – Кивок в сторону Уббы.

– Ну так я – щедрее! – ухмыльнулся младший Рагнарсон. – А тебя, Ульф Хвити, предупреждаю: еще кого из моих людей убьешь, я тебя у Бескостного заберу. Будешь за убитых на моем руме обрабатывать. Так и знай!

– Мечтай! – Ивар хлопнул брата по загривку и пошел прочь в окружении личной свиты.

Я покосился на папу Рагнара. Лотброк глядел на сыновей, как кошка на играющих котят. Детишки!

Поймал мой взгляд, кивнул и отвернулся.

Что ж, суд продолжается. Не будем мешать.

Когда я выбрался из толпы, бонд с дочкой уже ждали. Сконец сразу протянул мне кошель.

– Это не мое, господин. Твое.

Хороший мужик. Худой, но крепкий. Глаза честные.

– Подожди, – мне пришла в голову интересная мысль. – Зовут как?

– Иси, господин.

– У тебя, Иси, на Сконсе своя земля или арендуешь?

– Арендую, господин.

– Семья большая?

– Я да она, – кивок на дочь, – больше никого. Спасибо тебе, господин!..

– Пожалуйста. У меня к тебе предложение, Иси. Оставайся у меня. Землю я тебе выделю. Тоже в аренду, но много не возьму. Голодать не будешь. И на обзаведение этого точно хватит, – я кивнул на кошель. – Согласен?

– К тебе, господин, хоть трэлем пойду, только дочку не отнимай! – Сконец собрался бухнуться мне в ноги, но я не дал.

– Свободным! – отрезал я. – Работой отблагодаришь. У меня в поместье лекарь есть, христианин. Дочь твою посмотрит, подлечит, если надо. Послезавтра жду тебя на этом самом месте. И на-ка вот, держи! – Я сунул ему кусок кожи с оттиском головы волка. – Кто спросит или обидеть захочет, скажешь: я – человек Ульфа Свити. Этого достаточно. Меня тут знают.

Свартхёвди я нашел в кабаке. Рядом с ним – мертвецки пьяный Тьёдар Певец и совершенно трезвый Вихорёк.

Интересная судьба у моего приемного сына. Сам он – из славян, но я подобрал его во Франции, где он был монастырским рабом. Мальчишка здорово нам помог, и взять с собой – это меньшее, что я мог для него сделать. Сейчас парню пятнадцать, и он уже настоящий воин. Против такого, как Морская Крыса, он, конечно, не устоял бы, но соревноваться с ним в меткости стрельбы я бы не рискнул. По-здешнему Вихорька зовут Виги. Что, собственно, и означает «воин».

– О тебе говорят, – проворчал Медвежонок. – Кое-кто в хирде Уббы Рагнарсона тобой недоволен. Ты убил их родича.

– Поединок был чистый, – ответил я. – И он был бы жив, если бы не напал на меня сзади после окончания поединка.

– Всё равно многим это не понравилось, – буркнул Медвежонок. – Эй, девка! Еще кувшин и кружку моему брату!

Пиво появилось вмиг. Свартхёвди цапнул девку за ягодицу. Девка пискну-

ла. Восторженно. Как фанатка, которую кумир по щечке потрепал.

– Дерьмовое пиво, – сообщил Медвежонок, рыгнув. – Но лучшего тут нет.

– Это тебя дома разбаловали, – я налил себе пива, отхлебнул... и согласился с побратимом.

– Ивар зовет нас на пир сегодня вечером, – сообщил я. – Этого – тоже, – кивок на застывшего в позе «мордой в салат» Тъёдара Певца.

– Возьмем, – кивнул Медвежонок. – До вечера он очухается. Скажи мне, брат, зачем ты вступился за того никудышного сконца?

Поскольку мои истинные мотивы Свартхёвди точно не заценил бы, я ответил в стиле правильного дана:

– Мне нужны люди.

– Ха! – Медвежонок грохнул кружкой по столу так, что на него оглянулись. – Хочешь посадить на рум сконского бонда? Он настолько хорош?

– Он храбр, раз приперся на суд Рагнара судиться с хирдманом его сына, но я собираюсь посадить его не к веслу, а на землю. У меня есть пашня, которую надо возделывать, но того, кто это делал, убили сконцы. Вот пусть другой сконец на меня и поработает.

Свартхёвди задумался...

– Полагаешь, этот бонд стоит того, чтобы ссориться с парнями Уббы?

– Главное, чтобы с самим Уббой не поссориться, – заметил я. – А с его хирдманами мы с тобой уж как-нибудь разберемся, берсерк! Скучно жить, когда у тебя нет врагов!

– Это точно, – согласился побратим. – Мы убьем всех!

На этом и порешили.

– Я купил рабов, – сообщил Свартхёвди. – Шесть голов. Восемь марок, дешевле не получилось бы.

Уж в этом я не сомневался. Торгуется Медвежонок, как... Примерно как его матушка. Только та упирает на то, что не стоит сердить колдунью, а Медвежонок светит татушками воина Одина и время от времени порывкивает по-медвежьи. На купцов действует.

– Еще две девки из Гардарики. Обе порченые. Ту, что получше, я попробовал. Скучная. Как корову попользовал.

– Корову? – очнулся Тъёдар. – Свартхёвди, ты попользовал корову?

– Нет! – рявкнул Медвежонок. – И если ты что-то такое вякнешь...

– Пон-нял. Никому не скажу! Ни слова! Тс-с-с! – И снова вырубился.

– Думаешь, он запомнил? – с беспокойством произнес Свартхёвди.

– Я прослежу, чтобы он помалкивал, – пообещал я с улыбкой.

Вихорёк хихикнул... И тут же изобразил невинность – под испепеляющим взглядом грозного родича.

– Так вот, – продолжал Медвежонок. – Две тир, снулые, но крепкие, и шестеро трэлей. Откуда – не знаю, по-нашему почти не говорят, но годные. Один, правда, строптивый: вся спина исполосована, но за это мне продавец скидку дал. И на круг – тоже скидку, – Медвежонок гордо посмотрел на меня, ожидая похвалы.

Я похвалил. Покосился на Вихорька. Тот явно желал что-то сказать, но вмешиваться в разговор старших не положено.

– Говори! – разрешил я.

– Этот строптивый – жрец Хорса, – сказал Вихорёк.

- Что, тоже из Гардарики? – заинтересовался Медвежонок.
- Нет. Он – из древлян. Но языка того же. А били за то, что работать не хочет. Говорит: ему не положено.
- Хорс – это кто? – спросил я.
- Это солнце, отец, ты не знал?
- А зачем? – уклонился я от ответа.
- Солнце – это хорошо, – одобрил Свартхёвди. – Будет артачиться – никогда своего бога не увидит.
- Это как?
- Свартхёвди с усмешкой показал, как выдавливают глаза.
- И зачем мне слепой раб? – возмутился я.
- Тебе не нужен, а мне пригодится. Будет жернов мельничный крутить.
- То есть водяной привод, который я тебе сделал, – не устраивает?
- А зимой как? – возразил Свартхёвди. – Зимой ручей замерзнет.
- Мне надоело препираться. В конце концов, это теперь мой трэль. Сам разберусь.
- В мяч поиграем? – предложил я, прикинув, что до вечера еще долго.
- Охотно! – Медвежонок вскочил, уронил на стол пару серебрушек. – Виги, этого не забудь, – кивок на спящего скальда.
- Медвежонок, – сказал я, когда мы вышли на свежий воздух. – Нам нужны еще две пары рук, знакомых с мечом и веслом. Займешься?
- Зачем это?
- Затем что маловато нас для Змея.
- В вик собрался? – оживился Свартхёвди.
- Не я, а мы, – поправил я побратима. – И не в вик, а в путешествие. Весна. Что дома сидеть?
- И куда? – спросил Медвежонок. – Куда ты хочешь?
- В Гардарику.
- Ну, я же сказал: в вик! – обрадовался побратим. – Это ты о тех девках подумал, да?
- И это – тоже, – настоящую причину я ему пока что называть не хотел. – Не против?
- Я готов, брат! Может, еще кого взять? Маловато нас для хорошего... путешествия! – Свартхёвди хохотнул.
- Нет. Пару бойцов найди, и довольно. Пока так сплаваем. Приглядимся.
- Меха там хороши! – мечтательно проговорил Медвежонок. – И добыть нетрудно, если знать, где хранят. Даже малым числом.
- Викинг и разбойник – это синонимы.
- Но я снова не стал возражать. Если я прав, всё устроится само. Если нет, то... Будем действовать по обстоятельствам.

Глава 2

Ульф уходит в вик

Жрец Хорса – это меня заинтересовало. Потому что вспомнилось святилище, в которое меня таскали на заклятие в начале здешней карьеры и где тамошний главный жрец меня забраковал. Что не может не радовать. Богатое было место. Я бы туда наведалься при случае.

Но выкроить время для беседы удалось, только когда мы вернулись домой. Я вспомнил о жреце, когда увидел его за работой. Служитель культа убирал

свинячье дерьмо. Надо полагать, проведенная Медвежонком профилактика возымела действие. Лишиться глаз служителю языческого культа не захотелось, и забастовку он прекратил.

Братец запугал раба основательно. Когда я его окликнул, трэль бухнулся на колени и так, на коленях, ко мне и подполз. Прямо по отходам свинской жизнедеятельности.

Я велел ему встать (по-словенски) и попытался выяснить географическую привязку капища, где он обитал.

Не получилось. И мужик был слишком перепуган, и я разбирался в географии древней Руси плоховато. Вскоре допрос пришлось прервать: приехал Свартхёвди.

И не просто так, а с пополнением.

Два волосатых парня, прикинутых как воины умеренной крутости. Защита – куртки с нашивками, меч только у одного, и, судя по ножнам, – не из элитных. Однако лбы здоровые. Каждый – на полголовы выше меня. Один – рыжий, другой – обычной расцветки, то есть, если вымыть, будет блондином.

– Это Скегги Красный, – представил Медвежонок рыжего. – А это – Скегги Желтый. Они – братья. Меж собой и наши тоже.

Братья вежливо поздоровались. С трудом. Голосовой аппарат у них не того типа, чтобы вежливости изрекать.

– Что можете? – спросил я.

Оба покосились на Медвежонка.

– Годные дренги, – сказал тот.

Дренги, значит. И давно они – дренги?

– В вики ходили?

Сдвоенный кивок.

– С кем?

– С Гуттормом Беззубым.

Ничего не говорит, ну да я и не спец. Важно другое: есть у Свартхёвди такая тема: родичей в хирд пропихивать. А их потом грохнут в первом же бою из-за отсутствия спецподготовки, и кого прикажете на румы сажать?

– Куда ходили?

– К ругам, – сказал Красный.

– И к вендам, – добавил Желтый.

– У вендов нас побили, – уточнил Красный. – Полгода назад выкупились.

Да, послужной список – не блестящий. Но люди мне нужны, не говоря уже о том, что у меня самого репутация – не ахти. Был свой хирд да весь вышел.

– К бою! – рявкнул я.

Переглянулись. Стоят.

– Медвежонок, у них как со слухом? – поинтересовался я.

– Хёвдинг хочет проверить, что вы можете, – донес до братьев мысль Свартхёвди. – Покажите ему!

– Чего?

Ладно. Интеллект рядового бойца в деле – не главное.

– Достали свое железо и начали меня убивать! – велел я.

– А зачем?

– Виги! – рявкнул я. – Тови! Сюда!

Оба названных охотно прекратили таскать груз для похода и кинулись ко

мне.

Тови Тюлень – из новобранцев. Молодой, но шустрый. И тоже наш, блин, родич. Ну этого хоть догнать удалось до приличного уровня.

– Убейте меня!

Этим повторять не пришлось. Клинки наголо, грамотный заход с двух сторон – и понеслась.

Я дал им порезвиться с полминуты, потом захватил клинок Тови и лишил его оружия. С Вихорьком пришлось повозиться: ловкий и легкий, умница. Не без труда поймал его на атаке и обозначил в грудь. Аккуратно, потому что парень без доспехов.

Братья наблюдали. С интересом. И еще зрители собрались, в том числе жена моя любимая Гудрун с уже намечающимся животиком, и наложница Бетти – тоже с животиком, но побольше.

Бетти я взял в наложницы по настоянию Гудрун, когда моя любимая решила, что у нее больше не будет детей. Ошиблась, к счастью. Ну, не выгонять же теперь Бетти? Тем более что англичанка – хорошая девочка. Храбрость проявила: целого викинга зарубила топором. И жену мою спасла. Вообще у Гудрун с ней какие-то особые отношения: примерно как у старшей сестры с младшей, хотя англичанка еще недавно была рабыней, а Гудрун – благородная датчанка.

– Поняли? – спросил я братьев.

– Ага.

– Так что вы стоите?

Заухмылялись. Дошло. Скинули со спин щиты, тоже разошлись, но недалеко. Явно приучены друг друга прикрывать.

– Зацепите меня – плавленый эйрир[206] каждому! – внес я в процесс серьезную материальную заинтересованность.

Оживились. Напали. Техника боя: «сила есть, ума не надо».

Что мне понравилось: друг друга действительно прикрывали. А так, конечно, подготовка слабенькая. Я шлепнул одного плашмя по ляжке, а второму, тоже плашмя, – по подбородку. Чувствительно. Даже кровь пошла, но я был ни при чем. Боец губу прикусил.

Остановились. Желтый потрогал бороду, посмотрел на красное на пальцах, потом на меня... Но возмущаться не стал.

– Медвежонок, – ласково поинтересовался я, – ты для чего их мне привел? Землю пахать? Так у меня теперь есть кому.

– Ты возьми их, брат, – почти жалобно попросил Свартхёвди. – Я их подучу. Они не такие дурни, как кажутся, увидишь!

– Ладно, – согласился я. – Ты отвечаешь. И... – сделал паузу. Глянул сурово на «цветных» братьев: – Без доли! Докажете в бою, что достойны, тогда поглядим.

– Как это – без доли? – возмутился было Желтый. – Мы ж хирдманами были!

– Тот, у кого вы были хирдманами, больше хирды не водит! – отрезал я. – Не нравится – не держу.

Братья поглядели на Свартхёвди. Медвежонок пожал плечами. «Я и так сделал всё, что мог, – говорило его лицо. – Кто ж виноват, что вы такие олухи?»

– Да или нет?

– Мы согласны, – синхронно пробормотали «цветные» Скегги.

– Тогда оружие – вон туда, а сами – в распоряжение вон того трэля! – Я кивнул на деловитого Хавчика.

– Как это – трэля? – возмутился Желтый, но Красный, прочитав по моему лицу, что еще слово – и вышибут, дернул брата за рукав, и тот заткнулся.

К вечеру мы загрузили драккар. Да, засиделись мы на Сёлунде. Всё прошлое лето, считай, никуда не ходили, разве что пару раз на континент – с германцами поторговать, но это близко. Зато ходили семейно. Я с Гудрун, Свартхёвди – с молодой женой, Скиди – аналогично. В общем, буржуйствовали.

Осенью прикупили еще сёлундской землицы. И мы, и хирдманы мои, Гуннар со Стюрмиром. Парни и наложницами обзавелись. Я был только рад. Они нам с Медвежонком хоть и не родичи, но, считай, братья по палубе.

Вообще нам нужен был этот год. И раны подлечить, и вообще отдохнуть, а то что ни лето, то поход, из которого сам не знаешь, вернешься или нет.

Я бы считал себя полностью счастливым, если бы не грызла мысль о Хрёреке.

Благодаря Хрёреку Соколу я стал тем, кем стал. Это долг, который невозможно возратить полностью, но хотя бы отчасти... Вдруг он жив и ему нужна моя помощь?

Год прошел неплохо, но мы соскучились по Лебединой Дороге. Настроение было... предвкушающее. Такое, что всё равно, куда идти.

Груза на продажу взяли без фанатизма. Немного тканей, немного трофейной посуды, еще кое-что – по мелочи. Часть Свартхёвди рассчитывал продать по дороге, в той же Упсале хотя бы. Да и драккар – не кнорр. Много не возьмешь. Обрато братец планировал привезти меха и воск. И то и другое можно было неплохо продать германцам.

Я ничего не планировал. Всё зависело от того, чем встретит меня Альдейгья. Она же – Старая Ладога.

В поход нас отправлялась чертова дюжина.

Мы с Медвежонком.

Стюрмир, мой старый друг еще с тех времен, когда мы ходили на «Красном Соколе» Хрёрека.

Мой бывший ученик, а ныне – сосед и опытный хускарл Скид.

Тьёдар Певец, скальд и боец, которого мы нашли в Норвегии. Ну как нашли? Он едва не прирезал моего братца. Однако Медвежонок оказался круче, взял Тьёдара в плен, и тот откупился знаменитой в узких кругах сагой о Волке и Медведе, которую я возненавидел уже после двадцатого повторения.

Еще Хавгрим Палица, тоже «обученный» берсерк, как и Медвежонок, и так же, как и он, в состоянии боевого безумия стоивший десятерых.

Гуннар Гагара, последний из моих норегов. Надежный и опасный, как франкский меч.

Из младших – Вихорёк, Хавур Младший, сын Хаки и Тови Тюлень.

Два «цветных» братца.

Еще я взял с собой и отца Бернара. Драться он не будет, но грести может не хуже любого из нас. И куда важнее, что он – лекарь.

Тринадцать человек. Этой команды не хватало даже на то, чтобы заполнить все румы нашего «Северного Змея», но набирать слишком много новых

бойцов я не стал. Учитывая наличие двух берсерков, да, и меня в придачу, мы и такой командой представляли грозную силу. Да и найти хороших и свободных воинов на Сёлунде – еще та задача. Здесь они нарасхват, и любой мастер меча и щита безусловно предпочтет пойти в дружину конунга или кого-нибудь из его сыновей, а не под команду такого сомнительного хёвдинга, как я.

Беспокоило отсутствие кормчего. Правда, Свартхёвди утверждал, что сам справится. Мол, в Альдейгью он ходил раз десять, да и выше по Мутной[207] поднимался. И солнечный камень у него есть[208]. Достался в наследство от нашего прежнего кормчего Уве Толстого, убитого сконцами. Мол, не парься, братик, доставлю в лучшем виде. Опять-таки положенные постороннему кормчему три доли уделять не надо. Экономия!

Проводы устроили в доме Медвежонка. То есть фактически это был дом моей тещи (и матери моего сына Хельги, только тс-с-с!) Рунгерд, но формально владел им Свартхёвди.

Рунгерд была прекрасна. Красивее – только моя Гудрун. Впрочем, и жена Медвежонка Фрейдис – тоже не подкачала. Особенно по скандинавским меркам. Папа у Фрейдис – главный норвежский конунг Хальфдан Черный. Медвежонку пришлось здорово упереться, чтобы получить ее в жены. Но любовь не знает преград. Особенно любовь берсерка. Так что теперь на руках Фрейдис – здоровенький лысенький сынишка, а на губах – самодовольная улыбка.

Плодится и размножается наша сёлундская семейка.

Просторный дом Рунгерд еле вместил всех чад и домочадцев, вместе с их ближайшими родственниками, которых перечислять – горло пересохнет. Многих из них, например Гримара Короткую Шею или Свана Черного, я охотно взял бы с собой, да только им это неинтересно. Первый – хёвдинг Ивара, второй – хольд еще одного Рагнарсона – Бьёрна Железнобокого.

Я особо не напивался. Чтобы прощальная ночь с моей любимой девочкой запомнилась нам обоим.

И она запомнилась, несмотря на то, что приходилось быть очень аккуратными.

– Твой сын растет, – сообщила Гудрун, погладив себя по выпуклому животу. – Возвращайся скорее!

Она не говорила мне: береги себя. Не сомневалась в моей удаче. Я, пожалуй, тоже. И плыл я не воевать. У меня – более обширные цели.

Глава 3

Заварушка у родных берегов

Да, я плыл не воевать. Но есть такой старенький анекдот: идет по лесу добрый молодец, а навстречу ему – баба Яга. С «калашниковым». «Да ты, милоч, никак изнасиловать меня хочешь?» – говорит добру молодцу баба Яга. «Что ты, бабушка! Даже и не думал!» – восклицает молодец. «А придется!» – общается бабушка, передергивая затвор.

Но это случилось позже. Сначала мы совершенно мирно шли вдоль берегов Дании. Без спешки. Время от времени останавливались, чтобы посетить родичей, которые нас кормили и снабжали на дорогу. Мы отдаривались.

Зашли и в Хедебю. К родне Хрёрека на этот раз я не сунулся. Попросил Скиди осторожно расспросить: не встречал ли кто Ульфхама Треску? Я знал, что главный «телохранитель» Хрёрека лечился у здешнего бонда. Может, и в сто-

лице был?

Безрезультатно.

Ко двору конунга всех данов меня не пригласили. По словам моего знакомого ярла Халлбьёрна, отношения между Рагнарсом и Хареком не складывались. Я же, по мнению здешнего общества, считался человеком Ивара Рагнарсона.

Надолго в Хебедю не задержались. Двинули дальше, вдоль побережья Швеции (тоже без эксцессов), а потом напрямик через море – в Финский залив.

Но это только теоретически – напрямик. По факту Медвежонок промахнулся этак километров на сто к западу, так что вышли мы не к Финскому заливу, как планировалось, а к побережью эстов.

Вот тут мирная жизнь закончилась, и нам пришлось удирать во все лопатки, когда два местных корабля, переполненных желающими пообщаться, пустились за нами в погоню.

«Северный Змей» оказался проворнее. Вообще он ходкий, мой кораблик. Вернее, наш с Медвежонком. Догнать нас непросто. Особенно если ветер попутный.

Места для ночлега теперь выбирали очень внимательно. Эсты – ребята хищные и скандинавов не любят. Когда наших много. А вот появиться на горизонте одинокий драккар с небольшим экипажем, тогда – наоборот. Готовы любить со всем пылом. Если догонят, конечно.

Финский залив я узнал. Он мало изменился за тысячу или сколько там лет. Даже небо – такое же, как там, в будущем. Серое и нерадостное. Аж чем-то родным повеяло. Можно сказать, земля моих предков.

Вскоре нам повстречались два кнорра, которые при виде «Змея» сразу стали забирать в сторону, поближе к берегу.

Потом еще один корабль, тип которого я не опознал. Этот сворачивать не стал. Большой. От такого нам уходить впору.

Но мы не стали.

– Нападут – им же хуже! – заявил Свартхёвди. – Это не наши, это здешние.

Не напали.

Через час показался еще один корабль. Большой и с приличной осадкой.

На парусе – бородатая красная рожа под черной свастикой.

– Эсты, – опознал Медвежонок, который и впрямь в здешних водах был не новичок. – Подойдем-ка глянем, что везут.

Все оживились. Кроме меня и отца Бернара.

Эсты не испугались. Их было раза в два больше. Думаю, что им тоже было интересно глянуть, что мы везем. С аналогичной целью.

Знали бы, что у нас на борту целых два берсерка, враз бы всю любознательность отшибло!

Наш товар издали не опознать, а вот что везут эсты, мы поняли сразу. Рабов. Много, никак не меньше трех десятков. И это – на палубе. А еще – в трюме?

Свартхёвди скривился. Рабы продаются неплохо, но это не тот товар, который стоит везти в Роскилле, а не в Гардарику. Там это уже статья не импорта, а экспорта.

В общем, не понравились нам эсты.

А вот мы им явно по душе пришлись. Драккар небольшой, следовательно, нас мало и плывем мы не грабить, а торговать. Причем осадка у нас

небольшая. Что это значит? А то, решили эсты, что на борту есть кое-что ценное.

Бабушка с автоматом немедленно оживилась. Вот он, добрый молодец, которого она ждала последние пятьдесят лет!

Я увидел, как их кормчий переложил руль, рабов начали стонять с палубы в трюм, а часть эстских бойцов заняли румы и вставили в лючки весла. Между нами метров четыреста, так что все эти замечательные приготовления плюс то, что ливы начали спешно вооружаться, не заметить было трудно.

Однако наш добрый молодец не собирался никого любить по принуждению. Наши оружейные ящики были уже открыты.

– Стюрмир, Гагара – мачту на палубу! – распорядился я.

Они хотят драки, они ее получают. Два берсерка в команде – это плюс двадцать к численности. Да и меня со счетов списывать не стоит. Это я буду списывать, когда до дела дойдет.

– Не торопимся, – сказал я застегивавшему панцирь Свартхёвди. – Этот кабанчик сам на вертел наденется.

Побратим оскалился по-звериному и рявкнул.

Типа, доброй охоты!

И мы не торопились. Даже весла прибрали.

Эсты еще издали заорали что-то оскорбительное.

– Не отвечать, – велел я.

Будем ждать молча. Так здесь не принято. Пусть задумаются. Может, мы – уменьшенный клон Нагльфара?[209]

Дистанция сто метров. Запели первые стрелы. Большинство ушло в воду. Хавгрим Палица вооружился огромным хогспьетом, тяжелым копьем с рубящим наконечником на длинной трубке и с металлической оковкой на хвосте – этаким прототипом алебарды, и пристроился на носу. Первое копьё прилетело именно в него. Хавгрим перехватил его левой и левой же послал обратно. Вопль. Попал, как и следовало ожидать.

– Бернар! – рявкнул Медвежонок. – К кормилу!

Монах команду выполнил. Держать руль – не проливать кровь.

Братец полез вперед, невежливо меня отпихнув, пристроился с другой стороны «дракона». Оба берсерка аж слюни пускали в предвкушении битвы. Пока что – фигурально выражаясь. Когда у них слюни потекут по-настоящему, вот тогда от них и надо бежать со всех ног. Но куда бежать, если ты – на палубе? Только за борт.

Эсты дружно втянули весла. Их корабль шел по инерции, вдоль борта уже собрались горячие эстские парни, держа наготове крючья и специальные «бородатые» топоры – брать нас на абордаж.

Мы молчали. Прикрывались щитами от редких стрел. Цель мы неудобная: изогнутый нос драккара прикрывает.

Хороший кормчий у эстов. Подошли тик-в-тик. Не ударились – притерлись. И скорость почти обнулили. Видать, понравился им наш драккар, не хотят портить. Тут я их понимаю. «Северный Змей» мне и самому нравится.

Прыгнули Свартхёвди и Хавгрим почти одновременно. Сразу, как только крючья соединили корабли и эсты дружно потянули за канаты, выбирая слабину. Прыгнули одновременно, но Свартхёвди было прыгать чуть дальше, так что он оказался ближе к корме, а Палица – ближе к носу. Зато заревели оба в

унисон, а рёв у берсерков такой, что сразу хочется забиться под лавку.

Проняло всех. Включая и тех, кто уже стоял на скамьях, готовясь десантироваться на нашу палубу... Что и сказалось как на численности прыгнувших, так и на их слаженности.

К нам, вразнобой, сиганули всего шестеро. Остальные оглянулись... и промедлили.

Вот это зря. У нас на палубе, пожалуй, им было бы безопасней.

Я походя срезал одного прыгуна и подвинулся, уступая «цветным» братьям. Пусть покажут себя в бою. И они сработали неплохо. Парой. Встретили тоже двоих и вполне прилично отбились. Ранили одного в руку, а второго просто спихнули с борта. Мужик угодил в щель между кораблями, заорал, когда его притиснуло.

Стюрмир наклонился, ухватил его за ворот, и, когда борта немного разошлись, выдернул эста из щели, как репку из грядки. Содрал шлем и долбанул по макушке. Эст сомлел, а Стюрмир тяжело вздохнул. Драки ему не досталось. Попытка высадки была заблокирована, а на чужой палубе лютовали берсерки. Соваться туда не стоило, пока у них не кончится заряд.

Заряд кончился только у Хавгрима. У Медвежонка враги закончились раньше, и он сумел вовремя остановиться. Сидел у мачты, тяжело дыша, но в сознании. Вокруг – побитые эсты. Девятнадцать штук. Как-то даже неспортивно. Было больше, но часть сиганула за борт. Тоже почти гарантированная смерть, если в доспехах, но я уже заметил: берсерк – это не только сверхскорость, мощь и неуязвимость, это еще и какое-то подсознательное, inferнальное воздействие. Неконтролируемый ужас.

Противостоять ему можно. Если ты – воин с железными нервами. В окружении таких же, как ты. Но стоит растеряться или поддаться панике – и ты покойник.

Впрочем, двое смывшихся ухитрились не утонуть и плыли сейчас к недалекому берегу. Упустить их было бы неправильно. Не заслужили.

– Отцепляемся! – скомандовал я. – За ними! – Я отправил отца Бернара на рум (он как гребец поздоровее меня), а сам встал за руль. Драккар развернулся идеально. Пара минут – и мы обогнали ближайшего, еще полминуты – и поравнялись со вторым.

– Собью его! – азартно воскликнул Вихорёк, хватаясь за лук.

– Не стрелять! Живьем! Гуннар!

Норман втянул весло, скинул пояс, бронь и сиганул с борта прямо на беглеца.

Под воду ушли оба, но в результате я даже не сомневался. Викинги плавают отменно, причем при любой температуре, а дерутся в воде, как натуральный подводный спецназ. А норманы – те вообще даже не «тюлени», а белые медведи.

Гуннар вынырнул, придерживая потерявшего сознание эста.

Ему сбросили веревку и в шесть рук вытянули обоих из воды. Потом вернулись к первому. Этот сразу завопил:

– Я сам, только не убивайте!

– Вот этого я тебе обещать не могу, – пробормотал я, но достаточно тихо, чтобы эст не решил, что утонуть – лучшая перспектива.

Глава 4

Знакомцы из прошлого

Ничего интересного мы от эстов не узнали. Обычные работорговцы на «чартерных» рейсах. Скупают челядь у ближних князей, возят к себе и перепродают другим торговцам живым мясом.

Почему на нас напали? Да кораблик наш понравился. Да кто ж знал, что у нас в составе аж два берсерка? Покойный капитан эстов сказал, что на таком драккаре удобно набегать совершать: небольшой и быстрый. Налетел, похватал двуногую добычу и смылся.

Эсты специализировались на работорговле и заботились о развитии предприятия.

А бизнес у них процветал. Здесь у эстов имелся отличный партнер: князь Водимир. Не первый год с ним сотрудничали. Человек достойный и происхождения правильного: сам на четверть – эст, со старшей женой ихнего, эстского, князя, в кровном родстве состоит.

«Вот же сука, – подумал я. – Собственными подданными торгует».

И оказался не прав. Подданными князь Водимир не торговал. А вот теми, кто отказывался ими стать...

Я узнал это, когда живой товар выгнали из трюма. И тут меня ждал сюрприз.

Квашак!

И Быська!

Сын кузнеца, приютившего меня, в прямом смысле голого и босого, только-только оказавшегося в этом славном мире, Квашак выглядел – не ахти! Худой, нос на сторону, хромает и вообще весь какой-то перекошенный...

Меня Квашак не узнал.

Не удивительно. Тут же не столько лицо смотрят, сколько одежду, а по одежке я – если не князь, то где-то около того.

– Вымойте его, – велел я. – Только в воду не кидайте, помрет. Вымойте – и пусть отец Бернар его осмотрит. Потом – ко мне. С остальными тоже разберитесь.

Сделали без вопросов. Да и какие вопросы? Хёвдинг сказал, дренги и хускарлы – исполнили.

– Ничего серьезного, – сообщил результат осмотра монах. – Ребра были сломаны, но срастаются нормально. Нос сросся криво, надо снова ломать, иначе дышать будет трудно. Хромота останется, но жизни не угрожает. Он – кузнец?

– Как догадался?

– Так видно же, – удивился отец Бернар.

И впрямь видно. Телосложение у кузнецов – специфическое. И мелкие ожоги на коже опять-таки.

Привели парня. Нет, не парня уже – мужика. Несколько лет – срок немалый.

Да, нос конкретно на сторону... Ну, не будет тянуть кота за амортизаторы.

Классический свинг слева – и нос хрустнул.

Прежний Квашак наверняка полез бы драться, этот стерпел. Даже хлынувшую кровь утирать не стал. Покорно ждал продолжения.

– Отец Бернар, твоя очередь!

Монах подошел, ухватил парня за злосчастный нос. Тот замычал.

– Стоять! – рявкнул я.

– Спокойно, – проворчал монах по-скандинавски. – Тебе не больно. Ну, вот и всё. Скажи ему, Ульф, чтоб больше не трогал, пока не заживет. Тогда прямым будет.

Я перевел.

Квашак удивился.

– Отец где? – спросил я.

– Чей?

– Твой, дурень! Коваль!

– Так убили его.

– Кто?

– Так ваши и убили, – простодушно удивился Квашак. – Князя Водимира гридни.

– А с чего ты решил, что мы – гридни Водимира?

– А чьи ж еще?

М-да. Папаша-то поумнее был. Так, попробуем с Быськой.

Эта тоже меня не узнала.

– За что убили отца? – спрашиваю. И – развернутый ответ. Минут на пятнадцать. С кучей нужных и ненужных подробностей, но в целом – ясно.

Водимир решил налаживать вертикаль власти. Для чего, надо думать, разослал по окрестностям своих людей с целью превращения свободных граждан в податное сословие.

Некоторые соседи Ковалья, узнав о таком лихе, попрятались по лесам, где их искать – долгое и непродуктивное занятие. Другие согласились уйти под княжью «крышу». Коваль не согласился. И в лес не сбежал, остался. Решил: кузнец – нужный военным людям человек. Не обидят. И вообще: чего бежать со своей земли, которую ты и предки твои от леса вычищали? Ну и кузница, опять-таки. Кузницу целиком в лес не утащишь. Муж Быськи тоже сбежал. А она осталась. Верила в отцовскую мудрость.

Коваль ошибся. Нет, сначала ему предложили культурно: перебирайся в город. Вернее, в пригород. Будешь на князя работать, а князь тебя не обидит. Треть того, что заработаешь, – тебе.

«А почему – треть? – удивился Коваль. – Я что, холоп княжий?»

Будешь – холоп, объяснили ему. Зато не тронет никто, и заказов станет несравненно больше.

Коваль заартачился. Люди Водимира настаивали. Слово за слово – и до драки дело дошло. Ну, и убили Ковалья. Надо думать, случайно. Дрался хорошо, вот и не сдержал кто-то руку.

На этом вежливый разговор закончился. Дружинники Водимира забрали всех, включая даже младенчика, и увезли в город. И всё добро, что нашли (а нашли не всё, поведала Быська и намекнула, что могла бы показать), с собой увезли.

А тут как раз корабль эстов пришел в город, ну, и продали их. Тех, кто взрослые и помоложе. Никто даже не поинтересовался, что Квашак – кузнец.

– А он кузнец? – уточнил я.

– Ага, – ответила Быська. – Отец говорил: сам уже всё может, даже меч ковать.

Глядя на Квашака, этого не скажешь. Кузнецу всё же некоторая толика мозгов нужна. Но вдруг?

Стоило мне отпустить Быську, как Вихорёк тут же поинтересовался: не решил ли я оставить бабу для себя?

Я мотнул головой, и довольный Вихорёк тут же отправился раскручивать ее на секс. Прямого насилия я не допускал, разве что для Медвежонка делалось исключение: мы – в равных правах. Но здесь рабы не отказывают хозяевам. Не прибили, и спасибо.

– Кнорр продадим, – сказал мне Свартхёвди, отоспавшись. – Трэлей – тоже. В Альдейгье и продадим. Или по дороге. Невыгодно, конечно. Здесь за трэлей хорошей цены не дадут, да возиться неохота.

– Двоих продавать не будем, – уточнил я. – Они свободными были. Их местный князь незаконно свободы лишил.

– А нам – что?

– А то, что их отец мне когда-то гостеприимство оказал!

– Тогда другое дело, – согласился Медвежонок.

– А они – не родичи тебе? – вдруг спросил Тъёдар, который в этот самый момент занимался сочинением хвалебной песни Медвежонку и Палице.

– Шутишь?

– Жаль, – вздохнул скальд. – Были бы родичами, тогда я бы в вису вставил. Красиво бы получилось. Ульф Хвити поражает эстов, чтобы спасти родичей.

– Ты же о нас с Палицей сочинял? – ревниво вмешался Свартхёвди. – Что мы всех эстов убили.

– Это песня! – с важностью заявил Тъёдар. – В песне убивает тот, о ком можно сказать красивее!

Медвежонок набычился, и я поспешил его успокоить:

– О тебе будет песня! Не родичи они мне!

Побратим успокоился и отправился оценивать наше живое имущество.

Второй участник будущей драпы спал. И спать ему предстояло минимум до завтрашнего утра. Берсерков отходняк.

Квашака посадили на рум корабля эстов. Этот дурак еще упирался, кричал, что бок сильно болит. Но когда Вихорёк, взявший шефство над ним и сестрой, пояснил, что взятое в руки весло сделает Квашака свободным человеком, боль в боку сразу резко уменьшилась, и греб он очень даже неплохо.

В трофейную команду кнорра я решил включить пятерых: себя с Вихорьком как понимавших словенский, а также Хавгрима Палицу, Гуннара Гагару и Стюрмира – дабы у живого имущества не возникло дурных мыслей. Ну и грести, конечно. Я же сам монополизировал место у руля, с удовольствием вспоминая уроки Ольбарда Синеуса и сожалея о том, что на время нашего похода отдал должность кормчего на откуп Свартхёвди.

Устье Невы. Течение встречное, но слабенькое, а ветер – подходящий. Так что идем в основном под парусом. Всё время начеку, потому что на берегах – шевеление. А кто там: мирные чухонцы или немирные... чухонцы?

Два корабля – не один. Повнушительнее. Идем без остановок, пока ветер в нужном направлении. «Морской Змей» притормаживает, чтобы мы не отстали. Борюсь с искушением: посадить на румы еще парочку из рабского сословия. Тех, кто покрепче. Удерживает взгляд. Нехорошо смотрят: такие будут

пресмыкаться, когда ты в силе, а расслабишься – прыгнут на спину. Если не струсят. Рабы, одним словом. Вихорёк пасет их, как мальцом пас во Франции монастырских овец.

А еще я знаю, что они такими не были. Слишком хорошие зубы для рабов, слишком прямые спины, которые они лишь недавно научились гнуть. И у многих на этих свежесогнутых спинах – следы кнута.

В прежние времена я бы сказал: сломать можно всякого. Теперь знаю, что это не так. Попробуй-ка сломать Медвежонка! Ломалка хрустнет. Даже за Вихорька я спокоен: этот, может, и прогнется, но не сломается. Пара лет на одной палубе с викингами, в брызгах крови, своей и чужой... Хрен его теперь сломаешь.

В дальнейшем оказалось: прав я был насчет Вихорька. Но об этом – позже.

Но эти бывшие смерды – не воины. Их согнули.

– Мужей били всех, – говорит Быська. – Без всякой провинности били. Просто так. Днем, ночью, когда захотят. Глаза поднимет или голову... Находили за что.

С женщинами обходились иначе. Их не били – унижали. Не хочется даже пересказывать, как. Приучали к покорности. И приучили. Опыт что у князьих людей, что у работорговцев немалый. Впрочем, я не стал бы упрекать их в жестокости. Время такое. Я видел, как приучают к покорности викинги. Эти не плеткой отходят, а живьем шкуру спустят и солью посыплют. Так что дружинники Водимира – они еще гуманные в сравнении с нашими.

Интересно, что будет, если мои надежды не оправдаются и в Ладоге я увижу того же Водимира.

Всякое может быть. Для правителя с такими амбициями и такими возможностями спихнуть Гостомысла и занять ключевое место – вполне реальное действие.

Что-то я проголодался. Подаю знак Вихорьку, тот командует одной из женщин, и минут через двадцать мне приносят очищенное от костей рыбье филе, обжаренное здесь же, на палубе. Неплохо устроились эсты: даже кухню оборудовали: «подстилка» из глины, а сверху – железная коробка с углями. В хорошую погоду вполне можно готовить.

Одной рукой рулю, другой ем рыбу, которую держит на бронзовом блюде холопка. Запиваю пивом, нацеженным из личного бочонка.

Солнышко светит, жизнь прекрасна. А главное – непредсказуема.

Глава 5

Ладога. Недобрая встреча

Неву прошли не без трудностей, но потерь не было.

Один раз нас обстреляли во время стоянки – ранили раба.

Другой раз Свартхёвди, отойдя по надобностям, изловил лазутчика: белобрысого лопухого парня, который не говорил ни по-словенски, ни по-скандинавски, зато обладал поистине скандинавской практичностью: попытался стырить отложенный в сторону воинский пояс Медвежонка. Попался, конечно.

Его мы присоединили к остальным рабам. Искать родичей, готовых выкупить клеptomана, – недосуг. Сами найдутся. Паренек оказался полезным. Рыбу ловил – как медведи лососей, когда те на нерест идут. Одну за другой.

Ладога встретила нас замечательно – полным отсутствием волнения и без-

ветрием. А еще парочкой драккаров, прошедших значительно севернее и слишком далеко, чтобы разобратъ, чьи, поскольку паруса их были спущены.

Мы-то старались держаться южного берега озера, которое, как я помнил, местные называли озером Нево, потому что Свартхёвди боялся пропустить устье Мутной, то бишь Волхова, а эти шли открытой водой. Каждый из драккаров был раза в полтора крупнее «Северного Змея», и оставалось лишь радоваться, что нами они не заинтересовались.

Может, потому, что «дракона» с носа мы предварительно сняли и белый щит на мачту подняли?

Волхов мы не пропустили. И Ладогу-Альдейгью – тоже. Ее трудно было пропустить, поскольку миновать пороги можно было только через волок. Ну да мы пока что дальше идти не собирались.

Ага! А Ладога-то расширилась. Вроде бы еще один терем появился неподалеку от главной крепости, и домов стало побольше. Да и на другом берегу тоже что-то такое... Типа укрепления.

И кораблей изрядно. Не Роскилле, конечно, но, пожалуй, немногим меньше, чем на пристанях столицы норвежского конунга Хальфдана Черного.

А вот с местом тут посложнее, чем в норвежском фьорде. Там-то хоть на рейде можно остаться, а здесь вторым рядом не очень-то «запаркуешься».

Однако я уже знал, как решаются подобные проблемы. Так что наши корабли неторопливо двинулись вдоль берега, где под невысокой кручей теснились разного калибра суденышки.

Углядев подходящее место, занятое какими-то рыбацкими шаландами, я крикнул Свартхёвди, чтоб притормозил, и принялся договариваться. Щепотка серебряных монет, и освободилось ровно столько места, чтобы втиснуться «Северному Змею». Трофейный кнорр пристроился позади. Перебросили сходни с борта на борт.

– Что дальше? – спросил Медвежонок.

– Пошли князю представляться, – сказал я. – Надеюсь, он нас не забыл?

Медвежонок пожал плечами. Несколько лет прошло. Это по здешним меркам – много. Кто поручится, что и сам князь Гостомысл – жив?

– Хавгрим, мы уходим, – сообщил я. – Ты – старший. На берег никого не пускать, этих, – кивок на трэлей, – тоже.

– Само собой, – пробасил дан. – Если спрашивать будут, что отвечать? Или сразу – бить?

– Вот драки не надо. Скажешь: старшие ушли к князю. С подарками.

Кстати, о подарках: Хрёрек Гостомыслу в свое время меч подарил, но на мой взгляд – это слишком жирно. На первый раз и кинжала хватит. И отрез шелка – женской родне в подарок.

– Квашак! С нами пойдешь. Вот это понесешь! – Я вручил ему завернутые в кожу подарочки. Самому тащить – несолидно.

Пока шли вдоль берега, я приглядывался к кораблям. Штук пять было точно нашей, скандинавской работы. Но без парусов, без носовых фигур мне их было не опознать.

Медвежонок тоже не нашел знакомых. Но сказал, что корабли северной сборки здесь всегда были. Причем свейских и норегских больше, чем наших, датских. Просто потому, что от нас сюда плыть дальше.

Глядели на нас с интересом: мы с Медвежонком – колоритные. Народ же нам навстречу попадался по большей части мирный, хотя ножи на поясах почти у всех. Свободные, значит.

Но не все. Вот рядом с вместительным кораблем, похожим на наш трофейный, кучка явных трэлей. Расположились прямо на земле вокруг котла, хлебают что-то. И надсмотрщика за ними я что-то не вижу. Вообще воинов не вижу.

Зато прямо под кручей – небольшой рыночек. В основном жратва. Может, прицениться?

Не успел. Мы поравнялись с «таможней». Понятно, она была у «парадного входа». Прямо над нами – главные ладожские укрепления. Наверх – удобная лестница. У воды – три нормальных причала. К одному из них пришвартовался драккар Хрёрека, когда я впервые увидел этот город.

Сейчас эти козырные места свободны. Знал бы – сюда бы и подошел. Тут только одно судно стоит, и явно здешней работы: вместительное, с высоченными бортами и какое-то... неуклюжее, что ли?

Я б на таком в море выйти не рискнул.

– Кто такие?

Ага. «Таможенники». Ничего так, справные парни. Плечистые, бородатые, в козырных куртках с бляшками. Вооружение скромное, но качественное: щиты, копья, топоры. Лидер помоложе и прикинут получше – с мечуганом. Бородка расчесана, шлем красивый, полированный. Пижон. Я бы на его месте сверху платок намотал. Солнышко-то – греет!

Наши шлемы на поясах висят. Драться мы не собираемся, пусть гривы проветрятся.

– Даны, – ответил я спокойно, но подумал, что «таможенник» мог быть и повежливее. Видит же, что непростые люди. И корабли наши наверняка срисовал. – Я – Ульф Свити, Белый Волк, по-вашему, а это – Свартхёвди, сын Сваре по прозвищу Медвежонок.

– Что хотите? Что на продажу?

Даже не представился. Пижон и наглец. Сынок чей-нибудь, не иначе.

– Пока поглядим просто. Там видно будет.

Пижон сказал что-то своему подручному, и тот отправился вдоль берега – на корабли наши вблизи полюбоваться. На палубу-то его точно не пустят.

– Десятую долю князю! – заявил пижон. – Без разницы – дальше пойдете или здесь расторгуетесь.

– Изрядно, – заметил я. – И давно так?

– Для тебя, дан, – всегда! – отрезал «таможенник».

Свартхёвди оскалился. По-словенски он понимал с пятого на десятое, но интонацию ловил отлично. Скрестил руки на груди так, чтобы татуировку было видно.

Нет, не понял пижон. Надо полагать, никогда раньше с берсерками не встречался.

Я молчал. Этот – тоже. Громко топая, примчался подручный. Очень взволнованный. Сразу забубнил на ухо начальнику.

У того сразу на роже написалось: Вот! Я так и знал!

– Вы, даны, уже и здесь поразбойничать успели! – строго произнес он. – Здесь у нас – не там! Ответите по правде!

– Значит, мы, по-твоему, разбойники? – вкрадчиво поинтересовался я. – А

почему так решил?

– А кто ж вы еще, если захватили снейку Виитмаса Щеки?

– А вот это, человеке, я буду говорить не тебе, а твоему князю! – Моему терпению пришел конец.

– А не много ли ты о себе возомнил, дан? – заорал пижон, хватаясь за меч, но еще не настолько потеряв разум, чтобы достать его из ножен. – С каким это еще князем ты будешь говорить?

– А у вас их много, князей? – осведомился я, тоже опуская руку на оголовье меча. – Когда я был тут в прошлый раз, вроде один был. Гостомыслом звали. Ныне что, другой? И кто же, хотелось бы знать?

Ну да, я не очень-то надеялся услышать заветное имя. Более опасался услышать другое: Водимир. Это было возможно, учитывая то, что я узнал от Быськи.

Тогда – полный крах моих надежд во-первых, а во-вторых – очень щекотливая ситуация, из которой, пожалуй, выбраться будет нелегко.

Ни один князь не останется равнодушным, узнав, что какие-то посторонние убили его делового партнера, пусть даже тот и повел себя неправильно. Есть свои, а есть чужие. Когда чужие убивают своих, им это сходит с рук, только если за ними стоит реальная сила. А за нами сейчас таковой не наблюдалось.

– Узнаешь, когда на правез встанешь! – отрезал пижон. И своим: – Забрать у них оружие!

– Возьми, если сможешь, – очень вежливо произнес я. А чтобы «таможенник» не обманулся моей вежливостью, упер ему под подбородочный ремешок Вдоводел. Пижон даже дернуться не успел.

За моей спиной прошелестело: это выскользнул из ножен меч Медвежонка. Он встал рядом: меч – в правой, левая уже нахлобучила подбитый войлоком шлем, улыбка такая неприятная, что подручные пижона невольно подались назад. Очко-то не железное.

– Что ж ты больше ничего не приказываешь, малыш? – поинтересовался я. – Что-то с горлышком, да? И как тебе мой меч? Ты, малыш, даже не представляешь, что я могу с ним сделать. Могу, к примеру, язык тебе подрезать. Снизу. Чтоб вежливости научить. Хочешь?

Пижон молчал. И не потому что говорить было неудобно – я к его шейке едва прикасался.

– Страшно, да? – участливо спросил я. – Так ты не держи в себе. Напруди в штанишки. Сразу полегчает. Что страдать-то перед смертью?

Нет, убивать я его не собирался. Я не слабоумный: убивать представителя власти на глазах его подчиненных и, что еще важнее, ввиду стен княжеской резиденции. Кто бы ни был здесь князем, за своего он спросит со всей строгостью. И еще: я был почти уверен, что за нами наблюдают. Не может быть, чтобы в крепости не было дозорных. И уж совсем сомнительно, что эти дозорные не заметят нашей маленькой демонстрации силы. Глядишь, и появится кто-нибудь поумнее. Или достаточно сообразительный, чтобы понять: да, с нами можно разобраться. Но цену мы за себя возьмем такую, что мало не покажется.

Ага! Я был прав. Вон бегут! Вприпрыжку. Штук десять бойцов, а впереди...

А впереди – варяг! Точно, варяг! Очень характерные усики!

Блин! Мне как-то сразу полегчало. Пусть этот варяг может быть просто слу-

чайным наемником местного князя, кто бы он ни был, но варяг – это варяг. Не может он не знать Ольбарда и Трувора, а мы с ними, считай, были братьями по палубе. И не хочется думать, что – были...

Варяг! Вдобавок – обоерукий: вон, два клинка в руках. Лицо вроде незнакомое... Или – нет?

– Волк! – еще издали закричал варяг по-скандинавски, вбрасывая клинки в ножны. – Медвежонок!

Команда у него за спиной сразу затормозила.

Я тут же убрал клинок, прищурился, пытаюсь узнать: кто же это?

И наглый пижон немедленно потащил наружу меч...

Достать не успел: варяг отпихнул его довольно невежливо и сграбастал метровыми ручищами. Одной – меня, другой – Медвежонок.

– Братья!

И тут я его узнал. Харра Стрекоза. Надо же как заматерел. Усы отрастил!

У меня уже улыбка до ушей. Прав я, прав оказался! Или – нет?

– Хрёрек? – спрашиваю. – Как он?

– Поправляется. – И тут же, настороженно: – А ты откуда знаешь?

– Догадался. Он же меня еще во Франции на праздник сюда, в Ладугу, пригласил. Я запомнил. Хотя что за праздник, до сих пор не знаю.

Харра глянул на Медвежонок, потом спросил по-русски, вернее, по-словенски:

– У вас там еще кто-то знает, что Хрёрек – в Ладуге?

Я покачал головой. Харра повеселел.

– На праздник ты опоздал! – сообщил он. – Но Хрёрек тебе будет рад. Только учти: его теперь на наш лад зовут, Рюриком. Запомнишь?

– Уж как-нибудь, – отозвался я. Еще бы я не запомнил это имя. Вот значит как оно оборачивается. Ну, поглядим.

– Эй! – крикнул нам вслед пижон в полированном шлеме. – Куда ты его ведешь, Стрекоза? Он – разбойник! Его надо задержать и на правеж!

– Ого! – Харра мгновенно развернулся. – На правеж? Уж не с тобой ли, Бобрёнок?

– Он корабль захватил! – стоял на своем пижон. – Не знаю, кто он тебе, а разбойничать никому нельзя! А он корабль захватил. Снекку Виитмаса Щеки! Так же нельзя! – Пижон совсем распереживался. Даже когда я ему жало под бородку сунул, и то не так волновался. Покраснел, губы дрожат... Кажется, вот-вот заплачет.

«А ведь он – совсем мальчишка, – подумал я. – Года на два старше моего Ви-хорька».

– Было дело? – спросил по-скандинавски Харра, оборачиваясь ко мне.

– Еще какое, – усмехнулся я. – Плыли себе, никого не трогали, и тут – этот работороговец навстречу. И без лишних слов – на нас.

– Вот так уж сразу и напал? – усмехнулся Харра.

– Он думал, что умеет считать, – вмешался Медвежонок. – Думал: всё правильно сосчитал: нас тринадцать, включая отца Бернара, которому, как ты помнишь, его бог убивать не велит. А их – три десятка. Так он посчитал. И ошибся.

– А в чем ошибка? – Харра был заинтригован. – У вас в трюме засада была?

– У нас совсем небольшой драккар, – сказал я. – И трюма вообще нет.

– Тогда в чем ошибка?

– А считать надо было не так, – ухмыльнулся Медвежонок. – Десять хирдманов и два воина Одина!

– Два? – Харра сразу напрягся, а я вспомнил, что варяги не очень-то доверяют берсеркам. И есть причина. Подавляющее большинство воинов-оборотней – это не столько подмога в бою, сколько огромный гемор во всё остальное время. – Одного я вижу, а где второй?

– Им бы и одного меня хватило, – самоуверенно заявил Свартхёвди. – А второй – брат мой, Хавгрим Палица. Ты его не знаешь. Но узнаешь, придет время. Бойся нас, Стрекозенок! – зарычал страшным голосом, что Харру явно не успокоило.

Его успокоил я.

– Хавгрим – мой человек, – сказал я. – Я оставил его присмотреть за кораблями. И еще: он спускает своего зверя, когда сам пожелает, а не наоборот. Если никто не станет нападать на нас, насчет Хавгрима можешь не беспокоиться.

– В этом не сомневайся! – буркнул Харра. Он больше не улыбался. – Бобрёнок! Эти люди, – кивок на меня и Свартхёвди, – близкие друзья князя Рюрика. Ты понял? Очень близкие друзья, почти родичи. И если кто-то тронет их людей или то, что им принадлежит, я лично приглашу тебя на перекресток! Ты понял меня, Бобрёнок?

– Моему князю Гостомыслу это не понравится, – пробормотал пижон, смиряясь.

Но Харра его уже не слушал, почти бегом устремился наверх. Мы – за ним.

– Слушай, а почему Бобрёнок? – спросил я на ходу.

– Тестя его Бобром зовут. Ближник он у Гостомысла. А этот – на дочке его женился. Вот тестя его к Гостомыслу и подвел. Сам-то он ничего, Бобрёнок, с пониманием. Но сегодня его первый раз на пристань поставили. Старшим над мытниками. А тут вы... Вот он и растерялся. Вы зла на него не держите. Как ему велели, так он и делал. Зеленый совсем, как... – Харра задумался и заключил: – Как сопля.

– Если б мы зло на него держали, Стрекозка, его головенка уже лежала отдельно от тельца, – сообщил Свартхёвди. – Ты лучше скажи: что это за праздник, на который мы опоздали?

Глава 6 Княжья пирушка

Хоромы Хрёрека-конунга, вернее князя Рюрика, выглядели не столь солидно, как расположившийся прямо над пристанью теремок князя Гостомысла.

И размер поскромнее, и оградка пожиже. А вот внутри, склонен думать, у Рюрика было покруче. Вряд ли стены Гостомыслова кремля украшали французские гобелены и заимствованные в Луне золотые статуэтки. Разве что сам Хрёрек ему и подарил.

Увидев конунга, нет, теперь уже князя, надо привыкать, я сразу понял, почему Харра сказал: «поправляется».

Понял, когда Хрёрек поднялся и пошел нам навстречу. Двигался он как-то скованно. Нет, не горбился и не хромал, но как будто заново учился управлять своим телом. Мне это состояние знакомо: я сам уже дважды, считай, заново учился пользоваться правой рукой.

А еще он сбрил бороду. Теперь его украшали только длинные усы. На воряжский манер.

– Рад видеть тебя, Медвежонок! И тебя, Ульф Черноголовый!

– Свити, – поправил его мой побратим. – Теперь его зовут Ульф Свити!

– Белый Волк? Звучит неплохо.

Он обнял нас: сначала Свартхёвди, потом – меня. Кое-какая сила у него в руках была, что радовало. Для меня Хрёрек был эталоном воина и вождя. Видеть его инвалидом было бы чертовски обидно.

– Нашли, значит!

– Он нашел, – ткнул в меня пальцем Медвежонок. – Я, клянусь бородой Тора, даже и не думал, что этот мелкий хёвдинг приведет меня к тебе. До сего времени молчал! Вздуть бы его, да нельзя: старший брат.

Хрёрек расхохотался.

– Ты меня звал в гости, я пришел... И врать не буду: рад видеть тебя живым и здоровым! – Улыбка так и не сходила с моего лица. Когда-то Хрёрек был для меня недостижим, как небожитель. Сейчас...

Может, как старший брат. Что-то очень теплое. Совсем не то, что – с Рагнаром и сыновьями.

Тут я вспомнил, но спросить не успел.

– Что я жив, за то богов надо благодарить и вот их, – кивок в сторону Харры. – На руках меня несли. Ульфхам грудью закрыл, когда щит разбили...

– Он выжил, Ульфхам, – сказал я. – Мы заглядывали к бонду, который его выхаживал. Его дочь до сих пор по Ульфхаму сохнет. И папаша не против. Небедный, кстати, папаша.

– Еще бы ему быть бедным! Столько за меня взял, что на дюжину хватило бы! – В дверях стоял Ульфхам Треска собственной персоной.

Обнялись.

– Мне говорили, ты приходил к нашим в Хедебю, – сказал Ульфхам. – Но Хедин Морж сказал: тебе нельзя верить.

– Почему это? – возмутился я.

– Ты пришел на корабле Мурхи Лиса, а о нем известно, что он – человек Ивара, – рассудительно произнес Ульфхам. – И о тебе говорили то же. Как можно доверять тому, что служит Рагнарсонам?

– А сейчас мне, значит, доверять можно? – произнес я с вызовом. Не то что бы я не понимал логику Трески... Но она мне не нравилась.

– Ты пришел, а драккаров Сигурда Змееглазого я что-то не вижу.

– Ну, один из его драккаров ты точно мог видеть, – бросил я камешек наугад.

Хрёрек и Ульфхам переглянулись.

– Сигурд знает? – спросил конунг.

Я мотнул головой:

– Ему сказали, что это кто-то из Асов позаимствовал его драккар.

– И он поверил?!

– Настолько, что даже лишил жрецов Оденсе ежегодного пожертвования.

Ульфхам и его конунг развеселились. Треска прикрыл глаз ладонью и произнес inferнальным голосом, обращаясь к Медвежонку:

– Сколько ты убил во славу мою, берсерк?

– Ты пошути – и еще одним шутником в Валхалле станет больше! – пообещал.

щал Свартхёвди.

– Не хочу тебе лгать, князь, – сказал я по-словенски, – но Ивару Бескостному я должен. Он здорово помог мне, когда возникла нужда. Я поклялся, что приду по его зову и встану под его знамя против любого врага, если это будет не мой родич или не тот, кому я поклялся в верности.

– Тогда почему ты здесь? – куда менее радушно, чем раньше, произнес Хрёрек.

– Я искал тебя. Хотел убедиться, что ты жив, и не нужна ли тебе моя помощь, – ответил я. – И, не знаю, помнишь ты или нет, но я когда-то клялся тебе в верности.

– Я помню, – сказал конунг. – Но время идет, и клятвы забываются.

– Не мной, – возразил я. – Я здесь, и ты можешь на меня рассчитывать.

– А что же Ивар Рагнарсон?

– Пока он меня не звал. И ты должен понимать: я не так силен, как ты, чтобы ссориться с сыновьями Рагнара. Кроме того, моя жена и моя новая родня живут на Сёлунде.

– Я понимаю, хёвдинг, – по-скандинавски ответил Хрёрек. – Но всё же не понимаю, почему ты здесь? Ты приехал торговать? Или служить мне?

– Если примешь, – ответил я, – мы – твои. Но пока моя и его родня, – кивок на Медвежонка, – живут на Сёлунде, – против Рагнарсонов мы не пойдём. Ты должен это знать.

– А если Рагнарсоны придут сюда, что ты сделаешь?

– Я не стану сражаться, – ответил я честно. – Ни с ними, ни с тобой. Берешь ли ты меня, князь Рюрик, на этих условиях обратно в свой хирд? – спросил я, покосившись на Медвежонка. Как только мы перешли на его родной язык, он перестал трепаться с Треской и слушал очень внимательно.

– Беру, – не задумываясь, ответил Хрёрек. – Возможно, вскоре я сумею предложить тебе что-то лучшее, чем твоя земля на Сёлунде.

– У него прекрасная земля! – вмешался Медвежонок. – И у меня – тоже. Вряд ли здесь, в Гардарике, найдется что-то получше. Но раз мой брат решил пожить здесь, я тоже к нему присоединюсь. До конца лета уж точно! Думаю, таким, как мы, здесь найдется, чем поживиться!

– Грабить нельзя! – мгновенно отреагировал Хрёрек. – Купцов обдирать – тоже. Всё, что идет по Ольховой в Нево и дальше, в море – под моей защитой! А то знаю я вас!

– Одного купчишку они уже выпотрошили, – наябедничал Стрекоза.

– Вот как? – нахмурился конунг. – Кого?

– Виитмаса Щеку. А еще он едва не отправил в Ирий маленького Бобрёнка.

– Бобрёнка? – еще больше нахмурился Хрёрек. – Его-то за что?

– Хотел их с Медвежонком в поруб посадить.

– Вот дурень! – в сердцах ругнулся конунг. – Крови не было?

– Я поспел вовремя, – заверил Харра. – Развел.

– Всё равно тесть будет недоволен, – пробормотал Хрёрек. И нам: – Рассказывайте, как было дело?

– Что? – возмущился Медвежонок. – Вот так, всухую? Мы только с палубы сошли, а ты нам даже пива не предложишь? Не узнаю тебя, конунг! Раньше ты был щедрее!

– Ты прав, – согласился Хрёрек. – Харра! Распорядись, чтобы нам принесли

выпить и поесть что-нибудь.

Но Стрекоза выполнять команду не торопился.

– Княже, я бы посоветовал пригласить за стол не только этих двоих, а еще и того, что остался на палубах, – сказал он.

– Успею, – отмахнулся было Хрёрек, но сообразил: сказано не просто так, и всё же поинтересовался: – Почему?

– Там у них еще один... Воин Одина, – сказал Харра. – Волк за него поручился, но... Всё же это воин Одина. Как бы не вышло нехорошего.

Хрёрек задумался ненадолго, потом спросил:

– Сколько у тебя людей, Белый Волк?

– Кроме нас с братом, одиннадцать. И десятка два трэлей, что мы забрали у эста.

– Этот – один из них? – Хрёрек показал на Квашака, переминавшегося у дверей.

– Этот уже свободный, – ответил я. – А держит он, кстати, подарки для Гостомысла. Для тебя, прости, ничего. Я же не был уверен, что встречу тебя здесь, – развел я руками.

– Но будут, будут подарки! – вмешался Медвежонок. – Мы – люди не бедные, конунг. С пустыми руками в гости не ходим!

– Подарками после обменяемся, – сказал князь. – Харра, вели отрокам, чтобы накрывали большой стол в трапезной, и сходи за его людьми. Скажи: конунг на пир приглашает. Есть там кто-то, кто знает Харру? – спросил меня Хрёрек. Но вместо меня ответил Медвежонок:

– Многие знают, – пробасил он. – Но лучше я сам с ним схожу. Хавгрим его всё равно слушать не станет.

И вышел вслед за Харрой.

– Хавгрим – это тот, второй берсерк? – спросил Хрёрек.

– Да. Знаю, ты их не любишь, но он – мой человек... И мой друг. Если ты принимаешь меня, то и моих людей – тоже.

– Это понятно, – кивнул конунг. – Но отвечаешь за него ты!

– Это тоже понятно... Конунг! – Я наконец задал вопрос, который давно меня мучил: – Кто еще выжил?.. Из наших?

– Немногие, – вздохнул Хрёрек. – Только те, кто шел со мной на «Соколе».

– Ольбард? Трувор? Руад? Рулаф? – начал перечислять я.

– Живы, – успокоил меня Хрёрек. – Варяги все живы. И Витмид, и Руад с Рулафом...

Хрёрек перечислял живых и тех, кто погиб, и я понимал, как мало осталось у него людей после той битвы. Многих убитых я не знал: это были те, кого конунг набрал позже, после похода на франков. Зато каждый знакомый среди выживших – радовал. Уцелели и Оспак Парус, и Витмид, хускарл, с которым меня вместе принимали в дружину... Но погибших было намного больше. Если сравнить с моими собственными потерями, то пропорция, в общем, такая же. Радует, что уцелели варяги. Ближе них у меня в дружине Хрёрека никого не было. Ну разве что Медвежонок со Стюрмиром, но они и сейчас со мной.

– А где они сейчас, варяги? – спросил я.

– На Нево ушли. Там, весть пришла, озорует кто-то.

– Уж не о нас ли? – поинтересовался я.

– Нет. Кто-то чудинов наших пограбил. Не из северных людей, поближе.

– У меня в добыче и чудин есть, – сообщил я. – Медвежонка обнести вздумал – и попался.

Конунг хмыкнул.

– Я его тебе подарю, – пообещал я. – А там уж сам разбирайся, тот это чудин или нет.

Хрёрек поглядел на меня пристально:

– У тебя не только имя изменилось, Ульф Свити, – сказал он.

– Да, – согласился я. – Много было.

Говорить не хотелось. Зачем омрачать встречу?

Конунг хотел еще что-то, но тут в покои ввалился паренек и сообщил, что стол накрыт.

– Княгиню звать? – спросил он.

– Зови, – разрешил Хрёрек.

– Это и есть тот праздник, на который мы опоздали? – спросил я.

– Невелик праздник, если жених не то что невесту, а полный рог поднять не может, – буркнул Хрёрек. И я воздержался от дальнейших расспросов.

За накрытым столом сидело семеро мужчин боевого вида. Двоих я знал: Сивада и еще одного, но не помнил, как его зовут. Остальных видел впервые. Семеро мужчин и одна женщина. Когда конунг вошел, мужчины встали. Женщина осталась сидеть.

Шумной толпой ввалились мои, возглавляемые Харрой.

Начался процесс представления.

Я начал с Хавгрима Палицы. Объявил его как хольда с правом на две доли.

Хрёрек смотрел на него так долго, что даже я пару раз сморгнул. Хавгрим даже веком не дрогнул.

– Берсерк, – наконец проворчал Хрёрек. – Ульф за тебя поручился.

– Если надо – я тоже за него поручусь, – гулко, как из бочки, бухнул Палица.

Хрёрек не понял. Насчет моего Волка он был не в курсе.

– Добро.

Что такого компрометирующего пытался высмотреть в глазах Хавгрима конунг, я понятия не имел. Но, видать, не высмотрел.

– Мой сын, – представил я Вихорька. – Ты, конунг, уже с ним знаком, но вряд ли вспомнишь.

Хрёрек прищурился... и выдал:

– Пастушок?

– Точно в око! – засмеялся Медвежонок.

– Воин! – одобрил Хрёрек. И спросил по-словенски: – Отроком ко мне пойдешь?

Вихорёк вопросительно поглядел на меня.

– Отрок – это наш дрёнг? – уточнил я.

– Вроде того.

– У меня он – хускарл.

Тут я серьёзно преувеличил, но почему бы не отжать для сына лучшие условия?

– Проверим, – серьёзно ответил Хрёрек. – А эти молодые? – Он показал на Хавура и Тови.

– Дренги мои.

– Проверим.

– Меня тоже проверишь, конунг? – поинтересовался Гуннар Гагара.

– Как-то ты отощал, норег, – ухмыльнулся Хрёрек. – Кормит тебя плохо Ульф-хёвдинг?

– Если ты о мясе, то да, не очень кормит, – в свою очередь ухмыльнулся мой норег. – Всё больше золото да серебро.

– Был у меня родич, – сказал Хрёрек, – тоже из Инглингов, и тоже норег, как ты. Хальфдан-конунг. Его так и звали: Щедрый На Золото И Скупой На Еду. Раньше ничего такого я за тобой не замечал, Ульф Хвити.

– Это не я, – тут же ускользнул я от ответственности. – Провиантом ведает мой брат.

– Этот норег просто слишком много жрет! – заявил Свартхёвди. – Зря, что ли, его Гагарой зовут!

– Стюрмир!

– Конунг!

Они обнялись.

Не удивительно. Когда я пришел к Хрёреку, тот именно Стюрмиру поручил проверить, чего я стою. И Стюрмир уже тогда был хускарлом. Не в один вик они с Хрёреком ходили вместе.

– А это, – сказал я, – мой хускарл и скальд Тьёдар Певец. Хороший воин, но сразу предупреждаю: если он еще раз исполнит при мне драпу о Волке и Медведе, я могу его убить!

– Пой, Тьёдар, не бойся! – тут же заявил Медвежонок. – Я подержу брата, пока ты споешь, и еще немного, чтобы ты успел отбежать подальше. Бегает мой брат скверно, так что вряд ли догонит. Этой драпой, – пояснил конунгу побратим, – певец когда-то купил жизнь. Свою. У меня.

– Тогда я непременно желаю ее выслушать! – заявил Хрёрек. – Это должно быть что-то особенное, ведь, насколько я помню, раньше ты стихами не интересовался.

– Так раньше про меня никто стихов и не сочинял! – парировал Медвежонок.

Остались еще Скиди и отец Бернар, но последний со мной на службу конунгу не записывался. Он – сам по себе, на нашем внутреннем довольствии, а двух «цветных» братьев я оставил на кораблях. Заодно и за трэлями присмотреть, в чем им должны были помочь Быська и Квашак.

Пленного лопоухого воришку приволокли с собой. Предъявили Хрёреку. Тот в очередной раз подтвердил свои знания полиглота: заговорил с лопоухим на его языке, выслушал сбивчивый рассказ, рывкнул строго и указал на меня. Лопоухий сник, а конунг сообщил уже по-словенски:

– Он – чудин. Вину свою признал полностью. Просит отпустить под честное слово за выкупом. Я бы отпустил, но решать – тебе.

– Да пусть так бежит, – проявил я щедрость. – Украсть он ничего не смог, а страху и так натерпелся.

– Не пойдет! – отрезал Хрёрек. – Урок должен быть. Ты теперь – мой, значит, я сам назначу выкуп, и пусть отправляется. Они – люди честные по-своему. Вернется и принесет.

Перевел лопоухому. Тот засиял от счастья, бухнулся на колени, стукнул лбом об пол, потом вскочил и умчался.

– А это – жена моя Светозара Гостомысловна, – наконец-то представил конунг восседавшую во главе стола женщину.

Светозара красотой не блистала, но была вполне миловидна. Насколько можно было судить, учитывая нацепленную на нее одежду и украшения, а также гигантский головной убор, в котором была сделана небольшая прорезь для румяного личика.

Я с подобающими жестами поднес ей отрез ткани, предназначенный для Гостомысловой родни. А вот кинжал пока приберег. И не зря. Не успели мы опрокинуть и пары чаш, как в наш уютный мир ворвался Гостомысл. Со свитой.

За те три с хвостиком года, что я его не видел, князь Ладожский заметно поседел и обрюзг. Судя по нездоровой желтизне, его мучила какая-то внутренняя болезнь. Но голос у князя был по-прежнему зычный.

– Что это за люди? – крикнул он прямо с порога.

Как невежливо, однако. Но Хрёрек и бровью не повел.

– Прошу за стол, отец, – произнес он вполне добродушно. – Подними с нами чару, и я представлю тебе моих людей. Да ты, может, и сам вспомнишь. Кое-кто из них не раз бывал у тебя в гостях.

Гостомысл, насупясь, оглядел нас, зацепился за Стюрмира, потом за Медвежонка... Меня он не помнил.

– Садись, отец! – настаивал Хрёрек, перейдя на скандинавский. – И люди твои пусть присаживаются, места хватит. Всё узнаешь, не сомневайся. И песню добрую услышишь. Это вот хёвдинг мой, Ульф Свити, и привел он с собой скальда, что у конунга данов за столом не раз пел.

– И у многих других конунгов! – спесиво заявил Тъёдар. – Нигде без подарка не оставался!

Кстати, о подарках.

– Позволь, князь, вручить тебе подарок небольшой, что привез я из дальних стран, где кожа у людей чернее, чем нос у собаки! – солидно произнес я по-словенски и с поклоном протянул Гостомыслу кинжал.

Тот принял, оглядел придирчиво, процедил:

– Работа хороша, вижу. А хорош ли в бою?

«Да неужели ты еще сам в бой ходишь?» – мысленно усомнился я. Видок у князя был не слишком боевой. Ну да я его не знаю. Может, и ходит.

– Свартхёвди, покажи, – попросил я.

Медвежонок принял у Гостомысла, ухмыльнулся... И вдруг со страшной силой метнул в щит одного из Гостомысловых стражей. Тот даже дернуться не успел. Бам! – и из верхнего края щита торчит вошедший в него на две трети кинжал.

Я поглядел на ошеломленного бойца. На роже было написано: на пядь бы выше – и мне трындец!

– Щит князю покажи! – рявкнул я.

Вот что значит командный голос. Боец даже не задумался о том, могу ли я отдавать ему приказания. Подошел и показал.

Кинжал пробил кожу и расщепил доску основы. Отличный бросок. Я на такой не способен, потому и попросил Свартхёвди.

Гостомысл без труда извлек оружие, оглядел придирчиво, улыбнулся:

– Доброе железо!

Я бы сказал: превосходная сталь, но князей не поправляют.

Дело налаживалось. Хрёрек уступил князю собственное место, сам занял место жены, а той подали третье кресло. А вот людям князя пришлось устраиваться подальше. После нас. Я бы, может, и уступил, но поймал взгляд Хрёрека и чуть заметное движение головы и знаком показал своим: не вставать. Тем более что люди конунга по другую сторону стола тоже не оторвали задниц от скамьи.

Пришлось Гостомысловым ближникам, или кто там с ним пришел, пристраиваться за моими дренгами.

Выпили за здоровье Гостомысла. Закусили. Выпили за здоровье князя Рюрика. Закусили. Выпили за здоровье княгини и ее благополучное разрешение от бремени. Закусили. Выпили и закусили просто так.

И только после этого Хрёрек очень вежливо попросил меня поведать о том, как подло напал на нас эстский работоровец.

Я поведал. Упирая на то, что только полный идиот может напасть на таких, как мы, не имея численного перевеса хотя бы впятеро. О берсерках не упомянул.

Гостомысл поинтересовался, есть ли свидетели?

«Какие свидетели?» – удивился я. Мы, даны, когда начинаем убивать, то не успокоимся, пока не укокошим всех врагов. Рабов мы, конечно, не тронули, но у нас как-то не принято принимать свидетельства рабов. Правда, вспомнил я, есть и один свободный. Я освободил его, потому что знал, что это – свободный человек. Его отец когда-то оказал мне гостеприимство, а я добро помню. И вообще у нас на Сёлунде если кто-то без должного основания обратит человека в рабство, то, если об этом узнают, наказание будет сурово. Не знал, что здесь, на земле Гостомысла, – иначе.

– Ты слишком хорошо говоришь на нашем языке для дана! – заявил князь в ответ на претензию в негуманности.

– Я некоторое время жил там, где говорят на вашем языке, – сказал я, переходя на скандинавский, который, как я понял, Гостомысл понимал отлично. – А на Сёлунде у меня земля, дом, жена и много работников. Я – не бедный человек и славы немалой (хвастаться здесь принято, это норма), и с Рагнармом-конунгом в дружбе, но Хрёрек-конунг дорог мне, и я услышал, что ему нужны верные люди. И вот я здесь.

Отличная речь, как мне показалось.

Хрёрек одобрительно кивнул.

– Что за человек, которого сделали рабом? – спросил Гостомысл.

Я рассказал о Квашаке. И о том, что сделали люди князя Водимира с его семьей.

– Этот человек – здесь? – резко спросил Хрёрек.

– Да, – четко ответил я. – Послать за ним?

Конунг знал мой ответ и видел Квашака. Следовательно, вопрос задан для Гостомысла. И тот линию уловил.

– Эти люди не были моими данниками, – проворчал он.

– Но они не были и данниками Водимира! – заявил Хрёрек.

– Я не могу защищать тех, кто не мой! – возразил Гостомысл, и я понял, что спор этот возник не сегодня.

– Люди, которых Водимир делает своими холопами, и люди, которых он

продает эстам, свободные люди! – не сдавался конунг. – Раньше они торговали с нами, мы богатели и становились сильнее. Теперь сильнее становится Владимир. Если не дать ему укорот, то придет день, когда он явится сюда и сделает своими холопами нас!

– Так уж и холопами, – пробормотал Гостомысл.

Он не хотел спорить. И драться он тоже не хотел. И еще я видел: у него что-то болит внутри, и боль эта мешает князю думать.

– Ты говорил, что твой скальд хорош, – сменил тему Гостомысл. – Пусть он споет нам. Я давно не слышал ваших сказителей.

Тьёдар тут же полез за своей музыкальной доской, а я сжал кулаки и постарался притупить слух. Драпа о Волке и Медведе. Убил бы!

Ну да, всем понравилось. Как всегда. Мои бойцы так даже подпевали. Медвежонок прям-таки источал самодовольство.

«Это я! Я! Это всё про меня!» – было написано на его квадратной физиономии.

Тьёдара поощрили. Кубок поднесли, Гостомысл колечко подарил. Потребовали «на бис!».

Но скальд двинулся дальше.

– Новая драпа! – провозгласил он. – О величайших героях, которые вдесятером встали против целого войска Мьёра-ярла из Сконе, причем одной из десятих была женщина-воитель, прекрасная Гудрун, дочь Сварё Медведя.

Ого! Этого даже я не слышал. И уже не экспромт – серьезная работа.

Впрочем, стиль Тьёдара остался прежним. Неумеренные преувеличения. Еще более неумеренные, потому что у скальда появилась возможность вплести в повествование себя. Надо ли говорить, что мы все убивали врагов десятками, а Гудрун по собственной инициативе вступила в бой с Мьёром-ярлом и двумя его лучшими воинами и прикончила всех троих. Медвежонок поначалу хмурился – его в драпе не было. Но появился и он. Как раз когда разъяренные гибелью ярла от руки женщины хирдманы Мьёра навалились на нас с особенной яростью. И тут – явление Свартхёвди Медвежонка во всей красе. То есть где щитом взмахнет – там проплешина и трупы штабелем, где клинком хлестнет, там просека на двадцать шагов, а отрубленные головы и конечности – во все стороны.

– Я знал Мьёра-ярла, – сказал Хрёрек, когда похвалы скальду начали стихать. – Твоя жена действительно убила его?

– Да, – сказал я. – Всадила ему меч в живот. И одного хускарла Мьёрова тоже убила, а вот третий убил бы ее, но, слава богам, одна из моих рабынь-англичанок помогла: зарубила ему шею топором.

– Выходит, твой скальд правду спел, – пробормотал конунг. – Надо же, Мьёра-ярла убила женщина! Хотя кто еще мог родиться от крови Сваре и Рунгерд? Только валькирия. Хотел бы я на нее взглянуть. Почему ты не привез такую воительницу с собой, Ульф?

– Эта воительница во время того боя потеряла ребенка, – сказал я. – А сейчас носит второго! Хватит с меня таких геройств!

– Я тебя понимаю, – кивнул конунг. – Жаль, что я не был на вашей свадьбе. Но подарок ей ты от меня отвезешь. Потом. Когда отправишься домой. Или, может, ты решишь поселиться здесь? Я получил от Гостомысла земли в прида-

ное. Могу выделить тебе добрый надел.

– Отказываться не стану, – ответил я. – Но пока – не заработал.

– Коли так, то у меня есть для тебя поручение, – сказал Хрёрек.

– Только для меня?

– Для всех вас, – он кивнул на «нашу» часть стола.

– Слушаю тебя, конунг.

– Князь, – поправил меня Хрёрек. – Князь Рюрик, так меня здесь зовут.

– Думаешь, Рагнарсоны...

– Рюрик, – с нажимом произнес человек, называвший себя природным Инглингом. – Князь Рюрик.

Ладно, мне нетрудно. Хотя не думаю, что, если Сигурд докопается до того, кто схитил его драккар, новое имя собьет его с толку.

– Корабль, который ты взял у эста, я у тебя куплю, – сообщил Хрёрек. – Цену скажу позже, после осмотра. А за рабов, которых ты привез, я могу заплатить прямо сейчас. Скажем... Полмарки за голову.

Маловато, конечно. В Роскилле они стоили бы вдвое, а в Бирке – еще дороже. Но я же не собираюсь ими торговать.

– Добро.

– Погоди, побратим, – у Медвежонка нюх на такие разговоры. – Конунг...

– Князь! – снова напомнил Хрёрек. – Рюрик.

– Можно ты пока останешься для меня конунгом? – попросил Свартхёвди. – Это ваше «Кнес» мне не выговорить. Мой брат, он очень добрый и очень щедрый, ты знаешь.

– Допустим, – согласился Хрёрек.

– Но еще есть я, которому приходится быть жадным и жестоким, чтобы наш род совсем не обнищал.

– К чему ты клонишь?

– К тому, что о цене корабля со мной будешь говорить. И учти: это очень хороший корабль. Крепкий и чистый. Один только его парус стоит...

– Довольно! – махнул рукой Хрёрек. – Я тебя понял, сын Сваре Медведя. Но полной цены ты от меня всё равно не получишь. Я знаю, что у вас не хватит рук на два корабля, так что продавать его вам придется. Не понравится моя цена – ищи других покупателей. Но сначала я должен на него взглянуть. А теперь...

– Я не закончил, конунг! – не слишком вежливо перебил Хрёрека Медвежонк. – О корабле мы поговорим позже. Но кое-что я хочу обсудить прямо сейчас.

– Говори, – буркнул Хрёрек, не скрывая недовольства. Почувствовал, что мой побратим собирается залезть к нему в кошель.

И не ошибся.

– Ты хочешь, чтоб мы потрудились для тебя, верно?

– Это было предложение Ульфа. Ты против?

– Нет. Но я хочу знать, что ты нам дашь за службу?

– Землю? – предложил ярл.

– Земля – это неплохо. Земля здесь богатая, но ты – не конунг всех словен. И кто-то может позариться на то, что ты дал.

– А разве у тебя больше нет меча, Свартхёвди Сваресон? – поднял бровь Хрёрек.

– А разве земля, которую я взял и обороняю собственным мечом, может считаться жалованной?

Вид у Медвежонка простецкий, но законы он знает и торговаться умеет так, что мне до этого уровня никогда не подняться.

– Чего ты хочешь, прямо говори! – потребовал Хрёрек.

– Пицца! – заявил Медвежонок. – Столько, чтобы хватило нам всем, даже Гагаре.

– Место за моим столом для тебя всегда найдется, Медвежонок. Даже если ты не станешь мне служить.

– Благодарю. Но я – не один. И если нам потребуется ходить посуху или по воде, твой стол может оказаться слишком далеко. Пицца на всё время, что мы тебе служим. Лошади и ремонт для кораблей, если потребуется. Еще за это лето ты заплатишь нам сорок марок серебром.

– Раньше ты не просил платы за то, что ходил на моем драккаре, – нахмурился Хрёрек.

– Раньше это был твой драккар и ты был вместе с нами, – напомнил Медвежонок. – Я попрошу богов за тебя, конунг (на этот раз Хрёрек не стал его поправлять), за то, чтобы ты снова вел нас на врагов. И когда это случится, мы по-прежнему будем просить лишь положенную долю добытого, верно, Ульф? (Я кивнул.) Но пока мы без тебя будем брать кровь твоих врагов и оборонять твои земли, – с нажимом произнес Медвежонок, – то было бы справедливо получать за это плату.

– Что ж, – подумав, согласился Хрёрек. – Да, это справедливо. Но так же справедливо будет отдавать мне десятую долю добычи, которую ты возьмешь на моих врагах, кормясь за моим столом.

– И это справедливо, – Медвежонок ухмыльнулся. – А еще я предпочел бы все лето жить у тебя в доме, пить твое пиво и слушать скальдов.

– Даже и не надейся! – усмехнулся Хрёрек. – За то серебро, что ты получишь от меня за службу, тебе придется побегать.

– Мы, Медведи, бегать не любим, – проворчал Свартхёвди. – Хотя и умеем.

– Да, – согласился Хрёрек. – Вы любите есть и спать.

– Не только это, – возразил Медвежонок. – Еще мы любим убивать! Верно, брат?

– Лично я убивать не люблю, – заявил я. – Хотя и умею. Если вы обсудили важное, то можно перейти и к пустякам. Ты хочешь купить у нас рабов, князь. Я понял. Но это не всё, верно?

– Да. Не всё. С этими рабами поговорят мои люди. Если окажется, что воины Водимира увели их с ближайших земель, где раньше они были свободными, то я верну им свободу. И дам землю в аренду. Но с условием: они станут моими данниками.

– Что ж, это лучше, чем быть бесправным трэлем в чужом доме, – одобрил Медвежонок. – Но кто помешает хирдманам Водимира снова увести их и продать? Теперь уже – с твоей земли?

– Вы, – ответил князь.

Глава 7 Старый должок

Немного поразмыслив, я решил, что к месту назначения мы пойдем пешком, минуя город Водимира. Я не хотел раньше времени оказаться на под-

контрольной противнику территории. Я договорился с Хрёреком, что его люди подбросят нас вверх по Волхову до нужного места и помогут с лошадьми. Тащить на горбу провизию для себя и наших подопечных я не собирался.

Как только из княжьей казны нам были выделены деньги на закупку провизии и прочие расходы, мы всей толпой отправились на местный рынок.

Курировали торговые ряды люди Гостомысла, однако к нам они отнеслись с подчеркнутым уважением. Маленькие трения между нами были улажены, когда на следующий день после совместной княжьей пирушки я не поленился навестить Бобрёнка. Того уже просветили, насколько я крут, и когда я сделал ему маленький презент, отделанный серебром рог, Бобрёнок был польщен. И отдался, как положено – то есть штуковиной подороже, – луком явно неместной работы в чехле из красного сафьяна. Красный налуч – это понты, годные исключительно для парадного выхода, но сам лук был хорош. За такой в Роскилле предложили бы марку серебром как минимум.

Впрочем, сам факт посещения мной, вождем нурманов, как нас здесь называли, такого сосунка, как Бобрёнок, поднимал авторитет последнего сразу на несколько пунктов. А денежки у паренька водились. Его тесть Бобр – местный олигарх. И не просто купчина первой руки, а бывалый вояка и чуть ли не правая рука самого Гостомысла.

Рынок в Ладоге-Альдейге – огромный. Ничуть не меньше, чем в Роскилле. А вот цены куда скромнее. Основная местная «монета» – цветные стеклянные бусины, которые отливают тут же, во дворе Гостомысла. За горсть таких бусин можно купить связку беличьих или куньих шкурок, стоящих у нас никак не меньше десяти-двадцати граммов плавленного серебра. Впрочем, за серебро тоже продавали. И намного охотнее. Но платили им – редко. Местная система была довольно-таки грабительская. Люди Гостомысла меняли товары местных жителей на бусины и продавали за реальные деньги, всячески препятствуя прямой торговле и не подпуская импортных купцов к производителям.

Однако мы были уже местные и нам было можно.

Медвежонок решил не торопиться. Он резонно предположил, что в глубинке цены еще ниже, а при случае можно и бесплатно взять. А ведь мы как раз в глубинку и собирались. Так что провиант – исключительно на ближайшее время.

Так, а это еще что за скопление народа? И почему такой смущенный вид у парочки местных стражников?

– Пойдем-ка глянем, брат, – предложил я Медвежонку, и мы всей толпой отправились поглядеть, что там за представление. Может, скоморохи пляшут или еще какое диво?

Нет, не скоморохи. В центре толпы – плечистый мужик в качественном воинском прикиде.

Вещает громко, поза важная, смотрится солидно. Куда солиднее Гостомысловых отроков, коим вверено поддержание порядка на рынке. Кольчужка у мужика вороненая, пояс с золотыми бляшками, красный камешек на оголовье меча.

Ба! А ведь знакомое личико! И прикид тоже знакомый. Сколько лет прошло, а помню эту сволочь.

Я смотрел на наглую рожу с заплетенными в косички усами и понемногу зверел. Именно эта гадина два года назад отвела меня к своему князю, где ме-

ня форменным образом ограбили.

Что интересно: в то время мне казалось – мужик действительно крут. А теперь вижу – понты. Кольчужка, вороненая для понту, в один слой и плетение не ахти. Меч с гранатом на изголовье, но уже по рукояти видно: местного производства. Гривна на шее – серебряная, а не золотая, как у меня. А браслетов желтого металла, по которым враз опознается в этом мире серьезный человек, и вовсе ни одного.

Но вещает важно, и простой народ, в большинстве Гостомысловы данники, внимает почтительно.

– Ты чего? – поинтересовался Свартхёвди.

– Знакомого встретил, – процедил я. – Схожу поздороваюсь.

Подошел. Со спины. Остановился. Косичкоусый меня заметил боковым, но не отреагировал. Ну, еще один нурман, эка невидаль. И продолжал окучивать мирян. Смысл речи: подрыв ладожской экономики. Мол, здесь не торговля, а чистый отстой. Ни цен правильных, ни товаров стоящих. Другое дело, если князю Водимиру шкурки сдавать. Вот там и цена настоящая, и деньги настоящие, а не глупые бусины.

В чистом виде вражья агитация против действующей власти.

Интересно, почему стражники не вмешиваются? Боятся или покуплены?

Нет, насчет бусин, которые ладожские купцы народу вместо доброго серебра впаривают, он, конечно, прав. Но ведь не заставляет никто. Не хочешь – не бери. И за эти же бусины можно здесь и утварь купить, и железки полезные для сельского хозяйства.

А этот гад Водимиров, выходит, приперся к нам на торг клиентов отбивать и за свободу проповедовать. И это при том, что его коллеги по военной партии вообще свободных в рабов превращают.

Я легонько похлопал косичкоусого по железному плечу.

Водимиров гридень обернулся, глянул надменно...

– Что надо, нурман?

Спокойно спросил. Без наезда. Разбирается, однако. Прочитал, небось, по моей одежке и происхождение, и социальный статус.

– Узнаешь меня?

Задумался. Даже лоб наморщил... Нет, не получается. Ладно, подскажем.

– Прошлой осенью ты привел меня к своему князю. Ну, вспомнил?

Ага, есть проблеск сознания... И сразу наглая такая ухмылочка:

– Ешь ты опарыш! Голожопый вояка!

Зря он это сказал. Дурак.

Смерды дунули в разные стороны, а косичкоусый мешком осел на землю.

В рукопашке я – не очень. Но в челюсть пробить с такой дистанции – никаких проблем. Эк он легко вырубился! Двинь я так тому же Медвежонку, он бы даже не поплыл.

– Что он тебе сказал? – на этот раз проявил любопытство Стюрмир.

– Сказал, что я – голожопый воин, – честно перевел я.

Стюрмир поглядел на вырубленного с уважением.

– Храбрец! Что теперь, убьешь его?

– Пока воздержусь. Он – из хирда ярла Водимира.

Ага! А косичкоусый у нас не один, оказывается. Имеется и группа прикрытия. Аж два полноразмерных бойца на выручку кинулись. Теперь понятно, по-

чему Гостомысловы отроки пропаганду не пресекали. Эти-то покруче будут.

Были. До тех пор, пока на моих не наткнулись.

Вот так-то. Зубки щерят, но в драку не лезут. Очко-то – не казенное, свое.

– Ярла Водимира? Того самого, что когда-то у тебя оружие и доспех отнял? – уточнил Стюрмир.

Память у викингов – идеальная.

– Этот меня к Водимиру и привел, – сказал я, легонько пихнув косичкоусого ногой. Тот пришел в себя, завозился...

– А что за история? – поинтересовался Гуннар Гагара.

– Грустная, – ответил я. – Два года назад привели меня во двор к местному князю и отняли все, что на мне было. Ну и что в кошеле было, тоже.

– Это же настоящий разбой! – воскликнул Гуннар. – И ты отдал?

– А что делать, если тебя дюжина лучников на прицеле держит?

– Я бы дрался! – заявил Стюрмир.

– Ну и убили бы тебя. И всё равно добро забрали. Разве что кольчугу им потом чинить бы пришлось, а так – то же самое.

– Кабы меня убили, Хрёрек потом этого ярла в землю по самую жопу вбил! – рыкнул Стюрмир. – Головой вниз!

– То – тебя, а я тогда один был. Мстить некому было, – напомнил я. – Так что я выбрал жизнь, дружище. Живой, он может вернуться и отомстить, а вот мертвый – вряд ли.

– Разумно, – одобрил Гагара. – А что с этим делать будем? – Он тоже пихнул ногой косичкоусого, который как раз начал подавать признаки жизни: попытался встать на четвереньки. Знатно я его всё же нокаутировал. Сам не ожидал.

– Для начала разоружим, – я наклонился и избавил Водимирова дружинника от боевого пояса. – Скиди, Вихорёк, избавьте птичку от пестрых перышек. Приподними-ка его, Хавур...

Через несколько минут косичкоусый стоял перед нами голый, как лягушка, если не считать волосяного покрова и татушек.

Группа прикрытия только глазками сверкала. Препятствовать не смела. У них на пути стояли Хавгрим, Стюрмир и Свартхёвди. С оч-чень характерными выражениями лиц.

Один Водимиров опричник, правда, кинулся к стражникам и принялся на них орать...

Но те только ухмылялись и плечами пожимали. Мол, сами разбирайтесь. Вы крутые, а мы – люди подневольные. Никого ж не убили, правда?

Да, так и есть. Косичкоусого не убили. Но было ему неуютно. Как физически, так и морально. Любой почувствовал бы себя не в своей тарелке, оказавшись голышом в общественном месте. Особенно, когда рядом – вооруженные до зубов громилы, одного из которых ты когда-то ограбил и унизил. Причем публично.

Публики между тем прибавилось. Но вмешиваться никто не собирался. Это ж кем надо быть, чтобы попытаться воспрепятствовать произволу вооруженных викингов, да еще из дружины княжьего зятя? Отвечу: полным кретином надо быть.

– Ты что творишь, нурман? – прорычал голожопый агитатор за свободу торговли.

– Должок возвращаю, – я улыбнулся. – Помнишь, князь твой добро мое отнял?

– Водимир – в своем праве был!

– Ага, – согласился я. – Право силы называется. А теперь я – в своем праве.

– Я пойду к Гостомыслу! – заявил косичкоусый, стараясь держаться с достоинством.

– К Гостомыслу он собирается, жаловаться, – сообщил я друзьям.

Викинги дружно заржали. Даже в толпе кое-кто захихикал.

– Боюсь, не получится, – вздохнул я. – Такого голожопого вояку Гостомыслова дворня метлами прочь погонит.

– Отдай мне мое! – Косичкоусый рванулся к кучке своего добра, но запнулся о ногу Скиди и шмякнулся оземь. Руки, правда, успел подставить (воин всё-таки), встать я ему не позволил. Наступил на загривок.

– Твои здесь только вши у тебя в лобковой шерсти, – произнес я ласково. – Тебе повезло, голожопый. Сегодня я добрый. Так что – беги, – я убрал ногу. – И беги быстро! Или, может, ты сначала хочешь дерьма поесть? – Я показал носком сапога на подсохшую кучку экскрементов в метре от гриднева носа.

Косичкоусый вскочил на ноги. Глаза его метали молнии. Это радовало. Во всяком случае он – не трус. Значит, запомнит, вернется и даст мне повод еще разок вывалить себя в дерьме.

Неизвестно, что бы еще заявил Водимиров дружинник, но тут Свартхёвди достал нож.

– Ульф, можно я ему детородные органы отрежу? – спросил он, хищно улыбаясь. – Тот, кто ограбил моего брата, не должен оставить потомства.

Шутка. Или – не шутка.

– Дети у тебя есть? – спросил я голожопого. – А то мой брат хочет тебе срам отрезать. На память.

Косичкоусый поглядел на Медвежонка. И ничуть не усомнился в серьезности его намерений.

– Беги! – посоветовал я. – Если он тебя схватит, попрощайся с яйцами.

Ух он и дернул! Быстрее, чем я когда-то удирал от отроков Водимира. Группа поддержки припустила следом, но сразу отстала. Косичкоусый мчал налегке, и стимул для бега у него серьезный.

– Трус, – презрительно заявил Скиди.

– А что б ты сделал на его месте? – спросил Тови Тюлень.

– Забрал бы у тебя, увальня, меч и дрался!

– И убили бы тебя враз!

– Зато умер бы как воин, а не улепетывал, как трэль! – Скиди щелкнул дренга по носу.

– Весело было, – резюмировал Свартхёвди. – Забирай свое добро, Ульф, и пошли пиво пить.

– А припасы? – спросил я.

– Скиди купит.

– Так он по-здешнему не говорит.

– Виги говорит. Пошли, брат. Харра место показал, где доброе пиво варят. Почти как наше.

Глава 8 Прочь из Ладogi!

Бочонок пива нам поставили – от заведения. Хозяин харчевни был когда-то обижен людьми Водимира и очень сожалел, что не видел, как Водимиров десятник сверкал голой задницей.

И судя по реакции других посетителей, Водимира и его присных здесь не жалуют. Так почему же терпят?

Скоро я узнал, почему. Сам Гостомысл мне поведал.

– Зачем ты приказал своему человеку это сделать? – заявил князь Хрёреку. – Такого Задорей не простит. И его князь – тоже.

Задорей. Надо же. Хотя... Задорей Голожопый. А что? Звучит.

Последнюю фразу я произнес вслух.

Заржали не только наши, но и бойцы, сопровождавшие Гостомысла.

– Он шутит! – сердито мотнул в мою сторону головой Гостомысл. И уже мне: – А знаешь ли ты, Ульф Свити, что у твоего князя нынче лишь пять десятков воинов, не считая тех, что привел ты. И у меня – под сотню. А у Водимира – одной лишь личной дружины три большие сотни. И у его союзников – вдвое от того.

Ого! Приличное войско по здешним меркам.

– Зато воины очень храбрые. И проворные. Особенно с голой жопой, – заявил я, вызвав очередной взрыв смеха. – Видят боги: я так испуган. Гляди, князь, как у меня руки трясутся!

Народ опять заржал.

– Да уж! Славно ты его победил! – желчно процедил Гостомысл. – Сколько вас было? Десять? А он – один!

– Их было трое, – уточнил Свартхёвди. – И он оскорбил моего брата. А брат мой, как всегда, проявил неуместную доброту. Если бы Голожопый оскорбил меня, я бы его убил. И тех двоих. И стало бы у Водимира-конунга на трех людей меньше. Что в этом плохого?

– А если он придет сюда? – воскликнул Гостомысл. – Что ты тогда скажешь?

– Я говорить не буду, – Медвежонок потянулся, хрустнув суставами. – Я буду убивать.

– Их три больших сотни, а то и больше!

– Ну и что? – удивился Свартхёвди. – Ты слышал вчера, что о нас пел скальд? Так вот знай: скальды обычно привирают, но на этот раз он пел чистую правду. Нам не впервой драться малым числом против целого хирда. И посмотри на меня, конунг: что ты видишь? – Свартхёвди подбоченился.

– Я вижу того, кто ищет смерти! – заявил Гостомысл. – Так вот – я ее не ищу! И я должен защищать своих людей, дан! Всех! Смердов, женщин, детей! Ты не понимаешь!

– Это ты не понимаешь, конунг. – Свартхёвди поскреб грудь. – Я не ищу смерти. Я и есть смерть.

Хавгрим Палица одобрительно хмыкнул. Но Гостомысл не впечатлился:

– Рюрик! Что ты молчишь? Это твой человек!

– Мой, – согласился Хрёрек. – И я думаю: он прав. Водимира надо остановить. Сам же видишь, отец, Водимир с каждым годом становится сильнее. А когда он достроит свой новый град, то никто больше не сможет пройти мимо него в южные земли. И что тогда будет с нашей Ладогой, если без разрешения Водимира никто не сможет ходить туда, где можно продавать дорожке, а поку-

пать – дешевле? И вспомни, что рассказал вчера Ульф Свити. Люди Водимира примучивают новых данников. И скоро доберутся до наших. Меря и чудь, дикие племена, которые раньше платили дань тебе... Думаешь, осенью они снова принесут тебе шкурки и рыбью кость?

– Принесут. А если нет, то твои варяги их заставят!

– Моих варягов сорок человек, – сказал Хрёрек. – И настоящих воинов, таких, как он, – кивок на Медвежонка, – среди них не больше десятка. Остальные тоже станут добрыми дружинниками, но не сегодня. И не в этом году.

– И ты, выходит, считаешь, что мы справимся с Водимиром, если он осерчает?

– А зачем ему сердчать? – удивился Хрёрек. – Это он становится сильнее, а не мы с тобой. Ему достаточно достроить свой город и немного подождать. Год два... И ты, Гостомysl, придешь и поклонись ему в ноги. Без всякой брани.

– Тому не бывать! – отрезал князь.

– Значит, это придется сделать мне, как младшему среди нас, – спокойно произнес Хрёрек. – Иначе он заберет нашу Ладогу и посадит своего сына в твоём тереме.

Я изумленно глядел на Хрёрека! Он – и вдруг такие слова!

– Что ты предлагаешь? Позвать твоих родичей-данов, как я позвал тебя?

– Мои родичи-даны не придут, – сказал Хрёрек. – А если придут, то это будут такие родичи, что похуже Водимира.

Уж точно! Я бы предпочел сразиться с дюжиной Водимиров, чем с любым из Рагнарсонов.

– Собирай дружину, где хочешь, Рюрик! – заявил Гостомysl. – Нужны деньги – я дам. Но поторопись. Сам сказал: у нас есть два года, вот и не теряй времени. И не задирай людей Водимира, иначе он придет и сделает то, чем ты меня пугал, прямо сейчас.

Развернулся и ушел.

Хрёрек вздохнул.

– Старееет князь, – пробормотал он по-скандинавски. – Когда уходит сила, приходит страх. Уж я-то знаю.

– Прости, конунг, я не подумал, когда поучил этого... Задорей.

– Ты всё правильно сделал. Вот если бы ты его убил, тогда худо. Но ты его опозорил. И его самого, и его князя. Люди, которые это видели, разъедутся по домам и станут рассказывать, как старший гридень Водимира удирал с рынка с голой задницей. Может, они и не рискнут смеяться ему в лицо, но за спиной точно будут хихикать. Смех убивает славу не хуже меча. Я рад, что ты здесь, Ульф Свити! Но я хочу, чтобы ты не тянул с отправлением. Не знаю, может, Задорей... хм... Голожопый не захочет жить с такой обидой, а захочет вызвать тебя на хольмганг...

– Отлично! – одобрил я. – Тогда он умрет.

– Ульф, ты меня не понял. Мне не нужен мертвый Задорей. Мне нужен человек Водимира, который удирал не только без оружия, но и без штанов при всем честном народе. Так что собирайся, хёвдинг, и убирайся из Ладоги. Если тебе что-то нужно для похода, возьмишь из моих кладовых. Я скажу Светозаре, чтоб выдала потребное твоему человеку. Медвежонку, да? И велю Харре подготовить насады и лошадей из моей конюшни. Но чтоб после захода солнца ты уже был в пяти милях от Альдейгья!

– Буду, – обещал я. – А теперь скажи: что я должен делать там, куда иду?

– А то ты сам не знаешь? – удивился Хрёрек. – Раньше там была свободная земля, а теперь – оброчная Водимиру. Я хочу, чтобы эта земля снова стала свободной.

– То есть убить всех, кто Водимиров? – уточнил я.

– Можно и убить, – кивнул Хрёрек. – Тех, кто с оружием. А смердов зачем убивать? Кто будет тогда нам дань платить? Однако зря не рискуй. Ты мне живой нужен. И хирдманы твои – тоже. Если врагов больше, не нападайте. А то знаю я берсерков! Как перекинутся, так им и сотня хускарлов – нипочем. А ты ведь и сам знаешь: убивают и берсерков.

Конечно, знаю. Сам убивал.

И еще один нюанс:

– Скажи мне, конунг, ты хочешь, чтобы Водимир знал, что его людей убили по твоему приказу? Или пусть сам решает, кто его обидел?

Хрёрек задумался. Серьезный вопрос. Готов ли он не просто показать силу, но и дать понять, что это именно его сила? Ответ может быть жестким.

– Он и так узнает, что это я, – наконец произнес Хрёрек. – Больше никому.

Логично. Есть, конечно, и другие города, другие вожди. Полоцк. Смоленск. Но это зона интересов Ладоги. И Водимира. Открытое нападение требует реакции. Иначе можно потерять авторитет. А догадки, пусть даже обоснованные, можно оставить без немедленного ответа.

Хочет ли Хрёрек спровоцировать недруга?

Нет, не хочет.

– Постарайся не оставить следов, – неохотно проговорил он. – Следов, которые ведут сюда.

Ладно, есть у меня одна идея, как направить ищеек на ложный след. Хрёрек – не единственный дан в этом мире. Ладно, поразмыслим на эту тему позже.

– Проводники тебе нужны? – спросил князь.

– Квашака с Быськой возьму, – отказался я. – Они местные. И сам там проходил, кое-что помню.

Правда, в те времена бойцов Водимира там не было.

– Как знаешь. Береги себя, Ульф, на железо грудью не лезь!

– Постараюсь.

Душевным, однако, стал мой конунг. Раньше за ним такой заботы не замечалось. Интересно, это ранение на нем так сказалось или недостаток людей, на которых можно положиться? А может, я не прав, и эта трогательная забота исключительно обо мне?

Ладно, разберемся со временем. Интересно, что же у них там случилось, у берегов Фризии? И как им всё же удалось спереть драккар прямо из-под носа Сигурда Рагнарсона? Ну да узнаю когда-нибудь. Варяги расскажут. А сейчас время не ждет. Рейд по тылам противника – это не по рынку шастать. Продумать хотя бы предварительный план было бы неплохо. Но для этого надо знать хотя бы дислокацию противника. Можно предположить, что у Водимира есть где-нибудь на озере опорный пункт с небольшим гарнизоном. И вряд ли там больше двух десятков бойцов, потому что со стратегической точки зрения озеро, на котором жил Коваль, просто озеро, и не более. Правда, из него вытекает река, которая впадает в Волхов, а реки и здесь – главные транспорт-

ные артерии. Но мало ли здесь озер, из которых что-то вытекает? Вспомнить ту же Карелию или Финляндию, так там озер больше, чем твердых земель. Короче, задача проста. Найти и уничтожить. Как раз то, что моя братва умеет делать лучше всего. Зачистить и пустить слушок, будто мы – это не мы, а совсем другие нехорошие дяденьки.

* * *

Задорей не смог жить с уязвленной честью и уже на следующее утро пришел к Рюрику и потребовал удовлетворения в честном поединке.

И получил ответ: не сегодня.

Обидчик Задорея вчера покинул Ладогу, вполне дружелюбно сообщил князь оскорбленному гридню. И добавил, что ему искренне жаль, что с таким уважаемым человеком (тут князь сделал вид, что пытается спрятать улыбку) обошлись столь неуважительно, но ведь до пролития крови не дошло, верно? Хотя Задорею тоже стоит быть поосторожнее. Среди друзей Ульфа Свити – два берсерка. Знает ли Задорей, кто такие – берсерки? Не знает? Ну, значит, ему повезло. Это ужасные чудовища. Стоит их раздражить, и они превращаются в бешеных медведей, да еще с оружием в лапах. Вдобавок железо их не берет. Эти звери могли бы разорвать Задорея на куски и сожрать. И что бы тогда делали он, Рюрик, с князем Гостомыслом? Как бы объяснили уважаемому Водимиру гибель его доверенного человека? Но, слава богам, теперь всё хорошо. Он, Рюрик, уже выкупил у Ульфа Свити отнятое имущество Задорея и отправил с верным человеком князю Водимиру. С подобающими извинениями и заверением, что никакой вражды со стороны правителей Ладоги к правителю Старого и Нового градов нет.

Задорей едва не впал в буйство. Его не просто опозорили, но отправили доказательств позора его князю. И никаких сомнений, это нурман Рюрик, ешь его опарыш, сделал это умышленно. И обидчиков отослал тоже он. Чтобы Задорей не смог смыть обиду своей или чужой кровью.

Оскорбленный Задорей поступил невежливо. Молча развернулся и...

И услышал за спиной, как кто-то негромко, но вполне отчетливо произнес:
– Голожопый.

Задорей обернулся так быстро, что усы-косички хлестнули его по щеке, цапнул рукой... но меча на поясе не было, только топор. Меч, по словам нурмана, отправился к Водимиру.

Дружинники Рюрика ухмылялись, и сам проклятый нурман тоже кривил губы в улыбке. Говорят, что он едва не сдох от ран и даже на ложе с молодой женой смог возлечь только прошлой зимой. По этому поводу в дружине Водимира шутили много и обидно. Особенно изощрылся воевода Турбой, который, как говорили, сам к Светозаре сватался еще до Рюрика, но получил от Гостомысла от ворот поворот. Ничего! Дай срок, князь Рюрик, и мы вышибем тебя из Ладоги! Вот тогда и поухмыляешься!

«Чтоб тебе не оставить потомства!» – пожелал князю-нурману Задорей. Молча пожелал. Что бы он сейчас ни сказал, это только подчеркнет его позор. Впору на меч броситься, но ни меча у него нет, ни денег, чтобы купить новый. Всё забрал этот...

Знать бы заранее, как выйдет, Задорей не потащил бы тогда гадину к князю, собственноручно зарубил бы его. На месте. И сейчас зарубил бы, но сбежал, гаденыш! Струсил!

– Твой человек вернется! И тогда я возьму его кровь! – нашел наконец подходящие слова Задорей.

– Это боги решат, – спокойно ответил дан. – Я не стану препятствовать вашему поединку.

На этот раз Задорей всё же поклонился. Даже нет, не поклонился: кивнул, как равному. И снова его догнали на пороге чужие слова, сказанные уже в полный голос:

– Напугал ежа голой жопой!

И громкий хохот. В спину. Потому что обернуться – значит принять новые оскорбления, на которые невозможно ответить достойно.

Задорей выбежал из терема сопровитателя Ладоги, стораая от стыда и неутоленной ярости. Это было еще омерзительнее, чем когда он бежал с рынка. Тогда страх заглушил стыд, но сейчас страха не было. Вернее, был. Страх погибнуть неотмщенным.

Глава 9 Возвращение к исходному

Четыре с лишним года назад я появился в этом удивительном мире, голый, как новорожденный, и не ведая, куда попал.

За эти годы я пережил больше, чем за всю прежнюю жизнь в цивилизованной эпохе. Я выжил в мире, где смерть – причем насильственная смерть – это обыденность. Для этого мне пришлось научиться убивать лучше тех, кто хотел убить меня. Я пришел в этот мир из жизни, в которой был довольно одинок. Теперь рядом друзья, готовые драться и убивать за меня. Так же, как я – за них. И здесь это не просто оборот речи.

Я здорово изменился за эти годы. Теперь я видел, чувствовал окружающий мир совсем по-другому. Я читал следы зверей и людей, и не просто читал, но привычно вычленял из множества порождаемых жизнью звуков и теней полезные и опасные. Обнаружив в чаще просвет, я больше не тянулся к солнечному местечку, а прежде всего изучал противоположную опушку на предмет засады, и пенье птиц перестало быть звуковой дорожкой летнего леса, а превратилось в индикатор наличия или отсутствия опасности.

Вел нас Квашак. Он прожил здесь всю жизнь, знал тайные тропы, по которым можно и самим пройти, и лошадок провести. Знал и укромные места, где можно встать на ночь.

Тем не менее мы были предельно осторожны. Впереди обязательно пара дозорных. Викинги в таких делах – мастера. Их не видит никто, зато они видят всё сквозь любые заросли.

Часть пути мы срезали, пересекая топи по известным Квашаку проходам, зато удобные для жизни и движения места на всякий случай огибали, чтобы не обнаружить себя прежде времени. Не то чтобы я опасался наткнуться на врага... С врагом как раз просто, хотя, когда у противника вдруг пропадают люди, особенно оружные люди, он начинает беспокоиться. Психологически сложнее с мирными гражданами. Очень не хотелось, чтобы поползли слухи о том, что в окрестностях появился большой вооруженный отряд. А убивать всех встречных подчистую – не мой стиль. Тем более что и Хрёрек рекомендовал щадить потенциальных данников. Как знать: может, это моя будущая вотчина?

А неплохо было бы, кстати. Леса, полные дичи и отличной древесины, озе-

ра, столь же обильные рыбой, как здешние чащи – зверьем... Да, здесь было где развернуться. Особенно если сравнить с Данией, где каждая роща, да что там роща, каждый квадратный метр земли непременно имел хозяина. А здесь – свобода! И здесь мне было как-то по-особому хорошо. Может, потому что и впрямь – земля предков. Родина.

Вывел нас Квашак практически идеально – на хутор своего отца.

Опаньки! А здесь, оказывается, жизнь кипит.

– Всем ждате! – распорядился я. – Идем вчетвером: Я, Скиди, Вихорёк и Квашак. И еще Быська, – добавил я, подумав. Присутствие женщины, причем женщины явно свободной и мирной, – успокаивает. А это хорошо в любом случае. Опаски у людей меньше, так что и договариваться легче, и напасть внезапно – тоже.

Новые жители появлению нашей команды, мягко говоря, удивились. И испугались, понятное дело.

– Кто такие? – рявкнул я, надвигаясь на чернобородого мужика, который пятился в ужасе, пока не уперся спиной в поленницу.

Крупный мужик, повыше меня и пошире. Плечищи – как у Квашака. Тоже, небось, кузнец. Однако человек, который умеет ковать железо, не станет противиться тому, кто умеет этим железом убивать. А по мне сразу понятно: воин. Причем воин элитный. И доспехи дорогие, и меч на поясе. А меч – это такая штука, по которой воин и опознается. Топором можно валить лес, с копьем – охотиться, а меч – исключительно чтобы убивать. Людей.

Так что здоровяк только глянул – и сразу врубился: он и его домочадцы – в полной моей власти.

И естественно, что вопрос «Кто такие?» задал не он, живущий здесь, а гость незванный и страшный.

– Князя Водимира рядные[210] холопы, – пробормотал мужик, вжимаясь в поленницу широченной спиной.

Кто-то из детишек заплакал, но тут же умолк. Видимо, рот закрыли.

– Посмотри на этого человека, холоп, – произнес я, указывая на Квашака. – Это его земля и его дом. Он и его отец построили здесь всё, расчистили эту землю. Здесь всё – его. И даже лодка эта – его, – я кивнул в сторону причала.

– Я же не знал... – пробормотал чернобородый. – Человек князя сказал: будете жить здесь. И отдавать половину всего, что добудете, вырастите и сделаете. Так по ряду.

– Не знал, – согласился я. – Теперь знаешь. Даю тебе срок – до завтрашнего утра. Если после восхода ты и твои остаются здесь, то тогда ты станешь уже не рядный холоп князя Водимира, а обельный – вот его, – я кивнул на Квашака.

Мужик поглядел на Квашака. Не впечатлился. Но тут его взгляд упал на Скиди...

А Скиди таращился на женщин. Алчно. И Вихорёк тоже. Вот же маньяки. А ведь всего четыре дня назад неплохо гульнули в Ладогe. Да и по дороге, кажется, оба успели попользоваться... Быськиной добротой. Я не возражал, потому что не возражала Быська. Нравилось ей это дело.

В общем, глянул мужик на Скиди – и хищный взгляд потомственного викинга решил дело.

– Я уйду не утром, – решил мужик. – Сейчас. Отпустишь?

– Иди, – разрешил я.

– А можно мне лодку взять? – совсем обнаглел мужик.

– Можно, – разрешил я. Квашак хотел возмутиться, но придержал язык. Он знал, кто тут главный. – Можно. Только не эту.

– Так другой же здесь нет! – проявил мужик логику и наблюдательность.

– Значит, пойдете пешком.

Сборы заняли минуты три. Чернобородый и его родня похватали, что под руку подвернулось, и – на выход. Эти люди знали, что такое воины. Чужие воины. Потому-то так и спешили унести ноги, пока я не передумал.

– Эй, хёвдинг, ты что, их отпускаешь? – воскликнул Скиди. – Всех? Даже вон ту, молоденькую?

– Ах, прости! Забыл кое-кого спросить! – прищурился я. – Скажи мне, известный мудростью, могу я отпустить эту девушку?

– Раз ты спрашиваешь, то по мне лучше бы ты оставил ее до утра! – ухмыльнулся Скиди.

– Я вообще-то не у тебя спрашиваю, хускарл, – уточнил я.

– А у кого?

– У того, кого хускарл Скиди прячет в штанах и который нынче думает за хускарла.

Скиди насупился. Но заткнулся.

– Квашак, Быська, разбирайтесь здесь. Начните с обеда: хочу отведать горячего. И поторопитесь, потому что мы уходим.

– Все? – забеспокоился Квашак.

– Не бойсь, одного не бросим.

Оставил я семерых: Стюрмира, Хавура, Тови, Вихорька, обоих Скегги и отца Бернара. Вихорька я охотно забрал бы с собой, но остальные по-словенски изъяснялись на уровне малого армейского разговорника.

Старшим назначил Стюрмира. Не без тревоги. Слишком простодушен мой друг Стюрмир. Потому я постарался как можно четче поставить задачу: проверить округу на предмет людей; в бой ни с кем не вступать без острой необходимости. Вооруженной толпой не маячить. Оружным быть либо в доме, либо в дозорах. Выйдет кто на хутор, постараться выдать себя за простых рабочих парней... Можно пни покорчевать или там сарай поправить... В остальном – по обстоятельствам.

Еще раз повторил: найдете кого – не бейте. Наблюдайте. Я вернусь – разберусь.

Сейчас главное – рекогносцировка. Узнать, где опорный пункт противника, если таковой имеется. Выяснить численность гарнизона и вообще как-то сориентироваться.

Я уже жалел, что отпустил холопа-кузнеца, не расспросив как следует. Поторопился, потому что подозревал: будь со мной рядом Свартхёвди, он бы свидетелей в живых не оставил. Спорить со мной не стал бы, но потом тихонечко догнал бы ушедшее семейство и исправил бы ошибку добротолубивого брата. Плавали, знаем.

С собой я взял обоих берсерков, Тъёдара, Скиди и Гагару. Так надежнее. В таком составе, решил я, мы управимся с любым форпостом Водимира на этой территории.

Разведка на местности

Лодка была небольшая и под грузом нашей компании осела прилично. Не проблема. Вода в озере была ровная, как стол.

Названия у озера не было. Помню, Коваль когда-то называл его Длинным. Чтобы отличить от меньшего, располагавшегося пятью километрами севернее. Вытекавшая из озера река называлась попросту рекой. Или рекой, что течет к городу. А город, к которому она текла, назывался Городом. Или Старым Городом, как его именовали сейчас, чтобы отличить от Нового, который заложил Водимир. Здесьним обитателям было достаточно.

Парус мы не ставили. Две пары весел и две пары гребцов, которые соскучились по гребле. Зачем им парус?

А я устроился на носу и вел наблюдение. Озеро было не слишком широкое, но вытянутое и извилистое, так что даже с середины просматривалась лишь часть его. Ближайшим от кузнечного двора селением был хутор некоего Дубишка, на котором я когда-то прошел боевое крещение, попутно спасши самого Дубишка и его семью от местных бандюганов. На берегу, противоположном нашему, раньше никто не жил. Насколько я помнил. Но сейчас в одной из бухточек кто-то строился. Нам помахали. Я тоже помахал. Однако выяснять, что это за люди, не стал. Сначала проведем знакомцев, которые кое-чем мне обязаны. Память у местных хорошая, как на добро, так и на зло.

Вваливаться к Дубишку всей страшной компанией не говорящих по-словенски викингов я не стал. Взял с собой только Скиди, а остальных высадил неподалеку, предупредив, что могу задержаться. Может и до утра. Как кости лягут.

Скиди по-словенски разумел еще хуже Свартхёвди, потому я на всякий случай велел парню помалкивать. Может, и не догадаются, что нурман. У него ж на лбу не написано, что он – викинг?

За прошедшие годы хутор Дубишка изменился ненамного. Но изменился. И народу прибавилось. Во всяком случае, мужика, который чинил сеть на берегу, я не знал.

Он меня – тоже, потому что сначала схватился за топор...

Но тут же уронил и продемонстрировал пустые руки. Нормальное поведение смерда, увидевшего воина.

Причалили.

– Дубишек – тут? – спросил я, опустив вежливое приветствие.

– Ага! Счас позову.

– Стоять! – рявкнул я. – Куда поскакал?

– Так я это... – Мужик заметно трусил. Еще бы. Недовольный воин – серьезное испытание для психики простолюдина.

– Вперед пошел! – И бодрящий пендель.

Главное – послушание.

Первое, что я увидел, поднявшись: огромная куча болотной руды. Местное стратегическое сырье. Коваль плавил из такой руды «грязное» железо, крицы. Потом из криц, уже в кузнице, выковывалось железо нормальное.

– Дубишек! – рявкнул я.

Выскочил, заполошенный. Сначала меня не узнал, тоже перепугался...

Но вспомнил – и расплылся в улыбке. Поклонился в пояс.

Вот это правильно. Имя мое, надо полагать, запомнил, но не растерялся:

– Господин! Будь гостем в моем доме!

– Буду, – охотно пообещал я. – Зови меня Волк, Дубишек. Не ошибешься.

Починщик сетей попытался смыться, но был пойман за шкирку Скиди.

– Лодку нашу вытащи, – велел ему я.

– Сейчас велю стол накрыть! – пообещал Дубишек.

И не обманул. Накрыл, и щедро. Причем сам за стол только присаживался время от времени: руководил женщинами, которые нас ничуть не боялись. А чего им бояться? Вот эту, к примеру, я помнил! Славная девушка. То есть уже не девушка, а вполне взрослая женщина. Почему она здесь? Она ж вроде бы невестой Квашака была?

Что, впрочем, не помешало ей, юной и невинной, залезть ко мне под одеяло и отблагодарить по-своему за спасение от лап порубленных мной головорезов.

– Дубишек, а что ж дочь твоя за Квашака не вышла? – поинтересовался я.

– Так поженились они, – сообщил хуторянин. – Но забрали ж Квашака. Ваши ж и забрали. А она сбечь успела и домой вернулась. Вон, с сынишкой.

Сынишко сидел на земляном полу и что-то грыз. На вид ему года полтора. Значит, точно не мой.

– Наши забрали?

– Ну да. Вы ж княжьи люди, Волк, верно?

– Княжьи, – охотно подтвердил я. Чистая ведь правда. Если не уточнять, какого именно князя.

– Я о долге своем помню, – поведал мне Дубишек. – Оброк отдам сполна. Глянь, сколько уже собрали! – и показал на кучу руды. – С вашим князем – хорошо. Холопы, которых он дал, трудятся исправно. А кто ленился, так тех ваш старший кнутом поучил немного, и теперь все хорошо работают.

«Вот так, – подумал я. – Был простой мелкий земледелец, а стал, типа, плантатор». Выходит, не всем от Водимира неприятности. Кое-кто и пользу получил, рабами обзавелся. Впрочем, у Дубишка раб и раньше имелся. Но того после нашей спасательной операции Коваль себе забрал.

Я поглядел на Скиди. Скиди улыбался и кушал. За двоих. Знаки внимания от противоположного пола принимал благосклонно.

Пользуясь тем, что Дубишек считает меня человеком Водимира, я начал раскручивать его на предмет информации. Спрашивать приходилось очень аккуратно. Впрочем, Дубишек все выбалтывал сам. И кто куда подселился из пришлых, и где остались коренные, обязавшиеся Водимиру данью. А главное: где расположены главные опорные пункты новой власти.

Ну да, таких баз было две. Военный городок и торговый пост.

Это потому, что я недооценил стратегическое значение озера Длинного. То есть я знал, что из него вытекает река, сам по ней когда-то сплавливался. Но оказалось, что есть еще две речки, которые в озеро впадают, одна из которых для здешнего транспорта судоходна на всем протяжении, кроме, может, самого сухого летнего периода. И зимой по ней на санях – милое дело. Дойти можно хоть до Плескова, а оттуда...

Куда можно дойти из Плескова, я знал. И понимал, что контроль над транспортной артерией, пересекающей здешние дремучие леса и болота, вещь се-

рьёзная. Так что Водимир наложил лапу за это дикое место не просто так, а с дальним прицелом. Что ж, тем огорчительней ему будет узнать, что на облюбованное им место претендует кто-то другой. Например... Ивар Рагнарсон! А почему бы и нет, кстати? Почему бы победителю англов и франков не заинтересоваться сухопутной, вернее, речной дорогой в богатые южные земли? Как там, в учебнике истории... Путем из варяг в греки. И почему бы Ивару не прислать сюда своего разведчика? То есть меня...

Прекрасная идея. И еще тем хороша, что можно больше не скрывать от местных наше датское, вернее сёлундское происхождение. Любой, кто в курсе скандинавского расклада, а здесь таких немало, мигом доведут до Водимира, что Сёлунд – и есть вотчина Рагнара и его сынишек. Логично? Вполне. Что ж, так и запишем. А пока послушаем Дубишка, благо, он не только слухами кормился, но и лично побывал в обоих Водимировых укреплениях.

Главный военный городок был возведен у истока реки, вытекающей из озера, и контролировал главную транспортную артерию.

Торговый пост вполне логично возвели в устье той самой реки, которая была частью пути на запад.

В военном городке гарнизоном заправлял аж целый сотник. И стены там воздвигли ого-го какие! На взгляд Дубишка.

У торговой точки ограда тоже была, но пожиже, а рулил там не военный человек, а какой-то купчина.

Дубишек его ругал. Очень эмоционально. Мол, товаров полезных у торгаша много, но дорожится. В городе вдвое дешевле купить можно.

«Так почему не купить?» – поинтересовался я.

Так в город придется мимо военного городка плыть, пояснил Дубишек. А там тоже люди небескорыстные сидят: так и норовят свой кусок отщипнуть, и немаленький. Понятно, что форпост Водимира можно и лесом обойти... Но водой-то – удобней. Да и патрули из крепости вокруг шастают. Изловят – отнимут всё, да еще и работать заставят на строительстве. Стены-то в военном городке уже возвели и то, что можно назвать донжоном, – тоже. Но работы еще непочатый край. Осенью, понятно, отпустят, а дальше что? Чем семью кормить, если лето, считай, пропало?

В общем, не такая уж радужная у Дубишка жизнь под хозяином, как мне показалось. Князю и оброк плати, и торгуй только с его представителем, который покупает дешево, а продает дорого. Хотя, думаю, досуха Водимир народ выжимать не станет. Не то соберут вещички и двинут в леса. Ищи их потом...

Вечером вернулись с болота работяги. Приволокли очередную порцию руды. Получили хавчик.

Скромный, надо отметить. На первое – уха из рыбы. На второе – рыба из ухи.

Присматривал за холопами всё-таки не Дубишек, а тот самый человек князя, который стимулировал кнутом тех, кто ленился. Дрянь человечешко. Морда крысиная, глазенки подлые. Не воин, приказчик.

Я до разговора с ним не снизошел. Дубишек сам поведал крысеньшу, кто мы такие. В его понимании, естественно.

Приказчик вслух усомниться не рискнул. Но зыркал недоверчиво.

Наверняка настучит обо мне начальству, если пустить дело на самотек. Но

я – не пуцу.

Ночь прошла... ну, назовем этот вариант не скучным.

Надеюсь, Квашак не станет держать на меня обиду за маленькие такие рожки.

Впрочем, в здешнем обществе к небольшим постельным изменам относятся спокойнее. Если обе стороны не против. Что здесь, что у скандинавов. Мой маленький сынишка Хельги, согласно неофициальной версии рожденный матерью от неизвестного божества, официально считается законным и моим, поскольку я его усыновил по всем правилам, и он пользуется такими же правами, как ребенок, что родится от моей законной жены Гудрун. И Гудрун по этому поводу совсем не обижается. Так же, как и по поводу моего второго приемного сына Виги-Вихорька. Впрочем, у Вихорька прав поменьше, чем у младенца Хельги, поскольку последнего я принял в род с правом на одаль. А Вихорёк, пожелай он выделиться в автономную единицу, никакой доли из моего хозяйства не получит. Ну да Вихорёк однозначно в бедности прозябать не будет. Есть у него и личные накопления, а главное – хорошее боевое железо плюс умение им пользоваться. Как говорят мои родичи-даны: железная цена – правильная цена, что переводится как «отнять лучше, чем купить».

В общем, если от моей быстротечной связи с женой Квашака народится чернявенький младенец, то Квашак вряд ли обидится, даже если узнает. Хотя откуда ему знать? С генетикой тут не шибко знакомы. Родился и родился. Лишь бы выжил и вырос.

Напоследок я шепнул согретой мою постельку соломенной вдовушке, что мы – не Водимировы люди, а совсем наоборот. И попросил передать эту новость Дубишку вместе с горсткой серебряных арабских дирхемов и рекомендацией держать язык за зубами. Еще я добавил, что Квашак уже дома. И непременно ее заберет с собой. Вернее, я заберу Квашака, а тот – ее.

Не знаю, порадовал или огорчил, но женщины здесь – существа подневольные. Это не область датского права, где женщина может даже землей владеть, не говоря уже о личном имуществе.

Утречком я встал поздно. Позавтракал сытно и без спешки, когда «рудодобывающая» бригада уже отбыла.

А вот Скиди на завтрак опоздал, хотя встал с постельки раньше меня. И не потому опоздал, что предавался плотским радостям, а потому что работал. Выполнял мое поручение. И сев за стол, доложил со спартанской лаконичностью: «Утоп».

Углубляться в детали я не стал. И так понятно, что сработал чисто. Никто и не догадается, что Водимирову бригадиру помогли сделать буль-буль. Зато теперь здесь не осталось никого, кроме Дубишка, кого стали бы слушать серьезные городские дяди.

Припасов мне на дорогу загрузили – на семерых. И правильно. Мне ж ватагу кормить.

Хотя мои хускарлы и хольды тоже не голодали. Набили птицы, наловили рыбки и забабахали роскошную ушицу.

Я ею пообедал, попутно рассказав о том, какие нам вскоре предстоит рат-

ные подвиги.

Бойцы оживились. Резня. И добыча!

Возвращались вдоль противоположного берега. Мимо поселений, которых стало заметно больше, чем несколько лет назад. Что характерно: нас, суровых и вооруженных – не боялись. Уверовали, надо полагать, что здесь может быть лишь один сорт вояк: Водиминова гридь. А эти и без грабежа свое получают.

Что ж, мир да любовь – это хорошо. Пригодится, когда мы переключим на себя здешние финансовые потоки.

К форпосту свободной торговли по завышенным ценам мы подошли незадолго до полудня. Заходить не стали. Проследовали мимо на хорошей скорости, изображая, что очень торопимся. Однако увидеть кое-что успели. Почти достроенный деревянный форт над берегом и очень симпатичный кораблик румов на шесть, ориентированный на речную навигацию, то есть с хорошим водоизмещением и малой осадкой.

Медвежонок тут же положил на него глаз. Для нашей команды – идеальное суденышко.

Далеко уходить от торговой точки не стали. Через километр спрятали лодку в камышиных зарослях удачно подвернувшейся протоки и занялись делом. Задача, которую я поставил: пассивная разведка. Пассивная – это значит «языков» не брать и никого не убивать. По возможности.

Себе я выбрал наиболее интересную часть: изучение самого торгового поста. В пару со мной – Медвежонок. Нам предстояло решить: достаточно ли нас для того, чтобы взять укрепленную точку, или придется возвращаться на хутор Квашака за остальными.

Обустроивался Водимиров торговый гость солидно. Просторный двор с кучей свежесдвигнутых построек, главная из которых – аж в два этажа и сложена капитально: на каменном фундаменте покоился сруб из толстых бревен, причем окошки в срубе – не окошки, а прорези высокие и узенькие. Человеку не протиснуться, зато стрелять очень удобно.

Вокруг двора – частокол из старательно подогнанных друг к другу стволов, обмазанных глиной и белеющих свежесозаостренными верхушками. Ворота – пара. И те, и другие – настезь.

Со стороны озера – береговой обрыв почти двухметровой высоты, со стороны реки – почти такой же обрыв и зеленый луг, судя по всему, заболоченный. Всё, однако, рассчитано. И надо полагать, во время половодья поднявшаяся водичка до подножия частокола не доходит.

Со стороны леса тоже всё хорошо: расчищено не меньше чем на три сотни метров в глубину. Расчищено, распаханно, засеяно и даже удобрено речным илом. Последнее – очень прогрессивно. Обычно удобрениями местные не пользуются.

Хозяйственный человек здесь рулит. Даже жалко такого в расход пускать.

Работа кипела. Не меньше десятка лесорубов и корчевщиков трудились на опушке. Во дворе, насколько я мог разглядеть через открытые ворота, тоже впахивало не меньше десятка мужиков. Еще трое тянули бредень. Несколько теток занимались стиркой. Вокруг бегали детишки. И собачки. И лошадки паслись. И коровки на лугу. Пряма-таки пасторальная картинка...

В которую не укладывались только двое парней, упражнявшихся в стрельбе из луков. Боевых. Стреляли, должен отметить, недурно: за полсотни шагов попадали в красное пятно, намалеванное на старой шкуре.

Медвежонок поднял большой палец и показал знаком: стрелков надо бы сейчас в расход пустить. Могут быть опасны.

Я покачал головой. Выводы уже сделаны. Брать пост будем ночью, а ночью от лучников вреда меньше. Есть, правда, такие, что стреляют на звук, а мой покойный араб Юсуф вообще умел бить интуитивно. Правда, недалеко: метров на двадцать... Ну да эти – послабже. Если бы я сейчас захотел, то снял бы обоих. На пустоши они – как на ладони.

Однако не будем торопиться. Вряд ли пара лучников – единственная охрана нашего купчика. Где он, кстати?

Озвучил свой вопрос для Свартхёвди, и тот сразу указал на полуголого мужика, восседающего верхом на деревянном хребте строящегося сооружения и активно жестикулирующего.

Спросил, почему этот – главный? Получил ответ: на нем золотая цепка. Ну да, с такими глазами, как у викингов, никакого бинокля не надо. Особенно если касается драгметаллов.

А воины еще есть? – поинтересовался я.

Свартхёвди презрительно хмыкнул. Откуда здесь воины? Так, бонды с оружием. Не парься, братец Волк, сделаем, как обычно: мужчин убьем, женщин перетрахуем, ценности конфискуем. И корыто, которое мокнет у причала, заберем. В него много добра войдет. Пригодится.

Сомнений – ни на миллиграмм. Все викинги крайне самоуверенны, а уж берсерки врагов даже не по копьям или головам считают, а исключительно по времени, необходимому, чтобы эти головы снести.

Но сейчас я был с ним согласен. С таким контингентом мы и впятером справимся. Легко.

– Возвращаемся, – решил я. – Пора обедать.

Остальные разведчики не принесли в клювиках ничего интересного. Гагара видел каких-то подростков, ставивших силки на птиц, а Хавгрим Палица приволок олененка. Берсерку свежатинки захотелось. И не только.

Глава 11 Ночная операция

Викинги не любят воевать ночью. Говорят: боги ночью хуже видят. Не любят, но могут. Тем более что тут не война, а банальный разбой.

Сначала через частокол полетела оленья требуха. Две порции. И только после этого с противоположной стороны частокола – пара «бородатых» топоров с привязанными к рукояткам ремнями.

Первыми наверх взлетели оба берсерка. Пока что – в обычном, не форсированном режиме. За ними Гагара и Скиди. Я, как наименее ловкий, перебрался последним.

Во дворе было пусто, темно и тихо. Если не считать рычания и грызни собак.

Четвероногим было не до нас. У них – внеплановый ужин.

В большом двухэтажном доме тоже было пусто, темно и тихо.

А вот в строении пониже и поплоче звуки фиксировались. Кто-то храпел,

кто-то раскашлялся, потом заплакал ребенок... Беспокойно спит простой люд.

Сквозь тучки проглянул остренький месяц. Чуток посветлело. Это кстати. Для меня. Остальным и так светло.

А вот нас разглядеть и в этом свете непросто. Рожи покрыты слоем смешанной с жиром сажи, поверх доспехов – темные плащи.

Мимо проковылял Медвежонок, направляясь к малому строению и волоча здоровенный брус. Упер один конец бруса в землю, второй – в двери, под поперечину. Подложив край плаща, тюкнул разок-другой обухом секиры. Зафиксировал.

Я отсигналил: давайте за мной, и двинул к большому дому.

Дверь оказалась заперта. Хорошая такая дверь, дубовая, на железных петлях. И подогнана мастерски: ни щелочки. Не то что топор, нож не просунуть.

А окна, как я еще днем заметил, – узенькие. Даже мне не протиснуться, не говоря уже о таких, как Палица.

Пока я размышлял, Хавгрим с Медвежонок уже приняли решение. И реализовали. Свартхёвди влез на плечи Палицы, на Палицу вскарабкался Гуннар, на Гуннара – Скиди. Палица закричал. По его лицу, вычерненному смешанной с жиром сажей, текли струйки пота. Крепись, берсерк. Это еще не всё. Второй, третий и четвертый «этажи» цеплялись за то, за что удавалось. Тем не менее, когда на пирамиду полез легкий (под семьдесят живого веса плюс еще десять – всякого боевого железа) я, на могучие плечи Палицы легло никак не меньше двадцати пудов. Зато и оказался я почти вровень с коньком. Осталось лишь подтянуться, и дело сделано. Я – на крыше. Закрепил веревку и отодвинулся подальше, уступая место остальным. Пара минут – и мы все на вершине.

И что теперь будем делать?

И опять у моих берсерков оказался наготове план.

Медвежонок, удерживаемый Гагарой и Хавгримом, улегся на покатую крышу и, ругая сквозь зубы бестолковых словенских строителей – то ли дело плоское покрытие длинного дома! – принялся счищать с крыши дранку. Довольно шумно, на мой взгляд. И главное – зачем?

– Медвежонок! – зашипел я. – Прекращай! Есть способ получше. Эй! Поднимите его!

– Ну? – буркнул приведенный в правильную вертикаль Свартхёвди. – Что это у тебя за «лучше»?

– Вон там, – показал я, и Медвежонок снова выругался. На этот раз уже в порядке самокритики. Примерно в двух саженьях от него в крышу был врезан люк. Люк, как чуть позже выяснилось, запертый, но взломать его оказалось нетрудно. Обычная деревянная щеколда, которую я без проблем отвернул ножом.

Спустились по очереди, с максимальной осторожностью. Сначала – на чердак, потом ниже. В доме – тишина. Только комары звенят. Медвежонок, Гуннар и Скиди по кривой лестнице сошли на первый этаж, а мы с Палицей остались обследовать верхний. Мне повезло. Спальня. В спальне – кровать порядочной ширины, а в изголовье – еще теплящаяся изложница. Света – в самый раз, чтобы понять: спят двое. Мужчина и женщина. Женщину убивать категорически не хотелось. Да и мужика стоит пока оставить в живых. Потому что он – хозяин. Вон цепка золотая на стенке висит. А рядом – мечуган. Тоже на

стенке. Вот это зря. Оружие надо под рукой держать.

Я размахнулся и от души врезал по кудрявой головушке плоскостью клинка. Аж звон пошел. От звона проснулась купцова женушка. Разинула рот, выпучила глаза... Но не закричала, а засипела, потому что я успел стиснуть ее нежное горлышко, пережимая артерии, и накрыть ротик ладонью... которую она тут же попыталась укусить.

Это на здоровье. Чтоб прокусить мои мозоли, волчьи зубки нужны.

Через полминутки дама обмякла. Спи, моя радость, усни.

Я прислушался. Вроде идет какая-то возня... Или – кажется?

Так, мужика связать, да покрепче. И вот это полотенчико – в пасть. Завоняло, однако. Похоже кто-то из супругов таки обгадился. Так. Женщине ротик затыкать не будем, а вот ручки свяжем. На всякий случай.

Не успел я закончить, как началось.

Внизу заорали злобно... Вопль тут же оборвался, но его подхватил кто-то другой. И третий. Что-то грохнулось, зазвенело железо. Я ожидал, что вот-вот раздастся вынимающий душу рёв берсерка...

Не раздался.

Я бросился к лестнице, успел увидеть широкую спину сиганувшего мимо ступенек Хавгрима, услышал истошный женский визг, который перекрыл мужской вопль на словенском:

– К оружию! Враги в доме!

Молодец, мужик! Сообразительный!

Навстречу мне – женщина в белом. С какой-то деревянной хренью в руке. Хрень я вышиб, женщину отпихнул невежливо... И едва не зарубил Гуннара, который выбирался из закутка спиной вперед, волоча за собой что-то тяжелое... Вернее, кого-то.

Тут кто-то позади меня очень удачно зажег факел. Увы, любитель света с огнем обращался неправильно. Попытался сунуть факел мне в лицо. Вот же сопляк безусый! Факел я отобрал, а тинейджера пнул в живот, на время лишив боеспособности.

А вот это уже серьезно! И откуда вы взялись, дорогие мои? Аж трое, и все, что характерно, – с копьями. И со щитами. А я, как на грех, свой щит решил не брать.

Впрочем, добратья до меня копейщикам не позволили. За их спинами, аки настоящий медведь, воздвигся мой побратим и прикончил всех троих тремя ударами. Причем даже не впадая в боевое озверение.

Прикончил, обтер меч вышитой занавеской и сообщил:

– Здесь – последние. Хозяина видел?

– Наверху, – сказал я. – Живой.

– Живой – это хорошо, – одобрил Медвежонок. – Нам с ним беседовать, а с мертвым какой разговор?

Глава 12 Плоды победы

Держался купец неплохо. Как воин.

Не всякий бы рискнул в его положении задавать вопросы, а он – рискнул:

– Кто вы?

Неправильный тон.

Свартхёвди без замаха полоснул его плетью по роже. Рассек кожу на лбу. Мог бы и глаз выбить, но ударил расчетливо. Чтоб кровь по роже потекла.

– Водимир вас...

Опять неправильно. На этот раз – поперек бороды. Кровь из рассеченной губы брызнула на голую грудь торгового представителя князя.

А хорошо он смотрит. Яростно. Раздетый догола, связанный по рукам и ногам. Напротив – супруга. Тоже нагая и связанная. И мы, все из себя такие красивые: с черными рожами и серьезными намерениями. Вон и железо на жаровенке греется: порезы прижигать. Пара ударов плетью – это так, баловство. Купчина должен это понимать. Тем более не такой уж мирный человек. Шрамы на бледной тушке очень характерные, и сама тушка – правильного сложения, лишь чуток жирком подернута от мирной жизни. Лучше бы купчине принять наши правила игры, не то зашкворчит этот жирок...

Не люблю пытаться людей. И не буду. Но побратим мой – другого склада. Для него допрос – как для музыканта сольный концерт. Радость творчества плюс обязательный гонорар. Так что у нашего клиента два варианта: развлечь нас познавательной беседой более-менее добровольно, или сделать это чуть позже, но уже в виде, малоприспособленном для счастливой жизни.

– Люди, которые живут на этом озере, – мои люди, – сообщил я купчику на языке викингов, который он, как выяснилось, прекрасно понимал.

– Водимир...

Я удержал руку Свартхёвди, подобрал с пола какую-то тряпку и запихнул в окровавленный рот.

– Помолчи и послушай, – сказал я. – Это в твоих интересах. Мои люди, я сказал. Твой князь покусился на чужое. Мне это не нравится. И ты мне тоже не нравишься. Однако я готов тебя пощадить. Чтобы ты рассказал своему князю обо мне и объяснил ему, что здесь – не его земля. Если понимаешь, что я говорю, кивни.

Кивнул, естественно.

– Больше того, я даже не стану убивать твоих людей и твою женщину, – кивок на перепуганную супругу купчика. – Ты понимаешь?

Еще один кивок.

Кивай, дорогой, кивай. Учись говорить мне «да».

– Но я заберу всё, что у тебя есть, – сказал я. – Потому что это – моё, ведь ты взял это на моей земле. Понятно?

Невразумительное мычание.

– Думаешь, твой князь сильнее?

Кивок.

– Зря. Ты ведь не знаешь, кто я и кому служу. Тебе это пока знать не обязательно. А должен ты знать вот что: я сейчас выйду и велю обыскать твой дом. Что-то мы найдем сами, но я уверен, что главное ты спрятал. И потому вот он, – я показал на Свартхёвди, – заставит тебя вспомнить, где ты устроил схронки. Он очень способный и умеет разговорить даже немого.

Медвежонок ослабилась и проворчал:

– Так и есть.

Комплимент пришелся ему по вкусу.

– Если я выйду, – продолжал я. – Он займется тобой и твоей женщиной. Думаю, тебе очень не понравится то, что потом произойдет. Но что куда важнее:

это не очень нравится и мне. Хочешь знать, почему?

Конечно, он хотел.

– Потому что я не люблю, когда красивая женщина превращается в кусок горелого мяса, – пояснил я. – Но это тоже не главное. Хочешь знать, что главное?

Энергичный кивок.

– Главное, когда в такой кусок, – слепой, безрукий, оскопленный – превратишься ты, мне придется искать другого посланца к твоему князю. А мне бы не хотелось. Ты построил неплохой дом. Я буду жить в нем с удовольствием и лишь ради этого готов сохранить тебе жизнь. Ты – неглупый человек и должен понимать: мертвому богатства не нужны. А живой и умный сумеет восполнить потери. Я хочу оставить тебя в живых. Тебя и твою жену. Ты согласен?

Кивок. Ну, естественно.

– Очень хорошо. Мой брат, – жест в сторону Медвежонка, – считает, что ты всё равно не выдашь нам всё, что у тебя есть, если тебя как следует не поджарить. Но я попытаюсь его убедить. Если ты сумеешь убедить меня. А сейчас я выдерну тряпку у тебя изо рта и разрешу сказать дюжину слов. Если это будут правильные слова, значит, мы поладим. Нет, я выйду, и тобой займется мой брат. Тобой и твоей женщиной. А когда я приду снова, ты будешь говорить только правильные слова. Но видеть меня уже не сможешь.

И я выдернул кляп.

– Поклянись богами, что сохранишь нам жизнь! – выпалил купец.

И я запихнул тряпку обратно.

– Неправильно, – заявил я, а Свартхёвди придвинулся и навис над пленником. – Ты слышал, что я сказал. Ты понял, что я сказал. И впустую потратил половину разрешенных тебе слов. Если я решил тебя обмануть, ты ничего не сможешь с этим поделать. Сейчас я дам тебе еще одну попытку. Последнюю. Не ошибись!

И я вновь избавил его от затычки.

– Я покажу! – поспешно выкрикнул пленник. – Всё покажу, всё!

Что и требовалось доказать. Добрым словом и дубинкой всегда можно добиться большего, чем одним добрым словом. И клиент после этого выглядит куда симпатичнее, чем если пользоваться исключительно дубинкой.

– Ты хороший хёвдинг, – сообщил мне Медвежонок. – Любят тебя боги!

– Любят, любят! – подтвердил Хавгрим Палица. – Теперь можно и в Альдейгью возвращаться! Я Каменному Волку всегда говорил: когда вождь удачлив, за один вик можно взять железом больше, чем наторговать за десять.

Ну надо же! Оказывается, мастер-берсерк Стенульф ратует за честную торговлю. Вот уж не ожидал!

– Ты, Палица, сначала до его годов доживи, а потом умничай! – одернул Хавгрима мой побратим. – И в Альдейгью мы возвращаться не будем. Наши дела здесь не закончены. Так, братец?

– Да.

Свартхёвди и Хавгрим оставались в доме купца. Присмотреть за порядком. Чтоб пленники не безобразничали и даже не думали о том, чтобы передать весточку ребятам с Водиминова «блокпоста».

«Сутки, – сказал я. – Потом пусть делают, что хотят. Но хозяйскую семью не трогать! Я поклялся. И постарайтесь, чтоб вас потом не опознали. Пусть Водимир гадает: чьи мы и откуда?»

А чтоб не опознали, тем же берсеркам достаточно не снимать латных рукавиц и шлемов, в которых «очки» закрывают верхнюю половину лица, а нижнюю прячет борода.

Особых проблем не ожидалось. Купца с женой и детьми заперли в горнице, бойцов перебили при штурме, а простонародье здешнее – это не скандинавские бонды. Делают, что велено. А уж если берсерк рывкнет...

– Мы тут еще пошарим немного, – сказал Хавгрим.

Он всё еще сомневался, что хозяин выдал все свои тайники. Свартхёвди хмыкнул. Он-то знал, что купец выложился до конца.

Хотя, не будь меня, викинги всё равно запытали бы купца до смерти. На всякий случай. И перебили бы всех, потому что мы слишком далеко от «базы», чтобы взять с собой челядь на продажу. Сожгли бы тут всё, в том числе и холопов в бараке. Мало ли кто что кому обещал? Обещания, данные чужому, гроша ломаного не стоили. Разве что в свидетели призывали богов. Тогда – может быть. Да и то не факт. Боги, они ведь тоже понимают, кто свой, кто чужой. И со своими богами всегда можно договориться.

Но я запретил убивать – и никто не прекословил. Предполагалось: я знаю, что делаю.

Тем более что добычу мы взяли изрядную. В основном – меха. Но серебришком тоже разжились, и воском. И даже с десятков бочонков меда прихватили. И металлов цветных и черных – с полтонны. И даже золотом, то бишь золотой цепью купца, которую общим решением подарили мне.

Но почивать на лаврах – рано. Из двух военных задач, которые мне предстояло решить, взятие торгового поста было той, что попроще. Здесь было всего восемь человек, способных взяться за оружие, причем троих уколошили прямо в постельках, и остальных, считай, взяли тепленькими. Не бой, а резня.

Вторая задача потруднее. Судя по тому, что мы узнали от того же купца, форпост Водимира на озере был крепким. Два больших десятка дружинников плюс столько же ополченцев. И человек тридцать наемных строителей. Так сказать, холопов на договоре, которых при случае тоже можно на стену поставить. А стена – была. Поставили за год двойной частокол с заборомом[211]. Да не в два с половиной метра, как у купца, а все три с половиной: с древесиной в лесу проблем нет.

И охраняют «блокпост» по ночам, надо думать, не только собачки. Мы, конечно, крутые парни, и многократно превосходящий численностью противник нам не впервой.

Но очень не хотелось бы, чтоб этот самый противник был в курсе нашего существования. Потому что выковыривать его из этого форта – не с нашей численностью. Нас выручит только внезапность и лихая импровизация. Желательно, продуманная заранее. И при этом времени у нас – всего ничего. Вот и не будем его терять.

До дома Квашака мы дошли за пару часов на трофейном корабле. Порадовали братьев. Они нас тоже порадовали. Новостями.

Пока мы отсутствовали, парни провели разведку окрестностей. И решили

проявить инициативу, мать их в бабушку! Зачистили территорию. Вырезали два «гнезда» ни в чем не повинных переселенцев.

Зачем? Да потому что викинги всегда так поступали. Мертвые молчат. В общем, зря я доверил командование Стюрмиру.

Однако и мой гуманизм в отношении прежних обитателей хутора едва не вышел боком.

Семейка, которую я выгнал, поперлась напрямиком к Водимировой новостроенной крепостице. И тут нам серьезно повезло. Не дошли изгнанники. Потому что встретили по пути четверых Водимировых бойцов, сопровождавших очередную команду переселенцев.

Неглупая, кстати, политика. Выселить мнящих себя свободными хозяев, а на хозяйства посадить покорных князю холопов. Надо бы на вооружение взять, если когда-нибудь сам князем стану. По мне, так и продавать-убивать никого не надо. Просто провести рокировку. Тут люди поколениями живут на одном месте, даже не помышляя о переменах. И достаточно перебросить их на чужую незнакомую территорию, чтобы они тут же потеряли уверенность в себе. А страх – это такое полезное для правителя чувство, которое заставляет подданных держаться за господина, даже если этот господин обходится с ними весьма сурово.

Но возвратимся к нашей ситуации. Встретили бедные изгнанники князьих людей и немедленно пожаловались. Причем версию выдвинули такую: вернулся прежний хозяин имущества с тремя дружками-разбойниками, да и выгнал новых жильцов из избышки.

Соврали, в общем. Уж кузнец-то способен отличить профессионального воина от любителя. Вопрос: зачем было врать? Понятия не имею. Может, решили, что если сказать правду, то Водимировы бойцы в штаны наложат?

С точки зрения здешнего служилого воинства, разбойники – это несерьезно. Смерды, возомнившие, что обладание оружием само по себе делает их сильными и опасными.

Еще вопрос: почему сами дружинники даже толком не расспросили потерпевших?

Вот на этот вопрос я ответ знаю. Потому что – салабоны. Отроки, молодняк, опыта – чуть, мозгов примерно столько же, а вот желания проявить себя – выше крыши. Будь на их месте, допустим, я, то уж не поленился бы выяснить в деталях, что это за вершители справедливости такие? А расспросив, наверняка поймал бы беглецов на нестыковках и добился правды. То есть узнал бы, что «разбойники» не с дубинами-топорами, а в стальной броне и с мечами у пояса. И нахрапом уже не полез. Провел бы разведку. А еще раньше непременно послал бы кого-нибудь в форт, потому что по-взрослому вооруженные бойцы просто так по лесам не шляются. Вполне можно допустить, что это – передовой дозор. То есть где три, там и тридцать...

Но молодняк решил: вот он, повод, показать свою крутость. Скорее всего, им прибавило храбрости заявление выгнанного кузнеца, что не бывший хозяин хутора Квашак – при нас, а мы – при нем.

Кого может пригласить изгнанный смерд для того, чтобы отстаивать свои права?

Да никого серьезного. Да и кто нынче решится вершить суд на подконтрольной князю Водимиру территории? А главное – зачем? Чтобы вернуть ка-

кому-то смерду хозяйство ценой в четверть гривны?

Не знаю, чему их учили у Водимира в детинце, но явно не осторожности. Четыре отрока без опыта настоящих боевых действий, потому что смердов гонять – это не война, а козьи потягушки, решили стяжать легкую славу.

Глава 13 Война – работа для профи

Они даже разведки не провели, бараны. Ввалились во двор Квашака, как будто в собственный огород. Мы – представители князя, блин! Все упали и отжались.

А вот мои – молодцы. Мои – битые. И, естественно, не забыли, что находятся на чужой территории. И заметили противника еще на подходе, так как не забыли выставить дозор, вернее, посадить наблюдателя на крышу.

Пока четверка гордо шагала от опушки полями-огородами, моя команда успела приготовиться к встрече.

А когда исполненные важности отроки-дружинники ввалились на подворье, то встретили их не Квашак с Быськой, а мои brave парни.

По возрасту мои – не старше Водимировых. Если не считать Стюрмира. А вот по боевому опыту, вооружению и подготовке они превосходили отроков на порядок.

И для них вопрос «кто победит?» не стоял. Кого тут спрашивать? Уж не этих ли недоделанных вояк? Так что боевая задача для моих звучала так: «чтоб никто не ушел».

Ввалившись во двор и обнаружив в нем не трех оборванцев-разбойников, а пятерых недурно экипированных бойцов, отроки сначала зависли, потом попытались смыться.

Но тут уж сработал шестой, Вихорёк, расположившийся на крыше хлева: всадил стрелу в спину самого шустрого. Доспехи на Водимировых бойцах... Ну, я бы это даже доспехами не назвал. Так, жилетки из вареной кожи. Так что подставлять спины под стрелы им было нежелательно. Они это тоже сообразили, наконец-то повели себя как воины. То есть развернулись, сомкнули щиты и приготовились в бою...

Который закончился секундой позже. Когда пятерка моих одновременно метнула копьё.

Броски Хавура и Стюрмира оказались слишком мощными. Пробили не только щиты, но и тех, кто их держал. С восьми шагов – не удивительно. Третий дружинник оказался удачливее. Или ловчее, потому что одно копьё он ухитрился отбить, а от второго увернулся.

И обнаружил, что остался в одиночестве.

И повел себя достойно: лапки задира не стал, а решил умереть в бою.

И умер бы, потому что Стюрмир как раз собрался его прикончить, но вмешался Вихорёк. Соскочил с крыши и закричал, что сначала надо с парнем поговорить. Мол, папе, то есть мне, не понравится, если они могли взять «языка» и не взяли.

– Живьем, так живьем, – заявил Стюрмир, поигрывая мечом.

Но Вихорёк не то чтобы сомневался... Возможно, ему просто понравился парень: ловкостью и храбростью.

– Я поговорю с ним, Стюрмир! Очень прошу!

– Да ладно, бери его, если уж так хочешь! – разрешил могучий хускарл, ко-

торый сообразил, что победа над таким сопляком – невелика и ничего не добавит к славной Стюрмировой биографии.

– Как тебя зовут? – спросил Вихорёк у Водиминова дружинника.

– Домаслав. Зачем тебе мое имя?

– Затем, что понравился ты мне, Домаслав. Хочу ряд с тобой заключить, – с важностью произнес Вихорёк. – Будем мы с тобой биться один на один. Если ты одолеешь – уйдешь. Никто чинить тебе препятствий не станет. Если я одолею, то станешь служить моему отцу.

– Этому, что ли? – Парень показал на Стюрмира.

– Нет. Это Стюрмир. Один из воинов моего отца. Он – хороший воин, Стюрмир, но не лучший. Хотя и лучше меня. По-вашему, он – гридень.

– А ты?

– А я, по-вашему, отрок считаюсь. У нас таких дренгами зовут.

– Отрок? – с сомнением проговорил парень. – А бронь откуда? И меч? Отец подарил?

Вихорёк засмеялся:

– Ты, Домаслав, глупости говоришь. У нас оружие не покупают, а сами берут. А если уж платят, то не серебром, а железом. Вот этим, – Вихорёк похлопал по ножнам. – Ну так что? Встанешь против меня честно или отдать тебя вот ему? – Кивок в сторону Стюрмира. – А чтоб думалось тебе легче, скажу правду: убивать он тебя не станет. Сразу не станет. Сначала выпытает, что ты знаешь, а потом, может, и убьет. Если добрый будет.

– Почему, если добрый? – Парень неплохо держался, страху воли не давал.

– Так ты сам его умолять будешь, чтоб добил, – сказал Вихорёк.

– Что ты там ему толкуешь? – вмешался Стюрмир. – Будете вы драться или нет?

– Я ему предложил договор, – сказал Вихорёк. – Если я его побеждаю, он будет служить моему отцу, если он меня – ты его отпустишь.

Стюрмир ухмыльнулся:

– Он совсем дурень? Если он тебя убьет, твоя клятва умрёт с тобой, а я ему ничего не обещал.

– Это ты дурень, Стюрмир! – парировал Вихорёк. – Если думаешь, что этот сын бонда может меня победить.

– Сын бонда, значит? – ухмыльнулся Стюрмир. – Кто-то забыл, как два года назад овец пас?

– Кто-то помнит, что теперь его отец – твой хёвдинг! – отрезал Виги-Вихорёк. – Он не так уж плох, этот сын бонда. Ловок, храбр и удачлив. Ты глянь: дружки его мертвы, а он – живой.

– Это еще как посмотреть, – показал желтые зубы Стюрмир. – Дай его мне – и он быстро пожалеет о том, что не помер.

– Что он говорит? – забеспокоился отрок Водимира.

– Говорит: ты не хочешь со мной драться, так что нечего время терять. Хочет побыстрее прижечь тебе пятки. Он – нурман, а нурманам... Может, слышал? Нурманам нравится резать да жечь. Они в этом большие искусники, и палачи у них в большом почете. Знаешь, почему? Потому что оказаться в руках палача – самое трудное испытание для воина. И чем палач искуснее, тем большее мужество может проявить тот, кто оказался у него в руках. О таких у нас, данов, песни поют хвалебные.

– Ты не похож на дана, – перебил Вихорька парень, косясь на Стюрмира. Не было у отрока желания доказывать свое мужество подобным образом, потому и постарался сменить тему. – И по-нашему говоришь хорошо.

– Моя мать – из словен, – пояснил Вихорёк.

– А отец, получается, из нурман?

– Стюрмир, похоже, прав, – вздохнул Вихорёк. – Ты не хочешь драться. Тогда...

– Хочу! – воскликнул Домаслав.

– Согласен на то, что я сказал?

– Да! Но...

– Да или нет?

– Я Водимиру в верности клялся, – буркнул Домаслав. – Драться с тобой я готов, но служить твоему отцу не буду. Не могу.

– Ладно, – сказал Вихорёк. – Слов уже довольно. Пусть говорит железо. То-ви, дай мне свой щит... Ну, Домаслав Верный, – Вихорёк поймал брошенный щит и обнажил меч: – Попробуй меня убить!

Дважды повторять не пришлось. Отрок рванулся вперед, целя копьём в лицо. Не для того, чтоб достать (слишком далеко), а рассчитывая пугнуть, заставить прикрыться щитом и тогда уж ударить щитом в щит и опрокинуть уступающего ростом и весом противника.

Вихорёк на пугалку не купился. Шагнул вперед-влево, без труда срубил копейный наконечник с короткой, в полпяди, трубкой, пропустив Домаслава мимо себя. Отрок оказался неплох. Даже успел среагировать: попытался прикрыться обрубком древка.

Это не помогло бы. Пожелай Вихорёк снести ему голову, снес бы. Деревяшкой в два пальца толщиной не остановить клинок франкской работы.

Но Вихорёк убивать не собирался. Ударил подошвой в сгиб колена, добавил краем щита по шее – и отрок полетел на траву. В полете, впрочем, ухитрился извернуться, чтобы встретить неминуемый удар щитом, а не затылком.

Но Вихорёк бить мечом по щиту не стал. Поддел ногой под край, отбросив в сторону, наступил Домаславу на горло и коснулся жалом клинка безбородой челюсти отрока.

– Ты умер, – сказал он. – Тебя больше нет. Твоя жизнь теперь – моя. Нет больше Домаслава. Тебя нет – и нет больше никаких клятв. Мои боги, Тор и Один, оказались сильнее твоих. И они к тебе благосклонны, так что у тебя есть выбор: ты можешь умереть по-настоящему, как безымянный раб, под пыткой. А можешь пожить еще немного, приняв новую веру, сражаясь, как воин, и взяв имя, которое я тебе даю сейчас. Траусти. Это значит – Достойный Доверия. Принимаешь ли ты его, мертвец?

– Да, – просипел придавленный.

– Быть твоему сыну скальдом! – воскликнул Тъёдар Певец, когда Вихорёк пересказал нам историю вербовки Водиминова отрока. – Сам придумал, Виги, или боги надумали?

– Ничего я не придумывал, – возразил Вихорёк. – Это как в другой род принимают. Дают имя другое, чтоб прежние пращуры не обиделись: решили, что ты умер. А в новом роду как бы снова рождаешься. И имя уже другое. Ну как у меня сейчас.

– Так ты у нас, выходит, повитуха! – воскликнул Тови Тюлень. – Новорожденного принял! Теперь буду звать тебя...

Шмяк! – И Тови прикусил язык.

– Что за глупый дренг! – Тьёдар Певец одобрительно кивнул Скиди, ответившему Тови подзатыльник. – Это у вас, тюленей, имена повитухи дают, а у нас, людей севера, это право отца. Будь ты постарше, Виги, дал бы я тебе прозвище: Отец. Но кому-то такое прозвище может показаться смешным, – Тьёдар больно щелкнул Тови по носу. – А верегельд платить за всех весельчаков – разорительное дело.

– Я ничего не стану у тебя спрашивать, Траусти, – заявил я представленному мне Вихорьком «новорожденному». – Пусть для людей Водимира ты умер, но ты вряд ли забыл, как делил с ними кров и пищу, как стоял с ними в одном строю. И в бой я тебя тоже не возьму. И не потому, что боюсь, что ты меня предашь, а потому что я – не Водимир. У меня довольно хирдманов, которые умеют сражаться хорошо, и я не хочу, чтобы тебя убили только потому, что ты держишь меч немногим лучше, чем вот этот кузнец, – я показал на Квашака.

«Достойный Доверия» молчал, потупясь. То, с какой легкостью его обработал Вихорёк, поразило его по самую поджелудочную.

– Так что будем тебя учить. Вот завтра с Водимировыми дружинниками управимся и начнем.

– А вдруг – нет? Там тридцать шесть воев, а четырнадцать – из лучшей гряди!

Не удержался-таки пацанчик. Посмотрел на нас, посчитал и, по-моему, обиделся за своих старших товарищей.

А может, представил, как мы атакуем крепость, в которой на каждого из нас по три защитника – и решил: так можно и новую «семью» потерять.

Я потрепал его по щеке и пошел обедать.

Хороший паренек. Крупный, жилистый, взгляд внимательно-настороженный. Пригодится.

Да и Вихорьку веселей: не один он теперь словенин в моем хирде. Думается мне, недолго этому новобранцу в «юнгах» ходить. Закваска хорошая, характер есть, а железом орудовать – научим. Кстати, и прежнее его имя – тоже говорящее было. Домослав – это, типа, прославляющий дом. А где дом, там и родня имеется. А человек с родней на территории неприятеля может очень даже пригодиться.

– Квашак, придется тебе уйти с нами в Ладогу, – сказал я своему вольноотпущеннику. – Здесь тебе не жить. Узнают, что ты с нами был...

– Да понял я, – буркнул Квашак. – И без того знал, что холопом твоим буду.

– Будешь, – согласился я. – Дам тебе денег – кузню построить и на хозяйство. Вернешь – свободен. А до той поры (я вспомнил договор Водимира с изгнанным мной семейством) половину дохода будешь мне отдавать. По рукам?

– Ага.

– Вот и хорошо. Заберешь инструмент, какой нужен и чтоб не очень тяжелый. И семью свою у Дубишка. Только помалкивай там. Не болтай зря. Сестру тоже заберешь. И ей дело найдем.

– Знаю я ее дело, – Квашак хмыкнул.

Я аккуратно взял его за бороду, жаль, коротковата, на кулак не намотать,

наклонил, чтоб в глаза заглянуть.

– Сестре ты обязан, – произнес я веско. – Кабы не она, продали бы тебя вместе с прочими.

– Отпусти, – вежливо попросил Квашак. – Сестру не обижу, я понял... господин.

– Вот и молодец. Прямо с завтрашнего утра сплавай и заberi своих. Потом грузи всё на лошадок и отправляйся. Ждать нас будешь у разбитого молнией дуба, что на взгорке, на левом берегу. Жди три дня. С тобой отец Бернар будет и новенький. Если у нас всё хорошо пойдет, я за тобой пошлю. Если нет – отправляйтесь в Ладогу. Скажешь князю, что мы сделали. Он тебе поможет на первых порах, – и, увидев, как помрачнел мой кузнец, постарался успокоить: – Это я так, на всякий случай. Старшим у вас будет отец Бернар. Слушать его, как меня.

– Да как же его слушать, если он по-нашему не говорит? – воскликнул Квашак.

– Ну, главные слова он уже знает, а нет, так руками покажет.

В чем в чем, а в лингвистических способностях монаха я не сомневался. Этот человек уже говорил как минимум на четырех языках, не считая латыни, греческого и арамейского. С такой базой еще один он запросто освоит.

Глава 14

Храбрость и хитрость

Водимиров форт расположился примерно в двухстах метрах от речного истока. Озеро с него просматривалось ограниченно. Причина выбора места понятна: ближайшая возвышенность. Напротив, уже на реке, вполне приличная пристань из двух широких мостков. И деревянная башенка примерно семь локтей высотой, удобная и для наблюдателей, и для пары-тройки стрелков. Неплохо задумано, вот только когда мы подошли к причалу, в башенке никого не было.

Форт люди Водимира возвели качественный. Деревя не пожалели. И трудов – тоже. Его и сейчас продолжали обустройства: оформляли насыпь вокруг частокола. Трудилось человек пятнадцать. И еще шестеро занимались снятыми с петель воротами. А вот это нам конкретно повезло!

А еще это знак: нас точно не ждали. Вообще никого опасного не ждали. Были уверены в своей силе, надо полагать. Несколько десятков обученных бойцов – огромное войско по масштабам захолустья.

Ага, а это у нас что?

А это у нас – дорога. Не шоссе, конечно, но телега пройдет. Или сани – зимой. И ведет, что характерно, от форта на северо-запад. То есть в сторону Ладоги. Занятно. О ней мне никто не говорил. Интересно, как далеко тянется? Ладно, если всё пойдет по плану, это мы узнаем.

Подошли мы внаглую. На трофейном корабле. Пришвартовались. Высадились. На плечах – плащи, чтоб не сверкать доспехами, шлемы – на поясах, щиты – за спинами, копья, небрежно, на плечах.

Высадились и нестройной толпой двинулись к форту. Именно нестройной. То бишь вразброд. Чтобы сразу было видно: да, воины, но – никакой угрозы. Типа, свои – к своим.

Местные – ребята зоркие. Наши незнакомые рожи зафиксировали. К сожалению, шлемы пришлось снять. В такую жару шлем может нацепить только

неисправимый щеголь... Или тот, кто собирается драться.

Зато наш беспечный вид, похоже, местных успокоил. Угрозы не почуяли. С чего бы? Мы пришли со стороны озера на знакомом судне, и вид у нас не агрессивный, а подчеркнуто расхлябанный.

– Представьте, – сказал я своим, – что вы пришли в Роскилле после многомесячного вика. Чего вы ждете и на что рассчитываете? Вкусно пожрать и выпить, задрать подол девке... Вот такими вы должны быть. Вас ждет праздник!

– А мы такими и будем, – ухмыльнулся Свартхёвди. – И пожрем, и выпьем, и подол кому надо задерем, и загоним туда кое-что. – Медвежонок похлопал по мечу. – Не бойсь, братец, праздник – будет!

Ну да! Главный праздник берсерка – упавшая планка и разлетающиеся ошметки супротивников.

– И еще: говорить только по-датски. И по именам друг друга – только в случае крайней необходимости! – напомнил я.

Местные не должны догадаться, что мы – из Ладogi. Будем отыгрывать версию имени Ивара Рагнарсона. Бескостный вряд ли обидится, даже если узнает.

Чем больше я обдумывал идею с «человеком Рагнарсона», тем интереснее она мне казалась. Тем более что из нее вытекало еще одно очень полезное следствие: при наличии угрозы внутренние распри отходят на второй план. То есть если Водимир будет думать, что на его землю вот-вот нагрянут полчища викингов, то ему придется искать союзников... Например, в Ладoge.

Вот тут я ошибся.

Но пока всё шло как задумано. Ватага героев-раздолбаев беспрепятственно высадилась на причале ввиду форта и двинулась вверх по тропинке.

– Эй! Кто такие? – крикнул голый до пояса мужик, командовавший земляными работами.

– Люди прохожие! – заорал я, старательно имитируя скандинавский акцент. – Голодны! Жрать хотим! Семь дней на рыбе!

– А чего так?

Рабочая бригада, воспользовавшись моментом, прекратила работу.

Эти, похоже, смерды. А вот тот, что говорил со мной, – вряд ли. Такие трицепсы рыболовством или землепашеством не накачаешь.

– Спешили очень! – пояснил я.

– К князю, что ли?

Вот же любопытный. А голос властный. Сразу видно: мужик из тех, кто принимает решения. Чувствую: посылать его не стоит. Продолжаем разговор.

– Не-е! – улыбнувшись как можно шире, крикнул я. И приостановился...

Что было ошибкой, потому что берсерки тут же меня опередили. Им не терпелось отключить мозги и войти в режим бешеной мясорубки.

А мы ведь были не в чистом поле, где воину Одина есть где развернуться. Вокруг – сплошные стены и укрепления. Я помнил, как тот же Хавгрим Палица – тогда он сражался не за меня, а против – впустую воевал с запертыми воротами. Здесь, правда, ворот вообще не было. Однако что там, за частоколом, с моей позиции в подробностях не видно, хотя нам и без того известно, что во дворе есть, по крайней мере, еще одно фортификационное сооружение.

Прервать беседу на полуслове я не мог, потому что парни, которые возились со снятыми воротами, тоже на время оставили трудовые подвиги. Серьезные парни, крепкие. Доспехов, правда, на них нет, а из оружия – только

топоры, причем не боевые. И позы расслабленные...

Но стоит им насторожиться...

– Не-ет! Мы – к вам! – крикнул я, поддерживая диалог. – Эх! Свинью целой сожрал бы! Где справедливость? Серебра много, – я похлопал по кошелю, – а живот пуст!

Я прибавил шагу, но догнать своих не получилось, потому что Медвежонок и Хавгрим тоже прибавили. Еще не бежали, но уже – почти. Будь я на месте противника, непременно насторожился бы. Так, а кто у них на стенах? Вроде не вижу никого.

Зато мне в подробностях открылся местный вариант донжона – двухэтажный сруб из мощных бревен с уже знакомыми окнами-прорезями. И крыша... Крыша мне совсем не нравится. Не покатая и крытая дранкой, как у того купчины, а с барьерчиком-защитой и башенкой, прибавляющей строению еще метра три. Башенку я и раньше видел, но теперь разглядел, что на ней что-то такое блестит. Шлем, не иначе. А может, и два...

Я еще прибавил. Догнать Свартхёвди и придержать. Голосом – не предупредить. Я уже собрался крикнуть по-скандинавски, что не двор, а дом – главное...

Я не успел.

Медвежонок поравнялся с парнями, чинившими створку... И одним прыжком вскочил на лежащие ворота, метнув копьё куда-то вверх.

Вопль, и через секунду звук падения тела. Выходит, был кто-то на стене, а я проглядел.

Раньше, чем пронзенный копьём грохнулся оземь, Медвежонок уже снес голову еще одному. А Хавгрим боковым ударом хогспьета развалил голову второму. А Скиди всадил копьё в живот третьего. А Гагара...

Пара секунд – и пятеро убиты, а шестой бросился бежать. Но и его настигло копьё, брошенное Скегги Желтым.

Землекопы заорали. Их лидер надыбал где-то топор и немедленно метнул в меня. Ловко так метнул. Сразу видно: опыт у метателя большой.

Я не перехватил, поскольку руки были заняты: застегивал ремешок шлема. Просто уклонился.

Храбрые, однако, парни. Похватали, что под руку попало, и дружной толпой – на меня.

Я встал в воротах. Так, чтобы мою спину прикрывал опорный столб. Боковым зрением контролируя и двор, и бегущих ко мне землекопов.

Во дворе визжали стрелы. Похоже, били с вышки...

Бригадир добежал первым. Что это у него? Ломик? Герой голопузый!

...И еле успел уклониться, потому что герой оказался и впрямь героем. Перехватил мирный инструмент наподобие копья и послал мне в грудь. Да не просто так, а с финтом. Очень толково. Не будь на мне кольчуги, мог бы и организм повредить.

Я ушел уклоном, пустив ломик скользь по пластинам, хлестнул мечом герою по шее...

Блин! Отбил, развернувшись всем корпусом. И коленом мне – в пах. Вернее, в кольчужную юбку. Хорош боец! Я б такого к себе взял. Но уже не получится. Пока он работал коленом, я сработал клинком. Дернул на себя меч и обрат-

ным движением вспорол герою шею.

Кровь брызнула в рожу еще одного героя, замахнувшегося топором...

Но этот уже не воин – лесоруб. Был. Ну подумаешь, кровь в глаза... А он зажмурился. В обоих смыслах. Я скользнул навстречу-влево и кольнул мечом под мышку.

И выхватил саблю. Ну давайте, ребятки! Весело и дружно.

Ни веселья, ни дружбы не получилось. Похоже, работягам работа двумя клинками в стиле «гордый варяг» была знакома. Тормознули дружно. Всей бригадой.

И тут меня долбануло в спину. Вернее, в подвешенный за спину щит. Стрела. Влупило неслабо. Я даже сделал пару шагов вперед, чтобы сохранить равновесие. Однако землекопы решили: я иду их убивать. Побросали орудия труда и дернули, аки зайцы.

Очень правильное поведение. Иначе мне пришлось бы их перебить, а убивать мирных, даже условно мирных граждан, – не мой профиль. Воины – другое дело. Эти сами – убийцы. А убивать убийц – это и есть моя главная специальность.

Удирали землекопы тоже правильно. В лес. Если бы кому-то пришло в голову ломануть к нашему кораблю, пришлось бы догнать, а так... Пусть бегут.

К сожалению, мои нехорошие предчувствия оправдались.

Разгромить врага с наскока не удалось. Большая часть дружинников успела запереться в «донжоне», взять который никаких шансов. Тем более что с крыши и с башенки простреливался практически весь двор.

Мои бойцы, конечно, укрытия нашли. Благо, хозяйственных построек хватало. Чтобы достать их, Водимировым орлам пришлось бы выбраться наружу, потеряв позиционное преимущество.

Пат.

Положительный момент: мои берсерки не «перекинулись». Сумели сориентироваться и побороть искушение.

Отрицательный момент: нас стало меньше. Один из «цветных братьев», Скегги Желтый, лежит посреди двора со стрелами в шее и спине. Кто-то скажет: размен один к восьми – это хорошо. Но я никого разменивать вообще не планировал.

Вопрос: что теперь? Противник занимает выигрышную позицию. Лучники на башенке, лучники на крыше. Надо полагать, в окошках тоже кто-то есть. Их больше, чем нас. А если добавить тот факт, что работа на дистанции – не наша сильная сторона, то оснований для оптимизма нет.

Поджечь «донжон»?

Нереально.

Выкурить дымом, как мы это проделали однажды во Франции?

Тоже нереально. Во-первых, не подобраться: у противника абсолютное преимущество в высоте и скорострельности. А во-вторых, без толку. Потому что в распоряжении противника есть крыша.

Зато в наших руках: пара сараев, конюшня, хлев и прочие хозяйственные строения. Надо полагать, многие пустуют, поскольку вон там, на лугу, лошадки пасутся стреноженные. А где пастушок, кстати? А нету.

А подальше – овечки и коровки. На заливном лугу. Натуральное хозяйство.

Что ж, если у нас нет возможности захватить главный оплот врага, то подгадить мы можем знатно. И даже представляю, как. Вот только между мной и моими людьми – замечательно простреливаемый двор...

Пока я размышлял о тактике, мои бойцы все решили стратегически. Подожгли хлев и сарай. Недурно получилось. И ветерок удачный. Десять минут – и весь двор под дымовой завесой. Видимость – ноль. Это плюс. Минус: горло дерет и глаза щиплет.

В конюшне заржала лошадь. Еще одна. Выходит, не все животные травку щиплют.

Из дыма вынырнул Тови Тюлень, волоча аж два седла. Банг! В одно тут же воткнулась стрела. С вышки пальнул, гад!

Хавур спрятался за частоколом, уронил седла и закашлялся.

И сразу – аж пятеро наших. Тоже седла волокут. И тело Скегги Желтого. Вот это правильно. И их, кстати, уже не обстреливали. Дым распространился за пределы частокола.

И последние четверо. Верхами! На храпящих конях с головами, обмотанными мокрой тканью. Галопом – мимо нас. Мне под ноги упал здоровенный мешок. И еще один.

– Забирайте! – крикнул Свартхёвди, сорвал тряпку с головы лошади и погнал галопом к коровенкам, которых местный пастушок пытался загнать в лес.

Трое остальных, Скиди, Вихорёк и Хавур, тоже задерживаться не стали. Первые поскакали приватизировать стада, а Хавур, всю молодость проведший «при дворе» самого крутого сёлундского коннозаводчика, поспешил к лошадкам.

Два часа спустя мы сидели на пристани и обедали. Свинина с горохом и репой. Мучная болтушка с копченым салом. Парное молочко. Сало – из наших запасов, остальное – трофеи.

Обедали с удовольствием, но в сторону форта тоже не забывали поглядывать.

– До чего ж трусливые люди здесь живут, – сетовал Медвежонок. – У нас бы на такое смотреть не стали. Вышли бы и вломили.

Дружинники Водимира выходить и вламывать не спешили. Всё, на что они пока решились, – потушили пожар. Да и то – под контролем взобравшихся на забороло лучников.

Я склонен был согласиться с Медвежонок: трусоваты у Водимира бойцы. Они ж видят, что нас намного меньше. И видят, что мы прибрали к рукам всю их живность, а главное – коней.

Для меня конь – это просто средство передвижения. Потому что наши настоящие «кони» – это наши драккары. Но я знал, что для сухопутных воинов – по-другому. Была возможность пронаблюдать отношение коня и всадника во Франции. Для воина-шевалье конь – как близкий родственник. Воспитан с жеребенка, понимает даже не с полуслова – с полужеста. Не животное, а друг и напарник в ратном деле.

Неужели Водимировы дружинники не попытаются отбить лошадок? И коровок? И овечек? Не говоря уже о свинках, которых мы экспроприировали вместе с двумя не успевшими удрать пацанчиками-пастухами...

Между нами и крепостью – метров двести. Меньше минуты, если бегом и с оружием. Даже быстрее, потому что – под горку.

А мы – вот они. Кушаем беззаботно и с удовольствием. Подбежать, закидать нас стрелами... Нет, не получится. Между нами и крепостью – лошадки. И коровки. И овечки. Так что придется подойти поближе и как следует потрудиться.

Чего мы, собственно, и ждем. В готовности.

Не идут. Опасаются.

– Ладно, – решил я, когда солнышко преодолело полпути от зенита до лесных верхушек. – Грузите овец на борт. Хавгрим, Стюрмир, Гагара, Скегги, Тьёдар – пойдете к месту встречи водой. А мы с остальными – верхами. Лошадей с собой заберем, кроме той, хроменькой.

Хороший табун, однако. Восемнадцать голов. Аж по две запасные на каждого.

– Я б еще пару коровок взял, – внес предложение Тьёдар Певец, приложившись к миске с молоком.

– Бери, – разрешил я. – Только по лесу сам их гнать будешь.

– Почему я? Вот они и погонят, – Тьёдар указал на перепуганных пастушат.

И тут наши противники не выдержали. Увидели, как мы седлаем лошадей и закидываем на судно овец... И дрогнуло ретивое.

А у кого б не дрогнуло при таком откровенном грабеже? Да и погибшие товарищи вопиют к мщению. Словом, вылезла лиса из норы. Точнее говоря: медведь из берлоги.

Вышли. Построились. Двинулись. Хороший строй. Четкий. Десяток – в ширину, три ряда – в глубину. Первый ряд выглядит внушительно: в бронях. Почти у всех – мечи на поясах. И копыя – настоящие, а не палки с железными насадками. Даже отсюда вижу – наконечники на качественных длинных трубках. Позади строя еще десятка два. Ополчение, надо полагать. С луками. Тоже могут организовать нам неприятности.

– Решились! – обрадовался Медвежонок. – Всё же воины, а не бабы!

– Вихорёк, Тови – на вышку! – распорядился я, махнув в сторону околопричального сооружения.

Два стрелка – не двадцать, но лучше, чем ничего. Тем более что в регулярном строю от них толку немного. Легкие.

Мы сомкнулись. Встали в одну шеренгу. Берсерки – на флангах. За нами – мостки и река. Не обойти.

Наши начали первыми. У них преимущество по высоте. И начали грамотно: по задним. Легкая цель. Ополченцы. Ни щитов, ни доспехов. Каждая стрела – в цель.

Вот дружинники отреагировали правильно: сомкнулись, прикрылись щитами сверху... А эти – растерялись. И тоже сбились в кучу. Пока сообразили, что к чему, оба моих лучника успели по полколчана опустошить. И ни одной стрелы – в ответ. Когда до ополченцев наконец доперло, что их убивают, большинство поступило так же, как давеча – землекопы. По схеме: «спасайся, кто как может». Лишь немногие попробовали вступить в перестрелку. Тоже не слишком умно: наши-то стреляли из-за прикрытия, а те – с чиста поля. То есть не совсем чиста, потому что вокруг – с десятков убитых и раненых. И раненые, естественно, кричат. Потому что – больно. И от этих воплей у слабообученных

ополченцев мужества, ясное дело, не прибавляется.

Зато до вражеской тяжелой пехоты дошло: стреляют не в них. Это воодушевило их на скоростной рывок.

Идея хорошая: вдарить по нам с разбега и снести в реку. А потом – добить. Учитывая трехкратное превосходство – не так уж глупо. Только не было у них трехкратного превосходства. Один берсерк – плюс десять к численности. А если завоюет – то минус тридцать процентов с мужества.

Но завыли они не сразу. Сначала в Водимировых полетели копья. Семь штук, потому что я свое приберег: так и не научился метать с силой, достаточной, чтобы пробивать щиты и выносить из строя.

Хавргим тоже метать не стал. Копье у него для рукопашки. Трубка в сорок сантиметров, серебром изукрашенная, перо – чуть покороче, зато обоюдоострое. Башку снести можно не хуже, чем мечом. А в руках берсерка так и намного лучше.

Спаренный рёв по останавливающему действию сработал едва ли не эффективнее, чем брошенные копья. Копья дружинники приняли умело: вынесло лишь двоих. А вот после душераздирающего рыка весь строй сбился с шага...

И мы побежали.

Вперед, естественно. Тому дружиннику, что оказался против меня, я перекрыл обзор, приподняв щит. А копье воткнул в шею его соседа слева. И там оставил, потому что в разорванном строю мечом сподручнее... И, ах!

Мой Белый Волк первым прыгнул в брешь, и я – за ним. Метнул щит в ноги тому, что справа, выхватил саблю... И захохотал от восторга. Только ради этого мига стоит жить! Клинки, как стрекозиные крылья, несли меня сквозь толпу неуклюжих врагов. Алые брызги взлетали и рассыпались веерами, стальные жала рассекали мертвую и живую кожу. Я кружился волчком, сбрасывая с себя чужое оружие, лавируя между чужими телами, рисуя стальной вязью в тугом воздухе, рассекая плоть и не ощущая сопротивления...

...Как всегда, закончилось слишком быстро.

На плечи обрушилась свинцовая тяжесть, мышцы утратили упругость, краски померкли, воздух больше не пьянил и не искрился. С хрипом входил в пересохшее горло, гнусно вонял смертью.

Но мы – победили. Убивать больше не надо. Некого. Я присел на труп какого-то дружинника, обтер клинки о рукав его рубахи. Оскаленное лицо мертвеца, тусклые, уставившиеся в небо зрачки. Привычным движением я закрыл ему глаза, посидел еще минутку, потом усилием воли воздвиг себя на ноги и занялся командирскими обязанностями.

У нас были потери. Скегги Красный отправился в Валхаллу следом за братом. Тьёдар Певец и Тови Тюлень получили легкие ранения: Певец – в правое предплечье. Очень огорчился. Пока не заживет, на скандинавской балалайке ему не брэнчать. Тови раскроили голову. К счастью, череп уцелел, но потеря крови, сотрясение и прочие прелести.

Сам дурак. Сидел бы на вышке, так нет. Спрыгнул и полез в общий махач. И схлопотал.

Тьёдар свою рану обработал сам. Вихорёк по-быстрому забинтовал Тови. Полноценную помощь ему окажет позже отец Бернар.

Так. Теперь берсерки? Палица – в отрубе. Медвежонок – нет. Побратим наловчился не выкладываться до доньшка без острой необходимости.

Так. Что-то нас маловато. Вижу Вихорька, берсерков, Тьедара, Тови и убитого Скегги. Вижу Хавура, собирающего лошадок. А где, интересно, мой продвинутый ученик Скиди и Гуннар со Стюрмиром?

Вопль, раздавшийся со стороны «донжона», был ответом на мой вопрос.

Кому что, а викингам – грабить и насиловать.

То была первая мысль, а вторая вернула меня из мира эмоций в мир реальный.

Мои парни делали то, о чем я сам должен был подумать. Зачищали возможные очаги сопротивления.

Когда я вбежал внутрь, то понял: мне следовало бы объявить парням благодарность. Два трупа у дверей, еще один – в большой комнате. И разрубленный пополам лук. И убитая женщина, вцепившаяся в один из обломков. И совсем молодой пацан с залитым кровью боком, умирающий у подножия винтовой лестницы... Умирающий, но все-таки сумевший метнуть в меня нож.

Нож звякнул о панцирь. Я проигнорировал. Кровь вытекала из парня широкой струей. Жить ему оставалось – всего ничего.

Лестница завивалась вокруг опорного столба. Вот от кого пожарные будущего позаимствовали систему быстрого спуска.

Верхний этаж. Галерея. На ней – еще два трупа. Подросток и женщина. Оба с оружием. Были.

В одной из комнат – оханье и пыхтенье. Дверь – настежь. Скиди. Завалил на ларь девку и пользуется. Между ларем и стеной – ребеночек лет двух. Смотрит с ужасом.

Всё. Оставшиеся помещения можно не проверять. Не стал бы Скиди развлекаться, если бы в «донжоне» оставался кто-то потенциально опасный.

Кому что. В соседнем помещении – Гуннар, намотавший на руку косу женщины лет тридцати. Судя по ее одежде, женщины небедной. Вон даже золотые сережки-колечки имеются. И что важнее: массивная связка ключей на поясе. Верный признак хозяйки имущества.

– Скажи ей, Ульф, пусть расскажет, где их схоронки! Или, клянусь парусами Нагльфара, я ей сиськи отрежу!

– Женщина, – говорю я с уже привычным скандинавским акцентом, – этот человек спрашивает, где золото и серебро. Покажи, где оно.

– Я покажу, не убивайте! – И поспешно выдергивает сережки из ушей, пока с мясом не вырвали. Соображает, однако. И голос твердый. Может, оставить ее в живых? Я бы оставил... Но пока ничего обещать не стану.

– Ваши мужчины мертвы. Ваш князь – далеко. Не нужно условий. Смерть тоже бывает разной. И, возможно, я пощажу детей.

Презрительно фыркнула. Надо так понимать: ее детей здесь нет, а на остальных ей плевать.

Вот это зря. Гуннар не знает словенского, но тут и без слов понятно.

Одно движение кинжала – и платье из дорогой ткани вспорото от горла до живота. Вместе с исподней рубахой. Викинг выпустил косу, схватил массивную грудь, занес кинжал...

Женщина пронзительно вскрикнула...

– Гуннар, не торопись! – быстро сказал я. – Она же кровью истечет!

Теперь уже фыркнул Гагара. В самом деле, кого я учу?

Небольшой порез на молочно-белой коже. Алая кровь, стекающая по животу. Женщина визжит, Гагара рычит... Я здесь определенно лишний.

На крыше – два трупа. Ополченцы. Не старше пятнадцати. Луки, ножи, небольшие топорики. В рукопашной – просто мясо. Однако окажись они на крыше, а мы – снаружи, перед запертой дверью, расклад был бы другим. Нет, молодцы мои парни, что сообразили и успели вовремя.

Стюрмира я обнаружил на первом этаже. А Стюрмир обнаружил склады. В одном – меха и оружие всякое: копья, шлемы, две вполне приличные кольчуги на распялках, связки стрел...

А в соседней каморе – запасы пищи. Зерно, мясо, мёд...

Серьезно люди Водимира подготовились.

Появился Скиди. Довольный. Руки в крови, морда в саже.

– Добрая охота! – И озабоченно: – Как бы нам это всё увезти?

– Трэли потащат, – отозвался Стюрмир. – Счас отловим тех, что в лесах спрятались. – И с искренним огорчением: – Жаль, побили многих. Что ж ты, хёвдинг? Всегда о целостности трэлей пекся, а нынче – позабыл?

– Ты, Стюрмир, у нас самый здоровый и самый дурной! – бесстрашно заявил Скиди. – Не видел, что ли? Ульф в священную ярость впал! Ты б еще от Палицы потребовал, чтоб он кровожадность смирял! Вот зачем ты бабу убил? – Кивок в сторону общего зала.

– Так она с оружием была! Стрелу на меня нацелила!

– Да видел я, как ты у нее лук вышиб. Баба молодая, справная. Убил зачем? Какая от бабы опасность, если ты в железе?

– Скажешь, баба убить не может? – огрызнулся Стюрмир. – Вот, его Гудрун самого Мьёра-ярла проткнула. И хускарла его!

– Так то – Гудрун! – Скиди даже глаза закатил от удивления Стюрмировой простотой. – У нее отец берсерком был, брат – тоже, и муж! А ты словенку безродную валькирией изображаешь.

– Такая же безродная девка из англов другого хускарла топором зарубила, – буркнул Стюрмир. – Шею ему прорубила и полхребта! Сам видел!

– Хватит! – прекратил я перепалку. – Рабов отловить – это хорошая мысль...

Пронзительный женский вопль сверху не дал мне закончить.

– Что там, хёвдинг? – заинтересовался Стюрмир.

– Гуннар хозяйку здешних кладовых допрашивает.

– Норег умеет, – одобрил Скиди. – Ты иди, Стюрмир. Лови своих трэлей. А мы тут сами разберемся.

Форпост мы сожгли. Весь.

Роскошные огненные похороны для братьев Скегги.

Трофеи частью загрузили на кораблик, частью навьючили на лошадей и пленников. Стюрмир сделал, что намеревался. Прихватил дренгов и прочесал верхами ближайшие окрестности. Скот оставили практически весь. Взяли пяток свиней и десяток овец. Исключительно на пропитание.

Делить награбленное решили в Ладогe. Только Скиди выделился: сразу объявил своей собственностью девку, с которой побаловался, и ее племянницу, которая пряталась за сундуком. Девка оказалась младшей сестрой здешнего «командующего». То есть, по понятиям Скиди, – хорошего рода.

– Будет моей наложницей, – заявил мой ученик. Мое сомнение: мол, дорога неблизкая, ребенок маленький, Скиди понял по-своему и решительно отшел: – Мелкую брошу, эта меня ночью зарежет.

Практичный парень. И неглупый.

– Ладно, берем, – разрешил я. – Но сейчас вам с Виги особое поручение. Пройдетесь вон по той дороге, – я указал на просеку, что вела от форта в направлении Ладоги, – и проверите, подойдет ли она нам.

Глава 15

Стратегическая идея

Трофейный корабль мы спрятали. Жаль было топить, а плыть мимо владений Водимира – слишком рискованно. Загнали в одну из глухих протоков, поставили на катки, совместными усилиями затащили повыше и выстроили над ним что-то типа шалаша. Хорошо постарались. Пока вплотную не подойдешь – и не разглядишь ничего. Бурелом и бурелом.

Мы – это я, Хавгрим, Тьёдар и Стюрмир. Свартхёвди и оба дренга остались присматривать за трофеями. Разместили их на хуторе неподалеку. Пленников – в сарай, скот – на огороженный выпас. Хозяев хутора не тронули, потому что местные, а не пришлые. Я даже обещал заплатить за постой. Натурой, то бишь захваченным скотом. Общались с ними на ломаном русском и жестами. Мы – викинги. Люди неведомого датского конунга.

Пока ждали остальных – монаха, Траусти и Квашака с семейством, за которыми отправился Гуннар, – занялись разведкой. Если новая дорога окажется удобнее тропок, по которым мы шли сюда, ее и используем. Все-таки с нами целый груженный караван и домашние животные. Здешний скот, конечно, намного лучше приспособлен к преодолению лесных дебрей, чем элитные коровы с механизированных ферм, но вести их через болота – удовольствие еще то.

На то, чтобы спрятать кораблик, нам понадобились сутки. Скиди с Вихорьком я дал на разведку два дня, так что к сожженному городку мы вернулись раньше. А может, и вовремя. Это с какой стороны взглянуть.

Если со стороны пристани – то в самый раз. Потому что у деревянного причала обнаружилась недавно пришвартованная лодка, куча только что выгруженного инвентаря и несколько вояк грозного вида, проводящих допрос с пристрастием. Причем допрашиваемый уже дошел до требуемой кондиции: висел на руках мощных дружинников и сплевывал кровью.

Я напрягся было, но нет, это был не наш товарищ. Какой-то посторонний смерд, которому не повезло.

Неподалеку от пристани, под присмотром еще одного бойца маялась группа неотловленных нами работников.

Остается лишь порадоваться, что главное место встречи я назначил не здесь. Нарвались бы Квашак с семейством на таких... решительных. Вряд ли мой новобранец Траусти или тот же отец Бернар смогли бы их защитить. Да и стали бы? Вот в Гуннара я верю, но один, пусть даже очень крутой норег, против пятерых княжьих дружинников – все же маловато.

А вот мы четверо – это в самый раз.

– Бьем? – алчно поинтересовался Стюрмир.

– Вот так сразу бить? – усмехнулся я. – А поговорить?

Итак, эпизод «добры молодцы идут в гости», серия вторая.

Но численный расклад куда приятнее.

Первыми на наше появление отреагировали смерды. Независимо от пола и возраста. И очень активно.

Дернули со всех ног в противоположную сторону. Да так дружно, что приставленный к ним боец растерялся и сумел удержать лишь пробежавшую мимо тетку. Ухватил бедняжку и заорал, привлекая внимание... И отвлекая его от нас.

Старший боец рывкнул. Парни, державшие побитого смерда, уронили его на землю и кинулись за беглецами. Так что когда мы оказались на расстоянии броска копья от вновь прибывших, их было уже не пятеро, а трое, причем один всё еще держал вопящую и рвущуюся на свободу тетку.

– Этого – живьем, – указал я на старшего. – Остальных – по возможности.

Между мной и причалом оставалось шагов тридцать, когда вражеский лидер заподозрил нехорошее и потянулся к мечу.

Тормоз, однако.

Конечно, я за оружие не хватаюсь, но – в доспехах. И в шлеме. И хирдманы мои – при оружии. Нормальная реакция – валить. Либо – меня, либо – от меня. А этот – думает. О чем, интересно?

Э! Да я его знаю! Один из отроков, сопровождавших косичкоусого Задорея, когда тот нагло арестовал неопытного меня. Поднялся, однако. Поясок золотой нитью прошит. Гридень, дедушка его в бабушку!

И тут я сам надумал. Пряма-таки классная идея пришла. И что характерно: если проскочит, даже убивать всех свидетелей не потребуется. Совсем наоборот.

– Меня зовут Ульф! – гаркнул я по-скандинавски. – И я человек Ивара Рагнарсона, которого зовут Бескостным! А ты кто таков? И что ты делаешь на моей земле?

– Чего?

Ни хрена он не понял, да я на это особо не рассчитывал.

На мой рык отреагировали посланные в погоню дружинники. Оглянулись и остановились.

Мой «собеседник» держал руку на мече, но доставать оружие не спешил: я то подходил с демонстративно пустыми руками.

– Ульф! – рывкнул я и ударил себя кулаком в грудь.

– Хотен! – ткнул себя в зеркало дружинник.

Вот и познакомились.

Храбрый, однако. Совсем меня не боится. Либо храбрец, либо дурак. Впрочем, одно другому не мешает.

А сейчас я тебя, дружок, удивлю еще раз.

– У меня для тебя кое-что есть, – дружелюбно и тоже по-скандинавски произнес я, отвязывая от пояса кошель с монетами.

Что, интересно? Еще как! Даже шаг вперед сделал. Любим, значит, денежки?

А известен ли товарищу Хотену такой вот нетрадиционный способ их использования?

Увесистый кошель на ремешке – ничуть не хуже китайской хрени на веревочке, которой я когда-то владел недурно. Упакованное в кожу серебро описало красивую дугу, закончившуюся у Хотена между глаз. Серебро – серьезный

довод в переговорах. И еще один довод для убедительности: левой в челюсть. Борода, конечно, амортизирует, но в данном случае – недостаточно.

Напарник Хотена среагировал лучше. Цапнул рукоять заткнутого за пояс топора... И получил всё тем же мешочком в голубой глаз. А ногой – в колено. А коленом... Сами понимаете, куда.

К концу нашего плодотворного общения Тъедар и Стюрмир поравнялись с бойцом, который поймал тетку. Тетка испустила почти ультразвуковой вопль и рванулась так, что боец едва устоял на ногах. Что, впрочем, мало ему помогло. Древко копья ударило бойцу под колено, а толчок в грудь сделал то, что не удалось бабе: уложил молодца на травку.

Хавгрим испустил грозный рык и устремился к двум оставшимся бойцам... А те, вместо того чтобы последовать примеру смердов, решили поиграть в героев. Бросились навстречу. Хавгрим обрадовался. И убил обоих. Жаль. Хотя пленников у нас и без них хватает.

– Засуньте их куда-нибудь, – распорядился я. – И подождем наших.

Для этого допроса мне нужен был Вихорёк. Светить свободное знание словенского языка я не собирался.

– Ты кто?

Избитого доблестным Хотеном мужика умыли и поставили предо мной.

В ответ – невразумительное бормотание.

– Не бойся, смерд, – поощрил его я. – Говори – и тебя не обидят. Но если будешь молчать...

На многозначительную паузу мужик отреагировал правильно. Заговорил.

Звали побитого Дедятой, и должность у него была: бригадир строительной артели. Если можно так выразиться. Бригада профессионалов численностью в двадцать шесть человек (мужчин, разумеется, женщины – не в счет) взялась выполнить подряд на строительство. За деньги и кормежку. О чем и заключили договор (ряд, по-здешнему) с князьим доверенным человеком, боярином по имени Добромысл. Затем приступили к работе под контролем представителя подрядчика, «коменданта» будущей крепости.

Работу артель выполнила практически в срок. Остались сущие пустяки...

И тут мы.

И я, в частности. Лишил артель главного подрядчика, коим оказался тот самый полуголый герой с ломиком. Неудивительно, что он так ловко управлялся с железякой. Сотник как-никак. По-нашему, никак не меньше, чем хольд, а то и целый хёвдинг.

В общем, наш набег поначалу обошелся артели недорого. Погиб только один работник. Да и тот – сдуру. Воином себя возомнил.

Работу тоже жалко. Парни почти год строили, а мы за день сожгли. Ну да их дело маленькое: построить. А защищать – это уже другая профессия. Так считал Дедята. Работа сделана – денежки сполна извольте.

У прибывшего из города гридня, который как раз эти денежки привез (вместе с новым подрядом), оказалось другое мнение. О чем ряд был? Построить фортификационное сооружение со всеми внутренними и наружными постройками. И где это всё? Даже и половины не уцелело. Следовательно, что? А то, что нет работы, нет и денег. Вот когда артель представит положенное, тогда и расчет.

Дедята возмутился: получается, по второму разу всё строить? Да еще огарки разбирать? И все бесплатно! Не будет такого! Они свое дело сделали. А что дружинники князьи не смогли защитить укрепление от численно уступающих пришельцев, да еще и сами полегли, так это не его, Дедяты, проблема. Деньги – на бочку!

Теперь уже возмутился княжий гридень Хотен. И возмутился действием. Сунул в рожу. Да еще в предательстве обвинил. Мол, где ты был, когда воинов князьих убивали? Меньшим числом, говоришь? А не потому ли их побили, что вы пособничали? Дедята заспорил – и в результате был бит. Чего и следовало ожидать холопу, который вознамерился спорить с воином.

– Ты прав, – сказал я бригадиру. – Но денег за работу тебе теперь точно не получить. Зато ты можешь отправиться со мной.

– Куда? – насторожился Дедята.

– В Ладогу!

– А жрать мы чего будем?

– Денег на прокорм я дам, – успокоил я строителя. – Под будущую работу.

Расходы, которые я легко мог себе позволить. Например – из той же зарплаты артельщиков, которую пытался зажать Хотен. Чей психологический портрет тоже понемногу складывался.

– Переведи ему: я – вождь великого конунга данов. Мой конунг велел мне взять для него здешние земли. И я их возьму. Скажи своему конунгу: если он согласен платить нам дань, его пощадят. Хотя я очень огорчусь, если он согласится!

Вихорёк старательно переводил. Даже ухитрился имитировать скандинавский акцент: мол, он тоже из немцев.

Вихорёк тоже в закрытом шлеме. Мало ли как жизнь обернется? Нет, личики свои перед князьим человеком мы светить пока не будем. Не хочу, чтобы возникла связующая нить между мной, человеком князя Рюрика, и мной – неизвестным вождем известного датского конунга.

– Почему огорчишься? – Похоже, до сознания Хотена дошла только последняя фраза. Он по жизни такой тормоз? Или потому, что по головке прилетело?

– А скучно, – ответил я, «прослушав» перевод. – Убивать – весело. Хотя если у твоего конунга все воины такие, как ты... – Я щелкнул его в лоб, а он даже не среагировал. Только поморщился. – То это тоже скучно. У нас бонды лучше сражаются.

Хотен промолчал. А что тут скажешь. Я его взял, как беглого раба берут: не добрым железом, а мешком по голове. И то, что мешок этот с серебром, а не с песком, дела не меняет.

– Сейчас тебя отпустят, – пообещал я. – И твоих людей тебе отдадут. Всех. А ты скажешь своему конунгу, что ровно через год он должен прийти сюда с данью или войском. Запомнил?

Кивок. На роже – счастье. Придурок. Его князя собираются раком поставить, его самого опустили ниже порога, а он лыбится, потому что отпускают. Живым и непокоцанным.

– Грузите этого барана на лодку, – велел я своим. – И дружков его, живых и мертвых, туда же. Всех раздеть до исподнего. Из лодки убрать всё, даже чер-

пак. Парус тоже забрать. Оставить пару весел. И на всех – один нож поплоче. И пусть убираются к своему князю.

– Добрый ты, брат, – с осуждением произнес Свартхёвди. – Убить их всех надо.

– Если их убить, братец, то кто тогда расскажет их конунгу о страшном конунге Иваре?

– Для этого довольно и одного.

– Медвежонок, ты ведь меня давно знаешь, – я положил руку на облитое кольчугой плечо Свартхёвди. – И знаешь, что я живу по закону: в убийстве слабых нет чести. Будь моя воля: на древе Одина в Оденсе[212] висели бы не никчемные рабы, а храбрые воины.

– Эти – тоже воины, – возразил Свартхёвди.

– Уверен?

– Да поступай как знаешь, – махнул рукой побратим. – Ты – хёвдинг. Тебе и ответ держать перед конунгом. Ох, не терпится мне узнать, что он скажет, когда узнает о твоей затее!

Глава 16 Княжье застолье

– Великого конунга данов? Ха! – Хрёрек развеселился. – Лучшая шутка, которую я слышал с того времени, как очнулся на палубе морского коня, уведенного прямо из конюшни Сигурда Змееглазого! Ну теперь пусть гадают, кто есть этот конунг.

Разговор шел на пиру. Причем не у Хрёрека, а у Гостомысла. И пир этот происходил, что называется, в малом кругу. От «партии» князя Рюрика – только мы вдвоем. Ну и Светозара – на женском «конце» стола. Хотя по княгине у меня твердого мнения пока не было, на чьей она стороне: мужа или отца?

А вот «партия» Гостомысла была представлена шире. Четверо почтенных мужей. Бояр, как их здесь именуют. Люди серьезные. Государственные. Лица основательные. Тот тип, когда щеки глаза подпирают. Не у всех. Есть и другой. «Всех убью, один останусь». Вояки. Пропорция понятна. Гостомысл правит не столько силой, сколько правильно выстроенной экономикой и контролем над транспортными артериями.

– Думаешь, Водимир поверит, что это даны его людей побили? – пробурчал Гостомысл.

Я подхватил ножом половинку утки, запеченой с клюквой и брусникой, окунул в жир свежей испеченную ржаную лепешку...

– А почему бы ему не поверить, если это и есть даны? – спросил Хрёрек.

– Нурманы не ходят сушей, это всем известно, – заявил один из бояр, осанистый, краснорожий, не гнушающийся ни угощением, ни медовухой.

Как по мне, то я бы держал этих дяденек подальше от гостайн. Ну как проболтаются?

– Почему не ходят? Я же хожу, – напомнил Хрёрек.

– Ты, князь, почти наш, – возразил боярин. – И служат тебе по большей части варяги. Да и о самом тебе говорят, что ты не нурман, а варяг.

– Вот этого я еще не слышал, – Хрёрек заинтересовался. – А что еще говорят?

Боярин не стушевался.

– Что дочку беловодского князя Стемида Малфу хочешь женой взять, а Светозару отцу вернуть.

– Как это? – Для Гостомысла эта инфа тоже оказалась внове.

Хрёрек захохотал.

Потом повернулся ко мне и заявил:

– Видишь, Ульф, не ты один шутить умеешь. – И Гостомыслу: – Если кто-то верит, что я хочу Светозару, любушку мою, прогнать, то почему бы Водимиру не поверить, что кто-нибудь из данов, например Ивар Рагнарсон, нашу землю подмять хочет? Правды в этом точно больше. Думаю, он знает, кто таков старший сын Рагнара Лотброка.

– Знает, ясное дело, – вместо князя ответил тот же боярин. – Ты – не единственный дан, что ходит по нашим рекам.

Ага, а боярин-то с моим конунгом – в открытой оппозиции. Хрёрек на него даже не смотрит, обращается прямо к Гостомыслу:

– Что ж, пусть теперь Водимир голову ломает, что ложь, а что правда. А у меня, княже, просьба к тебе. Хёвдингу моему Ульфу землю выделить надо. И не на выселках, а поближе к городку. Поговори со своими уважаемыми боярами, пусть потеснятся немного.

– Твой хёвдинг – ты и выделяй! – отрезал Гостомысл.

Экий он мрачный нынче, подумал я. Может, геморрой мучает? Надо бы князю предложить: пусть отец Бернар его осмотрит? Вдруг поможет чем?

– Не могу выделить, – развел руками мой конунг. – Это не моя земля. Это приданое дочери твоей. Я его делить не вправе. Поговори, княже, очень прошу. Вот хоть с Сырогой поговори, – кивок на краснорожего. – У него двор большой и на реку выходит, а людей боевитых мало. Ну, как нагрянут враги?

– С чего это они нагрянут? – вскинулся краснорожий.

– Так времена нынче опасные! – развел руками Хрёрек. – Решит вот Водимир, что боярин Сырога должен ему дань платить, пришлет к тебе гридней, а ты что? Берестами долговыми отбиваться будешь?

– Не пришлет! – выпятил грудь Сырога. – Я Водимиру родня по младшей жене!

Та-ак. Ох, не следовало Хрёреку мою придумку с Иваром публично оглашать! Точно до Водимира дойдет!

– Это хорошо, – одобрительно произнес Хрёрек. – Вот ты и расскажешь Водимиру о том, что Ивар Рагнарсон к нашим землям приглядывается. По-родственному расскажешь. Мол, секрет узнал.

– И не подумаю! – воскликнул Сырога. – С чего бы мне родича обманывать?

Я глянул на Гостомысла: тот раскраснелся не меньше своего боярина. И нетрудно угадать, по какой причине: от гнева.

– А потому, – ласково произнес Хрёрек, – что ты – князя нашего боярин. И ему служить должен. И если придут к тебе гридни Водимира с делом для Ладуги нехорошим, то ты не по-родственному встретить их должен, а железом.

– Ты мне не указывай, нурман, как мне с родичами общаться! – заорал Сырога. – Здесь не твоя сила, а наша! Кого хочу, того и пускаю! И во двор, и в Ладугу!

Договорился краснорожий!

– Значит, теперь ты, Сырога, решаешь, кого в Ладугу пускать? – не сулящим ничего хорошего тоном произнес Гостомысл. – Может, тебе и место боярское невместно? Княжье получше будет?

Тут краснорожий сообразил, что пословица «Язык мой – враг мой. Прежде

ума рыщет, беды ищет», как раз – про него. Дорыскался.

Стушевался боярин, забормотал что-то покаянно-невнятное.

Хрёрек скромно помалкивал.

Изменился мой конунг. Раньше он пожестче был. Но результат был достигнут.

– Половину подворья своего отдашь этому, – кивок в мою сторону. – Ту, что у реки. В нем я уверен, что мне будет служить, а не родичам твоим из Старого и Нового города!

– Да не тебе он будет служить, а дану своему! – в сердцах воскликнул Сырога.

– Вот и хорошо, – одобрил Гостомысл. – Для тебя, Сырога, что я, что зять мой Рюрик – всё едино должно быть.

Боярин сморщил красную рожу: кажется, еще чуть – и заплачет.

– Как же так, княже? – проскулил он. – Это ж отчина моя... Что ж мне уже и воды из Волхова не почерпнуть?

– Ты мне на жалость не дави! – отрезал Гостомысл. – Отчина твоя – по ту сторону реки. А здесь – мое. И отцу твоему здесь поселиться мой отец позволил, потому что доверял.

– Так и ты мне верь, княже! – пылко воскликнул мордастый боярин. – Я ж тебя – как отца почитаю!

– Вот и почитай, – Гостомысл цапнул с блюда птичью грудку, вцепился зубами, пачкая жиром бороду, и пробормотал невнятно: – А землю, какую я велел, отдай. Или забирай чать да иди к Водимиру.

– Не-ет, – процедил Хрёрек с хищной улыбкой, которая сразу превратила его в прежнего Хрёрека-конунга, которого я помнил и любил. – Нельзя ему к Водимиру, отец. Слишком много он знает... интересного.

– Вот тебя не спросили, нурман! – фыркнул Сырога.

И зря.

Мне было достаточно протянуть руку. Левую руку. Нет, хватать за бороду я его не стал. Это по здешним понятиям – страшное оскорбление. А вот про кадык ничего не сказано.

– Князь Рюрик, – поправил я. Голос мой был мягок, чего нельзя сказать о пальцах.

Сырога захрипел.

Кто-то из бояр, из толстомордых, сунулся помочь, но я правой рукой слегка выдвинул из ножен Вдоводел. Солнце блеснуло на геометрическом узоре латунных и серебряных полос оголовья рукояти... И боярин плюхнулся на лавку. Обо мне в Ладоге говорили разное. Но большинство сходилось на том, что я – такой же безбашенный псих, как Свартхёвди и Хавгрим. Только еще безумнее, потому что иначе как бы я с ними управлялся? Такая репутация мне была по душе. Местная знать старалась не нарываться.

Сырога выпучил глаза и вцепился мне в руку. Хорошая хватка, но до привычных мне викингских клешней боярину далеко.

– Послушай меня, Сырога, – почти ласково проговорил я. – Если ты еще раз обратишься к моему князю неуважительно, я тебя убью. А если я узнаю, что Водимиру стало известно о том, о чем мы здесь говорили, то я убивать тебя не стану. Я сделаю из тебя свинью. Знаешь, что это такое?

Сырога захрипел. Скорее отрицательно, чем утвердительно.

– Ничего страшного. Узнаешь. Расспроси кого-нибудь, и тебе расскажут. Ты понял меня?

Я отпустил боярина. Он зашелся кашлем.

– Думаю, ты понял, – я покосился на Хрёрека: не перегнул ли палку?

Лицо моего командира не выражало ничего. Он делал вид, что полностью поглощен жареным жаворонком.

И Гостомысл тоже делал вид, что ничего не произошло.

Для всех остальных это было верным знаком: мои действия одобрены руководством.

Но я не обольщался. Им обоим удобно иметь под рукой отморозка. Дикого зверя, которым можно пугать ближников. Прежний Хрёрек-конунг повел бы себя иначе. Дал бы знать, что я действую с его подачи. Хотя с прежним Хрёреком никто и не рискнул бы говорить так, как только что – Сырога.

Ладно, переживем. Это политика. И то, что это политика, понятно уже по тому, как отнеслись прочие бояре Гостомысла к унижению коллеги. Большинство – с откровенным злорадством. Вот так. Учитесь, Ульф-хёвдинг, принципу «разделяй и властвуй».

Сырога наконец прокашлялся, тоже оценил обстановку... И покинул наше общество, даже не попытавшись опробовать на мне остроту меча. А ведь затылок человека, сидящего на скамье и обгладывающего косточку, выглядит так искушающе...

Не искусился Сырога. А жаль. Тогда бы я его убил. И одним врагом у нас стало бы меньше.

Глава 17 Похищение

В итоге я таки получил участок земли вдоль берега. На четверть километра выше порогов. Кусок, достаточный, чтобы обосноваться самому и поселить еще человек сто. Маловато для сельского хозяйства, но для торговли и войны – хватает. Соседи, правда, подкачали. С трех сторон – Гостомысловы ближники. Сырога – через дорогу. Ха, в рифму! Еще один боярин – через спуск к воде, а последний – вообще через забор.

Участок оказался немалый, но практически голый. Сырога, сучара, разобрал и вывез все строения вплоть до собачьей будки. Не тронул только причал, да и то лишь потому, что к нему уже пришвартовался мой драккар, а разбирать пристань на глазах у викингов людишки боярина не рискнули.

Разрушительной деятельности Сыроги я не препятствовал. Деньги у меня имелись. Помимо изрядной добычи, взятой на озере Длинном, немаленькая сумма, которую Хрёрек выложил за эстский кораблик. Медвежонок, правда, бухтел, что нас ограбили, но я не сомневался, что он отжал у Хрёрека всё, что можно. В общем, денег было навалом. А еще у меня под рукой имелась собственная строительная артель, древесина шла за совсем смешную по сёлундским меркам цену. И скобяной товар у меня, считай, свой. Купил Квашаку землю на отшибе, проплатил строительство кузни и партию сырья. И за эту помощь Квашак стал моим рядным холопом. Год на меня будет работать за треть стандартной цены, а потом десятую долю дохода – мне. А я ему – железо в ломе и крицах – с небольшой скидкой. Я же не жадный, как мой названный братец.

Задачу Дедяте я поставил. Первое: о том, как мы познакомились, помалки-

вать. Он знал, что я и разрушитель Водимировых крепостей – одно и то же лицо. Но для всех остальных придумана легенда. Мол, я выкупил Дедяту со товарищи у загадочного вождя викингов за хорошую цену, которую артели теперь предстоит отработать.

Убедить Дедяту помалкивать было легко. Труднее – поставить задачу. Например, растолковать, какое именно отопление я желаю получить (эх, где мне отыскать еще одного такого мастера, как Пэррик) и почему сруб собирать не по-здешнему, а по-скандинавски – с клиновидной выборкой. Если я ничего не перепутал, то будет у меня теплый дом с нормальным, а не «по-черному», отоплением. Хороший теплый дом, в котором зимовать – одно удовольствие.

То есть я еще не знал, где буду зимовать, но если есть возможность что-то сделать качественно, так почему нет?

А еще мы с Хрёреком пустили дезу. И сделали это так.

Пришли с ним на пару поглядеть на Гостомыслово «пожалование», как раз когда на нем активно трудились люди Сыроги, превращая недвижимое имущество в стройматериалы. А по ходу завели разговор о том, что заезжал к нам в гости посланец Ивара Рагнарсона с интересными предложениями. Я агитировал Хрёрека, что надо всячески помогать Рагнарсону захватить здешние земли. А уж Ивар в долгу не останется. Закрепит за Хрёреком и Гостомыслом Ладогу и прилегающие земли. А все прочие захватит и наладит правильную торговлю аж до самого ромейского моря. Хрёрек делал вид, что сомневается. Мол, придет Рагнар с сыновьями и всё заберет под себя. Я же упирал на свое долгое и плодотворное сотрудничество с Иваром и Рагнарсом, напоминал Хрёреку, как он сам отлично повоевал вместе с папой и сыновьями и сколько всего хорошего добыл. А здесь так будет. Что против Иваровых хирдманов здешние гридни – просто детишки. Того же Водимира Ивар пройдет и не заметит. А нам с Иваром в одиночку точно не совладать. Даже если мы с тем же Водимиром в союз войдем – и то не факт.

Говорили мы, естественно, по-скандинавски. Но из Сырогиных работников, по крайней мере, двое речь эту понимали. Судя по тому, как они активно «грели уши», когда мы с Хрёреком обсуждали условия перехода под могучую руку Рагнарсона.

Деза пошла. Хочется верить, что дойдет она не только до Гостомысла, но и до Водимира. Пусть подумает: стоит ли ему ссориться с Ладогой, когда на его землю положил глаз большой дядя? И очень надеюсь, что никто из Гостомысловых бояр не проболтается о том, кто на самом деле выступал в качестве «людей конунга данов». Хотя если подумать... Я ведь правду тогда сказал. Разве Хрёрек – не дан и не конунг? А разве мы – не его люди?

Пока артель Дедяты занималась строительством, меня с бойцами «приютит» Хрёрек. Выделил домишко неподалеку от собственного терема. С прислугой и прокормом.

Но особо расслабляться не дал. Не в его стиле. Пара дней на отдых, а потом отработка натурой. У Хрёрека под рукой по моим прикидкам было чуть больше сотни бойцов. Половина, варяги, в настоящее время отсутствовала, а вторая половина состояла главным образом из зеленого, как июльские яблоки, молодняка. Чтобы перечислить более опытных, таких, как, например, Харра или Витмид, достаточно было пальцев одной руки. Так что просьба погонять

салабонов была вполне оправданной.

Учить так учить, я не против. Тем более что у меня самого есть несколько зеленых, да и тем, кто постарше, тренировки не помешают. Чтобы поддерживать себя в форме, викинг должен упражняться с боевым железом ежедневно.

В общем, выбрали мы подходящий лужок, наскоро соорудили что-то вроде тренировочного городка и занялись делом.

А на следующий день поглядеть на наши игры пришел Хрёрек. И привел с собой того боярина Бобра, Гостомыслова ближника, исполнявшего при князе ладожском роль воеводы.

Зрители не мешали. Просто наблюдали.

Но тем же вечером Бобр заявился в гости с несколькими бочонками пива. Уважил, понимаешь. Здешние-то медовуху предпочитали.

Мои, естественно, обрадовались, а я насторожился. Зря. Боярин всего лишь попросил взять в науку еще полсотни учеников. Уже из Гостомысловой дружины.

– Князь Рюрик не возражает, – пробасил боярин, угощая меня пивом. – А с тобой, Ульф Свити, мы сочтемся, не сомневайся.

Я был не против. Надо было налаживать отношения с ладожскими боярами, а Бобр показался мне мужиком правильным. То есть не мужиком, конечно, воином, но всё равно правильным. В отличие от того же Сыроги. А с виду и впрямь – вылитый Бобр, только что без хвоста. Массивный, щекастый, основательный. И пиво его дворян варит отменное. Давно такого не пробовал.

– Доброе пиво, – в сотый раз повторил Стюрмир. – Надо освободить место для нового бочонка. Ты со мной, Волчонок?

Праздник затянулся до середины ночи. Бобр давно ушел... Но пиво пока оставалось.

– Не-а, – замотал я затуманенной башкой. – Я – баиньки. Вот только меч прихватчу...

Вышли из трапезной втроем. Стюрмир, я и какая-то девка, повисшая на мне. Или это я на ней повис?

Вопрос сложный. Земля раскачивалась, аки палуба драккара в ненастье. Но пространство я контролировал. Слышал, к примеру, как Стюрмир с крыльца орошал княжий двор. Видел две луны в небе. Кстати, почему две? Вроде бы одна должна быть. Или это фонарь?

– Пойдем, миленький, – уговаривала меня девка. – Пойдем скорее в постельку.

– Ага, – согласился я. – В постельку. Только ты, девка, это... Я тебя имать не буду, – сообщил я своей то ли обузе, то ли подпорке. – У меня жена есть. И наложница. Спать будем. Вот.

Девка не спорила.

Мы сошли с крылечка и побрели к моему «номеру».

Нет, с пирами надо завязывать. Это уже третий с момента нашего возвращения. Если я буду столько жрать и пить, то скоро догоню старину Стюрмира. По весу.

Вход в мою клетушку – отдельный. Конунг уважил своего верного хёвдинга. Впрочем, скоро у меня свои хоромы будут. Да еще какие! С подогревом!

Я скинул верхнюю одежду и рухнул на ложе, раздумывая, как мне так по-

ловчее стянуть сапоги, чтобы не рухнуть на пол. Пока я размышлял, проблема решилась сама. Подключилась девка. Избавила меня от сапог и кожаных портков, поднесла ковш чего-то кисленького, приправленного травами, уложила в постельку, задула изложницу...

Мое сознание тем временем витало в облаках приятных, игривых мыслей. Моя прежняя позиция «не имать» ослабела. Девка пахла приятно и на ощупь была как раз такая, каких я предпочитаю в роли послевкусия дружеской пирушки. А почему нет? Мы ж в походе. Гудрун не обидится.

Темнота ласково обнимала меня. Я улыбался...

– Лыбится, сын нурманской суки! – проворчал мужской голос по-русски где-то в районе моего правого уха. – Что ты ему подмешала, Горёна?

– Порошка из дурманного корня, – отозвался, тоже по-русски, голос женский. – Ты же сказал: он должен заснуть надолго и проснуться в памяти. Он дороженек, порошок этот. За щепоть ноготь серебра плачен.

Интересное ощущение. Я вроде бы понимал, о чем говорят. И вроде бы должен был насторожиться. Даже не просто насторожиться, а уже нащупать Вдоводел.

Но не делал ровно ничего. Мне было так спокойно, так хорошо. И тела я практически не ощущал. Я будто лежал в ванне с горячей водой в ленивой дрёме.

– За всё получишь сполна, Горёна, – пообещал мужской голос.

– А скоро ли, господин мой? – с заметным беспокойством спросил голос женский.

– Да хоть сейчас! – пообещал мужчина.

И в следующую секунду мое одурманенное сознание зафиксировало знакомый хрусткий звук, с которым хорошо отточенная сталь входит в брненное тело.

Женщина даже не пискнула.

Ненавижу, когда убивают женщин. Даже если эта женщина, судя по диалогу, опоила меня какой-то дурью.

Однако сейчас меня это почему-то не тронуло. Будто всё – не по-настоящему. Такая веселая игра. А вокруг – мои лучшие друзья.

Потом «друзья» мне вязали руки-ноги, а я только по-дурацки улыбался.

Время от времени мелькали мысли, что игра эта, может быть, и не совсем хорошая. А если вокруг друзья, то зачем им меня связывать? Но мысли эти тонули в патоке необъяснимого счастья.

– Зачем ты ее зарезал, Задорей? – спросил мужской голос. Другой.

– А затем, Шмыга, что не твоего ума дело, ешь ты опарыш! Нож не вымай. Это его, нурмана, нож. Пусть думают, что нурман ворожейку зарезал. А потом пропал.

– И зачем всё это, Задорей?

– А затем, – с раздражением пробасил первый голос, – что всё торжище видел, как нурман меня поганил. Как думаешь, на кого подумают, узнавши, что он пропал?

– А так, по-твоему, не догадаются?

«А то как же!» – мысленно заявил я, продолжая дурацки ухмыляться.

– Может, и не догадаются, – без особой уверенности проговорил косичко-

усый Задорей. – А почто ты, Шмыга, так по ворожейке плачешь? Из того серебра, что ей причиталось, половина твоей будет.

– Вот так годится, – сразу повеселел таинственный Шмыга. – К воротам, говоришь, свезти? Так это я мигом!

Недолгая возня и затухающий стук неподкованных копыт довели до моего ума, что порученец отбыл.

– Поехали, нурман, – сообщил мне нехороший человек Задорей, ухватил меня поперек туловища и закинул поперек лошадиной спины. Закинул, перехватил ремнем, чтоб не свалился, вскочил на другую лошадь, и мы рысью припустили в неизвестность.

Путешествие было приятным. Я понимал, что это тоже – дурман. Человек, которого везут на лошади на манер поклажи, животом вниз после обильной во всех отношениях попойки, не может радоваться жизни. А я радовался. Все-му. Даже тому, что могу избавляться от избытков пищи, никого не тревожа.

Транспортировка моего тела длилась около часа и закончилась на берегу Волхова. Я определил с помощью логики, потому что река была немаленькая.

На берегу нас ждала лодка. Так себе суденышко. Сугубо для речного плавания.

Меня уронили на лодочный поддон.

– Это он? – поинтересовался юношеский голос.

– Он, нурман подлый, ешь его опарыш! – Задорей от души пнул меня в бочину. Я улыбнулся еще шире. Больно не было.

– Что это с ним? – заинтересовался вьюнош.

– Да с зельем ворожея перебрала, – с досадой воскликнул Задорей. – Ничё! По пути очухается, и я ему покажу его место у свиного корыта.

– А худа не выйдет? – встревожился молодой. – Он же нурман! Да еще из дружины самого Сокола! Может, вспорем ему брюхо, камней напихаем да в реку на стрежне скинем? Тогда точно не найдут!

«Плохая идея! Очень плохая!» – сигнализировало мое сознание. Но мозг его не слышал. Мозгу было хорошо.

К счастью, Задорей был настроен серьезно и убивать меня столь примитивно ему было обидно. Как выяснилось позже, была у него собственная идея о том, как именно я должен умереть. Заковыристая и крайне неприятная. Для меня.

Задорей не торопился. Уже светало, а мы все еще стояли у берега. Кайф из моей головы выветрился. Осталась боль в затылке, боль в глазах, боль везде, а также жажда и привкус блевотины во рту. И вообще во всем окружающем мире.

Соратник Задорея, прыщавый юнец с пушком на подбородке и боевым топориком, заткнутым за серебряный пояс, определяющим его как отрока из княжьей дружины, то есть, по-нашему, – дренга, решил проявить сочувствие. Напоил меня забортной водичкой. Спасибо, друг! Когда придет пора распределять подарки, я тебя небожно зарезу.

Вернулся Шмыга. Вот кого, оказывается, мы ждали.

На свету подручный Задорея оказался таким же безусым отроком лет пятнадцати с виду, как и прыщавый. Но кость хорошая и предплечья накачан-

ные. Значит, тренировками с оружием не пренебрегает. По тому, как он легко перемахнул через борт лодки (даже не закачалась), становилось понятно: с координацией и вестибулярным аппаратом у паренька проблем нет. Пожалуй, я мог бы вырастить из него что-нибудь путное. Сделать при оказии парню предложение? Моя свобода в обмен на место в нашем хирде?

Не годится. Пацан с виду правильный. Значит, откажется. А если верности в нем нет, зачем нужен такой брат по палубе? Ох, не о том я сейчас думаю. Хотя что я могу сделать по факту, связанный по рукам и ногам? За борт выброситься? Так достанут же.

Толчок – и мы отправились в путь. Отроки – на веслах, Задорей – у руля, а я – в исподнем, между скамейками.

Нет, надо что-то делать. И если нет возможности защитить себя руками, попробуем действовать головой. Которая болит, собака, как после хорошего удара дубинкой.

Кое-как извернувшись, я принял сидячее положение. Оглядел всех мутным взором, подождал малость, пока боль уймется, а в глазах прояснится... И демонически захохотал.

Отроки прекратили грести, уставились на меня с опаской.

– Он умом двинулся? – осторожно поинтересовался Шмыга у своего косичкоусого лидера.

– Умом двинулись вы! – заявил я. – Украсть человека князя Рюрика! Да лучше вам друг другу кишки выпустить и на тех кишках повеситься!

– А он точно нурман? – усомнился прыщавый. – Ишь как по-нашему шпарит...

– Нурман, не сомневайся! – влез косичкоусый. – Самая что ни на есть нурманская гадина, ешь его опарыш! Вожак ихний! Людоед!

– Может, и людоед, – не стал я оспаривать слова Задорея, заметив, что храбрости молодым его слова не прибавили. – А вот вы скоро дерьмо будете жрать. Из собственного брюха. Ложками! Ну-ка развернули лодку и живо в Ладогу! Тогда, клянусь Одним, я забуду о вашей глупости. Возьму полгривны за обиду и отпущу восвосяи!

Отроки пришли в еще большее смущение, но их вождь, как и следовало ожидать, оказался покрепче.

– Слушайте его больше! – рявкнул он. – Когда нурман клянется Одним, точно обманет. Один у них – бог лжи!

Ишь ты, какой информированный.

– За такие слова, собака, тебя следует в котле сварить, язык предварительно вырвав, – в лучших традициях Севера ответил я. – Но ты невежественен и туп, потому я возьму с тебя еще полгривны, и ты сохранишь жизнь. Свою и этих молодых. Я даже не скажу никому о том, что ты опозорил себя женским колдовством.

Не понял, зараза, хотя по северным понятиям ему только что было нанесено оскорбление, куда более страшное, чем слово «собака».

– Глупо с твоей стороны было оставлять труп колдуньи, – отечески произнес я, устраиваясь поудобнее, что, признаться, было непросто – со связанными-то конечностями. – Теперь мой конунг сразу догадается, что взяли меня с помощью женского колдовства. Ты сам сообщил ему об этом. И кого в этом винить, тоже понятно. Очень скоро хирдманы моего конунга придут в гости к

твоему Водимиру и освободят меня. А уж твоя судьба и судьба этих молодых, – я покачал головой. – О том, как долго и интересно вы умирали, скальды сочинят отличную историю.

Теперь парни точно были готовы наложить в штаны.

А вот их лидера я недооценил.

У Задорея был план. И непростой.

Косичкоусый не собирался везти меня в резиденцию своего князя. Более того, сам он тоже не собирался туда ехать.

– Наглый нурман считает нас совсем глупыми, – усмехнулся он. – Думает: это наш князь хочет его жизни. Много чести для тебя, нурман, чтоб князь Водимир беспокоился из-за какого-то хирдмана! Это я, я хочу тебя наказать! – объявил он с таким чванливым видом, будто взял меня в честном бою.

– Ты? Наказать меня? – Я изобразил крайнюю степень презрения. – Ты и бабу наказать не сможешь. Разве что зарезать подло. Вот это твое. Тут ты славу немалую стяжал. И не Задореем тебя звать следует, и даже не Голожопым, как прозвали тебя в Ладогe, а Бабобойцем. И не стыдно вам, отроки, за таким идти? Ужель нет у вашего князя добрых воев, только Бабобойцы Голожопые? Хотя что тут говорить: каков князь, таковы и вои. Всей дружиной – на одного. Это по-вашему. Бабы вы все! Я с пустыми руками вас троих к предкам отправлю раньше, чем Бабобоец свинью уестествит. Что скажешь, Бабобоец? Вы втроем, с железом – против меня в одном исподнем?

Я откровенно шел на конфликт. Пусть только развяжут. Драться с ними я не собирался. Дурман, гулявший в моей крови, губил рефлексy, скорость и координацию, кисти рук, если их развязать, будут минут пять отходить... В таком состоянии драться даже с одним косичкоусым – чистое самоубийство. Так что заботься он о своем рейтинге среди молодежи, непременно принял бы вызов. Я б на его месте точно принял...

А уж пацаны точно не против. У них на рожах было написано желание порубить меня на неравные части.

Только я бы не дался. Река – вот она. Плаваю я неплохо. В теплой воде, пожалуй, даже скандинаву не уступлю. А плавать – не фехтовать. Ни нарушение координации, ни онемение кистей и стоп погоды не сделают. Так что нырнул бы в мутную водичку – и до свиданья.

Задорей не поддался.

– Гребите шибче! – рявкнул он на молодежь. – А ты, нурман, будешь попусту болтать – язык отрежу!

И ведь не шутил, сволочь. С такой лютой ненавистью на меня глядел, будто я его любимую бабушку уколошил.

Я заткнулся. Парни бодрее заработали веслами, и где-то часа через два Задорей указал пальчиком на вход в протоку, прорезавшую высокий берег. Туда.

Там нас с ним и высадили. Хорошее место, укромное. С реки и не разглядишь, если не знаешь.

Высадили. Не то что жилья человеческого, даже тропы пригодной не видать. Крохотный пляжик внутри заросшей ольхой протоки. С реки нипочем не разглядишь.

Засим молодежь уплыла. А мы с косичкоусым остались.

Задорей, пыхтя, затащил меня в заросли. Усадил у дерева потолще. Привязал к нему. Присел рядом на корточки.

– Сейчас я расскажу тебе, что с тобой будет, нурман. В двух поприщах[213] отсюда деревенька есть. Сейчас я туда сбегаяю за лошадами, и мы с тобой отправимся в селище, где дед мой – старейшиной. Отныне там твоя судьба: будешь рабом рода моего.

«Счас! – подумал я. – Только голову побрею!»

Рабом я уже успел побывать. И всякий раз это плохо кончалось для рабовладельцев.

Однако стоит задуматься: почему именно со мной происходят подобные гадостные вещи. Вот Стюрмира, к примеру, никто не крадет и в рабское сословие не определяет. А я в который раз – на одни и те же грабли. Почему?

Впрочем, об этом можно и на досуге подумать. По-любому, мой косичкоусый похититель меня недооценивает. Определить меня в рабы к местному земледельцу – это как нанять лису в курятнике прибираться.

Должно быть, что-то такое отразилось на моем лице, потому что Задорей ухмыльнулся и сказал:

– Знаю, о чем думаешь. Мол, не совладать с тобой смердам. У вас, я слышал, жилы на ногах строптивым рабам перерезают? Верно ли это?

– Вот станешь нашим рабом – узнаешь!

– Тебе, мыслю, жилы перерезать – маловато было бы. Потому для тебя я особую участь придумал. Жилы мы тебе трогать не станем. Глаза выпечем, этого довольно будет.

И вперился глазёнками: испугался я? Нет?

Ага! Так я тебе и покажу!

Я ухмыльнулся со всей возможной наглостью:

– Такого, как ты, я и без глаз удавлю. Сомневаешься? Давай проверим!

– Глаза и мошонка, ешь ты опарыш! – повысил ставки Задорей. – Твой здоровенный дружок собирался меня оскотить. Это он славно придумал. Мерин силой жеребцу не уступит, но куда спокойней и послушней.

Я ухмыльнулся еще шире.

– Лучше бы тебе меня убить, – посоветовал я Задорею. – Братья мои искать меня станут. А ну как найдут? Что тогда они с родичами твоими сделают, догадайся?

– Они тебя найдут, – пообещал Задорей. – Только не в роду моем, а в Беловодье. У варягов тебя найдут. Точней сказать: труп твой. Да такой, чтоб сразу понятно: мучили тебя перед смертью знатно.

– Не сходится, Бабобоец! – оскалился я. – Ты уж определись: замучить меня или в рабы. Тут что-то одно. Вместе никак не получится.

– А вот и нет! – радостно воскликнул косичкоусый. – Труп-то будет, да останется от него мало чего. Одежда твоя. Обереги. А голову, руки, ноги я огоньком припалю. Да оставлю так на недельку, чтоб и зверушкам мяса досталось. А потом тебя найдут, нурман. И что подумают? А то, что дружки князя твоего, варяги, с тобой поиграли малость, как они любят. И что тогда? А то, что дружбе варягов и князя твоего конец придет. А кроме варягов да Гостомысла у него на нашей земле никого и нет. И останется тогда Рюрику твоему или Водимиру поклониться, или убираться с нашей земли восвояси. Как, нравится тебе моя придумка?

Хитро. Идея гнусная, но ведь может и получиться. В то, что конунг поверит, что это варяги меня запытали, сомневаюсь. А вот искать меня больше точно

не станут. Обидно, однако. Я с конунгами и королями дрался, а тут какой-то мною же битый уродец намерен меня искалечить и в раба обратить.

И что я могу сделать?

Сейчас – как минимум не показать слабину. Ну да, вот он я, связанный по рукам и ногам, не способный даже комара со щеки согнать. Но я жив, а следовательно – поборемся.

– Ты, главное, бабу с мужиком не перепутай, когда мучить станешь, – озабоченно проговорил я. – А то прирежешь девку какую по своему обыкновению... Так и не признают ее товарищи мои. Тебя, Бабобоец, может, и признали бы, а меня – вряд ли.

Обидеть не получилось, но Задорей сообразил: запугать меня не получится. Хотя уверенность его в том, что я крепко взят под микитки, никуда не делась.

К сожалению, эта его уверенность имела основания.

– Сиди тут, не уходи никуда, – издевательски произнес он и скрылся в чаще.

Машинально я отметил, что ходить по лесу мой недруг умеет. Канул в зарослях без хруста и шороха.

Но меня в данный момент интересовало другое.

К лодке меня привезли на лошади. И на борт конягу не взяли. Тоже понятно: куда? Однако вывод: в Ладоге у косичкоусого остался помощник. Он-то и увел лошадок. А это – след. Вопрос: смогут ли его распутать мои друзья?

* * *

– Ворожея, – Харра Стрекоза толкнул ногой труп женщины. – Я ее знаю. Плохая баба. Горёной звали. Отец ее у Гостомысла в гриднях ходил. Убили его в походе. В память о нем ворожею и не трогали. Гостомысл не велел. Не то давно б на правёж вывели: слухи о ней скверные ходили.

– Я ее тоже знаю, – пробасил Стюрмир. – Ульф вчера с ней ушел. Видать, чем-то она ему не приглянулась, раз он ее убил.

– Стюрмир! Это у тебя, видать, вчерашнее пиво весь ум вымыло! – сердито перебил Свартхёвди. – Сказать такое! Что мой брат бабу убил!

– А что худого? – удивился Стюрмир. – Ну, убил и убил. Обычная баба. Колдунья вдобавок. Наколдовала чего не то... Хотя нет. Прав ты, Медвежонок, – Стюрмир потер лоб. – Это ж Ульф наш. Он баб да детишек всегда щадил. Помнишь, как франков...

– Лучше б ему эту бабу раньше убить, – неожиданно произнес отец Бернар.

– Почему? – в один голос спросили викинги, оборачиваясь к монаху.

– Зелье дурманное, – отец Бернар встряхнул ковш, в котором оставалось жидкости на пару ложек. – Вот понюхайте.

Понюхали все. Но разбирались в зельях только берсерки.

– Так и есть, – подтвердил Хавгрим. – Сильное снадобье. А еще если с пивом...

– Может, он из-за зелья бабу убил? – предположил Скиди.

– От этого дурмана не убивают, – сказал отец Бернар. – И убивал не Ульф, это уж точно.

– Почему так думаешь? – усомнился Свартхёвди. – Нож – Ульфов, добрый. И удар тоже добрый – во всю длину.

– Сейчас поймешь, – монах наклонился, без особого труда поднял мертвую женщину, удержал на весу так, чтобы ноги ее касались пола. – За рукоять

возьмись, Медвежонок.

Свартхёвдти взялся.

– Удобно, – сообщил он. – В самый раз так бить.

– Тебе, – уточнил лекарь. – Виги! Теперь ты возьмись. Видишь, Медвежонок, ему уже не так удобно. А Виги ростом даже повыше, чем наш хёвдинг. – Он уронил труп на пол. – Что скажешь теперь?

– Скажу: глазастый ты муж, монах. И умен. Как заметил?

– Посмотрел – и заметил. Уж в ранах-то, хольд, я разбираюсь. Немало их повидал да залечил.

– Небось и сам наделал? – ухмыльнулся Скиди. – В прошлом?

О том, что отец Бернар был когда-то воином, французским шевалье, догадывались многие. Да он и не спорил.

– А вот прошлое мое, воин, не твоего ума дело! – отрезал отец Бернар. – С тех пор как я Господне служение принял, крови ни разу не пролил. Разве что по лекарскому делу.

– Точно! Не мог Ульф сбечь! – внезапно воскликнул Стюрмир. – У нас же в трапезной его меч остался. Вдоводел! А он без него – никуда!

– Верно говоришь! – подтвердил Свартхёвди. – Я Вдоводел видел утром. Еще удивился, что Ульф его в трапезной оставил.

– Эй! – вмешался в их беседу Харра Стрекоза. – Что князю скажем? Кто бабу зарезал?

– Кто зарезал ворожею, меня мало волнует! – бросил Свартхёвди Медвежонок. – А волнует меня другое: куда подевался мой брат?

Глава 18

Красота мироздания

Задорей привел лошадей. Вернее, лошадь. На ней он собирался ехать сам. А я, по его мысли, должен был бежать следом. Трусой.

В принципе, я не возражал. Всяко лучше, чем быть возиму, аки мешок, поперек седла.

Плохо, что бежать пришлось без обуви. Я умею бегать босиком. Но не на веревке. Раз оступись, два... И вот уже потянулись за мной следы. Кровавые.

Хорошо, время близилось к вечеру, и косичкоусый решил устроить привал. Состояние моих ног его обеспокоило. Как же! Я теперь – его имущество. Мне было велено привести ноги в порядок: то есть промыть и смазать вонючим жиром, который мне выдал Задорей. По этому поводу он мне даже руки развязал. Правда, доверия у него ко мне не было, так что ноги я обрабатывал под прицелом. Потом сам связал себе ноги и накинул на шею веревочную петлю, которую дружинник Водимира затянул, а конец веревки привязал к дереву. И только после этого храбрый гридень рискнул подойти ко мне и связать мои руки.

Все команды Задорея я выполнял безупречно. Видел, что он меня боится. А значит, дай я ему повод – стрельнет, не задумываясь. В общем, я проявлял покорность. И был вознагражден ужином. Задорей подстрелил матерого зайца и поделился со своим будущим рабом.

Шкура косога пошла на мою обувь. Простейший вариант: берешь сырую шкурку и оборачиваешь вокруг ноги мехом внутрь. По верхнему краю протягиваешь ремешок – и готово.

Следующий день прошел без происшествий. Задорей время от времени

спешивался и вел лошадку на поводу.

Вечером Задорей опять расщедрился: поделился со мной ужином. Всё равно зайчатина уже начала попахивать. Под это дело он приговорил литровую флягу с медовухой и слегка осоловел. Но бдительность утратил только частично: сначала проверил все узлы на моих путях, потом стреножил коняшку и только после этого завалился спать.

А ночью коняшка всё равно сбежала.

Задорей ругался полчаса без остановки. Он даже стонял по следу...

Вернулся часа через два. Ни с чем. Сбежала лошадка в середине ночи и, пожалуй, была уже на полпути к дому.

Убедившись, что вернуть пропажу можно, лишь отыграв назад уже пройденное расстояние, косичкоусый решил двигаться пешочком. Накинул мне на шею ставшую уже традиционной петлю и почесал через лес не хуже лошади. А вот мне поспевать за ним было не очень. И руки связаны, и «обувь» не лучшей работы. Вдобавок груз, который до сего момента везла лошадка, теперь «вез» я. А еще – не выспался. Потому что полночи провозился, освобождая четвероногую скотину от пут. Чтобы понять, насколько это весело, попробуйте сами распутывать что-то, будучи связанным по рукам и ногам. Особенно если это «что-то» на месте не стоит, а время от времени перемещается. И пусть стреноженной лошади перемещаться тоже не совсем удобно, но мне-то приходилось вообще червяка изображать.

Но я справился, так что, несмотря на усталость и прочие неудобства, был доволен. Чем позже мы прибудем на место, тем лучше.

Прошло три дня. За это время я многое узнал и о своем похитителе, и о его боссе, князе Водимире.

У обоих были наполеоновские планы. Второй жаждал рулить всем севером, а первый – стать ладожским князем. Но если у Водимира настоящий конкурент был один, вернее, двое – Хрёрек и Гостомысл, то претендентов на Ладогу у Водимира было – до хрена и с горкой. И Задорей, который всего лишь один из старшей Водимировой гриди, претендовать на гипотетическую должность мог, но только если свершит что-то выдающееся. Например, возмутит против Гостомысла и Хрёрека исконных данников. Чем, собственно, Задорей в Ладоге и занимался.

Удивительно, что мое ладожское руководство игнорировало косичкоусого агента влияния. Да, изменился Хрёрек-конунг. Раньше он бы церемониться не стал: тут же отправил Задорея в страну вечной охоты могильных червяков.

Задорей болтал, я слушал. Запоминал. В том числе и имена.

Косичкоусого мое молчание вполне устраивало. Ему нужен был не собеседник, а слушатель. Причем социально приспущенный. Я – годился. В итоге Задорей даже симпатией ко мне проникся: пообещал яйца оставить, если хорошо буду себя вести.

Я и вел себя хорошо. В его понимании. Это как фехтовальный поединок с более сильным противником. Поспешешь – проиграешь. А приучишь постепенно к тому, что ты – слабейший, что победа – дело решенное...

К сожалению, Задорей не подставлялся. И мерами предосторожности не пренебрегал. Как бы я к нему ни относился, но воином он был опытным. И далеко не глупым. Не удивлюсь, если он и мою игру разгадал.

А еще я вот что заметил: остерегался теперь Задорей не только меня. Темп сбавил. Шел сторожко, всё время озираясь и землю сканируя со всей тщательностью. Причем время от времени он что-то такое замечал, и тогда мы вообще останавливались, пока Водимиров гридень разбирался с непонятками.

На четвертый день мы вышли к реке, и Задорей решил устроить дневку. Не на берегу, разумеется. Шагах в ста, в укромном местечке между трех дубов.

Дневку – для меня. Сам он отдохнуть не собирался. Были у него какие-то свои планы, мне неведомые.

А мой отдых выглядел так: косичкоусый велел мне раздеться до исподнего. Обувь тоже забрал, привязал под одним из дубов и свалил.

И не вернулся.

* * *

– Пропал, значит? – задумчиво проговорил князь Рюрик, он же – Хрёрек-конунг. – Припоминаю: с ним это уже случалось?

– Так и есть! – подтвердил Стюрмир. – В Роскилле. Его, пьяного, ободрали и продали купцу одному.

– Аслаку Утке, – уточнил Свартхёвди. – Ты потом его кнорр Одину подарил. Мы узнали быстро, потому что девка одна проболталась.

– И здесь тоже баба, – Хрёрек поскреб ногтями шрам на груди. – Но эта уже ничего не расскажет.

– Сын мой, – вмешался в разговор Гостомысл. – О чем ты? Убита дочь моего гридня. Ее убийца – твой человек, и он сбежал! Надо искать и наказать!

Свартхёвди захохотал. Его поддержали остальные хирдманы.

Гостомысл набычился, собрался рывкнуть что-то грозно-обидное, но вмешался Хрёрек:

– Ульф не убивал твою колдунью! Это доказано.

– Кем же? – выпятил бороду Гостомысл.

– Мной, – подал голос отец Бернар.

Князь ладожский глянул на него и задумался. Второй день он принимал снадобье, которое дал ему этот лекарь. И боль почти ушла. И даже обмякший уд вроде оживать начал. Сегодня с утра.

Конечно, лекарь – человек нурмана Ульфа. Может и солгать. Но вмешался он вовремя. Гостомысл обязан защищать своих, но ссориться с зятем нельзя ни в коем случае. И поддакивать ему – тоже. Все должны видеть, что Гостомысл – настоящий князь, а не пристяжь при дочкином муже.

– Обоснуй, – разрешил Гостомысл.

И лекарь обосновал. Умно и толково.

– Что ж, велю людям своим спрашивать, кто что видел, – объявил Гостомысл.

Но про себя решил, что делать ничего не станет. Не понравился ему этот Ульф Свити. Только появился и уже столько дел натворил. А кому потом с обиженными замириваться? Гостомыслу. Нет уж, пропал так пропал.

– Конунг, позволь нам самим правду искать! – воскликнул Свартхёвди, когда посторонние ушли и в горнице остались только свои. – Знаю я, чьих это рук дело! Задорей, хирдман Водимиров! Харра сказал: когда нас не было, он к тебе приходил. Жаловался. А в ту ночь тоже пропал. Он это, больше некому! Но в Ладоге кое-кто из людей его остался. Мы их знаем. Позволь нам их рас-

спросить!

– Нет! – отрезал Хрёрек. – Никого в Ладогe не трогать! Пусть Гостомысл – сам.

– Да не станет он никого искать! – возмущенно закричал Стюрмир. – По роже его толстой видно!

– С каких это пор, хускарл, ты стал зрящим правду? – холодно поинтересовался Хрёрек.

– А с тех пор, как ты своего хёвдинга...

На этот раз Стюрмира остановил уже Медвежонок. Очень вовремя. Пока тот в сердцах не сказал то, что обратно не проглотишь.

– Конунг, мы тебя знаем, – сурово произнес берсерк. – Ты нам всегда был как отец. И таким остался. И мы верим тебе, как сыновья отцу. Ты мудр и справедлив. Скажи нам, как помочь моему брату, и мы сделаем, как ты скажешь. Клянусь богами Асгарда!

Суровая складка на лбу конунга разгладилась.

– Потерпи немного, Свартхёвди Сваресон, – сказал он мягко. – Скоро вернется Трувор Жнец со своими варягами. День или два. Вернется Трувор, вернется мудрый Ольбард. Мы с тобой здесь – чужие. Они – свои. Им добром скажут то, что ты узнаешь только с помощью железа. Если Ульфа и впрямь захватил Задорей и не убил его сразу, то пара дней ничего не изменит. Если убил, то мы найдем убийцу и накажем. Но я не думаю, что твой брат мертв. У него особенная удача. Она не может уберечь его от бед, но потом твой брат всегда выскальзывает из западни. И возвращается с прибытком. Я не верю, что какой-то Задорей смог перехватить его удачу. Подожди, Сваресон. А пока мы подарим богам добрую жертву, чтобы они получше приглядывали за моим хёвдингом.

* * *

Мир был прекрасен. Чист и гармоничен, как песнь соловья.

Какая-то часть моего сознания понимала, что я умираю. Но то была совсем небольшая и не слишком важная часть.

Задорей ушел и не вернулся. Оставил меня привязанным к дубу на весь день. И на ночь, во время которой меня, как ни странно, никто не скушал. Ну комары разве что.

А под утро ко мне пришел мой Волк и лег рядом. И смерть перестала иметь значение. Мир обратился в свет, а я пребывал внутри, в дивном равновесии. Я и мой Белый Волк. А вокруг царила нирвана. Или как там еще это называется...

И вот вся эта неземная благодать была нарушена прекрасной незнакомкой.

Честно говоря, ее красоту я оценил позже. В тот момент, возвращенный из грёз в лоно реальности, в царство боли и тщеты, я лишь злобно шипел, пытаюсь привести свою закоченевшую от пут и неподвижности тушку в условно вертикальное положение. Затем живительная влага полилась мне в глотку, и я обрел способность говорить. Вернее, ругаться. Ругался я по-русски, потому что за годы жизни с северянами так и не научился их заковыристым проклятьям.

Потом влага пролилась на мои запекшиеся веки, я обрел способность видеть, и мне стало стыдно.

Потому что это был не Задорей.

Девушка. Молодая. Красивая. На лице – внимание, строгость и чуть-чуть со-
страдания. На полмизинчика.

– Кто ты, чудное видение? – просипел я, радуясь, что хоть исподнее мне
оставил мой похититель. Мог бы и донага ободрать, и тогда не только лицо,
шея и конечности, но и вся моя тушка превратилась бы в комариный корм.

– Можешь звать меня Зарей, человек, – разрешила красавица. – Давно ты
здесь кровососов кормишь?

Хороший вопрос. А я знаю?

Нет, знаю, конечно. Сознание возвратилось. В полном объеме. А вот Волк –
ушел.

Итак, принайтовали меня к дереву с утра. Вопрос: это еще завтра или уже
послезавтра? День, потом ночь... Сутки, в общем. Вряд ли больше, судя по то-
му, что жажда мучит, но обезвоживания вроде нет. Хотя не стоит забывать,
что пребывал я в состоянии особенном... Может, я – как йоги, которых на неде-
лю в землю закапывают, а им – хоть бы хны?

– Это важно? – спросил я у девушки.

Та покачала головой. Хорошая голова. Гордо посаженная. Головной убор
бисером шит. Тем, который ладожане подданным вместо денег навязывают.
Поверх шапочки – платок. И, похоже, шелковый. Ой не из простых девица, чу-
ет мое трепетное сердце. И лицом, как сказано выше, лепа. Причем по-благородному
лепа. В этом мире такая откровенная демонстрация красоты сродни
явному вызову. Нравлюсь? Хочешь посягнуть? Ну, давай. Рискни здоровьем.

– Скажи мне, Заря, могу ли я обратиться к тебе с просьбой?

Учтивость для человека в моем положении – единственная возможность
продемонстрировать статус. Учтивость и выдержка.

– Говори, – разрешила мне красавица.

Нет, пожалуй, не красавица. Просто симпатичная. Это моя Гудрун – краса-
вица, а Заря...

Не знаю. Не важно. Это вообще неуместные мысли в моем нынешнем поло-
жении.

– Не могла бы ты меня развязать? – попросил я. – Очень, понимаешь, нос
чешется.

– Да уж не знаю...

Красавица выпрямилась и сделала шаг в сторону. Мне потребовалась нема-
лая сила воли, чтобы повернуть голову без матерщины. Шея просто как дере-
вянная. Ага. Девушка-то не одна. На заднем плане – добрый молодец маячит.
Жаль, спиной стоит, личика не кажет. И девушка тоже не пустая. Поясок по-
уже стандартного, но вполне себе боевой. И кинжал на нем хороший, узкий,
длинный, в добротных ножнах. И – вот это правильно! – полный колчан стрел
и лук в налуче.

– Почему не знаешь, прекрасная Заря?

– Потому что не знаю, кто и почему тебя к дереву привязал.

Хм. Отвечать на этот вопрос следует, крепко подумавши.

– Привязал меня человек по имени Задорей, – я решил пока придерживать-
ся правды. – Он же хитростью увез меня из Ладоги. Не родич тебе Задорей?

Уточнение требовалось, потому что я помнил: Задорей намеревался оста-
вить меня своей родне. И мы вполне могли быть близко от его малой родины.

– Не родич?

Легкое качание головой.

У меня отлегло от сердца. Родич – это святое. Во всех остальных случаях можно договориться.

– Что ж, тогда я могу продолжить: имя мое – Ульф Вогенсон по прозвищу Ульф Свити, Белый Волк, и я – хольд Хрёрека-конунга, что породнился ныне с князем Гостомыслом.

– Ульф Вогенсон? – О, какая скептическая улыбочка! – Отец рассказывал мне о человеке, которого звали так. Но ты ошибся. Его прозвище не Свити, – тут она перешла на скандинавский, и выговор, надо сказать, у нее был прекрасный. – Его зовут не Ульф Белый, а Ульф Черноголовый. Ты ошибся, человек.

– Его звали так, – я тоже перешел на язык викингов. – Но прошлым летом человек по имени Хавгрим дал мне другое прозвище, и оно показалось всем более подходящим.

– Складно, да не ладно, – она снова перешла на словенский. – Не верю, что Задорей, не самый славный из дружинников князя Водимира, – презрительная гримаска, – совладал бы с таким воином, как Ульф Вогенсон. Пожалуй, я оставлю тебя здесь, человек. Пусть у комаров будет праздник.

– Он и не совладал, – буркнул я. – Колдовство меня победило. Женское. Могу даже имя назвать. Горёна-ворожея.

На славном личике отразился мыслительный процесс. Недолгий.

– Слыхала и о ней, – кивнула девушка. – Выходит, ты и с Гостомыслом что-то не поделил, человек, назвавшийся Ульфом Вогенсоном.

– Чего? – Соображал я туго. Неудивительно, учитывая мое состояние.

– Горёна – дочь Гостомыслова гридня. И ладожскому князю служит.

– Не только ему. И не служит, а служила, – внес я поправку. – Твой знакомый Задорей ее зарезал.

– Зачем ему?

– Затем, чтоб лишнего не сболтнула. Ну и денег не платить. Не бесплатно же она меня зельем опаивала.

– О-о-о! – Заря как-то не по смыслу сильно отреагировала на мои слова, оживилась: – Слыхал, братец?

Воин, стоявший ко мне спиной, обернулся, явив моему взору розовощекое безусое личико парнишки лет пятнадцати. Сюрприз. Я был уверен, что он – постарше. При таких-то плечищах.

– Верно люди говорят, – произнес паренек ломким баском. – Мертвый колдун опаснее живого.

– А теперь я хочу спросить, – влез я в общение родственников. – О чем это вы?

Девушка загадочно улыбнулась. Не снизошла. Ну как ей доказать, что я – это я? А может, не стоит доказывать? Мало ли кто ее отец и что он рассказывал обо мне? Может, добрый словенин учил дочку резать всех викингов, какие попадутся. А особенно таких опасных, как Ульф Черноголовый? Хотя вряд ли. Слишком уж хорошо она на языке северян говорит. Не те еще времена, когда язык потенциального противника входит в обязательный пакет разведчика.

– Послушай меня, Заря-красава, развяжи ты меня! – взмолился я. – Развяжи

и дай вон хоть кинжал твой. И когда вернется Задорей, я покажу тебе и ему, что я и есть Ульф Вогенсон!

– Ничего ты ему не покажешь, – молвила красотка с той же загадочной улыбкой.

Я похолодел. Неужели я до такой степени разучился разбираться в людях, что даже юная девушка может меня так легко обмануть? Неужели она – на стороне Задорея?

– Я освобожу его, сестра, – сказал плечистый парнишка, доставая меч.

Это был не вопрос – утверждение.

Я слишком устал, чтобы спрашивать, отчего меня намереваются освободить: от пут или от жизни. Просто смотрел и ждал. Недолго. Меч ширкнул в воздухе – и я повалился на бок.

– Ну и зачем? – поинтересовался я из крапивы, в которую зарылась моя многотрадальная голова.

– Прости моего брата, человек, назвавшийся Ульфом, – пропела Заря и хихикнула. – Этот меч у него недавно. Хочется покрасоваться.

Парнишка проворчал что-то недовольно, но я услышал, как он вернул меч в ножны, затем меня снова усадили и наконец-то освободили от пут.

А потом паренек втянул носом воздух и проговорил задумчиво:

– Волком пахнет... Слышь, Зарёнка, от травы волком пахнет. А следов – нет... О! Так это от него пахнет!

Оба уставились на меня. Девушка забавно сморщила лоб, что-то соображая...

А потом повела себя странно. Опустилась на колени, взяла мою правую руку и прижала к щеке. Жаль, что рука так онемела, что я ничего не чувствовал: прикосновение должно было быть приятным. Для меня. А для щеки – не очень. Ладонь у меня теперь – что стиральная доска. Ничего удивительного при моей новой профессии.

– Прости меня, Ульф Вогенсон, Черноголовый, Белый Волк, брат отца моего по мечу и палубе! Заря, дочь Трувора Жнеца, молит тебя забыть о непочтительности!

Вот же тесен мир: в диком лесу над Волховом наткнуться на детей моего брата по хирду! Хотя, если быть точным, это не я, а они на меня наткнулись.

– Вильд! А ты что стоишь столбом? – воскликнула девушка. – Виноваться живо!

– Ну вот еще! – проворчал сын Трувора. (А ведь как похож на папу! Я мог бы и раньше признать!) – Это он меня благодарить должен, что я его унюхал. Не то сидел бы он тут, пока от жажды не помер или зверье не зажрало. Хотя нет, его-то как раз зверь бы не тронул.

– Брат у меня чуйкий, как пес, – похвасталась Заря, растирая мне руки. – Его в детстве Симаргл лизнул. Так мама говорит.

Я не возражал. Сидел, стиснув зубы. Когда в онемевшие конечности возвращается жизнь, это неприятно. Зато как приятно будет встретить Задорея, если тот все-таки намерен вернуться. Особенно если славный отрок одолжит мне на минутку свой мечуган.

– А Задорея здесь ждать ты будешь напрасно, – угадал мои мысли чуйкий отрок.

– Это почему же? – забеспокоился я.

Желание проучить косичкоусого было столь велико, что я готов был напасть на него хоть с голыми руками. Урою гада!

– А не придет он.

В мои руки стараниями Зари постепенно возвращалась жизнь. Ноги уже отошли: там узлы были послабее.

– Придет! – уверенно заявил я. – Он мне глаза выколоть обещал. Ужель от слова откажется?

Паренек хмыкнул, а Заря поинтересовалась драматически:

– Простил ли ты невежество наше, Ульф, сын Вогена?

– Какой там – простил! – усмехнулся я. – Вот когда подарки мои примете, тогда и прощу. В Ладогу со мной пойдете?

– Так мы в Ладогу и идем, – степенно сообщил Вильд. – Ты – с нами?

– Охотно. Только это... Я сначала все же попробую дождаться Задорей. Вдруг он придет – а меня нет. Расстроится же!

Заря хихикнула, а Вильд с легким раздражением повторил:

– Не придет он.

– Откуда ты знаешь?

– Да вот знаю! Пойдем со мной – и ты будешь знать.

Как я узнал позже, в этом был весь Вильд. Чувство юмора – очень специфическое. Зато за слова свои отвечает на сто процентов.

Да. Задорей меня не бросил. Но вернуться бы точно не смог. По физическим показателям: многие жизненно важные части его организма были утрачены. А точнее, скушаны.

Что не поделили Задорей с Михал Потапычем, осталось загадкой и для меня, и даже для более опытных в охотничьем деле юных Труворовичей. Может, у него был особо острый зуб на княжьих дружинников, потому что в это время медведи нападают на людей крайне редко. Разве что напорешься на медведицу с медвежатами.

Но это, по словам Вильда, был именно самец. И напал на Задорей крупнейший хищник наших лесов неспровоцированно и внезапно, поскольку меч Водмирова десятника так и остался в ножнах. Рядом с мечом почему-то стояли сапоги. Нетронутые. Вот такая сюрреалистическая картинка: меч, сапоги и куча разбросанных в беспорядке медвежьих объедков. И стаи мух, разумеется.

О том, как именно погиб Задорей, вопросов не было. А вот почему на него набросился мишка – загадка. Летом, когда еды полно, косялапые с людьми обычно не связываются. Тем более с такими, от кого железом пахнет. Мишка – зверь серьезный, но охотятся все же на него, а не он. Хотя можно допустить, что на этого уже охотились. И он обиделся. А как встретил кого-то похожего на обидчиков, так и набросился. Присел наш амбициозный десятник на пенек перемотать портянки... И уже не встал.

А вот для Зари с Вильдом вопрос «почему?» не стоял.

«Он же колдунью зарезал! – тоном всезнайки заявил Вильд. – Ясно, это она в мишку вселилась и погрызла дурака. Все же знают: мертвый колдун опаснее живого».

Я эту мысль уже слышал. И склонен думать, что распространяют ее сами колдуны. Но оспаривать не буду. Я ж сам немного... колдун.

Закапывать медвежьи объедки мы не стали. Не заслужил. А вот меч я забрал. И сапоги. И еще кое-какие предметы первой необходимости.

Меч для меня оказался длинноват. Пришлось приспособить за спину, криво и высоко, иначе бы ножны за всё подряд цеплялись. Сапоги тоже не впору оказались. Пришлось внутрь мха напихать. А ведь не показался мне покойный Задорей особо крупным. Надо полагать, потому что большинству моего датского окружения я макушкой чуть выше плеча.

Еще уцелела Задореева сумка с мелким припасом, в который входила аптечка. Взятой из нее мазью Заря обработала покусанные поверхности моего организма, и они перестали чесаться.

Вот это кайф!

Глава 19 Жертва обмана

План, предложенный Зарей, был прост. Выйти лесом к Волхову-Ольховой, а там словить «попутку» – какое-нибудь судно, идущее вниз по реке.

План я, естественно, одобрил.

Хорошие у Трувора детки получились. Княжьи. Наследники.

То есть наследником числился не только Вильд, но и старшая сестра, которая была у брата в большом авторитете. Заря, как выяснилось, с юных лет была гораздо подратья и даже ухитрилась поучаствовать в настоящем боевом походе. Варяги что-то там не поделили с неизвестными мне соседями, и соседи об этом горько пожалели, потому что по результатам военных действий сменили статус с соседей на данников. Те, кто выжил, разумеется. Милая девушка с особенным удовольствием поведала, как именно убивали наиболее боевитых представителей соседского племени.

А девушка и впрямь – милая. И сложена прекрасно, в чем я имел возможность убедиться, когда она купалась. То есть купались мы вдвоем.

Никаких табу на обнаженку у варягов не было, поскольку девушка запросто присоединилась ко мне, когда я решил сполоснуться в оказавшемся на маршруте озере.

Надо отметить, спортивный тип телосложения не делал ее менее женственной. А меня она ничуть не стеснялась, пожалуй, даже немножко провоцировала. А я как раз стеснялся. Потому что... провоцировался. Нравились она мне. Во всех смыслах. Мой тип потому что.

Впрочем, никаких особых шалостей ни с моей, ни с ее стороны. Друг к другу мы даже не прикоснулись. Хотя, уверен, изучила она меня во всех подробностях, к коим в первую очередь относились мои многочисленные шрамы. Я ее тоже рассмотрел. Достаточно, чтобы убедиться: блондинка она – натуральная. Хотя можно было и не сомневаться: ни разу не видел, чтобы здешние женщины красили волосы.

В общем, поплескались.

Вильд к омовению не присоединился. И не потому, что постеснялся купаться вместе с сестренкой. Он – сторожил. Не дома, чай. Территория, подконтрольная князю Водимиру. Всякое может случиться, и нет ничего грустнее, чем в неподходящее время оказаться слишком далеко от боевого железа.

Попутно брат с сестрой поведали мне о житье-бытье варягов в природных условиях.

В целом это житье мало отличалось от среднескандинавского. Жили – ро-

дом. Вернее, воинской общиной. Со скандинавами то дрались, то вступали в союзы. Роднились тоже. Трувор Жнец, как оказалось, ныне был единственным младшим братом главного варяжского князя. Других не осталось: из шестерых сыновей Труворова отца выжили только первый и последний. Два Труворовых племянника тоже погибли. Один – от болезни, второй – от меча.

Впрочем, титул главного варяжского вождя был не столько наследственным, сколько выборным. Кровь, конечно, тоже учитывалась. И случись что с князем, вождем стал бы Трувор. Следующим по счету был Ольбард Синеус. Потом еще пара воинов, чьи имена были мне неизвестны, а за ними, к моему удивлению, – Заря. Вернее, так: не сама Заря, а ее будущий муж. Как бы по умолчанию считалось, что у такой крутой девушки и муж должен быть непрост.

Рассказывая это, Заря вовсю строила мне глазки. Я старался не реагировать. Во-первых, я люблю свою жену. Во-вторых, чем может закончиться интрижка с дочерью Трувора, лучше даже не думать. В-третьих, мы с Трувором не просто друзья и братья по палубе. Варяги поддерживали меня с самого первого дня знакомства. Как-то нехорошо при таком раскладе соблазнять молоденькую дочь их лидера.

Хотя, блин, кто кого соблазняет, еще вопрос!

Через три дня мы наконец вышли к реке. Волхову. Именуемому также Ольховой. Или Мутной. В зависимости от рода-племени именователя.

Теперь осталось лишь дожидаться попутного судна. Трафик на Волхове в это время года насыщенный. Бывает, до полусотни судов в день мимо Ладожской «таможни» проходит. Правда, поодиночке редко. Обычно небольшими караванами.

В принципе, меня устроило бы и не попутное судно. Его можно было бы нанять, а то и реквизировать именем Гостомысла.

Но реквизировать попытались нас.

* * *

– Не дерзи мне, – холодно произнес князь Рюрик. – Не забывайся!

– Я говорю то, что вложил мне в уста мой князь!

Посланник Водимира, боярин Жолудь, не испугался.

С ним в Ладогу пришли полторы сотни дружинников – многовато для посланника. Хотя для войны всё же маловато.

Однако война – не за лесами. Водимир с каждым годом сильнее. Люди его – повсюду. Уже и в Плескове знамено Водимира стоит. И Полоцк ему данью поклонился. Чуть ли не до самого Смоленска протянулись Водимировы сети: исправно собирают мыто с каждого волока, каждый подорожный городок данью обкладывают. Дань невеликая, да и платят не все, но из сотен ручейков собирается большая река, и потому каждый – ценен. Ими силен Водимир, от них кормится его дружина. Если бы не князь Рюрик, скушал бы Водимир Ладогу, не поперхнувшись. Для того и позвал Рюрика Гостомысл, дочь в жены отдал и равным себе князем назвал. Давно сие было стоворено. Еще в те времена, когда хирд Хрёрека-конунга насчитывал более двух сотен отменных воинов. Две сотни – много меньше того, что может вывести на поле Водимир. Но один викинг, будь он дан или варяг, стоит троих Водимировых гридней. Да и сам Гостомысл не женами правил. Была и у него дружина крепкая.

Хотя когда сговаривались Гостомысл с Хрёреком, Водимир еще не был так силен. И не от Водимира Ладогу защищать позвал Гостомысл Хрёрека, а от таких же викингов, которые повадились грабить подданные Гостомыслу земли. Одни брали силой, другие – хитростью. Эти снимали носовые фигуры, поднимали на мачты белые щиты, притворяясь мирными торговцами, а когда подворачивался богатый городок, набрасывались внезапно, грабили, резали, жгли, набивали корабли добычей по самые весельные люки... И снова обращались в мирных торговцев. И не уличить. Нет свидетелей. Не осталось.

Вот, чтоб отвадить почуявших добычу волков, и приглашен был в Ладогу Хрёрек Сокол.

Кто таков князь Гостомысл из Ладоги для морского ярла?

Да никто. Мало ли вождей в Гардарике? Да больше, чем конунгов у норвегов. Там в каждом фьорде свой сидит, а тут в каждом окруженном частоколом городище – свой князь властью пыжится. Сидит на добре, как хомяк в норке под камнем. А что камень – медведю-викингу? Раз лапой махнул – сковырнул, два – и хомяк у медведя в пасти. Вместе с припасами.

А вот Хрёрека-конунга на Севере знали. И уважали. Со многими правителями Севера он в родстве. И если не в родстве, то – в дружбе. Вот с тем же Рагнаром Лотброком и сыновьями его. Такого ограбить – риск непомерный. Этот и в родном фьорде отыщет. И накажет.

Так было, пока Хрёрек не схлестнулся с Сигурдом Рагнарсоном, и Сигурд не лишил его большей части силы.

И главный датский конунг Харек Младший спросить с Сигурда за пролитую кровь не рискнул, хотя с Хрёреком – в родстве.

Впрочем, о ссоре Хрёрека с Сигурдом Змееглазым здесь, в Гардарике, не знали.

Но тем не менее: обещал дочь свою Гостомысл могучему вождю многих кораблей, а отдал обладателю единственного. Вдобавок Хрёрек в день свадьбы не то что меча поднять, сам с ложа встать не мог. Опирался на плечи верных варягов.

Эти же варяги стали опорой и для Гостомысла.

Однако варяги – это не пришлые даны. У варягов здесь собственные земли и собственные интересы.

Вот тут Гостомыслу повезло. Совпало. Варягам тоже не по нраву пришлось усиление Водимира.

Пока Хрёрек метался в горячке и никто еще не знал, выживет или нет, Трувор с Ольбардом крепко встали за Гостомысла. И показали, что даже несколько десятков викингов – это сила, с которой надо считаться. Приструнили разбойников. Но не всех и не везде. Потому что у некоторых появился покровитель: князь Водимир. А что тут удивительного? Разве враг твоего врага – не друг? А что грабитель, так Водимир и сам пограбить не прочь. Хотя когда грабили его самого – очень обижался.

Вот и сейчас – обиделся. Не на шутку.

– Твои люди это были! – заявил боярин Жолудь. – Тому и свидетели есть!

– Предъяви! – немедленно потребовал Хрёрек-конунг, которого теперь звали князем Рюриком.

– Их сейчас нет со мной!

– Тогда закрой свой рот, пока я его не зашил!

Хрёрек с трудом сдерживался. Теперь, когда он снова мог держать меч, Хрёрек вновь ощутил себя настоящим вождем, конунгом, и злился от того, что какой-то боярин Жолудь смел разговаривать с ним на равных. Пусть даже за спиной этого Жолудя полторы сотни воинов, а за спиной Хрёрека сейчас, пока не вернулись Трувор с Ольбардом, – не больше четырех десятков, часть которых даже не его, а так не вовремя потерявшегося Ульфа Свити.

– Не грози мне, нурман! Это еще не все! Мой князь обвиняет тебя в том, что ты тайно убил его десятника Задорей!

Хрёрек ухмыльнулся. Ну надо же! Он, Хрёрек-конунг, ВТАЙНЕ убил какого-то паршивого десятника. Это было так забавно, что Хрёрек даже сердиться перестал.

– И почему твой князь так думает, холоп? – осведомился он.

Жолудь побагровел. Его оскорбляли прилюдно. Сначала рот пригрозили зашить, теперь холопом обозвали. Снести оскорбление молча – позор. Потребовать удовлетворения – так мерзкий дан именно этого и добивается. И ничего хорошего из этого не выйдет. А выйдет, что кого-то убьют. Или самого Жолудя, или того, кого он выставит защищать свою честь. Среди его гридней есть отменные бойцы, но все же не такие, как эти проклятые даны.

К счастью, Жолудь вовремя вспомнил: он не сам по себе. Он – посол Водимира. Следовательно, всякое оскорбление Жолудя – это оскорбление князя Водимира. Значит, слова дана следует передать Водимиру. А сейчас – продолжать.

– Известно, что Задорей бился с одним из твоих дружинников, – заявил Жолудь. – А после Задорей хотел вызвать твоего дружинника на поединок. А потом Задорей пропал. И этот дружинник – тоже. Мой князь считает, что ты испугался, что Задорей убьет твоего дружинника, и...

Докончить он не смог. Хрёрек захохотал. И кучка его приспешников данов – тоже.

– Я требую объяснений! – закричал Жолудь.

Хрёрек внезапно оборвал смех.

– Ты требуешь? – произнес он голосом, от которого Жолудь похолодел и очень пожалел, что большая часть его охраны осталась на ладье, а здесь – всего лишь большой десяток гридней. У дана было примерно столько же людей, но Жолудь все равно почувствовал себя мышкой, которая только что дернула за усы кота.

«Будь с ним построже! – напутствовал Жолудя Водимир. – Они должны нас бояться!»

Но сейчас испугался сам Жолудь.

Но Хрёрек сдержался. Он еще поучит боярина, как должно вести себя. Не сегодня.

– Ваш Задорей – трус, – произнес Хрёрек брезгливо. – Расспроси людей, и они тебе расскажут, как десятник твоего князя удирал с рынка с голой задницей. Оружие, трусливо брошенное Задореем, я твоему князю отправил. Прибавив мои сожаления: беда тому князю, у которого в старшей дружине такие, как Задорей. Как с такими на сечу выйти? Разбегутся же!

– Не сбежал Задорей! – возмутился Жолудь. – Он к тебе пришел: справедливого поединка требовать!

– Как же! – усмехнулся Хрёрек. – Если б хотел, не стал бы ждать, когда Ульф-

хёвдинг покинет Ладогу. А когда Ульф вернулся, Задорей ваш, думается мне, сбежал. Что говорит о том, что он пусть и труслив, но не глуп.

– А куда делся твой человек Ульф? – набрался храбрости на очередной вопрос Жолудь.

– Не твоего ума дела! – отрезал конунг. – Убирайся!

А вслед ему пробормотал:

– Хотел бы я сам знать, где ты, Ульф-хёвдинг...

А Жолудь убрался. Искать правды у князя Гостомысла.

Не нашел. Не знал Гостомысл правды.

* * *

Корабль неизвестной сборки оказался как раз попутным. Здоровый, но какой-то неуклюжий, непривычно пузатый, борта низкие. Хотя под парусом шел неплохо.

Увидели нас, размахивающих руками, замахали в ответ, взяли к берегу.

– До Ладоги нам! – опередив меня, крикнула Заря. – Возьмете?

С корабля кинули сходню: доску метров шести длиной. Хватило. Место удобное, а осадка у пузана небольшая.

Заря, опять-таки опередив меня и брата – вот же решительная девка! – взбежала первой. Ловко так. Я аж залюбовался. Сразу видно, что Труворова дочка.

Братик – за ней. Этот вообще птицей взлетел. Я после него выглядел как кова на дерби. Сам – не в лучшей спортивной форме. Да еще в чужих здоровенных сапогах...

Как оказалось, моя неуклюжесть сработала в плюс.

По ту сторону борта оказались мужики бывалые. Оценили нас троих по пластике движений и расставили приоритеты. Отрок Вильд – на первом месте, Заря, хоть и девка, на втором, а я, оборванец в исподнем, на самом последнем. А что меч у меня, так ведь, может, и не мой это меч. Тем более висит за спиной, а не как положено...

В общем, приняли меня за раба.

Обидно.

Но в целом – удачно получилось. Если этакое безобразие можно назвать удачей.

Вильда приняли первым. Сунули шестом в ноги, когда на палубу спрыгивал, накинули сверху сеть, и двое сразу навалились – вязать. Заря за кинжал свой схватилась (успела), да какая-то сволочь сзади колотушкой ее по голове...

И сразу заорали, будто финальную игру выиграли. Решили: сделано дело.

Язык, на котором орали, я не опознал. Равно как и национальную принадлежность негодяев. Зато боевой уровень определил как средненький. С парой-тройкой таких я бы разобрался без проблем. Но было их, навскидку, десятка два. Многовато даже для старины Ульфа.

Зато у меня был бонус: всерьез они меня по-прежнему не принимали.

– Поднимайся! Быстро! – Чернявый мужик сделал мне, застывшему на шаткой сходне, недвусмысленный жест копьём.

Будь я один – сиганул бы в реку. Вода, как и следует из названия, – мутная. Не стал бы чернявый наугад копьё бросать. Жалко копьё-то.

А я пронырнул бы в протоку и затаился в зарослях. И хрен бы они меня от туда выловили.

Но детей Трувора я не оставил бы, даже будь у меня возможность с опережением добраться до Ладоги. Мало ли что нехорошие люди могут с ними сотворить за это время... Опять же – я перед ними в долгу. Кабы не они, я б, скорее всего, оказался на той стороне бытия, где пребывают души лоханувшихся воинов.

«Спокойно, мужик, – сказал я себе. – Удача нынче к тебе уже не задом, а влоборота. А меч, даже непривычный, с неудобным балансом – это всё-таки меч. Покажем же этим неведомым злодеям, как мы умеем загребущие ручонки обрубать».

Ярости, впрочем, не было. Нормальное ровное состояние. Еще чуть-чуть – и мой славный Белый Волк появится где-нибудь неподалеку...

– Ты, холоп, сюда иди! Да меч отдай...

Меч тебе? Да не вопрос! Хватай!

Схватить он не успел.

Первый удар я нанес еще в прыжке. Картинный такой, во весь мах.

Рот нехорошего человека еще говорил, а голова уже летела на палубу. Была б при мне сабля – срубил бы чище, а тут еще и занесло. Пришлось, аки самураю, гасить инерцию клинка в тушке второго плохого парня.

Этому не повезло. Слишком ловкий оказался. Успел отпрыгнуть. Частично. И потому, вместо того чтобы быстро умереть от разрубленной печени, получил зацеп самым кончиком поперек живота. Аккурат мышцы взрезало и требуху – самую малость. Но здесь эта малость приводит к кончине долгой и мучительной. Будь на месте порезанного настоящий викинг – плюнул бы на боль и ринулся бы в последний бой, но этот – похлипче. Завыл и повалился на палубу, скорчившись, как зародыш в мамке.

Я же, не сумев полностью погасить инерцию (сапоги не по размеру, блин!), вынужден был уйти в низкую стойку. Зато прорубил икру одного из тех, кто выпутывал из сети Вильда. Его партнер по рыбной, точнее, рабьей ловле сеть выпустил и успел даже выхватить из-за пояса топорик... Который я и снес новым ударом. Вместе с державшей его рукой.

И, чувствуя, что сзади уже летит предназначенное моей спине копьё, а может, и не одно, ухватил безрукого за целую конечность и развернул в вальсовом па.

Было, было копьё! Не обманула чуйка! И бросок отменный. Насквозь. Кабы я не толкнул безрукого навстречу – и меня нанизало бы.

Быстрая оценка ситуации.

На носу – двое. Оружие держат так себе. Салабоны. И выглядят соответственно: ошеломлены и напуганы. Тоже понять можно: только что были тишь да благодать, и вдруг – прям как на бойне. Вопли, кровища, отрубленные части тел на палубу валяются.

А вот трое на корме – другого сорта. Опытные убивцы. Удачно, что от меня они – дальше всех. Один из боевой тройки копьё и метнул. Бросок отличный, но результат несколько неожиданный. Для метателя. Сейчас, судя по задумчивой физии, он переваривает этот результат. То есть прикидывает, на что я реально способен.

То, что я не раб, а боец, он уже осознал. Уровень непонятен. Теперь на его

бандитской роже написано: стоит схватиться со мной лично или проявить осторожность: погодить, пока я не подустану и не продемонстрирую поярче свой боевой арсенал?

А вот сосед его, похоже, уже выбор сделал и собирается меня валить чужими руками: истошно вопит и науськивает на меня основную группу.

У третьего молодца на морде тоже, может, чего и написано, но прочитать я этих письмен не в состоянии. Кроме монголоидного разреза глаз. А вот качество его оружия мне уже не нравится. Например, лук, за который даже по самой поверхностной оценке любой профи отвалит серебром по весу. Можно не сомневаться, что на дистанции пятнадцати шагов азиат вlepит стрелу в любой из моих зрачков. А то и в два сразу.

К счастью, между нами – живой барьер. Та самая основная группа игроков. Десяток с хвостиком желающих сделать мне секир-башка. Эти пока не поняли, что я такое, зато поняли, что я – один, а их – много.

Ну, эту оплошность судьбы мы сейчас исправим. Для начала – вот вам, мальчики, от меня – трофейная секира.

Метнул почти наугад, но по такой толпе – не промахнешься, а щиты только у двоих.

Эти могли бы и прикрыть дружбана, но то ли не успели, то ли – не сообразили. Был десяток с «хвостиком», и только что я этот «хвостик» отрубил.

Нет, я всё же их немного недооценил. Перестроились парни грамотно, наконец выдвинув вперед щитоносцев и изобразив подобие боевого порядка. Но неужели вы, братцы-разбойники, думаете, что я с вами в честный бой вступлю. Щас, разбежался! Не, ребятки, пока что я вас даже не трону. Вы у меня нынче – живой заслон. О монголоиде и копьеметателе я не забываю ни на секунду. Так что в очередь, злодеи. А мне сейчас – на нос. Мелочь прибрать.

Вот это я понимаю – взаимовыручка. Один салабон геройски попер на меня, другой... с диким воплем махнул за борт.

Хотя не буду осуждать. Я ведь себя со стороны не видел. Может, и сам бы за борт сиганул, кабы в зеркало глянул. Пусть поступок паренька и не достоин упоминания в висе, но зато – жив, трусишка.

А второго упомянуть бы следовало: мол, вышел один на один с Ульфом Свити... И пришел. К естественному концу.

Жаль, скальда под рукой не оказалось. Воспеть некому.

Разворот навстречу набегающей толпе. Ага, развалился строй. Чай, не лужок здесь, а палуба. И квалификация у вас, пацаны – не чета викингам. Это – радует. На строй кидаться – это таким зверюгам, как Хавгрим Палица или мой братец. А мне куда милей вот такая толпа, пусть и вооруженная. Тем более что они не сражаться бегут, а убивать в спину. Какая наивность! А как вам мое нежное личико, парни? А моя сладкая песенка? Тут я испустил волчий вой в лучших традициях варягов и ульфхеднаров (Страшно? А вы как думали?) – и ринулся сам на десять...

...И крайне изумился, услышав такой же вой, даже тоном повыше и посочнее.

Опаньки! Юный Вильд! Из сети выпутался и вступил в бой.

Нет, мои враги не наложили в штаны. И Вильда вмиг связали боем те, что в арьергарде. Но когда за спиной тоже идет рубилово, это, как бы сказать поделкатнее... Немного беспокоит.

Труворыч, держись! Покажи им, чему тебя папа научил.

А мы покажем фирменный стиль «страшный викинг».

Когда на меня лезут не строем, а кучей, вот как сейчас, то размеры кучи обычно играют в пользу меня, родимого, который работать со слабо организованной группой умеет и любит. И все естественные помехи и препятствия, вроде скамей, мешков, канатных бухт и порубленных героев – автоматом мои союзники.

Хлест налево, хлест направо. Бойтесь меня? Правильно. Бойтесь! Нырок, уклон, еще один хлест, переворот клинка на обратный хват – я уже в куче, тут не помашешь – уход вниз, перехват бьющего в живот копья с поправкой траектории совсем в другого товарища...

И вот я уже прорвался и оказался за спиной парней, рубящихся с Вильдом, а основная масса, потерявшая три боевые единицы, даже переварить не успела, что за тайфун по ним прошелся.

Милое дело – рубить со спины. Два удара – два покойника...

И – толчком сбив Вильда в сторону – перехват посланного в него (или уже в меня!) копья.

Получи, фашист, гранату! Ах ты какой умелец! Перехватил! Я ушел нырком и очень вовремя. Первая стрела едва не срезала мне ухо, вторая порвала исподнюю рубаху (ну да ничего: выживу – найду что-нибудь по размеру в трофеях), а третья долбанула бы меня, вскинувшегося с палубы, прямо в лоб, если бы я не ухитрился вывести в линию копьemetателя, перекрывшего мощным торсом директрису стрелку-монголоиду.

Что ж вы так, дяденьки! Взаимодействие в бою надо отлаживать. В мирное время и старательно, иначе в военное будет больно и обидно.

Молодец метатель! Двинул меня копьем по нижним конечностям. Причем – плоскостью наконечника. Передумал валить. Решил – живьем. Нормальный вариант – уйти прыжком, для меня был неприемлем – за спиной копьemetателя пас монголоид с луком, поэтому я поступил нетрадиционно: сбил удар ногой (больно, однако!) и метнул меч в азартную рожу противника. Баланс у меча, как я уже говорил, был неважный, но на такой дистанции по фиг. Воткнулся. В правую сторону груди ближе к подмышке.

И опять нетрадиционное действие: мощный, с толчка, удар ногой в живот.

Копьemetатель, которому, боюсь, не скоро удастся взять в десницу копье, отлетел прямо на монголоида. Тот начал маневр уклонения, но на его пути попался третий «старшой», и мой «посыл» достиг сразу двоих. Давненько я так удачно не пасовал. Не, ребята, играть в мячик с викингами я вам не советую. Не тот класс.

Монголоида я не убил. Не возникло необходимости. Белый Волк глянул на меня из-за плеча монголоида и спас азиата. Я двинул его не в кадык, как намеревался, а в челюсть. Хар-роший такой кросс получился. Были б мы на ринге – чистая победа.

А вот третьему, который больше насчет покомандовать, – не повезло. Схлопотал копье в живот. Причем не от меня, а от Вильда. Я так думаю: с такой раной меч тебе, мужик, больше не нужен? Да мужик и не возражал: тискал пальчиками окровавленное древко и громко жаловался на отсутствие анестезии. И я, естественно, не смог отказать ему в такой мелочи. Хотя бы в благодарность за мечуган. Превосходное, кстати, качество: череп бывшего хозяина

развалил, как тесак – тыкву.

Но не следует забывать, что мы с Вильдом здесь не одни. На палубе еще восемь кандидатов в покойники.

Как там у Высоцкого: «их восемь, нас двое»? Так кажется. Но кто посмеет сказать, что расклад не наш? Из этой восьмерки – точно никто.

Атаковали мы разом. Плечо к плечу, вернее, спина к спине. Мне этот вяржский приемчик известен. Было бы у нас по паре мечей, еще веселее получилось бы. Но и так неплохо. Я хотел перехватить трофейный меч в левую руку, но не понадобилось. Вильд меня опередил. Вдобавок поймал брошенное почти в упор копьё и пустил его в ход в лучшем стиле Хавгрима Палицы: вскрыл касательным шейку замешкавшегося разбойничка.

А я тем временем двоих порешил, а третьего сначала укоротил на правое запястье, а потом – контрольный на голову. Еще одного отправил за Кромку Вильд, а пятый решил, что на палубе слишком жарко, и прыгнул в речку охладиться. И утоп. Дно вязкое, броня – если обшитый пластинками ватник можно так назвать – тяжелая...

Больше никого убивать я не разрешил. Не зря же мои друзья говорят, что я слишком добр для воина. Так что оставшуюся парочку храбрецов мы взяли живьем.

– Не добивать! – остановил я разохотившегося до кровушки Вильда. – А прибираться здесь кто будет? Глянь-ка лучше, как там сестра?

Заря отделалась шишкой на голове, легким сотрясением мозга и дюжиной синяков: наступили.

Вильд схлопотал резаную рану спины, длинную, но неглубокую, и вывих мизинца на правой руке.

Вывих я вправил, а с раной разобралась Заря.

На мне, к собственному изумлению, – ни царапины. Но еще больше меня удивило поведение моего личного хищника. Белый Волк изволил явиться мне лишь однажды, да и то в совершенно несвойственной ему ипостаси – спасителя моего супротивника.

Тем не менее супротивника этого, стрелка-монголоида, я связал с особым тщанием.

А потом не менее тщательно обыскал. И не зря. Обнаружил аж три значки: ножик в сапоге, ножик в поясе и никогда прежде не виданный ножик в упаковке из семисантиметрового звериного клыка, оформленный в виде оберега.

Ну прямо ниндзя какой-то, а не простой средневековый разбойник.

– Хороший воин, – по-словенски монголоид говорил довольно чисто. – Кто ты, человек, похожий на белого хузарина и бьющийся, как нурман?

Нет, ну до чего ж самоуверенный мужик! Можно подумать, что это я перед ним лежу, связанный и беспомощный, как младенец.

Но мой Волк его выделил, так что проявим терпение.

– А ты сам-то – кто?

– Я – человек без рода, – на губу пленника опустил слепень, потоптался и впился... «Человек без рода» и веком не шевельнул.

– Огнем его, Ульф! – азартно воскликнул Вильд. – Прижжем ему пятки! Враз

заговорит!

– Не заговорит, – возразил я и по азиатским глазам пленника понял, что заработал еще один балл к рейтингу. – Но имя у него всё же есть. Скажи мне его, воин, чтобы я знал, как тебя звать.

– Звать меня можешь – Бури, – разрешил пленник. – Хотя меня редко зовут. Чаще я прихожу сам, и мне не рады, – уточнил он с кривой ухмылкой, спугнув слепня. – Раньше было иначе, но теперь я – никто. Просто стрелок из лука.

Молодец. И имени не назвал. И пошутил изрядно. Выходит, у этой шутки борода еще больше, чем я думал.

– Всякий заговорит, когда... – Вильд дернулся и зашипел.

– Сиди смирно, брат! – прикрикнула Заря, зашивавшая ему спину.

Бури снисходительно усмехнулся.

– А как мне называть тебя, воин?

– Ульф Вогенсон.

– Нурманское имя. Но ты не нурман. Говоришь по-другому.

– Не слишком ли ты умен, простой стрелок из лука? – произнес я на языке данов.

Не понял. Или сделал вид, что не понял. И – следующий вопрос:

– Почему ты пощадил меня, Ульф Вогенсон? Ты убил всех, кто мог быть опасен. А я был самым опасным из людей Красного Угра, когда тот был жив.

– Мне был знак, – сказал я. – Этого довольно?

– Это ответ, – согласился Бури. – Но тебе придется меня убить.

– Почему же?

– Потому что иначе я убью тебя. Когда избавлюсь от этого, – он пошевелил связанными руками.

Вильд вновь хотел вмешаться, но сестра прикрыла ему рот.

– Зачем тебе меня убивать?

– Ты победил меня. И ты меня унизил. Не позволил умереть с честью.

– Значит, я сильнее. Разве ты никогда не встречал тех, кто сильнее тебя?

Азиат усмехнулся:

– Встречал. Давно.

– А если я предложу тебе другой путь, Бури? – произнес я, разрезая путы на его ногах.

– Сразиться с тобой? Это вернет мне честь!

– Я сказал: другой. Не тот, который ведет к смерти одного из нас.

– Покажи его – и я пойду по нему. Возможно.

– Заря, ты закончила с раной? – спросил я, не оборачиваясь.

– Рана! – фыркнула девушка. – Царапинка!

Вильд недовольно хрюкнул.

– Труворсон, принеси оружие этого человека!

Принес. Вот что значит – командный голос.

– Я покажу тебе путь, – сказал я, перерезая ремни на руках азиата. – Но выбрать ты должен сам.

Некоторое время он просто сидел, растирая запястья и искоса глядя на меня. Я был подчеркнута спокоен и расслаблен. Хотя не сомневался, что смогу опередить. С искусством айдзюцу у меня всё хорошо.

Бури взял короткий прямой меч, вытянул из ножен. Хороший меч. Но его луку и в подметки не годится.

Вытянул руку с клинком ко мне (Вильд за моей спиной задышал чаще), глянул вдоль плоскости.

– Да, – сказал я.

Мы понимали друг друга без слов.

Меч крутнулся у него в пальцах: рукоятью вперед.

Универсальный жест.

Я взял меч, глянул точно так же – вдоль клинка, на одной стороне которого отражалось небо, а на другой – палубный настил, символизирующий землю, потом не менее ловко развернул его острием к себе.

Бури принял его и вложил в ножны.

Он предложил мне свою службу, и я ее принял.

Глава 20

Подобное – к подобному

Приятно быть везучим. Только что ты бегал в исподнем, в сапогах с чужой ноги, а теперь в твоём распоряжении целый корабль с кучей полезного имущества.

И четверо рабов, взятых по праву меча.

И один личный телохранитель экстра-класса.

И красивая девушка, которая уже не только строит тебе глазки, но и совершенно откровенно соблазняет. То бедрышком прижмется, то грудкой...

Пленников я усадил за весла. Парни молодые, здоровые, почти не покоцанные. Нечего им прохлаждаться. Это речное корыто, а не боевой драккар, на котором на румах сидят только свободные воины. Да и не Лебединая Дорога здесь, а мутная пресная речка. Пуцай работают. Хотя ноги пленникам на всякий случай спутали.

За кормило я поставил Вильда, который, как и положено варягу, сызмала обучался судовождению, а сам решил поговорить с Бури. Очень уж меня заинтересовал этот человек.

Не поговорили.

Не успели.

Всё в жизни изменчиво, а подобное, как говорится, тянется к подобному.

Это я о приключениях.

Не успел я разобраться с трофеями и подыскать смену одежды по размеру, как нас догнал еще один парусный кораблик, практически аналогичный трофейному. И тут же один из рабов-пленников завопил дурным голосом и попытался треснуть меня веслом.

Не преуспел.

Но на попутном судне возникло нездоровое оживление.

Команда его – навскидку человек пятнадцать – похватила оружие и готовилась нас обижать.

Причем – дистанционно.

– Кто они? – спросил я Бури, так же как и я, на всякий случай прикрывшегося щитом.

– С нами шли, – пояснил мой новый боец. – От Смоленска. Два дня тому назад отстали.

– Глубоко сидят! – воскликнул Вильд. – Много добычи возьмем!

Раздухарился паренек. Понравилось ему «мирных» купцов грабить.

– Руль закрепи! – бросил я ему. И Бури: – Поговоришь с ними? Хотя нет, не

надо.

Что ему говорить? О том, что прежний хозяин убит и речной баркас теперь наш? Так это и без того видно.

Но сказать что-то надо. Вдруг передумают драться. Сила и разум. Вот наше преимущество.

– Кто такие? – заорал я. – Куда идете? Почему оружием грозите? Разбойники?

Четыре вопроса, после которых остается либо оправдываться, либо...

Торговцы из Смоленска выбрали второй вариант. В нас полетели стрелы.

Я присел. Мои тоже успели. Никто не пострадал.

Сквозь щель было видно, что вражеское судно приближается. Если будут брать на abordаж – флаг им в руки и жернов на шею, чтоб ныряться легче.

За моей спиной щелкнула тетива.

Я оглянулся и увидел, что Бури уже присел.

А на вражьей посудине кто-то вякнул. И на нас снова посыпались стрелы. Попали не все, хотя судно наше – мишень изрядная. Однако часть стрелков ухитрилась промахнуться даже по десятиметровому кораблику. С нашей стороны пострадавших нет. Вру, есть. Одному из пленников поцарапали руку.

Ответили на обстрел уже двое. Бури и Заря. Минус два. Потому что наглеть не надо. Надо пригибаться.

– Я – человек князя Рюрика и князя Гостомысла! – заорал я во всю глотку, когда очередной град стрел миновал. – Сдавайтесь, или все умрете!

– Ты сам сейчас умрешь, злодей! – заорали мне в ответ.

Красивый мужик. Борода окладистая, плечи саженные, грудь – как у моего брата Медвежонка. Да еще и кольчужкой облита. Это хорошо, что широкая. Меньше вероятность промахнуться. Хотя с такой дистанции я и в зайца попал бы.

Зря мужик на кольчужку надеялся. Я, конечно, не Свартхёвди и не Стюрмир – эти бы героя насквозь пробили. А я – только на полжелезки. Никогда мне в копьеметании с викингами не сравняться.

Новый град стрел. Не иссякающий. И неумолимое сближение наших плавсредств. Зря они так орут. Скоро им прыгать и драться. Вот тогда боевой клич уместен. А заранее глотки драть... Нет, не профессионалы это. Любители. Чужого имущества.

Это я не в укор. В моем окружении таких любителей полно. Только квалификация головорезов у них существенно выше.

Еще один хлест тетивы – и за полминуты до соударения вражеский кораблик завернуло в сторону. Бури сбил кормчего. Очень вовремя. Блин! Что за мужик! И двух часов не прошло, как он мне в верности поклялся, не знаю о нем ни черта... А ведь верю. И даже мысли не допускаю, что он с такой же легкостью может и в меня стрелу всадить!

Соударения не получилось. Ворогов развернуло, и мы с ними разминулись метрах этак в полутора.

Однако нашлись и у них храбрецы. Аж четверо. Махнули с борта на борт. Трое допрыгнули. На свою беду. Один сразу наделся на Вильдово копьё, второй получил стрелу в живот от Зари, третьему повезло. Его встретил я. Перехватом клинка поймал меч... хотя какой там меч – тесак деревянный, и приложил прыгучего буратину оголовьем в висок. И стал буратино своей исход-

ной формой. То бишь – поленом. Но живым.

На вражьем плавсредстве справились с управлением. Но в атаку больше не хотели. Двинули к берегу. Надо полагать, боевой пыл остыл. Это понятно. Большие потери личного состава, и лидера ихнего я удачно подбил.

Я бы отпустил неудачливых пиратов, но судном рулил Вильд, и он был другого мнения.

Наш могучий баркас тоже разворачивался к берегу.

– За весла! – грозно завизжал мой юный кормчий. – Шкуры спущу.

Двое пленников вылезли из-под скамей. Третий испуганно продемонстрировал раненую руку. Четвертый... Четвертому, храброму воину с веслом – не повезло. Я-то его только по маковке приласкал, а вот «дружественная» стрела – не пощадила.

Высаживаться на берег – это была плохая идея. Для наших противников. Потому что до берега они не добрались. Сели на мель. Капитально.

Я посчитал их, суetyащихся и пытающихся спихнуть судно туда, где поглубже... Шестеро. И отнюдь не на пике храбрости. Что ж, поговорим еще раз.

Я вспрыгнул на носовую банку.

– Эй вы! Бросить оружие и встать вдоль борта! Руки над головой! Тогда будете жить!

Рядом со мной воздвигся Бури. С луком. А у кормы – Заря.

Нас немного. Но мы уже продемонстрировали свои возможности. Моему призыву вняли пятеро из четверых. Пятый спрыгнул в реку и попытался добраться до берега вплавь.

– Заря, останови его!

Стрелять по плывущему, у которого только голова над поверхностью торчит, не так уж легко. Но человеческая голова – не меньше утки. А в утку с тридцати метров Заря била без промаха. Сам видел. Сейчас тоже не промахнулась.

– Суши весла! – скомандовал Вильд.

И метнул в воду камень-якорь. Мы на мель не сели – осадка поменьше. Только чуток тронули килем.

– Чур, вот эта девка – моя! – крикнул глазастый Вильд.

Так вот почему у них такая низкая осадка. На дне вражьего баркаса, тесно прижавшись друг к дружке, лежали женщины.

Работорговцы. Вот такая профессия была у наших новых рабов, когда они еще были свободными. В здешних краях профессия популярная, а главное – доходная. Невинная девушка приличной внешности на рынке в Бирке может стоить никак не меньше трех марок. А здесь – аж восемь словенских девченок, одна другой краше.

* * *

Облюбованную девку Вильд не получил. Вообще ни одной не получил.

Сестра обломала. Причем не потому, что порченная девка теряет в стоимости, а что-то такое, связанное с самим Вильдом. Что-то он там не прошел... иницирующее.

По-моему – несправедливо. Убивать – можно, а секс – под запретом. Но вмешиваться я не стал. Шестифутовый «мальчик» Вильд официально – не в моем хирде, так что я ему не папа с мамой, а просто старший товарищ.

Девки оказались – полянские. Откуда-то с юга. Красивые и послушные. Самое то с точки зрения покупателя. Хотя моя наложница Бетти тоже казалась тихой и покорной, а вот поди ж ты: целого хускарла топором зарубила.

Впрочем, этих красоток, в отличие от моих английских тружениц, не в плен взяли, а мирно продали. Их собственные родичи.

Я спросил у Зари: это нормально?

Дочь Трувора Жнеца удивилась. В ее понимании смерды, особенно те, что с юга, – рабы по определению. Хорошие рабы, кстати. Работающие и неконфликтные. Так что если у меня есть намерение завоевать южные земли, то это хорошая идея.

Вот так прямо и завоевать?

А почему – нет? Юная амазонка не поняла моего удивления. Ее старшие родичи не раз об этом говорили. Земли там хорошие. Если я сомневаюсь, могу хоть у моего нового дружинника поинтересоваться. Он же сам с юга? Верно, Бури?

Бури хмыкнул. Похоже, Зарю он ровней не считал. Хотя вслух – не высказывал. Он вообще мало говорил, а вот делал – много.

Именно Бури обеспечил идеальную дисциплину среди моих новых холопов, коих набралось уже восемь, не считая девушек. Восьмым был парнишка, спрыгнувший в воду во время первого боя. Вместо того чтобы свалить подальше, он решил следовать за нами по берегу и вечером был обнаружен и изловлен наблюдательным Вильдом.

Я заметил: пленные моего азиата реально боялись. Больше, чем меня. А ведь я мало того что страшный викинг, так еще и народу у них на глазах порубал столько, что волховским ракам, небось, до зимы хватит. Думаю: в моих интересах узнать о Бури побольше.

Тут я вспомнил себя самого – и задумался.

Когда-то мой тогда еще не конунг, а ярл Хрёрек оказался в сходной ситуации. Он взял в хирд парня, о котором знал только, что тот неплохо фехтует.

Это было целую вечность назад, и Хрёрек по сей день не знает *настоящей* правды. Что нисколько не мешает нашему сотрудничеству.

А теперь вопрос: стоит ли лезть в личную жизнь Бури, если он сам этого не желает?

Я отложил расспросы на потом, но кое-что узнал тем же вечером.

От Зари, которой информация поступила от одной из девушек.

Информация занятная. Моему новому хирдману служат некие духи огня. И не так, как, по местным суевериям, они служат, вернее, помогают кузнецам в металлообработке, а, типа, его вообще огонь не берет. Мол, может азиат зачерпнуть угли прямо из костра голой рукой – и никаких ожогов.

Подобное я уже видел. Причем не раз. Повышенная тепло- и морозоустойчивость – «нормальное» свойство берсерков.

Хорошо это или плохо? Обдумать новость у меня не получилось. Мне было не до того...

* * *

– Еще, мой Волк, еще!

Я практически ничего не слышал. Великолепные ноги плотно прижимались к моим ушам. Но я знал, что она кричит. И мне не нужен был слух, чтобы

уловить момент, когда судорога наслаждения выгнет ее спину. Но я не отпустил ее: удерживал в почти борцовском захвате и двигался, двигался... Пока ее не вынесло на новый гребень...

Я не хотел ее соблазнять. Я, можно сказать, вообще ни при чем. Мне снился сон. Потрясающий сон о моей любимой. Я и Гудрун... О, как это было классно!..

А когда я понял, что это не сон и я – вовсе не с Гудрун, – было уже поздно.

Как ей это удалось? Я же воин. Я просыпаюсь от шороха, от прикосновения...

Не в эту ночь.

Когда я проснулся, наши тела уже сплелись, соединились и... Остановиться я уже не мог. В мое оправдание можно сказать: они оказались похожи: юная Заря и моя Гудрун. Они даже пахли почти одинаково.

Но это было внешнее сходство. Если с Гудрун мы сразу сливались в одно целое, то с Зарей... Это была не близость, а битва. На всех уровнях, даже на физическом. Когда ее ноги оплетали меня, то ребра трещали, и дышать становилось непросто. Когда я брал ее сзади, она рвалась и металась так, будто хотела ускакать, а когда...

В общем, битва. В которой я неизменно побеждал. Потому что – опыт. Да, она тоже оказалась не девственницей, но здешний народ в сексе весьма простодушен. Особенно мужчины. А я всё же выходец из другой эпохи. Для меня секс – не только и не столько удовлетворение желания, сколько искусство. И в игре «Кто первый скажет: хватит!» я очень редко проигрывал. И уж точно не таким юным и пылким, как моя соблазнительница.

Ее же подвела гордость. И жадность. Она не могла и не хотела сказать заветное слово: довольно. И потому я выжал ее до донышка. А потом – еще пару раз. А потом уложил на животик...

Она уже не кричала. И не выгибалась. Только всхлипывала и постанывала. И содрогалась от каждого интимного прикосновения. Мое одеяло насквозь пропиталось ее соком. Белокурые волосы Зари спутались в огромный колтун, алых следов на ее коже было больше, чем царапин – на моей. Но когда под праздничный лягушачий хор она глотала мой сок, я всё еще не был уверен, кто из нас победил.

Зато знал наверняка: боец из нее завтра будет – никакой.

И не ошибся. Весь следующий день Заря провалялась на мешках со шкурками, глядя сияющими глазами то на меня, то на небо.

Я тоже ей улыбался, но внутри был мрачен. Интуиция подсказывала: одной страстной ночью дело не кончится. А коли так, то мне предстоит суровая разборка с папой. И я как-то сомневаюсь, что Трувор Жнец возложит ответственность за дочкину страсть на нее, а не на меня. И, скорее всего, потребует формализовать отношения. Заря – завидная невеста по здешним меркам. Но, во-первых, я женат. Во-вторых, я люблю Гудрун и знаю это наверняка. А что же до Зари, то да. Мне она нравится. Но не более.

В общем, я вляпался. Сознание мое раздвоилось: одна часть облизывалась, как слопавший сметану кот; вторая, та, что поумнее, твердила: лучше бы ты облажался, любовничек. Немножко позора, мужик, немножко девичьего разочарования – и никаких проблем. И вряд ли то удовольствие, которое ты получил от круглой девичьей попки, компенсирует провал в ту глубокую жопу, в

которой ты окажешься, когда Трувор Жнец возьмется разруливать ситуацию.

Глава 21 Политика

— Я знал, что ты нас найдешь!
Трувор стиснул меня так, будто хотел выяснить, чем я сегодня завтракал.

На сына с дочкой только мельком глянул, а меня как увидел, так и сграба-стал.

Похрустел моими косточками всласть и передал, как эстафету, Ольбарду Синеусу. Ольбард – Витмиду... В общем, все варяги, с которыми я ходил когда-то под парусом с «Красным Соколом» Хрёрека-конунга, проверили прочность моих ребер.

Сильна оказалась удача варяжская. Большая часть Хрёрекова хирда канула в морской пучине, а варяги – живехоньки.

Нет, не только варяги, конечно. Славный хольд Ульфхам Треска – здесь. И огромный, как белый медведь, Оспак Парус. Но в основном – варяги. И большинство – незнакомые.

Позже меня им представили: тем, кого приняли в хирд уже здесь, на земле будущей Руси.

А я, в свою очередь, представил нашим Бури. Приняли его нормально. Бури, похоже, удивился. А чему удивляться? У меня в хирде кого только не было? Даже араб из благородных. Погиб, защищая мой дом. С честью погиб. Не забуду его.

Однако пообщаться с варягами всласть мне не дали.

Хрёрек выдернул меня из атмосферы праздника и окунул в суровость будней.

«И что это было?» Так можно вкратце сформулировать его главный вопрос, когда мы оказались наедине.

– Меня украли, – стыдливо признался я.

Вместо утешения конунг разразился речью. Суть которой сводилась к тому, что я не прав, потому что отсутствовал именно тогда, когда был ему, конунгу, нужен.

А еще я с огорчением уяснил: если бы мне не удалось выкрутиться самому (вернее, с помощью Труворычей), то участь моя была бы печальна. Мой конунг, который когда-то быстро и эффективно спас меня из лап скандинавских рабовладельцев, нынче палец о палец не ударил для моих поисков. Более того: он запретил моим людям поддерживать подозрительных личностей за гузку. А ведь те наверняка навели бы на мой след. Толку с того следа было бы немного, однако важен сам факт. И сам искать не стал и другим не дал. А ведь формально он не имел права приказывать моим. Особенно в таком щекотливом деле. Конечно, нашлось у него и оправдание: мол, вернутся варяги и сами все сделают.

Варяги вернулись. И – ничего. Даже о том, что я пропал, Трувор узнал не от Хрёрека, а от Свартхёвди.

Короче, списал меня мой конунг. Решил, надо полагать, не обострять отношения с властью преобладающими мира сего, то бишь с Водимиром и Гостомыслом. И это сделал человек, не побоявшийся бросить вызов самому Сигурду Рагнарсону ради истины, чести и защиты дальнего родича. Как так?

А так, объяснил Хрёрек, что он не намерен отдавать полноправных ладожских граждан на расправу моим кровожадным хирдманам. И неправильно это, и Гостомысл не поймет.

Я обиделся. Очень. И напрямик заявил: это что ж получается? Когда хирдманы проливают кровь и гибнут ради интересов Хрёрека – это нормально. А когда они хотят спасти своего хёвдинга, то враз становятся кровожадными. И всякий житель Ладоги может безнаказанно злоумышлять против нас, а мы его тронуть не смеем, потому, блин, что *Гостомысл будет недоволен?*

А теперь вопрос: что для него, Хрёрека-конунга, важнее – недовольство Гостомысла или спасение меня, полноправного члена конунговой команды?

– Я больше не морской конунг! – отрезал Хрёрек. – Я – князь. Князь Рюрик. Эта земля – моя земля. И люди, которые живут в Ладоге, – и мои люди тоже. Ты или примешь это, Ульф Свити, или тебе придется уйти!

Я уставился на Хрёрека... Блин! Он был совершенно серьезен. Что ж, слово сказано. И я его услышал.

– Когда-то я знал одного ярла, – произнес я ледяным тоном. – Его звали Хрёреком Соколом, и он был настоящим ярлом, и мы все были готовы отдать за него жизнь, потому что знали: и он не пожалел бы жизни ради нас. Ни жизни, ни денег, ни доли власти. Этому ярлу я обязан жизнью. И готов был вернуть этот долг. Но возвращать оказалось некому. Ни ярла Хрёрека, ни Хрёрека-конунга больше нет.

Хрёрек мрачнел с каждым моим словом. Но не перебивал.

– Хрёрека нет, – продолжал я, не обращая внимания на то, нравится это конунгу или нет. – Его нет! Есть князь Ладожский Рюрик. И это – другой человек. Он не станет меня защищать, если в этом не будет выгоды для него. Но и я ничем ему не обязан!

Хрёрек еще сдерживался, но я видел: сейчас он взорвется. Ни за что не стал бы так себя вести, если бы передо мной был *прежний* Хрёрек Сокол. Не рискнул бы. Не посмел. Но – тем обиднее.

– *Князю Рюрику* я ничем не обязан! Он сказал: уходи! И я ухожу!

Развернулся и вышел за секунду до того, как воздух вздрогнул от рыка:

– Стоять!!!

Обойдешься! Смердам своим приказывай.

Я остановился на крыльце. Тут было хорошо. Уже стояли длинные столы, суетилась челядь, готовя пир. Мои хирдманы перемешались с варягами. Они – давние друзья. Братья по палубе. Знают друг друга подольше, чем меня. Одна спаянная команда.

Была. Пока Хрёрек не послал меня подальше.

– Свартхёвди! – окликнул я Медвежонка, сбегая с крыльца. – Собирай наших. Мы уходим!

– Да, брат!

Ни вопросов, ни сомнений.

Потом он, конечно, вопрос задаст... По первое число, не сомневаюсь. И имеет право. Он – такой же вождь, как и я. Мы – в равных правах.

Но когда-то он сам определил меня как старшего брата. И если я принял решение, не посоветовавшись с ним, значит, он его поддержит. По-любому.

И поддержал:

– Стюрмир! Хавгрим! Готовьте...

– Стоять, Ульф Свити! Я не закончил разговор с тобой!

В дверях терема стоял Хрёрек, он был в бешенстве.

Краем глаза я отметил изумление на лице Трувора.

И нескольких отроков из числа новеньких, теснившихся за спиной Хрёрека со специфическим выражением лица: «Кого тут порвать?»

Я развернулся. Положил руку на эфес «Вдоводела».

– Ты сказал мне: уходи, князь *Ладожский Рюрик*, – процедил я. – Больше нам говорить не о чем.

Если он скомандует своим мальчикам меня схватить, тут им всем и кирдык.

О том, что команда может быть дана не только зеленым отрокам, но и варягам, я сразу не сообразил.

Хрёрек был в ярости, но все же ему хватило ума такую команду не отдавать.

А может, он слишком долго был командиром и на подсознательном уровне знал: нельзя отдавать команду, в выполнении которой не уверен.

То есть мальчишки-то кинутся. Они видели меня в деле, я же их обучал. Но в этом возрасте честь дороже жизни. А вот варяги... Не факт.

А я вот уверен. Мои люди будут драться за меня хоть с кем. Так же, как и я буду драться за них хоть с самим Сигурдом Змееглазым.

Но я смотрел в глаза Хрёреку и уже знал: моим бойцам не придется схватиться ни с варягами, ни даже с этими, новенькими. Наш конфликт с конунгом – это *личное*.

В прежние времена, до ранения, Хрёрек-ярл уложил бы меня в секунды. Он уложил бы меня, даже если бы *пришел* мой Волк. Лучшие воины Севера – берсерки. Но наилучшие – те, кто убивает берсерков, не впадая в священную ярость Одина. Хрёрек – из таких. Был. А что он сейчас – я понятия не имею. Ну, поглядим.

Хрёрек спрыгнул с крыльца. Легко.

Я увидел, как Харра Стрекоза перехватил сунувшегося следом за ним отрока. Это *личное дело конунга*.

Я сообразил: Харра был с князем, когда тот позвал меня к себе. Харра остался за дверьми, но он, несомненно, все слышал. Очень хорошо. Значит, полюбому наш с Хрёреком разговор не останется тайной. И при любом исходе поединка Хрёреку будет трудновато рассчитывать на доверие «старой гвардии». Во всяком случае, я так думаю.

Варяги сработали стремительно.

Опа! И я уже заблокирован с одной стороны Руадом, с другой – Ольбардом. Здоровые, черти! Зажали качественно. И аккуратно. Ну, я мог бы вырваться, наверное. Даже без применения оружия. Не стал. Хрёрека тоже... Хм... заблокировали. Трувор, Витмид и Рулаф образовали стеночку со Жнецом в середине.

– Захочешь – уйдешь, Волчок, – негромко произнес Ольбард. – Перуном клянусь. Но не так. И не сегодня. Так – худо.

Что сказал Трувор конунгу, я не слышал. Но увидел, как Хрёрек развернулся на сто восемьдесят и рванул в терем, чуть не сбив с ног нерасторопного отрока.

Трувор тоже развернулся. Ко мне. Через пару секунд. Но за это время состав игроков вокруг меня немного изменился. Рядом с варягами встали мои: Сварт-

хёвди, Хавгрим, Скиди...

– Не знаю, что меж вами вышло, Волк, – произнес Трувор, сверля меня взглядом, – но ты не прав!

– Узнай сначала, потом будешь судить! – отрезал я.

Ссориться с Трувором Жнецом я не собирался. Но видеть его в роли арбитра тоже не желал.

– Я не сужу! – рявкнул варяг. – Я говорю, что вижу! А ты, Ульф Черноголовый, – имей уважение к старшим!

У меня едва не сорвалось с языка: «А с каких это пор ты – старший?» – но совесть и разум победили. И я только буркнул:

– Ульф Свити, так меня теперь зовут.

– Брат, – сказал Ольбард. – Не возражаешь, если я сам с ним поговорю?

Я удивился. Раньше Ольбард Синеус разрешения у Трувора спрашивать бы не стал. Скорее, наоборот, ведь он был кормчим Хрёрека, а значит, в табели о рангах скорее выше, чем ниже.

Трувор качнул головой. Отказал. И это меня тоже удивило.

– Ты люб мне, Ульф Свити, – сурово произнес Трувор. – Не разочаруй меня.

– Ты тоже дорог мне, Трувор Жнец. Обида моя велика, но ради нашей дружбы я готов о ней забыть! – Я поклонился Трувору. Как младший – старшему. Гнев схлынул, и я уже понимал, что повел себя не как хёвдинг, а как сопливый дренг. Мысли я как вождь, никогда не стал бы провоцировать Хрёрека. Хорошо, что варяги вмешались, и вмешались правильно. Не то могло и до крови прийти. И себя бы подставил, и людей своих. Может, и Хрёрек прав в таком случае? Пожертвовал меньшим, то есть мной, ради большего – своего княжества?

– Окажи мне услугу, – принял мое предложение Трувор. – Не уходи сегодня. Останься и услышь нашу историю. Думается мне, это важно для всех нас.

– История сия – только для меня или для моих людей тоже? – уточнил я.

– Сам решай, – ответил Трувор.

Махнул рукой – и варяги ушли.

Последнее, что зафиксировал мой взгляд: расширенные зрачки Труворовой дочки. Кажется, она ждала, что мы с ее папой вот-вот сцепимся...

Такое бывало. Я и сам пару раз видел, как папа потенциальной невесты и потенциальный же жених сходились в поединке. У скандинавов это не такой уж редкий вариант. И бывало так, что бедная девушка (или не девушка уже) оказывалась и без отца, и без жениха.

– Пойдем-ка домой, братец, – пихнул меня плечом Медвежонок. – Жду не дождусь услышать, как Хрёрек и остальные сумели вырваться из объятий Змееглазого. Но еще больше – что такого сказал тебе конунг, что ты рванул от него, как завидевший косатку тюлень?

* * *

К моему немалому удивлению, бойцы мое эксцентричное поведение одобрили. Только Тьёдар Певец высказался осторожно: мол, у конунгов свои понятия о чести, и к этому стоит относиться с пониманием. Для воина главное: вовремя сменить лидера. До того как он решил пожертвовать тобой ради политических предпочтений.

– Ты говоришь так потому, что не знал, каким вождем был Хрёрек раньше! – заявил Стюрмир.

– Не знал, – согласился Тьёдар. – Может, в те времена, когда он был не конунгом, а морским ярлом, он думал и поступал иначе. Для морского вождя нет ничего важнее его хирда, а у конунга – иначе.

– Можно подумать, конунг может обойтись без хирда! – запальчиво воскликнул Вихорёк.

– Не может, – согласился Тьёдар. – Но морского ярла кормят его хускарлы. А конунг кормит своих хускарлов тем, что соберет со своих бондов.

Прямо-таки мои мысли. Что, впрочем, не примирило меня с изменившимся Хрёреком, потому что становиться разменной монетой в политических играх я не собирался. И даже если когда-нибудь сам стану конунгом – не подставлю своих людей ради политической выгоды.

«Ага! – тут же вмешалась моя совесть. – Не ты ли только что едва не подставил своих людей из-за мальчишеской обиды!»

– К тебе пришли, вождь! – прервал дискуссию стоявший на страже во дворе Тови Тюлень.

Нет, это был не Трувор. Близко, но не он. В мой (или уже не мой?) скромный дом пришла та, кого я, да простят меня романтики, сейчас жаждал видеть меньше всего. Прекрасная воительница Заря Труворовна.

– Погоди, – прошептал я, тщетно пытаюсь выпутаться из жарких объятий. – Давай, может, на реку пойдём?

– Не хочу на реку! – В сумраке глазищи Зари отливали темной синевой. – Никуда не хочу! Хочу здесь!

Мой воинский пояс, расстегнутый, упал с грохотом, который наверняка услышали все, кто был в доме.

Я сдался. Подхватил девушку и увлек в какую-то комнатку, жутко перепугав спавшую на постели кошку, которая с диким мявом вылетела наружу. Очень вовремя, потому что на это же ложе, роняя в полете одежду и амуницию, обрушились мы. Зубы Зари впились в мое плечо. Тело девушки выгнулось, когда мои пальцы вонзились в затвердевшие ягодицы. Рама нашего ложа жалобно хрустнула, но устояла. Судорога наслаждения подбросила меня, но не остановила. Я упал на Зарю, распластал по колючей волчьей шкуре, впился губами в белеющее горло, из которого вновь вырвался хриплый стон. Ухватившись за края изложницы, я двигался всё быстрее, быстрее, быстрее, пока стоны-выдохи не слились в непрерывное низкое рычание дикой кошки... и оборвалось пронзительным отчаянным воплем и хрустом моих ребер, сжатых коленями прирожденной всадницы. Я не конь, но если дать мне шенкеля такими ножками, я, пожалуй, тоже прибавлю ходу. И я прибавил, жестко удерживая мою опрокинутую наездницу, не позволяя ни вывернуться, ни оттолкнуть меня, а только изгибаться и кричать, запрокидывая голову, отягченную змеями толстых светлых кос... Которые через несколько минут, превратившихся в вечность, я уже брал на себя, как поводья, одновременно упираясь левой рукой в выгнувшуюся поясницу повыше белых холмиков девичьих ягодиц...

– Я так испугалась, когда ты выскочил из Рюриковых хором, – шептала Заря, щекоча губами мое ухо. – Я подумала: сейчас ты прыгнешь на палубу свое-

го драккара и уйдешь в свой Сёлунд, к своей жене, и я никогда больше тебя не увижу. Скажи мне, скажи мне, любимый, что ты меня не бросишь! Скажи сейчас! Ты не бросишь меня, нет?

– Заринка моя...

– Скажи еще раз!

– Заринка моя. Ты чудная. Мне так хорошо с тобой.

– Люблю тебя, Волк. Никого так не любила, как люблю тебя!

Мокрые теплые нежные губы быстро-быстро касаются моего лица, шеи, груди...

Что же мне делать с тобой, отважная охотница?

– Ты такой сильный! Такой властный! Ты – такой вождь... Вождь вождей. Я видела, как ты убивал. Только за это тебя можно полюбить. Ты убиваешь, как Перун! Как молния! – Она нависает надо мной: лицо темнее, чем шея, и намного темнее, чем груди, чьи соски касаются моей кожи. – А как ты говорил с этим страшным чужаком! Ты укротил его, словно дикого коня! Как зверя лютого! Когда он признал тебя старшим, я поняла, что тоже готова умереть за тебя! Женись на мне, любимый! Женись – и, да слышат меня боги, ты станешь нашим князем! Самым грозным! Самым страшным! Страшнее всех: и Водимира, и Гостомысла, и Рюрика, и нашего Стемида!

Ну вот. А чего я, спрашивается, ожидал?

– Заринка моя! Как я могу взять тебя замуж, если у меня уже есть жена?

– Ну и что? – Меня снова осыпали поцелуями. – У такого воина, как ты, должно быть много жен!

– И ты согласишься быть – второй? – коварно спрашиваю я.

Тело в моих объятиях внезапно напрягается... И тут же обмякает.

– Может быть, – шепчет моя гордая возлюбленная. – Я спрашивала о ней. О твоей жене Гудрун. Сначала – у отца...

Вот как?

– Трувор ее почти не знает.

– Я спрашивала у твоего сына, Виги. Я ему понравилась. Но не думаю, что он хочет, чтобы я стала его матерью, – Заря хихикнула. – То был взгляд мужчины, а не сына.

– И что же сказал тебе Виги? – перебил я.

– Что твоя жена – самая красивая женщина Сёлунда. Что она – великая воительница, убившая в бою славного ярла и его воина, хотя они были полностью вооружены, а у нее был лишь небольшой меч. Такой женщине подчиняться не стыдно даже мне. Но я думаю: мне не придется ей подчиняться.

– Это почему же? – насторожился я.

– Потому что она будет твоей женой там, в Дании, на своей земле. А я буду твоей женой здесь. И здесь я буду ходить с тобой в походы, убивать врагов, брать добычу, примучивать данников!

Я улыбнулся. Ну прямо наполеоновские планы у этой девочки...

Улыбка сошла с моего лица, когда я увидел силуэт, заслонивший дверной проем от косяка до косяка.

Медвежонок. Интересно, как давно он здесь, что услышал и что понял?

– Что, брат? – спросил я, рефлекторно попытавшись закрыть собой Зарю. Не с моими скромными габаритами.

– До сегодняшнего дня здесь спал я, – сообщил Медвежонок, шагнув в ком-

нату. – Хотя если ты хочешь перебраться сюда, я не против. Но пришел я не поэтому. Напомнить тебе, что скоро у нас будут гости, и если эта красавица будет кричать так же громко и так же отчаянно, дружище Трувор может забеспокоиться. Вдруг ты залюбишь его дочь до смерти?

– Еще неизвестно, кто кого залюбит! – Заря спрыгнула на пол, приняла вызывающую позу, уперла руки в бедра.

Медвежонок разглядывал ее, разгоряченную любовью, мокрую, соблазнительную, с откровенным удовольствием.

– Мой братец, – заявил он, – всегда выбирает для скачки самую лучшую лошадку. Вот только взнуздывать их он не умеет.

Кто бы говорил? Можно подумать, его собственная жена ходит по струнке?

– Жена моего брата – дочь сильнейшего конунга норегов, – сообщил я Заре. – И она выиграла его жизнь, сразившись в поединке с одним из его ярлов.

– А сам он – не мог? – с легким презрением поинтересовалась Заря.

– Мог, – ответил я, искренне наслаждаясь смущением Свартхёвди. – Чтобы получить ее в жены, он вышел против нескольких десятков воинов-оборотней. Но не в тот раз. Так что ты там сказал о лучших лошадках, брат?

– Одевайтесь, – хмыкнул Свартхёвди и вышел.

– Спасибо, что напомнил! – крикнул я вдогонку.

В общем, когда пришли Трувор, Ольбард и все наши, с кем я когда-то делил палубу, мы с Зарей выглядели вполне прилично. Трувор, правда, зыркнул в нашу сторону не очень по-доброму, но ничего не сказал. Он вообще помалкивал. Говорил в основном Ольбард Синеус. Что ж, никто не возражал. Ольбард – превосходный рассказчик.

Глава 22 Неравный бой

Три корабля против восьми – это недобор. Особенно если самый меньший из восьми на четыре рума длиннее «Красного Сокола», Хрёрекова флагмана. Можно даже сказать, два против восьми, потому что третий, набитый добром кнорр в счет не шел.

Хрёрек знал: это может случиться, но не думал, что так быстро. Десять дней назад он свидетельствовал на суде против сына Рагнара, и вот уже корабли Сигурда – в трех полетах стрелы. Восемь боевых драккаров.

Хрёрек знал: это может случиться, но он почему-то был уверен, что Сигурд не станет мстить сам. Это было неразумно. Куда разумней было бы нанять кого-нибудь, тех же вестфолдингов, например. Все же Хрёрек – не просто морской конунг. Он и с Рагнармом Лотброком дружен, и с другими Рагнарсонами. Да, Рагнар не очень-то считается с Хареком-конунгом, но даже он старается соблюдать закон. Хотя бы формально. Потому что даже Рагнару совсем ни к чему навлечь на себя гнев всех данов, а не только их конунга.

Будь на месте Сигурда мой покровитель Ивар Бескостный, он бы точно не стал мстить лично. И он бы не торопился. Сначала дал бы недругу успокоиться, расслабиться, решить, что мести вообще не будет, а потом, внезапно, в день, когда враг почувствует себя особенно сильным и счастливым, ударить быстро и внезапно. Обрушиться с неба, как настоящий дракон.

Я не удивился бы, если бы это случилось на свадьбе.

Или в день возвращения Хрёрека из удачного вика.

И, скорее всего, это было бы сделано не руками хирдманов Ивара. С другой стороны, вряд ли Ивар счел бы свидетельство против себя личным оскорблением. Хрёрек не был его человеком. И родичем тоже был очень условным, потому что родство по линии божественного Ингви – не в счет. На Севере каждый родовитый убийца числит в предках этого парня из Асгарда. Что же удивительного в том, что Хрёрек встал на сторону Рагнарсона, а не своего кровного родича? Ущерб не чести, а кошельку, Ивар бы тоже не простил, но месть его была бы совсем иной. Скорее всего – чужими руками. Нанял бы вестфолдингов. Скажем, под соусом мести за всё того же убитого на хольмганге Торсона-ярла. Да, история была бы шита белыми нитками. Но формально Рагнарсон оказывался ни при чем. Хотя долю добычи получил бы несомненно.

Сигурд же, хоть и звался Змееглазым, но обошелся без змеиного коварства. Подстерег и напал. Внезапно. Возник в утреннем тумане и обрушился. Нагло. Прямо в виду спокойных датских берегов, где парус с красным соколом был знаком даже детишкам. У берегов той Дании, которая, безусловно, была землей настоящих датских конунгов.

Сигурд Змей в Глазу не боялся никого, даже Харека, гордо именовавшего себя конунгом всех данов. И если сила на его стороне, он плевать хотел на закон.

На суде в Хедебю сила была на стороне закона и конунга всех данов, так что Рагнарсон швырнул ему под ноги верегельд и отплыл.

Хрёрек не сомневался, что Сигурд жаждет наказать того, чье свидетельство стало на суде главным. Но не думал, что Рагнарсон нападет вот так сразу. Тем более что отбыл обиженный Сигурд сразу после суда.

В Хедебю даже шутили: пошел папе Рагнару жаловаться.

Насчет папы Рагнара Хрёрек не особо волновался. Не настолько велик ущерб, чтобы Лотброк обиделся всерьёз. А еще не волновался Хрёрек потому, что планировал вскоре покинуть датские воды, и надолго.

Так он и поступил. Закончил свои дела в датской столице и на двух драккарах и одном кнорре двинул в сторону Ладоги-Альдейгьи.

Возможно, Сигурд знал о планах Хрёрека. Скорее всего, знал, потому что заранее выбрал удобное место для засады, где и ждал, укрывшись в шхерах, появления Хрёрековой флотилии.

Кто-то из местных, возможно, видел драккары Рагнарсона. Но никому не пришло в голову предупредить Хрёрека, что его поджидает засада.

А может, и некому было предупреждать: в стиле Сигурда убивать ненужных свидетелей, в том числе и наткнувшихся на него рыбаков.

Так или иначе, но когда впередсмотрящий на «Красном Соколе» увидел сквозь клочья утреннего тумана летящие над водой драконьи морды, убежать было уже поздно.

Не будь этого коварного тумана, Хрёрек мог бы попробовать уйти: бросить кнорр, пересадив с него людей на два оставшихся драккара, добраться до ближайшей родственной гавани. Высадился бы на берег, и любой из здешних ярлов оказал бы ему поддержку. Особенно против одного из Рагнарсонов, открыто бросавших вызов законно избранному конунгу.

Но боги в тот день не благоволили «Красному Соколу».

Два самых быстрых драккара Сигурда тут же обошли маленькую флотилию

Хрёрека и перекрыли путь к отступлению. Остальные разошлись полукольцом, готовясь взять каждый из кораблей в клещи...

И тут хёвдинг Сигурда ошибся. Вернее, пожадничал. Один из драккаров, блокировавших Хрёрека со стороны Хедебю, решил взять на abordаж Хрёреков кнорр.

Задача нетрудная. Экипаж кнорра – двенадцать человек. Молодежь и старики. Десяток викингов управились бы с ними играючи.

Однако, прижавшись к кнорру, драккар открыл брешь, в которую немедленно устремился Хрёрек.

Конунг сам встал за кормчего. И не на корме, а на носу. Гребцы «Красного Сокола» развернулись на румах, поменялись веслами и двинули задним ходом.

На них всю сыпались стрелы. К счастью, дистанция была еще довольно велика, иначе потери среди наших, не успевших даже доспехи надеть, были бы огромными.

Хрёрек рассчитал точно. Один из драккаров-«перехватчиков» уже сцепился крючьями с кнорром, а второй оказался этим же кнорром от «Красного Сокола» отделен.

Да, им пришлось пройти мимо корабля, взявшего кнорр на abordаж, почти вплотную. И там не зевали: начали активный обстрел, причем на сей раз с расстояния в несколько десятков метров.

Хирдманы Хрёрека на стрелы и копья не отвечали. Те, кому не достало места на румах, прикрывали щитами гребцов, а уж гребцы вертели весла так, что жилы трещали. Потери были – безбронным в таком бою тяжело, – но не слишком большие.

Хорошо, что «Сокол» недавно откилевали. Хорошо, что кормой драккар идет почти так же быстро, как и носом.

Почти, но не так же. Два Сигурдовых драккара явно догоняли. А третий уже настиг, обошел и двигался теперь параллельным курсом, отрезая «Красного Сокола» от открытого моря.

Очень быстрый корабль, сразу видно. Обогнал легко, однако нападать в одиночку не спешил. А зачем, если два корабля уже на подходе, а еще два подоспеют, когда корабли сойдутся бортами.

Пять драккаров преследовали «Красного Сокола». Остальные разбирались с оставшимися драккаром и кнорром.

Пять против одного. Хороший расклад для бойцов Сигурда.

И тут Хрёрек совершил маневр: послал драккар в разворот и двинул на самого быстрого. Тот оказался не только быстрым, но и маневренным: легко уклонился. Расстояние между «Соколом» и преследователями сократилось. Но...

Но Хрёрек и не собирался атаковать быстрый драккар. Ему надо было развернуть корабль. Причем сделать это так, чтобы в этот момент между ним и преследователями оказались сцепленные вместе кнорр и драккар жадного хёвдинга. И чтобы преследователи решили обойти сцепку со стороны моря.

Получилось.

Драккары Сигурда взяли мористее, а «Красный Сокол» – наоборот. И двинул прямо к берегу. Уже как положено. Носом. И за кормило снова встал Ольбард Синеус.

Надо отметить, что берег этот фризский для мореплавателей – хуже не придумаешь. Я сам там был, видел. Скалы надводные и подводные. Мели. Коварнейшие течения. Словом, малоподходящее место для гонок. Однако Ольбард эти воды знал и уже наметил маршрут. Причем войти в прибрежные воды он намеревался в строго определенном месте.

Но, к сожалению, дорогу к этому входу мог перекрыть один из Сигурдовых драккаров. Корабль не самый большой во флотилии Рагнарсона, но все же крупнее «Красного Сокола». Правда, вражеский драккар уступал в скорости, но торопиться ему и не требовалось: корабли Сигурда уже обложили «Красного Сокола», а выброситься на скалы – это поступок, недостойный викинга. Куда почетнее умереть в бою.

И тут Ольбард тоже совершил ловкий маневр: еще раз прошел мимо сцепки драккара и кнорра. На этот раз – в обратную сторону.

И тогда водитель одного из отставших драккаров Сигурда решил, что его час настал. Наддав, он попытался прижать «Красного Сокола» к кнорру и притереться к борту Хрёрекова драккара с другой стороны.

И вроде как у него получилось. Разгон взят, весла подняты, и гребцам на «Красном Соколе» ничего не остается, как поднять свои – чтоб их не переломало носом надвигающегося драккара. Но Ольбард поступил иначе. Проревел команду – и весь левый борт дружно затабанил. «Сокола» стремительно развернуло на осьмушку круга и уперло кормой в борт кнорра. Удар получился смягченный, потому что на корме «Сокола» успели сбросить кранец. Тем не менее борт кнорра затрещал, и доски его разошлись.

И тут же четверо людей Хрёрека из команды кнорра попытались перепрыгнуть на палубу «Сокола». У двоих получилось, третий повис, зацепившись за борт, четвертому не повезло. Упал в воду.

Следом за бойцами Хрёрека на «Красного Сокола» махнуло не меньше полудюжины заполонивших кнорр хирдманов Сигурда.

И вот этим не повезло совсем. Потому что как раз в этот момент шедший по инерции драккар Сигурдовой флотилии, вместо того чтобы плотно притереться бортом «Красного Сокола», напоролся боком на его мощный форштевень. Удар передался по корпусу «Сокола» и оттолкнул сцепку кнорр – драккар, окончательно разворотив борт кнорра. Бойцы Сигурда, вознамерившиеся перемахнуть на вражеский драккар, посыпались в образовавшуюся щель, а тем, что остались на палубе, сразу стало как-то не до добычи. Быстро погружавшийся кнорр вполне мог увлечь за собой и взявший его на abordаж корабль.

Еще хуже обстояли дела у драккара, напоровшегося на нос «Красного Сокола».

Не будь у корабля Хрёрека кормового упора, результат был бы куда менее разрушителен. Удар пришелся по касательной, доски корабельного корпуса прочны и упруги. Ну, может быть, треснула какая – и всё. Однако в момент столкновения «Сокол» упирался в кнорр, да еще с довеском в виде драккара, так что вышло жестко.

Цельный дубовый киль «Красного Сокола» выдержал нагрузку, а борт вражеского корабля – нет.

Хорошо получилось. Поскольку удар все же был касательный, то Сигурдов драккар отбросило, и нос «Сокола» не застрял в бреши. Случись иначе, и вме-

сто свободы маневра Хрёрек получил бы на борт уже изготовившуюся к атаке абордажную команду.

А так ни один из брошенных крючьев не зацепился за борт «Красного Сокола», а часть этой самой команды посыпалась в воду.

Другая часть команды вопила и швырялась острыми предметами. Однако между кораблями было слишком много воды, чтобы даже самый лучший прыгун рискнул перемахнуть на палубу «Сокола».

Вдобавок Сигурдов драккар получил пробоину, несовместимую с плавучестью, и начал тонуть...

Тут Ольбард прервал рассказ, чтобы еще раз объяснить присутствующим, какой он молодец. Блестящий маневр – один драккар вестфолдингов идет ко дну, а второму грозит аналогичная участь, если он вовремя не отцепится от борта кнорра.

Слушатели оценили. И выпили за мастера.

Два выведенных из строя драккара – это здорово, но у Сигурда оставалось еще шесть. То есть, за вычетом двух, взявших в клещи второй драккар Хрёрека, против «Красного Сокола» играли аж четыре вражеских корабля, один из которых, флагман Сигурда, был вдвое больше «Сокола» и сейчас стремительно сокращал дистанцию.

«Красному Соколу», чтобы оторваться, требовалось вновь набрать ход, а на это нужно время.

И тут хирд Хрёрека выручил самый проворный драккар Сигурда. Тот, который первым перекрыл «Соколу» путь к отступлению и на который недавно была совершена ложная атака.

Этот драккар ухитрился проскочить мимо «Красного Сокола» и оказаться между ним и флагманом Сигурда.

Гневный рык Рагнарсона был слышен за милю вокруг. Сигурд Змееглазый потребовал, чтобы его парни убрались с дороги конунга. Рагнарсон решил, что Хрёрек попался, и никому не желал уступить право первой атаки.

Пока Сигурд расчищал себе дорогу к мести, «Красный Сокол» успел проскочить и взять курс в сторону берега, но не к скалам, а в широкий просвет между каменными зубцами, выглядевший достаточно безопасным, если не знать, что он изобилует мелями, да и камнями тоже, но только подводными.

Проскочить-то «Сокол» успел, но не оторваться. Все четыре драккара повисли на его хвосте.

Впереди – огромный флагман, на носу которого уже замер Сигурд Рагнарсон с копьем на изготовку. Прямо за флагманом, параллельным курсом, – проворный, а за ними, отставая примерно на четверть мили – остальные.

И тут удача наконец-то вспомнила о Хрёреке.

Отлично знавший здешний фарватер, Ольбард взял вправо, чтобы обойти мелкое место, а вот кормчий Сигурда решил срезать...

Результат неудовлетворительный. Флагман эскадры Рагнарсона с разбега выскочил на мель.

К сожалению, проворный, возглавивший погоню, и два других корабля успешно прошли опасное место. И что особенно неприятно, у самого быстрого корабля противника теперь не было причин притормаживать.

Расстояние между ним и «Красным Соколом» быстро сокращалось. И его кормчему не требовалось знания фарватера. Ему достаточно было лишь точно следовать за беглецом.

Хрёрек-конунг прорычал команду – и половина его хирдманов, все, свободные от гребли, облачились в броню и сменили гребцов, чтобы те тоже облачились в доспехи.

Весла «Красного Сокола» продолжали вспенивать воду. Да, дистанция между ним и проворным преследователем быстро сокращалась, но зато увеличивалось расстояние между лидерами гонки и двумя остальными драккарами. Когда дистанция между «Соколом» и проворным сократилось до броска копья, два других корабля Сигурда только-только миновали севший на мель флагман, причем один из кораблей задержался, чтобы принять на борт разъяренного задержкой Рагнарсона.

Обмен копьями не причинил особого ущерба. Когда расстояние между кормой «Сокола» и носовой фигурой преследователя сократилось до десятка локтей, бойцы Рагнарсона забросили первые крючья. Сорвались. Зато один из хирдманов Сигурда ухитрился так ловко метнуть бородатую секиру с привязанной к ней веревкой, что та зацепилась за самый верх кормы. За веревку тут же ухватилась дюжина рук, подтягивая драккар к «Красному Соколу». Еще минута – и скула преследователя прижалась к борту «Сокола».

Абордаж!

Бойцы Хрёрека оставили весла: бессмысленно грести, когда на тебе висит второй драккар. Да и бой предстоял не из легких. В хирде Рагнарсона отборные бойцы, числом не уступающие дружине Хрёрека.

Правда, у наших было преимущество: прыгавших через борта хирдманов Сигурда встречал плотный строй изготовившихся воинов.

Бойцам Сигурда было совсем не обязательно биться насмерть. Им было бы достаточно придержать «Красного Сокола», пока не подтянутся основные силы Рагнарсона.

Но викинги есть викинги. В бою у них начисто сносит башню.

Я очень хорошо представлял, что там творилось. Копья впивались в щиты. Враги прыгали прямо на оцетинившийся оружием строй, норовя пробить в нем брешь...

«Мы били их, как коршуны – цапель», – вставил Ульфхам Треска.

Художественное преувеличение. Коршуны были с обеих сторон, просто бойцам Сигурда пришлось потруднее. И наши выстояли. Отбились и отцепились. О победе речь не шла. К месту боя приближался еще один корабль, и надо было или драться, или бежать.

– Нас оставалось тридцать шесть, – перехватил инициативу Трувор. – И тебя, Треска, среди них уже не было. Тридцать шесть способных сражаться в полную силу. На драккаре, что шел к нам, было втрое больше воинов, не утомленных ничем, кроме гребли...

* * *

– На румы! – закричал Хрёрек, и все, кто был способен грести, ухватились за весла.

«Красный Сокол» набирал ход медленно и осторожно. Идти предстояло между мелей и камней. Идти в никуда. На две мили вперед не было ни одного места, где можно было бы пристать к берегу. А то, что через две мили – это и был залив, в котором прятал свой флот Сигурд.

Хрёреку, который еще в юности ходил здесь на парусной лодке, все это было известно. Но он надеялся.

«Красный Сокол» двигался осторожно. Как волк по болоту. Преследователи тоже замешкались. Им потребовалось время, чтобы часть бойцов пересела на драккар, команду которого изрядно проредили хирдманы Хрёрека. «Сокол» выиграл почти четверть часа, когда оба драккара двинулись за ним. С их носовых фигур свешивались наблюдатели, высматривающие мели и камни.

– Скоро отлив, – сказал Хрёрек. – Если мы отойдем достаточно далеко, то мели отрежут нас от Сигурда.

– Отлив не вечен, – заметил Ольбард. – Что потом?

– Мы высадимся, – лаконично ответил конунг.

– Бросим корабль? – изумился кормчий. – Наш драккар?

– Нам не победить в этой битве, – мрачно произнес Хрёрек. – Бери правее, там будет щель между подводными камнями. – Я не хочу, чтобы вы все отправились в сети Ран. Будем живы, будет и новый драккар. Иди, помоги раненым, друг мой. Я постою у кормила.

Отлив начался. И увидели это не только на «Красном Соколе». Лидирующий корабль Сигурда прибавил ход. Его кормчий рисковал, но он тоже понимал, что отлив отсечет их от преследуемых. Гребцы на его румах заработали в полную силу, и расстояние начало быстро сокращаться.

Хрёрек не мог не восхититься красотой чужого корабля и мастерством его кормчего.

– Прибавить! – проревел конунг и несколько раз ударил колотушкой по скамье, задавая новый ритм.

«Красный Сокол» тоже начал разгон. Далеко не так мощно, как это сделал корабль преследователей. У тех было довольно людей, чтобы посадить по двое на каждый рум. И люди Сигурда не устали в битве.

Корпус драккара вздрогнул, когда его киль зацепил мель. Несколько страшных мгновений, когда показалось, что корабль застрял...

Но нет. Киль освободился, и «Красный Сокол» снова набрал скорость...

И спустя несколько минут снова сел на песок. Но люди были к этому готовы. Впередсмотрящий спрыгнул в воду, подплыл к ближайшему каменному зубу, вскарабкался наверх. Ему тут же бросили канат, который он закрепил, затем все, кто мог, взялись за него в дружном усилии... И стянули драккар с мели. Канат подняли на борт вместе с уцепившимся за него дренгом.

Но расстояние между кораблем Сигурда и «Соколом» сократилось. Хрёрек видел: весла преследователей заработали еще быстрее. Их кормчий видел, как сел на мель «Красный Сокол», но решил, что сумеет преодолеть ее «с разбега».

И у него получилось. Может, скорость помогла, а может, осадка была поменьше, но расстояние между двумя кораблями сократилось до трехсот локтей.

Хрёрек взял правее, уводя драккар к берегу.

– Справа, поднять весла! Левый – загребай! – закричал конунг.

Серая скала прошла в нескольких пядях от борта. «Красный Сокол» обогнул ее и...

– Левый, поднять весла! Правый – загребай!

«Красный Сокол» обошел следующий камень так близко, что Хрёрек мог бы дотянуться до него мечом, и они оказались в длинной заводи, отделенной от берега зубцами скал. Хрёрек знал, что в этих скалах есть проход, достаточно широкий для рыбацкой лодки, но слишком узкий для драккара.

– Гребите!

Хрёрек очень надеялся, что корабль преследователей не сумеет повторить сложный поворот...

Но кормчий Сигурда справился. Они ушли меньше чем на перестрел, когда вражеский драккар, проскрежетав по камню, выплыл из-за скалы.

Нельзя сказать, что он прошел без потерь: на обшивке – длинная светлая отметина, несколько весел сломано, вдобавок сам драккар развернуло боком, так что пока кормчий выводил его на курс, «Красный Сокол» сумел выиграть еще пару сотен локтей. Ничтожный выигрыш. Скорость врага, даже без нескольких весел, была намного больше.

– Гребите! Сильнее! – закричал Хрёрек. И через пару минут: – Правый, табань!

Корабль развернуло под прямым углом. И «Красный Сокол» с безупречной точностью вошел в щель между камнями. Вошел и застрял. Слишком узко для драккара. А вражеский корабль проскочил мимо и со всего разгона сел на мель. Но за несколько мгновений до этого вспрыгнувший на рум Сигурд Рагнарсон метнул копье в своего недруга. С тридцати шагов.

Хрёрек не успел ни перехватить, ни уклониться. Он только начал поворачиваться, чтобы взглянуть на промахнувшегося хищника... Когда тот его всё-таки достал.

Глава 23 Месть

Хрёреку повезло, если такое можно назвать везением. Копье угодило в зеркало Хрёрекова доспеха. В круглую пластину из отличной стали, посеребренной от ржавчины, с наложенным поверх медальоном из золота и эмали. На медальоне лик святого Димитрия. Доспех был ромейской работы.

Не будь Хрёрек язычником, можно было бы подумать, что это святой уберег его, а так – просто повезло. Хрёрека швырнуло на палубу, но наконечник копья не смог пробить зеркала, соскользнул, вскрыл пластины панциря, пропахал грудь конунга, сломал два ребра и на полпяди погрузился в тело, пониже правой ключицы.

Хрёрек вырвал копье левой рукой, зажал рану ладонью и продолжал командовать хирдом, не озаботившись тем, чтобы хотя бы перевязать рану. Это потом дорого обошлось конунгу. Час спустя он свалился. Из-за потери крови. Однако к этому времени все, кто мог двигаться самостоятельно, уже были на берегу, прихватив с собой все ценное, что можно унести на себе.

Их осталось сорок четыре. Считая ходячих раненых. Остальные ушли в Валхаллу в пламени горящего «Красного Сокола».

По счастью, Сигурд не стал их преследовать на берегу. Вероятно, решил, что его главный обидчик убит. Рагнарсон видел, что попал. И куда попал, тоже видел. А еще он знал силу собственного броска. С тридцати шагов Сигурд Змееглазый пробивал насквозь и стальной панцирь, и то, что внутри, да так,

что наконечник копья вылезал из спины не меньше чем на пядь.

Когда наступило время прилива, люди Сигурда стащили драккар с мели, прошли мимо догорающего остова «Красного Сокола» и двинулись домой, к Сёлунду. Им достался неплохой трофей: второй драккар Хрёрека, однако он не мог восполнить потери. Корабль, протараненный «Соколом», затонул сразу. И тот, который взял на abordаж кнорр, тоже спасти не удалось. Когда корма «Сокола» ударила в борт кнорра, кнорр ударился о бок Сигурдова драккара с такой силой, что доски его разошлись, и он не смог удержать на плаву себя и тяжело нагруженный кнорр Хрёрека. Сигурду оставалось лишь радоваться, что большая часть его хирдманов сумела спастись.

Но он не радовался.

Захваченных в плен людей Хрёрека Змееглазый отвез в Оденсе и отдал жрецам Одина для жертвоприношения. Тех, кто не умер в пути.

Сам драккар Рагнарсон продал, но это не восполнило и трети убытков, не говоря уже о погибших воинах. Вдобавок Сигурд получил жесточайший разнос от папы Рагнара: за то, что решил отомстить лично за пустяковую обиду, за пустяковый, по меркам Рагнара, штраф и бездарно потерял людей и корабли.

«А еще больше я жалею, что потерял союзника, который оказался сильнее моего сына и покрыл мой род позором!» – заявил Рагнар Лотброк.

«В чем позор, отец? – возмутился Сигурд. – Я победил его! И убил!»

«С тобой была почти тысяча хирдманов! – рявкнул Рагнар. – Вчетверо больше, чем у Хрёрека Сокола! До сих пор все знали: сотня воинов Рагнара или его сыновей стоит двух сотен хирдманов любого вождя Севера! А Хрёрек взял с тебя один к одному! Два драккара за два своих! Когда их было вчетверо меньше! Когда об этом узнают люди, мы станем посмешищем! Ты опозорил меня! Ты опозорил имя, которое носишь! Что скажет твой дед, Сигурд Кольцо, когда Хрёрек Сокол сядет с ним за один стол в Валхалле и расскажет, как бился с его внуком и взял с него железную цену, равную своей, хотя вас было вчетверо больше? Что скажет мой отец, когда услышит такое на пиру героев?»

Сигурд молчал. Гнев и стыд боролись в нем. Каждое слово ранило больнее, чем обида, полученная на суде конунга всех данов.

И то была не последняя обида Сигурда до того, как я имел сомнительную честь быть ему представленным.

О разговоре Сигурда и папы мне рассказал Ивар. Когда папы Рагнара уже не было в живых, а Сигурд...

Я бы сказал: он простил кровь, которая была между нами. Не из доброты. Ради мести.

Но это случится позже, а сейчас мне предстояло дослушать до конца историю разбитого хирда.

Тридцать пять воинов, способных сражаться, и их вождь, не способный самостоятельно встать с ложа, но по-прежнему вождь, который в нечастые минуты просветления говорил уцелевшим хирдманам, что и как им следует делать.

А следовало им плыть в Гардарику. К Гостомыслу.

Хрёрек был уверен, что ладожский князь будет верен клятве, несмотря на то что удача отвернулась от будущего зятя. Свадебный дар принят. Время – назначено. А что жених вполне может и помереть, не имеет значения.

«В Альдейгье Сигурд нас не найдет», – сказал Хрёрек. И хирдманы с ним согласились. Тем более что для варягов Альдейгья-Ладога – почти дом.

Конунг сказал: плывем в Гардарику. И велел купить корабль, который доставит их туда.

Трувор не стал с ним спорить.

Но людям сказал: мы не будем покупать драккар. Мы возьмем его у того, кто нам должен. И неопишумую по дерзости и храбрости операцию придумал тоже Трувор.

* * *

Ночь выдалась отличная. Такая, о которой – только мечтать. Темно, ветрено, но без дождя.

Всё уже было проверено-разведано.

Еще в полнолуние Харра Стрекоза вместе с Синиром Цепкие Пальцы, молодым даном, лишь дважды ходившим в вики, нанялись в помощники к купцу-ирландцу, шедшему в гард Сигурда Рагнарсона с грузом олова. Представились финнами. Плату попросили умеренную.

Купец взял их охотно. Так вышло, что сразу четверо его моряков куда-то запропали. Может, убили их, а может, напились и заснули. Купцу они были не родичи. Наемные, так что искать он их не стал. Еще и денег сберег: расчет предполагался по возвращении домой.

Харру с Синиром для дела выбрал Трувор. Молодые, никто их не знает. Харра, правда, ходил с Рагнаром и сыновьями на франков. Но в то время Харра был безусым и юным, а сейчас оброс светлой бородкой. С ходу не узнаешь, а приглядываться к нему хирдманы Сигурда не станут. Ни к чему им.

Во фьорде Змееглазого купец задержался на неделю. Пока сторговался, пока продал, пока набрал нового товара...

В общем, у Харры и Синира было достаточно времени, чтобы осмотреться и пообщаться с местным населением. И гавань осмотреть, и выходы из нее. Целью разведчиков были Сигурдовы корабли. Отличные корабли. Знакомые по битве близ Хедебю. Ожидали, что среди них будет и Хрёреков, тот, что захвачен в бою, но его не оказалось.

Много интересного узнали лазутчики. Например, что Сигурд скоро собирается в вик, но ждет, когда разрешится от бремени его нынешняя жена. Хочет узнать, сын ли родится?

За неделю Харра и Синир примелькались. Даже втайне от своего нынешнего работодателя договорились с мастером-корабельщиком, что тот возьмет их на работу. Попозже. Когда с ними рассчитается прежний хозяин. Мастер брал парней с охотой. Убедился, что с делом оба знакомы не понаслышке.

Через семь дней Харра и Синир отбыли... И покинули купца там, где он их нанял, потому что пропавшие моряки обнаружили. Похмельные, безденежные, ничего не помнящие, но живые.

Дальше – сложнее.

То есть с Харрой и Синиром – все просто. Они вернулись с попутным кнорром и приступили к работе на верфи. А вот группе захвата: двадцати двум отборным хирдманам из уцелевших, пришлось добираться до места на рыба-

чьих лодках и в основном – по ночам. Однако добрались. Высадились и встретились в условном месте с Харрой.

Успели как раз вовремя. На следующий день у Рагнара Лотброка появился еще один внук. Сигурд по этому поводу объявил большой праздник и назначил выход в море через три дня.

Действовать решили на вторую ночь. Самое время. Праздник в разгаре, а все корабли практически готовы к походу.

Харра и Синир Цепкие Пальцы пришли за своими сразу после наступления темноты и теперь, вместе с остальными, смотрели сверху на пришвартованные у пристани драккары.

– Может, всё же возьмем самый большой? – азартно предложил Харра Стрекоза, за что тут же схлопотал тычок от Трувора.

– Тише, дренг!

– Да кто нас услышит! Они ж пьяные все!

– Собаки тоже пьяные? – проворчал Трувор.

– Не самый большой, а самый быстрый, – совсем тихо произнес Оспак Парус. – На самый большой у нас рук не хватит.

Три часа спустя двадцать четыре воина – двенадцать скандинавов и двенадцать варягов – все еще глядели со стометровой высоты на прекрасные в своем совершенстве тела спущенных на воду драккаров. Тех было восемь. В том числе и самый большой, сорокавосемивесельный, о котором говорил Харра.

– А какой, по-твоему, самый быстрый, Оспак? – спросил Харра.

– Вон тот, крайний, – вмешался Синир Цепкие Пальцы. – Забыл, что ли? Если бы он не сел тогда на брюхо, мы бы с тобой уже в Валхалле пировали.

– Это ты – в Валхалле, а я – в Ирии, – внес поправку Харра Стрекоза.

И схлопотал еще один тычок, поувесистее.

– Рот закрой, – буркнул Трувор. – Пора, братья. Харра, Синир, двигайте вниз. Вас здесь знают. Проследите, чтоб никто из местных не попался.

Городок спал. Умаялись. Половину последней луны все его обитатели, и рабы, и люди, трудились без продыху. Подготовка к дальнему походу – тяжелая работа. А уж поход Сигурда-конунга... У этого не забалуешь. Видит всё и всех, и не зря слывет самым жестоким из Рагнарсонов. Даже более жестоким, чем старший брат Ивар. Сигурд в гневе даже своих не щадит.

Сначала работа на пределе сил, а потом праздник, который, если подумать, праздник только для знатных. Остальным – та же работа. Особенно трэлям.

Никто, кроме псов, не заметил чужих. Да и псы брехали лениво. Праздник – и для них праздник, обожрались.

Луна серебрила змеиный изгиб фьорда. Боевые корабли никто не сторожил. Когда четверо взобрались на борт драккара, заметила их только спавшая на палубе чайка.

Ветер дул с берега. Превосходная ночь.

Четверо распределились по кораблю.

Через некоторое время вновь встретились.

– Весла – все, парус, снасти – тоже, – доложил Синир. – И для починки – всё есть. Инструмент, парусина...

– У тебя что, Витмид? – спросил Трувор.

– Припасов – нет, воды – нет, оружейные ящики пустые, – сообщил Витмид.

– Не беда, – решил Трувор. – Драккар в порядке, это главное. Зови остальных. Когда луна зайдет.

Луна зашла.

Полчаса спустя освобожденный от швартовов драккар сдвинулся с места. Бесшумный и невидимый, несомый ветром и подталкиваемый легчайшими касаниями весел, корабль отделился от пирса и канул во тьме.

Ориентируясь по звездам, звукам, теням и советам Харры, который прошел этим путем дважды, Ольбард успешно вывел драккар из фьорда и взял курс на восток. К восходу корабль был уже в нескольких милях от фьорда, а когда солнце на ладонь поднялось над горизонтом, сменивший хозяина драккар вошел в небольшую бухту, принадлежавшую одному из ярлов земли Сконе. Ярл этот сумел договориться с Рагнарсонами и потому остался ярлом, но любил нового конунга не больше, чем чудом оставшийся в живых тюлень – пощадившего его кита-убийцу.

В бухте Трувора и остальных ждали товарищи и раненый Хрёрек-конунг. Здесь же загрузили всё необходимое для дальнего похода. А поход действительно был дальним, потому что путь пролегал не вдоль побережья, а через открытое море. Похищенный драккар должен был исчезнуть бесследно...

И у них получилось.

А можно сказать и по-другому: у Трувора получилось. Идея-то была его.

* * *

Вот и сейчас Трувор тоже пришел не просто так. С идеей.

– Я говорил с конунгом, – сказал он. – Хрёрек не держит на тебя обиды.

Пока народ пировал, мы уединились в моей ложнице. То бишь в спальне. Удачно получилось, что мы с Зарей предавались любви не здесь. Трувор бы наверняка учуял.

– С чего бы князю на меня обижаться? – прищурился я. – Это он меня предал, а не я его.

– Ты нам нужен. Ты и твои люди. Нас совсем мало, Волк, а твой маленький хирд – он большого стоит.

Я ухмыльнулся.

– Теперь ты нас хочешь нанять? Недешево выйдет.

Трувора слегка перекосило. Он стерпел, но я понял, что опять перегнул палку.

– Прости, – повинился я. – Не должно так с тобой. Я жизнью обязан твоей крови.

– Вильд рассказал, как тебя нашли, – кивнул варяг. – Твоя удача по-прежнему велика.

Интересно, что еще рассказал Вильд?

– Я должен, Трувор. И если ты хочешь, чтобы я замирился с князем Рюриком, я сделаю. Ради тебя.

– Я хочу, – кивнул варяг. – Но не только это...

Глава 24

«Я сам его убью!»

Трувор оказался прав. Уверен: из него вышел бы отличный политик. Или глава секретной службы. Впрочем, он уже и был. И политиком. И главой.

На местном уровне.

Засланец от Водимира появился через шесть дней. И лишь после моего открытого конфликта с варягами, который случился позже. И то, как быстро среагировала «спецслужба» Водимира, означало, что у него в Ладоге всё схвачено. В смысле информации. Ведь пока мы с Трувором ходили друг к другу в гости, никто вербовать меня и не пытался. Хотя все шесть дней я всячески демонстрировал, что с князем Рюриком мы разошлись серьезно. Но при этом продолжал жить в доме, предоставленном мне Рюриком. Впрочем, перебираться моему хирду было некуда. Мой собственный дом артель Деда ты еще не строила.

Время от времени ко мне приходили представители Рюрика. Заявлялись торжественно...

И уходили несолоно хлебавши. Все это видели.

Но вербовать меня не пытались. Выжидали, как позже выяснилось.

По Ладоге о нашей сваре ходили разные слухи. Преобладал тот, в котором я, по свойственной нурманам жадности, запросил за свои услуги слишком дорого. Ни я, ни мои этого не оспаривали.

Все официальные визиты от Рюрика были согласованы с Трувором. Небольшой сбой случился, когда в гости ко мне заявился сам Гостомысл. Причем – с подарками. Отец Бернар оказался лучшим медиком, чем Гостомысловы знахари. Внутренняя болезнь князя отступила.

О болезнях мы и говорили. Еще – о мировой политике. Наша размолвка с Хрёреком в беседе не упоминалась. Еще у меня возникло стойкое ощущение, что Гостомысл не прочь завербовать меня в собственную дружину. Уж очень нахваливал Гостомысл наши с братвой боевые качества. Но будучи человеком старых традиций, князь посчитал невежливым сразу перейти к делу. Или ждал, что я проявлю инициативу? А может, причина в том, что он не сумел выяснить, сколько я запросил у его зятя?

От Трувора я знал, что Светозара Гостомысловна пыталась пробить мужа на эту тему, но Хрёрек от ответа уклонился.

Впрочем, и эти шесть дней мы не бездельничали. Гоняли «молодых». Уже оправившегося от раны Тови и новобранца Траусти-Домаслава. Работали строим, причем после первых же проб я решил Бури в общую линию не ставить. Нет, со щитом он управлялся неплохо и строй держал уверенно, но всего лишь на хорошем уровне. А вот с луком Бури был бог. Я никогда ничего подобного не видел. За двести шагов он всаживал в мишень размером с ладонь три стрелы из трех. Правда, это были его собственные стрелы. И лук у него был такой, что накинуть на него тетиву – на спор! – смогли только Стюрмир и Хавгрим Палица. Даже у братца моего не получилось. И стрелял Бури совсем не так, как мы. Он вообще не целился. Рывок – и стрела уже летит, куда надо. И попадает, что характерно.

На вопрос Скиди, как это ему удастся – бить и не промахиваться, Бури заинтересовался, а как это некоторым, криворуким, удастся ложку до рта без промаха донести? И вообще о чем речь? Что за сложность вообще – стрелять, стоя на твердой земле? Вот с коня на скаку – это да, искусство. И глаза у Бури подернуло такой тоской, что я немедленно предложил ему коня в подарок.

Он отказался. «Друзей не дарят», – сказал мой азиат с такой интонацией, что я не рискнул настаивать. Ох, непрост мой новый хирдман. С таким надо

аккуратно. Эх, я бы у него сам поучился, но Бури – отказал. Со всей деликатностью. Мол, поздно меня учить. Я уже старое дерево. Сухое. Гнуть нельзя. А вот сына моего, буде на то моя воля, Бури поучит. Воля, естественно, была. И освобожденный от общих учений Вихорёк был отдан в стрелковую секцию.

И когда я глянул, как учил его Бури, то мысленно согласился: меня бы пришлось не учить – переучивать. Потому что техника – совсем другая. И суть ее: сделать из стрелка и лука одно целое. Такой стрелок не промахивается никогда. Падая и взлетая. Катясь кувыркком и лежа ничком на снегу.

Я так тоже умею. Но с мечом, а это совсем другая культура движений.

По вечерам нас навещали варяги. Или мы – их.

Труворовы бойцы жили в подобии длинного дома по-словенски. То есть такого же длинного, как у скандинавов, но повыше и с нормальной крышей, а не той, на которой в Дании пасутся козы.

А по ночам ко мне приходила Зарёнка. И уходила утром. С зарей. Что по этому поводу сказать, кроме того, что я за это время так толком и не выспался? Черт! Знает Трувор или не знает? А если знает, то почему ничего не предпринимает?

А Трувор между тем вел себя исключительно дружелюбно. В варианте «мы – к ним» сажал по левую руку (справа располагался Ольбард), наливал собственноручно... И всё было хорошо, пока...

Неприятности пришли, откуда не ждали.

К варягам прибыло подкрепление. С десяток безусых юнцов возраста Вильда или около того и при них – матерый зверюга именем Расмус. Усы ниже подбородка, поперек щеки – уродливый шрам, взгляд тусклый, как осеннее небо в Питере. Прозвище у него тоже было подходящее. Осень. Представить его Трувор не успел. Имя и прозвище я узнал от Зари.

«Расмус Осень привел отцу отроков», – сказала она. И по тому, как сказала, я понял: этого Расмуса она не любит.

Но дело было не в прозвище и не в представлении, а в том, что, когда в очередной раз я со товарищи явился в гости, этот зверюга, даже не дождавшись официального представления, ни слова не говоря, попер на моего Бури. Да еще с мечом! Да еще подленько так, без предупреждения.

Хоп! И над Бури, который ни сном ни духом и даже смотрел в другую сторону, взвился клинок...

И завис, перехваченный татуированной лапой моего побратима.

Бури повернулся... тоже с мечом в руке.

Я тут же встал между ним и Расмусом. На всякий случай. Хотя понял, что мой азиат, оказывается, полностью контролировал ситуацию. И не перехвати Свартхёвди варяга, пожалуй, на одного сородича у Трувора стало бы меньше.

Свартхёвди выпустил Расмуса раньше, чем его соплеменники бросились на защиту родича. И не просто выпустил, а так основательно врезал красавчику ногой по яйцам, что пару минут о повторном нападении можно было не беспокоиться.

– И что это было? – сурово поинтересовался я у Трувора.

Лидер церемониться не стал. Подошел к скрючившемуся Расмусу, вынул из его руки меч, ухватил за волосы и заставил выпрямиться:

– Ты опозорил меня, Расмус! – прорычал он в искаженную физиономию со-

племенника. – Ты напал на моих гостей! На моих друзей! Что скажешь?

Расмус встал прямо... Постарался встать прямо, что было нелегко:

– Убийца моего брата жить не должен! – выдохнул он с болью и яростью. – Ты, родич, уйди с дороги! Ты не князь, чтобы указывать мне!

Я удивился: что это? Бунт на корабле? Или межваряжские политические разборки?

Однако Трувор строить соплеменника не стал. Хотя и меч не отдал. Он повернулся ко мне:

– Могу я говорить с твоим человеком, Ульф Свити?

– Говори, – разрешил я.

Мне и самому было интересно выяснить что-нибудь из прошлого Бури. То есть отдавать на чей-либо суд, кроме своего собственного, я не собирался. Но поговорить... Почему бы и нет?

– Расмус сказал: ты убил его брата. Это так?

Бури поглядел на меня: отвечать или не обязательно?

Я кивнул. Трувор явно играл в беспристрастного судью, а не в родича, вступившего за своего. Меня такой подход устраивал.

– Было дело, – спокойно ответил Бури. – Я бы и этого убил, если бы этот не сбежал.

– Я не сбегал! – Расмус сделал попытку отобрать меч у Трувора, но получил не меч, а локтем в нос.

– Продолжай, – бесстрастно произнес Трувор Жнец, обращаясь к Бури.

Я напрягся. Спокойствие Трувора было очень неприятного свойства. И еще меч Расмуса в его руке...

А вот Бури ничуть не беспокоился.

– Никому не позволено оскорблять меня и мою мать, – сказал он. – Его брат оскорбил – и умер. А он – сбежал, трусливый пес. Не смея принять смерть как воин, побежал к моему князю, князю смоленскому Диру, и тот, не желая ссориться с вами, варягами, велел мне уйти из города. И я ушел.

– Так это было, или этот человек лжет? – поинтересовался Трувор у Расмуса.

– Лжет он, сын росомахи! – заорал Расмус.

Я еле успел перехватить руку Бури, в которой – швырковый нож.

– Не надо, Бури. Он ответит. Обещаю.

– Следи за своим языком, Осень! – рявкнул Трувор, метнув в нашу сторону яростный взгляд. – Я спросил: в чем его ложь?

– Он убил моего брата! Прямо на княжьем дворе! Девять зим тому назад.

Надо же. Девять лет прошло. Вдвое больше, чем я живу в этом мире. Интересно, а кто этот князь Дир такой? Надо будет порасспросить Бури, если всё обойдется.

– Проклятый богами чужак! – завопил Расмус. – Застрелил моего брата из проклятого богами лука! – Было странно и неприятно видеть, как суровый мужик, варяг к тому же, кричит истерично, как обиженная баба. – Он бы и меня застрелил, Трувор! Перуном клянусь! Вот его метка! – Расмус ткнул себя в щеку. – Я еле успел укрыться за яслями!

Кто-то из моих хохотнул. Надо полагать, представил, как Расмус прячется за лошадиной кормушкой. Я Расмуса не осуждал. Знал, как стреляет Бури.

– Почему он застрелил твоего брата? – спросил Трувор.

– Потому что чужак незаконный! – яростно выкрикнул Расмус. – Боги при-

вели его к нам, Трувор! Боги отдали его в наши руки! Позволь мне покарать его! Дай мне меч, и я выпущу ему кишки! За нашу кровь!

– Твой брат оскорбил его?

– Это была шутка! Просто шутка! Ты погляди на его рожу, Трувор! Мой брат просто пошутил! Ему было всего пятнадцать, как твоему Вильду!

– Вильд не стал бы попусту оскорблять воина, Расмус! Мне жаль, что твой отец погиб, когда твой брат был совсем мал. Но ты в вашем роду старший, Расмус. Ты мог бы научить его уважению!

– Это была шутка! – рявкнул Расмус. – Мальчишка пошутил – и этот его убил!

– Не мальчишка, воин, – спокойно уточнил Бури. – У него был меч воина. И доспехи воина. Если бы на нем было платье бабы, я бы не услышал его слов.

– Сам ты баба! – закричал Расмус яростно. – Оскорбился – так вызвал бы его на поединок! Дрался бы с нами, со мной! Как велит закон! А этот взял и убил!

– Он снова оскорбил меня, вождь, – игнорируя Трувора, произнес Бури. Просто констатировал факт.

– Жаль, что он сказал это ему, а не мне, Ульф, – громко произнес Свартхёвди. – Я бы прикончил его с удовольствием.

– Ты хочешь поединка, Расмус? – ледяным тоном спросил Трувор.

– Убить его как бешеного пса! Выпустить кишки! Будь здесь Стемид, он велел бы схватить чужака и...

– Этого не будет! – отрезал Трувор. – Этот человек не чужак, он хирдман моего друга, хёвдинга Ульфа Свити. Хочешь поединка – пусть будет так. Ульф?

– Я не против, – кивнул я. – Только два условия. Первое: поединок будет чистым. Второе: вместо Бури на хольмганг выйду я.

Мой азиат недурно владел клинком, но все же это было не его оружие. Выставить его против опытного варяга, чей уровень мне неизвестен, я считал рискованным.

– А почему ты? – на не слишком чистом словенском возмутился Медвежонок. – Я первым предложил!

Бури глянул на нас... скажем так: с удивлением.

– Зачем это, вождь? Я сам его убью.

А вот это – не факт. Если Расмус владел оружием на уровне Стрекозы или Руада.

– Вы будете сражаться на мечах, – напомнил я.

– Все мы под властью неба, – изрек мой азиат.

– Когда? – спросил я Трувора.

Тот поглядел на родича: ты как, в форме?

– Я его убью! – пообещал тот, вытирая рукавом кровь из разбитого Трувором носа.

Мало, мало ему Медвежонок по яйцам врезал.

* * *

Поединок – это, прежде всего, зрелище. И у зрелища этого есть правила. Разные. У викингов он происходил на ограниченной территории, но вариантов было много. Бились в свободной манере и в парах, на разном оружии и даже на ножах, связав левые руки веревкой. Бились мужчины и женщины. Правда, для смешанных боев, как я недавно узнал, применялись особые правила: мужчину сажали в тесную яму или в бочку, а женщине, чтобы уравнивать

шансы, вместо боевого оружия выдавали свернутую в жгут рубаху с камнем-утяжелителем...

Словом, вариантов было много.

У варягов тоже были свои правила. Например, желательным местом поединка являлся перекресток. Считалось, что так богам сверху виднее.

Поединок «Бури против Расмуса» тоже должен был произойти на пересечении дорог. При большом стечении народа. Поглазеть на схватку собралось едва ли не все мужское население Ладоги – не меньше тысячи. Да и женщин было немало. Определили условный круг. Одну половину окружности заняли двенадцать бойцов Трувора, другую – мои хирдманы.

Расмус вышел первым. Он – вызывающий. Прикид у варяга был средний по нашим меркам. Обычный шлем открытого типа, броня до середины бедра – кожаная, с нашитыми пластинками. Тяжеловато, на мой взгляд, но Расмусу, похоже, привычно. Щит обычный. Круглый, с обережными знаками неизвестного мне значения, с круглым стальным умбоном. Меч тоже обычный. У половины викингов такие. За поясом – топорик, годный и метнуть, и драться врукопашную.

Вышел Бури. Шлем у моего стрелка непривычный: круглый с ребром жесткости на макушке и наланитниками на манер римских, однако надежный. Доспех тоже качественный. Кольчуга двойного плетения до колен. Щит одолжил Хавгрим Палица. Щит этот был побольше, чем у Расмуса, и вместо умбона на нем в середине имелся торч – стальной шип сантиметров десять длиной. И еще оковка вдоль края. Весил такой щит раза в два больше моего, но раз Бури выбрал такой, значит, щит ему – по руке. В общем, с защитой у моего азиата всё было хорошо, а вот меч коротковат. На пядь короче Расмусова. И руки у Бури тоже короче.

И для меня, и для всех присутствующих исход поединка был непредсказуем. Варяги наверняка знали, на что способен Расмус, зато Бури для них – терра инкогнита. Да и для меня – тоже. Я его попробовал на мечах пару раз – и не впечатлился. Однако для многих воинов есть большая разница – сражаться потешно или всерьёз. Бури вполне мог оказаться из таких.

Обычно скандинавы заранее договариваются о смене вышедшего из строя оружия. Например, «биться до трех щитов». Даже меч поединщику можно бросить новый, если старый сломался и если запрет на дополнительное оружие заранее не оговорен. Кстати, о дополнительном. Ничего такого я у Бури не увидел. Если не считать большого ножа. И еще я знал, что у него имеется засапожник и небольшой нож на шнурке – на шее. Против топора – слабенько. Ну да посмотрим.

Гляделись оба поединщика примерно равными. Бури пониже ростом, но это скорее плюс, если он выберет защитную тактику.

Я ожидал, что Расмус сразу ломанет в атаку. Ошибся. Варяг двигался осторожно. Раз-другой прощупал оборону азиата – Бури даже не стал отбивать, просто отодвигался – и затих. Бури тоже в атаку не рвался. Так они тянули время минуты две, перемещаясь то на шаг, то на полшажка...

Пока это не надоело зрителям.

– Эй, Осень, ты драться вышел или слепней кормить? – крикнул кто-то из варягов.

– Да они спят стоя! – гаркнул по-скандинавски Стюрмир. – Эй, Виги, стоняй

за пивом. Как раз бочонок распить успеем, пока они проснутся!

– Слышь, Осень, если у тебя и брат такой проворный был, как ты, то я бы его не только стрелой – камнем подшибла бы! – звонко выкрикнула Заря.

Ой, чую: что-то такое у них было с Расмусом. Не любит она его.

Но – подействовало. Расмус рванул, будто кипятком пришпарили.

Бум!

Как и следовало ожидать, Бури выпад парировал. И ударил в ответ. Расмус принял на щит. Жестко. И сам покачнулся, и кожу на щите просекло до основы, и встречного удара не получилось. Ногу из-под клинка Бури он убрать успел, но толчок щитом сбил его встречную контратаку и развернул градусов на девяносто.

Новый удар был нацелен в шею, но Расмус ухитрился принять его на правое плечо. Наплечник брони если и уберег, то не до конца – между смятых пластин вскоре показалась кровь. Если бы поединок был – до первой крови, то этим он бы и закончился. Но не в данном случае.

Насколько серьезна рана, сказать было трудно, но боеспособности варяг не утратил. Удар щитом с разворота отбросил Бури шага на три – на удобную для Расмуса дистанцию. И варяг разошелся вовсю. Бил с двух рук: клинком и щитом, пресекал попытки Бури сократить дистанцию, удерживая его опасными хлестами меча, и пару раз очень удачно приложил моего азиата краем щита по ногам.

Да, в рукопашной Бури был далеко не так хорош, как в стрельбе. Но, к моему немалому облегчению, Расмусу оказалось далеко до настоящего мастера. Давил он не столько умением, сколько яростью и силой. А сила его была не бесконечна. Правая рука уже вся в крови. Вот он попытался достать правую кисть азиата, но тот прикрыл руку щитом и нанес укол если не в лучших традициях классического фехтования, то по местным меркам весьма сильный и точный – в правое предплечье. Есть контакт! Расмус выронил меч!

Последовавший удар сплеча варяг принял на щит. Раздался треск, свидетельствовавший о том, что щит Расмуса доживает последнюю минуту. Однако это уже не имело значения, потому что одновременно с ударом клинка Бури нанес еще один: торчем в лицо. Стальной шип с хрустом проломил переносицу Расмуса. Варяг заревел раненым зубром, швырнул щит в голову Бури (тот закрылся своим щитом), и мгновением позже выхваченный из поясной петли топорик лязгнул о кольчугу Бури. Не пробил, но попал удачно – прямо в солнечное сплетение. Впрочем, это уже не имело значения. Его противник умер раньше, чем мой азиат сумел восстановить дыхание.

Варяги тут же обступили убитого, отделив тело от победителя. Что-то новенькое. Я насторожился, но никаких враждебных действий по отношению к Бури не последовало. Пара минут – и все присутствовавшие при поединке варяги покинули перекресток, унося тело Расмуса. На земле остались пятна крови и имущество побежденного. Все было сделано молча. Даже молодые помалкивали.

Я, мягко говоря, удивился. Мои хирдманы из «старой гвардии» – тоже. Что за нетипичное поведение?

А, ладно! Их, варягов, дело. У нас-то – праздник. Наш человек доказал, что боги на его стороне. А это не просто победа. Это плюс целая куча очков к персональной удаче победителя. Так здесь считалось, и я уже знал: это не пустые

суеверия. Да что там! Если столько народу верит в то, что в большом куске разрисованной древесины живут не крысы с мышами, а бог, то лучше это не оспаривать. А то как шарахнет молнией...

Глава 25 Вербовка

Победитель проставился. Ему положено. Если не считать пары синяков, Бури в поединке не пострадал, что мои бойцы тоже сочли знаком расположения богов. Скиди с Тьёдаром попытались выяснить, какой именно бог покровительствует Бури. Тьёдар даже обосновал собственное любопытство: мол, надо стих сочинить в честь такой славной победы, следовательно...

Бури фыркнул и заявил на плохом скандинавском, что бойцом Расмус был так себе, и чести в победе над ним не больше, если кабана на копье взять. Пусть лучше скальд что-нибудь достойное опишет. Например, как вождь (кивок в мою сторону), считай, в одиночку, потому что щегла и девку можно не считать, побил полтора десятка ратных мужей, причем многих даже в плен взял, считая и его, Бури. Вот это – победа.

Тьёдар сообщил с искренним сожалением, что названной битвы не видел. Не то описал бы с удовольствием. Особенно же ему нравится, как я Бури на службу принял. Такое можно было бы красиво описать. Он, Тьёдар Скальд, умеет. Красиво. И готов прямо сейчас доказать...

Ну да, конечно. Эпохальная сага о Волке и Медведе. Предложение было встречено с энтузиазмом, и я поспешно свалил из дому. Типа, пописать. И...

Два плечистых молодца возникли будто из-под земли. А Вдоводел, как на зло, остался в доме.

Я уже готов был заорать: враги! К оружию! Но заметил, что молодцы за железо не хватаются и руки держат на виду. Лунного света оказалось достаточно, чтоб разглядеть: лица воев хоть и напряженные, но не агрессивные. И оба – незнакомцы. Интересный вариант. Лучших дружинников Гостомысла я уже знал в лицо. Хрёрековых – тем более.

Выводы? Либо это какая-то неизвестная мне сила, либо мой старинный недруг Водимир. Если Водимир – то понятно, почему ночью. Непонятно, почему я жив. Всадить стрелу в меня, только-только развязавшего портки – вообще не вопрос. Хотя...

Нет в них враждебности. Не настолько я пьян, чтобы чуйка на опасность не сработала.

Так что я молча дожурчал (молодцы ждали), засупонился и только тогда поинтересовался по-русски:

– Чего надо?

– Наш боярин хочет с тобой потолковать, нурман.

– Почему нет? Пусть пожалует завтра...

– Тайно, нурман, – негромко произнес один из молодцев.

– Можно и тайно, – согласился я. – Ждите здесь, пока я облачусь.

И шагнул в двери.

Надо полагать, команды применить силу у них не было, так что препятствовать мне не стали.

Я вернулся в свои хоромы, взял со стойки Вдоводел...

Нет, маловато будет. Надо и кольчужку надеть, и вообще стоит экипиро-

ваться статусно. Чтоб видел неведомый боярин, что перед ним не рядовой викинг, а VIP-персона...

– Куда собрался, брат?

Медвежонок. Ну да. Хирд пирует, вождь – работает. А что? Не взять ли его с собой? Вдвоем мы кого угодно к воронам определим.

Я в двух словах объяснил ситуацию. Свартхёвди обдумал и внес коррективу:

– Палицу с собой возьми.

Логично. Медвежонок – моя половинка. Соправитель. Приди мы вдвоем, это уже не тайная беседа, а серьезные переговоры получатся. Хавгрим же мой, типа, персональный телохранитель. Его взять – не значит показать, что я боюсь идти один, а обозначить статус. Как золотые браслеты у вождя. А когда золотые браслеты не только у хёвдинга, но и у его бодигарда, который к тому же – берсерк... Это как в России в бандитские времена на стрелку на танке приехать...

– Мое имя Добромысл.

М-да. С чем, с чем, а с добрыми мыслями у меня эта, физиономия никак не ассоциировалась. Разве что с мыслями о добре. Причем чужом.

Оружия на Добромысле – минимум. Вместо брони – рубашечка шелковая, кафтанчик – или как это называется? – с драгоценной вышивкой и меховой оторочкой, цепка золотая – граммов на триста, навершие меча мерцает камушком, оплетка из серебряной нити... И всё прочее тоже если не золотится, то уж серебрится наверняка. Особенно шапка. И не жарко ему в таком головном уборе? Богатенький буратина, однако. Вернее, карабас-барабас. Как-никак бородача – во всю грудь, и на морде шрамы явно не от бритья.

Упрятанные под мохнатыми бровями глазки – прям буравчики.

– Добромысл, ближний боярин князя Водимира.

Ближний – это не в смысле эротическом, а лицо, приближенное к высшему руководству. Где-то я это имя уже слышал... Вспомнил. Артельщик Деята его упоминал. Мол, именно с Добромыслом был заключен договор на строительство порушенной мною крепости. И Задорей покойный – тоже. В основном в контексте терок этого Добромысла с другим боярином Водимира, Турбоем, кажется? Поскольку сам Задорей был как раз из «партии» Турбоя, то о Добромысле он говорил без всякого пиетета. Но факт того, что у Водимира боярин Добромысл – в большом доверии, Задорей порицал, но не отрицал.

И вот теперь доверенный муж Водимира – передо мной. И что-то мне подсказывает: не пропажу Задорея расследовать и не из-за переметнувшегося Деяты этот добрый мыслями боярин сюда заявился. Да еще и тайно.

– Хёвдинг Ульф Свити, – представился я. – По-вашему – Белый Волк.

– Ульф Свити, – прищурил нехорошие глазенки Добромысл. – Имя у тебя нурманское, но сам ты на нурмана не похож.

– Ты позвал меня для того, чтобы поговорить о моей внешности, слуга Водимира-конунга? – спросил я на языке данов. – Тогда тебе стоило бы сделать это днем. Днем – светлее.

Не понял. Или сделал вид, что не понял. Ладно, повторим по-русски.

– Нет, – качнул хвостиками богатой шапки боярин. – Я пришел предложить тебе дело. От имени своего князя.

– Сколько он заплатит? – в лучших скандинавских традициях отреагировал я.

– Да уж побольше, чем тебе обещал князь Рюрик.

Надо же, какие мы осведомленные.

– Князя Рюрика я знаю давно, – заметил я. – Хаживал с ним по Лебединой Дороге.

Не понял. Ладно, поясним.

– В дружине его был до того, как сам стал вождем. И взял под его рукой немало. А от князя твоего хорошего не видел.

Чистая правда, кстати. Только плохое.

– Увидишь, если предложение мое примешь.

– Я его не слышал.

– Так слушай! – Боярин приосанился. – От имени князя здешних земель Водимира приглашаю тебя, Ульф Свити, на службу ратную. За верную службу будет тебе и гридням твоим место за княжьим столом, двести гривен серебром ежегодно и доля в добыче соразмерно вкладу. Годится?

Да, Трувор прав, как всегда. Враг не дремлет. И весьма осведомлён.

А ведь я им нужен. Во всяком случае, этому Добромыслу – точно. Небось сидел где-нибудь неподалеку и ждал, пока мои отношения с варягами не определятся. А как случилась меж моими и варяжскими дуэль, так тут же прискакал.

А раз так – торопиться не будем. Пусть рыбка заглотнет поглубже.

Я покачал головой.

– Нет. Не годится.

– Нет? – Боярин явно удивился.

Гривна больше марки. Двести гривен – это где-то восемьдесят кило. По здешним меркам сумма охрентельная. Особенно учитывая малый размер моего хирда. Он был уверен, что ошеломит меня толщиной денежной «котлеты».

– Никто не предложит тебе больше, вождь Ульф Свити! – уверенно заявил боярин. – Ни в Смоленске, ни в Киеве. А оставаться здесь, в Ладогe, я тебе не советую. С Хрёреком ты больше не в дружбе, а варяги его – люди коварные и хитрые. Они будут улыбаться тебе в глаза, но убийство своего родича никогда не простят. Берегись, нурман! Людей у тебя немного. С варягами тебе не пободаться. Подумай! С братом своим посоветуйся, – кивок на Палицу.

Я усмехнулся. Ты неплохо подготовился, боярин. Но недостаточно, если спутал Хавгрима с Медвежонком. Нет, сходство, конечно, есть. Например, татушки у них практически одинаковые. Но на лицо – агентурная недоработка.

– Что он хочет? – проворчал Хавгрим.

– Совета твоего. Предлагает нам триста с походом марок серебром за год службы, прокорм со стола конунга и долю в добыче.

– Ты согласился?

– Пока нет. Я не собираюсь здесь зимовать.

– Почему нет? Пить-есть за столом конунга, драть девок и получать за это серебро? Имей в виду – я не против.

– Зимой здесь тоже воюют, – напомнил я.

– Так и отлично! Еще веселей.

– Воевать придется с варягами, – уточнил я. – И с Хрёреком.

Хавгрим пожал плечами. Ему всё равно. Ни с Хрёреком, ни с варягами его

ничто не связывало.

Пока мы разговаривали, Добромysl – наблюдал. Понимает он или нет? Хотя не важно. Вот тот гридень с рыжей бородицей точно понимает. Ишь, уши греет. Пусть. Ничего лишнего мы не сказали.

– Пусть будет сто гривен, – сказал я. – Но осенью мы уйдем домой.

– Почему? – нахмурился боярин. Он явно надеялся купить нас с потрохами. А может, до него дошли пущенные мной слухи о том, что этими землями интересуется Ивар Рагнарсон?

Ладно, разберемся по ходу. Сейчас главное – проникнуть в стан противника. И сто гривен будут нелишними для моих парней. Кстати, почему сто? Я ведь не просто так, а разведчик. Так что придется и Хрёреку раскошелиться.

– Потому что у меня – обязательства, – отрезал я. – Тебе нелишне знать, боярин, что у меня на острове Сёлунд семья и обширные земли.

– Земли можно продать, – парировал Добромysl. – А семью привезти сюда. Князь Водимир щедр к воинам. Он пожалует тебе удел побольше, чем Гостомysl. А Дедята построит тебе и твоей семье славный терем, если ты не пожелаешь жить рядом с князем. Дедята, имей в виду, рядный холоп князя нашего. Когда ты его нанял?

– Две седмицы тому, – соврал я. – Он сказал: его ряд выполнен. Не так?

– Да пусть его! – махнул рукой боярин. – Не о нем речь. О себе что скажешь?

– Знаешь, Добромysl, а пригласи-ка ты меня в гости! – неожиданно «решил» я. – Погляжу на вашу жизнь, да, может, и соглашусь! – Я залихватски подмигнул боярину.

– А приглашаю! – в тон мне ответил Добромysl. – И тебя, и людей твоих! Хоть бы и завтра!

– Нет, – мотнул я головой. – Завтра – никак. Завтра мы еще веселиться будем. И послезавтра. А потом – придем.

Я встал резко – аж пламя свечей дрогнуло, махнул Палице: пошли.

И мы ушли.

А через часик к нам, с теми же предосторожностями, что и засланец Водимира, пожаловали Трувор, Ольбард... И Хрёрек. То есть Рюрик. Всё. Был у меня конунг, которого звали Хрёрек. Был, да весь вышел. А князю Рюрику я ничем не обязан.

Глава 26 Тайное становится явным

Держался князь свободно. Как у себя дома. Хотя почему бы и нет? Это ведь его дом.

Разумеется, об извинениях речь не шла. С его стороны. С моей – тем более. Вместо извинения князь Рюрик подарил мне маленький, хоть за пазуху прячь, самострел.

– Женское оружие! – презрительно фыркнул Свартхёвди.

– А ты попробуй, – предложил конунг.

Братец попробовал. И я – тоже. И Трувор. И все мои хускарлы. Младшим тоже хотелось, но – перебьются. Самострел оказался неожиданно сильным. С трех шагов маленькая стальная стрелка по убойности соперничала со стрелой из обычного лука, выпущенной метров с сорока-пятидесяти. Но в отличие от лука, выстрел только один. Перезарядка требовала времени. Непрактично. Ес-

ли использовать для скрытого ношения, то – не лучший вариант. Попробуй-ка быстро достань из-под полы, например, такую раскоряку. Или стрелкой зацепится, или рожками лука. Да и держать его взведенным долго не стоило. Упругость потеряет. Нет, швырковый нож надежнее. Однако глядя на игрушку, я вспомнил одну поделку из более позднего времени. Тоже самострел, но другого типа. Трубку с пружиной. До сих пор пружин я здесь не видел, но технологически изготовить ее – не проблема. Производить и закалять сталь подходящего качества здешние ребята умеют. В общем, стоит обдумать как оружие ближнего боя. Конечно, метательный нож – привычнее. Однако он привычнее и для того, в кого мечут. А в трубке с пружиной внутри вряд ли с ходу опознают оружие дистанционного боя. Короче, сделаем зарубку на память.

Постреляли и перешли к делу. Выяснилось: если у Водимира в Ладогe информаторов больше, чем рыбы в реке, то наших в резиденции Водимира – никого. Кое-какая агентура имелась у варягов в Старом городе. В Новом же, том, что Водимир строил на берегу Волхова примерно в поприще от Онеги, – никого. Город, кстати, строился на деньги старогорожан, для чего учредил князь специальный строительный налог, одобренный пусть и выборной, но полностью подконтрольной Водимиру администрацией.

В общем, звали Водимира дружиной порулить, а он весь город под себя подмял. Естественный результат, когда мирные граждане приглашают чужого военачальника для защиты от других военачальников. Собственно, с Хрёреком в Ладогe – тот же вариант, который называется: пусти козла в огород.

Надо отметить, что я к такому – с полным одобрением. Если козел – наш.

А вот за Водимиром – должок, который никто не отменял. И то, что я заставил Задорея посверкать голой задницей, не списывало даже набежавших процентов. Тем более что Задорей тоже в долгу не остался, и с него уже не спросить.

Хитрый Рюрик вмиг оценил перспективу заполучить в тылу противника целое подразделение военспецов. Мы ж не просто шпионы. Мы – готовая диверсионная группа. И ворота открыть, если понадобится. И зарезать кого-нибудь по-тихому... Хоть самого Водимира.

Нет, втихую никого я резать не буду, пусть не надеется. Я люблю вершить справедливость публично. Какое удовольствие в мести, если тот, кому мстишь, даже не знает, кто и за что его прижучил?

Да, выполнить пожелание Рюрика и поработать «засланными казачками» вполне реально. Но действовать я собирался в два этапа.

Сначала, как и планировалось, общая разведка. Прикинуть, как говорится, штопор к носу, а дальше видно будет.

– Даже и без найма у меня будет повод рассмотреть всё как следует, – заверил я. – Водимир хочет взять меня на службу, и я вправе знать, насколько силен тот, кому я буду служить. Когда я вернусь, то буду знать всё и о Новом городе, и о силе Водимира! – заявил я хвастливо. Или это выпитый алкоголь заявил? – Мы вернемся и принесем тебе Водимирово городище, как поросенка на блюде!

– Мы все узнаем! – поддержал меня Медвежонок. – Все ходы в лисьей норе!

Он тоже порядком назююкался. Впрочем, он и в трезвом виде сказал бы то же самое.

Однако насчет него я не уверен. Когда братец рядом, мне, конечно, спокой-

нее. Но пусть лучше побудет здесь. Пока.

А вот трезвый Трувор нашего оптимизма почему-то не разделял. Почему, интересно? Ведь идея нашего внедрения принадлежала ему. Что-то изменилось?

Да, изменилось.

– Ты делишь ложе с моей дочерью, Волк!

Трувор Жнец сидел рядом со мной. На том самом ложе. И глядел на меня в упор.

Тайное становится явным. Я знал это с четырех лет. Из одной детской книжки, которую мне мама читала.

Я аж протрезвел. Трувора я опасался куда больше, чем могущественного Водимира. В первую очередь потому, что с самого начала чувствовал свою вину.

И покаянно молчал. А что сказать? «Не виноватый я! Она сама пришла!» Как-то это... не по-мужски.

– Мне нет дела до того, с кем Заря тешится, если в этом нет ущерба чести ее и рода, – проворчал Трувор. – Ты – не из тех, кто берет девушку силой, а Заря – не из тех, кого можно взять силком, – варяг хмыкнул, – но до того, от кого она намерена родить моего внука, мне дело есть.

– Она беременна?

Вот же, блин...

– Нет, – качнул головой Трувор. – Но собирается. Хочет взять тебя в мужья. Что скажешь?

«Взять в мужья». Интересный, однако, оборот. Вполне в духе Зари.

– У меня есть жена.

Получается, что Трувор не в курсе того, что я женился? Ну да, их же не было на моей свадьбе. Не до того им было. И все последующие события тоже без них прошли...

Стоп! Даже если Трувору никто не сообщал, что я женат, то Сагу о Волке и Медведе он слышал уже не раз. И знал, о ком она. Знает он, не может не знать. И что тогда?

– Твоя жена – на Сёлунде, – развеял мои сомнения Трувор Жнец. – Пусть там и остается. До нее мне дела нет. Я отдам тебе Зарю, если она тебе любя. А в приданое...

– погоди! – перебил я варяга. – Заря мне любя, но Гудрун – моя жена. И мать моего ребенка. И на Сёлунде у меня еще один сын. Я взял бы твою дочь! взял бы с охотой, но оставить Гудрун – не по чести.

– А зачем тебе ее оставлять? – удивился Трувор. – Заря будет твоей женой здесь, а Гудрун – на Сёлунде. Тебе ее гнать никак нельзя. Она ведь сестра Свартхёвди, верно? Если Свартхёвди затаит на Зарю зло, мне придется его убить, чтобы это злое не свершилось. Или ему – меня. Что в этом хорошего?

Ничего. Тут я с ним полностью согласен.

Блин, опять у меня запутки с женщинами. Ну почему так? Вот Медвежонок спит со всеми, до кого дотянется. И никаких проблем.

– Мне надо подумать, Трувор, – пробормотал я. – Давай мы поговорим, когда я вернусь от Водимира.

– Тебе не стоит идти к Водимиру, – произнес Трувор жестко. – К Водимиру пойдет Свартхёвди. Без тебя.

Я досчитал до десяти, прежде чем ответить. Чтобы не послать Жнеца в пешее сексуальное путешествие. Досчитал и почти спокойно поинтересовался:

– Почему ты так думаешь?

– Человек, который помогал Задорею захватить тебя, сбежал.

Так я и знал! Хрёрек, сука! Если бы он дал моим парням провести расследование...

– Он сбежал, потому что князь Рюрик позволил ему сбежать! – Я вскочил на ноги.

– Сядь! – рявкнул Трувор. – Он ушел из Ладоги этой ночью. Вместе с Добромыслем. И, поверь, мне было нелегко их отпустить, потому что Добромысл наверняка знает все тайны Водимира, и это большое искушение – попробовать такого, как Добромысл, на крепость. Он прибыл сюда тайно. Водимир не вправе был бы упрекнуть нас за пропажу того, кого и не было.

– Не уверен, что ты бы его расколол, – произнес я, вспоминая глаза-буравчики Водиминова боярина. – Даже ты. А право у Водимира есть. Право сильного. Слышал о таком?

Ах, с каким удовольствием я ушел с темы женитьбы на Заре.

Ненадолго.

– Задорей был из доверенной гриди Водимира. Он не простит тебе его смерти.

– Вообще-то его мишка слопал, – заметил я.

Трувор рассмеялся:

– Ты сам бы поверил в такое?

Я покачал головой. Задорей меня увез, а потом я вернулся. Без Задорея. Кого интересует истина, если правда очевидна?

– Я поеду сам. Добромысл приглашал меня, а не моего брата. Свартхёвди останется здесь.

Трувор поглядел на меня внимательно... И кивнул, принимая мое решение.

– Моя дочь будет очень опечалена, если тебя убьют.

Ну вот. Мы опять вернулись к лирике.

– Многие будут опечалены, – внес я поправку. – Если меня убьют. Но меня не убьют, Трувор! Это не так легко – убить меня. И, кроме того, я буду не просто гостем. Я буду гостем Добромысла. И по нашим, и по здешним законам Добромысл должен меня защищать. Предать гостя – оскорбить богов. Разве нет?

– Добромысл хитер, как волчица, свиреп, как росомаха, и как пес предан своему князю. Он – ненадежная защита.

Ну надо же! Целый зоопарк в одном человеке.

– У меня есть и другая защита, – сказал я, похлопав по ножнам Вдоводола. – И не забывай: однажды я уже сбежал от Водимира, когда был почти никем. Нет, Трувор, я поеду сам. И вернусь. И тогда мы с тобой поговорим обо мне и твоей дочери. Тогда, а не этой ночью. И еще... – я поймал мрачный взгляд варяга. – Даже если я стану мужем твоей дочери, Трувор, твоя власть надо мной будет ничуть не больше, чем сейчас.

– Ты – хёвдинг, – после паузы по-скандинавски произнес варяг. – Кто вправе заставить тебя действовать против собственной воли? Только ты сам. Но если когда-нибудь ты станешь ярлом, настоящим ярлом, а не морским, то поймешь, что есть кое-что повыше, чем воля викинга.

– И что же?

– Закон, – сказал Трувор, поднимаясь. – Закон, который одинаков и для тебя, и для того, кто живет под твоей рукой. Когда ты это поймешь, то поймешь и князя Рюрика, который не захотел отдать своих людей твоим хирдманам. Он просил сказать, что по-прежнему считает тебя своим человеком. Тебя и твоей хирд.

А я вот так больше не считаю. Но поработать на него готов. За деньги, разумеется.

Вот будет радости моему братцу, если мы таки заключим контракт с Водимиром. Двойное жалованье как-никак.

Глава 27 Князь Водимир и свита

До Водиминова города нас подбросила «попутка»: снежка ободритского купца. Всю дорогу купец дул пиво со мной и Палицей и однообразно хвастался родством с князем Рюриком. Его прапрабабушка была двоюродной сестрой прадедушки Рюрикова деда, который породил дочь, которая вышла замуж за вендского князя, который...

В общем, я запутался уже на третьем колене. Но зато понял, почему Рюрик так хорошо говорит по-словенски и почему его зовут Красным Соколом. Потому что по какой-то там линии он имеет право на титул вендского князя и, кстати, с Гостомыслом они тоже были родней еще до того, как Хрёрек, то бишь Рюрик, взял в жены его дочь. Седьмая вода на киселе, но всё же... Здесь это важно.

Распутать заковыристую пряжу родственных отношений я не успел. Купец вырубился. И допивали бочонок мы уже на троих с Хавгримом и Гуннаром.

Вихорьку я нажираться не позволил. Молод еще. Литр принял – и довольно. Опять-таки должен же кто-то стоять на страже. Я очень хорошо помнил, чем закончилась моя прошлая пьянка. Да и не только прошлая.

Гостевать мы отправились вчетвером. Перед этим мне пришлось выдержать словесную баталию с Медвежонком, который считал, что идти мы должны всем хирдом. Ну, может, без отца Бернара и новобранца Траусти.

А потом я перенес баталию постельную – с Зарёнкой, которая почему-то решила, что это наша последняя ночь. «Ночь» длилась с вечера до полудня следующего дня с перерывом на коротенький сон и еще более коротенький завтрак в постели.

«Спас» меня Трувор. Услышав голос папы, моя возлюбленная смылась через черный ход. Нравы здесь вольные, но борзеть не стоит. Тем более с таким папой, как Трувор Жнец. Телесные наказания тут обычное дело. И пока девушка не замужем, папаша имеет полное право выдрать дочь хоть вожжами, хоть розгами. Впрочем, такому, как Трувор, достаточно обычного шлепка, чтобы след отцовской длани не сходил неделю. А зачем же портить такую замечательную попку еще одним синячищем? На ней и так... Впрочем, я отвлекся.

Отправились мы вчетвером, и вчетвером пришли домой к дяде Добромыслу, который в свою очередь привел нас на княжий двор.

– Ульф Свити и его люди! – торжественно представил нас Добромысл.

За прошедшие годы князь Водимир мало изменился. Внешне. Даже запомнившаяся мне круглая, усыпанная самоцветами шапочка на голове – та же.

Зато резиденция его изменилась кардинально. Вместо небольшой крепости – настоящий город, в котором вовсю шло строительство, и в воздухе висел знакомый дух корабельной верфи, хотя «корабль», который здесь строили, никуда не поплывет. Вернее, поплывет, но только по реке времени.

«Это же не просто Новый город, а тот самый Новгород Великий!»

Мне даже показалось, что я узнал место, где когда-нибудь встанет мост через Волхов. Хотя это, скорее всего, ложная память.

И я взглянул на Водимира по-другому. С нескрываемым уважением. Этот человек заложил город, которому, без преувеличения, стоять в веках. Какова бы ни была дальнейшая судьба князя Водимира.

Князь «прочитал» мой взгляд, но понял по-своему.

– Ты видишь, вождь нурманский, как я живу и правлю. Разве сравнятся со мной ладожские сопровители?

Я дипломатично промолчал, но Водимиру мой ответ и не требовался.

– Их время прошло, – князь взмахнул рукой, будто сбрасывая лишние фигуры с шахматной доски. – Да ты, вождь, и сам это знаешь, иначе не пришел бы ко мне.

– Что он говорит? – спросил Хавгрим Палица. – Хвастает?

– Говорит, что среди здешних конунгов – он самый сильный, – перевел речь Водимира Вихорёк. – Скоро он всех убьет и останется единственным конунгом.

– Вождь, – Гуннар Гагара коснулся моего плеча. – Хватит болтать. Я жрать хочу. Скажи ему, что мы с дороги и проголодались.

– Может, сам скажешь? – предложил я, тоже по-скандинавски.

– Могу и я, – согласился Гуннар и прорычал на русском: – Мы есть гость, конунг. Обычай наш: гость кормить надо. У вас так?

– Это мой воин, – пояснил я. – Гуннар по прозвищу Гагара. Он не слишком учтив, зато в бою ему нет равных.

Гуннар скорее угадал, чем понял, но приосанился, покосился на Палицу, но тот по-словенски не понимал, потому мои слова не оценил.

– Скажи своему воину, что у нас тот же обычай. Прошу! Вы – мои гости, храбрые нурманы!

От улыбки князя сердце нетренированного человека прихватывало ледяной корочкой, но я – тренированный. Мне Ивар Бескостный улыбался.

Трапезная у Водимира – на вырост. Человек на триста-четырееста. Но и сейчас в ней – никак не меньше двух сотен. Гостей, разумеется, обслуга – не в счет.

Князь – на возвышении, с боярами и прочими ближниками. Добромысл – по левую руку. Значит, в табели о рангах он здесь третий. Второго, мордастого плечистого дядю в золоченой броне, расположившегося справа от князя, я не знал. Но уже догадывался. Наслышан, кто у Водимира воевода номер один.

Меня за княжий стол не пригласили. Но посадили от «верха» недалеко. И кучно с нашими. Я взял с собой троих: Хавгрима, Гуннара и Вихорька. У последнего было особое задание.

«Ты знаешь язык, и ты молодой, – пояснил я сыну. – Твоя задача: слушать, наблюдать, запоминать. Пьяные дружинники болтливы и хвастливы. То, что нужно. Однако будь осторожен: если кто-нибудь заподозрит, будет нехорошо.

Так что прикидывайся простачком. Можешь рассказать, как мы ходили в вик на англов. Здешним понравится. Но не хвастай. Пусть они думают, что ты лишь недавно из детских[214]. И дренгом, отроком по-здешнему, стал совсем недавно. И сам ни к кому не задирайся. Мы гости, но нас тут не слишком любят, так что будь начеку!»

Ну да, мы были гостями, но гостями, которым не рады. Мы – нурманы, а нурманов здесь не любят по определению. С другой стороны, а кто их, то есть нас, – любит?

Да пес с ней, с любовью наших сотрапезников, тем более что женщин за столом не наблюдалось. Лишь бы уважали.

А нас, похоже, уважали не слишком.

Мы и часа за столом не провели, как к сидевшему с края нашей компании Вихорьку уже начал задираться какой-то хмырь. Причем далеко не юноша – здоровенный дядька лет тридцати. Это было чревато нехорошим. Трогать моего сына лапами я никому не рекомендую. Тем более что у здешних, в отличие от викингов, не было принято перед пиром оставлять оружие у стеночки.

Вихорёк, повинувшись моему приказу, терпел. Но взгляды посылал умоляющие и понятные: «Отец, можно я его убью?»

Надо было срочно решать проблему, так что я махнул рукой возвращавшемуся с «отлить» Палице.

Хавгрим понял с лету: плюхнулся между Вихорьком и хмырем, попутно успев возложить на загривок хмыря лапу и давануть мозолистыми клещами. Очень больно, если умеючи. Палица умел. Задира аж зашипел...

Но примолк. А я перехватил быстрый обмен взглядами между ним и мордастым справа от князя. Ну-ну.

Общество выпивало и закусывало. Нахваливало князя и себя. Были тосты и за Добромысла, и за мордастого в золотой броне, которого, как я и предполагал, звали Турбоем.

А вот нас будто не замечали: хоть бы один тост в честь славных гостей! Или мы покуда недостаточно славные? Да ну, не верю! Судя по взглядам, кои металы в меня некоторые князьи дружинники, слава у меня точно была. Бесславных обычно презирают, а не ненавидят.

Хотелось бы знать, что это? Общее отношение к скандинавам? Или это из-за сначала опозоренного, а потом без вести пропавшего Задорея?

Хуже, если пришла инфа о нашей причастности к разгрому городка и крепости на озере. Я вполне допускал, что тому же Добромыслу (а значит, и князю) наши подвиги известны. И это не помешало им пригласить нас на службу.

Но что будет, когда информация дойдет до рядовых дружинников? Тогда это будет уже личное. Мы особо не зверствовали, но кровь пролилась. А за кровь в этом обществе принято спрашивать. Рискнут или нет?

Вряд ли, если князь будет на нашей стороне. Уточним: до тех пор, пока князь на нашей стороне. А какой правитель откажется от качественного боевого подразделения, которое целиком зависит от его благорасположения? Которое без высшей поддержки разберут на запчасти...

Политика, блин. Но достаточно ли у Водимира авторитета, чтобы удержать своих от кровной мести? Вот я, например, не знал никого, кто смог бы удержать Медвежонка, случись со мной что-то нехорошее. И меня – в аналогичной ситуации.

В общем, руку надо держать поближе к мечу.

Не то чтобы я особо опасался. Сейчас мы – официальные гости и потенциальные соратники. А если Водимир примет нас в дружину, то, как говорится, кто прошлое помянет, тому глаз вон. И любой из нас, если понадобится, охотно поработает хирургом-окулистом. Хотя если бы речь шла о каком-нибудь скандинавском конунге, я бы не был так уверен. У наших есть такая практика: перед приемом новичка вождь обязан поинтересоваться, нет ли у кого к новичку претензий? И если оные есть – тогда по обстоятельствам. И прием в хирдманы может запросто окончиться вызовом в суд.

– Ты, нурман! – На плечо легла шаловливая ручонка под перчатки размером три икса. – Тебя воевода Турбой зовет!

– Не слышал, – я сбросил ручонку, ухватил за кость кус печеной свинятины...

– Сказано тебе...

Второй раз ухватить себя я не дал. С пьяненьким: «Чего тебе, раб, я не понял?» – начал разворот на лавке, действуя свинятиной, аки небольшой дубинкой. С опережением.

Хорошо пришло. Попал не глядя, но точно. Веса в куске – за килограмм. Дружинник где стоял, там и лег. Хлипкий, однако. Будь на его месте, допустим, мой братец – даже не шелохнулся бы. Или зубами поймал. Доброе мясо, как-никак.

Обрушение кореша заметили не все. Но мордастый воевода заметил наверняка. Открыл пасть, чтобы высказать свое авторитетное мнение.

Но я опередил:

– Эй, Водимир-конунг, я, кажется, твоего раба убил! – заорал я так, что не услышать меня было трудно. – Вот этим вот! – Я взмахнул куском свинины, сделал паузу (уже в относительной тишине), откусил свининки, ухмыльнулся и похвалил: – Хорошее мяско. А раб – хлипкий. Верегельд назначишь, учти это.

– Э! Да это не раб! – воскликнул сидевший неподалеку дружинник. – Это ж Лосенок, отрок воеводин!

– Отрок? – я демонстративно удивился. – А! Точно. Он же оружный. – И совсем растерянно: – Чё ж за воин такой, что его куском свинины убить можно?

И тут отрок заворочался. Очень вовремя. Прямо подыграл.

– Да он живой! – заорал я еще громче. Отшвырнул свинину, ухватил сраженного бойца за волосы и рубашоночки, поднатужился, бросил наблюдательному дружиннику: – А ну, подтеснись! – И водрузил подшибленного свининой на скамью, незаметно сунув ему локтем в живот, отчего отрока немедленно вырвало всем съеденным на все того же наблюдательного. Кушал отрок изрядно, пир всё-таки, и наблюдательного окатило тоже изрядно. Да и другим досталось.

Пострадавшие возмущенно завопили, окружая отрока (я предусмотрительно отодвинулся), и посланец воеводы сметнул на общество еще одну порцию.

Теперь всем стало очень весело. Всем, кроме облеваных, отрока и свекольно-красного воеводы. Даже князь развеселился. Интересно, как бы он выкручивался, если бы я действительно убил парня? Верегельд с меня взял бы? С другой стороны, это ж какой позор, когда твоего бойца случайно убивают на пиру куском свинины.

И что теперь? Подошлет ли ко мне воевода еще одного гонца?

Нет, не рискнул. И предьявы не сделал. Стерпел.

Отрока вывели. Блевотину и пострадавшие блюда «прибрали» собаки, пострадавшие же люди кое-как оттерлись, и пир покатился дальше. Появились музыканты, закувыркались скоморохи. Часть девок из обслуги приземлили по лавкам. С дальней стороны стола затянули что-то мощными басами, враз перекрыв бряканье и звяканье музыкантов.

И тут наконец свершилось: поднялся из-за стола Доброслав, рывкнул:

– Тихо всем!

И изрек тост в нашу честь. Мол, лучшие воины ладожского князя, узрев мощь и доблесть князя Водимира, возжелали перейти на сторону сильнейшего. Ура!

Хотя почему я решил, что это в нашу честь? Скорее – в честь Водимира. Мы-то всего лишь перебежчики.

Но выпили все. Кто еще был в состоянии. Потому что выпил князь. Точнее, пригубил. Я уже давно обратил внимание, что славный князь в течение всего пира слюнявит один и тот же кубок. Без долива.

Глава 28

Знать не положено

Подсматривать и подсушивать по моим планам должен был Вихорёк. Но так вышло, что ключевой разговор подслушал я сам.

Захотел умыться перед сном, не нашел умывальника и решил спуститься к речке. Мои уже дрыхли, так что будить я никого не стал, отправился в одиночку.

Никто мне не препятствовал. Присмотра за нами не было, полупьяного народу на княжьем дворе шаталось изрядно. Кто есть кто в безлунную ночь не разобрать.

Дежуривший отрок-привратник глянул на меня, на меч на поясе и, приняв за своего, без вопросов открыл калиточку метрах в четырех от главных ворот. Напутствовал:

– Назад пойдешь, постучи вот так, не забыл?

И выдал довольно заковыристый ритм. Впрочем, память у меня хорошая, с первого раза запомнил.

Калиточку снаружи не вдруг разглядишь, но я ее тоже запомнил.

Выйдя из крепости, я спустился по широкой прямой улице к городским воротам.

Ворота и вовсе оказались нараспашку.

Однако обнаглел Водимир.

Я глянул на улицу, ведущую к крепости... Да уж! И в фортификации зодчий Водимира – не очень. Тут даже конница галопом пройдет. Хотя...

Нет, не прав я. С крепостной стены, что на полтора метра выше городской, вся улица – под прицелом. До самых городских ворот. И дома по обе стороны – будь здоров. В два этажа, из толстенных бревен, в которых только на уровне второго этажа прорезаны узкие окошки.

Такое рукотворное ущелье тянется до самой площади перед крепостными воротами. А на площади верховые вообще станут идеальными мишенями – и со стен крепостных, и с крыш городских. Нет, не стоит сюда коннице соваться.

А вот пехоте было бы очень удобно просочиться. Кабы у меня была сейчас

пехота, сотни полторы бойцов...

Мечтать не вредно.

До Волхова – рукой подать. Я выбрал местечко потемнее, разделся и поплавал. Водичка – как парное молоко. Благодать. А к комарам я привык.

Возвращался тем же маршрутом. Из караулки у городских ворот доносилось нестройное пьяное пение. Дальше по улице какой-то хмырь задрал бабе подол и лупил ее ремнем по голым белым ягодицам. Баба тихонько повизгивала.

В нескольких шагах от парочки тощая свинья шумно что-то выжирала из забытой корзинки.

Я отыскал калиточку, пнул ее пару раз, привлекая внимание, потом отбарабанил хитрый ритм.

Давешний отрок впустил меня без вопросов, и я двинулся к нашему бараку, уверенный, что ничего интересного сегодня больше не узнаю. Ан нет!

Самое интересное началось, когда я был уже почти у дверей отведенного нам помещения.

Их было двое. Один – басистый, другой – тенорок. Подробностей я разглядеть не мог, но по силуэтам понятно, что ребята не из мелких. Басистый – пошире, тенорок – повыше.

– Не понимаю, чего князь с ними цацкается? – проворчал бас. – Зря он Добромысла слушает. Вот Турбой – правильный боярин, а этот сам себя перехитрит когда-нибудь. Добрый князь на чужих серебро не тратит – своим отдает. Ну зачем нам нурманы эти? Глотки им перерезать, да и всё. Все одно ладожских скоро бить пойдем. Вот прямо сейчас зайти и кончить, пока они пьяные дрыхнут.

– Гости же – нельзя! – запротестовал молодой звонкий голос. – Богов обидеть!

– А с чего бы нашим богам обижаться за чужаков? – возразил бас. – Пусть за них ихние боги обижаются.

– А про Ладогу ты откуда знаешь? – поинтересовался голос помоложе.

– Сотник вчера сказал. Время уже назначено. Варяги к своим уйдут Солнцеворот праздновать, а тут и мы нагрянем.

– Вот это любо! – обрадовался молодой. – Ладога богатая, и бабы там справные! Хотя... И дружинники у Гостомысла тоже не худые. Даже и без варягов.

– Да сколько их! – пренебрежительно хмыкнул басистый. – Наш князь единым словом четыре больших сотни гриди поднимет! Кто на пути встанет...

– ...Тот ляжет, – подхватил молодой и хохотнул.

– Вот. А про нурманов сотник так сказал: гостей трогать нельзя, но если сами гости порядок нарушат, тогда – можно.

– А с чего бы им порядок нарушать? – удивился молодой.

– А с того, что мы им поможем, – пророкотал бас. – Вот ты и поможешь. Считай, что это тебе наказ от самого воеводы Турбоя. Сделаешь – быть тебе, Клёст, не отроком, а гриднем.

– Ах... Да я... Да мне... – молодого захлестнули эмоции. – Ты сейчас такое мне сказал...

– Не мои слова, – уточнил басовитый, – сотника. А сделать надо вот что. Есть среди нурманов юнак. По виду – отрок, только что из детских. По-нашему

хорошо понимает и говорит тоже хорошо, хотя и слышно, что чужинец. Яхха его на пиру задрать хотел, да не получилось. Большой нурман меж ними влез. Понятное дело. Яхха – гридень матерый. А пред тобой за того отрока заступаться не станут. Справишься?

– Ну! А когда?

– Да хоть завтра. Только уж ты постарайся, чтоб он первым начал.

– Начнет! – радостно заверил молодой. – Я слова хулительные знаю. Ни один из нурманов таких не стерпит!

– Вот и порешили, – свернул разговор бас, и я услышал бодрое журчание. Басовитая сволочь помочилась на нашу дверь.

Будить своих я не стал. Поделился информацией утром.

Вихорёк оживился, а вот мои скандинавы – нет.

Выяснилось, что они уже получили от варягов приглашение на праздник этого самого Солнцеворота. Да еще и расписали его варяги как, блин, Валхаллу на земле. Поединки, девки, море жрачки-выпивки, песни-пляски сутки напролет.

А теперь – какой праздник? Придется в Ладоге сидеть и Водимира ждать. Эх!

Ничего, переживут. Если, конечно, подслушанное – не деза, специально приготовленная для моих ушей. Ладно, не будем переоценивать противника. Здесь об информационных войнах не слыхали. Здесь больше острым железом воюют, чем хитрым враньем.

Нет, не деза. Ко мне прислали гонца от воеводы Турбоя. Воевода приглашал на беседу. Причем не только меня, но и Палицу с Гуннаром.

Имя Виги названо не было. И я догадывался, почему.

А чуть позже к нам заявила пара местных отроков, пригласивших уже Вихорька. Типа, сначала позавтракать, а потом – на тренировку. Ага, сейчас.

– Отец! – взмолился Вихорёк. – Отпусти меня! Ничего они мне не сделают! Ты же видел, какие они, эти отроки. Даже Тови Тюлень такого выпотрошит, как баба треску! А уж я любого сделаю.

«Сделаю» – это мое слово. Вихорёк-Виги – тоже мой. Я его сделал. Наполовину. На вторую – он сам.

– Разреши, отец!

Виги – викинг. А викинг живет в бою. Так его учили. Но уже не я. Свартхёвди.

– Иди, – разрешил я. – Нет, стой! Послушай сначала. Первое: постарайся, чтобы не ты его, а он тебя вызвал. Второе: тебя наверняка сначала проверят. Захотят узнать, что ты можешь. Сдержи свою удасть. Пусть они увидят тебя таким, каким ты был два года назад. И наконец, третье: решать, будешь ли ты драться, буду я. Так и скажешь, если что. Мол, по нашим обычаям ты не можешь дать согласия на поединок без моего позволения. Всё. Отправляйся.

И Вихорёк ускакал, предвкушая недетское развлечение.

А мы отправились в гости к первому воеводе Водимира.

Заодно и позавтракаем.

Воевода принял нас неуважительно. Сам расселся за столом. На возвыше-

нии.

Нас за стол не пригласил. Попивал что-то из стеклянного кубка. И жратва на столе тоже имелась. Взирает сверху так, будто не он позвал, а мы сами без спросу явились. О какой-нибудь мелкой милости клянчить.

За спиной у воеводы – семеро гридней. Еще четверо встали у дверей, едва мы вошли. Типа, выход отрезали. Ну-ну. Совсем нас здесь не уважают.

А помещение недурное. Правильное. Оружие на стенах доброе, места довольно, чтобы гостей принимать, и печь удобно расположена: не посередине, как в длинном скандинавском доме, а в углу.

А в другом углу – боги местные. Три штуки. Тоже правильные. Сплошь бородатые и оружные.

Мы остановились перед помостом.

Воевода помалкивал. Косил под большого начальника. Тянул что-то мутно-желтое, глядел с прищуром поверх края кубка. А в кубке небось медовуха? Дикарь. Из такой посуды вино надо пить. Французское.

Вопрос «зачем звал?» сам просился на язык.

Но в существующей ситуации это значило: показать слабость. Признать себя подчиненным: он позвал, мы явились.

Нет уж! Я пока что к Водимиру в гридни не нанимался, а если бы нанялся, то особо оговорил: подчиняться исключительно князю. Без посредников.

Нет уж, красномордый ты наш! Не будет по-твоему.

Я ухмыльнулся и вспрыгнул на помост. Гридни у дверей дернулись было, но поскольку Хавгрим и Гагара остались на месте, то перехватывать меня не стали. На помосте и так народу немало.

Присесть мне было не на что. Скамья – с той стороны стола. Впрочем, и сам стол сгодится. Я на него и уселся. Подхватил солидный кувшин, из которого отрок подливал воеводе, приложился...

Так и есть, сладенько-кисленькое пойло, не крепче кефира, но с похмелья – самое то.

Я отпил немного, этак с пол-литра...

И метнул кувшин Хавгриму.

Тот поймал ловко – ни капли не пролилось. Тоже приложился и передал Гуннару.

А я ухмыльнулся во все зубы шокированному воеводе и сообщил:

– Самое то после вчерашнего. Спасибо, Турбой, что к трапезе пригласил!

Сцапал с блюда кусок пирога, окунул в плошку со сметаной... А ничего так. С рыбкой солёненькой.

– Хавгрим, Гуннар, присоединяйтесь! – крикнул я своим по-скандинавски. – Что стоите, как нищие у ворот? Ярл угощает! Так, Турбой-ярл?

Ни хрена он нас не приглашал.

А по фиг!

Моим от него приглашения и не потребовалось. Однако усаживаться на стол они не стали. Зачем, если с той стороны – длинная и удобная лавка.

Гуннар обогнул стол, отпихнув вставшего на пути гридня, а Хавгрим вообще перемахнул через препятствие и приземлился на лавку слева от воеводы. Причем проделал все это с кувшином в руке. И первым делом плеснул в направлении местных богов.

Уважение проявил. И попутно обрызгал бойца, оказавшегося слишком

близко. Затем метнул кубок Гуннару, который его поймал, допил и сунул отроку, оторопевшему не меньше воеводы, со словами:

– Не стоять. Налить.

По-словенски Гуннар Гарага знал не так много слов, но все – нужные.

Турбой открывал и закрывал рот. Молча. Завис от нашей наглости.

С другой стороны, а что ему делать? Велеть выкинуть нас из-за стола и из дому?

Будь на его месте, скажем, Ивар Бескостный или конунг норегов Хальфдан, они бы так и поступили. Да с ними никто бы и не рискнул так себя вести. Даже представить страшно, что сделал бы Ивар с тем, кто вот так бы уселся на стол, за которым он ест.

А что бы сделал я сам в такой ситуации? Если бы что-то такое отчебучил кто-нибудь типа Хавгрима Палицы? Это когда силу применять – себе дороже?

Попытался бы свести всё к шутке, я думаю...

Турбой шутить был не настроен. Он был настроен доминировать. Я увидел, как гридни придвинулись ближе к моим парням. Руки на мечах, на мордах выражение: ждем команды «фас».

Те, что у дверей, тоже зашевелились. Я контролировал их боковым зрением. И не сомневался, что мои бойцы тоже не только жрут, но и о безопасности не забывают. Встретился взглядом с Палицей... Тот скосил глаз на Турбою, показал пальцами: этого первого валю?

Я качнул головой... И поймал уже взгляд воеводы. Похоже, боярин отследил наш информационный обмен? Да по фигу.

– Добрая у тебя пицца, Турбой-ярл! – похвалил я по-русски. – И у князя твоего стол не хуже. Это нам любо! Выпил бы за твое здоровье, да нечего и не из чего. Нерасторопны у тебя рабы. Ты уж с ними построй.

– Налей нурманам, малый, – махнул рукой воевода. – Квасу налей, хмельного им довольно уже. – Глянул, насупив брови: – А ты, нурман, со стола слезь! Не дома у себя! Веди подобающе.

– Да уж не дома, это верно! – произнес я, не меняя позиции. – Ежели я кого в гости зову, так за стол сажаю да угощаю. У нас такого в обычае нет, чтоб хозяин брюхо набивал, а гость слюну сглатывал.

– А я тебя не за стол звал! – отрезал боярин. – Я глянуть на тебя хотел. Поближе.

– Глянул? – усмехнулся я. – И как?

– Никак. Не любы вы мне, нурман! Зря приехали!

– Вот как? Слышь, Хавгрим, – произнес я по-скандинавски. – Ярл говорит: не будет у нас с ним любви. Не нравимся мы ему.

Палица развеселился.

– Ты ему скажи, хёвдинг, что он нам тоже не люб. Мы, скажи ему, женщин любим, а старого козла пусть его козлята уестествляют. Вон они какие румяные! – Палица сделал красноречивый жест, а потом похлопал по щеке отрока, у которого принял кувшин с квасом, отхлебнул из кувшина... И выплюнул отпитое на стол. – Ульф! Что за это за дрянь?

Я отобрал у него кувшин, приложился... Нет, нормальный квас. Даже отличный. Холодненький!

– Квас это, – пояснил я. – Не пиво. Ты распробуй, потом плюйся.

Взгляд на Турбою. Ого! Да он красней гамадриловой задницы! Вот-вот спу-

стит на нас свою свору.

– Что он сказал? – рявкнул воевода.

– Квас ему непривычен. Думал: это пиво такое.

– Что он до этого сказал?

– Я ему твои слова перевел. Что ты любиться с нами не хочешь, – с невиннейшим видом разъяснил я. – А он ответил, что это хорошо. Потому что он тоже не хочет тебя любить. Может, у вас обычай такой, а у нас – по-другому. Мы женщин любим, а мужчин только убиваем.

– Ты что несешь?! – взревел боярин. – Да я тебя сейчас на куски изрубить велю, хоть ты и гость княжий!

– За что же такая немилость? – поинтересовался я.

– Да за слова поносные!

– Это какие же? – Я поднял бровь.

– А те, что твой друг сказал!

– Что он женщин любит, а таких, как ты, – нет, что ли? И где ж тут поношение? Вот если бы он сказал, что хочет взять тебя как женщину... – Я широко улыбнулся, сделал драматическую паузу. – А он лишь порадовался, что ты не станешь этого требовать от нас. Что не так? Ты же сам только что сказал, что любить тебя не надо. Что не любы мы тебе. Я не так тебя понял? Мы тебе любы? Знаешь, ярл, при всем нашем уважении к тебе и к твоему князю, брать тебя как женщину мы все равно не...

– Заткнись!!! – взревел боярин. – Прикуси свой поганый язык, нурман, коли не разумеешь по-нашему! Я сказал: не по нраву вы мне, ясно?!

Я скосил глаз на своих: Гуннар понимал с пятого на десятое... И ему было весело. У скандинавов такие словесные игры в чести. Шутки на грани фола. Вернее, на грани вызова на дуэль.

Палица не понимал ничего, но, глядя на пунцового, брызгающего слюной воеводу, тоже ухмылялся.

– А я о чем? – изобразил я непонимание. – Не нравимся мы тебе. Не любы. Вот и хорошо. Вот и Хавгрим тоже сказал: хорошо это. Сказал: вот юноша у тебя – покрасивей нас. Может, ты его любишь?

Юноша зарделся пуще своего начальника и даже рот открыл – высказать протест, надо полагать, но воевода не позволил.

– Молчи, Куник! Ни слова! – И добавил куда более спокойно: – Я понял тебя, нурман. Понял, зачем ты дерзишь. Вызова ты хочешь. Крови хочешь. Ну так будет тебе кровь! Но не наша кровь! Ваша! Если гость ведет себя как свинья, то и обходятся с ним как со свиньей!

– Не понял тебя, ярл, – я согнал с лица улыбку. – Я недостаточно хорошо понимаю твою речь. Не может быть, чтобы ты уподобил воина жрущему дрянью и спящему в дерьме животному.

Ну скажи мне – да. И у Водимира станет на одного воеводу меньше!

Мне вдруг вспомнилась политика норвежского конунга Хальфдана Черного, когда тот в спорных вопросах выставлял вперед дерзкого берсерка, который и решал спор в его пользу. Может, и есть в этом городке кто-то, способный меня прикончить, но уж точно не этот красномордый.

Чуйка у боярина была. Повода для вызова я не получил.

– Нет, тебе показалось, – пошел на попятный боярин. – Я не оскорблял тебя, но видеть вас в моем доме не хочу. Это понятно?

– Да, – я спрыгнул со стола. – Гуннар, Хавгрим, уходим.

– И зачем звал? – проговорил Гуннар уже снаружи. – Не сказал ничего, даже не угостил толком.

– Зато повеселил, – ухмыльнулся берсерк. – Скажи, Ульф, а он и впрямь любит... как женщина? С виду не скажешь.

– Нет. Это я его позлил немного. Но не достаточно.

– Недостаточно для чего?

– Чтобы он или кто-то из его людей вызвали бы меня или тебя на хольмганг.

– Славная мысль. Жаль, что не вышло.

– Жаль. Здешним было бы невредно поглядеть, как убивают викинги. Но, думаю, они увидят. Я ведь догадываюсь, почему он нас позвал.

– Да ясно почему, – махнул татуированной лапой Палица. – Чтобы никто из нас не помешал поставить на хольмганг Виги.

Глава 29

Как убивают викинги

Так и есть. Меня не оказалось рядом с Вихорьком, когда Водимиров отрок к нему прицепился. Отпустил острогу насчет мамы-тюленихи. Наверняка подсказал кто-то из старших.

Природный скандинав наверняка повелся бы на такую зоофилическую шутку. Вихорёк обидчика высмеял. В моем стиле. Мол, насчет его матери отрок ошибся, но ход мыслей понятен. Самого-то его небось овца родила, раз тупой, как баран, уродился. Да такой негодный баран получился: даже шерсти не состричь. Нету у отрока-барана шерсти. Нигде.

«Что здесь гладко, что тут», – во всеуслышание объявил Вихорёк, показав пальцем на подбородок провокатора, а потом похлопав себя по причинному месту.

Будь на месте отрока скандинав, он отшутился бы. Легко. У самого Вихорька щеки и подбородок гладкие, как у девушки.

Но отрок на словесные игры настроен не был. Он намеревался оскорбить, получить вызов и прикончить моего сына. Сделал дело – и в гридни. Всё крайне серьезно. А ему такое обидное говорят... Да и кто? Пацанчик, которого он вообще за противника не держал.

Вскипел. И схватился за меч. Айдзюцу парень владел посредственно. Выхватить меч ему не дали. И Вихорёк был ни при чем. Свои подсуетились. Одно дело – спровоцировать на поединок и убить. Другое – просто убить. Гостя. На княжьем дворе. За то, что шуткой ответил на шутку.

«Да куда ему, улитке, меня достать! – ухмылялся Вихорёк. – Думает, если здоровый вымахал да широкий, как ворота, так уже и убивать умеет!»

Убивать парень наверняка умел. Без этого в отроки не опоясывают. И надо полагать, не так уж плохо умел, если его выбрали в качестве провокатора. Но за сына я не опасался. За годы, прошедшие с того времени, когда он пас овец, Вихорёк прошел неплохую школу. И учителя у него были отменные: мы с Медвежонком. Факт. Экзамен на выживание в бою он сдавал не единожды.

Пусть дерется. Славное будет зрелище.

– Клёст, отрок из десятка гридня Яххи, и Виги из людей Ульфа-нурмана. Поединок до первой крови! – провозгласил Водимир.

– И чистый от мести! – подхватил я.

Князь возражать не стал. Мы это проговорили заранее. Более того, это было предложение Водимира, когда я объяснил, что, если мой сын получит увечье или даже будет убит, мне придется вызвать и убить его обидчика.

Вот поэтому и «до первой крови».

Теперь победителю достаточно лишь оцарапать противника. Или – наоборот.

Никто из присутствующих, надо отметить, не сомневался в результате. Местные были уверены, что отрок Клёст победит. Вон он какой здоровенный и ловкий. Хоть завтра в полноценные гридни. А этот, нурманский сынок, сразу видно – недавно из детских.

И мы тоже не сомневались. Мы-то видели, на что способен мой приемный сын. Внешность, она обманчива. Как говаривал мой тренер по ушу еще из той, техногенной эпохи: «Не дерзите незнакомцам, даже если они не шибко крутые с виду». Сам он, кстати, был – из таких. Маленький, сухонький, в очочках. Пожалуй, здесь бы он выжил. В отличие от многих крутых.

Воевода Турбой зыркнул в мою сторону злорадно и скомандовал:

– Начали!

Водимиров отрок рванул в атаку. Напал более-менее грамотно, всю пользу используя преимущество в росте и длине рук: щит перекрывает обзор, меч, хлестом, сверху... И сильнейший удар ногой в щит Вихорька. Врасплох не застал, но разница в весе сказалась: Вихорька унесло шагов на пять. Устоял. И встретил вторую атаку уходом влево и резким выпадом в корпус. Нет, не в корпус. Это был финт. Атаковал – и отпрянул.

Мог бы и не отступать – противник выронил меч, потому что клинок Вихорька изрядно разворотил Клёсту правую кисть. Всё. Кровь есть. Бой закончен.

Многие были разочарованы. Кто-то порывался сквитаться за травмированного кореша, забыв о том, что поединок – чистый.

«Я за него», – довел с моей помощью до мстителей Хавгрим Палица.

«Добродушный» облик берсерка успокаивающе действовал на пылкие сердца. Даже в ситуации, когда можно было навалиться кучей на одного.

– Не хотят нас здесь, – пожаловался я боярину Добромыслу, когда тот пригласил нас на ужин.

– Не хотят, – согласился боярин. – Дружина не хочет. Но это – до первого боя. Увидят вас в деле – примут, не сомневайся. У Водимира в дружине разных племен люди.

– А сам он? – полюбопытствовал я.

Оказалось, папа у Водимира – из ободритов. Что ж выходит? Он из одного рода-племени с Гостомыслом?

Отчасти, ответил боярин. Потому что мама у Водимира – происхождения эсто-ливского. И воспитывался он, как здесь часто бывает, в доме у дяди, который тоже лив, причем – из неглавных князей.

Ну да, я ведь знал, что Водимир – не местный.

Хотя кто тут местные? Меряне? Чудины? Народ из города Плескова, который мы когда-то вернули в лоно Гостомысла и который теперь, насколько я

слышал, Водимиру данью кланяется? Так и в Плескове с нами дрались не местные жители, а «приглашенный» вождь... И какая на фиг разница? В этом мире об «исконно пращуровых землях» никто языком не треплет. Смог взять и удержать? Твое. Не смог? Закрыв рот и прогнулся.

– Туброй на вас зол, – сообщил боярин. – Ярится, будто его оса за мудя укусила.

– И что?

– Да ничего. Пусть ярится. Слишком много силы под себя забрал... воевода! – Добромysl отхватил кусок зайчатины, прожевал: – Неплохо будет, если при князе нашем будет кто-то, на кого он цыкнуть не может, кривич быковатый!

Ну да, служат Водимиру многие языки, но не все они друг друга любят. Добромysl здесь – тоже пришлый. Его с собой Водимир привел, земли выделил, дела свои вести доверяет, но по воинской части главный – Турбой. Главный после самого Водимира, разумеется. И Турбой – из здешних. До Водимира городским ополчением командовал.

Сейчас под Турбоем не только ополчение, но и вся братва из местных и примкнувших. Есть, конечно, у Водимира и личная гвардия, но немного – под сотню. Однако и это еще не все.

Оказывается, Турбой к Светозаре сватался. Еще лет десять назад, до Рюрика. И задолго до того, как Водимир в силу вошел. Не свезло воеводе. И вырос у Турбоя на Гостомысла и Рюрика здоровенный зуб. Отчасти поэтому Водимир ему и доверяет. С врагом номер один Турбой точно не снюхается. А еще, по секрету добавил порядком захмелевший Доброслав, Водимир Турбою Ладогу обещал. Вместе со Светозарой. Когда та овдовеет, разумеется. Так что мирное развитие событий Турбоя никак не устраивает. Так что усилить дружину Водимира моим маленьким хирдом ему вроде бы должно быть по вкусу, а вот нет.

Потому что сомневается Турбой, что даст ему Водимир Ладогу. Светозару, да, наверное. Но Ладогу в автономное управление – вряд ли. Водимир же не богами клялся, а так... На словах посулил.

Вот такая здесь политика.

В общем, хорошо посидели. Душевно и с пользой. Расслабились.

И напрасно. Утром пропал Вихорёк.

Глава 30 Князь и закон

Когда я проснулся, Вихорька не было.

Это меня не слишком беспокоило. Может, прогуляться пошел. Или перекусить.

Дружина завтракала рано.

Мы – не дружина.

Мы подтягивались к кухне, когда глаза продерем.

В это утро – тоже. Да и то не сразу. Скушанное вчера у Добромысла еще не полностью переварилось, так что я сначала искупался, потом побегал, потом сделал зарядку, поработал с железом... А там и бойцы мои пробудились, и кормиться мы двинулись втроем.

А Вихорька не было. Ни на княжьем подворье, ни на берегу речки.

Царапнуло недоброе предчувствие.

– Виги моего знаешь? Был он здесь? – спросил я у холопки, которая накидала нам в миски зерновую толкушку с салом и луком.

Виги она знала. Его теперь здесь все знали, после поединка с Клёстом. Знала, да, но сегодня утром его не видела. И напарница ее не видела.

Вряд ли они стали бы врать. Им мое внимание было лестно. Здесь такие, как я, очень редко разговаривают с такими, как они. Тем более вежливо.

– Может, он к девке какой пошел? – предположил Гуннар. – Там и пожрал?

– Может, – я отложил недоеденную кашу. – Но я все же пойду, поищу.

Поискал. С нулевым результатом. То есть не совсем с нулевым. Я нашел бойца, который стоял с утра в дозоре на княжьих воротах. Боец хоть и спросонья, но очень уверенно заявил: Виги наружу не выходил.

Я ему поверил.

Дальше мы искали втроем. В гриднице, в подсобных и хозяйственных помещениях... Везде, кроме княжьего терема.

Нету. И не видел никто.

Я обеспокоился всерьез, потому что у Клёста здесь и друзей, и родни до фи-га. И все они – источник неприятностей. Утешало то, что застать моего сына врасплох – непросто. Был бы шум... Наверное.

Я двинул в город, к Добромыслу, но боярин с утра пораньше куда-то смотался.

Придется действовать самостоятельно. А поскольку устраивать здесь розыск нам никто не позволит, надо обращаться непосредственно к Водимиру...

Если, конечно, за исчезновением моего сына не стоит сам Водимир.

Мои бойцы были настроены пессимистически.

– Если его взяли по велению конунга, мы его не найдем, если конунг сам того не пожелает. – заявил Хавгрим. – Никто не видел. А кто видел – нам не скажет. Мне жаль, хёвдинг, но, думаю, твой сын уже мертв...

– И это было бы для него наилучшим исходом, – подхватил Гуннар. – Если его сунули в пыточный сарай, то нам стоит быть начеку. Скоро конунг узнает, кто пожег его крепость. Виги – парень крепкий, но если правильно спросить – любой заговорит.

– Не любой, – возразил Палица. – Не я. И не он, – кивок в мою сторону. – И кто сказал, что местные умеют так же хорошо развязывать языки, как ты, норег?

– Значит, им потребуется немного больше времени, – сделал собственный вывод Гагара.

Надо ли говорить, что этот диалог не прибавил мне бодрости.

Вихорьку пятнадцать, но он уже воин. Викинг. А любой викинг по факту – это убийца и палач. При необходимости. И каждый викинг готов к тому, что враги обойдутся с ним так же, как он с ними.

Всё так. Но утешение слабое. Для меня. И для моего сына.

И что теперь? Попробовать сбежать, пока за нас не взялись?

Нет. Бросить Вихорька я не мог.

– Собирайтесь, – сказал я своим. – Пойдем к Водимиру. Напомним князю, что мы – его гости. И мой сын – тоже. Строго напомним!

Рискованный вариант. Близкий к самоубийственному. Но никто из моих даже не намекнул на возможность бегства. Только Гагара на всякий случай

уточнил:

– Бронь надевать?

– Облачайтесь как на битву. Только Норнам ведомо, как всё обернется.

На подворье кипела обычная жизнь. Кто-то тренировался, кто-то работал, кто-то бездельничал. Последних – немало. Делом занимался в основном молодняк и обслуга.

Водимир присутствовал. Восседал на командирском кресле в окружении кучки приближенных: военных и условно штатских. Справа потел холоп с бокалом литра на полтора. К бокалу князь время от времени прикладывался.

На нас глазели. И с любопытством. День жаркий, а мы – в полном боевом. Гуннар даже щит прихватил.

Рядом с князем я не углядел Добромысла. Зато Турбой – был. Красный, потный, чем-то недовольный. Уставился на нас весьма недружелюбно.

И еще одна знакомая рожа. Купчина, которого мы пощипали на Длинном озере. Я узнал не столько его физиономию, сколько еще не зажившие отметины на ней, оставленные плеткой, которой мой брат корректировал в правильную сторону образ мыслей плененного торговца.

Юлить я не стал.

– Я пришел к тебе, князь, потому что какие-то лишенные чести люди похитили моего сына Виги!

Я остановился, ожидая ответа.

Не получил. Только взгляд типа: ну, что еще скажешь?

Скажу.

– Боярин Доброслав обещал нам права гостей, князь, и ты подтвердил это право. И потому я требую, чтобы ты велел похитителям освободить моего сына! Немедленно!

– Он требует! – воскликнул кто-то из окружения.

– Вот наглый нурман! – подхватил еще кто-то.

Водимир молчал. Давил меня взглядом.

Я тоже молчал. Всё сказано. Сейчас я узнаю, схвачен ли Вихорёк с его санкции или это чьё-то самоуправство?

Князь, сука, от ответа ушел.

– Этот меч... Откуда он у тебя? – процедил Водимир, показав на мой Вдоводел.

Мать вашу к бабушке! Это что ж, опять за старое?

С чего началось наше знакомство с князем. С аналогичного вопроса. Откуда у меня доспехи его дружинника Главы?

В тот раз мне пришлось удирать с княжьего двора в чем мама родила. Неужели опять?

– Это мой меч! – отрезал я. – К чему твой вопрос, князь? Хочешь такой же?

– Хочу узнать, давно ли он у тебя?

– Давно.

– Понятно. А теперь скажи мне, Ульф Свити...

Да, правы викинги с их подходом: убиваем всех. Я в очередной раз поплатился за свой гуманизм. Вот он стоит, мой «гуманизм» – с красным рубцом на лбу и лютой ненавистью в глазах. Пощаженный купчина с «торговой точки».

Нет, он не мог меня узнать в лицо. Я был в «очковом» шлеме, с рожей, перемазанной сажей и забрызганной кровью. Не мог он меня узнать.

И не узнал.

Он опознал меч.

Купец – он почти воин. И так же, как у воина, память у него на боевое железо... железная. А мой меч – из элитных. Произведение оружейного искусства из «сварного» булата с клеймом, которое останется известным даже через тысячу с хвостиком лет. Я отдал за него увесистый золотой браслет и абсолютно уверен, что продавец – продешевил. Такие клинки меняют на золото один к одному по весу. Как минимум.

Вот он каков, мой Вдоводел. Конечно, купец его запомнил.

– Ты – мой гость, – сказал Водимир. – Но ты и твои люди ограбили моего человека. Ты и твои люди напали на моих гридней на Длинном озере и убили их всех. Будешь ли ты это отрицать?

У меня было два варианта. Первый: уйти в глухой отказ. Или потребовать суда поединком. Мое слово – против слова купца. Мало ли у кого может быть *похожий меч*?

А можно сказать всю правду и упираться на право гостя.

Первый вариант разумнее, но нравился мне меньше. Не люблю, блин, оправдываться. И врать тоже не люблю. А еще у них Вихорёк. И если я начну упираться, то не исключено, что они попробуют выжать правду из моего приемного сына.

М-да, авантюра и есть авантюра. Не следовало мне лезть в берлогу к медведю.

Так, а второй вариант? Я во всем признаюсь. Что дальше? Право гостя, возможно, меня защитит... На какое-то время.

Хотя как только я окажусь «за околицей», меня можно будет снова брать и поступать со мной... Скажем так: по законам военного времени.

Молчание затягивалось. Водимирова братва заволновалась. Негромкий еще, но уже откровенно угрожающий ропот.

И тут меня осенило.

Прям-таки озарение пришло.

У меня ведь тоже память хорошая. А что я тогда сказал помеченному плеткой Свартхёвди купчику?

Вот именно!

– Отрицать? – Я поднял бровь. – Зачем? Разве не потому ты, князь, предложил мне и моим людям пойти к тебе на службу, что узнал вот от этого, какие мы славные воины?

– Что?! – Изумленный взрык Водимира утонул в ропоте его людей.

Кое-кто даже за оружие схватился. Палица придвинулся ко мне поближе, но нет, рубить нас с ходу не стали. Ропот стих, когда Водимир поднял руку. Не сразу.

– Клянусь богами, я назвал тебя гостем, ничего не зная о твоём преступлении! – четко, чтоб слышали все, произнес князь. Не для меня, для своих людей. – Твои слова – ложь, нурман!

– Я не лгу! – парировал я. – И закона я не нарушал. Твои люди захватили чужую землю и чужих холопов. Потому что думали, что они – сильнее. Пришел я со своими людьми и доказал, что они не сильнее. Я мог бы его убить, и тогда

ты ничего бы не узнал, верно? Но я не собирался ничего скрывать и позаботился о том, чтобы ты обо всём узнал.

– Ты лжешь! – прогремел Водимир.

Остальные тоже заорали, но не столько в поддержку своего князя, сколько требуя дать мне договорить.

Я не сомневался, что затыкать рот мне не станут. Отнять у дружины право на шоу? Да ни в жисть!

– Ты снова обвинил меня во лжи! – Я демонстративно вздохнул. – Я твой гость, потому это урон не моей, а твоей чести. Я позаботился о том, чтобы ты всё узнал, потому что хотел этого. Сказал всё это вот ему, – я показал на купца, – что он и его семья останутся в живых. И он жив. Потому что я, Ульф Свити, хёвдинг, держу свое слово.

– Ты меня ограбил! – закричал купец.

– Разве? – Я снова поднял бровь. – Ты и твои люди дрались со мной и моими людьми. И мы победили. Я никого не грабил. Это законное право воинов – брать то, что добыто в бою. Разве нет? А еще я велел тебе рассказать обо всем своему князю. Ты помнишь мои слова?

– Да! – заорал взбешенный купец. – Я всё помню!

– Это хорошо, – одобрил я. – Плохо, что ты не выполнил моего поручения и утаил от князя то, что произошло.

– Ничего я не утаивал! – Купцу очень хотелось вбить мои слова мне в глотку вместе с зубами... Но он знал, чем это может кончиться. И сдерживался. – Я всё рассказал князю!

– Вот как? – продемонстрировал я изумление. – Какому князю?

– Своему! Ему! – Купец указал на Водимира.

Я покачал головой.

– Князь Водимир сказал, что ничего не знает. Он князь, человек чести. Вряд ли он солгал. А вот ты – торгаш, обман – твое ремесло. Я не верю тебе!

Вот так у людей и наступает... кризис сознания. Особенно острый для тех, кто привык разруливать непонятки рубящим сплеча. В ситуации, когда рубить – нельзя категорически.

Купец уставился на князя: мол, скажи этому нурману!

Князь...

Больше всего ему хотелось сделать меня на голову короче.

Я почти слышал, как жужжат князьи мозги от непосильной нагрузки. Купец ведь ему действительно докладывал. А что имени моего не назвал – так и я его не называл. Тогда.

Что ж, поможем начальству.

– Да и не один этот торгаш к тебе с вестью должен был прийти, – небрежно сообщил я. – Были и еще люди. Не скажу, чтоб добрые воины, но оружные. Твоими дружинниками назвались. Оружие мы у них отобрали, но языки оставили. Что? Они тоже ничего не рассказали? Я мог бы их убить, но отпустил. Старшего из них Хотеном звали. Лихой вояка! Видел я, как он со смердом бился, когда того двое держали. – Я расхохотался. – Эй, Хотен, ты здесь? Покажись!

Не показался. Потому что не было его в толпе.

– Найти и привести, – бросил Водимир, не сводя с меня глаз.

Пока ждали, я перевел Хавгриму и Гуннару наш разговор.

– Ты мудр, – одобрил Палица. – Но готов поставить пять марок, что следую-

щую чашу я выпью уже в чертогах Одноглазого!

– Я славно пожил и славно умру! – подхватил Гуннар Гагара. – Может, Тьёдар и меня упомянет в своей саге?

– Наверняка! – пообещал я.

Ага, вот еще одна «жертва» моего гуманизма. Приоделся, однако. Я ж его в плаванье в одном исподнем отправил, тут и сапоги, бисером шитые, и пояс с золотой канителью. Вот только морда подкачала. Тухлая, как после недельной пьянки. Хотя почему – как? Он и сейчас – в зюю. А с волос вода течет. Надо полагать, макнули его, чтоб в чувство привести.

Я не без интереса наблюдал, как из горе-бойца пытаются выжать информацию. Бесполезно. Он только лыбился и бормотал что-то невнятное.

Выяснилось, что пьет Хотен, считай, с самого возвращения. И послания моего не передал. Доложил сотнику, что страшно грозные воины взяли их врасплох, во сне. Хотен с уцелевшими спутниками еле спаслись. Успели прыгнуть в лодку и оттолкнуться от берега.

Что ж, версия тоже бесславная, но, во всяком случае, не такая позорная, как настоящая. О том, что правда рано или поздно всплывет на поверхность, эти дурни не думали.

Версию Хотена мы узнали не от него самого, а от его сотника. Князь тоже наверняка слышал эту историю. Неужели он в нее верит? Даже сейчас... Или в третий раз обвинит меня во лжи?

Нет, не во лжи.

– Я услышал твои слова, – заявил он. – Но вы убили моих дружинников. Кто ответит за их кровь?

Водимирова братва одобрительно загудела, и я понял, что психологические игры кончились. Сейчас нас начнут убивать. Страх не было. Мое состояние лучше всего описывало слово «кураж».

– Мы – воины, – громко произнес я. – Мы убивали многих. Мы убили твоих людей для князя Рюрика.

Что таиться, если Водимир всё равно вот-вот нападет на Ладугу?

– Рюрик щедро заплатил нам, потому что знал: мы очень хорошо умеем убивать. Намного лучше твоих людей, князь Водимир! – я демонстративно оскалился. – Разве не поэтому ты, князь, прислал к нам своего боярина, который сказал, что ты заплатишь больше, чем Рюрик?

– Нет! – рявкнул Водимир, но я проигнорировал его возглас и продолжал, надеясь, что успею договорить раньше, чем на меня набросится свора его псов.

– Это было умно, князь. Многие владельцы предпочитают платить серебром, а не кровью верных людей. Ты решил перекупить нас у князя Рюрика, чтобы мы убивали для тебя, а не для него. Это разумно, князь. Ты богат, и серебра у тебя довольно. А с доброй дружиной добудешь еще больше. Но одного лишь богатства мало, чтобы получить наши мечи. Слава и честь – они дороже серебра, потому я ответил твоему боярину: сначала я должен взглянуть на того, кому буду служить. И он пригласил меня в гости. – Я остановился, чтобы сказанное осело в сознании присутствующих. – И вот мы здесь. Гости. И не один лишь твой боярин, ты сам назвал нас гостями. Так? И мы ели за твоим столом, князь. И были спокойны, потому что и у нас, и у вас закон один: кто обидит гостя, тот оскорбит богов. А кто оскорбит богов, тому не будет удачи.

Да, я знаю многих, кого это не остановило. Деда моей жены убил в своем доме коварный ярл ради богатства. А ее отец убил и подлого ярла, и всех его дружинников. Он справился в одиночку с целым хирдом, потому что боги наказывают предателей. Славная история. Будь мы на пиру, я непременно рассказал бы ее. Но мы не на пиру. И речь не о родичах моей жены, а о нас с тобой, князь. Все слышали, как ты назвал нас гостями, князь. Пришло время узнать, чего стоит твое слово?

Я умолк. Было тихо. Меня слушали. Не перебивая. Это ничего не значило. Им просто было интересно, что я скажу дальше. Водимир сверлил меня взглядом. Специфическим таким. «Ну, боец, ты уже наговорил на три казни. Что еще скажешь?»

По уму ему стоило бы меня заткнуть.

Но Водимиру тоже было интересно. В этом мире так мало развлечений. Почему бы и не послушать того, кто, считай, уже мертв?

И «мертвец» продолжил:

– И двух дней не прошло, как младшего из нас, моего приемного сына, вызывает на поединок один из твоих отроков. Не последний из них, как мне сказали. Мой сын убил бы его так же легко, как я могу убить любого из твоих гридней... – Я обвел жестким взглядом обступивших нас дружинников. Нет, никто не поддался на провокацию. – Я или вот он, – кивок в сторону Палицы, – нам здесь нет равных. Поэтому какие-то люди подло похитили и спрятали моего сына. Возможно, им стало обидно, что их родич оказался никудышным воином. Но поединок был чистым, и ты, князь, должен был напомнить им об этом. И вернуть мне сына, а похитителей – наказать. Не знаю, как у вас, а у нас за такое казнят.

Я чувствовал, что попал в струю, и язык сам находил нужные слова. И я не боялся. Всё равно убить меня можно только один раз. Бывало и похуже, ведь смерть, она может быть очень неприятной. То ли дело – погибнуть в бою. А там... Чем Один не шутит: вдруг вся эта фигня о Валхалле и Асграде – правда?

– Я пришел взглянуть на тебя, князь. Я пришел, чтобы понять: хочу ли я служить такому вождю? И понял: нет, не хочу. Какой ты вождь, если даже твоим ближникам плевать на твои слова! – я сплюнул в пыль. – Ну да. Ты назвал нас гостями, но твоим людям твои слова – ничто. И я вижу, что у тебя нет над ними власти. Даже над этим торгашом, – я картинно указал на купца, – который только что при тебе заявил, что ты лжешь. И знаешь, князь, меня это не удивляет. Ты сам только что дважды обвинил во лжи меня. Я думаю, тебе просто приглянулся мой меч. Что ж... Ты его получишь. Когда я умру. Но до того, как это случится, здесь умрут многие, клянусь Молотом Тора! И будет кому прислуживать нам в чертогах Одина, когда сюда придут мои люди. Когда приплывут сюда мои родичи из Сёлунда, чтобы наказать того, кто преступил законы богов и убил гостя. Вы все... – я оглядел разъяренные рожи вокруг, – вы все умрете, не оставив потомства, потому что людей обмануть можно, но горе тем, кто презрел законы богов! Довольно слов! Пусть говорит сталь!

И я извлек из ножен Вдоводел. Доля секунды, не больше. Одновременно – шлем вниз, с затылка – в боевое положение, прикрывая верхнюю половину лица. Еще полсекунды – и в левой руке у меня парный клинок. Боковым зрением отметил: Гуннар тоже обнажил меч и перекинул со спины щит. Справа радостно заворчал Хавгрим, готовясь к священному танцу воина Одина.

Красиво, наверное, со стороны на нас смотреть. Красиво и страшно. Хоп – и мы уже с оружием в руках.

Я засмеялся: храбрые дружинники Водимира тоже похватались за оружие, но при этом *подались назад*. Никто из них не горел желанием первым подставиться под нурманское железо. Во всяком случае – без команды князя. Тем более что почти все – «налегке», это мы – в броне и с полным комплектом вооружения.

Князь с командой «фас» не торопился. Смотрел на меня... как-то по-другому. Будто вспоминая что-то...

– Ты всё сказал, Ульф Свити?

Я засмеялся еще громче и завертел клинки, разминая кисти. Ох и нашинкуем мы нынче мяса... Воронью б на неделю хватило. Кстати, вот и оно, воронье. Чует рубливо. И мой Волк, чую, тоже где-то рядом. Скоро я снова его увижу. Пусть даже в последний раз...

Дружина шумела. Ворчание собачьей своры, обложившей настоящего зверя, но не решающейся напасть. Да, их здесь больше сотни против нас троих. Но у каждого – одно, свое собственное очко. И оно, блин, не железное. Ну да. Страшно. Мы-то, считай, уже мертвы. А им еще пожить хочется.

– Не трогать их! – перекрывая шум, проревел Водимир. – Не трогать! Они – мои гости!!!

Надо полагать, Водимир оценил возможные потери и призадумался. Да, расклад – минимум тридцать к одному не в нашу пользу. Но мы – это мы. И на каждом из нас полный доспех, а его бойцы – кто в чем. Большая часть – в одних рубахах (лето же!), без щитов, а многие даже без настоящего оружия. И лучников я что-то не вижу. Не подготовился Водимир. Или ожидал, что мы сразу поднимем лапки? Зря.

Команду «не трогать», я думаю, его парни восприняли позитивно. Особенно те, кто был в первых рядах. Кое-кто гавкнул для виду...

И только обиженный нами купец приказ князя проигнорировал. Выхватил меч и с воплем: «Бей их, люди!» – ринулся в атаку.

И кровь едва не пролилась, потому что за купцом сунулась «группа поддержки». Еще с полдесятка бойцов...

Выручил Палица. Купец-то бросился на меня, но по пути оказался в досягаемости берсерка...

И схлопотал от него могучего пинка.

Хавгриму почему-то показалось забавным: не убить купца, а поддать ему ногой, как наглой шавке.

Хорошо получилось. Купец отлетел на пару метров и плюхнулся на задницу аккурат перед князем. Меча, надо отметить, не потерял. И на ноги вскочил тут же... Но подшибленная Хавгримом нога (не просто так ударил, а в нужное место) предательски подвернулась, и купец вновь оказался на пятой точке.

– Взять его! – рыкнул Водимир.

Пара ближайших гридней прихватила героя. Меч отняли, еще и по шее двинули. «Группа поддержки» вмиг утратила воинственный пыл.

– Сними шлем! – внезапно потребовал Водимир.

Это он мне, что ли? Нашел дурака!

– Сними шлем, Ульф Свити! Боишься показать лицо?

– А то ты его не видел... – проворчал я. А, хрен с тобой, золотая рыбка. Сни-

мать шлем я не стал, сдвинул на затылок. Вернуть его в прежнее положение – секундное дело.

Водимир уставился на меня так, будто я потребовал руки его единственной дочки. Секунд двадцать протирал глазами дырку у меня во лбу... Потом вздохнул глубоко, нахмурился и буркнул:

– Так и есть. – А потом, во всеуслышание: – Вы – мои гости. И по обычаю я не могу вас наказать. Однако в моей дружине вам тоже не быть! Все слышали? – Князь еще возвысил голос. Теперь он гремел, будто в битве: – Но кровь требует мщения, и я спрошу за нее! Спрошу не с вас! Виру за убитых я возьму с вашего князя! Так ему и скажете, когда вернетесь! А теперь убирайтесь!

– Ты сказал, – кивнул я, бросив своим негромко по-скандинавски: – Будьте готовы. – И шагнул вперед. Теперь между мной и Водимиром – шагов семь. Хороший бросок – и я его достану.

– Мы уйдем, когда здесь будет мой сын! – Еще один шаг вперед. Я глядел на Водимира в упор и надеялся, что он прочтет в моих глазах посыл: «Или он будет здесь, или я начну убивать. Прямо сейчас. Тебя, если получится».

Отступить князю было некуда. Слева, справа, позади – его гридни. Да и стыд-то какой – отступить перед тремя, когда вокруг тебя – сотня бойцов.

Вдоводел смотрит в горло Водимира, прикрытое лишь бородой. Если придет Волк – я его достану. Гридни не успеют его прикрыть.

Ни хрена он не испугался. Усмехнулся чуть: ну, ну, попробуй. И совершенно неожиданно для меня гаркнул:

– Привести сюда мальчишку! Немедленно!

– Но, княже... – начал было Турбой.

– Немедленно! – бешено прорычал Водимир.

Нет, дело не только в законах. Здесь что-то еще, что-то личное.

Воевода буркнул ближайшему гридню... И буквально через несколько минут Вихорька привели.

Вид у парня был не то чтобы свежий. Глаз заплыл, на щеке – ожог, губы – всмятку. Но – живой! Идет сам, даже не хромает, и вид гордый. Сразу видно: за Вихорька еще не успели взяться всерьез. Не сломали.

Более того, они принесли даже его боевой пояс с мечом, который и вручили Гагаре, потому что мои руки были по-прежнему заняты оружием.

Вспышку радости я безжалостно подавил. Еще не вечер. Мы по-прежнему в окружении врагов. Даже если Водимир решил формально соблюсти закон гостеприимства, то действие его закончится, едва мы окажемся за околицей. И что тогда?

Тогда и будем решать.

Гуннар одним движением меча освободил Вихорька от пут и надел на парня пояс. Сам Вихорёк не смог бы – руки онемели. Зато он уже вовсю лыбился разбитыми губами:

– Отец! Я им...

– Позже, – перебил я по-скандинавски. – Палица, есть в нашей комнате что-то, за чем следовало бы вернуться?

– Ничего такого, что стоило бы жизни, – отозвался берсерк.

– Тогда мы уходим. Немедленно.

И произнес по-русски:

– Вижу, ты чтить законы, князь! И вспомню об этом, если нам доведется

встретиться вновь.

– Прочь с моих глаз, пока я не передумал! – рявкнул Водимир.

Мы развернулись и двинули со двора.

Вышли мы без помех, но я не обольщался. Я успел заметить, что князь не сдвинулся с места. Сидит, ухмыляется. А вот Турбой кричит, суетится, а дюжины три дружинников ломанулось к гриднице, а еще с десятков – к конюшням.

– Бежать сможешь? – спросил я сына, когда мы шли через посад.

– Ага.

– Отлично. Палица, Гагара, думаю, так просто нас не отпустят. Догонят и постараются захватить или просто убить.

– Пускай! Они увидят: мы тоже умеем убивать! – заявил берсерк.

– Их будет не меньше полусотни, и у них будут луки, – напомнил я. – Если нас догонят, на славную битву не надейся. Так что едва дорога повернет – бегом.

– У них будут не только луки, но и лошади, – заметил Гагара.

– Полумилей дальше по дороге будет брод через речушку, которая впадает в Волхов, – сообщил я. – Главное – успеть туда раньше погони.

– И что потом?

– Увидишь!

Глава 31 Бегство

Речка – это громко сказано. В это время года – скорее ручей. И мы как раз добрались до него, когда услышали лай собак. Охотники приближались. Охотники за нами.

– В воду, – распорядился я.

Следующие полмили мы бежали, то оскальзываясь на подводных камнях, то увязая в иле. Гагара и Хавгрим подхватили под руки Вихорька, когда тот начал сдавать. На нашей скорости это особо не сказалось. Как всегда, главным «тормозом» был я.

– Сюда! – скомандовал я, обнаружив подходящее место: излучину, с внутренней стороны которой – типичное подсохшее болото. – Нет, парня оставьте здесь!

Вихорёк решил, что мы его бросим: сделал мужественное лицо, но я его обнадежил:

– Ложись и отдыхай! Мы скоро вернемся.

Болотце было небольшим – метров четырехста в ширину, а глубиной максимум – по колено. Не топь, а грязюка, и то не везде. Мы форсировали его бодрой рысью и выбрались на сухое.

– Теперь разбегаемся, а потом возвращаемся сюда же.

Моим бойцам ничего дополнительно объяснять не нужно. Прием для запутывания следов – самый обычный. Главное – правильно «подвесить след», а потом аккуратно вернуться. Так, чтобы опытный следопыт ничего не заметил.

Я усложнять не стал: пробежал метров двести – до какого-то оврага, потом свернул, заложил петлю, возвратившись на собственный след, и задом наперед, ставя ноги в собственные отпечатки, допятился до болота, где уже ждал меня Палица. Гагара появился через пару минут – в другом месте, но тоже двигаясь спиной. Молодец вообще-то. Вспомнил, что нас – четверо.

Сложным был момент, когда мы пересекли болото в обратном направле-

нии и вышли к речушке. Вот тут наследить было – запросто. Но я уповал на то, что преследователи действуют традиционно, то есть пустили собак (а лай-то уже совсем близко!) по обе стороны ручья, отслеживая место, где мы выберемся на сушу. Найдут, обрадуются... И затопчут всё в кашу. Тем более они на лошадях...

Мы спустились ниже по течению и залегли. С той стороны ручья, где болото.

Ну да, всё, как я и надеялся. Две группы по берегам, а основной отряд – по руслу. Лошадей ведут на поводу. Разумно.

Наш болотный след, естественно, обнаружили легко. Но двинулись по нему не сразу и не все. Командир у них был толковый, похоже... Сообразил, что мы могли и разделиться. Сообразил – и отправил вниз по течению человек десять с парой собачек. Они бодро прошлепали мимо нас... По другую сторону речушки! Нет, не такой уж он и сообразительный, этот командир. Послал небольшой отряд и только по одной стороне, а вся остальная братия, по моим прикидкам не меньше полусотни, форсировала болотце.

– Догоним и убьем? – азартно шепнул Гуннар, показав в сторону малого отряда.

Я покачал головой:

– Нет. Нам в другую сторону.

Три пары глаз уставились на меня.

Вихорёк сообразил первым:

– Долго же они нас будут искать!

– Если клювами щелкать не будем!

Идиому не поняли, но смысл дошел.

Когда поисковый отряд номер один, обшарив округу по ту сторону болотца, убедился, что нас там нет, и сообщил об этом гнусавым звуком охотничьего рога, мы уже добрались до моста.

– Что дальше, хёвдинг? – поинтересовался Палица.

– Мне многие говорили, что ходок из меня неважный.

– Так и есть! – хохотнул Гуннар.

– Я плохо хожу, зато ты, Гагара, отлично гребешь. Поэтому мы...

– Украдем корабль? – догадался норег. – Как Трувор?

– Корабль? Зачем тебе корабль? У тебя что – десять рук? Хорошей лодки будет довольно.

Но захватили мы всё-таки корабль. Пусть маленький и речной, но всё же покрупнее лодки. И грести норегу не пришлось, потому что судно мы захватили вместе с экипажем.

В общем, повезло.

В прибрежной полосе болталась прорва народу: военных и штатских. К нам это не имело отношения. Обычная жизнедеятельность.

Мы до заката просидели в каком-то сарае и уже приглядели подходящее суденышко для угона, когда Вихорёк в сгущающихся сумерках, когда деревянная пристань практически обезлюдела, высмотрел отшвартовывающийся корабль румов на шесть.

Снаряженное для плавания судно – это же отлично! И добычу поднимем, и

пожрать найдется. День был насыщенный, а еды у нас с собой – ноль.

– Берем, – решил я. – И вот что: не убивайте никого пока. И помалкивайте до времени.

Рванули с низкого старта и успели в самый последний момент: суденышко уже отваливало.

– Стой! – заорал я еще на подходе. – Боярин велел!

Уточнить, что именно велел боярин, я не стал. На кораблике замешкались, и нам хватило, чтобы оказаться на борту.

– Ну, чего велел боярин? – сунулся ко мне бородач в кожаной шапке-ушанке.

– Мы с вами идем, – заявил я. – Ты – рулевой?

– Не-а. Вот он, – бородач мотнул головой в сторону кормы. – Я – холоп боярский. Главный тут. А ты кто?

– А тебе это знать ни к чему, – отрезал я. – Пожрать дай чего-нибудь. Голодные мы! На-ка тебе – за прокорм! – И сунул бородачу серебряшку.

– А далеко ль пойдете с нами? – деловито поинтересовался боярский холоп. – До Ладоги? Так до Ладоги – маловато будет.

– Сочтемся, – пообещал я. – Эй вы, что заснули? Весла в воду!

Командирский голос сработал. Мы отошли от причала. Весла убрали, попутный ветер надул парус. Кормчего, похоже, темнота не смущала. Двигались мы довольно быстро.

Бородач организовал нам перекус. Не шибко щедрый. Каменной твердости лепехи с медовым вкусом и воду из реки.

Вот эти лепехи они потом и жрали до самой Ладоги, когда я объявил им, что судно захвачено викингами.

Впрочем, в Ладоге пришлось их отпустить. Кораблик, как выяснилось, принадлежал не Водимирову боярину, а ладожскому. Своему, типа. А своих грабить как-то неприлично.

Глава 32 Хитрость Водимира

– Ты уверен?

На этот раз «заседание» проходило в узком кругу: только доверенные лица. Из Гостомысловых только сам князь и боярин Бобр. Говорили по-скандинавски. И Гостомысл, и Бобр этим языком владели свободно.

– Говорю, что слышал. И часть того, что слышал, уже подтвердилась.

– Одного не пойму, – пробормотал Бобр. – Почему он вас отпустил?

– Ты сомневаешься в моих словах? – мгновенно оцетинился я.

– Полегче, Волк! – вмешался Трувор. – Это всего лишь вопрос. Верно, боярин?

– Так и есть. Не серчай, вождь. Я понять хочу. Сначала он вас отпустил, потом передумал и отправил погоню.

– Ульф же вам сказал: гридь Водиминова безбронна была по большей части, и лучников не было, – подал реплику Палица. – Мы бы среди них такую жатву собрали! По правую руку от Одина воссели бы!

Прекрасное объяснение. Но я не был в нем уверен. Из-за того, последнего взгляда Водимира. То был не взгляд человека испуганного или обеспокоенного. Уж в этом-то я разбираюсь. Водимир контролировал ситуацию от и до. И я готов поставить марку золотом, что погоня за нами – это не его приказ, а лич-

ная инициатива Турбоя. Хотя, с другой стороны, он же не остановил своего во-еводу...

– Довольно гадать! – поднял руку Хрёрек. – Что было, то было. Что сейчас будем делать, воины? До праздника – две седмицы. Ждем Водимира на Солнцеворот или нет?

– Мы через четыре дня выходить собирались, – сказал Трувор. – Многие с зимы с родней не видались. Уже и подарки собрали. Но раз такое дело – можем и остаться.

– Если вы останетесь, Водимир не придет, – Хрёрек покачал головой. – У него глаз и ушей в Ладоге больше, чем лягушек на реке.

– Давно пора проредить... – пробасил Ульфхам Треска.

– Своих людей резать не позволю! – немедленно вскинулся Гостомысл.

– Не надо никого резать! Не вижу смысла! – вставил я.

– Ты, брат, известный добряк! – воскликнул Свартхёвди. – Купца пожалел, а из-за него вас всех чуть не убили!

– Мы знаем многих, кто от Водимира кормится! – гнул свое Треска. – Прижать их да и выведать, что их конунг задумал!

– Я здесь правлю, человек Севера! – гаркнул Гостомысл. – Без моей воли волос с головы ладожанина не упадет!

– А нам шерсть твоих овец и не нужна, – ухмыльнулся Ульфхам. – Только шкура.

– Треска, помолчи! – оборвал его Хрёрек. – Отец! Без твоего разрешения никого не тронут. Обещаю! – успокоил Хрёрек. – Ульф, ты хотел что-то сказать? Говори.

– Я думаю: надо вам уйти, Трувор, – сказал я. – Иначе соглядатаи Водимира донесут, что вы остались, и тогда Водимир вряд ли нападет. Будет ждать другого случая, а это нехорошо. Сейчас-то мы знаем о его намерениях, а потом?

– Не дело ты говоришь, Ульф Свити! – не выдержал Гостомысл. – Без варягов нам от Водимира не отбиться!

Наши помалкивали. Они знали меня и знали, что у меня должно быть что-то в заглазнике.

– Варяги уйдут, – повторил я. – Но недалеко. Встанем скрытно на реке повыше Ладоги и будем ждать Водимирово войско. У нас несколько драккаров, и драться на воде мы умеем уж точно лучше, чем дружинники Водимира. Встретим их на реке и разобьем. А если кто успеет добраться до берега, тех встретят люди князя Гостомысла. У меня всё.

– Придуманно славно, – одобрил Хрёрек. – Но пусть тот, кому есть что сказать, говорит.

– Мой брат должен получить две лишние доли добычи за свою придумку! – немедленно заявил Свартхёвди.

– Пять долей! – поднял цену Хрёрек. – Если добыча будет.

– Если, – пробормотал Ольбард.

Я пожал плечами: на войне планы и их практическая реализация – далеко не одно и то же. Потому надо рассмотреть все возможные варианты.

И мы их рассмотрели. Учли даже возможность того, что часть флотилии Водимира может проскочить мимо нас в Ладогу.

К сожалению, истинный план Водимира в список рассмотренных не во-

шел.

Дружина Водимира налетела на Ладогу ранним утром.

И Ладога, увы, оказалась беззащитна – не было ни дружины Хрёрека, ни значительной части бойцов Гостомысла.

Мы ждали Водимира на Волхове, а он прошел сушей. Да еще круговой дорогой.

Плохо, когда в стане противника нет твоих соглядатаев, а у него в твоём – есть.

Ладога легла в руки Водимира, как спелый персик.

От всей Хрёрековой дружины – три зеленых, как июньские яблоки, отрока.

Дружина Гостомысла...

Этих осталась примерно половина. Остальные под предводительством Бобра были с нами.

Хорошо хоть Гостомысл со своими успел запереться в крепости. Хорошо, что крепость к осаде всё же подготовили, поскольку вероятность того, что войско Водимира окажется сильнее нашего – допускалась.

Жена Хрёрека, Светозара, вместе с челядью тоже успела укрыться в крепости. А вот семьи большинства ладожан – нет. В целях секретности рядовых граждан никто не предупреждал о возможном налете.

Вот ими-то и занялись люди Водимира, когда стало ясно, что с ходу ладожскую крепость не взять, даже с учетом почти десятикратного превосходства в численности.

К тому же грабить куда привлекательнее, чем лезть на стены без подготовки. Грабить вообще весело. Любимое развлечение победителей. Грабить, насиловать, убивать. И Водиминова гридь веселилась вовсю, невзирая на то, что ладожские – одного с ними языка. Оно и проще, когда язык – общий. Легче выпытывать, где деньги запрятаны.

Разграбили, как потом выяснилось, и мой недостроенный дом. Богатств в нем особых не было – мы ж не дураки: деньги в открытом доступе хранить. Так что дом не столько разграбили, сколько запаковали. Из наших при этом никто не пострадал. Весь мой маленький хирд был со мной.

О том, что случилось в Ладоге, мы узнали от Хрёрекова отрока. Вьюноши, которому не удалось поспеть в крепость до того, как там затворили ворота.

Паренек выжил, потому что ухитрился забраться на крышу терема и переждать там до темноты.

И он всё видел.

Как потрошили Ладогу.

Как люди Гостомысла попытались сделать вылазку – и едва не заплатились. Водимир оказался не дурак: оставил поблизости от ворот заслон сотни в три бойцов. В результате вылазки численность защитников крепости сократилась на четверть. Счастье, что ворота удалось отстоять и запереть.

Больше Гостомысл наружу не лез. Наблюдал с башни, как враг изничтожает его столицу, и, надо полагать, скрипел зубами от бессилия.

В переговоры вступить не пытался. Да и не с кем было.

Так прошел день.

Когда стемнело, Хрёреков отрок спрыгнул на оставленную у стены телегу с сеном, перелез через частокол, украл чью-то лошадь и дернул из города. Он успел отмахать три поприща, когда его перехватил варяжский дозор.

Глава 33 Княжий совет

Ночной совет был собран немедленно.

Начали с того, что в захвате Ладоги обвинили меня. Мол, план был мой, моя и ответственность. Старшие дружинники Гостомысла разорались, как чайки на птичьем базаре. Их можно было понять: у многих семьи в Ладоге и что с родней – неизвестно.

Кто-то даже рискнул упрекнуть меня в сговоре с Водимиром. Жаль, не разглядел, кто именно. Уж я бы ему язык укоротил.

Унял крикунов Бобр. Напомнил, что ответственность несет тот, кто принимает решение. То бишь наши князья.

Тема была закрыта, и совещание перешло в конструктивное русло.

И тут меня здорово удивили. Я-то полагал, что мы всей силой немедленно двинем на выручку Гостомыслу. Но этот вариант отстаивали только люди ладожского князя. Притом не все и без особого энтузиазма. Остальные...

Блин! Наверное, я никогда не пойму психологии жителей Средневековья. Совсем недавно тот же Хрёрек поставил интересы жителей Ладоги выше интересов собственного хирдмана, то есть меня. А теперь – пусть грабят и режут на здоровье, так получается?

И резкая смена политического вектора вызвана не чем иным, как все теми же бабосами. И озвучил основополагающую идею не кто иной, как Хавгрим Палица. В самом начале совещания. И это было первое, что он сказал, когда услышал сообщение отрока-информатора.

– Ха! – воскликнул берсерк. – Вот так удача! Получается, в новом гарде Водимира-конунга воинов не осталось!

И нахмуренные чела наших вождей – как же, пропустили Водимира в Ладогу! – мгновенно разгладились. Провал операции превращался в нечаянный успех.

Полчаса обсуждения – и защитники спасательной операции вдребезги разбиты сторонниками встречного грабежа.

Я помалкивал. Мне было интересно, что скажет Хрёрек.

Князь-конунг тоже отмалчивался. Ждал, когда выговорятся остальные. Выговорились. И пришли к единодушному: немедля идти грабить Новый город.

Но у нас не демократия покуда. Решает вождь.

Хрёрек подождал, пока наступила тишина. И обратился ко мне:

– Мне говорили, что у тебя в дружине, Ульф, один из дренгов когда-то ходил под знаменем Водимира?

– Верно, – признал я.

– Как его зовут?

– Траусти. Но раньше он откликался на Домаслава.

– Траусти... Хорошее имя. А скажи: есть у него родня в Новом Городе?

– Думаю, да, а что?

– А как думаешь: примет ли его Водимир, если твой дренг захочет вернуться?

Не понял. Он что, в шпионы моего бойца наметил?

Нет, не в шпионы.

План Хрёрека оказался покруче.

– К Новому городу Водимира мы не пойдем, – огорчил он своих «офицеров». – Сейчас. И к Старому тоже. Я не хочу грабить. Я хочу править. И помеха у меня одна – князь Водимир.

– И его дружина, – напомнил Ольбард.

– И его дружина, – согласился князь-конунг. – Если их разбить, то Новый город Водимира и всё, что при нем, станет нашим. Без добычи не останемся. Главное – разбить Водимира.

– Легче сказать, чем сделать, – пробормотал кто-то из Гостомысловых бояр. – Дружина Водимира – втрое больше нашей.

– Что с того? – влез Медвежонок. – Да я один десяток таких положу!

– Помолчи, Свартхёвди Сваресон! – недовольно произнес Хрёрек. – Побить мы их, может, и побьем. Да много ли нас после этого останется? Те из вас, кто давно со мной ходит, знают: когда-то у меня был сильный хирд, несколько боевых кораблей, сотни храбрых и умелых хирдманов... Я помню каждого из них! Каждого! И будь они здесь, Водимир без боя отдал бы мне меч! И я не хочу потерять вас так, как я потерял их. А это случится, если мы схватимся с Водимиром сила на силу. Кто бы ни победил, он будет в проигрыше. Без сильной дружины землю не удержать.

Хрёрек умолк. Оглядел присутствующих. С ним никто не спорил. Все ждали, что предложит вождь.

– Мы хотели взять его врасплох здесь, на реке, где мы сильнее, – сказал Хрёрек. – Не получилось. Водимир нас перехитрил. А теперь мы попробуем перехитрить его. Вот почему я спросил о твоём новом дренте, Ульф Свити. Как ты думаешь: если он прибежит к Водимиру и скажет, что мы идем грабить его град, как поступит Водимир?

– Если поверит, то, скорее всего, покинет Ладогу и поспешит спасти свой город, – ответил я. – Если поверит.

– Надо, чтобы поверил, – веско произнес Хрёрек.

Ага. Можно сыграть паренька втемную. Пусть думает, что мы и впрямь двинулись к Новому городу. Сам он доносить Водимиру не побежит. Но если я намекну, что это и мое желание...

Допустим, Домаслав-Траусти придет к Водимиру и передаст, что услышал от меня. Кто гарантирует, что Водимир не устроит парню проверку? Допустим, проверку он выдержит, потому что и сам уверен в том, что скажет правду. Но я-то знаю, что здесь вместо детектора лжи. После такой проверки испытуемому две дороги: либо в калеки-нищие, либо на кладбище. Но даже если Водимир просто поверит парню на слово, а это возможно, потому что мотивация у Домаслава-Траусти будет сильная. Даже если поверит, всё равно велит кому-нибудь за парнем присматривать. И когда начнется заварушка, парня, скорее всего, тут же убьют. Как предателя. С точки зрения полководца – нормальный вариант. Пожертвовать одним человеком, чтобы завалить пару сотен. Но я, похоже, не полководец. Если бы речь шла обо мне...

Что ж, я уже был в аналогичной ситуации, когда сыграл для Рагнара Лотброка роль «засланного казачка» при французском короле Карле Лысом и взял с собой в качестве «оруженосца» Вихорька... И мы оба в итоге оказались в пыточном подвале короля Франции. Ушли только потому, что повезло. Ну и я мо-

лодец, конечно.

Отправил бы я на аналогичное задание Вихорька в одиночку? Да никогда! И Домаслава-Траусти не отправлю. Он – мой человек. Жизнь его принадлежит мне. И хрен я ее отдам ради стратегического преимущества!

– Нет.

– Что – нет? – уточнил Хрёрек.

– Мой человек к Водимиру не пойдет.

Хрёрек с полминуты давил меня взглядом, но настаивать не стал. Понял, что ответ продуман и заднего хода я не дам.

– Князю своему перечишь? – подал голос кто-то из Гостомысловых.

Я глянул на крикуна, и тот заткнулся. А я встал, подошел к Хрёреку вплотную и прошептал:

– В Альдейгье у Водимира было больше соглядатаев, чем блох на дохлой крысе. Думаешь, здесь их нет?

Конунг отстранился, зыркнул исподлобья... И кивнул:

– Твой человек, Ульф. Тебе решать.

– Да, мне, – подтвердил я.

– А город Водимира брать пойдешь, Ульф-хёвдинг? – неожиданно предложил Хрёрек.

– С удовольствием!

Мгновенно поднялся шум. Город Водимира хотели брать все.

И тут Хрёрек-конунг, вернее, князь Рюрик показал, что навыков полководца не утратил.

– Вы уходите прямо сейчас, – распорядился он. – Сушей. Мы все тоже пойдём. Но водой. Трувор, дай Ульфу из своих молодых два десятка.

– Ольбард! – встрепнулся главный варяг.

– Нет! – перебил Хрёрек. – Ольбард мне нужен. Дренгов ваших Харра поведет. С Ульфом не пропадут, я думаю.

– Остальным – собираться. Выступаем по готовности.

Наша готовность наступила через полчаса. И двинулись мы быстро, потому что нам отдали всех лошадей.

Прочее воинство собиралось значительно дольше и только к рассвету погрузилось на корабли и неторопливо двинулось вверх по Волхову. Однако далеко не всё войско.

А еще раньше ладожская армия, как я и предполагал, кое-кого недосчиталась.

План сработал. О том, что ладожское войско собирается ограбить его базу, Водимир узнал из более надежного источника, чем мой дренг Траусти.

Глава 34 Ночной бой

В город вошли без проблем. Мы с Палицей перемахнули через стену без малейших помех. Там – разделились. Хавгрим – ворота открывать, а я – в сторожку. Стража привратная была ну совсем зеленая. Уставились на меня, как овцы на забойщика. Один рот раззявил и замер в оцепенении, второй только глазами лупал и бормотал что-то типа: «не бейте меня, дяденька...» Даже не попытался заорать, оповещая своих о вторжении.

И правильно, что не пытался. Я бы тогда его убил. А так тюкнул по макуш-

ке плоскостью Вдоводела сначала одного, потом второго и вышел наружу как раз тогда, когда там уже собралось мое невеликое воинство.

– Ну что, хёвдинг, будем ждать Хрёрека или сами Водимирову крепость возьмем? – поинтересовался Харра.

– Я думал, ты поумнее, Стрекозка, – хмыкнул Свартхёвди. – Не придет конунг. Водимира ждать будет на перехвате.

– Ты больно умный! – фыркнул варяг. – Здесь, за стенами, его куда сподручней бить было бы.

– Вот я и говорю: рано тебя хускарлом сделали, – заявил Медвежонок. – На стены он и не попер бы. Отошел и ждал, изготовившись, когда мы сами наружу вылезем. Выходит, нам с ним так и так в поле биться бы пришлось, а для засады, чтоб ты знал, лучшего времени и места нет, чем когда вражье войско со всех ног мимо тебя спешит дом свой оборонять.

– Умно! – признал Харра.

– То-то! Учись, малый, пока жив!

– Если вы наговорились, то давайте двигаться, пока всех собак здесь не разбудили, – вмешался я в познавательную беседу.

– Тремя десятками – на Водимирову крепость?

– Стрекозка! Что с тобой? Когда мы крепость франков брали, нас, помнится, всего девять было. Не бойсь! Телят твоих на стену умирать не погоним!

– Если хёвдинг велит, я на стену хоть в одиночку пойду!

Это кто у нас такой храбрый? Ну да, сынок Трувора, разумеется, понимает по-скандинавски.

Договаривали они уже на бегу. Сколько бы народу ни оставил Водимир на своем подворье, лучше застать их сонными, а не с луками на стенах.

В крепости было тихо, если не считать негромкой переключки часовых. Судя по голосам, их было четверо и располагались они по углам крепости. Но я подозревал, что этой четверкой численность охраны не ограничивается. Мне помнилось: у ворот тоже парочка имелась. И тот отрок у калитки, что выпускал меня искупаться.

Мои бойцы уже приготовились соорудить «живую лестницу» – для крючьев с веревками стена была высоковата. Я сделал знак: погодите. И двинулся к калиточке. Вдруг удастся проникнуть внутрь дуриком?

Ну-ка...

Я пнул пару раз калитку и, услышав, как с той стороны завозились, отбарабанил заковыристый ритм.

Нет, не сработало. Не открылся сезам.

С той стороны откашлялись и поинтересовались хрипло:

– Кого там мавки пригнали?

– Я это! – невнятно буркнул я. – Открывай давай!

– Я – это кто? – не повелся хрипатый. – Имя назови или проваливай.

К этому вопросу я был готов.

– Задорей, ешь ты опарыш! Отпирай, пока не осерчал!

– Задорей? А мы думали: ты сбег...

Калитка отворилась, и сторож, приземистый дядя с седой бородой, уставился на меня.

– А где Задорей?

Сильный вопрос.

– Там, – показал я на небо и двинул дядю рукоятью Вдоводела промеж глаз. Потом отодвинулся, пропуская Палицу и Гуннара. Скандинавы в темноте видят лучше меня, а территория им тоже знакома.

– Медвежонок, Скиди, Тьёдар, Гуннар – зачистите стены, – прошептал я, очень надеясь, что наш с дядей диалог не встревожил стражу на стене. – Тови – ты с ними. Брат, как закончишь – крикнешь совой. И сразу – в княжью часть терема. Гуннар покажет, где. Харра! Когда Свартхёвди даст знак, проверишь двор, конюшни и прочее. Палица, на тебе – большой дом воинов, гридница, по-здешнему. С тобой – Хавур, Тови и Траусти. Присмотрят, чтоб не сбежал никто. Виги, ты со мной в караулку. Начали!

Свартхёвди и его тройка разбежались к башенкам – снимать часовых, а я с приемным сыном вломился в караулку...

И никого! Это что же? Дядька ворота в одиночку сторожил?

Не совсем.

Из-под лавки на меня с рыком кинулась здоровенная, размером с ирландского волкодава и такая же лохматая псина. Я сбил ее на лету, но неудачно. Завизжала, как зацепившая гвоздь циркулярная пила.

Всё. Конец режиму молчания. С дальней стороны двора тут же залилось лам еще несколько собак. В конюшне заржали кони...

– Чужие! К оружию! – завопил часовой на дальней башенке. Другой подхватил и тут же захлебнулся воплем боли.

Из казармы выскочил бронный с факелом в руке...

И повалился, сбитый стрелой. Факел очень удачно угодил в дровяной штабель у кухонного котла. Дрова занялись.

Еще один факел, брошенный со стены, описал дугу над подворьем, озарив его не хуже ракеты, высветив кучку растерявшихся молодых варягов и бегущего к дверям казармы Хавгрима, за которым с трудом поспевали Хавур, Тови и Траусти.

Еще я увидел Бури, сбившего со стены того, кто метнул факел, и наложившего новую стрелу.

И двоих людей Водимира – на княжьем крыльце...

– Бей чужаков! – завопил кто-то. – Их мало совсем!

Чёрт! Все пошло наперекосяк!

Штабель, в который угодил факел, выметнул в небо яркое пламя как раз в тот момент, когда из дверей казармы выплеснулась толпа воев, мгновенно превратившаяся в боевую линию...

В которую с разбега врезался Хавгрим, прорвал центр и ворвался в двери казармы. Что там происходило внутри, я не знал, но догадывался. Мясорубка.

Те, кто оказался снаружи, три десятка как минимум, на помощь своим не бросились, а рысцой, сдвинув щиты, покатались на тройку моих молодых, которые сначала опешили, а потом решили принять бой.

– Хавур, Тови, Траусти! Назад! – заорал я, уже понимая, что теряю контроль над ситуацией. Командир, блин!

– Хавур! Назад! Ко мне!

Вот же гадство! Из княжьего флигеля тоже вывалил народ. Человек десять.

Но это мелочи. Главная опасность – те, кто успел выйти из гридницы и построиться. Я увидел, как заиграло пламя на умбонах красных щитов, и линия

двинулась вперед. Но хуже того – из-за спин щитоносцев полетели стрелы. Главным образом – в Бури.

Азиат отреагировал правильно, укрылся за колодой-поилкой. Из игры его временно выключили.

Выключили – и перенесли огонь на варяжский молодняк...

Который, впрочем, успел из ватаги тоже превратиться в правильный строй, укрывшись за щитами. Харра – молодец, а вот я – не очень. Где мои бойцы? Где Медвежонок?!

Ответ на мой вопрос дали вражеские лучники. Они сменили цель. С варягов на бегущего через двор одиночку. Моего братца.

Вот только попасть по нему было трудновато. Свартхёвди мчался зигзагами и настолько быстро, что стрелки никак не могли угадать с упреждением, а отдельные стрелы Медвежонок ловко сбивал щитом.

Всё. Медвежонок расшвырял заслон и ворвался в терем, мимоходом отправив за Кромку парочку оказавшихся на пути дружинников. Часть выскочивших во двор кинулись за ним. Вперед и с песней, ребята! Остановить берсерка может сплоченный строй опытных воинов. Или несколько не менее опытных стрелков. В остальных случаях разыгрывается партия «Лиса в курятнике».

Так, а где Певец, Гагара и Скиди?

Нет, за Свартхёвди они не кинулись. Они ж не берсерки – под стрелами скакать. Но бойцы опытные. Отреагировали правильно и без моего руководящего участия. Собрали щитовую линейку, включив моих отступивших дренгов, и приготовились встретить многократно превышающего числом противника.

А вот варяжская молодежь что-то тормозит. Самое время мне поработать хёвдингом.

– Вихорёк! В сечу не лезь! Бей стрелами! – крикнул я и бросился к варягам.

Одинокая стрела вжикнула перед носом, но я уже рядом с Харрой:

– Что стоите? Уснули? Клином! За мной!

И припустил вперед, надеясь, что строевая подготовка у молодежи – на уровне.

Ждать некогда. Водимировы дружинники уже взяли в оборот шестерку моих хирдманов.

Подготовка у варяжского молодняка оказалась достаточной. Меня словно в спину толкнуло. Я, и не оборачиваясь, почувствовал, что из воина-одиночки превратился в острие тарана.

Когда я впервые увидел, как работает боевой клин викингов, то очень впечатлился. Тогда на его острие шел Хрёрек. Сейчас – моя очередь! Я – вожак! Вожак!!!

– Бегом!!!

Слева – Харра, справа юный Труворыч. Дальше, щит к щиту – молодые волчата-убийцы.

Жуткий вой, варяжский боевой клич, опередил нас на полсекунды, ввергая в трепет даже сильных духом, а затем мы обрушились на спины Водимировых дружинников. Прямо во фланг, уже загнанный, нацелившийся охватить, окружить коротенькую шеренгу моих хирдманов.

А тут – опаньки! Как копьё между лопаток.

Я рубил с двух рук. Рядом в той же варяжской манере бился Харра. Мы не мешали друг другу. Разве правая рука мешает левой? Здесь не было никого,

способного нам противостоять. Дружинники Водимира оборачивались... И умирали. От мечей, мелькающих между щитов. От копий, разящих из-за спин щитоносцев.

Одиночка, если он не берсерк и не великий воин, ничего не может против строя. Перед ним – сплошная стена с металлическими кругляшами шлемов сверху. Стена, которая наваливается на тебя, и вот ты уже хрипишь и оседаешь, ужаленный сталью, выскользнувшей из ниоткуда. Падаешь, а строй движется через тебя, по тебе – к тем, кто еще жив. Пока жив.

Минута – и мы сравнялись числом. Минута – и справа от меня уже не Вильд, а Скиди. Что случилось с сыном Трувора – разбираться некогда. Позже.

Волка моего не было. Но я и без него справлялся неплохо. Укол Вдоводелом, с выворотом кисти, хлест саблей под край щита – падающего добил Харра. Стрекоза прыгнул вперед, на шаг вырвавшись из строя, хлестнул крест-накрест – голова спрыгнула с плеч Водиминова бойца. Разворот с уклоном... В котором нет необходимости, потому что Скиди уже отбил щитом брошенный топор.

Вперед, вперед! Чувствую спиной варяжских отроков. Это хорошо, когда спина прикрыта. И не только спина. Сектор моей атаки – градусов шестьдесят. Главное – не остановиться. Не дать себя зажать. Копье скребет по моей броне. Не удар – тычок. Уклоняюсь уходом вдоль древка. Работая саблей почти как ножом (слишком близко), взрезаю копейщику шею. Кровь хлещет, но не на меня, а на щит Скиди.

Всё.

Впереди – только спины бегущих. Ближайший падает с копьем в шее. Кто-то грохается на колени, бросая оружие, поднимая пустые руки...

Наш строй распадается. Молодые волки устремляются в погоню.

Со мной остаются только Харра и Скиди. Ждут указаний.

Я перевожу дух...

Рано.

Стрела лупит в грудь. Панцирь цел, но синяк точно будет. Еще одну стрелу я успеваю сбить Вдоводелом и вижу вражеского стрелка, бьющего из окна горницы... И вижу, как во лбу его вырастает цветок черного оперения бронебойной стрелы. Лоб лучника оказался мягче панциря.

Больше никто не стреляет. Ни в нас, ни у нас.

Мы победили. Двор завален телами мертвых и умирающих. Мои вяжут пленных. В княжьем тереме истошно вопят женщины. Мы победили.

У дверей гридницы сидит на земле Хавгрим Палица. Улыбается бессмысленно. Надо думать, в казарме врагов больше нет. Но уточнить не мешает.

– Харра, проверь гридницу!

Варяг зовет своих, и в темный провал гридницы они входят уже вчетвером. Один из четверки – Вильд. Я рад, что он жив.

Я бросаю взгляд на Хавгрима в берсерочьем отходняке и вспоминаю о брате.

– Скиди! Со мной!

Мы подбегаем к княжьему крыльцу... И навстречу вываливается Тъёдар. Тащит за волосы какую-то бабу. Нет, не какую-то. Видел ее на пиру, но не узнал бы, если б она не орала истошно:

– Отпусти меня, нурман! Я – дочь князя Водимира! Он тебя на кол посадит!

Наивная девушка. Как бы ее саму на это самое не посадили.

Тьёдар не понимает словенского. Но понимает, что добыл что-то недешевое.

Хохочет.

Швыряет девушку мне под ноги.

– Возьми ее, хёвдинг! Хорошая девка! Ты таких любишь! Дралась, как мужчина. Мечом! Га-га-га!

Княжна попыталась вскочить, но Тьёдар пнул ее, наступил на спину:

– Берешь? Или я сам позабавлюсь?

– Медвежонок где?

– Кровью упился. Спит. С ним Тови, если что. Остальные наши дом конунга чистят.

Значит, Вихорёк и азиат тоже в порядке. Получается, среди моих потерь нет. Это славно.

Я ошибался, как выяснилось позже. Потери были. Рано обрадовался.

– Девку оставь, – велел я. – Давай к воротам. Запри, возьми дренгов Харры, ставь на стражу. Не хватало еще, чтоб нас застали врасплох.

– Не застанут, – пообещал Тьёдар.

Княжна тихонько лежала на земле. Руки у нее оказались связаны. С этим у викингов быстро. Что с ней делать? Думаю, лучше приберечь. Как заложника. Мало ли как фишка ляжет...

Глава 35 Лучшая сотня Водимира

Фишка легла на ребро. Еще затемно в город ворвалась конница Водимира. Сотня с лишним отборной гриди. Ворвалась, пронеслась с грохотом по улице, ударились о запертые ворота и откатилась, когда со стен полетели стрелы.

Позже выяснилось: это не наши сплоховали, а Водимир оказался молодцом. Пустил основное войско по основной дороге... Где его и приняла засада ладожан. В то время как сам Водимир с ближней дружиной рванул накоротко, по лесным тропам. Не потому, что догадался о засаде. Хотел поспеть раньше, чем Хрёрек. Или хотя бы до того, как крепость падет.

И он успел бы, если бы не мы.

Да и нас он застал почти врасплох.

А мы – расслабились. Крепость далась нам легко. По численности мы с защитниками играли, считай, на равных, а потеряли всего троих. Против двадцати восьми убитых дружинников Водимира. И почти двух десятков взятых в плен.

Это потому что в крепости Водимир оставил далеко не лучших. Стариков и совсем молодняк. На стенах они наверняка сражались бы удачнее, чем в рукопашной.

Среди мертвых – совсем молоденькие пацанчики. Зря они взялись за луки. Могли бы и жить. Половина убитых – на берсерках. И на Бури, который отправил в Ирий семерых.

У нас – трое погибших. Двое юных варягов и Траусти. Может, зря я не отправил его к Водимиру? Вдруг выжил бы?

Что ж, в очередной раз подтвердилось правило: первыми гибнут молодые-необученные.

Как писал когда-то китаец Сун-цзы, непобедимость воина заложена в нем самом.

В самую точку.

Викинга в строю убить можно, только если он сам даст слабинку. Или – из осадного орудия. Или с помощью орудия живого – безумца-берсерка. Да и то не факт. Вот поэтому такие, как Гуннар Гагара, проходят через десятки битв, а Траусти-Домаслава убили в первой же настоящей сече.

Однако непобедимость – не бессмертие.

Глядя в темноту с заборола крепостной стены, я понимал – легко не будет.

Это большая удача, что мы успели закрыть ворота и на стенах оказалось с полдюжины воинов.

Сейчас по ту сторону ворот не сборная солянка из ограниченно годных старых и молодых, которую оставил дома Водимир, а его ближняя дружина. Элита. Как минимум сотня вояк уровня покойного Задорея, а то и выше.

Они накатились на крепость, как раз когда варяги заводили в конюшню последних коней.

Накатились, уткнулись в запертые ворота и отступили, не оставив на земле ни одного тела.

Я не знал тогда, как Водиминова гридь сумела пройти мимо наших. Но и мысли не допускал, что Хрёрек разбит. Значит, от нас требуется лишь продержаться некоторое время.

Но это будет нелегко. Противник у нас очень серьезный.

Когда я взобрался на забороло, выглядывать за зубцы было уже рискованно. Гридни Водимира спешили, распределились по крышам и иным укрытиям и принялись обстреливать нас с удивительной для ночного времени меткостью. Двое варяжат получили серьезные ранения. Третий, Вильд, отделался расцарапанной щекой. Пройди стрела чуть левее – не было бы у Зари брата.

А еще я отчетливо слышал стук топоров. Очень характерный звук, когда по ту сторону запертых ворот расположились желающие их открыть. Действие понятное, но как-то уж слишком быстро они принялись за дело. Совсем немного времени прошло с тех пор, как Водимировы дружинники уткнулись в запертые ворота – и уже вовсю идет подготовка к штурму. Мгновенная реакция. Военская элита, блин! Ох, трудно нам придется! Со мной-то всего лишь десяток опытных воинов, причем двое самых лучших – в состоянии берсеро-чьего отходняка. Плюс пара десятков молодняка, знающего, с какой стороны щита надо стоять, но не многим более. А сколько против нас? В темноте даже не прикинуть толком. Мои сказали: больше сотни. Больше – это сколько? Полторы? Две?

Стрелять по нам перестали. Но мы сидели тихо, не высовывались. Факелы на стене потушили, но всё равно на фоне светлеющего неба любой, кто выглянет – идеальная цель. А для выстрела надо как раз выглянуть... Да и куда стрелять, непонятно.

А топоры стучат.

Что предпримет Водимир? Переговоры? Хочется верить. У нас их семьи, родня. Я ведь запретил убивать пленных. Согнали всех в гридницу и заперли. Еще и кольями подперли для надежности. Если будут переговоры, есть что предложить.

Вот только переговорщиков не видно. Судя по стуку топоров, враги сейчас активно готовятся в атаке. Кстати, а почему – враги?

– Это точно Водимировы? – спросил я у присевшего рядом Вильда.

– Точно, – заверил тот. – Кричали: «Открывай князю!» А еще я знамено Водимира узнал. Жаль, не сбил. Доспех у знаменосца добрый.

– Значит, Водимир – с ними?

– Надо думать, – согласился Вильд. – Князя я не видал. Только знамено.

– Дай-ка щит, – попросил я. Поднял над краем частокола...

И с трудом удержал. Стрела ударила – как кулаком с размаха. Хороший выстрел. На ладонь острие выскочило. И еще две-три выше пропели. Не спят враги. И прав я: видны мы на гребешке частокола – как овечки на лугу в полдень.

Посоветоваться бы надо...

Не с кем. Братец – в отключке. Палица... Надеюсь, хоть он скоро очухается.

Как защищают крепости, я примерно представляю. Вот только ни смолы горячей, ни кипятка у меня под рукой нет.

– Харра! – окликнул я командира молодежной дружины. – Снимай своих со стены. Пусть тащат наверх всё тяжелое.

– А если Водимировы сунутся?

– Не сейчас. Слышишь, топоры стучат? Делай выводы.

Кто-то вскарабкался на забороло. Бури. Приподнялся, разглядывая что-то между зубцов. Интересно, что он там видит?

Чёрт! Если сунутся с разных сторон, периметр мы не удержим. Может, в княжий терем отступить? Он для обороны неплохо подготовлен. Окна узенькие, двери – единственные... Да еще сверху, с крыши или чердака можно всякую мебель кидать. А мебель здесь – капитальная.

Правда, терем можно поджечь... Нет, вряд ли. Не станет Водимир свой собственный дом губить.

Я хотел позвать Харру и поставить ему новую задачу: укреплять терем, но тут Бури резко выпрямился, раздергивая лук.

Хлопок тетивы, и через секунду – короткий вопль.

И стайка стрел, спевшая над нами обиженную песню.

– Интересно здесь!

Это уже Скиди.

– Наши в доме укрепляются, – сообщил он. – Хавгрим сказал: стены не удержат.

Хорошая новость. Палица очнулся. И немедленно начал действовать. И надо же, как у нас мысли совпадают! Хотя я бы предпочел принимать решения сам.

– Что с пленными делать, хёвдинг?

– Пусть сидят в гриднице.

– Я б кое-кого проведал. Можно?

– Скиди, – произнес я проникновенно. – Делай, что тебе сказано, или следующей твоей бабой будет валькирия в Асгарде.

– Нет уж! – засмеялся мой бывший ученик. – У меня здесь, в Мидгарде, еще кой-какие дела остались.

Спрыгнул с забороло и умчался. Надеюсь, не к пленницам.

На стене, на всем ее протяжении, остались только мы с Бури. Азиат рабо-

тал – перемещался вдоль стены, время от времени выпускал стрелу. А я сидел на корточках, глядел в щель, в темноту, и по стуку топоров пытался понять: скоро ли наши враги закончат подготовку и навалятся?

И тут во дворе заорали. Мои. В общем хоре выделялся голос Тъёдара.

– Враги! – вопил скальд. – Враги! Все сюда!

– Бури, оставайся на стене! – велел я, спрыгнул, кинулся к воротам...

И практически сразу напоролся на чужих. Двое бронных возились с засовом. Услышали меня, приняли в копьё.

«Откуда они взялись? – думал я, механически отмахиваясь и уклоняясь от жал. – Плохо двор зачистили? Нет, вряд ли. Эти двое – из тех, кто прискакал сейчас. Лошадиным потом от них так и несет. И с оружием управляют отменно. Не молодняк – гридни».

В тереме ревели несколько десятков глоток, лязгало железо. Меня это, понятное дело, нервировало.

Оп! Противник попытался уколоть меня в ногу, а я очень удачно наступил ему на копьё, выведя из равновесия, подбив щит и атаковав в нижний уровень. Достал, причем хорошо. Враг вскрикнул и начал падать мне под правую руку. Второй шырнул копьём поверх соратника, причем «провалил» выпад и я, выпустив саблю, повисшую на шнуре, перехватил древко пониже «трубки». Дернул от души, гридень зацепился за падающего приятеля и тоже повалился, а я по-простому, с размаху, рубанул его по загривку. Клинок увяз в кости. Пришлось упереться, чтобы освободить... И – резкая боль в голени!

Ах ты ж, собака бешеная! Это первый изловчился. Ну, молодец! Раненый, придавленный тушкой соратника. Я упал на спину, кувыркнулся через плечо, встал. Моя нога болела, но держала. А вот у моего противника – нет. Он попытался встать – и сразу завалился на бок. Добивать я не стал. Меня больше собственная нога беспокоила. И то, что происходило в княжьем домике.

Но сначала – нога. Штанина повлажнела, но кровь всё же текла, а не лилась ручьем. Это обнадеживало. Однако и поверхностная рана может вывести из строя, если не принять мер. Вытянув из поясной сумки льняную тряпку, замотал ногу прямо поверх штанов, затянул потуже. Сейчас главное – кровь удержать. Лечить будем после победы. Или медпомощь уже не понадобится.

Из терема раздался жуткий берсерочий рёв, враз перекрывший прочие вопли.

Так, терем может и обождать. Тем более что в крепостные ворота ломались снаружи и орали грозными голосами на тему: «открывайте по-хорошему».

Нет уж, ребятки. Отпирать я вам не стану.

Взобравшись на стену, выглянул аккуратно... Ого! Да тут целая толпа! Вернее, войско. И, кажется, лестницу тащат...

Уже не тащат.

Первый свалился. Двое других не удержали лестницу. Звонкий щелчок тетивы в десяти метрах от меня – и лестница опять оказалась на земле.

Бури. Посветлело достаточно, чтобы уже и я мог что-то разглядеть.

Азиат был спокоен, как слон. Его не интересовало, что происходит во дворе или в княжьем тереме, где не стихал бой. Бури аккуратно вынул из бревна воткнувшуюся стрелу, наложил на тетиву, выпрямился резко, выстрелил – и обратно за зубцы.

И тут же позицию сменил, оказавшись уже рядом со мной.

– Плохи наши дела, вождь?

– Пока не знаю.

Бури покачал головой.

– Вождь должен знать, – произнес он укоризненно. – Сейчас начнут ворота рубить. Уходим?

– Да! – решил я. – В терем!

– Там воюют, – напомнил Бури.

– А у нас есть выбор?

– Туда, – показал азиат за стену. – Они все здесь, под воротами. Можем уйти.

– Нет. Я своих не брошу.

Бури промолчал.

Ворота уже рубили. Я выглянул... Не достать. Рубщиков прикрывали массивные деревянные щиты. Кипяточком бы их...

Я хотел соскочить со стены, но нога напомнила о себе, и пришлось воспользоваться лестницей. Прихрамывая, я потрусил к терему. Бури держался у меня за спиной...

Но на опасность первым среагировал именно он: у моего уха свистнуло, и вознамерившийся меня уколошить боец рухнул со стрелой в глазнице. Трое его приятелей, которые уже вылезли из колодца, мгновенно прикрылись щитами. Четвертому, который только-только поднял голову над срубом, стрела ударила в шею, и он свалился обратно.

Что ж, одной тайной меньше. Теперь я знаю, откуда на подворье взялись нехорошие парни.

Ну, ребятки, втроем на одного – это нечестно. Хотя о чем я? Вас уже двое. Третий заполучил стрелу, едва попытался достать меня копьем.

Еще одна стрела расщепила край щита, за которым вовремя укрылся его приятель. А вот от Вдоводела боец спрятаться уже не успел. Две ноги минус одна нога – неизбежное падение. Последний с яростным воплем бросился на меня. Я пропустил, ушел с линии атаки и с оттягом рубанул саблей вдоль спины. Добавки не потребовалось.

Хлесткий щелчок тетивы – и еще один выползень ухнул вниз. В колодце хлюпнуло.

А в тереме вроде стихло. Вопрос: кто победил?

Сейчас узнаем. Я похромал к строению, Бури остался около колодца. Надеюсь, он успеет свалить, когда Водимировы пацаны взломают ворота.

У входа в терем – трупы. Наши, из варяжского усиления, и несколько чужаков. Двери в терем – настезь. Я взобрался на крыльцо, оглянулся...

Светало. Во дворе – пусто. Если не считать моего азиата, замершего наготове в десяти шагах от колодца. На стенах тоже никого, но враги об этом, к счастью, не знают. Активно курочат ворота.

– Хёвдинг! – из дверей выглянул Скиди. – Давай заходи. Мы победили!

Ну это он явно торопится с выводами.

– Ты ранен? – это Тьёдар.

– Жить буду, – отмахнулся я. – Что было?

– Выскочили непонятно откуда! – азартно доложил Скиди. – Как из-под земли. И сразу сюда. Тови Тюленя убили. Но он крикнуть успел...

– Что Свартхёвди? – У меня похолодело внутри. Я помнил, что Тови карау-

лил моего беспомощного брата.

– Живой, – успокоил Скиди. – Спит. Эти не добились, подумали, что мертвый.

– Кто еще из наших погиб?

– Вот они, – Скиди показал на тела молодых варягов. – И раненых пятеро. Хавур тоже. Если б не Палица, нам бы туго пришлось. Врасплох застали. Но против Хавгрима они не выстояли. Нам, считай, никого не оставил.

Ну да. Для берсерка бой в помещении – любимое развлечение. Лучше только резня в гуще перепуганной толпы.

– И что он?

– Цел. Но сам всё, – ответил Скиди.

Берсерк в команде – это круто. Но только до тех пор, пока у него не кончится завод. То, что Хавгрима хватило на целых два раза, – редкое везение.

– Слушай, хёвдинг, а может, нам гридницу поджечь?

– Зачем?

– Там же воины здешние. Эти, как войдут, их выпустят.

– Нет! – отрезал я. Хотя...

Заложники бы нам не помешали. Притащить сюда пленниц...

Нет, не пойдет. Я воин, а не террорист какой-нибудь.

Наружные ворота угрожающе затрещали.

Бури покинул свой пост и присоединился к нам.

– В дом, – распорядился я. – Двери запереть, заколотить и завалить, чем можно.

– Вихорёк! – крикнул я, оказавшись внутри.

Ответа не было, но забеспокоиться я не успел.

– На крыше он, – сообщил Скиди. – С ним – еще пятеро. С луками.

– Бури, расставь стрелков, – скомандовал я. – Скиди, сколько нас осталось?

– С тобой – семеро.

– Это без варягов?

– Ну да. У Харры еще с десятков. Тех, кто может драться.

Что ж, мне и моей команде не впервой сражаться при раскладе: один к десяти.

Штурмующие наконец-то вырубил петли, одна из створок повалилась, и по ней внутрь хлынула разъяренная гридь. Бойцов встретило пустое подворье и жиденский дождик стрел из окон терема. Жиденский, но смертоносный. Так что пришлось Водимировым дружинникам вновь изобразить черепаху.

И, что особенно приятно, ответный огонь был очень сдержанный.

– У них тулы пустые, – сообщил глазастый Вихорёк. – А у нас – хо-орошо!

Еще бы. В тереме оказался оружейный склад. Нашим стрелкам на месяц хватит.

Щелчок тетивы. Вихорёк выстрелил. Удачно. Неосторожному бойцу в ступню попал. Не зря я отдал парню лук, подаренный мне боярином Бобром. Достоин владеет. Жаль, раненый крут оказался: не заорал, щит удержал, аккуратно втянулся внутрь строя, так что развить успех не удалось.

Теперь я мог прикинуть численность противника. Порядка восьми десятков. Тех, кого я вижу. Наверняка не все. Кто-то должен был остаться снаружи, с лошадьми...

Меня хлопнули по плечу. Тьёдар.

– Держи, хёвдинг, завтрак!

Местный сэндвич: кусок копченого мяса между двумя лепешками.

Вот это правильно. Когда начнется штурм, пожрать уже не удастся.

Пожрать и выпить. Рядом с Певцом – Вильд. С кувшином медовухи. Ну, это пока без надобности. Фляжка у меня полная.

Снаружи кто-то заорал командным голосом. Наши защелкали тетивами. Атака?

Нет. Пара энтузиастов попыталась проскочить к гриднице, внутри которой вопили и визжали пленные.

Так, а это серьезно. От ворот ползла «черепаша». Это покрепче обычных щитов. Целый ходячий сарай.

Сарай остановился в двадцати метрах от крыльца.

– Эй, там, в моем тереме! Кто главный, выйди, поговорим!

Водимиров голосок.

Что ж, можно и поговорить...

– Можно, – крикнул я в ответ. – Говори!

Высовываться не стал. Водимир тоже.

– Кто ты?

– А тебе какая разница? Говори, что надо, да побыстрее, а то мне некогда!

Если бы спросил, чем я так занят, ответил бы, что считаю его богатства.

Водимир не спросил.

– Я знаю, что вас мало! – крикнул он. – Уходите, и, даю слово, – никого не тронем! Не то всех уьем!

– Встречное предложение! – отозвался я. – Уходите, и мы тоже никого не тронем! Можете даже забрать своих из гридницы. Там и твоя семья есть, князь! Забирайте и убирайтесь! Стрелять не будем!

Я ничем не рисковал. Сейчас у князя пусть и небольшое, но войско. А с женщинами, детьми и стариками будет уже не войско, а орда. Медлительная и уязвимая.

Водимир расхохотался.

– Экий ты дерзкий! – крикнул он. – Значит, не уйдешь?

– А ты бы ушел? – поинтересовался я.

Вместо ответа в оконный проем влетела стрела и расщепилась о противоположную стену галереи. Переговоры закончены.

Да мы бы по-любому не ушли. С ранеными, с двумя выключившимися берсерками. Мой крохотный хирд в чистом поле дружина Водимира пройдет и не заметит.

Но мы – не в чистом поле, так что еще повоюем. Зря меня тогда Водимир отпустил. Дорого ему встал этот гуманизм. Вот и для меня очередной урок: не щади врагов – и они не создадут тебе проблем.

– Хёвдинг!

Стюрмир. Счастливый, как дитя с мороженкой.

– Хёвдинг! Мы казну отыскали! Бога-атая! Пойдем, сам глянешь!

Что казна у нас – это круто. Но нет у меня уверенности, что она не вернется к прежнему владельцу.

– Князь! – крикнул я, держась вне оконной щели. – Давай решим наш спор как воины. Ты и я! Если я побеждаю, твои уходят, если ты – мои!

– Кто ты такой, чтобы я с тобой дрался? – рявкнул Водимир. – Да и зачем?

Ты уже мертвец!

Какие знакомые слова.

– Мне это уже говорили! Поединок, князь? Или будем болтать, пока не придет Рюрик?

– Он не придет! – крикнул Водимир. Слишком быстро и слишком яростно, чтобы я не засомневался в его словах. – Хочешь драться, так выходи!

– Выйду! Только пусть твои отойдут подальше! Я буду драться с тобой, а не со всеми сразу!

– Не надо, хёвдинг! – забеспокоился Стюрмир. – Тебя убьют!

– Водимир? Сомневаюсь.

– Какой Водимир? Только высунешься – эти стрелами закидают! Пустой у вас разговор!

– А ты куда-то спешишь? – усмехнулся я. – В Валхаллу? Эй, князь! Сначала ты выйди! Покажись! Мои стрелять не станут, слово воина!

– Ха! Чего стоит слово безымянного? Меньше засохшего плевка!

Оскорбляет. Ну-ну.

– Боишься, князь? Это правильно. Ты стар и ленив. Куда тебе драться!

На подворье раздался хохот. Гридь веселилась. Плохой признак. Надо полагать, Водимир не в такой уж плохой форме. Хотя чего я ожидал? В лидеры здесь выводит не только ум, но и простая физическая сила. Помноженная на воинское мастерство. Хотя какая разница? Я ведь не собираюсь с ним драться. Просто тяну время.

К сожалению, Водимир диспут прекратил. «Сарай» двинулся к крыльцу. Если внутри таран, даже самый простенький, бревно на веревках, двери они вышибут на раз. Хотя крыльцо – это удачно.

С моей позиции крыльцо не просматривалось, и я двинул на крышу, вернее, на чердак.

Козырное место оказалось занято. Тут было вообще многолюдно.

Бури с луком у маленького бокового окошка.

У окошка, что прямо над крыльцом, Стюрмир, Гуннар и Тьёдар. С «мебелью» наготове. Вернее, с ее частями поувесистей.

«Сарай» достиг крыльца. Передний край его приподнялся... И Бури тут же всадил стрелу в чье-то колено. «Сарай» это не остановило. Первая ступенька, вторая... Крыльцо не очень крутое, но градусов тридцать есть... Еще один неосторожный высунул конечность... И поплатился.

Бури поспешно присел. Противник начал ответный огонь. Сильные лучники у Водимира. Некоторые стрелы насквозь протыкали дранку. А ведь стрелять снизу вверх – неудобно. По себе знаю. Наши ответили из окон. И небезуспешно.

А «сарай» тем временем дополз почти до двери.

– Взались! – скомандовал Тьёдар. Втроем они подхватили кусок отполированного, изукрашенного резьбой бревна и пропихнули его в окошко.

Внизу предупреждающе заорали, но тут – без вариантов. Весил подарочек с центнер, и промахнуться было невозможно.

Треск, грохот... «Сарай» выдержал, однако. Но внутри было не все ладно. Кого-то придавило, надо полагать. «Сарай» уцелел, но ломать двери бойцы передумали. Правильное решение, потому что мои хускарлы уже пропихивали в чердачное оконце еще один гостинец, потяжелее.

Он так и остался торчать из окна, потому что противник ретировался, оставив на крыльце свежие пятна крови.

– Ты глянь, что делают! – крикнул Стюрмир.

Несколько дружинников Водимира, прикрываясь щитами, запирали ворота.

– Это еще зачем? – удивился Гуннар, но я уже сообразил: Хрёрек близко!

И семи пядей во лбу иметь не надо, чтобы сообразить: на два фронта Водимир воевать не сможет. Значит, ему придется брать терем, не считаясь с потерями. Любой ценой. И при таком раскладе мы точно не выстоим. Хотя есть одна идея...

– Стюрмир! – крикнул я. – Покажи, где княжья казна? Живей!

– Хёвдинг! Ты в уме ли? Как нам ее унести?!

Но я уже сбегал вниз, и Стюрмир, ворча и ругаясь, полез за мной. Может, он и решил, что я спятил, но повиновался.

Подkletь, в которой Водимир оборудовал свою сокровищницу, не обманула моих надежд. Могучие бревна без единой щели. Узкая дверь, которую без труда удержит пара бойцов. Перед ней – площадка размером с детскую песочницу, на которую ведет узкая лесенка из верхнего коридора. И такая же узкая лесенка из пяти ступенек – вниз, в оружейную. Здесь ведь не только и не столько сокровищница, сколько оружейный склад. Самое то.

– Стюрмир, снесите сюда Медвежонка, Палицу и раненых!

– Зачем? Их и здесь найдут.

– Делай, что сказано! – рявкнул я. – Да побыстрее!

Стюрмир обиделся. Но спорить больше не стал. Потому что – началось.

Водиминова гридь перла, как бешеная. Как толпа берсерков. Не считаясь с потерями, не жалея стрел. Тараном к дверям, по лестницам – на крышу. Вражеские лучники били в окна, не жалея последних стрел, не давая нашим высунуться. Прорвались, оставив на земле с десятков тел, в мертвую зону, и отсюда карабкались наверх. Без лестниц, по живым пирамидам. Минут пять – и Водимировы дружинники с крыши прорвались на чердак. Остановить их было невозможно: слишком большой численный перевес.

– Вниз! – орал я, надсаживая глотку. – Вниз все! В подkletь, где оружие! Бегом!

Победные вопли раздались и на первом этаже. Враги вышибли входную дверь.

Но наших там уже не было. Я слышал крики и топот. Дружина Водимира обшаривала терем в поисках врагов. Можно было не сомневаться: найдут нас очень скоро. Ну, как говорится, штопор в зубы и свисток в анус.

Нашли. И немедленно колотить в дверь. А дверь, надо отметить, была сработана на совесть: дуб, усиленный железными стяжками. Такой материал для крепостных врат используют. И здесь тоже. Сокровищница и оружейка в одной секции. На других складских помещениях защита поскромнее.

– Здесь они! – заорал кто-то радостно. Надо же! Сообразительный малый. Если замок сбит, а дверь не открывается, надо полагать, ее заперли изнутри. И кто же это мог сделать?

– Эй вы! Открывайте, не то хуже будет.

Мои заржали. Снаружи услышали. Заругались, что нас еще больше развесе-

ЛИЛО.

– Что здесь? – произнес начальственный голос.

Водимир. Я сделал знак: тише!

Ему начали объяснять... Не дослушал.

– Дверь взломать, всех убить! Да побыстрее! Нам стрелы нужны! – И затопал вверх по лестнице.

Я поглядел на свою команду. Неяркий свет единственной масляной лампы (воздух надо экономить) озарял суровые лица хускарлов и азартные – молодежи. Мой маленький хирд был готов к драке. Жаль, что он действительно маленький. Стюрмир, Тьёдар, Гуннар, Скиди, Бури, Вихорёк, Харра и еще шестеро молодых варягов, способных держать оружие. Среди последних – Вильд. Будет толк из пацана. Если выживет. А он выживет. Мы все выживем, потому что сидеть тут нам недолго. Хрёрек близко, а стрелы вороги хрен получают. Пусть бэушные по двору собирают или камнями отбиваются.

Мои хирдманы – бодрячком. Викинги. Только Вихорёк немного грустный. Небось Домаслава-Траусти оплакивает. Это был его кадр. Личный.

Мои – в порядке, а вот варяжата – не очень. Личики пасмурные. Не хочется им в Ирий. Надо подбодрить молодежь.

– До полудня, самое большее, – сказал я.

– Ты о чем, вождь? – спросил Харра.

– Наши подошли, – сообщил я тем, кто сам не догадался. – Без стрел да с воротами, которые они сами же попортили, Водимировы долго не выстоят. Да и мы еще тут. До полудня, самое большее. А потом будем казну Водимирову делить.

Подбодрил. Снаружи принялись ломать дверь.

– Давно пора, – заявил я. – Душно-вато здесь. Надо проветрить.

Никто не засмеялся. Может, оттого, что в подклети и впрямь было душно-вато. Ничего. Задохнуться не успеем.

– Гуннар, Стюрмир, – вы первые, – я кивнул на дверь. – Потом мы с Певцом. Остальные – в готовности.

Позиция у нас на первый взгляд кажется неудобной. От дверей вниз – полуметровой высоты лесенка, так что у противника преимущество в высоте. Но неудобна она только на первый взгляд. Сверху-то у воина что? Шлем, панцирь. А снизу? Ноги, на которые здесь вешать защиту не принято. Снижает подвижность потому что. Есть, правда, щит, но ведь он – не ростовой. В строю первый ряд и присесть может, если под обстрелом. Но то – в строю. И хоть в строю, хоть без, а большая часть ранений – в конечности. По себе знаю. Нога вон как противно ноет.

Не дожидаясь моей команды, Бури занял позицию для стрельбы. Вихорёк тоже приготовился. За узкой низкой дверью в подклеть – площадка, на которой особо не построишься, а вторая лестница, наверх, хоть и пошире, зато длиннее и круче. Стрелкам вражьи на ней не разместиться. А вот нашим – исключительно удобно.

Одна из досок треснула.

– Лампу задуйте, – велел я.

Сейчас начнется.

Однако началось совсем не так, как я ожидал.

Первым в проделанную дыру полетело копье, ударившее Вихорька прямо в грудь.

Затем полетел факел, а за факелом – сразу две стрелы, одна из которых воткнулась в локте от спящего Медвежонка, а вторая ушла в молоко, потому что Бури мгновением раньше подстрелил лучника. И еще кого-то подстрелил, потому что воплей было два.

Факел погас. Кто-то из моих позаботился. С той стороны двери тоже стало темно.

Я дернулся было посмотреть, что с Вихорьком, но вспомнил, что я – хёвдинг, и удержался.

Снаружи кто-то стонал, кто-то ругался. Рубить двери желающих пока не находилось.

– Гляньте, что с Виги, – попросил я по-скандинавски.

– Жив, – через минуту ответил Тьёдар. Уточнил с презрением: – Такому метателю дерьмо свиное выгребать – с семи шагов кольчугу не пробил.

Снаружи завозились. Бури выстрелил на звук. Попал во что-то металлическое.

За дверью наступила тишина. Подозрительная...

А потом – бешеный рев, удар, от которого дверь окончательно развалилась, и в проем ломанулась сразу целая толпа.

Первому повезло. Он споткнулся, и предназначенное ему копье угодило в соратника. В того же попала и стрела Бури. И еще одно копье. Следующий боец прикрылся своим убитым как щитом, потом толкнул труп влево, а сам спрыгнул с лесенки вбок, где наткнулся на Гуннара. Однако гридень оказался достаточно ловок, чтобы выжить. Они с норегом сцепились и повалились на землю.

Пробитый копьем дружинник рухнул на Стюрмира. Тот отпихнул покойника и принял бой сразу с двумя водимировцами, ухитрившимися протиснуться в дверь разом и принять стрелу Бури на щит.

Хозяин щита прыгнул сверху на Тьёдара, который бросился на помощь Стюрмиру, но Вдоводел прыгнул быстрее, и полет гридень продолжал уже без ступни. Что, впрочем, не помешало ему обрушиться на Певца и вцепиться в него, как обезьяний детеныш в мамку.

А в подклеть тем временем спрыгнули еще двое, которых взял уже я.

Бой в тесноте и темноте – это нечто. Где-то снаружи, правда, горел факел, но лучше бы не горел. Мне было бы удобнее в полной темноте, чем в этом мельтешении теней.

Из раны на ноге потекла кровь. Не вовремя, однако. Сюда бы Медвежонка... Хотя нет. В этакое темноте и толчее берсерк – это смерть что своим, что чужим.

Я рубил и уклонялся, моля бога, чтоб под удар не угодил кто-то из своих, я бился и ждал – вот сейчас придет Волк...

Но Волка не было. Штанина пропиталась кровью, лицо, доспехи, руки – тоже в крови. К счастью – чужой.

Но позицию мы удерживали, потому что я всё еще был в двух шагах от лестницы, врагов позади не было, зато мои были рядом: я слышал, как ругается Гуннар, как радостно вскрикивает Скиди... Есть у него такая привычка: отмечать бодрим воплем каждый удачный удар.

Легкие с усилием втягивали душный тяжелый воздух, в котором кислорода – чуть. Едва-едва хватило, чтобы прореветь по-скандинавски:

– Сюда! Ко мне!

И на меня тут же навалился какой-то дружинник слоновьей комплекции. Я пугнул его уколом поверх щита, хлестнул саблей понизу, но сабля врубилась в край щита. Дружинник рванул щит с такой силой, что я еле устоял на ногах...

– Здесь! – Слева возник Харра Стрекоза, и амбал завалился назад.

Я рывком освободил саблю...

– Ульф! – Справа встал Стюрмир, рядом со Стюрмиром – еще кто-то из наших...

А впереди – никого. Только тела под ногами.

И – топот снаружи.

Бегут, что ли?

Минутное сомнение: заманивают?

Но соображаю: натиск ослаб полминуты назад. Недодали. Хотя – могли. Значит...

– Вперед! – выдыхаю я и первым прыгаю на лесенку.

На площадке едва не теряю равновесие, наступив на шевелящееся тело, но кто-то позади толкает в спину, и я прыгаю на верхнюю ступеньку и через секунду с жадностью втягиваю свежий, пахнущий озоном воздух.

Выглядываю в окошко-бойницу...

Блин! Снаружи хлещет дождина! Да такой, что за струями не видно ни хрена!

На подворье куча народу. Намного больше, чем было людей у Водимира.

Очень шумно, но это не шум боя. Я уже неплохо разбираюсь в том, как и что звучит. Это не бой, это добивание.

Наши!

И точно. Прямо передо мной возникает Трувор. С ним – трое незнакомых длинноусых бойцов-варягов. Со всех льет так, будто только что из моря вытащили.

– Волк! – рычит он. – Где Водимир?!

В Караганде. Откуда я знаю?

– Нет его здесь! – Это со второго этажа орут. – Сбежал!

– Внизу? – Трувор Жнец кивает на дыру, из которой как раз вылезает Харра Стрекоза.

– Если он там, то уже не сбежит! – ухмыляется Харра, а следом за ним лезет... Ха, Вильд! Молодец, пацанчик! Выжил!

– Что там? – интересуется Трувор.

– Сокровищница, – докладывает Харра.

Трувор Жнец ухмыляется:

– Ну ясно! Если Волк лезет в подземелье, значит, там чья-то казна!

Я тоже ухмыляюсь: мы с Трувором славно повоевали во Франции. Есть, что вспомнить.

А вот и Хрёрек. В доспехах, забрызганных чужой кровью. Совсем как встарь.

– Водимир?

– Нет его здесь!

– Так что вы стойте, язви вас все великаны Муспельхейма! – рычит ко-

нунг. – Искать!

Разворачивается и ныряет в дождь.

Трувор с варягами – за ним.

Тьёдар и Стюрмир порываются – тоже, но я хватаю их за руки.

– Стоять!

Оглядываюсь... Так, Скиди здесь. И Бури. И Гуннар. Последний выглядит неважно. Из-под шлема течет кровь.

– Гуннар, Тьёдар! Вы остаетесь здесь! Позаботьтесь о берсерках и о наших раненых. И о том, чтобы казну Водимиру не растащили! Стюрмир, Бури – за мной!

Кажется, я знаю, куда подевался Водимир.

Уже на улице я сообразил, что Бури – плохой выбор. Под таким ливнем только из лука стрелять.

Но не возвращаться же.

Тем более что ко мне могут возникнуть вопросы, а я не собираюсь посвящать в свою догадку Хрёрека. Узнай князь-конунг о колодце, и дальше действовать будут уже другие. Даже повода не надо искать, чтобы меня отстранить. Раненой ноги хватит. Нога, надо отметить, слушалась прилично. Да и с чего бы ей не слушаться? На фоне моих предыдущих ранений это – сущий пустяк.

Глава 36 Настичь и уничтожить!

Первым в колодец спустился Стюрмир. По веревке. А вот мы с Бури слезали уже с комфортом. Беглецы оставили внизу лестницу.

Ход был сухой. Уровень воды в колодце поднялся, но до карниза, от которого и начинался подземный коридор, вода не доставала.

Работники Водимира потрудились изрядно. Стюрмиру, да, приходилось наклоняться, а мы с Бури даже в шлемах могли идти по ходу, не сгибаясь. Факелов не зажигали. У нас их просто не было. Если бы создатели подземного коридора решили устроить ловушку, мы бы в нее попались наверняка.

Но они не позаботились. Препятствия были исключительно естественные: скользкая глина, корни, камни. Идти приходилось неторопливо и осторожно, «ощупывая» пространство древками копий. Пару раз ход уводил в сторону или совершал петлю, огибая скалу или еще какую-нибудь естественную преграду.

Изначально мы шли в сторону реки, но после нескольких поворотов я уже не мог четко ориентироваться. Впрочем, я не ожидал, что ход будет длинным. Даже начал надеяться, что он закончится в пределах города.

Зря надеялся. Люди Водимира поработали очень серьезно. Мы протопали полкилометра, не меньше, когда впереди наконец забрезжил свет.

Мы прибавили шаг и уже через полминуты увидели Волхов.

Вздувшаяся от дождя река текла четырьмя метрами ниже. Тайный ход заканчивался у береговой кручи. Удачное место, однако. Выход прикрывала пара серьезных деревьев и заросли кустарника, сейчас поломанного и вытоптанного.

Говорят, дождь смывает следы, но в нашем случае вышло наоборот: на разбухшей земле следы остались просто замечательные. Такие, что даже я сумел

«прочитать» очень важную информацию: сбежали не только мужчины. Часть ямок была заметно меньше других. Женщины и дети?

Логично. Я бы на месте Водимира тоже семью не бросил.

Стюрмир подтвердил мою догадку.

– Десятка полтора, – сказал он. – Воинов – четверо.

Отличная новость: нас-то – аж трое.

– Бегом! – скомандовал я.

Однако уже через пару минут мне пришлось перейти на шаг. Нога снова начала кровить.

Ладно, женщин и шагом догоним.

Что приятно, с неба уже не хлестало, как из ведра. Обычный дождик. Бури повеселел. Его лук и стрелы, завернутые в кожу и вощеную ткань, остались сухими. Закончится ливень, и он снова превратится в супервоина.

Стюрмир ошибся не в лучшую сторону: воинов оказалось не четверо, а девять. С ними три женщины и четверо детей. Двоих несли на руках.

Взобравшись на очередной пригорок, я увидел беглецов. Они были достаточно близко, чтобы пересчитать всех. Между нами – меньше полукилометра. Правда, по пересеченной местности. Двигались беглецы достаточно быстро, не оглядываясь. Надо полагать, уверены, что погони нет. Ну да. О загадке Водиминова колодца мы с Бури узнали совершенно случайно.

Я прикинул направление и решил, что Водимир нацелен на Старый город. Не так уж глупо, на мой взгляд.

Вряд ли проигравший князь может рассчитывать на поддержку жителей в своем противостоянии с Ладогой. Здесь не ставят на тех, от кого отвернулась удача. Однако раздобыть лошадей или корабль он наверняка сумеет. А это сразу добавит маленькому отряду подвижности.

Но они не успеют. Мы догоним их через час, максимум.

Мы догнали их через полчаса. Мы их догнали, но удача от нас отвернулась. Я ошибся. Водимир вел своих не в город.

Лес впереди раздался. Перед нами лежала примерно пара гектаров обработанной пашни, огородики и невысокий частокол, за которым чернела крыша дома.

Но это, блин, еще не все.

Мы как раз успели увидеть, как беглецы подходят к воротам.

И как ворота раскрываются, и оттуда выезжает пара всадников, причем далеко не мирного вида: с копьями и в железе.

При виде князя оба воина тут же спешили и поклонились.

Я аж зубами заскрипел от такой подставы судьбы.

А беглецы тем временем миновали ворота, и те закрылись.

– Что теперь? – поинтересовался Стюрмир.

– Подождем, – на меня внезапно навалилась усталость.

С деревьев текло, ноги промокли, подкольчужник и все прочее – тоже.

Если бы со мной был мой хирд, я бы рискнул и напал. В ближнем бою викингам нет равных. Но я понимал, что сейчас моя главная ударная сила – это Бури с его луком. А для стрелка нужна дистанция. Ну хоть дождь вроде заканчивается.

– Ждем. Они отсиживаться не будут. Соберутся и дальше побегут. Тогда мы их возьмем. Может, к тому времени и лить перестанет, – и посмотрел на Бури.

– Я и сейчас могу стрелять, – сказал азиат. – Недалеко, но могу. У меня хорошая тетива, а дождь не сильный.

– Тогда подберемся поближе, – решил я.

Над черной крышей за частоколом поднимался дымок. Там было сухо и наверняка была еда.

При мысли о еде в животе заурчало. Да, впору позавидовать беглецам.

Нет, не впору. Если ты еще вчера был победоносным князем, а теперь – изгой без пристанища, завидовать тут нечему. Хотя со мной бывало и похуже. И я снова поднялся. Так что и Водимир может. Получит второй шанс... Не-а. Не получит. Нас трое, но мы стоим десятерых. Справимся. Кинуть под ноги Хрёреку голову Водимира и поглядеть на физиономии Гостомысловых бояр, ополчившихся на меня во время совета. Райское наслаждение!

Еще лучше было бы притащить Водимира живьем, но на такое я губу не раскатывал. Слишком уж их много.

Ждать пришлось около часа. Потом ворота снова открылись и выпустили шестерых всадников. Бури потянул из налуча оружие и вопросительно посмотрел на меня.

Ну да, Водимира в этом отряде не было. Двое мужчин, остальные – женщины и дети.

– Пусть уходят, – решил я. – Ждем князя.

Мы ждали еще с полчаса. Что приятно: дождь прекратился совсем, только с деревьев капало.

Есть! Водимир собственной персоной. Верхом.

И с ним – восемь бойцов, тоже конных. К сожалению, в готовности к неприятностям, то есть – в броне.

Что характерно, двинулись не вслед за первой группой по дороге, а прямо в чащу. Хотя нет, там вроде тропинка...

Да. С засадой я промахнулся. Но не все потеряно.

– Бури, останови Водимира! – скомандовал я.

Азиат не сплеховал. И рисковать он не стал: ударил в незащищенное доспехом бедро.

Конь князя взвился на дыбы – стрела пробила ногу насквозь. Князь в седле не удержался, но не свалился мешком, а соскользнул, встав на ноги.

И тут же наземь полетел один из гридней.

Третий выстрел Бури ушел в никуда. Дружинники мгновенно сориентировались. Миг – и все восемь спешили и встали щит к щиту, прикрыв раненого князя.

Что ж, мой выход.

– Стюрмир, за мной! – крикнул я и выскочил из зарослей.

Трава после дождя была скользкой, земля размокла, но я не боялся упасть. Я даже опередил Стюрмира, несмотря на раненую ногу.

Потому что рядом со мной длинными упругими прыжками стелился Белый Волк.

Казалось, тучи раздвинулись, и солнце озарило мир. Я засмеялся от востор-

га, небрежно поймал летящее в грудь копьё и вернул обратно.

И снова засмеялся, увидев, как вынесло из строя гридня, который принял копьё на щит. Никогда у меня так не получалось, а сейчас – вот!

Я слышал, как топочет позади, отставая, Стюрмир, но не собирался его ждать. Зачем? Миг счастья так короток!

Все еще смеясь, я проскользнул между двумя копьями, оттолкнулся ногой от щита, перепрыгнул через строй человечков в мокром железе, развернулся еще в воздухе, выхватывая из ножен саблю и меч, ударил накрест, выбив из двух врагов красные брызги...

А потом мне стало тесно. Непонятно, как им это удалось, но я вдруг оказался не на свободе, а в узкой щели между щитами. Сабля увязла в одном из них, и мне пришлось ее выпустить. Я прыгнул вверх, но толчок в спину испортил прыжок и швырнул меня на чужой клинок. Клинок я успел сбить Вдоводелом и даже вырвался из тисков, но меня снова толкнули в спину, раненая нога подогнулась. Я упал, заскользил по траве, полоснул по чьим-то ногам, кувырком встал на ноги, на уклоне хлестнул восходящим под край шлема тянущегося ко мне врага, другого, замахнувшегося мечом, уколол в подмышку и, уже выдерживая Вдоводел, внезапно ощутил, как наваливается, давит свинцовым одеялом тяжесть обычного мира. Волшебство кончилось, мой Волк ушел.

Мир снова стал серым. В этом тусклом мире рубился с кем-то Стюрмир, пятился от меня князь Водимир, лежали на мокрой траве мертвецы, и раненный в ногу гридень накладывал на бедро жгут, кося на меня расширившимся от страха и боли зрачком...

Я видел, что у Водимира из ляжки торчит черный хвостовик стрелы, а острия нет, обломано. Чуть в стороне сбившиеся в табунок кони и рядом с ними – Бури. С наложенной на тетиву стрелой. Я знал, что он может убить и Водимира, и гридня, которого теснит Стюрмир, но ждет моей команды. А еще я увидел, как мой хирдман дважды проигнорировал возможность достать противника, и понял, что Стюрмир хочет взять его живым.

Водимир напряжен. Он видел, как я убиваю, и теперь ждет моего удара. Смертельного.

Но я не спешу. И задаю вопрос, который не дает мне покоя.

– Почему ты меня отпустил, князь? – спрашиваю я. – Отпустил, а затем послал за нами убийц.

– Не посылал, – цедит Водимир. – Турбой – сам.

– Зачем?

Кривая улыбка:

– Он – в своем праве. Ты убил его брата.

– Допустим. – Я соображаю, что тяну время. Мне не хочется его убивать. Мы – по разные стороны фронта, он – мой противник. Но не враг. – Ты не ответил на мой вопрос. Почему ты меня отпустил?

Водимир еще сильнее кривит губы. Ему больно, он готов умереть. И он не боится.

– Отпустил, потому что вспомнил. Это тебя года три тому привели ко мне с оружием моего гридня Главы.

– Ты вспомнил, – цежу я. – А я и не забывал.

Стюрмир наконец подловил противника, сбил с ног и придавил сапогом ру-

ку, заставив выпустить меч...

– Если бы тогда сказал, что ты – из нурманов...

– Ты бы не стал отнимать у меня мое?

– Ты сказал, что купил оружие. Но забыл добавить, что заплатил за него железную цену. Так вы говорите, да? Сказал бы, что ты убил Клыча, и всё бы осталось у тебя по праву добычи. Возможно, я предложил бы место за своим столом...

О как!

Пара слов – и я никогда не стал бы викингом.

И не увидел Гудрун. И не побратался бы с Медвежонком. И мой Белый Волк не пришел бы ко мне...

В общем, это хорошо, что я тогда не сказал, что убил Клыча.

И мне стоило бы поблагодарить Водимира за то, как он со мной обошелся. Всё, что нас не убивает...

Да, он мне нравится. И обиды между нами больше нет. Было... недоразумение, с которым разобрались. И что теперь?

– Ладно, – буркнул князь и выпрямился настолько, насколько позволяла раненая нога. – Поговорили, и будет. Заканчивай, что начал.

Он видел, на что я способен. И он не знал, что мой Волк ушел.

Есть ли у него шанс со мной управиться? Он ранен, я – тоже. Нога, кстати, разболелась не по-детски.

Но я не хочу с ним драться не поэтому.

Хреновый из меня викинг. Вон Стюрмир головой дергает: мол, можно я его прикончу?

Врагов здесь в живых не оставляют. А кто оставит – пожалеет. Убей меня тогда Водимир, избежал бы многих неприятностей. Возможно, и князем остался бы...

Хреновый из меня викинг.

Но здесь – не Скандинавия. Здесь – Русь. Россия. Пусть даже никто из нынешних жителей этой земли об этом ведать не ведает, здесь всё равно земля моих предков. И закон тут должен быть другим. Долг платежом красен. Водимир дал мне шанс – и я ему возвращаю.

– Уходи!

– Что? – Князь не понял.

– Убирайся, пока я не передумал! Вон, коня возьми! – Я показал мечом на лошадку, чья уздечка запуталась в ветвях. Такую и раненому оседлать несложно.

Не верит. Или не понимает? Ну да. Перебить всю пристяжь и оставить в живых жожака...

Сам бы он такого точно не одобрил.

– Забирай своих и убирайся. Стюрмир, отпусти этого! И ты, – я показал мечом на раненного в бедро, – ты тоже проваливай!

– Опять... – проворчал мой хирдман, но ногу с запястья убрал, позволив дружиннику встать. Хм, а у гридня-то всё плечо в крови, аж с пальцев на землю капает.

Стюрмир ворчит. Он знает, что у его хёвдинга с головкой проблемы. Добрый не по времени. Но еще у меня репутация человека, который способен

предвидеть будущее...

– Убирайся, я сказал! – гаркнул я, и Водимир осознал, что это не издевка.

Неловко, припадая на раненую ногу, он дохромал до коняшки, распутал повод, привычно забросил тело в седло, охнул от боли, но удержался, выпрямился. Подождал, пока парочка раненых разберется по седлам, а потом попрощался со мной по-своему:

– Велика твоя удача, Ульф Свити. Но, выходит, не больше моей.

Засмеялся хрипло, дернул узду и уехал.

Зачем я его отпустил?

– Зачем ты его отпустил? – ворчал Стюрмир, сдирая доспехи с убитых. – Конунг бы за него серебра по весу отмерил.

– Тебе мало серебра, что со мной добыл? – огрызнулся я.

Бури подвел мне одного из трофейных коней, подставил ладони ступенькой...

Несколько мужчин, стоявших в воротах, проводили нас хмурыми взглядами, но напасть не рискнули. Один взгляд на убитых дружинников – и сразу отпадает охота с нами ссориться.

* * *

– Ушел, – сообщил я Рюрику три часа спустя. – Оставил заслон, который мы побили, а сам ушел. Мы не догнали.

Стюрмира и Бури я предупредил: о том, что случилось на самом деле, – ни слова.

Датчанин еще немного поворчал, а Бури просто кивнул. Чем дальше, тем больше нравится мне мой новый боец. Прямо что-то родственное в нем ощущаю.

– Сбежал, и ладно! – махнул рукой Хрёрек. – Без дружины Водимир – никто.

Будущее покажет: вот тут он ошибся, датский конунг и ладожский князь.

А сегодня мы победили. Это главное.

* * *

Да, насчет построенного Водимиром города уже ошибся я. Стать Великим Новгородом ему было не суждено. Жителей его Рюрик переселил в Ладогу, а сам город сжег.

Но это – уже другая история.

Александр Мазин Викинг. Король на горе

© Мазин А. В., 2018
© Оформление ООО «Издательство «Э», 2018
* * *

Глава 1. В которой Ульф и его команда в полной мере прочувствовали смысл слова «обидно»

— ...А теперь я хочу наградить... – Конунг Хрёрек, то есть теперь уже – Рюрик, князь ладожский, наконец-то повернулся к нам.

Дождались, стало быть. Напоследок нас приберег. И это правильно. Никто из присутствующих не вложил в эту победу больше нас.

А присутствующих – до фига. В палате – не протолкнуться. Полный дружинно-боярский сбор. Люди Гостомысла. Люди Рюрика, к числу которых относимся и мы. Непричастные к победе, но обрадованные ею зрители из местной элиты. Атмосфера – торжественней некуда. Дележ добычи и распределение наград.

Добыча изрядная, надо отметить. Тут и немаленькая казна побежденного Водимира. И имущество его ближников. Города, городки, сопредельные и подданные территории. Все это теперь принадлежит Рюрику и его соправителю Гостомыслу Ладожскому. Основной конкурент повержен в прах. Если что-то и омрачает радость князей-победителей, то это отсутствие среди трофеев самого Водимира.

Это я его отпустил. Вернул, так сказать, должок. Но об этом никто не знает, кроме пары моих людей. А Рюрик пусть думает, что я Водимира не догнал. Так мне спокойней. Тем более он и без Водимира мне должен. Если бы не мои славные парни, победы ему, скорее всего, не видать. А если бы и управился, то уж точно не обошелся бы такой малой кровью. А потому самое время воздать нам должное, не жабясь. Все уже поощрены, причем щедро. Варягам Трувора так и вовсе помимо изрядной кучи добычи здоровенный кусок Водимировых земель отрезали.

Я бы от земли тоже не отказался. От того же Плескова, к примеру, который Водимир в прошлом году оттягал у Ладоги.

Ну давай, князь Рюрик! Порадуй своих верных...

– ...А теперь я хочу наградить еще кое-кого из тех, кто помог нам победить!

Мне показалось, или это он к нам обращается? Это что еще за хрень?

Я поглядел на Медвежонка.

Мой побратим тоже ничего не понимал. Что это еще за «кое-кто из тех, кто помог»? Фига се! Это мы, мы захватили город Водимира и держали его Детинец до тех пор, пока не подошел Рюрик со всей своей сборной дружиной! Это мы, рискуя собственными шкурами, провели разведку в логове врага и узнали коварный план Водимира! Если бы не мы, то сейчас не Рюрик раздавал бы соратникам вкусные пирожки, а его главный враг. Не вскрой мы замысел Водимира, и главная опора Рюрика, его варяги, всей бандой отправились бы домой – праздновать летний солнцеворот. Да и я с моими хирдманами, скорее всего, присоединился бы к ним, поскольку приглашены мы были по всем правилам и с полным к нам уважением. От такого отказаться – обидеть.

А пока бы мы праздновали, Водимировы дружинники влегкую взяли бы и Ладогу, и князей-соправителей, зятя с тестем, если бы те не успели дать деру.

«Кое-кто из тех, кто помог!» Не может быть!

Однако может. Да еще как может!

– Ульф Хвити! Ты и твои люди неплохо себя показали той ночью.

Да он издевается!

– Я доволен!

Точно издевается!

– Вы стоите тех денег, которые я вам обещал за службу. И в знак признательности за храбрость, которую вы показали, сражаясь за меня, я хочу вознаградить и вас!

Мне в руки летит тугой мешочек. Небольшой. Килограмма два примерно.

Я распускаю тесемки. Даже не золото, серебро. Монетами и нарезкой.

Улыбается, гад. Сунул подачку. Я ее сейчас приму, и тема закрыта. «Кое-кто из тех, кто нам помог!»

А вот хрен тебе!

Я тоже улыбнулся...

И метнул мешок прямо в длинноусую (по варяжской моде) наглую рожу!

Не попал, к сожалению. Князь поймал мешочек, улыбнулся еще шире. Похоже, Рюрик меня просчитал и ожидал именно такой реакции.

– Твое дело, – сказал он. – Хотя лучше б тебе сначала со своими людьми посоветоваться, потому что я дважды не предлагаю. Так же как не предложу больше и земли, от которых ты однажды уже отказался. Таков был наш уговор: сорок марок серебром за службу. Вы их получите. Сполна. Как только наступит осень. Верно, Свартхёвди Сваресон?

– Не весь, – пробасил Медвежонок. – Еще – взятая добыча, конунг. Сколько там мы взяли Водимировой казны?

Когда дело идет о добыче, мой брат соображает быстро.

– Мы взяли казну, конунг! – рычит Медвежонок. – Из казны этой, по нашему уговору тебе десятая часть причитается. А где остальные девять? Я их не вижу! Уж не из нашей ли добычи ты, князь, людишек своих одаривал? – Рык Свартхёвди перекрывает ропот «людишек». – Что скажешь, Хрёрек-конунг?

– Скажу: подзабыл ты, Свартхёвди, сын Сваре Медведя! – теперь уже голос Рюрика сочится неприкрытой угрозой. – Ряд наш был таков: десятую часть я получаю с той добычи, что вы возьмете сами. Без меня. А когда я сам возьму меч и буду сражаться, то ты, Свартхёвди, удовлетворишься положенной долей общей добычи. Так что если мы разделим казну Водимира на всех, – Рюрик широким жестом обвел собравшихся с большим зале его терема, – то на вашу долю придется еще и поменьше того, что я предложил. Ты можешь сказать, что когда вы спрятались у Водимира в подполе, меня там не было? Да, это так. Но не приди я вовремя, все вы были бы уже мертвы. Так что будь мне благодарен, Свартхёвди, и ты, Ульф Хвити! И не стоит на меня скалиться, потому что я не боюсь волков. А если они пытаются меня укусить, я их наказываю. Ты понял меня, хёвдинг?

Знает, что сила сейчас на его стороне. Я жестом останавливаю кипящего от ярости Медвежонка. Он – берсерк и может многое. Я тоже могу многое. Мы все можем, но их слишком до хрена, людей Рюрика. И варяги с ним. А эти нам не уступают. Как и даны Ульфхама Трески.

Да, это будет славная битва... В которой мы все погибнем, а Рюрик выживет. Он все просчитал, включая мою реакцию. Он меня знает. Я не полезу в драку, если на победу нет ни одного шанса.

Но у меня тоже есть козырь. Очень весомый козырь. Я ведь не просто наемник ладожского князя Рюрика. Я еще и хёвдинг данов с Сёлунда, где правят Рагнар Лотброк и его сыновья.

– Да, – согласился я, глядя ему прямо в глаза. – Ты не боишься волков, князь. А как насчет змей? Их ты тоже не боишься?

Попал. О да, змей он боялся, да еще как! Вернее, одного вполне определенного змея. Сигурда Рагнарсона.

– Ульф! – подал голос Трувор. – Ты этого не сделаешь!

Я перевел взгляд на варяжского лидера. Похоже, Рагнар сына здесь опасался не только Рюрик. Ну да. Я сам его боялся, Сигурда Змееглазого, хотя мне бы он точно ничего плохого не сделал. А вот узнай он о том, куда спрятался его недруг...

– Не сделаю, – согласился я. – Потому что у меня есть то, чего нет у твоего князя, Трувор Жнец. У меня есть честь!

И, не дожидаясь ответа, двинулся к выходу, сопровождаемый своим маленьким хирдом. Под возмущенный ор всей Гостомысловой своры и прочих приближенных ладожских соправителей.

Но помешать нам уйти не рискнул никто. Напротив, все эти шавки поспешно уступали дорогу Волку.

И что следует отметить отдельно: в общем визге я не услышал голосов главной опоры Рюрика. Варягов.

Меня так и подмывало обернуться и еще разок поглядеть на лицо Трувора, но я удержался.

Он-то свой кусок получил. И теперь будет праздновать победу вместе с прочими любимцами Рюрика: набивать брюхо княжьей жратвой, наливать пивом и радоваться жизни. «Ег ванн!» – как говорят викинги. «Я победил!»

Остальное не важно.

Глава 2. Славный хирд Ульфа-хёвдинга

Ну и фиг с ними, с властными структурами и их праздниками.

Мы тоже устроили пир. Свой. И стол у нас был не хуже, чем в княжьем тереме. А вот люди за столом – намного лучше. Я и мой хирд.

Начинать отсчет следует с самого крутого из нас: двуногой машины смерти, носящей имя Хавгрим Палица.

Имя для него очень подходящее[215]. В бою он так же сокрушитель, как разгневанное море, а крепостью вполне сравним с добрым скандинавским шлемом. И это не преувеличение. Палица – берсерк. А берсерк в боевой ипостаси – это не только сверхсила и сверхскорость, но и трудно объяснимая с точки зрения, так сказать, биофизики неуязвимость. Скандинавы верят, что у них есть мистическое свойство делать острое железо тупым. Не знаю. Мой собственный невеликий опыт ответа не дает. Зато я имел возможность убедиться, что рубить берсерка в боевом состоянии – все равно что буквое бревно ножиком резать. Убедился практически. Просто чудо, что я тогда выжил.

Да и после я неоднократно наблюдал, как страшные удары, от которых кольчуга брызгами разлетается, оставляют на берсерковых тушках лишь синяки да поверхностные ранки. Которые вдобавок почти не кровоточат. Так

что я просто счастлив, что хольд[216] Хавгрим теперь за меня, а не против.

Рядом с Хавгримом восседает мой давний и верный друг, старина Стюрмир. Самый здоровенный из нас, если считать в голой силе. Правда, юный дренг Хавур Хакинсон ростом чудо-богатыря Стюрмира уже почти догнал, но мощью на этот уровень еще не скоро выйдет. Однако – выйдет. Со временем. А время у него есть. По моим прикидкам, Хавур Младший, сын Хаки, уже набрал тот критический опыт, после которого правило «первыми убивают новичков» перестает работать. Одно обидно: Хавур теперь, после гибели Тови Тюленя, – единственный, кто остался в живых из сёлундской молодежи, когда-то принятой в мой хирд.

Тови был убит в ночь, когда мы взяли Детинец Водимира. Вместе с ним погиб и мой местный новобранец, Домаслав-Траусти, но тот был совсем зеленым. По уму его в такой бой брать не следовало, но у меня не было выбора. Рюрик вообще предложил отправить паренька к Водимиру. Засланным казачком. Для дезинформации.

Я не позволил, потому что был уверен: пацана Водимир, может, и послушает для начала, но потом все равно на части разберет. Живьем. Такая здесь практика проверки полученных сведений. Не исключаю, что именно этот мой отказ и переполнил чашу терпения Рюрика.

В общем, погибли они, Домаслав и Тови. А Хавуру знатно прилетело железом по ребрам, однако бронь выручила. Сама порвалась, но и ребра, и печень уберегла. На днях заживет, обещал самый мирный из моих людей, отец Бернар.

Отец Бернар – занятная личность. Когда-то он был французским рыцарем-шевалье, но встретил я его уже, когда он был смиренным монахом. Отец Бернар – больше не воин. Дал обет не проливать кровь и теперь скорее позволит себя убить, чем возьмется за меч. А еще отец Бернар полиглот, отличный лекарь и надежный друг. А потому убить его не позволим уже мы.

По внешнему виду смиренного монаха в отце Бернаре нынче угадать непросто. Особенно если тонзуру колпаком прикроет. Прикинут бывший рыцарь как настоящий скандинав. Не из щегольства, по необходимости. Отец Бернар видит свою миссию в обращении язычников в истинную веру. А дикие язычники, как это ни печально, в любом монахе видят либо бесхозную собственность, либо объект для жертвоприношения. Так что, надень он предписанную саном рясу, его даже слушать не станут, не то что истинной верой проникнутся. Надел рабскую одежду, значит, раб. А место раба – в хлеву со свиньями. И право голоса примерно такое же. Так что с волками жить... по-волчьи петь.

Кстати о песнях: еще один мой хирдман – настоящий скальд. Тьёдар Певец. Когда-то он выкупил собственную жизнь у моего кровожадного побратима, сложив великую драпу «О Волке и Медведе». Сия хвалебная песнь достала меня до такой степени, что я нередко жалею о том, что самолично не прибил Тьёдара там, на суровом берегу норвежского Согни-фьёрда. Впрочем, воин из Тьёдара неплохой. Соответствует статусу полноценного хускарла.

Еще один норвежец, вернее, по-здешнему, норег – Гуннар Гагара. Храбрец, воин, скалолаз и большой специалист в области активного допроса. Я познакомился с ним вскоре после того, как убил в поединке его тогдашнего ярла, Торсона. Дрался я, кстати, за честь своего конунга, которого тогда звали Хрёре-

ком Соколом. Князем Рюриком он стал уже здесь, в Ладогe. И не просто так, а чтоб никто на его старой родине случайно не прознал, что славный Хрёрек ухитрился выжить после практически смертельного удара Сигурдова копья.

Но это случилось существенно позже. А тогда, после гибели Торсона-ярла, Гуннар охотно перешел в хирд победителя, то бишь Хрёрека.

Сошлись же мы с Гуннаром после того, как тот, уже будучи хирдманом Хрёрека, ухитрился смертельно оскорбить моего ученика Скиди.

Это сейчас Скиди – опытный убийца-викинг, а в тот момент был он всего лишь подающим надежды недорослем. Но честь – дело важное. Иной раз поважнее жизни, потому что умирает скандинав один раз и, умерев достойно, может рассчитывать на отличное посмертие. А вот позор его будет жить вечно. Ну, во всяком случае, пока не угаснет род опозоренного. Так что выбора у Скиди не было. Он вызвал Гуннара на поединок. И даже ухитрился победить, хотя был тогда против норега как молоденький петушок – против коршуна.

Впрочем, петушок ухитрился очень удачно клюнуть коршуна в шейку, а поскольку бой был до первой крови, то малыш оказался победителем. С тех пор мальчик здорово подрос и физически, и профессионально, так что, случись между ним и Гагарой новый поединок, я бы скорее поставил на него, а не на Гуннара. Впрочем, Гуннар по-прежнему очень хорош. И далеко не глуп. И по-настоящему мне предан. Если бы не его чрезмерная, даже по здешним меркам, жестокость, я бы, пожалуй, уже поднял его в хольды.

Еще один молодой в нашей компании – Вихорек. Мой названный сын. По происхождению словенин, хотя я встретил его, когда он пас овец французского монастыря.

Из пастушонка получился отменный воин. Нам с Медвежонком стоит гордиться, потому что воина из пастушка сделали именно мы. И имя у него теперь чисто скандинавское: Виги. Что значит «война». И это слово очень точно характеризует истинное призвание бывшего монастырского раба.

И, наконец, последний из моих хирдманов. Бури. Я не уверен, что это его настоящее имя, но ничуть не сомневаюсь в его верности. Бури стал моим «по праву меча». И еще потому, что мой незримый потусторонний спутник и хранитель, мой Белый Волк, не позволил мне убить крутого азиата. Бури – загадочная личность. Не знаю, какого он роду-племени, но, судя по лицу, в его геноме изрядная доля восточной крови. А еще он потрясающе стреляет из лука. Нет, с саблей он тоже недурно управляет и в строю не подведет, но с луком Бури – это нечто невообразимое. Я о таком только в книжках когда-то читал. И не особо верил, пока не увидел, как этот невозмутимый азиат кладет три стрелы из трех в отпечаток ладошки. На дистанции в двести шагов!

И, наконец, Медвежонок. Свардхёвди Сваресон. Он не мой хирдман. Он – мой побратим. И родной брат моей прекрасной женушки Гудрун.

Свартхёвди – мой младший брат. Он сам так решил. Однако все, что принадлежит мне, принадлежит и ему. И наоборот. А еще он берсерк, как и Хавгрим Палица. И так же, как Палица, он – «управляемый» берсерк, то есть умеющий держать своего зверя под контролем. Если захочет. А хочет он далеко не всегда, потому что это такой кайф... Уж я-то знаю.

Нынче Медвежонок – в ярости. Причем не в той, славной, что свойственна Детям Одина, берсеркам и ульхеднарам и ведет к блистательным боевым свершениям, а в самой обычной, той, которая порождает действия безрассуд-

ные, а подчас даже дурацкие.

Но пока он держит себя в руках, мечет жратву в пасть, заливая ее кувшинами пива, и даже обменивается шутками с народом.

Держит себя в руках.

Так же как и я.

Потому что в настоящий момент мы ничего не можем сделать. Все козыри в руках этой сволочи, Рюрика.

Мы ему верили, мы совершили для него целую охапку настоящих подвигов. А он нас предал.

Впрочем, чему тут удивляться. Во-первых, предают только свои, те, кому веришь, а во-вторых, эта лицемерная скотина князь Рюрик (язык не поворачивается называть его честным именем «конунг»), эта расчетливая гадина не только нас кинула, но еще и ухитрилась повернуть это так, что выглядело все строго по закону. С формальной точки зрения и не подкопаешься. Когда мы с Рюриком заключали «договор о сотрудничестве», то совершенно четко оговорили нашу «зарплату» и бонусы.

Но в любом договоре между лидером и его дружиной есть вещи, которые зависят от личного решения лидера. В частности, размеры премий, которые определяет вклад каждого. Решается лидером, но утверждается всем хирдом. А против всего хирда не пойдет ни один здравомыслящий вожак. Вот только Рюрик поставил дело так, что мы – не его хирд и права коллективного голоса у нас нет. Его хирд – это его дружина, его варяги, его ладожские отроки, даже оружное воинство Гостомысла – и то в его команде. А мы – нет. Мы – наемники. И место наше – на самом нижнем конце стола.

«Вы, ребята, больше не моя любимая дружина, с которой я делю и победы, и поражения», – заявил нам сегодня ладожский князь-соправитель. Вы – сами по себе. Сражаетесь за фиксированную зарплату, которую получаете вне зависимости от моих, а также ваших личных успехов или неудач. Вот и получите. Да, сражались вы неплохо, и потому я даже готов выплатить вам небольшую премию. Но насчет воинской добычи – извините. Вот если бы вы взяли ее самостоятельно, тогда – да. А поскольку окончательную победу одержали все же не вы, а моя славная дружина, то – свободны!

И вообще: если бы он, князь, не подоспел вовремя, то там, в сокровищнице, мы бы все и полегли.

То есть он еще и спас нас, оказывается! А мы, выходит, на собственный страх и риск, по личной инициативе хитростью и геройством захватили стольный град главного противника Рюрика? И это при том, что все, кто был тогда на совете, знают, что мы действовали в строгом соответствии с общим планом.

Знают, но помалкивают. Все. Даже варяги. Потому что все, кроме нас, получили свой кусок пирога. Сочный. Рюрик не поскупился. И одаренные дружно сделали вид, что они все вместе, а мы – сами по себе. Интересно, чем бы закончилось сражение, если бы мы не взяли город и не заставили Водимира биться на два фронта? Если бы Рюрик подошел не к захваченному нами городку с разбитыми воротами и вражеской армией, истратившей на нас почти все стрелы, а к полностью готовой к обороне крепости?

Сумели бы все эти важные бояре и гордые ладожские отроки взять такую крепость врага?

А вот сомневаюсь.

Мы расчистили дорогу. Мы заставили Водимира разбить собственные ворота. Мы заблокировали не только сокровищницу, но и оружейку, лишив Водимира возможности пополнить запасы оружия. Это была наша победа! И что же?

Все остальные участники получили роскошные подарки.

Ладожские дружинники – четверть добычи.

Варяги – треть добычи и здоровенный кусок Водимировой территории в коллективное подданство.

Гостомысл – кучу денег на восстановление разграбленной Водимиром Ладоги.

А нам – жалкая кучка серебра и дозволение попить в уголке?

Да пошел он, этот мелкий ладожский князек, возомнивший себя великим вождем!

– Пусть подавятся нашей славой! – решительно заявил я, поднимая кубок. – Когда-нибудь этот хитрый лис снова сунет морду на чужой двор, и, когда ее там прищемят, мы не станем спасать его красную шкурку! А добра мы еще добудем! И столько, сколько здешним и не снилось!

Моя славная дружина грозно рявкнула: «Да!» И настроение коллектива сразу пошло вверх.

– Ты прозорлив, хёвдинг!

Это Стюрмир. Он остановился рядом со мной по дороге на крыльцо, куда направлялся с намерением облегчиться.

Ну да, в сравнении со Стюрмиром я прям-таки мудрец. Но к чему это он?

– Я-то думал: зачем ты отпустил Водимира? А ты, выходит, догадывался...

– Рот закрой, – прошипел я, оглядываясь.

Нет, никто не услышал. Я никому не сказал. Даже Медвежонку.

Чем меньше людей знает о том, что я держал в руках жизнь князя Водимира – и позволил ему свалиться, тем лучше. Нет, я тогда не думал о том, что Рюрик обойдется с нами так скверно. У меня была совсем другая мотивация. Но я ведь просил их с Бури помалкивать. А Стюрмир набрался пива и...

– Молчу, – зажал ладонью рот Стюрмир. Хихикнул, хлопнул меня по спине и вразвалочку двинул на выход.

Может, я зря так напрягаюсь? Вроде бы здесь все свои...

Ах ты ж...

Нет, не все. Стоит. Глядит. Свысока. Непохоже, что он что-то слышал. Зато очень похоже, что он тоже изрядно пьян, наш бывший друг и соратник Трувор по прозвищу Жнец.

Первый наследник главного варяжского князя, насколько мне известно, и главный воевода князя ладожского Рюрика.

Что ж, раз пришел, давай за стол. Мои подвинулись, Трувор уселся напротив. Поглядел на меня, потом на Медвежонка, принял от девки бронзовый кубок, приложился, кивнул одобрительно. Потом кивнул уже мне. Тоже – с одобрением.

– Вижу, Волчонок, ты не очень расстроен. Значит, понял. Это хорошо. Я тебя предупреждал: не стоит сердить князя. Тебе повезло, что наш князь помнит добро и простил тебе дерзость. Однако впредь будь осторожнее. Не то так легко не отделаешься. Ни ты, ни твои люди.

– Это тебя Рюрик прислал? – кисло поинтересовался я.

– Нет. Он больше не станет потакать твоему нраву. Волк, ты должен понять. Он – князь. А ты – предводитель десятка воев. И только. Он позволил тебе жить здесь и служить ему. Цени.

Свартхёвди хрюкнул.

Я покосился на побратима. Тот больше не пил. Слушал. Очень внимательно.

– Я пришел к тебе, потому что я – твой друг. Вдобавок ты скоро станешь мужем моей дочери, и я обеспокоен. И говорю тебе: умерь свою дерзость! Помни свое место за княжьим столом, и в следующий раз тебе и твоим людям будет позволено по чести разделить княжью трапезу.

– А что будет, если я ее не умерю? – поинтересовался я очень вежливо.

Трувор покачал головой:

– Ты же не глуп, Волчонок. Не гневи Рюрика и – не узнаешь его гнева. Ни ты, ни твои люди.

Та-ак. Похоже, кое-кто тоже перебрал пива. Или Трувор от перспективы стать моим тестем уже сейчас возомнил себя мудрым папашей?

«Ну так я его сейчас поправлю!» – решил я, наливаясь яростью.

Но выплеснуть не успел. Кое-кто меня опередил.

– Ульф Хвити! – рывкнул Медвежонок так, что даже я вздрогнул.

– Что? – удивился Трувор.

– Моего брата и хёвдинга зовут Ульф Хвити! Белый Волк! – прорычал Медвежонок на языке данов, раздувая ноздри.

– Ты это к чему? – нахмурил брови Трувор.

– Мы считали тебя другом, а ты держал рот на замке, когда Хрёрек оскорблял нас, – рывкнул Свартхёвди. – Теперь никто из нас не назовет тебя другом, но закон гостеприимства свят, и когда ты пришел в *наш* дом, Жнец, мы обошлись с тобой по обычаю: пригласили тебя за стол, угостили пивом и обошлись с тобой как с гостем! А ты вместо подобающей гостю благодарности принялся оскорблять и поучать хозяина! Хуже того: ты попытался его унижить, заподозрив в трусости!

– Я не говорил ничего подобного, – холодно произнес Трувор. – Что ты несешь, Сваресон?

– Что *ты* несешь, Жнец?! – Свартхёвди сжал кулаки с такой силой, что побелели пальцы. – Надо быть очень глупым, чтобы решить, что такие, как мы с братом, можем испугаться такого, как твой жадный конунг, возомнивший себя великим только потому, что его избавили от такого же мелкого врага! Мы избавили, Жнец! Мы! – Нитка слюны потекла изо рта Медвежонка на его желтую бороду.

Я напрягся. Не дай бог, брата сейчас охватит священное безумие...

Трувор тоже опасался, что берсерк выпустит зверя на свободу. Варяг неотрывно глядел на вытатуированные на тыльных сторонах ладоней Свартхёвди медвежьих лапы и был готов выскочить из-за стола и принять бой.

Но Медвежонок сумел сдержаться. Выдохнул через стиснутые зубы, сцапал мой кубок и опорожнил его в один огромный глоток.

Трувор расслабился. Зря. Медвежонок сказал свое слово, а вот я – еще нет.

– Меня ты тоже удивил, Трувор Жнец, – произнес я в наступившей тишине. – Не думал, что ты можешь быть так жалок. Я могу понять твоего князя, ко-

торый, утратив силу, превратился в скупца. Бессильному и бесчестному одно лишь серебро помогает удержать власть. Больше ему рассчитывать не на что. Но ты, Трувор Жнец, ты же не был поражен копьем Сигурда Рагнарсона. Твоя сила – при тебе. Твои руки могут держать мечи, а ноги – нести тебя к новой славе. Вы, варяги, главная сила Ладоги. Один взмах твоего меча – и у Ладоги появится новый князь. Куда более достойный, чем то, что осталось от Хрёрека Сокола, инглинга и конунга! Как так вышло, Трувор Жнец, что ты теперь готов пресмыкаться перед тенью прежнего Хрёрека, принимать от него подачки и сидеть ниже какого-то там Бобра? Ты, которому тень, забравшаяся на княжий шесток, обязана всем?

– Ты хочешь меня оскорбить? – поинтересовался Трувор.

Похоже, хмель из его головы выветрился, и я снова играл с огнем. Но в то же время я знал: если он и рискнет попробовать меня убить, то уж точно не сейчас, когда он – один, а со мной – весь наш маленький, но грозный хирд.

– Я? Да что ты! Разве кто-то может оскорбить тебя больше, чем ты сам? Ты ли это, Трувор Жнец? С тобой ли мы ходили по Лебединой Дороге за тридевять морей? Или душу твою подменили, а честь купили на украденное у нас серебро?

Я помолчал немного, поглядел на своих. Все они перестали есть и слушали очень внимательно. Так же внимательно, как сам Трувор.

Ну что, варяг, хочешь мне возразить?

Нет, не хочет. Ждет продолжения. Не кипит, копит.

Помнится, Медвежонок говорил о своем отце: тот на хольмгангах в ответ на любые оскорбления – улыбался. А на вопрос сына ответил: разве не забавно, когда тебя пытается оскорбить мертвец?

Трувор не улыбался. Он контролировал ситуацию и ждал. Надо думать, я еще не зацепил его по-настоящему. Вопрос: хочу ли я его зацепить?

Хотя игра выходит занятная. Он пришел поучать меня и вразумлять. А теперь, выходит, мы поменялись местами.

– Я дрался с тобой в одном строю, Трувор, – продолжил я. – Ты учил меня варяжскому обоерукому бою, и я верил тебе. Я верил тебе настолько, что позволил уговорить себя и остаться, когда твой князь показал, что он теперь не конунг воинов, а князек ладожских смердов. Я мог бы послать его к воронам и отправиться домой на Сёлунд. Там, на Сёлунде, у нас богатые земли, прекрасные жены и добрые соседи. И правит там настоящий конунг Рагнар Лотброк, который относится к нам с уважением и который умеет ценить воинов.

Я сказал чистую правду, надо отметить. Да, Рагнар ко мне благоволил. А его старший сын Ивар по прозвищу Бескостный вовсе испытывал ко мне такую симпатию, что позволял окружающим считать меня его человеком. А это, друзья мои, в скандинавском мире просто не передать как круто. Одно мое слово такому человеку – и от надменного ладожского соправителя останется не больше, чем от коровьей лепешки, на которую наступил слон. Причем мне даже премию заплатят в тройном размере, потому что князь Рюрик, еще в свою бытность правильным морским конунгом, навлек на себя гнев уже упомянутого мной Сигурда Змееглазого. И Сигурд отомстил обидчику, лишив его всех кораблей. Это чудо, что Хрёрек ухитрился выжить, поймав телом Сигурдово копье. И да, Хрёрек действительно обязан варягам абсолютно всем. Это ведь варяги сумели по-тихому спереть самый быстрый драккар Сигурда прямо у то-

го из-под носа. Да еще так, что Рагнарсон повесил пропажу на богов, а не на своего недруга, которого считает мертвым. Ну не выживают люди после того, как в них угодило копьё Сигурда Змееглазого.

Хрёреку повезло вдвойне. Он не только выжил, но даже сумел найти новый дом здесь, в Ладогe, женившись на дочери местного князя Гостомысла.

Я же, дурак, ухитрился догадаться, что мой конунг жив, сообразить, где прячется.

И явился сюда, в Ладогу, дабы вернуть Хрёреку долг чести. Потому что именно он, Хрёрек, когда-то помог мне, человеку из двадцать первого столетия, выжить в суровом мире девятого века.

Ну кто же знал, что вместо геройского Хрёрека-конунга меня встретит прагматичный и коварный князь Рюрик?

Но я бы действительно свалил после первого же конфликта с князем, если бы не Трувор, которому я тоже многим обязан.

И мало ли кому я обязан? Вот тому же Ивару Рагнарсону по прозвищу Бескостный я обязан намного больше, чем ладожскому князьку. Ведь это Ивар пришел ко мне, когда я оказался в настоящей беде. Когда мой хирд был уничтожен, жена – похищена, а сам я валялся чуть живой от ран. Не Трувор и не Хрёрек пришли ко мне с поддержкой, а Ивар Рагнарсон.

И вот сейчас отхвативший изрядный кусок пирога, в том числе и нашего пирога, Трувор Жнец явился поучать нас, будто нашкодивших щенков.

Мол, я должен понимать политику партии. Есть великий князь Рюрик и мелкий десятник, нанятый им на службу.

– Ты забыл кое-что, Ульф Хвити, – спокойно произнес Трувор, которого мне не удалось разозлить. – Есть князь, и есть его дружина. И не князь служит дружине, а она – ему.

– О да! – сказал я. – Понимаю! По-твоему, варяг, такие, как мы, должны проливать кровь, а Гостомысловы бояре на этой крови жиреть. Вижу, ты готов быть дружинником такого князя, но мы – нет. Вижу, тебе нравится, когда твой конунг – не отец своим хирдманам, а хозяин, который кормит вас подачками взамен за пролитую кровь. Были времена, когда мы с тобой ходили на одном корабле, и тогда все мы знали, что за своего конунга мы будем сражаться как за родного отца. Потому что он и есть наш отец, наш старший, и он точно так же сражается за всех нас. И делает это лучше всех, иначе какой он тогда конунг? Но те времена прошли. И нам с тобой больше не по пути, Трувор! Мы не станем псами, что лизут хозяину руку! Верно ли я говорю, братья? – впервые обратился я к своим бойцам.

И ожидаемо услышал одобрителный рев.

– А если кто-то возомнит себя нашим хозяином, Жнец... Я скажу тебе, что его ждет, – произнес я, глядя на Трувора в упор. – Холодное железо в жадное брюхо – вот что его ждет! Верно, братья?

И новый одобрителный взрев.

– Это угроза? – поинтересовался варяг, когда возгласы стихли.

– Это предупреждение, – парировал я. – В том числе и тебе, Трувор Жнец, потому что ты тоже обманул нас, когда делал вид, будто ты на нашей стороне, а потом продал нас за княжью подачку. За земли и данников, которые взяты нашими мечами. За которые заплачено нашей кровью. Сражаясь за твоего князя, я потерял двоих хирдманов. И каждый из них был мне дорог! Вот поче-

му я бросил в лицо твоему князьку его жалкое серебро! Я не торгую кровью своих братьев. В отличие от тебя.

Трувор опять сдержался.

– Я тоже потерял своих, – процедил он. – Или ты забыл, что рядом с тобой сражались и мои варяги?

Ну, ты сам подставился, Трувор Жнец.

– Вот поэтому я и сказал: в отличие от тебя! Сражались, ты сказал? Нет, они не сражались рядом со мной! Твоих юнцов *убивали* рядом со мной! Если бы со мной были настоящие воины, воины, а не мальчишки, они были бы живы! И мои дренги тоже были бы живы! А раз ты забыл, кто велел тебе отправить со мной молодых и неопытных, так я тебе напомню, Трувор Жнец! Твой добрый князь так приказал! Может, он надеялся, что я тоже погибну вместе с твоими отроками? И все мои люди? Вот радость для жадного князя: мертвым можно не платить!

– Так и есть, клянусь козлами Тора! – рявкнул Свартхёвди. Уверен, он раньше не смотрел на недавнюю битву под таким углом. Нормальная для викинга установка: слабых убивают, сильные выживают. Но ни один настоящий вождь не поставит под удар молодняк специально. К тому же не просто недостаточно обученную молодежь, а собственную родню.

Интересно, что бы на такое сказали другие варяги? Рулаф, Витмид, Руад, Харра Стрекоза, который был тогда единственным полноценным воином в приданном мне варяжском отряде.

Ну-ка будущий варяжский князь, что ты на это скажешь?

Ничего. Молчит. Смотрит. Скептически. Прямо-таки источает мудрость, важность и довольство. Мол, говори-говори, малыш. Собака лает – ветер носит.

Что ж, ты сам напросился, мой бывший друг. Ну так получи!

– Вижу, ты доволен, Трувор Жнец! – Я ухмыльнулся как можно паскуднее. – Еще бы! Такой жирный кусок отхватил! А всего-то за десяток каких-то дренгов! Вижу, ты находишь цену подходящей, верно? Так и знал, что ты больше не честный воин, Трувор Жнец. Зато теперь мне понятно, почему ты помалкивал, когда твой хозяин пенял мне, что, не приди он вовремя, и мы бы все сдохли прямо в Водимировой сокровищнице! То, что для воина оскорбительно, для торговца – в самый раз. Что тебе родичи? Что тебе даже твой собственный сын Вильд? Главное – барыш. Что тебе родная кровь, если ее можно продать с выгодой? Родичи, сын, племянники... Чего их жалеть? Бабы новых нарожают! Зато тебе лишний сундук с добром достанется!

Вот теперь я его наконец-то зацепил. Ух он и разозлился!

Говорят, на правду не обижаются. Как бы не так!

Пусть правды в моих словах было ровно столько, чтобы они *выглядели* правдой. Но некоторая правда все же была. Вот отчего Трувор и завелся.

Будь мы одни, возможно, даже убить меня попробовал бы. И скорее всего, успешно. Его не зря ведь Жнецом прозвали. Из всех варягов, каких я знал, он лучший. Сравниться с ним обещал разве что его племянник Харра Стрекоза. Но и то лишь в отдаленном будущем.

Однако мы не наедине. Рядом – раздувающий ноздри толстого носа Свартхёвди. Рядом – Хавгрим. И все остальные тоже. И они точно не останутся в стороне, если начнется заварушка.

Зря ты пришел поучать меня один, Трувор Жнец. Ну да, он не драться пришел, а наставлять по-отечески несмышленного Волчонка, возомнившего себя независимым вождем-хёвдингом. Такого самое то мордой в собственную лужу потыкать. Не смей, мол, метить хозяйскую территорию!

Надо отдать Трувору должное: с бешенством он справился практически мгновенно. Вот вожак поопытней меня. Оценил, просчитал – и на провокацию не повелся. Не подобрел, нет. Но мыслительные способности восстановил полностью.

– Да-да... – протянул он как бы даже с огорчением. – А я еще дочь за тебя выдать хотел. В род принять, варягом сделать. А ты на хорошее вот как...

– Добро я помню, Трувор. Не надо путать, – я тоже постарался успокоиться. – Тебя я не предавал. Это ты нас предал. Меня, его, – кивок на Свартхёвди, – и остальных. – Широкий жест, обнимающий остальных участников застолья. – Князя твоего я понимаю. Он теперь не под парусом, а под тестем ходит. Но тебя, нет, не понимаю. Ты тогда попросил нас остаться, и мы остались. Поверили тебе. Другу. А ты вот кем оказался...

И вдруг мне самому стало чертовски обидно. Куда обиднее, чем раньше. Прежде обида была правильная, удобная. Та, за которую мстят. А эта...

Были у меня друзья. Варяги. Теперь – нет. И это было даже хуже, чем понимание того, что больше не увижу Зарёнку.

Не скажу, что люблю эту девушку больше жизни, так, как Гудрун мою ненаглядную. Но все же... наверное, я и Зарю тоже люблю. Рюрик, собака! Из-за тебя все. И ты, княжий подпевала Трувор...

– Я все помню, Жнец, и добро, и зло, – я постарался подбирать слова поточнее. И побольнее. – И хочу кое-что напомнить и тебе. Это ведь ты посоветовал мне, Волчонку, стать вождем-хёвдингом тогда, на земле франков. И спасибо тебе, потому что я и впрямь стал хёвдингом. А вот ты, похоже, этого не заметил. Думаешь, что я хочу стать одним из вас, варягов? Да, пару лет назад – может быть. Тогда мы все были другими. И вы, варяги, тоже. И торговать кровью своих людей, как этого требует твой князь и как это, похоже, принято теперь у вас, варягов, я не стану.

Ну-ну, сверли меня взглядом. Взгляд – не копье. Дырка в организме не образуется.

– Я сидел за столом у многих конунгов, Трувор Жнец. Среди них есть страшнее, чем твой князь. Настоящие конунги, для которых твой Рюрик – просто ползущая по столу букашка. Но были и такие, кто подобно тебе и ему охотно менял кровь и жизнь своих людей на богатство и земли. Помнишь, Трувор, графа Ламберта? Того, которого его бывшие данники не захотели пускать в ворота и который за то, чтобы снова стать хозяином города, отдал его жителей Рагнарсонам? Вижу, что помнишь! Вот и твой князь – он такой же. И все вы здесь – такие же. На словах стоите за своих людей, а на деле лишь ищете выгоду. Помнишь, как Рюрик не пожелал искать моих похитителей, чтобы случайно не обидеть пару ладожан? А когда в Ладогу пришел Водимир и начал резать и грабить, разве кто-то поспешил им на выручку? Вы все, и Рюрик, и ты, и даже сами ладожские бояре, очень обрадовались, что, пока Водимир убивает ладожан, вы можете пограбить самого Водимира.

– Ты сам хотел того же! – не выдержал Трувор. – Так что не смей обвинять в этом Хрёрека!

– Рюрика! – уточнил я. – Хрёрек-конунг убит Сигурдовым копьем у берегов Фризии! И я никогда не утверждал, что весь этот город, который вокруг, – он мой. Мой здесь – вот этот клочок земли, на котором мы стоим. Да и то получил я не от твоего князя, а от его тестя, для которого я – отвратительный нурман, коего терпят, пока он полезен, но пришибут, когда надобность в нурмане пропадет. Вернее, попробуют пришибить, – добавил я с ухмылкой. – Потому что во всей дружине старого Гостомысла не найдется никого, кому это по зубам. Но у него есть Рюрик. А у Рюрика есть ты. Понимаешь, о чем я?

– Нет!

– Врешь! – с удовольствием сообщил я. – Все ты понимаешь, варяг. Ну же!

Но Трувор молчал. Может, ждал, чем я еще его порадую. Или прикидывал, стоит ли бросить мне вызов?

Он куда лучше держал себя в руках, Трувор Жнец. И думал не о том, сможет ли он меня убить, а о том, что будет после. Возможно, он мыслил сейчас не как оскорбленный воин, а как настоящий вождь? Когда я обвинял его в том, что он торгует кровью своей родни, я ведь знал, что это ложь, которая лишь выглядит правдой, если взглянуть на нее под определенным углом. Можно убить меня. Можно перерезать всех нас. Не сомневаюсь, что сотне варягов это вполне по силам, несмотря на моего Волка, моих берсерков и снайпера-лучника Бури. Однако очень возможно, что наша смерть не пройдет незамеченной. Что слух о ней пойдет дальше, до самого Сёлунда. А ведь там, далеко-далеко, но все равно за моей спиной маячит жуткая тень дракона. Ивара Рагнарсона по прозвищу Бескостный. И если допустить, просто допустить такую возможность, что из-за моей смерти дракон обратит свой жуткий взгляд на маленькую Ладогу-Альдейгью...

– Вижу, ты хочешь убить, – ровно произнес я. – Что ж, попробуй. Не бойся. Я, как хёвдинг, объявлю поединок чистым. Иначе вам придется убить всех, а я не хочу крови моих людей. Да и твоих – тоже. Это ведь ты, Трувор, торгуешь кровью родни. А Ольбард, Руад, Рулаф и остальные – они остались прежними. Такими же, как в те времена, когда мы бились в одном строю. И я не хочу их смерти.

– А я, по-твоему, хочу?

Все-таки изумительное у Трувора самообладание.

– Не хочешь, – согласился я с улыбочкой. – Разве что за их жизни предложат хорошую цену. Тогда – другое дело.

Я подумал: вот сейчас он сорвется. Уловил боковым зрением движение Свартхёвди, его волчью ухмылку. Я могу сколько угодно объявлять поединок чистым. Для Медвежонка это – пустые слова. Он – берсерк. Он – воин Одина. Там, в Скандинавии, все знают: берсерку плевать на слова «чистый от мести». Есть лишь один закон, который чтит Воин Одина: я убиваю, когда хочу! Самого желания вполне достаточно.

Ух как Трувору хотелось дать выход ярости! Однако он догадывался: вызови он меня сейчас и убей, мои берсерки порвут его, наплевав на слова.

Я не смотрел на Хавгрима, но знал, что он тоже ухмыляется. Я всех убедил, что Трувор – недостойный человек, который нас обманул. Теперь каждый из моих хирдманов хочет его крови. Ну, кроме монаха.

А я? Хочу ли этого поединка я?

Да, хочу. Рюрик желает войны? Он ее получит. И первой ее жертвой станет

его самый верный сподвижник. Здесь и сейчас. Один на один. Если придет мой Волк, у меня будут неплохие шансы. А если не придет...

Обожравшийся на пиру, отяжелевший от пива, вдобавок порядком разозленный Трувор, на котором сейчас даже кольчуги нет, это куда менее опасный противник, чем Трувор Жнец, заранее подготовившийся к хольмгангу.

«А ты и впрямь хочешь его убить? – спросил я сам себя. – Не Рюрика, Трувора?»

И понял: нет, не хочу. Рюрика – да, Трувора – нет. Поединка хочу, но не смерти варяга. Так что даже если он сейчас примет вызов, то я постараюсь не только остаться в живых сам, но и оставить в живых Трувора. Ну, а если не выйдет, тогда старшим над варягами станет Ольбард. И с ним будет намного проще, чем с Трувором, потому что Ольбард Синеус не будет так рьяно играть на одной стороне с Рюриком. Да что там... Я вообще не понимаю, почему Трувор так держится за Рюрика. Даже тех варягов, что сейчас в Ладогe, хватит, чтобы скинуть с престола и Рюрика, и Гостомысла разом. Кто им помешает? Ульфхам Треска с дюжиной верных данов и полусотней салажат? Боярское ополчение? Смешно! А ведь Труворова дружина – это лишь часть варяжской силы, и, склонен думать, далеко не самая большая. Откуда же эта непонятная преданность?

Ну да примем ее как факт. Я уже не сомневаюсь: оторвать Трувора от Рюрика не получится. И еще я не сомневаюсь, что Рюрик не отпустит нас домой, пока не будет абсолютно уверен, что мы не вернемся сюда снова, но уже в компании с Рагнарсонами. А следовательно, стоит нам отойти от ладожской пристани, как за нами тут же помчатся варяжские драккары. И наверняка догонят. «Северный Змей» быстр, но число гребцов тоже имеет значение. К тому же уведенный у Сигурда драккар проворнее моего малыша.

Вывод? Надо разорвать связку: Рюрик – Трувор – варяги. Если мне удастся выбить среднее звено... Не знаю, спасет ли это нас, но хуже по-любому не будет. И потому надо срочно форсировать процесс. Мне нужен этот поединок, чем бы он ни закончился!

– Ты только что сказал, варяг, что не хочешь смерти своих родичей, – прорычал я, поднимаясь. – Но мне плевать на то, что ты хочешь, Трувор Жнец! – Я перешел на понятный всем язык викингов. – Мне плевать, что ты там болтаешь! Твои дела говорят за тебя. Они говорят: за хорошую цену продать не только своих родичей, но и собственного сына! С таким, как ты, у меня может быть только один разговор, – я похлопал по ножнам Вдоводела. – Ты и я, Трувор. Здесь и сейчас. Поединок чистый. Свартхёвди, ты слышал?

– Слышал, – буркнул мой названный брат.

Чихал он на мои слова, как я уже упоминал. Если Трувор примет вызов, он – мертвец. Разве что мне самому удастся заставить его сдаться. Но такой вариант, это из области ловли журавлей в небе. Даже не журавлей – вымерших миллион лет назад птеродактилей.

– Трувор! Я сказал, ты услышал. Начинай!

Черт! Он даже не дернулся. Я был уверен, что после всего, что я вывалил на его бритую голову, Трувор обрушится на меня как гром небесный. А он стоял и не касался мечей.

Испугался? Не верю!

– Не хочешь драться бесплатно? – насмешливо поинтересовался я.

– Вообще не хочу с тобой драться, – произнес Трувор по-словенски абсолютно спокойно. – Все, что ты сейчас наговорил, – чушь. И ты сам это поймешь, когда остынешь. До завтра, хёвдинг Ульф Свити. Проспись и остынь. Когда сможешь говорить как вождь, а не как обиженный мальчишка, тогда и поговорим.

Повернулся и двинул на выход.

Я проиграл. Или – выиграл?

Глава 3. Танец пятого стража

– Хочешь, чтобы я его убил?
Неожиданное предложение.

Я удивленно уставился на Бури. Он что, читает мои мысли?

– Одна стрела – один мертвец, – сказал мой восточный хирдман.

– Он – воин, – проговорил я, несколько растерявшись. – Он услышит или почувствует.

– Возможно, – согласился Бури. – И что с того?

Да, верно. Я не учел, что стрела Бури летит куда быстрее моей. Почувать – можно, успеть отреагировать – не факт. Особенно если стрела будет не одна. А учитывая способность Бури отправлять в цель три стрелы за две секунды...

Но все равно это не вариант. Точно не вариант. Это будет еще большая подлость, чем та, которую устроил нам Рюрик.

– Нет, – отказался я.

Но – оценил. И показал, что оценил. Верность – одна из высших ценностей этого сурового мира.

– Пойду разомнусь, – сказал я и двинул во двор.

Бури – за мной. Похоже, он взял на себя обязанности моего телохранителя. Ну, я точно не против. Мой хирд – совсем маленький, но пока в нем есть два с половиной берсерка (половинка – это я сам) и такой стрелок, как Бури, с нами придется считаться даже таким большим начальникам, как здешние князья.

Нет ничего лучше, чем правильно подвигаться после легкого завтрака. А уж как нервы успокаивает.

Тем более что у меня отменный успокоитель. Я им частенько пользовался еще в той, цивилизованной жизни. Давненько же я его не практиковал. В этом мире тренировки с боевым оружием как-то предпочтительнее. Однако для разнообразия...

Этот комплекс называется таолу, насколько я помню. Китайский аналог японского ката. Для него требуется шест и немного свободного места. Собственно, все.

В качестве шеста я шест и взял. Один из тех, которыми прачка подпирала веревки для сушки белья.

Нормальная такая палка. Ровная. Мне осталось лишь отрубить рогульку, заодно укоротив ее до канонической длины.

Да, давненько я работал с шестом. Но ничего не забыл, понятное дело. Все базовые движения вросли в меня и пустили корни еще тогда, когда я бесцельно повторял их в зале и на лесной полянке под неусыпным наблюдением китайского шифу.

Китайцу я, кстати, не нравился. Может, не было во мне чего-то важного. Например, китайской крови. Но ему нравились деньги, которые я платил за индивидуальные занятия. Вдобавок я помог ему встроиться в какую-то мел-

кую федерацию ушу. Мелочь, но полезная. И, конечно, он не мог не видеть, что я очень стараюсь.

Так что он отложил в сторону свою неприязнь и учил меня тоже очень старательно. Хотя, может, ему было на все это плевать и он просто выполнял приказ какого-нибудь руководителя диаспоры, велевшего работать со мной с полной отдачей.

Я тоже вел себя соответственно. То есть демонстративному уважению, которое он мне оказывал, я не верил ни на медный грошик. А вот профессиональным и преподавательским качествам доверял полностью. Так что все замечания выслушивал очень внимательно, ритуальные и тренировочные комплексы, включая и ритуальную их часть, отработывал со всем тщанием, запоминая их каждой подключаемой мышцей. А мышцы подключались, надо отметить, практически все.

И еще: вся эта ритуально-историческая гимнастика мне очень нравилась. Прямо-таки восторг ощущал. И в какой-то момент вдруг осознал, что я на эту хрень подсаживаюсь. И что-то начинает меняться в моих жизненных приоритетах. Причем совсем не так, как хотелось бы мне, но, подозреваю, вполне желательно для моего китайского учителя. Не скажу, что умом понял, что происходит, но чуйка выдала тревожную трель, и я резко сдал назад. Гимнастика? Прекрасно. Возможность практического применения? Вообще замечательно. Успокаивает нервы? Тоже пригодится. Остальная китайщина пусть отправляется к воронам, как выражаются мои здешние кореша.

На этой бодрой ноте мы расстались с шифу. К обоюдному, полагаю, удовольствию.

При освоении местной копейной техники навыки той работы с шестом мне оченьгодились. Тем более что в своей исконной форме вся эта хрень была заточена именно под копье. Вернее, под разное древковое оружие. Шест и палка – это уже выхолощенный под цивилизованные времена вариант. Ну, да это вещи общеизвестные.

Итак, прикинув баланс укороченной жерди, я содрал с веревки полотенце и повязал им один из концов. Тоже дань традиции.

Потом огляделся. Перед тем как развлекаться, следовало немного поработать вождем и проконтролировать обстановку.

Народу на подворье было немного. Пара местных трэлей свежевала овцу. Хмурый Скиди с утра пораньше гонял условно молодых: Хавура Младшего Хакисона и Виги-Вихорька. В основном доставалось Вихорьку, потому что Хавур при взятии Водимировой крепости схлопотал мечом по спине. Рана неглубокая, но какое-то время Хавуру стоило поберечься, и Скиди это было известно. А вот Вихорек вышел из того боя в полной сохранности.

Я понаблюдал за ними секунд тридцать и удовлетворенно хмыкнул. Скиди тоже приходилось попотеть. Я в свое время поставил приемному сыну задачу: отработывать обоерукий бой, так сказать, «по-варяжски». И сейчас он именно этим и занимался. И для вооруженного щитом и мечом Скиди Вихорек был весьма неудобным противником. Этак еще год-другой – и малыш превзойдет коренного скандинава. А может, и нет. Ведь Скиди тоже неплохо прогрессирует.

Следующий взгляд – на мой, вернее, наш с Медвежонком, драккар. Он в порядке, наш славный кораблик. Отдыхает у причала. А ведь его чуть-чуть не

угнали водимировцы, когда захватили Ладогу.

Спас кораблик Дедята. Мастер-строитель и его артель во время налета работали на моем участке. С хоромами они уже закончили и занимались банькой. Люди они были опытные в плане внезапных разбойных нападений, а потому когда на Ладогу налетели злые вороги, Дедята вместе с артелью и наиболее ценным имуществом быстренько погрузился на «Северного Змея» и отошел от берега. Чем спас не только мой драккар, но и себя заодно, потому что до того, как перебежать ко мне, Дедята гнул спину на противника. Так что водимировские могли очень серьезно предъявить беглому холопу сотоварищи.

Но я все равно его премировал. За смекалку и шустрость. Без «Северного Змея» нам было бы совсем грустно, а так хоть есть на чем домой вернуться.

Если будет кому.

Нет, надо срочно выкидывать из головы мрачняк, решил я и описал шестом сложную восьмерку. Начали...

Китайская магия сработала. Отпустило.

Я сдернул с шеста полотенце, вытер мокрую физиономию и с удовольствием поглядел на молодняк.

Бойцы сменили оружие и теперь бодро лупили учебными железками по учебным же, увесистым щитам, нарабатывая силовой базис и не отвлекаясь на прыжки и уханья вождя. Все правильно. Отвлечешься – схлопочешь. Больно.

По палубе «Северного Змея» деловито прогуливался Медвежонок. Проверял лючки для весел и сами весла, уложенные вдоль палубы. Драккар – это не просто плавсредство. Это, считай, живое существо. Морской дракон, несущий нас над пучиной. И состояние его должно быть безупречным, иначе эта самая пучина скажет: «Ам!» – и наш хирд дружно угодит в сети собирательницы утопленников великанши Ран и, как следствие, навсегда лишится права набивать брюхо, блудить и кромсать друг друга за праздничными столами Валхаллы.

Мои пляски с жердью побратима тоже не особо интересовали. Есть дела поважнее.

С полдюжины малолетних ладожан, расположившихся на нашем новеньком заборе, тоже глазели не на меня, а на Скиди с парнями. Глазели и пускали слюни. Завидовали. Воин в этом мире, считай, вершина пищевой цепочки. Или – социальной лестницы, если по-умному.

Опа! А что это такое с моим гением-стрелком? Бури, похоже, завис. Смотрит на меня, как будто я у него на глазах обратился в красну девицу. Не понял! Это что, мои ушуистские ката, то есть, простите, таолу на него такое впечатление произвели? С чего бы, интересно? Ничего ведь особенного я не проявил в сравнении с настоящими мастерами копья. Куда мне. Есть у меня один знакомец из Скоген Лифер[217], кормчий с забавным именем Долбает. Вот тот с длинным копьем управляется так, что, глядя на его забавы, отчетливо понимаешь: если Долбает долбанет по моему китайскому шифу, то настанет тому полный и окончательный кирдык. И ему, и всем прочим шифу, которых я наблюдал. Хоть разом, хоть порознь. Вот у ирландца, да, уровень. А мои прыжки – вот это именно забава. Козьи потягушки, как говаривала бабушка.

– Бури! – окликнул я средневекового снайпера. – Ты в порядке?

Мигнул. Встрепенулся. Подбежал ко мне... Бури! Подбежал! Это ж что он та-

кое углядел в моей гимнастике?

Хотя...

Он же – восточный человек. Может, я ему родину напомнил?

– Господин...

Взгляд вечно прищуренных глаз – по-прежнему снайперский. Острый. А вот лицо...

– Господин, откуда ты... это?

Вид у моего бойца по-прежнему малость охреневающий.

– Что – это?

Бури тут же, вполне квалифицированно воспроизвел пару «па» моего боевого танца.

– Был у меня учитель, – уронил я небрежно. – Научил вот. Знаешь, как это называется? – поинтересовался я с умным видом, хотя фиг что понимал.

На викингов, к примеру, боевые пляски Хавгрима Палицы с его любимым рубящим копьём всегда производили куда большее впечатление, чем мои китайские попрыгушки. А уж эти парни разбираются в подобных вещах.

– Это называется танец пятого небесного стража фейцуй, растворяющего малые врата! – без малейшей запинки выдал мой загадочный стрелок.

Теперь уже охреневающий вид – у меня. Чего-чего танец?

Однако я справился и вернул правильное выражение лица. Ну да, мы там, в будущем, хоть и невежды во всяких там феншуях, но невежды тертые. Опять же в покер играть умеем.

– И откуда ты это знаешь? – интересуюсь я с умным видом.

Бури колеблется...

Вштырить-то его вштырило, но не настолько, чтобы он вот так вот сразу снял информационную защиту. Явно прикидывает, какой у меня допуск к гостайнам.

Нет, не вскрылся.

– У всех свои тропы, господин.

– Это все, что ты можешь сказать?

Глазки-бойницы стали еще уже. И с этакой высокомерной ехидцей:

– Могу сказать еще: твой учитель был – не из лучших.

С таким циничным сочувствием изрек: «Не из лучших». Мол, прими, девочка, суровую правду жизни. Мама с папой тебя обманули. Ты ни фигя не принцесса. И внешность у тебя – самая заурядная. А мальчик твой целоваться к тебе не лезет не потому, что стесняется, а потому что изо рта у тебя... попахивает.

Ах ты ж...

Все мои текущие проблемы вдруг отошли на второй, а то и третий план. Развитая в борьбе за выживание интуиция прям-таки рывкнула мне в ухо: «Мужик! Ты сейчас зацепил что-то а-афигенно важное! Не прощелкай клювиком!»

Сразу вспомнилось, *кто* во время нашего первого знакомства помешал мне отправить Бури в страну счастливой охоты.

А ведь мой Волчок не так уж часто вмешивался в мои личные дела. Разок: когда помешал заняться сексом с юной миленькой француженкой в келье захваченного викингами монастыря, еще разок, когда я принес гейс во спасение моей похищенной жены.

Хотя во втором случае мой Волк был как раз против, но я не внял. Вернее, не успел внять.

И вот теперь Бури...

– Да, мне ведомо, что он не из лучших, – ответно прищурился я. – А вот почему так считаешь ты?

Вот за такие высокомерные улыбочки вроде той, что изобразил сейчас Бури вместо ответа, настоящие средневековые феодалы и рубят головы, казалось бы, преданным слугам.

К счастью, я – ненастоящий. А мой комплекс неполноценности столь обширен и разнообразен, что ухмылки подчиненных занимают в нем самый низ рейтинга «оскорбленное самолюбие». Тем более что моя задача – не убить надменного подчиненного, а раскрутить на инфу.

– У меня было много учителей, – пренебрежительно уронил я. – Этот был не из главных. Однако он не дал мне повода не доверять его знаниям. Ты считаешь, он был невеждой? – Я изобразил задумчивость. – Не уверен. Возможно, это я был недостаточно внимателен... – Тут я сделал многозначительную паузу, а потом уронил небрежно: – ...Или ты.

– Не я, – качнул головой мой снайпер. – И не ты. Учителю не заметить твои ошибки невозможно. Все равно, что... – он умолк, подбирая слова: – Все равно что не заметить брешь в стене щитов.

Очень хорошо. Телега стронулась. Поедет или нет?

Я молчал.

Бури тоже молчал. Сверлил меня глазами-буравчиками...

И – наша взяла! Он решился!

– Позволь, господин, я покажу.

Я солидно кивнул, проглотив ликующий вопль.

Сейчас произойдет что-то невероятно важное.

Я чуял это так же явно, как рыбную вонь от развешенных на берегу сетей.

Братъ жердь Бури не стал. Воспользовался одним из учебных копий, трехметровым, то есть древком без наконечника, почти на метр длиннее моей жердины.

Взял и начал движение.

Сначала я не заметил ничего особенного. Практически тот же рисунок. Ну разве что движения не такие размашистые, а более экономные, и темп побыстрее.

Но вскоре я увидел и отличия. В одном месте – совсем по-иному идет переход из позиции в позицию. В другом выхлест заканчивается не открыто, с фиксацией, а уходом в еще одно вращение, со снижением центра тяжести и выходом на следующую связку не через обрыв и остановку, а без разрыва. И мне, человеку опытному, сразу стало понятно, что именно так и надо. Действительно, брешь в стене щитов. Мог бы и раньше заметить.

Теперь я следил с утроенным вниманием, но больше таких серьезных пробелов не было.

Впрочем, я старался запоминать любую мелочь. Слава богу, память у меня в таких вещах безупречная. Неудивительно. С моим-то опытом.

О! Еще одно отличие. Бури закончил таолу не резким срывом, а плавненько перетек из конца в самое начало.

А ну-ка теперь и я попробую откорректированный вариант.

Повтор комплекса мы начали уже вместе. И я опять увидел небольшие отличия, причем очень интересные. Бури увеличил темп и как бы оптимизировал под это ускорение общий рисунок. Оч-чень интересно! И очень органично. Я прям-таки всем своим организмом ощущал, насколько удобнее (по-другому не скажешь) стало двигаться. Это было как музыка, только пели не голосовые связки, а все тело. И я вдруг понял, что к такому важнейшему делу, как убийство себе подобных, этот, как его, танец небесного стража не имеет никакого отношения. Что это именно «открытие врат», как поэтично выразился суровый Бури. Только не на то небо, которое над головой, а на то, которое... Нет, не внутри. Внутри – это частность. То, которое везде.

А мы тем временем прогнали весь комплекс еще раз и еще быстрее.

А потом пришел мой Волк, и теперь мы с ним двигались вместе. И хотя танцевали мы по-разному, но танец у нас был все равно один. И мир танцевал вместе с нами, хотя двигались теперь только мы вдвоем. Бури давно уже остановился и просто смотрел, тяжело дыша, опираясь на копейное древко. И пацаны на заборе тоже глазели теперь не на Скиди с молодыми, а на меня. И Скиди, Хавур и Вихорек – тоже на меня. И даже Медвежонок, забросив осмотр драккара, пялился на наш танец, скалился и помахивал лапой в такт стремительным прыжкам и броскам моего Волка. Ну да, он тоже *видел*. Но не лез к нам, потому что это был только наш танец. И я танцевал его здесь, на утоптанной ладожской земле, точно так же, как плясал его тот здоровенный парень с обсидиановыми ножами из моих снов. И я теперь понимал, что значит «не из лучших». И выказанное Бури сочувствие тоже понимал, потому что, блин, самым краешком сознания примерно так же сочувствовал моему наемному шифу, который тоже думал, что он велик, а был всего лишь пахучей навозной кучкой на чужой грядке.

Я остановился сам. Не потому, что иссяк. Нет, силы были. И Волк мой никуда не ушел. Был здесь.

Просто ко мне в гости пришел еще кое-кто. Вернее, пришли. Заря и Вильд.

Глава 4. О крепости родственных связей

— Вильд, выйди! – немедленно потребовала Заря, как только мы вошли в дом.

Парень поглядел на меня. Кажется, я его удивил. Уж больно счастливая у меня рожа для человека, который только вчера разосрался не только с князем, но и с лидером его дружины, который заодно был их с Зарей отцом.

По мнению юного героя, я должен был пребывать либо в ярости, либо в глубокой печали. Уж не знаю, что им сказал папа, вернувшись, но вряд ли что-то хорошее.

– Выйди, я сказала!

Вильд гневный возглас сестры проигнорировал. Мужает парнишка. Еще месяц назад он бы вышел без звука.

Я кивнул и показал рукой: все будет нормально.

Мне он поверил.

– Отец хочет тебя вызвать! – Тут же выдала она главную семейную тайну. – Он на тебя страшно зол! Зачем ты его разозлил? Ты меня не любишь?

Ах какие глазки! Так и хочется сдать на милость победителя.

Я не стал отвечать, просто поцеловал. Страстно. Наилучший ответ, который я знаю на такой вопрос. Особенно если можно на этом не останавливаться.

ся.

Останавливаться мы не стали.

От Зарёнки так дивно пахло! Солнцем, юностью, свежескошенной травой...

Рот она зажимала моей ладонью. Впивалась зубами так, что не будь я гребцом, прокусила бы до крови.

Впрочем, закончилось все быстро. Вряд ли оставшийся за дверью брат позволил бы нам миловаться долго.

– Я сбежала, – сообщила мне девушка, утираясь полотенцем, еще влажным от моего пота. – Давай сбежим вместе! Забери меня на свой остров! Клянусь Перуном и Мокошью, я буду тебе послушной женой!

Ага! Перун, как его там... Молниерукий, особенно располагает адептов к послушанию. На поле битвы. По пояс в крови врагов.

– Не получится, моя хорошая. Если мы сбежим, твой отец запросто нас догонит. У него – самый быстрый драккар на Лебединой дороге.

– Ой! Я не знала! – Расширила и без того огромные глазищи. – Тогда... он тебя убьет!

Тут же вскочила. Еле поймал. Практически на лету.

– Куда побежала?

– К дяде Ольбарду! Он вас помирит!

– Уверена?

Я не забыл, как Ольбарду недавно потребовалось разрешение Трувора всего лишь на разговор со мной.

– Только он и сможет. Может быть... – и пригорюнилась.

Я присел рядом, согрел ее лицо в ладонях, сказал как можно увереннее:

– Не уверен, что твой отец меня одолеет. А я... постараюсь его не убивать.

– Это невозможно! – с глубокой печалью и с абсолютной уверенностью заявила Заря. – Ты хорош с мечами, Ульф, но отец – самый лучший. Если меж вами случится бой, кто-то обязательно умрет. Если это будешь ты, я взойду на твой костер, так и знай! А если ты победишь, между нами ляжет кровь отца – и нам никогда не быть вместе!

Ну да. Перспектива в целом верная. И не воодушевляющая. Но я все равно чувствовал душевный подъем. После сегодняшней пляски с шестами я был почти уверен, что мой Волк непременно придет, если я его позову. А с ним на пару мы будем очень сложной добычей даже для такого охотника за нурманскими головами, как Трувор Жнец.

– Знаешь, Зарёнка, мне почему-то кажется, что нам с твоим отцом еще рано в Валхаллу, – сказал я. – Если богам будет угодно, мы оба уцелеем.

– В Ирий, – машинально поправила Зарёнка. Ну да, это я – в Валхаллу, а ее папа – в загробный мир крутых варяжских парней.

– Бывает так, что в живых остаются оба, – сказал я. – Знаю такие случаи.

– Или оба – гибнут, – мрачно парировала Заря. – Я такое видела.

Я тоже такое видел. Но будем надеяться, что это не наш случай.

– Вильд, – позвал я. – Заходи.

– Ты ему сказала? – первым делом поинтересовался парень.

Кивок.

– Что будешь делать?

Это уже ко мне вопрос.

– А у меня есть выбор?

– Есть. Забирай свою дружину и уходи. Прямо сейчас. Тогда ты сохранишь и жизнь, и честь!

– Уже нет, – улыбнулся я. – Теперь, когда вы мне сказали, уже нет.

Брат и сестра переглянулись. Потом Вильд кивнул, признавая мою правоту.

– Ты оскорбил его.

– Да, – признал я.

– Как?

– Ты и впрямь хочешь это знать?

– Хочу!

Упрямый парень. Мне это импонирует.

– Зачем?

– Если ты окажешься сильнее, я буду мстить. Хочу знать, за что.

– Это не обязательно, – покачал я головой. – Вчера я предложил Трувору чистый поединок. Чистый от мести. Сегодня будет так же.

– Я хочу знать!

Вот же упорный. Использовать его для информационной диверсии, что ли? Такой в себе держать не станет. Все, что я ему сейчас скажу, станет известно всей варяжской дружине. Велика ли вероятность, что моя версия событий будет принята? Среди варягов меня уважают. Но уж точно не больше, чем Трувора. Хотя у Трувора в данной ситуации позиция слабая. Однако есть еще Ольбард, лицо, скажем так, незаинтересованное. А Ольбард Синеус... Как по мне, так он еще и покруче, чем Трувор. Будь я на месте Рюрика, я бы именно его сделал лидером варяжской дружины. Да он и был лидером, когда мы все ходили под одним парусом. Это, кстати, интересный вопрос: почему Рюрик произвел такую рокировку. Не от того ли, что, по словам Зари, ее папа был номером два в градации варяжской элиты. Сразу после их главного князя Улеба? Трувор – второй, а Ольбард – только третий... Но он точно не глупее Трувора и отлично знает, что «правд» ровно столько, сколько заинтересованных в исходе сторон. И моя интерпретация событий весьма уязвима. Хотя бы потому, что в любом бою потери неизбежны, а победитель – тот, кто сумел отхватить крупный куш. Цель оправдывает средства, как гласит пословица[218]. Да, моя трактовка событий уязвима, но почему бы не попробовать?

– Хочешь знать, что я сказал твоему отцу, Вильд? Я сказал ему, что он обменял кровь ваших отроков на милости князя Рюрика.

– Их убили в бою! – тут же возразил парень. – Мы победили, и князь вознаградил нас за победу. Нехорошо, что князь ничего не дал вам. Я считаю это несправедливым, и не я один. Но при чем здесь отец? Это бой. В бою убивают. Меня тоже могли убить. И тебя.

– Меня убить труднее, чем тебя. Такие, как ты, были не готовы к такому бою. И твой отец не мог этого не знать. Потому и устыдился, когда я сказал ему об этом. Устыдился и рассердился. На меня. Так бывает, парень. Когда тебе напоминают о том, что ты хочешь забыть, ты сердишься не на правду, а на того, кто ее сказал.

– Не вижу ничего постыдного в том, чтобы погибнуть в бою! – решительно заявил Вильд. – Мы – воины. Мы знаем, что у наших врагов тоже есть мечи!

Пафосно так сказал. Наверняка повторил чей-то лозунг.

– Вот из-за этого мы с твоим отцом и поспорили.

Надеюсь огорчение, которое я изобразил голосом и выражением лица, вы-

глядело искренним.

– В отличие от твоего отца я никогда не согласился бы послать в бой тех, кто к нему не готов. Я не послал бы своих умирать только потому, что кто-то так захотел. Я считаю, что умирать должны враги, а не мои хирдманы. И у твоего отца были те, кто не дал бы себя убить. И поначалу он именно их и хотел отправить вместе со мной. Не отроков. Гридней. С Ольбардом во главе. Но Рюрик не разрешил. Это он велел, чтобы со мной пошли вы, хотя это был не ваш бой. Вы были не готовы. Ни один из вас, кроме Харры. И твой отец это знал. Но Рюрик велел – и твой отец сделал, как велено. И вчера я ему об этом напомнил. То, что он продал вашу кровь, ваши жизни Рюрику.

– Но князю-то зачем наша смерть? – Вильд все еще сомневался.

– Не ваша, моя. И моих хирдманов. Если бы нас убили, Рюрику не пришлось бы нам платить. И, скорее всего, наше имущество и нашу добычу он бы тоже забрал. Если бы нас всех убили. И вас – заодно с нами. Он так все и задумал, я полагаю. Мы взяли крепость для Рюрика, но тот не особо к нам торопился. И позволил Водимиру прийти первым. Думаю, он нарочно пропустил Водимира. Чтоб тот убил нас. Но не успел закрыться в крепости. Вчера Рюрик сказал кое-что. И слышали это все. Твой отец – тоже.

– Что он сказал?

Парень изрядно заинтригован, я вижу. И Заря тоже внимает, приоткрыв очаровательный ротик.

– Он проговорился. Сказал: если бы он промедлил, нас убили бы всех.

– Но ведь он, получается, не промедлил?

– Нет, – покачал я головой. – Он не медлил. Он выжидал, пока не закончится наш бой с Водимиром. А когда люди Водимира захватили терем, он подождал еще немного, чтобы быть уверенным, что нам всем конец, и только тогда вступил в бой. Рюрик все рассчитал, но не знал, что мы не будем обороняться до последнего, ожидая подмоги, а запремся в подвале. И даже сумеем отбиться. Мы хорошо дрались, Вильд! Мы все. И ты, и твои родичи. Но они были не готовы. А вот ты, я думаю, да. Ты оказался лучше, чем другие.

– Ты так думаешь? – Вильд чуть зарумянился от похвалы.

– Ты жив, а они – нет, – огласил я очевидный факт. – Мы все были хороши. Думаю, мы отбились бы, даже если бы Рюрик задержался и подольше. Но он больше не мог ждать.

– Почему? – Вильд внимал мне, как истовые прихожане – пастырю.

– Потому что еще немного – и Водимир успел бы затворить ворота, – пояснил я. – И тогда ладожане наверняка обломали бы зубы о его Детинец и убрались несолоно хлебавши. Тем более, не займи мы оружейную, Водимир пополнил бы запас стрел. Он ведь все на нас извел, пока брал крепость и терем. Поэтому-то Рюрик и побил его так легко.

– Выходит, это мы подарили ему победу! – сделал очевидный вывод Вильд.

Ишь как заулыбался. Приятно быть героем. Ну а теперь – еще один штришок в новую картину Вильдова мира. Пусть парень осознает: его не только лишили славы, но и ограбили.

– Да. Мы подарили ему победу, воин! Я, мой хирд. Харра. И ты тоже. И это мы взяли сокровищницу Водимира! – Я сделал паузу, чтобы вьюнош осознал и проникся. – Она была наша по праву меча, Вильд! Это были наши богатства! И мы разделили бы их так, как делят воинскую добычу у нас, воинов Севера!

Каждый получил бы долю. Я – долю хёвдинга. Ты – долю хускарла. Рюрик тоже получил бы свою долю, он ведь князь. Думаю, десятая часть была бы справедливой. Но он пожелал захватить все. И захватил. А потом еще и наградил из нашей, в том числе и твоей, добычи дружинников Гостомысла, которые, не будь нас, уже лизали бы Водимиру сапоги. Твой отец, Вильд, должен был вступить за правду, ведь он – вождь. Выскажись он против решения Рюрика, тот не рискнул бы отнимать чужое. Но Рюрик пообещал ему землю и данников из тех, что раньше кланялись Водимиру, и твой отец решил, что слова князя и есть правда. А может, он теперь сам стал как Рюрик и его правда теперь такая же, как у его хозяина Рюрика. И не важно, что среди тех, у кого отняли добычу, не только мы, нурманы, но и ты, его сын, и Харра Стрекоза, и остальные, включая тех, кто погиб. Получается, они с Рюриком не только погубили тех отроков, но и ограбили. Так бывает, Вильд. Два самых сильных волка схлестнутся за право быть вожаком, а третий, послабее, стоит в сторонке и ждет. И если победа достанется сильнейшему большой кровью, то этот, слабый, нападет внезапно и вцепится раненому в горло.

– Не думал, что Рюрик такой... – пробормотал Вильд. – Мне говорили – он великий воин.

– Он был великим воином, – уточнил я. – Кому, как не мне, это знать, ведь я ходил на франков под его знаменем. Но так было раньше. Ты видишь, каким жадным он стал, а жадность свойственна слабым. Раньше, до ранения, Рюрик был силен. Теперь он слаб и потому меня не удивляет то, что он делает. Огорчает, да. Это меня не удивляет. А вот то, что каким стал твой отец, вот это меня удивило. Может, защищая слабого князя, и сам становишься слабым, – задумчиво, будто размышляя, проговорил я. А потом театрально взмахнул рукой, будто сметая сомнения: – Так или иначе, Вильд, но и по нашему Закону, и по вашей Правде казна Водимира должна была стать нашей. Ее добыли мои хирдманы и вы. Я не видел князя Рюрика в подвалах Водимира, когда там шел бой. Может, ты видел?

Парень мотнул головой.

– Вот видишь! Это мы добыли и делить ее – тоже нам, причем часть должна была достаться тем, кто погиб. Их родне. Так у нас полагается.

– У нас тоже, – буркнул мрачный Вильд. – Так по Правде.

– Да! – отчеканил я. – Так по Правде! Именно это я и сказал твоему отцу. Сказал прямо в лицо, при свидетелях. Сказал, что он предал своих. И нас он тоже предал, ведь и он был моим другом. Обещал выдать за меня Зарю! – Девушка всхлипнула. Ее мой монолог ужасно расстроил. Я даже ощутил легкие утрызения совести.

Но Трувор сам напросился. Они с Рюриком меня предали. Я считал их братьями, а они решили, что я у них – песик на побегушках. Большая ошибка! У меня есть не только клыки, но и мозги. И я умею ими пользоваться.

– Мы могли бы стать родней, Вильд, – продолжал я с подчеркнутой мрачностью. – Теперь уже не станем. Я сказал твоему отцу правду, а он ответил, что не отдаст мне Зарю, потому что я спорю с князем Рюриком. И драться со мной он тоже не будет, потому что я, мол, пьян и говорю глупости! А говорить со мной он будет сегодня, когда я протрезвею.

– А ты был пьян? – поинтересовался Вильд.

– Наверное, – я снова пожал плечами. – Будь я трезв, может, и не стал бы его

обижать. Однако он тоже выпил немало и сидел за нашим столом. Он был гостем в нашем доме. У нас не принято оскорблять гостей. («У нас – тоже», – поддакнул Вильд). Но твой отец оскорбил первым. И меня, и моего брата Свартхёвди, и всех нас. Вот я и сказал ему все, что думаю. Всю правду. Такие дела, Вильд. Но спасибо тебе, что пришел. Ты знаешь, что такое честь. И не жалею, что предупредил тебя о планах отца. Я все равно не собирался уходить из Ладogi, так что поединка не избежать.

И мы втроем дружно пригорюнились. Причем все, включая меня, горевали искренне. Молодежь – о несправедливости мира. Я – об упущенных возможностях и будущих невзгодах.

– Ульф! Почему мой отец так поступил с нами? – Вильду было погано. До сегодняшнего дня он жил в совсем другом мире. Мире, в котором его отец был воплощением чести. Правды, как у них говорят.

Нехорошо, конечно, настраивать сына против отца, но в войне все средства хороши. А у нас с Рюриком отныне война. И Трувор играет не за нас, так что придется ответить. Я понимал, что воюю не из-за добычи, которую у нас отняли. Это Медвежонку обидно, а мне на деньги плевать. У меня их хватает. Да и побратим мой тоже не из бедных.

А вот факт того, что нас кинули, я прощать не намерен. И если Рюрик захочет от нас еще что-нибудь откусить, например отобрать наш драккар, я ему устрою такую партизанскую войну, что через месяц он будет рад всей взятой на Водимире добычей откупиться.

«И вообще, какого хрена он тут делает, Хрёрек-датчанин? – вдруг подумалось мне. – Раз ты кровный датский конунг, так и двигай к себе в Хедебю, под крылышко конунга всех данов. А я здесь – по праву. Это, можно сказать, земля моих предков. И бежать отсюда я не собираюсь!»

Умом я понимал, что пришедшие в мою озабоченную голову «патриотические» мысли – сомнительной достоверности. Но мне они нравились. Соответствовали моему душевному состоянию. И Зарю, кстати, я тоже не отдам. Девушка меня любит. А что папа ее – нет, так это его проблемы. Пусть пойдет и полюбит со своим любимым князем!

Я хохотнул, очень удивив впавших в печаль брата с сестрой.

– Ничего! – заявил я бодро. – Боги правду видят. Глядишь, образумится ваш батя.

– Ты говоришь так, будто уверен в своей победе, – произнес Вильд, изучая меня специфическим взглядом прирожденного бойца.

– Так и есть! – безмятежно заверил я.

И далась мне эта уверенность совсем легко. То есть я понимал: если мой Волк не придет, то против Трувора я и пары минут не выстою. Но он придет. Как там сказал Бури? Танец пятого стража фаньсуй? Ничо! Нормально станцуем. Откроем, что требуется! Никому мало не покажется!

Я поцеловал Зарёнку, хлопнул по плечу Вильда и махнул рукой: мол, двигайте! У хёвдинга Ульфа еще до хрена дел. Например, постараться не убить до смерти вашего папу. Но это – во-вторых. А во-первых...

Глава 5. Трувор Жнец – воин Перуна

– Тебе так хочется меня убить?

Кажется, вчера я уже задавал ему этот вопрос. Или он – мне?

Ну да, сегодня расклад другой. Нас – меньше. Варягов аж десятка два. При-

чем все – незнакомые. То есть знакомые, но исключительно внешне. Из тех, с кем я когда-то ходил в вики, – никого. Ни Ольбарда, ни Рулафа, ни Харры, ни остальных. Понятно, почему нет Зари. Ей отец и запретить мог, но почему нет Вильда? Как-то не верится, что всем им по барабану, чем закончится наш поединок.

Хотелось бы знать, почему их нет. И почему Трувор заявился так поздно. Брат с сестрой были у меня с утра, а сейчас уже часа четыре пополудни.

На моем дворе сразу стало тесно, хотя половина варягов осталась снаружи, за символической чертой недостроенного забора.

Зато есть еще кое-кто, помимо варягов. Протиснулись через толпу. Вернее, прошли, потому что таким головорезам дорогу уступают даже варяги.

Даны Ульфхам Треска и Оспак Парус. Нурманы, как их здесь называют. И они, похоже, сами по себе. Поздоровались с нами вполне дружелюбно и встали отдельно от варягов.

– Ну, с чем пожаловал, Трувор Жнец? – осведомился я добродушно. – Неужто извиниться?

Это я ловко его поддел. Он и так был на взводе, а теперь и вовсе осерчал.

– Я убью тебя, Волк, – заявил Трувор с холодной яростью. – Ты встал между мной и моей кровью. За это – только смерть.

Так... Какая странная претензия! Ну да не важно. Главное – намерение он обозначил. Что ж Трувор такой злой сегодня? Не похоже на него, вообще-то. Но это и к лучшему. Позлим его еще немного. Глядишь, вконец расвирепееет и скажет что-то совсем неуместное. Или сделает.

Я ухмыльнулся попаскуднее и проворчал по-нурмански:

– Вернее было бы сказать, я в мощну тебе залез! Мы все знаем: для тебя родная кровь – товар на продажу!

Ответил я именно на языке викингов, чтоб было понятно всем моим людям и данам Рюрика – тоже. Ну и заодно свою социальную принадлежность обозначил лишний раз. Чтоб всем, кто понимает, напомнить: я – Ульф Хвити с Сёлунда. Пусть мой остров отсюда далеко, но драккары данов ходят на-амного дальше.

– Твой змеиный язык... – начал Трувор, но я перебил:

– Ты вроде сказал, что собираешься меня убить? Если это значит: заболтать до смерти, то я уже сдался! – Я продемонстрировал открытые ладони. – Думаю, тебе стоит выбрать для такого поединка женщину. Тут я тебе не соперник.

Кто-то из моих засмеялся. Кажется, Скиди. Но сразу умолк, потому что Трувор выхватил меч.

– Я убью тебя вот этим! – пообещал он. – Раньше, чем солнце коснется деревьев!

– Во-от! – одобрительно произнес я, меча, впрочем, не касаясь. – Слова война, а не торговца. Еще немного – и я поверю, что передо мной прежний Трувор. Тот, которому я верил и за которого был готов умереть. Мы будем сражаться здесь или пойдём на перекресток, по вашему обычаю?

– На перекресток! – рыкнул Трувор, развернулся и вышел, сопровождаемый варягами.

А вот Ульфхам Треска задержался:

– Конунг просил передать: если тебя не прикончит Трувор, он сделает это сам.

Я фыркнул:

– Треска, ты сам-то понял, что сказал? Твой князь надеется сам выиграть хольмганг, проигранный Трувором? Вызвать-то он, может, и вызовет, а вот драться... Он и в прежние-то времена не рвался в круг выходить. Все больше других выставлял. Вам ли не знать.

Даны промолчали. Вспомнили, небось, как я за Хрёрека с громилой Торсоном сошелся.

Из дома появился Вихорек. С моими доспехами и оружием.

– Я не знаю, что имел в виду мой конунг, – наконец произнес Ульфхам. – Но я знаю, что он очень зол на тебя.

– Вот как? – Я надел подкольчужник. – Он украл нашу добычу и чем-то недоволен? Или ему показалась недостаточной взятая нами Водиминова казна? Ну так это претензия не ко мне, а к Водимиру. Пусть найдет его и потребует объяснить, почему тот слишком много тратил на своих хирдманов, вместо того чтобы копить в сундуках. – Я встряхнулся, чтоб кольчуга легла ровно, застегнул тяжелый широкий пояс, перекинул плечевой ремень. Вихорек подал мне саблю, которую я прицепил справа.

– Хрёрек зол, потому что от него ушел Ольбард вместе с половиной варягов! – сказал Треска. – Говорят, это твоя вина!

Ольбард ушел! Вот это новость так новость! Объясняет, почему Трувор появился так поздно. У них там, надо полагать, неслабая разборка случилась. С подачи Вильда. Вернее, с моей. Молодняк наверняка завелся. Я на это и рассчитывал. Но Ольбард... Ему-то с какого перепуга отделяться? Не верю, что он купился на мою «картину мира». И тем не менее пошел в раскол. Неужто за меня обиделся? Тоже не верится. Ольбард Синеус – муж тертый и ума неслабого. То, что Ольбард справедлив, я знаю наверняка. Но с Трувором они – друзья настоящие и родня вдобавок. А я так... бывший сопалубник. Быть же на стороне своих – это и есть высшая справедливость. Кому, как не мне, знать.

– А в том, что Сигурд Рагнарсон его копьем продырявил, случайно не я виноват? – поинтересовался я саркастически. – Думаю, не простое это было копье, а волшебное. Потому что как иначе объяснить, что Хрёрек, которого я знал, из славного конунга превратился в князя Рюрика, которому деньги дороже верных людей? Что скажешь, Ульфхам?

– Тебя это не касается!

– Еще как касается! – возмутился я. – Я-то пришел к Хрёреку! К Хрёреку, которого я знал. Он честно распорядился тем, за что заплачено железом. Шел к Хрёреку-конунгу, а нашел князя Рюрика, который гребет все под себя. Думаю, надеется заменить верных теми, кого можно купить. Очень предусмотрительно, потому что верных у такого вождя скоро не останется.

– Говори, что хочешь, Ульф-хёвдинг, но мы преданы своему конунгу! – проворчал Ульфхам. И Оспак его поддержал.

Однако я видел, что зерно сомнения я заронил и в их души. Это удачно получилось. Закладка на будущее. Если, конечно, оно у меня есть. Когда впереди драка с Трувором Жнецом, гарантию будущего ни одна страховая компания не выдаст.

– Я тоже был ему верен, – я согнал улыбку с лица, изобразил если не печальку, то как минимум разочарование. – Был верен – и что же? Все видели, как Рюрик обошелся с нами вчера. Ты считаешь это справедливым, Треска? А

ты, Парус?

Даны не ответили.

– Нет моей вины в том, что не только у меня есть глаза, – заявил я. – Вы знаете Ольбарда. Он был нашим кормчим, а это значит: мы все считали его человеком справедливым и мудрым. И Хрёрек тоже так считал. Когда-то. Что же вы удивляетесь, что Ольбард ушел? Он увидел, как обошелся со мной Рюрик, и решил, что рано или поздно окажется на нашем месте. Потому и ушел.

Я затянул ремешок шлема, покрутил головой, подвигал плечами, проверяя, как лежит броня, и продолжил:

– Большая глупость – грабить тех, кто сражается и побеждает для тебя. Можешь передать князю: я не говорил с Ольбардом. Но я его понимаю и присоединяюсь к его решению. Если Рюрик считает, что я ему больше не нужен, мы уйдем домой, на Сёлунд. И отдадим свои мечи настоящему конунгу.

– Рагнару? – оживился Парус.

– Ивару Рагнарсону. Ивар помог мне, когда случилась беда. И не поскупился, хотя мог бы оставить себе даже мою долю от похода на англов. Но вместо этого он дал мне драккар и хирд Мурхи Рыжего Лиса, чтобы я смог вернуть жену и отомстить. Хирд, Ульфхам! Человеку, который тогда был не способен сам выйти за дверь, чтобы отлить.

– Я знаю, – кивнул Ульфхам. – Я слышал драпу о Волке и Медведе. Ивар – человек чести, и я тебя понимаю. Но если мой конунг хочет тебя убить, я это сделаю, потому что если Сигурд узнает...

– Я обещал, – напомнил я. – И я – тоже человек чести.

– Но твои хирдманы не обещали ничего, – сказал Ульфхам. – Если Сигурд узнает...

– ...Тогда вы меня убьете! – усмехнулся я. – Что ж... Если вы меня убьете, то я с удовольствием погляжу сверху, из Асгарда, как Рагнарсон отомстит Рюрику за мою смерть, – подхватил я.

– Если Трувор не убьет тебя сегодня, – ухмыльнулся Ульфхам и похлопал меня по спине. – Я помню, как ты пришел к нам, Черноголовый. Кто бы тогда мог подумать, что ты вот так сойдешься со Жнецом и к фразе «он тебя убьет» мне придется добавить слово «если».

Ульфхам назвал меня старым прозвищем. Так меня звали, когда мы с ним стояли в одном строю. Так он выразил мне свою симпатию. Ну да. Он мне тоже нравится. Что не помешает ему меня убить, если Рюрик прикажет.

– Спасибо, что напомнил! – Я дружески ткнул Ульфхама кулаком в живот. – Мне стоит поторопиться, не то Трувор решит, что я струсил! – Я засмеялся, и Ульфхам с Оспаком тоже захохотали.

Это приятно, когда такие, как они, верят в твою храбрость. Но себя не обманешь. Я лишь делал вид, что мне не страшно.

Трувор Жнец входил в список воинов, с которыми у меня не было ни малейшего желания сойтись в поединке. Возглавляли этот список, понятно, Рагнарсоны, однако Трувор тоже был в топе.

Ну, мой Волк, надеюсь, на этот раз ты будешь рядом со мной. Иначе – никаких шансов. И что особенно скверно: это будет смерть не только моя, но и всего моего хирда. Рюрик не отпустит никого.

Мы двинулись к воротам, но там я немного задержался.

– Брат, – сказал я Медвежонку. – Если меня убьют, не мсти. Забирай всех и

сразу уходите. И не вниз, к Ладогe, а вверх. Тогда, может быть, драккары Рюрика не успеют вас перехватить.

– Если тебя убьют, братец, мы уж как-нибудь разберемся, что дальше, – пробасил Свартхёвди. – А пока тебе придется очень постараться, чтобы этого не случилось. Трувор – достойный противник. Пожалуй, даже я с ним не управлюсь. Разве что Палица...

– Даже и не думайте! – прошипел я. – Никакой мести! Сразу бегите!

– Пустое говоришь, братец! – ухмыльнулся Свартхёвди. – Не думай ни о чем, кроме хольмганга! Думаю, ты уцелеешь, ведь боги тебя любят. Иначе еще три года назад Сторкад Бородатая Секира разделал бы тебя на много сочных кусков волчатины!

Я мог бы ответить побратиму, что боги тут ни при чем, но не стал. И не только из конспирации. Когда в тебя верят, это тоже часть твоей удачи. А удача мне сегодня понадобится как никогда!

Перекресток. Хорошее такое место. На пригорке над Волховом. Знакомое место. Именно здесь мой хирдман Бури зарубил мстительного варяга по имени Расмус. Тогда поглазеть на шоу собралось больше тысячи человек. Сегодня – существенно меньше, хотя наш с Трувором поединок наверняка будет не хуже. Надо полагать, после недавних событий зевак в Ладогe поубавилось. Или сарафанное радио не подключилось в полном объеме. Слишком мало времени прошло с момента вызова.

Трувор меня ждал. И варяги. И небольшая толпа зрителей, которая разошлась, пропуская нас к «арене».

– Щиты без замены! – крикнул мой секундант Медвежонок и захохотал, поскольку видел, что ни я, ни Трувор щитами пользоваться не собирались.

О! А это еще что за братва?

Распихивая толпу, в центр пропихнулся боярин Бобр с десятком Гостомысловых дружинников.

И немедленно провозгласил:

– Князь Гостомысл запрещает поединок!

Народ заворчал. Как же так? Кина не будет?

Я ухмыльнулся, поглядел на Трувора: что скажет?

– Твой князь мне не указ, – уронил лидер варягов. – Пошел прочь.

Бобр побагровел. Трувору не следовало говорить ему такое. Не следовало, но тут Бобр сам виноват. Надо быть тактичнее, когда разговариваешь с главной военной силой Ладоги.

Я мог бы посочувствовать оскорбленному боярину. Бобр, в принципе, мужик правильный. Но учитывая, что долька отнятого у нас упала и ему в закрытую...

Нет, не буду я ему сочувствовать.

Кроме того, я понимаю, что этот плевок Трувора предназначался мне, а Бобр так... Подвернулся в неподходящий момент. Ничего, утретса боярин. Но запомнит наверняка. Такое не прощают.

А вот мне с Бобром ссориться ни к чему, так что я лишь пожал плечами:

– Не гневайся на него, боярин. Котел кипит, крышка звенит. И меня извини. Не я его вызвал, он меня. И не стану я отступать, потому что правда моя, а не его. Да он и сам это знает, – я ухмыльнулся. – Потому и булькает.

– Ты биться пришел или скоморошествовать? – нетерпеливо рявкнул Трувор.

– Я пришел на хольмганг! – заявил я. – Что ты суетишься, Жнец? Куда тебе спешить? Таких воев, как ты, боги принимают без очереди! Свартхёвди Сварсон, говори!

Медвежонок шагнул вперед.

– Поединок чистый! – проревел он по-нурмански. – Без замены оружия! Окончание его – невозможность одному из воинов продолжать бой!

Все в точности как я ему сказал по дороге.

Трувор медлил с ответом. Я ожидал, что он может запротестовать и потребовать боя до смерти. Он был вызывающей стороной и имел на это право.

Нет, не стал. Вероятно, решил, что сумеет меня прикончить в любом варианте. А может, тоже решил дать мне шанс выжить. В конце концов, он довольно долго был моим наставником, а это просто так со счетов не сбросишь. И на насмешки мои недавние он вряд ли обиделся. В сравнении с тем, как поносят друг друга перед поединком славные скандинавские парни... Так что я его вроде даже похвалил. Отметил выдающиеся воинские качества.

Короткий кивок и шелест покидающих ножны мечей.

Толпа резко подалась в стороны, освобождая место. Никому не хотелось угодить под случайный удар.

Я тоже извлек клинок из ножен. Пока только Вдоводел. Встал в позицию. Сделал пару движений, словно держал в руке шест, а не меч, глянул в небо... Ну где там мои малые врата?

Врат я не увидел, зато ощутил знакомую дивную легкость и радость, пузырящуюся в груди, как шампанское в новогоднем бокале. И ничуть не удивился, когда, опустив взгляд, увидел Волка.

Я засмеялся от счастья. Трувор Жнец с его поднятыми в готовности к атаке мечами показался мне таким забавным. Неужели он думает, что сможет перетанцевать нас?

Однако я не спешил. Волк уселся на траву, глядел на меня снизу. Он улыбался, высунув язык...

А вот Трувор, похоже, немного растерян. Блин! Да он же никогда нас не видел вот так, напротив себя. Мы немало сражались вместе, и у него была возможность поглядеть, как мы бьемся на пару с моим великолепным зверем. Мог... Но, скорее всего, не обратил внимания. Потому что сам в это время был очень занят умерщвлением наших общих врагов.

«Что ж, Трувор Жнец, похоже, я сумею тебя удивить», – подумал я, неторопливо извлекая из ножен саблю. Потанцуем?

Вот черт! Да, я его удивил. Но и он меня – тоже. Мечи в его руках взлетели, опали и снова взлетели, окутывая его таким знакомым сиянием. Не может быть, он же не берсерк и не ульфхеднар!

– Перун! – пронзительно выкрикнул варяг и устремился на меня. А я, ликуя, помчал ему навстречу, потому что уже знал: сейчас придет счастье! Потому что есть лишь одна радость, превышающая радость от моего танца. Это когда танцуешь его вдвоем с достойным!

Мы сошлись раньше, чем толпа успела взреветь. И сплели наш общий дивный узор из поющей стали. Наши клинки гудели, как корабельные ванты в шторм. А когда иногда они соприкасались, звон их разлетался, как морская

пена, сорванная шквалом.

Это было весело и ничуть не страшно, потому что я был уверен, что металл не может коснуться меня, потому что я видел весь рисунок боя целиком, и мне было совсем нетрудно находиться внутри. Однако я знал и то, что мой партнер так же неуязвим, как и я. Только он этому почему-то не радуется. Он хочет, чтобы алые брызги взлетели ввысь, к небесам. Он думает, что сегодня именно такой танец будет правильным.

Меня это веселит. Пусть думает, что это он ведет наш танец. Когда он прозреет и поймет, что мы оба – листья, которые кружит ветер, это и будет победа...

Но не получилось.

Мой волк обиженно взвизнул. Он хотел продолжать. Я тоже хотел продолжать, но...

Все кончилось.

Трувор отступил.

Я опустил оружие.

Некоторое время мы так и стояли. Молча. Мир потускнел. Стал обычным. Волк ушел. «Врата» закрылись.

– Хорошо бился, – сказал варяг.

Выглядел он... Как бы это сформулировать... Озадаченно, что ли.

– Ты тоже, – ответил я.

Варяг хмыкнул... И убрал клинки в ножны.

Вот теперь кино действительно закончилось.

Я тоже убрал Вдоводел с саблей.

Ну да, было бы неплохо при всем честном народе превзойти Жнеца, но ничья – тоже неплохо. Как там у восточных классиков? Неуязвимость – в тебе самом, возможность победы – в противнике? И Трувор мне такой возможности не дал. Ну да не убил – и ладушки. Вопрос: что дальше?

И вопрос, надо отметить, не только у меня.

– Эй, Жнец! Ты что делаешь? Так нельзя! Это ж хольмганг!

Оспак. Неужели его так огорчило, что никто не умер?

– И что с того? – буркнул Трувор по-нурмански. – Что не так, Парус?

– Так это... Сказано же: до невозможности продолжать бой. А вы...

– Я и не могу, – проворчал Трувор. – Устал. И в горле пересохло.

Я подумал: если предложит мне выпить с ним пива – соглашусь. Старый друг лучше новых двух. Посрались – и будет. Заря, опять-таки...

Не предложил. И будто мысли мои прочитал.

– О дочери моей забудь! – рыкнул Трувор, растолкал плечами своих и ушел к князьему терему.

Разочарованные зрители начали расходиться. Ну да, никто никого не убил. Какая досада.

Мои тоже двинулись к дому.

А мне преградил дорогу Ульфхам.

– Не забыл, что я тебе сказал?

– Да хоть сейчас! – мгновенно отреагировал я, берясь за рукоять Вдоводела и задирая подбородок, чтобы глядеть Ульфхаму в глаза. Здоровенный он вымахал, Треска. Метр девяносто, не меньше.

– Я тебе не враг, сын Вогена! – не принял вызова главный телохранитель

Рюрика. – Будь моя воля, вчера ты был бы первым при разделе добычи.

– Но воля – не твоя, – произнес я с намеком. Треска понял правильно.

– Я нужен конунгу, – сказал он. – И я ему верен.

Ну да, Треску Рюрик не кидал. А меня не кидал Треска.

– Без обид, друг, – я похлопал дана по обтянутому льняным рукавом предплечью. – Спасибо, что напомнил.

– Ты меня слышал, – сказал Ульфхам без улыбки. – Так что и ты не держи на меня зла, если...

Он не договорил, но и так понятно. «Я верен своему конунгу». А конунг считает, что здесь, в Мидгарде, мне больше не место.

По мне – так в свинячий анус такого конунга! Но – побережемся. Поединка с Треской я не боюсь. Но, боюсь, поединка и не будет. Есть множество других способов прикончить такого, как я. И Ульфхам в таких делах эксперт.

Надо из Ладogi валить. Причем не откладывая. Вызовов больше не будет. Придут большим коллективом и размажут нас по стеночкам. И скоро. Следовательно, бежать надо быстро. Лучше – этой ночью. И еще: совсем не хочется, чтобы нажитое здесь, в Ладогe, имущество заграбастал Рюрик. Значит... Значит, надо поговорить с другой командой. И я даже знаю с кем.

Глава 6. Хитрый план побега

– Уж прости, боярин, что не подчинился, но сам понимаешь: маловато нас, чтобы с варягами бодаться. Если бы я отказался, то ты со своим десятком вряд ли сумел бы нас защитить.

Бобр мрачно кивнул. А поскольку был не дурак, то сразу спросил:

– Чего хочешь? К нам?

– Не могу, – отказался я. – У нас же ряд с Рюриком. Уйти могу – он даже, наверное, рад будет, что серебром нам платить за службу не придется. А если мы к вам перейдем, то всем хуже будет. С варягами у меня теперь дружбы нет, а у вас и не было. Вчера мы с Трувором без крови разошлись, но это потому, что я постарался. Он-то меня убить хотел.

– А ты почему его пожалел? – недоверчиво поинтересовался Бобр.

– С дочерью его у нас... В общем, я ее второй женой взять хотел. Трувор был не против. До вчерашнего. Вот я его и пощадил. Может, еще помирился. А если бы убил, тогда... Сам понимаешь.

– А ты силен, – с уважением проговорил Бобр. – С Трувором на мечях разве что Ольбард совладеет. А ты... пожалел! – Бобр хмыкнул. – Жаль, не видел, как вы бились. Люди разное говорят.

Я не стал уточнять, что говорят люди.

– Дело у меня такое, боярин. Князь твой Гостомысл землю мне пожаловал в Ладогe. Я на ней отстроился хорошо. Жить здесь собирался... Может, еще и буду. Но опасаясь: уйду я домой – Рюрик ее сразу себе заберет. Или он, или варяги.

– Это возможно, – солидно кивнул Бобр. – Варяги нынче все под себя гребут.

– Вот и я о том же. Однако землю эту мне все же не Рюрик пожаловал, а Гостомысл. Не по правде будет, если Рюрик ее захапает. Попроси своего князя, чтоб оградил свое пожалование. Рюрик против тестя не пойдет... Пока, – добавил я многозначительно. – Походатайствуй, боярин.

– За самим домом есть кому присмотреть? – поинтересовался Бобр.

– Холоп мой в Ладогe живет. Кузнец. Он и присмотрит.

Признаться, я в деле «приглядеть» больше рассчитывал не на своего рядного холопа Квашака, а на его сестру Быську. Ух и шустрая девка оказалась. Особенно по торговой части. Я ее активности не стеснял, хотя она тоже в моей челяди числилась, поскольку принадлежала к семье брата. Пусть порезвится. Во всех смыслах. Был у Быски недостаток: на передок слаба. Однако в иных деловых переговорах это свойство частенько оборачивалось достоинством. По местным меркам Быска считалась отменной красоткой.

К поставленной задаче Быска отнеслась с пониманием, хотя и забеспокоилась. Мое присутствие в Ладоге отчасти гарантировало им с братом безопасность. Отчасти потому что во время недавнего набега водимировцев они оказались так же беззащитны, как и остальные мирные жители.

Впрочем, они во время набега практически не пострадали. Жил Квашак на отшибе: кузнецов в соседях никто не хочет. Хуже только кожевники. Так что они успели отреагировать правильно – сбежали. Причем даже инструменты и остатки готовой продукции сумели частью припрятать, частью прихватить с собой.

Предупредив Быську о том, что о нашем скором отбытии следует помалкивать, я вернулся домой и собрал свою маленькую, но могучую армию.

Против ухода никто не возражал. Все уже были в курсе «предупреждения» Ульфхама Трески. И то, что уходить вниз по Волхову, к Ладожскому озеру, которое здешние словене именовали озером Нево, а наши скандинавы называли Альдогой за сходство с морем, уходить туда, на север, было бы опрометчиво, мои парни тоже понимали. Но и южное направление многим казалось не слишком удачным. Потому что друзей у нас там не было. Ни в старом городе, который сменил военного вождя и сейчас оказался под протекторатом Рюрика. Ни дальше к югу. Хотя там, на юге, у нас и недругов не имелось. Более того, скандинавские корабли были там привычны и даже желанны, поскольку неплохо платили за волоки и постой. Медвежонок и Стюрмир ходили на юг под водительством Хрёрека-ярла, тогда еще не обратившегося в князя Рюрика. Доходили до Киева, о котором отзывались вполне позитивно. Собирались идти и дальше, к византийцам, но передумали. Неплохим источником информации мог бы стать Бури, но он предпочитал молчать.

Мои же друзья-скандинавы склонялись к тому, что далеко на юг уходить не следует. Подняться по Волхову до Ильменя, затихариться где-нибудь на пару недель, а потом рвануть в обратном направлении, проскочить Ладогу, с боем, если придется. Вряд ли сторо́жа на волоке сумеет нас задержать.

Но то были планы отдаленные. В первую очередь надо было понять, как мы будем действовать прямо сейчас.

Существенное предложение внес Хавгрим Палица. Он заявил, что уходить надо не в предрассветных сумерках, как полагал я, а существенно раньше. Мол, если бы он был на месте Рюрика и хотел застать нас врасплох, да еще полагал, что мы собираемся удрать, то напал бы именно в это время. Тем более что ночи нынче короткие и легче всего взять противника, когда он находится в состоянии торопливых приготовлений вроде перетаскивания имущества на корабль. Тут с ним не согласились Тъёдар и Гуннар, утверждавшие, что проще

всего нападать на врага, когда тот спит. Дав всем вволю подискутировать, я принял предложение Хавгрима. Но внес дополнения.

Я, Вихорек и Бури на драккаре пересекаем Волхов и высаживаемся на противоположный берег с половиной наших лошадей, после чего драккар возвращается обратно. Делаем мы это совершенно открыто, чтобы все видели: мы остались на том берегу. Пусть Рюрик поломает голову. Вдруг решит, что я решил уйти малым отрядом по суше?

Вернувшись в Ладогу, наши начинают готовить «Северного Змея» к дальнему плаванию.

Но не все. Медвежонок со Скиди, тоже верхами, с вьючными коняшками, якобы загруженными под планку, а на самом деле – с туго набитыми соломой и крепко завязанными кожаными мешками, уходят вниз по течению уже по нашему берегу. Такой вот намек «догадливым» людям на то, в каком именно направлении я намерен двигаться.

Ну, а наша тройка на том берегу тоже времени зря не теряет. У нас там аж три схоронки с добычей. Мы их раскопаем и загрузим на лошадок.

Хочется надеяться, что Рюрик купится на финт и пошлет за Медвежонок людей, полагая, что тот выведет погоню и на меня тоже.

Ну и свисток им прямо в... зубы. Свартхёвди с заводными лошадками поскочут быстро-быстро, а ниже по течению еще и переправятся на другой берег. Искать их после этого – нудное и долгоиграющее развлечение. Но даже в том гипотетическом случае, при котором Свартхёвди не сумеет от следопытов оторваться, тоже ничего страшного нет. Не думаю, что Рюрик отрядит для такого дела, как банальная слежка, серьезных бойцов. У них ведь какая задача? Выследить. А потом дать знать командованию, куда мы намылились. И тогда к месту действия подтянутся основные силы. Уже водным путем. Хороший драккар гарантированно обгоняет всадника. А уж по реке да вниз по течению...

В общем, если Свартхёвди не удастся сбросить с хвоста возможную погоню, они со Скиди просто убьют неудачников. А дальше – как договорено.

Итак, пятеро из нас – в бегах, а вот оставшиеся сидят на попе ровно. Ну почти ровно. Потому что закупают кучу снеди, пива побольше и устраивают имитацию пьяного пира.

Мол, начальство свалило, можно и покуролесить.

И куролесят до темноты. А когда стемнеет, скрытно загружаются на корабль и так же скрытно, но тем не менее дав себя заметить, уходят вниз по Волхову.

Но недалеко. Лишь для того, чтобы принять на борт Медвежонок со Скиди. А после этого разворачиваются и чешут уже вверх по реке. И на этот раз делают все, чтобы их не заметили. Затем, часика через два, в заранее оговоренном месте они принимают на борт меня с Вихорьком и Бури.

Такая вот непростая схема.

Возможно, слишком непростая, но я хотел, чтобы мозг у Рюрика загрузился как следует. И чтобы все данные были только о том, что мы отбыли в направлении дома.

А если еще и Бобр поделится неофициальной информацией, то Рюрик в этой мысли укрепитсЯ дополнительно. И уже наверняка прохлопает единственно правильное решение.

Глава 7. Нежданчик

– Идет, – вполголоса сообщил Вихорек.

Я всмотрелся в туманную дымку, плывущую над рекой. Да, что-то такое двигалось.

Бури выдвинулся вперед: лук поднят, стрела наложена на тетиву. Он осторожен, мой загадочный Бури.

Зашуршала листва: одна из лошадок переступила с ноги на ногу.

Темное пятно превратилось в угадываемый силуэт.

Ритмичный плеск. Корабль шел на веслах, мачты в гнезде не было.

Еще минута – и Бури опустил лук. Наши.

Знакомый скрип песка, который промяла защищающая дубовый киль накладка. Задранный к небу нос драккара навис над берегом.

– Вы здесь?

Это Медвежонок.

– Здесь, братишка, – сообщил я.

– Ну так поднимайтесь! – Выдвинутое до самого конца весло коснулось песка.

– Доску сбросьте! – потребовал я.

Бегать по веслу с поклажей мне не улыбалось.

Мое вполне уместное требование вызвало на борту совершенно неуместное веселье.

И спустить доску-трап тоже никто не потрудился. Вместо этого на песок прыгнули Стюрмир и Медвежонок.

– Дай-ка! – Стюрмир взял у Бури двухпудовую сумку, набитую серебром, и без малейших усилий метнул вверх, через борт, где ее поймал Хавур.

Что тут скажешь? Только то, что хорошо быть здоровенным громилой.

У меня не было ни малейших сомнений, что с той же непринужденностью Стюрмир может забросить на драккар и своего хёвдинга. Меня то есть. Причем в полной боевой.

Пока Бури и Вихорек развьючивали и расседывали лошадок, а Медвежонок со Стюрмиром занимались легкой атлетикой с тяжелыми предметами, я воспользовался веслом и взбежал на палубу, где меня встретили остальные члены нашего маленького хирда...

И – одно явно постороннее лицо. Причем очарование этого восторженного личика почему-то совсем не привело в восторг меня.

– Заря! Ты что здесь делаешь?

– Я сбежала! – радостно сообщила мне непослушная дочь Трувора Жнеца.

Вот кто бы сомневался! Ну все. Теперь ее папа с нас точно не слезет. А учитывая, что за папой практически весь могучий варяжский клан...

– Зачем?! – простонал я.

– Хочу быть с тобой!

И тут женская интуиция наконец-то довела до хозяйки: я как-то слабо радуюсь появлению. Все. Нет восторга. Губки дрожат, чудные синие глазки распахнулись еще шире:

– Ты меня не любишь...

– Люблю, – буркнул я.

А что мне оставалось?

– Ах! – Полцентнера изумительной женской плоти повисли у меня на шее. Один поцелуй – и моя стальная решимость отправить девушку к родне пре-

вратилась в воск. Причем расплавленный.

– Я сложу об этом песню! – проворковал за моей спиной баритон Тъёдара. – Это будет лучшая драпа из тех, что я написал!

Неужели лучше, чем песнь о Волке и Медведе? Хорошо, что Медвежонок не слышит. Он бы озверел от ревности.

Хотя Тъёдар может. Тем более материал какой благодатный. Тут тебе и ссора с конунгом, и хольмганг с папой-Трувором, которого я, великий и ужасный, не стал добивать исключительно из-за великой любви к его прекрасной дочери.

А какой шедевр можно состряпать, воспевая гнев и горе оскорбленного папаши! И, наконец, какая выйдет кода, когда папаша пустится в погоню во главе могучего хирда родичей влюбленной беглянки, догонит беглецов, прикончит великодушного и страстно влюбленного похитителя (то есть меня), а затем вернет блудную дочь в лоно братской варяжской семьи. Слушатели обрыдаются! Если, конечно, сам сочинитель не угодит под горячую руку и не будет отправлен на уровень выше – попивать истинный мед поэзии, а не сдрыстки Одина, стырившего котелок с поэтическим допингом у громилы Гуттунга[219].

Я аккуратно отделил от себя Зарю, поставил девушку на палубу и улыбнулся. Если... хм, последствия неизбежны, то имеет смысл расслабиться и получать удовольствие.

– Как прошло? – спросил я у Хавгрима.

– Боги на нашей стороне, – пожал плечами берсерк.

Мол, что за глупые вопросы ты задаешь, хёвдинг?

На палубу забрались Бури с Вихорьком и «грузчики».

Лошадок отпустили. Тех коняшек, на которых закладывали ложные петли Медвежонок и Скиди, нам хватит для ближайших коммуникаций. Если бы мы взяли еще пятерых, на палубе стало бы тесновато.

– Куда теперь, брат? В старый город?

– Почти, – ответил я, решив, что сейчас самое время порадовать мою команду новыми перспективами. – Как думаешь, брат, нам не помешает немного золота?

– Сколько? – встрепенулся Медвежонок. Остальные тоже наострили уши.

– Пока не знаю точно... Но знаю одно местечко. Вроде местного монастыря.

– Откуда здесь монастырь? – удивился Медвежонок. – Здесь на сто переходов окрест единственный человек Христа – наш брат Бернар!

– Я сказал: вроде монастыря, – напомнил я. – Молятся там совсем другому богу. Но нам-то какая разница, если золото – такое же!

– Ты сам его видел? – деловито уточнил Свартхёвди.

– Так же ясно, как тебя сейчас. Даже получше, потому что это был ясный день и никакого тумана.

– А что за боги? – забеспокоился Скиди. – Они не отомстят? Христос-то добрый, всех прощает, а эти...

– С богами я разберусь, – заявил я самонадеянно, тут же удостоившись одобрительных ухмылок моих берсерков и, к моему некоторому удивлению, Бури.

От Зари я узнал кое-какие подробности варяжского «раскола».

Как я и надеялся, Вильд «донес» мои претензии к Трувору до адресатов. И

задел вольный народ за живое, потому что память о гибели их молодежи была совсем свежа. До моей информационной диверсии варяги смотрели на ситуацию под совсем другим углом. А вот после...

Получается, что Рюрик (считай, Трувор) сознательно принес их в жертву. За компанию с хирдом Ульфа (меня то есть) – ради своих политических планов. В моей интерпретации – чтоб добычей не делиться. Ни со мной, ни с погибшей и выжившей молодежью. Последнее особенно задело за живое Харру, которому тоже выделили долю на общих основаниях. До моего информационного вброса ему и в голову не приходило рассматривать свою долю отдельно от общей варяжской. А вот теперь пришло. Причем Харра Стрекоза вырос и сформировался в хирде Хрёрека-конунга, то есть – дружине викингов. А там личная доля бойца – это святое. И вот Рюрик эту долю прибрал! И собственный дядя Харры Трувор – с ним заодно! Ваще запахло, как сказали бы мои клиенты из прошлого-будущего. Родная кровь – это святое.

Просто так против Трувора Харра ни за что не пошел бы. Но моя интерпретация событий говорила однозначно: Трувор кинул своего первым!

И Харра поднял голос в защиту моей версии.

Вряд ли он сумел бы серьезно пошатнуть авторитет Трувора. Тот все-таки был существенно выше и по званию, и по авторитету. Тем более Трувор тут же парировал претензии племянника, заявив, что Рюрик все долги по финансам закрыл недвижимостью. То бишь выделенными под общеваряжское управление землями и данниками.

Ставить личное над общественным у правильных варяжских пацанов не принято, но тут неожиданно для всех, в том числе и для меня, на сторону Стрекозы встал лучший кореш Трувора Ольбард Синеус.

Надо отметить, что по авторитету, особенно среди бывалых варяжских воjak, Ольбард был ничуть не ниже Трувора. Вполне объяснимый факт: ведь в этой парочке именно Ольбард до последнего времени ходил первым, числился главным кормчим Хрёрекова хирда и получал на одну долю больше своего родича Трувора, который хоть и был четвероюродным братом Хрёрека, но по совокупности полезных для хирда качеств Ольбарду уступал. Однако здесь, дома, Трувор стал первым, а Ольбард – только вторым. И то, судя по словам Зари, не по праву крови, а «по праву свойства», как она выразилась. Уточнить, что это значит, я не стал. Сейчас эти детали не важны. Важнее, что после смерти варяжского князя Улеба главным становился Трувор. И земли, переданные Рюриком под варяжский протекторат, становились его землями.

О чем Ольбард и заявил со всей варяжской прямоотой. То есть выходило так, что Трувор превратил личную добычу молодежи (и нашу заодно) в свое будущее наследство. Нет, есть, конечно, вероятность, что Трувор помрет раньше Улеба. Ну, или его забаллотируют соклановцы во время ратификации. Потому что наследование наследованием, но варяжское общество обладает правом veto и может не принять наследника, если тот обществу не по нраву. Но это вероятности, так сказать, гипотетические, а пока Трувор – кандидат номер один и никто в порядке престолонаследия не сомневается, ведь Жнец – это Жнец. Круче всех.

Да, я буду князем, не стал отрицать очевидного и желаемого Трувор. Но я – только князь и не ставлю себя выше общества. Так что прибавленные земли принадлежат не лично мне, а всем варягам в целом. Каждый достойный па-

цан имеет на них право.

Думаю, в этот момент Трувор решил, что переиграл своего кореша. Во всяком случае, после данного заявления оппозиция прикусила языки. Но ненадолго. Ольбард не зря был правой рукой Рюрика в бытность его ярлом и секуннгом. Ой не зря. И выпад Трувора он парировал блестяще.

«Что ж, – сказал он. – Такой подход меняет дело. Раз эти самые земли теперь собственность всех варягов, то лично он, Ольбард, хочет прямо сейчас вступить в управление частью данного имущества. И приглашает всех желающих отправиться вместе с ним, чтобы поставить в известность обитателей нововаряжских земель, что рулить ими отныне не Водимиру и не Рюрику, а славным варягам».

После этого Трувору сказать было нечего. В смысле, ничего существенного. Да Ольбард и не стал больше слушать. Тут же объявил о наборе сторонников, коим немедленно приказал грузить вещички на речные транспортники (на драккар покуситься не рискнул), и отбыл выстраивать вертикаль власти с собой во главе.

И с ним, что особенно обидно для Трувора, отправилась почти вся «старая гвардия», включая и его племянника Харру.

А что уже совсем обидно – к этой же партии присоединился и собственный сын Трувора.

К чести последнего надо отметить: давить на сына авторитетом Трувор Жнец не стал.

Равно как и пытаться силой удержать отколовшуюся честь дружины. Впрочем, с этим как раз было понятно: хрен бы у него что вышло. Так что пришлось вести себя достойно и без проволочек выделить уходящим подобающую долю «общака». Как это принято и у викингов, и у варягов.

Вот так вот! Раз – и сила варяжской поддержки Рюрика как минимум ополовинилась.

А поскольку обвинить в случившемся старого друга Ольбарда Трувор никак не мог, то крайним оказался я. Не скажу, что безосновательно. Однако простить меня Трувор теперь уже не мог. Время отеческого вразумления кончилось. Наступило время смертельной мести.

Но и тут обломилось.

А еще я узнал, что после ухода Ольбарда и нашего, закончившегося ничьей поединка Трувор был вызван на ковер к начальству, которое потребовало от него моей немедленной смерти. Моей и всего моего хирда. Как опасных свидетелей.

Трувор отказался. Заря сообщила мне это не без гордости за правильного папу. Боги сказали свое слово, заявил он Рюрику. Значит, быть посему.

И ушел. Умыл, так сказать руки. Нисколько не сомневаюсь, что Рюрик от решения о нашей ликвидации не отказался. С варягами или без он постарается нас закопать. Несмотря на озвученную Трувором волю богов.

Интересно, узнай Жнец, что его доченька решила выскользнуть из-под отчего крыла, был бы он так богобоязненен?

К общему слову – это могучая сила, в чем я не раз убеждался. Равно как и в том, что черный пиар работает точно не хуже белого.

Однако Рюрик теперь мой враг. И Трувор тоже. А вот с друзьями на здешней земле у нас плоховато. Я даже не уверен, что буду дружески принят тем

же Ольбардом. Потому что это мне Трувор с Рюриком – враги. Ольбард-то с нами не ссорился.

– Ты такой добрый, мой Волчик, такой заботливый...

Не понял. Я же не сделал ровно ничего. Ну совсем ничего. Уложил рядом, накрыл плащом, погладил по спинке... И все. У меня была трудная ночь. И день до того – тоже нелегкий. И предыдущая ночь...

В общем, для любовных игр я был не в лучшей форме.

К тому же, обдумав мое положение в целом и наши с Зарёнкой отношения – в частности, я понимал, что из-за ссоры с варягами оказался не в лучшей ситуации. А побег Зари ко мне еще больше все осложнил. Потому что везти Зарю на Сёлунд не кажется мне правильной идеей. Да, здешнее брачное законодательство разрешает и даже поощряет многоженство. Да, Заря объявила, что согласна на роль второй, подчиненной жены. Но это потому что она – совсем молоденькая и очень романтичная девушка. Моя жена для нее – легендарная воительница из «Саги о Медведе и Волке» и прочих творениях Тьёдара Певца, чтоб ему... Но реальная Гудрун от той, поэтической здорово отличается. И, столкнувшись с той, реальной, не пересмотрит ли дочь Трувора Жнеца свое решение? Не разыграет ли в ней благородная княжеская кровь и несвойственная здешним женщинам дерзость? И не пошлет ли она главенство Гудрун так же, как только что – папашино? Сотворить такое в здешнем обществе, где власть отца – абсолютна? Ну, допустим, она так поступила, потому что меня любит. Безмерно и беззаветно. Как и положено юной девушке. Но что будет с этой любовью, когда она поймет, что Гудрун мне дороже? Ну и я сам совершенно не приспособлен для роли многоженца. Достаточно вспомнить ситуацию, когда мне чуть было не пришлось выбирать между Гудрун и ее красавицей-матерью. Да я тогда едва с ума не сошел... И огромное спасибо мудрой женщине Рунгерд, что она сама разрулила проблему.

Я знал, что только она... А Заря...

Она очень хорошая. Я даже ее люблю, наверное. Здесь. А там, дома, мне нужна будет только Гудрун. И там милая и дерзкая варяжская девочка сразу отойдет для меня на второй план. Во всех смыслах. Очень сильно сомневаюсь, что дочь Трувора примирится с таким положением. Мало того что вторая, мало того что вокруг все чужие, так еще и единственный любимый я, ради которого она пошла против самого дорогого и важного в этом мире, против отца, против Рода...

В общем, у нее не останется ничего. И будет ей очень-очень плохо. А когда такой, как Заря, очень плохо, то она не станет сидеть в уголке и печалиться. Она будет драться. До смерти.

В общем, если я привезу ее на Сёлунд, то предам всех, кто мне дорог. В том числе и Зарёнку.

Блин! Если бы я мог заранее просчитать все последствия своего бунта против Рюрика, то...

Но я их не просчитал. И это уже в прошлом.

А в настоящем надо думать, как разрулить ситуацию. Но – позже. А сейчас просто радоваться жизни, которую у меня пока что не отняли.

Плеск, поскрипывание, шорох воды под днищем, ровное скольжение по речной воде, запах тины. Треньканье струн, невнятный напев... Тьёдар сочи-

няет очередную героическую сагу.

– Ты такой ласковый. Я буду тебе хорошей женой. Умру за тебя!

Ну вот, всю жизнь только о том и мечтал, чтобы моя возлюбленная за меня умерла.

– Живой ты мне нравишься больше, – я легонько поцеловал Зарёнку в уголок рта. – Спи, моя хорошая.

Классная все-таки штука – жизнь. Моя жизнь. Моя здешняя жизнь. Никому ее не отдам. Никому.

Мой Волк жарко дохнул в ухо, пихнул влажным носом... Поиграем?

«А как же! Еще как поиграем!» – ответил я, проваливаясь в сон. Ух и...

Глава 8. Недобрые сны

Я летел вверх тормашками, бестолково дрыгая конечностями... Шмяк! Брызги грязи во все стороны. Воздух выбило из легких, но я все равно ухитрился, сгруппировавшись, перевернуться через голову и вскочить на ноги...

И толчок пониже спины швырнул меня вперед с такой силой, что позвоночник взорвался болью.

Бог ты мой! Обезьяна! Ухватила меня грязной лапицей за бороду, пригнула вниз с медвежьей силой. Ну и рожа! Маленькие злые зенки в глубоких провалах глазниц, широченный мясистый нос, нависающий над выдвинутыми вперед челюстями. Пучки рыжих волос на массивном скошенном подбородке. Вырваться даже не пытаюсь. Силища – как у гориллы. Не удивительно – с такими-то плечищами и ручищами. Пальцы-крючья разжались...

И я опять лечу и плюхаюсь в лужу, на сей раз ухитрившись перевернуться в воздухе и упасть на руки. Что, впрочем, не спасает меня от очередной порции грязи, плеснувшей в физиономию.

Первое, что вижу, проморгавшись, – пару кривых толстых ног, покрытых грязюкой до самых колен, и край замызанной когда-то светлой шкуры. Похоже, волчьей.

Последняя мысль мне настолько не нравится, что я стартую из своей лужи, аки бегун на стометровке, и врезаюсь головой... В общем, удачно врезаюсь, потому что лапы кривоногого вцепляются не в меня, а в пострадавшие бубенцы. Я вырываюсь на оперативный простор и только теперь понимаю, что мною, оказывается, только что играли в веселую игру, называемую «найди пятый угол», шестеро обезьяноподобных уродов.

«Бежать!» – приходит паническая мысль. Хотя мой организм и без всяких мыслей знает, что делать. Потому что я уже бегу, причем не прямо, а хитрым зигзагом.

И не зря. В дерево справа и впереди с хрустом втыкается томагавк. Ну или что-то типа томагавка. Узкая каменюка с дыркой, в которую вставлена короткая палка, примотанная для надежности ремнем.

Не раздумывая, я вцепляюсь с деревяху сразу двумя руками (потому что знаю, что одной не вытащить), дергаю изо всех сил и становлюсь обладателем ОРУЖИЯ. Мой ум осознает, насколько оно убого, но организму так не кажется. Он – ликует.

Я разворачиваюсь к «обезьянам», грозно взмахиваю уродливой каменной тяпкой... И выскользнувший из кустов Волк (живой!) толкает меня плечом и стремительной тенью скользит между деревьями. Намек понят. Бой принимать не будем. Я показываю нехорошим парням спину и мчусь следом, уже

зная: они не станут за мной гнаться. Не потому, что я бегаю быстрее (а это так), а потому что они уже получили что хотели.

От этой только что пришедшей мысли я сразу останавливаюсь. Мои подошвы скользят по мокрой хвое, язык во рту сворачивается хитрым образом... Негромкий свист – и мой Волк возвращается. Садится напротив, вываливает язык, глядит укоризненно.

Но я не могу бежать. Один – не могу. Мне надо вернуть то, что у меня забрали. И я ее верну! Порву всех чудовищ! Разобью их толстые черепа, сожру их мозг и печень!

Хриплый рык вырывается из моей груди.

Волк глядит осуждающе. Но меня он не бросит. Хотя помощи от него ждать не стоит. Он храбрый, мой Волк. Не боится ни медведей, ни зубров. Но *эти* – намного опаснее. Потому что они убивают всех: и медведей, и зубров, и огромных, как поросшие черным мхом валуны, волосатых носорогов. Они ломают их кости дубинами, пробивают черепа томагавками, похожими на тот, что сейчас у меня в руке, насаживают на обожженные на огне острия копий.

У нас тоже есть копья. Но нет такой силы, чтобы пробить толстую мохнатую шкуру и достать до сердца. Поэтому у них всегда вдоволь мяса, однако они непрочь полакомиться и дичью поменьше. Например, нами...

* * *

Блин! Ну и кошмар приснился.

Я аккуратно выбрался из-под прикорнувшей на груди Зарёнки и укрывавшей нас от солнца импровизированной плащ-палатки.

На палубе – пусто, если не считать нас с Зарёй и Вихорька, задряхшего на мешках с припасами.

«Северный Змей» стоял на швартовах то ли в протоке, то ли в небольшом заливишке. Вид на Волхов удачно заслоняли заросли камыша, так что заметить с реки наш кораблик было непросто.

А где моя команда?

Я вспрыгнул на скамью.

Ага. У моего хирда жизнь явно удалась. Господа викинги изволят обедать. На берегу. Это я удачно проснулся!

Потянувшись с хрустом, я прихватил боевой пояс с Вдоводелом и, держа имущество над головой, махнул с борта на мелководье...

...Где и провалился в тину по самые... хм... ягодицы.

Сделав вид, что гнусные ухмылочки некоторых хирдманов ко мне отношения не имеют, я выбрался на песок, скинул портки, ополоснулся сам, потом выполоскал, отжал и натянул штанишки.

«Пора завтракать... То есть уже обедать!» – напомнил мне желудок.

Внемлем же зову плоти. Подвинув Скиди и Тьёдара, я уселся на бревнышко напротив тлеющих угольев. Мне тут же сунули в руки внушительную лохань с пивом. М-м-м... Неплохо! А что это мы едим? О! Рыбка! И ребрышки!

– Вкусно! – похвалил я. – Мы как, отдыхаем или прячемся?

– Всё разом, – ответил Медвежонок, передав лохань с пивом соседу Стюрмиру. – Ульфхам Треска со своими вверх по Мутной прошел. Мимо. Нас не заметили.

Надо же как тут интересно было, пока я спал. Получается, что все мои хитрости – гусю под гузку?

– А вы, значит, заметили? Или догадались?

– А что тут догадываться? – пожал плечами Хавгрим Палица. – Ты бы сам как на их месте поступил?

Ну да. Очень опасно полагать противника глупее себя. Если у него хватает сил, чтобы проверить все направления, так почему бы и не проверить?

– Один драккар? – уточнил я.

– Снекка, – в свою очередь уточнил Палица. – Да, одна. Гуннар их издали заметил.

– А они нас – нет?

– Мы поглядывали, братец, – Медвежонок ухмыльнулся во все зубы. – Мы поглядывали, а они – нет. Мы три раза к берегу подходили, высаживались, где дерево повыше, а Гагара наверх забирался. Он зоркий, Гагара. Так что загодя и Ульфхама разглядел, и бухточку эту – укрыться.

Ну да. Корабли викинги распознают, как я – знакомое оружие. Хотя не удивлюсь, если он и самого Ульфхама Треску за кормовым веслом углядел. За пару километров. Глаза у Гуннара Гагары – как у орла. Кабы стали ему зрение проверять, наверняка оказался бы из тех, кто на плакатике тестовом самую последнюю строчку читает. Ту, где «напечатано в типографии...». Глаза и мозги. И удача.

Из трех норегов, что когда-то ко мне присоединились, только он и остался. То есть так-то норегов у меня двое, если скальда считать, но Гагара, он давний. Через многое со мной прошел. Опытен, сметлив, верен, боец из лучших. Всем бы хорош, если бы не изрядная даже для викинга склонность к садизму.

– Гуннар насчитал у них на палубе – десятков шесть, – продолжал Медвежонок. – Большинство – дренги, так что если врасплох взять, можем и побить. Но не хотелось бы.

Согласен. По обоим пунктам.

– Быстро шли, – сказал Свартхёвди. – Быстрее нас. На румах – по двое.

Ну да. «Северный Змей» – кораблик хоть куда. Только гребцов у нас маловато.

– Надо – догоним, – флегматично сообщил Хавгрим, утирая бороду. – Ветер поднимается. Надо?

Я покачал головой.

Можно не сомневаться: прикажи я догнать и атаковать численно превосходящего противника, так и будет. Но ни Хавгрим с нашими бывшими сопалубниками, ни молодняк Хрёрека нам не враги. Или – нет? Разве не пообещал Ульфхам отправить меня на ту сторону вечности, если конунг прикажет?

Так или иначе, но нам с данами Рюрика не по пути.

– Как пообедаем, ставим парус, – распорядился я. – А потом всем отдыхать. Сам у кормила постою.

Река – не море, но любая практика мне не помешает.

Проснулась Заря. Вспрыгнула на борт, потянулась сладко, балансируя...

Угу. Мой молодняк сразу слюни пустил. Да и не только молодняк.

– Любят моего братца бабы, – не без гордости сообщил народу Медвежонок. – Вот за что, понять не могу.

– Не ты один, – подхватил лакомую тему моей внешности Хавгрим Палица. – Чернявый, мелкий, стручок у него... Стручок и есть. Колдовство, видать.

– Ага, – проворчал я. – Кое-кто, между прочим, меня из Черноголового в Бе-

лого переименовал. Уж не ты ли, Хавгрим?

Зарёнка прямо с борта ловко спрыгнула на песок, присела у воды, умываясь. Сделала вид, что не слышит. Но слушала о-очень внимательно.

– Потому что тот, кто прозвал тебя Черноголовым, сути твоей не видел! – проворчал Палица. – А я – видел. И назвал. Невелика хитрость – увидеть собственными глазами. А вот мать его, – кивок в сторону Медвежонка, – она, да. Она умеет видеть куда как дальше. Это ведь она тебе имя дала, Медвежонок?

– Она, – подтвердил Свартхёвди. – Моя мать в колдовстве ой как сильна. Вот, помню я, очередной женишок ее допекал. Пять раз в гости приезжал, говорил, что жениться хочет. Допёк нас, сил нет. Одного пива нашего выдул бочонка два, не меньше. Так надоел, что она на штанах его руну перевернутую пальцем нарисовала, пошептала чуть – и уд у женишка ссохся.

– Жестоко, – проворчал Хавгрим. – Лучше б ты сам женишка отвадил.

Свартхёвди захохотал.

– Кабы я его отвадил, пришлось бы виру платить, а так он сам матушке полные сани добра привез, чтоб сняла наговор. Она сняла, понятно. Но слух о том по всему Сёлунду разошелся. С тех пор у матушки и женихов поубавилось, а желающих обмануть ее в делах и вовсе не стало.

– Это да, – Хавгрим покивал с пониманием. – Женское колдовство – страшное. Я вот хоть и Одина воин, и то поостерегся бы. Но у хёвдинга нашего – другое дело. Вот взять меня. Любая баба такому, как я – рада, и это понятно, – Палица приосанился, расправил плечи. – Но чтобы вот так от отца убежать... Может, ты, Ульф, уд чем-то таким особым смазываешь? Так ты от друзей не таи, нечестно это.

– Не в мази дело, – подал голос Тьёдар. – Это, Палица, любовь называется.

Берсерк фыркнул, но спорить не стал. Тьёдар – скальд. Скажешь, не подумав, а потом уже поздно. Человека-обидчика убить можно, а песню как убьёшь?

Торопиться с отплытием мы не стали. Пусть погоня уйдет подальше. Свартхёвди вывалил на палубу содержимое сумок, и они с Хавгримом и Тьёдаром принялись в очередной раз делить добычу. Прочие с удовольствием наблюдали. Нет для викинга большей радости, чем пересчитывать награбленное. Ну разве что сам процесс грабежа.

Бури кликнул Вихорька – заниматься стрелковой подготовкой. К ним, предварительно испросив у меня разрешение, присоединилась Заря.

А я присел на пенек и попытался восстановить в памяти то, что произошло сразу после моего появления в этом замечательном мире. В частности, тот эпизод, когда меня чуть не принесли в жертву местному идолу. И принесли бы, если бы мою кандидатуру не забраковал «отдел кадров» в лице главного жреца. «Этот богу не годен», – объявил служитель кровавого культа. А вот мне его бог может очень даже пригодиться. Для укрепления авторитета. Ибо ничто так не повышает уважение к вождю, как драгметаллы, добытые под его мудрым руководством. Хорошая, кстати, тема. А ведь у меня еще одна наводочка имеется. От раба-сварга, которого я прикупил этой весной. Больше добычи – выше рейтинг. А это – возможность увеличить мой маленький хирд не сопливым молодняком, а квалифицированными убийцами. Такими, например, как тот же Оспак Парус. Или Вигмар. Или недовольные политикой Труво-

ра варяги. Вот найти бы мне общий язык с Ольбардом Синеусом и его командой...

Ну, пока это только мечты. Но если мне удастся доказать свою удачливость и придумать общую идею, которая покажется варягам прибыльной, почему бы и нет?

Чем привлекателен для дружины Рюрик? Тем, что подгребает под себя данников и готов делиться доходом со своими парнями. Ну и еще он вождь по крови, а не по боевым заслугам, как я, например. Однако, если у меня будет под рукой хотя бы полсотни добрых хирдманов, почему бы мне тоже не занять какую-нибудь ключевую точку на великом водном пути с севера на юг и обратно? Какое-нибудь козырное укрепление в ключевой точке. Взять под контроль важный волок...

Хм-м... А не скучно мне будет сидеть на одном месте? Тем более что стать правильным ярлом я мог бы и под рукой Ивара Бескостного. Поучаствовать в захвате английских мелких королевств или даже крупных французских и получить не только графский ленд, но и могучую «крышу» в лице старшего Рагнарсона. Нет, английское или французское графство – это тоже как бы не моя мечта. Повоевать под знаменем Ворона – это да. Это весело. А отжимать дань у английских или французских трэлей... Нет, это не мое.

А здесь? Здесь-то не Англия. Здесь – родная земля как-никак. Если я не хочу стать ярлом под рукой Ивара, то как насчет здешнего княжения? Хочу ли? А шут меня знает. Мне б с проблемами разобраться. С даром своим воротооткрывательным. Сейчас бы отложить все дела, взять за локоток Бури и порасспросить толком...

Но некогда. Все бегаю, бегаю. То за кем-то, то от кого-то...

– Хёвдинг! Мы с Хавуром за мясцом сбегаете?

Скиди. О чем это он? А... Поохотиться.

Ну да, свинка, которой мы пообедали, еще недавно желудями хрумкала.

– Сбегайте, – одобрил я, совершив тем самым серьезную ошибку.

Потому что были мы не на пикнике, а в бегах. И гоняли нас парни очень даже серьезные.

Глава 9. «Слейпнир» и его команда

На сей раз драккар узнал даже я. Эту драконью башку раз увидишь – не забудешь. Резали ее настоящие мастера и со всем возможным старанием. Понятное дело. У Сигурда Рагнарсона не забалуешь.

– И верно «Слейпнир»! – с восхищением произнес Медвежонок. – Какое правильное имя!

«Слейпнир», значит? А я и не знал. Хотя ожидаемо. Драккар без имени – так не бывает.

А уж такой и подавно. Ух и красив! Настоящий морской дракон, бесшумно парящий над водами. Вернее, морской конь. Вот разве что ног у него побольше восьми[220].

Варяги.

Явились не запылились.

Шли они под парусом, убрав весла. Но шли хорошо. Пожалуй, мы бы от них и на веслах не ушли. Я нутром чуял, как шарят по обоим берегам Волхова цепкие взгляды.

Вопрос: почему они здесь, а не пенят воду Ладоги, выискивая нас там, где

нас нет?

Нет, лишний вопрос. Уже не актуальный. Правильный же: заметят ли они протоку, в которой мы укрылись? Нет, это тоже неверный вопрос. Понятно, что заметят. А вот станут ли проверять?

Ответ: очень вероятно.

Вход в протоку – непростой. Виден только тогда, когда ты ее уже миновал. Но – виден. И как бы аккуратно ни провел Медвежонок «Северного Змея» по узкой водной дорожке, но сколько-то там стеблей наверняка поломал. Внимательный глаз такого не пропустит.

Значит, будет драка. С варягами. Как раз то, чего я хочу избежать любой ценой, ведь пока между нами нет смертей, а только амбиции и обиды, ситуация все еще обратима.

А если случится настоящая заруба, дороги назад уже не будет.

Хотя ее по-любому не будет. Если Трувор до нас доберется, то, скорее всего, в этих камышах и закончится наша дорога славы.

А раз так, то найти нас он не должен. Надо сделать что-то такое, чтобы они переключили внимание на нечто более весомое, чем помятые камыши.

Кое-какой запас времени имеется. Это уже хорошо.

Я поглядел на Медвежонок. Свартхёвди Сваресон был невозмутим. Даже доволен. Он всегда доволен, когда предстоит как следует подраться. И расклад один к шести-семи его не смущает. В отличие от меня. В моем хирде – крутейшие парни. Но не все, к сожалению.

Варягов надо отвлечь. Подсунуть им раздражитель посерьезнее поломанных камышей. Например, подстрелить кого-нибудь. Этак с полутора сотен метров. Бури сможет.

Вот только такой выстрел мало что изменит. Мне ведь надо не просто обратить на себя внимание, но и заставить пройти мимо нашей протоки.

Думай, Коля, думай!

С камня, на котором мы стояли, был виден не только идущий вверх по Волхову драккар, но и минимум по километру побережья с обеих сторон. И конечно, протока, в которой прятался «Северный Змей».

Значит, что нужно? Нужно место ниже по течению, с которого можно выпустить ту самую обидную стрелу. Причем так, чтобы стрела эта была никак не связана с нами. Случайный выстрел случайного человека. Который стрельнет – и наутек. По берегу. Вверх по течению. Такой выстрел, чтобы варяги точно погнались и проскочили мимо протоки. А дальше – по обстоятельствам.

Сколько у нас времени? Драккару до нас идти минут двадцать. Все же Волхов – река быстрая.

Да, определенно можно успеть, если поторопиться.

– Ты куда? – крикнул Медвежонок, обнаружив, что остался на наблюдательном посту в одиночестве.

– Я их отвлеку! – крикнул я, сбегая вниз и поспешно обуваясь. – Верни Скиди с Хавуром. Они за мясом пошли.

Случайный выстрел. Возможно, не один.

Стрелы, мне нужны стрелы. Правильные стрелы. Не боевые. Откуда у случайного человека боевые стрелы.

Я взлетел на палубу драккара. Вопросы игнорируем. Некогда.

Так. В этом бочонке точно стрелы. Вот связки, которые мне нужны.

– Бури! Вихорек!

Удачно, что оба здесь и полностью экипированы.

– Держите! – Я сунул каждому по толстому пучку разносортных стрел. – Возьмите оружие – и со мной.

Команда дана. Команда выполнена. И никаких вопросов.

Хорошо быть вождем.

Но не со всеми работает.

Заря.

– Ты куда?

Пришлось потратить полминуты на объяснение.

– Я с тобой!

– Что, в своих стрелять будешь?

– Буду!

Глядит упрямо, я бы даже сказал: непреклонно.

Ну, это ее решение. Спорить некогда. И лишний лук не помешает. Стрелять девушка умеет лучше меня, а вот времени – с гулькин... нос. Драккар идет вверх по течению со скоростью километров семь в час. Это как раз и есть скорость бега по пересеченной местности. При необходимости можно и быстрее. Необходимость – есть. Нам ведь не только обогнать его надо, но и найти подходящие позиции. Минимум две. Одну – для приманочного выстрела. Ну эту я уже присмотрел. Вторую – для того чтобы закрепить успех. И сделать все так, чтобы никак не связалось с беглыми нами. Чтобы выглядело как инициатива, а еще лучше – глупость каких-то посторонних людей.

И я знал, как это сделать!

– Брат! Не уходите никуда. Мы их отвлечем. Я знаю как.

Медвежонок кивнул. Тоже никаких вопросов. Он мне доверяет. Мне бы теперь не обмануть его доверие...

Идею подсказали мне сами варяги, не снявшие с носа драккара свирепое чудовище. То есть обозначили, что находятся в боевом походе.

Правда, на парусе у них – красный сокол Рюрика, знак законного сопровителя Ладоги. Так что любому осведомленному человеку понятно, ху из ху, как сказали бы потомки моей наложницы Бетси.

Но ведь далеко не все – осведомленные. Простые земледельцы, живущие в здешней глуши, могут быть и не в курсе, верно?

А если не обращать внимания на растопырившегося сокола, то что у нас есть? Типичный нурманский драккар. В боевом формате. То есть разбойничье-грабительском.

В общем, план у меня сложился. Оставалось только подыскать подходящие для его реализации места.

То есть все, что от нас сейчас требуется, это быстрота и немного везения.

Нам повезло. Мы и успели, и нашли.

Выбранная мной первая позиция располагалась на пару сотен метров ниже по течению. Высокий берег, густо заросший кустарником. С воды нас на берегу фиг разглядишь. А вот вход в протоку, через которую в речной «отнорок» вошел «Северный Змей», можно заметить запросто.

А заметить не должны. И для этого на берегу укроемся мы втроем: то есть я,

Бури и Заря.

Если мой план сработает, то варяги станут куда менее внимательны к деталям береговой линии. Я не сомневался: если мы правильно разыграем первый акт представления, то все внимание «благодарной» аудитории тоже достанется нам.

Вторая позиция, располагавшаяся еще выше по течению и предназначенная для исполнения второго акта моей пьески, была изучена только издали, но на расстоянии казалась вполне подходящей для задуманного представления. Здесь я планировал спектакль одного актера. В главной и единственной роли должен был выступить Вихорек. Ну, мы тоже, если успеем вовремя, сыграем свои партии, но, так сказать, из-за кулис.

Всё. Актеры заняли места и приготовились к представлению, то есть засели в прибрежных кустиках и с нетерпением ожидали, когда варяжский драккар войдет в зону уверенного поражения для посредственного стрелка, то есть на дистанцию примерно пятидесяти метров.

С такого расстояния «так себе стрелок» вроде меня почти гарантированно поражает взрослого оленя. То есть в принципе поражает. В точку «куда попадет».

А вот стрелок класса Бури на такой дистанции способен муху к мачте прибить.

Однако меткий выстрел – только первый этап моего замечательного плана.

Второй этап – истошный девичий вопль: «Мамка, нурманы идут!»

Эта часть – за Зарей.

Мне же, как и положено режиссеру, чьи актерские и стрелковые способности весьма посредственны: общий контроль и руководство.

Итак, выстрел и вопль. Засим мы под бодрый аккомпанемент девичьего соло: «Нурманы! Нурманы! Беги! Спасайся!» проворно перемещаемся вдоль берега.

И если я не ошибся с коллективным психологическим портретом варягов, то парни на драккаре перестанут сканировать берега и рванут за нами параллельным курсом.

К позиции два, откуда вход в заветную протоку уже никак не разглядеть.

Позицию два я выбирал так, чтобы она пришлась по душе жаждущим места воинам. То есть это был пляж, на который можно запросто высадить десант.

Нас это место тоже устраивало, потому что здесь имелся высокий берег и лес, подходящий к самой его кромке. Очень удобно, чтобы обстрелять высаживаемый десант, а потом незамеченными ретироваться в чащу.

А чтобы окончательно убедить варягов, что это не засада, а глупая самостоятельность безмозглых смердов, острому взгляду варягов будет представлен удирающий в панике «местный житель», которого остается только изловить, допросить и выяснить, кто заплатит за причиненный ущерб.

В роли аборигена должен был выступить Вихорек. Я велел ему раздеться до порток, разуться, спуститься к воде и ждать голосового сигнала «Беги, спасайся!», возвещающего начало спектакля.

По этому сигналу мой сын должен не слишком поспешно (чтобы его успели заметить) вскарабкаться наверх, где проворно привести себя в подобающий

воину вид и ждать нас.

А потом мы уже в четыре лука немного остудим пыл жаждущих мести варягов, при этом старательно избегая смертельных исходов.

Дальше действуем по обстоятельствам.

Наилучшим развитием событий был бы вариант, в котором варяги наплевали бы на глупых смердов, перепутавших их с нурманами, забыли о пролитой крови (никого же не убили), загрузились обратно на драккар и двинули куда шли, то есть вверх по течению. А мы кратчайшим путем возвратились к «Северному Змею» и двинулись в обратном направлении.

К сожалению, этот исход маловероятен. Скорее всего, погоня будет, и нам придется от нее уходить.

Вряд ли отряд преследователей будет большим. Не больше дюжины, я полагаю. Приструнить смердов – более чем достаточно.

В этом случае мой план был почти таким же: вернуться к «Северному Змею». Однако уже не напрямик, а заложив большую петлю.

Если не удастся оторваться, то мы просто приведем группу преследования с собой. Надеюсь, в этом случае на нашей стороне будет не только качественный, но и количественный перевес. И удастся разойтись без драки. Особенно если в числе преследователей не будет самого Трувора. Я собирался твердо держаться прежней линии. Я не воюю с варягами. Напротив, мы на одной стороне. Мы несправедливо обижены Рюриком, а варяжские отроки и вовсе погибли по его вине. А если Трувор утверждает другое, то лишь потому, что либо подкуплен, либо обманут Рюриком. Потому моя отдельная просьба к Бури: попытаться подранить варяжского лидера. Вешать на оппонента всех собак гораздо легче, если тот не может тебе возразить. В общем, Рюрик – плохой, Трувор – тоже не лапочка, а мы, напротив, мирные и пушистые, если не гладить нас против железной шерстки.

Ну да, в картину нашего миролюбия как-то не укладывается обстрел варяжского драккара. Но кто возьмется доказать, что стреляли мы, а не какие-то потерявшиеся в лесах смерды?

В том, чтобы доказать нашу непричастность, я проблем не видел. Равно как и в том, что сама местность никому из нас не была знакома. Когда есть такой серьезный ориентир – сама река, сбиться будет трудновато. Чего я опасался, так это того, что отправившиеся в погоню варяги приглядятся как следует к нашим следам и распознают, что наша обувка слишком хороша для лесовиков.

Вот тогда положение усложнится, потому что преследователи станут намного осторожнее и, очень возможно, пошлют за подкреплением.

Вывод: если за нами увяжется погоня, мы должны оставлять как можно меньше следов и сам след должен быть горячим. Тогда преследователи не станут обращать внимания на мелкие детали.

Но это – потом. Будем решать проблемы по мере их возникновения. Сейчас наша главная задача – увести варягов от протоки, в которой укрылся «Северный Змей».

Если на нас выйдет вся варяжская дружина, то миром разойтись уже не удастся. Численный перевес противника весьма затрудняет мирные переговоры с ним. А бросить корабль со всем хранящимся на нем имуществом...

Трепетное сердце моего брата таких убытков не перенесет.

В общем, готовимся к худшему, но поступаем как должно.

То есть сидим и ждем, когда в секторе обстрела возникнет знакомый парус. И тогда слово за снайпером. Вот уж в ком я точно не сомневаюсь.

Бури сработал изумительно. Сделал даже больше, чем я ожидал.

Как только из-за поворота показалась драконья голова, а вслед за ней парус с красной птичкой Рюрика, над которым располагался главный варяжский наблюдатель, как Бури моментально всадил ему стрелу в ляжку. А следующей стрелой, уже под пронзительный вопль Зари «Нурманы!!!», пришел к борту ладонь кого-то из варягов. Причем оба выстрела – не элитными стрелами для особо меткой стрельбы, а самыми обычными охотничьими. Наблюдателя – срезом, а руку – вообще двузубой стрелкой для птичьей охоты.

Ну да, мы же исполняем роли обычных смердов. Воюем как умеем и чем умеем. А заполучить охотничий срез в ляжку – это, пожалуй, еще и похуже, чем боевую. Проникающее действие меньше, зато дырка – ого-го какая.

Бури, умница, не забыл мою просьбу и натянул лук вполсилы, так что вошел срез неглубоко, а наблюдатель хоть и заорал, но с мачты не рухнул. Сполз вниз, перехватываясь руками.

Заполучивший в руку утиную стрелу тоже завопил, но его жалобный возглас затерялся в истошных криках Зари.

«Нурманы! Мама! Бегите! Спасайтесь!»

После чего наша тройка сорвалась с места и под прикрытием растительности галопом поскакала к позиции номер два. Нас самих видно не было, но трепет листвы и прочие сопутствующие факторы с драккара не заметить не могли.

Варяги отреагировали на нападение ожидаемо. На деревянном тезке восьминогого Одинова жеребца возникла короткая деловитая суета, результатом которой стали подхваченные с бортов щиты и вылезшие из лючков весла. Весла эти тотчас окунулись в воду, и драккар заметно прибавил в скорости.

Однако мы начали раньше и успели его опередить.

На воде звук распространяется прекрасно. Так что я слышал не только крики обогнавшей меня Зари, но и дружный рык гребцов, разгонявших корабль до крейсерской скорости, которая с нынешним попутным ветром была никак не меньше двадцати километров в час. Они могли бы и больше, но зачем? Любому это быстрее бегущего по пересеченной местности человека. Да и плыть им недолго: лишь до удобного места высадки.

То есть до нашего пляжа.

Я подотстал, но все же успел увидеть голую спину взбирающегося по корням Вихорька.

Парень сработал вовремя: не поспешил, но и не промедлил. Так что варяги тоже увидели, что требовалось. Спину и пляж. А вход в нашу протоку – нет.

Увидев пляж и удирающего смерда, варяги тоже среагировали стандартно: то есть затабанили с разворотом (безупречный маневр), а затем около десятка бойцов произвели десантирование. То есть сиганули с борта на мелководе.

Ну да, десяток варягов – это в десять раз больше, чем надо для воспитания нескольких глупых смердов.

Никакого сопротивления они не ожидали, потому положенный в финале подобного боевого десантирования плотный строй собрать не потрудились.

И зря. Любое нарушение боевого устава – риск, причем неоправданный.

В чем brave парни немедленно и убедились.

Мой заполошный вопль: «А-а-а! Они идут!» – вреда им не причинил.

В отличие от наших охотничьих стрел.

Большая часть пришлось в щиты – все же мы имели дело с воинами. Однако три стрелки, выпущенные, понятное дело, не мной или Зарей, а Бури, «стреножили» сразу троих, мгновенно остановив наступательный порыв десанта.

Вот теперь варяги наконец-то показали подобающую боевую выучку, мигом сформировав «стену», прикрыв раненых от дальнейшего обстрела и обеспечив «базу» для высадки еще одной боевой группы, то есть приготовились к обороне по-взрослому.

А вот мы продолжения не планировали. Вихорек экипировался, можно отступать.

И мы отступили. Не слишком быстро и стараясь выбирать места, где наша специфическая обувь не оставит следов.

Мы – это я, Заря и Вихорек. Бури задержался еще секунд на тридцать и порадовал варягов парочкой «птичьих» стрел. Без спешки и на выбор. Поэтому одна из стрел досталась лично Трувору. Выполняя мое пожелание, Бури позаботился о том, чтобы Трувор не смог возглавить погоню.

Об этом Бури чуть позже сообщил мне на ухо. По секрету. Не хотел огорчать Зарю. Трувор все же ее папа.

Впрочем, мой приказ «никаких серьезных повреждений» Бури не нарушил и на этот раз. Двухзубая утиная «вилка» всего лишь продырявила варяжскому лидеру правую ляжку. Причем бил Бури, что называется, влет. Когда Трувор сиганул с борта на песок.

Мастерский выстрел. Жаль, что я не видел.

Первый этап прошел гладко. Но второй, к сожалению, реализовался по второму варианту.

Разгневанные варяги прочно сели нам на хвост.

Глава 10. В которой Ульф в очередной раз убеждается, что он – слабое звено

Преследователей оказалось больше, чем я рассчитывал: три десятка.

Мы отследили их, когда оказались на очередном лесистом взгорке, а они пересекали полянку, которую мы с таким расчетом и выбирали: чтобы потом посмотреть на погоню сверху.

Три десятка. Несколько больше, чем я надеялся. Мой победоносный и почти бескровный план: закрутить петельку, вернуться к «Северному Змею» и продемонстрировать явное преимущество в силе, дал трещину.

То есть вернуться-то мы сможем, но разговор «по душам» может и не получиться.

С десятком варягов мой маленький да удаленький хирд мог бы общаться с позиции силы. В идеале можно и заложников взять, а потом обменять пленных на обещание не вредить. Или еще что-нибудь придумать. Договариваться со слабейшим всегда веселее.

А вот когда сердитых варягов уже целых три десятка – разговора с позиции силы не получится. Да, учитывая меткость Бури, берсерков и нашу общую высокую подготовку, мы их, скорее всего, победим.

И заполучим в кровники самое воинственное племя этой земли. И тогда у нас единственный выход – бежать домой.

В общем, изумительная перспектива.

Но сейчас у нас особых вариантов нет. Только бежать. Причем бежать туда, где мы сможем получить подкрепление, потому что просто бежать – не вариант. Часика через два нас непременно догонят. Ибо, к моему огромному сожалению, самый тормозной варяг все равно бегаёт быстрее меня. Они нагоняют и сейчас, хотя я стараюсь изо всех сил и уже начал уставать.

Темп нам задает Заря. Она – впереди, потому что чувствует здешние леса лучше меня и Вихорька, а что до Бури, то он их вообще не знает.

Заря очень хорошо ведет: угадывает удобные проходы в зарослях, избегает низин и влажных мест, в общем, старательно выполняет мое пожелание не оставлять четких следов.

Я держу темп изо всех сил. Мне стыдно признать слабость. Будь моей компанией Медвежонок, Хавgrim, Гуннар... В общем, могучие мужи-викинги, я бы уже попросил пощады. Ну да они и так знают, что бегун из меня посредственный.

Но со мной мой названный сын, привыкший к тому, что круче меня не бывает, любимая девушка и Бури, которому в седле куда уютнее, чем на своих двоих. Тем не менее, он чешет по лесу как ни в чем не бывало и, похоже, мог бы прибавить...

Нет, в будущем с этим точно нужно что-то делать. Хотя сейчас надо думать о том, чтобы это будущее у нас было.

Думать – ключевое слово.

Я смотрел на мелькающую между деревьев спину Зари, подпрыгивающий налуч на спине, светлую головку, перехваченную черным ремешком, по которому скакали маленькие серебряные лошадки, и понимал: еще немного – и я вынужден буду сбавить скорость. Учитывая, что между нами и варягами – меньше километра, до «Северного Змея» добежать мы точно не успеем.

Можно оставить Бури в качестве прикрытия. Он может остановить варягов на какое-то время.

Нет, не годится. Это временный выигрыш.

К тому же у варягов тоже есть луки, которыми они неплохо пользуются, а здесь – лес, так что меткость уже не играет такой роли, как на открытом пространстве. И у варягов нет ограничения «не убивать».

В общем, в нашем положении я вижу только один плюс: основная часть варяжской дружины достаточно далеко. Как жаль, что преследователей так много. Будь их десяток...

Надо остановиться. Еще полчаса в таком темпе – и я даже драться толком не смогу.

– Стой! – скомандовал я.

Отличное место. Поляна шагов в тридцать длиной. Дальше – два завалившихся лесных великана и подрост выше человеческого роста.

Хорошо лежат упавшие исполины. Практически параллельно. И подрост – густой, солидный. Если за вторым стволом пристроиться, то с полянки не вдруг разглядишь. И не вдруг доберешься.

Здесь мы их и встретим. Я – на первом бревнышке, а группа прикрытия – за вторым. Так и поступим.

Хорошо, когда твои решения не вызывают дискуссий. Даже если не нравятся.

Бури сделал знак Вихорьку, и они нырнули в заросли. Заря осталась на виду. Как и я. В девушку стрелять не станут. Родня.

А теперь – ждём.

Ну да, я решил рискнуть. Вдруг удастся разойтись миром? Временами я очень удачливый парень. Так почему не сегодня? А хуже по-любому не будет. Варяги все равно нас догонят, а встречать противника я предпочитаю лицом, а не затылком.

Мы их ждали, но все равно они появились неожиданно.

Впрочем, я тоже оказался для них сюрпризом.

Надо думать, наши следы они особенно не разглядывали и по-прежнему полагали, что имеют дело с дерзкими смердами.

Я поднялся и раскинул в стороны руки, показывая, что не вооружен.

Я их удивил, да. Настолько, что в меня даже копья с ходу бросать не стали.

Удивил и напряг.

Ишь как озираются. Моих хирдманов выглядывают.

Сюрприз! Гнались-то парни за дурными смердами, а встретили нурманский хирд. Мой. Это они сейчас так думают.

А у нас – репутация. И два берсерка. И я. А их «всего» тридцать два.

А только что было – аж тридцать два. Огромная сила по здешним меркам. И только что они так себя и ощущали: непобедимой армией.

Теперь – нет. Сбились вместе. Шарят глазами по сторонам. На меня почти не смотрят. Я-то на виду. Что на меня смотреть...

Это хорошо, что они так напряглись. Полезно для переговоров. А еще лучше, что с ними нет Трувора.

Да вообще никого из старших нет, сообразил я.

И возрадовался. Эти пока что не волки, а так... волчата. Ровесники Зари и ее брата.

Для них я был нурман-хёвдинг. Непререкаемый авторитет.

А не сыграть ли на этом?

– Старший кто? – рыкнул я.

Замешательство.

Им объяснили, что я – враг, хотя вряд ли с подробностями. Зато они наверняка слышали мою версию событий. Но не впечатлились и не ушли с Ольбардом Синеусом. Это минус. Зато они видели мой бой с Трувором. И видели, как мы разошлись если не мирно, то не заклятыми врагами. И сам бой наверняка тоже работал на мой авторитет, ведь остановился не я, а Трувор. Не сдался, но...

Не знаю, в чем меня обвинил Рюрик, когда отправил на охоту за нами. Вряд ли в том, что я хочу уйти. Это не преступление. Наоборот, это исконное право воина – покинуть предводителя, которым недоволен. Воин свободен в выборе вождя. Это основа. Они тоже воины. И для них выше свободы только родственные связи. Да и то не всегда. Ой не всегда, ведь они, по сути, мальчишки. Убивать научились, а вот ставить интересы князя выше собственных понятий чести и правды – вряд ли. Вот Ульфхам Треска не раздумывая убьет по прика-

зу конунга. Из одной только политической целесообразности. Эти – не такие.

– Кто старший?

Молчат. Переглядываются. Сержанты, которых остановил целый полковник. Не их полковник, но все же...

А еще здесь старшинство – не просто звезды или лычки на погонах. Здесь командиры впереди не только в зарплатной ведомости, но и в бою. И соответствуют.

Молчат парни. Размышляют, прикидывают...

И чем больше они прикидывают, тем меньше им хочется умирать.

– Я жду!

– Я – старший!

Решился, наконец. Крепкий парень в шапке вместо шлема и усиленной бляшками кожаной куртке вместо нормальной брони. Зато с настоящим мечом на поясе. А еще с копьем в одной руке и щитом – в другой. Чувствует себя неуверенно. Мы с ним – в разных рангах. Я – вождь, хёвдинг, а он даже не гридень, отрок. Это даже меньше, чем нурманский дренг.

– Имя?

– Ануд!

– Слушаю тебя, Ануд.

– Меня? – Он удивлен. Вероятно, ожидал, что объясняться начну я.

– Тебя-тебя. Я стою с пустыми руками, а ты грозишь мне оружием. Почему?

– Ты похитил Зарю, дочь Трувора!

Сильная заявка. Впрочем, я предполагал, что бегство моей подружки папу не порадует. Сначала сын покинул его общество, потом – дочурка.

И это не говоря о всех тех классных парнях, что ушли с Ольбардом.

– Врешь! – взвизгнула Зарёнка, вскакивая и являя народу свое сердитое личико. – Что ты врешь, Ануд!

Боец побагровел. Его только что оскорбили. Поскольку оскорбила девка, а не я, то оскорблением можно бы пренебречь. А вот смысл реплики – его так просто не смахнешь.

– Так сказал твой отец, – сдержанно произнес варяг.

Надо срочно вмешиваться. А то девочка моя такого наговорит...

– Теперь ты видишь, что Трувор ошибался, – попытался я перевести разговор в конструктивное русло. – У тебя все еще есть повод угрожать мне?

– Есть. Князь Рюрик велел доставить тебя к нему.

Мне нравится этот парень. Держит себя в руках почти идеально. Разве что чересчур напряжен.

– Зачем?

– Он князь. Он велит – мы делаем.

– Ты его холоп?

А вот это уже прямое оскорбление.

Надо же, сумел сдержаться:

– Я клялся ему в верности. Я сражаюсь за него.

В строю за спиной Ануда кто-то презрительно фыркнул.

И кто это у нас такой... самобытный?

Нет, не помню, хотя рожа знакомая. И довольно наглая, кстати. И годами – постарше Ануда...

– Да ну? Сражаешься, значит? – Я смотрел на молодежного лидера в упор,

пока тот не отвел взгляд.

– Я тоже. И клялся, и сражался. И, думается мне, сражался неплохо. – Небольшая пауза. Вдруг кто-то усомнится в моих словах?

Никто не усомнился. И слушали меня внимательно. Все. Даже наглый скептик. Но и «пасти» фланги не забывали. Все же хорошая у них база, у варяжат. Могут в отменных воинов вырасти. Если вырастут.

– Я пришел поддержать моего бывшего конунга, раненного в бою, – произнес я с достоинством. – Я пришел, потому что знал: ему нелегко. Надо помочь. И я помог. Я подарил ему победу над врагом! – Новая пауза. И опять никто не оспорил моих слов. – Что делает достойный вождь, когда враг побежден? Я тебя спрашиваю, Ануд?

– Ну... Награждает достойных, – нашелся парень.

– Верно! – одобрителный кивок. – И твой князь наградил нас. Насмешками! Он решил, что теперь, когда враг побежден, ему больше не нужны сильные друзья. Он не хочет править воинами. Он желает повелевать холопами. Так бывает. Даже сильный зверь, ослабев, становится пожирателем падали. Но мы не из тех, кто ползает на брюхе перед стервятниками. Мы – воины. И мы ушли. От Рюрика. Это наше право. И вы, варяги, не враги нам. Мы не хотим вас убивать. Потому забирай своих людей, Ануд, и уходи! – И обращаясь уже ко всем варягам разом: – Идите и служите своему жадному князю, если путь бесчестья для вас милей дороги славы!

Эк я красиво завернул. На молодежь должно подействовать.

И подействовало. По рожам вижу: многие засомневались.

Но Ануд оказался не только сдержанным, но и неглупым.

– Мы уйдем, – заявил он. – И Заря пойдет с нами!

– Нет! – выкрикнула девушка. – Ты дурак, Ануд! Еще слово – и я убью тебя!

И схватилась за лук.

Расслабившиеся чуток варяги моментально встrepенулись. Вот только целились они не в Зарю, а в меня.

– Не стреляй, Заря, – произнес я надменно. – Убить холопа – не много чести, даже если этот холоп и родился когда-то свободным варягом. Теперь он из тех, кто лижет руку хозяина и не способен защитить свою честь. Видишь, я говорю это, а он молчит и думает, что я не смогу отбить всех стрел и копий, которые сейчас на меня обрушатся. И он прав: я не смогу. Потому что вышел говорить с ним с пустыми руками. Я ведь не знал, что говорю с рабом. Думал, он – воин...

И тут произошло сразу два события. Каждое из них в отдельности было неплохим, а вот вместе – совсем наоборот.

Первое: Заря бросилась ко мне, намереваясь заслонить от стрелков-соплеменников.

Второе: Ануд все же не сдержался.

– Я и есть воин! – взревел он, выхватывая меч и бросаясь на меня. – И ты сейчас это увидишь, нурман!

А поскольку между нами была Заря с наложенной на тетиву стрелой, то на эту стрелу он бы и нарвался, если бы я, толкнув девушку, не сбил выстрел. Парня все равно задело, но только плечо по касательной. А могло прямо в грудь. В упор. Тут бы и кольчужку пробило, а кожанку Ануда вообще прошило бы насквозь.

– Не стрелять! – закричал я своим и перехватил сначала Зарю, отправляя себе за спину, а потом – Ануда, который с разгону обрушился на меня и едва не сбил с ног.

Но я все же устоял и даже сумел развернуть его лицом к остальным варягам, прикрывшись им как живым щитом.

Впрочем, стрелять по нам никто не рискнул. Вероятность попасть в своих, Ануда или Зарю, была куда выше, чем прищучить меня.

Все же хорошо ее тренируют, варяжскую молодежь. Я сейчас вижу их всех, сердитых, растерянных, азартных...

Но глазенки у всех вполне разумные. Башню ни у кого не снесло.

– Ануд! Я сейчас тебя отпущу, и мы продолжим разговор, – произнес я достаточно громко, чтобы слышали и остальные. – Мирно. Договорились?

– Договорились, – пробормотал варяг.

И я его отпустил.

Что-то мне подсказывало: дырок во мне после этого не наделают. По крайней мере сразу.

– Присядь, – я указал на бревнышко. И сам опустился рядом. А затем махнул рукой остальным: сюда идите.

Меня послушались. И мы с Зарей оказались в окружении вероятных противников.

Казалось бы, опрометчивый ход...

А вот и нет. Самое опасное для воина моего типа, равно как и для берсерка, – это правильный боевой порядок противника. Чтобы стена щитов, через которую вот так сразу не пробиться, а за ней – парни с метательным оружием. Проверено на практике.

А когда вокруг тебя – неорганизованная, пусть даже и настороженная, группа, это куда перспективнее.

Особенно если эта группа опасается не столько меня, сколько тех, кого не видит.

Честно говоря, меня бы устроило, если бы Заря отправилась к папе. Да, я буду по ней скучать. Но зато девушка будет в безопасности. А у меня руки развязаны. А через некоторое время, может, и мои отношения с Трувором наладятся.

Но сказать Заре «уходи» нельзя. Она сочтет такое предательством.

И уговорить ее тоже не получится. Не тот характер. Боюсь, что она бы не ушла, даже если бы от этого зависели наши отношения. Выдала бы что-то типа «умрем вместе» – и хоть кол теши на ее прекрасной головке.

Она и сейчас всем своим видом показывает, что готова за меня умереть. Хорошо хоть стрелу с тетивы сняла. Она готова драться за мою жизнь – и это подкупает. Причем только за мою жизнь. Лично ей варяги ничем не угрожают. Это ее народ. Они росли вместе. Кто помладше, кто постарше. Все, в общем, родичи. А род – это святое. К папе привести – не вопрос. Обидеть? Кто рискнет, того остальные на запчасти разберут. Вот даже Ануд на нее не злится. Косится недовольно, морщится... Не потому что больно, а потому что очень опасается: не забудут ему товарищи по оружию сегодняшней слабости. И моих оскорблений. Очень может быть – не зря опасается. Превратиться из Ануда, уж не знаю, какое у него сейчас прозвище, в Ануда, которого обозвали холопом, – точно не его мечта.

– Что стоишь? – укорил я Зарю. – Твоя стрела – ты и доставай!

Послушалась. Шуганула прочих лекарей-любителей, которые уже успели обрезать край металлизированного кожана и распороть рукав рубахи, лично обломил наконечник и одним рывком, умело, с поворотом, выдернула тонкое древко.

Кровища хлынула будь здоров, но рана, насколько я могу судить, пустяковая. Так, чуток под кожу зацепило. И хорошо, что стрела обычная, шильцем, а не срез.

Нет, отменно парни обучены. Как грамотно стоят: не гурьбой, а «рожками» наружу. Уверены, что там, снаружи, все мои страшные хирдманы прячутся. А поскольку где они – непонятно, то приходится варягам держать круговую.

За мной тоже присматривают, но так... халатненько. Я этих смотрящих даже и без Волка за пять сек в Ирий отправлю при желании.

Но желания такого нет, прямо скажем.

Я присел рядом с Анудом, которому оказывали медицинскую помощь. Пациент вел себя достойно: потел, дышал сквозь зубы, но не дергался и не пищал.

– Не знаешь, куда ушел Ольбард? – поинтересовался я.

Парень резко мотнул головой. Ему сейчас немного не до разговоров. А придется.

– Переговорить с ним хочу, – пояснил я. – Не дело это – нам с варягами враждовать.

– Зарю верни! – потребовал Ануд и тут же зашипел от боли. Очень опрометчивые слова, когда предмет обсуждения обрабатывает тебе раневый канал.

– Это плохой совет, – я покачал головой. – Да и не поможет он. Дело не в моей невесте... – Заренка немедленно заулыбалась. – Рюрик приказал ему меня убить. Ты сиди, сиди, не дергайся. Он струсил, Рюрик. Ты, верно, слышал, что у него в Дании остались очень сильные и немножко обиженные на него враги?

Молчание. Но по физиономии вижу: слышал. И о том, как Сигурд Змееглазый Рюрика разгромил, и о том, как уцелевшие у Сигурда Рагнарсона прямо из-под носа драккар увели.

– И это очень могучие конунги, – продолжал я, делая вид, что совсем не интересуюсь наострившими ушки варягами. – Сотни кораблей, десятки тысяч воинов, да таких, что в бою получше, чем Трувор или я. Воины Одина. Рюрик это знает, ведь он тоже ходил под их знаменем, когда звался не князем, а морским конунгом. И знает, что в сравнении с ними он – как бурундучок перед мишкой. Ам – и нет! – Я показал жестом, как медведь подхватывает мелкую живность и отправляет в пасть. – Рюрик помнит, как копьё Сигурда, сына Рагнара, пробило его грудь. Он помнит, что жив только по одной причине: они не знают, что он жив. Вот он и укрылся в Ладогге, как бурундучок в норке под камешком, и трясется от страха.

Я сделал паузу, предоставив молодежи мне возразить. Но возражений не было. А вот беспокойство – да. Имелось. Даже опасение. Ну, добавим еще сольцы на ранку. Я потянулся, покрутил головой, разминая шею. Заря закончила перевязку. Уселась рядышком, положила ладошку на плечо.

– Он очень боится, бурундучок Рюрик, – продолжил я в полной внимании тишине. – Боится Рагнара и его сыновей. Меня тоже боится. Что ж, я понимаю его страх. Так вышло, Ануд, что я с этими могучими конунгами – в большой

дружбе. В вики с ними вместе ходил. На франков. На англов. Врагов бил, добычу брал... И обиды от них не видел. Настоящие вожди щедры к своим людям. Так, воины?

– Да-да...

Меня слушали как скальда.

Ануд сидел рядом и вставать не торопился. Тоже внимал.

А я рассказывал. О походе на франков. О том, как недавно на британские земли ходили. О золоте монастырском, о тысячах храбрых викингов, о множестве кораблей, поднимающихся по рекам, о разбегающихся в ужасе вражеских армиях... Потом перешел уже на наши личные приключения. Рассказал, как мы пировали с Хальфданом Черным и прикончили четыре десятка ульфхеднаров. И о том, как Хальфдан-конунг отдал Медвежонку свою единственную дочь.

Ну, тут я, может, и приврал. Понятия не имею, сколько у Хальфдана дочерей. Но единственная – это звучит. А слушатели у меня были оч-чень благодарные. А уж тема какая интересная. Великие дела, великая слава, великие воины...

А они тут. В бурундучьей норке.

И я продолжал, делая вид, что рассказываю исключительно Ануду, не обращая внимания на остальных. Но они-то на меня внимание обращали. Еще как. Даже за лесом следить забыли.

– ...Я пришел, чтобы помочь моему бывшему вождю, Ануд. Не знаю, видел ли ты князя ладожского в те времена, когда он был славным морским конунгом Хрёреком? Когда для всех нас было радостью и честью стоять с ним в одном строю? Теперь я думаю, что копьё Сигурда Рагнарсона не ранило Хрёрека-конунга... Оно его убило!

Я сделал очередную драматическую паузу. Зуб даю: основное внимание варягов сейчас направлено не наружу, а внутрь.

– Умер славный и бесстрашный Хрёрек-конунг. Тот, кто выжил, он другой. Он умен, опытен и может быть неплохим князем для какой-нибудь маленькой Ладоги...

Ага. Маленькой. Склонен думать, что территории, подконтрольные нынче ладожским князьям, уж никак не меньше Сёлунда. Хотя дело ведь не в площадях. Дело, как всегда, в людях.

– Рюрик сменил имя и отпустил длинные усы, чтобы пришлые купцы принимали его за одного из вас, варягов. Он утратил свое имя, свой род и свою славу. Страх сделал его изгоем. Страх сделал его слабым. Он нуждался в силе, и я предложил ему силу своего хирда. И он ее принял, Ануд. Он принял ее, хотя и знал, что одного моего слова достаточно, чтобы медведь нашел норку бурундучка. Я был нужен ему, чтобы победить Водимира. Может быть, Рюрик уже тогда знал, что не позволит мне вернуться домой. Потом, после того как я побью его врагов... – Я пожал плечами. – Ты знаешь, Ануд, все знают: без меня Водимир растоптал бы Рюрика. И забрал Ладогу. Живи Рюрик по чести, он отдал бы нам лучшее из добычи. Нам и тем варягам, что погибли, когда мы брали стольный град Водимира. И уж конечно, настоящий князь не стал бы отнимать взятую нами казну. Пусть для нас, викингов, это и невеликое богатство, но родня ваших братьев получила бы довольно, чтобы помнить о доблести погибших. А что сделал Рюрик? Ты знаешь, что он сделал? Знаешь почему?

– Знаю, – буркнул Ануд. – Мы все слышали слова Вильда.

– Вильд ушел, – напомнил я. – Не стал служить тому, что предает своих. А ты – служишь. Почему, Ануд? Я не чувствую в тебе гнили. Ты храб и тверд. Ты достоин славы и богатства, которое берут железом! Почему ты остался с тем, кто предает своих?

– Мой отец велел мне во всем слушать Трувора, – буркнул Ануд. – Трувор дал мне меч.

– Меч – это много, – согласился я. – Без меча трудно пройти по дороге славы. Что ж, когда-нибудь ты заработаешь на службе у Рюрика достаточно серебра, чтобы выкупить свою свободу. Когда это случится, найди меня, если пожелаешь, я дам тебе место на гребной скамье.

Задумался. Ну да. Как ни крути, но я снова обозвал его холопом.

– Всё! – провозгласил я, поднимаясь. – Я сказал, что должен. Решай, Ануд, разойдемся ли мы миром или кровью? Будете ли вы драться с нами или скажете Трувору Жнецу, что я не хочу вражды? Я не двуличный Рюрик. У меня один язык для друзей и для врагов. И каждый волен решать, по какую сторону щита ему быть.

Варяжская молодежь смотрела на меня во все глаза. И зерна сомнения в правоте своего руководства уже проросли и зацвели во многих простодушных умах.

– Нам надо посоветоваться, – сообщил Ануд.

Ожидаемый ответ.

– Ты прав, – произнес я, постаравшись вложить в голос максимум уважения. – Настоящий вождь знает, когда надо приказывать своим людям, а когда – спросить их совета. Ты знаешь.

Вот так. Немного лести еще никому не вредило.

Мне кажется, я был убедителен. Остается надеяться, что они сейчас посоветуются и отправятся восвояси. Я в этом практически не сомневался.

И радикально ошибся.

Глава 11. В которой все происходит совсем не так, как планировалось

Совещалась варяжская молодежь долго и пылко. На последнем этапе дискуссии они даже перестали контролировать меня и окрестности – так увлеклись.

А я забеспокоился. Полагал, что после моей обличительно-пафосной речи они достаточно быстро придут к консенсусу, решив, что наши разборки – это разборки старших – и пусть старшие, то есть я и Трувор, сами решают, как дальше жить. Но нет, не срослось.

В общем, поругавшись вполголоса минуток пятнадцать, варяги разделились примерно на две равные группы. Одна осталась на дальнем углу полянки, а другая, возглавляемая Анудом, двинулась ко мне. Причем лицо у подраженного Зарёй юноши было такое решительное, что я решил: все. Драки не избежать.

Парень остановился шагах в пяти и здоровой рукой вытянул из ножен меч.

Вытянул, развернул рукоятью вперед – и протянул мне.

Ну ни фига себе! Вот уж чего я точно не ожидал!

Если бы они просто ушли, я бы счел это удачей. Но моя удача, она такая... своеобразная. То ее щедрость просто зашкаливает, то – облом за обломом. Мои

друзья-викинги относятся к удаче как к функции, что ли. И чем больше я об этом думаю, тем больше мне кажется, что они правы. Если бы еще понять, от каких конкретно действий она зависит? Потому что мне как-то не верится, что удача прямо пропорциональна объему жертвоприношений и количеству нарушенных гейсов. Что-то еще. Что-то такое, что зависит только от меня. В общем, будет время – об этом стоит поразмыслить. Но не сейчас. Сейчас мне надо переварить подкинутый капризной дамой пряник.

А именно: варяжская молодежь, посоветовавшись, решила – служить такому лидеру, как Рюрик, противно чести. Вождь, который не награждает достойных и бестрепетно сливает своих... Да на кой такой вождь сдался? И вообще он не варяг даже. Правда, Трувор – варяг. Причем старший. Старших надо слушаться, даже если кажется, что они не правы. Просто потому, что они – выше по званию. Но правда – выше всего. В том числе и приказов Трувора. Чтобы решить, что Трувор пошел против правды, утверждений мало. При всем их ко мне уважении я всего лишь нурман. Не варяг. Однако есть еще Ольбард. И он ничуть не менее уважаемый варяг, чем Трувор. И Ольбард от Рюрика ушел. Взял свою часть добычи недвижимостью и отбыл, прихватив с собой всех желающих. К сожалению, Ануд не стал присоединяться к Ольбарду. Потому что отец велел Ануду быть с Трувором. Ну и еще потому, что Трувор Ануду в родстве на две позиции ближе, чем Ольбард. Но теперь, когда он, Ануд, наконец-то осознал, что вместе с Трувором идет против правды, то ну ее на фиг, такую службу. Увы, Ануд не удосужился уточнить, куда именно ушел Ольбард. И среди тех, кто сейчас здесь, никто этого не знает. Ну да это и к лучшему, потому что служба Ольбарду может оказаться не слишком веселой. На земле сидеть, смердов стричь... Скука и бесславие. Другое дело – жизнь викинга. Такая, о которой я только что рассказывал. Чтоб от золотых цепей шея гнулась, чтоб с конунгами за одним столом пировать и на дочках их жениться. Это ли не счастье? И тут как раз подворачиваюсь я, вождь викингов, славный безмерно и щедрый немерено. Разве станет такой, как я, смердов стричь? Да никогда! Такие, как я, по мнению Ануда, промышляют исключительно драгметаллами, за которые платят исключительно железом. И если я соблаговолю взять славных варяжских отроков под свое крыло, то нипочем не пожалею, потому что обучены неплохо и страха не ведают. Вот и Заря подтвердит...

– Ага, – подтвердила Заря. – Не ведаете. Особенно ты, Ануд, когда ко мне с подарками сунулся.

Парень порозовел. Надо думать, она его не просто отшила. Хотя о чем я? Заря – и «просто»...

Ануд зарумянился, но промолчал. Уже хорошо. Такой парень мне пригодится. И остальные – тоже. Это как в куче дрянных трофеев дюжину франкских мечей найти. В умелых руках такие парни на многое способны. А руки у меня умеются. Мы с Медвежонком да с Палицей из них таких героев вырастим... Только держись.

– Сколько тебе зим, Ануд? – спросил я.

– Восемнадцать.

О как. Выглядит моложе. Если с тем же Скиди сравнить. Правда, Скиди – уже папа. И жизнь у него была оч-чень насыщенная.

Хотя что я знаю о буднях молодых варягов?

Я взял меч... М-да. Качественно проковать железо в здешних условиях – та

еще работа, но здесь кузнец явно не перетрутился.

– Трувор тебе его подарил? – поинтересовался я.

Парень кивнул.

– Возьми, – я развернул оружие рукоятью к владельцу. – Покажи, что можешь.

– Что?

– Бей меня.

Правая у него подранена, но варягов обучают работать обеими руками.

Нет, не торопится. Возможно, ждет, пока я достану свой клинок?

– Что, рана мешает?

Рана ему точно мешает. И это хорошо. Гляну заодно, из какого металла он сам выкован.

– Бей!

Ну наконец-то! Так себе удар. Явно придержал. Причем целил в наплечник, где у моей кольчужки – усиленное плетение.

Я ушел поворотом и подбодрил:

– Не стесняйся, воин! Тебе меня все равно не достать.

Воодушевил. От последовавших ударов увернуться было сложнее. И что мне понравилось: он по-прежнему метил в места, защищенные железом. А вот себя не берег: на повязке проступила свежая кровь. И это нехорошо. Надо заканчивать.

Искусство иайдзюцу, то бишь быстрого и желательного скрытного выхватывания меча, я освоил еще в прежней реальности. Не скажу, что оно так уж полезно в битве и даже в обычном поединке. У Японии фехтование заточено под один удар, потому что оно у них – кратчайший путь к смерти. Своей или чужой, без разницы. Но мы-то европейцы. Мы не ленимся поработать клинком, чтобы сделать наш путь в Валхаллу чуток подлиннее.

Однако иной раз и от иайдзюцу бывает несомненная польза. Вот сейчас, например.

Вдоводел выскользнул из ножен и на восходящей встретился с плоскостью даренного Трувором меча, угодив туда, куда я и целил. В место, где инородных включений в стали клинка было побольше. Результат очевиден: боевая часть Анудова оружия стала на три четверти короче.

Я вернул Вдоводел обратно.

– Это сейчас твое прошлое сломалось, Ануд. Будущее покрепче будет. **Мой** подарок так просто не ломается.

К сожалению, ко мне присоединились не все. Я все же не варяг, а посторонний викинг. Но четырнадцать человек, считая и Ануда, тоже совсем неплохо. Самому младшему – пятнадцать зим, самому старшему, Щандру, двадцать. Физическая подготовка – на высоте. Сила, выносливость, ловкость – внушают. Боевые – пониже. Тот же Ануд против Вихорька простоит хорошо если минуту. Хотя – они ведь не на поединки заточены. А со строем у них получше. Хотя тоже – голый базис. Боевого опыта, как я понимаю, минимум. Если сравнить с моей молодежью.

Ну, боевой опыт – дело наживное. А вот на весла их можно посадить прямо сейчас. А это значит, что мой «Северный Змей» наконец-то получит две смены гребцов на все свои двенадцать румов. На палубе станет тесновато, зато те-

перь мы сможем потягаться с любым драккаром в здешних водах. Ну кроме разве что Труворова «Слейпнира».

А Трувор меня теперь окончательно возненавидит. С сыном я его рассорил, дочку увел, а теперь еще и четверть дружины переманил.

* * *

Я предполагал, что мой побратим возликует, увидав наших новых соратников, но Медвежонок особого восторга не проявил. Заподозрил «засланных казачков». Я его успокоил: мол, принял у всех клятву верности по всем правилам. Перун – тому свидетель. А для дополнительной мотивации мы сейчас их довооружим маленько. Ибо ничто так не укрепляет верность, как по-настоящему дорогой подарок.

Свартхёвди идею не поддержал. Нефиг ба́ловать! Халява в суровом мире викингов не поощряется.

Я видел: он уперся – и настаивать не стал. Ануду я меч уже пообещал, но один клинок – не проблема. Выделю из своей доли. А что до остальных, то ладно. Пусть будут не подарки, а аренда с правом выкупа.

– Брат, у нас боевого железа в сундуках – на три десятка бойцов, – напомнил я. – Что ему лежать мертвым грузом? Раздадим пока новичкам. Они ж наши теперь. Нехорошо, если в нашем хирде у людей даже клинков годных нет. Ты посмотри на них, – я кивнул на сгрудившихся варяжат, – у половины топоры да тесаки. Нам с ними в строю стоять или лес рубить?

– Для начала я хочу глянуть, как они в строю стоят, – проворчал Медвежонок, не желая сдаваться.

– Проверь, – согласился я.

Мне и самому было любопытно. То есть я варяжский молодняк в бою видел. Пусть и не этих конкретно. Об этих мог только сказать: строй они собирают быстро. А вот каков этот строй на прочность?

Молодежь, понятно, спорить не стала. И страха парни не выказали. Особенно когда оказалось, что проверять их будут всего двое. Правда, двое эти: Медвежонок и Хавгрим Палица, но оба клятвенно заверили, что в священную ярость впадать не станут. Меня заверили, понятно, а не испытуемых.

Две шеренги по семь человек. Впереди те, кто покруче. Сам Ануд расположился на правом фланге, а левый занял парень по прозвищу Глухарь. Я пока не знал, как у этого Глухаря со слухом, но отметил, что добрый молодец – левша. Что ж, хороший выбор. Фланги – опасное место. Но это – если не знать тактику берсерков. Эти отморозки не ищут слабых мест. Зачем? Любое место становится слабым, когда на него обрушивается ярость сынов Одина.

У варяжат опыта боеконтакта с берсерками нет. Что, наверное, неплохо. Такой опыт – он весьма болезненный. Частенько несовместимый с дальнейшей жизнедеятельностью.

Плотный строй, оцетинившийся дюжиной копий. Ануд и Глухарь – с мечами. У Ануда – новый. Мой подарок. Ничего особенного, но вполне добротный. Во всяком случае, проковали его на совесть, без изъянов.

В центре строя тоже крепкие ребята: Егри и Щандр. Тоже с мечами. Оба – здоровяки вроде моего Хавура.

Ну да. Как я и ожидал, Свартхёвди и Хавгрим ударили прямо в центр. Дружной парочкой с короткого разбега.

Под яростный рык сильно обиженных мишек...

На который парни ответили волчьим воем. Неплохо так ответили. Дстойно.

Но сразу заткнулись, потому что им стало не до боевых кличей.

Лязг, треск... И минус два щита. Как раз те, на которые приняли удар эти самые Щандр и Егри. Причем Егри еще и по ляжке плоскостью клинка прилетело, что по условиям схватки приравнялось в смертельной ране.

Однако и варяжата – молодцом. Поддались, но не порвались. Замкнули брешь. Потерявших щиты сменили дублеры из второго ряда и, угрожая копьями, остановили берсерков, которые, впрочем, нынче выступали в качестве простых рубак. Будь Хавгрим и Свартхёвди в безумном варианте, хрен бы их удалось сдержать даже опытным гридням.

В общем, первую атаку молодежь отразила если не с блеском, то вполне достойно и потеряв только одного человека. А вот дальше – хуже.

Парни на флангах решили использовать прогиб строя в центре, чтобы окружить Медвежонка и Палицу.

Это было инстинктивное движение – зайти со спины. И – роковая ошибка. Варяжат было слишком мало, чтобы образовать плотное кольцо. А попытка зайти тому же Хавгриму со спины никогда не будет для последнего сюрпризом. Скорее наоборот. У воинов подобного уровня обзор – триста шестьдесят градусов. И если секундой ранее берсеркам противостояла сплошная стена и минимум четыре копья на каждого, то неудачный маневр привнес в эту стену бреши, которыми атакующие немедленно воспользовались.

И вот кто-то из варяжат уже летит вверх тормашками, кто-то сбитой кеглей опрокидывается под ноги соратников. Мозолистая лапа Хавгрима цапает ближайшего варяжонка за шею, разворачивает, используя как щит, и обмотанный тряпками по самую трубку наконечник тяжелого копья – хогспьёта лупит в челюсть Глухаря не хуже боксерской перчатки.

На этом участие Хавгрима в тренинге завершается. Палица отступает, утаскивая за собой плененного варяжонка, а на поле боя остается один Медвежонок. Соло. В окружении восьми варяжат. Хотя не уверен, что окружение – правильное слово. Волк в овчарне. Так точнее. При всем моем уважении к варяжатам. Но они были сами виноваты. Позволили противнику превратить правильное построение в беспорядочную толпу. А работать в такой толпе – это ж милое дело для бойца-одиночки уровня «воин Одина». Будь Медвежонок в берсерочьем угаре, он бы перебил их всех секунд за десять. В обычном состоянии и в учебном бою все остались живы. Свартхёвди работал очень аккуратно. И если попадал по тушке, то исключительно плоскостью меча или его оголовьем. А вот ему самому несколько раз прилетало по-взрослому. Оружие у варяжат – в боевом варианте, а азарт – зашкаливает. Ну да у моего братца доспех отличный, и удары он пропускал осмысленно. Что особенно приятно: никто из варяжат не пострадал от «дружеской руки». И сам факт радовал, и уровень подготовки.

Что и было официально объявлено Медвежонком, когда сконфуженная молодежь выстроилась на месте своего разгрома.

Отдельной похвалы удостоился Щандр, который, оставшись в одиночестве,

секунд двадцать более или менее успешно сопротивлялся атакам Свартхёвди. Последний, понятное дело, работал в треть силы: знал, что боевой дух дренгов время от времени надо потешить такой мелочью, как достойный проигрыш.

Засим побитое воинство получило неожиданные плюшки. Броньки и оружие из нашего спецхрана. Не все, правда, а только те, кого мы сочли особо отличившимися. И не в подарок, а так сказать, в лизинг. Но радовались варяжата, как местные детишки – медовым сотам.

А потом мы покушали, дождались сумерек, взялись за весла и тихо-тихо выбрались из своей протоки.

Выбрались и двинулись вниз по течению. Подальше от Трувора и... поближе к Ладоге.

Где, я в этом ничуть не сомневался, нас совсем-совсем не ждут.

Глава 12. История Зари, дочери Трувора Жнеца

– Я не люблю отца.

Головка Зарёнки лежала на моей руке. Мы смотрели на звезды. Палуба под нами чуть-чуть покачивалась.

– Мама умерла... Мне было девять зим тогда, Вильду – семь. Ее убили. Я знала, что ее убили, но отец не захотел мстить. Сказал: не видит причины. Мол, я все придумала. И ушел в вик. На три года.

Я молчал. Мне не верилось, что Трувор отказался мстить за смерть жены. Я чувствовал: нельзя спрашивать. И уж тем более – спорить.

– У мамы не было здесь родни. Отец привез ее с юга. За ней дали хорошее приданое, и сама она была красивая и веселая. Ей было трудно у нас. Там, дома, она жила как княжна. У нас – не так. У нас нет рабов для домашних дел. Женщины всю работу делают сами. Даже те, кто княжьей крови, как мы. Отец не позволил маме взять в дом челядь. Сказал: привыкай жить по-варяжски. Только когда мама умерла, он взял в дом наложницу из полонянок, чтобы та помогала бабушке...

Заря замолчала.

Через некоторое время я спросил:

– Как она погибла?

Я чувствовал: ей хочется об этом рассказать, но начать трудно.

– Заболела, – после небольшой паузы ответила. – Сгорела за три дня.

Вот как? На понял.

– Ты сказала: ее убили?

– Так и есть. Женщины белье стирали на мостках. Ее столкнули. Вода была холодная, ночами уже подмораживало. Пока выбралась, пока белье собрала... Была бы дома бабушка, она б ее выходила, но бабушка с отцом на торг уехали. Дома только мы с Вильдом и оставались. Она на следующий день слегла и уже не встала. И позвать некого было: почти вся родня наша ближняя тоже на торг отправилась. Последняя ярмарка перед тем, как реки встанут. Я к сестре отца побежала, а та... Это она ее и убила! – с ожесточением проговорила Заря. – Нам с Вильдом сказала, что сама все сделает. Знахарку позвать не дала. Я от женщин потом слышала: это она ее в воду и столкнула. Будто случайно. А отец мне не поверил. Сказал: наговаривают. Хотел ее даже к нам в дом взять. Она вдовая была. Жила с родней покойного мужа. Бабушка не разрешила. А не то бы я ее еще раньше убила. Или она – меня.

– Ты ее убила? – изумился я.

– Конечно. Я богам клятву принесла, гейс по-вашему: как только смогу взрослый лук натянуть, первая стрела ее будет. Три года до того с луком упражнялась. И со всяким оружием. Вильда дядя наш учил, а я – рядом. Он ругался, дядя. Гонял. Но тетка моя, Кари Улебовна, сказала ему: пусть учится. И я выучилась. Из лука бью лучше Вильда, – добавила Заря без гордости. – И клятву сдержала. Как сумела на дядин лук тетиву накинуть, так и сдержала. Подстерегла ее одну на тех мостках, с которых она маму столкнула, окликнула, чтоб знала, кто ее, и стрелой – точно в горло. А пока она хрипела, объяснила за что.

– И тебя не наказали?

– Никто не узнал. Я ее с мостков на лодку скинула, увезла, где поглубже, камни к ногам привязала – и все. Хороша я? – повернулась ко мне, ожидая похвалы. Лунный свет в глазах, красивая до невозможности.

– Хороша, – не обманул ее ожиданий я.

Вот, значит, у нас какие скелетики по ларям спрятаны. И вот почему эта девочка так ловко с луком управляется. Выучилась. Еще бы. С таким-то стимулом. А вот от Трувора я такого не ожидал. Не захотел он, значит, сор из избы... Или и впрямь не поверил? Думаю, второе. Сам бы я поверил, если бы мою родную сестру в чем-то таком девятилетняя девчонка обвинила?

Не знаю. Не было у меня родных сестер. Но проверил бы – точно. И детей на бабушку тоже вряд ли оставил бы. Или оставил? Случись что с Гудрун, разве я не доверил бы наших детей ее матери? Конечно, доверил бы.

Так что нечего других осуждать. Труворовой мамы я не знаю, но что-то подсказывает: эта дама из сходной породы. Если я правильно помнил, ее двоюродная сестра была бабушкой князя Рюрика. То есть очень возможно – той же скандинавской породы. Черт! А ведь я и забыл, что Трувор с Рюриком – в родстве. Причем в родстве довольно близком, по местным меркам. Может, поэтому Жнец так за него держится?

– Расскажи мне, как твоя жена убила того ярла, – прильнув ко мне, попросила Заря. – Она и впрямь его убила?

– Да, милая. – Откровенность за откровенность. – На наш дом напали. Их было много, очень много...

Я задумался, вспоминая...

...Кольцо щитов вокруг. Разъяренные бородатые рожи, бьющая со всех сторон сталь, рев Хавгрима, зажатого со всех сторон, и колотящаяся в виски мысль: Мьёр-ярл, где он? Куда он подевался? Жуткое чувство, что где-то рядом происходит что-то ужасное. Что-то более страшное, чем происходит со мной сейчас. Казалось бы: куда уж хуже! Меня зажали. Расклад: восемь на одного. Восемь злющих хускарлов, которые вот-вот меня прикончат. И еще десяток тех, кто из-за тесноты не может до меня добраться.

А я нутром чую: что-то куда более скверное вот-вот случится. Где-то рядом. А я ничего не могу. Я больше не управляю положением, я – в ловушке. Чертов Мьёр-ярл! Не вижу его! Не вижу! Так не должно быть! Это неправильно! Это он меня должен сейчас убивать! Так должно! В любой схватке ярл – на самом важном месте. А что может быть важнее, чем расправиться со мной? Где ты, сволочь?

Может, именно эта мысль и дала мне тогда шагнуть за пределы сил.

Я вырвался, нырнул прямо в черный провал входа в дом – и увидел заля-

панного кровью Гуннара и кучу трупов вокруг. И уже не поймешь, кто свой, кто чужой, но Гудрун я узнал.

Моя девочка лежала на земляном полу, и вся солома под ней была пропитана кровью...

– Их было трое, – сказал я. – Сам ярл и двое его хускарлов. Пока мы бились снаружи, защищая сначала стену, а потом вход в дом, этот гад ползучий просочился через малую дверь. А там – моя беременная жена и наша холопка. Ярл даже не думал, что она станет драться. Их было трое, все в отличной броне, с боевым оружием, а у Гудрун на поясе – легкий клинок, которым женщине не пробить добрую кольчугу. Но она – пробила.

– Она очень сильная, твоя жена.

– Да, она сильная, – согласился я, хотя имел в виду не совсем то, что Заря. Не «физику» – дух. Что же до физической силы, то тут сработала не сила, а техника. Выпад я ей поставил, а остротой и качеством ее меч ничуть не уступал моему Вдоводелу.

Но все равно бросаться с легким мечом на трех матерых викингов в полном облачении... Все равно что на танк с гранатой. На три танка...

– Ярлу она проткнула брюхо, а одному из его людей – горло. Третий вышиб у нее оружие, но ударить сам не успел. Его зарубила холопка.

Тихая Бетти, вот кому потребовалось едва ли не больше мужества, чем Гудрун. Рабам, даже мужчинам, не положено быть храбрыми. Храбрые рабы не выживают. Ни мужчины, ни женщины. Бетти захватили в плен, когда она была почти ребенком. Послушание и покорность...

Гудрун дорого заплатила за храбрость. Потеряла ребенка. Нашего сына. Первенца. Я не сказал ей, что это был сын. Сказал: была бы девочка. Солгал.

– А я с клинком не очень-то управляюсь, – пожаловалась Заря и потерлась щекой о мое плечо. Намек?

– Я научу, – пообещал я.

Взвизгнула восторженно прямо в ухо и принялась целовать...

Ну и понятно, что дальше. Нет, не зря здешние моряки стараются женщин с собой не брать. Чтоб не завидовали.

– А холопка эта, которая третьего нурмана убила, что с ней стало? – спросила Заря, когда схлынуло.

– По нашим законам, если раб сражался с оружием в руках вместе с хозяином, он получает свободу.

– По нашим – тоже. Но она ведь женщина, не мужчина.

Ну да. Свобода – это вроде хорошо, но для женщины в этом мире... Не факт.

– Моя жена попросила взять Бетти в наложницы, – сказал я. – Бетти сказала, что хочет этого, и я согласился.

– Мудро, – отметила Заря. – Если мужи спасают друг другу жизнь в битве, они могут стать побратимами. Это – похоже. Они теперь тоже родня, а их сыновья станут братьями.

– Я надеюсь.

– Я тоже хочу от тебя сына! – заявила Заря.

– А я хочу спать! – проворчал устроившийся в полутора метрах от нас Медвежонок. – Так что сделай мне добро, братец: займитесь моим племянником завтра!

Надо же! А он уже неплохо понимает по-словенски, этот берсерк, сын берсерка. Налицо явные лингвистические способности. Глядя на него, и не скажешь. Натуральная нурманская зверюга.

– Давай спать, Зарёнка, – сказал я. – Нам завтра понадобятся силы.

Как будто не в небо, а в воду глядел.

Глава 13. Ладога в осаде

Первое, что бросилось в глаза, – отсутствие «таможенной службы» на ладожском волокe.

И не я один это заметил. Медвежонок, стоявший у кормила, немедленно взял влево, прижимаясь к берегу.

– Нас ждут, – предположил Тъёдар.

Я пожал плечами. Нам сейчас так и так придется высаживаться. И мы, я полагаю, готовы к любому обороту событий.

Оба драккара, Ульфхамов и Труворов – где-то выше по течению. А это – главные силы Рюрика. Без варягов и скандинавов в драку со мной Рюрик точно не сунется. Равно как и Гостомысл. Даже если у них и осталось с полсотни воев, то это далеко не элита. Если мы не полезем в драку, они – тоже.

А мы не полезем. Нам надо всего лишь пройти мимо Ладоги. И дальше. Рюрик думает, что мы намерены возвратиться домой.

Мы и впрямь намерены. Но попозже. Ведь до конца лета еще далеко.

– Нам нужен еще один корабль, – заявил хозяйственный Свартхёвди на вчерашнем совете. – Добра будет много. «Змей» маловат, чтобы все увезти, а рук нам теперь хватает.

Пока что хватало и места, но у Медвежонок – обширные планы. Раз уж мы разосрались с Рюриком, то кто нам теперь мешает как следует повеселиться. Обобрать пару-тройку торговых судов, «поторговать» железом с прибрежными селениями. Опять-таки капище со златокоронным идолом, о котором я поведал брату, наверняка не единственное в здешних землях. Почему бы не пройтись по центрам здешних религиозных культов, как мы это сделали во Франции? Всего-то и нужно: правильно расспросить местных, а это викинги умеют.

В последнем я точно не сомневался. В умелых руках скандинавских шкуродеров даже невский гранит согласится сотрудничать.

Опаньки! А у нас тут, оказывается, драчка. Причем без нас. Как-то даже обидно.

– Весь это, – авторитетно сообщил Щандр, опередив Ануда. – Мы с них дань берем.

– Когда берем, а когда и нет, – недовольно возразил Ануд. – Когда их много, они дерзкие. Вот как сейчас. Только я думаю: это не наша весь. Наши бы так быстро не прибежали.

– А вообще много их, веси этой? – спросил Медвежонок.

– Как белок в лесу! – Щандр опять опередил Труворова племянника. – Держались бы вместе, большую силу взяли бы. Но у них каждый род сам за себя.

– Князь у них есть! – заспорил Ануд.

– Да ну! Какой это князь! – отмахнулся бойкий на язык Щандр. – Дружины нет, дани ему не платят. Только если война у них, тогда он командует, и доля ему побольше прочих положена.

Сдается мне, нынче как раз такой случай. Весей этих, вернее, весян, под стенами ладожского укрепления собралось сотни две. Войско и есть.

– А еще они сок березовый пьют, – сообщил варяжонок Егри. – Забористый! Выпьешь кувшин – и голова кругом!

Вот это особенно ценная информация.

– Бьются как? – вернул разговор в правильное русло я.

– Стрелы мечут, копьями, топорами бьют! – Щандр опять успел первым, хотя я обращался к Ануду. – А тебе зачем, вождь? Мы ж с ними драться не будем.

Я повернулся и поглядел на нахального отрока в упор. Тот, однако, ничуть не смутился, даже оживился:

– А что, будем? Ух-х!

Прилетело ему по шее не от меня – от Стюрмира. Молодец здоровяк! Ну просто мысли мои читает.

– Что думаешь, брат?

– Я думаю: вода стоит низко, – ответил Медвежонок. – Через пороги не пройдем, придется волоком. Хрёрек нам помешать не сможет. А эти... Не знаю. Могут и напасть.

– Ануд, как они стреляют? – спросил я.

– Метко. Но стрелы слабые. Добрый щит не пробьют. Хорошую бронь тоже.

Я еще раз поглядел на обнаглевших лесовиков. Наверняка пронюхали, что большая часть ладожского воинства – в отъезде. Хотя... Вспомнилось: кто-то говорил о том, что Водимир подзуживал окрестные племена отойти от Ладоги. Так что, может, это и не экспромт, а припоздавшие союзники побежденного князя. И, кстати, их здесь побольше двухсот. Две сотни – это только те, что крепость подпирают. Есть еще те, что сейчас обшаривают город. И вторым, я думаю, никто не помешает в нас пострелять, когда мы потащим драккар волоком. Полагаю, они вряд ли упустят такую возможность. Я этот народ знаю: если нурманы нападают, они бегут. А если не нападают, значит, опасаются. Значит, можно напасть самим. А что стрелы у них слабые, так это хорошо, когда мы в строю. А ногу или руку и охотничьей стрелой поразить нетрудно. Что мы недавно с успехом доказали.

Можно, правда, разделиться. Пусть молодежь тащит драккар мимо порогов, а мы прикроем. Нет, не получится. Слишком их много. Засыпят стрелами – кого-то обязательно достанут...

Значит, стоит сначала вломить.

Ладно, князь Рюрик! Будешь нам должен!

Я принял решение.

– Будем бить!

– Весь или ладожан? – уточнил Стюрмир.

– Весь, – вместо меня ответил Медвежонок. – Ладожане – за стенами, медвежья твоя башка! До них не дотянешься.

– Верно решил, хёвдинг, – прогудел Палица. – Бьем! Не то подумают: мы лесовиков испугались!

И – взрыв веселья в рядах моей старой гвардии.

– Пройдемся гребнем через городок, – сказал я, – а потом встанем строем и поглядим: полезут или побегут.

Дальше – просто.

Разбились на тройки (я взял Ануда и еще одного варяжонка по имени Ку-

ци) и беглым шагом – к городку. Это удобно, когда стен вокруг города нет, но есть заборы, которые мешают видеть, что творится в соседнем дворе.

Впереди Ануд со щитом и копьем. За ним – Куци с луком. Я – замыкающий.

В первом мы не обнаружили никого, если не считать мертвого пса. Ну, и разграбленных ларей-сундуков.

Во втором, соседнем, трое смердов деловито грузят телегу чужим барахлом. На нас глянули мельком. Сначала. Потом сообразили... Но – поздно.

Три смерда – три трупа. При этом двое даже вякнуть не успели. Третий попытался сбежать, но был остановлен стрелой в затылок.

Третий двор... Пусто. Четвертый...

Опа! Великая битва человека с козлом. Козел упирается. Не хочет покидать родной хлев. Патриот. Надо пособить.

Козел, поганец, не оценил. Попытался поддать рогами. Промахнулся и ретировался.

А кто это там орет по соседству? Блин! Я же велел соблюдать тишину!

Хлоп! На выходе со двора Ануд поймал стрелу. Щитом. Брошенное в ответ копье пригвоздило стрелка к очередному забору. Ануд копье выдернул, а Куци хозяйственно снял с корчащегося на земле всеянина туго набитый колчан и прицепил рядом со своим.

Следующий двор. Нас уже ждут. Сразу три стрелы. Все – в Ануда, но тот успел присесть и укрыться за щитом, так что одна царапнула по броне Куци, а вторая угодила в мой шлем. Слабоват лук у всеянина. А вот у Куци – в самый раз. Прямо в глаз.

Ануд рванул с места. Копье, опережая, ушло в соседнее окошко одновременно со встречной стрелой, которую я небрежно сбил Вдоводелом.

Выхваченным мечом Ануд рассек кожаные петли, на которых крепилась дверь, толчком вышиб ее внутрь, сбил щитом последнюю стрелу и зарубил стрелка.

А интересный дом! Богатый! Но – некогда.

Следующий двор... Пусто. Еще один... Тоже пусто. А дальше уже рыночная площадь, по которой, лавируя между скамей и лотков, улепетывает разрозненная толпа недавних грабителей. Только вряд ли у них получится.

Мы – не первые, кто закончил с зачисткой. Вихорек и еще пятеро варягов развлекаются стрельбой по движущимся мишеням. Тьёдар, Хавгрим и Скиди наблюдают. Причем не за беглецами, а за толпой всеян, обложивших крепость.

А там уже намечается некоторое шевеление. Заметили нас. Ну да так и ожидалось.

Ага! Еще семеро наших! И что-то не видно группы Медвежонка. Это беспокоит. Разница в уровнях его и всеян огромна. Но мало ли...

Ну вот. Наконец-то все в сборе.

– Вдоль реки прогулялись, – объяснил Свартхёвди причину задержки. – Эти на лодках пришли. Добро на них грузили.

Ну да. Где добыча, там и мой братец. Но успел он вовремя. Как раз когда часть скопившихся под крепостью лесовиков сменила вектор атаки и двинулась убивать нас.

Впрочем, мы начали их убивать раньше. Вернее, Бури начал. Прилетевшая откуда-то из-за наших спин стрела угодила в самую середку сборища (войском

это я назвать не рискну) противников.

Я оглянулся и увидел своего снайпера-стрелка, оседлавшего крышу дома, в котором мы недавно обитали. Ну да, кто еще способен метнуть стрелу на две сотни шагов.

Ага! Со стен крепости нас тоже вроде заметили. Узнали или нет? Расстояние приличное, метров триста.

Ну, коли так, то у них есть шанс ударить весянам в спину. Хотя нет, не получится. Примерно треть осаждающих никуда не двинулась. Блокируют вылазку, надо думать. Или сторожат, чтоб не разбежались.

А хорошо идут – для любителей. Кучно, щит к щиту. Щиты большие, немного суженные сверху и снизу. Считай, ростовые. Не спешат. Шаг, подшаг, пауза. Я по ритму вижу. Дистанция сто метров. Оп! В строю образуется дырка. Это Бури. В следующую секунду дырка закрывается, но за моей спиной за это время дважды спустили тетиву. Кошу глазом через плечо – Вихорек.

Я – в первой шеренге. Слева – Тьёдар, справа Хавур Младший Хакисон. Тьёдар выше меня на полголовы, а Хавуру я вообще по плечо. Тем не менее именно я – основная ударная сила, если что. Я буду бить, а они – прикрывать. В бою щит в щит небольшой рост может работать в плюс, если знать как. Я знаю.

– Стена! – рявкает, опередив меня, Медвежонок, и я поспешно приседаю, прикрываясь щитом, в который тут же начинают лупить стрелы.

Весь стреляет густо и неприцельно. Работает, по моим прикидкам, этак с полсотни лучников. На пятидесяти метрах простые луки вполне эффективны. Некоторые наконечники даже расщепляют основу щита. Сочный лязг. Это прямо в центр угодило, в умбон.

Стрельба прекращается.

И азартный рев двух сотен глоток. Врукопашную пошли, болезные.

Навстречу – волчий вой варяжской молодежи. Кое-кто из скандинавов тоже присоединяется.

Я молчу. Мой Волк еще свое слово скажет.

Весяне бегут. Вперед, в атаку. Бегут, орут... Подозреваю, что подбадривают сами себя. То, что нас мало, они видели издалека. А вот кто мы...

Похоже, лесное ополчение сообразило, с кем придется иметь дело. Шлемы-то у нас характерные. И щиты. И все остальное – под стать.

Когда дистанция между нами сокращается шагов до десяти и строй противника ощетиливается копьями, наша первая шеренга дружно мечет свои. Я вижу, как копьё Хавура пробивает щит и опрокидывает того, кто его держал. Следующий спотыкается и падает.

Зря они побежали. Держать строй на бегу они не умеют.

А вот мы – умеем. Дружный рывок вперед, грохот столкнувшихся щитов. Вопли убиваемых.

Прямо передо мной уже нет никого. Щиты весян валяются на земле. Под одним ворочается раненый, другой щит хозяин пытается поднять, но не успевает. Копьё Тьёдара колет его в шею, я наступаю на щит...

Орущий то ли от страха, то ли от ярости весянин мечет в меня копьё и выхватывает из-за пояса топорик. Копьё я сбиваю краем щита, топорик игнорирую. И правильно. Когда Вдоводел входит весянину в живот, топорик из его руки выпадает сам. Уколоть, провернуть, выдернуть. Убивать людей за эти годы я научился очень хорошо. Никаких чувств я не испытываю. Этот весянин –

никто. Бонд-охотник, который возомнил себя воином и напал на настоящего воина.

И умер.

Нет, участие моего Волка в этой битве не понадобится. И берсерочьего рева тоже не слышно. Лесные крысы решили, что могут напасть на волчью стаю, если их в десять раз больше. Ну-ну.

Пара минут – и крысы разбегаются, побросав оружие. Варяжский молодняк преследует их, многих догоняют и сшибают с ног. Варяги – они хорошо бегают. Ничуть не хуже северян и намного лучше этих. Самых шустрых и самых сообразительных, первыми кинувшихся наутек, догоняют стрелы.

Весь, оставшаяся у крепости, покидает боевой пост, чешет огородами к лесу.

И – наконец-то – ворота крепости открываются, и оттуда выскакивает подмога, копий тридцать – на лошадях!

Не лучшая идея, если учесть, что на их пути полно изгородей. Да и кто-то из весян сообразил, что пешим от конных удирать – не самое умное. Потому часть беглецов развернулась и встретила конницу стрелами.

Наступательный пыл ладожан тут же угас. Те, кто уцелел, поспешно развернули коней – и галопом обратно за стены.

А воспрявшие весяне передумали отступить и ринулись за ними.

В крепости замешкались, пропуская внутрь всадников, и не успели закрыть ворота, к которым опять подвалили весяне. В створе завязалась драка. С обеих сторон полетели стрелы...

Ударь мы сейчас в спину веси, это решило бы дело.

Но мы не ударили.

– Сдается мне, нет Хрёрека в крепости, – сказал Медвежонок.

Я кивнул. Наш бывший конунг – опытнейший военачальник. Дурацкая кавалерийская атака – не его стиль. Опять же косяк с воротами...

– А не взять ли нам эту крепость? – предложил Гуннар, алчно облизнувшись.

– Людей потеряем, – к моему удивлению, возразил Свартхёвди. – А нас мало. Да и зачем? Там на пристани наш кнорр стоит, тот, что мы Хрёреку продали. А на берегу – боярские склады целые, не разбитые. Там, небось, добра под стропила.

– Вряд ли ты найдешь серебро на речных складах! – возразил Гуннар, еще один специалист по освоению чужой собственности. – А в крепости оно точно есть! Там казна Водимирова!

– А на складах – меха! – привел контраргумент Медвежонок. – Это здесь они дешевы, а те же франки за них не то что серебром – золотом заплатят. Что скажешь, хёвдинг?

– На крепость не пойдем.

Не хочу я ладожан грабить. Как бы скверно ни обошелся с нами Рюрик, но ладожане – ни при чем. А вот пощипать здешних богатеев – самое то. Я еще не забыл, как от меня ладожские бояре носы воротили. Опять-таки мирно все обойдется, потому что мешать нам некому. Приказчиков всяких и прочих околоторговый люд весяне перебили, а настоящие хозяева складов сейчас немного заняты – с весью рубятся. Искренне надеюсь, что крепость они отстоят, но помогать им мы не станем. Мы им и так недурно пособили, перебив и

разогнав две трети осаждающих.

– Ты, Медвежонок, возьми наших и грузите добычу на кнорр, а я соберу дренгов и займусь «Змеем».

Надо драккар мимо порогов протащить. И стоит поторопиться, потому что мало ли...

Вдруг прямо сейчас сюда направляется очень недовольный Трувор. Или Ульфхам Треска со своими. Или Рюрик... Или еще кто-нибудь. В общем, надо работать, пока погода хорошая.

Глава 14. В которой хирд Ульфа повышает свое благосостояние

Вот что значит профессионалы. Даже такие, как наши варяжские новобранцы. Разбили почти десятикратно превосходящего противника – и ни одного серьезно раненного. Десяток царапин, сотня синяков... Которые могли бы обернуться серьезными ранениями, если бы я не распорядился максимально улучшить защиту молодежи.

Варяжата тоже довольны. Первый совместный бой – и такая убедительная победа. И такая замечательная добыча. Правда, взятое нами имущество когда-то принадлежало ладожанам, но добыча, взятая в бою, – это святое.

Среди наших новобранцев опять отличился Щандр. Доблестью и свирепостью. Так заявил Медвежонок. Мой братец, похоже, положил на парня глаз. В хорошем смысле этого слова. Ну, его дело. Лично мне этот боец малосимпатичен. Может, потому что чем-то похож на Лейфа Весельчака, предателя, укравшего мою жену и едва не отправившего меня в мир иной.

Я, однако, понимал, что это – личное. И старался не выказывать неприязнь.

Драккар мимо порогов мы протащили быстрее, чем ожидалось. Молодежь набрала порядка двух дюжин пленников, которые нам помогли. Охотно, потому что в обмен на добросовестный труд им пообещали жизнь. Не свободу, нет. За их свободу родне придется раскошелиться.

Ну, или еще кому-нибудь. Там видно будет.

Медвежонок тоже времени зря не терял. Трюмы кнорра набили кипами лучших мехов, бочками воска и меда и прочими местными ценностями, часть из которых уже была любезно приготовлена к отправке нашими «друзьями» весянами.

Ладожане нам не мешали. У них были нынче другие заботы. Драчка у крепостных ворот затянулась. К штурмующим примкнула часть тех, кто сумел удрать после недолгой битвы. Попробовав на собственной шкуре остроту наших мечей, весяне решили, что взять крепость проще, чем конфликтовать с нами.

Когда мы уходили, крепость держалась. Ну, Перун им в помощь, или кому они там еще поклоняются. А у нас теперь все хорошо. Два корабля, набитых почти под завязку, полноценный хирд, двадцать два крепких трэля для хозяйственных работ. За каждого на скандинавских рынках предложили бы не меньше двух марок серебром. Но я – не работороговец. Мы их отпустим. За выкуп. Моржовая кость по весу. Они сами предложили. А двоих весян я возьму в хирд. Двух братьев-погодков. Бури сказал, у них неплохие способности к стрелковому делу. Парни не против. Они только что видели, как мои бойцы поднимают благосостояние, примерили этот способ заработка на себя – и им понравилось. И если другие пленники глядели на нас буками, поскольку мы отправили в страну вечной охоты минимум полсотни их родичей, то эти –

нет. Братья были из другого племени. Их папа, проигравший в межплеменной борьбе, отдал их победителю как бы на воспитание, а по смыслу – просто заложниками. Так что в ораве, пришедшей пощипать Ладогу, их родовичей не имелось.

Кстати, моя первая мысль о том, что нашествие возбужденных весян вызвано инфой, что в Ладоге не осталось воинства, оказалась неверной. Племенное сборище – это не отряд быстрого реагирования. Зато вторая идея оказалась – в точку. Весяньское ополчение было ответом на политику Водимира. Простой податный народ пришел поддержать удачливого князя в его терках с неудачниками Гостомыслом и Рюриком. Однако госпожа Удача... Оказывается, она любит шутить не только со мной. Водимира она кинула, а вот весяням поднесла неожиданный подарочек: Ладогу, в которой не было ни Рюрика, ни Гостомысла, ни большинства их дружинников. Десятка два отроков и около сотни боярского и купеческого ополчения. Причем большая часть последних дала стрелача, едва на горизинте показалось весяньское воинство. У кого имелись плавсредства, рванули вниз по течению, остальные – в леса. И лишь немногие – под защиту укреплений.

Тут стоило задуматься, потому что у нас были все шансы наткнуться на беглецов из Ладоги. А это могло повлечь проблемы.

Ну, это я так думал. У моего побратима новость вызвала совсем другую реакцию – ухмылку до ушей. И старина Хавгрим тоже расплылся в характерной улыбочке викинга, предвкушающего поживу. Это ж и ежику понятно: когда небедные люди бегут из родного дома, то пихают в карманы самое ценное.

Собранный наскоро совет полноправных хускарлов полностью разделил позицию Медвежонка.

Я осторожненько вякнул, что у нас и так загрузка под край, а дорога домой длинная. Всякое может случиться...

От меня потребовали конкретики. Моей интуиции в хирде доверяли. Скажи я, что боги не велят грабить беглецов, меня бы, возможно, послушали. Или нет?.. В безграничном желании набивать сундуки моя команда единомышленна. И это не те люди, которые слепо выполняют приказы. В бою? Да. Без вопросов. Но на совете – вряд ли. А отдавать приказ, который не будет выполнен, – это прямая угроза авторитету.

В общем, если не можешь воспрепятствовать – возглавь.

– Берем только те суда, которые могут идти по морю! – решительно заявил я. – На мелочь тратить времени не будем.

– Мелочь и не возьмем, – пробасил Хавгрим. – Серебро, лучшие меха, оружие...

– Девки красивые! – влез Скиди.

– А может, и корабль какой годный попадет! – размечтался мой побратим.

– И все это сейчас от нас уплывает. – Я разбил вдребезги мечтательное настроение соратников.

Помогло. Закатали губищи обратно и забегали, как блохи по барбоске.

Полчаса – и на веслах уже по полной смене гребцов, на бывшем рабовладельческом судне – буксировочный трос к драккару. Чтоб без тормозов.

И еще пятеро весян нам в помощь. Рядовые необученные, но грести могут. И будут. С энтузиазмом. Перспектива будущих грабежей вытеснила предан-

ность роду и прошлые кровавые обиды. Но это пока что предварительный тест. Главный в бою будут сдавать.

Первые сбежавшие из Ладоги суденышки мы настигли ближе к вечеру. Мелочь. Плоские широкие корыта с надстроенными бортами. Четыре штуки. Сгрудились у берега. Ужин у них...

Был. Теперь – у нас.

Как увидели добры молодцы хищную морду «Северного Змея», заворачивающего от стрежня к берегу, так всей артелью дружно ломанули в леса.

Мы не преследовали.

Из товара тоже ничего не взяли. Не интересен. А вот ужин пригодился. И другие съестные припасы.

Поели – и на борт. Ануд заявил, что знает здешние воды достаточно хорошо, чтобы вести корабль и ночью. Не спеша, на двух парах весел, которые исключительно для управляемости, остальное река сделает.

Медвежонку идея понравилась, я был не против, тем более я уже знал, что здешними реками ходить можно и по ночам. Если их знать, понятное дело.

Первое приличное судно мы увидели через два дня.

Без «тормоза» в виде кнорра «Северный Змей» настиг дичь меньше чем за час.

Бой был недолгим. Если это можно назвать боем. Жиденский дождик стрел, большая часть которых до нас не долетела. Один выстрел Бури, пробивший плечо чужого кормчего, после чего убегающий кнорр начал забираться вправо. Подход к борту, свирепый рык Свартхёвди, крючья в борт...

И на палубе решили, что умереть с честью – это не их профиль.

Владелец груза, тот самый кормчий, которого подстрелил Бури, пытался протестовать, но его люди лояльности к чужой собственности не проявили. Мы – тоже.

Добыча оказалась неплохой. Самое интересное: бронзовая посуда восточной, насколько я понял, работы.

Бывший хозяин прикупил ее в Киеве (Киев! Как интересно!) и намеревался продать здесь, на Севере. А тут весь нагрязнула. И явно не с торговыми намерениями.

К огорчению Скиди, женщин в экипаже не было. Перспективных бойцов для хирда – тоже. Двоих мужиков поздоровше Медвежонок решил оставить. На рабском положении. Остальных – убить.

Но тут уж я воспротивился. Аргументировал: нехай живут и размножаются. На радость таким, как мы. Братец на смертоубийстве не настаивал. Пленных высадили на каменистый ладожский бережок и предоставили самим себе. На кнорр выделили команду из четырех варяжат под предводительством Гуннара Гагары и отправились дальше.

Порядок движения по Ладоге я определил такой: «Северный Змей» бодро уходит вперед и высматривает потенциальную добычу. Кнорры же идут не спеша, прикидываясь мирными купцами. Места встречи оговорили заранее. И все бы хорошо, но...

Глава 15. Внутренние проблемы

О том, что у меня в хирде намечается поединок, я узнал последним. От Медвежонок. Тот, впрочем, отнесся к грядущему бою философски. Слова сказаны. Чему быть, того не миновать. Однако он рекомендовал поединок «до первой крови», потому что Щандр – отличный парень и перспективный дренг, который в потенциале вполне способен стать настоящим викингом. Виги же вообще мой сын, а в бою всякое бывает.

– Я могу запретить поединок, – напомнил я.

– Можешь, – согласился Медвежонок. – Ты – хёвдинг. Но они все равно будут драться. Только уже без нас. Виги не отступит, а Щандр не захочет прослыть трусом. А еще он думает, что сможет побить Виги, так что зачем ему отступать?

– А он сможет? – поинтересовался я.

– Он хочет драться по обычаю островов.

Обычай этот был мне известен. Два противника вставали друг напротив друга и лупили друг друга по очереди. Сходить с места было нельзя, и потому в таком противостоянии побеждал самый здоровенный, ведь проигрывал тот, у которого кончались щиты, количество которых оговаривалось перед хольмгангом.

Щандр – здоровее, следовательно, ломать щиты ему проще.

– С чего бы это варягу драться по обычаю островов? – заметил я.

– Это его право, – пожал плечами Свартхёвди.

– А как насчет обычного боя? На кого бы ты поставил?

– На Виги, пожалуй, – подумав, ответил братец. – Он ведь наш родич и в бою неплох. Но Щандр силен и быстр. Из наших варягов он – лучший.

– Лучше Ануда?

– Да, – подтвердил Медвежонок.

– Почему же тогда Ануд – старший?

– Потому что ты так решил.

Вот как? А я-то думал, что Ануд – признанный лидер.

А почему я так решил? Потому что Ануд командовал отрядом, который был отправлен Трувором поучить уму-разуму дерзких туземцев?

Я утвердил его лидерство, потому что он первым присягнул мне. Хотя то, что за ним последовала только половина варяжского молодняка, – уже достаточный повод призадуматься.

Ладно. Разберемся. Но для начала неплохо бы выяснить, из-за чего весь сыр-бор.

Я задал этот вопрос Свартхёвди, но тот лишь пожал плечами. Для суровых скандинавов следствие намного важнее причины. У них даже убитая на огороде чужая свинья может стать поводом для кровной вражды, в которой погибнут десятки мужей, а ущерб, нанесенный в процессе разборок, тысячекратно превысит стоимость подкопавшейся под изгородь хрюшки.

– Виги! – гаркнул я.

Мой сын появился тотчас. Наверняка терся где-то поблизости.

– Выкладывай! – потребовал я.

– Я его убью!

Начало обнадеживает.

Пришлось напомнить:

– Он – твой брат по палубе, – произнес я по-словенски.

– Meinfretr![221]

Свартхёвди хрюкнул. Одобрительно. Ему позиция Вихорька понравилась. Мне – нет.

– Скажи, что случилось между вами, – потребовал я.

– Это не важно, – заявил Вихорек, глядя мимо меня.

По роже видно: ушел в глухую несознанку.

– Свободен!

С его будущим противником, варяжским добрым молодцем с пшеничной гривой и пятьдесят вторым размахом плеч, я беседовать не стал.

Щандр вроде бы мой человек с недавнего времени, однако Вихорек – мой сын, так что я в любом случае был бы на его стороне.

А Щандр мне еще и не нравился. Как я уже отмечал, парень слишком похож на Лейфа Весельчака, пусть ему, предателю, в Валхалле – или где он там оказался – ежедневно кишки выпускают.

Щандр – такой же красавчик-хитрован. И при этом притворяется таким рубахой-парнем.

А еще он активно и небезуспешно втирается в доверие к моим хольдам: Медвежонку и Хавгриму.

Будь у меня возможность Щандра выгнать, я бы так и сделал.

Но знать, что именно послужило причиной конфликта, я должен. Хотя бы для того, чтобы подобное не повторялось в будущем.

Оказалось, никакой тайны. Весь младший состав моего хирда был в курсе. И не только младший.

Понятно, почему Вихорек не пожелал колоться. Опасался, что я отниму у него право наказать Щандра. Ведь предметом, о который споткнулась гордость Виги Ульфсона, была честь его названного папы. Во всяком случае, он так решил.

– Все это овечьей требухи не стоит, – заявил Скиди, который, собственно, и ввел меня в курс дела. – Этот сказал, что позапрошлым летом поиграл в двухспинного зверя с твоей наложницей. Что был у нее первым и она ему не глянулась. Мол, холодна Заря, как снулая треска. – Скиди хмыкнул. – Скажи он это мне, я б нашел что ответить. Любому ясно, что дело тут не в кобыле, а в наезднике. Когда ты с ней милуешься, это слышит вся округа на полет стрелы. Но этот дренг целил не в тебя, а в Виги. И я не удивляюсь, что попал. И этот ловкач еще пожалеет, что не промахнулся.

– Поясни! – потребовал я.

– Сынок твой, хёвдинг, на твою наложницу глядит как пес на подвешенный к столбу окорок, – в очередной раз удивил меня Скиди. – Слюна аж до земли свисает. – И, увидев мое изумление: – Ты не знал?

Я покачал головой.

Нет, не знал. Хотя что это меняет? Да ничего.

– Ты сказал: Щандр пожалеет.

– Ага. Наш Виги, он обидчивый. Даже я не стал бы его так дразнить. А ведь я в танцах железа получше твоего сына, – Скиди самодовольно ухмыльнулся.

– Виги захочет его убить?

Это было поводом для беспокойства. Когда поединок «до первой крови», но один из участников намерен прикончить противника с первого удара, это да-

ет второму серьезное преимущество.

– Убить? Нет. Это вряд ли. Слишком просто.

– Ага, – охотно признала факт грехопадения Заря. – Щандр первым у меня был. Он шустрый. Ложку в котел первым сует. У них вся семья такая. Отцу моему он нравился.

– А что ж тогда старшим Ануда поставил, а не его?

– Ануд – родич, а у Щандра отец – пришлый. Пристал к нашим, когда те на юг ходили, Перуну поклонился и остался.

Вот как. Пришлый, значит. Может, вроде меня?

Оказалось, нет. Местный уроженец. Был. Море забрало.

– Был бы Щандр природным варягом, уже в гриднях ходил бы. С оружием хорош, умом небеден, – «порадовала» меня подруга.

Вопрос: почему такой продвинутый парень перешел ко мне? Надеялся, что сделать карьеру у меня ему будет легче, чем в варяжской дружине? А чтобы себя показать, не придумал ничего лучше, чем задраться моим сыном? И как такое поведение согласуется с определением «умом не беден»?

Хотя мнение Зари – тоже не истина в последней инстанции.

– А я б его в учение взял, – сказал мне Хавгрим. – Сдается мне, Одину этот варяг по нраву придется.

– А он хочет?

– А с чего бы я тогда об этом говорил? – Палица даже удивился. – Сам, что ли, не видишь, как он нас с Медвежонок улещивает?

– Ты ему доверяешь?

– Ха! Весло – да, спину – нет. Слабоват еще.

Не понял он вопроса.

– Что думаешь по его поединку с Виги?

– Молодым надо. Пусть позвенят.

Вот странно. Почему ни он, ни Медвежонок не обеспокоены? Они же не на кулачках биться будут. И убивать оба умеют лучше, чем я в их возрасте – в компьютерные игрушки играть.

Или это все скандинавский фатализм: кому-то франков грабить, кому-то – в Валхалле пировать.

Но у меня другой взгляд на вещи. И другие задачи. Первая: лишить Щандра преимуществ, какие дает физическая сила, например. Вторая: раз и навсегда закрыть для своих бойцов подобный способ выяснения отношений. И сдается мне, я знаю, как это сделать.

Глава 16. Цена слова

– Вы все неплохо потрудились, – сообщил я собравшемуся на полянке хирду. Только основному составу. Свеженабранные весяне – отдельной кучкой. У них пока нет ни места в общем строю, ни права на долю в добыче. Еще отдельнее – трэли. Рабов-весаен осталось всего десять. Остальные были зачислены кандидатами в мой хирд. Десять весяен и двое – из последней добычи.

– Да, неплохо. Теперь наша стена щитов уже чуть больше похожа на стену щитов, а не на забор вокруг избы вдовой бабы, а я почти верю, что вы сумеете взмахнуть мечом так, чтобы не отрубить ухо соседу. Опять-таки, каждый из

вас стал немного побогаче. А почему? – Я обвел взглядом строй молодежи. – Почему еще недавно у вас не было ни доброй брони, ни серебра в кошельках? Вспомните, какими вы были до того, как взошли на палубу «Северного Змея»? Ну а теперь поглядите друг на друга! Что видите? Да то же, что и я! Вы наконец-то стали похожи на воинов! Я скажу вам почему! Потому что вы наконец-то узнали главное мужское волшебство героев Севера. Хотите узнать, каково оно? Тогда смотрите сюда! – Я вытянул из ножен Вдоводел и поднял над головой. – Хотите узнать главную тайну викингов? Настоящее волшебство пахарей пенного моря?

Конечно, они хотели. Еще бы!

Боковым зрением я поймал улыбочку Тьёдара Певца. Ну да, это его школа. Молодым убийцам нравятся красивые слова. Все, что превращает мерзкое и отвратное действие под названием «война» в нечто героическое. Валхалла, валькирии, пляска сильных... И вывалившиеся из разрубленного живота кишки от героических слов вроде воняют меньше.

– Вот оно, вы видите? – Я помахал Вдоводелом над головой. – Вот оно, наше главное волшебство! То, что властно над любой вещью! То, что я сейчас вам скажу, и есть главная тайна нас, викингов, людей Севера! – Я сделал еще одну паузу.

На полянке – идеальная тишина. Кое-кто даже дышать перестал. Надо думать, аудитория готова внимать высшей истине:

– Наши мечи, – сообщил я, – это не просто железо! Это особенное железо! И не потому, что способно убивать! Они это могут, наши мечи, но главное – не это! Главное в том, что именно они делают чужое – нашим! Не серебро, не золото, а оно, наше железо, вот то, чем мы платим за все! Вот поэтому весь мир принадлежит нам! Мы приходим и берем все, что пожелаем. Потому что пока в наших руках есть это... – Я взмахнул мечом, – все, что было чужим, становится нашим! Любая вещь, любой человек, женщина, мужчина – все это становится нашим! Потому что мы, – я мотнул головой в сторону моих ветеранов, – воины Севера! И вы теперь – тоже воины Севера! Так?

– Так!!! – дружно рявкнули бойцы.

Понравилась им моя речь. Рожи у всех повеселели. У ветеранов, кстати, тоже. Тьёдар глазки характерно скосил. Не иначе новую драпу сочиняет.

А теперь пора переходить к главному.

– Виги! Щандр! Ко мне!

Вышли. Вихорек мрачен и сосредоточен. Щандр лыбится.

– Что так развеселило? – интересуюсь я у него.

– А люблю я железом поиграть! – заявляет он дерзко.

Справа – одобрительное ворчание Свартхёвди.

Ну-ну. Значит, на публику играем.

Но я – не Медвежонок. Я эти дешевые понты не одобряю.

– Выходит, ты уже знаешь, что сейчас будет? – интересуюсь я.

– Ага!

– Может, ты и мысли мои знаешь? – осведомляюсь я ласково.

– А чего тут знать! – заявляет нахал. – Хольмганг у нас будет!

Парень, похоже, совсем берега потерял. Теперь даже Медвежонок нахмурился. Поперед батьки, то есть хёвдинга, делать такие объявления – это грубое нарушение субординации.

– Выходит, ты знаешь, что такое хольмганг, – резюмирую я. – Это хорошо. А что еще скажешь?

Нет, это не Лейф. Весельчак бы уже давно почувал мое недовольство, а этот – как глухарь на току.

– Хольмганг по-островному хочу.

Кто ж тебя, парень, просветил? Хотя мне уже ясно, кто. Вон они, братец мой названный и его партнер по берсеркерству. Но вот фиг тебе с маком, вьюнош, а не золотую рыбку. Тоже, блин, островитянин нашелся.

– Значит, по-островному? Выходит, ты у нас теперь дан, Щандр. А может, вестфолдинг? И кому ты теперь кланяешься: Одину, Тору... А, может, красному Локи?

Растерялся.

Но – ненадолго.

– Ты сам сказал, хёвдинг, мы теперь – воины Севера!

Не-е, парень. Не выйдет. Я в эти игры подольше играю.

– Так и есть. Но это не делает тебя даном. Ну разве что он, – кивок на Ви-хорька, – захочет тебя усыновить. Ты меня удивил, отрок. Сильно удивил... – Я выдал драматическую паузу. – Не знал, что тебе зазорно быть варягом.

– Да он же пришлый! – бросил кто-то из молодежи.

Остальные оживились. Но совсем не так, как при его заявлении о любви к поединкам.

Вот так, парень. Только что ты был одним из них, причем явным кандидатом в лидеры. А теперь – пришлый. Чужак. Даже хуже: предатель.

– Я – варяг! – поспешно воскликнул Щандр.

Уже лучше.

– Уже лучше, – похвалил я. – Рад, что ты не отрекся от варяжского братства, потому что варяги мне по сердцу. И поэтому из уважения ко всем славным варягам я объявляю, что хольмганг у вас будет по варяжскому обычаю. Виги, что скажешь?

– Мне все равно, – ответил мой названный сын.

Точно. Убивать будет.

– Щандр?

– По-варяжски? Ну я не знаю... – пробормотал Щандр.

И потерял сразу несколько очков рейтинга.

Даже Медвежонок разочарованно хрюкнул.

– Я не боюсь! – поспешно заявил Щандр. – Просто хочу знать...

– Узнаешь, – перебил я. – Хольмганг у вас будет чистым.

– Это как, хёвдинг? – спросил кто-то из молодежи.

– Это значит, свободным от мести и верегельда, – пояснил я. – Иначе если так случится, что он, – я показал на Щандра, – победит, то ему придется биться со Свартхёвди Сваресоном. А если он победит и Свартхёвди... – Я сделал паузу, чтобы дать народу повеселиться, – то со мной. Итак, поединок чистый! А биться будете до тех пор, пока один из вас не признает поражение или будет не в состоянии сражаться!

Варяжата не удивились. Им этот формат был знаком по нашему с Трувором поединку.

А вот кто-то из ветеранов присвистнул.

Мои хирдманы ожидали, что я скажу: до первой крови. В общем, судя по

Щандру, он так и намеревался: до первой крови.

А вот Вихорек – нет. А отдавать преимущество его противнику я не хочу.

– До поражения! – повторил я. – А если кто-то из вас будет искалечен или умрет, то это будет неплохим уроком для всех, кто тоже пожелает оскорбить или вызвать на бой брата по палубе! Сын! Возьми! – я протянул Вихорьку Вдоводел. – Кто-нибудь, дайте Щандру второй клинок!

Оба кивнули.

– Круг! – скомандовал Хавгрим, взявший на себя роль судьи.

Хирдманы разошлись, освобождая место на полянке.

Удачный сегодня день. Пасмурный. Значит, солнце никого слепить не будет.

– Бой!

Щандр напал первым, и мне сразу стало понятно, что в отроках он засиделся. Он был хорош, знал это и ничуть не сомневался ни в собственной силе, ни в исходе боя.

С силой – да. Тут он не ошибался. И по скорости, пожалуй, он тоже превосходил Виги. На первый взгляд. Но я видел, что Вихорек попросту не спешит. Ему – не надо. Потому что он – лучше.

Ничто из вложенного мной и Медвежонком не пропало даром. Каждое движение выверено и отточено. Каждый уход – ровно настолько, насколько нужно; каждый отбив – ровно с той силой, которой достаточно.

Щандр был обескуражен. С полминуты он осыпал Вихорька ударами – и ничего. В начале боя он был уверен в собственном превосходстве. Я понимал, откуда такая самонадеянность.

Вихорек выглядит сущим мальчишкой. Губастое недоразумение с белесым пушком на верхней губе, веснушками на носу и наивными синими глазами. Но это лишь видимость. Щандр – не первый, кто повелся на эту обманку. Он решил, что Вихорек вполне подходит для того, чтобы самоутвердиться. Щандр никогда не видел моего сына в индивидуальной работе, только в общем строю. В строю же Виги был неплох. Но не более.

А вот в поединке...

Биться двумя клинками – особое искусство. И Щандр в нем тоже был хорош. Но не безупречен.

Оп! Первая кровь. И взял ее Вихорек, самым кончиком Вдоводела оцарапавший шею Щандра. Чуть-чуть не дотянулся.

Медвежонок вздохнул, покосился на меня...

Бились бы до первой крови, тут бы все и закончилось. А еще Свартхёвди уже заметил, что для Вихорька это не соревнование, как для Щандра, а настоящий бой, в котором не побеждают, а убивают. И это моего братца не порадовало.

Щандр тоже допер, чем пахнет, и разом поменял манеру боя: с напористой и дерзкой на взвешенно-скрытную.

Поздно. Вихорек уже успел увидеть и оценить его возможности. Как говорится, взвешено, исчислено и сочтено легким. Ну не то чтобы легким, но вполне посильным, потому что обоерукость Щандра была далека от совершенства. Левый клинок временами запаздывал, а временами работал синхронно с правым, что в подобной технике – серьезный прокол. Смертельный.

Слева Вихорек его и поймал – уколом снизу на отходе. Наверняка просчи-

тал заранее. Нет, в этом парне ничего не осталось от того монастырского пастушка, которого я встретил. Мы с Медвежонком можем гордиться.

И Скиди, к сожалению, был прав, когда сказал, что убить Щандра было бы для Вихорька слишком просто.

Узкое жало Вдоводела вошло молодому варягу под нижнюю челюсть. Снизу вверх. Взрезав ремень шлема и упершись острием в небо. Оба противника застыли. Наступила тишина. Даже Хавгрим растерялся.

– Думаю, теперь его поганый язык перестанет болтать, – на языке данов произнес Вихорек. Резким движением провернул меч в ране, выдернул его и шагнул назад.

Кровь хлынула потоком. Щандр в последний раз махнул мечом (Вихорек небрежно парировал удар) и рухнул на траву.

Я поглядел на отца Бернара. Тот покачал головой. Не спасти.

Что ж, я ожидал чего-то такого... Не понимаю: почему так погано на душе?

Глава 17. Смена цели

Меня заботило: как отреагируют варяжата на смерть Щандра? Не затаят ли зла на моего сына?

Оказалось – наоборот. Еще больше зауважали. Мне казалось: Щандра в обществе варяжских отроков жаловали... Выясилось – не очень.

– С ним дружить трудно было, – поведала мне Заренка после того, как в очередной раз доказала, что прыгающий через перекаты лосось куда ближе ей по темпераменту, чем та снулая треска, о которой говорил покойник. – Он из тех был, кто ничем делиться не хочет: ни добычей, ни славой. Не думай о нем. А вот сын у тебя хорош! – похвалила Заря. – Если боги не заберут его к себе, будет вождем, как и ты.

В общем, победа, которая лишила мой хирд перспективного бойца, принесла и полезные фрукты. Вихорек стал кем-то вроде старшего у варяжат. Они сами так решили. Все, включая Ануда, который, собственно, это и предложил.

Я предложение одобрил. Свартхёвди поддержал. Некоторое сомнение выразил Бури. Мол, обучение Виги-стрелка еще далеко не завершено.

– А кто сказал, что оно завершено? – возразил я. – Ты учишь его, он учит варягов.

Бури поглядел на меня с укоризной, покачал головой:

– Ты, вождь, каждый день меня удивляешь. То мудростью глубокой, то дремучим невежеством. Ладно. Выберу из них кого поспособнее и буду учить всех разом. Вместе с новичками-весеянами.

Вот это уже дело! Да еще какое! Если у меня в хирде будет два десятка стрелков хотя бы половинного от наставникова уровня, мы тут всех порвем. И там – тоже. Везде. Я еще не забыл, какими эффективными лучниками были мои погибшие англичане и Юсуф.

В ближнем бою у брошенного копья есть определенные преимущества перед стрелой. Вернее, у такого метателя копий, как, скажем, Стюрмир, есть преимущества перед таким стрелком, как я. Но окажись лук в более умелых руках – и картинка поменяется кардинально. А может, и нет. Копье, в отличие от стрелы, не боится ни дождя, ни морских брызг. И инерция у копья существенно больше. А вот дальность...

Противостоять одним только стрелкам – можно. Плотный строй тяжелой

пехоты стрелами не разбить. Плотный строй фактически держит все. Копейщиков. Стрелков. Берсерков. Конницу... А вот как насчет одновременной атаки берсерков и стрелков? Блин! Какой выигрышной может оказаться такая тактика!

– Нужны будут хорошие луки, – проворчал Бури. – Вашими, северными, не стрелы метать, а по головам друг друга лупить.

– Сделаем... Вернее, купим, – поправился я, поймав очередной удивленный взгляд Бури.

Я воодушевился. Небольшой качественный хирд – это моя мечта. Не больше сотни профессионалов с отдельными функциями. Каждый – на своем месте. Причем большая часть – универсалы. Так, чтобы и из лука стрелять, и строй держать.

Я понимал: дело это небыстрое. Нужны тренировки. По владению оружием, по слаживанию...

Вопрос: где всем этим заняться?

Хотелось бы поближе к Сёлунду. Я соскучился по своим, да и остальные даны тоже. Но сам Сёлунд отпадает. Во-первых, я все еще опасаясь везти туда Зарю, во-вторых, там Рагнар с сыновьями. А ну как кто-то проболтается, что видел Хрёрека? Наши с ним терки – они наши. И подключать к ним Рагнара у меня нет ни малейшего желания. Кроме того – мой долг перед Иваром. Если я окажусь слишком близко, придется опять встать под знамя Ворона. Не то чтобы я был категорически против, но, полагаю, это несколько преждевременно.

Но это я так полагал. У моих главных советников было другое мнение.

– Надо возвращаться, – заявил Свартхёвди. – Добычи хватает, а по дороге, глядишь, еще что-нибудь возьмем.

– Или нас возьмут, – с истинно скандинавским фатализмом подхватил Хавгрим Палица, любовно поглаживая древко копья.

– Рано домой! – возразил Скиди. – До осени далеко, и мы еще не сходили на капище, о котором говорил хёвдинг. – Пограбим местных богов, как это было во Франкии!

– А я знаете что думаю: хорошая здесь земля, – подал вдруг реплику Гуннар Гагара.

– Земля как земля, – проворчал Свартхёвди. – Сёлунд лучше.

– В Сёлунде – Рагнар...

– К чему ты клонишь, норег? – нахмурился Медвежонок.

– К тому, что там Рагнар. Против него таким, как мы, не потянуть. А здесь кто? Хрёрек, Водимир, Гостомысл? Подумайте, братья, как они живут? С чего?

– С дани, – мгновенно ответил Медвежонок. – Что тут думать?

– С дани, да, – согласился Гуннар. – Дань – это хорошо. Но за ней ходить надо. А в здешних лесах данникам потеряться проще, чем блохе – в собачьей шерсти. А вот тем, кто по здешним рекам ходит, деться некуда. Смекаете, о чем я?

– Грабить всех! – радостно сообщил Палица.

– Если всех грабить, никто ходить не будет, – Свартхёвди наконец сообразил, к чему ведет Тьёдар. – А вот если взять немного...

Дошло до всех. Заухмылялись, черти бородатые и безбородые.

Похоже, планы переменились. На Сёлунд мои brave хирдманы больше не

торопятся.

– Всего-то и дел: поставить крепость малую да пару кораблей при ней, – подлил масла Гуннар. – И хёвдинг наш сразу конунгом станет. А мы при нем – ярлами!

Даны немедленно развеселились.

– Норег – он и есть норег! – воскликнул Палица. – Взобрался на горку, крикнул: «Я здесь конунг!» Глядь – у трех сараев и одного свинарника свой конунг образовался!

– А у вас что, не так? – возмутился Гуннар. – По закону так! Любой может на гору взойти и себя конунгом объявить! А кто не согласен...

– ...Тот будет три месяца по фьордам шариться и конунга твоего искать, чтобы с навозной кучи его спихнуть и самому залезть! – перебил Палица.

– ...И это если узнает, что где-то там, между двумя тюленьими лежбищами, новый конунг родился! – подхватил Медвежонок.

Гуннар насупился было, но потом не выдержал и захохотал первым. Потому что так оно и было у них, на северном севере. Хотя если Хальфдану Черному никто в ближайшее время башку не снесет, то вольница эта может и закончиться. А вот здесь, на территории будущей Руси, похоже, дележка пирога только начинается. И в конце концов, почему бы и нет? Почему бы гражданину России Николаю Переляку не стать ярлом там, где он когда-то, вернее, когда-нибудь родится? Интересно, что скажет по этому поводу моя Удача?

А мои хирдманы тем временем уже все решили.

– Корабля и одного хватит, – деловито вещал Медвежонок. – Нам же не в вик ходить. Без запасов на «Северного Змея» до сотни хирдманов посадить можно. А кто делиться не захочет...

– Вот ты молодец, Гагара! – радовался Палица. – Это проще, чем овцу остричь!

– Надо место найти правильное, – заявил Медвежонок. – Такое, чтоб не обойти.

Все задумались. О том, чтобы поскорее возвращаться домой, уже и речи не было. Новая идея овладела алчными викингскими массами.

Понятно, что не Ладога и не Нева. Слишком просторно. Волхов-Ольховая? Но его уже стережет Ладога. Насколько я помню, хорошее место: озеро Ильмень у истока Волхова. Я, помнится, еще удивлялся, что Водимир не поставил там свой новый город. Хотя Водимиру было попроще. Он-то мог контролировать все озеро Ильмень.

В общем, я тоже «за». В смысле, за идею. А вот конкретика будет другая. Гуннар – норег, и мыслит он именно как норег. То есть как разбойник. И потому вчистую проигрывает Рюрику с Гостомыслом, которые если отщипнут немного с купцов, то тут же компенсируют эту дань возможностью обойти пороги, пополнить припасы, а может, и расторговаться прямо тут – и отправиться в обратный путь вполне довольными полученной прибылью.

И такой подход мне действительно нравится. Более того, я даже знаю подходящее место, которое можно было бы занять. Замковый остров, на котором через несколько веков воздвигнут Выборгский замок.

В прежней жизни я бывал там частенько и даже помнил о том, что когда-то именно здесь выходил в Финский залив один из рукавов реки Вуоксы, впадавшей остальными своими рукавами в Ладожское озеро.

Позже этот рукав пересох то ли из-за поднятия Карельского перешейка, то ли наоборот: из-за того, что кто-то там что-то лишнее прокопал.

Однако мне кажется, это «позже» еще не наступило и наступит не так уж скоро. А следовательно, сейчас Вуокса вполне может стать (если уже не стала) альтернативным по отношению к Неве путем из Балтики в Ладогу. Да и окрестные карелы – неплохой источник доходов, если к ним правильно подойти. Это плюс. А минус – место это может быть уже освоено, например, свями, которые в конце тринадцатого века, насколько я помню, и возведут столь знаменитый среди моих друзей Выборгский замок.

– Есть одно место... – загадочно проговорил я. – Здесь, неподалеку...

Вопрос о том, хватит ли моей удачи на обретение ярлства, я пока трогать не стал. Будет еще время над ним поразмыслить и поискать логику в хаотическом переплетении вероятностей.

* * *

Ну, с «неподалеку» это я немного загнул. Я помнил, что от Питера до Выборга где-то полторы сотни километров, если на машине. По морю, вероятно, больше, но я полагал, что за пару дней мы дойдем, если погода позволит.

Правда, сначала надо добраться до устья Невы. Нет, конечно, можно рискнуть и срезать от Ладожского озера по Вуоксе. Ну, это если знать, где эта Вуокса впадает в Ладогу. И не запутаться потом в озерном краю, который, надо полагать, за тысячу лет изменился весьма значительно. Впрочем, лично для меня это было непринципиально, потому что я этих мест по-любому не знал, Вуоксу же помнил только в контексте Лосевских байдарочных соревнований, в которых когда-то участвовала одна из моих подружек. Даже для поиска устья реки на обширном ладожском побережье этих знаний было маловато.

Варяжская молодежь об альтернативном пути в Ладожское озеро что-то такое слышала, но без деталей. И один из весян тоже что-то такое слышал...

Однако несмотря на то, что здесь именно слухи выполняли роль «Путеводителей по...», опереться именно на них я не рискнул и решил двинуть сначала вниз по Неве, а уже потом будущим Финским заливом – к будущему Выборгу. И это, надо отметить, было очень удачным решением, потому что вздумай я искать устье Вуоксы на Ладоге, то мог бы этим заниматься вплоть до старости. Невозможно найти то, чего нет.

По пути к Балтике мы обобрали еще один кораблик. Ливский. Шел на встречу с грузом металлоизделий. Само судно забирать не стали. Тихоходное. Да и людей у нас маловато для четырех кораблей. Так что в море мы вышли с теми же тремя парусами, что и раньше.

Месторасположение Выборга я знал весьма примерно. На уровне: сначала на запад, потом на север. Учитывая изрезанность побережья, обилие островов, шхер и прочего, проскочить мимо Выборгского залива было легко. Неплохо было бы иметь кормчего, знающего здешние берега. Ольбарда, к примеру. Но увы.

Свартхёвди, впрочем, заявил, что запросто доведет нашу флотилию хоть до столицы свейского конунга.

Хотелось бы верить.

Что ж, во всяком случае до будущего Финского залива мы доберемся без проблем. Нынешняя Нева – идеальна для наших корабликов. Воды в ней даже побольше, чем в будущем, а мостов не наблюдается. Так что на этой части пу-

ти проблем не вижу.

Их и не было. Скорость у нас теперь была умеренная, так что мы перестали обгонять «попутки», а встречные суда старались держаться от нашей флотилии подальше: реагировали на драконий нос «Северного Змея» и агрессивную раскраску паруса. Мы же за ними не гонялись. Новые «призы» нам ни к чему. Людей еле-еле хватало на уже имеющиеся три корабля.

Командовать кноррами я поставил Гуннара и Стюрмира. Дал каждому по тройке варяжат и пятерке освобожденных лесовиков. Ну и по пятерке трэлей. К веслам их сажать не положено, но работы и без гребли хватит. Кое-кто из трэлей-пленников тоже просился в команду, но получил отказ. Причем не по физухе (с этим все в порядке было, иначе бы их на продажу не отобрали), а из-за интеллектуально-психологической непригодности. Два таких остолопа из Стюрмировой команды ухитрились утопить якорь. Вопрос, понятно, решили, временно заменив штатную снасть пятипудовым слитком сырого железа. Но сам факт...

На «Северном Змее» осталась моя базовая команда, Медвежонок, Палица, Тъёдар, Скиди, Вихорек, отец Бернар, Бури и Хавур. Плюс семеро варяжат, включая Ануда, и, конечно, Заря. Шестнадцать бойцов, если франка и Зарю считать за одну единицу. И двое пленников-словен с захваченного кнорра, Дутыш и Онька. Молодые, не старше семнадцати, но при этом – выше меня на голову и на три размера шире в плечах. Свартхёвди не сомневался, что за каждого дадут минимум три марки серебром. А я вот был в этом не уверен, потому что, присмотревшись, решил, что если парней поднатаскать, то из них и приличных бойцов можно вырастить, если у них все в порядке с мозгами и храбростью.

Ну, жизнь покажет, кто есть кто.

И жизнь показала. К моему великому сожалению.

Глава 18. Бьёрн, сын Асбьёрна. Неравный бой

Нас подловили где-то в районе будущего Приморска. То есть, что это Приморск, а не Выборг, я сообразил потом. Разбирайся я в географии получше, взял бы мористее, обошел острова по внешней стороне, а не поперся бы в пролив.

Собственно, Медвежонок так и предлагал: не соваться, а обойти со стороны моря. Но я помнил, насколько изрезано здесь побережье, и опасался проскочить мимо цели.

Мы вошли в пролив и угодили, как кур в ощи́п.

Два примерно одинаковых драккара по четырнадцать румов. И на каждом – человек по шестьдесят где-то. Многовато для дальнего плавания.

Надо думать, либо у них раньше было больше кораблей, либо где-то здесь, на берегу, имеется база.

Но нам без разницы, почему их так много. Если дойдет до драки, нам, скорее всего, кирдык. Больше сотни матерых бойцов – против моих трех десятков, из которых половине до настоящих хускарлов еще расти и расти.

Правда, во второй половине имеются такие козыри, как снайпер Бури и два берсерка. Ну и нас с Белым Волком тоже нельзя сбрасывать со счетов. Кабы свейский драккар был один, мы б еще пободались. Но против двух...

Как только я их увидел, мне сразу очень остро захотелось разойтись миром. А еще лучше – оказаться милях в тридцати отсюда.

Но второе было из области розовых мечтаний, а первое – маловероятно. У нас три корабля, у них – два. Но мы сразу оказались настолько близко, что даже малосведущему в морском деле было очевидно не только, какого класса наши корабли, но и насколько малочисленны их команды.

Будь у меня побольше времени, я бы бросил кнорры, посадил всех на румы «Северного Змея» и дал деру. В мореходных качествах моего двенадцатирумового кораблика я не сомневался. Мы и от двадцатирумовых уходили, не вопрос.

Но пока я буду забирать команды с кнорров, потенциальный противник уже раза два успеет взять нас на абордаж.

В общем, ситуация такова, что даже моей так и не просчитанной, но немелено крутой удаче делать, похоже, нечего.

– Обедать будем в Валхалле! – уверенно заявил Хавгрим Палица.

Ему было нетрудно поставить себя на место лидера-соперника. И он точно знал, как бы поступил. Ни один викинг не станет платить серебром, если можно заплатить железом.

А это как раз наш случай. Вернее, не наш, а их.

Бросить команды кнорров я не мог. Это даже не обсуждалось. Никто и не предлагал. Утром – в Мидгарде, завтра – в Асграде. По этому принципу жила моя команда. Во всяком случае та ее часть, что имела право голоса.

Варяжат жаль. И не пожил толком. И Зарю.

– Бури, позаботься, если что, – произнес я негромко, кивнув в сторону дочери Трувора.

Бури понял.

Все, что я могу сделать для девочки, – подарить ей легкую смерть. Не дай ей бог оказаться добычей победителей.

Я оглядел свое малочисленное воинство. Ага, почти все уже надели брони и распределились по местам. Бури, Вихорек и Заря набивают колчаны стрелами. Тьёдар что-то бормочет. Видать, Муза посетила перед смертью. Варяжата тоже в порядке. Облачились и заняли места на румах согласно штатному расписанию.

Медвежонок передал кормило Скиди и идет ко мне, на нос. Хочет быть поближе на случай переговоров. Если они будут.

Сразу убивать нас не стали. Неизвестные корабли четко сманеврировали: один – к нам, другой взял правее, отсекая приотставшие кнорры от острова.

Белый щит на мачту они не подняли, но и сразу швыряться копьями тоже не начали. На борт недружественного драккара вскарабкался мужик в богатом военном прикиде, с золотыми браслетами на лапах и завопил так, что с пяток кружившихся над его драккаром чаек на всякий случай скинули гуано. На крикуна, к сожалению, не попало.

– Я – Бьёрн-ярл, сын Асбьёрна-ярла из Эйдаскога, прозванный Красным Копьем! – заорал свей, размахивая оружием. Этим самым Красным Копьем, надо полагать. Судя по цвету древка.

Красава мужик. По здешним меркам. Росточком с «малыша» Стюрмира, борода лопатой, нос на сторону. Рожа... Надо думать, мужик кому-то сильно не

понравился: нехило так по ней приложили тяжелым предметом.

Ярл... Ну да, конечно. Мог бы и секонунгом себя назвать. Целых два боевых корабля как-никак.

Я покосился на Свартхёвди.

– Свей, – пробормотал мой братец. – Я его не знаю. Слышал, конунг у них был. Тоже Бьёрном звали. Но это не он.

Пошутил, надо полагать.

Бьёрнов, то бишь, медведей в Скандинавии больше, чем в моей России Петров. И простых Бьёрнов, и с добавкой Ас, что в отличие от английского обозначает не задницу, а некую связь с местным пантеоном.

Надо и мне представиться. По правилам хорошего тона.

– Ульф Свити, сын Вогена с Сёлунда! – заорал я в ответ. Было искушение представиться человеком Ивара Рагнарсона, но смысла в этом было немного. Этот Медвед, сын Медведа наверняка знает, кто такой Ивар (сыновей Рагнара все знают), и, дойди у нас до заварухи, свей очень постарается, чтобы не осталось никого, способного донести до Рагнарсона весть о неравном бое у берегов Гардарики. А так в случае поражения кое-кто из моих может рассчитывать на жизнь. А что Сёлунд, так что с того? Да, Сёлунд – главная база Рагнара Лотброка. Но людей там много. Не за каждого положено мстить.

Ладно. Мне не впервой драться в соотношении один к трем. И я еще не забыл, чем это кончается, если с той стороны – природные скандинавы. Хреново кончается, вот что.

– Вижу я, Ульф Вогенсон, что кораблей у тебя много, а людей мало! – донес до меня очевидное свейский ярл. – Тяжеловато вам приходится. Но я готов помочь. Оставь себе тот кнорр, что сработан ливами, а на драккар и второй кнорр я, так уж и быть, поставлю своих людей. И каждый пойдет своей дорогой.

– Врет, – уверенно заявил Медвежонок.

– Зачем тебе корабли, Бьёрн? Чтобы ты их тоже утопил?

Этакая прорва народу на двух кораблях – неспроста. Конечно, у них может быть база на здешнем берегу, но маловероятно.

Ударил наугад, но попал. Ишь, щекой дернул. Не понравилось.

– За такие слова положено отвечать! – проорал он в ответ. – И ты, маленький дан, ответишь!

– Легко! – согласился я. – Бери свое копьё и иди сюда, здоровяк! Один свидетель: я охотно помогу тебе перебраться на корабль покрепче. Уж не знаю, пустят ли тебя, великан, на палубу Нагльфара[222] или приспособят в упряжку, но утопить его ты точно не сможешь.

– Сам иди сюда, и я подровняю тебе язык! – вынес встречное предложение свей.

– На твоей палубе хорошо бубенцы чесать друг другу, – крикнул я. – Тянуться недалеко. А играть железом лучше там, где посвободнее!

Так мы препирались еще минут десять, пока не нашли компромиссный вариант: высадиться и помахать мечами на земле. К нам перебираться Бьёрн отказался категорически. Не доверял. И это тоже было показательно. Задумал мужик какую-то гадость и ждал такой же от меня. Ничего. Суша меня тоже устраивает. Благо относительно недалеко наблюдался подходящий островок.

Странно лишь, что он согласился на поединок. С таким-то перевесом. Видать, задиристый мне попался Медвед.

Я крикнул своим на кноррах, чтобы оставались «на рейде», и мы направились к месту будущего хольмганга.

Не дошли. Свейский ярл оказался не задиристым, а хитроумным. Стоило нам отойти от кнорров всего лишь метров на сто, как ушедший вперед драккар моего будущего противника резко затабанил, а второй, который, по идее, должен был встать на якорь с другой стороны, контролируя наши кнорры, дружененько замахал веслами. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы вскрыть замысел Медведя Медведевича. Кнорры никуда не денутся. А вот «Северный Змей» вполне может дать деру.

Вернее, мог. Сейчас второй корабль свеев проскользнет мимо кнорров и окажется у нас на хвосте, отрезая «Змею» путь к бегству. Последнее особого значения не имеет, потому что бежать мы не собираемся, хотя у нас и против одного-то драккара не особо много шансов. А против двух – ни единого. Однако это ничего не меняет. Лучше умереть стоя, чем жить на коленях. Не помню, кто сказал, но это про нас. Остается лишь добавить, что умирать будем не только мы. Наша смерть тебе еще долго будет сниться, сын Медвежьей Задницы!

Обещаю!

Вот только – Заря...

Женщина на корабле – к несчастью. Есть такое суеверие. Но так и есть. Несчастье. В первую очередь – для самой женщины. Особенно если она уцелеет.

– Франк, к рулю! – рявкнул Свартхёвди, отдавая кормило нашему пацифисту. – Вытянуть весла!

Вообще-то скомандовать должен был я, но побратим, не грузивший себя лишними переживаниями в канун схватки, сообразил быстрее. Правильно сообразил: нас слишком мало, чтобы одновременно грести и драться. «Их восемь, нас двое, расклад перед боем не наш...», как пел Владимир Семенович. Но играть придется, деться некуда. Копья уже летят...

Ну, с копьями они поторопились. Большая часть плюхнулась в воду, а те, что долетели, порасхватили мои хускарлы. И отправили обратно. Одно сломало чей-то щит, четыре остальных очутились в цепких лапах наших противников.

Излюбленное развлечение викингов: швыряться друг в друга острыми предметами. Часами так могут развлекаться. Но сейчас играют по-взрослому. То есть уже не играют, а убивают.

Бьёрну-ярлу тоже досталась игрушка. Он картинно отвел правую руку (в левой – щит), усмехнулся лично мне и... В его правом глазу вырос серый цветок из гусиных перышек.

И тут же еще один крепыш-свей освободил место у борта, схлопотав стрелу в переносицу. И еще один вышел из игры, пока swei сообразили, чем пахнет, и, забыв о копьеметании, попрятались за щитами.

Что, впрочем, не помешало им подойти к нашему драккару точно и аккуратно. И метко забросить крючья.

И тут же с оглушительным яростным рыком не менее двух десятков матерых убийц махнули с вражьего борта на нашу палубу.

Мы встретили их как положено: стеной из семи щитов (Хавгрим и Свартхёвди – на флангах), а за нашей спиной на скамьях встали стрелки: Бури, Вихорек и Заря.

И через полминуты от первой волны атакующих не осталось никого. Причем мне драки почти не досталось: пару отбивов щитом и разок сунул в подмышку супостата, атаковавшего моего соседа Тьёдара Певца.

Остальное сделали стрелы.

О том, что Бури у меня – снайпер, способный с двадцати шагов сбить чуть ли не летящую муху, я знал и раньше. А теперь убедился, что он не только мастер-стрелок, но и мастер-наставник. Вихорек и Заря лупили без остановки практически в упор. И пусть попадания были далеко не всегда смертельными, но и со стрелой в предплечье мечом-топором особо не помашешь. То есть свеи все равно махали, потому что скандинавы все, не только берсерки, боли в бою не чувствуют и способны сражаться и вовсе без руки, пока кровью не истекнут. Но проворства у раненых поменьше, чем у здоровых. Так что даже два таких стрелка изрядно поубавили напор на наш коротенький строй. Если бы дело происходило на твердой земле, то вражья боевая стенка была бы куда более монолитна и поглубже эшелонирована, и нас бы смели числом. Отбросили, опрокинули, разбили... Но попробуй собери такой строй, когда перед тобой череда гребных скамей, куча мешков, тюков, ящичков и прочего имущества, а единственное свободное место посреди палубы уже заняли мы!

Минутная передышка.

Наши потери: один из варяжат словил копьё в горло.

Противник же гарантированно потерял человек шесть. И ярла я что-то не вижу. Хочется верить, что стрела Бури пробилась его башку насквозь. А что у нас со вторым драккаром?

Метров сто до него. Но идет как-то странно. И сидит в воде слишком глубоко. Едва ли не по самые весельные лючки. С чего бы, интересно? Притом что гребут свеи изо всех сил и даже не парятся о безопасности. Щиты так и висят на бортах. Никто никого не прикрывает.

– Бури! – крикнул я. – Второй драккар!

...И тут в меня едва не угодило копьё. Спасибо Тьёдару – подбил краем щита вверх. А еще одно копьё чуть не лишило меня любимой девушки!

– Заря! Вниз! – заорал я замешкавшейся подруге. Только ей. Бури и Вихорек уже соскочили на палубу, оказавшись вне видимости свеев на первом драккаре. Те, надо отдать им должное, второй раз нахрапом не полезли. Сменили тактику на безусловно выигрышную: засыпали нас копьями. Мне досталось три. Практически сразу. Пришлось отбивать, поскольку в строю не очень-то поуклоняешься. Результат: одно отбито, два – в щите, сразу ставшем практически неподъемным. В ту же секунду мозг выдал решение: нам конец. И тут же как по заказу без всяких предварительных танцев-таолу из-за моей спины выпрыгнул Белый Волк.

Ну что ж! Хоть потанцуем перед кончиной!

Мир засиял. Я отшвырнул попорченный щит и вспрыгнул на борт, краем уха уловив знакомый берсерочий рык: братишка тоже сообразил, что к чему, и включил режим «турбо». В данном случае режим «последнего шанса».

Толчок от борта... В меня летит копьё... Мимо! Еще одно – в живот. Я, изогнувшись еще в прыжке, пропускаю его вскользь по броне, приземляюсь на

вражеский щит (край лупит в лицо держащего щит свея), росчерком Вдоводела перечеркиваю шею и, соответственно, жизнь еще одного свея, приземляюсь на палубу, приседаю, гася инерцию прыжка, и в повороте подсекаю сразу двоих: одному напрочь снося ступню, второму до кости вспарывая икру. Они еще падают, когда я, распрямляясь и продолжая вращение, избегаю удара топором, срубив держащую его руку. И тут же ныряю под копейное древко, выброшенное мне навстречу, колю Вдоводелом под мышку копейщику, которому сегодня определенно не везет. К полученной от меня ране добавляется удар копьем в спину. Целили в меня, но меня на этом месте уже нет. Я – ветер, скользящий меж древесных стволов. Я скольжу, а мое волшебное перо, мой легчайший и стремительнейший меч, быстрый, как стрекозиное крылышко, – он поет, рисуя на стволах-телах короткие росчерки, вскипающие алыми брызгами.

Я смеюсь от невыразимого счастья. Я пою вместе с моим клинком и мечтаю лишь о том, чтобы наша песня длилась и длилась...

Но она, как всегда, заканчивается слишком быстро.

И я, как водится, в толпе врагов. Хорошо хоть не один против всех. Рядом рычит Свартхёвди. В левой руке у братца меч, а в правой...

Блин! Это же хогспьёт Палицы! И я не слышу рева моего второго берсерка.

Но думать некогда. Медвежонок справа, но слева, спереди, сзади – злющие, вопящие от ярости свеи. Им очень хочется меня прикончить. Но я – категорически против. Нырок под железку копья, укол навстречу – к локтевой сгиб, разворот (очень вовремя) – еще одно копьё проходит в сантиметре от моего носа, захват древка, рубящий удар по кисти, снова разворот, подшаг, отбив древка топора сильной стороной меча, левой – захват края щита снизу (у небольшого роста есть свои преимущества), рывок и укол снизу, в пах. Да, больно! Ну извини! Получить топором по лицу тоже было бы весьма неприятно.

Толчок щитом в спину бросает меня вперед. Я неудачно спотыкаюсь о труп и падаю под ноги сердитого свея в синих штанах. Свей радостно лупит меня краем щита по подставленному предплечью (очень больно!), не дав подняться, и с гиеньим уханьем пытается воткнуть меч в мою несчастную тушку. Металл скрежещет о металл... Свей опрокидывается назад со стрелой в горле. А я наконец-то встаю...

И получаю чем-то тяжелым по задней части шлема с такой силой, что валюсь опять. Под ноги, вернее под секиру, яростно вопящего викинга...

Который начинает вопить намного громче, когда в падении я ухитрюсь всадить Вдоводел ему в ляжку. Викинг промахивается, секира втыкается в палубу. Я цепляюсь левой за браслет на лапе викинга и рывком встаю на ноги, одновременно выдергивая меч. Викинг вопит еще громче, брызжет слюной в лицо, пытается отпихнуть меня щитом, выворачивает правую руку...

Промельк стали, чавкающий хруст (иначе не скажешь), волосатая викингова башка спрыгивает с плеч, кровь брызжет вверх. Я успеваю увернуться (залет глаза – конец), отпускаю руку, перехватываю древко топора и выдираю оружие из пальцев мертвого свея. Он уже в Валхалле, ему ни к чему, а мне – пригодится. Уже пригодилось. «Бородкой» секиры я цепляю щит ближайшего свея и втыкаю Вдоводел ему в почку. Вместо нормальной брони на свее обычная кожаная куртка, так что встрече почки с франкским сварным булатом ни-

что не мешает. Включая и самого свея, который был слишком занят, потому что через плечо соратника пытался достать копьем... Скиди.

Вот как! Значит, мои парни уже на вражеской палубе!

Хорошо это или плохо, я пока не знаю. А вот рубануть мечом по толстой шее свея, увлеченного поединком со Скиди, это определенно хорошо.

Плохо, что мне не оглядеться. Здоровые все, как шкафы. Заслоняют.

Скиди здесь. А рядом с ним, похоже, варяжонок Егри. Похоже, потому что половина безусой морды – в крови. Течет из-под шлема. Лоб рассекли или бровь... Мотнул головой – брызги в стороны полетели – и ширнул мечом кого-то. Кого, я уже не видел.

«Почему они здесь? – подумал я, отбивая очередной топор и пинком в щит отталкивая его хозяина. – Почему? Неужели «Северный Змей» захвачен?»

Свей с топором уркнул и завалился назад. В просвете мелькнула рука Свартхёвди с хогспьётом Палицы. Я тут же влез в образовавшуюся брешь и скользящим понизу посек ноги сразу двум свеям, очень удачно оказавшимся спиной ко мне. Один упал сам, второго поверг Хавур Младший молодецким ударом топора. В парня тут же сунули копьем, но оказавшийся справа от юного сёлундца варяжонок (не помню имени) сбил удар щитом. Я замахнулся на копейщика, но тот внезапно уронил копье, упал на колени и завопил:

– Сдаюсь!

Опа! А вокруг-то – одни свои. Ну почти свои. Еще один свей демонстрирует пустые ладони...

Черт! Не понял! Мы что, их побили? А как же второй драккар?!

* * *

Стюрмир зарычал от ярости и бессилия. Оглянулся на свою команду. Три дренга-варяга и пятеро новичков, кое-как управлявшихся с луком. С такими повоюешь! На драккарах – настоящие хускарлы. Пары хватит на всю восьмерку. Ну и еще пара – на него, Стюрмира. А таких на корабле, который сейчас идет прямо на его кнорр, больше полусотни. Очень много. Больше, чем может нести такой драккар в морском походе. Что остается? Сдаться?

Стюрмир сунул руку за пазуху: его личный бог, толстенький человечек с круглым голым пузом, улыбался ласково.

– Убереги, – проникновенно попросил Стюрмир. – Я тебя всего в крови испугаю! – И в полный голос: – К бою, щенята! Пусть там, в Валхалле, потеснятся!

Хорошо сказал. Самому понравилось.

И молодые все поняли хорошо: трое дренгов сомкнули щиты в коротенькую стеночку поперек палубы, пятерка новичков подняла луки.

«А ведь они не на нас идут! – сообразил Стюрмир, мысленно продолжая путь вражеского драккара. – Они на «Северного Змея» целят!»

Точно. На жалкую команду Стюрмирова кнорра свейские хускарлы глянули мельком. Глянули – и забыли. Нет, не забыли. Щиты подняли и сомкнули плотно, прикрыв и гребцов, и кормчего. Теперь стрелами их не достать.

А вот копьем – можно. Стюрмир прикинул: пройдут совсем рядом – десяток локтей, не больше. Одно копье – один щит. Будь рядом Гуннар, он бы воспользовался и достал врага. Но Гуннар – на втором кнорре. Командует такими же щенками, что и у Стюрмира.

Вражий драккар идет отменно, хоть и тяжеловат. Небось по паре гребцов на каждом руме сидит. Стюрмир слышал слаженное уханье. Весла входили в

воду ладно и безупречно. Эти свеи не новички на Лебединой Дороге. Еще три десятка взмахов – и они поравняются с кнорром. Не нападут. Медлительный кнорр никуда от них не денется.

Борт кнорра – на три локтя выше борта драккара. Стюрмир глядел сверху и видел внизу сплошную чешую пестрых щитов и кусочек мокрой палубы. Три раза повернутся весла в лючках, и драккар пройдет мимо. К «Северному Змею», уже сцепившемуся с другим свейским драккаром.

Безнадежное положение. Стюрмиру вдруг вспомнилось, как они спускались на «Северном Змее» вниз по реке в стране англов. Как их обложили со всех сторон, а впереди ждал мост с изготовившимися к встрече англами. Камни и бревна...

Тут Стюрмир думать перестал. Его взгляд упал на крицу сырого железа, которую использовали в качестве якоря. Одним движением копейного наконечника Стюрмир вскрыл обвязку, ухватился, поднатужился и вскинул слиток над головой.

Крица весила столько же, сколько весил он сам, Стюрмир. Но Стюрмир не зря считался лучшим в играх по метанию камней и бревен. Не сплеховал и сейчас: посланная вверх и вперед слаженным толчком рук, ног и спины крица описала длинную красивую дугу и рухнула на палубу драккара. Она разнесла вдребезги настил, но пробить сработанный мастерами, рассчитанный на удары океанских волн корпус не смогла. Однако все же сделала свое дело: подогнанные внахлест доски обшивки чуть-чуть разошлись. Самую малость, но этого хватило, чтобы внутрь корабля заструилось море.

Кормчий свейского драккара видел и сам снаряд, ударивший в настил в трех шагах от кормы, и результат удара. Теперь у него был выбор: бросить все силы на вычерпывание воды и устранение течи (результат неизвестен) или изо всех сил грести к «Северному Змею» и перебраться на него раньше, чем корабль затонет. Потому что если драккар уйдет под воду раньше, то тут уж результат известен наверняка. Плавать в броне по морю можно только, пока у тебя есть палуба под ногами.

Кормчий выбрал второе. Весла драккара завертелись еще быстрее, и корабль устремился к заветной цели...

Стюрмир смотрел, как вражеский корабль постепенно погружается в море. Но слишком медленно. Гребцы на драккаре были хороши. И они понимали, что от их силы и слаженности сейчас зависит, угодят ли они в сети великанши Ран или будут жить и сражаться. Они успевали, и сделать с этим ничего было нельзя.

Стюрмир видел, что на сцепившихся вместе «Северном Змее» и свейском корабле кипит битва. Видел он и лучников на «Змее», глядящих на приближавшийся драккар. Опытный воин, Стюрмир мог с легкостью представить, что видят стрелки: высокий нос драккара с оскалившейся белыми зубами змеиной головой и сплошную стену щитов там, где этот нос не прикрывает рвущих весла гребцов.

Стюрмир зарычал. Он понял, что его замечательный бросок не спас положение...

Бури вынул из колчана три одинаковые стрелы. У них были прочные древ-

ки. И увесистые массивные наконечники, похожие на маленькие долота, которые используют плотники. Такими стрелами было невозможно стрелять далеко. Но далеко и не требовалось.

Бури не смотрел на задравшийся к небу драконий нос драккара. Его интересовала разноцветная чешуя дракона. Вернее, те, кто под ней спрятались. Бури понимал: задача у него непростая. Бури любил такие задачи. Любил и умел их решать.

Первая стрела ударила в щит с такой силой, что доску, в которую она угодила, разнесло в щепу. Сама стрела прошла практически навывлет и ударила в шлем свея, державшего щит. Шлем она не пробила и особого урона не причинила. А вот вырванная из щита щепка угодила воину прямо в глаз. Свей закричал и нечаянно задрал щит. В драконьей чешуе образовалась брешь... В которую немедленно нырнули еще две заготовленные стрелы. Обе нашли цель. Одно из весел сбилось с ритма, задралось, а потом резко ушло вперед, спутав и сбив мах соседнего весла. Оба весла уткнулись в воду, и драккар, несмотря на все усилия кормчего, начал забирать влево.

– Правым крепи помалу! – истошно взревел кормчий, понимая, что одним лишь кормилом ему курс не удержать.

Но поздно. Корабль уже развернуло мимо «Северного Змея». И самого кормчего больше не защищал от стрелы высокий корабельный нос. А воин, который был поставлен прикрывать кормчего от стрел и копий, замешкался.

А вот Вихорек – нет. Он не сумел бы вскрыть драконью чешую, как это сделал Бури. Но с пятидесяти шагов попасть в голову врагу он мог бы даже с раскачивающейся палубы в плохую погоду. А сейчас погода была идеальная.

Стрела ударила свейского кормчего в лицо. Быстрая смерть. Но даже мертвый кормчий не выпустил правила, повис на нем, выворачивая драккар вправо. Весла гребцов по правому борту тоже уперлись в воду и надолго, поскольку никто не отменил последней команды кормчего. Свейский дренг рядом с ним увидел, что старший убит... И растерялся.

Результат: драккар развернулся и встал к «Северному Змею» теперь уже левым бортом. То есть совсем встал. И продолжал погружаться.

Свей завопили. Многие начали поспешно избавляться от брони. Кто-то даже успел...

Не спасло. Вихорек и Заря били на выбор. Между драккарами было около ста локтей. Проплыть такое расстояние любой викинг мог бы даже с топором за поясом. Даже если каждый пятый доберется до «Северного Змея»...

* * *

Не добрался никто. Вихорек и Заря полностью опустошили колчаны, но сложили на дно всех.

Мы потеряли восемь человек. Двоих пленников, которые, впрочем, перестали ими быть, как только взялись за оружие. Пятерых варяжат. Из семи ребят, стоявших с нами в одном строю на палубе, осталось лишь двое: Ануд и Егри. Причем Егри был серьезно ранен.

Восьмым погибшим был Хавгрим Палица.

Глава 19. И снова призна

Хавгриму проломили голову. То есть это была не единственная рана, но остальные для берсерка – пустяки. Не знаю, как так вышло. Мне почему-то казалось, что берсерки в бою – неуязвимы. Был, правда, берсерк, которого за-

валил я сам. Но тот был, типа, необученный, да и я отдавал себе отчет в том, как мне в тот раз невероятно повезло.

Хавгрим, Хавгрим... Истинную цену человека осознаешь, когда его теряешь. Я даже не подозревал, насколько дорог мне этот свирепый «сын Одина», пока не увидел его лежащим на палубе. Я даже не сразу сообразил, что он мертв.

Воин Одина в постбоевой отключке. Обычное дело. Очнется через сутки.

Вот только Хавгрим уже не очнется. С такими ранами не живут.

Никто не видел, как это случилось. Когда он умирал, вокруг были только враги. Обычное дело для берсерка, когда вокруг только враги. Но обычно гибнут именно враги, а не берсерк.

Хавгрима прислал мне Стенульф. Каменный Волк. Воспитатель воинов Одина. Прислал, чтобы его воспитанник присматривал за мной. Наверное, я тоже должен был за ним присматривать. Я – хёвдинг. Вождь. Я должен видеть всю картину боя. Всю целиком. И понимать, кому нужна помощь. Вот только ростом я не вышел для такого наблюдения. Каждый второй хускарл выше меня на ладонь. А каждый первый – на две. Ни хрена я не вижу ни в строю, ни в рубящейся толпе. Неважный из меня хёвдинг.

Мертвый Хавгрим улыбался. Он был счастлив, умирая.

Не утешало.

– Не горюй, – сказал мне братец, обхватив меня заляпанной кровью ручищей. – Лучшая смерть! Тьёдар сочинит о нем песню, мы будем ее петь и веселиться, а брат наш Палица там, в чертогах Отца, будет слушать нас и радоваться, что битва, в которой он ушел, это победная битва!

Красиво сказал. Они умеют говорить красиво, простые скандинавские убийцы.

– Мне будет его не хватать, – пробормотал я.

– Мне тоже, – согласился Свартхёвди. – Но мы справимся.

– Я рад, что присягнул тебе! – заявил Тьёдар Певец. – С тобой невозможное становится возможным и слова сами льются из уст!

Ну да. Невозможно – это очень точное слово. Моя куцая дружина победила полноценный хирд матерого свейского ярла числом в сто восемнадцать боевых единиц.

– Твоя удача съела удачу нашего ярла, – с грустью признал один из немногих пленников. – Не следовало ему гневить богов и отказываться от объявленного хольмганга с тобой, Ульф-хёвдинг. Боги такого не любят. И они отомстили. Потому-то Бьёрн Асбьёрнсон и умер первым. А мы все уйдем за ним.

Их осталось пятеро. Все с легкими телесными повреждениями, но в рабочем состоянии. Коренные свеи. Хорошие бойцы. Я бы от таких не отказался. Собственно, я и предложил им выбор: идти под мою руку или умереть. Двое предпочли смерть, трое стали моими людьми. Один из них, Льотольв, сын Кноба по прозвищу Кто-то Умрет, и был автором сообщения о съеденной удаче. Опытный головорез с рыжей нечесаной бородицей и грустными глазами убийцы, которому не повезло. Однако как только он понял, что поторопился с выводами, жизнь продолжается, а отправиться на дно с перерезанным горлом прямо сейчас ему не грозит, то сразу повеселел и сообщил, что знает, в каком

из бочонков – лучшее пиво. Двое других присягнувших были ему под стать: матерые викинги вроде Гуннара. Вилмар и Торнюр Варгдропи. Два братца с одним общим прозвищем, переводившимся как «отпрыск волка» и означавшим, что их папаша был когда-то объявлен вне закона. Они были не из рода покойного Бьёрна и примкнули к нему в Уппасале. Так что им было все равно, за кого биться. Добыча и сам процесс – вот что их привлекало.

А еще мне достался очень интересный пленник. Причем не мой, а Бьёрна. Мы нашли героя между румами. Связанным. Вернее, уже частично развязавшимся. Звали плененного героя Кэль Длинный. Но о нем – позже.

Похороны погибшим устроили знатные.

Для начала варяжата потребовали тризну. Я был в курсе этого обычая и знал, чем он отличается от скандинавского посмертного праздника. Простые парни-викинги попросту резали тех, кого намеревались уложить на костер в качестве спутников ушедшего героя. Ну, может, и не совсем попросту, а сначала помучив, но без ритуального звона железа. А вот у варягов в чести было что-то вроде гладиаторских боев. С одной стороны – пленник-плохиш, с другой – правильные пацаны, родичи погибшего. Дескать, Перун любит, когда играют железом. Примитивно перерезать жертве горло – это так скучно.

И я не стал бы возражать. Кто я такой, чтобы спорить с богом? У меня даже подходящие кандидатуры имелись: два свея, отказавшихся сунуть ногу в сапог моего хирда.

Но вот в чем загвоздка: что-то мне подсказывало – выставить любого из свеев против Ануда, который и собирался вершить похоронный ритуал, это порадовать не Перуна, а Одноглазого. Рыльцем пока что не вышел Труворов племяш – единоборствовать с опытными хускарлами, пусть даже чуток поцарапанными.

Выход предложил Вихорек:

– Давай я! – заявил он.

А вот это уже вариант. Не то чтобы я был готов рисковать жизнью названного сына, но у него было куда больше шансов разделать свейских жертвенных поросят. Он вполне готов посоревноваться с полноценными викингами. И бонус у него будет неплохой. Свеи-то не в лучшей форме. Спутали их как следует, есть-пить не давали...

– Ты не варяг! – запротестовал Ануд, которому очень хотелось показать свою удаль.

– Тебе так хочется за Кромку? – осведомился мой названный сын. – Глянь на них!

Ануд глянул... И наконец-то сообразил, что эти упакованные в веревки, валяющиеся на травке, замызганные и забрызганные кровью мужи только выглядят добычей. А вот если их развязать и дать в руки железо...

– Перун поможет, – неуверенно проговорил Ануд.

– Ему придется здорово потрудиться, если поединщиком будешь ты, – усмехнулся Вихорек. – Уверен, что Молниерукий настолько заинтересован в твоей победе?

– А в твоей, значит, да? – Я видел, что Ануду очень хочется уступить, но горор не дает.

Нет, не горор, как оказалось. Понятия.

– Ты не варяг.

Сильный аргумент. Вихорек не нашелся с ответом. В отличие от меня.

– Только в этом причина? – поинтересовался я.

– Ну да. Биться во славу Перуна может только варяг.

– А наоборот? – осведомился я. – Можно ли сказать, что варяг – это тот, кто сражается ради Перуновой славы? По-моему, можно.

Ануд задумался. Еще раз глянул на свеев, вспомнил, надо полагать, недавний бой...

И согласился.

Высадились на острове. Аккурат там, где ночевали покойный Медвед со товарищи. Подготовили один из кнорров. Он будет погребальным кораблем. С его палубы отбудут в Валхаллу (или в Ирий) наши павшие. И парочка пока что живых свеев, которые в ближайшее время умрут.

– Эй, Виги! Не бойся! Если не сдюжишь, я за тебя отомщу! – посулил парню Свартхёвди.

– Ага! Надейся! – отозвался мой приемный сынишка, выходя в круг.

Его противник уже был здесь. Притоптывал, крутил руками, мотал головой... Восстанавливал кровообращение. Вид у него был не шибко мрачный. Окажись победителями они, а не мы, умереть с мечом в руке нам вряд ли дали бы. Скорее всего, еще и помучили бы, чтоб мы могли «проявить мужество перед лицом богов». Опять-таки, видел он перед собой не опытного бойца, вроде Витмида или Медвежонка, а безусого нахального мальчишку. Да любой из уцелевших варяжат выглядел солиднее, чем Виги-Вихорек.

Внешность обманчива. Бросившийся в атаку своей убедился в этом очень быстро. Шесть шагов, что разделяли его и Вихорька, были последними в жизни матерого викинга. Уход в сторону, подбив щитом правого локтя, аккуратный укол под мышку. Все.

– Тебе, Перун! – как было договорено, сообщил Вихорек, стряхивая кровь с меча.

Второй своей, выпущенный на импровизированную арену, торопиться не стал. Постучал обухом секиры по щиту: мол, давай, парень, твой ход. Вихорек немедленно «дал». Разбег, наскок...

Хитрый своей тут же зацепил бородкой секиры щит Вихорька и, пользуясь разницей в массе, дернул в сторону. Замысел его я «прочел» легко. Сбить равновесие, закрутить, разворачиваясь самому, ударить собственным щитом по шее или по голове противника, а затем с разворота влепить секирой по открытому. Даже, если доспех или шлем выдержат, мало Вихорьку не покажется. Оглушит наверняка. Или ребра поломают.

Хороший план. Уверенный и успешный.

Вихорек поломал его в самом начале. Он отдал щит. Но не сразу. Позволил своей почувствовать сопротивление, а заодно подтянуть Вихорька поближе, вплотную и только тогда разжал пальцы.

Своей, не ожидавший такого сюрприза, закрутился малость быстрее, чем планировал. И Вихорек ему еще и «помог»: ухватил освободившейся рукой край своей щита и добавил. Получилось не так, чтобы сильно: ведь своей был раза в полтора тяжелее. Однако в результате Вихорек оказался у «жертвы» за спиной.

А затем – длинный красивый хлест понизу, на уровне колен.

Свей еще поворачивался, замахивался топором, но нанести удар ему было не суждено. Когда перерублены подколенные сухожилия на обеих ногах, даже берсерк не способен сражаться. Так что свей упал на травку, а Вихорек, вторично объявив: «Тебе, Перун!», вскрыл противнику глотку.

– Зря я тебе уступил, – проворчал Ануд. – Мог бы и сам...

Вихорек похлопал варяга по плечу и ухмыльнулся. Ничего не сказал. Свей были хороши. Оба. Просто Вихорек – лучше.

И они ушли. В клубах дыма, поднимающегося над палубой обреченного кнорра.

А нам, живым, предстояло подвести итоги. И решить, что делать. Хотя решать было особенно нечего. Просто двигаться дальше.

Глава 20. Сожженные корабли и похитители невест

Дележка добычи – это ритуал. И великое мастерство. Я им не владею. Потому делегировал руководство процессом Медвежонку.

Единственное мое вмешательство: предоставление права первого выбора Бури с выделением ему еще двух долей в качестве бонуса.

– Он убил ярла, – пояснил я собственное решение.

Возражений не было. Зато было дополнение.

– Виги тоже получит лишнюю долю! – заявил Медвежонок. – Он убил кормчего второго драккара.

Народ поддержал предложение одобрительным ворчанием.

Вихорек попробовал протестовать: мол, он всего лишь правильно выпустил стрелу, а главная заслуга принадлежит все тому же Бури, а еще Стюрмиру, который...

– Стюрмиру – три доли, – объявил я. – Он – кормчий. Но только Стюрмиру. Остальные в бою не участвовали. – Я строго поглядел на команды кнорров, но возражений не последовало. И впрямь не участвовали. Никто, кроме Стюрмира, но уж он-то вложил в победу знатно. Впрочем, все мы в нее вложились. Кто сколько смог. Особенно Хавгрим...

Я махнул рукой, предоставляя Медвежонку руководить процессом. Добра мы набрали изрядно. Доспехи, серебро, даже золотишко имелось. Блин! Как мы это все увезем? Может, стоит захоронки сделать? У нас одних только свободных парусов – две штуки: от похоронного кнорра и от утопленного драккара. Этот парус всплыл вместе с мачтой, и мои его выловили. А хороший парус, друзья мои, это вещь весьма недешевая. Очень жалко выбрасывать. А продавать его здесь некому. Чайкам с воронами?

В общем, нам нужна база. Здесь, в Карелии. И очень нужны люди. Надежные и имеющие опыт обращения с оружием. А в этом совсем не нужном нам бою мы потеряли пятерых варяжат. И Палицу, который один стоил дюжины.

А что приобрели, помимо богатой добычи и второго драккара?

Троих хускарлов, с которыми надо еще сработаться. И четвертого, с которым вообще не очень понятно. Мутный он какой-то, этот Кель Длинный. Хотя боец знатный. Мои свейские новобранцы говорят: дрался один против всего хирда. И выстоял некоторое время, даже когда всех остальных уже положили. Правда, Бьёрн-ярл велел его живым брать. Желал над ним особо покуражиться. Кель этот у него нареченную невесту увел.

История эта, если судить по словам Кёля, выглядела весьма романтически. Большая любовь, в которую вмешался богатый и властный ярл, расстроивший своим сватовством благословленный Ньёрдом брак. Мол, родичи невесты не посмели противиться грубой силе.

Любовь, однако, сильнее власти и богатства. Кёль с возлюбленной дали деру, считай, уже из-под венца. И сбежали сюда, в землю кирьялов, которая хотя и считается протекторатом свейского главного конунга (вот сюрприз для меня! Я-то думал: свободная территория), но живет по своим законам и той власти, что в свейской метрополии у Бьёрна Асбьёрновича здесь нет.

В общем, неплохо рассчитал похититель невесты. Не учел только, что, помимо государственных вертикалей, тингов и законоговорителей, имеется еще и власть силы. У Бьёрна она на тот момент имелась. И он ее применил без малейших колебаний.

Впрочем, Льотольв Кто-То Умрет излагал эту историю несколько иначе. Мол, не о высоких чувствах речь, а о том, что в приложение к невесте идет очень неплохой земельный куш, который наверняка достался бы ее супругу.

По свейским законам, в отличие от законов датских, женщина имущества не наследует, и так как сколько-нибудь серьезных претендентов-мужчин на этот кусок родовой земли не осталось, все померли, то кус этот покуда находился, скажем так, во внешнем управлении. Но стоило только девушке выйти замуж...

Короче, Бьёрн посватался, получил «добро» от дальней девичьей родни и отбыл в боевой поход, абсолютно уверенный в будущем марьяже.

И зря. Потому что давно уже крутившийся около лакомой невесты Кёль ухитрился влезть юной девушке и в постель, и в душу.

А когда запахло нехорошим, он, вместо того чтобы встретить смерть как подобает мужчине, попытался удрать. Когда же его все-таки выследили, решил коварно и подло сжечь корабль Бьёрна-ярла. В чем преуспел лишь частично. Один корабль все-таки сгорел. С остальными не вышло, потому что поджигателя схватили. Умирать Кёль должен был долго и разнообразно. Сжечь драккар – это еще похуже, чем увести невесту. Но Длинному повезло. Наблюдатели Бьёрна увидели нас. Бьёрн решил, что это подарок богов. Новый драккар взамен сожженного. И отложил развлечение ради серьезного дела.

В общем, Кёлю повезло.

– А девушка? – спросил я. – Что с ней стало?

Оказалось, с богатой наследницей все в порядке. Наверное. Потому что ее оставили на попечение старосты кирьяльской деревеньки.

– Зачем ты драккар спалил? – поинтересовался Медвежонок.

– Так куда они без кораблей? – удивился вопросу поджигатель. – А у меня лодка есть... Была.

Логично. С моей точки зрения. Но Свартхёвди остался недоволен. Корабль для викинга значит куда больше, чем конь для завязанного лошадики. Любой корабль, даже чужой. То есть в бою всяко бывает, но взять и сжечь боевые драккары просто так...

– Не просто так! – возразил Кёль.

И понес покойного ярла по кочкам.

По ходу оказалось, что Медведь Медведевич не только меня с хольмгангом

прокинул, но и Кёля, который тоже вызвал ярла на честный бой. Правда, уже после того, как Длинного скрутили.

– Ты хороший боец? – заинтересовался я.

– Да уж получше этих, – Кёль кивнул в сторону уже принятых в хирд све-ев. – С твоим дренгом, – еще один кивок, уже в сторону Вихорька, – я бы управился, не сомневайся!

Свартхёвди презрительно хмыкнул.

Но мне были нужны люди.

– Дайте ему меч и щит, – велел я. – Простоишь против меня пятьдесят ударов сердца, возьму тебя в хирд.

– А если я тебя убью?

Когда-то я такое уже слышал. От предателя Олафа.

– Мечтай!

Он был действительно длинным. Метра два ростом, сутулый, ручищи до колен. Смахивал то ли на паука, то ли на богомола. И с оружием управлялся лихо. Пожалуй, Вихорьку с ним и впрямь пришлось бы нелегко. Но против меня все его физические преимущества не прокатили. Я дал Кёлю возможность поиграться. Примерно минуту. Чтобы посмотреть, на что тот способен. А затем резко сократил дистанцию, выйдя из его «зоны комфорта», вернее, войдя в свою, и пнул похитителя чужих невест по бубенцам.

Помимо всего прочего, я хотел поглядеть, как быстро он сумеет обуздать боль. Кажется, немного перестарался, потому что мой противник повалился на травку и свернулся клубочком... Под гогот всего моего хирда, включая и его новых членов.

Ну да. Настоящий викинг сражается с выпущенными из брюха кишками. А тут какой-то пинок...

Но в хирд я его взял. Уж очень мне нужны были люди. Кроме того, он знал, где расположено место, которое я ищу. Во всяком случае, уверил меня, что знает.

А вот Медвежонку Кёль категорически не понравился.

– Мой брат тебя принял, – процедил он, сверля новобранца взглядом, – но я с тебя глаз не спущу. Любая оплошность – и я сделаю с тобой то, что не успел Бьёрн-ярл. И даже лучше, чем он, потому что я – человек Одина, а Один знает толк в том, как правильно освежевать свинью.

– Не веришь мне? – вздохнул Кёль.

– Не-а! – ухмыльнулся Медвежонок.

– Но почему? – не слишком искренне изобразил удивление свей.

– Есть две причины, по которым я не верю таким, как ты. – Медвежонок взял Длинного за грудки, немного наклонил и заглянул в глаза: – Первая причина: я их не знаю, – сообщил он.

– Но я рассказал вам все! – запротестовал Кёль.

– А вторая причина, – проигнорировал протест Свартхёвди: – Я их знаю!

Глава 21. Становление ярла. Шаг первый

Кирьяльское селение располагалось на выходе из залива, который в будущем назовут Выборгским. Или типа того. Я не помнил названия залива. Я не помнил, как он выглядел. Но знал точно: если бы не Кёль, мы вполне могли бы пройти мимо. Побережье здесь – как бахрома на скатерти. Вдобавок остро-

ва, островки, отмели, затоны...

Впрочем подход к деревеньке был вполне удобный. И приветствовали нас не аборигены в лаптях, а крепкие свейские парни в хорошей кожаной обуви и с вполне профессиональным вооружением.

Их было немного: всего четверо.

И нас они не ждали. Вернее, ждали не нас.

Впрочем, я был в курсе их присутствия на моей будущей земле. Мои новые хирдманы просветили. В селении находился малый, так сказать, таможенный пост. С функцией общего досмотра и передачи информации дальше на базу, то есть на тот самый остров, который я планировал сделать опорным пунктом. Увы, свято место пусто не бывает, как говаривали в более поздние времена. Текущий статус территории, на которую я нахально претендовал, можно было определить как «кирьяльская область свейского королевства». Вернее, конунгства. А на острове, где когда-нибудь встанет Выборгский замок, нынче располагалась свейская крепость с серьезным гарнизоном, который, по словам моих новичков-свеев, нам однозначно не по зубам. А рулил и на острове, и на всей прилегающей территории свейский хёвдинг Геллир Чернозубый, коему конунг всех данов с популярным именем Эйрик доверил править кирьяльскими дикарями, брать с них дань, а также взимать мыто со всех проходящих мимо судов, не обладающих таможенным иммунитетом. Последний предоставлялся свейским конунгом лично и фиксировался документально.

Это мне рассказал похититель чужих невест Кёль Длинный, успевший разок-другой попировать за столом Чернозубого и послушать пьяные беседы свейских «таможенников».

Геллир Чернозубый принял похитителя невест вполне благожелательно и даже пообещал покровительство. Во-первых, из-за подарка, врученного Кёлем, во-вторых, из-за того, что у Чернозубого были какие-то личные терки с Медвед Медведычем. Что-то типа вялотекущей кровной вражды. Длинный был в курсе конфликта, потому сюда и прибежал.

Но ему не повезло. Как только в Кирьяльскую область заявился лично Бьёрн Красное Копье с дружиной, существенно превосходившей местный гарнизон, Геллир моментально дал заднего. То есть на конфликт с Бьёрном-ярлом из-за какого-то там Длинного не пошел. Пусть за спиной Чернозубого стоял сам главный свейский конунг. Но конунг стоял за спиной Геллира, так сказать, гипотетически, а три (на тот момент) драккара Бьёрна Асбьёрнсона находились прямо тут, у острова, и настроен ярл был весьма серьезно.

Но удача Кёля была высока и теперь стала частью моей собственной удачи. Потому что теперь у меня была практически полная диспозиция противника. И простая человеческая логика подсказывала, что мои планы овладеть Выборгским заливом и окрестностями сродни мечтам волчонка-двухлетка завалить вожака стаи. И это еще без учета маячившего за спиной вожака царя хищников, именующего себя конунгом всех свеев.

У любого здравомыслящего человека возник бы вопрос: почему я не пошел на попятный, узнав о грубой реальности бытия?

Ответ: из-за брошенной Стюрмиром железяки. И результатов броска.

Я уже неоднократно задумывался о том, что такое моя удача, и пришел к определенным выводам. В частности, к тому, что удача – это не некая вероятность «повезло – не повезло», а вполне конкретный показатель, влияющий на

вероятность положительного результата. То есть вполне материальная штука. И, прошерстив собственную память, выудил из нее эпизоды, когда сия Госпожа наиболее явно подсыпала мне козырей из широкого рукава. И вот что выяснилось: самое крутое везение «обрушивалось» на меня, когда количество приключений, собранное моей жизненной задницей, начинало эту задницу очень конкретно припекать. Началось с моего первого боя в этом мире, когда я, зеленый и пупырчатый, как весенний огурец, ввязался в чужую заварушку с бандой Клыча.

Картинка тут же всплыла в памяти, как будто видеоролик включили. Я увидел Клыча, который перепрыгивает через вопящего дружка, увидел его меч, который совершенно точно должен был вскрыть мне шею, потому что я был тогда еще не матерым викингом Ульфом, а мирным спортсменом Колей Переляком, пока что не всосавшим великую истину Средневековья: тут не считают очки, тут убивают. Я представил и оценил эпизод в деталях: замах и прыжок Клыча, свой собственный выпад, тоже нацеленный в шею. Не мою, понятно, а противника. Я, современный, с высоты своего нынешнего опыта, четко понимал: Клыч меня достает. И он достал бы, если бы его вопящий от боли дружок не взмахнул рукой и не зацепил жожака за ногу.

Клыч почти попал, промахнулся от силы на пару сантиметров, меньше чем на палец...

Два сантиметра – и меч Клыча вскрыл бы мне шею. И я бы умер. Если бы его приятель не взмахнул так удачно рукой.

И другой решающий бой. В котором в отличие от того, первого, я очень хорошо понимал свои нулевые шансы. Но передо мной стоял человек, которого я ненавидел более всех в этом мире. Тот, кто убил моих людей, украл мою Гудрун и теперь собирался убить меня. Лейф Весельчак. И он был очень хорош, этот гад. Сила так и перла из него наружу. Норег и в прежние времена был лучшим воином, чем я, а в тот момент я мало того, что еще не вполне оправился от ран, так еще и был измотан почти до предела. И, более того, упал духом, когда увидел, как моя Гудрун обнимает его...

Я ведь не знал в тот миг, что это включилась моя удача, разрезавшая ремни брони ножом в руке моей невесты. Я вспомнил безупречную комбинацию, которую начал Лейф и результатом которой должна была стать моя голова, катящаяся по камням Согне-фьорда. Я знал, что не смогу этому помешать. Делал что мог, но лишь потому, что в альтернативе было бы просто принять смерть, а я так не умею. Но ремни лопнули, бронь сдвинулась, сбив удар Лейфа, зато мой меч, вместо того чтобы безвредно скрежетнуть по панцирю, вошел в бок моего врага почти на половину клинка. И Лейф Весельчак, который вполне мог бы стать конунгом, стал трупом.

А мой поединок с Арманом де Мотом на улице ночного Парижа?

Там удача спасла меня дважды. Первый раз – в облике выплеснутого мне под ноги ночного горшка, заставившего беллаторе отпрыгнуть, а второй раз – в виде камня, угодившего в шлем Армана и отвлекшего беллаторе на долю секунды... И вот я снова жив, а он – мертв.

Я перебирал все эти эпизоды, служившие доказательством расположения ко мне Госпожи Удачи. Их было много, и не все они заканчивались чьей-то смертью. Например, та давняя история, когда я, сбежав от людей Водимира, вскарабкался на палубу Хрёрекова драккара. Почему ярл не велел меня при-

кончить без всяких разговоров? Почему он не выкинул за борт мелкого чернявого наглеца в лохмотьях, содранных с чучела? Почему он велел проверить меня именно Стюрмиру, который, как я позже осознал, оказался идеальным противником для того, чтобы я показал себя наилучшим образом?

Но блин, не всегда же мне везло! Я терял друзей! Я потерял нерожденного сына! Меня привязывали к пыточному столбу, ранили, грабили...

И тогда я начал вспоминать другие эпизоды. В которых Госпожа Удача не проявляла ко мне благосклонности. И тут, что характерно, тоже имелась закономерность: все дерьмо, которое со мной случалось, происходило, как правило, либо из-за моей беспечности и злоупотребления спиртным, либо из-за того, что я почему-то решал: теперь-то все будет хорошо. То есть стоило мне собрать побольше козырей и приготовиться к легкой партии, как на меня обрушивался игральный стол.

И нынешним летом с Рюриком случилась очень похожая история. Вот с чего я решил, что ладожский князь будет кушать у меня из рук? Только потому, что забил решающий гол в важном матче? Да кто мне сказал, что князя любят тех, кто тащит для них шишки с елки? Нет, они таких привечают и жалуют. Но только в одном случае. В случае безусловной преданности. А что же я? Вот отпустил бы, скажем, Ульфхам Треска Водимира, если бы тот оказался в его руках? Да ни в жисть! А я – отпустил. И не жалею.

А теперь берем нашу нынешнюю ситуацию.

Победу в неравном бою со свейским ярлом, по сути, принес невероятно удачный бросок Стюрмира. Ну да, мы славно бились, но без этого броска нас непременно настиг бы упитанный полярный лис. И это моя обычная ситуация: едва пушистый полярный хищник подбирается совсем близко, из-за тосков тут же появляется братва на снегоходах или проплывавший мимо айсберг выносит супротивника за пределы игрового поля. А вот в благоприятной ситуации... Например, если мы сейчас отправимся домой на Сёлунд со всеми нашими трофеями и кучей несправедливо добытого имущества, этот мирный поход может оказаться весьма рискованным мероприятием. А вот дерзкая попытка потягаться с самим конунгом всех свеев может оказаться вполне успешной.

И я дерзнул. При полной поддержке моей старой гвардии. Ну да они те еще отморозки, так что иного я и не ожидал.

Но удача удачей, а интеллект использовать тоже не вредно. Так что мы в очередной раз замаскировались.

Люблю я это дело с переодеванием. Не первый раз проворачиваю. Нацепили на рослого Хавура доспехи покойного ярла и ярлов же полузакрытый шлем, а рядом с Младшим поставили теперь уже наших свеев: братьев Торнюра и Вилмара. А за кормило трофейного драккара – еще одного свея, Льотольва Кто-то Умрет. Льотольв, кстати, тоже знал местные воды, так что место кормчего занял не только ради маскировки.

Следом за трофейным драккаром, которому нам, с целью исправления корабельной кармы, предстояло дать новое имя, шел «Северный Змей», а за «Змеем» – оставшийся кнорр с минимальной командой из пяти человек.

Кнорр я отдал под команду Гуннара Гагары. Пусть в прошлом сражении Стюрмир проявил себя куда ярче, однако я все равно считал Гуннара лучшим

командиром. Стюрмир не обиделся. Он тоже так считал.

В общем, мы сыграли спектакль: «Победоносный Бьёрн Красное Копье возвращается».

И свейская караульная команда купилась.

А когда оказалось, что «ярл» ненастоящий, протестовать было уже поздно. Немного грубости – и «таможня дала добро». Трудно возражать, когда тебя разоружили, раздели и забили в колодки, которых у свеев нашлось аж шесть комплектов.

Разумнее было бы свеев прикончить, но я же гуманист «на всю голову». Пусть пока поживут, потом разберемся, решил я.

И в очередной раз расплатился за свое человеколюбие. Но позже.

А поначалу все прошло очень гладко. Местные жители протеста не выразили. Тем более им сразу дали знать, что ни надругательств, ни поборов не ожидается. Мы пришли не грабить, а править. Универсальный скандинавский и русский, то бишь словенский языки большинство кирьялов знало одинаково плохо. Даже местный староста изъяснялся по-скандинавски кое-как. Зато у него был племянник, с виду – сущий пройдоха, который на языке воинов Севера болтал почти как я. И толмачил с усердием.

Так что договорились. Грабить, убивать, насиловать – нельзя. Обед и гостиница – за счет принимающей стороны. Дополнительные развлечения (пиво и девочки) за счет гостей.

Мы были щедрыми и добрыми. Благо было с чего. Местным такой подход понравился. И когда я выразил желание пообщаться с представителями кирьяльских родов, проживающих вне селения, мне пообещали такую встречу организовать не откладывая.

Я уже знал, что управление у кирьялов, как, впрочем, и у многих родо-племенных, двойное.

Есть исполнительная власть. Вот как староста данного поселка. Или военный вождь, он же командир ополчения.

А есть власть законодательная. Мудрые старцы. И старицы. Законоучители и законодатели. И главные как раз они, потому что исполнительную власть тоже они назначают.

Мы тоже из крутой породы викингов, как и их прежние господа, сообщил я родовым патриархам и могучей тетке, которую здешние называли «мать». Только мы не свеи, а даны. Со свеями мы немного повздорили и побили их, так как мы – круче. Однако они убили наших людей и испортили имущество, поэтому они нам должны. Но самим кирьялам беспокоиться не о чем. Взыскивать долги мы будем не с них, а с настоящих виновных. То есть со свеев. В частности, заберем у них таможенную «точку» на острове в устье реки. А потом все наладится, и кирьяльские племена ждет богатство и процветание.

После меня выступил главный кирьяльский дедуган. Сказал, что богатство – это хорошо, но уверен ли я, что озвученные деяния мне по плечу? Свеев ведь немало, побольше, чем нас. И все они – воины, обосновавшиеся за крепкими стенами. Совладаем ли мы с ними без посторонней помощи?

Посыл был понятен. Дедушка опасался, что от них потребуют ввязаться в драку на нашей стороне.

Я опять успокоил: сами управимся. Мы – даны из Сёлунда. Круче нас толь-

ко айсберги в холодном море. Да, от местных нам тоже кое-что потребуется. Например, провиант и всякие полезные вещи. Но не за так. Не в качестве дани. Все будет оплачено по разумному прайсу. А если кто-то захочет продать нам меха, рыбью кость и другую ликвидную продукцию, то милости просим. Ну а если какие-то храбрецы из местного населения пожелают поторговать без нашего участия, пройти в Ладогу, например, то мы им препятствовать не будем. Однако придется заплатить налог. Небольшой. Хотя, по моему глубокому разумению, сообщил я почтенному старчеству, торговать с нами кирьялам будет в любом случае выгодней. И безопасней. Тем более что главный торг я намерен обустроить здесь, в данной деревеньке. Куда и придут в гости «все флаги», неся ее жителям обещанные богатство и процветание.

В общем, нарисовал замечательную картину превращения Васюков в Нью-Москву.

Ильфа с Петровым старейшины, по понятным причинам, не читали, да они вообще ничего не читали вследствие отсутствия письменности. Потому отрицали сомнения, развесили уши лопухами и внимали моим обольстительным речам аки божественному откровению. В результате я не сомневался: поддержка местного населения нам обеспечена. И это хорошо, потому что, если я решил стать главным землевладельцем здешних краев, лояльность коренных жителей мне не помешает. Я буду им хорошим ярлом. Добрым и заботливым. Потому что я такой и есть. Если меня не злить.

В общем, расстались мы почти друзьями. А самое главное: я больше не опасался утечки информации. Местные позаботятся о том, чтобы в крепости о нас не узнали.

Девчонку, из-за которой кипели скандинавские страсти, главной из которых, несомненно, была алчность, звали Ката. Красотой ее боги не одарили, но она была юна, мила и наивна. Не думаю, что Кёлю было трудно ее охмурить. И, похоже, она тоже была Длинному по душе. Во всяком случае, обращался он с девушкой ласково, заработав этим плюсик к репутации. А еще она понравилась Заре, и та немедленно взяла над Катой шефство, что привело к переселению девушки из домишки, больше смахивающего на землянку, в один из лучших домов деревни.

Заря это и организовала. Явилась к старосте в сопровождении Вихорька и Ануда, заявила, что папа девушки был уважаемым господином и ей не следует жить в хлеву только потому, что муж девушки велик ростом, а не удачей.

И Ката переехала.

И прониклась к моей подруге оч-чень большим уважением.

Я же нахально воспользовался ситуацией и отстранил Зарю от будущей драки за главный таможенный пост. Аргументировал: кто-то должен присмотреть за девушкой. И за нашими ранеными. Которых, кстати, разместили в том самом «лучшем» доме.

Раненых было четверо. Двое весян (один принятый и один подвернувшийся под случайный удар древком) да двое варяжат, Егри и Фрут, причем состояние первого следовало считать удовлетворительным, опасности для жизни нет. А Фрута вообще через неделю можно было «выписывать». Отец Бернар, как всегда, являл нам чудеса военно-полевой травматологии. На тех, кто выжил. К сожалению, рукопашная с викингками отличалась повышенной смерт-

ностью. Хорошие доспехи помогли изрядно, но если удар прошел и защита не помогла – считай, покойник.

– Местные пообещали мне, что все будет в порядке, – сказал я Заре. – Но ты – повнимательней. С тобой остается отец Бернар. Он присмотрит и за ранеными, и за кораблями, но он – не воин. Если что, именно тебе придется вразумлять здешних смердов.

– Думаешь, они рискнут выступить против нас? – усомнилась Заря.

– На наших кораблях – немалое богатство, – напомнил я. – Это искушает.

– Только очень глупый польстится на добычу викинга.

– Вот поэтому я сказал: «вразумишь», – я погладил ее по щеке. – Ты же умница!

– Твоя умница! – уточнила Заря, поймав мою руку. – Не дай себя убить, Ульф Свити! – попросила она, заглядывая мне в глаза снизу вверх. Как-то это у нее получалось, хотя мы были почти одного роста. – Не оставь меня, любимый, я пропаду без тебя!

И какая же она славная, Заренка Труворовна! Так и хочется обнять и не выпускать. Совсем не так, как с Гудрун. Женушка моя сёлундская, она – прекрасна. Глянешь – и дух захватывает. Обнимешь – и... круче, чем когда мой Волк приходит. Небесные врата открываются, если пользоваться терминологией Бури. А Заря – она совсем не небесная. Она – от земли. Причем – моей земли. И потому более родная, что ли...

Ладно. Живы будем, разберемся.

– Как же я могу тебя оставить, ладо мое! Вот вышибем свеев из крепости – и я сделаю тебя хозяйкой здешнего края! – пообещал я, глядя в огромные доверчивые глаза. – Думай об этом, пока я не вернусь. И о том, что я доверил тебе мои корабли и моих людей. Сбереги их! Ката, если что, тебе поможет. Она на местном болтает немного. И за пленными присматривай. Колодки колодками, а пригляд не помешает. Вот Фруту поручи. Ходить ему Бернар разрешил, вот пусть и ходит.

– Дурак он, твой Фрут.

– Скорее уж твой, поскольку родич. Да, избытком ума не страдает, да тут особого ума не нужно. Тут бдительность требуется. А думать за всех ты будешь, красавица моя. Пока мы не вернемся.

– Твоя, – зарумянилась от комплимента Заря. – Сделаю как скажешь. Сберегу. Присмотрю. Возвращайся скорее, мой ярл!

В тот момент я полагал, что сделал удачный ход. Избавил Зарёнку от опасностей предстоящих нам схваток. Дел ей здесь хватит, и я наивно полагал, что это будут исключительно мирные дела. Проблем со стороны местного населения я не ожидал. Мне казалось, я достаточно мотивировал кирьяльских пейзажей быть к нам дружелюбными.

К сожалению, я не учел, что мотивировал не всех, иначе оставил бы вместо Зари минимум пятерку бойцов.

Я вообще в тот момент взирал на мир слишком благодушно. Еще бы! Мы вырвали победу в стопроцентно гибельной ситуации. Что в сравнении с Бьёрном-ярлом какой-то там таможенный пост, который представлялся мне чем-то вроде огражденного частоколом хутора.

Однако, когда я увидел, что именно нам предстоит захватить, от моего оптимизма не осталось и следа.

Глава 22. Становление ярла. Шаг второй

Я не очень помнил, как выглядел этот остров в будущем. А вот замок запомнил хорошо. Отличный был замок. Мощный. В этом времени, разумеется, такого каменного монстра на острове не стояло. Мостов, понятно, тоже не имелось. И воды вокруг, как мне кажется, побольше, чем в нашем будущем. Но вода и отсутствие мостов нас не смущали. А вот сам опорный пункт свейской власти пусть и уступал значительно будущему замку, но все равно мне очень не понравился.

Я ожидал куда более скромного укрепления. Чего-то типа огороженного подворья с доступной высоты забором.

Большая ошибка! На макушке острова располагалась настоящая крепость. Да, не каменная, а деревянная. Но именно крепость. Значительно меньше ладожской, но не менее качественная. Чувствуется, что при ее строительстве на древесине не сэкономили.

И вообще, строений на острове хватало. Не знаю, что там, за стенами, но снаружи я углядел аж два длинных дома, десяток вспомогательных помещений, аж пять корабельных сараев, небольшой драккар размером с моего «Северного Змея» у причала и целый лодочный флот у берега.

А вот людей на самом берегу не было. И нас, похоже, все-таки ждали, потому что ворота крепости были затворены, а на башне и стенах поблескивали шлемами защитники.

Надо думать, стрелки у них тоже имеются.

Интересно, ждали именно нас или Бьёрна-ярла, на драккаре которого мы шли?

– Добрые стены, – похвалил стоявший рядом со мной Медвежонок. – Мне нравится.

– А мне – нет! – буркнул я и крикнул Льотольву: – Не высаживаемся! Идем мимо!

– Ты что? – удивился мой побратим. – Нам же туда надо! – Он показал на крепость.

– Не сейчас.

– Думаешь, мы ее не возьмем? – Медвежонок прищурился, пересчитывая шлемы на заборе. – Да их там не больше трех десятков!

– Если полезем в лоб, нам хватит. Половина хирда под стенами ляжет.

Свартхёвди еще раз внимательно изучил склоны, по которым нам предстояло взбираться, стены крепости, ворота и неохотно признал:

– Да, кое-кого убьют. Что с того? Все мы умрем.

– Не здесь и не сегодня! – отрезал я.

Наш корабль шел мимо острова. Под взглядами защитников крепости. В нас не стреляли, хотя, в принципе, могли бы.

Я снял с пояса кошель с серебром, подбросил его в воздух, поймал, еще раз подбросил...

Жест понятный. Хотите получить таможенный сбор, спускайтесь и возьмите.

Не повелись. Ну и пес с вами. Я уже кое-что придумал.

Драккар укрыли в зарослях выше по течению – укромных местечек здесь хватило бы на целый флот.

Обратно возвращались на четырех лодках, позаимствованных у рыбаков.

За лодки я заплатил серебром. Мог бы взять и бесплатно, но тогда их хозяев пришлось бы убить, а я этого не люблю. Тем более кровь между нами и кирьялами – это совершенно лишнее.

Мимо крепостного острова мы прошли в сумерках, а к кирьяльскому селению подошли практически в полной темноте.

Ворота селения были заперты. Ломиться мы не стали. Переночевали на кораблях, за которыми присматривали двое весян.

Мне доложили, что обстановка в деревне спокойная. Пищей местные снабжают исправно, пленные сидят в плену, Заря бдит. Отец Бернар обихаживает больных.

То есть за тыл можно быть спокойным.

А ранним утром, оставив одного из весян с сообщением для Зари (вдруг решит, что корабли увели), мы, не дожидаясь, пока спадет утренний туман, двинулись потихоньку к крепостному острову.

План у меня был прост. Пустить мимо острова Гуннаров кнорр и поглядеть, какотреагируют свейские таможенники. Я предполагал, чтоотреагируют они активно. То есть бросятся в погоню. Драккару догнать кнорр не составит труда. Но произойдет это не сразу, и я был уверен, что наши успеют укрыться в одной из шхер. Вернее, не в одной, а в той самой, где их будет ждать подмога: варяжата со стрелками-весьянами. Все – на заранее подготовленных позициях. Сvei бойцы неплохие, но не более чем. Дальний гарнизон – не гвардия конунга. Порядок действий мы «засадному полку» и приманке расписали по буквам. «Мы» – это в основном Медвежонок и Бури. Старшим над «пехотой» я назначил Ануда. Правда, только до тех пор, пока к ним не присоединится Гуннар, которому и предстояло довести кнорр до «засадного полка». Кроме него, на кнорре находились еще двое варяжат, весяне-лучники и четверо рабов – помогать при установке и снятии паруса. Против минимум двух десятков свеев команда кнорра не потянет, однако если свеев заведут в ловушку и начнут обстреливать сразу со всех сторон и со всех уровней, да еще из таких мест, до которых свейским хускарлам даже копья не добросить, не то что ножками добраться, то об этой части свейского гарнизона можно было забыть.

Даже если часть успеет собрать из щитов «домик» и укрыться от обстрела, то оперативно вернуться на остров у них точно не получится.

Есть совсем маловероятный вариант, что свеи догадаются, что их заманивают в засаду, прекратят погоню и поспешат обратно...

Ну что ж... Тогда нам не повезло. Вопреки обыкновению.

Я, впрочем, исходил из того, что удача не покажет нам свою очаровательную попку. Тем более что дальнейший план уже никаких вариантов не предусматривал. Потому что его основополагающий принцип гласил: «Действуем по обстоятельствам».

Как только драккар «таможенников» увяжется за кнорром, к острову совершенно открыто подойдет «Северный Змей». С белым щитом на мачте.

Отшвартуется, а дальше...

Да, именно это я и имею в виду. Действуем «как фишка ляжет».

Простой, в общем, план. Люблю такие. Я не шахматист, чтобы всякие сложные варианты на сто ходов вперед продумывать. Я – фехтовальщик. Десяток движений – и ты либо победил, либо умер.

Однако бывают случаи, когда даже совсем простые планы обламываются. Вот и нынче как раз такой... приплыл. Вернее, пришел. На веслах.

Драккар возник в утреннем тумане метрах в пятидесяти.

Как говорится: на ловца и зверь. Удача с нами, господа завоеватели!

На кнорре, который шел впереди под парусом, всполошенно заорали. Драккар шел нос в нос, и столкновение могло отправить на дно оба судна. Драккар двигался на веслах и, следовательно, был более маневренен. Что он и доказал, красиво обогнув препятствие.

Но этим не ограничилось.

– Спустить парус! Быстро! – грозно заорали с его палубы.

– А чего надо? – крикнул с кнорра Гуннар.

– Мы – хускарлы Эйрика, конунга свеев! Ты идешь по нашей воде! – рявкнули с драккара. – Должен заплатить! Остановись или хуже будет!

На драккаре затабанили сразу всеми веслами, а потом закрутили их в другую сторону. Скандинавские корабли неплохо ходят кормой вперед. Так что разворачиваться им не обязательно. Достаточно развернуться гребцам на румах. Ну, и веслами с соседями поменяться.

Быстро, да. Но пока гасили инерцию и снова разгонялись, кнорр успел уйти вперед.

– Я уже платил! – прогудел из тумана Гуннар. – Бьёрн-ярл взял с меня мыто за проход! С ним разбирайтесь!

Он сообразителен, мой норег. Особенно если речь идет о деньгах.

С драккара разразились изысканной бранью. Сравнение ярла с расхитителем могил, пожирающим опарышей из собственного гнилого брюха, было едва ли не самым доброжелательным в этом словесном потоке.

– Нехорошо так о мертвом, – пробормотал Свартхёвди.

Ну да, мы все слышали, поскольку «Северный Змей» отставал от кнорра всего лишь на сотню с небольшим метров, а голоса над водой распространяются прекрасно.

– Остановись! – заревел «таможенник». – Я тебе внутренности выну!

Какой интересный стимул для остановки. Пряма-таки Александр Сергеич: «Бездельник, дай себя догнать, дай голову с тебя сорвать!»[223]

Но это не наш случай. Кнорр не остановился. Мы – тоже. Более того, спустя минуту я уже видел в тумане нос свейского кораблика. И он приближался.

Драккары неплохо ходят кормой вперед. Но носом все-таки лучше. Да и «Северный Змей» – проворная зверушка. Мы быстро их догнали. Слишком уж свейские парни были увлечены погоней. Туман опять же. Так что взяли мы их натурально врасплох.

Свейский гребец дико завопил, когда из белесой мглы возникла оскаленная пасть «Змея». Но больше боец ничего не успел. «Змей» навис над ним, толкнул весло, которое ударило свея в грудь, снеся с рума. Крючья с хрустом впились в дерево, вниз полетели кранцы, мешки с шерстью, «Северный Змей» притерся борт к борту, сбив еще пару весел, а затем на палубу свейского драккара с бодрым ревом десантировалась наша абордажная команда.

Аккурат в тот момент, когда свеи готовились проделать то же самое, но уже с нашим кнорром.

Три корабля, сцепленных вместе, легли в дрейф, и началось самое веселье. Для нас. Свеем веселиться было не с чего. От толчка часть тех, кто уже взобрался на борт, готовясь запрыгнуть на кнорр, потеряла равновесие и с борта свалилась. Кому повезло – на палубу, кому не повезло – в воду.

Мои герои помчались по румам, рубя ошарашенных гребцов, большинство из которых даже не потрудились надеть защиту. В доспехах были только те, кто собирался разъяснить правила досмотра упрямой команде кнорра. Взяться за оружие гребцы тоже не успевали.

Кто попроворнее, сорвал с борта щит... И выиграл полминуты жизни.

Я на этот раз в первые ряды не рвался. Обойдутся без моего меча. Встал на рум и смотрел, как работают мои парни.

Работали же они, как я и ожидал, быстро и эффективно. Хускарлы-рукопашники добрались до носа раньше, чем sweи сумели выстроиться для грамотной обороны. И успели порубить не меньше десятка, пока sweйский лидер сумел собрать строй, упереться и заставить моих «ударных» отступить и собрать свою стену. Вместе с подоспевшими дренгами, углубившими наше построение.

Но до честной битвы – стенка на стенку – дело так и не дошло. К процессу подключились мои стрелки.

А в спину sweям ударил Гуннар с тремя варяжатами. И трое весян поддержали их стрелами. Далеко не каждая стрела лесовиков поражала цель, но каждая и не требовалась. Полминуты – и строй смешался. Еще полминуты – и sweи побросали оружие.

Были бы все сражения такими, как это, война стала бы моим любимым развлечением.

Нет, вру. Если бы еще не приходилось убивать людей.

Глава 23. В которой великодушие Ульфа Свити в очередной раз оборачивается против него

– Я отпущу вас всех! – крикнул я. – И вас, и тех пленных, которых мы взяли! Клянусь расположением Тора! С оружием и со всем, что вы унесете в руках! Я отдам вам корабль, чтобы вы добрались до дома!

Я мог позволить себе такую щедрость. Два корабельных сарая оказались непустыми. В одном – вполне приличный кнорр, во втором – большой, на восемнадцать румов, драккар повышенной грузоподъемности, но пенсионного возраста. Вот его я и готов был передать sweям, если те сдадутся.

– Здесь наш дом!

– Уже нет! Теперь это наш дом! И я хочу, чтобы ты сообщил об этом своему конунгу! Ты меня понял, хёвдинг?

– Я тебя понял, – донеслось из-за двери. – Но я тебе не верю!

– Я поклялся расположением Тора!

– Что с того? – изнутри хохотнули. – Принесешь ему жертву, и он простит обман!

Вот сволочь недоверчивая. А ведь я не лгу. Если сдадутся, могут отправляться на все четыре.

– Брат, давай их убьем, – проворчал Свартхёвди. – Быстрее закончим и пообедаем наконец.

– Дай мне еще немного времени, Медвежонок, – попросил я. – Он согласится. Куда ему деться!

– Они могут сражаться и умереть.

Вот ведь открытие. Кто бы мог подумать?

– С ними семьи.

– Тем более. Ты бы хотел, чтобы твоя жена попала в руки кого-то вроде Мьёра-ярла?

– Я не Мьёр-ярл!

– А этому откуда знать?

– Слушай меня, хёвдинг! Я сейчас войду к вам. Один. Без оружия...

– Ты спятил... – зашипел Свартхёвди.

– Ульф! – воскликнула Заря.

– Помолчите. Эй, ты слушаешь?

– Я слышу тебя, дан. Продолжай!

– Я буду с тобой, залогом, пока твои люди не сядут на корабль! Потом ты меня отпустишь, и вы уйдете! Я не хочу убивать! Не хочу ссориться с вашим конунгом...

– Ты уже поссорился с ним, когда убил его людей! Садитесь на свои корабли и гребите изо всех сил. Может, и успеете ускользнуть от мщения!

Вот идиот! Неужели он думает, что я его боюсь? Жалкой кучки из дюжины бойцов, запершихся в доме?

Хотя нет, не жалкой. И не кучки. Очень качественные бойцы. И отступили очень грамотно. И из дома их непросто будет выбить. Разве что поджечь.

Но этот дом мне самому пригодится. А еще есть риск, что огонь перепрыгнет на другие строения...

А так хорошо все начиналось!

Блицдопрос пленных показал: на острове постоянно проживает примерно две – две с половиной сотни. Семь десятков воинов, их семьи, несколько свободных ремесленников и обслуживающий персонал из трэлей и местных холопов-кирьялов на договоре вроде моего строителя Дедяты. Сейчас на острове осталось порядка трех десятков бойцов, причем большинство – старшего состава, потому что на драккаре, который мы взяли, в основном был молодняк, дренги. Свейский старшой Геллир Чернозубый отправил их в селение: выяснить, почему никто не сообщил о появлении корабля Бьёрна-ярла. Потом выйти из залива и пройтись туда-сюда вдоль морских берегов. Ну и в гребле попрактиковаться, чтоб не забыли, как это делается. Сугубо мирный поход. Это если Красное Копье ничего криминального не учудил. Как мне было уже известно: у Чернозубого с Медведем Медведевичем отношения были сложные. Более того, он велел караулу в селении в случае возвращения Красного Копья немедленно доложить об этом начальству.

Поскольку приказ выполнен не был, то Геллир был готов к худшему. Например, к тому, что Красное Копье перебил его людей и разграбил деревню.

Экипажу драккара было велено подойти к селению скрытно, под покровом утреннего тумана, высадиться, разведать, а далее действовать по обстоятельствам.

Обстоятельства сложились не в их пользу. Бывает.

Очередных пленнх повязали и заперли в трюме кнорра, на котором я оставил пару весян и варяжонка Куци, в котором я не сомневался, поскольку

успел лично проверить в бою. Остальные загрузились на «Северного Змея», чтобы реализовать вторую часть плана. Того, который так замечательно начался.

Мы отшвартовались на глазах у всей честной компании: шести бойцов и трех десятков гражданских.

Я представился старшему. Честно представился, «даном из Сёлунда». Сообщил, что везу оружие в Гардарику. Предложил две марки серебром за проход.

Старший тут же увеличил пошлину в десять раз.

Я хмыкнул, заявил, что даже две марки – это много, но я заплачу, потому что щедр и рассчитываю на долговременное сотрудничество. Мог бы ведь и так пройти. Что они, таможенники, могут мне сделать?

Тут я подал условленный знак, и ко мне присоединились Стюрмир, Медвежонок, Тьёдар и Скиди. А остальные бойцы чуток привстали, чтобы у дежурного по таможне была возможность их посчитать и оценить вооружение.

Неужели они думают, предположил я, что на своем корыте (кивок в сторону второго драккара) сумеют догнать моего красавца? Да что они вообще могут мне сделать, если я, скажем, прямо сейчас на них обижусь и в компенсацию за обиду заберу и драккар, и вот это стадо овец, и вот этих симпатичных девушек?

Говорил я громко, вел себя нагло, и случилось то, на что я рассчитывал. Геллир Чернозубый решил тоже показать силу. Из крепости выдвинулось подкрепление. Навскидку – человек двадцать пять. Бодрой рысцей, побрякивая оружием.

И как только они оказались на подходящей дистанции...

В общем, мы обратили их в бегство.

И даже сумели у них «на плечах» ворваться в крепость, потому что оставшиеся внутри не рискнули закрыть ворота перед своими, а бить по нам со стен было практически некому.

На этом наши успехи и закончились.

Крепость была построена толково, и swei, которые, надо думать, ее и построили, этим воспользовались. Очень грамотно заблокировали главный проход между строениями.

Это стоило им еще четверых бойцов, но строй они удержали, даже когда Медвежонок ненадолго «включил берсерка». Остальные тем временем отступили, укрылись в длинном доме, а когда кипевший священной яростью Свартхёвди выскочил на открытое пространство, то спасла его исключительно невероятная реакция берсерка. В него одновременно прилетело столько острых предметов, что щит, за которым он успел укрыться, вмиг превратился в подушечку для иголок. Очень больших иголок.

Конечно, долго в одиночестве он не оставался. Мне совсем не улыбалось потерять брата, да и остальные не дремали. Свейских стрелков и метателей наши стрелки быстренько загнали внутрь помещения, но...

Вот с этим «но» я сейчас и разбираюсь.

По моим прикидкам, в длинном доме засело примерно полтора десятка матерых свеев. Нас было больше, но по-настоящему опытных – не больше десят-

ка. Варяжата неплохо держали строй, всякие прилично били из луков, но в полутьме и тесноте длинного дома они свеям не ровня. Конечно, у нас ударная сила в виде Медвежонка и меня, но в дверном проеме мы станем отличной мишенью для копий. То же будет, если мы попытаемся проникнуть в дом через дымовое отверстие.

Я не хочу больше терять людей. Особенно когда этого можно избежать и договориться.

– Это последнее предложение, Геллир! – провозгласил я. – Либо ты соглашаешься, либо готовься умереть!

– Я согласен! – донеслось изнутри.

Наконец-то!

– Только ты войдешь без оружия!

– Может, тебе еще и бочонок пива принести, свей! – заорал Медвежонок, которому идея отдать меня в заложники, мягко говоря, не понравилась.

– Хорошо! – вмешался я. – Без оружия! Я иду!

Сняв с пояса оба клинка, оставив только нож, я поднял руки и вышел на открытое пространство.

– Заходи в дом! – потребовал Геллир.

И я зашел.

Так вот ты какой, шведский олень. Вернее, лось. Из рта хёвдинга воняло, как из сортирной дырки. Надо думать, Чернозубым его прозвали неспроста.

Впрочем, в доме вообще пахло отнюдь не розами. К обычным миазмам скандинавского жилья примешивался хорошо мне знакомый запах страха. Стоны раненых, детский плач, тяжелое дыхание нескольких десятков людей... Незабываемый колорит.

Едва я откинул изрезанную, пробитую в нескольких местах кожаную завесу, заменявшую дверь, меня немедленно сцапали и оцупали на предмет длинного оружия. Оно не нашли, а нож отбрать не стали.

– Зря ты сюда пришел, дан! –дохнул на меня гниющей помойкой Геллир. – Теперь ты мой. Вели своим людям сесть на корабль и убираться, не то я шкуру с тебя сдеру!

– Не успеешь! – Не то чтобы я был очень удивлен. Когда имеешь дело с чужими викингами, надо быть готовым к любой подставе. – Шкуру сдирать – дело долгое. А времени у тебя немного. Собирайтесь и выходите! Иначе мой брат подожжет дом.

– Ты сторишь с нами! – прорычал хёвдинг.

– Мы все когда-то умрем, – безмятежно заявил я. – Почему бы не сегодня?

– Геллир, мне не нравятся его слова! – пробасил один из свеев, державших меня за руки. – Я не хочу стореть! И не хочу, чтоб сторел мой сын! Он клялся, что мы уйдем все и с оружием...

– Заткни пасть, рыбобрюхий! – взъярился хёвдинг. – Мы все умрем здесь! Ты понял? Некуда нам идти! Здесь наше место!

Ну и вонища от него. Как будто дерьмом питается.

– Бондур дело говорит, – пробасил еще кто-то. – Зачем умирать, если можно жить? Он обещал свободу...

– Он лжет!!! – в лицо мне полетели брызги из вонючей Геллировой пасти. Это не хёвдинг, а бактериологическое оружие какое-то. Пора перехватывать

инициативу.

– Ты трус, Геллир, – быстро произнес я. – Ты просрал дело, доверенное тебе конунгом, и теперь боишься предстать перед ним, обгадившись. Из-за своей трусости ты готов погубить всех своих хирдманов и их родичей. Потому-то ты и не хочешь принять мое предложение. Боишься гнева конунга...

Тут Геллир опомнился. И не нашел ничего лучшего, как заткнуть меня мечом. Сделай он это полминуты назад, когда меня крепко держали его бойцы, мне бы не увернуться. Но во время нашей дискуссии мертвая хватка свеев ослабла, да и контроль тоже, потому я ушел в сторону, потянув за собой бедолагу Бондура. Бедолагу, потому что именно его и поразил клинок хёвдинга, который рубил меня, будто лесоруб – дерево: изо всех сил и в полной уверенности, что дерево не блокирует и не увернется.

В общем, державшую меня руку враз отделило от туловища.

Заорали оба. Хускарл, оставшийся без руки, и хёвдинг, его без руки оставивший.

Я же скользнул за спину второго свея и попутно стал обладателем меча. Меч этот был тяжеловат, и мне не совсем по руке, но разить врагов им было можно. И даже нужно. Что я и сделал, всадив острие в толстую ляжку Чернозубого.

Острие оказалось туповато, вошло неглубоко. Однако Геллир совсем взбеленился и сделал еще одну попытку отправить меня в гости к богам. И опять неудачно.

Особенно неудачно для парня, у которого я позаимствовал мечуган и который выступил в качестве моего щита. Одноразового.

В доме было душно, дымно, темно и тесно. Орудовать в такой давке длинным клинком, да еще в обычной для скандинавов размашистой манере, было, мягко говоря, рискованно. Геллир рискнул. И еще раз рискнул, еще на замахе угодив по голове одному из своих, отчего и удара у него не получилось...

А потом на широкое плечо Чернозубого обрушилось лезвие секиры. Броня выдержала, но кость хрустнула. Геллир взревел. Рука его повисла, меч выпал... И я не преминул его подхватить левой рукой.

Геллиру он был уже не нужен. Разве что в качестве пропуска в Валхаллу. Еще один удар топора – и отряд противника обезглавлен. В прямом смысле этого слова. Добрый удар. Свей, который его нанес, определенно умел управляться с боевым железом.

Задаваться вопросом, почему вдруг один из свеев восстал против своего хёвдинга, я не стал. Некогда. Меня как раз сцапали: правая рука будто в тиски попала. И тут же молодецкий удар вышиб из моей левой руки только-только обретенный мечуган Геллира.

Оно и к лучшему, как оказалось, потому что этой же рукой я извлек нож и порадовал схватившего меня свея железом под мышку.

Нож застрял, но свей меня отпустил...

Для того чтобы его приятель порадовал меня ударом чего-то острого в спину. Удар получился вялым. Скорее толчок, чем удар. Кольчуга уберегла от повреждений, но не от самого толчка. Я споткнулся о чье-то тело, нырнул вперед и воткнулся шлемом в бронированный живот. Жестковато вышло. Так можно и шею повредить. Следующий удар пришелся по спине и швырнул меня на грязную солому, устилавшую земляной пол длинного дома. И тут же на меня

повалился боец, схлопотавший мой нож в сердечную мышцу. Тяжеленный, гад! Придавил конкретно.

В мою спину еще разок ткнули чем-то острым. Потом долбанули по шлему. И снова – между лопаток. С минимальным результатом. Не так-то просто убить человека, на котором надета качественная броня.

Не просто, но возможно. Особенно если этот человек похож на придавленного тапком таракана...

К счастью, времени на мое добивание у моего недруга не осталось.

Обычный шум боя внезапно накрыл леденящий сердца берсерочий рык.

В двери, о которых забыли в суматохе, ворвался мой братец Медвежонок.

И всем моим недоброжелателям как-то сразу стало не до меня.

А потом в щеку мне дохнул мой Волчок: чего разлегся? Время сплясать!

И мы сплясали. Отменный танец получился. Жаль только, что гражданские пострадали. Те, кто не сообразил забиться в самый дальний угол.

Впрочем, подпали мы дом, погибших было бы на-амного больше.

Глава 24. Цена безопасности

– Я думал, ты умом ослаб, братец! – простодушно сообщил мне Медвежонок, пока местные жители под руководством дренгов стаскивали своих бывших хозяев в одну большую кучу на берегу. – А ты великую мудрость проявил и дивную храбрость!

Ага. Как же! Однако признаться в том, что стратегическое мышление – не моя сильная сторона и все сразу пошло наперекосяк, было бы *стратегически* неверно. Потому я важно закивал и сделал вид, будто с самого начала угадал причину суицидного поведения Геллира Чернозубого. Мол, решил мужик: лучше сдохнуть в бою, чем предстать перед конунгом законченным лузером.

Впрочем, это как раз в моем стиле – удачно сымпровизировать, а потом делать вид, будто так и задумано. Мол, я заранее знал, что с крыши летит кирпич, а не сунул руку в карман, обнаружил отсутствие кошелька и остановился.

Лютые видом новобранцы глядели на меня с восхищением. Ну да, я заполучил в хирд еще парочку шведов: младших братьев истекшего кровью Бондура. Парни решили, что Геллир напал на их брата. И в два топора прикончили своего бывшего вождя. А потом ухитрились выжить в последовавшей мясорубке.

Что характеризовало их с наилучшей стороны.

Как моих будущих хирдманов, разумеется.

Медвежонок проворчал что-то не слишком одобрительное: мол, нехорошо это, когда бойцы убивают собственного вождя. Но все-таки признал: повод для бунта у братьев был, факт. А главное: Медвежонок тоже знал, что нам нужны люди. Особенно умелые и везучие. А эти именно таковы. И после содеянного обратной дороги у них нет. Следовательно, нам они будут верны. Без вариантов.

Братьев звали Траусти и Трюгви Крумисоны. Забавно. Покойный хёвдинг вряд ли согласился бы с тем, что имена им подходят. Они переводились как «заслуживающий доверия» и «верный».

В общем, все закончилось благополучно. С нашей стороны вообще ни одного погибшего. Очередное доказательство тезиса о том, что правильный строй – это наше все. То есть не совсем «наше», но для менее опытных бой-

цов – да. И там, в доме, мы с Медвежонком обошлись парой десятков ссадин, синяков и царапин, потому что встретил нас не сплоченный строй свеев, а вооруженная толпа, дезорганизованная, потерявшая лидера и вдобавок изрядно обескураженная предшествующими событиями.

Хотя, как выяснилось, особой сплоченности у «таможенников» и раньше не было. Геллир отличался характером вздорным и злобным. Надо думать, этому весьма способствовала терзавшая его зубная боль.

Тем не менее никто из выживших свеев присяги мне не принес. Ну, кроме Крумисонов. Причина тоже была понятна: родственники в «метрополии».

Всего же пленных у нас оказалось восемнадцать штук. Это не считая той тройки, что осталась в кирьяльской деревне.

Что делать со всей этой оравой, я не знал. Убивать не хотелось, рабов из них не получится. Разве что на каких-нибудь галерах или в каменоломнях. То есть в цепях и под жестким контролем. Галер у меня не было. Каменоломен – тоже. Отпускать их на свободу попросту опасно.

Выход подсказал Тъёдар. Пусть пленные принесут торжественную клятву, что отправятся домой и больше никогда не поднимут против нас оружия. Текст клятвы составил он же. И это был хороший текст. Будь я убежденным последователем скандинавского пантеона, никогда не рискнул бы нарушить подобную клятву.

По всей видимости, пленные тоже прониклись. Но поклялись. Все. Потому что несогласных ждало тесное общение с Медвежонком, который заявил, что охотно подарит упрямецв Одиуну. Причем не в качестве соседей по застолью, а реализует схему, по которой жрецы Одноглазого приносят рабов в капищах.

А для тех, кто все-таки колебался (отомстить-то хочется!), я усилил мотивацию дополнительным бонусом: возможностью забрать с собой семьи. И пообещал выделить для транспортировки один из трофейных драккаров.

В общем, по понятиям викингов, щедрость к побежденным проявил неопишемую.

Драккар, конечно, не ахти. Пенсионер скандинавского флота. На таком по рекам ходить можно, а вот на море, да еще в непогоду...

Впрочем, это уже не мои заботы.

Единственное, что я пресек, это попытки проигравших забрать с собой кого-то, кроме самых близких родственников. Все сестры, вдовы и сироты оставались. Я собирался обосноваться тут надолго, и мне следовало подумать о женщинах для моих хирдманов. Причем женщинах качественных. Тех, что станут матерями моих будущих воинов. Во как!

Я сообщил об этом братцу, и тот с моей позицией полностью согласился. Правда, не преминул напомнить, что главный наш дом не здесь, а на Сёлунде, однако признал: здешняя земля тоже хороша. И, владея ею, я вполне могу называться уже не просто вождем, а ярлом. И он, Свартхёвди Сваресон, тоже приподнимется. Станет братом ярла и сам почти ярлом, ведь мы с ним побратимы, а у побратимов все общее.

Кроме жен, напомнил я.

Ну это пока мы оба живы, оптимистично уточнил Медвежонок. А когда кто-то из нас умрет...

Ну да. Жен ведь тоже можно наследовать. Вместе с имуществом, понятное дело. Медвежонку-то ничего не грозит – жениться на сестре он не станет. А

вот если с самим братцем несчастный случай произойдет, то мне может по этой схеме достаться его супруга Фрейдис, дочь Хальфдана. Хальфдана Черного, конунга многих-многих норвежских земель... А может, уже и всех, поскольку когда мы были у него в гостях, к этому и шло. Характер же у дочери конунга Фрейдис... Как у дочери конунга.

И на фига мне такое счастье?

– Если тебя убьют, пеняй на себя! – предупредил я братца-берсерка. – Найду тебя в Валхалле и буду убивать каждое утро! Вместо завтрака!

Свартхёвди ухмыльнулся. Шутка понравилась.

А я, кстати, и не шутил.

– Я беру «Змея» – и за нашими в деревню, – сообщил я Медвежонку. – Вы тут и без меня занятие найдете.

– Это точно, – согласился Свартхёвди. – Лично я собираюсь выбрать трех самых лучших девок и показать им, как Ньёрд на кабане скачет! Я бы на твоём месте своего не упустил, пока Зари нет.

– Наскакался уже, – проворчал я, остро мечтая о том, чтобы снять кольчугу с поддевкой и дать чуток покоя избитой спине.

Но нам, ярлам, покой только снится. И я пошел не в коечку, а собирать группу прикрытия. Чтобы просто дойти до селения на «Северном Змее», хватило бы и четырех пар рук. Но я помнил, что в том же направлении только что ушел драккар с освобожденными пленниками. И пусть все они принесли мне страшную клятву о непричинении зла, однако искушать их я не планировал. Свеи-мореходы поопытней меня и наверняка понимают, что груженный под завязку старичок – не лучший транспорт для возвращения домой. А давать им даже малую возможность увеличить флотилию за счет моего любимого кораблика я не собирался.

Опять-таки надо проконтролировать процесс приобщения к землякам той удалой тройки, что сидит в колодках в кирьяльской деревне.

Так что, парни, завязывайте штанишки. Большой праздник придется немного отложить. Новоиспеченному ярлу нужны ваши мозолистые руки.

Впрочем, собирать команду я поручил Скиди, а сам воспользовался моментом и взобрался на вышку, установленную сразу за длинным домом.

Вид сверху открывался потрясающий. Сейчас, в хорошую погоду, можно было даже селение у входа в залив разглядеть. И всякие мелкие строения у берега. И ленточку Вуоксы. И синие зеркала озер, прорезающие бесконечный лес. И, конечно, сам залив, который впоследствии назовут Выборгским. Ну, или еще как-нибудь. Важно, что теперь это все – мое. Все это озерное и лесное королевство. Я теперь его король. А прежние хозяева этого неисчерпаемого богатства... Вон они. Медленно ползут на крохотном, как кажется отсюда, сверху, кораблике в сторону Балтики.

И надеюсь, они будут ползти домой еще долго-долго. И может быть, море возьмет на себя то, что не позволило мне сделать мое неуместное человеколюбие...

* * *

Фрута зарубили, когда до рассвета оставалось всего-ничего. Зарубили обычным деревенским топором, тяжелым, на длинной рукояти.

Фрут попросту проспал свою смерть. Наверное, потому что именно к утру его нога наконец-то перестала ныть и отрок уснул быстро и крепко, как в дет-

стве.

И не проснулся, когда дверной полог откинулся и в дом проник чужой. Вернее, чужая.

Умереть во сне от рук даже не смерда, а бабы – позор для варяга, так что Фруту повезло. Он умер раньше, чем осознал свой позор.

Тем же топором, которым прикончила Фрута, убийца разбила колодки плененных свеев.

После чего топор сменил владельца. Как и оружие Фрута. А затем тройка освобожденных и очень сердитых свеев двинулась к подворью, которое было отдано под наш госпиталь.

Подворье сторожили псы и весянин, раненный в правую руку, но сохранивший неповрежденными глаза и уши. Однако органы чувств бесполезны, если у их обладателя проблемы с мозгом.

Свеев псы знали. До того как оказаться в колодках, эти бойцы квартировали как раз здесь. Потому встретили собачки ранних гостей вполне дружелюбно.

Весянин же, глядя на реакцию собак, почему-то решил, что вернулся кто-то из своих, и вместо того, чтобы поднять тревогу, поинтересовался, придурок, почему через забор? Мол, он мог бы калитку открыть...

Это было последнее, чем он интересовался.

В доме имелись двери. На лето их обычно снимают, ограничиваясь занавесой, однако по распоряжению отца Бернара их навесили снова. Раненым нужно тепло.

Построен дом был не по-скандинавски, а по-здешнему. То есть выглядел как приземистая, почти квадратная избушка из кое-как ошкуренных стволов на фундаменте из диких камней и с зашпаклеванными мхом щелями. Внутри – одна-единственная комната с печью под продухом в крыше.

Боеспособными внутри были только двое: Заря и отец Бернар.

Последний, я полагаю, мог бы преподать свеям урок владения оружием, но, став монахом, слишком серьезно относился к заповеди «не убий».

Заря же вряд ли устояла бы в рукопашной даже против одного свейского бойца. Потому что я так и не сподобился поднять ее уровень владения клинковым оружием.

В общем, три злющих свея внутри нашего госпиталя – это все равно что голодная лиса в курятнике.

Однако немедленную расправу сумел оттянуть отец Бернар.

Монах спал чутко и проснулся от дружелюбного собачьего повизгивания. И замечательную фразу насчет калитки он тоже услышал.

В отличие от весянина мозг у франка имелся и работал очень хорошо. И быстро. Как и положено бывшему шевалье, то бишь элитному воину франкского короля, пусть и ударившемуся в прикладное богословие.

Как только весянин забулькал вскрытым горлом, отец Бернар метнулся в двери и хлопнул оную, отшвырнув сунувшегося внутрь свея. Доля секунды – и монах отыграл промах тупоголового караульщика: бросил на скобы дубовый брус засова.

Не сказать, что двери, подвешенные на петлях из толстой кожи, были особо прочными. Вдобавок открывались внутрь: разумная предосторожность на случай обильного снегопада, но не очень удачная конструкция на случай

штурма. Правда, петли крепились изнутри, так что перерубить их снаружи было непросто.

Впрочем, свеи не пытались. Все тот же топор лесоруба обрушился на саму дверь. Полетели щепки, и уже через минуту стало ясно, что отсрочка вторжения будет недолгой.

Заря проснулась через секунду после отца Бернара.

– Кто? – крикнула она, поспешно обуваясь.

– Чужие! Воины!

– Много?

– Не ведаю.

Раненые, Егри и холоп-весянин, проснулись. Весянин полез под лавку, Егри попытался встать, но его повело, и если бы не отец Бернар, варяжонок бы не устоял.

Заря быстренько опоясалась, накинула тетиву на рога лука. Если свеи ворвутся внутрь, вряд ли она успеет сделать больше одного выстрела. И не факт, что этот выстрел не придется в щит. В общем, все плохо. Заря это понимала. А еще она догадывалась, что такое три злых нурмана. Так что сдаваться живой не собиралась.

Эх, будь здесь хотя бы один настоящий боец – хоть немного придержать врагов, чтобы Заря могла стрелять...

Отец Бернар мог бы... Но он не станет.

Заря отошла в самый дальний угол, выигрывая расстояние.

Дверь жалобно трещала. Сейчас развалится...

Отец Бернар подскочил к ней, схватил за плечо, толкнул к печке:

– Беги, девочка!

– Куда?!

– Туда! – Отец Бернар показал вверх, на продух в крыше. – Ты пролезешь!

– Нет! Я останусь...

– Лезь, я сказал! – Отец Бернар схватил девушку, без особого напряжения поднял и поставил на печь. Потом вспрыгнул сам... Горячо, однако. Угли прогорели, но печь еще толком не остыла, а он – босиком.

– Руки вверх! – скомандовал он, и, как только Заря вскинула руки (в левой – лук и пучок стрел), отец Бернар, присев, ухватил ее за колени (бог простит, что прикоснулся к женщине) и с силой выбросил девушку в продух. Заря упала животом на деревянный (чтоб солома от искр не загорелась) бортик продуха и, зацепившись правой рукой, перекатилась на соломенный скат крыши.

Светало. Легкий туман висел над землей. Ближе к воде он сгущался... Но не настолько, чтобы Заря не увидела, как от пристани отходят её корабли!

На миг Зарю охватила паника...

Только на миг. Грохот ударов топора, ломающего дверь, напомнил о проблемах более срочных.

Осторожно, чтобы не проломить слабую крышу, Заря встала на колени. Теперь она смогла увидеть двор.

Она была готова к тому, что двор будет заполнен врагами, но увидела только одного: рослого простоволосого свея без доспехов и щита. Но с копьем на изготовку. Были и другие, но их от девушки заслонял навес над крыльцом.

Стрелять сверху вниз неудобно. Особенно, если целишь в воинов. Сверху видны только плечи, как правило, защищенные броней, да верхняя часть

шлема. А стоит воину поднять щит, так и вообще ничего не увидишь. Чтобы пробить доспех, выстрел должен быть мощным. Для такого нужен сильный опытный лучник, который вдобавок уверенно стоит на твердой земле. Заря сильной не была, и скользкую сырую солому на покато́й крыше нельзя было считать надежной опорой, однако стрелять с колена Заря умела (Бури позаботился), и брони на нее, которого она видела, не было.

Девушка воткнула в солому стрелы (семь штук), восьмую наложила на тетиву, которую натянула едва ли вполсилы...

Стрела вошла повыше левой ключицы. Свей посмотрел на нее удивленно. Потом глянул наверх, увидел Зарю, крикнул: «Берегись!» и без раздумий метнул копье. Хороший бросок, но неточный. Копье прогудело над головой Зари и упало по ту сторону дома. А потом изо рта свей хлынула кровь, и он завалился на спину.

Вторая стрела досталась свей, который неосторожно выскочил из-под навеса. Стрела вошла в загривок, впритык по краю шлема, который был свей явно маловат и потому нахлобучен без подшлемника прямо на голову.

Удары в дверь прекратились, и Заря увидела третьего врага.

Этот совершенно точно определил, откуда опасность, и умело прикрылся щитом. И у него тоже было копье.

Заря поняла, что у нее будет ровно один выстрел, не больше. Потом свей метнет копье. Возможно, они сделают это одновременно. Заря не сомневалась, что не промахнется. И была уверена, что свей – тоже. На скате крыши она не сможет ни укрыться, ни увернуться. Брони на Заре не было, так что куда бы ни попало копье – это смерть. Заря же должна попасть точно. Иначе раненый свей закончит то, что начал: разобьет дверь и убьет тех, кто внутри.

Пока Заря думала, ее враг отошел от дома еще шагов на десять. Он немного опустил щит, и теперь Заря могла бы выстрелить ему в шлем. Но выстрел будет слабым: не только не пробьет шлем, но даже не ошеломит. Стрела будет потрачена зря, а свей выиграет полмгновения на бросок.

Заря знала: он ее видит. И выжидает. Вот только чего? Подмоги?

Об ушедших кораблях Заря старалась не думать. Сейчас нельзя ни о чем думать. Даже о будущем выстреле. Просто послать стрелу в нужное время и в нужное место...

Свей опустил щит еще ниже. Теперь Заря видела его глаза в отверстиях лицевой части шлема. Свей не боялся. Стрела летит быстро, но он успеет поднять щит раньше, чем она уйдет с тетивы.

Заре здорово повезло, что второй свей оказался таким беспечным. Будь их двое...

– Заря! Заря! Что случилось?

Оглядываться было нельзя. Стоит ей отвести взгляд от свей, и тот метнет копье.

– Заря! Ты почему на крыше?

Весянин вбежал во двор и замер. Тот весянин, что был при кораблях. Живой.

И глупый. Мог бы сообразить: если Заря сидит на крыше, да еще с луком на изготовку, то это не просто так.

Весянин же вбежал внутрь, увидел мертвецов, свей со щитом над головой...

И растерялся.

У весянина в руке было копьё, которое он мог запросто метнуть свою в спину. У него даже лук был... В налуче! Со снятой тетивой.

Свей атаковал очень быстро. Поворот, несколько шагов, укол – и весянин мертв.

Все это время свей умело прикрывался щитом, но Заря все же выстрелила. Успела послать три стрелы, одну за другой... Две воткнулись в щит, одна – в землю.

Свей развернулся, замахиваясь...

Но Заря все же успела кувырнуться назад и нырнуть (главное – не повредить лук!) обратно в продух. Больно ударились ступнями о камни печи, прыгнула на земляной пол, цапнула стрелу из раскрытого колчана, оставшегося у лежанки, вскочила на лежанку, увидела в узенькое, расположенное на высоте человеческого роста окошко то, на что рассчитывала: воина-свея. Он не метнул копьё, но все еще смотрел наверх. Видимо, решил, что она спряталась за гребень крыши.

Заря через окошко видела его голову в шлеме, поднятую руку со щитом и открытую левую подмышку. Вот туда она и отправила стрелу.

Прекрасный выстрел! Но надо же такому случиться: в то же мгновение свей опустил руку, и наконечник угодил в плечо, прикрытое кольчугой, недавно еще принадлежавшей Фруту.

Кольчужка была так себе, но стрела все равно увязла: вошла на вершок от силы. Свей же вмиг развернулся к дому, сообразил, откуда прилетело, и сдвинулся в сторону раньше, чем Заря успела выстрелить еще раз.

Свей же оценил положение и решил, что в одиночку дом не штурмовать: выскочил в ворота и был таков.

Заря, враз ослабев, опустилась на скамью, ссутулилась.

– Ты ранена? – отец Бернар тотчас оказался рядом.

– Нет.

– Тогда что же?

– Кораблей нет, – выдохнула Заря. – Увели корабли наши...

Глава 25. Монах и викинг

Кирьяльский бонд ворочался в луже крови. Умирал. Два его сына были уже мертвы.

Кольнир обтер секиру и сунул в петлю на поясе. Секиру вместе с поясом он снял с убитого в сарае дренга. Пояс оказался впору. И шлем. А вот кольчужка тесновата. Но от стрелы лихой девки уберегла.

Кольнир взял со стола котелок с похлебкой, горячей, густой, и принялся набивать брюхо. Жены и дочери бонда глядели на него с ужасом.

– Хорошая еда, – по-свейски сообщил им Кольнир. Утерся, встал во весь рост, навис над женщинами, рыкнул грозно:

– Серебро где?

Старшая быстро-быстро замотала головой:

– Не понимаю!

Кольнир ухватил мелкую, лет трех девчонку, поднял над головой, к потолочной балке.

– Дань! – рявкнул он на местном языке. – Дай! Убью!

Кольнир знал: серебро должно быть. Это самый богатый дом в селении. А серебро ему точно пригодится. Оно всегда пригождается.

Снаружи раздался шум, говор. Местные появились. Небось, на вопли сбежались. Совсем страх потеряли. Ну да ладно. Перекусить он успел, это главное. А говорить со всеми сразу удобнее.

Кирьялов свей не боялся. Волк не боится овец. Он их убивает и ест.

Кольнир швырнул девчонку в руки матери и шагнул к двери. Чтобы выйти наружу, ему пришлось нагнуться: проем не под него делали. Вышел, остановился. Грозный, огромный – на голову выше местных трэлей. Еще и шлем на голове прибавлял росту. А щит – ширины. Остановился, махнул копьем... Толпа сразу подалась назад. Десятка три или около того. Кольнир хмыкнул. Овец так и считают. Десятками. Даже если кое-кто из овечек обзавелся рожками: оружие приволок. Как будто оружие делает овцу волком.

– Я брать дань! – прогремел Кольнир. – Неси мне. Не дать – я убивать!

Он чуял их страх. И еще он видел: у них нет вождя. Нет того, кто может повести их на смерть. То есть на него, Кольнира. Не то чтобы он боялся такой атаки, но лучше, когда овцы умирают в страхе, а не в бессмысленной ярости.

Какой-то дурень все-таки не стерпел: пустил стрелу.

Кольнир с легкостью сбил ее щитом и тут же, с быстротой, удивительной для такого гиганта, уколол копьем первого попавшегося из трэлей. Тот рухнул, залившись кровью.

– Я убивать! – рассерженным медведем взревел Кольнир. Шагнул вперед – и трэли, толкая друг друга, бросились наутек со двора.

Но не все. Осталось трое стариков. Эти тоже боялись, но не побежали. Может, уже не могут бегать?

– Я сказать, вы слышать, – уже поспокойнее сообщил им Бейнар. – Дать дань – я ушел. Не дать – я убивать, жечь! Тогда вы дать дань. После. Вы слышать?

– Мы слышали!

Вот как! Девка рискнула выбраться из-под защиты стен. Это упрощает дело. Бейнар собирался заняться ею позже, поскольку знал: никуда она от него не денется. Заняться без спешки, основательно. Ей предстоит ответить за смерть Уни и Эйда. Не то чтобы Кольнир был особо привязан к этим дренгам, но хёвдинг дал их Кольниру в подчинение. Опять-таки, именно девка Эйда их вырчила, так что Кольнир ему должен.

Кольнир помнил об этом и собирался устроить парню хорошие похороны. А девку его уложить на костер рядом. И эту вторую девку – тоже, ведь от ее стрелы умер Эйд.

Но сейчас, глядя на лучницу, Кольнир засомневался. Красивая. Дерзкая. Опять-таки, говорит по-людски, а не по-здешнему. Такую наложницу иметь не стыдно. И выкуп за нее взять можно: бронька на девке знатная и лук славный. Значит, имеется у девки богатая родня.

– Мышка выбралась из норки! – ухмыльнулся Кольнир. – Я рад, мышка!

Свей ничуть не опасался. Она одна. Значит, воинов-данов в селении нет. Скорее всего, их сейчас убивают под стенами Геллировой крепости. Здоровяк, который стоит у девки за спиной, не опасен. Кольнир знает, что он не воин, а лекарь. Одет как свободный человек и нож на поясе, но оружия у него нет. Этот тоже пригодится. Девкина стрела поцарапала Кольниру руку. Пустяк, но чтоб рана не загноилась, лекарь не помешает. Тем более – хороший лекарь. Этот – такой. Плохого даны не стали бы возить с собой. Кроме того, хороший

лекарь стоит хороших денег. Пять-шесть марок серебром. Этого хватит, чтобы кормиться год или два.

– Меня зовут Кольнир, сын Арнхалля! – сообщил Кольнир, делая шаг вперед. – А как зовут тебя, солнцеволосая?

– Твоя смерть! – выкрикнула девка, отпуская стрелу.

Кольнир ждал этого, потому просто шагнул в сторону и, не дожидаясь второго выстрела, метнул щит.

Не промахнулся, понятное дело. Щит ударил девку в живот, выбив лук и опрокинув навзничь.

Очень правильное положение для девки. На спине, ноги врозь. И самое время вбить в нее уважение к Кольниру. Говорят: женщина, взявшая оружие, становится мужчиной. Наверное, так и есть. Если она сможет его удержать. Эта – не смогла.

Кольнир прошел мимо попятившихся стариков. Он не спешил. Знал: здесь никто не сможет ни остановить его, ни помешать... Хотя нет, один попытался. Лекарь. Надо же!

– Не подходи! – предупредил лекарь. – Я не позволю тебе ее тронуть!

– Брось щит, – посоветовал ему Кольнир. – Это воинская снасть. С ней нужно уметь управляться.

– Я умею.

Выговор у лекаря необычный. Похоже, он не из данов. Тем лучше. Даны – такие же, как свеи. У них даже бонды умеют сражаться. Хотя ни один бонд не устоит против воина.

Кольнир был по-прежнему уверен в себе. И убивать лекаря он не собирался. От живого лекаря куда больше пользы, чем от мертвого.

И конечно, он не поверил, что тот умеет управляться со щитом. Выпад копьем (напугать), затем бросок вперед.левой рукой – за край щита, правой...

Отец битв! Этот лекарь не соврал. Он – умел. Не будь Кольнир таким быстрым, край щита оставил бы его без зубов.

– Уходи! – заявил лекарь. – Уходи – и я не стану тебе мешать.

– Ты не сможешь, – процедил Бейнар, снимая с пояса секиру. – Брось щит – и я не стану тебя убивать.

– Ты не сможешь, – передразнил его удивительный лекарь.

И ловко сбил нацеленное в ногу острие копья. А от удара секирой он ушел, немного отклонившись назад. И тут же ударил щитом, сбивая новый копейный выпад. Сильно ударил, но копье все же не сломал.

Кольнир понял: легко не будет. Но он справится. В крайнем случае можно будет немного попортить лекарю шкуру. Сам же потом себя и вылечит.

Кольнир усмехнулся собственной мысли и ударил сразу с двух рук: секирой сверху, а копьем справа и вниз. Причем только удар копьем был настоящим. Секирой же своей уцепил край щита и рванул на себя, не позволяя отбить копье, которым Кольнир целил подколоть лекаря ногу.

И лекарь опять его перехитрил. Не стал сопротивляться рывку, отчего его бросило вперед, на Кельнира. Копье прошло мимо цели, а вот край щита на этот раз достал-таки свея.

Тот, конечно, сумел принять его не носом, а краем шлема, но удар прошел знатный, и Кольниру пришлось отскочить, выпустив секиру.

К его удивлению, лекарь подхватывать секиру не стал, оставил лежать на

земле.

– Уходи! – повторил он. – Я не буду тебя убивать!

– А я – буду! – угрожающе процедил Кольнир. Нет, убивать лекаря он по-прежнему не собирался. Собственной рукой выкинуть пять марок – глупо.

Он оценил противника и был почти уверен, что справится и без убийства. Немного смуцало, что лекарь не взял секиры. Почему?

Противник Кольнира ждал. Стоял между ним и лежащей девкой, которая уже перевернулась на бок и свернулась клубочком. Щитом ее приложило знатно. Когда она очухается, положение может усложниться. Поэтому следует поторопиться. Кольнир двинулся на лекаря, поигрывая копьем...

И тут что-то ударило его в ногу.

Кольнир скосил глаза и увидел, что в ляжке засела стрела. Боли не было. Только небольшое неудобство. Взгляд вправо... Вторую стрелу он отбил копьем, третья бессильно скользнула по шлему. Двое местных стояли у забора и били в него из луков, будто он – дикая свинья, а не хускарл.

Кольнир зарычал от бешенства и устремился к ним.

К его удивлению, кирьялы не кинулись прочь, через забор, хотя между ними и свеем было от силы шагов пятнадцать, а что будет, когда своей пробежит эти пятнадцать шагов, местные наверняка догадывались. Но они не побежали, а продолжали метать стрелы.

Толку от этого было немного. Кольнир легко угадывал, куда эти стрелы полетят, и без труда уклонился. Раз пять. А когда между лучниками и их смертью оставалась лишь пара локтей, что-то со страшной силой ударило Кольнира в затылок.

Своя бросило вперед, и, чтобы удержать равновесие, Кельнир был вынужден свободной рукой ухватиться за лук одного из кирьялов. Тот завопил, попытался высвободить лук, но куда ему. Кольнир налетел на лучника, ударил его головой, краем шлема, с хрустом, в лицо. Выпустил лук, боковым зрением успел увидеть валяющийся на земле щит и даже сообразить, что именно этим щитом его и приложило.

Второй кирьял, вопя от ужаса, скорее от испуга, чем по здравому разумению, спустил тетиву последний раз.

И все.

Кольнир вдруг обнаружил, что не может вдохнуть. Цапнул себя за горло... Горло было в порядке. А вот из шеи, справа, торчал наконечник стрелы.

Кольнир уколол о него палец, и пальцу почему-то было больно. А шее – нет. «Меня убили, – подумал Кольнир. – Как же так?»

Потом подумал, что надо бы наказать убийцу. Выстреливший уже убежал со всех ног. Но копьё Кольнира догнало: вошло точно между лопаток.

Кольнир повернулся и увидел лекаря, который неторопливо шел к нему.

– Помоги, – попросил Кольнир. – Я заплачу тебе. Хорошо заплачу. И не стану продавать...

Увы. Стрела, пробившая шею, превратила разумные, хоть и лживые, слова в бессмысленный хрип.

– Дай мне оружие... – попросил Кольнир, понимая, что все-таки умрет.

Но лекарь не понял. Или не послушал. Быстрым движением он выдернул у Кольнира из шеи стрелу.

Последней мыслью свей было: поймет ли Один, что он, Кольнир, выпустил

оружие не просто так, а чтобы отомстить своему убийце?

Глава 26. Монах и смерд

— Не знала, что ты воин, – взгляд Зари полон восхищения. – Как ты бился! Одним щитом! А как ты метнул его! Куда лучше, чем сам свей. Стюрмир не сделал бы это лучше!

Отец Бернар смущен. Он понимает, что для этой девочки только воин и есть настоящий человек. Ей бесполезно объяснять, что человек рожден не для того, чтобы проливать кровь других людей. Она не знает Бога.

– Ты такой сильный и такой быстрый! Почему ты не сражаешься, если ты воин?

– Я был воином, – говорит отец Бернар, осторожно ощупывая ребра под гематомой. – Так больно?

– Ничего... – Заря улыбается. Глаза ее блестят, рот приоткрыт, ровные белые зубки влажно блестят. Это нехорошо, понимает отец Бернар. Раньше она не так реагировала на его прикосновения. Он лекарь. Не воин. Не мужчина. С отцом Бернаром уже случалось подобное. Ничего хорошего от такого ждать не приходится.

– Я должен знать, когда тебе больно и насколько больно! – строго произносит он. Похоже, ребра целы. И еще похоже, что Заря не права. Этот викинг умел метать щит получше, чем сам отец Бернар. Бросок свей был точно выверен: вывести из боя, ничего серьезно не повредив. Очень непростая задача, учитывая, что на Заре была кольчуга и подкольчужник.

Заря лежит на лавке, застеленной плащом. На ней мужские исподние порты с развязанным шнуром, спущенные до лобка, до светлой с рыжиной щеточки курчавых волос. Ее юное тело мало похоже на тела женщин, с которыми отец Бернар делил ложе до того, как принял постриг. Если не считать грудей, в этом теле нет и следа присущей женщинам мягкости. Ее мышцы рельефны и сильны. Особенно те, что связаны со стрельбой.

Отец Бернар не вожделеет к ней. Похоть и убийство – две руки одного демона. Отказавшись пронзать плоть железом, отец Бернар отринул и второе: пронзать естество женщины. Он любит эту девушку, как и все живое, что создано Богом. Не более и не менее. Он любит ее душу. Он мечтает подарить ей Жизнь Вечную, а не жизнь нового человека. Еще одного маленького грешника.

А вот лежащий на соседней скамье Егри не отказался бы возлечь с Зарей. Но никогда этого не сделает.

Егри очень плохо. Не от телесных ран. Эти – заживут. Егри очень стыдно. Они бились за него, но без него. Он – большой и сильный. Он – варяг. Он – воин. Но сейчас он не опаснее улитки. Егри уверен: будь на его месте Ульф, Свартхёвди, Виги, они бы превозмогли жалкую слабость. Они встали бы и сражались. Воина Севера не остановить какой-то там раной. Его можно убить, но пока он жив, он сражается. Без руки, без ноги, с двумя вершками железа в животе. Никакая боль его не остановит.

Егри не смог. Он пытался, но мир вокруг тут же начинал качаться и мерцать...

И опрокидывал Егри обратно на ложе.

Женщина и лекарь отстояли жизнь Егри. Это долг, который невозможно вернуть. Так думает Егри. Он скрежещет зубами от бессилия. Ему кажется: он

слышит презрительный смех. Кто это смеется? Заря? Отец Бернар? Раб-весянин? А может быть, сам Перун?

«Больше никогда!» – клянется сам себе Егри. Больше никогда он не проявит позорную слабость. Это хуже смерти.

Пока отец Бернар лечил Зарю, свея обобрали. Выйдя, он увидел мертвое тело с алыми метками от вырезанных стрел.

На подворье уже распорядился новый хозяин: племянник убитого старосты. Тот самый, что свободно болтал на языке викингов. По приказу нового хозяина два кирьяла деловито раскладывали на земле какую-то девку. Голую. Та не сопротивлялась. Лицо красивое, но опухшее. Хотя непохоже, чтобы ее били.

– В чем ее вина? – спросил отец Бернар. Спросил на языке викингов, потому что на местном знал пока что лишь несколько десятков слов.

Ответил новый хозяин подворья.

– Это она освободила свеев, – сообщил он.

– Почему?

– Она была наложницей одного из них.

Отец Бернар подошел к девке поближе, наклонился...

Та смотрела пусто. Как мертвая.

– Что хочешь с ней сделать? – спросил отец Бернар.

– Сначала позабавимся, потом зарежем. Из-за нее убили мою родню.

– Нет! – отрезал отец Бернар. – Так не будет.

– Почему? – удивился кирьял. Штаны его топорщились спереди.

– Я запрещаю.

Племянник прищурился сердито. Он был старшим в роду после убитого старосты. Теперь именно он стал главой рода. И дом этот теперь его, и двор. И здесь, на его земле, какой-то чужеземец смеет с ним спорить?

Но потом кирьял вспомнил, что этот чужеземец как раз и остановил свея. Бился с ним на равных. Он оценил сложение и осанку и решил, что перед ним все же не простой человек, потому решил зайти с другой стороны.

– Не жалея ее. Она и вашего тоже убила. Зарубила топором. А потом освободила свеев.

Да. Все было правильно. Все по здешнему праву. Смерть за смерть. Если сил хватит.

– Поднимите ее, оденьте и закройте, не причиняя вреда, – отец Бернар принял решение. – Мой хёвдинг решит ее судьбу.

– Но... – Кирьял покосился на девку, облизнулся... – Может, он уже не вернется, твой хёвдинг. Ваши корабли ушли.

– Он вернется, – заверил отец Бернар. – Здесь его жена. Он вернется, когда выбьет свеев из крепости. И тогда он спросит тебя: почему не он, а ты взялся судить убийцу его человека?

Кирьял сглотнул. Штаны его больше не топорщились.

«Страх убивает похоть», – подумал отец Бернар.

– А если свеи убьют твоего хёвдинга? – спросил он. – Что тогда?

– Тогда мы умрем, – сказал отец Бернар. – И ты и я. Когда они придут сюда.

Кирьял понял. И испугался еще сильнее.

– Мы сделаем, как ты сказал, – пообещал он. – Ничего не говори своему хёв-

дингу.

Отец Бернар кивнул. Люди – рабы страха. Лишь дети Божьи не боятся ничего.

Глава 27. Монах и женщина

— Твой человек брал твою жену! – сообщил как бы по большому секрету новый староста. Наклонил голову, прищурился... Ждет моей реакции.

Его имя – Сохрой. Раньше он был всего лишь переводчиком. Теперь он тут главный. И пытается втереться ко мне в доверие. Доносом. По его словам выходит, что я не только потерял троих людей, но еще и Заря с кем-то из них согрешила в мое отсутствие.

Врет? Непохоже. Наверняка знает, что за подобную ложь, если это ложь, ответить придется очень-очень серьезно.

– Кто?

– Лекарь.

Сюрприз, однако. Выходит, мой монах не только в драку ввязался, так еще и обет воздержания нарушил.

Кабы в этом нарушении не участвовала Заря, я бы, пожалуй, порадовался за человека. А так...

– Сам видел?

Помотал головой. Нет, не сам. Сын с племянником. Все видели и ему рассказали. Сначала монах и девушка разделись до исподнего, потом – купались в ближайшем озере, потом – это самое.

М-да. Не ожидал. Ни от Зари, ни от монаха. Хотя...

Он ее спас все же. А на секс здесь смотрят просто. Я, к примеру, могу любую здешнюю девушку в постель взять. И любой из моих хускарлов. Пальцем поманит – и сама прибежит. Но Заря...

Нет, отец Бернар – мужчина видный, конечно... Но как-то не верится.

– Позвать сына с племянником? – предложил понятливый староста.

– Нет. Иди.

Без свидетелей обойдемся.

Я вернулся в дом, кивнул Заре: выйдем.

Заулыбалась и сразу на выход.

Во дворе тут же ухватила меня за руку и повлекла наружу. Зачем и куда, я даже не сомневался. Знаю я этот взгляд шальный.

Далеко не ушли. Как только оказались за деревенской оградой, я остановился, развернул Зарю к себе личиком и спросил напрямик:

– Что у вас было с отцом Бернаром, чего я не знаю?

Смутилась. Ах ты ж... Выходит, не соврали кирьяльские недоросли.

– Зачем?

– Он нас спас, – пробормотала Заря. – А тебя не было...

– Продолжай.

– Тебя нет. Корабли ушли, что дальше – неизвестно...

Ну да. Паренек-весянин не успел передать, что велено. Его убили.

– Дальше.

– Мне было очень страшно... – проговорила Заря, прикикая ко мне. Очень хотелось ее обнять, но я не шевельнулся. – Очень страшно. Отец Бернар сказал: «Хочешь, научу тебя не бояться?» А я... я хотела. Прости! Прости меня! Хо-

чешь, я... – Заря поспешно принялась расшнуровывать подкольчужник. – Хочешь, я прямо сейчас...

Хорошо, что я ничего не успел сказать. Очень удачно получилось. Ни сказать, ни сделать. Потому что, справившись со шнуровкой, Заря не стала раздеваться дальше, а сунула руку за пазуху и достала... маленький серебряный крестик на витом шнурке.

– Выбросить? – спросила она с готовностью.

Я успел перехватить ее руку:

– Не надо. Пусть остается.

Хорошее время – лето. Вот только комары...

* * *

Утро было типичным для нашего климата. Дождь. Даже не дождь, морось. Но безостановочно.

Однако время не ждет. Мы позавтракали, чем бог послал. Вернее, боги. Которые сделали сие благое дело руками местных жителей под управлением нового старосты.

За стол с нами он не сел, но в глаза мне заглядывал проникновенно. Хотя веселенькое настроение Зари и вполне бодрый вид отца Бернара его, похоже, удивили. Как-то не складывался их здоровый вид с моей репутацией вождя викингов.

Впрочем, трогать болезную тему он не стал, а всего лишь деликатно осведомился, как ему следует поступить с блудливой девкой, убившей нашего соратника и освободившей пленных свеев. Мол, было ему велено ждать моего прибытия и высочайшего решения. Но если преступница слишком ничтожна для моего величества, то, может, он сам с ней разберется?

Я покосился на Медвежонка, но тот к разговору не прислушивался. Кушал кашку с гусятиной, вернее, гусятину с незначительной примесью зерновых, и параллельно расспрашивал нашего нового хирдмана Траусти Крумисона насчет плотности движения плавсредств мимо острова, который впоследствии назовут Замковым. Траусти отвечал подробно, особо останавливаясь на финансовой стороне речного трафика.

Что ж, дело это нужное, пусть занимается. А мне придется вершить справедливость самому.

Братец пришел сюда вчера вечером на новом драккаре. Том, который мы отбили у Медвед Медведыча. Братец уже дал ему имя. «Клык Фреки».

Имя – говорящее. Так зовут одного из волков – спутников одноглазого Отца Воинов. Волки Гери и Фреки. Жадный и Прожорливый. Прожорливый – это наш.

Для правильных крестин требуется жертва. В качестве таковой Медвежонк использовал одного из раненых свеев, которого свои не взяли на борт. Оставили умирать в крепости. Воин – это отличная жертва. Даже умирающий. Одину будет приятно. Но еще приятнее, что драккар был взят в бою. И в процессе этого тоже полит кровью. Мой братец надеялся, что «Клык Фреки» станет не менее удачливым драккаром, чем «Северный Змей». И тогда мы все разбогатеем еще больше.

Староста терпеливо ждал, пока я прожую и додумаю, всем своим видом выражая преданность и почтение.

– Эта девка – твоего рода? – поинтересовался я.

Тот активно замотал головой и даже отшатнулся немного от такого постыдного предположения.

А шустрый мужик, однако, этот Сохрой. Для своей должности – лидера мирных жителей поселения и окрестностей – выглядел он довольно молодо. Здесь обычно, если староста, то седая борода, которую под пояс можно заправить. А этому с виду и сороковника нет. Зато одет весьма респектабельно: рубаха цветная с вышивкой, с рукавами, прихваченными чем-то вроде серебряных запястий, на ногах сапоги, на широком поясе – нож с серебряной же рукоятью. Плюс цепь на шее и шапка, шитая цветными бусинами, которые в Ладоге варят по секретному рецепту и используют в качестве местной валюты. Покойный-то староста, приходившийся Сохрою дядькой, победнее выглядел.

Ладно. Значит, и мне следует соответствовать.

– А родичи у нее в селении есть?

Староста вновь замотал головой.

– Рабыня она свейская, – сообщил он. И тут же поправился: – Была то есть. Теперь – ничья.

– Ничья? – поднял я бровь. – Ты так думаешь?

Еще шагок назад. Выражение лица – «как будет угодно вашей милости».

Ох, хитрая бестия. И скользкая. Ну да я его стреножу. И не девкой, которая зарубила лопухнувшего Фрута, а тем, что он мне о Заре и отце Бернаре набрехал. По действующим законам этого времени за измену муж вправе предать жену смерти. А за поклеп с лживого доносчика можно спросить той же мерой. При желании и возможности. Убивать его мне не хочется да и не выгодно. Через кого я тогда с местными общаться буду? Но выволочка – необходима. Так что скоро хитрый кирьял у меня закрутится, как угорь в грязюке.

– Судить у тебя дома буду, – сообщил я местному лидеру. Не хватало еще под дождем мокнуть. – Так что убивицу – туда же. Ждите. Я приду.

Первым делом я приоделся. Бронь, шлем, плащ, цепка золотая и такие же браслеты. Золото не повредит. Сей благородный металл здесь носит исключительно аристократия. Ну или особо великие воины. Так что при виде злата простым смертным надлежит трепетать и пресмыкаться. А поскольку мне местными жителями предстоит рулить по суверенному праву рейдера-захватчика, то пусть трепещут. Тогда никаких глупых мыслей о неповиновении в голову не придет. Ну это если не сдирать с них семь шкур. А я такого делать не собираюсь. Более того, буду с ними щедро расплачиваться за другие шкурки. меховые. Но поугатать хитрованов всегда полезно.

Идти одному несолидно. Так что я взял с собой Скиди. Сначала собирался позвать Вихорька. Как наиболее близкого родича, если не считать Медвежонка.

Но вовремя вспомнил, как трепетно относится мой названный сын к Заре. Как бы не перестарался.

– У меня к тебе будет особая просьба, – сказал я ему. – Личного характера.

Скиди очень оживился. И еще больше оживился, когда мы отправились в дом старосты.

Ну да. Представительниц женского пола здесь в избытке.

Староста, интриган хитрозакрученный, о настоящей причине нашего визита не догадывался. А я ведь умышленно не конкретизировал, кого именно буду судить. А то еще подастся в бега. Ищи его потом...

Скиди тоже не сразу въехал. Поначалу решил, что я хочу ему подарить рабыню-преступницу. Скривил рожу: вид у подсудимой был, мягко говоря, непрезентабельный.

Зря беспокоится. И судить ее я сейчас не буду. Ненависти к ней у меня нет. Фрута, которого она зарубила, я почти не знал. А она дралась за того, кого любит. Ей не повезло. Ее хозяйина нет в списках победителей. По местному праву за действия раба спрашивать следовало с хозяйина. Но с него уже спросили. Стрелой в тушку. Однако судить убивицу все равно надо. Потому что надо. Но этот грех я на душу не возьму. Формально рабыня – это имущество. А имущество – это по части моего братца. Вот пусть Медвежонок с ней и разбирается.

– Сына с племянником зови, – велел я. – Тех, кто видел, как моя жена с лекарем любилась.

Скиди уставился на меня как на великаншу Ран, всплывшую из морских вод и предложившую ему отобедать свежим покойником.

– Зову, господин ярл!

Если он и удивился, то виду не подал.

Два недоросля. Морды красные, волосы белые, глаза нахально-испуганные.

– Рассказывайте правду, не бойтесь, – поощрил их я.

Папаша перевел. И еще от себя что-то добавил. Наставляющее.

Свидетели тут же заговорили. Уверенно так. Если бы я не знал, как было на самом деле, не усомнился бы.

Сохрой переводил. Явно хотел мне понравиться. Заработать бонусы в будущей политической игре.

Жаль, я не знаю их языка. Не могу оценить качество перевода.

– Довольно! – перебил я рассказ о том, как «согрешившие» вошли в озеро в одном исподнем и отец Бернар трогал Зарю за разные части тела. – Мне не интересно слушать о том, как они купались. Я хочу услышать о том, как они легли и что было дальше. А потом вы покажете мне это место. А ты, – я глянул на нового старосту с максимальной суровостью, – переводи слово в слово!

Ага. Засомневались... Наконец тот, что чуть покрупнее, сын вроде, начал рассказывать.

Мол, поиграли они в озере, вышли, сняли одежду, ну и...

– Сам видел? – сурово спросил я. – Скажи ему, Сохрой, что за вранье я с него шкуру спущу, выверну и обратно надену. Ну!

И фантазии сразу кончились. Осталась лишь правда. Которая состояла в том, что «прелюбодеи» отжали мокрые портки, надели сухие... Собственно, все.

Папаша еще чуток поперекался с сыном по-своему, и тут уж мне знания языка не потребовалось. Заботливый отец пытался донести до молодежи, что они были глубоко не правы, когда дали волю воображению.

Молодежь меня не интересовала. С ними все ясно. И с папашей, который так проворно прискакал ко мне и поведал инфу о мнимом адьюльтере, тоже понятно. Сохрой мне должен. И должен это уяснить. Как следует.

– Значит, так, – вынес я вердикт. – За попытку оклеветать мою жену (ну не

совсем жену, не принципиально) следовало бы вырвать вам троим языки и повесить вас на древе в дар богу Одину – он лжецов привечает.

Скиди хищно оскалился: решил, надо полагать, что вырывать и вешать – ему.

Староста побелел. Связанная убивица охнула. Прикинула, что будет с ней, если я так обхожусь с обычными болтунами.

Ничего. Побояться не вредно.

– Переведи им, Сохрой, – потребовал я.

Перевел, куда деваться. Нет, удрать у вас не получится. Скиди сместился к двери. На лице у него было написано, как он мечтает перейти к активным действиям.

– Я еще никогда не рвал языки, хёвдинг, – сообщил он мне деловито. – Но видел, как это делается. Одному такое несподручно. И щипцы нужны особые. Хотя и кузнечные подойдут. У нас на «Северном Змее» такие есть. Я кликну кого-нибудь – сбегать?

– Не суетись, – сказал я ему на языке франков, которым мы оба владели прилично. – Языки рвать не будем. Это я так, пугаю.

– И вы были бы повешены, – продолжал я по-скандинавски, обращаясь в доносчикам. – Если бы дошло до суда. И это была бы малая цена за честь мою и моей жены. Однако я думаю так: ваша ложь не выйдет за пределы этого дома. Мой человек, – кивок в сторону Скиди, – ничего никому не расскажет, и вы – тоже.

Я специально начал со Скиди, чтоб не решились, что я их всех зарублю на месте.

– Возможно, я даже оставлю вас в живых, – продолжал я, поглаживая рукоять Вдоводела. – Однако поклеп, который возвели твои родичи, требует наказания. Так?

Староста быстро-быстро закивал. Смышленный. Понял, что казнь откладывается. Более того, его самого я уже вывел из числа ответчиков.

– Они ж дети! – залопотал кирьял. – Детишки! Напридумывали невесть что! Не со зла же.

Детишки, значит... Склонен думать, что через год-другой «детишек» этих уже женить пора. Если доживут.

– Детишки, говоришь? Скиди! Найди ремень пожестче и выдай детишкам положенное, – попросил я. И добавил опять по-франкски: – Только не калечь и чтоб на ноги сами потом встали. Переведи им, – скомандовал я папаше. – И пусть идут во двор. А с тобой мы отдельно поговорим.

Сейчас, пока он на стрессе, я ему мозг и выпотрошу. Для того и затевалось. Мне этими людьми править. А чтобы править, надо знать. Сейчас...

– Хёвдинг! – В дом, неуважительно отпихнув Скиди, ворвался Куци. – Сvei напали!

– Куда... – начал я. И тут же сообразил, что речь идет не о селении. Куци же на острове оставался. Раз он здесь... – Когда, сколько, как наши?

– Один драккар, – с трудом переводя дыхание, ответил варяжонок. – Тот самый, что ты им дал. Десятка три их...

Я поймал укоризненный взгляд Скиди. Ну да. Старина Ульф в очередной раз проявил слабость: вместо того чтобы перебить врагов, отпустил их домой. Ну а те домой возвращаться не пожелали.

– Гуннар сказал: взять лодку и чайкой к вам! А Свартхёвди велел к тебе бежать!

Блин! В очередной раз убеждаюсь: хреновый из меня хёвдинг. Хороший враг – мертвый враг. Не убил – проявил слабость. Так это здесь понимается. В мире волков. А я, Ульф Свити, Белый Волк, постоянно об этом забываю.

А надо бы помнить. И хотя бы контролировать. Отпустил и забыл. Занялся всякой хренью...

А моих людей тем временем убивают те, кого я пощадил.

– Пойдем! – скомандовал я Скиди.

– А мы что же? – забеспокоился староста.

– Девку береги. С ней – после. И дай ей что из одежды и покорми. А дурней своих сам накажи! – бросил я уже через плечо. – Строго! Чтоб до следующего новолуния стоя ели!

– Я накажу! Не сомневайся, ярл! Уж я их... – кричал он вслед, но я не слушал.

Мы втроем, разбрызгивая лужи, помчались к пристани.

Глава 28. Король на горе

Вот кто настоящий вождь. Медвежонок. «Северный Змей» ждал нас в полной готовности. Только «Северный Змей». «Клык Фреки» останется пока здесь. Так быстрее.

Я взбежал по сходням и занял подобающее ярлу место на носу. А потом мы рванули. Да еще как! Фарватер известен, на каждом руме по двое, дорога близкая. Высокий нос драккара взрезал рябую от дождя воду не хуже скоростного катера. Узлов до пятнадцати разогнались минимум.

Свартхёвди – у руля. От меня подальше. Я тоже сейчас не рвался общаться с названным братом. Нет, вслух укорять меня он бы не стал, но тут и без слов все понятно.

Рядом со мной встал Бури. Я уже заметил: грести мой азиат не любит. Ну да ладно. Грести и без него есть кому, а вот такого снайпера...

Бури погладил резную поверхность драккарова носа:

– Не слишком искусно, но – с любовью, – проговорил он по-словенски, лаская выпуклые фигурки зверей и человечков. – Иной муж коня любимого так не украшает, как люди Севера свои корабли.

– Да, это так, – я настороженно глянул на мастера-стрелка. – Они – наши кони. Нет, наши драконы. Без них мы – никто.

– Я понимаю, – отозвался Бури. – Как воин в степи – без коня.

– Больше, – не согласился я. – По суше и собственными ногами можно. А морская дорога... Она больше, – добавил я неожиданно сам для себя. – Тут ты или дракон... Или утка.

– Почему тогда ты не хочешь быть драконом? – сделал еще более неожиданный вывод Бури.

Блин! Интересный разговор получается. Хотя, может, и к лучшему. Можно не думать о том, что сейчас происходит на острове. Что ж, я не против поговорить о драконах.

– Я не хочу стать драконом, потому что я видел дракона.

Это только половина правды. Вторая: мне никто и не предлагал – в драконы. Но что да, то да. Ящер, который глядел на меня из глаз Ивара Бескостного... Такое точно не забудешь.

– Дракон страшен, – сказал Бури. Он смотрел не на меня – на воду, испятнанную каплями дождя. – Но таким и должен быть хранитель равновесия, хранитель закона. Что это за закон, перед которым не трепещут?

Под таким углом я на это дело не смотрел. Хотя аккуратно в тему моих нынешних мыслей.

– Закона обязательно должны бояться? – спросил я.

– Бояться? – Бури повернулся, глянул остро. – Не бояться, нет. Бояться – мало. Трепетать. Чтить. Ужасаться. Каким же еще должен быть хранитель закона в глазах людей, если даже боги ему подвластны!

– Откуда ты знаешь?

– Стоило бы и тебе знать, танцор-привратник, – усмешка Бури меня пугала. – Дракон почтил тебя малым даром. Думаю, тебе тоже стоит чтить его. И ужасаться. На его силе держится мир.

– Мой франк говорит другое, – мне перестал нравиться наш разговор. Он затрагивал нечто... То, что я не хотел бы трогать.

– Отец Бернар говорит: мир держится на Любви Бога.

Бури засмеялся. Странный смех. Будто пес раскашлялся.

– Мир, который стоит на любви. Очень жестоко.

– Почему?

– Для защиты его придется убить всех, кто хочет другого. Только очень жестокий может позволить показать слабость.

– Любовь – это не слабость, а сила! – возразил я. – Когда я... Когда я танцую свой танец, я, знаешь ли, не испытываю ненависти. Нет! Я очень люблю этот мир!

Очень эмоционально получилось. Я смутился и перевел взгляд на изрезанную береговую линию. Как же здесь красиво! Пожалуй, мне эти берега ближе, чем та сторона Балтийского моря. Может, потому что родина?

Дождь внезапно кончился. Вернее, прекратился. Судя по серому небу, воды там, наверху, еще хватало.

– Уверен, что любишь именно этот мир? – спросил Бури. – Или тот, другой, врата в который открывает твой меч, когда ты поднимаешься по ступеням танца и никто не смеет коснуться тебя? Ты уверен, что твоя любовь – это не отражение ужаса тех, кто глядит на тебя снизу?

Эк он красиво завернул. Я бы так не смог. Но вопрос понятен.

Я задумался.

Мир, который меня сейчас окружает, я полагал своим. В большей степени, чем тот, в котором я родился.

Однако я считал, что мой Белый Волк, мой Танец и все остальное – тоже часть этого мира. А если нет?

Я оглянулся. Гребцы на румах двигались мерно и мощно.

Медвежонок у кормила правил одной рукой. Во второй – свиной окорок. Вернее, то, что от него осталось.

Брат поймал мой взгляд, швырнул за борт обглоданную кость и показал жестом: убить всех.

Я усмехнулся. Я знал ответ на вопрос Бури. Я люблю этот мир. Именно этот. Эти берега и это небо. Люблю Медвежонка, Вихорька, Стюрмира... Всех тех, кто отдаст за меня жизнь и за кого я готов отдать свою. Люблю Зарю. И еще больше – мою единственную и неповторимую Гудрун. И ее мать. И своих детей. И

даже, черт возьми, Ивара Рагнарсона я тоже люблю. Потому что он и есть воплощение этого мира. Мира, который ужасает и восхищает. Пожалуй, я даже своего хитромудрого, так обидно меня кинувшего Хрёрека тоже люблю. И именно потому, что так на него и зол.

Я глянул на Бури. Этот умник довольно ухмылялся. Он не ждал ответа. Потыкал палкой в муравейник и теперь с удовольствием наблюдал за суетой моих встревоженных мыслей.

Этакий азиатский вариант старика Стенульфа, «мастера-наставника» берсерков.

Один из моих приятелей там, в прошлой жизни, говорил, что нуждающийся в учителе непременно его находит. И чаще всего не за тридевять земель, а где-то рядом.

Вот будет забавно, если это Бури.

Хотя вряд ли. Склонен думать, что он – не сенсей, который держит бамбуковую палку. Он – сама палка.

Однако такая палка мне очень-очень пригодится.

Бури глянул вперед, прямо по курсу, и снова обернулся ко мне:

– У тебя верные воины, мой господин. Это хорошо. Вера дает им силу сражаться. И они сражаются.

– Ты это к чему? – спросил я.

И в ту же секунду сообразил, что он имеет в виду, снайпер-стрелок, чьи глаза на порядок зорче моих. Впереди показался остров, запирающий устье Вуоксы. Для меня – просто неясное пятно. Но не для Бури. Крепость, отнятая мной у свеев, еще не пала перед бывшими хозяевами. Мои бойцы держались...

Есть такая веселая игра «Король на горе». Многие ее знают. У нас, в России, правда, она называется немного по другому: «Царь горы». Но суть от этого не меняется. Тем более что в нынешней ситуации «король» более уместен. Цари-кесари – они в далеком Миклагарде. А здесь рулят конунги-короли. Задача вышеназванной игры: силой или хитростью взобраться на горку, занять ее макушку и не давать себя спихнуть, держаться, несмотря на желание остальных игроков занять твое место. Тот, кто на макушке, тот король. Пока не скинут. Однако пока ты в игре, можешь попробовать снова стать королем.

Силой и хитростью мы скинули с горы свеев. И королем стал я. Королем на горе. Я мог бы убрать их из игры окончательно, но проявил мягкость.

И они решили попробовать еще раз.

Тем более что сила пребывала, безусловно, с ними, а не с защитниками.

Однако помимо силы были и другие факторы. Например, стойкость. И время. И обороноспособность самой горы.

Хорошую крепость отгрохали свеи. На правильном месте. Дождик тоже пособил, сделав склоны скользкими.

Когда-то качество укрепления играло на руку свеям. Но они не смогли им воспользоваться.

А мои бойцы смогли. Сумели устоять, несмотря на двукратное преимущество противника в количестве и примерно такое же – в уровне личной подготовки участников. Сойдись моя молодежь и свейские ветераны в открытом бою, строй на строй, свеи размазали бы новобранцев за пару минут, если не быстрее. Однако крепкие стены и солидный запас стрел свели преимущество

лучшей строевой подготовки к минимуму[224]. Ну да, оборонять такую крепость – милое дело. А вот брать...

Успей свеи взять крепость, неизвестно, как бы все обернулось. Вернее, известно. Большой кровью для нас и неясным прогнозом на будущее. Взять их врасплох, как в прошлый раз, точно не получилось бы.

Но свеи не успели. Гуннар с молодежью сумели продержаться, а когда штурмующие увидели хищную голову «Северного Змея», летящего к острову, то немедленно осознали: королями на горе им нынче не стать.

Отреагировали они правильно: быстренько свернули атаку и попытались ретироваться.

И это им тоже не удалось. Не успели даже от берега отойти. Неудивительно. Мало того что у них было полно раненых, которых (весьма достойный поступок) свеи решили не бросать, так еще и целая толпа «гражданских» на палубе.

По уму, перед штурмом им стоило высадить семьи где-нибудь неподалеку, спрятать в шхерах, в укромном местечке, которое даже с крепостной вышки не просматривается, таких тут хоть отбавляй. Но их новый лидер так спешил занять макушку горки, что сосредоточился исключительно на победе.

И даже сейчас, после тотального разгрома, был настолько уверен в своей правоте, что провал своих реваншистских планов списал не на собственные ошибки и не на мужество защитников, а исключительно на коварство недружественных высших сил.

О чем он и заявил во всеуслышание, стоя передо мной со связанными руками и с гордым не по ситуации видом.

– Я, Ньёрд, сын Фритхофа, заявляю, что не ваша воинская доблесть, а всего лишь хитрость, подобная коварству рыжего Локи, была причиной нашей неудачи. Потому я предлагаю тебе, Ульф Свити, проверить свою настоящую удачу и расположение богов, скрестив со мной клинки!

– Эй, горлопан! Я придумал для тебя прозвище! – насмешливо крикнул Скиди в ответ на спесивое заявление. – Мейнфретр[225]! Так тебя теперь зовут! Когда будешь представляться Хель, не забудь сказать, что это я, Скиди с Сёлунда, первым назвал тебя истинным именем!

Мои хирдманы развеселились. Фритхофсону было предложено попробовать на вкус отходы жизнедеятельности различных животных, совокупиться с тюленихой и барсуком-самцом одновременно и еще десяток развлечений, порожденных фантазией викингов, отточенной в подобных пикировках.

– А если ты откажешься, Ульф Свити, я во всеуслышание назову тебя трусом! – отчаянно завопил пленный, тщаь перекричать веселящихся победителей.

Истошный вопль вызвал новый взрыв веселья, и сын Фритхофа стал обладателем еще десятка прозвищ, которые счел бы оскорблением даже затюканный трэль, полагающий потолком карьеры чистку отхожих мест пораженного дизентерией военного лагеря.

– Ты трус, Ульф-хёфдинг! Мое мужество втрое больше твоего! Беру богов в свидетели! Не увидать мне чертогов Одина, если это не так! – заорал невезучий сын Фритхофа, буравя меня злобным взглядом.

Нарывается. Хочет умереть быстро и в бою. Он сильно рискует. У меня есть все возможности для того, чтобы сделать его смерть максимально неприятной. Но мужик полагает, что риск оправдан. Я ведь уже проявил слабость: отпустил их всех. И сейчас должен поддаться на слабо, как страдающий комплексом неполноценности подросток.

Однако боги – это серьезно. Это последний аргумент проигравшего. По сути, боец сейчас поставил на кон не только свою жизнь, но и посмертие.

Хотя так ли уж велик риск? Если я велю перерезать крикуну глотку и бросить труп в залив, Валхаллы ему тоже не видать.

– Ты, похоже, забыл, Ньёрд, как наш хёвдинг один вошел в дом, полный таких же болтунов, как ты! – напомнил Тьёдар Певец.

– Меня там не было! – возразил Ньёрд.

– Ну да! Ты был среди тех, кто стоял на коленях на палубе, бросив оружие и задрал лапки над головой! – парировал Тьёдар.

– Я не стоял на коленях! – оскорбился Ньёрд. – Меня оглушили...

– Коли он желает проявить мужество, хёвдинг, давай я пуцу его вокруг столба! – хищно оскалился Гуннар.

Норег стоял отдельно, в окружении дренгов, варягов и весян, с которыми держал оборону. Держал и выдержал.

– Хёвдинг! Сделай нам такой подарок! – воскликнул Гуннар. – Если этот фретр обойдет его хотя бы дважды, я готов признать, что он воин, а не болтливая баба!

Он не исправим, Гуннар по прозвищу Гагара. И понятно, почему его уже не исправить. По меркам викингов, Гуннар почти старик: в рыжеватой бороде пробивается седина. Время не обходит викингов стороной. В вике один год можно смело считать за три, а то и за четыре, так что обветренная, кирпично-красная шелушащаяся физиономия Гагары густо изрезана морщинами, а глаза...

Впрочем, этот взгляд характерен для большинства тех, кто достаточно долго странствовал по Лебединой Дороге. Перефразируя еще не родившегося философа: не стоит заглядывать в глаза тому, кто слишком долго всматривался в бездну.

И да, он любит повеселиться, Гуннар Гагара. Повеселиться в «добрых» традициях викингов. Может, позволить ему проверить мужество нахального свея? В конце концов, это он, Гуннар Гагара, отстоял крепость. Так что это в большей степени его победа, чем моя.

А мой народ оживился. Поглядеть, как враг будет самостоятельно наматывать внутренности на вкопанный в землю столб? Это ж развлечение ничуть не хуже поединка! Тем более поединка между мной и каким-то свейским хускарлом. Что за веселье, когда результат известен заранее! А вот когда можно спорить, сколько кругов наматает (в прямом смысле этого слова) враг, прежде чем свалится от болевого шока, это ж совсем другое дело!

Я молчал. Мне мерзок и сам факт бессмысленного мучительства, и то, какой ажиотаж оно вызывает у людей, которые мне дороги.

– Брат! Я знаю: ты умеешь смотреть в будущее, однако на этот раз ты ошибся, – негромко обратился ко мне Медвежонок, неверно истолковавший мое молчание. – Если ты захочешь снова их отпустить, я буду против.

– Хочешь, чтобы я разрешил Гагаре намотать кишки Ньёрда на столб?

– Как пожелаешь. Главное – ни один из них не должен больше поднять на нас оружие.

Я поглядел на пленных свеев. Настроение у них и прежде было не очень, а после предложения Гуннара и вовсе ушло в черный сектор. Показывать свое мужество, терпя пытки, – не та смерть, о которой мечтает воин. Одно дело – умереть в бою, совсем другое – стать живой бастурмой в умелых руках победителей.

Четырнадцать человек. Почти все ранены, причем трое – серьезно. Однако не настолько серьезно, чтобы не суметь подняться на ноги. Тех, кто не мог встать, уже добились.

Они – наши враги. Я точно знал: будь победа за ними, проигравшим бы не поздоровилось. И я не могу спасти их жизни, предложив им войти в мой хирд, потому что уже предлагал и получил отказ. А после этого проявил к ним доверие. И был предан. Они должны умереть. И они, и – очень желательно – их семьи. Чтобы некому было потом мстить. Возможно, я смогу сохранить жизнь их женам и детям. Но этих придется казнить. Так почему бы не отдать их норегу?

Нет, тоже неправильно. Причем не только из-за моего «чистоплюйства». Вряд ли тем свеям, которые теперь мои, будет по вкусу глядеть на то, как их соотечественники умирают под пытками.

С другой стороны, просто перерезать им глотки, как овцам – не самый оптимальный вариант. Если уж придется их прикончить, то надо сделать это эффективно.

Мне вспомнилась варяжская «тризна». Дать им оружие и позволить сразиться с добровольцами из моих хирдманов?

В принципе, тоже вариант. Но, похоже, я уже придумал кое-что получше.

– Гуннар, – я повернулся к норегу, который азартно спорил со Стюрмиром и Тьёдаром о количестве кругов, которые пройдет сын Фритхова, когда его вынутую из живота кишку прибьют к столбу. – Ты славно бился, Гуннар. И мои дренги, которыми ты командовал, тоже. Вы все заслуживаете награды, а ты – особенно. Напомни мне об этом, когда придет время. А ты, – я глянул на мрачного свея, делавшего вид, что его не интересуется диспут о количестве оборотов, – ты, Ньёрд Фритховсон, хочешь узнать, за что любят меня боги? – Именно так. Не ставить под сомнение свою удачу или мужество, а всего лишь продемонстрировать его в очередной раз. – Что ж, я не против. Однако слишком мало чести для меня сойтись в поединке с таким, как ты. – Я поднял руки, чтобы все, включая пленных, увидели золотые браслеты на моих запястьях. Браслеты, которые было бы незазорно носить не только славному ярлу, но и целому конунгу. Те самые, что я надел, дабы произвести правильное впечатление на своих будущих подданных-кирьялов.

Ньёрд окончательно пригорюнился. Если что-то и говорит о славе воина больше, чем песни, которые о нем слагают, так это золото. Причем именно такое. Я – викинг. За все, что я взял, заплачено не деньгами. Я сражался с ярлами и конунгами. И отдал за мое золото «железную цену», как здесь говорят. Великий воин – и какой-то там свейский «таможенник».

– На что тут смотреть богам, сын Фритхова? – добивал я гордость вероятного противника. – На то, как я прикончу тебя первым же ударом? Заткнись и слушай! – пресек я попытку свея возразить. – Я буду сражаться сразу со всеми

вами!

Дерзко, да. Возможно, даже опрометчиво. Мой язык, как это со мной частенько случалось, чуток опередил голову. Свеев-то – четырнадцать. И по крайней мере половина все еще может драться в полную силу. Да и остальные боеспособны. И это не молодняк. Это умелые бойцы с приличным опытом. «Зато я уж точно не буду чувствовать себя палачом», – подбодрил я себя. И такой вариант точно придется по вкусу моей Удаче. Игра на грани.

– Вот будет весело! Не скучно ни богам, ни людям! И тебе будет о чем спеть, Тьёдар, верно!

– Так и есть, ярл! – Глаза моего скальда загорелись. – Убей их всех!

– Так не пойдет! – раздался рядом свирепый рык. – Я против!

Свартхёвди Медвежонок навис надо мной. Устрашающее зрелище.

– Я – вождь! – рявкнул я в ответ. – Я решаю!

– А я – твой брат! И я тоже вождь! И я говорю: ты не смеешь забрать себе все веселье! Я встану рядом с тобой – или ты мне больше не брат!

Я размышлял не больше секунды. А потом шутливо толкнул побратима кулаком в волосатую морду:

– Так я и не против! Ты в своем праве, брат! – заявил я. – Повеселимся вместе, почему бы и нет?

Наши, притихшие было, радостно заорали.

Свеев для них – ничто. А вот наша с Медвежонок размолвка – это было бы скверно.

Тут же образовали круг. Реденький, надо отметить. Все же маловато у меня людей, а в последнюю неделю еще и убавилось. Мало, зато какие! Я подмигнул радостно ухмыляющемуся Медвежонку, оглядел своих: Гуннара, Тьёдара, Бури, Стюрмира, Скиди, Вихорька, отца Бернара... Здесь все, кроме Хавура, которого я вместе с Зарей оставил в селении. Как жаль, что с нами нет Хавгрима Палицы! Пусть ему будет весело там, наверху, в чертогах Одина!

– Развяжите их и дайте оружие!

Думаю, и шестерке моих новичков-свеев, Льотольву Кто-то Умрет, Торньюру и Вилмару Варгдропи, Кёлю Длинному и еще одной парочке братьев, Траусти и Трюгви Крумисонам, невинно будет лишний раз поглядеть, на что способны их новые лидеры. Ничто так не способствует верности викингов, как наглядная демонстрация физического превосходства.

Не скажу, что наши противники выглядели грозно. Грязные, избитые, в окровавленных тряпках. Но они были профессионалами, и их профессией было убийство. Полминуты – и толпа пленных превратилась в готовых к бою воинов.

Они, несомненно, знали, что Свартхёвди – берсерк. И меня в бою тоже видели. Но были полны решимости нас прикончить.

Что радовало. Ведь именно поэтому я дал им время, чтобы собрать строй и собраться самим, почувствовать себя не живыми мертвецами, а воинами. А я... Я больше не чувствую себя палачом.

А Медвежонок... Ему – поровну. Медвежонок предвкушает, как ярость Одина вскипит в нем и... Вот оно, счастье!

– Погоди еще немного, – попросил я его.

И начал свой персональный танец – призыв. Шаг, еще шаг, взмах, поворот...

Медвежонок ждал.

Свей – тоже. Они не понимали, что происходит. Но лезть в драку не спешили. Держать строй против берсерка надежнее, когда этот строй неподвижен.

И тут из-за туч выглянуло солнце. А секундой позже вспыхнул и засиял мой собственный мир. И Белый Волк пихнул меня в бедро ослабившейся мордой.

Я глянул на Медвежонка. Ого! Он тоже сиял. Но не весь. Голова его оставалась темной.

И вдруг я как-то разом сообразил кое-что. По поводу имени моего брата. Я ведь его слышал раньше, чем стал более или менее сносно общаться по-скандинавски. И в памяти оно так и легло. Свартхёвди и Свартхёвди. Просто имя. И я почему-то не задумывался о том, что оно значит. И почему вдруг когда-то давно сын Сваре Медведя проникся ко мне внезапной симпатией.

Черноголовый. Вот как переводилось его имя.

Потом я услышал песню. Его песню. В этой песне не было слов, зато было столько счастья, что оно понесло меня, будто могучий ветер.

Но Свартхёвди все равно обогнал меня. Он всегда был проворнее. Сейчас – тоже. Ненадолго. Я увидел, как сразу четыре копыта полетели ему навстречу. Их полет был красив, но недостаточно быстр. Свартхёвди уклонился от трех грациозным разворотом и в развороте же метнул свой щит. А потом перехватил четвертое копыто левой рукой и послал следом. Я увидел, как брошенный щит ударился о шлем одного из свеев, подскочил и полетел дальше. То же произошло и с копьём, когда другой свей, присев, подбил его краем щита. Этим свеем был Ньёрд, и мне понравилось, как он это сделал.

А еще мне понравилось, что я обогнал Медвежонка, который потерял время, уклоняясь и бросая щит и копыто. Я обогнал его – и первым достиг вражеского строя. И разорвал его. Это было легко, потому что оба свея, чьи лица я перечеркнул одним взмахом Вдоводела, смотрели не на меня, а на моего брата. Боевой топор прошел над моей головой. Уклониться было нетрудно – немного присесть. Заодно – второй росчерк. Ниже края щита. Двух щитов. Кожа – никудышная защита от Вдоводела. Я даже не почувствовал сопротивления. И с низкой стойки нырнул в образовавшуюся брешь. Толчок плечом, хлест крест-накрест, разворот – и передо мной только спины и затылки.

И радостная песня моего брата. В правой руке у Свартхёвди – меч, в левой – чья-то секира. И алые брызги вокруг. Ему хорошо, Свартхёвди Медвежонку. Мне – тоже, но вот беда: три взмаха – и сражаться больше не с кем. Остались только мы вдвоем.

Я смотрел на Свартхёвди, а он – на меня. Я видел, как он качает свой берсерочий «маятник», как щерится его рот в счастливой улыбке и слюна течет по заплетенной в косицы бороде... Он жаждал битвы. Равно как и я мечтал о продолжении танца. Такое искушение! Сплясать с таким же, как ты. Но...

Я опустил оружие и увидел, как блекнет окружающий мир. И как гаснет сияние вокруг моего брата.

Свартхёвди встряхнул головой, уронил наземь отнятую секиру и утер мокрый рот тыльной стороной ладони:

– А неплохой обед воронам мы с тобой приготовили! – проворчал он. – Жаль, продуктов было маловато.

– Да, – согласился я. – Собирали мы пиры и пообильней.

– Ну так не в последний раз! – ухмыльнулся Свартхёвди и сграбастал меня медвежьими лапами, чувствительно приложив мою еще не зажившую поясницу крестовиной меча, который так и не выпустил.

Я же хлопал брата по спине и старался не думать о том, что было бы, не сумей я преодолеть искушение.

Глава 29. Суд Свартхёвди и слово вождя

Все. Мы окончательно перебрались на остров. Почистили все, починили, отремонтировали. Кораблей у нас набралось аж шесть. Два кнорра и четыре драккара. Последний, тот, который «вернули» мне нарушившие договор swei, годился исключительно в качестве каботажника и на небольшие дистанции. Остальные – вполне годные.

А «Клык Фреки», который достался нам в «наследство» от sweйских «таможенников», качеством ничуть не хуже «Северного Змея».

Так что «посадочных мест» у меня имелось от двух сотен и выше. А вот списочный состав хирда – на порядок меньше. Причем состоял он из четырех разных групп.

Первая – мои верные соратники. Медвежонок, Гуннар, Скиди, Вихорек, Бернар, Бури, Тьёдар, Стюрмир и Хавур Младший. Не много, зато каждый стоит минимум двоих. А кое-кто и намного больше.

Вторая – молодые варяги. Ануд, Глухарь и Егри, которые в скором будущем должны были вырасти до уровня полноценных хирдманов. Старательный, но туповатый Куци; крупный, но немного тормозной парень по имени Хутин; его прямая противоположность, небольшой, шустрый и ловкий паренек по имени Тулб, только-только встретивший пятнадцатую весну и охотно откликающийся на прозвище Огонек, данное, впрочем, не за шустрость, а за природный цвет волос; и последний варяжонок – Вузлеб Меченый, молчаливый крепыш с большим родимым пятном на правом виске. У меня пока не было времени повнимательней оценить его боевые качества, однако уже то, что он выжил, кое о чем говорило.

Третья – swei. Льотольв Кнобсон по прозвищу Кто-то Умрет, Торнюр и Вилмар Варгдропи, то бишь Волчьи Отпрыски, Кель Длинный, а также Траусти и Трюгви Крумисоны.

Четвертая – весяне. Этих осталось девять. Четверых взял под крыло Бури, заверив меня, что из них можно сделать толковых стрелков, а еще пятеро после совместной обороны крепости прибились к Гуннару.

Еще – Заря, которую, понятно, на рум сажать нельзя, но убивать она умеет.

Ну и я сам.

Итого: тридцать два гребца. Достойная команда для «Северного Змея», но ее едва-едва хватало заполнить румы двух драккаров. А уж четыре... Не говоря о кноррах.

Что ж, значит, часть нашего флота придется продать, потому что пополнять хирд слабыми бойцами как-то не хочется, а набрать пять десятков сильных я не рискну, даже если и будет такая возможность. Если новички окажутся сильнее старичков, то можно запросто потерять и драккары, и жизнь, потому что найти опытных бойцов, которым я смогу доверять так же, как своим друзьям, – большая проблема. После истории с Лейфом Весельчаком я стал ужас каким недоверчивым.

Ну да ладно. Драккары при правильном хранении качества не теряют, а ко-

рабельных сараев здесь как раз на мою пятерку, если что.

Помимо трех с хвостиком десятков бойцов на моем острове оказались почти две сотни «обслуживающего персонала». Практически все, если не считать жены Кёля Длинного, – в рабском статусе. И эти тоже делились на четыре группы.

Самая малая – весяне, взятые в плен в Ладогe и во время движения к морю. Самая большая – семьи и родня убитых свеев. А также те свеи, что достались нам в качестве живых трофеев. И, наконец, четвертая – аккредитованные при крепости местные жители-кирьялы. Со всем этим разношерстным сообществом следовало разобраться. Но позже. Когда с хлопотами «новоселья» будет покончено.

Впрочем, по одному из «трофеев» следовало принять решение немедленно.

* * *

Убившую Фрута женщину привезли на остров вместе с Зарей, отцом Бернаром и уже передвигающимися самостоятельно ранеными.

Новый староста выполнил мое требование – выделил преступнице одежду. Однако выглядела эта, с позволения сказать, рубаха похуже, чем собачья подстилка. И сама убивица – не лучше. Почти голая и грязная настолько, что синяков и ссадин почти не видно. Во что превратились ее когда-то светлые волосы, и говорить не стоит.

И она все время тряслась. Может, от холода, но скорее – от страха.

Трудно поверить, что ей хватило мужества прийти на помощь своему свейскому любовнику-хозяину. А еще труднее представить, что это она зарубила топором варяга.

Да, Фрут не бог весть каким воином был, но все-таки – воином. А эта – даже не из свободных. Рабыня, которую свей купил где-то и привез сюда.

– Что скажешь, брат?

Медвежонок поскреб заросшую волосом щеку, пожал плечами:

– Не вижу здесь вины, – пробасил он.

– Но она убила Фрута! – срывающимся голосом воскликнул Куци, который дружил с убитым. – Она должна умереть!

Фига себе! Мелкий прыщ посмел возразить Медвежонку. Я даже испугался...

Но Свартхёвди дерзость варяжонка не принял близко к сердцу. Глянул как на мышонка, который вдруг запищал человеческим голосом, но даже снизошел до того, чтобы ответить:

– Если собака защищает хозяина, она достойна похвалы, а не плетки. А дренг, который позволил собаке себя укусить, не достоин называться дренгом. Его убила рабыня. Топором. Такое бывает, – Свартхёвди глянул на меня и подмигнул. – Будь этот Фрут настоящим воином, я бы немедленно дал ей свободу, верно, брат?

Я усмехнулся:

– Да, в свое время я так и сделал.

Это славно, что подобную мысль озвучил не я, а Медвежонок. Вот уж кого нельзя упрекнуть в чрезмерном сострадании.

– Однако этого дренга воином назвать никак нельзя, – продолжал Свартхёвди. – Я говорил с рабыней. (Надо же! Когда он успел?) Этот никудышный спал, когда женщина вошла в дом, где были пленные. Она открыла дверь, вошла, а

он даже не проснулся!

– Ну и что? – не сдавался Куци. – Потому она его и убила, что он спал. Если бы...

Ладонка у Стюрмира потверже, чем доска. Бац – и Куци уже сидит на земле. Молча.

– Когда старшие говорят, младшие внимают, – назидательно произнес Стюрмир. – Уяснил?

Куци глянул на здорового дана снизу и быстро-быстро закивал.

– Даже ничтожный раб, которому поручили стеречь свинарник, знает, что свиньи могут подрывать стену и сбежать. Даже трэль знает, что в свинарник может забраться вор. Дренг, убитый рабыней! Такому свиней нельзя доверять, не то что пленных воинов. Не будь удар этой тир смертелен, я бы сам его убил. Из-за его глупости и беспечности погибли двое наших хирдманов. А могло бы выйти и похуже, если бы Заря, – доброжелательная улыбка моей подруге, – не умела так ловко метать стрелы.

Свартхёвди замолк, огляделся: достаточно ли внимательно его слушают? Прониклись ли важностью момента?

Все прониклись и внимали. Все, включая меня.

Свартхёвди удовлетворенно кивнул, приосанился:

– Вот мое слово: негоже судить рабыню за верность. И я не буду.

Он еще раз оглядел значимую часть зрителей. То бишь наших хирдманов. Нет ли возражений?

Возражений не было. Речь сына Сваре Медведя звучала достаточно убедительно. Усомниться в оглашенном вердикте – значит, усомниться в авторитете Свартхёвди. А мой брат – он был тем человеком, в чьем авторитете сомневаться весьма рискованно.

Медвежонок кивнул еще раз и произнес уже без всякого пафоса:

– Так что нам действительно надо решить, так это кому эта девка достанется.

– Ярл! Я хочу ее!

Гуннар Гагара.

Моим первым порывом было немедленное «нет!».

Как бы ни провинилась убивица, но отдать ее норегу – это слишком. Я ему даже наглеца Ньёрда Фритхофсона не захотел отдать, а тут – женщина.

Однако я сумел сдержаться. Вспомнил кое-что. Я должен Гагаре. Я обещал ему награду. Он ее потребовал. И я – должен.

Вспомнилось, как несколько лет назад Хальфдан Рагнарсон тоже обещал мне кое-что. Девку на выбор. И я выбрал. И Хальфдан отдал мне ее. Рискуя поспориться с одним из своих лучших и верных людей, Торгильсом-хёвдингом. Потому что слово вождя – дороже золота.

Цена же моего слова – верность тех, кто идет за мной.

Как бы мне ни было жаль несчастную, но я не могу сказать «нет».

– Бери! – разрешил я.

Гуннар подошел к женщине:

– Говоришь по-нашему? – спросил он.

– Да... – чуть слышно пробормотала рабыня.

– Тогда иди за мной.

Повернулся и пошел прочь, даже не усомнившись, что бедняжка последует

за ним.

И она встала и пошла.

Все. Ее история закончена.

Так я подумал тогда. Однако ошибся.

Глава 30. В которой Свартхёвди Медвежонок сообщает о том, что он соскучился

— Теперь ты – настоящий ярл, – с удовлетворением произнес Медвежонок, устраиваясь поудобнее. Поудобнее – это значит с кувшином пива и деревянной доской со всякой рыбно-мясной нарезкой, которую, как мне показалось, ему принесли раза в два быстрее, чем такую же – мне.

– Ты тоже ярл, – сказал я. – Мы же братья. У нас все пополам, кроме женщин.

– Нет! – возразил Медвежонок. – Это вождей может быть несколько, а ярл – он один. Тебе бы следовало знать. А вот как раз о женщинах я и хотел с тобой поговорить.

Я изобразил предельное внимание. Неужели братец положил на кого-то из пленниц свой блудливый... хм... глаз?

Но нет.

– Я соскучился! – заявил Медвежонок. – Я хочу к жене!

– Я тоже.

И что дальше?

– Но ты не мог соскучиться так же сильно, как я! – возразил Медвежонок. – Ты не можешь чувствовать себя таким одиноким. Ведь у тебя есть Заря.

– Зато у тебя – все остальные женщины на дневной переход вокруг.

– Что с того? – удивился мой брат. – Ни одна из них не заменит мне Фрейдис.

Склонен думать: он прав. Фрейдис – уникальная женщина. И оч-чень решительная. И дочь конунга.

А еще у них любовь. Настоящая. Такая, как у меня с Гудрун. Поэтому шутки в сторону.

– Если мы уйдем домой, то потеряем эту землю, – напомнил я, апеллируя к сильнейшему чувству моего брата. К его жадности.

Потому что мне вовсе не хочется уходить отсюда домой, на Сёлунд. Я тоже очень скучаю по Гудрун, но если мы сейчас уйдем... Мы ведь здесь еще и не закрепились толком.

– Не мы уйдем, а я, – внес поправку Медвежонок. – Я уйду. На «Клыке Фреки». И один из кнорров возьму. А тебе останется «Северный Змей», второй драккар, если нам не удастся его продать, и второй кнорр.

– Щедро, – отметил я. – Вот только кого я посажу на румы, когда вы уйдете?

Медвежонку для похода понадобится не меньше дюжины людей для «Северного Змея». Еще полдюжины – на кнорр.

– Так с кем же я останусь?

– Не беспокойся, – ухмыльнулся Медвежонок. – Из наших я возьму только Скиди и Хавура. Им надо.

Понимаю. У Скиди – любимая жена, а Хавуру не терпится показать родне, как он крут. Но с кем тогда пойдет Медвежонок?

– Еще возьму с собой Льотольва, Торнюра и Вилмара, – сообщил Медвежонок. – Шестерых дренгов возьму: Хутина, Вузлеба, Глухаря, Егри, Куци и Ану-

да. Им на пользу – по настоящей Лебединой Дороге пройти.

– Не маловато ли? – не без иронии поинтересовался я.

– Так мы только до Хальмстада[226] дойдем. А там наберем еще с десятков гребцов. Грести – не сражаться. Дойдем, брат, не тревожься. Я чую удачу!

– А ты не чуешь заодно, что будет, если конунг свеев узнает о наших делах и придет сюда? – проворчал я. – Думаю, тогда ты и те, кого ты забираешь с собой, не стали бы лишними.

Свартхёвди поставил кувшин и поглядел на меня... С сомнением.

«Сам понял, что сказал?» – читалось в его взгляде.

Тут и до меня дошло, что сморозил глупость. Если сюда придет конунг свеев, ни дюжина, ни даже полсотни бойцов погоды не сделают. Нам останется только грузиться на «Змея» и сматываться.

– Это я к тому, что стоит договориться, где ты будешь нас искать, когда вернешься и не найдешь нас здесь, – нашелся я.

Вот так. Сам загнал себя в ловушку. Ну да что теперь... Медвежонок полюбому настоял бы на своем.

– Да уж найду, не сомневайся! – заверил братец и махнул, чтоб принесли еще пива. – Я заберу с собой все стоящее, – заявил он. – Меха, железо, янтарь... Серебра тоже возьму большую часть. На Сёлунде добро сохранней. А вот злата половину тебе оставлю. Надеюсь, ты его не потеряешь, брат!

– Надейся, – ухмыльнулся я. – Это ты о наших долях или обо всех? Что с долями тех, кто остается?

– С Тьёдаром, Стюрмиром и Гуннараром я уже поговорил. Их доли я забираю. Остальные пусть сами решают. Ты ярл, ты с ними и говори.

– Поговорю, – кивнул я, отбирая у Медвежонка кувшин. Это ведь несправедливо, когда младшему пиво приносят раньше, чем старшему. – Гудрун о Заре не говори, не надо.

– Почему? – Свартхёвди от изумления даже не возмутился по поводу изъятия пива.

– Мало ли что она подумает. Не хочу ее огорчать.

– А с чего бы ей огорчаться? – Свартхёвди метнул гневный взгляд в сторону «обслуги», и второй кувшин с пивом тут же оказался в его руке.

– Может подумать, что Заря для меня важнее, чем она. Вдруг Скиди или Хавур начнут болтать о том, как мы с Зарей...

– Как вы славно в зверя с двумя спинками играете? – ухмыльнулся Медвежонок.

– Вроде того.

Свартхёвди покачал головой, сгреб с доски горсть нарезки, не разбирая, запихнул в рот, прожевал, запил и изрек:

– Ты, Ульф, нынче какой-то чудной. Странные мысли у тебя. Или ты забыл, что звон серебра погромче любой болтовни. Ну как моя сестренка может подумать, что ты ее разлюбил, когда я привезу ей столько добра? Не волнуйся! Я расскажу ей, как ты по ней скучаешь. И еще скажу, что она теперь – жена ярла. И я думаю, сестрица не будет против того, чтобы Заря стала твоей второй женой. Она хорошего рода, Заря, дочь Трувора. В ее крови кровь конунгов. И храбрости в ней довольно. Родит тебе сыновей, не худших, чем родит моя сестрица. И род ваш приумножится. Бери ее, брат! Это будет правильно.

– Думаешь? – с сомнением проговорил я. – А вдруг Гудрун...

– А ты не думай, а делай! – Свартхёвди приложился к кувшину. В глотке у него громко забулькало. – Конечно, сестра обрадуется. Она же станет старшей женой. Уважения больше, и род прирастает. Ну, довольно о пустяках! Давай о важном: нам надо продать большой драккар до того, как я уйду. Нужен кто-то, живущий неподалеку и достаточно богатый, ярл или даже конунг.

– Ближе всех свеи, – сказал я, – но если кто-то узнает драккар и вспомнит его прежних хозяев, у него может возникнуть мысль взять корабль бесплатно. И вряд ли мы сможем рассчитывать на справедливый суд конунга Эйрика.

– Это понятно. Сам что думаешь? А то мне ничего путного в голову не приходит. Все время о Фрейдис думаю.

– Да, жена у тебя хороша, – согласился я, тоже отхлебнул пива и зажевал вяленой рыбкой. – Скоро ты ее увидишь, потому что я знаю, кому предложить наш драккар. Вопрос лишь в том, чтобы с ним, покупателем, встретиться.

Медвежонок оживился. Даже кувшин поставил.

– Ты о ком, брат? Я его знаю?

– Даже лучше меня. Это Ольбард Синеус.

– Вот как... – Брат поскреб подбородок, пожаловался: – Чешется. Неужто вши?

– Вши – к богатству, – ухмыльнулся я.

– Да я и так богат, – проворчал Медвежонок. – В баню надо. Здесь есть, я видел. Давай сегодня?

– Давай, – согласился я. – Так как насчет Ольбарда?

– Думаешь, он захочет?

– Уверен! – Я встряхнул кувшин. Так и есть, пустой.

Вот так незаметненько литров шесть на двоих приговорили. То-то отлить тянет.

– Ольбард – викинг, – сказал я. – Да не просто викинг – кормчий. От Хрёрека он ушел, насколько мне известно. И корабля у него теперь нет. А деньги – есть. Смекаешь, брат?

– Все верно, – согласился Медвежонок. – Ты молодец, мой маленький старший брат! Ольбард – муж достойный и честный. Надо ему в цене уступку сделать, когда продавать будем.

– Это непременно, – согласился я. – И хорошую уступку. Только сначала надо его найти.

– А что его искать? Наши дренги говорили: он на какие-то земли, что после Водимира остались, сесть собирался.

– Знаешь, где это?

Свартхёвди пожал плечами:

– Я – нет. Надо молодых поспрашивать. А потом послать кого-нибудь за Синеусом. Пусть к нам придет да сам глянет, что у нас за морской дракон.

Идея хорошая. Особенно если учесть, что свободной команды на большой драккар у нас нет, а гнать его придется мимо Ладоги, где нам в ближайшее время показываться не стоит. Так что да, пусть придет сам. В этом варианте сплошные плюсы. А минус только один: если Рюрик с Трувором узнают, где теперь наша база, может выйти... хм... нехорошо.

А с другой стороны, они все равно узнают рано или поздно.

– Так что про баню? – вернулся к предыдущей теме Медвежонок. – Погреемся?

– Почему нет? Если пиво осталось.

– Нам хватит. Так я распоряжусь? – уточнил брат.

– Конечно. Зачем спрашиваешь?

– Я не о бане, – уточнил Медвежонок. – Я о посланцах к Ольбарду.

– погоди! – Мне пришла в голову полезная мысль. – Братья Траусти говорили: мимо нашего острова торговые люди в эту пору частенько в Ладогу ходят. Дождемся попутных и наших с ними отправим. Так и надежней, и безопасней будет.

– Безопасней? – засомневался братец.

– Конечно. Они же обратно все равно мимо нас пойдут. И если что не так... Сам понимаешь.

– Главное, чтоб купцы понимали. Ну да эту мысль я до них донесу.

Принятое решение следовало отметить, и мы потребовали еще пива. А потом к нам присоединился Бури, выслушал новости и заявил, что в случае сокращения гарнизона единственное наше спасение – это луки.

– Да у нас их полно! – отозвался Медвежонок.

– Я говорю о луках, а не о палках, которыми только зайцев по головам лупить! – возразил Бури. – Да и таких едва десяток наберется. Остальные годны разве что похлебку перемешивать.

– Ну так надо сделать! Деревьев вокруг хватает. И зверья тоже, – Медвежонок после нескольких литров пива превращался в благодушного оптимиста.

– Деревьев хватает, – согласился Бури. – Почему бы тебе не построить из них корабль?

– Ну ты сказал! – рассмеялся Свартхёвди. – Из сырого дерева разве что плот можно построить!

И с апломбом потомственного моряка и кораблестроителя Медвежонок принялся разглагольствовать о тонкостях рубки и подготовки древесины, о правильном выборе вспомогательных материалов и прочих премудростях.

Бури выслушал с интересом, не перебивая, а потом уел:

– Вот видишь. А мне предлагаешь плоты вязать и на них сражаться.

– Чего?

– Того! Настоящий лук сделать не проще, чем драккар построить. И настоящих луков у нас только три. Мой собственный, хороший. Тот, который Ульф сыну отдал, но он – так себе, и тот, что у Зари. Последний тоже не очень, но правильной стрелой и из него можно в цель попасть шагов за сто. Все остальное – дрова для растопки. Из таких даже умелый стрелок с семидесяти шагов к овцу не попадет.

Убедил. Но вопрос, где эти самые правильные луки взять, остался открытым. В кирьяльских лесах такие точно не водятся.

А вот в кирьяльских реках, как оказалось, случается. Проплывают. Иногда.

Глава 31. Таможня дает добро

Первые корабли мы увидели у острова через два дня. Направлялись они вверх по Вуоксе в сторону Ладоги. Однако отправлять с ними миссию к Ольбарду я не стал. Потому что это оказались свеи.

Кораблики у них были торговые, однако качественной постройки и весьма серьезные с виду. И люди на их палубах тоже выглядели основательно. Бывалые, вооруженные до зубов и заметно превосходившие мой хирд по численности.

И как в таких условиях брать с них мыто? Тем более что глава торговой флотилии первым делом предъявил Медвежонку, встретившему гостей на пристани, пергамент с печатью «конунга всех свеев» Эйрика Эймундсона[227]. И на документе сем посредством рун и выразительного рисунка сообщалось: груз купца по имени Биргер – «дьюти фри». Для всех представителей Эйрика-конунга.

Купец был не в курсе, что власть на «таможне» сменилась. В противном случае его люди, да и он сам, не вели бы себя так беспечно.

Если бы в наши планы входил захват его кнорров, скорее всего, это бы удалось. Но далеко не бескровно. Так что это был не наш вариант. Во-первых, я не собирался терять людей; во-вторых, я не планировал жить разбоем. Лучше мирно состригать по кусочку шерсти с каждой проходящей, вернее, проплывающей овцы, чем резать пару животин и со всех ног удирать от разъяренных пастухов.

Большинство возможных вариантов мы с Медвежонком уже обсудили. И по каждому был разработан конкретный тактический план с распределением ролей и четким порядком действий. Был таковой и на нынешний случай. Он проходил под условным названием «Блеф и понты».

Нашему крохотному – по государственным масштабам – гарнизону было вполне по силам защищать крепость от втрое превосходящего противника, однако если мы хотели что-то заработать, то отсиживаться на макушке островной горки – не вариант. Нам надлежало внушать уважениедвигающимся по водному маршруту торговцам. Для этого следовало обозначить правильную позицию. Позицию силы. Это можно сделать, если за тобой стоит кто-то большой и страшный. Например, ты являешься представителем могучего конунга, который может достаточно быстро нарисоваться за твоей спиной и прикрыть щитами внушительного хирда, а еще лучше – наведаться к твоему обидчику домой и сыграть в славную игру «Викинги спасают от пожара женщин, детей и ценные вещи».

Но если ты сам по себе и на твоей стороне лишь три десятка бойцов, то попытка мытарить флот из нескольких купеческих судов с пятью-шестью дюжинами головорезов вызовет у последних в лучшем случае удивление, а в худшем – острое желание настучать наглецам по дерзким головам.

Вот почему мой братец не стал с ходу огорчать доброго торговца, охрана которого минимум в два раза превосходила нас числом, заявлениями типа «власть переменилась, деньги – на бочку». Напротив, он очень любезно пригласил почтенного Биргера и его наиболее уважаемых спутников в гости. Наверх, в крепость. Выпить и закусить за счет заведения.

Биргер уже успел оглядеться и оценить «мирную» картину из пяти готовых к плаванию кораблей и шестого, который выволокли на мелководье и как раз готовили к килеванию. Готовили по-настоящему, однако начали процесс, как раз когда на воде появились гости.

Мирная картина дополнялась маленьким рынком, на котором торговые гости могли приобрести свежие продукты и всякую дорожную мелочь.

Глава каравана поглядел на Медвежонка, на пару качественно прикинутых бойцов (братьев Крумисонов), еще троих бойцов, попроще, расположившихся неподалеку, как раз у рынка, потом – очень внимательно и явно пытаюсь что-то припомнить – на большой драккар, отнятый нами у Бьёрна Красное

Копье...

Однако подвоха Биргер не заподозрил и во всеуслышание дал своим добро на высадку и приготовление обеда.

Место для подобных «пикников» располагалось неподалеку от причала. Здесь же можно было недорого прикупить дровишки, взять в аренду или насовсем большие котлы и вертела из сырого дерева, на которых можно было приготовить купленного здесь же поросенка. Или зайца – если кто-то предпочитал дичь домашнему мясу.

Сам Биргер питаться здесь, на берегу, не собирался. Его ведь пригласили пожрать на халяву. И он повелся. Прихватил с собой двух «наиболее уважаемых спутников», которыми, по странному совпадению, оказались два его взрослых сына, и следом за Свартхёвди двинулся наверх, к крепости...

...Где его с подобающим уважением, весь в дорогой броне и золотых цацках, встретил лично я. И самым вежливым образом пригласил в большой дом: откусать, выпить и поговорить о делах насущных.

И уже там, у накрытого стола, я пояснил купцу, что таможенный пост, а равно и прилегающие к нему кирьяльские территории сменили юрисдикцию и теперь ими рулю я, ярл Ульф Свити из Сёлунда.

И мои люди, по странному стечению обстоятельств оказавшиеся здесь же, в доме, поддержали это заявление бодрыми возгласами. Выглядели же мои бойцы сейчас весьма и весьма достойно, потому что теперь даже дренги у меня щеголяли в броне, какая не у всякого хускарла имеется, и оружие тоже соответствовало. В общем, правильные такие удачливые викинги.

Почтенный Биргер неслабо напрягся. Что делают правильные викинги, которым удастся захватить торговца? Правильно. Грабят и убивают. Последнее можно отменить, если предложить викингам что-то интересное. Например, выкуп.

Биргер, мужик несомненно тертый, все это осознал вмиг. Лицо, однако, держал неплохо.

А вот сыновья его, тинейджеры, владели собой похуже. Тот, что постарше, ровесник моего Вихорька, побледнел и чуток попятился, тот, что помладше, отрок лет четырнадцати примерно, набычился и даже рукоять тесака потрогал.

Просто потрогал, не более, потому что на одно плечо ему легла рука отца, а на второе – лапа Стюрмира. Паренёк оглянулся... И внял.

– Мое – только на одном корабле! – поспешно сообщил Биргер. – На остальных...

– Не бойся, купец, – мягко, почти ласково перебил его я, вертя на запястье браслет в виде толстенького золотого конька с изумрудными глазками. – Мы тебя не убьем. И не ограбим. Мы – не разбойники, а новые хозяева этих земель, и пришли мы надолго. Так что никто не помешает тебе ходить вверх-вниз по реке. А если помешает, скажи мне – и я накажу твоего обидчика.

Ну да. Три раза накажу. Того, с кем не совладают экипажи кораблей, превосходящие мою дружину минимум вдвое...

– Я – Ульф Свити, ярл из Сёлунда, – повторил я с упором на последнее слово. – Я не граблю тех, кто со мной дружен.

Слово «Сёлунд» было купцу знакомо. И он знал, кто там конунгствует.

Так что его следующий вопрос я предвидел. Биргер со всей аккуратностью

человека, в чье брюшко вот-вот упрется меч, осведомился: вольный ли я человек или полномочный представитель чрезвычайно уважаемого и обласканного удачей Рагнара-конунга?

«Ни то и ни другое», – сообщил я уважаемому купцу. С Рагнаром я, понятно, знаком и в хороших отношениях, поскольку мой главный земельный надел (вполне можно допустить, что я и там – ярл) располагается именно на Сёлунде. Но в последний поход ходил вместе с его сыном Иваром Бескостным, который, собственно, и является моим нынешним покровителем.

Замечу: не соврал ни слова. Более того, поглядев на реакцию почтенного купца, решил, что надо бы указать Медвежонку, чтоб занес кусочек от нашего пирога Ивару Рагнарсону. За «крышу», так сказать. На выручку он к нам вряд ли придет, если запахнет паленым, но сам факт такой дружбы уже производит правильное впечатление на собеседников.

Купец немного поразмыслил, потом очень деликатно осведомился: что случилось с прежним держателем крепости Геллиром-хёвдингом?

«Он умер», – ответил я, не вдаваясь в подробности.

После чего наш гость еще более деликатно поинтересовался: не был ли тот прекрасный драккар, который он видел у причала, собственностью ярла Бьёрна Асбьёрнсона по прозвищу Красное Копье.

«Был», – охотно подтвердил я. И это действительно очень хороший драккар, чему я и мои друзья (жест в сторону Медвежонка со товарищи) очень рады, потому что теперь это наш драккар. А его прежний хозяин Бьёрн-ярл, к сожалению, не сумел правильно разобраться, кто его враги, а с кем лучше поддерживать дружбу. Потому вышеназванный ярл покинул пределы Мидгарда. Еще вопросы есть?

Больше вопросов не было. Господин Биргер сделал из сказанного напрашивающийся вывод: нам удалось навалить сразу обоим: и Чернозубому, и Красному Копью.

Затем он быстренько, как и положено хорошему торговцу, подсчитал в уме и сделал вывод, что под моим началом как минимум сотни три хирдманов. Собственно, количество кораблей у острова вполне соответствовало этой внушительной силе.

Произведя сии расчеты, герр Биргер сделал вполне разумный вывод: со мной значительно лучше дружить, чем бычить и гнуть пальцы. Ведь если мы не договоримся, отважный купец вполне может отправиться вслед за вышеназванными господами, а его флот вместе со всем содержимым станет моим флотом.

Будучи человеком разумным и сообразительным, Биргер не стал качать права, а поинтересовался, какой именно взнос в развитие экономики региона я от него ожидаю?

Мне было известно от братьев Крумисонов, что стандартная таможенная пошлина варьировалась от двух до пять процентов стоимости груза по рыночным ценам Бирки. Учитывая, что Биргер был первым нашим клиентом, повел себя правильно и корабли его были весьма вместительны, я решил взять с него минимум.

Биргер возражать не стал. Он ожидал худшего. Тем более что товары, которые он вез, в Бирке стоили меньше, чем в Гардарике. В противном случае зачем их было куда-то везти? К тому же он был опытным торговцем, а значит,

делиться с теми, на чьей стороне сила, для него – обычное дело. Все подобные издержки учитывались в цене товара.

В общем, за стол мы сели почти друзьями. И покушали весьма плотно, обменявшись в процессе кое-какой полезной информацией. О мировом рынке. О ценах на меха и железо. Железо в числе прочих грузов Биргер вез на продажу, а меха, напротив, рассчитывал купить.

У меня было искушение предложить ему часть нашего металла, особенно того, что в изделиях, но я не стал делать этого без предварительного согласования с Медвежонком. И правильно, потому что братец торговать со свейским купцом не собирался. Сказал: у нас есть корабли, а следовательно, возможность работать с производителями и потребителями напрямую. И нефиг переплачивать.

Хотя кое-что я у господина Биргера все-таки приобрел. Шесть боевых луков превосходного, по меркам Севера, качества. Я не забыл просьбы Бури. Луки пошли в зачет общей пошлины. Остальное я взял натурой: ЗИПами[228] для кораблей. Это были вещи не на продажу, но Биргера такой вариант устроил. Лучше, чем отдавать товаром, который он рассчитывал продать в разы дороже.

В общем, расстались мы друзьями. Ну, почти друзьями. И я даже рискнул дать ему совет: если ладожские вдруг проявят чрезмерный аппетит – не потакать. Ладожским соправителям, сказал я, удалось разбить Водимира-конунга и забрать его имущество. Однако победа далась им непросто, потому бойцов у них нынче немного и разбросаны они по большой территории, а денег, напротив, в избытке. По моим же прикидкам, в распоряжении Биргера не менее пятидесяти бойцов...

– Шестьдесят семь моих людей носят мечи! – с гордостью сообщил купец. – Настоящий хирд! Мы знаем, куда идем.

Богатенький буратина этот Биргер, если вооружил такую прорву народа. Сдается мне, он из тех, кто платит только тогда, когда не может отнять. Шестьдесят семь северян – это не пара сотен лесовиков. Это куда круче. Так что если Рюрик с Гостомыслом не озаботились охраной своей вотчины, то как бы ее снова не ограбили. Биргер, конечно, мирный купец, но все же – Биргер. А его мирность – ровно до того момента, пока торговый партнер способен за себя постоять. А в противном случае происходит то самое волшебство, о котором я когда-то рассказывал варяжским отрокам. На свет появляются шестьдесят семь волшебных мечей, и чужое превращается в свое.

Глава 32. Полет стрелы

К норры ушли.

А ко мне пришел Гуннар. И, надо сказать, весьма меня удивил. Потому что пришел ко мне не один, а с подаренной ему убивицей. И что совсем удивительно: одетой в цветное и с неплохим кинжалом на поясе.

– Ее зовут Гуда, – сообщил мне мой норег. – Гуда, дочь Хаука. Она из Вунгельмёрка. Я освободил ее. Будь тому свидетелем, ярл.

Вунгельмёрк... Хм-м-м. Это где-то в Норвегии. Что-то я такое о нем слышал, когда гостил у конунга Хальфдана Черного. Хаук – это по-нашему ястреб. М-да. Вряд ли подобное имя дадут рабу. Получается...

– Она – свободнорожденная? – уточнил я.

– Так и есть, – подтвердил Гуннар. – Ей было одиннадцать, когда их дом раз-

грабили люди из Альвхейма. Я освободил ее. Не хочу, чтобы о моих сыновьях говорили, что их мать – рабыня.

О, как все запущено! Хотя... я рад. И за девушку, которая, отмывшись и переодевшись, превратилась в настоящую красавицу, довольно юную к тому же. И за своего хирдмана, конечно.

– Погоди-ка...

Гуннар нахмурился. Не понял, что я задумал.

А задумал я в данном случае только хорошее. Где там моя сумка с драгметаллами?

– Возьми и носи с достоинством, Гуда, дочь Хаука! – Я протянул девушке серебряную пектораль граммов этак на сто.

Гуда зарделась. Еще бы! Почти полмарки серебром. Тянет на свадебный дар, если речь идет о невесте умеренного достатка. Поблагодарила смущенно и тут же нацепила на шею. Теперь уж точно ее за рабыню не примут. Ну и заодно мой ответ на просьбу Гуннара. Норег не дурак. Сообразил, что подарок не столько девушке, сколько ему.

– Она родит тебе сильных сыновей, Гагара, – заявил я. – Сильных и храбрых!

– Я это сразу понял, – ответил норег. – Не всякой женщине достанет храбрости убить воина, чтобы выручить своего мужчину.

Воодушевленный Гуннар, которого я, с одобрения Свартхёвди, назначил чем-то вроде коменданта крепости, ушел заниматься общественными делами, а я отправился на поиски Бури. Пора было разобраться с моими особенными способностями.

Азиат обнаружился на небольшом стрелковом полигоне, оборудованном в западной части острова. Бури разделил отданных в обучение бойцов на три группы. Первая, самая неумехистая, состоящая из двоих весян, метала тупые стрелы в пуки соломы, привязанные к столбам с дистанции примерно тридцати метров. Более продвинутые – еще двое весян и трое варяжских дренгов: Ануд, Вузлеб и Егри – выполняли более сложное упражнение: пытались с тех же тридцати метров попасть в болтающийся на веревке щит. А чтобы им было веселее, к щиту привязали еще одну веревку, за которую азартно дергал пацанчик лет семи. Третья группа развлекалась еще интереснее. На уложенную набок метровой примерно толщины колоду уложили сверху бревнышко длиной метра четыре. На его концах балансировали Вихорек и рыжий варяжонок Тулб, а посередине, на самом козырном месте, стояла Заря. Их цель располагалась тоже не слишком далеко, и ею, к моему некоторому удивлению, выступал не кто иной, как Кёль Длинный. В левой руке у него был щит, коим он ловко отбивал стрелы, от которых не успевал уклониться, а правую руку своей время от времени запуская в висящую на плечевом ремне сумку. В сумке лежали камни, которые Кёль с отменной меткостью швырял в стрелков. Казалось бы, что такое камень против стрелы, пусть даже и тупой? А вот! У меня на глазах камень Кёля угодил в налобник Тулбова шлема, и варяжонок, потеряв равновесие, слетел с бревна... Конец которого тут же взлетел вверх, а противоположный, соответственно, треснулся оземь. Стрела, посланная Вихорьком, ушла в небо, сам он подпрыгнул... И следующий камень треснул его в живот. Подколючжник смягчил удар, но приземлился Вихорек уже не на ноги, а

на бок.

Не сплеховала только Заря. Она не только сумела удержаться на бревне, но и влепила стрелу в пах Кёлю. И очень хорошо, что уязвимое место двухметрового свея закрывал подол толстой кожаной куртки, вдобавок усиленной железными пластинками.

Впрочем, будь это не учебный огрызок, а настоящая боевая стрела, о постельных развлечениях свею пришлось бы забыть навсегда.

– Хорошо, девушка, очень хорошо! – отметил попадание Бури. – Виги, ты уснул? Может, тебе попонку подстелить?

Мой названный сын с сипением втянул воздух, рывком вскочил на ноги...

И еще один камень едва не воткнулся ему в солнечное сплетение: свей не дремал. Правда, на сей раз Вихорек отреагировал как положено хускарлу: перехватил камень правой рукой и... уронил на землю. Отвечать ему было можно только стрелами и только с бревна. Следующий булыжник должен был достаться Заре, но Кель заметил меня и не рискнул. Переориентировался опять на Вихорька, который без труда уклонился и вспрыгнул на бревно чуть раньше Тулба Огонька. Тому, чтобы оказаться на своем конце бревна, требовалось взлететь метра на два, если не больше, так что он сунул лук в чехол, подпрыгнул, уцепился за бревно двумя руками... Бревно немедленно «поехало» вниз, Кель замахнулся... Но поразить такую удобную цель не успел. Тупая стрела Вихорька ударила его в плечо.

Грозный рык Бури совпал с возвращением Тулба на шаткую опору...

И позорным падением Вихорька, которому в бедро прилетел уже не камень, а стрела. Стрелу, тоже учебную, тупую, послал сенсей...

– Тебе что было сказано? – рявкнул Бури, возвышаясь над оплошавшим учеником. – Бить только в бронь! Встань, чего опять разлегся?

Вихорек встал. Не слишком ловко, потому что пораженная нога категорически отказывалась слушаться. Бури попал как раз в нужную точку. Вряд ли случайно.

– Пошел-пошел! Пошевеливайся!

Мой сын, красный, как свекольный суп, заковылял к бревну, опираясь на древко лука, как на клюку. Я заметил, что у всех троих луки тоже были, скажем так, учебные. Палки с тетивой.

– Кель, ты как? – по-нурмански крикнул Бури.

Свей помахал «раненой» рукой и снова полез в сумку. Но бросить камень не успел: вынужден был уворачиваться и отбиваться от стрел, которыми его осыпала Заря... Пока в ее колчане не кончился боезапас. Однако с десятков стрел она отправила меньше чем за полминуты. Неплохая скорострельность.

– Тулб! Прикрывай! – крикнула она, спрыгивая с бревна и бросаясь к бочонку с запасной амуницией...

Ну, Бури, молодец! Не только меткость и скорость, не только акробатическая стрельба (иначе и не назовешь), но и слаженность оттачивается. Нет слов.

– Бури, ты мне нужен!

Кивок. Знак Заре: подойди.

Не подошла, подбежала. Правда, не к наставнику, а ко мне. Прыгнула с разбега на шею. Тяжеленькая. И такая... Ну просто нестерпимое желание ухватить и уволочь куда-нибудь в укромное местечко. Эх, нелегко быть ярлом!

– Видел? Видел, как я могу! Бури, скажи, что я молодец!

– Неплохо, – сдержанно похвалил мой стрелок-наставник. – Для женщины.

– Да ну...

Обиделась.

– Ты лучше всех! – Поцеловав, опускаю на землю. – И я очень рад, что ты женщина! Заберу ненадолго твоего наставника?

– Зачем?

– Пусть и меня немного поучит.

– А когда ты меня будешь учить? – напомнила Заря.

– Скоро. Бури, пойдём.

– Заря, ты старшая, – командует Бури напоследок, и девушка расцветает улыбкой.

– Что хотел? – спрашивает он, когда мы отходим достаточно далеко, чтобы нас не видели ни с пирса, ни с тренировочных площадок.

– Ты точно не можешь научить меня стрелять? – уточняю я на всякий случай.

Бури отрицательно качает головой:

– Так, как я – нет.

– Почему?

Мышцы у меня вроде развиты правильно. И из лука я стрелял еще в прошлой жизни. Более того, наблюдая за тем, как идет обучение того же Вихорька, я не вижу каких-то особенных трудностей. При должной практике.

– Сейчас поймешь, – говорит Бури, извлекая из ножен короткий меч и жестом предлагая мне извлечь Вдоводел.

Клинки соприкасаются. Я без труда контролирую меч Бури. По классу он существенно мне уступает. Я могу в любой момент перевести его оружие в любое удобное для меня положение и атаковать из любой позиции. Могу выбить его меч, причем так, что тот улетит в нужном мне направлении.

Бури тоже это знает. Но мне все равно любопытно, что он хочет показать.

– Ты владеешь моим оружием, – говорит Бури.

Так и есть. И что?

– Меч в моей руке, но владеешь им ты, – уточняет Бури, видя, что я с первого раза не въехал.

Ну да. Мне было четырнадцать, когда я впервые почувствовал кончик шпаги как продолжение собственной руки. Даже не руки – пальца. Причем очень чуткого пальца. Так что никакого откровения в словах Бури для меня нет.

– Ты понял, – говорит Бури, убирая меч в ножны.

Я следую его примеру.

– Открой ворота, – предлагает Бури. – Открой ворота и остановись. А потом выйди.

Я берусь за рукоять...

– Не трогай! – запрещает Бури. – У тебя был никудышный учитель, – бурчит он. – Ему ешачий навоз собирать, а не учить такого, как ты.

Ешак, это надо думать – ишак. Слово «ишак» мне знакомо. Оттуда. Здесь я его раньше не слышал. Оно азербайджанское вроде[229].

– Давай, чего ты ждешь? – командует Бури. И словно нехотя добавляет: – ...Ярл.

Я представляю, будто в моей руке шест, и начинаю движение...

Белый Волк сидит и смотрит на меня, наклонив лобастую голову. Просто сидит. Ну да, никого убивать не надо. И меня тоже никто не собирается разбирать на органы. Я просто танцую. Это классно! Это...

Тупая стрела бьет мне в ногу. Легкий тычок. Неопасный. Однако мы с Волком разворачиваемся к стрелку.

Это не враг. И он больше не стреляет. Стоит, подняв руки. В левой – лук. Правая – открытая ладонь, в центре которой что-то пульсирует. И вокруг стрелка тоже, но еле-еле. Это не тот огонь, каким пылают берсерки. Не свет, а так... подсветка.

Мысли свободно льются сквозь меня. Они не мои и похожи на бегущие светло-зеленые строчки. Только это не строчки, не буквы из слов, а сгустки образов.

Он скучный, этот стрелок. Похож на межевой столб, вроде тех, которыми на Сёлунде помечают границы владений.

Столб... Я вдруг вспоминаю и человека, и его просьбу. Остановиться.

Совсем не хочется. Двигаться – хорошо. Чудесно. Волшебно...

И все-таки я останавливаюсь.

Интереснейшее ощущение. Кажется, что мир вокруг мерцает. словно картинка, которая каждую секунду гаснет и загорается снова. Только картинка объемная и, более того, наполняющая сразу все органы чувств: слух, обоняние, вкус... Я могу пить этот воздух. Я могу вдыхать разлитую вокруг радость... Я много чего могу. Я смотрю на воду и различаю десятки, если не сотни оттенков. Я чую смешанный с маслом запах железа, который идет от моей кольчуги, и знаю, что ее металл пахнет иначе, чем клинок Вдоводела. Чтобы убедиться в этом, мне не надо подносить меч к носу. Я просто знаю это и все. Если мое внимание падает на мотылька, мне не надо ловить его, чтобы рассмотреть. Мне не надо к нему подходить. По трепету крыльев я знаю, когда он взлетит, могу предугадать, куда он полетит и когда сядет. И я знаю, почему это происходит. Я могу танцевать, меняя и прогибая мир под себя. А могу пребывать внутри него. В покое. И тогда мы дышим в такт и проникаем друг в друга. Вот, значит, он какой – мир моего Волка, если никуда не надо спешить. Мне кажется, что-то похожее я ощущал, опускаясь в зимнюю воду и замирая. Короткие мгновения, когда ты неподвижен, не дышишь, не мерзнешь. Невесомость и нереальность того, что там, за сверкающей пленкой водной поверхности.

Через мое сознание скользят воспоминания-образы, воспоминания-прикосновения к тому, что я испытываю сейчас. И они тоже меняются, потому что теперь я знаю, где их настоящая родина.

Волк улыбается. Он рад. Мы с ним теперь ближе.

Сколько это длилось, я не могу сказать, но точно дольше, чем обычно. А может, и нет. Время – очень относительная вещь.

Все закончилось, когда Бури пустил стрелу. Не в меня. Он стрелял через воду, вдаль, и я видел, как стрела ушла с тетивы, видел синеватый след ее траектории, причем не только там, где она пролетела, но и там, куда она летит. И знал, куда она попадет, раньше, чем ее острие воткнулось в центр соснового ствола двумя метрами выше земли.

Я не провожал ее взглядом. Я видел все одновременно: выстрел, полет, по-

падание. Мне даже показалось, что я услышал звук удара, хотя это было невозможно. Дистанция была никак не меньше двухсот метров.

Стрела пронзила сосновую кору, и я вернулся в обычный мир. Я понял, что хотел показать мне Бури, и я должен был сказать ему об этом.

Глава 33. Виги-Вихорек. Речные заводы

— Ладога – там! – Головной кормчий каравана Звяга махнул рукой в направлении берега.

Вихорек прищурился, заслонился ладонью от солнца. Так, берег озера, на берегу какое-то селение, за ним – гряда холмов, заросшая лесом.

– Шутишь? – строго спросил Вихорек.

Кормчий мотнул головой. Плечистый, приземистый, с широченной бородицей, заправленной за пояс, он был похож на выходца из Свартальфахейма [230], Звяга тем не менее был не черным альвом, а обычным человеком, рожденным в граде Чернигове наложницей-лехиткой от отца-полянина и с малолетства ходившим по водным путям от свеев до ромеев.

В караване из семи судов, что шли сейчас по водам просторного озера, Звяга был если не главным, то самым авторитетным наверняка. Главный, гость торговый Прибыша Гвоздарь, куда более молодой и больше похожий на воина-викинга, чем на купца, не принимал ни одного решения, не посоветовавшись с кормчим.

– Там она, Ладога. За горами-лесами.

– И как мы туда попадем, старый? Перелетим? – подключился к разговору Ануд.

– Ты, может, и перелетишь, варяг, – ухмыльнулся Звяга. – А мы по-простому. Ножками. – И притопнул босой, широкой, как медвежья лапа, ножицей с желтыми кривыми ногтями-когтями.

– Там волок, – догадался Вихорек. – Длинный?

– Приличный, – кивнул Звяга. – Саженой триста.

– Да еще вверх тянуть, – огорчился Ануд. – Дня три, если не больше, провозимся.

– За день управимся, – пообещал Звяга.

– Да ладно! – не поверил Ануд.

– Спорим!

Но варяг на подначку не поддался. Фыркнул и ушел на нос.

– Вот за что я не люблю варягов, так это за спесь, – по-нурмански проворчал Звяга. – Вот ты, Виги, – благородный дан, сын ярла, а не гнушаешься и спросить, и выслушать. А эти все знают и всем указывают.

Вихорек не стал уточнять, что благородным даном он стал не так давно, а сыном ярла – меньше месяца тому назад. Совсем ни к чему об этом знать купцам, которые приняли на борт его, Ануда и Глухаря.

Так и вышло. За день уложились. Селение на берегу волоком по большей части и жило. Волок тоже был хорош, однако все равно суда пришлось частично разгрузить: иначе быкам было бы трудновато поднять их на гребень песчаной гряды, заросшей сосновым лесом.

Ничего. Разгрузили и загрузили снова.

Помимо помощи на волоке сельчане предлагали ночлег и прокорм, припасы в дорогу, помощь во всяких плотницких, портняжных и кузнечных рабо-

тах, а также ласковых холопок – согреть корабельщикам постели.

Однако четверым гостям: Вихорьку, Ануду, Глухарю и Прибыше платить за утехи не пришлось. Вихорьку так даже две достались. Причем обе – свободные. Как говаривал Скиди, самое манкое серебро для девки – кольчужное.

Ладожское озеро даже в этом озерном краю – великан среди прочих. И великан суровый. Разгулявшийся еще с ночи ветер поднял волну, и кораблики черниговские шли будто по морю. Не будь ветер попутным, пришлось бы пережидать. Пузатые торговые суда – не узкие хищные драккары с множеством лап-весел. А так хорошо шли. Вихорек и варяги разделись до пояса, по привычке укрыв бронь и оружие в кожаные мешки и упрятав в ящики. Пусть пресная вода не такая едучая, как соленая, и все, что должно быть смазано, смазано, а то и лаком покрыто, а все же лучше поберечь. А дождик и ветерок свежий бодрят. Чай не осень нынче, время теплое.

Из-за дождя и волнения не сразу заметили вышедший наперехват драккар. Тот шел на веслах, с убранной мачтой, потому и прохлопали. Кинулись было к оружию, но Вихорек вовремя признал в воине, стоящем на борту в обнимку с носовым драконом, знаконца – Ульфхама Треску.

И моментально сообразил, что эти вряд ли будут грабить. А вот ему самому лучше остаться неузнанным. А следовательно, надевать бронь не стоит.

– Это ладожские нурманы, – крикнул он Прибыше. – Не думаю, что нападут.

Прибыша Гвоздарь, который в отличие от Вихорька и варягов доспеха не снял, сразу повеселел и сообщил, что у них, черниговских, с князем Гостомыслом дружба.

Драккар тем временем подошел уже на бросок копья. Гребцы на румах убрали весла, и корабль теперь скользил мимо первого из черниговских судов, направляемый умелой рукой нурманского кормчего. Цепкий взгляд Ульфхама Трески скользил по сгрудившимся у борта людям, на всякий случай взявшим в руки оружие и готовым встретить нападение.

Вихорек увидел, что Ульфхам усмехается. Вся команда черниговского кораблика нурманам – на один зуб. Ну, на два, если Вихорек с варягами присоединятся к драке.

Наклонив голову, исподлобья, Вихорек разглядывал воев на румах. Незнакомых было больше, чем знакомых. И уже ясно было, что Ульфхам его не признал. Не стал присматриваться к полуголому парню позади оружных. Решил: холоп или вроде того.

Драккар миновал судно, прошел мимо других и исчез в пелене дождя. Обошлось.

О том, куда и зачем ему предстоит отправиться, Вихорьку сообщил отец две седмицы тому назад. Сразу после того, как ушли к морю очередные купцы – лодейщики из Плескова.

Они-то и рассказали, где теперь держит знамена Ольбард Синеус.

Глава 34. Кое-что о становлении Руси

Очень вовремя они появились. Я как раз размышлял о том, чтобы сформулировать задачу сыну: «Пойди туда, не знаю, куда...» – а тут как раз храбрые плесковские торговцы.

Причем действительно храбрые. На таком судне даже по Ладоге ходить

страшно, не говоря уж о Балтике. Типичное речное корыто с надставленными бортами и немного укрепленным килем. Молодые дерзкие парни решили рискнуть: взяли кредит у соседа побогаче, но вложили его не в пушную займку, а в чистую авантюру. Знал бы кредитор, наверняка пересмотрел бы условия займа. А скорее всего послал бы их куда подальше. В общем, доработали пацаны уже имевшуюся посудину, нагрузили воском и отправились в дальний поход, из которого, скорее всего не вернуться. Но если вернуться – станут богачами. Безумству храбрых, как говорится... И не только песню.

Парням повезло. Воск у них купил я. По демпинговым, можно сказать, ценам. Раз в надцать дешевле, чем этот продукт стоил в христианской Европе. Но я его не для перепродажи взял, а на личные нужды. Полезный материал. И не только для того, чтобы свечи из него мастерить. Заплатил за товар натурой: оружием и бронькой, которая поплоче. С еще большим удовольствием я бы сплавил плесковцам железные крицы, но совесть не позволила. Потопнет их корыто под такой тяжестью.

В общем, счастье есть. И плесковская молодежь стала тому примером. Я принес счастье им, а они – мне, ведь именно эти безумцы и сообщили мне, что Ольбард ныне правит Изборцем, крепостью и городком неподалеку от Плескова.

Крепость эту ставил Гостомысл для своего сына. Место удобное: и Плесков из нее можно контролировать, и даже Полоцк. Но сын помер, и помер давно, контроль ослаб, и в результате для усмирения Плескова в свое время понадобилось привлечь Хрёрека с дружиной, в те времена еще не сопровителя ладожского, а свободного ярла. В этой акции я тоже поучаствовал еще в самом начале моего пребывания в этом интересном мире. Хрёрек-Рюрик Плесков под покровительство Гостомысла вернул и попутно обчистил. А заодно увел оттуда толпу молодежи, которую потом продал прибалтам. Случилось это сравнительно недавно, так что «любовь» к Рюрику в душах плесковцев остыть не успела.

А вот к Ольбарду, пусть он тоже поучаствовал в том знаменательном событии, плесковцы отнеслись вполне позитивно. Особенно когда узнали, что он от Рюрика ушел и теперь типа самостоятельный вождь. Насколько я мог понять из рассказа молодых авантюристов, формально Ольбард держал только Изборец вместе с десятком-другим сел и хуторов, но плесковцы моментально сориентировались и занесли варяжскому вождю приличный бакшиш.

Очень правильное решение. Дружина у Ольбарда неслабая, и одному Изборцу ее точно не прокормить. Так что лучше преподнести подарок доброму соседу, чем попозже платить выкуп грозному оккупанту.

Ну да проблемы плесковских данников меня в настоящий момент не интересуют. Мне важно узнать, где нынче базируется потенциальный покупатель большого драккара и возможный (хочется надеяться) сильный союзник.

Я узнал. И мог теперь правильно поставить задачу Вихорьку.

По правде говоря, мне не очень хотелось отправлять его старшим, но Свартхёвди убедил. Мол, пора орленку вставать на самостоятельное крыло. Тем более что по-словенски он болтает не хуже варягов, так что вполне может косить именно под варяга, а не выглядеть ненавистным, чужим в здешних землях нурманом. Да и отправятся вместе с ним коренные варяги: Ануд и Глухарь. Справятся. Должны справиться. По здешним понятиям, такая тройка –

изрядная сила. Любые разбойники зубки обломают, а с серьезными противниками им вряд ли придется схлестнуться. А если попадутся такие, с кем не совладают мои пацаны, тогда и полного десятка будет мало.

Впрочем, добраться до Изборца – цель предварительная. А главная – правильно построить общение с Ольбардом. И вот тут уже задача моя: загрузить в сына базовые основы дружеской дипломатии. Эх, самому бы сгонять, но нельзя. Я теперь типа ярл. Власть и закон. И перевесить это управленческое бремя не на кого. Медвежонок откажется, а кому другому – доверия нет. Это ж не просто мыто собирать с проходящих. Надо у местного населения авторитет укреплять, суд править, внутренние проблемы разруливать, вообще, следить, чтобы все вертелось-крутилось в нужную сторону.

Я, однако, колебался. Страшновато все-таки отправлять пусть и приемного, но сына в такой путь без поддержки. Он толковый, Виги-Вихорек, но уж больно лихой. Чтоб не сказать – безбашенный. А чего еще ждать от парня, к воспитанию которого приложил руку мой братец-берсерк?

В общем, я терзался сомнениями...

До тех пор, пока в залив не вошел целый купеческий караван. Да с портом приписки не где-нибудь, а в стольном граде Чернигове.

Чернигов! Как интересно! А ну подать сюда ихнего главнюка, бочонок пива и Медвежонка. Будем общаться.

С лидером-торговцем, сравнительно молодым парнем, прикинутым на уровне дружинного десятника и со схожей повадкой, пришел забавнейший персонаж. Вылитый гном-переросток. Гном представился Звягой. И сразу, как и положено гному, принялся наливать халявным пивом. А вот лидер разговор охотно поддержал. Носил он говорящее имя Прибыша. Прибыша Гвоздарь, если полным титулом. Парень молодой, общительный, да и лестно ему было, что целый нурманский ярл разговаривает с ним, почитай, на равных.

Так я кое-что узнал о южной части будущей великой Руси.

Рулили там два города: Киев и Чернигов. Один с одной стороны Днепра, другой, соответственно, с другой. Днепр был осью их жизнедеятельности. Рулили, впрочем, это громко сказано. Большая часть окрестностей жила сама по себе, повинувшись мелким князькам, родо-племенным вождям и кругу старейшин. Чисто формально оба города находились как бы под протекторатом Хузарского каганата и даже платили им дань. Правда, редко, неаккуратно и не просто так, а за право свободного перемещения по Приднепровью и, буде возникает необходимость, по окрестностям Азовского моря. Там, в Приазовье, стоит некая крепость Шаркел[231], недавно построенная ромеями для хузар. И в ней теперь базируются подданные Великого хакана, которые более или менее успешно контролируют степи и пытаются гонять посторонних кочевников: угров, торков и печенегов. Последние появились в южных степях сравнительно недавно, но в изрядном количестве и немедленно создали большие проблемы хузарскому контролю над днепровской водной трассой. Посему у киевской и черниговской элиты назрел вопрос: а на фига нам при таком раскладе платить хузарам за «крышу»? Дело было лишь в одном: кто возглавит освободительную миссию? Желающих пообщаться на эту тему с хаканом хузарским пока не наблюдалось.

Мблодец Прибыша излагал политический расклад весьма хаотично, но я слушал очень внимательно. Слова «Киевская Русь» для меня не пустой звук. Руси как таковой я покуда не вижу, но раз имеется Киев, значит, все еще впереди. И я не прочь принять в процессе становления посильное участие.

Хотя это дело будущего. Сейчас важнее то, что черниговские торговые гости намеревались пройти сравнительно недалеко от городка Полоцка. А там где-то рядом располагался и Изборец, в котором как раз и обитает Ольбард Синеус. Что, в свою очередь, делало черниговский караван прекрасным кандидатом для сопровождения миссии Вихорька.

Договорились легко. От трех бесплатных воинов купцы отказываться не стали. Даже взялись кормить за свой счет. Я познакомил Прибышу с сыном. Парни друг другу понравились. Тоже неплохо. А вот варягов черниговские торговые гости почему-то недолюбливали. Странно. Обычно негатив шел как раз в сторону нурманов. Ну да я вникать в межплеменные распри не стал. Вихорек – главный. Ануд с Глухарем – с ним. У моего сына хватит ума и авторитета пресечь возможные конфликты.

– А я бы и сам с ними сходил, поглядел, – сказал мне Свартхёвди после.

– К Ольбарду?

– Нет. До конца.

Викингская чуйка нашептала моему побратиму, что там, на юге, для сильных парней с острым железом открываются нынче неплохие перспективы. Места богатые, а вот власти настоящей пока нет. То есть одна вроде уходит, а другая... пока не определилась. Самое время взять ситуацию под контроль. Вернее, под щит.

Я охладил пыл Медвежонка, напомнив о наших скромных ресурсах. Медвежонок напомнил мне, что за нами как-никак целый конунг Рагнар. Будь у нас сотни три викингов, мы бы вполне могли...

– Не они у нас, а мы – у них, – возразил я брату. – Вспомни поход на франков.

Задумался. Вспомнил, как там, во Франции, Рагнар и сыновья гребли под себя все самое вкусное, оставляя прочим жалкие объедки. Смысл, в общем, понятен. Подкинь тему Рангару – и он ее схавает сам. А нам достанется какая-нибудь мелочь. Неинтересно.

– Тогда нам нужны еще люди, – сделал логичный вывод брательник. – Славные воины. Жаль, в Сёлунде таких найти будет трудно.

Естественно. Когда выбираешь между хирдами Рагнара и его сыночков, то как-то не в жилу идти под руку какого-то сомнительного вождя вроде меня. Однако даны – это хорошо. Хотя бы потому, что Дания существенно дальше отсюда, чем Швеция. Да и Норвегия тоже.

Нет, рановато я губу раскатал. Какой там Киев с Черниговом! Мне бы здесь, на кирьяльско-карельской земле, удержаться. И для этого мне кровь из носу нужен Ольбард. И варяги. Если варяжское племя в целом будет за меня, то Рюрику останется только у пьяной обезьяны... В общем, вступить с ней в интимный оральный контакт, потому что плющить задружившегося с варягами меня ему больше не удастся.

В общем, выпили мы напоследок пивасика за удачу миссии моего приемно-

го сына и отправились на боковую. Я – к лапушке Заре, а Свартхёвди – к вдовушке кого-то из свейских неудачников.

Жизнь продолжается...

Глава 35. Виги-Вихорек. Разбойники

Но продолжалась жизнь не у всех.

На караван Прибыши налетели внезапно и поначалу очень толково. Выбили караульных и принялись резать тех, кто ночевал на берегу. Одновременно, уже с лодок, закидали градом стрел палубы ближайших судов. И наконец со страшными воплями на первый и ближайший к берегу кораблик накинулась абордажная команда...

И тут нападавших встретил жесткий и болезненный облом.

Спать в железе не принято. Потому что неудобно. На плавании оружие обычно сдают на хранение. Складывают в особые ящики, где ценные металлические вещи защищены от тлетворного влияния влаги.

Однако ни Вихорек, ни варяги свое военное имущество никуда и никому не сдавали. В кольчугах-шлемах не спали, это да. Но все – поблизости. И спали они не на берегу, как некоторые, а на палубе. Так привычней, да и комаров вроде поменьше. А что прохладней, чем у костра, так это только приятней. Лето, чай.

Проснулись все трое от вскрика подстреленного часового. И первым делом откатились поближе к высокому борту. Потому что ясно, что сейчас будет.

И не ошиблись. Почти сразу же из темноты посыпались стрелы. Кто-то ойкнул, кто-то захрипел. А на берегу с воплями разбежались заночевавшие на суше караванчики. Там тоже сыпались стрелы, но пореже. Нападающие нацелились на корабли. И на то, что у них в трюмах и на палубах.

Начали с ближайшего, что было логично, но опрометчиво. Потому что именно на нем оказался весь цвет охранной купеческой дружины. И еще Вихорек со товарищи. И эти – уже в броне, потому что воину облачиться недолго. Особенно если драка вот-вот начнется.

Бой на палубе – особый. Тут правильный строй вдруг не соберешь и единым ударом хирд вперед не двинешь. Тут уметь надо. Вихорек с варягами хоть и молодые, но умели. Как спали тройкой, как тройкой прятались, так тройкой же встали и пошли. От кормы, на которой ночевали, вдоль ближайшего к берегу борта – к середке судна. И попутно сбрасывали в реку всех, кто лез из воды на палубу.

Положение у Вихорька с варягами было выигрышное. Борты торговых корабликов, даже основательно загруженных, – высоко над водой. Куда выше лодочек, на которых подвалили к бортам нападавшие. Викинги при подобной абордажной атаке забрасывают на борта крючья и бородатые секиры, потом подтягиваются – и пошла потеха.

Эти поступили иначе. Один вставал на ноги, цепляясь за борт осаждаемого корабля, другой лез по первому, как по лестнице, а остальные тем временем шестами старались удержать лодочку на месте. Что тоже дело непростое. Хотя тут главное – забраться первому, закрепить за что-нибудь веревку, а дальше – совсем просто. Теоретически. А на практике – лодка раскачивается, норовит черпнуть воду и совсем не намерена держаться на одном месте. А если она отойдет от корабельного борта хотя бы на полметра, то верхний боец законо-

мерно с воплем падает в воду. Ну, или без вопля. Есть, правда, два места более удобных: у якорных канатов. Там удержат лодку проще.

У одного из таких мест и расположился Вихорек. На носу. Сам Вихорек – непосредственно у каната, Ануд – у левого борта, Глухарь – рядом с Вихорьком. Это потому, что Глухаря Глухарем не просто так зовут: одно ухо у него плоховато слышит. Оттого на слух ему в темноте ориентироваться труднее.

Вихорек знал, что у корабельного носа болтаются аж три лодки. Подальше – еще штук десять. Там – стрелки. Но эти пока не стреляют. Темно. Факелы, которые нападающие кидали на палубу, уже давно в реке. Там же и большинство тех, кто успел во время первой неожиданной атаки вскарабкаться на борт.

Атака захлебнулась. Но нападающие не отчаивались. Орали снизу что-то оскорбительное. Корабельщики отбрехивались.

Вихорек скучал. Лодки внизу. Железом не дотянуться. За луком сходить? Лодки – смутные пятна в темноте. Больше угадываются, чем видятся. Вихорек мог бы и на слух пострелять, но жаль стрелы тратить.

Тут ему пришла в голову интересная мысль.

– Прибыша! – позвал он. – Веревка нужна, – сообщил он главному караванщику. – Сажени три. И двоих мужей поздоровее.

– Чего придумал? – оживился Прибыша, которому и ночное бессмысленное стояние надоело, и опасение есть, что пока они тут переругиваются с одними врагами, другие уже подбираются к остальным судам, на которых бойцов – раз-два и обчелся.

Вихорек объяснил.

Прибыша еще больше оживился:

– Я тоже хочу!

– В темноте драться обучен? – интересуется Вихорек.

– Да я везде...

– Значит, не обучен, – сделал вывод Вихорек. – Не бойсь, я управлюсь.

Он уверен. Сколько там смердов может быть? Ну полдюжины, ну десяток. Отец, вон, в одиночку, почитай, целый корабль захватил. А там воины были. И среди воинов – Бури. А тут смерды в лодке.

– Надо бы кораблики вместе собрать! – Это Звяга подошел. – Я скомандую?

– Не надо.

Вопрос был задан Прибыше, но ответил Вихорек.

– Думаю, остальные затихарились, и эти их не разглядели, – пояснил он мысль. – Иначе давно бы уже попробовали. А сдвинутся – себя обнаружат.

– Разумно, – после паузы уважительно согласился Звяга. – А вы чего тут удумали, молодые?

Вихорек рассказал.

– Рисковый ты, – с сомнением проговорил Звяга.

– Ага, – с удовольствием признал Вихорек. – Но не сегодня. Так есть веревка и пара здоровяков? Я б своих взял, но им силенок не хватит меня быстро выдернуть. Я ж в броне да с мечами пудов на пять тяну.

– Сам встану, – сказал Звяга. – Я, вой, мешок в шесть с четвертью пудов разом на спину закидываю.

– И я помогу! – присоединился Прибыша, которому тоже интересно, что выйдет из придумки Вихорька.

Веревка нашлась быстро. На себе ее Вихорек укрепил сам. В три конца:

один – к поясу, два – к плечевым ремням.

Ну, повеселимся.

– Когда крикну: «Давай!» – вытягивайте, – говорит Вихорек, взбирается на борт, некоторое время стоит, удерживая равновесие и высматривая лодки. Самих лодок не видно. Вихорек не столько присматривается, сколько прислушивается. Он умеет биться по звукам, по запаху...

Ему сверху не видно, зато он сам на фоне мутноватого неба заметен. Щелкает тетива. Рядом шипит стрела.

«Вот косорукие», – думает Вихорек, отталкивается и прыгает в темноту.

Нет, слух не обманывает. Больше того, в миг перед приземлением он видит светлое пятно – чью-то рубаху.

Под одной ногой – пустота, зато под второй – живое человеческое тело в чем-то мягком, вроде поддевки под доспех.

Вопль. Опора, чужое плечо, уходит из-под ноги, но это уже не важно, потому что Вихорек мягко спрыгивает на дно лодки. Обхватывает ближайшего врага и разворачивает так, чтобы самому оказаться спиной к борту. Лодка раскачивается. Люди орут. Все разом. И очень кстати, потому что теперь Вихорек знает, кто где и сколько их. В лодке народу – около десятка. И уже на одного противника меньше, потому что тот, на кого Вихорек спрыгнул, не орет, а верещит от боли. Что-то ему Вихорек повредил – и серьезно.

Тот же, кого схватил Вихорек, оказывается достаточно ловким, чтобы извернуться и попытаться ударить. Причем сверху, потому что выше ростом. И головой – потому что дурак. На Вихорьке – шлем. Железный. Его-то Вихорек и подставляет под дурную голову. Затем – бросок через бедро. Враг летит в воду, а Вихорек, выигравший нужное мгновение, выхватывает из ножен клинки.

Всё заканчивается до обидного быстро. Враги бестолковы, как перепуганные овцы в загоне. Они орут, мечутся...

И умирают, потому что лодка – не корабль и убежать, прятаться некуда.

– Эй, что там у нас? – кричит кто-то из темноты.

– Помогите! – очень вовремя вопит какой-то трус.

Вторая лодка ударяет бортом о борт как раз, когда Вихорек расправляется с последним противником. Теперь в лодке только раненые и мертвые. Раненые кричат. Это мешает слушать темноту. Но не мешает перепрыгнуть на соседнюю лодку, когда та оказывается рядом.

Первый удар, рубящий сверзу, скрежещет по металлу. Голова противника защищена. Второй приходится по дереву. Щит! Но враг медлит с атакой, Вихорек хлещет клинком понизу и на этот раз попадает куда надо. Враг вопит и начинает заваливаться. Мах вправо – кого-то достал! Укол влево, в светлое. Вопль!

Вихорек тоже смещается влево. Лица врагов – светлые пятна. Их одежда тоже в большинстве светлая. А вот у Вихорька лицо и доспех вымазаны смешанной с воском сажей, так что в темноте видны лишь его взблескивающие клинки. Но они слишком быстрые, чтобы заметить и ответить.

Во второй лодке трое успели взять щиты. Не помогло.

Вихорек чувствует себя невидимкой. Быстрым и смертоносным. Те, кого он бьет, не могут осознать, кто их убивает, не то что дать отпор.

Однажды Вихорька даже сбивают с ног. Опрокинули на палубу, наступили пару раз. И все. Он тут же вскакивает и продолжает убивать.

А перепуганные дурни даже не понимают, откуда прилетел смертельный удар. Из воющей, визжащей, орущей темноты выскакивает неширокая полоска клинка, затем – ощущение обжигающего холода внутри – и конец.

На остальных лодках сообразили: происходит нехорошее. Первый факел не долетел, упал в воду. Второй бросили уже на корабль.

Глухарь перехватил его левой рукой – на свою беду. Сразу с десятков стрел упало на него. И одна из них угодила парню в щеку, вторая – под мышку. Обычный охотничий срез, но попал неудачно. Прошел между ребер. На смерть.

Вихорек не видел, что произошло на корабле. Но света хватило, чтобы оценить общую картину: лодок вокруг – десятка два, в каждой – где-то с десятков людей. И ближайшие – сажень в пятнадцати.

Факел, пойманный Глухарем, упал в воду. На некоторое время наступила темнота.

– Давай! – закричал Вихорек, обхватывая ногами лодочную скамью.

Веревка натянулась, Вихорька потащило к кораблю. Вместе с лодкой, полной порубленных разбойников. Пара факелов, одновременно прочертивших темноту, канули в воду там, где только что был Вихорек.

Лодка ударилась о борт, Вихорек отцепился от скамьи и через пару мгновений уже переваливался через борт.

Первое движение к Глухарю...

Мертв.

И тут Вихорька накрыло...

– ...Ты был будто дядька Свартхёвди, – Ануд принял у Вихорька кувшин с медовым настоем. Жидкости в кувшине осталось – на три глотка, не больше. – Никого не слышал, только скалился и стрелы метал. И каждая – в цель. Одну за другой, одну за другой... Когда твой тул опустел, начал брать из того, что на Глухаре был. Эти поначалу тоже в тебя стрелять пытались, да не попали ни разу. А ты попадал, хоть и в темноту бил. Слышно было, как попадал, – уточнил Ануд. – Как ты угадывал, Виги?

Вихорек пожал плечами. Движение отдалось болью. Мышцы задубели, будто от очень тяжелой работы. Хотя так оно и было, наверное. Стрелы метать нелегко.

– Как стрелы кончились, ты на палубу сел, – рассказывал дальше Ануд. – А потом на бок повалился. Мы тогда тебя разоблачили и сюда принесли. А как рассвело немного, поглядели, что ты сотворил... Звяга сказал: «Сколько живу, такого не видел». Там пять лодок на воде осталось – с мертвецами да недобитками. И это еще не все, потому что кого-то унесли те, что до берега дошли. А там еще три лодки брошенные. И крови много.

– Значит, кто-то ушел, – сказал Вихорек, скинул одеяло и осторожно сел. Оперся спиной на борт. Из одежды на Вихорьке ничего, кроме исподних порток.

– Где мое оружие?

– Всё в целости, – успокоил Ануд. – Бронька только поцарапана малость. Ее уже оттерли от сажи и крови, смазали по новой. И стрелы вырезали, какие наши. Много нашли. И как ты так бил метко... – Ануд удивленно покачал голо-

вой. – Темень же была кромешная.

Вихорек промолчал. Он и сам не знал как. Он не думал и не выцеливал. Само получалось. Эх, Глухарь...

Вихорьку тяжело это давалось: терять своих. Вспомнился погибший недавно Траусти-Домаслав...

Вихорек искоса глянул на Ануда: вдруг его тоже убьют?

А варяг, который, понятно, не слышал его мыслей, продолжал говорить:

– ...Припасы нам приготовили. И лодку покрепче. Мы на ней дальше пойдём. Прибыша сказал, они нас и до самого Изборца доставить могут. Долг на них. Без нас сгибли бы. Я отказался. Это кружным путем получится. А коротким лодьи не пройдут. Так что мы на лодке сначала, а потом – пехом. Нам же поторапливаться надо, так?

– Так, – подтвердил Вихорек. – А где одежда моя?

– А постирали. Уже и просохло. Сейчас принесут.

– Просохли уже? – удивился Вихорек.

Судя по солнцу, еще и полудня нет. Когда успели?

– Так ты, брат, больше суток в беспамятстве пролежал, – сообщил варяг. – Видать, здорово притомился. Шутка ли: тридцать девять ворогов одними только стрелами побил. И еще шестнадцать – клинками. Ну это вместе с недобитками. Целую дружину – один! – Ануд вздохнул. Восхищенно.

– Это не дружинники, – пробормотал Вихорек, удивленный числом убитых стрелами. Нет, как он рубил ворогов на лодках, помнилось, а потом – ничего. – Ублюдки скудоумные. Всех бы их за Глухаря вырезать надо. Что за племя?

– Не ведаю. Звяга с пленными говорил. Я этого языка не знаю.

– Значит, пленные есть? – оживился Вихорек.

– Ага. Четверо. Для тризны хватит. Сам Глухаря проводишь или мне?

– Когда? – уточнил Вихорек.

– Сегодня на закате. Встанем и попируем. Проводим по-нашему. Прибыша сказал, пир он устроит.

Вихорек покрутил головой. Шея двигалась плохо. И слабость в теле была... нехорошая. Убивать больше тоже не хотелось. Больше полусотни...

– Неуклюжие скудоумцы, – выругался он на языке данов. – Убей их сам, Ануд, – сказал он. – Я устал.

– Благодарю, – в достоинством наклонил голову варяг. – Еще пленные сказали, навели их на нас. – Те, с последнего волока. За долю в добыче. Сказали, воев при караване – с большой десяток, а товаров – полные трюмы. Прибыша сказал, вернуться и наказать, а Звяга сказал, не надо. Мол, эти, кто выжил, сами с наводчиков спросят.

– За что? – удивился Вихорек. – Они не соврали. Десяток и есть. Да еще мы с тобой. И Глухарь еще... был. Остальные... Эти, черниговские, совсем драться не умеют. Счастье, что разбойники еще бестолковой оказались. Угораздило же Глухаря так оплошать!

– В Ирии ему хорошо будет, – без особой уверенности проговорил Ануд. – Ты, Виги, за два дня оправишься? А то если нам к Изборцу идти... Грести я и сам могу, а вот дальше – посуху. И на конях не выйдет. Чащоба там. И болота. Я сам так напрямик не ходил, но слышал, что говорили.

– Ты дорогу-то сыщешь? – засомневался Вихорек.

– Уж не сомневайся! – Ануд сжал Вихорьку предплечье. – Я по лесу – как вы

на море. Моя это дорога.

Глава 36. Предел возможностей

Итак, я наконец-то сумел провести полноценный научный эксперимент. И все благодаря тому, что в состоянии «открытия врат» я теперь могу притормаживать и даже давить условные рефлексy. Например, остановиться у березки и свалить ее одиннадцатью ударами топора, нанесенными в одно и то же место. Еще я могу не отражать удар. Хотя на это требуется уже изрядная сила воли: стоять неподвижно, когда в тебя летит стрела и ты прекрасно видишь, что она не пройдет мимо. Интеллект – это круто. Дает возможность поставить правильную задачу, которая позволит мне проанализировать собственные возможности. Приятно, что я такой умный. Но это не особо утешило, когда я оценил результаты эксперимента. И пришел к выводу, что до настоящего берсерка мне как хомячку до носорога. Ни сверхсилы, ни сверхскорости у меня не открывалось. И уж точно не активировался «режим бога», который я неоднократно наблюдал у берсерков с ульфхеднарами. Это когда они продолжали резвиться как ни в чем не бывало после ударов, способных развалить бедро до кости или выпустить кишки у простого смертного. После удара, вскрывающего ребра среднего бойца, на берсерочьей тушке оставался жалкий синяк. Максимум – неглубокий порез, даже не кровоточащий. Ничего сокрушительного для здоровья.

Так вот: оказалось, что у меня – не так. Моя плоть не становится «деревянной», и никакой «железной» или «алмазной рубашки» мастеров кун-фу «танцы с волками» мне не дают. Стрела Бури, сознательно пропущенная мной, оставила на боку точно такой же след, какой был бы, двигайся я в обычном режиме.

Со скоростью – чуть лучше. Но именно что чуть. Прибавка была, но, судя по количеству ударов, которые я успевал наносить за единицу времени, на четверть, не более. Четверть, понятно, это тоже ого-го как много, но у Медвежонка, по моим прикидкам, скоростной прирост был раза в два.

Так что я пришел к выводу, что мое ускорение – оно не «волшебное», а скорее адреналиновое.

Адреналин – это да. Имеет место. Ну или еще какой-то там гормон. Отсюда и эйфория недетская. Энергетический прилив, хорошо знакомый мне по спортивному прошлому. Ну, может, чуток посильнее, но в целом – ничего сверхъестественного. Никаких чудес и божественных вмешательств. Все в рамках возможностей человеческого организма. Это – если о силе и скорости.

Однако сверхобычная фишка в моем особом состоянии все же имелась. И ее я тоже сумел прикинуть. То есть я понятия не имел о том, как и почему это происходит, но оценить результат – вполне. Это была не сила, а точность. Ну, можно ее так назвать. И еще предвидение. В принципе, ничего нового в предвидении и предугадывании возможных действий противника для меня не было. Без этого невозможно стать даже приличным рукопашником, не говоря уже о мастере фехтования. Но тут количество определенно перешло в качество. Я не просто предугадывал. Я видел всю картину будущего боя, будущего мира. Я видел, откуда и куда ударит вражеское оружие, раньше, чем оказывался в поле зрения врага. Я точно знал, куда попадет стрела, стоило ей сорваться с тетивы. Я заранее знал, насколько прогнетса доска, когда я на нее прыгну, и как мне воспользоваться ее упругостью. Я не двигался быстрее, я

быстрее думал. Если только этот процесс можно назвать думаньем, потому что никаких мыслей у меня не возникало. Я – ловкий парень. И с акробатикой у меня тоже все хорошо. По плавающим бревнам я могу скакать и в обычном состоянии. Правда, это требует от меня предельного сосредоточения и вероятность свалиться весьма велика. А вот в состоянии танца – никакого напряжения. И упасть в воду тоже невозможно. Я точно знал, на какое бревно прыгать, как оттолкнуться... И вообще, весь набор прыжков целиком. Если опора реагировала как-то не так, например, палка не гнулась, а ломалась, это не приводило к падению. Я заранее чувствовал, что она сломается. Я ощущал подошвой предел ее упругости и просто включал его в общий рисунок.

Бывали, конечно, и неразрешимые ситуации. Когда не уйти. Не увернуться. Благодаря Бури, который ухитрился создать мне такую «плотность обстрела», что какая-то часть стрел все равно должна была пересечь траекторию моего движения, и я «получал свое», то есть тупой стрелой по тушке.

Но Бури приходилось очень стараться. И получалось у него только тогда, когда у меня была сильно ограничена свобода маневра и не было возможности отбить стрелу клинком. Опять-таки, это был Бури, «входивший» во время стрельбы в свои собственные «врата», а не обычный стрелок. Но даже обычной палкой на дистанции в сорок шагов я отбивал шесть стрел из шести.

Правда, это были учебные стрелы, и лук Бури натягивал не в полную силу. Когда же он метал настоящую убойную стрелу, которая летела прямо в меня, увидеть ее я не успевал.

Но все равно знал, что в меня она не попадет. Пройдет справа, слева, в трех сантиметрах над головой... Наверное, я бы увернулся, если бы Бури бил прямо в меня, но бить на поражение отказался уже сам Бури, и я не настаивал. На короткой дистанции кольчуга уже не спасает. От такого стрелка.

И еще я как будто видел все вокруг. Не боковым зрением (это обычно), а как будто на затылке у меня появлялся еще один глаз и шлем ему не мешал, что характерно. Я видел, слышал, обонял все обозримое пространство. В сочетании с предвидением общей картинкой боя это было очень эффективно. Я слышал о всяких шаолиньских штучках вроде той, когда ты прыгаешь с пенка на пенек, а в тебя со всех шести сторон летят острые предметы. Думаю, мы с моим Волком допрыгали бы до конца той дистанции, если это в принципе возможно.

В общем, я сначала расстроился, а потом задумался... И в итоге решил, что мой вариант «супермена» даже интереснее, чем берсеркерство. Хотя бы потому, что у меня нет отката. То есть да, я могу выложиться по полной – и тогда меня выкинет в обычный мир чертовски усталым. Но могу ведь и не выкладываться. И тогда буду вполне способен держать «врата» открытыми столько, сколько требуется.

А потом мне пришла в голову мысль, что такие способности могут пригодиться не только во время боя. Вообще всегда, но...

– Не делай этого, господин, – сказал мне Бури, когда я решил с ним посоветоваться. – Мне будет жаль тебя потерять.

– Что ты имеешь в виду? – насторожился я.

– То, что сказал. Ты умрешь.

Глава 37. В которой Виги-Вихорек попадает в плен

Ануд не преувеличил. Он и впрямь ходил по лесу, как викинг – по морю. Здешний лес был совсем не такой, как на землях франков. И не такой, как на Сёлунде. Из этих деревьев строить корабли было бы непросто, хотя дубов и здесь хватало. Даже на болотах росли.

Вот болот было действительно много. Хорошо, что к концу лета они подсохли. Так что идти было легко. И еды хватало. Искать не приходилось: бегала и плавала прямо по пути. Иногда попадались хутора и даже небольшие селения. Там они отдыхали недолго, разживались зерном, молоком, овощами. Расплачивались щедро, хотя могли бы даром взять. Но что для воина серебряная чешуйка-монетка? Ничто. А для таких вот лесовиков – целое богатство. Новый нож или даже топорик.

Так, то бегом, то шагом добрались почти до цели.

Однако ночью заявляться в гости к Ольбарду сочли неправильным. Остановились на том же озере, но на другом берегу. Ночевали в доме местного старосты. Ну как старосты: пять домов с селении, все – родовичи-кривичи. А он, староста, в роду главный. Договорились с ним, что завтра с утра их через озеро перевезут прямо к городу. Поели, помылись да спать легли. И не в одиночестве. Хозяин дочку подсунул. Одну на двоих, правда, но делить не стали. Ануд уступил Вихорьку как старшему. И не прогадал, кстати. Как стемнело, к нему под бочок тоже баба сунулась. Как потом оказалось, младшая жена старосты.

А пока гости с его родней миловались, староста-хитрец на другую сторону озера переплыл и...

В общем, рассвет Вихорек с Анудом встретили тоже не в одиночестве.

Вихорек проснулся – будто почуял. Вскочил, откинул дверной полог... И увидел две лодки, проворно скользящие по ровной, подернутой туманом глади. И в каждой лодке – люди с оружием.

Как позже выяснилось, староста гостей накормил, спать уложил, выждал до первых петухов и поспешил в город с недоброй вестью: нурманы в его село пришли. Почему нурманы, если говорили они по-словенски и имен не называли? Так это ж понятно: вышивка на одежде чужая, и украшения. Да и выговор у старшего, Вихорька то есть, чисто нурманский. Вдобавок у кого еще могут быть такие замечательные брони?

– Ануд... – негромко позвал Вихорек. – Проснись. У нас интересные гости.

– Я – хускарл Ольбарда-ярла, хозяина здешних земель!

Коренастый воин в броне из нашитых на кожу плоских колец выкрикнул это на языке викингов.

Его меч оставался в ножнах. Надо думать, он знал, что гостей только двое, а вот с ним – целый большой десяток дружинников. Половина – с луками наготове, а двое – рядом со щитами. Бдят. Коварство нурманов всем известно, так что если из дверного проема вылетит копьё или стрела, они сумеют прикрыть своего старшего.

– Я приказываю: выходите!

– Уже выходим! – тоже по-нурмански крикнул Вихорек и откинул дверную завесу.

Руки он держал перед собой, на виду, ладонями вперед.

– Не кричи так, – уже по-словенски продолжил он. – Я на этом берегу озера, а не на том. Кто ты? Назовись.

Показное миролюбие нурмана немного успокоило дружинника. А вот его бронь и оружие, напротив, насторожили. Такая бронь не у всякого князя имеется. А нурман – молодой совсем. Наличие шлема оканчивалось выше рта, и было видно, что даже усов у нурмана пока что не выросло.

Держится уверенно, по-словенски говорит свободно... Однако прав староста: выговор точно нурманский.

– К таким, как ты, меня не зовут, сам прихожу, – проворчал дружинник. – Второй где?

Второй молча шагнул вперед, встал рядом с товарищем.

– Кто такие?

– Кто такие?

– Гости мы, – спокойно ответил Вихорек. – К вождю твоему Ольбарду.

– Зачем?

– Ты не понял? – Вихорек добавил железа в голос. – Я сказал: к Ольбарду. А ты на него похож не больше, чем барсук на медведя.

– Эй, ты что такой дерзкий? – подал голос кто-то из дружинников, опередив командира.

Вихорек промолчал, только усмехнулся.

Десятник нахмурился. Дружинник свои слова прямо у него с языка снял. И, надо отметить, удачно получилось. Удержал его самого от поспешности.

Чем больше гридень смотрел на молодого нурмана, тем меньше оставалось желания с ним драться. Потому что, кроме брони, у молодого на поясе имелось аж два меча, а вот топора не было. И это кое-о-чем говорило опытному воину. Равно как и то, что щит на левом плече нурмана висел так, что сбросить его на руку – одно мгновение. И стоял он так, что нырнуть ему обратно в дом – тоже мгновение, не больше. И второй – такой же. А лук, что выглядывает у молодого нурмана из налуча, тоже не из простых, а стрел полон тул.

Нет, воин не сомневался, что они управятся. Их намного больше. Но кровь за свои жизни нурманы возьмут втрое. Терять же людей десятник очень не хотел. Ольбарду это не понравится. И десятник нутром чуял: еще чуток – и мирно уже не разойтись.

– Карш меня зовут, – проворчал воин.

Он ожидал, что нурман тоже назовется, но тот молчал. Ждал, что дальше.

– С нами пойдете! – заявил Карш. – К Ольбарду. Только мечи отдайте!

– А штаны тебе... – начал второй, но первый молча выдернул из ножен клинки и протянул рукоятями вперед.

Так просто. Карш даже удивился.

А еще больше удивился, когда глянул на сами клинки. Такого оружия не было даже у Ольбарда. Карш вскинул взгляд на нурмана. Тот улыбался. Он тоже знал, что любой воин за такой меч убьет, не задумываясь. Знал, но отдал.

Совершенно непонятно. С чего бы ему так верить Каршу?

Второй тоже отдал клинок. Этот был обычный. Ну как обычный... Получше, чем у самого Карша. Что ж это за нурманы такие?

– Идите за мной, – сказал он. Повернулся и пошел к лодкам первым. Если уж нурманы не побоялись отдать ему мечи, то и Карш рискнул показать им спину. Тем более что его парни тут же окружили нурманов. Окружили, но не тронули. Раз те согласились идти миром, пусть так и будет. Пока Ольбард не решит, что с ними делать дальше.

Шлемов нурманы так и не сняли. Но этого от них и не потребовали. Ольбард велит – снимут. Надо, так и с головами вместе.

Десятью минутами ранее

– Двоих вроде раньше видел, а этого, впереди, не знаю, – сказал Вихорек, глядя в узкое окошко.

– Карш это, – сообщил Ануд. – Родич мой дальний. Гридень он, из дружинников князя Улеба. Видно, решил теперь Ольбарду послужить.

– Что о нем скажешь?

– Умом не блещет, – ответил варяг. – Но честный. И боец опытный. Меня знает, так что это не обязательно, – он кивнул на лук, на рог которого Вихорек только что накинул тетиву.

– Назовемся, только если иначе договориться не получится, – Вихорек вложил снаряженный лук в налуч, сдвинул за спину. – Нас выдали, но не узнали. Думают, что мы – нурманы. Пусть и дальше так думают. Мы пришли тайно, да и непонятно, что думают твои родичи о нашем хирде. Вдруг сразу убивать начнут?

– Меня-я? – искренне удивился Ануд.

– Тебя, может, и нет. Но если убивать будут меня, ты ж просто так стоять и глазеть не станешь.

– Не стану, – согласился Ануд.

– Значит, лиц им показывать не будем. Шлем не снимать.

– А если нас станут убивать как нурманов? – спросил Ануд. – Тогда тоже молчать, кто мы?

– Без нужды не будут. К Ольбарду отведут. Сам же сказал: Карш этот у него недавно. Так что сам решать не рискнет. Если мы в драку не полезем, он – тоже. Да и пленные почетней, чем мертвые. Разве что – ограбить?

– Нет, – мотнул головой Ануд. – Мы ж не разбойники-нурманы. Мы – варяги.

– Это ты – варяг, – ухмыльнулся Вихорек, – а я как раз и есть разбойник-нурман! – Он оскалился: – Очень злой! Бойся! Не съем, так покусаю!

Ануд тоже улыбнулся. Очень хорошо. Вихорек видел: его товарищу не по сердцу так встретиться со своими. Перенервничает – может и сорваться. Вихорек снял со стены щит, набросил ремень на левое плечо так, чтобы скинуть на руку одним движением. «Хочешь мира – готовься к войне», – как-то сказал отец. Очень мудрые слова.

– Уже выходим! – крикнул он на языке викингов и откинул дверную завесу...

Глава 38. Виги-Вихорек. Гостеприимство Ольбарда Синеуса

– Гляди, батько, кого мы взяли! – похвастался Карш. – Два лазутчика-нурмана!

– Ну, не то чтобы взяли и не то, чтобы лазутчиков... – Вихорек стянул с головы шлем и кивнул товарищу: можно. Конец маскировке.

– Ануд! – изумился кто-то из отроков, узнав родича.
– Как это? Почему? – пробормотал Карш.
– Меч мой отдай! – Ануд протянул руку к одному из «охранников». – Здорово, дядька Ольбард!
– И тебе здравия, племяш! Трувор тебя прислал?
Ануд покачал головой:
– Я теперь человек ярла Ульфа. Ульфа Свити.
– Ага... понятно, почему с тобой он, – Ольбард кивнул в сторону Вихорька.
– Это не я с ним, а он со мной, Ольбард-хёвдинг, – поправил Вихорек. – Мой отец, ярл Ульф, послал меня предложить тебе союз. И еще кое-что интересное... купить.
– И что же это?
– Драккар. Очень хороший двадцатирумовый драккар свейской работы, – на языке викингов произнес Вихорек. – Отец сказал: ты – человек моря. Без корабля тебе скорбно.
– Что ж, это действительно интересно, – на том же языке отозвался Ольбард Синеус. И на словенском: – Верните им оружие, это друзья.
– Но, старший, они же лазутчики! – запротестовал гридень. – Мы их...
– Карш! – рявкнул Ольбард. – Ты со мной споришь?
– Нет, батько! – Гридень сообразил, что к чему. – Я...
– Довольно! – И снова на языке воинов Севера: – Приветствую тебя, Виги Ульфсон! Добро пожаловать в мой дом!
«Отец знал, что так будет, – подумал Вихорек. – Ольбарду-кормчему очень нужен корабль».

– А ты подрост, малый, – по-словенски проговорил Ольбард, когда они остались вдвоем. – Кто бы мог подумать, что мальчишка-пастушок вырастет в гридня.
– Я хускарл.
– Ваш хускарл – по-нашему и есть гридень. Где, ты сказал, нынче твой батька?
– Я не говорил.

Вихорек не поддавался на доверительный тон. У него здесь нет друзей. И Ольбард – тоже не друг. Возможный союзник, не более. Даже не будь того «теплого» приема, который недавно устроили им варяги, Вихорек все равно не чувствовал бы себя здесь своим. Пусть они и говорят на языке его матери, но они ему все равно не родня. Не обманут – уже хорошо. Вот и надо постараться, чтобы не обманули.

– Ты на Карша не сердись, – почти угадал его мысли Ольбард. – Это он из-за Зари. Они думают: твой отец ее насильно увел, а это всему роду бесчестье.

– Неправда! – Вихорек вскочил.
– Сядь! – властно бросил Ольбард. – И не кричи. Из уважения к твоему отцу я один раз стерплю. Но больше не забывайся.

Вихорек опустил лавку. Вдохнул-выдохнул медленно. Семь раз, как отец учил. Потом сказал:

– Заря сама пришла к отцу. Она ему как жена. Жена ярла. Что тут бесчестного?

– Жена? А свадьба была уже? – деловито уточнил Ольбард.

– Не до свадеб, – буркнул Вихорек. – Отец меча в ножны, почитай, не прячет.

– И с кем бьетесь?

Вихорек глянул на варяжского вождя и понял, что все-таки сболтнул лишнее.

– Ты не зыркай, – усмехнулся Ольбард. – Я вам не враг. Не веришь мне – уходи. Никто тебе не воспрепятствует. Перуном клянусь!

– Вот мы две седмицы сюда добирались, чтобы уйти, – проворчал Вихорек.

Ольбард ждал. Молча.

– Прости меня, – наконец проговорил Вихорек, понимая, что выхода у него и впрямь нет. Либо уходить, либо довериться. – Трувор смерти моего отца ищет. Рюрик – тоже. А ты...

– Разве мое имя – Трувор? Или Рюрик? – прищурился Ольбард Синеус. – У меня с твоим отцом вражды нет. Скажу еще, если вы этого не заметили. То, как с Ульфом обошлись, мне не понравилось. Больше скажу: князь Рюрик на отца твоего зла не держит. Насколько мне известно, он ему даже признателен. Очень вовремя вы у Ладоги появились.

– Устояло, значит, городище?

– Устояло. То, что вы ладожан немного пощипали, Рюрику тоже ведомо. Но он не в обиде. Это пусть бояре Гостомысла переживают. Рюрику они безразличны. Он будет свой город закладывать. Новый город. На Ильмень-озере. Его потому и не было в Ладоге, что он с дружиной наверх ушел. Место выбирать.

– Это мы видели, – сказал Вихорек. – То есть не его самого, а Ульфхама Треску. Мы подумали: за нами.

– Ну... Это хорошо, что вы ему по дороге не попались, – одобрил Ольбард. – А вот кто за вами гоняется, так это Трувор. Очень на твоего отца сердит. Он жалеет, что пощадил Ульфу в поединке.

– А может, это мой отец пощадил его? – дерзко бросил Вихорек.

– Это вряд ли, – Ольбард не видел хольмганга Ульфу и Трувора, потому был уверен в том, что сказал. – Пойдем в горницу, Виги. Там нам стол накроют. Не думаю, что Карш дал вам время позавтракать.

– Так и есть, – улыбнулся Вихорек. – Он очень спешил похвастать, как победил двух страшных нурманов!

– Каким бы он ни был, но он – мой человек, – напомнил Ольбард.

– Думаешь, я захочу с ним поквитаться? – Вихорек улыбнулся еще шире. – Нет. Я не в обиде. Но он так смешно огорчился, когда узнал Ануда!

– Есть еще один человек, который может быть на тебя в обиде, – сказал Ольбард, останавливаясь на лестнице. – Вильд, сын Трувора. И Вильд теперь тоже в моей дружине! – добавил варяг с нажимом.

Вихорек понял правильно, но ответил не так, как ожидал Ольбард:

– Однажды я уже бился за честь Зари, – сказал он. – И убил. Но ее брату смерть не угрожает. Он же ее брат.

– Не думаю, что он сердит на твоего ярла. Он знает свою сестру. И я тоже ее знаю. И я не сомневался, что она пришла к твоему отцу сама. Но если по Закону – он должен был отправить ее назад.

– Ее отправишь, пожалуй, – пробормотал Вихорек, поднимаясь по лестнице следом за Синеусом. – А с Вильдом я...

И замер. Посреди горницы стояла... Заря.

Нет, все же не Заря. Похожа, но не она. Постарше. Но до чего ж похожа!

– Входи, что застыл? – подтолкнул его Ольбард. – Знакомься, Кари, это Виги-Вихорек, сын того самого Ульфа Свити. – И, обращаясь уже к Вихорьку: – А это, хускарл, жена моя водимая и единственная, Кари, дочь Улеба. А вон там, за ларем, прячется моя дочь Истра. Ну-ка, дочь, выйди и поприветствуй гостя как подобает!

– Ничего я не прячусь, а мед наливаю! – недовольно отозвалась девочка: – На вот, испей, гость дорогой!

Вихорек торжественно принял чашу, поклонился жене Ольбарда, осушил до дна и протянул Истре.

Но та не взяла.

– Эй! А поцеловать? – сердито проговорила девочка.

Ольбард и Кари засмеялись. Вихорек – нет.

Девочка чуть запрокинула личико. Серые глазки в обрамлении длинных темных ресниц глядели строго и требовательно.

Вихорек наклонился и тронул губами теплые сухие губки. Удостоился одобрительного кивка.

– Ты красивый, – сообщила девочка, глядя на него снизу вверх искоса, наклонив головку, увенчанную серебряным обручем из сплетенных змеек. – И не вздумай жениться, Виги Ульфсон!

– Это почему же? – Вихорек улыбнулся. Девочка тоже была похожа на Зарю. И лицом, и характером.

– Я буду твоей женой!

– Вот так вот! – засмеялся Ольбард. – А если накажу за такие речи?

– Не накажешь! – уверенно заявила девочка. – Тебе он тоже по нраву.

– А если я не соглашусь? – поддерживая игру, поинтересовался Вихорек.

– Ты? – удивились серые глазки. И уверенно: – Ты-то согласишься.

– Забери ее, – попросил Ольбард. – Не то я эту нахалку прямо сейчас за какого-нибудь старого лива из тех, что полоном торгуют, просватаю. Другому-то с ее норовом не совладать. А пока присядь да расскажи, что это за корабль твой отец мне сватает, откуда он взялся и не обидится ли на меня тот, кто владел им прежде.

– Не обидится, – заверил Вихорек, опускаясь на крытую медвежьей шкурой скамью. – А если и обидится, то из Валхаллы ему до тебя не дотянуться. – И добавил нараспев, подражая интонациям Тьёдара Певца: – А хорош у тебя мед, Ольбард-вождь. А со свежатиной и того лучше.

– Будет, – пообещал Ольбард, поглаживая длинные варяжские усы, крашенные синевой. – И мёд, и свежатиная, и прочие яства. Уже несут. А пока расскажи-ка мне, как рядом с тобой оказался мой племянник Ануд.

– Да обычно, – Вихорек провел пальцем по губе, проверяя... Но там, как и прежде, не было ничего, кроме белесого пушка. Так что пришлось сделать вид, будто почесался. – Захотелось Ануду оружия доброго, славы ратной и добычи богатой. Вот и пошел он туда, где все это найти можно.

– И как, нашел? – спросил Ольбард.

– А разве не видно?

– Пожалуй, я отдам тебе мою дочь, – усмехнулся Синеус. – Дерзостью вы с ней точно равняетесь.

– А и возьму, – усмехнулся в ответ Вихорек. – Я – воин Севера. Мне дерзкие

любы.

И это была правда. Разве не благодаря дерзости Вихорек, еще несколько лет назад бывший никем, монастырским рабом-пастушком, взлетел так высоко, что почти на равных говорит с прославленным во многих виках вождем. И тот даже шутит о том, что отдаст за Вихорька дочь. А может, и не шутит...

Глава 39. Виги-Вихорек. Варяжское гостеприимство

— А ты дерзкий, нурманчик!

Карш. И еще трое. Крупные, бородатые. Солидные мужи. Пояса богатые, мечи на поясах, гривны на шеях. Гридни.

— Зато ты, Карш, пример вежества, – по-словенски отозвался Вихорек. – И храбрости тоже. В одиночку нахамить мне не рискнул, друзей позвал. Только зря. Я у вас гость. И в отличие от тебя закон уважаю. Так что болтай смело. Язык я тебе в другой раз укорочу.

Вот надо же. Не успел даже от терема отойти, а у него уже на пути встали. Но ничего. Ольбард попросил не задираться с его людьми, так что пусть. Словами обойдемся. Они пошутили, и он пошутит.

— Отойди, – попросил он. – Солнце загораживаешь. Да и пованивает от вас. Может, кому штаны поменять стоит?

— И верно дерзкий, – проворчал один из спутников Карша. – Щенок безусый, а твякает. Надо б его поучить! – И ухватил Вихорька за правую руку.

— Ты меня тронул, – ледяным тоном произнес Вихорек. Вмиг позабыв о своем намерении относиться к происходящему как к шутке. – Может, не знаешь, что я – сын Ульфа-ярла, пес? Я убивал и за меньшее. Но тебе повезло, lodigrinni [232]. Я тебя не убью. Не хочу пачкать одежду. Убирайся!

— Эй! Что у вас такое? – прозвенел сверху, из теремного, окна девичий голос. Вихорек узнал его. Истра.

— Не твоего ума дело, девчонка! – прогудел Карш. – Скройся!

— Я всё бате расскажу!

— А нечего тут рассказывать... – начал тот, что держал Вихорька. И вдруг взвизгнул совсем по-женски.

— Я тебя предупреждал, – процедил Вихорек. – Уходите. Быстро. Вы напали на гостя, но я вас прощаю. Живите.

Раненый варяг отскочил, зажав ладонью длинную резаную рану на предплечье.

Карш замешкался, глянул наверх, на высунувшуюся в окошко Истру. А ведь она и впрямь все отцу расскажет!

А вот один из его спутников колебаться не стал: обнажил меч. Но ударить не успел. Только замахнуться.

Клинок Вихорька укусил, как змея. Только быстрее. Но так же смертоносно. Скользнул между ребер и рассек сердце.

— Ты его убил, нурман... – ошарашенно пробормотал Карш.

— Я всегда убиваю тех, кто хочет убить меня, – сообщил Вихорек.

Он был очень доволен. Показал Истре, какой он умелый воин. Один – против четырех. И он не боится. Его боятся.

— Виги! Что ты делаешь?

Ануд.

«Хорошо, что он появился только сейчас, – подумал Вихорек. – Не то все испортил бы».

– Меня хотели убить, – весело сообщил Вихорек, поворачиваясь к товарищу. – Не знали, что я убиваю лучше.

Он качнулся влево, уклоняясь от варяжского клинка, хозяин которого захотел воспользоваться тем, что нурман отвлекся, и не понял, что Вихорек специально спровоцировал именно такую атаку.

«Ты должен управлять боем, – учил Вихорька отец. – Не только своими действиями, но и действиями противника».

С воинами вроде Скиди или Гуннара такие штуки не проходили. Они всегда угадывали, когда Вихорек открывался намеренно. Вдобавок они знали, на что он способен. Но этот варяг был глупцом. Потому что считал глупцом Вихорька. Ни рана одного родича, ни смерть другого не стали для него уроком. Больше он ничему не научится. Выпад – и еще один дурень схлопотал сталь в сердце.

Вихорек засмеялся. Укол – и все. Будь на варягах бронь, так легко не получилось бы, но брони на них не было. А вот на Вихорьке была. Какая глупость думать, что они могут справиться с таким, как он, лишь потому, что у них есть усы, а у него нет.

– Виги, не надо! Хватит! – закричал Ануд, бросаясь вперед и вставая между Вихорьком и Каршем. Причем спиной к Каршу, а не к Вихорьку.

И эта маленькая деталь подействовала на десятника сильнее, чем мгновенная смерть родичей.

Ануд, который пришел с нурманом, был с ним в одной дружине и потому должен был сражаться за него против Карша, повернулся к десятнику спиной. То есть доверился ему больше, чем своему содружиннику.

И Карш – сдержался. Не атаковал. И не умер.

То, что умер бы именно он, а не безусый нурманчик, Карш сообразил чуть позже.

– К лекарю бегом, – велел он своему дружиннику, который, выпучив глаза, глядел на происходящее. – А ты, нурман, ты... Ответишь!

Вокруг уже собралась небольшая толпа. По большей части – челядь, но и дружинников было немало. И смотрели они на Вихорька... Нехорошо.

Ну да. Что они видели? Чужого нурмана, которого Карш притащил утром, и двух мертвых товарищей.

– Отвечу? Уж не перед тобой ли? – усмехнулся Вихорек. Он наклонился, обтер кинжал о рубаху убитого и спрятал в чехол.

Сейчас он готов был схватиться хоть с целым хирдом. Прямо как настоящий берсерк.

– Да что на него смотреть? – крикнул кто-то из варягов. – Убьем его, братья! Отомстим за родню!

– Так это... Ольбард сказал: они друзья... – неуверенно проговорил кто-то.

– Хорош друг, что нас убивает! – возразили ему.

– Сюрко, Сюрко мой! – Из толпы выскочила женщина, упала на грудь одного из мертвых, завывала жутко. Потом вскинулась, показала на Вихорька: – Ты, ты убийца! Люди! Что ж вы стоите? Нурман варяга убил! А вы стоите? И-и-и! – Схватила лежавший на земле меч и кинулась на Вихорька.

Тот уклоняться не стал. Шагнув навстречу, перехватил меч у рукояти, отнял и отбросил подальше. Баба кинулась снова, но Вихорек толчком ладони ее отшвырнул:

– Ночью приходи, – сказал он, ухмыльнувшись. – Ночью рожи твоей старой видно не будет, а так-то ты ничего. Мясистая.

Пошутил.

И эта шутка стала последней каплей, переполнившей терпение варяжской братии.

На удачу Вихорька, не было у них ни щитов, ни копий. Только то, что с собой носят: мечи, топоры, тесаки. Но все же это были не смерды какие-то, а воины. Пятеро отроков и четыре гридня. Воины. Так что и вели себя они соответственно: отодвинули прочих, выстроились полукругом и медленно двинулись на Вихорька.

Ануд тут же встал рядом:

– Не трогайте его! Пусть Ольбард нас рассудит!

– Уйди, отрок! – велел ему один из гридней. – На тебя обиды нет. Живи.

– Я-то буду, а вот ты – не уверен! – бросил Ануд.

Гридня этого он не помнил вовсе. Среди тех, кто был в дружине Трувора, этого точно не было. И среди тех, кто служил князю Улебу. Но это точно варяг. Вон какие усищи.

– Не по правде это – десятком на одного! – заявил Ануд.

– Ты, мальчишка, нас еще правде поучи! – на Ануда гридень не смотрел, только на Вихорька. Не просто так смотрел – примеривался.

– А и поучу! – рассердился Ануд. – Выдь со мной на перекресток! Пусть Перун решит, кто из нас прав!

Тут уж гридень на Ануда глянул. Хмыкнул в усы:

– Как скажешь. Сразу как нурмана порешим.

Вихорек же, слушая их разговор, отметил: этого усача стоит бить в первую очередь. Повадка у него... опасная. И лицо такое... Как у отца, когда тот решал, что кому-то по этой земле больше не ходить.

– Ольбард... – начал Ануд, но его перебил уже другой гридень:

– Без Ольбарда обойдемся! А ты пошел прочь, не то и тебя прибрьём!

– Верно, дядька! – подвякнул один из отроков. – Этот тоже с ним, с нурманом пришел. Бьем обоих!

И метнул в Вихорька топор. Вихорек даже не шелохнулся – топор пролетел в локте от него.

– Платье надень, женовидный! – обидно засмеялся Вихорек.

Бросок и впрямь был – женщине в пору.

Отрок покраснел, рванулся вперед... Но вовремя поймал тот самый дядька, что посулил прибить Ануда, поймал его за шкурку как щенка и как щенка же задвинул за спину, проворчав:

– Куда, дурень?

И впрямь дурень. Соваться с тесаком, в одной рубахе, на бронного воина – это совсем с головой не дружить.

Варяги переглянулись. Ануд сделал шаг назад, встав справа от Вихорька, вполоборота. Вихорек тоже поменял стойку. Биться в паре оба умели. Позади стена, так что взять в кольцо их будет трудно.

Ануд растерянно глядел на противников. Почти всех он помнил: из Улебовой дружины. Но вдвое: тот, что с ним разговаривал, и еще один, тоже опоясанный гридень, – были незнакомы. Ануд встал рядом с Виги, потому что иначе нельзя, но чувствовал себя неуверенно. Не потому, что противников много,

а потому что – свои. Вроде бы...

Бывшие Улебовы вои подступили ближе, но с атакой тянули. Их было больше, но нурман уже показал, что умеет убивать. Об этом красноречиво говорили два мертвеца на земле. Умирать им не хотелось. Первый запал прошел. Вместо него пришло понимание: для такого боя не худо бы вооружиться как подобает.

Двое незнакомцев держались отдельно. И чуть подальше. Но не суетились, как Улебовы. Просто выжидали.

– Надо бы за щитами кого послать, – негромко произнес гридень из бывших Улебовых.

У незнакомца варяга губы сложились в презрительную усмешку, но второй Улебов гридень поддержал товарища:

– Верно говоришь! Эй, племяш! А ну бегом...

– Быстрее беги! – крикнул Вихорек. – Тащи дядьке новые штаны! Я ж говорил: воняет здесь. Вот кто, оказывается, кучу наложил! Скажи, Ануд, эти трусливые свиньи – точно варяги? О! Вильд! Ты здесь! – Вихорек махнул правым клинком, приветствуя Труворова сына. – Скажи, эти выпердыши больной бурдучихи, которые уже полдня грозятся нас убить, и впрямь воины? А то я начинаю думать, что они украли пояса у своих хозяев и мне стоит убрать мечи и взять в руки плетку?

– Чего? – Вильд и так ничего не понимал, а замечательная речь Вихорька и вовсе ввела его в ступор.

– Вильд! – воскликнул Ануд. – Ольбарда позови! Не то худо будет!

– Да и так не все хорошо! – раздвинув скопившуюся толпу, в круг вошли сразу трое: Руад, Рулаф и еще один варяг, имени которого Вихорек не помнил, но знал, что тот – из бывших ладожских.

Руад и третий сразу встали рядом с незнакомыми варягами. Как раз между ними и Вихорьком, а Рулаф успокоил гостей:

– Послали уже за Ольбардом. Сейчас разберемся, что у вас тут за свара. Виги! Ты оружие-то спрячь. Повоевал уже.

– Тут у вас повоюешь, как же! – засмеялся Вихорек. – Биться железом ваши бояться, а дерьмом из штанов кидаться я не могу. Нет такой привычки.

И вернул клинки в ножны.

– Это что ж, вои, вы нурману моего Сюрко так и спустите! – взвился над толпой пронзительный женский крик. – Струсили!!!

Крик ли придал воям смелости или то, что Вихорек убрал оружие, но кинулись на него тотчас. Не все, правда. Только семеро. Ни Рулаф, ни остальные, отвлекшиеся на крик, перехватить их не успели. Да и стояли они далеко.

А вот Ануд, хоть и расслабившийся, успел. Встал на пути одного из гридней, поймал нацеленный на Виги удар и с неожиданной легкостью оттолкнул противника в сторону, да так, что тот еще и открылся, оказавшись к Ануду боком, защищенным только льняной рубахой. Сейчас Ануд мог достать нападавшего рубящим сбоку. Мог... Но удержался.

А вот Вихорек сдерживаться не стал. Бить сразу, на том же движении, каким извлекается меч, его отец научил давным-давно. А уж выхватывать мечи Вихорек умел даже побыстрее, чем Свартхёвди. Понятно, если тот еще не обернулся берсерком.

А еще помогло то, что нападавшие ничего подобного не ожидали. Они на-

бежали безоружного рубить и ничуть не береглись, так что Вихорек в два хлеста ухитрился зацепить четверых. Сам удивился. Будто не воинов, а смердов рубил. Обоих гридней положил сразу. В них и целил. Двоих набежавших отроков зацепил легко, самыми кончиками. Одному руку чиркнул, другому щеку порезал.

И сразу рывок навстречу, уходя из-под замаха одного и отбив атаку раненого в щеку. И на том же движении, закручиваясь и приседая, – размашистый хлест понизу, по ноге. И, распрямляясь, новый рывок, толчок бронным плечом в живот раненого в руку, отброшенного этим толчком и закричавшего, когда локоть его второй руки сокрушил топор товарища, нацеленный на нурмана, а угодивший по своему.

Свою ошибку промахнувшийся отрок осознать, скорее всего, не успел. Тут же повалился навзничь, булькая разваленным до позвоночника горлом.

Но это был последний, кого Вихорек сумел убить. Сталь встретила со сталью... И остановилась.

– Довольно! – Приказал Руад, перехвативший удар и спасший побелевшего от ужаса отрока, который только сейчас осознал, что этот удар был направлен ему в лицо. – Довольно! Клянусь Перуном, Ульфсон, всякий, кто поднимет сейчас на тебя оружие, умрет от моей руки!

– Да я бы и сам справился, – заверил Вихорек, стряхивая кровь с клинков. – У нас на Сёлунде бонды и то с оружием ловчее. Не понимаю, зачем вашему хёвдингу это двуногое мясо?

– Вот сам у Ольбарда и спроси, – буркнул Руад, которого слова Вихорька все же задели. Ведь это «двуногое мясо» тоже было варяжского роду-племени. Хотя в чем-то он был согласен с парнем. Эти ушедшие от князя Улеба гридни...хлопот от них точно больше, чем пользы.

Ольбард пришел. Точнее, прибежал. Увидел. Выругался. Заковыристо. Вихорек, воспитанный на богатых образах и сравнениях словесных поединках викингов, искренне восхитился.

Однако даже очень сердитый, Ольбард карать немедленно никого не стал. Распорядился очистить территорию, а когда ударит било, всем заинтересованным подойти для судебного разбирательства.

– А вы пока с нами, – сказал Руад Вихорьку и Ануду. – А то не ровен час еще кто-то из... двуногих к вам задержится.

– Каждый сам волен решать, жить ему или умереть! – изрек глубокомысленно Вихорек.

– Ты б лучше не умничал, а рожу умыл! Весь в кровище! – пихнул его кулаком в бок Рулаф. – В таком виде ни на суд, ни за стол у нас не пускают!

– О! Пожрать! – оживился Вихорек. – Какой ты мудрый! Самую суть вещей презреваешь!

– Эй! Ты ж вроде только что позавтракал у Ольбарда? – удивился Руад. – Ну ты прорва!

Ладожские варяги захохотали, заработав с десяток злобных взглядов от членов противоположной партии...

Глава 40. Виги-Вихорек. Суд Ольбарда Синеуса

Однако, когда жители Изборца, как военные, так и мирные (всем же интересно), собрались на судилище, оказалось, что на стороне потерпевших от

мечей Вихорька не так уж много: дюжины полторы дружинников и раз в пять больше их домочадцев.

Что удивило Вихорька: десятника Карша, с которого, собственно, все и началось, среди обиженных не было. Он стоял особняком вместе с несколькими воями, расположившимися отдельно и от обиженных, и от основной дружины Ольбарда, ядро которой состояло из тех, кто ушел с Синеусом из Ладоги.

И совсем наособицу, но впереди прочих расположилась пятерка воинов, среди которых явно главенствовал гридень, которого Ануд звал на перекресток. Облачение у этой пятерки было не очень. Немногим лучше того, что было у самого Ануда, прежде чем он присоединился к хирду Ульфа Свити.

– Излагай! – потребовал Ольбард у Вихорька.

Тот рассказал. Все честно рассказал.

Синеус жестом велел ему отойти туда, где негромко беседовали Ануд с Вильдом, потом подозвал Карша.

– Так было?

Десятник замялся.

– Не вздумай врать! – негромко, но грозно произнес Ольбард.

Карш метнул взгляд наверх, туда, где на маленьком балкончике над входом в терем стояли Кари Улебовна с дочерью, потом выдавил:

– Так... Да не так. Не хотели мы его бить. Так, поучить немного.

– Ты знал, что он – мой гость? – спросил Ольбард.

– Знал, – буркнул Карш.

– Он сказал, кто его отец?

– А что – отец! – воскликнул Карш. – Это ж он Зарю украл, дочку Труворову!

– Ты совсем дурной, Карш! – закричал Вильд. – Такие слова о моей сестре говорить! Это у тебя жену увести силком, так она и не пикнет, а...

– Вильд, молчать! – рявкнул Ольбард. – Карш! Ты знал, что Виги Ульфсон – мой гость?

– Знал... – пробормотал варяг.

– Я тебе верил, десяток дал, – Ольбард покачал головой. – А ты что же? Меня опозорил, людей погубил...

– Это же не я, батько! – взмолился Карш. – Разве ж я убил? Это он же ж! – Карш показал на Вихорька.

– Виги Ульфсон вас пожалел, – сказал Ольбард, обращаясь хоть и к Каршу, но слышали его все. – Мог бы сразу вас всех в Ирий отправить еще при первой встрече, но не стал. Честью поступился, оружие отдал. Ты же мою честь попра. Гостя оскорбил, людей, что я тебе доверил, погубил...

– Так они сами хотели... – начал Карш.

– Пошел вон, – негромко произнес Ольбард.

– Что? – не понял Карш.

– До заката тебе время даю, – холодно произнес Синеус. – А потом увижу – велю вздернуть на ветке. Как татя. Ты это начал. Ты был старшим. С тебя за эти смерти спрос. Лишь из уважения к твоему отцу и родной крови отпускаю тебя живым, Карш. Пусть боги с тебя спросят за то, что напал на гостя, на посланника... Убирайся! Нет, стой! Пояс воинскийними! Я его тебе как десятнику дал, а теперь ты – никто.

Карш покорно снял пояс и перевязь с оружием, положил на землю и побрел прочь. Перед ним расступились, пропуская, а Ольбард обвел суровым

взглядом собравшихся и спросил:

– Кто еще желает моего гостя винить?

– Я желаю! – вышел вперед один из тех, кто стоял недавно рядом с Каршем. – Желаю спросить!

– Говори! – разрешил Ольбард.

– Хочу узнать, вождь, кто ответит за кровь моих родичей? – угрюмо поинтересовался варяг. – Ты сказал: Карш виноват, но не его меч убивал. И непонятно мне вот что! – Гридень повысил голос. – Как смог мальчишка безусый столько добрых воев побить за раз? Не верю я, что честным был тот бой! Никогда мы такого допрежь не видали! Колдовство это, говорю я! Злое нурманское колдовство – вот что!

– Вот как ты думаешь, Прус, – нахмурил брови Ольбард. – Что ж, есть правда в твоих словах. Не может быть честным бой, когда хозяева на гостя беспричинно нападают. Но сдается мне, не в этом ты бесчестье видишь, Прус. Не спрашиваешь ты, а винишь. Меня винишь, Прус!

– Почему тебя, батько? – искренне удивился гридень. – Его, нурмана!

– Так он же гость мой, – напомнил Ольбард. – А по правде за все, что сделано гостем, отвечаю я, хозяин!

– Нет! – мотнул головой гридень. – Ты, батько, ни при чем. Ты же не знал, что он колдун, когда его привечал. Хотя мог бы, я так думаю. Они ж, нурманы, все колдовством не брезгуют. От того и сила их! Верно, братья?

Несколько голосов поддержали его заявление. Несколько. Большинство хранило молчание, а кое-кто из ладожских так и вовсе засмеялся.

– Слышь, Прус, а я хоть и не нурман, но тоже таким колдовством владею! – весело крикнул Харра Стрекоза. – И думаю, получше, чем Виги Ульфсон. Только у нас, кровных варягов, это воинским умением именуется! Но тебе, полагаю, оно неведомо. Холопов бить да смердьям девкам подолы задирать и без него можно!

Теперь засмеялись многие.

– Я сказал, что хотел, батько, – упрямо проговорил Прус. – Тебе решать.

– Вот это верно, – согласился Ольбард. – Решать мне.

Он встал и оглядел свое разделившееся воинство.

– Многие из вас, присягнувших мне недавно, и отроков, и опоясанных гридней, думают, что они хороши в бою, – произнес он сурово. – И думают так лишь потому, что прежде не сходились в сече с теми, кто и впрямь хорош. Но не годы делают гридня старшим, а воинские умения. И стыдно мне нынче не только за то, что мои дружинники напали на моего же гостя. Стыдно перед Виги Ульфсоном и отцом его! Но... – Ольбрад повысил голос. – Когда десяток моих дружинников вышел против одного-единственного воина и опозорился, это еще больший стыд! И потому я клянусь Перуном Молниеруким, что сам проверю каждого из вас! И те, кто недостойн пояса гридня, снимут его и будут ходить в отроках! А если и в отроки не годны, так будут в детских ходить, пусть даже усы на пядь ниже подбородка висят! Все меня слышали?

Ладожские бодро отозвались. Но среди прочих большинство помалкивало.

– Вот и славно! – завершил речь Ольбард. – А теперь ты, Харра! Покажи нам, что не вся моя гридь – позор всеотца нашего Перуна! И ты, Виги Ульфсон, не откажи: встань против гридня моего – и пусть все увидят, как должно воинам владеть оружием!

– Ой, не откажу! – обрадовался Вихорек и, сдвинув на лицо шлем, выбежал на площадь перед Ольбардом. – Харра! Иди сюда! Повеселимся!

– Уже иду! – Харра тоже выбрался на середину. Ни бронью, ни качеством клинков франкской работы он не уступал Виги. И шлем на нем был такой же, закрывающий пол-лица, с сильным гребнем сверху. – Только молю, не убивай меня сразу, коварный нурман, своим злым колдовством!

– Не буду! – пообещал Вихорек, разгоняя мечи сверкающим вихрем. – Но и ты не думай, что побьешь меня так легко, как в прошлый раз! Я теперь – злой колдун! А мы, колдуны, ого-го какие страшные!

Народ раздвинулся, а они наконец сошлись. И сразу закружились в воинском танце, разя стремительно и внезапно, сразу с двух рук, но лишь иногда соприкасаясь сталью, потому что ни один не хотел портить оружие и бронь себе или другому.

Харру подбадривали многие, а вот имя Виги выкрикивали только двое: Ануд и Истра.

По-настоящему оценить мастерство поединщиков среди собравшихся могли человек тридцать-сорок. Ольбард, понятно, был в их числе. И не без удовольствия отметил, что Харра – лучше. Впрочем, за Вихорька он тоже порадовался, потому что с самого начала не видел в нем чужака. Более того, Синеус узнавал во внезапных его атаках собственную руку. И не удивительно, ведь Виги наставлял отец, а самого отца варяжскому обоерукому бою учили они с Трувором.

Вспомнив о давнем друге, который нынче стал его, Ольбарда, соперником, и о годах, проведенных в тени одного паруса, Синеус вздохнул. Славное было время!

Харра и Вихорек разошлись.

– Получше! – заявил Харра. – Но не думаю, что сможешь побить меня раньше, чем у меня усы поседеют!

– Это ты так думаешь! – самонадеянно отозвался Вихорек.

Оба разом повернулись и поклонились Ольбарду.

Тот кивнул и поинтересовался:

– Все видели? Вот такими я хочу видеть своих гридней! – И встал, показывая всем, что суд окончен.

Но это было еще не все.

– Вождь, подожди! – раздался голос другого гридня.

Тот самый незнакомец. Его не было среди набросившихся на Вихорька и поплатившихся за это. Может, потому, что на его пути оказались Руад с товарищем? А может, по другой причине. Но Вихорек точно знал: с этим противником он бы не справился так легко, как с остальными.

– Что еще, Стег? – недовольно спросил Ольбард.

– Вот этот отрок, – Стег показал на Ануда, – вызвал меня на перекресток. Я готов, если малыш не струсит.

– Даже не надейся! – воскликнул Ануд. – Я готов, дядька Ольбард!

Синеус вновь нахмурился. Видно было: вызов Стега ему не по душе.

Во власти вождя запретить поединок. Тем более что Ануд – тоже гость. Но еще он – родич и племянник Ольбарда. И тоже варяг. То есть не совсем гость...

Задумался Синеус. И от Вихорька это, понятно, не укрылось. Этот Стег ему нравился все меньше и меньше. Как он спокоен. Стег спокоен, а Ольбард –

нет...

– Харра, кто это?

– Этот? – Харра пожал плечами: – Я его плохо знаю. Кличут Стегом Измором. Пришел с юга, из Киева, говорят. С ним еще четверо. Вроде бы они все вместе на ромеев ходили... Или, наоборот, ромеям служили. Хотя вряд ли. Кто ромеям служит, тот богат, а эти – сам видишь. Но... Не знаю. Зато знаю, что вас, нурманов, Измор очень не любит. Потому и в свару вашу влез. Не будь ты нурманом, он бы вмешиваться не стал. Он и его люди наособицу держатся. С бывшими Улебовыми они – никак.

– А насколько он хорош? – задал главный вопрос Вихорек.

Харра мотнул головой:

– В бою я его не видел, но... сам видишь.

Да, Вихорек видел.

И Стег поймал его взгляд и ухмыльнулся... вызывающе. Ануд его не интересовал. Настоящий вызов был адресован Вихорьку.

Ольбард – думал. Он так надеялся, что все разрешилось. А теперь... Ольбард знал, что Ануд Стегу не ровня. Если Ануд пострадает (о худшем думать не хотелось), выйдет совсем нехорошо. Ануд ведь не только родня, пусть и дальняя, но еще и дренг Ульфа Свити. Ульф может счесть это оскорблением...

Остается лишь надеяться на благоразумие Стега, которого он, Ольбард, почти не знает. Принял в дружину, потому что от таких воев не отказываются, но клятва клятвой, а в настоящей верности Стега Синеус был пока что не уверен.

Запретить или разрешить...

– Бейтесь! – решил Ольбард. – Здесь и сейчас. До первой крови.

И многозначительно поглядел на Стега.

Но тот на вождя даже не смотрел: пялился на Виги и нехорошо так кривил губы...

– Ануд, это ведь будет твой первый настоящий хольмганг? – спросил Харра.

– Да, первый! И что с того? – взвился Ануд.

– Да хоть бы и десятый. Со Стегом тебе не совладать.

Вихорек был полностью согласен со Стрекозой:

– Брат, давай я за тебя встану?

– Сам! – отрезал Ануд. – Ты за меня уже на тризне дрался! Хватит!

– На какой еще тризне? – спросил прислушивавшийся к разговору Руад.

Но ответить на его вопрос никто не успел.

– Бейтесь! – позволил Ольбард, и Ануд рванулся вперед, словно боялся, что Вихорек его опередит.

Однако родича успел перехватить Харра:

– Не торопись, отрок! – сказал он, глядя парню в глаза. – Вообще не торопись, понял? Заставь его побегать, тогда, глядишь, и продержишься немного. Иначе он тебя порвет враз. Как лис куренка!

– Так уж и куренка, – пробормотал Ануд, но совет услышал. И принял. Харра Стрекоза был всего лишь на пару лет старше его самого, но эти пару лет Харра провел в дальних виках вместе с лучшими воинами, каких знал Ануд. Потому слова Харры были для Ануда ценнее золота. Тем более что еще несколько месяцев назад Ануд был в его, Харры, десятке.

Ануд вышел на поединок с двумя мечами. Пусть все видят, что он – опасный боец!

Стег Измор вступил в круг с одним клинком. И без щита. Он тоже показывал. То, что не считает Ануда серьезным противником.

Вышел и остановился, опустив меч. Продемонстрировал, что не ставит Ануда ни во что.

Ануд тут же забыл о том, что ему говорил Харра. Рванул с места – разить...

Получилось, впрочем, неплохо. Стег, видно, не ожидал такого проворства и уклонился от первой атаки не без труда. Но потом уверенно взял поединок в свои руки. Ануд в запале этого не понял: продолжал рубить с прежней быстротой и яростью. Ему казалось: еще чуть-чуть – и достанет. Противник его не в кольчужной броне – в куртке из простой кожи. Раз – и все...

– Хорош Стег... – процедил сквозь зубы Харра.

Ему, как и Вихорьку, было понятно, что южанин ведет каждое движение Ануда. Сознательно распалляет парня. И когда тот выдохнется, закончит поединок без малейшего риска и без малейших усилий. Ануд же ничего не понимает и ничего не видит, кроме раз за разом ускользающего противника...

Все кончилось в одно мгновение. В очередной атаке Ануд сделал лишних полшага, и его противник оказался у парня за спиной. Удар под колено, отсупивший Ануду ногу, и сразу – короткий укол снизу, под тыльник шлема.

Вихорек облегченно вздохнул: увидев, что Стег нанес удар по ноге не лезвием, а плоскостью меча. Понял: варяг не собирается убивать парня. Так и вышло.

Ануд поднялся не без труда: подбитая нога не слушалась. Поглядел на противника... Тот стоял в той же позе, что и вначале. Расслабившись и опустив меч: нападай, если сможешь.

Ануд не мог. И он проиграл. Парень вернул мечи в ножны, сунул руку под тыльник, поглядел на испачканную кровью ладонь... Собственно, он и без этого чувствовал, как стекает по спине теплая струйка.

– Твоя правда, Стег Измор! – признал победу южанина Ольбард.

И благодарно кивнул.

Но Стег Измор похвалы не принял:

– Это не победа, батько, – произнес он достаточно громко, чтобы перекрыть голоса собравшихся на площади. – Этот малыш мне не нужен, а вот дружка его, – Стег указал мечом на Вихорьку, – я бы выпотрошил с удовольствием!

– Этого не будет! – отрезал Ольбард. – Довольно! Ануд! Что стоишь, как столб привратный? Кто-нибудь, остановите ему кровь!

– Не тревожься, батько! – Стег снова повысил голос, легко перекрыв шум. – Я его – легонько!

– А ведь он прежде сотником был, – сказал Руад, наклонясь к другу Рулафу. – Никак не меньше.

И Рулаф согласно кивнул.

Да, очень необычный гридень этот Стег Измор. Облачение – как у зеленого отрока, оружием владеет как опытный гридень, а голос и осанка – как у признанного вождя.

– Надо к нему присмотреться, – озвучил он свое беспокойство.

И теперь уже Руад кивнул согласно.

Вот только затею эту друзьям пришлось перенести. Не желая откладывать, Ольбард уже на следующий день отправился за своим драккаром. С собой он взял семь десятков наиболее доверенных воев. Руад и Рулаф были среди них, а вот Стег остался в Изборце. И не просто так, а полусотником.

Пришедший с юга незнакомец сумел доказать свою верность новому вождю.

Глава 41. Удачная сделка

— Эх! – От избытка чувств Медвежонок сгреб меня в охапку. – Братик мой старшенький! – приговаривал он, похрустывая моими ребрами. – Как я рад, что ты у меня есть!

– Эй, полегче... – сипел я, пытаюсь дышать. – Удушишь – сестра тебя убьет... И сам без ярла останешься...

Вот же здоровенный! Какой там Медвежонок, медведь целый!

– Ярл ты мой... махонький! – умиленно прорычал Медвежонок. Но все же отпустил. Живым.

Я с удовольствием вдохнул полной грудью.

Ну да, отличная сделка вышла. И главное – понятно, не деньги, а сам Ольбард. Возможность хоть на кого-то опереться здесь, на земле предков. Которые, правда, еще не родились, то это уже мелочи. Ольбард у варягов в авторитете. Так что даже формальному наследнику их князя, моему тестю-ненавистнику Трувору, придется считаться с его мнением.

Вот тут я немного ошибся, поскольку не владел всей полнотой информации.

И узнал я об этом буквально через пару часов, во время совместного пира.

– У нас, варягов, князя Перун выбирает, – сообщил мне Ольбард после очередного кубка и соответствующего вопроса. – Кто Перуну люб, тот и правит. Князь наш Улеб – природный князь, но удача от него ушла. Сыновья погибли, силу болезнь точит. В битву воев он уже не водит. Прошло его время.

То есть, уточнил я, из князей его пора убирать?

Нет, не пора. Правило «Акела промахнулся» у них не принято. Это ж варяги, а не какие-нибудь лесовики. И Улеб – князь, а не вождь военный. Пока сам не уйдет или не умрет, княжий стол за ним остается.

– А когда этот стол освободится, кому достанется? – поинтересовался я.

– Это варяжская старшина решит, – ответил Ольбард и хитренько так прищурился.

– Трувор? – в лоб спросил я, вспомнив то, что когда-то рассказывала мне Заря о варяжском престолонаследии.

– Может быть...

Вот уж кто мне в варяжских князьях не нужен, так это Трувор. Учитывая наши нынешние с ним отношения.

Варяги – это не просто сила. Я еще не вполне понял, что они такое, однако уже догадывался, что именно это племя более или менее успешно пытается взять под контроль то, что скандинавы называют Гардарикой, а позже с отменной проникательностью назовут «путем из варяг в греки» – то есть систему водных путей с соответствующей инфраструктурой: оборудованными волоками, аналогами гостиниц, ремонтных мастерских, а главное – больших и малых контрольных пунктов-гардов, вроде Ладоги или моего недавнего приобретения.

Понятно, что у варягов есть и собственная вотчина: белозерские и приморские территории, за которые они время от времени бодаются со свеями или норегам, равно как и за право обирать местные племена вроде суоми, веси или тех же кирьялов. Однако был еще Дир, которого я не знал, но о котором немало слышал. Варяг Дир, который сидел нынче князем в Смоленске и держал дружину из таких же варягов. А Смоленск – это от Белозера совсем не близко...

В общем, если Трувор получит варяжский стол, то у меня могут возникнуть еще большие проблемы, чем сейчас.

Однако то, как было сказано Ольбардом это «может быть», внушало надежду.

Синеус, впрочем, с темы тут же съехал и принялся рассказывать, как они с Трувором и еще пятью варягами, из которых я знал только Руада, подались десять лет назад к Хрёреку в хирд за славой. И как весело и денежно было ходить по Лебединой Дороге с Хрёреком, тогда еще тоже совсем молодым и задорным, получившим на условное «совершеннолетие» драккар в подарок от уже знакомого мне конунга Харека. Того самого, самонадеянно именовавшегося конунгом всех данов, хотя я знал датских же конунгов, которые и в грош его не ставили.

Но в любом случае драккар – это круто. Куда круче, чем яхты и спорткары, которые дарили своим отпрыскам олигархи моего будущего-прошлого. Потому что драккар – это не красивая игрушка, это, скажем так, средство производства. Этакий «прибор для получения всего». Если, конечно, уметь им пользоваться. Хрёрек со товарищи, несмотря на молодость, пользоваться умели. И жили, ни в чем себе не отказывая. И другие им тоже... крайне редко отказывали. Пожалуй, конфликт с Сигурдом Змееглазым был первым глобальным падосом Хрёрека. Хотя подобная ситуация – вещь логичная. Успешный вождь поднимается непрерывно, попутно поглощая тех, кто менее успешен. Как следствие – ареал его активности непрерывно расширяется... До тех пор, пока не пересечется со сферой интересов такого же успешного лидера. И один из них поглотит другого. Так что если в какой-то момент не остановиться, то рано или поздно натыкаешься на кого-то, кто еще круче, чем ты. И поглощают уже тебя. Понятно, ситуации бывают разные, но даже сам великий Рагнар не застрахован от такой летальной неприятности.

Я размышлял и краем уха слушал героическую историю Хрёрека и прикнувших к нему варягов. Все, включая уже известную мне часть и печальную битву, в которой Хрёрек получил копьё Сигурда в брненное тело.

Размышлял, задумался...

И не сразу сообразил, что Ольбард говорит уже не о днях минувших, но о насущном...

И едва сумел сохранить лицо, когда допер, о чем именно мне вещает Синеус. А говорил он ни много ни мало о том, как я, Ульф Свити, даже не подозревая о содеянном, капитально обрушил клановый рейтинг Трувора Жнеца.

– ...С тех пор как ранили Хрёрека, считалось, что никто не устоит против брата в обоеруком поединке. А ты устоял. Я думал: он тебя пощадил. Но люди говорят иное. Многие даже говорили, что Трувор испугался. Вот в это я точно не верю.

– Правильно не веришь, – подтвердил я. – Мы бились на равных. Если бы

он не остановился...

– То ты бы его убил, – перебил меня варяг. – Ведь это была не просто ссора двух воинов, это был суд богов, – напомнил мне Ольбард. – Ты обвинил Трувора в том, что для него желание Хрёрека важнее, чем жизни варягов, важнее, чем наше право на взятое железом. Отказавшись драться, Трувор признал, что прав ты, а не он. Не важно, ты его пожалел и он сам решил прекратить бой. Все знают, почему ты его вызвал. Все считают тебя правым и говорят, ты пощадил Трувора, потому что любишь его дочь. Будь мой брат не таким гордым, он бы отдал тебе Зарю, вы бы породнились, и все бы наладилось. Но он уперся. А еще раньше поставил себя выше правды и выше нас. Я от него ушел. А со мной ушли все лучшие. И даже сын Трувора Вильд. А потом, как оказалось, и дочь его сбежала к тебе. Что теперь говорят люди? Они говорят: не выйдет князя из того, который ставит себя выше правды и даже собственных детей не смог воспитать в уважении.

– И что теперь будет? – спросил я.

Ольбард усмехнулся:

– Теперь, – сказал он, – мы с тобой выпьем пива и поговорим о том, что будет, когда мой тесть Улеб уйдет в Иррий и князем стану я.

– И что же тогда будет? – Какой интересный поворот, однако.

– У нас, варягов, князья могут многое. Например, я могу выступить вместо отца на вашей с Зарей свадьбе, – Ольбард подмигнул. – Так по правде. У нас, варягов, князя не зря батькой называют. Князь, он каждому варягу – как отец. И твоей Заре тоже.

– А если настоящий отец обидится? – поинтересовался я.

– Значит, будет жить обиженным, – хмыкнул Синеус. – Это уже его, а не наша забота.

Политика, блин. А ведь еще недавно не было у Трувора друга ближе Ольбарда Синеуса.

В общем, Трувор купил у нас драккар. Со скидкой. Большой.

И часть боевого железа тоже приобрел.

И расстались мы с ним лучшими друзьями.

И Медвежонок заявил, что теперь он со спокойной душой может отправиться домой.

И мы все были убеждены, что Госпожа Удача нас любит, как родных детишек, хотя я уже догадывался, что когда все идет гладко...

Но забыл. И целую неделю полагал, что хожу у Госпожи в любимчиках...

Глава 42. Когда враги со всех сторон...

– Вот невезение! – пробормотал я. – Что бы им появиться неделю назад. Два больших боевых драккара. Свейских. И что-то мне подсказывает: не торговать они сюда пришли.

«Что-то» – это полоса дыма, уходящая в небо там, где расположено селение кирьялов.

Ее можно было бы объяснить случайным пожаром, но примерно два часа назад, отчаянно работая веслами, к острову подошел оставленный в кирьяльском селении сторожевой пост. В полном составе. С известием о том, что к нашему уютному заливу приближаются два больших драккара под стягом конунга свеев Эйрика Эймундсона. Кель Длинный, отбывавший наряд в составе сторожевого поста, уверенно опознал сей стяг. Он же предположил, что самого

конунга в составе экипажей нет, иначе драккаров было бы минимум два десятка. Так что флаги означали лишь то, что кораблям всего лишь назначена «королевская» миссия. То ли до конунга дошла информация о наших противоправных деяниях. То ли это плановый визит за кирьяльской данью.

А возможно, они вообще пройдут мимо. Корабли шли неспешно, под парусами, так что можно было надеяться на лучшее.

Но только до тех пор, пока на западе не появился дым – недвусмысленный знак неприятностей.

В том, что хитрован-староста сумел бы преподнести наилучшее для себя объяснение событий, я не сомневался. Тем не менее договориться со свеями не получилось. Иначе на хрена им устраивать пожар на еще недавно подконтрольной территории.

К сожалению, вскоре мы точно узнаем цель «официального визита». Прочувствуем, так сказать, на собственной шкуре при личной встрече. Если, конечно, мы не сумеем этой встречи избежать.

В принципе, возможность удрать имеется. Оба драккара, «Северный Змей» и «Клык Фреки», считай «под парами». Да и приготовленный к отправке домой кнорр тоже. Братец планировал скорое отплытие. Сначала – к тем же свеям, расторгнуться и нанять людей, а потом – домой. Не успел.

Может, и хорошо, что не успел. Наверняка напоролся бы в море на эту парочку поджигателей. И остался бы я без брата...

Сейчас, правда, будущее тоже не лучится оптимизмом: дорога к морю закрыта.

Зато остается Вуокса. И сложная система больших и малых озер, в которой вполне могут затеряться три наших кораблика. Что же до крепости с прилегающим к ней «ярлством», то поиграли немного в короля-на-горе – и хватит. Жизнь дороже.

Да, немного жаль, что свеи не появились, когда здесь еще был Ольбард. В случае согласия Синеуса за нас подписаться, шансы навалить свеям были как минимум пятьдесят на пятьдесят. Хотя не факт, что он согласился бы. Далеко не факт.

А теперь либо бежать, либо оставаться и уповать на стены и удачную позицию нашей крепости. При соотношении как минимум пять к одному. Или десять. На драккарах вполне могли быть «расширенные» экипажи – поход-то недалгий и плавание чисто каботажное.

Или рассчитывать на удачу, которая в данном случае может и Госпожа, но вряд ли наша. Рассчитывать, что с неба упадет метеорит и потопит один из драккаров... Нет, я не рискну.

– Да, – согласился мой брат. – Седьмицу назад было бы лучше. Ольбард бы помог.

– Уходим? – предложил я в полной уверенности, что братец согласится. Перевес противника был очевиден.

– Ты что, брат? – Медвежонок уставился на меня так, будто я предложил ему вступить в интимный контакт с дохлой лягушкой. – Уйти? А как же все это? – Он взмахнул рукой, охватив разом и остров, и залив, и заросшие лесом окрестности.

– Их слишком много. Мы не устоим, – озвучил я очевидное.

Медвежонок хмыкнул:

– Не знай я тебя так хорошо и не будь ты моим братом, решил бы, что ты боишься. Мы все умрем когда-нибудь. Ты мог умереть тысячу раз, но боги хранили тебя. Ты мог умереть никем, даже рабом, но не сдавался. Брат! – Увесистая длань легла на мое плечо. – Если нас всех убьют, мы умрем достойно. Не от старости в наследном одале, а на своей земле, взятой железом. Ты умрешь ярлом, брат! Песнь об этом достигнет Валхаллы! – Маленькие глазки Медвежонка горели восторгом. – Ее будут петь наши внуки и правнуки! Сага о том, как героически приняли смерть Ульф-ярл и его брат Свартхёвди Медвежонок!

А, чтоб тебя! Я стряхнул руку братца. Проверку медными трубами он явно не прошел.

Но мне все равно надо его переубедить. Если сейчас мы быстренько загрузимся на корабли, то почти наверняка успеем свалить до подхода к острову вражеской флотилии.

– Слушай меня! – Я ухватил Медвежонка за край кольчужного ворота и потянул книзу, чтобы глаза в глаза. – Я хочу стать конунгом, а не умереть ярлом! Ты понял, брат? Конунгом! А ты? Для чего ты женился на дочери Хальфдана Черного? Чтобы сдохнуть здесь, на этом жалком островке, чтобы порадовать наших убийц, которым достанется все, что мы добыли? Это ты считаешь славной смертью, Свартхёвди Сваресон?!

– Не плюйся, – проворчал Медвежонок, отцепляя мою руку от ворота. – И не ори. Ты – старший. Решил уходить – мы уйдем. Пойду распоряжусь, чтоб тащили на корабли бочонки с серебром и прочее.

С бегством мы не особо торопились. Посадили Тулба наблюдателем на смотровую вышку и принялись паковать еще не упакованные вещички.

Уходить было ужасно жалко. К хорошему быстро привыкаешь. Вот и я уже привык к этим стенам, к поселку, к замечательному виду на залив, ко всем этим лесным просторам. Я был королем на горе совсем недолго, но это было нечто. Мой надел в Сёлунде был намного больше этого острова, однако тут совсем другое ощущение. Там я был одним из многих «вторичных» землевладельцев на земле Рагнара Лотброка.

Здесь... А! Живы будем – еще добудем.

Когда Тулб закричал, что в пределах видимости появились драккары, мы уже собрались. Осталось лишь скоординировать: по местам!

Все, кого мы не взяли с собой, были заперты в одном из опустевших корабельных сараев. Свечи придут – освободят.

Бросать такую классную крепость было жаль не только Медвежонку. Гуннар вон даже прослезился...

Подбежавшему Тулбу подали весло, по которому он ловко взбежал на борт, и...

– Ярл! Драккары!

– Да понял уже, – хлопнув парня по спине, я хотел было двинуть на нос, Огонёк ухватил меня за руку. Меня! За руку!

– Нет, ярл, ты не понял! – завопил пацан, когда одарил его хмурым взглядом. – Не те! Наши драккары!

– Наши?

Мой мозг зажужжал, пытаюсь осмыслить сказанное.

– Ага!

Морда раскрасневшаяся, глаза по пять копеек. Вид, никак не способствующий пониманию ситуации.

– Так. Еще раз. Ты увидел корабли? Так?

– Да.

– Драккары?

– Да.

– Где?

– Там! – Тулб махнул в сторону закончивших разворот «Северного Змея» и кнорра.

Похоже, у паренька что-то с головкой. Я попытался вспомнить, не прилетало ли пареньку по вместилищу разума?

– Это не два драккара, – мягко произнес я. – Это один драккар и один кнорр. Сам посмотри.

Тулб некоторое время глядел на меня так, будто уже он сомневался в моих умственных способностях:

– Два драккара, ярл! Точно! Тебе отсюда не видно. Два драккара! И один из них точно «Слейпнир»!

Пазл сложился.

– Свартхёвди! Стюмир! – взревел я во всю мочь тренированных связок. – Стоять!!!

Ну да. К нам шли варяги. И не только. Надо думать, сам Рюрик пожаловал, потому что это были два больших драккара с красными знаками Сокола на парусах. Причем один из них – угнанный у Сигурда Рагнарсона «Слейпнир», на котором рассекают именно варяги.

Все. Мышеловка захлопнулась.

В общем, мы снова вернулись на наш остров, отправили Тулба наблюдать дальше, а сами сели в кружок и устроили совещание. Благо до подхода еще одной команды по наши души есть некоторое время. Так что думаем-думаем...

– Как у ваших со свееми? – спросил я у Зари.

Та пожала плечами. Ей неизвестно. Я тоже ничего не слыхал о том, чтобы у Рюрика и варягов с предками шведов были какие-то проблемы. Так что вряд ли большие парни сцепятся меж собой, позабыв маленьких нас.

Кто ж нас слил Рюрику, интересно? Сам-то Ольбард – вряд ли. Не в его интересах. И, судя по тому, насколько быстро появился здесь ладожский соправитель, инфа ему упала раньше, чем Ольбард вернулся домой. Не удивлюсь, если они встретились по дороге. Но это сейчас неактуально.

– Стравить бы их! – выразил общую мысль Гуннар.

Все поглядели на меня.

Я же чувствовал себя кем-то вроде Красной Шапочки, оказавшейся между голодным Волком и недружелюбно настроенными и не менее голодными троллями-охотниками. То есть сожрут по-любому, и не факт, что сперва не надругаются.

И тут в голову мне пришла мысль, простая, как топором по макушке.

– Мне нужны две холстины вот таких примерно размеров и одна овца!

Обугленный сучок я взял сам из ближайшего кострища.

Художник из меня не очень. Но с примитивной плакатной графикой справился. Контуры хищной птички на льняной простыне обозначил. И залил

кровью за неимением других красителей. Получилось корявенько, но убедительно. Атакующий сокол моего бывшего конунга опознавался влет.

– Это мы приколем к парусу, – пояснил я боевым товарищам. – А второй холстиной замотаем драконью голову. А когда пройдем мимо свеев – размотаем.

– Зачем? Они ж тогда на нас нападут! – резонно предположил Гуннар.

– Я сказал: когда пройдем мимо. Более того, для пущей убедительности Бурри кого-нибудь у них подстрелит. Например, одного из кормчих.

– Хочешь, чтобы они за нами наверняка погнались? – уточнил Медвежонок.

– Они не рискнут! – Я с удовольствием поглядел на изумленные лица соратников. – Потому что за нами будет что? Правильно! Драккары Рюрика! А на парусах у них что?

– А ведь верно! – Медвежонок долбанул меня лапой по спине. Вот что за дурная привычка у человека! – Ладожские за нами точно увяжутся! А птичку, которую ты нарисовал, они не увидят. Ее увидят только свеи! Ха! Это ж как тупой стрелой быку по мошонке! – И пояснил для тех, кто не въехал: – Мы так в детстве играли. Бык, он же дурной. Кидается не на того, кто стрелял, а на того, кого видит. Славно придумал, брат! – Медвежонок поднялся, встряхнулся, поправил кольчугу, нахлобучил на голову шлем, махнул рукой, подзывая околачивавшихся поблизости дренгов-весаев, и пояснил уже мне: – Надо бы трэлей напоить и скотину. Как знать, может, мы сюда еще вернемся.

Глава 43. В которой рассказывается о том, как правильно дразнить быка

Похоже, госпоже Удаче мой сумасшедший план понравился. Первой в зоне прямой видимости появилась боевая флотилия ладожан. И среагировала на наши уходящие к морю драккары правильно: прибавкой к ходу. Раньше они шли под парусами (благо ветер попутный) и подрабатывали веслами исключительно для лучшей управляемости, а опознав моего Змея, перешли на форсированный режим. Причем трофейный «Слейпнир» почти сразу вырвался вперед. Уйти от него у нас не было шансов. Однако потягаться некоторое время в скорости – вполне по силам. Драккары и у нас ходкие, а кнорр с разным добром мы заранее загнали в один из многочисленных заливчиков, изрезавших береговую линию. Вернемся – заберем. Не вернемся...

Жизнь дороже.

Народа у нас на скамьях, конечно, маловато: по паре рук на рум. Но зато мы совсем не устали, да и ветер частично уравнивал шансы. Так что удержать дистанцию до тех пор, пока прямо по курсу не показались идущие на веслах свейские корабли, оказалось не так уж сложно.

Дальше «Северный Змей» чуток придержал коней, выпуская вперед «Клык Фреки», на парус которого была пришпилена намалеванная овечьей кровью картинка с соколом. Второй «простыней» была замотана звериная голова на носу. Типа, мы мирные люди, плохого не хотим. Ну и заодно саму носовую фигуру спрятали, чем несколько уменьшили вероятность опознания драккара.

А еще мы маленько притормозили, подняв весла. Мол, не убегаем мы, а движемся по своим делам. Мирная картина, да. Но только на первый взгляд. А второй натывается на еще одну пару драккаров, которая чешет во всю прыть, стремясь побыстрее нас догнать. Остается лишь сложить два и два, чтобы лю-

бой здравомыслящий свейский лидер получил наиболее вероятный результат: четыре боевых корабля против его двух. То, что эти четыре – вместе, тоже очевидно, потому что эмблема у них общая. А что одни сбавили, а другие наоборот, тоже понятно. Силы хотят собрать в один кулак. Вопрос: зачем? На всякий случай или с конкретной нехорошей целью? Замотанная тряпкой носовая фигура вроде бы означает миролюбие. Но еще более традиционного белого мирного щита на мачте не имеется. И вообще четыре против двух – расклад провоцирующий. Тех, кого четыре. А те, у кого два... Им остается надевать брони и надеяться, что пронесет.

Впрочем, swei и без нашей провокации были готовы к драке: шлемы на головах даже издали хорошо заметны.

Мы прошли от них на расстоянии метров ста. «Клык Фреки» ушел вперед, а я, поравнявшись со свейским кораблем, издали помахал рукой круто прикинутому вояке, обосновавшемуся на носу первого драккара и что-то нам прооравшему. Что именно, я не расслышал. Надо думать, мужик представился и поинтересовался, кто мы такие. Я в ответ тоже покричал, что погода нынче хорошая. Прекрасная погода, чтобы умереть, верно? Но жить в такую погоду значительно лучше!

Не знаю, услышал ли он меня. А если услышал, то понял ли намек правильно. Впрочем, как бы он его ни понял, нам было уже не принципиально. Вырвавшийся вперед «Слейпнир» был уже метрах в четырехстах от нас.

Корма «Северного Змея» поравнялась с кормой свейского драккара. Здоровенного, кстати. Румов на двадцать. Пора. Мои парни ухватились на фалы, готовясь по команде убрать парус...

– Бури, давай! – крикнул я.

И Бури дал. Звук спущенной тетивы – и свейский кормчий, схлопотав стрелу в шею, выпустил рулевое весло. Драккар начал забираться вправо, а чуть позже с него донеслись возмущенные вопли. Предательский выстрел не остался незамеченным. А мы, то бишь «Северный Змей» и «Клык Фреки», тем временем, убрав паруса, красиво разворачивались, якобы отрезая sweiam путь к отступлению...

... А навстречу sweiam, надо полагать, до глубины души оскорбленным нашим коварством, изо всех сил работая веслами, мчал «Слейпнир». И всякий желающий swei мог видеть, что экипаж его полностью готов к бою.

Мой план сработал!

Свейский лидер проанализировал расклад, сделал ожидаемый вывод и выбрал приоритетную цель.

Оба свейских драккара взяли на пару румбов правее и, показав себя отличными моряками, перехватили варяжский драккар.

О да, скорость принятия решения у свейского лидера – выше всяких похвал. А люди его и впрямь крутые мореплаватели. Они не просто встали на пути варягов, а буквально за считанные минуты ухитрились взять «Слейпнир» в клещи.

И началась заруба. Летящие в обе стороны копья и стрелы. Крюки, с двух сторон вцепившиеся в борта «Слейпнира».

Свейские парни решили использовать все свои возможности для того, чтобы нанести противнику максимальный ущерб за то короткое время, пока в

драку включатся остальные его силы: второй драккар и мы, оказавшиеся у свеев в тылу.

А поскольку второй драккар изрядно отстал, а мы и вовсе не планировали лезть в драку, то бойцам на «Слейпнире» пришлось туго.

Морской средневековый бой – зрелище малопривлекательное. И шумное. Вопли, грохот, лязг, сочный бултых, когда кто-то невезучий выпадает за борт и, если не успевает ухватиться за что-нибудь надежное, утюжком отправляется к ракам.

– Рюрика не видно? – спросил я у Вихорька, чья зоркость была повыше моей.

– Не-а! О! Трувора вижу!

– Где?

– У третьего рума слева!

Я присмотрелся. В районе третьего рума народу было изрядно. Я прикинул: не меньше двадцати шлемов. Трувора я узнал. Не по лицу, которое не разглядеть, а по манере управляться с оружием. Варяжский вождь, пренебрегая щитом, орудовал двумя мечами. Впрочем, щитами его прикрывали другие. Два бойца со стандартным набором: щит-копье. А рядом с ними и за ними – еще. Даже какой-то строй пытаются держать. И, похоже, бьются они спина к спине с другими нашими. То есть не совсем нашими. Тут отрок-дренг Тулб не то чтобы прав. Но...

В общем, как бы ни сложились мои с Трувором нынешние отношения, но болел я однозначно за варягов.

Совсем рядом щелкнул лук – и в загравке одного из свеев расцвел наконец-то стрелы. Превосходный выстрел, однако. Между нами – метров сто. И кто же это нарушил приказ о невмешательстве?

Заря. Не выдержала девушка. Кого другого я бы отругал, но тут – язык не повернулся. Все же там ее папу пытаются пустить на рагу. Хотя тут еще вопрос: кто кого пустит? Выпадение из процесса подстреленного свея нарушило остальным диспозицию, чем Трувор немедленно и воспользовался. Два асинхронных взмаха – и минус два оппонента. Жнец – он и есть Жнец. Я ухмыльнулся.

– Не успеет Ульфхам!

Это Бури сказал.

Вот уж кто видит так видит.

Значит, вторым драккаром рулит Треска. Ну лично я не удивлен. А почему не успеет?

Хм... А ведь точно не успеет. Бойцов на «Слейпнире» разделили на две неравноуспешные кучки. Одной рулит Трувор, а второй... Похоже, уже никто не рулит. Там теснят и добивают. Сейчас закончат – и все дружно навалятся на пару десятков тех, кто еще держится. Причем свеев на палубе «Слейпнира», даже по самым оптимистичным прикидкам, раз в пять больше. А еще есть свеи, которые на abordаж не пошли, но активно своих поддерживают «огнем». Мечут копья в сбившихся вместе варягов или кто там вокруг Трувора собрался.

А второму драккару до драки еще минут пять спортивной гребли.

Это что же получается? Свеи побеждают? Нет уж! Меня такой расклад точно не устраивает.

Я повернулся к нашему снайперу:

– Надо, чтоб успел!

– Виги, Заря, Тулб! – произвел топовую выборку Бури. – Бейте тех, кто на корабле справа от «Слейпнира»!

Вихорек расцвел от удовольствия, а Заря наградила меня очаровательной улыбкой. Только Тулб в мою сторону даже не глянул. Он в команде лучших стрелков – номер крайний. Ему бы не оплошать на такой дистанции.

Хотя кто нам мешает подойти поближе? Метров на пятьдесят, к примеру? Это немного больше оптимальной дистанции для броска копья, а вот для лука – самое то.

По моей команде драккар неторопливо двинулся к сцепившимся кораблям. Стрелы к ним полетели куда быстрее. Трое подмастерьев снайпера ударили по метателям копий... Для которых наша атака не стала сюрпризом. Так что достать сумели только троих. Остальные мигом прикрылись щитами.

А вот мастер... Он и есть мастер. Бури бил не сказать чтобы часто... Зато метко. Пять стрел – пять попаданий. Достаточно, чтобы сбить наступательный порыв свеев и выиграть те самые пять минут.

С подоспевшего драккара полетели копья. Часть свеев переключилась на него, и группе Трувора полегчало. Однако перевес, на мой взгляд, был все равно на стороне свеев, потому с командой на отмену стрельбы я торопиться не стал. Тем более что нам пока ничто не угрожало. Мы остановились метрах в пятидесяти, а немногочисленные лучники свеев предпочитали выбирать цели поближе.

Да. Непривычно мне быть зрителем... Но, ей-богу, уже начинает нравиться.

Подошел «Клык Фреки». Остановился метрах в десяти.

– Брат, что скажешь? – рявкнул Медвежонок, перекрикивая шум битвы.

– Поможем нашим еще немного, а потом уходим к острову! – проорал я в ответ.

– Нашим? – Я его удивил. – А, ладожским! А зачем?

– Ну не свеям же помогать!

– А я бы всех убил! – Медвежонок захохотал. – Убьем всех и будем править!

– Всех не убьем! – крикнул я в ответ. – У свеев еще конунг есть! Нам до него не дотянуться!

Ладно, пошутили и хватит. Я вскарабкался на борт, чтобы еще раз оценить расклад.

Расклад мне понравился. На палубе «Слейпнира» положение было примерно равное. На свейском драккаре, который обстреливали мои бойцы, команда ушла в глухую оборону. А на втором – вообще хорошо. Хитрый Ульфхам высадил основную группу именно туда и при перевесе где-то три к одному уже практически зачистил территорию. Но на помощь варягам почему-то не спешил: предоставил им самим разбираться с заплонившими «Слейпнир» свеями.

Будь я варягом, мне бы такое отношение не понравилось. Больше того, если бы не Трувор, площадка под названием «Слейпнир» наверняка осталась бы за свеями. Насколько я мог судить издали, в его нынешней команде не было ни одного по-настоящему крутого бойца. Нет, эти парни сражались грамотно, очень качественно держали строй, прикрывали друг друга...

Но для победы умения обороняться, пихаться щитами в щиты – недостаточ-

но. Должен быть кто-то, способный не удержать вражескую линию, а порвать. Как это делали берсерки. Как это делал сейчас Трувор Жнец. Понятно, что корабельная палуба – не самое удобное место для строевых действий. Но это касалось обеих сторон. И если у варягов элитный воин был один, то у свеев, я заметил никак не меньше четверых. Причем один из четверки, тот самый, что пытался поговорить со мной, бился ничуть не хуже Трувора. Превратности схватки, а может, и продуманный расчет разнесли его и Жнеца по разным концам драккара, и тем варягам, которых сейчас снова зажали на корме, приходилось очень кисло. Я бы даже сказал: пушистый северный к ним уже не подкрадывался, а приближался огромными скачками.

А бойцы Ульфхама тем временем делали вид, что «Слейпнира» не существует. Преспокойно грабили захваченный корабль, и лишь несколько человек время от времени поддерживали союзников с помощью метательного оружия. Сам же Ульфхам глядел исключительно в нашу сторону. И ухмылялся.

Я перевел взгляд на своих. Устроившийся на носу «Клыка Фреки» Медвежонок презрительно улыбался. Само собой, он сообразил, что Ульфхам решил занять ту же позицию, что и мы. То бишь наблюдателя. Ну да, хороший вождь бережет своих людей. И как вывод: Трувор со своими для него уже не свои?

Хотя...

Похоже, все еще сложнее. Не зря Треска в нашу сторону смотрит чаще, чем на рубящихся из последних сил варягов.

Ждет хитрый дан.

И, кажется, я знаю чего.

Я покосился на Ануда. Глаза молодого варяга полыхали яростью, а пальцы на древке копья аж побелели. Он ушел от Трувора ко мне, но от этого тот не перестал быть его родичем. «Наши», как сказал недавно Тулб, сбив меня с толку.

И Ануд был не одинок в своем желании подмогнуть родне.

И Заря уже по собственному почину метала стрелы в осадивших отца свеев. Толку от ее выстрелов было немного. Свечи уже сориентировались и выделили с пяток бойцов на прикрытие спин. Благо численность им позволяла.

И, похоже, я уже понимал стратегический замысел свейского ярла. Он уступил Ульфхаму, чтобы добить варягов и захватить «Слейпнир». Еще чуть-чуть – и у него получится.

Если Ульфхам не вмешается.

Или мы.

– Глянь на Треску! – крикнул мне Свартхёвди. – Чего он ждет? Пока свеи добьют варягов?

– Нас! – крикнул я в ответ. – Думает, мы нападём на свеев!

– А давай и нападём! – воодушевился брат.

Мои варяжата оживились. Энергично выразили поддержку данной идее.

А вот недавно присоединившаяся к нам «свейская» партия восторга не выразила. Да. Трудно править многонациональным образованием.

– Мы – на свеев, Треска – на нас?

– А пусть! – прорычал Медвежонок, предвкушая драку. – Убьем всех!

– Нет! – испортил я брату праздник. – Хирд! Весла в воду! Обходим левым бортом! Медвежонок, твой – впереди! На проходе бьем свеев стрелами, сколько успеем! Потом – на остров!

Что мы и сделали.

Впрочем, кое-какую помощь варягам мы все же оказали. Стрелки у нас меткие. Особенно один.

И едва стало понятно, что мы не полезем в заварушку, Ульфхам покинул выжидательную позицию и погнал своих на заполонивших «Слейпнир» све-ев.

Когда мы добрались до острова, бой в заливе уже был фактически завершен. Кто победил, я не сомневался. А вот какой ценой – пока не знал. Ничего. Скоро выясним. Не может такого быть, чтобы Рюриковы бойцы не заглянули к нам в гости. Ну и пусть заглядывают. Мы встретим их с большим почтением. С крепостных стен. И еще, кажется, дождь собирается, а крыша над головой куда лучше натянутого над палубой паруса.

Глава 44. О том, как настоящий вождь бережет своих людей

— Я, Трувор Жнец, клянусь славой Перуна, что не сделаю зла ни Ульфу Свити, ни его людям на этой земле!..

Вид у варяга гордый. И мрачный. Дождь струится по его лицу, по обвисшим усам. Левая рука Трувора на перевязи. Интересно, зажила ли рана на ноге? Вроде не хрошает.

– Ни я, ни моя дружина!

Группа воинов, высадившихся на пристани, ждет моего решения. Они вне досягаемости стрелков. Из-за дождя. Разве что Бури мог бы...

Но не станет. Пока.

– Да будет так! – согласился я и крикнул тем, кто внизу: – Открывайте ворота!

И только так. Пусть это не мирный договор, но типа того. И Трувору он нужен больше, чем нам, потому что большинству его бойцов срочно требуется медицинская помощь. А оказать ее без горячей воды, без нужных медикаментов, в условиях проливного дождя весьма нелегко. Он мог бы занять те дома, что снаружи, но это – полумеры. Эти строения пусты. Вернувшись на остров, мы освободили пленников и забрали под защиту стен. Туда же унесли все сколько-нибудь полезное, включая даже запасы топлива.

Пустые дома укроют от дождя, но не от нас, если мы пожелаем сделать вылазку. А еще Трувор не видит у причалов наши корабли. Там стоит лишь развалюха, которую я в свое время отдал отпущенным домой свеям и которую они мне благополучно «вернули».

На самом деле наши корабли ладожским ничем не угрожают. Мы на всякий случай отогнали их подальше и спрятали. Так же как и кнорр. Но Трувор-то этого не знает. Он даже не знает, сколько нас в крепости.

Зато он знает, что там, за стенами крепости, – уютные душевные дома, горячая вода, вдоволь целебных трав и перевязочного материала. И еда. Похлебка, мясо, каша. А еще – пиво! С медом, с травами, просто пиво. Много пива!

Но главное все же – медицинские услуги. И безопасность.

– ...Не сделаю зла ни Ульфу Свити, ни его людям на этой земле!

Это хорошо, когда гость ставит жизни и благополучие своих людей выше гордости, личных обид и амбиций.

Вот я пока что так... не всегда. Но я буду стараться.

– ...Ни я, ни моя дружина!

Все. Теперь можно и гостеприимство проявить. В полной мере.

Из восьмидесяти шести дружинников Трувора на ногах более или менее твердо стояло десятка два. Включая и его самого. Раненых – вдвое больше. Остальные отправились в Ирий. Вернее, отправятся, когда будут совершены все подобающие обряды. А с ними в качестве спутников – шесть пленных свеев. Варяги специально их не добились, чтобы уложить на погребальный костер победителей.

Треска и его люди пострадали меньше. Но и им досталось. И раненых у них было изрядно. Свеи дрались отчаянно, а в войске Ульфхама коренных данов, настоящих викингов, было не так уж много. Остальные – с бору по сосенке. То есть ни опыта, ни стойкости настоящей. Той, когда своего убийцу с собой в лучший мир утащить стараются.

Специфика рукопашного боя в нурманском формате такова: если уж попал по тебе могучий викинг мечом или секирой, то кирдык. Даже если в руку попал. Топор – это не легкая стрелка. Это рана в пядь глубиной и кость пополам. В условиях боя – гарантированная смерть от потери крови. Викинги на такой вариант развития событий смотрят философски: раз помрешь по-любому, значит, надо успеть прикончить кого успеешь, пока еще не помер. Смерть придет ко всем. Задача героя – встретить ее достойно.

Вот разве что к воинской элите костлявая приходит куда реже, чем к зеленым дренгам. На Треске вон ни царапины. И на Оспаке Парусе – тоже.

Вот они, сидят со мной рядышком, красавы, пивом наливаются. Пиво у нас нынче сладкое. С медом. Гостям нравится. Да и нам тоже. Сладенькое всем нравится. У нас и другого «сладенького» в избытке. Женщины вокруг моих гостей так и вьются. Я попросил Гуннара слух пустить: если кто-то из них приглянется моему гостю – отдам. Моих хирдманов многие из них не любят: как никак мы их родню на ту сторону вечности отправили. А у вояк Трувора и Ульфхама карма в этом отношении чистенькая. И тоже воины. А быть при воине даже невольной наложницей всяко лучше, чем тир[233] в общем пользовании.

Словом, порадовал нежданных и незваных гостей чем мог. Стол накрыл богатейший, выпивка, девки... Все для вас, парни! Смотрите, какой я щедрый. Смотрите... И сравнивайте.

Не без тайной мысли, ясное дело. Очень уж мне люди нужны. Крепкие, обкатанные в деле бойцы. Угощайтесь, други! Не жалко!

Впрочем, и гости мои тоже отдарились. И щедро. Третью добычи, взятой со свеев. И один из трофейных драккаров теперь тоже мой. Еще один... Кому бы и его продать? Опять Ольбарду?

Драккар, оружие, расходники. Полсотни викингов можно снарядить и на румы посадить. Где бы вот только найти эти полсотни?

Ну, да я им тоже драккар подарил. Дедушка шведского кораблестроения скоро отправится в последний вик в качестве погребального судна.

Сам процесс похорон решили перенести на завтра. После дождичка. А еще я попросил Трувора подарить мне единственного уцелевшего свейского хольда. Трувор удивился, но просьбу выполнил. Хольда я отвез в кирьяльское селение и убил. Лично. И жестоко. Хотел сначала отдать его на расправу кирьялам, но вовремя вспомнил, что я здесь ярл. Хотя по мне, так любая казнь – ничто в сравнении с тем, что эти твари сотворили с теми жителями селения, ко-

торых им удалось поймать.

Но это было днем, а сейчас вечер, и веселье бьет ключом. Справа от меня наливается пивом Медвежонок. Слева разместился Ульфхам Треска. Дан подчеркнуто дружелюбен. Ни слова о наших прежних размолвках. Словно бы и не было моей ссоры с Рюриком и Ульфхамова обещания меня прикончить, если с этим не справится Трувор. Улыбка во всю пасть. Мир, дружба, пиво из общей чаши.

Вообще-то, на этом месте должен был сидеть Трувор, но Жнец отказался. Он с варягами занял дальний конец стола. Ведет себя сдержанно. Может, из-за клятвы, а может, сменил гнев на нейтралитет. Трувор уже поговорил с дочерью, с Анудом и с остальными родичами, переметнувшись на мою сторону. С теми, кто остался в живых. Чувствую: напряжение есть, но без эксцессов. За мертвых Трувор мне не предъявил. За живых – тоже. Мои варяжата – там же, на «варяжской» части стола, смешались со старыми корешами, Труворовыми отроками.

Я не препятствовал. Скорее наоборот. Ануд, Тулб, Вузлеб и остальные – живая реклама моего маленького хирда. Выглядят на порядок круче своих недавних соратников. А уж хвосты распустили... Понацепляли все, что только можно: брони, пояса богатые, мечи, гривны, браслеты. И без конца хвалились перед родней взятой под моим руководством добычей.

А вот это зря. И мой косяк. Забыл предупредить молодежь, чтоб гусей не дразнили. Боги, понятно, нарушений закона «гость – хозяин» не одобряют. Но от богов и откупиться можно, если прибыль предвидится феерическая.

– Эй, братец! Чего не ешь? На-ка! – Медвежонок подсунул мне горшок с кашей.

Ну как с кашей... Каша там тоже имеется. Ячменная. Сваренная в жирном свином бульоне, с добавлением лука, обжаренного в сливочном масле, и обычного, зеленого. С чесноком и прочими специями, с вареной свиной, нарезанной тонкими ломтиками, со свиной копченой, добавленной в пропорции один к двум, и еще каким-то мясом, птичьим, утятинной, похоже... Вкусно, однако. Соли только многовато, но и это с расчетом: пиво от соленого вкуснее.

Пиво мне подливала Зарёнка. Она за стол не садилась: рулила процессом. Как хозяйка. Ну да. Я тут – главный. А она – моя практически жена.

Наливая, Заря будто ненароком потерлась щекой. Приласкалась.

Может, и не будет ничего страшного, если я привезу ее на Сёлунд? Может, это привнесенные из будущего моногамные комплексы мою совесть грузят? Если могут быть у человека две сестры, так почему двух жен быть не может?

– Выпей из дружеской чаши!

Ульфхам. Подсовывает мне свою посудину. И не скажешь, что у меня своя. Обидится. А то и оскорбится.

Пить из Ульфхамовой чаши мне не хочется. Он, небось, уже слюней туда понапускал, а то и чего похуже. Нет, не буду я это пить. Но пригубить надо. Я вернул чашу Ульфхаму, демонстративно обтер усы. Ждал, что Треска сам приложится, но тот лишь кивнул одобрительно, вылез из-за стола и куда-то отправился. И что-то такое в глазах у него мелькнуло... нехорошее. Или это у меня паранойя?

Нет, не куда-то отправился Треска, а к «варяжскому» концу. Ага. Теперь Трувора угощает. Тот, понятно, не отказался. Они с Ульфхамом – давние сопа-

лубники. Когда Трувор с Ольбардом к Рюрику-Хрёреку присоединились, Ульфхам уже был там. Говорят, он с Рюриком – с детских лет. Я даже слышал, они – молочные братья.

Заря. Опять пива мне подлила, хоть я и выпил совсем чуть. Поймал ее за руку:

– Скажи Гуде, чтоб сама управлялась. А ты со мной посиди.

Ульфхам, похоже, возвращаться не собирается. Трет о чем-то с Трувором. Мне бы насторожиться положено, но не буду. Дан – та еще хитрожопая бестия. Но Трувору я верю. Раз поклялся Перуном, можно расслабиться. На время действия клятвы, конечно. Ну а там видно будет...

Опа! Рядом со мной уселся Витмид!

– Здрав будь, ярл!

Совсем интересно. Это для своих я – ярл. Для прочих пока что рылом не вышел. Король на горе. Землю прихватил, а вот хватит ли силенок не свалиться с горки?

– Разговор у меня к тебе, ярл.

Витмида я знаю. Нас с ним в Хрёреков хирд одновременно принимали. Теперь он – хускарл Рюрика под рукой Ульфхама. Не просто хускарл – хольд.

– К себе возьмешь? – не стал тянуть время Витмид.

– Брат! – окликнул я Медвежонок.

Такие дела мы с ним решаем коллективно.

– Бери! – одобрил Свартхёвди. – Мы этого пивохлеба давно знаем. Строя не ломает.

– У Хрёрека я – хольд, – напомнил Витмид.

О, самая интересная часть найма. Скока денех.

– Это так, – согласился Медвежонок. – Хольд. Но хольд хольду – рознь. У нас вот хольдом Хавгрим Палица был. – Свартхёвди плеснул немного пива на пол, отдавая долю погибшему герою. – У меня тоже две доли. Вот и смекай, Витмид, кто есть наш хольд, а кто – у Хрёрека.

Витмид нахмурился. Он знал, что мне нужны люди. И я знал, что он знает. Я бы и хольдом его взять согласился...

Но вмешиваться не буду. Медвежонок в таких делах – ас. Хотя насчет двух долей он приврал немного. Есть у него и другие доли. Например, как совладелец «Северного Змея»[234].

– С тобой не равняюсь, – согласился Витмид. – Но все же две доли мне дай. У Хрёрека я уже хольд, а Хрёрек – конунг.

– Ты лучше с другой стороны посмотри, – не сдавался Медвежонок. – Доля у Хрёрека и доля у нас – они разные, друг. Лично я охотней согласился бы на одну долю в хирде Ульфа, чем на три – в хирде Хрёрека. Наверняка побольше выйдет.

– Так вы в боях добро берете, а Хрёреку люди дань сами несут! – возразил Витмид.

– Так и хорошо! – воскликнул Свартхёвди. – Воин живет битвой! – И прибав пафос: – И ты забыл, Витмид, что нам тоже сами несут. С каждого корабля, что мимо проплывет, мыто берем. Может, оно и поменьше выходит, чем в Альдейгье, да только в Альдейгье его на скольких делить приходится? А нас сколько? То-то!

– Вот! – обрадовался Витмид. – Не много вас! Значит, я вам нужен!

– Нужен, – согласился братец. – Не то я бы пиво пил, а не с тобой болтал. Мы тебя знаем, Витмид. Ульф-ярл возьмет тебя охотно. Но – хускарлом. Потому что хускарл ты славный, а хольдом мы тебя не видели.

– Так посмотрите! – воскликнул Витмид и подбоченился.

– О! Другой разговор! – заявил довольный Медвежонок. – Вот и договорились! Посмотрим на тебя в деле и решим, годишься ли ты в хольды. А пока – хускарл. Рад, что ты согласился, Витмид!

На Витмида жалко смотреть. Подловил его Медвежонок. Поймал на слове. И пусть Витмид имел в виду другое, но теперь обратно хода нет. Слово сказано. Пацан сказал – пацан ответил.

– Отлично! – Я хлопнул викинга по плечу. – Верный выбор, Витмид! У меня тебе скучно не будет. Года не пройдет, и ты эти обручья, – я постучал по серебряным браслетам Витмида, – на золотые сменишь. А в хольды выйдешь еще раньше! Ты славный воин, Витмид! Не забыл, как мы на земле франков развлекались? То ли еще будет!

Повеселел Витмид. Вероятно, вспомнил, что в отличие от Хрёрека у меня с Рагнарсонами – дружба. А где Рагнарсоны, там такая добыча...

– Пойду Ульфхаму скажу, – Витмид поднялся.

– Эй, может, подождешь, пока взятое на свеях поделите? – придержал его я.

Он теперь мой человек, и я обязан заботиться о его благополучии.

– Так поделили уже, – отмахнулся Витмид и пошел «радовать» своего теперь уже бывшего начальника.

Ну да, кого я учу? По части урвать кусочек любой викинг мне десять очков вперед даст.

А все-таки Медвежонок его развел! Не обиделся бы...

Заря втиснулась рядышком. Ухватила мое пиво, выдула сразу половину чаши. Все, что осталось. Минимум пол-литра. Засмеялась радостно, пихнула меня кулачком. Глаза блестят, губки влажные, щечки розовые. Ах какая девушка! И сдается мне: это не первая порция пива, принятая ею нынешним вечером. А, пофиг! Пир у нас или не пир?

В общем, уснул я совершенно счастливым: сытым и пьяным, не только от пива. Бешеный темперамент у моей воинственной подружки. Прямо-таки испепеляющий. И если обычно из наших любовных игр победителем выходил я, то этой ночью Зарёнка разгромила меня вчистую. Правда, и сама упрыгалась. Вырубилась у меня на плече, слова не договорив.

«Ну разве это не счастье?» – подумал я, проваливаясь в сон следом за ней. И не ведая, каким будет мое довольно-таки скорое пробуждение.

Глава 45. Последнее решение Ульфа Свити

А вышло оно весьма неприятным. Потому что очнулся я от навалившейся на грудь тяжести. И не сладкой тяжести любимой женщины, а изрядного такого веса. Пудов этак в несколько. И пахло от «груза» отнюдь не розами и не сладкой женской кожей, а просто кожей. И железом. И перегаром.

И вонь была далеко не самым скверным аспектом моего пробуждения. В следующую секунду я осознал, что обе мои руки прижаты к ложу, а на горло давит холодное и острое. Нож. И держал его не кто иной, как мой давний знакомый Ульфхам Треска.

Ну да. Моя Удача – в своем репертуаре. Если вы думаете, что все идет превосходно, значит, вы чего-то не заметили. А ведь мог. Дружелюбие дана на пи-

ру показалось мне уже тогда подозрительным. Особенно когда он чашу свою мне пихал.

Сейчас заметить Ульфхама трудно. Особенно если эта туша придавила твои конечности и тычет ножом в кадык.

– Не дергайся и не кричи, – проворчал дан. – Или я тебя сразу убью.

Вот же... А я попал, однако. Чисто конкретно, как говаривал мой знакомый депутат питерского ЗАКСа. Моя правая рука зафиксирована в Ульфхамовой клешне, левая придавлена его же коленом, а второе колено упирается в мою грудную клетку. Понятно, что в этой явно доминирующей позиции Треска чувствовал себя весьма уверенно. А я в своей – нет. Весу в дане раза в полтора побольше, чем в моей брэнной тушке. Но я бы еще порыпался, если бы не ножик, упершийся в мое нежное горлышко.

– Мой конунг хочет твоей смерти, – сообщил Треска, обдав меня тошнотворным выхлопом скисшего у него в желудке пива. – А мы с Хрёреком – как вы со Свартхёвди. Моя мать кормила его грудью, мы выросли вместе... – Ульфхам вздохнул. Мне показалось: он по-настоящему опечален. Наверное, так оно и было, иначе он не стал бы рассусоливать: зарезал бы сразу.

– Он приказал меня убить, да? – негромко поинтересовался я.

Негромко, потому что был уверен: кричать бесполезно. Да и не даст Треска мне крикнуть. Ему достаточно чуть нажать – и железо окажется у меня в трахее. Я видел, что викинг пьян: речь немного подтормаживает. Но вскрыть глотку такой, как Ульфхам Треска, способен и мертвецки пьяным. Это у него даже не условный – безусловный рефлекс.

– Хрёрек? Убить тебя? Нет. Не сейчас. – Ульфхам говорил рассеянно. Похоже, параллельно думал о чем-то своем. – Приказывал раньше. Потом передумал, но это потому, что твоя смерть не понравится варягам. А варяги нам нужны. Да, нужны, – он икнул. – Так что ничего он не передумал. Ему нужна твоя смерть. И потому я тебя убью. Без обид, Ульф. Так надо.

Бородатая физиономия дана нависала надо мной, и ее выражение полностью подтверждало обуревавшие хозяина мысли. Ульфхам Треска был абсолютно уверен в своей правоте. Говорят, что у трезвого на уме, то у пьяного на языке. В данном случае процесс пошел дальше языка. К моему горчайшему сожалению.

Что ж, шансы претворить свои планы в жизнь у старины Ульфхама весьма высоки. В этой клетушке нас только двое. Вернее, трое, потому что рядом спит Зарёнка. Крепко спит: я слышу ее ровное дыхание. И хорошо, что спит. Есть надежда, что Ульфхам ее не убьет. Слабенькая, правда. Этому дану убить – как лягушке комара схавать. Но вдруг?

– Зря Рюрик думает, что я выдам его Сигурду, – сказал я. – Я обещал и я – человек слова. Ты знаешь.

– Ничьим обещаниям нельзя верить, если речь идет о Рагнарсонах, – настаивательно произнес Ульфхам. – Они умеют спрашивать и получать ответы.

– В таком случае мало убить одного меня.

Я сказал это вслух и тут же сообразил, что прав. А поскольку Треска – не дурак, значит...

Значит, он придумал что-то такое, чтобы никто из моих не вернулся домой. Вот же засада! Это ж такая хитрая и опасная сволочь, этот чертов дан. Одна надежда, что Трувор ему помешает довести дело до конца. Он же поклялся...

– Как не хочется тебя убивать, – вздохнул Ульфхам, обдав меня рвотной вонью. – Будто кто-то за руку держит.

Я промолчал. Он не со мной – сам с собой разговаривал.

– В твоей смерти не будет чести, но Одину такое понравится.

– Тору тоже понравится, Ульфхам, – сказал я. – Ты храбрый и верный человек. Меняешь мою жизнь на свою. Свартхёвди Сваресон наверняка тебя убьет.

– Не меня, – возразил Ульфхам и снова вздохнул. – Он убьет Трувора. Все решат: это Трувор тебя зарезал. Кому же еще, ведь ты отнял у него дочь.

Я покосился на Зарю. Девушка спала. К счастью. Злоупотребила пивом на радостях от примирения семейства.

– Думаешь, Трувор подтвердит, что убил меня?

– А зачем? Его найдут завтра, спящего. Прямо здесь. И одежда его будет в крови. И будет видно, что испачкался он, пока вас резал.

– А с чего бы ему приходиться сюда да еще и в крови пачкаться? – Я не сумел скрыть напряжения. Уж очень мне не понравилось его «вас».

– Так он уже здесь, – Ульфхам хихикнул, и я понял, что он куда пьянее, чем я думал.

И что мне дает это знание? Пока ничего.

– Здесь?

– Ага! Я его принес. Он спит и не проснется до самого утра. Я подсыпал ему зелье. Хорошее зелье. Его мне колдунья из Альдейгьи делала. Та, которую потом люди Водимира убили. Ты его разок уже попробовал, это зелье. Оно очень хорошее. Но, видать, берет только однажды, раз сегодня тебя не забрало.

Ага. Вот, значит, почему он мне чашу совал. Правильно я не стал из нее пить. Хотя интуиция тут ни при чем. Обычная брезгливость.

Нож Ульфхама надавил сильнее, оцарапав кожу.

Глупо будет умереть вот так.

Вспомнился Сторкад, убитый мной почти так же, в постели. Воистину наши дела к нам же и возвращаются.

– Дай мне меч, Ульфхам Треска, – попросил я.

Викинг помотал головой.

– Я бы дал, – сказал он. – Но если ты умрешь с мечом в руке, то попадешь в Валхаллу и расскажешь о том, как ты умер. А я не хочу, чтобы мои друзья узнали об этом.

– Ладно, допустим, все решат, что меня убил Трувор, – согласился я. – В это, думаю, поверят. А вот в то, что он собственную дочь убил... С этим как?

– Дочь? – Ульфхам покосился на Зарю, нахмурился.

Полагаю, сначала он ее не узнал. Решил: обычная постельная девка.

От того, что Треска немного отвлекся, мое положение не изменилось: нож не сдвинулся ни на миллиметр.

– Убил и убил. Почему – пусть сам и объясняет, – мыслительный процесс дана завершился не лучшим образом.

Полное ощущение, что истекают последние секунды наших с Зарей жизнью. И я просто физически чувствовал, как они истекают.

А мой Белый Волк сидел у изголовья и глядел на меня сочувственно. Даже он ничего не мог сделать в такой безнадежной ситуации. Может, потому я не испытывал той искрящейся радости, что непременно сопутствовала его появлению?

– Ульфхам, – сказал я, цепляясь за первое, что пришло в голову, и, может быть, последнее, что в нее пришло: – Ты убьешь меня напрасно. Сигурд уже знает.

– Так я тебе и поверил, – Треска хрипло рассмеялся. – Когда бы ты...

Дыхание Зари изменилось.

Я услышал это. И Ульфхам услышал.

Я замер. Он – тоже. Кожей, которую надрезало острие ножа, я ощущал, как напряглась рука дана. Одно короткое движение – и все.

Я тоже приготовился. Когда он вскроет мне горло, это наверняка будет очень больно. И смертельно. Но с болью я справлюсь, а смерть наступит не мгновенно. У меня будет секунда-другая. А вот Треске точно потребуется отпустить мою правую руку, чтобы дотянуться до Зари. А когда дан ее отпустит, я успею его схватить. Наверняка успею, ведь мой Волк здесь. Он не спасет меня от смерти, но сделает эту пару секунд очень-очень длинными, так что я точно успею сбить Ульфхаму бросок, а Заря, она – быстрая девочка. Она убежит. И расскажет, как все было. И Треска с Рюриком не получат ничего, кроме моей смерти. Вернее, получат. Мечь.

Так я решил. Мое последнее решение в этой жизни. И мне оно нравится. Прощай, Гудрун! Позаботься о нашем сыне!

– Давай уже, не тяни! – бросил я Ульфхаму.

– Как скажешь, – не стал возражать дан. И нож пришел в движение...

* * *

Гудрун, дочь Сваре Медведя, проснулась внезапно и страшно. Сидящей на ложе, с отброшенным в сторону легким одеялом из шкурок чернубурки, с кинжалом в руке. Огонек в наполненной жиром плошке вздрогнул, но не погас. Ребенок в животе недовольно толкнул ножкой: он тоже проснулся. Потяжелевшая в последний месяц грудь Гудрун вздымалась и опадала, будто женщина не спала только что, а бежала со всех ног.

Гудрун облизнула пересохшие губы. Панический страх вытекал из нее, сменяясь непонятной тревожностью. Но с чего бы это? Снаружи – обычные ночные звуки. Челядь мирно спала в большом зале длинного дома. Скотина не тревожилась, не лаяли псы во дворе...

С чего это она вдруг вскочила, схватила кинжал и вспорола клинком темноту?

Быстрый точный удар, способный вогнать оружие до самого сердца. Гудрун помнила его не умом – телом. Что за призрак явился ей в ночи? Достало ли его оружие, заговоренное матерью от злых духов?

Гудрун показалось: заговоренный клинок вдруг облило багровой чернотой...

Показалось.

Лезвие было чистым.

Ни пятнышка крови.

Гудрун положила кинжал на прежнее место, рядом с изголовьем. Там, где ему и положено было лежать, оберегая от зла непраздную дочь Рунгерд, что унаследовала от бабки силу и власть над *той стороной* мира.

Дыхание выровнялось. Гудрун легла на бок, головой на подушку, набитую собачьей шерстью, устроила живот поудобнее, подумала о муже – и внутри сразу потеплело. Где бы он ни был, ее Ульф Свити, лучший из мужей, богатый

удачей, щедрый, любимый, желанный... Где бы он ни был, он сейчас наверняка тоже думает о ней...

* * *

...Я почувствовал, как нож начал движение. Волк был со мной – и время сделалось неторопливым и вязким, как мед, вытекающий из сот. Звуки стали отчетливей, сумрак прояснился, и я, даже не поворачивая головы, увидел, как взметнулось тонкое шерстяное одеяло слева от меня и рука с ножом, уже взрезавшим кожу на моей шее (пока только кожу), тоже взметнулась вверх, отбивая летящую в голову ткань. И сразу – удар и звук, сообщивший, что нож попал туда, куда был направлен: точно в грудь лежавшей на ложе Зари. Лежавшей мгновение назад. Звук, с которым нож вонзился в цель, совершенно определенно сообщил мне: это не живая плоть, а всего лишь шерстяной тюфяк да деревянная основа ложа.

Швырнув в дана одеяло, Заря успела скатиться на пол.

Ульфхам выдернул нож еще быстрее, чем вонзил. И следующий удар должен был достаться уже мне. Но Волк был со мной, и когда дан всего лишь на миг перенес вес своей стокилограммовой тушки влево, я незамедлительно этим воспользовался: уперся, выгнулся и вывернулся из-под Ульфхамова колена, скидывая его с себя, а заодно освобождая левую руку.

Мое правое запястье Треска не отпустил – сдавил еще сильнее, но, заваливаясь на бок, не смог достать меня железом.

Зато я его достал. Вдавил большой палец левой руки в Ульфхамов глаз. Треска отшатнулся, но недостаточно быстро. Пальцем в глаз – это больно. Ульфхам зарычал... И совершил ошибку: вместо того чтобы снова пустить в дело нож, выпустил мою правую руку и перехватил левую.

Все. В следующий миг я окажусь у него за спиной, и тогда он – мой...

Отчаянный крик и размазанную полосу падающей сверху стали я увидеть успел. И даже успел крикнуть: «Заря! Нет!»

Но это ничего не изменило. Падение завершилось.

Вдоводел рубил щиты и кольчуги. Голову же Трески не защищало ничего, кроме гривы спутанных волос, так что меч вошел в череп на всю ширину лезвия.

Треска умер не сразу. Еще секунд двадцать он глядел на меня тускнеющими глазами и пытался что-то сказать. И я бы его с удовольствием расспросил. Я бы даже после этого оставил его в живых... Наверное. Миновавшая смерть сделала меня великодушным. Но... Не получилось.

«Интересно, попадет ли он в Валхаллу, – подумалось мне. – Будет ли засчитан нож в руке как оружие? А как насчет меча в черепе?»

Глупые мысли мешались в голове... Наверное, от счастья. От радости, что живой. Опять живой. И все, кто мне дорог, – тоже.

А потом в комнату набилось сразу много-много людей, и мне пришлось вспомнить, что я не только удачливый сукин сын, но еще и ярл.

– Спокойней, други! Мир! Мир! Опустите оружие! Брат! Все хорошо! все! Стюрмир, Гуннар, отпустите Оспака! Он ни при чем!

Ну да, я понимаю их реакцию. Наше гнездышко – все в крови. Мы с Зарей тоже. А посреди ложа любви – главный хёвдинг князя Рюрика в полном боевом и с моим мечом в башке.

Меч, впрочем, я выдернул. Наличие меча в данной ситуации важнее наличия штанов.

– Ты его убил!!! – рычит Оспак, которого Стюрмир вопреки моему приказу придерживает за шкуру. А это непросто, ведь не зря этого дана Парусом прозвали. Шириной он с трехстворчатый шкаф примерно.

– Не я, – вношу я поправку. – Она.

Заря смущенно улыбается. Она завернулась в простынку и всем своим видом изображает воплощенную скромность, но я знаю: мою девочку прямо-таки распирает от счастья. Мало того, что мы живы, так она еще и подвиг совершила былинной мощи. УБИЛА НАСТОЯЩЕГО ХЁВДИНГА!

Оспак осекается. Треска был его лучшим другом. И вот... убит женщиной. Вдобавок при весьма сомнительных обстоятельствах.

Хорошо хоть, все набившиеся в мою спальню люди – с опытом и понятием. Никому не надо объяснять, кто на кого напал. Вопрос лишь: почему?

– Ему приказал Рюрик?

Трувор. Вид у моего несостоявшегося тестя, скажем так... не бравурный. Лицо подергивается, туловище на сторону клонит. Небось еще и башка трещит. Я-то помню, как действовало зелье покойной ладожской колдуньи. У меня оно тоже легло на хорошую такую дозу алкоголя. Сначала – безмерная радость, потом еще более безмерная печалька.

Но Трувор – гранит. Воля и... еще раз воля.

– Рюрик?!

У меня огромное искушение сказать: «Да». Это «да» сразу изменит геополитический расклад на территории будущей Древней Руси в мою пользу. Все козыри окажутся у меня в руках. А единственный, кто мог бы возразить, уже ничего не сможет оспорить.

– Как себя чувствуешь, Жнец? – интересуюсь я. И сразу спешу порадовать: – Не беспокойся. Этот яд не смертелен.

– Разорви тебя тролли, Ульф Свити! Я задал тебе вопрос! – рычит Трувор. У него даже глаз начал подергиваться от избытка эмоций.

А я никак не могу решиться.

Без поддержки варягов Рюрик становится весьма слабой фигурой. А если они еще и выступят против него, то князя-соправителя можно вообще списать с политической доски.

Такое искушение...

Однако у меня есть разум. Разум же дан человеку, чтобы обуздывать желания, даже самые сильные. Особенно самые сильные.

И я удержался. Но, как говорят японцы, когда выбираешь из двух путей, жизни и смерти, выбирай путь смерти, потому что...

В данном случае – не важно почему. Тем более если путь смерти и путь правды совпадают.

– Нет, – ответил я. – Рюрик был бы не против того, чтобы я помер, но прямой приказ меня убить он отменил. А уж то, что задумал Треска, князь точно не одобрил бы. Мне жаль, Оспак, что Треска умер. Особенно что он умер так. Но то, что решили боги, нам с тобой уже не изменить.

Оспак подумал немного... и кивнул. Правильные воины призывают Тора, убивают врагов в бою и в бою же принимают смерть. Они не травят друзей и не режут врагов в постели. Коварное убийство – это по части Одина. Или Ло-

ки. Двойные бонусы и тройные риски.

Я потрогал шею. Ерунда. Кровь уже остановилась. На пару сантиметров поглубже – и конец. Хрупкое существо – человек. Но какое живучее.

– Я бы хотел одеться, – сообщил я, ни к кому конкретно не обращаясь.

Намек понят. Оспак со Стюрмиром подняли и унесли покойника.

Остальной народ тоже потянулся из моей уютной спальни. Только Медвежонок немного задержался, чтобы сострить:

– Да, братишка, надень-ка ты штаны. Многие усомнятся, может ли быть ярлом муж с таким червячком вместо настоящего мужского достоинства!

– Зато я умею им пользоваться, а ты своим только штаны протираешь! – ухмыльнулся я, подмигнув Заре.

Медвежонок хохотнул, убедившись, что я в порядке, и удалился. Любит он меня, мой большой младший братец. Первым на помощь примчался. Ну так и я его тоже люблю, берсерка черноголового...

И еще кое-кого я тоже очень-очень люблю!

– Спасибо, девочка моя! Ты меня спасла!

– А ты – меня!

Прижалась ко мне, вся целиком. Такая доверчивая, такая родная...

– Если два воина в одном бою спасут друг другу жизнь, они могут побрататься, – сказал я в маленькое ушко. – Но ты, к счастью, не можешь стать моим братом, только сестрой... – И, почувствовав, как она напряглась, тут же добавил: – Но этого уже я не хочу. А вот стать мне женой – самое время.

И плевать мне, что думает об этом ее папаша. Сегодня наш день! А я теперь ярл как-никак. Полновластный король на этой маленькой горке. Выше только судьба и боги. А король, он не спрашивает, он делает.

И, конечно, я никогда не скажу моей храброй маленькой девочке, что она напрасно убила Ульфхама Треску. Живым он был бы намного полезней.

Александр Мазин Мы платим железом

Глава 1 Замковый остров. Сvei идут!

Они пришли за три недели до Йоля. Аккурат с началом календарной зимы. Пришли, чтобы нас уничтожить.

Нельзя сказать, что я их не ждал. Ждать неприятностей от соседей – это нормально для любого ярла. Тем более – такого, как я. То есть получившего землю и подданных не в наследство или в подарок, а заплатившего за ярлство, как здесь говорят, железную цену. То есть волшебной силой оружия превратившего чужое в свое. Собственно, всё, что было у меня, Ульфа Хвити, которого не так давно звали Ульфом Черноголовым, а еще раньше, в прошлой, считай, жизни – Николаем Григорьевичем Переляком, всё, что я нажил и чего достиг, всё это я добыл с помощью доброго клинка франкской работы по имени Вдоводел. Ну и благодаря моему умению им пользоваться. Хотя и возможности моего интеллекта отрицать не стану. Того самого, который нынче дал сбой и уверил меня, что в ближайшее время опасности не предвидится. Враг придет, это понятно. Не тот человек шведский король, а по здешнему – свейский конунг Бьёрн, чтобы еще разок не попытаться вернуть кирьяльскую провинцию. Конечно, свей придут. Потом. Когда-нибудь. Весной. И не ранней, а ближе к лету. Когда сойдет лед, дороги подсохнут и откроется новый сезон морских и сухопутных походов.

Но уж точно не в канун Зимнего Солнцеворота, когда мои скандинавские соратники и вся прочая общественность активно готовятся к грядущему празднику, радуются хорошему и мечтают о лучшем. Радовался жизни и я, их ярл по законному праву. Ну да, разве право силы – это не главный здешний закон? Охота, подводная рыбалка, мужские игры на свежем воздухе...

Что еще надо человеку, чтобы чувствовать величие бытия?

Любимая женщина? Так у меня их имелось сразу две, причем одна, юная и пылкая, – непосредственно под боком.

Верные друзья? Да у меня, считай, целый хирд верных друзей!

Благосостояние? Ну так я оч-чень богатенький буратина по здешним меркам.

Короче, у меня было всё, что требовалось для счастья. И я был счастлив ровно до того момента, когда мой дренг Тулб Огонек не открыл предо мной нерадужную перспективу:

– Сvei идут!

Ворвавшийся среди ночи в мой закуток молодой варяг был настолько возбужден, что даже на прелести Зари свет Труворовны не глянул.

– Сколько? Как далеко? – Я уже был на ногах и искал глазами портки. О, нашел!

– Много! В трех переходах!

Рубаха, штаны меховые (чай, не лето), носки, сапожки...

– Кто весть принес?

– Артельщики кирьяльские! Со всех ног бежали!

Могу поверить. С кирьялами у меня дружба, переходящая в восхищение.

Дани я с них не беру. Всё честно покупаю, пусть и по сильно заниженным ценам. И товарами нужными снабжаю. По ценам сильно завышенным. Но это если считать по свободно-рыночным меркам. А поскольку до ближайшего свободного рынка – километров двести, да и там обобрать неопытного человека могут ну совершенно запросто, то получается, что цены мои – очень даже справедливые. И демократичные. Даже самый дикий лесовик получает топор по той же цене, что и житель поселка. Три пачки элитных шкурок – и топор твой. Ну да, где-нибудь в Европе за каждую из шкурок дадут дюжину таких топоров, но у нас же не Европа, верно?

Зато я их не граблю. И девок кирьяльских не порчу. Ни я, ни люди мои. А если по взаимному согласию, так это ведь совсем другое дело. И в этом мое существенное преимущество перед свеями, которые и грабят, и насилуют, и живьем жгут, если решат преподать урок покорности. И перспектива получить подобный урок превращает кирьяльских лесовиков в моих преданных союзников. Что очень кстати, учитывая мой малочисленный гарнизон.

– Поднимай наших, – скомандовал я Тулбу. – Всех. И сюда, ко мне. И успокойся. Мы свеев били, бьем и будем бить!

Только так. Командир должен вселять уверенность в сердца подчиненных. Даже если у самого ее нет.

Уверенности нет. Но есть надежда. Что-то мне подсказывает, что сейчас именно тот момент, когда пушистый пипка уже дышит в затылок. Следовательно, вероятность благорасположения госпожи Удачи максимальная.

После того как Свартхёвди Медвежонок отплыл домой, в моем распоряжении осталась весьма скромная команда. Если бы не перешедшие ко мне бойцы из бывшего хирда Ульфхама Трески, ситуация была бы вообще грустной. Даже приличный строй не собрать.

Но с этой шестеркой стало повеселее. Трое – дренги из разных областей Скандинавии: рыжий Мёрд Красная Шапочка, Лут Ручища и Сельви Краденая Лепешка. Все с неплохой начальной подготовкой и перспективой вырасти в настоящих бойцов. Если выживут, понятное дело. Остальные из тех, что уже выросли. Ко мне присоединились трое матерых вояк, каждый из которых украсил бы хирд любого успешного конунга. Так что я был польщен тем, что эта тройка выбрала меня.

Первым из них был мой старый знакомец Витмид, переметнувшийся еще до того, как Заря развалила голову его непосредственному начальству.

Вторым – хитромудрый, чернявый, как и я, дан Вифиль по прозвищу Прощай. Была, как мне сказали, у него такая привычка: напутствовать этим словом своих оппонентов перед тем, как прикончить.

А третьим, к моему немалому удивлению, оказался Оспак Парус.

У меня были сомнения – стоит ли вообще его брать? Опасался, что лучший друг убитого Трески хочет отомстить за его смерть, потому ко мне и просится. Но Медвежонок убедил меня, что всё чисто. Оспак еще простодушней моего давнего друга здоровяка Стюрмира. Ульфхам шел за Рюриком-Хрёреком, Оспак шел за Ульфхамом. А теперь он – мой.

– Не сомневайся, брат! Парус теперь наш! – заверил меня Свартхёвди.

Мнению моего побратима я доверял. И Оспак стал нашим. Завидное приобретение. В бою Оспак стоил минимум двоих. И места в строю занимал

столько же.

Медвежонок хотел забрать Оспака с собой, но я воспротивился. Хватит того, что он увел от меня всех варяжат, исключая Тулба Огонька, прикипевшего к Буре. Варяжата, кстати, переметнулись ко мне прямо из-под крыла Трувора.

И он это принял. Знал, что должен. Ведь именно на него Ульфхам намеревался свалить убийство меня и его дочери. План Трески провалился – и Трувор сохранил честь. И жизнь, потому что Медвежонок в запале его бы точно прикончил. Жнец, конечно, крут, но последствие дряни, которую ему подсыпал в пиво Ульфхам, сделало его никудышным бойцом минимум на сутки...

В общем, мы с Трувором не то чтобы помирились, но отношения стали скорее нейтральными. Более того, он фактически дал добро на наш будущий брак с Зарей. И она осталась со мной. Но скорее всего просто потому, что у Трувора не было физической возможности забрать ее с собой. После устроенного Ульфхамом покушения среди воинов Рюрика, посланных по мою душу, царил полный раздрай. И даже у собственных бойцов он не нашел бы поддержки. Да какая поддержка! Трувор Перуном клялся, что ни мне, ни кому-либо из моих не причинят вреда, если я впущу их в крепость. И вот тебе, дедушка, сковородкой по щам!

В целом очень удачно получилось. Не думаю, что Рюрик еще раз попробует меня прищучить. Ну и хорошо. Мне, собственно, и свеев более чем достаточно для остроты ощущений. Вот что им до весны не сиделось!

Глава 2,

в которой становится понятно, что расклад не просто хреновый, а намного хуже

— **Н**адо уходить!

Эту невеселую мысль первым высказал Витмид.

Мол, шансов у нас никаких. Совсем. Да и умирать особо не за что. Дикий край. Дикие земли. Добро бы – тыща гектар плодородной пашни, тогда другое дело. А тут... Этаких чащоб на здешней земле больше, чем воды в море.

Мы собрались в большом зале длинного дома, способного вместить две сотни пирующих. Здесь особенно хорошо было видно, как нас мало.

Плодородные пашни... Ну-ну. Мне их тоже когда-то предлагали. Ивар Бескостный. Причем вместе с работниками. Правда, не сразу, а в перспективе. Не очень отдаленной. Сразу после завоевания Англии. Может, и впрямь ну ее на фиг, эту Кирьяльщину? Когда еще она станет частью Ленинградской области? Опять-таки по-английски я говорю значительно лучше, чем по-кирьяльски.

«Уходить!» – настаивал Витмид. Никто не возражал. Мои хускарлы: Гуннар Гагара, Стюрмир, Бури, Оспак Парус, Виги-Вихорёк, Тьёдар Певец, Кель Длинный, братья Крумисоны, Витмид и Вифиль Прощай, – молча глядели на меня. Так же, как и присутствующие здесь Заря и отец Бернар. Никто не спешил оспаривать предложение Витмида, даже мой сын Вихорёк.

Две сотни свеев. Полный хирд, причем большой хирд. Этого хватит на команды для четырех драккаров. Полностью укомплектованные команды.

Две сотни свеев, а нас и двух десятков не наберется.

Поэтому мы должны уйти в изгнание, в заснеженные зимние леса, ночевать в сырых землянках и питаться всякой дрянью, в то время как победители будут наслаждаться теплом и уютом, пить наше пиво, лопать наши припасы и валять на наших постелях наших женщин... Очень, очень не хочется такого

исхода. Да, эта мысль отчетливо читалась в глазах моих людей. Однако какая альтернатива? Стать кормом для воронов?

Что бы сказал сейчас мой брат Медвежонок?

Да он, собственно, уже высказался по данному поводу. Лучше умереть ярлом, чем сдохнуть бродягой. У меня другое мнение. Я предпочту ярлом – жить. И на этой горке для меня свет клином не сошелся. Потому в тот, прошлый раз, я сумел его переубедить. Но тогда судоходство еще не закрылось, и мы могли уйти на кораблях, прихватив большую часть добычи. Сейчас же «Северный Змей», законсервированный на зиму, ждёт в уютном сарае следующего сезона... И если мы свалим, то он тоже достанется победителям.

Мой драккар! Свеям! Не хочу! Не позволю!

Однако две сотни – это две сотни. Они вынесут нас из крепости вместе со стенами, если потребуется. Ну вот же... ситуация!

А я так надеялся, что до весны нас никто не тронет! А весной подтянется Медвежонок с командой, может, и наш новый союзник Ольбард Синеус тоже подкинет людей...

Я надеялся.

Не сбылось.

– Они нас не оставят, – затянувшееся молчание нарушил Кёль Длинный. – Если мы уйдем отсюда, они будут нас искать, пока не найдут, ярл! – мрачно заявил он.

Черт! А ведь он прав, этот двухметровый сутулый похититель чужих невест. Мы очень сильно обидели их конунга. И заняв крепость, они точно не успокоятся. Начнут прочесывать леса сами и при помощи кирьялов, которые пока что за нас, но когда мы сбежим, вряд ли станут противодействовать своим прежним хозяевам, зная, как те жестоки к непокорным.

Бодрости реплика Длинного нам не прибавила.

Перспектива зимовать в лесу сама по себе не радует, а если тебя при этом будут гонять, как лису охотничья свора...

И на две сотни кэмэ вокруг никого, кто мог бы предоставить нам кров, не говоря уже о силовой поддержке. В общем, засада.

Я посмотрел на Бури. Азиат, пожалуй, самый уважаемый мною человек в нашей команде.

Бури спокойно выдержал мой взгляд. Потом достал из сумки полоску вяленого мяса и принялся не спеша жевать. Демонстративно. И все перестали глядеть на меня как на волшебника, который должен достать из шляпы наше спасение. Все уставились на плосковатую смуглую физиономию снайпера-стрелка. А тот прожевал не спеша, обтер ладони о штаны и произнес негромко, ни к кому вроде бы не обращаясь:

– Две сотни, значит... Семь-восемь колчанов... Так, Виги?

Мой приемный сын буквально расцвел.

Новые правила счета так и сияли в его глазах. Не двести вражеских воинов, а двести метких выстрелов. Он на тренировке делает больше.

Правда, остальные хускарлы его оптимизма не разделяли, однако и они взбодрились. После реплики Длинного стало ясно: никуда мы не побежим. Потому что догонят. Значит, придется драться. Смерть в бою – это лучше, чем умереть затравленной лисой. В Валхаллу берут воинов, а не зайцев.

Но драться без шанса на победу... Как-то не очень.

Бури молодец. Напомнил: шанс есть всегда. Не в первый раз мне принимать бой при таком скверном раскладе. И я всё еще жив. И, как уже не раз отмечено, удачлив. Причем удача моя такого сорта, что подключается только при самом скверном обороте событий. Вернее, до сих пор было так, а что в будущем – неизвестно.

Однако пассивно ждать, пока нагрянут враги, и мужественно взойти на крепостные стены – не мой вариант. Госпожа Удача приходит к тем, кто не стоит на месте. Так что ждать мы не будем. Будем действовать. Предложим что-нибудь остренькое нашим незваным гостям. Что-нибудь вроде стрелы в горлышко.

Но для начала поговорим с очевидцами.

– Виги, позови-ка сюда кирьялов, что принесли весть.

К сожалению, ничего позитивного кирьяльские охотники не сообщили. Наткнулись они на свеев случайно, однако заметили вовремя, потому что те, собственно, и не скрывались, шли без опаски. Шли на лыжах и волокли с собой санки с припасами. Вооружены справно. Мечи у многих, если не у всех, меч же – характерный признак воина-профессионала.

Развевали кирьялы и мою надежду на то, что у страха глаза велики. «Две сотни» возникли не с потолка. Охотники не поленились: посчитали рейдеров. В палочках. Две длинных, две средних и одна короткая. Двести двадцать один боец. Шли свеи без спешки, но и не медлили. Охотники прикинули их скорость, сопоставили с собственной и с пройденным расстоянием и сделали вывод, что опередили врагов примерно на трое суток. Я, однако, полагал, что можно смело прибавить еще день, потому что на подходе свеи наверняка притормозят: озаботятся разведкой.

А наша задача – притормозить их еще больше. И превратить беспечную прогулку по зимнему лесу в нечто совсем противоположное.

Кирьялов я наградил и отослал, предупредив, чтоб не уходили и не напивались. Они мне еще понадобятся.

Затем собрал свой хирд уже целиком, включая весян, которых за последние месяцы Бури удалось прилично подтянуть в стрелковом искусстве.

– Что к нам идут свеи, вы уже знаете, – сообщил я рассевавшемуся на лавках хирду. – Их много, и мне это не нравится. Потому я хочу сделать так, чтобы часть из них до нас не дошла. Для этого нам понадобится человек пять лучших стрелков и два-три хускарла в прикрытие. Обязательное условие: все должны отменно ходить на лыжах. Бури, твое слово!

– Стрелки: Виги, Огонек, Лосенок, Комар, Сорока! – не колеблясь выбрал Бури.

Себя он в список не включил, поскольку лыжник из него еще хуже, чем из меня.

– Я тоже на лыжах хорошо бегаю! – немедленно заявила Заря, но я ее возглас проигнорировал.

В Вихорьке и Тулбе я не сомневался, а вот трое весян...

Лосенок и Комар – братья. Их Бури выделил с самого начала. А вот Сорока... Нет, хоть он и Сорока, но смотрит соколом. Польщен, что наставник определил его в лучшие.

– Добро. С ними пойдут Гуннар, Оспак и Сельви. Старшим – Гуннар.

Эх, как хотелось самому... Но здесь я со своим тамошним лыжным разря-

дом – натуральный тормоз.

– Заставьте их понервничать. Убейте, сколько сможете, но при этом – зря не рисковать. И еще: Гуннар, будет славно, если они останутся без припасов.

Зима на дворе. И в лесу – тоже. Охотиться зимой труднее, а вот кушать надо хорошо. Потому что холодно.

– Постарайтесь вернуться в том же составе, что и ушли.

Всё.

Вопросов никто не задавал. Новоиспеченные рейнджеры отправились собираться, а я подозвал Повторюху, дренга из весян, и велел смотаться в селение и привести сюда старосту из поселка. Пора выяснить, могу ли я рассчитывать на серьезную поддержку местного населения. Склонен думать, что при желании аборигены способны выставить нам в поддержку не меньше чем полтысячи ополченцев. Понятно, что бросать их в рукопашную на свеев – всё равно что кусок мяса отправить в мясорубку. Даже дистанционно они вряд ли нанесут значимый ущерб бронированным хирдманам. Но летучие партизанские отряды могут изрядно снизить свеям уровень комфорта.

Староста примчался задолго до полудня. Он уже был в курсе главной новости и здорово переживал.

В прошлый раз свеи обошлись с ними беспощадно. Едва сойдя на берег, тут же принялись хватать и вязать. Собственно лишь благодаря свейской торопливости староста и выжил. И он, и большая часть его родовичей. Даже скот в лес угнать успели, пока свеи грабили дома побогаче и сторожевой пост. К сожалению, грабежом свеи не ограничились. Сожгли несколько домов. Но и это ладно. Но то, как они обошлись с пленными...

Через день после того как Ульфхам Треска едва нас не убил, я оставил гостей и сплавал к селению.

И так вышло, что опередил спасшихся кирьялов. Они появились позже, когда мы уже собрали убитых. Собрали по частям и начали обкладывать дровами.

В общем, на тризне, которую справляли вечером, я попросил Трувора уступить мне единственного уцелевшего свейского хольда. Жнец как-то почувствовал, что для меня это важно, – и отдал мне священный поединок.

– Зачем? – спросил я его перед тем, как убить.

– Когда овца отказывается давать шерсть, с нее сдирают шкуру, – ответил свей. Белокурый красавец с мужественным профилем. Он почти не пострадал в бою. Сначала шлем сорвало, потом прилетело чем-то тупым по затылку.

Меня он всерьез не воспринял. Браслеты я снял, цепь тоже. И никто не сказал ему, что я и есть тот самый ярл, который захватил их территорию.

– Они-то при чем? – спросил я.

– Забыли, кто их хозяин. Теперь запомнят. Жаль, много их сбежало.

– А вот ты не сбежишь, – пообещал я. – Ты получишь то же, что и они, а потом отправишься прямиком к Хель, а мясо твоё сожрут раки.

– Я умру в бою! И уж точно не от твоей руки, мелкий! – самонадеянно заявил хольд. – Хорошо, что вы, воры из Гардарики, такие дураки. Попадись ты мне в руки, ты умирал бы долго!

– Вообще-то я не из Гардарики, – сказал я. – Я из Сёлунда. Я бы отрубил тебе

большие пальцы, чтобы те, кто пирует в чертогах Одина, знали, что ты не достоин зваться свободным человеком. Но думаю, что быть рабом в Валхалле все же лучше, чем в Хельхейме.

– Твоя болтовня утомляет, мелкий, – заявил свей и атаковал. Но дрался он плохо. Для хольда. Наверное, после удара по голове он был не в лучшей форме. Мне было не трудно выполнить свое обещание. Я не стал сдирать с него кожу. Я не умею, да и противно мне делать такое. Но я отрубил ему руки и ступни, а потом схватил за шкуру и утопил в заливе. Труп утопил, потому что он истек кровью раньше, чем захлебнулся.

По правилам свей должен был лечь в ногах уходящих в Ирий варягов, но Трувор не стал меня упрекать. По-моему, он сделал из моего поступка какие-то собственные выводы и, похоже, уважения ко мне у него прибавилось. И не только у него.

К зиме поселок отстроился и выглядел даже лучше, чем прежде. Убитых, понятно, не воскресить, но жизнь продолжалась, и ко мне хитрован староста относился теперь прям как к отцу родному.

А я-то в свое время раздумывал, как бы его к нам привязать: силой, хитростью, подкупом... И вот.

– Будь зрав, Сохрой! – поприветствовал я старосту.

Тот в ответ одарил меня земным поклоном:

– И тебе здравствовать, господин!

По-скандинавски староста болтал свободно.

Мы сели за стол. Я вел себя демократично, но староста сам держал дистанцию. И первым делом поинтересовался, какие у нас планы в связи с надвигающейся бедой.

– Мы не уйдем, – веско ответил я. – Это не первые swei, которых мы будем бить. И не последние, к сожалению.

– А сможете? – всё-таки усомнился староста. – Их намного больше, как мне сказывали.

– Мы будем драться.

Староста покивал, отпил предложенного пива, а потом сам перешел к вопросу, ради которого я его и позвал:

– Мы с тобой, ярл. Чем можем помочь?

– Ты говоришь только от своей родни или от всех кирьяльских родов? – уточнил я.

– Я говорю голосом всех кирьялов ближних вод! – торжественно произнес староста. – Чем мы можем помочь? Скажи, ярл, и мы все сделаем!

Глава 3

Бей и беги!

— **С**ильные воины, – отметил Оспак, разглядывая свейский лагерь. – И много.

– Много – это хорошо, – отозвался Вихорёк. – Проще цели выбирать.

– Помолчите оба, – велел Гуннар.

Он думал.

Свеев они обнаружили незадолго до темноты. Ну как обнаружили... Те особо не прятались. Разбили лагерь, разожгли костры. Приняли, конечно, меры, чтоб дым рассеивался, а не поднимался над деревьями, однако двести человек

не спрячешь. Видно и слышно издалека.

И стражу swei держали не очень старательно. Гуннар заметил троих внизу и двоих, в секретях, – на деревьях. Последних – потому что внизу на снегу остались следы, которые никто не потрудился как следует замести.

Пусть сидят. Гуннар и не собирался ничего делать, пока светло. Сейчас главное понять, что, кто и где. Вот эти сани в центре наверняка с провизией, поскольку к ним навевываются те, кто куховарит. А вот на этих, упакованных особенно тщательно, скорее всего, оружие. А этот шатер посреди лагеря, надо думать, принадлежит старшему. Ярлу небось. Обычный вождь не стал бы тащить с собой этакий шатрище. Вернее, заставляя своих людей его тащить, поскольку ни лошадей, ни собак, ни оленей что-то не видно, а любитель уюта вряд ли тащит шатер сам.

Гуннар мрачно ухмыльнулся. Он не любил родовитых. Спесивых, надменных, полагающих, что они по праву рождения могут поплевывать сверху на таких, как он, Гуннар.

Хотя как знать, если ярлу не изменит удача, то и Гуннаровы сыновья тоже будут расти в холе. А уж он, Гуннар, постарается, чтобы они поняли, что настоящее богатство и славу берут мечом, а не по праву рождения.

– Расстояние хорошее, выцелишь? – спросил норег у Вихорька.

– Для меня и Тулба – да, а Комару и Сороке – лучше поближе. У них луки слабее, – добавил он, чтоб не подумали, что он хочет обидеть весян.

– А вот оттуда? – Гуннар показал на засыпанные снегом кусты шагов на полсотни ближе к лагерю.

– Оттуда хорошо, – согласился Вихорёк. – Но-чью, да?

– Соображаешь, – одобрил Гуннар. – Оспак, что скажешь?

– Хорошо бы сани поджечь, Гагара, – сказал дан. – У них там бочонок с жиром вроде. Я бы взялся. Если вот с той стороны, то можно тихо зайти. Я бы взялся запалить, если они костры на ночь не потушат.

– Вдвоем сделаем. – Гуннару мысль понравилась. – Расспросим кирьялов, что тут вокруг и куда бежать, если что. Снегопада не ожидается, так что проследить нас – как яйца почесать. А потом пожрем и спать. До срока.

– А эти не учуют? – озаботился Оспак.

– Разве что ты захочешь горячего, – усмехнулся Гуннар.

Впервые с начала этого похода у него было хорошее настроение. Не думал он, что swei окажутся такими беспечными. Понятно, что против них здесь равной силы нет, но всё же не к родне на хутор идут – воевать. И что это значит?

Гуннар был далеко не дурак. Дураки не выживают там, где он выжил. А еще у него был изрядный опыт. Побольше, чем у того же Оспака, за которого всё время решал кто-то другой. И этот опыт подсказывал норегу: раз swei идут, как охотники по тюленьему лежбищу, то не знают, на что способен Ульф-ярл и его люди. И они заплатят за свою наглость.

Снег – это хорошо. Гуннар любил снег. Он родился зимой. И снег был первым, что он увидел, когда родился. Правда, сам он этого не помнил. Но и его первым воспоминанием тоже был снег. Какой он мягкий и как приятно щиплет ладошку.

Гуннар оглянулся. Для этого ему пришлось немного привстать.

Белый, время от времени смещающийся бугор позади – укрытый накидкой Оспак. Он ползет по снегу совсем неплохо для дана.

Немного в стороне и подальше – Виги. Дерзкий мальчишка. Гуннар ухмыльнулся. Виги ему нравился. Он всем хускарлам по нраву. Это ж какую удачу иметь надо, чтобы трелю-пастушку сыном ярла стать! И в бою такой счастливчик лишним не будет точно. И надежный он. Из тех, что один на пятерых бросится, чтобы друга защитить. Даже такого старого зверюгу, как он, Гуннар. Нет, хорошо, что ярл доверил ему своего сына. Да еще такого, которому и сам Гуннар может довериться.

А вот лесовики... Всё, на что можно надеяться, – что не побегут раньше времени. Для этого с ними Сёльви Краденая Лепёшка. Вот не повезло молодому с прозвищем. Теперь придется показать себя героем, чтобы заполучить новое, получше.

Но Сёльви храбр, он настоящий дренг. Так что за весьянами приглядит. Сбежать не даст и прикроет, если понадобится.

Четвертого стрелка, Тулба, Гуннар со своего места не видел. Но в нем норег тоже не сомневается. Тулб, как и сам Гуннар, рожден для войны, а не для мира.

Норег осторожно двинулся дальше. Ползти по снегу легко. Он мог бы намного быстрее. Но нельзя. Дозорные свеев расположились толково, в тени, спинами к костру. Могут заметить движение. Поэтому двигались плавно, неторопливо, каждое движение – отдельно. Так рысь подкрадывается к добыче. Чтобы достать и убить наверняка.

Однако Гуннару с Оспаком убивать дозорных самим не понадобится. Как только норег окажется в одном броске от цели, Вихорёк выстрелит. И Тулб, который укрылся с другой стороны лагеря, выстрелит тоже. В своего дозорного.

А потом они покажут свеям, чем война отличается от охоты на тюленей.

Гуннар всё очень хорошо продумал.

И убедился, что его бойцы знают, что им делать.

Если всё пойдет как задумано.

Но поскольку в бою редко всё получается как задумано, то и на этот случай Гуннар подробно растолковал бойцам, что делать каждому, если что-то пойдет не так.

Гуннар знал, как огорчается ярл, если кто-то из своих отправляется в Валхаллу, а норег огорчать ярла не будет. Постарается привести обратно всех, даже пугливых лесовиков.

Впрочем, страх – тоже неплохо. Тем более эти трое пока что не настоящие воины. Без опаски пропадут. Однако убивать они уже умеют. Поэтому всё, что требуется от Гуннара, – это придумать для них подходящее место в предстоящей схватке. Такое, чтобы они могли убивать, а их – нет.

Гуннар слышал, как сзади передвигается дан. Гуннар знал, как и кого слушать. Дозорные не слышали ничего. И один из них, тот, что поближе, кажется, дремал.

Нет, зима – это хорошо. Холод усыпляет. Так сладко спать на постели из лапника, завернувшись в меховое одеяло и повернувшись так, чтобы тепло костра грело лицо. А вот вскочить по тревоге за пару ударов сердца зимой намного труднее, чем летом. Практически невозможно.

Звук попавшей в цель стрелы будто подбросил Гуннара. Белая накидка упа-

ла на снег (норег запомнил, куда именно), а сам он стремглав бросился к шатру и сильным толчком, с разбега, опрокинул его.

Внутри заорали, задрывались, пытаюсь выбраться из-под тяжелой ткани. Гуннар ударил мечом туда, где ворочалось живое. Ударил дважды, наугад, потом бросился на свеев, которые спали снаружи, и зарубил еще двоих. Затем подхватил чей-то щит, зачерпнул им углей из костра, подбежал к ближайшим саням, разрубил укрывающую их ткань и щедро сыпанул углей в нутро. А остатки метнул в лицо подскочившего свея. Тот отшатнулся и заорал. Второго свея, вознамерившегося убить Гуннара, зарубил возникший у свея за спиной Оспак. Следующим движением дан метнул кувшин. Туда, куда Гуннар отправил угли.

– Масло! – крикнул он радостно.

Вокруг саней, которые поджег Оспак, суетились свеи, пытаюсь сбить пламя. Вот только вряд ли это у них получится. Огонь уже набрал силу. Вот-вот перекинется на вторые сани. Гуннар увидел, как свея, попытавшийся их отволочь, упал со стрелой в спине. А потом еще один получил стрелу в голову и рухнул прямо в огонь.

– Бежим! – крикнул Гуннар и бросился наутек, попутно подрубив ногу еще одному свею и вырвав у него из рук щит. Щит норег тут же забросил на спину, левой рукой, на бегу, подхватил сброшенную перед атакой накидку.

Быстрее, быстрее...

Гуннар слышал, как позади, понемногу отставая, топчет Оспак.

Гуннару было немного стыдно, что его радует то, что Оспак отстает и что дан такой большой. Когда в них начнут метать копья, первые достанутся дану.

Гуннар хорошо относился к Оспаку, но к себе самому он относился еще лучше. Ему нельзя умирать раньше, чем он увидит своего новорожденного сына. Гуннар был последним в роду и очень надеялся, что сына он увидит.

Копья полетели в них, когда норег уже добежал до чащи, обернулся и разом оценил происходящее.

Оспак отстал ненамного, шагов на тридцать. Десятка полтора свеев, бросившихся за ними в погоню, были примерно на таком же расстоянии от Оспака. Кое-кто из них уже метнул копья, но они поторопились, и ни одно не попало в цель. Самые прыткие из свеев бежали явно быстрее Оспака, хотя тот спешил изо всех сил.

Ну да, дан слишком тяжел, чтобы быстро бегать. К тому же он в броне и с оружием, а свеи мчались налегке, без брони. Вдобавок двое из них бежали по уже утопанному Гуннаром и даном снегу.

А в свейском лагере всё обстояло как нельзя лучше. Подоженные сани пылали двумя веселыми кострами. Потушить их уже не пытались. Там по-прежнему царил беспорядок. Никто не пытался организовать правильную погоню. Кроме тех, кто сейчас преследовал Оспака.

Но догнать дана свеям было не суждено. Гуннар тщательно всё продумал и знал, куда посадить весян.

– Бей! – закричал Гуннар, перекрывая шум и вопли, доносившиеся из лагеря, и азартные крики гнавшихся за ними свеев.

Как верно заметил Виги, луки у весян были послабее, чем у них с Тулбом. Но по меркам Севера, это были очень хорошие луки. И с пятидесяти шагов по-

сланные ими стрелы разили неплохо. Самых прытких свеев уложило одним залпом. Второй, направленный на тех, кто подальше, был не так удачен, а остальные стрелы и вовсе пропали впустую, потому что свеи показали себя хорошими воинами, в считанные мгновения собрав строй и развернув его в нужную сторону – туда, где укрылись весяне.

Дальше эти свеи не сунутся. Сразу. Они сообразили, что в лесу могут прятаться и другие враги. Гуннар хорошо их понимал, поскольку на их месте тоже опасался бы засады, которую норег непременно бы устроил, будь у него больше людей.

Но тогда бы весяне не начали стрелять, останавливая погоню. Тогда бы он подождал еще немного, пока охваченные азартом свеи окажутся как можно ближе к лесу и дальше от возможной подмоги, а потом ударил бы внезапно и убил их всех.

Но для отряда из восьми бойцов они и так потрудились на славу. Хотелось бы, конечно, узнать, удалось ли завалить любящего удобства свейского вождя.

И норег узнает. Со временем. А пока – всё по плану.

Тяжело дышащий Оспак уже пристраивал к ногам лыжи. Гуннар последовал его примеру, потом накинул на плечи и голову накидку, завязал шнурок...

И они затерялись в ночном лесу. Сёльви Лепешка и весяне ушли, лишь немного их опередив. В том, что Виги и Тулб тоже ушли, Гуннар не сомневался. Этой ночью удача, определенно, была с ними.

Глава 4 Огонь и железо

У меня было мало воинов, зато целая прорва ополченцев. И я их задействовал в полной мере. Одни занимались доставкой припасов в крепость, другие старательно превращали склоны в ледяной каток. Третьи...

Для третьих у меня было особенное задание. Но сначала надо опробовать мою оборонительную идею.

– Ха!

Деревянная колода, еще недавно заполненная медом, взмыла вверх и, описав красивую дугу, треснувшись оземь, разбрызгав в разные стороны растопленный жир.

Мастер метания тяжестей Стюрмир, как всегда, оказался на высоте. Куда целил, туда и попал.

И тут же вслед за ней ушли три горящие стрелы, посланные кирьяльскими охотниками. Одна – мимо, зато две другие упали на орошенный жиром лед. Загорелся, однако. Не бензин, конечно, но худо-бедно занялось.

– Ха!

И Вифиль показал, что он тоже умеет швырять предметы. Вторая отметка, располагавшаяся, правда, метров не десять поближе, была поражена. Подоженные от факела стрелы ушли в цель, и на льду образовалась еще одна коптящая огненная лужа.

Мои живые «метательные машины» не подвели. Это радовало. Так же как и то, что горючих материалов у меня полно. Ворвань, смола и даже льняное масло. От таких подарков не спасет ни одна кольчуга, а вылить на голову врагу ковш горячей смолы в состоянии и мальчишка.

Мое настроение заметно улучшилось. Опять-таки и стрелкам-охотникам применение нашлось. Против тяжелой скандинавской пехоты их луки, кото-

рые Бури презрительно называл палками, не годились, а вот кидать горящие стрелы – запросто.

В общем, если сила – в правде, но наша правда – просто огонь!

* * *

Их не преследовали. Сразу. Но Гуннар всё равно сделал всё, чтобы уйти от погони. Они наматывали петли до самого рассвета, который встретили в прибрежных скалах. Здесь ветер с моря был достаточно сильным, чтобы сдувать снег с камней, которые неплохо защищали от ветра. И с контролем местности все хорошо. Достаточно было подняться наверх, чтобы увидеть дорогу. Если свеи двинутся дальше, наблюдатель их обязательно увидит.

Здесь хирдманов уже ждали двое проводников-кирьялов, которых Гуннар с собой брать не стал. Он и без них всё что надо запомнил.

Зато кирьялы выспались и караулили потом, пока викинги отдыхали.

А спали они долго. До полудня. День ожидался трудный. И ненастный.

«Если начнется снегопад, придется подойти ближе к дороге», – подумал Гуннар.

Он отхлебнул горячий взвар и сунул котелок сидящему рядом Вихорьку. Тот отпил и передал дальше, Сёльви.

– Когда снова нападём? – спросил он азартно. – Ночью?

– Ночью нельзя, – покачал головой Гуннар. – Теперь они будут настороже. Расставят секреты, подготовят нам ловушку.

– Ага, – согласился Оспак Парус. – Я бы точно так сделал. Они теперь знают, сколько нас...

– Откуда знают? – влез весянин Сорока. – Они ж только вас и видели!

– Следы, дурень! – Лосенок, один из братьев-лесовиков, пихнул Сороку в бок.

– Они знают, сколько нас и могли бы отправить погоню. Пары десятков было бы довольно. Но не отправили.

– А может... – начал Сорока.

– Рот закрой, молодой! – оборвал его Вихорёк. Он был на два года младше Сороки, но возраст не имел значения. Он хускарл, а Сорока... Его даже дренгом язык не повернется назвать.

– Поясни им, – велел Гуннар. Он видел, что остальные дренги тоже не поняли.

– С той скалы, – Вихорёк кивнул на камень, на котором сейчас пристроился караульщик Тулб, – видна вон та проплешина на берегу, где мы две петли намотали. Думаю, ты, Гуннар, нарочно нас по ней дважды провел, верно?

– Так и есть, – подтвердил Гуннар. Молодец Виги. Наверняка и родной отец у парня был воином не из последних... Из природного раба даже такие наставники, как Ульф и Свартхёвди, доброго хускарла не воспитают.

– А раз погони не было, – продолжал норег, – значит, ловить они нас будут ночью.

– Да уж, – снова поддакнул Парус. – Они такого не спустят. Не успокоятся, пока не отомстят.

– Так и есть. – Гуннар, взяв котелок, снова поставил его на угли. Взвар остыл. – Потому мы ночью их трогать не будем. Зачем их беспокоить, если они и так будут спать вполглаза. А нападём мы, когда надо будет. А сейчас мы с Лепешкой сбегает да глянем, как да что.

– А я? – жалобно перебил Вихорёк. – Я тоже с вами!

– А ты, хускарл, здесь останешься! – отрезал Гуннар. – На лыжах ты бегаешь не очень-то, а твой лук нам не нужен. Мы не убивать, а поглядеть идем. Бдите!

– Я за ними пойду! – мрачно заявил Вихорёк, когда белые фигуры соратников потерялись в лесу.

– Сиди, – рыкнул Оспак. – Гуннар велел...

– Гуннар ушел! – перебил Вихорёк. – Теперь я – старший!

– Это почему это? – изумился Оспак. Он даже меч полировать перестал – от удивления.

– А потому, что я лучший! – заявил Вихорёк.

– Да ну? – ухмыльнулся Оспак. – А с чего ты взял, малыш?

– Ты скольких вчера положил, Парус?

– Трех – точно, – сказал он.

– А я десятерых, самое меньшее! – гордо заявил Вихорёк. – И отец мой – наш ярл!

Оспак задумался. Последняя фраза сбила его с толку. Он-то считал, что Гуннар оставил старшим его. Это ведь как бы само собой подразумевалось. Для Оспака. Но Гуннар же ничего не сказал. А Виги и впрямь сын ярла...

Пока он раздумывал, Вихорёк уже подтянул ремни, надел налуч и колчан.

– Остаешься за старшего, Парус! – произнес он уверенно. И запрыгал вниз по камням, лыжи в левой руке, копье – в правой.

Оспак поглядел ему вслед, пожал широченными плечами, пробормотал:

– Сын ярла, да... – И вновь взялся полировать меч, клинок которого и без того выглядел безукоризненно. Но Оспаку нравился сам процесс.

Гуннар и Сёльви смотрели на лагерь свеев с расстояния полета стрелы. Обычной стрелы. Той, которую посылают обычные северные луки. То есть свеи располагались примерно в ста шагах.

Они остались на месте скорее всего потому, что свеи решили не брать тела с собой, а похоронить павших прямо здесь. Ну да. Спешить им некуда. Раз противник уже знает о приближении отряда, внезапного нападения не получится.

Гуннар заметил и того, кто, похоже, был свейским вождем. Он сидел на обрубке бревна, прислонившись спиной к дереву. Доспехи у свейского ярла были замечательные, а двигался он не очень уверенно. Гуннар определенно его достал, пусть и не слишком серьезно.

Тела убитых были сложены рядом со штабелем свеженарубленных дров. Убитых было на удивление много. Не меньше двух десятков. Гуннар пихнул Сёльви в бок и показал жестом: мы молодцы. Сёльви заухмылялся. Он тоже сосчитал трупы. И неважное состояние свейского вождя оценил. А ведь еще раненые есть...

– К похоронам готовятся, – прошептал Сёльви. – Лося жарят.

Ну да. Разрубленная на части туша была насажена на несколько вертелов, уложенных на вбитые в землю рогатки. И еще в котлах что-то варилось.

И пара бочонков, порядком обгорелых. С пивом, надо думать. Гуннар надеялся, что эти бочонки – единственное, что уцелело. Жаль, что бочонков только два, а не сотня. Если бы свеи напились, можно было бы куснуть их еще раз.

Еще больнее.

Что ж, Гуннар увидел, что хотел.

– Уходим, – шепнул он Сёльви.

– Погоди, воин!

Гуннар вскинулся... и уперся в наконечники копий.

Восемь свеев. Все – бывалые. Старший – с запекшейся бурой отметиной на щеке. Свежей.

Ждали, мгновенно понял Гуннар. Выбрали место, с которого удобней всего наблюдать за свейским лагерем – и обложили. А хорошо они спрятались. Уж какой у Гуннара глаз острый, ведь ни за что не зацепился.

Мысль эту норег произнес вслух. Признал правду.

– Ты тоже был хорош ночью, – сказал свей с раной на щеке. – Едва не отправил меня в Асгард.

– Еще отправлю, – проворчал Гуннар, хотя уже понял, что его путь славы скорее всего закончится здесь, в этом лесу. Оставалось лишь надеяться, что Гунда уже носит в чреве сына. И что у друзей будет возможность позаботиться, чтобы род Гуннара не угас.

Свей засмеялся.

– Я Хейтир, – представился он. – Хёвдинг Сигстейна-ярла, что служит конунгу свеев Эйрику. И он оказался прав, когда сказал, что вы непременно захотите посмотреть на то, что сделали. – А кто ты, воин в доспехах вождя?

– Гуннар, – проворчал норег. – Этого довольно. Асы знают, кто я.

– Пожалуй, – согласился Хейтир. – Уверен, что ты будешь молчать, даже когда я вырежу твои глаза. А вот твой друг не кажется таким крепким.

– Даже не надейся! – процедил Сёльви. – Я еще удивлю тебя, свей! Очень сильно удивлю!

Хейтир усмехнулся. И норег его понимал. Потому что не раз делал то, что собирался сделать с ними этот хёвдинг. Сёльви Краденая Лепешка уже сейчас сказал слишком много. Для того, кто намерен молчать. Гуннар не сомневался: если бы допрашивал дренга он, Гуннар, Сёльви недолго бы упрямылся.

Оставалось надеяться, что этот свей не столь искусен. Потому что у Гуннара не было ни малейшей возможности убить Лепешку раньше, чем тот заговорит. Да и самому броситься на копья не получится. Его вмиг зажмут и свяжут.

Гуннар поглядел на темное небо в просветах между соснами. Погода определенно портилась. Если они не вернуться вовремя и у Оспака хватит ума увести остальных к крепости, то свей их след точно не отыщут. Жаль только, что ума Оспака не на многое хватает. Гуннар тоже усмехнулся. Свейский хёвдинг принял эту усмешку на свой счет.

– Надеюсь, ты будешь так же улыбаться, когда я сожгу твои губы месте с усами! – посулил он.

И Гуннар понял, что спокойствие свея – фальшивое. Хейтир его ненавидел.

Это хорошо. Чтобы не дать врагу умереть быстро, палач должен быть спокоен.

– Вяжите их! – распорядился свей.

Рука Гуннара легла на рукоять меча. Губы, которые ему пообещали сжечь, искривила ухмылка.

И никто из свеев почему-то не спешил выполнять команду. Нет, копья по-прежнему были направлены на норегу и Сёльви. И убить их могли достаточно

быстро... Чего, собственно, Гуннар и добивался. Умереть в бою с мечом в руке куда приятней, чем сдохнуть у пыточного столба. Зря свейский командир разболтал, что их ждет, если сдадутся. Зря не сумел скрыть свою ненависть...

– Вязать их, я сказал! – рявкнул свей.

– Ага! Давай сам попробуй! – предложил Гуннар, прикидывая, сможет ли он достать свея. Нет, не получится. Сразу три копья ему не сбить.

Но зато он сумел стать правильно: спиной к спине Лепешки.

– Что застыли, как пни на корчевке! Давите их щитами! – рыкнул свей, сбрасывая свой с плеча на руку.

Но взять щит свей не успел. Глаза его выпучились и налились кровью, а сам он начал заваливаться на спину. Черенок стрелы с черным оперением торчал у него изо рта.

Свей растерялись. Всего на миг, ведь они были опытными бойцами.

Но Гуннар этого мига не упустил: одно копьё сбил ногой, еще одно, перехватив, рванул на себя, а второе, одновременно, толкнул назад, тут же выпустил оба, выхватил из-за пояса топорик (для меча слишком тесно) и сунул его острым краем в шею свею, ухватившему норега за бороду.

Свей бороду тут же выпустил и попытался зажать ладонью рану.

За спиной Гуннара пронзительно вскрикнул Сёльви, а самого норега с изрядной силой ударило между лопаток, швырнув вперед, на свея, который, радостно ощерясь, сунул копьём Гуннару в живот. Норег извернулся, сам не понимая, как это ему удалось, и железо копья лишь скрежетнуло по кольчуге. Гуннар боком упал в сугроб, перевернулся на спину. Как раз вовремя, чтобы двумя ногами оттолкнуть еще одного копейщика, вознамерившегося пришить Гуннара к земле.

Боковым зрением норег засек еще одного врага, перехватившего меч двумя руками, острием вниз. И острие это должно было...

Но стрела ударила свея под мышку, и Гуннар остался жив. Более того, он даже сумел встать на ноги, подхватить выпавший меч и отбить им сначала копьё одного, а потом меч другого свея. А затем оценить происходящее и удивиться, как мало свеев осталось на ногах. Всего четверо. Нет, уже трое. Один из тех, что спешили на помощь насевшей на Гуннара парочке, споткнулся, потому что из бедра у него высунулся острый граненый клювик бронебойной стрелы. А еще Гуннар увидел Виги Ульфсона, который, не прячась, стоял между деревьями и накладывал на тетиву новую стрелу. И попала она в спину свея, который насадил на Гуннара, очень стараясь его убить. Свея выгнуло назад, и он раздумал убивать Гуннара.

Второго свея, того, что с копьём, норег прикончил сам, воспользовавшись тем, что врага отвлек растерявший боевой пыл приятель.

Последний свей успел развернуться лицом к стрелку и даже принять на щит стрелу. Что, впрочем, не спасло его от меча, всаженного в спину. В отличие от Гуннара, на котором была дорогая кольчуга двойного плетения, броня свея представляла собой всего лишь кожан с нашитыми на него колечками. Клинок пробил ее насквозь, вошел на ширину ладони и увяз.

Гуннар не стал его выдергивать, а просто извлек из ножен собственный меч, которым и добил свея, раненного в бедро. Еще один свей сидел на снегу и пытался обломить черенок стрелы, воткнувшийся в правую руку.

Черенок он обломить успел. Успел даже вскочить и отбить щитом первую

атаку Гуннара...

И умереть от новой стрелы.

Гуннар опустил оружие. Спина болела, но терпимо. И кровь вроде не текла. Это хорошо.

А вот то, что убили Сёльви, это плохо.

Хотя, если подумать, умереть должны были они оба. И это в лучшем случае. В худшем, их взяли бы живыми, и они всё равно умерли бы, но медленно и неприятно.

– Видишь, Гарага, мой лук все-таки пригодился!

Виги подошел.

Улыбается во весь рот.

Ну да. Он нарушил приказ. Но Гуннар теперь обязан ему жизнью.

Норег оглядел поле боя.

– Клянусь молотом Тора, ты убил семерых хускарлов! – потрясенно проговорил Гуннар.

– Шестерых, – поправил Вихорёк. – Вот этого тоже убил ты.

– Я его только прикончил. – Гуннар снял с пояса одного из свеев веревку и принялся обвязывать тело Сёльви. Надо забрать его с собой. Вряд ли свеи, придя сюда, позаботятся о нем, как о своих.

Вихорёк тоже времени не терял: вырезал стрелы и попутно освобождал свеев от кошелей и украшений.

– Глянь, что у меня со спиной, – попросил Гуннар.

– Да я уж глянул, – бросил Вихорёк, не повернув головы. Он был занят: сдирает бронь с хольда, который сулил Гуннару неприятную кончину. – Это топором тебе приложили. Бронь цела, и спина, думаю, тоже. У тебя ж под бронью прослойка, как у кабана, не меньше. Подкольчужник, поддевка меховая... Я бы, может, и пробил, а эти – куда им! Слушай, а ты Лепешку один утащишь? А я тогда добычу в плащ заверну и тоже волоком. А то много получается.

– Я справлюсь, – Гуннар соорудил из лыж Сёльви и пары свейских подобие санок, закрепил на них тело. – Давай побыстрее. А то как бы к свеям подмога не прибежала.

– А пусть! – отозвался Вихорёк. – Их тоже убьем!

Гуннар хмыкнул, уловив в голосе парня знакомые интонации. Точь-в-точь Свартхёвди Медвежонок. Что ж, таким сыном можно гордиться. Гуннар бы точно гордился, будь у него такой. А может, еще и будет...

Глава 5 Отрезаны

Хреново, когда драка проходит без тебя. Если бы не это, я бы сказал, что должность ярла-землевладельца мне нравится. В частности, возможность усилиться с помощью ополчения – это круто. Три сотни бойцов привел ко мне Сохрой. Ну как бойцов... охотников. В чистом поле их разогнал бы вдесятеро меньший отряд викингов. Но в поле я их гнать не стану. А вот в лес – это запросто. Вреда особого они свеям причинить не смогут, но комарами поработать – вполне. Ущерб от комаров невелик, но спать они мешают.

Примерно сотня кирьялов этим и займется, когда свеи подойдут к крепости. Остальных – на стены. Метать стрелы, швырять камни, потчевать кипятком. Кипяточек – он в зимнее время очень хорош. Но не наружно.

А еще мы уже двое суток старательно поливаем склоны водичкой. Мороз

небольшой, но ночью достаточно холодно, чтобы прихватило. Скандинавы – большие умельцы штурмовать такие вот небольшие крепости. Обледеневшие склоны их не остановят, а охотничьи стрелы против больших щитов и бронных воинов малоэффективны. Но у меня ведь не только охотники имеются. У меня есть Бури, чьи стрелы не держит даже кольчуга. И Стюрмир, способный метнуть не только копье, но и камешек весом пудика в три – на очень приличное расстояние. И еще несколько парней, способных драться со свеями практически на равных.

Опять-таки госпожа Удача, я надеюсь, сыграет на моей стороне.

Нет, грядущий штурм меня тревожит значительно меньше, чем несколько дней назад. Конечно, две сотни свеев – это огромная сила. Воинство какого-нибудь английского тана или французского барона такой хирд способен пустить на рагу, почти не вспотев. Но если мои диверсанты отработают по максимуму и оставят свеев без запасов провианта, то мне надо будет продержаться всего лишь несколько дней. А потом суровый дядька Голод скажет свое веское слово, потому что вся имеющаяся в окрестностях жратва свезена моими друзьями-кирьялами сюда, в крепость. Можно, конечно, рыбку ловить и дичь промыслять, но двести рыл щедротами зимнего леса не особо прокормишь. Ну и опять-таки придется выбирать: либо крепость штурмовать, либо на охоту ходить. Причем группами, потому что одиночек те же кирьялы самих в дичь превратят.

Главное – выдержать пару-тройку штурмов. А это мы, я думаю, сможем. Что меня действительно беспокоит, так это отсутствие Гуннара и его команды. Три дня прошло, а они так и не вернулись. И свеи, что характерно, где-то потерялись, хотя по прогнозам должны были появиться либо вчера вечером, либо сегодня утром. Но не появились.

А у меня появилось время выполнить свое обещание.

Я уже догадывался, что Заря – неплохой материал дляковки фехтовальщика, и убедился, что не ошибся. Скорость, ловкость, выносливость, даже сила у нее – очень ничего. Даже без поправки «на девичество». Если в случае с Гудрун я ставил на внезапность, скорость и точность, то здесь можно было мыслить шире. С упором скорее на саблю, а не шпагу, если оперировать категориями моей спортивной юности. Если не торопиться и не ошибаться, то эта девушка далеко пойдет. Тем более что нет необходимости делать из нее универсала. Ставить ее в строй вообще не придется. Ее боевая «конфигурация» – стрелок. Так что затачивать будем исключительно на поединок. Ну, может быть, еще простейшие навыки метания ножей добавить. Еще Заря меня приятно удивила понятливостью. Базовые движения ловила едва ли не с первого раза. Меч, который я ей подобрал из трофеев, лег в ее руку как родной. Впрочем, я тоже молодец. Не знаю, кому принадлежал раньше этот клинок, но качество у него было отменное. И вес идеальный – около килограмма. Осталось только немного укоротить эфес.

Так что с первого же урока она начала работать собственным оружием. И потратил я этот урок на то, чтобы очистить ее моторику от прошлых косяков. Тот, кто учил Зарю держать меч... Я б ему сказал пару ласковых. Хорошо хоть у нее почти не было практики. Но ломать вредные навыки все равно пришлось. И к концу тренировки Заря уже держала меч более-менее толково и смену по-

зиций тоже выполняла пусть медленно, но правильно.

Но завтра я у нее меч заберу. Рано. Ей еще часиков тридцать-сорок тренироваться до следующего урока с настоящим оружием. И еще полгода минимум самой ближней дистанцией боя для Зари будут сорок шагов. Надеюсь, я сумел донести до нее эту мысль. В некоторых вещах ее упорство граничит с упрямством. Но с этим я справлюсь. Если, конечно, нам удастся справиться с нашествием свеев. Хотя строить планы на случай нашего поражения я не собираюсь. Да и какие могут быть планы у покойников?

Мне бы узнать, как дела у моих рейдеров. Но увы. До появления мобильных больше тысячи лет.

* * *

– К крепости нам не пройти, не пустят, – с сожалением признал Гуннар.

Оба проводника-кирьяла были с ним полностью согласны. Маленький отряд уже второй день уходил на восход. Бежал на восход. Со всех ног. А на хвосте у него висели десятка три разъяренных свеев. Они тоже бежали, не щадя сил. Если бы не кирьялы, то нас бы уже нагнали. Но и теперь это лишь вопрос времени. Следы в снегу замести – большая проблема. Болотными тропами тоже не уйти. Замерзли болота.

Тело Сёльви пришлось оставить в первый же день бегства. Как и трофеи. Но свеи всё равно настигали. По проторенной дорожке бежать – не по целине.

– Надо их задержать! – заявил Вихорёк.

– Да ну? Расскажи как, – скептически произнес Гуннар. – Нам с Парусом за слоном встать? Так тут узких проходов нет. Оставят десяток, чтобы нас порешить, а остальные даже и не замедлятся.

– Кто говорил о вас? – удивился Вихорёк. – Я останусь.

– Ага! А ярл потом нас не куски нарубит! – вмешался Оспак.

– Не ярл, – буркнул Гуннар. – Свеи. Когда догонят.

– А давайте мы останемся! – предложил Комар. – Засядем сбоку да закидаем их стрелами!

– Толку от ваших стрел! – пренебрежительно бросил Тулб. – Им с пятидесяти шагов портки свейские не пробить. Я останусь!

– Про штаны ты верно сказал, – согласился Вихорёк. – Чтобы от таких стрелков, как вы, толк был, надо шагов с тридцати бить. А с тридцати шагов свеи такого стрелка сам на швырковое копьё насадит. Да и ты, Огонек, один много не настреляешь. А вот если вдвоем... Хотя... Гуннар, они ведь нас точно догонят. Не сегодня, так завтра. А от крепости нас уже отрезали. Так может, дадим им бой прямо сейчас?

– Ну, за сутки многое может случиться. Например, снег пойдет.

Все с надеждой глянули на небо.

Небо не радовало: являло взгляду дивную синеву.

– Здесь селение неподалеку, – сообщил один из кирьялов на плохом скандинавском.

– И что в нем толку? – хмыкнул Вихорёк. – Помочь они нам не смогут. Выйдет так, что свеи не только нас убьют, но и ваших. И припасами вдобавок разживутся. Гуннар! Давай подеремся! Уверен, не меньше десятка с собой заберем, пока они нас в Валхаллу отправят.

– Ладно, бой, – неохотно согласился Гуннар. – Но – по-умному. Выберем место, придумаем ловушки.

– И нападём! – азартно подхватил Вихорёк.

– И нападём, – вновь согласился Гуннар. – Угадаем так, чтобы ближе к вечеру вышло. В темноте хоть кто-то уйти сможет.

– А смысл бежать? – усомнился Вихорёк. – На следующий день ведь всё равно догонят.

– Ну это смотря как повоюем, – сказал Гуннар. – Если их заманить туда, где место открытое, но особо не побегаешь, то вы с Тулбом сможете их безбоязненно стрелами бить. Хоть по ногам, к примеру. Если у свеев много раненых будет, то им придется и помощь оказывать, и двигаться помогать. На это тоже время требуется. Так что можем и оторваться. Главное – правильное место найти. Виги, помоги мне растолковать этим, – кивок в сторону кирьялов, – что нам требуется.

Нужное место нашлось. И сравнительно близко. Норег остался доволен. Проход к берегу замерзшего озера. С одной стороны – пологий холм, заросший старыми соснами, с другой – отвесные скалы, у подножия которых – нагромождение здоровенных обледенелых камней.

– Может, други, мы и не умрем сегодня, – обнадежил Гуннар. И рассказал, что задумал.

Обсуждение не заняло много времени. Как раз успела дозреть похлебка и допечься в углях подбитые кирьялами тетерева. Торопиться и прятаться теперь ни к чему.

Глава 6 На живца

Когда свеи вышли на берег, бледный круг солнца почти касался верхушек деревьев.

Ровно тридцать воев.

Вихорьку будто кто-то ледяными пальцами вдоль хребта пробежался. Тридцать хирдманов. Издали они казались мелкими, не опасными. Но Вихорёк знал, что если им вздумается спуститься сюда, к краю каменной осыпи, то ему конец. Двух-трех он, скорее всего, успеет положить, а потом его убьют. Или, что еще страшнее, возьмут живым, как недавно едва не взяли Гуннара.

Тогда Вихорёк и виду не подал, как ему было страшно выйти из укрытия и начать стрелять. Гуннар, наверное, решил, что Вихорёк вообще страха не знает. Как Медвежонок.

Но Вихорьку было очень-очень страшно. И в бой он вступил – даже сам не понял как. Услышал, что свей сулит Гуннару, встал и начал стрелять.

Вихорёк выдохнул медленно раз-другой, успокаивая дыхание и сердце. Тогда он действовал без раздумий. Но сейчас-то у них всё продумано. И очень хорошо. Нет, не побегут к нему свеи все сразу. Если выйдет по-ихнему, свеи вообще не побегут. Не получится. А раз так, то что такое три десятка? Подумаешь! Стрел-то у Вихорька сорок шесть. Каждому ворогу хватит и еще останется.

Да и удар его в этой игре не первый. Враг далеко, а он – высоко. И он не кто-нибудь, а Виги Ульфсон, сын ярла!

– Вы начнете, когда я рукой махну, – в который уже раз повторил Гуннар. – Метнете пару стрел каждый – и сразу бежать. Все поняли?

Весяне и кирьялы дружно закивали.

Задача у них простая: привлечь внимание и изобразить это самое бегство. Гуннар не думал, что они смогут нанести свеям существенный вред. Стрелять они станут шагов с сорока, а на таком расстоянии звук спущенной тетивы опытное ухо легко поймает. Если подранят одного-двух ворогов – уже хорошо. Зато отвлекут внимание от Гуннара. А уж он возьмет не меньше двоих.

– Куда бежать, помните?

Снова закивали.

Ну и хорошо. Часть погони на себя оттянут. А там уж как повезет. Они – на легкой. Без брони, без щитов. А еще с ними Оспак пойдет. Если надо, Парус сможет и в одиночку придержать двоих-троих, выиграть время для лучников Пора. Гуннар пристроился за камнем и мысленно еще раз прикинул свой будущий путь. В уме получалось складно, а как на деле выйдет?

Раньше норег так по-хитрому думать не умел. Бил по-простому. Раньше он простым хирдманом был. А теперь он – старший. Хольд, а может даже и хёвдинг. Значит, думать теперь по-другому надо. За всех. Самому решать, когда и с кем драться. И где. И как. Вот Гуннар и решал. И получалось.

Свеи шли точно по следу, который хорошо заметной тропкой прочерчивал поросший редкий лесом склон. Держались парами, шли цепочкой. Если что, могли по-быстрому строй собрать. Шли хорошо. Сразу видно: опытные. Но не родня. Потому что по-волчьи шли. У волков как? У них матерые никогда впереди не бегут. Впереди – молодняк. Те, кого не жалко, если на опасное нарвутся. Вот и у свеев так же. Дренги впереди. А те, на ком броня получше, те в середине. Со своими бы так не обошлись.

Но что плохо для свейских дренгов, то хорошо для лесовиков, устроивших засаду. Молодые и среагируют позже, и стрелы весяньские для них опаснее.

Гуннар видел, что свеи не особо сторожатся. Видят, что след не такой уж свежий: где ветром припорошило, где зверек перебежал. По сторонам они, конечно, смотрят, но так, по привычке. Расслабились. Тем более что идти по утопанному – удобнее. И озеро впереди опять же. Там открытое пространство. Всё видно. Видно и как след вправо уходит.

Но не видно, как он загибается петлей, а чуть дальше от него еще один в сторону отходит. Не видно потому, что там, дальше, тростник из-под льда торчит. Невысокий и редкий. Человеку не укрыться, а вот лыжню прячет.

Гуннар усмехнулся. Ловко он всё продумал. И легко. Всё будто само придумывалось. Деталь к детали. Точно удача на их стороне.

Свеи прошли под Гуннаром в каких-то сорока локтях. Двое переговаривались негромко, остальные молчали. Увидеть Гуннара они не могли. Услышать – тоже. Дышал еле-еле, не выглядывал, слушал только.

Прошли. Гуннар выпрямился, приготовился: одно копьё – в правой руке, два – в левой.

О! Начали лесовики. Защелкали тетивы, заорали свеи. Причем кое-кто – от боли. Молодцы лесовики! Ну да сейчас свеи еще и не так заорут.

Гуннар толкнулся и поехал вниз. И сразу увидел спины врагов. Свеи собрали строй быстро и умело. Но развернули его, как и рассчитывал Гуннар, в ту сторону, откуда летели стрелы.

Гуннар развернулся круто, взметнув снежный веер, и метнул копьё в бли-

жайшую бронную спину. И тут же – второе копьё. В другую. Оба пришли в цель. Что не осталось незамеченным. Соседи подбитых тут же совершили поворот – щитами к новой опасности. И один из них запутался в лыжах, потерял равновесие...

Рука Гуннара будто сама метнула третье копьё. Прикрыться своей не смог – копьё угодило ему прямо в глупо раззявленный рот.

А Гуннар уже мчал вниз по склону, разгоняясь и умело огибая древесные стволы.

Эту часть своего пути он тоже наметил заранее, поэтому не боялся врезаться ни в куст, ни в камень. Один раз он даже рискнул оглянуться и увидел, что в погоню за ним пустилось никак не меньше полутора десятков. И трое уже выбыли из гонки, налетев на прикрытые снегом препятствия.

Опередив погоню самое малое на пятьдесят шагов, Гуннар пронесся через ложбину, затормозил боком у каменного завала, сорвал с ног лыжи, вспрыгнул на первый камень, с него – на другой.

Это был опасный миг. Как бы ни был норег ловок, но, не успей он отойти от ложбины хотя бы на сорок – сорок пять локтей, копьё свеев его бы непременно достали.

Но Гуннар успел. То есть пару копий в его сторону все-таки метнули, но скорее от злости, чем надеясь поразить врага.

Кирьялы всё сделали как надо. Норег – тоже. Теперь пришло время выполнить главную часть Гуннарова плана.

Тулб Огонёк не боялся. Он знал, что свеи до него не доберутся. Между ним и свеями – каменный завал шириной больше тридцати саженой. А потом еще и скала высотой саженой в шесть. Правда, и завал, и скалу можно обойти слева. Но там – Виги. Сначала ворогам придется пройти мимо сына ярла...

Тулб видел, как остановилась цепочка свеев. Видел, как из-за деревьев появился Гуннар, метнул копьё и заскользил вниз, ловко петляя между камнями и редкими деревьями. Свеи тут же устремились за ним, но не так отважно и не так лихо. Двое из них упали, отстав еще больше, но остальные, числом семнадцать, успешно скатились в ложбину – и отстали еще больше, потому что Гуннар с разгона пролетел по снежной целине до самых камней, а свеям не хватило скорости. Половина так вообще увязла в рыхлом снегу.

Те девять, что были попроворнее других, тоже опоздали. Гуннар уже был почти на середине каменного завала. Прыгал с камня на камень, будто кот. Совсем не боялся поскользнуться или промахнуться.

Тулб в который уже раз поблагодарил богов, что привели его к этим нурманам. Он не верил, что когда-нибудь сможет стать таким, как Бури или Свартхёвди, но очень надеялся, что сумеет сравняться с Гуннаром или Виги. Стать таким же бесстрашным и таким же грозным. Чтобы вот так же, как только что Гуннар, бросить три копьё и поразить трех врагов. И не кого-нибудь, а таких же, как он, матерых бронных нурманов. Тулбу было видно, что все трое неподвижно лежат на тропе. И броня не спасла.

Девять свеев взобрались на каменную россыпь. Пятеро запрыгали не хуже Гуннара, четверо двигались осторожнее. Особенно один, большой и толстый свеи, казавшийся еще крупнее из-за мохнатой шубы, надетой поверх брони. Этот не прыгал, а перелезал через камни, опираясь на копейное древко.

«Ты, главное, не поторопись, – наставлял Тулба Гуннар. – Пусть доберутся

хотя бы до середины осыпи».

Норег не подумал о том, что часть свеев отстанет. Первые уже достигли этой самой середины, а трое одолели – примерно треть, один, толстый, сажени три, еще девять только-только добрались до камней, а самый последний вообще прекратил погоню: сидел на снегу и что-то кричал оставшимся на тропе. Наверное, ногу повредил, когда упал.

Гуннар между тем достиг скалы, подпрыгнул, уцепился двумя руками за трещину, толкнулся ногой от уступа и довольно быстро полез наверх. Но не так быстро, как надеялся Тулб. Всё же скала была крутая и местами обледенела. Свеи завопили все разом. Тулб не мог разобрать, что они орут. Он пока что не очень хорошо понимал по-нурмански. Да и неважно. Зато он видел, что они делают. Самые быстрые запрыгали по камням еще быстрее, явно надеясь выйти на бросок копья раньше, чем Гуннар заберется наверх. Те, кто только-только подоспел к осыпи, разделились. Пятеро из них побежали на лыжах влево, в обход, остальные тоже полезли на камни.

Гуннар велел Тулбу сначала бить тех, кто подальше от скалы. Чтоб не сбегали. Но Тулб увидел, что самый быстрый из свеев остановился и раскачивает копьё, примериваясь, и выстрелил сначала в него. И попал свею прямо в середину груди. Тулб счастливо улыбнулся. Он знал, что сделал хороший выстрел. До свея было не так уж далеко, но стрелять сверху – надо уметь. И угадать с ветром тоже. Стрела пробила бронь и вошла в свея на треть длины. Тем не менее копьё он метнул. Тулб видел, как оно ударило в камень в пяди от руки Гуннара и улыбнулся еще шире. Он надеялся, что его стрела сбила свею бросок.

Три ближайших свея, которые тоже собирались метнуть копьё, моментально присели и прикрылись щитами. Тулб даже удивился, как быстро это у них получилось. Раз – и вместо людей круги щитов с выступами умбонов посередине. Вот теперь можно пострелять и по тем, что дальше. Что Тулб и сделал: встал во весь рост (в первого он стрелял с колена) и послал еще три стрелы, две из которых поразили цель. Правда, уже не так точно: оба раза – в ногу.

Теперь уже все свеи спрятались за щитами.

Кроме того отряда, что пустился в обход.

Гуннар взобрался наверх, хлопнул Тулба по плечу, похвалил:

– Воин!

Затем схватил один из камней, которые они натаскали сюда заранее, примерился и метнул в щит одного из свеев внизу. Попал. Основа щита звонко треснула, правое плечо свея открылось.

И Тулб немедленно всадил в него стрелу. Свей закричал и снова спрятался за подпорченным щитом. Добивать его норег не стал. Выбрал другую цель. И камешек покрупнее.

Промахнулся. И со второго раза – тоже. Зато третий камень угодил точно в цель. Щит отбросило в сторону, полностью открыв спрятавшегося за ним свея. И на этот раз промахнулся Тулб. Вернее, угодил в шлем. Но – крепко. Даже сверху было слышно, как лязгнуло по шлему острие, а свея шатнуло назад, и прикрыться от новой стрелы он не успел. И получилось не хуже, чем в самый первый раз. Стрела пробила кольчугу и всё, что под ней на целую пядь.

А потом Тулб увидел, как упал первый из тех, кто побежал в обход.

Всего пятеро, подумал Вихорёк. Да уж. Всего. Сойдись они врукопашную,

Вихорёк простоял бы оч-чень недолго.

Но сейчас свеям его не достать.

А Вихорьку их – легко. Он вспрыгнул на плоский камень. Больше не опасался, что его заметят. Это всё равно случится, когда он начнет убивать.

Вторая стрела ушла, когда первая ударила в цель – в просвет между нижним краем шлема и краем щита, висевшего на спине возглавлявшего группу свея. Вторая – в бок другому. Свей упал, и даже сумел откатиться за камень. Но Вихорёк знал: рана серьезная.

Оставшаяся тройка показала себя опытными воями. Тут же сбросили щиты на руку и присели. Впрочем, один укрылся недостаточно быстро, словил стрелу в колено и не сдержал вопля. Стрела в колено – это очень больно.

– Эй вы, зайчишки! – крикнул Вихорёк двоим, сохранившим боеспособность. – Сегодня вы отправитесь к Хель! Там у вас уже немало друзей! Я постарался. Передайте привет Хейтиру и скажите, что скоро он увидится со своим ярлом!

– Ты, ссыкливый волчонок! Выйди и сразись как мужчина! – заорал один из свеев.

– Вот он я! – крикнул в ответ Вихорёк. – Я не прячусь! Это ты сидишь там и в штаны гадишь! Дрожи, зайчишка! Вон уже бегут сюда те, кто похрабрее!

Свей наверняка и сам видел, что еще четверо свеев спешат к ним.

Пусть бегут. Вихорёк знал: бегут они не сюда, а оттуда. Потому что испугались стрел Тулба.

Смешно. Они не знают, что Вихорек стреляет лучше Огонька. И спасти свеев от его стрел может только правильно собранная стена щитов. Да, он не высоко на скале, как Тулб. Однако между Вихорьком и врагами – огромная куча обледенелых камней. В правильном строю по таким не побегаешь.

А быстро бегут свеи. А теперь еще быстрее побежали! Потому что Тулб – молодец! Еще одного достал. Этот больше не бежит, а ползет. Со стрелой между лопаток.

Вихорёк отвлекся... и едва не оплошал. Один из свеев нашел в себе мужество: вскочил и метнул копье без разбега на сорок шагов.

Стрелу Вихорёк выронил. Иначе не успел бы правой рукой перехватить копье. И даже метнуть обратно. Зря ловил. Не добросил.

Свей захохотал.

Но смеялся недолго. Он не знал, как быстро Вихорёк умеет стрелять. Теперь знает. Вернее, знал.

Теперь один остался. И этот сидит, не высовывается. Ждет подмоги.

А подмога уже близко.

И, похоже, эта тройка думает, что здесь их не убивать, а пивом угощать будут. Ишь, как торопят. Надо притормозить.

Вихорёк метнул пару стрел. Обе угодили в щиты. С семидесяти шагов попасть в хорошего воина, который тебя видит, очень трудно. Однако и бежать, прикрываясь щитом, тоже непросто. Тем более по глубокому снегу.

И это хорошо. А что плохо – что с тропы по склону спускаются еще семеро. И тоже нацелились на Вихорька. Хотя могло быть и хуже. Если бы они сразу двинулись в обход, чтобы зайти с тыла.

Свей из первой группы, всё это время успешно укрывавшийся за щитом, совершил ошибку. Ему бы подождать еще немного, пока соратники добегут, но

он решил отступить. Сбросил лыжи и начал пятиться. Щитом он прикрывался умело. Но кое-что забыл. Например, что снежок в локоть глубиной, конечно, может прикрыть ноги почти до колен, но защитит от стрелы – нет. Так что теперь на счету Вихорька уже два разбитых коленных сустава.

Вихорёк мог бы добить подранков, но – зачем? Да, в сагах воины сражаются даже с отрубленными ногами. И в это даже можно поверить. Иногда. Если речь идет о таких, как Свартхёвди Сваресон. Но куда чаще такие раненые лишь смущают соратников стонами и становятся обузой для тех, кто цел, если надо идти пешком.

Тройка добежала. Без потерь. Потому что Вихорёк больше не стрелял. Стрел осталось маловато, немногим больше десятка. Потом какое-то количество можно будет вырезать из мертвецов, но это требует времени и аккуратности. В бою – не получится.

Оп-па. Два свея подхватили щиты убитых. Что ж, разумно. Парой щитов можно прикрыться, даже полностью выпрямившись.

И что теперь? Они стоят. Он тоже стоит. Им не достать. И Вихорьку – тоже.

Но время – на их стороне. Ждать – нельзя.

– Эй, зайчишки! – крикнул Вихорёк, приплясывая на камне, чтобы отогреть замерзшие во время ожидания ноги. – Вас трое, а я – один! Пока вы там прячетесь и слушаете, как вопят ваши дружки-зайчишки, которым я повредил лапки, я успел целую драпу сочинить! Вот мой стих о том, как бородатые свейские зайцы испугались безусого сёлундского дана!

Покажите мне свои мечи, крикнул им дан!

Покажите мечи, которые вы зачем-то носите!

А лучше сразу отдайте их мне, трусливые псы!

Женовидным больше подходит прялка!

Женовидные...

– Заткнись! – яростно завопил один из свеев. – В твоих стихах поэзии меньше, чем в хрюканье свиньи!

– Но намного больше, чем у вас – храбрости! – крикнул Вихорёк. – Я был не прав. Обидел собак. Вы не псы, вы – бурундуки в норках! Мелкие дристливые бурундучки!

– Сам ты... – начал один из свеев, высунувшись из-за камня.

Вихорёк тут же выстрелил, но свей был готов и успел сбить стрелу краем щита.

А потом всё трое разом бросились вперед.

Вихорёк успел выстрелить пять раз. Два раза – впустую. Еще два – получше. Первому зацепил ногу, второму плечо. А последняя стрела вошла совсем хорошо. Третьему – в живот, заодно сбив бросок копья, который наверняка снес бы Вихорька с его камня.

Потом лук пришлось оставить и взяться за мечи, свеи – уже рядом.

Двое. У одного стрела торчала из голенища сапога, у второго – из правого предплечья.

Что не мешало второму держать топор, а первому – более-менее уверенно опираться на раненую ногу. Однако перепрыгнуть на плоский камень, облюбованный Вихорьком, свей не рискнул. Зато, сбросив щит на плечо, он освободил левую руку и швырнул в Вихорька метательный нож. Вихорёк отбил его мечом, но потерял мгновение, что дало возможность второму перемахнуть на

камень Вихорька и сразу ударить топором понизу справа, и тут же – щитом слева.

Если бы Вихорёк подпрыгнул или отскочил назад, щит снес бы его с камня.

Но Вихорёк уклоняться не стал: изо всех сил рубанул мечом по бронзовой оковке топорница. Клинком остановить топор практически невозможно, но Вихорёк по замаху угадал, что рука у свей подпорчена стрелой сильнее, чем тот хотел показать. Так что Вихорёк рискнул. И получилось. Оружие свей не удержал. Топор улетел, а щит оказался в слишком неудобном положении, чтобы защитить хозяина от клинка в левой руке Вихорька.

И не защитил.

Зато второй свей – решился. Он прыгнул. И даже сумел не упасть. Вернее, превратить потерю равновесия в толчок, который сбросил-таки Вихорька с камня.

Упал Вихорёк крайне неудачно: спиной – на острый гребень. Кольчуга, поддевка и толстая зимняя одежда защитили. Но удар всё равно был так силен, что перехватило дух. Но хуже всего было то, что, скатившись с гребня, Вихорёк угодил в щель между камнями. Да еще головой вниз. И вдобавок врезался лбом в валун. Не совсем лбом, понятно, на лобником шлема. Но удар получился жесткий. Будто дубиной приложили.

На несколько мгновений Вихорёк вообще потерял ориентацию: судорожно дергался и дрыгал ногами. В этот момент он был совершенно беспомощен, но свей этим почему-то не воспользовался.

Приступ паники прошел, Вихорёк выпустил мечи (иначе никак), уперся двумя руками, с натугой выпихнул себя из щели. И сразу понял, почему свей его не прикончил, пока Вихорёк пыхтел и сучил ногами. Свей хотел взять врага живьем. Но прыгнуть вслед за Вихорьком опасался. Из-за раненой ноги.

Однако когда Вихорёк выпростался из щели, свей медлить не стал.

Раз – и на Вихорька упала веревочная петля, которая затянулась на шее раньше, чем Вихорёк успел подсунуть пальцы под веревку. Всё, что он смог – это прижать к груди подбородок.

В следующий момент свей дернул, но Вихорёк успел вцепиться в веревку и, воспользовавшись рывком, он едва не выбрался наверх...

Почти. Хитрый свей ослабил веревку, и Вихорёк снова опрокинулся на камни.

Однако на этот раз упал значительно удачнее. Да и веревку не отпустил, так что, когда свей снова ее рванул, Вихорёк сделал то же самое. Причем ухватившись за веревку уже двумя руками и упершись ногой, что совсем нетрудно, когда ты лежишь на спине между камней.

И теперь уже свою не повезло. Свободный запас веревки был выбран полностью, а отпустить ее свей не мог, потому что второй ее конец привязал к поясу. Да и раненая нога подвела – не смог упереться как следует.

Результат: свей сверзился с камня. Чем Вихорёк не преминул воспользоваться. Толчок, прыжок, и теперь он наверху, а свей барахтается под ним.

Только поразить его Вихорьку нечем. Мечи остались в щели, из оружия – нож на поясе да стрелы в колчане. А лук... А лук – вот он. Висит, зацепившись тетивой на соседнем камешке.

И это очень хорошо, что на соседнем, ведь к Вихорьку со всех ног бегут еще семеро свеев. И явно не для того, чтобы похвалить за доблесть.

Вихорёк успел дотянуться до лука и отправить его в налуч, раненый свей – встать на ноги. Вернее, на ногу. И тут же атаковал: метнул аж четыре ножа. Один за другим. Быстро и точно. Два – в лицо, два – в ноги. Ошибся. Начинать следовало с ног. Тогда, может и попал бы, потому что первого замаха Вихорёк даже не увидел. Только блеснувшую в воздухе железную рыбку. Наклон головы – и швырковый нож всего лишь чиркнул по шлему. Второй нож разминулся с целью уже на добрую пядь, а третий и четвертый – и того больше. Вихорёк отпрыгнул вправо, потом – вниз. Туда, где торчала из щели рукоять оставленного меча.

Уклоняясь, свей не удержал равновесия на обледеневшем камне... Что подарило ему сломанный палец и несколько секунд жизни. Вихорёк перевел меч в обратный хват и ударил, будто осетра острогой.

Свей еще содрогался в агонии, когда Вихорёк уже стоял на «любимом» камне, сменив меч на лук.

Семерка врагов как раз успела добежать до каменного завала... И остановиться.

Потому что побоище, учиненное Вихорьком, производило очень серьезное впечатление.

Четыре мертвеца и четверо недобитков, стонущих и вопящих. И Вихорёк с луком в руках, в одиночку победивший эту восьмерку. Восьмерку матерых хускарлов. А эти семеро, судя по скромным доспехам, были не из самых лучших бойцов свейского хирда.

Вихорёк ждал, раненые страдали, семеро никак не могли решиться... Если бы они знали, сколько стрел осталось у Вихорька, то действовали бы смелее. И возможно, всё обернулось бы не лучшим образом для сына ярла. Однако недостаток храбрости – существенный недостаток для воина.

Пока семерка топталась на месте, Гуннар уже прикинул расклад и начал спускаться со своей горки.

А Тулб, повернувшись, поспешил влево. Туда, откуда он мог бы достать стрелами замешкавшихся свейских дренгов.

А сверху, с тропы, прямо по оставленному Гуннаром следу уже катился Оспак Парус, а за ним, немного отставая, всякие с кирьялами.

– За нами увязались трое, – рассказывал мне Оспак, запивая баранью уху горячим киселем. Уха была соленая, кисель – приторно-сладкий от избытка меда, но Оспака такое сочетание вкусов не смущало. – Мы отвели их шагов на триста, а потом я их убил. Это было нетрудно: наши молодые успели как следует подырявить им ноги. – Ложка Оспака заскребла по дну миски. Он разочарованно вздохнул и поглядел на тридцатилитровый котел, в котором тоже было пусто. Вернувшиеся разведчики соскучились по горячему.

– Там для вас еще свинью пекут, – утешил я дана и остальных. – Ты продолжай.

– Так всё уже почти, – сообщил Оспак. – Вышли на тропу – там один раненый, а остальные – всё. Раненого добились, спустились вниз, а там Виги с Тулбом по кучке уцелевших из луков садят. Четверых положили, а трое – бежать. А за ними Гуннар. Я за ним, но разве ж за норегом на лыжах поспеешь. Он всех троих и зарубил. Одного за другим.

– Последнего еле догнал, – уточнил Гагара. – Такой приткий оказался. Если

бы лыжей за камень под снегом не зацепился, мог бы и уйти. Ну, потом трофеи собрали – и сюда.

– Это было весело! – резюмировал мой сын. – Побили их как соколы – цапель!

Я поймал взгляд Гуннара и прочитал в нем прямо противоположное. Легко не было. Они прошли по ниточке. Тактический талант норегга плюс невероятное везение. Ну и то, что свеи их чудовищно недооценили.

Однако об этом я не скажу ни слова. Напротив, буду всячески поддерживать версию сына. «Как соколы – цапель!»

Потому что лагерь этих «цапель» – в опасной близости от нашей крепости. И всякий может видеть, что это очень серьезные воины. Мои рейдеры задали им жару и наваляли куда больше, чем я мог надеяться. Но свеев по-прежнему до фига, и это еще мягко сказано. Причем они очень серьезно настроены. А мой хирд, несмотря на всю нашу доблесть, им на один зуб. Что же до союзников-кирьялов, то лесовики их откровенно боятся. И вполне заслуженно. Потому что это – викинги. А без поддержки кирьялов у меня нет шансов удержать крепость. Так что я сделаю всё, чтобы поддержать их боевой дух. И мои рейдеры в этом помогут. Особенно весяне и кирьяльские проводники. Пусть хвастаются и врут напропалую. Лишь бы видели в свеях не скованные из железа машины убийства, а всего лишь людей. Таких же, как они. И даже слабее. Пусть смотрят на бронных викингов и думают не о том, как те лихо управляют с оружием, а о том, как бы это оружие пригодилось им самим. Пусть видят в них не собственную смерть, а кучу трофеев, которую можно поделить после победы. И тогда у нас есть шанс. Примерно такой же, какой был у Гуннара с остальными. Но они это сделали, значит, и мы сможем. Хотя если бы свеи развернулись и отправились домой, я бы сплясал от радости. А почему бы и нет? Припасов у них – чуть, а настроение после полученной взбучки наверняка не радужное. Так что давайте, ребята: чемодан – вокзал – Свеаленд.

Мечты, которым не суждено было сбыться.

Глава 7 Штурм

Они рискнули. И, похоже, даже не колебались, сразу взялись за дело. Со стен было прекрасно видно, как они готовятся к штурму: рубят деревья и сколачивают из них штурмовое оборудование.

Что радовало: свеям пришлось трудиться самим. Когда они вышли к замерзшему заливу, все местные жители успели уйти. Ну, кроме тех, кто сидел сейчас внутри крепости и готовился отбивать штурм вместе с моей маленькой дружиной.

Впрочем, свеи неплохо справлялись и без рабского труда. И поторапливались. Зима на дворе, а зимой воинам надо кушать особенно хорошо. Учитывая же, что большая часть их провианта сгорела...

Я ожидал, что свеи отправят в лес охотничьи партии, которые, стоит им отойти подальше, будут встречены недружественно настроенными кирьялами.

Но свейский ярл, похоже, решил все силы сосредоточить на штурме крепости. Он даже не отправил никого в селение у входа в залив.

А жаль. Сделай он так, я попробовал бы перехватить эту группу и еще немного уменьшить численность врага.

Сейчас же подобраться к свеям – нереально.

От той высокомерной беспечности, которая пригодилась команде Гуннара, не осталось и следа. Враги четко контролировали территорию на добрых полкилометра вокруг своего лагеря. Сторожа на ключевых точках, наблюдатели на вершинах деревьев, лыжные патрули, сновавшие по замерзшему заливу и речке...

Это то, что я видел. Наверняка были и те, кого не разглядеть не только с моей горки, но даже с десяти шагов. Никто больше не подобрется к свейскому лагерю ни днем, ни ночью. Это викинги, а они даже на чужой территории на уровень выше тех же кирьяльских охотников, заточенных на четвероногую, а не на двуногую дичь.

И числом тут не возьмешь. Тут другая арифметика. То есть двум-трем воинам пара дюжин лесовиков еще могут доставить кое-какие неприятности, но уже десяток свеев легко выстоит против сотни кирьялов. А если свеев будет сотня, то численность лесовиков уже не имеет значения. Тысяча, две, десять – перемелют всех.

Я, однако, надеялся избежать мясорубки. Ведь у меня есть снайперская команда. И моя удача, на которую я так надеюсь, ведь сейчас самая благоприятная ситуация, чтобы она сработала. Потому что мы все – в глубокой... яме.

Однако гарнизону своему я демонстрировал не туманную надежду, а твердую уверенность.

Мои люди, особенно ополченцы, должны видеть, что их ярл в победе не сомневается.

Иначе нам хана.

Свеи пошли на штурм ближе к вечеру. Я, честно говоря, не ожидал. Скандинавы предпочитают биться в светлое время суток. Чтобы боги сверху видели, какие они молодцы.

Эти решили обойтись без божьего присмотра.

Тяжелые щиты, которые викинги двигали перед собой, весили, наверное, по полтонны каждый. Но свеи – парни здоровые, а лед в заливе крепок. К сожалению.

Я очень надеялся, что хоть обледеневший склон задержит наступающих. И он задержал. Но не остановил.

Со стены я смотрел, как медленно ползет вверх то, что мои предки называли гуляй-городом. Только у этого вместо тележных колес – свейские конечности. Ходячий забор полз вверх по холму с черепашьей скоростью. Я не видел, что происходит по ту сторону щитов, но мог догадываться. Сначала – подготовить надежную опору для ног, потом разом сдвинуть деревянную стенку сантиметров на тридцать-сорок. И повторить.

Медленно, зато безопасно. Свейский ярл оценил моих лучников и принял меры. Увы, моим стрелкам эти примитивные, но надежные конструкции оказались не по зубам. Даже Бури не выстрелил ни разу. Полная защита.

Мы попробовали их остановить: пара кувшинов масла, пяток зажигательных стрел... И – полное фиаско. Промерзшая древесина гореть отказывалась категорически.

Ладно. Когда они доберутся до стен, ситуация изменится. Смола уже кипит.

Увы! На стены они не полезли. Сосредоточились на воротах. Собрали эта-

кую бревенчатую коробочку, крышу которой еще и мокрыми шкурами накрыли для надежности, подошли вплотную и принялись долбить наши ворота.

Понятно, что мы тоже не дремали. Забросали эту конструкцию разными тяжелыми предметами, щедро полили смолой и маслом и развели на ходячем сарае нехилый такой костерок.

Однако крыша у боевого сарая оказалась крепкой. Проломить ее и поджарить тех, кто внутри, нам никак не удавалось. Гравитация не успевала разогнать наши булдыганы, ведь между горячей крышей и краем стены – меньше двух метров.

Пока свеи добирались до наших ворот, совсем стемнело. Однако костер, разгоревшийся на боевом сарае, неплохо освещал окрестности. Куда лучше, чем луна.

Коптящее пламя полыхало не только на крыше осадного устройства. Пылали и стены боевого сарая, и земля вокруг. Склонен думать: свеям внутри приходилось нелегко. Даже нам наверху было жарковато и дышать трудно. А уж двум сотням бойцов...

Двум сотням!

До меня вдруг дошло: это ведь совсем не обязательно, что весь свейский хирд сейчас собрался в этом здоровенном сарае.

– Вихорёк! – гаркнул я по-словенски. – Бегом на вышку!

Сын понял меня с ходу. Слетел со стены и уже через пару минут сверху раздался его крик:

– С захода! Много!

Мы успели буквально в последний момент. Спасло то, что свеи слишком долго выжидали. Надеялись, что всё наше внимание сосредоточится на воротах и они смогут просочиться в крепость без потерь.

Но моя удача опять мне подыграла, и даже то, что я, тормоз, сообразил, что нас отвлекают, только в самый последний момент, тоже сыграло в плюс. Появись мы на стене раньше, вряд ли свеи были бы так неосторожны.

Но они видели, что стена пуста. И не так уж высока, чтобы не взять ее с разбега, построив живые пирамидки. Мы появились как раз тогда, когда первый из атакующих уперся руками в стену, подставив спину следующей «ступеньке». Удачно получилось.

Защелкали тетивы, и минимум десяток свеев потеряли активность. Мгновение замешательства стоило им еще десятка. Бури остался с той стороны, где ворота, но со мной были все – Вихорёк с Тулбом, все весяне, с десяток кирьяльских ополченцев и Заря. Последняя – вопреки строгому приказу не появляться на стене.

Еще одно мгновение – и еще с полдюжины свеев полностью или частично выведено из строя. И это всего-то секунд за десять.

Потом они собрали строй и прикрылись щитами. Но урон мы им успели нанести солидный. Это ж хирдманы. Каждый боец – продукт многолетней подготовки. А тут – хоп! Венчик перьев, торчащий из ключичной впадины – и этот продукт, великолепная боевая машина, корчится на земле, готовясь предстать перед Высоким[235].

К нам подоспела подмога – еще с десяток кирьялов и два полноценных бойца: Витмид и Вифиль Прощай. Первый приволок горящий факел, второй – ко-

жаное ведро, которое он и метнул во вражеский строй раньше, чем я успел возмутиться нарушением светомаскировки. В ведре оказался жир. Причем, судя по воплям свеев, довольно горячий. И он стал еще горячее, когда туда же полетел факел Витмида. Не скажу, что это нанесло свеям серьезный урон. Так, пара-тройка обожженных. А вот то, что «черепаха» из щитов распалась и наши мишени оказались очень удачно подсвечены, это было просто замечательно.

Тетива Вихорькова лука защелкала со скоростью счетчика Гейгера на развалинах Чернобыльской АЭС. Тулб и Заря тоже расстарались. Причем все трое били не просто по доступным целям, а избирательно. Секунд десять, и вместо организованного строя – одиннадцать практически отделенных друг от друга воинов, укрывшихся под грибными шляпками щитов. Только в одном месте еще с десятков ухитрился сохранить единую «крышу», но – новая порция горючего, еще один костер и...

Кто-то истошно завопил по-кирьяльски.

Смысл вопля дошел до меня и без знания языка.

– Вифиль, со мной! – крикнул я, спрыгнул с заборола и помчался вдоль стены – на звук.

И опять успел вовремя. Ну почти. Увидел, как разъяренные свеи лезут через стену, а те, что уже перелезли, скидывают со стены неумех-ополченцев.

Самое время подключиться оперативному резерву. В роли которого, как обычно, выступал я сам.

С десятков плавных движений, начинающих то, что Бури поэтично определил как танец пятого небесного стража фейцуй, растворяющего малые врата, мир заискрился, и мой Волк скользнул между домом и внешней стеной, разминувшись со спрыгнувшим свеем. Зато со мной свеи не разминулся. Ни со мной, ни с моим мечом.

А вот следующий свеи ухитрился сигануть мне прямо на плечи. Я проглядел его, потому что махнул вниз он не со стены, а уже с крыши дома.

Однако мой Волк был со мной, и я сумел не только удержаться на ногах, но и отбить копьё, которое свеи жаждал воткнуть в мой загривок.

Звонкий удар – и живой груз покинул мои плечи. Я знал, чья стрела его сбила. Заря. В обычном состоянии я бы разозлился. Сказано же было: не суйся в бой! Но сейчас, когда мой мир искрился и сиял, для страха места не было. Так что мне было не жаль поделиться с любимой радостью битвы.

Плотная застройка – не самое удобное место для того, чтобы развернуться такому плясуну, как я. К счастью, лишь несколько свеев успели пройти дальше стены. Кирьялы задержали. Пусть всего лишь на один-два удара меча, но этот временной выигрыш был очень кстати. Потому что я опять оказался на забороле и заплясал на узеньком помосте, плетя стальной узор в обе стороны и смеясь от нестерпимого счастья.

На этот раз я не торопился. Чтобы чиркнуть перышком-клинком по руке, лицу или горлу, много силы не требуется. Только точность. Я возникал сбоку от перевалившегося через зубцы свея, делал короткий росчерк, высекая черные брызги, и прыгал к следующему...

Когда сквозь вату боевого танца до меня донесся низкий жуткий вопль множества глоток, я отметил своей сталью восьмого.

«Это у ворот», – возникла в мозгу отстраненная, будто чужая мысль, когда

Вдоводел оставил росчерк сначала на предплечье, а потом на шее девятого. Я вовремя пригнулся – над головой басовито прогудело копье. Второго копья я тоже благополучно избежал, отстраненно отметив, что оно вошло в черный зубец на всю длину наконечника и что такого удара моя кольчужка, пожалуй, не выдержала бы. Десятый своей перемахнул через стену, успел увидеть меня и шарахнуть в сторону. Удержаться на узком помосте ему не удалось, и он рухнул вниз, так энергично замахав руками, будто собирался взлететь. Но ни топора, ни щита, надо отметить, из рук не выпустил. Спрыгивать за ним я не стал, потому что через стену лез еще один враг, а рукомаха внизу встретил Вифиль Прощай и размашистым ударом избавил душу свея от бремени грешного языческого тела.

Одиннадцатого свея я успел встретить на полпути. Расширил его оскал вдвое горизонтальным хлестом клинка и спихнул вниз ударом рукояти по наlobнику шлема. А сам устремился вверх, в два прыжка взлетев на зубец.

И тут инстинкт, повелевший мне быть как можно выше, меня подвел.

Топор прилетел не снаружи, а изнутри. Я его почувствовал, но всё, что смог сделать, это в полуповороте встретить его скрещением клинков. Но даже невероятная ловкость режима «открытых врат» не смогла компенсировать законы физики. Лязг металла – и я уже лечу со стены.

Кое-как извернувшись уже в полете, я ухитрился приземлиться не затылком, а боком. Причем первым с твердью встретился меч в моей левой руке. Несмотря на отменное качество, клинок такого обращения не выдержал и обломился. Я же треснулся оземь, чудом не надевшись на торчащий из земли обломок, и кубарем покатился по ледяной горке. Последняя мысль – о Заре. Что теперь с ней...

Глава 8 Кошмар, ставший реальностью

...**Р**аскрыв глаза, увидел немного. Отблески огня, что-то серое – над головой.

Что-то не так.

То есть всё не так. Но что-то – особенно.

Может, время? Когда я так неудачно свалился со стены, в небе была луна. И звезды. Ну, вполне возможно, что их успело затянуть тучами. У нас это запросто. Что еще? Черт! Да я же голый! И лежу на чем-то твердом... На камне, как подсказало мне осязание. А еще здесь воняет, подсказало обоняние. Зато ничего не болит, сообщил организм. Ну и что я в таком случае разлежусь? Подъем!

Но попытка не удалась.

Стоило мне сесть, как меня долбануло в спину. Будто конь лягнул. И я опять в горизонтальном положении.

Ах ты ж!.. Вскакиваю на ноги уже рывком, с одновременным разворотом.

Пинок под зад – и я влетаю во что-то меховое и вонючее.

Что-то, вернее, кто-то раздражается хриплым басовитым хохотком и отпихивает меня. С медвежьей силой, потому что мои пальцы соскальзывают с его засаленной меховушки.

Отлетая, я успеваю развернуться...

Опять они. Гориллоподобные дикари из моего летнего сна.

Получается, я сплю?

Додумываю мысль я уже на полу. Хорошо, что успел прийти на руки, а не

физиономией.

Рывок за ногу переворачивает меня брюшком кверху.

Сознание фиксирует: на ноге – ремешок, который держит в лапе один из волосатых амбалов.

Перекат с попыткой ухватить ремень заканчивается очередным позорным фиаско.

Еще один рывок, меня протаскивает по камню метра три – силища «горилл» не уступает их быстроте, пальцы-крючья вцепляются мне в волосы, вздергивают в вертикальное положение, и новый толчок швыряет меня в сельчака.

Тот (я и пикнуть не успеваю) хватает меня за горло и гогочет хриплым басом. Ростом этот гад сантиметров на десять ниже меня, зато раза в два шире. Густющие патлы, редкая поросьль на щеках и массивном скошенном подбородке. Местный подросток, что ли?

Нет. Не подросток.

Засаленная шкура свисает с одного плеча. Второе плечо, размера этак шестидесятого, голое и грязное. И здоровенная сиська – такая же голая и грязная. Самка!

Встречаюсь с ней взглядом и понимаю, что зла она ко мне не питает. Скалится во всю ширь здоровенной пасти. И глаза у нее... Я как-то сразу понимаю: это не зверь. Человек.

И еще ко мне вдруг приходит понимание, на кого она похожа. Мощные плечи, могучая грудная клетка, волосы белокурые, если их как следует отмыть, желтая поросьль-бородка, широкий нос-картофелина и синие глаза, спрятанные под мощными надбровными дугами...

Да это же мой братец Свартхёвди! Бородка эта юношеская, какая была у него три года назад, ну точь-в-точь. Ну да, мой братец на четверть метра выше, и сисек у него нет, но надень на эту бабу его любимый доспех, ну, или такой же, но чуток пошире, и поставь бородатую дамочку на табуретку, сходство будет удивительнейшее.

Нет, ну что за дурацкий сон! Я не выдержал и рассмеялся.

И сисястая двойница моего братца тоже загоготала диаконским таким баском. И игриво шлепнула меня по щеке ладошкой, отчего голова моя мотнулась, а в ухе загудело, цапнула за бороду, нагнула и шумно обнюхала мою голову.

– Беленький... – проворчала она. – И пахнет почти как мы.

Я ее понял. Ну да, понятно. Это же сон.

– Гладкий, как детеныш, – меня больно ущипнули за живот.

Я дергаюсь, пытаюсь вывернуться, оттолкнуть, но вторая лапища защемляет мне шею, и я замираю, понимая, что дергаться бессмысленно.

– И вкусный, как детеныш! – раздается у меня за спиной.

– Не твое! – Этот рык – угроза или у нее просто голос такой?

И, воркующе, на ухо:

– Мы с тобой одной крови, хрупкий. Не бойся. Они тебя не съедят.

И могучим рывком бросая меня себе за спину:

– Беги!

И я бегу. Со всех ног. А потом твердь обрывается синевой, я отталкиваюсь от края, взлетаю, падаю и качусь вниз по заснеженному склону...

И просыпаюсь.

Я лежу в снегу. Надо мной – небо. Синее. Значит, уже день. Я жив. И цел.

Или – нет? Тела я не чувствую. Но голова работает четко. Мысли не путаются.

Что ж получается? Я полсуток провалялся в снегу? Переохлаждение стопу-дово. Небось и обморозился? Моя боевая экипировка – не спальник из гагачьего пуха.

Пробую пошевелить пальцами. Ноль реакции. Открыть-закрыть рот тоже не получается. И говорить. Нечем. Повинуются только глаза. Могу мигнуть, подвигать влево-вправо глазными яблоками. В памяти тут же всплыла подсказка: типичные симптомы перелома позвоночника.

Усилим воли я давлу приступ паники. Это холод. Я просто замерз, окоченел. Шутка ли – столько времени в снегу пролежать. По сравнению с переломом позвоночника обморожение – пустяк.

Я вижу, живу, дышу. Это уже кое-что. И тут же – сомнение: дышу ли? Ведь я ни хрена не чувствую. Нет, дышу точно. Без воздуха человек умирает, а я живой и мыслю ясно. Следовательно, кислорода мозгу хватает. А что у нас с обонянием? Ничего. Ноль. А слух? Тоже ничего. Стоп. Так не бывает. Даже если уши заткнуть, всё равно что-то слышишь... Нет, ничего. Ладно. Значит, бывает и так. Воспользуемся глазами. Скосить вправо – снег. Слева тоже снег. Ну да, я же в сугробе. А прямо надо мной – кусок удивительно синего неба и...

Черт!

Это была гора. А видел ее не всю, только верхнюю часть. И она впечатляла. Сразу становилось понятно, что – это здоровенная гора. Я из своей снежной дырки мог видеть только часть ее. Верхнюю. Черные угловатые склоны и острый, немного изогнутый белый пик.

Что-то знакомое... Не вспомнить. Но одно я знал совершенно точно. На территории будущей Ленинградской области ничего подобного быть не могло...

И как только я это осознал, мое брэнное парализованное тело воспарило и стремительно понеслось в еще более стремительно темнеющее небо. А потом полет сменился не менее стремительным падением во мрак...

И закончился тоже во мраке.

И я опять не мог пошевелить ни рукой, ни ногой, но зато теперь у меня были руки и ноги! Я их ощущал. Мне было больно! Как это здорово! Боль!

Радость моя была невыразима. Вернее, выразилась в невнятном мычании, потому что во рту у меня была какая-то твердая хрень со вкусом деревяшки. О да! Я ощущал вкус. И запах. Вернее, вонь, в которой преобладал оттенок прогорклого жира и копоти.

Я попытался поднять руку...

Не получилось. Зато я осознал, что лежу на чем-то мягком и вполне могу управлять собственной шеей. Правда, поворот головы ничего нового не дал. Ну, кроме того, что я смог ее повернуть.

Я попытался перевернуться набок... Неудачно.

И тут до меня дошло: я же связан! А та штуковина, которая мешает мне закрыть рот, – это же кляп!

Вот теперь я испугался по-настоящему. Потому что наконец-то включилась обычная логика, и я понял простую вещь: моя крепость пала. А сам я жив и в

плену у врага.

Я стиснул зубами деревяшку. Нет, перекусить ее мне не удастся. Да и что это мне даст? Какой смысл орать, если крепость захвачена?

Стоп! Но если крепость захвачена, зачем тогда враги заткнули мне рот? Связали – да, понятно. А рот зачем? Помешать мне произнести какое-нибудь предсмертное проклятие? Сомнительно.

Ладно. Рано или поздно меня навестят. И моя скорбная участь прояснится. А пока не худо бы протестировать организм.

Организм оказался в относительном порядке. Где-то что-то болело, но не критично. Мышцы напрягались и расслаблялись, как положено. Кости проворачивались в суставах. Ну, насколько позволяли мои узы. Наблюдались некоторые неудобства. Допустим, было бы неплохо отлить. Но в собственной боеспособности я мог не сомневаться. Если меня развяжут и дадут оружие, то, скорее всего, в грязь лицом ударю не я, а мой противник. Но, боюсь, личное мужество мне придется доказывать по-плохому, то есть не на поле боя, а на пыточном столбе. Ну что ж... Бывало и похуже. Опять-таки я человек не бедный, а господа викинги вряд ли ненавидят меня настолько, что откажутся от денег. А их должно хватить не только на мой, но еще на добрых полсотни выкупов. Вот именно в такие моменты и понимаешь: деньги – это свобода.

Эк я, однако, размечтался.

Но – полегчало.

Теперь – ждем.

Глава 9 Pater noster, qui es in caelis...

Ожидание не затянулось. Прошуршала дверная завеса, мелькнула серая тень.

Я напрягся.

И зря.

– Милый, милый, милый... – шершавая ладошка на моем лбу. – Матушка Мокошь, верни мне моего мужа! Патер ностер, кви эс ин челис...

Я офигел. «Отче наш» на латыни из уст моей любимой поразил меня едва ли не больше, чем деревья во рту.

– Развяжи меня! – потребовал я.

С палкой во рту получилось – не очень. Большие проблемы с дикцией.

Но смысл дошел. Зарёнка пискнула радостно, и через мгновение я обрел способность говорить. Частично. Но девочка у меня сообразительная. Сразу же поднесла мне чашку с теплым молоком. Даже голову мою приподняла заботливо. Напоила и быстренько распустила узлы на ремнях. Что ж, во всяком случае, связали меня грамотно: ничего не затекло. Вот только зачем? Я в плену у свеев?

– Да нет же! – радостно засмеялась Заря. – Всё хорошо, любимый! Мы отбились!

И поведала мне то, что я пропустил.

В общем, нам повезло. Ворота оказались крепче, чем «крыша» над свеями, которые их ломали. Когда очередная колода проломила эту самую «крышу» и внутрь посыпались горящие угли, приправленные горячей же смолой, свеи вынуждены были отступить.

Вернее, бежать со всех ног, потому что наши стрелки щелкали тетивами, а

не клювами.

Атака с тыла тоже потерпела фиаско. Основную группу мы выбили, а тех, кто всё же успел перебраться через стену, оказалось совсем немного. И побили их даже не мои бойцы, а мирные жители. Ну не то чтобы побили, но, скажем так, обнаружили и связали боем, пока не подросли мои бойцы. Так-то с шестью свейскими хирдманами в условиях «городского» боя и сотне кирьялов не совладать.

А еще у нас обнаружилась «пятая колонна».

Семеро свейских вдов решили выступить на стороне своих соплеменников.

Пятерых вдовиц порешили кирьялы прямо на месте. Двоих повязали мои воины и до суда сунули в погреб. Решить их участь предстояло уже мне.

По мнению Зари, предательниц следовало раздеть, выпороть и бросить в лесу. Волкам. По ее словам, именно так поступали варяги с плохими женщинами.

Рассказывала мне всё это Зарёнка очень эмоционально. Причем эмоции ее совершенно не касались преступниц, а были направлены исключительно на мою персону, и выражались не только словесно, но и телесно, то есть Заря скинула одежду и забралась ко мне под одеяло.

Нет, ничего страстного. Только тепло и нежность. И безмерная радость, что я не помер и не сбрендил.

А мог бы, потому что падение со стены на каменистый склон – это не шутка. Я ведь сначала свалился с порядочной высоты, а потом катился практически до самого берега. И то, что я ничего не сломал и не отбил, за это спасибо моим доспехам и, наверное, Белому Волку, который поспособствовал тому, что моя тушка упала правильно, а не как мешок с брюквой. Ну, наверное. Последнее, что я помнил: это как сломался мой меч для левой руки.

В снегу я лежал недолго. Вифиль видел мое падение и, как только наши разобрались со свеями, они быстренько нашли своего ярла и оказали ему сильную помощь.

А вот сам ярл, как оказалось, повел себя весьма странно. Несмотря на отсутствие серьезных повреждений, в сознание не пришел, а, будучи в состоянии бессознательном, вдруг стал биться и метаться, издавая невнятные вопли и пуская слюни не хуже профессионального берсерка или ульфхеднара.

По распоряжению отца Бернара меня быстренько зафиксировали и сунули в зубы крепкую деревяху.

Монах сообщил окружающим, что я, видимо, солидно приложился башкой о твердое, душа моя грешная ослабла, и теперь ее терзают бесы. И пока процесс не прекратится, развязывать меня нельзя.

Не знаю, приняли ли наши язычники идею с бесами, но поскольку авторитет в области медицины у нашего лекаря был весьма высок, спорить с ним не стали и занялись более насущными проблемами. Равно как и сам лекарь, который велел Зарёнке сидеть со мной и читать единственную известную ей молитву, а сам ушел пользоваться других раненых.

Заря предписание выполняла ревностно, позволяя себе лишь небольшие перерывы на еду и прочие телесные надобности. А поскольку латинянская молитва радикального действия не оказала, то где-то через сутки моя девушка решила дополнительно воззвать к более привычным защитникам.

Уж не знаю, кто из них мне помог, но сейчас чувствовал я себя относитель-

но неплохо. Настолько неплохо, что даже начал правильно реагировать на близость юной красавицы. Которая, однако, решительно отказала мне в близости.

И более того, при первых же поползновениях с моей стороны выскользнула из-под одеяла и заявила, что сначала меня должен осмотреть медик. А потом, даже в случае положительного отзыва, мне следует не сексом заниматься, а сначала пожрать, а потом вернуть в свои руки бразды правления. Ибо Гуннар, конечно, правильный лидер, но ярл – я. И Заря, как моя жена, просто обязана мне это напомнить.

М-да. Нелегкая это участь – быть правителем. Но кто посмеет сказать, что я не справляюсь?

И кто бы мне еще сказал, что это за сны такие дурацкие ко мне приходят? А главное – зачем?

Глава 10, в которой Ульф-ярл готовит сложную тактическую операцию

Сигстейн-ярл ушел к кирьяльскому селению.

Вернее, отошел, потому что бойцов у него было всё еще намного больше, чем у нас. Не меньше сотни. При прямом столкновении хирдманы Сигстейна размазали бы нас по снегу ровным слоем фарша. Наверное, свеи бы и крепость смогли взять, если бы атаковали, не считаясь с потерями.

Но подобное отношение – не в традициях викингов.

– Сигстейн уже положил половину хирда, – ухмыляясь, заявил Тьёдар Певец. – Если он еще раз уполовинит своих бойцов, кто тогда станет звать его ярлом?

Логично. Воины – главная ценность здешних вождей. После удачи. Хотя удача – важнее. Потому что если удача покидает вождя, то воинов у него вскоре не остается. Кто не помрет, тот сбежит. Или сам займет перспективное место лидера. Поэтому ни один скандинавский вождь не бросит своих в слепую атаку и не станет заваливать противника трупами соратников. Каждый хирдман – на вес если не золота, то уж серебра точно. Хирдман – это ведь не только выучка и опыт. Это продукт жесточайшего отбора. Далекое не каждый из дренгов доживает до звания хускарла. И далеко не каждый хускарл способен пройти сквозь кровавую молотилку виков и стать хольдом. А затем – вождем-хёвдингом.

А ведь Сигстейн-ярл потерял не только молодняк. Пострадала и его элита. Это, черт возьми, обидно, когда гибнут воины, прошедшие через десятки настоящих сражений, не говоря уже о сотнях мелких стычек. Причем обидно и больно не столько самим погибшим (им легче, они сразу в Валхаллу), а их друзьям-соратникам. Только серьезная добыча может облегчить викингу боль от гибели товарищей. Возьми Сигстейн-ярл нашу крепость, никто не усомнился бы в его удаче. Конечно, самое дорогое забрал с собой мой братец, но ценного имущества у нас оставалось выше крыши. Свейский ярл скорее всего был не в курсе нашего истинного благосостояния, но рассчитывал на серьезную добычу. Он точно знал, что мы несколько месяцев «играли в таможду». И знал, что нам досталась казна прежнего держателя крепости. И даже об имуществе ярла Бьёрна Красное Копье, которое мы приобрели с помощью всё того же железного эквивалента, Сигстейн тоже мог быть осведомлен.

Уверен, что мысль обо всей этой здоровенной куче добра наверняка грела

сердца Сигстейна и его воинов, когда ярл принял поручение своего конунга и двинулся нас изничтожать. Я уже достаточно хорошо изучил скандинавов, чтобы понимать, что ими движет. Мечь, честь и корысть. Причем корысть – на первом месте, если речь не идет о мести кровной. Без этих стимулов ни один викинг задницу от скамьи не оторвет. Причем мои – такие же. Даже с мешком золота за плечами не погнушаются отнять у слабейшего пару серебряшек.

Так что я примерно представляю, что сейчас творится в поредевшем отряде Сигстейна. Гнев, разочарование, упадок дисциплины. Свеям навалили, причем забесплатно. И это очень солидно долбануло по авторитету их вождя.

А уж если добавить то, что сообщили мои разведчики, а именно – про аристократические замашки ярла, вроде привычки почивать в личном шатре, то можно было надеяться, что опасная щель между лидером и его подчиненными вырастет в настоящую пропасть.

Нет, отступил ярл правильно. Крыша над головой – это неплохо. Особенно зимой. Однако жрать хочется и в тепле, а склады и амбары в кирьяльском селении пусты. Жители успели вывезти все сколько-нибудь ценное или съедобное.

Так что свеям остается только охота и рыболовство. Ну можно, конечно, по огородам пошариться: вдруг под снегом сыщется забытая брюква?

Та еще перспективка для прирожденных победителей.

Вывод? Рассиживаться на месте они не станут. Залижут раны, отдохнут и предпримут новую попытку.

Надо это мне? Нет! Следовательно, пядь железа им в печень, а не полноценный отдых и спокойный сон.

Я кликнул подвернувшегося под руку дренга, коим оказался Мёрд Куница, и велел собрать старших на совет.

Собственно, советом это только называлось. Я уже всё решил единолично. Осталось лишь поставить в известность всех участников будущего мероприятия.

Я поглядел на Сохроя.

В отличие от моих, которые сияли, как бронзовый шлем новобранца в летнее утро, кирьяльский староста был грустен. Если из моих бойцов ни один даже серьезного ранения не получил, то кирьялов в заварухе полегло немало. Что ж, это война. Жертвы были и будут.

– Сколько хороших стрелков у тебя осталось, Сохрой?

– Четыре десятка наберу, – без энтузиазма ответил староста.

– Пусть готовятся, – распорядился я. – Как только стемнеет, отправь их к селению.

Староста набычился. Явно собрался возразить, но я ему не дал:

– В бой не лезть! Только беспокоить. Стрельнули через ограду – спрятались. Если наружу полезут – сразу бегите. Не получится стрельнуть, пусть просто кричат. Хоть камнями кидайтесь, но спать свеи не должны, пока не зайдет луна!

Сохрой кивнул. Этот вариант его устраивал. Ну и ладушки.

Луна по моим прикидкам зайдет часа в три ночи.

И тогда я дам свеям передышку. Примерно на час. Чтоб расслабились и

разобрались по койкам.

А потом ими займемся уже мы. И по-взрослому.

Такой вот незамысловатый план.

Не будь я уверен, что свейское воинство порядком деморализовано, я бы не стал рисковать. Это большая оплошность: считать противника глупее себя. Но тяжелый бой, полученные раны, уменьшенный паек и пошатнувшаяся вера в лидера должны сработать. Поубавить викингам хитрости и бдительности. Ну а если окажется, что я не прав, то всегда можно отступить. Рисковать своими хирдманами я уж точно не стану. Если у Сигстейна всё же хватит авторитета и сил, то это проявится сразу, во время беспокоящих атак кирьялов. Их мне, конечно, жалко, но свои – дороже.

Впрочем, Сохрой тоже не дурак. Лезть на рожон не станет. А вот насколько свеи бодры, установить будет можно.

Пока я разбирался с Сохроем, в моих собственных рядах образовалась оппозиция.

– Может, не стоит тебе самому к свеям лезть? – громогласно усомнился Гуннар. – Ты же, ярл, только на ноги встал. Давай лучше я.

И поглядел на отца Бернара, ожидая поддержки.

Не получил. Монах осмотрел меня сразу после того, как я очнулся, и не нашел ни признаков сотрясения мозга, ни иных повреждений. Ушибы и ссадины к последним не относились.

– Стоит, Гагара! Но спасибо за заботу.

На этот раз я намерен провести операцию сам. А он останется на хозяйстве.

– Со мной пойдут Стюрмир, Витмид, Тьёдар, Мёрд, Лут Ручица, Бури, Виги и братья Крумисоны.

Братья во время штурма показали себя неплохо. При зачистке каждый из них положил по свею. Не поглядели, что те соплеменники.

Хотя кто их знает, эти скандинавские национальные отношения? Вон взять сконцев и их соседей сёлундцев. И те и другие формально – даны, но если что-то и может помешать им резать друг друга, то не эта «формальность», а возможный гнев Рагнара-конунга, недавно подгрёбшего территорию Сконе под свою волосатую задницу.

Мои дренги Лут и Мёрд при штурме не оплошали, так что их я тоже возьму. Посмотрим, как покажут себя в ночном бою.

Особая статья – стрелки. Кажется, ночью в темноте от них проку немного. Но не от этой парочки. Бури, как мне кажется, бил бы без промаха и в абсолютной темноте. И Вихорёк в последнее время наловчился лупить на звук с отменной точностью. Бури сказал, что у моего сына развито чувство направления. Мол, когда открывается такая фишка, то глаза уже не нужны, потому что стрелой управляет воля стрелка.

Звучало неубедительно, с точки зрения законов физики, но поскольку физический урон от «волевых» стрел несколько не уступал обычным попаданиям, я объяснение принял и порадовался. Стрелки – страшная сила. Я бы даже сказал – главная. Неудавшийся штурм тому доказательство. И замечательный поединок Гуннара, Вихорька и Сёлви против Хейтира хёвдинга и семерки его бойцов. Когда я слушал эту историю, то буквально за горло себя держал, чтоб не высказаться по поводу такой авантюры. То, что Вихорёк и Гуннар выжили, иначе как чудом не назовешь.

Но, во-первых, победителей не судят, а во-вторых, мой сын проявил нешуточную храбрость, что однозначно требовало похвалы, а не порицания. И еще это очередное наглядное доказательство того, что такое хороший лук в умелых руках. Особенно если его использовать против тех, кто лучников традиционно недооценивает.

Так что Бури и Вихорёк – точно со мной. А вот Вифиля и Оспака я решил оставить Гуннару.

И Кёля Длинного, который ухитрился вывихнуть ступню, свалившись со стены.

Зарю я тоже не взял. И в качестве компенсации мне пришлось потратить еще часа два, доказывая, как я ее люблю. Опять-таки и сам я убедился, что мой организм в порядке, поскольку к постельному марафону он отнесся вполне позитивно.

Правда, после него я уснул и проспал до полуночи, пропустив суд, который свершил Гуннар над вдовами-предательницами.

Одну из них Гуннар казнил. Собственноручно. А вторую отпустил. Вообще без последствий. За подсудимую вступилась Гуннарова жена Гуда. Определенно, женитьба существенно снизила кровожадность моего хольда.

Конечно, сыграло роль и то, что помилованная никого не успела убить, потому у пострадавших от вдовьего предательства кирьялов личных претензий к женщине не было.

Разобрались, и ладушки. У меня были дела поважнее. «Полопали и потопали», как говаривала моя бабушка.

Глава 11 Смерть во тьме

Когда мы подошли к селению, кирьялы уже отступили. Свою задачу они выполнили. В минимальном формате. Никого не убили, но и сами все остались целы. Мои опасения по поводу засады оказались излишними. Свеям было не до военных хитростей. Они заняли два больших дома и, по словам старосты, время провели насыщено: весь вечер ругались и ссорились. Но железо не звенело, так что до настоящей драки дело не дошло. И, судя по запаху жареного мяса, вытекавшего из продухов вместе с дымом, какая-то жратва у них еще оставалась.

Свеи продолжали ругаться и после захода солнца, а когда наконец утомнились, за дело принялись мои кирьялы. Часть из них перелезла через частокол, который никем не охранялся, и немного постреляла по окнам. Когда же свеи решили сделать вылазку, лесовики поступили разумно: сразу удрали.

После этого демарша свеи наконец-то вспомнили, что они на войне, и выставили дозорных. Коим лесовики старательно докучали всё остальное время: стреляли, шумели, делали вид, что собираются проникнуть внутрь ограды.

Что ж, мои не платящие дани подданные сделали свое дело. Теперь наша очередь.

Силуэты на фоне звезд...

Мне их практически не различить, но у моих лучников ночное зрение лучше. Две стрелы сорвались с тетив одновременно. Минус два.

Живая «пирамида», и я, как самый легкий, первым оказываюсь на той сто-

роне. Замираю. Жду, когда «переправятся» остальные.

Всё.

Бури и Вихорёк остаются на стене. Наша снайперская поддержка. На острия частокола наброшены веревки, спущенные внутрь. Наш путь к отступлению.

Стюрмир и Витмид обухами топоров вбивают распоры, заклинившие вратный засов. Теперь быстро скинуть его не получится. Удары почти не слышны. Подложенный войлок скрадывает звук.

Мы выдвигается к домам, занятым свеями.

Их дворы, считай, рядом. У главного, того, который в свое время занимали мы сами, ограда приличная. И ворота тоже.

Вокруг второго забор чисто символический. Чтоб скотина не разбегалась.

Была у меня мысль повторить то, что сделал когда-то хёвдинг Хальфдана Черного со злыми берсерками: заклинить двери и поджечь дома.

Но я эту мысль отбросил. Не та у здешних изб конструкция. Да и имущество портить не хотелось.

И не получилось бы, потому что двери оказались сняты. Вместо них, полетному – завесы из кожи. Также понятно. Хоть какая-то вентиляция.

И нам опять-таки проще.

Задача бойцам поставлена.

Витмид, Стюрмир, Тьёдар и Лут Ручища вламываются в дом поменьше, а мы с братьями Крумисонами и вьюношем Мёрдом кошмарим основное строение. Дренга оставляю караулить ворота. Чтоб под раздачу не попал. Да и не хотелось бы, чтоб нас во дворе заперли.

План действий прост, как пинок под зад. Врываемся и рубим всё, что шевелится или собирается шевелиться. Рубим ровно минуту. Потом, по моему сигналу, быстро сваливаем со двора и бежим к стене. Улица тут более-менее прямая, так что снайперская группа нас прикроет от самых проворных свеев.

Это, так сказать, первый акт нашего балета.

Мной запланирован еще и второй. Но пока – гипотетически. Это зависит от того, как «зрители» примут первый.

Во двор мы проникли без помех: Мёрд перемахнул через забор и вынул засов.

Я договорился с Витмидом, что они начнут, как только досчитают до ста. Думаю, нам этого времени тоже хватит.

Крадемся вдоль сарая к дому. Снежок под ногами здесь уже не так бел, как снаружи. От стены сарая воняет мочой. Свеи уже успели превратить двор в один большой сортир.

Вход в дом прикрыт кожаным пологом.

Раз, два... Пошли!

Я отбрасываю завесу и ныряю в вонючую тьму. Видимость – ноль. Однако по слуху вполне можно ориентироваться. Кто-то храпит, кто-то стонет...

Свеи лежат вповалку на полу и на лавках. На лавках, скорее всего, раненные. Места ближе ко входу – козырные. Тут воздух посвежее. Правда, и попроще.

Ближайших я не трогаю. Ими займутся Крумисоны. Их задача: не дать заблокировать выход. Мёрд – на подхвате. Снаружи. Если кто-то полезет через продух, парень даст знать.

Всё остальное сделаю я. Но не сразу. Сначала – тихое проникновение. То есть иду в глубину дома, никого не трогая. Просто иду к печке, перешагивая через тела.

Здесь, у печки, вообще элитное место. Очень надеюсь, что именно здесь расположился свейский ярл.

Задеваю кого-то ногой. Недовольное ворчание. А вот у меня за спиной кто-то встал. Но это не тревога. Это мужику приспичило. Неудачно получилось. До печки я еще не дошел и уже не дойду. Придется начинать прямо сейчас.

Ну, понеслась!

Я втыкаю оба клинка в мягкие, не защищенные ничем, кроме одеял, тушки.

Выдергиваю и повторяю операцию, но уже с другими неудачниками.

Ориентироваться легко. Откуда сопение, там и голова.

На третьей паре становится сложнее. Двое уже вопят, причем очень характерно. Сразу всем понятно, что их убивают.

Вокруг меня вскакивают и мечутся swei. Я хлещу клинками во все стороны и с максимальной скоростью рвусь к выходу. Я не берсерк. Случайное попадание – и я труп.

У входа меня едва не зажали. Не специально. Просто большая часть sweeв инстинктивно ломанулась к выходу.

И на пути у них встали братья Крумисоны, перекрыв проход щитами.

Понятно, что у этих щитов тут же образовалась давка.

За моей спиной вспыхнул огонь. Кто-то поджег факел от печных углей.

У меня секунда, чтобы вырваться.

Толчок, удар... Я вспрыгиваю на содрогающееся в агонии тело, ору что есть мочи:

– Это я! Я! Ульф!!!

Крумисоны, сориентировавшись, делают шаг вперед, внутрь помещения, и разводят щиты, создавая мне щелку, в которую я и вкручиваюсь, не забыв на развороте хлестнуть тех, кто пёр за мной.

– Отходим!!!

Мы втроем срываемся с места.

Втроем! Мёрд Красная Шапочка остался в воротах. Не иначе, решил в одиночку прикрыть нас от серых свейских волков.

Когда я услышал за спиной лязг стали и обернулся, было уже поздно.

Первого swea Мёрд зарубил, а вот второй сумел уклониться и хватанул моего дренга секирой по руке. А третий всадил тесак в живот. А потом четвертый swei швырнул нам вдогонку факел, и еще один метнул копье. Оно ударило в щит Траусти Крумисона, висевший у того на спине, и в нем застряло.

Траусти бросило вперед, но на ногах он удержался, сбросил щит и понесся еще быстрее. До стены оставалось всего ничего. Наши из команды Витмида уже карабкались вверх.

А я вот приотстал и ухватился за веревку последним, уже чувствуя копейное железко между лопатками...

Но взбежать по стене мне не дали: могучим рывком вздернули вверх. Я встал рядом со Стюрмиром (это он мне помог), глянул назад – и понял, почему swei не смогли до меня добраться.

Потому что попрятались. Мои снайперы били с винтовочной скоростью. И даже не на слух, потому что пространство перед стеной очень удачно подсвечивал брошенный мне вслед и воткнувшийся черенком в снег факел.

– Уходим! – крикнул я и первым сиганул со стены наружу, в сугроб.

– Уходим!!! – Я сунул ноги в ремни первых попавшихся лыж и припустил вдоль стены по нашей старой лыжне. Ну, понятно, что первым я не был. Но на этот раз и не последним. Сразу за мной Вихорёк, а за ним Бури.

Обогнув селение, мы побежали к лесу. Я попытался сосчитать, сколько людей впереди, но не получилось. Темно.

Ладно. Кто не успел, того уже не вернуть. На стене точно никто не остался.

На опушке я остановился и оглянулся.

Не увидел ничего, кроме смутных очертаний поселковой стены.

– Погони нет, – немедленно сообщил мне Вихорёк, тоже остановившийся.

Я наконец-то пересчитал людей. Восемь человек, не считая меня. Одного не хватает. Мёрда. И это моя вина. Надо было вбить парню в голову, чтоб не геройствовал.

Но swei мне за него ответят.

– Погони нет, – согласился я.

Это объяснимо. Я бы тоже на месте sweev гнаться за нами не стал. Фора у нас приличная, так что к острову своему мы всяко успеем раньше.

– Погони нет. А время до рассвета есть. Веревки все забрали?

– Все, – доложил хозяйственный Стюмир.

– Это хорошо. Они нам скоро пригодятся.

Глава 12

Смерть во тьме (продолжение)

Я рассуждал так: что бы сделали нормальные викинги после такого свершения, пусть и не принесшего добычи, но уж точно славного?

Отправились бы домой пить пиво и рассказывать о собственных подвигах.

Однако будь я на месте sweйского ярла, я непременно отправил бы кого-нибудь проверить, действительно ли мы ушли. Кого-нибудь с хорошим ночным зрением и развитыми навыками разведчика. Просто на всякий случай.

Один разведчик – это не проблема. У меня в отряде тоже есть «совы», и уверен, они такого разведчика засекут.

А если разведчика не будет, что тогда?

Тут возможны варианты.

Наилучший: sweйский лидер решил, что этой ночью можно спать спокойно.

Менее удачный: Сигстейн-ярл решил поставить капкан на охотника. В который мы и попадемся, если нападём снова.

В аналогичную засаду как раз и угодили Гуннар и Сельви.

Сельви это стоило жизни, однако sweям военная хитрость обошлась намного дороже.

Как поступит ярл сейчас? Кто его знает. Но я рискну. Моя интуиция говорит: делай.

Или это не интуиция, а желание отомстить за Мёрда Красную Шапочку?

Ну, поглядим.

Спустя примерно два часа мы опять подобралась к деревенской стеночке. Часовых не обнаружилось.

– Засада? – едва шевеля губами, поинтересовался Витмид, когда мы уже забрались на стену.

Умный, собака. Почти как я.

Слишком умный для среднестатистического дана. Хотя дан ли он? Надо будет потом уточнить.

– Сходи проверь, – полупопросил-полуприказал я.

Витмид бесшумно скользнул вниз и тут же потерялся во мраке.

Рядом со мной присел Бури. Лук его в налуче. Это успокаивает. У азиата слух – как у летучей мыши. В обоих смыслах.

Витмид отсутствовал недолго.

– Спят, – сообщил он. – Мертвецов сложили перед большим домом. Их много, мертвецов. Десятка три – за одного нашего. Удачлив ты, ярл!

Это да. Особенно, когда припрет.

Я задумался. Повторить то, что мы уже провернули, понадеявшись на беспечность свеев? Завалить еще два десятка – и считай, Сигстейн-ярл уже две трети хирда потерял. А если это всё-таки засада?

– В домах тихо? – уточнил я.

– Ага. Ни звука. И дозорных нет. Что скажешь, ярл?

И хочется и колется. Если мы убьем еще десятков, то получится, что Сигстейн-ярл положил уже две трети хирда. Причем за просто так. Я слышал: вожди переставали быть вождями и за меньшее.

Но что-то смущает...

Надо самому глянуть, а то как-то беспокойно.

Сам-то сам, но ко мне, по собственной инициативе, присоединились Витмид с Тьёдаром.

Действительно, всё тихо. На первый взгляд.

Я осторожно просочился во двор. Благо, затворить ворота никто не потрудились. Темно и тихо. И мертвецы. Здоровая куча. Да тут не три, а все четыре десятка. Неужели мы столько успели побить? Это ж какие мы крутые парни, оказывается!

От покойничков пованивало. Не мертвечиной, для этого рановато. Морозец хоть и несильный, но всё же минус. Недавней насильственной смертью.

Далеко от ворот я отходить не стал. Присел у забора и прислушался. Ну да. Тихо. Относительно. В доме кто-то стонет. Больно бедолаге. Ну что ж поделаешь. Его сюда никто не звал. Как говорится, с чем к нам придешь, с тем и...

Нет, что-то мне стрёмно. Чуйка свербит. Что-то не так в здешней картине мира, нашептывает мне подсознание. Что-то не так. Что?

Ворота не заперты? Нет, этого недостаточно. Наоборот, если бы засада, их стоило бы прикрыть. А так все вроде на виду. Мертвецы, сарай... А там, подалее, вход в дом. Мне отсюда не видно. Но вход точно есть. Дом... Что дом? В доме тихо. Но не слишком. Можно уловить и похрапывание, и стоны. Умаялись и спят? Если бы ругались, было бы лучше? Вряд ли. Спят. Это же хорошо для наших целей. Что же мне не нравится?

А мне не нравится определенно. Чувство неправильности никуда не подевалось. Моя чуйка дергала изнутри всё сильнее: валил бы ты отсюда, хозяин!

Эх! Мне бы сейчас то зельецо, которым меня когда-то попотчевал папаша

Быськи и Квашака. То, что резко обостряет ночное зрение. Жаль, что папаша помер, не поделившись с детьми секретом средневековой алхимии.

Что это? Скрип? Еле-еле слышный, однако мой подстегнутый беспокойством слух его засек. Был бы ветер, тогда понятно. Но ветра нет. Что скрипнуло? Двери сарая? Возможно. Звук – оттуда.

Всё-таки засада.

В уме тут же выстроилась схема: группа в сарае. Еще одна – где-то снаружи, чтобы вовремя закрыть ворота. И крысоловка захлопнется.

Надо бы как-то дать знать Витмиду и Тьёдару. Та группа, которая снаружи, может оказаться у них за спиной.

Но хирдманам всё равно проще. Они снаружи, а я уже внутри. Можно сказать: одной ногой уже в мышеловке.

Заметили ли они меня? Ну, если я прав и это засада, то наверняка.

Вопрос: нападут ли? Или не станут выдавать себя из-за одной-единственной мышки? Понадеются, что я приведу остальных?

Я очень осторожно попятился к воротам. Да, я ничего не видел. Но слух у меня обострился – почти до уровня среднестатистического викинга.

Шажок, еще шажок...

Тени метнулись ко мне, откуда не ожидал. Не от сарая, а от штабеля мертвецов.

Вот блин! Оказывается, далеко не все мертвецы – мертвецы!

И со стороны ворот тоже бежали. И это были не Витмид с Тьёдаром. Свеи.

Я попался!

Но пока еще не совсем. Мир заискрился и даже как-то посветлел. Мой Волк метнулся светлой тенью и одним высоким прыжком перемахнул через двухметровый забор.

Я следом. Пять прыжков – и я у забора. И тотчас присел, пропуская над собой копьё, с хрустом воткнувшееся в промороженное дерево.

Присел – и сразу подпрыгнул по-звериному, ухватился рукой за край частокола, толкнулся (копье послужило ступенькой) и оказался снаружи. Очень вовремя. Помедли я хоть полсекунды – и еще два копьё пригвоздили бы меня к ограде.

Витмида и Тьёдара снаружи не оказалось. А мне сейчас как-то не до них. Из ворот выскочило не меньше дюжины свеев.

И еще столько же, причем часть – с факелами, вопя, неслись ко мне по заснеженной улице. И явно не для того, чтобы пожелать мне доброй ночи.

А что особенно обидно: эта вторая дюжина отрезала мне путь к отступлению.

Времени на раздумья не было. Да оно и не понадобилось. Мой Волк махнул через очередной забор. Я за ним, потом галопом по сугробам через чей-то огород, снова через забор и в узенькую щель между двумя бревенчатыми стенами. Оп! Выскочив из щели, я оказался на той самой площади, с которой только что сбежал.

Причем как-то сразу – в гуще врагов.

Сюрприз для меня. И такой же – для них. Страх – ноль. Чего бояться, если мой Волк со мной. Вдоводел рисует красивые кривые, три тела валяются на снег – и путь свободен.

Я вижу стену и моих людей наверху.

А еще – с десяток свеев, прикрывшихся щитами у ворот. И еще одну группу – с копьями наготове. Последние – под прикрытием какого-то сарая, так что со стены их не разглядеть. Зато свеям отлично виден я. И можно не сомневаться: их копья полетят, как только дистанция обеспечит гарантированное поражение цели. То есть меня. И сманеврировать уже не удастся, потому что улочка узкая и ни одной подходящей щелки.

Надежда только на скорость.

Я бросил меч в ножны и помчался так, как никогда раньше не бегал. Я не бежал – летел длинными прыжками.

И точно так же летел над заснеженной улочкой кирьяльского селения мой Волк.

Те, что у ворот, тоже меня увидели и устремились наперерез. Не так быстро, как я, но им и не надо. Чтобы отрезать меня от стены, им надо пробежать шагов двадцать, не больше.

А копья уже летели. Два – слишком рано, еще одно – слишком поздно, но остальные – в самый раз. Шесть копий, и уклониться от всех было невозможно. Одно-два я мог бы сбить щитом, если бы он у меня был. Но я шел на разведку, а не сражаться, поэтому щита у меня не было. Да он бы и не спас. С пяти метров среднестатистический викинг попадает копьем в бегущую лису. А я, даже сейчас, точно не быстрее. Зато гораздо крупнее.

Но как раз это и помогло мне выжить.

Потому что я превратился в лису.

Фигурально выражаясь.

То есть нырнул ничком на утоптаный почти до состояния льда снег и заскользил по нему на брюхе. Викинги же целили не в лису, а в человека, и потому все копья прошли надо мной. Даже седьмое, запоздавшее.

И я, человек-лиса по прозвищу Белый Волк, выкатился буквально под ноги тем, кто отрезал мне дорогу к стене.

Стояли они грамотно. Одна половина прикрывала щитами вторую половину.

А те, кого прикрывали, встретили меня во всеоружии. Но самую малость запоздали.

Психология.

Увидели, как я упал, и решили, что со мной – всё.

А вот и нет. Я прыгнул по-звериному. Как недавно прыгал через забор. Метнулся вперед и вверх, оказавшись между двух копий, толкнулся от них руками, будто от брусьев, и бросил свою тушку на щиты над головами свеев.

Скандинавы – сильные ребята. Удержали и копья и щиты. Рефлекс сработал.

Ну а я, оттолкнувшись, прыгнул с их щитов на стену. Как кошка.

Правда, у меня ни за что не получилось бы зацепиться за обледеневшие бревна. Но и не потребовалось. Стюмир с Тьёдаром, свесившись вниз, на лету ухватили меня за руки и вздернули на забороло.

А Бури прикрыл, подстрелив свея, вознамерившегося швырнуть в меня топор.

– Я знал, ярл, что ты вывернешься, – радостно заявил Витмид.

Но, по-моему, ему было немного стыдно, что они с Тьёдаром меня бросили.

Хотя не представляю, чем они могли бы мне помочь против нескольких де-

сятков врагов.

А потом мы дали деру. И на этот раз свеи за нами погнались, но гнались недолго.

Пока Бури не подстрелил самого прыткого.

И тогда они отстали.

На время.

Глава 13, в которой Ульф переоценил собственные силы

Светлое солнышко взошло и даже успело перевалить через зенит, когда весь свейский отряд, пусть изрядно поредевший, но по-прежнему внушительный, явился к нашему острову.

Нет, не штурмовать. Ратоборствовать. Вернее, единоборствовать.

То есть для разминки они поорали некоторое время на тему «выходи на честный бой, чтоб расстаться с головой», но исключительно для разогрева связок. Численность нашу они во время штурма наверняка прикинули, а интеллект оценили еще по дороге сюда, так что вряд ли рассчитывали, что мы выйдем всем нашим невеликим составом на лед, чтобы биться стенка на стенку.

Ответить на риторическое предложение взялся Гуннар. Он встал на стену и в художественной форме изложил, как именно он намерен пользоваться свейских неудачников и куда именно они должны его целовать в знак благодарности. И в качестве иллюстрации к сказанному продемонстрировал слушателям морозоустойчивую норегскую задницу.

Слушатели речь оценили и в свою очередь разразились воплями и угрозами. Оставаясь, впрочем, на приличной дистанции, что существенно снижало силу акустического удара.

Отыграв положенную увертюру, свеи перешли к первой части сегодняшней развлекательной программы: сделали нам ну очень заманчивое предложение: их боец против нашего бойца. Суть его: кто победит – тому и тапки.

То есть контроль над крепостью и всё, что к этому прилагается.

«А вот это уже любопытно», – подумал я.

Нет, не передача крепости победителю, а хольмганг как таковой. Потому что мне видится в нем отличная перспектива: прекрасная возможность отправить свеев по правильному маршруту. То есть отсюда и подалее.

А потому следующий этап переговоров я возьму на себя.

И никаких «боец против бойца». Будем решать вопрос радикально. Только лидеры, только хардкор.

– Я – Ульф Хвити, ярл этой земли! – проорал я, забравшись на стену. – Я владею этой землей по железному праву, и я всегда плачу железную цену! А ты, Сигстейн-ярл, осмелишься ли выйти и встать против меня или, как обычно, спрячешься за спинами настоящих воинов?

Это называется «сделать предложение, от которого нельзя отказаться».

Учитывая уровень авторитета Сигстейна после всех тех трепок, которые мы ему задали, выйти ему придется.

Или у его хирда появится новый ярл. Из «настоящих воинов».

– Я, Сигстейн-ярл, принимаю твой вызов!

Сработало. Как и ожидалось.

Ворота мы открывать не стали: я воспользовался веревкой.

Со мной спустились Стюрмир с Оспаком.

Не столько для защиты, сколько для солидности.

Настоящее мое прикрытие осталось на стене. Бури, Вихорёк, Заря и Тулб Огонек. Хотя, думаю, хватило бы и одного Бури.

С ярлом Сигстейном на место будущего хольмганга выдвинулись аж четверо.

Серьезные вояки. Я бы не отказался видеть таких на своей стороне.

Сигстейн-ярл тоже выглядел внушительно. А мне почему-то казалось, что он должен быть юнцом. Этаким представителем «золотой молодежи». Ну а кто еще отправится в боевой поход с персональным шатром? Только сопляк с недетскими понтами. С таким бы я разобрался в считанные секунды.

Но не с этим.

В Сигстейне-ярле с первого взгляда чувствовался настоящий герой. В его изучающем прищуре, в медвежьей грации... Ну да, той самой, которая превращает косолапого в самого опасного хищника животного мира.

Копье, щит, меч. Ах да! Еще секирка за поясом. Ну и бронька очень приличного вида.

А шлем – открытый. Что в сочетании с физиономией без единого шрама внушает уважение.

И всё же я надеялся управиться с ним без «открывания врат». Не то чтобы мои особые возможности представляли собой великую тайну, но зачем светить их лишний раз? Да еще перед публикой, которая после поединка заберет эту информацию с собой.

Конунг свеев – не тот человек, которого можно запугать всякими берсеркскими навыками. А об этом бое ему наверняка расскажут, причем с подробностями. Вот и не будем светить козырями. Их у меня итак дефицит.

Я копья не взял. Копьеметатель из меня – так себе. А вот второй меч на пояс повесил. Будет, что взять в руку, если щит развалится.

Условий окончания поединка не оговаривали. Равно как и правил замены поврежденного «оборудования».

Копье мой оппонент метнул с разбега. С приличной еще дистанции. Вероятно, ожидал, что я перехвачу и отправлю обратно. А он, в свою очередь, поймает и пошлет в мою тушку уже с по-настоящему опасной дистанции.

Но я поломал хитрый план, попросту уклонившись.

А потом мы сошлись.

На мою пробную атаку свей отреагировал как-то чересчур заполошенно.

Я удивился. Атаковал еще раз, понаглее.

Опять та же реакция. Он что, меня боится?

Как-то не укладывалось подобное в голове. Он же викинг. Вдобавок ярл. Этот сорт людей чувством страха не оснащен. Вместо него у таких жажда славы установлена.

Мою третью атаку ярл ловко принял на щит. Но опять не контратаковал.

Нет, он не боится. Ждет. Интересно чего?

Тут уж я насторожился.

И решил форсировать процесс: провел довольно красивую связку, которая должна была закончиться ранением правой руки противника.

Однако противник ранить себя не дал. Умело развалил комбинацию в самом начале...

И опять не контратаковал.

Я остановился.

Что за дела?

Нет, вокруг вроде ничего подозрительного. Спутники ярла в процесс вмешиваться не собираются. Остальные свеи – далеко.

В чем подвох?

Ну, выбора у меня особого нет. Буду зондировать оборону ярла и думать. Вернее, анализировать.

Выпад с подшагом.

Реакция Сигстейна – слишком быстрый уход. С запасом.

Еще разок. И опять ярл отреагировал с упреждением. То есть четко и эффективно. Но – неоптимально. Как будто мой клинок – на полметра длиннее. Или выпад быстрее.

О! Наконец-то сам ярл решил перейти к делу. Стремительная атака – и еще более стремительный отход, когда я сделал встречный «жест».

Не понимаю. Боец его уровня уже давно должен был меня оценить и перестать осторожничать. Я, конечно, классный фехтовальщик, но без Волка мой уровень вполне сравним с уровнем Сигстейна. Чего он опасается?

Моя атака – и он опять разорвал дистанцию.

– Не запыхался бегать? – поинтересовался я.

– А ты не устал меня дразнить? – рыкнул Сигстейн в ответ.

Дразнить?

Не понял. Но ладно. Я тоже умею бегать.

Еще одна атака – и на этот раз я не остановился. Действовал по максимуму. Ну, с учетом того, что на серьезный риск не шел. Сдерживало непонимание ситуации.

Сигстейн отбивался вполне уверенно. Пару раз очень эффектно сработал щитом. Но не допускал ни малейшего риска. Уходил, уклонялся. А ведь мог бы врезать в ответ. Я выделил по крайней мере три момента, которые свеи должен был бы развить. А он ограничивался обороной. Ну, в основном обороной. Хитрит? Ожидает, пока я раскроюсь?

Так и есть. Чуть меня не подловил. Вдруг будто взорвался: сфинтил клинком и одновременно долбанул щитом в щит со всей энергией тяжелой весовой категории.

Меня отнесло метра на три. Я устоял, но заскользил по утоптанному снегу, и коварный ярл тут же повторил прием. Вернее, сымитировал и на этот раз рубанул по моей ноге по-настоящему. Я парировал щитом и попытался достать свея Вдоводелом, но Сигстейн без проблем принял удар на щит, коим еще и засадил мне по локтю, одновременно цепляя мою ногу собственной.

Но здесь уже я оказался молодцом. Потому что, поняв, что всё равно не устоять, сам опрокинулся на спину и перекатом встал на ноги, изрядно противника удивив.

И выиграв нужные полсекунды.

Снова при своих.

Наверное, мне всё же стоило позвать Волка, а не надеяться обойтись без него. Может, зря я рискую?

Может, и зря.

Свеи будто проснулся. И он был хорош. Сам плел рисунок боя и навязывал

его мне. Вдобавок он был сильнее и быстрее.

Зато я – техничнее. И подловить меня снова ему никак не удавалось.

Однако он продолжал пробовать. Причем на высочайшем уровне. Том, когда успех определяется не скоростью и силой, а правильным стартом атаки.

Мы наворачивали круги, пытаясь добиться позиционного преимущества. И я даже начал получать удовольствие от этой игры, потому что люблю, когда поединок складывается умно, а не «кто кого пересилит-перехитрит».

Свей отработывал короткие связки и в ближний бой больше не лез. У него было небольшое дистанционное преимущество, и он его всю использовал. А еще мне нравилось, как он работал щитом. Прямо загляденье. Жестко атаковал краем и елманью в мой щит и в корпус, норовил ткнуть в лицо... А вот клинок Вдоводела встречал почти с нежностью, сводя удар в скольжение, причем по нужному ему вектору. Я несколько раз специально пробил именно по щиту в полную силу. И каждый раз свей превращал мой удар в безвредное поглаживание.

Мечом свей тоже работал неплохо, но именно что неплохо, а не виртуозно. Так что и я вполне успешно «вязал» его удары. Правда, моему щиту доставалось побольше. Я его и не жалел. Я вообще отбросил бы и взялся за второй меч. Но хотелось сменить оружие не просто так, а с каким-нибудь бонусом, хотя бы тактическим.

А потом я ошибся. Ну не то чтобы ошибся. Он атаковал, я отступил и... отступился.

Не упал, конечно. Просто на долю секунды потерял равновесие.

И Сигстейн второй раз сбил меня с ног. И опять – ударом щита. И тут же его ребром по ноге. Попал бы – вполне мог сломать голень. Однако я успел поджать ногу, и щит с размаху впилился в снег. И приколоть меня мечом у ярла тоже не получилось. Хотя он был близок.

Секунды три, пока мне не удалось удачно пнуть Сигстейна в щиколотку, я вертелся опрокинутым на спинку жуком и активно сучил лапками. За эти секунды ярл успел раза два поцарапать мне кольчугу и попортить рукав куртки. Ну и мы оба осознали: если так пойдет дальше, то мне кирдык. Сигстейн сильнее. И, что особенно важно, выносливее. Поэтому, когда я наконец-то сумел встать, на физиономии ярла уже сияла торжествующая улыбка.

Он больше не осторожничал. Бил с двух рук, снес мне край щита, задел шлем. Вскользь, но звук получился мощный. А еще он практически оттеснил меня в сугроб.

Как только он лишит меня маневра, всё закончится очень быстро. Мы оба это знали, когда я метнул свой щит ярлу в лицо. Сигстейн без труда уклонился и проскочить мимо себя не позволил. Второй клинок, к сожалению, не дал мне перевеса. Отчасти потому, что левая рука слушалась так себе. Прилетело щитом по локтю. Так что идея «связать» меч Сигстейна вторым клинком полностью провалилась. Блин! Не хотелось бы сдохнуть из-за собственной самонадеянности!

Еще один удар по шлему, от которого голова мотнулась, как у тряпичной куклы, победоносный рык свея...

И вот он. Наконец-то!

Мир вспыхнул и обрел дивную четкость. Счастье наполнило меня изнутри и хлынуло наружу.

Я рассмеялся и изящным полуповоротом разминулся с падающим клинком. И столь же легко ушел от удара щитом.

Трудно поверить, что мгновение назад ярл казался мне стремительным и непредсказуемым. Сейчас я совершенно точно знал, что он будет делать и как. Я мог запросто нарушить рисунок его атаки, но зачем? Куда проще оказаться вне ее.

Потерявший меня ярл взмахнул щитом, отражая предполагаемый удар, и закричал, когда Вдоводел прошел кольчужную сетку, меховой подкольчужник и правый бок ярла. Я выдернул меч, шагнул назад и поглядел свею в глаза. Мы оба знали, что он – не жилец.

– Это всё-таки был ты! – прохрипел ярл. – Там, в доме...

А потом кровь из пробитого легкого забулькала у него в горле, и наш поединок закончился.

Я не стал его добивать. Дал ему минуту, чтобы подготовиться к смерти. Ну и меч тоже забирать не стал. Сигстейн дрался честно. Более того, он предполагал, с кем будет сражаться. Потому и осторожничал поначалу. Делал поправку на моего Волка.

Что ж, если он видел меня в формате «открытых Врат», то должен был понимать, что у него никаких шансов. И всё-таки вышел.

Что ж, ты был храбрецом, Сигстейн-ярл. Жаль, что мы оказались по разные стороны. И спасибо тебе за то, что напомнил мне о разнице между Ульфом Черноголовым, очень хорошим, но отнюдь не элитным бойцом, и Ульфом Хвити, Белым Волком. Больше я такого риска не допущу.

Наверное...

Глава 14 Зимние развлечения

Трайн. Хёвдинг. Так он представился. Он теперь старший над свейским рейдом. И главный переговорщик с их стороны.

Нет, от обязательств по результату нашего с ярлом поединка Трайн не отказывался:

– Ты удачлив, Ульф Хвити! Я думал, Сигстейн-ярл тебя прикончит.

Я в ответ ухмыльнулся. Удача – атрибут вождя. И она покруче умения управляться с оружием. Потому что означает: на стороне везунчика играют высшие силы.

Ну, во всяком случае, Трайн так считал. Радует, что ни он, ни остальные swei не заметили моего перехода в суперрежим. Слишком долго их ярл со мной возился, а вот убил я его одним-единственным ударом. Чистая удача, с точки зрения стороннего наблюдателя. А раз моя удача «съела» удачу Сигстейн-ярла, то удачу Трайна она схавает с еще большей легкостью. Потому продолжать войну он не собирался.

Но уйти просто так тоже не мог. Свеем предстоял серьезный переход. У них было до хрена раненых и совсем мало провизии. Да и морозец, похоже, крепчал, так что ночевать в лесу и здоровому будет грустно, а для раненых – просто капец.

Так что первым делом Трайн, пусть с большим чувством собственного достоинства, но все же не потребовал, а *попросил* им помочь. Снабдить их провиантом, теплыми вещами и оборудованием для транспортировки. Не за так, понятное дело.

Я отреагировал позитивно, Мол, готов принять деньгами или натурой.

Мы немного поторговались, потому что ценник я сознательно загнал под облака, но в конце концов пришли к компромиссу.

Впрочем, прайс услуг по-прежнему оставался грабительским, и мы оба понимали: это не честная торговля, а выкуп с проигравшего.

Также Трайн и его команда принесли торжественную клятву, что не поднимут на нас оружие в течение трех лет. Гарантом клятвы выступал бог Тор.

Под это дело Трайн попытался выпросить у меня разрешение пожить немного в кирьяльском селении, но тут я отказал категорически. Ибо не фиг.

У свеев будет еда, меха для сугрева и шкуры для шатров, если случится метель, а она случится непременно.

Еще они получают десять волокуш из качественного материала и запас охотничьих стрел. А при таком обеспечении я не вижу проблем для зимнего перехода.

Трайн вынужден был согласиться. Не то чтобы его это обрадовало. Но куда деваться? Необходимость отдать за «зимние наборы» все наличное серебро и сверх того шесть кольчуг и три меча франкской работы тоже не привела свеев в восторг. Однако разошлись без эксцессов.

Недурно получилось. Мы в очередной раз избежали гибели. Более того, подняли неплохую добычу, которой я, не скупясь, поделился с кирьялами. Пусть прочувствуют разницу между свеями, которые гребут под себя, и щедрым мной.

В общем, день завершился неплохо. Пирушкой.

А потом Сохрой со своими отбыли на место постоянного проживания.

Мы же занялись текущим ремонтом и подготовкой к празднику. До Йоля, главного праздника Зимы, осталось всего ничего. А это ведь не просто набивание брюха и пьяные оргии. Это – священнодействие. Ну и много-много всяких развлечух – от перетягивания каната и катания на бревнах до вполне взрослых ритуальных поединков.

Это днем. Главное же – когда стемнеет.

Гигантские костры, отпугивающие всякую кровожадную нечисть, которая так и норовит просочиться через источившуюся грань между мирами.

Ритуальное колдовство, гадания и чарования, которые непременно сбудутся, если всё сделать правильно.

Вещие сны, которые тоже следует правильно подготовить, и всевозможные клятвы-гейсы, приносимые в обмен на сверхплановую удачу в следующем году, и которые куда легче исполнить, если они даны в эти тринадцать дней.

Ах да! Еще свадьбы. Всё, что будет свершено в Йоль, пользуется особым покровительством свыше. И брака это тоже касается. А я-то думал, отчего Хальфдан-конунг в свое время так торопился со свадьбой.

Я подумывал, не воспользоваться ли мне случаем и бракосочетаться с Зарей? Вот и Гуннар намекнул: не худо бы. Даже предложил себя в качестве посаженного отца невесты. Правда, Гуннар не сам к этой мысли пришел – супруга подсказала. Не исключено, что с подачи моей пока еще гражданской жены.

Однако я торопиться не стал. Причем не столько из-за себя, сколько как раз из-за моей преданной подруги. Свадьба для девушки – важнейшее жизненное событие. Так что отыграть его надо так, чтобы – ух! Да и не хорошо как-то – с посаженным отцом при живом папе. Нет, повременим. Тем более что нам с

Зарей есть чем заняться и без свадебных торжеств.

Например, к весне поднять ее квалификацию до уровня «умелый поединщик». Причем не только в постели, но и с оружием.

Да и мне самому тоже стоит поднять квалификацию. Например, поднатаскаться в языках и местной медицине.

Мой мозг, повзрослевший во времена информационного взрыва, настойчиво требовал знаний. Языки, кстати, пошли у меня удивительно легко. Даже диковатый кирьяльский. А латынь прям-таки как родная всосалась.

С медициной было потруднее.

Квалификации отца Бернара мне не достичь никогда. То есть нехитрый операционный инструментарий я освоил легко, но отвары, мази и прочие средневековые лекарства – только на уровне применения. Отличить одну сухую траву от другой я был способен разве что по запаху. А что касается более углубленных познаний, например, как отличить правильную консистенцию барсучьего сала от неправильной, то это моей распознавалке было уже не под силу.

Зато Заря оказалась отменной ученицей. Отец Бернар, которому лишь табель о рангах мешал озвучить глубину моей беспросветной тупости, девушку только нахваливал.

А я нахваливал его самого. Преподавателем монах был превосходным и деятельным. И готов был учить нас круглые сутки, за вычетом недолгого сна и обязательных молитв. Ну и погода настраивала его на работу в помещении: грянувшие морозы франк переносил хуже остальных и без необходимости носа на улицу не высовывал.

А вот кирьялам и скандинавам мороз, по моим прикидкам переваливший за двадцать, особых неудобств не доставлял. Они жили по известному принципу: не бывает холодной погоды, бывает неподходящая одежда.

С одеждой же здесь всё было путем. Страна мехов, как-никак.

И мехов этих самых нам вскорости навезли целую огромную кучу. Причем по таким расценкам, что даже неудобно. За наконечник для охотничьей стрелы, к примеру, – кипа беличьих шкурок. Ну, я понимаю, что белок в здешних лесах – как тараканов в бомжатнике, но всё же...

Я тоже разок развлекся благородной барской охотой: вывели меня на медвежью берлогу.

Ну да, вывели-то меня, а вот убил зверушку Гуннар. Пока я готовился принять косолапого на рогатину, проворный норег вышмыгнул сбоку, сунул мохнатому мечуган в ребра – и конец развлечению.

А лишивший меня статусного развлечения Гагара еще и недовольство выразил: мол, у него дома мишки покрупнее и пошустрее. Тех в одиночку взять практически нереально. А этот, мой, какой-то тормоз.

Ну лично мне потапыч ни мелким, ни тормознутым не показался. Ну да, может, так и есть. Не успел, бедолага, как следует проснуться, а тут мы.

Мелкий, мелкий, а шкуру Гуннар тщательно выделал и на стенку повесил. Вместе с башкой.

Так, в делах приятных и полезных, прошел месяц.

А потом к нам опять заявили гости. И опять – во всеоружии.

Глава 15

Нежданные гости, правила выплаты верегельда и сила поэтического

Слова

О том, что по нашу душу движется очередная компания головорезов, мне сообщили загодя. Край вокруг дикий, лесной и малонаселенный. Тем не менее проникнуть к нам и остаться незамеченным чрезвычайно трудно.

Эти, впрочем, и не прятались. Чесали по зимнику, который сами же и прокладывали.

Лошадки, сани, а главное – около полусотни людей, оружных и суровых.

Касательно их происхождения мнения кирьяльских охотников разделились. Одни полагали – нурманы, а другие – варяги. Разница между теми и другими, с точки зрения лесовиков, была невелика. Первые говорили по-скандинавски, вторые – по-словенски. Ну а связываться и с теми и с другими – себе дороже. В лучшем случае, просто ограбят. В *лучшем* случае.

Я снова собрал военный совет. Как и при появлении свеев. Моя боевая дружина с тех пор уменьшилась на две единицы. С нами больше не было Мёрда Красной Шапочки и Сёлви Лепешки. То есть нас осталось неполных два десятка. Однако если пришельцев действительно около полусотни, то смертельной опасности я не вижу. Хотя бы потому, что запросто могу сейчас собрать ополчение – сотни две кирьялов. А с такой командой на стенах – нехай штурмуют. Замаются покойников оттаскивать.

Поэтому высылать, как в прошлый раз, диверсионную группу я не стал. Опять-таки мы не знали пока, кто эти вояки.

Да и вояки ли? Вдруг это купеческий обоз? Да, до сих пор зимних караванов не было, но почему бы и нет? Обоз – это вообще хорошо. С купцами мы не воюем. Отщипнем свой кусочек за безопасность. И еще один кусочек – за удобный ночлег и дорожные расходники, если понадобятся. Может, и сами купим чего...

Мы ж по сути мирные люди. Да и татуированного «бронепоезда» у нас нынче нет. Ушел, так сказать, на запасные пути. В Сёлунд, к родичам.

Бойцы полностью разделяли мою позицию. А Тулб с Зарей даже оптимизм проявили. Вдруг это и впрямь варяги, которые им – родня, а нам не враги.

«Ждем и готовимся», – решил я.

И поставил задачу соответствующим «службам»: проверить «госпитальное оборудование», обновить заливку склонов, проветрить боекомплекты и приготовить смолу для сугрева гостей, буде таковые окажутся недостаточно позитивными.

Словом, всё как обычно.

К тому моменту, когда гости появились в пределах обзора крепостной вышки, мы подготовились в полном объеме.

Было странников около полусотни, причем большинство щеголяло в поскверкивающих на солнце шлемах. Впереди – лыжники, торившие путь. С последнего серьезного снегопада прошла неделя, так что тропа на льду уже была натоптана достаточно, чтобы мохнатым лошадкам не пришлось перенапрягаться. Но, видимо, незваные гости не хотели нарушать обычный порядок.

То, что они двигались открыто, радовало. А вот то, что саней у них было всего восемь, настораживало. Пропорция воины – имущество была не в пользу торговой версии. Вдобавок больше половины бойцов – верхами.

Впрочем, долго терзаться раздумьями не пришлось.

Один из передовых задрал кверху копьё, и студёный зимний ветерок немедленно подхватил привязанное к нему знамя. С Красным Соколом.

Во как. Неужели сам ладожский князь к нам припожаловал? Или опять, как летом, подручных заслал?

Нет, всё-таки сам. Лично. Но – с ансамблем. И снова – красавец. Смотрится бодрячком, не хуже, чем до того, как схлопотал в туловище Сигурдово копьё. С коня спрыгнул упруго, и шаг уверенный. Восстановился, выходит, князь-конунг. И приоделся. Кольчужка сияет серебром, плащ роскошный: снаружи – алый шелк, изнутри, насколько я могу судить, мех соболий. И шапка такая же, роскошная, не железом, а камнями да вышивкой «усиленная». К варяжским длинным усам прибавилась борода, покрасневшее от мороза лицо пышет агрессивным весельем.

Это настораживает. А вот то, что спешился, наоборот, успокаивает. И люди его агрессии не проявляют. Встали, ждут.

Похоже, драки не будет. Ну да я особо и не опасуюсь. На стенах крепости – мои люди. Хирдманы и ополчение. А дистанция такова, что при конфликте стрелами забросаем на счет раз.

Что ж, побеседуем.

Ростом Рюрик существенно выше меня, но мы на склоне, так что в кои веки я смотрю на него сверху вниз.

– Здравствуй, князь, – произнес я. Как равному. Я дома, и он для меня больше не старший.

– Здравствуй и ты, островной ярл.

Надо же, как подколот. Есть ярлы настоящие, есть морские, а я, получается, где-то посередке.

– Почему же островной? – демонстративно удивился я. – Здесь всё мое, – я широким жестом обвел залив, реку и заснеженные леса вокруг.

– А мне сказали: дань с кирьялов ты не берешь, – заметил Рюрик.

Надо же. Навел справки.

– А зачем мне что-то брать? – Я усмехнулся. – Много мне не надо, а что надо, они и сами принесут. Да еще и поблагодарят, что я подарки принял. Я же не свейский конунг. Хирд у меня невелик. А вырастет, так я викинг. У нас не как у вас. У нас конунг воинам оброк не платит. Потому что он тоже воин. Такой же, как они. Только лучше!

Обидно сказал. И точно в цель. Рюрик сумел удержать лицо. Вывод: он уже не чувствует себя инвалидом.

Тем не менее этот раунд – за мной.

– Ну и хорошо, коли так. – Рюрик одарил меня ослепительной улыбкой. – Рад, что ты в добром здравии и достатке, Ульф-ярл. Примешь гостей?

– Гости почему ж не принять, – ответил я осторожно. – Тех, кто с миром к нам пожаловал, почему бы и не принять?

– Мы с миром, ярл, не... – чуть не прибавил «не бойся», но придержал словцо. Не рискнул обидеть. – Не обессудь, что не послали вестника. Не был уверен, что гонец тебя застанет.

– Мог бы и не застать. – Я предлагать гостеприимство не спешил. Приглядывался. И не столько к князю, сколько к его бойцам, лица которых были мне по большей части незнакомы.

Нет, не похоже, что они настроены на драку. Но береженого Бог бережет, а не береженого воронье, как говорится...

– Мог бы и не застать. Гости у нас были. Незваные. Пришлось им втолковывать, чья в лесу дичина.

Покивал как бы с пониманием. Даже не спросил, что за гости. Хотя вижу: ух как ему любопытно. Всё. Больше тянуть неприлично.

– Пойдем в дом, князь ладожский, – пригласил я. – Будь моим гостем. Выпей, поешь, в баньке погрейся. Путь небось неблизкий.

– Путь не близкий, но не тяжелый, – отозвался Рюрик. – Метель мы у волока переждали. Однако за гостеприимство благодарю и приглашение принимаю.

Еще бы ты не принял! Сколько они отмахали? Километров триста? Четыреста?

Но заветная формула произнесена. Теперь они – гости, а мы – хозяева. Кто обычай нарушит, тому боги бяку сделают.

Я махнул своим: открывайте ворота.

Этот вариант тоже был проговорен. Где и как людей и лошадок разместить, намечено заранее. Пусть видит князь ладожский: порядок у нас и дисциплина.

– Хочу, чтоб ты знал, ярл: я больше не ладожский князь, – произнес Рюрик, уже откинув дверную завесу большого дома. – Ладога теперь за Гостомыслом. Ну да поговорим еще.

И вошел, оставив за собой последнее слово.

За Рюриком последовали дружинники. Не все. Десятка два. Половина – варяги. Из них я тоже почти никого не знал даже в лицо. Я оценил и то, что Рюрик не потянул за собой всю дружину. Больше половины осталось снаружи. Эти займутся лошадьми. А мы поможем, чем сможем. С провиантом, в частности. И кормить этих гостей тоже я буду. Думаю, заодно с кирьяльской «элитой». Рулить этим процессом поручу Сохрою. Этот справится.

В главном помещении моего большого длинного дома могло запросто разместиться человек сто. Нас намного меньше, так что расположились свободно.

Стол накрыли вмиг. Вино, пиво, медовуха, даже крепкая двадцатиградусная «выморозка», которую тут называли зимним пивом. Всё горячее, щедро приправленное медом. Самое то с мороза.

За столом особо не говорили. И на питье не налегали. Мы с Рюриком. Остальные – по-разному. Мои не то чтобы нервничали, но были настороже. Нас всё же меньше. Да, законы гостеприимства действуют в обе стороны, однако пожелай Рюрик их нарушить, проблем у нас будет много.

Особенно, к моему удивлению, нервничал Вихорёк. Улучив момент, я перекинулся с ним парой слов и выяснил, что он, в отличие от меня, был знаком кое с кем из Рюриковых новобранцев.

– Этот Стег Измор раньше у Ольбарда в хирде был, – сообщил мне Вихорёк. – А к нему откуда-то с юга пришел. Очень опасный!

– Это он с Анудом на поединке дрался? – уточнил я.

История походов моего сына в Изборце была мне известна.

– Он. Только тогда на нем одежда поплотнее была. Такая, что не всякий от-

рок наденет. А сейчас – сам видишь.

Я видел. И бронька, и пояс, и гривна серебряная.

– А еще говорили: он нас, северян, очень не любит. Меня убить хотел, но Ольбард запретил нам драться.

Нурманов не любит, а пошел на службу природному дану. Интересно. Хотя...

Все в этой жизни, как и в той, где «...рейтинг сексуальных возбудителей в этом году, как и в прошлом, с большим отрывом возглавил «шестисотый» «Мерседес». А что может быть возбуждающей для воина, чем качественное снаряжение?

Смотрелся Стег Измор орлом. И команда его тоже. А что команда именно его, а не Рюрика, очевидно. Эта четверка на своего князя и не смотрит. Только на Стега. Они теперь тоже недурно оборудованы и выглядят, я бы сказал, опасно. А сам Стег...

Чем-то он мне Ольбарда напоминает. Харизма и угроза. Вдобавок видно, что старшие дружинники Рюрика на него стараются не пялиться. Да, интересный персонаж.

– Ульф! Ты задремал?

Надо же. Рюрик мне что-то такое вещает, а я – мимо ушей. Нехорошо.

– Прости, князь. Задумался.

– Я спросил: где твой брат Свартхёвди?

– Домой ушел, – ляпнул я, не подумавши.

Рюрик тут же напрягся. Аж жилка на виске запульсировала.

Бойтся, сокол наш краснокрылый. Узнает Сигурд Рагнарсон, что его обидчик выжил да еще и драккар у него спер, уж он и расстроится. Сигурд Змей-в-Глазу не тот человек, чтобы праздно копить печальку.

– Свартхёвди будет молчать! – попытался я его успокоить.

– А остальные?

– Они тоже, – заверил я. – Это мои люди, и я им верю!

А кому верю еще не вполне, как, например, свеям-перебежчикам, так те не в курсе, что Хрёрек и Рюрик – одна и та же персона.

Нет, не успокоился. Ворочает желваками. Но убивать меня сейчас – никакого смысла. Если утечка информации произошла, она уже произошла. А если меня убить, то братец наверняка захочет отомстить.

Ну и понятно, что будет дальше.

– Трувора дочь? – сменил тему Рюрик, кивнув в сторону рулившей челядью Зари.

– Да. Жена моя, – уточнил я на всякий случай.

Пусть Трувор наш «гражданский» брак не благословил. Но ведь и не проклял. Оставил, так сказать, вопрос открытым. Всё-таки он молодец, Трувор. Выдержка и стратегическое мышление. Мне бы стоило у него поучиться. Например, сегодня.

– Князь, ты зачем приехал? – спросил я напрямик.

– Если скажу: поглядеть, как ты тут устроился, не поверишь?

Я покачал головой.

– А если – с враждой нашей покончить?

– Это допускаю, – согласился я. – Но сначала проясни: что тебе от меня надо?

Рюрик засмеялся:

– Ульф, Ульф! Ты уж и ярлом стал, а всё такой же дерзкий!

– Дерзким я был, когда в хускарлах ходил. А теперь я не дерзкий, а резкий! – внес я смысловую поправку.

Если он, мать его в бабушку, опять строить меня вздумал...

– Князь Улеб умер, – сказал Рюрик.

М-да. Умеет он тему разговора сменить.

– И кто теперь в Беловодье? – спросил я.

– Ольбард Синеус.

Я почему-то совсем не удивлен.

– Трувор?

– В Изборце. И Плесков теперь тоже, считай, под ним.

Рокировка, выходит. Постой, постой... Ольбард – в Беловодье, Трувор – в Изборце, Гостомысл – в Ладоге...

– А ты...

– А я – в Новом Граде!

Не похоже, что он опечален. Скорее, наоборот.

– А старый что же?

– Мой лучше. Стоять будет на реке, на двух берегах разом. А между ними – мост. А крепость свою я поодаль поставил: на самом истоке Ольховой[236], чтоб всё вокруг видеть.

Вот как. Крепость уже построил, а города пока что нет. Но у них это быстро. Чай, всё деревянное, а деревьев вокруг навалом. Вон Водимир свой град за пару лет возвел.

Ну да пусть строит. Его дело. От меня-то что нужно?

– Ты удачлив и умом быстр, – похвалил меня Рюрик, когда я снова озвучил основной вопрос. – Новый Град – это начало. Как закончу его, укреплюсь, дальше пойду.

– Смоленск? – предположил я.

– И Смоленск. И Киев...

И смотрит на меня внимательно, за реакцией следит.

Краем глаза уловил еще одного, внимательного. Нурманского недоброжелателя, Стега Измора. Ну да пусть. Если кошке можно смотреть на короля, то почему бы чужому гридню на меня, удачливого, не полюбоваться?

А ты, однако, размахнулся, князь теперь уже не ладожский! Киев!

Но мысль интересная.

И надо же как совпало: загадочные южные варяги теперь в его дружине. Не оттуда ли ветерок?

Хотя там наоборот, я думаю. Сначала самому Рюрику о Киеве возмечталось, а потом полезных людей – под крылышко. И меня туда же.

Ну я бы до Киева прогулялся... раньше. А теперь у меня – ярлство мое. Крепость на горе...

– Остров ты не удержишь, – произнес князь с отеческой прям-таки заботой. – Я свейского конунга знаю. Он своего не отдаст. Те свеи, которых ты с Трувором и Ульхамом стравил, не последние. Еще пришет.

– Уже, – усмехнулся я. – О Сигстейне-ярле слышал?

– Лично не знаю, но имя знакомо. Изрядной славы воин и крови благородной. С таким я бы схватиться не хотел, – приложился к кубку.

Ну как приложился, усы смочил. Уровень в сосуде практически не изменился.

– Иногда приходится делать и то, что не хочется, – сказал я, отзеркалив процедуру питья. – Кольчужку на Гуннаре видишь?

– Да. Знатная кольчужка. От такой и я бы не отказался.

Намек, что ли? Не фиг. Обойдешься.

– Это я Гуннару подарил, – сообщил я князю. – А прежде ее как раз Сигстейн носил.

– Продолжай.

– А что тут продолжать? Нет больше Сигстейна. Ни его, ни его хирда. А хороший хирд был. Две сотни отменных бойцов. Сам бы от таких не отказался.

– Хочешь сказать, что ты их побил? – Рюрик недоверчиво прищурился.

– Почему – хочу? Говорю. Не сам, конечно. – Рюрик тут же наострил уши. – Кирьялы мои помогли немного. – Я ухмыльнулся.

– Кирьялы? – Эх его перекосило, приятно посмотреть. – Две сотни свейских воев?

– Не то чтобы две ровно, чуток побольше, – недоверие Рюрика доставляло. – Но честно признаюсь: побил не всех. Восемь десятков я отпустил. Клятву с них взял, что больше сюда не придут, выкуп кое-какой – и отпустил. Мне их кровь не нужна. – Я цапнул с блюда рыбную филейку. – Я человек мирный.

Рюрик захохотал. Да так громко, что все на него уставились.

– Ярл Ульф Хвити, – проговорил он, отсмеявшись, – ты умеешь шутить. И удивлять тоже умеешь. Но ты мне должен.

– Да ну? – Я напрягся.

– Ульфхам. Я хочу получить верегельд за его смерть.

– А ответить за то, что он сделал, не хочешь? – огрызнулся я.

– Я не велел ему тебя убивать, – возразил Рюрик. – Он был сам по себе.

Ага. Значит, Рюрик в курсе. Ну кто бы сомневался.

– Сам по себе, но ты хочешь верегельд. – Я глянул на князя в упор. – Ты уж определись, князь, кем был Треска: сам по себе или твоим человеком.

– Он был моим братом, – спокойно ответил Рюрик. – И верегельд я требую не за хёвдинга, за брата.

В принципе, он прав. За брата вроде бы положено. Независимо от обстоятельств. Но учитывая эти самые обстоятельства, а именно то, что Ульфхам пытался убить меня и Зарю самым коварным образом, вдобавок будучи моим гостем, учитывая все эти нюансы... Возможны варианты.

– Боги дали нам закон, – озвучил я общеизвестное. – И по закону за кровь брата положено платить. Но надо ли платить за того, кто оказался вне закона? Разве родня вправе требовать за кровь того, кого тинг объявил вне закона?

Я заметил, что к нашему разговору прислушиваются, и заговорил громче. Мне скрывать нечего. И Рюрика я не боялся. Он, конечно, хитрован, но вряд ли заявился сюда исключительно ради верегельда. Не поверю. Что-то он задумал. И сейчас старается меня нагнуть. Ну-ну.

– Тинг? О чем ты, Ульф? – удивился Рюрик. – Тинг не изгонял Ульфхама. Да и нет тинга на этой земле.

– Не буду спорить, – согласился я. – Тинга на *моей* земле нет. Но это не значит, что нет закона.

– Хочешь сказать, что закон здесь ты? – процедил Рюрик с легкой угрозой,

повысив голос. Он тоже заметил, что народ за столом притих и греет уши.

– И это тоже, – подтвердил я. – Но ты сейчас пытаешься выдать за правителя его отражение в воде. Тинг не есть закон. Тинг всего лишь определяет: что есть преступление против закона, данного нам богами. Если нет тинга, это не значит, что закона не существует. Если ты не видишь отражения конунга на озерной глади, это не значит, что и конунга не существует.

– Славно сказано! – воскликнул Тьёдар. – Славно и верно!

Его поддержали одобрительными возгласами. И не только мои, что характерно.

– К чему ты клонишь, Ульф-ярл? – Рюрик был спокоен, и это меня немного напрягло. Он – сильный игрок. Лучше меня. Так что я предпочел бы вывести его из равновесия.

– Ульфхам Треска был моим гостем. Он пил и ел за моим столом. А потом пробрался в мою спальню, чтобы зарезать во сне. Разве этого недостаточно, чтобы объявить его вне закона?

– Конечно, нет! – парировал Рюрик. – Может, это сами боги повелели ему! Те, кто знали Ульфхама, подтвердят: он всегда чтит закон. Если он так поступил, значит, на то была важная причина! Почему не воля высших?

Ну да. Причина была. Желание угодить своему молочному братцу. Тебе, Рюрик.

– Потому что высшие явили свою волю! – парировал я. – Да так, чтобы всем было понятно: Ульфхам Треска нарушил закон и понес заслуженное наказание!

– Неужто сам Один явился тебе, ярл, и сообщил это?

Так, а это кто там вякает? Рожа незнакомая и явно просит кирпича. Но не уверен, кто понесет больше потерь при их встрече.

– Не надо говорить с богами, чтобы видеть их волю, – тоном доброго дядюшки, поучающего туповатого недоросля, ответил я. – Всем ли известно, как умер Ульфхам?

Нет, не всем. Не всем гостям. Мои-то в курсе.

– Ну так я вам поведаю. Его убила женщина! Моя жена Заря, дочь Трувора! – Я сделал паузу, чтобы прониклись. И добил: – И в час смерти оружия не было у него в руках!

Умному достаточно. Бесчестная смерть. Славный воин Ульфхам Треска никогда не попадет в Валхаллу.

– И что с того? – воскликнул в наступившей тишине всё тот же тупица.

– А то, дурень, что боги дали Треске пинка! – опередил меня Тьёдар. – И, клянусь золотым кубком Браги, такому, как Ульфхам, надо было очень сильно набедокурить, чтобы Один не захотел его видеть за своим столом. Ну да что говорить попусту? Я написал об этом славную песню! Хотите услышать?

Конечно, хотим, дружно заорало всё застолье. Хорошая песня, это для пира, как... В общем, даже интереснее, чем драка.

Даже Рюрик, затеявший этот разговор, был не против.

Но его косой взгляд, брошенный в мою сторону, говорил: не расслабляйся. Тема осталась открытой.

Тьёдар спел. Об Ульфхаме Треске, доблестном воине, допустившем бесчестье и павшем от женской руки.

Потом о другой женщине, моей Гудрун, которую захватил бесчестный ярл

Мьёр и предложил выбрать между смертью и ролью наложницы. И Гудрун выбрала смерть. Но не свою, а коварного ярла.

Далее следовало художественное описание великолепного удара, который нанесла беременная женщина в домашнем платье полностью вооруженному ярлу.

И отдельный зонг о том, с каким наслаждением клинок Гудрун пронзал тело врага и обогрелся его кровью.

И о великой храбрости и великом гневе моей жены, который был так заразителен, что даже тихая рабыня прониклась им, схватила топор и пошла крушить направо и налево.

И о том, как эта чудная парочка перебила половину Мьёрова хирда. А потом пришел наш братец и (вот подхалим этот Тьёдар) оприходовал вторую половину хирда. Я тоже был упомянут, но как-то вскользь. На моем счету числилось от силы десятка два свирепых сконцев.

Зато в следующей песне, свеженькой, по горячим следам, я разил врагов беспощадно, по две штуки зараз. И остальные, включая самого певца, тоже зверствовали не по-детски. В частности, стрелы Бури прошибали насквозь щиты и доспехи и, не утратив убойной силы, поражали следующую цель.

Слушатели впечатлились. Особенно те, кто непосредственно участвовал в отражении штурма. И нашу ночную диверсию Тьёдар тоже не забыл: воспел по всем художественным правилам здешнего творчества. Мы стригли головы врагов, как сенокосилка – газон, и даже боги завидовали нашей доблести.

«Всё-таки хорошо иметь собственного скальда», – подумалось мне.

Но жизнь немедленно вернула меня в реал. Восхищенная публика потребовала «Сагу о Волке и Медведе», и я, не выдержав, смылся.

Во дворе тоже кипела жизнь.

Шестеро представителей прибывшего с Рюриком молодняка, покинув пиршественную зону номер два, нахально приставали к моей челяди женского пола. Челядь воспринимала ухаживания позитивно: пицала и хихикала.

Идиллия была нарушена, когда на крылечко вышла Заря и весьма неприятным тоном посулила обслуживающему персоналу свирепую порку, если за хозяйским столом закончится спиртное.

Кто-то из отроков вякнул, что, мол, негоже лишать их общества прелестниц. Негостеприимно.

Заря, опередив меня, парировала: ну, раз такое у бойца мнение, то она прямо сейчас пойдет и сообщит о нем князю Рюрику. Мол, неким отрокам срочно взбренилось потискать холопок, и они просят передать, что он, князь, может и с пустым кубком подождать ради такого важного дела.

Молодец, девушка. Я бы рычать и рывкать начал, а она – ласково, чисто по-женски...

Отроки тут же испарились, челядь вернулась к работе, а Заря подошла ко мне, потерлась щекой и сообщила:

– Вот и обо мне песню придумали. Тебе больше не стыдно познакомить меня с женой?

Глава 16 Состязание

Вихорёк подошел к нему сам. Дождался, когда тот будет отдельно от своего князя, и оказался рядом.

– Помнишь меня?

Варяг кивнул. Даже не кивнул, качнул головой, скептически поджав губы. Вроде как слов не удостоил. Кивнул и отвернулся.

А вот спутник его, тоже варяг и тоже из тех, что пришли с юга, отворачиваться не стал. Уставился на Вихорька с неприкрытой угрозой. Пугал.

– Я смотрю, ты стал дружелюбней к нам, нурманам, Стег Измор.

Варяг глянул, чуть склонив голову, свысока, хотя ростом они были примерно равны. Подумал немного... И все же снизошел до ответа:

– Когда нурманы убивают нурманов, не вижу причины им мешать.

– Или когда нурман дарит тебе обновки лучше тех, что я видел на тебе в прошлый раз, – насмешливо произнес Вихорёк.

Стег жестом остановил своего спутника, вознамерившегося ответить.

– Я гость твоего отца, – сказал он. – Обычай не велит мне отвечать на обидные слова как должно. Но сказать, что твой отец дурно тебя воспитал, обычай позволяет. Тем более что это так и есть.

– Обычай не остановил тебя, когда ты вызвал на поединок Ануда, – напомнил Вихорёк. – Может, дело не в обычае, а в том, что Ануд слабее?

– Ты тоже, – с тем же непоколебимым спокойствием ответил Стег.

– Что я?

– Слабее. – Варяг усмехнулся и вдруг подмигнул. – Поборемся?

Хорошо так предложил. По-доброму. Как своему.

– А может, постреляем? – в свою очередь предложил Вихорёк. Он вдруг осознал, что варяг ему симпатичен. Злости не было. Только азарт.

– А давай! – Стег усмехнулся еще шире.

И спутник его тоже заухмылялся и неожиданно хлопнул Вихорька по плечу:

– Меня Ябирь зовут. А ты дерзкий, нурманчик! Хочешь коренного черниговца перестрелять? Ну-ну!

«Почему черниговца?» – подумал Вихорёк. И тут же спросил простодушно:

– Так вы не варяги, что ли?

– Почему это? – Ябирь даже обиделся немного. – По-твоему, Перуна чтят только здесь, на севере?

– Да я спросил просто, – вроде как извинился Вихорёк. – А когда сразимся?

– Да хоть сейчас! – ответил Стег.

Поглядеть на состязание собрались все, включая мирное население.

Я, в общем-то, не сомневался в успехе сына. Бури его поднял до очень приличного уровня, а этот свеженанятый Рюриком варяг был явно заточен на ближний бой.

Однако вел себя так, будто победа у него уже в кармане. Хотя лук у него, к моему удивлению, оказался неплохой.

К дистанции примерно в сотню метров Стег отнесся совершенно спокойно, хотя я бы в предложенную мишень, учебный щит полуметрового диаметра, вряд ли попал.

О, да он вообще полон сюрпризов! Взял да и нацепил специфическое колечко на большой палец правой руки. А интересное, кстати, колечко. Костяное, с золотой гравировкой. Сразу видно – неординарное.

– Начинай, – предложил он Вихорьку.

Этак свысока. Как старший младшему.

Вихорёк отреагировал для меня вполне ожидаемо:

– Ты гость. Тебе честь – начать!

Варяг спорить не стал. Занял позицию и...

Отличный выстрел. Стрела легла сантиметрах в пяти от центра. То есть, будь это не щит, а чья-то голова, ее носителю мало бы не показалось.

Народ одобрительно загомонил. Особенно Рюриковы. Ну да. Выстрел снайперский, по здешним меркам. Если бы я не встретил в свое время Бури, решил бы, что передо мной великий мастер. На этом уровне стреляли мои англичане, мир их праху. А они были изрядными лучниками.

Вихорька, впрочем, успех гостя не смутил. Он вынул свой лук из чехла и, в отличие от Стега, решил стрелять обычным способом, тремя пальцами. Хотя колечко лучника у него тоже было, хоть и не такое понтовое.

О! Знай наших! Вихорёк-то сделал надменного варяга! Точь-в-точь в центр, насколько мне позволяет судить мое посредственное по здешним меркам зрение.

– Попробуй еще разок! – великодушно бросил он сопернику.

Ага, наш-то гость рассердился. И, похоже, он моложе, чем мне показалось вначале. Это манера держаться у него такая, что кажется, будто ему минимум тридцатник. Ну команда у него – из матерых, которые смотрят на него как на признанного вождя, что тоже сбивает с толку. Однако сейчас, когда Вихорёк утер варягу нос, стало заметно, что Стег вряд ли старше Медвежонка.

Хотя утер ли?

Варяг стер с лица кривую ухмылочку, взял новую стрелу с ярко-красным оперением, сосредоточился... и – есть! Точно в десятку.

Я поглядел на Бури: как он отреагирует. И успел засечь поощрительный жест, предназначенный моему сыну: продолжай.

– Прибавим? – бросил Вихорёк сопернику.

– А то! – отозвался Стиг Измор.

Установили новую мишеньку. На той стороне протоки. По моим прикидкам, дистанция метров сто пятьдесят. Насколько мне известно, для моего сына это предельное расстояние. И заодно – пристрелянная точка. Именно с этой позиции и как раз в такую мишень Вихорёк отрабатывал дальние выстрелы. Не совсем честно по отношению к сопернику, но я не стану его за это упрекать. Тем более что щит вешал не он, а помощник. И место выбрал просто по привычке.

– По три стрелы? – предложил Вихорёк.

Стег кивнул. Выражение лица – отрешенное. Надо полагать, целиком сосредоточился на задаче. Ну, еще бы. Для меня так это вообще неактуальная дистанция. Я на такую могу стрельнуть. Из хорошего лука и в безветренную погоду, примерно такую, как сейчас. Но куда-то попасть... Да я в целый хирд не попаду, не то что в такой щит.

На этот раз первый Вихорёк. Вижу: он хотел тоже надеть колечко, но увидел, что Бури качнул головой, и оставил его в кармашке налуча. Вынул из колчана три стрелы, оглядел внимательно, две аккуратно воткнул в снег, третью наложил на тетиву...

Оп! Возникший из ниоткуда порыв ветра сбил траекторию. Мимо. То есть совсем в никуда. Даже щит не зацепил.

Вихорёк расстроился, закусил губу. Но второй выстрел сделал уверенно. И на этот раз поразил цель. То бишь щит. Правда, не в самый центр, а так, на четверочку. А вот третью послал совсем замечательно. Считай, в десятку.

Настала очередь его соперника. Тот тоже торопиться не стал: целую минуту присматривался, примеривался, ловил состояние. И наконец, начал. Три стрелы, одну за другой, причем последняя ушла раньше, чем первая ударила в щит.

Прекрасные выстрелы. И всё же поторопился наш гость. Все три стрелы легли кучно: в пятно размером с ладонь. Но в стороне от центра щита. Вот не торопился бы, внес поправку... Но в целом он, пожалуй, моего сына обошел. По совокупности.

Впрочем, повел Стег себя очень правильно. Повернулся к Вихорьку и склонил голову:

– Не ожидал здесь на севере такого мастера встретить, – сказал он моему сыну. – Не хуже хузарина или пацинака.

Вихорёк зарделся от похвалы, а я поглядел на Бури. Тот стоял во вторых рядах. Лицо – непроницаемое. Не поймешь, доволен результатами ученика или нет.

– А ловок твой сын с луком! – дружелюбно произнес Рюрик. – И хольду моему урок. Он себя выше звезд держать привык, а тут вьюнош ему укорот дал. Да еще дан. Хотя, сдается мне, сын твой – такой же дан, как и ты.

– Ну, может, и получше меня, – парировал я. – Никто не знает, кем был его кровный отец.

– Кем бы он ни был, но точно не из пахарей. – Рюрик одобрительно прищелкнул языком. – Природу не скроешь.

– А Стег этот, он кто? – поинтересовался я будто бы невзначай.

– Веришь, не знаю, – пожал плечами Рюрик. – Но, похоже, вождем он был, и не простым. И мир повидал тоже. По-ромейски говорит, как ты по-нашему, а по-нашему – как природный северянин. Стреляет – сам видишь как. И на мечах еще лучше, причем не только пеше, но и конно. Думаю, не хуже, чем какой-нибудь франкский шевалье. И те, что с ним, тоже хороши. Повезло мне с ними.

– Ну так и ты не поскупился. Сын сказал: они у Ольбарда чуть не в обносках ходили, а ты их вон как приодел.

Вот. Вроде и польстил. А заодно напомнил, как он с нами обошелся.

Рюрик подтекст наверняка уловил, но сделал вид, что не понял.

– Да, одарил, – согласился он. – Но уже после того, как они мне присягнули. И не по обещанию, а потому, что для таких воинов дорогой брони не жалко. В бою вернут сторицей. И ко мне они не за доспехом пришли, а за славой.

– Да ну? – усомнился я. Слава – оно, конечно, слава, однако...

– Ольбард теперь – князь варяжский. Будет не воевать, а княжить спокойно. А у меня большие планы. И я их не скрываю. Пойдешь со мной на юг, Ульф Хвити?

– Подумаю, – уклонился я от прямого ответа.

Да, юг – это заманчиво. Киевская Русь опять-таки. Но Рюрик... И память прошлого-будущего мне вроде подсказывает: не доберется Рюрик до Киева. Если, конечно, это те самые Рюрик и Киев.

Опять-таки вопрос: хочу ли я служить тому, кто меня однажды кинул?

– Ты возьмешь меня, когда пойдешь с Рюриком? – спросила меня Заря ночью.

– Если, – ответил я.

– Что?

– Не когда, а если я с ним пойду.

Заря приподнялась на ложе. Ее пушистые волосы упали на мою грудь.

– Ты ему не доверяешь? Не знаешь, что он задумал?

– Что он задумал, как раз понятно, – я провел ладонью по гладкой спине, которая тотчас выгнулась, отвечая на ласку. – Мне непонятно, с какими силами он собирается завоевывать юг. Стега Измора с четверкой бойцов для такого похода как-то маловато. Как он тебе, кстати?

– Стег? Я ему понравилась! – Я почувствовал, что Заря улыбается.

– Ты раньше о нем что-то слышала?

– О нем – нет. Но я знаю, что немало наших, варягов, живет на юге. И дальше – тоже. Даже в землях ромеев. Там наших варангами называют.

– А откуда вы вообще взялись, варяги? Откуда пришли? – задал я вопрос, который уже давно напрашивался.

Но ответа я не получил.

– Это тебе не у меня, а у старших спрашивать надо, – уклонилась Заря. – Или у наших песенников. Хотя они вроде ваших скальдов. Им всё равно: правда или ложь, лишь бы красно пелось. А я знаю лишь, что отец мой княжьего рода, а мать – боярского. А муж у меня – герой и ярл! И мне довольно! – произнесла она с гордостью. И поинтересовалась деловито: – Любить меня будешь сегодня или спать?

– Спать, – решил я, поскольку отношение Зари было обозначено самим вопросом. Иначе она бы и спрашивать не стала.

– Тогда закрой глаза, любый... – пушистая головка вновь устроилась на моем плече: – Сокол, сокол, сокол ясный, не труди ты крыл напрасно, в день холодный, в день ненастный не видать дорог. Там внизу во тьме беззвездной, там скрипят и стонут сосны, сокол, сокол, дай се роздых, сядь на локоток...

И я сам не заметил, как уснул.

Глава 17, в которой решается вопрос повышения обороноспособности «королевской горки»

Рюрик прогостил у меня неделю. Его братва подъела мои запасы и ополовинила кубометр пива, но я не жалел. С Рюриком было весело. Вдобавок он был настоящим кладезем информации. И о моем нынешнем оппоненте, конунге свеев, он тоже знал немало. В частности, от него я узнал, что Эйрик Эймундсон не является единовластным конунгом всех свеев, а делит власть и территорию со своим братом Энундом. И с последним Эйрик не очень-то ладит. В частности, именно Энунд контролирует такой важный город, как Упсала, расположенный на противоположном берегу Балтийского моря. Его отношение к брату можно было понять хотя бы из того, что он не так давно пытался захватить принадлежащий Эйрику город Бирку. Причем даже привлек для этого дела союзников-данов, чуть ли не кого-то из Рагнарсонов. Бирку союзники не взяли. Энунд удовольствовался выкупом, а даны... А данов послали в свободное морское плавание. Так что насчет Рагнарсонов – это вряд ли. Они

не из тех, кого можно кинуть и потом жить припеваючи.

Еще у братьев были разногласия по поводу христианства и его адептов. Эйрик их привечал, позволял строить церкви и проповедовать, а Энунд – резал. Были у Эйрика и другие недоброжелатели среди соседей. Да и внутри страны. Скажем так, на тинге его однажды чуть не лишили власти. Но Эйрик в короткой, но решительной битве прикончил демократически избранного соперника, и вопрос был закрыт.

В общем, можно было надеяться, что Эйрик-конунг не рискнет обрушиться на меня всей своей мощью, поскольку во время его отсутствия кто-то из конкурентов вполне способен захватить трон.

А всяким ярлам, вассалам Эйрика, как показывает опыт, можно навалить.

В общем, я немного успокоился. Вряд ли Рюрик мне врал. Преуменьшать силу свейского конунга не в его интересах. В его интересах – уговорить меня бросить мою горку и отправиться вместе с ним отжимать Смоленск.

Надо сказать, как ярл-правитель я неплохо устроился. Ближними делами, включая хозяйственные и даже судебные разборки внутри нашей, скажем так, общины, занимался Гуннар.

Связями с моими кирьяльскими если не подданными (дани они мне не платили), тосоюзниками, занимался Сохрой. Когда мне понадобилась их поддержка, в крепость подтянулось несколько команд из одного-двух десятков ополченцев-родовичей под предводительством племенных лидеров. Когда необходимость в поддержке ушла, ополченцы разошлись по домам, прихватив с собой причитающуюся долю добычи.

И всё. В принципе, это довольно удобно, поскольку о собственном хирде следует заботиться постоянно, а такое ополчение – оно самодостаточно.

Удобно, но только до тех пор, пока я со своим хирдом не вздумаю куда-то отлучиться. Потому что, если я уйду из крепости по личным делам, а в это время сюда заявится неприятель, то мое королевство на горе тут же перестанет быть моим. Так что, если я не хочу всю жизнь торчать на острове (а я не хочу!), отбивая атаки конкурентов, надо что-то придумать. Что-то такое, что позволит моим союзникам держать оборону и в мое отсутствие. Тем более что я в некотором роде за них отвечаю. Мы же союзники.

В общем, думал я думал над решением этой стратегической задачи и нашел решение, которое показалось мне перспективным.

И первым его этапом стал созыв полномочных представителей главных кирьяльских племен. Я озадачил этим Сохроя, подчеркнув, что я не в гости их приглашаю, а для обсуждения крайне важного для всех вопроса. Вроде как на тинг собираю.

Через две недели они пришли. Старейшины родов, местные жрецы-шаманы (как же без них), военные вожди и просто авторитетные мужики, которым общество доверило представлять их интересы.

Толпа набралась – под сотню. Однако кормить их не пришлось. Все взяли своё. Заодно – подарки для меня, хорошего. И товар для торговли. В общем, подошли к делу комплексно.

Устроились на площади повыше пристани. Там и места довольно, и пищу есть где приготовить.

Размещали их Гуннар с Сохроем. И не обошлось без споров, хотя, с моей точки зрения, все места равноценны. Учтя это, я прихватил с собой на совещание не пару дренгов, как планировал сначала, а целую пятерку, и для внушительности – Стюрмира и Оспака.

Мне нужен порядок, а не межродовые разборки. Ну и отца Бернара пригласил. Этот средневековый лингвист уже болтал по-кирьяльски на вполне приличном уровне. А если этого уровня не хватит, то рядом имеется Сохрой.

Чтобы было понятно, что я не какой-нибудь мелкий вождь, а настоящий ярл, мои ребята постелили на землю здоровенный кусок войлока, сверху водрузили кресло, на которое, в свою очередь, водрузился я.

Засим благосклонно принял подарки. И отдарился по мелочи, чтоб не обидеть.

А затем наконец озвучил то, ради чего их позвал.

Начал не с главного, потому что знал: объяви я сразу о своем желании, воплей и протестов будет – аж до елочных макушек. Ну примерно как если бы в страду я потребовал половину мужиков на строительство укреплений. Так что начал я издали, причем говорил по-кирьяльски. Так доверительней. Речь подготовил заранее и ознакомил с ней отца Бернара, который выполнял роль суфлера.

Для начала я напомнил, что до сей поры не брал с них дани.

Народ насторожился.

Пояснил: дань мне не нужна. Воины мои с меча кормятся, а не щедротами населения, так что у нас – всё путем.

А вот у них, почтенных кирьяльских старейшин, не всё так радужно. Потому что будущей весной я уйду в вик, оставив в крепости минимальный гарнизон. Минимальный, потому что и хирд у меня небольшой, так что иначе никак. Потому есть у меня серьезное опасение, что если к нам заявятся нехорошие гости, оставшиеся бойцы вряд сумеют удержать крепость.

Такие дела.

Моя речь собрание не порадовала. Шум поднялся изрядный. Перспектива снова оказаться под свеями народ не воодушевляла.

Покричав какое-то время и побрызгав друг на друга слюной, уважаемые люди сформулировали предложение, которое выглядело так: «А давай мы будем платить тебе дань, а ты наберешь дружину, и все будет ладно».

Нет, не ладно, возразил я. Потому что дань эта может выйти побольше, чем та, что вы платили свеям. И не потому, что я жадный, а потому, что свеям надо было всего лишь держать в подчинении вас, а мне понадобится еще и от их конунга отбиваться.

Ну насчет дани – это не совсем правда. Хотя бы потому, что свеи большую часть дани и таможенных сборов отсылали конунгу, а я, понятно, этого делать не буду. Но ради общей пользы можно кое о чем умолчать.

Народ приуныл. Некоторые даже закричали, что ни я, ни крепость им не нужны. Мол, леса густы и обширны. Пусть вороги их там ищут, если делать нечего.

Более здравомыслящие возразили: торговать всё равно надо. А в лесах с этим – проблема.

Кто-то вспомнил, как пару лет назад, как раз зимой, злые свеи прошлись гребнем по кирьяльским чащам, и очень многим селениям пришлось раско-

шелиться. Причем этот сбор дани был больше похож на грабеж. Вернее, на разбой, поскольку свеи не церемонились: брали, что видели, включая понаравившихся девок, резали скотину, которой у местных и так немного, и всячески безобразничали. И никакой возможности припрятать ценное имущество не было, поскольку свеи брали заложников и грозили всех убить, если не получат требуемое. И скрыться от них было нельзя, потому что проводниками у них были те же местные, которые указывали дорогу к соседям не только под пытками (с этим у свеев тоже было запросто), а просто из желания наконец избавиться от безжалостных грабителей. Ну и недружественным соседям подгадить заодно, как же без этого.

Я подождал, пока народ поспорит и поорет всласть, переберет старые обиды, нанесет новые (драки пресекались моими дренгами, взятыми как раз на этот случай), и наконец, примерно часа через два, собравшиеся обратятся ко мне с правильным вопросом: скажи, господин, что же нам делать?

– Обедать! – заявил я. – А после обеда я скажу вам, как избежать беды!

Когда я вернулся на свой ярлский стул, народ уже покушал и ждал моего откровения.

– Двести молодцов! – провозгласил я. – Две сотни лучших охотников, молодых, дерзких, а главное – метких. Лучше из тех, кто уже побывал в бою. Вы пришлете их через седмицу, а я уж постараюсь, чтобы свеи больше вас не грабили!

Тут же поднялся ор. Большинство, забыв о нарисованных мной перспективах, выражали бурный протест. Забрать две сотни охотников, причем лучших, в самый сезон! Это невозможно! Это просто гибель!

Дав им повопить, я кивнул Стюрмиру, и тот рывкнул по-скандинавски:

– Чтоб вас тролли сожрали! А ну молчать!

Вряд ли большинство присутствующих поняло точный смысл сказанного, но акустический удар сделал свое дело. Галдеж прекратился.

Чтобы говорить дальше, мне пришлось прибегнуть к помощи Сохроя.

– Гибель, – сказал я, – это когда придут свеи и сдерут с вас шкуры, как с куниц.

О! Теперь наступила настоящая тишина. Все поняли, что это не художественный образ, поскольку знали, как обошлись свеи с пленниками этой осенью.

– Я возьму у вас двести охотников и научу их, как бить свеев! – заявил я собравшимся. – А они, если захотят, научат других. И тогда всякий, кто захочет вас обидеть, жестоко об этом пожалеет.

Идею не восприняли. Сразу несколько человек закричали, что, мол, простому охотнику никогда не победить викинга. Мол, стрелы от них отскакивают, а людей они убивают так же быстро, как ласка хватает мышь.

– Спроси их, Сохрой, есть ли здесь те, кто стоял со мной на стенах, когда мы надрали свеям холки?

Таких оказалось немного. Всего четверо. Двоих я даже помнил.

– Вы видели, как умирают воины, – сказал я «ветеранам». – Точно так же, как и другие люди. Достаточно одной метко пущенной стрелы.

– Но тогда рядом с нами был ты, ярл, и твои люди! – возразил мне один из «ветеранов». – И вы убили куда больше, чем мы. Не будь вас, мы бы все погиб-

ли!

– Это потому, что вы не умеете сражаться! Видите этих четверых? – Я указал на дренгов-весаев. – Еще летом они были такими же охотниками, как и вы. Теперь они воины. Да, не такие сильные и умелые, как он, – я кивнул на Стюрмира, – но случись им драться четверым против одного, я бы поставил на них.

Стюрмир хмыкнул. Ну да, я немного преувеличил. Хотя совсем немного. В четыре лука они всё же создали бы дану очень серьезные проблемы.

– Дайте мне две сотни своих парней, и я сделаю из них воинов! – провозгласил я. – Мне неважно, из каких родов они будут. Хотя все из одного или двух. Но после моего обучения в этих родах появятся настоящие воины. Да, эти роды набьют за эту зиму немного меньше пушного зверя, но тем, кто силен, не обязательно бить зверя. Воинам добычу дарят люди, а не лес.

Задумались. Переглядываются. Народ здесь простой и думает не быстро. Но мои слова, уверен, запали в каждое сердце. И каждый представил, что будет, если у кого-то в роду окажется много воинов, а у кого-то – ни одного. Тут даже к гадалке ходить не надо, чтобы понять, кто кого построит. Без всяких свеев, что характерно.

– Думайте! – сказал я и ушел, предоставив кирьялам самим принять решение, которое я знал заранее.

Нет, совещались они долго. Местные шаманы тоже не остались без дела: стучали, пели, плясали, пускали дым. В общем, активно общались с непредсказуемыми потусторонними сущностями.

Однако в итоге получилось именно так, как я и ожидал. Вовсе не угроза свейского нашествия оказалась самым действенным аргументом. Люди везде одинаковы. Внешний враг – он и есть внешний. Куда важнее, чтобы сосед не стал круче, чем ты.

Так что через семь дней я получил своих рекрутов. Плюс двухмесячный запас питания на каждого из них.

А как иначе? Это ж не мои люди. Довольно того, что я буду их учить, а кормежка – это не моя забота. Пока. Ну а если кто-то проявит большие способности и пожелает пойти по пути воина и дальше, то почему бы и нет? В моем хирде много вакантных мест.

Глава 18 Дела ополченческие

Выглядели мои новобранцы не особо боевито. Хотя укомплектованы были полностью. Если бы мне нужно было сделать недельный марш-бросок по зимнему лесу, с такими парнями – без проблем.

Неплохо у них обстояло и с маскировкой. Охотники же.

А вот луки у всех – весьма посредственные. И стрелы тоже. Половина вообще с костяными, а не металлическими наконечниками.

Ну да. Белке, кунице или собольку[237] хватает. Но даже те, что с железными, не впечатляют.

Подстрелить зайца? Не вопрос. А вот вывести из строя бронированного мужика – вряд ли. Разве что в ногу попасть метров с пятнадцати-двадцати. Однако на такую дистанцию еще подобраться надо. И так, чтобы этот викинг тебя не заметил. Не то швырнет копьё – и нанижет стрелка, как свинью на вертел. Да что копьё. Тот же Стюрмир может нашего охотничка положить простой ка-

менюкой. А на приличном расстоянии такая стрелка даже меховые штаны просечет разве что самым кончиком и не остановит ворога, а только разозлит.

Кроме луков часть новобранцев приволокла с собой копьа (вот молодцы!), кое-кто приделся в местной работы нагрудники из толстой кожи. А с десятков побогаче даже нашили на шапки металлические полоски. Нагрудники я сразу велел снять. Толку от них против настоящего оружия – ноль, а подвижность снижают. То же и с головными уборами. Я вызвал одного их таких, заставил чуток попрыгать, и наголовное защитное сооружение тут же съехало герою на глаза.

Проведя это показательное выступление, я объявил, что те, кто покажет себя крутыми парнями, получат настоящие шлемы. Если захотят.

Надеюсь, не захотят. Для той стратегии, которую я для них приготовил, защитное вооружение не понадобится.

А вот их стрелковые качества поднять можно и нужно.

С типично охотничьими луками я ничего поделать не могу. Может, Бури что-то подскажет. А вот со стрелами разобраться реально. Древки они сами сделают. Наши спецы подскажут, как и из чего. А наконечниками мы их снабдим. Железа до фига, и кузнецы тоже имеются. Выкуют по форме, закалят и будут у кирьялов весьма опасные жальца. Останется только приучить их работать на дистанции вдвое большей, чем привычная. И обучить хотя бы первичным навыкам тактики и слаживания. А также выбить из них родоплеменные привычки, приучив к воинской дисциплине.

Последним я занялся лично. Оглядел толпу, уже разделившуюся на кучки по родоплеменным признакам, и скомандовал построиться в три шеренги. А чтоб процесс не занял полдня, велел моим дренгам оказать лесовикам практическую помощь.

Они и оказали. Активным физическим воздействием, время от времени даже пуская в дело древка копий.

Кому-то, ясное дело, такие методы не понравились, и в результате недовольным прилетело тройной мерой. Нескольких орлов, попытавшихся вступить за родню, выдернули из строя, и Стюрмир при помощи переводчика Сохроя донес до них простую мысль: если кто не хочет стать воином, пусть так прямо и скажет. И отправляется домой – стрелять белок. И что на первый раз за протест никто наказан не будет, а в дальнейшем нарушители будут биты очень, очень больно.

Тут подключился я и заявил: всем, кто не готов терпеть сопутствующие обучению суровости, выйти из строя и двигать по месту жительства.

Никто не вышел. Ну, кто бы сомневался. Их выбрали старейшины. Оказали честь. И теперь свалить домой?.. Это значит и род подвести, и слабаком себя показать.

Нет, в процессе обучения наверняка кто-то отсеется. Но не сегодня.

Следующий пункт: разбить новобранцев на команды. И так, чтобы никакой семейственности.

Чтобы понять, кто с кем дружит, я предложил им разбиться на группы самими.

И они разбились ожидаемо. По родственному признаку. В результате получились кучки, во-первых, разной численности, во-вторых, с традиционно установившимися лидерами. Но польза от первого построения была несо-

мненная. Теперь я знал, кого и с кем ставить нельзя. Вдоль самоорганизованного строя прошлись мои хускарлы и старательно перемешали новобранцев, разбив на три группы по тридцать отделений в каждой. По семь человек в каждом отделении.

Сначала я хотел сделать традиционные десятки, но подумал, что семь – тоже хорошее число, и остановился на нем. Тем более что точное количество новобранцев было двести тринадцать. Так что одна семерка все же стала десятком. Временно.

Потом мы провели стрельбы. И по результатам оных в каждой семерке был назначен лидер.

Затем этих лидеров собрали отдельной кучкой, и с каждым из тридцати победителей была проведена беседа. Цель: определить трех будущих командиров «подразделений». Понятно, что командиру одной меткости уже недостаточно. Так что мы втроем с Бури и Гуннарсом устроили каждому небольшой экзамен и определили наиболее подходящих кандидатов.

Велев Лосенку добить «похудевшие» семерки до полного комплекта за счет троих из десятка, я построил будущих командиров в коротенькую шеренгу и некоторое время молча на них глядел, нагнетая напряжение.

Парни занервничали. Всё же непонятно, что сделает с ними грозный ярл. Но никто не запаниковал. Умение держать чувства в узде было одним из качеств, по которым выбрали именно их.

– Вы займете места вождей, – наконец порадовал я тройку успешно прошедших собеседование. – Так что отныне забудьте ваши старые имена, – объявил я будущим лидерам. – Первый, Второй и Третий. Так мы вас будем звать. У каждого из вас будет в подчинении десять семерок. А над каждым из вас будет стоять мой хирдман. Он будет говорить вам, что нужно, а вы будете его слушать и учиться. И если он скажет, что вы не годны для такого дела, то вы отправитесь командовать семерками, а на ваше место встанет другой. Всем всё понятно?

Да, им было понятно. Все трое, молодые крепкие парни, не лишённые интеллекта, отваги и честолюбия, так и лучились радостью. Ещё бы: их сделали старшими.

– И вот вам первое задание: назначьте старших в семерках, в которых вы стали лучшими в стрельбе. И не ошибитесь. Если ваша замена окажется негодной, то вы сами встанете на их место, а главными вожаками станут другие. Действуйте!

И новоиспеченные лидеры умчались выполнять задание.

После чего я собрал своих и поставил задачу уже им.

Пункт первый: традиционная физическая подготовка молодняка. Довольно простая задача, потому что красться и прятаться они уже умеют, и физическая форма у них вполне приличная.

Пункт второй: работа с оружием и работа в строю – для общего развития.

Пункт третий: собственно стрельба из лука.

Пункт четвертый и главный: залповая стрельба по заранее намеченной цели. Цель намечает лидер семерки, следовательно, с ними надо провести отдельную работу по приоритетам. Также – передвижение группами и взаимная подстраховка.

В целом же картина боя должна выглядеть так. Сначала стреляют все вме-

сте, потом, если противник не уничтожен и не обратился в бегство, а наступают, – все отходят. Но отходить нужно грамотно, семидесятками, по очереди, прикрывая друг друга и заранее определяя новую позицию. А в том случае, если атака врага остановлена нашими тяжеловесами, то не отходить, а обходить с флангов и стрелять во вражеские спины. В общем, маневренный дистанционный бой, заточенный как раз против тяжелой скандинавской пехоты и использующий преимущества стрельбы из лука перед копьеметателями.

Убедившись, что Бури, Гуннар, Тьёдар и Вифиль задачу поняли, я предоставил им полный карт-бланш, а также Тулба, Лосенка и Комара в качестве дублеров Первого, Второго и Третьего. Дренги авторитетом нажмут и личным примером, а главное – сами потренируются в руководящей работе.

Напутствовав учителей и учеников бодрым «Работайте!», я по утоптанной тропинке через реку отправился на остров. Тренировать себя. В мои тридцать с хвостиком, чтобы поддерживать себя в форме, надо регулярно грузить тушку. Ну и с «открытием Врат» тоже стоит попрактиковаться. Как знать, может, чем чаще я буду окунаюсь в искрящийся мир моего Волка, тем легче будет у меня получаться. Ну и не буду врать: нравилось мне это дело. Такой кайф!

Вечером я устроил совещание. Световой день к этому времени давно закончился, новобранцы поели и распределились на ночлег. Гуннар разместил их вне крепости: в просторном доме, разделенном на клетки, который обычно использовался под склад, и в двух пустых корабельных сараях. Не скажу, что в этих помещениях было тепло, но всяко лучше, чем на улице. Хотя и снаружи мороз был вполне терпимый: в районе минус пяти по моим ощущениям. Если температура упадет, надо будет что-то придумать с обогревом, но пока сойдет и так.

Совещался я, понятно, только с «инструкторами». За ужином, который и так для нас задержался.

Первым высказался Гуннар. В целом он оценивал ситуацию позитивно, но отметил, что у кирьялов – повышенный уровень внутрисоциальной агрессии. Постоянно задираются к представителям других родов. И внутри семерок тоже климат напряженный. Как с этим бороться, он не знал. У викингов обычно обучают бойцов по-другому: разбавляют молодняком опытных бойцов.

Потом выступил Бури и сообщил, что стрелять умеют все (что понятно), но неправильно, так что придется переучивать.

Остальные присоединись к мнению Гуннара, и все вместе сделали общий вывод, что сформировать боеспособное соединение за пару месяцев точно не удастся.

– Что значит, не удастся? – возмутился я. – Есть такое слово «надо»! Что делать, чтобы отбить у них желание межродового соперничества, я вам скажу. А что касается переучивания, то, Бури, не надо переучивать всех. Выбери тех, кто сможет стать нашим дренгом, таким, как Комар и Лосенок. Вот с ними работай отдельно. А остальные пусть учатся стрелять залпами в определенную цель и правильно перемещаться. И не надо им стрелять далеко. Меня устроит, если большинство из них будет уверенно поражать цель с шестидесяти-семидесяти шагов. С их луками можно что-нибудь сделать?

Бури покачал головой:

– Только выдать им новые. А новые сделать не из чего.

– Может, просто сделать их подлиннее? – предложил я, вспомнив английские луки.

– Я же сказал: не из чего! – фыркнул Бури, но потом все же вспомнил о субординации и добавил: – Ярл.

Ну да. Что-то я туплю. Тут нужна специальная древесина, высушенная и выдержанная определенным образом. Ладно, это не моя компетенция.

– Пусть стреляют из своих, – решил я. – А по поводу драчек – наказывайте. В первую очередь зачинщиков, а еще лучше – всю семерку.

Коллективная ответственность – рулит.

– Не бейте, а... – я задумался. Бегать и отжиматься? Так снег вокруг. – Надо что-нибудь на выносливость. К примеру, держать лук выпрямленной рукой, пока старший не скажет: хватит. В общем, придумайте что-нибудь. И устройте состязания между семерками. Призы лучшим и наказание – худшим. А победителям – по серебряному дирхему.

– Не многовато? – усомнился Гуннар.

– В самый раз. И сразу объявите: победителям – серебро, трем лучшим – ведро пива, а проигравшим – неприятная хозяйственная работа. Допустим, дерьмо из выгребных ям вычерпывать и по огородам раскидывать.

– Рабская работа, – проворчал Гуннар.

– Вот и хорошо. Тем больше будет желание победить.

Когда твой родович пиво пьет, а ты дерьмо черпаешь, это малость ослабляет семейные связи. Кнут и пряник.

– Бури, по стрельбе. Семерка, которая хуже всех, а также те, кто ленится или прекословит, отправляются на следующий день на охоту. Пусть лосей бьют, пищу добывают.

– Думаешь, ярл, это будет наказанием? – усомнился Бури.

– Будет, – заверил я. – Потому что мы назовем это наказанием. И посулим, что самых упертых вообще отправим домой. Кто не хочет стать воином, недостойн им быть. Как весяне справляются?

– Неплохо, – ответил Гуннар. – Не церемонятся.

– Многие им завидуют, – заметил Тьёдар.

– Вот и хорошо. Напоминайте почаще, что они еще полгода назад были такими же, как кирьялы сейчас. И, Бури, я, пожалуй, готов отправиться за хорошими луками. Что скажешь?

– Скажу, что далеко идти придется. Ближе Чернигова ты хороших луков не найдешь.

– Ладно, пусть не хороших, но получше, чем у наших кирьялов.

– Ну, такие и в Ладогe купить можно.

– Что ж, тогда в Ладогу мы и отправимся, – сообщил я. – Дней через пять.

– Я – с тобой! – немедленно заявила Заря, когда узнала о моем плане.

– Ясно, что ты со мной, куда ж мне без тебя, – вздохнул я.

– Ты не рад? – поинтересовалась девушка, ухватив меня за прилегающие к бороде бакенбарды.

– Бунт? – нахмурил я брови. – Нападение на ярла?

– Ага! – охотно согласилась Заря, опрокидывая меня на спину. – Сдавайся, Волк, ты побежден!

– Сдаюсь, – согласился я. – Пользуйся, победительница!

И она воспользовалась.
Но это уже личное.

Глава 19 Ладога, Гостомысл и превратности геополитики

Волхов не замерз. Вот это сюрприз! Середина зимы, а он течет как ни в чем не бывало. Разве что у берегов прихватило ледком.

Это что ж получается? Конец нашей роскошной ледяной трассе?

Нет, дорожку вдоль берега мы нашли. Не мы одни тут ходили. И даже наши сани не цеплялись о деревья. Почти. Но лошадкам стало труднее, несмотря на то что снег был утоптан лучше, чем это делал лыжами мой внушительный эскорт. Оспак, братья Крумисоны и Кель Длинный как представители тяжелой пехоты. Вихорёк, Тулб и Заря в качестве снайперской группы. Витмид в качестве универсальной военной силы, а также человека, который достаточно долго прожил в Ладоге в составе Рюриковой дружины. Ну и весянин Повторюха в роли дренга на побегушках.

При таком раскладе к нам не только ни один разбойник не сунется, но и в самой Ладоге никто не рискнет говорить со мной с позиции силы. Ну а чтобы выглядеть настоящим ярлом, я прихватил с собой дюжину кирьялов обоого пола, не отличавшихся боевыми качествами, зато прекрасно ходивших на лыжах и занимавшихся всякими хозяйственными делами, вроде обустройства лагеря, приготовления пицци и ухода за лошадьми.

Формально мы отправились за луками. Однако Бури, главного специалиста, я не взял. Поскольку Бури заявил, что мой сын и сам вполне справится. Не взял я и других «тренеров» кирьяльского ополчения. Коней на переправе не меняют. А крутизны нам и без них довольно.

Дорога вдоль Волхова оказалась людной: небольшие обозы, отдельные сани с разным грузом на конной и человеческой тяге и просто путники. Мы, как правило, обгоняли тех, кто двигался в попутном направлении. Но иногда обгоняли нас.

Дорогу нам уступали все. Большая часть даже поклоны била. На всякий случай.

А я всё ждал, когда же нас встретят те, кому положено оберегать безопасность Ладоги. Незнакомые вооруженные люди – это ведь потенциальная угроза.

Но ладожские власти, видимо, решили, что торопиться не стоит, и боевой отряд возник на нашем пути, только когда лес раздвинулся, уступив место возделанным землям, а впереди показалась собственно ладожская крепость.

Нас уважили. Выслали аж три десятка конников.

Я сделал знак своим: всё спокойно, и поприветствовал главного:

– Здорово, Бобрёнок! Как здоровье дядюшки? Я его просил за двором моим присмотреть? Всё хорошо?

– Ага! – осклабился Гостомыслов дружинник.

Он узнал меня и явно испытал облегчение. Десяток нурманов, возникших неизвестно откуда, – это напрягает. Могут таких дел натворить...

– После того как вы ушли, Сырога хотел землю снова себе забрать, но дядя поговорил с князем, и ничего не тронули.

– Вот и хорошо, – одобрил я. – Будет, где голову преклонить.

– А с чем приехали, Ульф-хёвдинг? – осведомился Бобрёнок.

Мы теперь ехали в окружении Гостомысловых дружинников, но угрозы с их стороны не чувствовалось. Скорее, любопытство.

– Я теперь ярл, Бобрёнок! – сообщил я. – Отбил крепость у свеев и держу ее. И земли вокруг. Неужели Трувор не рассказывал?

Бобрёнок покачал головой. Из уважения ко мне он спешился и пошел рядом, ведя коня на поводу. Хорошо, что я не убил его при нашей первой встрече. Нормальный парень.

Приятный сюрприз. Мое подворье на ладожском берегу было в полном порядке и вид имело обжитой. Из продуха шел дым, на самом подворье убран снег, дрова под навесом аккуратным штабелем.

Едва открылись ворота, как из дома выскочила Быська. Сердитая. Но мгновенно сменила гнев на благоговение, согнулась в пояс:

– Господин! Как мы рады!

Ну-ну.

Похлопал ее по жирной спине, скинул лыжи и вошел в дом.

О как! Мужик. И это не мой холоп Квашак. Незнакомая рожа. Еще пара девок на периферии, но они не в счет. Обслуга. А мужик не из холопов. Важный, осанистый.

– Ты кто? – осведомился я.

– Зимовод. – Мужик поднялся. С достоинством. – А ты?

Дерзко! Я шагнул вперед, взявшись за рукоять Вдоводела.

Но тут же ее отпустил. Не царское это дело – собственноручно мужичье карать. Тем более что за моей спиной уже нарисовались братья Крумисоны.

– Трюгви, вытряхни этого из штанов и спусти ему шкуру с задницы! – произнес я по-скандинавски.

Понял мужик или нет, но перепугался неслабо. Глазки забегали в поисках выхода, но выход был перекрыт, и мужик принял храброе решение: схватился за нож.

Трюгви ухмыльнулся и вытащил мечуган.

– Не калечь, – предупредил я, а то с него станется: отрубит руку и всё тут кровью забрызгает. А пол чистый.

– Господин!!! – просочившись мимо моих бойцов, вперед просочилась Быська. Бухнулась на колени: – Не убивай, господин! Он хороший! Муку привез! Два мешка! В подарок!

Муку, значит. Не будем уточнять, откуда такая щедрость. Тем более ответ интуитивно понятен. Стоит взглянуть на телосложение Быски и вспомнить о ее любвеобильности.

– Трюгви, повремени пока, – произнес я на языке викингов. И по-словенски, обращаясь к мужику: – Ты угрожаешь мне оружием в моем доме?

Мужик поспешно спрятал нож. Назвать эту зубочистку оружием – преувеличение. Но угрожал ведь.

– Прости меня, господин...

– Ярл! – перебил я его. – Так ко мне обращаться.

– Прости меня, ярл! Не знал, что это твой дом! Я не хотел...

– А теперь хочешь! – перебил я его снова. – У тебя, значит, лишняя мука есть? Ну так с тебя двадцать мешков, и будем считать, что ничего не было.

На бородатой морде выразилось явное облегчение. Легко отделался. Но я

нынче добрый:

– Быська! Мы с дороги и голодны!

– Сейчас, мой господин, мигом!

– А ты, Зимовод, бегом за мукой! Пропустите его.

Скинул шубу, шлем с меховым подшлемником, положил на лавку. Эх, сейчас бы в баньку да пивка... Но рано.

– Витмид, Вихорёк, Оспак, Трюгви, Траусти – вы со мной. Заря – ты здесь хозяйка. Если что надо, Кель и остальные тебе пособят.

Я поскреб шевелюру и вновь нахлобучил шлем.

Пора нанести официальный визит князю Гостомыслу.

О, совсем забыл! Подарочек. Насколько я помню, князь любит холодное оружие. В свое время я ему подарил кинжал. Нынче, пожалуй, меч преподнесем.

– Вихорёк! Принеси мне пяток приличных трофейных мечей из тех, что на продажу.

Клинки у всех – выше среднего. Качество одинаковое: хорошая скандинавская работа. Выбрал тот, у которого ножны не затерты. Вот теперь можно и прогуляться.

Первое, что бросалось в глаза при взгляде на ладожскую крепость – явные следы ремонта. И ворота выглядели посерьезнее, чем раньше. Ладожский князь сделал правильные выводы из прошлогодних событий.

У ворот нас встречали. И не кто-нибудь, а сам княжий боярин воевода Бобр.

– Здрав будь, Ульф-ярл! – добродушно пробасил он. Выходит, просветил его племянник насчет моего нового статуса. – Рад тебя видеть!

– И я, боярин! Здравия тебе! Спасибо за то, что приглядел за моим домом!

– Пустое, ярл. Так по правде. – Типичная варяжская поговорка, однако. – Князь зовет тебя в трапезную. Пойдем!

В трапезную? Как удачно. Братья Крумисоны очень оживились, когда Витмид перевел им краткую речь боярина. Качественно пожрать с дороги – что может быть лучше!

Да, мы как раз к обеду.

Сам Гостомысл восседал на председательском месте и питался. Пара знакомых бояр, два десятка полужнакомых дружинников, за женской частью стола – пяток особ слабого пола, оценить качество которых непросто, так как одежек на них – как листьев на капусте, а головные уборы примерно как у монашек. По закрытости, а не по роскоши.

Место справа от Гостомысла было свободно. Неужели для меня?

Гостомысл приветливо помахал мне рулькой:

– Ярл!

Ага. Этот тоже в курсе.

Той же рулькой обозначил своим дружинникам: освободить места повыше для почетных гостей. Те сдвинулись, не забыв прихватить посуду.

Мои, все, кроме Вихорька, немедленно метнулись за стол и, не дожидаясь, пока им принесут посуду и инструменты, принялись жрать и выпивать прямо из здоровенной емкости.

Нет, ну что за манеры!

– Позволь вручить тебе скромный подарок! – Я кивнул Вихорьку, и он под-

нес Гостомыслу меч. Тот обтер руки о шерсть тусовавшегося рядом пса и принял подарок. Вынул из ножен, одобрительно хрюкнул, повесил на спинку кресла, похлопал по скамье: мол, присаживайся.

Я отказываться не стал. Вихорёк вписался между Траусти и Оспаком. Места между ними не было, но Оспак чуток сдвинулся вправо, и место образовалось. Что характерно, потесненные Гостомысловы дружинники протеста не выразили. Вероятно, были знакомы с Парусом в те времена, когда тот служил Рюрику.

А приведший меня Бобр похлопал по плечу боярина, восседавшего ошуюю от князя, и обозначил жестом: освободи плацкарту. Боярин восторга не выразил. Я вроде помнил его рожу: один из тех, кто когда-то на совете, во время войны с Водимиром, больше всех орал, что плевать на Ладогу, а надо брать и грабить Водимиров град, пока хозяин в отлучке.

Бобр еще раз хлопнул боярина по плечу. Поувесистее. И, наклонившись, шепнул тому что-то на ухо. Боярин скривился так, будто вместо вина мочи глотнул. Но освободил место, которое немедленно занял Бобр.

– С чем прибыл в мой город? – поинтересовался Гостомысл.

– Купить кое-что надо. И продать, – пробормотал я с набитым ртом. Тоже ведь проголодался.

– А что сам?

– Так скучно на месте сидеть. – Я пригубил то, что налили в кубок. О, винище! Самое то к жареному поросенку.

– А я слышал, беспокойно в твоей новой вотчине. Сvei к тебе наведались.

– Как пришли, так и ушли. Кому я позволил. Больше не сунутся. А мне в крепости сидеть скучно. Я привык... путешествовать.

Гостомысл кивнул понимающе:

– С Рюриком, слышал, помирился?

– Вроде того.

– Это хорошо. Когда такие люди, как вы, обиду друг на друга держат – это неправильно. Рюрик большое дело затеял. Те, кто с ним, большую славу обретут.

– Знаю я это дело, – кивнул я. – Хочет взять торговый путь на полдень и под себя подмять.

– И не только, – строго произнес Гостомысл. – Не только путь, но и все земли окрест. Сумеет – великим князем станет.

– Это да, – не стал я спорить, налегая на поросенка. – Мне тоже пригодится.

– Верно, – согласился князь. – Через кирьялов по озерам идти не хуже, чем по Неве. Но я знаю тебя, ярл. Ты на своем острове сидеть не станешь. Не таков ты. Вон сюда сам пришел, хотя мог бы человека прислать. С Рюриком тебе – самое место.

Я посмотрел на князя в упор:

– Можно спрошу тебя напрямик?

– Спрашивай, – кивнул князь.

– Зачем ты за Рюрика ратуешь? Что тебе в этом проку? Вы не сопратители больше, а соседи, насколько я знаю. Дружить – это понятно. Но остальное – зачем?

Если он пытается спровадить опасного соседа, то напрямик об этом не скажет. Но я догадаюсь.

Вопреки ожиданиям, Гостомысл ответил прямо:

– Он зять мне. Его дети – мои внуки.

Исчерпывающе.

Поговорили немного о жизни. О политике тоже.

По косвенным признакам становилось понятно: не все у Гостомысла так гладко, как он хочет представить. Ладожское княжество здорово уменьшилось в размерах. Часть данников отжал себе Рюрик, но это Гостомысл принял спокойно. Однако варяги тоже его теснили. И Трувор, практически узурпировавший Плесков и окрестности, и Ольбард, постепенно бравший под контроль весь, подогнувший под себя здоровенный кусок Ладожского озера. Ольбарда понять можно: ему нужен свой личный выход на Балтику. Нужны опорные пункты на морском берегу. «Грозить шведам» и прочим скандинавам. Без моря варяжское сообщество превратится в одно из многочисленных здешних племен вроде тех же кривичей[238].

Гостомысл, далеко не дурак, понимал: если варяги станут главной силой на Ладожском озере и, более того, укрепятся на Балтике, то при желании они вообще смогут закрыть доступ к Волхову и, собственно, к Ладоге.

Меня это, кстати, тоже касалось. Путь «из выборжан в греки», частично контролируемый мной, тоже выходил на Ладогу. Впрочем, с Ольбардом мы как-нибудь договоримся. Может, и со свеями он мне подмогнет. Мой залив ведь тоже к морю открывается.

А вот с Гостомыслом Ольбарду договариваться не о чем, да и незачем. Нищает старая Ладога. Ожидаемым крахом закончился их бизнес со стеклянными бусинами в качестве платежного средства. Бусины стали просто украшением, а за дары леса теперь приходилось платить нормальными монетами. Да, у Ладоги оставался частичный контроль над Волховом и ладожским волоком. Но когда с одной стороны сей речной путь будет контролировать Ольбард, а с другой – Рюрик, с таможенными пошлинами особо не разбежишься. Вот такая нынче не радужная перспектива у князя, чьи владения когда-то доходили аж до Чудского озера.

– Что закупить-то хочешь? – спросил Гостомысл.

– Луки нужны хорошие. И стрелы.

Князь удивился. В его понимании мы, нурманы, больше по части колоть-рубить.

– Кирьялов моих вооружить хочу, – пояснил я.

– Рискуешь, ярл, – покачал головой Гостомысл. – Не боишься, что эти стрелы в тебя же и полетят?

Я пожал плечами. Акул бояться – в море не купаться.

– Ты у нас недавно, – заметил Гостомысл. – Кирьялов не знаешь. Их князя – зубастые. И не только в своих лесах. Уж поверь мне: я с ними бодался. А будет у них и оружие доброе, запросто могут тебя с твоего островка скинуть.

Ну-ка, ну-ка! Первый раз слышу, что у *моих* кирьялов, оказывается, и князя имеются.

Гостомысл с охотой дал пояснения. Оказывается, земли кирьяльские куда просторней, чем я полагал. И князя у них да, имеются. Но – много. И меж собой не сильно дружат. Ну да, что-то такое я уже видел на примере своих новобранцев. Объединяются же кирьялы исключительно при внешней угрозе.

– Что ж они тогда со свеями не разобрались, если такие грозные? – спросил

я.

Оказалось, пытались. Но потом свейский конунг пришел сам и привел с собой хирд почти из тысячи бойцов. И влупил кирьялам в их кожаных доспехах и домотканых портках по самое... В общем, крепко влупил. После чего кирьяльские вожди рассорились, упрекая друг друга в разгроме, и уступили свеям кусок территории. Который и достался мне по праву сильного.

Да, напрягает. Я не свейский конунг. Выставить тысячу хирдманов – это не про меня.

Я пригорюнился. Но ненадолго. Подумал: если *мои* кирьялы будут на моей стороне, то у остальных вроде как нет повода меня свергать. А если придут свеи, то сначала им придется пройти через меня. Значит, я могу стать таким буфером между главной частью кирьяльского народа и свейским конунгом. Так что всё не так страшно.

В общем, всё шло хорошо до появления «ансамбля». Мне уже доводилось послушать придворный шоу-коллектив Гостомысла, и желанием повторить я не горел. Так что, сославшись на то, что устал с дороги, я покинул пиршество. Со мной отправился верный Вихорёк. Прочие остались. Настоящий викинг на пиру ест, пока влезает, и пьет, пока не польется наружу.

Глава 20

Дела торговые и прочие

Гостомысл отдалился. Утром прислал мне пару вполне приличных луков и пригласил в гости. На обед.

Что ж, я не против. Но до обеда еще далеко, так что после завтрака я взял свою банду, и мы в полном составе отправились на торг.

Пусть земли у ладожского князя существенно убавилось, но на рынке это не сказалось. Торговые ряды занимали изрядное пространство. И кишели народом. Отроки Гостомысла, следившие за порядком, салютовали мне копьями. Уважают. Вспомнилось, как полгода назад я повстречался здесь со своим обидчиком Задореем и как он удирал от нас голышом. Презабавнейшее было зрелище, однако если бы я его тогда не отпустил, а по-честному вызвал на хольмганг и насадил на меч, это избавило бы меня от многих проблем. Тем не менее нет худа без добра: не окажись я в Задореевых лапах, не повстречал бы Зарю.

Рынок поражал разнообразием. Особенно по части мехов. Но меня интересовало оружие. И вот тут выбор был не очень. Не по количеству – по качеству.

Мечи местного производства. Примерно такие ковал мой холоп Квашак.

Копья, ориентированные в основном на охоту.

Топоры из сырого железа, годные для лесоруба, но не для воина. Парочка, впрочем, была ничего. Неплохое железо, подходящий вес, красивый узор. Однако ценник – заоблачный. И это хорошо. Поскольку я приехал не покупать, а продавать.

С броней, кстати, дела обстояли еще хуже, чем с атакующим оружием. Кольчуг не было вовсе, шлемы только самые простые. Или тяжеленные, или такие, что первый же приличный удар развалит на составляющие, поскольку клепка оставляла желать лучшего. Самым симпатичным был шлем из темной бронзы, отполированный так, что сиял на солнышке червонным золотом. Кабы под этой бронзой была добрая стальная основа, я бы его даже купил. Понтовая вещь. Но – увы. Этакая штука годна исключительно для парадов.

Мои разошлись по рынку. Заря убежала к украшениям. С ней увязались

Тулб и Кель. Один за подарочками для жены, другой – за компанию. Вихорёк тоже хотел, но я его притормозил. Мне нужен был спец по лукам. Свечи с Витмидом в качестве толмача двинули к продуктовым рядам, поскольку там было больше всего женщин. Думаю, они найдут свое счастье. Такие красавцы! И не набедокурят. Я строго-настрого предупредил: никакой крови. Если возникнет конфликт – вразумлять по-хорошему. Оспак Парус остался со мной. Решил поработать моим телохранителем. Что ж, я не против. Хотя не представляю, кто здесь рискнет поднять на меня хвост. Даже как-то неинтересно.

Нет, серьезные парни попадались. Я еще вчера заметил, что на берегу под наскоро сооруженными навесами зимует пара кнорров. А раз так, то и их команды здесь, в Ладоге. Опять-таки рядом со мной щупали железо двое варягов с длинными усищами и суровыми физиономиями. Мазнули по мне взглядами – и отвернулись. Мы были незнакомы.

Я двигался вдоль рядов, брал товар получше, осведомлялся о ценах, временами даже торговался, стараясь сбить по максимуму. Мне ведь нужен настоящий прайс, а не заряженный.

Наконец добрались до луков, и я уступил место Вихорьку.

Тот без восторга изучил предложение одного купчика, потом другого. Больше подобного товара никто не предлагал. Да и эти двое, судя по всему, работали в одну корзинку.

– Десятка два отобрать можно, – сообщил он мне. – Остальное – просто дрова.

– Спроси насчет цены. – Я кивнул на того, у кого было больше пригодного товара.

– Гривна за всё! – бухнул он, явно загнув цену вдесятеро.

Вихорёк скривился. Я поглядел на второго:

– А у тебя?

– Полгривны!

Я молча повернулся и двинулся прочь.

– Эй, нурман! Погоди! – заголосили мне вслед оба торговца.

Обернулся не я – Оспак. И не только обернулся.

– Господина звать – ярл! – прорычал он, нависая над ближайшим. – Смерти ищешь, смерд?

Тут уж и я обернулся, с удовольствием поглядел, как затрясся хапуга.

– Убей его, Оспак, – небрежно бросил я, – а мы пойдем. – И тут же добавил по-скандинавски: – Убивать не надо, просто попугай.

Оспак ощерился, потянул из ножен мечуган. Очень медленно потянул, чтобы торгаш проникся.

Купчик рухнул на колени:

– Смилуйся, ярл! Не убивай! Пощади! Луки так забирай, бесплатно! В дар! Только не убивай!

– Эй, ярл! Ты что это разошелся на чужой земле!

Варяги. Решили вступить за хапугу.

Я сделал знак Оспаку и Вихорьку: не вмешивайтесь.

– Сами – чьи? – спросил я с максимальной надменностью.

– Не твое дело, нур... ярл! – парировал один из них. – Это наша земля! Нечего здесь людей убивать.

– Что-то я вас у Гостомысла на пиру не видел, – произнес я, прищурившись.

Оба смутились. Переглянулись. Пришлые?

– Вы – Ольбардовы или Труворовы? Кому служите?

– Никому, – буркнул первый.

Значит, точно пришлые. О! Мои подтянулись. Витмид и братья. Хороший у них слух.

Теперь расклад: шестеро против двоих. Хотя сдается мне, на них и одного Оспака хватит.

Стоят, молчат. А ничего так парни. Прикинуты справно по здешним меркам. Не трусы. Стоят спокойно. За оружие не хватаются. Понимают: в драке им ничего не светит. Однако – в готовности. Без боя убить себя не позволят.

– Я Ульф-ярл, сын Вогена! – представился я.

Правила хорошего тона требуют ответа.

– Я Истр, – пробормотал один. За поясом у него даже не меч – секира.

– Синько Быстрый, – задрал подбородок второй.

У этого как раз меч. Но бронька такая же скромная.

– Сами откуда?

Переглянулись. Отвечать явно не хотелось, но при таком раскладе – придется. Я уже обозначил, что близко знаком с ладожским князем. А они – нет. Если я их убью, отделаюсь вирой. Небольшой, поскольку они здесь действительно чужие.

– Из Полоцка, – нехотя проговорил Истр.

– А что ушли?

– С воеводой не поладили, – это снова Истр.

– А воевода – варяг?

– Да если бы! – с горечью воскликнул Синько. – Воевода Андот – нурман! Из свеев!

Похоже, серьезные у них терки с бывшим начальником. И понятно, откуда такая неприязнь к людям Севера.

– Здесь зачем?

– Так вышло.

– А подробнее?

– А тебе зачем знать? – опять повысил голос Синько. Не знаю, насколько он быстрый, но дерзкий это факт.

– Ладно, меня не касается, – ослабил я вожжи. – А в спор наш зачем влезли?

– Не по Правде человека за простое слово убивать! – опять Синько. Смелый. Мне он уже нравится.

– А гривну серебром за четырнадцать луков лупить – это по Правде?

– Это смотря какие луки, – рассудительно произнес Истр. – За иной и за один гривны не жалко.

– А ты глянь, какие, – предложил я и сделал знак своим, чтоб пропустили варяга.

Тот посмотрел.

– Ну, что скажешь?

– По дирхему за штуку – хорошая цена, – сказал варяг, бросив на торговца укоризненный взгляд.

Так и есть. Цену задрал вдесятеро. Ну, наглец.

– Отсчитай, – велел я Вихорьку. – И второму по той же цене. И объясни ему, куда принести. А ты, – я даванул торговца взглядом, – если еще раз словчишь,

вот он, – кивок на Паруса, – кишки из тебя вынет и псам скормит. А ты на это глядеть будешь, пока не сдохнешь.

Впечатлился. Закивал мелко-мелко. Не удивлюсь, если в штаны напрудил. Может, я с ним и жестковато обошелся, но – не люблю жулье. Поднял бы вдвое от базовой цены, мы бы поторговались немного, и всё было бы мирно. С другой стороны, я бы тогда с этими двумя правдолюбцами поближе не познакомился.

– Так за что вас полоцкий воевода выгнал?

Ага. В точку попал. Не ушли, выставили их.

– Я ему перечить стал, – буркнул Синько. – Он меня и погнал. А Истр – со мной.

– Друзья мы, – подтвердил тот. – Как иначе?

– И что потом было?

– К Рюрику мы пошли, – на этот раз не стал упираться Истр. – Слыхали: он большую дружину набирает.

– Так и есть, – подтвердил я. – И что ж он вас не взял?

– Как узнал, за что нас воевода Андот выгнал, сразу отказал, – с обидой проговорил Синько. – Даже не проверил, что можем. Сказал: мне дерзкие не нужны.

– Что ж, правду сказал, – согласился я. – Ты и есть дерзкий. А в бою – такой же?

– А ты проверь!

Ух и нахальный этот усач! Что ж, сам напросился.

– Мне тебя проверять – чести много. С сыном моим попробуй.

Синько уставился на Вихорька... с сомнением. Ну да, тот смотрелся не опытным бойцом, а мальчишкой.

– А если зашибу? – с опаской поинтересовался варяг.

Мои заржали, Синько покраснел. Обиделся, похоже.

– Вихорёк, ты его пощупай сначала, – негромко произнес я. – Если негодный, выдай ему как следует, только не калечь.

– А если годный?

– Тогда я его к нам возьму. Так что тем более не калечь.

– Понял.

Вихорёк шагнул вперед и вынул мечи. Мои разошлись, образовав круг. Тут же стали подтягиваться зрители. Подошли и Гостомысловы отроки. Я сделал им знак: мол, всё в порядке. Поверили или нет, но вмешиваться не стали.

Синько шагнул навстречу. Меч у него был один и, увидав, что противник – с двумя, он осознал, что легко не будет.

Легко и не было. Было больно. Вихорёк гонял его в кругу, как лису по псарне. Ни мгновения передышки. Щит ухитрился вышибить где-то на второй минуте. И принялся лупить по рукам, по ногам. Всё – плашмя, но всё равно больно.

Варяг и впрямь оказался быстрым, но моему сыну проигрывал вчистую. И практически сразу это понял.

Но не сдавался. Оборонялся, как умел. Со стойкостью у него всё в порядке. И вспыльчивость свою он тоже оставил за кругом, что радовало. Пожалуй, он мне пригодится.

– Довольно! – скомандовал я, и Вихорёк мгновенно отступил. В отличие от

Синько он даже не запыхался.

– Теперь ты, – я указал на Истра.

– Мне зачем? – набычился тот.

– Боишься?

– Так он всё равно меня побьет!

– А в бою ты тоже так? – прищурился я. – Если враг сильнее, сразу бежать?

– Так то в бою.

– В круг! – рывкнул я. – Живо!

И варяг подчинился.

И избиение повторилось. С такой разницей в классе – не удивительно. Однако, на мой взгляд, и этот вполне тянул на дренга. С топором управлялся более-менее прилично. Хотя на таком уровне уже меч положен. Меч, помимо всего прочего, еще и статусное оружие. А топор – скорее вспомогательное. Минус для обоих – возраст. Под тридцать.

Но не будем придирааться. Обученные бойцы мне очень нужны.

– Значит, так, – сказал я, оглядывая потирающих ушибы сконфуженных варягов. – Я готов вас взять. Обоих. Дренгами. Это отроки по-вашему, только лучше. Ты, – взгляд на Синько, – будешь очень старательно следить за языком. Иначе отрежу. Времени на раздумья не дам. Согласны?

– Да! Да! – тут же ответили оба, даже не спрашивая о прочих условиях. Похоже, мой сын их впечатлил. Да и остальные тоже. Сразу видно – элита.

Когда мы вернулись в мое «поместье», там уже дожидался боярин Бобр.

– погоди, – остановил я его, прежде чем он успел что-то сообщить. Изложить. – Подарок тебе! – И я вручил ему заранее припасенную кольчугу из просторных. Не скажу, что хорошую, но по здешним меркам вполне годную. Из тех, что я привез на продажу. Подороже меча, которым я одарил Гостомысла. Ну да тот отдался еще скромнее.

Бобр проникся. Обниматься полез. Ну да, щедрый подарок.

– Для друга не жалко! – объявил я, чем растрогал боярина до слез.

Потом мы отправились в дом. Выпить по чарке. Но перед этим я кликнул братьев и велел проверить, как новички работают в паре.

Пиво нам подала Заря лично. Бобр ее узнал, поздоровался вежливо, а потом поинтересовался тихонько: в каком качестве здесь находится дочь изборского князя?

– Хозяйка, – кратко ответил я, и больше мы эту тему не затрагивали.

Боярин уже знал, что мне требуются луки, и намеревался продать партию. Но теперь, когда оказалось, что мы друзья, он заявил, что вручит мне их в подарок. Я согласился, но предупредил, что возьму не больше трех. А остальные – по бартеру. То есть – обменяемся подарками.

Потом мы вышли прогуляться по Ладоге. Я с Вихорьком и Кёлем Длинным и Бобр с парой собственных дружинников.

Городок уже отстроился после летних невзгод, и жизнь в нем кипела всю. Ремесленники ремесленничали, торговцы торговали. Волхов не замерз (Бобр сказал, он вообще зимой не замерзает), но санный путь по берегу функционировал, и караваны пусть и не часто, но приходили.

Я осведомился насчет застрявшего на зимовку кнорра и получил ответ, что парни из солнечной Норвегии припозднились и решили не испытывать судь-

бу. А, может, хотят стать первыми на весеннем рынке. Квартировали они у одного из местных, арендовав на зиму дом. Было их десятка полтора и проблем они, как сообщил Бобр, не создавали. А создадут – тем хуже для них, заверил меня боярин. Ну да. С полутора десятками норегов Гостомысл как-нибудь управится.

– А какие у меня планы, – поинтересовался боярин. – Куплю, что нужно, – и обратно?

Я пожал плечами. Если откровенно, возвращаться на остров мне не хотелось. Может, пробежаться к Белозеру? Или по окрестностям. Имеется у меня тут одно незавершенное дельце, о котором я Бобру говорить точно не стану.

– А к тестю в Изборец? – уточнил боярин.

– Это вряд ли, – ответил я. – У нас сложные отношения.

– Не простил? – проницательно предположил Бобр.

– Простить-то простил. Но только потому, что обстоятельства так сложились.

– Ну-ка, ну-ка! – оживился боярин.

Оказывается, он был не в курсе замечательного рейда Ульфхама Трески и Трувора, который для последнего окончился так себе, а для первого вообще летально.

Я рассказал. В подробностях. А почему бы и нет? Об этой битве знает не так уж мало народа.

Бобр слушал весьма эмоционально. Вскрикивал, хлопал себя по бедрам, хохотал...

Особенно ему понравилось, как я подставил Рюриковых парней под удар свеев, нарисовав красного сокола на парусе. И то, что Ульфхама убила Заря. Не любил он, оказывается, этого дана. Тот его то ли унизил, то ли обманул. Но свести счеты с ближайшим помощником Рюрика было трудновато. На поединок не вызовешь: Треска стоил троих таких, как Бобр, а жаловаться... Жаловаться ему, целому боярину, стыдно. Да и бессмысленно.

А я спросил напрямик:

– Скажи, что будешь делать, когда Гостомысл потеряет власть?

– Думаешь, он ее потеряет? – насторожился боярин.

– Его теснят, сам видишь.

– Зять заступится, если что, – не слишком уверенно проговорил Бобр.

Я поднял бровь:

– Рюрик? Он заступится. Проглотит и облизнется. И будет Гостомысл при нем... тестем. У тебя с Рюриком вообще как?

– Не враждуем, – буркнул боярин.

– Тогда, может, он тебя и не тронет. Пока.

– Пока мои земли не приглянутся кому-то из его приспешников, – проворчал Бобр.

Он знал, как в этом мире делаются дела.

– Знаешь, – сказал я, – к себе я тебя звать не стану. У меня тоже всё непрочно. Но если окажется так, что тебе понадобится помощь, я смогу ее оказать, можешь на меня рассчитывать.

– А ты – на меня! – твердо произнес боярин.

Всё же классный он мужик. Твердый, верный и честный. И с ним мне намного приятней, чем с Гостомыслом.

Однако надо идти. И именно к Гостомыслу. От княжеских предложений не отказываются.

По пути заглянул к себе.

Проверка варягов закончилась. Видно было: досталось им неслабо. Но резюме братьев Крумисонов оказалось благоприятным. В строю стоять могут и с копьями управляют неплохо.

– Что ж, – решил я, – надо вас тогда приодеть. Витмид, поищи им кольчужки по размеру из тех, что мы привезли. Мои бойцы в чем попало не ходят. Потом серебром отдадите. Когда будет. А этому, – кивок в сторону Истра, – меч. Как, управляться умеешь?

Варяг активно закивал:

– Был у меня меч. Продать пришлось.

– Сейчас-то деньги есть?

– Есть чуток.

По лицу видно, что именно чуток.

Я полез в кошель, отсыпал на ладонь немного и протянул Истру:

– Мои хирдманы бедными не бывают. А меч больше не продавай. Никогда. С мечом будут у тебя и деньги, и слава, а без него ты – никто. Сейчас двигайте за вещами и сюда. Здесь жить будете. Долг за обновления вернете с первой добычи.

– С первой? – влез Синько. – А если не хватит?

– Хватит, – заверил я. – Я же сказал: у меня бедных хирдманов нет. Догадываетесь почему?

– Надеемся, – осторожно ответил Истр, заработав еще один балл к репутации. – И слово даем: долго в должниках твоих ходить не будем.

Как в воду глядел. В темную, к сожалению.

Гостомысл на сей раз принял меня лично. Без посторонних, если не считать отрока, подливавшего в кубки. Жаль. Пожрать бы я не отказался.

– Слыхал, у тебя есть оружие на продажу?

– Есть, – не стал отрицать я.

– А откуда, не скажешь?

– Железом поторговал.

Не понял.

– Свечи принесли, – пояснил я. – И мне оставили. В Валхалле им другое дают.

Не сей раз дошло.

А он, похоже, опять болеет. Но на этот раз я ему ничем помочь не могу. Отца Бернара я оставил на острове.

– Продашь?

– Мне деньги не нужны.

– Луки? – догадался он. – Много?

– Сотни полторы. И хороших.

– У меня столько нет, – признал Гостомысл. – Знаешь же: товар неходовой. У нас с луками больше охотники играют.

Да, я в курсе. Подготовить по-настоящему хорошего стрелка не проще, чем дружинника. И это при том, что будет кому учить.

– Хороших десятка три в оружейной есть, наверное, – продолжал Гостомысл. – Пришли своего человека, пусть выберет. А ты сам прикинь, что взамен.

– Мечи у меня. И копья. Шлемов с десятков хороших. Еще бронь. Обычная пластинами. Этой десятка два. И четыре кольчуги. Что больше нужно?

– Кольчуги и мечи! – мгновенно ответил Гостомысл. – Нурманской работы. Есть такие?

– Найдутся. Шлемы, кстати, тоже хорошие. И ценой подешевле кольчуг, – я усмехнулся.

– Тогда так: глянь на мои луки и сам потом реши, чего и сколько за них отдашь.

Хороший ход. Без торговли. На честность. Знает, что я не обжулю.

– Договорились.

– И еще вот что: если ты тут удержишься на пару недель, я попробую тебе луков еще добыть.

Было видно, что Гостомыслу очень не хочется упускать мой товар. Скандинавы, конечно, везут в Ладогу оружие, но цены ломают – только держись. А я не буду.

– На месте сидеть не обещаю, но еще пару недель домой не пойду, – ответил я.

Знаю, где он луки будет брать. В том же Новом Городе, например. Я бы и сам мог, но не хочется лишний раз с Рюриком пересекаться, да и нет у меня нужных торговых связей.

А у Гостомысла – есть.

– Ну и славно. А теперь пойдем потрапезничаем, – сказал князь, тяжело поднимаясь со стула.

Кто бы отказался.

Глава 21

Дела торговые и прочие (продолжение)

– Значит, так, – сказал я бойцам, когда все имеющиеся в запасниках Гостомысла приличные (Вихорёк выбирал) луки перекочевали в мою кладовку. – Быть нам здесь еще две недели. Но не всем. Шестеро из вас отправятся со мной в недалёкий поход.

Заинтересовались. Очень. Не стал их мучить неизвестностью.

– Со мной пойдут Вихорёк, Витмид, Оспак и братья.

– А я? – тут же вскинулась Заря.

– А ты, услада моего сердца, останешься здесь хозяйкой. Кель! Помогаешь моей жене во всем. Если кто из воинов или холопов забалует...

– Понял, ярл! Шкуру со спины полосками срежу.

Викинг – это пожизненно.

– Шкуру не надо, а вот наказать строго – непременно.

Длинный кивнул.

– Дренгов гонять, баб не портить. Без их согласия. Если с местными нелады будут, обращайтесь к боярину Бобру. Мы друзья, он поможет. Заря, ты старшая. Что не так – с тебя спрошу!

Зарделась. Ей семнадцать, а уже поставлена старшей не над холопами, а над воинами. Польщена. Ничего. Пусть привыкает. И теперь точно обиды не затаит, что с собой не взял.

А с собой я никого из словенского корня брать не хочу. Для такого дела лучше скандинавы. Ну и Вихорёк. Потому что у него главный бог – это я.

– На лошадях пойдём, – сообщил я. – В седле все держатся?

Пять кивков. Викинги верхом – прилично. Точно лучше меня до того, как меня взял в обучение французский шевалье. Ездят, но не воюют. Ну как не воюют... Когда надо, и копьё с седла метнуть могут, и мечом рубануть. Просто на своих двоих в строю им надежнее.

– У нас всего три лошади, – напомнил Витмид. – Может...

– Не может, – перебил я. – Надо купить ещё четыре. Нет, лучше пять.

Лучше перестраховаться.

– Кто разбирается?

– Мы, – к моему удивлению, хором сообщили братья.

– И я, – присоединился к ним Вихорёк.

– Вот вы и займитесь. Берите таких... неприхотливых. Чтобы могли и снег копытить, и ночью не мерзли. Овса тоже возьмите, сколько надо. Мы уходим примерно седмицы на две. Большею частью – по дорогам, но и по лесам тоже придется. Так что готовьтесь. Заря, Витмид – это на вас. Если чего нет, покупайте. Не хочу, чтобы кто-нибудь что-нибудь отморозил. Вы мне все целыми нужны. Всё. Действуйте.

Пока мои готовились к походу, наведаясь к Квашаку.

Обустроился мой холоп, приборохлился. Подворье просторное, кузня, служебные постройки. В одной увидел с десятков криц из сырого железа: сырье.

Сам Квашак работал. Лупил молотом по заготовке, которую вертел клещами помощник. Второй подмастерье качал меха.

Увидав меня, Квашак работу прекратил, поклонился в пояс.

По нашей предварительной договоренности ему пахать на меня еще полгода. Но я не буду его отпускать. Со мной ему лучше. Оброком я не изнуряю, а считаться моим человеком ему на пользу. Мало кто рискнет обидеть. Тем более, в случае чего, Квашак может у меня в доме ночевать и еще какими-нибудь преимуществами холопства воспользоваться. В частности, меньше вероятность, что его кинут здешние торгаши. Это ж фактически не его, а меня.

– Как дела идут? – поинтересовался я.

Квашак понял по-своему. Метнулся в пристройку, что при его габаритах выглядело забавно, и вернулся с увесистым кошельком:

– Твое, господин!

Ну да, моя оговоренная долька от его дохода. И солидная такая долька, граммов на двести тянет.

Я вернул кошель обратно.

– Работой отдашь. Мне нужны наконечники для стрел. Граненые, иголки и топорики.

– Топорики – это как? – Квашак почесал черную от сажи грудь.

Я нарисовал на снегу. В фас и в профиль. В натуральную величину.

Квашак повторил рисунок угольком на кусочке кожи.

– Зачем они, господин? – уточнил он.

– Щиты колоть.

– Ага. Значит, хвостовики трубкой делать.

Он туповат, Квашак. Все бытовые решения, подозреваю, за него принимает

сестра Быська. Но когда дело касается работы, мозги его начинают шевелиться бодрее.

– Топориков сотню, остальных – сколько успеешь. Железа хорошего прикупить надо?

– Не. У меня есть! – Квашак ослабил, явно довольный своей рачительностью.

– Молодец! – похвалил я. – Жениться не надумал?

– А зачем? Ко мне бабы сами лезут! – Он заухмылялся еще шире.

Ну да. Парень молодой, здоровенный, да и собой хорош. По местным меркам.

– А Быську – замуж? Я б и приданое дал...

Ухмылка стала кривой:

– Дык, приданое у нас есть. Не хочет она, тетёшка![239]

– А поучить не пробовал?

– Дык... Жалко.

Ладно, всё понятно с этой семейкой.

У меня к ним особое отношение. Как-никак, первые люди, которых я встретил здесь. Так что давить не буду. Тем более пользы от них немало. Хотя и им от меня – тоже. Прошлым летом я их из трюма работорговцев вынул.

– Князю долю платишь?

Помотал головой:

– Я ж твой, господин.

Ах да, верно. За холопов налог платит хозяин. Что ж, с Гостомыслом мы как-нибудь сочтемся.

– Ну, будь здоров, Квашак! Иди работай!

Еще один визит: к Дедяте. Когда-то он и его артель были рядными[240] холопами князя Водимира. Теперь свободны. Во время набега на Ладогу водимировцев они как раз строили мой дом и дернули из него на моем «Северном Змее». То есть фактически уберегли мне корабль. Ну и себя заодно, потому что водимировские с беглыми церемониться бы не стали. Но за драккар их уже вознаградил, так что мы в расчете.

Дедята, определенно, поднялся. Двор как стадион, домина больше моего. Ну да, мастер он классный и заказов у него после всех ладожских бедствий было выше крыши. Не удивлюсь, если крепость тоже его команда отремонтировала.

Дома мастера не оказалось, но шустрый паренек из дворовых охотно вызвался проводить.

Артель, к моему удивлению, занималась не профильным строительством, а осваивала новую специальность. Кораблестроение. В большом сарае сверкал белизной отполированных шпангоутов «скелет» будущего судна.

– Хёвдинг! – обрадовался мне Дедята. – А мы тут, вишь, кнорр ладим!

Ух ты! Не какой-нибудь насад, а всамделишный кнорр. Неслабо.

– Вот он помогает. – Дедята показал на плечистого мужика с заплетенной в косицы бородой. Судя по одежде и роже, типичный скандинав. – Не за так, понятно. Мы им дерево хорошее дали для починки их корабля. А теперь по договору кормчий ихний нас учит.

А нормальный ход. Если Дедята научится строить не только дома, но и корабли по типу скандинавских, это ж будет настоящий прорыв местного судо-

строения. Корабли викингов – это настоящий шедевр своего времени. Высокие технологии Средневековья. Вот только успеют ли они достроить до весны?

– Нет, до весны не успеем, – ответил Дедята. – Но мы его кораблик видели, что к чему он рассказал... Разберемся и сами.

Я подошел поближе. Да, стройка в самом начале, насколько я могу судить. Народ прилаживает шпангоуты к цельному дубовому килю.

Норег-консультант глянул на меня настороженно: кто это здесь такой важный?

– Ульф-ярл из Сёлунда, – вежливо представился я, позабыв уточнить, что ярлство мое отнюдь не во владениях Рагнара, а совсем в другом месте. Впрочем, среди норегов титул ярла не редкость. У них и конунгов, пожалуй, раза в два больше, чем во всей остальной Скандинавии. Хотя тесть моего побратима Медвежонка, похоже, уверенно ломает данную традицию.

– Мелькольв из Ушплёнда.

Занятно. Ушплёнд – столица Хальфдана Черного, объединителя норегов. Хотя этот процесс скорее следует назвать поглощением, как правило, силовым и иногда весьма кровавым. Впрочем, есть и исключения. Например, область Хрингарики конунг приобрел в результате удачного, пусть и немного насильственного брака. Чему я был не только свидетелем, но и лично поучаствовал в освобождении невесты из лап свирепого берсерка.

– Вот как! И как поживает ваш конунг?

Мелькольв метнул в меня подозрительный взгляд.

– Я потому спрашиваю, что брат мой на его дочери женат, – пояснил я как можно более добродушно. – И с конунгом вашим мы хорошие друзья. Гостил у него два года назад. Йоль вместе праздновали.

Не верит. Хальфдан Черный – это не какой-нибудь конунг из Нищефьорда. Он подгрел под себя здоровенный кусок будущей Норвегии и на достигнутом останавливаться не собирается. Не удивлюсь, если свободных фюльков в будущей Норвегии скоро не останется. А тут какой-то незнакомец утверждает...

– Не веришь, – диагностировал я. – Ну дело твое. Хотя в Ушплёнде меня многие знают, а уж брата моего младшего Свартхёвди, который на Фрейдис женился, у вас, думаю, знают все. Посмотреть, как он бился с Хареком Волком небось весь Ушплёнд собрался. Сначала они, а потом Фрейдис с Игге Хитрым. Ну да твое дело. – Я собрался вернуться в Дедяте, но Мелькольв меня окликнул:

– Погоди, ярл!

– Прости меня! – повинился он, когда я обернулся. – Трудно поверить, что здесь, в Гардарике, можно встретить друга нашего великого конунга. Но теперь я вижу: ты человек благородный!

– Я бы не назвал себя другом конунга, – уточнил я. – Сам знаешь, друзей у конунгов, особенно у таких, как Хальфдан, не бывает. Но мы знакомы, за столом вместе сживали, подарками обменивались, а если я когда-нибудь загляну в Ушплёнд, то мы наверняка попируем вместе. Но всё же не друзья, нет.

– Ты не только благородный человек, ярл, но и мудрый, – почтительно произнес кормчий. – Позволь пригласить тебя и твоих людей в гости! Уверен, мои сопалубники будут рады такому человеку.

– Что ж, отказываться не буду, – отозвался я. – Но не сегодня. И не в ближай-

шие дни. Дела, Мелькольв. Такие дела, что откладывать не стоит.

И которые явно не стоит откладывать ради очередной пьянки. Вот вернемся, тогда другое дело.

– Мы здесь до весны, – сказал кормчий. – И всегда будем рады родичу самого Хальфдана!

Вот и договорились. Я кивнул и подошел к Дедяте. Собственно, тоже попрощаться. Дел к нему у меня не было. Просто хотел убедиться, что человек, которого я когда-то взял под опеку, в порядке.

Глава 22

Три дня спустя. Крученая дорога и еще более заковыристые сны

Черт! Вернее, проклятый Локи! Я был уверен, что помню дорогу. И я бы ее вспомнил, будь дело летом. Но сейчас всё в снегу, и где та тропа, по которой мы срезали путь так, чтобы пройти подальше от Водиминова, а теперь Рюрикова Нового Города?

Надо было Квашака с собой взять в качестве следопыта. Я б ему производственные потери компенсировал. Однако теперь поздно. Ну не назад же возвращаться, в самом деле?

Нет, можно, конечно, пойти и простым путем. То есть подняться по берегу Волхова до Ильменя, а потом спуститься по заветной речке, которая, я полагаю, замерзла, как и положено нормальной речке зимой. Но есть большой риск напороться близ Ильменя на кого-нибудь из Рюриковой команды. И услышать естественный вопрос: а куда это я намылился? А ответить на него правду я никак не могу.

Кроме того, если я не найду этот чертов путь, то обратно придется возвращаться по тому же маршруту, через Ильмень-озеро.

Что совсем нехорошо.

Я, конечно, помнил кое-какие приметы начала тропы. Ну, типа, камешки особые. Однако главной приметой была сама тропа. Вот она действительно приметная. И я очень надеялся, что ею пользуются.

Но – увы. Ничего.

Своим я пока не говорил, только Вихорьку. Хотя сынишка и без моих слов тоже ее искал.

И тоже – ничего. Он не следопыт и не охотник, мой Вихорёк. Эту науку в него вложить забыли. Только общих основ нахватался. Со следа не собьется, но чуют нутром – нет, не его.

По моим прикидкам, мы уже должны были дойти до нужной точки. В свое время за двое суток добрались без проблем, а ведь с нами и женщины и дети были. А сегодня – уже третий день пути, так что даже с поправкой на зиму мы должны были уже добраться до поворота на лесную дорожку.

Я остановил коня. Слева от меня – стылый Волхов, справа – заснеженный лес. Я попытался «увидеть» нужное место. Вроде помню. Зрительная память у меня хорошая. Но вспоминать по зимнему пейзажу летний – все равно что лицо узнавать по черепу.

Понятно, что путь где-то близко. И, склонен думать, мы его уже прошли. Пропустили. Вернее, я пропустил.

Теперь два варианта: возвращаться обратно или идти мимо Рюрикова города.

Оба не годятся.

Требуется срочное обострение памяти и интуиции.

Я сдвинул меховую шапку и почесал затылок... Стоп! А если попробовать...

– Траусти, поддержи-ка мой плащ и дай свое копьё. Пстой, шубу и шапку тоже возьми!

По опыту знаю: замерзнуть в моем волшебном танце невозможно. С такой-то физической активностью.

Через несколько минут двигавшиеся по дороге смерды, сопровождающие воз мерзлой репы, могли наблюдать престранную картину: по дороге проворно бежал нурман весьма авторитетного вида с копьём наперевес, а за ним рысили верхом еще пятеро крутых воинов-северян.

Впрочем, глазеть мужики не стали: еще заслышав топот, быстренько сместились к обочине и согнулись в поклоне.

А мне было хорошо. Рядом длинными прыжками мчался мой Волк, кося глазом в сторону леса. Как и я.

«Ищи, брат, ищи!» – просил я его мысленно в те мгновения, когда радость бытия чуть-чуть отпускала и я вспоминал, зачем я здесь.

Всё-таки Волк нашел раньше. Свернул и прыгнул прямо в сугроб. Вернее, не совсем в сугроб. Свернул и умчался по насту в глубь леса, оставляя на его поверхности тающие световые пятна, и там пропал.

А я очнулся.

Дальше – как всегда. Даже хуже, потому что ноги подкосились, и я рухнул на дорогу. Сил не осталось совсем. Исподнее промокло от пота и прилипло к телу...

И это ужасное ощущение, будто в мире отключились цвета, а в жизни не осталось ничего, кроме тоски по ушедшему. Такой вот у моей нирваны отходняк. Но ничего, пройдет.

Мои спешили. Подняли меня в четыре руки. Кто-то нахлобучил шапку на влажные волосы, кто-то надел шубу, потом плащ. Позаботились.

– Ну, батя, ты и бежал! – по-словенски с восхищением проговорил Вихорёк. – На рысях еле за тобой поспевали. И долго бежал. Вода в котелке закипеть бы успела...

– Я нашел, – перебил я его. – Вот она – дорога.

Ну конечно. Теперь я узнал ее с первого взгляда. И приметы нужные нашел, вроде кучки из пяти камней на берегу Волхова и упавшего дерева чуть поодаль. Да, и камни и дерево были припорошены снегом, но угадать было можно. А главное, сама дорога была видна совершенно ясно: этакая ложбина в лесном сугробе, уходящая в чащу. И просвет между деревьями тоже заметен. Под определенным углом.

Что ж, лесовик из меня – не очень, а вот лидер неплохой. Я ведь ее нашел, дорожку к нашим сокровищам.

Дальше – просто. Нарубили лапника, который привязали к седлу одной из лошадок. Она пойдет последней, и лапник не то чтобы скроет следы, но сделает их более незаметными, а после первого снега и вовсе ничего не останется. Потом мне помогли взгромоздиться на лошадь. Братья Крумисоны встали на лыжи и побежали вперед, Оспак, спешившись, тоже надел лыжи, взял за повод первую лошадь, и мы двинулись.

Снега на дороге было значительно меньше, чем в лесу. Вероятно, дорогой всё-таки пользовались и зимой. Но всё равно лошадям почти по колено, так

что каждые полчаса приходилось производить ротацию, ставя первую в хвост. Хорошо еще, что наст был не очень прочным, и не было риска, что лошади ноги повредят.

На обед не останавливались, стараясь выгадать светлое время, так что до вечера отмахали километров двадцать. Совсем неплохо.

С едой тоже определились: Трюгви Крумисон ухитрился копьём завалить оленя, а Вихорёк с седла подбил стрелой зайца.

Так что и поужинали роскошно, и на завтра прилично осталось.

Лошадей напоили растопленным снегом и задали немного овса.

Спали тоже в снегу, вернее, на лапнике.

Обогревались с помощью нескольких пар положенных друг на друга бревен, работавших не хуже тепловых панелей, так что замерзнуть не было никаких шансов. Затем определились с караулом, и на боковую. Во всяком случае я. Сегодняшний бег с моим Волком вымотал изрядно. Настолько, что я даже исключил себя из караульного расписания.

Но спокойно выспаться мне не дали.

Около полуночи в гости пришли волки. Видать, почуяли кровушку.

Нас было поровну: серые – звери умные и на шестерых мужчин точно нападать не станут. Тем более в лесу полно добычи попроще, чем мы.

Ну да драться с нами они и не собирались. Они учуяли лошадей и затеяли концерт специально для них. Да еще и зашли с наветренной стороны, чтоб и запах тоже дошел. Надеялись, видно, что какая-нибудь из лошадей порвет привязь и рванет в лес. Где и станет для серых поздним ужином.

Лошади у нас были привязаны на совесть, да и присматривали за ними. Однако и нам, и лошадкам завтра предстоял тяжелый рабочий день, так что концерт следовало прекратить.

Что и сделал Вихорёк, подстрелив двоих.

Стая тут же свалила. Что характерно, стрелял мой сын практически на звук, однако попал четко. Одного – насмерть, второго – смертельно ранил. Зверь свалился, не пробежав и ста метров. Вихорёк его нашел по кровавому следу, чтобы вырезать стрелу. Но это было уже утром.

Ночь прошла интересно. Ко мне опять пришел Волк, и мы с ним шлялись по каким-то дремучим лесам, загоняли и убивали дичь обсидиановым ножом. Точнее, я убивал. В этом сне я был просто недетски крут. Бегал прямо как олень: перепрыгивая через завалы, ныряя под нависшие на уровне пояса хвойные ветки и просачиваясь через кустарник без единой царапины. И это при том, что на мне был всего лишь обрывок шкуры, перехваченный на поясе ремешком. Мы лопали парное мясо, пили из реки и были совершенно счастливы, пока мне в спину не воткнулось копьё. А потом прилетевший камень расколол мне череп. А я так и не увидел, кто меня убил.

Несмотря на печальный конец моего сна, за ночь я полностью восстановился. Голод, правда, проснулся, хм... волчий. Умял не меньше килограмма разогретой на углях оленины плюс две медовые лепешки и запил полулитром травяного чая с горстью сушеной малины. Порция, достойная моего брата Свартхёвди.

Теперь – в путь.

Еще одна ночь в лесу. И опять интересный сон. Ну как интересный... Кошмар. Но интересный.

Меня опять поймали. Те же волосатые квадратные кривоногие чудища с непомерной силой, широченными рожами и мясистыми носярами. Мне они уже снились когда-то. Тогда я от них удрал. А вот нынче вряд ли. Я, голый, валялся на подмерзшей земле, в каком-то дерьме (возможно, в моем собственном), рычал от ярости, но, увы, это всё, что я мог: рычать, дергаться и биться о землю головой. Мои руки и ноги были очень качественно спутаны ремнями. И, что особенно огорчительно, достоверность потрясающая. Какой, к чертям, сон! Самая что ни на есть реальность.

В те моменты, когда я прекращал бессмысленные попытки порвать путы, я видел вполне уютную (с точки зрения меня связанного) пещерку и костерок, вокруг которого собрались пятеро... «Широколицых», всплыло в памяти слово. Над костром на вертеле жарился... больше всего это было похоже на кусок толстенной змеи. Пахла «змея» обалденно. Я буквально захлебывался слюной. И от этого еще больше бесился.

Сколько это длилось, сказать трудно. Но хватило, чтобы мясо дошло и широколицые приступили к трапезе.

Выглядело это так: каждый отхватывал ножом приличный кусок, потом стискивал его зубами, и тем же ножом отсекал схваченное у самых губ. И старательно пережевывал. Похоже, мясо было не из нежных.

Я наблюдал за процессом, примерно как пес из своего угла смотрит на семейный обед.

Нажрались. Четверо, отдуваясь и поглаживая животы, улеглись. В отличие от меня, не на голую землю, а на кипы шкур. Пятый отсек от остатков «змеи» кус размером с мой кулак, поднялся и подошел ко мне.

От широколицего воняло мокрой шерстью и еще чем-то... Плевать! Всё затмевал дух жареного мяса. Я опять задергался. Это было инстинктивное. Я не мог с этим справиться.

Широколицый пихнул меня ногой, опрокидывая и наступая на грудь. Ступня у него была раза в полтора шире моей. Нет, не у него. У нее. Хотя если бы не первичные половые признаки, я бы никогда об этом не догадался. Такой же широкий, волосатый торс, светлая поросль на тяжелом скошенном подбородке.

Мясо оказалось на расстоянии ладони от моего носа. Черная корочка снаружи, сочная розовая мякоть – внутри. Я почти чувствовал, как мои зубы впиваются в него, и горячий сок, еще более вкусный, чем свежая кровь, наполняет рот. Я дернулся, пытаюсь ухватить.

Не получилось. Широколицая отодвинула кусок, фыркнула. Потом убрала ногу и уселась мне на грудь. Тяжеленная. Мне стало трудно дышать, но ее это не беспокоило. Скорее, наоборот. Она взяла меня за горло, сдавила. Легонько. Я знал: сделай она это в полную силу – смяла бы мое горло, как птичье яйцо. Придавила, придушила, а потом наклонилась и заглянула в глаза. А я – в ее. В синие, как небо, озерца с черными дырами зрачков, спрятанных в ямах-глазницах. И мне стало так страшно, будто я завис над бездной. Я забыл о том, как пахнет мясо. И о том, что еле дышу. Что-то ужасное медленно погружалось в мой мозг. Будто нож входит в живое мясо. Прорывает кожу, выдавливая алые капельки крови, и медленно-медленно погружается в плоть. Боли не было.

Так бывает во время боя. Сначала – не больно. Ты смотришь на торчащий из твоего тела хвостовик стрелы, понимаешь, что ранен, но тебе не больно. Пока не больно.

Я захрипел, задергался, но я ничего не мог сделать. Даже умереть...

Проснувшись, я некоторое время судорожно вдыхал холодный воздух, приходя в себя и постепенно понимая: это был кошмар. Просто кошмар. Я в порядке. Всё хорошо. И когда я наконец-то понял, что да, всего только сон, не реальность, то испытал такое облегчение, что даже рассмеялся, поймав удивленный взгляд караульщика Стюмира.

Я – здесь. В этом прекрасном мире. Рядом – мои соратники. Рядом – мой Вдоводел, которым я запросто перебил бы всех, как их там... широколицых. Я жив и счастлив. Мне тепло и уютно в меховом спальнике. Тем более рядом – средневековый «калорифер», и мое лицо согревает жар, испускаемый огнем, тлеющим между двумя сосновыми стволами. Надо мной, в просвете между ветвями, черное звездное небо. Я слышу, как поскрипывают стволы, как падает с ветки снежный сугроб...

Я вздохнул, завернулся в спальник и попробовал уснуть.

И у меня получилось.

Глава 23,

в которой Ульф заглядывает в прошлое и находит искомое

На следующий день, ближе к полудню, мы вышли к останкам торгового поста, который сожгли прошлым летом. Пост так и остался разрушенным. Восстановлением никто не озаботился. Тоже понятно. Водимиру было не до того, а у Рюрика, надо полагать, еще руки не дошли. Но дойдут. Не тот он человек, чтобы такое удобное место не застолбить.

Всё. Теперь нам придется пройти километров семьдесят вниз по реке и найти вторую реперную точку.

Идти было легко. Прямо по озеру пролегал санный путь. Пользовались им, однако, не часто. Снега накидало – сантиметров двадцать.

День, кстати, выдался прекрасный. Солнышко, умеренный, градусов восемь-десять морозец.

Мы сразу взяли хорошую скорость и держали ее до самого истока речки, уходившей в сторону Ильмень-озера.

Я немного опасался, что крепость, взятая нами когда-то и блокировавшая выход из озера, вновь восстановлена, но зря. От нее остался только частокол. Большая часть находившихся внутри строений была даже не разрушена, аккуратно разобрана. И я догадываюсь, кто эти рачительные люди, не позволившие пропасть качественной древесине.

Ну да пусть с ними Рюрик разбирается. А нам – дальше. По санному пути вниз по речке.

До вечера отмахали изрядно, но до нужной точки не добрались. Однако переночевали под крышей. Хозяин хутора с готовностью предложил нам кров, стол, фураж и даже своих женщин. От женщин мы отказались, а вот остальное приняли с удовольствием. И надо было видеть, каким счастливым было лицо хозяина, когда утром мы отправились восвояси, ничем не подтвердив жуткие слухи, распространяемые о нурманах.

* * *

И вот наконец-то! И сам берег, и это подворье я узнал безошибочно, хотя с тех пор прошел не один год, и вырвался отсюда я тоже не зимой, а летом.

Ведя лошадей на поводу, мы взобрались на крутой берег и подошли к воротам.

Здесь уже кипела жизнь: двое мужчин чинили сани, скрюченная старуха стояла рядом и давала им ценные советы. Мужчин я знал. Их звали Первак и Третьяк. Когда-то они планировали подменить мной третьего брата, Вторяка, которому выпал жребий стать гонцом в чертоги Сварога. То бишь быть принесенным в жертву одноименному идолу.

Братья презрели священные законы гостеприимства, коварно меня вырубали и привезли на капище в качестве замены Вторяку.

Тамошний лидер, однако, по непонятным, но крайне приятным для меня причинам, замену отверг, и меня, по-прежнему связанного, выкинули за пределы священного места.

Откуда я и сбежал на «братской» коняшке.

Правда, руки развязать мне не удалось, так что бой с местными женщинами, среди которых была и деловитая бабка, оказался не таким уж легким. Однако я победил. Потом дождался братьев, вернул свое имущество и покинул негостеприимный кров. Не думал, что когда-нибудь сюда вернусь, но вот вернулся.

И, понятное дело, не ради братолюбивых Первака с Третьяком.

О! Нас заметили! Бабка. Охнула и села на снег. Как бы инфаркт не схлопотала.

Тут и братаны обернулись...

Лица персонажей на картине Репина «Не ждали» на порядок проигрывали братанам по уровню эмоциональности. А потом на них проступило то обреченное выражение, которое в народе используют с прилагательным «полный».

Меня они не узнали, но нурманы на пороге, да еще и в отсутствие какой-либо власти, – это что-то вроде локального Апокалипсиса с надругательствами, пытками и мучительной смертью.

Но я не собирался их пытаться. Разве что они будут упорствовать в предоставлении информации. Но это вряд ли. Братаны не отличались стойкостью.

– Ты! – Мой указующий перст прицелился в Первака. – Ко мне!

Подошел. На полусогнутых. Эх его колбасит.

– Я тебя не убью, – сообщил я.

Не поверил. Я бы тоже не поверил. Слова – не более.

– Я никого не убью, если ты, смерд, покажешь мне дорогу к Сварогову капищу.

Ну да. Как несложно догадаться, это и есть моя главная цель. Кажется мне, что те изделия желтого металла, которые я видел на идоле и главном слугителе его культа, больше подходят мне, свободному ярлу, чем им.

На морде Первака – ужас, смятение и лютое борение чувств. Видно, что Сварога он боится до поноса.

Это ничего. Меня он боится больше. Сварог, он где-то там, а я – вот он. И всякому в здешних землях известно, что по части пыток нурманы – большие искусники.

Я кивнул Оспаку, тот взял смерда за овчинную безрукавку и, глядя ему в глаза, разорвал одежду пополам.

Мужик затрясся и обделался. Ну да, Оспак Парус – не юная красотка.

– Я-я-я покажу, покажу... – заблеял Первак, глядя на руки моего хускарла, в каждой из которых болталось по куску овчины.

– Тогда бегом переодеваться! – рявкнул я, и Первака будто сдуло.

– Сейчас пойдём? – поинтересовался Вихорёк.

– Да. Тут недалеко.

Первак торопился. Я сказал ему, что, как только увидим капище, тут же его отпустим. Не знаю, поверил он или нет, но позади ехал Оспак, поигрывая копьем, так что выбора у братана не было.

Еще у Первака были занятные лыжи: очень короткие и широкие. В таких, наверное, удобно бегать по местным болотам. Но смыться он вряд ли рискнет. Равно как и завести нас в трясины. Кишка тонка.

О! Мы на месте. В прошлый раз дорога показалась мне длиннее. Правда, в тот раз я кулем висел на лошадиной спине, с седла же всё видится иначе.

– Свободен! – бросил я Перваку, который тут же бросился наутек.

Я, однако, выезжать из-под прикрытия кривых болотных осинок не спешил. Присматривался.

Капище за эти годы практически не изменилось. Те же черные столбы, увенчанные разнообразными черепами, и торчащая над ними верхушка идола. К сожалению, сейчас она не была украшена короной. Жаль. Это облегчило бы дело.

– Что ж, вперед! – скомандовал я, и мы двинулись к тяжелым воротам.

Подъехали. Я кивнул Оспаку, и тот заколотил в ворота тупым концом копья.

– Живо открывайте своему господину! – закричал я, когда стало ясно, что открывать нам никто не собирается.

– Нет у нас господина, кроме Сварога Могучего Солнцеподобного! – проорал с той стороны хриплый бас. – Убирайтесь прочь!

А вот это уже невежливо. И немного смешно. В смысле, смешно думать, что нас остановит забор в три метра высотой.

Я сделал знак братьям. Секунда – и две секирки с бородками зацепились за верх частокола. Еще пять секунд – и с той стороны раздался короткий вяк, а потом дубовые ворота распахнулись перед победителями.

Я вошел первым. Мельком глянул на лежащее тело. Крови нет. Похоже, братья осознали мой наказ: не убивать без необходимости.

Суровый идол глядел на нас сверху. Угрожающе. Черная деревяха с грубо вырезанными деталями. Но эмоция передана неплохо. К сожалению, никаких ценных предметов. Ни на главаре, ни на его свите. Деревях поменьше было пять. Резчик постарался придать каждой индивидуальность. У него получилось. Но я бы предпочел, чтобы им придали что-нибудь драгметаллистое.

Ага! Уже бегут. Впереди с десятков звероватых мужиков, за ними еще пара десятков – помельче.

О! У них, оказывается, и женщины в наличии. Бывалили из дверей, смотрят...

Всё, уже не бегут. Увидели нас, оценили – и притормозили. Правильное ре-

шение: бычьё с дрекольем против воинов... Даже бычьё сообразило, что пахнет не дракой, а скотобойней.

А вот и он. Тот самый, что меня забраковал когда-то. А колоритный дед. Короны на нем на сей раз нет. И вместо посоха с золотым навершием – простая палка. Ну как простая: резьба весьма искусная и блестит, точно лакированная. А вот шуба у дедушки знатная. Попушистее моей.

Ты гляди, и волчишки при нем. Тоже распушились по зимнему времени. Красавцы.

– Прочь, кощуны!

Ни здрасте, ни до свидания, а вот так сразу. Невежливо.

– Прочь!

Волки прыгнули вперед, оскалились угрожающе.

Нет, ну несерьезно как-то. Будь мы голые и связанные – другое дело, а так...

Жалко зверушек, однако.

Мне вспомнилась пара волков Стенульфа, с которыми я когда-то охотился. Нет, ну разве звери виноваты, что хозяин у них – долболоб?

Я шагнул вперед. Мысленно представил рядом моего Волка, потом заглянул каждому из зверей в глаза, вспоминая, как я без слов общался с волками Стенульфа. Нет, для тех я не был вожаком. Их вожаком был сам Стенульф, Каменный Волк.

Но в нашем общении я был бетой, а они – буквами помладше.

Не знаю, как, но получилось. Зверушки перестали скалиться и отступили.

А жрец-то растерялся! Думал нас смутить тем, что повелевает дикими хищниками, а вот, облом. Я тоже так могу.

Грозный дед воздел свой лакированный костыль:

– Прочь! Прокляну!

Я обернулся к своим: нет, не смутились. Даже Витмид и Оспак, которые отлично знают словенский.

На лице Вихорька знакомая предвкушающая улыбочка. Давай мы всех убьем, говорит она.

Однако, чем черт не шутит, когда Бог спит. Проклятия в этом мире – не пустые слова, так что мне стоит принять огонь на себя и прикрыть своих людей. Я же вождь как-никак.

И я выдвигаюсь навстречу жрецу. Нельзя сказать, что я абсолютно уверен в своей неуязвимости. Но это мой долг.

– Попробуй, – предлагаю я спокойно.

Грозный старец глядит на меня с высоты своего изрядного роста. Буравит взором. Глаза у него пронзительно-синие, с черными дырочками зрачков. Я в курсе, что он – гипнотизер. Но в прошлый раз у него со мной не вышло, хотя я был в куда более плачевном состоянии.

Глядит.

А я ведь могу его просто убить. Один взмах – и всё.

Но я этого не делаю. Не знаю почему, но мне это кажется неправильным. Может, вспомнилось популярное у скандинавов мнение о том, что мертвый колдун опаснее живого?

Играем в гляделки. Жрец давит. Волей. И еще непонятно чем. Неприятное чувство, будто что-то пытается внедриться ко мне в голову. Я сопротивляюсь. Смутное ощущение: со мной это уже было, причем недавно.

Искушение: попробовать позвать Волка. Нет, это будет неправильно. А что правильно?

И тут я вспоминаю свой кошмар.

И усевшуюся на меня восьмипудовую волосатую бабу.

И ощущение чужеродного, входящего в мозг.

Похоже?

Пожалуй. Но расклад теперь совсем другой.

Я не связан по рукам и ногам, так что могу в любой момент прекратить гляделки.

Но так – неправильно. Это будет означать, что я проиграл. И тогда нам придется убить всех. Невзирая на мертвых колдунов и множество жизней, отнятых ни за что.

Давление немного ослабло. Жрец почувал что-то или я научился сопротивляться? Последнее – вряд ли. И мы не закончили. Щупальца по-прежнему тычутся в мою голову, ищут слабинку...

Слабину... Как там у Сун-Дзы. «С сильным будь слабым...»

«Отче наш, иже еси на небесех...»

Этот голос сам возник в моей голове. Я его не звал, не вспоминал, не думал. И так же не думая, я открылся.

Незримые щупальца рванулись внутрь, в сердцевину.

И тут же отпрянули и спрятались. Жрец тоже отпрянул. Теперь он смотрел на меня по-обычному. Я видел, что он здорово напуган. И он больше не выглядел могучим старцем. Обычным стариком, в дециметре от которого секунду назад со страшной скоростью пронесся грузовик.

Я не знаю, что он высмотрел во мне на этот раз, но результат очевиден. Никого убивать не придется.

– Ты все еще думаешь, что я боюсь твоего проклятия, старик?

– Кромешник... – вместо сочного баса жалкое сипение.

– Не совсем. Хочешь, чтобы я ушел?

Кивок. Веко его дергается, руки дрожат, даже посох трясется.

– Выкуп, – произнес я жестко. – Золото, серебро. Всё остальное оставьте себе. И не вздумай меня обмануть, старик. Иначе все здесь умрут. И это будет не самое страшное. Самое страшное наступит потом. Ты понимаешь, о чем я?

Чистой воды блеф, но он купился. А может, знал то, чего не знаю я.

Примерно через полчаса перед нами лежала не слишком большая, но очень заманчивая кучка. Здесь были большая и малая короны, посох с солнечным диском, золотой пояс, который я видел на идоле в прошлый раз. И еще много интересных вещиц. Нет, конечно, эта добыча не сравнится с той, что мы брали во французских монастырях, но там нас были тысячи, а здесь – всего шестеро. И что самое приятное лично для меня: мы вообще никого не убили.

Стюрмир первым делом ухватил золотой пояс идола, который, по моим прикидкам, должен был весить никак не меньше двух пудов...

Но весил куда меньше. Стюрмир очень огорчился. Колупнул одно из звеньев. Фальшивка, однако. Деревяшка, завернутая в то-оненький слой золотой фольги.

А вот корона оказалась полноценной. Обе короны. Интересно, откуда у лесного капища такая роскошь?

– Она была всегда, – мрачно ответил главный жрец. – Сама появилась, когда пращурьы наши бога поставили.

Послать меня он не решался. Вдруг обижусь, передумаю и пущу весь жреческий состав на бастурму? Или хуже того.

Ну, в самозарождение золота я как-то не верю, иначе оно не стало бы универсальным платежным средством, однако вывод ясен: украшению никак не меньше сотни лет. А может, и пятисот.

Ну да мне без разницы.

А вот что меня действительно удивляет, так это то, что у меня в голове вдруг возникла главная христианская молитва. Откуда? До прихода христианства на эти земли еще лет сто как минимум. Так что пока здесь рулят совсем другие божественные лидеры: Перуны, Свароги, Дажьбоги и еще черт в ступе. Ну или Баба-яга. Сколько племен, столько и богов. Боги кирьяльские и суомские, об имена которых язык сломаешь, боги скандинавские... Ну эти-то мне знакомы, и не только теоретически, боги лугов и болот, озер и чащоб... Их тут десятки. И все, что характерно, хотят жрать. Только Иисус не вымогает жертв и подарков. Ему нужен ты сам. Что, пожалуй, куда дороже прочего. Но пока что я видел лишь двоих христиан в здешнем магическом мире: отца Бернара и Зарю. Хотя насчет Зари я как-то не уверен. Можно бы добавить и меня, если мое Крещение во времени, которого еще нет, идет в зачет.

Хотя тут всё непросто. Иначе с чего бы отец Бернар, готовый окрестить любого язычника, мне, своему ярлу, отказал.

В общем, есть о чем подумать. Но не сейчас.

– Грузите и поехали, – сказал я своим. – Здесь всё.

Судя по лицам моих викингов, они бы охотно остались: повалялись бы баб, убили бы десяток слуг божьих – чисто для развлечения...

Но я – ярл. А в этих богатствах есть и их немалая доля. И это изрядно способствует дисциплине. Так что – по коням.

Глава 24 Самое ценное

Неладное я заподозрил еще до того, как мы подъехали к Ладогe. Дымком потянуло. Причем нехорошим таким дымком. От сжигаемых трупов.

Точно. На отшибе – штабеля приготовленных дров. И смертные лежа, объятые пламенем.

Много. Не меньше двадцати.

Но сам город цел. Внешне. И крепость не пострадала, а над главной башней по-прежнему Гостомыслово знамено.

Вопрос: откуда столько трупов? Мор у них, что ли, случился? Хотя с чего бы? Зима же. Движение на дорогах минимальное. Да и сколько времени нас не было? Двенадцать дней?

В общем, ерунда какая-то.

– В галоп, – скомандовал я, и мы помчались к моему подворью.

Меня терзали мрачные предчувствия. И не зря.

Первое, что я увидел: двое подручных Деяты ладили новые ворота. Старые, разбитые, валялись во дворе.

Когда мы влетели внутрь, навстречу нам выбежали несколько холопов, которые приняли коней, а потом на крыльцо вышел Тулб Огонёк.

И по его лицу я сразу прочитал: самые скверные предчувствия меня не об-

манули.

* * *

Они напали ночью. Обрушились на Ладогу, как снег на голову. Вернее, как цунами.

Может, их было пять сотен, может быть, целая тысяча. Но скорее всего, значительно меньше, чем говорили потом перепуганные ладожане и княжеский гарнизон, поспешно запершийся в крепости.

Они даже не особо грабили. Так, прихватывали то, что плохо лежит. Зато они убивали. Всех, кто оказывался у них на пути. Протыкали копьями, рубили в куски. Пленных не брали. За исключением одного. Вернее, одной...

– ...Взяли врасплох, – рассказывал мне Тулб. – Я схватил лук и выпрыгнул в окно. Мне повезло. Никого. А Заря не успела. Они уже окружили дом, вломились внутрь. Истра и Синько зарубили насмерть. Кёлю проткнули копьем руку и раскроили голову. Может, и выживет, не знаю. Повторюху копьем насквозь, холопов побили шестерых, остальные успели попрятаться. Товар наш забрали почти весь, только луки не тронули. Деньги, правда, не нашли. И еще... – Тулб замялся.

– Говори! – рявкнул я.

– Ярл, они забрали Зарю, – пробормотал он, не поднимая глаз.

– Это точно?

Хотел бы думать, что жива – это главное. Но есть участь похуже смерти. И я знаю Зарю: в неволе она жить не станет.

– Я видел, как ее выносили из дому, ярл. Ну, ее саму не видел – скатку из одеял в сажень длиной. Но я потом весь дом обыскал. Не было ее нигде. Так что никто, кроме нее, это быть не мог.

– И ты просто смотрел? – процедил я, еле сдерживая ярость.

Тулб перепугался, отшатнулся даже, но справился со страхом.

– Их было два десятка, ярл, – пробормотал он. – Все бронные. Начни я стрелять, меня бы убили, и некому было рассказать.

Я тоже постарался взять себя в руки. Парень ни при чем. Более того, он прав. Единственный свидетель, который всё видел. Холопы не в счет. Эти сразу забились по щелям. И правильно сделали. Кто не спрятался, того убили.

– А Быську они не нашли, – сказал Огонек. Просто чтобы не молчать. – Она на чердаке в сено зарылась. Ярл, накажи меня, если я не прав. Только не гони!

– Твоей вины тут нет, – успокоил я парня. – Ты всё сделал правильно.

Огонек выдохнул облегченно. До последнего момента боялся, что я спрошу с него за жену.

А спрашивать надо не с него – с меня. Если бы я не ушел, забрав с собой лучших хускарлов, хрен бы они справились! А я за золотишком погнался. Зачем, спрашивается? Мало у меня богатств?

Нет, всё. Боржом пить поздно. Зарю забрали. Живой, что радуется. Вопрос: зачем? Нет, не так. Главный вопрос: кто? И где его найти?

Нет, ну что у меня за судьба такая. Гудрун украли. Теперь Зарю. Будто сглазил кто. Опять, что ли, кого-то убил неправильно и испортил карму?

На подворье и в доме уже навели порядок. Мертвых убрали, кровь смыли. Кстати, чужих среди мертвецов не было. Не верю, что наши никого не достали. Значит, забрали с собой.

Кёль Длинный лежал наверху. Действительно, длинный. На ложе еле поместился.

Он был в сознании. Рука обработана и перевязана. Голова тоже. Как выяснилось, Гостомысл подсуетился, лекаря прислал. Лучше бы он дружину из крепости вывел – город свой защищать, трус поганый!

– Ярл, их было много, и они очень хорошо дрались, – чуть слышно проговорил свей. – Как викинги. Мы тоже хорошо дрались, но их было слишком много, очень много. А мы без брони. Я зацепил одного, а потом меня свалили.

– Ты славно сражался. – Я погладил Кёля по здоровой руке. – Поправляйся быстрее.

– Лекарь сказал: он выживет, – сообщил мне Тулб. – Копье ему только мясо на руке пробило. И череп цел.

Ну да, головы у скандинавов крепкие. Сотрясение, конечно, имеет место, да и крови потерял немало, но если заразы в ранах нет, через месяц оклемается.

Надо бы князю благодарность выразить за заботу, но сегодня я к Гостомыслу не пойду. От греха подальше. Слишком на него зол. Вот что за князь такой... мышевидный! Чуть что – забьется в нору и сидит. А его подданных тем временем на фарш пускают.

Я велел Витмиду и Вихорьку разобраться со взятыми на капище ценностями, а сам ушел наверх. Думать.

О том, как отыскать мою Заренку. Информации-то ноль. Тулб сказал: в городе никто не знает, кто напал. Ладожане оплакивают близких.

Что еще? Нападение произошло в тот самый день, когда мы грабили капище. Проклятие жреца всё же сработало?

Не знаю. Но знаю, что теперь я буду потрошить эти чертовы языческие модельки при каждом удобном случае. Особенно Свароговы. Пусть знает, как мне гадить!

Что я знаю? Кёль сказал: двадцать бойцов уровня викингов. Минимум двадцать. И это только на мой двор, далеко не самый богатый в Ладоге.

Сколько ж их тогда было? Действительно пять сотен?

Не может быть! С такой силищей они бы и Гостомысла вышибли из его норы. Но не стали. Просто ушли, хотя именно в ладожской крепости – главные вкусные плюшки. Нет, не может быть, чтобы их было полтысячи. Даже две сотни умелых бойцов – это до фига. Это уровень конунга. Причем не «морского», а настоящего.

Не понимаю.

В общем, я сидел и думал думы. Тяжкие. Мои бойцы ко мне не совались. Северяне к подобным вещам чуткие. Даже не подумаешь, глядя на их суровые физиономии.

Прошло, наверное, уже часа два, когда мое уединение нарушил Вихорёк.

– К тебе какой-то вестфолдинг, – сообщил мой сын. – Назвался Мелькольвом. Впустить?

– Давай, – разрешил я. Вдруг что интересное расскажет. Как-то мне не кажется, что он пришел на пир звать. Какие сейчас пиры...

– Ярл!

– Мелькольв.

– Сочувствую твоей утрате.

– Ты знаешь?

– Все в городе знают. Мне Дедята рассказал. Возможно, у меня есть новость, которая тебя порадует...

Я ошибся, когда думал, что нападавшие забрали всех своих. Не всех.

Глава 25, в которой Ульф в который уже раз жалеет о своем неуместном человеколюбии

Норегов тоже застали врасплох. Те только и успели, что похватать оружие. Однако ж они были не мирными ладожскими обывателями, а настоящими северянами, вестфолдингами. Другие по морю не ходят. И для них «врасплох» означало, что не все успели надеть брони, а только половина. Зато вооружиться успели все. И вломившаяся к ним во двор банда наткнулась не на перепуганных гражданских, а на сплоченный хирд, пусть и совсем маленький. Всего из двенадцати бойцов. Однако нападавших было еще меньше. Они проводили зачистку и врываются во дворы сравнительно небольшими группами. И вот такая группа натывается на оцетинившийся копьями хирд. Нореги вломили нападавшим по полной программе. Восьмерых положили насмерть.

А одного – не насмерть.

Причем специально.

Сами норегии в стычке не потеряли ни одного человека. Даже серьезно раненных не было. Но вмешиваться в общую драку они тем не менее не стали. Сами отбились, а гражданская оборона – не их дело. На то у ладожан князь имеется.

Мертвецов хозяйственные норегии ободрали догола и выкинули за ворота. А живой сидел сейчас у них в подвале и ждал худшего.

А именно – меня.

– Слушай, а они хорошо дрались, эти чужаки? – спросил я.

Девять против двенадцати – не лучший расклад для боя, но опытные хускарлы не продали бы свои жизни так легко. Да и не кинулись кучей на стену щитов. Не складывается.

– Какой там, – махнул рукой Мелькольв. – Немногим лучше бондов. Это было легко.

Совсем не складывается. Кель определил нападавших как опытных викингов. А Мелькольв говорит: чуть лучше ополченцев. Я верю обоим. И что это значит? Что на мой двор заявила элита. То есть острие удара было нацелено на меня? Вот только меня там не оказалось, и они прихватили Зарю. Чтобы шантажировать?

Что ж, если я прав, то это хорошая новость. Если Заря – заложник, то ее уж точно не продадут каким-нибудь византийским извращенцам. Вопрос: что им от меня надо?

А вот это мы попробуем выяснить прямо сейчас.

– Пойдем-ка к вашему пленнику, Мелькольв, – сказал я. – Очень хочу с ним поговорить.

– Не сомневаюсь, – кивнул норег. – Пойдем потолкуем, пока он не сдох.

Пленник сидел в подвале, и едва оказавшись там, я понял, почему норег

сказал «пока не сдох». Специфический запах гниющего мяса перебивал даже вонь испражнений.

Я присел на корточки напротив. Когда-то это был красивый парень лет двадцати пяти, сильный и удачливый, судя по богатой вышивке на замызганной рваной рубахе. Несколько дней назад его удача кончилась.

– Как зовут? – спросил я.

– Чаян.

– Чей ты?

– Смоленского воеводы отрок. Попить дай.

Я сделал знак пришедшему с кормчим мужчине, и тот поднес с губам раненого флягу.

Тот пил долго и жадно. Оторвавшись, облизнул губы. Глаза его немного прояснились.

– Это смоленский воевода вас привел?

– Зачем мне отвечать? – вопросом на вопрос ответил Чаян.

Угадав по интонации, что пленник упрямится, пришедший с Мелькольвом норег достал нож, но я остановил его жестом.

Я не хотел пытаться парня, который уже одной ногой стоит по ту сторону. Он не виноват, что командир привел его сюда. Однако у него есть нужные сведения, которые я должен получить. И получу.

– У меня украли жену, – сказал я. – Я хочу знать, кто это сделал. Это бесчестно: красть жену, когда мужа нет рядом. И ты в этом участвовал, Чаян. Ты потерял честь и вскоре потеряешь жизнь. Жизнь тебе уже не вернуть, но вернуть честь ты можешь.

– Я ничего не знаю о твоей жене, – проговорил Чаян. – Нам сказали: идите с этим человеком и делайте, что он скажет. За это каждый из вас получит по четверти гривны серебром. Можно еще воды?

Напившись, парень продолжил:

– Еще воевода сказал: князю Диру любо, если мы покажем себя хоробрыми.

Князь Дир. Я уже слышал это имя. Тот самый, что выгнал Бури из дружины только потому, что тот, защищая свою честь, убил обидчика.

– Нам сказали: врывайтесь во дворы, в дома. Убивайте всех, берите, что хотите, но нигде не останавливайтесь надолго, а когда позовет рог, бегом на корабли.

– Вы пришли на кораблях?

– Да. Три лодьи.

На кораблях зимой? Это... неожиданно. Волхов, конечно, не замерзает, но только он. Значит, корабли были где-то спрятаны. Хотя мне ли не знать. Сам в протоке прятался. А таких мест на Волхове хватает.

– Кто еще с вами был? Сколько, какого племени?

– Наших, смоленских, было полсотни. Еще столько же – чужие. По языку вроде ливы. Хорошие воины. Чьи – не знаю. Они с нами не очень. А остальные не наемные, Водиминова гридь.

– Что?!

– Я говорю: его собственная дружина. Их сотня, пожалуй. И хороших воинов в ней немало.

– Значит, вас Водимир привел?

– Ага. Я же сказал.

Чаян, похоже, вот-вот потеряет сознание. Еле держится.

– А где он может быть, Водимир?

– Того не ведаю. – Парень облизнул потрескавшиеся губы. – А раны уже не болят, – вдруг сказал он. – Но это ж не потому, что заживают, да?

– Да, – сказал я. – Ты был честен. Чего ты хочешь?

– Убей меня, – шепнул Чаян. – А потом сожги. В Ирий хочу.

– Сделаю, – пообещал я. Взял у норега нож и вбил парню в грудь. В сердце.

Мы с Мелькольвом поднялись наверх.

– Мы за него выкуп хотели взять, но какой за мертвеца выкуп... А потом о твоей жене слышали и решили не убивать: приберечь для тебя.

Я стянул с руки одно из золотых запястий, протянул норегу, но тот отодвинул мою руку:

– Не надо. Это ж по дружбе.

– Бери, бери, – настоял я. – Это тоже в знак дружбы. Ты мне очень помог, Мелькольв. Ты указал мне курс.

– Ты ее найдешь, ярл! – Мелькольв сжал мое предплечье. – Я уверен.

Я тоже уверен. Я ее найду. А Водимир, гадина ядовитая, он заплатит! Сторицей! Блин! Я же держал его жизнь в своих руках! Что стоило добить? Любой из здешних добил бы. И только я, со своей вывернутой моралью человека из будущего, проявляю гуманизм, когда надо просто выпустить кишки.

Ну да сделанного не воротить. И теперь у меня есть нить, за которую я буду тянуть, пока не вытащу Зарю и не прикончу эту сволочь. Потому что теперь я почти уверен: тварь пришла не грабить Ладогу. Она пришла бросить мне вызов. И я его принимаю.

– Это был Водимир, – сказал я.

– Откуда ты знаешь? – вскинулся Гостомысл.

– Знаю! – отрезал я. – А еще они забрали мою жену.

– Это мне ведомо, – кивнул ладожский князь. – Что я могу для тебя сделать?

– Ты мог бы дать отпор!

– Не мог, – покачал головой Гостомысл. – Их было слишком много. Что я могу сделать для тебя сейчас?

Да, совесть у него есть. Жаль, храбрости не хватает. Хотя в принципе он прав. Его дружина и числом поменьше, и качеством. Но для меня это невеликое утешение.

– Ты знаешь, куда он ушел?

– Водимир? Понятия не имею. Может, к родичам? Его дядя по матери, Клекконунг, в большой силе человек. Хотя если Водимир сейчас снова в силе, прятаться он не станет.

– Прятаться – да, но скрываться – запросто. Вопрос – где?

– Ответить на твой вопрос я не могу, ярл, – покачал седой головой Гостомысл. – Могу дать совет.

– Слушаю тебя.

– Иди к Трувору, ярл! – порадовал меня ладожский князь. – У него сильная дружина, и он много знает. Варяги – они теперь везде. – По лицу ладожского князя скользнула тень. Вездесущность варягов его не радовала. – И твоя жена – его дочь. Он поможет. Вы же с ним вроде помирились.

Тут уж скривился я. Помирились, ага. Вроде.

Но по сути Гостомысл прав. Какими бы ни были наши отношения со Жнецом, Зарю он любит. И захочет помочь если не мне, то ей.

Был еще, правда, Ольбард, который нынче – главный варяжский князь. И с ним у меня отношения вполне дружеские.

Но Трувор всё равно подходит больше. И, по совести, я обязан сообщить отцу о случившемся с дочерью. Как бы неприятно мне это ни было.

Решено. Мы идем в Изборец.

– А я тебе луки нашел, – попытался утешить меня Гостомысл. – Пять десятков. Хочешь – в дар возьми. Слышал, налетчики у тебя весь товар забрали.

– Я куплю твои луки. – Мне от него подачки не нужны. – Но не сейчас. Не до того.

– Понимаю, – кивнул Гостомысл. – Удачи тебе, ярл Ульф! Дать тебе проводников до Изборца?

– Сам дойду, – отказался я. – Но спасибо. Будь здоров, князь!

– И ты, ярл.

Глава 26

Обширные планы князя Водимира

В Изборце я раньше не бывал, но ожидал увидеть именно что-то подобное. Недурная крепость в стратегически правильном месте, посадки вокруг, толковая система дозоров, которая обнаружила нас еще на подступах.

Впрочем, мы и не скрывались, однако если бы и скрывались, скорее всего, нас бы всё равно обнаружили. Витмид сумел заметить один-единственный секрет, расположившийся в приозерных камнях. И вряд ли секрет был один.

Меня признали и сопроводили сначала внутрь крепости, а потом на княжеское подворье, которое варяги называли Детинцем.

А я, пока мы ехали, пытался догадаться, от кого Трувор так стережется. Понятно же – не от случайных путников.

Всё было ожидаемо, пока мы с Трувором не встретились и он не поинтересовался: за каким таким хреном к холодцу я сюда явился?

И пришлось мне сообщить ему то, что я намеревался рассказать тет-а-тет в присутствии его гриди, каких-то гражданских и любопытствующих холопов.

Причем в положении «снизу вверх», поскольку сам Трувор стоял на верхней ступени лестницы, а я у ее подножия.

Пока я говорил, Жнец молчал. И судя по тому, как наливалось краской его лицо, постепенно зверел. Тем не менее дослушал он до конца, а потом спрыгнул с лестницы, махнув сразу через десяток ступеней, и приземлился в шаге от меня, что демонстрировало: мой тесть в отличной спортивной форме. Пожалуй, выхвати он на лету меч, вполне мог бы снести мне голову.

Голову он мне не снес, но...

Нет, я ждал, что Трувор не обрадуется моему появлению. А новости, которую я ему принес, – уж точно.

Чего я не ожидал, так это того, что он реально слетит с катушек.

– Ты притащил ее сюда! – рычал Жнец, нависая надо мной и брызжа слюнями в лицо. – Из-за тебя она оказалась у Водимира, и теперь этот сын змеи не попросит, а потребует от меня союза. Или союз, или я никогда не увижу свою дочь! И это всё из-за тебя, наглый волчишка! Ты приволок ее в Ладогу! Ты сбежал, когда должен был быть рядом! Ты...

Минут пять орал. Безостановочно. Я ждал. Долго. Надеялся, выплеснется и

успокоится.

Нет, не унимался. Выискивал новые уничижительные эпитеты и обрушивал на меня. Практически не повторяясь.

Наконец мне это надоело.

– Заткнись! – рявкнул я. – И отодвинься. Хватит брызгать слюной. Всего уже заплевал! – Я демонстративно вытер лицо рукавом. – Думаешь, чем громче ты будешь орать, тем скорее мы вытащим Зарю из лап Водимира? И вообще – почему ты орешь на меня? Я оставил ее не в чистом поле и не в лесной избушке. Я оставил ее в Ладоге. А там, напомним, имеется крепость и Гостомысл со своей дружиной. Но он даже не пытался защищать город. Закрылся в крепости и наблюдал, как режут его людей. И как крадут Зарю!

Вот! Вижу, успокаивается понемногу. Плеваться перестал и нависать надо мной тоже.

Что ж он так сорвался? Тем более не наедине, а публично. При своих людях, которые, как я вижу, этим взрывом чувств весьма удивлены.

– Ты сказал: их было две сотни? – процедил Трувор. – Гостомыслу с ними не совладать!

– А мне? – спросил я. – Мне – совладать?

Молчит.

– А скажи мне, Трувор, скажи как князь и защитник: если бы в твой Изборец ворвались враги, ты бы тоже отсиживался за стенами и глядел, как убивают твоих смердов?

– То я, а то – Гостомысл, – буркнул Трувор. – Я варяг, а он ободрит. Сравнил тоже. Пойдем, зятек, горло промочим. В глотке пересохло.

– Еще бы – так орать, – пробормотал я, но Трувор сделал вид, что не услышал. – Людей моих вели разместить, – сказал я погромче. – И пойдем думать, как нам скормить Водимиру его собственные яйца. Но для начала я хочу знать, что он тебе предложил...

Изборск. Месяцем ранее

– Безмерно рад видеть тебя, Трувор Жнец!

Он почти не изменился, князь Водимир, после своего разгрома и потери земель, которые он так старательно собирал. Те же по-павлиньи пестрые одежды, та же густая грива, ниспадающая на широкие плечи. Вот только вместо шитой бисером шапочки главу князя ныне венчал круглый шлем с золотым покрытием, а грудь украшала того же металла цепь в гривну весом. А вообще же на Водимире драгметаллов было чуть ли не четверть пуда, если считать богатое золотое шитье и бляшки на широченном поясе и ножнах короткого широкого меча. И свита при нем подобающая: полсотни всадников, по которым сразу видно: гридь.

– Безмерно рад! – провозгласил Водимир и распахнул объятия, будто желал обнять сразу полдюжины девок.

Трувор обниматься не стал. Произнес строго:

– Хотел бы и я сказать тебе то же, Водимир, да не могу. Чего ты хочешь?

– Дружбы! – с широкой улыбкой заявил Водимир. – Дружбы и справедливости!

– Ты о чем? – Трувор нахмурился.

Когда он со мной спорил, то, вероятно, полагал, что разгромленный князь

Водимир вряд ли вернет себе прежнюю силу. Теперь Трувор осознал, что ошибся. И дело не в роскошном облачении самого Водимира, а в его дружинниках. Эта полусотня не более чем знак. Статус, вроде золоченого шлема. А это значит, что выброшенный с корабля князь не только выплыл, но и сумел обзавестись новым драккаром и по-прежнему представляет угрозу. Серьезную угрозу.

Водимир будто угадал его мысли:

– Мы не враги с тобой, Трувор Жнец! Напротив, мы природные союзники. А враг у нас один. Общий враг.

– И кто же этот враг?

– А ты сам не видишь? – делано удивился Водимир. – Ты по праву должен был стать князем варяжским, но тебя оттеснил Ольбард. Синеус теперь правит и Белозерьем, и вашими приморскими землями, а тебе достался этот город с кучкой данников и малая доля окрестных лесов. погоди! – остановил он попытавшегося возразить Трувора. – Хочешь сказать, что и Плесков почти твой, и еще пяток селений, да? Но тут ты ошибаешься! К ним уже протянул руки еще один твой родич – Рюрик. У него длиннющие руки! Они и к Полоцку тянутся, и даже к Смоленску. И ты не первый, к кому я пришел, Трувор Жнец. Князь смоленский Дир уже готов меня поддержать.

– В чем? – хмуро спросил Трувор.

– В том, чтобы обрубить эти руки! – Водимир упер кулаки в бедра, расправил плечи. – Что тебе Рюрик? Ты спас его, ты оберегал его, без тебя он уже давно был бы мертв! А чем он отблагодарил тебя за помощь? Бросил тебе Изборец, как псу – кость? Ты ничем ему не обязан, Трувор Жнец! А он тебе обязан всем! И он знает, что ты – лучший из варягов.

– Чего ты хочешь? – перебил Трувор. – Говори прямо!

– Я сказал: будь моим союзником. Ты, я и Дир.

– Хочешь, чтобы я убил того, кто столько лет был моим вождем? – Трувор нахмурился еще больше.

– Зачем убивать? – пожал плечами Водимир. – Мы лишь воздадим ему должное. Вернем туда, откуда он пришел. Пусть правит Ладогой вместе с Гостомыслом и забудет о большем. А мы разделим то, что он захапал. И ты получишь настоящее княжество, а не этот жалкий огрызок.

– А что получишь ты?

– Новый Город! И все земли близ него! Это справедливо, согласишься, ведь это и было мое. А если тебе мало, то давай возьмем еще и Полоцк! Когда я стану новгородским князем, нам с тобой будет нетрудно его заполучить.

– Когда ты станешь новгородским князем, Водимир, ты постарайся подгрести под себя всё, – возразил Трувор. – Так же, как ты делал это раньше. Я тебе не верю!

– Вот это ты напрасно сказал, – покачал золоченым шлемом Водимир. – Не торопись с решением, Трувор Жнец! Я не требую от тебя ответа немедленно. Подумай, как тебе лучше: быть моим союзником или врагом?

– Мы уже побили тебя однажды, – напомнил варяг.

– И что с того? – Водимир усмехнулся. – Думаешь, я от этого стал слабее? Нет, Трувор Жнец! Я стал умнее. Больше меня врасплох не застанут.

– Что с того? – пожал плечами Трувор. – Мое слово: нет. И это слово – окончательное.

– В мире нет ничего окончательного, – с легкой угрозой произнес Владимир. – Даже твое слово. Это значит лишь то, что мне не хватило доводов, чтобы добиться своего. Но я найду, чем тебя убедить. Но это будет разговор долгий и непростой, а я устал с дороги. Не пригласишь меня к столу, князь Изборский?

– Нет! – отрезал Трувор.

– Нехорошо отказывать гостю, – с той же легкой угрозой проговорил Владимир. – Богам это не любо!

– Ты мне не гость! – Трувор положил ладони на рукояти мечей. – Ты – как нурманский Локи! Ты пришел, чтобы поднять меня против родни! Убирайся!

Он шагнул вперед. Владимир попятился.

Трувора не зря прозвали Жнецом, и Владимир вовсе не жаждал испробовать на себе его силу.

– Что ж, я уйду, – сказал он. – Но я вернусь. И ты убедишься, что у меня есть доводы, которым ты внемлешь.

Он повернулся и пошел к своим. И он заметно прихрамывал. Раньше этого не было.

Глава 27 Удача как аргумент

Наша беседа затянулась. До полуночи. При чем рабочая идея возникла у меня сразу же, как только Трувор поведал мне суть своих переговоров с Владимиром. Но высказывать ее я не торопился.

– Думаешь, Заря и есть его довод? – спросил я.

– А что же еще?

– Допустим. Сколько у тебя людей?

– К чему тебе это знать? – насторожился варяг.

– К тому, что если их мало, то надо немедленно послать к Ольбарду. Он нам не откажет.

– А почему не к Рюрику? – спросил Трувор. – Рюрик ближе.

– Потому, Жнец, что Рюрик непременно захочет что-то выторговать за свою помощь, а Ольбард просто поможет.

– Это так, – согласился варяг. – Но речь идет о моей дочери! Я готов заплатить.

– Рюрик захочет не денег. Он потребует преданности. Подчинения. Ты это понимаешь? Сколько у тебя воев, Жнец? Я должен знать, насколько мы сильны?

– У меня двести тридцать девять воев, – сказал Трувор. – Но гридней, хускалов по-вашему, всего три десятка. Этого хватит для боя, но слишком мало, чтобы спасти мою дочь.

– И мою жену! – напомнил я. – Поэтому у тебя не три десятка хускарлов, а четыре. Вместе с моими.

– Ты смеешься надо мной? – Изборский князь насупил брови. – Тут не десяток нужен, а сотни две. Да и то не уверен, что будет довольно. Чтобы спасти Зарю, нам недостаточно быть вровень с Владимиром. Мы должны быть намного сильнее! Ведь даже если мы разобьем его дружину, кто помешает ему убить Зарю?

– Никто, – согласился я. – Поэтому честного боя между нами не будет.

– Ты о чем? – Трувор глянул исподлобья.

– Нас приперли к стенке, Трувор, – сказал я. – Но не ты ли когда-то говорил: если тебя приперли к стенке, то оттолкнись и ударь сильнее!

– При чем тут...

– Трувор! – Я накрыл ладонью его отягченное браслетами запястье. – Послушай меня! Я не первый раз оказываюсь в безвыходном положении. И у меня однажды уже украли жену! Но я ее вернул, а моего врага съели крабы на дне фьорда. Я верну и Зарю! Клянусь! И я сделаю это с тобой или без тебя! Но с тобой мне будет легче! С тобой нам будет совсем легко!

– Рассчитываешь на свою удачу? – Трувор стряхнул мою руку.

– И это тоже. Но еще я кое-что придумал!

– Пустое! – буркнул варяг. – Ты даже не знаешь, где он, Водимир. И где он прячет Зарю, ты тоже не знаешь.

– Я и не собираюсь его искать. Зачем? Если ты прав и Водимир намерен использовать Зарю как довод, который заставит тебя к нему присоединиться, то нам и не придется его искать. Водимир сам придет к нам.

– Но вряд ли он привезет с собой Зарю.

– Наверняка не привезет, – согласился я. – Это так же верно, как и то, что он не придет к тебе со всем своим войском. Сколько, говоришь, с ним было людей в прошлый раз?

– Полусотня гриди. К чему ты клонишь, ярл?

– Он пришел к тебе с полусотней. Достаточный довод, чтобы убедить тебя в его силе. А теперь у него в руках Заря. И он наверняка уверен, что и ты теперь у него в руках. И пока он так думает, он точно не сделает Заре ничего худого. Ведь ты ему нужен.

Правда, я не уверен, что он не захочет сделать гадость мне. Например, пожелав взять Зарю замуж. И оставив ее при себе в заложниках навсегда.

Но Трувору я о такой возможности говорить не стал. Он достойный человек, Трувор Жнец, но политик. И вполне может счесть, что как зять Водимир перспективнее меня. И при таком раскладе набег на Ладогу с целью захвата Зари не просто взятие заложницы. Водимир – хитрая гадина, и он наверняка продумал всё на несколько ходов вперед. Да и Ладога для него – открытая книга. Раньше у него там было полно соглядатаев. Наверняка и теперь остались, так что он ничем не рисковал. Точно знал, что меня в городе нет, и действовал наверняка. Так что Трувор тоже прав. Я бросил Зарю, чтобы отправиться за Свароговым золотом, и Водимир этим воспользовался. Ведь будь я в городе, он бы Зарю так запросто не захватил. Возможно, тогда и Гостомысл действовал бы поактивнее. Но об этом я тоже не стану говорить Трувору. Зачем ослаблять свои позиции, ведь его и так будет непросто убедить.

– Водимир вернул себе силу и сумел добиться цели: взять в заложницы твою дочь, – сказал я. – У него немаленькая дружина, в союзниках ливы и князь смоленский. Готов биться о заклад: Водимир уверен, что сейчас и боги и сила на его стороне. И ты будешь делать то, что он пожелает, чтобы спасти дочь. Но мы испортим ему праздник.

– Говори! – потребовал Трувор.

И я сказал.

– Это бесчестно! – мгновенноотреагировал изборский князь.

– А красть женщин – это, по-твоему, достойный поступок? – парировал я.

Но Трувор уперся. И хотя он упирал больше на честь воина, но я догадывал-

ся: его куда больше смущают наши сомнительные шансы на успех. Он помнил, насколько грозно выглядела в прошлый раз свита Водимира. И как опытный воин, Трувор отлично знал: в бою не все идет по плану. Более того, всё, что может пойти не так, непременно не так и пойдет.

Я убалтывал изборского князя со всей мощью моего натренированного в последние годы красноречия. Упираю на то, что во время войны нет такого понятия, как бесчестные действия. Тем более по отношению к столь бесчестному врагу. Ну а успех зависит исключительно от четкости наших действий. И всё получится.

– Трувор! Ты вспомни, как вы воровали драккар у Сигурда? Неужели никто из вас не думал, что будет, если вас застукают? Это был огромный риск, верно? Но вы просто делали то, что надо. И у вас получилось. И сейчас получится!

Но Трувор продолжал сомневаться. Он уперся, и мне было его не сдвинуть. И наконец мне это осточертело.

– Знаешь, Жнец, – заявил я, – не ты ли мне говорил, что я удачлив? И сколько раз ты мне это говорил? И не только ты. Так что хватит! Я – удачлив! Боги меня любят! И меня, и твою дочь тоже. Это ж сколько ей понадобилось удачи, чтобы прибить такого йотуна, как Ульфхам Треска? Водимир думает, что поймал нас в ловушку? А вот хрячий хрен ему в глотку! Это мы его поймали! Поймали его в ловушку его собственной наглости и самоуверенности! Так что даже и не думай, что удача на его стороне! Даже и не думай! Моя удача сожрет Водимирову так же просто, как волк глотает мышь! Даже не сомневайся! Просто делай, что надо. Как тогда, в логове Сигурда!

Возможно, этот аргумент был решающим. А может быть, Трувор устал спорить и, что еще более вероятно, не видел лучшей альтернативы.

Но он принял мой коварный план, а это главное.

И мы наконец-то отправились спать. Устал, как берсерк после доброй драки.

Глава 28

Когда кошка становится мышкой

Три дня я мучился неизвестностью. И убеждал себя, что мои расчеты не попытка выдать желаемое за реальность. Но Госпожа Удача вновь меня не подвела. Любит она дерзких.

Да, я оказался прав.

Водимир пришел.

Вернее, приехал. На этот раз с ним не было пятидесяти гридней – только двадцать четыре. И это уже был настоящий подарок. Теперь я практически не сомневался в успехе.

Водимир тоже. Он был абсолютно уверен в себе. С таким-то козырем.

Они въехали в Детинец, будто господа во двор, полный холопов. Так и сочлились спесью.

Холопов в Детинце не было. Ни одного. Только три десятка Труворовых дружинников, которые при виде чужаков тут же отступили к терему.

Они встали так, как им было сказано, но выглядело, будто они уступают двор пришлым.

И эта деталь тоже прибавила пришельцам наглости.

Водимир спешил в центре двора и уверенно зашагал к лестнице. Один!

– Без обид, Трувор, – заявил Водимир после формального обмена привет-

ствиями. – У меня твоя дочь, и я взял ее не ради дурного. С ней обращаются как с княжной, и ей это нравится. Я забрал ее, потому что хотел, чтоб ты увидел, как я могу поступать. И как я достигаю цели.

– Воруя чужих жен? – спросил Трувор, старательно и не слишком умело изображая смятение.

– Добиваясь цели! – с нажимом произнес Водимир, судя по всему, упивавшийся собственной крутизной. – Я верну ее тебе, как только мы принесем клятву верности. Заметь, не мне, а мы. Я уважаю тебя, Трувор Жнец! А что касается ее мужа, то ему повезло. Окажись он тогда в Ладогe, и ты мог бы искать другого зятя. Жаль, что я не смог оказать тебе эту услугу, ведь я слышал, вы не очень-то ладите. А твоя дочь достойна куда лучшего мужа, чем этот нурман.

Ну, я как в воду глядел. Эта сволочь точно на мою жену глаз положила. Точнее, на ее папу.

Не дожидаясь приглашения, Водимир поднялся на верхнюю ступень лестницы, встав рядом с варягом. Они были примерно одинакового роста, сложения и возраста. Правда, сойдись они в поединке, я бы уверенно поставил на Трувора.

Но в поединке они не сойдутся. Не они.

Я шагнул из полутьмы терема на свет зимнего солнца.

– С чего ты решил, что мы не ладим, Водимир? – поинтересовался я. – Тебе твои соглядатаи нашептали? Мог бы уже знать: нельзя доверять крысам. Хотя о чем я? Ты и сам крыса.

Водимир сделал шаг назад. Напрягся. Спесь и самоуверенность слетели с него, как пыль с мусорной кучи.

– У меня твоя дочь! – напомнил он Трувору.

Но я не позволил перевести стрелки:

– У тебя моя жена, ты, кусок дерьма! Думал, это сойдет тебе с рук?

Водимир оглянулся. Уверен, в этот момент он пожалел, что с ним две дюжины людей, а не две сотни.

– Хольмганг! – потребовал я. – Прямо сейчас!

– Трувор! Твоя дочь! – воззвал Водимир к изборскому князю.

Но тот лишь пожал плечами:

– Это его право, – сказал он. – Пусть боги решат, кто из вас прав!

– При чем тут боги? – взвыл Водимир. – Речь идет о власти над всеми этими землями!

– Боги всегда при чем, – заметил Трувор. – Ты принимаешь выбор – или трусил?

– Ну гляди! – угрожающе бросил Водимир. – Райн, Армас! – Он обернулся к своим. – Скажите домой и скажите, что меня подло убил Трувор изборский!

Двое из Водимировой гриди тут же развернули лошадей...

Но это все, что они успели.

Пропели две стрелы, и один из них уткнулся лицом в конскую гриву, а второй вообще вылетел из седла. Пущенная с десяти метров стрела из сильного лука – это немногим слабее, чем удар копьем.

Мгновение – и выход перекрыт стеной щитов, собранной гриднями Трувора. Хорошо так перекрыт, в три шеренги.

А из терема выступило еще человек сорок. И все – в полном боевом.

Ну и для полного комплекта – десятка два лучников на стенах.

Ловушка захлопнулась.

Надо отдать должное дружинникам Водимира, они среагировали правильно: тут же спешили и собрали круговой строй. Храбрецы. Понимали, что им ничего не светит.

– Так ты будешь драться или просто сдохнешь? – лениво процедил я.

Приврал немного. Я не собирался убивать эту гадину. В поединке не собирался. Я его когда-то отпустил, суку, а он мне в печень нож отравленный воткнул. Фигурально выражаясь. Так что заплатит он по полной.

Водимир оскалился и достал меч.

Я тоже. Два.

– Щит ему дайте! – крикнул я.

Это по-любому игра в одни ворота, но сохраним видимость честного поединка.

Щит Водимиру дали.

А пока он ждал, я выполнил с десяток движений, выполняя свой замечательный танец «открытия малых небесных врат».

Больше никаких «сам управлюсь». Водимир – боец очень серьезный. Я с ним уже сталкивался.

Появившийся Волк присел в сторонке и вывалил язык. Мы оба знали, что сейчас будет.

Водимир шагнул вперед.

Я тоже. Но в три раза быстрее. Уклонился от толчка щитом и оказался у него за спиной. Хлест Вдоводела – и с моим врагом случилось то же, что сделал жестокий конунг Нидуд с мифологическим кузнецом Вёлундом, когда тот попал к конунгу в лапы. Рассечение связок.

А поскольку, в отличие от Нидуда, мне профессиональные качества Водимира были совсем неинтересны, то, когда мой враг упал, я всадил Вдоводел ему в правый локоть. Вошло неглубоко – кольчуга защитила. Да и кость, она твердая.

Но неважно. Он всё равно до конца жизни не сможет пользоваться правой рукой.

Хотя сколько ему той жизни осталось?

Падение Водимира было сигналом, по которому наши разом накинулись на его гридней.

Учитывая, что нас было втрое больше, да и мы с Трувором не остались в стороне, всё закончилось в считанные минуты. Одиннадцать трупов и тринадцать пленников разной степени потрепанности. Проще было бы положить всех, но гриди изначально была дана команда: не добивать.

Для реализации второй части плана нам нужны были собеседники.

Глава 29

«Если он сдохнет раньше восхода...»

Несмотря на то что идея была моя, сам участвовать в процессе я не стал. Только попросил пока не трогать самого Водимира. Ну как не трогать, раны прижечь, воды дать и привязать к столбу так, чтобы видел, что делают с его людьми. Однако так, чтобы они при этом его не видели. А то мало ли... Вдруг их преданность вождю окажется сильнее боли.

Сам я ушел, делегировав полномочия Витмиду с Оспаком. Пусть развлекаются, а заодно проследят, чтоб Трувор, который разместился посреди пыточной в

удобном княжеском кресле, ничего не утаил.

Хотя это вряд ли. Трувор – мужик честный. Вернее, князь честный. Довольно необычное сочетание – честный князь. Но Жнец именно таков. И в этой эпохе подобных ему немало. Вот одна из причин, почему мне здесь так нравится.

Пленники держались стойко, так что первая информация появилась только через час. Как оказалось, покойный смоленский отрок малость напутал. С Водимиром пришли не ливы. Эсты.

– Их вождь – родич Водимиру, и он очень богат, – рассказывал мне примерно через час Трувор.

От изборского князя воняло гарью, кровью и паленым волосом, но он не обращал на это внимания. Я тоже. Мне было важно, что он узнал.

– Его зовут Клек-конунг, и я слышал это имя. – Трувор хлебнул пива, громко гласно рыгнул и продолжил: – Клек – храбрый викинг и стяжал железом небольшие богатства. Теперь он стар, но всё равно жаждет эти богатства приумножить. Он ссудил деньгами Водимира и помог ему людьми под обещание закрыть долг в течение года и сверх того отдать ему половину добычи.

– И он не боится, что Водимир его обманет? – удивился я.

Если бы план Водимира удался, то он стал бы хозяином изрядной территории и вполне мог послать кредитора к воронам.

– У Клека сейчас живет семья Водимира, – сказал Трувор.

Что ж, тогда понятно. Заложники.

Оказалось, нет, не заложники. Храбрый и богатый эстский викинг приходится Водимиру родным дядей по матери. Более того, пестуном. Так что там – чисто родственные отношения. Которые, впрочем, не помешают дяде еще немного разбогатеть, если его племяш добьется своего.

Стоп! А Заря? Она тоже у этого дядюшки?

– Нет, Заря не у Клека. Водимир занял городище в пяти днях пути отсюда. Помнишь речку, по которой мы спускались после того, как вернули Плесков Гостомыслу? Это на ней. Шестеро пленных с радостью согласились отвести нас туда, если мы сохраним им жизнь. Желающих было больше. Это только те, кто может ходить и сидеть в седле. Они расскажут и покажут всё. Водимиру они ничего не должны. Они не его люди. – Трувор снова приложился к кувшину. В горле у него громко и аппетитно забулькало.

– Пленные сказали: с Зарей обращаются хорошо, хотя она убила одного из них, когда ее брали, – продолжил Трувор через некоторое время. – Так велел Водимир. А еще он предупредил своих: если с ним здесь что-то случится, ее убьют. И смерть эта будет страшной.

«Вот же гад!» – подумал я.

Что ж, он сам определил свою судьбу – очень и очень почетной. В скандинавском понимании. То бишь у него будет возможность в полной мере проявить мужество и пренебрежение к земным страданиям.

– Он предусмотрителен, Водимир, но всё вышло, как ты сказал, – одобрительно произнес Трувор. – Ему следовало подумать о том, что мы будем решительны. Но он всегда упивался властью. И ему везло. Пока твоя удача не съела его удачу. Что дальше, Волк? Мы пойдем и освободим Зарю?

– Да, – подтвердил я. – Но нам надо подготовиться, чтобы ударить внезапно

и сокрушительно. Чтобы они не успели убить Зарю. Допустим, надеть их доспехи и сесть на их коней.

– Я тоже думал об этом, – отозвался Трувор и снова рыгнул. Несколько литров пива пузырились у него в желудке. – Уверен: бронь Водимира мне вполне подойдет. Моя лучше, но на такое дело я готов и в одной рубахе пойти!

– В рубахе не надо, – улыбнулся я. – Зима, холодно.

Мы засмеялись.

– А не пойти ли нам в баньку? – предложил мой тесть.

– Охотно! Но сначала я наведаюсь в твою пыточную. Попрошу кое о чем моих людей. Жаль, Гуннара нет. Вот кто бы сейчас пригодился. Но, думаю, Оспак с Витмидом тоже справятся.

– А я пока велю привести в порядок трофейную броню, – сказал Трувор, поднимаясь. И, помедлив, торжественно: – Благодарю тебя, Ульф-ярл!

– А я тебя, Трувор-конунг!

Варяг кивнул и вышел.

А я спустился в провонявший болью и смертью подвал.

Мои были здесь. Оспак мыл руки в кадучке. Витмид, голый по пояс, хлебал медовуху прямо из кувшина. Вид у обоих был довольный. Как у футболистов после победного матча.

Водимир, ободранный догола, привязанный за шею и за уцелевшую руку, злобно зыркал из своего угла.

Увидав меня, захрипел от ненависти. Говорить он не мог, потому что во рту его сидела деревянная груша с дыркой.

– Витмид, Оспак, – сказал я. – Возьмите этого человека и дайте ему возможность проявить всё свое мужество. И я буду огорчен, если он сдохнет раньше восхода. Если устанете...

– Мы не устанем, ярл! – тут же заверил меня Оспак.

– И будь уверен: его мужество иссякнет раньше, чем мы возьмемся за него по настоящему! – подхватил Витмид.

– Он будет визжать как свинья, пока его глотка онемееет! – пообещал Оспак. – Только ты, ярл, скажи, чтоб нам пожрать принесли.

– И пива, – добавил Витмид. – А то у меня от этой сладости уже язык к нёбу прилипает.

Глава 30, в которой сначала всё идет по плану, а потом – нет

Частокол умеренной высоты. Наблюдательная вышка. Заснеженные крыши. От открытых ворот к реке – утоптанная тропа. Местами в ней даже ступеньки вырезаны. Внизу – большая прорубь, к которой время от времени спускались женщины с ведрами. Еще несколько прорубей поменьше, у которых торчали рыбаки.

Над ограждением вышки маячила пара голов, и поблескивали на солнце наконечники прислоненных к оградке копий.

Мы наблюдали за городищем с противоположной стороны реки. Мы – это я, Трувор и еще шестеро наших. Дорога пролегала по самой реке, но мы заранее поднялись на другой берег.

– Что думаешь? – спросил я Трувора.

– Внутри их восемь десятков, – напомнил он полученные от пленных сведения. – Ну и местные, но они не в счет. Восемь десятков мы раздавим. Особенно

если они сами откроют ворота. Но...

Жнец не договорил, но и без того было понятно. Мы ведь не городок брать пришли, а освободить Зарю.

– Тогда ночью? – предложил я. – Наденешь доспехи Водимира, возьмешь с собой две дюжины гридней. Ворота точно удержишь.

Ну да. Особенно если подмога заранее поднимется на берег и укроется в лесу рядом с городищем.

– Ворота удержи, – согласился Трувор. – С Зарей что?

– С Зарей я сам. Когда ты подойдешь к воротам, я со своими зайду с другой стороны.

– А если заметят?

Если заметят, тогда скверно.

– Значит, не должны заметить. Или у тебя есть другие мысли?

Я знал, что других предложений не будет. Трувор – умный, опытный, надежный, как корабельный киль из сёлундского дуба. Он видит то, чего я не замечаю. Но внезапные озарения – это про него.

– Ты не беспокойся, князь, не в первый раз, – заверил я.

Молчание.

– Трувор! Это моя жена! Неужели я позволю ее обидеть?

– Уже позволил, – пробурчал варяг.

И я понял: мой план одобрен. Что ж, теперь надо озадачивать моих.

Примерный план городища у меня был. Подарок от пленных, которые вчера отправились на встречу со своим богом. Да, они надеялись, что их оставят в живых, но у нас нет возможности выделить людей для охраны пленников. Опасных пленников. Но главное, больше не нужных. Свою роль они выполнили: рассказали, показали, привели. Дальше мы сами.

Я знал, что в центре городища большой дом, облепленный со всех сторон вспомогательными помещениями.

Но Зарю держали не там. В домике поменьше, который располагался как раз у противоположной воротам стороны городища. Потому через стену мы полезем именно в этом месте.

Важный момент: в тот момент, когда мы полезем на стену, Трувор в облике покойного Водимира должен подойти к воротам, что наверняка отвлечет внимание дозорных. Главное, действовать синхронно.

Я примерно прикинул, сколько нам потребуется времени, чтобы подойти к частоколу. И сколько займет проникновение внутрь. С учетом снятия охраны на забороле.

Первый этап не проблема. В том, что нас не заметят с вышки, я был практически уверен. Заснеженное поле мы преодолеем в маскировочных накидках из белёного полотна, которые я на всякий случай прихватил в Изборце. Потом мы окажемся в тени стены, где нас точно не увидят, но могут услышать, потому что абсолютно беззвучных штурмов не бывает. Непременно что-то цокнет, стукнет или хрустнет. Так что отвлечение внимания охраны на этом этапе тоже будет нелишним. Но настоящее прикрытие понадобится, когда мы переберемся через стену и начнем действовать. И оно у нас будет, если как раз в это время к воротам городка подъедет псевдо-Водимир со свитой.

В общем, всё просто. В теории.

– Витмид и Оспак идут первыми, – инструктировал я свою команду. – Потом я, потом Крумисоны. Виги, Тулб, вы держите стену снизу. Если кто-то появится на забороле, бьете. Потом поднимаетесь наверх и держите уже двор. А мы входим в дом. Тихо входим! Убиваем лишних. Тихо убиваем! Это главное! Тихо! Аккуратно! И забираем Зарю. Всем понятно?

Понятно было всем.

– Дальше. Зарю надо переправить через стену и увести подальше. Тулб, это на тебе. Как только вы уйдете, мы больше не осторожничаем. Хоть кричите, хоть пойте. Если кто из ворогов заорет, пусть. Убиваем всех, кто не спрятался. Повеселимся!

Если мы благополучно дойдем до последнего этапа, то – уже можно. Цель достигнута.

– А если Заря не захочет уходить? – спросил Тулб.

Ну да, Заря может. И Тулбу ее точно не переспорить.

– Тогда залезаете на любую крышу и делаете, что можно. Лук ей отдашь свой, ясно?

– Угу. Ярл?

– Что?

– А если ее там не будет?

Правильный вопрос. И я такой вариант учитываю. Вряд ли пленники нам наврали, но варианты всегда возможны. И именно поэтому мы будем соблюдать режим тишины, пока Заря не окажется с нами. Во всяком случае, постараемся соблюдать. А вот планировать что-то для этого варианта сейчас я точно не стану. Если что-то пойдет не по плану, будем импровизировать. Не впервой.

Пока главное – синхронизация действий с Трувором. Ну и стоит помолиться о том, чтобы на забороле не оказалось чересчур бдительных караульщиков. Если тревогу поднимут раньше, чем мы зачистим стену, всё существенно осложнится. Возможно, радикально.

Но будем надеяться на лучшее. И готовиться к... ко всему. Мы начнем, когда лже-Водимир со спутниками покажутся из-за речной излучины. Пока они будут неспешно ехать по санному пути, мы должны скрытно добраться до стены. А когда у ворот поднимется шум, мы эту стену форсируем. В это же время из леса выдвигается группа поддержки, которая рванет вперед, едва Трувор со своими заблокируют ворота. Но это – их задача. Наша – вывести из-под удара Зарю.

Мы были в готовности, когда на санном пути показался первый всадник.

На фоне снега он был отлично виден, хотя затянутое тучами небо скорее поглощало свет, чем отдавало. Виден и нам, и тем, что на вышке.

Я рванул первым. Остальные – за мной. И тут же меня обогнали. Как всегда.

Но это было неважно, потому что вот мы уже под стеной. И никаких признаков того, что нас засекли. Теперь – ждать.

– Открывай, дурная голова! – наконец донеслось со стороны ворот. – Не видишь, кто приехал!

Изнутри что-то крикнули в ответ... по-эстски!

Но Трувор, оказывается, был к этому готов. Снаружи ответили на том же

языке...

– Давай... – прошипел я, и крючья полетели вверх.

И стрела. Вихорёк с тридцати шагов, в полной тьме сумел кого-то углядеть. Хруст впившихся в дерево крючьев совпал со звуком падения. Достаточно тихим, чтобы понять: подстреленный со стены не свалился.

Витмид и Парус взлетели на стену в три секунды. И сразу разбежались в стороны.

Моя очередь.

Получилось не так ловко, как у скандинавов, но всё же я взобрался быстро и почти так же тихо. Внизу теплились огоньки. Я нашел широкое светлое пятно нужной нам крыши.

До ворот отсюда метров двести. Там было шумно, но пока это просто шум, не драка.

Витмид и Оспак вернулись и застыли в ожидании команды. Значит, стену они зачистили.

Всё. Последняя пара, Крумисоны, наверху. Вихорёк и Тулб разошлись, чтобы контролировать как можно большее пространство. Как они ухитряются что-то видеть в этой темени?

Пора. Вот-вот наших раскроют, и начнется заварушка. К этому времени я должен вытащить Зарю.

Прыжок в сугроб с полутора саженей – это запросто. Мои посигали со мной. Сугроб для смягчения понадобился только мне.

Выкарабкавшись из снега, я побежал к дому. И едва не наткнулся на человека, выскочившего из дверей.

Слишком далеко, чтобы достать его, прежде чем он заорет.

Я не успевал... Но успела стрела. Человек опрокинулся на спину, а я скользнул в уже открывшуюся дверь. Остальные – за мной.

Внутри было светло и тепло. Пятеро сидели за столом. Двое играли в хнефатафл[241], остальные болели. И так увлеклись, что среагировали на наше появление с фатальным для себя опозданием. Иначе говоря, никто и пикнуть не успел.

Я кинулся в глубину дома, в клеть.

Зари там не было. Только перепуганная до икоты женщина, собравшаяся завизжать, но я вовремя успел зажать ей рот.

– Не ори, и будешь жить, – сказал я по-словенски. – Поняла.

Кивок. Глаза, как плоски.

Я убрал руку.

– Где княжна?

– Ее в большой дом увели, – пискнула женщина. – Снедать. Еще не вернулась.

Не поздновато ли для ужина?

Во мне закопошились нехорошие предчувствия.

– Сидишь тихо, как мышка! – рыкнул я. – Нет, лучше лезь под лавку!

И не дожидаясь исполнения команды, кинулся обратно.

– Она в большом доме! – бросил я своим. – Бегом!

Я чувал, что таймер отсчитывает последние секунды.

И не ошибся. Едва мы вылетели за дверь, как у ворот началась буча. Звон железа, вопли. Отовсюду бежали люди покойного Водимира. Некоторые – с

факелами. Даже тесно как-то стало. К счастью, на нас никто не обращал внимания. В темноте и не разберешь, кто чей. Никто не ожидает увидеть врагов среди толпы своих. А человек, как известно, видит то, что хочет. Как правило.

Мы ворвались в большой дом после того, как из него вывалилась очередная пачка бойцов.

Я был в такой ярости, что отшвырнул и опрокинул сразу троих, хотя каждый из них был наверняка крупнее меня.

А потом ко мне пришел Волк, и всё остальное стало неважно.

Кроме Зари, которую двое уродов пытались уволочь куда-то за фигуры домашних идолов. Заря отбивалась, как могла, но уроды были в бронях и раза в полтора крупнее.

Увидев нас, один тут же прижал к ее горлу кинжал и что-то заорал.

Я не понял. Я вообще плохо понимаю слова, когда Волк со мной.

Зато я очень быстро двигаюсь.

Вспрыгнув на стол, я промчался по нему раньше, чем кто-то из врагов сумел среагировать, прямо со стола махнул на помост и хлестнул Вдоводелом по руке урода.

Обрубок руки с кинжалом ударился о черную рожу идола и упал на пол. Туда же повалился и сам урод, когда я разрубил ему рожу. Второй выпустил Зарю и попытался закрыться рукой. Я засмеялся и кольнул его в горло повыше кольчуги.

Потом развернулся и... выдохнул, расслабляясь.

Когда мы вошли в дом, там оставалось примерно с десяток ворогов. Мои уже успели прикончить всех. Парус встал в дверях, готовый рубить любого, кто сунется.

За спиной его устроился Тулб, готовый стрелять в упор, а Вихорёк, с наложенной стрелой (когда они только успели к нам присоединиться?), держал под контролем зал.

– Ты пришел! – взвизгнула Заря и повисла у меня на шее.

И тут я краем глаза увидел, что Вихорёк рвет тетиву и стрела летит прямо в меня.

Я оцепенел, вмиг осознав, что ничего не успею...

Но стрела в меня не попала. Пропела совсем рядом, едва не задев оперением лицо и ухо, и с хрустом вошла в лоб бойца, который, подонок, как раз собрался зарубить. Причем не меня, а Зарю.

Мое сердце пропустило удар. Я осознал, что если бы не сын...

Зарю тоже пробрало. И она вспомнила, что тоже воин, отпустила меня и подхватила с пола чей-то меч.

А снаружи кипел бой.

– Будь здесь! – велел я. – Вихорёк, Тулб! Вы с ней. А мы пойдем порезвимся!

Порезвились мы славно. Вырезали бывшую Водимирову дружину почти в ноль. Из восьмидесяти двух осталось девятнадцать.

Трувор потерял шестерых отроков, и еще человек тридцать были ранены.

Мои вышли из боя целехонькими. Уровень есть уровень.

Трувор был доволен. Заря счастлива, а я... Я продолжал корить себя, что едва не потерял мою девочку из-за собственной глупой беспечности. Если бы не стрела Вихорька...

Трупы сложили штабелем и велели местным готовиться к пиру.

Сурова жизнь простых средневековых смердов. Сначала Водимир по ним проехался, теперь мы.

Народ, однако, зашустрил, изо всех сил надеясь ублажить новых захватчиков. Они только что полюбовались, на что мы способны, и очень боялись испробовать остроту наших мечей.

А мы делили добычу. И добыча – была.

Помимо доспехов, оружия и коней с полной сбруей, нам досталась почти половина займа, который был выделен Водимиру на покорение будущей новгородской земли и прилегающих к ней территорий.

Расщедрившийся Трувор выделил мне десятую часть добычи, и ее совокупная стоимость перекрыла цену взятого нами на капище.

Мои хирдманы сияли едва ли не ярче Зари, невероятно счастливой не только из-за того, что ее вынули из лап похитителей, но и потому, что мы с ее отцом помирились.

– Хорошо ли с тобой обращались? – с отеческой строгостью поинтересовался Трувор, закончив с главным: распределением трофеев.

– Сначала очень плохо! – Заря сделала круглые глазницы. – Напали прямо в опочивальне, завернули в какую-то вонючую парусину! – И тут же похвасталась: – Их было много, и все в бронях, но я всё равно одного достала! Надеюсь, что насмерть.

– Насмерть, насмерть, – порадовал я мою красавицу.

По глазам Трувора я видел, что ему не очень нравится дочь в ипостаси вчительницы. Но я бы претензий не принял. Он сам вырастил ее такой. Я лишь отшлифовал драгоценный камень.

И вообще: я теперь ее муж, и мне решать, с какой стороны она будет есть лепешку. Хочет воевать? Пусть воюет. А я прикрою, если что.

Глава 31

Пир и праздники, нынешние и грядущие

Гости появились, когда варяги со всей обстоятельностью готовились к поминальной тризне.

Собственно даже не гости, а хозяева. Пожаловал местный князек с дружиной и ополчением. Навскидку – копий четыреста. Серьезная сила.

Но не для нас.

Князек тоже это понял и сменил гнев на милость прежде, чем дошло до драки.

Сговаривался ли он раньше с Водимиром или нет, неизвестно, но сейчас князек охотно принял версию о том, что мы освободили его данников от злых дядек.

И столь же охотно присоединился к тризне.

Потом, как обычно. То есть – по обычаю. На штабели бревен возложили тела погибших – с оружием и подарками для усопших предков. Только наших, разумеется. Врагов пусть местные хоронят.

Потом поочередно вывели в круг и убили пленников. Формально это был поединок, но по сути именно убийство. Во всяком случае, это касалось тех восемнадцати, которых нашинковал Трувор лично. Деятнадцатого, вернее, первого, он в знак особого расположения предложил кончить мне, но я отказался в пользу сына.

Вихорёк, надо отдать ему должное, кого послабее выбирать не стал, а взял самого здорового: и в смысле ран, и в смысле силы. Так что ему потребовалось минут пять, чтобы отправить эста в Ирий, или куда они там улетают. Но это был единственный более-менее зрелищный поединок.

Когда в круг встал Трувор, начался конвейер. На мой взгляд, ему стоило бы брать сразу по трое. Быстрее бы закончил.

Убитых избавили от имущества и бросили на дрова пониже мертвых варягов. Трувор сунул факел в политые жиром сучья, и мы отправились пировать.

Вместе с князьком и его малахаистой ратью. Хороший пир лучше смертоубийства, да и нашим после вчерашнего адреналина хватило.

А уж как были рады ополченцы! Вот уж у кого не было иллюзий по поводу несостоявшейся драки. Это дружину вождь бережет, а ополчение в поле – просто мясо, которое отправляют под нож, чтобы добиться тактического преимущества.

Так что, поглядев, как Трувор приходит *воинов*, они живо представили, что было бы, если...

Перепились и обожрались все, уничтожив подчистую всё, припасенное жителями городища на зиму.

Ну да не мои проблемы. У них вон свой вождь есть. Пусть он и заботится.

Хотя этот позаботится, как же! Перекинувшись парой слов с Трувором и убедившись, что тот драться не намерен, князек зацапал двух девок посочнее и уволок за кулисы. Ну и шут с ним.

На пиру мы с Трувором очень толково пообщались. Я напомнил ему, что есть еще один персонаж, который нам должен. Князь смоленский Дир. Он поддерживал Водимира в его начинаниях, в частности в набеге на Ладогу. Как-то мне сразу не поверилось, что отроки перекочевали под крыло Водимира без санкции батьки. Да и сам Водимир утверждал, что с Диром у него, типа, союз. А у кого с нашим врагом союз, тот нам точно не друг.

Трувор задумался. Сказал, что тут всё непросто, потому что Дир – варяг, а его побратим Аскольд – вообще мировой парень. Аскольда, правда, сейчас в Смоленске нет. Ушел куда-то на юг, но, в случае чего, за побратима точно впишется. И что касается Смоленска, то этот кусок нам не по зубам. Там и дружина мощная, и стены в две сажени, да не частокол какой-нибудь, а правильной сборки. То бишь в основе – подогнанные друг к другу дубовые клетки, засыпанные изнутри землей.

– А если я приведу с собой сотню лучников? – поинтересовался я.

– Всё равно, – мотнул головой варяг. – Не сдюжим.

– Предлагаешь простить? – прищурился я.

Трувор глянул на меня свирепо, потом отбросил чашу с медовухой, вскочил на лавку, водрузил ногу на стол и рявкнул:

– Клянусь не ходить на медведя до той поры, пока князь Дир не ответит за помощь в похищении моей дочери! Перун мне свидетель!

После чего уселся обратно, опростал новую чашу, вложенную ему в руку обслугой, обтер усищи и гордо глянул на меня.

Я заценил. Если кому-то кажется, что не охотиться на мишек – пустяковый гейс, то он глубоко ошибается. Истребление косолапых, желательнее с помощью одного кинжала, – любимейшее развлечение варягов.

– Рюрик, – сказал Трувор, закусив вяленой рыбкой. – Он пойдет с нами.

Я удивленно поднял бровь:

– Он с нами или мы с ним?

– Или мы с ним, – согласился варяг. – Он тоже будет не прочь взять Смоленск. И с ним у нас получится.

– Уверен? Когда он успел обзавестись сильным хирдом?

– Это Рюрик, – Трувор поднял руку с чашей, чтобы ее вновь наполнили. – Он умеет ладить и с северянами, и со словенами с заката, и с нами, варягами. Некоторые думают: он вообще один из нас, потому что отпустил усы, носит знак Перуна и вечно ссылается на Правду.

– Многие, но не ты?

– Я его знаю, – пожал плечами мой тесть. – Он родовитый дан, инглинг и таким останется. А еще он умен, хитер и когда-то с ним было весело! – Трувор хлопнул меня по плечу. – Так-то, ярл! А еще он мой родич, и я тебе точно скажу: подлости в нем нет, так что зла на него не таи. Когда-то он тебя недооценил, но теперь всё будет по-другому. К тому же ты скоро будешь моим зятем, а это не просто слова. Ты же меня знаешь?

– Буду? – Я вновь приподнял бровь.

– Будешь. И скоро. Вот вернемся в Изборец, соберем гостей и устроим вам настоящую свадьбу! Тем более что гости уже едут.

– То есть? Как так? – Вот теперь он меня действительно удивил.

– Так я гонцов разослал перед тем, как мы сюда отправились, – ухмыляясь, сообщил варяг.

– А ты не боялся?.. – начал я, но он меня перебил:

– А ты?

Я помотал головой. Умом я допускал, что всё могло случиться. И чуть не случилось. Но в душе и мысли не мог допустить, что нам не удастся спасти Зарю.

– Когда? – спросил я.

– Через три седмицы.

– Не пойдет, – покачал я головой. – Мне надо будет вернуться на остров.

– Зачем?

– Я ярл, – напомнил я варягу. – И я хочу, чтобы все видели это.

– Годится, – тут же согласился Трувор.

– И еще у меня есть одно условие. По поводу Рюрика.

– Да? – насторожился варяг.

– Если он опять что-нибудь учудит, ты будешь на моей стороне, а не на его.

– Я и так на твоей стороне, – проворчал Трувор.

– Нет уж! Поклянись: если Рюрик снова начнет хитрить, если нарушит договоренности, то ты поддержишь меня, а не его!

Молчит. Вижу, как ему не хочется давать такую клятву. Что ж, придется ударить ниже пояса.

– Трувор, друг мой, – говорю я проникновенно, заглядывая ему в глаза. – Если бы ты прошлым летом был со мной, а не с ним, то не Синеус, а ты стал бы править варяжской вотчиной. Ты это понимаешь?

– Ольбард – добрый князь, – уклоняется от прямого ответа Жнец.

– Ты был бы не худшим. Но ты сыграл за Рюрика и потерял большую часть своего поля[242].

Молчит. Мрачнеет.

– Жнец! – Вот же упрямый тур. – Я стану твоим зятем! Мы теперь точно на одной стороне поля. Клянись – и хватит об этом!

– Чего в тебе нет, Волчок, так это сыновней почтительности, – проворчал Трувор. – Ладно, твоя взяла. – Он положил руку на меч, который как глава имел право не оставлять у стены. Впрочем, никто из наших не расставался с оружием. Мы же не одни на этом победном пиру. Мало ли что.

– Клянусь, что, если между Ульфом-ярлом и князем Рюриком возникнет спор, я буду с Ульфом! Перун меня слышал! – Теперь доволен? – зыркнул он на меня из-под насупленных бровей.

– Теперь да! – заявил я, поднимая чашу и повышая голос так, чтобы его слышали все: – Здравия и славы лучшему из нас! Нашему князю Трувору!

Гридь немедленно поддержала, а мужественная физиономия Трувора посветлела.

Мне не жалко. Я получил даже больше, чем хотел.

Мы выпили. И еще раз. За мою славу. Всё-таки хорошо, что здесь не Тъёдра. Тот бы непременно завел свою «О Волке и Медведе».

Хотя – без разницы. Я всё равно сразу ушел.

– Свадьба! – Заря обрадовалась. – Волчок! Я тебя так люблю!

И немедленно взялась это доказать.

Девушка у меня изумительная. Фигурка гимнастки, ножки бегуны, грудка... Что-то неопишное. Кожа безупречная, если не считать шрамов, а пахнет!.. Так пахнут только настоящие блондинки. Что-то феерическое. Личико... Представьте семнадцатилетнюю девушку, ведущую абсолютно здоровый образ жизни, с глазищами, как озера, щечками цвета кровь с молоком... Нет, не так. Вернее, не в этом дело. Это восхитительно – просто смотреть, как меняется это лицо вместе со сменой настроений. Если задумчивость – писаная русская красавица, если гнев – глаза сужаются и мечут искры, пухлый ротик оскаливается белыми зубками или сжимается в ниточку, кожа розовеет, бровки хмурятся грозно... На самом деле, разгневанная Заря – это довольно страшно. Потому что это не сердитая девушка. Это – боль, кровь, смерть. И я сделаю всё, чтобы пауза между этим гневом и гибелью обидчика была минимальна. Тут по-другому нельзя. По скандинавским понятиям, женщина с оружием – уже не женщина, а воин. Со всеми вытекающими. Враг, а не добыча. Добычей Заря не будет уже никогда. И это такая же аксиома, как и то, что невозможно сделать воина покорным холопом. А раз так, то пусть будет таким врагом, от которого надо бежать без оглядки.

Да, Заря в гневе мне тоже нравится. А уж когда она счастлива... Тогда она счастлива. Описать это невозможно – только любоваться.

Эта смена обликов-настроений завораживает. А как она двигается! Особенно в бою. Медленно, плавно, а потом – стремительный бросок. Те, кто видел, как большая кошка подкрадывается к добыче, поймут, о чем я.

А уж любить такую... Никогда не угадаешь, кем она будет: ласковой кошечкой или яростной всадницей. Мы с ней вместе полгода, и она продолжает меня удивлять. И восхищать.

А еще мы можем любить друг друга часами, неустанно и не повторяясь. Мы и любим. Хотя...

Никогда у нас с Зарёнкой не будет такого слияния, как с Гудрун.

Не знаю, хорошо ли это, плохо ли... Знаю: так правильно.

Возвращаться со мной на остров Заря отказалась. Осталась в Изборце. Готовиться к свадьбе. Еще бы! Важнейшее событие в жизни каждой девушки. А если ты княжна и на свадьбу ожидается куча гостей, важных и неважных, а у тебя нет княгини-матери, которая взяла бы на себя львиную долю работы, то это уже чистый трэш. Классическая языческая свадьба и так не самый простой обряд, а тут еще политика добавляется. Не хватает только еще и христианское венчание к этому действу добавить. В принципе, это было бы правильно, Заря теперь христианка. Кстати, оповести она народ о своем крещении, никто ее не осудит. Правда, многие удивятся. Здесь о христианстве имеют самое смутное представление. Специфическое. Особенно у тех, кто с этой религией сталкивался в Европе. В голову сразу приходят набитые богатствами монастыри и нищие крестьяне, чьи женщины в двадцать пять выглядят на пятьдесят.

Нет, христианского венчания у нас не будет. Да и не станет отец Бернар венчать нас с Зарей – меня-то он считает закоренелым язычником. И не без оснований.

Так что свадьба наша пройдет по заповеданному пращурами канону. Обряды, религиозные церемонии, жертвоприношения...

Только вспомню, как бракосочетание проходило у нас с Гудрун, так сразу хочется сказать: «А нельзя ли, ребятки, всё то же самое, но без нас».

Однако не получится. Так что придется мне честно отработать женихом, принять свадебные дары, прихватить приданое от папы, если даст, конечно, забрать красавицу-жену и отбыть на место постоянной дислокации, то бишь на Замковый остров.

К которому мне следует двинуть, не откладывая. Четыре недели – это не так много для того, чтобы дважды пройти такую дистанцию. А если метель или еще какая гадость?

В общем, на следующее утро я собрал своих бойцов, взял проводника, которого мне выделил заботливый Трувор, и мы поскакали. Ну, или побрели – там, где скакать не получалось.

Даже Ладогу по пути навещать не стали. Вот когда я двинусь обратно во главе собственной маленькой армии, тогда и заглянем. И сокровища заберем заодно. И луки.

А сейчас – время не ждет.

Глава 32,

в которой есть зимняя дорога, приятные встречи, не менее приятные проводы, новое войско, старые друзья и никакой войны, что особенно приятно

Мы успели вовремя. Погода благоприятствовала. Метель, правда, разок случилась знатная, но так совпало, что мы уже были на острове, и пока свирепствовала непогода, спокойно собрались в дорогу.

Из двух сотен с хвостиком кирьялов к моему возвращению осталось сто семьдесят семь. Остальные – кто сломался, кого выгнали за бестолковость.

Тем не менее мои хирдманы, надо отдать им должное, сумели сколотить из оставшихся вполне приличное войско. Причем человек сорок показывали прямо-таки отличные результаты. С поправкой на время обучения.

Ну и с родовыми терками мастера-инструкторы тоже разобрались. Строго по моим рекомендациям. Эх, погонять бы новобранцев еще полгода... Но –

некогда. Поощрим лучших, чтобы мотивировать остальных – и в бой. Обкатаем новичков, так сказать, танками. Двуногими.

Так я и поступил. Отличников поощрил лично. Парни должны знать, кто их кормит. Потом объявил, что предварительное обучение закончено, но самое интересное, как водится, впереди, поскольку лучшие сто двадцать парней отправятся со мной на войну. То есть сначала на мою свадьбу, потом – за славой и добычей. Ура! Уже можно. Я был уверен, что парни не сольются в первом же бою. Тем более мы ж не с матерыми викингами драться собираемся, а с противниками пожиже. И не в первых рядах, а в качестве группы огневой поддержки.

Ну, это я так планировал. В жизни вышло иначе, но на то она и жизнь. Естественный отбор в действии.

Как только метель утихла, мы загрузили припасы и солидной походной колонной отправились в путь.

Не попавшие в список лучших кирьялы остались на острове. Главным над ними я оставил Гуннара. Тот, кстати, с нами и не рвался. Должность коменданта ему нравилась. Да и жена у него ждет ребенка. В помощь Гуннару оставался Лут Ручица.

Я еще Тьёдара попытался оставить, но скальд уперся и ни в какую. Как же! Впереди свадьба, на которой он блеснет! И дальнейшие подвиги, которые следует воспеть. Да и доля в добыче лишней не будет. В общем, избавиться от «Песни о Волке и Медведе» у меня не получилось.

Ладога сюрпризов нам не преподнесла. Жила она со времени Водиминова набега мирно, а добрый Гостомысл даже выдал некоторым из пострадавших компенсацию. В том числе и мне. Луками, которые немедленно взялся изучать Бури.

Кель за время нашего отсутствия почти поправился. Рука, правда, еще оставалась на перевязи, но всё остальное – в норме. На лошади держаться сможет.

Пока мои восстанавливали припасы, я посетил Гостомысла.

Тот был несколько обеспокоен размерами моей новой дружины, но держался дружелюбно и даже предложил разместить часть бойцов в крепостных «казармах». После того как Рюрик ушел в собственное плавание, свободного места там было в избытке.

Я отказался. Мне уже сделал аналогичное предложение Бобр, и я его с удовольствием принял.

В Ладоге мы задержались всего лишь на сутки. Передохнули немного – и в путь.

Перед этим я посетил Квашака, забрал у него готовые наконечники, велел присматривать за домом и особенно за Быськой. А то тащит в мои ладожские хоромы кого ни попадя.

Быське тоже вставил фитиль. В переносном смысле. Предупредил: будет баловать – продам.

Девушка прониклась. Только вот надолго ли?

Под конец я все-таки решился и пригласил Гостомысла на свадьбу в Изборец. Да, он мне не особо нравится, но князь всё-таки. И я еще помнил, как увидел его впервые. Вот тогда он был настоящим князем, а Ладога – городом, в ко-

тором жизнь была ключом. В общем, пригласил. Но, как оказалось, он уже получил приглашение от Трувора. Однако то, что к нему прибавилось и мое, Гостомысла порадовало.

Да, еще взяли добытое на капище. Вернее, каждый участник антиклерикального акта взял свою часть. То есть я забрал две трети, а остальное раздал соратникам. Те остались довольны. Я – ярл. Ну и наводка тоже моя. Всё справедливо.

В сказках свадьбой всё заканчивается. В жизни – наоборот. Только начинается.

Мы приехали за два дня до назначенного срока, тем не менее снег в окрестностях Изборца уже был утоптан до каменной твердости, берег озера пестрел шатрами, а народу было – как на большой ярмарке.

Собственно, ярмарка тут тоже имелась. Местные торговцы не могли упустить такой случай.

Да и неместные тоже. Я заметил даже ромея, опознанного мной по типичной внешности и характерной одежке.

Шатров у нас с собой не было, и будущий тесть освободил для нас здоровенный дом рядом с Детинцем. В самом доме поместилось человек пятьдесят, остальные заняли вспомогательные помещения.

Была здесь и конюшня, в которой разместили лошадей, и баня, из продуха которой уже поднимался дым. Челядь, выделенная нам Трувором, времени не теряла.

Впрочем, мне в этом доме жить не пришлось. Князь изборский забрал меня к себе под крыло, предоставив нам с Зарёй роскошные палаты на втором этаже княжьего терема, состоявшие аж из двух комнат: немаленькой гостиной и спальни, которая по размеру почти не уступала гостиной. В спальне имелась кровать, накрытая балдахинном, хотя приставленный к нам слуга заверил, что в «крыше» над постелью нет необходимости. Клопов в доме не водится.

Зарю я увидел мельком: подбежала, чмокнула в губы и убежала. Вся в хлопотах. Трувор познакомил меня с полоцким княжичем Честой, симпатичным парнем лет восемнадцати, с пушком на верхней губе и гордо выпяченным острым подбородком.

Честа тут же извинился, что приехал он, а не папа. Мол, папе нездоровится. Видно было, что врет, но я не стал докапываться до истины. Нет так нет.

Мы с Трувором выпили очень качественного пива, под которое я выслушал немало приятных слов о моем резко увеличившемся хирде. А когда я к этому хирду вернулся, то оказалось, что в доме их уже нет.

Бури увел кирьялов испытывать новые луки, а остальные бойцы разбежались кто куда.

Остались лишь челядь да отец Бернар, который, типа, присматривал за выздоравливающим Кёлем.

Я поглядел минут пять, как они отрешенно переставляют по доске костяные фигурки, понял, что делать мне совершенно нечего, и пошел спать. До вечера.

Потому что вечером я планировал оказаться в одной постели с Зарёнкой, где нам уж точно будет не до сна.

в которой Ульф получает предсвадебный инструктаж и серьезный повод для беспокойства

Самые главные гости, как водится, приехали в последний день. Главные лично для меня: Рюрик и Ольбард. Были, понятно, и другие князья. Гостомысл, к примеру. Но эти – самые важные.

Сначала я пообщался с Ольбардом. Варяжский князь цвел и пах. Властью и силой. Он даже будто в плечах раздался. Поздравил меня, как говорится, от всей души.

А уж как обрадовался Вильд! Размолвка с отцом его крепко задела. Но теперь всё будет хорошо. Причина раздора исчезла.

А вот с Рюриком общаться было сложнее. Нет, он вел себя чрезвычайно радушно. Лучший друг, не иначе. В прежние времена я бы плясал от счастья, видя такое отношение, но теперь воспринимал всё, что он говорит, через плотный фильтр недоверия. Что бы ни утверждал Трувор, уверяя, какой Рюрик правильный, есть вещи, которые трудно забыть. Да и есть у меня ощущение, что рана, нанесенная моему бывшему вождю копьем Сигурда Рагнарсона, поразила не только тело, но и дух. А такие раны не заживают. Никогда.

Разошлись мы, впрочем, вполне доброжелательно.

Потом меня взял в оборот Труворов дядька.

Настоящий это был дядька или названный, не знаю, но мужик очень конкретный. Трувор попросил дядьку проинструктировать меня по грядущим свадебным процедурам. Что, когда, зачем и даже почему.

Во-первых, мне не следовало в ночь накануне свадьбы быть с невестой. То есть секс до свадьбы – не вопрос. Он даже учитывался в предписанных ритуалах. Будь дело летом, нам выделили бы один шатер на двоих. Однако невеста, виновная она или невинная, по-любому должна была пройти обряд предварительного очищения в местной баньке, что и произойдет будущей ночью. А после очищения меня с ней рядом быть не должно. До момента, когда я ее украду.

– Чего-чего? – изумился я.

– Украдешь, – подтвердил дядька, и морщины на его лице образовали улыбку. – А как – ты сам решишь. Свадьба у вас зимняя, волчья, стало быть, свадьба, но тебе подойдет!

И сообщил подробности. Мне с друзьями и соратниками с рассветом надо выдвинуться к дому ее отца. То есть к Детинцу. Там, уже не всем кагалом, а с группой доверенных лиц проникнуть внутрь, преодолеть сопротивление «группы поддержки невесты», состоящей из специально назначенных юношей и девушек, отбить у них эту самую невесту и вывести ее на солнечный свет. Во двор то есть. А затем сорвать с нее девичье белое покрывало и надеть на нее новый головной убор-диадему, который мне выдадут...

– Не надо выдавать! – перебил я. – У меня свой имеется.

Я уже знал, что это будет.

– Нет так нет, – не стал возражать дядька и принялся объяснять, в чем смысл обряда, а заодно насколько они, варяги, превосходят всех прочих язычников. А то вдруг я спутаю истинно варяжскую символику со всякой неваряжской фигней, вроде условной смерти невесты и ее нового рождения в новом роду.

– Нашим пращурам отдать девушку за славного воина не жалко. А ты та-

кой и есть. Опять же хоть и жили вы вместе, а живот девка прежде времени не нагуляла, молодец, знает нужные травки. Так что будет вам и от пращуров полное благословение.

Травки, значит? Ну-ну. Не предполагал, что у местных имеются оральные контрацептивы растительного происхождения.

– Потом на капище поедем, – завершив очередной экскурс в область сакральных знаний, сообщил дядька. – Благословение Мокоши она без тебя возьмет, а к Волоху – уже вместе. Он вас тоже очистит и соединит. Потом – домой, а потом – пир будет, подарки станете принимать-дарить, а потом к Перуну пойдём. И там самое главное будет. Эй, ты не бойся! – сказал дядька, заметив мое беспокойство. – Благословение Перуна не смерть, а честь!

Ох, терзают меня сомнения насчет этой чести. Он же Молниерукий. А я как вспомню Одинова идола, который меня током долбанул, да так, что я из этого ритуального сарая на четвереньках еле выполз... Тот идол всего лишь метр-ового росточка был, а тут Трувор себе забабахал кумира в два с половиной человеческих роста. Молниерукий опять-таки...

Успокаивало одно: ни разу не слышал, чтобы на варяжской свадьбе жениха убило молнией. А случись такое, это непременно стало бы достоянием общности.

Расспрашивать дядьку о подробностях Перунова благословения я не стал. Надо – сказал бы сам. Выслушал еще раз основные инструкции, подтвердил, что всё помню (если что забуду, соображу по ходу), и дядька объявил, что инструктаж окончен.

– И что мне делать теперь? – спросил я.

– А что хочешь, – великодушно разрешил дядька. – Главное, с утра за невестой не опоздай!

Волчья свадьба. Офигеть! Медвежонок кольчугу на себе голыми руками порвет, когда узнает, что он пропустил.

Вечером я собрал своих и поставил перед ними задачу: организовать торжественную процессию жениха.

В качестве стороннего консультанта привлек Харру Стрекозу. Напомнил, что надо купить подарки и всё остальное, что потребуется. Арендовать лошадей, сани.

В общем, пусть развлекаются. Сам же прикинул, что напялить на себя завтра, и пошел в баню. Провести свое личное очищение. В смысле помыться, попариться и подумать о вечном.

Радовало, что нам не придется ритуально совокупляться в окружении друзей и родственников.

Отгорчала неизвестность по поводу благословения Перуна.

Ничё. Прорвемся.

Глава 34 Волчья свадьба

Вереница саней, украшенных лентами, бубенцами, хвойными ветками и прочей мишурой двигалась к Детинцу. В санный поезд загрузили меня и основной состав команды. Тех, кто будет моей поддержкой в «захвате» невесты. В моих санях возникшим оказался Вихорёк.

За санями двигались кирьялы. В боевом облачении. Человек тридцать –

верхами, прочие пешком. Стройными рядами. Любо-дорого посмотреть. Перед санным поездом, тоже верхами, Бури, Витмид и Харра Стрекоза, который для надежности решил поучаствовать в процессе лично. Несмотря на раннее время, народ на улицах уже скопился. Простой люд. Зеваки.

А вот и Детинец. Ворота закрыты, но это предусмотрено церемонией.

Стрекоза подъехал, покричал что-то бодрое, Бури с Витмидом, не сходя с седла, уперлись в створки копыями, и ворота открылись.

А во дворе – целое столпотворение. Девки и парни попеременно. Целая толпа. И все разом завопили, заулюлюкали, заверещали. Не успели мы въехать, как на конях уже повисли, вцепились в сани...

– Стеной! – взревел за моей спиной Вифиль, и кирьялы, выстроившись колоннами по двое, очень деликатно оттерли щитами толпу молодежи. Я видел: в толпе полно дружинников, причем не только Труворовых, но никто не пробовал сопротивляться. Позволяли себя отодвинуть. Им было весело. Все смеялись, пели, кто-то приплясывал, вертя над головой полушубок.

Вихорёк бросил вожжи, выдернул из-под себя что-то вроде мехового плаща, набросил на плечи, застегнул пряжкой.

Вифиль толкнул меня в спину, протягивая такой же.

Ага. Две волчьи шкуры, сшитые вместе. И капюшон-маска с дырками для глаз.

Харра, облачившийся в такую же штуку, соскочил с седла и завыл. Мои подключились. Толпа визжала и вопила, имитируя ужас.

Ну, теперь моя очередь!

Я слетел с саней и рванул к крыльцу. Хирдманы на бегу выстроились в клин, и в двери мы ворвались уже в боевом построении. Только на этот раз у нас не было оружия. И те, кто нас встречал, тоже были безоружны. Но то были крепкие парни, и они уперлись как следует, чтобы не дать нам протиснуться внутрь.

Как бы не так! Я сдвинулся назад, уступив место Оспаку и Стюрмиру, уперся в спину Паруса плечом, а в меня, в свою очередь, уперся Вифиль...

И мы выдавили защитников, как газ выдавливает пробку от шампанского. Сначала медленно, а потом взрывным толчком. Несколько парней в расширенных праздничных рубахах даже на полу оказались.

Я не знал, где прячут Зарю, но предполагал, что не на первом этаже. В нашей спальне?

Я рванул наверх. Мои – следом.

Коридор и галерея были пусты.

– Ищите! – крикнул я, устремляясь к спальне. Мои спутники разбежались в разные стороны. Со мной – только Вихорёк.

В спальне оказалось пусто.

– Сюда! – по-скандинавски закричал Вифиль.

Ответвление. На полу – явный след. Вернее, подсказка. Кто-то рассыпал крупу. Привет от мальчишка-с-пальчика?

Я пронесся через узкий коридор, плечом распахнул дверь... и оказался к курятнике.

Целая куча девчонок набросилась на меня, повисла, вереща в уши, хватая за нос, пытаясь содрать волчью шкуру.

Позади захохотал Стюрмир. Я вывернул голову из-под чьей-то цепкой лап-

ки и увидел, как викинг с хохотом сгреб сразу троих девиц и точным броском отправил их Витмиду и Тъёдару.

– Выкуп! Выкуп! Выкуп! – верещали мне в оба уха. На голову упала какая-то тряпка, лишив меня обзора. На мне висело уже не меньше пяти девок, и я был на волосок от того, чтобы упасть. То есть я мог бы стряхнуть их одним движением, но – нельзя. Правила игры.

Они бы и завалили меня, если бы не помощь соратников.

– Я заплачу! – крикнул я, сдергивая с головы тряпку. Рванул с пояса заранее припасенный кошель, развязал и махнул рукой, словно сеятель. Серебряные дирхемы покатались по полу. Я не мелочился. Девки попадали на четвереньки и принялись собирать добычу. Мои с гоготом хватали их за задницы. Девки визжали, но поиск не прекращали. Две даже подрались!.. Я перепрыгнул через них и увидел Зарю.

Она стояла в самом углу, прижимаясь к стене, и смотрела на меня не отрываясь. Красное платье из тяжелой даже на вид ткани, схваченной на руках тонкими золотыми браслетами. Серебряные мониста на шее – несколькими рядами, серьги... Никогда раньше не видел на ней сережек. Белая ткань, на манер хиджаба укутывающая ее голову поверх высокой шапки. Не отрывая от нее взгляда, я подхватил ее на руки. И так же, глядя только на нее, понес к выходу.

Она была тяжеленькая, моя невеста, но так крепко держала меня за шею и так близко приникла ко мне, что казалась удивительно легкой.

Так, в окружении хирдманов, я вынес ее из терема и поставил на снег.

Наступила тишина.

Мы смотрели только друг на друга.

– Плат, – напомнил мне Харра.

Да, да. Я сорвал с ее головы белую тряпку. Вихорёк вложил мне в руку золотую корону, снятую со сварга, и я осторожно водрузил ее на головной убор Зари. Так-то она была бы великовата, но на шапку пришлась в самый раз.

Кто-то пронзительно свистнул, и толпа взорвалась криками. Я усадил Зарю в сани, накинул соболий плащ, но она сбросила его, сорвала с шеи серебряные мониста и, размахнувшись, метнула в толпу.

Вихорёк вспрыгнул на сани, завыл по-волчьи, жутко. Мои подхватили. Испуганные кони разом сорвались с места и понесли. И мы помчались по прямой, как стрела, улице к городским воротам. Народ прыскал в стороны, морозный ветер бил нам в лицо, а мы с Зарей целовались исступленно, упав на дно саней, которые мотались из стороны в сторону и высоко подпрыгивали на ухабах.

Оторвались друг от друга, когда наш санный поезд уже был в добром километре от города и мчал по озерному льду. Впереди, припав к гривам, скакали Харра, Бури и Витмид. Позади и вокруг – кирьялы. Только всадники. Пешим за нами даже на лыжах не поспеть.

Так, на полном скаку, мы вылетели на берег, а потом на холм, на макушке которого стоял характерный частокол, украшенный черепами. На сей раз – только звериными.

Нас ждали.

Трувор с двумя десятками воинов из старшей гриди и обслуживающий персонал очередного здешнего бога, волосатого Волоха.

Санний поезд въехал внутрь. Кирьялы остались снаружи. Служки тут же раскатали на снегу две полотняные дорожки.

Я сошел на одну, Заря – на другую, опершись на руку отца. Тот передал ее главному жрецу-волоху, крупному, еще нестарому мужику, увешанному оберегами, а ко мне, трясая космами и голыми сиськами, попробовали подбратиться какие-то бабы в распахнутых звериных шкурах. Закаленные, или дури нахватались.

Мои бойцы шуганули их и встали вокруг, свободно, но скинув на руки щиты.

Это в сценарий не входило, но и о безумных тетках мне тоже никто ничего не говорил. Дядька сказал: стоять, ждать.

Я так и сделал, заодно изучая обстановку и прикидывая, не потенциальные ли это наши клиенты?

Нет, не наши. Никаких драгметаллов ни на идоле, ни на жрецах. Кости, кожа и дерево. Я знал, что Волох[243] – бог сельского хозяйства и, на пару с Мокошью, плодородия. А еще он даровал силу, в частности, мужскую, и много других полезных в жизни качеств. Варяги ему не кланялись, но чтили. Собственно, всё.

Главный жрец и Заря задерживались. Я уже начал беспокоиться и даже хотел поинтересоваться у Трувора: что происходит. Но тут моя невеста и главный жрец волосатых вернулись.

Жрец передал девушку отцу, а сам встал у деревянного бога, собрал подчиненных, и они разом принялись петь, скакать и всячески демонстрировать безудержную радость. Косматые тетки тоже присоединились к общей пляске, и мои бойцы сняли охрану.

Я поймал взгляд Трувора, похлопал по кошелю на поясе: надо?

Изборский князь мотнул головой: оплачено.

Поплясав и повопив, жреческая братия рассыпалась, а главный сделал нам знак: встаньте рядом.

Давно пора.

– Чего он от тебя хотел? – спросил я тихо. – Переживал, что ты не девица?

Заря засмеялась:

– Не знаешь ты наших богов, Волк. Это же Волох. Они тут на праздниках как раз этим самым и занимаются. Нет! – Она посерьезнела. – Он на мне мертвых духов увидел. Тех, кого я убила. Сказал, что на сей раз Волох меня от них избавит, а вот потом...

Казалось бы, смешно – бояться мертвых духов. Но я вспомнил, как меня Рунгерд из полосы неудач вытаскивала. И как раз из-за этих бестелесных гаденышей. То есть вопрос серьезный. Но решаемый. Разберемся. Придется. Заря не из тех, что после свадьбы домохозяйкой станет.

Пока я размышлял, нами занялся волох. А непростой такой дядька. Сначала я его недооценил. Думал, клоун в отрепьях. Однако нет. Не бывает клоунов с такими глазами. Не скажу, что мне понравилось, как он меня разглядывал. Словно что-то у меня в голове высмотреть пытался.

Но, так или иначе, а брачный обряд он над нами совершил. Не рискнул самовольничать в присутствии князя. Но по физиономии видно: очень ему хочется поглядеть поближе на моих тараканов.

Перебьется. Я и сам с ними слабо знаком.

Сам обряд был длинным и скучным. Нам говорили разное назидательное, чем-то посыпали, давали испить, откусить и потрогать. Призывали на нас благословение волосатого бога и велели непременно произвести на свет толпу потомков. Склонен думать, что за последним дело не станет. Теперь Заре предохраняться незачем.

Всё. Мы опростали на двоих финальный рог, слопали пополам медовый коржик с подозрительным вкусом и запахом, а потом, осыпаемые со всех сторон зерновыми, уселись наконец-то в сани и двинулись обратно. Пировать. И на этот раз впереди уже были не мои сани, а Труворовы.

И не потому что папа, а потому что – князь.

– Помнится, Ульф Вогенсон, я задолжал тебе свадебный подарок... – Рюрик был последним из поздравляющих, так что куча свадебных презентов была уже высотой со стол. Подарок Заре Рюрик уже вручил: золотую гривну граммов на триста с россыпью алых самоцветов. Не рубинов, но тоже не стекляшек. – Я не мог достойно одарить тебя в тот раз, и ты знаешь почему.

Да, я знал. Даже позволь ему здоровье, на Сёлунде к нему сразу придет пушистый северный лис. В облике разгневанного Рагнарсона.

– Но теперь – прими!

Ого! Нечто, завернутое в шелк и бархат, которые сами по себе – уже неслабый подарок.

Я развернул. Вот сукин сын! Знает путь к сердцу мужчины. Меч. И судя по ножнам, рукояти и потрясающей красоты наборной гарде, не простая поделка.

Я вытянул его из ножен – и онемел.

Брат-близнец моего Вдоводела! Причем старший брат. Тоже «ульфберт». Знаменитое клеймо, само по себе гарантирующее отменное качество. Но это явно не рядовой образец. Настоящий шедевр подлинного мастера. Штучный экземпляр. Я сразу в него влюбился. Провел рукой по безупречно гладкому металлу, взялся за жало и рукоять, поднапрягся и согнул его подковой, потом резко отпустил, глянул вдоль лезвия. Впрочем, я знал, что это безупречная сталь. Легкая и смертоносная. Рукоять малость великовата для моей ладони, но в перчатке будет в самый раз.

Я поглядел на Рюрика. Тот улыбался. Знал, что угодил. Да еще как. Вся обида, вся злость, которая копилась во мне на этого человека, пропала. Если он и ущемил меня в чем-то когда-то, то этот меч с лихвой покрывал все долги. Даже на родине его мастеров он стоил минимум два своих веса золотом. А то и три. Вот только такие мечи не продаются. Они бесценны.

– Откуда? – спросил я севшим голосом.

– Для тебя – нашлось, – ответил мой бывший конунг. – Ее зовут – «Последняя Слеза». – Имя он произнес по-франкски, но я понял.

Сказал и скромно отошел, оставив меня в шоковом состоянии, с лицом, на котором крупными буквами было написано: «Неужели *это* – мое?»

– Можно? – попросила Заря, протягивая руки.

Я передал ей меч. И видит Бог, это движение далось мне нелегко. Я даже на минуту не хотел выпускать из рук такое чудо.

– Какой красивый! Он дорогой, да?

Красивый? Хм-м... Интересно, есть в этой зале кто-то, кроме меня и Рюрика,

способный понять, что это такое?

Да, есть. Трувор буквально пожирал глазами клинок, но попросить подержать в руках не рисковал. Это ведь такое чудо, что настоящий воин кого угодно убьет, чтобы его заполучить. Так что я с этим мечом – тоже приз.

Но я такой приз, который любого чемпиона на голову укоротит. Этот меч – мой!

Я отстегнул свой леворучный меч и прицепил к поясу ножны «Слезы». Я был счастлив!

На этом процесс дарения закончился. Рюрик был предпоследним, а последним должен был стать Трувор. И от него уже не подарок – приданое.

Собственно, по здешней традиции, размер приданого положено оговаривать заранее, но я не стал.

Трувор никогда не отличался жадностью, так что я вряд ли останусь в обиде.

Особенно теперь, когда он увидел подарок Рюрика. Интересно, что он мне предложит? Землю? Но что я с ней буду делать? Особо ценное оружие? Но Рюрика ему точно не переплюнуть.

Трувор поднялся, взял со стола кубок. Народ притих.

– Мне говорили, – сказал он, – что моя дочь слишком похожа на мужчину. Должно быть, в этом есть и моя вина, ведь она росла без матери. Мне говорили: такую девушку никто не возьмет замуж, ведь какой мужчина захочет, чтобы его жена билась с врагами как воин. Но то были лишь пустые слова. Сегодня Заря обрела мужа, достойного мужа! А я вернул себе друга! – Он поднял кубок повыше, обозначив, что именно мне адресованы его слова. – Это счастливый день для меня! Ульф-ярл! Я вручил тебе свою дочь! Я знаю, что она будет рядом с тобой и в мире и в битве. И знаю, что ты сумеешь ее оборонить! Она теперь не в моей власти, но в знак того, что я принимаю ее такой, какой она выросла, я хочу подарить ей вот это! – По его знаку на стол перед Зарей положили сверкнувший черным лаком лук. – Мне сказали, что когда-то это оружие принадлежало сыну печенежского хана. Теперь он твой!

Вот теперь уже у Зари – офигевший вид. Такой же, как у меня пару минут назад. И она так же трепетно берет лук в руки, гладит изогнутую спинку и не может оторваться.

– Выбрать для тебя подарок было легко. – Трувор смотрит на дочь и ласково улыбается. Потом переводит взгляд на меня: – С тобой, мой зять Ульф-ярл – труднее. У тебя есть и земли и богатства. Есть храбрость и удача, которые их приумножат. Трудно сделать достойный подарок тому, у кого всё есть. Однако я нашел то, от чего ты не откажешься, Белый Волк. Я знаю: тебе нравятся мои отроки, – он ухмыльнулся. – И не удивительно, ведь мы, варяги, лучшие из воинов по эту сторону моря. И я дарю тебе то, что наверняка придется тебе по душе. Борич! Влиск, Ангвлад, Искуси!

Названные поднялись. Я знал их всех. Видел в бою. Хорошие парни. Не скажу, что лучшие из Труворовых отроков, но уж точно не худшие. И очень перспективные. Настоящие варяжата.

– Теперь вы – дренги Ульфа-ярла! – провозгласил Трувор.

Четверка поднялась и переместилась на мою сторону стола (им уступили место), не забыв по пути мне поклониться.

Я был удивлен. Мягко говоря. Не тем, что Трувор вот так запросто подарил мне четверых свободных. Наверняка каждый из них дал свое добро на такой «перевод». Однако отдать своих воинов, главное сокровище каждого вождя, другому... Это как сыновей в другую семью передать.

И тут же – следующий сюрприз! Как будто изборский князь мысли мои прочитал. Причем заранее.

– И еще, – продолжил он торжественно, – я отдаю под твое знамено своего сына Вильда!

Охренеть.

Я поглядел на Ольбарда Синеуса, чьим отроком до сегодняшнего дня считался Труворыч. Тот кивнул: согласовано.

Довольный Вильд тут же перебрался ко мне поближе, пристроившись справа, сразу за Вихорьком.

Да. Выкрутился Трувор Жнец. Одарил по чести.

Чем только теперь отдариваться?

Но об этом можно подумать завтра. Сегодня – гуляем!

И всё бы хорошо, но в голове занозой сидела тревожная мысль. Имя ей было – Перун.

Глава 35 Перун!

Как только стемнело, вся толпа дружно покинула пиршественные столы и двинулась на Перуново капище.

Капище было новенькое, что называется, с иголки. Раньше я здесь не бывал, лишь наблюдал издали мощную фигуру варяжского бога. Такое трудно не заметить.

Обустроив ритуальное место еще Ольбард. До того, как передал Изборец Трувору. И от Сварогова капища место сие отличалось кардинально.

Никакой ограды. Это ж Перун. Бог воинов. Это не он боится, это его боятся.

Никаких освобожденных должностей жрецов. Главный жрец – главный воинский вождь. В данном случае сам Трувор. Служители – все варяги. Воины-варяги. Каждый из них точно знал всю обрядовую часть. И сами обряды тоже творили воины. Без штатских.

И сейчас на холме, на просторной площадке, открытой с трех сторон, а с четвертой примыкавшей к дубовой роще, были только воины.

Здесь отправляли в Ирий героев.

Здесь приносили клятвы и жертвы. Человеческие, к сожалению. Время такое.

Здесь отмечали всякие значимые события, вроде свадьбы княжьей дочери.

Прочая публика тоже могла наблюдать за праздником, не возбранялось, но – издали. Снизу. Сейчас эти наблюдатели запрудили подножие холма и озерный лед перед ним. Хорошо, что мороз, а то такую толпу лед мог бы и не выдержать.

Простой народ радовался князьему бракосочетанию шумно и искренне. В городе для простолюдинов накрыли столы и выставили вдоволь бесплатной выпивки. Для местных и для тех, кто прибыл с гостями. За порядком следили отроки Трувора, которые ухитрились проштрафиться. Сердитые и суровые. Так что порядок наличествовал.

Антураж на холме был что надо. Костры в два человеческих роста, четы-

рехметровый идол Перуна из свежего, еще не потемневшего дерева, истукан с золочеными усами по пояс и настоящими двухметровыми мечами, вложенными ему в условные руки.

А рядом с идолом – Труворовы отроки, обнаженные по пояс, каждый с парой мечей в руках, выстроившиеся двумя шеренгами друг напротив друга.

Начали!

Всё ускоряющийся грохот бьющих в щиты ладоней накрыл низкий утробный рев рога, и зазвенела сталь.

Сначала мне показалось: все очень круто. Отблеск пламени на клинках и обнаженных, смазанных маслом (от холода, надо полагать) телах, искры вьющихся снежинок.

Но потом...

Потом я почувствовал: что-то не так.

Я не понимал, что именно, потому что не знал, как должно быть, в чем смысл обряда, но чуйка говорила: не то!

Я оглянулся на Зарю. Та была в восторге. Глаза ее сияли, губы дрожали, руки в белых меховых варежках хлопали друг о друга, отбивая общий ритм. Как и руки многих других.

А вот Рюрик, стоявший слева от нее, был к пляске равнодушен. Вернее, безразличен.

Я посмотрел налево, на Трувора. Ага. Челюсти сжаты, брови сошлись к переносице. Я прав. Что-то не так.

Разбившиеся на пары варяги кружились у подножия идола. Кое-где на белых телах появились кровавые полосы, в свете костров казавшиеся черными...

Блин! Я понял, что не так. Плохой танец! Не настоящий. Постановка. Парни не отдаются движению. Они играют в него. Причем очень осторожно, больше всего заботясь о том, чтобы не задеть друг друга, хотя всё равно задевают время от времени. Потому что они *не верят*, что Перун ведет их!

Руки Трувора теребили пряжку пояса. Широкую, золотую, с искусной чеканкой, которая изображала некую битву, осененную Святым Духом. Наверняка предмет из французской «коллекции», взятой во время похода с Рагнармом.

А остальные зрители... Мои стояли отдельной кучкой. Братья Крумисоны переговаривались, Оспак и Стюрмир выпивали и закусывали от общей бараньей ноги, которую передавали друг другу...

Хускарлы не впечатлились. Смердов и женщин игра огня и смертоносной стали завораживает сама по себе. Воины на фальшивку не купятся.

Во мне вскипела волна возмущения. Пусть Перун и не мой бог, но это же моя свадьба. Это же нас с Зарей вроде как благословлять должны на совместную счастливую жизнь. И на радость битв в том числе. Что за профанация, мать их всех обратно в бездонную мертвую бабушку!

Колорит – великолепный. Вихрь мелких снежинок в красном пламени завораживает. Но самое-то главное фальшь!

Да ну их всех! Не могу я это терпеть! Я скинул с плеч дареный полоцким княжичем плащ, потянул через голову кольчугу...

А мой Волк уже вертелся у ног, поскуливал и рвался туда, к кострам.

Нательная рубаха полетела в общую кучу. Заря обернулась, приоткрыла удивленно рот.

Но я уже сорвался с места. Оба меча, Вдоводел и подаренная Рюриком Последняя Слеза, пели на бегу, рассекая воздух. Рядом мчался Волк, взвизгивая от нетерпения.

Мы ворвались в круг, будто тут было пусто. Мои мечи отбросили лишнее бестолковое железо, и внутри сразу стало свободно. Клинки запели, сплетаясь и расходясь. Догоняя друг друга, но не соприкасаясь. Снежинки завивались вокруг меня маленькими вихрями, громада Перуна отодвинулась в сторону, зато звезды повисли над самой головой. Я мог бы достать их мечами, если бы захотел...

Еще пара клинков вплелась в мою вязь. О! Эта сталь знала, что такое Таец, и я завопил от радости и восторга.

Мы кружились, не касаясь друг друга, то отталкиваясь, то сближаясь, а наши мечи пели и пели. Как в великую ночь Творения. Как в последний раз...

Всё оборвалось внезапно и без моей на то воли. Ну да, будь моя воля, я танцевал бы так вечно.

Напротив меня стоял Трувор с мечами в опущенных руках. По его раскрасневшемуся торсу струился пот, петляя между буграми мышц.

И мы были не одни. Вот Ольбард Синеус, вот Харра Стрекоза, жадно ловящий ртом морозный воздух, а напротив него – незнакомый мне варяг с двумя мечами, лежащими на плечах, в облаке морозного пара. А вот и мои братья Крумисоны: тоже потные, но с сосульками в бородах. На красных мордах – полное счастье.

Трувор бросил мечи в ножны, шагнул вперед, сгреб меня в охапку. Горячий, как печка. Я и сам, наверное, такой же.

– Ты – истинный варяг, Белый Волк! – воскликнул он, стискивая меня, как медведь – бочку с медом. – Ты, варгов нурман, но Молниерукий любит тебя! Любит! – Он разжал хват, отодвинул меня и долбанул кулаком в грудь: – Варяг! – рявкнул он с такой силой, что мне показалось: пламя костров вздрогнуло. – Перун!!!

– Перун!!! – взревели сотни глоток. – Слава!!! Любо!!!

Я запрокинул голову и увидел пару воронов, кружащих над светлой головой кумира.

Я не умею гадать по полету птиц, но сейчас точно знал: это отличный знак. Один тоже наблюдал за мной. И он не обижался. Потому что на этот раз всё было правильно.

Глава 36, в которой Рюрик, Трувор и Ульф образуют тройственный союз во имя мести, корысти и великих свершений

— Смоленск, – сказал Рюрик. – Мы возьмем его, и трофеи поделим по чести, но город будет моим.

– Годится! – немедленно отозвался Трувор.

Ну да. Рюрик только что официально уступил ему Плесков. И еще пару городков поменьше.

Я возражать не стал. Их дело. На поясе у меня висит Последняя Слеза, а Смоленск в собственность мне точно не нужен. Зато должок вернуть – надо. Нечего было поддерживать наших врагов!

– На мне – припасы, – заявил Рюрик.

И опять нет возражений.

Войско у нас набирается приличное. Кормить надо. Я же от своей «базы» отрезан. А у Трувора сильная дружина, но не слишком обильная земля, которая досталась ему сравнительно недавно и особых богатств пока не принесла. Рюрик же – олигарх по местным понятиям. Он подмял под себя и даже успел развить отнятую летом у Водимира территорию. Потом прошелся частым гребнем, примучивая окрестные племена. Кого-то одаривал по мелочи, но в основном обирал. Обчистил мерян, весян и прочих лесовиков. И не гноил дань на складах, а тут же пускал в оборот. А еще он за несколько месяцев практически с нуля выстроил город. Новый Город. Причем не сам, а силами будущих горожан. А затем, тоже в кратчайшие сроки, создал что-то вроде северо-западной промышленной базы, переманивая откуда можно мастеров и купцов и обещая им невероятные льготы и столь же невероятную свободу.

Более того, он даже базу свою основную разместил вне города. То есть в городе у него тоже было обширное подворье и крепкий терем, возведенный на правильном месте, но сам он обычно жил не там, а в крепости, возведенной на берегу озера Ильмень, у истока Волхова. То есть как бы продемонстрировал: Новый Город – вольный. А он, князь, просто гарант его свобод. Правда, небескорыстный, но возводившие и заселявшие город торговцы были готовы платить за безопасность. Причем щедро. И, похоже, не осознавали, что Рюрик держит их за горло, поскольку со своей позиции контролирует и Волхов и Ильмень, а учитывая, что и Ладога когда-нибудь достанется ему, то, при желании, ему ничего не стоит заблокировать сей вольный город сразу с двух сторон и перейти от демократии к абсолютной тирании.

Ну а если, скажем, придут в Гардарику серьезные враги, вроде того же Сигурда Рагнарсона, то сначала они окажутся у стен Нового Города, а уж потом выйдут к Рюриковой базе.

И у Рюрика будет достаточно времени, чтобы принять решение: драться или удрать. Но это – теоретически. Практически же бывший конунг данов получил богатейшего из данников Северо-Запада. И даже трудно представить размер его дохода, когда поток торговцев хлынет на юг и обратно. Это не мой крохотный островок в выборгском заливе, который, по сути, держит некий альтернативный путь в Ладогу. Это, блин, алмазная шахта в средневековом варианте. А если смотреть вперед, то ведь далеко не все купцы, дойдя до верховьев Волхова, решат двигаться дальше. А вот торговцам Нового Города никто не помешает уйти с их товарами дальше: по Ильменю – в Ловать, потом волоком в Западную Двину, а оттуда в Днепр.

Где они обязательно встретятся со смоленскими ребятами. Которых наш предприимчивый князь намерен включить в собственную вертикаль власти. А это значит, что под ним автоматически окажется еще один эффективный торговый маршрут. Тот, который ведет от будущего Рижского залива по Западной Двине, а потом, волоками и промежуточными водными путями, в тот же Днепр. То есть мимо Смоленска – никак. Так что он молодец, Рюрик. И планы у него грандиозные. Но это опять не мое дело. Я просто хочу наказать всех, причастных к похищению Зари. И накажу.

– Выходим через три дня! – решительно заявил Рюрик. – Ульф, тебе хватит, чтобы собрать своих?

Вот. Он снова в ипостаси лидера.

Я усмехнулся:

– Хоть завтра!

– А с молодой женой побыть?

– А что нам быть? Мы же не расстаемся. Вместе пойдем.

Рюрик глянул на Трувора. Тот оставался невозмутим.

– Три дня, – повторил Рюрик. – Мои уже в пути и всё нужное везут. После завтра будут здесь, передохнут немного – и в поход.

И махнул рукой: все свободны.

Вот же гад. Но харизматичный, не отнимешь.

Хотя сколько бы он там ни махал руками, а дружина у него послабей, чем даже у одного Трувора. Не количественно – качественно. Так что мы ему нужны. Очень.

– А что твой брат-князь? – спросил я, когда мы покинули шатер Рюрика.

– Ольбард не пойдет, – покачал головой Трувор, сообразив, о ком я. – Ему с Рюриком не по пути.

Ну да, у него они свои. Синеус сейчас прокладывает путь в Балтийское море. И один из вариантов очевиден: по Онеге в Ладожское озеро. Есть и другие варианты. В частности, мой выборгский залив тоже годится. Со мной-то Ольбард всегда сможет договориться, а вот с Гостомыслом да Рюриком – не факт. Тем более что варяги с Ладогой традиционно в соперниках: как-никак одних и тех же лесовиков потрошат.

Нет, Ольбарду сильный Рюрик не нужен. Мог бы и не спрашивать.

– Пойдем клинками поиграем, – предложил мой тесть. – Любо мне это.

А уж мне как любо!

– Давай, – согласился я.

И мы пошли.

И всё-таки не верю я Рюрику. Пусть и одарил он меня знатно, и на словах у него всё выходит просто шоколадно, а вот всё равно подсознательно жду от него подлянки. И ничего мне с моим бдительным подсознанием не поделаться.

Глава 37, в которой нарушаются обещания и делаются неожиданные предложения

Ждал, ждал – и дождался.

– Что это? – осведомился я у тестя. – Уверен, что этот город – Смоленск?

За дорогой я не следил, но одного взгляда на лежавший впереди населенный пункт было достаточно, чтобы вызвать очень серьезные сомнения.

В Смоленске я был всего один раз, но отчетливо помнил, что местность там довольно холмистая. А этот городок хоть и тоже стоял на реке, вернее, на слиянии двух рек, побольше и поменьше, но уж точно не на холмах располагался. Возможно, за прошедшие века рельеф изменился, но вряд ли настолько. Кроме того, то, как мне описывали смоленские стены, вызывало представление о чем-то могучем. Здесь же ограда не круче, чем в Изборце или Ладоге.

– Смоленск?

– Нет, – буркнул Трувор. – Это не Смоленск. Это Полоцк.

У меня в голове мгновенно нарисовалась карта. А на карте – тот самый путь от Ладогои до Смоленска. И Западная Двина, один из важнейших его этапов. И Полоцк, который контролирует сразу два балтийских направления – от двух заливов, которые в будущем назовут Финским и Рижским.

«Вот же сука хитрожолая! – не мог не восхититься я. – Нашими руками решил сразу всех конкурентов зачистить».

Ну да, Рюрику не жаль уступить Трувору какой-то там Плесков, который и так, считай, под изборским князем, вдобавок лежит в стороне от ключевых направлений. А вот Полоцк – совсем другое дело.

Мне вспомнился полоцкий княжич Честа, приехавший к нам на свадьбу. Классный парень. Не спесивый, с уважением к старшим. Вдобавок отличный фехтовальщик. Плащ мне подарил недешевый, а я ему в ответ – какую-то мелочь. Но он не обиделся, только посмеялся.

– Скажи мне, Трувор Жнец, у тебя есть обида на полоцкого князя? – поинтересовался я.

Трувор мотнул головой.

Ему тоже не понравилась ситуация. То есть он-то знал, куда мы идем, но ожидал, что мы свернем к реке, минуя город. А мы вышли прямо к нему. Да еще и скрытно.

– Поехали к Рюрику, – буркнул он, поворачивая коня. – Может, мы ошибаемся.

Нет, мы не ошибались. Хитро вывернутый сукин сын привел нас к Полоцку не в гости.

– Такого уговора не было, – сурово процедил Трувор.

По дороге я попытался просветить его насчет контроля над торговыми путями, но оказалось – зря я волновался. Жнец и сам всё прекрасно понимал, поскольку не дурак, и местную геополитику представлял лучше, чем пришелец из непонятной эпохи.

Однако похвалил меня (!) за сообразительность. И чтобы я осознал глубину собственного невежества, изборский князь тут же перечислил три варианта дороги на юг, каждый из которых шел в обход полоцких владений. Причем один вообще пролегал мимо Западной Двины. Перечислил, дал мне почувствовать себя невеждой, а потом заявил, что все эти альтернативные маршруты – неэффективны. Обойти Полоцк можно без проблем, но не всем и не всегда. Например, если ты идешь без груза, то да, запросто. А вот если тебе надо переправить в Днепр груженные корабли, то придется сначала всласть попетлять по озерам, речкам и протокам. А потом всё равно понадобится вытаскивать суда и волочь их по суше, причем куда дальше, чем на основном пути. И если на последнем имеются качественно оборудованные волоки, бычьи упряжки и расторопные смерды, готовые оказать любую посильную помощь – от ремонта до доступных девочек, то на альтернативных путях ничего подобного нет, и бедным, вернее, богатым путникам придется волочь и корабли, и груз на собственном горбу. Вдобавок по сложной пересеченной местности. Вот и выходит, что обходные пути вроде бы и есть, но на самом деле правильная дорожка только одна. И как раз мимо славного городка, что стоит сейчас перед нами.

Рюрик нас ждал. И он тоже был верхом, так что спешиваться не пришлось.

Рядом с хитроумным князем отирался знакомец Стег Измор, кивнувший мне весьма доброжелательно. Я заметил, что конь его не чета нашим с Трувором мохноногим лошадам. Породистый, длинноногий. И у Рюрика – такой

же, так что смотрел бывший морской конунг на нас сверху вниз.

– Не было уговора? Ну, так давай договоримся! – обаятельно улыбнулся он, когда Трувор озвучил ему наши претензии.

Изборский князь мотнул головой.

– Мы поворачиваем на Смоленск! – заявил он.

– Сначала – Полоцк. Нельзя оставлять врага за спиной.

– Полоцкий князь мне не враг! – возразил Трувор.

– Может, и так, – не стал спорить Рюрик. – Но и не друг. Трувор, друг мой, что тебе в полоцком князе? Он ведь даже не варяг! А Полоцк – город небедный. Возьмем его и поделим добычу по справедливости.

– А давай! – неожиданно вмешался я.

Трувор посмотрел на меня непонимающе. Мы вроде бы согласовали действия, и тут – такой финт с моей стороны. Что же делать, если идея пришла мне в голову спонтанно.

Рюрик посмотрел на меня с подозрением. Почуял подвох.

– Добыча – пес с ней, – махнул я рукой. – Можешь мою долю себе забрать. Отдай мне сам Полоцк!

Рюрик уставился на меня. Так, наверное, смотрят на лошадь, которая внезапно заговорила человеческим голосом.

– Что не так? – изобразил я удивление. – Я же тебе не враг, князь. В спину не ударю. А место здесь хорошее, получше моего. Да и земля вокруг побогаче.

Рюрик молчал долго. Потом просто развернул коня и отъехал. Ничего не сказал.

Даже Трувора это шокировало. И оскорбило.

– Ты его обидел, ярл, – сообщил мне Стег. Судя по выражению лица, он не особо переживал. Наоборот, забавлялся.

– Обидел зайка лисичку, – проворчал я. – Не дал себя скушать.

– И кто из вас зайка?

– Довольно балаболить! – рыкнул Трувор. – Ульф, мы уходим!

Рюрик проявил неуважение. Крайнее неуважение. Думаю, не со зла. Просто растерялся. И отреагировал, как большой босс. А с нами так нельзя. Ни со мной, ни с Трувором. С Трувором – особенно. Он ведь столько лет под Рюриком ходил и теперь наверняка особенно дорожит новым статусом, пусть даже и обретенным не без участия Рюрика.

И не дожидаясь моего «да», изборский князь развернулся и поехал обратно, к своим. Вернее, к нашим.

– Ты тестя своего придержи, ярл, – посоветовал Стег. – Рюрик покипит-покипит и придет мириться. Без вас ему даже Полоцка не взять, не то что Смоленска.

Он, может, и придет, а вот мы – вряд ли.

– Скажи мне, Стег, а почему ты, варяг, насколько я вижу, – с Рюриком? Почему не с Трувором или Ольбардом?

– Ольбарду я уже служил, – напомнил Стег. – Да только скучно у него. И неприбыльно.

Я глянул на загадочного варяга оценивающе. Нет, неправду ты мне сейчас втюхиваешь, Стег Измор. Не в скуке дело. А в чем? И не стоит ли мне попробовать залучить Стега к себе? И его, и его людей. Ежику понятно: нет в нем преданности Рюрику. Просто совпали интересы.

- Знаю, нурманов ты не любишь... – начал я.
- Не таких, как ты! – мгновенно отреагировал Стег.
- Так, может...

Измор покачал головой, угадав вопрос.

– И почему? – поинтересовался я. – Со мной воевать весело и очень прибыльно. Можешь людей моих расспросить.

– Я знаю.

– Так в чем же дело?

– Мне на юг надо, – решил на откровенность загадочный воин. – У меня там... дела не законченные.

Судя по выражению его глаз, «дела» эти ходили на двух ногах, и как раз это Стега и не устраивало. То, что они ходили, а не кормили червей.

– А если я пойду на юг? Ты со мной?

Задумался. Но снова покачал головой.

– У тебя – не выйдет. И у Трувора не выйдет. Слабые вы. А у Рюрика может получиться.

– О чем ты? Ты же сам сказал: без нас ему даже Полоцк не взять.

– Это сейчас, – возразил Стег. – А через год-два кто знает. Рюрик – сильный князь. Умеет править. Через год-два станет еще сильнее.

– Через год-два, может, и я стану посильнее.

Загадочный варяг пожал плечами. Не впечатлился.

У меня было много вопросов к нему, но я знал: отвечать он не станет. Однако один я всё-таки задал:

– Сколько тебе лет, Стег Измор?

И он ответил:

– Двадцать три.

Так я и думал. Он не простой воин. Не из низов поднимался, хорошую базу в детстве получил. Боярский сын, княжич из побочной линии?

– Что ж, увидимся, Стег!

– Увидимся, Ульф-ярл. Надеюсь по одну сторону стены щитов.

Я кивнул и собрался отъехать, но Стег меня окликнул:

– Ярл! Я видел среди твоих человека... не из ваших. Если это тот, о ком я слышал... Будь осторожнее.

Я кивнул еще раз. Да, с Бури надо быть осторожным. Предельно осторожным. Но не мне.

Глава 38 Зимняя дорога

Возможно, Рюрик и пришел бы мириться, но только мы его не дождались. Трувор действовал быстро и решительно. Развернул наше воинство, захватил с собой ту часть саней с провиантом, которая предназначалась непосредственно нам, и мы, не откладывая, двинулись вниз по замерзшей Западной Двине.

Смоленск нам отныне не по зубам. Взять его и вместе с Рюриком было нелегкой задачей, а без него – и вовсе не решаемой.

Зато был еще кое-кто, кому Трувор жаждал вернуть долг чести: конунг Клек. Тот самый дядюшка, что финансировал военную кампанию Водимира, но так и не дождался дивидендов. Это его эсты составляли ударную часть Водимировой дружины. И они участвовали в нападении на Ладогу.

Вряд ли этот Клек отдал Водимиру последние деньги. И совсем уж маловероятно, что эсты Водимира, которых мы отправили, пользуясь местной терминологией, за Кромку – вся боевая сила Клека.

Но нас почти три сотни бойцов, и с нами была Госпожа Удача. Что еще надо для победы над каким-то эстским властителем?

Мчать по речному санному пути – одно удовольствие. Мы проходили в день никак не меньше шестидесяти километров. Могли бы и быстрее, но часть времени уходила на традиционное увеселение викингов: экспроприацию чужой собственности.

Мы начали развлекаться разбоем и грабежом, как только вышли за пределы полоцкого княжества.

Грабили не всех. Подданных наших союзников, включая купцов из Нового Города, а также тех, с кем Трувор не хотел портить отношения, не трогали.

А вот остальных трясли в свое удовольствие. Не до нитки, конечно. Только самый дорогой и удобный в транспортировке товар. Ну и деньги, конечно. И, само собой, фураж с провиантом. По тому же принципу обходились и со встречными поселениями. Этаким местный вариант страндхуга[244].

Никто не рыпнулся. Местным вождям мы были не по зубам. А их князьки-конунги, которые могли бы нам навешать, не посчитали нужным пускаться в погоню, чтобы отомстить за пяток даже не сожженных, а просто обобраных деревенок. Тем более что двигались мы весьма проворно.

Притормозили только непосредственно перед будущим Рижским заливом.

Нужный нам персонаж обитал в северной его части, ближе к выходу. Земли у него были относительно небольшие, ну да ему и не нужно было много. Дядюшка Водимира жил не с земли, а с моря. И разбогател отнюдь не на торговле рыбой. Клек никому не подчинялся, включая эстского главного князя, но с соседями не ссорился. То есть дома он не гадил. Гадил вне дома.

Эти сведения мы добыли от одного встреченного купца. В дополнение к нескольким килограммам янтаря. Прочий товар, включая жизнь и свободу самого купца и его спутников, пообещали оставить в неприкосновенности, если купец будет разговорчив. И купец заливался соловьем.

По его словам, дружина у Клека была чуть ли не в тысячу человек, кораблей не счесть, стены крепости – в три человеческих роста, а сам Клек – человечище саженого размера. В ширину.

Вот что значит – настоящий авторитет.

Хотя о Рагнаре никто подобных баек не рассказывал. А стен в Роскилле не было вообще.

Ну да неважно, сажень там или не сажень. Большую тушу и рубить легче, решили мы с Трувором. На месте разберемся.

И вот мы на месте. Почти. Перед нами – Рижский залив. В далеком будущем. До основания Риги еще целая куча веков. Но залив – имеется. Замерзший, понятное дело.

Трувор здесь уже бывал. Правда, заходил со стороны моря. По его прикидкам, до нужного места мы добрались бы дня за два, если бы двигались с прежней скоростью. По тому же санному пути. Более того, двигаться быстрее было в наших же интересах. Быстро и никого не трогая, чтобы не привлекать внимания. Не нарываясь. До сих пор мы шли по территориям ливов, которые

пусть и были довольно многочисленны, но особой воинственностью не отличались. А вот эсты, которые обитали с северной стороны Рижского залива, как раз отличались отменной свирепостью. И разборки с ними были традиционным развлечением и Гостомысла, и варягов. Даже Ольбард во время своего недолгого правления успел с ними схлестнуться. Да я и сам помнил, какие они энергичные. Примерно в этих местах они попытались нас ограбить. Еще в ту пору, когда я, совершеннейший зеленый новичок в этом мире, ходил под знаменем Хрёрека-ярла. Ну а потом несколько эстов оказались в нашей же команде и очень неплохо себя проявляли в бою. Пока были живы.

По скоростной снежной дороге, которая лежала перед нами, двигались люди и сани. Некоторые – на человеческой «тяге». Не скажу, что трафик был бурным, но путешественников хватало.

Справа от нас располагался холмистый берег, поросший лесом. По нему тоже шла дорога, пусть и не такая натопанная и куда менее оживленная.

А вот поселений на берегу не наблюдалось. Во всяком случае, поблизости.

Трувор колебался. Туда или туда? Пойдем по льду, будем у всех как на ладони. Пойдем берегом – серьезно потеряем в скорости.

– Встаем на ночь! – так ничего и не решив, объявил варяг.

Да темноты оставалось еще часа три по моим прикидкам, но, пожалуй, он прав. Немного передохнуть нам не помешает.

Ночь была прекрасна и полна очарования. Свет костров рисовал подвижные узоры на «крыше» нашего маленького шатра.

Шатер подарил мне Гостомысл. Отличный подарок молодоженам, которые отправляются в зимний поход. Мы с Зарёй валялись голые на покрывалах из мягкой шерсти, брошенной поверх оленьих шкур, которые в свою очередь накрывали толстый слой хвойного лапника, уложенного на прогретую костром землю.

Кто-то из моих позаботился о том, чтобы ярлу и его жене было комфортно.

На этот раз победил я. Заря первой попросила пощады. Хотя допускаю, что она поддалась, не стала изнурять меня перед завтрашним днем. И это было правильно. Я еще в молодости заметил, что спортсменок бурный секс стимулирует, а спортсменов – наоборот. Видно, так природой заложено: мужик свое дело сделал и отвалил, предоставив с дальнейшим разбираться женщине.

– Волк, расскажи мне о своей жене, – попросила Заря.

Вот же! Только расслабился.

– Она красивая, – сказал я. – И храбрая. И я ее люблю.

Заря засмеялась:

– То же ты и обо мне мог бы сказать!

Иногда трудно поверить, что со мной – семнадцатилетняя девчонка. Хотя это и не удивительно, если вспомнить, что на войне – год за три, а война для нее началась со смертью матери. Сколько ей тогда было? Лет девять? Так что по жизненному опыту и по тому, что пришлось пережить, Заре сейчас уже хорошо за тридцать.

– Мог бы. Но не скажу.

– Это почему же? – Заря ухватила меня за ухо. Больно. Пальчики у нее тонкие, но сдается мне: она ими гвоздики из доски выдирать может. Без клещей.

– А зачем болтать, если можно...

– Эй, довольно! – отпихнула меня девушка. – Не хочешь говорить, так и скажи. А мне выйти надо! – накинула рубаху, натянула сапожки на босу ногу, дернула шнуровку и голышом шмыгнула на мороз, обдав меня струей холодного воздуха.

Вернулась через пару минут, затянула вход и улеглась рядом.

– Жду не дождусь, когда ее увижу, – пробормотала она и мгновенно заснула.

Глава 39

Зеленые начинают и выигрывают

Как прекрасен этот мир. Заснеженный лес тихий-тихий. Кажется, что даже звук пухлой сугробины, сброшенной с прогнувшейся ветки, разносится на сотни шагов. Кони хрупают копытами по дороге, выдыхая густой белый пар. Утреннее солнце висит низко-низко. Горит желто-оранжевым шаром меж розовых стволов. И небо меж хвойных верхушек такого цвета, что хочется кричать от восторга.

Я скашиваю глаз на Трувора. Знаю, что он тоже умеет прочувствовать красоту.

Но не сейчас. Сейчас его взгляд обращен не наружу, а внутрь. Он размышляет об том, что произойдет через несколько часов. Когда дорога выведет нас к полям, окружающим вражеский городок. Там мы уже не сможем оставаться незамеченными, да и сами наконец увидим крепость, о которой рассказывали языки.

Вчера у нас был разговор о том, стоит ли атаковать ночью.

Поразмыслив, от ночного штурма отказались. Во-первых, мои кирьялы заточены под дистанционный бой и не пригодны к рукопашке. Им нужен свет. Во-вторых, есть надежда, что удастся выманить гарнизон наружу. Возраст у Клека немалый, но нрав, говорят, всё такой же резкий. Если его грамотно спровоцировать...

Со своей позиции я видел только часть нашей колонны: человек тридцать. Остальных скрывал холм, через который переваливала дорога. Полагаю, колонна растянулась на добрый километр, если не больше.

Впереди, как водится, лучшие. Расслабленная посадка, короткие взблески солнца на шлемах и бронях. Мы на вражеской территории, пусть даже пока никого не трогаем. Да сейчас и доспехи не внапряг. Это летом уже через полчаса исподняя рубаха – хоть выжимай.

Заря в шестой паре, вместе с братом.

А Вильд хорош. Я его приодел. Всё самое лучшее. И пусть Трувор, полагающий, что воин должен всё добыть сам, фыркает, сколько хочет. Его сын теперь мой хирдман, и, по здешним понятиям, его папа теперь я, а не он. Вильд, правда, тоже упирался. Насчет брони. Не хотел огорчать родителя. Но я заявил, что германский меч, «унаследованный» от Водиминова гридня, идет только в комплекте со всем остальным. И обучать я его буду жестко, поэтому без хорошей брони ему конец. Гонять я буду своего малолетнего деверя так, что он сто раз пожалеет, что попросился ко мне в хирд.

Парень только ухмыльнулся. Ему пятнадцать. Габариты как у взрослого мужика. Ростом повыше папаши, а Трувор отнюдь не коротышка. Да и меч парень взял в руки годиков так в пять.

Однако после первой же тренировки лыбиться Вильд перестал. Парой учеб-

ных железяк я отлупил его как сидорову козу. Без брони ребра бы точно парню переломал. Хотя без брони я бы так и не лупил, понятное дело. Выбивал оружие, сшибал с ног, пинал под зад и тыкал лицом в снег. При этом еще и унижал парня словесно. Примерно как сержант из учебки поносит только прибывших новобранцев. Мне надо было довести его до уровня «всех убью». И надо отметить: парень продержался до конца. То есть до того момента, когда попытка самостоятельно встать превратилась в слабое подергивание конечностями.

Сами понимаете, как я был удивлен. И как зауважал парня. С помощью Вихорька мы отволокли его тогда в баню, разоблачили и уложили в корыто – отмокать в горячей воде.

И уже там я поведал Вильду, как тот крут. Какая у него безупречная выдержка и как я им доволен. Кстати, помимо выдержки, у братишки моей жены оказалась и очень неплохая подготовка и стиль один в один папин. Что не удивительно, ведь обучал их один и тот же пестун (мое ему уважение), да и папа тоже приложил к воспитанию обе руки.

В общем, порадовал пацана. И оставил наслаждаться болью, покоем и гордостью.

Впрочем, как я впоследствии узнал, покою он радовался недолго. Как только я ушел, Вихорёк сбегал за девками и... В общем, понятно.

Так что спустя полдюжины занятий я попросту назначил Вильда спарринг-партнером Вихорьку. Ну, или Вихорька – Вильду. Потому что, судя по всему, у моего сына появится достойный соперник за звание «лучшие мечи среди юниоров».

Вот так, наслаждаясь полнотой жизни и великолепием зимнего леса, мы и доехали до владений Клека.

А между тем приближался первый акт срежиссированного мной и Трувором спектакля, который назывался «Потыкать палкой в берлогу».

Прием, который мы применили, чтобы выманить медведя из берлоги, был древним, как само человечество. Ловля на живца. А чтобы живец был достаточно живым, мы поставили ему задачу хватать и тащить, что получится. В роли шустрого живца выступили кирьялы. Пешие.

Короткий марш-бросок на лыжах, чтобы зайти во фланг, а потом «явление неприятеля эстам». Парни выбежали из леска, метнулись заснеженными огородами к крепости, закидали стражу стрелами. Те, от неожиданности, видать, дерзкого противника испугались и бросились затворять дубовые ворота. А кирьялы тут же, с радостным визгом, принялись грабить предместья.

На глазах у охреневшей эстской общественности.

Ну еще бы: чуть больше полусотни лесовиков-охотников напружили хвост аж на целого местного князя! И не какого-нибудь, а заслуженного викинга. Что это с ними? Озверина накурились, мухоморов нажрались?

А эсты определенно расслабились. Чтобы собрать отряд быстрого реагирования, им потребовалось целых четверть часа. И еще минут пять, чтобы отпереть ворота.

За это время кирьялы успели пристрелить с дюжину слишком резких смердов, набить полные мешки, снова встать на лыжи и дать деру сразу же, как только тяжелые крепостные ворота снова пришли в движение. И что характер-

но: рванули они не обратно в ближайший лесок, а почесали через заснеженные поля напрямик к дороге.

Точно без грибочков не обошлось, подумали эсты, коих было примерно столько же, сколько и налетчиков. Заорали, засвистели и радостно устремились за безобразниками. Во весь опор.

Опор, правда, получился так себе. Но снежному полю, в которое превратилось поле сельскохозяйственное, коням было не разогнаться, так что налетчики на лыжах всадникам в скорости не уступали.

А местами даже и превосходили. Это когда путь преграждала изгородь, за которой часть лесовиков притормаживала, выжидала, когда конница подойдет поближе и тоже притормозит, выискивая проход, и закидывала преследователей стрелами. Причем грамотно, как учили, то есть не кто во что горазд, а пакетно обрабатывая одну и ту же цель. И настолько успешно обрабатывали, что в половине случаев даже лошадку не задевали, всё доставалось всаднику. Seriously так доставалось. Хороший наконечник с пятидесяти шагов уверенно прошивает зимнюю одежду и кожаный жилет даже из слабого охотничьего лука. А ведь почти у всех парней были улучшенные модели.

Выведя из строя пару-тройку всадников, кирьялы прятали луки, подхватывали мешки и чесали дальше.

Надо ли говорить, что дружинники, потеряв примерно с дюжину корешей от рук каких-то смердов, рассвирепели не на шутку.

Перед изгородями они больше не останавливались. Передовые начали сшибать хилые оградки на скаку.

Не лучший вариант.

Лошадки ушибались, упирались, спотыкались и даже падали, перекрывая проходы. А в это время другая группа стрелков...

В общем, примерно через километр неторопливой гонки численность преследователей сократилась почти вдвое.

Мы с Трувором и главной ударной силой тихонько сидели в засаде между деревьями и с удовольствием наблюдали, как зеленое ополчение бьет профессионалов. Причем с сухим счетом.

Хотя насчет профессионалов я чуток загнул. Настоящие профи не отдали бы противнику все козыри. А эти – выступили верхом против пеших стрелков. Причем в заведомо проигрышных условиях. Эсты передвигались едва ли не медленнее, чем кирьялы, и лишились при этом главного пехотного козыря: сплошного строя. Ну не идиоты ли?

Впрочем, я всё равно гордился. Мои лесовики дрались против настоящих воинов в соотношении почти один к одному и уже взяли половину врагов, не потеряв ни одного своего. Просто потому, что уходили вовремя, не подпуская противника даже на бросок копья.

А луки те взять не позаботились. Да и с луками я бы всё равно поставил на моих. Стрельба с седла – это точно не для викингов.

Но вот первые кирьялы добрались до дороги. И встали.

Сложили мешки с награбленным в кучу, разобрались по семеркам, взяли луки и застыли в ожидании.

Через минуту к ним присоединились и остальные.

И все вместе дали пару залпов, после которых эсты, потеряв разом еще два десятка бойцов, шарахнулись на безопасное расстояние.

Этот вариант нами предусмотрен не был, но Тулб Огонёк, поставленный мной над отрядом провокаторов, удачно сымпровизировал. Нанес удар в слабое место любого воина. Прямо в чувство законной гордости и осознание собственного превосходства.

Это было весело.

Кирьялы в несколько десятков глоток завопили разные слова, донельзя обидные. А поскольку языки у эстов и кирьялов были похожи, то смысл возгласов оказался эстам вполне доступен. А для просвещения тех, кто не понял, использовалась наглядная агитация, как то: демонстрация задниц и международные жесты типа «я твоя вертел на моя, как твоя моя хотел».

И поскольку видимость нынче утром была изумительная, а крепость Клека стояла на холме, который господствовал над местностью, то с крепостных стен провокационное кирьяльское шоу могли смотреть все желающие с острым зрением. А таких здесь, в мире без книг, компьютеров и прочих пособников развития близорукости, было большинство.

Глава 40,

в которой Ульф на себе познает ужас священной ярости

Тем не менее ждать второго акта нам пришлось довольно долго. Целых полчаса прошло, пока из ворот не выступила эстская группа поддержки. Хорошо укомплектованная пехота. Учили, значит, печальный опыт предыдущей команды. Вышла, построилась и неторопливой рысцой по снежной утоптанной дорожке двинулась к нам.

Купились, голубчики.

– Отход! – по-кирьяльски закричал Бури, и примерно половина наших стрелков сделала вид, что удирает с награбленным по дороге. Поскольку дорога сначала шла вверх, то бегство можно было видеть и с полей.

Эстская пехота прибавила темп. Кучка оставшихся не впечатляла. Эстов было раза в четыре больше. И еще с дюжину всадников.

Всё шло по плану. Трувор уже набрал в грудь воздух, чтобы дать гридням команду «встречный удар», когда из рядов свеев вырвался здоровенный маньяк-убийца с еще более здоровенным щитом и огромными прыжками понесся к нашим.

Трувор сообразил быстрее меня:

– Гридь, строй!!! Ульф! Берсерк! Держим! – заорал он, срываясь с места.

За миг до рывка я успел услышать, как Бури ругнулся по-своему. Две его стрелы угодили в щит так же, как и кирьяльские, коими щит берсерка уже был утыкан так, что походил на спину взбешенного дикобраза.

Трувор успел встать на пути берсерка буквально за секунду до того, как тот добрался до моих кирьялов. Еще через три секунды берсерк отшвырнул Жнеца ударом щита, опрокинув на снег.

Но тут уже включились мы. Я и мой Волк.

Берсерк был красив. Лицо его отливало алым, с меча летели искры, длинные волосы стояли дыбом, будто львиная грива, делая священного безумца, и без того немаленького, еще больше.

Я полушагом-разворотом ушел вправо, пропуская его меч. Слеза вычертила сияющую дугу, которая должна была пройти через его обнаженное плечо, но берсерк качнулся, и дуга его не задела.

Зато теперь он забыл о Труворе и смотрел только на меня. Рот священного

безумца широко открылся, испустив низкий гул, от которого завибрировали мои кости. Следующий удар берсерка был очень, очень быстрым. Таким быстрым, что мог бы достать меня, но нанесен он был почему-то не мне, а моему Волку.

Тот успел отпрыгнуть, но меч всё же его задел. Самым кончиком. Я увидел, как полетели клочки шерсти. Белые, будто электрические искры.

Впервые за всё время, что я провел в состоянии «открытых Врат», искрящаяся радость покинула меня. Радость, но не скорость.

Я увидел, как длинный меч промахнувшегося берсерка тонет в снегу за долю мгновения до того, как это произошло. И, опережая, с разворота ударил сразу двумя клинками. Слезой – в кисть правой руки, Вдоводелом снова, в то же ничем не защищенное плечо.

Кисть я не достал, а вот плечо – да, рассёк. Рваная рана. Белая кожа разошлась, открывая яркое красное, тоже вскрытое и как будто разорванное, а не разрезанное. На сантиметр в глубину, не более. На задворках сознания всплыло: удар такой силы незащищенную руку просто отсекает.

Будь я в обычном мире, а не в этом, я бы, наверное, удивился. Причем последний раз в жизни, потому что рана не только не кровила, но даже не стеснила движений безумца.

Но здесь таких чувств, как удивление, попросту не существовало.

Меч прогудел подо мной, лишь чуть-чуть запоздав. Я успел подпрыгнуть, иначе остался бы без ног. Берсерк на развороте ударил меня щитом и отбросил так же, как недавно Трувора. Вот только я не упал. И достать себя тоже не дал: затанцевал, уходя от пусть и быстрых, но легко читаемых атак и выискивая брешь в обороне великолепного противника.

Брешь, которой не было. Я знал, куда он ударит, как защитится, предугадывал каждое его движение. Но не видел ни единой лазейки. Священный безумец был безупречен.

А потом прямо в лоб берсерку ударила стрела. Ударила с такой силой, что вскоченную голову аж запрокинуло. Но при этом смертоносная стрела с узким граненым наконечником, прошивавшая любую броню с дистанции до сотни метров, лишь скользнула по кости, пропахав во лбу неглубокую бороздку, вырвала клочок волос и ушла в никуда.

Зато она дала мне возможность ударить. Один раз. Но – прямо в горло. Вернее, в бороду, которая это горло прикрывала.

Последним ударом Слеза срезала большую часть неопрятной бороды и всё-таки достала до плоти. Я видел, как бритвенно острый клинок ударил прямо в горло...

И не разрубил!

Будто это был не клинок, а железная палка.

Впрочем, как железная палка он тоже проявил себя неплохо. Смял хрящ трахеи.

Такой удар тоже смертелен и убивает почти так же быстро, как вскрытое горло.

Но не в этом случае.

Берсерк смертельное повреждение проигнорировал. И снова долбанул меня щитом.

В последний раз.

В игру включился Трувор. И сплеча рубанул по подколенному сухожилию безумца. Не разрубил!

Но заставил пошатнуться и отвлек внимание от меня. И я этим воспользовался.

Сдвоенный удар в то же место: рану на плече. Сначала скользящий Вдоводелом, потом – размашистый, с доворотом, хлёт Слезой.

Зацепил самым кончиком, но дернуло так, будто долбанул топором по середине клинка. Еле удержал.

Зато результат – замечательный. Трицепс пропороло практически до кости.

Крови по-прежнему не было, но обычной физики никто не отменял. Может быть, волшебство и делает священного безумца твердым как корабельный киль, но с прорубленной мышцей мечом не помашешь.

Хотя безумец всё равно пытался. Рыкал на меня инфразвуком, взмахивал раненой конечностью, даже инстинктивно пытался компенсировать поражение разгибателя с помощью инерции. Но это уже было неэффективно. А тут еще и новая стрела угодила ему в надбровье и засела в кости.

Изо рта берсерка полезла пена. Он пошатнулся и удержался от падения только потому, что оперся на щит, а потом ноги его подогнулись, он ничком повалился на снег, и я увидел, что из его затылка торчит еще одна стрела.

И тут же вместо пены изо рта безумца хлынула кровь. И из его ран – тоже. Он забился в судорогах, но высшая сила его уже покинула. Теперь это была просто агония.

А через миг я увидел надвигающуюся на меня стену щитов.

С берсерком – всё, да, но собственно битву никто не отменял.

Впрочем, это был самый обычный смертельный бой, такой знакомый и радостный. Мне снова стало легко и весело. А летящие в меня наконечники копий плыли ко мне не спеша, как сонные блестящие рыбины.

Я просто поднырнул под них и ударил Слезой пониже пестрой стены щитов.

Стена эта тут же начала оседать, а я, распрямившись, прыгнул через нее, отбил по пути пару металлических рыбин, крутнул мечи, переходя на обратный хват, ударил вниз, коротко и неглубоко, только чтобы оттолкнуться, перелетел еще пару голов, еще в воздухе сыграл кистями, возвращаясь к прямому хвату, приземлился в низкую стойку и в длинном развороте снова ударил понизу, невозможно счастливый от того, что мой искристый мир снова стал моим и ничто не может остановить полет моих рук.

А затем строй, который я вскрыл, разошелся совсем, и в прорыве я увидел знакомые лица Труворовых гридней. А потом и самого Трувора, вернее, его мечи, которые взлетали и падали в двадцати шагах от меня, высекая красные брызги...

И всё закончилось.

Волк исчез. Мир стал обычным. Вокруг стонали, выли, корчились, истекая кровью, бились в предсмертной агонии...

Это те, кто был не способен бежать.

Те, кто мог, удирали во всю прыть, закинув на спину щиты.

Далеко обогнав пеших, скакали к крепости всадники.

Мимо меня пробежали наши. Кровь на руках, перекошенные яростью рты.

Победный волчий вой летел над полями. Самые быстрые догоняли самых медленных и рубили их. Обгоняя их всех, скакала по снегу наша конница. Я увидел, как Вихорёк, поравнявшись с бегущими, роняет поводья, привстает на стременах, на скаку бьет из лука. И попадает, что особенно удивительно!

Да, круто! Надо думать, Бури научил. Но не это сейчас главное.

Крепость – вот задача номер один. Вернее, как сделать ее нашей. Сработает ли последняя часть плана?

Общая картина: вражеский отряд бежит, теряя на ходу боевое снаряжение и жизни. Попыток остановиться и дать отпор не наблюдается. Как только все побежали, единство разрушилось. Теперь каждый сам за себя. Наши висят на хвосте. Их не так уж много. От силы полсотни. Меньше, чем бегущих. И со стен крепости это видят. На это тоже был расчет. Получится или нет?

– Ярл! – Один из кирьялов сует мне в руку вожжи.

Я прыгаю в седло и тут же посылаю коня в галоп. Так быстрее и куда приятнее, чем рысью. Рысь у этих мохнатых пони средневекового разлива – как на газике по камням пилить. Всё нутро растрясешь, как ни упирайся.

Так, вижу. Есть! Эсты не закрывают ворота. Они выходят и строятся. Прославленный морской конунг в очередной раз купился.

А они все выходят и выходят. Навскидку десятков шесть-семь. И на всех блестит бронька. Сколько ж у него бойцов, у этого Клерка, тьфу, Клека? А это ведь не все. Еще на стенах сидят. Тоже небось дистанционники.

Мой конь постепенно догоняет бегущих и скачущих. То тут, то там на снегу темными кучами лежат убитые. Хочется верить, что только чужие.

Строй эстов начал движение. Навстречу бегущим.

Ну да, я поступил бы так же. Пропустить своих и принять в копьё разрозненную толпу преследователей. И сразу расклад изменится в твою пользу. Одиночки если и рулят против плотного строя, то только такие, как с таким трудом заваленный нами берсерк. Ну или мы с Трувором, на худой конец.

Так или примерно так должен думать лидер эстов.

Но мы тоже всё продумали. Причем заранее.

Трувор, который рулил погоней, отреагировал точно и своевременно. Только что я видел спины бегущих, наших и чужих, и... оп! Теперь я вижу лица. Разворот – и гончики превратились в беглецов, так и не столкнувшись с шеренгами эстов.

И заодно не угодив под обстрел со стен.

Кажется, Джек Лондон писал: ничто так не привлекательно для своры, как задница и мелькающие ноги удирающих.

Эсты не оказались исключением. Они бросили город с воротами нараспашку и устремились в погоню.

Надо отметить, что у них были неплохие шансы на успех: со свежими-то силами. Тем более что бежали они отлично. В четком строю, лишь немного растянув шеренги.

Впрочем, и наши удирали не в разные стороны, а относительно компактной группой. И оторвались совсем недалеко: метров на двадцать пять – тридцать. Совсем ненамного дальше, чем бросок копья. Но всё-таки чуть дальше.

А вот всадники наши ушли в стороны, и достаточно далеко.

Вроде бы зря. За ними на своих двоих и так не стали бы гнаться. Уходили хаотично и порознь. Так, чтобы казалось: бегут с перепугу, куда глаза глядят.

Я остановил лошадку. Потому что знал: до меня враги точно не добегут.

Как только опорные шеренги отделились от ворот метров на двести, прогудел рог Трувора и вступил в действие наш «засадный полк»: три десятка отборных бойцов, в число которых вошли мои хирдманы, и сорок восемь лучших кирьяльских стрелков.

Со стен новых противников увидели, как только те показались из леса. И заорали.

Но увлеченные погоней защитники их не слышали. Вопли потерялись в топоте, грохоте, пыхтении и воплях, которые издает почти сотня бегущих строем бойцов.

Эстская группа преследования остановились, когда со стороны крепости надрывно заныл рог и раздался частый звон медного била.

Но они были далеко, а наши конники уже вышли на дистанцию опасной стрельбы. Кто-то спешился, но большая часть начала, как и Вихорёк, стрелять прямо с седел. Молодец Бури-мастер, что тут скажешь.

С незначительной задержкой к стрельбе присоединились пешие кирьялы.

Не знаю, насколько эффективна была такая стрельба, но лучники на стене попрятались, и силовая группа добежала до ворот без потерь. Более того, в поднятые над головами щиты не вонзилась ни одна стрела.

Добежали вовремя и попытку защитников закрыться пресекли на корню.

Эсты-преследователи остановились в замешательстве. Защитить город они уже никак не успевали. Строй смешался...

И наши тут же эти воспользовались.

Перекрывающий все прочие звуки рык Трувора – и толпа беглецов превращается в ударный клин со Жнецом во главе. И клин этот врзается в эстов, половина из которых глядит в противоположную сторону, несмотря на громкие вопли наиболее толковых хольдов.

Я дал лошадке шенкеля, снова посылая в галоп. Давай, лохматая! Не то всё веселье без нас пройдет!

Глава 41 Как сломать викинга

Хороший дом у князя Клека.

Хотя нет, теперь это у нас хороший дом.

Теперь тут всё наше. Включая и самого князя.

Он, конечно, орел. Для своих преклонных лет – так особенно. И держится с достоинством, хотя догадывается: хорошего ждать не стоит. И он, и его семья – в нашей полной власти. Захотим – будем их всех мучить долго и разнообразно. Захотим – убьём сразу и безболезненно. Его. И тех членов семьи, которым не повезло. Те, кому повезло, погибли в сегодняшнем бою.

Это касается мужчин.

Женщинам еще хуже: двум женам Клека, одна из которых с виду младше Зари, пятерым дочерям и целому выводку внучек, в интервале от взрослых дам до грудных младенцев. Вот кому совсем худо будет. Мы викинги. Что делают с женщинами викинги, Клек знает. Сам такой. Но держится морской конунг. Цедит слова через разбитую губу, глядит на нас, как спутанная и подвешенная на шест зверюга.

– Дурак ты, старик! – сообщаю я ему. – Куда тебе до настоящих пахарей моря! До нас, данов и варягов! Вспомни, старик: сегодня утром ты сидел в своей

берлоге и хирд у тебя был побольше нашего. Но ты оказался никудышным вождем!

Я щедрой рукой посыпаю солью его душевные раны. Не жаль ничуть. Старая сволочь перебила столько народу, что хватило бы на небольшой город. И эта тварь причастна к похищению Зари, к гибели моих людей. Это его люди убили моего весянина Повторюху, мальчишку пятнадцати лет. Так что нечего глядеть на меня зверем, эст. Я тебя сломаю о колено, как гнилую палку. Я заставлю тебя *просить*!

– Ты никудышный хёвдинг, старик. Уж не знаю, выжил ли ты из ума или просто таким уродился. Погляди вокруг. У тебя больше нет ни дома, ни хирда. А всё потому, что ты – дурак. Ты забыл свое место. Место плешивого старого пса в мире настоящих охотников Лебединой Дороги. Ты поднял свой облезлый хвост на повелителей моря. Ты послал против нас своего никчемного племянника! Против нас, старик! Это была самая большая глупость в твоей бесполезной жизни. Ты мог жить, мирно и тихо стареть. Но ты решил нагадить в хозяйскую миску. Я скормил дерьмовые кишки твоего племянника псам. Так же будет и с тобой, никчемный старый хряк. Но в этом не будет веселья. Что проку в смерти того, у кого и так скоро полезут изо рта опарыши, даже если они полезут поглядеть, что же такого интересного мы делаем с твоими потомками.

Взгляд старика невольно устремляется к кучке этих самых потомков. Я на них не смотрю, а вот Трувор – да. По глазам деда сейчас можно догадаться о том, кто из многочисленной родни для него важнее.

Именно для этого и предназначен весь словесный понос, которым я орошаю Клека. Старик ведь превосходно понимает язык Севера и верит каждому слову. Он сам не раз проделывал подобное со своими пленниками. У него в городке и сейчас полно рабов, половина которых мечтает отдать обе руки, лишь бы Клеку воздалось за то, что он натворил с ними и их родней. Мечтала бы и вторая половина, но они раздавлены и унижены настолько, что позабыли, как это – мечтать.

А еще старик уже в курсе, что мы здесь не для того, чтобы просто так пограбить. Что у нас к нему – личное. А значит...

Старик слизывает кровь с разбитой губы.

– Чего ты хочешь, дан? – говорит он.

На меня он не смотрит. Ему нестерпимо видеть торжествующего врага.

– Ты ничего не можешь мне дать, – насмешливо говорю я. – Всё твое и так наше. А если ты думаешь, что мы не найдем сами твои схоронки, то это даже как-то обидно. Ты ведь знаешь, что мы даже не будем их *искать*?

Он решается взглянуть мне в глаза... И тут же отводит взгляд.

Как-то ему совсем хреново. Не окочурился бы раньше времени.

– Да, – бормочет он. – Вы найдете. Но это потребует времени. – Клек снова глядит на меня, и на этот раз – секунд пять. Хочет понять: дошло до меня или нет?

Это – чужая территория. Как бы ни конкурировали меж собой местные вожди, но когда они узнают о нас, то забудут о распрях. И вдарят так, что мало не покажется.

– Возможно, – беспечно отвечаю я. Я нахальный и самоуверенный дан. Всякие там эсты, шместы, курлы и куры для меня – недочеловеки. Пища. – Воз-

можно, старик, мне будет скучно пытаться твоих сучат. Тех, кто посимпатичнее, я отдам моим хускарлам. Пусть позабавятся. А остальных – твоим трэлям. О! – Я демонстрирую оживление: – Так выйдет даже лучше, чем скормить твоё потомство псам.

– Не всех, Ульф-ярл! – подает голос Трувор. – Вот эту я заберу себе! А этих двоих можно продать на юг. Степняки любят такое мясо!

И мы оба внимательно следим за выражением лица старика. Бессильная ярость. Тоска и безысходность. Проблеск надежды. Снова ярость. И снова – горечь и бессилие.

Мы его ломаем. И у нас получается. Чем больше он осознает, что та дыра, в которой он оказался сам и в которую уволок близких, – его собственных рук дело, тем ему хуже. Пытаться таких физически – бесполезно. Резать у него на глазах его собственных внучек... Я бы такого никогда не допустил, но даже и это бесполезно. Его гордость – выше сосновых вершин. Он не сломается.

А вот если дать ему понять, что всё это происходит, потому что он облажался... Вот это разнесет его гордыню вдребезги.

И, кстати, Трувор угадал. Названные особи – не только самые симпатичные, но и самые ценимые дедушкой-головорезом.

Такая уж душа у здешних феодалов. Чужих могут стругать живьем, как шаверму, а в своих души не чают.

А с трэлями я ловко придумал. Рабы – такие забавники, когда им предоставляется возможность отомстить своим рабовладельцам. А если добавить, что для местных секс с рабом – сродни зоофилии...

– Чего ты хочешь, дан? – бормочет дед уже без всякого вызова. – Я сделаю всё, что ты хочешь. Не я велел Водимиру красть твою жену. Я не знал об этом...

– На колени, – велю я. – Нет, не передо мной, перед ним, – я киваю на Трувора. – Ты сейчас чувствуешь то же, что и он – недавно. Моя жена – его дочь. Моли о пощаде, старик! И помни: что бы он ни решил, ты сам всё равно умрешь. Но если он будет щедр, то один из твоих внуков, может быть, проживет еще немного.

Вот так. Много унижения – и чуть-чуть надежды. Как говорится, дубиной и добрым словом. Главное, в каждом случае соблюсти правильные пропорции.

Теперь пусть ведет переговоры с «добрым» Трувором, а злой я – ухожу. И ухожу красиво.

Оценивающий взгляд на кучку несчастных, жутко перепуганных женщин и детишек. Вот! Эта пара глаз глядит не с ужасом, а с мольбой и надеждой. Тебе повезло, красавица. Для тебя всё закончится прямо сейчас.

– Ты идешь со мной, – говорю я по-скандинавски, уверенный, что она поймет, даже если не знает языка.

Так и выходит.

– Займись ею, – сказал я Заре, кивнув на девушку.

– Кто это?

– Дочка Клека.

– Я его внучка, – еле слышно проговорила та.

– Хочешь ее в постель? – деловито поинтересовалась Заря на языке викингов. – Ты здорова? Девственна?

– Да...

– Нет, – вмешался я в процесс. – В смысле, в постель не надо. Будет тебе пока помощницей в доме. Покажет, где что.

– Поняла.

– Вот и отлично!

А я отправился заниматься настоящими делами. В чем Клек был прав, так это в том, что нам надо убраться отсюда как можно скорее. Таймер тикает. Надо успеть сбежать до того, как Клековы соседи соберутся грозной толпой и придут нам навалать. Как это происходит, я уже видел однажды на Сёлунде. Когда довольно-таки мощный хирд вестфолдингов решил покуситься на меня самого. Несколько часов – и это уже не мощный хирд, а кучка чужаков в окружении подавляющего большинства моих разгневанных соседей.

Здесь, думаю, времени на сборы уйдет побольше, и до завтрашнего утра убивать нас никто не придет, но и работы полно. Нелегкое это дело – полностью обнести этакую крепость. А ведь награбленное надо еще упаковать в дорогу, и с транспортом вопрос решить.

А бойцы у меня молодые, горячие, у них после хорошей драки только три желания: бабы, жратва и выпивка. Грабеж, конечно, тоже отличное развлечение, но добычу потом всё равно на всех делить будут, а по этим пунктам что ухватил, то твое.

Старый Клек сдал почти всё. Почти, потому что, уверен, кое-что он утаил, дабы его наследники вконец не обнищали. Однако увозили мы прямо-таки огромные кучи всякого добра. Включая и сотню пленников.

Правда, из Клекова рода среди них не было никого. Заложников мы тоже взяли, но они были именно заложниками, а не рабами. С нами поехали два старших сына нового держателя территории, которого выбрал среди прочих своих отпрысков сам Клек. Трувор дал ему такой бонус. Новоиспеченный князь, не вставая с постели (у него были две серьезные, но не смертельные раны), признал Трувора старшим и обещал кланяться данью. В чем и поклялся тремя местными богами.

И уже через пять минут он официально вступил в права владения, потому что Клек покинул бранный мир. Быстро и легко, как ему и было обещано.

А еще через час целая вереница саней, сопровождаемая победителями, канула в лесной чаще. Вернее, ушла по неезженной в зимнюю пору лесной дороге напрямиком к Изборцу. Трувор был уверен, что не заблудится. Да и выбора особого у нас не было. Путь вверх по Двине был для нас закрыт, ведь именно там нас бы и стали ловить.

А мы ловиться не собирались.

Глава 42

«Мы, варяги...»

Наши пути разошлись на льду Чудского озера. Трувор ушел в Изборец, а я со своими – в сторону будущего Финского залива.

Расстались тепло. Мы ведь теперь не просто друзья – родичи.

На прощанье Трувор заверил: если будет нужда, Изборец всегда открыт для меня, а его дружина встанет рядом с моим хирдом. Напомнил: хочу я того или нет, но я теперь тоже варяг. И так считает не только он, но и Ольбрад Синеус, так что ярл Ульф Хвити при желании может называть себя не только ярлом,

но и князем и рассчитывать на поддержку братства.

Именно так. Братства. Потому что все варяги суть братья друг другу. И наконец-то мне приоткрылась великая тайна: откуда есть пошло великое варяжское племя[245].

– Мы, варяги, живем здесь не так давно, – рассказывал Трувор. – Прадед моего прадеда родился здесь и поклонялся Перуну, как и мы. Однако старые люди из тех, что платят нам дань, говорят, что мы пришлые, и называют нас рутси, что значит: дружина на воде. Это потому, что предки наши пришли сюда на кораблях.

– А почему вы называетесь варягами? – спросил я. – Что вообще значит это слово?

– Не могу тебе ответить, – покачал головой мой тесть. – Я слышал от свеев, что это переименованное «варг», что значит «волк». Однако волк особый, волшебный. Ты понимаешь, о чем я, если слышал о Фенрире...

– Слышал, – ответил я, припоминая увлекательные рассказы Стенульфа, которых я наслушался в первую мою зиму на Сёлунде. Фенрир – чудовищное порождение скандинавской мифологии. – Фенрир и его сыновья...

– Да, – подтвердил Трувор. – Варги.

Он помолчал немного, пропуская меж пальцами длинные усы и глядя куда-то сквозь меня, будто вспоминая что-то важное.

Однако я знал: он не вспоминает, он помнит. Здешние запоминают такие вещи накрепко. Слово в слово. И потом так же, слово в слово, рассказывают детям и внукам. Это единственный способ сохранить прошлое тем, у кого нет письменности. И надо отметить, способ замечательный, потому что я не раз слышал истории тех же данов о своих прапрапрадедах, рассказанные так, будто это происходило совсем недавно. Мелочи забывались, а вот настоящие деяния – никогда. И человек благородного происхождения, вроде того же Рюрика, к примеру, запросто мог перечислить две дюжины своих предков вплоть до божественного прародителя Фрейра-Ингве.

Нет, Трувор не вспоминал: он переживал прошлое. А заодно выбирал, какими из родовых тайн стоит поделиться со мной.

– Варги, – повторил он. – Божественные волки, которые когда-нибудь зададут жару вашим нурманским богам! – Трувор засмеялся. – Но так говорят свеи, – продолжал он. – А вот мой дед рассказывал, что его отец вместе с братьями несколько лет служили за золото императору ромеев, и там таких, как они, называли варангами. То есть чужеземными стражами. Но дед не помнит почему. Может, это и есть варяги, переименованные на ромейский лад. Я тоже знаю об этом только то, что в Миклагарде[246] нас по-прежнему называют варангами. Да и важно ли, почему мы зовемся варягами? – Трувор поглядел на меня, но я молчал.

Не мог же я сказать: мне просто любопытно. Я ведь знаю, что значит для Трувора память предков, память, которая хранит хорошее и плохое, победы и поражения, славу и позор, всё, что потом обеспечит бессмертие деяний самого Трувора в памяти потомков.

– Почему меч зовется мечом, а смерть – смертью? – задумчиво произнес Трувор Жнец. – Может, в нас и течет кровь Фенрира, но нам нет нужды оборачиваться волками, чтобы сражаться с вашими ульфхеднарами – волкоголовыми. Перун Молниерукий дарит нам силу. Этого довольно. Перун щедр. Он

щедр к нам, природным варягам, и к тем, кто готов поклониться ему. Тот, кто принесет ему клятву и станцует на его празднике, может надеяться, что Перунова сила войдет в него, когда придет время настоящего Перунова танца, танца битвы. Ты танцевал для него, брат мой и муж моей дочери! Ты танцевал лучше, чем рожденные природными варягами, ведь Перун позвал тебя, и ты пришел. И ты встал в круг, и я до сих пор помню, как струилась по нашим клинкам его Сила. И мы еще спляшем вместе, зять и брат мой Волк! И в бою, и на празднике. Боги войны ревнивы, но они расположены ко всем нам, к тем, кто живет с клинками в руках. Когда я ходил по северным морям под знаменем Хрёрека, я временами обращался и к вашим богам, ведь они сильны на Северном Пути. И потому говорю тебе: когда ты здесь, то ничто не мешает тебе призвать Силу Перуна Молниерукого в твои руки и твои клинки. Ты славный воин, и крови врагов, которую ты пролил и прольешь еще, хватит на всех богов Валхаллы и Ирия!

Я не стал спорить. Трувор прав. А мое отношение ко всем этим языческим богам трудно назвать верой, но учитывать их присутствие и возможные бонусы и минусы этого присутствия мне придется. Да и Перун в моем понимании ничуть не хуже Тора и гораздо, гораздо лучше Одина. Хотя бы потому, что он не требует от последователей украшать дубы «желудями» из человеческих тел. Так что спорить с Трувором я не буду. Я слишком дорожу его дружбой, а он – моей. И он доказал это, выбирая между мной и Рюриком.

– Да, – сказал я. – Ты прав. Мы еще встанем с тобой в один строй, Трувор Жнец! И – горе тогда нашим врагам!

– Так и будет, брат! – отозвался Трувор, обнимая меня на прощанье. – Они увидят наш гнев!

«Смоленск!» – мысленно произнес я.

«Смоленск!» – так же мысленно подтвердил Трувор.

Но вслух мы не сказали ничего. Чтоб не спугнуть.

Глава 43 Три месяца спустя

Весна пришла внезапно. Только что везде лежал снег – и вдруг всё потекло и затрещало. Первым поддался лед в заливе. Еще недавно мы гоняли на лыжах по зимним дорогам, а уже плывут по черной воде ноздреватые льдины, а сама вода ползет вверх, поднимаясь все выше, заливая сушу и пристани, отрезая друг от друга берега и разрывая связь между человеческими поселениями.

Братья Крумисоны говорили, года два назад вода в заливе поднялась так высоко, что по крыши залила склады и корабельные сараи на торговой площади, и плескалась чуть ли не в двух саженьях от крепостных стен.

Надеюсь, этой весной до такого не дойдет, но меры мы приняли. Склады освободили, а готовить корабли к новым походам начали загодя.

Большая часть моих боевых кирьялов разъехалась по домам. Незваных гостей от свейского конунга можно было не ждать по крайней мере пару месяцев. До окончания ледохода морские пути закрыты. А сухопутные будут непроходимы минимум до середины мая. Так что я лесных стрелков не удерживал. Пусть наслаются заслуженной славой в кругу близких. Пусть похвалятся добычей, которая прочим лесовикам даже не снилась. Пусть покрасуются в новых доспехах и продемонстрируют соплеменникам воинские навыки. Я сделал для них то, что никогда не рискнет сделать ни один феодал. Я сде-

лал из смердов воинов и позволил им вернуться к своему племени. Теперь они больше никому не позволят стричь себя как овец. Для того, кто правит силой, это конец власти. Для того, кто правит, опираясь на дипломатию, это надежная опора в будущих битвах.

Да и не всех я отпустил. Четырём десяткам лучших было предложено войти в мой хирд на постоянной основе. И тридцать шесть из них согласились. Так что у меня теперь есть свое стрелковое подразделение. И уж этих я вооружил как следует. Лучшие луки, лучшие доспехи, равные права с остальными дренгами, то есть доля в добыче, а не «сколько ярл от щедрот отмерит». Эти тридцать шесть по праву гордились и важничали. Они ведь и впрямь были лучшими.

Другая важная новость: скоро у меня будет еще один наследник. Заря утверждала, что непременно сын, и я с ней не спорил. По местным представлениям, сын поднимает статус матери, а дочь – наоборот. Так что пусть зараннее не расстраивается.

На темпераменте и здоровье Зари беременность не сказалась никак. Она по-прежнему тренировалась с полной загрузкой и у меня, и у Бури. И в обоих направлениях делала успехи.

В общем, в этой части моей семейной жизни все было здорово.

Прекрасно себя чувствовало и мое ярлство. Дани я не собирал, но подарков, что мне надарили местные, как мне кажется, было ничуть не меньше, чем налогов, которые снимали с них свеи. Не говоря уже о том, что мне несли лучшее. Более того, за эти подарки даже отдариваться не пришлось. Сохрой заверил меня, что это они, кирьялы, отдариваются. И титул у меня среди лесовиков не ярл, а Друг. Даже не так: Старший Друг. Причем не только у тех, с кем я контактировал непосредственно, но и у совсем дальних. А еще меня очень активно приглашали в гости и каждый раз норовили подложить под бок какую-нибудь местную красоточку. Причем – юную и невинную. Как разъяснили *мои* кирьялы, если первым мужчиной у девушки будет такой супергерой, как я, то, даже если она от него и не родит, все ее будущие дети становятся носителями его геройской «отметки».

Вот такие у них представления о наследственности и евгенике.

Как только я просек этот генетический посыл, то дружественные визиты резко ограничил. А чтобы не было обид, отправлял вместо себя Вихорька в сопровождении трех-четырех молодцев, одним из которых был, как правило, Вильд.

Мой сын крепко сдружился с юным Труворычем, причем был в этой паре абсолютным лидером. И для Вильда, и для остальных варяжат. Как-то так получалось, что он не только мгновенно находил с ними общий язык, но и автоматически оказывался в позиции старшего по званию. Впрочем, он и был старшим, хускарлом среди дренгов. С его подачи все мои варяги теперь активно упражнялись не только в канонических искусствах – работе в строю, поединках, метании копий и т. п., но и в стрельбе из лука. И благодаря унаследованным от родителей воинским способностям довольно быстро прогрессировали, легко сравнявшись по уровню с лучшими из кирьялов. А ведь последние и обучение начали раньше, и охотничьи навыки имели в базе.

Все же грустно, что Бури отказался учить меня. Вот было бы славно, если б я овладел стрельбой хотя бы на уровне Зари!

Впрочем, пару-тройку простых вещей мой азиат всё же до меня довел, так что я всё равно улучшил свои показатели процентов на тридцать и вполне мог потягаться с каким-нибудь ярлом в искусстве охоты на зайцев, к примеру.

А я не раз вспоминал крылатую фразу одного моего тренера по стрельбе из короткоствола: «Настоящий мастер – мастер во всём».

Наверное, я пока не настоящий мастер. Но если им стану, то непременно включу стрельбу в список мастерских достижений.

Лед сошел, море расчистилось, и я снова начал высылать наблюдателей на скалы у входа в залив. Теперь ничто не мешало свеям еще разок попытаться спихнуть меня с «королевской» горки. И будь я на месте их конунга, сделал бы это непременно. Причем сразу, пока ко мне нет доступа возможным союзникам. И – всей силой, чтобы решить вопрос раз и навсегда.

И когда я увидел сначала поднимавшийся над скалами дым, а потом – спешащую к крепости лодку, то приготовился к очень плохим вестям.

Глава 44 Снова вместе

Приготовился, да. Но, как оказалось, волновался зря. В залив вошли всего два корабля: кнорр и драккар. Они прошли, не задержавшись, мимо Сохроева городка и, лавируя между редких льдин, нацелились прямо на наш остров.

Едва мне сообщили об этом, я поспешил к стене и, оказавшись наверху, тут же опознал оба корабля.

Первым шел «Клык Фреки», за ним – кнорр, который забрал с собой Медвежонок.

А сам Медвежонок балансировал на борту драккара и приветственно махал рукой.

Он тоже меня увидел.

– Как я рад, братец, что враги не отправили к воронам твою мелкую тушку! – рычал Свартхёвди, лупя меня лапами по спине.

– И ты, медведь волосатый, решил сделать то, что не удалось свеям! – проворчал я, выворачиваясь из дружеского захвата.

– Я не медведь, я – Медвежонок! – внес поправку Свартхёвди и захохотал.

И я тоже рассмеялся. Этой зимой нам здорово не хватало друг друга.

Мне – его поддержки, ему – наших проблем.

С момента нашего расставания жизнь моего названного брата текла на удивление гладко. Ему ни разу даже не удалось толком подраться. Разве что зимой сбегал на лыжах в хорошей компании на «большую землю» и ободрал пару деревенок. Исключительно для развлечения.

Историю наших разборок со свеями Свартхёвди слушал, выпучив глаза и завистливо облизываясь. Он уже пожалел, что уехал.

– Сколько, говоришь, их было?

– Двести двадцать один.

Не верит.

– Медвежонок! – укорил я. – Ты сомневаешься в моих словах?

– Нет, но...

Он в одиночку способен завалить десяток и больше. При благоприятных

обстоятельствах. Но это сложная арифметика. Двадцать берсерков создадут серьезные проблемы двумстам викингам. Но если те в строю, то я бы точно поставил на них, а не на детишек Одина.

– Двести двадцати один. Больше половины – опытные хускарлы.

– Но как?

– С помощью головы. И луков.

Я рассказал об использованной рейдерской тактике. Не забыв упомянуть эпизод, когда Гуннара и Сёлви Лепёшку прихватили восемь свейских ветеранов. Да, Лепешка при этом погиб, но Гуннар и Вихорёк положили всех, хотя минимум половина из семи была ничуть не хуже моего норегга, а может, и лучше.

Свартхёвди лишь головой мотал. Не верить мне он не мог, но в его понимании лучники – это так, вспомогательные войска, не способные по-настоящему влиять на победу. Ее определяет тяжелая пехота.

Однако мой побратим хоть и выглядит тупым громилой с медвежьими глазками, мясистым носярой и мощной волосатой челюстью, но соображает отлично. И это даже без поправок на молодость.

– В этом что-то есть, – проговорил он. – Помню, помню, как ты гонял дренгов с луками. Поначалу выглядело неплохо. Но то были наши, сёлундские парни, а это же лесовики. Даже лучшие их них – смазка для кия[247].

Я усмехнулся:

– То – я, а то – Бури. Хочешь увидеть разницу?

– Шутишь? Еще как хочу!

– Тогда пойдем.

– Ого! А ты их неплохо приодел! – одобрил Медвежонок, когда наш кирьяльский отряд выстроился для «инспекции».

– Они сами приоделись, – возразил я. – Помнишь Водимира?

– Еще бы!

– А теперь забудь.

– Ты его убил?

– Можно сказать и так. Урод украл Зарю.

Историю наших ладожских приключений я поберегу для вечернего пира.

– Я многого не знаю, – заметил Медвежонок. – Но, думаю, ты расскажешь. Потом. Что ты мне хотел показать?

– Видишь ту мишень? – Я показал на бурдюк из кабаньей шкуры, набитый соломой и прикрытый учебным щитом-деревяшкой.

– Вижу. Хочешь сказать, что они в него попадут? И что? Я и сам в него попасть могу. Тут шагов шестьдесят всего.

– Конечно, можешь, – согласился я. – Выбери троих.

Медвежонок прошелся вдоль строя:

– Ты, ты и ты!

Поскольку мое знание местного языка было еще хуже, чем их знание – скандинавского, то я прибег к помощи командира-посредника:

– Тулб, скажи им: по три хорошие стрелы – в ту мишень. Пусть не опозорятся. Мой брат будет смотреть.

Парни прониклись. Я понял это по тому, как долго и тщательно они выбрали стрелы.

А вот отстрелялись быстро. Пять секунд – и девять стрел прошили центр учебного щита в том месте, где у обычного – умбон. Разброс от центра – сантиметров пять, не больше.

– Неплохо! – одобрил Медвежонок.

– Отлично! – возразил я. – Пойдем-ка, глянем, что получилось.

– Ну, ты так можешь? – спросил я, когда Свархёвди заглянул за щит и увидел привязанный к нему бурдюк. Все девять стрел пробили не только щит, но и бурдюк, а две так даже прошили кабанью шкуру дважды и показали жала с той стороны бурдюка.

Медвежонок почесал бороду в задумчивости. Он знал прочность кабаньей шкуры. И ответил честно:

– Нет, брат, так я не могу. Но разве враг станет ждать, когда его подстрелят?

Я мог бы возразить: мол, в строю особо не побегаешь. Или напомнить, с какой скоростью стреляли парни. Но решил: пусть прочувствует на своей шкуре. Так будет доходчивей.

– Сейчас они возьмут учебные стрелы и будут стрелять в тебя, – сказал я. – Та же тройка, которую ты выбрал. И я прикажу им стрелять вполсилы, потому что даже учебная стрела в ногу – это неприятно.

– Пусть сначала попадут! – самонадеянно заявил Медвежонок и заорал: – Эй, дренг! Дай-ка мне свой щит! – И снова мне: – Я побегу, когда они начнут стрелять. И пусть приготовятся. Будет больно!

Бежал Медвежонок классно. Контролируя стрелков и мгновенно меняя траекторию, как только те спускали тетиву. И это несмотря на то, что парни стреляли вразнобой.

Часть стрел, от которых не получалось уклониться, Медвежонок сбивал щитом, и пока он не пробежал половину дистанции, казалось, пытаться попасть в него – пустой номер.

Но метрах на двадцати пяти его достали в первый раз. Сначала в голень, потом вlepили в налiчник шлема и снова в голень, ухитрившись даже сбить с шага и выиграть лишнюю секунду. И наконец, в последний раз попали практически в упор – в предплечье руки, воздевшей меч над головой ближайшего стрелка.

Надо отдать должное Медвежонку: он сдержал удар. Практически остановил, легонечко тукнув по макушке шлема. А вот второго пихнул щитом так, что тот отлетел на третьего, и оба они повалились на землю.

А Медвежонок бросил щит Тулбу и захохотал!

Поднявшиеся на ноги кирьялы переглядывались недоуменно. Остальные тоже не понимали такого приступа веселья.

А вот я понимал.

Медвежонок радовался. Искренне. Потому что мой хирд – это и его хирд. И сойдись он с кирьялами в настоящем бою, они бы его остановили! Три вчерашних лесовика – настоящего матерого викинга!

Я, конечно, понимал: войди мой брат в боевую ипостась, ни одна стрела в него бы не попала. Добежал бы и порубил всех. Однако он ведь и на обычном уровне был очень, очень хорош. Три вчерашних лесовика «свалили» самого Свартхёвди Сваресона. А тут таких – тридцать шесть. И это если не считать весян.

Каких-то десять секунд работы нашего стрелкового отряда – и минус дюжи-

на хускарлов врага.

– Они все такие? – уточнил брат у меня.

– Такие – все, – подтвердил я. – И это еще не всё, что они умеют. И учти: это здесь их три больших десятка. А всего мы обучили почти две сотни.

– Будем надеяться, что они не станут стрелять в нас, – проворчал Медвежонок на языке франков. – Но ты ведь знаешь, что делаешь?

– Конечно, – подтвердил я.

– Тогда пойдем пить пиво и говорить! – заявил он. – А этим троим... Подари им что-нибудь. Всё же они победили. Меня! – И снова захохотал.

Глава 45,

в которой Ульф получает действительно уникальные дары

— А вот эти подарки – только для тебя! – сказал Медвежонок спустя полтора часа и ведерка пиво на двоих.

Ну не совсем на двоих, поскольку к нам чуть позже присоединились Вихорёк, Гуннар, Стюрмир, Тьёдар, Скиди, Хавур, Бури, отец Бернар и Заря. В общем, вся старая гвардия. Но ведь и ведро было не единственным.

– Это только тебе, брат! На вот.

На стол легли три серебряные коробочки. Каждая размером с пудреницу примерно.

– Открой.

Изрядно заинтригованный, я так и сделал.

В каждой лежала прядь волос. Совсем светлая, потемнее и рыжая.

Я поднял на Медвежонок вопросительный взгляд.

Его маленькие глазки, упрятанные под мощными надбровными дугами, хитренько поблескивали.

– И что это?

– Как что? Это твое, маленький братец.

Доволен аж до...

– Поясни!

– Вот это, – толстый палец Медвежонок указал на светлый локон, – твой приемный сынок Хельгу. От моей матушки подарок. Вот это, – палец сместился к локону потемнее, – от сестрицы моей. Радуйся, братишка! – Медвежонок привстал и от души долбанул меня кулачищем в грудь. Не будь на мне кольчуги, мог бы и сломать что-нибудь. – Первенец у тебя родился! Пляши и пой!

– Первенец? – Я был малость ошарашен. Потом сообразил, что Хельгу не в счет. Он же официально – сын неведомого бога. Вернее, официально-то он как раз мой, но, согласно народной версии, я его лишь усыновил по доброте душевной.

– Ну ты и оступел от радости! – заржал Медвежонок. – Гудрун родила тебе сына! Здоровенный парень! И чернявым будет, как ты. Так что с тебя пир и много-много пива!

– Будет тебе и пир и пиво, – пообещал я. Интересно, много-много – это как? А сейчас что было – мало-мало?

И тут наконец-то сногшибательная новость дошла до моего заторможенного сознания. ГУДРУН РОДИЛА МНЕ СЫНА!

И сразу же тревожная мысль:

– А сама она как?

– Здоровехонька! У меня, брат, родня крепкая! Да и о матушке моей не забывай. Она мальчика сама принимала! Злые духи к твоей жене и на сто шагов небось подступить боялись. Радуйся, брат, какая у тебя родня!

– Я радуюсь, – отозвался я с облегчением. – И горжусь. Всеми вами горжусь, здоровенный ты медведь!

– Я – Медвежонок! – в очередной раз внес поправку братец, сгреб меня в охапку и с удовольствием потрепал моими нежными ребрами.

– Слушай, – сказал я, когда братец наконец-то позволил мне подышать, – а в третьей – чей волос?

– Это Бетти, – пояснил Медвежонок. – Я, знаешь, не хотел брать. Сестрица настояла.

– И кто? Тоже мальчик?

– Нет, девчонка, – с сожалением произнес брат. – Мать говорит, здоровенькая, но не знаю, примешь ли ты ее?

– Конечно, приму! – воскликнул я. – Что ж мы, нищета какая-то, чтоб своих детей не принимать! Небось прокормим! – Я засмеялся. Вот настоящая шутка в духе северян.

– Да Бетти ее и сама прокормит, – заверил меня Медвежонок. – Гудрун ей четыре марки серебром подарила из твоей доли добычи, которую я привез. А твоя наложница на эти деньги наторговала пятерых тир, тоже англичанок, и теперь они не плотно ткнут, а кружева. Да не простые, а с обережными рунами. Да еще с наговором от матушки. Она же им руны и показала, а уж Бетти их плести сама наловчилась и рабынь своих научила. Теперь за этими кружевами к матушке – целая очередь. Нет, брат, ты, верно, с Удачей в постельке покувыркался. Ублажил ее как следует, и теперь она за тобой хвостом ходит. Это ж надо: рабыня, тихоня, замухрышка, сначала хускарла в броне простым топором зарубила, а потом такую штуку придумала, что жены сёлундские в очередь стоят, чтоб серебро ей отдать.

М-да. Мне самому удивительно. Но я рад. Так рад, что прям сердце заходится от желания оказаться дома.

Заря взяла очку с прядью нашего с Гудрун сына, понюхала:

– Ребеночком пахнет, – проговорила она с застенчивой, почти детской улыбкой.

Я тоже улыбнулся ей ласково: всё у нас будет хорошо, Зарёнка. Не сомневайся.

– Пиво! – провозгласил братец, постучав в пустой кувшин. – И много! Ты обещал! А потом ты снова расскажешь, как вы с Трувором помирились. И хочу услышать, как вы знатно погуляли на свадьбе.

– Так ты не в обиде, что я тебя не дождался? – уточнил я.

– А чего мне обижаться? – пожал плечами брат. – То была их свадьба! А будет еще наша! Когда мы вместе вернемся домой. Еще и Ивара пригласим. Он о тебе спрашивал.

– Только обо мне? – насторожился я.

Свартхёвди угадал причину моего беспокойства:

– Не тревожься. О Хрёреке они ничего не знают. И никто из наших не болтался. Просто Ивар тебя помнит, брат.

– Я тоже не забуду, что он для меня сделал, – произнес я очень серьезно. – Он собирается в большой вик?

– Не этим летом. Думаю, через год. Ты сам с ним поговоришь. Теперь-то уж точно у тебя есть повод побывать дома.

Ага. Повод. Как будто мне нужен был повод, сукин ты сын. Можно подумать, я остался исключительно потому, что мне не хватило *повода*.

Меня вдруг скрутило, словно от физической боли. Так нестерпимо захотелось увидеть Гудрун. Ощутить ладонями ее тепло, уткнуться лицом в ее волосы, вдохнуть глубоко...

Я закрыл глаза. Сжал кулаки. Она звала меня, моя самая прекрасная на свете! Почему она – там, а я – здесь? Зачем? Деньги? Добыча? Да я мешок серебра готов отдать, только бы услышать ее голос!

Я сжал кулаки еще сильнее. Что будет, если я сейчас встану, хлопну Медвежонок по плечу и скажу:

– Теперь моя очередь, брат!

И уже через час «Северный Змей» понесет меня домой.

Это было тяжело. Как будто две разные личности внутри меня стали друг напротив друга: я, тот, что пришел из будущего, и я, выросший здесь за эти суровые годы. У каждой личности – свои жизненные приоритеты. И каждая была уверена в своей правоте. Иногда верх брала первая. В основном когда речь шла о моральных ценностях. Например: нельзя убивать детей. Но в глобальных решениях обычно доминировала вторая. И я понимал почему. Я хотел встроиться в этот мир. Стать в нем своим. Хотел, чтобы люди, которые мне дороги, считали меня своим. И не просто своим – лучшим. Героем.

Первой личности, к примеру, было наплевать на Замковый остров. Ну, взяли по приколу шведскую крепость. Неплохое приключение вышло. Но теперь-то на фиг она мне сдалась? Сплошные хлопоты.

Вторую же приводило в восторг словосочетание «Ульф-ярл». Она понимала, как это круто, и упивалась этим. Нет, не так. Не упивалась, а радовалась заслуженной победе. И не собиралась никому уступать звание победителя. А если ради этого надо брать на себя множество сложнейших обязательств и решать неразрешимые проблемы... Ну так в этом и смысл славной битвы: сойтись с тем, кто сильнее – и победить. Вот высшее наслаждение воина-викинга. И той, первой, было очень трудно противостоять второй здесь, в мире, где отказавшийся от «правильной» системы приоритетов рано или поздно потеряет все. Имущество, друзей, семью, жизнь.

А ведь был еще третий, тот, который открывал Врата в сияющий мир. Этот вообще ни о чем не думал...

Я открыл глаза.

– ...Рагнар собирает поход, – продолжал свою речь Свартхёвди. – На англов.

– Когда? – спросил Стюрмир. Все, кроме монаха и Зари, оживились.

– Ближе к осени. Но... – Медвежонок поднял руку, останавливая общее воодушевление, – нас он не примет. Сам идет. Даже без сыновей. Только своим хирдом. Сказал: старый кабан хочет сам поглядеть, насколько крупные желуди растут на английских дубах. Посмотрит и потом решит, кого мы отправимся стричь первыми – этих или франков. Так что спешить некуда. Этим летом мы вполне можем повеселиться и в Гардарике.

«Есть, есть куда спешить! – закричала моя душа. – Гудрун!»

Но я стиснул ее в кулак и заставил замолчать.

Я – ярл. И жизнь здесь – это не добропорядочное бытие цивилизованного

мира. Здесь можно убивать из-за любви. И завоевывать царства. А вот покидать из-за любви строй – нельзя.

Пир удался. Я был щедрым. Мы все были щедрыми. Припасов оставалось навалом. Пива впрок наварено (спасибо Гуннару!) кубометра три.

Столы накрыли внизу, у самой водной кромки. Пригласили всех обитателей острова, даже ограниченных в правах.

Позвали Сохроя с односельчанами, народ из соседних селений. Последние, как тут заведено, явились со своим угощением и с подарками. С ними пришло несколько десятков моих бывших лучников. Шестеро, пообщавшись со своими коллегами, уже принятыми в хирд, решили присоединиться. Я не возражал. Но предупредил: пока будут волонтерами. То есть без права на дольку. Вот покажут себя, тогда будет им счастье. Кандидаты условие приняли.

А еще я ввел прицельную стрельбу в число обязательных праздничных игр и соревнований. С хорошими призами. А главному победителю, который оказался кирьялом, присудил даже почетное прозвище Меткий. Ну это помимо большой серебряной ложки с гравировкой в виде стрелы. С последним помог Гуннар, оказавшийся, помимо прочего, специалистом-татуировщиком. Так что с рисунком на ложке он справился легко.

Мой личный праздник, связанный с возвращением брата, плавно перетек в местный: праздник прихода весны. То есть что-то вроде нового года по здешним традициям. На острове места уже не хватало, так что народ размещался на берегах. Приезжали издалека. Причем семьями. Тут же игрались свадьбы, тут же стихийно образовалась ярмарка. Тем более что по Вуоксе как раз пришла первая флотилия: шесть кораблей с южными товарами. Которые были проданы здесь же. Все. Причем бартером, в обмен на меха. А купцы на ходу изменили дальнейший маршрут, потому что везти меха свеям было нерентабельно, а вот в Германию...

Впрочем, купцы тоже не торопились. Выставили угощение и включились в общее веселье.

И снова: костры, песни-пляски (ритуальные и так, от избытка чувств), пьянство, обжорство, групповые игры на свежем воздухе – днем и парные игры в помещениях и шатрах – ночью...

Закончился «праздник первенца» только через неделю. К этому времени вода поднялась еще выше, а вот снег практически сошел, сохранившись лишь в самых тенистых чащах.

И пришло время определиться с нашими дальнейшими планами на жизнь.

Чем мы и занялись, собравшись старшим составом в большом доме.

Я, Медвежонок, Гуннар, Бури, Витмид, получивший наконец-то официальный статус хольда, Стюрмир, тоже повышенный в звании, и «простые» хускарлы Скиди, Остпак, Вифиль Прощай и Вихорёк. Первые трое – просто из уважения, второй – как мой, вернее, наш со Свартхёвди, родич и вдобавок признанный лидер дренгов-варягов, которых у нас теперь был целый десяток.

Для начала определились с силами.

В ядре-основе из данов нас было десятеро. Вспомогательный блок из тех же данов включал Хавура Младшего в звании хускарла, Лута Ручицу и еще тро-

их: Хрондю Мачту, тощего и костлявого вьюношу ростом под стать Кёлю Длинному, Стурлу Подкидыша, приземистого тинейджера с телосложением борца-тяжеловеса, молчаливого и флегматичного в противоположность собственному имени[248], и Торве Закрой Рот, ровесника моего Вихорька, но зеленого, как сопля, и болтливой, как оскорбленная белка.

Эту троицу привез с собой Медвежонок, заверивший меня, что парни не только наши родичи, но и храбры и умелы не по годам. Я поверил брату на слово. Он их привез, он за них и отвечает. Пройдут профессиональный отбор – добро, нет – умрут воинами, что по скандинавским понятиям тоже неплохо. Всё в мире меняется. Даже мое гуманистическое мировоззрение.

Еще у нас был отряд из шестерых свеев – братьев Крумисонов, братьев Вардропи, Торнюра и Вилмара, Льотольва Кто-То-Умрет и Кёля Длинного.

Плюс упомянутые выше дренги-варяги, уже проверенные: Вильд, Тулб, Ануд, Вузлеб Меченый, Хутин, Куци и Егри. Последняя пятерка, сходяв на Сёлунд и обратно, решила, было, что они теперь – настоящие викинги, но Вихорёк быстренько вернул их в берега.

Плюс «подаренные» Трувором новички: Борич, Влиск, Ангвлад, Искуси, которые неплохо проявили себя при захвате базы Водимира и крепости Клека, но никаких суперспособностей я пока за ними не заметил. Хотя на уровень дренга тянули все четверо.

Еще было трое весян: Комар, Лосенок и Сорока, а также наша основная по численности группировка – кирьяльские стрелки. Общим числом сорок два человека.

Этим подразделением руководил непосредственно Бури с помощью Тулба Огонька и чемпиона по стрельбе среди «юниоров» Меткого. Не знаю, как они покажут себя в качестве моряков, но вряд ли будут хуже, чем я поначалу. А привыкнуть к румам и веслам возможность у них будет. Потому что в ближайшие месяцы нам предстоит вдоволь походить по здешним рекам. По морю же плыть куда веселее, чем против течения той же Невы. Особенно в верховьях.

Начало совета. Медвежонок в своем репертуаре.

– Я хочу – на Смоленск! – решительно высказался он. – Я его не видел, но слышал, что город богатый. Трувор, как ты говоришь, готов присоединиться. Хрёрек – тоже. Так что всё будет хорошо. Но на трех драккарах мы всё не увезем. Потому предлагаю взять с собой и оба кнорра. Нас почти восемь десятков. Рук хватит.

– Нельзя уходить всем! – забеспокоился Гуннар. – Вдруг свеи придут?

– Ярл сказал: вы обучили две сотни кирьялов. Думаю, они сумеют защитить нашу крепость.

– Кто-то должен остаться! – набычился Гуннар.

В принципе, я его понимаю. У него здесь жена. И не только у него, кстати. У Кёля, например, тоже. И у Крумисонов. Это я забираю Зарю с собой, а правильный викинг женщину в вик не потащит. Я бы, кстати, Зарю тоже оставил, будь моя воля. Но на такое моей воли точно не хватит.

– Вот ты и оставайся! – немедленно предложил Свартхёвди.

– И Кель Длинный с тобой, – внес предложение я. – У него рука еще не зажила достаточно, чтобы грести, а тебе проще будет. Что же до доли в добыче...

– Не надо мне! – попробовал отказаться Гуннар, но тут вмешался Медвежо-

нок и велел норегу не болтать глупости. Если уж тот вынужден будет сидеть в крепости вместо того, чтобы развлекаться грабежами и убийствами, то мы просто обязаны это компенсировать. Так что двойная доля хольда – его. И Кёлю тоже что-нибудь отстегнем.

Гуннар протестовать не стал. Я видел, что в поход он не особо рвется, но Медвежонок прав: Гуннар – наш брат по палубе. Ему не жалко. Да и мне куда спокойней, если в крепости будет сидеть опытный воин, а не какой-нибудь кирьяльский вождь. Опять же Гуннара Гагару очень уважают.

Решено. Гуннар и Кёль остаются. И через Сохроя объявляют частичную мобилизацию. Думаю, если посадить в крепость десятка три стрелков, то для таможенного контроля и решения мелких конфликтов этого хватит. А если опять заявится дружина какого-нибудь свейского ярла, то они успеют подтянуть еще сотню лучников. Да и прочие кирьялы прятаться не станут. Они уже попробовали свободу, поверили в то, что свеев можно бить. А раз можно, то – будут.

Ну а если сюда заявится сам свейский конунг Эйрик Эймундсон, то вряд ли мы сможем с ним совладать, даже если всем хирдом останемся в крепости. На этот случай Гуннар должен будет подготовить пути отхода и увести в леса всех жителей и, по возможности, увезти всё имущество. В принципе, часть можно и на кораблях вывезти. Благо, у них останутся два кнорра и один вполне приличный драккар. Четвертый из нашей флотилии. Ну да, хорошенько поразмыслив, мы решили идти на трех кораблях: «Северном Змее», «Клык Фреки» и большом свейском, взятом во время осеннего сражения «против всех». У этого имени пока не было, но зато было аж двадцать румов, приличная вместимость и такая же приличная осадка. Поменьше, чем у кнорра, но побольше, чем у среднестатистического драккара. Ну и трюм у него был тоже побольше, так что я решил: для добычи нам и трех кораблей хватит. А не хватит, так досюда можно и на насадах дойти, а потом перегрузиться. Было бы куда.

В нашей маленькой каморке позади пиршественного зала нет ничего, кроме пары ларей и постели. Зато здесь тепло и уютно. И мы здесь одни, что большая редкость в моей нынешней жизни.

Луна глядит в горизонтальную щель под крышей, и кожа Зари кажется голубой, а светлые волосы – белыми крыльями за ее спиной. Голова ее запрокинута, плечи напряжены. Наши пальцы переплелись, тела двигаются, плывут, выгибаются... Вот, вот оторвутся от поверхности, тело Зари – парус, наши руки натянуты, как бакштаги летящего над водой корабля...

Наша последняя ночь перед долгой дорогой, последняя ночь – в тепле, уединении, безопасности. И мы не потеряем ни одного ее мгновения. Ни за что!

Глава 46 Неудачный день

Сегодня у нас будет удачный день. Так решил Медвежонок. А решил он так, потому что на пятый день путешествия поймал местного жреца. Причем так удачно получилось, что селение не было кирьяльским. Здесь жили весяне.

Собственно, мы прошли бы мимо селения, и не заметив его, если бы не жрец. Служитель культа выбрался на скалу, нависавшую над озером, и кружил в танце, размахивая горящими вениками. Настолько увлекся, что не об-

ратил внимания на наши скромные корабли.

А вот Медвежонок, шедший кормчим на «Клык Фреки», служителя культа не упустил: велел поворачивать к берегу и не поленился лично сбежать по веслу, чтобы изловить танцора.

Не один, впрочем, а в компании с тремя варяжатами.

Поскольку «Клык» затормозил, нам тоже пришлось встать на якоря и высаживаться. Останавливать Медвежонка я не стал. Может, это и негуманно, но душевное равновесие брата мне дороже, чем жизнь и здоровье здешних лесовиков.

Жреца к этому времени поймали, селение нашли и страху на лесовиков нагнали. Последнее вышло естественно. Озеро лежало на популярном водном пути, и викингов местные уже видели. Лично не сталкивались, но от других слышали... много интересного.

– На кой он тебе? – поинтересовался я у братца, который держал жреца за шкирятник и время от времени встряхивал, как фокстерьер крысу. Припасов у нас хватало, а деревенька выглядела нищей: покосившиеся избенки, коровки такие мелкие и тощие, что на Сёлунде в иной козе больше мяса, чем в этом недоразумении.

– Капище! – азартно воскликнул Медвежонок.

И я всё понял. Золотая корона, снятая мной с идола, поразила его в самое сердце.

– Давай сюда Комара с Лосенком! Пытать этого будем!

Я был убежден, что ничего интересного из служителя культа нам не выбить, но не отказывать же брату в такой малости.

Пытать бедолагу не пришлось. Как только появились наши переводчики, жрец охотно выложил всё, что знал, и с готовностью согласился нас проводить к «священному месту».

Которое оказалось настоящим гадючником. В прямом, а не переносном смысле. Змеюк были сотни. Под каждой корягой и за каждым пеньком. А уж на главном идоле, который тоже изображал чешуйчатую гадину, и в его окрестностях ядовитые твари лежали и висели целыми клубками.

Мы были поражены, а жрец решил этим воспользоваться и попытался смыться под прикрытием пресмыкающихся.

Не вышло. Наша молодежь расчистила путь к столбу-кумиру древками копий, а Свартхёвди посулил средневековому серпентологу вскрытие брюшной полости с извлечением внутренностей и заполнением образовавшейся пустоты столь любимыми служителем культа гадами. Если тот немедленно не внесет за себя и пресмыкающихся выкуп, достаточный, чтобы компенсировать людям войны потраченное на него время.

Жрец впал в отчаяние и попытался покончить с собой с помощью змеиного яда.

Пришлось вмешаться мне.

– Комар! – сказал я. – Спроси его: сколько людей служит его ядовитому богу?

– Все, сколько есть, – перевел мне его ответ Комар.

М-да.

– А сколько таких, как он, имеет право проводить обряды вроде того, который он совершал сегодня?

Жрец приосанился. Оказывается, он был единственным.

– А сколько ему заплатят за обряд?

За этот – мешок репы, был ответ. И он готов прямо сейчас отдать нам половину. Отдал бы все, но ему и его помощнику тогда будет совсем-совсем нечего кушать. Потом будет легче, да. Всю весну и лето жреца будут снабжать мясом, а осенью он получит по одной мере с каждой тридцати, что соберут на освященном им поле. Но за это ему придется еще не раз погонять злых духов и попризывать добрых. И особо попросить своего покровителя, чтобы тот послал своих детей пожрать на деревенских полях всех грызунов, но людей при этом не кусать. Вот этой добычей он тоже готов с нами поделиться. И поделится, если мы его не убьем. Так что убивать его не в наших интересах, ведь тогда мы с него вообще ничего не получим, кроме мешка репы.

По мере того как служитель культа доводил до нашего сведения стоимость своих услуг, лицо Медвежонка теряло и оптимизм, и надежду на легкое обогащение.

Что ж, теперь самое подходящее время для того, чтобы вывести деревенского служителя культа из-под удара разгневанного брата.

– Знаешь, брат, это хорошо, что здесь только наши люди, – шепнул я ему на ушко. – Будь здесь кто-то из Рагнарсонов, как бы тебе не пришлось сменить прозвище.

– Это еще на какое? – буркнул Медвежонок.

– Мешок репы, – шепнул я и хихикнул.

Брат глянул на меня, как старина Тор – на инеистого великана.

– Только скажи это громче, и я тебя задушу, – процедил он.

И забыв о жреце, зашагал обратно в селение.

Я опасался, что он захочет сорвать гнев на местных жителях, но на берегу нас ждал сюрприз: еще один драккар. Большой драккар. И этот славный корабль на всех парусах, вернее, на всех веслах летел к берегу, а на носу его, поприставшись за щитами, теснилась целая куча воинов. Полсотни минимум. И все они – явно не робкого десятка, потому что наверняка видели три наших боевых корабля.

Что ж, кто ищет смерти, тот ее находит.

Наши кирьяльские стрелки быстренько распределились по лесной опушке, с которой отлично простреливался берег, а мы, пехота, приготовились к внезапному удару. Когда эти храбрецы начнут высадку, то сначала их встретят стрелы, а потом – сплоченный строй викингов. В общем, кем бы они ни были, я им не завидую.

Я покосился на Медвежонка. Тот прям-таки слюни пускал от желания подраться. Пока – фигурально выражаясь. Но очень скоро они и впрямь потекут в самом прямом смысле. Берсерк в бою – малопривлекательное зрелище.

Спас наших противников их собственный страх. То есть не то чтобы страх, но желание себя немного подбодрить перед явно неравным боем. И таким бодрящим средством стал для них боевой клич. Чертовски знакомый не только мне, но и почти всем моим бойцам, включая кирьялов. Звук, от которого непривычному человеку сразу становилось не по себе. Этаким inferнальным волчий вой. Так, должно быть, будут выть Гарм и его сыновья варги в час Рагнарёка.

В общем, мне тоже стало нехорошо. Но совсем не потому, что я испугался.

То есть я испугался, но совсем не того.

– НЕ СТРЕЛЯТЬ!!! – заорал я поочередно на трех языках: северном, словенском и кирьяльском. – НЕ СТРЕЛЯТЬ!!!

Я успел. Наверное, потому, что не я один был ошарашен. Стрелы не полетели. Я успел крикнуть. А вот Медвежонок успел сделать. Спрыгнул с невысокой кручи на каменистый пляж, бросил наземь щит, сдвинул шлем на затылок, раскинул руки и заорал:

– Рулав!

Как он ухитрился узнать среди столпившихся на носу и прикрывшихся щитами «десантников» нашего бывшего сопалубника, я не знаю. Просто узнал – и всё.

И всё.

В смысле, всё хорошо оказалось.

– А я думал – сегодня в Ирий! – сказал мне позже Харра Стрекоза. – Увидел, что у берега не два драккара, а три, и решил – конец нам. Ну сам дурак. Мог бы и признать твоего «Северного Змея».

– Не ты один, – успокоил я. – Да и не на драккары вы все смотрели. Но я вот чего не понимаю: почему вы не сдали назад. Могли бы затабанить и оторваться, пока мы, то есть не мы, а враги загружались да разгонялись.

– Не могли, – покачал головой Харра. – Это же наши данники. Одни из наших данников здесь. Им только покажи слабость, и потом по новой примучивать придется. А сразись мы за них, все их роды потом за наши смерти выкуп Ольбладу платили бы. Ну и сам знаешь: ратная слава выше жизни. И что это за жизнь, когда ты осрамился? – спросил он и вдруг заулыбался: – Ты меня дразнишь ярл, да?

Пришлось кивнуть. И тоже ухмыльнуться. Хотя я бы на их месте точно попытался свалить. Или – нет? Если бы на месте этих весян были мои кирьялы?

А черт его знает. Хорошо всё, что хорошо кончается.

– Куда шли-то? – спросил я.

– А к вам. Ольбард сказал: если вы в вик пойдете, так и мы с вами. Ты ведь не отказался бы?

– Нет, конечно.

Шесть десятков варягов. Еще бы я отказался! Да и сейчас не откажусь.

– Кто у вас старший?

– Руад. А мы с Рулавом – старшая гридь. Хольды по-вашему, – добавил он не без гордости.

– А пойдём-ка к нему, – предложил я, поднимаясь.

Как говорит мой братец: никогда не откладывай то, что можно съесть прямо сейчас.

– Пойду! – мгновенно отреагировал на мое предложение компании Руад. – А на кого?

– Не на кого, а на что, – поправил я. – На Смоленск!

И сразу скепсис на усатой физиономии. Не понял.

– Ты ведь не был в Смоленске, – осторожно поинтересовался варяг.

– Не был. И что с того? Дорогу найдем как-нибудь.

– Дорогу я знаю, – произнес Руад еще задумчивее. – И даже не одну. Но полу-

тора сотнями Смоленск не взять. Даже такому удачливому ярлу, как ты, Ульф. У Дира одна только дружина под три сотни. А еще ополчение. И стены у Смоленска – ого-го!

– Так не мы одни пойдем, – успокоил я. – Трувор тоже пойдет. И Рюрик со своими.

Руад сразу повеселел.

– Тогда ладно, тогда возьмем! А Рюрик точно пойдет?

– Думаешь, без него не справимся? – подколот я.

– Ну с Трувором, может, и справились бы, но что Рюрик пойдет – это совсем хорошо. Он хитрый, Рюрик. И загребущий. Мало того что всех ладожских данников под себя тянет, так еще и к нашим присматривается. Уйдет – Ольбарду посвободней будет.

Посвободней, значит? А поподробнее?

– К вашим данникам или к тем, кого вы только собираетесь наклонить? – поинтересовался я.

Руад засмеялся:

– Да какая разница, если Рюрик на юг уйдет. Жаль, пиво кончилось! Даже чашу нечем наполнить, кроме сока этого.

– А мне нравится, – возразил я.

А что? Березовый сок, чуть подбродивший, отлично освежает.

– Пойду брата порадую, – сказал я. – А то у него день сегодня был неудачный. Ни добычи, ни драки...

– Да, печальный день, – согласился Руад. – Но точно не для нас!

И мы дружно засмеялись.

Я действительно удачлив. И Медвежонок оказался прав: это был и впрямь очень удачный день.

Глава 47

Два месяца спустя. Велик и грозен град Смоленск

Мы у стен города Смоленска. И чем дольше мы здесь, тем сильнее ощущение, что моя Удача отправилась в бессрочный отпуск. Мы торчим здесь уже неделю. «Мы» – это Трувор, Рюрик и я. С примкнувшими к нам союзниками.

У нас изрядное войско, даже, я бы сказал, огромное войско, по здешним меркам: почти тысяча бойцов. Две трети из них – Рюриковы. Мой бывший конунг оказался превосходным организатором и политиком: воодушевил на южный поход многих. В том числе и полоцкого князя, которого он зимой так мечтал завоевать.

Полоцк представлял уже знакомый мне княжич Честа. И куда менее симпатичный воевода Андот, полностью соответствующий своему имени[249], если это, конечно, имя, а не прозвище. Обожженная, в грубых шрамах морда, изрисованная красными и синими татухами. Не лицо, а маска ярости.

Увидев его в первый раз, мой братец здорово развеселился и громогласно заявил, что не прочь познакомиться с тем, кто так мастерски поработал с внешностью свая. И тут же уточнил, что говорит не о цветных узорах, а о художественной росписи острым железом.

Воевода от «комплимента» побагровел, став еще уродливее, но тоже углядел кое-какие татухи, в частности, вытатуированные медвежьи лапы на ручищах Свартхёвди... и быстренько сменил вектор настроения: осклабился с по-

казным добродушием, мол, отличная шутка. И этим напряг уже меня, потому что умная и осторожная зверюга намного опасней, чем просто свирепая.

В общем, постарался Рюрик, привел к Смоленску изрядные силы.

Но недостаточно изрядные.

Когда я увидел эти стены, то сразу понял: будет непросто. Собственно, здесь, в Гардарике, я еще не видел ничего подобного. Обычной городской оградой был частокол. Он мог быть весьма высоким. Мог быть двойным с засыпкой между двумя рядами столбов, но с фортификационной точки зрения вполне преодолимым. Нашими силами.

А здесь была именно стена. Пусть тоже деревянная, но очень, очень внушительная. Конечно, я видел стены и покруче. Тот же Йорвик в Англии. Или Тур в стране франков. Или Париж.

Видеть-то я их видел, но прекрасно помнил: мы их так и не взяли. И Париж не взяли бы, если бы Карл Лысый не отдал его сам. А ведь в сравнении с той армией, которую привел во Францию Рагнар Лотброк, наше сборное войско – детишки, которые топчутся вокруг огороженной бетонным забором песочницы.

В общем, мне как-то сразу стало ясно: взять Смоленск штурмом нам не удастся.

А где-то через недельку стало понятно, что измором его тоже не взять. Июнь – прекрасный месяц в этих краях. Всё цветет и пахнет, жизнь бьет ключом, трава из земли так и прет, так что в фураже для лошадей нет никакой необходимости.

А вот нам, людям, сложнее. Мы щипать траву не умеем. Нам зерно надо, мясо, фрукты-овощи тоже не помешают.

Зерна в окрестностях не было совсем. Его скушали за зиму. А что не скушали – посеяли. Скот... Скота тоже не было. Скот был либо заныкан в лесах, либо отогнан под защиту тех самых смоленских стен. В общем, из провизии у нас было только то, что привезли с собой.

И так было не только в Смоленском княжестве. Так было везде. Сезон такой. Неудачный для сельскохозяйственных сборов.

Нет, мы с голоду не умирали: охоты и рыболовства никто не отменял, но можно было не сомневаться – за городскими стенами кушают не хуже, чем мы. И взять их измором никак не получится.

Ясно сие было всем, вплоть до самых зеленых отроков. А потому моральный дух нашей разношерстной армии падал, как давление перед грозой. Провести лето в бессмысленном стоянии под Смоленском – не тот тип развлечения, который по вкусу бравым воякам. У некоторых даже возникла идея: пограбить тех, кто движется вверх-вниз по Днепру.

Но рогом уперся Рюрик: не дам!

И правильно. Человеку, который желает взять под контроль торговый путь, не стоит портить себе репутацию.

Время шло. Настроение в лагере, вернее, в лагерях осаждающих портилось...

А между тем приближался главный летний праздник. Солнцестояние. Самая короткая ночь в году. Языческие обряды, пиры, танцы с бубнами, мечами и девками.

Все наше войско пришло в возбуждение уже за неделю. Даже Трувор не

преминул напомнить мне, что из-за меня они пропустили прошлогоднее веселье. А это мало того что минус большой праздник, так еще и пренебрежение традициями пред лицом богов.

А я, в свою очередь, напомнил, что устроил им развлечение покруче: хорошую драку и отменную добычу. И вообще, кем они с Ольбардом были прошлым летом? Хольдами при ладожском князе-соправителе. А теперь они сами – князья. И после этого Трувор смеет утверждать, что боги им недовольны?

Крыть моему тестю было нечем. Да он и не собирался. Его бойцы уже подыскали подходящую дубовую рощу и пустили один из дубов под топор, предназначив ему роль деревянного вместилища божественной силы, и порубав еще кучу деревьев на дрова для священных костров, которые зажгутся в великий праздник. А мне было просто объявлено в ультимативном порядке: будешь плясать, когда и где скажут. Точка.

Ладно, если понадобится, – зажжем и спляшем. Не вопрос. Есть проблема поважнее. Пока местные язычники готовились к празднику, а я напряженно размышлял, как нам взять Смоленск.

Осадные машины? Дальше таранов мое воображение не шло. Но, насколько я знал, таранить здешние ворота, коих в городе имелось аж двое, было не то чтобы невозможно, но... бессмысленно. Поскольку ворота были не только низкие и узкие, но выходили не в крепость, а в узенькие коридорчики между двумя высокими стенами, взобраться на которые – никак, вести обстрел снизу – тоже проблематично. А вот скидывать с них тяжелые предметы и лить кипяток со смолой – идеально. Так что, проломив внешние ворота, мы тут же оказывались в ловушке. Это же просто мечта осажденных: собрать всех врагов в тесном тупичке (внутренние ворота еще сломать надо) и оприходовать их всех сразу с помощью гравитации и высокой температуры.

Черт! Что я знаю об осадных орудиях? Много знаю. Названия помню, картинки в исторических книгах. Катапульти, требушеты, онагры. Осадные башни с выдвигными мостиками. Насыпи, траншеи, сапы, те самые, от которых произошло слово «сапёр». Слова знаю. И картинки видел. Слова. И картинки. Но о том, как укреплять подземный ход, я знаю не более чем о том, как собрать баллисту.

Нет, если бы мне дали время и людей, чтобы потренироваться...

А еще лучше – подогнали настоящего специалиста. В этом мире такие есть, я точно знаю. В Византии, к примеру, унаследовавшей знание древнеримской эпохи.

Но это сродни моему знанию о динамите. Или о порохе. Что толку в информации, не подкреплённой опытом и практикой? Я очень много знаю о том, как Бури стреляет из лука. Но это не делает меня суперстрелком. О порохе же я знаю значительно меньше. И это такие же бесполезные знания, как, скажем, устройство атомной бомбы.

И вот я, весь такой информированный, сижу на теплой земле, глажу ладонью зеленую мягкую травку и лелею заветную мысль: может, ну ее на фиг, эту осаду? Взять с собой пяток хирдманов, Зарю, сесть на лошадей, отъехать хотя бы вот туда, под кручу, на которой половчане с дружным хеканьем опускают в яму основание своего собственного идола, пойти да и поплавать вволю в речной теплой водичке?

Мне что, больше всех надо? Праздник же скоро! Весело будет! Вон, варяж-

ский молодняк уже обшаривает частым гребнем окрестности в поисках девок. И эти – найдут. Так что следующей весной в этой местности народится немало маленьких внеплановых варяжат.

Я, прищурясь, смотрю на неприступную крепость. Там тоже наверняка готовятся к празднику. Пусть официально «большого водного перемирия» никто не объявлял, но обе стороны знают друг друга достаточно, чтобы забить на войну и вволю повеселиться.

Рядом присаживается Свартхёвди. От него несет потом. И ему тоже наверняка хочется искупаться...

Но смотрит он не на реку. Сначала на крепость, потом – на меня:

– Ты тоже об этом думаешь? – интересуется он.

Я киваю, потому что полагаю, что речь идет о том, чтобы освежиться.

А вот и нет!

– Они будут праздновать! – говорит Медвежонок. – Говорить со своими духами и богами. Кормить своих альвов. Им будет не до нас! – И он улыбается во все зубы, а я вспоминаю добрую традицию северян: нападать на врагов как раз в такие замечательные дни. Во время свадеб, похорон, рождений первенцев и в годовщины смертей заклятых врагов. В праздники личные и праздники общенародные. Когда воины пьяны и добры, а их оружие сложено вдоль стен.

Братец шумно чешется под рубахой и ухмыляется.

Крепость не в стенах, а в людях. Если люди беспечны, стены – не преграда. Лестницы, крючья, живые пирамиды... Есть множество способов взобраться на стену, если наверху недостаточно бдительны.

Да, такая попытка – немалый риск. Если на стенах не спят, а ждут, то одного ведра правильно вылитого кипятка хватит на пятерых, а умело сброшенное бревно, которого не ждут, уничтожит и лестницу, и всех, кто на ней. И никакие доспехи, никакая даже самая могучая шея не выдержит пудового камня, свалившегося на макушку шлема с четырехметровой высоты.

И я почти собрался сказать Медвежонку, что готов рискнуть, но тут меня осеняет.

– Брат, – говорю я, – а ведь нам не понадобится лезть на стены...

Ночью мне опять снилась какая-то хрень. Непонятная, но до жути реальная. Единственное, что хоть как-то могло сойти за позитив, – что не было ни могучих носатых уродов, ни таких же могучих волосатых баб. Зато всё остальное...

В общем, хрень. Однако я чувствовал: есть в этих кошмарах некий сакральный смысл.

Но от этого они не переставали быть кошмарами.

Эти уроды из сегодняшнего сна были отнюдь не медведеобразными мохначками с бледной кожей и светлыми до прозрачности глазами.

Они были тонкокостные гладкокожие и смуглые. Темные, почти как индусы.

Их коричневая кожа, того оттенка, которого не даст ни солярий, ни тропическое солнце, а только генетика, весьма странно смотрелась на фоне звериных шкурок, сырой пещеры и коптящего костра, гарь от которого органично вписывалась в ароматы давно не чищенного зверинца.

Ах да, и еще снег снаружи. Ну да, в Индии тоже бывает снег. В Гималаях, к примеру. Но эти смугляки точно не заблудившиеся альпинисты.

А еще они были высокими. Тот, что стоял напротив меня, – почти на голову выше. Он потянулся ко мне, и я инстинктивно перехватил его руку. Эта рука не была слабой, но он даже не пробовал вырваться. Мы оба знали, насколько я сильнее, хотя мое предплечье было не намного толще, чем его. Но у него оно было белым. Ну как белым – ничего патологического, обычная кожа, поросшая светлыми волосками, испещренная шрамами и не отличающаяся особой чистотой. Нормальная кожа белого человека зимой.

Я разжал пальцы, и нависший надо мной «индус» тут же сделал шаг назад. И что-то прочирикал.

Несмотря на изрядный рост, голос у него был писклявый и резкий. К моему удивлению, я понял, чего он хочет. Вернее, чего боится.

Он опасался, что его съедят. И его, и остальных. И он предлагал мне немедленно уйти. А в качестве бонуса прихватить с собой пару детишек, таких же смуглых, тощеньких и жутко перепуганных.

«Индус» стоял теперь в паре метров от меня, однако изо рта его воняло так сильно, что вонь эта перебивала общее амбрэ помещения.

Я шагнул вперед и пихнул «индуса» в узкую грудь. Как-то само вышло.

Толчок получился отменный. «Индуса» отшвырнуло метров на пять.

Ему не понравилось. Щербатый оскал был явно угрожающим...

Но я не испугался. Мне было плевать на его злобу, хотя выглядел «индус» достаточно опасно: тощий, да, но жилистый и ловкий. Вон как легко удержал равновесие после моего толчка. Но в общей вони я чуял его особенный запах. Я чуял его страх. Я видел, что ему очень хочется напасть. Расколоть мне голову, вспороть живот и сожрать вырванную печень. Я слышал его мысли почти как свои.

Но знал: он не нападет. Не посмеет.

Так и вышло. Не напал. Снова закричал тем же злобным птичьим голосом.

Я опять не понял слова, но понял их смысл.

«Индус» объявлял меня чужим и требовал, чтобы я убрался. И в качестве бонуса предлагал мне уже трех детишек. Двоих побольше я отдам широколицым, а третьего, поменьше, я могу съесть сам. Этого мне хватит на целых три дня. А взамен я уведу широколицых с собой.

Такой у него план. И он почему-то был уверен, что я приму предложение.

Я смотрел на «индуса» как будто двумя разными взглядами.

Один видел высокого худого мужика средних лет, примерно около сорока, в грязных шкурах, подвязанных ремнем, на котором висели какие-то костяные штуковины. Тощая шея «индуса» была замотана шарфом из еще одной шкурки и обременена бусами из всякой всячины. В черной клочковатой бороде и неопрятной курчавой гриве изрядно седины, туловище немного скособолено, на левой руке на хватает мизинца и половины безымянного...

Жалкое зрелище.

Второй мой взгляд говорил, что «индус» старый. Именно так – старый. Его руки казались мне хилыми, а шея – тонкой. Я знал, что намного сильнее. Что могу убить его ударом кулака. Но всё равно убить его будет непросто. Потому что этот мой второй взгляд видел, что опасность в другом – не в мышцах, не в наборе костяных ножей, что висели на поясе старика. Угроза была в его бусах.

В этой неопрятной коллекции всякой дряни, нанизанной на кожаный ремешок. Мой второй взгляд упирался в бусы и только в них видел препятствие, мешавшее выполнить главное желание: убить старика. Этот взгляд буквально осызал тощее горло «индуса» под заячьей шкуркой. Чувствовал, как течет кровь по яремной вене, и ощущал, как эта жаркая кровь уже наполняет рот...

Белый Волк толкнул меня в бедро. Я улыбнулся ему, моему лучшему и единственному другу. И прыгнул.

«Индус» ждал моего прыжка и встретил меня в готовности. Но обточенная кость не смогла разорвать двойной слой медвежьей шкуры на моем животе. Она застряла. А вот мой нож, хороший нож из черного острого камня, враз распорол и заячью шкурку, и то, что под ней.

«Индус» еще трепыхался, но я не обращал внимания. Он опоздал, старый и неловкий, и никак не мог помешать мне прижаться ртом к ране и глотать, глотать жизнь, утекающую из него, слабого, чтобы я, сильный, стал еще сильнее.

Когда я насытился, глаза «индуса» уже помутнели. Никто из остальных не вмешался. Никто не посмел мне помешать и потом, когда я стащил с отдавшего мне силу старика ожерелье духов, надел на себя и оглядел свою добычу: шестерых мужчин, семнадцать женщин и дюжины три детей. Теперь все они принадлежали мне. Я заглянул в глаза каждому. Все были покорны. Я чувствовал, что они рады моей победе, потому что теперь они принадлежат более сильному, а значит, сами тоже стали сильнее.

И они все, даже мелкие детеныши с карими глазами оленят, верили мне. Верили, что я сумею сделать то, с чем не мог справиться мой предшественник.

Я не позволю им стать едой широколицых. Я уберегу их, ведь я унаследовал от отца моей матери не только светлую кожу, но и многое другое. И пусть мне никогда не сравниться с широколицыми силой, но прятаться, охотиться и убивать я умею не хуже, чем они. А еще у меня есть мой Волк...

– Мы его нашли, – радостно сообщил Вильд.

– Он нашел! – уточнил Ануд.

Не зря Заря говорила, что у брата чутье волчье. Мои варяжата отыскали-таки предсказанную мной брешь во вражеской обороне.

– Всё, как ты и говорил. Тропки в одно место сходятся, а по ним шастают эти. Туда с грузом, обратно – налегке. Ближе мы не подходили, чтоб не спугнуть, но оно точно там.

– Молодцы! – похвалил я. – При дележке по лишней доле – вам.

– Да мы не для того, ярл... – смутились оба.

– А я – для того. Вильд, к отцу сходи. Ничего не говори, только что я зову и что разговор будет тайным.

Это у меня с конфиденциальностью строго, а у Трувора не личный шатер, а проходной двор какой-то. Опять-таки не знаю, насколько он проникнется моей идеей. Может и отказать. Заявить, что не позволит снова испортить праздник. И это будет нехорошо. Мы, скорее всего, и сами справимся, но крови точно будет больше, а добычи, той, которая, как я надеялся, поможет вскрыть оборону противника, меньше.

– А ты, Ануд, двигай к Руаду. Его тоже ко мне. И тоже не объясняй ничего. Скажи: важное дело.

К моему удивлению, Трувор появился раньше Ольбардова воеводы.

– Зачем звал? – проворчал он вместо «здрате».

– Сядь, – предложил я, подсовывая ему свернутый в рулон войлок. – Сейчас Руад подойдет, всё расскажу.

И я рассказал.

– Да уж, Волк! Опять ты нам праздник рушишь! – буркнул Трувор, выслушав мое предложение.

– Эй, князь! Ты это о чем сейчас? – удивился Руад. – Сам же всегда говорил, что Перуну бой краше любых игрищ!

– Говорил, – не стал спорить Трувор. – Но если бы всё сразу...

– Не выйдет, – сказал я.

– Не выйдет, – согласился Трувор. – Но праздник...

Достал.

– Ты со мной или нет?

– Ясно, что с тобой. Чтоб я такое веселье пропустил! – Варяг привычным движением огладил подсиненные к празднику усы. – Сам пойду и еще десяток возьму.

– Только десяток? – уточнил я.

– Остальные пусть пляшут, – ответил Трувор. – Не то эти, в крепости, могут нехорошее подумать. И половчанам – ни слова. Они же тоже Сварогу кланяются, пусть Волоха и повыше ставят. И Рюрику – не надо. С ним тоже сварожичей немало. Могут обидеться.

– А так – не обидятся? – уколол я.

– А и пусть! – ухмыльнулся изборский князь. – На ободранного кабана шкуру обратно не натянешь.

Глава 48

Праздник, праздник!

Говорят, в такую ночь Грань между мирами истончается, и духи с нежитью с той стороны активно просачиваются в наш мир. А всякие колдуны да ведьмы, те вообще могут по той стороне, как куры по двору, гулять.

Стенульф, учитель берсерков, рассказывал, что храбрый и любознательный человек в эту ночь может к костру и кого-нибудь потолковее пригласить. Аса или вана. Или альва какого-нибудь суперразумного, который языку зверей и птиц выучит, к примеру. Ну или черного альва-цверга, которые, говорят, большие спецы по всяческимкладам.

Ну а народ попроще искренне полагает, что в эту летнюю ночь боги склонны куда более охотно внимать их просьбам, а действие обычных законов не то чтобы прекращается, но здорово ослабевает. Поэтому можно и чужую жену под кустиками уестествить, и давнему врагу люлей накидать. А потом через костры попрыгать, в водичку прикорм для русалок-водяных покидать – и ладушки. Всё прощено.

А еще можно по папоротникам пошарить и волшебный цветок поискать. Только непременно голышом, иначе не покажется. И говорят, находил кто-то. Ну как кто-то... Одна девушка сказала, что у ее дядюшки была тетушка, так у этой тетушки прапрадед был лично знаком с тем, у кого в соседней деревне жил дедушка, который собственными глазами видел того, кто видел того, кто этот цветок нашел и жил потом припеваючи. Ну, или типа того. Хотя мне по-

чему-то было легче в лешего или цверга поверить, чем в магическое цветение сего дальнего предка голосеменных.

Ну да, мы, викинги, такие: нам для поиска кладов волшебная ботаника ни к чему. У нас другие инструменты.

Впрочем, на этот раз мы эти инструменты старательно попрятали под плащами. И лица – тоже. Зимние плащи с длинными трубообразными капюшонами подходили для этого как нельзя лучше.

Как я и надеялся, в волшебную ночь врата Смоленска приотворились. Немного. И из врат этих потянулась к лесу вереница истинно верующих... извращенцев.

Разумеется, это произошло только после того, как десятка два разведчиков, спущенных со смоленской стены, наитщательнейшим образом проверили окрестности и убедились, что осаждающие тоже оставили посты и полностью отдались религиозным действиям согласно конфессиям и пристрастиям.

Нас вражеская разведка не обнаружила. По очень простой причине: мы были от Смоленска далеко.

А вот от заветного места – близко. Сидели тихонько и ждали, когда по тайным тропам потянутся к культовой точке добрые прихожане.

А когда потянулись, то к ним подтянулись уже и мы. И не все разом, а небольшими порциями человек по семь-восемь, стараясь особо не выделяться в общем потоке паломников.

Нашу группку возглавляли мы с Зарей. Она настояла, что тоже будет участвовать. Я позволил себя уговорить.

И мы едва не спалились.

Вошли себе тихонечко внутрь, по сторонам не зыря, а глядя исключительно вперед...

И наткнулись на проверяющих – или выбирающих: двух мордатых жрецов из младшей группы жреческого «сада». Мордачи сортировали прихожан и развлекались тем, что скидывали с оных капюшоны, а иных, в основном женщин, судя по вспискиванию, хватали за интересные места. А кое-кому даже помечали одежду какой-то цветной гадостью.

Вернее, хватал и помечал один, а второй предлагал испить из тазика.

Испить никто не отказывался. Видимо, порядок был всем знаком и привычен.

За спинами мордатых маячили их друганы. Двое с факелами на длинных ручках, двое с дубинками, усиленными, насколько я разглядел, звериными зубами.

А тут мы с Зарей.

Мордатый с кистью тут же протянул лапу:

– Погоди, красава!

Заря увернулась, но мордатый, сука, ухитрился сдернуть с нее капюшон и радостно загоготал:

– А и впрямь красна! – И полез пятерней, но тут уж я вклинился и пресек поползновение со всей возможной деликатностью.

Мордатый загоготал еще громче. Ну натуральный свиномордый хряк! И попытался стащить капюшон уже с меня, решив, видимо, что я не друг, а подружка. Рост у нас с Зарей почти одинаковый, а телосложение под плащом не особо разглядишь даже при факельном освещении. Я сунул ему локтем в бок.

Аккуратно, но сильно.

Свиномордый хрюкнул и враз покривел и рыльцем и осанкой.

И обиделся: замахал ручкой дружбанам, которые с дубинками. Те сделали грозные лица и выдвинулись вперед, блокируя нам путь.

Но тут вмешался другой мордатый, который с тазиком, что-то сказал приятелю – и свиномордый сразу успокоился. И снова заулыбался. На редкость паскудно. А потом лихо мазнул кистью по моему плащу, а затем попытался проделать то же самое с шелковым платочком Зари, но та успела увернуться. А вот свиномордый нет. И опять получил локтем в ребра.

– Я вас запомню, телочки! – просипел паскудник.

– А я тебя, телок! – засмеялась Заря и попыталась прошмыгнуть мимо контролеров, но те снова решительно заступили дорогу.

– Испей, женщина! – Подскочивший свиномордый сунул ей не тазик, как прочим, а большую глиняную кружку.

Вернее, собрался сунуть. Но я аккуратноенько подбил ему ножку.

Чтобы удержать равновесие, жрец взмахнул руками, выплеснув содержимое кружки в мохнатую рожу кореша с дубиной. Пока тот обтекал, Заря уже шмыгнула в толпу, а я цапнул тазик у второго жреца, пискнув сильным голобочком волка, соблазняющего козлят:

– А мне испить, красивый?

В тазике плескалось какое-то слабоалкогольное пойло, от которого шибало целым букетом запахов, среди коих явственно прослеживалась абсентовая отдушка.

Пить это я, разумеется, не стал, да меня никто и не контролировал. Все внимали облитому пойлом бородачу, излагавшему подлинную родословную свиномордого. Не слишком высокохудожественно, зато эмоционально и познавательно. В частности, он подтвердил мою гипотезу, что в предках у данной особи свиньи тоже наличествуют, причем не абы какие, а страдающие целым букетом неприятных наследственных заболеваний.

Под этот монолог проскочил фейсконтроль и я.

Со следовавших за мной Медвежонка, Оспака и Стюрмира никто капюшоны сдергивать не стал. Может, потому, что сразу была видна их гендерная принадлежность, а может, из-за того, что не дотянуться.

В общем, мы без потерь прошли первый этап: проникли в священное место.

Там оказалось тесновато. Притом что здешнее капище было попросторнее того, где мы так удачно разжились «священным» золотишком.

К сожалению, на голове здешнего древня-кровососа золотой короны не наблюдалось. Черную лопаухую башку украшал не конвертируемый в валюту растительный веночек размером с похоронный, а что там ниже, на шее и на тулове, мне отсюда не было видно.

Народ вокруг бурчал и бормотал. И были это не обычные разговоры. Каждый, похоже, был сам себе и дирижер и собеседник.

В центре заголосили. О, кажется, начинается!

Я пихнул Стюрмира, показал знаком: выдвигаемся. Стюрмир поднял руку над головой: дважды сжал и разжал кулак. Как там остальные бойцы, я не видел – не с моим росточком. Однако я надеялся, что сигнал принят и понят. Ничего. Скоро и мне откроется вся диспозиция.

Наша восьмерка разделилась.

Свартхёвди, Оспак, Стюрмир и Вифиль надавили, раздвигая толпу, и направились к центру сборища.

Я, Заря и братья Крумисоны взяли чуть в сторону – к намеченной заранее крыше.

Пение стало громче, а толпа – плотнее. Мы раздвигали ее не без труда. Не то чтобы нам оказывали сопротивление. Просто тесно. А также душно, дымно и как-то гнетуще. Рычание сотен голосов давило на психику. Да и дымок, похоже, не совсем простой. Что-то здешние служители культа в него намутили. Но хочется надеяться, не особо убойное, и нам удастся сохранить контроль над собственными мозгами. Тем более все наши прекрасно понимали: мы – на вражеской территории. Значит, ничего не есть и не пить. Это у всех здешних – в подкорке. Принял что-то: воду, кусок лепешки – и ты уже гость. Со всеми вытекающими.

А мы сюда не в гости пришли. Волки в овчарню не в гости ходят.

Наши действия со всеми возможными вариантами были проговорены заранее. Один отряд блокирует ворота, другой занимает господствующие высоты, остальные действуют в толпе. Задача – взять под контроль жреческую верхушку и начать фильтровать народ. При сопротивлении реагировать жестко. Местных с дубинками всерьез можно не принимать, но в толпе могли быть не только смерды, но и профессиональные бойцы-дружинники. Причем вооруженные. И в непонятном количестве. Ведь здесь, навскидку, никак не меньше тысячи человек. Нас же чуть больше полусотни. Для овчарни – более чем достаточно. Но при наличии сторожевых псов придется поработать клыками.

Крумисоны вывели нас правильно – к глухой стене бревенчатого строения неподалеку от полянки идолов.

Рев толпы внезапно усилился. Очень кстати. Из-под плаща Трюгви появилась бородатая секирка с узловатым ремнем. Нарботанный бросок – и один Крумисон уже карабкается наверх, а второй согнулся в пояснице, упершись руками в стену, ему на спину вспрыгнула Заря, ухватилась за ремень. Влезший на крышу Трюгви помог ей вскарабкаться. Ремень упал – за него ухватился Траусти.

Я оглянулся. На нас вроде никто не обращал внимания. Народ полностью погрузился в процесс.

Ремень снова скользнул вниз по стене, я, подпрыгнув, ухватился за него, уперся ногой в щель между бревнами...

И тут меня мощно рванули за вторую ногу. Да так, что я вынужден был выпустить ремень, чтобы не сдернуть с крыши Трюгви.

Опаньки! Да это же наш жреченок свиномордый. Вцепился, аки клещ, в мой замшевый сапожок и не отпускает. Кабы не моя растяжка и развитый вестибулярный аппарат, валялся бы я сейчас на земле.

– Красава! – осклабился свиномордый...

И тут наконец-то разглядел мое лицо.

И оно настолько ему не понравилось, что он даже ногу мою не удержал. Тем более что я подшагнул на опорной и надавил весом.

– Ты чё... – свиномордый попробовал вступить в диалог, но тут его макушку с хрустом проломила стрела.

Вот это зря. Я бы его сейчас тихонько отключил.

А может, и не зря. Всё равно никто ничего не заметил.

Певучий рокот толпы вдруг прорезал женский крик, полный боли и отчаяния...

И тут же утонул в радостном реве народа.

А я наконец-то оказался на крыше и теперь видел всё.

И увиденное не обрадовало.

Кровь в красноватом свете костров казалась черной. И крови было много. Кучка жрецов у столбов-идолов была заляпана ею по уши. Идолы – тоже. И те, кто стоял в первых рядах.

И бойня, похоже, только набирала обороты.

Труп вскрытой от горла до лобка женщины жрецы швырнули к ногам идола поменьше и взяли в оборот еще одну жертву. На этот раз мужика.

Этот умер почти беззвучно. Его ухватили в восемь рук, расположили горизонтально, после чего палач-ритуалист взмахнул серпом и вскрыл мужику глотку до позвоночника. Кровь хлынула в подставленную емкость из желтого металла. Все заорали, но даже сквозь ор я услышал, как один Крумисон спросил у другого:

– Как думаешь, это золото или медь?

– Думаю, медь, – ответил второй. – Слишком здоровая.

Еще одну девку вытащили к идолам. Голую и, похоже, одурманенную. Голова у нее болталась, как у тряпичной куклы. Девку подняли и усадили верхом на деревьях, изображавшую, надо полагать, идолов детородный инструмент.

Жрец с наиболее массивным головным убором задрал на себе рубаху до пупа и закрепил ее веревкой. Его собственный инструмент топырился под солидным брюхом.

Публичного изнасилования не случилось. Произошло худшее: ублюдок всадил в низ живота девки метровой длины тесак и принялся ворочать им у несчастной внутри. Та даже не вскрикнула. И дернулась только один раз. Хочется верить, что ублюдок убил ее первым же ударом.

– Ты глянь-ка, Трюгви! Этот колдун кончил! – раздался надо мной возглас Траусти Крумисона.

Всё. Мое терпение тоже кончилось.

– Милая! – Я коснулся плеча жены. – Сможешь воткнуть стрелу ему в брюхо?

– В ухо? – не расслышала Заря.

– В кишки! – крикнул я. – Пусть тоже повеселится!

Загудела тетива – и жрец сложился пополам.

– Один! – заорал я во всю мочь по-скандинавски. – Тебе, Один!

Это был сигнал. Перекрывая рев толпы, ночь разорвал леденящий души рык. Наш главный воин Одина перешел в боевое состояние и, расшвыряв языческих прихожан, вырвался на освещенную площадку, устроив там реалити-шоу «Полетели клочки по закоулочкам».

Олухи с дубинками кинулись на помощь служителям культа, но были перехвачены отрядом варягов Трувора. И вмиг превращены последними в кровавое рагу.

Перун и Один сегодня действовали заодно.

– Лечь! Всем лечь! – заревел я, добавляя в голос накопившуюся ярость.

– Лечь! Лечь! – подхватили наши. – Перун!!!

Команду выполнила лишь часть толпы. Многие остались на ногах – и не по собственной воле. Слишком тесно.

Ну да сейчас станет попросторнее.

Толпа отхлынула от идолов. Те, кто был в задних рядах, не все, только наименее одурманенные, кинулись к выходу. Впереди – местный младший персонал, оказавшийся к воротам ближе всех.

Но – облом. Ворота блокировал строй моих исполнительных дренгов. Стена щитов, ошетилившаяся копьями.

Служки кровожадных столярных изделий притормозили, набираясь храбрости...

И тут щитоносцы разом присели, а в дело вступили кирьялы.

Залп – и подмастерья навсегда лишились возможности стать мастерами.

А до прихожан наконец-то начало доходить, что дело скверно пахнет не только для несчастных жертв, но и для них самих.

Наиболее сообразительные попадали на колени, воздев руки к звездам.

У стены дома, на крыше которого мы обосновались, бурлила толпа. Некоторые пытались проникнуть внутрь здания, но двери оказались заблокированы. Надо думать, теми, кто сидел внутри.

– Успокойте их! – велел я братьям.

Крумисоны прыгнули с крыши прямо на головы обезумевших участников праздника и сразу взялись за работу. У них была четкая инструкция: убивать только тех, кто окажет вооруженное сопротивление.

Таковых оказалось двое. Остальные вняли голосу разума и железа, проворно исполнив команду «ложись». Неорганизованно, вповалку, на кого-то наступив, кого-то придавив, но очень, очень быстро. Потому что мечи были лишь вспомогательным средством вразумления. Основным же аргументом оказались стрелы, которые летели в замешкавшихся. Пусть стрелки и старались не убивать, а ранить, но всё равно это была сильная аргументация.

Нельзя сказать, что сопротивление было совсем незначительным. В одном месте, на козырной площадке рядом с идолами, нашим дали отпор. Никак не меньше десятка паломников проворно расхватили копья и дубинки, оброненные жреческой стражей, построились клином и попытались пробиться к выходу, безжалостно расшвыривая толпу и топча тех, кто по собственной или чужой воле выполнил команду «лечь».

Если бы им удалось дойти до ворот, там бы они все и легли: балахоны паломников – неважная защита от стрел.

Но Трувор среагировал вовремя. И, главное, вовремя же сообразил, что у нас есть шанс обзавестись очень интересными заложниками.

– Брать живыми! – заревел он и первым кинулся на перехват боевитого десятка.

Щитов у наших не было – только атакующее оружие и броня. Но у многих с собой имелись крючья на веревках, предназначенные для быстрого преодоления заборов, стен и прочего. Такой крюк, брошенный опытной рукой, прекрасно цеплялся и за одежду, и за небронированные части тела. Оставалось только «подсечь» и выдернуть орущую рыбку из косяка.

Меньше минуты – и группа прорыва разобрана на составляющие тушки, связанные по всем правилам боевого искусства.

Разобравшись с теми, кто «праздновал» на открытом воздухе, мы занялись захватом строений. Ну как захватом... Это перед паломниками можно закрыть двери. Когда за дело взялись наши, запершиеся внутри быстренько отперлись и приняли позы покорности.

Пока младший состав нашего войска сортировал заложников и распределял их по подсобным помещениям, хускарлы, или по-здешнему гридь, занялись самым интересным. Трофеями.

И тут сразу стало ясно, на чьей улице нынче праздник. Трофеев оказалось – море. Тут и серебро, и золото, и дорогие ткани. И оружие, кстати. Вот зачем, интересно, «мирным» сваргам с шипованными дубинками доспех византийского всадника?

Но лежащее по ларям, подвалам и чердакам – это было далеко не всё. Главное, как всегда, – в сخورонках.

Взятые в разработку старшие служители культа поначалу повели себя вполне достойно. Продержались куда дольше, чем те же франкские архиереи. Однако перед мастерством профессионалов устоять не смогли: выдали не только те тайники, которые были устроены непосредственно на капище, но и лесные «кладовки».

Их опустошали уже под утро, когда к нам подтянулись варяги, честно отплясавшие танец Перуна в мирном варианте.

Предпоследними (и это радовало!) о нашей акции узнали Рюрик и его ближайшие приспешники, а последним – симпатичный мне черниговский княжич Честа.

Княжич был возмущен, обижен, оскорблен и заявил, что он нам теперь враг навеки. И поставленный надзирать за ним полоцкий воевода Андот был с ним полностью солидарен. Но не потому, я думаю, что переживал по поводу осквернения святыни. Ему, скандинаву, на обидки местных богов начхать. А вот то, что полоцких не допустили к дележке, было обидно.

К моему немалому удивлению, Рюрик отнесся к нашей ночной акции вполне лояльно. И даже принял на себя весь гнев полоцких, ни словом не обмолвившись о том, что сам – ни сном ни духом.

Желаете расторгнуть союз? Да не вопрос. Топайте домой. Меньше народу, больше кислороду. Добычи то есть.

Вот чем я не могу не восхищаться, так это политической гибкостью этого дана. И его умением мгновенно оценить ситуацию и принять правильное, то есть наиболее прибыльное решение.

Стоило Рюрику мельком глянуть на наших лучших пленников, как он тут же одобрил наше самоуправство. И даже дольку от награбленного не потребовал. Зачем ему долька от нашей дольки, когда мы только что буквально на блюдечке принесли ему ключи от Смоленска?

Как я и предполагал, повязанная нами языческая паства на девять десятых состояла из смольнян. И не последних по статусу. Значительная часть городской верхушки плюс члены их семей. Зажиточные горожане, то бишь местный средний класс. И опять-таки члены их семей, которые, поглядев на развлечения викингов со служителями культа и примерив эти острые ощущения на себя, были готовы отдать всё, включая исподнее, только бы никого из них

не привязывали к пыточным столбам.

Воинское сословие тоже было представлено неслабо. Восемьдесят три дружинника, причем почти все – элита. И все, отмечу, живы, хотя и не все – целы. Нам невероятно повезло, что они были под кайфом. За что отдельное спасибо сваргам. Большая удача! И дело даже не в том, что они сейчас сидят связанные в сарае, а не стоят на смоленских стенах. Это ж гридь князя Диры. А князь для своей дружины, как папа – для любимых сыночков. Так что это не просто заложники. Это, считай, мы лично Дира взяли за гениталии. Он просто обязан в лепешку расшибиться, а своих бойцов выручить. В противном случае прочая гридь огласит ему вотум недоверия, примерно как я недавно – Рюрику, и пойдут искать другого князя.

Ну и кто после этого скажет, что я не молодец?

Глава 49

Дипломатия князя Рюрика в действии

Полоцкие не ушли. Однако из нашего союза их исключили. Рюрик преподнес это так, что они «уволились по собственному желанию». Полоцкий княжич обиделся еще больше. На всех, включая меня. Страшный воевода – тоже. Но конкретно на Рюрика. Вызвал его на хольмганг. Как викинг викинга.

Кто из них сильнее, я мог только предполагать. Когда-то Хрёрек был грозным бойцом. Покруче Трувора. Но насколько Рюрик восстановил форму после ранения, оценить было трудно. С тех пор я ни в бою, ни в поединке князя не видел.

И не увидел. От хольмганга князь отказался. Мол, негоже ему, большому и важному, рубиться с каким-то там заштатным воеводишкой.

Выйти вместо князя тут же вызвался наш знакомец Стег Измор. Но тут уж Андот отказался. Сплюнул и обозвал Рюрика лужей свиного дерьма, от которого так и смердит трусостью. Рюрик оскорбление проигнорировал, и грозный свей отправился восвояси. То есть в свой лагерь.

А примерно через часок с зеленой веткой переговорщика к нам пожаловал смоленский князь Дир.

Смотрелся смоленский лидер серьезно. Могучий вояка в полном расцвете сил. Причем не из тех, которые только и знают «бей-убивай». Интеллект явно в наличии. Равно как и чувство собственного достоинства, чтоб не сказать – важности. Роль просителя подходила ему примерно как фата невесты – берсерку. Дир смирил гордыню ради общего блага и сразу сообщил: сдавать город он не собирается. Проигравшим себя не считает, но мы коварно захватили целую толпу тех, кого он обещал защищать, и он готов обсудить размер выкупа. Да побыстрее, потому что нехорошо, когда эти самые подзащитные страдают во вражеской неволе.

Прибывшие с Диром уважаемые граждане города Смоленска поддержали сие заявление одобрительными возгласами. Надо думать, упомянутые смоленским лидером подзащитные были и им не чужими.

С нашей стороны переговорщиком выступил Рюрик. Мы с Трувором скромно стояли у него за спиной. Мой тесть убедил меня (и это было несложно), что как переговорщик Рюрик даст нам сто очков форы и всё равно обгонит в первой трети дистанции.

Рюрик, следует отдать ему должное, проявил себя настоящим гроссмейстером, удивив всех с первого же хода, когда вот так сразу взял и заявил: Смо-

ленск ему не нужен. Подождал, пока окружающие осмыслят заявление, выдержал еще полминуты театральной паузы и озвучил желаемое.

Нужна же Рюрику, как оказалось, лишь добросердечная дружба уважаемого Ди́ра и благополучное разрешение всех образовавшихся между потенциальными друзьями недоразумений.

Ди́р слегка опешил от такой доброжелательности. И поинтересовался: а как же все наши предшествующие действия? Осада, кощунственные действия, захват заложников? Как-то всё это далеко от предложения дружбы.

Иногда старшему брату стоит показать силу, чтобы младший брат осознал свое место, сообщил смоленскому князю Рюрику. Что же касается кощунственных действий в отношении местных богов, захвата заложников, грабежа и надругательств над служителями культа, то он готов поклясться всеми богами, включая пострадавшего Сварога, что сие произошло без его, Рюрика, ведома, и никто из его личной дружины в данном беспределе участия не принимал.

Изложено это было несколько другими словами, но смысл подразумевался именно такой, и главное смоленский князь уловил на лету.

То есть, предположил он, уважаемый собеседник желает стать ему, Ди́ру, старшим братом? И всё?

Именно так, подтвердил Рюрик. И ему, и его брату Аскольду, к которому он, Рюрик, тоже расположен весьма благожелательно, поскольку абсолютно уверен: втроем они способны на воистину великие дела, в масштабах которых осада Смоленска – это сущая безделица. Так что ему, Рюрику, нет никакого смысла на этот самый Смоленск претендовать. И он, как было сказано ранее, и не претендует.

То есть, уточнил смоленский князь, если он, Ди́р, сейчас признает Рюрика старшим братом и сделает то же от лица Аскольда, то конфликт между ними и Рюриком будет исчерпан?

Так и есть, охотно подтвердил Рюрик.

И незаконно захваченных граждан Смоленска немедленно освободят?

Освободят, подтвердил Рюрик. После того как будет согласован размер компенсации.

И снова рассыпался в комплиментах собеседнику и заверениях, что лично он, Рюрик, никаких выкупов-шмыкупов за пленных требовать не станет. Ему нужно лишь официальное признание его, Рюрика, старшим братом Аскольда и Ди́ра. Но поскольку некоторое недопонимание между всеми нами имело место и, более того, принесло определенные убытки, материальные и моральные, то было бы справедливо выплатить некую компенсацию. Восполнить, так сказать, потери.

Тут уж Ди́р совсем расцвел, а я едва не вмешался в процесс переговоров, но Трувор положил мне руку на плечо и шепнул:

– Не мешай. Пусть поклянется.

И, замороженный Рюриковым красноречием, Ди́р – поклялся. Перед богами своими и чужими. В присутствии как нашем, так и представителей смоленской аристократии, князь Ди́р от собственного и Аскольдова имени взял да и признал отныне и вовеки старшинство князя Нового Города и его окрестностей Рюрика со всеми вытекающими из этой клятвы обязательствами.

Рюрик же, в свою очередь, поклялся Перуном, Тором и Одинем, что принимает на себя обязанности старшего брата в отношении Дира и Аскольда. Тоже со всеми вытекающими.

После чего торжественно принял из рук Дира его меч (неплохой, но с моей Слезой и даже с Вдоводелом – никакого сравнения) и не менее торжественно вернул его Диру с соответствующими пожеланиями.

А я, наблюдая за всем этим спектаклем, в очередной раз убеждался: хитро-вывернутый князь опять меня кинул.

Тем временем новоиспеченные «родичи» обнялись, и все вокруг (кроме меня) разразились приветственными возгласами.

Нет, понятно, что настоящими братьями Рюрик и Дир не стали. Это мы с Медвежонком – братья. А это так... вассалитет. Но тоже обязывает. Одних – подчиняться, других – повелевать и защищать.

Кошусь на Трувора. Мой тесть непроницаем. Но не мрачен. А ведь это и его, получается, кинули. Теперь мы с ним – с одной стороны пирога, а Рюрик с Диром – с другой. И есть серьезное подозрение, что их сторона сейчас будет кушать пирог в одно жало. Вернее, в два.

– А теперь, брат мой, хочу представить тебе моих союзников! – торжественно провозглашает Рюрик. – Ульф-ярл! Тот самый, что избавил нас от князя Водимира! Скажу тебе, он из тех ярлов, что охотно берут золото и серебро, но сами платят только железом! – и засмеялся.

Дир уставился на меня мрачно и недоуменно. Я прям-таки читал его мысли: что это еще за союзник такой... бескомпромиссный?

Я одарил его хмурым взглядом, подобающим тому, кто «платит железную цену».

– А это его родич... и мой тоже. Трувор Жнец, князь изборский. Ну да ты его знаешь.

Да, Дир моего тестя, несомненно, знал. И, похоже, не с лучшей стороны, потому что улыбнулся ему довольно кисло.

– Твой союзник? – процедил он. – А мне говорили...

– Мой *верный* союзник! – с нажимом произнес Рюрик. – У меня много верных союзников, младший брат! Но я подумал: ты захочешь поближе познакомиться именно с этими славными воинами. Ведь именно они прошлой ночью повеселились на соседнем с твоим городом капище. Решили, понимаешь, узнать, чьи боги сильнее: наши или местные? – Рюрик снова засмеялся, и Трувор его поддержал. А мы с Диром – нет. У Дира было лицо трубача, нечаянно откусившего пол-лимона, я же просто не понимал, к чему клонит Рюрик.

– Кто же мог подумать, брат Дир, что кто-то из твоих дружинников тоже окажется на том капище? – Рюрик похлопал смоленского князя по плечу.

– У каждого в дружине есть сильные и слабые воины, – пробасил Трувор. – Но всё же я не понимаю: зачем держать в дружине настолько никчемных. Ни один из них даже не смог погибнуть с честью. Нас было меньше, но мы повязали их, будто неуклюжих смердов. Даже как-то неудобно просить за таких никчемных выкуп, как за настоящих воев. Верно, Ульф-ярл?

– Они плохие воины, но сильные мужчины, – подхватил я эстафету. – Думаю, их можно выгодно продать людям с восхода, тем, кто сажает на румы рабов.

Смотреть на Дира – одно удовольствие. Лицо побагровело. Рот открывается

и закрывается. Беззвучно. Как бы удар мужика не хватил? Хотя вряд ли. Здоровья у такого – на троих.

– А вот по остальным хочу с тобой посоветоваться, князь, – деловито произносит Трувор, игнорируя состояние смоленского вождя. – Многие из наших пленных явно не из бедных родов. Как думаешь: если мы попросим за всех сразу тысячу марок серебром, нам заплатят?

– На рынке в той же Бирке мы смогли бы выручить больше! – возражаю я. – Там есть красивые женщины, а многие мужчины наверняка владеют ремеслами. Его город, – кивок в сторону впавшего в ступор Дира, – славится своими умельцами.

– Так до Бирки их еще довести надо. Часть наверняка умрет по дороге, – не соглашается Трувор. – Опять-таки на кормежку расходы.

– Это да, – соглашаюсь я. – Хорошо кормить – большие расходы. Плохо кормить – будут умирать. А это тоже расходы. Но тысячи, я думаю, маловато. Две тысячи – хорошая цена.

– Да, две лучше, чем одна. Но заплатят ли? Что скажешь, князь?

Дир смотрит на Рюрика. Тот ласково улыбается. Нам. И Диру. Точь-в-точь заботливый папочка, наблюдающий за играющими детьми.

– Князь! – не выдерживает Дир. – Что я слышу? Ты же обещал! Ты сказал: мне заплатят за обиду!

– Брат мой, разве я такое говорил? – Рюрик демонстрирует искреннее непонимание. – Я сказал: меня это не касается. Меня не было на том капище. Я сказал, что не потребую выкупа за ваших пленных. Да и как я могу его требовать, если это не мои пленные? – Рюрик шевельнул бровями, изображая удивление. – Я сказал, что лично мне ничего не надо, и это слышали все, и мои люди, и твои. И сейчас с тобой говорю не я, а мои уважаемые союзники. Это их добыча, их трофеи. Они вправе распорядиться ими, как пожелают. Да и что тебе до их пленников? Если в плен угодил кто-то из твоих младших дружинников, то, я думаю, тебе следует поблагодарить Ульфа и Трувора за то, что они избавили твою дружину от слабых, а родичей горожан пусть выкупают сами горожане. Пусть договорятся о размере выкупа, а уж я, как твой старший брат, готов поручиться, что обмен пройдет честно. И еще вот что, я сказал: от тебя мне ничего не нужно. Ты – мой брат. Но было бы правильно, если бы твой город преподнес мне подарок. Всё же я многое сделал для нашей дружбы и расходы понес немалые.

– Верни мне мою клятву! – прорычал Дир. – Или...

– Или – что? – согнав с лица добродушную улыбку, перебил Рюрик. – Ты стал моим младшим братом только что – и уже забыл об этом? Грозишь мне! Грозишь богам, которыми ты клялся! И даже забыл о том, что это ты пришел ко мне! И сейчас лишь закон, оберегающий посланников, защищает тебя от моего гнева. Закон, данный нам богами, гнев которых, как я вижу, ты тоже ни во что не ставишь. Скажи мне, *брат* Дир, ты действительно хочешь нарушить данную клятву?

Вот она, настоящая средневековая дипломатия. В такие минуты понимаешь, что значит отвечать за свои слова. Особенно когда все козыри у противника, включая и главный – тебя самого.

– Нет, – выдавил смоленский князь. – Я верен своему слову.

– Вот это речи великого вождя! – мгновенно подобрел Рюрик. – Я рад, что не

ошибся в тебе, брат! Будь же моим гостем сегодня! – провозгласил он, вновь распахивая объятия. Да так, чтобы сразу было понятно: жест символический. Обнимать он больше никого не собирается.

А я начал кое-что понимать в той самой средневековой дипломатии, образец которой только что увидел. Рюрик прекрасно понимал: после такого грандиозного обмана Дир никогда не станет его другом. И союзником Рюрика он будет только до тех пор, пока шипы надетого «старшим братом» ошейника упрутся в горло. Он изо всех сил будет искать возможность сбросить этот ошейник и отомстить. Рюрик только что заполучил смертельного врага. Сомнительный повод для радости. Однако... Однако Дир и раньше уж точно не был ему другом. И то, что теперь для враждебного отношения к Рюрику у Диры появились личные причины, это скорее плюс, а не минус. Ярость полезна в бою. В дипломатии личные причины мешают объективности. Следовательно, Рюрик только что получил позиционное преимущество. Вдобавок к материальному и моральному выигрышу. Пусть зверюга ревет и бесится. Ни ошейник, ни шипы ей не по зубам. И она, кстати, об этом знает, что тоже неплохо. Ненависть и страх – отличные рычаги управления.

– Будьте моими гостями и вы, жители града Смоленска! – провозгласил Рюрик. – Отныне и до тех пор, пока наши мелкие разногласия не перейдут в настоящую дружбу!

Да, прав был Трувор. Рюрик – мастер. Вот так вот, без единой капли крови взял в заложники и смоленского князя, и всю городскую верхушку. Высший пилотаж.

Хотя меня от таких воздушных фигур малость подташниковает.

А Диры, будь моя воля, я бы просто убил. Это ведь он «продал» воинов Водимиру для набега на Ладогу. Сам. Лично. Причем он прекрасно знал о намерениях Водимира. И узнал это, так сказать, из первых уст. От того самого воеводы, который и отдал приказ смоленским гридням поступить в распоряжение Водимира.

В общем, я немного покривил душой, когда сказал, что все люди Диры сидят у меня в плену. Один уже не сидел. Лежал. На дне Днепра. С камешками во вскрытом чреве. Это чтоб не всплыл. И этот один был не кем-нибудь, а Дировым персональным воеводой...

Когда-то он был сильным и уверенным в себе и своем статусе мужиком. Вернее, мужем. Возможно даже – доблестным. Но теперь, после того как с ним полночи поработали умельцы, это был просто говорящий кусок истекающего кровью мяса. И лгать он был не способен. Даже для того, чтобы вымолить послабление от муки. Отучили.

Так что нам с Трувором вести допрос не понадобилось. Только выслушать исповедь. Всё и обо всё.

Нас, однако, личные тайны смоленского воеводы не интересовали. Равно как и закулисные смоленской политики. Мы уже знали, что именно князь Дир одобрил передачу воинов Водимиру. Ни один воевода не осмелится на такое самоуправство. Сейчас нас с тестем интересовал всего один вопрос: знал ли смоленский князь, передавая Водимиру своих дружинников, о планах последнего по пленению Зари и последующему шантажу Трувора?

Знал, сука. Более того, именно этот план и убедил Диру, что поддержать Во-

димира стоит. Убедил в эффективности и перспективности Водимира как союзника. Даже сам Водимир не знал об этом нюансе их отношений, а вот воевода был в курсе. Секретов от него у князя смоленского не было.

И не будет. Разве что там, по ту сторону Вечности.

У Трувора руки чесались немедленно отправить Дира вслед за воеводой. Но он умел справляться с эмоциями, пусть даже ему это было потруднее, чем мне. Злодей Дир ведь тоже варяг. Можно сказать, сородич.

А еще он дурак, смоленский князь. Правда – она ведь частенько наверх всплывает. А такое – не прощается. Особенно между своими. И теперь, когда Трувор поделится информацией (а он непременно поделится) со своим родичем Ольбардом, Дир стопроцентно потеряет поддержку соплеменников. И тогда останется только один вопрос: кто его съест первым – Рюрик или Трувор? Но кто бы это ни был, я очень хочу поучаствовать в процессе. Только не этим летом. Сейчас я просто постараюсь до минимума сократить общение со смоленским князем. Пусть поживет.

Пока.

А моему зятю тем временем придется обойтись без медвежьей охоты. Гейс есть гейс.

Переговоры о выкупе нашей части военнопленных я поручил Медвежонку. По-словенски братец изъясняется не слишком бегло, но не беда. Язык викингов здесь знают неплохо. Вот князь Дир, к примеру, болтает на нем не хуже меня.

Свартхёвди сказал: это хорошо, что я не участвовал в торгах, поскольку смоленский князь активно пытался сбить цену и ссылался, что характерно, как раз на меня. Я же определил пленников как «никчемных». Ну и выкуп за них соответственно...

«Ничего не знаю!» – открестился Свартхёвди.

Мол, с высоты его мастерства все здешние воины никчемны. И поиграл берсерочьими татушками. У него, Медвежонка, другой отсчет. По оружию, которое сняли с пленных. Вот этот меч, к примеру, соответствует...

– Ничему он не соответствует, – запротестовал Дир. – Мало ли откуда этот меч взялся?

– Хочешь сказать, что я лгу? – с легкой угрозой осведомился Медвежонок.

– Я сказал то, что сказал!

Татуировки класса «берсерк» смоленскому лидеру были явно знакомы, но не испугали. Даже берсерк не станет набрасываться на гостя. Без серьезной причины.

Наезжать Свартхёвди не стал. Внес новое предложение: за каждого пленника с мозолями от оружия – полуторная миклаградская цена галерного раба.

– Почему же – полуторная? – возмутился Дир. – Правильней было бы – половинная, ведь до ромеев еще плыть и плыть!

– Так они ж тебе не чужие, конунг, – резонно возразил мой братец. – Что подумают твои люди, когда узнают, что ты своих на галеры продаешь?

– Это ты их продать угрожаешь! – запротестовал Дир. – А я, наоборот, выкупить хочу!

– Но не выкупаешь же! – ухмыльнулся Медвежонок. – А значит...

В общем, обе стороны получили от торговли немалое удовольствие. Обе,

потому что Дир, как позже выяснилось, выкупал своих бойцов не на свои кровные, а на средства городского совета.

Так завершился смоленский поход. Я считал, что неплохо. Что же до братца, то он поворчал немного, мол, грабеж Смоленска был бы выгоднее, но это так, для проформы.

Потому что даже если бы нам удалось взять город, вряд ли навар превзошел бы добычу с капища и выкупные, которые по факту распилили только мы с Трувором. Ну и Рулафу, понятно, тоже отстегнули дольку.

А при захвате города пришлось бы делить на всех. Включая и отмежевавшихся половчан, и, главное, Рюриково воинство.

Впрочем, Рюрик всё равно в огромном плюсе. Заполучил в вассалы Диру с Аскольдом, да еще и вытряс из Смоленска компенсацию расходов.

Я предполагал, что он сразу двинет дальше, к Чернигову. И уже приготовил соответствующую речь, почему не могу к этому перспективному походу присоединиться.

Но Рюрик меня в очередной раз удивил. Решил остановиться на достигнутом и укрепить вертикаль власти на уже освоенной территории.

– Он всегда был осторожен, – сказал мне Трувор. – Теперь – особенно. В Чернигове мы с ним бывали. Да и в Киеве тоже. Но с тех пор там многое изменилось. Надо сначала разведать, и конунг это понимает.

– Князь, – поправил я.

Но уже без уничижительного подтекста. Рюрик проявил уважение и щедрость. И не высказал никаких претензий по поводу той зимы, когда мы бросили его под Полоцком.

Впрочем, теперь Полоцк у Рюрика почти в кармане. С Диром-то в союзниках.

В общем, никаких обид. У меня.

Но был один человек, которому сдержанность Рюрика пришлась не по душе. Стег Измор.

– Ты тоже не пойдешь на юг, – это не вопрос, утверждение. – Не этим летом.

Стег Измор – крут. Я с удовольствием принял бы его в свой хирд. Вместе с его друзьями. Вот только вид у него такой, будто не я его, а он меня в свой хирд принять хочет.

– А если я заплачу?

Смешно. Совсем недавно у него даже собственной брони не было.

– Думаешь, я нищий? Есть у меня деньги. Но далеко.

– Ужель в землях ромеев? – уколол я наугад.

И, похоже, на сей раз зацепил. Дернулось личико.

– Нет, ближе. На юге. Золото. Много.

– Думаешь, мне оно надо, золото? – Я покосился на своих, деликатно отошедших в сторонку. Но наблюдающих. Причем у Бури – очень характерный прищур. Как щелка в башне старого танка. Бахнет пушка – и сложится подозрительный домик.

– Ты викинг, – пожал мускулистыми плечами Стег. – Что еще вам надо, кроме золота.

Нет, не любит он скандинавов. Кто-то из наших ему изрядно подгадил.

– Дом, – сказал я. – Семья. Верные друзья рядом.

– Всё это можно получить, если у тебя есть золото. Много золота!

Нет, дорогой. Может, ты и умеешь искушать – в принципе. Но не меня.

– Тебя обманули, Стег Измор. Друзей за золото не купишь. Только союзников... Таких, как ты.

Лицо по-прежнему невозмутимое, но кадыком-то дёрнул. Сглотнул. Была бы борода, не заметил бы. А тут подбородок бритый да усы по бокам.

– И любви не купишь. Женщину – да. Но не такую, что за тебя умрёт. А ты – за нее. Так что не поведу я тебя на юг, Стег, – заключил я. – Не этим летом. Может, в следующем году. Может быть. Ты найди меня тогда и спроси снова. Может, порадую тебя.

– Может, – уронил загадочный варяг. Развернулся и пошел.

Нет, остановился. Обернулся и бросил через плечо:

– Доброй дороги, ярл!

– И тебе, – благожелательно отозвался я.

– За что он тебя убить хочет? – спросил меня Бури пару минут спустя. – Чем ты его обидел?

– В поддержке отказал, – предположил я.

– Нет. Другое. И лучше бы тебе с ним дел не иметь. Он опасен.

Я хмыкнул:

– Знаешь, о тебе он то же самое сказал.

Азиатская дубленая маска пошла добродушными морщинами:

– Он видит, – удовлетворенно проговорил мой верный спутник.

– Или знает? – не удержался я от небольшой провокации.

– Или знает, – с невозмутимым видом согласился Бури.

Вот же... Сколько загадок на мою чернявую макушку!

Ну и ладно. Пусть хоть все здешние тайны разом посулят открыть. Я. Всё равно. Иду. Домой!

Глава 50 Остров Сёлунд. Дома!

Паруса упали. Красавцы-корабли синхронно развернулись. Три драккара и два кнорра. Мои корабли. Мои корабли, входящие в мою бухту. И эта толпа на берегу, все эти люди, мужчины и женщины, они тоже мои. Здесь мой настоящий дом. Потому что здесь – Гудрун. И Рунгерд. И мои дети, которых я еще не видел. Кроме Хельгу.

«Северный Змей» шел первым. Не самый большой из моих кораблей, но он – флагман. Потому что на нем я. Ярл.

И он первым коснулся причала. Так мягко, что можно было бы обойтись и без набитых шерстью мешков-кранцев, сброшенных с борта. Витмид, стоявший у кормила, не оплошал. Я бы и сам, наверное, причалил не хуже, но я – ярл. Мое место сейчас рядом с оскаленной мордой дракона.

И я же первым ступил на берег. Вернее, прыгнул, не дожидаясь, пока уложат сходни.

Спрыгнул – и остановился. Я – ярл. Мне положено шагать с достоинством.

А вот Гудрун – побежала. Со всех ног. С младенцем на руках. Выскочила на причал... и остановилась.

Выражение безмерного счастья слетело с ее лица.

Гордость, высокомерие, превосходство. Вот что оно выражало теперь.

Это она увидела сходящую с корабля Зарю.

Улыбка сбежала и с моего лица.

Я тысячу раз представлял эту встречу... И вот.

– Здравствуй, Зарра, дочь ярла! – чопорно произнесла Гудрун, остановившись шагах в пяти от меня. – А ты красивее, чем мне говорили.

Сомнительный комплимент. Двусмысленный. И – провокационный. «Дочь ярла». Сама Гудрун – дочь обычного воина. Ну как обычного... Сваре Медведь, чтобы жениться на ее матери, прибил не только ярла, задолжавшего кровь семье невесты, но и значительную часть его хирда. В одиночку, что характерно.

«Дочь ярла». Ну да. Гудрун должна быть в курсе. Братец просветил, что у меня теперь – вторая жена. И кто она, тоже поведал. И он даже передал нечто вполне позитивное, высказанное по этому поводу Гудрун. Формально позитивное. По здешним законам Гудрун должна принять мою волю и не чирикать. Но это в теории. А на практике она только что бросила Заре перчатку. «Красивее, чем я думала». И если дочь Трувора тоже проявит характер, рванет – мало не покажется.

– Здравствовать и тебе, госпожа.

Заря спокойна. Тоже остановилась в пяти шагах от меня. И тоже полна достоинства. Я даже не ожидал, что она может держаться так... аристократически. И так высокомерно бросить:

– Не могу сказать того же о тебе, госпожа.

Пауза. Весьма и весьма напряженная.

Гудрун нахмурилась. Самую малость. Уж в чем в чем, а в собственной красоте она уверена.

– Ульф-ярл говорил мне, что прекрасней тебя нет никого, – ровным голосом продолжила Заря.

Я такое говорил? Что-то не припомню... Хотя, может, и говорил.

– ...И он был прав. С твоей красотой может соперничать только твоя слава! И я рада, старшая...

– Мой братец всегда норовит заграбастать самое лучшее!

«Клык Фреки» как раз пришвартовался, и оказавшийся на причале Медвежонок безжалостно разрушил торжественность момента: сграбастал сестру вместе с младенцем-племянником и принялся тискать. Младенцу это не понравилось, и он немедленно заревел. Басом...

А в следующую секунду нас захлестнули две волны: прибывших и встречающих.

Но я все же успел отобрать жену и сына у названного братца и...

Зря я так напрягался. Они поладили, моя старшая и младшая жена.

А сынишка и впрямь оказался на меня похож.

И дочка – тоже.

А потом был пир, который продолжался три дня. И еще три дня расходились собравшиеся на него гости. А на седьмой обе мои жены отправились в Роскилле. За покупками.

Собственно, поехать мы должны были все вместе, но я утонул в болоте хозяйственных дел, которые требовали моего, и только моего решения. Опять-таки Рунгерд и Медвежонок решили познакомить меня с уже приобретенными территориями и обсудить дальнейшее расширение наших фамильных ле-

сов и пажитей.

Я остался, и мои жены отправились вдвоем. Ну не то чтобы вдвоем – с прислугой. Но без меня. Правда, на полпути они должны были встретить Скиди с женой и двинуться дальше уже вместе, но не сложилось.

И все эти отдельные нестыковки привели в результате к таким последствиям, из-за которых я вынужден был отправиться...

Впрочем, не стоит опережать события, которые еще не наступили.

Глава 51

«Я требую суда Рагнара-конунга!»

— Какая красавица! – Асгисль Рябой даже облизнулся от восторга. – Хочу ее! И возьму!

Три дня назад Асгисль стал хирдманом самого Рагнара Лотброка. И все три дня чувствовал себя так, будто весь мир целиком принадлежит только ему. И все женщины Роскилле – тоже.

– погоди, Асгисль! – спутник счастливого хирдмана ухватил его за рукав. – Нельзя трогать свободную женщину на земле Закона!

Спутника звали просто Гислем, он был младшим братом Рябого, и хёвдинг, набиравший воинов под знамя Ворона, даже проверять его не стал. Сказал: мелкий.

Это была правда. Гисль был на пядь ниже старшего брата и на пядь уже в плечах. Но при этом – ничуть не худшим воином, чем брат.

Однако с хёвдингом Рагнара Лотброка не спорят. Так что придется Гислю вернуться домой или искать место на палубе другого вождя.

– Кыш! – Асгисль стряхнул руку брата. – Закон здесь – Рагнар Лотброк! А я его хускарл. Значит, я и есть Закон!

– Эй, красотка! А ну постой!

Заря обернулась. Перед ней стоял, вернее, над ней возвышался здоровенный нурман в черненой броне, с большим красным камнем на рукояти меча. Борода у нурмана была желтая и клочковатая, а на лице будто горох лущили. От нурмана несло псиной и прокисшим пивом.

– Ты мне нравишься! – без обиняков заявил нурман и ухватил Зарю за плащ.

Девушка рванулась, плащ затрещал...

И это остановило Зарю. Плащ был новенький, дорогой, белый, как снег, а главное, подаренный ей Гудрун, которая собственноручно вышила на нем знаки рода.

Если он порвется, не будет ли это дурным знаком? Заря оглянулась...

Гудрун рядом не было. И это было плохо. Заря не знала, как следует себя вести здесь, на земле данов. Может, здесь такое в обычае? И что следует говорить таким наглецам?

Заря растерялась. Но уже через мгновение растерянность сменилась злостью. Никто не смеет так обращаться с женой Ульфа-ярла!

Нурман хохотнул:

– Так-то, рыбка! От меня не уплывешь! Не знаю, если ли у тебя мужчина, но...

– Если ли у меня мужчина? – перебила Заря звонко и сердито. – А ты что же, отбить его у меня хочешь? Так даже не старайся. Он не из мужеложцев!

Многие из тех, кто услышал Зарю, а таких было немало, засмеялись.

А все, кто был рядом, уставились на дерзкую женщину. Так оскорбить воина со знаком Рагnarовой дружины на шейной цепи – это... смело.

Гудрун с трудом удержалась, чтобы немедленно не кинуться на выручку Зарре. Даже она не бросила бы такое в лицо хирдману сёлундского конунга. Она бы назвала себя, воин смекнул бы, что покусился на чужое, и принес извинения. Возможно, деньгами, если бы она потребовала. А она потребовала бы. Схватить свободную женщину, да еще из хорошего рода, за одежду – за это положено платить. Хирдман, скорее всего, пьян, но не настолько, чтобы совсем ничего не соображать. Но после таких слов примирение уже невозможно.

Гудрун должна была вмешаться. И знала, что должна. Она старшая жена. Ее долг – оберегать жену младшую, так же как долг младшей – повиноваться. Тем более что Зарра носит в чреве ребенка их мужа.

Но Гудрун медлила. Она понимала, насколько это рискованно, но ей очень хотелось поглядеть, как поступит сама Зарра.

Гудрун много слышала о ее храбрости, но бывает так, что в основе храбрости лежит отвага и честь, а бывает – дерзость или глупость.

Асгисль опешил. Даже плащ выпустил от удивления. Он не сразу понял, что ему сказали. Его удивил сам факт, что овечка, которую он собирался изжарить и съесть, вдруг выразила протест.

А потом до Асгисля дошла суть сказанного, и он взъярился.

Будь перед ним мужчина, Асгисль разрубил бы его от макушки до пупка, но перед ним была женщина. А женщину после таких слов совсем не обязательно убивать. Довольно обойтись с ней как с женщиной.

Вот этот прилавок – подойдет. Асгисль смел с него то, что лежало, какую-то утварь, одарив торговца таким грозным взглядом, что тот не посмел протестовать.

– За такие слова мне следовало бы проткнуть железом твоего мужчину, – сообщил Асгисль, – но я сделаю лучше. Я проткну тебя! Прямо здесь! – Он стукнул по прилавку мозолистой ладонью. – Клянусь мошонкой Фрейра, копьё у меня не хуже, чем у него, и пронзит тебя насквозь. А если ты будешь правильно вилять попкой, я сочту это подходящим выкупом за твои поносные слова! – Асгисль задрал кверху бороду и гордо глянул на брата. Слышал ли тот, как он красиво сказал? Однако дерзкую красотку Рябой тоже держал в поле зрения: вдруг та попытается удрать? Глупо надеяться женщине убежать от воина, но дурочка может попытаться...

Нет, она не стала убегать.

Смотрела на него и ждала. Может, совсем перепугалась и не понимает, что от нее требуется? Ну так Асгислю нетрудно самому задрать ей подол. Он шагнул вперед, протянул руку... И замер.

Кто-то из женщин в окружившей их толпе ахнул.

Под плащом у дерзкой оказался меч. И сейчас его острие было направлено на вершок пониже края короткой Асгислевой кольчужки, то есть на то самое копьё, которым только что хвастался Рагнар хирдман.

– Видишь мое оружие? – спросила Заря. – Думаю, оно подлиннее твоего. И уж точно потверже.

Она больше не волновалась. Спокойствие снизошло на нее. Если ей придет-

ся сражаться, значит, она будет сражаться. Именно этому и учил ее муж. И она не уронит его честь. И свою тоже. Жаль, что Гудрун где-то потерялась и не увидит...

Асгисль нахмурился. Женщин убивать неправильно. Женщина – это добыча. Особенно красивая женщина.

Но женщина с оружием, тем более – с оружием воина, это уже не добыча. Это враг. По тому, как красотка держала меч, по тому, как она стояла и как глядела, Асгисль понял: кое-что она умеет. Но уж точно не так хороша с железом, как он, Асгисль. Его ведь не зря приняли в хирд самого Рагнара. Жаль, что не удалось обойтись с девчонкой по-доброму. Но по глазам видно: она лучше умрет, чем позволит Асгислю себя отпахтать.

Мелькнула мысль: жаль убивать такую. Может, найти ее мужчину, мужа или отца и потребовать выкуп за оскорбление? Вот ее в качестве выкупа и потребовать!

Мысль пришла и ушла. Раньше надо было. Если он не разберется с ней прямо сейчас, кто-то может подумать: Асгисль испугался женщины. С такой репутацией в хирде Рагнара ему места нет. Прощай, слава и богатство! Нет уж!

Асгисль потянул из ножен меч... и жутко закричал.

Заря ждала. Ульф учил ее тому же, чему когда-то обучал Гудрун. Твой шанс – это твоя слабость, говорил он. Тебе вряд ли удастся выстоять против опытного воина, потому что он управляет с железом намного лучше. Твой шанс в том, что ему тоже известно, что он – лучше. И в этом его уязвимость. И это даст тебе миг. И этого мига тебе должно хватить на один точный удар.

Вот только сейчас Заря знала: одного точного удара будет мало. Потребуется как минимум два.

Асгисль всё-таки успел вынуть меч из ножен. Больше он не успел ничего. Узкий и острый клинок, выкованный франкскими мастерами, угодил туда, куда и целила Заря. Снизу вверх. Безукоризненный по скорости и точности выпад, укол, поворот – и назад, а дальше...

Удар Гудрун предвидела. И оценила. Сама она не смогла бы лучше. А вот то, что случилось дальше – летящий в спину Зари топор, – оказалось для Гудрун полной неожиданностью...

Но не для Зари. Она успела заметить связь между этими двумя. И даже их сходство, хотя второй был поменьше ростом и не рябой. Увидела, как они переглянулись, и ждала от второго подвоха. И дождалась.

Топор прилетел, когда она уже начала оборачиваться. Заря уловила его боковым зрением и откинулась назад, прогнувшись настолько сильно, насколько позволял округлившийся живот. И брошенный в нее топор прогудел мимо цели.

Но совсем без добычи не остался, долбанув обухом в переносицу скрючивающегося от боли Асгисля, да так сильно, что рябой опрокинулся на спину. Метатель же застыл с открытым ртом: он явно ожидал другого результата. И этого, еще одного подаренного ей мгновения Заря не упустила. Метнулась атакующей змеей и вонзила меч прямо в разинутую пасть, вложив в укол всю массу разогнавшегося тела. Слишком сильно. Меч прошел насквозь и, пробив всё, включая позвоночник, на полпяди вышел с той стороны шеи. И увяз.

Заря рванула раз-другой, но клинок застрял, а убитый повалился на спину,

и Заре пришлось выпустить меч, чтоб устоять на ногах.

Заря осталась без оружия. Одна. Вокруг – нурманы. Мужчины. Молодые и старые, в богатых одеждах и в простом, но все – чужие. У Зари горло перехватило: ни слова не вымолвить.

И тут, решительно оттолкнув двоих хмурых бородачей, вперед протиснулась Гудрун.

Дочь Сваре Медведя увидела летящий топор и поняла, что дочь ярла из Гардарики не родит сына ее Ульфю. Топор ударит Зарру в спину, не защищенную ничем, кроме легкой ткани. Ударит точно между лопаток. Гудрун понимала, что не успеет предупредить, но все же крикнула:

– Берегись!

Зарра почувала смерть раньше ее крика и увернулась.

А топор полетел дальше, угодил пяткой в лицо раненного Заррой хирдмана и проломил тому переносицу. Хирдман упал, а Зарра метнулась волчицей к тому, кто бросил топор, и ударила снизу, как волчица бьет в горло оленю. Только не клыками, а мечом. Гудрун увидела, как выскочил из шеи кончик клинка, а потом люди вокруг разом прыгнули вперед. Какой-то разряженный бонд оттеснил Гудрун, заслонив место боя. Дочь Сваре Медведя ухватила бонда за пояс, дернула в сторону...

Бонд оглянулся и, увидев красивую женщину в богатой одежде, проглотил гневные слова и подвинулся, позволив Гудрун пробиться в центр и встать рядом с Заррой, положив руку ей на плечо.

Успела! Трое Рагнартовых хирдманов из молодых, которым нынче было поручено присматривать за порядком на рынке, как раз протолкались через быстро увеличивающуюся толпу, увидели на Асгисле тот же знак, что украшал и их одежду, и зашарили глазами, выискивая виноватого. Правда, Зарры в числе главных подозреваемых не было. Было двое покойников: один с кровавой ямой на лице, другой – с мечом, торчащим изо рта.

– Кто убил? – строго спросил тот, кто был в дозоре старшим, окидывая собравшихся недобрый взглядом. А двое других уже взялись за мечи, готовые немедленно покарать убийцу или убийц.

– Вот она, вот эта девка в белом плаще! – тут же крикнул кто-то.

– Она, она! – тут же поддержали крикуна. – Она обоих убила! Сначала вот того, Рагнарлова, а потом этого!

Хирдманы уставились на женщин. На обеих, поскольку они обе были в белых плащах. И обе такие, что легко верилось: запросто могут сразить красотой любого воина. А вот железом... Сомнительно.

– Я Гудрун, дочь Сваре и Рунгерд, жена Ульфа-ярла по прозвищу Хвити, принимаю на себя всё, что свершилось, и по праву старшей требую суда конунга! – воскликнула Гудрун звонко, перекрывая шум толпы.

– А ну тихо всем! – рявкнул один из хирдманов. И когда стало потише, потребовал: – А что случилось, женщина? Давай-ка выкладывай!

– Ты, молодой, повежливее! – растолкав народ, в круг выбрался рыжий здоровяк с убранный в косицы бородой, в которую были вплетены золотые кольца. И вообще золота на нем было столько, что хватило бы на полцены драккара. А вот рукоять меча у него была совсем простая, потертая, с простым оголовьем, набранным из меди и серебра. А если кому-то всего этого было бы недо-

статочно, чтобы сразу зауважать воина, на шее у него, среди прочих оберегов и украшений, посверкивал серебром и золотом знак с таким же вороном, как и на знаке убитого. Правда, с небольшой поправкой – с маленьким лучником внизу, означавшим, что этот воин не из Рагнарва хирда, а присягнул его сыну, Ивару Бескостному.

Невелика разница. И для друзей, и для врагов Рагнар и его сыновья были – одно.

– Эта женщина, – лениво пояснил рыжий, – жена уважаемого ярла, и если кто слышал сагу о Волке и Медведе, так для тех я скажу: это та самая, о которой говорится в саге.

Лица у Рагнарва хирдманов подобрели: сагу они слышали.

– Благодарю, Давлах, за поддержку, – проговорила Гудрун.

– Да что там, – пожал плечами рыжий. – Я мимо проходил, тебя услышал.

– Гудрун, та самая... Отец у нее берсерком был. И брат тоже... А мать... – вокруг снова стало шумно.

– А еще она убила в бою сконского ярла! – громко произнес кто-то в толпе.

– А этого – за что? – спросил еще кто-то.

– Так это не она, вторая.

– Ага! Он только меч вытащил, а она – раз...

– Не, убила не она! – возразил еще кто-то очень авторитетно. – Это топор его убил! А топор вон тот бросил, а уж его – она...

– Да ты не видел ничего! – напустились на авторитетного сразу несколько человек. – Этот, Рагнар, обесчестить ее хотел...

– Ага! Ага! Это он сам всё! – громче всех завопил торговец, чью утварь смахнул Асгисль. – Товар мой попортил! А ей велел юбки задрать и на стол мой пристраиваться! Ссильничать ее хотел, а она не далась!

– Так и было? – спросил Давлах Гудрун вполголоса и, получив утвердительный кивок, произнес уже погромче, обращаясь к хирдманам-дозорным: – А этот человек, он точно Рангаров? Вы его знаете?

Те глянули и одновременно покачали головами.

– На нем знак Рагнара, – с сомнением произнес старший. – Значит, наш.

Ну да. Кто рискнет объявить себя человеком конунга ложно? Тем более Рагнара. Тем более здесь, в Роскилле.

– Ты просила суда конунга, госпожа, – очень вежливо произнес старший из дозорных. – Тогда пойдем к нему. – И погромче: – Мы идем на суд конунга! Кто что видел – присоединяйтесь.

И они пошли. Прихватив с собой покойников.

От рынка до конунгова большого дома – десять сотен шагов. Но пока их прошли, толпа увеличилась вчетверо. И наполнилась слухами, как сеть – идущими на нерест лососями.

– Ничего не говори, – наставляла Гудрун Зарю. – Ты всё сделала правильно. И очень хорошо. Я горжусь тобой, Зарра. И Ульф скажет так же. Рагнар-конунг знает нашего мужа. Его многие знают, и слава его велика. И уважение к нему – тоже. Рагнар, конечно, рассердится, ведь его человека убили. И убила его женщина, так что он может назначить большой выкуп. И серебра у нас хватит на сотню верегельдов, и еще останется, так что отдавать его не жалко, а с честью – не так. Потеряешь – не вернешь.

Заря слушала и кивала. И успокаивалась. А еще она перестала чувствовать

себя чужой в этой стране. Да и не было этого. Она – часть рода. И род ее здесь ничуть не слабее, чем был там, дома.

Конунг Рагнар Лотброк был страшен. Не ликом: с виду – обычный муж средних лет, даже не слишком крупный. Видала Заря воев и покрупнее.

Но когда Заря встретила с ним взглядом...

Будь она водой – замерзла бы вмиг. И сейчас как будто окаменела. Это был не взгляд человека. Может быть, бога. Очень недоброго бога.

У Зари язык примерз к нёбу.

А еще вокруг были воины. Много. И все – страшные, как сам Перун. И гул голосов. Негромкий, но грозный, недобрый, как рокот дальнего шторма.

Счастье, что Заре не нужно было ничего говорить. Гудрун говорила за обеих. И что удивительно: она не боялась. Была почтительна, но не более. И не забывала о собственном достоинстве. У Зари колени подгибались, а Гудрун стояла, прямая и прекрасная, и слова лились из нее так легко, будто она не с конунгом говорила, а, допустим, с братом:

– Мне жаль, что этот человек был твоим хирдманом, Рагнар-конунг! Но младшая жена моего мужа не из данов. Зарра – дочь ярла из Гардарики и не умеет читать наших знаков. Поэтому, я надеюсь, ты простишь ей резкие слова, которыми она отвечала на его домогательства. Ведь для нее он был всего лишь воином, который схватил ее и порвал ей одежду.

Тут она умолкла, чтобы все вокруг обдумали ее слова.

Схватить свободную женщину, вдобавок хорошего рода – это уже непростительно. А порвать ей одежду... За такое положено платить немалый выкуп. Более того, никто не удивится, если одного лишь серебра окажется недостаточно.

– Продолжай, – процедил Рагнар.

– Этот человек не мог не видеть, что Зарра – замужняя женщина. Но он сказал, что ему все равно, есть ли у нее муж и кто он. Сказал, что желает ею овладеть, кто бы он ни был. Зарра ответила ему, что ее муж – не из тех, кто... – Гудрун запнулась, подбирая правильные слова, – она сказала: он не из тех, кто пускает на свое ложе других мужчин. И тогда этот человек захотел ее убить. Но потом передумал и пожелал овладеть ею прямо на рынке. Опозорить ее при всех. Она не согласилась, и тогда этот человек достал меч, чтобы ее принудить или убить, но у младшей тоже был меч, и наш муж научил ее с ним управляться. Так что они оба взяли за оружие, и Зарра ранила этого человека. И тогда его брат, который до того времени прятался в толпе, бросил ей в спину топор. – Тут Гудрун снова сделала паузу, чтобы все хорошенько обдумали ее слова. – Не Заря напала на человека из хирда Рагнара. Он сам напал на женщину, которая не поступилась честью. Более того, они напали на нее вдвоем, причем брат – подло, со спины.

Гудрун сдержала улыбку, потому что улыбаться сейчас было бы неправильно, но она видела, что ее слова достигли цели. Теперь даже воины из Рагнарова хирда перестали думать об убитом как об одном из них. Гудрун видела их лица и понимала, что они думают. А думали они о том, какой позор навлек на них убитый.

Гудрун знала: они с Заррой слишком красивы, чтобы настоящие воины обвинили в этом позоре их.

Гудрун знала: никто из них не отказался бы заполучить ее на свое ложе. Но ни один из них не бросил бы ей в спину топор. Это всё равно что сжечь чужой корабль только потому, что он слишком красив.

На сей раз Рагнар не стал ее торопить, и после паузы Гудрун продолжила сама:

– Он бросил топор ей в спину, но промахнулся, попал в своего брата и убил его. Это всё.

О том, что Зарра убила второго, она говорить не стала. Речь сейчас шла только о старшем брате.

Гудрун смиренно склонила голову, ожидая Рагнарова решения.

Она знала, что сказала все правильно. И закончила правильно: тем, что не Зарра убила хирдмана, а его собственный брат.

Конунг молчал. Буравил ее глазами. Если думал смутить, то зря. После всего, что с ней было, у Гудрун остался только один страх: потерять кого-то из родни. Вот Зарру, что стоит за ее спиной. Или ребенка, которого та носит во чреве. Все остальные страхи в ней сторели, когда она потеряла первенца.

А Рагнар-конунг... Он страшен для врагов, но для Сёлунда он – закон и защита. А еще он умен и чуист. И на войне, и дома. Вот и сейчас безошибочно уловил слабое место в стене щитов, которую выстроила Гудрун.

– Что именно сказала моему хирдману младшая жена твоего мужа, женщина?

– Я не помню точно... – попробовала уклониться от ответа Гудрун.

– Кто помнит? – Рагнар обвел тяжелым взглядом толпу свидетелей.

– Я помню!

– И я!

– Я тоже!

– Ты говори! – Толстый крючковатый ноготь Рагнара указал на первого.

– Он спросил: есть ли у нее мужчина, а она в ответ спросила, не хочет ли он заменить ее на брачном ложе? – радостно сообщил бонд-свидетель.

Взгляд Рагнара вновь уперся во второго:

– Так было сказано?

– Нет! – мотнул головой тот. – Твой хирдман не спрашивал, есть ли у нее мужчина. Он схватил ее и сказал: ты будешь моей. Не знаю, есть ли у тебя мужчина... И тут эта женщина перебила его и сказала: ты что же, хочешь его у меня отбить? Так у тебя не получится. Он не из мужеложцев.

Этот второй был не из бондов. Одет небедно, с хорошим мечом у пояса. Взгляд опытного моряка. Но не викинг. Купец, наверное.

– Продолжай, Облауд, – потребовал Рагнар.

«Конунг знает его, – подумала Гудрун. – Хорошо. И этот Облауд, похоже, на нашей стороне».

– После этих слов твой хирдман отпустил женщину и сказал, что убьет ее мужа за такие обидные слова. Но тут же добавил, что не станет драться с ее женщиной, если она немедленно ему отдастся.

– Хотелось бы мне взглянуть, как бы этот дурень подрался с Ульфом Хвити! – раздался веселый голос.

Все оглянулись: что за храбрец решил вмешаться в Рагнароев суд?

Ну да. Этому можно. Рагнароев сын Бьёрн Железнобокий. Вместе с другим сыном, Иваром, и несколькими хёвдингами, они вышли из дома поглядеть,

что случилось.

Ивар заметил Давлаха и подозвал его: узнать, что происходит. Но чуть раньше он встретился взглядом с Гудрун и кивнул ей.

Вот теперь Гудрун стало совсем спокойно.

– Да что там смотреть! – высказался один из Рагнарсовых хёвдингов. – Ульф отрезал бы ему уд и скормил собакам. Вот и весь хольмганг!

– Выбирай слова, Бычья Кость! Ты говоришь о нашем хирдмане! – рявкнул Рагнар.

– Брось, Лотброк! Этот вороний корм стал нашим хирдманом сегодня утром. Я сам принял его в хирд, потому что он был здоровенный и быстрый, так что я подумал: такой нам пригодится, когда мы пойдем потрошить англоу.

– То-то мне он показался незнакомым, – проворчал Рагнар. – Но я думал, это потому, что ему морду разворотило. Но ты, Бычья Кость, тоже виноват! Взял под мое знамя человека, который позволил бабе себя убить.

– Ну, положим, убила его не баба! – смело вмешался в разговор Облауд. – Так метнуть топор – это мужская рука нужна. – Но баба тоже молодец! Охолостила его, как поросенка!

– А нечего чужих жен хватать! – поддержал кто-то из хирдманов.

Поднялся шум, но уже не такой, как вначале. Слышно было, что большая часть теперь – на стороне женщин.

– Тихо! – рыкнул Рангар, и шум стих.

– Вас послушать, так это не мне, а я должен верегельд платить, – недовольно проворчал конунг. – Мой человек мертв. И виновны в этом они! – палец Рагнара указал на девушек. – И молчите все! Если бы они шлялись не одни, а со своим мужем, никто бы к ним и не сунулся! А кто моего человека погубил, тот наказания не избежит!

– Знаешь, отец, а мне жаль, что этот болван так легко умер, – задумчиво произнес Ивар. – Он ведь не на жену Ульфа Свити руку поднял. Он на нашу власть посягнул. Разве мы с братом, – он кивнул на Бьёрна, – ходим по Роскилле и хватаем всех девок, что нам понравятся?

– Да тебе б и так никто не отказал! Да и Бьёрну... – начал кто-то, но Ивар глянул на болтуна, и тот осекся.

– И мы этого не делаем не потому, что какой-то там муж может встать у нас на пути, у нас-то на пути никто не встанет, а потому что есть Закон. И Закон этот – ты, отец. И он – с каждым, кто на нашей земле живет и чтит твою власть. Так что если бы этот дурень сделал, что хотел, я бы не отдал его Ульфу Свити. Честь жены стоит дорого. Но честь конунга, твоя честь, отец, моя честь, и его, – кивок в сторону Бьёрна, – она подороже женской. И мы спросили бы за нее полную цену, и преступник не ушел бы в царство Хель раньше, чем заплатил всё сполна.

– Ивар прав! – подтвердил Бьёрн, приосанившись. – Одно дело, когда в бою кто-то на тебя руку поднял. Тогда что? Убил, да и всё. А когда на нашей земле, да еще на жену достойного человека, тогда это уже дело личное. Тут просто убить мало. Тут надо – по-особому. Я б, к примеру, с ног начал. Если...

– Вам бы глашатаями закона на тинге быть, сынки! – перебил Рагнар. – Но здесь не тинг. Здесь мой суд, и я решаю так: я потерял хирдмана, и за него будет назначена цена. Высокая цена. И говорить о ней я буду не с ними, а с твоим, Ивар, любимчиком Ульфом Вогенсоном. Он здесь, в Роскилле, женщина?

– Нет, – качнула головкой Гудрун. – Мы одни приехали.

– Вот! – заявил Ивар. – Это и есть наш закон. Твой закон, отец! Две красавицы с полными кошельками серебра приехали одни! Без страха!

Вообще-то они приехали не совсем одни, а с сопровождающими. И брат был с ними. Но уточнять Гудрун не стала.

– Я говорю, – уронил Рагнар, и Ивар умолк. – И я решаю. А решаю я так: чтобы через четыре дня Ульф Вогенсон стоял здесь. Это всё.

Повернулся, махнул рукой сыновьям и зашел в дом.

– И что теперь? – тихонько спросила Заря.

– Рагнар что-то задумал. – Гудрун нахмурила бровки, но тут же успокоилась и улыбнулась: – Не бойся, Зарра, муж нас в обиду не даст. Он разберется.

Глава 52

«Ты заплатишь мне железом!»

— **О**дни убытки от тебя моему войску, Ульф Вогенсон, – проворчал Рагнар. – Заметь: это не первый хирдман, которого я теряю по твоей вине. Вот позапрошлой весной Визбура убил.

– Вообще-то, Визбур Морская Крыса не твоим хирдманом был, а Уббы, – вмешался дотошный Бьёрн. – Хороший был хольмганг. Есть, что вспомнить.

– Уббы или мой, а с нами в поход Визбур не пошел, потому что Ульф отрубил ему руки. И добро бы по важному поводу, а то из-за какого-то сконского бонда и его порченой девки! – Рагнар хотел сплюнуть, но плевать в доме рядом с богами – дурная примета, и он удержался. – Что ты сам, что жены твои... Одна славного ярла мечом проткнула, другая – хирдмана моего. С такими женами и хирдманов не надо. Женись еще раз двадцать – и готов хирд!

Рагнарсоны засмеялись. Я тоже. Потому что видел: конунг не сердится. Но что-то задумал. А если Рагнар Лотброк что-то задумал – готовься к проблемам.

Дочь конунга, Рангхильд кажется (я их путал), наполнила наши кубки и присела в сторонке. Слушала, однако, внимательно. Ей можно. А вот то, что нам прислуживает именно она, а не кто-то из челяди, кое о чем говорит. Например, о том, что Рагнар собирается сказать что-то важное. Не для случайных ушей.

– По правде сказать, этот новенький, Асгисль, был не чета Визбуру. – Рагнар отпил из кубка. Мы сделали то же. Посудины у нас у всех были знатные. Даже моя, которая поскромней, из натурального золота. Судя по чеканке – из франкской добычи. Церковная чаша для Таинств. – Дурной, да. Но всё же он мой хирдман. Твоя жена его убила, так что с тебя, Ульф Хвити, верегельд за его жизнь.

– Отец, его убил собственный брат, а не жена Ульфа.

На этот раз за меня вступился Ивар.

– Ты – конунг, – поспешно, опережая недовольство Рагнара, – произнес я. – Раз ты сказал, что его убила моя жена, значит так и есть!

– Вот такие слова мне нравятся! – одобрительно произнес Рагнар. – Верегельд, Белый Волк! Ты мне должен и понимаешь это!

– Понимаю.

Верегельд – фигня. На штрафы денег у меня точно хватит. И вряд ли Рагнар потребует много. Убитый тоже накосячил по полной.

– И долг этот ты мне вернешь! – заверил меня Рагнар Лотброк. – Но заплатишь мне не серебром. Ты, Ульф Хвити, заплатишь мне верегельд железом.

Пойдешь со мной в Нортумбрию!

Ивар сжал губы. Он недоволен. Я вроде как его человек, и если отец хочет взять меня в вик, то сначала должен поговорить с ним.

Но Рагнар есть Рагнар. Он решил, все построились и зашагали в указанном направлении.

– Пойти с тобой в поход – великая честь, Рагнар-конунг! – дипломатично произнес я. – Но дело в том, что у меня есть земли в Гардарике, которые...

– Я знаю, что ты теперь ярл, Ульф Вогенсон, – перебил конунг. – Но у тебя земли и здесь, и покуда так, я твой конунг! И я говорю: ты пойдешь со мной в Нортумбрию!

Вот это подстава!

Я молчу. Спорить нельзя. Но соглашаться ой как не хочется.

– Ты мне нужен, Ульф Хвити, Белый Волк, – повторяет Рагнар. – Ты знаешь эти земли, и твоя удача мне тоже пригодится. А что до твоего ярлства, то не беспокойся. Когда Нортумбрия станет моей, ты получишь достаточно, чтобы не горевать о каком-то островке среди диких лесов, на который вдобавок претендуешь не только ты, но и мой родич – конунг свеев.

Вот как! А он, однако, в курсе моих завоеваний. И моих проблем, с ними связанных.

– Ну а если этот островок тебе так дорог, то я позабочусь, чтобы он остался твоим, – пообещал Рагнар. – Этого довольно?

– Да.

Шикарное предложение. И можно не сомневаться: Рагнар за свои слова ответит. И он, пожалуй, единственный человек здесь, на Севере, с кем не захочет связываться даже конунг свеев. И моя крепость на будущем Замковом острове действительно станет моей. И земли в Англии, если я пожелаю, тоже. Рагнар суров, но щедр. К своим. Когда-то я здорово помог ему с взятием Парижа. И получил за это золотую цепь с конунговой шеи. Тяжеленькую такую цепь. А ведь тогда я не был его человеком. Просто выполнил просьбу старшего союзника. И если я стану воином Рагнара Лотброка, это даже покруче, чем быть человеком Ивара.

Но я почему-то не писаюсь кипятком от счастья. Ну вот не хочется мне идти в этот поход. И не потому, что у меня были другие планы на будущее лето. Как-то мне... неуютно. Логика говорит: идти в вик с Рагнаром – это не только прибыльно, но и безопасно. Во всяком случае, куда безопаснее, чем воевать со свейским конунгом.

Но почему у меня тогда такое нехорошее предчувствие?

– Пей, – скомандовал Рагнар Лотброк, самый страшный из данов. – Это хорошее пиво. Не хуже того, что варит твоя дерзкая жена. Тебе повезло с ней. Такие рожают отличных сыновей. Вот хоть на моих глянуть... Если бы не они, разве я стал бы терпеть выходки их матери?

Александр Мазин

Викинг. Гнев Севера

© Мазин А., 2023
© Аджиев Б., иллюстрация на обложке, 2023
© Оформление: ООО «Феникс», 2023
© В оформлении книги использованы иллюстрации по лицензии Shutterstock.com

* * *

Часть первая.

Последний вик Рагнара Лоботрока

Глава первая. Шторм – это пустыки

Рагнар Сигурдсон. Рагнар-конунг. Самый грозный и самый страшный человек на Северном пути. Лебединой дороге, как поэтично выражаются скальды. Рагнар Лотброк. Есть воины повыше его ростом. Есть – посильнее. Но никто не рискнет выйти с ним на хольмганг. Рагнар, сын Сигурда Змеубийцы. Страшный сон европейских королей. И не только европейских. Одна просьба Лотброка – и конунг свеев навсегда отказался от притязаний на будущий Выборгский залив и устье Вуоксы, которые я у него отбил. А ведь это чертовски важное место. Альтернативный путь в Ладожское озеро и дальше на юг. По Великому пути, который позже назовут в летописях «из варяг в греки».

Рагнар-конунг. Отец Ивара Бескостного, Сигурда Змееглазого (не путать с его дедушкой Сигурдом Змеубийцей), Бьёрна Железнобокого, внушающих едва ли не больший страх, чем их грозный папа. А также «простых» конунгов: Хвитсерка, Уббы, Хальфдана и Харальда, каждый из которых водит в вики десятки боевых кораблей.

Но когда на мачте флагмана разворачивают Вороновы Крылья – личное знамя самого Рагнара, даже у европейских королей начинают дрожать колени. Сотни стремительных драккаров несут армию, которой не в силах противостоять ни один из европейских или британских монархов...

Не в этот раз. Сейчас их всего-то двадцать семь. Трижды девять. Девять – священное число. Именно столько дней провисел Один на Мировом Древе. С тройкой тоже всё непросто.

В общем, число двадцать семь должно было еще выше поднять и без того великую удачу Рагнара.

А вышло...

Впрочем, не будем забегать вперед.

Начнем с того, что меня зовут Ульф Хвити. Белый Волк. Ярл Ульф Хвити. И я плыву в Англию на одном из этих двадцати семи драккаров. На третьем, если быть точным. Том, что под управлением хёвдинга Броди Бычья Кость.

Броди – отличный мореплаватель. Великий воин. Это хорошо. А плохо то, что я на палубе его драккара один-одинешенек. Нет, команда Броди полностью укомплектована. Пять полных дюжин на восемнадцать румов. С лихвой хватает на три смены гребцов.

Но все они – люди Броди, а еще вернее – люди Рагнара. Не мои. Моих воинов здесь нет.

То есть я сейчас ярл только по приставке к имени. Ярл без хирда. Меня взяли в вик потому, что Рагнар-конунг пожелал присоединить мою удачу к своей. Ну и, может, потому, что Рагнар считает меня спецом по англичанам. Я ведь болтаю на усредненном англосаксонском наречии практически как коренной житель Нортумбрии или Мерсии. Это факт, установленный мною еще в прошлый визит на территорию британских королевств. Так-то любой дан может худо-бедно договориться с англосаксом. Языки, в принципе, одного корня. Но выдать себя за англичанина – это вряд ли. Я тоже вряд ли сойду за англосакса. Коренного. Но за какого-нибудь ирландца – вполне. Это куда легче, чем изображать француза в прошлой победоносной кампании Рагнара. Опять-таки на территории будущей Великобритании я уже бывал. Вот только тогда со мной был мой хирд, автономная единица в составе сводного войска братьев Рагнарсонов.

Сейчас по-другому. Я один. И не потому, что мои хирдманы не захотели пойти со мной. Да любой из них, включая моего побратима Свартхёвди Медвежонка, был бы счастлив идти в вик под знаменем Рагнарова Ворона. Любой бы плясал от радости.

Кроме меня.

Рагнар не взял никого. Опять-таки кроме меня. И вот я один-одинешенек – среди шести десятков скандинавской воинской элиты.

До берегов Британии осталось меньше суток хода. То есть мы почти у цели. Упадём на бедных англичан, как сокол на домашнюю курочку. Полторы тысячи хирдманов Рагнара-конунга. Лучшие из лучших. Каждый стоит минимум пятерых англичан. Или десятерых. Неважно. Мы пройдем через дружины английских танов, как волки через отару. А король, на чью землю мы высадимся, скорее всего, даже не попробует нас на прочность. Запрется за городскими стенами и будет ждать, когда мы уберемся восвояси.

Сейчас знаменитый стяг с Вороном убран.

Равно как и паруса. Ветер и так активно гонит нас к цели. Я бы даже сказал: слишком активно. Так что на румах полный комплект гребцов. Море волнуется.

Нет, неправильно. Это если бы я шел сейчас на здоровенном круизном лайнере, то мог бы эдак пренебрежительно бросить: «Свежо нынче. Море волнуется».

Но не теперь.

Драккар – превосходный корабль. По средневековым меркам. А это значит: стоит кормчему оплошать и встретить очередную волну не под идеальным углом, и мы схлопочем по полной. С треском, грохотом, потоками соленой воды, перехлестнувшей через борт, и нешуточным риском открывшейся течи.

У нас хороший кормчий. Сейчас это сам Броди. Он – мастер. Команды поступают вовремя, весла вращаются с нужной частотой и нужной силой. Идем штатно. Карабкаясь и соскальзывая, лавируя между валами и ни разу не подставившись под удар.

Я вижу, как нос драккара вспахивает «поле героев железа и ветра». Палуба под ногами то уходит вниз, то резко взлетает вверх, заставляя пружинить коленями. Но эта качка – ерунда в сравнении с ощущениями дренга, который сейчас сидит наверху, привязавшись к мачте, и, возможно, даже получает удовольствие от этакой качельки.

По прикидкам наших мореходов, до земли не близко. Но мало ли. Попадись на нашем пути какой-нибудь островок...

Надеюсь, не попадетсЯ.

Драккар Рагнара – примерно в кабельтове от нас. А если по-простому – метрах в двухстах примерно.

Стоп! Только что было вдвое больше. Они что же, сбрасывают ход? Точно! Сбрасывают. Рагнарлов флагман больше не лидер гонки. Уступил первенство. С чего бы? Вдруг впереди какая-нибудь гадость?

Мне сразу стало как-то... неуютно. Не то чтобы я боюсь моря и сюрпризов, которые оно может преподнести... Да что врать-то. Боюсь! Еще как! Вижу, конечно, не подам, но...

– Эй, Броди! Конунг хочет потолковать с Белым Волком!

– Ага! Слышу! – проревел Бычья Кость. – Эй, Хвити! Рагнар Сигурдсон тебя зовет!

Что ж, можно и потолковать.

Я взобрался на борт. Мотало изрядно, но если держаться за вант[250], то ничего. Флагман Рагнара – метрах в двадцати. Мы как на качелях. Неслабых таких качелях...

Самого Рагнара не вижу. На борту его стоит Укси Плешивый, Рагнарлов хольд. Здоровенный детина в центнер весом.

– Ярл! – орет он. – Иди сюда! Конунг зовет!

Неожиданное предложение.

Смотрю вниз. Кипящая черная вода, в которую мерно погружаются весла. И как он себе это представляет? Мне перелететь?

Двадцать метров. Нет, уже поменьше. Сближаются наши кораблики.

Нет, теоретически всё возможно. Закинуть крючья, подтянуть суда борт к борту... Возможно, но рискованно. При таком ветре и волнении может так приложить, что никакие кранцы не спасут.

Броди – рядом. Хлопает по плечам гребцов на руме, и весло прямо подомной поднимается и замирает горизонтально. Ну, относительно горизонтально.

– Давай, Хвити! – орет Бычья Кость, наваливаясь на конец весла.

Драккары продолжают сближаться. Я вижу, как одно из весел флагмана тоже замирает перпендикулярно корпусу.

Вот только лопасть его – метра на полтора выше, чем у нашего. И продолжает подниматься.

Мне очень хочется спросить этих славных ребят: не спятили ли они?

Но физиономия Плешивого совершенно серьезна. Он даже мысли не допускает, что я, весь такой крутой, побоюсь рискнуть. Да тут и риска нет, с его точки зрения. Спрыгнул на одно весло, пробежался немного, перепрыгнул на другое, и ты уже на месте.

Действительно, ничего трудного. В хорошую погоду. Но если прибавить к этому качку и постоянные «вверх-вниз» на волнах...

Голова еще думала, но организм уже всё решил.

Прыжок, шаг, толчок, два метра над бездной, скользкая от воды лопасть весла под ногой, еще один прыжок... Чуть-чуть не долетел, но успел ухватиться за край щита. И тут же – запястье в тисках, рывок, от которого в плече хрустнуло...

И вот я уже стою на палубе рядом с хохочущим Укси:

– Везунчик ты, Хвити! Не зря тебя наш привечает. Когда ты поскользнулся, думал: прямо в сети Ран полетишь!

Меня передергивает. Ран – это великанша, которая там, на дне морского котла, собирает в сети утопленников. Очень даже реальная была перспектива.

– Мы все так думали, – басит Скальгорм Грейп. Это он перекинул меня через борт. Прозвище «Грейп» – это что-то вроде Большерукий. В самую точку. Ручищи у Скальгорма – как у йети. И такие же волосатые.

– Эй, Броди! – кричит Укси Бычьей Кости. – Куда пошел? А добро ярлово?

Заботливый. Я после сумасшедшей переправы об оставшемся на корабле Броди имуществе и думать забыл. Но Укси помнит. Правильный викинг всегда о таком помнит.

Кожаный мешок с моими пожитками летит через бездну. Скальгорм ловит его с такой легкостью, будто это набитый шерстью игровой мяч, и вручает мне. Я принимаю его двумя руками. В мешке – килограммов пятнадцать. Запасное оружие, шлем, кольчуга... Учитывая качество, ценность немалая. Только я не думаю, что Броди хотел это присвоить. Крысятничать у викингов не принято. Случись что со мной, всё вернут семье. Вот только ничего со мной не случится. Я в этом уверен, потому что только что перемахнул через смерть на палубу Рагнарова флагамена, с которым уж точно ничего не случится, потому что Рагнар Лотброк – везунчик почище меня.

Так я думал, пробираясь на нос драккара, чтобы узнать: с чего это я так срочно понадобился конунгу?

Так я думал – и ошибся.

Глава вторая. Трижды проклятое течение

— Песья отрыжка! Здесь течение! Рагнар! Здесь трижды проклятое йотуново течение! Нас несет! Нам не выгрести!

– Гроби!!! Разом! Разом! Хирд! Разом!!! – Низкий страшный медвежий рев Рагнара продирает до костей, перебивая даже многочасовую усталость. Даже дождь, казалось, притих, испугавшись. – Мы! Сможем! Мы! Сдюжим!

– Мы – сможем! Мы – сдюжим! – взревела полусотня глоток. – Мы – сможем!..

Тяжеленное весло внезапно полегчало, пошло само, само... Мой напарник Скальгорм Большерукий вложилась по полной. Такому здоровяку партнер вроде меня – без надобности. В обычное время. Но сейчас даже такой чахлик пригодится.

– Мы – сдюжим! – заорал я, откидываясь назад. Тянуть, тянуть! До боли в сухожилиях, до хруста в плечах. Весло – продолжение меня. Я чувствую, как оно гнется от напряжения, как упирается в воду узкая лопасть... И она вырывается на свободу, взлетает вверх, задевая гребень следующей волны, я мгновенно ослабляю тягу. До тех пор, пока лопасть вновь не упрется в воду.

– Мы – сможем!..

– Да! – ревет Рагнар. – Да!!!

Не вижу ничего.

Ветер бьет сбоку, через борт. Наотмашь. Смесью дождя и морской пены.

Нутром, внутренностями чувствую, как волны мотают и швыряют драккар. Каждый удар – нутром. Взлетая и падая, теряя веслами воду, когда заваливает на борт, и снова вцепляясь в нее, упираясь, зависая в воздухе, загустевшем от

воды, ветра и морской соли.

Наш корабль, наш свирепый морской дракон сражается вместе с нами. За свою жизнь, за наши жизни! Мы – вместе! Против – ветер, течение, ярость стихий, но наша ярость – сильнее! Мы – сдюжим! Мы – сможем!

Ни зги не видно, но я чую, чувствую, что в эти самые мгновения мы, хирд и его дракон, уперлись, уцепились в жизнь так крепко, что вот-вот пересилим и ветер, прибывающий нас к берегу, и течение, волокущее на черные оскаленные камни... Мы вот-вот пересилим. Мы – сможем!..

Удар! Хруст! Рукоять весла, как живая, выворачивается из пальцев. Я опрокидываюсь на спину, ударяюсь головой о колено гребца на соседней скамье.

Яростно кричит Скальгорм. Драккар раскручивает, почти опрокидывает.

Я лечу куда-то вверх тормашками, смачно прикладываюсь спиной (хорошо, в кольчуге!), хватаюсь за что-то твердое, подвернувшееся под руку...

Очень вовремя. Сверху обрушивается настоящее цунами, и я – под водой. Сдерживаю дыхание и держусь, не позволяю потоку оторвать меня от моего корабля и унести в сети великанши Ран. Мы уйдем в глубину вместе. Цепляюсь, как умирающий викинг цепляется за рукоять меча, но каждый удар, каждый рывок выбивает воздух из моей груди.

Вода уходит, когда в легких уже ничего не остается.

Драккар, как настоящий дракон, вынырнул из пучины.

Я снова дышу и даже могу сесть. Вокруг меня, кашляя и ругаясь, поднимаются викинги.

– Ньёрд, помоги нам! – выкрикивает Скальгорм.

Я понимаю, что рано обрадовался, ведь я вижу то же, что и мой сосед по руму.

Мы проиграли. У нашего дракона перебиты крылья. Сломалось не только наше весло. Почти все весла со стороны нашего борта сломаны.

И еще я понимаю, что легко отделался. Гребец на руме впереди весь перекосялся и сплевывает под ноги алую пену. Так бывает, когда сломанное ребро пробивает легкое. Ему не выжить.

У нас тоже немного шансов встретить завтрашний рассвет. Нас несет прямо на береговые скалы. А еще мы тонем. Вода плещется под ногами. И это не та, которую забросили волны. Где-то в шкуре нашего дракона – течь.

Но мы так просто не сдадимся.

– Не спи, Хвити! – орет Скальгорм, подсовывая мне целое весло, чтобы я пропихнул его в кожаный рукав.

– Взялись!

Корабль снова управляем. Я вижу, как движутся уцелевшие весла. Мы больше не боремся с ветром. Теперь он – в корму. Мы идем к берегу. Туда, где волны, скалы и, скорее всего, смерть. Мы разобьемся. Наверняка. Нашему дракону – конец. Но у нас есть шанс. Совсем крохотный. Там, у берега. Где скалы и прибой в два человеческих роста. Наш шанс – там. Здесь – только смерть.

Гулкие удары задают ритм. Я вижу кормчего, управляющего рулевым веслом по командам Рагнара. Самого конунга не вижу. Он – там, за моей спиной. Стоит, небось, на борту у носа, вглядываясь в кипящую воду и стараясь угадать, куда направить корабль, чтобы еще на пару минут продлить его жизнь.

Мы летим к берегу. На скалы. Я ежесекундно жду последнего страшного

удара. Несколько раз я слышу, как жутко скрежещет по камню киль драккара, дважды вместе со всеми, по команде, задираю вверх весло, спасая его от встречи со скалой.

Еще думаю: что с остальной нашей эскадрой? Сумел ли кто-то вырваться из расставленной ветром и морем ловушки?

Шквальный порыв ветра швыряет нас вперед с такой силой, что мы, кажется, вообще отрываемся от поверхности. Потом – удар, хруст корпуса, перехлестывающая через борт волна, окатывающая с головы до ног. Впрочем, ноги и так в воде.

– Весла долой! – ревет Рагнар.

– В сторону, Ульф!

Отпихнув меня, Скальгорм выталкивает весло наружу, в кипящий котел моря.

Мы оба вскакиваем на скамью. Ждем.

Не вижу ни хрена. Всё заслоняют спины викингов.

– Готовсь, хирд! – ревет Рагнар.

Мой Волк рядом, и когда живое дерево нашего корабля сходится в последней битве с мертвым камнем, мы готовы.

Рагнар, мощно толкнувшись, прыгает за борт. Оглушительный треск. Вижу, как разваливается нос драккара, как вздыбливается палуба, лопаются доски обшивки. Кто-то падает, кто-то, подобно конунгу, прыгает за борт.

Время замедляется. Я жду. До последнего момента. До того, как разбитый корабль разворачивает противоположным бортом к берегу. Подхватываю присмотренный заранее обломок весла и вместе с ним прыгаю в кипящую воду с наветренной стороны.

Инерция прыжка и железо на мне перевешивают подъемную силу полутоннаметрового деревянного обломка, но, к счастью, здесь неглубоко, меньше трех метров. Я отталкиваюсь от камня на дне – и через пару секунд снова на поверхности. Успеваю вдохнуть – и опять под водой. Но уже не так глубоко. Выныриваю опять. Одной рукой грести, второй – не давать обломку весла выскользнуть из-под меня. Вода вокруг кипит, заливает глаза, не дает дышать. Мимо, отфыркиваясь, проплывает кто-то из викингов. Ему поплавков не требуется. Гребет как тюлень.

Поднятый очередной волной, я вижу метрах в десяти очень недружелюбно выглядящие камни и накатывающийся на них прибой. Меня несет туда. Это хорошо. Намного лучше, чем в открытое море.

«Главное – не треснуться головой», – думаю я, отпуская деревяшку и готовясь к встрече с землей Англии.

Меня несет, закручивая, переворачивая, протаскивая по камню, на мелководье. Несколько раз пытаюсь встать, но не удается подняться даже на четвереньки. Камни скользкие, обросшие водорослями, волны бьют, кажется, со всех сторон...

Но удача ко мне благосклонна. Поболтав в прибое, будто кусок плавника, и заставив в досталь нахлебаться соленой воды, меня наконец-то выбрасывает на песок.

Я – в Англии.

Глава третья. Гостеприимная земля Нортумбрии

Пятьдесят шесть. Столько нас осталось. Остальных забрало море.

Пятьдесят шесть – против целого королевства. Восемь из пятидесяти шести – с серьезными травмами.

Правда, у нас имелось кое-какое оружие. У меня, например, кольчуга и Вдоводел. Этот клинок со мной уже давно. И, надеюсь, останется надолго, потому что клинки со значком-клеймом *Ulfberht* пережили тысячелетие. И, наверное, хорошо, что второй свой клинок, Последнюю Слезу, свадебный подарок Рюрика, я брать с собой не стал. Пожадничал. Да, Вдоводел хорош, стоит целое состояние, но Слеза – бесценна. На ней то же клеймо, что и на Вдоводеле, и я допускаю, отлили ее в той же европейской кузнице, но из сплава, который европейским мастерам не создать. Насколько мне помнилось, его завозили в Европу из Персии, хотя от персидского булата он всё же отличался. Впрочем, я не эксперт по технологии производства оружия, я специалист по его использованию. Не знаю, где Рюрику-Хрёреку удалось раздобыть такое чудо, но теперь оно мое. И достанется кому-нибудь из моих сыновей, если меня закопают в сырую английскую землю, вернее, нортумбрийскую землю, ведь Англии как таковой еще нет.

Но я очень постараюсь, чтобы в землю продолжали закапывать моих врагов, а не меня.

Так или иначе, но со мной мой Вдоводел и моя отменная кольчужка, не уступающая ему качеством. То есть я неплохо экипирован в сравнении с остальными. Потому что броню сумели сохранить всего семеро, среди которых были Рагнар (кто бы сомневался), наш кормчий Орм Ловкое Весло, Укси Плешивый, еще один хольд Кнут Готландец, который трижды становился чемпионом Роскилле по плаванию[251], мой напарник Скальгорм Большерукий и я.

Рагнар, впрочем, броньку с себя снял, заявив, что не станет драться в железе, когда большая часть его хирдманов пойдет в бой в рубахах.

В том, что подраться придется, не сомневался никто.

– Я знал, что ты удачлив, Ульф Хвити! – сообщил Лотброк, нависая надо мной.

– К воронам такую удачу, – буркнул я, отжимая рубаху.

– Не скажи. Стольких славных воинов поглотило море, а ты жив и даже при броне, – конунг указал на снятую кольчужку.

– Могу дать поносить.

Тут я ничем не рисковал. Никому из наших моя кольчуга не подойдет. Размерчик подкачал.

Рагнар хохотнул. Оценил шутку.

Я надел рубаху и поежился. Ничего. Даже мокрая шерсть греет. Да и высохнет быстрее. Теоретически. Дождь и не думал прекращаться. Завидую викингам. Им холод – по барабану. Им всё – по барабану. Шарятся в прибое, вылавливая всякие полезные штуковины, гогочут жизнерадостно. Половина команды – на дне. Что с остальной частью флотилии – неизвестно. Где-то неподалеку – воины нортумбрийских танов, мечтающих содрать с нас шкуры и прибить к дверям своих церквей. Есть здесь такой веселенький обычай.

– Это было мудро – взять тебя с собой, – продолжал нахваливать себя Рагнар. – Теперь у нас есть человек, который разбирает бормотанье здешних.

– Думаешь, они захотят с нами говорить, конунг?

– Им придется. Когда я захочу узнать, где они прячут серебро.

– Это я тебе и так скажу. В домах побольше с крестами на крыше.

– Христианские жрецы! – ухмыляется Рагнар. – Они везде делают за нас главную работу. Остается прийти и взять.

Хлопнув меня по спине ладонью (как доской приложил), Рагнар направляется к кромке воды, где его люди складывают отнятое у прибоа в одну большую кучу.

Мне бы его оптимизм.

В здравом размышлении мне следовало бы бросить данов и попытаться выжить в одиночку. Знание языка и кое-каких обычаев давало мне шанс.

Но я не мог. Я не присягал Рагнару. Я вообще не хотел идти с ним сюда. Но конунг поймал меня в ловушку. Он потребовал вернуть ему долг не серебром, которого у меня было полно, а железом. Нельзя сказать, что это был бесчестный поступок. Долг действительно был. Моя младшая любимая жена (они обе любимые) убила человека. Вернее, двоих. И, к несчастью, один из них был хирдманом Рагнара. Скверным хирдманом. Если бы он выжил, Рагнар бы его казнил. Но факт есть факт. Я оказался должен, и Рагнар назначил цену. Нет, он не жадничал. Даже пообещал договориться со свейским конунгом, у которого я отхватил изрядный кусок кирьяльских земель и, главное, контроль над Выборгским заливом. Который, понятно, еще не получил этого имени. Более того, Рагнар не просто взял меня с собой, но и объявил своим человеком. Своим ярлом. Да, ярлом без хирда, но с правом на тройную долю добычи и прочие привилегии. «Ты будешь нужен мне там, в Нортумбрии, я это чую!» – заявил конунг.

Он чуял!

А я чуял, что очень не хочу идти в этот вик. Моя чуйка против Рагнаровой. Ясно, чья главнее.

И все-таки права была моя, а не его. Полсотни против целого королевства.

Да, я мог сбежать. Прикинуться ирландцем или шотландцем (благо Шотландия рядом), чтобы оправдать свой акцент. Да хоть франком, какая разница. Добраться до какого-нибудь большого порта, подыскать подходящий корабль...

Но я не предаю Рагнара. А знаете почему? Потому что он бы меня не предал. Не предал бы своего. А я – его. Хотя бы потому, что мой главный дом, моя семья – на его земле. Этого достаточно.

И вот мы готовы к маршу. И куда больше похожи на войско, чем часом ранее. Выловленных щитов хватило на всех. Добыто десятка три копий и еще кое-какое оружие. А наш конунг обзавелся плащом.

– Куда? – спросил Рагнар.

Я неопределенно махнул рукой в сторону суши. Не такой уж я знаток средневековой английской картографии, чтобы сориентироваться, даже не зная, куда нас занесло.

Дождь не стихает. Но это даже неплохо. Смывает следы, снижает видимость и, полагаю, снижает желание англичан шариться по округе.

С последним я ошибся. Мы не успели пройти и сотни шагов, как навстречу выкатилась жизнерадостная компания мародеров.

Жители ближайшей деревушки видели, как драккар викингов налетел на скалы, и пришли грабить награбленное.

Минут через пять в нашем полном распоряжении оказались четыре телеги, шесть коняшек и куча всякого ненужного добра вроде сетей и багров.

И пара пленников для вдумчивой беседы. Остальным не повезло. Или повезло. Смотря с какой стороны взглянуть. Впрочем, окажись сила на стороне добрых английских сельчан, наша участь была бы столь же плачевной.

Пытать никого не потребовалось. Пленники делились информацией настолько охотно, что я едва успевал переводить.

Да, мы в Нортумбрии. Да, здесь по-прежнему правит король Элла Второй. Королем он стал недавно, а раньше был олдерменом, то есть чем-то вроде французского графа на землях к западу от нортумбрийской столицы.

«Земля холмов к закату от Йорвика», – охарактеризовал прежнюю вотчину Эллы местный староста, которого по-здешнему называли ривом.

Риву Элла не нравился. Он многим не нравился, этот «конунг по железнному праву», как сказали бы у нас в Дании. Эллу не любил народ, с которого король драл три шкуры, не любили церковники, у которых он отжал часть земельных угодий, не любили таны, которых король держал в строгости и заставлял постоянно патрулировать побережье в ожидании таких славных ребят, как мы.

При прежнем короле Осберте было лучше, сказал староста.

Тем не менее никто из недовольных не вякал. Включая самого Осберта, который был вынужден уступить трон Элле, ведь у того отличное войско и готовность порвать любого, кто покусится на его власть. Даже церковников. Эллу не любят, но ему повинуются. Поэтому рив не сомневался в том, что сюда уже спешит местный тан со своей дружиной, в которой тоже хорошие воины и их много.

«Намного больше, чем вас, норманнский господин».

Это были плохие новости.

Но были и хорошие. Вернее, Рагнар счел их таковыми. До рыбацьей деревеньки было примерно полторы мили, пользуясь местными мерами длины.

Деревня – это кров, еда, теплые вещи и прочие бытовые прелести, нужные всем, в особенности раненым.

Но Рагнар счел деревенский сервис недостаточным.

Примерно в четырех милях, если верить пленным, находился отель получше. Замок того самого тана, который, по заверению старосты, спешил сюда, чтобы доделать то, с чем не справился океан.

– Не врет? – уточнил Рагнар, имея в виду заявление старосты о спешащем сюда тана.

Может, и врет. Надеется, что мы испугаемся и уйдем.

Рагнар подошел поближе, заглянул старосте в глаза и ухмыльнулся.

– Твой хозяин ведет воины сюда? – спросил он на корявом английском. И вдруг рывкнул по-нурмански: – Не врать!

От старосты завоняло.

– Спроси его теперь! – велел конунг.

Я спросил. Рив проблеял, что да, не врет.

– Удача с нами! – объявил конунг. – Теперь у нас есть лошади и возы. Узнай, кто сможет довести нас до гарда здешнего ярла.

Староста указал на молодого парня, босого и одетого... ну, примерно как чучело на поле моего арендатора.

Парень прошептал что-то злобное. Не похоже, чтобы его и старосту связывало что-то хорошее.

Тем не менее рив его спас.

– Этого оставить, остальных убить, – распорядился Рагнар. – Грузите телеги, мы идем в гости к здешнему ярлу.

Мысль здравая. Пока местный феодал с дружиной спешат сюда, чтобы продемонстрировать нам английское «гостеприимство», мы наведаемся к нему в гости. Очень надеюсь, что наши пути не пересекутся.

Мы уложили на телеги раненых и кое-что из имущества, Скальгорм накинул петлю на шею проводнику, дал ему вдохновляющий пендель, и мы устремились навстречу судьбе.

Ну как устремились... Вернее было сказать, побрели. Дорога оставляла желать. Под ногами чавкало, телеги вязли так часто, что временами казалось: лучше бы мы всё на руках несли.

Я тоже толкал. И Рагнар. Нас было слишком мало, чтобы кто-то отлынивал. Толкал, тянул, проклинал погоду, чахлах лошадок, всё и всех, включая Рагнара (последнего – мысленно), но толкал проклятые селянские телеги с кривыми колесами.

Но нет худа без добра. Я согрелся. Несмотря на дождь.

Когда надо, викинги двигаются быстро. Существенно быстрее упряжных лошадок. Так что стоило порадоваться, что нас задерживают телеги. Для меня стремительный марш северян – предельная нагрузка. С телегами вышло легче.

Пейзаж, надо отметить, был безрадостный. Унылые поля, ветхие изгороди, хилые деревца. И только когда дорога окончательно превратилась в вонючее болото, впереди наконец показались мокрые черные стены.

Между нами и крепостью – какие-то кривые изгороди, домишки, вид которых нагонял бы тоску и в солнечную погоду, а уж сейчас...

А вот стены крепости, к сожалению, выглядели серьезно.

Более того, черная жижа, которую наш проводник называл дорогой, внезапно уперлась в дорогу настоящую, вымощенную камнем и покрытую грязью не более чем на вершок.

Что ж, я и раньше знал, что римляне строили на века. И что особенно обидно: эта средневековая скоростная трасса шла практически параллельно нашей проселочной.

А еще она, римская, была испещрена следами копыт.

– Сотня всадников выехала, не меньше, – поделился со мной наблюдениями кормчий Орм, который, как и я, тащился в арьергарде.

Хотя нет, это я тащился. Орм – замыкал. Как и положено второму человеку в команде.

Как он определил численность покинувшего крепость отряда, я спрашивать не стал. Может, по концентрации навоза в грязюке?

Телега впереди подпрыгнула на неровности. Кто-то из раненых охнул. Все же несколько веков без обслуживания. Тут даже римская *via* утратит девственность.

– Сотня – это хорошо, – после паузы добавил Орм.

Логично. Чем меньше народу внутри, тем легче будет взобраться на стены.

Вот ни малейшего желания драться. Организм желает только одного: выте-

реться насухо, лечь и уснуть. Можно даже без ужина.

Но у Рагнарова кормчего другая логика.

– Много людей, много припасов, много пива.

Мы поравнялись с домишками. Вблизи они смотрелись совсем печально. И сразу становилось понятно: материалом для осады мы здесь не разживемся. Разве что чучел из ржаной соломы наделать для отвлечения внимания.

А вот там может оказаться кое-что интересное. Церковь. Не сказать что выдающееся строение. Тот же сарай, но побольше. С крестом на крыше.

Заметил ее, естественно, не только я. От нашей команды отделилась пара хирдманов. Потрусил к культовому сооружению.

От Рагнара пришла команда: разгрузить две телеги, перенести раненых на три оставшиеся.

Я решил: сейчас мы разберем транспорт и соорудим несколько лестниц.

Оказался не прав.

Телеги разбирать не стали. На каждую улеглось по четверо вполне здоровых данов, которых обмотали перепачканными в крови тряпками. Кровь взяли у бедолаги-проводника, пережившего своих односельчан совсем ненадолго.

Возничим первой телеги был назначен я.

Вторую принял под управление сам Рагнар.

– Подъедем к воротам, и ты им крикнешь, чтоб открывали. Что у нас раненые.

– Думаешь, они поверят? – усомнился я.

– Надо, чтоб поверили, – с нажимом произнес конунг. – Не хочу потерять кого-то в глупой атаке.

Возразить нечего. Я занял место на передке телеги и потыкал кнутом в круп понурившейся лошадки. Животинка поняла правильно, но сдвинуть телегу смогла только при участии упершихся в задний борт викингов.

Ну, с Богом!

Две телеги поползли по дороге по направлению к крепости. Хирдманы, разделившись на два потока, крались по обочинам дороги вдоль черных изгородей.

Возможно, обитатели хижин их замечали, но поднимать тревогу никто не спешил. Я еще в прошлое мое посещение Англии заметил: здешние смерды не склонны рисковать собственной жизнью ради спасения господ.

Ворота. С виду крепкие. Петли качественные, бронзовые, похоже.

Слева и справа – башенки. Ну как башенки... Скорее навесы от дождя. В каждой – по бойцу. Издали видны шлемы и наконечники копий.

– Эй, там! Открывайте! – заорал я. – Раненых привез!

Появились две головы.

– Чего?

– Раненые, вот чего! – гаркнул я, не поднимая головы, что и понятно: дождь же, а у меня плащ с капюшоном. Оставалось надеяться, что акцент меня не выдаст. – Проклятые норманны высадились, гореть им в аду!

– А господин? – спросили со стены. – Цел?

– Наша взяла. Цел господин. А ты – не будешь, если славные герои умрут под дождем! – Я махнул рукой в сторону разлегшихся на телеге викингов. Один из которых как раз испустил жалобный стон.

– А ты... – начал любопытный, но повелительный голос снизу распорядился:

– Открыть ворота!

И наш диалог, к моему немалому облегчению, прекратился.

Внутри загрохотало, заскрежетало... Створки поползли в стороны.

За ними – с полдюжины англичан. При оружии. И начеку, что неприятно.

Если сейчас меня «опознают», может выйти нехорошо. А если еще вспомнить, что у ребят на стенах наверняка имеются луки...

Ну да акул бояться – в море не купаться.

Я стимулировал лошадку, та поднатужилась... Впустую. Колеса опять увязли. Рагнар неуклюже, безупречно отыгрывая немого, слез с телеги, сутулясь заковылял к нашему возу, уперся плечом...

Безрезультатно.

И тут рослый англичанин с мечом на поясе совершил ошибку.

– Помогите, бестолочи! – скомандовал он остальным.

И бойцы, прислонив копья (!) к стене, кинулись выпихивать из грязи телегу с ранеными «соратниками».

И умерли.

Троих положил Рагнар, остальных – внезапно «вылечившиеся» раненые. А я метнулся в ворота и прикончил «офицера», потратив на него больше времени, чем рассчитывал, потому что англичанин оказался неплохим бойцом.

Но это было уже неважно. Человек пять викингов ворвались в ворота следом за мной, расхватали брошенные у стены копья и «зачистили» стену.

Четверть часа – и оплот местного феодала стал нашим.

Глава четвертая. Легкая победа и скверные новости

Вопреки моим ожиданиям, после захвата крепости традиционного для викингов победного разгула не последовало. Рагнар в очередной раз показал, насколько он крут. Первым делом была прекращена паника среди местного населения. С моей помощью Рагнар доходчиво объяснил гражданам и негражданам королевства Нортумбрия, что только беспрекословное подчинение и исключительное трудолюбие спасут их от кровавой кончины. Учитывая репутацию викингов, конунгу даже не понадобилась наглядная демонстрация. Все работоспособное население крепости, а также не успевшие удрать жители селения засуетились, как обитатели поврежденного медведем муравейника. Привлечены были даже служители церкви. Этим поручили наших раненых. В качестве бонуса церковникам пообещали не разорять и не жечь местный храм. Было бы что разорять. У меня дома, на Сёлунде, конюшня выглядит солиднее.

А я, механически переводя приказы Рагнара этим перепуганным до колик людям, думал, что мне уже наплевать, что с ними будет. Убьют их или пощадят. Может, это из-за того, что у них у всех, мужчин и женщин, свободных и рабов, совершенно одинаковые овечьи глаза? Или потому, что я сам наконец-то превратился в викинга и мой мир теперь поделен на своих и чужих, и чужие для меня уже не совсем люди. Они или говорящий скот, или враги...

Такая у меня возникла проблема. Как ее решать и надо ли ее решать, я не знал.

А вот Рагнар точно знал, как решать проблемы.

Трудились все. Пленные перепуганные англичане, двужилые даны. Бы-

ла уже почти полночь, когда Рагнар великодушно отправил отдыхать всех, кроме дозорных.

Мне повезло. В распорядок несения караулов меня не включили, так что проспал я минимум до третьих петухов и проснулся от хриплого рыка боевого рога.

Подорвался и, схватив Вдоводел, кинулся к окошку...

Нет, это не враги. Просто побудка.

Тем не менее кольчугу я надел раньше, чем умылся.

Столы с немудреным завтраком поставили во дворе местного «замка», если таковым можно назвать деревянный донжон, в одной из келеек которого я провел ночь.

Завтрак изысканностью не отличался, и умяли мы его со скоростью проголодавшейся волчьей стаи, потому что разведчики уже донесли: к нам движется вражеское войско немалой численности.

Что ж, прекрасное начало дня. Нет ничего лучше, чем прикончить пяток врагов сразу после завтрака.

Так сказал конунг, и братва поддержала его дружным ревом.

Мы были готовы. К обороне.

Радость ушла, когда на подсохшей за ночь древнеримской дороге показался враг. Тот самый тан, чью резиденцию мы оккупировали.

Обороняться нам не светило. Как только Рагнар увидел, какую именно добычу захватили англичане, он вмиг забыл об обороне.

Потому что главной добычей англичан стали наши товарищи.

Воинов в походной колонне тана – за две сотни. Нас – в разы меньше.

Но разве это остановит великого Рагнара?

Ворота крепости распахнулись и...

Безусловно, свою роль сыграла и внезапность. Тан уж точно не ждал, что выскочившие из ворот его собственной крепости люди окажутся викингами.

Но главным фактором было то, что мы – люди Севера.

Ярость, мощь и стремительность.

Тан погиб одним из первых.

Рагнар зарубил его лично, прикончив по пути парочку его телохранителей. Его судьбу разделили практически все англичане, ехавшие в авангарде. Их было десятка четыре, и они были лучшими воинами тана.

Остальные – попроще. Их мы тоже перебили в считанные минуты. Тех, кто не догадался бросить оружие и встать на колени. Ошеломленные нортумбрийцы почти не сопротивлялись.

– Это ж надо было позволить таким олухам взять себя в плен! – выговаривал Рагнар освобожденным пленникам, коих набралось аж пятьдесят шесть человек. Ответом конунгу было стыдливое молчание. Обидные слова Рагнара были несправедливы. Большую часть этих парней выловили из моря сетями, как лососей. В полубессознательном состоянии. А тех, кто еще был способен драться, люди тана прикончили на месте.

Впрочем, закончилось все отлично. И наша численность увеличилась более чем вдвое.

Это хорошо. Плохо другое. У меня сложилось впечатление, что после захвата крепости и разгрома тановой дружины Рагнар изрядно недооценивает боеспособность англичан. Он, похоже, решил, что имеет дело с какими-нибудь

ополченцами. Да, крестьяне здесь с нашими бондами не сравнятся. Их поколениями учили покорности. Но и воинов на этом острове хватает. И мужества им не занимать, потому уверенность Рагнара, что он сотней разобьет тысячу, может привести к очень большим неприятностям.

Однако переубедить конунга сейчас, когда мы без единой потери разбили впятеро большее количество врагов, – затея бессмысленная.

Из допроса пленных стало известно, что на местный берег выбросило пять драккаров, включая наш. Судьба остальной флотилии неизвестна, но надеяться на лучшее не стоило. Вот что бывает, когда не знаешь побережья и, в частности, течения, которое и увлекло нас на камни.

Существовала вероятность, что кому-то удалось вырваться из объятий потока, но надеяться на их помощь не стоило. Их наверняка унесло слишком далеко, да и откуда уцелевшим, если они были, знать, что их конунг выжил?

Надеяться мы могли только на себя. И на свои мечи.

Некоторую часть имущества с разбитых кораблей сумели спасти англичане. В том числе оружие и доспехи. Вот и молодцы. Нам пригодится.

Воодушевленный Рагнар тут же сформировал отряд из трех десятков хирдманов и полсотни местных покрепче и под командованием кормчего Орма отправил нас к месту гибели флагмана. Нас, потому что куда им, владеющим английским на уровне: «Дай сюда, иди отсюда», без меня?

Ситуация улучшилась. Я имею в виду погоду. Дождь прекратился еще ночью. На полях закопошились крестьяне. Нас они если и опасались, то умеренно. Что с них взять, кроме дрянной одежды и таких же дрянных орудий труда. Попадавшие на дороге сразу падали ничком и лежали так, лицами в грязь, пока мы не проезжали мимо.

А вот когда мы добрались до места крушения, то увидели, что нам здорово облегчили работу. Значительная часть содержимого драккара уже была на берегу. Здесь же находились и части самого драккара: доски обшивки и настила, скамьи, весла... Все, что можно было снять с разбитого корабля. Можно не сомневаться: будь у прибрежных жителей достаточно времени, они уволокли бы даже тяжеленный дубовый киль.

Собственно, они выволокли и его, но попозже и под нашим руководством.

Высланный вперед дозор прихватил и повязал мародеров на «месте преступления». Семерых викингов оказалось достаточно, чтобы привести к повиновению полсотни английских рыбаков.

В итоге к полудню работа была завершена. Всё, что можно было поднять, поднято, а что можно разобрать – разобрано, рассортировано и сложено на берегу. Включая тот самый киль, аккуратнейшим образом освобожденный от сложенных тут же шпангоутов.

Осмотревший его Орм заявил, что хребет морского дракона в порядке. Надо только немного укоротить, и можно снова использовать по назначению. И до меня наконец-то дошел замысел Рагнара. Причем только до меня он дошел с таким опозданием. Остальным даже и догадываться не пришлось. Ведь викинг отличается от любого другого северянина только одним: у викинга есть корабль.

Пройдет лет двести, и христианские летописцы уравниют этих бесстрашных мореплавателей с обычными пиратами. Но их выжившие потомки, ставшие королями, князьями и герцогами, не забудут своих пращуров никогда.

Добытое погрузили на телеги (для кия потребовалось целых две) и отправили в крепость в сопровождении дюжины бойцов.

Остальные, прихватив с собой оставшиеся телеги и пленных, отправились дальше – к месту следующего крушения.

В крепость мы вернулись затемно. И не обошлось без приключений. На месте гибели третьего драккара мы обнаружили людей феодала-соседа. Два десятка вояк и вдвое больше гражданских.

Вояки поначалу приняли нас за людей погибшего тана и приготовились сдать позиции и убраться восвояси, поскольку знали, что забрались на чужую делянку.

Не успели.

Среди добытых трофеев оказался очень недурной лук, которым я и завладел. Стрелок из меня, даже после тренировок Бури, весьма посредственный. Но со среднестатистическим английским лучником я вполне могу потягаться. А если войду в транс «открытых врат», то на некоторое время вообще стану местным снайпером. Понятно, что до моего сына Вихорька мне и тогда будет далеко, но положить две стрелы из трех в полуростовую мишень на дистанции сто метров, пожалуй, сумею.

Вечером был пир. С пивом и девочками. А вот публичных казней не было. Все, кого Рагнар посчитал нужным прикончить, уже отправились в мир иной.

Конунг толкнул речь. О том, что дерьмо случается, но в целом удача на нашей стороне, потому что задача у нас какая была? Проверить обороноспособность местной военщины. И мы ее проверили. И установили, что англичане – слабаки. Теперь наша текущая задача – благополучно добраться до дома, собрать войско и взять эту добрую землю вместе с ее тихим и трудолюбивым населением. В общем, прийти и воцариться.

А чтобы реализовать этот простой и позитивный план, нам нужно плавание, способное доставить нас домой. Поэтому сегодня мы отдыхаем, а завтра займемся постройкой драккара из имеющегося в нашем распоряжении материала. Спешить особо не требуется, потому что он, Рагнар, переговорил с пленными и прикинул, что раньше чем через десять дней убивать нас никто не придет. Пока весть дойдет до местного конунга, пока тот соберет войско, пока они заявятся сюда, полмесяца минет. Так что пьем, кушаем, развлекаемся и думаем о хорошем.

Наши радостно заорали и принялись веселиться, а конунг поманил меня пальчиком и сообщил, что у меня будет особая миссия: пока владеющие искусством кораблестроения будут собирать драккар, я с двумя десятками бойцов должен сбегать в расположенную на территории феода святую обитель и помочь ее обитателям достичь святости. То есть обеднеть и умереть.

И вот мы едем по дороге к монастырю. Ведет нас свободный англичанин по собственной свободной воле. То есть сам вызвался. Он монастырю должен. И если бы на его родину не пришли мы, кровожадные северные дьяволы, то весной он перестал бы быть свободным землепашцем и вместе с семьей поступил бы на монастырское обеспечение. Весьма скудное, поскольку монахи заботившиеся о спасении души рабов, держали их в строгости и кормили через раз. Не будет монастыря – не будет долга, рассуждал этот добрый христианин.

И вот мы едем по вполне приличной по средневековым меркам дороге. Вокруг – лес. Хороший лес. Вековой. Обильный дичью, практически не пуган-

ной. Лес принадлежит монастырю. Дорога тоже. Проезд по ней платный. Вернее, был. Возглавляющий наш отряд Укси Плешивый приказал убивать всех, кто имел несчастье попасться нам по дороге. Монастырские мытари – попались.

Я еду рядом с Укси, слушаю, вернее, не слушаю его болтовню и думаю о хорошем. О своих чудных женах, Гудрун и Зарёнке, о сыновьях, о моем брате Свартхёвди Медвежонке, о моем маленьком, но славном хирде, каждый воин которого мне близок и дорог. Я думаю о моем поместье на острове Сёлунд и о моей крепости на будущем Замковом острове, который расположен в глубине будущего же Выборгского залива. Крепости, чья ценность многократно увеличивается оттого, что мимо нее проходит альтернативный путь из Балтики в Ладожское озеро. А если пожелается, то и на юго-восток, к Волге. Я думаю о будущей Руси, которую северяне называют Гардарикой, страной городов. Вернее, городков, которые стоят на великом пути на юг. Пути, который мечтает подмять под себя мой бывший конунг Хрёрек, ставший теперь новгородским князем Рюриком. Или Рёрехом, как произносят его имя мои братья-варяги.

Я еду по нортумбрийской дороге, проложенной через нортумбрийскую дубраву, и отчетливо осознаю: мне нечего здесь делать. Мне ничего не нужно тут. Ни в Нортумбрии короля Эллы, ни в этой разделенной на множество королевств будущей Англии. Нет, это хорошая земля. Богатая, перспективная, заселенная куда гуще, чем земли моей будущей родины. Земля, обильная природными богатствами и правильно воспитанным человеческим ресурсом. Здесь лорды – настоящие лорды, а не сухопутные аналоги морских конунгов. Я запросто могу стать таким лордом, если буду рядом с Рагнаром, когда он завоюет Англию. А он ее завоюет, потому что дружины английских феодалов и стоящих над ними корольков не в состоянии противостоят хирдам викингов. Они будут отсиживаться за стенами городов, надеясь, что язычники-норманны разграбят дома их подданных и уйдут. Так уже бывало. Так Рагнар ушел из ограбленной им Франции.

Но отсюда Рагнар не уйдет. Я же вижу, как рачительно он относится к захваченной крепости тана и местному народонаселению. Не ограбить, а овладеть – вот его цель.

Но сейчас мы идем именно грабить. И такая установка тоже понятна, ведь именно духовенство и его имущество – сила, которая объединяет английских корольков и все здешнее народонаселение. У духовенства есть земли и деньги. А также сила и авторитет, чтобы всё это удержать. Деньги – это ключ. Потому что война требует денег. Здешние воины не станут сражаться исключительно за идею. Нет, за идею тоже могут. Например, идея ватиканских святош вполне работоспособна. Воины Христа – против диких язычников. Прекрасный лозунг. Но лозунги не кормят. Потому воинам приходится искать варианты. Та же армия крестоносцев, насколько я помню, начала свой славный путь освобождения Гроба Господня с захвата Константинополя и искоренения своих братьев во Христе, но восточного толка. Свершили то, что не вышло у воинов ислама. Которым в итоге достался и Константинополь со всеми подвластными землями.

А вот Рагнар в религиозном вопросе вполне толерантен. Под его знаменем кто только не воюет. И здешние крестьяне точно не станут противиться дамам и их законам, если решить вопрос с теми, кто нарек нас «исчадиями ада».

Для простолюдина, как показывает опыт, без разницы, кому платить налоги. А кланяться ли Христу или Тору, черни без разницы. Тор для них даже понятнее.

Полагаю, достаточно подрезать крылышки духовенству, и Англия упадет на ладонь Рагнара, как созревшая слива.

– Так что ты скажешь, Ульф? – ворвался в мои мысли хриплый голос Плешивого. – Нравится тебе мое предложение?

«Какое?» – едва не сорвалось с моего языка. Но я вовремя его прикусил. Хольду не понравится, что он вот уже полчаса говорит в пустоту.

– Тут надо подумать, – уклончиво пробормотал я.

– А что тут думать! – заявил Плешивый. – Главное свойство этих жрецов – жадность. Как только ты скажешь, что намерен принести дары их богу, так они тут же распахнут перед тобой любые ворота. Помнишь, как это было в Луне?

Как было в Луне, я помнил. Жадность тамошнего руководства подарила нам город, взять который мы бы ни за что не смогли.

У здешнего монастыря стены были пониже и пожиже. Но они были. Судя по описанию, полученному от нашего проводника, то были весьма неплохие стены, преодолеть которые нашими силами будет непросто.

– А если они уже знают о нас? – возразил я. – Этого достаточно, чтобы сделать их подозрительными.

– Да ладно! – отмахнулся хольд. – Стоит им увидеть золото...

– У тебя есть золото, которое можно им показать? – поинтересовался я.

Укси осекся.

Нет, золото у него было. Прямо сейчас я видел на его руке неплохой такой браслетик граммов на пятьдесят. И заколка его плаща, которую он сейчас инстинктивно накрыл ладонью, тоже была не из бронзы.

Золото было, но расстаться с ним даже ненадолго, даже со стратегическими целями для Плешивого было... противоестественно.

Но пришлось.

Сам предложил.

Понятно, что соваться к монахам в одежде типичных викингов не стоило. Поэтому я и мои спутники частично переоделись. Я заменил кольчугу на кожаный доспех одного из убитых мытарей. Личных знаков на доспехе не имелось, так что вряд ли его признают. Золото с себя я тоже снял и спрятал в сумку на поясе. Всё, кроме одного перстенька, который пожертвовал в общую копилку. Типично викингский шлем завернул в ткань и прицепил к поясу. Обувь, штаны и рубаху из тонкой шерсти менять не стал. Да, на моей одежде – скандинавская вышивка. Но эти вещи вполне могут быть трофеями. Качество у них такое, что от них даже тан не откажется, не то что простой свободный воин-керл, за которого я намеревался себя выдавать.

Спутники мои тоже избавились от самого приметного и нацепили плащи убитых мытарей, предварительно убедившись в том, что и на них нет меток прежних хозяев.

И вот, спустя полчаса после принятия судьбоносного решения, я стою у ворот монастыря. Рядом со мной – четверка данов, изображающая местных ратоборцев, а в руке у меня – заветный сундучок с откинутой крышкой. Волшебный сундучок, чье волшебство уже в действии.

– Вот преподобному больше заняться нечем, кроме как с тобой толковать! – заявил привратник.

Пришлось предъявить «пропуск» – содержимое сундучка – и пояснить, для чего оно предназначено.

И не более чем через пять минут перед нами открылись... нет, не ворота. Калиточка сбоку от ворот. Зато сразу за ней меня встречал не абы кто, а лично настоятель. Его преподобие милорд Годвин.

– Вот, – сообщил я, почтительно склонив голову и очень надеясь, что акцент меня не выдаст. – Хотим пожертвовать, милорд. Взяли у норманнов. Господь направил их корабль на скалы.

Не выдал меня акцент. Может, не так уж он и силен, а может, ему не придали значения. Кучка драгметаллов в сундучке – вот что было центром внимания.

– Воистину так, – одобрил настоятель, упитанный дедушка с фиолетовыми прожилками на носу и щеках и такими скверными зубами, что сразу ставилось понятно: недостатка в сладостях у него нет. – Пройдем же... Как тебя зовут, воин?

– Николас, – пробормотал я, скромно потупившись.

– Пойдем, сын мой Николас, – предложил настоятель.

Шаг у него был неторопливый. В отличие от языка. Говорил преподобный без остановки. О том, что всё в руках Господа. О том, что норманны не есть люди, а есть кара, насланная Господом за многочисленные грехи местного населения, причем грешит население, а им, людям праведным, приходится страдать: и за ворота не выйти, и паломников в такое опасное время фиг дождешься. Еще о том, что я поступаю совершенно правильно, передавая норманнское золото ему, поелику золото это – дьявольское суть. И лишь лоно святой церкви способно его очистить. А землю от нечестивых язычников вскорости очистит король Элла.

– Сердце нашего короля далеко от добродетели, – настоятель скорбно покачал головой. – Надеюсь, Господь вразумит его и он вернет взятое несправедно [252]. Жестокий он человек. И на расправу скорый. Однако ж и норманнам спуску не дает. Скоро он будет здесь и накажет северных дьяволов.

Мне стоило немало труда сохранить покерфейс.

– Наш король... – пробормотал я. – И как скоро?

– Может, уже сегодня, – жизнерадостно сообщил настоятель, поднимаясь по ступенькам.

Я оглянулся на спутников.

Нурманы, как было оговорено, потупили бородатые личики и исподлобья изучали монастырское подворье и ворота.

Ворота были качественные. С мощными петлями и брусом-засовом, уложенным в железные скобы.

При воротах – охрана. Не монахи, бойцы. Четверо. Еще с полдюжины слонялось по двору, и вряд ли это весь монастырский гарнизон.

Нет, захватить монастырь мы, скорее всего, сумеем. А что потом?

То есть я знаю, что потом. Грабеж. Планомерный, основательный, а главное, небыстрый. И ускорить этот процесс мне не по силам. А тем временем войско короля Нортумбрии где-то рядом. Вряд ли настоятель соврал. Зачем ему?

Я еще раз оглянулся. Даны ждали команды. От меня. Для них расклад был очевиден. Они захватывают и удерживают калитку (с воротами много возни), а я беру в заложники настоятеля и тяну время, пока весь наш отряд не окажется внутри.

Все просто, если не принимать в расчет новости.

Мне нужно было принять решение. Например, проигнорировать слова преподобного Годвина. Врать тому вроде незачем. Но ведь он мог и ошибаться. А если сказанное – правда, то тут уже два варианта. Оповестить Рагнара о скором появлении королевского войска, отправив к нему гонца, нет, двух гонцов. Одного – к Рагнару, второго – дальше по дороге наблюдателем. И попытаться реализовать первоначальный грабительский план. И второй вариант: просто отдать ценности и уйти.

В пользу последнего варианта говорило многое. У нас ведь каждый человек на счету. Кого-то мы точно потеряем при штурме монастыря. Вон какие крутые парни его охраняют. Так глазищами и зыркают. А если мы вдобавок и вернуться не успеем вовремя, то ослабим невеликое воинство Рагнара еще больше.

Ах да, есть еще третий вариант. Королевское войско застукает нас за грабежом.

В общем, знака я не подал. Вошел внутрь, совершил все необходимые движения, благо сам ритуал входа в церковь был мне более-менее знаком, отдал сундучок и покинул храм, получив заверения настоятеля в том, что я здесь отныне желанный гость и всегда могу рассчитывать на койко-место в монастырской «гостинице», а уж благожелательное отношение самого милорда Годвина – это само собой разумеется.

Как в воду глядел преподобный любитель сладкого.

– Ты что творишь? – набросился на меня Укси, едва мы оказались вне видимости со стен и воссоединились с остальной командой. – И где мое золото?!

– Наше золото! – рывкнул я. И «включил ярла»: – Меня слушай! Король Элла идет сюда!

– Ну и пусть...

– Нет, не пусть! Главный жрец сказал: они его ждут уже сегодня!

Вообще-то настоятель сказал: «может быть», но немного сгустить краски не помешает.

Дошло. Видимо, тоже представил картинку: королевское войско ловит с личным грабителей святыни.

– Конунг должен это узнать, и чем скорее, тем лучше! – Я снова «включил ярла».

Плешивый был в нашей команде главным. По должности, но не по статусу.

– Конунг узнает, – проворчал Укси. – Золото ты зачем отдал?

– А что я, по-твоему, должен был сделать? Схватить его и бежать? Уймись! Если вернемся домой, я отдам тебе из своего. Всем отдам! – повысил я голос.

– А если не вернемся? – агрессивно крикнул кто-то из хирдманов.

– А если не вернемся, на хрена тогда тебе золото? – парировал я.

– Но...

– Хорошо болтать! – перехватил инициативу Плешивый. – Бросайте эти дерьмовозки! Мы возвращаемся!

– Эй, а вы что же, не станете громить монастырь? – возмущенно завопил

наш проводник, встав на моем пути.

Язык Севера он понимал очень условно, но главное уловил.

Зря он влез. Забыл, с кем имеет дело. Нет, я бы его просто отпихнул, но англичанин обратил на себя внимание Укси, а Укси – это не я. Оплеуха сбила англичанина с ног, и наконечник копья вошел ему между ребер. На полпяди. Как раз до сердца.

Плешивый наступил на бьющееся в агонии тело, обтер о рубаху должника наконечник копья и рывкнул:

– Бегом!

И мы побежали.

Глава пятая. Убьем их всех!

– Копьем! – заревел Рагнар. – Берегись!
Горизонтальный просвет между краем шлема и краем щита. Вижу сквозь него строй англичан. Стена щитов, щетина копий.

Мой щит дергается. В него угодила стрела. Седьмая по счету. Левая нога вперед, правая – подшаг, левая – вперед...

– Вер! Трик! Хер! Ек! Ком! Вер! Трик!..

Берегись, мы идем!

Плечо к плечу, щит к щиту. Остается семьдесят шагов, шестьдесят... Звонкий удар по макушке шлема. Стрела. Вскользь. Тридцать...

Мы не стали отсиживаться за стенами в роли мишеней для английских стрелков. Так решил Рагнар.

Король Элла пришел. Тем хуже для него. С дружиной пришел, с несколькими сотнями лучших воинов Нортумбрии.

Тем хуже для них.

С ними еще полтысячи бойцов: дружины танов, фирд[253] ...

Тем хуже для них и лучше для нас. Убьем их всех, и больше никто не станет у нас на пути!

Так сказал Рагнар Лотброк. Один дан стоит десяти, нет – двадцати англичан. Убьем их всех! Сдерем шкуру с их конунга! Заберем его золото! Оттрахаем его дочерей! Убьем ярлов! Отнимем трэлей! Мы – даны! Боги Асгарда глядят на нас! Пусть гордятся нами!

Вер! Трик! Хер! Ек! Ком!

Тридцать шагов. Я вижу глаза англичан. Их вдесятеро больше, но им страшно. Мы – норманны, мы – их кошмар! Они тоже кричат.

А мы – замолкаем. Короткий разбег – и острие клина ударяет в английский строй. Острие – это Рагнар. Я слышу вопли и грохот. Упираюсь плечом в спину того, кто впереди, готовясь навалиться, чтобы продавить вражескую стену. Но в этом нет нужды. Я не вижу, что там, впереди, но это и так понятно. Конунг и его лучшие хольды вспороли английский строй. Все его шеренги. Мы уже внутри. Очень тесно. Зато тянуться не надо. Колю мечом поверх щита. И еще раз, и еще...

Прошли. Вижу английских лучников. Они бегут. Разворот. Перестроение. Раньше я был в хвосте, теперь – почти на острие клина. Но теперь – легче. Перед нами не сплоченный строй, а смешавшиеся шеренги.

Щит трещит, выворачиваясь из рук. Наконечник копья пробил и шкуру, и доску.

Удержал – и снова едва не выронил. Топор хускарла за моей спиной срубил

копейное древко. Спасибо, друг, что едва меня не прикончил. Какой-то англичанин тут же воспользовался тем, что мой щит ушел вниз, и метнул в меня секирку. Тот же хускарл, что меня подставил, меня и выручил: сбил топорик собственным щитом.

Наш клин увяз во вражеских шеренгах. Стало так тесно, что даже топорами приходилось не рубить, а колоть. Шаг, подшаг, толчок, шаг... Мы продавливались через англичан, раздвигая их, как плуг вспахивает землю. Отодвигая камни, разрывая корни, отжимая в стороны... Ступни искали опору между павших, мертвых и еще живых, которые норовили вцепиться в ногу, резануть ножом по щиколотке...

Мой сосед, кажется его зовут Лодин, не уберется. Закричал, задергался... Его ударили снизу, под кольчугу, в пах. Убийце тут же размозжили лицо ударом ноги и добили, но Лодину уже не помочь. Он выл, истекая кровью, но двигался вместе со всеми, подпертый с четырех сторон, висел, не падая. Древко его копья давило на мою шею, но я не мог его сбросить. Мой меч работал, будто игла швейной машинки. Не так быстро, но так же точно и уверенно. На меня напирали сзади, я давил в спину того, кто впереди, жмурился, когда кровь брызгла в лицо... Шаг, подшаг...

Свобода! Я едва удержал равновесие, когда спина, в которую я упирался, внезапно перестала сопротивляться. Мы второй раз прошли через англичан...

А, черт!

Стрелы! Почти в упор!

Я присел, пытаюсь укрыться за потяжелевшим щитом, и толчок сзади сшиб меня с ног. Хирдман, который был за мной, тот, что отрубил древко копья, пробившего мой щит, сбил меня с ног... И сам повалился на меня сверху, прошитый сразу несколькими стрелами.

А я хрипел, задыхаясь, упираясь в землю локтями, удерживая стоявший ребром щит. Передо мной – мертвое лицо Лодина, на мне – дергающееся в агонии тело соратника. Он снова спасал меня. Я слышал, как английские стрелы втыкаются в него, прошивая броню. Лучники были где-то близко, может, в каких-нибудь десяти шагах...

Новая тяжесть навалилась на меня. Запахло кровью и мочой. И еще один...

Если бы я не ухитрился поставить щит углом, уже задохнулся бы.

Надо мной, вокруг меня, прямо на мне шел бой. Там убивали и умирали. Рев наших, вопли нортумбрийцев, в которых с каждой минутой все больше ярости и торжества... И, наконец, грозно-яростный отчаянный рев Рагнара-кунunga, перекрывший все прочие звуки. Рев, перешедший в хриплый вой и оборвавшийся.

Мы проиграли.

Глава шестая. Николас из Мунстера

Лежать под грудой тел несладко, но выбираться я не спешил. Умереть я еще успею.

Что будет дальше, я примерно представлял. Сейчас победители разберутся с живыми: своим помогут, врагов либо повяжут, либо добьют. Потом часть бойцов во главе с вождем отправится готовиться к празднику победы, а часть под контролем доверенных людей начнет обирать трупы. Рано или поздно очередь дойдет и до моей тушки. И – смотри выше. Либо повяжут, либо добьют. Оба варианта мне как-то не симпатичны.

Что в альтернативе? Собственно, тут вариант только один. Выдать себя за англичанина или их союзника. Недавно у меня уже получилось. Правда, тогда у меня был отменный инструмент для отвода глаз. Золото. Сейчас наличие золота будет минусом, а не плюсом. Безусловный же плюс: я жив и цел. Так что будем ждать и терпеть.

Ждать пришлось долго. Время течет медленно, когда лежишь среди мертвецов и под мертвецами, дышишь с трудом, шевелить можешь только правой рукой, а единственное развлечение – напрягать и расслаблять мышцы, чтобы они не превратились в дерево к тому моменту, когда понадобится действовать. Ах да! Еще у меня была прекрасная возможность слушать стоны и вопли раненых, ощущать холод земли, наслаждаться запахами дерьма и крови и радоваться, что эта кровь – не моя.

Впрочем, вскоре я впал в некое подобие транса и перестал испытывать неудобства. Тело мое напрягалось и расслаблялось практически самостоятельно, а разум пребывал в странном спокойствии. А еще где-то неподалеку был мой Волк. И я знал, что он окажется рядом, когда понадобится.

Время пришло.

– За ноги, Уолли! Тяни его! Тяжелый же кабан! Да аккуратней, штаны ему не порви! Это теперь мои штаны! Га-га!

– Не боишься крысить, Гаррик?

– Что несешь, дурень! Глянь, сколько на нем всего. А ты о каких-то засратых штанах.

Пора. Я жалобно застонал, просипел по-английски:

– Спасите... Ради Христа... Спасите...

– Слышишь, Уолли, мертвый нурман по-человечески заговорил! – Мортус по имени Гаррик снова гоготнул.

– Ради Христа... – слабеющим голосом протянул я. – Братья милосердные...

– Наш, кажись? – предположил Уолли. – Ну-ка давай...

И через минуту моя спина и ребра облегченно вздохнули. И я вместе с ними. Но от активности воздержался. Лежал личиком книзу и постанывал.

– Кровищи-то сколько... – заметил Уолли. – Как он жив, не пойму.

– Не помер, так подохнет, – оптимистично заявил Гаррик. – Давай избавим бедолагу от страданий. Нет, ты глянь, какая у него кольчуга...

– Ради Христа... Помогите... Преподобный Годвин вас отблагодарит...

Меня ухватили за плечо и перевернули на спину.

– Ты кто? – спросил мортус по имени Уолли.

– Милорд Годвин, настоятель, мой дядя послал меня... – прохрипел я как можно жалостливее. – Мой... отблагодарит...

Из-за плеча Уолли выглянула рожа второго мортуса, рожа совершенно разбойничья, надо отметить.

– Уже отблагодарил, – сообщил Гаррик, срезая с моего пояса кошель. – Ах-х-с-с...

Вдоводел в очередной раз оправдал свое имя.

– Ты! Змей! – воскликнул Уолли, хватаясь за нож и очень удачно отшатываясь на удобную для укола дистанцию.

Сам виноват, Уолли. Не оставил мне выбора.

Я приподнялся, чтобы оглядеться. Организм слушался плохо. Еще бы. Несколько часов проваляться практически в неподвижности. Спасибо хоть

правая рука работала и сработала как надо. Поле боя выглядело... Как поле боя. И так же пахло. Гибель моих «спасителей», похоже, прошла незамеченной. Других собирателей трофеев поблизости не было, да и видимость оставляла желать. Пасмурно. О! Фляжка! С элем! Мечты сбываются.

Промочив горло и восстановив подвижность, я первым делом избавил старину Гаррика и старину Уолли от уже ненужных им вещей. Несколько кошельков, среди которых был и мой собственный. Учитывая мое нынешнее положение, деньги мне не помешают. Позаимствовал я также рубаху Гаррика. Замерзнуть ему больше не грозило, а мне надо прикрыть кольчугу и выглядеть поскромнее. И еще плащ. Простой, но добротный, явно английской работы. Самое то для маскировки. Шлем – в сумку. Похожу пока с непокрытой головой. Потом подберу что-нибудь характерно английское.

Немного поразмыслив, снял кошель и с двух погибших соратников. Думаю, им было бы приятно узнать, что их личные средства помогут выжить своему, а не достанутся врагу.

Теперь – припрятать тела Гаррика и Уолли, и можно выбирать. Ага. И еще вот это копьцо прихватить, чтоб оружие в руке, и щит за спину.

Чуть не забыл. Я же собираюсь выдать себя за христианина, а главного символа у меня и нет.

От крестика Уолли я отказался сразу. Именной: «...спаси и сохрани Уоллеса Лея». А вот Гарриков – самое то. Серебряный, с вырезанной на перекрестии фигуркой Спасителя. Ни намека на индивидуальность.

Теперь я готов.

– Стоять! Не знаю тебя! Кто такой?

Как и следовало ожидать, вход-выход на поле боя был ограничен. Слишком много добра скопилось на этой территории.

Опять-таки недобитые враги могут попробовать сбежать...

– Я тебя тоже не знаю.

Судя по одежке, невелика сошка.

Но резкий. Тут же на меня наконецник копья направил.

Я небрежно отодвинул его собственным копьем. Не спеша, чтобы не было воспринято как угроза.

– Мой господин – милорд Годвин. Преподобный, – я снова прибег к той же легенде. И тут же оперся на древко, изображая слабость. Причем даже особо стараться не пришлось. Бодрости во мне осталось – воробью три раза чирикнуть.

– Ты ранен?

Второй. Этот не бычит. Глядит с сочувствием.

– Помяли немного. Мне б поесть...

– Там, – второй махнул в сторону крепости. – Пить хочешь?

– Нет, – я показал на трофейную флягу. – Уолли дал.

– Знаю Уолли, – вмешался первый. – Уолли – добряк!

Оба заржали.

– Ты это, помылся бы, – сказал второй. – Воняет от тебя похуже, чем от пса, сдохшего от поноса.

– Сам чьих? – снова построжел первый. – Говор у тебя ненашенский.

– А ты чуткий, – я выдавил смешок. – Я из... – вовремя вспомнилось ирландское: – Мунстера. Это...

– Ирлашка, – пренебрежительно бросил первый. – Так и знал, что ты чужак. Зачем здесь?

– Затем. Норманнов убивать, ты, про... – Я сделал вид, что проглотил ругательство.

– Отстань от него, Гровер! – вмешался второй. – А ты иди в крепость, поешь да отдохни. Досталось тебе.

– Отдыхать некогда, – я покачал головой. – В монастырь надо. Милорд гневаться будет. Строг.

– Зато платит щедро, – второй кивнул на мои сапоги. – Побольше нашего тана.

– Уж верно, что побольше, – подтвердил я. – Но сапожки я не покупал. У норманна забрал. Три дня назад.

– И он так вот просто тебе их отдал? – спросил первый с такой интонацией, что мне захотелось сделать ему больно.

– Просто, керл, под кустом гадить, – буркнул я. – А из тебя бы тот норманн точно всё дерьмо выпустил!

– А ты, значит, великий боец, ирлашка?

– Хочешь проверить? – Я угрожающе шевельнул копьем и тут же снова на него оперся, изобразив потерю равновесия.

– Гровер, довольно! – вмешался второй. – А ты не задирайся. Сам же на ногах не стоишь. Иди в крепость. И отдохни. А утром наверняка в ваш монастырь раненых повезут. И ты с ними.

– Точно! – Я хлопнул ладонью по лбу. – Так и будет. Совсем ум растерял, пока под дохлыми нурманами провалялся.

И заковылял к крепости, опираясь на древко копья.

Подозрительный Гровер проводил меня недобрый взглядом, но остановить не пытался.

Но попытается, если я вдруг сменю направление.

Но я не сменю. Мне тоже нужно в крепость. Потому что прежде, чем вернуться домой, я должен узнать о судьбе Рагнара. И если конунг мертв, что скорее всего, то рассказать сыновьям о том, как погиб отец. Это важно.

Глава седьмая. Язычник должен умереть

Элла, король Нортумбрии. Суровый светловолосый и светлородый мужик с тоненьким обручем короны и широким поясом, обремененным разными предметами, самым крупным из которых был меч в ножнах, обтянутых алой тканью. Король возвышался над Рагнаром на полголовы.

Это потому, что Рагнар стоял на коленях. А на коленях он стоял потому, что два здоровенных ублюдка изо всех сил давили ему на плечи, а еще трое держали натянутые цепи, закрепленные за спиной на руках конунга, железном обруче вокруг туловища Рагнара и кольце-ошейнике, сдавившем напрягшуюся, с вздувшимися жилами, шею Лотброка. И, несмотря на железо, им приходилось напрягать все силы, чтобы удерживать конунга данов в столь неестественном для него положении. Лев остается львом даже в цепях.

Но Рагнар не был львом. Он круче. Он был повелителем морских драконов. Король Нортумбрии наверняка это чувствовал, потому что не рискнул подойти к скованному пленнику вплотную.

– Кто ты? – спросил король. – Как тебя зовут, норманн?

Монах-толмач начал переводить, но Рагнар понял и без перевода.

– Я – твоя смерть! – рыкнул он.

И король его тоже понял без перевода.

– Тебе лучше отвечать государю, – сказал монах-переводчик, косясь на своего монарха. – И тогда смерть твоя будет легкой.

Рагнар расхохотался.

От этого смеха даже я поежился, а кое-кто из окружения Эллы даже за оружие схватился.

– Я убил пятьдесят твоих людей, конунг, и еще одного! Я победил в восьми великих битвах и десятках схваток помельче. Я убил тысячу врагов и двадцать шесть великих воинов, которые станут прислуживать мне в Валхалле!

Голос Рагнара, казалось, заполнил всё вокруг. Никто не смел перебить или остановить пленника.

– Почетное место ждет меня за пиршественным столом Всеотца! – прогудел Рагнар. – Давай, англичанин, сдери с меня шкуру! Выпусти мне кишки! Дай порадовать асов моим последним подвигом! Я сам подскажу тебе, что делать, потому что ты никогда не придумаешь того, что могу придумать я, любимец Высокого!

– Что он говорит? – спросил Элла толмача, который забыл о своей профессии и безостановочно крестился.

– Хвалится своими бесовскими божками, – пробормотал монах. – Убей его поскорее. Его место в аду, а не среди людей.

– Он назвал свое имя? – спросил король.

– Нет. Хвалится, что перенесет любые пытки.

– Что ж, – король поглядел вниз, на пленника, – я могу узнать его имя от кого-то другого. Кенельм, сколько у нас пленных? – обратился он к одному из воинов свиты.

– Пятеро, ваше величество. Но если вы хотите кого-то из них допросить, следует поторопиться. Двое до завтра точно не доживут.

– Пятеро? – вздернул бровь король. – Только пятеро?

– Они хорошо сражались, ваше величество. И вы ведь велели взять живьем только их предводителя. Мы его взяли. Остальные...

– Я тебя понял, Кенельм, – отмахнулся Элла. – Что ж, проверим, так ли этот хорош, как хвастает. Редманд! – он повернулся к другому военачальнику. – Этого в подвал. И присматривать за ним в десять глаз. Завтра мы возвращаемся в Йорвик[254]. Этого берем с собой.

– Язычник должен умереть, ваше величество! – влез еще один из королевской свиты, судя по одежке – представитель церковной верхушки.

Король глянул на него мрачно, бросил:

– Он умрет. Но не в этой глуши. Мои подданные должны видеть, как я караю норманнов!

– Это очень мудро, ваше величество, – моментально согласился святоша. – С Божьей помощью вы избавите нас от этой напасти!

– Да уж постараюсь, – буркнул Элла.

«Мечтай!» – подумал я.

Если он казнит Рагнара и его сыновья об этом узнают, я не дам за шкуру королька и медного пенни. Единственный шанс Эллы – попробовать договориться с пленником. Богатые дары и почетное возвращение домой.

Тогда, возможно, Рагнар даст ему возможность побыть королем еще немно-

го.

Вопрос: как это сделать? Теоретически все понятно. Надо пробиться на аудиенцию, рассказать королю, кого он захватил, изложить свое видение ситуации... И с большой долей вероятности разделить с Рагнармом тюремную камеру. Даже если король проникнется моей позицией, есть еще церковники, чей авторитет наверняка побольше моего, а они никаких компромиссов не допускают. «Язычник должен умереть!» А уж вероятность того, что Рагнарм согласится креститься, даже не равна нулю. Она отрицательная.

Однако что-то предпринять я должен. Я пришел сюда с Рагнармом, и если уйду без него, то должен быть уверен, что сделал всё, что мог. И дело даже не в совести, хотя и в ней тоже. Дело в том, что есть Ивар, Сигурд, Бьёрн... Сыновья. Которые могут разочароваться во мне, если решат, что я мог помочь их папе – и не помог.

А разочарованный Ивар... Я такое даже врагу не пожелаю. В общем, если войско Эллы возвращается в столицу, я пойду с ними. И было бы неплохо сделать это легально, а не тайком.

Время для легализации у меня имелось. Даже скомандуй король-победитель выступить утром, войско выполнить его распоряжение нежелало бы. Да и не смогло бы.

Сначала битва, потом дележка трофеев, потом – пир, на котором эль потреблялся бочками.

Тут не каждый-то и проснуться бы смог раньше полудня.

Король Элла дураком не был и поднимать своих чудо-богатырей в поход в приказном порядке не стал.

Хотя, как мне стало известно позднее, оставлять надолго свою столицу Элле категорически не хотелось. Потому что далеко не все было гладко в самом королевстве Нортумбрия, и значительная часть его населения полагала Эллу правителем... не вполне легитимным, мягко выражаясь.

Потому Элла никаких суровых приказов отдавать не стал. Он поступил проще. Велел припрятать еду и выпивку.

Однако военная элита на то и элита, чтобы находить хавчик и бухло везде и всюду.

Конечно, развернуться по-настоящему победоносному воинству было нельзя. Чай не вражеская территория, а своя, так что грабить и тем более красть категорически запрещено. Потому пришлось королевским чудо-богатырям, танским дружинникам и примкнувшим к королевскому войску ополченцам, тем, которые тоже не спешили домой, пойти по сложному пути. То есть покупать еду и выпивку за свои кровные, то есть кровью своей и чужой заработанные.

И ушлые торговцы вкупе с местными свободными жителями тут же поспешили удовлетворить возникший спрос. Причем цены задрали под облака.

Еще позавчера я был уверен, что викинги разграбили окрестности подчистую, но, глядя на этот стихийно разросшийся рынок, понял, что ошибался.

Даны не экспроприировали и половины припасов. Нет, все-таки богатая страна эта Англия. Вернее, Нортумбрия.

Но были среди тех, кто прибыл подзаработать на голодных желудках королевской гвардии, и персонажи, которые могли оказаться весьма полезными в деле легализации.

То были мои знакомцы из монастыря, который я недавно проспонсировал.

Скромные монахи прикатили аж на пяти телегах. И настоятель Годвин с ними. В возке попримичнее. Преподобный сразу двинул к королю. Засвидетельствовать почтение, заверить, что раненым будет оказана вся необходимая помощь, а кому она уже не нужна – духовная поддержка в загробном мире. Лучше прогнуться, а то Элла такой... Решит, что монастырь должен внести свой вклад в войну с викингами, – и одним почтением уже не отделаешься.

Меня визит преподобного Годвина застал врасплох. Ночевал я на свежем воздухе под стеной снаружи и увидел подъезжавший к городку монашеский поезд еще издали. Первая мысль: укрыться где-нибудь в темном уголке или вообще свалить куда подальше. Моя легенда монастырского наемника-ирландца могла запросто «подвести меня под монастырь», если правда вскроется.

А с другой стороны... Что знает обо мне настоятель? Что меня зовут Николас. И я лопух, который отдал ему золото викингов.

О золоте преподобный точно не станет распространяться в присутствии короля Эллы, который имеет полное право претендовать на «трофей». Ведь это он только что разбил войско страшных норманнов.

Так что не болтать лишнего явно в интересах настоятеля. А если подумать: кто слышал мои слова о том, что я служу преподобному? Два покойника-мортуса да двое королевских вояк. Как-то сомнительно, что они, даже недоверчивый Гровер, станут выяснять, как именно я служу настоятелю Годвину.

В общем, я рискнул и пошел завтракать. На местный рынок, разросшийся сегодня вчетверо.

В обмен на три медные монетки мне выдали глиняную кружку с элем и завернутой в свежее испеченную лепешку кусок только что поджаренной баранины с гарниром из овощей, приправленной травами и щедро политой кисло-сладким медовым соусом.

Судя по высказываниям других покупателей «староанглийской шавермы», цена была существенно завышена. Ну так вольному воля. Кому мясо не по деньгам, может угоститься кашей и вареной рыбой. Ну или водичкой из реки.

Победители, впрочем, не жадничали. Платили.

Я устроился по соседству с четверьмя вояками из королевской (судя по расцветке и качеству облачения) гвардии, послушать, о чем они болтают (добыча, слава, девки), и проникнуться их диалектом. Глядишь, и перестанут опознавать во мне чужеземца после первой же произнесенной фразы.

Была мысль взять еще эля, угостить бойцов и набиться к ним в друзья, но решил: рано.

Отправился в крепость. Там оказалось еще болеелюдно, чем снаружи. Но часть пространства всё же освободили. Там тренировались бойцы. Надо полагать: новобранцы. Гоняли их суровые бородачи из королевской гвардии. Полезное мероприятие. В том числе и для меня. Во время боя у меня не было возможности понаблюдать, как управляют с оружием элитные воины Нортумбрии. Не до того было. Сейчас – подходящий момент.

Новобранцы не впечатляли. И это хорошо для моего плана.

Не особо впечатляли и «сержанты». Любого из них я уделал бы секунд за десять. Девять – подойти. Одна – убить. Собственно, в проигранной нами битве так и происходило. Один удар – один покойник. Но убивать «сержантов» не

входило в мои намерения. Перенять манеру биться и двигаться – вот задача. Нетрудная, впрочем. Как для мастера-танцора освоить новый, не слишком хитрый танец. Даже практика не потребуется. Просто понять рисунок и двигаться.

О! Знакомые лица. Король вышел подышать свежим воздухом. А с ним – преподобный Годвин. Кислый, как скверное пиво.

Король окинул покровительственным взором двор и зашагал к навесам, отведенным под «госпиталь». Свита – за ним. За свитой – я.

Большая часть медицинского персонала – монахи. Лечили они не только молитвами, но и традиционно. И надо отдать им должное: лечили неплохо. По средневековым меркам. Однако выглядел, звучал и пах «госпиталь» так, что сразу отпадало желание в нем оказаться. Хотя я знал, что большая часть раненых выживет. Безднадежных добивали сразу. Самые тяжелые умирали в первую ночь.

Король пообщался с ранеными, потом собрал приближенных и занялся, насколько я мог судить, организационными делами.

Настоятель остался при госпитале. В окружении младших по званию священнослужителей.

Подходящий момент, чтобы поговорить.

Преподобный Годвин меня узнал. Кивнул благосклонно, но желания общаться не выразил, поскольку пожертвований от меня больше не ждал.

Но поговорить ему придется.

Я деликатно раздвинул скопление монахов, поклонился, очень смиренно попросил благословения, получил оное, но не удовлетворился, а со всем почтением потребовал у преподобного рекомендацию. Мол, после недавней битвы и созерцания невероятной доблести королевской гвардии есть у меня страстное желание в оную вступить. А преподобный Годвин, как я заметил, пользуется у нашего короля немалым авторитетом. Не мог бы он...

Настоятелю знакомить меня с королем явно не хотелось, но послать меня подальше он опасался. А вдруг я сболтну про золото.

Так что спустя час я стоял перед королем Нортумбрии...

Который смотрел на меня, как на...

В общем, без уважения смотрел. Хотя не мог не видеть, что я – воин. И даже принимал участие в недавней битве. К счастью, на чьей стороне, он догадаться не мог. Кровь – она у всех одинакового цвета.

– Николас, значит, – процедил король, сверля меня взглядом.

Вблизи он выглядел старше, чем мне показалось раньше. Или это вчерашняя ночь так его потрепала?

– Добрый христианин и славный воин... И чем же ты славен, керл?

Если Элла думал меня смутить, то напрасно. Видал я королей и познатней нортумбрийского.

– А вот этим и славен, – я похлопал по оголовью Вдоводела, не опуская взгляда. – Думаю, вряд ли среди твоих людей найдется кто-то способный со мной справиться. А если найдется, готов служить тебе полный год без жалованья. Только за харчи.

Вот так. Сразу – к гордости и к корысти.

Элла еще с полминуты побуравил меня взглядом. Я даже забеспокоился: вдруг он сам возьмется проверить мои фехтовальные навыки? Впрочем, если

рискнет, я пусть и не сразу, но поддамся. Обойдусь как-нибудь без королевского жалованья. Ха-ха.

– Теобальд! – рыкнул король. – Вздуй наглеца!

Ого! Этот гвардеец вполне мог бы потягаться размерами с моим побратимом Свартхёвди. Еще тот бугай. Будем надеяться, что не берсерк. Еще раз – ха-ха.

Увесистый щит, меч раза в полтора тяжелее моего, чешуйчатая куртка-панцирь, шлем с гребнем... Здоровяк, одним словом. Но двигается неплохо. И взгляд осмысленный. Явно не тупой громила. Кто-то из командиров? Да наверняка. Вооружение, одежда. Местный воевода, не иначе.

– Убить его, господин, или только поучить?

– Жену свою поучи ноги раздвигать! – посоветовал я, опередив ответ Эллы, скидывая из-за спины на руку круглый щит, вполовину легче, чем у противника. Меч мой пока оставался в ножнах. Выхватывать его я умею быстро. Будет Теобальду сюрприз. А пока – приглашающий жест правой: иди сюда, красавчик!

И «красавчик» пошел. Причем бесхитростно. Вжих справа, вжих слева, вжих из-под щита по ногам...

А вот обещанный сюрприз. Я – сбоку, и выхваченный в одно движение Вдоводел тем же движением – в шею гвардейца. Легонький такой укол пониже уха. И – небольшая задержка. Чтобы противник осознал: я запросто мог бы отправить его в рай.

Обозначил и отпрянул.

Продолжим?

Не скажу, что старина Теобальд испугался. Нет. Занервничал немного. Осознал, что я мог его убить. Однако не понял, как у меня получилось. Да и остальные не особо врубались. Включая короля. Но качество моего клинка компетентные товарищи не могли не оценить. Теобальд точно оценил. Глазки у него загорелись. Такой трофей.

Все же простой парень этот Теобальд, хоть и воевода. По мировоззрению, похоже, чистый викинг. «Я хочу – значит, будет моим».

Но вскоре выяснилось: я ошибся.

И мой замечательный план – прикинуться представителем английской школы фехтования – пошел прахом. Теобальд оказался крутышом. Сообразив, что я с оружием не вчера познакомился, сразу стал внимателен и точен. Клинок его был подлинней моего Вдоводела и граммов на четыреста тяжелей. Но обращался Теобальд с ним, как художник с кисточкой. Я бы восхитился, если бы не сложнейшая задача: победить, не прикончив противника.

Но задачу эту здорово облегчило то, что мой противник тоже не спешил меня убивать. Нет, все же не викингов у него менталитет. Любой северянин, приглянись ему меч, превратил бы его обладателя в капусту без малейших колебаний.

А англичанин не торопился нашинковать меня на стейки. Работал деликатно. Оглушить, обезоружить, пришибить щитом, повредить руку или ногу. Пару раз я даже отметил, что он заранее целит не лезвием, а плоскостью.

В общем, топтались мы с ним уже минут пять без особых достижений, если не считать обоюдной усталости.

Зрители веселились, подбадривая, к моему удивлению, не только гвардей-

ца, но и меня.

– Довольно!

Это крикнул король.

– Вижу, Теобальд, этот керл тебе приглянулся, – проворчал Элла. – Возишься с ним, как с собственным наследником.

– Он хороший воин, ваше величество, – тяжело дыша, отозвался гвардеец. – Очень хороший. Вам пригодится.

– Допустим, – король одарил меня тяжелым взглядом. – На коне биться умеешь?

Я самую малость помедлил. Вспомнились французские шевалье, которым я и в подметки не годился. Ответил осторожно:

– Умею немного.

– Он твой, Теобальд, – принял решение король и махнул рукой, сообщая, что аудиенция закончена.

Я ожидал, что мой новоиспеченный командир станет интересоваться, кто я и откуда, но он спросил другое:

– Кому служил прежде, Ник?

Я пожал плечами:

– Предпоследним, кому я сослужил службу, был преподобный Годвин, – сообщил я. – А последним – наш король. Я бился вчера на его стороне.

– Это я знаю, – сказал Теобальд. – Где ты стал воином? Ты необычно бьешься, Ник.

– Главное, я делаю это хорошо! – улыбнулся я.

– И всё же?

– Несколько лет я прослужил в войске французского короля Карла, – символизировал я. – Тогда у меня была семья, дом и надел земли. Семью мою убили норманны, – я добавил мелодрамы и сделал мрачное лицо. – И всех сервов тоже. А я, знаешь, не из тех, кто сам ходит за плугом.

– Сочувствую, – произнес Теобальд без малейшего сочувствия в голосе. – Значит, ты франк?

– Нет, – я изобразил еще большую печаль. – Я ирландец из Эоханахта, что в Мунстере. Мне было пятнадцать, когда я кое-кого убил. Пришлось бежать.

Надеюсь, хольд Красного Лиса Грихар Короткий не будет в обиде на то, что я позаимствовал часть его биографии.

– Потом я много кому служил, – поведал я моему новому командиру. – Позволь угостить тебя элем, и я расскажу.

– Не сейчас, – мотнул головой Теобальд. – Король хочет, чтобы мы выступили до третьей стражи. Так что готовься. У тебя есть конь, Ник из Мунстера?

Я покачал головой.

– Я дам тебе коня из тех, что позавчера потеряли хозяина. Если пожелаешь, купишь его, когда мы вернемся в столицу. Деньги есть?

Я кивнул.

– Тогда иди перекуси. Переход будет долгим.

А что следует сделать доброму христианину перед долгим походом, да еще и после хорошей драки?

Правильно. Посетить церковь.

Церковь – это важно. Я не забыл, как прокололся во Франции, и повторять ту же ошибку не собирался. Старина Красный Лис, у которого я «украл» проис-

хождение, никогда не забывал о спасении души. Даже когда обчищал христианские монастыри. Ну, не согрешишь – не покаешься, как говорится. Вот и я при первой же возможности посетил церковь. Обычную деревенскую. Ту самую, похожую на сарай с крестом на крыше. Идеальное место, чтобы попрактиковаться в сдаче экзамена «Исповедь».

Внутри церковь выглядела не лучше, чем снаружи. Зато там «работали» сразу пятеро церковнослужителей. И к каждому – очередь. Храбрые воины короля спешили смыть с души грехи плоти.

Я смиренно встал в самую длинную. Дабы иметь возможность изучить роль, а заодно послушать, в чем именно каялись (громким шепотом) мои предшественники.

Послушать и повторить. И в очередной раз услышать от престарелого монаха, что убийство отродий Сатаны – это не грех, а заслуга перед Господом. И за такой христианский подвиг все прочие грешки прощаются автоматически.

Так что было мне и отпущение, и причастие, и доброе напутствие: не останавливаться на достигнутом и изничтожать врагов церкви всемерно и повсеместно.

Воистину. Изничтожали, изничтожаем и будем изничтожать. Например, избавляя священнослужителей от имущества. Разве не сказано в Писании насчет богатея, верблюда и игольного ушка? Я в прошлом немало потрудился, облегчая церковникам попадание в райские кущи, и, надеюсь, продолжу это богоугодное занятие в будущем.

Но исповедникам об этом знать ни к чему. Ведь сказано там же, в Писании, что не стоит хвастать благими деяниями.

Глава восьмая. Гвардеец короля

Долгий переход! Ха! За день мы прошли не больше тридцати километров. Около двадцати миль по-здешнему. Лично я даже не прошел, а проехал. Теобальд выдал мне каурой масти жеребчика со скверным характером. Видимо, решил проверить, насколько я ловок с лошадьми. Кусаться я его отучил сразу. Своевольничать – примерно через полчаса. Во всяком случае, бить задом он перестал и поводом повиновался. Однако до того, чтобы управлять им одними коленями, было еще далеко. Рысь у коника оказалась тоже не особо плавной. Но не более тряской, чем у мелких скандинавских лошадок. Хотя если этот малыш здесь считается боевым конем, то можно надеяться, что здешние рыцари по уровню тоже существенно «мельче» франкских. Что не может не радовать.

Еще мне выдали плащ королевских цветов, желтого и красного (цвета эти лишь угадывались, поскольку плащ был порядком застиран), аналогичной расцветки пояс, который я нацепил поверх собственного, и бронзовую бляху с королевским гербом: загадочной зверушкой, смахивающей на тощего кота.

Жаловаться я не стал. У большинства королевских гвардейцев и плащи, и кони были не лучше моих.

Еще мне выдали пику и щит, тоже разрисованный желтым и красным. Я заикнулся, что, мол, не отказался бы и от лука, но, оказалось, луков нашему подразделению не положено.

Но то были мелочи. Куда важнее, что мы сопровождали не только короля Эллу, но и осуществляли охрану его именитого пленника, Рагнара-конунга.

Выяснить, что это и есть знаменитый Рагнар Лотброк, англичанам так и не

удалось. Так что демонстрировали его просто как норманнского конунга. Именно демонстрировали. Рагнару оставили его одежду и доспехи, заковали в цепи и поместили в здоровенную клетку на колесах, дно которой было застелено медвежьей шкурой. Для пущей солидности. И любой желающий, будь то благородный землевладелец или ничтожный раб, мог лицезреть, какого крутого врага победил и пленил их король.

Может, поэтому мы особо не торопились. Чтобы впечатлить народ.

Рагнар вел себя...

Никак он себя не вел. Сидел на медвежьей шкуре и глядел в пространство, не обращая внимания на издевательские вопли и обидные слова, которые бросали ему англичане. Плевать ему было на оскорбления черни. Не говоря уже о том, что конунг почти не понимал по-английски. За тем, чтобы чернь ограничивалась словами, следили специально назначенные люди, не церемонящиеся с теми, кто хотел запустить в пленника камнем или дерьмом.

Еще трое пленников ехали в закрытом возке. Их я не видел, но знал, что рассчитывать на их помощь не стоит. Состояние у них настолько скверное, что их даже допрашивать не рискнули.

За Рагнара тоже пока не брались. Надо полагать, не хотели портить «товарный вид». Крутизна врага хорошо оттеняет доблесть победителя.

Рагнар, надо полагать, догадывался, почему палачи его пока не тронули. И что это всего лишь пока, тоже знал. Но – никаких внешних эмоций.

Лишь один раз лицо Рагнара чуть-чуть оживилось. Когда он увидел и узнал меня. Но только на миг. И только для того, чтобы я понял, что он меня узнал. А еще его правая рука поднялась сантиметров на десять, указательный и средний пальцы сомкнулись в знаке «молчание», а большой указал на самого Рагнара.

Я еле заметно кивнул.

Ладно. Если конунг хочет сохранить инкогнито, его право. Надеюсь, я вдохнул в него хоть немного надежды. Потому что пока даже не представлял, как его вытащить. Охраняли его плотно. И то, что я оказался в списке охранников, пока ничего не меняло. Пока.

Йорвик. Он же Эворвик, как его называли викинги. Серьезный город, серьезные стены. Снаружи я их уже видел. Когда приходил сюда под знаменем Ивара Рагнарсона. Тогда город оказался викингам не по зубам. Чтобы снести эти ворота или преодолеть такие стены, одной храбрости недостаточно. Нужна планомерная осада и стенобитные машины. Древние римляне знали толк в фортификации. И в градостроительстве. Место для города было ими выбрано отменное. Вокруг плодородная долина, рядом река. Неудивительно, что жизнь в Йорвике кипела, а застройка была, мягко говоря, плотная. Свободные места только перед королевской резиденцией да у монастыря, который тоже огражден стенами. Впрочем, попасть внутрь было несложно. Я, например, попал.

Войдя в город, мы как раз туда и отправились – в главный столичный храм. На торжественный молебен в честь великой победы Эллы над великим множеством созданных дьяволом норманнов, посягнувших на благословенную землю. Процедуру свершал лично архиепископ Йоркский Вулфер. Великое множество! Ха! Всего лишь несколько десятков. Если бы не шторм, мы бы королевское войско тонким слоем размазали по их благословенной!

Понятно, что мысли свои я держал при себе. Стоял за спиной короля и на-

слаждался искусством. Пели монахи знатно.

Церемония длилась часа три. Я даже устал стоять с непривычки. И проголодался.

Но людям служба нравилась. Умеет церковь устроить шоу. По средневековым меркам, разумеется.

Служба завершилась, и нас, победителей, причастили. Церковнослужитель вложил мне в рот кусочек лепешки, предварительно окунув его в чашу с вином.

Будем надеяться, Бог не обидится на меня за то, что я неправомерно воспользовался его благословением.

Потом, как следовало ожидать, был пир, на котором кроме эля подавали вино. Причем местное. А я и не знал, что в Англии растет виноград.

Пировали в королевской резиденции, в специально предназначенном для этого помещении: длинном, скудно освещенном зале.

Элла восседал на троне, важный и суровый. Рядом с ним – такая же суровая женщина в высоком головном уборе. Жена, надо думать. На почетном месте – архиепископ Вулфер. Важный, высокомерный... Но кушал хорошо. Я бы даже сказал – увлеченно.

Подальше – всякие важные персоны, мирские и духовные, среди которых я заметил Теобальда, а также еще двоих, имена которых я слышал во время беседы короля с Рагнармом. Военачальники Кенельм и Редманд.

Ниже VIP-персон разместились публика попроще, но, судя по одежке, тоже не из последних.

Мне отвели место в самом конце стола. Ну хоть за королевский стол усадили. Часть парней, вместе с которыми я возвращался в столицу, харчевалась отдельно. Во дворе под навесом.

Соседи мне попались неболтливые. Время на разговоры не теряли: старательно наливались элем и с такой скоростью набивали животы, словно всю жизнь жили впроголодь. Хотя не сказать, чтобы нам подавали что-то изысканное. Изысканное до нас не доходило, рассасываясь в верхней части стола. Хотя по сравнению с дорожной едой – нормально. Свежее, горячее, с солькой и приправами. Опять-таки вино, кисленькое или подслащенное медом. Кому как нравится. И рыбка неплохая, и зайчатинка. В общем, я вкушал и помалкивал, а когда кто-нибудь произносил тост за короля, вместе со всеми вставал и орал «за здравие».

Но главным образом я наблюдал. За обычаем, за обстановкой, за суетившимися слугами. Старался не выделяться. Даже косточки псам кидал, как все прочие.

Трапезничали долго. Мои соседи раздулись и распустили пояса. Простые здесь нравы. Даже отлить можно было, не выходя из зала. Прямо у стены. Хорошо хоть, не на пол, а в специальные емкости.

Пол, кстати, здесь мраморный. Скорее всего. Точно сказать трудно, потому что щедро посыпан соломой и порядком загажен. Люди и псы постарались.

Хотя что я придираюсь? Можно подумать, у моего братца Медвежонка манеры лучше!

О! Их высокопреосвященство желают сказать речь. А ничего так прикинут скромный слуга Господа. Одежки на нем весят не меньше, чем комплект брони. И это не железо.

– Тишина! – рявкнул кто-то из королевских приближенных.

Не сразу, но тишина наступила. Относительная, само собой. Собаки продолжали «общаться», снаружи тоже было шумновато. Но это ничего, голос у главного йорвикского попа оказался зычный.

– Время, дети мои, возблагодарить Господа за пищу сию! – провозгласил архиепископ.

На мой взгляд, благодарить за жратву следовало короля, но все присутствующие тут же склонили головы и сложили руки ладошками вместе. Я не стал исключением.

Молился высокопреосвященство на латыни. Начало я опознал: «Патер ностер...», но дальше понимал от силы половину, хотя в латыни уже прилично поднаторел благодаря отцу Бернару. Надо полагать, потому, что произношение у его коллеги Вулфера отличалось от идеального. Тем не менее поболтать на языке исчезнувшей империи высокопреосвященство любил, потому молился долго. Минут двадцать.

А потом мы все дружно произнесли «Амен», осенили себя, духовенство в полном составе поднялось из-за стола и покинуло мероприятие.

И началась культурная программа. Набежали музыканты, плясуны, плясуньи и клоуны: карлик верхом на свинье и гибкая смуглая девчонка, передвигавшаяся на четырех конечностях и спиной вниз в стиле «я – паук»...

В общем, праздник, праздник. Застольные песни, возникшие откуда-то девки...

– Скучаешь, Ник?

Теобальд. Мотнул головой, и один из моих соседей поспешно уступил место.

– У франков повеселее было? Ты обещал рассказать о себе, Николас.

Ну вот. Только я расслабился.

– Вино у франков точно получше, – сказал я, выгадывая время.

Так, что у нас, простых воинов, в приоритете? Деньги, девки и собственная доблесть?

О деньгах – рано. О доблести? Не думаю, что моя доблесть в рядах викингов найдет понимание.

– Девки у них хороши, – сообщил я доверительно. – Особенно благородные. Была у меня одна...

И принялся в подробностях описывать мои игры с благородной француженкой Филиси ла Брис. Пошловато, да. Но репутация девушки от этого точно не пострадает, а с «биографии» я очень удачно соскочил. Филиси рулит. А учитывая, какие мы с ней были затейники, темы хватит надолго. Вон Теобальд аж заслушался. И не только он. Еще человек пять начали греть уши. Один даже собственную девку отпихнул: так ему стало интересно.

Прервал мои эротические подвиги Теобальд. Вздохнул с сожалением, изрек:

– Потом непременно дорасскажешь. А сейчас – дело короля. Вижу, ты не особо пьян, так что...

Рагнар. Элла приказал, чтобы его охраняли непременно четверо и непременно гвардейцы. Посменный караул.

И вот я в таком карауле. Со мной – еще трое. И Рагнар. В каменной норе за решеткой. Ноги – в колодках, руки – в цепях. Голый. Больше нет необходимо-

сти демонстрировать народу грозного вождя норманнов. Но даже голый он страшен. Мои партнеры по дежурству глядят на него с явной опаской, хотя воины не из последних. Иначе не быть бы им в королевской гвардии.

Стоит пожалеть, что не попытался освободить Рагнара по дороге сюда. Шанс, конечно, был мизерный, но сейчас и вовсе никакого.

Да, наверное, я смог бы убить этих троих. Может, даже и не нашумел бы особо, поскольку от меня они точно такого не ждут. А дальше-то что? Ключей от решетки и кандалов у меня нет. Разбить замки, не нашумев, не получится. Но, допустим, никто грохота не услышит, дальше что? В королевской резиденции народу пруд пруди. И большинство – при оружии. И еще неизвестно, в каком состоянии конунг. Видно, что избили его прилично. А что еще? Я не видел, чтобы его кормили по дороге сюда. Может, он совсем ослабел от голода? Или от жажды. Или ему что-нибудь сломали для надежности. Глаза у Рагнара мутные. Взгляд пустой. Поговорить бы с ним, но свидетели...

– Говорят, ты – франк?

Один из гвардейцев. Крупный, белобрысый, плечистый. Я знаю его в лицо, но и только.

– Нет, – цежу я нехотя. – Служил их королю.

– Ну и как у них? Говорят, они там вином умываются?

Смотрю на гвардейца. В упор. Он соображает, что как-то неуважительно начал разговор. А я все-таки не хрен с бугра, а тот, кто на равных бился с их командиром Теобальдом.

– Я Слай, – говорит он. – Слай из Твида.

– Николас, – отвечаю я. – Да, вина у франков много. У меня самого там были виноградники. Меньше двадцати бочек ни разу не было, – со вздохом соврал я.

– И что? – с жадным любопытством спросил Слай. Двое других тоже навострили уши.

– Вот эти, – киваю в сторону решетки. – Родню убили, всё пожгли.

– А ты что же?

Другой гвардеец. Невысокий, пониже меня, но плотный.

– А я в Париже был. Это столица франков.

– А большой он, Париж? – спросил Слай.

– Огромный. Сотня Йорвиков в него поместится.

– Врешь!

Это низенький.

Я глянул на него ну очень сурово:

– Повтори-ка еще раз.

– Да ладно, Николас, не заводись! – вмешался Слай. – Тирел не хотел тебя обидеть. Да, Тирел?

– Ага. Не хотел, – после небольшой паузы выдавил низенький. – Само вырвалось... Извини.

– То-то, – проворчал я. – Не было такого, чтоб кто-то обвинил меня во лжи дважды.

– Ты всё же полегче, Николас, – заметил Слай. – Король поединков меж своих не одобряет. Наказывает строго.

– Честь дороже, – надменно уронил я.

Гвардейцы переглянулись. Моя позиция была им непонятна. Как, впрочем,

и я сам. Но развивать тему они не стали. И хорошо. Мне и надо, чтобы меня здесь побаивались. Репутация отморозка хороша тем, что и задевать такого опасаются.

– Расскажи о Париже, Николас, – попросил Слай. – Чего там как?

Вот это пожалуйста.

Почти все дежурство я развлекал гвардию байками о столице Франции. И параллельно напряженно размышлял: что предпринять для вызволения Рагнара, который все это время даже не шевельнулся.

Идей не было.

Глава девятая. Вор

Я проснулся. Вокруг темно, но не сказать чтобы тихо. Часть из моих соседей по казарме будто участвует в конкурсе: кто всхрапнет громче. Однако разбудил меня не храп. Когда спишь в длинном доме, где даже в отдельном помещении звукоизоляция ни к черту, к храпу привыкаешь. Разбудили меня тихие-тихие шаги рядом с моей койкой.

Так уж устроен наш слух: вычленяет из шума то, что таит опасность.

Абсолютной темноты в казарме не было, так что силуэт «крадуна» разглядел. И нашарил рукоять Вдоводела, лежащего рядом. Когда спишь в незнакомом месте рядом с незнакомыми людьми, обнаженный клинок воодушевляет больше обнаженной женщины. Если это твой клинок, конечно. Так что если «крадун» покусится на меня любимого или на моего соседа, тут же поимеет немного металла в жизненно важные органы.

Покусился. Но не на меня. На сундучок, который мне выделили как воину короля. Небольшой, с полкубометра, но зато с петелькой и замочком, ключ от которого лежал у меня под тюфяком.

Получается, «крадун» и есть крадун. Воровайка. Куда, интересно, смотрит стража на входе?

А крадун между тем наклонился и занялся замочком. Причем успешно. Я услышал, как тот щелкнул, затем услышал, как открывается крышка сундучка со всеми моими богатствами. Ну, если не считать золота, которое покоилось под тюфяком. Но в сундучке была моя кольчуга, которая стоила в золоте вес на вес, и еще кое-что, дорогое моему телу и сердцу, так что я привстал немного и «поощрил» увлекшегося похитителя сталью в ляжку.

Тот заорал. Мой сосед тут же вскинулся. И не он один. Крадун продолжал вопить. В казарму вбежал один из караульных. С факелом.

Опаньки! С перекошенной рожей, в позе пассивного гомосексуалиста, вцепившись руками в край моего сундучка, жалобно стонал мой сосед по караулу Тирел. А на полу валялась оброненная элитная кольчужка. Вот же крыса!

Я мстительно повернул Вдоводел у него в ляжке, вызвав новый отчаянный вопль, и сел на кровати, в готовности выдернуть меч и пустить в ход еще раз, если кто-нибудь из набежавших на крик гвардейцев пожелает вступить за крадуна.

Никто не вступился.

А через несколько минут, поразительно быстро, появился наш командир.

– Тирел, Тирел, – проговорил он огорченно. – Зачем?

Неудачливый вор только зубами скрипнул.

– Меч почему не выдернул? – спросил у меня Теобальд. Как мне показалось, без одобрения.

– Выну – кровью истечет, – ответил я.

– Лучше бы истек, – сердито проговорил Теобальд. – Кто-нибудь, наложите ему жгут и позовите медика.

– Не надо медика! – почти взвизгнул Тирел. И дернулся, пытаясь сорваться с клинка. Но не получилось.

Второй попытки ему не дали. Сразу четверо гвардейцев кинулись к коллеге, трое взяли плотно, четвертый накинуд жгут-веревку на бедро, умело закрутил палкой.

Я выдернул Вдоводел, обтер о штаны вора. Потом вернул кольчугу в сундук. Надо же. Похоже, артерия не задета. Крови почти не было.

Тирела унесли. Он больше не сопротивлялся. А Теобальд уселся на кровать напротив, сделал знак остальным, чтоб отошли, потом бесцеремонно открыл мой сундучок и вытащил кольчугу...

– Богатый доспех, – отметил он с уважением. – Королю под стать. А я и не заметил.

– Тирел заметил, – с намеком произнес я.

– Не беспокойся. Что твое – твое, – успокоил Теобальд. – Откуда взял?

– Трофей. Снял с одного викинга. Там, во Франкии.

– Не прост ты, Николас, – задумчиво произнес Теобальд, впервые назвав меня полным именем. – И земля у тебя во Франкии была, и даже виноградники. И вряд ли ты настолько беден, что не смог купить себе новых рабов.

Надо же. Уже и о виноградниках настучали.

– Смог бы, – словно нехотя проговорил я.

Надо импровизировать. Минуту молчания еще можно списать на нежелание делиться тайнами. А вот больше...

– Ладно, – будто наконец решившись, сказал я. – Хочешь правду, так слушай. А потом можешь меня выгнать. Синьора я своего убил. Барона. Это он отправил меня в Париж. Сам остался, меня послал. Обещал моих защитить, а сам, когда отряд норманнов набежал, в замке отсиделся. Его не тронули, норманнов немного было, а округу разграбили. Людей перебили, кто убежать не успел, дома сожгли. Король Карл от норманнов откупился, они ушли, а нас – по домам. Вернулся, а там... – я махнул рукой. – В общем, пошел я к синьору и высказал всё, что думаю. А он меня за дерзость в цепи велел. Только не вышло у него. Сначала я его людей убил: трое их было, а потом и его. Еле справился, – «признался» я. – Силен был мой синьор.

– Выходит, ты убил своего господина? – с неопределенной интонацией проговорил Теобальд.

– Я не раб! – возразил я. – Я клялся следовать за моим синьором и биться за него. Он клялся защищать меня и моих родных. Он предал клятву и перестал быть моим синьором.

– И ты его убил. И сбежал, – констатировал Теобальд.

Я пожал плечами:

– Не хотел, чтобы убили меня. У него – сильная родня, а у меня – никого. Я тот, кто кормится с меча.

– У себя на родине ты тоже кого-то убил, верно?

Не совсем. Но именно эту байку я ему и выдал в начале знакомства. Теперь надо срочно ее расписать... Блин! Мне бы отлить. И поспать еще минуток триста, а не фантастические истории рассказывать.

– Убил. Человека, который похитил мою жену.

– Ты был в своем праве, если не врешь, – заметил Теобальд. – У нас в Нортумбрии тебя не осудили бы.

– У нас тоже, не будь этот человек из клана Уи Нейллов, да еще близким родичем самого Маэля Шахланя.

Спасибо тебе, Грихар Короткий, за подробности твоей бурной юности, и надеюсь, что я ничего не напутал.

– Похоже, ты не слишком везучий человек, Николас, – сделал вывод из сказанного Теобальд. – Еще что-нибудь скажешь?

Я задумался. Мысль о том, как выручить Рагнара, не оставляла меня. Может, если эти нортумбрийцы узнают, кого они сцапали, то не станут его убивать. Скажем, обменяют за хороший выкуп? Нет, торопиться я не буду. А вот намекнуть – самое время.

– Сдается мне, сэр, я видел этого пленника во Франкии, у стен Парижа.

– И кто он? – сразу возбудился Теобальд.

– Я попытаюсь вспомнить, – пообещал я. – Это важно?

– Еще как! Этот язычник так и не проговорился. И пытаться таких бесполезно, знаю эту породу. Если вспомнишь, сразу ко мне! И вот еще... Можешь спать спокойно. – И повысил голос: – На твое имущество больше никто не посягнет!

Замочек я, однако, запер.

Глава десятая. В которой оказывается, что хороший поединок может увеличить число друзей

Остаток ночи прошел спокойно. И утром я понял почему.

Вместо завтрака нас всех выстроили на местном плацу, где уже находился Тирел, привязанный лицом к столбу.

Горластый глашатай прокричал суть преступления: кража у королевского гвардейца и намерение сбежать со службы с похищенным имуществом. А затем приговор: пятьдесят плетей и отсечение правой руки.

Уже после первого удара, выбившего из спины вора кровавые брызги, я понял, что это казнь. Растянутая во времени, потому что палач не спешил: процесс бичевания продлился не меньше получаса. Хотя уже после десятка ударов Тирел потерял сознание. Прав был Теобальд. Умереть от потери крови намного легче. После плетей Тирела подтащили к колоде и отрубили руку. Обрубок прижгли факелом. Для остановки кровотечения, надо полагать. Страдалец даже не дернулся. Может, уже отмучился.

Правосудие свершилось, и мы нестройной толпой отправились завтракать. Не туда, где вчера пировали, а в помещение поменьше и попроще: без резьбы, гобеленов и трофеев.

Я прикинул: если все присутствующие были королевскими гвардейцами, то гвардия короля Эллы составляла порядка двух сотен. Не считая тех, кто находился в карауле или еще где-нибудь. Невелик хирд. Впрочем, кроме гвардии была еще армия. И дружины вассалов. И просто ополчение.

Еда была нехитрой, но сытной и накладывали ее сами. Уже на раздаче я обратил внимание, что бойцы держатся от меня на дистанции. Обижаются за друга Тирела?

За столом тоже никто не сидел ближе десяти метров.

Так было, пока напротив не уселся Теобальд. У командира гвардии была та-

кая же миска и такая же кружка, как у всех. И наполнение такое же. Демократичненько.

– Не вспомнил? – без прелюдий обратился он ко мне.

Я помотал головой.

– Расскажи еще о франках.

Почему нет? Мне, в общем, даже придумывать ничего не надо. Только флаги руководства мысленно поменять. Так что я, не мудрствуя, изложил историю нашей ночной стычки с разбойниками, которые оказались людьми местного феодала. И о последующем захвате его замка, который принес нам тогда неплохую добычу, а моему воспитаннику Скиди – жену благородного сословия.

Понятно, что в этой сказке я действовал в составе королевского патруля, возглавляемого мной, благородным шевалье. И лишнего насилия над лидером разбойников никто не чинил. Просто отрубили голову, да и всё. А замок остался на попечение его вдовы.

Идею выдать себя за разбойников для проникновения внутрь замка Теобальд похвалил и предположил:

– Ты придумал?

Я кивнул.

– Голова у тебя работает, – похвалил командир. – Не оступишься – недолго тебе в воинах ходить. Десяток получишь. Впрочем, – продолжил он, поднимаясь, – ты можешь получить его быстрее. Если вспомнишь, кто таков пленник. А пока ты просто керл, познакомься со своим десятником. Малоун, поди сюда.

Ну и рожа у этого Малоуна. Грубый шрам пробороздил ее поперек – от правого виска, рассек бровь, повредив веко, изуродовав нос и оставив длинную голую полосу в бороде до самого подбородка. Глаз уцелел, но застыл в вечном ироническом прищуре.

– Николас, – представил меня командир гвардейцев. – Проверишь его в строю и верхом. Если окажется вполовину так же хорош, как на мечях, будет в первой шеренге. И вот еще: сегодня после обеда твой десяток заступает в личную охрану короля.

– Почему мой? – проворчал «сержант». – У меня всего шестеро осталось, причем двое – ранены.

– Уже семеро, – уточнил Теобальд. – И у всех так. Тебе что-то не ясно?

– Нет, мой лорд! – под суровым взглядом командира Малоун подобрался, и лицо его приняло выражение «всегда готов». Только поврежденный глаз портил картинку «безупречный служака».

– Пожрал? – спросил мой новый начальник, когда Теобальд ушел. – Тогда пошли. Нечего штаны протирать.

Не знаю, как я ему, но он мне понравился. Основа. На таких и держится войско, что бы там ни думали всякие короли-конунги.

Сначала мы отправились к королевским конюшням, располагавшимся метрах в двухстах от королевской резиденции. Выбирать мне лошадку. В кредит. Средства позволяли заплатить прямо сейчас и за небольшой табун, но – нефиг.

Лошадку выбирал сам и остановился на крупном крепком жеребце, не особо грациозном, но явно строевом: с потертостями там, где крепится нагрудник. В пасть себе жеребец заглянуть не дал, но с виду ему было лет пять-

шесть. Ухоженный, упитанный. На меня косился хоть и без злобы, но с предупреждением. Мол, учти, человек, я тебе не деревенская кляча.

– Зовут его Олень, – сообщил конюх, который приволок седло и все прочее. – Не гляди, что он с виду тяжел. Так-то прыткий.

– Хозяина убили? – поинтересовался я.

– Ага. Уже год как.

– А что не купил никто?

– Так дорогой, – конюх хотел оседлать жеребца, но я его остановил. Сам. – А вдова ни в какую сбрасывать не хочет.

Ну да. Мне показалось: недорого. По нашим меркам. А по здешним, может быть, и дороговато. Но мне – поровну. Так-то я и вовсе платить не собирался, но вдова... Неправильно будет ее обижать. Ничего. Заплачу с первого жалования.

Ну да, хочешь повеселить Всевышнего – расскажи ему о своих планах.

– Сухарь есть?

Путь к сердцу любой лошади лежит через желудок. Эту истину я знал еще до того, как за мое лошадиное образование взялся Бури. Не всякий конь, понятно, обменяет преданность на жрачку, но без нее диалога вообще не будет.

Я скормил сухарь, пошептал конику ласковое в ухо, погладил, где надо, и он безропотно позволил себя взнуздать и оседлать. И когда я оказался в седле, Олень без всяких фокусов двинул к выходу. Думаю, ему просто надоело торчать в помещении. Да и по своей лошадиной работе соскучился.

Малоун, уже на собственной лошади, выехал следом за мной. Ничего не говорил. Надо думать, присматривался. А я присматривался к Оленю.

Перед конюшнями располагалось поле. Небольшое, но достаточное, чтобы попробовать мое приобретение. Я и попробовал. Пускал Оленя разными аллюрами, разворачивался, сдавал задом, боком, пару раз поднял на дыбы. Конь слушался очень неплохо. Видно, что выезджен. Не сомневаюсь, что и место в строю держать умеет, и в бою, скорее всего, не новичок. Понятно, что до коней беллаторе короля Франции Оленю ой как далеко, но верить ему можно. В общем, понравился мне конь. И я ему, похоже. Так что сработаемся.

– Освоился? – спросил, подъезжая ко мне, «сержант». – Давай за мной.

И мы отправились за город. А там...

Ого! Никак полномасштабная тренировка. Не меньше тысячи солдатиков, обычного мяса войны, вздымая пыль и грохоча оружием, упражнялись по схеме «отбей – ударь». Кто-то – строем, кто-то – парно. В принципе, разумный подход, если хочешь быстро натаскать это самое «мясо» до минимального уровня. Судя по тому, что я увидел, атаки профессионалов они не выдержат. Маневренности – ноль. Я со своим маленьким хирдом вскрыл бы этот строй на раз. Да тут бы один Медвежонок управился. А потом, внутри, – рвать и резать. Собственно, так и вышло, когда две недели назад мы сошлись с королевским войском. И разбили нас только потому, что ядром его была королевская гвардия, которая действовала в спарке с лучниками. А нас оказалось слишком мало, чтобы организовать полноценную защиту. Будь нас хотя бы пятьсот против пяти тысяч, результат мог бы быть совсем другим.

Кстати, совместная работа стрелков и тяжелой пехоты – это вообще залог успеха. Я свой хирд в этом же ключе и натаскивал. Нет, собственно тренировками занимался не я лично. Стрелками – Бури, громилами в броне – Медвежо-

нок. Но будучи правильным ярлом, я грамотно делегировал полномочия.

Мы миновали обычных армейцев, и я увидел местную элиту. Личное войско короля Эллы. И не только Эллы, как выяснилось позже. Бойцов здесь было всего сотни полторы. Но класс совсем другой. Этих я бы сразу усадил на румы своих драккаров. Этот строй Свартхёвди в одиночку бы не порвал. Крепкий строй. Повинуясь лающим звукам командира (не Теобальда), англичане дружно наступали, отступали и даже разворачивались, не разрывая стены щитов. Вдобавок очень грамотно и быстро меняли шеренги местами, заменяя первую на вторую, а потом вторую на третью. Разумный прием. Хотя в настоящем бою практически невыполнимый, а потому у наших применявшийся крайне редко. Если уж ты встал в первый ряд, стой, пока не упадешь. И тогда твое место займет другой. И эта тактика работала. Может быть, потому что северяне более выносливы. Или более умелы.

Но щиты королевские гвардейцы держали плотно. И по команде отменно делали «черепашу», то есть этакий домик, защищавший даже от стрел, падающих навесом. В общем, совсем недурно справлялись.

Но направились мы не к ним, а к двум дюжинам всадников, которые тренировались куда менее активно. Я бы даже сказал – просто бездельничали.

А еще я заметил, что не все они носили цвета короля Эллы.

Десятника народ (те, что правильной королевской «масти») поприветствовал. Меня – нет.

– Николас из Мунстера, – представил меня Малоун. – Новый любимчик Теобальда. Утверждает, что умеет бить с седла. Оуэн, дай ему свое копье.

Копье. М-да. У французов подлиннее. Тем проще. Вон то соломенное чучело, надо полагать, и есть цель.

Ну, Олешек, давай!

Удачно, как и ожидалось. Верхняя часть снопа, изображающая голову, разлетелась пылью. Но само чучело осталось на месте. Хороший удар получился. Резкий. Спасибо тебе, шевалье Жирард де Кипри, за науку. Пусть ученик из меня был не самый способный, но кое-какие азы всё же освоил. Надеюсь, англичанам хватит.

Я развернулся и подъехал к компании бездельников. Вернул Оуэну копье.

Молчание. Ни похвалы, ни осуждения.

Наконец один из них, молодой, безбородый, в дорогом доспехе и при серебряном поясе, уронил лениво:

– Чучело ты убил.

– Хочешь убедиться, что я умею убивать не только чучела? – мгновенно парировал я.

Плащик у него был «независимой» раскраски, так что я решил не стесняться.

– Хочу, – так же лениво произнес вьюнош.

– Эзельстан, не надо, – вмешался мой десятник. Но по тону становилось понятно: приказывать этому фрукту он не может. Небось, из благородных пацанчик.

– А я бы поглядел, умеет ли ирлашка что-то еще, кроме как тыкать мечом безоружных, – подал голос еще один, чуть постарше Эзельстана, но явно тоже не из тех, кто кормится мечом. Уж больно рожа надменная.

– Теобальд с ним сражался, – напомнил, явно нервничая, Малоун. – На рав-

НЫХ.

– Смешно, – обронил еще один представитель местной аристократии.

Этот выглядел солиднее приятелей. Может, потому что не пыжился, а спокойно меня изучал. Впрочем, рожа у него даже более чванливая, чем у остальных. Не удивлюсь, если он в этой троице главный.

– Теобальд его пожалел, кошке понятно, – заявил первый. – Теобальду сейчас нужны все, кто знает, с какой стороны у меча рукоять. Даже наглый ирлашка.

– Ты жалкий брехливый пес, жрущий собственное дерьмо, рожденный шлюхой, которую обрюхатил в сточной канаве паршивый драный козел. Если у тебя чешется язык, почеси его о свиную задницу. Может, тогда твоя собачья пасть станет поменьше смердеть!

Аристократ офигел. И не он один. Похоже, мой маленький спич из арсенала викингов поразил англичан в самое сердце.

– Николас! – наконец возмущенно выдавил Малоун. – Что ты такое...

– Как ты смеешь, червь! – перебил его Эзельстан, хватаясь за меч. – Я разрублю тебя пополам!

– В штаны не наложи от усердия! – произнес я насмешливо.

– Тебе конец, ирлашка! – наконец-то пришел в себя тот, кому я посоветовал полизать свиные окорока.

И выхватил меч.

И третий, старший, последовал их примеру.

– Прекратить! – рявкнул Малоун. – Именем короля!

– Отвали, керл! – бросил ему второй.

– Николас, я приказываю тебе не драться!

– И дать себя убить? – засмеялся я. – Я лучше сам убью их!

Моя уверенность и то, что я так и не достал меча, похоже, смутила храбрецов. Но ненадолго. Через мгновение они напали. Не сказать чтобы особо слаженно, но с большим энтузиазмом. Трое на одного – это воодушевляет.

Вдоводел вылетел из ножен, и второй, оказавшийся самым прытким, с воплем отскочил. Бицепс его правой руки ниже рукава кольчуги встретился с острым железом. Железо выиграло.

Сунувшийся за ним Эзельстан сам нарвался на клинок и получил не смертельную, но весьма болезненную дырку в бедре.

А вот третий торопиться не стал. Усилил левую руку кинжалом и очень осторожно и аккуратно пошел по кругу, разворачивая меня против солнца. Да ради Бога! Я дал ему закончить маневр, а потом атаковал в лучшем стиле фехтовальщиков будущего. Не достал. Проворный оказался перец. Но в результате мы опять поменялись местами.

Наши мечи соприкоснулись и разошлись. И меч хорош. Моему Вдоводелу не уступит. Значит, при деньгах англичанин. Еще касание. Осторожное прощупывание. Этот нортумбриец весьма неплох. Склонен думать, не хуже Теобальда.

Но куда хуже того свейского ярла, которого я убил на Замковом острове. Будь со мной Слеза, в два клинка я разобрал бы англосакса в считанные секунды. Да и с одним лишь Вдоводелом... Но надо ли?

– Убей его, Озрик!

Эзельстан. Нет, этот не викинг. Сидит на травке. Рядом уже крутятся двое,

одетых попроще. Рану господина обрабатывают.

– Ну же, Озрик! – поощрил я. – Не спи. Твой гладкощекий повелитель велел меня убить.

Провокация. Я по оружию вижу: наглый юнец и этот Озрик – как минимум одного социального уровня ягоды.

Озрик на подначку не прореагировал. Не хочет отвлекаться на разговоры?

Нет, убивать я его не буду. Хорошо бы обезоружить, но вряд ли получится.

О! А мой десятник убежал. За кем-то авторитетным? Или – от греха подальше?

В любом случае надо заканчивать побыстрее. Пока кто-нибудь еще не вмешался. Вряд ли этот «кто-нибудь» будет на моей стороне.

– Давай, Озрик! Сумеешь меня убить – с меня бочонок эля!

Кто-то засмеялся. Оценили шутку.

Мой противник невозмутим. Роста он примерно моего. И телосложения тоже. Среднего. Средневоинского. Кольчужка неплохая, ножны меча статусные, украшены по высшему разряду. Волосы светлые, и стрижка не «под горшок», как у большинства, а длинные, заплетенные в косицу волосы. Борода аккуратно подстрижена. На левой руке – набор перстней. А в руке кинжал, обратным хватом. Второй клинок, пусть даже и короткий, – преимущество. А не обратить ли это преимущество против его обладателя?

Я поймал клинок англичанина и плавно увел его влево, сокращая дистанцию. Озрик позволил. У него ведь еще кинжал есть. Вот он сейчас меня... Но не успел. Рукоять Вдоводела врезалась ему точно в центр лба. Кость у англичанина оказалась крепкая. Ожидаемо. Но не крепче шлема, которого на нем не было.

Всё. Бой окончен. Противник на травке в позе морской звезды. Я – над ним. Похлопал легонько плоскостью клинка по щеке, произнес громко, на публику:

– Я победил. Теперь бочонок эля – с тебя, Озрик.

Потом было много шума и суеты.

До тех пор, пока не явился сам король Элла.

И я узнал, что мне здорово повезло. Что мой главный противник существом не пострадал.

Озрик оказался знатной особой. Королевской крови. Правда, сильно разбавленной за пару веков. За посягательство на такое величие простого королевского гвардейца могли бы и казнить. Но...

Очень существенное «но».

Озрик и впрямь был родичем короля. Только не Эллы, а его оппонента Осберта. Сам же Элла к роду потомственных королей Нортумбрии имел лишь косвенное отношение. И потому сторонников своего конкурента Осберта не особо любил. Кстати, первый, паренек, раненный в руку, тоже оказался благородных кровей, хоть и попроще. Сын какого-то там тана с Вишневой Земли, что ли. И тоже сторонник Осберта.

В общем, угодил я своему нынешнему сюзеру. Причем настолько, что он даже судил нас по справедливости. Выслушал всё очень внимательно, а мою интерпретацию происхождения Эзельстана даже потребовал повторить. Мол, не расслышал. Я повторил, мне не трудно.

Юнца, впрочем, уже увели. Медпомощь оказывать.

Потом король уточнил у Малоуна, кто именно начал драку. Тот поведал все

честно, даже особо отметил, что я не вынимал меча, пока меня самого не начали рубить, а он, Малоун, сделал все, чтобы оную драку предотвратить. Именем короля. Которое (имя) благородные зачинщики проигнорировали. И от себя добавил, что я, по его мнению, только защищался и никого не убил. А с Озриком так вообще без пролития крови обошелся.

Элла покивал и спросил: нет ли у кого претензий? Я энергично подтвердил: никаких. Озрик просто кивнул. Надо же. Оказывается, он не так спесив, как мне показалось. Что же до остальных участников беспорядка, то их мнение осталось неизвестным, потому что их здесь уже не было.

Что ж, раз никто не умер и претензий у сторон нет – значит, дело закрыто, резюмировал король. И удалился, как мне показалось, несколько разочарованным.

Нет, не показалось.

– Он был бы не прочь, чтобы ты раскрыл Озрику башку, – сказал мне потом Теобальд. – Этот Озрик – здоровенная колючка в королевском седалище.

В королевском, но не в моем.

Ближе к вечеру в казарму, где мне выделили место, заглянул серв. Сообщил, что «колючка» Озрик приглашает меня выпить.

Выпить? На халяву? Да с удовольствием!

Серв довел меня до места – городской таверны, какие здесь называли эльхусами.

Внутри – толпа. Шум, вонь, толчея. Пили в основном стоя. Столов было немного, и они, понятно, не пустовали. Я поймал за поясок паренька из obsługi.

– Озрик! – крикнул я ему прямо в ухо. – Где?

Провел. В отдельное помещение.

Тут было почище и посвободнее.

И здесь был Озрик. С ним было еще четверо. Трое – явно керлы, то есть бойцы. Четвертый – породовитее. Тот самый, с рукой на перевязи. Глядел на меня волком. Ну да я и сам... Волк. Так что пусть.

А вот юный Эзельстан отсутствовал. Вряд ли помер. Я его аккуратно уложил.

Повесив свой выцветший плащ королевского гвардейца на сучок в стене, я сел за стол.

Меня же пригласили, как-никак.

– Мне сказали, тебя зовут Николас. – По знаку Озрика мне поставили здоровенную кружку с пенной шапкой.

– Так меня зовут, верно. – Я пригубил. Отличный эль, надо отметить.

– Еще сказали: ты ирландец.

Я пожал плечами. Сказали и сказали.

Озрик потер шишку на лбу. Изрядную, надо отметить.

– На ирландца ты не похож, – сказал он.

Я снова пожал плечами. Подцепил ножом ребрышко с общего блюда.

– Тебе виднее, – сказал я.

– Почему? – удивился Озрик.

– У меня нет зеркала.

Озрик улыбнулся. Явно из вежливости. И представился. Он оказался сыном олдермена какого-то залива. И не просто сыном, а наследником. Если папа-ол-

дермен не передумает.

Его приятель с перевязанной рукой назвался Идвигом. «Дружелюбие» стоило ему немалых усилий. Желание отрезать мне что-нибудь важное отчетливо читалось на его безусом личике.

– Ты уж прости меня, Идвиг, что попортил тебе руку, – проявил я вежливость. – Не люблю, когда меня хотят убить.

Юнец кивнул. Озрик поглядел с интересом.

Зато керлы его косились с большим подозрением. Их мне не представили, потому можно было игнорировать. Тем более что мне надоело прикидываться простым рубакой.

– Ты отлично управляешься с мечом, – заметил Озрик.

Я в третий раз пожал плечами.

– Ты уже присягнул королю Элле?

Не помню такого. Мне просто выдали плащ и велели приступать к обязанностям. Ничего торжественного. Интересно почему? Может, забыли в спешке? А может – сознательно. Присяга – это ведь штука обоюдная. Не только я – королю, но и король – мне.

Я покачал головой. Нет, не присягал.

– И жалованья тебе тоже еще не платили?

Я подтвердил.

– Значит, ты гвардеец только из-за этого? – Озрик кивнул на повешенный на сучок плащ.

Я пожал плечами.

– Ты кушай, кушай, – ласково проговорил Озрик. И внезапно поинтересовался: – Сколько воинов ты водил в бой, Николас?

– Всяко бывало, – уклончиво ответил я.

– Десяток?

Я ухмыльнулся, приложился к кружке.

– Сотню?

Я кивнул. И уточнил:

– Бывало и побольше, но то были не совсем настоящие воины. Не такие, как эти, – я показал костью на керлов. Польстил на всякий случай.

– Вот как. Но Теобальду ты об этом не сказал?

– Нет.

– Сотню я тебе дать не могу, – сказал Озрик. – У меня у самого всего восемь десятков, да и то не здесь, а дома. Но если будешь служить моему отцу, танство тебе обеспечено.

– Щедро. – Я взялся за следующее ребрышко. – А кому служит твой отец?

Озрик с ответом не торопился. Сначала переглянулся с раненым Идвигом. Потом все же сказал:

– Мой отец присягнул своему родичу королю Осберту.

– Мне говорили, Осберт больше не король.

– Это пока, – проворчал Идвиг.

– Вряд ли Элла сделает тебя таном, – заметил Озрик. – Ты ему никто, Николас.

Можно подумать, тебе я – кто.

– Королю франков Карлу я тоже был никто, – заметил я. – Но я был его беллаторе.

– Это кто? – подал голос один из керлов. Надо же, а я думал – они немые.

– Это примерно как Теобальд при вашем Элле.

– Элла не наш! – фыркнул Идвиг.

– Если тебе было хорошо у франков, почему ты здесь? – вежливым тоном поинтересовался Озрик.

– Это долгая история, – отмахнулся я.

– Эля нам хватит.

Нет, этот Озрик мне определенно нравится. Прямо в корень глядит... Когда речь идет о пиве.

Ну, раз так...

И я предложил сыну местного ярла версию той лапши, которой недавно украсил уши Теобальда. И обкатал на других англичанах, заодно узнав, что именно им особенно нравится. Этакую приключенческую биографию сэра Николаса из Эоханахта Мунстерского, изобилующую деталями, которые однозначно показали бы любому бывавшему во Франции, что я тоже там был и вращался в весьма высоких кругах.

Вряд ли кто-то из них бывал во Франции, но по глазам вижу: поверили. Простые бойцы не бродят по миру в таких кольчугах, как моя. И с таким оружием.

– Ты хороший рассказчик, Николас, – сообщил Озрик.

Ну-ну. Это ты еще моего скальда не слышал. Сагу о Волке и Медведе. Я невольно поморщился.

– Хороший рассказчик и достойный человек. Человек, достойный большего, чем может предложить тебе Элла.

– А что можешь предложить мне ты? – напрямик спросил я.

– А чего ты желаешь?

«Я желаю, чтобы Рагнар Лотброк отправился со мной в Данию», – подумал я. А вслух сказал:

– Я люблю сражаться. И люблю, когда мою храбрость ценят по достоинству. Ты сказал: я могу стать таном, если стану твоим человеком?

– Не сразу, – покачал головой Озрик. – Я верю, что ты доблестный воин и благородный человек. Мы верим, – он показал на Идвига. Паренек скривился, но все же кивнул. – Мы видим. Но другие тоже должны увидеть.

– Другие? Кто? – уточнил я.

– Мой отец... И король Осберт.

На этот раз я не стал говорить, что Осберт более не король.

– Я тебя услышал, друг мой Озрик.

Надо же. Даже уголок рта не дрогнул, когда я назвал его другом. То есть в данном случае – равным. Потому что какие мы с ним друзья.

– Я рад. Угощайся, Ник. И поведай нам еще что-нибудь о Франкии.

– Расскажи, какие там женщины! – вмешался Идвиг.

Женщины? Это запросто...

Глава одиннадцатая. В которой Ульф Хвити, он же Николас из Мунстера, удостоивается аудиенции целого архиепископа

Вулфер Йорвикский. Еще не старый, но уже обрюзгший и обзаведшийся личным брюшком. Если содрать с него всю эту парчу, золото и ритуальные побрякушки, он вряд ли кого-то впечатлит. Но в них он – Власть. Высшая власть. Поскольку на этой земле представляет не кого-нибудь, а Бога. Захо-

чет – и лишит население всех посмертных благ. Да и не только посмертных. Бедные нортумбрийцы даже сочетаться браком не смогут, если священник не проведет соответствующий обряд. Да и король не сможет стать королем, если высокопреосвященство не смажет кандидата елеем.

Потому неудивительно, что сказанное архиепископом Йорвикским – обязательно к исполнению. Всеми. В том числе и королем. Потому что Вулфер – глас Божий на этом куске суши. И архиепископ точно знает, чего хочет Бог. А хочет Всевышний, по его словам, только одного: смерти язычников.

Именно этому и посвящена воскресная проповедь в Йорвикском соборе.

Всех выживших норманнов должно предать смерти. Причем смерти мучительной, ибо страдание здесь на земле, возможно, очистит их погрязшие в грехе души. Они смердят серой и тленом так сильно, что его высокопреосвященство Вулфер ощущает этот тошнотворный запах уже на дистанции ста шагов. И вынужден с отвращением взирать, как черви копошатся в прогнивших языческих душах.

Впору ему посочувствовать, потому что ежели так, то и от моей души высокопреосвященство тоже должно воротить неслабо... А вот почему-то не воротит.

Даже сейчас, после проповеди. Более того, его преосвященство удостоил меня личной аудиенции, во время которой блевать даже не собирался, а взирал вполне благосклонно, словно я и впрямь был тем, за кого себя выдаю: благочестивым воином-христианином, карой проклятых язычников и основой церковного благосостояния.

Я воин-христианин. Благочестивый. Следовательно – палач язычников и потенциальный источник благосостояния.

А еще обо мне хорошо отозвался аббат Годвин, внесший в церковный общак часть норманнских пожертвований. К счастью, он понятия не имел, что сделаны они проклятыми норманнами практически добровольно.

Надо полагать, именно поэтому высокопреосвященство выделил меня среди прочих вояк короля и удостоил отдельной беседы, полной намеков и двусмысленных улыбок.

В ответ я тоже кое о чем намекнул. Причем довольно прозрачно. Мол, все добытое в честном бою бескорыстно отдал матери-церкви, а королевского жалованья все нет и нет. Скоро даже покушать не на что будет.

«Так уж и не на что?» – проворковал его высокопреосвященство, буквально раздевая меня взглядом и представляя, как моя одежда и оружие перемещаются в архиепископские сундуки.

Увы. Только и осталось, что оружие. А без него же никак? Как я без него буду язычников изничтожать?

Вот если бы церковь одарила меня парой серебряных монет за мой неустанный труд на кровавой ниве...

Архиепископ удивился. И возмутился. Как мне такое вообще в голову пришло? Все церковное серебро – исключительно для церковных нужд. А нужды эти – ого-го! Как-никак за такую прорву грешного народа молиться приходится.

Вот как? А что, если я знаю, как это серебро добыть?

Ух ты, как возбудился!

Так просто же. Я, как человек опытный и немало повидавший, абсолютно

уверен, что за пленных норманнов их языческие родичи могут неплохо отстегнуть. И зачем в этом случае убивать пленников, бесполезно расходуя ценный ресурс?

Собственно, ради этого я и добивался встречи с сановным прелатом. Воззвать к его алчности.

Не вышло.

Вулфер выдал мне отеческое разъяснение: убытков от северных дикарей куда больше, чем можно слупить за них серебра. Это – прямым текстом.

А непрямым: пленники принадлежат королю. А король, к сожалению, передать их церкви категорически отказался. А посему – смерть язычникам!

Очень хотелось рассказать Вулферу, какие убытки постигнут церковь, когда в город придут разгневанные Рагнарсоны. Что не будет тогда ни доходов, ни архиепископства, ни самого иерарха.

Не рискнул. Не положено мне такое знать. Я ж с норманнами общался только посредством оружия.

Так что я почтительно поблагодарил архиепископа Йорвикского за науку, пообещал непременно поделиться нажитым, когда оно наживется, и, благословенный, покинул храм.

А по выходе был пойман моим прямым начальством.

Теобальд. Дошло до него, что я общался с Озриком. И о чем это, интересно?

– Понравилось ему, как я с оружием управляюсь, – простодушно сообщил я. – К себе звал. Танство сулил.

Ну а что? Клятвы молчать с меня не брали.

– А ты что же? – осведомился Теобальд.

– Сказал, что Элла – король сильный и справедливый. Наверняка тоже оценит меня по достоинству, когда увидит в бою.

– Он уже видел, – сообщил Теобальд. – Ты управился с тремя не худшими воинами, хотя никого не убил.

– Я не хотел их убивать, – скромно потупясь, признался я. – Я подумал: негоже убивать людей моего короля. Я же не знал, что они – не его.

– А знал бы – убил? – напрямик спросил Теобальд.

Я покачал головой:

– Молодости свойственна наглость и глупость. А Озрик... Мне понравилось с ним сражаться. Он – интересный противник. Да и убивать – грех. Другое дело, если за веру или за короля. Тогда – с большим удовольствием.

– И в чем разница? – поинтересовался мой нынешний командир.

– Это очевидно, – я пожал плечами. – Когда я убиваю за короля, это уже не мой грех. А когда мне велят убивать они, – я кивнул в сторону собора, – тем более.

И Теобальд отстал.

– Я бы его приблизил, – сказал Элла. – Но не знаю, могу ли ему верить.

– Мой господин, это из-за того, что он ирландец?

– Нет, Теобальд, – Элла усмехнулся. – То, что он ирландец, это хорошо. У него здесь нет ни родни, ни друзей. Тут другое: мне нечем сделать этого ирландца преданным только мне. И меня беспокоит, что он не убил Озрика, хотя мог это сделать.

– Тогда бы его пришлось казнить, – заметил Теобальд. – Или заполучить во враги Озрикова отца.

– Я обменял бы на мертвого Озрика десяток таких, как этот ирлашка, – проворчал король Нортумбрии. – Озрик – правая рука Осберта. Знаешь, с каким бы удовольствием я отрубил эту руку?

– Это приказ? – уточнил Теобальд. – Передать его Николасу?

Элла мотнул головой:

– Ирлашка умен. Как-нибудь выкрутится. А знаешь, что он предложил архиепископу? Отпустить пленных норманнов за выкуп!

– Догадываюсь, что тот ему ответил.

– То же, что и мне, – король столкнул лежащую на коленях голову гончей, встал и прошелся по залу. – Смерть язычникам!

– Даже не предложил их крестить?

– Сказал: их души уже в аду. Однако если я так милосерден, то он мог бы вымолить им прощение. Если сотня монахов денно и нощно... – Элла остановился.

– ...И не бесплатно...

– Вот именно! Всего лишь за три четверти выкупа! – Элла фыркнул. – В монетах, которые я чеканю, серебра и двух третей не наберется. И весят они на четверть меньше, чем те, что чеканились при моем деде. Хочешь знать, куда девается наше серебро?

Теобальд хмыкнул. Он знал.

– Так что с ирландцем, твоя милость? – спросил он.

– А сам что думаешь?

– Я бы хоть сейчас повысил его до десятника, – ответил Теобальд.

– А люди его примут? – усомнился король.

– Он справится.

– Нет, – отрезал Элла. – Но пообещай ему... Сам придумай, что пообещать. Да постарайся, чтобы у него не осталось времени на попойки с моими недругами. – И повысил голос: – Эй, принесите свечи и позовите мерсийского монаха, того, с письмом.

– Я могу идти, твоя милость? – спросил Теобальд.

– Иди... Нет, стой. Ирлашка так и не вспомнил имя норманнского вожака?

– Я спрошу, твоя милость.

– Спроси, спроси. Не думаю, что Господь дал нам в руки какого-нибудь морского эрла. Эта рыбка покрупнее. Как думаешь?

Теобальд пожал плечами:

– Норманны – дикие звери. Что короли, что простые керлы. Готовы убивать даже с выпущенными кишками. И боли совсем не чувствуют. Палач его рвет, а он только рычит. Или хохочет. Но мы сделали, как посоветовал тебе Вулфер, и бодрости у него уже поубавилось.

– Не сдохнет? – обеспокоился Элла. – Я хочу придумать для него что-то... внушающее страх даже норманнам. Но для этого он должен остаться живым.

– Палачи присматривают за ним.

Элла кивнул. Ну да, кто лучше палача может проследить, чтобы пленник не умер раньше, чем следует.

Глава двенадцатая. Каменная клетка для великого конунга

Когда я снова увидел Рагнара, тот выглядел отвратительно. Лежал, свернувшись, на земляном полу. Разогнуться не мог: цепь, соединявшая железный ошейник и колодки на ногах, была слишком короткой.

Запекшаяся кровь по всему телу, сочащиеся сукровицей ожоги... Изрядно ему досталось.

– Будьте наготове, – сказал Малоун. – Дернется – прижмите его древками.

Десятник взял глиняную миску с водой и поставил ее в шаге от головы Рагнара. При этом он ни на секунду не отводил взгляда от скорчившегося конунга.

Тот не отреагировал.

– Больше не кидается, – сказал один из гвардейцев.

– Еще бы, – проворчал Малоун. – Так любого зверя усмирить можно. Колодушки вместо жратвы, чашка воды в день.

Суки.

Хотя это вряд ли хуже пыток, которые практиковал сам Рагнар.

Вот только Рагнар – свой, а эти... англичане.

Как я могу ему помочь? Говорить, кто он, Рагнар мне запретил. Освободить – никакой возможности. Выход один. Подкоп исключается. Резиденция короля Йорвика построена на римском фундаменте. Даже пол выложен плиткой, местами сохранившей древнеримский рисунок. И каменный подвал – из той же эпохи. Не думаю, что по замыслу архитектора здесь планировалась тюрьма. Скорее складское помещение. Сухой плиточный пол. Каменные стены, лишь кое-где тронутые вездесущей плесенью. Крепкие двери. Шесть человек охраны. Четверо стражников и двое палачей. Один из стражников я. Допустим, я даже смогу убить всех пятерых. Что дальше? Ходить Рагнар если и сможет, то недалеко. Унести на себе такую тушу я вряд ли сумею. А ведь еще сражаться придется. Со всей королевской гвардией. Где-то здесь, я слышал, томятся еще трое наших. Но вряд ли они в лучшем состоянии. Единственное, что я могу, – убить конунга собственноручно. Да хоть прямо сейчас. Двух «коллег» и Малоуна уложу. Но не бесшумно. Так что уже через минуту сюда прибегут другие бойцы. Минуты хватит, чтобы вложить в руку Рагнара какое-нибудь оружие и нанести смертельный удар. Но готов ли я заплатить собственной жизнью за его смерть?

А если, допустим, устроить так, что это не я, а сам Рагнар всех перебил? Каким-то образом освободился, напал и покрошил Малоуна с подчиненными. А потом пал от моего меча?

Хороший план. Но нереальный. Закован конунг на совесть. Даже опытному кузнецу с оборудованием потребуется минут десять. Нужных инструментов у меня нет. Да я и не кузнец.

Может, мне стоит переметнуться к экс-королю Осберту и попытаться через него как-то воздействовать на Эллу?

Если бы Рагнар не запретил мне рассказать, кто он такой, я бы так и сделал. Возможно, понимание того, что повлечет за собой смерть Лотброка, заставило бы Эллу передумать? Может, наплевать на запрет и все равно рассказать?

Нет, не рискну. Потому что при любом результате я в минусе. Не выживет Рагнар, значит, все напрасно. Выживет... Бес его знает, как он тогда отнесется к тому, что я наплевал на запрет. Я эту публику знаю. За то, что спас, вот тебе браслет золотой с моей руки, а за то, что нарушил приказ, вот иди-ка ты в Валхаллу.

Нет уж. Раз я бессилен, то пусть конунга спасают суровые скандинавские боги.

Боги не спасли.

Глава тринадцатая. Казнь

В тюрьме Рагнар был голым, но сейчас ему вернули одежду. Даже пояс с креплениями для оружия. Которого на поясе, естественно, не было.

Два стражника держали конунга за скованные цепью руки. Вторая цепь опутывала туловище Рагнара. Ее свободные концы, метра по два длиной, врастяжку удерживали еще двое. Так водят опасных хищников. Медведей, например.

Но Рагнара скорее несли, а не вели. Ноги конунга волочились по земле, голова поникла, серые от пыли слипшиеся космы заслоняли лицо. Знаменитые кожаные штаны – в потеках запекшейся крови. Пальцы на правой руке – сиене-багровые, распухшие.

Державшие конунга гвардейцы встали напротив королевского трона. Еще двое копейщиков – чуть подальше. Лица напряженные. Даже такого Рагнара – боялись.

Вперед вышел архиепископ. Ему подали пергамент.

– Во славу Господа нашего Иисуса... – начал торжественно Вулфер, но внезапно поперхнулся и зашелся приступом кашля.

Грозные боги Валхаллы, как вы допустили, что подобное ничтожество решает судьбу величайшего героя Северного Пути? Или и впрямь ваше время на исходе?

Король Элла скривил недовольную гримасу. По толпе волной прокатилось ворчание.

Кашель архиепископа сочли дурной приметой.

– ...За многочисленные преступления против христианских государей, служителей церкви...

Высокопреосвященство больше не пыжился. Читал торопливо, намереваясь побыстрее закончить.

– ...Нечестивое сатанинское отродье... туда, где ему место, предать позорной смерти, дабы внушить ужас всем безбожным норманнам и научить их...

Ага, как же. Внушить ужас ужасу. Вы даже не представляете, кого собираетесь «учить». Да этот Вулфер в штаны наложит от одного только взгляда Ивара Бескостного.

А исполненный важности нортумбрийский король Элла, он представляет, что сейчас делает? Мог бы и вспомнить, как стояли под стенами этого города войска Рагнарсонов! Или тогда он еще не был королем Нортумбрии?

– ...Предать позорнейшей смерти в змеиной яме!

Вот этого я не ожидал. Отрубить голову, как обычно поступают со знатными персонами. Или устроить зрелище для черни: колесовать, расчленить, сжечь на медленном огне...

Внезапно конунг вскинул голову. Да уж, досталось ему. Не лицо – черно-красная маска, из которой сияют лютой яростью нетронутые палачом глаза.

Рывок – и вот он уже стоит на ногах.

Королевские стражи вцепились в него. Уже не поддерживали – удерживали. Вчетвером.

Вулфер шарахнулся.

Толпа загудела.

А вот Элла сидел с такой же надменной рожей. Чего бояться? Цепи и четверо здоровяков, которые уж точно не дадут искалеченному конунгу добраться до короля.

Рагнар рассмеялся. Как ворон прокаркал.

Искалеченный, закованный, он все равно выглядел куда более грозным, чем этот напыщенный королек.

– Змеями? – прохрипел Рагнар на своем языке. – Змеями? Меня? Рагнара Змееборца? Ну давай, попробуй!

– В яму его! Тащите его в яму! – заверещал архиепископ.

Король кивнул, и Рагнара поволокли к колодцу. У самого его края конунг ухитрился оттолкнуть стражников и сам прыгнул вниз, едва не утачив с собой одного из королевских гвардейцев.

Минуты три ничего не происходило. Потом снизу раздался торжествующий хохот Рагнара.

– Посмотрите, что там! – потребовал епископ.

Один из стражников заглянул в змеиный колодец.

– Стоит! – крикнул он. – Змеи его не кусают.

Король Элла сошел с трона, неторопливо подошел к яме, заглянул, потом повернулся к гвардейцам.

– Вытащите дьяволопоклонника, – велел он.

Подбежали еще четверо гвардейцев. На Рагнара накинули петлю и, поднатужась, выволокли обратно.

Конунг не сопротивлялся. Глядел с вызовом. Держался прямо. Я хорошо представлял, каких усилий это ему стоит. Черт! Я горжусь, что стоял в одном строю с этим человеком!

– Что, королек, не получилось? – прохрипел Рагнар на скверном английском. – Как будешь меня убивать теперь? Давай, проверь мое мужество! Я готов!

– Разденьте его! – распорядился Элла. – Свяжите покрепче. И принесите жаровню с углями!

Рагнар захохотал.

Без одежды он выглядел совсем плохо. Не тело – сплошной синяк. Даже татуировок не видно. Зато видны многочисленные следы ожогов.

– Вниз его! – велел король.

– Упрямый! – похвалил Рагнар. – Упрямый, но глупый. Я же сказал: они не станут меня кусать.

– Станут, – Элла махнул рукой, и спутанного конунга сбросили в яму.

Король подошел к краю, подождал немного, потом указал сначала на жаровню с тлеющими углями, потом на змеиную яму:

– Высыпайте!

Шипение из колодца услышал даже я. А потом – зычный голос Рагнара Лотброка:

– Кто-нибудь! Расскажите пороссятам, как сдох старый кабан! Ох они и захрюкают, когда узнают! Ох и захрюкают!

И взрыв хохота, перешедший в звериное рычание.

– Они узнают, – шепотом проговорил я. – Они обязательно узнают.

Умер великий конунг. Что дальше?

А то, что теперь мне надо как-то изыскать способ попасть на Сёлунд и вы-

полнить его волю.

А еще у меня нет больше причин скрывать, кто именно умер в змеиной яме Йорвика.

– Как его звали? – переспросил Теобальд.

– Я слышал: свои называли его Рагнар-конунгом. Конунгом данов.

Теобальд поморщился.

– Конунг – это король? – уточнил он.

– Думаю, да.

– А я слышал, короля данов зовут Хареком.

Я пожал плечами. Разбираться в датских конунгах мне не положено. По нынешней легенде.

– Харека я не знаю. Но этот командовал армией, которая взяла Париж.

– Ты не ошибаешься? Ты видел его несколько раз и не узнал.

– Он был голый и грязный, – сказал я. – Я бы, может, и сейчас его не узнал, но он заговорил, и я вспомнил голос. Это точно Рагнар. Рагнар Лотброк, так его звали.

Теобальд задумался. Я ждал.

– Мне надо сказать королю, – наконец выдал нортумбрийский воевода. И тут же поправился: – Нам надо сказать.

Что ж, я не против просветить и короля Эллу тоже. Моя нынешняя задача проста. Добраться до «поросят» и передать им завещание отца. И мне больше нет нужды служить ни нынешнему королю Нортумбрии, ни прошлому. Теперь основной вопрос: где раздобыть корабль. Причем с экипажем.

– Рагнар, Рагнар... Не слышал. – Элла, по своему обыкновению, принялся вышагивать туда-сюда. На нем были высокие сапоги из мягкой кожи. Такими удобно отпихивать сующихся под ноги собак, которых в зале было не меньше дюжины.

Пока король топтал римскую плитку, я изучал обстановку. Зал, в котором мы находились, был украшен роскошно. Резьба везде. Даже на потолочных балках. Шкуры, звериные головы, оружие, бронзовые подсвечники. Здесь, в будущей Великобритании, вообще много бронзы. И стоит она относительно недорого. Надо полагать, с медью и оловом проблем нет.

– Он точно командовал армией, разбившей короля франков? – спросил Элла.

– Он не разбивал его, – возразил я. – Карл ушел сам.

– Теобальд! – Король развернулся, не дойдя пары шагов до окна. – Найди человека, который разбирается во всех этих нурманских конунгах, и узнай у него, кого именно мы казнили.

– У нас есть его люди, – напомнил Теобальд. – Один окочурился, но двое пока живы. Может, после смерти своего вожака они станут разговорчивее?

– С чего бы? – Элла снова заходил по залу.

– А если сказать им, что собираемся отправить их домой с вестью о смерти этого конунга?

– Домой... Для начала надо узнать, откуда они пришли. Хоть это мы знаем, Тео?

– Они не говорят, твоя милость.

– Ладно, попробуй их разговорить. Вдруг у тебя получится то, с чем не справился мой палач.

- Может, у архиепископа спросить, сир? – предложил я.
- Как ты меня назвал? – Элла снова остановился.
- Сир, – я изобразил смущение. – Так я обращался к королю франков.
- Зови меня: твоя милость или мой король.
- Прости, твоя милость.
- Что ты там сказал?
- Архиепископ может знать, твоя милость. Люди церкви все время пишут друг другу письма и потому знают больше других.
- Спросим, – кивнул король, глянув на меня одобрительно. – Вижу, ты сообразителен. Что еще скажешь?
- Мне известно, что у норманнов за смерть своего принято брать выкуп. Может, предложить им выкуп за их короля?
- Обойдутся! – отрезал Элла, и его расположение ко мне растаяло. – Даже церковных денег не хватит платить выкуп за каждого норманнского королька, который приплывает сюда, чтобы пожить. Здесь, в моем королевстве, мы одариваем их железом в брюхо, а не серебром!
- И глянул гордо.
- Хороший ответ. Рагнару понравился бы.
- Только вот я не заметил подобного героического подхода, когда Ивар с братом грабили Нортумбрию.
- Ну да мое дело – предложить.
- Ты вроде раньше настоятелю Годвину служил? – спросил король.
- Не то чтобы служил, твоя милость...
- Элла махнул рукой, велел мне заткнуться.
- Раз ты со святошами уже имел дело, то отправляйся к его высокопреосвященству и выясни, что он знает об этом Рагнаре, – распорядился король. – А ты, Теобальд, найди того, кто знает данов. Купцов порасспроси. В общем, сам разберешься. Как только узнаете что-то полезное, сразу ко мне. Что победитель короля франков сдох в моей змеиной яме, это славно. Но хотелось бы узнать, зачем он приплыл сюда. Не верится мне, что я более грешен, чем Карл Лысый.

Глава четырнадцатая. Война, мир и деньги

Вулфер как источник информации оказался бесполезен. Архиепископ был в курсе почти всех норманнских нападений, начиная с самого первого, примерно восьмидесятилетней давности, когда на остров Портленд, входивший в юрисдикцию южного королевства Уэссекс, напали целых три норманнских корабля. Ну как напали. Шли себе спокойно по Ла-Маншу, пристали к острову... И тут на них наехала уэссекская таможенная служба. Крутые норвежские парни оципать себя не позволили. Убили всех и отправились дальше, не забыв, впрочем, взять компенсацию за моральный ущерб[255].

Этому событию было уделено всего пару строк, поскольку церковное имущество в том конфликте не пострадало.

Зато нападение на здешний, нортумбрийский, монастырь, происшедшее через несколько лет, было изложено во всех подробностях, с перечислением убытков и именами отправившихся на небеса монахов[256].

Рагнар Лотброк вряд ли мог в нем участвовать, поскольку в те времена еще не родился. Он вообще остался вне внимания местных церковных хроникеров. Даже в дошедшей до здешнего епископа информации о взятии Парижа

имя Лотброка не упоминалось. Ну да. Центр мира – Йорвик.

В общем, никакой полезной информации я Элле не принес.

Теобальд оказался более успешен. Приволок купца из Ушплёнда. Норег оказался куда более осведомлен. Наговорил с три короба. Мол, грозен был Рагнар-конунг нечеловечески. И сыновья его – такие же. А еще он с норегским конунгом, Хальфданом Черным, в родстве, так что тому тоже не понравится, что Рагнара убили. Да еще так недостойно. Если бы он, купец, знал, кого король Элла собирается казнить, непременно предупредил бы и предостерег. Но ведь не знал! Тут купчина сделал трагическое лицо и воздел руки к небесам.

Элла помрачнел. Но норег за недобрые вести наказывать не стал. Выдал ему немного серебра и велел сидеть в городе.

– Нужны деньги, – сказал он, когда в зале остались только свои: сам король, Теобальд, Редманд, один военачальник Эллы, архиепископ с секретарем, что-то торопливо записывавшим, и я. Возможно, меня просто забыли выставить.

Судя по взгляду короля, обращался он адресно. К Вулферу.

Но тот отреагировал не так, как ожидал король.

– Ты, синьор, неплохо заработал, уничтожив язычников этого дикарского короля. Теперь ты видишь: борьба с язычниками может и прибыль принести.

– Твоя благость[257], в этой битве погибло больше сотни наших воинов! – не выдержал королевский военачальник Редманд, длиннорукий и длиннолицый вояка лет тридцати, преданный и простодушный.

– Они, несомненно, в раю, – епископ возвел очи горе.

– Мне знакомы имена его сыновей, – мрачно проговорил Теобальд. – Это они осаждали Йорвик три года назад. И именно церковь заплатила большую часть выкупа, чтобы они ушли.

– Тогда у Нортумбрии был другой король, – святоша многозначительно посмотрел на Эллу.

Элла был мрачен. Он отлично понимал разницу между разовым набегом викингов и полноценной войной с датчанами.

– С нами Бог! – строго произнес архиепископ.

И разразился речью на тему превосходства истинно верующих над язычниками. Никто не рискнул его перебить. Секретарь поспешно записывал. Я разглядывал резную панель, на которой собаки рвали кабана. Символичненько.

– Ты знаешь, твоя благость, куда норманны приходят в первую очередь, – сказал Теобальд, когда высокопреосвященство наконец заткнулся. – В святые обители!

– И вы, как верные нашего Господа, не должны этого допустить!

– Мы сделаем, что сможем, но норманны – как саранча. Все обители не убежать.

– Что ж, если война неизбежна, стоит позаботиться о церковных ценностях. Здесь, за каменными стенами, они будут в безопасности, – принял судьбоносное решение глава нортумбрийской церкви.

– А монахи?

– Смерть во славу Христа – мечта любого из нас.

Вот сучонок. Кажется, он нашел способ подгрести под себя имущество своих коллег. Нет, не даст он денег Элле. Точно не даст.

– Стены Йорвика крепки, – сказал Элла. – Но они опустошат мое королев-

ство.

– Так не дай им это сделать, христианский король! – воскликнул архиепископ. – Уничтожь норманнов и овей свое имя вечной славой!

Они препирались еще с полчаса. Но позиция церкви была крепка. Ни пенни варварам.

А когда король напомнил, что война тоже требует средств, а у него в казне пусто, архиепископ ответил столь же категорично. Церковь, несомненно, поддерживает монарха. Молитвами. А недостающие средства король может получить, увеличив подати. Особенно с тех земель, которые он аннексировал у матери-церкви.

– То были спорные земли! – возразил Элла.

И они еще минут пятнадцать ругались уже по этому поводу.

А я слушал и запоминал. Кто владеет информацией, тот... В общем, когда тебя пытаются втянуть во что-то нехорошее, лучше быть в курсе.

Глава пятнадцатая. В которой рождаются и рушатся планы возвращения домой, а заканчивается все, как водится, попойкой

Деньги король нашел. Собрал городской магистрат, или как там это здесь называется, и обозначил перспективу. Если денег не будет, то сюда придет огромная армия норманнов и наступит полный апокалипсис в отдельно взятом городе. Взятom норманнами, естественно.

Городская ремесленно-торговая верхушка пожабилась немного, но раскошелилась. Не было в них настоящей веры в силу Господа, надо полагать. Не то что у архиепископа.

Решив проблему с финансами, король велел Теобальду озадачить купца-норвега. Элла хотел, чтобы тот взял на себя доставку королевской делегации с вергельдом.

Теобальд прихватил на переговоры меня. Как человека умного, бывалого и уже бывшего в курсе проблемы.

Обитал купчина в доме местного главного ткача. У того, кстати, было целое кружевное производство. Дюжины три старательных девушек сучили шерсть, стучали прялками, вышивали и плели кружева. Знакомая тема. У меня дома на Сёлунде тоже такое. Вернее, не у меня, а у моей бывшей рабыни, а теперь вольной наложницы и предпринимательницы Бетти.

А хороши девчонки. По крайней мере, некоторые. Или это сказывается многодневное воздержание?

Норег был на месте. И то была единственная хорошая новость. Везти вергельд сыновьям Рагнара он категорически отказался. Даже угрозы королевской расправы его не переубедили.

– Лучше пусть меня казнят здесь, чем угодить в лапы Рагнарсонов! – решительно заявил он.

Тут я был с ним полностью согласен. Ивар с Сигурдом такие... затейники.

– Может, ты знаешь того, кто согласится? – спросил разочарованный Теобальд.

– Ищите кого-нибудь из данов, – посоветовал купец. – Лучше – с Сёлунда. Этих, может, и пощадят. Как своих.

О том, что будет с английской делегацией, которую те повезут, торговец из Ушплэнда говорить не стал. Это не его дело.

– Еще можете поискать тех, кто не слышал о Рагнарсонах, – добавил он. –

Только среди наших таких, пожалуй, и не найдешь.

– А если им не говорить, для чего мы плывем на Сёлунд? – озарило Теобальда, когда мы покинули дом ткача.

Мысль показалась мне здоровой. Я ведь тоже был заинтересованным лицом. Если король решит вопрос с доставкой меня на Сёлунд, это будет идеально.

Что меня удивляло, так это наличие норманнских купцов прямо в сердце Нортумбрии. Не удержавшись, я задал этот вопрос Теобальду. И получил исчерпывающий ответ: это другие норманны. Правильные. Потому что крещеные.

Ну-ну. Знавал я крещеных викингов. Чего не сделаешь ради того, чтобы втереться в доверие. Вспомнилось, как мы ободрали Луну. Тоже ведь... через крещение. Увы. Для язычника крестик – это еще один оберег. А Иисус – еще один бог, соответственно.

– Пошли к королю, – сказал Теобальд. – Пусть велит искать купцов.

– А мы что же?

– А мы, Ник, займемся делом. Или ты забыл, чем должны заниматься воины?

Нет, я не забыл. И спокойно отнесся к тому, что меня отправляют в патруль. И не просто так, а с полномочиями и отрядом из одиннадцати королевских гвардейцев.

Мне надлежало проверить боеготовность восточного побережья к встрече таких, как я.

Идея принадлежала королю.

– Покажешь себя хорошо, станешь сотником, – посулил Теобальд. – Будь с ними построже. Это таны – напыщенные бараны! – Теобальд хохотнул. – Не все они любят нашего короля как должно.

Тут он был прав. Эллу любили не все. И среди этих «не всех» были не только таны.

Тем интереснее, что один уважаемый представитель оппозиции явно выказывал мне расположение. По дороге в казармы меня отловил уже знакомый посыльный и сообщил, что милорд Озрик желает меня видеть в своем загородном поместье. А чтоб я не заплутал, оный слуга будет моим провожатым.

– Не сегодня, – отрезал я. – И не завтра. Я буду нужен королю.

Слуга заверил меня, что его господин не указал сроков. Просил лишь известить заранее, дабы можно было организовать достойный прием.

– А далеко ли поместье? – уточнил я.

Слуга замотал головой: меньше пяти миль от городских ворот.

И впрямь недалеко.

– Хорошо, – согласился я. – Передай милорду, что я благодарен ему за приглашение, и будь здесь завтра пополудни.

С проверкой меня отправляют через неделю, так почему бы не провести милорда Озрика? А заодно выяснить, почему он настолько равнодушен к простому ирландскому шевалье.

Но не сегодня. Как-никак я получил повышение. И должен проставиться. Потому сегодня у меня намечена пьянка с особо приближенными к королю. Выпивка сближает. И развязывает языки. А мне очень хотелось потолковать начистоту с нортумбрийскими вояками. Есть подозрение, что братья Рагнарсоны не оставят меня дома, когда пойдут завоевывать это славное место. А по-

тому стоило узнать, с чем нам, завоевателям, придется столкнуться.

И наилучший источник информации через пару часов окажется со мной за одним столом.

Под пьянку освободили гвардейскую столовую. Вышло просторно, поскольку за стол пустили только офицерский состав. От десятников и выше. Набралось немного. Двадцать три человека. Так-то командиров у Эллы было значительно больше, но остальные – в разъездах. Я не поспешил. Арендовал королевского повара. С командой, разумеется. Поставил задачу. Пообещал премию, если выйдет не хуже, чем за королевским столом.

Повар не подвел. Расстарался. Шесть перемен блюд. Полсотни накормить от пуза хватило бы. И эль. Примерно по ведру на лицо. А потом еще по ведру. Уже на рыло.

Я молодец! Это единодушно признали все. Свой парень. Правильный. Настоящий англосакс, хоть и ирландец.

Я не спорил. Время от времени поднимал тосты за короля и присутствующих. В целом и индивидуально. Отдельно – за нашу победу над норманнами. Отдельно – за наши будущие победы.

Тут меня особенно одобрили. И даже конкретизировали, над кем именно. Мерсийцами, валлийцами, скоттами... Словом, над всеми добрыми соседями, чтоб им сдохнуть.

Накопилось, в общем, обид.

А поскольку все обиды перечислялись с подробностями и обязательным упоминанием мест и численности участников, коих в большинстве случаев называли поименно, то я постепенно начал кое-что понимать в социальной структуре, а главное – в армейской системе Нортумбрии.

Увы, не только покойный Рагнар недооценил силу противника.

Я тоже промахнулся в оценке нортумбрийских возможностей этак разиков в пять. Мне ведь казалось: англов можно нагнуть даже одним Иваровым хирдом.

А вот не факт. Даже если бы речь шла только о полутысячной королевской гвардии. Причем я лично имел возможность убедиться, что как минимум половина гвардейцев ничуть не уступали викингам в воинской подготовке. Да и вторая половина состояла из очень толковых бойцов уровнем не ниже дренга.

И командиры у них тоже были очень неплохие. Мой непосредственный начальник Теобальд, и равный ему по значимости Кенельм, и даже простой, как удар топором по голове, Редманд.

Все они были младшими сыновьями олдерменов, которым не досталось наследства. Но без земли они не остались. Поставили на Эллу, когда тот был еще олдерменом, и не ошиблись. Придя к власти, новый король отдал им земли, отжатые у тех, кто неверно выбрал сторону. Графами-олдерменами Теобальд с Кенельмом не стали, но доходы обрели приличные. И обязаны ими были только Элле.

В общем, королевская гвардия – это сила. Но она – всего лишь ядро королевской армии. Ведь имелся еще и дополнительный контингент: сборная солянка из дружин и ополчения танов и олдерменов.

Бойцы олдерменских дружин если и уступали качеством королевской гвардии, то ненамного. Зато их было намного больше, чем королевских гвардейцев. Думаю, минимум раз в десять больше. А уж ополчения-фирда так и вовсе

собирались десятки тысяч. Да, это было именно ополчение. С соответствующим вооружением. Копье, охотничий лук, топор. Даже щиты были не у всех. Сбить из них сколько-нибудь серьезное войско было непросто. Да и воевать у них не было ни малейшего желания. Но в качестве «мяса войны» годились и они. Особенно если защищали свои семьи от кровожадных норманнов. С таким-то стимулом они уж точно не побегут.

Так что в итоге нортумбрийская армия выглядела довольно внушительно. А если еще, позабыв о прежних распрях, к Нортумбрии и союзники присоединятся... Например, те же мерсийцы. А за мерсийцами союзный им Уэссекс...

При таком раскладе шансы на победу снижались радикально даже у таких великих героев, как Рагнарсоны.

Были, впрочем, и позитивные моменты. Например, соседи могли и не внять общей опасности, а ударить королю Элле в спину. Да и многие олдермены способны проигнорировать призыв, ведь значительная их часть стояла не за Эллу, а за бывшего короля Осберта. У которого, кстати, имелась и своя гвардия, которую он не распускал.

Вообще, с этой сменой власти была какая-то мутная история. Говорили даже, что бывший и настоящий короли вообще повздорили из-за женщины. Но сомнительно. Полагаю, что даже в античные времена Прекрасная Елена была для данайцев только поводом. Однако так или иначе, но Элла Осберта отгеснил. Притом что Осберт был кровь от крови местной королевской династии, а Элла – седьмая вода на киселе. Простой, если можно так выразиться, олдермен, который ухитрился влезть на трон Нортумбрии. Эдакие фортели обычны в какой-нибудь Норвегии, но в христианской Нортумбрии я подобного не ожидал. И это тоже осложняло будущее завоевание, потому что означало, что Элла крут. Тем более крут, что экс-короля Осберта он оставил в живых. Что тоже как-то... необычно. Хотя не факт, что оба короля, действующий и бывший, в случае вторжения выступят в одном строю. Несмотря на все увещевания матери-церкви...

Которая уж, конечно, не останется в стороне. А церковь – очень даже неслабый игрок. Потому что у церкви тоже воины свои есть. А главное, у нее есть деньги.

Чем больше я слушал (и стимулировал) откровения английских воителей, тем более сложная картина рисовалась. Уравнение с кучей переменных и неизвестных. И чтобы разобраться с ними, мне нужна была информация. Причем не общее представление, а знание рычагов влияния и тайных связей. Сюда бы Рюрика. Вот кто был бы здесь как щука в омуте.

Странное ощущение. Сажу за одним столом с теми, кого почти наверняка увижу по ту сторону стены щитов, но почему-то не чувствую их врагами. Такие же вояки, как и мои даны. Профессиональные убийцы. Я бы возненавидел их, приди они ко мне домой. Но сейчас они дома. И это я собираюсь привести войну в их дом...

– Что мрачный такой, Ник?

Перечеркнутая клинком рожа десятника Малоуна нависла надо мной.

– Славный ты человек, Ник, хоть и ирлашка! Давай! Чтоб враги умерли, а мы жили!

Как скажешь, десятник. Спасибо, что своим «ирлашкой» помог мне разобраться.

Я – Ульф Хвити. Ярл. У меня есть дом, семья, соратники. У меня есть земля на Сёлунде и в Гардарике-Руси. А еще у меня есть долг. И пусть мне куда проще общаться с Теобальдом, чем с Иваром Бескостным, но именно Ивар пришел ко мне в час нужды. Я ему должен. За себя и за Гудрун. И не Теобальд, а Рагнар решил мои проблемы с конунгом свеев. Хотя и не был обязан. Я бы все равно с ним пошел. Потому что – должен. А теперь должен всем им, братьям Рагнарсонам. Еще и потому, что такова была воля их отца. Рассказать пороссятам, как умер старый кабан.

Глава шестнадцатая. Гостеприимство милорда Озрика

О том, что Озрик пригласил меня в гости, я сообщил Теобальду на следующее утро.

Королевский воевода поморщился. И не только из-за похмельного «послевкусия».

– Озрик – человек Осберта, – сообщил Теобальд то, что мне и без него было известно. А потом добавил новую детальку к портрету: – Он – его племянник.

– Мне отказать? – спросил я.

Теобальд задумался. Потеребил бородку, похмыкал, потер лоб...

– Есть эль, – намекнул я. – Холодненький.

Теобальд мотнул головой и скривился. А затем принял решение.

– Езжай, – еще раз поморщился и уточнил: – Не забывай, Ник, ты принадлежишь королю!

Смелое заявление. Хотелось бы уточнить: какому, ведь Элле я так и не присягнул. Впрочем, и присяга меня вряд ли остановила бы. Формально я – язычник. Так что клясться мне положено по-язычески. И я не уверен, что формула вроде «да станут свидетелями моих слов Фрейр, Ньёрд и могучий Тор» будет благожелательно воспринята нортумбрийскими нобилями.

Но от иронии я воздержался. Теобальд – один из немногих здесь, в Нортумбрии, к кому я испытывал симпатию. Да и он ко мне тоже. Причем еще до того, как я показал себя «ценным инструментом». Уверен: при других обстоятельствах мы могли бы подружиться. Например, я бы охотно принял его в хирд. При других обстоятельствах.

– Узнай, что они задумали, Озрик и его дядя, – велел Теобальд. – И не забудь вернуться. Тебе еще пограничных танов инспектировать [258].

Помолчал немного и все же не удержался:

– Где там твой эль?

– В моей комнате, в погребе.

Ну да, теперь в королевской казарме у меня была собственная комнатка. Я же вроде как офицер. Комнатка скромная, зато с запирающимся сундуком, кроватью, столом и небольшим погребом для хранения продуктов. Еще мне полагался слуга. Правда, за свой счет. Слугу подогнал Малоун. Звали слугу Бентом. Рыжий мальчишка с явными признаками недоедания. Но шустрый, расторопный и с амбициями. Пообещал ему: покажет себя хорошо, оставлю при себе и даже, возможно, помогу стать воином. Последнее – вряд ли. Слишком чахлый. Но, может, заберу с собой на Сёлунд. В хозяйстве пригодится.

– Бент, – сказал я рыжему, – достань пиво и исчезни.

Кивок. И через полминуты пиво уже в кружках, а рыжий – по ту сторону двери. Возможно, подслушивает. Ну и на здоровье.

– У нас великодушный король, Теобальд, – заявил я, когда пара пинт эля пе-

реместилась в наши желудки. – И благочестивый.

Английский воевода с подозрением поглядел на меня. Решил, что шучу. А шуток по поводу его нортумбрийского величества он не любил.

– Обычно короли не оставляют в живых побежденных соперников, – пояснил я. – Если не убьют, то заточат в монастырь, перед этим ослепив или отрезав что-нибудь важное. А наш король не только сохранил противнику жизнь и части тела, но и позволил жить в королевстве и вдобавок иметь собственное войско.

Теобальд ответил не сразу. Но все-таки объяснил:

– Осберт в родстве почти со всеми олдерменами. Пришлось договариваться. – И тут же, с энтузиазмом: – Элла для Нортумбрии лучше! Сейчас такие времена, когда стране нужен сильный король! Решительный! Который объединит всех и заставит дать отпор разбойникам-язычникам! Бог на его стороне!

– Бог всегда на стороне победителей, – проворчал я. – Что с Озриком?

– Я же сказал: поезжай! – раздраженно бросил Теобальд. – Хочешь, возьми с собой кого-нибудь. Хоть десяток Малоуна!

– У него только семеро, – уточнил я. – Один еще не оправился. И долго не оправится. Перелом голени.

– Возьмешь Малоуна?

Я покачал головой.

– Вот его – возьму, – я показал на дверь, за которой остался рыжий. – А других не надо. Ты же хочешь узнать, что у Озрика тут, – я постучал себя по лбу. – Если я приеду один, он будет разговорчивей.

– Как знаешь, – согласился Теобальд. – Налей-ка мне еще...

Для Бента я купил мула, который тут же вступил в конфликт с рыжим. С Оленем мул тоже попытался задраться. Но жеребец быстро «объяснил» наглую разницу между боевым конем и бесплодным вымеском, так что в путь мы отправились достаточно спокойно. Первым – я, за мной Бент и Озриков проводник на пузатом пегом мерине.

Проводник с Бентом болтали вполголоса, я созерцал скучные пейзажи и думал о том, как можно всю жизнь прожить здесь даже крупным землевладельцем-таном, не говоря уже о простом крестьянине. Хотя будь со мной мои родители и мои хирдманы...

Нет, все равно не высидел бы на одном месте. Да и что это за жизнь – управлять натуральным хозяйством?

Я викинг. Новые земли, новые друзья... И новые враги, разумеется. И предвкушение неведомого будущего, особенно острое, когда стоишь на борту собственного драккара и глядишь на туманное облачко у горизонта.

Встречные нам кланялись. Точнее, мне. Серьезное вооружение, плащ королевских цветов, конь, раза в полтора превосходящий размерами крестьянских кляч и куда более резвый. Тем не менее тащились мы вдвое дольше, чем я надеялся. Из-за еле переставлявшего копыта мерина. Но ближе к полудню наконец-то свернули с римской *via* на колдобистую грунтовку и минут через пятнадцать оказались около заросшей вьюном изгороди, за которой обнаружился не какой-нибудь бревенчатый сруб, а нечто куда более основательное. Настоящая римская вилла. И отнюдь не руины. Кто-то очень старательно привел ее в порядок и даже постарался затереть мелом следы пожара на кирпичных стенах. Очень старых кирпичных стенах. А еще крыша основного здания была

крыта не соломой, как большинство здешних строений, а сланцевой плиткой.

Ворота виллы относились к современной эпохе, а вот за ними, посреди просторного двора, обнаружился самый настоящий бассейн с мраморным фавном посередке. На фавне кое-где даже краска сохранилась. А вот детородный орган ему удалили по самый корешок. Интересно, это из-за христианской морали или у кого-то разыгрались детские комплексы?

Проводник безжалостно пнул пятками измученного мерина, заставив страдальца перейти на галоп, и первым влетел в ворота. Я был не против. Пусть известит господина о моем прибытии.

Двор, в римские времена сплошь замощенный, нынче сохранил не больше половины покрытия. Проплешины заполнили булыжниками, а кое-где даже деревянными плахами. Восхитивший же меня бассейн был на две трети заполнен дождевой водой, которую мой Олень счел вполне пригодной для питья, когда я, спешившись, бросил поводья рыжему и неторопливо зашагал к короткой лестнице, по сторонам которой торчали обломки колонн.

Там-то, на этом осколке великой Римской империи, и ждал меня благородный господин Озрик. С дамой.

– Благородный Николас Мунстерский, – представил меня Озрик. Причем с таким пафосом, будто я был лордом этого самого Мунстера. Лесть, причем грубая, – сильный аргумент. – А это, Ник, моя сестра Анис.

Ух как глазками стрельнула. Девка огонь, судя по всему. Не девка, простите. Девица из благородных. Хотя насчет девицы я не уверен. Слишком близко она ко мне подошла.

– Польщена, мой лорд. Брат много говорил о твоей доблести. Это ведь ты проучил несносного Эззи?

– Он, он, – подтвердил Озрик. – Наш малыш Эзельстан все еще пытается залезть тебе под юбки?

– Не бывать такому! – Анис даже ножкой притопнула. Слишком пылко. Переигрывает английская красотка. Ох, переигрывает. Тем более она тут же одарила меня улыбкой, намекавшей, что ко мне в аналогичной ситуации могут отнестись более благосклонно.

Вот что это за спектакль? И, черт, я зря не попросил в «аренду» парочку тех ткачих. Уверен, за небольшое вознаграждение дело сладилось бы. И мой организм вел бы себя... скромнее.

– Рад, что ты ко мне заглянул, – произнес Озрик с таким видом, будто это не он меня пригласил, а я просто проезжал мимо. – Нравится?

– Римская работа, – похвалил я. – Видел такие у франков.

Надо отметить, что я видел такие и здесь. Во время прошлого визита в компании Ивара и Уббы.

– Отец подарил, – с гордостью сообщил Озрик. – А ему достался от деда. – И внезапно переменял тему: – Слышал, ты теперь у Эллы вроде советника.

– Так и есть.

Я не стал принижать собственный статус. И скрывать причину королевского расположения тоже не стал:

– Король выделил меня после того, как я вспомнил имя казненного в змеиной яме норманнского короля.

– И кто же он был? – заинтересовался сын олддермена.

– Рагнар Лотброк.

Да, не знают здесь этого имени. Придется кое-что напомнить.

– Три года назад здесь были викинги. Помнишь?

Конечно, он помнил. Здесь они тоже побывали. Разграбили то, что не было увезено под защиту городских стен, убили слуг, оставленных присматривать за поместьем. Хотя не хозяйство не сожгли, слава Богу. Именно – Богу. Норманны попытались, но дождь помешал.

– Этих викингов привели датские конунги Ивар и Убба, – пояснил я. – Рагнар, казненный Эллой, их отец.

Вот теперь проняло.

– И это еще не всё, – «успокоил» я Озрика. – У Рагнара есть и другие сыновья. И у каждого – тысяч по пять воинов. – Тут я немного преувеличил, но совсем немного. – И если они пойдут сюда, то с ними будет еще тысяч тридцать-сорок норманнов из вольных.

Вот теперь я озадачил его по-настоящему. Аж лоб морщинами пошел.

Его очаровашка-сестра глядела на него недоумевающе. Что-то пошло не так?

Но Озрик о ней забыл напрочь. Неужели так впечатлила нарисованная мной перспектива?

Ладно, добавим в костер маслица.

– Пятьдесят тысяч самых свирепых язычников-норманнов! Когда еще представится такой шанс уничтожить их всех разом! – заявил я с воодушевлением. – Сделаем то, что не получилось у короля франков! Если Нортумбрия, Мерсия, Восточная Англия, Уэссекс, все королевства англов, саксов, валлийцев объединятся, мы раз и навсегда отучим норманнов грабить наши земли!

Удостоился робкой улыбки Анис. Озрик же моего оптимизма не принял. Не верил он в возможность единого англосаксонского войска. Я, надо отметить, тоже. Но сказать об этом – мог. Я же ирландец. Для меня все эти англосаксы – одна сата... общность.

– А это точно был...

– Рагнар, – подсказал я. – Рагнар, сын Сигурда. Король данов из Сёлунда. Так его называли. Это точно он. Такого раз увидишь, уже не забудешь.

– И что думает Элла? – стараясь сохранить невозмутимое выражение, поинтересовался сын нортумбрийского олддермена и потомок королей.

– Думает, – ответил я уклончиво. – Я думаю: он жалеет, что казнил язычника. Возможно, ему не хватает твердости. Надеюсь, у твоего господина Осберта ее побольше.

Кончики усов Озрика дрогнули. Ну да. В твердости Осберта он уверен не был. Ведь именно ее недостаток и привел к смене власти в Нортумбрии.

Но обсуждать это со мной Озрик не собирался. Во всяком случае, здесь, на лестнице.

По-дружески обняв, он отвел меня на пару шагов в сторону и сообщил:

– Стол накроют примерно через час, – он кивнул на уцелевшие с древних времен солнечные часы[259]. – А моя сестра покажет тебе дом. Она будет рада это сделать. Я много говорил ей о твоей доблести. И о том, как ты показал себя на земле франков.

– Надеюсь, не о том, как... – я продемонстрировал недвусмысленный жест.

– Нет конечно. Анис – девица, исполненная... добродетелей!

И улыбнулся. Очень двусмысленно.

– Здесь мы храним зерно, – сказала Анис. – Тут всегда сухо и тепло, хоть и подвал. Даже зимой.

Вдоль стен – деревянные емкости, на стенах развешан всякий сельскохозяйственный инвентарь. На полу, рядами, упакованное в подобие снопов свежее сено. Пахло яблоками и совсем чуть-чуть – пылью.

Ну надо же. Какое интересное использование римской бани.

– Озрик сказал... – начала Анис.

Нет, не стоило ей подходить так близко. И так проникновенно глядеть. И так запрокидывать голову, будто подставляя нежное горлышко.

– Ах... – сказала Анис, когда я аккуратно снял с ее головы накидку-платок. Волосы у Озриковой сестренки оказались еще светлее, чем я думал. Собранные на затылке в сложный узел, они прядями стекали вдоль висков, открывая аккуратные, чуть оттопыренные ушки.

Еще одно «ах», когда я прижал ее к себе и попробовал на вкус приоткрытый ротик. И третье – когда мягко опрокинул ее на сено.

Верхнее платье[260], нижнее, рубашка под ними. Еще и шнуровка по бокам. Не так-то просто добраться до лакомого.

Вся эта разнообразная ткань мешала мне куда больше, чем слабое, чисто символическое сопротивление девушки. И «нет», которое она выдыхала, было не отказом, а приглашением. Моя рука добралась наконец до ножки в кожаном башмачке, двинулась дальше – по щиколотке, по икре, колену, добравшись, наконец, до внутренней поверхности бедра, чуть влажной и нежной. Похоже, Анис не слишком часто ездила верхом. А если и ездила, то не по-мужски.

Набедренной повязки на ней не оказалось. К сожалению, не оказалось и другого. Желания.

А я, к сожалению или к радости, еще не настолько викинг, чтобы творить насилие. Как бы я ни истосковался по женщине за эти полтора месяца, но брать ту, которая меня не хочет, неправильно.

И моя рука отправилась в обратное путешествие. А потом я заглянул в голубые и ничуть не испуганные глаза и спросил:

– Брат велел?

– Ты о чем, мой господин?[261]

«Милорд... Ну, ну».

Я одним движением поставил Анис на ноги.

Весила она килограммов сорок пять, не больше.

Поясок под грудью расстегнулся легко. И избавиться от просторного верхнего платья с большим вырезом и короткими широкими рукавами оказалось несложно, а вот нижнее, даже с распущенной шнуровкой сбоку и на запястьях, далось сложнее.

– Помоги-ка мне, – велел я.

Анис подняла руки, и я стащил шерстяную одежду, как снимают шкурку с небольшого зверька.

Теперь на ней была только льняная исподняя рубашка, длинная, почти до лодыжек, зато с прорезями под мышками.

Я бросил на сено свой гвардейский плащ, аккуратно уложил пояс с оружием, стянул через голову кольчугу, безрукавку-подкольчужник, рубаху из синей английской шерсти, оставшись в исподней шелковой, неброского блед-

но-желтого цвета.

Рубаха, вернее, ее материал Анис удивил. Настолько, что она ее даже потрогала. Этаким статусный предмет совсем не по уровню простому и даже непростому гвардейцу. Нортумбрия – страна немаленькая, но не слишком богатая.

– Что ты делаешь, мой господин?

Вместо ответа я сунул руки в прорези ее рубашки. Спинка у нее была трогательно худенькая. Все косточки прощупывались. Анис задрожала. Сосочки маленькой, едва намеченной груди, собрались в твердые комочки, а зрачки расширились.

Возбуждение или страх?

В следующий миг я почувствовал, как ослабел шнурок моих штанов, который Анис ухитрилась развязать в одно движение, а вторым столь же ловко распустила и шнурок исподних. И тут же засунула внутрь обе руки.

Я не сводил глаз с ее личика и поймал мимолетную торжествующую усмешку.

Я стер ее поцелуем, сдернул с нее исподницу, уложил английскую красотку на животик. И начал приводить мою слишком холодную соблазнительницу в подобающее соблазнительнице состояние. Минут через десять она наконец-то начала отвечать на ласки, а еще через пять минут мы наконец занялись тем, чего у меня не было с того дня, когда я взошел на палубу Рагнарора корабля.

Длительное воздержание имеет свои плюсы. И малышка Анис это прочувствовала, хотя особо страстной я бы ее не назвал. Девчонка была робкой и неумелой, словно девица. Хотя и не девицей. Никакой инициативы, ни намека на страсть. Пару раз мне удалось довести ее до финала, но именно что удалось. Любимая позиция – «делай со мной что хочешь». Может, нортумбрийцам и нравится, когда дама покорно принимает их... достоинства, но мне это быстро наскучило. Так что я обтерся краем девичьей рубахи и вытянулся на гвардейском плаще, чувствуя не то чтобы облегчение, но... словно сделал что-то необходимое. Вроде как перекусил солониной с сухими лепешками.

Анис тут же встрепенулась, заботливо положила мне под голову свернутую головную накидку, закинула на меня ногу и, щекоча локонами мою щеку, принялась нашептывать на ухо, какой я мужественный.

В последнем я не сомневался. А вот в искренности благородной англичанки – да.

Я смотрел на ее ногу, закинутую мне на живот, тонкую, с торчащей коленкой и со светлым пушком на голени, на худое, почти тощее бедро с синими жилками и четко прорисованными под бледной кожей тазовыми косточками и не понимал, почему она час назад казалась мне привлекательной.

Но что сделано, то сделано.

Кое в чем я ошибся. Как оказалось, не такая уж Анис и благородная. Да, папа у них с Озриком был общий, а вот мама подкачала. Оказалась всего лишь горничной законной жены. Впрочем, обошлись с ней по-человечески. Не выгнали, а вырастили и даже обучили правильным манерам. А потом, лет примерно с четырнадцати, начали подкладывать под разных полезных господ.

Можно было ей посочувствовать... Но я не стал. В любом случае ее участь была значительно лучше среднестатистической английской крестьянки. Анис, по крайней мере, кормили досыта.

А еще я ей действительно понравился. И не столько потому, что она впервые получила удовольствие от секса, но и оттого, что я отнесся к ней по-человечески. Ну да, тут не Дания. Здесь женщина будет, кем велют. Рабыней, служанкой, вагиной, утробой... Поважнее коровы, но подешевле коня. Хотя насчет коровы я тоже не уверен. Той хоть не велют чураться простых удовольствий. А вот женщинам они не положены. Ибо они есть сосуд греха и главная причина того, что здешнее христианское мужичье вынуждено усердно трудиться, а не прохлаждаться в раю на всем готовом.

Убил бы мерзких святош!

Убить, однако, намеревались меня.

О чем между делом и прощобетала мне белокурая подружка.

Слышала разговор Озрика и одного из советников его папы. Мол, если не удастся переманить меня на свою сторону, то от меня надо избавиться. Профилактически. Слишком уж быстро я набираю потенциал и слишком перспективной фигурой являюсь. Особенно для Эллы. В первую очередь потому, что здесь, в Нортумбрии, я чужой. Никаких родственных и деловых связей. Что, кстати, дает возможность без проблем убрать меня с игрового поля. Элле от меня мертвого никакого проку. Забудет на следующий день. И мстить за меня некому. Чужак же.

В целом логично. Но в частности – совсем меня не устраивает. Не думал, что выбор стороны стоит так остро.

Подумалось: а говорит ли Анис искренне или транслирует то, что велено? Нет, похоже, это ее инициатива. Не хочется ей, чтобы меня убили. А хочется, чтобы я время от времени, когда мне будет угодно...

Нет уж, детка. Секс у нас с тобой был. Больше не будет.

Но озвучивать это решение я не стал. Напротив, заверил, что Озрик мне глубоко симпатичен и я немедленно стал бы его человеком, если бы... Если бы он был королем. Ведь я уже много лет служу исключительно королям. Перейти же на службу местного графа – это поступиться достоинством. А достоинство у меня – ого-го!

И принялся расхваливать Озрика. Его ум, благочестие (а как же иначе!), щедрость, изумительное владение оружием... Да Озрик просто идеал христианского воителя! Вполне достойный стать королем. Но не король, увы. Впрочем, здесь, в стране англосаксов, столько королевств. Почему бы Озрику не занять один из тронов? Если до этого дойдет, то я, благородный Николас из Мунстера, всегда готов пособить.

Мой восторженный посыл вряд ли сработал бы, передай я его Озрику лично. Но в устах не самой умной из дев должен был прозвучать убедительно. А в том, что прозвучит, я даже не сомневался.

Тем не менее на ужин я отправился в кольчуге и при Вдоводеле. Они вряд ли спасут, решишь Озрик прикончить меня официально. Но он не решится. Я же гвардеец короля. Более того, король знает, куда я отправился. Так что публично на меня не нападут. А зарезать меня по-тихому не получится, потому что пара-тройка обычных убийц не станет для меня проблемой. Во всяком случае, я так полагал.

Стол накрыли в просторном зале с мраморными полами и поблекшими фресками на подкопченных сверху стенах. Народу собралось – под сотню. И не местные свободные-керлы, а сплошь воинская и финансовая элита. И члены

их семей, само собой. В том числе дамы – супруги, сестры и дочери. Что характерно: моей недавней подружки Анис за столом не оказалось.

Озрик оценил меня по достоинству. Усадил по левую руку. По правую устроилась чопорная длиннолицая тетка в кружевном чепчике. Не только в нем, разумеется. Дорогой ткани и украшений на ней хватало.

Тетка оказалась... супругой Озрика. Одарившей меня таким взглядом, от которого молоко может скиснуть прямо в корове.

Соболезную. На мой взгляд, даже гигантское приданое и уходящая в века череда благородных пращуров не компенсируют необходимость делить с этой... с этим существом постель.

Ну да не мое дело. Мое дело – занять подобающее место и соответствовать положению.

Положение же мне Озрик отвел серьезное. То есть я был представлен народу не только Николасом из Мунстера, но и беллаторе короля франков Карла. А для тех, кому это слово незнакомо, пояснил: беллаторе – не просто какой-нибудь шевалье-рыцарь, а довереннейшее лицо.

Делайте выводы, господа.

И ни слова о том, что я служу королю Элле.

И ни одного знакомого лица за столом.

Так что нехитрый вывод напрашивался сам.

Ну, да я не против. Могу и посланцем Карла побыть. И даже не упоминать, что последняя наша личная встреча произошла в королевской тюрьме.

Впрочем, без пробивки не обошлось. Одна из дам вдруг защebetала по-французски, осведомляясь о причине, по которой я здесь.

Наверняка с подачи супруга, важного бородача с серебряной цепью поперек груди, сверлившего меня подозрительным взглядом.

Я ответил тоже по-французски и довольно резко: мол, не твое дело, женщина. И тут же перешел на английский, повторив ответ и добавив, что разговаривать здесь, в Нортумбрии, на языке франков, которого большинство не понимает, по меньшей мере неучтиво. И выразительно поглядел на бородача. Возмутится или нет?

Не рискнул.

Зато еще один тип, постарше, поинтересовался, насколько велик мой французский лен?

Я покосился на Озрика. Тот на помощь ко мне не спешил. Пришлось соврать. Но соврать грамотно. Мол, земля не маленькая, но работников после нашествия норманнов осталось совсем немного. Так что есть трудности с обработкой.

Поскольку тема была болезненная для всех нортумбрийских землевладельцев, обо мне тут же забыли, переключившись на проклятых язычников.

Языки пирующих развязались. Тосты стали разнообразнее. Появились среди них и за возвращение законного короля.

А я пил свой эль, глядел на поблекшие римские фрески и с трудом удерживался, чтобы кого-нибудь не убить. Настолько чуждой и раздражающей была для меня эта английская знать, через слово упоминающая Бога, но отличавшаяся от язычников лишь гипертрофированным лицемерием и постоянной готовностью подлизнуть тому, кто сильнее.

Впрочем, я очень хорошо знал причину копящегося внутри гнева. Одиноче-

ство. Даже среди головорезов Рагнара оно не было таким острым. Даже хитро-вывернутый Рюрик сейчас казался мне почти братом. Брехливая собачья свора во главе с псарем Озриком. На кого натравит, того и порвут. Если другой псарь не бросит им кусок покрупнее.

Я пил свой эль, не поднимая глаз, чтобы никто не угадал моих чувств, и думал лишь о том, чтобы удержать выжигающий меня изнутри ком ярости... И вдруг ощутил, как что-то увесистое легло мне на колено. Подумал: это один из хозяйских псов, грызшихся под столом, но скосил глаза и увидел мудрые голубые глаза и такую знакомую белую морду.

Мой Волк пришел, чтобы спасти друга. Как всегда.

Но важнее всего было то, что я прочитал в этих глазах. Жгучий комок под диафрагмой растаял. Я поднял голову и окинул соседей по застолью совсем другим взглядом. Правильным взглядом. Взглядом ярла. Теперь я видел не жадные глазки, жующие и болтающие рты, а то, что мне, дану и варягу, следовало видеть, когда я смотрю на добычу. Не грязную свалывшуюся кабанью шерсть, а шипящее над огнем сочное жирное мясо. Серебряные и золотые заковки, цепи, перстни, набитые кошель на поясах, оружие, которое должно получить хозяев получше, женщин, чьи тела порадуют моих хирдманов, добрая снедь и превосходный эль, без которого нет настоящего веселья. Я представил пирующих за этим столом своих друзей: Медвежонка, Вихорька, Скиди, Гуннара, Бури... Я представил Тьедара Певца, наигрывающего свою любимую «О Волке и Медведе», и впервые порадовался ей. И улыбнулся добродушно пойманному мой взгляд Озрику. И сын нортумбрийского олдермена улыбнулся в ответ, даже не подозревая, какое место будет отведено ему на нашем пиру. Спасибо тебе, мой Волк! Ты очень вовремя напомнил мне: я здесь не для того, чтобы приобретать друзей и искать расположения нортумбрийского конунга. Я тут, чтобы исполнить последнюю волю моего конунга. Доставить его слова по назначению.

Ночью ко мне пришел кошмар.

Давненько такое со мной не случалось. Опять пещера и руки, стянутые ремнями. Воздух внутри похуже, чем в длинном доме зимой. Три сгорбленных силуэта на фоне костра. Чавканье и хруст костей. Я знал, кого они жрут. Добытого мной олень.

Из дальнего, непроглядно темного угла пещеры тоже доносились звуки: шуршание и писк. Крысы, надо полагать. Если не считать связанных рук, я был в порядке. Ни голода, ни жажды, ни боли. Чесалась покусанная паразитами голова, но это привычно, так что с физикой было все в порядке. А вот с душевным состоянием – нет. Потому что я знал о своем предназначении. И оно мне категорически не нравилось. Жрущие у костра поймали меня этим вечером. Взяли, когда спал. Это у них умеют даже молодые. Эти как раз такие и есть. Передовой отряд. Обследуют долину, убедятся, что и дичи, и рыбы здесь вдоволь, и тогда сюда переберется вся семья широколицых. Которые убьют мою семью. И съедят. Но не всех и не сразу. Сначала детей, потом мужчин. Женщин – в последнюю очередь. Самцы-широколицые любят развлекаться с нашими женщинами. Не убивают без нужды. Если зима сытная, женщины смогут ее пережить. И даже родить полукровок. Вроде меня.

Я знал, что должен сделать. Убить их всех. Если разведчики не вернутся и не расскажут о долине и о нас, их семья сюда не придет. Возможно. В любом

случае широколицые сначала пошлют новых разведчиков. Их тоже надо выследить и убить. И широколицых станет на шесть голов меньше. А в их семьях в эту пору редко бывает больше двадцати взрослых. Это зимой они собираются по три-четыре семьи разом, чтобы убивать больших зверей.

Я должен убить этих троих. А для начала – освободиться.

Трое у костра улеглись.

Я принялся к ремням, которыми меня связали. Ремни были свежие, вкусно пахнущие кровью. Молодые широколицые связали мне руки спереди, а не за спиной. Это было глупо. Но не глупее, чем быть схваченным во сне. Я отодвинулся подальше в тень и по-волчьи вгрызся в ремни. Грызть я умел, ведь дух волка был моим давним другом. А еще я понял, что можно было не прятаться, потому что два разведчика начали совокупляться. Выходит, один из них самка, а я и не заметил. Впрочем, неудивительно. Волосатые женщины широколицых очень похожи на их мужчин. Особенно молодые. У них сиськи совсем маленькие. Так что, пока не пощупаешь между ног, и не поймешь, самец или самка. А совокупляться любят и те, и другие. Это я по собственному опыту помнил. А лучше бы забыть.

Самец громко зарычал и замер. Второй схватил его за плечи и отбросил в сторону, освобождая место. Все-таки они очень сильные, широколицые. Даже молодые.

От ремня осталась полоска шириной с дождевого червя, я дернул посильнее и освободился. Вставать не стал, только выпрямил спину. Хотя они меня все равно не видели. Парочка рычала, ухала и взвизгивала, а первый лежал на спине, раскинув руки, и хихикал.

Молодые. Беспечные.

Но очень сильные. И кости у них очень прочные. Об этом не стоит забывать. И я не забывал. Потому выбрал камень размером с оленью голову.

Копья они бросили у костра. И свои, и мое. Мое было лучше. Острее. Широколицым острота не обязательна. Они и тупым кремнем любую шкуру пробьют. Я видел, как один дубиной сломал ногу зубра. Мне такую дубину и поднять непросто, а он махнул разок, и перебил ногу. Зубру. Одним ударом. Как я тогда их боялся!

Теперь – нет. Теперь я знаю, что их тоже можно убивать. И черепа у них не крепче, чем у медведя.

Я подобрался к ним, двигаясь вдоль стены. Лежащий широколицый перевернулся набок и глядел на совокупающуюся парочку. Он не мог меня учуять из-за дыма. Зато мог услышать, если бы прислушался. Но он слушал звуки, которые издавали его сородичи, и ему было все равно, что происходит вокруг – в пещере или снаружи. Это мои соплеменники постоянно были настороже, а широколицым это ни к чему. Даже лев не рискнет напасть на них. На одного – может быть, а на троих – только если очень, очень голоден. И лев, может быть, даже убьет одного, если нападет врасплох. А двое других убьют льва.

Но не меня.

Я поднял камень над головой и с размаха опустил его на косматую голову широколицего, целя в висок. Там кость послабее. А потом схватил свое копьё и двумя руками вогнал его в поясницу второго самца справа от хребта. Самец закричал, выгнулся, копьё вырвало у меня из рук, и я остался без оружия. Если бы самка сразу набросилась на меня, мне пришел бы конец. Но она лежала с за-

крытыми глазами, раскинув ноги и порыкивая от возбуждения. Так что мне хватило времени, чтобы схватить другое копьё и воткнуть ей в живот там, где волосы почти не росли и живот выглядел почти по-человечески.

Но самка была широколицей, причем молодой и оттого еще более быстрой. Она успела перехватить копьё, едва то проткнуло кожу.

Глаза ее открылись, и они были такие же синие, как у меня. Но меня она не видела, потому что костер был за моей спиной.

– Ты зачем? – спросила она вместо того, чтобы взяться за копьё второй рукой. Тогда бы я не пересилил. А так, да еще навалившись сверху, сумел даже туповатым копьём широколицых проткнуть ее мышцы и вталкивал копьё в ее тело, пока оно не уперлось в камень. Я отпустил древко и подошел к костру. На камнях лежало мясо. Оно было сыровато, но после боя я был так голоден, что мне было все равно.

Я ел мясо и смотрел, как умирает широколицая. Она умирала скверно, но все равно не просила ее добить, только глядела на меня, как смотрит обиженный ребенок. У нее было почти женское лицо, чистое, не заросшее волосами, как у самок постарше. И я ее пожалел: разбил голову тем же камнем, которым убил первого.

Но только после того, как доел мясо.

Глава семнадцатая. Богопротивное оружие арбалет

Когда я проснулся, то еще чувствовал вкус мяса во рту. Плотность его волокон, пропитавшую его кровь...

Кошмар постепенно уходил, рассеивался, впитывался в глубины памяти. За окном темно, но птички уже высвистывают. Наверное, они меня и разбудили.

В постели, если можно назвать постелью кучу сена, накрытую плащом, я был не один. Рядом спала какая-то псина из породистых. Пятнистая, длинно-мордая, с широким коричневым ошейником. Ну хоть не Анис. И не...

Я вспомнил лицо умирающей из сна. Я бы не назвал его красивым, но оно было вполне человеческим. Мало похожим на тех волосатых баб, которых я видел в прежних кошмарах. И то, что я, который из сна, не считал ее человеком, было немного странно.

И сам сон, он – к чему?

К тому, что надо еще поспать. Вчера я на эль не очень налегал, но выспаться все равно стоило.

Но поспать мне не дали. Сначала проснулась собака. И принялась пихать меня мордой, а когда я не отреагировал, солидно гавкнула.

– Тебе чего? – сонно поинтересовался я.

Псина прыгнула с копны, подбежала к дверям, развернулась и уставилась на меня.

Ладно, понял. Я вздохнул и тоже слез на земляной пол. Нет, это не древнеримская постройка. Какой-то сарай. Практически пустой. Через щелястые стены проникает дневной свет.

Как я здесь оказался?

Ладно, выпущу псину и разберусь.

Вещи мои вроде здесь, всё в наличии. Но облачатся буду потом. Надел сапоги, нацепил пояс. Это рефлекс. Жизнь научила: без меча даже до ветра не ходим. Тем более на вражеской территории.

Псина у двери заскулила, заскребла землю.

– Сейчас, сейчас... – пробормотал я, толкнул дверь... И дверь не открылась. Меня заперли?

Я толкнул посильнее. Дверь подалась, но медленно. Что-то снаружи мешало. Я подналег и давил, пока не образовалась щель примерно полуметровой ширины.

И я едва не полез в нее, но вдруг сообразил. Собака. Ей же надо было наружу, а она даже не пыталась прошмыгнуть на улицу. Я оглянулся. Псина на свободу не спешила. Поскуливала, поджав хвост, и глядела на меня... С надеждой?

Меня будто окатило предчувствием нехорошего. Нет, я в эту щель не полезу. В одной шелковой рубахе – точно.

Вернулся к сену. Накинул поддевку, а на нее кольчугу. Немного успокоился, и тут организм решительно напомнил об утренних потребностях. Надо удовлетворить. Перед дракой, которая вполне возможна, это обязательно.

Мы, викинги, люди простые. Вот этот угол вполне подойдет.

Пес тоже решил отметить. Я потрепал его по голове.

– Пойдем, хвостатый, – сказал я ему. – Покажем, кто здесь самый страшный зверь.

Но на полпути к двери задержался, чтобы захватить прислоненные к стене вилы.

Их я и упер в дверь... Которая открылась неожиданно легко. И внутрь влетели сразу два арбалетных болта. Открой я дверь плечом, а не вилами, достались бы мне. А так только собачку напугали.

Вилы – не лучший предмет для метания, но у меня получилось неплохо. Во всяком случае, кожаный жилет одного из стрелков продырявило. Второго, судорожно пытавшегося зарядить самострел, я вскрыл Вдоводелом. Третьего... Опаньки! Да это же наш малыш Эзельстан. С копьём, на которое опирается как на костыль. Надо полагать, ножка еще болит.

– Что, за добавкой пришел? – спросил я.

Нет, я не собирался его убивать. Не хотел ссориться с Озриком и прочей его родней.

Но тут увидел, что именно подпирало дверь снаружи: труп моего слуги Бен-та.

И у меня упала планка.

Виллу я покинул, не попрощавшись. Все сколько-нибудь важные персоны отсыпались после вчерашней попойки, а челядь не посмела мне перечить. Оседлали Оленя, взнуздали мула, на которого я погрузил тело Бен-та, открыли ворота.

Обратный путь занял раза в полтора меньше времени.

В Йорвике я сразу направился к королевской резиденции. Нашел Теобальда и подробнейшим образом изложил все, что происходило со мной на вилле.

А спустя час повторил то же королю.

– Девка эта, Анис, она хоть стоящая? – спросил Элла, усмехнувшись.

Я поморщился, но все же отметил:

– Личико симпатичное.

– Теобальд, дай ему десяток Малоуна, и пусть отправляется на побережье, – сказал король. – Грамоту с полномочиями я ему подпишу. – И уже мне: – Полезный ты человек, Николас. Очень вовремя разворошил осиное гнездо. Те-

перь жажухжут.

– А если жажухжанием не обойдется? – на всякий случай уточнил я.

– Они пытались ужалить моего человека! – сурово произнес король. – Я им жалъца вместе с жопками оторву!

Его позиция меня обрадовала. Частично. Потому что я полагал, что жопки отрывать надо до того, как меня ужалют. Ну да об этом я и сам как-нибудь позабочусь. Хорошо, что со стороны закона претензий не будет. Ибо закон здесь – его королевское величество.

Тем не менее я не поленился: посетил собор и исповедался. Лично высокопреосвященству. Где честно, правда не называя имен, поведал о том, как убили моего слугу и пытались прикончить меня. Но я не дался. И сам всех убил. В порядке самозащиты.

Архиепископ отнесся с пониманием. Сказал, что убивать христиан – негоже. И арбалет есть богопротивное оружие, нарушающее законы гармонии, ведь с его помощью простолюдин может запросто убить благородного человека. Так что моя вина не так уж велика. Назначил мне епитимью – ежедневное получасовое чтение базовых молитв – и отпустил перечисленные грехи, отметив, что если я порешу столько же язычников, сколько сегодня ужокошил христиан, то мой небесный баланс восстановится.

Интересно, что бы он сказал, если бы я назвал имя Эзельстана?

Напоследок я оставил не самое важное, но, наверное, самое неприятное. Разговор с Малоуном.

Тело убитого паренька я передал ему, как только вернулся, но поговорить не успел. Сказал только, что убил его Эзельстан.

Теперь предстояло сообщить детали.

– Кем он тебе приходится? – сразу уточнил я.

– Сын двоюродной сестры. Жаль парня.

– Жаль, – согласился я. – Зарезали его подло. В спину.

– Я видел, – уронил Малоун. – Сиксом[262] под лопатку. Умелый убийца.

– Их было трое, – сказал я. – Эзельстан и его дружки с самострелами.

И кратко описал происшедшее.

– Ты очень хороший воин, – равнодушно констатировал десятник. – Другого убили бы.

– Родня у него была кроме тебя?

– Как не быть, – Малоун вздохнул. – Сестра с мужем. И еще двое мальцов. Я им мула отдал, ты не против?

– Это тоже отдай, – я протянул ему кошель с двадцатью серебряшками. Четверть содержания, выданного мне Теобальдом в дорогу.

Малоун непонимающе поглядел на кошель.

– Это зачем? – спросил он.

– За меня умер малый.

– Толку-то, – проворчал Малоун.

Взял кошель, развязал, высыпал на бугристую от мозолей ладонь несколько монет.

– Этого хватит, – сказал он. – Не знаю, как там у франков, а у нас серебро в цене. А остальное я в дело пушу, закуплюсь в дорогу. Тео сказал: мы с тобой на побережье пойдем?

– Так и есть, – подтвердил я. – Завтра отправимся. Успеешь своих подгото-

вить?

– Теперь они и твои тоже, – Малоун усмехнулся криво. По-другому с его физиономией и не получится. – С рассветом отправимся. А об этом, – он сжал в кулаке предназначенные семье Бента серебряшки, – я тоже им расскажу. Пусть знают. А то о тебе разное болтают... – не договорив, он повернулся и вразвалочку зашагал к воротам.

Я не стал его останавливать.

Глава восемнадцатая. Королевский инспектор

– Вот, – тан протянул мне кусок пергамента со смазанным оттиском в нижнем левом углу.

«Тану Кедмину предписывается осуществлять дозор побережья от Пятихолмья до Чайчьей косы вплоть до... Элла, король нортумбрийский».

– И как? – спросил я. – Осуществляешь?

– Все как тут написано! – тан ткнул пальцем в пергамент.

Ноготь у тана был желто-синий, ушибленный. Читать тан, судя по всему, не умел.

– И как? – повторил я.

– Что как?

– Много норманнов изловил?

– Так не выходили они на берег, – неуверенно проговорил тан.

– А мне сказали, что выходили! – Я уставился на тана в упор. – И не только выходили, но сожгли деревню и ограбили церковь!

Тан хмуро глядел в стол. В королевское предписание.

Отчасти я его понимал. Согласно ордеру он должен был сразу по обнаружении нурманов немедленно известить своего олдермена и удерживать пиратов до прибытия подкрепления собственными силами. Я эти силы видел. Три десятка рекрутов в кожаных жилетах, с топорами, копьями и тесаками-саксами. Вернее, сиксами, как их тут называли. Чуть получше, чем типичные ополченцы фирда, но сколько-нибудь толковых бойцов в команде тана только двое. Сам тан и его семнадцатилетний отпрыск. Обычный норманнский экипаж – это полсотни хирдманов. На танову армию хватит дюжины. Удержать хирд до подхода конников олдермена – ни единого шанса.

Так что тан наверняка прыгал от радости, когда викинги из-за тумана не заметили его городка и прошли южнее.

Но есть нюанс. Это был не боевой драккар. Это был норегский кнорр, который просто заплутал в суровом Северном море. Причем не пиратский, а со всеми нужными торговыми разрешениями. Кнорр пристал к берегу, чтобы честно пополнить запасы...

И обнаружил, что на берегу его никто не встречает. Потому что, увидав полосатый парус, двигавшийся к удобной бухте как раз у вышеупомянутого Пятихолмья, тан сдрейфил и закрылся в своей мини-крепости.

Простые северные парни по дымам обнаружили рыбацкое село и сначала решили поступить как честные купцы. Потому-то я и узнал о грамотах, которые когда-то выдали им короли Осберт и Эдмунд. Священник деревенской церкви сумел их прочитать и, наверное, порадовался, что эти норманны хорошие. Возможно, он слишком явственно выразил радость, потому что норегии внезапно передумали и перестали быть хорошими. А поскольку особо грабить ни в деревеньке, ни в церкви было нечего, норегии восполнили недобор жи-

вым товаром, забрав с собой три десятка свободных английских граждан обоего пола в возрасте от 15 до 25 лет.

Всю эту информацию я получил от священника-грамотея, которого норегии не тронули. И даже на пытали, потому что с первого взгляда понятно – нищая церковка.

Понятно было и мне, что, выполняя тан свои танские обязанности как следует, норегии не рискнули бы разбойничать.

По справедливости, мне следовало тана казнить. Полномочия позволяли. Но смысл? Укрепление обороноспособности нортумбрийской береговой линии мне побоку. Наоборот, я запомнил это место как перспективное для внезапной высадки. Удобная бухта, трусливый тан, дорога близко.

Потому после продолжительного молчания я встал, хлопнул тана по спине и задал провокационный вопрос:

– Что теперь, тан Кедмин?

Тан глянул на меня снизу и прочел в моих ласковых глазах, что худшего можно избежать.

Я окунул палец в кружку с элем и нарисовал на столешнице число «50».

Тан поспешно закивал. 50 серебряных монет – ничтожная плата за его жизнь.

А мне они пригодятся. Более того, часть я раздам своим бойцам. Чтобы у них не возникло желания на меня настучать.

Мы проинспектировали уже километров двести, постепенно забираясь всё дальше на север. Обычно служба велась как подобает. Не без злоупотреблений, конечно, но подобные Кедмину встречались редко. И на мысленной карте, которую я составлял, такие места отмечались мысленной же галочкой.

За время пути мы с сопровождающими более-менее притерлись. Ко мне даже начали обращаться не просто по имени, а «лорд Николас». Ирлашкой же не называли даже между собой.

Завоевать авторитет оказалось нетрудно. Несколько рассказов о том, кем я был у франков, соответствующее поведение, а главное – умение выжимать из танов деньги, которые после делились «по-честному», то есть пополам. Половина мне, остальное им. Это было справедливо, поскольку дорожные расходы тоже лежали на мне. Хотя по-настоящему отношение ко мне изменилось, когда один из парней попал в беду.

Священники бывают разные. Нельзя сказать, что большинство из них – праведники. Но истинно верующих – большинство. Среди мирян, кстати, пропорция примерно такая же. Все здешние христиане грешат, но искренне надеются, что Господь простит им нарушения заповедей. Однако меж смиренно кающихся грешников периодически попадают особи, полагающие, что бритая на макушке тонзура и периодически произносимое «*absolvo te*» [263] дают им право на особенное отношение с высшими силами. Отец Бернар, кстати, считал, что все обстоит как раз наоборот. Чем ближе к Богу, тем строже канон. И обосновывал это весьма убедительно, со ссылками на Писание и высказывания христианских авторитетов.

Однако когда моего солдата Хейла прихватили за пропаганду языческой бесовщины, у меня не было никакой возможности призвать отца Бернара в Нортумбрию для философского диспута. Поэтому я поступил просто: взял и вызвал обвинителя на священный поединок.

Нельзя сказать, что старина Хейл был праведной овечкой. Здоровенный молодой головорез с довольно скромными умственными способностями. До уровня «альтернативно одаренного» не дотягивал, но в воинский формат «слабоумие и отвага» вполне укладывался. А еще он был красавчик. И та еще кобелина. И никакого принуждения. Как правило, принуждали именно Хейла. И он с удовольствием принуждался.

Так вот, пока я общался с местным таном, Хейл отправился перековать лошадку. Это крестьянские лошади отлично обходятся без металлической обувки, а вот военной коняшке без них никак.

Местный кузнец заменил пару подков, взяв за работу по стандартной таксе, после чего предложил красавцу-гвардейцу выпить холодненького эля из погреба и поделиться новостями из столицы.

И как-то так вышло, что закончилось распитие не за столом, а на соседнем лужке. И не с кузнецом, а с его дочуркой. И событие сие наблюдал местный священнослужитель. Который к кузнецу и его дочери давно присматривался на предмет антихристианского поведения. И не без оснований. Кузнец же. Пережитки язычества так и прут. И на дочку кузнец тоже целую коллекцию оберегов нацепил. Этакое непотребство! И надо ж тому случиться, что доченька кузнецова от избытка чувств одну висюльку простаку Хейлу подарила. А висюлька эта – один в один молот Тора.

С ними, родимыми, дочкой и висюлькой то есть, моего парня и повязали блюстители нравов из местной «полиции». Причем со спущенными штанами, поскольку молодец решил пойти по второму кругу. Или по третьему... Неважно.

Важнее, что беседа с таном у нас и без того как-то не сложилась. Не сошлись взглядами на воинскую службу и цены на продовольствие. Я его в итоге дожал, но разозлил изрядно. А тут такой повод подгадить.

Когда я увидел своего человека разоруженным, связанным и окруженным местными вояками, моя первая мысль была: порублю гадов!

Но сдержался. Полномочия мои изрядны, но без серьезного повода убивать все равно нельзя. Не говоря уже о том, что у меня под началом шестеро бойцов, включая Малоуна, а у тана четыре десятка. И сам тан, молодой, резкий, с мечом явно друживший.

И еще толпа потенциальных ополченцев, которых собрал сука священник. Тоже молодой и резкий.

Так что начал я с дипломатии. Поинтересовался: кто тут такой храбрый, что рискнул поднять руку на королевского гвардейца? Или они тут, на отшибе, позабыли, как грозен их король, которого даже норманны боятся?

Тан молча мотнул головой в сторону священника, и тот закричал, что есть власть повыше королевской. И вообще, еще неизвестно, правильный ли король Элла. Есть ведь и другой король...

Ух ты! Да у нас очередной оплот оппозиции!

Но тут тан перехватил инициативу, вежливо, но твердо порекомендовав святоше заткнуться, а мне – побереечь репутацию короля, который мало того что берет на службу скрытых вероотступников, но и, когда их выявят, мешает свершиться правосудию.

– Сам ты вероотступник! – закричал Хейл. И согнулся, получив древком копь в живот.

Я послал Оленя вперед, одновременно переводя копьё в боевое положение.

– Пока вина его не доказана, он невиновен, – процедил я, нависая над пешим таном и почти упирая копьё ему в лицо. – Если его еще раз ударят, ты умрешь.

Тан не испугался. Похоже, крепко верил в свою неуязвимость. Или в свои связи, которые не позволят мне его продырявить.

– Его вина доказана, всадник! – надменно заявил местный лордик. – Доказана церковью! И он понесет заслуженное наказание!

– Понесет! – взвизгнул святоша. – Бог тому свидетель!

И тут мне вдруг стало смешно. Вожак жалкого английского городишки и обнаглевшая черная ворона в нестираной рясе смеют угрожать мне. Мне! Ульффу Хвити! Да еще Бога в свидетели призывать. Что ж, самое время напомнить, на чьей стороне Бог, когда сходятся серебряный английский крест и добрая франкская сталь.

Я расхохотался. Да так, что удивленный тан даже попятился.

Я опустил копьё, вдел его в крепление на седле и извлек из ножен Вдоводел. Перевернул его рукоятью вверх и провозгласил торжественно:

– Я, Николас Мунстерский, шевалье де Мот (а почему бы и нет? Разве в свое время я не именовался шевалье Жофруа де Мотом?), взываю к Господу нашему Иисусу и молю Его даровать нам знак Своей Воли!

После чего вернул меч в обычное положение и спокойно поинтересовался у тана:

– Конно или пеше?

– Что конно? – не понял он.

– Божий суд, – буднично пояснил я. – Будучи дланью нашего короля, я имею такое право. Лично я предпочитаю пеше, но если ты желаешь конно, то я не против. Или, – тут я сузил глаза и посмотрел в слегка ошарашенные глаза благородного тана, – ты не веришь в то, что Бог укажет, кто тут еретик?

Вот так, англичанин. Я тоже умею играть по вашим правилам. И если даже сам Христос решит вмешаться в наш поединок (в чем лично я сомневаюсь), то он будет на стороне моего меча. Потому что в невинности моего парня я не сомневаюсь. Какой из этого простофили еретик!

Трусом тан точно не был. Ну или не хотел им прослыть.

Конечно, он мог бы «сохранить лицо», например заявив, что из-за такого ничтожного повода незачем ломать копыя и тупить клинки. Мол, если я ручаюсь за своего человека, то вопрос решен. Кто же усомнится в слове такого благородного меня?

Но тан юлить не стал. Может, не сообразил, а может, решил, что у него есть отличный предлог, чтобы разделаться с королевским инспектором.

Но прежде, чем он успел ответить, влез святоша и заявил, что у них тут Божий суд идет по другим правилам. Кто дальше пройдет с куском раскаленного железа в руках, тот и прав.

Мы с таном поглядели на него совершенно одинаково, и святоша сообразил, что сморозил глупость.

– Я, лорд Леланд, хозяин этой земли, принимаю твой вызов, лорд! – напыщенно заявил тан. Подумал немного и добавил: – Биться будем пеше. Оружие – меч и щит.

Надо полагать, сообщение о том, что я – франкский рыцарь, не прошло ми-

мо его ушей, и он решил, что без коня со мной управиться будет проще.

Щит мне не особо нужен, ну да ладно. Как скажешь.

Прихвостни очистили пространство.

Я картинно извлек из ножен Вдоводел. Поймал плоскостью выглянувшее солнце, послал зайчик в глаза тана. Тот недовольно мотнул головой. Взял поднесенный щит.

Годочков ему поменьше, чем мне. Но образ жизни у меня явно был поздравнее, если судить по внешности.

Готов лордик?

Готов. Двинулся по кругу, держа дистанцию. Опасается.

Я приглашающе постучал клинком по щиту. Не повелся. Выводит меня против солнца. Зайчика испугался?

Нет, не противник. Тут я и без моего Волка прекрасно обойдусь.

Я опустил меч и прогулочным шагом направился к тану. Остановился на дистанции выпада, спросил громогласно:

– Боишься, лорд Земля? Знаешь, на чьей стороне Спаситель?

После чего поднял меч, перевел в обратный хват, повернулся к церкви и демонстративно перекрестился рукоятью.

Удержится или нет?

Удержался. Атаковал, только когда я вновь повернулся к нему. Хорошо атаковал, четко... Но так ме-едленно...

Жестко перехватил выпад Вдоводелом, вышибая меч вверх, отшвырнул щит, поймал левой оружие противника, скрестил мечи, свой и трофейный, бросил пятящемуся тану:

– Бросай щит, лорд Земля! Бог явил свою волю!

Позже, на пиру, ознаменовавшем достойный финал нашего... недопонимания, тан спросил:

– Почему ты не убил меня, лорд Николас? Ты ведь понял, что я не из друзей твоего короля?

– Бог сказал: не убий! – выпренно заявил я. – Потому я никогда не убиваю, если могу не убить. Но если кто-то встает на моем пути, его дни сочтены. Он может спать, есть, молиться, щупать девок, но на самом деле он мертвец, даже если пока об этом не знает. – Я выразительно посмотрел на глядящего букой святошу, и тот поспешно отвернулся.

Эх! Взять бы его за загривок и порасспросить с пристрастием... Нельзя. Да и зачем? Я ведь только прикидываюсь человеком Эллы. И чем больше вражды между ним и Осбертом, тем мне, Ульффу Хвити, лучше.

А святоше впору благодарность выносить. За то, что подарил мне доверие королевских гвардейцев.

– Откуда он взялся, этот франкский ирландец? – сердито бросил действующий король Мерсии Бургред отставному королю Нортумбрии Осберту.

Тот пожал плечами.

Оба короля, настоящий и бывший, были похожи. Плечистые, пузатые, с поросшими желтой шерстью лапами. У обоих крупные прямые носы, одинаковые глаза, одинаковые рыжеватые бороды с небольшой проседью. Типичные саксы. Вдобавок еще и родственники, пусть и не слишком близкие.

– Откуда бы ни взялся, а надо с ним решить. – Осберт поскреб затылок, прижмурился от удовольствия. – И сделать это лучше тебе.

– А если купить? – Бургреду не хотелось лезть в Нортумбрию. Пронюхает Элла, что мерсийцы шарят по его землям...

– У Озрика не получилось, – возразил бывший король. – Озрик – это...

– Я знаю, кто он, – перебил Бургред. – Озрик начал, вот пусть он и закончит.

Несмотря на грозный облик и королевский обруч на голове, мерсиец храбростью не отличался. Предпочитал действовать исподтишка. Но, когда надо, умел быть решительным.

– Озрик не смог, – вздохнул бывший король. – И так, и эдак к нему подступал. И танство сулил, и девку прельстительную подложил... Но судьба решила иначе.

– Судьба? – приподнял бровь Бургред.

Ему рассказали о неудачной попытке еще одного Осбертова родича прикончить ирландца.

– А как иначе? – изобразил удивление бывший король Нортумбрии. – В него из самострела били. В упор. Может, у него амулет какой заговоренный? От стрел.

– От болтов, – поправил мерсийский король. И добавил, поразмыслив: – А может быть. О нем говорили: он в Италии бывал. Может, и к самому Папе Римскому захаживал. А там всякое благословение можно получить. Там, в Ватикане, такие фантазеры. Младшему сыну Этельвульфа Уэссекского предсказали, что королем станет. Слышал? Это при живом отце, четверых старших братьях и никудышном здоровье, – Бургред хохотнул. – Королем. Да еще великим.

– Это тогда было четверо. Теперь уже поменьше, – Осберт тоже выдал смешок.

В нелюбви к Уэссексу они были единодушны, несмотря на то, что у Бургреда с Уэссексом был союзный договор. Но такой... Не вполне добровольный. Когда выбирать пришлось одно из двух: либо он, Бургред, всецело с Уэссексом, либо у Мерсии другой король.

– Ирландец, – вернулся к прежней теме Осберт. – Надо от него избавляться. Я знаю, что Элла отправил его инспектировать прибрежных танов. Людей дал всего шестерых. Да и случись что, драться они за ирландца не станут. Чужой он им.

– К чему ты клонишь? – Бургред больше не улыбался.

– К тому, что пойдет он с севера на юг. И если некие храбрые люди встретят его на северном берегу Хамбера[264]...

– У тебя мало храбрецов? – поинтересовался Бургред.

– Мои храбрецы – нортумбрийцы, – ответил бывший король. – Их могут узнать.

Довод был существенный. Бургред задумался, потом уточнил:

– Это услуга?

Осберт кивнул. С кислой миной.

– Подумаю, что можно сделать, – воздержался от немедленного принятия решения мерсийский монарх. – А что там за история с норманном, которого Элла кинул в змеиную яму? Болтают, этот язычник – король данов?

– Врут, – махнул рукой Осберт. – Этот норманн – не настоящий король, а морской. У язычников всякий пират с парой парусов тут же объявляет себя королем. Забудь.

И Бургред забыл.

А зря.

Глава девятнадцатая. Когда дичь становится охотником

Малоун зачерпнул шлемом воду и вылил на голову. Потом зачерпнул еще раз и напился.

Вода в заливе была пресная, но мутновата. Я бы такую некипяченой пить не стал, но англичанам пофиг.

– По этой дороге дойдем до устья, – сказал десятник, кивнув на тянувшийся вдоль залива тракт, который примерно через пару километров забирал к северу из-за болотистого берега. – Там городок есть. Передохнем пару дней, если ты, милорд, позволишь.

– Почему бы и нет, – ответил я, порадовав мое невеликое воинство, которому так и мечталось спустить заработанные во время нашей инспекции денежки.

Эх, искупаться бы... Но не поймут. Или поймут? Есть идея...

– Малоун, надо бы коней искупать.

Без восторга. Хотя лошадки явно не прочь. Мой Олень по колено в воду вошел.

– Баз, Хейл, на страже, – скомандовал я. И решительно потянул через голову кольчугу. Шлем и так уже три дня к седлу приторочен. Жарко.

Раздевшись сам, «раздел» Оленя. С ним у нас полное взаимопонимание, так что можно и без узды отпускать. Конь обрадованно пихнул меня мордой в ухо и, призывно заржав, вошел в воду. Наш маленький табунок последовал за ним. Олень – главный. Отличный жеребец. Не зря я его выкупил.

Хорошо! Вот так бы из воды и не вылезал. Так, а кто же это там, в кустиках?

С берега не видно, зато с воды очень отчетливо наблюдается человек. И судя по всему, он там не погадить присел.

В общем, ничего критичного. Скорее всего, кто-то из поселян обнаружил вооруженный отряд и теперь присматривается, прикидывая: чего от нас ждать.

Это нормально. Но неправильно.

Я выбрался на мелководье, жестом подозвал Хейла, поставил задачу, а сам вернулся в воду. Дабы не вызвать подозрений.

Хейл – боец тертый. Ломиться в кустарник кабаном не стал. Двинулся не спеша, развязывая шнурок на штанах...

А через пару минут возня, вскрик... И вот он уже возвращается, волоча за волосы соглядатая.

Я вылез из воды. Одеваться не стал, только меч подхватил.

Соглядатай валялся на травке и, скосив глаза, наблюдал за наконечником Хейлова меча. В трех шагах от них валялся тесак-сикс. У моих бойцов такого не было, значит, он из арсенала соглядатая.

– Отрезать ему ухо? – предложил Хейл.

– Нет, не надо! – взвизгнул пленный. – Я все скажу!

– Пусть ухо пока останется при нем, – сказал я. И уже пленнику: – Рассказывай.

Собственно, ничего интересного он не рассказал. Некий господин предложил ему за нами последить. Почему ему? Потому что он посыльный. То есть профессиональный бегун на длинные дистанции. За любой лошадьё угонит-

ся, если ее в галоп не пускать. А если в галоп, то потом все равно догонит. Дали соглядатаю аж три серебряные монеты. Авансом. За то, чтобы следил за нами и оставлял им всякие приметные знаки.

Уже интересно. Им это кому?

Оказывается, господин заказчик был не один. С ним еще шестеро. И все очень опасные. Вроде нас. Воины. Но кони у них лучше. В конях он разбирается. Муж его сестры лошадками торгует, не раз в помощь брал.

– Знаки какие? – спросил я.

Соглядатай показал. Можно вот так веточки заломать, можно эдак. А если вот так, накрест, значит, у нас стоянка была долгая. Вот как сейчас.

Тут я отошел, чтобы позвать Оленя и надеть штаны, а Хейл, видимо, отвлекся, потому что соглядатай зайцем порскнул через поле к соседней опушке. Действительно, проворный. На лошади я бы его до леса не догнал. Но стрела – она быстрее лошади.

Похоронили неудачника прямо в заливе. Малоун сунул ему под рубаху пару камней и отправил к ракам.

А я задумался.

Нет, в том, что за нами следили, ничего удивительного. Мы же инспекция. Причем внезапная. Смутило количество преследователей. Семеро полноценных воинов. Даже если с «такими, как вы» покойник напутал, все равно это не крестьяне-ополченцы.

В любом случае стоит усилить бдительность.

– Седлаемся, – распорядился я. – Обед временно отменяется.

И пошел ломать веточки. В виде знака «ушли по дороге туда». То есть на запад.

Вот только на запад мы не пойдем. Мы вообще никуда не пойдем, только в соседнюю рощицу. Очень мне хочется поглядеть, кто это такой «опасный» за нами увязался?

Спешить нам было некуда, провизии с собой – в достатке. Вода рядом. Еще и рыбка в этой воде имелась, не говоря уже о зайцах, парочку которых подстрелили мои бойцы. Так что устроим дневку.

Костер жечь я не запретил, хотя кое-какие меры предосторожности принял. Проехался по дороге, чтобы убедиться в том, что соглядатай оставил «правильные» знаки, потом прокатился по той же дороге, но уже на пару километров вперед и тоже оставил соответствующие «сигналы». Осталось найти подходящее место для наблюдательного поста и организовать это самое наблюдение. Но с этим вполне справится Малоун. И мы были готовы к встрече гостей.

Дневка затянулась. До середины следующего дня. Нельзя сказать, что дорога пустовала. Движение было. Примерно такое же, как по заливу, по которому и кораблики шли, и рыбацьи лодки шарились все светлое время суток. Но ничего интересного.

«Интересное» появилось только к вечеру следующего дня.

Семеро всадников. Причем парочка явно выполняла функцию передового дозора, если верить словам Бобра – моего бойца, поставленного в дозор. Не верить Бобру резона не было, так что перевел десяток в режим готовности. И в первую очередь «включил режим тишины».

Минут через двадцать я получил возможность поглядеть на преследователей воочию сквозь переплетение ветвей.

В том, что это именно преследователи, я перестал сомневаться, когда один из всадников спешил и внимательно изучил оставленный покойным соглядатаем знак, после чего кивнул лидеру, и тот дал команду двигаться дальше.

Лидер этот мне был незнаком. Его «феодалную» принадлежность установить тоже не получилось, поскольку никаких символов подчиненности не было ни на ком из шестерых.

Но лошадки у них были хорошие, и вооружены все семеро не хуже нас. Полный комплект: копья, мечи, щиты. У троих луки. То, что это именно луки, а не самострелы, не радовало. Значит, минимум трое из них – хорошие стрелки. А когда я вижу у такого стрелка меч, то это настораживает еще больше. Поскольку является верным признаком профессионального воина.

Мысль о том, чтобы напасть на них прямо сейчас, больше не казалась мне удачной. Я повернулся к Малоуну и покачал головой.

Облегчение, выразившееся на бородатом лице десятника, показало, что он тоже оценил противника и полностью разделяет мое решение.

– Мы поедem за ними, – сказал я, когда великолепная семерка достаточно удалилась, – и нападem, когда они встанут на ночлег.

В тот момент это решение казалось мне правильным.

Но когда я, уже после наступления темноты, подобрался к их лагерю, то пожалел, что не атаковал там, на дороге.

Потому что теперь противников было уже не шесть, а шестнадцать.

– Мерсийцы, – пробормотал Малоун, прислушавшись к болтовне собравшихся у двух костров недоброжелателей.

Как он это определил, я не знал. Но поверил.

Вопрос: что они делают по эту сторону речки?

Учитывая, что меньшая часть расположившихся на ночлег тащилась за нами уже несколько дней, рассчитывать на то, что это друзья, я бы не рискнул.

– У них хорошие лошади и экипировка, – прошептал Малоун. – И никакого права находиться здесь.

Ход мыслей десятника мне, прожившему не один годик среди викингов, был понятен.

Интересно, в его родне норманнов не было?

– Один караульщик у дороги, – продолжал шепотом же рассуждать десятник. – Еще одного они оставят поддерживать огонь... Или не оставят. Ночь же теплая. Лошади нас не выдадут, если из-под ветра зайти... Что скажешь, милорд?

Что скажу? То, что ход его мыслей мне нравится. Как там учил моего приемного сына наставник? Не «втрое больше врагов», а неполный колчан стрел.

– Почему они такие беспечные? – пробормотал я, чуя подвох. – На чужой же земле...

Малоун повернул голову. Лица его в темноте я не видел, но выражение на верняка угадал.

– А кого им бояться? – спросил мой десятник.

Ну да. Шестнадцать профессиональных убийц. Они дружину любого здешнего тана уработают, если тот решит с ними задраться. Да и вряд ли он решит. Танам выгоднее дружить с теми, кто по ту сторону реки. И нашим, нортумбрийским танам, и мерсийцам.

– Уходим, – шепнул я. – Вернемся перед тем, как первые птички запоют.

Так мы и поступили.

С часовым проблем не возникло. Баз и Джорди, лучше прочих видевшие в темноте, взяли его без проблем.

Минус один.

Осталось пятнадцать. Спать?

Спали не все. Нашелся один бодрствующий. И его мы услышали издали. И учуяли тоже. С ним разобрался сам Малоун, применив самое эффективное в мире средство от поноса.

Четырнадцать.

Я пересчитал тушки. Комплект.

– Баз, Джорди, Перс, вы с луками. Остальные – как говорено.

Приятно иметь дело с подготовленными людьми.

Мы зашли с трех сторон, оставив четвертую стрелкам. И взялись за дело.

Зарезать спящего человека неэтично, но несложно. Сложнее сделать это беззвучно. Но тут нам пришли на помощь птички, традиционно приветствующие начало дня.

С совестью договориться тоже нетрудно. Даже если я ошибся и эти вояки не по мою душу, все равно они враги. Я не стал бы о них горевать, сойдись мы на поле боя. Не стану и теперь.

Первого я приколол точно в сердце. Второго – тоже.

А вот третьему по-быстрому рассек горло. Потому что с другой стороны поляны раздался вопль. Кто-то из моих облажался. Теперь главное – скорость.

Четвертого я зарубил раньше, чем тот успел сесть. Пятого встретил, когда он уже успел вскочить на ноги. Соображал мерсиец плохо, но все же сумел бы парировать первый удар Вдоводела. Но то был всего лишь финт. Быстрый укол, рассекший легкое, и тут же длинный выпад право, чтобы не дать другому мерсийцу разрубить затылок моего бойца.

Боец, коренастый бородач Бобер, только что проткнул копьем своего противника, но выдернуть быстро не сумел. Застряло.

Новый противник подставился сам. Потерял равновесие, наступив босой ногой на что-то острое.

Седьмой спал в кольчуге. И оружие держал поблизости, так что встретил меня как положено: с мечом и щитом. Но сойтись мы не успели, потому что в шею ему попала стрела.

А вот этому храбрости броситься в бой не хватило. Или хватило ума понять, что бой проигран.

Но убежал недалеко. Бобер отправил следом освобожденное копье, которое угодило беглецу между лопаток.

А вот этот – мой.

– Не трогать! – крикнул я, отражая мах мечом понизу и отшатываясь от удара краем щита. – Я сам!

Этот длинноволосый красавчик нужен мне живым. Стой, куда! А поговорить?

Мерсиец швырнул в меня щит и кинулся к лошадям.

Возможно, он бегал быстрее меня. Но не босиком по ночному лесу.

Споткнулся, раз, потом еще раз, выругавшись...

И я сумел сократить дистанцию настолько, чтобы достать кончиком Вдоводела его правое плечо. А потом всадить полдециметра стали ему в икру.

Он нужен мне живым, но необязательно целым.

Я мерсийцу явно не нравился. Ни ему, ни его троим коллегам, ухитрившимся остаться в живых. Пока живых.

А вот мои глядели на своего лорда как на икону. И было за что.

При раскладе семь к шестнадцати мы ухитрились не потерять ни одного человека. Раненые были. Двое. Но и тут ничего серьезного. Даже зашивать не пришлось. Грамотное командование рулит. Против неграмотного.

– Что ж ты, сокол мерсийский, такой беспечный? – укоризненно проговорил я. – Хороший воин даже на родной земле бдительности не теряет. А ты вот на чужую забрел. Зачем, позволь спросить?

Вот вежливо же разговариваю, а все равно смотрит на меня, как крысюк, придавленный крысоловкой. Бледненький такой крысюк. Потому что крови потерял не меньше пивной кружки, пока ему на конечности жгуты не наложили.

Допрос я начал не сразу. Сначала разобрались с трофеями и трупами. Мертвых сложили в тени, избавив от всего того, что не понадобится им по ту сторону вечности. Коней мерсийских осмотрели и убедились, что да, прав был покойный наблюдатель: хорошие кони. Трофеи вообще оказались – на удивление. Помимо того, что обычно можно взять с такого отряда, бонусом – два увесистых мешка с серебряными монетами мерсийской чеканки. Новенькими, только-только из-под пресса.

О чем это говорило?

О том, что наши оппоненты получили их прямо из королевской казны.

Эти монеты были второй, вернее, первой по важности причиной поклонения моих подчиненных.

Но меня деньги интересовали только во вторую очередь. Первой же была личная безопасность.

– Молчишь? – вздохнул я, похлопав мерсийца по здоровой ноге. – Может, у тебя со слухом проблемы?

Я вынул из костра недогоревшую веточку, подул на обуглившийся кончик, разогревая уголек.

Мерсиец изволил ухмыльнуться.

– Хейл, – позвал я. – Прочисти ухо нашему соседу.

И протянул гвардейцу веточку.

Дальше последовала короткая борьба, в которой, несмотря на явное силовое превосходство моего бойца, команду выполнить не удалось. Случилось непоправимое. Веточка сломалась.

– Хейл, довольно, – велел я. И, обращаясь к мерсийцу, поинтересовался: – Не хочешь по-хорошему?

Молчание.

– Скажу тебе честно, воин, – произнес я доверительно. – Не хочу тебя пытать. Да, ты оказался никудышным командиром, да еще и сбежать пытался, бросив своих людей. – Я поглядел на выживших мерсийцев. – Я даже готов оставить тебя в живых. Такие враги, как ты, полезней друзей бывают. Но мне нужны ответы. И у меня они будут.

Пленный презрительно хрюкнул.

– Вижу, ты сомневаешься, – я добродушно улыбнулся. – Это потому, что ты не знаешь меня. И того, что, прежде чем поступить на службу славному коро-

лю Элле, я довольно долго воевал за короля франков. С норманнами воевал. И кое-чему у язычников научился. Скажу тебе откровенно: мне не нравится то, что они делают с пленниками. Потому сначала с тобой и с теми, кого ты так подвел, поработает вот он, – я кивнул на Хейла. – Поработает привычно: каленым железом, ножом, ну ты знаешь.

Молчит, собака мерсийская. Смотрит с вызовом. Думает, я для него стараюсь. А вот и нет.

– Ты крепкий орешек. Не думаю, что Хейл сумеет тебя разговорить. А мне пытаться тебя по-норманнски не очень хочется. Все же мы с тобой не язычники, верно? А давай сделаем так... – тут я сделал паузу. – Давай мы пока тебя вовсе трогать не будем, а начнем с кого-нибудь из твоих людей, которых ты сгубил. Вот хотя бы с него, – я указал на мерсийца средних лет, одетого попроще и хуже прочих прятавшего страх. Я его запомнил: тот самый следопыт, который обследовал оставленный мною фальшивый знак.

– Не надо, лорд! – оправдал мои ожидания «избранник». – Я расскажу все, что знаю!

Не соврал. Рассказал.

Оказалось, что все участники акции, кроме разговорившегося, были доверенными людьми короля Бургреда. Специалистами по деликатным поручениям. В данном случае – по моему устранению. Причин нелюбви ко мне мерсийского короля, которого я знать не знал, разговорчивый сообщить не смог. Сам был не в курсе.

Зато он знал, откуда взялось серебро. Выдано на дорожные расходы. А в случае успеха операции всех ждала дополнительная награда.

И я даже знал, кому она достанется.

– Король заплатит за нас! – пылко заверил разговорчивый.

– Да, заплатит, – подтвердил мерсийский командир, одарив разговорчивого мрачным взглядом.

– Как тебя зовут? – поинтересовался я.

– Патсли, – буркнул мерсиец. – Лорд Патсли.

Лорд, значит.

– А я лорд Николас.

Вежливость, она иногда полезна. Для контраста.

– А скажи мне, лорд Патсли, заплатит ли твой король, если у пленника будет недоставать, скажем, правой руки?

И легко прочитал по глазам: «Нет, не станет».

– Чем я насолил вашему королю? – спросил я строго. – Скажешь – будешь жить. И руки-ноги останутся целыми. Не так уж сильно я тебя подрезал.

– Не королю, – буркнул мерсиец, сдаваясь.

Когда ты понимаешь, что уже труп, храбриться намного легче, чем после замаячившей перспективы выжить. Тем более что предавать родимую Мерсию не требовалось.

– Не королю. Это ваши. Нортумбрийские.

– Осберт? – бросил я наугад.

– Он.

Дальше – просто. Раны живых мерсийцев, ставших ценным товаром, обрабатывали. Покойников скинули в реку. Добычу загрузили на лошадок, и дружной компанией отправились в путь. Но теперь уже не вдоль речной границы,

а прямо в Йорвик. Я решил не рисковать: вдруг эти мерсийские спецназеры – не единственные.

Больше на нас не нападали. К некоторому огорчению моих бойцов. Легкость получения трофеев вскружила им головы.

– Ты с ними потолкуй, – попросил я Малоуна. – Бог любит смиренных. А Бога надо уважать.

Для подобных бесед рожа у него самая подходящая. Этот глаз, прищуренный в вечной усмешке... Кому как не ему говорить о смирении?

– Да, мой лорд, – пообещал десятник.

Но смирения у бойцов не прибавилось. Видать, плохие они христиане. Но я им точно не судья. Может, забрать их с собой, на Сёлунд? У меня в хирде когда-то были англичане. И как раз отсюда, из Нортумбрии.

Вспомнил и опечалился. Дикон, Уилл... Я вас не забуду. Я не забуду никого, кто сражался вместе со мной.

Подкованные копыта Оленя звякали по булыжникам римской дороги. Впереди тонули в закатных сумерках каменные стены нортумбрийской столицы, над которыми алела увенчанная крестом крыша Йорвикского собора. Закатное солнце, поглотившее крест. Разве это не символично?

Глава двадцатая. В которой Ульф Хвити, он же Николас Мунстерский, он же шевалье де Мот, узнает о том, что он – верный человек, а затем достигает желаемого

Жизнь полна сюрпризов. В том числе и приятных. Например, пленников выкупил лично экс-король Осберт. Просто пришел и вручил деньги. Много. Ничего не спросил. Ничего не сказал. Молча.

Как говорится, вот и познакомились.

Мне очень хотелось задать ему пару вопросов. Предварительно привязав бывшего монарха к столбу. Но силенки не те. Да и незачем. Когда я отсюда уберусь, все тонкости нортумбрийской внутренней политики станут мне безразличны.

Час спустя меня вызвали во дворец, где действующий король Элла выразил мне претензию: мол, сам хотел поговорить с мерсийцами.

Я заверил своего временного сюзерена: все, что пленники знали, уже рассказали. И рассказ этот был только что подтвержден лично заказчиком. Подтвержден действием, так сказать.

Или король не знает, что Бургред – на стороне его оппонента?

Король знал.

Тогда в чем же дело? Если Осберт желает раскошелиться, то почему бы и нет? Тем более часть этих денег – вот они. Королевская доля, так сказать.

Мрачноватое лицо Эллы озарила улыбка. Надо полагать, ему показалось забавным, что деньги Осберта перешли к нему по доброй воле Осберта.

– Ты верный человек! – провозгласил король.

Будь на месте Эллы какой-нибудь северный конунг, он непременно отдался бы. Хотя бы браслетик с собственной руки вручил. Элла же отделался похвалой.

Ну и хрен с ним. Когда мы придем сюда с братьями Рагнарсонами, все его станет нашим.

Кстати о Рагнарсонах. Уверенность в моей верности, как оказалось, подороже браслетика.

Король принял королевское решение: именно я буду сопровождать посольство к родичам Рагнара. Не возглавлять – для этого я, по мнению короля, был недостаточно родовит, – но присматривать за теми, кто родовит достаточно. Король уже послал за ними. А еще его люди подыскали нам транспортное средство. Исконно английское. Купеческий корабль, капитан уже несколько лет успешно торговал с Данией. Портом приписки капитана был город Дувр, королевство Кент.

Я в очередной раз напомнил: не стоит вводить капитана в курс дела. Если тот плавал в Данию, то наверняка осведомлен и о Рагнаре, и о его сыновьях. Как бы не дал заднего.

Король весомость моих доводов признал и обещал цель плавания не оглашать.

Родовитые посланники Эллы прибыли через три дня. Нортумбрийские малоземельные лорды. Два расфуфыренных фазана. Сказал бы – два индюка, но сию птичку в это полушарие еще не завезли. С каждым лордом – свита из дюжины слуг. Стоящих бойцов в этой коdle – десятка полтора. Стоящих по здешним меркам. Ну и сами лорды, надо полагать, тоже кое-что умели.

– Ты с ними поаккуратнее, – предупредил меня Теобальд. – У этих господ с Чевиотских холмов спеси больше, чем разума. Постарайся с ними не ссориться.

Элла представил меня родственникам на пиру. Достойно. То есть не как ирландца-десятника, а как французского шевалье, облеченного его, королевским, доверием.

Фазаны не впечатлились. Ну на то они и фазаны.

Те еще попутчики. Нет, в одиночку я с ними не поеду. Тем более в качестве единственного секретносителя.

– Твое величество, сколько людей я могу взять с собой? – спросил я у короля, когда бочки из-под эля уже образовали солидную шеренгу.

Элла задумался. Похоже, он вообще не планировал со мной кого-то отправлять.

Примерно минуту он глядел расфокусированным взглядом на свою замаранную в жире пятерню, потом очнулся и выдал:

– Пятерых. Сам. Моей королевской волей.

«Сам», надо полагать, относилось к выбору спутников.

Что ж, добро получено, а кого брать с собой, я уже решил.

– Да, – твердо сказал Малоун. – Я с тобой, милорд. Из моих бери Хейла, Джорди, База и Перса.

– А остальные? – спросил я.

– У остальных – семьи.

– Но у тебя вроде тоже семья, – напомнил я.

– Сестра. Она замужем, и всё, что ей от меня надо, – мое жалованье. Я оставлю им серебро на хранение. Так что, если я не вернусь... Если я не вернусь, ее муж будет счастлив, – мрачно заключил он. – Я с тобой, милорд.

Что ж, король разрешил взять именно пятерых. Эти – подойдут. Баз, Джорди и Перс отлично управляют с луками, Хейл с луком похуже, зато с оружием ближнего боя – на уровне среднего хускарла. В строю хороши все четверо: королевские же гвардейцы, как-никак. Здешняя элита.

А уж Малоун...

– Не хочу его с тобой отпускать! – сразу заявил мне Теобальд. – Другого ищи!

– Мне нужен Малоун! – уперся я. – Сам же мне его дал. И в инспекции мы с ним хорошо сошлись.

– Слышал я, как вы сошлись, – проворчал Теобальд. – Сколько там ему серебра досталось?

– Все честное! – заверил я. – И вот, держи! – я протянул королевскому воеводе золотой перстень из личных запасов. Денег он бы не принял, а перстень возьмет. – Бери-бери! Ты был добр ко мне, пусть останется что-то на память...

Фраза повисла в воздухе.

И Теобальд взял перстень. Он знал, куда мы пойдём. Может, потому и не хотел отпускать со мной Малоуна? Но как отказать тому, кто добровольно рискует жизнью вместо тебя? Ведь не будь меня, Элла мог бы и его отправить в лапы данов.

– Вечером в эльхаусе, который справа от наших ворот, – сказал я. – Я угощаю.

– Я приду, – пообещал Теобальд.

Вопрос с Малоуном был решен.

С протрезвевшим королем тоже проблем не возникло. Наш разговор он не забыл, выбор одобрил и велел монаху, выполнявшему при нем роль секретаря и казначея, выдать нам необходимые средства.

Поглядев на монаха, я подумал: а не заглянуть ли мне к архиепископу Вулферу?

Потом решил: ну его на фиг. Пополнять церковную копилку и выслушивать нравоучения больше нет необходимости. Завтра мы отправляемся в город Дувр, где нас ждет зафрахтованное для доставки верегельда судно.

Вот только о том, что это именно верегельд, будет знать только один человек. Я. Я и королевская грамота, которую я предъявлю в должное время.

И все остальные тоже будут поставлены в известность в должное время. Когда уже не сбежать. Впрочем, не думаю, что лордиков испугает новость. Они понятия не имеют, кем был Рагнар. А когда узнают...

Что ж, если уж Сигурду или Ивару захочется выплеснуть гнев, то кто я такой, чтобы их останавливать?

Возможно, я рассуждал бы иначе, будь лорды с Чевиотских холмов мне хоть немножечко симпатичны. Но эти двое воплотили в себе всё, что я терпеть не могу в людях. Безмерную спесь, мелочную злобу, тщеславие и самодовольную тупость. «Я хочу – значит, так должно быть» могло стать их родовым девизом.

Меня они попросту игнорировали. Всячески демонстрировали: мы не вместе, а рядом. Очень хотелось взять их за шкирки и отправить за борт. Не сомневаюсь, что у них было аналогичное желание в отношении меня. Им, однако, приходилось потруднее. Мне ведь достаточно представить, что с ними будет, когда мы доберемся до Рагнарсонов, и раздражение улетучивалось. Да, лордики мне не нравились. Но при всем своем чванстве и гордыне Ивара и Сигурда они не заслуживали.

Но придется. Кто-то же должен стать пищей дракона, так пусть это будут они, а не тот же Малоун.

Большую часть пути до Дувра мы прошли по морю. Разумное решение, учи-

тывая, что в альтернативе пришлось бы топтать, вернее, скакать через недружелюбную Мерсию. Вот ведь какая занятная штука получается. Нортумбрия, Мерсия и, собственно, Англия, пусть и Восточная, – это англ. Хотя саксов здесь тоже пруд пруди, но мне казалось, им стоило бы дружить. Хотя бы потому, что Эссекс, Уэссекс и Суссекс – это территория саксов. Тем не менее у Эллы отношения с королем Уэссекса даже лучше, чем с Бургредом Мерсийским. Потому что – политика.

Да, морем – надежнее. Так я думал поначалу. Пока не поплавал на том корыте, которое нам досталось. Подчеркиваю: именно поплавал. Этот пузатый каботажник с невероятным трудом дохлюпал до морской границы Восточной Англии и Эссекса, где его капитан попытался нас высадить. Мол, в его условно плавучей бочке якобы открылась течь.

Я усомнился. С чего бы? Погода была – спокойней только штиль.

Однако проинспектировав трюм английского корыта, я вынужден был признать: не соврал. Течь есть. Но незначительная. Если зарядить пяток крепких черпальщиков, то можно продолжить плавание.

Не будь капитан подданным нортумбрийского короля, то мог бы и воспротивиться: все-таки капитан. Но он был подданным, а я – убедительным. Так что пара матросов, три бездельника из свиты лордов – и процесс пошел.

Вернее, пополз. Вот так, ползком, мы кое-как добрались до устья Темзы, где я наконец внял мольбам капитана и одобрил высадку на сушу. Не то мы и впрямь развалимся в какой-нибудь сотне миль от цели.

Высадились на южный берег реки. Сгрузили имущество и лошадей. Заплатили пошлину, с величайшим трудом убедив кентских таможенников, что торговать не будем, а будем без задержек следовать в Дувр и далее.

Убеждать пришлось мне, потому что оба лорда встали в гордую позу и требовали оказать им королевские почести, поскольку они – послы сюзерена Нортумбрии.

Вот только посольских грамот при них не было. Вообще ничего не было, кроме понтов. Даже благородных родственников среди кентийской аристократии. Потому что, как выяснилось, населяли Кент не англ. и не саксы, а почему-то юты.

Сюрприз. Я-то был уверен, что юты живут в Дании. А вот оно как. Живут рядом с коренными англосаксами и процветают.

Вернее, процветали. До последнего времени. А теперь у них оккупационный режим и внешнее управление. Уже целым поколением английских ютов рулят короли уэссекских саксов. И как раз в этом году им стал третий сын выдающегося короля Экберта Третьего по имени Этельред. После безвременно почившего второго сына Этельберта. Тоже третьего носителя этого королевского имени.

Впрочем, главенство уэссекского монарха на отношение кентийской таможни к нортумбрийским лордам никак не повлияло. Конфликт продолжал усугубляться и наконец дошел до требования предъявить багаж и – как следствие отказа – приведенных в боевое положение копий.

Мне пришлось вмешаться. Я не слишком вежливо распихал свиту сердитых лордов, отодвинул в сторону направленные в меня копья и взял за локоток сердитого кентского командира.

Тот оказался ютом. Как я и предполагал, услышав, как виртуозно он ругает-

ся на языке данов. Отведя его в сторонку, я доверительно сообщил, что эти спесивые дураки действительно являются посланцами короля Нортумбрии к его заморским родичам-ютам. И по просьбе короля мне, несчастному, поручено за ними присматривать. Потому я очень прошу прощения за поведение фазанов, и прощение мое имеет вот такую конкретную форму.

– Тут серебро? – деловито уточнил таможенник.

– Разве я рискну предложить медь достойному человеку? – Я принял вид удивленный и даже слегка обиженный.

Таможенник благосклонно кивнул, копыта опустились, и мы ступили на осененный веками камень древнеримской дороги. Причем оба лордика были уверены, что случилось это благодаря их твердой позиции.

Впрочем, до продолжения пути было еще далеко. Это мы с гвардейцами предусмотрительно прихватили с собой лошадок. Чевииотские лорды транспортом заранее не озаботились, потому весь остаток дня решали этот вопрос.

Но я не расстроился. Таможенный командир порекомендовал мне неплохую таверну неподалеку, где мы прекрасно провели время, отдыхая от тягот морского путешествия.

Утром, освежившиеся и удовлетворенные во всех отношениях, мы отправились в путь по древнеримской *via*. И путь этот был легкой прогулкой, поскольку покачиваться в седле куда приятнее, чем терпеть качку на палубе готового вот-вот развалиться недоразумения, которое англы называют судном.

Единственная трудность – попавшаяся по дороге довольно большая река, преодолеть которую пришлось на пароме. Ну да это мелочи.

Юты – скандинавы. Однако никаких заметных отличий от Нортумбрии я не обнаружил. Ну разве что здесь никто не падал мордой в пыль, когда мы проезжали мимо. И лесов, пожалуй, поменьше, чем на севере острова. Вообще ландшафт здесь был приятный: уходящая вдаль череда холмов, зеленые долины, зелень на горизонте. Нанятый проводник из местных сообщил, что в хорошую погоду через Дуврский пролив можно увидеть Францию.

Кто-то ему сказал, что я раньше служил французскому королю, вот и решил порадовать.

Говорили мы с ним на языке данов. Англичан проводник, мягко говоря, не любил. Особенно уэссекских саксов, которые подгрести Кент под себя. Ну да его проблемы.

Погода стояла прекрасная. Жизнь кипела, булькала источала соблазнительные ароматы, будто супчик в походном котле.

Обедали мы подстреленной моими парнями дичью, овощами, лепешками и сыром, которые довольно дешево покупали у крестьян. Эль тоже присутствовал, но злоупотреблять им я не позволял.

Спешки не было никакой. Скорость передвижения задавали повозки, нагруженные сундуками, лишь два из которых (верегельд) было опломбировано королевской печатью. Остальное было багажом высокородных послов.

А еще лорды решили сэкономить на повозках. И зря. Поломки случались минимум два раза в день.

Но нас это не касалось. Чем медленнее полз караван, тем больше у нас времени на обед. Баз и Джорди даже ухитрились пару раз задрать юбки местным крестьянкам. По согласию, разумеется. Однако для меня это было знаком, что мои молодцы чересчур расслабились.

И мы с Малоуном решили исправить это упущение. Минимум два часа тренировок в день. Заодно и лошадки отдохали.

Чевиотские лорды вели себя сдержанно.

Наши отношения полностью сформировались на первой же дорожной ночевке, когда мы, немного опередив попутчиков, заехали на придорожный постоялый двор.

К тому моменту, когда в воротах показались высокородные, мы уже устроили коней, причем я самолично расседлал Оленя и протер его натруженную спинку. Еще я успел договориться с хозяином и оплатить постой. Для меня и моих гвардейцев. Разумеется, лучшие комнаты.

Народу в гостинице было немного, так что хозяин на радостях пообещал всем нам горячую воду и горячих девочек. За счет заведения. Понимал: за нами не заржавеет.

И тут – высокородные господа.

Пыльные и недовольные, потому что одна телега окончательно рассыпалась в миле отсюда и пришлось спешивать свиту и перегружать барахло на лошадок.

Увидав празднующихся Хейла с Персом, один из лордиков почему-то решил, что мои люди – это его люди, и велел им заняться лошадьми.

Королевский гвардеец Хейл послал королевского родича туда, откуда тот пришел в наш мир.

Разгневанный лорд кинулся к Малоуну, который как раз договаривался с конюхами о надлежащем обслуживании...

И тоже был послан. Но вежливо. Малоун был десятником и хамить королевским родичам считал неразумным.

Тем не менее лордик не успокоился, а напротив, пришел в возбуждение и, раскрасневшийся, прибежал ко мне с претензиями.

В отличие от Малоуна, я поправку на королевскую кровь делать не стал. Я уже предвкушал ванну, горячий ужин, холодный эль и...

И тут появляется этакое расфуфыренное недоразумение и начинает брызгать слюнями.

В общем, я его проигнорировал.

На шум прибежал второй братец-лорд. И тоже начал вопить. Устав от потока завуалированных угроз и явных обещаний пожаловаться королю на мое неправильное поведение, я поднял руку, прося тишины.

Надо полагать, лордики устали орать, потому что тишина возникла. Относительная. Ведь к этому времени в помещении уже собралось немало народу: мои люди, часть свиты лордиков, хозяин постоялого двора, прислуга и приехавшие раньше нас гости.

– Если бы у меня была кобыла, – сказал я знатным нортумбрийцам, – я предложил бы вам вылизать у нее под хвостом. Но у меня жеребец. Боюсь, он неправильно поймет движения ваших языков. А потому я очень рекомендую вам спрятать их за зубами и в дальнейшем очень хорошо подумать, прежде чем пускаться в ход.

Вот теперь тишина стала полной.

И я продолжил тем же мягким голосом:

– Возможно, вас, господа, обидели мои слова? В этом случае мы можем решить это как благородные люди, – тут я слегка выдвинул из ножен Вдоводел и

ласково улыбнулся.

Я видел: им очень хотелось... Но, надо полагать, о моем умении управляться с оружием лорды кое-что слышали.

Слышали – и все равно колебались. Что ж, может, они не такие уж пропащие, подумал я и дал им возможность сохранить лицо. Выдержал небольшую паузу, снял руку с Вдоводела и тем же мягким голосом произнес:

– Прошу простить, господа, мою резкость. Забыл, что у нас с вами есть миссия, которую следует выполнить. И я рад, что вы о ней помните. Вы правы, что отказались от вызова (хотя лордики, похоже, попросту потеряли дар речи). Наша миссия требует сдержанности. Еще раз прошу простить. Во время своего пребывания у франков я привык убивать всех, кто словом или делом пытался нанести урон моей чести. Но только после того, как будет исполнен королевский наказ. Воля короля превыше всего! Доброй ночи, господа!

Бросил мимоходом хозяину:

– Еду и эль подашь нам в апартаменты.

И удалился наверх, в свою комнату. Лучшую комнату.

Глава двадцать первая. Капитан Красный Камень

Примерно в полутора милях от города мы с гвардейцами пустили коней рысью, и к воротам Дувра подъехали первыми, минут на двадцать обогнав лордиков и обоз. Ничего, дорога одна, не заблудятся.

Я заплатил пару монет, и мы въехали в ворота.

Город строили римляне, и это было заметно. Самой же заметной деталью являлся высоченный маяк, который был не просто украшением гавани, а ее важной частью. Поскольку работал. Маяком.

Сама гавань тоже была недурна. Даже вода относительно чистая и не заиленная.

Кораблей хватало, но в основном это были местные плавучие супербочки. Я знал, что в будущем Великобританию назовут королевой морей, но нынче она не тянула даже на баронский титул. Большая часть дуврских посудин гонимась, пожалуй, чтобы переплыть Ла-Манш, но не более.

Впрочем, были суда и получше. Скандинавские кнорры в количестве трех штук и непонятно как добравшийся сюда парусник явно восточного происхождения. Я видел такие у испанских арабов.

Но наш корабль должен быть местным.

Имя капитана мне сообщили еще в Йорвике. Стан Красный. Вернее, Рыжий. Рыжий Камень. Потому что Стан – наверняка переделанное на английский манер Стен.

Как его отыскать, мне за медяк поведал первый же оборванец, так что через несколько минут я уже был у сходней корабля, который понесет меня на родину.

Что сказать...

Строили его явно не на здешних верфях. Это радовало.

Но строили довольно давно. И это огорчало.

Впрочем, судя по качественно просмоленным бортам, подготовку к рейсу он прошел, так что шанс, что мы доберемся до цели, был не так уж мал.

Стен-Стан оказался действительно рыжим, могучим, пузатым, увешанным серебром типичным ютландским даном. Встреть я его где-нибудь в Хедебю, наверняка счел бы тамошним жителем.

Я назвалса и предъявил капитану пергамент с королевской печатью.

Читать Стан не умел, но печать Эллы признал. И поинтересовался, будем мы загружаться сразу или погодим?

Погодим, ответил я. Подождем главных посланцев Эллы, его родичей, лордов с Чевиотских холмов, и тогда можно начать погрузку. Но нам в любом случае нужно будет продать лошадей.

Говорили мы по-английски. Свое знание скандинавского я решил на всякий случай не светить.

– Знаешь нежадных барышников, Стан?

Капитан хмыкнул. Нежадный барышник – оксюморон. Но обещал помочь. А потом поинтересовался, долго ли ждать благородных господ?

Я пожал плечами. Может, час-другой, а может, и дольше, если они, к примеру, не захотят платить въездную пошлину. Они могут.

Лицо капитана приняло озабоченное выражение. И через пару минут он спустился на причал и попросил выделить ему лошадку.

– У меня шурин в городской страже, – пояснил он.

Я велел Базу уступить лошадь.

В лояльности капитана я пока не сомневался. Зафрахтовали его не на время, а на рейс туда-обратно, так что чем раньше выйдем, тем ему лучше.

Обед нам накрыли снаружи. Погода была отличная. Из припортового эльхауса открывался превосходный вид на прибрежные скалы удивительной белизны. Никогда прежде такого не видел. А вот Франции видно не было. Но она была. И недалеко. Пролив Па-де-Кале, насколько помнилось мне из одной песенки, – это именно здесь.

– Налегайте на мясо, – посоветовал я своим бойцам. – Рыбой вы еще успеете обожраться.

Плавание, которое мы совершили недавно, было первым в жизни королевских гвардейцев. И оно прошло относительно спокойно, если не считать пары рассохшихся досок. И ночевали мы обычно на берегу, так что бойцам понравилось. Они уже полагали себя настоящими моряками и глядели в будущее с наивным оптимизмом. Интересно, кто из них первым повиснет на борту, пугая чаек желудочным рыком, когда море перестанет изображать лапочку?

Вернулся наш капитан. Вместе с лордами. Я оказался прав: два фазана действительно повздорили с городской стражей. К счастью, капитанские связи сработали и все обошлось.

Лорды сели жрать (подальше от нашей неблагогородной компании), а их свита, голодная и мрачная, приступила к погрузке. Под руководством кормчего, потому что капитана я ангажировал, напомнив об обещании помочь с продажей лошадей.

– Только ваши? А как же эти? – Красный кивнул в сторону лошадок чевиотских господ.

– Можешь сам у них купить, – ответил я, подмигнув.

И мы всей командой отправились – нет, не на рынок, а к тому же сотнику городской стражи. Строевые лошади всегда в цене у тех, кто понимает.

Сотник понимал, даром что ют, и цену предложил честную. Причем сразу сказал, что Оленя берет себе. Я их познакомил, рассказал о привычках и пристрастиях жеребца и ушел успокоенным. Эти поладят.

По дороге зашли на рынок, закупились провизией. Стан-Стен утверждал,

что в этом нет необходимости и у него всё есть, но при этом пару раз упомянул, что места на корабле еще вдоволь. Хитрюга.

Когда мы вернулись в порт, погрузка уже была закончена, лорды набили брюхо и позволили перекусить своим свитским. Сами же озаботились реализацией лошадей и двух телег.

– Времени нет, – сообщил им капитан. – Надо отчалить сегодня, пока ветер благоприятный.

В ветрах лорды разбирались, как я – в верблюдах, так что прокатило.

Через час в порт явилась жена капитана с двумя сыновьями-подростками и тремя работниками. Тоже с виду типичная датчанка. И не только с виду. Характер и поведение соответствовали. Твердость и скупость. К торговым прениям я не прислушивался, но был уверен, что колесный и четвероногий транспорт был приобретен ею существенно ниже рыночной стоимости.

С нашим капитаном супруга тоже держалась отнюдь не подобострастно, но, когда они обнялись, прощаясь, я заметил в ее глазах слезы.

Позже от матросов я узнал, что наш капитан стал капитаном только после женитьбы. А до того ходил кормчим на корабле тестя, уважаемого дуврского купца. Тоже юта. Так что, на мой взгляд, саксонская оккупация была не столь уж тяжелой для бывшего королевства Кент. Но это на мой взгляд. У местных наверняка была собственная точка зрения.

Глава двадцать вторая. Предательство

Первая часть нашего плавания проходила вдоль французских берегов. Маршрут мне знакомый, а нашему капитану – так и вовсе родной.

Стан точно знал, где останавливаться, что где продается и сколько стоит, и везде имел знакомых и приятелей.

Со мной капитан вел себя уважительно, с лордиками – услужливо, со всеми остальными – дружелюбно. Почтительно, услужливо и дружелюбно... Для меня эти слова как-то слабо вязались с профессией свободного капитана. Чуйка подсказывала: стоит держать ухо востро.

Пусть Стан-Стен не знал, что именно и кому мы везем, но и кирьяльскому ежику понятно: в сундуках содержится что-то ценное. Опять-таки суровые парни в сопровождающих. Суровые парни с очень недешевым вооружением. Я же отлично знал, как смотрят коренные скандинавы на качественную кольчугу. «Ах, какая замечательная бронька! А то, что внутри нее сейчас какой-то чужак, а не я, так это нетрудно исправить».

Так что будем начеку. Хотя я склонен думать: пока мы во французских водах, можно особо не напрягаться. А вот когда дойдем до Ютландии, я с нашего капитана глаз не спущу.

Франция, кстати, приятно удивила. Прибрежная полоса жила обычной мирной жизнью, еда была вкусная и дешевая, девушки симпатичные, и моего знания французского вполне хватало для полноценного общения. Тем более я вел себя и выглядел как настоящий шевалье. Разве что старательно уклонялся от общения с высшим обществом.

Капитану, который моим поведением явно заинтересовался, пояснил: у меня нелады кое с кем из благородных франков. На почве личной неприязни. Если встречу кое-кого из знакомых, могут и на поединок вызвать. Я противника, конечно, убью. Убью, уйду и не вернусь. Чего нельзя сказать о Красном. И что будет, когда кто-нибудь из родичей убитого пожелает отыграться на нем, раз

уж до меня не дотянуться?

Так что отдыхаем без гостеприимства местных нобилей.

Наши лорды тоже светского общества избегали. Но по другой причине. Потому что чувство собственной важности зашкаливало.

Французское побережье сменилось побережьем немецким. Особой разницы я не ощутил. Единая франкская империя распалась сравнительно недавно, и хотя братья-наследники уже договорились о разделе территорий, закон пока что везде был один и тот же и разницей между шевалье и риттерами на моем уровне можно было пренебречь.

А потом мы достигли Дании и, постояв недолго в Хедебю (где я тоже постарался не светиться), двинулись на север, вдоль побережья, а точнее той ее части, которая издревле называется Ютландией.

Потому контроль за нашим капитаном следовало удвоить. И держать его поближе к себе. Что на корабельной палубе сделать не так уж трудно.

Красный Камень был настоящим полиглотом и говорил без акцента минимум на четырех европейских языках. Со своей командой он общался на родном наречии: языке данов. Вернее, языке ютов, которыми они все и были. А вот с обеими нашими компаниями он говорил строго по-английски, временами переходя на саксонский диалект, который, впрочем, от языка англов практически не отличался.

И да, уже на первой неделе плавания стало ясно, что компаний у нас именно две. В одну входили чевиотские лорды со своими свитами, во вторую – я с гвардейцами.

Первая – типичные пассажиры. Они ели, спали и бездельничали. Самая трудная работа, за которую брались и лорды, и их свитские, – погадить с борта. Причем лорды даже эту процедуру выполняли не самостоятельно, а с группой поддержки.

Мы – другое дело. Нам помочь экипажу не зазорно. Даже на румы сесть не гнушались. Причем я это сразу капитану и предложил. Мне весло поворочать – в радость, а гвардейцам просто полезно поучиться. Так я и сказал Малоуну. И они дружно решили, что если уж их лорду не зазорно весло крутить, так и им тоже.

Правда, мое поведение не понравилось лордикам. Один из них даже попытался меня вразумить: мол, негоже благородному человеку, пусть даже и ирлашке, уподобляться черни.

На что я ответил, что у норманнов даже короли-конунги не гнушаются взяться за весло. И это не мешает им быть лучшими воинами моря.

Вот прямо так и сказал. Без упоминания уже привычного «проклятые язычники» и «попустительством Господа».

И с интересом ждал, как лордик отреагирует.

Лорд отреагировал как сухопутная крыса. Сплюнул на палубу (!) и ушел на нос, где была «их территория».

А чуть попозже ко мне подошел капитан и вполголоса поделился мечтой: выкинуть не ведающего морских обычаев лорда за борт.

Я пожал плечами.

И тем обозначил, что, возникни конфликт между господами с Чевиотских холмов и капитаном, я буду нейтрален.

А потом и вовсе добавил, что как по мне, так в нашем посольстве вообще

чересчур много лишнего народу. На палубе не протолкнуться от сухопутных бездельников. А если вдруг шторм, даже и не знаю, что будет.

Наш капитан тоже не знал. Потому при первой же возможности искал укрытия на берегу. Так что плавание наше было исключительно каботажным. Напрямик старина Стан-Стен идти не рискнул.

А я поймал себя на мысли, что тоже не особо тороплюсь. Ведь еще неизвестно, как все обернется. Да, я старательно успокаиваю себя, что Рагнарсоны не станут вымещать на мне ярость. Но так ли это? Сигурд, к примеру, тот еще отморозок. Нет, все будет хорошо. Ивар не даст меня в обиду. Да и другие братья мне симпатизируют. Единственная моя вина – я выжил там, где другие, лучшие, погибли. Но не будь меня, кто бы тогда принес сыновьям последние слова Рагнара? Я выжил потому, что такова воля богов. И точка. Вот этой версии и буду придерживаться, если мне предъявят обвинение. В общем, если Рагнарсоны меня не прикончат под горячую руку, то дальше будет проще.

И вот наступил день, когда дружественное сосуществование закончилось и капитан Стан показал истинное лицо.

Не зря я за все время нашего многодневного путешествия ни разу не обозначил своего владения языком Севера. Теперь, общаясь на беглом датском, и капитан, и его экипаж были уверены, что я, сидевший на сундуке на расстоянии пары метров от них, ни бельмеса не понимаю. И потому совершенно спокойно обсуждали будущее предательство.

Нет, сами убивать они нас не собирались. Они были христианами, причем богобоязненными. Зачем брать грех на душу, если можно передать ответственность кому-то другому. Тем более родичам-язычникам, для которых убийство христиан не грех, а богоугодное деяние. Одину точно понравится. А капитан Стен-Стан сможет запросто поклясться на Библии, что нас не убивал.

Сам план был истинно скандинавским. Нас предполагалось выманить на халявный праздник. Мол, родня так радуется возвращению Стена, что готова закатить роскошный пир. Жратва горой, пиво рекой. На это должны были клюнуть все, в том числе и я. Обо мне, кстати, говорили отдельно. С большим уважением. Искренне сокрушались, что придется отправить меня на ту сторону вечности. Но что поделать, если одна только моя кольчуга стоит больше, чем все имущество Стена. Правда, без корабля, разумеется, поскольку корабль не его, а тестя. Но увы. Жизнь сурова. Потому придется предупредить родню, что именно я – боевой монстр. Запросто выхожу в одиночку один против десятых и рублю всех в мелкий фарш, причем без разницы, кто это. Лучники, арбалетчики, благородные рыцари, мерсийские гвардейцы. В это трудно поверить, глядя на меня, но и сам капитан, и его парни не раз слышали, как об этом говорили в кругу чевиотских лордов, а этим уж точно ни к чему рассказывать обо мне сказки, поскольку любят меня примерно как муравьи медведя.

Ну надо же, какая у меня репутация! Неудивительно, что лордики меня побаиваются.

В общем, все заговорщики во главе с лидером-капитаном дружно сошлись на том, что если бы им пришлось самолично меня убивать, то безопаснее всего это сделать, когда я усну, для надежности предварительно напоив меня до беспометства. Что вполне реально, поскольку пиво я люблю сверх всякой меры.

Однако. Вот не думал, что я еще и алкоголик.

Итак, нас ждала пивная ловушка. Пивная, медовая, мясная... Всё, что пожелаем, выдадут нам гостеприимные родичи нашего капитана, а когда мы все нажремся, напьемся, натрахаемся и уляжемся спать, оставив присматривать за имуществом кого-нибудь из свиты, наши храбрые моряки скормят этого «кого-нибудь» рыбам, отдадут швартовы и канут в морских просторах вместе со всем хранящимся на палубах добром, оставив разбираться с нами гостеприимных родичей. Нет, ни слова об убийстве сказано не будет. Но если так случится, что нас не станет, а наше имущество останется, то справедливо будет отстегнуть дольку и храбрым непричастным морякам. А как иначе между родней-то?

Когда роли участников были расписаны и злодеи разошлись, я глубоко задумался.

В принципе, предотвратить грабеж несложно, даже если не вводить в курс дела лордов, что я в любом случае делать не собирался. Хрен знает, что взбредет в их родовитые мозги.

Да и не нужны они.

Чтобы разрушить коварный план, мне с парнями достаточно переночевать на палубе.

Вот только это будет временное решение. Неизвестно ведь, сколько у нашего капитана родичей на пути следования. Подозреваю, что много.

Поэтому мне нужно раз и навсегда отбить у капитана желание поживиться за наш счет.

И к тому времени, когда наш кораблик зашел в уютную маленькую бухту, вроде той, что была рядом с моим сёлундским именем, я уже знал, как поступить.

Родня у Стена-Стана действительно оказалась гостеприимной.

Стол накрыли выдающийся. И пива наварили, не скупясь. Полсотни пудов ячменя извели, не меньше. А еще у них было замечательное чувство юмора. Оно буквально било через край, особенно когда речь шла о глупом английском конунге, который решил заключить союз (такова была официальная версия нашего визита) с конунгом датским. Судьба барана, решившего задружиться с голодным волком, лежала в основе их прогнозов. Нас же, сердечных, юмористы уподобляли той отаре, которой оный баран предводительствовал. Особо доставалось чванливым чевиотским лордам, хотя и по моему поводу тоже кое-кто прошелся. В том смысле, что любой настоящий дан запросто мог бы порубить такого малыша, как я. Но не станет этого делать, дабы не попортить мою дорогую стальную шкурку. Другой же молодой балагур тут же предложил, не парясь, приложить кулаком по макушке. И шкурка цела, и я в нужной кондиции. Делай что хочешь. Хоть как женщину пользуй.

Но тут вмешался наш капитан и живо поставил балагура на место. Мол, я хоть и мелкий, но не сакс какой-нибудь, а ярл из Скоген Лифер, Страны Туманов[265]. И вдобавок муж, достойный во всех отношениях. На корабле вел себя правильно, по обычаю, весло вращал сам, как положено, и людей своих заставлял, хотя они на румах новички. Это сразу видно. Так что никаких поносных слов в мой адрес он, Стен, не допустит. Более того, он много слышал о том, как убивал я. А вот о боевых достижениях племянника ему неизвестно. Посему он склонен думать, что для победы надо мной даже десятка таких тупиц будет

маловато. И будь у балагура ума чуть побольше, чем у козла, он мог бы и сам сообразить, кто чего стоит, взглянув на мое вооружение. А если своего ума нет, то мог бы и у папаши спросить.

Тут папаша, мордастая ютская сволочь, самодовольно ухмыльнулся, поднял кубок и провозгласил:

– За отменное английское оружие и доброе английское серебро!

– В вашу честь пьют, – сообщил мне один из кентских ютов.

Я тоже поднял чашу, продемонстрировал папаше-хозяину дружелюбный оскал и сообщил по-русски:

– Чтоб тебе гадить часто и жидко!

– Что он сказал? – забеспокоился местный главарь.

– Это он по-ирландски, наверное, – предположил Красный. – Я этого языка не знаю.

– Ну и пес с ним, – папаша подмигнул мне и опростал кубок.

Я же дождался момента, когда капитан выбрался на крылечко отлить, и пошел за ним.

И после того, как мы дружно освежили двор гостеприимного ютландского родича, завязал шнурок, повернулся к капитану и сказал на языке славных викингов:

– Я знал, что ты храбрый человек, Красный, но не думал, что настолько храбрый.

– Ты говоришь? – от изумления капитан даже шаг назад сделал, едва не свалившись с крылечка.

– Это последнее, что должно тебя беспокоить, дружище, – заметил я.

– Ага... – пробормотал Стен, пытаясь собрать в кучку разбегающиеся мысли. – А почему я храбрый?

– Потому что ты сегодня ночью собрался украсть верегельд, который нортумбрийский конунг Элла посылает Рагнарсонам.

– Верегельд? Рагнарсонам? За кого?

Он трезвел буквально на глазах.

– За их отца, за кого ж еще.

Зрачки у капитана расширились:

– Рагнара Лотброка?

– А разве у них был еще один отец?

– Кто убил? – выдохнул Стен.

– Как кто? Элла-конунг, конечно. Бросил его в змеиную яму. А потом узнал, кто это был, раскаялся и решил откупиться.

Капитан аж подпрыгнул. Вернее, попытался, потому что я его снова придержал.

– Даже и не думай, – я покачал головой. – Ты уже взялся за это дело. Брошишь или сбежишь, будет только хуже. Ты ведь знаешь Ивара?

Кивок.

– И Сигурда Змееглазого.

Губы капитана задрожали.

– С этой лодки можно спрыгнуть только в сети Ран, – порадовал его я.

– Лучше так, чем в лапах сыновей Рагнара, – проговорил капитан.

Он пытался совладать с охватившим его ужасом, и у него получалось. Молодец, что тут скажешь.

– И чем только думал твой конунг, когда решил откупиться от Рагнарсонов.
– Думал, что откупится, – усмехнулся я.
– А ты? – Капитан посмотрел на меня совсем уже трезвыми глазами. – Зачем ты взялся за это дело, если все знал наперед? Тебя ведь тоже убьют. Они всех нас...

– Не всех. – Я отпустил Стеново плечо. – Меня не тронут. Я – Ульф Хвити с Сёлунда. Ярл Ульф Хвити. Слышал обо мне?

Капитан наморщил лоб... потом мотнул головой. Нет, не слышал.

– А вот это ты узнаешь? – я свободной рукой извлек из-за пазухи выданный мне когда-то медальон с личным знаком Ивара Бескостного.

О, эту штучку капитан знал. Ее знали даже в самых дальних норвежских фьордах.

– Надеюсь, ты больше не попытаешься украсть верегельд Рагнара?

Капитан энергично замотал головой.

– И родичу своему скажи, Красный. Нельзя, чтобы они убили англичан. Когда Рагнарсоны услышат новость, они захотят пустить кому-нибудь кровь. И лучше пусть это будет кровь чевиотских лордов, а не твоя. Как считаешь?

– Я скажу! – оживился капитан. – Я скажу всем...

– А вот всем – не надо. Мои слова о смерти Рагнара – только для ушей его сыновей. Они должны услышать первыми. Тебе я сказал, чтобы ты не наделал глупостей.

– Я перед тобой в долгу, – Стен прижал кулак к груди.

– Ты будешь в еще большем долгу, когда твой корабль выйдет из Роскилле-фьорда.

– Ты обещаешь?

– Я обещаю, что сделаю все, чтобы Рагнарсоны не вырезали ваши сердца. Это будет нелегко, потому что им очень захочется это сделать, а если Рагнарсоны что-то хотят, удержать их трудновато. Но я постараюсь. И еще: ты теперь мой человек, Стен. Отныне и до того часа, когда покинешь Роскилле. Ты понял?

– А родичи Эллы?

– До них мне дела нет. Думаю, они умрут, – сказал я равнодушно. – И смерть их будет интересной. Ивар с Сигурдом такие затейники.

– Все, что ты скажешь! – пообещал капитан Стен. – Спаси нас! Век буду за тебя Бога молить!

– За себя моли, – посоветовал я. – Тебе нужнее.

А чевиотские лорды, как и предполагалось, наелись, напились, попользовались хозяйскими тир[266] и улеглись спать на почетных местах, так и не узнав, что могли и не дожить до утра.

Глава двадцать третья. Поросята

Самое большое искушение, испытанное мной, – заглянуть домой перед тем, как плыть в Роскилле. Я смотрел, как медленно приближается полоска сёлундского берега, и думал, что стоит мне пройти мимо входа в Роскилле-фьорд, и совсем скоро я обниму своих любимых. На мгновение мне даже показалось, что я вижу стоящую на причале Гудрун...

Это искушение усиливало желание прийти в Роскилле не на чужом кнорре, а на собственном драккаре, со своим хирдом.

Когда я уходил с Рагнарсом, «Северный Змей» и «Клык Фреки» стояли у мое-

го причала.

Была, конечно, вероятность, что Медвежонок не усидел на месте в самую охотничью пору...

Нет, нельзя. Нельзя предсказать реакцию Рагнарсонов на весть о смерти отца. И лучше пусть со мной рядом будут чужие, а не свои.

Я принял решение и не изменил его, когда кормчий переложил руль и кнорр взял правее, огибая мыс, чтобы войти в залив, который мы, сёлундцы, называем Роскилле-фьордом.

– Белый щит на мачту! – напомнил я Красному.

Так положено. Будь у нас на носу голова дракона, ее следовало бы снять или хотя бы накрыть тканью, чтобы не дразнить местных духов, а главное – местных хёвдингов.

Но у нашего судна фигуры не было, так что – белый щит. Мы идем с миром.

Да уж, с миром. Вряд ли сюда когда-нибудь заходил столь же неотвратимый вестник будущей войны. Разве что в тот день, когда жене Рагнара Аслаут принесли весть о смерти ее конунгов-пасынков Эйрика и Агнара от рук свейского конунга Эйнстейна.

Судов во фьорде было много. Большая часть – торговые, но пару раз попались и боевые драккары.

Один шел навстречу и не удостоил внимания пузатый кнорр с белым щитом на мачте. Второй, попутный, обогнал нас и тоже проигнорировал. Даже обидно как-то. Целое посольство, а никому до него дела нет.

На сей раз я не сидел на руме. И мои парни тоже. Пару дней назад море решило преподать нам небольшой урок. Кнорр его выдержал с честью, а вот трое из моей пятерки – нет. Морская болезнь, она такая. Как из песенки моего детства: «Она нечаянно нагрянет, когда ее совсем не ждешь, и свежий воздух сразу станет удивительно хорош, а ты блюешь...»

Не поддались коварной качке Малоун (потому что – крут) и Джорди. Как оказалось, его папаша был рыбаком. И надо полагать, успешным, если сумел так подготовить сына, что тот оказался в королевской гвардии.

Ветер был слабый, и команда Красного активно работала веслами.

Я же отказал себе в этом удовольствии и своих парней придержал, потому сейчас самое время сообщить коллегам по посольству о цели нашей миссии.

Однако начну я, пожалуй, не со всех, а с Малоуна.

Я поманил десятника рукой, потом похлопал по сундуку, на котором сидел:

– Присядь, дружище. Я сейчас скажу тебе кое-что неприятное.

– Слушаю, милорд.

– То, что они везут, это не просто подарки, десятник. Это выкуп. За здешнего конунга, которого Элла скинул в змеиную яму.

– И что с того? – шевельнул плечами Малоун. – Выкуп так выкуп.

– А то, воин, что по здешним законам выкуп не отменяет мести.

Малоун нахмурился.

– Думаешь, эта месть придется по нам? – спросил он.

– Надеюсь, нет. Хотя сыновья у Рагнара-конунга сдержанностью не отличаются. Зато отличаются жестокостью.

– Ты это знаешь по земле франков, милорд?

– Да, воин. И сейчас я скажу тебе еще кое-что... – Я заглянул королевскому гвардейцу в глаза. – Там, у франков, я действительно некоторое время был

беллаторе короля Карла, но только некоторое время. А большую часть я был... – Я помедлил. Хрен знает, как он воспримет известие, что я – вождь проклятых норманнов. Впрочем, здесь не Англия. Как бы ни воспринял, а деться ему некуда. – Я был лордом... эрлом в армии этого самого Рагнара. И зовут меня здесь, на этом острове, Ульф Хвити, что значит Белый Волк. Ярл Ульф Хвити.

– Значит... Значит, ты не Николас? – растерянно проговорил Малоун. – А я... Я поверил...

– Ты и сейчас можешь мне верить, воин, – сказал я. – Ты – мой человек. И все вы, – я кивнул в сторону остальных гвардейцев, – все вы мои люди. А как меня называют – лорд Николас, шевалье Франсуа де Мот, ярл Ульф Хвити... Это не так важно, если в стене щитов ты будешь стоять рядом со мной. А ты будешь стоять, десятник?

Малоун мотнул головой, будто отгоняя муху. Поглядел на идущий мимо драккар со снятой носовой фигурой, потом на разлегшихся в тени паруса гвардейцев...

– А они знают? – он качнул головой в сторону королевских родичей.

– Скоро узнают, – ответил я. – Но тебе я сказал второму. А ты уж, пожалуйста, расскажи нашим. Не хотелось бы, чтобы их кишки на столб намотали.

– Второму?

Малоун все еще колебался. Нет, не колебался – переваривал услышанное.

– А кто первый?

– Первый – наш капитан. Он, видишь ли, решил прибрать к рукам то, что мы везем. А нас скормить своим ютландским родичам.

– Вот же гадина! – прорычал Малоун. – Так и знал, что кентийцам нельзя доверять. И почему они нас не порешили?

– Сказал ему, что и кому мы везем, – усмехнулся я.

– Только и всего? – изумился Малоун.

– Более чем достаточно. В отличие от тебя и их, – кивок в сторону чевиотских лордиков, – Красный знал, кто таков Рагнар. Ты ведь тоже его помнишь, верно?

– Помню, – буркнул Малоун. – Страшный был человек. Если он человек, а не демон.

– Человек. Но, выбирая врага, я бы предпочел демона. И вот что, – я поглядел вперед, на уже показавшуюся главную гавань Роскилле, – сыновья Рагнара, они еще страшнее. – И другим тоном, жестко: – Так ты со мной?

– Да, милорд, – твердо ответил теперь уже бывший королевский гвардеец. – Всегда.

– Тогда иди к парням, расскажи, что нас ждет. А я пойду порадую высокородных.

Лордикам я о своем норманнском статусе говорить не стал. Тем не менее они были глубоко возмущены. Ну как же! Родич-король доверил секрет мне, а не им. И не постеснялись это высказать. Я не стал возражать. Я не в обиде. Да и что значит моя обида в сравнении с обидой сыновей Рагнара?

На берег я сошел первым. За мной – теперь уже мои гвардейцы.

Тройка хирдманов, присматривавших за порядком, тут же устремилась к нам. Морды азартные. Не иначе, рассчитывают поживиться.

– Кто такие?

Я не ответил. Глядел в упор на задавшего вопрос. Судя по знакам, это был человек Хвитсерка Рагнарсона.

Хирдман не испугался. Да, их только трое, а нас на пирсе уже шестеро. А сколько еще там, на судне... А неважно сколько. Эти трое, они как палец на спусковом крючке. Не так уж много силы нужно, чтобы он пришел в движение, а дальше зависит от калибра оружия. А калибр здесь такой, что целой флотилии лучше сразу улепетывать.

– А ты присмотришься получше, – процедил я негромко. – Может, и сообразишь.

С ними только так. Какой-то там хускарл, даже не хольд, задает вопросы целому мне!

Боец присмотрелся. Не узнал.

– А так? – спросил я, вытаскивая бляху с лучником.

Надо отметить, что такими знаками Ивар не разбрасывался. Выдавал только самым доверенным хёвдингам.

Лицо викинга посмурнело. Понял, что мзды не будет.

– Как тебя зовут, хускарл?

– Мюркьяртан Добрый. Я из хирда...

– Вижу, не слепой, – перебил я. – Ивар-конунг здесь? – Кивок. – Кто из Рагнарсонов здесь, кроме Хвитсерка?

– Змееглазый и Железнобокий.

Бьёрн – это ладно. А вот Сигурд – это не очень. Я предпочел бы Уббу. С ним мне как-то попроще.

– Ульф Хвити, – я решил, что и мне пора представиться. – Ярл Ульф Хвити.

– Слышал о тебе, – кивнул Добрый. – Прости, что не признал.

Двое других тоже проворчали что-то уважительное.

– У меня и у этих людей, – я показал большим пальцем через плечо, – весть для братьев Рагнарсонов. Сейчас мы пойдём к ним. Не все. Те, кто останется на корабле, – мои люди. Позаботься о том, чтобы к ним никто не лез, Мюркьяртан. – Надо же, ну и имечко. – Не люблю платить верегельд.

– Не беспокойся, ярл, – пробасил хускарл. – Мы присмотрим. А что это за сундуки сгружают? Тяжеленькие! Серебро, небось?

– Хочешь узнать то, что предназначено для ушей Рагнарсонов? – прищурился я. – Уверен?

Хускарл замотал головой.

– Чего ему надо?

Один из лордов. Ишь, занервничал. Они там, в Нортумбрии, и от пары драккаров драпака давали. А тут их не меньше сотни. В три ряда стоят. И страшных викингов полон берег. А кое-кто уже присматривается специфическим разбойничьим оком: а что это у нас за барашек?

Нет, грабить не станут. А вот спровоцировать чужаков – запросто. Потому-то мне и нужен этот Мюрмюркья... В общем, Добрый.

– Сейчас мы пойдём к здешним королям, – сказал я. – Ты, твой брат, я и наш капитан. И ваши люди, которые понесут выкуп. Прочие останутся на корабле. Малоун! К вам это тоже относится. Забирайтесь-ка обратно на палубу и без меня ни на шаг! Вот этот, – кивок на Доброго, – проследит, чтоб к вам не лезли. А если кто-то рискнет, скажешь: «Мы люди ярла Ульфа Хвити». Ты понял?

– Да. А ты, милорд?

– А я пойду укрощать драконов. Лорды, вы готовы?

– Может, взять еще людей? – подал голос второй лордик. – А то вдруг эти захотят...

– Не захотят! – отрезал я. – Это земля закона данов. Дан ло, – повторил я по-английски. – Стен! Ты тоже с нами. Познакомлю тебя с братьями Рагнарсонами.

– Это обязательно? – наш кентский ют нервничал куда больше лордов. Вот уж точно: меньше знаешь, крепче сфинктер.

– Обязательно, – отрезал я. – Только помалкивай. Не спросят – молчи. Спросят – не болтай лишнего.

Торговую площадь я решил обойти. Двинул в обход, через пустырь, где обычно тренировались бойцы. Пустырь не пустовал. Минимум пара хирдов отработывала перестроения, и еще сотни две, построившись в несколько шеренг, уперлись щитами и выясняли, кто кого. Чуть дальше парни из хирда Железнобокого играли в мяч. Пара человек отсалютовали мне палками. Имен не помнил, но лица знакомые, так что я тоже махнул рукой.

Лорды, убедившись, что никто на них не бросается с криком: «Свежее христианское мясо!», подуспокоились и опять заважничали. А вот их подчиненные по сторонам старались не глядеть. Ну да им и ни к чему. Главное, чтобы груз не уронили.

У входа в длинный дом, выполнявший в Роскилле функцию королевского дворца, празднично толклось человек сто, не меньше.

– О! – воскликнул кто-то. – Никак Ульф Черноголовый!

– Ульф Хвити, – поправил я знакомого, вот только имя не помню, хольда. – Ярл Ульф Хвити!

– Ты ж вроде с Рагнарсом уходил? – спросил кто-то.

– А кто это с тобой? – распахивая других, передо мной встал Хунди Толстый.

Он был среди тех, с кем мы отправились мстить сконцам. Тогда я потерял большую часть своего хирда и едва не потерял мою Гудрун. Выжил чудом. С Толстым судьба обошлась не так жестко. Хотя пару дырок в шкуре и сале он тоже получил. Но вернулся в строй куда раньше меня. И продолжал служить там же, в войске Бьёрна Железнобокого.

– Англы, – ответил я. – Мы к Рагнарсонам.

– Тебя звали?

Это был просто вопрос. Такие, как я, без дела соваться в Рагнарсонову берлогу не станут.

– Нет, не звали. И вряд ли я их порадую. Но если я не войду, они уж точно рады не будут. Так что дайте-ка нам пройти.

Толстый среагировал правильно.

– Ну-ка, расступись! – рявкнул он, десятипудовой тушей вдвигаясь в толпу, как ледокол в ледовое поле, и, как ледокол, оставляя за собой проход для корабликов помельче.

И вслед за ним мы вошли в деревянный дворец сёлундских конунгов.

А вслед за нами – большая часть околачивавшихся во дворе хирдманов.

Мне предстала удивительно мирная картина.

Ивар Бескостный валялся на отцовом месте, застеленном шкурой белого медведя, и, высунув кончик языка, вырезал что-то на рукояти топора.

Хвитсерк и Сигурд Змееглазый играли в хнефатафл.

Бьёрн Железнобокий гнул через колено копье, проверяя упругость древка. Рядом с ним стоял озабоченный бонд. Надо полагать, мастер, это копье изготовивший.

Ивар заметил меня первым. И сразу угадал нехорошее.

А вот Бьёрн ничего дурного не заподозрил.

– Ульф! – воскликнул он. – Что, отец вернулся?

Я покачал головой.

Подождал, пока Хвитсерк и Змееглазый тоже обратят на меня внимание. Собрал свое мужество в кулак и, глядя прямо в жуткие глаза Сигурда, произнес:

– Нет, Железнобокий, он не вернулся. И уже не вернется.

– Решил остаться в Англии... – начал Хвитсерк. И осекся. Оценил выражение моего лица, увидел англичан за моей спиной, тяжелые сундуки – и сообщил, что вряд ли я привез хорошие вести.

– Рагнар Сигурдсон мертв, – сказал я. – И он пал не в бою.

Повисло напряженное молчание. Потом раздался хруст. Это переломилось копье Железнобокого.

– Говори, – сухо бросил Ивар, продолжая работать ножом.

– Был шторм, – сказал я. – Наш корабль выбросило на скалы. Выжило меньше сотни...

Меня слушали очень внимательно. Я видел, как мрачают лица братьев. От их яростных взглядов мне было не по себе, но я сумел довести историю до конца. В том числе и свою историю. О том, как я прикинулся ирландцем и втерся в доверие к убийце Рагнара, чтобы исполнить его последнюю волю. Рассказать пороссятам, как умер старый кабан.

– Ты мог убить этого Эллу! – Хвитсерк ударил кулаком по деревянному столу.

– У меня не было такого права, – я по-прежнему смотрел только на Сигурда. – Это значило бы лишиться этого права тех, кому оно принадлежит.

– Кому еще...

– Он говорит о нас, брат, – прошипел-прошептал Сигурд. – И он прав. Это наша месть. Только наша.

– Ты не принес ему удачи, Ульф-ярл, – лишенным эмоций голосом произнес Ивар.

И тут я увидел, как на белой медвежьей шерсти расплзается алое пятно. Бескостный резал уже не древко топора, а собственную ладонь. И словно не замечал этого.

– Но это была удача отца – взять тебя с собой. Ты поступил правильно. И будешь вознагражден.

Я кивнул.

– Да, – сказал я. – И моей наградой будет то, что я пойду с тобой в страну англов.

Не то чтобы я хотел лично поучаствовать в этом вике, но иного способа, который обозначил бы, что я с мстителями на одной стороне, придумать так и не сумел.

Ивар положил топор, воткнул нож в стену. Кровь продолжала капать, но он не обращал внимания.

– Эти люди с тобой, что у них в сундуках?

– Это английские ярлы, – сказал я. – Родичи Эллы-конунга. В сундуках вергельд за вашего отца. Конунг Элла не хотел убивать вашего отца. Он не знал, кого пленил. Ваш отец молчал. И мне велел молчать. Но когда умер, конунг англоу узнал, кого убил. И сожалеет. – И добавил после небольшой паузы: – Он хороший воин, Элла. И был бы хорошим конунгом для своих людей, если бы не сделал то, что сделал.

Костяная фигурка «конунга» хрустнула в пальцах Сигурда и рассыпалась. Он сдавил ее с такой силой, что из-под ногтя показалась кровь.

– Родичи, говоришь? Я разрежу им животы, – процедил Змееглазый, поднимаясь, – выпущу кишки и запихну туда их серебро!

Один из лордов попятился. Второй остался на месте. Возможно, оцепенел от страха.

– Нет! – жестко бросил Ивар. – Не всех. Я отдам тебе этого, – он указал на того, кто остался стоять. – И мы возьмем серебро. Оно нам пригодится, когда мы будем готовиться к походу. К великому походу, как сказал бы отец.

– Я не стану ждать! – возразил Сигурд. – У меня здесь двадцать кораблей. И еще столько же в моем гарде! У Хвитсерка – не меньше. Бьёрн, ты с нами?

Железнобокий поглядел на Ивара. Тот покачал головой.

– Почему? – спросил Бьёрн.

– Я был там, – ответил Ивар. – Даже ста кораблей будет мало для мести. И еще потому, что не один лишь Элла виновен. Все должны понести наказание. А для этого нам нужна большая армия. Великая армия. Достаточная для того, чтобы не только разрушить главный гард Эллы, но и завоевать всю Англию!

– Срал я на Англию! – зарычал Сигурд. – Я хочу мести! Я хочу вырезать легкие из спины убийцы моего отца! И я это сделаю!

– Сделаешь, – согласился Ивар. – Можешь сделать кровавые крылья вот этому англичанину хоть сейчас. Но в Англию мы пойдем тогда, когда будем готовы! Я потерял отца! И не хочу потерять братьев! Ты понял меня, Сигурд?

Примерно минуту они сверлили друг друга ледяными взглядами. Казалось, даже температура в зале упала на несколько градусов. Или поднялась. Мало кто может меня испугать в этом мире. Но эти двое...

А потом между ними встал Бьёрн Рагнарсон, и оба тут же успокоились.

– Брат, – сказал Железнобокий. – Помнишь, два года назад ты рассказал мне свой сон.

– Помню, – голосом Ивара можно было замораживать воду.

– Тот сон... Он был вещим.

– Да.

– Что за сон? – спросил Хвитсерк.

– Я видел во сне, как огромный змей плюнул ядом в отца, он не успел подставить щит. Я видел его мертвое тело, распухшее от яда.

– Ты должен был рассказать ему! – яростно бросил Сигурд.

– Я рассказал, – бесстрастно произнес Ивар. – Отец посмеялся. Сказал: этого змея он уже убил.

– Ульф, – повернулся ко мне Железнобокий. – Ты был там... – В его голосе я услышал осуждение. Понятное. Я выжил, а Рагнар – нет. – Ты был там. Сколько кораблей нам надо привести туда, чтобы месть была полной?

– Тысячу, – сказал я. – И пятьдесят тысяч воинов. Не знаю, хватит ли этого, чтобы взять всю Англию, но для того, чтобы наказать Эллу-конунга, этого бу-

дет довольно. Даже если некоторые другие конунги придут ему на помощь.

– Некоторые? – Бьёрн глянул на меня испытующе.

– Да. Они не любят друг друга, тамошние конунги. Вдобавок там живет не один народ. Саксы, англы, валлийцы. Еще скотты на севере. У них тоже свой конунг. А на земле, которую называют Кентом, вообще живут наши родичи юты. Капитан, который привез меня сюда, вот он стоит, – я показал на Стена, – он ют.

– Вот как? Ты из Ютландии? – спросил Бьёрн.

– Сам я нет, но моя родня оттуда.

А он неплохо держится, Красный. Особенно если учесть, что, в отличие от англичан, прекрасно понимает, о чем говорят Рагнарсоны.

– Ульф верно сказал? О том, что у ваших конунгов вражда.

– Мы, юты, не раз встречали железом уэссекских королей, – ответил капитан. – Тот, кто пустит им кровь, станет нашим другом!

Да он дипломат, этот кентиец. Сказал Железнобокому то, что тот хотел услышать. Но вместе с тем не сказал ничего. Потому что отлично понимает, что дружественные норманны могут оказаться похуже враждебных саксов.

– Что ж, я прислушаюсь к Ивару, – принял решение Бьёрн Рагнарсон.

Сигурд оскалился, но возразить не успел. Ивар бросил ему кость.

– Надо почтить богов в память нашего отца, – заявил он. – Раз уж порадовать его смертью убийцы мы сможем только через год, давайте почтим его тем, что есть. Займешься этим, брат?

– Да! – рявкнул Сигурд. – Хватайте их! – Он указал хирдманам на посольство.

Красный из красного превратился в белого. Если говорить о цвете лица.

– Выслушай меня, конунг! – Я заслонил собой англичан. – Я скажу важное!

Сигурд свирепо уставился на меня, но на этот раз между мной и им встал Ивар.

– Этот человек, – я указал на Красного, – помог мне принести вам слова Рагнара! Он и его люди. И мне кажется, одного из них, – я указал на чевиотских лордов, которые сообразили, что к чему, и приготовились к драке. Бессмысленной. – Одного из них надо вернуть. Пусть Элла-конунг знает, что его ждет.

Зря я это сказал. Но в тот момент я хотел в первую очередь вывести из-под удара Красного и моих гвардейцев.

Но я забыл, с кем имею дело. Думал: их просто убьют. Ну, может, не совсем просто. Однако Рагнарсоны – это Рагнарсоны. И очень скоро я узнал, почему Хрёрек-Рюрик так боится мести Змееглазого. А чуть позже я узнал, что, пока я отмазывал от жуткой участи Красного и его экипаж, моя собственная жизнь висела на ну очень тоненьком волоске.

Глава двадцать четвертая. Ответ братьев Рагнарсонов

Получение верегельда не отменяет мести.

Нет, если ты его принял, то убийцу уже нельзя притянуть на тинг и, официально призвав к ответственности, примерно наказать, например, приговорить к изгнанию. А вот мстить или не мстить после получения выкупа – это уже на усмотрение родственников. В соответствии с их нравом, любовью к усопшему и, естественно, возможностями. И с полной ответственностью за содеянное перед тем же тингом.

Возможности у Рагнарсонов в Роскилле были абсолютные. И папу своего

они очень уважали. Опять-таки Рагнар был человеком женатым, и женой, вернее, теперь уже вдовой Лотброка была не кто-нибудь, а Аслауг Сигурддоттир, унаследовавшая воинственный нрав не только от папы Сигурда, но и мамы Брунгхильд, которая слыла чуть ли не воплощенной валькирией. Именно Аслауг была матерью Ивара, Сигурда, Бьёрна и Хвитсерка. Причем пользовалась у сыновей едва ли не большим авторитетом, чем отец.

Потому что вдобавок ко всем своим достоинствам Аслауг, как и мама Медвежонка Рунгерд, слыла сильной вельвой, то есть колдуньей и пророчицей.

Всем было известно, что она была против похода Рагнара в Англию, а когда тот ее мнением пренебрег, сделала, что могла. А именно: заговорила одежду мужа от воды, огня и железа.

Впрочем, от английских палачей и змеиных укусов это не помогло. Может, потому, что с Рагнара сняли заговоренную одежду.

Не знаю, как можно любить такого, как Рагнар. Наверное, для этого и надо быть наполовину валькирией.

Аслауг любила. И скорбела. А когда такая, как дочь воительницы Брунгхильд и Сигурда Драконоубийцы, скорбит, каждая ее слеза обращается в кровавое озерцо. И совсем неудивительно, что Аслауг была категорически против мирного разрешения конфликта с убийцей мужа. И была в этом полностью единодушна со своими сыновьями и всеми воинами Роскилле.

Так что, когда утром следующего дня на площадь привели чевиотских лордов и их сопровождающих, собравшийся народ уже предвкушал потрясающее шоу.

Шоу для своих. Только Роскилле и ближайших окрестностей.

Прочих обитателей острова Сёлунд ждать не стали. Хотя, уверен, многие с удовольствием поглядели бы на работу Сигурда. Восхитились, устрашились, порадовались бы, что Рагнарсоны – на их стороне... Набрались свежих впечатлений, так сказать.

А вот я предпочел бы свалить домой.

Но не мог. Последствия такого бегства были бы непредсказуемы.

Мне предоставили почетное место среди ярлов и хёвдингов. Отсюда я имел возможность созерцать кровавое действо во всех его отвратительных подробностях.

Также я вытребовал право присутствия на казни для Малоуна. Ну как вытребовал... Повесил ему на шею значок с головой волка и публично заявил: мой человек. Не спрашивая самого десятника. Тут без вариантов. Либо он зритель, либо «участник». Если после «представления» он не захочет остаться, пусть проваливается.

Ну и еще Стен Красный должен был присутствовать. Тоже без вариантов. Потому что именно он должен был доставить ответное послание Рагнарсонов королю Элле.

Нельзя сказать, что настроение у меня было плохим. Напротив, я чувствовал себя победителем, поскольку сумел отстоять не только Красного с экипажем, но и Малоуна с парнями, объявив их своими людьми. Узнай Рагнарсоны, что они – личная стража Эллы, англичанам пришел бы конец. И конец страшный.

Но они узнавать не стали. Склонен думать, из соображений практических. Тех англичан, которые уже были в их лапах, должно было хватить для «демон-

страции».

Началось, однако, не с казни.

На площадь прикатали здоровенную дубовую колоду. Четверо братьев по очереди ставили на нее ногу и произносили гейсы-клятвы. О том, как они накажут убийцу отца, его людей, а всех прочих обитателей будущей Великобритании обратят в рабов, чтобы было кому трудиться на завоеванных землях.

Все очень пафосно. Однако я отметил, что гейсы были не слишком суровые, вроде «не буду есть сырой рыбы». А потом братья обагрили колоду кровью. Сначала – своей, а потом – английской.

Начали, как водится, со слуг. Этих, опознав в них полубондов-полурабов, прикончили достаточно легко. Бьёрн вынул мечуган и за полминуты отправил к предкам шестерых перепуганных до ужаса англов, развалив каждого от плеча до паха. Один удар – один покойник. Выглядело жутко, но то была чрезвычайно легкая смерть.

С теми, кого отнесли к сословию воинов, обошлись куда более жестоко. К огорчению зрителей, положенного воинам мужества английские керлы не проявили. Вместо того чтобы смеяться и плевать в лицо палачам, они сначала орали, потом выли, потом сипели... Позор, да и только.

– Этот народ будет несложно победить, – заявил мне мой сосед, морской ярл Свентинг Раковина из команды Железнобокого.

Он ошибался, Свентинг-ярл. Это не имело отношения к храбрости. Просто стимулы у англичан другие.

Вокруг дана, оказавшегося у столба пыток, собирается целая толпа живого, мертвого и еще не рожденного народа. На него глядят сверху, из Асгарда, его родичи. Здесь, в Мидгарде, его живые родичи будут с восторгом внимать истории его геройской смерти, которая войдет в семейные анналы и станет предметом гордости и подражания для внуков и правнуков. И наконец перед смертью пытаемого дана окружают враги, такие же скандинавы, и он ни за что не порадуется их слабостью. А они, как настоящие северяне, по достоинству оценят его мужество и невероятно высокий болевой порог.

А вот вокруг несчастных англичан, которых потрошат палачи Рагнарсонов, нет никакой группы поддержки. Ни живых, ни мертвых, ни еще не рожденных. Только ликующие враги.

Зато это отличный шанс попасть в рай, приняв мученическую смерть. Так зачем скрывать от Господа, что она именно мученическая?

Как по мне, то с философско-религиозной точки зрения добропорядочные английские христиане куда безжалостнее, чем «проклятые язычники». Хотя бы потому, что они, истязая пленников, уверены, что отправляют их прямо в ад, на вечные муки. В то время как язычники-норманны дают казнимым возможность проявить себя перед богами и заработать почетное место на верхнем уровне Мирового Древа.

Что же касается меня, то за все эти годы я так и не смог привыкнуть к кровавому средневековому шоу. Нет, лукавлю. Привыкнуть – сумел. Но не более.

Прошло не меньше двух часов, когда и чевиотским лордам пришла очередь умирать. Надо отметить, что вышли они навстречу смерти достойно. С твердым взглядом и задранной бородой. Что сказать... Мужества им не занимать. Они видели смерть своих вассалов и полагали, что готовы последовать за ними в рай.

Лорды не знали, что их ждет. Они шли на смерть и были уверены, что умрут. Мы все были в этом уверены, потому что знали: ими займется лично Сигурд Змееглазый. А значит, участь лордов будет много страшнее, чем у их спутников.

Если бы они знали, что Змееглазый сделает с ними, уверен, от их холодной надменности не осталось бы ничего.

Сигурд их не убил.

– Я хочу отправить послание вашему конунгу! – заявил он. – И этим посланием станете вы!

Есть в этом мире казни пострашнее двухчасовых мук у пыточного столба. Конкретно этот вид истязания называется «свинья в грязи». Ее практикуют многие, не только викинги. Потому что ничто так не усугубляет страдания, как понимание собственной беспомощности. Уж я-то знаю, ведь мой страх стать калеккой куда больше, чем страх смерти.

Итак, «свинья в грязи». Казнимому отрубает руки и ноги, отсекают гениталии, не забывая прижигать раны для остановки кровообращения, вырывают раскаленными щипцами язык, выкалывают глаза, а потом оставляют умирать в какой-нибудь канаве. И счастье, если искалеченный сумеет захлебнуться быстро. Но самое страшное – если он выживет.

Сигурд сделал все, чтобы его «послания» выжили. Еще он не стал их кастрировать. Счел, что так будет веселее. Но все остальное он сделал. И сразу отдал несчастных лучшим сёлундским целителям и предупредил: если «послания» умрут...

Так что лорды выжили. Оба.

Но я об этом узнал позже, потому что уже на следующий день покинул Роскилле.

Мы уехали вчетвером. Я, Малоун, Хейл и Джорди. Баз и Перс отказались переходить во вражеский лагерь. У них в Йорвике были родственники. И никаких сомнений в том, что будет, когда к стенам нортумбрийской столицы придут разгневанные язычники.

Я попросил Красного позаботиться о том, чтобы парни вернулись домой. Стен пообещал. Он был мне должен и понимал это. И вчерашняя казнь, уверен, неплохо поспособствовала этому пониманию.

У Малоуна тоже были родичи, но он справедливо рассудил, что в случае победы норманнов сможет им помочь вернее, если окажется на стороне победителей. А если Йорвик устоит, то и помогать не потребуется.

Хейл присоединился ко мне, потому что он еще в Англии знал, что его жизнь принадлежит мне.

А Джорди... Джорди просто присоединился. Этот сравнительно молодой, но уже неплохо проявивший себя парень жил только настоящим. А еще он хотел разбогатеть и был уверен, что я дам ему такую возможность.

Так что трое из пяти остались со мной, и это было неплохо.

Хотя на пир, устроенный Рагнарсонами вечером, я их не позвал. Они всё же были англичанами, а отношение к англичанам у жителей Роскилле и раньше было не очень...

А еще на пиру у меня состоялся очень непростой разговор с моим главным покровителем, Иваром Бескостным.

– Я рад, что ты жив.

Ивар сидел на скамье, застеленной узорчатым и, несомненно, очень дорогим ковром, и в упор глядел на меня немигающими драконьими глазами.

– И я рад, что сегодня на площади тебе не пришлось выказывать мужество. Нет! Не говори ничего! – Он поднял руку, хотя я и не собирался ничего говорить. Просто вдруг осознал, насколько близок к краю. – Я знаю: ты не стал бы визжать, как свинья, – продолжал Ивар. – Это была бы славная смерть! Мой отец там, в Валхалле, непременно порадовался бы, и твое место за столом Высокого было бы не из последних.

То была не лесть. Драконы не льстят. Но я все равно не понимал, зачем он говорит мне это.

– Мой брат Сигурд очень хотел твоей смерти, – сказал Ивар. – Он хотел, чтобы весь хирд нашего отца был рядом с ним. Но Аслауг указала брату на его ошибку. Напомнила, что ты не был хирдманом ее мужа, ведь в том вике ты носил мой знак, а не его, а значит, оставался моим человеком... Нет, не возражай, так и есть! Отец взял тебя в вик, не спросив моего согласия. Поймал тебя на слове.

– Не только, – возразил я. – Еще он убедил конунга свеев не посягать на мою землю.

Ивар засмеялся.

– Не отец, а брат Бьёрн сделал это. Сделал так, что младшему конунгу свеев стало не до твоего маленького острова.

Ну да. Конунгов у свеев два. Эйрик Эймундсон, с которым у меня конфликт. И его брат Энунд, который контролирует главный свейский город Упсалу. И точит зубы на Бирку, которую пока контролирует Эйрик. И Железнобокий даже разок вступил с Энундом в союз с целью эту самую Бирку разграбить. Но Эйрик сделал Рагнарсону подарок, и тот от союза с Энундом отказался. Обострять же отношения с Железнобоким ради такой мелочи, как я, Эйрик не собирался.

– Если ты думаешь, что наш отец взял тебя с собой, чтобы заполучить твою удачу, – продолжал тем временем Ивар, – то и в этом ты ошибаешься. Отец велел тебе идти с ним, чтобы показать мне... всем нам, всем сыновьям, что он по-прежнему первый в славе и удаче. И мы все – в его воле.

– Он ваш отец, – напомнил я.

Если Ивар прав и я был для Рагнара всего лишь инструментом для повышения авторитета, это немного обидно. Но ничего, переживу. Главное, мои руки, ноги и внутренности всё еще со мной.

– Когда сыновья взрослеют, приходит их время, – голос Бескостного спокоен, но дракон в глазах полыхнул пламенем.

– Не нам решать, чье время пришло, а чье ушло, – дипломатично ответил я.

– Ты понимаешь, – одобрительно произнес Ивар. – Боги и решили. Ты не из хирда Рагнара Лотброка. Ты посторонний. Ты чист, и ты был в воле богов, когда услышал его послание и принес нам его слова.

– Пожалуй, – согласился я.

Роль постороннего меня вполне устраивала. Быть посторонним значило – «вне конфликта». Постороннего звали, чтобы разрешить спор. Или сделать сложный выбор. Посторонним мог быть кто угодно. Любой свободный мужчина, никак не связанный с участниками спора. Он не нес никакой ответственности за результат. Считалось, что он выражает волю богов.

Вот только оказаться посторонним и для Ивара я не хочу. Сейчас, после смерти Рагнара, для Сёлунда могут наступить беспокойные времена. Понятно, что есть Аслауг, которая тоже кое на что способна. Есть мы с Медвежонком. Но когда ни нас, ни наших хирдманов не будет рядом, очень неплохо, если моей родне будет покровительствовать первый из Рагнарсонов.

Будущее показало: я был прав в своих опасениях. Вот только Ивара Бескостного не было на Сёлунде в день, когда беда подступила к моему дому. Но кто мог предвидеть будущее... Во всяком случае, не я сегодняшней. А сегодня я был уверен: все, что мне надо, – сохранить расположение Ивара Рагнарсона.

– Но для тебя я не посторонний, верно?

– Для меня нет, – подтвердил Ивар.

– И я пойду с тобой в Англию.

– Я ценю это, – кивнул Ивар. – Ведь я знаю, что у тебя теперь есть ярлство далеко отсюда и оно требует твоей заботы.

В свое время Ивар предложил мне землю в Англии, пообещал, что сделает меня ярлом.

Сейчас он ничего не обещал. И это было важно. Это был новый уровень отношений. Не «ты мне – я тебе». Ивар предложил мне дружбу. Настолько, насколько это возможно между Рагнарсоном и кем-то еще.

Я был не первым таким. Мурха Красный Лис, ирландский ярл-викинг, тоже считался его другом. И наверняка еще кто-то. Ивар – страшный человек. Но такие уж нынче времена, что чем страшнее твои друзья, тем меньше у тебя врагов.

– Ты пришел ко мне, конунг, когда я потерял все, дал мне силу и вернул меня в мир живых, – произнес я искренне. – Больше мне сказать нечего.

Ивар предложил дружбу, и я ее принял.

Но все равно мне от него не по себе.

– Да, еще кое-что, – сказал мне Ивар напоследок. – У тебя ведь есть человек, который умеет писать на латыни?

Я кивнул. В принципе, я и сам умел, но отец Бернар умеет лучше. И почерк у него отменный.

– Очень хорошо. Тогда пусть он напишет вот что...

Ивар протянул мне дощечку.

«Ты позавидуешь ему, когда мы придем», – было написано на ней.

Глава двадцать пятая. Счастливый человек Ульф Хвити

– Братец! – Рык Медвежонка спугнул птиц с крыши и ограды. – Ха! Я так и знал, что ты выкарабкаешься!

Я очень хотел увидеть моих жен. И детишек. Но ехать из Роскилле домой и не заглянуть на подворье Рунгерд и Медвежонка... Они бы не поняли.

Я привычно растопырил локти, не позволив побратиму испробовать ребра на прочность.

Нелегкое дело. С каждым годом сын Сваре Медведя становился все массивнее. Теперь при взгляде на него мне сразу вспоминались те, из снов. Широколицые. Разве вот подбородок у моего брата был не скошен, а торчал как корабельный форштевень, да ростом он повыше тех минимум на локоть.

Из-за спины мужа выглянула Фрейдис. Законная супруга Медвежонка и по совместительству родная дочь объединителя будущей Норвегии Хальфдана Черного.

– Рада видеть тебя в здравии, Ульф-ярл.

– А я тебя, Хальфдандоттир! Вижу, вы с братом времени не теряли, – я указал на округлившийся животик.

– Мой муж меня любит, – Фрейдис слегка зарумянилась.

Они с Медвежонок – прекрасная пара. Любящая. Большая редкость в этом мире, где главное чувство – родовой прагматизм. Что выгодно роду, то и хорошо.

– А это кто с тобой? – перестав меня тискать, поинтересовался Свартхёвди, нацелив толстый палец на моих спутников.

– Мои новые хирдманы, – сообщил я. И тут же уточнил, вспомнив: – Наши новые хирдманы.

– Они не похожи на воинов Севера! – обвиняющим тоном заявил Медвежонок.

Малоун и Джорди напряглись.

После Рагнарсонов они не ждали от норманнских язычников ничего хорошего, а мой брат был как раз таким – типичным исчадием дьявола. Огромный, свирепый, весь в золоте и богопротивных татуировках.

А вот Хейлу всё по барабану. Только зря он так пялится на Фрейдис. Медвежонок увидит – голову открутит. Хотя нет, не открутит. Он не против, чтобы ему завидовали.

– Посмотри на меня, Медвежонок! – проникновенно проговорил я.

– Ну посмотрел, и что?

– Ничего не заметил?

– Ты нездоров? – насторожился братец.

– Нет. Посмотри на меня еще раз и скажи: похож я на воина Севера?

– Еще как похож! – воскликнул Свартхёвди. – У тебя даже на сапогах вышивка сёлундская.

Черт. Я забыл, как нынче оценивают внешность.

– То есть если на них надеть такие же сапоги...

– Да не в сапогах дело! – отмахнулся Медвежонок. – У них на рожах написано, что они в штаны наложат, когда настоящие хирдманы...

– Не наложат, – сказал я. – Да, они немного осторожничают после того, как познакомились поближе с Рагнарсонами...

– С Рагнарсонами?

– Сигурд хотел пустить их вокруг столба, – сказал я.

– Хм... – Свартхёвди взглянул на англичан по-новому. – И почему не пустил? Не помню такого, чтобы Змееглазый хотел кого-то выпотрошить и не выпотрошил.

– Я попросил. Вернее, Ивар.

– Ивар – да, Ивара он слушает. А почему Сигурд решил их так почтить?

– А вот теперь главная новость, братец... – Я сделал интригующую паузу. – Мы привезли весть о смерти Рагнара Лотброка!

Медвежонок наклонил голову, поглядел исподлобья:

– Мы – это ты?

– Я и парочка несчастных нортумбрийских болванов...

– Ульф!

Рунгерд. Нет, время определенно не властно над матерью моей Гудрун. А по совместительству – матерью моего сына Хельгу. Только вот никто, кроме

нас, не знает, что Хельгу не только названный сын, но и кровный.

Стоило ей меня обнять, и память тут же напомнила, как мы с ней...

Рунгерд тут же отстранилась.

– Ты давно не видел своих жен, Ульф, – сказала она насмешливо. – Но мы рады, что ты не проехал мимо.

– Точно! – взревел Медвежонок, тут же забыв о смерти Рагнара. – Мать, вели седлать коней! Мы отправляемся в гости! В гости к тебе! – уточнил он, тыча мне в грудь пальцем.

– Крепи весла, муж! – вмешалась Фрейдис, удостоившись одобрительного кивка свекрови. – Мы приедем к ним, но завтра.

– Завтра так завтра, – легко согласился Медвежонок. – А коня мне все равно седлайте. Я провожу его немного. А ты, жена, пока принеси нам пива.

– Тоже немного? – усмехнулась Фрейдис.

– А там много и нет после вчерашнего. О, Волк, сынок твой бежит!

Мой первенец Хельгу.

– Папка!

Я подхватил его на руки, подбросил разок-другой, прижал к себе, вдыхая запах тонких соломенных волос, солнца и детства.

А крепкий мальчуган растет. Совсем кроха, а на ощупь плотненький такой! И как же на мою мать похож.

– Папка, а Виги мне лук подарил! Настоящий! Вот такой! А я из него знаешь как стреляю!

* * *

– Все же я не понимаю, ярл. Вот мы идем убивать англичан. Почему – понятно. Зачем – тоже понятно. А вот для чего тебе англичане по нашу сторону щитов, ярл, я понять не могу.

Мы пируем уже второй день. Вся родня. Весь мой хирд. И набежавшие на запах пива соседи.

Домочадцы с ног сбиваются, а пиво не успевает созревать. Гудрун правит ими, как полководец ратью. Ее первый помощник, мой добровольный раб-управдом Хавчик ныряет в толпе, как дельфин в волнах.

Хорошо хоть, большая часть гостей со своим пришла. Все же с пониманием.

Отдельное спасибо жене и матери Медвежонка, давшим мне целые сутки на общение с семьей. Ух мы и общались! Две жены и одна наложница – это нечто. К утру второго дня я чувствовал себя одуванчиком. Дуть на меня не рекомендовалось. Но – круто! И как же я их люблю, моих девочек! Даже малышку Бетти, которая вроде и не жена, но... Но дочка у нас получилась что надо.

А через день вернулся «Клык Фреки», на котором привезли много-много доброй еды. А как же! Ульф-ярл вернулся оттуда, откуда не вернулся даже Рагнар. Это надо отпраздновать.

И все забегали еще интенсивнее. А шустрее всех вокруг вился наш скальд Тьёдар Певец, выжимая из меня подробности последнего Рагнарова рейда. И моей личной истории.

А когда я был занят, Тьёдар брал в оборот Малоуна или Джорди. И они даже ухитрялись как-то общаться.

– Ты счастливый человек, лорд Николас, – сказал мне Малоун. – Твои люди тебя боготворят, родичи любят безмерно. Даже священник говорит, что ты от-

мечен Богом.

– Да ну. А он сказал тебе, что отказался меня крестить?

– Сказал, – кивнул Малоун.

Сказать, что я был удивлен, значило изрядно преуменьшить мое изумление.

– И?..

– Он сказал: ты уже крещен. Возможно, в раннем детстве, так что забыл об этом.

Ну вот. А мне об этом сказать – никак?

Я-то голову ломал, почему отец Бернар вдруг решил оставить меня в язычниках.

– Не зови меня Николасом, – предупредил я Малоуна. – И своим скажи. Это тоже мое имя, но из того времени, о котором пришлось забыть. И милордом тоже звать не надо. Ярл. Или Ульф-ярл. Привыкайте. Вы теперь в моем хирде. А хирд – это как большая семья. И в ней неважно, англичанин ты, дан или франк. Важно, что ты – хирдман.

Так было правильно. Но как оказалось, не все наши братья разделяли эту позицию.

Даже самые старые мои братья вроде Стюрмира.

– ...Понять не могу, ярл, зачем тебе англичане по нашу сторону строя?

И тут я едва не оплошал. К счастью, успел проглотить шутку по поводу Стюрмирова интеллекта раньше, чем она вылетела из моего пропитанного пивом рта.

Потому что успел понять, что этот вопрос для Стюрмира важен. Даже не так, он *важен*.

Ему с ними в бою рядом быть, биться с ними и за них. И он должен быть уверен, что и они – за него. Несмотря на то, что говорят на другом языке, молятся по-другому и вообще *англичане!*

Будь Стюрмир трезв, он, может, и не задал бы этого вопроса. Я его ярл. И я взял их в хирд. Если он, Стюрмир, сомневается в моем решении – значит, он как минимум не доверяет своему ярлу, а как максимум – претендует на его место. Стюрмир не семи пядей во лбу, но уж это он точно понимает.

Но вопрос остается. И вопрос этот его мучает. А значит, мне надо ответить на него, и прямо сейчас.

Тем более что слушает меня не только Стюрмир, вон еще сколько пар глаз на меня уставилось.

Ладно, попробуем.

– Хочешь узнать, чем Малоун и остальные отличаются от тех англичан, которые будут биться по ту сторону стены щитов, Стюрмир? Я могу тебе сказать, но хочу, чтобы ты сам сказал это мне.

Стюрмир почесал косматую башку. Сначала одной рукой, потом другой, потом двумя сразу.

Не помогло.

– Как по мне, так ничем, – заявил он.

– Ладно, тогда скажи мне, друг, чем вот они, – я кивнул на братьев Крумисонов, в четыре руки опустошавших блюдо с бараньими ребрами, – отличаются от сеев, которых мы били позапрошлой зимой?

Стюрмир снова задумался. Надолго.

– Ну же! – подстегнул я его. – У них тоже пара рук и пара ног. Насчет их мамы я не знаю, но папа у них точно свей. И бронь у них свейской работы, и мечи. И выговор у них свейский. В чем их отличие, Стюрмир?

– Выходит, тоже ни в чем?

Раздался смех.

Смеялся мой названный сын Виги.

Стюрмир недовольно покосился на него, буркнул:

– Ну скажи, если ты такой умный!

– Они наши, Стюрмир! – Виги хлопнул Стюрмира по плечу.

Пару лет назад мой великан за такую фамильярность... Впрочем, два года назад Вихорёк бы не рискнул.

– Больше никакой разницы, Стюрмир, только эта! Они наши, а те – нет!

Стюрмир поглядел на меня:

– Это так, ярл?

– Да, – подтвердил я. – Они наши, а те – враги. И когда чужой англичанин захочет тебя убить, вот он, – я показал на внимательно слушавшего, но пока мало что понимавшего Хейла, – прикроет тебя щитом. Вот и все отличие.

– Но как же... Как же род? – спросил Стюрмир.

– А род у наших англичан самый лучший, дружище! – заверил я. – Наш хирд! Верно, брат? – спросил я Свартхёвди, который тоже заинтересовался темой.

– А то! – рыкнул Медвежонок. – Тьёдар! А ну, спой нам наше! А то кое-кто забыл, как мы хороши!

– Только не «Волка и Медведя», Певец! – успел вставить я.

Очень вовремя.

Глава двадцать шестая. Справедливость Ивара Бескостного

Зимовали мы на Сёлунде. В смысле – я. Свартхёвди собрал полсотни молодняка, пару дюжин хускарлов, набрал всяких полезных товаров, вроде слитков качественного северного железа, загрузил большую часть на кнорр, остальное распределил по двум драккарам: «Клыку Фреки» и «Любимчику Ветра», двадцатирумовому свейскому красавцу, наконец-то получившему новое имя. Кормчим на нем шел Витмид. Сам Медвежонок вставал у кормила «Клыка Фреки». Зимовать Свартхёвди планировал на нашей Кирьяльщине, но к весне пообещал непременно вернуться. Упустить такое развлечение, как покорение Англии, мой братец никак не мог.

Перед отплытием мы с Медвежонком обсудили «параметры» этого возвращения. Братец намеревался отправить кнорр с товарами на юг и вернуться только на драккарах, причем планировал прихватить с собой и четвертый, оставленный в распоряжении Гуннара Гагары.

От последнего я его отговорил. Более того, убедил, что сёлундский свеженабранный молодняк тоже стоит оставить Гагаре. Гуннара же попросить подтянуть их хотя бы до уровня дренгов.

Была у меня по поводу этого молодняка еще одна мысль. Когда свейскому конунгу донесут о том, что происходит на его бывшей территории (а ему донесут непременно), информация о том, что на острове сидят именно сёлундские даны, будет нелишней.

Еще с Медвежонком уходили все наши дренги-варяги, включая Вильда, трое весян и все кирьялы-стрелки. И эти тоже должны были вернуться к вели-

кому походу имени «мести сыновей Рагнара». Также я сообщил братцу, что не буду возражать, если сагитирует в наш хирд еще кого-нибудь из варягов. Вдруг кому-то из дружинников того же Ольбарда наскучило собирать налоги с торговцев и лесовиков, а хочется настоящего праздника. Вильда я попросил о том же. В частности, передать моему тестю, что у него есть прекрасная возможность поучаствовать в очень серьезном деле. А если сам он не сможет, то, быть может, кто-то из его гриди пожелает.

Очень мне хотелось заполнить под свое начало побольше воинов, ничем не уступающих скандинавам и при этом без всяких личных и родственных связей среди северян.

На сколько-нибудь серьезный отряд я не рассчитывал, но хотя бы парочку.

Медвежонок отбыл, а я решил сходить в Роскилле. На этот раз морем, причем вместе с женами. А мои детишки, Одгейр и Вет, оставались с Бетти. Молока у моей наложницы хватало на обоих. Имена детишкам выбирал не я. И даже не их матери. Их объявила Рунгерд. Никто не возражал. Включая меня. Нет, я мог бы, ведь это я официально принимал малышню в род. И имена тоже давал я. Но с чего бы мне спорить с ведуньей? Тем более Острие Копья – годное имя для моего сына. А Вет-Зима... Ну так она и родилась зимой, какие вопросы?

Рунгерд, кстати, тоже решила присоединиться к нашему небольшому путешествию. И Скиди с супругой. А еще по дороге я намеревался прихватить Оспака Паруса и Вифиля Прощай, которые обосновались здесь же, на Сёлунде, но наособицу, поскольку никто из моих ближайших соседей расставаться с грендами[267] не собирался.

А на румах у меня будут swei – которым щедрый Медвежонок выделил кусок земли из собственного одаля с недостроенным длинным домом, который swei уже достроили, – Бури и Вихорёк, которые жили у меня, и тройка англичан, которым тоже полезно будет попрактиковаться в гребле и общении с правильными скандинавскими воинами. Экипаж невелик, но румы заполнить хватит. Тем более идти недалеко.

В Роскилле как раз началась большая осенняя ярмарка. До осени, правда, оставалась еще неделя, но это никого не волновало. В гавани было так тесно от множества купеческих судов, что я даже пожалел, что предпочел палубу лошадкам.

Впрочем, быть ярлом и, главное, человеком Ивара – это серьезная привилегия.

Я бы, может, и не сообразил этим воспользоваться, а вот Скиди точно знал наше место в табели о рангах. Примерно через полчаса после того, как он по палубам двух кораблей добрался до пирса, у этого самого пирса было очищено место для моего «Северного Змея». Всего и дел: сообщить дренгам, поддерживающим порядок в порту, о моем прибытии.

Честно говоря, я подобного наплыва гостей города не ожидал. Как бы нам теперь на палубе ночевать не пришлось.

Но я зря беспокоился.

– Оспак, туда! – Моя теща-колдунья вручила Хельгу дочери и королевским жестом послала хольда вперед.

Правильное решение. Парус действовал строго по анекдоту. Носорог развивает скорость до пятидесяти километров в час, а еще у него отличное обоня-

ние и прекрасный слух. Правда, зрение – так себе. Но при его весе в две с половиной тонны это уже не его проблема.

Оспак весил меньше. И со зрением у него было всё в порядке. Но роль носорога он отыгрывал замечательно. А недостающий вес компенсировали мы, двигаясь клином у него в кильватере.

Спустя четверть часа мы уже входили во двор, который Рунгерд выбрала нам в качестве местопребывания. У двора имелись хозяева, но в табели о рангах дочь Ормульфа Полудана стояла на три ступени выше, так что и хозяин, и его семья активно демонстрировали радушие и гостеприимство. А может, не демонстрировали. Рунгерд мимоходом обмолвилась, что все они у нее в долгу. Так что дарить им ничего не надо. Напротив, это нам следует ждать подарков.

Подарки были, но так, мелочь. Зато передо мной хозяева-должники лебезили и пресмыкались. Никогда не думал, что свободные сёлундцы могут так себя вести. Да, я крут. Ярл из хирда Ивара. Но ведь не сам Ивар.

Ну да мне этих гостеприимцев в бой не водить.

Ивара я посетил в тот же день. Прибыть в город и не засвидетельствовать – чревато.

Принимали меня вдвоем. Ивар и вдова Рагнара. Аслауг, несмотря на многочисленные роды и приличный по местным меркам возраст (слегка за сорок), все еще была хороша. Сразу поинтересовалась: прибыла ли со мной Рунгерд. Я подтвердил. Дочь, вдова и мать конунгов явно обрадовалась. Похоже, я все-таки недооцениваю вес моей тещи в сёлундском высшем обществе.

Я вежливо поинтересовался: где остальные братья Рагнарсоны? Оказалось, они отправились собирать народ в будущий вик. Вернее, не вик, а большой поход. Вроде того, который устроил их папа, когда решил выпотрошить франков. Ну да, чтобы разбойники превратились в завоевателей, их должно быть действительно много.

Ивар остался «на хозяйстве». Так решила Аслауг. А еще она во время нашего разговора раз десять повторила, что убийца ее мужа не должен жить. И что если бы Рагнар ее послушал...

Глаза Аслауг были сухими, но лишь потому, что такой, как она, плакать не пристало. О ней и Рагнаре было много историй. В частности, говорили, что женился он на ней по любви, даже не зная, что она – дочь Сигурда Драконоубийцы. Надо полагать, она отвечала ему взаимностью.

Любовь и Рагнар Лотброк. В моем мозгу это сочеталось трудно. С другой стороны, достаточно вспомнить моего братца и дочь конунга норегов...

– Приходите вечером, – сказала Аслауг. – Приходите все: твоя семья, Ульф Хвити, твои люди. Я хочу еще раз услышать историю о том, как умер мой муж. И твой скальд пусть тоже придет.

Подумалось: может, именно из-за Тьёдара Певца нас и приглашают? Качественный скальд в этом мире – как рок-звезда в том, откуда я пришел.

Я огорчил королеву: скальда не будет. Ушел вместе с моим братом проведать наших подданных и напомнить всем, что это именно наши подданные.

Аслауг заинтересовалась. Пришлось вкратце рассказать о том, как мы учили свеев Эйрика-конунга уважению.

Аслауг слушала очень внимательно. Потом сообщила, что я – рискованный парень. Учить жителей Биармии, как убивать викингов, – чревато.

Я не стал уточнять, что Кирьяльщина – это не совсем Биармия.

– Сvei сдирали с мужчин кожу и выпускали кишки, чтобы добыть дюжину соболей, – сказал я. – Сvei ловили их женщин, чтобы брать их силой. Они полагали: так правильно. Однако я никогда не слышал о том, чтобы кто-то продолжал охотиться, оставшись без кожи и внутренностей, и мне куда легче чувствовать себя мужчиной, когда юные девы оспаривают друг у друга право первыми возлечь со мной или моими воинами. И мне нравится, когда они кричат и бьются подо мной от страсти, а не от боли. Что же до тех, кто думает иначе... – тут я ухмыльнулся. – То их я тоже могу проткнуть. Вот этим, – я хлопал по рукоятям Вдоводела и Слезы. – И глядя в их расширившиеся зрачки, получу не меньшее наслаждение.

– Ты истинный воин.

Я знал, что Аслауг придется по душе то, что я сказал. Но что удивительно, Ивару моя речь тоже понравилась.

– Мне не раз говорили, что ты слишком добр для того, кто платит железом, – заметил он. – Но теперь я тебя понимаю. Это и впрямь наслаждение: чувствовать, как жизнь вытекает из твоего врага, наполняя его сердце ужасом. И от дюжины собольих шкурок я бы не отказался.

– Я с радостью подарю их тебе, конунг! – пообещал я. – Мои обученные убивать охотники сами делятся со мной добычей. Они зовут меня Другом, – я выделил это слово, чтобы было понятно, что это титул, а не просто признание в дружбе. – Потому мне не приходится выискивать их в дремучих лесах, как свеям, чтобы отнять то, что удастся отнять. Умный господин не станет сдирать шкуру с овцы, которую можно стричь. Но овец невозможно научить убивать волков и самих состригать шерсть. А моих кирьялов – можно. И я их учу. А самых лучших принимаю в хирд. А когда лучшие уходят из родов, кто остается?

Вот такая мотивация понятна моим собеседникам. И уважаема ими. А вот скажи я, что мне противно мучить людей, меня в лучшем случае сочли бы слабым, а в худшем – слабоумным. Потому что люди здесь только они. Остальные – дичь.

Мать и сын переглянулись. Я понял: им хочется обсудить услышанное наедине.

Что ж, я охотно предоставлю им такую возможность.

– Вечером вы здесь, – напомнила Аслауг. – И пусть Рунгерд обязательно возьмет с собой сына. Того, который... – Она запнулась.

– Теперь это мой сын, – заявил я. – Хельгу Ульфсон. Обещаю: ты его увидишь.

Ужин в резиденции теперь уже не Рагнара, а Аслауг был скромным. По местным меркам. Всего человек сто. Даже из хирда Ивара присутствовали только самые доверенные хёвдинги.

А в остальном всё как обычно. Много еды, много пива и еще больше шума.

Справа от меня сидел Вихорёк. На правах сына. Слева – Скиди. Потому что сам так сел. Женщины – отдельно. Рунгерд – рядом с Аслауг. Воркуют, словно девчонки-подружки. Вот только темы у них наверняка не девичьи. Хотя кто знает? Мой сын Хельгу перебрался на колени Аслауг и пьет из ее кубка, нахал мелкий. Надеюсь, в кубке не пиво...

– Эй, Черноголовый! Расскажи нам, как ты удрал от конунга англов!

Это кто у нас такой резкий? Лысый пузан весом, наверное, килограммов сто двадцать. Плюс несколько килограммов за счет обвеса из драгметаллов.

Ну это понятно. Чем больше на тебе золота, тем больше ты вождь. И сидит соответственно положению. На противоположной стороне стола за два места от Ивара, то есть повыше меня. Мы знакомы? Я напряг память...

Ага. Один из тех ярлов, что сопровождали Ивара в прошлом походе на Нортумбрию. Кетилауг, кажется.

Я сделал вид, что не услышал. Может, успокоится?

Не успокоился.

– Эй, ты оглох, Черноголовый?

А вот это уже невежливо.

Я отхлебнул пивка (средненькое, но сойдет), поставил, рыгнул демонстративно и снизошел:

– А ты, видно, подслеповат, раз меня с моим братом перепутал. Вот он и впрямь Черноголовый[268]. Хотя обычно друзья зовут его Медвежонком. А недруги его не зовут. Он к ним сам приходит, ха-ха! – Шутка древняя, но здесь такие любят. – А ты-то сам кто?

Надулся. Не понравилось.

– Это Кетилауг-ярл, – подсказал Скиди негромко.

– Кетилауг? – куда громче повторил я, сознательно опустив приставку «ярл», изобразил короткую задумчивость и так же громко уронил: – Нет, не слышал.

Кетилауг набрал в грудь воздуха... Но прежде, чем он разрядился, я вежливо улыбнулся и сообщил:

– Меня зовут Ульф Хвити. Ярл Ульф Хвити. – Мне определенно нравится, как это звучит. Каждый раз повторяю с удовольствием. – Но ты, Кетилауг, можешь звать меня просто: Ульф-ярл. И я не в обиде, что ты спутал меня со Свартхёвди. Мой брат – великий воин. А ты, я вижу, уже в годах. Ишь как солнце твою макушку отполировало, – я ухмыльнулся. – Неудивительно, что зрение у тебя не очень.

Шутку народ оценил. Даже Ивар усмехнуться изволил.

Цветовая насыщенность ярловой лысины достигла уровня «свежая свекла», хотя вряд ли кто-то здесь знал этот овощ[269]. По годам он был вряд ли старше меня, и оскудение шевелюры, скорее всего, было его слабым местом.

– Ты ответишь за оскорбление!

Ярл наконец-то сумел подать голос. И голос этот оказался достаточно грозным.

– Оскорбление? – Я поднял бровь. – Разве я тебя оскорбил? Разве я его оскорбил, конунг? – Я повернулся к Ивару.

Тот пожал плечами. Мол, сами разбирайтесь.

Народ оживился. Назревал поединок. Но мне он на фиг не нужен. Во всяком случае, в таком формате.

– Помири нас, конунг! – попросил я Ивара с максимальной искренностью. – Я не ведаю, чем его обидел. Может, ему тоже моя жена приглянулась, как когда-то Гримару. Помнишь, Скаммхальс?

– Еще бы! – воскликнул Гримар Скаммхальс, Короткая Шея. – Если бы мой топор не застрял в балке, я развалил бы тебя на двух маленьких волчат!

– Но он застрял, и это обошлось тебе в двадцать пять марок! – засмеялся я.

– А потом ты добыл мне драккар! – воскликнул Гримар.

Еще минута – и все забыли бы, с чего начался этот парад воспоминаний, но

Кетилауг напомнил о себе.

– Ты ответишь!

Я поглядел на него, демонстративно вздохнул и повернулся к Ивару:

– Помири нас, конунг! Немного чести такому, как я, убить старика!

– Я не старик! – взревел Кетилауг.

– Он не старик, – подтвердил Ивар. – Если на него надеть шлем, он сразу помолодеет. Но ты прав. Я не хочу потерять ни тебя, ни его. Кетилауг! Что оскорбительного было в словах Ульфа-ярла?

– Он сказал, что не слышал обо мне, Ивар! – взревел тот.

– Конунг, – холодно проговорил Ивар. – Я твой конунг, Кетилауг. Вот так меня и зови.

Ага. Проняло. Может, взгляд дракона сумеет погасить огонь под этим чайничком?[270]

– Он сказал, что не слышал обо мне, конунг. Это оскорбление.

– И что? Ты вот тоже не слышал о нем, я вижу. Хотя сагу о Волке и Медведе здесь знают многие.

Не погасил.

– Я знаю, что, когда твой отец Рагнар и его хирдманы сражались и умирали, этот... – кивок в мою сторону, – позорно сбежал!

И опять забыл добавить «конунг», что характерно. Да он храбрец, этот ярл.

– Вот как? Полагаешь, у тебя больше права на месть за моего отца, чем у меня? – осведомился Ивар.

– Два моих брата были в хирде Рагнара! – рявкнул Кетилауг, треснув кулачком по столу. – И они остались там, на земле англоv, а этот – здесь!

Я поглядел на Ивара. Тот был бесстрастен. Хорошо, тогда я сам. Тем более что теперь мне хотя бы понятна причина его недовольства.

– Уверен, что твои братья остались в Англии? – поинтересовался я.

– Уж они бы не побежали! – рявкнул Кетилауг. – Они смотрят на меня оттуда, – он поднял палец, – и удивляются: почему ты жив?

Вот как поэтично. Ладно. За эти годы я тоже кое-чему научился.

– Много храбрых и славных воинов не пережило ту ночь, – торжественно произнес я. – Из всех, кто шел за знаменем Ворона, лишь несколько драконов пенных дорог избежали сетей великанши. Я был с Рагнарoм-конунгом, когда нас выбросило на берег. Возможно, твои братья были среди тех немногих, кто потом сошелся с англичанами в железной пляске. Опиши своих братьев, и я попытаюсь вспомнить, были ли они среди нас, ведь я помню всех, с кем стоял в одном строю, когда тысячи англичан навалились на нас. – И добавил хвастливо: – Я убил многих, пока меня не завалило их трупами. Но я успел увидеть, как Рагнар-конунг четырежды прошел сквозь их ряды, словно жнец смерти, оставляя за собой груды мертвецов. И только когда он один остался на ногах, англичане сумели зажать его щитами. Так мне сказали позже, но я сам этого уже не видел. Английское копьe сбilo меня с ног, насквозь пробив тело убитого мной англичанина. И еще одного я убил, уже падая. Я не бегаяю от врагов, Кетилауг. И от тебя бегать не стану. Пусть конунг решает, надо ли мне убить тебя.

И я повернулся к Ивару.

Вот так. Теперь это уже не мое решение. И не мне отвечать за возможную смерть толстобрюхого.

Ивар улыбался.

Я был почти уверен, что Кетилауг готов был сдать назад. Но слова о том, что его братья не погибли в бою, а ушли на морское дно, сильно расстроили лысого:

– Ты лжешь, сын тюленихи!

Я, конечно, не норег. Но говорить так о моей маме ему не стоило. В зале повисла очень напряженная тишина. Стало слышно, как пируют во дворе хирдманы Ивара и Аслауг.

Я поднялся... И Ивар тут же обозначил жестом: сядь.

И я сел.

Потому что сообразил: лысый пивохлеб подставился. Он не только оскорбил меня, но и проявил неповиновение. Конунгу. В принципе, не такое уж редкое явление. Ярлы, как правило, свободны в выборе. Но не в этом случае.

– Ты оскорбил моего гостя, Кетилауг, – очень спокойно произнес Ивар. – Моего гостя за моим столом. Он вправе потребовать твоей крови... – Ивар поглядел на меня, но я уже понял его игру, потому промолчал. – Вправе. Но только после меня. И как же мне поступить с тобой? Что скажешь?

– Конунг! Прости! – жалобно воскликнул Кетилауг, сообразив, что наговорил лишку. – Я столько лет служил тебе...

Зря он так. Рагнарсоны не из тех, кому свойственна жалость.

– Ты служил себе, Кетилауг! – перебил Ивар. – Ты разбогател под моим знаменем. И ты всегда был неводержан на язык. Я прощал тебя, потому что, даже болтая глупости, ты помнил об уважении. Думаю, Ульф-ярл прав. Ты слишком стар, Кетилауг, для моих пиров. И для этих, – он постучал пальцем по кубку, – и для этих, – Ивар похлопал по рукояти меча. – Но в память о прошлом я дарю тебе жизнь. Помнится, у тебя есть одаль здесь, на Сёлунде?

– Да, конунг, – на багровом лице проступило явное облегчение. Решил, что пронесло. Вот не думаю.

– Это хорошо. Значит, без крова над головой ты не останешься.

– У меня есть мое ярлство...

– Жалованное ярлство, – поправил Ивар. – О нем позаботятся. Торбранд, ты теперь ярл.

Сидевший рядом с Кетилаугом Торбранд Железная Метка, здоровяк, не уступающий весом Гримару, но посимпатичнее и повыше ростом, типичный скандинавский красавец, которого совсем не портила эта самая метка, след от пробороздившего лицо боевого железа, молча наклонил голову. Ни радости, ни слов благодарности. Умен, понимает, что сейчас не время.

– Но... – начал Кетилауг.

– Я не закончил! – оборвал его Рагнарсон. – Остается обида, которую ты нанес моему ярлу. И за эту обиду ты ему заплатишь. Пять марок...

Немного, но меня устроит. Главное – сам факт денежного извинения.

– Пять марок... Золотом.

Ух ты. Резко.

– ...Золотом, прямо сейчас. Гримар, Торбранд! Помогите ему расплатиться!

Два громилы поняли приказ правильно.

Гримар выбрался из-за стола, взял толстяка за загривок, сказал что-то на ухо. Вероятно, советовал не сопротивляться. Да и как бы он это сделал, если все оружие пирующих – в стойке у стены. Мечи только у Ивара, Аслауг и чет-

верых хольдов, которые не едят, а бдят.

В четыре руки Гримар и Торбранд освободили бывшего ярла от всех золотых цацек и сложили кучкой передо мной.

Я приложил кулак к груди и поклонился. Тут, как мне кажется, больше пяти марок, но даже будь здесь впятеро меньше, я бы все равно выразил удовлетворение.

Кивок одному из хольдов. Кетилауга вывели из зала. Конец представления.

Это ведь было именно представление. Наказание неповиновения и поощрение повинующегося. В одно действие. Причем за чужой (Кетилауга) счет. И все ярлы, хёвдинги и прочие старшие командиры, я уверен, сделали правильные выводы. И, что характерно, никто не умер. Хотя я не уверен, что Кетилауг не предпочел бы славную смерть в поединке подобному унижению.

– Справедливо.

Это сказала Аслауг.

– Ивар! Конунг! – рявкнул новоиспеченный ярл Торбранд. – Слава!

И все дружно заревели.

Хотя я не сомневался: Иваровой «справедливости» они предпочли бы добрую драку.

Пожалуй, и я бы ее предпочел, если бы знал, чем обернется моя ссора с Кетилаугом. Вызвал бы и убил, несмотря на недовольство Ивара.

Но в тот момент я не вспомнил о мстительности викингов, потому что думал совсем о другом: кому достанутся Кетилауговые хирдманы?

Они достались не мне. Перешли под руку Торбранда вместе с ярлством и тремя драккарами. Теперь под рукой Торбранда было пять кораблей. О чем он мне и сообщил, когда устроил пир для высшего Иварова командования. Ивар на пир не пришел. Но это никого не расстроило, кроме устроителя. Да и Торбранд, похоже, переживал только из-за престижа мероприятия.

На этом пиру он сделал мне подарок. Живой.

– Слышал, ты любишь мастеров, – сказал он. – У меня есть один такой. Красильщик. Дарю! И не вздумай отдариваться! – тут же предупредил Торбранд. – Это я отдариваюсь. Ты уже поделился со мной удачей!

Мастер-красильщик оказался византийцем. Рабом, разумеется. Торбранд его не то чтобы в черном теле держал, но развернуться не давал. Так, по мелочи. Цвет портков освежить или платок покрасить в кадушке.

Византиец же был именно мастером. До того, как угодить в рабство, он собственной мастерской рулил.

Вот пусть и рулит дальше. Только уже моей мастерской. Мои жены любят яркие вещи.

Часть вторая. Великий поход язычников

Глава первая. Шалости Северного моря

Великая флотилия мчалась к цели со скоростью добрых четырнадцати узлов. Попутный ветер, подобный тому, что несколько лет назад вынес нас к Генуэзскому заливу, вздул паруса и погнал через Северное море прямо к цели. В свое время я восхищался ловкостью кормчего, ухитрявшегося маневрировать на короткой злой волне, уводя драккар от сокрушительных ударов. Теперь у рулевого весла стоял я сам и понимал, что это не так уж трудно. Главное – приноровиться. «Клык Фреки» вел себя идеально. Он ввинчивался в волну, проходил сквозь нее, взмывал над ней. Я чувствовал, как бурлит вода, упираясь в «скулы» драккара, выталкивая его и не давая зарыться во вздувшийся водяной холм. Я сам стал драккаром и я летел. Мы все летели. Весла втянули внутрь. В них не было нужды. Ветер был нашим другом. Мы неслись к цели быстрее серо-черных клубящихся туч. Сотни морских драконов с разноцветными крыльями. Я не видел всех. Лишь несколько десятков в прямой видимости. Ближе всех «Северный Змей», которым правил Медвежонок. Брат справлялся ничуть не хуже меня. А может, и лучше, потому что «Змей» был меньше и маневреннее. А еще он был быстрее и давно обогнал бы «Клыка», если бы Медвежонок время от времени не менял галсы.

Впереди и немного правее взрезал волну флагман Ивара. Его желто-красный парус был моим ориентиром. Хотелось верить, что конунг знает, куда плывет.

– Ярл! – ловко перебирая ногами, к задней «раковине» доскакал Скиди. – Иди поешь, я подержу!

А ведь верно. Я так увлекся игрой с морем, что забыл о времени. И судя по тому, что я порядком проголодался, времени прошло изрядно. Сколько нас вот так несет? Часов пять?

– Держи! – крикнул я, и Скиди радостно вцепился в румпель. Я видел, как ему хотелось «порулить». Почему бы и нет? Опыт у Скиди есть, и чуйка природного викинга тоже.

Но поесть я не успел. Едва сунул в рот кусок солонины, как раздался предупреждающий крик Оспака. Хольд узнал опасную черноту на горизонте и опоздал буквально на пару минут.

– Парус! – взревел я. – Парус долой!

И первым бросился спускать парус. Но не успели мы опустить рей и наполовину, как налетевший шквал едва не унес и парус, и нас. Лично меня поймал Бури, одной рукой ухватившийся за скамью, а другой вцепившийся в мой пояс. Бури могуч. Удержал и себя, и меня, и даже парус. Конечно, не он один. На канатах повисли человек тридцать.

Но радоваться спасению было некогда.

– Крепи шатром! – заорал я, срывая голос.

Наверняка сейчас хлынет.

Второй удар ветра был уже не таким сокрушительным. Правда, он развернул «Клыка» боком к волне, и мы едва не черпнули бортом.

Я бросился к корме. Там сейчас мое место. Ну как бросился. Протиснулся

между людьми и скамьями, вынырнул из-под уже повисшего над головой тяжеленного шерстяного полотна и оказался рядом со Скиди, который с немалым трудом удерживал рвущийся из рук румпель. Я встал рядом, ухватился за планку и понял, что со своего места из-за паруса ни черта не вижу. Банально не хватало роста. А вот Скиди видел, так что мне пришлось ему довериться. И не зря. Корабль тут же перестал рыскать. Парус наконец натянули между бортов, мы со Скиди вновь поменялись местами, я успел увести драккар от вскипающего гребня... Что не помешало «Клык» ухнуть минимум с трехметровой высоты. Волнение определенно увеличивалось. Ровный напор ветра сменился резкими порывами, в перерывах между которыми драккар становился почти неуправляемым. Плохо, что мы не успели уложить мачту.

– Весла в воду! – надрываясь, закричал я.

Со второго раза меня услышали.

Уже через минуту из-под парусного тента раздалось ритмичное басовитое пение, и «Клык Фреки» перестал быть безвольной игрушкой стихий.

Грести в шторм – это надо уметь. Надо чувствовать, когда лопасть упирается в воду, а когда крен или волна заставляют весло вращаться впустую. Но если кормчий хорош, то таких холостых гребков будет не так уж много. Нельзя сказать, что я так уж хорош, но корабль чувствую. И море тоже. Так что когда надо – уведу, когда надо – доверну и избегну лишнего крена. Корабль словно уподобляется копьё и становится продолжением руки. Что-то похожее я ощущал, когда в той жизни входил на своей «импрезе» в крутой поворот на любительских ралли в окружении других машин. Когда занос выверен настолько, чтобы обойти лидера, едва не зацепив. Но все же не зацепив и скомпенсировав только тогда, когда и он за тебя точно не зацепится.

Ты предугадываешь, чувствуешь внезапные удары ветра, большой или меньший вал так же, как там – действия других гонщиков. И успеваешь отреагировать вовремя. Мне тогда говорили, что у меня дар и, вложись я в это дело, мог бы стать крепким профи. Но я уже был профи в собственном деле и вдобавок понимал, что гонка – это не поединок. Слишком велик неконтролируемый риск, а постоянно ставить на кон собственную жизнь я не планировал. В том времени.

Драккар обрел ход, и мне уже не нужен был помощник, чтобы удерживать руль, так что я отправил Скиди вычерпывать воду.

Из-за дождя видимость была так себе. Зато когда мы поднимались на гребень, обзор увеличивался, и я мог убедиться, что норманнский флот – в порядке. Те корабли, которые я видел, вполне успешно боролись со штормом, и наш «Северный Змей» тоже.

Да, вполне успешно. Тем не менее я мог лишь предполагать, куда нас унесут разбушевавшиеся стихии.

В очередной раз подумалось: кто-то там, наверху, всерьез заботится о безопасности Нортумбрии.

Хотя, может, это море здесь такое. Суровое.

Впрочем, уже сейчас я мог сделать уверенный прогноз: в устье реки, которая в прошлом походе привела нас напрямик к Йорвику, нынче нам попасть не удастся. Оставалось надеяться, что кормчие Ивара сумеют определить направление. И нас не выкинет куда-нибудь на скалы.

Нас не выкинуло. Шторм закончился к ночи. Море, само собой, не успокои-

лось. Не так быстро. Но по крайней мере плюхи из смеси морской и дождевой воды больше не лупили по глазам.

Парус вернули на прежнее место, но ставить его мы не спешили. На кораблях Ивара мачты тоже оставались голыми. Надо полагать, там сначала хотели определиться с направлением.

Зато ветер выровнялся, оставшись по-прежнему крепким, так что гребцы получили отдых. Вернее, возможность сменить род деятельности: черпать воду из нашего маленького трюма. Его залило полностью. Вода стояла на пару сантиметров выше палубной решетки.

– Отдохни, ярл, я справлюсь с рулем.

Вифиль Прощай.

Он прав. Я продержал румпель... да Бог знает сколько часов. Впал во что-то вроде транса, по-моему. Пальцы так заоченели, что еле шевелились. Я и сам еле шевелился.

– Дай-ка мы тебе поможем, ярл, – Бури и Вихорёк подхватили меня под руки и уложили на рум.

Я хотел сказать, что мне сначала надо снять промокшую одежду. Но не сказал. Потому что отрубился.

Глава вторая. Восточная Англия и борцы за независимость

Мы промахнулись. Вместо берегов Нортумбрии нас вынесло намного южнее. К берегам Восточной Англии.

Тем не менее никто не сомневался: боги благоволят великому походу. Ведь ветер не только принес нас к английским берегам втрое быстрее, чем ожидалось, но практически без потерь. Ни один из кораблей Рагнарсонов и их непосредственных союзников не потерялся. Да и у других потерь почти не было. Сначала, правда, не досчитались почти сотни кораблей, но потом большая часть их подтянулась, а меньшую никто ждать не собирался.

Весть о том, что готовится великий поход на землю англов, была отправлена еще осенью по всем землям Северного Пути. Так что присоединиться к походу могли не только даны, но вообще все желающие. Они и присоединились. Последними подошли одиннадцать кораблей вестфолдингских ярлов. Одним из ярлов-норегов был мой старый знакомец Бринхиль из Феррил-фьорда, которому я был обязан заветным паролем «десять марок», давшим мне власть над Гримаром Короткошеим. Впрочем, особой дружбы между нами не было. Я не разграбил его дом, а он отпустил нас без драки. И даже подарок сделал. Мы в расчете. Но не более.

Надо отметить, все эти конунги и ярлы, примкнувшие к нам формально ради мести, а фактически – предвкушая невероятную добычу, нужны были Рагнарсонам исключительно для массовой. И массовка получилась изрядная. Настолько внушительная, что король Восточной Англии Эдмунд даже не пытался драться. Сразу объявил, что мы его уважаемые гости.

К моему удивлению, братья Рагнарсоны не возражали. Охотно приняли и подарки, которые сильно смахивали на дань, и заверения в дружбе.

Я присутствовал на этой встрече, которая больше походила на капитуляцию, чем на переговоры. Единственное условие, которое выставил король, – позволить английским монахам проповедовать Слово Божие среди язычников. За эту уступку Эдмунд вручил Рагнарсонам три сундука с ценностями, а также обязался обеспечить «дружественную» армию всем необходимым.

Основы новой политики данов, а заодно и разницу между набегом и великим походом мне разъяснил Ивар в личной беседе. Я-то, наивный, думал, что разница эта лишь в масштабе грабежа, а не нет.

– В прошлый раз мы приходили, чтобы взять их богатства. А сейчас мы пришли, чтобы взять их землю. А зачем нам земля без землепашцев?

Теперь понятно, почему викинги отказались от обычной тактики «убивай, грабь, жги».

А вот позиция короля была для меня не так очевидна. Неужели он не понимает, что стал марионеткой языческих конунгов?

Оказалось, прекрасно понимает. И действует совершенно осознанно. Но с абсолютно другой позиции. То, что кровавые норманны не режут людей и не жгут монастыри, он рассматривал как победу... Господа. Эдмунд был уверен, что Бог обуздал кровавых дьяволов и теперь монахам-проповедникам осталось склонить их к истинной вере, и с проклятием норманнов будет покончено. Благодаря его, Эдмунда, вере.

Я не стал его разочаровывать, объясняя, что бродящих по обширному норманнскому лагерю и бормочущих что-то на непонятном языке «ворон» никто не воспринимает всерьез и не трогают их только потому, что таков строгий приказ братьев Рагнарсонов. А почему такой приказ отдан, догадаться нетрудно. Ивар умен. Он и без моих подсказок сообразил: если все здешние королевства объединятся, то «великой армии Севера» придется туго. А значит, объединиться англичане не должны. А для этого надо перевести «проклятых норманнов» из разряда «слуг сатаны», коих следует бить всякому правильному христианину, в разряд справедливых мстителей.

«Мы не те викинги, которые приходили сюда прежде, – втирал Эдмунду Бескостный. – Это не вик. Это великий поход. Не ради наживы, а ради великой мести. Мы пришли за королем Эллой. Покажите, что вы друзья, и мы вас не тронем. Ни тебя, ни других королей, если те не выкажут враждебности. Сообщите это всем, чтобы не пролилось лишней крови».

Поверить в это мог только тот, кто совсем не знает северян... Или тот, кто всей душой хочет верить в то, что волки стали веганами. Тем не менее мирная политика уже начала приносить плоды. И материальные – в виде коней, провианта и прочих полезных вещей, и политические. Например, в виде потенциальных союзников.

В наш лагерь прибыли послы из Кента. Юты. Со слезной мольбой избавить их от владычества нехорошего уэссекского короля Этельреда.

Впрягаться за них Бескостный не собирался. Но терять поддержку местной оппозиции тоже не хотел. И тогда наш славный конунг Ивар призвал меня. Чтобы я помог ему усидеть на двух стульях.

– Я знаю, тебе нравятся здешние юты, – сказал Бескостный. – А еще знаю, что ты не любишь долго сидеть на одном месте. Помнится, во время нашей осады Йорвика ты так заскучал, что не побоялся пройти на одном маленьком корабле там, где не всякий рискнул бы и на десяти. А теперь в твоём распоряжении целых три корабля, – Бескостный улыбался, как улыбается мышке кошка, только что прикрывшая лапой спасительную норку. – И еще я тот, кто знает, как помочь тебе победить скуку.

Вот как? И как же?

– Я помогу тебе изгнать скуку, а ты поможешь нашим друзьям ютам ото-

мстить за их обиды.

– У меня только два корабля, – возразил я. – Третий остался на Сёлунде.

Нет, я не против размяться. Но по сравнению с королем Уэссекса Элла Нортумбрийский – так себе королек. А Бургред Мерсийский, я слышал, вообще ему клятву верности принес. И мне, с моими двумя кораблями, предлагается возглавить восстание?

– Три корабля. – Кошка убрала лапу и уселась на норку всей задницей. – Гримар Короткая Шея пойдет с тобой. Вы же с ним ладите, верно?

Ладим, да. Но с тремя кораблями против целого королевства...

Черт. А ведь мне не отказаться. Если Ивар решит, что я трусил, мой рейтинг рухнет на уровень палубы. Да что там палуба, он дно пробьет.

Ладно, решаем проблемы в порядке возникновения.

– Я старший! – буркнул я. – И это не обсуждается.

– Несомненно, – легко согласился конунг. – Я понимаю, что Винчестер тебе не взять. Твоя задача – показать конунгу Этельреду, насколько мы хороши, и отбить у него охоту помешать нашей мести.

– Ну наконец-то! – радостно взревел Медвежонок, услышав о поставленной Бескостным задаче. – Я уже распух от здешнего кислого эля, а мой толстячок усох от похотливых английских баб! Пойду скажу нашим, чтобы готовили драккары. Ха! Мы идем в вик!

Ага. В вик. Интересно, а до этого мы где были? На оздоровительной прогулке?

Впрочем, вся моя команда, включая новобранцев-кирьялов, тоже пришла в восторг. Особенно новобранцы. Они пришли сражаться, а не с кем. Мы идем убивать! Какой восторг!

– Спокойней, вождь, – похлопал меня по плечу Бури. – Они немало пота пролили ради воинского умения. Хотят понять, что не зря надрывались.

Я поглядел на невозмутимую рожу моего азиата.

– Бочка пота вместо кружки крови – отличный размен, – буркнул я.

А то я не знал мотивации моих бойцов. А тут еще Медвежонок, для которого любое рубилово – пик наслаждения. А ведь именно он их и натаскивал.

А как по мне, то лучше бы до рубки вообще не дошло.

– Твои стрелки – наша главная сила, – напомнил я Бури.

– Твои стрелки, – поправил меня этот степной философ. И с намеком: – Мы все твои, вождь. Как пальцы на руках.

Ага. Моя задача – не дать их отрубить.

– Пойдем, – сказал я. – Надо с кентийцами пообщаться. Пара толковых проводников нам не помешает.

Борцов за свободу Кента мне представил Хвитсерк, в доме которого эти борцы как раз наливались восточноанглийским элем.

Главным среди них был некто Свефберт, невысокий крепыш с сединой в бороде и красным носом алкаша-любителя.

Во время нашего знакомства этот элехлеб первым делом заявил, что является не кем-нибудь, а принцем из истинной династии кентийских королей. И тут же взялся командовать. По его плану мы должны были как можно быстрее добраться до Кентербери и укокошить обосновавшегося там Этельредова родича.

Прекрасный план, чтобы радикально поссорить викингов с Этельредом.

Также сей красноносый принц в изгнании заранее строго предупредил: грабить в столице Кента нам не дозволяется. Потому что все кентийское, приватизированное Уэссексом, должно вернуться Кенту. В частности, ему, Свефберту.

Склонен думать, что, не плещись в животе борца за свободу столько эля, он не был бы столь решителен.

Я вопросительно взглянул на Рагнарсона. Хвитсерк ухмылялся. Во-первых, он знал, что я не идиот. Во-вторых, отлично понимал, что ни один из скандинавских лидеров не переступит через правило «что в бою взято, то свято».

Видимо, я его огорчил, когда не стал спорить с «принцем», а сказал, что мне нужна пара толковых ребят, знающих местность.

– Я сам с вами пойду! – решительно заявил Свефберт. И даже сделал попытку встать. Неудачную.

А я опять не стал спорить. Просто сказал, что хочу получить проводников сейчас, чтобы обсудить с ними маршрут.

– Тейт, Гарди! Идите с ним! – «Принц» ткнул пальцем в двух молодцов, обосновавшихся в нижней части стола и тоже порядком насосавшихся дареного эля.

– Дренги, помогите им, – велел я прихваченным с собой кирьялам, выпил за рост славы сыновей Рагнара в целом и Хвитсерка в частности и удалился, провожаемый воплем Свефберта, что выход в море не позже послезавтра.

– Так и будет, – пообещал я. – Не позже.

Судя по тому, какую активную деятельность развили мои хольды, к походу я буду готов к завтрашнему утру.

– Я знаю, что тебе надо, ярл.

Один из Гримаровых хускарлов и отчасти мой тезка Бёдульв Злой. Злым его прозвали за покореженную шрамом губу, из-за которой лицо викинга навсегда приобрело свирепый оскал. Впрочем, добряком я бы его в любом случае не назвал.

– Говори, – разрешил я.

– Немного выше речного разлива есть остров, – сообщил хускарл и умолк.

– Ну?

– Большой остров. Я там был.

– Хватит свинью щупать! – нетерпеливо рявкнул Свартхёвди. – Давай уже режь!

– Я ходил туда с отцом, когда тот был хольдом у Оттара-ярла из Эйса... – Хускарл собрался вновь замолчать, но глянул на Медвежонка и выдал следующую фразу: – Там монастырь есть.

– Вы его брали? – уточнил Гримар.

– Не-а. Не получилось. Они заперлись. Ярл сказал: стены тут крепкие, только зря кровь лить, пойдём дальше. Ну мы и пошли.

Да, не оратор мой полутезка. Но информация полезная.

Когда я заявил, что к Кентербери мы не пойдём, народ воспринял это положительно. Кроме наших проводников-кентийцев, у которых имелся наказ начальства. Но эти только вякнули разок и больше не рискнули. Пусть они тоже северной крови, но не берсерки.

Второе мое объявление: если кто-то знает здешние края и, в частности, места, где можно пожить без особых потерь, то пусть не стесняются, расска-

зывают.

Признаться, я рассчитывал на моих англичан, но оказалось, что все трое заходили в Темзу один раз. Вчера. Вместе со мной.

Да, я решил пройтись по главной английской реке. Я знал, что драккары по ней пройдут, и пройдут, при желании, до самого Лондона, именуемого здесь Лундевиком, если я правильно помню, располагавшегося на северном, мерсийском берегу Темзы.

Берега Темзы изобилуют селениями. Я бы даже сказал, почти не пуганными селениями.

Но я сразу сказал своим: грабить крестьян мы не будем. Мы пришли не за глиняными горшками, а за настоящими ценностями. Золото, серебро, драгоценные камни, качественное оружие и такие же качественные ткани. Поэтому рейды по сельской местности и выжимание десятка серебряных монет у какого-нибудь деревенского рива в конопляных портках – не предлагать.

Монастыри, торговые города, резиденции олдерменов и их родичей. Вот что нам нужно.

Думайте, вспоминайте и поторопитесь, потому что уэссекцы не слепые. И вести о нашем визите быстро расползутся по округе.

И вот наконец первое осмысленное предложение. Причем от бойца, который, как я доселе полагал, использовал голову исключительно для ношения шлема.

Остров, значит. В самой дельте. С монастырем.

Я напряг память. Дельту я вроде помнил. Остров тоже. Причем не один. А вот монастырь...

Нет, надо уточнить. До устья от нашего лагеря – часа три хода на веслах.

– Брат...

Медвежонок понял с полуслова:

– Стурла, Хрондю! Англов сюда!

Стурла Подкидыш и Хрондю Мачта – прикольная пара. Подкидыш – приземистый, плечистый, Хрондю – высокий, тощий, длиннорукий, как богомол. Оба – наши сёлундские даны, едва-едва вышедшие из подросткового возраста. Однако оба успели уже годик повоевать. Главным образом на землях будущей Руси. Естественно, оба уже считают себя матерыми хирдманами, покорителями трех морей. Впрочем, с дисциплиной у парней всё в порядке. Получив команду, тут же сорвались с места и через минуту едва ли не пинками пригнали наших проводников.

Те нехотя подтвердили. Да, есть монастырь. А нам-то какое дело? Нам же вроде надо Этельреду хвост подпалить?

Даже и не поймешь, храбрость это или тупость. Или хитрож... умение?

– Были там?

Молчат.

Я остановил Медвежонка, собравшегося учинить им интенсивную терапию по восстановлению памяти.

– Тейт, Гарди, вы хотите умереть за Уэссекс? – спросил я по-английски.

Удивились. Одновременно покачали головами.

– Вы знаете, что там есть монастырь. – Я не спрашивал, утверждал. Но по глазам понял: не ошибаюсь. – И теперь второй вопрос: вы хотите, чтобы мы, язычники, убили там всех?

Опять дружное качание голов. Но потом Тейт все же решился подать голос:

– Вы всегда всех убиваете.

– Парень, ты ведь ют? – спросил я.

– Я кентербериец! – Этак с гордостью.

– Допустим. И как ты относишься к своему архиепископу?

Молчание.

Как я и предполагал. Епископ у них пришлый, ставленник в лучшем случае Рима, а в худшем – короля Этельреда. Скорее всего, даже его родственник.

– Что ты с ним болтаешь? – проворчал Медвежонок. – Давай уже убьем их и пойдем к тому монастырю.

Кентийцы напряглись. Понимали, что берсерку их прикончить легче, чем прихлопнуть муху. Муха ведь и улететь может, а они – вряд ли.

– Мне последовать совету брата или вы нам поможете? – спросил я. – Если поможете, то я сделаю все возможное, чтобы убереечь жителей острова от гнева норманнов. У вас есть там кто-то?

– Брат, – признался Тейт.

– Помогите нам, и спасешь своего брата. Его не тронут, обещаю. Давай уже, выкладывай. Стены у монастыря имеются?

Стены были. И охрана. И довольно большое село вокруг. Хотя жили в нем только рабы. Весь остров был – монастырский. И не только остров. Добрый папа нынешнего короля Этельреда лет пятнадцать назад пожертвовал монастырю пару деревенок, когда сей оплот духовности разграбили викинги. Компенсировал моральный ущерб, так сказать.

Мои хольды переглянулись. Дурная весть. Если обитель уже разграбили, то зачем она нам нужна?

Однако, поднатужившись, наш недобровольный информатор вспомнил, что главные церковные ценности король Этельвульф им все же вернул. Когда разгромил норманнское войско.

Я заинтересовался: какие именно это были норманны?

Тейт не знал. Для него мы все были «на одно лицо».

– Как действуем? – спросил меня Медвежонок.

Подраться он всегда не против, но, как истинный викинг, драться бесплатно не любил.

– Рискнем, – решил я.

Ивар поручил нам показать зубки королю Уэссекса. Но с нашим невеликим отрядом я даже на полста километров вверх по Темзе подниматься не хочу, не говоря уже о глубоких рейдах по суше.

Так что этот остров – идеальное решение.

– Нобиль, могу я задать вопрос?

– Разумеется, мой друг.

Если отец Бернар заговорил на латыни, значит, что-то важное.

– Зачем ты это делаешь?

– Что именно?

– Вот это, – отец Бернар показал на сбившихся в кучку святых отцов, с бесильной яростью наблюдавших за погрузкой монастырского имущества.

– Полагаешь, что им, – кивок на святош, очень похожих сейчас на стаю побитых жизнью ворон, – больше подходит пить из серебряных чаш, чем нам?

– Я не об этом, – отмахнулся бывший шевалье. – Зачем ты – с ними?

Теперь я понял, что он имеет в виду.

– Я должен Ивару.

– Помню о твоём долге языческому риксу. – Отец Бернар сделал пару шагов, оказавшись совсем рядом. Черт, не люблю говорить с людьми, задирая голову. Но отойти – показать слабость.

– Ты тоже ему должен, – напомнил я. – Это его люди вытащили тебя из клетки в Оденсе.

– Я должен только Богу. – Отец Бернар почувствовал мое желание отодвинуться и сделал шаг назад. – И ты тоже. Бог привел к тебе Ивара.

– В таком случае почему бы не сказать, что Бог привел к Ивару меня?

– Вот об этом я и спрашиваю, – удовлетворенно произнес отец Бернар. – Какой бог привел тебя к риксу Ивару?

– Разве Бог не один? – парировал я.

– Бог един[271], – уточнил отец Бернар. – Но принял ли ты Его, я не знаю.

Я пожал плечами:

– Когда я предложил тебя крестить, ты отказался.

– Тогда мне показалось, что ты... – тут он замялся.

– ...Уже крещен? – подсказал я.

Отец Бернар удивленно посмотрел на меня:

– Как ты узнал?

– Догадался.

– И что же?

– Не знаю, – я вновь пожал плечами. – Если и так, то я этого не помню. Бури говорит: у меня особый дар оттуда, – я показал на небо.

– Бури мудр.

Неожиданно.

Я бросил взгляд на пристань. Погрузка заканчивалась. Пора убираться отсюда.

– Не юли! – потребовал я. – Говори прямо.

– Ивар – это не твое, – отец Бернар сжал в кулаке висевший на груди крест. – Уходи от него, как только сможешь.

– Даже если он предложит мне стать его здешним вассалом? – осведомился я. – Если я стану графом, сделаю тебя аббатом. Хочешь?

Отец Бернар засмеялся:

– Если бы я хотел стать аббатом, я бы им уже был. Я тот, кто я есть. А вот кто ты, нобиль?

Я тоже засмеялся. «Я и сам толком не знаю». Вот это был бы честный ответ. Так же как и то, что английским эрлом я становиться не собирался.

– Сейчас меня зовут ярл Ульф Хвити, – сказал я на языке викингов. – А что будет дальше... Поглядим, куда меня заведет мой Бог.

– *Ducunt volentem fata, nolentem trahunt*[272], – пробормотал отец Бернар.

Угу. Попала собака в колесо – пищи да беги.

Только я пищать не буду. Пусть враги мои пищат.

– Гримар! – крикнул я. – Этого храбреца, – я указал на настоятеля, – мы берем с собой. Остальных ворон раздеть и привязать к деревьям.

– О! – обрадовался Короткая Шея. – Ярл согласен немного повеселиться!

– Не я. И не ты. Они, – я показал на толпу перепуганных монастырских рабов.

– Ты жесток! – ухмыльнулся Гримар. – Я бы, пожалуй, задержался немного. Поглядел, как тощие мышki кушают жирных крыс.

– Обойдешься! – отрезал я. – Мы сделали дело, и мы уходим.

– Они не посмеют, – сказал отец Бернар. – Отвяжут монахов, как только мы отчалим. Это не мужчины, это сервы.

Он оказался прав. Касательно сервов. Но насчет судьбы монахов он все-таки ошибся. Не учел, что у сервов есть жены. И что женщины куда мстительнее мужчин.

Дамы даже нашего отбытия дожидаться не стали. Я их понимал. Нелегка участь простого английского землепашца. Но жизнь женщин в «милосердном» христианском Средневековье – ужас ужасный. Потому и не выйдет из меня английского графа. Не впишусь я в это «высокоморальное» общество.

– Твоя доля, конунг! – Я кивнул, и хирдманы грохнули наземь сундучок.

Я торжественно откинул крышку. Посуда. Не самая дорогая из той, что мы взяли, но достойная. Серебряная и вся – внушительных объемов. Так экономнее. Один большой кубок весит вдвое меньше, чем три – аналогичного объема.

Кивок Ивара, и сундучок уволокли.

– Лундевик. Вы дошли до него? – спросил Бьёрн.

– Я не Тор, чтобы в одиночку разгонять войска йотунов, – усмехнулся я. – Даже с сотней-другой хирдманов за спиной. И вообще: если я, ярл, буду делать работу конунгов, зачем тогда нужны конунги?

– Он не Тор, он точно из детей Локи, – сказал Хвитсерк Рагнарсон.

– Я тоже так думал, – сказал Ивар. – Но сам видишь: он чернявый, а не рыжий.

– Черный, которого зовут Белым. Это очень похоже на Локи. Да и что стоит поменять цвет волос тому, кто может превратиться в кобылу!

– Эй! – возмутился я. – Я не умею превращаться в кобылу! Я даже в жеребца превращаться не умею... Хотя иногда был бы не прочь.

Братья заухмылялись. Да, теперь у меня есть право шутить с сыновьями Рагнара. Правда, осторожно. И когда с нами нет Сигурда. Змееглазый любит только собственные шутки, да защитят меня скандинавские боги от его юмора.

Но сейчас Сигурд приводит к покорности какое-то графство на юго-востоке Восточной Англии, а его братья пьют английский эль в тронном зале королевского дворца, а где в это время находится сам король Восточной Англии Эдмунд, я понятия не имею. Но он точно жив. Мы же «друзья».

– Может, у тебя есть еще какое-нибудь дело, конунг? – спросил я. – Еще немного битвы и чуток серебра нам не помешало бы.

– Скоро у нас у всех будет вдоволь и битв, и серебра! – заверил меня Ивар. – Подожди, недолго осталось.

Глава третья. Будни викингов

— **С**строй! – взревел Медвежонок, и семь с половиной десятков хирдманов Гримара, коренных скандинавов и настоящих викингов, с грохотом сомкнули щиты.

– Стена! – рыкнул мой братец.

Снова грохот. Первая шеренга бойцов рухнула на колени, а вторая, подняв щиты, прикрыла их и себя сверху.

– Вторая вниз! – рявкнул Медвежонок.

Этой команды в традиционном «уставе» викингов не было. Ее ввел я. Для обеспечения взаимодействия тяжелой скандинавской пехоты и моих лучников.

Команд стрелковых у меня две.

В первой четыре десятка дренгов-кирьялов, которыми командовали братья-весеяне Комар с Лосенком, еще один весеянин Сорока и лучший из кирьялов Меткий. Старший над ними всеми – варяг из молодых Тулб Огонек, которого я перевел в стрелки из бойцов-универсалов.

Вторая стрелковая группа была поменьше. В ней собралась варяжская молодежь. Численно они вчетверо уступали кирьялам, но если бы им пришлось с кирьялами сойтись, я бы поставил на варяжат. Причем именно в стрельбе, поскольку в рукопашной превосходство и так было очевидно: пятеро варяжат влегкую уделали бы всех кильялов. Впрочем, этот вопрос уже решался. Кое-какие навыки строевого боя бывшие лесовики уже наработали. Где-то на уровне ополченцев. Со временем их можно натаскать до уровня плохоньких дренгов. Выше не надо. Использовать кирьялов в стене щитов я не собирался, так что пусть лучше уровень стрелковой подготовки повышают.

А вот варяжата в строю работали неплохо. Я бы сказал, даже лучше, чем с луками. Исключением был только мой сын, который считался их командиром. В мастерстве дистанционного боя Виги-Вихорёк с запасом обгонял всех, кроме своего наставника и командира всей стрелковой команды Бури.

Но Бури – это отдельная тема. Даже я понятия не имел, что он может. Равно как и о том, почему он со мной. Надо полагать, это было одним из проявлений моей везухи.

– Вторая вниз! – рявкнул Медвежонок.

Вторая шеренга четко отшагнула назад и присела, прикрыв головы щитами, а мои лучники дружно произвели три залпа, истыкав стрелами мешки с сеном на противоположной стороне луга. Дистанция была невелика: метров пятьдесят, так что промахов не было.

Не скажу, что такая тактика была идеальной. Я бы предпочел, чтобы парни стреляли из-за стены щитов. Но иначе не получилась. Здоровяки-даны были минимум на полголовы выше моих кирьялов.

– Бегом! – скомандовал Медвежонок, и хирдманы, вскочив, с ревом устремились вперед. А мои лучники разбежались в стороны. Их задача – поддерживать атакующих фланговой стрельбой. Если получится.

Ну да, от идеала далеко, но в целом – более-менее.

В настоящем бою опробовать пока не удавалось, но в учебе выходило неплохо.

Впрочем, это был только один из элементов. В обучение входила отработка провокационной атаки стрелков, когда те, забросав противника стрелами, ныряли под защиту пехоты. Со своими я это проделывал уже сотни раз, но Гримаровым еще предстояло научиться быстро размыкать шеренги, пропуская беглецов, а потом так же быстро восстанавливать строй. Отмечу, что такая эволюция – непростое дело. Перестроиться из традиционного строя в атакующий клин проще.

Однако Гримаровы бородачи были бойцами опытными. Соседей чувствовали идеально и схватывали всё на лету. Они могли сколько угодно тупить в

обычных условиях, но когда дело доходило до воинских умений, то действовали не столько головой, сколько тушкой. А тушки у них были заточены на войну многими поколениями кровожадных предков. Так что срабатывались мы неплохо. Правда, лично для меня места в общем строю не оказалось. Место ярла – на острие клина, а я для этого мелковат. Так что левым флангом рулил Гримар, правым – Свартхёвди, а при таранной атаке эти двое смыкались на острие клина и либо бились плечом к плечу, либо Медвежонок включал берсерка, отрывался и рвал вражеский строй, а потом и хирд входил за ним следом, вспарывая шеренги противника.

Пока получалось только в теории, но мне эта теория нравилась. И остальным – тоже.

Даже Ивар, понаблюдав часок за нашими упражнениями, их одобрил. Правда, изволил усомниться в эффективности, если нас будет атаковать вражеская конница. Мол, привычный подход, со швырковыми копьями и двухшереножным строем, надежнее. Мол, разогнавшуюся кавалерию стрелами не остановить.

И тут я его уел. Выделил десяток стрелков с Бури во главе и продемонстрировал, как бронебойные наконечники прошивают насквозь сантиметровой толщины бронзовую пластину. На дистанции сто метров.

Ивар впечатлился. И глубоко задумался. Хотя я бы на его месте не напрягался. Тяжелой пехоте в правильном строю массиванный обстрел из сильных луков не особо опасен.

А потом наши конунги внезапно расщедрились и объявили трехдневные выходные. Никаких плановых учений, никакой службы, кроме караульной. Личному составу наслаждаться жизнью и ждать особых распоряжений.

Что ж, наслаждаться так наслаждаться, решил я. И наслаждался. По большей части в постели одной благородной английской леди, любовницы короля Эдмунда. Бывшей любовницы. Нет, дама была в самом расцвете, вот только пост и молитва, коим король Восточной Англии активно предавался, способствуют не восстанию плоти, а умерщвлению оной. Так что в последние пару лет леди была не столько любовницей, сколько наперсницей своего монарха.

Но знали об этом только король, леди и я, рискнувший куртуазно подкатить к даме на одной из совместных пирушек. В общем, я подарил леди брошку, посетовал на одиночество... И получил доступ не только к сокровенным прелестям англичанки, но и к сокровенным тайнствам короля Эдмунда.

Впрочем, ничего важного я не узнал. Коварных планов по отношению к нам король не вынашивал. Ну, если не считать мечтаний о том, как мы отсюда свалим и впоследствии сгинем в битвах с Мерсией и Нортумбрией, изрядно ослабив при этом и ту, и другую. Что, в свою очередь, позволит Восточной Англии... Да ничего не позволит. Вот не верю я, что подобный король может добиться чего-нибудь, кроме гастрита от нерегулярного питания.

Глава четвертая. Королевство Мерсия

Три дня минуло, и я понял, чего мы ждали. Вернее, кого. Лошадей. Ровно три дня оставалось до того счастливого момента, когда наш «друг» король Эдмунд, собрав достаточно лошадок, пригнал их в свою оккупированную столицу, истово надеясь, что мы наконец уберемся из его королевства.

И мы убрались. Напутствуемые заверениями в дружбе, которым не верила ни одна из сторон. Для святоши-короля клятвы, данные язычникам, не стоили

ровно ничего. А сами язычники никаких клятв ему не давали.

– Хорошая земля, – сказал Ивар братьям.

Те понимающе кивнули.

Это означало «мы вернемся».

Пешком отправились не все Рагнарсоны. Только Ивар и Хвитсерк. Бьёрн и Сигурд, а также прочее воинство, в котором тоже имелись конунги, двинулось на север морем. По официальной версии тоже в Нортумбрию. Но насколько это соответствует истине, я не знал.

Да и ладно. Меня больше беспокоила сохранность наших драккаров. Однако Ивар заверил, что с ними будет все в порядке и корабли всех, кто пойдет сушей, будут обеспечены надлежащей охраной под его личную гарантию. И корабли, и всё, что на них. А при необходимости их и перегонят потом, куда требуется. Впрочем, если мне очень хочется, сказал Ивар, то я могу пойти не с ним, а с Сигурдом.

Само собой, мой ответ был известен ему заранее.

Да, морем идти проще. Но сушей – куда веселее. Тем более идти нам не по каким-нибудь лесным тропам, а по отлично сохранившейся древнеримской *via*. Так что двигались мы быстро и вскоре покинули королевство Восточная Англия, вторгшись в сопредельное королевство Мерсия. Вторгались мы туда по отличному мосту, перекинутому через пограничную реку все теми же древними римлянами.

И вскоре после переправы нас встретили посланцы короля Бургреда.

Причем не ощетенным копьями строем, а интересным предложением.

Если мы в Мерсии никого не трогаем, ничего не жжем и не грабим, то можем без помех двигаться по замечательной древнеримской дороге туда, куда мы направляемся.

– А если мы захотим немного поразвлечься? – осведомился Ивар.

Это было бы нежелательно, ответили посланцы. Король против.

– И что с того? – удивился Ивар. – Или он хочет мне помешать?

Посланцы замялись, а потом самый умный сказал, что не стоит думать, что Мерсия – сама по себе. У нее союзный договор с Уэссексом, а Уэссекс – это ого-го!

Ого-го здесь мы, внес поправку Ивар. И если кому-то придет в голову что-то другое, то он, Ивар, всегда готов насадить эту голову на шест.

На том и порешили.

А бывший королевский гвардеец Малоун позже добавил от себя, что союз Уэссекса и Мерсии – это союз господина и его наложницы, в роли коей и выступает король Бургред.

Впрочем, король его не услышал.

Итак, мы двигались на север, и войско Бургреда двигалось с нами. На некотором отдалении и никак не препятствуя.

Надо отметить, что мы тоже ничего непотребного не чинили. Иной раз брали необходимое у здешних селян, но пусть и бесплатно, однако без членовредительства. Протестов от короля Мерсии не приходило. Обе стороны сохраняли вооруженный нейтралитет. Их разведчики вертелись около нас, наши – около них. Но столкновений не было даже на уровне дозоров.

Но так продолжалось пять дней. Потом королевское войско внезапно ушло. Еще вечером их разъезды крутились неподалеку, а с утра – никого. А лагерь

королевский опустел.

С чего бы?

Я терялся в догадках, а вот Рагнарсонов, похоже, это не удивило. Надо полагать, они знали что-то такое, чего не знал я.

Но доискиваться правды я не стал. Захотят – сами скажут. Пока же Ивар поставил меня в авангард, поскольку считал знатоком здешних земель.

Ошибка. Знатоком я не был. Но зато у меня были три английских хускарла. И один из них, Малоун, очень даже неплохо ориентировался на мерсийских землях, поскольку бывал здесь неоднократно.

Тем не менее в передовой дозор я отправлял не его, а варяжат. У них выучка не хуже, а наблюдательность существенно выше. Да и бдительность тоже. Понимание, что ты – на чужой территории, очень способствует.

Жизнь показала: это было правильное решение.

– Отец, глянь вперед, туда, где крест, за которым изгороди начинаются, – ко мне подъехал Виги-Вихорёк.

Глянул. Речка. Деревенька. Пойменные луга, за которыми начинались поля, поделенные этими самыми изгородями. Ничего интересного. Вернее, это я ничего интересного не разглядел. Далеко.

– И что там?

– Люди, – сказал сын. – Много. И не двигаются.

– Может, умерли? – предположил Свартхёвди. – Нет, не все умерли. Один башкой крутит.

Меня кольнула зависть. Я видел лишь сплошную зелень, шедшую с правой стороны дороги.

– Никто не умер, – сказал Вихорёк. – Нас ждут. Бури сказал: луки у них.

Раз сказал – значит, так и есть. У Бури глаза как оптический прицел. Двенадцатикратный.

Я оглянулся. Весь мой невеликий хирд двигался колонной по два, растянувшись метров на сто. За нами – Гримар со своими. Дальше – длиннющая колонна основного Иварова войска. Если впереди и впрямь засада, можно не сомневаться, что все плюшки достанутся нам. Разве что головорезы Гримара успеют подтянуться. Но толку от них? Бегают викинги быстро, но в полном боевом да еще и вразброд гоняться за лучниками по знакомой им пересеченной местности – сомнительное и опасное развлечение.

Вопрос: что делать?

Тактика тех, кто готовил нам встречу, была мне знакома. В том числе и в английском варианте.

Будь мы в лесу, я бы просто сошел с дороги и постарался зайти засаде в тыл. Но здесь не получится.

Задумавшись, я невольно придержал коня, и со мной поравнялись Стюрмир и Витмид, ехавшие следом. Дорога позволяла. Две встречные телеги с запасом разойдутся.

– Что? – спросил Витмид, угадавший, что не все идет гладко.

Я пояснил.

– Что делать будем?

– Как обычно, – вместо меня ответил Свартхёвди. – Убьем всех.

Витмид прищурился...

– Их там как вшей на трэле, – оценил он обстановку.

Мне в очередной раз стало обидно. Популярная скандинавская игра «Почувствуй себя слепым» – это обо мне.

– Убьем, – согласился я. – Но не сразу.

Итак, что у нас есть? Почти прямая дорога, полого спускающаяся с холма. Слева – лес. Справа – те самые изгороди, за которыми устроились мерсийцы, или кто там устроился. Изгородей много. Ими делят нарезанные крестьянам участки, пастбища и прочие сельскохозяйственные угодья. Потому прятаться стрелкам есть где. И отступать тоже. Причем если они местные, то знают все проходы и лазейки.

Но стрелки – это полбеды. Хуже, если помимо стрелков, большая часть которых наверняка обычные ополченцы, где-нибудь поблизости обосновалась дружина какого-нибудь олдермена. А то и вовсе королевская. А ведь я бы на их месте так и поступил. Подразнил норманнское воинство, заставил рассыпаться, гоняясь за стрелками и путаясь во всех этих плетнях, канавах и заборах, а потом ударил в спину слитным строем пехоты. А конницу с флангов пустил. Причем легкую. Тяжелой здесь не разогнаться. И бил на выбор. Это строю викингов стрелки практически не опасны, а вот одиночкам придется туго.

Король Бургред далеко не дурак. И олдермены его вполне возможно поумней чевиотских лордов, которых я сдал Рагнарсонам. И войско у него побольше, чем у Ивара с Хвитсерком. Во всяком случае, численно. Если засада – дело рук короля Мерсии...

У меня появилось острое желание: остановиться и подождать основные силы.

Но это было бы ошибкой. Это значит показать засаде, что мы их заметили. Хотя...

А если это как раз и входит в планы мерсийцев?

Нет, останавливаться не будем. И торопиться тоже.

– Вихорёк, возьми Бури и разведайте, что там в лесу. Только аккуратно.

– В лесу? – удивился мой сын. – Так они же...

Подъехавший Бури ткнул его плеткой в бок.

– Давай за мной, молодой, – буркнул он, и Виги послушно порысил за ним.

Как это ни обидно, но для моего сына авторитет степняка был непререкаем. Хотя почему обидно? Это же мой степняк.

– Витмид, скажи к Ивару и расскажи ему, что видел, – распорядился я.

– Твой отец прозорлив, – заметил Бури. – Как всегда.

– А то! – Вихорёк задрал подбородок, будто это его похвалили.

В лес они вошли, спешившись. И это было правильное решение. Всадники более заметны для чужих глаз. А глаз хватало. Лес был полон вражеских пехотинцев.

Они с Бури сразу обнаружили двоих, сидевших в секрете. Причем Вихорёк заметил их первым, чем по праву гордился.

Секрет был единственным, и трогать его не стали. Прокрались мимо незамеченными.

– Сколько их, как думаешь? – спросил Вихорёк.

– Я вижу около сотни. Но думаю – около тысячи.

– Почему?

– А сам как полагаешь?

– Иначе не решились бы устраивать засаду? – предположил Вихорёк.

Бури хмыкнул.

– Напасть и убежать сотне проще, – неодобрительно проговорил он. – Как далеко вдоль дороги разместились стрелки с той стороны?

– Шагов четыреста.

– Четыреста пятьдесят. Будь я их вождем, растянул бы пехоту на то же расстояние.

Вихорёк прикинул... Лес густой, видно шагов на...

– Убивать будем? – спросил он.

Бури мотнул головой.

Вихорёк знал: убивать он не любит. Так же, как и отец. Вихорёк знал: их даже зовут одинаково. Бури признался ему, что имя его тоже означает «волк». Вихорёк – ученик Бури. Он должен знать. Больше никто.

– Спешиваемся, – решил Ивар.

Ожидаемое решение. Викинги не любят воевать верхом. И кони у них не те, и, что важнее, правильный строй не собрать.

– Коней – коноводам. Хвитсерк...

– Мои – первыми! – заявил младший Рагнарсон.

– Твои – первыми, – согласился Бескостный. – Проходите под щитами вперед, потом...

– Конунг? – рискнул вмешаться я.

Хвитсерк глянул недовольно. Кое-кто из ярлов – с удивлением: нарывается Иваров любимчик!

Но сам Ивар посмотрел с интересом.

– Говори, – разрешил он.

– Они не примут бой. Уйдут. Гонять их по лесу бесполезно. Это их земля. Только в болото угодим.

– Тем лучше, – буркнул кто-то из ярлов. – С них и взять-то нечего. Пусть убираются.

– Они уберутся, – сказал я. – И вернуться. Будут нападать на отставших, на обоз. Кусать нас за ноги и убегать. Будить по ночам. Мы все знаем, как это бывает.

Я был прав. Они все знали. Потому что так делали все, к кому навевались драккары северян. Ну почти все. Когда я готовил своих кирьялов, я лишь систематизировал эту партизанщину.

– Что предлагаешь, Ульф-ярл? – спросил Бескостный. По его тону я понял: он не рассердился. И, глядя на него, Хвитсерк тоже успокоился. Сообразил, что я не просто так встал между ним и хорошей дракой.

– Мы уже остановились, – сказал я. – Они это видят. Могут предположить, что мы о них знаем. А когда увидят хирдманов Хвитсерка в боевом строю, то в драку не полезут. Постреляют немного и сбегут. Они знают, чего мы стоим в строю. Это не по колонне всадников из кустов стрелять. Сейчас у них преимущество. Они могут выбрать время и место для боя, а мы – нет.

Я помолчал немного, выжидая, чтобы все прониклись.

Никто не влез с комментариями. Ивар молчал, Хвитсерк молчал. Если Рагнарсоны ждут, что я скажу дальше, то и остальным придется. Независимых ярлов тут не было.

– Выбирают они, – повторил я. – Но мы можем помочь им сделать выбор.

Например, встав лагерем вон там, – я показал на просторный пойменный луг, который обнимала излучина речки. – Хорошее место.

– Хорошее, – оценил Хвитсерк.

Ну да. Вода рядом, трава для лошадок – под ногами. Деревенька наверняка пуста и ничего съестного там нет, разве что на огородах, зато крестьянские домишки – это топливо и материал для лагерной ограды.

Хвитсерк посмотрел на небо, скептически дернул щекой. Ну да, до заката еще часа четыре...

– Если мы встанем здесь, – сказал я, – то ночью мерсийцы нас проведуют.

– Уверен? – спросил Ивар.

Я пожал плечами:

– Они уже здесь. И мы знаем, для чего они здесь. Не думаю, что они удержатся, если будут считать, что застанут нас врасплох.

– Мне нравится! – первым высказался мой приятель Красный Лис. – Я за предложение Хвити!

– Я тоже за! – пробасил Гримар. – Верно Волчок сказал: англй выбирают. Сделаем им подарок. Пусть сами выберут место, где мы их убьем, ха-ха!

– А если они не нападут? – спросил кто-то из ярлов.

– Тогда мы и наши лошадки как следует отдохнем.

– Что скажешь, брат? – спросил Хвитсерк.

– Мне тоже нравится, – сказал Ивар. – Пожалуй, я бы даже искупался. Жарковато сегодня.

Еще бы ему не было жарко. Шерстяные штаны (изумрудного цвета), кольчуга с поддевкой, шлем с подшлемником, а поверх всего этого утепления еще и плащ. Нет, плащ, без сомнения, роскошный. Алый, двойной, с собольей опушкой, но явно не по погоде. Зато видно издалека, кто тут конунг. Причем видно всем. Окажись на той стороне кто-нибудь вроде моего Бури, у него бы не возникло проблем с выбором цели.

Но эту мысль я озвучивать не стал. Махнул рукой Медвежонку, чтобы сворачивали к реке. Пусть будут первыми и выберут место посуше.

Глава пятая. Ночь темна и полна сюрпризов

– В ижу, – шепнул Вихорёк, тронув меня за плечо. – Много. Крадутся. И опять я ничего не увидел. Ночь выдалась безлунная. Не увидел, зато минут через пять услышал. Даже опытные воины не могут перемещаться беззвучно, если их соберется больше сотни. Все равно то один, то другой шумнут. А это ведь не только воины, но и ополчение, фирд. Из которых охотников хорошо, если процентов десять. Остальные пахари да рыбаки. В общем, слышно их было издалека.

А вот у нас – тишина и спокойствие. Редкие костры, прогоревшие до углей. Рядом – дремлющие часовые. Картина, о которой любители внезапных атак могут только мечтать.

Наш угол – правый. Его держит мой хирд, уже традиционно усиленный бойцами Короткой Шеи.

Ждем. Надо, чтобы мерсийцы подошли вплотную. Ивар велел дать части атакующих перебраться через собранную из возов и бревен ограду. Чтобы потом за ними меньше бегать.

Всё, кончилась тишина. За нашими спинами кто-то завопил. И точно не от восторга. А потом еще один.

Надо полагать, это был сигнал. Те, что впереди, остановились. Захлопали луки, и в нас полетели стрелы. Много стрел.

Я только и успел одной рукой скинуть со спины щит, а другой дернуть вниз зазевавшегося Вихорька.

Стрелы летели хаотично и по большей части мимо. Но в мой щит все же воткнулась парочка. А Вихорьку прилетело по шлему, судя по звуку.

За нашими спинами тоже раздавались... звуки. И судя по ним, как раз там и шел настоящий бой. Полноценная рубка.

Вот же... Тор и его козлы! Перехитрили нас мерсийцы. Зашли со стороны реки.

– Хирд! – заорал я, перекрывая шум. – Лучникам – бить стрелков! Гримар! Твоим прикрывать! Давай!

Как хорошо, что эту тактику мы уже отработали. Слева и справа тут же заработали луки. Я слышал, как рядом со мной Вихорёк мечет в темноту одну стрелу за другой, и такое ощущение, что прицельно, потому что не спешит. Бьет примерно с десятисекундными паузами. На звук бьет, похоже.

У меня лука не было, так что я взял на себя функцию прикрытия слева. А справа от моего сына встал Витмид, причем наши поднятые щиты образовали что-то вроде бойницы, через щель которой и работал Вихорёк.

Эффект нашей тактики проявился в считанные мгновения. По ту сторону ограды завопили и завыли на разные голоса, а поток стрел сначала превратился в тонкий ручеек, а потом и вовсе иссяк.

– Драпанули англы, – сказал по-словенски Вихорёк, опуская лук.

Он был прав. Отчасти. Потому что отступили враги только в нашем секторе. В самом лагере и ближе к реке продолжали драться. Судя по шуму, с отчаянной яростью.

Но кидаться очертя голову в этот кипящий котел вслепую у меня никакого желания не было.

– Медвежонок! – крикнул я. – Ты тут?

– А где ж мне быть? – пророкотал Свартхёвди.

Я облегченно вздохнул. С братца стало бы озвереть и кинуться в мясорубку.

– Гримар!

– Здесь, ярл!

– Твои целы?

– Драться могут все!

– Эй, Волчок! Ты тут?

А вот это отлично. Мурха Лис. Собственной персоной. Даже по плечу меня похлопал.

– Похоже, прижали Хвитсерка! – сообщил ирландец.

Откуда он это знает, я уточнять не стал.

Я только звуки слышал. Разные.

– Ивар?

– Ивар там.

Жест я скорее угадал, чем разглядел. Но показывал Лис за пределы лагеря. Туда, куда убежали стрелки.

Что ж, логично. Бескостный решил зайти мерсийцам с фланга. И наверняка зашел. Вот только нас перехитрили. Лучников-ополченцев уже и след про-

стыл. А полноценные английские вояки сейчас меряются железными инструментами с хирдманами младшего Рагнарсона. И судя по тому, что оттуда время от времени раздаются вопли «Все ко мне!» и «Собрать строй» и вопят исключительно на скандинавском, то строй этот собрать никак не удастся.

И полная темнота.

Нет, я знал отличный способ обрести ночное зрение. Всего-навсего надо позвать моего Волка. Но форсированный режим, к сожалению, сильно ограничен во времени. И может пригодиться для более суровой ситуации.

– Вихорёк, ты видишь, что там?

– Там дерутся.

Исчерпывающий ответ.

– И наши как, побеждают?

– Не разобрать, отец. Куда стрелять – не знаю.

– Не побеждают. – Это Бури объявился. – Чужие меньше кричат.

– Я иду на острие! – принял решение Лис. – Гримар, ты рядом. Твои слева, мои справа. Ульф – ты внутри клина!

– Я тоже с тобой, ирландец! – заявил Медвежонок.

– Ну уж нет! – мгновенно отреагировал Лис. – Вот только берсерка за спиной мне не хватало!

– Как знаешь, – согласился Свартхёвди, поскольку Лис был прав. Если у брата упадет планка, да еще в темноте, рубить он будет всех подряд.

– Строимся да поживее, пока англй всех не порубили! – крикнул Мурха.

И мы построились. И пошли.

– Хвитсерк! Я иду! – заорал Лис. К нему тут же присоединился Гримар. А потом и все остальные.

– Hvít! Serkr! Ek! Kom! – дружно подхватили без малого три сотни глоток.

И даже в звоне, грохоте и оре многотысячной сечи это прозвучало веско.

И мы пошли.

Насколько я мог понять – к берегу реки.

И пришли. В самую гущу.

Тут и я наконец-то смог принести хоть какую-то пользу, потому что сумел разглядеть противников. У четверых бойцов, которые бросились на меня из темноты, были светлые шеи.

Нет, до меня они не добрались, потому что не смогли прорваться через копейщиков. Но это явно были враги. И на них оказалась очень удобная для опознания вещица. Светлый шарф, надо полагать. Ничего нового в этом не было. Я сам пару раз так поступал, когда надо было в темноте отличить своих от чужих.

– Стрелки! Остановились! – заорал я по-скандинавски, а потом для надежности повторив по-словенски. А потом – тоже на двух языках: – Бей по белым шеям! По готовности!

И вся моя команда лучников, практически бесполезная в такой вот ночной свалке, наконец-то получила ориентиры. И, разошедшись шеренгой с правильными интервалами (как учили), занялась целевым отстрелом противника. В прикрытии они сейчас не нуждались, потому что в такой свалке рубят и колют противника, который рядом. А те, что на расстоянии тридцати шагов, да еще и в темноте... Их как бы и нет. А вот стрелы есть. Для обученного лучника на такой дистанции промахнуться – это все равно что Медвежонку рог с

пивом мимо рта пронести.

Я сам не стрелял. Стоял со Слезой и Вдоводелом в руках. На всякий случай. Вдруг кто-то из мерсийцев сообразит, что происходит.

Никто не сообразил. Вернее, сообразил, что атака провалена. Долго и протяжно заревел рог, потом радостно и грозно заорали наши...

И все куда-то побежали.

Кроме нас.

Я решил, что моим стоит остаться в лагере, и проорал соответствующую команду. Вдруг есть еще один вражеский отряд, который только и ждет, чтобы норманны увлеклись погоней. А еще я посчитал, что гонять врагов в темноте по незнакомой местности – идеальный вариант, чтобы угодить в ловушку или отхватить случайную стрелу от какого-нибудь перепуганного до смерти ополченца.

Понятно, что озвучил я позже Ивару именно первый довод.

Конунг похвалил меня за предусмотрительность.

И я себя тоже похвалил, потому что в хаосе ночной схватки мой личный хирд не потерял ни одного бойца.

А вот Короткая Шея потерял троих и сам схлопотал чем-то тяжелым по ребрам, так что теперь ходил, слегка скособочившись.

Тем не менее Ивар считал, что план спровоцировать мерсийцев на ночную атаку удался. И глядел на соратников с гордостью, забыв о том, что идея изначально была моя.

Ну да я не в обиде. Мерсийцев мы потрепали основательно. И «засадный полк» Ивара сработал отлично. Сначала на него напоролись ополченцы фирда, которых заставили драпать мои стрелки, а потом Иваровы хирдманы зацепили фланг отступавших мерсийских дружинников.

В общей сложности мерсийцы потеряли около тысячи человек. Раз в двадцать больше нас. Правда, бойцов-профессионалов среди убитых врагов было не больше ста. Но все равно это была победа. Особенно приятная лично для меня, потому что двадцать девять этих самых профессионалов отправились в рай со стрелой в шее.

И теперь братья Рагнарсоны вынуждены были признать: мои стрелки – сила.

Именно это я своим и сказал: вы – сила, парни!

А Ивар подтвердил это заявление материально.

– Наша добыча! – порадовал народ Медвежонок, который с помощью шестерых сёлундских дренгов эту добычу и приволок. С трудом. Бескостный присвоил мою идею, но рассчитался за нее щедро. Все имущество тех, кого побили стрелы наших парней, досталось нам. Плюс четверть общей добычи, которая в основном состояла из оружия, одежды и кошель павших и угодивших в плен. В плену же у нас оказалось полтора десятка местных вояк, из которых двое были танами и утверждали, что мерсийский олдермен, их сюзерен, непременно выкупит своих. И танов, и еще шестерых, которые оказались дружинниками этого самого олдермена.

Это было огорчительно. Нет, не то, что пленников выкупят, а то, что атаковал нас не король. То была местная инициатива. А король...

Я наконец узнал (от пленников, не от конунгов), почему Бургред потерял к нам интерес.

Шедшие водой викинги, возглавляемые Иваром и Бьёрном, поднялись по реке Трент и практически без сопротивления захватили славный город Ноттингем, будущую родину прославленного стрелка-разбойника Робин Гуда. Да уж, крутой пиар сделали англичане своей птичке малиновке[273]. Но именно что пиар. Мой Вихорёк побил бы эту легендарную птаху играючи. Не говоря уже о Бури.

Глава шестая. Олдермен Хуффа и «справедливость» победителя

— Ивар зовет тебя, ярл, – дренг-посланец был совсем молоденьким, чуть постарше моего Вихорька, но экипирован неплохо. И кого-то мне напоминать.

– Как тебя зовут? – спросил я.

– Уни.

– Не знаешь, Уни, зачем я понадобился конунгу?

– Ты ему нужен, чтобы говорить с пленными.

– Спасибо, Уни. Передай конунгу, что я буду незамедлительно.

Вежливый кивок, и дренг покинул шатер.

Ну да, теперь у меня есть шатер. Нельзя сказать, что выдающегося качества, но халява. Часть общей добычи. В принципе, мне как ярлу положено помещение. Хотя на свежем воздухе приятней. И спокойней.

– Со мной? – спросил я Медвежонка.

– Да. Когда Ивар спрашивает, всегда интересно.

Ага. Я помню, как он собирался «спрашивать» меня. Незабываемые впечатления.

К немалому удивлению, традиционного скандинавского допроса мы не увидели. Местный тан не истекал кровью у пыточного столба. Его даже не связали, и одежда на нем присутствовала. Исподняя.

– Я сказал ему, кто я, и он вроде готов рассказать все, что знает, – сообщил Ивар. – Поговори с ним, Хвити.

Да запросто.

– Я – Ульф Белый, – сообщил я тану, упитанному мужчине средних лет, на бородатом лице которого было написано страдание. Странно. Его ведь вроде не трогали. – Эрл Ульф.

– Я Клинтон, тан Гринспринга.

– Мой король сказал: ты хочешь говорить с нами.

Тан поглядел на меня пристально, потом все же рискнул пошутить:

– Я предпочитаю говорить, пока моя кожа еще на мне.

Логично. Соображает мужик... то есть тан. Разговорили бы его по-любому.

– Правильный выбор, – одобрил я. – Ничего за это не хочешь?

– Если твой король немного скостит мой выкуп, я буду не против.

– Это маловероятно, но возможно. Так что ты хочешь нам рассказать, тан Клинтон?

Вот тут-то я и узнал о захваченном Ноттингеме.

Приятная новость. Неожиданная. Для меня. А вот для Рагнарсонов – ожидаемая. Они и раньше догадывались, куда внезапно устремился король Бургред.

Так что король и впрямь ни при чем. Нападение на нас – целиком и полностью инициатива местного «графа». То есть олдермена Хуффы.

Вообще-то воевать с нами по-настоящему Хуффа не планировал. Так, куснуть пару раз, чтобы пошустрее убирались с его земель. Но когда мы, по его

мнению, удачно подставились...

Клинтон болтал, не останавливаясь. Склонен думать, потому что перенервничал. Лицо тан держал неплохо, а вот язык – не очень. Понимаю. Попасть в руки «исчадий ада» – серьезное испытание для христианской психики. Еще он давал нам советы: например, помириться с его господином. Тогда Хуффа не ударит нам в спину, когда король Бургред решит дать нам генеральное сражение.

– А он решит? – уточнил Ивар.

Наверняка, заверил тан. Ноттингема король не простит. Клинтон был в этом уверен. Вообще-то он и так бы на нас напал, поведал словоохотливый мерсиец, но попозже. Выбрал бы момент, когда большая часть нашего войска переправится через реку, и ударил. А по тем, кто переправится, нанесут совместный удар короли Нортумбрии.

– Короли? – удивился я.

Да, короли. Элла и Осберт помирились. Вроде бы архиепископ Вулфер помирил их. Добровольно-принудительно. Пригрозив всякими церковными карами. Так что оба короля спешно собрали войска, каждый свое, и готовились отправить нас в ад. Во всяком случае, такой у них был план.

Часа через два наш говорун стал повторяться, и Ивар решил допрос прекратить.

– Возьмешь с собой сотню хирдманов по выбору и поедешь к здешнему ярлу, – распорядился Бескостный. – Договоришься о выкупе. Красный Лис поедет с тобой.

И, заметив мои колебания, добавил:

– Сделаешь – пятая часть ваша. Твоя и всех, кто с тобой пойдет.

В этом весь Ивар Рагнарсон. Суров, но щедр. К тем, кто выживет.

Из своих я взял только Стюрмира, Скиди и Вифиля Прощай. Кто знает, вдруг олдермен Хуффа не чтит статус парламентариев? Потом сходил к Мурхе и поинтересовался, кого из своих ирландцев намерен взять он.

Оказалось, никого. Раз Ивар разрешил мне вербовать народ самостоятельно, то он, Мурха, предлагает мне взять с собой хёвдинга Храппа Тролля и его хирдманов.

– А он согласится? – уточнил я.

Храппа Тролля я знал плоховато. Сидел с ним за общим столом и видел в бою разве что с пивными бочонками. У бочонков против Храппа шансов не было.

– Храпп за эйлиль один против десяти встанет, – ухмыльнулся ирландец. – И люди у него такие же. Крепкие, как дубовый киль. Вдобавок мы с Храппом неплохо ладим, и тебе дружба с ним не помешает. Тем более он к тебе – с уважением. Видел, как ты пару лет назад Торсона-ярла завалил.

Ага. Моя первая публичная победа. Как вспомню, так вздрогну. Чудом уцелел.

– Правда, – с той же ухмылочкой добавил Красный Лис, – Храпп считает, что, будь на месте Торсона он, ты бы уже пировал в Асгарде.

Очень возможно. Прежде я к Троллю не присматривался, но теперь отчетливо понимал: без моего Волка с таким точно не совладать. Да и с Волком – большой вопрос. Троллем этого Иварова вождя прозвали не зря. Он был крупнее Медвежонка настолько же, насколько Медвежонок крупнее меня.

Братец выбор Мурхи одобрил. Сказал, что в такой компании он меня хоть куда отпустит. Потому что и хирд у Тролля такой же, как и его вождь. Похоже, Храпп набирал бойцов по собственной мерке.

С иерархией тоже не возникло проблем.

– Ивар сказал: ты главный, – прогудел великанище. – Сказал: ты хитер, как сам Локи, и язык у тебя такой же. А Лис сказал, что боги тебя любят. Лис сказал: двадцатая часть верегельда – моя и моих хирдманов. Ты уж постарайся, чтобы она была побольше.

Из моей доли, значит. Не возражаю. Это справедливо. Проблема только одна: где найти такую лошадку, чтоб смогла пронести тушу Храппа больше километра?

Но эту проблему с легкостью решил Мурха.

– На возах поедем, – сказал он. – Возы пригодятся. Сомневаюсь я, что у англов достаточно серебра найдется. Придется товаром брать.

Город, в котором держал знамя олдермен Хуффа, выглядел не слишком авторитетно, поскольку построен был явно не в древнеримские времена. Зато стоял на реке, и древнеримская дорога рядом тоже имелась, так что с логистикой у него было все хорошо. А вот с фортификацией – нет. Деревянные стены, деревянные ворота, соломенные крыши...

Кажется, я понимаю, почему олдермен решился на опережающий удар. Путь наш лежал мимо его столицы, и Хуффа справедливо полагал, что его слабо укрепленный городишко не оставит нас равнодушными.

Что ж, ему повезло. Потому что представлять «северных дьяволов» буду я, а я – добрый человек. Если меня не злить.

Мурха молодец! Взять с собой Тролля и его сотню – безупречное решение.

Стоило нам появиться на дороге в виду города, как все вокруг пришло в движение. Крестьяне на полях порскнули прочь, как полевые мыши, а из города спустя минут пять выдвинулась кавалерия. Приличный такой отряд копий под сто. Нас примерно столько же, так что это, скорее всего, делегация.

Двигались англичане не спеша. Мы тоже не торопились, так что встретились, считай, на полпути.

Я сделал знак, и Вифиль Прощай поднял наше временное знамя. Белые исподние штаны, привязанные к древку копья. Мол, мы пришли с миром.

Даже окладистая борода не спрятала того облегчения, которое испытал предводитель встречающих.

Храпп и еще трое его хирдманов спрыгнули с воза и подошли ко мне.

Макушки их шлемов были повыше моего плеча. А ведь я сидел на коне.

Предводитель встречающих выехал вперед.

– Я – тан Патсли, – сообщил он. – Кто вы и зачем вы здесь?

И тут я его узнал. Воистину тесен мир. Ну надо же. Неплохой прогресс для того, кого пришлось выкупать из плена. Был простым господином, то есть лордом, а стал целым таном. Хотя...

Может быть, лордом при короле посерьезней, чем таном какого-то провинциального олдермена?

Меня тан Патсли не узнал. Немудрено. Ему и в голову не пришло, что доверенное лицо нортумбрийского короля и ярл-эрл норманнов – один и тот же персонаж.

– Эрл Ульф, – представился я, чуть-чуть прибавив норманнского акцента в

произношение. – Я – голос короля Ивара, сына Рагнара. У меня поручение к твоему господину Хуффе. Проводи нас.

– Сначала я должен узнать, захочет ли олдермен... – Патсли решил проявить храбрость, но я его перебил:

– Захочет. Или завтра здесь будут двадцать сотен таких, как он, – я похлопал Тролля по плечу. Для этого мне даже наклоняться не пришлось.

Мерсиец поглядел на Храппа и принял правильное решение:

– Следуй за мной, эрл Ульф.

Резиденция олдермена Хуффы богатством не блистала. Выделялась разве что количеством собак. Десятка три гончих шлялись по залу и приставали к людям, выпрашивая подачки.

Ко мне тоже сунулась одна, но, не учуяв съестного, потеряла интерес.

– Эрл Вулф! – переименовали мое имя на английский манер.

– Олдермен Хуффа!

Мы кивнули друг другу.

При иных обстоятельствах я бы с удовольствием с ним пообщался. Выглядел олдермен человеком неглупым, спокойным... В общем, симпатичным. И скрывать ничего не стал. Нападение было инициировано не им. Прибыл посланец короля и потребовал доказать лояльность. Как только королевского посланца грохнули, Хуффа немедленно скомандовал отступление.

По крайней мере, такова была его версия случившегося. Выяснить, правда это или отмазка, я не счел нужным.

– Я не враг вам, эрл. Но я вассал своего короля. Могу я предложить вам и вашим людям отобедать со мной?

– Можете, – великодушно разрешил я.

Очень кстати. Как раз проголодался. И от пары-тройки пинт эля не откажусь.

Стол накрыли не в помещении, а снаружи. Погода благоприятствовала. И почему в мое время считали, что в Англии вечные дожди. Или это только Лондона касалось?

Разместились по разные стороны длинного-длинного стола. И нас было больше, чем дружинников Хуффы. Вдобавок многие из них – с легкими ранениями. Так что, случись заварушка, я ничуть не сомневался, кто кого. Потому злобные зырки мерсийцев игнорировал. И остальным велел не поддаваться на провокации. А главное – самим не провоцировать. Под страхом штрафных санкций.

Кстати, о санкциях. Список требований я передал Хуффе еще до обеда. Тот принял, но читать не стал. Поскольку не умел. Ознакомился позже с помощью привлеченного попики.

Написанное предку будущих гордых великобританцев не понравилось. Враз помрачнел.

– У тебя нет столько серебра? – поинтересовался я, доверительно наклонясь к олдермену.

Тот поглядел на меня. Оценил сочувствующее выражение лица и честно признался, что нет.

Не удивил. Когда я писал это требование (втрое большее, чем согласованный верегельд), то даже и не сомневался, что у Хуффы даже четверти не отыщется. Но Хуффа знал правила. Проигравший платит. Или умирает. Или пла-

тит и умирает. Скверный выбор. Но я тоже знал правила. И знал, что даже проигравшему надо предложить выбор. Между плохим (в данном варианте – очень плохим) и ужасным.

– Я могу поговорить с моим королем, – сказал я. – Думаю, он согласится, если часть серебра будет заменена припасами и полезными вещами. Уверен: жители твоего города наверняка помогут тебе в этом. Просто скажи им: лучше отдать часть, чем всё.

– Вот это, – олдермен похлопал по пергаменту, – и есть всё.

– Ты ошибаешься, – я улыбнулся как можно благожелательнее. – У них останутся их жизни. И их дома. Их дочерей и жен не обесчестят и будущий урожай не пострадает. Вдобавок я вижу здесь церковь и склонен думать, что там тоже найдется немного серебра. Уж мы его точно отыщем, если до этого дойдет.

Я ласково улыбнулся священнику, который сидел слева, между олдерменом и его супругой (как символично!), и который только что перевел Хуффе наши требования.

Попик перекрестился и, отвернувшись, сплюнул. Будь его воля, он поступил бы со мной по здешнему обычаю: содрал кожу и прибил к церковным дверям.

Но воля была не его. Сколько ни кричи о том, что твое дело правое и Бог исключительно на твоей стороне, но если ты проиграл, то выбор у тебя скромный. Унижение или смерть. И хорошо, если не и то и другое. Что делать, так вы правила этого, да и любого другого мира. Если ввязался в драку (или тебя ввязали, без разницы), то ты должен ее выиграть. Независимо от того, справедлива она, по-твоему, или нет. Проиграешь – придут враги, и ты узнаешь, что такое настоящая несправедливость. Хотя в данном случае враги уже пришли. А Хуффа сейчас пожинал последствия собственного недавнего выбора. Унижение или смерть. Типичный набор проигравшего. Но пока что у олдермена еще была семья. И подданные. И все еще были живы. А еще ему повезло, что пришел к нему не Бескостный, а добрый я.

Как говорила моя бабушка со стороны папы: «Спасибо, Господи, что взял деньгами». И попик тоже раскошелится. Вижу, как он смотрит на угощающихся хускарлов Тролля. Ну да. Мне самому страшновато глядеть на этих жрунов. Сразу огненные великаны из сказок вспоминаются.

– А еще, милорд, позволь дать тебе совет, – сказал я, глядя прямо в глаза проигравшего. – Ты сказал: Бургред приказал тебе на нас напасть, верно? Ты мог и отказаться...

Мог. Я бы на его месте точно отказался. Сам-то Бургред напасть на нас не рискнул.

– ...Но ты был верен своему долгу. И пострадал. И теперь уже у твоего короля долг перед тобой. Нет, я не думаю, что он возместит тебе вот это... – Я показал на пергамент. – Но налоги в этом году тебе уж точно платить не придется. Потому сейчас я поднимаю этот кубок (медный, к сожалению) за верность и за возвращение долгов!

Мы с олдерменом выпили, и он слегка повеселел. И даже пригласил меня на охоту. Но я отказался. Сообщил, что мы все очень спешим на другую охоту. А когда Хуффа поинтересовался, на какую, я не стал скрывать. На короля Нортумбрии.

И почему я не уловил даже намека на огорчение? Плевать олдермену Хуффе на брата во Христе из Нортумбрии. Вот объясните мне, как из этого лоскутного одеяла враждующих королевств могла возникнуть империя, над которой, поэтически выражаясь, никогда не заходило солнце?

Захваченных возов нам не хватило, но Хуффа «любезно» предоставил нам транспорт. Еще он дал нам проводников, которые поведут нас «лучшей» дорогой. То есть мимо территорий олдерменства Хуффы по землям его недоброжелателей. Об этом я догадался, когда олдермен сообщил, что его люди «помогут нам с обеспечением».

Впрочем, серебра и иных ценностей тоже было достаточно. Разумные жители выкопали и опустошили кубышки. Все, включая церковников. Зато мы не сожжем поля, дома и самих жителей. По-моему, так прекрасный обмен. Мне в свое время повезло меньше.

– Ты умеешь вести переговоры, – сказал мне Мурха Красный Лис, оглядывая вереницу возов. – Уверен: даже мечом взять вряд ли вышло бы намного больше.

– Было бы меньше, – ответил я. – Ценные вещи не хранят на виду. Их пришлось бы искать. И не думаю, что отыскали бы все.

– Мы умеем быть убедительными, – в свою очередь возразил мне ирландец.

– Если бы мы напали на город, то перебили бы половину народа. А половина оставшихся разбежалась бы. Остальных ты бы, несомненно, убедил. Но мой способ убеждения лучше. И знаешь, кто меня ему научил?

– Кто же? – заинтересовался Мурха.

– Мой прежний конунг. Хрёрек. Ты должен его помнить.

– Я помню его, – подтвердил ирландец. – Жаль, что Змееглазый убил его. Здесь бы он пригодился.

Не сомневаюсь. Но пусть пока остается «покойником». Я и без него вроде неплохо справляюсь.

Я оглянулся на километровый караван, поднимавший пыль за нашими спинами. Пятая часть всего этого добра – моя. Минус гонорар группы поддержки. А мой авторитет среди воинской элиты Рагнарсонов поднялся еще на пару ступенек, что тоже не лишне.

Вопрос: нужно ли мне все это? Серебро, которого у меня и так в досталь? Уважение людей, в жизни которых только одна цель – грабить и убивать? И эта жизнь, которая постоянно напоминает мне: каждый день, проведенный вдали от близких, – потерянный день. Попала собака в колесо... Но я ведь не собака. Я – Волк. Ульф Хвити. Какого черта я тут делаю?

Глава седьмая. Цель и смысл

– Что тебя мучает, господин?

Бури. Присел рядом на корточки. Лицо – как вырезанная из темного дерева маска. Впрочем, у него всегда такое лицо.

Бури. Верный. Надежный. Смертоносный... И умный.

– Мне не нравится то, что я делаю, – не стал я лукавить.

– Это плохо, – покачал головой мой снайпер-степняк. – Мудрый человек не должен убивать. А если приходится, не должен об этом беспокоиться. Все эти люди... – Он показал на горящее селение. – Они были живы в прошлом и будут жить в будущем. Истинному, тому, кто внутри, не может повредить ни огонь, ни железо. Они сбросили тела, как сбрасывают изношенную одежду. А эта

одежда была порядком изношена. Так о чем ты горюешь? Ты воин, господин. Воин наслаждается битвой, ведь он создан, чтобы сражаться. Так сражайся и будь счастлив!

Я хмыкнул. Ну да, когда со мной мой Волк, я о такой ерунде, как чья-то смерть, не думаю. Да я вообще ни о чем тогда не думаю. А вот в остальное время...

– Отец Бернар с тобой бы не согласился, – заметил я. – Он говорит: есть хорошие войны, справедливые, а есть плохие. Первые укрепляют душу, вторые – губят. А по-твоему выходит, что нет разницы, за кого и зачем сражаться? Важен сам процесс? – последнее слово было латинским, но Бури понял.

– Не так. Ты всегда был воином, господин. И всегда им будешь. Если ты не станешь искать битву, она найдет тебя сама. Вот как сейчас.

– Вот уж точно, – согласился я. – Именно как сейчас. И что делать?

– Как что? – Бури поглядел на меня... кажется, удивленно. – Победить. А до того понять, что есть для тебя победа. Что ты приобретешь, когда эта битва закончится. Чего ты хочешь.

– Уж точно не золото с серебром, – ответил я. – И земли эти, здешние, мне не нужны. Наверное, месть. Месть за Рагнара.

– Разве? – Глаза-щелки стали еще уже. – Ты так думаешь, да. Но чего ты хочешь?

Черт. Да нет, я точно знаю, чего я хочу. Я хочу, чтобы все мы вернулись домой. Весь мой хирд. Я хочу обнять моих женщин и малышей. Чтобы все мы могли обнять своих.

– Вот так хорошо! – удовлетворенно произнес Бури.

И я понял, что могу не озвучивать свои мысли. Он и так знает. Потому сказал я другое:

– Выходит, мне не стоило приносить Рагнарсонам весть о смерти их отца. Не сказал бы, мы бы не оказались здесь.

– Хочешь убедить меня, что ты сделал это для Рагнарсонов, господин? – ехидненько так осведомился Бури.

Вот степной черт. А он ведь прав!

– Цель, – сказал Бури. – Если нет истинной цели, ты придумываешь ложную. И идешь к ней. – И, опережая мой вопрос: – Нельзя по-другому. Даже ложная цель дает тебе силу, господин. Без цели твой путь завершится, – он многозначительно кивнул на догорающее селение. – Потому не имеет значения, истинная цель или ложная.

– А что имеет?

– Движение, – сказал Бури, поднимаясь. – Твое движение должно быть безупречным.

И ушел.

А я пошел спать.

И как по заказу, мне приснился очередной кошмар повышенной реалистичности.

Мы шли на восход. За спиной – белые горы, впереди холмистая желтая равнина с кучками низкорослых кривых деревьев. Мы беглецы. Три дня назад... Неважно когда. Главное, те, кто шли за мной, мне верили.

Шесть человек, одиннадцать женщин и стайка детей, которые не в счет.

Мы все – полукровки. У нас светлая кожа, светлые глаза, тонкие руки и

длинные быстрые ноги. Мы жили рядом с широколицыми, прячась от них.

Так было до тех пор, пока стадо зубров не забрало жизни шести широколицых. А из тех, что остались, только две женщины могли сражаться.

Двух женщин мало, чтобы добывать большое мясо. Но они попытались. Заманили медведя в ловушку для рогатых. Но медведи умеют лазать. Он выбрался и был очень сердитым. Убил одну женщину и порвал вторую так сильно, что она потом тоже умерла.

Но мясо она добыла. И сама тоже стала мясом, так что раненные зубрами широколицые, те, что не умерли, смогли окрепнуть достаточно, чтобы снова начать охотиться.

Но духи земли уже отвернулись от них и отдали их землю пришлым.

Пришлых было много. Шесть рук, а может, и десять. И у них были псы, мелкие, но кусачие. Широколицые убили многих. Они очень сильны, даже дети. Но пришлые убили всех и заняли их пещеру. Очень хорошую пещеру, с ручьем внутри и входом, в который весь день светит солнце. Потом пришлые долго пировали, а когда еда кончилась, их псы, мелкие, рыжие и злые, нашли нас.

Я знал, что так будет. Эти пришлые похожи на нас больше, чем широколицые, но они – не мы. У них темная кожа, черные волосы и глаза.

Широколицым не было до нас дела. Когда-то я даже жил с ними, пока они меня не прогнали. Могли убить, но у племени тогда было достаточно мяса, и моя мать была еще жива. Вождю широколицых она нравилась больше, чем женщины широколицых, и те не смели ее трогать. А меня побаивались. Потому что дух во мне умел говорить с волками.

Широколицые не боялись волков. Широколицые убивают больших медведей, что им волки. Боялись духа, который жил во мне. Боялись и не трогали. Потому что они – широколицые. Они не бегут от опасности. Они ждут. Наблюдают. Не трогают, если у них довольно еды.

Мне повезло. Меня отпустили. К таким же, как я. Полукровкам. И те меня приняли. Я был похож на них, и я был сильным. А еще я умел говорить с волками.

Широколицые не бегут от опасности. И не убивают без нужды. И у них нет страха, который велит убивать львенка, пока тот не вырос.

Пришлые – другие. Если их мало, страх велит им бежать. А если их много, страх велит им убивать.

Я знал об этом. Я видел. И я сказал об этом людям. Сказал, что пришлые съедят нас, как съели широколицых.

Люди меня слушали и соглашались, но вождь решил, что я не прав. Я мог бы его убить, ведь я молод и быстр, а у него волосы цветом как загривок матерого медведя и лицо в морщинах. Но вождь заботился обо мне, когда дикая свинья прокусила мне ногу. Он лечил меня травами, снадобьями и колдовством, пока я не поправился. Он был мудр, наш вождь, и знал многое. И наверняка знал, что надо уходить. Но он также знал, что сам не уйдет далеко, потому что его колени больше не годятся для долгого бега. И он решил остаться.

А потом мелкие псы пришлых нашли наше стойбище.

И мы ушли. Те, кто сейчас со мной.

Псы пришлых не побежали по нашему следу, потому что по нему шли волки, для которых псы – лакомство.

Псы не побежали, но в псах не было нужды. Увидеть след, оставленный дву-

мя десятками человек, из которых большая часть – не охотники, смогла бы даже женщина.

Я мог бы его запутать. Это была моя земля, и я знал тут каждый камень и каждый ручеек.

Но я знал две вещи.

Первая: пришлые не отстанут. Они будут искать нас, пока не найдут.

Вторая: женщинам и детям никогда не спрятаться от охотников.

Я мог бы бросить их всех и уйти. Я мог бы сделать это. Но человек без племени как муравей без муравейника. Я сумею и добыть еду, и защитить себя от хищников. Но кто защитит меня от пустоты в груди?

Нет, я их не брошу, а значит, кто-то обязательно будет съеден. Или мы, или чужаки. Пришлые уверены, что убьют нас и заберут наших женщин. Один на один я убил бы любого из них. Даже двоих убил бы. Но пришлых много. Они настолько же сильнее нас, насколько волосатый носорог сильнее охотника. И, как носорог, они настолько уверены в своей силе, что нападут без раздумий. И это хорошо. Потому что я не только говорящий с волками. Я так же умен, как самые умные женщины широколицых. Нет, я умнее, потому что похоть не мешает мне думать. И потому я не буду съеден, как широколицые. И как те, кто не пошел за мной. И так же, как эти пришлые с темной кожей, я не успокоюсь, пока все их мужчины не станут пищей. Это моя земля. Чужим здесь не место.

Когда я проснулся, во мне кипела радость. Та радость, которую я испытывал, глядя, как гибнут мои враги. Я помнил, как впитывал их ужас, наслаждался грохотом камнепада, а особенно – когда удары были не звонкими, а глухими. Я жалел, что не слышу, как дробятся кости пришлых. Но их вопли взбудоражили меня так, что нестерпимо захотелось женщину. Кровь широколицых бурлила во мне. Но я был сильнее ее. Я не спешу. Я дождусь, когда скатится последний валун. А потом спущусь и проверю, все ли чужие стали мясом. А женщины у меня будут позже. Когда захочу и сколько захочу. И насытившись ими и мясом врагов, я лягу у огня и стану думать, как убить всех чужаков...

Мне потребовалось несколько минут, чтобы успокоиться. Какой, однако, яркий сон, думал я, глядя на ткань шатра, через которую уже сквозило утро. Невероятно яркий, а вот вещим его назвать трудно. Впору позавидовать тому парню из сна. Он совершенно точно знал, что ему надо от жизни, что надо сделать, чтобы эту жизнь сохранить, и что он получит, если будет, как выразился Бури, «безупречен». И что будет, если не будет. Мне бы такую ясность. Хотя жрать людей – это точно перебор.

Однако если поставить себя на его место... Для него ведь чужие – не люди. Люди – только свои. В этом «я» из сна мало отличался от братьев Рагнарсонов. Разве что Рагнарсоны не жрали своих врагов. Хотя что-то мне подсказывает: даже чевиотские лорды предпочли бы быструю смерть с последующим поеданием тому, что проделал с ними Сигурд Рагнарсон.

Глава восьмая. Еще одна веселая ночь

– Это что за оборванцы? – Свартхёвди, прищурясь, глядел на восток. Там десятка три всадников гнали к мосту через речку стадо коров. – Малоун! Англичанин глянул в указанном направлении.

– Валлийцы, – бросил он пренебрежительно. – Грязные воры.

– Догоним? – оживился Вихорёк.

Варяжский молодняк востепенулся, но я покачал головой:

– Пусть их. Враги наших врагов могут стать друзьями.

– Вряд ли, мой лорд, – покачал головой Малоун. – И избави Бог нас от друзей, у которых нет ничего, кроме грязных штанов и драчливого нрава.

– Ха! Да это как раз про меня молодого! – воскликнул ехавший справа от своего хёвдинга Давлах Бычок.

Все ирландцы, включая и самого Мурху, расхохотались.

– Может, догнать их и предложить место в строю? – предложил кормчий ирландцев Далбаэт. – Что скажешь, Малоун? Умеют эти грязнули держать щиты?

– Умеют, – буркнул бывший королевский десятник. – Вы, ирландец, и впрямь похожи. Напиться и подраться – это ваше.

– Ха! Да это ж как раз про меня! – передразнил Давлаха мой братец. – Выпить и подраться! Что может быть лучше?

– Девки? – очень серьезно предложил свой вариант Скиди.

– Серебро! – не менее серьезно вставил Далбаэт. – Хотя нет, золото лучше!

– А ты что скажешь, отец? – спросил Вихорёк.

Я похлопал по ножнам Последней Слезы:

– Вот это.

Все уважительно поглядели на меня.

– Что он сказал? – донеслось сзади. Кажется, это Торве Закрой Рот поинтересовался.

– Вот так, старый, – Мурха ткнул кулаком ехавшего рядом Далбаэта. – Вот почему он ярл, а ты всего лишь кормчий!

Тот не обиделся.

– Меч хорошо, – согласился он. – Но копьё все равно лучше!

И они с Медвежонком тут же заспорили об оружейных приоритетах.

– Так что с валлийцами? – напомнил Вихорёк. – Догнать и пригласить их к нам?

– И как ты с ними будешь договариваться? – ехидно поинтересовался Малоун.

– Как, как... Вот как с вами. Или... – Мой сын заподозрил неладное: – А на каком языке они говорят?

– На своем, валлийском.

Вихорёк нахмурился. Ну да, из-за шрама у Малоуна всегда такой вид, будто он над тобой издевается.

– Их даже я с трудом понимаю, – пояснил бывший королевский гвардеец. – Так что толку от твоей скачки не будет. Разве что коров у них отнять. Но тоже не советую. Скоро наш мост будет. А с ним рядом наверняка кто-то крутится. Может, мерсийцы, а может, и наши... Нортумбрийцы, – поправился он, вспомнив, кто у него теперь «наши». – Нарвешься еще на разъезд.

– Малоун прав, – вмешался я, опередив возмущение Вихорька.

Мой сын не терпел, когда ему указывает кто-то ниже по иерархии. А Малоун Виги точно ставил ниже себя.

– Держись рядом, – велел я сыну. – Твой лук может понадобиться.

Мы въехали на вершину холма, и я увидел, что прорезавшая ячменное поле дорога упирается в этот самый мост. Вернее, в его остатки. Настил кто-то сжег. Из воды гнилыми зубами торчали почерневшие быки.

Но мост был нам уже не нужен. Вдоль обрывистого берега Трента рядом стояли спустившиеся из Ноттингема драккары со знаменами Сигурда Рагнарсона.

Наша армия вновь объединялась.

Мерсийцы напали ночью. Похоже, это стало традицией. Напали коварно: первым делом попытались поджечь корабли. Моих, по счастью, там не было. Они остались под охраной в Восточной Англии вместе с прочими кораблями Ивара и Хвитсерка. Но все равно это было больно. Они ведь живые, наши драккары. Так что едва со стороны реки раздались крики, а потом оттуда потянуло гарью, изрядная часть викингов, забыв обо всем, ринулась спасать морских драконов.

К счастью, не все, потому что именно на этот порыв и делал расчет мерсийский король.

Их было много, мерсийских англосаксов. Больше, чем нас. И напали они неожиданно. Рагнарсоны были уверены, что осторожный Бургред не рискнет атаковать, потому что король даже не попытался отбить Ноттингем. А теперь, когда две армии объединились...

Бургред рискнул. И начал неплохо. Настолько неплохо, что, будь мой хирд где-нибудь поближе к реке или на восточной окраине лагеря, нам пришлось бы туго.

Но мы разместились почти в середине, и между нами и атакующими оказались хирды Иваровых ярлов. И он сам со своими лучшими головорезами. Так что я даже особенно не торопился. Успел облачиться в броню и проследить, чтобы мои не кинулись в драку в одном исподнем.

Они и не кинулись. Незачем было куда-то бежать. Драка пришла к нам.

Голова английского клина выдвинулась из темноты откуда-то сбоку, разворачиваясь на ходу. Целил этот клин не в нас, а в тыл Иварова строя. Я решил, что именно Иварова, потому что главное рубилово, судя по звукам, шло там, где стоял шатер Ивара, а Бескостный не из тех, кто отступает, когда его воины сражаются.

Нас английские мастера флангового обхода не заметили. Или не посчитали противниками, поскольку мои никуда не бежали, а спокойно стояли, ожидая, когда я укажу им цель.

Я еле успел встать между текущей мимо рекой бронных мерсийцев и своими главными рубаками, не дав им броситься в самоубийственную атаку. Медвежонка перехватил буквально в последнюю секунду.

Стрелков остановил Бури. Степняк видел в темноте как дикий кот, а сообщал еще быстрее.

Английский клин очень грамотно развернулся и... показал нам свою спину. Казалось бы, благоприятный момент, но я решил иначе.

– Факелы! – закричал я. – Делайте факелы! Нам нужен огонь! Больше огня!

Запасов древесины в лагере хватало, тряпье тоже нашлось. И бочка со смолой имелась. Смола всегда должна быть в наличии, если ты мореплаватель.

Пять минут – и готово.

А еще у нас был запас зажигательных стрел. Немного, сотни две на всех, но пригодилось, когда мы наконец вступили в дело.

Нет, это просто мечта – ударить в спину тем, кто сам нацелился ударить в спину. В который раз это проделываю, и каждый раз не нарадуюсь.

А тут еще огонь! И огненные стрелы. Это же просто песня, когда в твоего врага впивается горящая стрела и он сам немедленно начинает гореть. Правда, назвать эти вопли песней я бы не рискнул, но чем громче и отчаяннее орет раненый, тем ниже падает дух соратников.

Мои бойцы успели изрядно попортить английские шкуры, прежде чем английские командиры сообразили, что кирдык подкрался к ним со стороны задницы.

Заорали десятники, загрохотали, сталкиваясь, щиты, и перед нами уже не спины и затылки, а стена щитов и щетина копий.

Хороший маневр. Мерсийская королевская гвардия не зря кушала свой кусок баранины с кашей.

– Лучшие! По ногам! – рявкнул Бури. Дождь стрел поредел, зато стал более адресным. В голени и ступни.

Англичане могли защититься от такой подлянки, собрав из щитов маленькую крепость, но они отреагировали активно. Рванули вперед.

Что ж, этот маневр мы тоже отрабатывали многократно. Наша тяжелая пехота быстренько собралась в оборонительный кружок, который моментально окружили враги. А стрелки тем временем быстренько разбежались в стороны. Недалеко. Шагов на сорок. И с этой идеальной дистанции вновь принялись садить англичанам в спины.

А потом знакомо загудел рог, и наши враги перестали умирать. Потому что отступили. Не без боя, конечно. Оставили с десятков покойников, но прорвались и канули в ночь.

Можно ли считать это победой?

Надо полагать, да.

Потому что целью нападения были Рагнарсоны.

План у мерсийского короля был трехступенчатый. Сначала поджечь корабли, выманив часть норманнов из лагеря, потом напустить на сам лагерь фирд, а когда закипит битва, просочиться в лагерь небольшим трехсотенным отрядом отборной королевской гвардии и прикончить пару-тройку, ну как пойдет, сыновей Рагнара. В войске мерсийцев было десятка два рубак, видевших Сигурда и Бьёрна. И еще трое обещали опознать Ивара и Хвитсерка. Не по лицу, разумеется, а по доспехам.

Не сложилось. И даже не из-за моих парней, хотя и мы внесли свой вклад в правое дело. Облом произошел в первую очередь из-за личных качеств самих Рагнарсонов. Бьёрн был едва ли не первым, кто бросился спасать корабли. Прибежал к реке всего с несколькими воинами, и как раз вовремя, потому что большую часть охраны уже порезали и даже успели подпалить пару драккаров.

Бьёрн Рагнарсон. Даны прозвали его Железнобоким, но правильнее было бы назвать его бешеным танком. В свое время мне пришлось столкнуться с бандой берсерков. Мы победили потому, что те были заперты в помещении, в котором благополучно и сторели.

Так вот: будь тогда с нами Бьёрн, берсерков можно было бы не запирать.

Англичане лежали на берегу, как выкопанная из грядок репа. Рядами.

Бургреду повезло. С Бьёрном он не встретился. Зато он встретился с Сигурдом. Причем застал Змееглазого практически врасплох. То есть тот только и успел, что выскочить из шатра, где развлекался с какой-то девкой. Выскочил

он чуть ли не голышом, с мечом, но без шлема, без кольчуги и даже без сапог. Выскочил – и сразу напоролся на нескольких мерсийцев, которые тут же взяли его в оборот и едва не прикончили, потому что Змееглазый был вдобавок еще и пьян.

Но он же Рагнарсон, так что некоторое время он отбивался, а потом повезло уже ему. Скандинавская подмога подросла к ним раньше, чем мерсийская. К мерсийцам она тоже пришла. И даже лично с Бургредом. Но к этому времени рядом с Сигурдом уже встало полсотни хирдманов, и было ясно: прикончить его быстро не удастся.

Вот тогда Бургред и подал сигнал к отступлению.

И Сигурд не погнался за ним сразу, потому что, как сказано выше, был бо-сиком и уже успел наступить на что-то острое. Или что-то острое наступило ему на ногу.

Во всяком случае, когда я его увидел, ступня его была забинтована, а вместо сапога снизу к подошве была примотана дощечка.

Несмотря на то что враг сбежал, а подоженные драккары удалось погасить раньше, чем они серьезно пострадали, братья Рагнарсоны были в ярости. Но ярости управляемой. То есть гнаться за Бургредом они не собирались. Во-первых, потому, что тот был уже далеко, во-вторых, по плану у них была переправа на нортумбрийский берег, а в-третьих, их успокоил Ивар. Сказал: никуда этот английский королек не денется. Вот разберемся с убийцей отца, подогнем под себя его земли, а потом вернемся и заберем земли здешние. В конце концов, ничего совсем уж подлого этот королек не совершил. А что напал, так это не подлость. Мог – и напал. Мы бы на его месте поступили так же.

Три брата обдумали слова старшего и согласились. Да, всё в рамках традиционного воинского искусства. То есть отомстить надо, да, но в сравнении с преступлением Эллы это так, ерунда.

На этот раз у нас были пострадавшие. Один из братьев Варгдропи, Торнюр, повредил лодыжку. Отец Бернар обещал полное восстановление, но не раньше, чем через пару недель. А Хавуру Младшему, моему самому молодому хускарлу, опять купировали ухо. То же самое, у которого когда-то отрубили мочку. Но теперь мочкой не обошлось. От уха остался суший огрызок.

Хавур не расстраивался. Ведь тем же ударом копья ему снесли шлем. Так что ухо – пустяк.

Это он так считал. Я – нет. Взял в помощники Медвежонка и устроил Младшему проверку боевой техники.

Хавур, простодушный вьюнош, полагал, что это лишнее, ведь за то время, пока Младший бился под моим началом, он прибавил сантиметров десять роста, нарастил килограммов двадцать отменной мускулатуры и взирал на меня сверху вниз – нет, не с превосходством (еще не хватало!), но с добродушной снисходительностью человека, который может поднять такого, как я, одной рукой.

Он не понимал, что я от него хочу, но того, что этого хочу я, парню было достаточно.

Поэтому, игнорируя боль в области травматически ампутированного уха, Младший надел на голову шлем, взял в руки щит и топорик, которым орудовал ночью, и принялся терпеливо отражать атаки Свартхёвди, тыкавшего в него шестом от шатра, который в данном случае имитировал копье.

Медвежонок бил, Хавур отражал, а я смотрел. И наверняка сумел бы и сам распознать, в чем проблема, если бы заглянувший в гости Красный Лис меня не опередил.

Ирландец встал рядом со мной и глазел на упражнения сёлундцев, пока Медвежонок не спросил недовольно:

– Чего тебе надо, Мурха?

– Дай мне свою палку, и я покажу.

Медвежонок ухмыльнулся, бросил ему шест и отправился пить эль, а Мурха продемонстрировал мне и Хавуру тот самый косяк, который я и пытался обнаружить.

– Тебе прилетает снизу, потому что ты подбиваешь щитом, не убирая голову, – сказал он Младшему. – Делай вот так, – он отобрал у Хавура щит и показал, – и тебя не достанут.

– Я всегда так отбивал, – пробормотал Младший. – И не доставали.

Лис поглядел на меня, пожал плечами. Это был мой боец. Лис подсказал, и это уже много. Уговаривать парня – точно не его дело. Но мое.

– Раньше, парень, ты был поменьше ростом, – сказал я. – А теперь подрос. И если видишь в этом только хорошее, то ты глупее, чем я думал. Слышал, что Бури говорит? В большую цель попасть проще. Скажи Мурхе-хёвдингу спасибо и делай, как он сказал. Не то однажды тебе уже не ухо срубят, а кусок башки!

– Ухо? – поднял бровь Лис.

– Ага. Второй раз. Потому я и решил выяснить, что не так.

– Спасибо за науку, хёвдинг! – торжественно проговорил Хавур и даже поклонился. А потом попросил жалобно: – Ярл! Можно я шлем сниму? Давит.

Мурха пришел не просто так.

– Ивар хочет, чтобы ты сходил на тот берег. Поглядел, что там.

Интересное предложение. Надеюсь, не всем хирдом?

– Это уж как пожелаешь, – ответил Лис. – Я бы и сам с тобой сходил, если не против.

Против я не был, но у меня имелись пожелания.

– Переправляться будем не здесь.

– Само собой. – С гримасой: «Не надо думать, что ты умнее других».

– Я возьму с собой только своих англичан.

– Твой выбор.

– Само собой, – спародировал я реплику и гримасу.

– Малоун, я собираюсь на тот берег, – сообщил я бывшему десятнику. – Хочу взять тебя, Хейла и Джорди.

Хорошо иметь дело с дисциплинированными людьми. Сначала кивок и только потом вопрос:

– Кто еще пойдет?

– Мурха Красный Лис. Возможно, кто-то из его людей.

– Один человек, – уточнил Малоун. – Три ирландца – это слишком шумно.

– Это правильные ирландцы, – заметил я. – Почти норманны.

– Тем более, – Малоун покосился на один из наших костерков, где по случаю свободного дня бухали дренги. И это было громко. Впрочем, их можно понять. Гвалт в лагере стоял изрядный.

– Когда?

– Нас перевезут ночью, – ответил я. – Вместе с лошадьми. В цветах людей Бургреда.

Кивок и:

– Я пойду?

– Иди.

Инструктировать Малоуна – лишнее. В данной ситуации он опытней меня.

Глава девятая. Две королевские армии

Драккар нам выделил Бьёрн. Он же и провожать пришел. Вместе с Иваром, Дразумеется.

Нас отправлялось семеро. Я с моими англичанами и Лис с двумя своими: Давлахом Бычком и Бавом Прыгуном. Выбор Лиса говорил о том, что к делу он отнесся серьезно: Давлах и Бав были не просто хускарлами, а полноценными хольдами с правом на две доли добычи каждый. Я хорошо знал обоих. Давлах, коренастый здоровяк с косолапой походкой, казался медлительным и даже неповоротливым. Склонен думать, из тех, кто самонадеянно положился на первое впечатление, уже целое кладбище собралось. Бав тоже был типичным представителем Скоген Лифер – высокий, зеленоглазый, с длинными рыжими косами и россыпью веснушек на слишком бледной для летнего времени физиономии. Прыгуном его прозвали еще в ранней юности, когда Бав, спасаясь от троих кровников, сиганул с какой-то скалы и чудом не убили о прибрежные камни. Сейчас, полагаю, он прыгать бы не стал. Порубил бы тройку мстителей и спокойно ушел домой.

Собственно, он их и порубил. Но позже. И дома в Ирландии у него к этому времени уже не было. Ни дома, ни родни. Хотя нет, все у него было. Ведь дом викинга – это его драккар, а семья – хирд.

Мурха и его хольды, как и мы, были облачены в трофейные плащи и шарфики мерсийцев. Бав даже штаны здешние напялил. Лошадок мы тоже выбрали трофейных. Из тех, что попокладистее. Так что провести их на борт по широким сходням удалось без проблем.

Драккар отчалил и примерно час двигался вверх по течению, пока я не счел, что мы достаточно удалились от места будущей переправы. Еще минут двадцать искали подходящее место для высадки.

– Приду за вами сюда же следующей ночью, – пообещал мне Бьёрнов капитан.

– Если нас не будет, то на вторую ночь тоже приходи, – велел я ему.

Мало ли как сложится.

А сложилось так: сначала мы ехали по дороге, потом, оставив лошадей под присмотром Джорди, двинулись напрямик через лесок, пока не уткнулись в уже привычную изгородь, за которой оказалось пустое пастбище, а за пастбищем что-то вроде хутора. К этому времени чуть посветлело. В доме кто-то надсадно кашлял, замычала корова... Вроде ничего подозрительного. Тем не менее хутор мы обошли стороной. И минут через пять неожиданно наткнулись на парнишку, ловившего рыбу на берегу заросшей камышом протоки.

Парнишка даже рта открыть не успел, как Бав занес над ним меч... который был перехвачен Малоуном.

– Не бойся, – мирно произнес бывший десятник по-английски. – Мы друзья. Ищем людей нашего короля.

– Нашего? Короля Эллы?

Глаза у парнишки были полны страха. Даже если он и разобрался в королевских цветах, то мерсийской расцветки не опознал.

– Элли, – подтвердил Малоун.

Его изуродованная шрамом жуткая рожа сейчас выражала доброту. Или что-то похожее.

– Вы их нашли. Там, в деревне стоят, – злорадно сообщил парнишка, махнув рукой. – Третий день. Всю живность сожрали, крысы. Сказали: король платит.

– И чему ты радуешься? – спросил Малоун.

– Так до нас не дошли!

– Сиди тихо, и не дойдут, – посулил Малоун, и мы отправились в указанном направлении, оставив парнишку в живых.

Определенно, мне нравились мои нынешние спутники.

В деревеньке трудились. И праздновали. Трудились аборигены, а праздновали их постояльцы.

– Я не пойду, – сразу сказал Малоун. – Меня многие знают... И узнают.

Тут он был прав.

– Хейл, со мной.

– И я, – сказал Лис.

– И ты, – согласился я. – Только браслетики сними. Двух эрлов на нас троих многовато.

– Разумно. – Лис убрал в кошель не только браслеты, но и всё золото, которого на нем хватало, передав Прыгуну.

Солдаты нортумбрийской армии заняли, как водится, лучшее здание в деревне, довольно убогое сооружение из глины и тростника с черной соломенной крышей.

– Старший кто? – сурово поинтересовался я.

– Чего?

Нет, это не королевская гвардия. И даже не личная дружина тана. Ополченцы. Фирд.

– Кто командир?

– А ты кто такой?

Я кивнул Хейлу, и тот сунул пяткой копья в брюхо интересующегося.

Тот скрючился и блеванул.

Это он зря. Тут и без того воняет.

– Ты! – указал я на молодца в рубахе и без штанов. – Чей?

Молодец распрямылся, выпустил тетку, которую щупал. Тетка тут же завернулась в какую-то тряпку. Вот это правильно. Так себе было зрелище.

– Чей?

– Короля Осберта... Ик!

– И где сам король?

– Ик! Он мне не сказал.

И лыбится, дебил.

– На выход! – скомандовал я и, покинув хижину, с удовольствием вдохнул более-менее чистый ночной воздух.

– Милорд! А можно нам войти?

Крестьянин. Вид потерянный, глаз подбит.

– Войди, – разрешил я. – Это ведь твой дом.

– Но они сказали, что по королевскому приказу...

– Нет приказа. Они – такие же, как ты, – отчеканил я. – Делай с ними что хочешь.

Война – она такая. Есть армия, а есть примкнувшие к ней ублюдки.

Но дело в том, что нам как раз нужна армия.

Армию мы нашли часа через два.

Два огромных лагеря, разделенных мелкой речушкой.

Над одним полоскалось знамя Эллы, над вторым...

– Осберт, – сказал Малоун.

Значит, они и впрямь договорились.

Это плохо. А еще хуже, что англичан тут – как муравьев. Не только королевские войска и дружины примкнувших к ним графов-олдерменов, которых можно было опознать по флагам, если бы я в них разбирался. Это неважно. Важно, что здесь собралось двадцать-тридцать тысяч бойцов. И это не считая ополченческого мяса.

– Мы справимся.

Мурха тоже оценил армию противника и сделал неправильный вывод.

Почему неправильный, я ему сейчас объясню.

– Нас примут во время переправы, – заметил я.

– Мы справимся, – повторил Лис.

– Многие умрут.

– Это война. Мы победим.

– Нет, – я покачал головой. – В лучшем случае выиграем битву. И тогда они отступят. Как думаешь куда?

– В Йорвик.

– Именно.

Мурха задумался. Стены нортумбрийской столицы он помнил. На таких стенах даже недоноски вроде тех, которых мы встретили в деревеньке, способны создать проблемы. А десять тысяч (вряд ли уцелеет меньше) полноценных бойцов сделают их неприступными. И что опять? Сидеть под Йорвиком, пока не кончатся съестные припасы? А кончатся они у нас, потому что в Йорвике – королевские хранилища, купеческие амбары и главный церковный орган Нортумбрии. Вот у кого кладовые так кладовые.

– Что предлагаешь? – спросил Лис.

Он чувствовал, что у меня есть идея.

Идея была. И я ее озвучил.

– Сигурду с Бьёрном это не понравится.

– Главное, чтобы понравилось Ивару.

– Тоже верно, – согласился Мурха. – Ну что, уходим?

– Уходим, – подтвердил я.

Легко получилось.

Глава десятая. Беспечность наказуема

Как обычно и бывает, «легко» закончилось.

По дороге к месту высадки-посадки нас уже ждали.

Выехавший отряд заблокировал дорогу. Еще один отрезал путь обратно. Плюс стрелки на опушке.

– Кто такие?

Вопрос был задан достаточно спокойно, и тот, кто его задал, агрессии не

проявлял.

На нас цвета Бургреда и все типично местное: от сбруи до щитов.

– Мерсия, – спокойно ответил я. – Зови меня лорд Николас.

– Уолт Тизи. Откуда ты взялся, лорд?

– Оттуда, – я указал на реку. – Перебрались ночью. Теперь едем к королю Элле с вестями от короля Бургреда.

– В таком случае ты едешь не туда, лорд Николас.

Уолт этот мне понравился. Неторопливый, рассудительный, основательный. Чем-то похож на моего Малоуна. Только без шрама.

– Благодарю, – сказал я вежливо. И своим: – Разворачиваемся.

– Погоди, лорд!

– Что ты сказал? – Я принял максимально надменный вид.

– Тебе придется поехать с нами.

– Да ну?

– Прости, лорд Николас, но у меня приказ тана. Уверен, он не станет тебе препятствовать. Думаю, даже предложит разделить трапезу. А потом даст людей, чтобы проводили тебя к королям.

К королям, а не к королю. Несложно сделать вывод, что этот тан – не из группы поддержки Эллы. И отпускать нас не намерен.

Я демонстративно огляделся. Семеро впереди. Около десятка сзади. И чертовы стрелки, которых даже не пересчитать толком.

Англичанин был вежлив. Я назвался лордом, разговариваю и выгляжу соответственно, а он – простой вояка. Но у него приказ, а я даже не свой лорд, а мерсийский. И каким бы благородным я ни был, но на его стороне сила. Так что – подчинимся. Пока.

– Обед – это неплохо, – сказал я. – Поехали.

Лорд Брэди, тан Черилленда, и впрямь оказался сторонником Осберта. И всё бы ничего, если бы его сыночек не оказался тем самым мальчишкой Идвигом, которому я попортил руку в день, когда старина Малоун повел меня на местный полигон проверить мои кавалерийские навыки.

Естественно, Идвиг меня узнал. И Малоуна он тоже узнал, но на бывшего десятника ему было наплевать, а вот на меня...

– Как рука, малыш? Вижу, все хорошо? – участливо поинтересовался я, видя, как вьюнош этой самой рукой тискает рукоять меча.

– Отец, это тот самый...

– Лорд Николас из Мунстера, шевалье де Мот! – сообщил я, спешиваясь и отвесив легкий поклон. И обозначил рукой: – Мой родич лорд Мурха Редфокс и его люди. Ваш человек от вашего имени обещал мне обед. Очень кстати. Мы действительно голодны.

– Я слышал о вас.

Тон тана ясно давал понять: слухи были недружественными.

– Увы, доселе я был знаком только с вашим... сыном? – Сходство налицо. – Рад, что он здоров. Я старался не причинить ему вреда.

– Отец! Он убил Эзельстана! – выкрикнул вьюнош.

– Что делать, малыш, – я пожал плечами. – Королевская служба. Архиепископ Вулфер отпустил мне этот грех. Чего, к сожалению, нельзя сказать о юном Эзельстане. Его благость сказал, что несчастный будет вечно гореть в аду. Тебе повезло, мальчик, – я повернулся к Идвигу, – тебе хватило благоразу-

мья не ввязываться в ту историю, не то погубил бы свою душу, как и он.

Я ожидал, что тан поинтересуется, что за история, но тот спросил другое:

– Ты на службе Эллы, лорд?

– Да, – соврал я.

– Тогда почему ты в цветах Мерсии? – обвиняющим тоном поинтересовался тан.

– Это долгий рассказ, лорд, – уклонился я от ответа. – Мне, пожалуй, не одолеть его без пары кружек доброго эля.

Некоторое время тан колебался. Изучал моих спутников, косился на сына, которого буквально разрывало от желания высказаться...

Но мой благодушный вид сработал.

– Что ж, – сказал он наконец. – Прошу к моему шатру.

Нет, даже усадив нас за стол, тан не забыл позаботиться об охране.

Охране от нас, потому что наблюдали они вовсе не за окрестностями.

Снедь была нехитрая, но ее было довольно, и эля хватало. Так что я решил не кочевряжиться и начал повествование. От печки. Вернее, от королевского двора в Йорвике, где мне высочайше было поручено сопровождать послов с верегельдом за убитого норманнского конунга.

– Верегельд – это...

– Я знаю, что это, – перебил меня тан. – Продолжай, лорд Николас.

И я продолжил. Вплоть до нашего прибытия в Роскилле. И рассказа о невидной участи чевиотских лордов.

– Да, я о ней знаю, – сказал тан.

И поведал мне продолжение истории, то, что случилось уже здесь, в Нортумбрии, когда «послания» Сигурда достигли получателя. Вернее, только одно из них, потому что один из калек умер в пути. А вот второй страдалец дожид до окончания путешествия и был доставлен королю в бочке из-под рыбы. И король Элла прочел надпись на его челе, в точности скопированную палачом Сигурда с деревянной дощечки, которую я отдал Ивару.

«Ты позавидуешь ему, когда мы придем».

Склонен думать, надпись была лишней. Как оказалось, именно она сделала Эллу сговорчивым, когда архиепископ Вулфер увещевал его забыть распри и помириться с Осбертом.

– Как же тебе удалось спастись от мести язычников? – вернулся к теме беседы тан Чериленда.

– Повезло, – соврал я. – С нами был капитан из Кента, но сам из данов. Помог спрятаться, а потом сесть на корабль своего родича. Не бескорыстно, разумеется, – я вздохнул, – но зато он переправил нас, – я кивнул на Малоуна, – сначала на землю франков, а оттуда на попутном судне мы добрались до Кента. Оттуда – в Мерсию. А там Бургред нас... – тут я замялся.

– Ты говори, лорд! – поощрил тан. – Очень интересно, как ты стал мерсийцем.

– Вообще-то не мерсийцем, а всего лишь королевским гвардейцем Бургреда, – я изобразил смущение. – Король не оставил нам выбора. Или с ним, или... – Я провел пальцем по горлу. – Не очень-то он любит короля Эллу.

– Да кто его любит, узурпатора! – воскликнул сынок Идвиг, но папа велел ему помолчать.

– Скажу тебе, лорд, мы не очень противились, – я изобразил нечто вроде

пьяной откровенности. И то – эля я выпил уже порядочно, и тан это видел. И склонен думать: персональный подливальщик за моей спиной оказался не просто так.

– Ты пойми, тан, Бургред, он вам, нортумбрийцам, не друг. Но когда речь идет о язычниках-норманнах... А Бургред с ними сражался. Мы все там бились!

Вот, даже и не соврал.

– Судя по тому, что норманны стоят лагерем на том берегу, а Бургреда я там не вижу, битва не задалась?

Ишь ты. Пряма сама проницательность.

– Нас разбили, – сокрушенно признал я. – И корабли их поджечь не смогли. Скажу тебе прямо, тан, мы бились как львы, но язычников было слишком много... И нам пришлось... Нам пришлось...

– Драпать! – подсказал паскудный сынок.

– Я – человек нортумбрийского короля! – расправив плечи, гордо сообщил я. – И когда появилась возможность, я... мы последовали своему долгу. Мой родич, – кивок на Мурху, – отважно захватил норманнский челнок, на котором мы и преодо... преодно... Переплыли сюда. Сражаться с язычниками! Слава королю!

Я лихо опростал очередную кружку и уронил голову на стол.

– У нас был тяжелый день, – извиняющимся тоном произнес Малоун. – Сначала переход, потом битва, потом язычники нас преследовали... Милорд две ночи не спал.

– Бургред разбит? – напрямик спросил тан.

– Вдребезги, – Малоун был сама невозмутимость. – Бежал со всех ног.

Я мысленно поаплодировал.

– Что ж, – сказал тан Чериленда. – Бургред разбит. Это плохая новость. Но у нас здесь немалое войско, и мы готовы сделать то, с чем не справились мерсийцы. Что с вами делать, я решу завтра. Забирай своего лорда и идите спать. Вас проводят. Отдыхайте. О ваших лошадях позаботятся мои люди.

Проводили в сарай во дворе крепости. Хорошо хоть, не в тюрьму. Я «очнулся», едва за нашими проводниками закрылась дверь. Закрылась снаружи, что характерно.

– Красиво врал, – Лис стянул сапоги и улегся на присыпанный сеном земляной пол. – Но он тебя все равно не полюбил.

– И хорошо, – проворчал я, устраиваясь рядом. – Для любви у меня жены есть.

Устал, однако. Ноги гудят, спина одновременно и ноет, и дьявольски чешется. Надеюсь, это не вши.

– И что теперь, эрл?

Это Джорди.

Был бы здесь мой братец, я знаю, что бы он ответил. Убьем их всех. Но я не настолько кровожаден.

– Если не хотим переплывать реку на бревнышках, то этой ночью нам надо быть в назначенном месте.

– И как мы это сделаем? У черилендского тана полсотни воинов, а нас шестеро.

– Хы! – фыркнул Давлах Бычок. – Полсотни англичанишек! Я уже убил

втрое больше.

Джорди обиделся. Но промолчал.

Давлах встал, отошел в угол и щедро его оросил.

Что, понятно, не улучшило атмосферу внутри сарая.

– Я думаю: убивать нас не станут, – глубокомысленно изрек Малоун.

– Почему ты так решил, англ? – Давлах завязал штаны и уселся на перевернутую поилку для скота.

– Я сакс, а не англ, – уточнил Малоун. – А решил так, потому что нам оставили оружие.

– А ты бы отдал?

– А ты нет?

– А я нет! – самодовольства в голосе ирландца хватило бы на троих саксов. – Мои копья – это только мои копья, – он похлопал по месту, которое можно было бы назвать ширинкой. Но ее, увы, еще не придумали. – Рискни тан обойтись с нами невежливо, сколько бы у него тогда осталось людей? А зная наше го ярла, я почти уверен, что у этих людей не осталось бы тана.

Приятно, когда такой человек, как Давлах, столь лестного о тебе мнения.

– Малоун, посмотри, что там снаружи, – велел я, показав вверх. – Давлах, помоги ему.

Бычок вскарабкался на перевернутые ясли, топнул пару раз, чтобы убедиться, что они выдержат полтысячи фунтов. Малоун подобрал деревянные вилы, проковырял с их помощью дыру в соломенной крыше, встал на плечи ирландцу, протиснулся между жердями кровли и высунулся наружу.

Минут пять он изучал окрестности, потом, присев, мягко спрыгнул на пол и принялся вычищать солому из волос и бороды.

Я ждал. Торопиться было некуда.

– Дверь подперли бревном, – начал доклад Малоун. – Зачем – не понял.

Я тоже не понял. Дверь на кожаных петлях. Разрубить их – секунда.

– Снаружи – двое. Один старый, другой мальчишка. Играют в кости.

Малоун поморщился. Это в нем бывший десятник проклюнулся.

– Во дворе людей много, но солдат меньше десятка. Ворота открыты. Снаружи больше. Часть – верхом. Тан им что-то говорит. Похоже, намерен куда-то отправить.

Вот это хорошая новость. Можно временно расслабиться.

– Отдыхаем, – решил я. – До сумерек.

Положил под голову свернутый плащ и уснул.

Разбудил нас один из тановых дружинников, когда уже начало темнеть. Ну как разбудил: открыл дверь и заглянул. Увидел мирную картину – нас спящих, успокоился, поставил у входа деревянное ведерко, и дверь снова закрылась. Но мы с Мурхой уже проснулись. Проснулись, переглянулись, а потом ирландец тихонько растолкал своих, а я – своих.

В ведре оказалась обычная вода. Заботу я оценил.

– По возможности никого не убиваем, – распорядился я.

Судя по небу в дыре над головой, уже достаточно стемнело.

Рубить петли мы не стали. Разрезали аккуратно, придерживая двери, сдвинули их слегка, ровно настолько, чтобы мы с Лисом просочились наружу. «Не убивать», – обозначил я Лису.

И два вахлака-сторожа отправились в небытие лишь на время.

Через пару минут (минус еще трое беспечных) мы уже были в конюшне. А еще через пять минут выезжали из ворот.

Два охламона-караульных даже поприветствовали меня как лорда. Я благосклонно кивнул.

Даже и не думал, что будет так просто.

А все почему? Потому что я – добрый. А убей мы караульных, сколько времени прошло бы до поднятия тревоги?

– Давно знал, ярл, что ты удачлив, но даже и не думал, что настолько, – сказал мне Лис уже на палубе драккара.

Я пожал плечами. При чем тут удача? Гуманизм, выдержка и точный расчет. И вот твой враг кормит тебя и поит, потом укладывает спать и практически не возражает, когда ты отправляешься восвояси. Ну да проехали. Сейчас у меня другая забота. Правильно подать Рагнарсонам мою стратегическую идею: как превозмочь могучую нортумбрийскую армию, не потеряв собственную.

– Нет! – Сигурд Рагнарсон не задумался даже на секунду, прежде чем определиться с позицией. – Я поклялся отомстить за отца, и я отомщу!

– Сколько бы ни было этих жалких англов, мы их всех уничтожим! – поддержал его Хвитсерк.

Бьёрн поглядел на Ивара. Ивар же объявлять решение не торопился.

Змееглазому это не понравилось:

– О чем тут думать, брат? Убийца нашего отца на том берегу! Ты забыл нашу клятву?

Ивар улыбнулся.

Когда дракон улыбается, его собеседнику хочется перенестись километров на триста. И все равно куда.

Но только если собеседник – не такой же дракон.

Мне показалось: вот-вот раздастся оглушительный треск ломающихся о борта весел и стоголосый рев сошедшихся хирдманов.

Но нет. Братья Рагнарсоны очень четко чувствовали ту линию, после которой родная кровь перестает быть родной.

– Посмотрите на него, – Ивар указал на меня.

Я старательно изобразил невозмутимость. Что было непросто.

– Скажи мне, Ульф, у тебя ведь была возможность убить Эллу?

– Пожалуй, – осторожно ответил я.

– Но ты его не убил. Почему?

Потому что потом, скорее всего, убили бы меня. Но, к счастью, это был риторический вопрос. Ответ на который я уже давал.

– Он не сделал этого, Сигурд. Он понимал: нельзя украсть у нас нашу месть! И что я слышу теперь от собственного брата? Сигурд! Ты и впрямь хочешь, чтобы убийца нашего отца пал в бою?

Бьёрн хлопнул ладонью по столу. Хвитсерк непонимающе уставился на Ивара.

– Наша месть, – сказал Ивар, – это не полет из Мидгарда в Валхаллу. Элла умрет так, что о его смерти будут вспоминать правнуки наших правнуков. Ты позаботишься об этом, Сигурд. Но то, что придумал Ульф, заставит конунга англов испытать боль посильнее, чем от твоего ножа, Сигурд.

– Не понимаю, – пробормотал Хвитсерк. – Я бы тоже огорчился, если бы мой

враг струсил и отказался от битвы. Но при чем тут боль?

– А что бы ты испытал, брат, если бы, вернувшись домой, обнаружил там своего врага? Твои богатства, твои дети, жены, родичи – все, что было твоим, стало его. А ты смотришь на это и ничего не можешь сделать.

– Еще как могу! – возразил Хвитсерк. – Я его на кусочки порежу! Зубами порву!

– Это потому, что у Роскилле нет стен, – усмехнулся Ивар. – А у Йорвика они есть. И, клянусь копьём Одина, они крепче, чем зубы Эллы! Ульф знает толк в мести, ведь он сам однажды испытал подобное.

Хвитсерк перевел взгляд на меня, потом кивнул и сказал:

– Ульф-ярл, ты хорош.

Ну да. Хотя до сих пор так и не научился видеть мир как викинг. Может, поэтому не склонен праздновать победу заранее. Я ведь тоже видел стены Йорвика. И не думаю, что попасть внутрь будет просто, даже если там не будет всей армии Нортумбрии.

Получается, так или иначе, но свой план я пропихнул?

Не совсем.

– Ты хорош. Но мы поступим иначе. Бьёрн, сколько у нас здесь союзных?

– Сейчас сотен семь-восемь. Кораблей. Но не все здесь. Половина расползлась по округе. Грабят.

– Надо собрать как можно больше, – заявил Бескостный. – У них есть корабли, так что перебраться на тот берег им будет нетрудно.

– Хочешь, чтобы они отвлекли англов? – уточнил Бьёрн.

– Хочу. Но сами они не пойдут. Нужен кто-то из нас.

– Я! – тут же вызвался Сигурд.

– И я! – поддержал Хвитсерк.

Ивар кивнул. Он, похоже, на это и рассчитывал.

– Вы заставьте их драться, – сказал он. – А мы с Бьёрном пойдём к Йорвику. И возьмем его.

Собственно, это и был мой план. Только об отвлечении я не говорил. Нет, мысль хорошая, но если Ивар мог предложить братьям ввязаться в неравный бой, то я – нет.

– Обсудим, – сказал Ивар, подтягивая поближе кувшин с элем. – Ульф-ярл, благодарю тебя.

Я понял. Вежливо кивнул каждому из братьев-конунгов по очереди и вышел из шатра.

Воздух снаружи показался сладким, как поцелуй Гудрун. Вот как бывает. Рядом река, порядком заиленная. Еще лагерь вокруг, который смердит, как и положено смердеть военному лагерю. Но после «вдохновляющего» общества братьев Рагнарсонов...

– Ну? – спросил поджидавший снаружи Медвежонок.

– Согласились.

– Я в тебе не сомневался! – Свартхёвди хлопнул меня по спине. – Пошли, там наши бычка жарят. Вот только эля почти не осталось.

Зря он печалился.

Когда мы вернулись в «расположение», там уже обосновались ирландцы Лиса. С изрядным количеством английского пива.

«Молодцы братья-католики, – подумал я. – Ушлые и нежадные».

В целом, правильная оценка. Но не в данном случае. Эль был от Хвитсерка и предназначался мне. Просто Мурха первым попался Рагнарсону на глаза. И мой «почти тезка» поручил ему передать мне ценный подарок.

Впрочем, и ирландцы не с пустыми руками пришли, а с двумя бочками свежесоленой рыбки, экспроприированной в каком-то рыбацком селении, и четырьмя мешками ржаной муки, из которой быстренько понаделали пресных лепешек.

В общем, вечер удался. Не хватало только музыки и женщин. Но попытку отправиться на поиски я пресек. Собирай потом бойцов по местным деревням. И хорошо еще, если никого не притопят втихомолку. Так что обошлись музыкой, которую организовали собственными силами.

И тут я кое-что понял. А именно: раз у бойцов хватает энергии на эти дикие пляски, то тренировочные нагрузки можно запросто удвоить.

Глава одиннадцатая. Непрístupные стены нортумбрийской столицы
То была славная битва. Как нам потом рассказывали. Объединенная армия двух королей вроде бы была полностью готова к встрече противника, но как-то так получилось, что викинги все равно напали внезапно. И как-то успели не только высадиться на берег, но и на нем закрепиться. Место выбрали правильное: коннице не разбежаться, да и людям тоже особо не побегать. Заливной луг в состоянии частичной заливки. Грязь примерно по щиколотку. И фронт шириной метров сто максимум, а с флангов уже настоящее болото.

Англичане кое-как собрали собственный строй, оба войска сошлись и некоторое время играли в кто кого перепихает. На стороне Нортумбрии была численность. На стороне викингов – навыки, мощь и ярость. А еще у них были супербойцы, способные прорвать вражеский строй. Например, Сигурд Рагнарсон. И его берсерки, коих насчитывалось почти два десятка. Сигурд любил воинов Одина, потому что умел с ними управляться. Даже медведи опасаются драконов. Вот только Сигурд вперед не лез, а берсерки оставались в резерве. Похоже, северян полностью устраивало, что два войска топтались на месте, время от времени ширяя противников острыми железками с такой интенсивностью, что через полчаса противостояния бойцы даже не устали.

Эта имитация битвы длилась примерно полчаса, а потом выяснилось, что союзные Рагнарсонам головорезы уже всех победили и всю грабят вражеский лагерь.

Хотя нет, «всех победили» – это было преувеличением. Вернее – дезинформацией. На самом деле оставшихся в лагере войск было раз в десять больше, чем грабителей, и как только англичане осознали этот замечательный факт, то храбро ринулись в атаку. То были в основном ополченцы, но ведь противостояли им не монолитные стены хирдов, а мелкие компании, грабившие шатры и потрошившие повозки. Они даже не столько грабили, сколько портили. Да еще и пожар устроили.

Большая часть сводных королевских сил плюнула на завязших на берегу язычников и бросилась спасать имущество. Причем если сотен пять людей Эллы все же остались на берегу, то люди Осберта ушли все. Хотя грабили как раз лагерь Эллы.

Командование после отступления королей перешло к моему знакомцу Кенельму, королевскому сотнику, вояке достойному, но полководцу, как выяснилось, посредственному.

И когда викинги внезапно «проснулись» и атаковали по-настоящему, Кенельм, геройски стоявший в первой шеренге, умер одним из первых.

Хотя шансов у него в любом случае было немного. Бойцам Сигурда при численном равенстве сил могли противостоять разве что королевские гвардейцы, да и то недолго. Так что викинги прорвали заслон и даже поверили в победу... На некоторое время.

Потом англичане сообразили, что нападение на лагерь было отвлекающим маневром, и обрушили на хирды Сигурда и Хвитсерка всю мощь своей конницы и пехоты, и снова оттеснили норманнов к реке, где, несомненно, довершили бы разгром...

Не будь у викингов кораблей.

Но корабли у них были, так что, пусть и с серьезными потерями (в основном среди союзников), викинги покинули нортумбрийский берег и двинулись к морю, оставив временно союзных королей пожинать плоды победы. Временной.

* * *

Йорк-Йорвик. Сотня с хвостиком гектаров тесно прижавшихся друг к другу мини-дворцов, зданий, казарм, арсеналов, складов, мастерских и прочего, и главенствующая над ними громада собора Святого Петра, сердце одноименной обители христианского римского духа.

Весьма символично, поскольку каменный квадрат, вместивший все это, тоже был возведен римлянами. Я видел эти стены и снаружи, и изнутри, так что отлично понимал, что взять их будет очень непросто. И люди-муравьи на них не станут празднично глядеть на наши старания. Они будут кусаться.

И словно в подтверждение этих мыслей с ближайшего бастиона – массивной, округлой башни – донесся громовой удар, затем черная точка по крутой дуге ушла к сизому небу, зависла там на пару мгновений, а потом с устрашающим гулом понеслась вниз, стремительно увеличиваясь в размерах. Ну прямо на наши косматые головы.

Мой братец Медвежонок помянул воронов, я сам невольно втянул голову в плечи, хотя понимал, что втягивай не втягивай – разницы нет. Впрочем, вероятность попадания именно в нас – ничтожна.

Так и вышло. Камешек ухнул в землю шагах в пятидесяти, разрушив чей-то сарай, развалившийся от сотрясения, и напугав бойцов Бьёрна, мародерствующих неподалеку.

Бури извлек из чехла лук, наложил стрелу...

И убрал оружие обратно. Метров четырехста. Да еще с приличным превышением. Слишком далеко даже для моего снайпера.

Мы направились к месту падения: было любопытно поглядеть на «подарочек».

От удара о землю снаряд развалился на дюжину кусков. Хотя какой снаряд... Просто кое-как обработанный кусок известняка. Выстрел был явно пробным. Ну да, кто же будет пристреливать орудия по собственным предместьям. Это сейчас народ отсюда разбежался: кто в Йорвик, кто – в крепость на том берегу, но большинство наверняка просто в лес. Или вверх по реке. Вроде бы у речных причалов плавсредств поубавилось. И точно ни одного судна покрупнее рыбацкой лодки. К тамошним складам никто из наших соратников пока не совался. Слишком близко от стен.

Не трогали пока и крепостицу с той стороны Уза. Тоже римское сооружение, надо полагать. Разве что церковь тамошняя – более поздней постройки. Святой Марии, если не ошибаюсь.

Еще один снаряд... С тем же жалким результатом.

– Опять будем сидеть под стенами, комаров кормить, – проворчал Медвежонок.

Отчасти он был прав. Ивар не торопился. И я знал, чего он ждет. Вернее, кого. Но день-другой у нас в запасе точно есть.

– Возьми десятка три наших, – сказал я. – Съездим, поглядим одно интересное место.

Вилла моего «добротого друга» Озрика внешне не изменилась. Та же ветхая древнеримская красота. Пускать нас внутрь сначала не хотели, но мы были убедительны и спустя час уже обедали в том самом зале, где когда-то Озрик представлял меня своим дружкам-оппозиционерам. Обедали качественно. А особенно качественными были вина. На вилле обнаружился прекрасный погреб, содержимое которого я намеревался изъять. Собственно, изъято будет содержимое всех погребов. И вообще все, что приглянется. И не потому, что Озрик мне должен. У нас же война. А на войне любая собственность, которая тебе симпатична, становится твоей.

Зато никакого вандализма. И никакого кровопролития. Но всё под контролем. Особенно приготовление пищи. Еще отравит нас таких хороших какая-нибудь воинственная Анис. Самой Анис на вилле не обнаружилось. Оно и к лучшему. Хватало здесь девок и покачественнее. Вообще же обитателей виллы было примерно сотни две. И все, включая молодцев из охраны, вели себя похвально. Угодливо и подобострастно. Особенно старался управитель, поскольку за ним уже числился один проступок. Это из-за его упрямства нам пришлось открывать ворота изнутри. Кстати, давешнего гостя виллы он во мне не признал. Видимо, не укладывалось в его сознании, как может даже очень плохой королевский гвардеец превратиться в языческого эрла. Да и дьявол с ним. Главное, мои парни довольны. И Ивар будет доволен, когда я завтра привезу ему пару бочек здешнего белого.

Такой вот у меня был план.

Но жизнь, как у нее принято, преподнесла сюрприз.

Прибыл хозяин виллы.

Хорошо, что Медвежонок всегда начеку и выставил караул, как положено. И караул, как ему и положено, бдил.

Озрик приехал ранним утром. С ним – десятка два кавалеристов. Застань они нас врасплох, были бы потери. Но караульный заметил конный отряд загодя, и потому врасплох застали гордых англосаксов.

Когда усталые всадники на еще более усталых конях въехали во двор, то встретили во дворе меня. И два десятка норманнов в полной экипировке. И дюжину стрелков на правильных позициях.

Вот Озрик меня узнал. И даже не удивился.

Как выяснилось, у него был контакт с черилендским таном, и тот рассказал ему курьез. Случай с неким то ли эрлом, то ли рыцарем, которому тан оказал гостеприимство, коим тот пренебрег. Рассказал с подробностями, которые Озрика удивили. Поскольку он незадолго до этого по поручению короля Осберта общался с королем Бургредом и доподлинно знал, что никакого ир-

ландского рыцаря в войске у того не было.

– Теперь ты с язычниками, Николас? – спросил он грустно.

– Не я с ними, а они со мной, – поправил я. – Они зовут меня Ульф Хвити. Ярл Ульф Хвити. Так что ты теперь мой пленник, не возражаешь?

Озрик пожал плечами. Понимал, что вариантов у него два и второй совсем неприятный.

– К той истории я не имею отношения, – на всякий случай сообщил он. – Эзельстан действовал без моего ведома.

– И земля ему пухом, – отозвался я. А потом в моей голове возникла интересная мысль. – Скажи мне, Озрик, ты хочешь стать королем?

Глава двенадцатая. Падение Йорвика

– Вот человек, о котором я говорил, – я положил руку на плечо Озрика и подвинул его вперед.

Сын олдермена держался неплохо. Разве что побледнел самую малость. Но в факельном свете это не очень заметно.

– Ульф-ярл сказал, что ты конунг по крови, – Ивар вперился в него взглядом голодного дракона. – Это так?

Наверняка он понял, но я все же перевел на всякий случай.

– Да, король Ивар. Я – королевской крови.

И это правда. Крови этой – пара наперстков, но уточнять не будем.

– И ты готов поклясться быть верным?

Еще бы Озрик не был готов. Я провел с ним серьезную разъяснительную работу. Даже сумел подсластить пилюлю: мол, это единственный способ спасти Йорвик от разорения, а христианские святыни – от поругания. Опять-таки, многого ли стоит клятва, данная язычнику?

Об этом я не говорил, а так, легонько намекнул. Для облегчения выбора, не более. Потому что на этот счет тоже подстраховался. Хитромудрые ярлы и конунги, что так и норовят поклясться Отцом лжи Одним, кое-чему меня научили.

Но о страховке Озрик узнает, когда заднего уже не отыграть. А пока пусть выбирает между умеренно хорошим и совсем плохим. Когда на одной чаше – не самая приятная смерть, а на другой – спасение не только своей шкуры, но еще и людей, а главное – церкви...

Ну и королевская власть в придачу, пусть и несколько ограниченная. По моему, все очевидно.

Для Ивара тоже очевидно. Он-то и клятв никаких давать не будет. Даже отсутствующим глазом Одина. Шанс не оставить под стенами Йорвика минимум четверть хирда Бескостный не упустил, и за предложенную мной идею он ухватился.

Бьёрна убедить тоже было нетрудно, ведь Железнобокий рассуждал аналогично. Хирд – главная ценность вождя даже в мирное время. А нашим конунгам предстояло войско Эллы и Осберта разбивать, а потом Англию покорять.

Чуть сложнее было, еще до присяги Ивару, убедить Озрика написать правильное письмо архиепископу. Именно архиепископу, а не королевскому наместнику. Формально городским ополчением командовал воевода Эллы Редманд, однако в вопросах политических первое – а оно же последнее – слово принадлежало Вулферу. Именно его святость был главным надгробием в этом потенциальном кладбище.

Для убедительности я прогулял Озрика по нашему лагерю, показал приготовления к осаде: лестницы, башни, таранный сарай и прочее. Показал ему тренировку моих лучников, чтобы он убедился: стрелки у нас точно не хуже тех, кто на стенах. О том, что так бьют только мои парни, а их всего ничего в войске норманнов, я умолчал. Под конец добавил, что это всего лишь часть языческого войска. Примерно треть его. А две трети, те, которые навалили Элле и Осберту, уже погрузились на корабли и сейчас плывут сюда.

– Но мы же их победили! – возразил гордый сын олдермена. – Меня послали с этой вестью!

Я засмеялся.

– Победа, – сказал я, – это когда враг уничтожен или рассеян. А когда враг рассеял твои войска, побил твоих людей, ограбил твой лагерь, а потом ушел безнаказанно, это называется по-другому. Если бы норманны хотели уничтожить союзную армию Нортумбрии, они бы ее уничтожили. Но зачем?

– Как это зачем? – не понял Озрик. – Победить врага!

– А зачем? – повторил я.

Озрик не понял. Пришлось объяснить:

– Норманны не воюют только ради победы. Они даже не мстят исключительно ради мести. Одной только мезтью сыт не будешь. Потому, если не будет добычи, викинги в драку стараются не лезть. А добыча, она не там, где нас ждали. Она – здесь, – я показал на древние стены Йорвика. – На ваш береговой лагерь напали только те, кому и трофейная конская упряжь в радость. Ты видел моих воинов. На каждом из них кольчуга не хуже твоей. С чего бы мне вести их в бой ради кожаного ремня и горстки серебрушек? Там, на берегу, вы дрались не с гвардией конунгов, а с норманнским фирдом, ополчением. Для настоящих воинов там достойной добычи не было. А здесь, – я показал на стены, – здесь есть. И они ее возьмут. И когда они войдут в город, жители Йорвика познают ад. Хочешь, я расскажу тебе, как это было у франков? Да, я не врал, когда рассказывал о том, как воевал там. Я действительно был беллаторе короля Карла. Но потом мы... повздорили, и я ушел к норманнам. Можешь мне верить или не верить, – среагировал я на скептическое выражение лица Озрика, – мне все равно. И тебе тоже. А вот в то, что будет, когда Йорвик падет, тебе поверить придется.

И я вкратце описал ему, что будет. Даже краски сгущать не потребовалось.

Озрик поверил. Тем более что и его братья во Христе вели себя с побежденными не лучше.

– Им, – я кивнул в сторону города, – очень повезло, что я встретил тебя. Если ты уговоришь Йорвик сдаться, то ад не придет на его улицы и в его церкви. Короли норманнов возьмут с города выкуп – да, это будет немалый выкуп, – но зато кровь его жителей не будет течь по сточным канавам. Разве не богоугодное дело? А еще подумай о себе... – Я сделал паузу. – Подумай хорошенько. Кто ты, Озрик? Всего лишь сын олдермена. А можешь стать королем.

– Куклой короля, – буркнул англичанин. – А кукольники – язычники-норманны.

– Вот именно! – воскликнул я. – Они норманны! Рано или поздно они уйдут, а ты останешься!

– А если уйдут не все?

Вот же упрямая скотина. Хотелось напомнить о том, что будет лично с ним,

если мы не договоримся. Но я сдержался. Мне не нужен Озрик шантажируемый, мне нужен Озрик убежденный.

– Пусть остаются. Пусть живут в христианском городе, проникаются христианскими ценностями... Глядишь, и на проповедь заглянут. Какой прекрасный шанс для архиепископа склонить их к истинной вере! Норманны-христиане! Неплохое приобретение для церкви, как считаешь?

– Звучит хорошо, – согласился Озрик. – Для нас. Но зачем все это норманнским королям?

– А затем, что им не придется терять время и людей под стенами Йорвика. Нортумбрия – не единственное королевство. Эссекс, Уэссекс... У норманнских конунгов большие планы. И они не обижают тех, кто соглашается принять их власть. Король Восточной Англии Эдмунд поклялся им в верности и остался королем. Слышал об этом?

Да, он слышал. И этот довод оказался наиболее убедительным.

– Я присягну, – согласился он. – И постараюсь убедить его благостью. Говори, что мне следует сделать...

– Ты готов поклясться мне в верности на знаках своего бога? – спросил Ивар.

– Готов.

– Хорошо. Давайте его сюда, – конунг шевельнул рукой, и в помещение вошел священнослужитель, сопровождаемый на всякий случай зверообразным хирдманом.

– Ты засвидетельствуешь клятву перед вашим богом, – сказал Ивар.

Я перевел. Причем дважды. Святоша трясся от страха. Он был не из тех, кто мечтал о мученичестве. Но дело знал туго. Так что клялся Озрик по всем правилам, положив руку на Библию. И с крестоцелованием.

Вот теперь не поюлишь. Не язычнику поганому дана клятва, а лично Богу в присутствии его представителя.

Письмо Вулферу было уже готово. И отправлено сразу после торжественной присяги.

Теперь оставалось ждать. Либо переговоров, либо прихода Сигурда с Хвитсерком и последующего штурма.

Вулфер среагировал первым. Он согласен «сесть за стол переговоров», но только на своей территории.

Не вопрос, в свою очередь отреагировал Ивар. Он придет. С тысячью бойцов сопровождения.

Ну да. Впусти в Йорвик тысячу норманнов – и никаких переговоров уже не надо.

Предложение встретиться в норманнском лагере отмел уже Вулфер.

Как мне стало известно, Редманд был готов приехать и в лагерь язычников, но архиепископ не рискнул. И одного Редманда не отпустил. И не потому, что опасался за жизнь военачальника. Святошу беспокоило, что Редманд не сумеет как следует защитить интересы церкви.

В общем, после долгих переговоров, в процессе которых туда-сюда сновали челноки-посланцы, стороны выбрали подходящий вариант. В крепости по ту сторону реки. Заинтересованные лица плюс по сотне сопровождающих с каждой стороны. Гарнизон крепости в это число не входил, но учитывая личную подготовку викингов, это было не так уж принципиально.

Посреди мощеного двора поставили стол, по разные стороны которого и уселись переговорщики.

Надо отдать должное храбрости Вулфера, на переговоры он прибыл лично. После того как Озрик, которого я рискнул отпустить в Йорвик, довел до его святости текущую ситуацию: без шансов. Если, конечно, Господь лично не поразит язычников, как гоморрян с содомлянами.

Вера архиепископа была крепка. Но не настолько.

Переговоры длились почти до темноты. И стороны договорились почти обо всем. Кроме одного важного пункта. Контрибуции, которую должен заплатить капитул за право не быть ограбленным дочиста.

Сумма, названная Иваром, оказалась неподъемной даже для держателя нортумбрийской церковной казны. Даже половина. Даже четверть. Возможно, десятая часть...

Лучше договариваться со мной, увещевал Ивар.

«Я – единственный из нас, Рагнарсонов, кто готов к переговорам. В отличие от моих братьев, я готов удовлетвориться деньгами. А мои братья хотят крови. Впрочем, серебро они тоже заберут».

Я был переводчиком. Не особо точным, но правильным. Смягчал выражения, вносил поправки. Пояснял недопонятое. В частности, сообщил архиепископу, что норманны не знают, кто именно был инициатором казни Рагнара. А если узнают, то, боюсь, даже мягкосердечный (ха-ха!) Ивар Рагнарсон немедленно возжаждет благородной архиепископской крови. Еще добавил, что остальные братья – свирепые демоны, защитит от которых сможет только вот он, Ивар. И договориться с ними он сможет, если у него будет серебро. Много серебра. И совсем хорошо будет, если уговорить Ивара остаться в Йорвике после заключения соглашения. Ведь только он – гарант безопасности города в целом и архиепископства в частности.

– Но есть же Элла и Осберт! – возразил Вулфер. – Они придут!

– Что он говорит? – сердито спросил Ивар, понимавший от силы четверть сказанного.

– Пугает нас Эллой с Осбертом.

– Скажи ему, что я не боюсь мертвецов! – заявил Бескостный.

– Они мертвы? – уточнил Вулфер, который тоже понимал язык норманнов очень ограниченно.

– Все равно что мертвы, – ответил я. – Король норманнов мечтает, чтобы они пришли. Они с братьями уже обсудили, как должны умереть короли Нортумбрии. И это будет очень непростая смерть, твоя святость. Когда будет время, я непременно расскажу об этом.

Вулфер нахмурился. Он видел «послание» Сигурда Рагнарсона.

– Хотя что толку в рассказе, когда скоро твоя святость все увидит сам.

Чело главы здешней церкви омрачилось. Надо полагать, он задумался о том, смолчит ли Элла о роли Вулфера в смерти Рагнара.

– Я очень советую завершить переговоры как можно быстрее, – напирал я. – Братья норманнского короля уже близко. Я очень, очень советую успеть до их прихода.

Но мы не успели. На следующее утро на реке показались полосатые скандинавские паруса.

Я не врал, когда говорил, что Сигурд захочет крови. Он и захотел. Всех и в

первую очередь крови святош.

Но вынужден был отступить под дружным натиском Ивара и Бьёрна.

И некотором моем участии. Я рискнул разъяснить Змееглазому, что для таких, как Вулфер, смерть под пытками – это прямая дорога в рай. Ну прямо как умереть в бою для викинга. А самое страшное наказание – лишиться церковного имущества. И не только потому, что Вулфер сребролюбив сверх меры (все жрецы Христа сребролюбивы), а потому что утрата церковных ценностей очень не понравится самому главному и самому жадному жрецу Христа. Тому, что в Риме. И за такой проступок он не только лишит архиепископа сана, но, возможно, проклянет, и тогда тот после смерти уже не смоеся в рай, а угодит прямиком в христианский ад, где Вулфера будут вечно жарить на сковороде и поить расплавленным золотом.

Золото!

– А где этот христианский ад? – живо заинтересовался Хвитсерк. – Можно в него попасть отсюда, из Мидгарда?

– Можно, – ответил я. – Если ты сумеешь пройти через Муспельхейм.

Хвитсерк погрузился в размышления. Страну огненных великанов он преодолеть не рассчитывал, так что адское золото счел недосягаемым.

– Я продолжу переговоры, – сказал Ивар. – Думаю, они станут стоворчивей, когда увидят, что нас стало больше.

– Не продешеви, брат! – озабоченно попросил Хвитсерк.

– Уж не сомневайся! – заверил его Ивар.

И он не продешевил. Монахи отдали все, кроме священных книг и реликвий. За это им обещали жизнь и возможность церковного служения. Обещали также дать желающим возможность покинуть город.

И не обманули. Отпустили большинство святош, включая и самого архиепископа. Последний очень торопился, поскольку опасался, что информация о его роли в казни Рагнара все-таки дойдет до язычников.

Вот так, практически бескровно, была взята неприступная столица Нортумбрии. Само собой, викинги немного побесчинствовали в городе, но смертей среди гражданского населения было немного. Ивар сумел донести до своих, что теперь это их город. А если кто-то захочет убить кого-то из горожан, то стоит это будет от двух до десяти марок серебром. В зависимости от статуса покойника.

В общем, я мог гордиться. Гуманность восторжествовала. Все удовлетворены. И марионеточный король Озрик, и настоящие конунги Рагнарсоны. Но если благодарность Озрика была исключительно словесной, то Рагнарсоны не поскупились. Мои хирдманы остались очень довольны. Разве что Медвежонок чуточку сожалел, что не удалось подраться.

Но я напомнил, что скоро сюда придет союзная армия двух королей, и братец успокоился. Конечно, они придут. Убийца Рагнара Лотброка должен умереть. И Один с прочими богами непременно об этом позаботятся. Зря, что ли, Рагнар при жизни одарял богов с подобающей конунгу-победителю щедростью? Месть должна свершиться. Нужно всего лишь немного подождать.

Увы. Я тогда даже не представлял, как затянется это «немного».

Глава тринадцатая. Христианские чудеса и языческий конунг

Элла и Осберт, вопреки ожиданиям, не бросились освобождать свою общую столицу, хотя в Йорвике у них осталось немало родственников. А у Эллы

так даже и жена. Довольно красивая по здешним меркам и молодая. В условиях договора с архиепископом о королеве не было сказано ни слова, но Ивар тем не менее ее не тронул. Во всех смыслах. Однако из города не отпустил, оставил во дворце. Может, рассчитывал на выкуп... Которого никто не предложил. Нортумбрийские короли и их армии у города не появились. С приближением холодов стало понятно, что битва за столицу откладывается на неопределенный срок.

К этому времени почти половина наших соратников уже отправились домой, обремененные славой и добычей. К сожалению, Рагнарсоны остались. Они были связаны клятвой мести. А я, в свою очередь, был связан данным Ивару обещанием. Я предложил Медвежонку с частью хирда уйти на «Клык Фреки» на Сёлунд, но брат отказался.

– Мы все будем зимовать здесь, – заявил он. – Так что займемся делом.

И мы занялись. Помещение для зимовки у нас уже было. Экспроприированный дом внутри городских стен, прежде принадлежавший кому-то из богатых нортумбрийских вельмож. Солидный двухэтажный дом, стоявший на добротном древнеримском фундаменте. Снаружи, со стороны улицы, – узкая дверь, прорезанная меж грязных темно-серых стен, лишенных окон. Только несколько бойниц на уровне метров трех от мостовой.

Справа от дома проулочек шириной только-только вьючную лошадь провести. А в проулочке – ворота. Хорошие ворота, высокие, крепкие. А уж за ними – двор. Не сказать что просторный, но зато с множеством полезных строений: конюшен, амбаров, сараев, кладовых.

В общем, типовой проект средневековой городской застройки – «крепость внутри крепости».

Нам она досталась без боя в тот день, когда ворота города открылись для норманнов. Спасибо Малоуну, который сразу указал цель. Допускаю, что у бывшего королевского десятника был зуб на владельца особняка, но в детали я не вникал. Тем более что самого владельца в доме не оказалось. Когда викинги входили в одни городские ворота, вельможа с семейством убыл в другие, наказав управляющему не щадя живота беречь господское имущество. Не то управляющий вместе семейством будут преданы мучительной смерти. Живот управляющему был дорог, и члены семейства тоже, но хозяин был далеко, а злобные язычники – близко. Бедняга сделал правильный выбор и передал нам все имущество господина, включая и себя, поскольку тоже числился в рабском статусе.

Да, по договору с архиепископом норманны обещали добропорядочных граждан не грабить, но размер дополнительной контрибуции с каждого горожанина в отдельности не оговаривался. Так почему бы уважаемому ярлу, то есть мне, не экспроприировать понравившееся мне жилье? Тем более что хозяин с жалобой не спешит, а его представитель теперь принадлежит мне по праву экспроприации.

Достался нам не только дом, но и немалые припасы, включавшие десятки позиций – от бочек соленой рыбы до набитого до отказа дровяного сарая.

– Этого недостаточно, – сказал Медвежонк. – Я хочу пить пиво больше одного раза в день и есть предпочитаю, когда захочу, а не только за столом конунга.

Будучи людьми Ивара, мы имели право регулярно посещать пиры конунга,

но не факт, что он стал бы делиться с нами припасами. Особенно зимой. У нас были деньги, но каковы станут цены на тот же овес к концу зимы, я мог только предполагать. Однозначно не маленькие. Армия язычников будет питаться, как и положено армии язычников. То есть очень, очень много.

В итоге Медвежонок взял сотню бойцов, включая моих англичан, и отправился на продразверстку. Местность, конечно, уже была порядком опустошена, но наличие местных знатоков давало шанс на успех.

А я пошел к Ивару с ожидаемой просьбой: подайте верным воинам на пропитание, ваше конунговское величество, сколько не жалко.

Ивар проявил щедрость. Запустил меня в монастырские кладовые и разрешил забрать зерно «отсюда досюда».

И я забрал. Вернее, поручил это бойцам, а сам остался развлекать Бескостного.

Спустя неделю наше общение уже стало традицией.

Ивар скучал. Он отпустил братьев «погулять» по Нортумбрии, но сам был вынужден сидеть в королевском дворце и выполнять соответствующие положениям функции. Включая те, которыми у скандинавов обычно занимались жены. То есть сугубо хозяйственные.

Нет, он не был одинок в своих трудах. Будучи опытным военачальником, Ивар большую часть дел перевесил на подчиненных.

Но развеять скуку ему было нечем. Разве что время от времени кого-нибудь казнить.

За месяц мы с Бескостным провели больше времени, чем за все прошлые годы. Играли в разные умные и не очень настольные игры, строили планы (в основном Ивар), разговаривали о будущем Англии, как его понимал опять-таки Ивар, обсуждали обоюдно интересные темы, например качество английского оружия.

В общем, сблизились. И не только с Иваром, но и с его ближним кругом, из которого я более-менее знал только Лиса и Гримара.

Войти в круг приближенных Бескостного было лестно. И выгодно. Ивар был щедр по натуре, а со своими – особенно. И довольно терпим с теми, кого считал своими. Я даже почти перестал его бояться.

А еще с ним было интересно. Ивар Рагнарсон – плоть от плоти этого мира. Там, где мне приходилось думать и сопоставлять, Ивар просто чувствовал. И знал. Например, он знал, что будет владеть Англией. Но не всей. На всю у него не хватит верных людей. А вот его сыновья уже вполне смогут подгрести под себя весь остров. Второй по счету, ведь один, Сёлунд, у них уже был.

Как опытный правитель, Ивар понимал, что плохо разбирается в обычаях и психологии своих новых подданных. В частности, христианском менталитете.

От католических священников в этом вопросе толку было немного. Святоши работали по традиционной схеме: сразу начинали грузить превосходством христианства над прочими верованиями, упирая в первую очередь на чудеса, продемонстрировать которые были не в состоянии. Но то, что вполне прокатывало с английским простонародьем, не годилось для умного и практичного Ивара. Бескостному нужны были доказательства. Чудеса? Отлично. Показывайте! Первое время Ивар даже пытался экспериментировать: устраивал особо рьяным испытания наподобие тех, о которых они рассказывали. Увы. Никто не продемонстрировал ожидаемого уровня святости. Единствен-

ная польза – развлечение хирдманов. Викинги знали толк в изоцренных казнях и ценили новинки. Хотя какие новинки? Скорее, наоборот. Наследие древних времен.

Что же до монахов-просветителей, то их после «испытаний» заметно поубавилось. Я их понимал. Не каждый решится подвергнуться прожарке на медленном огне или еще более неторопливому погружению в кипящее масло.

Ивар тоже был разочарован, ибо Господь на мучения своих последователей внешне никак не отреагировал. Никаких чудес.

А потом Ивару кто-то сообщил, что у меня имеется «карманный» монах, вдобавок вольный, живущий по обычаям северян и свободно говорящий на нашем языке. И конунг тут же потребовал его пред ясны драконовы очи.

Я напрягся. Отказать не мог, но призвал как прикрытие Мурху. Лис отца Бернара уважал, беседовать с ним полюбил с той поры, как мы вытащили монаха из рабской клетки в Оденсе, так что авось подмогнет, не даст дракону скушать моего французского друга.

Все обошлось. Ивару француз понравился. Здоровенный, выправка воинская, бывший шевалье, как-никак. Опять-таки руки в мозолях от весла. Так что свой коронный вопрос по поводу чудес он задал вполне добродушно. Мол, хотелось бы ему, Ивару Рагнарсону, поглядеть на какое-нибудь христианское чудо победительнее. Тогда бы, может, он и сам в Христа уверовал.

– А кто ты такой, чтобы Господь ради тебя законы мироздания нарушал? – поинтересовался со свойственным ему бесстрашием отец Бернар.

Ивар не обиделся – удивился.

Как это кто? Великий могучий непобедимый Ивар Рагнарсон! Да он столько христиан и нехристей порешил лично и с помощью верных людей, что у Одина для него персональное кресло за пиршественным столом стоит, героя дожидается.

– Об Одине мне ведомо немного, – дипломатично ответил отец Бернар. – А для Господа Иисуса убиение людей – не заслуга. Жизни человеческие – в Его Руке. И без Его воли никто не умирает.

– А если я вот сейчас горло тебе перережу? – вкрадчиво поинтересовался Ивар.

– Значит, пришел мой срок, – спокойно ответил монах.

Я, впрочем, тоже не забеспокоился. Не станет Ивар такой интересный разговор прерывать.

А вот Мурха все же решил вмешаться.

– Ты говоришь: чудо – нарушение законов мироздания, – сказал он. – Почему?

– Потому что так и есть. То, чего быть не может, но оно есть, – это и есть чудо. Хотя бывают и ложные чудеса, – добавил монах, подумав.

– Это как? – спросил Ивар, уже забывший о своем предложении.

– Когда невежественный крестьянин видит великий храм, он думает, что это чудо. Кажется ему, что людским рукам не создать такое. Однако ж строили храм такие же люди, как он. Божьим попусцием, но не чудом. И когда человек думает, что сам храм и есть чудо, то это плохо.

– Почему? – спросил уже Мурха.

– А по мне, ваши храмы – это хорошо, – хохотнул кто-то из ярлов. – Все богатства в одном месте!

Ивар метнул в его сторону недовольный взгляд, и ярл заткнулся.

– Потому что дивится крестьянин не величию Господа, которого он не веда-ет, а величию храма.

– И что в этом плохого? – спросил уже я.

А что? Мне интересно. Мы на эту тему с отцом Бернаром ни разу не говори-ли.

– Что есть творение людских рук в сравнении с миром? – задал риториче-ский вопрос бывший шевалье. И тут же привел более доступный пример: – Др-аккар прекрасен. Всякий увидевший, как летит он по волнам, замрет в восхи-щении. Но что есть драккар в сравнении с красотой моря? С его мощью, его простором, его гневом? Крохотное семечко, не более.

В палате возник легкий одобрительный ропот. Присутствующие отлично понимали, о чем речь.

– Велик океан, – сказал отец Бернар. – Но великая вера в Господа, в силу Его способна смирить волны. Это чудо, которого ты просишь, Ивар-конунг?

– Пожалуй, – согласился Бескостный. – Я бы согласился взглянуть, как ты усмиряешь шторм.

Отец Бернар засмеялся. Хорошо так, по-доброму.

– Шторм, Ивар-конунг, это испытание. А испытания ты любишь. Зачем тебе в них помощь Господа? Когда ты учишь сына держаться в седле, ты не дер-жишь его за руку, хотя тебе это нетрудно. Почему?

– Это как раз понятно, – махнул рукой Ивар. – Но те монахи, которые рань-ше стояли здесь, передо мной, не говорили о лошадях. Они говорили о том, как мучили любимцев вашего бога, и о том, что это хорошо, потому что теперь они все в месте, в котором их уже никто не будет мучить, в вашем раю. Как по мне, это довольно скучное место, – Ивар усмехнулся. – Петь песни и хорошо питаться мы можем и здесь, но эти ваши жрецы... Они горазды болтать о смерти, но, когда приходит время умирать, визжат, как свиньи, и просят по-щады.

– Не все, – уронил отец Бернар.

Ивар улыбнулся. И на этот раз его улыбка мне очень не понравилась.

– А ты не такой? – спросил Бескостный.

Монах пожал плечами:

– Откуда я знаю? Я ведь не умираю. Когда придет мое время, тогда и будет ясно.

И ответ, и спокойствие монаха пришлись конунгу по душе. И ему, и всем остальным. Потому что это был ответ настоящего викинга.

– Говорят, ты хорошо играешь в фигуры? – спросил Ивар.

– Умею немного, – скромно ответил монах.

– Приходи ко мне завтра. Сыграешь со мной.

Я мысленно выдохнул. С облегчением. Если Ивар обратился к отцу Бернару напрямую, а не через меня, значит, Бескостный признал его своим. Угроза ми-новала. Разве что мой монах учудит что-то из ряда вон. Но этого не случится. Он мудр, отец Бернар. Этак он, глядишь, и в христианскую веру Бескостного обратит...

Не обратил. Даже не пробовал.

– Ивар совершенен в своем язычестве, – сказал мне отец Бернар. – Его душа полна. В ней нет места для Святого Духа. Но в шахматы он играет хорошо. Луч-

ше меня, – добавил монах самокритично.

Глава четырнадцатая. Битва за Йорвик. Предательство

Первые осмысленные вести об английской армии мы получили только с приходом весны. Нельзя сказать, что эти вести были радостными. Короли сумели собрать очень неслабую армию. В разы больше нашей.

Позже выяснилось, что к Элле с Осбертом присоединились целые восемь олдерменов, включая папу нашего марионеточного королька Озрика.

Еще с ними было какое-то усиление от мерсийцев, у которых, насколько мне известно, обосновался покинувший Йорвик архиепископ Вулфер.

И все это войско двигалось к нам. То есть к Йорвику. Нетрудно угадать, с какой целью.

Нельзя сказать, что Рагнарсоны расстроились. Зиму мы все провели неплохо. В покое и довольстве. Местных особо не обижали. Коней в храмах не ставили и, более того, христианским богослужениям не препятствовали. Что же касается благосостояния горожан, то в среднем оно даже поднялось. Простой народ мы не ущемляли, ремесленникам и купцам платили, и щедро, так что уже к середине зимы надобность в «продразверстке» исчезла. Всем всего хватало. Свинина, сыр, эль, доступные девки. Что еще надо викингу на отдыхе? Немного веселых зимних игр, пожалуй, чтобы выпустить парок...

В общем, единственный минус зимовки на чужой территории – северная братва несколько обленилась. Правда, к моим это не относилось. У нас практически каждый день – тренировки. В первую очередь – стрелковые. Каждый день не меньше двух сотен выстрелов. Так сказал Бури, и, выражаясь красиво, «стало по слову его».

Кстати, английские тисовые луки мой степняк одобрил. Сказал: для пещих – сгодится. Тем более других здесь нет.

В общем, тренировались. Стрел извели – море. Вернее, лес. Но со стрелами в Йорвике было неплохо. Нам отошла значительная часть королевских запасов. И на тренировки хватило, и повоевать осталось.

Все остальное языческое воинство в основном пребывало в праздности, но лишь до того дня, когда пришли известия о вражеской армии. Тут уж конунги встрепенулись и заставили хирдманов побегать. И отдельными хирдами, и во взаимодействии. Как на открытой местности, так и здесь, в крепости. Оборона стен, уличные бои...

Последнее меня удивило. Я даже поинтересовался у Ивара: неужели Рагнарсоны предпочтут оборонную тактику старой доброй традиции «стенка на стенку»?

Ивар похлопал меня по плечу и сказал неопределенно:

– Подожди, и увидишь.

Заинтриговал.

И ободрил. Выходило, что у братьев есть какой-то конкретный план будущего сражения.

Союзное английское воинство подошло к Йорвику в начале предпоследней недели Великого поста. Понятно, пост был только у христиан. Мы пиروвали и развлекались, как обычно.

Даже издали вражеское войско выглядело внушительно. Много, очень много. И фирд, то есть ополчение, – немногим больше половины. Остальные – воины-профессионалы. Большинство из них уступили бы викингу в схватке

один на один, но если не один на один, а один к трем, да еще и в традиционном строю, результат будет не так очевиден. Вот не факт, что нам удастся их разгромить. Тем более что у англичан полно легкой конницы, а ополченцы, если использовать их не в качестве мяса, а в качестве стрелков и пращников, могут создать проблемы даже для монолитного строя.

Опять-таки и в городе начались брожения. Пришлось Ивару провести разъяснительную беседу с духовным и светским лидерами. Святоша вроде проникся, а вот насчет Озрика – не уверен. Нет, отвечал он правильно, но как-то... в сторону косил, что ли.

– Надо бы за ним присмотреть, – посоветовал я Ивару.

– Уже присматривают, – ответил Бескостный. – Забудь о нем.

Переговоры.

С одной стороны – Хвитсерк Рагнарсон, с другой – мой бывший начальник Теобальд.

Требования королей: покинуть город и убираться домой.

Требования конунгов: дайте нам много-много денег, выдайте убийцу Рагнара Эллу, и мы покинем город и отправимся восвояси.

Смысл первого требования: выйдите за стены, и мы вас разгромим.

Смысл второго: не выйдем.

Еще одни переговоры.

С тем же результатом.

Вялая попытка штурма со стороны англичан.

Новые переговоры. Красный Лис против Теобальда. Результат ожидаемый.

Штурм крепости на противоположном берегу.

Отбит с потерями. Небольшими у англичан, ничтожными у обороняющихся.

Снова переговоры. На этот раз статусные: Бьёрн Железнобокий и король Осберт.

Я – в качестве переводчика.

Бьёрн хамил и нарывался. Требовал денег, Эллу и присягнуть в верности Рагнарсонам.

Осберт предлагал покинуть город без всяких условий. Мол, не бойтесь, мы никого не тронем. Врал.

Бьёрн ответил: мол, кто еще кого тронет!

Осберт предложил ему выйти и сразиться.

Бьёрн тут же ответил, что согласен. Он и Осберт. Один на один.

Оказалось, Железнобокий не так понял. Речь шла об армии на армию.

Бьёрн обвинил англичанина в трусости.

Осберт обвинил в трусости всех норманнов.

Не договорились. Хотя я заметил, как блеснули глаза отставного короля, когда ему предложили выдать Эллу.

Но я также понимал: вбить сейчас между ними клин невозможно. Ничто так не объединяет подружек, как наличие общего врага.

Переговоры шли, а к англичанам тем временем подтягивалось пополнение. В основном фирд. Но все равно неприятно.

Прошло пять дней. На традиционных обедах брата Рагнарсоны делали вид, что так и надо. И судя по физиономии Бескостного, да, так и надо. Он чего-то ждал. Вопрос: чего? Помощь к нам подойти не могла. Разве что через па-

ру месяцев. Неужели осада продлится так долго? Как-то не верится.

Это случилось в праздник. Христианский праздник. Пальмовое воскресенье. Оно же ивовое и вербное. День вхождения Господа в Иерусалим.

Воевать в этот день христианам не положено. Положено молиться. Об этом знали все, включая язычников-норманнов.

И тем не менее короли нортумбрийские отринули традиционные христианские добродетели и пошли на штурм. Надо полагать, решили: ради такого дела – можно.

Штурмовали решительно и по всем правилам. С тараном и множеством лестниц.

Однако рассчитывали они, как оказалось, не столько на Божью помощь, сколько на банальное предательство.

Хотя что считать предательством, вот вопрос.

Можно ли назвать предателем человека, весь род которого сейчас – по ту сторону стен, а клятву верности он дал, мягко говоря, под давлением?

Да, это был Озрик.

Король-марионетка решил стать самостоятельным игроком. Собрал группу поддержки, почти сотню боевитых йорвикцев, и напал на охрану главных ворот.

Причем напал так внезапно и яростно, что сумел оттеснить могучих викингов и эти самые ворота открыть.

Таран не понадобился. Тысячи разъяренных англосаксов хлынули в нортумбрийскую столицу. В свою столицу.

Узкая улочка шириной «две телеги не факт что разъедутся». Зато мощеная, со сточными канавами по краям. Цивилизация.

С одной стороны улочки стена, с другой – другая стена. В каждой стене на высоте примерно трех метров – узкие щелки-бойницы. За каждой прорезью – мои стрелки. Другие стрелки – на крышах. Один из домов и так был наш по праву самозахвата. Второй мы заняли два часа назад, загнав его обитателей в подвал.

Улочка наша имеет важное значение. По ней можно выйти на центральную площадь. К собору и королевскому дворцу.

А можно и не выйти. Наша задача – чтоб не вышли. Поэтому улочка перегорожена парой снятых с колес телег, заполненных для весомости булыжниками. Телеги – моя идея. По первоначальному замыслу командования следовало обойтись обычной стеной щитов. Но у меня дефицит копеечников и избыток стрелков. Потому сначала баррикада, а уж потом пехота. В вольном строю. Задача проста – убить всех, кто придет к нам «на огонек». И я уже слышу, как они идут. Даже не идут, бегут. Вопят, радуются, празднуют победу... суицидники.

Ивар – стратег. Есть чему поучиться. А может, это Бьёрн придумал. Железнобокий тот еще хитрован. Или все они коллективно. Так или иначе, но братья Рагнарсоны оценили диспозицию и состав вражеского войска и пришли к выводу, что сойтись с ними в чистом, вернее, грязном по весеннему времени полю – плохая идея. Даже если и удастся победить, потери будут громадные.

Неплохой вариант – заставить англичан лезть на стены. Неплохой, но не более. Стрелков у королевского воинства в разы больше, вдобавок и штурмовые орудия в наличии. В крепости орудия тоже есть, но нет тех, кто умел бы с

ними толком управляться. Да и не факт, что англичане полезут на стены. Обложат со всех сторон и будут ждать, пока мы не подведем невеликие после зимы припасы.

Значит, что? Значит, надо спровоцировать английскую армию на атаку. И поставить храбрых и не очень англосаксов в положение, удобное для нас и неудобное для них. То есть на дистанцию копеечного броска максимум. А лучше щит к щиту. Тогда качественное превосходство возымеет преимущество над превосходством количественным.

И средневековый город древнеримской постройки Йорк-Йорвик был для подобного плана просто идеален.

Но если открыть главные ворота и повесить над ними плакат «Welcome», англичане не поведутся. Заподозрят ловушку.

Надо, чтобы сами.

Вот тут-то и пригодился Озрик.

Как только наш «как бы король» узнал, что к городу движется большая-пребольшая армия его соплеменников, а в армии этой – его благородный папаша-олдермен, наш «верный» королек тут же отправился к священнику и поинтересовался: не может ли тот снять с него клятву, данную Господу и засвидетельствованную другим святым отцом?

Ответ он получил ожидаемый: что один святоша наложил, то другой святоша может... хм, убрать.

И убрал.

Разобравшись с Богом, Озрик занялся делами людскими. Через торговцев связался с папой и заверил его в своей лояльности.

Когда крепость осадили, связь родичей упростилась. Делов-то – спустить на веревке одно послание и поднять другое. Тем более что караул из верных Озрику саксов почему-то каждую ночь ставили на одно и то же место крепостной стены.

Естественно, братья были в курсе и самого факта переписки, и даже отчасти ее содержания. В частности, дату штурма, Вербное, или, по-здешнему, «пальмово-ивовое», воскресенье 21 марта 867 года от Рождества Христова, сами же Озрику и подсказали.

Поболтали в его присутствии на тему, мол, как хорошо, что христиане в праздники не воюют, можно расслабиться, выпить и ни о чем не тревожиться.

Озрик клюнул и на радостях поспешил открыть единоверцам вожделенные ворота к победе точно в назначенный день.

И радостные англичане бросились в мышеловку. Вернее, в мышеловки, одну из которых контролировали мои храбрецы.

Толпа атакующих появилась минут через десять. Именно толпа. Впереди – несколько десятков грязных, скверно одетых ополченцев с копьями и плохонькими щитами. Еще у атакующих были топоры. Не боевые. Такими увесистыми железяками сподручно деревья рубить. Или двери. Чем кое-кто из «победителей» немедленно занялся. Война войной, а шанс хапнуть столько, сколько среднему английскому крестьянину на всю жизнь хватит, выпадает нечасто.

Не выпал и теперь. Те, кто сунулись к дверям, умерли первыми. Стрелки не дремали. Не допустить проникновения в дома входило в их задачу.

Впрочем, гибели мародеров воодушевленные ополченцы не заметили. А вот заметив нашу баррикаду, сделать простой вывод: им тут рады, – ополченцы не смогли. С разбега полезли на телеги.

Собственно, залезть – нетрудно. Даже пятилетний ребенок вскарабкался бы за считанные секунды, так что здоровые крепкие дядьки справились легко. А вот слезть самостоятельно уже не смогли. Потому что умерли. Овчинная безрукавка – слабая защита от стального наконечника. Тут главное – чтобы копьё не застряло. Но этим искусством мои бойцы владели в совершенстве. Короткий укол, резкий толчок с поворотом – и ополченец падает на головы соратников, исходя кровью из смертельной раны. Смертельной в любом случае, потому что такая толпа и здорового затопчет. Хорошо, что мы камней не пожалели, не то нашу баррикаду попросту спихнули бы. Вот куда они лезут? Видят же, что им не рады. И видят, и слышат, потому что получившие сталью в брюхо или еще куда-нибудь орут очень, очень громко. Эх, не сообразил я кипяточку припасти. Сейчас бы ливануть с крыш пару кубометров...

Мечтать не вредно. Вредно замечтаться. Но это не о моих парнях. Каждый из них сейчас – как живая швейная машинка. Непосредственно за баррикаду я поставил самых рослых и длинноруких. Таких, как Кель Длинный и мой зверообразный братец. Колют ополченцев, словно свиней в загоне. С ополченцами даже проще, чем со свиньями. У свиньи и шкура потолще, и жира под ней куда больше, чем у мелких английских бондов. Очень быстро перед нашей баррикадой образовалась еще одна: из мертвых и умирающих. А мои даже не запыхались, и стрелки растратили не больше одного колчана на всех. Приказ у них четкий: без дополнительной команды бить только тех, кто ломится в дома. И тех, у кого луки. А еще тех, кто выглядит воином, а не крестьянином с дном от корзинки вместо щита.

Мои лучники бездельничали. Стрелков в толпе практически нет, командиров тоже. Или они выглядят так же, как и прочие. Их еще можно было бы узнать по отдаваемым командам, но тут все так орут, что никакого командного голоса не хватит.

Впрочем, и без английской воинской элиты работы хватало. Положили мы пока немного, несколько десятков, а в рвущейся к нам толпе еще как минимум сотни три. Примерно. Это я посчитал количество голов на одном погонном метре улицы и умножил на шестьдесят. Дальше тоже имеются смертники, но они пока не к нам, а к соседям. Со своей не самой высокой крыши я их не вижу, но угадываю по характерным звукам.

Вот, кажется, те, что поближе к баррикаде, начали соображать. И действовать. Но по-разному. Кто-то копьё швырнул через препятствие, кто-то щит метнул на манер дискобола. Многие уже сообразили, вернее, унюхали, чем пахнет, и попытались сдать назад. Но их явно не хватало, чтобы обратить вспять такую толпу.

А вот и умники нашлись. Изобразили живую лесенку и решили взобраться на крышу. Креативно, но непродуктивно. Стрелок-кирьял сделал шаг вперед и пнул верхнего по бородатой роже. А потом вогнал стрелу в макушку того, кто пониже. Вот это уже лишнее. «Лестница» и так развалилась бы, а стрелы велено беречь. Вдруг кто-то серьезный пожалует.

Еще минут пять резни, и те, что подальше, наконец осознали, что происходит неладное.

Толпа отхлынула. Наша улочка опустела. Остались только тела у баррикады и на мостовой да несколько отставших раненых, кто ползком, кто вдоль стеночки...

Но что-то подсказывает: до победного конца еще далеко.

Накаркал. Пожаловали уже не оборванцы, а профи. Не иначе как дружина какого-нибудь олдермена. Шлемы, щиты, у большинства, насколько я могу рассмотреть, даже бронька имеется. А строй и вовсе замечательный. «Черепаша». Надо полагать, сверху им уже прилетало.

Увидели нашу баррикаду, замерли на полминутки, потом лидер рявкнул команду.

Истошно завопил раненый ополченец, на которого наступили. «Черепаша» пришла в движение.

Хорошо пошли. Четко. В «крыше» из щитов – ни щелочки, и сложена правильно, внахлест. Хотя будь у нас кипяточек...

Кипяточка не было, а стрелами бить бессмысленно. Шанс у нас появится, когда они доберутся до баррикады и начнут растаскивать трупы и почти трупы.

Хотя нет, не прав. Шанс появился раньше. Даже два шанса: Бури и Вихорёк. Эти двое выстрелили практически одновременно и поразили цели. Ступню и шею. У двух соседних товарищей.

«Крыша» треснула. И в трещину тут же влетела еще дюжина стрел. И все – не впустую. Хорошо стрелять в плотно сбитый строй, причем сверху и под разными углами.

Англичане не растерялись. В секунды собрали снова «крышу» чешуей. Но только сверху. Передняя шеренга где встала, там и стояла. В двадцати шагах от баррикады...

На которую вспрыгнул Медвежонок и со всей дури метнул копьё, которое попросту вынесло одного из щитоносцев. А следом за Медвежонок выскочил могучий Стюрмир, и от его попадания еще одного щитоносца не просто отшвырнуло, а вбило в бойца во второй шеренге, тот потерял равновесие, уронил щит... И оба ворога словили по парочке стрел.

А Свартхёвди тем временем подали еще одно копьё, которое он...

В общем, командир англичан принял второе по правильности решение: немедленно вступить в бой. Второе, потому что первым по правильности было бы максимально быстрое отступление. Но бой – тоже неплохо.

В Медвежонок со Стюрмиром полетели копьё (мимо, оба успели спрыгнуть за баррикаду), часть английской пехоты бросилась к телегам, а другая часть принялась бить навесом из луков. Ну да, у них тоже оказались стрелки. Вот только позиция у них была неудачная и били они не туда, забыв главное правило: первым делом стрелки выбивают других стрелков. А кто его забыл, тому печалька. В общем, стрелки у англичан закончились быстро.

Рукопашники продержались дольше. Часть даже сумела перебраться и через трупы, и через телеги. Часть. Десятка два, не больше. Остальных выбили на подступах. Бронебойная стрела, посланная из неплохого лука хорошим стрелком, пробивает кольчугу метров с пятидесяти. Ее может остановить только щит, да и то не всякий. Щитов на спинах англичан не было. Кольчуг, впрочем, тоже. А те кожаные колеты с металлическими нашивками, которые были на них, бронебойной не помеха.

Дольше всех прожили пятеро англичан, первыми перебравшиеся через баррикаду. У них были отличные доспехи и очень неплохая выучка.

Но выжили они не поэтому, а потому что Медвежонок решил взять пленных.

И взял, что неудивительно. Правда, не в одиночку. Двоих оглоушил Оспак Парус, еще одного – Вифиль Прощай, а последнего – тройка варяжской молодежи. Случайно. Двоих неудачников они убили, а этот ухитрился выжить после удара топором по маковке шлема. Шлем разошелся, а голова под ним почему-то нет.

Это хорошо, что мы взяли пленных. Утешило моего братца, который так и не успел толком подраться.

Глава пятнадцатая, заключительная. Плоды победы

Вот так и закончился Великий поход возмездия братьев Рагнарсонов. Войско англичан заманили в тесноту городских улиц, где их значительное численное преимущество перестало иметь значение, равно как и преимущество единого строя. Затем привыкшие сражаться хирдами, в стесненных условиях, на коротких дистанциях, палубах кораблей скандинавы неторопливо перемололи всех, кто не успел сдаться или укрыться.

Все восемь олдерменов были убиты.

Королей Осберта и Эллу Рагнарсоны убивать запретили. И их взяли живьем. И предали мучительной казни. Как по мне, казни несправедливой. Особенно в отношении Осберта. Да и Элла пострадал лишь за то, что послушался своего архиепископа.

...Который, кстати, вернулся в Йорвик вскоре после казни королей и был принят Иваром вполне благожелательно.

Бескостный решил: главный христианский жрец будет полезен для приведения новых подданных к повиновению. И тот не обманул. Напомнил о том, что Богу – Богово, а кесарю – кесарево. В роли кесаря, естественно, Ивар Рагнарсон.

Да, Ивар решил остаться. И замиренное английское население стало важной составляющей его дальнейших планов.

Планы же были грандиозные. Сын Рагнара Лотброка решил стать конунгом всех англосаксов.

Идея эта была не такой уж фантастической. Нортумбрия уже его. Ну если не считать самых северных областей, на которые претендовала и наверняка будет претендовать агрессивная Шотландия.

Мерсия... С Мерсией тоже все обстояло неплохо. Ее король, узнав о разгроме нортумбрийского воинства, смылся на юг, к своему покровителю, королю Уэссекса. Ноттингем по-прежнему оставался за данами и вполне подходил в качестве базы для массивного наступления. Если не вмешается Уэссекс, Мерсия окажется в руках Рагнарсонов еще до наступления лета.

Восточная Англия тоже не противник. Ее королек уже кланялся Рагнарсонам, а если взбрыкнет, тем хуже для него. Кент... Тут вообще все просто.

Оставались южные земли. Эссекс, Суссекс, Уэссекс. Особенно Уэссекс, традиционно агрессивный, с неплохо экипированным и подготовленным войском. Его король, Этельред, первый этого имени, как здесь говорили, был настроен серьезно и готовился к войне. Если вступится за Мерсию, чей король уже признал его вассалитет, могут возникнуть проблемы.

Ивара это не смущало. Тем более что воевать за Мерсию вот так сразу и только нынешними силами Бескостный не собирался.

– Слава наших побед уже летит над Лебединой дорогой! – заявил он нам на большом пиру после казни нортумбрийских королей. – Скоро сюда придет наш брат Убба-конунг! А еще один конунг, племянник конунга всех данов Хорика Гудфредсона Гутрум[274], собирается напасть на Уэссекс. Считает, что способен побить их короля в одиночку...

Тут он сделал паузу, чтобы все оценили шутку...

Оценили. Народ зашумел. Судя по выкрикам, Гутрума здесь знали неплохо и не считали особо сильным или особо удачливым. Равно как и конунга всех данов Хорика Гудфредсона.

Ивар дал соратникам выкричаться, а потом продолжил:

– Я тоже думаю, что Уэссексу под Гутрумом не бывать, ведь те земли приглянулись моему брату Уббе, а если Уббе что-то понравилось... – Ивар ухмыльнулся, – он это получает! – И повысил голос: – Рагнарсоны будут править здесь!

Собравшиеся охотно поддержали его дружным ревом.

– Отец! – воскликнул Сигурд Змееглазый. – Отец! Ты смотришь на нас с высот Асгарда! Ты видишь: мы не посрамили твоей славы!

– Мы ее приумножили! – заорал Хвитсерк.

И снова радостный рев.

Рагнарсоны получили, что хотели. Их воины получили то, на что рассчитывали. Согласно личным заслугам. Обширные земли и вдоволь крестьян, чтобы их обрабатывать. Вожди великой армии Севера стали английскими эрлами. Но не я.

Я отказался. От графства.

Попросил лишь сохранить за мной и братом тот домик, который мы облюбовали после взятия Йорвика.

Ивар не возражал. Да, он удивился, когда я отказался от должности английского феодала. Но уговаривать не стал. Желающих хватало и без меня.

– Передумаешь – дай знать, – сказал мне Бескостный. – Скоро у нас будет много земли. Всем моим хватит с избытком. Ты же мой, Ульф Хвити, верно?

– Твой.

Кто посмеет возражать, глядя в глаза дракону?

Мои меня тоже поняли. Не сразу. Но я сумел объяснить.

– Это хорошая земля, – сказал я Медвежонку. – Но чужая. Даже если Рагнарсонам удастся забрать себе весь этот здоровенный остров, удержать его им будет непросто. Гутрум – только первая ласточка. Скоро сюда слетятся все охочие до добычи ярлы и конунги Севера. Все они захотят отхватить кусок английского оленя. И непременно схватятся меж собой.

– Думаешь, Рагнарсоны что-то отдадут? – усомнился брат.

– Им придется биться с такими же, как мы. И с англичанами, которых куда больше, чем нас. Да, им удалось побить нортумбрийцев, но это лишь малая часть всех здешних бойцов. А ведь есть еще франки. Чтобы попасть сюда, им надо всего лишь переплыть через пролив. А франки придут непременно. И не только они. Вот объявит главный христианский жрец в Риме большой поход в защиту здешних христиан – и здесь будет не протолкнуться от франкских шевалье и германских риттеров.

– Я не против подраться за право стать ярлом, – ухмыльнулся Медвежо-

нок. – Я это люблю!

– У нас уже есть ярлство, – напомнил я. – Там, в Гардарике. А серебра хватит купить еще одно, хоть на Сёлунде, хоть на Гёталанде. И учти: здесь мы всего лишь одни из многих вождей Рагнарсонов. Далеко не самые сильные. А я не хочу быть предпоследним в очереди на раздел добычи, брат. Я хочу быть тем, кто эту очередь составляет.

Медвежонок поскреб подбородок, подумал...

– Ладно, – сказал он. – Ты умен и удачлив. Ты – старший. Делай как знаешь.

И я сделал. Сказал Ивару, что ухожу, и Бескостный мое решение принял.

Лишь напомнил, что я – его человек.

Что ж, я не против. Быть человеком Ивара Рагнарсона – серьезный бонус.

Особенно если держаться от него подальше.

К тому же мне не нравилась Англия. Ни в прошлой жизни, ни в этой. Ну не лежала у меня душа к здешним зеленым холмам.

Интересно, удастся ли Рагнарсонам сделать ее землей данов? Впрочем, я полагал, что это уже не моя проблема.

Глава, которую стоило бы считать эпилогом, но правильной все же назвать ее: «Пришла беда, откуда не ждали»

Сигурд и Ивар. Змееглазый и Бескостный. Больше никого. Два чудовища в человеческом облике. Правда, Ивар был *моим* чудовищем. Вернее, я – *его*. А вот Сигурд...

«Да он в ярости», – сообразил я. Сообразил не сразу, потому что ярость Змееглазого была ледяной. Нет, не так. **ЛЕДЯНОЙ**.

К счастью, рядом, очень вовремя, возник мой Волк, потому ужас не превратился в панику, а стал обычным страхом, с которым я неплохо умел управляться. Что и позволило мне не трястись, а стоять ровно и ждать, что скажут братья.

– Он неплохо послужил нам, верно, брат? – сказал Ивар, обращаясь к Сигурду.

«Нам», – отметило мое сознание. Уже не «мне», а всей компании «Сыновья Лотброка». Хороший ли это знак? Черт их знает.

– Неплохо послужил, – эхом отозвался Змееглазый. – И отказался от награды. Не захотел стать ярлом. Нашим ярлом.

Не может быть, чтоб Сигурд так взбесился оттого, что я отказался взять в правление кусок английской земли. Не дай Бог, если так!

– Я уже ярл, Сигурд-конунг, – рискнул я напомнить. – И как ярл я бился рядом с вами под знаменем Ворона.

– Верно, – согласился Змееглазый. – Ты храбр и хитер, как сам Локи. – И повернулся к Ивару: – Превзошел в хитроумии даже твоего Красного.

– И они неплохо поладили, – заметил Ивар. – Но мы позвали тебя не затем, чтобы похвалить, Ульф Хвити. Мы позвали тебя из-за твоего ярлства в Гардарике[275].

Вот теперь непонятно. И тревожно. На моем Замковом острове людей всего ничего. Гуннар Гагара, кучка молодых сёлундцев и несколько сотен кирьяльского ополчения, на которое, собственно, и был расчет, если что-то пойдет не так.

– Мое ярлство? Рагнар обещал мне, что конунг свеев...

– Слово отца – наше слово, – перебил меня Ивар. – Конунг свеев к тебе не

придет. Во всяком случае, без разрешения нашего брата Бьёрна, а Железнобокий такого разрешения не даст. Нет, Ульф, нас интересует Гардарика. А раз теперь у тебя там своя земля, то ты должен знать эту землю и тех, кто там правит.

– Вообще-то мое ярлство – это не Гардарика... – Я тянул время, пытаюсь сообразить, что им надо. – Она ближе к землям финнов. Но ты прав. О Гардарике я знаю немало. В Альдейгьюборге бывал. И в Пальтескье. И в Хольмгарде.

Рагнарсоны переглянулись.

– Хольмгард? – переспросил Ивар. – Это что за город?

– Из новых, – ответил я. – Быстро вырос. Место хорошее.

Братья вновь переглянулись. Но за Новгород я не опасался. Им сначала надо здешний кусок переварить, а это дело небыстрое.

Но не опасался я зря.

– В Гардарике видели «Пенногривого», – прорычал Сигурд. Именно прорычал. Позволил бушевавшей внутри ярости плеснуть наружу.

– Пенногривого?

Это еще что за зверь?

– Мой драккар! – рявкнул Сигурд.

Я похолодел. Всё, абзац князю Рюрику.

К счастью, лицо удержал. И спросил совсем спокойно:

– У тебя много драккаров, конунг. Прости, но я не знаю их поименно.

– Об этом ты слышал, – вмешался Ивар. – Все о нем слышали. Тот, что пропал.

– А... – Я позволил себе «вспомнить». – Конечно, слышал. Нечасто бывает, чтобы боги позарились на человеческий корабль. Видно, он и впрямь был очень хорош.

– Боги! – взревел Сигурд, поднимаясь. – Боги! Эти жадные крысы в Оденсе солгали мне! Не может такого быть, чтобы Один забрал мой корабль и отдал его какому-то любителю тюлений из Гардарики!

– Я знаю несколько правителей из Гардарики, – осторожно сказал я. – Ты можешь сказать имя?

Сигурд мотнул головой:

– Человек, который признал мой драккар, не знает, кто его украл. Но он видел, что на нем воины.

– Он не мог ошибиться?

Сигурд удивленно посмотрел на меня.

Ну да. Глупость сморозил. Перепутать корабли скандинавы в принципе не способны.

– И те воины, что были на твоём драккаре (из самосохранения я опустил слово «бывшем»), они точно из Гардарики? Точно не из людей Севера?

– Кто из людей Севера рискнет украсть корабль у меня! – зарычал Сигурд, нависая надо мной.

– Брат! – подал голос Ивар. – Брат, мы же хотим узнать правду.

Сигурд медленно выдохнул.

– Так и есть, – сказал он, опускаясь на скамью.

Я вытер рукавом его слюну со щеки.

– Хочешь, чтобы я помог тебе, Сигурд Рагнарсон?

– Да! – рявкнул Змееглазый. – Или ты думаешь, я позвал тебя пиво пить?

– От вашего пива я бы не отказался.

Только так. Нельзя показать страх. Тем более показать, что я что-то знаю. Драконы хотят от меня услугу? Не вопрос. Какова цена?

Сигурд сверлил меня взглядом. Но не знал, к чему придраться. Я же не дерзил, не требовал, просто высказал пожелание.

Ивар засмеялся.

– У этого ярла стальное сердце, – заявил он. И повысил голос: – Эй, там, принесите нам пива. – И уже мне: – Чего ты хочешь, Ульф? Еще один сундучок с золотом?

Хорошо сказал. С упором на «еще».

– Прямоты, – твердо сказал я. – И уважения. Вы – Рагнарсоны. Быть рядом с вами – честь. Тебя, Ивар, я чту не меньше, чем твоего отца. Не будь ты конунгом, просил бы назвать тебя другом. Сигурд – твой брат, и мне этого довольно.

Тут очень вовремя принесли пива, и я прервался. Потому что не знал, что говорить дальше. Не сказать же, то это варяги Хрёрека сперли его драккар. Они ведь мне теперь родня. А Хрёрек... Каким бы змеем он ни стал, но когда-то он взял меня, одетого в рвань, снятую с пугала, и поставил двумя ногами на Дорогу Славы.

А Сигурд... Сигурд – просто ящер, которому нравится вырезать у людей внутренности. Живьем.

– Так ты возьмешься узнать, кто украл моего «Пенногривого»? – не выдержал Змееглазый.

– Не уверен, что смогу узнать что-нибудь новое.

Вот не люблю врать. И всегда радуюсь, когда могу сказать чистую правду, причем в лицо.

– Хочешь, я дам тебе людей? – предложил Сигурд. – Три корабля, две сотни хирдманов. С ними ты любому в Гардарике колена на выю поставишь.

А вот не факт. И про выю. И про то, что это будут мои хирдманы. Хотя заманчиво... Нет, обойдемся.

– Тогда скажи, как поддержать тебя в этом вике?

– Ничего не надо, конунг. Я и так пойду туда, на свою землю. Сначала домой, на Сёлунд, потом в свой городок на острове, а потом и в Гардарик. И там у меня тоже есть друзья, которые накормят меня мясом, напоят пивом и расскажут, что случилось у них, пока меня не было.

– «Пенногривый», – сказал Сигурд. – Помоги мне его вернуть, и я отдарюсь, не покупившись.

А вот это уже интересно. Нет, я понимал, что под «вернуть» Сигурд полагает не только возвращение корабля, но и жестокое наказание похитителей.

Но он сказал, я услышал, и Ивар тому свидетель. Так что если мне удастся сторговать драккар у Рёреха и привести Змееглазому, вопрос будет закрыт.

– Я тебя услышал, Сигурд-конунг. Сделаю, что смогу. А если не смогу, не пить мне больше этого напитка!

Я допил остатки эля и смял в кулаке тонкую золотую чашу. В знак серьезности намерений. Чтобы братья прониклись. И они прониклись.

И больше ничего от меня не потребовали.

Еще бы. Такая клятва!

Вот только я немного слукавил, ведь под «этим напитком» я подразумевал исключительно английский эль. Ну не буду я его больше пить, и ладно. Пиво

моей Гудрун куда вкуснее.

Примечания

1

Дренг – младший воин скандинавской дружины.

[^^^]

2

Норег – норвежец. Древний. Соответственно дан – датчанин, свей – швед. Хотя сами себя они чаще называли не по народностям, а по областям. Ютландцы, халогаландцы и т. п. Посторонние всю эту скандинавскую братию именовали совокупно: норманны или нурманы, т. е. – люди севера. Вероятно, что позже так называли в первую очередь норвежцев. Они ведь самые северные из скандинавов. Норег также означает северный путь.

[^^^]

3

Для тех, кто не в курсе: любитель прицельного молотометания бог Тор ездит на упряжке плотоядных козлов, коих время от времени сжирает. Однако при правильном соблюдении технологии сжора, козлы успешно регенерируют из кучки костей, и процедуру можно повторить по новой.

[^^^]

4

Хольмганг – дуэль по-древнескандинавски. Более подробно – ниже.

[^^^]

5

Гладий (гладиус) – короткий римский меч.

[^^^]

6

Бирюч, он же глашатай, он же вестник... Словом, тот, кто в стародавние времена заменял СМИ, если требовалось довести до населения общественно полезную информацию. Например, объявить кого-нибудь в древнерусский розыск.

[^^^]

7

Драккар – парусно-гребной военный корабль викингов VII–X вв. Длина – порядка сорока, а ширина до шести метров. Размеры определялись числом румов (гребных мест). Судходность этих корабликов не уступала храбрости их экипажей. До Африки доплывали. И до Северной Америки. Правда, уже из Гренландии. Средняя скорость драккара достигала десяти узлов, и двухсотмильный дневной переход не считался чем-то выдающимся. Форштень для устрашения неприятеля украшали изображения какого-либо зверя, чаще всего – дракона, от коего скорее всего и произошло название этого типа кораблей.

[^^^]

8

Трэль (трель или трэлл – как произнести) – это раб. Холоп по-нашему.

[^^^]

9

Микльгард (или *Миклагард*) – столица Византии, Константинополь, современный Стамбул. Само собой, герою об этом неизвестно.

[^^^]

10

Хирд – боевая дружина скандинавского вождя. Слаженное воинское подразделение, способное биться на суше и на море, в едином строю и сколь угодно малыми (до двух человек) группами.

[^^^]

11

Здесь вариант происхождения и от слова «Волхов». Вполне реальная версия.

[^^^]

12

Кнорр – основное торговое судно викингов VIII–X вв. Его длина колебалась от 12 до 18 метров, ширина – 4–6, а осадка – около двух метров.

[^^^]

13

Вергельд (верегельд) (от *Wër* – человек и *Gëlt* – цена) – денежная компенсация за убийство свободного человека. Она выплачивалась самим убийцей или его родом роду убитого. Сумма устанавливалась в зависимости от социального положения убитого, его пола и возраста, от того, к какому народу он принадлежал. Отказ платить автоматически приводил к кровной мести. Если было кому мстить. От вергельда скорее всего произошло и русское слово «вира». Однако в русской традиции (более поздней) существовал так сказать «налог на убийство», который еще называли «головное». Эти деньги выплачивались не роду убитого, а главному «папе», то есть – самому князю. Эта мера косвенно защищала слабых от сильных. Ну и казну пополняла изрядно.

[^^^]

14

Для тех, кто интересуется: Тюр – скандинавский бог войны. Руна война – его руна. Этот персонаж известен тем, что, когда боги (асы) изловили гигантского волка Фенрира, его предстояло еще и связать магическими путами. Дело важное, потому что Фенрир был не просто волком, а еще олицетворял силы Хаоса и также являлся одной из главных причин будущего Рагнарёка, то есть – конца света. Волк, естественно, был категорически против связывания, даже «как бы в шутку». Тогда Тюр предложил вложить ему в пасть руку – как гарантию, что это действительно шутка и Фенрира впоследствии развяжут. Но развязывать волчару никто не собирался, и Фенрир оттяпал руку Тюра. Однако дело было сделано, и конец света на некоторое время откладывался.

[^^^]

15

Нева.

[^^^]

16

Инглинги – одна из самых влиятельных и древних династий конунгов. Прародитель – некто Ингве Фрей, чья родословная, в свою очередь, восходит непосредственно к Одину. Интересующихся отсылаю к «Саге об Инглингах» Снорри Стурлусона.

[^^^]

17

Педро де Торрес и *Пансо де Перпиньян* – профессиональные учителя фехтования. Авторы печатного труда по фехтованию шпагой и дагой, изданного в Испании во второй половине пятнадцатого века.

[^^^]

18

Герой пока не в курсе, но в Ладоге еще с восьмого века по арабской низкотемпературной технологии варились бусы. Их называли «глазки» и, по сути, это были первые русские деньги. За них ладожане скупали пушнину. Правда, продавали ее иноземным купцам уже за серебро и золото.

[^^^]

19

Аналогия принадлежит не мне, а моему читателю Алексею из г. Кургана. Обосновано вполне правдоподобно.

[^^^]

20

Снекка (или *снека*, или *шнека* – от шведского *snaeka*, т. е. змея) – морское парусно-гребное судно скандинавских народов в XII–XIV вв., хотя некоторые морские историки считают, что *снекки* появились уже в IX–X вв. Похожие на драккары, но меньших размеров и худшей мореходности, *снекки* выполняли те же функции, что и драккар.

[^^^]

21

Мастер спорта России.

[^^^]

22

Хускарл – в рунических надписях эпохи викингов этот термин означал личного охранника, королевского дружинника. В части «Младшей Эдды», называющейся «Язык поэзии», есть указание, что в поздний период понятие хускарл стало отличаться от понятия хирдманн, хотя в более ранних текстах оба эти термина нередко использовались как синонимы. Хускарлом мог зваться как стражник конунга, так и человек из охраны хэрсира. В обоих случаях он приносил клятву верности господину и жил вместе с ним, в пределах ограды имея право на неприкосновенность. В скальдической поэзии хускарлы, как и хирдманны, назывались «внутренней дружиной», «охранниками» или «гридью». В данном случае хускарл – опытный воин. Тех, кто читал моего «Варяга», могу сориентировать так: хускарл – это гридень, а дренг – отрок.

[^^^]

23

Йотуны (или *ётуны*; от древнеисландского *jotunn* – «обжора») – в германо-скандинавской мифологии – великаны семейства Гримтурсенов, дети Имира. Они отличались силой и ростом и были противниками богов-асов и людей. Впрочем, великанами они являлись только в человеческом восприятии – асы не уступали им ростом. Это – древние исполины, первые обитатели мира, по времени предшествующие богам и людям, представители стихийных демонических природных сил. Еще йотунами называли троллей.

[^^^]

24

Изверг – тот, кого выгнали (извергли) из рода. Изгой – аналогично. Хотя изгой может уйти и сам.

[^^^]

25

Многие серьезные ученые полагают, что летописный Рюрик (вы, читатель, верно, уж догадались, что речь идет о нем) – это и есть тот самый Хрёрек Ютландский из Хедебю, племянник конунга Харальда. Не стану равно ни оспаривать эту версию, ни соглашаться с ней. Хотя сам склонен усомниться. По нашим летописям, Рюрик появился на Руси в качестве призванного князя примерно в 862 году, как раз когда, если верить западным хронистам (а я склонен им верить), вышеупомянутый Хрёрек Ютландский все еще пытался отстоять захваченные им земли в Ютландии. И вплоть до 879 года (год смерти Рюрика по ПВЛ) Хрёрек Ютландский лично и достаточно плотно участвовал в общественной жизни совсем других земель. Например, в 870 году был королем Фризии. Как-то сомнительно для короля являться по совместительству приглашенным князем у ильменских словен и их соседей.

[^^^]

26

Археология утверждает, что средний рост скандинавов – примерно метр семьдесят пять. Это существенно больше, чем в среднем по Европе. Однако в викинги шли лучшие особи норманнской «породы», поэтому эти ребята были покрупнее среднестатистического скандинава. Кстати, и насчет «мелкости» европейских рыцарей, в которой может «убедиться» любой посетитель Эрмитажа, примерившись к рыцарским доспехам, тоже имеются сомнения. Некоторые полагают, что доспехи эти... детские. И подростковые. Мол, в битву в них не ходили, а только тренировались. Вот они чаще до наших дней и «дожили».

[^^^]

27

Одаль – наследственное землевладение со всем, что на этой земле находится: домами, дворами, полями и пастбищами.

[^^^]

28

Хёвдинг (древнеисландское *höfðing*♦, или *hofðing*, древненемецкое *haupting*) – его еще именовали «законноговорителем», но по сути это – вождь. Племенной, религиозный или на службе у большого ярла или конунга. Хёвдинг избирался или назначался. Это было звание, а не наследуемый титул.

[^^^]

29

Рагнар Лодброк, он же Рагуар – Волосатые Штаны, Мохнатые Штаны, Волосатая Штанина и даже – Волосатый Зад (имелись в виду все те же «счастливые» портки мехом наружу), возможны и другие варианты. Впрочем, каким бы забавным ни показалось нам это прозвище, Рагнар Лодброк был одним из величайших завоевателей в европейской истории.

[^^^]

30

Бог, Сын Одина и Фригг. По свидетельствам очевидцев, был невероятно красив и потрясающе добр. И потому плохо кончил. Доброта в этом мире – слабость непростительная.

[^^^]

31

Ниды – хулительные стихи – считаются отдельным жанром скальдической поэзии и занимают в ней особое место. По форме они не отличаются от отдельных вис, по содержанию могут отражать те же ситуации, но описанные специфическим негативным образом. Отношение к нидам было очень серьезным, настолько серьезным, что могли и вне закона объявить. Если в драпе предметами традиционного восхваления были доблесть и щедрость мужчин и красота женщин (чаще в отдельных висах), в ниде часто использовался мотив трагестирования, то бишь – пародии.

[^^^]

32

Хотя не только хвалебные – просто герой еще об этом не знает. Хвалебные песни – это драпы и флокки. Отдельные же висы, хотя и построены по тем же ритмическим и стилистическим канонам, однако их содержание намного разнообразнее: виса может рассказывать о поединке, сделке, свидании, краже, случайной встрече, о сновидении и т. д.

[^^^]

33

Хольмганг (от древнеисландского *hólmganga*, т. е. «прогулка по острову») – поединок на ограниченном пространстве. Существовали разные правила его проведения. Например, в отсутствие острова, он мог происходить на расстеленной ткани ограниченной площади (обычно 3 × 3 метра). В некоторых случаях бились ножами, а левые руки связывали веревкой. Об условиях (например, о том, сколько раз допускается менять разбитый щит) договаривались заранее. Стандартным числом считалось три. Иногда использовались копья. Договаривались о возможности замены оружия (сломанного меча, например), хотя обычно его не меняли, о том, бьются ли до крови или до смерти. Или пока кто-то не признает себя побежденным. Сражались в броне и в одних рубахах. Словом, вариантов было много. Причем право на такую «прогулку» имел любой свободный скандинав. То есть простой бонд мог вызвать хоть самого конунга. Конунг, правда, драться бы не стал (наверняка он завалил бы бонда играючи, но – статус!), а выставил бы поединщика. Хольмганг считался свободным от мести и даже вергельда (наоборот, проигравший мог выкупиться у победителя), но бывали исключения. Как, например, в случае поединка Гуннлауга и Хравна в саге «Гуннлауг – Змеиный Язык».

[^^^]

34

Вот, например, как это выглядело в моей самой любимой саге – «Саге об Эгиле»: «...После этого Эгиль убил сына конунга Эйрика Рёгнвальда и многих его дружинников, а потом взял орешниковую жердь, взобрался с нею на скалистый мыс, обращенный к земле, насадил на нее лошадиный череп и произнес заклятие... (заклятие пока опустим) – „Я воздвигаю здесь эту нид-жердь (nīðstong) и посылаю этот нид Эйрику конунгу и его жене Гуннхильд, – поворот лошадиного черепа к земле, – посылаю я этот нид духам-покровителям, которые населяют эту страну, чтобы они все блуждали без дороги и не нашли покоя, пока не изгонят конунга Эйрика и Гуннхильд (обидчиков Эгиля) из страны. Затем он всадил жердь в расщелину и оставил ее стоять и вырезал рунами на жерди все заклятие, которое сказал“».

Как видите, ритуал строго формализован.

[^^^]

35

Тангниостр и *Тангриснир*, «Скрежещущий зубами» и «Скрипящий зубами» – козлы бога Тора. Плотоядные твари, которых хозяин, как уже было сказано выше, время от времени съедает. К утру козлы успешно регенерируют и снова готовы к работе. Весьма полезное свойство, однако не знаю, рады ли ему сами козлики.

[^^^]

36

Директриса – здесь: основное направление стрельбы.

[^^^]

37

Для тех, кто интересуется: шекспировской пьесе предшествовала другая (конец шестнадцатого века), а ей, в свою очередь, одна из «Трагических историй» французского писателя Франсуа Бельфоре. А еще ранее – «Деяния данов» Саксона Грамматика. Кроме того – «История об Амбале» и «Сага о Брьяме». И это еще не полный список. Желающих подробнее изучить исторические корни творческого заимствования отсылаю к господину Мэлоуну или любому другому из многочисленных исследователей данной темы.

[^^^]

38

Автору известно, что моряки говорят: травить, а не блевать. Но он не знает, знали ли об этом викинги.

[^^^]

39

Здесь герой ошибается. Эгир не бог, а йотун, который на пару со своей супругой творит морякам всякие гадости. А покровителем мореплавателей у скандинавов является бог Ньерд, который, собственно, тоже не бог, а один из *ванов*, обосновавшихся в Асгарде. Но герою простительно: у него не было времени поднатаскаться в мифологии. Позже он наверстает.

[^^^]

40

Авторы скандинавской мифологии были склонны навязывать свои личные пристрастия плохим и хорошим божествам. А еще они были весьма поэтичны, потому уподобляли море огромному пивному котлу вышеупомянутого великана Эгира. Шторма, соответственно, считались естественным следствием склонности великана к выпивке.

[^^^]

41

Вельва (или вѣльва, или вала, или спакуна – древнеисландское *volva, vala, sprakon*) – в скандинавской мифологии – провидица, пророчица, толковательница снов и судьбы, в том числе судеб мира.

[^^^]

42

Ubi nil vales, ibi nihil vilis.

[^^^]

43

Гунгнир – копье Одина.

[^^^]

44

Фрейр – бог плодородия. Что есть его копье – сами догадайтесь. Для интересующихся: Фрейр – не из богов-асов. Его папа – ван Ньерд, а мама Скади и вовсе великанша. Так вышло, что папаша Фрейра, Ньерд, оставленный ванами заложником в Асгарде после заключения мира между асами и ванами, стал приемным сыном Одина. У Фрейра есть сестра-близнец Фрейра (Фрейя) – богиня плодородия. Тоже красавица. Кстати, английская «пятница» (*Friday*) – это в честь Фрейра.

[^^^]

45

Первоначально звучало так: на тебе, *небоже* (нищій), что нам не гоже.

[^^^]

46

Для тех, кто интересуется: современные реконструкторы описывают следующую технологию: несколько железных и нескольких стальных полос свариваются вместе, затем перекручиваются, надрубаются, складываются и в итоге проковываются в полосу. Из нескольких таких полос делается основа клинка, на которую наращивается стальное лезвие.

[^^^]

47

Du ikke – не ты.

[^^^]

48

Драпа – непростая по конструкции поэма, состоящая из нескольких вис и прославляющая героические деяния. Как правило – деяния спонсора. Посему считалось приличным закончить ее просьбой о гонораре.

[^^^]

49

Гуллинбурсти – кабан, верховое животное Фрейра. Фрейр, как было сказано выше, – бог плодородия. Создан Гуллинбурсти гномом по имени Синдри, что, впрочем, для повествования абсолютно неважно.

[^^^]

50

Sic transit gloria mundi. – Латинская пословица.

[^^^]

51

Карл Второй Лысый, сын Людовика Благочестивого, первый король Франции, которая досталась ему при разделе отцовских земель по Верденскому соглашению. В описываемое время, то есть в 844 году, Карл потерпел серьезное поражение при попытке вернуть себе контроль над Аквитанией. Желающие подробностей могут обратиться к историческим материалам или подождать, пока до этого дойдет данное повествование.

[^^^]

52

Халогаланд (Халейгья) — область Норвегии.

[^^^]

53

Маленькое поместье.

[^^^]

54

Одаль — наследственное землевладение со всем, что на этой земле находится: домами, дворами, полями и пастбищами. Могло быть совсем небольшим и весьма обширным.

[^^^]

55

Экстренный сбор ополчения.

[^^^]

56

Для тех, кто не читал первой книги. Папу главного героя зовут Григорием, то бишь «бодрствующим», — всегда начеку, настороже, или в другом контексте — «осторожным». По-датски — Вогеном.

[^^^]

57

Н. ТИХОНОВ.

[^^^]

58

В понятие «искусство» входили, кроме умения владеть оружием, также умение плавать, верховая езда, игра в мяч, лыжи и многое другое, например умение слагать стихи.

[^^^]

59

Фрейя, сестра бога Фрейра. Богиня любви, плодородия, жатвы и пр. Она невероятно красива, и сердце у нее нежное и сострадательное. Однако в лучших традициях норманов она по совместительству является предводительницей валькирий, и поле брани — тоже место ее жатвы. Мужа у нее нет. Вернее, она — вдова. Зато у нее есть официальный любовник по имени Хильдисвини, который большую часть времени проводит в облике кабана. Желających убедиться, насколько близок (или далек) образ Рунгерд к красавице из скандинавского пантеона, рекомендую обратиться к первоисточникам.

[^^^]

60

Позволю себе напомнить читателю, что великан Эгир (дружественный положительным богам Асам) на пару со своей супругой Ран, собирающей в сети утопленников, «крышует» морские просторы.

[^^^]

61

Напомню, что в старинные времена слово «страх» означало не просто опасение, а опасение уважительное, я бы даже сказал — сыновнее почтение. Вспомните «страх Божий».

[^^^]

62

Моржовый клык. А может, и мамонтовый, как полагают некоторые.

[^^^]

63

Дань пицей и водой, которую викинги брали с «дружественных» береговых бондов. Если силенок хватало.

[^^^]

64

Крупнейший торговый центр средневековой Швеции.

[^^^]

65

Знамя Рагнара Лотброка, с которым связана целая легенда. Три его дочери выткали для отца волшебное знамя с изображением ворона. Перед очередным виком знамя извлекали на свет и поднимали повыше. Если ворон взмахивал крыльями, значит, все будет круто. Если знамя обвисало, как спаниелево ухо, то лучше поход отложить. Оно и понятно. В безветренную погоду плавать можно исключительно на веслах. Впрочем, не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять, когда следует вынимать из чехла легендарное знамя, сшитое дочерьми Рагнара для любимого папы всего за одну ночь. Последнее, впрочем, сомнительно. Работа вышивальщиц весьма трудоемка.

[^^^]

66

Согласно историческим источникам Тёнсберг был основан во второй половине девятого века, но дело с ним — темное. С археологическими данными вообще какие-то непонятки. Тем не менее в нынешней Норвегии он считается древнейшим ее городом.

[^^^]

67

Фюльк (от слова *fylki*, *folk* (народ, военное подразделение) — область, территория, имевшая собственный тинг и капище.

[^^^]

68

Напомню тем, кто запамятовал: Эгир — великан, который обитает в морской стихии и устраивает мореплавателям всякие бяки вроде штормов. А потом его уважаемая супруга с помощью сети собирает утопленников и пристраивает к делу. Например, пасти рыбы косяки.

[^^^]

69

Бог огня Локи был, сами понимаете, рыжим.

[^^^]

70

Желающие подробностей первоисточника могут обратиться к Младшей Эдде Снорри Стурлусона.

[^^^]

71

Японская спортивная терминология. Например, в карате вазари — полпобеды (пол-очка), а ишпон — целая победа, то бишь одно очко. В других единоборствах — другие варианты.

[^^^]

72

Дирхем — монета арабского происхождения. Наиболее ходовая у викингов девятого века. Своя собственная чеканка у них только-только начиналась. Впрочем, серебро брали в основном на вес, а весь дирхема — порядка трех граммов.

[^^^]

73

Напомню, что так называлось копьё Одина.

[^^^]

74

Мастер спорта России.

[^^^]

75

Сван — лебедь.

[^^^]

76

Знак хозяйки — ключи от хранилищ имущества. Наложницам ключей не полагалось.

[^^^]

77

Фафнир — это дракон такой. Его действительно убил Сигурд, но не тесть Рагнара, а мифологический герой.

[^^^]

78

Напомню: тир — рабыня.

[^^^]

79

Имеется в виду фильм Земекиса «Беовульф».

[^^^]

80

На всякий случай напомним читателю, что в средневековой Скандинавии была распространена методика повышения градуса алкоголя путем вымораживания воды. Технология проста. Точка замерзания спирта существенно ниже, чем у воды. Так что для повышения концентрации алкоголя достаточно выставить пиво на мороз, а потом вынуть из него частично (раствор всё-таки) замерзшую воду. Технологически просто. Что же касается вкуса — судить не берусь. Не в курсе.

[^^^]

81

Берсерк (медвежья рубаха (шкура, ткань) от berserkr), может также означать и «голый», так как ber — это не только медведь, но и «без» (шкуры, ткани и т. п.). Ульфхеднар (есть мнение, что это — множественная форма от Ulfhedinn). Переводить не берусь, поскольку не лингвист. Понятно, что ульф — это волк. А дальше лично для меня — туман. К примеру, hed — по-датски горячий, а по-шведски — вереск. Впрочем, не важно. Важно, что (по сагам) это были крутые парни, обмороженные на всю голову, любимчики Одина (так же как и берсерки) и совершенно асоциальные элементы.

[^^^]

82

Hoggspjot — рубящее копьё.

[^^^]

83

«Где много мудрости, там много печали, и, кто умножает знания, тот множит скорбь». Книга Екклесиаста.

[^^^]

84

Оксюморон (оксиморон) по-древнегречески — остроумная глупость, что само по себе является оксюмороном. Сочетание несочетаемого. В принципе, порождающее какое-то новое значение. Например, красноречивое молчание. Или широко закрытые глаза. Ну, вы поняли, что я имею в виду.

[^^^]

85

Старшая Эдда. Речи Высокого. Стихи 113 и 114.

[^^^]

86

Там же, стих 112.

[^^^]

87

Запрет на определенные действия, которые берет на себя человек добровольно, по клятве или с подачи компетентных людей. Например, не спать с женщинами на сене. Или не отказывать в просьбе простоволосой блондинке. Свартхёвди не должен был охотиться на медведей.

[^^^]

88

День зимы (начала зимы) имел место быть в конце октября.

[^^^]

89

Дословно этот «титул» переводится как законоговоритель.

[^^^]

90

Вообще-то Скади — не богиня, а инеистая великанша, хотя и жила часть времени в Асгарде, будучи женой красавчика Ньёрда. Впрочем, из некоторых источников (Сага об Инглингах, по-моему) известно, что она была не слишком верной женой и родила детишек еще и от Одина.

[^^^]

91

В оригинале поговорка звучит «Id rather be judged by 12 than be carried by 6» — «Лучше пусть судят двенадцать, чем несут шестеро». Имеется в виду суд присяжных.

[^^^]

92

Привязать рукоять меча к ножнам — символический акт (хотя и выполняется практически), обозначающий запрет на применение оружия.

[^^^]

93

Харальд Клак, первый из скандинавских королей, был в 826 году окрещен в Майнце вместе со своей семьей и свитой во дворце императора в Ингельхейме, за что получил титул графа Рюстрингена и земельные владения во Фрисландии. В этом же году Харальд возвратился в Данию. Вместе с ним в Данию прибыли направленный императором Людовиком миссионер святой Ансар из Корвейского монастыря и большая группа монахов, которые должны были обратить в христианство языческие Данию и Швецию.

Но не срослось. В 829 году Харальд Клак был окончательно свергнут с престола королём Хориком I. Вместе с его свержением завершилась и миссионерская деятельность Ансара.

[^^^]

94

Для тех, кто интересуется: Бальдр — сын Одина и Фригг. Бальдр — самый светлый и красивый из Асов, с его приходом на земле пробуждается жизнь. Согласно мифу Фригг взяла клятву с каждого металла, с каждого камня, с каждого растения, с каждого зверя, с каждой птицы и с каждой рыбы в том, что никто из них не причинит вреда Бальдру. Простые, как мои друзья-викинги, обитатели Асгарда устроили по этому поводу соревнования по стрельбе и метанию. С Бальдром в качестве мишени. Но хитрый бог Локи пронюхал, что Фригг ещё не взяла клятвы с омелы (по крайней молодости последней), сделал из нее стрелу и подсунул ее слепому Асу Хёду. Тот выстрелил и угодил точно в сердце Бальдра. Результат очевиден. Единокровный братец Хёда Вали (бог мщения) тут же убил слепого братца, и тот не успел дать показания против Локи. Один решил вернуть его в Асгард из царства мёртвых и послал туда другого аса, Хермода, чтобы предложить повелительнице мёртвых Хель выкуп. Хель согласилась отпустить Бальдра, если всё сущее без исключения будет оплакивать его. Но опять вмешался Локи, и Бальдр остался в мире мёртвых, где и будет пребывать до самого Рагнарёка.

[^^^]

95

Вестфолд (Вестфольд) — область средневековой Норвегии.

[^^^]

96

*Лучше б хотел я живой, как поденщик, работая в поле,
Службой у бедного пахаря хлеб добывать свой насущный,
Нежели здесь над бездушными мертвыми царствовать мертвый.*
(«Одиссея», песнь 11, ст. 489–491)

[^^^]

97

«Послать ратную стрелу» — традиционный способ сбора ополчения. И совсем необязательно, что ее посылает именно конунг. Это может сделать любой харизматичный лидер. Вот цитата из Саги об Олаве Святом: «...Когда бонды узнали, что Олав конунг нагрянул к ним в Вальдрес, они послали ратную стрелу, собрали всех свободных и рабов и отправились навстречу конунгу, так что во многих местах людей почти не осталось...» Правда, в итоге Олав всех побил и принудил принять христианство, но эпизод очень характерный, показывающий, что из себя представляли «вольные пахари» скандинавских стран в Средние века.

[^^^]

Ведьма.

[^^^]

99

Для тех, кто не силен в орнитологии, гагара, это такая большая морская птица.

[^^^]

100

Беовульф — Пчелиный Волк, то есть одно из прозвищ медведя.

[^^^]

101

Японское искусство выхватывания меча.

[^^^]

102

Вкратце — одно из направлений кунг-фу.

[^^^]

103

Хельхейм (Земля Хель), он же Нифльхель (Туманная Хель) или просто Хель — царство мертвых в скандинавской традиции. Называется по имени своей хозяйки Хель, очень неприятной дамы, которую принято изображать в виде полуженщины-полускелета (возможны варианты), приносящей людям всякие неприятности. Хельхейм — место весьма скверное, ничем не лучше подводных владений упомянутого выше Эгира. Единственный способ избежать столь скверного посмертия — попасть в Валхаллу.

[^^^]

104

Для интересующихся — монастырь на острове Мон-Сен-Мишель.

[^^^]

105

Инглинги — одна из самых влиятельных и древних династий конунгов. Пра-родетель — некто Ингве Фрей, чья родословная, в свою очередь, восходит непосредственно к Одину.

[^^^]

106

Гиганский волк Фенрир, сын бога Локи и великанши Ангбоды. Этот красавец, в процессе заковывания (обманом, естественно) в цепи уже оттяпал руку богу войны Тюру, а во время грядущего светопредставления Рагнарёка именно он сожрет Одина.

[^^^]

107

Более подробно эта история рассказана в первом «Викинге».

[^^^]

108

В смысле — с юга.

[^^^]

109

Желающие поподробнее узнать, как рубились между собой сыновья Людовика Благочестивого и внуки Карла Великого Лотарь, Карл и Людовик, легко могут удовлетворить свое любопытство, изучив историю Европы девятого века. Я же на подробности братских войн отвлекаться не буду, поскольку ни мой герой, ни его друзья-скандинавы непосредственного участия в них не принимали.

[^^^]

110

Берегись, я иду!

[^^^]

111

Искусство быстрого выхватывания меча.

[^^^]

112

Имя «Жирард» переводится как «храброе копьё».

[^^^]

113

В описываемое время европейская знать обматывала ноги поверх штанов от обуви до колена специальными лентами.

[^^^]

114

Сенешаль (его еще называли *darifer*) по нашему — стольник. В данном случае — царский стольник. То есть — распорядитель разных церемоний. На нем лежали и другие обязанности. Например, дворцового судьи.

[^^^]

115

Глава королевской канцерии, тоже состоявшей из монахов. Причина понятна — духовные лица грамотны.

[^^^]

116

Позднее на этом месте возникнет знаменитая Гревская площадь, в начале девятнадцатого века переименованная в Отель-де-Вилль, то бишь площадь Ратуши.

[^^^]

117

Молитва Господня, «Отче наш...»

[^^^]

Гибралтарский пролив.

[^^^]

119

Исландский шпат, кристаллическая разновидность кальцита. Есть серьезные основания предполагать, что благодаря двойному лучепреломлению, исландский шпат позволяет «видеть» солнце даже сквозь плотный облачный покров, выдавая, благодаря поляризации, характерную гелиоцентрическую «картинку» неба.

[^^^]

Метательное копьё.

[^^^]

121

Напомню: Сёлунд — ныне остров Зеландия.

[^^^]

122

Для тех, кто интересуется — остров Сардиния. А следующий, севернее, действительно, Корсика. Но герой имеет полное право на ошибку, ибо мореплаванием занялся только в девятом веке.

[^^^]

123

Тут я как честный человек вынужден принести извинения читателю. История, описанная в данном эпизоде, действительно имела место. И город Луну, перепутав ее с Римом, действительно захватили норманы. Но случилось это несколько позже и главными действующими лицами в ней были уже знакомый читателям Бьеёрн Железнобокий и вождь викингов Гастинг, коему и принадлежал, как следует из исторических данных, замечательный план, приписанный мною Ивару Бескостному. Поверьте, я охотно написал бы об этом, и более подробно, потому что Гастинг — воистину легендарная личность. Но поскольку Ульф Черноголовый НЕ БУДЕТ участвовать в этом походе — у меня на него другие планы, я счел возможным позаимствовать эту историю, которая очень наглядно характеризует практику и сущность викингов.

[^^^]

124

Сестра и жена великана Эгира, инициатора штормов и прочих неприятностей. У Ран была волшебная сеть, которой она ловила моряков и утаскивала на дно.

[^^^]

125

Вик — поход. Военный. Как правило, разбойничий.

[^^^]

126

Один — главный бог скандинавского пантеона. Одноглазый, беспощадный, коварный... И мудрый, что характерно. Желающим узнать его поближе, рекомендую поинтересоваться, при каких обстоятельствах Один остался без глаза. Ах да. Его еще называют Отцом Воинов. И Отцом Лжи. А любимые его птицы — вóроны.

[^^^]

127

Дренг в данном случае — младший боец скандинавской дружины-хирда.

[^^^]

Небольшое поместье.

[^^^]

129

Напомню для интересующихся градацию уровней внутри скандинавской дружины-хирда. Младшие, дренги, примерно соответствуют нашим отрокам. Следующий уровень — хускарлы. За ними — хольды. Эти — вроде десятников. За хольдами — хёвдинги-вожди. Что-то вроде сотников. Впрочем, хёвдинги могут действовать и самостоятельно. Также этот термин означает юридически значимого человека, Законоговорителя... Специалисты наверняка оспорили бы мою «табель о рангах», поскольку единого мнения о том, что именно значил, например, термин «хускарл» в описываемое мною время, у историков нет. Но для удобства себя и читателя я предлагаю остановиться именно на таком варианте.

[^^^]

130

Харек Второй Младший, датский конунг с 853 года, сначала закрыл церковь в Хедебю, но через год снова ее открыл и разрешил построить церкви в Риве и Бирке.

[^^^]

131

Согласно скандинавской «теории мира», Муспельхейм — расположенная на юге страна огненных великанов.

[^^^]

132

Богиня вечной юности и хранительница яблок, которые эту юность даруют.

[^^^]

133

Скандинавское название Ладоги.

[^^^]

Константинополь.

[^^^]

135

Слейпнир — восьминогий жеребец Одина.

[^^^]

136

Предшественник этого датского конунга тоже носил имя Харек.

[^^^]

137

Закон, по которому обитатели селений обязаны снабжать викингов пищей и прочими полезными вещами бесплатно, вроде как в обмен на защиту от врагов. По факту — обычный рэкет.

[^^^]

138

Я скептически отношусь к саге о Хальфдане Черном, поскольку косяков в ней — море, но более внятного источника у меня нет, потому — вынужден.

[^^^]

139

Для тех, кто хочет географической привязки, это нынешний фьорд Осло.

[^^^]

140

Эйрир — крупная серебряная монета. Примерно восьмая часть марки, то есть граммов на тридцать. Впрочем, ее покупательная способность определялась не только весом, но и составом. Плавленный эйрир — это монета из хорошего «плавленного» серебра, а вот эйрир «бледный» — из вторсырья, он подешевле.

[^^^]

141

Медвежонок по-исландски. Есть мнение, что исландский наиболее близок к тому языку, на котором говорили в Скандинавии тысячу лет назад.

[^^^]

142

Ньёрд — бог морей и ветров, а также плодородия. По происхождению он не ас (Один, Тор и прочие), а ван. Это другая разновидность сверхсуществ. После войны асов и ванов Ньёрд был взят в заложники в Асгард, где и прижился.

[^^^]

143

В данном случае тонна — это не 1000 кг, как в метрической системе, а просто большой бочонок емкостью литров 90–100.

[^^^]

144

Вообще-то норманны называли Йорк Йорвиком. Я использую современное название исключительно для удобства читателей.

[^^^]

145

Послать ратную стрелу — объявить общий сбор.

[^^^]

146

Хальфдан означает «полудан».

[^^^]

147

Жена «морского» великана Имира. Развлекается сбором утопленников.

[^^^]

148

Ей-богу, это не я придумал. Данные археологии.

[^^^]

149

По правилам добыча делится в соответствии с числом участников и их автономными долями: вождю — пять, кормчему — три, хольдам — по две, остальным по одной. И за каждый рум драккара долю получает хозяин драккара. То есть, если на драккаре двадцать румов и вождь — его владелец, то он получает соответственно не двадцать, а двадцать пять долей. Еще есть призовые доли: за подвиги. Их выделение решается лидером, хотя требуется одобрение общества.

[^^^]

150

Весло драккара не просто вставляется в отверстие в борту, а продевается в достаточно тугий кожаный «рукав», защищающий от попадания воды и улучшающий механические характеристики «уключины». Плюс — дополнительное уплотнение, когда весло вынимают, а весельный лючок затыкают пробкой.

[^^^]

151

Минерал талькохлорит, мягкий, скользкий на ощупь. Широко использовался для изготовления посуды, печатей и прочего.

[^^^]

152

Обувь из цельного куска кожи.

[^^^]

153

Герой неправ. Альбионом Британию называли еще античные авторы.

[^^^]

154

По-нормански, напомним, это звучало как Йорвик, который чуть позже стал Йорком.

[^^^]

155

Город выстроен на основе лагеря Девятого Испанского легиона.

[^^^]

156

В отличие от конунга настоящего, с подобающими конунгу землями и ярлами-данниками, морской конунг — это предводитель нескольких боевых кораблей. Также должен напомнить, что по норманскому праву, чтобы стать конунгом, надо себя таковым объявить. То есть приплыть в какой-нибудь, скажем, норвежский фьорд и заявить: теперь я ваш конунг, и вы будете платить мне дань. И если никто не станет возражать, то ты и есть конунг. А если придет другой конунг и проломит тебе голову, значит, конунг всё-таки он.

[^^^]

157

Ограда.

[^^^]

158

Здесь — искусство быстрого выхватывания меча.

[^^^]

159

Сван — лебедь.

[^^^]

160

Хвалебное стихотворение.

[^^^]

161

За подробностями — к «Пряди о сыновьях Рагнара».

[^^^]

162

Норны — скандинавские божества женского пола, которые живут у источника в корнях Мирового Древа и прядут нити человеческих (и божественных тоже) жизней.

[^^^]

163

Для тех, кто станет оспаривать данный тезис, опираясь на «общеизвестные факты», скажу лишь, что германский хронист одиннадцатого века Адам Бременский, описывая храм в Упсале, отмечает, что именно Тор сидит в центре скульптурной группы, а Один и Фрейр расположены по бокам. Не то чтобы я особо доверял хронистам, но книга этого автора «Описание северных островов», в моем понимании, носила сугубо прикладной характер, являясь своего рода путеводителем для тех, кто проповедовал истинную веру в землях скандинавских язычников. Следовательно, зачем автору врать? Хотя не исключаю, что Адам Бременский тоже не был идеальным свидетелем, потому что явно пытался выстроить связь между скандинавским пантеоном и древнеримским.

[^^^]

164

Лагман, строго говоря «Человек Закона», но по смыслу, насколько мне известно, это человек, который говорит от имени Закона, то есть переводится как Законоговоритель или Глашатай Закона.

[^^^]

165

Большой осадный щит на несколько человек. Часто — с бойницами, огнеупорными наворотами и даже на колесах. Но в данном случае просто сколоченный из нетолстых бревен «забор» с опорами и небольшим «навесом», не дающим использовать преимущество осаждаемых по высоте.

[^^^]

166

Если вольно трактовать информацию, содержащуюся в Саге о Рагнаре Лотброке и его сыновьях, которая, впрочем, вряд ли является абсолютно достоверным историческим источником.

[^^^]

167

Одаль – наследственный семейный надел.

[^^^]

168

Напомниваю, что Асы – высшие божества скандинавской мифологии.

[^^^]

169

Ваны – тоже скандинавские боги. С Асами то в союзе, то в войне. Но в целом – позитивны. В отличие от великанов-йотунов, например.

[^^^]

170

«Сунуть ногу в сапог» – часть обряда, по которому новичков принимали в род. Или в хирд.

[^^^]

171

Тир – рабыня, *трэль* – раб.

[^^^]

172

Гунгнир – копьё Одина, *Мьёлльнир* – молот Тора. Их знаки носят приверженцы скандинавской традиции.

[^^^]

173

Воин-всадник в средневековой Франции.

[^^^]

174

В Саге о Хальфдане Черном сказано: «...конунг в Хрингарики звался Сигурд Олень. Он был статнее и сильнее других людей. Он был также очень красив с виду. Его отцом был Хельги Смелый, а матерью – Аслауг, дочь Сигурда Змей в Глазу, сына Рагнара Кожаные Штаны». То есть сага сдвигает время рождения Рагнара Лотброка минимум лет на сорок. Но поскольку правил Хальфдан все же в середине девятого века, а не в начале десятого, то я закрою глаза на внутрисаговую хронологию.

[^^^]

175

Фюльк (*фюльке*) – в современной Норвегии – административная территориальная единица, а в веке девятом – более-менее автономная земля под управлением либо местного конунга, либо наместника конунга.

[^^^]

176

Микльгард – Константинополь.

[^^^]

177

Напомню: *тинг* – это такое общественное собрание свободных скандинавов. Вроде нашего отечественного вече, но организованнее. Формально – это высшая судебная инстанция для всех, даже для конунгов.

[^^^]

178

Эйрир – крупная серебряная монета. Примерно восьмая часть марки, то есть граммов на тридцать. Впрочем, ее покупательная способность определялась не только весом, но и составом. Плавеный эйрир – это монета из хорошего «плавленого» серебра, а вот эйрир «бледный» – из вторсырья, он подешевле.

[^^^]

179

Виги – от скандинавского *vig*, что значит «война», «сражение» и тому подобное. Весьма популярное имя среди викингов, надо отметить.

[^^^]

180

Цверг (или *дверг*) – в скандинавской мифологии это что-то вроде гнома.

[^^^]

181

Напомню, что *великаниша Ран* – супруга (и сестра) великана Эгира. Ее любимое занятие – с помощью волшебной сети собирать утонувших моряков. Впрочем, и живыми она тоже не брезгает. Может и целый корабль на дно утянуть вместе со всем экипажем и имуществом. Слабость одна – падка на золото. Так ее и подкупают: бросая благородный металл в водную пучину.

[^^^]

182

Здесь – средневековый «документ» с печатью конунга. По смыслу что-то вроде: «Предъявитель сего заплатил мне за покровительство. Кто тронет – ответит».

[^^^]

183

Бирка – город. Крупнейший шведский «торговый узел» в описываемое время.

[^^^]

184

Музыкальный инструмент, упоминается в сагах. Этаким отдаленный предок скрипки.

[^^^]

185

Напомню, что добыча делилась так. Каждый боец получал по одной доле. Хольды, младший комсостав, две доли, кормчий – три. Вождь – от трех до пяти. Плюс по доле за каждый рум драккара, если драккар – его собственность.

[^^^]

186

Айдзюцу (*иайдзюцу*, *иайдо*) – навык быстрого выхватывания меча. Очень полезно для японцев, практикующих тактику одного удара.

[^^^]

187

Страндхуг – нечто вроде полузаконенного грабежа мирных жителей, когда у последних забирают провизию в качестве оплаты за защиту от врагов. Но по сути это – обычный рэкет.

[^^^]

188

Местообитание ледяных великанов.

[^^^]

189

208 км, если точно. Но герою об этом знать не положено.

[^^^]

190

Имеется в виду жертвоприношение при спуске корабля на воду.

[^^^]

191

Дрива переводится как «снегопад».

[^^^]

192

Скандинавская богиня, которая присматривает за соблюдением клятв и наказывает нарушителей.

[^^^]

193

Хвалебная поэма.

[^^^]

194

Кетиль – шлем, *грим* – маска, то есть всё вместе – закрытый шлем.

[^^^]

195

Есть весьма квалифицированное мнение, что первое «Х» скандинавы слатаы-вали и произносили не Хорек и Хрёрек, а Орек и Рёрек. Однако я все же буду придерживаться прежней фонетики.

[^^^]

196

Муспелльхейм – страна огненных великанов. По мнению древних скандинавов, там было весьма жарко. Вулканы, огненные реки и всё такое.

[^^^]

197

Северный Путь, или *Путь на Север*, можно предположить, что это самоназвание Норвегии. Nordvegr.

[^^^]

198

Интересующихся адресую к «Саге о Хальфдане Черном».

[^^^]

199

По саге – в двенадцать, но думаю, это поэтическое преувеличение. Причем – не единственное.

[^^^]

200

Я понимаю, что от всех этих Хаки, Хаконов и т. п. у нетренированного человека голова идет кругом. Но ничего не могу поделать. Такие у них имена. Как говорится, из саги имен не выкинешь.

[^^^]

201

Тот, кто в этом сомневается, может прочитать Сагу о Хальфдане Черном. Не слишком надежная информация. Но другой у нас, как водится, нет.

[^^^]

202

Это из его трактата «Искусство войны». Глава «Девять местностей». «...когда, вступив в бой, можешь уцелеть, а не вступив – погибнешь, это и есть местность смерти». Так или примерно так...

[^^^]

203

Напомню, что *ваны* – это еще одна группа скандинавских божеств, которая с главными, Асами, находится в сложных отношениях: то дерется, то любитя.

[^^^]

204

Гунгнир – копьё главного бога скандинавского пантеона Одина.

[^^^]

205

Фрейр – бог плодородия. Как и положено богу этого профиля, отличался размерами соответствующего органа.

[^^^]

206

Эйрир – одна восьмая часть марки, которая в описываемое время составляла где-то 220–230 гр. То есть эйрир – это около тридцати граммов. Плавленный отличался от бледного качеством серебра. И стоил раза в два больше.

[^^^]

207

Мутная – это река Волхов.

[^^^]

208

Кристалл исландского шпата. За счет особой оптической структуры позволяет определить местонахождение солнца даже в пасмурном небе.

[^^^]

209

Нагльфар – корабль из ногтей мертвецов. До Рагнарека данное плавсредство хранится в царстве мертвых.

[^^^]

210

Рядный холоп значит холоп по договору, в котором опеределены его обязанности по отношению к хозяину и наоборот. Этим он и отличается от холопа обельного, то есть полного, который просто раб.

[^^^]

211

В данном случае: помост, на котором располагаются защитники крепости, укрывшиеся за верхней частью крепостной стены.

[^^^]

212

Имеется в виду святилище верховного скандинавского бога Одина, которому приносили в жертву людей, вешая их на специально выделенном для этой цели дереве.

[^^^]

213

Поприще в данном случае, это не то, в чем подвизаются, то бишь жизненное ристалище, а мера длины. Дабы не путать читателя разночтениями, я выбираю вариант, аналогичный персидскому фарсангу (фарсаху), то есть дистанция, которую без перерыва проходит среднестатистический караван. В зависимости от качества дороги или отсутствия оной дистанция эта может меняться, но, опять-таки для удобства читателя, выбираю тот вариант, где эта дистанция «привязана» к расстоянию, которое может пройти пеший человек быстрым шагом. То есть по ровной дороге это в среднем шесть-семь километров. На пересеченной местности или в горах соответственно меньше.

[^^^]

214

Для тех, кто не читал моего «Варяга», градация в среднестатистической княжеской дружине такова: сам князь, его ближники (как вариант – бояре), то бишь старшая гридь. Просто гридни – матерые воины с большим боевым опытом, командиры небольших подразделений дружинников (при необходимости) и больших, если речь идет об ополчении. Отроки – тоже обученные воины, как правило, с десятилетним (в среднем) стажем боевой подготовки и с практическим боевым опытом. Детские – дети и подростки от пяти (если речь идет о детях боевой элиты) до двенадцати-тринадцати лет. Старшие, как правило, тоже с боевым опытом. Конечно, эта градация – из более позднего времени, чем описываемое в данной книге, но другой у меня нет.

[^^^]

215

Хав – море, грим – шлем.

[^^^]

216

На всякий случай напомним скандинавскую воинскую табель о рангах, которой я пользуюсь. Нижний уровень – дренг. Это примерно соответствует древнерусскому отроку. Хускарл – это на ступень выше. Примерно как гридень. В более поздние времена хускарл – это телохранитель короля или ярла. Хольд – это младший командир. Обычно с правом на две доли добычи, а не одну. Хольд может быть кормчим, и тогда он получит уже не две, а три доли. Надбавка за профессию. Кормчий также занимается хозяйственным обеспечением, хранением общей казны, оружия, куплей-продажей. Этаким суперкарго по совместительству, а в первую очередь – правая рука капитана. Капитан – это уже хёвдинг, вождь, «большой папа» воинского подразделения-хирда. Он – судья-законоговоритель и главный жрец хирда. И главный атрибут такого вождя не сила (хотя сила тоже важна), а удача. Если вождь – любимчик богов, то вся банда тоже в шоколаде. Если боги к нему не расположены, то – беда. И однозначное указание: лидера пора менять. Вожак викингов может называть себя также «морским», то бишь безземельным, ярлом. И даже «морским» конунгом-секонунгом, если у него под началом несколько кораблей. Дружина-хирд такого лидера – это сыгранная боевая команда хирдманов-дружинников, действующая как единое целое и в бою, и в плавании. Эквивалент рода, «патриарх» которого и есть вождь. Оговорюсь: это не единственное возможное толкование вышеперечисленных терминов. Более того, их значение со временем менялось. Однако для удобства и своего, и читателей я буду пользоваться именно такой их интерпретацией.

[^^^]

217

Скоген Лифер, Плотный Туман – так скандинавы называли Ирландию.

[^^^]

218

Вообще-то данную фразу приписывают основателю ордена иезуитов, но герой вправе об этом не знать.

[^^^]

219

Подробности – в соответствующей саге.

[^^^]

220

Слейпнир, конь Одина, согласно мифологии, обладал двойным набором ног.

[^^^]

221

Вонь, испускаемая задницей. Смысл, понятно, оскорбительный.

[^^^]

222

Напомню: Нагльфар – корабль из ногтей мертвецов. Экипаж состоит из великанов-йотунов, плавучесть отрицательная, так что использоваться будет один раз, в Рагнарёк, когда все моря замерзнут. Играть, естественно, будет на стороне Сил Зла – еще один повод обидеться для свейского ярла.

[^^^]

223

Автор в курсе, что не «бездельник», а «презренный», герой – нет.

[^^^]

224

Напомню, что в те времена строевая подготовка была не парадно-воспитательной, а боевой дисциплиной.

[^^^]

225

Особо «ароматные» последствия метеоризма и одно из популярнейших скандинавских ругательств.

[^^^]

226

Это город. В тогдашней Швеции.

[^^^]

227

Возможно, имя Эйрикова папы произносится как «Анундсон».

[^^^]

228

ЗИП – запасное имущество и принадлежности.

[^^^]

229

Тюркское, но герою эти сведения ни к чему.

[^^^]

230

Свартальфахейм – место обитания темных альвов (цвергов или двергов), кои, согласно скандинавской мифологии, были созданы асами из червей, самозародившихся в мясе великана Ймира, того самого, чей труп послужил строительным материалом для создания Мидгарда, то бишь нашего с вами мира. Для простоты можете считать цвергов гномами.

[^^^]

231

Саркел.

[^^^]

Косматый.

[^^^]

233

Напомню: тир – это рабыня на скандинавском.

[^^^]

234

Опять-таки напомню: при дележе добычи хозяин корабля, которым обычно является вождь хирда, получает по одной доле за каждый корабельный рум. Это помимо «командирских».

[^^^]

235

Одно из прозвищ Одина.

[^{}]

236

Ольховая – еще одно название Волхова. Еще эту реку называли Мутной.

[^^^]

237

Это сейчас соболь обретается по ту сторону Уральского хребта, но еще лет двести назад его можно было встретить и в Карелии.

[^^^]

238

Напомню читателю: словенское происхождение варягов – не более чем допущение автора. Норманнская теория, несмотря на то, что ее корни тоже тонут в тумане гипотетичности, представляется мне гораздо более вероятной. Так что на экзаменах по истории, особенно в вузах, использовать «словенский» вариант не рекомендую. Лебедев куда убедительнее.

[^^^]

239

Тетёшка – гулящая.

[^^^]

240

Рядный – значит – «на договоре». То есть по взаимному согласию. Есть еще обельный холоп, который фактически обычный раб.

[^^^]

241

Хнефатафл – популярная у скандинавов игра. Правила и пр. желающие могут узнать в Рунете.

[^^^]

242

Герой намекает на скандинавскую командную игру в мяч, в которой за удачные броски командам прибавляли размер площадки, а за неудачные – отрезали. В пользу победителей.

[^^^]

243

Он же Волос, он же Велес, хотя есть обоснованное мнение, что последнее – ошибочно.

[^^^]

244

Напомню: страндхуг – это такой «обычай», когда крепкие парни-викинги совершенно бесплатно изымали у простых бондов провизию и прочие полезные в походе вещи, аргументируя грабеж тем, что они будут сражаться во славу державы, а прочие граждане должны им способствовать. Бонды боролись со страндхугом, как могли, привлекая конунгов, которым тоже не нравилось, что их подданных обирает кто-то другой. Но только если этот «другой» не входил в круг поддержки самих конунгов. Тогда, как и во все прочие времена, не исключая и нынешних, удовлетворенность тех, кого власть полагает своей опорой, для этой самой власти куда важнее, чем довольство или недовольство электората.

[^^^]

245

Излагаемая мною сейчас версия является в первую очередь версией литературной. Как историк, я склонен считать так называемый норманнский вариант куда более вероятным. Однако и то, что моему герою рассказывает Трувор (который и сам, вполне возможно, не исторический персонаж, а результат неверного перевода), тоже имеет право на существование, пусть и с куда меньшей долей вероятности. Потому считать сей вариант фантастическим вымыслом автора нет оснований.

[^^^]

246

Напомню: это скандинавское название Константинополя.

[^^^]

247

Имеется в виду жертвоприношение при спуске корабля на воду. Хотя более близкая идиома: смазка для вражеских мечей.

[^^^]

Стурла – беспокойный.

[^^^]

249

Андот (или Андотт) – ужасный.

[^^^]

250

Вант – снасть, удерживающая мачту.

[^^^]

251

Напомню, что соревнования по плаванию в те времена проходили в открытой воде не самой комфортной температуры и притопить противника во время состязания не считалось нарушением правил.

[^^^]

252

Просто к сведению читателя: король Элла Второй, по версии хронистов, отличался дурным нравом, тираническим характером и плохими поступками. В частности, конфискацией церковных владений. Если последнее правда, то информация о гнусном характере Эллы может и не быть достоверной. Хронистами в те времена были именно служители церкви.

[^^^]

253

Фирд – ополчение, набираемое по призыву из свободных крестьян. Боевые качества, понятно, не слишком высоки. Вооружение тоже не лучшее.

[^^^]

254

Йорвик, Йорк, он же Эворвик или Эфорвик, – все это один и тот же город. Столица королевства Нортумбрии. Могу лишь добавить, что название сие, возможно, происходит от еще более древнего «Эборак», а возможно, от простого «эвор», то есть вепрь.

[^^^]

255

Данное событие произошло в 789 году.

[^^^]

256

Остров Линдисфарн, восточное побережье Англии, 793 год. Разграблен монастырь Святого Кутберта. Именно это разбойное деяние и принято считать началом эпохи «норманнских дьяволов». В общем-то справедливо, поскольку смертоубийство на Портленде произошло, судя по всему, спонтанно. Подробности обоих инцидентов можно почерпнуть из литературных источников. Средневековых, естественно.

[^^^]

257

Автор в курсе, что правильное обращение к епископу *Your Excellency* или *our Grace*.

[^^^]

258

Это не анахронизм. *Inceptor* на латыни – наблюдатель.

[^^^]

259

Напомню, что римский час – это переменная величина. Зависит от длительности солнечного времени. Летом он больше, зимой, соответственно, меньше.

[^^^]

260

Я не использую традиционные названия вроде сюрко и котта, значения которых менялись от века к веку, чтобы не вносить путаницу.

[^^^]

261

Мой лорд (милорд) – мой господин.

[^^^]

262

Сикс (*seax*) – сокращенное название скрамасакса.

[^^^]

263

«*Absolvo te*» – «Отпускаю тебе». Классическая латинская формула отпущения грехов.

[^^^]

264

Хамбер – река, впадающая в одноименный залив, выходящий к Северному морю. Являлась естественной границей Нортумбрии и Мерсии.

[^^^]

265

Скоген Лифер – Плотный Туман. Так называли Ирландию скандинавы.

[^^^]

266

Напомню: трэль – раб, тир – рабыня.

[^^^]

267

Гренд – небольшая усадьба.

[^^^]

268

Напомню, что именно так переводится имя Свартхёвди.

[^^^]

269

Свекла «пришла» на Русь из Византии примерно на сто лет позже описываемого времени.

[^^^]

270

Лауг – это огонь по-староскандинавски. Ну а ассоциацию героя с английским чайником угадать нетрудно.

[^^^]

271

Здесь нет игры слов. Они говорят не по-русски, а на латыни.

[^^^]

272

Желающего судьба ведет, нежелающего – тащит.

[^^^]

273

Robin – зарянка, она же малиновка.

[^^^]

274

Родство Гутрума с Хориком Первым спорно, но возможно.

[^^^]

275

Альдейгьюборг – скандинавское название Ладogi, Пальтескья – Полоцк,
Хольмгард – Новгород.

[^^^]